РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА

КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 13

Часть 1

Москва – 2018

БК 60.54
66.75 (2 Рос)
Р 76

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт, *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *И.В. Зайцев* – д.и.н., врио директора ИНИОН РАН, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *В.Г. Минашкин* – д.э.н., профессор, проректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *С.В. Карпова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., профессор МГУ, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *С.В. Манахов* – к.э.н., начальник управления РЭУ им. Г.В. Плеханова, *О.А. Махова* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, заместитель директора по науке Института природных и технических систем РАН, *А.И. Орлов* – д.э.н., д.т.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики МГТУ, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – 1114 с.
Р 76
ISBN 978-5-248-00880-3

Рассматриваются проблемы стратегического проектирования социально-экономического развития России, национальных интересов России в изменяющемся мире, модернизации российской экономики на основе инновационного и технологического развития, демографического и регионального развития, модернизации российского здравоохранения, образования и науки. В ежегоднике представлены материалы XVII Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», проведенной в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения».

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Инициаторы Форума: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Российское общество социологов, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Комитет по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, Союз малых городов России, Академия геополитических проблем, Всероссийский конгресс «СЕЛО-XXI», Международное общественное движение «Российская служба мира», Инновационное агентство Республики Башкортостан, Клуб субъектов инновационного и технологического развития, журналы «Россия и современный мир», «Инновации», «Информационные войны», «СОТИС – социальные технологии, исследования», «Экономические стратегии».

ББК 60.54
66.75 (2 Рос)

ISBN 978-5-248-00880-3

© ИНИОН РАН, 2018

Содержание

Стратегия развития России в XXI веке

Ваганян Г.А.
Концепция человеческого развития и благосостояние России 12
Вартумян А.А., Мирвелова А.А.
Критика теорий модернизаций: Самобытность и специфика национальных моделей модернизаций 21
Голоскоков Л.В.
Консолидация общества как условие модернизации России и реализации её стратегии развития 24
Гринченко С.Н.
Эффективность управления в глобальном информационном обществе (В контексте мегатенденций мирового развития) 29
Дементьев Б.П.
Мегатенденции современного мирового развития 33
Дерябин Н.И.
Системный анализ как инструмент государственного стратегического управления в России 36
Захаров В.К.
Консолидация и конкуренция как два необходимых условия для развития российского общества 44
Звягин Л.С.
Системная модернизация: Проблемы изучения динамики социально-экономических систем 52
Звягинцев П.С.
Государственные программы как инструмент управления социально-экономическим развитием России 54
Круглов В.В.
Историко-экономический аспект как важная часть социально-экономической стратегии 59
Лексин В.Н.
Стратегия развития России: Смена ориентиров неизбежна? 61
Малков С.Ю., Давыдова О.И., Сулейманова А.И.
Оценка и прогноз динамики человеческого капитала на федеральном и региональном уровнях 66
Мартыненко Т.В.
Либеральные экономические школы об управлении государственной собственностью 67
Назаров В.И.
Механизм национального возрождения и развития. Ч. 3 71
Небренчин С.М.
Актуальные проблемы обеспечения национального суверенитета России 74
Ожерельев В.Н., Ожерельева М.В.
Реализация экономикой России естественных конкурентных преимуществ, как основа стратегии развития в условиях геополитической конфронтации 81
Перепёлкин В.А., Перепёлкина И.Г.
Инновационность как предпосылка достижения устойчивого экономического роста 86
Пешина Э.В., Захаров А.С.
Особенности действующих национальных стратегий стран «Арктической восьмерки» 88
Пястолов С.М.
Три источника модернизации России 93
Селиванов А.И.
Место и роль фундаментальных и прикладных социально-гуманитарных наук в обеспечении безопасности и стратегии развития России, перспективные направления исследований 99
Теребихин В.М.
Гуманитарная успешность страны как критерий ее гуманитарного состояния, развития и степени достижения социогуманитарных целей государства 104
Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г.
Зарубежный опыт инновационно-ориентированного развития 111
Третьяк В.П., Сагина О.А.
Модернизационное или инновационное развитие: Параметры и стадии 115
Узилевский Г.Я.
Об истоках и детерминантах стратегии развития России в XXI веке в свете интегральной методологии научных исследований 120

Усманова Т.Х.
Механизмы проектной и программной реализации стратегий социально-экономического развития 126
Шийко В.Г.
Формирование нового индустриального базиса для инновационного социально-ориентированного развития России 130
Яшкова Т.А.
Роль человеческого фактора в политической модернизации РФ....133

Национальные интересы в изменяющемся мире

Андрианов В.Д.
Теневой сектор экономики России: Занятость и «серые» зарплаты 136
Бабич И.Ю.
Развитие внешней торговли стран ЕАЭС в современных условиях 141
Бычкова О.В.
Формирование системы критериев и показателей экономической безопасности 146
Воронов М.В., Стамов И.Г.
Некоторые латентные угрозы России 150
Гернега К.С., Болгова К.В.
Социальная безопасностЬ молодежи в контексте национальной безопасности РФ 155
Дарда Е.С., Ильин Э.А.
Анализ развития сельского хозяйства с позиции формирования продовольственной безопасности страны 157
Ковалева Г.Д., Гулакова О.И.
Прогноз потребления нефти крупнейшими странами АТР с позиции интересов восточных регионов России 163
Коровникова Н.А.
Патриотизация как условие инновационного развития 170
Максимцев И.А., Межевич Н.М.
Новые характеристики мировой экономики как условия развития Евразийской интеграции 173
Небренчин С.М.
Информационный характер «мягкой силы» 176
Нестеров А.В.
Доктринально-правовой анализ «Доктрины информационной безопасности РФ» 184
Никулин Н.Н.
Экономическая интеграция в ЕАЭС: Стратегия для России 187
Радовель М.Р.
Влияние фактора поляризации на различные процессы в российском обществе 194
Синчук Ю.В.
Крым – решение исторической миссии России 197
Тен Ю.П.
Интеграционное объединение стран БРИКС как исторический этап в развитии диалога культур 199
Тульчеев В.В., Жевора С.В., Гордиенко Н.Н.
Национальные интересы России: Приоритеты технологического развития АПК и государственная поддержка 203
Фадеева Т.А.
Современные проблемы миграционного взаимодействия России и Китая 208
Цацулин А.Н.
Кого бы ещё позвать на борьбу с коррупцией, и могут ли мировые религии быть помощниками в столь важном деле? 211
Чепель С.В.
Учет внешнеэкономического фактора в устойчивом развитии на постсоветском пространстве: Пример Узбекистана 220
Щербаков А.П.
Протекционизм и конкурентоспособность Российской экономики 224
Эскиндаров М.А., Перская В.В.
Инициатива большого Евразийского партнерства – новый подход к формированию международных отношений в рамках одного континента на основе сложившихся международных правовых норм и правил 227

Новая модель экономического развития: Вопросы модернизации экономики России

Авдеева Е.С., Еризко В.В.
Цифровая трансформация в экономике 232
Бабич С.Г.
Кредитование реального сектора экономики как важное условие инновационного развития Российской экономики 239

Белокрылов К.А.
Перспективы цифровизации воспроизводства в государственном секторе 243
Белокрылова О.С., Мовсисян Н.К.
Динамика АПК в санкционный период 248
Вукович Г.Г.
Инновационный подход к развитию трудового потенциала как условие эффективного управления в организациях сферы услуг 253
Голодов С.В., Бабич С.Г., Кокарев М.А., Самарина Е.П., Чикин С.Н.
Система статистических и оптимизационных моделей агропромышленного комплекса. Инновационный аспект 256
Гончаренко Л.С.
Предпосылки модернизации экономики: Зарубежный опыт в Российском контексте 260
Горденко Г.В.
Интеллектуальная собственность как объект государственного управления: Назревшие решения 262
Каратаев С.В.
Развитие инфраструктуры: Пути решения проблемы инвестиционных ограничений 268
Костяев А.И.
Диверсификация сельской занятости в условиях аграрной модернизации 271
Красильникова Е.В.
Модификация корпоративного управления в контексте перехода к цифровой экономике 278
Кротова М.В.
Некоторые оценки стратегических рисков в сфере обеспечения нефтегазового комплекса передовым оборудованием (На примере проектов освоения Арктики) 283
Кузьмина И.В.
Концептуальные основы управления корпорацией 289
Кунцман А.А.
Адаптация бизнеса к вызовам цифровой экономики 292
Курбанов А.Х.
Конвергенция как способ повышения эффективности логистических систем 294
Мамраева Д.Г.
Механизм эффективного управления процессом коммерциализации инноваций в Республике Казахстан 298
Мещеряков Д.А.
Профессионализм и компетентность в системе государственного управления процессом модернизации экономики России 301
Молочников Н.Р., Пономаренко Е.Е.
Трудовой потенциал в системе управления предприятием: Проблемы и практика реализации в условиях инновационной экономики 305
Муратова Н.К.
Финансовые стратегии модернизации в мировой экономике 308
Мызрова О.А.
Формирование бюджета финансирования инновационной деятельности межгосударственных промышленных кластеров 313
Намитулина А.З.
Модель долговой политики современной России в условиях модернизации экономики 317
Никонова Г.Н.
«Земельный вопрос» в стратегии модернизации аграрного сектора 321
Новиков В.Е., Новиков С.В.
Экономические предпосылки и механизм импортозамещения 327
Орлов А.И.
Солидарная информационная экономика – базовая экономическая теория XXI века 332
Платонова Т.Е.
Проблемы использования международного опыта в инновационном развитии АПК России 339
Погодина Т.В.
Финансовое обеспечение инновационных процессов: Российский и зарубежный опыт 343
Положихина М.А.
Достижения и проблемы импортозамещения в России 347
Потехин Н.А., Потехин В.Н.
Переход к инновационному способу воспроизводства на основе Второй индустриализации России 351
Романова Е.М.
Об опыте привлечения инвестиций США в экономику Японии: Выводы для России 357
Росс Г.В., Лихтенштейн В.Е.
Управление финансовыми пузырями как технология управления цифровой экономикой 362
Румянцев А.А.
Источники финансирования инновационной деятельности на предприятиях обрабатывающей промышленности 368

Садовникова Н.А., Сидак М.В.
Структурная диверсификация сахарной отрасли в решении проблемы перепроизводства: Сахар или биотопливо? ...371
Симахина О.Н.
Импортозамещение: Панацея или фактор развития? 377
Симонов К.В., Петросянц Д.В.
Институциональные аспекты формирования предпринимательской среды в современной России 380
Старовойтов В.И., Звягинцев П.С.
НАучное обеспечение импортозамещения в картофелеводстве 385
Сулейманов З.Э.
Системный подход к управлению логистически-ориентированными инновациями в таможенной сфере: Опыт Азербайджана 390
Сухарев О.С.
Условия воспроизводства человеческого капитала в «Цифровой экономике» 393
Ташенова Л.В., Бабкин А.В.
Особенности развития и характеристика инновационно-активных промышленных кластеров в экономике 398
Телюк М.С.
Некоторые проблемы построения системы показателей устойчивого развития сельского хозяйства России 404
Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г.
Цифровая экономика: Реалии, перспективы и приоритеты развития 407
Титова А.И.
Электронное правительство в России и за рубежом 410
Тихобаев В.М., Фадеева Ю.В.
Цифровые методы и экономический механизм 416
Третьякова О.Г., Шпаковская Е.П.
Статистический анализ инфляции в России 422
Трошин Н.Н.
Роль китайских инвестиций в модернизации Российской экономики 428
Устинова О.Е.
Управление конкурентоспособностью на основе инновационного развития 433
Чалдаева Л.А.
Цифровая экономика: Вчера, сегодня и завтра 438
Черкасова О.В.
Некоторые аспекты современной аграрной политики в Китае 441
Чинаева Т.И.
Цифровая экономика: Направления развития 445
Шаталова Е.П.
Цифровая экономика: Новая концепция банковского обслуживания в отделениях банка 447
Шибаева Н.А., Артёмов А.В.
Цифровое пространство в новой экономике 451
Якушев Н.О.
Методические подходы классификации несырьевого экспорта 454
Ярных Э.А.
Роль малого и среднего бизнеса в инновационном развитии общества 457
Ярыгина И.З.
Государственно-частное партнерство как фактор развития экономики БРИКС 462

Инновации и технологии в XXI веке: Современное состояние и перспективы

Бирюков А.В.
Факторы оптимизации участия России в международных научно-технологических отношениях 465
Быков А.А., Денисейко И.В., Хаустович Н.А.
Об эмоциональном факторе цикличности экономического и технологического развития 470
Васильева Л.В., Хабарова Т.В., Жарова Г.В.
Изменение роли науки в Российском обществе и подходов к управлению научно-технической сферой 476
Гарнов А.П.
Стратегическое планирование технико-экономического развития нефтяной компании 480
Гнездова Ю.В.
Аналитический обзор развития цифровой экономики в России: Современность и перспективы 484
Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.
Интеллектуальное лидерство в цифровой экономике (На основе концепции лидерства в экономике знаний) 486
Долганов А.В., Долганова Н.А.
Управление научно-технологическим развитием: Оценка и перспективы 491

Доржиева В.В.
Стратегическое планирование развития наукоемкого высокотехнологичного сектора экономики России 497
Дутов А.В., Клочков В.В.
Проблемы технологического развития России и модернизация прикладной науки 503
Зайнетдинов Р.И.
Ускорение внедрения инноваций на основе синергетического подхода 508
Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н.
Инновационно-технологическое развитие РФ: Есть ли условия для прорыва? 519
Клочков В.В., Рождественская С.М.
Методы формирования сценарных условий технологического развития авиастроения 524
Кумакова С.В.
Увеличение финансирования научных исследований и разработок как условие инновационного развития России ...533
Никонова А.А.
Потенциал и инструменты роста инновационных производств в период формирования нового уклада экономики ...539
Разумовский В.А.
О структурировании научно-экспериментальной стендовой базы 549
Раков Д.Л., Печейкина М.А., Статников И.Н.
Прогрессивный морфологический подход для анализа и прогнозирования развития инновационных технологий 556
Рождественская С.М., Клочков В.В.
Анализ влияния новых технологий авиастроения на конкурентоспособность продукции отрасли и социально-экономическое развитие России 561
Рождественская С.М., Сыпало К.И.
Обоснование целей и приоритетных направлений научно-технологического развития авиастроения 571
Сибирская Е.В., Овешникова Л.В.
Информационно-аналитическая система мониторинга показателей по направлениям национальной технологической инициативы 578
Сливицкий А.Б.
Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью 583
Соколова М.Е.
Антидоты от прорывных технологий и перспективных инноваций в условиях цифровой экономики 592
Чинаева Т.И.
Инновационная деятельность и ее влияние на развитие промышленности 596
Якубовский Ю.В., Хамазина А.М., Мишунина Л.Н.
Факторы, сдерживающие кооперацию университетов и промышленных предприятий 601

Становление социального государства в России: Реалии и перспективы

Анисимова Г.В.
Социальное государство и экономическое неравенство в XXI Веке: Российская действительность, проблемы и перспективы 605
Бархатов В.И., Капкаев Ю.Ш., Лешинина В.В.
Социально-экономические факторы благополучия граждан 610
Викторов А.Ш.
Основные конструкты новой реальности современного капитализма 612
Волкова Л.П.
Сохранение человеческого в человеке как основная мотивация в конвергенции физического и цифрового миров и модернизации России.....616
Галаева Е.В., Кумар Ю.Б.
Проблемы расчета величины прожиточного минимума в России 622
Гернега К.С., Огурцова У.А.
Социально-психологическая адаптация личности в условиях медиареальности 626
Гретченко А.И.
Труд в цифровой экономике 629
Дегтярев А.Н., Закиров М.З.
Разработка моделей информационных систем безопасной жизнедеятельности социально-экономических систем регионов Российской Федерации 634
Дорошенко С.В.
К вопросу о предпринимательской модели экономического поведения молодежи 643
Кузьмина Э.Б., Антохонова И.В.
Условия и ограничения развития социального предпринимательства в регионе 645
Кулагина Е.В.
Политика независимой жизни и инклюзии в отношении инвалидов: Анализ международного опыта 648

Кучмаева О.В.
Статистическая оценка эффективности реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы 655
Махова О.А.
Статистическая оценка трансформаций в женской безработице в городе Москва 663
Нагуманов К.С.
Теоретическое обоснование и практика оценки стоимости человеческой жизни 670
Нагуманов К.С., Садыков Т.У.
Тупики реформ солидарной и накопительной пенсионных систем и путь выхода из них (Опыт Казахстана) 675
Овчинников А.В.
Культурная память мигрантов Татарстана (По материалам Армянской и Азербайджанской диаспор) 679
Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Б.
Дети и их молодые родители в экономически неблагополучных семьях на Урале 683
Павлов Б.С., Разикова Н.И.
Семейная ссора и развод в зеркале социологического анализа: На материалах Урала 696
Плетнева М.В.
Роль гражданского общества в современной России 705
Романова А.А., Романов П.А.
Роль инновационно-ориентированного развития в повышении качества жизни населения 708
Соболев Э.Н.
ПРоблемы социального инвестирования на Российских преприятиях 712
Сулягина Е.А.
Разграничение полномочий между уровнями власти в Российской Федерации (На примере передачи полномочий в сфере занятости от Российской Федерации на уровень субъекта РФ) 715
Тропинова Е.А.
«Бюджет для граждан» как инструмент сотрудничества в пространстве публичного управления региона 719
Черкасов П.С., Ложко В.В.
Процессы традиционного решения жилищной проблемы в России и формирование новой системы региональной жилищно-строительной политики 722
Шеломенцев А.Г., Сятчихин С.В.
Общественное участие в процессе согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ 732
Ядгаров Я.С.
Человеческий фактор и модернизация хозяйственной жизни: Ретроспективный аспект 737
Яковлева С.И.
Участие общественности в стратегическом планировании региона: Опыт земли Северный Рейн–Вестфалия, Германия 740

Демографические процессы и сбережение нации

Апанасенко Г.Л.
Человеческий капитал, медицина 4Р и валеология: От чего отказалась Россия? 744
Валиахметов Р.М., Дартау Л.А.
Теоретико-управленческое обоснование государственного управления развитием человеческого потенциала 748
Гришанова А.Г.
Миграция и национальная безопасность (Дальневосточный аспект) 751
Дартау Л.А.
Государственное управление здоровьем и качеством жизни: Возможности «Технологии Эдифар» в решении проблем стресса на популяционном уровне 753
Дрёмова Н.Б.
Основные направления маркетинговых исследований фармацевтического рынка в рамках научной школы 758
Кожевникова Н.И.
Демографическая ситуация на Дальнем Востоке: Современность и перспективы 761
Конышев И.С.
Гибридные войны и здравоохранение – противостояние возникающим проблемам, роль и место информационных технологий 764
Кузьмин А.И., Михеева А.Р.
Экономически активный возраст мужчины в зеркале таблиц смертности женщин: Региональный аспект 768
Махова О.А., Карманов М.В.
Замещение коренного населения как способ преобразования современного мира 771
Пациорковский В.В.
Естественные ресурсы повышения рождаемости 775

Попова Л.А.
Новые государственные инициативы в области рождаемости: Необходимость и своевременность 781
Сафиуллин М.Р., Сафиуллина Р.М.
Территориально-структурная эволюция здравоохранения в России и за рубежом: Тенденции, финансирование, проблемы 787
Симагин Ю.А.
Динамика смертности в муниципалитетах России в последние годы 792
Соболева С.В., Чудаева О.В.
Угрозы демографической безопасности России 797

Наука и образование

Аванесов В.С.
Реформа, модернизация или стратегия развития образования – что сейчас важнее? 804
Анисимова А.Э., Гагельстром А.О.
Современный рынок труда и выбор будущей специальности 810
Белокрылова О.С.
Вузовская наука: Оценка результативности и приоритеты в организации 814
Вдовенко З.В., Шипкова О.Т.
Формирование экономико-управленческих компетенций инженеров и ученых в рамках новой промышленной политики (На примере химического комплекса) 818
Гернега К.С., Ватагина И.Н.
Особенности психолого-педагогического сопровождения одаренных детей в условиях образовательных учреждений 822
Гретченко А.А.
Подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики 824
Данеев О.В.
Система управления знаниями как атрибут эффективного менеджмента высшего образования 828
Дорошенко В.А.
Прикладной бакалавриат в технических вузах 830
Дрогобыцкий И.Н.
Реструктуризация экономической науки 835
Зеленцова Л.С.
Развитие системы гибкого высшего образования в эпоху цифровой экономики 839
Клочков В.В.
Критерии эффективности вузов и национальные интересы России 842
Коломейцев А.Е., Лябина Н.П.
Принцип озарения в развитии науки и образования: Догадки Демокрита 845
Корнилов И.К.
Роль и место инженерного искусства в инновационном развитии России 850
Крюкова О.С.
Маркетинговые образовательные стратегии вуза при работе с абитуриентами творческих специальностей 853
Крюкова О.С.
Традиционная и «цифровая» педагогика в современном образовательном пространстве 856
Кузнецова В.П., Бондаренко И.А.
Блокчейн в образовании 858
Орлов А.И.
Число цитирований – ключевой показатель результативности в фундаментальной науке 861
Орлов А.И.
Статистическое образование в соответствии с новой парадигмой прикладной статистики 868
Осипов М.Ю.
О некоторых проблемах стимулирования вузовской науки 875
Павлов К.В.
Использование Неевклидовой метрики в экономико-математических и статистических исследованиях (или о формировании Неевклидовой экономики и Неевклидовой статистики) 879
Першина Т.А.
Развитие научно-исследовательской деятельности в рамках системы высшего образования в РФ 882
Решетникова М.С.
Стратегия развития предпринимательских университетов России в контексте инновационной модели тройной спирали 884
Свирина Л.Н.
Функции и механизмы государственного управления в сфере образования и подготовки квалифицированных кадров для обеспечения инновационного развития экономики 890

Сенашенко В.С., Макарова А.А.
Образовательная гибридизация как источник превращенных форм в высшем образовании 895
Титаренко Л.Г.
Развитие модернизационного потенциала студенческой молодежи как приоритет системы образования на Евразийском пространстве 898

Регионы и города

Анимица Е.Г., Новикова Н.В.
Стратегический вектор модернизации экономики уральского макрорегиона 902
Безруков А.В., Тенетова Е.П.
Робастное оценивание динамики высокотехнологичного сектора 907
Белокрылова О.С., Фирсов Е.И.
Особенности институциональной модернизации системы бюджетных закупок на региональном уровне (На примере Ростова-на-Дону) 910
Борисов Д.В., Борисова О.В.
Стратегическое планирование и управление технологическим развитием рыбопромышленного комплекса Юга Сибири 915
Борисова О.В., Менюк С.Г.
Инновационно-технологическое развитие молочной промышленности Республики Крым 918
Брюханова В.Б., Лыгденова Н.С.
Анализ динамики трудовой миграции населения Республики Бурятия 921
Вайнмахер А.М., Великая Е.Г., Мустафаева С.Р., Рыс А.Е., Свинцицкая И.В., Сурменева А.А., Шмерлинг Д.С.
О возможностях моделирования развития транспорта Москвы на 2018–2025 года 924
Гудкова А.А., Плиева З.Р.
Оценка возможности ускорения инновационного развития субъектов РФ Дальневосточного Федерального округа 927
Дьячков А.Г., Сурнина Н.М., Шишкина Е.А.
Региональное экономическое пространство и инфраструктурная обеспеченность территории: Проблемы согласования стратегий развития (На примере электроэнергетики) 934
Жаркова Т.И.
Методика работы над чтением в целях повышения мотивации к изучению немецкого языка в экономическом вузе 937
Заусаев В.К., Бежина В.П., Кручак Н.А.
Территории опережающего социально-экономического развития – новая модель роста Дальнего Востока 943
Ибрагимхалилова Т.В.
Трансформация целевых индикаторов моделей регионального развития 948
Иваненко Л.В.
Реализация проекта создания умного города как результат эффективного инновационного технологического развития территории 955
Каменских Н.А.
Синергия векторов и инструменты развития муниципального образования 960
Касаев Б.С.
Менеджмент территорий как инновационная концепция современной теории управления 964
Клочкова Е.Н., Леднева О.В.
Социально-экономическая устойчивость московской области в сопоставлении с другими регионами Российской Федерации 968
Кожевина О.В.
Мониторинг цифровой готовности региональных экономик 975
Краснова В.В., Некрасова О.Л.
Стратегия инвестиционного развития как основополагающий ориентир экономической безопасности региона 979
Кужелева А.А.
Концептуальные основы стратегического управления развитием Донбасса 985
Кузнецов С.В., Межевич Н.М.
Проблемы прогнозирования пространственного развития на примере стратегии социально-экономического развития Северо-Западного Федерального округа на период до 2020 года 987
Кузнецова Е.П.
Развитие производственной кооперации в России 990
Логинов В.М.
Оценка предпринимательской активности в регионах (На примере пилотных исследований) 997
Ляпина И.Р.
Управление инновационно-технологическим развитием регионов России в контексте реализации стратегии национальной технологической инициативы 1001

Мурар В.И.
Современные тенденции развития потребительского рынка Московской области 1003
Нехаев В.В.
Экономическая безопасность тульской области как основа устойчивого развития региона 1007
Никоноров С.М.
Управленческая модель регионов и городов Поволжья при переходе к устойчивому развитию 1010
Новикова В.Ф.
Региональная промышленная политика в современных условиях 1013
Новоселов А.С., Маршалова А.С., Волянская Т.В.
Разработка концепции институциональной системы управления стратегическим развитием экономики региона 1017
Носов А.Л.
Методика оценки потребности региона в логистических центрах 1021
Нурланова Н.К.
Технологическая модернизацияэкономики регионов Казахстана на основе Smart специализации: Сценарии и механизмы реализации 1024
Обедков А.П.
Формирование опорного каркаса северных территорий как фактор модернизации и укрепления российского пространства 1029
Павлов К.В.
Мезоуровень развития хозяйственных структур в системе общественного воспроизводства 1038
Петросянц В.З., Петросянц Д.В.
Системное регулирование развития проблемных регионов в условиях федерализма: Цели, задачи, инструменты ...1044
Попадюк Н.К.
Эвристические возможности идентификации муниципального капитала и сценарии реакции на углубление финансово-экономического кризиса 1048
Рисин И.Е.
Разработка стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации: Методическое и информационное обеспечение 1051
Садовникова Н.А.
Статистический анализ динамики индикаторов промышленного производства Московской области 1055
Самостроенко Г.М.
Совершенствование механизмов развития и сотрудничества малых городов России 1062
Сафиуллина Р.М.
Социально-экономическая эффективность миграционных процессов в регионе 1066
Соловьев В.И.
Информационно-аналитическое обеспечение стратегии инновационного развития региона в контексте цифровой экономики 1070
Суспицын С.А.
Об изменении отношений регионов и Федерального центра 1076
Трещевский Ю.И., Литовкин М.В.
Взаимосвязи инновационного и институционального развития регионов России 1081
Тульчеев В.В., Жевора С.В., Гордиенко Н.Н.
Совершенствование системы управления инновационным и технологическим развитием региональных АПК и его подкомплексов 1086
Тяглов С.Г., Такмашева И.В.
Региональная поддержка сектора предпринимательства как один из факторов инновационного развития экономики 1092
Цыденжапова Л.Ч., Антохонова И.В.
Тенденции миграционных процессов в регионах РФ 1096
Шахов О.Ф., Рисин И.Е.
О разнообразии форм стратегического партнерства государства и бизнеса и их взаимосвязанном использовании ..1101
Эльдяева Н.А., Кованова Е.С.
Взаимосвязь миграции и трудовой мобильности занятого населения в контексте инвестиционной привлекательности региона 1104
Яницкий О.Н.
Идеальный город как символ будущего 1107

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Ваганян Г.А.
д.э.н., к.т.н., профессор, Российско-Армянский (Славянский) государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ РОССИИ

Ключевые слова: *человеческое развитие, благосостояние, интеллектуальный капитал, кадровая политика, управление образованием.*

В основе концепции человеческого развития лежит всеобщность. Человеческие свободы должны быть предоставлены всем людям – не меньшинству и не большинству, а всем, в каждом уголке любой страны, чтобы дать возможность каждому полностью реализовать свой потенциал сегодня и в будущем. Тем же духом – стремлением никого не оставить обделенным – пронизаны Повестка дня 2030 и Цели в области устойчивого развития ООН. То есть мировым лидерам и ведущим политическим силам брошен вызов – необходимость обеспечения человеческого развития для всех и каждого.

В последние годы произошел прогресс, обогативший жизнь миллионов людей. Тем не менее, этот прогресс неравномерен. Им не охвачены целые группы, общины и сообщества. Некоторые люди в РФ или в Армении достигли лишь базового уровня человеческого развития, а другие лишены даже этого. Обездоленность наиболее глубока среди людей, живущих в некоторых регионах и в некоторых условиях. На пути всеобщего человеческого развития продолжают оставаться значительные препятствия, такие как насилие, дискриминационные законы, неравноправные социальные нормы, дисбалансы в политическом участии и несправедливое распределение возможностей. Они коренятся в социально-политических особенностях и отношениях. Тем не менее, человеческое развитие требует не просто удовлетворения основных потребностей.

Оно включает в себя голос, автономию и суверенность (независимость) – факторы, имеющие значение в динамичном мире и многообразных жизненных условиях. В основе человеческого развития лежат субъектность, самоопределение и свобода делать выбор и формировать результаты. Идея человеческого развития для всех и каждого требует в новой конституционной парадигме пересмотреть некоторые традиционные аспекты: речь должна идти о коллективном, а не только об индивидуальном потенциале или классовом, партийном или региональном, о голосе и автономии, а не только о благополучии, об инклюзии, а не только о многообразии. В государственном управлении она также требует акцента на аспекты, не ограничивающиеся только средними показателями и количественными достижениями. Забота о тех, кто остался обделенным, требует применения четырехзвенной стратегии на национальном уровне: охвата тех, кто оказались обделены, с использованием всеобщих политических мероприятий, осуществления мер в отношении групп с особыми потребностями, придания человеческому развитию устойчивого характера и расширения прав и возможностей различных групп населения.

Благосостояние государства

Общеизвестно, что благосостояние государства зависит от коэффициента умственного развития его населения[1]. Результаты исследования показывают, что развитие экономики, влияющее на повышение благосостояния государства, определяется индексом национального интеллектуального капитала. Формирование и рост национального интеллектуального капитала зависит от коэффициента умственного развития руководителей государства, в частности, руководителей в сфере управления экономикой.

По мнению специалистов, коэффициент умственного развития населения России выше среднего общемирового. И в какие-то определенные периоды своего развития Россия лидировала. Ее правители порой служили главным фактором – локомотивом культурно-экономического цивилизационного успеха страны. Однако в настоящее время по данным ООН в рейтинге индекса человеческого развития Россия занимает 49-е место в мире (*см. Отчет о развитии человечества из программы развития ООН на основе оценочных данных за 2015 г., опубликованный 21 марта 2017 г.*). Проигравшая вторую мировую войну Германия заняла 4-е место в мире, США – 10-е, Израиль – 19-е (более 20% населения – выходцы из бывшего СССР), Франция – 21-е место, Италия – 26-е место, Эстония – 30-е место, Литва – 37-е место, Латвия – 44-е место, Армения – 84-е место.

Почему же имея богатую предысторию, огромные природные ресурсы Россия не выделяется в мире своим показателем общего благосостояния. Основная причина, по мнению автора, заключается в том, что коэффициент умственного развития (IQ) населения России выше, чем коэффициент умственного развития ее руководителей – управ-

[1] Оуэн Г. Благосостояние государства зависит от коэффициента умственного развития его населения // The Times. 14.11.2003.

ленцев, в частности экономического блока, которые становятся ключевым источником проблем современного управления, игнорирующего принципы и требования системотехники конституционного менеджмента.

Результаты исследований показывают, что благосостояние менеджеров в сфере экономики с 1991 г. существенно повысилось, а благосостояние населения в целом – понизилось. Различие уровней IQ населения и менеджеров отраслей экономики привело к тому, что более 30% населения стало беднее. Эмиграция из России приобретает опасный характер[1]. По оценкам Росстата, Россию с 1989 по 2015 гг. покинули около 4,5 млн. человек. Большинство эмигрантов уезжают в США, Германию, Канаду и Финляндию. По данным Росстата, опубликованным в 2015 году, из страны в 2014 году выбыло 308 475 человек. По данным на 2014 г., наиболее высокие показатели человеческого капитала имеет поток россиян в Канаду (42% имели высшее образование), затем в США (38%), Израиль (34%), Германию (31%). При этом чаще всего на Запад уезжают ученые, студенты, предприниматели. Для сравнения: доля лиц, имеющих высшее образование, среди иммигрировавших в Российскую Федерацию – 14%. Общее благосостояние русскоязычной диаспоры в мире выше общего благосостояния населения России. Учитывая корреляцию между уровнем IQ и общим благосостоянием населения, можно утверждать, что IQ населения России ниже IQ ее многомиллионной диаспоры.

Вывод: *Уровень интеллектуального капитала руководства экономикой России значительно ниже уровня интеллектуального капитала ее населения, а уровень интеллектуального капитала населения России ниже уровня интеллектуального капитала ее многомиллионной диаспоры. Это приведет к снижению требований к уровню интеллектуального капитала лидеров, к падению индекса конкурентоспособности экономики, уровня ее национальной и экономической безопасности.* Это противоречит программе высшего руководства страны, которое хочет видеть Россию более интеллектуальной и сильной. Чтобы раскрыть умственный потенциал народа и его лидеров, необходимы определенные условия. Перечисленные выше факторы не содействуют появлению подобных условий. В то же время, условия, созданные для российской диаспоры за рубежом, способствуют раскрытию ее умственного потенциала. Основываясь на международных критериях и оценках экономических показателей, исследователи пришли к выводу, что разница в благосостоянии различных государств на 58% может быть объяснима разными уровнями интеллекта их граждан. Следовательно, чтобы умственный потенциал трансформировался в интеллектуальный капитал, а интеллектуальный капитал влиял на рост экономических показателей, нельзя ограничиться только инвестициями в экономику (в энергетику, в банковскую сферу и т.д.).

Только люди с более высоким IQ могут приобретать более сложные навыки и производить товары и услуги с высокой добавочной стоимостью, востребованные на международном рынке. В странах с более высоким IQ, с развитой эффективной, инновационной инфраструктурой (R&D, транспорт, связь и т.д.) появление политических лидеров, способных умело руководить экономиками своих стран, более вероятно. В России, обладающей высоким средним IQ, но низким доходом на душу населения, главным, самым важным фактором, сдерживающим развитие, является сложившаяся либеральная модель управления экономикой.

В современных условиях существует взаимосвязь между образованием (и навыками) и благосостоянием государства. Например, Россия и Армения в 2014 г. занимали соответственно 98-е (88–е в 2000–2002гг.[2]) и 121-е (100-е в 2000–2002 гг.) места в мире по показателю «расходы на образование в % к ВВП» (*The World Bank: World Development Indicators 2014*). Однако правительства этих двух стран решили сократить в ближайшие годы финансирование сферы образования. *Таким образом, правительства программируют отставание.* В России объем внутренних затрат на исследования и разработки (ИР) в 2015 г. достиг 40,5 млрд. долл. США в расчете по паритету покупательной способности. По величине данного показателя Россия заняла 9-е место в мире, уступая США, Китаю, Японии, Германии, Республике Корея, Франции, Индии и Великобритании.

Политическая элита России считает, что умственные способности руководителей экономического блока в значительной степени передаются по «наследству». Однако внешние факторы играют немаловажное значение. В развитых странах с высоким благосостоянием населения IQ растет достаточно быстро – примерно на 25% за одно поколение. Многие эксперты уверены, что на уровень IQ влияет питание, здравоохранение, доступность образования, развитие НИИ и ОКР (R&D), подготовка инженеров, ученых, кандидатов и докторов наук. Улучшение питания детей, например, может повысить коэффициент умственного развития на 5–15%. **Умственные способности – это важнейший самостоятельный фактор, влияющий на благосостояние нации.** Но этот фактор недостаточный, хотя и необходимый. Нужны дополнительные факторы – повышение уровня, качества и эффективности дошкольного, школьного и университетского образования, аспирантуры и докторантуры, хорошее питание и здравоохранение, коммерциализация знаний, патентов и открытий. Образование, здравоохранение должны быть бесплатными, а достойное питание – одним из самых качественных и дешевых в мире. Если имеются хорошая система образования и система питания, то экономика страны будет выигрывать от этого. А хорошее образование обычно существует в богатых странах.

В России образование не должно уступать образованию самых развитых стран (США, Норвегия, Швеция, Сингапур, Израиль). Поэтому инвестиции крайне важны в образование и науку. Опыт истории показывает, что лидеров с высоким уровнем IQ обычно готовят в развитых странах, а лидеров с низким IQ, как правило, готовят для стран, которые эксплуатируются в интересах ведущих мировых держав.

[1] Из доклада «Эмиграция из России в конце 20 – начале 21 века», подготовленного Комитетом гражданских инициатив А. Кудрина.

[2] http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Education/Education-spending/%25-of-GDP

Ключевые индикаторы развития

По индексу человеческого развития (2016): Россия заняла 49-е место в мире, Армения – 83-е[1]. Россия поднялась на одно место – 49-е среди 188 стран. Армения на 83-й позиции (в 2010 г. – 76-й, в 2015 г. – 85-й).

По индексу эффективности управления (2015) Россия заняла 98-е место в мире, Армения 97-е место[2].

По индексу инноваций (2016) Россия заняла 43-е место в мире, Армения – 60-е[3].

Расходы на НИОКР (исследования и разработки, R&D: Россия заняла 43-е место (1,09%) в мире, Армения – 64-е (0,24%)[4].

Экспорт информационных технологий: Россия заняла 75-е место в мире (0,81%), Армения – 112-е (0,15%)[5].

Экспорт высоких технологий: Россия заняла 75-е место в мире (0,81%), Армения – 112-е (0,15%)[6].

Экспорт высоких технологий в % от объёма экспорта: Россия заняла 32-е место в мире (13,76%), Армения – 70-е (5,27%)[7].

Патентные заявки резидентов: Россия заняла 6-е место в мире (29,269), Армения – 64-е (113)[8].

Внешний долг: Россия заняла 60-е место в мире (36.26%), Армения – 16-е (81,32%)[9].

Государственные расходы, в процентах от ВВП: Россия заняла 71-е место в мире (17,47%), Армения – 122-е (13,12%)[10], Швеция – 9-е место (25,98%), Дания – 10-е, Нидерланды – 11-е место, Франция – 16-е, Норвегия – 19-е, Израиль – 22-е.

Рабочая сила: Россия заняла 6-е место в мире (75,57), Армения – 129-е (1,57)[11].

Уровень безработицы: Россия заняла 115-е место в мире (5,72%), Армения – 22-е (16,76%)[12].

Интернет пользователи: Россия заняла 48-е место в мире (73,41%), Армения – 77-е (58,25%).

Интернет-подписчики на сто человек: Россия заняла 55-е место в мире (19.47%), Армения – 86-е (10,13%).

Абоненты мобильных телефонов: Россия заняла 6-е место в мире (231,4), Армения – 133-е (3,43).

Абоненты мобильных телефонов на сто человек: Россия заняла 12-е место в мире (163,26), Армения – 85-е (114,78).

Цены на бензин: Россия заняла 150-е место в мире (0.81$), Армения – 88-е (1,3$), Грузия – 98-е (1,24$), Молдавия – 102-е (1,21$), Украина – 108-е (1,17$), Беларусь – 123-е (1,06$), Иран – 161 (0,31$), Казахстан – 149-е (0.81$).

Потребление энергии на душу населения: Россия заняла 20-е место в мире, Армения – 84-е.

Электричество из возобновляемых источников, кВтч Россия заняла 61-е место в мире, Армения – 100-е.

Энергия за 1000 долларов ВВП: Россия заняла 17-е место в мире, Армения – 46-е.

Импорт энергии: Россия заняла 109-е место в мире (–83,67%), Армения – 25-е (71,34%).

Верховенство права: Россия заняла 140-е место в мире, Армения – 107-е.

Контроль над коррупцией: в 2015 г. Россия заняла 153-е место в мире, Армения – 114-е[13].

ВВП на душу населения, ППС (2016): Россия заняла 45-е место в мире, Армения – 102-е[14].

Расходы на образование, процент государственных расходов: Россия заняла 49-е место в мире, Армения – 77-е (9,37%)[15].

Расходы на здравоохранение на душу населения: Россия заняла 57-е место в мире (893$), Армения – 128-е (162$)[16].

Расходы на здравоохранение в процентах от ВВП: Россия заняла 30-е место в мире (7,07%), Армения – 153-е (4,48%)[17].

[1] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/human_development/
[2] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_government_effectiveness/
[3] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/GII_Index/
[4] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Research_and_development/
[5] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Information_technology_exports/
[6] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/High_tech_exports/
[7] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/High_tech_exports_percent_of_manufactured_exports/
[8] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Patent_applications_by_residents/
[9] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/External_debt/
[10] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Government_size/
[11] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/labor_force/
[12] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/labor_force/
[13] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_corruption/
[14] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/GDP_per_capita_PPP/
[15] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/human_development/
[16] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Health_spending_per_capita/
[17] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Health_spending_as_percent_of_GDP/

Таблица 1

Кластер основных индикаторов, упорядоченных для России

Номер индикатора	Россия место в рейтинге	Армения место в рейтинге	Ключевой индикатор
1	6	64	Patent applications by residents 2015
2	6	129	Labor force 2016
3	17	46	Energy per $1000 GDP 2014
4	20	84	Energy use per capita 2014
5	30	153	Health spending as percent of GDP 2014
6	32	70	High tech exports, percent of manufactured exports 2015
7	43	60	Индекс инновационности (Innovation Index) 2016
8	43	64	R&D expenditure 2014
9	45	102	GDP per capita, PPP 2016
10	48	77	Internet users 2015
11	49	77	Education spending, percent of government spending 2014
12	49	83	Индекс человеческого развития (HDI) 2016
13	55	86	Internet subscribers, per 100 people 2016
14	57	128	Health spending per capita 2014
15	60	16	Внешний долг (External debt) 2015
16	61	100	Electricity from renewable sources, kWh 2014
17	71	122	Government spending, percent of GDP 2015
18	75	112	Information technology exports 2015
19	75	112	High tech exports 2015
20	98	121	Расходы на образование в % к ВВП 2014
21	98	97	Индекс эффективности управления (GEI 2015)
22	109	25	Energy imports 2014
23	115	22	Unemployment rate 2016
24	140	107	Rule of law 2015
25	150	88	Gasoline prices 2014
26	153	114	Контроль над коррупцией 2015
Индекс эффективности[1]	54	92	Индекс эффективности управления социально-экономическими процессами, интеллектуальным капиталом, образованием, наукой и инновациями

Таблица 2

Кластер основных индикаторов, упорядоченных для Армении

Номер индикатора	Россия место в рейтинге	Армения место в рейтинге	Ключевой индикатор
1	60	16	Внешний долг (External debt) 2015
2	115	22	Unemployment rate 2016
3	109	25	Energy imports 2014
4	17	46	Energy per $1000 GDP 2014
5	43	60	Индекс инновационности (Innovation Index) 2016
6	6	64	Patent applications by residents 2015
7	43	64	R&D (research and development) expenditure 2014
8	32	70	High tech exports, percent of manufactured exports 2015
9	48	77	Internet users 2015
10	49	77	Education spending, percent of government spending 2014
11	49	83	Индекс человеческого развития (HDI) 2016
12	20	84	Energy use per capita 2014
13	55	86	Internet subscribers, per 100 people 2016
14	150	88	Gasoline prices 2014
15	98	97	Индекс эффективности управления (GEI 2015)
16	61	100	Electricity from renewable sources, kWh 2014
17	45	102	GDP per capita, PPP 2016
18	140	107	Rule of law 2015
19	75	112	Information technology exports 2015
20	75	112	High tech exports 2015
21	153	114	Контроль над коррупцией 2015
22	98	121	Расходы на образование в % к ВВП 2014
23	71	122	Government spending, percent of GDP 2015
24	57	128	Health spending per capita 2014
25	6	129	Labor force 2016
26	30	153	Health spending as percent of GDP 2014

[1] Среднее значение рангов по 23-м индикаторам без учета индикаторов 22, 23, 25.

Выводы

Существует противоречие между Индексом эффективности управления социально-экономическими процессами, интеллектуальным капиталом, образованием, наукой и инновациями (Россия занимает 54-е место в мире, Армения – 92-е место) и Индексом человеческого развития (в 2016г. Россия заняла 49-е место в мире и не вошла в список 10 самых высоких ИЧР), Армения – 83-е[1], входит в список 10 самых низких ИЧР в Европе (табл. 4).

Как в России, так и в Армении имеются существенные проблемы в управлении человеческим развитием. Потенциал имеется, но эффективно не используется, управляется не качественно из-за недостаточной компетентности руководителей.

Эти проблемы имеют самое прямое отношение к человеческим свободам: свободе в полной мере реализовать потенциал каждой человеческой жизни. Именно эта всеобщность придает концепции управления человеческого развития в России и в Армении ее уникальный характер. Концепции есть, а эффективных стратегий по их реализации – нет.

Комплексный анализ данных свидетельствует, что уровень IQ российских и армянских руководителей сферы управления экономикой ниже среднего IQ населения России. Для устойчивого развития стран, роста конкурентоспособности необходимы не столько эффективная организация выборов президента, создание базы новых лидеров или замена модели управления (правления), сколько подготовка, подбор и расстановка компетентных руководителей, умеющих принимать эффективные, обоснованные и ответственные управленческие решения. Обобщенный IQ Президентов и Правительств России и Армении должен быть выше обобщенного IQ Президентов, Правительств и законодательных органов стран основных экономических конкурентов.

Таблица 3

Концептуальная стратегическая матрица взаимосвязей индикаторов по кластерам России и Армении

Номер	Россия в кластере ключевых индикаторов		Армения в кластере ключевых индикаторов
1	**6** - Patent applications by residents 2015		**16** - Внешний долг (External debt) 2015
2	**6** - Labor force 2016		**22** - **Unemployment rate 2016**
3	**17** - Energy per $1000 GDP 2014		**25** - **Energy imports 2014**
4	**20** - Energy use per capita 2014		**46** - Energy per $1000 GDP 2014
5	**30** - Health spending as percent of GDP 2014		**60** - Индекс инновационности (Innovation Index) 2016
6	**32** - High tech exports, percent of manufactured exports 2015		**64** - Patent applications by residents 2015
7	**43** - Индекс инновационности (Innovation Index) 2016		**64** - R&D (research and development) expenditure 2014
8	**43** - R&D (research and development) expenditure 2014		**70** - High tech exports, percent of manufactured exports 2015
9	**45** - GDP per capita, PPP 2016		**77** - Internet users 2015
10	**48** - Internet users 2015		**77** - Education spending, percent of government spending 2014
11	**49** - Education spending, percent of government spending 2014		**83** - Индекс человеческого развития (Human Development Index – HDI) 2016
12	**49** - Индекс человеческого развития (Human Development Index – HDI) 2016		**84** - Energy use per capita 2014
13	**55** - Internet subscribers, per 100 people 2016		**86** - Internet subscribers, per 100 people 2016
14	**57** - Health spending per capita 2014		**88** - **Gasoline prices 2014**
15	**60** - Внешний долг (External debt) 2015		**97** - Индекс эффективности управления (Government effectiveness Index 2015)
16	**61** - Electricity from renewable sources, kWh 2014		**100** - Electricity from renewable sources, kWh 2014
17	**71** - Government spending, percent of GDP 2015		**102** - GDP per capita, PPP 2016
18	**75** - Information technology exports 2015		**107** - Rule of law 2015
19	**75** - High tech exports 2015		**112** - Information technology exports 2015
20	**98** - Расходы на образование в % к ВВП 2014		**112** - High tech exports 2015
21	**98** - Индекс эффективности управления (Government effectiveness Index 2015)		**114** - Контроль над коррупцией 2015
22	**109** - **Energy imports 2014**		**121** - Расходы на образование в % к ВВП 2014
23	**115** - **Unemployment rate 2016**		**122** - Government spending, percent of GDP 2015
24	**140** - Rule of law 2015		**128** - Health spending per capita 2014
25	**150** - **Gasoline prices 2014**		**129** - Labor force 2016
26	**153** - Контроль над коррупцией 2015		**153** - Health spending as percent of GDP 2014

[1] http://www.theglobaleconomy.com/rankings/human_development/

Таблица 4

10 стран с самым высоким ИЧР и самым низким ИЧР в Европе 2016 г.[1]

10 самых высоких ИЧР

Место	Страна	ИЧР
	Очень высокий ИЧР	
1	Норвегия	0,944
2	Швейцария	0,930
3	Дания	0,923
4	Нидерланды	0,922
5	Германия	0,916
5	Ирландия	0,916
7	Лихтенштейн	0,908
8	Швеция	0,907
8	Великобритания	0,907
10	Исландия	0,899

10 самых низких ИЧР

Место	Страна	ИЧР
	Средний ИЧР	
1	Молдавия	0,693
	Высокий ИЧР	
2	Босния и Герцеговина	0,733
2	Армения	0,733
2	Албания	0,733
5	Украина	0,747
5	Македония	0,747
7	Азербайджан	0,751
8	Грузия	0,754
9	Турция	0,761
10	Сербия	0,771

Преимущества и недостатки России

Среди основных преимуществ и стратегических приоритетов России пять индикаторов: *патенты, рабочая сила, энергия на $1000 ВВП; производимая энергия на душу населения; затраты на здравоохранение в % от ВВП.* К преимуществам России следует отнести также другие показатели: *низкие цены на бензин; низкий уровень числа безработных; низкая величина индикатора импорта энергии*.

Недостатки России характеризуются показателями: *контроль над коррупцией; верховенство права; эффективность управления; расходы на образование в % от ВВП; экспорт информационных технологий; экспорт высоких технологий.*

Россия по показателю *экспорта высоких технологий* занимает *75-е место в мире,* в то время как по числу *зарегистрированных патентов – 6-е.* Это несоответствие характеризует проблемы управления в сфере коммерциализации знаний, наличие неиспользуемого потенциала и недостаточной компетенции лиц, отвечающих за принятие конечных решений в указанных сферах.

Россия в целом управляется не эффективно (особенно в регионах и в городах), что объясняется, в первую очередь, недостаточным уровнем профессионализма управленческих кадров. Государственные органы не умеют опираться на свои преимущества при выработке стратегических направлений – на человеческий капитал. Это, в свою очередь, искусственно ограничивает формирование и развитие интеллектуального капитала в целом.

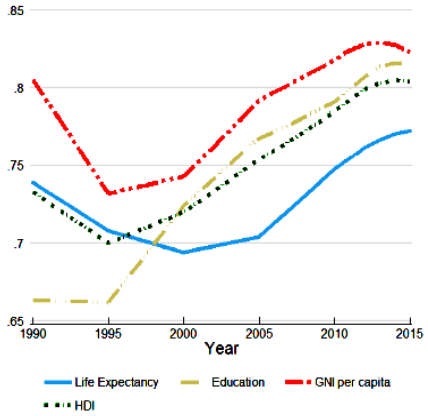


Рисунок 1.
Trends in Russian's HDI component indices 1990–2015 – http://hdr.undp.org/

К стратегическим, конституционным приоритетам будущего главы государства должны быть отнесены: управление образованием, управление инновациями, управление НИОКР и управление коммерциализацией знаний, а также управление подбором, подготовкой и распределением управленческих кадров (компетентных управленцев).

[1] Источник: википедия.

Необходимы структурные перемены в Правительстве с учетом стратегических приоритетов: министр образования, науки и инноваций должен быть на уровне заместителя председателя Правительства. Вторым среди его заместителей должен быть министр по государственному управлению (по подбору, подготовке и расстановке управленческих кадров, формированию и развития кадровой политики) с учетом особенностей кластера индикаторов устойчивого развития. Необходимо разработать и осуществить концептуальные программы повышения эффективности управления образованием. При этом следует обеспечить целенаправленное и сбалансированное повышение расходов на образование, чтобы по данному индикатору России перешла на 50-е место в течение 5 лет для с целью создания условий для последующего рывка в лидирующие позиции, ограниченные на первом этапе первой двадцаткой, а в дальнейшем – первой десяткой.

Необходимо: а) повысить эффективность управления одновременно за счет снижения численности госслужащих и привлечения более компетентных управленческих кадров; б) целенаправленно, непрерывно повышать расходы на управление государством в % от ВВП. России необходимо по данному индикатору занять примерно 50 место (плюс минус 3 единицы) мирового рейтинга. Целесообразно разработать и осуществить президентскую концептуальную программу повышения эффективности и качества всенародной борьбы с коррупцией, освобождения или очищения государственного аппарата от коррупционеров, а также президентскую программу по управлению инновациями и НИОКР, по управлению образованием и интеллектуальным капиталом.

Перечисленная триада мер направлена на превентивную оптимизацию и сбалансирование оргструктуры основных приоритетов развития страны, что позволит при минимальных затратах и ресурсах, эффективно используя кластерные, системотехнические, концептуальные преимущества России, обеспечить прорыв в развитии. Чтобы добиться устойчивости в развитии, необходимо достигнуть в мировых рейтингах мест не ниже 45–50 позиций в течение ближайших 7–10 лет. Таковы основные требования Конституции РФ, реализация которых обеспечит синергетический рост индекса человеческого развития и тем самым доминирование России по указанному индикатору в мире.

Преимущества и недостатки Армении

Преимущества Армении по сравнению с Россией характеризуются показателями: производство энергии на $1000 ВВП; индекс инновационности; регистрация патентов; расходы на НИОКР; экспорт высоких технологий в % от общего объема экспорта.

Недостатки Армении по сравнению с Россией отмечаются по индикаторам: рост внешнего долга (16-е место в мире); число безработных (при котором невозможно обеспечить устойчивое развитие экономики); высокий уровень импорта энергии; низкие расходы на здравоохранение в % от ВВП; низкие расходы на здравоохранение на душу населения; высокие темпы эмиграции; расходы на государственное управление; расходы на образование в % от ВВП; экспорт высоких технологий; ВВП на душу населения.

Сравнительный концептуальный анализ показывает, что Армения в целом управляется крайне неэффективно как в городах, так и в регионах, на уровне местного самоуправления, что обьясняется недостаточной компетентностью: а) политических руководителей, занимающих «политические должности»; б) государственных служащих, особенно на среднем уровне; в) контрольных служб, ответственных за принятие и выполнение промежуточных и конечных управленческих решений. Диктатура некомпетентного меньшинства, особенно на среднем уровне, привела к росту коррупции на локальном уровне.

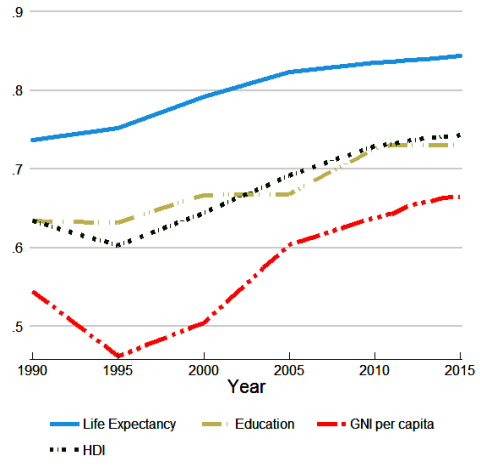


Рисунок 2: Trends in Armenia's HDI component indices 1990-2015. – http://hdr.undp.org/

Отсутствие концептуальной стратегии в кадровой политике привело к незаменимости некоторых кадров, парадигме «мобильности» бывших руководителей и госслужащих. Низкая управленческая ответственность за принятие и исполнение управленческих решений доминирует во многих органах власти. Имея высокий уровень человеческого

потенциала по Индексу человеческого развития, Армения на 83-е месте в мире, в то время, когда этот индекс мог быть в пределах 40–45 места.

По Индексу эффективности управления Армения на 97-м месте в мире, вместо 50–55. Критически низок уровень расходов на образование – 121-е место в мире в % от ВВП, а по показателю ВВП на душу населения Армения на 102-м месте.

Место страны по уровню расходов на образование должно быть выше места страны по показателю ВВП на душу населения. Этот показатель отражает парадигму низкого уровня компетентности не только Правительства (в целом, включая аппарат советников), Национального собрания и судебной власти. Это противоречит уровню интеллектуального капитала как населения Армении, так и ее диаспоры, что недопустимо.

Новое руководство страны должно взять стратегический курс на опережающий рост качества знаний, прежде всего, профессорско-преподавательского состава, на ускорение роста эффективности управления образованием и НИОКР, а также на коммерциализацию новаций и качество подготовки управленческих кадров, особенно политических менеджеров (сферами социально-экономического управления), с тем, чтобы республика в течение ближайших 5–10 лет вошла бы в список лучших 40 стран мира по показателям: расходы на образование, верховенство права, контроль над коррупцией.

Таблица 5

Ранги России и Армении по основным ключевым показателям на 2014 год

Ранги Армении по всем показателям	Ранги России по всем показателям
1. 45 –по ведению бизнеса	7- по количеству патентов
2. 52 - по экономической свободе	9 - по ВВП
3. 53 - по вовлеченности в международную торговлю	15 - по научно-исследовательской активности
4. 60 - по социальному развитию	27- по развития электронного правительства
5. 61 – по развития электронного правительства	32- по расходам на НИОКР
6. 63 - по развитию образования	36 - по развитию образования
7. 64 – по расходам на НИОКР	47 - по ВНД
8. 65 – по сетевой готовности	48 - по глобализации страны
9. 65 – по индексу инноваций	49 - по индексу инноваций
10. 71 – по индексу экономики знаний	50 - по сетевой готовности
11. 73 – по развитию человеческого капитала	51 - по развитию человеческого капитала
12. 73 – по продолжительности жизни	53 - по конкурентоспособности
13. 75 – по научно-исследовательской активности	55 - по индексу экономики знаний
14. 80 – по количеству патентов	57 - по развитию человеческого потенциала
15. 85 – по конкурентоспособности	62 - по ведению бизнеса
16. 87 – по развитию человеческого потенциала	68 - по процветанию
17. 94 – по глобализации страны	75 - по гендерному разрыву
18. 94 – по восприятию коррупции	80 - по социальному развитию
19. 95 – по процветанию	112 - по вовлеченности в международную торговлю
20. 103 – по гендерному разрыву	129 - по продолжительности жизни
21. 108 – по ВНД на душу населения	136 - по восприятию коррупции
22. 136 – по ВВП (валовый внутренний продукт)	143 - по экономической свободе

Конституция Армении требует парадигму модели социально-рыночной экономики. Для этого необходимы структурные изменения в Правительстве и в Национальном собрании. Первым заместителем главы правительства должен быть министр образования и науки. Глава правительства должен лично отвечать за формирование и осуществление кадровой политики, за осуществление стратегии обеспечения безопасности страны и принимать меры по повышению ответственности руководителей отраслей и ведомств. Правительство страны должно руководствоваться следующими приоритетами при формировании стратегических задач управления: обеспечение безопасности, образование; кадровая политика; контроль над коррупцией; число безработных.

Экономический блок в традиционном понимании должен быть заменен социально-экономическим. Первый вице-премьер должен отвечать за социальный и экономический блок. Эффективное осуществление этой структуры даст синергетический эффект и позволит Армении повысить свои показатели, страна за 5 лет займет не 92-е место в мировом кластере рейтингов индикаторов, а 55-е место.

Именно концептуальная кадровая политика, ориентированная на выбор, подготовку и расстановку компетентных кадров по конституционным стратегическим целям – ключ к успеху. Это позволит раскрыть человеческий потенциал армянского народа, демонстрирующего в диаспоре, в США, Европе и РФ беспрецедентные успехи в труде, науке, культуре и бизнесе.

Список литературы

1. Ваганян Г. Системотехника управления социально-экономическими процессами // Системотехника / Под. ред. проф. А. Гусакова. – Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 2002.
2. Ваганян Г., Ваганян О. Виртуальные технологии менеджмента (системотехника электронного управления). Монография. – Ереван: Нжар, 2005.
3. Ваганян Г., Ваганян О. Ключевые проблемы России в неэффективном конституционном менеджменте // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Ч. 1.
4. Ваганян Г. Конституционный менеджмент (методология, принципы, технологии). Монография. – Ереван, 2017.
5. Оуэн Г. Благосостояние государства зависит от коэффициента умственного развития его населения // The Times. 14.11.2003. – inosmi.ru/world/20031114/1994-50.html
6. Давыдов А. Размерности культуры и инновационное развитие. М.: РОС, 2010. (http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=22&id=53)
7. Давыдов А. Зависимость между Global Innovation Index BCG, Innovation Capacity Index и Global Innovation Index INSEAD. – М.: РОС, 2010. – www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=22&id=53
8. Давыдов А. Конкурентные преимущества системной социологии. (Электронное издание). – М.: ИС РАН, 2008. – www.isras.ru/publ.html?id=855, www.ecsocman.edu.ru/db/msg/324618.html
9. Next generation Future Centers. – https://www.slideshare.net/rondvir/openfutures-book
10. World Capital Institute. – http://www.worldcapitalinstitute.org/content/leif-edvinsson

Вартумян А.А.
д.полит.н., профессор, заместитель директора Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске по научной работе и инновационной деятельности
Мирвелова А.А.
аспирант Северо-Кавказского федерального университета

КРИТИКА ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИЙ: САМОБЫТНОСТЬ И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Ключевые слова*: модернизация, аграрные общества, «магдебургское право», вестернизация, незападная модель.*

Keywords*: modernization, agrarian society, "Magdeburg right", the Westernization of non-Western model.*

Новая концепция множества «модернизмов» и национальных модернизаций признает различия в модернизации разных стран закономерными, отрицая единый образец. Сегодня вопрос о том, в какой мере технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, уже не является дискуссионным. Множатся новые капитализмы в Азии, использующие экономический механизм Запада без рекультуризации. Раньше капитализм перемалывал культуры, теперь культуры перемалывают капитализм. Возникают автохтонные капитализмы – российский, южнокорейский, – используется экономическая машина капитализма в коммунистическом по своей идеологической оболочке Китае. Возникает новое время с подъемом национальных капитализмов, и Запад становится лишь одним из них.

Полагаем, что можно выделить несколько цивилизационных моделей модернизации, в рамках которых варьируют национальные микромодели: западная, восточная, латиноамериканская, центрально и юго-восточно-европейская. В свою очередь наиболее специфичные, уникальные модели политической модернизации можно отнести к страновым.

Анализируя цивилизационные и национальные стили модернизации, можно выделить совокупность социально-культурных факторов, способствующих модернизации[1]:

– отношение к настоящему и будущему, на основании которого можно говорить о типологизации культур на прогрессистские, основанные на уверенности изменения и традиционалистские,
– отношение индивидов к государству (индивидуализм, этатизм),
– отношение к закону и праву,
– степень значимости для общества ценностей и норм;
– характер религии, господствующей в обществе, ее ориентация на изменения,
– отношение к труду,
– отношение к личному успеху,
– отношение к науке, знаниям, образованию,
– степень развитости общественной толерантности и солидарности,
– степень развитости гражданского чувства и патриотизма.

Анализ цивилизационных вариантов модернизации выявил значительную степень их полиморфизма, неоднозначность взаимоотношений комплексов «традиционного» и «современного», а соответственно восточных и западных культур в широком спектре от гармоничного синтеза, симбиоза, взаимоадаптации до конфликта и отторжения.

Представление, господствовавшее в модернизационной теории первого десятилетия её существования, заключалось в противопоставлении традиции и новизны. Модернизация трактовалась как разрыв с традицией, её полное преодоление не только в технологии, но и во всех сторонах жизни общества. Подобное представление во многом проистекало из имевшего широкое распространение в первой половине XX в. в исторической науке Запада противопоставления двух исторических типов древних обществ: «европейского (западного)» и «азиатского (восточного)».

Первый тип отождествлялся с Древней Грецией, Римом и возникшими на развалинах Западно-Римской империи различными европейскими государствами, второй тип – с Египтом, государствами Месопотамии, Персией, Китаем и другими государствами Азии, Ближнего Востока, Центральной и Южной Америки, Африки.

Основные их различия суммировались обычно следующим образом.

1. Тип хозяйства. Европейское аграрное хозяйство носило преимущественно децентрализованный характер (то есть, оно не предполагало организацию и управление из одного центра), а сравнительно высокое развитие в нём ремесла и торговли способствовало распространению внутри общества товарно-денежных отношений. Азиатское аграрное хозяйство носило преимущественно централизованный характер (в основном из-за большой роли систем ирригации) и не предполагало высокого уровня развития внутри общества товарно-денежных отношений.

[1] Баталов Э.Я. Русская идея и американская места. – М.: Прогресс, 2009.

2. Форма собственности. В аграрных обществах существовало несколько основных форм собственности, прежде всего, земельной: царской или государственной (владельцем её являлся правитель страны и/или в его лице всё государство как институт управления обществом), храмовой или церковной (то есть принадлежащей храму или церкви как религиозному институту), общинной и частной (последние две формы иногда объединяют в одну: частно-общинную).

Разница между европейским и азиатским типами развития заключалась не в самих формах собственности, а в соотношении между ними. В европейском варианте доминирующей формой собственности являлась частно-общинная (по греческому образцу её также называют полисной или античной формой собственности), в азиатском – государственная собственность.

3. Социальная структура общества. Различия между европейским и азиатским вариантами аграрного общества проявлялись в количественном соотношении разных групп населения, степени вертикальной мобильности, в правовых и имущественных различиях между разными группами.

Для европейского варианта считалось характерным: численное преобладание свободного населения над другими категориями, относительно высокая (насколько это вообще возможно в рамках сословной структуры) вертикальная мобильность и относительно небольшой разрыв в правовом статусе и уровнях дохода между высшей и средней группами населения. Для азиатского варианта: численное преобладание зависимых категорий населения над свободными, крайне незначительная вертикальная мобильность и большой разрыв в правах и доходах между разными группами (особенно между высшей и остальными).

4. Политическая система. Различия в этой области носили, пожалуй, наиболее значительный характер, поскольку они касались ключевой проблемы – отношений между обществом и государством. Противопоставление часто определялось терминологической оппозицией, возникшей в Древней Греции: полис – деспотия.

Полисная система, по-видимому, впервые возникшая в Древней Греции, базировалась на принципе коллективного самоуправления, когда высшим органом власти являлось народное собрание, объединявшее всех свободных граждан полиса (под полисом понимался город с прилегающей к нему сельской местностью). Даже после кризиса такой первоначальной полисной системы и перехода к различным формам монархии сам принцип ограничения монархической власти за счёт правовых институтов, восходящих к античному полису, сохранился, приняв в средневековой Европе форму представительных органов (например, парламента в Англии) и автономных самоуправляющихся городов (городских коммун, системы городского т.н. «Магдебургского права»).

В азиатском типе аграрного общества возникла деспотия, то есть абсолютная, неограниченная власть правителя (царя, фараона, императора, шаха, кагана, хана и т.п., обобщённо определяемого термином «деспот»), носившая сакральный (священный) характер. Эта власть распространялась на все стороны жизни общества, включая имущественные отношения и личную жизнь людей.

Неограниченность деспотической власти с необходимостью порождала централизованный характер всей политической системы, жёсткую вертикальную подчинённость всех управленческих звеньев снизу вверх, в том числе и сохранявшихся на низовом уровне элементов общинного самоуправления. Отсюда вытекала такая неотъемлемая черта азиатской политической системы как многочисленный и разветвлённый управленческий (бюрократический) аппарат, организованный по жёстко иерархическому принципу (безусловное подчинение низших звеньев высшим).

5. Мировоззрение. Оно определялось в конечном итоге господствующей религиозной системой.

Азиатский вариант развития характеризовался доминированием государственного начала над индивидуальным, личностным. Поэтому в системе духовных ценностей высшими, определяющими становились ценности, связанные с благополучием и процветанием государства. Однако источником этих ценностей, той силой, которая определяет их приоритет, являлся не индивид и не коллектив (община), а само государство в лице его правителя, всесильного деспота.

Иначе говоря, мировоззрение, господствующее на Востоке, базировалось на принципе полного подчинения всех личных и коллективных интересов интересам и воле государства. Беспрекословное подчинение власти деспота или его конкретного представителя (чиновника), неукоснительное выполнение всех указаний и распоряжений, поступающих сверху, в конечном итоге полное подчинение любому авторитету (от отца в семье до царя в государстве) объявлялись высшими ценностями и добродетелями, определяющими всю жизнь человека. Закономерно, что для психологии человека, принявшего подобную иерархию ценностей, становились характерными такие её черты как фатализм, отсутствие веры в свои силы, безынициативность, стремление «быть как все», раствориться среди массы, не выделяться из коллектива.

Цивилизационные различия по оси «Запад-Восток» подробно исследованы в теории институциональных матриц. Была выдвинута гипотеза, что многообразие конкретных социальных связей разных государств в разные исторические эпохи можно агрегировать в двух типах институциональных матриц, условно названных X и Y-матрицами.

Базовые институты X- и Y- матрицы

Основные подсистемы общества	X-матрица	Y-матрица
Экономическая	Редистрибутивная экономика	Рыночная экономика
Политическая	Унитарное политическое устройство	Федеративное политическое устройство
Идеологическая	Коммунитарная идеология, приоритет «Мы» над «Я»	Субсидиарная идеология, приоритет «Я» над «Мы»

Различия в политической сфере государств с доминированием той или иной матрицы были выявлены С. Кирдиной[1].

В политической сфере обществ с Х-матрицами доминируют институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства. Унитарная политическая структура характеризуется принципами административного построения государства, при котором его территориальные единицы не являются суверенными и самостоятельными в политическом отношении. Здесь преобладает институт иерархической вертикали власти во главе с центром, поэтому поле компетенции местных (региональных) властей всегда меньше, чем поле совместной компетенции Центра и регионов или Центра как такового. В управленческих структурах унитарного типа доминируют принципы назначения, а не выборности. Кроме того, при принятии важнейших государственных решений важен принцип не большинства, а единогласия. Реализовывается он в виде соборов, съездов, многообразии согласительных процедур, правил единоначалия и т.д.

Политическая сфера стран с Y-матрицей характеризуется преобладанием институтов федеративного устройства. Это означает следующее: независимо от того, есть ли в названии страны слово «федерация» или нет, принцип федеративного, «соединительного» построения государства «снизу вверх», из отдельных самостоятельных графств, штатов, земель – всегда господствует. Таким образом, все западные страны в политическом отношении построены на федеративных началах. Управленческая структура также строится «снизу вверх», на основе самоуправления и выборов. При принятии решений действует принцип многопартийности и демократического большинства, а главным политическим механизмом являются партии, в которых консолидируются интересы разных групп населения и экономических сил. Отсутствие доминирующей вертикали власти, которая берет на себя разрешение конфликтов на всех «этажах» государственного устройства, компенсируется наличием независимой судебной системы и правом судебного иска, которым пользуются граждане и организации для защиты своих интересов.

Главная причина отличий Запада и Востока заключается в своеобразии их окружающей среды, породивший особый характер взаимодействия с обществом. В Европе сформировалась личностно-ориентированная культура, а в Азии – коллективная[2]. Базовым основанием любого общественного устройства и той осью, на которой накапливаются социокультурные традиции, является отношение «индивид – социум». Сопоставляя исторический опыт разных культур и цивилизаций, следует признать, что это отношение формируется в разных парадигмах: в западной традиции – это антропоцентризм, на Востоке приоритет скорее отдается другому полюсу – социуму и признанию значимости космических начал в деятельности человека[3].

Важным условием модернизации является наличие развитой добуржуазной модернизации, обладающей целостной, сложившейся системой ценностей, а также разветвленными связями между культурной элитой и основным населением.

Если на Западе модернизация носила стихийный характер, то в незападных странах модернизация была сознательно направляемой, в результате в ее осуществлении активную роль играло государство. Роль государства была неоднозначной: с одной стороны оно давало толчок освоению технико-организационных форм более развитых стран, с другой – консервировало традиционные политические институты, тормозило процесс демократизации и становления гражданского общества. Для стран второго эшелона время протекания модернизации происходило в сжатые сроки.

Суммируя эти противопоставления, делался общий вывод: азиатский путь развития преимущественно был ориентирован на стабильность, малую изменчивость, повторяемость всех общественных форм; европейский путь, наоборот, вёл к изменчивости, преобразованию общества, постоянному поиску новых средств его усовершенствования. Как итог, постулировалась исторически объективная дихотомия: с одной стороны, общество преимущественно статичное (азиатское), с другой – общество преимущественно динамичное (европейское).

[1] Кирдина С. Собственность в Х-матрице // Отечественные записки. – М., 2004. – № 6.

[2] Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Указ. соч., с. 43.

[3] Красин Ю.А. Традиции в эпоху глобальных трансформаций // Модернизм и традиционализм… Указ. соч., с. 190.

Голоскоков Л.В.[1]

КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ЕЁ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ[2]

***Ключевые слова**: консолидация общества, стратегия развития, модернизация, инновации, цифровая экономика, сетевая экономика, право, финансы, образование, риски.*

***Keywords**: consolidation of the society, strategy of development, modernization, innovation, digital economy, network economy, law, finance, education, the risks.*

Современное состояние мира и России таково, что налицо ускорение протекания всех процессов, обусловленное технологиями, электроникой, сетями. В государствах ускоренно работают механизмы производства законов, темпы роста объёмов финансовых, экономических правил и других регулятивных предписаний увеличиваются, и общий объём действующих правил уже превысил некое критическое количество, за которым отчётливо видно ухудшение управляемости и даже её потеря.

Так, в СССР было 252 закона, а к 2018 году в России действовало около восьми тысяч федеральных законов и более 152 тысяч региональных законов. Это коллапс права по количественному признаку, не говоря уже о качественной картине. При таком росте количества законов реального роста экономики почти нет, а официально объявленный рост 1,5–2% лежит в пределах статистической погрешности измерения такого сложного объекта как экономика.

Консолидированные санкции Запада и США имеют глубокие корни, они проявились не случайно и вовсе не из-за Крыма, Украины или Сирии. Эти санкции отчасти обусловливают особенности геополитического положения России, которые мы рассмотрим через призму стратегических задач России на современном этапе.

Стратегические задачи Россия начала ставить перед собой совсем недавно, когда появилась энергетическая стратегия России (2009), стратегия действий в интересах детей (2012), стратегия развития таможенной службы РФ (2012), с 2012 по 2016 год было принято 7 стратегий, а за 2017 год – более двух десятков стратегий. Некоторые из них можно считать стратегиями лишь условно, но пока их недостатки можно списать на то, что это начальный этап стратегического планирования, и без ошибок и неточностей обойтись нельзя. В целом процесс важный и нужный, так как переход от тактических действий к стратегическим давно назрел. Однако в данном процессе есть свои плюсы и минусы.

Позитивная сторона появления стратегий состоит в том, что государство перешло к пониманию необходимости стратегического видения. Слишком много времени было потеряно, и почти все сферы государства пришли в упадок за время хаотичных тактических действий или бездействия.

Есть и скрытая негативная сторона. Рассмотрим содержание «Стратегии развития трансграничного пространства доверия». Доверие нужно развивать. Однако сам документ явно не тянет на то, чтобы называться стратегией, его вполне можно было принять в виде регламента, модельного закона, договора стран СНГ или протокола, потому что тема его весьма узка – формирование благоприятных и доверительных условий для осуществления межгосударственного информационного взаимодействия. Точно так же Стратегию развития геологической отрасли Российской Федерации до 2030 года можно было назвать, например, Государственным планом действий до 2030 года, а Стратегию развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года, имеющую цель – обеспечение сохранности естественных экологических систем и природных комплексов, можно было назвать Планом. Подобные замечания можно отнести и ко многим другим созданным стратегиям. Это часто отраслевые документы, которые не дотягивают до того, чтобы называться стратегиями, да и нужно ли государству создавать по каждой отрасли или направлению свою стратегию?

Стратегия должна быть одна, главная, а остальные документы могут называться как угодно и обеспечивать выполнение стратегических задач. Произошла подмена понятий, имитация деятельности и в этой сфере. Видимо, кто-то поставил много галочек в графы выполнения о создании новомодных документов, весьма сложных и дорогих в разработке.

Стратегия должна объединять весь народ, буквально каждого, а не только охотников на своё охотничье дело. Национальная идея должна быть встроена в главную стратегию и реализовываться всеми без исключения, тогда это будет стратегия, а не отраслевая программа таможенников, которая была создана 28 декабря 2012 г. с громким названием «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года», но которая сегодня является безнадёжно устаревшим ведомственным планом.

[1] Голоскоков Леонид Викторович – д.ю.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета РФ. E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

[2] Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

Для приближения к искомому результату исследования рассмотрим несколько связанных сфер: право, экономика, финансы, образование, поскольку от них зависит очень многое.

Что касается права, то общее количество документов в справочной правовой системе КонсультантПлюс на начало 2018 года составляет 145 924 516 документов. Дальнейшее продуцирование разных норм делает управление посредством права всё менее эффективным, и его начинает заменять целесообразность. Общий итог действия всех норм права, регулирующих экономику и финансы: при огромном и быстро растущем массиве регулирующих норм в этих областях роста экономики в России нет. Это доказательство потери эффективности нормативно-правового регулирования.

Это значит, что тактические приёмы, направленные на рост экономики и укрепление финансов, в основном себя исчерпали. К таким приёмам можно отнести деятельность по принятию законов, нормативных правовых актов Правительства, ЦБ РФ, министерств и ведомств. Чтобы это понять лучше, зададим вопрос, сколько и каких нормативных правовых актов не хватает, чтобы начался рост экономики и в стране появились финансы на развитие и социальную сферу. Их количество нужно удвоить, утроить, довести до миллиона – где этот критерий? Обратимся к статистике: за 2017 год Минфин РФ принял 493 различных документа, ЦБ РФ – 593 документа, Минэкономразвития России – 261 документ, а всего появилось 1347 документов за 12 месяцев, то есть более чем 112 в месяц. Как мы видим, тысяча важных документов за год не произвели перелома в экономике и финансах, и это доказывает, что корреляции между количеством регулятивных предписаний и позитивными результатами в экономике и финансах нет. Если мысленно совершить экстраполяцию такого хода вещей на 10 или 20 лет вперёд, мы увидим, что тысячи новых бумаг не дадут заметных результатов. При такой массе нормативных правовых актов законодатель не смог оперативно урегулировать на уровне закона обращение криптовалют, появилось только Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» и информационное письмо ЦБ РФ от 4 сентября 2017 года «Об использовании частных “виртуальных валют” (криптовалют», в котором ЦБ РФ всего лишь «обращает внимание граждан и всех участников финансового рынка на повышенные риски при использовании и инвестировании в криптовалюты». Катастрофическое отставание от жизни!

Значит, в управленческих механизмах чего-то не хватает. Это также значит, что обеспечение кардинального роста в экономике не лежит в сферах права, экономики и финансов, или, во всяком случае, какая-то главная часть решения лежит где-то в другом месте. Если таким место мы посчитаем деятельность всех не перечисленных нами министерств и ведомств с позиций правового регулирования, то в рамках показанного метода – поиска закономерностей между количеством генерируемых норм и сдвигами в позитивную сторону в экономике – мы увидим ту же картину, только на ещё большем массиве законодательства. Значит, на уровне правительства, всех его министерств любые решения, облечённые в форму нормативных правовых актов, не приведут к улучшению ситуации, если наш мысленный эксперимент продолжить в будущее. Обращение взгляда в прошлое на 25–30 лет подтверждает наш вывод, поэтому пока нет оснований считать, что при направлении взгляда в будущее метод не работает. Каждый прошедший месяц подтверждает, что метод работает: рост числа законов не ведёт к улучшению качества жизни.

Причин, по которым существенных позитивных изменений не происходит, довольно много. Приведём некоторые из них. Известно, что около трети указаний и распоряжений, исходящих от Президента РФ и Председателя Правительства РФ, не выполняется. Часть из них не выполняется потому, что указания не выполнимы в принципе или задача поставлены неверно, а часть – потому, что чиновники не хотят, не могут исполнить или заняты более важным делом – имитацией работы и созданием отчётности о положительных итогах их деятельности. Это качественная картина, без деталей.

Известный пример имитационной деятельности: вопрос Президента РФ В.В. Путина министру о том, почему заранее нельзя было предсказать крах крупной авиакомпании, на который министр дал ответ, что все показатели фирмы были на должном уровне, а на вопрос Президента, что это за методики, которые не отражают реальности, ответить было уже нечего. Но в министерстве такие методики разрабатывались за большие деньги крупными государственными университетами. Все эти усилия оказались имитацией работы за государственный счёт. Имитацией занимается вся страна, и это одна из весьма значимых причин отсутствия роста экономики.

В области образования имитация приобрела узаконенный характер: учёные вместо открытий, изобретений и их внедрения трудятся на изготовлении показателей и табличек с отчётностью, которая давно вытеснила реальную работу. Количественные показатели работы профессора преобразуются по сложным методикам в баллы, а затем в рубли. Плохо здесь то, что, как правило, рубли идут из бюджета, а не заработаны на рынке путём реализации новых технологий, внедрённых профессорами, аспирантами или студентами.

Из финансовых факторов можно привести самый главный, который действует 27 лет и не прекращает своей работы ни на минуту – вывоз капиталов в офшоры. Экспертные оценки вывезенного за указанный период – несколько триллионов долларов. Это экономический фактор, показывающий, почему экономика не растёт – здесь впору задать вопрос, как она вообще существует при таком грабеже страны. Что мешало государству урегулировать вывоз капитала? Задача решается принятием одного закона и одним годом наведения порядка. Ответ здесь простой – никто не хотел этим заниматься, но тогда и не надо спрашивать, почему в экономике низкие темпы «роста» – 1,5–2%, что, как известно, является также имитационным показателем, ибо рост менее 2–3% – это то, что лежит в пределах погрешности измерения либо происходит от ошибочных или лукавых методик расчётов.

Отсюда следует, что методом повышения роста экономики является взятие государством установки на отмену имитационной деятельности и переход к созиданию. Здесь нужна комплексная система мер, в которую войдут такие, как возможность любого преподавателя ставить нерадивым студентам двойки и отчислять их без оглядки на показате-

ли: нет знаний – отчисление. Сегодня все и везде панически боятся такого исхода – упадут показатели. Нужно с первого курса студентов приобщать к практике и реальной науке.

Сегодня для поднятия мифических показателей преподаватели вынуждены тратить свою зарплату на публикацию статей в российских и зарубежных журналах, на чём зарабатывают коммерсанты, паразитирующие на установке делать показатели. В результате все вместе занимаются обманом государства, одни – поневоле, другие как организаторы процесса. Президент Российской Федерации просто вынужден закрывать глаза на всеобщий обман, приписки и очковтирательство, столь объёмно и непосильно анализу одного человека давление массы документов, плодимых министерствами и ведомствами по изображению разнообразных успехов.

За прошедшие 25 лет миллиарды человеко-часов преподавателей ушли в песок. После этого мы задаём вопрос, почему нет роста экономики. Элита нации выведена из строя и занимается написанием бумаг, а у руководства – вопросы о каком-то росте экономики.

Показательный пример. Автор 5 лет работал в крупном частном вузе, и каждый учебный год начинался с долгой и сложной процедуры заполнения табличек индивидуального плана, которые надо было заполнить в 3-х экземплярах. Рядом стояли компьютеры, ксероксы, но заполнять заставляли авторучкой. Спустя годы стало понятно, почему. Это была барская милость ректора к преподавателям, который позволил им заполнять вручную всего 3 экземпляра, а не 10, а заодно показать им своё место и их роль. Вирус имитации очень заразен, ведь ректор частного вуза не получал такие указания от министра, но делал так, как будто хотел выслужиться перед начальством и показать, как он может позволить себе издеваться над своими работниками составлением планов и дутой отчётности. Подобные процессы идут и в других организациях, и в результате получается, что научная элита нации выключена из процесса создания реальных ценностей каким-то распределённым коллективным супершпионом, который невидимо присутствует везде и всюду и вершит свою подрывную работу беспрерывно.

Стратегическая задача страны – обозначить этого «диверсанта» и обезопасить от него науку, образование и промышленность. Вот примерный расчёт количества человеко-часов, потраченных научной элитой страны на бессмысленную деятельность, которая этим «диверсантом» была организована: 250 часов «научной» работы преподавателя в год, умножаем на 25 лет, получаем 6250 человеко-часов, умножаем их на 400 000 человек преподавательского состава страны и получаем 2,5 млрд. человеко-часов, умножаем их на среднюю стоимость часа (условно – 100 руб.) и получаем 275 млрд. руб. Если учесть, что учебно-методическая работа преподавателя занимает столько же времени и ни к какому прогрессу в образовании не привела, удваиваем сумму и получаем 550 млрд. руб. выброшенных денег только по одной позиции. Ни по одному уголовному делу такие суммы не проходили, но никакие службы безопасности страны не озаботились поисками этого субъекта, очистившего страну не только от денег, но и от идей, открытий, изобретений, которые не были сделаны благодаря имитации работы. Эти игры продолжаются, и статистика показывает уменьшение количества российских патентов. В СССР и России внедрение изобретений и идей всегда было слабым местом, а теперь положение с этим делом только ухудшается.

Стратегический просчёт государства, пытающегося улучшить положение дел в системе образования, состоит в том, что эту систему нельзя улучшить в отрыве от других систем. Допустим, университеты будут выпускать идеально подготовленных специалистов. Куда они все пойдут работать? Для них будут нужны рабочие места на новых высокотехнологичных производствах, а их нет. Нужна мощная диверсифицированная промышленность для принятия потока умнейших бакалавров, которых в вузах научат изобретать, внедрять и обеспечивать прибыль себе и фирме, а также государству в виде налогов. Такие рабочие места могут быть созданы, если будут сделаны изобретения, открыты новые технологии и созданы производства, но кто это всё сделает, если профессор теперь неумолимой силой сверху задействован на поднятие количества статей, монографий, показателей РИНЦа, индекса Хирша и прочего, но не создания реальных ценностей. Реальность имеет одно настоящее измерение – поднятие культуры в некоммерческой сфере, а в коммерческой сфере – отчёт профессора не индексами и табличками, а декларацией о доходах, полученных им после внедрения своих идей и изобретений, которые он совершил вместе со своими студентами и научил их изобретать, внедрять, получать прибыль. В то же время мы не хотим сказать, что нужно прекратить публиковать научные статьи. Нужно гармонизировать соотношение между публикациями и внедрением идей.

Вопрос министрам: если завтра война, что вы предъявите стране и Президенту – индекс Хирша или созданную высокотехнологическую диверсифицированную промышленность, готовую производить что угодно и в любом количестве? Во время войны создатели индексов и рейтингов их отменят и посмеются над всеми, кто участвовал в этом розыгрыше и кого провели на мякине. А войны нынче, кроме горячих, идут всякие: правовые, экономические, финансовые, валютные, ценовые, информационные, гибридные, сетевые, сетецентрические, таможенные, торговые, пограничные, миграционные, наркотические, – и вот это всё настоящие стратегии, которые реализуются в мировом пространстве, но не в табличках отчётов. Этот стратегический просчёт нужно исправлять стратегическим же подходом – комплексным, сложным, трудно и долго реализуемым.

Рассмотрим, какие проблемы стоят на пути создания основных элементов стратегии развития России, если написать хотя бы в первом приближении её основные тезисы. Если в СССР была какая-то идея, сегодня нет никакой идеи, и государство не создаёт её, несмотря на призыв Президента РФ найти национальную идею. С другой стороны, национальную идею действительно трудно найти в обществе с множеством разных интересов. С третьей стороны, любая объединяющая идея не устроит власть в принципе, потому что она объединит людей, а власть 25 лет занималась разобщением, чтобы люди не смогли объединиться ни на какое дело и таким образом не представляли угрозу власти. С четвёртой стороны, объективно созрела необходимость консолидации, чтобы противостоять США и Западу, выступившим против России. Выбор у нас невелик – объединиться и выжить или проиграть внешнее противостояние.

И хотя не видно никаких движений в сторону первого варианта, нужно предполагать, что всё-таки будет выбран не второй вариант.

Если это консолидация, то основой для неё может быть только политически, конфессионально и этнически нейтральная идея, выражающая срединный интерес. В кратчайшем изложении она такова: для человека – личное финансовое и экономическое благополучие, а для государства – модернизация и прогресс с целью оставаться в числе государств-лидеров. В России возможно сочетание интересов личности и государства, если личность будет получать дивиденды в финансовой форме от процесса модернизации, при котором будет постоянно идти внедрение новых технологий и продажа новых товаров. Поскольку сам по себе такой процесс не происходит и от разговоров чиновников на эту тему в течение 25 лет ничего не произошло, нужен новый сильный импульс от Президента РФ, у которого имеется необходимая власть и ресурс для начала такого процесса.

Далее необходимо создать сетевую структуру, предназначенную для реализации нескольких функций – сбор инвестиций для организации процесса внедрения новых идей, технологий, изобретений и получения прибыли. Инвесторами должны стать в идеале все граждане, т.к. важно участие всех в общем деле. Инвестиции должны быть направлены в реальное производство (не в финансовую сферу) и создание новых предприятий под общим управлением сетевой структуры. Такой подход разделяют и другие исследователи, например, В.В. Ворожихин полагает, что «независимая научная сеть является основным инструментом решения ключевой задачи стратегического развития России – создания системы стратегического управления инновационным развитием страны»[1]. В рамках существующего права (видимо, в любой стране) реализация данного предложения невозможна, но это означает только то, что сетевую структуру нужно создавать в виртуальном пространстве.

Если известными способами модернизировать право и государство нынешними темпами, то этот процесс может занять 100–200 лет, но такого ресурса времени у России нет.

К пониманию того, что нужно делать, легче прийти, если вспомнить деятельность инженеров, которые испытывают модели самолётов и машин, разбивают их, дорабатывают и доводят до нужного уровня прочности и безопасности. В нашем случае это будет означать создание действующей модели виртуального государства, в котором будут созданы свои правила с учётом наработанного опыта в сферах государственного строительства, права, экономики, финансов, инвестиционной и инновационной деятельности.

Виртуальное «государство» должно иметь всего несколько целей – инвестиции в инновации, получение прибыли от инновационного и модернизационного процесса и справедливое её распределение между всеми гражданами – участниками проекта. Новые механизмы должны обеспечить реальное действие принципа справедливости, создать стимулы для личного участия в деле всех участников проекта и личной ответственности за весь процесс. Современная парадигма сосуществования государства и личности состоит в том, что личность нигде и ни в чём не участвует, личность никуда не допускают, но и ответственности она не несёт ни за что. Пусть это упрощённый взгляд, но иллюзия, создаваемая при таком подходе государством такова: ты никуда не лезь и ответственности нести не будешь. Но рядовой гражданин в конечном итоге несёт всю ответственность за всё, и факты это доказывают: официальная статистика насчитывает более 20 млн. бедных, на самом деле их в разы больше, и все они несут ответственность за то, что никуда не вмешиваются, в результате чего их деньги в конечном итоге уходят за рубеж в офшоры на счета олигархического класса. Сколь долго они будут терпеть свою нищету, неизвестно никакой статистике. Поскольку революции никто не хочет, государство вынуждено будет что-то делать, ибо затянувшаяся на 30 лет пауза в модернизации и остановка инновационного процесса не пойдёт на пользу никакому государству.

Что касается программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[2], то нужно заметить, что при всей её внешней новизне, цифровая экономика давно развивается в России под названием сетевая экономика, и смена названия одного и того же процесса сама по себе не даст нового качества.

Дело не в названии документов, а в содержательной стороне: если принятую в 2017 году Стратегию развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года вдруг не реализуют, это плохо, но не смертельно. Но если не реализовать стратегию по модернизации страны, не будет денег ни на какие другие стратегии, потому что может просто не оказаться страны, способной на что-то, кроме как поставлять ресурсы и сырьё, а на янтаре и подобных ресурсах страну из экономического застоя не вытащить. Мы видим, что прошлые обвинения власти политологами в том, что она не имеет стратегии, а пробавляется тактикой, имели глубокое основание, ибо теперь, что ни пишется под названием «стратегия», больше напоминает тактику, потому что привыкли писать тактические разработки. Для написания стратегии не хватает, как мы полагаем, вовсе не знаний и профессионализма, а смелости, но это уже проблема не права, экономики или финансов, в рамках чего мы ведём исследование.

Смелость требуется, чтобы признать: главное, это выполнение положения ст. 7 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Обратим внимание – человека, а не только олигарха. Поэтому, пока данное положение действует, его нужно выполнять, и это, собственно, всё. В этом смысле совершенно

[1] Ворожихин В.В. О научной грамотности, самоуправлении и конкурентоспособном развитии науки, технологий и инноваций в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 303.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

прав В.В. Кочетков, когда пишет, что «новая русская национальная идея должна рационализировать онтологические ценности нашего народа на теоретической платформе конституционализма…»[1].

Другое дело, что в стратегии для реализации данного положения надо дать оценку того, что произошло и имеет место в России, поставить задачи для страны соответственно её возможностям, высоким целям, идеалам, которые все нужно описать, а далее расставить приоритеты, разработать методы перехода из нынешнего состояния в будущее, которое должно характеризоваться определёнными заданными параметрами и примерными сроками. Сомнительно, что будет изменён курс с покровительства олигархам на выполнение положения ст. 7 Конституции России. Если бы могли, давно бы сделали, но тогда продолжает расти классовая напряжённость, а поскольку наши науки не имеют инструмента для её измерения, мы не знаем, когда она превысит критический уровень, но если мы не знаем, это не означает, что напряжение не растёт, а искра не проскочит.

Тогда нужно компромиссное решение, которое не вынуждает власть идти на неприемлемые для неё жертвы, но позволяет всё же начать путь к возрождению страны. Для этого автор разработал «Доктрину национальной консолидации»[2] и конкретный план действий на её основе в виде проекта. Эти идеи были опубликованы в разных вариантах, изданы в книге[3]. Доктрина содержит вариант развития страны, который можно реализовать в сетевом формате в виде полномасштабной действующей модели государства, работающего параллельно с существующим государством с целью помочь государству выполнить его важнейшие функции: организовать процесс модернизации и внедрение инноваций.

Юристы освоили только понятие «модельный закон», используемое ограниченно и редко, а «модельное государство» – это то, над содержательной стороной чего пока никто не думал, но именно такая конструкция представляется в нашем динамичном мире наиболее удобной для проникновения в мир неизвестного и рискованного. Найденный опыт и позитивные наработки модельного государства могут быть использованы, для чего, собственно, и нужна действующая рабочая модель. Сфера инвестиций и инноваций всегда будет рискованной, соответственно, для минимизации рисков модельное государство подходит в наилучшей степени и будет его инновационной защитной оболочкой.

Однако модельное государство может служить не только средством минимизации рисков в инновационной деятельности, связанной с новыми формами организации этой деятельности в сфере реализации новой техники, технологий, производства новых товаров, работ, услуг. Модельное государство может отрабатывать и механизмы государственного устройства, тестировать их, а затем предлагать удачные модели реальному государству, которое не имеет возможность ставить натурные эксперименты в связи с их опасностью. Одним из результатов моделирования может стать модель компромиссного существования и работа на единую цель всех слоёв населения: богатых и бедных, верующих и атеистов, партийных и беспартийных. Данную проблему государство пока решить не может, так как не имеет идей по поводу перехода к совместному делу классов с противоположными интересами. В предложенной нами доктрине такая идея есть, однако период времени, когда она будет возможна для использования, никто назвать не может. Обстановка в стране и в мире меняется быстро, неизвестно, как будут развиваться события, соответственно, в какой-то момент наши идеи могут стать непригодными.

Создание модельного государства, ориентированного на инновации, может взять на себя научно-техническая элита страны в лице научных сотрудников РАН, вузовских преподавателей и других профессионалов. Наука должна перестать делать показатели и заняться реальным делом, для которого она создана. Это идеал и теория.

Однако практика показывает, что сейчас, когда нужна максимальная консолидация общества для решения вопроса выживания государства, состояние общества является наиболее аморфным, наблюдается максимальная атомизация граждан, разведённых многолетними усилиями власти по своим квартирам и усаженных за телевизор для пассивного созерцания специально приготовленного «контента», когда социальные связи нарушены и объединяющих сил не видно. Профсоюз как крупнейшая по численности организация давно выведен его руководством с поля социальной активности. Раньше он позиционировался как школа коммунизма, то есть, там готовили кадры для реального управления страной и создания будущей сложной структуры – коммунистического общества. Существующие партии слишком мелки, не имеют реальной опоры на народ, подавлены их лидерами или ангажированы властью и не являются по этой причине субъектами, рождающими смыслы и, тем более, действия.

В этих условиях, как представляется, нужен мощный, исходящий от власти импульс ко всем замершим в ожидании команд профсоюзам, партиям, научно-технической элите, профессионалам. Их всех нужно поднять на работу по модернизации общества, государства, права, техники, технологий, используя наши предложения и методы. Власть может это делать или не делать, но она должна понимать, что набор методов, тем более новых и прорывных, способных вывести страну из застоя, является весьма ограниченным, поэтому предложение каждого нового метода, новой идеи в этом направлении должно быть рассмотрено, проанализировано и по возможности реализовано, в противном случае время может не оставить нам шансов на модернизацию государства и права. Консолидация на этом направлении усилий государства, всех его субъектов, а также граждан представляется задачей сверхсрочной и важнейшей, и здесь важно не упустить время.

---

[1] Кочетков В.В. К вопросу о национальной русской идее: философско-правовой подход // Государство и право. – М., 2013. – № 4. – С. 19.

[2] Голоскоков Л.В. Доктрина национальной консолидации // Вопросы правоведения. – М., 2014. – № 4. – С. 86–122.

[3] Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи и новой доктрины государства / Под. ред. д.ю.н. Л.В. Голоскокова. – М.: Проспект, 2015. – 320 с.

Гринченко С.Н.
д.т.н., профессор, гл.н.с. Института проблем информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН
sgrinchenko@ipiran.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (В КОНТЕКСТЕ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ)

Ключевые слова: *глобальное информационное общество, информатико-кибернетическая модель, поисковая оптимизация, иерархическая самоуправляющаяся система Человечества, Мировая государственно-блоковая система, гармоничная управляющая иерархия.*

Keywords*: global information society, informatics-cybernetic model, search optimization, hierarchical self-controlling system of Humankind, World state-bloc system, harmonious controlling hierarchy.*

Оценивая эффективность управления в глобальном информационном обществе, предварительно необходимо определить, в рамках какой именно иерархической системы Человечества эти процессы будем рассматривать. Это либо формирующаяся *естественным образом* («бессознательно») природная иерархическая *самоуправляющаяся* система Человечества (ИССЧ), расчётные пространственно-временны*е* характеристики которой имеют «*идеальные*» (ориентировочные, реперные etc.) значения[1] (рис. 1), либо выстраиваемые людьми *искусственным образом* («вручную», более или менее «сознательно») различные фрагменты Мировой государственно-блоковой системы (МГБС) с *реально* наблюдаемыми характеристиками *управления людьми* – а не *самоуправления*. В контексте мегатенденций мирового развития оба этих аспекта – и особенно их взаимодействие! – представляют значительный интерес.

И действительно: лишь на первый взгляд поступки людей определяются либо собственным мнением/желанием, либо выполнением чужих указаний (например, за вознаграждение). Первое можно назвать самоуправлением (действует субъект), второе – внешним управлением (внешние субъекты действуют на объект). В действительности, «самоуправление субъекта» представляет собой широчайший спектр *опосредованного* внешнего управления на него, через формирование (от воспитания и обучения до «зомбирования» посредством СМИ) у объекта нужной позиции и нужных алгоритмов якобы «самоуправления».

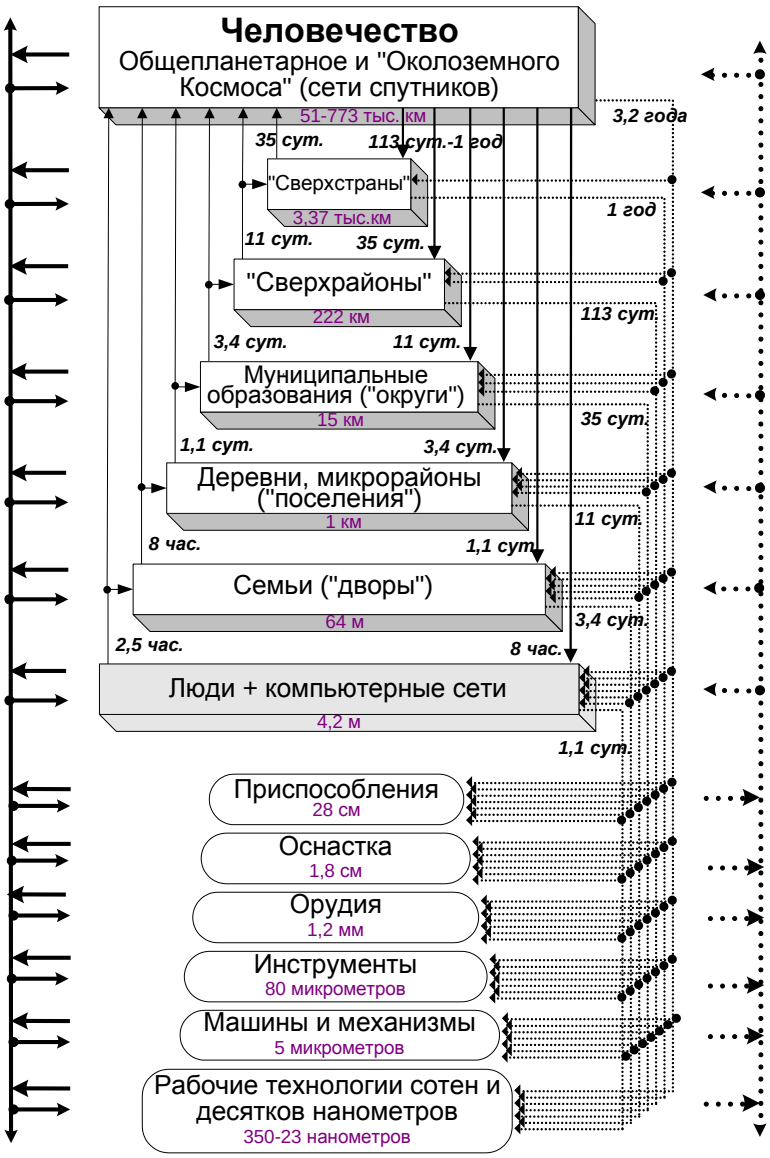
Успешность реализации того или иного фрагмента МГБС в значительной степени зависит от того, насколько пространственно-временны*е* характеристики его структуры и приспособительного поведения будут *соответствовать* их «идеальным» значениям, присущим ИССЧ. В частности, формируемая «сознательно» МГБС должна содержать представителей *всех* смежных иерархических ярусов, характерных для ИССЧ, причём соотношение числа этих представителей по всей «вертикали» иерархии должно быть приблизительно одинаковым (по-видимому, около $e^e = 15{,}15426...$, в пределах от минимум $e^0 = 1$, что соответствует вырождению иерархии как таковой, до максимум $e^{2e} = 229{,}65166...$, что соответствует полному заполнению ими площади территории вышележащего яруса).

Относительно же создаваемых людьми фрагментов МГБС: следует обращать внимание на используемую (точнее, получающуюся) при этом на практике форму самоуправляющегося поисково-оптимизационного контура (рис. 2).

Наиболее примитивная «псевдо-форма» (типичная для неживой природы), в которой структурная иерархия не проявлена, обладает наихудшими управленческими характеристиками, что обусловлено огромной *инерционностью* связей «стимул-реакция» в таком контуре (соотношение характерных времён соответствующих процессов ~3500).

«Квази-форма» (возникающая в живой природе), в структурной иерархии которой выделен ярус групп акторов с инерционностью темпов их поисковой активности ~15*t* (относительно таковых – *t* – у самих акторов), даёт несколько лучшие управленческие результаты, имея соотношение характерных времён отклика ~230.

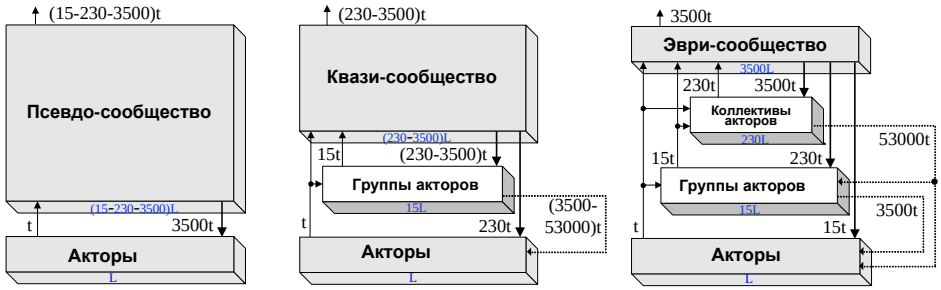
[1] Гринченко С.Н. Социальная метаэволюция Человечества как последовательность шагов формирования механизмов его системной памяти // Электронный журнал «Исследовано в России». 2001. – № 145. – С. 1652–1681; Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИ РАН; Мир, 2004. – 512 с.; Гринченко С.Н. История Человечества с информатико-кибернетических позиций: проблемы периодизации // История и математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов. – М.: КомКнига, 2006. – С. 38–52; Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М.: ИПИ РАН, 2007. – 456 с.; Гринченко С.Н. Мировоззренческое значение современных концепций информатики // Открытое образование. 2010. – № 6. – С. 112–126; Гринченко С.Н. О соотношении управления и самоуправления в системе Человечества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7, часть 2. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 148–153; Гринченко С.Н. Эволюция темпов жизни людей и развитие человечества // Человек. 2014. – № 5. – С. 28–36; Grinchenko S.N. Meta-evolution of Nature System – The Framework of History // Social Evolution & History. 2006. – Vol. 5, N 1. – P. 42–88.



Пространственные размеры - линейные, соответствуют радиусам круга той же площади.

Примечание: Восходящие стрелки, имеющие структуру «многие – к одному», отражают здесь *поисковую активность* представителей соответствующих ярусов в иерархии. Нисходящие сплошные стрелки, имеющие структуру «один – ко многим», отражают *целевые критерии поисковой оптимизации* энергетики системы Человечества. Нисходящие пунктирные стрелки, имеющие структуру «один – ко многим», отражают оптимизационную системную память личностно-производственно-социального: результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих. Полужирные сплошные стрелки в левой части схемы отражают *антропогенную деятельность* человека, результатом которой является то или иное изменение природы – либо естественно возникшей, либо «второй», то есть искусственно созданной им ранее. Полужирные пунктирные стрелки в правой части указанной схемы отражают *антропогенную системную память* – память структур, образуемых материальными объектами, возникающими вследствие антропогенной деятельности как отдельных людей, так и их сообществ.

Рисунок 1.
Схема самоуправления в Общепланетарно-Космической подсистеме природной иерархической системы Человечества (формируется с 1946–1979 гг.)



Примечания: 1) стрелки, направленные вверх, имеют структуру (отражают отношение) «многие - к одному», направленные вниз - «один - ко многим»; 2) t – условная единица характерного времени; 3) L - условная пространственная единица.

Рисунок 2.
Схемы вариантов механизма самоуправления, формирующегося на различных этапах метаэволюции[1] природных иерархических системах

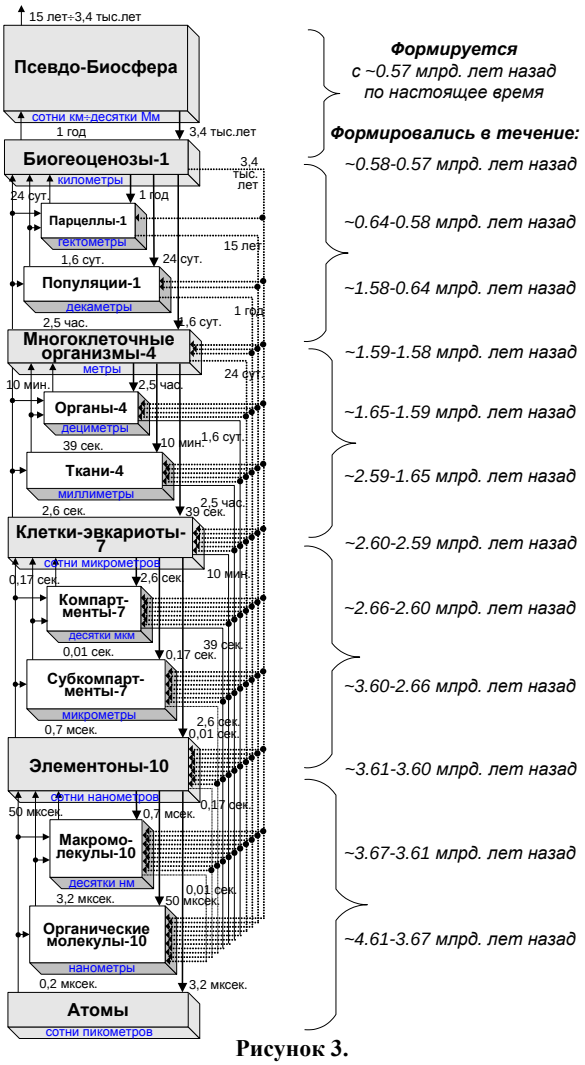


Рисунок 3.
Схема самоуправления в природной иерархической систем живого

[1] *Метаэволюция* – процесс последовательного наращивания числа уровней/ярусов иерархической системы в ходе её формирования как таковой. Это понятие отражает процесс возникновения природных систем в Мироздании.

Наилучшие управленческие характеристики в этом ряду демонстрирует «эври-форма», структурная иерархия которой на всех её ярусах обладает (в идеале) соотношением характерных времён отклика ~15. Минимально возможные инерционности и обеспечивают, соответственно, потенциально наилучшие управленческие результаты в такой структуре. Такой управленческой эффективностью обладает, например, иерархия самоуправляющейся системы живого (рис. 3).

В отличие от живой природы, в ИССЧ процесс усложнения структурной иерархии продолжился, формируя в тех же пространственных ориентирах ярусы с ещё меньшей инерционностью (с соотношениями времён отклика менее ~15; на сегодня – до ~3,2), и реализуя тем самым тенденцию повышения эффективности управления в системе (рис. 1).

Следует отметить, что указанная тенденция отнюдь не всегда принимается во внимание людьми (на деле – системообразующей элитой) при формировании ими фрагментов МГБС: системная связка «конкуренция–кооперация» поведенческих стратегий взаимодействующих – лишь теоретически равноправных! – субъектов МГБС в угоду тем или иным эгоистическим настроениям деформируется (на какой-то период времени). Тем самым один из субъектов некоторого яруса в иерархии претендует на статус яруса более высокого (в пределе, до наивысшего), подменяя собой «единственным» *совокупный* ярус высшего уровня. Это, de facto, означает вырождение соответствующего поисково-оптимизационного контура до «псевдо-формы», с потенциально наихудшими управленческими характеристиками такой системы в целом. Пример: рушащаяся на наших глазах «однополярная» структура «США – все остальные» (рис. 4–5).

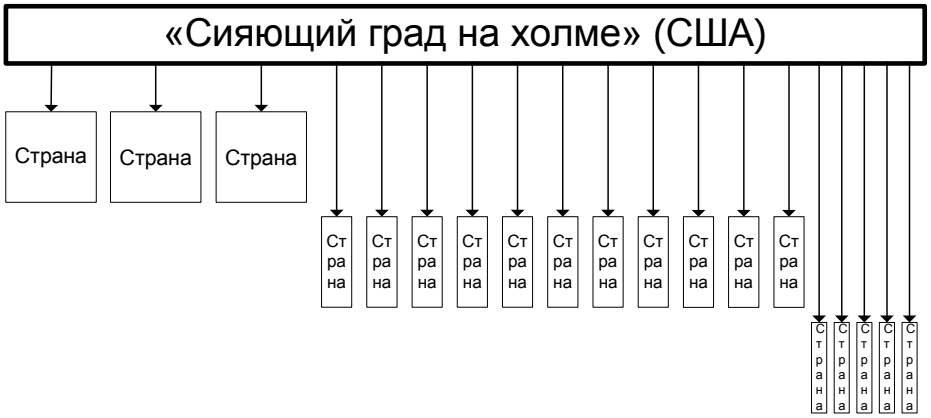


Рисунок 4.
Схема "однополярной" структуры Мирового сообщества, соответствующая концу XX – началу XXI века

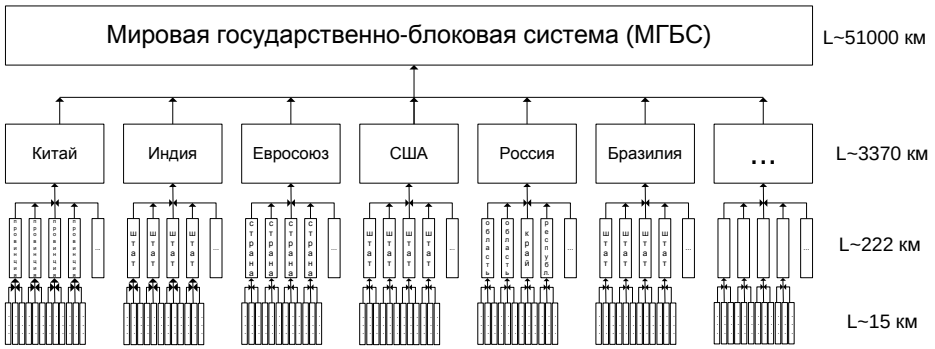


Рисунок 5.
Схема перспективной «идеальной» структуры Мирового сообщества, адекватной структуре самоуправляющейся системы Человечества

Вывод: только *гармоничная иерархия*, включающая представителей *всех* её пространственных ярусов, с гармоничным же распределением в ней их обязанностей и прав, может обеспечить эффективность управления в МГБС как целого.

Дементьев Б.П.
д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
b-demen@yandex.ru

МЕГАТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *мегатенденции, глобализация, глобализм, вестернизация, культурный изоляционизм, устойчивое развитие, многополярный мир.*

Термином «мегатенденция» в политологии обозначается направленность в глобальном развитии. В этой связи необходимо определиться с часто употребляемыми терминами – *глобализация* и *глобализм*.

Их нередко отождествляют, но в реальности смысл их различается. Сущность *глобализации* – резкое ускорение процессов формирования планетарного (т.е. в масштабах земного шара) информационного пространства, мирового рынка рабочей силы, товаров и капитала. Таким образом, глобализация – это: беспрепятственное перемещение капитала, информационная открытость с использованием телекоммуникационных технологий, быстрое технологическое обновление вследствие революционных научных открытий, интернациональное коммуникационное сближение, в том числе в образовании, науки и общественных движений. Этот процесс глобализации вполне объективен.

Глобализм, напротив, субъективный процесс. Это – политико-идеологическая доктрина и политическая практика, конечная цель которых – контроль за земным шаром со всеми его природными, трудовыми и интеллектуальными ресурсами.

Из различных сочетаний многообразных объективных и субъективных факторов формируются мегатенденции мирового развития. Выделим 3 основные:

1. Глобальная политико-культурная вестернизация (1-я мегатенденция).

2. Культурный изоляционизм (2-я мегатенденция).

3. Технико-экономическая переориентация в соответствии с реалиями многополюсного мира (3-я мегатенденция)[1].

2-я мегатенденция характеризуется политико-культурным отчуждением в международных отношениях, ростом национального и религиозного фундаментализма, усилением иррационализма в культурной жизни и т.п.

Последовательным политологическим выражением данной мегатенденции может служить концепция «войны цивилизаций» американского профессора С. Хантингтона. По его мнению, в грядущем мире экономика и идеология – не главные источники конфликтов. Основные конфликты будут между странами и группами стран различной цивилизационной принадлежности.

Различия между цивилизациями историчны и глубинны – и в истории, и в традициях, и в языке, и в религии. В разных цивилизациях весьма серьезно различны взгляды на отношения гражданина и государства, человека и религии, родителей и детей, власти и свободы, равенства и подчинения. Статус личности как экономический, так и идеологический может меняться, но неизменной остается культурная принадлежность. Богатый и бедный могут поменяться местами, коммунист стать антикоммунистом, но русский не может, например, стать эстонцем (даже гражданином не может, а не только этнически). Цивилизационные различия – итог многовекового становления, и в обозримом будущем они сохранятся[2].

Следует признать, что в некоторых пограничных в культурологическом отношении регионах (Кавказ, Прибалтика, Балканы, Южная и Средняя Азия, граница Северной и Центральной Америк и др.), действительно, имеют место конфликты разной степени интенсивности. Это свидетельство того, что данная политологическая модель, несомненно, обоснована. Причем, несомненно, так же и то, что для таких конфликтов не характерна региональная локализация. Так, международный терроризм, очевидно, имеет свои глобалистские цели.

Несомненна бесперспективность рассматриваемой мегатенденции в силу нарастания глобальных проблем в области экологии, демографии, энергетики и прочих проблем современности. Эти и многие другие современные проблемы имеют глобальную природу и не могут быть решены отдельными странами.

Очевидно, что цивилизационная «война» взамен глобального сотрудничества оставляет мало шансов на выживание человечества[3].

---

[1] Горелов А.А. Мегатенденции современного мирового развития // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 3(92). – С. 56–57.

[2] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Наука, 2014. – С. 57–58.

[3] Ковалев В.А. «Лишние» люди – новые «расколы»: основа конфликтов в современном мире// Россия и современный мир. – М., 2016. – № 3(92). – С. 76–77.

1-я мегатенденция характеризуется следующим: мировая экономическая интеграция, захват ключевых позиций западными странами и компаниями; перемещение нагрузки на природную среду (загрязнения, выбросы, направленное уничтожение) из богатых стран в бедные, отсюда рост экологической напряженности в международном плане; ассимиляция, растворение культурного своеобразия в плавильном котле «массовой культуры», развлекательная направленность большинства учреждений культуры и СМИ; господство идей либерализма и прагматизма в мировоззрении и т.п.

Последствия реализации данной мегатенденции – предмет серьезных дискуссий. Одна точка зрения: частично развитие стихийных процессов в товарно-денежных отношениях, частично регулирование этих отношений транснациональными корпорациями и, главное, извлечение прибыли и в том и в другом случае – автоматически приведут к решению глобальных проблем всего человечества. Другая точка зрения: западная модель рыночной экономики имеет реальные достоинства, но и вариант стихийных процессов рыночных отношений и вариант монополизации и олигархии и, соответствующие механизмы и институты управления тому или иному варианту – всё это ориентировано не на стратегию (не на долгосрочные задачи), а в лучшем случае на тактику (среднесрочный уровень), а зачастую на текущие задачи. Запад прагматичен, а «прагма» (польза, выгода) – это гораздо понятнее «сегодня», а не «завтра», тем более «послезавтра». Поэтому Запад просто не обучен загадывать надолго вперед. Самый яркий пример такой прогностической близорукости – всемерная поддержка Соединенными Штатами Америки различных радикально-исламистских движений (особенно, в свое время афганского «Талибан»). Помогали, снабжали оружием, деньгами, разведданными (лишь бы против России). А когда «Талибан» «встал на крыло», то он развернул террористическую деятельность против самих Соединенных Штатов. Это разожгло новую афганскую войну, где уже Америке пришлось воевать с «Талибаном»; естественно, неуспешно, поскольку преследовать сразу несколько взаимоисключающих целей (давить «Талибан», направлять его против России, поддерживать афганское правительство, держать его, а напряжении и т.д.)[1].

По итогам рассмотрения первых двух мегатенденций можно констатировать следующее:

1. Между мегатенденциями проявляется отношение дополнительности (с одной стороны, глобальная вестернизация вызывает реакцию культурного изоляционизма, с другой стороны, самой вестернизации присущ изоляционизм, принципиальное неприятие культурных альтернатив).

2. Обе мегатенденции являются бесперспективными в проекции на будущее[2].

3-я мегатенденция характерна следующим: переориентация производства от извлечения прибыли любой ценой на устойчивое развитие, обеспечивающее стабильное существование нынешнего и последующего поколений; развертывание международных экологических программ; формирование новых полюсов политико-культурного и технико-экономического влияния; сохранение культурной и политико-экономической специфики регионов в условиях мировой экономической интеграции; выработка единой ценностной основы взаимосвязи разнообразных мировоззрений.

Эта мегатенденция перспективна и как мобилизация материальных и духовных ресурсов для решения глобальных проблем человечества и как привлекательный образ будущего.

Третья мегатенденция существует по большей части в книгах, декларациях международных конференций, в умах, а чаще на устах представителей интеллектуальных элит. Ей противостоят мощные инерционные силы: стремление к экономической власти, комфорту, новым товарам и услугам как знакам социального престижа и т. п. (1-я мегатенденция) и к консервированию любой ценой национально-культурной идентичности (2-я мегатенденция). Парадоксально, но именно то обстоятельство, что 3-я мегатенденция в наименьшей степени укоренена в действительности, и позволяет ей занять сферу воображения, стать мечтой человечества, ибо последняя и есть нечто непременно воображаемое, мысленно представляемое. Другое дело, что одно только обретение мечты не решает проблемы; главным остается воплощение в жизнь основного содержания мегатенденции[3].

Вне зависимости от субъективных желаний видеть мир простым и понятным с позиций привычных стереотипов, усложнение мира – объективный процесс. Тревожный симптом этого – стремительное пополнение клуба обладателей ядерного оружия. В одной из своих статей А.И. Солженицын с горечью констатировал инерционность, сиюминутность, недальновидность как доминирующие пока черты мировой политики, неминуемо ведущие к катастрофе. Надежда, по его мнению, заключается в мобилизации творческих сил человечества на поиск путей возвышения нравственного самосознания. В нравственности не может быть двойных стандартов – для «победителей» и «побежденных», для Запада и остального мира[4].

Мегатенденции порождают и другие проблемы глобального порядка.

«Когнитивный разрыв» между странами Севера и Юга, между социальными слоями внутри общества и т.п. Простое продолжение действующих тенденций глобальной информатизации способно лишь усугубить противоречия в мировом сообществе, где 20% населения сосредоточили в руках 80% мировых доходов. Если в 1973 г. разрыв в прибылях между самыми богатыми и беднейшими странами определялся соотношением 44:1, то спустя 30 лет – уже 72:1 (по данным Всемирного банка).

Ускоренная **урбанизация**. Сейчас в городах проживает **50%** мирового населения, а к 2050 г. это число по экспертным оценкам вырастет до **72%**. Увеличение числа и рост мегаполисов с населением **более 10 млн**. человек при-

---

[1] Сереброва А.М. Война и политика // Россия и современный мир. – М., 2017. – № 2(95). – С. 129–130.

[2] Девлет-Гельды Г.К., Горлова М.М. Мегатенденции развития России и мировой экономики в ближайшие десятилетия // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э.Баумана. – М., 2017. – № 10(60). – С. 32.

[3] Патрушев С.В., Филиппова Л.Б. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука. – М., 2017. – № 1. – С. 36–37.

[4] Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 123.

ведет к их конкуренции между собой, а для создания инфраструктуры городов потребуется реализация множества мегапроектов в области транспорта, системы образования и здравоохранения, вопросов безопасности и т.д.

Изменение климата и дефицит ресурсов. Согласно прогнозам, спрос на энергоносители уже к 2030 г. увеличится на **50%**, а потребление воды – на **40%**. Все более актуальной для правительств и бизнеса станет **задача обеспечения ресурсами**, что приведет к росту политического напряжения, возникновению новых отраслей и технологий.

Демографические изменения. Рост численности населения в одних странах и его **замедление** в других затрагивает все сферы жизни: от перераспределения экономических сил до нехватки ресурсов и изменения социальных норм. Влияние этого приведет к тому, что к 2050 г. **объем глобальной экономики** увеличится в **3 раза**[1]. Чтобы экономика была успешной, правительствам нужно, в первую очередь, создать условия для привлечения в свои страны талантливых людей.

Таким образом, можно сделать вывод. Только общими усилиями государств и наций, всего человечества можно решать глобальные задачи-вызовы. Именно вызовы человечеству. Или люди осознают необходимость единения и уход от конфронтаций – тогда возможно развитие и будущее. Или – человечество исчезнет как вид.

[1] Глобализация, рост и бедность. – М.: Наука, 2017. – С. 125–126.

Дерябин Н.И.
к.т.н., президент Фонда поддержки информационных технологий в авиационной и ракетно-космической промышленности, доцент московского филиала Военно-медицинской академии

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: *системный анализ, стратегическое управление, информация, технология, образование, медицина, кадры.*

«Кибернетика – наука об управлении государством, которая
должна обеспечить гражданам разнообразные блага».
Андре-Мари Ампер (1775–1836)

Системный анализ — научный метод познания, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между переменными или элементами исследуемой системы (ru.wikipedia.org).

Системный анализ зародился как один из основных инструментов кибернетики (совместно с теорией стратегического управления в сложных системах и информатикой). Опирается на комплекс общенаучных, экспериментальных, естественнонаучных, статистических, математических методов. Успех применения системного анализа сегодня во многом определяется уровнем концептуального аппарата человечества буквально во всех отраслях знаний и современными возможностями информационных технологий. Именно в этом заключается его главное преимущество – минимальные материальные затраты отдельных исследовательских коллективов за счёт универсального использования всех необходимых знаний при глобальной возможности оперативного доступа к ним (например, через Интернет). В таком случае сам метод системного анализа становится своего рода универсальной информационной технологий. Данный подход реально применяется на стартап-кафедре кибернетической медицины и информационных технологий[1] в филиале Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (г. Москва). Иллюстративно его можно представить как процесс создания картины из пазлов. Под картиной понимается научное исследование, подлежащее реализации с получением конкретного результата. А пазлы – это частные решения-обоснования как теоретические, так и экспериментальные отдельных вопросов, позволяющие при их системном использовании получить конечный результат общего плана. Сегодня все отрасли научных знаний человечества имеют огромный потенциал, содержащий невероятное количество своего рода «информационных пазлов», дающих возможность собирать практически любую картину решения научной проблемы. Сложность задачи заключается лишь в способности исследователей своевременно находить нужные информационные пазлы в любой отрасли научных знаний и составлять соответствующую решаемой проблеме картину. Главное, чтобы работающие в этом случае специалисты, могли оперативно ориентироваться практически в любой научной дисциплине. Иначе говоря, имели бы соответствующие способности и возможность применения универсальных знаний (универсализация). Такая методология успешно используется на кафедре кибернетической медицины филиала Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (см. сайт filial-vmeda.ru).

Основы системного анализа заложены в теории стратегического управления и ситуационном моделировании с целью принятия необходимых решений. Это относится и к интеллектуальным системам.

Результатом системного анализа является информационная модель системы (объекта), которую можно использовать в ситуационном моделировании любого уровня иерархии с целью принятия оптимального управляющего решения на этом уровне.

Системный анализ в обязательном порядке предусматривает использование системного подхода.

«Системный подход — направление методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы: целостного комплекса взаимосвязанных элементов; совокупности взаимодействующих объектов; совокупности сущностей и отношений» (ru.wikipedia.org).

Ценность системного подхода состоит в том, что рассмотрение категорий системного анализа создает основу для логического и последовательного подхода к проблеме принятия решений. Эффективность решения проблем с помощью системного анализа определяется их структурой.

«Основные принципы системного подхода (*там же*):

- **Целостность**, позволяющая рассматривать одновременно систему как единое целое и в то же время как подсистему для вышестоящих уровней.

[1] Стратегические информационные технологии будущего: здоровье, долголетие и бессмертие живых организмов // Информационный бюллетень кафедры кибернетической медицины и информационных технологий, – М., 2017. – № 1 (сайт filial-vmeda.ru).

• **Иерархичность строения**, то есть наличие множества (по крайней мере, двух) элементов, расположенных на основе подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня. Реализация этого принципа хорошо видна на примере любой конкретной организации. Как известно, любая организация представляет собой взаимодействие двух подсистем: управляющей и управляемой. Одна подчиняется другой.

• **Структуризация**, позволяющая анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры. Как правило, процесс функционирования системы обусловлен не столько свойствами её отдельных элементов, сколько свойствами самой структуры.

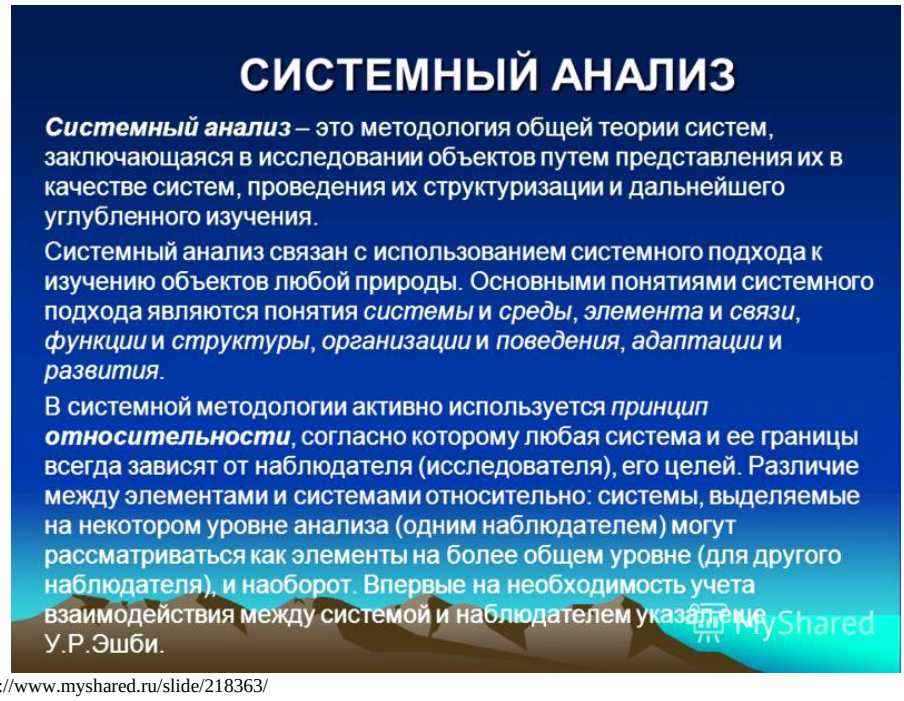
• **Множественность**, позволяющая использовать множество кибернетических, экономических и математических моделей для описания отдельных элементов и системы в целом.

• **Системность**, свойство объекта обладать всеми признаками системы».

Кроме того, необходимо учитывать интегративные качества анализируемой системы (принцип эмерджентности) – при объединении элементов в систему у последней появляются новые свойства, присущие системе в целом, но не свойственные ни одному из её элементов в отдельности. При этом функциональные возможности отдельных элементов, обеспечивают работоспособность всей системы. Как, например, у самолёта: двигатель, планер, бортовое оборудование сами по себе не имеют свойства летать, а только в комплексной системе – единого летательного аппарата.

Математически принцип эмерджентности условно можно записать как 1+1> 2. Иными словами, целое больше, чем сумма двух частей. И этот принцип всегда действует в квантовом мире. Его ещё можно трактовать как синергетический эффект, когда речь идёт о такой особой форме информации, как энергия. Кроме того, следует всегда помнить, что система взаимодействует с окружающей средой: среда оказывает воздействие на систему, а система влияет на окружающую среду. Иначе говоря, в нашем мире любая система практически всегда является подсистемой в системе более высокого уровня иерархии. Это относится и к человеку, что следует учитывать при любой манипуляции с ним (физической, энергетической, психической, информационной). Именно *благодаря принципу эмерджентности при создании какой-либо научной картины из информационных пазлов методом системного анализа может формироваться научная новизна конечного результата (научная эмерджентность).* При этом временные и материальные затраты на реализацию научного процесса минимизируются.

Следует отметить, что единого общепринятого определения системного анализа, как впрочем и информации, в настоящее время не существует. Попробуем рассмотреть в таком случае некоторые «информационные пазлы», вносящие определённую степень понимания данного термина. Представляет интерес определение с комментариями, представленное в лекции «Многоагентные системы» доцента кафедры компьютерных систем автоматизации производства Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана – Тарасова В.Б., который в 1995–1997 гг. преподавал в Университете г. Валансьенн и Эно-Камбрези (Франция) в должности приглашенного профессора[1]. Оно приведено на слайде его лекции (рис.1).



http://www.myshared.ru/slide/218363/

Рисунок 1.
Понятие системного анализа с учётом принципа относительности

[1] http://www.raai.org/about/persons/tarasov/

Здесь выделены основные понятия системного подхода и отражен принцип относительности со ссылкой на У.Р. Эшби[1]. Эшби принадлежит изобретение гомеостата (1948), введение понятия самоорганизации. Он сформулировал закон о требуемом разнообразии, названный его именем (закон Эшби): «управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие средств управляющего (в данном случае всей системы управления) по крайней мере не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации»[2]. Если исходить из математической формулировки, то: «разнообразие (энтропию) управляемого можно понизить не более чем на величину количества информации в управляющей системе об управляемом, которое равно разнообразию (энтропии) управления за вычетом потери информации от неоднозначного управления»[3]. Необходимое разнообразие – фундаментальное понятие кибернетики и общей теории систем. Системный анализ для государственного стратегического управления в условиях информационного общества реализуется посредством другого инструмента кибернетики – иерархической системы стратегического управления. Естественно с использованием инновационных информационных технологий.

Иерархическая структура высшего эшелона власти государственного стратегического управления в России представлена на рис. 2 [1].

Рисунок 2.
Стратегическое управление на высшем уровне государственной власти

Миссия – это базовая категория (исходное понятие) для разработки стратегии любой организации. Миссия призвана раскрыть смысл существования каждой организации, которую она должна выполнять. Её должен знать весь персонал организации, а также все клиенты и контрагенты. Декларация о миссии неизменна в течение всего срока существования организации. Так же как и декларация о ценностях организации, которая определяет руководящие принципы, обязательные для исполнения всеми без исключения работниками. Включая высшее руководство. Декларация о ценностях должна быть хорошо известна клиентам и контрагентам организации. Термин «миссия» является общепринятым в теории стратегического управления и его нельзя заменить термином «цель», как иногда предлагают. Иначе говоря, миссия является стратегической категорией, так как она всегда направлена на решение внешних задач организации в интересах заказчика (клиента), а, в конечном счете, и в интересах нации. Этим миссия всегда отличается от цели, которая является тактической категорией, потому как направлена она на решение внутренних задач организации

[1] Уильям Росс Эшби (англ. *William Ross Ashby*; 6 сентября 1903, Лондон, Англия, – 15 ноября 1972) – английский психиатр, специалист по кибернетике, пионер в исследовании сложных систем.

[2] https://ru.wikipedia.org/wiki/

[3] https://ru.m.wikipedia.org/wiki/

в собственных интересах. Иными словами, если для коммерческой организации главной целью всегда является получение максимальной прибыли (и это законодательно декларируется её юридическим статусом), то декларация о миссии будет определяться, прежде всего, тем, кто является её заказчиком и производственной спецификой самой организации.

Итак:

Миссия – определяет смысл существования организации.

Ценности – руководящие принципы организации при выполнении миссии.

Видение – прогнозирование возможных состояний организации на пути выполнения миссии.

Стратегия – совокупность действий организации, реализующих видение на пути выполнения миссии на основании заложенных ценностей.

В статье автора [1] говорится о миссии Президента, Правительства и Министерства обороны РФ. Исходной является миссия Президента РФ: «Повышение благосостояния граждан и обеспечение национальной безопасности страны». Именно в таком аспекте видит свои интересы электорат России, когда идёт на выборы президента государства российского. Именно на это ориентируется каждый избиратель страны, когда отдаёт свой голос тому или иному кандидату. Первая часть должна реализовываться правительством, председателя которого фактически назначает Президент РФ. А вторая – Министерством обороны Российской Федерации под руководством министра, назначаемого также Президентом РФ. Таким образом, если правительство не справляется со своими задачами и качество жизни избирателей ухудшается, президент имеет возможность в любое время сменить Председателя Правительства Российской Федерации, опираясь на мнение, в первую очередь, своего электората. Аналогичным образом он в состоянии сменить кандидатуру Министра обороны Российской Федерации, если видит невыполнение миссии или каких-либо ценностей с его стороны или со стороны министерства обороны в целом и в частности. Иными словами, если президент не принимает своевременно соответствующих мер при наличии негативных факторов в экономике или безопасности страны, он ставит под угрозу выполнение, прежде всего, собственной миссии.

В связи с вышеизложенным небольшая ремарка. Была ли в СССР декларация о миссии? Да, – коммунизм. А руководящие принципы (ценности)? Тоже, да, – моральный кодекс строителя коммунизма. Он, между прочим, был разработан на основе десяти библейских заповедей. После прихода к власти М. Горбачева моральный кодекс был упразднен на XXVII съезде КПСС (1986), тем самым обозначился курс на ликвидацию системы стратегического управления в стране, а значит, и государства в целом. Завершил этот негативный для государства процесс Б. Ельцин в ноябре 1991 года, прекратив деятельность КПСС, которая кроме политических функций выполняла важную экономическую роль – реализацию обратных связей в системе стратегического управления народным хозяйством. Партийные организации были в каждом производственном подразделении (коллективе), которые были встроены в единую иерархическую государственную систему управления. Поэтому без создания альтернативной структуры, выполняющей аналогичные функции в экономике, это делать было недопустимо. К сожалению, такой структуры в России до сих пор не существует.

Если говорить об экономике государства, то следует акцентировать внимание на некоторых общеизвестных положениях. Во-первых, во всех государственных программах приоритет должен отдаваться внутренней экономике страны, которая определяется развитием производительных сил и производственных отношений. Во-вторых, во внешней экономике следует ориентироваться на экспорт конкурентоспособной[1] отечественной продукции (товаров) при минимальном импорте (для самой богатой по природным ресурсам страны в мире – это вполне естественно). В-третьих, всегда надо помнить о главном двигателе внутренней экономики – платёжеспособности населения страны. Без такого подхода внутренняя экономика развиваться просто не может. Именно поэтому в развитых странах мира уровень заработной платы и пенсий населения самый высокий (а не наоборот, как иногда пытаются объяснять малограмотные чиновники в России). В-четвёртых, это – необходимость прогрессивного налога, особенно, в странах, где имеет место частный бизнес. Такой налог является основным инструментом стабилизации государственной экономики в условиях кризисов, потому как попытки некоторых высокопоставленных чиновников России выйти из кризиса за счёт пенсионеров или низкооплачиваемых работников только усугубляют ситуацию, разрушая внутреннюю экономику страны. Здесь же следует учитывать, что главным инвестором в экономику любой страны является её народ, а не относительно малочисленная группа отечественных олигархов, которые никогда по доброй воле не возьмут на себя эти функции. Поэтому держа доходы населения на уровне прожиточного минимума, государство лишает людей возможности добровольного инвестирования (например, через облигации государственного займа). Ведь не зря 26-й президент США Теодор Рузвельт сказал: **«Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало».** И наконец, в-пятых, повсеместно следует грамотно учитывать и использовать нематериальные активы[2] страны. Только финансовая оценка деятельности организации (корпорации), дает представление о состоянии организации на момент оценки, но не может предсказать перспективу, особенно долгосрочную. Поэтому при реализации системы стратегического управления обязательно учитываются показатели, отражающие текущее состояние нематериальных активов организаций и учреждений. Именно

[1] Конкурентоспособность продукции – степень удовлетворённости заказчика со стороны поставщика в качестве, стоимости, сроках поставки товара или оказываемой услуге (медицинской, образовательной, юридической и т.д.).

[2] Нематериальные активы включают человеческий капитал (вложенные в продукцию знания и навыки), информационный капитал (освоенные информационные технологии) и организационный капитал (реализованная способность трудового коллектива к командной работе и системному обучению). Именно нематериальные активы определяют будущее любой организации (учреждения).

они определяют будущее любой организации или учреждения в информационном обществе. Есть ли они в отчетных документах отечественных корпораций? Как правило, в основном только финансовые. А финансовые показатели отражают лишь прошлое и в некоторой степени настоящее организаций и учреждений.

В условиях информационного общества необходимо понимать, что только гармонизация производительных сил и производственных отношений позволяет экономике страны эффективно развиваться. Гармонизацию в простейшем варианте можно определить, как «мало – плохо, но и много – тоже плохо». Кроме того, надо учитывать, что в условиях информационного общества специалист-профессионал мирового уровня, особенно в высокотехнологичных отраслях и высших органах управления державой, становится главным национальным достоянием государства, так как он делает для страны то, что не может сделать никто другой. И пока это не будет осознано в государственных органах власти, вряд ли следует рассчитывать на эффективное социально-экономическое развитие державы, конкурентоспособной в современном мировом сообществе.

Основным инструментом реализации государственного стратегического управления в условиях информационного общества являются ситуационные центры, находящиеся во всех учреждениях и организациях, образующих единую иерархическую систему. Только посредством такого инструмента сегодня возможна реализация системного подхода в стране.

Ситуационный центр имеет три этапа развития:

1. Презентационный центр – сегодня получил широкое распространение. Содержит набор взаимоувязанных аудиовизуальных систем, обеспечивающих периодическое представление информации о той или иной ситуации.

2. Информационно-аналитический центр. Имеет информационно-аналитическое подразделение высококвалифицированных экспертов. Включает методическое обеспечение, информационные ресурсы и программно-инструментальные средства поддержки принятия решений. Содержит средства и подсистемы безопасности. Функционирует в едином информационном поле определённого уровня.

3. Центр стратегического управления. Имеет систему постоянного мониторинга управляемого процесса в режиме реального времени. Содержит комплексную систему моделирования и прогнозирования ситуаций. Непрерывно функционирует в едином информационном поле всех уровней иерархии (стратегическое каскадирование и обратные связи: стратегическая, тактическая, оперативная). Оптимизирует альтернативные варианты управленческих решений

Центр стратегического управления – интеллектуальная система интегрированного ситуационного моделирования в экономической, социальной, политической, военной, технической, научной, экологической и других сферах деятельности с целью принятия оптимальных и взаимосогласованных управленческих решений на всех уровнях иерархии управления.

В условиях информационного общества только такой инструмент может обеспечить эффективную вертикаль государственного управления в экономике страны, её промышленности и других сферах державной деятельности (наука, образование и т.п.). Функционирует ситуационный центр в составе единой интегрированной информационной управляющей системы организации или учреждения. К сожалению, такие системы на промышленных предприятиях, в образовательных организациях и учреждениях здравоохранения РФ и других сферах государственной деятельности не имеют широкого распространения, а в отраслевых масштабах практически отсутствуют. Нет и единой стратегии Правительства РФ (не создано, например, даже единое информационное поле федерального уровня для указанных сфер государственной деятельности). Поэтому имеет смысл предприятиям, организациям и учреждениям ориентироваться на следующий порядок и подход в разработке своих информационных систем управления [6]:

Основные этапы:

- оптимизация структуры всех производственных процессов учреждения, организации;
- описание процессов;
- документирование;
- формализация (*формализация информации* о некотором объекте или процессе — это *ее отражение в определенной форме)*;
- разработка технического задания (ТЗ) на выполнение проекта по комплексному внедрению Информационной системы;
- разработка частного технического задания (ЧТЗ) на отдельные модули информационной системы в соответствии с определёнными этапами работ.

Основные аспекты:

- обязательная поддержка высшим руководством (долговременная, непрерывная, своевременная);
- руководитель проекта – лучший профессионал из высшего звена, который 100% времени уделяет проекту (не начальник отдела ИТ);
- создание службы руководителя проекта (СРП) – «управленцы-комплексники», знающие все управленческие и производственные процессы, а также «переводчики» – разбирающиеся в информационных технологиях (ИТ) и ориентирующиеся в производственных процессах;
- создание группы внедрения ИТ, работающей под общим руководством руководителя проекта (её может возглавлять начальник отдела ИТ).

Основные обязанности руководителя проекта:

- ведение проекта;
- создание сплочённой работоспособной группы;
- устранение препятствий на пути к повышению эффективности функционирования группы;

- создание и корректировка графика внедрения;
- составление и дальнейшее уточнение бюджета проекта;
- представление корректировок бюджета и графика внедрения высшему руководству или специально созданному координационному комитету;
- помощь в идентификации требований и проблем процессов внедрения.

Основные обязанности и полномочия членов СРП:

- решать, что приемлемо, а что нет, и предлагать необходимые корректировки производственных процессов;
- понимать слабые и сильные стороны подразделений (с точки зрения персонала и процессов) при разработке процедур в своей функциональной области;
- иметь полномочия на изменение текущих процедур, установку или изменение сферы ответственности подразделений и создание или ликвидацию структурных единиц или должностей, связанных с рекомендуемыми операционными изменениями;
- определять программные продукты, которые не поставляются вместе с системой, но применение которых необходимо;
- участвовать в переносе данных в систему и быть ответственными за их достоверность в рамках своей функциональной области;
- по окончании этапов внедрения составлять обзорный документ по своим функциям с целью выявления открытых вопросов.

Подготовка и внедрение:

1. Анализ всех производственных процессов – выполняется, в основном, сотрудниками СРП.
2. Выдача предложений по оптимизации производственных процессов – в основном, группа внедрения ИТ.
3. Разработка концепции создания системы – СРП и группа внедрения ИТ.
4. Принятие решений – высшее руководство.
5. Разработка ТЗ – СРП и группа внедрения.
6. Реализация проекта – СРП, группа внедрения и ИТ-фирма.
7. Постоянный анализ всех производственных процессов, нормативного обеспечения и научно-методических разработок – СРП (группа внедрения и ИТ-фирма – при необходимости).

Желательно, чтобы в каждой отрасли была головная организация, координирующая отраслевую деятельность по этой проблеме и взаимодействующая с аналогичными организациями в других отраслях. Кроме того, целесообразно обеспечить отраслевую и федеральную легитимность всех этапов процесса создания интегрированных информационных систем в организациях и учреждениях.

Следует отметить, что при решении проблемы создания иерархической структуры современных ситуационных центров особое внимание уделялось вопросам моделирования всех реальных ситуаций, влияющих на процесс стратегического управления государством и на процедуру принятия управленческих решений [6]. В общем случае **ситуационный центр** (центр стратегического управления) является интеллектуальной системой интегрированного ситуационного моделирования в экономической, военной, технической, научной, политической, социальной, экологической и других сферах деятельности с целью принятия оптимальных и взаимосогласованных управленческих решений на всех уровнях иерархии управления (от правительства до конкретного предприятия-разработчика продукции).

Вернемся к экономике. **Экономическое развитие** — структурная перестройка экономики в соответствии с потребностями технологического и социального прогресса – первостепенная задача Правительства РФ.

Основным показателем экономического развития страны в России считается увеличение показателей ВВП или ВНП на душу населения, свидетельствующее:

- о росте эффективности использования производственных ресурсов страны;
- о росте среднего благосостояния ее граждан.

Рассмотрим некоторые показатели экономического развития страны (https://ru.wikipedia.org/wiki/).

ВВП (ППС) на душу населения. ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) является наиболее точной характеристикой, определяющей уровень экономического развития, а также роста экономики. Все показатели для сопоставимости выражаются в единой валюте – долларе ФРС США (данные Всемирного банка на 30.06.2017 – https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_ (ППС)_на_душу_населения) – Россия на 55 месте из 184 стран (годом ранее она была на 48 месте):

№	Страна	2015	2016
555	Россия	23 703	23 163

Следует отметить, что отрицательная динамика имела место и в 2015 (по отношению к 2014), и в 2016 годах, в то время как у Литвы, Эстонии, Латвии, Казахстана и многих других стран, имеющих более высокий рейтинг, динамика положительная. Можно ли в такой ситуации говорить о выполнении миссии Правительством РФ?

ВВП (англ. *GDP*) — макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг (то есть предназначенных для непосредственного употребления), произведённых за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства (данные МВФ – https://ru.m.bywiki.com/wiki/Список_стран_по_ВВП (номинал).

Данные по **ВВП (номинал)** в России с указанием её мирового рейтинга (12 место) представлены ниже (в млрд.$):

№	Страна	2015	2016
112	Россия	1366	1281

Этот показатель является фактическим и не учитывает разницу в ценах на однородные товары и услуги в различных странах. Например, цена литра бензина Аи-95 (Premium) в США составляет 0, 66 доллара, а в России – порядка 0,7 доллара (на конец декабря 2016). И это притом, что ВВП (номинал) в США на 2016 год (1-е место в международном рейтинге среди 191 страны) составил 18 569 млрд.$ (в 14,5 раз больше, чем в России), в 2015 – 18034 млрд.$ (в 13,2 раза больше российского). Но если в США этот показатель ежегодно растет, то в России он и в 2015, и в 2016 – падает с относительным ростом отрицательного градиента.

Валовой национальный продукт (англ. *Gross-National Product*, англ. *Gross-National Income*) – один из основных макроэкономических показателей системы национальных счетов.

В отличие от Валового внутреннего продукта, отражающего совокупную стоимость всех конечных товаров и услуг, созданных на территории страны, валовой национальный продукт отражает совокупную стоимость благ, созданных только её резидентами, вне зависимости от их географического положения.

Если ВНП превышает ВВП — значит, жители данной страны получают за границей больше, чем иностранцы зарабатывают в данной стране.

Если ВНП меньше ВВП — значит, иностранцы зарабатывают в данной стране больше, чем жители данной страны получают за границей.

Рейтинг стран по номинальному ВНП (МЛН US$), (годом ранее Россия была на 10-месте) – ru.wikipedia.org/Валовый национальный продукт:

Место	2015	
1	США	17,994,146
2	КНР	10,875,398
3	Япония	4,656,334
4	Германия	3,739,792
11	Россия	1,930,633

Если у США ВВП больше ВНП, то у РФ картина обратная – ВНП больше ВВП.

Есть и другие важные показатели. **Коэффициент замещения пенсией утраченного заработка** – показатель соотнесения средней пенсии с размером средней зарплаты[1]. Его значение в таких богатых природными ресурсами странах как Россия должно быть в пределах 60–90%. Снижение коэффициента до 20% оценивается как нарушение пенсионных прав граждан.

«В развитых странах этот показатель составляет 60–70% с учетом добровольной накопительной части пенсии. В Российской Федерации коэффициент замещения составляет 38%, сообщает ТАСС. Бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин считает, что в ближайшие 15–20 лет коэффициент замещения в России может снизиться до 28%, если не принять меры по реформированию пенсионной системы Российской Федерации»[2]. Это было более полутора лет назад. Через год после этого: «Отношение средней пенсии к зарплате может сократиться с нынешних 33,7%[3] до 23% к 2030 году, если не предпринимать никаких мер по улучшению пенсионной системы. Такие расчеты привел Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) при Минфине»[4]. Тенденция налицо. В настоящее время деятельность Правительства РФ прямо противоположна озвученной выше миссии, и благосостояние пенсионеров с каждым годом только ухудшается. И в этой ситуации с 2015 года Правительство РФ стало практиковать изъятие пенсионных накоплений граждан, назвав этот процесс «мораторий», или проще – «заморозкой». «Заморозка пенсионных накоплений превратилась в банальную конфискацию, отметил президент Национальной ассоциации негосударственных пенсионных фондов (НАПФ) Константин Угрюмов. «Это прямое изъятие денег, и власть это знает, поэтому стыдливо называет происходящее заморозкой»[5], – указал он. Со слов замдиректора Института социального анализа и прогнози-

[1] Следует отметить, что до сих пор Россией не ратифицирована Конвенция МОТ, согласно которой коэффициент замещения пенсией заработной платы не должен быть ниже 40%.

[2] Минфин сообщил, какая будет пенсия, 18 мая 2016. http://izvestia.ru/news/614272

[3] Реальна ли эта цифра? Информация менее чем десятилетней давности: «Пик роста коэффициента замещения в России приходится на начало 1990-х годов. С тех пор он неуклонно снижается. По прогнозу ПФР, в 2010 году он упадет с нынешних 27 до 15% и к 2020 году – до 10%» (http://www.pfsistema.ru/101869).

[4] https://finance.rambler.ru/news/2017-05-17/pensii-k-2030-godu-sostavyat-lish/

[5] https://utro.ru/articles/2016/09/01/1295835.shtml

рования Российской академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС) Юрия Горлина «за счет моратория трансферт Пенсионному фонду из бюджета в 2017 г. может быть сокращен примерно на 400 млрд рублей» (*там же*).

Кроме того, надо понимать: приведённые усредненные показатели ситуацию приукрашивают, и реальная покупательная способность пенсий сократилась гораздо больше. Следовало бы оперировать не средними, а медианными зарплатами и пенсиями, как это принято в европейских странах, где порогом бедности считается доход в 60% от медианной зарплаты. (Медианная зарплата – доход, ниже и выше которого имеют по 50% населения)[1].

Можно ли Россию отнести к развитым странам решать читателю. А выполняет ли Правительство РФ свою государственную миссию в интересах граждан страны понятно и так.

И чтобы не было сомнений, приведем конкретные цифры: «По итогам 2016 года среднемесячная заработная плата федеральных государственных служащих (центральных аппаратов министерств и ведомств) в стране увеличилась на 4 процента, составив 115,7 тысячи рублей». Об этом сообщил Росстат в своей аналитической справке. «При этом, несмотря на снижение на 1,4 процента, наибольшую зарплату – 228,5 тысячи рублей – получали госслужащие в аппарате правительства. Среднемесячная зарплата чиновников в администрации президента РФ составила 218,65 тысячи рублей – рост на 0,7 процента, в Совете Федерации – 176,15 тысячи – плюс 1,3 процента, в Государственной Думе – 154,85 тысячи рублей – увеличение на 13 процентов. Как сообщает статистическое ведомство, численность работников, занятых на различных должностях гражданской службы в федеральных госорганах, на конец декабря 2016 года составила 38 тысяч человек. При этом штаты работников были укомплектованы на 85,6 процента, тогда как в 2015 году этот показатель был ниже – 84,7 процента»[2]. При этом «среднемесячная заработная плата в России в номинальном выражении в январе 2017 года составила 35369 рублей. Или 30,8 тысяч рублей после вычета подоходного налога в размере 13%. Номинальная средняя зарплата за 2016 год составила 36746 рублей. Для работодателя же такая зарплата обходится в 45 тысяч рублей после отчисления около 30 % в фонды медицинского и социального страхования, а также в пенсионный фонд. На август 2015 медианная зарплата в России составляет 23 548 рублей (согласно определению медианы 50% работающих россиян зарабатывают больше этой суммы, а 50% – меньше). Средний доход минус обязательные платежи в январе 2016 года составил 21 365 рублей. Среднемесячная заработная плата в России в номинальном выражении в январе 2017 года составила 35 369 рублей. Или 30,8 тысяч рублей после вычета подоходного налога в размере 13%. Номинальная средняя зарплата за 2016 год составила 36 746 рублей. Для работодателя же такая зарплата обходится в 45 тысяч рублей после отчисления около 30% в фонды медицинского и социального страхования, а также в пенсионный фонд. На август 2015 медианная зарплата в России составляет 23 548 рублей (согласно определению медианы 50% работающих россиян зарабатывают больше этой суммы, а 50% – меньше). Средний доход минус обязательные платежи в январе 2016 года составил 21 365 рублей»[3].

Насколько выросла зарплата этих чиновников в 2017 году пока не известно, но, скорее всего, общая тенденция сохранилась. Понятно, что о системном подходе и стратегическом управлении в экономике РФ речь в настоящее время просто не может идти. Требуется системная перестройка экономической инфраструктуры с целью оптимизации всех производственных процессов в стране, и это необходимое условие информационного общества. Действующее правительство не захотело или не смогло встать на путь выполнения своей миссии. Похоже, не было даже попыток. Остаётся надежда на понимание со стороны нового высшего руководства страны в 2018 году своей миссии и руководящих принципов.

Список литературы

1. Дерябин Н.И. Государственное стратегическое управление и национальная безопасность // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 11, ч. 2. – С. 32–38.
2. Дерябин Н.И. Стратегические приоритеты развития кибернетической медицины в информационном обществе XXI века // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 11, ч. 2. – С. 823-829.
3. Дерябин Н.И. Стратегические технологии будущего: информационная медицина XXI века // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 3. – С. 317–322.
4. Дерябин Н.И. Стратегические информационные технологии будущего: здоровье, долголетие и бессмертие живых организмов. Филиал Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова // Информационный бюллетень кафедры кибернетической медицины и информационных технологий. – М., 2017. – Вып. 1. – С. 22–34.
5. Дерябин Н.И. Информационное бессмертие человека. Системный анализ. Филиал Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова // Информационный бюллетень кафедры кибернетической медицины и информационных технологий. – М., 2017. – Вып.1. – С. 34–45.
6. Дерябин Н.И., Виртуальная революция: миф или реальность? Стратегическое управление оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века (издание седьмое, дополненное). – М.: МАИ, 2007. – 316 с.

[1] Российских пенсионеров ждет тяжелое будущее. 06.03.2016.http://krizis-kopilka.ru/archives/29608

[2] https://rg.ru/2017/03/01/rosstat-nazval-sredniuiu-zarplatu-chinovnikov-za-2016-god.html

[3] https://ru.wikipedia.org/wiki/Доходы_населения_России

***Захаров В.К.*[1]**

КОНСОЛИДАЦИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ КАК ДВА НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *национальное богатство, управление хозяйственной деятельностью, архетипы хозяйственной деятельности, конкуренция, консолидация общества.*

Введение. Основной вопрос политической экономии в различных формах

Название основного труда основоположника политической экономии Адама Смита очень говорящее: «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Последнее слово в этом названии позволяет думать, что речь идёт о богатстве отдельных конкретных народов, организованных в конкретные существовавшие раньше и существующие сейчас социально-исторические организмы (в сокращении ***социоры***), такие как малая семья, большая семья, род, племя, простое государство, держава, империя, макрос XXI века и пр. Простое государство, держава и империя обычно называются государствами. Все эти существовавшие раньше и существующие сейчас социоры имеют одинаковое «государственно-хозяйственное» устройство и одинаковую деятельность. Поэтому в наших работах[2] они были названы ***номами***.

При таком понимании ***основной вопрос политической экономии*** – это вопрос о том, какова природа богатства (или иначе *благосостояния*) каждого исторически возможного нома и каждого члена этого нома? Этот общий вопрос можно ставить в нескольких особенных формах.

Основной вопрос политической экономии в содержательной форме – это вопрос о том, за счёт какого источника ном, как единое целое, может создавать своё богатство?

Если исходить не из идеологических предпочтений, а из естественнонаучных представлений, то можно понять, что благосостояние любого нома (как целого) может быть создано всего двумя первичными археспособами:

– во-первых, за счёт изъятия из своей или зарубежной природной среды;

– во-вторых, за счёт изъятия из зарубежной надприродной (т.е. созданной человечеством в процессе его бытия) среды как вещественной, так и мысленной (см. далее раздел 2.3).

Научно-техническое развитие только изменяет виды этого изъятия. Под *изъятием* понимается безвозмездное извлечение и присвоение любого достояния.

Своя или зарубежная природная среда и зарубежная надприродная среда вместе составляют *содержательную среду нома*. Поэтому можно сказать, что благосостояние любого нома может быть обеспечено в первую очередь за счёт изъятия из содержательной среды нома или, иначе говоря, за счёт *содержательного изъятия*.

Таким образом, (первичная) *изымательская природа богатства нома* состоит в том, что при изъятии из содержательной среды нома происходит изъятие из этой среды объектов изъятия и перевод их в ном уже в виде продуктов изъятия, подлежащих

– либо дальнейшей переработке в процессе собственно общественного номового производства,

– либо сразу присвоению и перераспределению внутри нома.

В прошлом эта природа проявлялась в форме ограбления и данничества. Сейчас эта природа проявляется в современных утончённых формах.

Лишь после начала осуществления описанного первичного содержательного изъятия может осуществляться собственно общественное производство внутри нома. Поэтому благосостояние любого нома может быть обеспечено во вторую очередь за счёт производственной переработки изъятого из содержательной среды нома.

Таким образом, (вторичная) *производственная природа богатства нома* состоит в том, что собственно общественное производство внутри нома рассматривает продукты изъятия, изымаемые из содержательной среды нома, как объекты номового производства и преобразует их в продукты производства, подлежащие присвоению и распределению как внутри нома, так и за его пределами.

---

[1] Захаров Валерий Константинович – д.ф.-м.н., профессор кафедры математического анализа Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам общественного развития, в том числе по социальной философии и социальной психологии, философии истории, экономике, теории государства и государственного управления, геополитике, политологии, россиеведению, а также по концептуальным и математическим моделям государства и его учреждений. Лауреат Ломоносовской премии. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. – С. 47; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 63.

Содержательное изъятие и производственную переработку изъятого естественно назвать *общественным содержанием нома* (это понятие расширяет устаревшее понятие *общественного производства*).

После ответа на основной вопрос в содержательной форме возникают вопросы в следующих формах.

Основной вопрос политической экономии в управленческой форме – это вопрос о том, за счёт какого способа управления ном, как единое целое, может создавать своё богатство? *Основной вопрос политической экономии в распределительной форме* – это вопрос о том, каким образом это созданное богатство может распределяться между членами нома?

Соответственно этим двум вопросам статья разбита на две части. В каждой из них показывается, что хозяйственная деятельность человечества покоится на синтезе солидарности (сплочённости) и конкуренции (соревновательности).

Часть 1. Синтетичность управления хозяйственной деятельностью

В этой части описывается исторически сложившийся синтез солидарности и конкуренции в управлении хозяйственной деятельностью человечества. Показывается, как нарушение этого исторического синтеза сказалось на судьбе России и как его можно восстановить.

1. Архетип управляемой хозяйственной деятельности

Человечество в своём развитии проходило ряд объединительных этапов образования всё более крупных социально-исторических образований (***номов***): этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап империи, этап макроса, … При этом на каждом следующем этапе происходило всё большее освобождение человечества от стихийных сил природы за счёт создания искусственной среды жизнедеятельности.

На самом раннем этапе малосемейной жизнедеятельности жизнь семьи строилась не на удовлетворении стихийного частного интереса каждого члена семьи, а на достижении выживаемости всей семьи в целом в условиях опасной внешней среды. В этих условиях была полная зависимость выживания семьи от правильности выбора тактики и стратегии совокупной хозяйственной деятельности и распределения обязанностей членов семьи. Такой тип хозяйственной деятельности закрепился за миллионы лет эволюции и стал архетипом. Его можно назвать *архетипом управляемой хозяйственной деятельности*.

2. Архетип самоуправляемой хозяйственной деятельности

По мере усложнения жизнедеятельности в роду, племени, простом государстве и т.д., когда зависимость от стихийных сил природы всё уменьшалась, ном уже не нуждался в полной регламентации всей хозяйственной деятельности. Поэтому наряду со старым типом управляемой хозяйственной деятельности, начиная с родового этапа, стал вырабатываться новый тип стихийной свободной самоуправляемой деятельности, направленной на удовлетворение частных интересов некоторых членов нома. Этот тип хозяйственной деятельности закрепился и к настоящему времени тоже стал архетипом. Его можно назвать *архетипом самоуправляемой хозяйственной деятельности*.

Эти архетипы деятельности можно также описывать, используя следующие парные соответствия: *дирижистская* или *либеральная*, *контролируемая* или *партнёрская*, *общественная* или *частная*, *указательная* или *обменная*, *плановая* или *рыночная* и пр.

Замечание. Данные типы хозяйственной деятельности были подробно описаны в работе В. Ойкена[1].

3. Синтетичность (соединённость) хозяйственной деятельности

Начиная с племенного этапа, хозяйственная деятельность в любом номе всегда была *синтетичной* (*уравновешивающе соединённой*), т.е. такой, в которой, уравновешивая друг друга, соединены вместе архетипы и управляемой, и самоуправляемой хозяйственной деятельности. Однако соотношение, сочетание и взаимодействие этих архетипов друг с другом менялось в очень широких пределах[2].

Архетип самоуправляемой хозяйственной деятельности хорошо себя проявлял в спокойные периоды, когда уменьшалась внешняя и внутренняя опасность для жизнедеятельности нома. Поэтому этот архетип значительно расширялся. Однако когда условия для жизнедеятельности нома приобретали разрушительный характер, т.е. приближались к тем сложным первобытным условиям, в которых существовала малая семья, архетип управляемой хозяйственной деятельности оказывался востребованным. Именно он позволял в сложных условиях обеспечить выживание нома, поскольку только обращение к управляемой совокупной хозяйственной деятельности позволяло сконцентрировать имеющиеся ресурсы и скоординировать всю хозяйственную деятельность нома так быстро и так целенаправленно, как это не могло быть осуществлено «невидимой рукой рынка». Поэтому архетип управляемой хозяйственной деятельности в сложных условиях становился даже преобладающим.

---

[1] Ойкен В. Основы национальной экономики. − М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.

[2] Там же, с. 213, 108.

Разные номы и разные режимы правления в них по-разному соблюдали слаженность (баланс) между указанными архетипами хозяйствования.

В царской России эта слаженность осуществлялась следующим образом. В сельском хозяйстве преобладал архетип самоуправляемой хозяйственной деятельности: община была формой местного самоуправления землепользованием и налогообложением, сам же трудовой процесс осуществлялся в основном в рамках отдельных крестьянских хозяйств. В то же время «развитие российской промышленности осуществлялось преимущественно на основе общественных (казённых, государственных) форм собственности и единого централизованного управления»[1]. «Верховная власть Московского государства … регламентировала и торговлю, и производство. Крупные промышленные производства и промыслы создавались как казённые»[2].

4. Разрушение синтетичности экономики России в начале XX века за счёт архетипа самоуправляемой хозяйственной деятельности

Сложная внутренняя и внешняя обстановка, сложившаяся после Первой мировой войны и революций 1917 года потребовала от властной системы раннего Советского Союза значительного расширения архетипа управляемой хозяйственной деятельности за счёт принудительного сужения архетипа самоуправляемой хозяйственной деятельности.

Однако по чисто идейным соображениям власти зашли слишком далеко в этом направлении и в несколько этапов подавили систему самоуправляемого хозяйствования. На последнем этапе этого подавления в 1956–1960 годах был осуществлён переход к «окончательной победе социализма в СССР», который заключался в том, что существовавшая до этого времени система промысловой кооперации была ликвидирована и переведена в систему государственного планового управления. В итоге догматический переход к «развитому индустриальному социализму» привёл лишь к появлению тотального дефицита всех потребительских товаров и к исчезновению многомиллионной части российского крестьянства. Вследствие этого Советский Союз оказался в непреодолимой зависимости от ввоза сельскохозяйственной продукции из-за рубежа.

5. Пренебрежение синтетичностью экономики России в конце XX века в пользу архетипа самоуправляемой хозяйственной деятельности

Перестройка восстановила подавленный архетип самоуправляемой хозяйственной деятельности в правах. Но пришедшие к власти либеральные фундаменталисты так же, как до этого их социалистические предшественники, снова «перегнули палку» и разрушили господствовавшую в Советском Союзе управляемую систему хозяйствования, настроенную в основном на внутреннее развитие.

В послеперестроечной России полное предпочтение получила самоуправляемая система хозяйствования, причём ориентированная не на внутренний, а на мировой рынок[3]. И частные, и смешанные и, так называемые, государственные предприятия работают в одной рыночной системе хозяйствования. Однако слишком быстрое и неподготовленное встраивание России в мировую хозяйственную систему привело к тому, что созданная в России социально-экономическая система вошла в состояние глубокого кризиса.

6. Второй НЭП, но с другого конца: воссоздание параллельной системы управляемой хозяйственной деятельности

Для преодоления этого кризиса необходимо частичное воссоздание системы управляемой хозяйственной деятельности[4]. Такая параллельная воссозданной системе самоуправляемой хозяйственной деятельности дополнительная система управляемой хозяйственной деятельности могла бы стать основой устойчивого развития России и, в частности, основой её реиндустриализации[5] в рамках «четвёртой промышленной революции».

Это означает, что России снова нужно пойти по пути, пройденному ею во время первого НЭПа (новой экономической политики) в начале двадцатого века и повторённому Китаем в конце двадцатого века[6]. Только теперь в отличие от первого НЭПа нужно заходить с другого конца этого пути. Тогда вдобавок к системе управляемого хозяйствования воссоздавалась система самоуправляемого хозяйствования. Теперь, наоборот, вдобавок, к системе самоуправляемого хозяйствования нужно воссоздавать систему управляемого хозяйствования. Образно говоря, в России нужно провести второй НЭП.

---

[1] Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С. 224.

[2] Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – С. 188.

[3] Основы теоретической экономики / Под ред. Д.Ю. Миропольского: Учебник. – СПб., 2008. – С. 366–367.

[4] Захаров В.К. Финансово-кризисные способы государственного и межгосударственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2010. – № 11. – С. 9–16; Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2012. – № 3. – С. 34–43.

[5] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – С. 556–619.

[6] Напомним, что, начиная с реформ Дэн Сяопина, Китайская Народная Республика, не разрушая систему государственного управляемого хозяйствования, воссоздала рядом с ней систему частного самоуправляемого хозяйствования. И тем самым, обеспечила себе устойчивое бескризисное развитие в течение трёх последних десятилетий.

Рассмотрим далее, как в России могло бы происходить воссоздание двухсистемной хозяйственной деятельности. Верховная система страны должна взять на себя начальную роль устраивающего субъекта, с помощью которого на основе неорганизованной совокупности управляемых внутренне ориентированных хозяйственных учреждений может быть создана целостная, тесно взаимосвязанная, самодостаточная, устойчивая государственно управляемая внутренне ориентированная хозяйственно-финансовая система, уравновешивающая внешне ориентированную систему рыночно самоуправляемых учреждений.

7. Принципы работы системы управляемой хозяйственной деятельности

Опишем некоторые принципы создания и работы системы управляемой хозяйственной деятельности[1].

Указанная дополнительная система должна быть основана на долгосрочном планировании национального развития и на краткосрочном плановом частичном государственном заказе.

Система управляемого хозяйствования должна быть *слаженной* в том смысле, что:

1) в неё должны войти предприятия всех основных способов хозяйственной деятельности (метааграрного (извлекающего из природной среды), индустриального (перерабатывающего) и сервисного (обслуживающего)),

2) в ней должны присутствовать целостные хозяйственные цепочки от получения сырья из природной среды до создания конечного продукта, необходимого для выполнения совокупного планового частичного государственного заказа,

3) в ней на основе планового частичного государственного заказа должно быть известно, кто от кого получает установленную часть объектов производства, и кто кому передаёт установленную часть продуктов производства, и т.д.

Производство продукции в этой системе вне госзаказа может осуществляться по собственному усмотрению предприятий, в частности, посредством взаимодействия с предприятиями самоуправляемой хозяйственной деятельности.

Ценообразование на предприятиях этой системы при госзаказном производстве должно строиться на основе себестоимости и должно подправляться на основе рыночного ценообразования при сопутствующем внегосзаказном производстве.

Эта система должна находиться в рамках государственного протекционизма. В частности, нужно затруднять импорт жизненно важной продукции путём повышения ввозных таможенных пошлин и путём дальнейшего понижения обменного курса рубля по отношению к основным валютам.

8. Как «завести» дополнительную систему хозяйствования?

Ясно, что описанная выше система хозяйствования, если заработает, то постепенно станет доходной и самодостаточной. Трудный вопрос заключается в том, как «завести» её на начальном этапе? Иначе говоря, где взять начальные ресурсы, особенно финансовые, на её создание и на её «завод»?

Также ясно, что никакие иностранные, а также никакие внутренние частные инвесторы не заинтересованы в создании конкурирующей системы. Поэтому инвестиции могут быть только со стороны государства.

Очевидно, что в условиях низких цен на экспортируемые из России природные ресурсы (в основном нефть и газ) государственные бюджетные инвестиции весьма ограничены. Поэтому верховной системе государства надо изыскивать дополнительные ресурсы. По закону сохранения эти дополнительные ресурсы можно извлечь либо из своей или зарубежной природной среды, либо из зарубежной надприродной среды, либо из своей надприродной среды. Ясно, что первые две возможности сами требуют огромных инвестиций в развитие новых технологий – и для России пока не возможны. Третья возможность также для России закрыта.

Остаётся, как всегда, только изъятие из своей надприродной среды, попросту говоря, из своего населения. Можно изъять часть ресурсов у господствующего класса (состоящего из экспортёров, импортёров и обслуживающих их банкиров) введя прогрессивные шкалы для налога на доходы физических лиц и для налога на дивиденды. Но этот способ чреват быстрым возмущением господствующего класса, подкреплённым финансовой и идеологической помощью со стороны внешней управляющей системы, состоящей из США, ЕС, Китая, Японии и др. Даже одобрение и поддержка со стороны преобладающей части населения страны вряд ли побудит верховную систему к применению этого справедливого способа.

Поэтому у верховной системы остаётся только один способ получения ресурсов на создание и на «завод» дополнительной системы хозяйствования: это изъятие части достояний и труда всего населения страны посредством задействования инфляционного круга денежного обращения[2]. Однако слишком длительное его применение чревато «глухим» возмущением неимущей части населения страны с непредсказуемыми отдалёнными последствиями. Поэтому применять его нужно быстро и по хорошо разработанному плану.

---

[1] Закиматов Г.В. Централизованное директивное планирование в рыночной экономике – новое качество экономики // Экономика и управление. 2014. – № 6. – С. 927–932; Захаров В.К. Финансово-кризисные способы государственного и межгосударственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2010. – № 11. – С. 9–16; Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2012. – № 3. – С. 34–43; Захаров В.К., Голикова Е.И. Создание параллельных систем хозяйствования как концепция антикризисного управления России // Перестроение России. Т. 2. – Москва; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – С. 63–68.

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. – С. 126-135; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 166–179.

Часть 2. Синтетичность распределения результатов хозяйственной деятельности

В этой части описывается исторически сложившийся синтез солидарности (сплочённости) и конкуренции (соревновательности) в распределении результатов хозяйственной деятельности общества.

1. Способы распределения общественного богатства

Ясно, что благосостояние члена нома преимущественно определяется его долей номового богатства, уже наличествующего в номе. Первичным и вторичным источниками благосостояния члена нома в конечном итоге являются только его доля в совокупном изъятом из содержательной среды достоянии (см. введение) и его доля в совокупном произведённом в самом номе достоянии, соответственно.

А эти доли зависят от способов распределения изъятого и произведённого достояний.

В исторически известных и в современных номах доли его членов в наличествующем общественном богатстве устанавливаются в основном двумя способами распределения:

– *базисным распределением* между непосредственными участниками первичного изъятия и вторичного производства;

– *надстроечным распределением* между всеми членами нома.

Базисное распределение осуществляется в собственностных единицах нома, называемых коротко *учреждениями*.

2. Базисное распределение общественного богатства

В современной «классической» политэкономии сформировалось следующее «научное» представление: при капитализме доходы от общественного содержания (первичного изъятия и вторичного производства) распределяются в соответствии с факторами содержания следующим образом: *рента* (земля как природный капитал), *процент* (денежный капитал), *заработная плата* (труд), *прибыль* (вещественный капитал и предпринимательская деятельность). При этом не указывается, каким образом устанавливается и сохраняется такое «соответствие».

На самом деле за этим якобы чисто изымательско-производственным соответствием скрыто то, что основных участников этих процессов (трудящихся) законодательно-силовым образом отделяют от процесса распределения изымательско-производственного дохода, поскольку именно законодательно-силовым образом устанавливается и сохраняется то, что продуктами содержания и доходом от их распределения владеют только владельцы средств содержания[1]. Таким образом, за этим «научным» представлением проглядывает чисто классовая идеологема.

В указанном выше «научном» представлении труд выведен за пределы капитала. Хотя слово «капитал» переводится с латинского языка как «основа». Для того чтобы разобраться с этой основой, нам придётся обратиться к *синтетичному представлению о мире*[2].

3. Синтетичное представление о мире и его предметах

Объединённый (т.е. вещественный и мысленный) мир (на данный момент времени) можно обобщённо определить как совокупность, включающую в себя: 1) природный мир (как вещественный, так и мысленный) Земли и Вселенной; 2) надприродный мир (как вещественный, так и мысленный), созданный человечеством в процессе его бытия. Ясно, что само человечество является частью и природного, и надприродного мира. При этом провести чёткую однозначную границу между природным и надприродным мирами иногда довольно затруднительно. Мысленный (природный и надприродный) мир включает в себя мысленный мир живых существ Земли и, в частности, мысленный мир людей.

Мысленный мир людей подразделяется на сознательный (ведательный) и подсознательный (иначе наивный, бессознательный, внесознательный, надсознательный и пр.) миры. Это подразделение восходит к Карлу Роберту Эдуарду фон Хартманну, опубликовавшему в 1869 году книгу «Философия подсознательного».

Любую мысленно отмеченную людьми в данный момент времени часть объединённого мира будем далее называть (мировым) предметом, достоянием или объектом (в данный момент времени). Это общее понятие включает в себя предметы, обозначающие бытие во времени других предметов, такие как явление, состояние, благополучие, равновесие и пр.

В некоторых предметах есть и вещественная (составляющая) часть, и мысленная (составляющая) часть; их можно назвать синтетичными или вещественно-мысленными предметами. Примером является любой созданный человеком вещественный предмет, поскольку он имеет в себе и мысленную часть, показывающую некоторые обстоятельства придумывания и создания этого предмета. Из этого примера следует, что даже мысленный мир людей располагается не только в людских головах.

---

[1] Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Капитал (от простого к сложному). – М.: Экономика, 2006. § 6.4.1.1; Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Экономические основы социального государства. – М.: АТиСО, 2007. § 15.3.2.3; Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. § 3.6; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. § 3.6.

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. § 1.1; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. § 1.1.

В некоторых предметах есть только вещественная (составляющая) часть; их можно назвать чисто вещественно предметами. Примером является любой косный, т.е. не живой, природный предмет.

Наконец, в некоторых предметах есть только мысленная (составляющая) часть; их можно назвать чисто мысленными предметами. Примером является любой предмет, непосредственно не обнаруживаемый органами чувств человека, такой как сверхъестественное существо, душа, число и т.д.

4. Учрежденческая прибыль и её распределение

Все существовавшие когда-либо и существующие сейчас организационные формы изъятия, производства и распределения достояний в номе (в частности товаров, услуг, распоряжений и т.п.) являются конкретными видами учреждений. В учреждении выделяются владетели-ведатели (частные, государственные и пр.), распорядители (управленцы) и пользователи (остальные работники)[1].

Учреждение постоянно обменивается различными достояниями с другими единицами нома и с его содержательной средой. *Учрежденческий доход за некоторое время* – это совокупное достояние, пришедшее в учреждение за это время от всех других единиц нома или из его содержательной среды. *Учрежденческий расход за некоторое время* – это совокупное достояние, ушедшее из учреждения за это время во все другие единицы нома (кроме членов учреждения) или в его содержательную среду. *Учрежденческая прибыль за некоторое время* – это совокупное достояние, каждая часть которого входит в учрежденческий доход, но не входит в учрежденческий расход[2]. Ее может и не быть.

Отметим, что учрежденческий расход отличается от понятия издержек производства; в частности, в учрежденческий расход не входит оплата труда пользователей и распорядителей. Тем самым, и учрежденческая прибыль отличается от всех других используемых в экономической теории и практике понятий прибыли[3].

Учреждения никогда не существовали и не существуют самостоятельно; они всегда включены в некоторые объемлющие номы. Часть учрежденческой прибыли всегда присваивается всеми объемлющими номами в виде налогов, податей и т.п.

Исторически известны два основных типа распределения оставшейся после отдачи объемлющим номам *внутренней части учрежденческой прибыли*. Первый тип состоит в распределении этой внутренней части между всеми членами учреждения путем некоторого дележа (*тип общеучрежденческого распределения*). Второй тип состоит в выплате всем пользователям и почти всем распорядителям в учреждении определённой заработной платы и последующим распределением оставшейся части учрежденческой прибыли только между владетелями, ведателями и некоторыми распорядителями в учреждении (*тип владетельно-ведательного распределения*). Он основан на лукавой подмене: владельцами создаваемого продукта оказываются почему-то не все члены учреждения как участники общего трудового процесса, а только владетели-ведатели учреждения. Чтобы скрыть эту подмену, введено специальное отвлекающее понятие юридического лица[4].

Тип общеучрежденческого распределения возник и закрепился ещё на этапе большой семьи и с тех пор стал архетипом. Последнее его проявление было в советских колхозах. Тип владетельно-ведательного распределения возник и закрепился, по-видимому, уже в Новое время и является скорее стереотипом, чем архетипом. В современной России он проявляется, например, в том, что владельцами конечного продукта некоторых предприятий являются только владельцы предприятий.

Ясно, что изъятие всей прибыли учреждения объемлющим номом (как это было в Советском Союзе) приводит к почти полной утрате предпринимательского интереса со стороны учреждения. Поэтому внутренняя часть учрежденческой прибыли должна быть значительной.

Однако распределение этой части только между владетелями-ведателями приводит к утрате заинтересованности пользователей и распорядителей в прибыльности учреждения. Оптимальным, по-видимому, является нахождение некоторых способов общеучрежденческого дележа внутренней части учрежденческой прибыли с соблюдением учёта интересов владетелей-ведателей, распорядителей и пользователей. Рабочее акционирование предприятий является одним из таких способов.

5. Капитал учреждения и распределение учрежденческой прибыли

Описанные выше исторически сложившиеся типы распределения внутренней части учрежденческой прибыли имеют своё экономическое осмысление через понятие капитала (т.е. основы) учреждения.

Согласно синтетичному представлению о мире основа учреждения может быть как вещественной, так и мысленной. Поэтому некоторые современные экономисты[5] считают, что узкое классическое и марксистское понятие капитала должно быть расширено в сторону включения в него *мысленного* (*интеллектуального*) *капитала*. А в мыслен-

---

[1] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. § 3.1; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. § 3.1.

[2] Там же, § 3.6.

[3] Экономическая теория. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007. Гл. 9.

[4] Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Экономические основы социального государства. – М.: АТиСО, 2007. Гл. 16.

[5] Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Капитал (от простого к сложному). – М.: Экономика, 2006; Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Экономические основы социального государства. – М.: АТиСО, 2007.

ный капитал должны быть включены не только *предпринимательская способность*, о которой так много писал Й. Шумпетер[1], но и *трудовая способность* любого члена учреждения.

Следовательно, в соответствии со сложным вещественно-мысленным составом капитала доходы от общественного содержания могли бы распределяться, соответственно частям сложного капитала, следующим образом: рента (земля как природный капитал), процент (денежный капитал), предпринимательская способность (*предпринимательский капитал* как вещественный, так и мысленный), трудовая способность (*трудовой капитал* как вещественный, так и мысленный (трудиться как «руками», так и «головой»)).

Через такое понятие капитала основные типы распределения внутренней части учрежденческой прибыли можно описать следующим образом. При обще учрежденческом типе происходит распределение учрежденческой прибыли соответственно всему *капиталу учреждения*. При владетельно-ведательном типе происходит распределение учрежденческой прибыли соответственно только *владетельно-ведательному капиталу учреждения*.

6. Внутриномовые классы и межклассовая напряжённость

Если в номе имеется значительное число учреждений с владетельным присвоением учрежденческой прибыли, то в нём выделяются два класса. *Владетельный класс* составляют владетели всех учреждений с владетельным присвоением учрежденческой прибыли; *невладетельный класс* составляют пользователи и распорядители этих учреждений. Среди всех таких номов выделяются номы, в которых владетельный класс является *господствующим* в том смысле, что именно его представители в основном образуют властную систему нома.

Оба указанных типа распределения находятся в явном противоречии друг с другом. По этой причине стереотип владетельного присвоения всегда воплощается только путём силового, законодательного и идеологического принуждения со стороны объемлющего нома с господствующим владетельным классом.

Из сказанного выше следует, что базисное распределение зависит от внутриномового права.

Указанное принуждение в таких номах в качестве постоянного эффекта вызывает внутреннюю межклассовую напряжённость между владетельным классом и невладетельным классом.

Однако в разных номах межклассовая напряжённость проявляется в разной степени. Существуют даже современные государства, в которых эта напряжённость практически незаметна, поскольку она снимается путём внешнегосударственного изъятия из внешних государств и последующего внутреннего дележа между владетельным и невладетельным классами изымающих государств (США, Великобритания, Германия, Япония и пр.)[2].

7. Надстроечное распределение общественного богатства

Во введении было показано, что благосостояние члена нома, включённого в первичное изъятие и вторичное производство, зависит от включённости в содержательную деятельность, но не определяется самой содержательной деятельностью нома, а определяется внутриномовым правом.

Благосостояние члена нома зависит также от его включённости в различные церковные, кастовые, укладные, военные, учётные, управленческие, властные и прочие структуры. Достаточно вспомнить церковную десятину. Однако, так же как и выше, это благосостояние не определяется самой перечисленной деятельностью, а определяется внутриномовым правом.

8. Первичная природа распределения совокупного богатства в номе

Из сказанного выше вытекает естественное предположение, что помимо включённости членов нома в различные виды деятельности в номе и за его пределами существует некоторая первичная общая самостоятельная природа распределения совокупного богатства в номе, связанная с внутриномовым правом и определяющая это право.

Основываясь на природе внутриномового права, рассмотренного в наших работах[3], мы приходим к выводу, что распределение совокупного богатства в номе на данном временном промежутке зависит от соотношения всех имеющихся в номе прав: реального права (основанного на принуждении законодательно и силово закреплёнными нормами неотипов бытия), традиционного права (основанного на побуждении мемами[4] стереотипов бытия) и естественного права (основанного на побуждении мемами архетипов бытия).

А само это соотношение прав определяется соотношением общественных «сил» в номе. Поэтому первичной природой распределения совокупного богатства является соотношение общественных «сил». Использование кавычек означает, что это понятие является недостаточно разработанным, несмотря на многовековые обсуждения[5].

---

[1] Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. § 5.8; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. § 5.8.

[3] Захаров В.К. Историческая реализация двух естественных прав в России // Современное право. 2010. – № 3. – С. 156–162; Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. – С. 22; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 31.

[4] Мем типа бытия общества – это памятный образ, хранящихся в сознании и подсознании членов общества (см. § 1.3 из указанных книг).

[5] Подробнее об этом см.: Мысляева И.Н. Распределение и неравенство в глобальной рыночной экономике. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 40–47.

Важным современным примером соотношения общественных «сил» является доминирование финансового капитала над всеми остальными видами сложного капитала. Описание этого доминирования дано в фундаментальной монографии[1].

[1] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016.

Звягин Л.С.
к.э.н., доцент, Финансовый университет

СИСТЕМНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: *общество, социально-экономическая система, динамика, управление, развитие.*
Keywords*: society, socio-economic system, dynamics, management, development.*

В процессе развития и расширения в целом ряде наук общесистемных представлений возросло и число необходимых системных исследований. Стоит отметить, что предметом данных научных исследований являются уже во многих случаях не экономические, а социально-экономические системы. Данный факт обусловлен тем, что значительно больше внимания современные исследователи уделяют осмыслению глобальных целей и задач экономики как основной жизненно-обеспечительной системы человечества.

В современном мире любая социально-экономическая система существует в определенном времени и пространстве, а также имеет свои определенные исторические, географические, культурные, политические и экономические границы. Это означает, что она может реализоваться лишь в конкретных государственных образованиях, а также в меньших по масштабу общественно-хозяйственных организациях. В социально-экономических системах выделяют три основные составляющие: производительные силы, производственные отношения и экономический механизм. Хоть эти составляющие выделяются как чисто экономические элементы, мы, исходя из вышесказанного, можем сказать, что это относится и к социально-экономической системе.

Социально-экономические системы характеризуются тем, что они обладают целенаправленностью. Взаимодействие в социально-экономических системах обеспечивается техническими и информационными средствами, их роль состоит в том, что они формируют необходимые связи между элементами системы.

В науке существует теория безопасности социально-экономических систем, которая является теоретическим знанием о безопасном управлении развития социально-экономических систем. Суть этой теории состоит в том, что безопасность социально-экономических систем возможно обеспечить даже в условиях стремительных изменений, в условиях высокой конкуренции, противоречивости и конфликтности при помощи обучения, адаптации и самоорганизации данных систем.

Немаловажной составляющей для исследования социально-экономических систем являются системообразующие факторы, которые разделяют на внешние и внутренние. Для каждой системы влияние этих факторов абсолютно разное, поэтому в управлении системами это должно учитываться в обязательном порядке.

В связи с тем, что социально-экономические системы функционируют в окружении внешней среды, они могут подвергнуться влиянию посторонних факторов. Исходя из этого, ученые вывели адаптивный механизм безопасности, который включает в себя следующее:

1. Прогнозирование
2. Планирование
3. Распределение ресурсов
4. Стимулирование.

Динамические процессы в системах, возникающие в связи с быстрым изменением окружающего мира, являются наиболее сложными для описания, так как традиционные способы, которыми пользовались ранее, теряют свою эффективность из-за того, что структура систем меняется во времени. Поэтому возникают так называемые «гибридные» модели для описания сложных систем. Они обладают двухуровневой структурой: первый уровень рассматривает динамику системы в некотором зафиксированном виде, то есть «быстрый» процесс; второй уровень подразумевает рассматривание динамики изменения структуры пространства состояний, то есть «медленный» процесс. Из этого возникает проблема противоречивости: один и тот же процесс может приносить как пользу, так и вред. К примеру, интенсивный рост экономики, который не учитывает экологическую составляющую, может принести в первые годы огромную пользу обществу и повысить уровень жизни людей. Но в дальнейшем будут наблюдаться экономические потери, ухудшение состояния окружающего мира, что приведет к упадку экономики и качества жизни.

Учет вышеперечисленных факторов можно осуществить при помощи модели активного управления, которая представлена в виде схемы на рис. 1.

Идеальная модель или прогноз – это эталон, к которому стремится управляемая система. Нормативная модель – это идеальная модель, зафиксированная в определенный момент времени и описанная с помощью конкретных нормативов (показателей). Противоречия между нормативной моделью и реальным объектом составляют блок проблем и блок решений этих проблем. Под блоком проблем понимается блок диагностики, в котором выявляются фактические отклонения состояния объекта от нормы. Норма же являет собой предельно допустимые значения нежелательных от-

клонений между параметрами нормативной модели и реальным объектом. В том случае, если будет наблюдаться неблагоприятная динамика или, другими словами, возрастет число неблагоприятных отклонений, которые будут стремительно приближаться к пределу, в блоке проблем сформируется необходимая информация, которая передается в блок типовых решений. Блок типовых решений – это набор различных апробированных на практике или рекомендуемых выходов из ситуации, которые должны буквально на первых стадиях или наиболее эффективным способом предотвратить или замедлить ход нежелательных процессов и тенденций. Соответственно, с помощью такого механизма обеспечивается максимально полезная динамика управления.

<table>
<tr><td colspan="4">Идеальная модель
(прогноз)</td><td colspan="3"></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Блок
решений</td><td rowspan="2">Блок
проблем</td><td>Р1</td><td>Нормативная модель</td><td rowspan="2">Р2</td><td>Тенденции
развития</td><td>Блок
генерации новых решений</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Реальный объект</td><td colspan="3"></td></tr>
</table>

Рисунок 1.
Модель управления социально-экономическими системами

Схема активного управления представляет собой динамичную модель, так как идеальная модель в ней является таким образцом, который как бы мы не наблюдали, описывали и пытались постигать, не предоставляется возможным достичь. Во всех случаях, когда мы пытаемся к нему приблизиться, он отдаляется и при этом меняет свои очертания. Далее мы уточняем прогноз под новый образец идеала, эталона, создаем определенные нормативы. Следом проводим сравнение эталона и нормативов с реальным объектом. После чего получаем новый набор отклонений, который подвергаем оценке. Подводим реальный объект в нормативные рамки и так далее. Исходя из наблюдаемых нами изменений, можно вывести какую-то тенденцию развития социально-экономических систем и сформировать ряд ожидаемых проблем, а, следовательно, и пути их возможного решения.

Социально-экономические системы являются динамично развивающимися объектами, которые несут в себе элементы и прошлого, и настоящего, и будущего. В связи с этим предоставляется возможность сформировать очертания образа будущего в настоящем времени. Это означает, что можно построить цепочку управленческих решений, которые будут сочетать в себе не только проблемы настоящего, но и будущего, что дает толчок к более эффективной реализации развития социально-экономических систем, приведению их в активный режим. Однако нельзя отбрасывать тот факт, что проблемы будущего находятся в «скрытом» от нас состоянии, поэтому их необходимо каким-либо образом выявить. Осуществить это «выявление» можно при помощи предупреждающих мер, которые способствуют прохождению в будущее благоприятных тенденций и максимальному ослаблению противоположных тенденций с тем, чтобы не дать им появиться в будущем.

Для того чтобы составить прогноз, необходимо сформировать модель прогнозируемого объекта и обосновать параметры ее порядка.

Активное управление социально-экономическими системами подразумевает возбуждение «цепной реакции» при помощи воздействия на точки роста. Этот процесс должен сопровождаться четкой системой диагностики, который обеспечит должный уровень контроля и корректировки решений, связанных с управлением. Также это позволит в активном режиме и максимально оперативно вносить необходимые изменения. Другими словами, такой метод позволяет исследовать эволюцию поведения системы и отслеживать ее развитие в текущий момент времени.

Список литературы

1. Динамика социально-экономических систем: региональный аспект: монография / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. И.Б. Тесленко; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. – 318 с.
2. Шилов А.А. Экономическая динамика: методология исследования. – http://nauka-rastudent.ru/3/1244/
3. Родионов В.Г. Прогнозирование динамики социально-экономических систем // Вестник СПбГУ, серия 5. 2007. – Вып. 2.
4. Родионов В.Г. Моделирование устойчивой динамики развития социально-экономических систем глобальной экономики // Менеджмент в России и за рубежом. – М., 2009. – № 1.

Звягинцев П.С.
к.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ

Ключевые слова: *государственные программы, федеральные целевые программы, расходы федерального бюджета, инструмент управления, социально- экономическое развитие.*

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» федеральные и ведомственные целевые программы объединены в государственные программы.

Государственной программой является система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности.

Государственные программы позволяют в рамках программно-целевого метода конкретизировать усилия для комплексного и системного решения среднесрочных и долгосрочных проблем экономической и социальной политики страны, обеспечивать прозрачность и обоснованность процесса выбора целей, которые необходимо достигнуть в различные временные периоды, пути достижения результатов с использованием, в случае необходимости, различных форм поддержки на федеральном уровне.

Государственная программа включает в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие, в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти (подпрограммы).

Деление государственной программы на подпрограммы осуществляется исходя из масштабности, и сложности решаемых в рамках государственной программы задач. Подпрограммы направлены на решение конкретных задач в рамках государственной программы.

Инструментом государственного управления социально-экономическим развитием России являются государственные программы.

Государственные программы разрабатываются исходя из положений концепций долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на соответствующий период, федеральных законов, решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Государственные программы, направленные на социально-экономическое развитие одного или нескольких субъектов Российской Федерации, включают мероприятия по регулированию и координации деятельности по достижению целей социально-экономического развития соответствующей территории, реализации комплексных проектов, которые невозможно полностью отнести к одной из государственных программ, направленных на комплексное развитие отдельных отраслей экономики и социальной сферы, обеспечение национальной безопасности. Данные государственные программы должны отражать аналитически (справочно) мероприятия, реализуемые на соответствующей территории в рамках отраслевых государственных программ, а также соответствующие таким мероприятиям расходы федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов государственных внебюджетных фондов и юридических лиц.

Долгосрочные целевые программы разрабатываются органом исполнительной власти, органом местного самоуправления и подлежат утверждению соответствующим законодательным (представительным) органом, представительным органом местного самоуправления.

Формирование перечня долгосрочных целевых программ осуществляется органами исполнительной власти, местного самоуправления в соответствии с прогнозами социально-экономического развития Российской Федерации и социально-экономического развития соответствующей территории и определяемыми на основе этих прогнозов приоритетами.

При помощи осуществления научно обоснованных государственных программ должны достигаться конкретные цели структурной, инвестиционной, научно-технической, социальной, экологической политики с учетом приоритетов и целей социально-экономического развития страны.

Опыт экономически развитых стран показывает, что социальные и экономические проблемы можно решать посредством государственных программ. Это свидетельствует о перспективности программно-целевого метода и его преимуществах по сравнению со сметным финансированием при решении ряда долгосрочных социально-экономических задач. Данный метод позволяет также решать такие задачи, которые могут быть не эффективны, неподъемны или малопривлекательны для бизнеса. При отдельных положительных качествах частного капитала, он не во всех случаях

в состоянии обеспечить реализацию, например, ряда социальных и крупных инфраструктурных проектов в процессе экономического развития страны.

Особая роль целевых программ в рыночной экономике определяется тем, что рынок не всегда позволяет в полной мере мобилизовать дополнительные финансовые и материальные ресурсы для развития регионов. Успешно решая задачи использования ресурсов, он довольно плохо справляется с задачами их воспроизводства, требующими большей продолжительности инвестиционного цикла. Поэтому все, что связано с приданием экономике поступательной целевой динамики в условиях дискретности крупных народнохозяйственных проблем, можно реализовать только с помощью программ.

В условиях выхода из кризиса большое значение приобретает антиинерционный потенциал программного метода, его способность мобилизовать ресурсы на решение таких проблем, которые еще не вошли в структуру интересов сложившихся звеньев экономики и поэтому не могут быть решены в рамках их традиционного функционирования.

При этом программно-целевой метод в условиях выхода из кризиса позволяет проводить как конструктивные структурные сдвиги, так и смягчения негативных социально-экономических последствий.

Программно-целевой метод планирования является одним из основных инструментов бюджета, ориентированного на результат, и наиболее ярко выражает его основные принципы. Этот метод заключается в установлении или отборе приоритетных целей и задач использования бюджетных средств и разработке взаимоувязанных мероприятий по их достижению в заданные сроки. Бюджетное планирование заключается в системном планировании выделения бюджетных средств на реализацию утвержденных законом или нормативным актом целевых программ.

Базовая модель программного бюджетирования представляет собой процесс составления государственного бюджета, ориентированного на достижение результатов от финансирования государственных программ посредством государственных расходов. Программное бюджетирование использует анализ затраты-выгоды для целей принятия решения о распределении финансирования и оценивает соответствие достигнутых результатов программ их целям.

Программная структура является связующим звеном между бюджетом и общим стратегическим планированием. Соответственно, программная структура является способом классификации расходов, но должна рассматриваться как инструмент анализа стратегических задач. Программное бюджетирование использует подход «сверху-вниз», в отличие от противоположно направленного подхода, используемого при традиционном бюджетировании.

Государственные программы в настоящее время положены в основу планирования бюджетных ассигнований федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

По словам премьер-министра России Дмитрия Медведева – «через механизм государственных программ в настоящий момент уже проходит более половины средств государственного бюджета, а именно 57%. Мы исходим из того, что к 2016 году, таким образом, будут расходоваться практически все средства федерального бюджета – до 95%. От того, насколько эффективно исполняются программы, зависит модернизация здравоохранения и образования, всей социальной сферы, сбалансированное региональное развитие, наше продвижение в различных областях. С реализацией отраслевых государственных программ связано создание новых производств, включая импортозамещение, и, конечно, в целом повышение конкурентоспособности наших предприятий»[1].

Однако, несмотря на высказывания премьер-министра России Дмитрия Медведева о том, что к 2016 году, будут расходоваться практически все средства федерального бюджета на государственные программы – до 95% в действительности расходы федерального бюджета на государственные программы составили в 2016 году 55,46% и в 2017 году 53,90% (рис. 1).

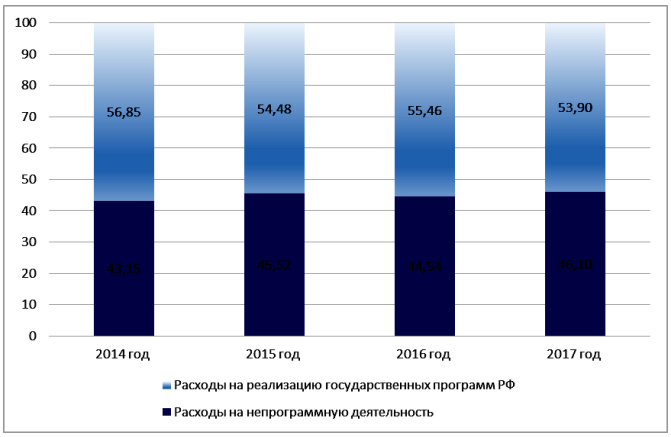


Рисунок 1.
Структура расходов федерального бюджета в 2014–2017 годы[2], %

[1] Заседание Правительства 28 апреля 2014 года «Об итогах реализации государственных программ Российской Федерации в 2013 году». http://m.government.ru/news/12056/

[2] Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и; http://уровень-инфляции.рф/

В соответствии с Перечнем государственных программ Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р, (с изменениями на 28 апреля 2016 года) ответственными исполнителями разработаны 43 государственные программы Российской Федерации[1] и 38 федеральных целевых программ[2].

Количество государственных программ Российской Федерации ежегодно увеличивается, а федеральных целевых программ с 2011 года сокращается (рис. 2).

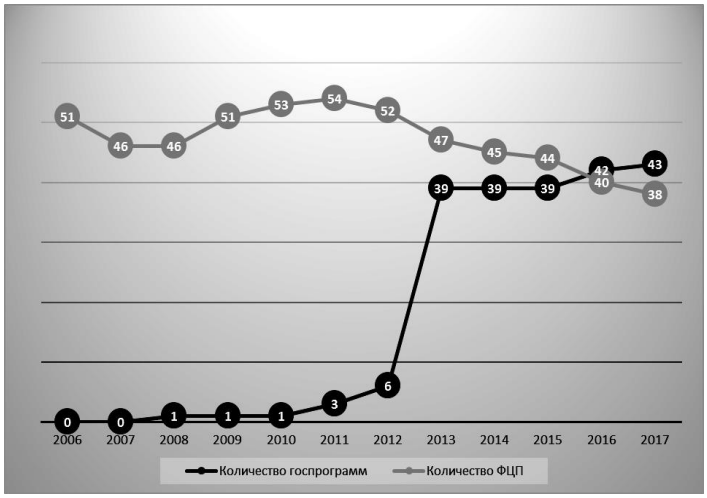


Рисунок 2.
Количество государственных и федеральных целевых программ в 2006–2017 гг.[3]

Госпрограммы объедены по направлениям. Всего направлений 5.

Из общего количества государственных программ Российской Федерации наибольший удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета (безусловно утвержденных расходов) составляют программы, включенные в направления **«Новое качество жизни»** (около 40%) и «Инновационное развитие и модернизация экономики» (более 26%), рис. 3.

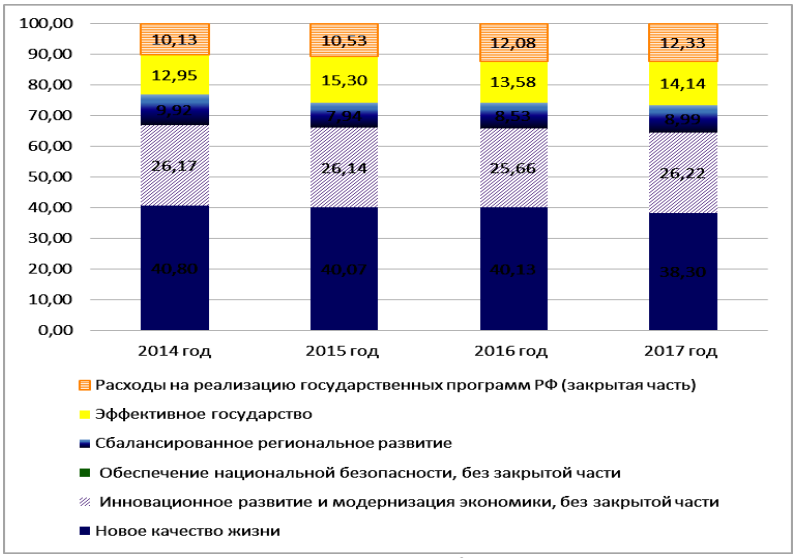


Рисунок 3.
Структура расходов на реализацию государственных программ РФ[4]**, %**

[1] http://programs.gov.ru/Portal/

[2] Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и

[3] Там же.

[4] Письмо зам. министра министерства финансов Российской Федерации А.М. Лаврова от 31.08.2015 № 01-02-03/09-50 070.

Направление **«Новое качество жизни»** – это социальное развитие нашего общества и естественно на него приходится наибольшее финансирование из бюджета. Данное направление состоит из 14 государственных программ (табл. 1).

Таблица 1

Перечень государственных программ Российской Федерации (направление I. Новое качество жизни)[1]

Наименование государственной программы Российской Федерации
1. Развитие здравоохранения
2. «Развитие образования» на 2013–2020 годы
3. Социальная поддержка граждан
4. «Доступная среда» на 2011–2020 годы
5. Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации
6. Развитие пенсионной системы на 2018–2035 годы
7. Содействие занятости населения
8. Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности
9. Противодействие незаконному обороту наркотиков
10. Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах
11. «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы
12. «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы
13. Развитие физической культуры и спорта
14. Реализация государственной национальной политики

Расходы бюджета на социальное развитие общества зависят от состояния экономики в России.

Направление «Инновационное развитие и модернизация экономики» занимает второе место по финансированию из бюджета. Если в 2014 году удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета программы «Инновационное развитие и модернизация экономики» составил 26,17%, то в 2015 и 2016 годы он незначительно снизился и составил соответственно 26,14 и 25,66%, а в 2017 году он возрастает до 26,8%.

Из всех направлений государственных программ основным источником развития экономики, создания новой инновационной и импортозамещающей продукции является направление «Инновационное развитие и модернизация экономики». Данное направление финансирует работы, направленные на создание и выпуск новой инновационной продукции, на обновление промышленности на новой технологической основе.

В рамках данного направления реализуются мероприятия, которые не только позволяют российской экономике оставаться мировым лидером в энергетическом секторе, в добыче и переработке сырья, но и создадут конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий. Будут сформированы условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики, и в первую очередь в сфере экономики знаний.

Учитывая, что доля импорта в России значительна: в станкостроении – 90%, в тяжёлом машиностроении – порядка 70%, в нефтегазовом оборудовании – 60%, в энергетическом оборудовании – около 50%, в сельхозмашиностроении в зависимости от категории продукции – от 50 до 90%, в гражданском самолётостроении более 80% и так далее, встал вопрос о необходимости импортозамещения[2].

Источником финансирования новых технологий и импортозамещающей продукции являются государственные инвестиционные программы, которые таким образом становятся средством решения стратегических задач развития инновационной экономики.

Поэтому необходимо увеличить номенклатуру создаваемых технологий и продукции и кратно увеличить финансирование данного направления государственных программ.

Государство уделяет большое внимание разработке, экспертизе и реализации государственных программ, но результаты их осуществления пока не дают значимого социально-экономического развития России.

Незначительный результат от реализации государственных программ вызван многими недостатками[3].

Для повышения эффективности реализации государственных программ Российской Федерации необходимо:

1. В государственных программах должны участвовать государственные и частные предприятия (организации).

2. Ввести персональную ответственность руководителей ведомств за реализацию программ, учитывать достижение программных целей при выплате премий, создать правительственную комиссию по повышению эффективности формирования и реализации госпрограмм.

3. Создание конкурентоспособной инновационной системы на мировом уровне и активизация инновационных процессов в национальной экономике и социальной сфере.

4. Создание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

[1] http://programs.gov.ru/Portal/

[2] Совещание Правительства об обеспечении реализации отраслевых программ импортозамещения. – М., 2015. – http://www.advis.ru/php/view_news.php?id= 00B82618 -1B85-1640-8FEF-DA547D9BC6DA

[3] Звягинцев П.С. Государственные программы как фактор инновационного развития и импортозамещения в России // Вестник института экономики РАН. – М., 2015. – № 6. – С. 44–55.

5. Переход к Модели стратегического программно-целевого планирования на основе формирования институциональной системы национальных целевых программ.

6. Увеличить финансирование государственных программ направления «Инновационное развитие и модернизация экономики» с учетом задач импортозамещения.

7. Повысить требования к ответственным исполнителям государственных программ в части точного выполнения их условий.

8. Разработать положение о принятии санкций к ответственным исполнителям за недостижение по госпрограмме утвержденных индикаторов и показателей и эффективность работы каждого бюджетного рубля в отчётном периоде.

9. Определять экономическую и социальную эффективность государственных программ.

10. Переход на проектный метод управления госпрограммами.

Таким образом, государственные и федеральные целевые программы являются инструментом управления и драйверов роста социально-экономического развития России.

Однако небольшое бюджетное финансирование данных программ и многие недостатки, возникающие при их разработке и реализации, не дают российской экономике значимых позитивных результатов.

Реализация вышеперечисленных предложений по государственным программам значительно ускорит социально-экономическое развитие экономики России.

Круглов В.В.
д.э.н., профессор кафедры экономической теории и истории экономической мысли СПбГЭУ

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Ключевые слова: *стратегия социально-экономического развития, российская экономика, российская история, реформы.*

События недавнего прошлого с особой остротой поставили перед нашей страной вопрос разработки новой стратегии социально-экономического развития России на довольно длительную историческую эпоху, поскольку на нас ополчились самые разнообразные силы, целью которых является подчинение нашей страны интересам влиятельных международных и национальных олигархических групп, на дискредитацию нынешнего курса России на самостоятельную политику и обновление её социально-экономической и оборонной стратегии.

Итак, «новый курс» России, хотя еще и не очень четко сформулированный, ясен. Это курс оформления и утверждения национальных интересов как приоритет в нашем поведении на мировой арене. Для того чтобы этот курс устоялся, потребуются разнообразные усилия по сплочению народа вокруг еще только провозглашенных целей. Отметим, что эти цели завоевывают все новые слои нашего общества.

Самые первые шаги по подъему национальной экономики вполне понятны. Это, конечно, развитие производственной и социальной инфраструктуры, необходимой для пробуждения необъятных просторов нашей страны к созидательной жизни. В первую очередь, нам нужны нормальные дороги, линии электропередач, локальные «центры развития», это помощь тем гражданам, которые стремятся найти для себя новые возможности по устройству своей жизни на новой основе, на новых территориях, на базе совмещения личных планов и надежд и государственных интересов. С учетом этих положений можно разработать новую стратегию, понятную и принимаемую большинством народа.

При разработке новой стратегии необходимо учитывать предшествующую историю осваиваемых территорий, а не только их ресурсные возможности. Конечно, нужно иметь в виду и нынешнее состояние того или иного региона. Страна, конечно, у нас одна, но регионы находятся на различных стадиях социально-экономического развития. Можно ли, скажем, относить к одному уровню развития Алтай, Калмыкию и Чечню, хотя все эти субъекты РФ почти на одной широте, но эти регионы живут в разных эпохах. Характер эпохи определяют многие показатели, но главное содержание определяют важнейшие черты эпохи, при которых развиваются данные регионы.

Возьмем Алтай. Это угольно-металлургическая экономика: очень неважное социальное обустройство, диктат угольно-металлургических «баронов», окрашенный крохами так называемой «благотворительности». Среднее техническое образование – это критерий успешной жизни. Это уровень промышленного переворота, хотя и в «оболочке» радио-, теле-, и компьютерных «наворотов».

Калмыкия – интерес к сохранению традиционного животноводческо-кочевого уклада жизни. Конечно, и здесь есть все признаки и свидетельства современной жизни, но не они определяют содержание жизненных приоритетов народа этой республики.

Чечня – это эпоха « просвещенного абсолютизма».

Если работать над составлением и формами реализации федеральных и региональных программ без понимания той эпохи, в которой живет тот или иной субъект страны, успеха не будет, потому что в этих «судьбоносных проектах» будет отсутствовать реальный человек проектируемого региона местожительства, а созданная воображением авторов того или иного проекта вполне послушная виртуальная личность не сможет создать что-либо полезное ни для страны, ни для региона, ни для себя, хотя в конечном итоге реальная жизнь реальных людей и должна являться высшей целью государственной политики.

Любая страна и, конечно, любая власть желают быть вполне «современными» и динамичными, не чуждающимися модернизации и проведения необходимых (желательно либеральных) реформ. Действия в этом направлении имеют своим ориентиром развитые и «продвинутые» государства. При этом зачастую забывают, что между «продвинутыми» и « догоняющими» странами существует более или менее значительный исторический интервал. Попытки копировать чужой опыт, игнорируя факт исторических различий, ни к чему хорошему не приводят. В недавнем прошлом мы взяли на вооружение монетаристскую концепцию либерального управления экономикой, хотя для проведения такого курса у нас не было никаких шансов. А нас очень хвалили на Западе, и скороспелых реформаторов возводили в ранг «лучших министров финансов», «смелых реформаторов»; вот и г-жу Э. Набиуллину также как-то назвали «лучшим руководителем Национального банка», а уж как хвалили (и до сих пор хвалят) руководителей нашего Минобра. Вот только в учительско-преподавательской среде никаких восторгов нет, поскольку нет четких ориентиров относительно стратегических целей реформирования нашего «ну, очень народного» и особенно высшего образования. Зачем нужно было отказываться от накопленного опыта российской (да и советской тоже) истории. Чтобы понять

смысл и цели проводимой в нашей стране реформаторской активности, достаточно вспомнить высказывание, которое приписывают разным политикам XIX – начала XX вв. Смысл этого высказывания состоит в том, что, если тебя хвалят враги или конкуренты, подумай, где ты совершил ошибку.

Использовать зарубежный опыт и нужно, и полезно, но не всякий и не обязательно самый свежий. Нужно всегда искать аналогии в зарубежной истории с нашим временем и нашими проблемами. Дэн Сяопин сумел же отыскать ключ к успеху своих реформ в политике НЭПа 20-х гг. в Советской России. Что для наших вождей было «вынужденным отступлением», для китайского руководства стало долговременной стратегией. Именно так нужно обращаться с зарубежным опытом. Не копировать, не обезьянничать, а по возможности умело соотносить проблемы нашей страны с опытом других стран.

Любую страну можно уничтожить не бомбами и не ракетами. Достаточно внедрить в умы вышестоящих чиновников «неприятной» страны мысль о необходимости реформ в образовании и проч. Прямо по Н.В. Гоголю: «Эх, реформы, реформы! И кто вас выдумал? Знать, в чужих краях и в недобрых умах вы рождены; для нашей пагубы наложились вы на те черты нашей предшествующей истории, что вбивались другими реформами, чтобы ввести нас в «царство свободы и благоденствия» по В.И. Ленину, И.В. Сталину, Н.С. Хрущеву. Л.И. Брежневу, М.С. Горбачеву, а в завершение советского периода и начала «постсоветского» – по Б.Н. Ельцину.

История – категория очень сложная, и легкомысленное обращение с ней недопустимо.

Лексин В.Н.[1]

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: СМЕНА ОРИЕНТИРОВ НЕИЗБЕЖНА?

Ключевые слова: *стратегия, целеполагание, ориентиры развития.*

В России последнего времени в публичных выступления руководства страны и в сообщениях СМИ разного толка парадоксально соединяются заявления о бесспорных достижениях (начало выхода из рецессии, ввод новых производств, рекордные урожаи зерновых, повышение МРОТ и др.), что должно свидетельствовать о правильности выбранной стратегии функционирования страны, с призывами к корректировке этого курса. Для этого есть все основания, немалая часть которых связана и с практикой разработки различных стратегически ориентированных документов и с изначально заданным вектором их содержания, не адекватным реалиям сегодняшнего дня и ожидаемой перспективе развития общественно-политической и социально-экономической ситуации.

Отмечу, что в экспертно-аналитическом сообществе России, к сожалению, сложилось скептическое и даже снисходительное отношение к любым официальным документам о средне- и долгосрочных целях и перспективах развития страны – ее экономики, социальной сферы, демографии и т.п. Многие сомневаются в самой возможности научно обоснованного прогнозирования, целеполагания и, тем более, планирования развития страны и ее регионов. В основе этих сомнений – представления о тотальной нестабильности и международной обстановки, и внешнеэкономических факторов (в первую очередь, мировых цен на углеводородные энергоносители), и внутрироссийских условий функционирования экономики и социальной сферы, и о депрессивном состоянии многих населенных пунктов страны, и даже о неустойчивости федеративных оснований российской государственности. Не менее существенным основанием для скептического отношения к обоснованности государственного стратегического целеполагания является память о расхождении официально заявленных и фактических целях приватизации начала и середины 90-х годов, о судьбе «национальных проектов» и других крупномасштабных инициатив «центра» и т.п. Тем не менее, необходимость в более или менее отчетливых представлениях о целях созидаемого будущего становится все более актуальной, и это определяется интересами не только властей всех уровней, корпоративного бизнеса и потенциальных инвесторов, но и каждого гражданина России, выстраивающего в условиях нестабильности планы своего индивидуального, семейного и хозяйственного бытия.

Логика государственного управления с начала 90-х голов потребовала последовательного преодоления насаждаемых идеологами той поры представлений о противопоказанности либерально-рыночному устройству государства всего ориентированного на планирование как на «дорожные карты» достижения общегосударственных целей. Подтверждением этого на федеральном, а затем на субфедеральном и муниципальном уровнях стало принятие таких документов стратегического характера как «доктрины», «основные направления», «концепции», «программы», «стратегии», а также установленные Конституцией РФ (ст.84) ежегодные «Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ», формулирующие цели и приоритеты внешней и внутренней политики страны. Сформировался постоянно пополняемый массив указанных документов, принятых разными федеральными и региональными органами, и 28 июня 2014 г. федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ) включил большинство из них в общегосударственные перечни «документов стратегического планирования» и «стратегического прогнозирования».

Конгломерат вышеуказанных стратегических документов состоит из генетически и статусно различных и к тому же периодически обновляемых компонентов. Самыми распространенными являются «программы», утверждаемые (одобряемые) и Президентом РФ, и Правительством РФ, и федеральными органами представительной и исполнительной власти, и соответствующими структурами регионального и даже муниципального масштаба. С начала реформ на федеральном уровне было принято более двухсот «программ»[2] и несколько тысяч – в субъектах РФ. Эти документы наиболее близки к формату планов и в них, как правило, не только названы цели, но и перечислены конкретные задания, названы их исполнители, определены сроки исполнения, указаны объемы и источники финансирования. В последние 15 лет «программы» принимаются (утверждаются, одобряются) только органами исполнительной власти; на федеральном и региональном уровнях все эти программы, по определению, являются государственными, хотя в соответствующих документах они могут именоваться «федеральными целевыми программами», просто «федеральными программами», собственно «государственными программами» и «специальными программами» (из них самые известные – «Программы социально-экономического развития Российской Федерации» на среднесрочную перспективу).

[1] Лексин Владимир Николаевич – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Информатика и управление» РАН. E-mail: leksinvn@yandex.ru

[2] По моим подсчетам за первые 20 лет только на федеральном уровне было принято более десяти таких документов, утвержденных (одобренных) актами палат Федерального собрания РФ. около 20-ти – Правительства РФ, около 60-ти – различных федеральных министерств и ведомств.

Стоит подчеркнуть, что в законе 172-ФЗ разработка государственных программ жестко связана с задачами «достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Предполагается, что эти приоритеты и цели предварительно определены в стратегии социально-экономического развития, в отраслевых документах стратегического планирования, в стратегии пространственного развития и в основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации (ст. 28 172-ФЗ). Уже к середине 2015 г. Правительством РФ были утверждены 39 долгосрочных государственных программ, сгруппированных по пяти направлениям: (1) новое качество жизни (качественное развитие отраслей, ориентированных на человека, включающее развитие здравоохранения, образования, поддержку семьи и улучшение качества жизни социально незащищенных групп населения, развитие пенсионной системы и другие); (2) инновационное развитие и модернизация экономики (вопросы развития отраслей промышленности, науки, внешнеэкономической деятельности), (3) сбалансированное региональное развитие (региональная политика и развитие макрорегионов, межбюджетные отношения), (4) обеспечение национальной безопасности (обороноспособность, госбезопасность) и (5) эффективное государство (управление федеральным имуществом, управление госфинансами, развитие финансовых и страховых рынков, внешнеполитическая деятельность, юстиция). На реализацию государственных программ в федеральном бюджете 2017 г. было заложено более 50% всех его расходов, а по отдельным регионам страны доля программных расходов превышает 70% и имеет тенденцию последовательного роста. Своеобразным «стратегическим фундаментом» большинства программ чаще всего становятся «основные направления» и «концепции». Каждый из таких документов представлял своего рода стратегию реализации какой-либо общественно значимой цели, и в связи с этим «основные направления» принимались и принимаются в течение всего периода существования Российской Федерации органами государственной власти федерации, субъектов РФ и муниципальных образований.

Особое место среди таких документов занимают предусмотренные ст. 113 Конституции РФ периодически разрабатываемые «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации», и их примером могут служить очередные «основные направления» такого рода, утвержденные Правительством РФ 14 мая 2015 г. на период до 2018 года. Это – объемный документ, включающий пять развернутых разделов (условия и цели экономической политики, поддержка бизнеса и улучшение условий предпринимательской деятельности, развитие институтов социальной сферы, сбалансированное региональное развитие и повышение качества государственного управления), причем каждый из них начинается с краткого и предельно реалистичного изложения исходной ситуации и заканчивается перечнем предлагаемых решений и (в ряде случаев) – ожидаемыми показателями их результатов. Правительство РФ, принимая рассматриваемые «основные положения», ставило задачу формирования к 2018 г. условий «для реализации основных элементов новой модели экономического развития», для чего «необходимо активизировать ранее не задействованные в полной мере факторы роста российской экономики». Однако предлагаемая совокупность мер, названная «новой моделью», в основном, повторила все те же компоненты правительственной экономической политики, которые и ранее не приносили заметных изменений.

В контексте проблематики доклада (неизбежность смены стратегических ориентиров) особый интерес представляют «концепции» (политики, реформ и т.п.), как правило, принимаемые первыми лицами государства и государственными (федеральными и региональными) органами исполнительной власти. Таковы, например, «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.), «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» (2000 г.) «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.» (2005 г.), «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (вторая редакция – 2014 г.), «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (новая редакция – 2009 г.), «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (2013 г.), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2016 г.); в последней сформулированы такие целевые приоритеты России в решении глобальных проблем как формирование справедливого и устойчивого мироустройства, верховенство права в международных отношениях, укрепление международной безопасности, международное экономическое и экологическое сотрудничество, международное гуманитарное сотрудничество и соблюдение прав человека (включая актуальнейшую задачу «противодействия попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств») информационное сопровождение российской внешнеполитической деятельности (включая задачи объективного восприятия России в мире и отстаивания права каждого человека на доступ к объективной информации о событиях в мире, а также к различным точкам зрения на эти события).

Среди рассматриваемых документов стратегического характера относительно редки (при всей их общественной значимости) «доктрины», разработку и утверждение которых расширительно связывают с одним из конституционных полномочий Президента РФ[1]; например, второй вариант «Военной доктрины Российской Федерации», содержащий перечень внешних и внутренних угроз и принципов их отражения, был утвержден Президентом РФ 21 апреля 2001 г., новая редакция – 4 февраля 2010 г., а очередная – 26 декабря 2014 г. Указами Президента РФ были приняты «Доктрина развития российской науки» (13 июня 1996 г.), «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.» (27 июля 2001 г., новая редакция – 26 июля 2015 г.), «Климатическая доктрина Российской Федерации» (17 декабря 2009 г.), «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» (30 января 2010 г.) и «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (9 сентября 2000 г., новая редакция – 5 декабря 2016 г.). Принимаемые в России «доктрины» определяют не столько планы или программы действий по важнейшим направлениям

[1] Президент РФ в соответствие с п. з) ст.83 Конституции РФ «утверждает военную доктрину Российской Федерации».

функционирования страны, сколько политику этих действий[1], при том, что все «доктрины» вне зависимости от их названий и предмета в той или иной степени учитывают положения других государственных документов стратегического характера. Так, в тексте последней (2014 г.) «Военной доктрины Российской Федерации» отмечено, что в ней «учтены основные положения «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», а также соответствующие положения «Концепции внешней политики Российской Федерации», «Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» и других документов стратегического планирования. То же относится и к известной «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации».

И все же наиболее представительной группой документов стратегического характера стали собственно «стратегии», история принятия которых намного старше их узаконения в 2014 г. в 172-ФЗ, где сказано (ст.3): «стратегия социально-экономического развития Российской Федерации – документ стратегического планирования, содержащий систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации». Отмечу, что 172-ФЗ определил законность появления весьма широкого класса «стратегий» (пространственного развития РФ, социально-экономического развития субъекта РФ, социально-экономического развития муниципального образования, отраслевые стратегии, схемы и стратегии развития отраслей экономики и сфер государственного управления, стратегии отдельных сфер социально-экономического развития, межотраслевые стратеги», и даже «иные документы стратегического планирования»), которые де-факто присутствовали в пространстве российских документов стратегического характера и до этого. До настоящего времени на федеральном уровне Президентом РФ, Правительством РФ (индивидуально и совместно), а в ряде случаев и отдельными федеральными органами было принято более сорока таких стратегий, и многие из них были призваны определить долгосрочные перспективы функционирования страны в целом и ее регионов, отдельных видов общественно значимой деятельности и даже отраслей. Таковы, например, «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2020 г.», «Стратегия экономического развития Сибири», «Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», и «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации".

Во всех названных и других «стратегиях» целеполагание было и остается самым ответственным и, одновременно, наиболее уязвимым звеном, причем здесь существенно и то, как сформулированы соответствующие цели, и насколько публично они комментируются и как воспринимаются. Вспомним, как формулировались цели «перестройки» и что стояло за призывами к гласности (порицание идеологических основ советского государства), к перестройке экономики (легитимизация теневых капиталов, развитие частного сектора и т.п.) и к «новому мышлению» во внешней политике («у России нет врагов»). Не удивительно, что критики всего происходящего в России находят немало поводов для обнаружения несоответствий целевых установок «программ», «концепций» и других выше рассмотренных документов с конкретными результатами деятельности властей всех уровней по достижению заявленных в этих документах целей. Такие расхождения, действительно, существуют, но анализируя причины их появления следовало бы иметь ввиду, что во многих случаях целеполагающие стратегические документы сами провоцируют такую критику чрезмерной конкретизацией ожидаемых результатов или дословным включением в свой текст заявлений первых лиц государства. Так, в тексте ранее цитированных «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» в числе «результатов реализации структурных преобразований» в эти годы названы «выход на траекторию устойчивого роста российской экономики», приватизация большинства нестратегических активов, находящихся в собственности Российской Федерации и увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет (в начале 2016 г. оценивалась в 71,39 лет). Указывалось, что «целевыми ориентирами являются также задачи, определенные Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике», в части увеличения производительности труда к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 года и создания к 2020 году не менее 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест. Вызывает оправданное неприятие частого использования в формулировках стратегических целей понятия «каждый», что создает иллюзию возможностей «окончательного решения» приоритетных проблем. Так, в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в число основных задач включены: «создание условий для здорового развития *каждого* ребенка с рождения, обеспечение доступа *всех* категорий детей к качественным услугам и стандартам системы здравоохранения, средствам лечения болезней и восстановления здоровья».

Стремясь преодолеть расхождение между декларированными целями и реальными условиями их достижения, разработчики рассматриваемых документов вынуждены неакцентированно упоминать об этих условиях, а последние иногда заставляют сомневаться в обоснованности целеполагания. Так, в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» определено, что должны быть обеспечены возможности «приобретения пищевых продуктов по сложившимся ценам в объемах и ассортименте, которые не меньше установленных рациональных норм потребления, обеспеченные соответствующим уровнем доходов населения», но сами эти «возможности» представляются весьма неопределенными, поскольку «гарантией их достижения» названы трудно достижимые «стабильность внутреннего

[1] Существуют прецеденты конкретизации «доктрин» в других документах; например, в 2010 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 г.», развивающая положения только что принятой «Морской доктрины Российской Федерации», а в 2011 г. Правительством РФ был принят «Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г.».

производства, а также наличие необходимых резервов и запасов». В тексте Доктрины условием всего этого названо «осуществление мер, направленных на снижение уровня бедности, обеспечение приоритетной поддержки наиболее нуждающихся слоев населения, не имеющих достаточных средств для организации здорового питания, а также на организацию здорового питания беременных и кормящих женщин, детей раннего, дошкольного и школьного возраста, здорового питания в учреждениях социальной сферы». Все это так, но смущает то, что реализация таких «мер» выходит далеко за границы предмета Доктрины, да и всех остальных «доктрин» вместе взятых.

Дополнительную остроту в вопрос о целесообразности обновления имеющегося массива стратегических документов вносят претензии к *качеству* их разработки. Чаще всего называют разработку региональных стратегий «под копирку», заведомую нереалистичность предлагаемых решений, их малую связь с прогнозами развития внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации и т.п. Однако стали появляться материалы и о низкой компетенции *заказчиков* разработки стратегий. Так, со ссылкой на официальные источники[1] утверждается, что «российские министерства не способны разрабатывать профильные стратегии или законопроекты. И заказывают эту работу через цепочку посредников, интересантов и даже иностранных лоббистов. Об этом говорят аудиторы Счетной палаты, которые проверили, кто и как исполняет полномочия государственной власти в России... Были выявлены случаи активного привлечения чиновниками к своей работе иностранных компаний, участие которых в нормативно-правовом регулировании и разработке стратегических документов… не может рассматриваться как соответствующее национальным интересам Российской Федерации… Уровень квалификации служащих, за редким исключением, не позволяет подготовить научно обоснованную и качественную с методологической точки зрения стратегию или программу» и т.п.

К стратегии развития России, представленной в настоящее время совокупностью как обобщающих, так и конкретно-предметных разработок общегосударственного и регионального масштаба, можно предъявить множество требований и обосновать не меньшее число нареканий, но все они будут только увеличиваться, если не удастся решить (или хотя бы поставить) вопрос о *цели и цене* смены их принципиальных ориентиров. Если изменение представлений о траектории развития страны объективно обусловлено, то, прежде всего, следует обеспечить общественное согласие о ключевых положениях грядущих (ожидаемых, желаемых) перемен: зачем и в чьих интересах они должны совершаться. Действительно, для чего нужен массовый (он может быть только таким) пересмотр общей и частных стратегий развития страны – для более успешного продолжения движения по колее рыночно-либеральных реформ, для их большей радикализации или для отказа от их ключевых идей и положений? Это – вопросы, от однозначного ответа на которые чаще всего уходят в экспертных обсуждениях сути стратегий, сводя такие обсуждения к критике и политики государства в целом, и конкретных ее проявлений. И – напрасно, поскольку неполитизированный анализ результатов и, что не менее важно, общественного осознания перемен, прошедших в последние 25 лет, показывает, что в России может быть что угодно, кроме отхода от принятой принципиальной модели развития. Это не отменяет необходимости пересмотра ряда фундаментальных направлений стратегического курса страны, и среди них я назвал бы три главных, по моему мнению, позиции.

Во-первых, представляется экономически и социально оправданным отказ от стремлений связать благоденствие России с ее успехами на мировом рынке и с приходом обильных иностранных инвестиций. Ни одна страна мира (кроме производящих экзотические продукты, например, кофе или бананы) не может устойчиво действовать на этом рынке в условиях собственного неблагополучия. А ситуация в нашей стране именно такова, и ее важнейший индикатор – неразвитость внутреннего рынка и тотальная недоиндустриализация. Существуют разумные предложения по стимулированию внутренних инвестиций, созданию беспрецедентно льготных условий для организации новых производств и обеспечению на этой основе не импортозамещения, а реальной импортоконкуренции с товарами хотя бы массового спроса, в огромных количествах поступающих сейчас из-за рубежа. При этом рассчитывать на решение наших внутренних задач за счет иностранных инвестиций стратегически бессмысленно. Кроме того, что Россия не столь привлекательная для таких инвестиций (если, разумеется, речь идет не о получении сырьевых ресурсов), следует иметь в виду объявление России главным конкурентом крупнейшей экономике мира.

Во-вторых, нужна реалистическая оценка сложившейся социально-экономической ситуации, которая должна была бы умерить амбициозные стратегические предложения, уводящие от необходимости решения действительно насущных задач. Таково, в частности, новейшее увлечение «цифровой экономикой» как панацеей от экономической стагнации и очередным направлением экспортной имплантации в мировую экономику. Не требует доказательств, что сколько-нибудь существенное использование новейших цифровых технологий внутри России в отсутствии собственной элементной базы и крупных потребителей (за исключением сырьевых гигантов) может быть только в ВПК, в «офисной» среде и сфере услуг. Возможная замена ручного труда при отсутствии альтернативных рабочих мест имеет больше негативных, чем положительных последствий. Выход же на мировые рынки ограничивается и крайне небольшими возможностями отечественной науки и, главное, занятостью соответствующих рыночных ниш давно и успешно работающими зарубежными конкурентами.

В-третьих, необходимо стратегически закрепить и начать реализовывать самую сложную задачу – реструктуризацию сложившейся системы расселения в принципиально новых условиях ее функционирования. Это (в отличие от экономики) – самая консервативная составляющая оснований современной России, от состояния которой зависит благосостояние практически всего населения страны. Нужно честно определить перспективы всех населенных пунктов страны (от городов-миллионников до десятков тысяч пустующих, но требующих инфраструктурного обеспечения сельских поселений) с учетом реальных предпочтений постоянных и сезонных жителей и демографических прогнозов. Реструктуризация сложившейся системы расселения – задача стратегическая, требующая пересмотра миграцион-

[1] ng.ru›economics/2018-0130/1_7161_srategy

ной, жилищно-коммунальной, транспортной, социальной политики в их теснейшей взаимосвязи. Решать ее сложно, но необходимо.

Естественно, что это – такие направления пересмотра стратегических ориентиров страны, которые, не требуя кардинального слома экономических, социальных и политических устоев новой России, наиболее полно отвечают интересам и населения, и бизнеса.

Малков С.Ю.
д.т.н., профессор, МГУ
s@malkov.org
Давыдова О.И.
программист, Академия военных наук
Сулейманова А.И.
Студент МГУ

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ[1]

Ключевые слова*: человеческий капитал, прогнозирование, эффективность инвестиций.*
Keywords*: human capital, forecasting, investment efficiency.*

Изучение и прогноз человеческого капитала в настоящее время чрезвычайно актуальны, поскольку в двадцать первом веке человеческий капитал неуклонно превращается из средства экономического развития в его цель. Проблема ускорения роста человеческого капитала остро стоит в России.

Несмотря на важность этой проблемы, методические вопросы оценки и прогноза человеческого капитала еще недостаточно проработаны: существующие методики несовершенны, их сложно использовать для поддержки принимаемых решений при стратегическом планировании на федеральном и региональном уровнях.

Одним из наиболее распространенных способов оценки человеческого капитала является использование специализированных индексов, например, таких как Индекс человеческого развития, Индекс человеческого капитала и других. Но данный способ имеет ряд недостатков и не позволяет делать прогнозы относительно будущего развития человеческого капитала. Существует значительное количество экономических моделей, включающих в себя показатели, оценивающие человеческий капитал. Данные модели основываются как на качественных, так и на количественных показателях.

С использованием существующих методических наработок, для оценки человеческого капитала нами предложена динамическая модель на основе разностных уравнений, которая оценивает инвестиции в три сферы: сферу здоровья, сферу образования и сферу культуры. Наряду с инвестициями, модель учитывает и амортизацию человеческого капитала в каждой из указанных сфер. Важным достоинством модели является то, что она учитывает демографические аспекты: население рассматривается дифференцированно по нескольким возрастным группам, для каждой из которых характерны свои особенности формирования и использования человеческого капитала.

Модель предназначена для ответа на вопрос: как именно государственные инвестиции, реализуемые через госпрограммы, влияют на прирост национального и регионального человеческого капитала. Использование модели показывает следующее.

Инвестиции в младшие возрастные группы максимально эффективны в долгосрочной перспективе, а вот инвестиции в старшие возрастные группы дают максимальный результат в первые годы, наименьший результат – в последующие. Максимальные показатели прироста национального человеческого капитала и национального человеческого потенциала достигаются от вложений в старшие возрастные группы для сферы здоровья. Аналогичная ситуация и со сферой образования. Дополнительные инвестиции в сферу высшего и среднего профессионального образования дают больший результат, чем аналогичные инвестиции в дошкольное и общее образование. А вот инвестиции в сферу культуры дают аналогичные результаты для возрастной группы от 15 до 29 лет и для старших возрастных групп на первом этапе, далее рост от инвестиций в возрастную группу 15–29 лет сохраняется, а вот для старшей возрастной группы рост начинает уменьшаться.

Методика позволяет оценивать эффективность различных госпрограмм с точки зрения их влияния на рост национального и регионального человеческого капитала для различных горизонтов планирования. В докладе приведены примеры такой оценки на примере федеральных госпрограмм и госпрограмм Республики Коми.

Предложенная методика дает возможность сделать прогноз и проработать различные сценарии роста человеческого капитала в зависимости от объемов государственных инвестиций, что позволяет дать практические рекомендации, определить наиболее перспективные пути для достижения максимальной эффективности госпрограмм.

[1] Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект №16-06-00245).

Мартыненко Т.В.
д.э.н., доцент, профессор Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС
tatianamart@list.ru

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Ключевые слова: *либерализм, экономические школы, управление государственной собственностью.*

Господство в современном мире идеологии либерализма, эволюционной теории привело к тому, что вся западноевропейская культура развивается на этой основе. Либерализм стал методологической базой для многочисленных экономических учений западноевропейской цивилизации. В настоящее время он является основой для проведения экономической политики и в России. Американский ученый Т. фон Лауэ считает, что русский либерализм имеет иностранное происхождение, поэтому, не имея корней, он не может выжить на чуждой ему почве[1].

Несмотря на признание факта несоответствия либерализма основам русской цивилизации, на его основе выстроена вся система современной экономической и управленческой науки в России. Это привело к тому, что основным стал формальный подход вместо сущностного и содержательного анализа[2].

В связи с тем, что все множество современных экономических школ имеют общие корни в либерализме, целесообразно анализ начинать с термина «либерализм».

Либерализм является идейно-политическим движением, объединяющим сторонников ничем не ограниченной свободы во всех сферах жизни[3]. Либеральные принципы нашли свое развернутое выражение в трудах Т. Гоббса, Д. Локка, А. Смита, Ф. Хайека, Р. Нозика, Э. Доунса, Дж. Бьюкенена, Р. Макензи и др. В России исследованию либерализма посвящен ряд работ[4].

В либеральной парадигме возникла теория естественного права и гражданско-правовой подход к исследованию собственности. Его основные черты были разработаны классической политической экономией и представителями австрийской экономической школы. Экономисты неоклассического направления считают, что механизм свободной конкуренции и рыночного ценообразования обеспечивает справедливое распределение доходов и полное использование экономических ресурсов.

Дж. Локк, который является одним из основоположников либерализма, сущность собственности выводил из человеческой личности, а появление государства и государственной собственности объяснял добровольной передачей населением части функций государству[5].

Либерализм считает, что государство не должно вмешиваться в сферу управления. Его функция – это защита прав собственности. Либералы отстаивают право индивидуального собственника по своему усмотрению распоряжаться своей собственностью и поэтому выступают против укрепления государства. Доказывается, что с помощью права происходит фиксация уже сложившихся оптимальных для данного общества отношений. Достаточно широкое распространение в научной литературе получило толкование данного подхода к исследованию собственности как технико-экономического или организационно-экономического. При таком подходе собственность рассматривается как чисто технологический акт[6].

Обращаясь к российской тематике, считаем необходимым отметить следующее:

Во-первых, представители либерального направления экономической мысли как аксиому принимают положение об отсталости России и выступают за модернизацию ее экономики по западному образцу. Они отрицают самобытность российской цивилизации, считая, что Россия отстает от Запада в своем развитии, а развитие связывают только с совершенствованием производительных сил.

---

[1] Laue T. The Prospects of Liberal Democracy in Tsarist Russia // Essays on Russian Liberalism. – 1972. – P. 170–176.

[2] См. об этом подробнее в работах: Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 2; Ходжсон Дж. О проблеме формализма в экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 3.

[3] Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, Н.П. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М., 1983. – С. 311.

[4] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / Пер. с нем. И. Иловайской. – М.: Русский путь-Полиграфресурсы, 1995. – 550 с.; Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М., 2005; Капелюшников Р. Российский либерализм: быть или не быть? – http://www.libertarium.ru/l_liblibrus_art1; Блинов А.О. Нравственная экономика и либерализм // Российский академический журнал. 2014. – № 1.

[5] Собственность классиков: Локк Дж. // Отечественные записки. – М., 2004. – № 6.

[6] Ефимчук И.В. Собственность как социальная система. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004. – С. 12.

Во-вторых, роль государства они ограничивают защитой правопорядка, прав собственности, поддержкой стабильной денежной системы, организацией публичных услуг (национальная оборона, охрана здоровья, защита окружающей среды). Ценным в либеральном понимании государства является приоритет личности над государством, защита частной собственности и предпринимательства.

Сущностные характеристики методологии неоклассического направления, которое является ядром либерализма, можно выразить следующими принципами: оптимальность и эффективность. Особенно важен, на наш взгляд, последний принцип, так как, исходя из него, обосновывается необходимость перехода любой собственности к более эффективному собственнику[1]. В общество внедряется мысль о неэффективности государственной собственности, доказывается необходимость передать ее в частный сектор, а затем выясняется, что российские собственники также не могут распоряжаться эффективно, поэтому лучше всего передать ее международному капиталу. Г. Попов предлагает в связи с неэффективностью управления российской государственной собственностью передать под международный контроль недра, охрану окружающей среды и мирового климата, ядерное оружие, ядерную энергетику, ракетно-космическую технику[2].

Российский политолог А. Панарин предупреждал, что в настоящее время странами-гегемонами в мировом масштабе реализуется концепция, предполагающая передачу собственности тем, кто распоряжается ею более эффективно[3]. Этот процесс уже происходит в мировой экономике. Исследования зарубежных ученых показали, что сейчас существенная доля мирового национального богатства и реальной экономической власти сосредоточена в руках 147 крупнейших корпораций благодаря механизму перекрестного владения акциями, что позволило им овладеть 40% мирового корпоративного богатства[4].

Таким образом, формируется система, которая способствует невиданной концентрации собственности у горстки мировой финансовой олигархии. А теория эффективности, являющаяся основополагающей в современных теориях собственности, подводит к мысли о необходимости перехода государственной собственности под контроль международного капитала. Общественное сознание постепенно готовится к восприятию неизбежности создания мировой цивилизации, основанной на чуждых российскому обществу ценностях.

Другим сущностным недостатком либерального подхода является неверное понимание роли государства в условиях глобализации. Проф. Г.В. Атаманчук считает, что в доступе к национальному богатству заключается сила власти[5]. Следовательно, борьба за доступ к ресурсам – это продолжение борьбы за власть. А ресурсами власти являются духовные ценности, аппарат власти, финансы, материальные ценности, право, информация и связь (вся инфраструктура). Дефицит природных ресурсов в мире (особенно пресной воды и качественной земли) ведет к усилению борьбы за них. Ситуация обычно обостряется, как только Россия пытается взять свои ресурсы под контроль. Запад тут же усматривает в этом угрозу собственным интересам. Появляются публикации, называющие Россию страной ресурсного национализма, затрудняющей доступ иностранцев к сырью.

Алгоритм исследования государственной собственности с институциональных позиций изложен в ряде работ представителей данного направления[6]. Государство в институциональной теории рассматривается как «набор нерыночных институтов принятия решений». Ему отводится роль генератора институциональной среды, способствующего формированию стимулов и предпочтений для хозяйствующих субъектов.

Государство в неоинституциональном подходе рассматривается с позиции договорных отношений между гражданами и государством. Главная функция такого государства – это защита и спецификация прав собственности. Следствием такого понимания государства является наличие сложной и детализированной судебно-правовой системы.

Существование различных форм собственности в неоинституциональной теории обосновано необходимостью минимизации трансакционных издержек. Собственность в представлениях неоинституционализма – это совокупность прав, а не сам материальный объект. Собственность дает возможность доступа к каким-либо ресурсам и представляет собой конкретный набор элементов права собственности в руках индивида.

Представители данного направления считают, что санкционировать права собственности может не только государство, но и общество. Государство закрепляет их в виде нормативно-правовых актов, а общество – с помощью обычаев, традиций, нравственных и религиозных требований. Спецификация, разделение прав собственности делает возможным их отчуждение и обмен.

В неоинституциональной теории важную роль играют такие понятия как «ограниченная рациональность», «оппортунистическое поведение». Считается, что субъекты экономической деятельности не всегда принимают рациональные решения. Этому может мешать, например, неполная информация. Поэтому институты должны способство-

---

[1] Генезис и эволюция власти-собственности. – http://institutional.narod.ru/book2008.1.pdf

[2] Попов Г. Кризис и глобальные проблемы // Московский комсомолец. – М., 2009. – 25 марта.

[3] Панарин А.С. Антиномии русской власти и христианская духовность: перспективы возрождения «третьего Рима» (Ч. 2) // Трибуна русской мысли. 2002. – № 3. – С. 47–58.

[4] Эксперты: мировой экономикой управляет одна «суперкорпорация» // Интернет-журнал Новая политика. 2011. – 20 октября. – http://www.novopol.ru/-ekspertyi-mirovoy-ekonomikoy-upravlyaet-odna-superkor-text111116.html

[5] Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М.: Культура. Академический проект, 2006. – С. 43.

[6] Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. д.э.н., проф. Р.М. Нуреева. Ч. 3. Государство в современной России. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003. – 304 с. – ec5/652/1219/mpsf150-3.pdfsocman.hse.ru/data/19; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005.

вать уменьшению негативных последствий оппортунистического поведения рыночных субъектов, а юридическое оформление прав собственности приведет к минимизации издержек[1].

В связи с тем, что частная собственность считается наиболее эффективной, делается вывод о том, что государственная собственность должна существовать лишь там, где слабо выражены преимущества частной собственности, и там, где необходимо обеспечить режим доступа к редким ресурсам.

Одной из теорий в рамках неоинституционального подхода является теория общественного выбора, которая обосновывает возможность принятия политиком или государственным чиновником решений, которые расходятся с общественными интересами. По словам Дж. Бьюкенена, в основе поведения политика лежит максимизация его собственной полезности, а не полезности избирателей[2]. Таким образом, в данной теории научно обосновывается возможность личного эгоизма политика при принятии решений по управлению государственной собственностью.

А для того, чтобы уменьшить влияние политиков на принятие экономических решений по управлению государственной собственностью, обосновывается необходимость передачи государственной собственности в частные руки.

В российской экономической науке эволюция государственной собственности рассматривается подробно в рамках неоинституционального направления, как эволюция власти-собственности[3].

Этот термин получил широкое распространение благодаря востоковеду Л.С. Васильеву. Считается, что «власть-собственность» присуща восточному типу цивилизаций. Функцией государства является перераспределение избыточного продукта общества и через механизм управления фактическое присвоение формально общенародной собственности. При этом власть первична, а частная собственность носит подчиненный характер.

Государство монополизирует такие функции, как распределение продукта и средств производства, защиту от внешнего врага, управление всеми отраслями производства или его отдельными сегментами[4].

Следует отметить, что такое понимание власти и собственности характерно для сторонников теории, рассматривающей Россию как разновидность Восточной цивилизации, а не как самостоятельную самобытную православную цивилизацию[5].

Рассмотрим основные черты категории «власть-собственность». Прежде всего, выделяются централизация хозяйственных функций управления, неразделенность экономических и политических функций, иерархическое построение власти, государственная собственность выступает в форме общественно-служебной собственности, субъектами права собственности являются государственные чиновники. Основным источником дохода от такой собственности является рента-налог. Отмечается, что существует такая закономерность – ослабление государства приводило к расширению частной собственности, а усиление – к ее уменьшению[6].

Устойчивая повторяемость системы «власть-собственность» на протяжении почти всего существования российского государства объясняется некоторыми исследователями доминированием определенного типа институциональной матрицы. В научной среде выдвинуто предположение, что все государства мира можно разделить на две группы, которые соответствуют определенному типу развития. Они получили название X- и Y-матриц. Основой данной теории является противопоставление государств Запада и Востока (К. Маркс, К. Поланьи, В. Ойкен, О. Бессонова и др.)[7]. Это противопоставление наглядно представлено в табл. 1.

Отмечается, что основной причиной доминирования в России X-матрицы является специфика материально-технологической среды обитания. Государству принадлежат система речных путей, каналов, железнодорожный и трубопроводный транспорт, система жилищно-коммунального хозяйства, энергетическая система и т. д.

В научной литературе тип государства, основанный на модели «власть-собственность» получил название дворцовый (середина XVIII – начало XX вв.)[8].

---

[1] Капелюшников Р. И. Новая институциональная теория. – http://www.libertarium.ru/10625

[2] Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997. – С. 408.

[3] Васильев Л.С. Феномен Власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1982; Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы Интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века». – http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/; Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 6. – С. 10–31; Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. – Т. 2, № 4. – С. 117–118; Вольчик В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России. – politconcept.sfedu.ru/2009.1/11.pdf

[4] Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. – М.: МГУ, 1991. – С. 55.

[5] Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998; Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес. Монография / Под ред. Р.М. Нуреева. – Ростов-н/Д: Наука-Пресс, 2006. – 512 с.; Стариков Е.Н. Общество-казарма: от фараонов до наших дней. – Новосибирск, 1996; Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М., 1997; Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – Новосибирск, 1999; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000.

[6] Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес. Монография / Под ред. Р.М. Нуреева. – Ростов-н/Д: Наука-Пресс, 2006. – С.16.

[7] Кирдина С. Собственность в X-матрице // Отечественные записки. – М., 2004. – № 6.

[8] Этот термин был предложен историком В.О. Ключевским и развит современными исследователями: Глебова И.И. Дворцовое государство в современной России // Политическая концептология. 2011. – № 2; Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития. Автореферат докторской диссертации. – Ростов-на-Дону, 2015.

Таблица 1[1]

Базовые институты X- и Y-матрицы

Основные подсистемы общества	«Восток» X-матрица	«Запад» Y-матрица
Политика	Унитарно-централизованное устройство	Институты Федерации
Идеология	Приоритет общественных интересов	Приоритет личных интересов
Экономика	Доминирование распределительных отношений	Институты рынка или обмена

Для такого государства характерно доминирование власти-собственности, неформально-публичный тип управления, преобладание группового интереса «двора» над общим интересом страны, монополизм, трансформация государственной собственности в «дворцовое» владение, перераспределение государственной собственности в пользу господствующих групп, понимание власти как привилегии накладывать дань, превращение государственных учреждений в доходные предприятия по освоению казенных денег.

В советской системе сложилась классическая система «власть-собственность». В ней была жесткая зависимость личного благосостояния от места в иерархической государственной системе. Советский бюрократический аппарат занял место буржуазии. Многие исследователи считают, и с ними трудно не согласиться, что такой тип государственной собственности возродился и существует в современной России.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Основой методологии исследования государственной собственности в либеральных концепциях является антропоцентризм, когда интересы индивида, частной собственности признаются приоритетными по сравнению с интересами общества, коллектива, государства. Первичными считаются материальные факторы развития. Преувеличивается роль рыночных механизмов, в то время как в мире становятся преобладающими нерыночные методы конкурентной борьбы и усиления эксплуатации, такие как монетарная и технологическая рента.

2. Методология неоклассического направления, базирующегося на либеральных принципах, не учитывает особенности России как цивилизации, имеющей другое начало, чем страны Запада. Минимизация государства, к которой призывает неоклассическая экономическая школа, в условиях глобализации экономики и господства транснациональных корпораций способствует подрыву суверенитета страны.

[1] Составлено автором на основании статьи: Кирдина С. Собственность в X-матрице // Отечественные записки. – 2004. – № 6.

Назаров В.И.
д.т.н., профессор Международного Славянского института
Nazarov_1956@mail.ru

МЕХАНИЗМ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ. Ч. 3

Ключевые слова: *цель общественного развития, социальная справедливость, народовластие, собственность.*

В моих докладах на декабрьских конференциях ИНИОН РАН 2014 и 2016 годов[1] дано обоснование необходимости выработки Идеологии возрождения и развития и приведены основные её положения. Было обосновано, что **Целью** общественного развития должно стать **создание полноты условий для воспроизводства народа в его социальной сложности и многоэтнической составленности,** а не доминирование какой-либо из социальных составляющих (пролетариата, либо международных финансистов)

Был структурно описан механизм реализации Идеологии возрождения через решение основной задачи в сфере экономики – введение в хозяйственное освоение наиболее рационального объема природных ресурсов, что ограничивает частно-предпринимательские предпочтения и делает их вторичными по отношению к потребностям развития общества (к стратегии развития).

Был приведен алгоритм механизма народовластия, реализуемый в форме выбора людьми, проживающими на каждой территории, стратегии общественно-экономического развития этой территории.

Была определена задача в сфере общественного устройства как максимальное использование и наиболее полное раскрытие «человеческого потенциала.

Для мобилизации социума на решение задач общественного переустройства всегда используются лозунги социальной справедливости, которыми, однако, часто пользуются группы управления, имеющие совершенно иные цели. Так было в Германии в начале 30-х годов прошлого века, когда на смену либерально-демократическому строю Веймарской республики пришел мобилизационный режим, обещавший национальный социализм, а поведший свой народ по пути самоуничтожения.

Так было 100 лет назад в России, когда на смену либерально-демократическому режиму Временного Правительства пришел мобилизационный режим «военного коммунизма», в котором Л.Б. Троцкий и его соратники видели прообраз «Мировой Революции», для пламени которой русский народ стал бы «дровами», топливом.

То же и в ИГИЛ, мобилизующем исламскую молодежь под лозунгами социальной справедливости и направляющей её на самоуничтожение.

То же и в современной Украине, где лозунги социальной справедливости призвали на Майдан широкие слои населения, а группы внешнего управления стали формировать националистические батальоны для «утилизации» наиболее пассионарной, наиболее творчески дееспособной части молодежи.

Во всех этих случаях можно наглядно видеть, что лозунги социальной справедливости востребованы не силами развития, а силами деградации общественных процессов, всякий раз «седлающим» волну недовольства людей либерально-демократическими режимами, не способными решать проблемы развития, и даже просто удерживать ситуации от системного кризиса.

Аналогичные признаки можно видеть и в современной российской действительности, где неспособность либерально-демократического режима противостоять нарастанию кризисных явлений и решать вопросы развития, используется «силами деградации» для мобилизации народных масс на подрыв устоев государственности именно под лозунгами социальной справедливости.

Противостоять этому возможно лишь заявив иную, конструктивную стратегию социально-экономического развития на принципах социальной справедливости. Настоящий доклад призван обозначить основные идеологические элементы такой стратегии.

1. Поскольку права частной собственности на средства производства при капитализме неизбежно порождают социальное неравенство и ведут к разделению человеческого сообщества на «расу господ» и «расу слуг», лишая и тех и других созидательно-творческого начала, заложенного в Человеке (Всевышним = Природой), необходимо ограничить этот процесс концентрации капитала, считая его социально-недопустимым.

Перерождение же капитализма в его монополистическую и олигархическую стадии неизбежно ведет к доминированию финансового капитала над производительным, с перспективой утраты Человечеством своей созидательной и

[1] См.: Назаров В.И. Механизм национального возрождения и развития (ответ Ф. Фукуяме) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 1. – С. 127–129; Назаров В.И. Механизм национального возрождения и развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 1. – С. 70–71.

преобразующей Природу роли, результатом чего может быть только одно – конец Цивилизации людей на планете Земля, поскольку ничего лишнего и никчемного в Природе не существует.

В то же время, без творческого применения сил и способностей каждого человека в рамках капиталистического предпринимательства, невозможно обеспечить эффективное и динамичное развитие хозяйственного комплекса, являющегося базисом, основой общественного развития.

Необходимость сочетания элементов капитализма с жестким ограничением его олигархических форм требует выработки механизма, тормозящего концентрацию капитала и передачу его от более талантливых предков менее талантливым наследникам.

Суть такого Механизма состоит в том, чтобы угнетать функцию денег в накоплении капитала и всячески поддерживать функцию средства платежа, т.е. создавать условия, когда капитал станет формироваться не в виде обезличенного финансового актива, а в виде общественно-полезных товаропроизводящих фондов. Это должен быть Механизм угнетения финансового капитала в пользу капитала производительного.

Элементами такого Механизма являются:

– устойчивая небольшая инфляция в сочетании с законодательным ограничением величины ссудного процента, либо вообще с определением ссудного процента не от времени пользования средствами, а по самому факту получения ссуды, что стимулирует скорость обращение капитала в коммерческом секторе;

– высокие налоги на наследство, предметы роскоши, на высокие доходы физических лиц;

– долгосрочное кредитование субъектов рынка со стороны корпораций развития территорий под символический, либо нулевой процент (в форме совместной деятельности по ст. 1041 ГК РФ в рамках программ развития территорий).

2. Поскольку права общенародной собственности при социализме неизбежно порождают социальную группу управленцев, стремящихся закрепить свое привилегированное положение в социальном и имущественном статусе («парт-хоз-номенклатуры»), что неизбежно порождает и закрепляет неравенство и ведет к социальному разделению, отнести все средства производства к общенародной/государственной собственности считаем неправильным.

Прибыль-образующая часть средств производства, входящая составной частью в формируемые территориально-хозяйственные комплексы, вполне может находиться в частном управлении, либо в частной собственности.

Инфраструктурная часть средств общественного производства не может быть прибыль-образующей, а потому должна оставаться в собственности общественной/государственной, но может передаваться в частное управление для оптимизации производственных процессов.

Инновационная часть средств общественного производства (включает цикл научных разработок – выработки технологий – апробации – внедрения) не может быть частной, а все риски инновационного цикла должно принимать на себя общество, определяющее направления приоритетных научных исследований исходя из потребностей своего программно-целевого развития. Однако для элементов инновационного цикла частная инициатива (на подряде) – наиболее приемлема.

Часть средств общественного производства, не входящая в формируемые территориально-хозяйственные комплексы, а развивающаяся по основаниям коммерческой самостоятельности своих собственников, вполне может и далее оставаться таковой.

Управление формируемыми территориально-хозяйственными комплексами осуществляется корпорациями развития каждой территории, выполняющими программы развития, утвержденные представительными органами власти, которые непрерывно контролируют их исполнение и, при необходимости, вносят в них коррективы, что и является механизмом реального народовластия.

3. Важнейшей чертой социализма и его положительным качеством является вовлечение в общественное производство всей массы трудовых ресурсов, для интенсификации использования которой применяется главный принцип социализма – принцип социальной справедливости.

В обществе «общенационального интереса» необходимо использовать принцип социальной справедливости, признающей только трудовое неравенство (с признанием высокой общественной значимости и управленческого, и творческого труда, а не только труда физического, либо мастеровитого).

Одновременно с этим следует признать недопустимым все формы неосновательного обогащения (ч.7 ст. 8 ГК РФ), а стремление людей к этому – стяжательство – считать общественно-недопустимым и порицаемым пороком.

Главной чертой человека нового общества должно быть признано Человеческое Достоинство, без которого немыслим Человек творческий, – как главное достояние каждой личности, требующее всемерного оберегания обществом.

Для реализации этих принципов формируемые механизмы общественного устройства должны:

– качественно расширить практику помилования за преступления, совершенные по основаниям явного оскорбления человеческого достоинства по ходатайству органов представительной власти;

– ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН «О предотвращении коррупции» (принятой на пленарном заседании 58 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31.10.2003) с возможностью конфискации имущества семьи коррупционера;

– вменить органам представительной власти всех уровней функцию определения норм и параметров общественного проявления социального неравенства, предоставив им право вынесения решений относительно отдельных фактов и режима общественного порядка на территории юрисдикции данного представительного органа власти, первичных по отношению к волеизъявлению отдельных граждан, проживающих на данной территории;

– приравнять факты коррупции к тягчайшим преступлениям против общества, т.е. государственной измене, не имеющим сроков давности, а также влекущим конфискацию имущества семьи коррупционера;

– считать преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных средств преступлениями геноцида в отношении нашего народа, не имеющими сроков давности, а также влекущими конфискацию имущества семьи коррупционера;

– квалифицировать имущественные преступления против общества, либо больших групп людей (20 человек и более) как тягчайшие, не имеющие сроков давности, а также влекущие конфискацию имущества семьи преступника;

– ввести смертную казнь за тягчайшие преступления против общества и государства, при обязательности суда присяжных и возможности отсрочки исполнения приговора по решению суда;

– предусмотреть участие (с протокольным фиксированием их позиции) в обсуждении и рассмотрении вопросов общественного жизнеустройства представителей традиционных религий данного региона, перечень которых для всех районов утверждается парламентом каждого из субъектов федерации;

– определить органы представительной власти всех уровней и представителей традиционных религий субъектами судебной инициативы по искам к третьим лицам в вопросах защиты собственного достоинства и исключения оскорбительного проявления социального неравенства;

– предусмотреть участие и надзор представителей традиционных религий за деятельностью органов социальной защиты в вопросах попечительства над сиротами, стариками и инвалидами, разрешения внутрисемейных конфликтов.

В результате применения вышеописанного Механизма, социально-экономические отношения обретут следующие качественно-определяющие черты:

– стихийность рыночных отношений, непрерывно генерирующая диспропорции, будет заменена рациональностью индикативного планирования, когда общество как бы подсказывает каждому бизнесу наиболее эффективный для него сектор и объем хозяйственной деятельности, а также создает для этого всю полноту условий благоприятствования, что изменяет сам характер взаимодействия бизнеса и общества;

– выборочность и фрагментарность в использовании природо-ресурсного потенциала, что обусловливает невысокую её эффективность, будет заменена на комплексное и рациональное использование всей полноты ресурсного потенциала;

– общественные отношения, гармонизирующие стратегию общественного развития и творческий талант предпринимательства, обеспечат условия наиболее динамичного развития производственно-хозяйственного комплекса;

– ограничение спекулятивно-финансового капитала в пользу капитала производственно-финансового, в совокупности с повышением налогов на роскошь, на наследство и на сверхдоходы (хотя бы до уровня стран Запада), оздоровит финансовую систему и исключит любые перспективы спекулятивного её обрушения;

– переход от стихийного развития территорий на программно-целевое развитие с оптимизацией системы на восполнение «человеческого потенциала» обеспечит полную трудозанятость населения и создаст гарантии финансирования блока социальных обязательств в бюджетах всех уровней, как и восполнение амортизации инфраструктурных отраслей, как и финансирование теоретической и прикладной науки в объемах и направлениях, обеспечивающих выполнение программ развития;

– гармонизация общественных отношений за счет переноса противоречий, являющихся основой диалектического развития, из социума в сферу его взаимодействия с Природой, создаст условия для Общественного Договора – национального консенсуса на достижение единой для всего Народа цели, реализуемой в цифрах и задачах конкретных программ развития каждой территории;

– построение общественных отношений на морально-этических принципах, исторически присущих народам России, создаст иной моральный климат, когда каждый гражданин будет чувствовать гарантию со стороны общества в обеспечении своих естественных прав, а также иметь полную возможность реализовать свой творческий потенциал;

– будет качественно повышена эффективность государственного управления как за счет кратного сокращения числа управленцев, функции которых перейдут к корпорациям регионального развития, так и за счет обретения программно-целевого характера работы всего аппарата.

Обретая такие свойства, Россия сформирует новое качество общественно-экономического устройства, возвращающего её на путь устойчивого модернизационного развития, структурирующего экономическое пространство рядом расположенных стран, что и способно формировать самодостаточную автаркичную валютную зону «от Мурманска до Эйлата», как это и предсказывали Ванга и Кейси.

Небренчин С.М.
д.и.н., профессор, заместитель директора ЦСОиСМИ ТПП РФ
nebrenchin@tpprf.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Ключевые слова: *суверенная экспертиза, глобальные угрозы, внешнее влияние, «мягкая сила», подрывная деятельность, геодемографический фактор, суверенная экспертиза.*

Keywords: *a sovereign examination of global threats, foreign influence, «soft power», Subversion, geodemographic factor, sovereign examination.*

Задача обеспечения суверенитета государства и общества решается с учетом международного положения страны, состояния, реалий и перспектив современной российской государственности и общества, отечественной исторической практики борьбы за независимость, зарубежного опыта суверенизации. Актуальность суверенной экспертизы возрастает в эпоху глобальных вызовов и угроз, нарастания кризисных явлений в международных отношениях, в условиях санкций и антироссийской подрывной деятельности коллективного Запада.

Государственный суверенитет в системе международных отношений

В современном мире сложно избежать взаимозависимости в международных отношениях между государствами, крупнейшими международными организациями, влиятельными мировыми СМИ и Интернет-сетями, могущественными трансконтинентальными корпорациями, глобальными структурами влияния. Тем не менее, существуют различные степени и уровни суверенитета отдельных государств. В США с 2005 г. в открытой печати публикуется рейтинг недееспособности государств, который, как предполагается, отражает возможность государственных властей различных стран контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране, Данный рейтинг фактически оценивает суверенность государства на основе качественно-количественного анализа более 100 показателей. Однако по сути он крайне политизирован, используется для пропаганды и внешнего давления на ту или иную страну, на неугодных правителей. Имеются и другие рейтинги и индексы, разрабатываемые крупнейшими государственными и частными аналитическими центрами.

В соответствие с рейтингом государственного суверенитета стран G-20 по 12 показателям, подготовленного в 2013 году, места между 18 государствами, включенными в рейтинг, распределились следующим образом: КНР, Россия, Индия, Индонезия, Япония, Саудовская Аравия, Бразилия, ЮАР, Ю.Корея, Аргентина, Турция, Мексика, Франция, Великобритания, Италия, Австралия, Германия, Канада[1]. Несмотря на то, что геодемографический фактор (размеры территории, количество и качество населения) является интегрирующим показателем уровня и степени обеспечения суверенитета государств мира, в рейтинге стран G-20 он представлен лишь одним показателем – «национальный суверенитет» из общего числа 12: правовой, военный, долговой, энергетический, экономический, культурный, религиозный, информационный, культурный, суверенитет внешней политики, системы здравоохранения, системы образования.

Вместе с тем, по оценкам отечественных и зарубежных экспертов и, в частности, по результатам исследования Фонда содействия общественной дипломатии, проведенного в 2017 году, по уровню и степени относительного государственного суверенитета впереди оказались: Израиль, Швейцария, Ватикан, Китайская народная республика, Исламская республика Иран, Корейская народно-демократическая республика, Россия и ряд небольших государств мира, которые не играют заметной геополитической роли в мире. На пути укрепления суверенитета находятся Вьетнам, Филиппины, Венесуэла, Пакистан, Сирия, Белоруссия, Армения и др.

Китай и Израиль как представители, соответственно, конфуцианской и иудо-христианской цивилизаций, добились наибольших результатов на пути обеспечения суверенитета своих стран. Как следствие, Израиль продолжает играть заглавную роль в мировых делах, активно влиять на деятельность ведущих государств мира и международных структур, определяет контуры нынешнего и грядущего мироустройства. Небезынтересно, что согласно политико-правовым документам Израиля, благополучие еврейского народа является основополагающей ценностью государства и общества, важнейшим фактором обеспечения суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности страны. В настоящее время в прессе обсуждается вопрос о строительстве «Нового Иерусалима» на юго-

[1] Подробнее см.: Контуры концепции «Рейтинг государственного суверенитета» (на примере рейтинга государственного суверенитета стран G-20 // World in Figures 2013 Edition. – М., 2014. – С. 3–49.

восточных территориях современной Украины, в частности, Днепровской, Запорожской, Николаевской, Одесской, Херсонской областей[1].

В свое время выходцы из ветхозаветного Израильского государства существенным образом повлияли на развитие Китая, который в настоящее время претендует на роль сверхдержавы XXI века. Последний XIX съезд КПК взял курс на дальнейшее построение социализма с китайской спецификой новой эры, укрепление суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности. Глобальный китайский проект «Один пояс, один путь» нацелен на глобальное доминирование КНР на самом большом материке в мире – Евразии[2]. В последнее время в Китае все больше осознают то обстоятельство, что количественные и качественные показатели китайского населения, его высокий уровень однородности (народность «ханьцы» составляют более 90% численности страны) являются фундаментальным базисом государственности, территориальной целостности и национальной безопасности, самосохранения, развития и конкурентоспособности КНР в эпоху глобальных вызовов и угроз. Неслучайно руководство страны отказалось от порочной политики ограничения рождаемости и взяло курс на повышение благосостояния народа.

Кстати сказать, Индия, которая по численности населения конкурирует с Китаем, не в состоянии обеспечивать свой суверенитет с опорой на свои количественные демографические преимущества, так как по этно-религиозным, культурным, языковым, генетическим, социально-экономическим и другим признакам является крайне неоднородной страной. Индия во многом остается искусственно объединенной страной, находящейся под сильным внешнем влиянием, инструментом потенциального противодействия КНР.

Высокую степень суверенности демонстрирует Исламская республика Иран, в которой персы, стержнеобразующий народ, составляют 60% народонаселения страны, но они, в отличие от других многонациональных государств и, в частности, РФ, где однородное большинство русско-славянское населения фактически отчуждено, пропорционально не представлено во властных кругах, доминируют в руководстве религиозных, государственных и общественных институтов. В деле обеспечения суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности Ирана важнейшую роль играет религиозный фактор, ислам шиитского толка, консолидирующий многонациональное государство.

Как считают эксперты, другие ведущие страны мира, в том числе США и их союзники по блоку НАТО, которые воспринимаются международным сообществом в качестве наиболее влиятельных субъектов международных отношений, тем не менее, остаются под тотальным контролем сил «глобального предиктора», который имеет свои сети агентуры влияния в этих и других странах мира. В частности, несмотря на стремление России под руководством ее президента Владимира Путина полностью выйти из-под внешнего контроля, которое было установлено в результате проведения «бессрочной операции по уничтожению стратегического противника» – СССР[3], до сих пор еще не удалось. В борьбе за мировое лидерство между тремя ведущими странами мира – США, Россией и Китаем – в наилучшем положении находится Китай, который, в отличие от России и США, гораздо более суверенен в принятии и реализации своих решений[4].

По оценкам специалистов, подобная ситуация в мире сложилась не сегодня, а в течение длительного исторического периода. Примерно в течение трех тысяч лет возник и сложился глобальный предиктор – субъект мировой политики, «сценарист-планировщик» ныне господствующего способа глобализации, а также социальных процессов по отношению к человечеству в целом, пишет Википедия. В современной зарубежной и отечественной прессе глобальный предиктор получил следующие названия: «халдейские мудрецы», «глубинное государство», «мировая закулиса», «архитекторы мирового порядка», «тайное мировое правительство», «сильные мира сего», «центр глобального управления» и др. Международными институтами и инструментами влияния глобального предиктора считаются «Бильдербергский клуб»[5], «Трехсторонняя комиссия», «Комитет 300», «Совет по международным отношениям», «Римский клуб», «Федеральная резервная система», «Международный валютный фонд», транснациональные корпорации, ведущие мировые СМИ и международные неправительственные организации. На международной арене интересы глобального предиктора представляют могущественные кланы Рокфеллеров, Ротшильдов, «Швейцарские Риглы», Ватикан, а также ведущие мировые спецслужбы и, в частности, Моссад (Израиль), «тайная разведка» Ватикана, ЦРУ (США), МИ-6 (Великобритания), БНД (Германия), ДГСЕ (Франция), Разведывательный и ситуационный центр ЕС, СБУ (Украина) и др. Наиболее эффективным инструментом влияния извне выступают ведущие мировые СМИ и неправительственные международные общественные организации. Они составляют ядро «мягкой силы»[6], широко применяемой в подрывной деятельности против неугодных правителей.

[1] «Новый Иерусалим»: на Украине сообщили о создании еврейской республики. – https://riafan.ru/996368-novyi-ierusalim-na-ukraine-soobshili-o-sozdanii-evreiskoi-respubliki

[2] См.: Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. – М.: АНО ЦСОиП, 2017. – С. 3–7.

[3] См.: Агеев А.И. «Принцип домино»: стратегические чтения // Экономические стратегии. – М., 2017. – № 5. – С. 196–197.

[4] Подробнее см.: Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке Россия-США-Китай: семь вариантов обозримого будущего. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2017. – С. 295–300.

[5] См.: Пашин Ф. «Глубинное государство» в России против России. – https://regnum.ru/news/2282470.html

[6] См.: Небренчин С.М. Информационное измерение «мягкой силы». – М.: АНО ЦСОиП, 2017. – С. 15–18.

Геоисторические предпосылки подрыва российского суверенитета

Нынешние проблемы защиты суверенитета и предотвращения вмешательства извне лежат в области исторической практики суверенизации страны. Как известно, в тысячелетней истории России было немало длительных периодов нахождения государства и общества под большим или меньшим влиянием извне. Российская история изобилует примерами засилья во власти ставленников внешних сил, марионеток-чужестранцев, разного рода проходимцев, которые руководствовались корыстными, но не национальными интересами. Российская государственная модель экстенсивного развития преимущественно основывалась на жесткой эксплуатации однородного большинства в лице русско-славянского населения, его дискриминации, ущемлении прав и отчуждении от власти.

Российское имперское государство изначально строилось на интернациональной основе, когда представители политических элит, будучи выходцами из «национальных окраин» и зарубежных стран, прежде всего и во многом ориентировались на внешние интересы. Историческая традиция формирования российской элиты на основе чужестранных элементов привела к тому, что природа власти в России приобрела антинародный по сути характер, противоречащий интересам автохтонных этносов страны. Со временем социальной опорой антинациональных режимов стали сообщества диаспор, элиты национальных государственных образований, представители творческой интеллигенции и коррупционных сетей, сторонники западных разрушительных ценностей, прежде всего, в российских мегаполисах, религиозные меньшинства, миграционная среда и др.

Несмотря на такое положение дел в тяжелые времена испытаний для страны, в частности в годы войн, власти страны делали ставку исключительно на однородное русско-славянское большинство. По словам Иосифа Сталина, типичного представителя интернациональной власти в СССР, выходца из национальной окраины, воинское соединение или часть являются не боеспособными, если укомплектованы представителями русско-славянского населения менее чем на три четверти.

Впоследствии, в годы «холодной войны» и «перестройки» прежде всего из числа чужеродных элементов во влиятельных российских кругах сформировалась разветвленная сеть агентуры внешнего влияния, получившая в наши дни название «глубинное государство». В настоящее время его представители, так и не обретшие этно-политического родства с российской глубинкой, остаются проводниками иностранного вмешательства во внутренние дела государство, активно выступают против дальнейшей суверенизации страны, курса российского президента на укрепление государственности, территориальной целостности и национальной безопасности. В своей деятельности они в тесной координации с силами внешнего давления на РФ основной акцент делают на борьбу с любыми проявлениями русско-славянского влияния и сопротивления в стране. Несмотря на то, что в современной России «русская тема» находится под негласным запретом властей, она остается главным направлением целенаправленных нападок извне. Неслучайно косвенным свидетельством русофобского характера вмешательства во внутренние дела РФ извне является тот факт, что западные оппоненты ведут забор биологического материала у представителей русско-славянского населения в целях создания генетического оружия, чтобы нейтрализовать основные силы сопротивления на пути покорения одной седьмой части суши.

Между тем, в настоящее время количественные и качественные показатели главного демографического ресурса страны, на протяжении столетий обеспечивающего выживание и самосохранение государства и общества, консолидацию граждан разных национальностей и верований, мобилизацию их на решение стратегических задач дальнейшего развития, стремительно ухудшаются. В настоящее время численность русско-славянского населения уменьшилась до 60 процентов, при метафизической норме не менее 66,6% от общей численности. Фактически разрушенным оказался важнейший источник самосохранения геодемографического ядра – русская деревня, хранительница морали, нравственности и духовности, традиционного уклада жизни, цементирующих духовные и материальные скрепы государственности и общества, определяющего перспективы возрождения и дальнейшего развития страны. Оставляют желать лучшего другие демографические показатели русского народа и других автохтонных этносов. Ситуация осложняется тем, что нынешнего количества населения страны, в том числе однородного состава, в пределах 146 миллионов человек явно не хватает для контроля одной седьмой части суши, что таит в себе угрозу подрыва территориальной целостности Российской Федерации. Необходимо признать, что до настоящего времени самым уязвимым местом российской государственности остается ее многонациональный характер и, прежде всего, национально-государственное устройство страны и многоконфессиональность России. В кризисные периоды развития государства и общества эти факторы особенно активно используются враждебными силами для подрыва суверенитета, территориальной целостности, национальной безопасности. Утверждение об обратном – это аргумент пропаганды дружбы народов, который востребован лишь в стабильный период страны, как например, в «путинское время».

Уровень и степень российского суверенитета

По мнению члена Совета Федерации РФ О.Ф. Ковитиди[1], суверенная экспертиза является видом правовой экспертизы, проводимой с целью выявления и устранения антисуверенных факторов в принимаемых законопроектах, направленным на защиту суверенитета многонационального народа России, являющегося источником государственного суверенитета РФ, верховенства, независимости и самостоятельности государственной власти, полноты законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимости РФ в международном

[1] Перспективы российского суверенитета в эпоху глобальных угроз. – http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/223/perspektivy-rossijskogo-suvereniteta-v-epohu-globalnyh-ugroz-8136

общении. Суверенная экспертиза может и должна осуществляться на основе анализа современных вызовов и угроз и соответствующих долгосрочных документов (стратегий, доктрин) государства в сфере их предотвращения и недопущения. Предметом «суверенной экспертизы» являются нормативные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, а также нормы, содержащиеся в данных актах, которые регулируют общественные отношения, являющиеся объектом экспертизы.

По оценкам экспертов, в частности, доктора политических наук Н.В. Лукьяновича[1], некоторые показатели степени суверенности указаны в Стратегии национальной безопасности России (декабрь 2015 г.) и в Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г. (май 2017 г.). В Стратегии национальной безопасности в ст. 115 перечислены 10 показателей национальной безопасности, из которых 6 – экономические. В Стратегии экономической безопасности России в ст. 27 перечислены 40 показателей экономической безопасности. Однако, количество данных показателей явно недостаточно для адекватной оценки уровня безопасности и, следовательно, суверенности страны. Кроме того, в данных стратегиях не указаны пороговые (критические) значения показателей. Но главный недостаток данных показателей состоит в том, что они не имеют фундаментальной теоретико-методологической основы. Кроме того, в указанных стратегиях нет четкого понимания, что уровень взаимозависимости всех субъектов мировой политики и экономики и различных сфер жизнедеятельности общества в условиях глобализации постоянно возрастает и только системный подход позволит адекватно определить уровень безопасности и суверенности страны.

В современной России, как и в ведущих западных странах, при анализе характера и содержания суверенности государства практически никак не учитывается геодемографический фактор. Это демографические перспективы государства и, прежде всего, стержнеобразующего суперэтноса, уровень одно- и разнородности населения; состояние природно-климатической среды обитания, в том числе, ресурсной базы и всего этнокормящего ландшафта. Между тем география, история и демография государства являются базовыми источниками обеспечения суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности страны. В настоящее время геодемографический фактор остается основополагающим условием выживания, самосохранения и удержания российской государственности.

Кроме того, в деле укрепления государственного суверенитета особое место отводится конкретным механизмам и инструментам управления государством и обществом. К ним, прежде всего, относят: организационно-концептуальные, общекультурные, информационные, финансово-экономические, силовые, политико-правовые и дипломатические институты. По экспертным оценкам и, в частности, Фонда содействия общественной дипломатии, в настоящие время Российская Федерация в большей или меньшей степени остается под внешним влиянием, имеет неполноценный суверенитет. В России продолжает активно действовать «глубинное государство», которое в большой или меньшей мере продолжает контролировать значительную часть российской государственной внутренней и внешней политики, общественной и народно-хозяйственной жизни[2]. В конкретном плане уровень и степень суверенности страны, защиты территориальной целостности, обеспечения безопасности и государства и общества, можно охарактеризовать следующими примерными показателями:

1. Организационно-концептуальная безопасность – 30–40%.

– концептуальная власть
– авторитет и влияние главы государства
– стратегия (концепции, программы, проекты и модели) и планирование развития
– организация власти, структуры управления
– взаимодействие ветвей власти, федеральных и региональных властей
– кадровая политика
– конституция и федеральное законодательство
– государственное устройство
– научная среда

2. Общекультурная безопасность – 40–50%.

– культурный суверенитет
– положение и состояние русского языка
– культурное воспитание
– образование
– вопросы морали и этики
– мировоззренческие и духовные ценности
– состояние искусства, литературы, музыки
– традиционное право, неписаные законы
– религиозные институты
– традиции, обычаи, обряды
– состояние здравоохранения
– место и роль интеллигенции
– доля иммигрантов

3. Информационная безопасность – 20–30%.

– информационная политика, ее координация

[1] Перспективы российского суверенитета в эпоху глобальных угроз. – http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/223/perspektivy-rossijskogo-suvereniteta-v-epohu-globalnyh-ugroz-8136

[2] Подробнее см.: Небренчин С.М. Политазбука. – Воронеж: Исток, 2010. – С. 23–98.

– присутствие антироссийского информационного «мейнстрима»
– расстановка ведущих медиасредств
– соотношение свободы слова и цензуры
– состояние Интернет и киберсреды
– состояние журналистского сообщества
– доступ населения к информации
– направленность рекламы

4. Финансово-экономическая безопасность – 10%.

– экономическая модель (макро- и микроэкономика)
– долговые обязательства
– финансово-экономическая зависимость
– энергетический суверенитет
– банковская система
– кредитная политика
– система налогов
– уровень технологического развития
– состояние бизнес среды

5. Силовая компонента – около 70%.

– консолидация силовых структур
– боевая подготовка
– военно-техническая оснащенность
– мобилизационная готовность населения
– морально-политическое состояние
– кибервозможности
– высокоточное оружием
– состояние ядерной компоненты
– гибридные операции

6. Политико-правовая безопасность – 40–50%.

– представительная власть
– партийное строительство
– избирательное право
– законотворчество
– политическая оппозиция
– институт референдума
– неправительственные общественные организации
– общественная экспертиза
– состояние судебной системы
– юридическая практика
– коррупция

7. Дипломатический инструментарий – около 50%.

– внешнеполитические инструменты
– роль в международных организациях
– международно-правовая зависимость
– общественная дипломатия

В общей иерархии институтов и механизмов управления государством и обществом ведущие роли играют организационно-концептуальные, общекультурные, информационные и финансово-экономические. Исходя из этого, можно предположить, что интегральный показатель уровня и степени суверенности РФ достигает 50%. Такой относительно высокий уровень обеспечивается, прежде всего, за счет сохраняющегося относительно высокого потенциала геодемографического ядра России (территории компактного проживания русско-славянского населения). Несмотря на глубинные изменения и подвижки, ведущие к эрозии и подрыву традиционных истоков и начал народонаселения, природно-климатической среды обитания и этнокормящих ландшафтов, русско-славянский фактор остается цементирующим и консолидирующим ресурсом государства и общества, универсальным механизмом удержания страны от развала, выживания и самосохранения народонаселения в кризисных ситуациях. Кроме того, сегодня можно говорить об особой традиционной защитной роли силовых структур, в составе которых также преобладают представители русско-славянского большинства. По меткому выражению Александра III «у России есть только два союзника: ее армия и флот». В настоящее время в интересах укрепления российской государственности действует значительная часть иерархов и паствы православной церкви, к приверженцам которой себя относит сегодня большинство россиян. Неслучайно, государство всячески поддерживает этот общественный институт.

Фактор президентской власти

Как известно, по сложившейся тысячелетней традиции в России (на Руси) важную роль в укреплении государственности, консолидации и мобилизации народных масс продолжает играть фактор верховной власти. По оценкам

экспертов, в настоящее время президентская власть и, в частности, Владимир Путин, президент и Верховный главнокомандующий страны, является главным инструментом укрепления и наращивания российского суверенитета. Его уже значительный опыт правления государством и обществом, активность, мобильность, ответственность, открытость и доступность и другие положительные качества позволяют ему с 2000 года успешно руководить многонациональной, поликонфессиональной, самой большой по территории страной. Высокий рейтинг доверия президенту со стороны населения является важным условие стабильности в стране, обеспечивает авторитет и влияние российского государства на международной арене. Неслучайно, главной мишенью враждебных сил в течение длительного времени остается персона российского президента, который успешно противостоит беспрецедентным нападкам извне и изнутри. Дальнейшие перспективы страны во многом зависят от того, сможет ли он переизбраться на президентских выборах 2018 года, или успешно решит вопрос продвижения во власть своего приемника. При последнем условии целесообразно, чтобы был положительно решен вопрос о «встроенности» (вхождении) самого В. Путина в структуры российской власти[1]. В СМИ рассматривается вопрос о консолидации палат Федерального Собрания РФ во главе с общим председателем и аппаратом. Если внести соответствующие изменения в Конституцию, например, в ходе референдума, приуроченного к президентским выборам 2018 г., парламент мог бы быть наделен правом избирать и контролировать главу исполнительной власти. В таком случае Владимир Путин впоследствии мог бы возглавить Федеральное Собрание РФ и, тем самым была обеспечена преемственность власти. Как показывает отечественный опыт, для устойчивости и стабильности власти, эволюционного развития страны крайне важно длительное пребывание главы государства на своем посту. Нынешний президент страны находится у власти уже около 17 лет, исходя из здравого смысла, его возрастной запас прочности нахождения в исполнительной власти уже ограничен. Новая должность позволит ему резко сократить объем работы и продлить властные полномочия.

Решить эти задачи сегодня не просто, так как президентской власти практически по всем основным направлениям противостоят силы «глубинного государства», разветвленной сети «агентуры влияния». Их позиции особенно сильны в структурах исполнительной власти и, прежде всего, в финансово-экономическом блоке правительства, банковской среде, ведущих средствах массовой информации и Интернет-ресурсах, среди олигархов, коррупционеров, представителей прозападной политической оппозиции и творческой интеллигенции, ведущих юристов, в том числе адвокатов, граждан с двойным гражданством, лиц нетрадиционной ориентации, этно-религиозных диаспор, политически ориентирующихся на свои национальные государства и др. В целом, по некоторым оценкам, потенциальных противников укрепления суверенитета страны насчитывается не более 10%, но они составляют весьма активную и влиятельную часть общества. Эти силы, как свидетельствует вся отечественная история и, в частности, последние события в Украине, при условии резкого ухудшения социально-политической обстановки, массированного вмешательства извне способны переломить ситуацию в свою пользу, захватить власть и установить марионеточный прозападный режим со всеми вытекающими негативными последствиями для государства и общества.

Основные направления защиты суверенитета

Решение задач укрепления российской государственности и предотвращения вмешательства извне требует мониторинга, анализа и экспертизы состояния всех компонентов и факторов, влияющих на обеспечение национального суверенитета, выработки соответствующих подходов для проведения тотальной суверенной экспертизы. По оценкам экспертов, в настоящее время актуальную повестку защиты суверенитета могут составить следующие неотложные проблемы[2]:

1. Закрытие структур «глубинного государства», устранение их ставленников в федеральных и региональных органах власти, ЦБ, СМИ, крупнейших бизнес-структурах, общественных институтах.

2. Смена политического курса, полный разворот в сторону национальных интересов, взятие под полный контроль основных рычагов управления государством и обществом (организационно-концептуальные, общекультурные, информационные, финансово-экономические, силовые, политико-правовые, дипломатические).

3. Кардинальное оздоровление информационного пространства страны, очищение его от фейковой (лживой) виртуальной информации, консолидация информационных ресурсов государства и общества, изменение разрушительного вектора направленности российских СМИ на позитивный, оздоровительный, созидательный и мобилизационный характер подачи информации, координации информационной политики внутри страны и на зарубежной арене, переход от информационной обороны к наступательной информационной стратегии.

4. Политическая реабилитация русского народа, уравнивание его в правах с титульными этносами национальных республик, другими ведущими этносами России, принятие неотложных мер по стимулированию демографического роста и продолжительности жизни населения и, прежде всего, русско-славянского населения, «цементирующего» государство и общество.

5. Развитие самодостаточной и мобилизационной экономики, национализация финансово-банковской сферы, переход во внешних сношениях с другими странами на расчеты в национальных валютах, принятие мер по модернизации страны, прорыв в новый технологический уклад, содействие возрождению отечественного предпринимательства.

6. Утверждение примата справедливости и права в политических, социальных и национальных взаимоотношениях между гражданами страны, ликвидация политических, социально-экономических, культурных и других префе-

[1] Подробнее см.: Пашин Ф. Сможет ли скандальная «светская львица» мобилизовать электорат Путина? – https: regnum.ru/news/2339424.html

[2] См.: Пашин Ф. Предвыборная президентская программа – 2018. – https://regnum.ru/news/2336155.html

ренций отдельным субъектам федерации. Прекращение поощрения массовой миграции в Россию, отдание приоритета коренному населению страны при устройстве на работу, противодействие этнической преступности.

7. Консолидация силовых структур, взятие под государственный и общественный контроль военизированных и охранных структур в отдельных национальных республиках, крупных коммерческих компаниях, ликвидация силовых структур национальных диаспор. Искоренение коррупционной системы, борьба с коррупцией в ближайшем окружении исполнительной (президентской) власти.

8. Преодоление сословного характера формирования российских элит, развитие общедоступных «социальных лифтов» продвижения во власть, возрождение традиционных основ жизнеустройства, «местных» (региональных) укладов жизни, раскрепощение созидательной мобилизационной энергии граждан, всяческое поощрение инновационных инициатив и деловой предприимчивости людей.

9. Усиление роли Федерального Собрания РФ в формировании исполнительной власти, формирование органов власти снизу вверх на основе мажоритарной системы, обеспечение равного доступа граждан к участию в избирательных компаниях, инициирование референдума по ключевым проблемам развития государства и общества в эпоху глобальных вызовов и угроз, имплементация приоритетов национально-государственного и общественно-политического возрождения страны в Конституцию и национальное законодательство, политико-правовую практику.

10. Дальнейшее развитие внешнеполитической активности, оперативное реагирование на антироссийские демарши, действия на упреждению международных вызовов, развитие форм и методов общественной дипломатии, использование арсенала «мягкой силы» в продвижении интересов страны на мировой арене.

В настоящее время ключевые вопросы общеполитической повестки государства и общества можно было вынести на всенародный референдум уже в ходе президентских выборов 2018 года. Такой подход мог бы не только повысить явку граждан на выборы, тем самым придать им большую легитимность, но и в случае успеха плебисцита создать хорошие предпосылки для решения насущных проблем обеспечения суверенитета, территориальной целостности, национальной безопасности, предотвращения вмешательства извне во внутренние дела государства.

Суверенная экспертиза

В настоящее время суверенная экспертиза должна проводиться не только с политико-правой точки зрения. Восстановление геодемографического иммунитета российской цивилизации требует комплексного и системного анализа с учетом знаний и методологий других отраслей жизнедеятельности, на стыке научных исследований. Дело в том, что важнейший вызов сегодняшнего времени состоит в слиянии гуманитарного и естественнонаучного знания[1], глобальные вызовы и угрозы требуют всестороннего изучения положения дел в сфере обеспечения национального суверенитета.

Проведение суверенной экспертизы – это целенаправленная деятельность исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти по обеспечению суверенитета страны. Основной целью данной работы является недопущение в содержание нормативно-правовых актов таких норм, которые ущемляют, нарушают или подрывают суверенитет страны в различных сферах жизнедеятельности государства и общества. К экспертизе нормативных правовых актов и их проектов, реализации суверенной политики необходимо привлекать институты гражданского общества.

В целом, суверенная экспертиза предполагает не только мониторинг внутренних и внешних условий развития государственности, выявление слабых и сильных сторон обеспечения независимости страны, ведение реестра современных вызовов и угроз, инвентаризацию и экспертизу конституционных основ и законодательной базы государства, своевременное внесение изменений и дополнений в них. В широком смысле понятие суверенной экспертизы включает в себя весь комплекс вопросов по обеспечению суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности государства и общества и, прежде всего, оценку состояния и перспектив развития основных институтов и механизмов управления государства и обществом (организационно-концептуальные, общекультурные, информационные, финансово-экономические, силовые, политико-правовые, дипломатические). Однако главным предметом и объектом постоянного исследования и анализа остаются состояние и перспективы геодемографического развития российской цивилизации. Год Собаки сулит России успехи в преодолении препятствий на пути самосохранения, выживания и возрождения, а мир получит шанс на справедливое мироустройство уже в 2018 году[2].

[1] См.: Kovalchuk M. Russia in Global Economic Environment // International Forum «Primakov Reading» Proceedings 2016. – М.: AIRO-XXI, 2017. – С. 82–83.

[2] Пашин Ф. Итоги 2017 г.: мир на пороге новой глобальной войны. – https://regnum.ru/news/2362652.html

Ожерельев В.Н.,
Ожерельева М.В.[1]

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ, КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Ключевые слова: *Россия, Канада, эффективность экономики, природные ресурсы, стратегия развития.*
Keywords*: Russia, Canada, economic efficiency, natural resources, development strategy.*

Опора на естественные конкурентные преимущества является важнейшим условием формирования эффективной экономики страны. Судя по ее нынешнему состоянию, мы пока в этом отношении далеки от идеала. Одним из индикаторов неблагополучия являются предельно низкий уровень заработной платы и качества жизни (табл. 1), приводящие, в частности, к росту темпов эмиграции населения. Так, в течение 2016 года страну покинули 352 тыс. человек.

Затянувшийся на 27 лет процесс стабилизации государства и формирования институтов управления новой Россией находится на стадии завершения, поэтому на первый план выходит задача адаптации экономики к возникшей геополитической реальности. При этом целесообразно в максимально возможной степени использовать положительный опыт совершенствования структуры экономики в наиболее успешных странах.

Таблица 1

Качество жизни в России и в Канаде в 2016 году

Наименование показателя	Канада	Россия	РФ к Канаде, %
1. ВВП на душу населения по номиналу, $	42 210	8928	21,2
2. ВВП по паритету покупательной способности, $	46 200	26 100	56,5
3. Средняя заработная плата, июль 2016, $	2254	527	23,4
4. Позиция в рейтинге качества жизни	15	55	
5. Прирост населения 1991–2014 гг., %	+25,8	–2,9	

Принято считать, что для нас наиболее приемлем опыт стран так называемого «догоняющего» типа развития, таких, как Китай. С этим нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, по комплексу природно-климатических, минерально-сырьевых и иных ресурсов у нас есть единственный аналог – Канада. Во-вторых, сами страны «догоняющего» типа развития не настолько опережают нас по результативности экономики, чтобы копирование их опыта представлялось безальтернативным вариантом формирования стратегии развития России (табл. 2). В связи с этим, наиболее целесообразной была бы ориентация на результативность и структуру экономики Канады с заимствованием наиболее успешного опыта функционирования институтов развития стран БРИКС, в частности, жестокой и бескомпромиссной борьбы с коррупцией (как в Сингапуре или Китае).

Таблица 2

Доля сельского хозяйства в ВВП некоторых стран

Страна	Доля с/х, %	ВВП на душу насел., $	Страна	Доля с/х, %	ВВП на душу насел., $
Россия	4,17	8928	С благоприятным климатом и высокой плотностью населения		
Северные страны					
1. Финляндия	2,84	43 165	8. Франция	1,68	38 128
2. Швеция	1,38	51 165	9. Италия	2,18	30 507
3. Норвегия	1,71	70 392	10. Германия	0,68	41 902
4. Канада	1,52	42 210	11. Великобритания	0,68	40 096
Развитые страны, с идеальным климатом и низкой плотностью населения			12. Нидерланды	1,83	45 283
			Развивающиеся страны		
5. Австралия	2,41	51 850	13. Аргентина	8,31	12 503
6. Новая Зеландия	6,92	38 345	14. Бразилия	5,56	8727
7. США	1,45	57 436	15. Китай	9,17	8133

Одной из причин стагнации российской экономики является ее рентный характер, базирующийся на эксплуатации природных ресурсов. Крупнейшие выгодополучатели от использования природной ренты (российские и зарубеж-

[1] Ожерельев Виктор Николаевич – д.с.-х.н., профессор, Брянский государственный аграрный университет. E-mail: vicoz@bk.ru. Ожерельева Марина Викторовна – д.э.н. профессор, Брянский государственный технический университет. E-mail: marina-vo@inbox.ru

ные) лоббируют продолжение развития экономики страны в этом же направлении, преувеличивая (в какой-то степени – мифологизируя) значимость естественных конкурентных преимуществ природно-ресурсного типа. Вследствие этого, долгосрочное экономическое прогнозирование все более базируется на трех устойчивых мифах: «безусловном» конкурентном преимуществе в виде самой большой территории, «неисчерпаемых» минерально-сырьевых ресурсах и «уникальном» положении страны между Западом и Востоком. В результате сформировались три доминирующих направления экстенсивного развития: «Аграрная, энергетическая и транзитная супердержава», реализация которых сопровождается массовым импортом инновационноемкой продукции и все большей научно-технологической отсталостью и зависимостью от «Объединенного Запада». В этих условиях реальный суверенитет России оказывается столь же условным, что и, например, у Канады.

Россия обладает самой большой территорией (более 17 млн. км^2), но относительно благоприятными для проживания людей можно считать только 18% указанной площади (зона степей, лиственных и смешанных лесов). При этом биологическая продуктивность земли у нас почти в 1,8 раза ниже чем в США, в 4 раза ниже, чем в Бразилии и в 5 раз ниже, чем в Индонезии [1].

В связи с этим рассчитывать на то, что динамично развивающийся АПК сможет создать мультипликативный эффект, достаточный для обеспечения приемлемого роста ВВП, было бы недальновидно [2, 3]. Дело в том, что в наших неблагоприятных условиях достичь конкурентоспособного производства во многих подотраслях АПК удается только благодаря предельно низкому уровню заработной платы, что является результатом девальвации рубля. На необходимость его глубокой девальвации для спасения сельского хозяйства указывал в 2013 году бывший губернатор Белгородской области, член-корреспондент РАН Евгений Степанович Савченко. Так что, не было счастья – да несчастье помогло. Но рост уровня заработной платы в стране стоит первым на повестке дня, в связи с чем решение проблемы эффективности экономики (и АПК, в частности) только отложено на некоторое время.

Таким образом, обеспечить высокий уровень жизни только за счет статуса аграрной супердержавы у нас не получится. Об этом свидетельствует опыт сопоставимых с нами по климату стран (таблица 2). Наиболее близкая к нам по природно-климатическим условиям – Канада – имея на душу населения в 1,64 раза больше пашни, создает в сельском хозяйстве только 1,52% ВВП страны. При этом в абсолютном измерении ВВП, создаваемый в сельском хозяйстве Канады, в пересчете на душу населения в 1,7 раза выше, чем в России. То есть, резервы для экономически мотивированного роста объема производства продукции АПК у нас, по сути, исчерпаны.

Следует иметь в виду, что (за исключением идеального по климату случая с Новой Зеландией) высокая доля сельского хозяйства в ВВП страны коррелирует с относительно низким уровнем развития экономики в целом.

Обладание богатыми минерально-сырьевыми ресурсами также является важным конкурентным преимуществом страны, если распоряжаться этими богатствами рационально. Пример такого подхода к проблеме дает Канада, обладающая не только сопоставимым с Россией климатом, но и (во многом) аналогичным набором минерально-сырьевых и иных природных ресурсов. При этом ВВП на душу населения в Канаде выше, чем в других странах «большой семерки» (кроме США) и превышает соответствующий российский показатель почти в пять раз (табл. 1).

Несмотря на то, что доли горнорудной промышленности в ВВП двух стран сопоставимы, по объему создаваемого в отрасли ВВП, приходящемуся на душу населения, канадская горная индустрия в 4 раза превосходит российскую. В обрабатывающей промышленности наше отставание в 3,6 раза, в сельском хозяйстве – в 1,7 раза (табл. 3).

Таблица 3

Структура ВВП Канады и России, 2016 год

Наименование отрасли	Доля в ВВП, %		Наименование отрасли	Доля в ВВП, %	
	Канада	РФ		Канада	РФ
1. Сельское хозяйство	1,7	4,8	3. Услуги всего	70,8	62,8
			В том числе:		
2.Производство	27,5	32,4	3.1. Торговля и ремонт	15,9	16,7
			3.2. Гостиницы и рестораны	2,1	0,8
В том числе:			3.3. Транспорт и связь	7,5	7,8
			3.4. Финансовая деятельность	7,2	4,4
2.1. Горнодобывающая промышленность	7,9	9,4	3.5. Недвижимость, аренда, лизинг	13,1	17,5
2.2. Обрабатывающая промышленность	10,4	13,7	3.6. Гос. управление	6,4	8,1
			3.7. Образование	5,3	2,6
2.3. Строительство	7,0	6,2	3.8. Здравоохранение	6,7	4,0
2.4. Пр-во и распр. эл. энергии, воды, газа и т.п.	2,2	3,1	3.9. Прочие услуги*	6,6	1,7

Отчасти это обусловлено тем, что, по объему национального природного богатства в пересчете на душу населения, мы уступаем Канаде по большинству параметров (таблица 4). Только по запасам и добыче угля и природного газа мы имеем преимущество.

В среднем душевая обеспеченность ресурсами и их добыча в Канаде выше чем в России примерно в два раза. То есть, для объяснения четырехкратного отставания в объеме отраслевого ВВП этого факта недостаточно. Важнейшую роль в уменьшении российского ВВП играет предельно низкий уровень заработной платы – более чем в четыре раза (табл. 1).

Таблица 4

Основные параметры Канады и России

Параметры	Канада	Сравнение, >%<	Россия
1. Площадь территории на душу нас. га/чел	27,6	>237,9	11,6
2. Площадь территории, благоприятной для проживания человека, га/чел	4,9	>222,7	2,2
3. Водных ресурсов. на душу населения, тыс. $м^3$/год	80,2	>261,2	30,7
4. Площадь пашни на душу населения, га	1,38	>164,3	0,84
5. Зерно на душу населения, кг	1656	>>201,7	821
6. Скота и птицы на душу населения, кг	120	>>183,2	65,5
7. Уст. мощность ГЭС, МВт	67	>152,3	44
8. Запасы нефти, млрд. т	27,9	>197,9	14,1
9. Нефти на душу населения, т	5,383	>147,2	3,656
10. Добыча газа на чел., тыс. $м^3$	4800	>109,1	4400
11. Добыча угля на чел., т	1,678	152<	2,549
12. Добыча урана на чел., кг	0,26	>>>>1215	0,0214
13. Доля ТЭК. в ВВП, % [110]	13,4	169<	22,6
14. Доб. железной руды на чел. т	1,33	>196	0,68
15. Выплавка стали на человека, кг	349	138<	483
16. Выплавка меди, кг/чел	19,3	>>>386	5,0
17. Выплавка никеля, кг/чел	6,5	>>>361	1,8
18. Выплавка алюминия кг/чел	90	>>>367	24,5
19. Пр-во титанового концентрата, тыс. т	2500	>>>>>	70
20. Добыча калийной соли, млн. т	8,984	>163	5,507

Только за счет этого пока удается компенсировать катастрофически иррациональную логистику как ресурсных отраслей, так и экономики в целом. В результате, большая территория страны из конкурентного преимущества (при данной структуре экономики) становится непреодолимым препятствием для повышения эффективности.

Так, уголь из Кузбасса перевозится до портов на востоке и на западе страны примерно на 5000 км. В Канаде экспортные поставки угля производятся из разрезов, удаленных от портов не более чем на 1000 км, а в Австралии и США – 500 км.

Аналогична и логистика производства алюминия. РУСАЛ добывает бокситы в Гвинее (Африка). Затем они поступают на глиноземный комбинат фирмы в Ирландии, а произведенный там глинозем – в один из западных российских портов. Наконец, железной дорогой до Красноярска – те же 5000 км, что и уголь. Готовая продукции вывозится на экспорт в обратном направлении.

У наших канадских конкурентов логистика предельно простая и рациональная. Бокситы поступают морем из Ямайки на заводы, расположенные вблизи портов в устье реки Святого Лаврентия, где и происходит весь цикл их переработки. Готовая продукция также может быть отгружена на экспорт прямо с заводского причала.

Дошло до того, что О. Дерипаска предложил канадскому правительству построить алюминиевый завод в провинции Квебек, если Канада перестанет экспортировать избыток дешевой электроэнергии в США, а будет поставлять ее на новый завод.

Аналогичная ситуация в черной металлургии. Плечо перевозок сырья и экспортной продукции превышает в России 3000 км, тогда как в Канаде этот показатель редко превышают 1000 км. При этом все металлургические заводы Канады расположены на побережье Великих озер либо пограничных с США судоходных рек. В результате морские суда поставляют руду прямо на заводские причалы, а до угольных разрезов Питтсбурга (США) не более 600 км.

Большой проблемой является и то, что большинство наших минеральных ресурсов бедно по содержанию полезных элементов. Так, содержание железа в руде у нас 36%, а в Канаде – 40%. При этом пока они разрабатывают месторождения с содержанием 50% железа и выше. Еще более критическая ситуация с титаном и ураном. В частности, канадский уран используется на электростанциях без обогащения.

Ну и, наконец, экспортные нефтепроводы и газопроводы в Канаде в два раза короче, чем в России. Это обусловлено тем, что основные потребители расположены в США, недалеко от границы.

Надежды на транзит грузов из Восточной Азии в Западную Европу как на один из основных драйверов роста российской экономики также сильно преувеличены. Если рассматривать восточное и южное побережье Китая, а также Японию и Южную Корею, то альтернативы морским перевозкам нет. Пока они обходятся на 50% дешевле, чем по железной дороге.

Более того, если использовать Транссиб, то вместо двух погрузочно-разгрузочных операций предстоит выполнить четыре перегрузки. Стоимость обработки одного контейнера в российском порту варьирует от 345 до 526 $. Именно поэтому при расстоянии между Шанхаем и Гамбургом в 10 раз превышающим расстояние между Шанхаем и Владивостоком, стоимость тарифа увеличивается только в 4,5 раза.

Преимущество в скорости доставки при банковской ставке близкой к нулю не имеет существенного экономического значения, поэтому не может считаться важным конкурентным преимуществом железной дороги.

Что касается транзита грузов из Центрального и Западного Китая, то наиболее перспективным транзитером на этом направлении является Казахстан. На нашу долю остается меньшая часть пути, которая не способна оказать заметное влияние на экономику такой большой страны. Тем более что при выборе северо-западного варианта маршрута китайцы планируют ориентироваться на порты Прибалтики, а не России. При этом в качестве реального варианта

продолжения казахстанского транзитного маршрута рассматривается паром через Каспийское море и далее по железной дороге в Турцию и в Европу.

В связи с этим планы по коренной модернизации БАМа и Транссиба с целью увеличения их пропускной способности не имеют под собой достаточного экономического обоснования. Складывается впечатление, что в этих проектах лоббируются интересы Китая, который рассчитывает получить основную массу заказов и подрядов на выполнение работ, а нам оставить долги и незагруженные магистрали. Ведь если бы Китай действительно собирался отказываться от морского пути перевозки контейнеров в пользу Транссиба он не строил бы военно-морскую базу в Джибути.

Таким образом, экстенсивные пути развития экономики России исчерпаны и нам следует обратиться к альтернативным вариантам ее модернизации. Об этом недавно однозначно заявил Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев.

В качестве одного из перспективных направлений улучшения структуры российской экономики на ближайшее время следовало бы принять глубокую переработку природных ресурсов в рамках программы импортозамещения. Если сравнить структуру экспорта и импорта России и Канады, то оказывается, что для этого у нас имеется огромный потенциал (табл. 5).

Действительно, крайне нерационально вывозить огромные объемы дешевого круглого леса, импортируя при этом дорогую бумажную продукцию. Канада также поставляет лесное сырье в США, но при этом является крупнейшим в мире производителем газетной бумаги.

Таблица 5

Структура экспорта и импорта Канады и России, 2016 год

Наименование	Доля экспорта и импорта отдельных товарных групп, %					
	Канада			Россия		
	экспорт	импорт	±	экспорт	импорт	±
1.Транспортные средства и запасные части	17	18	–1	0,5	9,9	–9,4
2.Минеральные ресурсы, всего	н/д	н/д	н/д	59,7	1,6	+58,1
3. Энергоносители (в том числе)	16	6	+10	58,6	0	+58,6
4. Продукты питания	6	3	+3	6	13,4	–7,4
5. Лесная, бумажная и упаковочная продукция	8	4	+4	3,6	1,8	+1,8
В т.ч. книги, бумага, упаковка	н/д	н/д	н/д	0,2	1,5	–1,3
6. Потребительские товары	13	21	–8	0,4	10,8	–10,4
7. Металлы и неметаллические (горные) продукты	11	9	+2	10,4	6,2	+4,2
8. Пром. химия, пластмассы, резина	7	8	–1	7,5	18,5	–11
В т.ч. пластмассы, каучук, резина	н/д	н/д	н/д	0,5	5,6	–5,1
9. Промышленная техника и оборудование	6	10	–4	7,5	31,4	–23,9
10. Электронное, электрическое обор. и з. части	5	12	–7	5	12	–7
11. Драгоценные камни и металлы	н/д	н/д	н/д	3,3	–	+3,3
12. Другое	11	9	+2	1,1	6,4	–5,3

Крайне неудовлетворительно положение с химией. Мы не идем пока на глубокую переработку ресурсов, ограничиваясь экспортом первичных продуктов синтеза типа аммиака. Даже Саудовская Аравия продвинулась в этом направлении дальше нас. Она, например, дает более 5% мирового производства полипропилена, а мы – в 3 раза меньше. При этом импорт химической продукции у нас в 2,5 раза превышает ее экспорт, а если брать продукцию наиболее глубокого уровня переработки (пластмассы, каучук и резину) – то в 11,2 раза. В Канаде экспорт и импорт химической продукции практически равны по объему.

Ну и, конечно, полной катастрофой для нас является сопоставление экспорта и импорта в машиностроении. Если суммировать транспортные средства, запчасти и промышленное оборудование, то импорт превышает экспорт более чем в 5 раз! В Канаде этот показатель не превышает 1,2 раза. Таким образом, развитие машиностроения является вторым важнейшим направление структурной реформы российской экономики. При этом целесообразно, чтобы оно базировалось, преимущественно, на отечественных инновациях [4, 5].

Это обусловлено следующими соображениями:

1. Недавно мэр Москвы С. Собянин, совершенно обоснованно, заявил о том, что при современном уровне технологий только в сельской местности и малых городах неизбежно образуется 25 млн. «лишних» людей. Сопоставляя российские регионы с их канадскими природно-климатическими аналогами, мы пришли к аналогичному выводу [2]. Добывающая промышленность и сельское хозяйство в отсутствие глубокой переработки добываемых ресурсов и развитого машиностроения могут сделать «лишними» до половины населения страны.

2. Относительно высокий уровень образования российского населения можно считать важнейшим конкурентным преимуществом страны. В связи с этим, мы в состоянии не только производить современную технику, но и разрабатывать новые образцы, оставляя вследствие этого внутри страны большую часть добавленной стоимости [4, 5].

3. Появится возможность замкнуть металлургию и химию на внутренние потребности, что должно существенно уменьшить логистические и трансакционные издержки. Кроме того, при нынешнем экспорте 40% продукции черной металлургии мы критически зависим от конъюнктуры рынка и доброжелательности наших партнеров, являющихся нашими непримиримыми геополитическими соперниками.

4. Машиностроение следует рассматривать в качестве альтернативы для необоснованного развития легкой промышленности. В отсутствие устойчивых брендов мы не можем обеспечить в легкой промышленности высокий уро-

вень добавленной стоимости и достойный уровень заработной платы. В машиностроении новые, оригинальные разработки позволяют обеспечить более высокий уровень добавленной стоимости за счет формирования в этом сегменте мирового рынка монопольно высоких доходов, которые в настоящее время получают наши европейские и азиатские партнеры, поставляющие нам большую часть промышленного оборудования и сложных потребительских товаров.

Программу развития машиностроения и глубокой переработки ресурсов можно считать альтернативой принятым программам экстенсивного развития Арктики и Дальнего Востока. В этом случае можно опираться на давно обжитые места с избыточным населением, а те средства, которые предполагается вложить в проекты экстенсивного развития страны могли бы стать основой для инвестиций в НИОКР и технологическое обновление. При определенных условиях, три новых целлюлозно-бумажных комбината полного цикла могли бы дать стране больший социально-экономический эффект, чем газопровод «Сила Сибири».

Список литературы

1. Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в 21 веке: учебное пособие. – М.: Федеральный кадастровый центр «Земля», 2000. – 342 с.
2. Ожерельев В.Н. К вопросу о перспективах развития экономики региона (на примере Брянской области) / В.Н. Ожерельев, М.В. Ожерельева, А.О. Никитина // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. – № 5. – С. 29–33.
3. Ожерельев В.Н. Структурная политика в животноводстве в условиях глобализации / В.Н. Ожерельев, М.В. Ожерельева. Я.В. Яловенко // Экономика сельского хозяйства России. 2011. – № 6. – С. 85–90.
4. Ожерельев В.Н. Импортозамещение и центростремительные тенденции в демографии / В.Н. Ожерельев, М.В. Ожерельева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. – № 1. – С. 117 – 122.
5. Ozherelieva M.M., Ozhereliev V.V., Balakhonov A.P., Pogonysheva D.A., Drigo M.F., Shvarova E.V., Levochkina T.A. Problem of an Innovation-Based Economy Formation in Russia // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. – Vol. 15, N 11. – P. 103–110.

Перепёлкин В.А.
д.э.н., доцент, профессор Самарского государственного экономического университета
slavaap@rambler.ru
Перепёлкина И.Г.
старший преподаватель Самарского государственного экономического университета

ИННОВАЦИОННОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Ключевые слова: *устойчивый рост, общеэкономическая стабильность, инновации, человеческий капитал, конкуренция.*

Начавшийся более полувека назад переход к постиндустриальной парадигме роста промышленно развитых национальных экономик еще более актуализировал задачу разрешения противоречия между целями динамичного роста экономики и поддержания общеэкономической стабильности. При решении этой задачи экономическая теория в очередной раз за свою историю обратилась к положениям естественных наук. В соответствии с ними в природе состояние равновесия является скорее исключением, чем правилом. Даже кажущаяся поначалу случайной тенденция может впоследствии оказаться значимой для последующего развития. Привлечение принципов эволюционной теории к исследованию экономического развития выразилось в отказе от метода сравнительной статики, отождествляемого с осуществлением мгновенного перехода от одного состояния к другому, в пользу изучения закономерностей процесса постепенного перехода, рассматриваемого в качестве непрерывного процесса постоянных изменений.

Сегодня уже очевидно, что изменения в нарождающейся постиндустриальной экономике происходят слишком быстро и малопредсказуемо, чтобы получить адекватное объяснение в рамках только неоклассического и неокейнсианского учений. Место экономического человека образца неоклассиков отойдёт к разворачивающему инновационную активность творческому человеку. Традиционные методы экономического регулирования сохранятся в арсенале экономической политики, поскольку творческий человек также нуждается в благоприятных рамочных условиях для усиления своей преобразующей деятельности. Однако применяемые изолированно, в отрыве от инновационных потоков, меры макроэкономической стабилизации в наши дни перестали быть эффективным средством достижения устойчивого роста. В современной России наряду с формированием благоприятных общих условий хозяйствования посредством оптимизации экономической динамики и развития инфраструктуры, необходимо мобилизовать знания и способности людей на творческий поиск инновационных идей и их продуктивное практическое использование во благо обществу.

Поддержка одновременно творческого и адаптивного поведения хозяйствующих субъектов в рыночной среде неразрывно связана с защитой и стимулированием конкуренции. Институциональный анализ национальных экономик как систем взаимосвязанных властных структур, базирующихся на организующей власти интересов, показывает, что спонтанный самоконтроль рыночной системы должен подкрепляться политикой государства по установлению и поддержанию экономического порядка в интересах общества в целом. Такие действия особенно востребованы в периоды изменений в шкале ценностей, вызванных переустройством институциональных и других структурных элементов общества в ходе преобразований, подобных проводимым в российской экономике.

Помочь ввести рыночные преобразования (те же приватизацию и дерегулирование) в русло обеспечения максимально возможного присутствия конкурентного начала в функционировании российской экономики в состоянии действия по усилению инновационной компоненты развития. Разрушая старые экономические структуры и открывая простор развитию новых, научно-технический прогресс является естественным врагом традиционной монополии. Следовательно, провозглашая знания основой социально-экономического развития и на деле содействуя появлению и распространению инноваций, государство способствует экономическому росту ещё и тем, что подрывает базу господства на рынках монополистических группировок. Теоретическое обоснование этому нетрудно синтезировать, обратившись к наследию Йозефа Шумпетера[1] и Фрайбургской школы, прежде всего в лице Вальтера Ойкена[2]. Продуктовые, технологические, организационные и социальные инновации актуализируют ценность человеческого капитала, безоговорочно подчинить который себе даже самой богатой корпорации куда труднее, чем монополизировать редкие производственные и природные ресурсы. К тому же, государство здесь обладает самыми широкими возможностями противодействия попыткам затруднить создание и трансфер знаний: от косвенного стимулирования нововведений через патентование или поддержку создания всеобщих информационных сетей, до прямого – посредством целевого финансирования мероприятий научно-технической политики.

[1] Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
[2] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. – М.: Прогресс, 1995.

В наше время всё труднее сочетать безопасность и невысокий риск в настоящем с хорошими перспективами на будущее. Тем не менее, при выработке экономической политики некоторое пространство для манёвра оставляет разнородность структуры экономики: в отраслях высоких технологий находит применение креативно-эволюционный подход; традиционным областям с малым потенциалом роста предлагается смесь из рецептов «экономики предложения» и неокейнсианского регулирования спроса.

Компромисс между целями роста и стабильности неизбежен, поскольку политика роста тесно связана с социальной политикой. Замедляя темпы роста экономики в связи с желанием сгладить конъюнктурные колебания и социальные последствия структурных сдвигов в ней, общество платит за некоторую стабилизацию менее высоким качеством жизни в будущем. Принцип взаимной увязки экономических целей с социальными при осуществлении устойчивого роста, обусловленный стремлением придать современному обществу дееспособное и, одновременно, достойное человека устройство, привёл ряд западноевропейских стран к попытке синтеза гарантированной правовым государством экономической свободы с такими идеалами социального государства, как социальная защищённость и социальная справедливость. Представляется, что идея сочетания свободы и справедливости при посредстве сильной государственной власти внутренне близка российскому обществу и способна объединить его при реализации задачи ускорения социально-экономического развития. Безусловно, прямое заимствование опыта развития, к примеру, Германии или Швеции малопродуктивно в нынешних российских условиях, однако знание основ построения по-настоящему цивилизованных рыночных отношений позволит избежать дополнительных издержек при движении по пути прогресса в будущем.

Опыт последних десятилетий в очередной раз подтвердил, что самый верный способ получить о чём-то неправильное представление – это распространять на будущее прошлые тенденции. Массированное вторжение новых продуктов, технологий, организационных структур существенно изменило поведение людей во всех сферах их жизни. Динамичное развитие экономики и общества всё чаще заставляет проявлять склонность к риску, готовность отказаться от наработанных привычек и традиционных подходов. Отдельные признаки присутствия шумпетерианской «креативной деструктивности» (или «созидательного разрушения») теперь отмечаются в поведении не только предпринимателей, но и некоторых групп конечных потребителей. Наглядные примеры тому даёт переживающая бум электронная коммерция в сети Интернет. Американская компания «Делл», первой начав в 1993 году продавать персональные компьютеры в режиме онлайн непосредственно конечным потребителям, положила начало перевороту в своих отношениях с ними. Благодаря отсутствию посредников-торговцев, продукция компании стала дешевле, а постоянные комментарии, отзывы, консультации, добровольные испытания и иные формы прямого общения с клиентами позволили фирме проводить гибкую продуктово-рыночную политику. Потребители продукта приобщались к решению разнообразных вопросов деятельности компании, выступая исходным звеном разработки её производственной программы. Прямой доступ к фирмам-производителям в сети Интернет сегодня позволяет потребителям доводить до них собственные идеи относительно экспериментов с новыми продуктами, услугами и технологиями, тем самым формируя у руководства и ведущих специалистов предпринимательской структуры адекватное представление как о наличных, так и потенциально возможных потребностях клиентов[1]. Сверх того, электронная коммерция перестаёт быть для фирм просто каналом сбыта, перерастая в форму сотрудничества с потребителями их продукции в деле развития бизнеса, когда идеи не только продуктовых, но и технологических, организационных инноваций поступают от клиентов.

Одного факта наметившегося вовлечения конечного потребителя в процесс выработки предпринимательской стратегии за счёт использования возможностей сети Интернет уже достаточно, чтобы ожидать от экономической науки должного толкования причин и последствий идущих перемен. Правомерность опоры в теоретических и эмпирических исследованиях на ставшую привычной абстрактную схему, – активному предпринимателю противостоит пассивный клиент–потребитель, – начинает вызывать сомнения у беспристрастных наблюдателей за изменениями, происходящими в реальной экономике.

Проявление чувства предприимчивости в действиях участников экономических процессов в наше время сопровождается возрастанием роли творческой составляющей в хозяйственной деятельности людей. Превращение человеческого капитала в главный экономический ресурс передовых национальных хозяйственных систем предполагает приведение в соответствие с этим ряда положений экономической теории. В частности, следует исходить из того, что любая из предлагаемых вниманию российского общества моделей роста является всего лишь абстракцией реальности, допустимой в тех пределах, в которых она не искажает глубинной природы исследуемого явления. В противном случае, вместо проверки выдвигаемых гипотез с позиции реальных фактов, основное внимание учёными будет уделяться оценке строгости соблюдения математической логики в ими же созданных абстрактных конструкциях. Признав человеческий капитал, а не материально-вещественные активы или природные ресурсы в качестве главного экономического ресурса, данное обстоятельство придётся вводить в число исходных условий при разработке по-настоящему современной модели роста российской экономики. Научное обоснование модели устойчивого роста российской экономики требует глубокой проработки предпосылок ее применения, одной из которых сейчас выступает усиливающаяся инновационность действий хозяйствующих субъектов.

[1] Desmarchelier B., Djellal F., Gallouj, F. Knowledge intensive business services and long term growth // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. – Vol. 25(C). – P. 188–205.

Пешина Э.В.,[1]
Захаров А.С.[2]

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВУЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ СТРАН «АРКТИЧЕСКОЙ ВОСЬМЕРКИ»

Ключевые слова: *страны «Арктической восьмерки», новая Арктика, национальная стратегия, международное сотрудничество.*

Актуальность международного сотрудничества в Арктике подтверждается многочисленными реализуемыми проектами и публикациями ученых. Так, многие специалисты отмечают, что «Арктика это особая, сложная экосистема и одновременно уникальная с точки зрения международных отношений транснациональная среда»[3].

Как отмечают современные ученые и практики: «На фоне локальных конфликтов и конфронтации на Ближнем Востоке, в Африке и Азии беспрецедентная скорость и энергия сотрудничества в Арктике в эти годы могут служить позитивным примером и уроком для человечества. Арктические регионы сегодня стали опытной лабораторией международного сотрудничества»[4].

«Разворачивающаяся борьба за контроль над Арктикой далеко не случайна. По некоторым оценкам, в регионе находится четверть неразведанных запасов углеводородов мира. В случае дальнейшего освобождения ото льда арктических вод немалые экономические выгоды сулит использование Северного морского пути для круглогодичного транзита грузов кратчайшим путем из Европы в страны Восточной Азии. Для перевозок, осуществляемых в 20 из 24 крупнейших морских портов мира, транспортировка через Северный морской путь даст значительную экономию времени и топлива. Быстрыми темпами растут трансарктические авиаперевозки. Регион имеет важное стратегическое значение для РФ и США. С подводных позиций на северо-востоке Баренцева моря можно поразить большинство важных целей в мире, поскольку здесь пролегают кратчайшие траектории для баллистических ракет в любое полушарие Земли»[5].

В международной терминологии выделяют:

«Арктическую пятерку» – страны, имеющие полярные владения в Арктике[6]. Иногда в зарубежной литературе встречается понятие «пять прибрежных государств» (The five coastal states) на основе Илулиссатской декларации (конференция по Северному Ледовитому океану, Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г.[7]). В пределах Арктики расположены пять приарктических государств – Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной;

«Арктическую восьмерку» – «восемь стран имеют свои арктические территории за полярным кругом, морские зоны в Арктике, вполне легитимные границы как на суше, так и на море, входят в Арктический совет»[8]. «Арктическая восьмерка» состоит из стран «Арктической пятерки», а также Исландии, Финляндии и Швеции.

Первой страной, которая приняла стратегию развития в Арктической зоне, была Норвегия. Первая Стратегия Норвегии была опубликована 01.12.2006 г.[9], а в 2009 г. вышла обновленная версия. В Стратегии 2006 года были обозначены следующие «семь политических приоритетов: 1) обладание властью; 2) международные усилия по развитию знаний; 3) управление окружающей средой и природными ресурсами; 4) развитие регионального бизнеса; 5) сохранение традиций и культуры коренных народов Севера; 6) развитие отношений между людьми на Крайнем Севере;

---

[1] Пешина Эвелина Вячеславовна – д.э.н., профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, E-mail: peshina@yandex.ru

[2] Захаров Андрей Сергеевич – первый заместитель директора Департамента финансов Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард. E-mail: a.zakharov89@mail.ru

[3] Коваль В.П., Лыжин Д.Н. Сохранение культурной и природной среды Арктики // Арктика и север. 2016. – № 22. – С. 148.

[4] Пилясов А.Н. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17/2015 / А.Н. Пилясов, А.В. Котов. Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – С. 8.

[5] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2010. – № 9. – С. 43. – https://elibrary.ru/download/elibrary_15188466_18563516.pdf

[6] Лукин Ю.Ф. Население и территория приарктических государств в геополитическом пространстве Арктики // Геополитика и безопасность. 2010. – № 3 (11). – С. 62. – http://narfu.ru/university/library/books/2864.pdf

[7] The Ilulissat Declaration. Arctic Ocean Conference, Ilulissat, Greenland, 27-29 May 2008. – 2 p. – http://mipi.nanoq.gl/sitecore/content/Websites/nanoq/Emner/Landsstyre/Departementer/Departement_for_finans_indenrigs/Nyhedsforside/Nyheder_fra_dep_finans/2008/05/~/media/66562304FA464945BB621411BFFB6E12.ashx

[8] Лукин Ю.Ф. Население и территория приарктических государств в геополитическом пространстве Арктики // Геополитика и безопасность. 2010. – № 3 (11). – С. 62. – http://narfu.ru/university/library/books/2864.pdf

[9] Ministry of Foreign Affairs Norway at the website regjeringen.no. – http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/campaign/the-high-north.html

7) укрепление сотрудничества с Россией»[1]. Основная характеристика стратегий стран «Арктической восьмерки» отражена в табл. 1.

Таблица 1

Действующие арктические стратегии стран «Арктической восьмерки» на 01.01.2018 г.

Страна / группа стран	Название	Год принятия, срок действия
Дания	Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020[2]	2011 г., до 2020 г.
Исландия	A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy[3]	2011 г., период не указан
Канада	Canada's Northern Strategy Our North, Our Heritage, Our Future[4]	2009 г., период не указан
Норвегия	New Building Blocks in the North The next Step in the Government's High North Strategy[5]	2009 г., на 10–15 лет
Россия	Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу[6]	2008 г. до 2020 г.
	Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.[7]	2013 г., до 2020 г.
США	National Strategy for the Arctic Region[8]	2013 г., период не указан
Финляндия	Finland's Strategy for the Arctic Region[9]	2013 г.
Швеция	Sweden's strategy for the Arctic region[10]	2011 г., в ред. 2015 г.

В Стратегии Норвегии 2009 г. были обозначены «новые строительные блоки»: 1) климат и окружающая среда; 2) мониторинг, чрезвычайные ситуации, системы безопасности; 3) устойчивое развитие морских ресурсов; 4) развитие бизнеса на суше; 5) развитие инфраструктуры; 6) суверенитет и трансграничное сотрудничество; 7) охрана культуры и жизнедеятельности коренных народов.

Как отмечают многие зарубежные источники, в частности «Стратегия Швеции для Арктического региона», 2011 г.: «Сотрудничество с Россией играет важную роль в норвежской политике Арктики»[11].

Вслед за Норвегией, в 2008 г. Россия приняла документ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», в котором обозначены мероприятия по развитию Арктики в шести направлениях: 1) социально-экономическом; 2) военном; 3) экологическом; 4) информационных технологий и связи; 5) науки и технологий; 6) международного сотрудничества.

Согласно мнению официальных зарубежных источников: «данный документ подтверждает, что Россия может сохранить свою роль как ведущей силы в Арктике»[12].

Документ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» был принят 18.09.2008 г., а через два месяца Европейский Союз (ЕС) принял документ «Европейский Союз и Арктический регион», который был переведен на 22 языка мира (русский язык отсутствует). Во введении документа указано, что «…три государства – члена ЕС: Дания (Гренландия), Финляндия и Швеция – имеют территории в Арктике. Два других арктических государства: Исландия и Норвегия – являются членами Европейской экономической зоны, а Канада, Россия и США являются стратегическими партнерами ЕС»[13]. В документе обозначены три основные цели

[1] New Building Blocks in the North The next Step in the Government's High North Strategy. Norwegian Ministry of Foreign Affairs. March 2009. – P. 7. – https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf

[2] Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 / Ministry of Foreign Affairs; Department of Foreign Affairs Government of Greenland. August 2011. – 58 p.

[3] A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. Approved by Althingi at the 139th legislative session March 28, 2011. – 11 p.

[4] Canada's Northern Strategy Our North, Our Heritage, Our Future / Minister of Public Works and Government Services Canada. – Ottawa, 2009. – 48 p.

[5] New Building Blocks in the North The next Step in the Government's High North Strategy / Norwegian Ministry of Foreign Affairs. March 2009. – 94 p.

[6] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом РФ от 18.09.2008 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». – http://www.consultant.ru

[7] Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ). Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». – http://www.consultant.ru

[8] National Strategy for the Arctic Region / White House. United States. May 10, 2013. – 13 p.

[9] Finland's Strategy for the Arctic Region 2013.Government resolution on 23 August 2013 / Prime Minister's Office Publications 16/2013. – 70 p.

[10] Sweden's strategy for the Arctic region / Ministry for Foreign Affairs Department for Eastern Europe and Central Asia Arctic Secretariat. – 52 p.

[11] Sweden's strategy for the Arctic region / Ministry for Foreign Affairs; Department for Eastern Europe and Central Asia Arctic Secretariat. – P. 8. – http://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region

[12] Ibid., p. 10.

[13] Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The European Union and the arctic region (COM 2008). – Brussels, 20.11.2008 COM(2008) 763 final. – P.2. – http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008DC0763&from=EN

политики ЕС в Арктическом регионе: «1) защита и сохранение Арктики в гармонии с ее населением; 2) содействие устойчивому использованию ресурсов; 3) содействие расширенному многостороннему управлению Арктикой»[1].

Данный документ ЕС 2008 г. был обновлен в 2012 г. и 2016 г. В 2012 г. документ вышел под названием «Политика Европейского союза в Арктическом регионе: прогресс с 2008 года и последующие шаги»[2]. Ключевыми параметрами документа 2012 г. стали: «знания, ответственность и участие (knowledge, responsibility and engagement)»[3], а именно:

« – Поддержка научных исследований и знаний как канала для решения проблем, связанных с окружающей средой и изменения климата в Арктике;

– ответственные действия в обеспечении экономического развития в Арктике, основанные на устойчивом использовании ресурсов и экологической экспертизы;

– активизация конструктивного взаимодействия и диалога с арктическими государствами, коренными народами и другими партнерами»[4].

В 2016 г. данный документ ЕС вышел под названием «Комплексная политика ЕС в Арктике», в котором отмечалось, что «в последние годы в нескольких государствах-членах были приняты национальные документы по политике в Арктике: Королевство Дания, Финляндия, Германия, Италия, Польша, Швеция и Великобритания. В 2016 г. Нидерланды, Франция и Испания выпускают арктические или полярные политические документы. К странам, не являющимся членами ЕС и опубликовавшим стратегию или стратегический документ об Арктике относятся: Канада, Исландия, Индия, Япония, Норвегия, Российская Федерация и США. Поэтому в ответ на это предлагается комплексная политика ЕС в Арктике в трех приоритетных областях: 1) изменение климата и защита окружающей среды Арктики; 2) устойчивое развитие в Арктике и вокруг нее; 3) международное сотрудничество по проблемам Арктики»[5].

Список государств, имеющих намерения по политике в Арктике можно дополнить: «Китай, у которого нет официальной стратегии по Арктике, но имеются инициативы в области научного развития и сотрудничества, торговые соглашения и «ресурсная дипломатия» для разведки и добычи нефти, газа и полезных ископаемых»[6], Корея с обозначенными приоритетами, Сингапур, который «формируют новый политический ландшафт в Арктике»[7].

Перечисленные в документе ЕС 2016 г. неарктические страны на самом деле как таковых официальных документов по Арктике не имеют. Так, например: «Франция определила перспективные полярные исследования, Германия заявила о своих экономических возможностях в исследовании Арктики, Нидерланды выступают за защиту арктической среды, Польша обозначила приоритетные направления политики в Арктике, Испания преследует научные интересы посредством Испанского полярного комитета, Англия ратует за систему безопасности в Арктике, Япония опубликовала планы научного сотрудничества в Арктике на японском языке, Индия преследует исключительно научные цели в Арктике»[8].

В то же время авторы «Доклада о жизнеспособности в Арктике», 2015 г. отмечают: ««Теневые цели» (Shadow objectives) очевидны во многих неарктических государственных стратегиях: например, наука предлагает правопреемникам законную причину физического и инфраструктурного присутствия в регионе, в то время как явное стремление к экономическому или геополитическому присутствию было бы политически неприемлемым».

В 2013 г. Президентом РФ была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.».

В 2009 г. Канада и США приняли свои стратегические документы по развитию Арктической зоны.

В 2007 г. правительство Канады «объявило о «Северной стратегии Канады: «Наш Север», «Наше наследие», «Наше будущее»» (Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future), в которой представляется всеобъемлющее видение Севера»[9]. Официально Стратегия была принята в 2009 г. После России Канада имеет самую большую земельную и морскую площадь территорий в Арктике и придает большое значение аспекту суверенитета.

«Канадская стратегия подчеркивает, что Арктика является ключевой частью идентичности Канады. Современная Арктическая стратегия Канады построена на четырех основных принципах: осуществление канадского суверенитета, содействие экономическому и социальному развитию, защиты окружающей среды Арктики и совершенствова-

[1] Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The European Union and the arctic region (COM 2008). – Brussels, 20.11.2008 COM(2008) 763 final. – P. 4. – http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008DC0763&from=EN

[2] Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps / The European Union. – Brussels, 26.6.2012 JOIN(2012) 19 final. – 18 p. – http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/join_2012_19.pdf

[3] Ibid., p. 6.

[4] Ibid., p. 10.

[5] An integrated European Union policy for the Arctic. European Union. Brussels, 27.4.2016. JOIN (2016) 21 final. – P. 4. – http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0021&from=EN

[6] Arctic Resilience Report / Ed. by M. Carson, G. Peterson; Arctic Council. Stockholm Environment Institute and Stockholm Resilience Centre, – Stockholm, 2016. – P. 215. – https://www.sei-international.org/mediamanager/documents/Publications/ArcticResilienceReport-2016.pdf

[7] Ibid., p. 215.

[8] Ibid., p. 215–216.

[9] Aglukkaq, Hon. Leona. Realizing the North's economic potential // Northern Public Affairs. Fall 2012. – P. 31. – http://www.northernpublicaffairs.ca/index/wp-content/uploads/2016/01/Aglukkaq.pdf

ние и передача управления канадским северянам»[1]. «В Стратегии подчеркивается, что, наряду с экономическими, политическими и правовыми механизмами, для защиты своего суверенитета в Арктике Канада может использовать и военные инструменты. Так, планируется наращивание военного присутствия для усиления контроля над сухопутными территориями, морским и воздушным пространствами Арктики»[2].

В 1967 г. в США была организована Федерация Коренных народов Аляски (Alaska Federation of Natives), которая стала представлять интересы этой группы населения штата. В 1993 г. Совет директоров Федерации коренных народов Аляски принял политическую директиву, которая включала в себя набор принципов исследования для использования в практической работе ученых, планирующим проводить исследования на Аляске. Данная политическая директива была положена в основу Президентской Директивы по национальной безопасности от 09.01.2009 г., предмет которой был обозначен как: «Политика в Арктическом регионе». В данном документе в частности было обозначено: «Соединенные Штаты – это арктическая нация с различными интересами в этом регионе. Эта директива учитывает несколько событий, в том числе, среди прочего: 1) изменение национальной политики в области национальной безопасности и обороны; 2) последствия изменения климата и повышения активности человека в Арктическом регионе; 3) создание на постоянно функционирующей основе Арктического совета; 4) растущее осознание того, что арктический регион является одновременно и хрупким и богатым ресурсами»[3]. Позднее, в 2013 г. была принята действующая национальная Стратегия для Арктического региона.

Как отмечают российские ученые в области международных отношений: «Несмотря на то, что в обоих документах (Стратегии США 2009 и 2013 гг.) интересы США в области безопасности в Арктике стоят на первом месте, конкретное наполнение этих интересов сильно отличается друг от друга. Если в Директиве 2009 г. основное внимание уделялось военно-стратегическим аспектам безопасности, то в Стратегии-2013 на авансцене прежде всего находятся вопросы «мягкой безопасности»: угрозы возможных природных и техногенных катастроф, уязвимость арктической экологии, энергетическая безопасность и пр.»[4].

Особенностью Дании является вхождение в состав государства Фарерских островов и Гренландии[5]. Дания акцентируется на продвижении долгосрочных проектов регионального развития в рамках как арктического сотрудничества, так и деятельности Совета министров Северных стран.

Следующие три страны: Исландия, Финляндия и Швеция, входят в состав «Арктической восьмерки».

Целью арктической политики Исландии является обеспечение статуса страны как прибрежного государства в Арктическом регионе и защита данного статуса на основе правовых, экономических, экологических и географических аргументов.

Позиция Финляндии в качестве арктической страны в северном регионе очень похожа на позицию Швеции: ни одна из стран не граничит с Северным Ледовитым океаном, обе страны являются членами ЕС и имеют коренное население саами.

Первая арктическая стратегия Финляндии была принята в 2010 г. и касалась безопасности региона, окружающей среды, экономики, инфраструктуры, коренных народов, международных институтов и арктической политики Европейского союза. В 2013 г. была принята обновленная стратегия Финляндии в Арктическом регионе.

В отличие от всех арктических стратегий рассмотренных стран, Стратегия Швеции представляет комплексный документ, раскрывающих особенности арктической политики всех стран «арктической восьмерки» и перспективности планов: «Арктического совета, Европейского Союза, Северного сотрудничества, Баренцева сотрудничества, Организации объединенных наций, «пяти прибрежных государств» и саамского сотрудничества»[6].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в начале XXI века арктические страны придали своим интересам и планам в Арктике «юридическое закрепление, что позволило говорить о целом «параде Арктических стратегий»»[7]. Национальные приоритеты, в которых присутствуют «теневые цели» (Shadow objectives) на начало 2018 г. имеют 12 государств: Германия, Италия, Польша, Великобритания, Нидерланды, Франция, Испания, Индия, Япония, Китай, Корея и Сингапур.

---

[1] Sweden's strategy for the Arctic region / Ministry for Foreign Affairs; Department for Eastern Europe and Central Asia Arctic Secretariat. – P. 10. – http://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region

[2] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Канадская стратегия в Арктике и Россия: возможно ли взаимопонимание? // Арктика и Север. 2012. – № 8. – С. 7. – https://elibrary.ru/download/elibrary_17963211_12766854.pdf

[3] National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive. NSPD-66 / HSPD-25. January 9, 2009. Source: The White House. – https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm

[4] Конышев В.Н, Сергунин А.А. Арктические амбиции Вашингтона // Обозреватель – Observer. – М., 2013. № 9 (284). – С. 61. – https://elibrary.ru/download/elibrary_20297327_41165139.pdf

[5] Дания сама находится на юге Европы, но из-за того, что в ее состав входит островная Гренландия и Фарерские острова, она получила место в Арктическом совете.

[6] Sweden's strategy for the Arctic region / Ministry for Foreign Affairs; Department for Eastern Europe and Central Asia Arctic Secretariat. – P. 3. – http://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region

[7] Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Международное сотрудничество как предпосылка эффективного хозяйственного освоения российского сектора Арктики // Экономика и управление. 2013. – № 4 (90). – С. 20.

Во-вторых, каждая страна формирует свою арктическую стратегию, исходя из особенностей национальной истории и традиций, а также «специфики освоения ею Арктики с учетом места арктической экономики в своей внутренней и внешней политике»[1].

В-третьих, все страны в стратегических документах в числе приоритетов заявляют необходимость международного сотрудничества в контексте глобальной нестабильности, рисков и угроз.

[1] Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Арктическая политика в эпоху глобальной нестабильности: опыт и уроки для России // Регион: экономика и социология. 2013. – № 4 (80). – С. 81.

Пястолов С.М.
д.э.н., гл.н.с. ИНИОН РАН

ТРИ ИСТОЧНИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *трансдисциплинарность; метод существенной метафоры; принципы советской глобализации; битва парадигм; концептуальная модель модернизации.*

Классики любят троицу, следуем за ними

Тройка, как известно, замыкает и разрешает проблему диалектических противоположностей: столкновение «тезиса» и «антитезиса» разрешается «синтезом». Современные методологи, в частности, предлагают расширить онтологию социо-технологических исследований за счет аксиомы «скрытого третьего» (*hidden third*): «Это термин, позволяющий унифицировать описания трансдисциплинарных Субъекта и Объекта, сохраняя при этом их различия» (по Б. Николеску). В советской политэкономии азбучными истинами были «три источника и три составные части марксизма». Известные сегодня концепции экономических циклов сопрягаются с представлениями о волнах. Волна же характеризуется тремя параметрами: длина (частота), амплитуда, фазовый угол (взятый в определенный момент времени).

С опорой на данное представление технологическую модернизацию предлагается описывать как волновой процесс, для которого ключевое значение имеют параметры, аналогичные названным выше.

Методологические основания подхода

Необходимость и актуальность обращения к идеям классиков обусловлена в т.ч. тем, что работы, написанные много десятилетий назад, остаются востребованными и сегодня. Так, по версии проекта «ACUMEN» К.Маркс занимает 72-е место в современном рейтинге наиболее цитируемых учёных (Индекс Хирша: H = 167). В это же множество классических работ следует включить и труд К.Поланьи «Великая трансформация». Что же определяет востребованность работ названных классиков политической экономии? Авторская гипотеза состоит в том, что в книге внука двух раввинов представлены положения того глобального и тысячелетнего проекта, начало которого отслеживается, как минимум, со времен Эхнато́на, настоящее его характеризуется всеми признаками сложностности (термин В. Аршинова), а будущее – многоаспектно.

Метод существенной метафоры, к которому постоянно прибегал К. Маркс, в последнее время стал приобретать качества аналитического инструмента, его свойства и функции описываются и классифицируются, прежде всего, в рамках трансдисциплинарного подхода. Формируется и сама трансдисциплинарность как научное направление. Выбор данного подхода оправдывает и то, что значимость идей «Капитала» признана ЮНЕСКО[1] – организацией, занимающейся решением задач цивилизационного значения. Вообще говоря, подробные описания процессов производства и обращения, которые предлагает автор «Капитала», относятся к традиции энциклопедизма, характерного для той эпохи. В то же время, сегодня, с институциональной точки зрения видно, что такая манера изложения ограничивает ход рассуждений рамками определенного соглашения. А с точки зрения трансдисциплинарности – рамками одного типа реальности. Однако это является, по всей видимости, тем, что называют «первым взглядом». А в когнитивной психологии – атрибутами. При этом, уделяя значительное внимание атрибутам, классики достаточно четко прорисовывают и прототипы. В этой связи, можно утверждать, например, про «Капитал», что его основное содержание изложено метафорическим языком.

Отчасти поэтому споры по поводу «нового» перевода первого тома «Капитала»[2], представляются в условиях сегодняшней реальности дискуссиями, уводящими в сторону от существенного смысла работы. Спускаясь на уровень атрибутов, заметим, что данный случай высвечивает наличие эпистемологической проблемы понимания языков, на которых общаются друг с другом различные участники (трансдисциплинарного) проекта в экономике. Так, на доводы переводчика, также обладающие своими «археологиями знания» (термин М.Фуко) экономисты А. Бузгалин и Л. Васина отвечают компетентной критикой и, в частности, справедливо замечают, что «слово «ценность» в русском языке вообще мало связано с товарным миром, с миром рынка»[3]. Однако обращение к национальным архетипам в данном

[1] «Коммунистический манифест» и 1-й том «Капитала» К. Маркса были внесены в реестр всемирного документального наследия ЮНЕСКО. – https://www.kommersant.ru/doc/2215498

[2] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / Под ред. В.Я. Чеховского. – М.: РОССПЭН, 2015.

[3] Бузгалин А.В., Васина Л. Л. Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов «Капитала») // Альтернативы. – М., 2016. – № 3.

случае похоже на риторический прием в духе Бакунина (к которому К. Маркс, как известно, испытывал сложные чувства). Но в контексте дискуссии «о переводе» более важен вопрос об эпистемологическом отчуждении, которое становится затем онтологическим и далее – политэкономическим.

Очевидно, история экономической мысли в советский период еще не ясна в полной мере, многие разработки требуют переосмысления, однако, с позиций сегодняшнего дня к следующему утверждению, по всей видимости, следует отнестись с должным вниманием. Догматическая трактовка канонизированных в СССР переводов работ К. Маркса (задавшая онтологическое и эпистемологическое ограничения), непринятие во внимание ряда полезных разработок марксистских советских философов, обусловили политическое решение об установлении граничных объектов (понятие «стоимость» и не только), с функцией запретительных знаков (для движения по не разрешенным маршрутам). А это, в свою очередь, стало препятствием (одним из ...) для развития ряда научных направлений (например, экономической психологии, поведенческой экономики), идеи которых были обозначены еще в ранних рукописях К. Маркса. В его авторской трактовке; развитие общества обусловлено не столько прогрессом технологий, сколько развитием человека. Данное утверждение можно рассматривать в качестве базовой гипотезы, лежащей в основе «Капитала», как исследовательского проекта, а, в целом, для марксизма, как учения об обществе, данное утверждение можно принять в качестве базовой предпосылки. Дальнейший анализ контекста истории социалистического блока, динамики его институциональных форм позволяет заключить, что у Советской социалистической системы было три источника (с некоторой долей условности, их можно также считать принципами советской глобализации):

- ноосферный коммунизм – как мировоззрение/проект будущего,
- марксизм – как учение,
- советы (соборность, общинность) – как практика.

Однако по итогам длительной борьбы эти источники, на настоящее время, не стали «составными частями».

Здесь опять можно заметить тройственную аналогию, экономические циклы Маркса, в комплексе с концепцией развития «по спирали», вместе дают модель волны: мировоззрение задает ценности (соответственно – фазовый угол: по его величине мы судим о состоянии дел); длину волны (горизонт планирования) определяет учение; амплитуду (границы возможностей) формирует практика.

Модель К. Поланьи, представлена в работе «Великая трансформация». Там он пишет: «Будучи лишенными защитного панциря *культурных институтов,* человеческие существа погибнут от социальной обнаженности; …Природа распадется на составные элементы; … Ни одно общество, даже в течение самых коротких отрезков *времени*, не сможет выдержать последствия функционирования такой системы чисто фиктивных *ценностей* без соответствующей защиты своей человеческой и природной сущности и системы организации своего бизнеса от разрушительной силы этих сатанинских жерновов». Курсив мой, выделены ключевые параметры модели из класса рыночных («market pattern»). Данные параметры, мне думается, не случайно соотносятся с древними архетипами: ипостасями одного из раннеегипетских божеств времени – Kairos, Chronos, Cyclos. Такой образный метафорический ряд явно не вербализован в работе Поланьи, но его применение для анализа крупнейших феноменов и событий, оказывающих влияние на процессы цивилизационного масштаба, оказывается весьма продуктивным. Таким образом, появляется возможность сопоставить параметры умеренного и мобилизационного этапа технологического развития по выделенным выше критериям (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление параметров умеренного и мобилизационного этапа технологического развития

Этапы / Параметры, характеристики цикла	Умеренный	Мобилизационный
Ценности *Cyclos* Фаза цикла	Развивающийся комплекс, широкий спектр ценностей	Жестко определенное ядро
Время *Chronos* Длительность	Свободный выбор масштабов и горизонта планирования	Горизонт планирования задан явной целью (как правило, краткосрочной)
Культурные институты *Kairos* Технологии, амплитуда процесса	Им отдается приоритет, поддерживается развитие в многообразии	Культивируются институты милитаризма, военные традиции

Отметим, что основные сложности любого проекта встречаются обычно в начале его жизненного цикла, но самые драматические ситуации складываются на выходе из проекта. Связано это, как можно показать, с тем, что меняются типы институциональных соглашений, в которых люди действуют в состоянии мобилизации – по принуждению, а в спокойной – по собственному выбору.

С позиций методологических нельзя не заметить, что выбор типа модернизации стал переломным моментом в т.н. «битве парадигм». Здесь имеются в виду аналоги парадигм «командной» и «рыночной» экономических систем. В граничных своих состояниях эти парадигмы формируют модели «власти-собственности» и «мельницы хрематистики».

В формате доклада/статьи мы можем обсудить лишь один аспект «битвы парадигм» – его проекцию на сферу научных исследований, где, как можно предположить, не случайно сформировалось понятие «передний край науки». С сожалением следует заметить, что Россия после 1992 года потеряла большую часть своего потенциала, позволявше-

го ей выступать в этой битве в качестве субъекта. Основные сражения (за позиционные преимущества, в основном) идут на пространствах научных исследований в Европе и США,

Институциональные метаморфозы на переднем крае науки

Сегодня формируется т.н. «наука о науке» (science of science – SoS). Это новая дисциплина, получающая новые возможности за счет индустриализация научной сферы. Важным для исследований SoS типом данных является информация о финансировании.

Как показывает анализ публикаций по соответствующим направлениям, доверие общества к науке падает. И, соответственно, научная деятельность и ее финансирование нуждаются в легитимизации. Так, Национальные академии США в своем обзоре результатов Национальной нанотехнологической инициативы (ННИ) еще раз указывают на то, что институционализация новых технологий – это «неотъемлемо социальный процесс в самом широком смысле, вовлекающий широкие социальные и экологические проблемы» и внешние эффекты. ННИ – проект, миссией которого с 2001 г. является осуществление исследований и разработок с целью развития технологий для блага общества. Его годовым бюджетом в 1,5 трлн. долл. США управляют Американские национальные академии при поддержке Национального офиса координации развития нанотехнологий. В 2001 г. эксперты оценивали возможные объемы рынка нанотехнологий, примерно, в 1 трлн. долл. на последующие 10–15 лет. Однако этот показатель был перекрыт в 2013 г., и прогнозы на 2018 г. превышают 3 трлн. долл. Число агентств – участников проекта NNI выросло от 8 до 27 (к настоящему времени). Совокупные инвестиции в рамках проекта с момента начала по 2017 г. приблизились к 24 трлн. долл. США[1].

И сегодня такие объемы расходов требуют легитимизации. В этой связи, возникают дискуссии по вопросам технологического развития, в ходе которых постоянно поднимаются вопросы об ответственности и автономии науки и о роли общества. В программе ЕС «Горизонт 2020» (ключевой в проекте Инновационного Союза) принцип ответственности устанавливается как обязательный. Здесь также важно отметить, что такие семантические инструменты, как категория «ответственных инноваций», оказались весьма востребованными. И эта востребованность растет, как это видно на примерах из американской инновационной политики: Национальный стратегический план «Нанотехнологическая Инициатива», проект «Нанотехнологии в социальных сетях» Национального научного фонда США.

«Беспокойство по поводу целостности/качества научных исследований появилось в научных и общих СМИ в последние несколько лет» – отмечается в отчете Национальных академий наук США «Fostering Integrity in Research»[2]. Растущий корпус данных указывает, что существенная доля опубликованных результатов в некоторых областях не воспроизводится в повторных экспериментах; и на это, по всей видимости, есть причины. Также отмечается уменьшение числа журнальных статей с результатами исследований, и это отчасти служит свидетельством плохого качества исследований. Проявились и другие «вредные методы исследования», такие как «хищные» журналы, которые, либо никак не рецензируют статьи, либо, вообще пренебрегают этим, «хищные» конференции и т.п. Другие вредные виды поведения ученых были определены как «формы недопустимого поведения, которые могут иметь место в академической среде». Второй выпуск отчета «Ответственная наука» посвящен категории *целостности*[3] в исследованиях, методам ее оценки, разбору существенных примеров.

Дискурс ответственности развивается и в Европе как один из существенных сложных дискурсов, который развивался в Европейском научном совете, в т.ч. и также вокруг метафорического понятия «пограничного исследования»/ «исследования на переднем крае науки» (frontier research). Это понятие было введено экспертной группой с очевидной целью вытеснить из оборота прежнее понятие «фундаментального исследования». Второй дискурс продвигает идею необходимости взаимодействия науки и общества для разрешения «великих проблем» нашего времени. Третий дискурс связан с формирующейся в последнее время в сфере европейской НТП категорией «ответственного исследования и инноваций» (ОИИ). Можно заметить, что данный дискурс более чем другие формализован, и в этом случае более заметна преднамеренность его введения влиятельными акторами в рассматриваемую сферу. Дискурс оформляется организационно таким образом, чтобы «использовать коллективный процесс рефлексивности» с целью осуществлять руководство и влиять на последующую траекторию и темп инновационного развития[4].

При более конкретном рассмотрении это прослеживается в межгосударственной политике Европейского союза (ЕС) по аналогии с более ранними событиями в США. Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что эти семантические события происходят под влиянием определенного языкового сообщества. Главным, по всей видимости, стал тезис о новых способах легитимизации мер научно-технической политики.

Участники определенного сообщества ученых общаются на языке специфического технологического соглашения. Очевидно, для того, чтобы определенным образом повлиять на содержание и направление деятельности ученых, администраторы научной сферы должны не просто пользоваться теми же семантическими конструкциями, для корректировки направлений исследований в нужном русле они осуществляют особого рода семантические вторжения.

---

[1] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine: Triennial Review of the National Nanotechnology Initiative. – Washington (DC): The National Academies Press, 2016.

[2] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine: Fostering Integrity in Research. – Washington (DC): The National Academies Press, 2017.

[3] Эта категория связана с ответственностью непосредственно.

[4] Flink T., Kaldewey D. The new production of legitimacy: STI policy discourses beyond the contract metaphor // Research Policy. 2018. – N 47. – P. 62.

Целью одной из таких семантических атак стала категория фундаментальных исследований. Задача состояла в том, чтобы вывести эту категорию из дискурса научно-технической политики и заменить ее более нейтральной, сняв тем самым проблему противопоставления фундаментальных и прикладных исследований. В апреле 2005 г. Европейская комиссия в рамках Седьмой рамочной программы исследований (FP7) предложила создать Европейский научный совет (ERC), и соответствующее решение было принято в декабре 2006. К тому времени Комиссия отказалась от идеи финансирования фундаментальных исследований по двум причинам. Первая выражена в т.н. принципе «европейской добавленной ценности»: научные разработки должны быть столь же конкурентоспособны, как и промышленные инновации. Вторая причина объясняется принципом субсидиарности: ЕС не должен был вести политику, которая могла быть расценена как переход на более низкий уровень ответственности (чем, например, в США).

В ходе процедур совместного принятия решений в рамках FP7, на Комиссию оказывали давление определенные группы интересов. В первую очередь, это были представители сообществ науки о жизни и аналогично мыслящих высших чиновников от науки, отстаивавших категорию «фундаментального исследования». Эксперты ERC выступали за термин «frontier research»[1].

Понятие «передний край науки»/«пограничное исследование» было выбрано, прежде всего, потому что «передний край»/«граница» было новым понятием для ученых Европы. Известны ее корни в XIX в., где «фронт», «передний край» являлись управляющими параметрами соглашений о методах и способах исследования и эксплуатации Америк. В англоязычной литературе это понятие остается принятым в научном обороте, и оно стало довольно мифологизированным. «Особый американский характер», описанный в хрониках, «отмечен жестоким индивидуализмом, прагматизмом, и эгалитаризмом» и «сильно отличается от европейского созерцательного характера»[2]. Характер деятельности соотносится с характером исполнителей и это метафорически переносится, в том числе, на характеристики современных исследований «на переднем крае науки», и, в определенной мере – на ученых соответствующих дисциплинарных областей.

Метафора «фронта» или «переднего края науки», появившись в США, стала применяться и для описаний научно-технической политики Японии в 1980-х. Уже в 1986 г. Институт физико-химических исследований (RIKEN), запустил Программу пограничных/передовых исследований (Frontier Research Program). Понятие «пограничного исследования» также применено в японской Программе развития наук о человеке. С 1987 г. HSFP была поддержана многими европейскими государствами и США.

В то же время, семантическое внедрение в национальные контексты не вполне объясняет успех понятия «пограничного исследования». Здесь важна функциональность: категория «граница»/«передний край», по всей видимости, помогла высшим администраторам научно-технической сферы обойти антагонизм фундаментального и прикладного типа исследований. Эта гибкая стратегия уклончивости отражена в описании «пограничного исследования» Европейского исследовательского союза 2006: «термин “пограничное исследование” был введен для использования в действиях ERC, так как они будут направлены на решение фундаментальных проблем внутри и вне «границ» знания».

Геостратегическое значение экспериментов Европейской комиссии с терминами, по предположениям экспертов, раскрывается в русле концепции противостояния. «Европа ведет войну за таланты против США, Японии и новых глобальных игроков». Это уже видно в заголовке отчета, который заставляет вспомнить о двух более ранних работах: «Наука – бесконечный передний край[3]» В. Буша (Science—The Endless Frontier, 1945); «Американский вызов» Сервэн-Шрайбера (The American Challenge, 1968). Комиссия вполне могла взять англо-американский подход в качестве образца для подражания и использовать для формирования новой конкурентной политики. Идеология данной политики подразумевает, что поставленные в условия конкурентной борьбы исследователи самомобилизуются и возьмут на себя большие научные риски, а общество в целом, в результате, выиграет. Возможные негативные последствия для научного сообщества ERC, по всей видимости, в то время не рассматривал.

В последующей после FP7 рамочной программе исследований – FP8 (элемент общеевропейской стратегии «Горизонт 2020») вводится еще одно семантическое новшество. Это – вновь введенная в оборот категория «социальные вызовы». Данный термин использовался, практически, как синоним для «великих вызовов» (grand challenges). Последняя категория сначала появилась в документах Европейской комиссии в 2007/2008 г. с явной целью поддержать всесторонние усилия по координации межнациональных взаимодействий в пределах проектируемого общеевропейского пространства исследований.

Категория «великих вызовов» также появилась впервые не в Европе, а в контекстах американской научно-технической политики. В конце 1980-х, эта категория применялась в целях обоснования запросов о субсидиях к федеральному фонду для создания суперкомпьютеров. Первое эксплицитно сформулированное определение «великих вызовов» обнаруживается в отчете Федерального координационного совета по науке, исследованиям и технологиям: «Великий вызов – базовая проблема в науке или технологиях, решение которой позволило бы с высокой эффективностью применять вычислительные ресурсы, которые могут стать доступными в ближайшем будущем» (цит. по: OSTP[4], 1987). Из данного определения ясно, что новый термин выступает как промежуточный между традиционными понятиями фундаментального и прикладного исследований.

---

[1] Данное выражение следует понимать как «передний край науки». Это будет ясно из дальнейшего изложения, вместе с тем, в русскоязычной литературе распространен перевод: «пограничное исследование».

[2] См.: Flink, 2018. – там же, с. 15.

[3] Известны также переводы: «Наука – бесконечная граница», «Наука – бесконечные рубежи», «Предел науки — бесконечность» и др.

[4] OSTP – Office of Science and Technology Policy (Офис научно-технологической политики).

Позднее, администраторы науки, известные ученые, стали использовать термин «великие вызовы» для получения более ясных формулировок повестки дня в областях информатики, искусственного интеллекта; в течение 1990-х это понятие использовалось почти исключительно в этих эпистемических сообществах. В 2009 г., почти синхронно с событиями в Европе, понятие стало известно как ключевой элемент Стратегии американских инноваций. Определения и перечень великих вызовов появились на сайте Офиса научно-технологической политики (OSTP)[1].

Категория «Великие вызовы», как понятие, в большей степени оказывается связано с процессами демократизации дискуссий о роли и миссии научного сообщества. Обращение к такого рода категориям стало своего рода способом аргументации в пользу определенных целей и задач научных исследований. Одна из таких задач – «сделать науку более независимой от экономических интересов».

Мнение экспертов по поводу концепции ОИИ, состоит в том, что она, фактически, стала результатом синтеза комплекса идей, исходящих из приоритета управления в научно-технической сфере. То есть, дискурс ответственной науки сменяется дискурсом «ответственного управления». По существу, речь идет о том, чтобы сместить фокус внимания от результатов научного исследования на соответствующие процессы. Это, по сути, – переход от линейной модели управления инновациями к новой, параметры которой только начинают проявляться. Но именно, в рамках линейной модели существовало своего рода «защищенное пространство» для ученых. И в качестве понятия оно метафорически поддерживало общественный договор между обществом и наукой. Как видим, сегодня этот договор пересматривается, но переговорные позиции ученых неизмеримо слабее, чем прежде.

При этом процесс институционализации концепции ОИИ имеет специфический характер. До сих пор Еврокомиссия держит квазимонополию на ее использование в научных проектах. Например, «консорциум 26 партнеров», финансируемый ЕС «стремится развивать набор инструментов, необходимых для реализации Ответственных исследований и инноваций» и создать «Сообщество Практики» на базе 19 национальных центров ОИИ. В то же время озадачивает тот факт, что много говорится о восходящем характере процессов становления новой концепции. Однако критики замечают, что это мнение о подходе «снизу вверх», на самом деле, организовано «сверху вниз» Европейской комиссией. Таким образом, в настоящий момент ОИИ оценивается экспертами как «причуда бюрократии».

Заключение

Актуальность обращения к феноменам, обладающим циклической природой, обусловлена, в т.ч., особенностями текущего кризиса. Многие эксперты наблюдают наложение нисходящих трендов и впадин нескольких циклов, разнонаправленную динамику некоторых пар циклов. Не менее убедительно обосновывается существование кризиса принятой социально-экономической парадигмы. К методам преодоления парадигмальных ограничений относят, в т.ч. трансдисциплинарные. Это – метод существенной метафоры, архетипических аналогий и другие. Гипотеза исследования состоит в том, что с помощью подобных методов возможно обнаружить общее в явлениях циклов различных типов, и, на базе понимания общих закономерностей, предложить меры регулирования соответствующих процессов.

Определенная закономерность вытекает из теории сложных систем: управляющая подсистема стремится доминировать, подчинить себе управляемую посредством упрощения последней (подчинения, если та уже достаточно проста). Однако при использовании предлагаемых подходов, также как и в других видах анализа жизненных циклов сложных социо-технических систем, необходимо учитывать комплексный и сложный характер объекта исследования. Так, анализируя параметры различных типов соглашений, отмечаем различия в наборе объектов (благ), их иерархии; в процедурах координации. Техносфера, к примеру, рассматривается как современная форма капитала. Но, это же, по существу, объект индустриального соглашения. А в рыночном соглашении характеристики техносферы соответствуют характеристикам общественного блага, обладающего при этом сетевой структурой. Однако в качестве капитала она обладает собственной сущностью и живет своей жизнью, независимой от воли ее создателей. Капитал, как известно, не относится явно к классу общественных благ. Кроме того, для его производства и воспроизводства расходуются ресурсы: человеческие и невозобновимые экологические. При обращении к понятию техносферы со стороны социологии (гражданского соглашения), оно становится граничным объектом.

В различных типах соглашений используются различные источники информации, в них по-разному устроено время. В рыночном соглашении время ориентировано на настоящее; в индустриальном – это проекция в настоящее из будущего: в соглашении домохозяйств – это проекция в настоящее из прошлого. В экологическом соглашении время циклично; в соглашении творческой деятельности – дискретно. Игнорирование подобных различий обусловливает когнитивный диссонанс или, в лучшем (?) случае – непонимание существа текущих (негативных в т.ч.) процессов. Следует также учесть, что «модернизация», при любом рассмотрении, означает в т.ч. смену доминирующего соглашения (а значит, и механизмов координации).

Дальнейшее предположение состоит в том, что с помощью методов конвенциальной теории, концепции граничных и трансграничных объектов, возможно обнаружить общее в явлениях циклов различных типов и на базе понимания общих закономерностей предложить меры регулирования соответствующих процессов. В научно-технической сфере необходимой мерой является преодоление эпистемологического отчуждения.

Так, в точке бифуркации технократической цивилизации, «техносфера», как понятие, по существу, из объекта индустриального соглашения превратилась в граничный объект. Теперь же, это понятие, наполнившись новым содержанием, должно из разряда граничных объектов перейти в разряд трансграничных. Такую же процедуру следует при-

[1] https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/ostp/grand-challenges

менить и к другим понятиям, в частности, к понятию «ценность». «Стоимость», по всей видимости, останется еще какое-то время объектом граничным, притягиваясь, так или иначе, к подполю бухгалтерии.

В то же время, смысловое наполнение понятий зависит от выбора направления развития. В проекте «Капитал» принято, что общественно-экономическое развитие идет «по спирали». Так развиваются «формации». Но эта «спираль» не может «висеть» в плоскости. Это, как минимум трехмерный объект, Соответственно, спираль будет раскручиваться либо вверх, либо вниз. Метафора кадуцея Гермеса Трисмегиста подсказывает, что, на самом деле, спирали (змеи) две: одна (правосторонняя) символизирует развитие физической составляющей, другая (левосторонняя) – духовной составляющей.

Преобладание материалистических идей придало импульс «правостороннему» движению: процессам технократизации, расчеловечивания. В ситуации крайности мы получили «чертову мельницу» хрематистики (на которой, по всей видимости, и сформировали идею «золотого полумиллиарда»). Универсальные законы равновесия, сохранения требуют усиления альтернативного импульса: подъема гуманитарной составляющей на новый уровень. Задача ученых в этой связи – наполнить понятия соответствующими смыслами.

Возвращаясь к метафоре трех ипостасей времени, можно предложить следующую программу, раскрывающую три источника успешной модернизации России в современных условиях.

1. Жестко определенное ядро жизненно важных ценностей.

2. Предоставление права и установление обязанности выбора масштабов и горизонта планирования проектов технологического развития (что-то подобное ответу на «великие вызовы», но не реакция, а проектирование будущего). Здесь уместно поставить задачу пересмотра принятых в последние десятилетия концепций бухгалтерского учета.

3. Поддержка и развитие культурных и социально-экономических институтов институты, сопрягающихся с российскими традициями (например, артельные модели организации производства, принципы демократического централизма (то же земство), разработка собственной версии проектного языка («модернизация экономики» – импортированный и чуждый конструкт; ближе русскому духу, пожалуй, «[правильное] домостроительство»).

Предложенные формулировки, очевидно, требуют обсуждения. Однако ясно, что в нынешней ситуации в диалоге общества и науки такое обсуждение следует начать с того, что «ценности должны быть объявлены открыто».

Селиванов А.И.[1]

МЕСТО И РОЛЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова*: государственный суверенитет, развитие, безопасность, будущее, социально-гуманитарные науки, методология, моделирование, перспективные направления научных исследований.*

Культурный «разрыв», в который попала Россия в постсоветский период, самым катастрофическим образом отразился на функционировании и развитии социально-гуманитарных наук. Известно, хотя это и не афишируется, что произошло фактическое уничтожение и последующее не-возникновение прикладных научно-исследовательских структур социально-гуманитарных наук в системе государственного управления. После ликвидации прикладных НИИ системы Госплана СССР аналогичные по масштабу системы для новых («рыночных») условий созданы не были. Сегодня при возникновении запроса к науке отсутствующие прикладные исследовательские структуры пытаются заменить отделениями РАН, небольшими разрозненными исследовательскими центрами либо агрессивно-прозападными, копирующими не адаптированные к российским реалиям западные разработки вузами – Высшей школой экономики и Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

За этой печальной институциональной данностью скрывается гораздо более глубокая философско-методологическая катастрофа, суть которой заключается в том, что в России прекращены собственные методологические и научно-поисковые исследования. Особенно важно отметить, что практически полностью исчез пласт внутрикультурных российских философских и методологических оснований социально-гуманитарных исследований, в том числе в экономике, исчезли научные школы по их разработке. Как следствие, в отечественной социально-гуманитарной науке и практике управления стала расхожей (привычной, почти обыденной) фраза «не нужно изобретать велосипед, нужно заимствовать и внедрять передовой зарубежный опыт», и задача заключается лишь в том, чтобы найти самый лучший и подходящий «опыт» и внедрить его. Более того, теперь в целом ряде социально-гуманитарных наук, включая экономику, политологию, право и другие, фактически только «изучение мирового опыта» и выдается за «передовую науку». Именно этот подход реализуется в «самых передовых» образовательных и научных программах ВШЭ, других вузов, внедряется в сознание российского руководства на всех уровнях. Оказывается, нужно просто на основе западных учебников, на их методологических основаниях и научных разработках создать образовательные программы и учебные курсы для подготовки кадров, пригласить выдающихся нобелевских лауреатов для обучения наших «неучей», создать на этой основе когорту специалистов «нового типа», осуществить вторичные исследовательские проекты – и Россия рванет вперед невиданными темпами. Несмотря на то, что этого не происходит уже более 25 лет, эта практика остается доминирующей и подавляет все иное. Тогда как научные исследования собственно российских реалий осуществляются крайне недостаточно, спорадически, а во многих областях и отношениях – вообще не проводятся.

Однако это – ошибочный и преступный путь. Дело не только в том, что российская наука всегда была способна на собственные прорывы, что нужно укоренять собственную науку и взращивать ее на собственной культурной основе, за что, например, ратовал и боролся в свое время наш выдающийся мыслитель, русский нобелевский лауреат П.Л. Капица[2], по какому пути следовало огромное множество выдающихся отечественных мыслителей, начиная с М.В. Ломоносова и по сей день. Дело еще и в том, что только на этом пути возможно создание действительно конкурентоспособных и прорывных разработок во всех сферах, что и делается в наиболее развитых странах мира – поскольку любое заимствование всегда от начала и до конца есть запрограммированное отставание (просто потому, что последователи идут вслед за первопроходцами), превращает страну в вечно отстающего. А кроме того, в социально-гуманитарных сферах это ведет еще и к тому, что культурно неадаптированный зарубежный опыт, как правило, оказывается скорее вредным, чем полезным, в том числе и потому, что собственный опыт и его исследования не прирастают, а намеренно купируются.

[1] Селиванов Александр Иванович – д.филос.н., гл.н.с. Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета. E-mail: seliv21@mail.ru

[2] В письме И.В. Сталину от 2.01.1946 П.Л. Капица писал о главном недостатке нашей научной и инженерной мысли – «недооценке своих сил и переоценке заграничных сил», о необходимости «верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его», о необходимости понять, «что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться» (см.: Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. – М.: Московский рабочий, 1989. – 416 с. - http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kapica-pyotr-leonidovich/pisjma-o-nauke-19301980/102).

Да, в собственном передовом опыте (как, впрочем, и во всем передовом) возможны ошибки, неудачи. Но это нормальная практика первопроходцев. И это совершенно не значит, что нужно перестать идти первыми. Первыми идти нужно, а для России – всегда не только нужно, но и возможно благодаря ее потенциалу.

Начать решение этой проблемы важно как минимум по трем причинам:

1. Ссылки на «мировой опыт» в антироссийской либеральной среде сегодня, несмотря на полное фиаско этих попыток на протяжении постсоветской истории в России, до сих пор являются основными при выработке практических управленческих решений, в научно-прикладных разработках.

2. В социально-гуманитарных науках России сложилась ситуация, когда полностью утрачено понимание отличий между фундаментальными и прикладными исследованиями – как со стороны представителей органов государственного управления (ставящих прикладные задачи перед фундаментальными исследовательскими структурами), так и со стороны научного сообщества (порой берущегося решать любые задачи, лишь бы получить финансирование).

3. В стране полностью утрачены возможности осуществления собственных разработок в области философских и методологических оснований социально-гуманитарных исследований, что делает фактически невозможными собственные социально-гуманитарные исследования. Более того, либеральные «ученые» агрессивно противодействуют любым самостоятельным научным разработкам в этой сфере, призывают «не философствовать, а заниматься делом», фактически по умолчанию соглашаясь на методологические основания западного позитивизма, прагматизма, критического рационализма, откровенная слабость, деконструктивность и тупиковость которых доказывается даже практикой самого коллективного Запада. Более того, применение этих оснований в России вообще невозможно в связи с абсолютной и полной культурной несовместимостью – российская научная методология в сфере естественных и социально-гуманитарных наук, получив прививку наиболее передовой до сих пор философско-методологической платформы диалектического материализма (хотя о ней сегодня практически не говорят), уже не способна примитивизироваться до уровня западной методологии, отторгает ее и, как следствие, просто остается в методологическом вакууме. Естественно, что основные принципиальные подходы к познанию остаются известными, хотя порой совершенствуются и развиваются в единичных работах[1].

Интересно то, что несмотря на ориентацию либеральной российской науки на зарубежный опыт, полностью игнорируется мейнстрим современной мировой философии и методологии познания и практики управления – **культурная укорененность и научная обоснованность, насыщенность научными разработками**. В нашем все более усложняющемся мире применяются все более сложные научные подходы (см., например китайский опыт[2], опыт США[3]), тогда как Россия в организации и управлении на протяжении всего постсоветского периода идет по пути примитивизации или отказа от научного обеспечения управления. Современные отечественные исследовательские мощности совершенно не соответствуют стоящим перед нами сложнейшим задачам, вызовам и угрозам. Одни из известных причин – недоверие слабо образованной части чиновничества науке, опасения утраты чиновниками части власти в пользу научного сообщества, а также стремление коррумпированных и теневых чиновников не допустить открытости в управлении. Однако преодолевать эти страхи, противодействовать негативным управленческим практикам жизненно необходимо, и рано или поздно Россия вернется на этот магистральный путь развития современной цивилизации. Либо она просто погибнет.

Один из путей – выработка четкого методологического понимания разделения функций науки и административного аппарата, в том числе в экономике. Наука не может и не должна претендовать на власть и выработку решений. Она должна *принимать участие* в выработке решений и *разрабатывать инструменты* (методики, порядки, регламенты, инструкции пользователям и т.д.) для совершенствования административной работы и повышения эффективности управления. Именно – создавать отточенный и эффективный инструментарий, набор инструментов для повышения интеллектуальной оснащенности чиновничьего труда, в том числе в виде работающих моделей, которые, например, были бы способны демонстрировать варианты (сценарии) развития событий в связи с изменением факторов, угроз и т.д. Такие компьютерные и математические модели возможны и необходимы, являются частью направлений научной деятельности и могут разрабатываться научными коллективами, а после апробации – внедряться в деятельность органов государственной власти и управления. Они дополнят и расширят административный управленческий потенциал, совершенно не претендуя на властные полномочия, и в то же время оградят общество от угроз со стороны самого чиновничьего сообщества, таких как некомпетентные действия, коррупция, теневые схемы управления.

Эти общие замечания имеют самое непосредственное отношение к решению частных прикладных научных задач в сфере экономики, включая обеспечение суверенитета и экономической безопасности России.

Приведем для иллюстрации одну из важнейших на сегодняшний день задач – моделирование в прикладных целях. Понятно, что основой для формирования любой организационно-управленческой системы и ее функционирова-

---

[1] См., например: Курлов А.Б. Современное общество. В поисках оснований Социо-Логоса. – М.: Проспект, 2018. – 184 с. В данной работе предлагается удачный подход в осмыслении оснований научного познания в социально-гуманитарной сфере как «стратегем социального познания» (с. 130–138).

[2] Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на 19-м съезде КПК 18.10.2017. – http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

[3] В научной среде известен опыт США в системной организации и направленном финансировании прорывных научных исследований в технико-технологической сфере, ключевым игроком которого является DAPRA. Но существенно менее известен опыт научных исследований в социально-гуманитарной сфере, ключевым компонентом которого является Совет исследований по культуре и гуманитарных исследований (Arts & Humanities Research Council – AHRB). Это независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий, бюджет которого в 2010 году составил 6,87 млрд. долларов.

ния должна являться некоторая модель. Однако «вдруг оказывается», что даже выбор типа и разработка вариантов такой модели – не тривиальная задача. И дело не только в сложности решения самой задачи по созданию модели (хотя и в этом тоже), но в первую очередь – в понимании до недавнего времени простой истины, что модель – это отражение реальности в тех или иных ее аспектах или отношениях, что каждая модель предназначена для решения лишь ограниченного этими аспектами и отношениями круга задач, что полное отражение реального объекта во всех аспектах и решение всего круга задач возможно лишь с помощью набора различных моделей, отражающих разные стороны реальности с различной аутентичностью, что каждая модель несет в себе некоторый набор задач по сбору и агрегации информации, которые должны ставиться и решаться определенным образом и формат информационных решений (запросов и данных) для одной модели не всегда может быть применим для потребностей и структуры других моделей и т.д.

Как известно, проблема полимодельности научного познания и знания активно обсуждалась в отечественной и западной методологии науки в 60-80-е годы, получив предельное развитие в трудах П. Фейерабенда и его «методологическом анархизме»[1] и в критическом рационализме К.Р. Поппера с его «практически ориентированным» методологическим цинизмом[2]. Однако в советской методологии проблема полимодельности осталась до конца не решенной, особенно в социально-гуманитарных науках, а в постсоветский период эта проблема уже не исследовалась. В итоге идея полимодельности в отечественной философии и методологии науки не получила необходимого инструментально-методологического развития, оставив социально-гуманитарных исследователей (как, впрочем, и естественно-научных) лишь на уровне признания возможности сосуществования различных моделей без последовательного разбора потенциала, возможностей, подходов к оценке решаемых задач каждым типом моделей, оценки границ возможностей модели, оценки возможностей и методов сочетания моделей при решении прикладных задач. Более того, в постсоветский период даже имевшееся методологическое знание было утрачено, и в конкретных социально-гуманитарных науках перестали обсуждать существо моделей, сразу переходя к обсуждению тех или иных вариантов анализа и практических решений, зачастую не понимая, что многие из разных теоретических и практических подходов имеют просто различные методологические и модельные основания и что в этой связи дискуссия между подходами часто равносильна диалогу слепого с глухонемым. Кроме того, когда в настоящее время, наконец, подошли к пониманию необходимости решения задач стратегического государственного управления, в том числе в сфере обеспечения экономической безопасности, оказалось утраченным понимание того, что различные показатели и соответствующие им информационные данные, методики по сбору первичных данных (в том числе собираемые Госкомстатом России) сформированы под конкретные модели и позволяют решать лишь конкретные типы задач, что они не могут быть эффективно использованы для решения других задач на основе других моделей, что требуется переформатирование (введение дополнительных форматов) сбора первичных данных под новые типы моделей и т.д.

В принципе, казалось бы, всем известно, что для анализа социальных объектов и процессов используются (могут быть использованы) различные модели – структурно-функциональные (в том числе формационные), балансовые, мультиагентные, потоковые (процессуальные), причинно-следственные (факторные), цивилизационные (культурно-ценностные) и некоторые другие. Однако оказывается существенно менее известно, что каждая модель применяется для решения определенного круга задач, имеет границы, преимущества и недостатки перед другими моделями. Понятно и то, что для полного и всестороннего описания объективной реальности в прикладном плане необходимо одновременное использование множества моделей, однако менее понятно, что это чрезвычайно сложная и пока неразрешимая задача. Модели зачастую используются без обоснования выбора на предмет эффективности для решения той или иной задачи. Тогда как даже уяснение оснований конкретной модели (типа модели) упорядочивает перечни показателей, делает их сопоставимыми и понятными.

Еще несколько слов об исходных информационных данных. Социальная динамика в России отражается во множестве показателей, разработанных и используемых статистикой, социологией, экономикой. Перечень показателей изменяется, варьирует в зависимости от задачи и от информационно-технических возможностей общества, он постоянно увеличивается, на сегодня достигая 40000 и более. Однако сами эти показатели (методики их получения и сбора) вырабатывались в рамках различных моделей, на базе различных оснований и не странно, что имеющиеся на сегодня показатели не всегда согласуются друг с другом, порой дублируют друг друга, порой по-разному поименованы и т.д. Так, в советское время, а на предприятиях и в постсоветское время, исходили из показателей выпуска продукции – количества, качества, ассортимента, их регулирования на основе планов и межотраслевых балансов, под это сформирована своя информационная база и методики и современная социально-экономическая статистика использует этот ряд показателей, созданных под балансовую и структурно-функциональную модель. В постсоветский период стали использовать макроэкономические структурно-функциональные модели. В системе обеспечения экономической безопасности данный тип моделей реализовался в концепции пороговых значений, оценки количественных значений существующих статистических показателей – она наиболее полно представлена в концепции Л.И. Абалкина и В.К. Сенчагова[3]. Однако, как показала практика, данные подходы не вполне инструментальны для управления экономическими рисками в системе обеспечения экономической безопасности, поскольку не несут в себе ответов на вопрос, какие управленческие решения необходимо принимать в случае достижения пороговых значений тех или иных показа-

[1] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

[2] Поппер К.Р. Поппер К.Р. Нищета историцизма. – М.: Прогресс, 1993. – 187 с.; Поппер К.Р. «Открытое общество» и его враги. В 2 т. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива». Soros Foundation (USA), 1992. – 976 с.

[3] См., например: Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / Под ред. В.К.Сенчагова. 3-е изд. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 815 с.

телей. Необходимы иные модели и иные типы первичной информации. Выбор базовой модели и модели информационных данных поэтому – принципиально важный этап исследования.

Однако в отечественной методологии осталось огромное множество нерешенных вопросов и проблем, связанных с развитием моделей, с определением границ их возможностей, с проблемой взаимодействия одной модели с другими моделями и возможностью использования информационных ресурсов, созданных для других моделей.

Таким образом, состоявшаяся процедура решения этой частной прикладной задачи демонстрирует, что даже при наличии потенциала он был бы существенно более глубоким, если бы его предваряли комплексные философско-методологические разработки. Это требует решения более общей задачи – возрождения в России общей философии и методологии социально-гуманитарных исследований, способных создать необходимую платформу для исследований.

Но решение этой частной задачи, в свою очередь, оказывается совершенно невозможным без решения более общих общегосударственных задач. И для их решения вновь приходится начинать с азов – для формирования такой системы необходим государственный компетентный подход, основанный на программно-целевом и проектном подходах как способах решения задач стратегического управления. Именно к категории таких задач относится функционирование и развитие **национально-государственного комплекса социально-гуманитарных наук.**

Формирование данного комплекса необходимо начать с целеполагания. На сегодня складывается впечатление, что российская социально-гуманитарная наука заблудилась в истории, в анализе других культур, в дебрях разнообразия мирового опыта от «хочу все знать» до «делай только как другие», полностью утратив собственные цели и собственное лицо. Тогда как генеральная и органичная всей истории социально-гуманитарных исследований в России цель понятна и естественна – «цвела бы страна родная». Но именно эта цель не ставится и агрессивно отторгается по различным соображениям либеральным сообществом, в том числе с опорой на конституционное положение о деидеологизации, личные комплексы, некие дикие для России зарубежные показатели, когда польза научных исследований измеряется количеством публикаций в журналах SCOPUS[1] (!) или количеством цитирований, то есть в лучшем случае внутринаучным признанием, в худшем – выполнением некоторых зарубежных «нормативов». Речи о практической эффективности внедрения не идет вообще.

Российский программно-целевой комплекс возрождения и развития наук социально-гуманитарного цикла должен основываться на триединой цели – а) эффективное функционирование и развитие России как государства, общества, культурной традиции в единстве экономики, политики, права, духовности, б) развитие и использование потенциала российского человека, в) обеспечение конкурентоспособности и безопасности России в современном мире, построение оптимальных взаимоотношений и взаимодействий с различными странами и культурами в настоящем и будущем.

Сосредоточив усилия на этих целях, социально-гуманитарные науки способны выстроить программы фундаментальных и прикладных исследований, необходимые стране, обоснованно претендовать на признание и поддержку со стороны государства, оптимизировать институциональную структуру научных и образовательных учреждений и подразделений социально-гуманитарного профиля, создать обоснованную и эффективную систему государственного финансирования, разработать и внедрить собственную систему оценки эффективности научных исследований и эффективности деятельности научных подразделений и кадров.

Хотелось бы выделить следующие перспективные и жизненно необходимые направления *фундаментальных* социально-гуманитарных исследований в рамках сформулированной цели, без которых невозможно мыслить функционирование указанного научного комплекса:

– методология социально-гуманитарных наук (которая в российской культуре есть безусловный материализм, требующий комплексной разработки в современных условиях), включая методологию моделирования в социальной сфере и в сфере управления;

– исследование процессов развития и исследование будущего;

– методология, методы, организация научного обеспечения стратегического управления (прогнозирование, проектирование, планирование, программирование, контроль);

– теория современного российского общества, его динамики, противоречий, проблем и движущих сил развития (философия, культурология, экономика, политология, право, социология, социальная психология), включая теорию государственного строительства, философию российского государства, культурные основы его политики и права;

– общая теория мировой социальной динамики, включая мировую, региональную и страновую политическую экономию;

[1] Отметим, что на протяжении, по крайней мере, второй половины XX века в СССР-России при проведении социально-гуманитарных исследований, включая диссертационные, всегда требовалось проведение полного анализа достижений всей отечественной и мировой науки. Тогда как в мировой англоязычной науке при подобном анализе, судя по их научной литературе, практически никогда не использовались результаты советских-российских исследований – по крайней мере, практически не было ссылок. Видимо, эти результаты ими либо просто игнорировались вследствие культурной несовместимости, либо отдельные идеи цинично заимствовались без ссылок, либо агрессивно отвергались на волне идеологического противостояния. Сегодня и на перспективу нет никаких оснований для того, чтобы рассчитывать на изменение подобного отношения. Однако некоторая группа лиц, принимающих решения в организации российской социально-гуманитарной науки, упорно пытается доказать, что для российской науки в социально-гуманитарной сфере возможно вхождение в мировое научное пространство, что возможно «признание» российской социально-гуманитарной науки, активно внедряя этот ошибочный подход в практику управления. Хотя специалистам понятно, что это – в лучшем случае утопия, а на деле такая политика – тотальный обман, круто замешанный на коммерческих интересах группы частных лиц, которая не имеет никакого отношения к интересам развития отечественной социально-гуманитарной науки.

– будущее человека, различных культур, регионов планеты, социально-экономических форм в условиях цифрового и роботизированного общества, включая направления и формы вовлечения человека в конструктивные формы деятельности в условиях масштабной роботизации промышленного производства (в том числе направления и формы творчества, досуг как проблема и индустрия);

– сочетание различных технологических укладов в национальной экономике с учетом 6-го технологического уклада, в том числе в экономике России;

– взаимодействие России и других цивилизаций в надвигающемся будущем;

– развитие возможностей человека;

– развитие человечества для освоения космоса;

Перспективные направления *прикладных* научных исследований в социально-гуманитарной сфере:

– функции и место различных культур в крупных регионах в будущем, взаимодействие и кооперация культур, в том числе в Евразии функции России и Китая;

– место России в современном и перспективном мировом разделении труда;

– социологические исследования социокультурной динамики России;

– приватизация и национализация в России;

– социально-гуманитарные военные технологии и технологии двойного назначения;

– современные научные технологии образования и воспитания.

Возвращаясь к началу, отметим, что обретение Россией подлинного суверенитета невозможно без обретения **научного суверенитета** в сфере социально-гуманитарных наук, а обретение суверенитета в сфере социально-гуманитарных наук невозможно без самостоятельности в сфере философско-методологических изысканий, без самостоятельных научных исследований, по крайней мере, в указанных направлениях. Эту азбучную истину вновь нужно понять, в том числе для возвращения философско-методологических исследований в образование и науку, в сознание представителей науки и органов государственного управления. Лишь на этом пути возможно получение таких результатов в прикладных научных разработках, которые могли бы приносить серьезный положительный эффект в социальной практике и практике управления.

Теребихин В.М.
к.филос.н., эксперт Общественной палаты Республики Коми
v.terebikhin@mail.ru

ГУМАНИТАРНАЯ УСПЕШНОСТЬ СТРАНЫ КАК КРИТЕРИЙ ЕЕ ГУМАНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ, РАЗВИТИЯ И СТЕПЕНИ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: *гуманитарная успешность страны, социогуманитарное развитие, критериально-индикативная система оценки гуманитарной успешности, государственное управление гуманитарным развитием, гуманитарная политика, социогуманитарное преображение России.*

«Человек – есть мера всех вещей»
Протагор
«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»
Конституция Российской Федерации
«Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России».
В.В. Путин

В «системокомплексе» основных взаимосвязанных и взаимообусловленных сфер – подсистем общественной жизни важнейшее место занимает социогуманитарная подсистема, включающая социальную и духовную сферу жизнедеятельности социума. Социогуманитарная подсистема оказывает существенное влияние на эффективное функционирование экономической и политической сфер и в целом на общую интегрированную успешность страны, интегрирующую гуманитарную, экономическую, политическую (внутреннюю и внешнюю) ее составляющие.

Учитывая, что в современной гуманитаристике понятие «гуманитарная успешность страны» отсутствует, автор предлагает для обсуждения экспертного сообщества развернутое изложение его дефиниции. Категория «гуманитарная успешность страны» концептуализируется нами как важнейший структурный компонент системы интегральной успешности страны или «абсолютной интегрированной успешности страны» (С.С. Сулакшин), как интегративная оценка гуманитарной жизнеспособности и конкурентоспособности страны, уровня ее гуманитарного развития, качества государственного управления гуманитарным строительством, эффективность осуществления государственной гуманитарной политики, характеристика уровня развития и качества гуманитарного (человеческого) потенциала страны, развития культуры, образования, здравоохранения, физкультуры и спорта, оценка духовно-нравственного состояния общества, социального здоровья населения, социально-психологического самочувствия социума, его духовного, психоэмоционального состояния и, в целом, интегральная характеристика качества созданных в стране условий для гармоничного, свободного развития человека, развития гуманитарных наук, характеристика современного уровня успешности гуманитарного развития и уровня достижения основных целей и параметров гуманитарного развития, степень приближения их к нормативной модели российского нравственного, человеко-ориентированного государства.

В сжатом виде понятие «гуманитарная успешность страны» характеризуется как важнейший компонент интегральной успешности страны, как понятие, характеризующее общий уровень социогуманитарного развития страны, ее гуманитарную жизнеспособность, резистентность, как интегральная характеристика и оценка достигнутых целей гуманитарного развития российского государства.

Таким образом, понятие «гуманитарная успешность страны» означает одновременно и успех, достижение поставленных социогуманитарных целей, смыслов жизнедеятельности государства, и итоги гуманитарного строительства. Оно синтезирует понятия «гуманитарное развитие», «гуманитарный прогресс», «качество государственного управления гуманитарным строительством», эффективность осуществления государственной гуманитарной макрополитики.

Гуманитарная успешность страны, в соответствии с конституционными основоположениями и программными человеко-ориентированными, управленческими установками Президента России, является важнейшим интегративным критерием степени достижения публичных социогуманитарных целей государства, интегральным критерием эффективности деятельности власти. «Гуманистический управленческий кодекс» Владимира Владимировича Путина – второго Президента Российской Федерации, одного из наиболее успешных государственных, национальных политических лидеров в истории России, одного из самых влиятельных людей современного мира представлен в макете рукописи книги «Владимир Путин: главное для нас – это люди», подготовленной автором данной статьи[1].

[1] Владимир Путин: главное для нас – это люди / Автор-составитель В.М. Теребихин. – Сыктывкар, 2017. – https://cloud.mail.ru/public/3N7a/aG9iUaUri

Одним из важнейших компонентов интегральной гуманитарной успешности и системы государственного управления гуманитарным развитием страны является критериально-индикативная система, как «системокомплекс» показателей характеризующих гуманитарную *жизнеспособность, резистентность, конкурентоспособность, гуманитарную безопасность и гуманитарное развитие.*

Данная система, по нашему мнению, может включать следующие подсистемы:

1. Подсистему интегральных (композитных, синтетических, агрегированных) индексов гуманитарного развития, которые позволяют интегрально оценивать успешность гуманитарного строительства, выявлять основные, интегративные тенденции гуманитарного развития России, ее гуманитарной жизнеспособности, развития и качества человеческого потенциала, анализировать современную социогуманитарную (антропологическую) ситуацию.

В комплекс интегральных (синтетических индексов гуманитарного развития) предлагается включить:

- коэффициент жизнеспособности нации. Он характеризует возможность сохранения генофонда, физиологического и интеллектуального развития нации в условиях продолжения социально-экономической политики правительства, осуществляемой на момент обследования конкретной страны. Оценивается по 5-бальной шкале.
- интегральный индекс – коэффициент витальности страны, единый интегративный показатель успешности демографической политики (С.С.Сулакшин);
- индекс развития человеческого потенциала (ПРООН) или индекс человеческого развития (ИЧР, human development indicator – HDI), в другом переводе, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемый ООН с 1990 года.
- человеческий капитал на душу населения, отражающий уровень затрат государства и негосударственных структур на образование, здравоохранение, науку и другие секторы социальной сферы в расчете на душу населения;
- коэффициент суммарной оценки здоровья населения – потерянные годы потенциальной жизни (интегральная характеристика ущерба обществу от преждевременной смертности населения),
- сводный индекс социокультурного развития,
- индекс развития интеллектуального потенциала (IP), (Докторович А.Б., Левашов В.К., Руткевич М.Н. и др.);
- индекс готовности населения к информационному обществу (на основе 70 показателей, готовности к информационному обществу (обществу знаний), включая и ИРЧП);
- индекс развития молодежи (ИРМ) – комплексный показатель, оценивающий уровень развития человеческого потенциала молодежи (от 16 до 24лет) по трем направлениям: продолжительности жизни и здоровья, образования, уровня жизни;
- сводный индекс социального неблагополучия (ИСНБ),
- индекс критически низких показателей качества жизни;
- индекс социальной напряженности;
- система индексов-показателей демократичности политического режима, как важнейшее политическое условие свободного развития человека: (индекс свобод человека, построенный на основе 40 критериев, общий индекс демократизации, индекс демократии, коэффициент реализации демократического потенциала (реализации потенциала демократов);
- система индексов уровня коррупции.

Для оценки гуманитарной успешности все эти интегральные индексы должны использоваться аналитическими структурами органов государственной власти не только в «статике», но и в динамике и взаимосвязи.

2. Во вторую подсистему входит группа частных индексов человеческого развития (ситуационных и базисных):

- система показателей характеризующих динамику, уровень развития и реализации демосоциального потенциала социума (в том числе, витального, психофизиологического, демографического и других):
- система показателей, характеризующих качество и уровень жизни (уровень доходов, уровень и глубина бедности; обеспеченность жильем, система страхования, доступ к образованию, существование вертикальной и горизонтальной мобильности, правовой защиты, система мотивации, показатели «социальных бед» и т.д.);
- система показателей, характеризующих динамику, уровень развития и реализации информационного потенциала социума: индикаторы показателей информационной культуры населения, уровня продвижения страны к обществу знаний;
- система показателей, характеризующих жизненный мир, субъективную сферу человека, включающих показатели социального самочувствия, индикаторы, характеризующие эмоционально-психологическую атмосферу в обществе, макропсихологического состояния социума;
- система показателей, характеризующих уровень духовно-нравственного развития, расширенного воспроизводства и эффективного использования социокультурного, духовного и нравственного потенциала социума. Она включает подсистемы показателей, характеризующих динамику и уровень развития образования, интеллектуального потенциала, развития культуры, показатели уровня духовного, морально-нравственного неблагополучия, в т.ч. делинквентного, девиантного поведения населения и ряд других параметров.

3. Для характеристики гуманитарной успешности, в том числе, гуманитарной безопасности может применяться подсистема предельно-критических, пороговых индикаторов социальной безопасности, гуманитарной жизнеспособности страны, гуманитарной безопасности. Данная система разработана учеными института социально-политических исследований РАН[1].

[1] Локосов В.В. Построение системы предельно критических показателей развития общества как метод социальной диагностики // Современные методы социально-политического исследования общества. Материалы международной научной конференции. Москва, 27 мая 2010 г. – М.: ИСПИ РАН, 2011. – С. 32.

Предельно-критическими, пороговыми показателями гуманитарной безопасности, применяемыми в мировой практике, являются:

в демографии:

- условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся) – 1;
- суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте) – 2,14–2,15;
- общий коэффициент смертности – 14;
- коэффициент смертности от внешних причин – 100;
- коэффициент младенческой смертности – 6;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении – не ниже 75–79 лет;
- разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин – не более 15 лет;
- доля лиц старше 65 лет – не более 7%;
- индекс развития человеческого потенциала – 0.500;

в делинквентном и девиантном поведении:

- уровень потребления алкоголя – 8 литров абсолютного алкоголя на человека в год;
- уровень преступности (число преступлений на 100 тыс. чел. в год) – 5000–6000 чел;
- уровень убийств (число убийств и покушений на убийство на 100 тыс. населения) – менее 5;
- число суицидов на 100 тыс. населения – 20;
- уровень распространенности психической патологии на 1000 чел. – 280–360;

В уровне жизни:

- доля населения, живущая за чертой бедности – 10%
- соотношение минимальной и средней заработной платы 1:3
- уровень безработицы – 8–10%.

4. Четвертая подсистема включает комплекс показателей «ориентиров – эталонов человеческого развития», индикаторов «ориентиров-эталонов» успешности гуманитарного развития.

Целесообразно использовать в роли эталонных показателей, показатели «ориентиры – эталоны», индикаторы гуманитарного развития, качества человеческого потенциала стран, вступивших на путь устойчивого человеко-ориентированного развития.

В таком качестве выступают восемь параметров достигнутых этими странами к началу 2000-х гг.

Это:

- продолжительность жизни – не ниже 75 лет;
- минимальный для развитых стран индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – не ниже 0,93;
- среднемесячная заработная плата занятых в образовании, здравоохранении, науке и научном обслуживании – не ниже 1,5 тыс. долл. США;
- коэффициент фондов по доходам – не выше 10;
- государственные расходы на образование – не ниже 4,5% ВВП;
- государственные расходы на здравоохранение – не ниже 6% ВВП;
- удельный вес исследователей в общей численности экономически активного населения – не ниже 1%.
- Пятая подсистема – подсистема рейтинговых показателей гуманитарного развития России в мировых и европейских «табелей о рангах» (место, занимаемое в рейтинге).
- В рейтинге «хороших стран» (95 место из 125 государств – 2014 год)[1]
- По индексу «процветания стран мира» (101 место из 149 государств, 2017)[2]
- По индексу социального прогресса, (67 место из 128 государств – 2017)[3]
- По всемирному индексу счастья (116 место из 140 стран мира – 2016)[4]
- В рейтинге стран мира по уровню счастья населения в (World Happiness Report , 2017). 49 место из 156 государств, 2017 год[5]
- В рейтинге стран мира по индексу человеческого развития (49 место из 188 государств, 2016 год)[6]
- В рейтинге стран мира по уровню продолжительности жизни. (116 место из 199 государств – 2016год[7].
- В рейтинге стран мира по эффективности систем здравоохранения Bloomberg (55 место из 55 государств за 2016 год)[1]

[1] Рейтинг хороших стран мира / Центр гуманитарных технологий. 25.06.2014. – http://gtmarket.ru/news/2014/06/25/6834

[2] Рейтинг стран мира по уровню процветания. Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 07.11.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info

[3] Рейтинг стран мира по уровню социального прогресса 2015 года / Центр гуманитарных технологий. 10.04.2015. 08:00. – http://gtmarket.ru/news/2015/04/10/7126

[4] Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index). – http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info

[5] Рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2017 году / Центр гуманитарных технологий. – http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316

[6] Доклад о человеческом развитии. Человеческое развитие для всех. Резюме. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), 2016. – С. 22. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf

[7] Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info

- По индексу эффективности национальных систем образования 13 место из 50 стран (2016)[2]
- В рейтинге стран мира по показателю качества жизни пожилых людей (65 место из 96 государств за 2016 год)[3].

Но, при этом, мы допускаем, что успешной деятельность какого-либо государства может быть и без соотносимости с деятельностью других государств.

6. В шестую подсистему включен комплекс мониторингов успешности гуманитарного развития страны:

- мониторинг популяционного здоровья населения;
- мониторинг развития образования;
- мониторинг развития культуры;
- мониторинг развития молодежного потенциала;
- мониторинг развития института семьи;
- социально-психологический мониторинг;
- мониторинги гуманитарной безопасности (человеческой безопасности), (в том числе, общественной, духовной безопасности и др.);
- мониторинг демографической ситуации;
- мониторинг обеспечения информационной открытости и прозрачности власти;
- мониторинг эффективности политики в сфере национальных и межконфессиональных отношений;
- мониторинг эффективности политики в сфере обеспечения прав и свобод граждан;
- мониторинг процессов формирования гражданского общества,
- мониторинг девиантного поведения населения;
- мониторинг уровня коррупции и реализации национальной антикоррупционной программы и комплекс других.

Анализ процессов гуманитарного развития, гуманитарной успешности страны, осуществленный автором на основе анализа некоторых предложенных выше индикаторов, позволяет сделать общий, интегральный вывод, что за период с 2000 года в результате комплекса мер в сфере осуществления государственной гуманитарной политики, удалось преодолеть, демпфировать основные (далеко не все), негативные последствия посттрансформационного социогуманитарного (социо-антропологического) кризиса, в том числе, и «популяционного» и других гуманитарных кризисов, сформировавшихся в начале социетальной трансформации российского общества.

Отметим, что антропологический (социогуманитарный) кризис, как антропо-социокультурный феномен в наших публикациях периода «нулевых лет», нами концептуализировался как «интегративная и интегральная характеристика кризиса человеческого развития, как «системокомплекс» негативных флуктуаций в основных параметрах человеческого развития, системная целостность, относительно самостоятельных, но при этом когерентных, всесторонне взаимозависимых антропокризисов: «демографического кризиса», кризиса популяционного здоровья, духовного кризиса (как единства когерентных, всесторонне взаимозависимых кризисов: духовно-нравственного и духовно-аксиолого-экзистенциального), «тяжелого психологического кризиса» (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич), комплекса кризисов идентичности, телеологического кризиса (кризиса цели), аксиологического, «ценностного кризиса» (В.В. Путин), «экзистенциального кризиса» (В.В. Пастухов), «рефлексивной катастрофы» (В.Е.Лепский), кризиса доверия, кризиса межпоколенческой солидарности, кризиса системы фидуциарных институтов – субъектов, которые призваны генерализировать ценности и создавать условия для процесса устойчивого человеческого развития: институционального кризиса традиционной семьи и семейных отношений (П.А. Сорокин, А.И. Антонов), системы воспитания граждан, морального контроля, кризиса культуры (Святейший Патриарх Кирилл), кризиса современной модели массового образования, здравоохранения, СМИ и целого ряда других.

В целом, за период двухтысячных годов в сфере социогуманитарного развития страны и ее регионов, произошел ряд позитивных изменений и процессов, обозначились положительные макротенденции, доминирующие над негативными, заложены первоосновы современной системы государственного социогуманитарного строительства, строительства социального государства. Об этом свидетельствуют и оценки социогуманитарного развития России, представленные в научных публикациях, монографиях, материалах диссертаций, научно-практических конференций, социологических, демографических, культурологических, политологических, политико-правовых исследований, а также авторский анализ объективных статистических показателей и социологических данных – индикаторов качества жизни и «качества качеств» человеческого потенциала страны, параметров успешности развития России в социогуманитарной сфере общественной жизни.

Оценивая деятельность федеральной власти, Президент России в одном из выступлений на заседании Госсовета РФ отметил, что «в начале 2000-х годов мы обозначили укрепление человеческого потенциала, человеческого капитала в качестве одного из наших важнейших приоритетов».[1]

---

[1] Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 году / Центр гуманитарных технологий. – 08.10.2016. 21:00. – http://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306

[2] Рейтинг эффективности национальных систем образования. Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment/info

[3] Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info

Действительно, с 2013 года отмечается положительная динамика ряда социодемографических показателей.

Ожидаемая продолжительность жизни за последние 12 лет выросла в России на 6,5 лет – с 65,4 в 2005 году до 72,4 в 2016 году. У мужчин рост составил 7,7 лет, у женщин – 4,6 года. Ожидаемая продолжительность жизни в 2017 достигла своего исторического максимума за все годы статистических наблюдений, за всю тысячелетнюю историю России.

По данным масштабного международного исследования, результаты которого были опубликованы в журнале Lancet, «Россия является одним из мировых лидеров по темпам прироста продолжительности жизни. По данным 2016 года, средняя продолжительность жизни женщин в России превысила 77,3 года, а в целом по стране продолжительность жизни выросла с 1994 года более чем на 8 лет»[2].

С 2000 по 2015 годы, после 12 лет снижения, наблюдалась устойчивая тенденция повышения уровня рождаемости. Увеличилась доля вторых и последующих рождений в общем количестве рождений. Эксперты-демографы отмечают, что «рождаемость первенцев в России даже после падения в 1990-х гг. остаётся одной из самых высоких и самых “молодых” среди развитых стран, с общемировой тенденцией к её постарению.[3]

Рождаемость вторых детей практически восстановилась после глубокого провала и превысила уровень конца 1970-х годов. За последние 15 лет существенно возросла рождаемость третьих детей. Суммарный коэффициент рождаемости достиг 1,777. При этом данный показатель с 2007 года растет в России темпами самыми высокими в Европе, это второй результат в мире.

В стране отмечается рекордно низкая младенческая смертность. Она сократилась почти в 2 раза. Ее уровень ниже, чем в европейском регионе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Материнская смертность снизилась в 3,5 раза и достигла своего абсолютного исторического минимума. В системе российского здравоохранения с 2000 года количество перинатальных центров возросло в 3,5 раза. Сформирована и успешно развивается система высокотехнологичной медицинской помощи. Ее объем за последние десять лет увеличился в 15 раз. Впервые за все историю России в основном удовлетворяется ежегодная потребность населения в высокотехнологичной помощи.

В последние 10 лет около половины расходов бюджетов всех уровней в России приходится на социальные нужды. Темпы их опережающего роста не снижались даже в условиях финансового кризиса 2008 года, когда почти во всех экономически развитых странах наблюдалось урезание социальных расходов. Российское государство обеспечивает социальные обязательства перед населением, несмотря на сокращение налоговых поступлений в доходную часть бюджета.

В отдельное актуальное направление государственной стратегической политики выделилась защита российской семьи и детей. Реализация «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы позволила объединить усилия всех уровней органов власти, институтов гражданского общества, решить за это время самые острые вопросы, поставить интересы детей в число приоритетных задач.

В целях укрепления семьи как основы государства и формирования условий, при которых семья могла бы чувствовать себя защищённой и уверенной в будущем, принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на поддержку семьи, материнства и детства. Их выполнение позволило обеспечить рост заработной платы работников бюджетных учреждений, улучшить положение дел в сфере охраны здоровья женщин и детей, семейного устройства детей-сирот и существенно повысить доступность дошкольного образования и воспитания.

Важной результативной мерой поддержки, предоставляемой как на федеральном, так и на региональном уровне, стал материнский капитал. В большинстве субъектов Российской Федерации введены дополнительные меры поддержки в виде пособий в повышенном размере на ребёнка из многодетной семьи, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг и иные меры поддержки семей. В стране регистрируется постепенное снижение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака в общем числе рождений, улучшается соотношение регистрируемых браков и разводов.

Благодаря своевременно оказанной помощи семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, наметилась позитивная тенденция к сокращению численности детей, родители которых лишены родительских прав. В Российской Федерации за последние 10 лет в три раза увеличилась численность детей, переданных на воспитание в семьи граждан, что рассматривается как положительная динамика на фоне ежегодного снижения этого показателя за предыдущие годы. С 2014 года число детей, которые нашли приёмную семью, больше числа тех, кто остался без родителей. С 2012 года на треть сократились отказы женщин от новорожденных детей в родильных домах. Сокращается число родителей, которые лишены родительских прав.

В стране удалось стабилизировать наркоситуацию, сформировать тенденцию сокращения снижения потребления наркотиков и снижения уровня смертности молодежи вызванной наркотической зависимостью.

О позитивных тенденциях социогуманитарного развития страны свидетельствует и такой интегральный показатель качества жизни и качества человеческого потенциала страны как «индекс развития человеческого потенциала», включающий национальное богатство страны, уровень образования и здоровья населения. В 2015–2016 годах, согласс-

---

[1] Путин В.В. Выступление на заседании Государственного совета по вопросам совершенствования системы общего образования в Российской Федерации. 23 декабря 2015 года. – http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/51001

[2] Россия стала одним из лидеров по темпам роста продолжительности жизни. – http://demoscope.ru/weekly/2016/0699/rossia01.php

[3] Тенденции рождаемости в России и развитых странах. Заседание Секции статистики Центрального дома ученых РАН. – http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0705/nauka03.php

но Докладу Программы развития ООН «О человеческом развитии», Россия перешла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития[1].

С 2000 года численность населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась почти в 3 раза, реальные доходы увеличились в 2,7 раза, численность безработных уменьшилась почти вдвое.

Оценка динамики показателей уровня жизни и социально-экономической политики через призму прогресса в достижении «Целей развития тысячелетия» ООН позволяет сделать вывод о тенденции к некоторому снижению уровня бедности.

Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 впервые в нашей истории утверждены «Основы государственной культурной политики». Российское государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором формирования гармонично развитой личности, повышения качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства.

За последние 16 лет отмечается позитивная тенденция повышения макросоциального и индивидуального психологического самочувствия населения. Об этом свидетельствуют и данные экспертов в области социальной и политической психологии, социологии[2] и позитивная динамика таких наиболее чувствительных и точных измерителей социо-психологического самочувствия как уровень самоубийств, убийств, рождаемости, брачности и разводов, индикаторов миграционной динамики и ряд других показателей. Так, уровень самоубийств в России в 2016 году снизился по сравнению с 2000 годом в 2,5 раза. В 1990-х годах Россия занимала второе место в мире по частоте самоубийств, в 2016-м – пятнадцатое. В настоящее время уровень самоубийств в России самый низкий с начала 1960-х годов. В Российской Федерации повысился уровень рождаемости, снизилось число разводов, возросло число браков.

Положительная динамика многих социогуманитарных показателей, как мы уже отмечали, обусловлена принятием и осуществлением комплекса стратегических документов в сфере социогуманитарного развития страны. Их реестр представлен в рукописи книги автора доклада «Владимир Путин: главное для нас – это люди»[3].

Однако, как справедливо полагает глава российского государства, в стране «проблем действительно очень много, и они подчас носят очень острый характер, в том числе, в здравоохранении, образовании, и во всех практически сферах»[4].

Следует отметить, что, несмотря на некоторое снижение социального неравенства в последние годы, и тот факт, что по данным социологов «за десять лет измерений заметно снизились противоречия и неприязнь между народом и властью (с 69 до 47%), бедными и богатыми (с 84 до 77%), низшими и высшими классами (с 76 до 71%) (значения измерений в июне 2006 г. и в июне 2016 года)[5], Россия пока не преодолела социальный разлом в обществе, который начался с переходом на рыночную экономику, с периода социетальной трансформации. Аналитики фиксируют тот факт, что в Российской Федерации наблюдается высокий уровень социального расслоения. Соотношение доходов десяти самых высокодоходных категорий граждан и десяти наименее высокодоходных в 1,7 раза больше, чем рекомендовано ООН.

При этом социальное расслоение носит не только социальный, но и ярко выраженный региональный аспект. Остается существенным разрыв, полярная асимметрия между субъектами Российской Федерации, «дисбаланс в экономическом, социальном развитии территорий России» (В.В. Путин), диспропорция между доходами элит и возможностями остальной части населения, разрыв между «городом и селом» по уровню и качеству жизни, что нарушает конституционный принцип равных возможностей для всех граждан страны вне зависимости от их места проживания и принцип социально балансированного учета интересов всех основных социальных слоев и групп.

Российская Федерация, как было отмечено выше, занимает пока относительно невысокие рейтинговые позиции в международных «табелях о рангах» по важнейшим параметрам (индикаторам) гуманитарной успешности, в том числе, по уровню и качеству жизни, качеству человеческого потенциала, в рейтинге «лучших стран для жизни», по «индексу процветания» стран мира, индексу истинного прогресса, индексам устойчивого развития, индексам уровня коррупции, индексу социального прогресса, эффективности здравоохранения и ряду других. Гуманитарные инвестиции – расходы российского бюджета на развитие здравоохранения, образования, культуры значительно ниже средних данных по странам ОЭСР.

Сложный комплекс нерешенных гуманитарных проблем и объективная потребность повышение гуманитарной успешности страны, ее гуманитарной конкурентности и резистентности, актуализирует научный рефлексивный поиск инновационных государственно-управленческих решений по повышению гуманитарной успешности страны, в том числе и проектирования и осуществления концепции социогуманитарного преображения России и инновационной гуманитарной макрополитики страны.

---

[1] Доклад о человеческом развитии. Человеческое развитие для всех. Резюме. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), 2016. – С. 22. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf

[2] Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. – № 3. – С. 21.

[3] Владимир Путин: главное для нас – это люди. Рукопись / Автор-составитель В.М. Теребихин. – Сыктывкар, 2017. – https://cloud.mail.ru/public/3N7a/aG9iUaUri

[4] Путин В.В. Выступление на пленарном заседании I Медиафорума независимых региональных и местных средств массовой информации «Правда и справедливость», 24 апреля 2014. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/20858 http://www.levada.ru/2016/11/16/

[5] Левашов В.К., Шушпанова И.С. Измерения устойчивого развития российского общества. – http://www.rkpr.inion.ru/inion/items.html

В данном контексте автор в полной мере разделяет требование Президента России о необходимости «самым серьёзным образом обновить государственную гуманитарную политику»[1]. Экспликация некоторых идей к проектированию концепции социогуманитарного преображения и государственной гуманитарной макрополитики предложена автором доклада в ряде публикаций[2].

Социогуманитарное преображение России, с точки зрения государственного управления понимается нами как осуществляемый органами государственной власти и местного управления при конструктивном, солидарном участии политически активного населения и институтов гражданского общества, синхронный, интерактивный, общественно согласованный процесс научно-обоснованных, инновационных, креативных институциональных, структурно-функциональных преобразований в системе управления социогуманитарным развитием страны, процесс формирования новой «несырьевой модели социального государства» (В.В. Путин), формирование гуманистической, социогуманитарной, «человеко-центрированной» парадигмы государственной политики и человеко-ориентированной модели политико-административного управления, в соответствии с заявленной Президентом России стратегической установкой: «смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»[3], процесс модернизации всех сфер (подсистем) социальной и духовной жизни страны, социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных политик, внедрение технологий кластерного и рефлексивного управления социогуманитарной сферой, ценностно-ориентированного, проектного управления, инкорпорирование высоких гуманитарных технологий (креативных социогуманитарных, социокультурных инноваций) в практику государственного управления и местного самоуправления.

[1] Путин В.В. Выступление на заседание Совета при Президенте по культуре и искусству 21 декабря 2017 год. – http://kremlin.ru/events/president/news/56456

[2] Теребихин В.М. Социогуманитарное преображение России: пролегомены к проектированию концепции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. Вып. 11. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 324–346.

[3] Путин В.В. Послание Президента России Федеральному Собранию РФ , 1 декабря 2016 года. – http://kremlin.ru/events/president/news/copy/53379

Тимофеев А.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
rea105@mail.ru;
Лебединская О.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета Lebedinskaya19@gmail.com

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *инновационная политика, национальная инновационная система, государственная поддержка, стартап.*
Keywords: *innovation policy, national innovation system, government support, startup.*

Очевидно, что каждая страна заинтересована в эффективности своей национальной инновационной стратегии, однако в большинстве случаев отдача от усилий правительств в этом направлении оставляет желать лучшего.

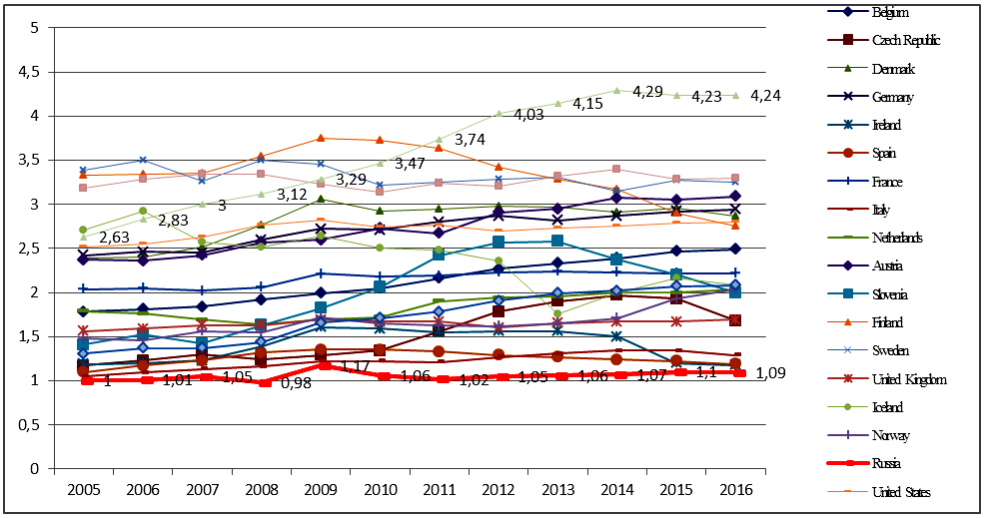


Рисунок 1.
Динамика доли затрат в процентах от ВВП по отдельным странам-лидерам на рынке инновационной продукции [1]

Анализ данных, представленных на рис. 1 показал, что большинство стран, несмотря на значительные правительственные меры на протяжении всего рассматриваемого периода, кардинального результата не получили. Причиной тому может быть тот факт, что на протяжении последних тридцати лет общенациональные затраты на НИОКР если и возрастали в большинстве стран, то в среднем в том же темпе, что и их совокупный ВВП. В связи с чем, такие страны, как Франция, Германия и США сохраняют долю затрат на НИРиОКР. В России, несмотря на принятие программы НТИ также сохранилась аналогичная ситуация (доля затрат выросла на лишь на 0,09% от ВВП).

Так, 2015 году объем затрат на исследования и разработки (ИР) в РФ достиг 943,8 млрд. руб., или $37,3 млрд., по паритету покупательной способности. Для сравнения – в США $502,9 млрд., Китае $408,8 млрд. и Японии $170 млрд., в Германии – $114,8 млрд., в Южной Корее – $74,1 млрд.

Тенденция динамики затрат на ИР в России последних двух десятилетий совпадает с трендами, характерными для ведущих экономик мира. Если в России расходы на науку за 1995–2016 годы выросли в 2,6 раза (в постоянных ценах), то суммарные затраты на ИР в странах ОЭСР за этот же период увеличились в 1,9 раза, в странах ЕС – в 1,8 раза.

Анализ показал, что ни валовые, ни подушевые показатели расходов на ИР сами по себе не обеспечивают какому-либо государству результатов, которые можно оценивать как «ведущие позиции в мировой науке». В качестве такого рода показателя с большей вероятностью могли бы выступать цифры накопленных инвестиций в ИР за длительные периоды.

В научно-технических системах практически всех развитых стран можно выделить четыре основных сектора:

– очень компактный сектор государственных научных организаций, финансируемый и подконтрольный правительству с целью быстрого выполнения каких-то программ, имеющих национальный приоритет;

– сектор национальных университетов, цель которых – проведение фундаментальных исследований и экспериментальных разработок;

– сектор «корпоративной» науки, ориентированный исключительно на прикладные исследования и технологическое сопровождение производства;

– сектор частных бесприбыльных научных организаций, выполняющих исследования по эпизодическим заказам от своих учредителей либо сторонних клиентов.

Страновые различия определяются многими внутренними факторами, начиная с национальных традиций и специфики, и заканчивая структурными и экономическими особенностями; последние в большинстве случаев связаны с использованием конкретных мер, направленных на ускорение инновационного развития (различного рода льгот, финансовой поддержки, мер по улучшению взаимодействия науки и бизнеса), а также с распределением роли государства и частного сектора в данных процессах.

Многообразие национальных инновационных систем вызывает необходимость четкого обоснования их группировки. По нашему мнению, наиболее удачной представляется группировка стран по трем направлениям: евроатлантическое, восточноазиатское и «альтернативное».

Евроатлантическая модель инновационного развития экономической системы (МИРЭС) – самая распространенная среди развитых стран, предполагающая необходимость развития и поддержки в стране полного инновационного цикла: от возникновения инноваций до массового производства готового продукта. В таких странах развиты все компоненты: и фундаментальные и прикладные науки, широкий ассортимент механизмов финансирования инновационного цикла, сеть институтов экспертизы инновационных проектов и подготовки кадров и разработки и исследования, проектирование и запуск в массовое производство образцов. В рамках данной модели можно выделить три поднаправления: североамериканское (США и Канада), западноевропейское для больших стран (Германия, Франция, Великобритания, Италия) и западноевропейское направление развития малых стран Европы (Швеция, Нидерланды, Дания, Швейцария, Финляндия)

Таблица 1

Сравнительная характеристика евроатлантических МИРЭС

Критерий сравнения	Североамериканская модель инновационного развития	Западноевропейская модель инновационного развития малых стран Европы	Западноевропейская модель инновационного развития крупных стран Европы
Направление научных исследований	Фундаментальная и прикладная наука	Фундаментальная наука	Прикладная наука
Трансфер инноваций	Через исследовательские подразделения на крупных предприятиях, через связь «университет-промышленность», технопарки; инкубаторы	Технопарки; инкубаторы	Преимущественно отделы по связям с промышленностью, отраслевые министерства, технопарки; инкубаторы
Участие государства	Высокое; финансирование фундаментальных исследований	высокое	Высокое; финансирование фундаментальных исследований
Участие бизнеса	Высокое	Высокое; финансирование преимуществен- но прикладных исследований	Высокое; финансирование преимуществен- но прикладных исследований
Государственно-частное партнерство	Присутствует и активно развивается	Присутствует и активно развивается	Присутствует и активно развивается

В США дайвером роста является обрабатывающая промышленность (70% всех негосударственных расходов на исследования и разработки и до 80% всех патентов [2]) и сектор ИКТ. Ядро нормативной базы в сфере НИОКР – три проекта: программа создания Национальной сети промышленных инноваций (NNMI), Инициатива генома, новые материалы (инновационные методы разработки материалов с заданными свойствами) и Национальная робототехническая инициатива. В соответствии с NNMI была создана сеть из 45 институтов по отдельным важнейшим технологическим направлениям (кооперационные и координационные структуры, объединяющие на региональном и национальном уровне научное, экспертное и производственное сообщества, в т.ч. крупные, малые и средние компании, а также стартапы), результаты которых должны привести промышленность США к выходу на новый уровень развития. Деятельность институтов ориентирована главным образом на выработку общего видения технологического и промышленно-технологического развития.

Во Франции государственное управление инновационной политикой реализуется Министерством научных исследований и Министерством промышленности. Трансфертом технологий призвано заниматься Инновационное агентство Франции. Характерной чертой французской национальной инновационной стратегии является широкое участие государства в организации и финансировании инновационного процесса, бюджетное финансирование расходов на научные исследования по доле в общих расходах находится на втором месте в Европе. Тем не менее Франция сталкивается с проблемами, схожими с российскими: старение научных кадров; сложная система организации и финансирования научных исследований; региональный дисбаланс в концентрации научного потенциала; недостаточная при-

влекательность научной карьеры и «утечка мозгов» [3]. Международная конкуренция и ускорение глобализации заставляет государство постепенно отходить от интервенционистских мер и уделять большое внимание развитию косвенных инструментов стимулирования. За период 2000–2015 гг. их доля в общей сумме финансовой помощи государства, выделенной на развитие инновационной деятельности предприятий (всех секторов), увеличилась с 16,5 до 74,2%.

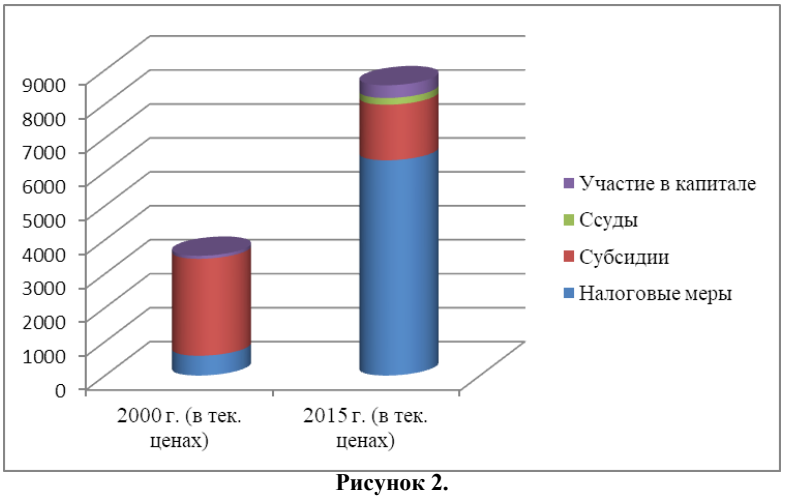


Рисунок 2.
Государственная поддержка инновационной деятельности во Франции

В Восточноазиатской МИРЭС (Япония, Ю. Корея, Тайвань) отсутствует такая стадия инновационного цикла, как формирование фундаментальных идей. Центральное место занимают исследовательские лаборатории крупных корпораций, напрямую заинтересованных в формировании налаженной системы коммерциализации инноваций. Большинство стран данной группы ориентировано на производство высококачественных продуктов экспорта в сфере high-tech; Государственная поддержка инновационной деятельности организована на достаточно высоком уровне.

«Альтернативная» МИЭРС представлена в группе стран с преимущественно аграрным производством (Таиланд, Чили, Португалия, Турция и Индия). Характерной чертой данной группы стран является то, что большинство из них не обладают значимым потенциалом в сфере фундаментальных и прикладных наук, на их территории отсутствуют богатые сырьевые запасов. В этой группе трудно выделить конкретные типы МИРЭС, что связано с достаточно широким спектром национальных особенностей и нюансов [4].

Таблица 2

Сравнительная характеристика стран группы «альтернативной» МИРЭС

Критерий сравнения	Индия	Португалия	Бразилия	Турция	Чили	Таиланд
Развитие отраслей high-tech	+	+	+/–	+	+	+
Заимствование высоких технологий	+	+	+/–	+	+	+
Развитие высокотехнологические услуги: инжиниринг, софтверный и бизнес-аутсорсинг	++	–	–	+	–	–
Развитие сектора сельского хозяйства	–/+	–	–/+	–	+	+
Преобладание фундаментальной и прикладной науки	–	–/+	–	–/+	+	–
Развитие технологических инноваций	+\–	–	–	–	–	–

Из проведенного анализа мирового опыта можно сделать вывод о том, что не существует строго определенного набора принципов построения инновационной модели развития экономической системы: их перечень формируется исходя из целей и ресурсных возможностей страны, нет и единой методики оценки эффективности инновационной политики. Наиболее распространенной является оценка стран по показателям изобретательской активности: национальные патентные заявки в расчете на 10 000 населения (коэффициент изобретательской активности); количество исследователей на одну заявку (чел.); соотношение иностранных и национальных патентных заявок, поданных в стране (коэффициент зависимости); соотношение национальных и всех поданных в национальные ведомства патентных заявок (коэффициент самообеспеченности); соотношение патентных заявок, поданных отечественными заявителями за рубежом и в стране (коэффициент распространения); национальные патентные заявки в расчете на 1 млн. долл. затрат на НИОКР (шт.).

Представленные данные и практика ведущих зарубежных стран свидетельствуют о приоритетном значении институциональных условий для обеспечения динамичного научно-технологического развития и устойчивого экономического роста.

Экономически слаборазвитые страны не бывают научно-техническими гигантами. Конечно, и в таких странах с их небольшими научно-техническими системами возможно появление значимых научных результатов, однако вероятность таких «прорывов» низка.

Таблица 3

Изобретательская активность стран в 2015 году*

Количество исследователей на одну заявку (чел.)	коэффициент самообеспеченности	Коэффициент зависимости	Коэффициент изобретательской активности **	Коэффициент распространения	Национальные патентные заявки в расчете на 1 млн. долл. затрат на НИОКР (шт)
Китай (1,57), [1]	Латвия (0,99), [1]	Литва (0,01), [1]	Корея (33,05), [1]	Израиль (10,26), [1]	Китай (2,79), [1]
Корея (2,07), [2]	Португалия (0,98) [2]	Португалия (0.02), [2]	Япония (20,39), [2]	Канада (4,73), [3]	Корея (2,54), [2]
Япония (2,064), [3]	Греция (0,96), [5]	Словения (0,02), [3]	Швейцария (10.35), [3]	Италия (4,35), [3]	Япония (1,88), [3]
США (4,04), [4]	Германия (0.71), [26]	Германия (0,41) [26]	США (8,97), [5]	Швейцария (4,19), [5]	Россия (0,96), [5]
Германия (7,46), [5]	Великобритания (0,65), [27]	Великобритания (0,53), [27]	Россия (2,05), [20]	Бразилия (0,41), [39]	Австралия (0,11), [39]
Россия (15,20), [8]	Россия (0,64), [28]	Россия (0,56), [28]	ЮАР (0,16), [39]	Турция (0,25), [41]	Бельгия (0,10), [40]
Турция (16,75), [9]	Ирландия (0,57), [30]	Ирландия (0,76), [30]	Индия (0,10), [41]	Россия (0,14), [42]	Ирландия (0,09), [42]
Эстония (144,1), [43]	Мексика (0,03), [42]	Мексика (12,25), [43]	Колумбия (0,07), [42]	Китай (0,04), [43]	

* Данные представлены в формате: название страны (значение показателя) [место в рейтинге].

** Рассчитано авторами по данным ВОИС (см.: http://www.wipo.int) и Всемирного банка. (см.: http://data.worldbank.org).

Список литературы

1. Базы данных ОЭСР (OECD. Stat) – http://www.oecd-ilibrary.org/economics/data/oecd-stat_data-00285-en), ЮНЕСКО (UIS. Stat) http://data.uis.unesco.org/, Евростата – http://ec.europa.eu/eurostat/data/database
2. Science and Engineering Indicators. – Arlington (VA): National Science Board, 2016. Table 6–2 – 6–18. – https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/data
3. Harfi M., Lallement R. Quinze ans de politiques d'innovation en France. Rapport de la Commission nationale d'évaluation des politiques d'innovation. France Stratégie. – P., 2016. – P. 8
4. Стерлингов И. Инновационный потенциал стран БРИК: Индия // Наука и технологии России (S&TRF). – М., 2011. – 5 августа.

Третьяк В.П.
д.э.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ)
v_tretyak@inbox.ru
Сагина О.А.
к.э.н., Московский государственный университет технологий и управления
Toxik_01@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИОННОЕ ИЛИ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: ПАРАМЕТРЫ И СТАДИИ

Ключевые слова*: модернизация, инновация, технологический уклад.*
Keywords*: modernization, innovation, technological structure.*

Модернизационное и инновационное развитие представляют собой неотъемлемые характеристики успешно развивающихся современных обществ. Изучение концепции модернизации позволяет определить актуальную картину преобразований, происходящих в стране, и выявить основные направления развития. Российское государство стремится удержать конкурентные позиции на мировой арене, что не представляется возможным без инновационного развития страны. Высокий уровень конкуренции, сложившийся в современном мире, предопределяет необходимость постоянного повышения уровня эффективности, который достигается путем внедрения инноваций. Модернизационные преобразования, происходящие в России на протяжении последних лет, предопределили реформирование таких сфер общественной жизни, как экономическая, политическая, социальная и культурная, на всех уровнях управления: федеральном, региональном, муниципальном. Вследствие того, что модернизация является комплексным процессом, представляется невозможным проведение социальных, экономических, политических или культурных преобразований в отрыве друг от друга[1].

Всесторонняя модернизация промышленного производства – одна из наиболее значимых проблем современного российского общества. Результат модернизации – возможность появления в повседневной действительности более совершенных образцов техники и потребительских товаров, существенно отличающихся от всего того, что имело распространение в прошлом.

Проблеме диалектического развития концепции модернизации посвящены труды зарубежных и отечественных специалистов[2].

Ряд ученых (Р. Бендикс, С. Блэк, Ст. Ваго, М. Леви, Ш. Эйзенштадт, И. Пономарев, С. Белковский, М. Ремизов и др.) трактуют модернизацию как коренное изменение общественных отношений, глобальную институциональную перестройку производственного потенциала человечества.

Существует альтернативная точка зрения, конкретизирующая сущность модернизационных преобразований и сводящая их к усовершенствованию и обновлению объектов в соответствии с современными нормами и требованиями. Данную позицию занимают Н. Азрилиян, Л. Кураков, В. Острошенко и др.

В современном мире модернизация сопровождается преобразованиями в экономике, политике, в социальной сфере, культуре[3].

Таблица 1

Определение модернизации зарубежными учеными

Автор, источник	Определение
1	2
Р. Бендикс[4]	Модернизация – «тип социальных перемен, имеющий корни в английской индустриальной и политической французской революциях. Он заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих переменах у отстающих».
П. Бергер[5]	Модернизация включает рост и диффузию институтов, связанных с трансформацией экономики посредством технологий.

[1] Луговая Е.С. Инновации как основа модернизации современного общества // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2012. – № 2 (17). – С. 103–107.

[2] Сагина О.А., Носенко А.С., Егоров К.Ю. Предпосылки развития категории «модернизация» // Современные проблемы экономики, менеджмента и маркетинга в отраслях пищевой промышленности. Сборник научных трудов. – М., 2010. – С. 148–152.

[3] Сагина О. А. Управление модернизацией организаций хлебопекарной промышленности: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – М., 2015. – 181 с.

[4] Bendix R. Nation-Building and Citizenship. – Garden City (NY): Anchor, 1964. – P. 6-7.

[5] Berger P.L. et al. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. – New York: Random House, 1973. – P. 9.

1	2
С. Блэк[1]	Модернизация — может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию.
Ст. Ваго[2]	Модернизация – это процесс, посредством которого аграрные общества трансформируются в индустриальные. Данный переход влечет развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, социальных механизмов, адекватных задачам поддержания, руководства и использования данной технологии.
М. Леви[3]	Общество является «более или менее модернизированным в зависимости от того, как широко его члены используют неодушевленные источники энергии и/или применяют машины, чтобы умножить эффект собственных усилий».
Д. Лернер[4]	Модернизация – это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделял росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации.
Р. Макридис и Б. Брау [5]	Модернизированному обществу присуща культура, подчеркивающая ценности науки, знания и достижения.
Л. Пай[6]	Модернизация влечет за собой диффузию того, что один эксперт определил как «мировая культура» – основанная на передовой технологии и духе научности, на рациональном взгляде на жизнь, светском подходе к социальным отношениям, чувстве справедливости в общественных делах и, кроме всего прочего, признании в качестве главной единицы в политической реальности национального государства.
Ш. Эйзенштадт[7]	Модернизация – специфическая цивилизация или новый тип цивилизации. В процессе трансляции цивилизации modernity обнаружила себя тенденция к формированию всеобщих, мировых институциональных и символических рамок, что вообще было явлением новым и уникальным в истории человечества.
В. Цапф[8]	Модернизация в трехмерном плане: 1) как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которой больших успехов в развитии достигла небольшая группа сегодня модернизированных обществ; 2) как многовариантный процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; 3) как реакции модернизированных обществ на новые вызовы на пути инноваций и реформ.

Мнения отечественных ученых представлены в таблице 2.

Таблица 2

Определение модернизации отечественными учеными

Автор, источник	Определение
Азрилиян А.[9]	Модернизация – ввод усовершенствований, отвечающих современным требованиям.
Белковский С., Ремизов М.[10]	Модернизация – это процесс формирования в рамках данного государства (цивилизации) и в заданных исторических обстоятельствах общества модерна. Не больше и не меньше.
Кураков Л.[11]	Модернизация – усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества.
Пономарев И.[12]	Модернизация – это общественно-политический процесс. Он представляет собой коренное изменение общественных отношений, изменение логики, в которой живет общество, институциональная перестройка.
Клейнер Г.Б.[13]	Модернизация должна охватывать все уровни, начиная с определения места и миссии России в мировом сообществе и завершая предприятием. Системная модернизация должна носить эволюционный характер. Необходима системная, многоуровневая оптимизация и модернизация всей экономики. И наиболее существенным при этом является уровень предприятия. Именно там соединяются проблемы кредитования и технологий, старения ресурсов и трудового потенциала, а также все остальные проблемы.

[1] Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. – P. 186–187.

[2] Vago S. Social Change... // Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. – Berlin; New York: De Gruyter, 1995.

[3] Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Readings on Social Change. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1967. – P. 196–201.

[4] Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. – New York; London, 1965. – P. VIII.

[5] Macridis R.C., Brown B.E. Comparative Politics: Notes and Readings. – Homewood (IL): Dorsey, 1972. – P. 428.

[6] Pye L.W. Aspects of Political Development. – Boston, 1965. – P. 8.

[7] Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – P. 1.

[8] Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. – М., 1998. – № 8. – С. 14.

[9] Азрилян А.Н. Большой экономический словарь: 24,8 тыс. терминов / А.Н. Азрилян О.М. Азрилян, Е.В. Калашникова и др. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 1280.

[10] Белковский С. Специальная теория модернизации / Белковский С., Ремизов, М. // Газета.ru. 2009. – 12 октября.

[11] Кураков В.Л. Экономика и право: словарь-справочник / Кураков В. Л., Носова, Кураков А. Л., Кураков Л. 2004. – С. 1071.

[12] Пономарев И. Модернизация или инновация. – http://polit.ru/article/2009/11/25/modern/

[13] Клейнер Г.Б. Модернизация российской экономики: Экспертное мнение научной элиты // Авиапанорама. – М., 2010. – № 1. – С. 13–84.

Подобное положение привело к выделению в аналитической практике таких понятий как:

– модернизация экономическая, которая предусматривает интенсификацию процесса экономического воспроизводства, рост дифференциации труда, внедрение более совершенного оборудования, превращение науки в производственную (экономическую) силу, развитие рационального управления производством;

– модернизация политическая, которая предполагает создание определенных политических институтов, способствующих реальному участию населения во властных структурах и усилению влияния народных масс на принятие конкретных решений;

– модернизация социальная, которая содействует формированию открытого общества с динамичной социальной системой. Такое общество возникло и развивалось на основе рыночных отношений, правовой системы, регулирующей отношения собственников, и демократической системы, возможно, не достаточно совершенной. Демократия в таком социуме необходима для того, чтобы было возможно вносить изменения в правила игры в меняющейся обстановке и следить за их выполнением;

– модернизация культурная, которая предполагает формирование высоко дифференцированной и в то же время унифицированной культуры, базирующейся на комплексной парадигме прогресса, и возможности выражения личных возможностей и чувств, а также на развитии индивидуализма[1].

Как понимают инновационную экономику?

Несмотря на то, что само понятие «инновация», зародилось в работах культурологов еще в XIX веке и означало введение некоторых элементов одной культуры в другую, тем не менее, в экономическом плане инновационные наблюдения были сделаны Н.Д. Кондратьевым[2] в 20-х годах минувшего столетия. Н.Д. Кондратьеву удалось обнаружить так называемые «большие циклы» (длинные волны в экономике), образующиеся от введения определенного базового новшества, которое дает толчок к использованию множества вторичных и совершенствующих новаций. Нововведение Н.Д. Кондратьев относил к «кумулятивным» элементам, определяющим развитие экономики[3].

Развивая идеи Н.Д.Кондратьева, Й. Шумпетер вводит в оборот термин «инновация» и пытается «увязать открытые до него виды циклических колебаний в единый взаимосвязанный процесс, базирующийся на инновациях»[4]. В работе «Деловые циклы»[5] Й. Шумпетер изложил теорию мультицикличности волновых колебаний с волнами нововведений и изобретений.

Й. Шумпетер обосновал теоретически необходимость постоянных нововведений как средство преодоления кризисов. Еще в начале XX века ему удалось показать, что технические инновации являются средством достижения высокой прибыли[6] в противовес теории экономического роста Дж. фон Неймана[7], в которой технический прогресс вовсе не учитывался.

В 80-х гг., опираясь на теорию Й. Шумпетера, известный экономист Г. Менш[8] делает вывод о высокой концентрации базисных нововведений, которые позволяют преодолеть «технологический пат» и знаменуют начало новой тенденции в экономике: улучшение основных показателей[9]. На основе обработки статистики изобретений и нововведений Г. Менш раскрыл характер цикличности обновления техники («инновационные волны»), исследовал механизм взаимосвязи между изобретениями, нововведениями и уровнем экономической активности

Вслед за ним К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Сутэ, Я. ван Дейн и А. Кляйкнехт исследовали механизм влияния инноваций на развитие экономики: ввели понятие стадийности (фаз) развития нововведений и их распространения (диффузии) как в отраслевом, так и в страновом (региональном) разрезе. В нашей стране в 70–80 гг. в научных трудах А.И. Анчишкина, С.В. Шухардина, А.А. Кузина и Ю.В. Яковца исследовались сложные связи между развитием общества и сменой технологий[10].

Говоря об инновациях, хотелось бы также выделить мнения некоторых зарубежных и отечественных ученых.

---

[1] Грудзинский А.О. Модернизация предприятий: факторы и направления / Грудзинский А.О., Балабанова Е.С. Кудряшов Ю.Г. // Социологические исследования. – М., 2002. – № 6. – С. 18–28.

[2] В 1925 г. Н.Д. Кондратьев опубликовал теорию волновых колебаний в общественном производстве в Вопросах конъюнктуры. – М., 1925. Т. 1. Вып. 1. – С. 28–79. До этого вышла книга «Мировое хозяйство и его конъюнктура во времени и после войны», где впервые упоминались большие циклы. Ему удалось разработать модели циклических процессов и показать наличие продолжительных (больших) циклов. Главную роль в развитии экономики Н.Д. Кондратьев отводил научно-техническим новациям. Перед началом повышательной волны каждого цикла происходят глубокие изменения в технике, чему предшествуют технические открытия и изобретения. Н.Д. Кондратьев показал, что нововведения распределяются по времени неравномерно, появляясь группами.

[3] Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. – М., 1928. – С. 269.

[4] Там же.

[5] Шумпетер Й. Деловые циклы. 1939.

[6] Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.

[7] Neumann von. Modell of General Equilibrium // Review of Economic Studies. 1945. – Vol. 13, N 1.

[8] Менш Г. Технологический пат: Инновации преодолевают депрессию. – М.: Норма, 2006. – 237 с.

[9] Аблаев И.М. К вопросу об экономическом содержании инноваций // Вопросы экономики и права. 2013. – № 55. – С. 88–91.

[10] Пизенгольц В.М. К проблеме теоретического аспекта категории «инновация» в экономических исследованиях // Международный научный журнал. 2015. – № 1. – С. 37–43.

Таблица 3

Определение инновации зарубежными учеными

Автор, источник	Определение
Б. Санто[1]	рассматривал инновацию как общественно-экономический процесс, который путем практического внедрения идей и изобретений приводит к созданию и использованию лучших по свойствам, функциям технологий, изделий, процессов. В случае, когда инновация ориентирована на скорейшее получение экономического эффекта, наиболее важным критерием ее эффективности использования является полученная прибыль. Помимо этого инновация рассматривается как экономически важный фактор, имеющий в первую очередь значение в повышении производительности труда и увеличении числа рабочих мест в организации. Следуя этой трактовке можно видеть, что инновация выступает не только в качестве фактора повышения экономической эффективности, но и в той же степени затрагивает интеллектуальную и духовную сферу жизни современного общества.
Б. Твисс[2]	Инновации как процесс, в котором новая идея или изобретение приобретает экономическое содержание. При этом единственный в своем роде процесс, который объединяет экономику, управление, науку и технику. Он заключается в получении новизны и длится от зарождения идеи до ее коммерческой реализации. Этот процесс охватывает комплекс отношений, производство, потребление.
И. Шумпетер[3]	Инновация – новая научно-организационная комбинация производственных факторов, при этом ключевыми признаками инноваций является новизна. Инновация рассматривается не просто как нововведение, а как фактор производства и изменение с целью внедрения и использования новейших видов производственных товаров, рынков и форм организации, особое внимание уделяется экономическим последствиям этих изменений.

Таблица 4

Определение инновации отечественными учеными

Автор, источник	Определение
Завлин П.Н, Казанцев А.К., Миндели Л.Э.[4]	Инновация – использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленных на совершенствование процесса деятельности или его результатов
Фатхутдинов Р.А.[5]	Инновация – конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получение экономического, социального, научно-технического эффекта
Морозов Ю.П.[6]	Под инновацией понимается прибыльное использование новаций в виде новых технологий, видов продукции, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового или иного характера
Хучек М.[7]	Рассматривает инновацию как внедрение чего-либо нового (вещи, новинки, реформы).

В литературе не всегда однозначно представляется понимание технологического уклада. «Технологический уклад – это совокупность сопряжённых производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно»[8]. В рамках ТУ осуществляется замкнутый макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующий тип общественного потребления[9].

Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления[10].

Технологические уклады в любой экономике присутствуют в неких сочетаниях. Инновационный процесс проявляется в поступательной смене прежних технологических укладов новыми, роль и значимость которых неодинакова. Среди технологических укладов всегда выделяется ведущий, доминирующий или основной уклад. Поэтому в

[1] Шеваль А.В. Сущность понятия «инновация» как экономической категории // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2013. – № 10 (58).

[2] Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М.: Экономика, 1989.

[3] Чайковская Н.В., Панягина А.Е. Сущность инноваций: основные теоретические подходы // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2011. – № 4. – С. 47–57.

[4] Завлин П.Н. Инновационный менеджмент: Справочное пособие / П.Н. Завлин, А.К. Казанцев, Л.Э. Миндели. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во ЦИСН, 1998. – С. 6.

[5] Шеваль А.В. Сущность понятия «инновация» как экономической категории // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2013. – № 10 (58).

[6] Морозов Ю.П. Инновационный менеджмент: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 446 с.

[7] Хучек М. Инновации на предприятиях и их внедрение. – М.: Луч, 1992.

[8] Шесть технологических укладов (интересные факты). – http://general-skokov.livejournal.com/24586.html

[9] Бизнес словарь. – http://yandex.ru/yandsearch?text=%D0%A2%D0%95%D0%A5%D0%9D%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99+%D0%A3%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94&clid=40316&stpar2=%2Fh0%2Ftm1%2Fs1&stpar4=%2Fs1

[10] Третьяк В.П., Сагина О.А. Импортозамещение в контексте развития технологических укладов // Экономика и предпринимательство. – М., 2016. – №10-2 (75-2). – С. 459–464.

очень общем виде модернизация экономики представляется как процесс вытеснения ныне доминирующих технологических укладов другими, более отвечающими требованиям сегодняшнего дня.

Эволюция технологических укладов, по нашему мнению, происходит следующим образом: от кустарного производства, где практически все изделия были уникальны, создавались в соответствии с индивидуальными запросами заказчика; через машинную стадию производства, обеспечивающего массовое предложение однотипных изделий; к индивидуализированному массовому производству, способному создавать изделия в массовом порядке и удовлетворять индивидуальные запросы потребителей. Простая кооперация и разделение труда, свойственные доиндустриальному или кустарному технологическому укладу утрачивают господствующее положение в индустриальном обществе. В индустриальном обществе широко распространены фабричная организация и, несколько позднее, конвейерное производство, соответствующие третьему и четвертому технологическим укладам. Последние создают базу для постиндустриальных технологических укладов.

Экономика любой страны в настоящее время функционирует на базе семи (или меньшего числа) технологических укладов. На рис. 1 нами приводится в качестве примера модель возможного состава и распространенности технологических укладов в экономике конкретной страны.

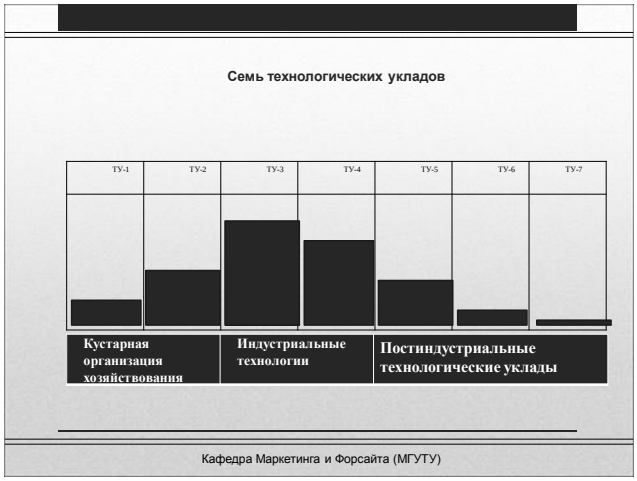


Рисунок 1.
Ситуационная модель состава технологических укладов в экономике

Узилевский Г.Я.[1]

ОБ ИСТОКАХ И ДЕТЕРМИНАНТАХ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ В СВЕТЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: *внешние и внутренние детерминанты, интегральная методология, истоки, метафизическая методология, Россия, стратегия развития, Человек, XXI век.*

Keywords*: external and internal determinants, Homo, integral methodology, metaphysical methodology, Russia, sources, strategy of development, 21 century.*

1. Введение

Современная феноменологическая наука, изучая объекты и субъекты исследований как явления, не смогла выявить результаты третьей научно-технической революции (1970-2010), что вызвало ее (науки) мировой кризис [8, с. 61–64]. В этой связи, раскрыв невидимую двухуровневую абстрактно-конкретную структуру довербальных, естественных и эволюционно развившихся искусственных языков и кодов, порождающих видимые тексты [12, с. 94–101, 119–122], мы вышли

- на исследование Homo с позиции всеобщего (родового человека и человеческого рода), особенного (их видов) и единичного (конкретного человека, конкретных социальных групп, человечества [8, с. 13–15];
- на разработку ряда метафизических направлений [8, с. 15–27];
- на создание метафизической методологии научных исследований [8, с. 41–45], обладающей своим концептуальным аппаратом, аксиоматикой, особенностями, методом, принципами, типологией обобщений объектов и субъектов умопостигаемого и чувственного миров [9, с. 16–23; 10; 11, с. 60–67].

Отметим, что феноменологическая наука изучает лишь личность конкретного человека. Нами были введены в научный оборот понятия «символическая личность родового человека (всеобщее) и символическая личность видов родового человека (особенное) [8, с. 88–89].

В отличия новой методологии от феноменологических методологий входят:

1. Первичность Духовного метафизического начала, задающего направленность не только другим метафизическим началам (первый уровень метафизической модели Универсума нашей планеты), но и объектам и субъектам других ее уровней.
2. Первичность умопостигаемого мира (второй уровень) и вторичность чувственного мира.
3. Первичность Космоса и вторичность Природы и Человека (третий уровень).
4. Первичность Природы и вторичность Homo (третий уровень).
5. Исследование Человека и созданных им социального и технического мира в контексте всеобщего, особенного и единичного (третий – пятый уровни Универсума).
6. Распространение управления как свойства Универсума на объекты и субъекты всех его уровней [8, с. 46, 190–191].

Эти архетипы метафизической модели Универсума четко указывают на ее преимущества перед феноменологическими моделями [8, с. 46, 51–53, 190–191].

В свете метафизической методологии раскрыты две фундаментальные проблемы:

1) потенциалы противоречивой природы Homo [8, с. 68–137];

2) потенциалы управления как свойства Универсума, которое задает направляемое развитие объектов и субъектов других его уровней [8, с. 157–190].

На ее основе нами решены следующие конкретные проблемы:

– раскрыт системный кризис Универсума планеты Земля [8, с. 138–157];

– выявлено влияние третьей научно-технической революции на Человека, шестой технологический уклад, государственное управление и общественное самоуправление [8, с. 214–234];

– определены потенциалы, цели, свойства, сверхзадачи, задачи, функции, отличия и особенности модели государственного управления в РФ [8, с. 265–277];

– раскрыты потенциалы, цели, свойства, сверхзадачи, задачи, функции, отличия и особенности модели общественного самоуправления в России [8, с. 277–301].

Анализ результатов указал нам на создание интегральной методологии исследований, направленной на решение больших конкретных проблем, возникших на стыке умопостигаемого и чувственного миров, ибо феноменологи-

[1] Занимается разработкой фундаментальных проблем метафизической методологии и конкретных проблем интегральной методологии научных исследований. E-mail: guzilevsky@orel.ru

ческая наука пока не способна их осмысливать. В пользу такого решения говорят публикации о развитии экономики, социологии управления и международных отношений [5–7].

Метафизической методологии предстоит решение фундаментальных проблем, обусловленных противоречивой природой Человека и его непосредственными связями с Природой и Космосом (см., например, [13–14]). Изложенное вывело нас на следующие задачи статьи на основе интегральной методологии:

- раскрытие истоков Стратегии развития России в XXI веке;
- выявление внешних детерминант создания и развития данной Стратегии;
- представление внутренних детерминант ее создания и развития.

2. Истоки Стратегии развития России в XXI веке

Определение истоков Стратегии развития страны в новом столетии мы связываем с потенциалами Homo, создавшего социальный и технический мир, а также искусство, культуру, литературу и др. В процессе эволюции с него были сняты ограничения на духовную, ментальную, социальную, пространственно-временную деятельность и интимную жизнь. Он превратился в сверхсложную систему, компоненты которой обладают присущими только им целями. В результате в нем возникли потенциальные гармонии, потенциальные и реальные противоречия, проявление которых соответственно задается внешней позитивной или негативной для людей средой [8, с. 334–339]. Очевидно, что противоречивая натура Человека является **первым** истоком Стратегии развития РФ в XXI веке.

Глубинные связи Homo с Природой нашей планеты и Космосом позволили нам рассматривать его как посредника между ними. Их мы интерпретировали как **второй** исток Стратегии развития страны в новом столетии.

Третья научно-техническая революция указала на то, что Человек является уникальным творцом социального и технического миров, превращающего их в единое системное образование. Этот его потенциал полезно рассматривать как **третий** исток Стратегии развития России.

Феноменологическая наука не смогла раскрыть Homo как разрушителя Природы, социального и технического мира. Это его свойство мы трактуем как **четвертый** исток Стратегии развития РФ в XXI веке[1].

Несомненно, эти истоки должны стать **отправным пунктом** создания Стратегии развития нашей страны в новом столетии.

3. Внешние детерминанты Стратегии развития России в XXI веке

Обратимся к третьей научно-технической революции (1970–2010 гг.). Создание человеко-и-личностно-ориентированных технологий, основанных на потенциалах менталитета Homo и персональных компьютерах, явилось неожиданным результатом, сущностно повлиявшим на развитие мирового сообщества. Их правомерно интерпретировать как **первую** внешнюю детерминанту создания и развития объекта нашего исследования в РФ.

Быстро распространяясь по планете, эти технологии привели к возникновению стремительной динамики смены общественных, политических, социальных, технологических и экономических процессов в мире в диапазоне от двух до пяти лет [8, с. 60]. Перед нами **вторая** внешняя детерминанта Стратегии развития нашей страны в новом столетии.

Понятие «программное прошлое» и триада «программное прошлое <—> краткосрочное настоящее <—> будущее» [8, с. 60] были введены нами в научный оборот. Возникшая краткосрочность настоящего указала нам на то, что явление теперь не способно быть исходным моментом современных научных исследований.

Обращение к исследованиям Я. Ааронова и его коллег, установивших, что закон причинности проявляется на квантовом уровне двояко: от прошлого к будущему и от будущего к прошлому [1, с. 58], привело нас к замене термина «будущее» в указанной выше триаде на понятие «программное будущее». Оно позволило нам осмыслить обновленную триаду как **третью** внешнюю детерминанту Стратегии развития России в XXI веке.

Основанные на менталитете Человека технологии оказали сущностное влияние на появление в мировом сообществе новых сил и отношений. К ним нами отнесены:

1) человеко-ориентированные и личностно-ориентированные духовные, когнитивные, социальные и другие силы;

2) новые общественные, политические, социальные, производственные, технологические и экономические отношения.

Их полезно рассматривать как **четвертую** внешнюю детерминанту создания объекта нашего исследования.

Под воздействием рассматриваемой революции произошел переход

- социального и технического мира в социально-технологическую формацию;
- технологического уклада в социально-технологическое образование [8, с. 225–227, 310];
- постмодерна в возрожденный модерн [8, с. 228].

Есть смысл эти процессы трактовать как **пятую** внешнюю детерминанту Стратегии развития РФ в XXI веке.

Данная революция вызвала следующие сущностные перемены в реальном секторе экономики развитых и ряда развивающихся стран:

- новый класс деловых организаций, направленных на творческое саморазвитие в контексте приоритета духовных ценностей;
- народные предприятия;
- индикаторы новой общественно-экономической формации;

[1] Анализ второго-четвертого истоков говорит о том, что Человек является моно-триадным существом.

• новый этап эволюции Человека [8, с. 68–69] (см. также [11, с. 41–43]).

Их анализ указывает на то, что новые технологии являются **исходным моментом** создания человеко-и-личностно ориентированного реального сектора. Их мы трактуем как **шестую** внешнюю детерминанту формирования Стратегии развития нашей страны.

Победа миллиардера Д. Трампа на выборах Президента США в 2016 году говорит о том, что различные социальные группы явно недовольны антиномией между финансовым сектором, военно-промышленным комплексом, рядом транснациональных компаний и реальным сектором экономики. Развернувшиеся в этой стране политические баталии свидетельствуют об ее углублении.

Отметим, что внешняя политика США, стремящихся упрочить свое псевдолидерство в мире, направлена на развязывание войн, государственных переворотов, «цветных» революций для получения громадных прибылей представителями финансового сектора и связанных с ним компаний. Эти процессы привели к кризису Универсума.

Изложенное указывает на необходимость создания в РФ новой общественно-экономической формации, основанной на первичности Человека, вторичности реального сектора и третичности финансового сектора экономики. Перед нами **седьмая** внешняя детерминанта создания Стратегии развития России в XXI веке.

Рассмотрим интерпретацию А. Прохановым суждения И. Шувалова в его выступлении на Валдайском форуме: «частная собственность на средства производства не всегда являет свои преимущества перед собственностью государственной»… Она, «заклейменная в России, выдержала множество испытаний и сегодня демонстрирует более эффективные результаты, чем экономика, основанная на частной собственности». Главный редактор указал на сообщение вице-премьера о том, что в Министерстве экономического развития формируется «мощная плановая компонента, которая займется долгожданным концептуальным проектированием» [4].

Можно полагать, что правительство вышло на планово-рыночную экономику. На наш взгляд, она должна быть основана на синтезе государственной и частной собственности с другими типами собственности, включая, прежде всего, коллективную собственность, в которую входят акционерная, кооперативная, корпоративная, партнерская.

Равнозначное функционирование системно связанных друг с другом форм собственности непременно будет содействовать возникновению новой общественно-экономической формации. Представленный материал правомерно трактовать как **восьмую** внешнюю детерминанту Стратегии развития РФ.

Рассмотрим наследие Н.Н. Моисеева, который пришел к выводу, что

- каждый социальный институт создает свой набор целей;
- формирование целей происходит внутри института; их формирование становится важнейшим, центральным элементом процесса управления;
- выбор способа воздействия на институт для достижения целей становится затруднительным из-за огромной сложности связей и невозможности осуществить детальный анализ возможных следствий принимаемых решений и др.

Исходя из представленных выше целей, ученый обосновал необходимость направляемого развития социальных институтов [2, с. 193–194]. Несомненно, что создание данной Стратегии должно представлять собой направляемый процесс. Ее разработку необходимо осуществлять на основе присущих им усложняющихся целей, свойств, сверхзадач, задач и функций. Это утверждение интерпретируется нами как **девятая** внешняя детерминанта создания объекта нашего исследования.

Управление как свойство Универсума [8, с. 169–179] вывело нас на понятие «государственное управление» и формирование его метафизической модели, обладающей потенциалами, целями, свойствами, сверхзадачами, задачами и функциями, особенностями и отличиями [8, с. 265–277]. В его объем входят такие формы, как «государство» и «муниципалитеты». Деятельность государства как основной формы государственного управления осуществляется сверху вниз.

Изучая гражданское общество, мы пришли к выводу, что у него отсутствует исходное понятие. Им может стать общественное самоуправление как образование, равнозначное государственному управлению, обладающее той же структурой, но функционирующее снизу вверх [8, с. 266]. Ему будут присущи отличные от государственного управления потенциалы, свойства, сверхзадачи, задачи, функции, особенности и отличия [8, с. 308–316].

Несомненно, что создание системы общественного самоуправления в России будет содействовать возникновению сущностных связей между государством, обществом в широком смысле этого слова и гражданским обществом, между различными социальными группами и, тем самым, ее внутреннему саморазвитию.

В этом случае будут решены следующие задачи:

- преодолена гиперболизация государственного управления и государства как его основной формы;
- привлечены лучшие силы для развития системы общественного самоуправления;
- укреплена внутренняя безопасность страны;
- обоснован выход на трансформацию общества в широком смысле этого слова в общество мудрости [8, с. 345].

Анализ синтеза государственного управления и общественного самоуправления позволяет нам рассматривать его как **десятую** внешнюю детерминанту Стратегии развития страны в новом столетии.

Подводя итоги раскрытию внешних детерминант, отметим, что они в большинстве своем основаны на использовании позитивных потенциалов Человека.

4. Внутренние детерминанты Стратегии развития России в новом столетии

Природа рассматривается нами в свете метафизической методологии как духовное, ментальное, социальное, пространственно-временное и материальное образование, жестко заданное Духовным метафизическим началом на

проявление и развитие гармонии на Земле. Это определение вывело нас на ее интерпретацию как **первой** внутренней детерминанты разработки Стратегии развития России в XXI веке.

Как мы знаем, эволюционно с Homo были сняты ограничения на духовную, ментальную, социальную, пространственно-временную деятельность и интимную жизнь. Они привели к сущностным изменениям в Человеке и его личности. Отметим возникновение потенциальных гармоний и потенциальных противоречий в конкретном человеке, конкретных социальных группах и человечестве (единичное), видах родового человека и человеческого рода (особенное), родовом человеке и человеческом роде (всеобщее).

Одновременно в личности конкретного человека, символической личности видов родового человека и в нем самом формируются потенциальные гармонии, потенциальные и реальные противоречия. Они способствовали появлению в этих образованиях программ духовной и анти-духовной сфер [8, с. 91–117]. Homo превратился в сверхсложную и весьма противоречивую систему. Очевидно, что будущее планеты зависит от того, поймет ли человечество свою весьма противоречивую натуру. Поэтому позитивные потенциалы Человека трактуются нами как **вторая** внутренняя детерминанта Стратегии развития РФ.

Духовное начало адаптировалось к Человеку как поистине противоречивому существу в виде мягкого духовно-нравственного влияния на основе альтруистического, эгоистического, этического и эстетического начал и вытекающих из них архетипов. Каждый из них представляет собой синтез двух из указанных выше начал [8, с. 94-96]. Мы уточнили, что Homo присущи следующие шесть архетипов Духовного метафизического начала:

1) альтруистическое и эстетическое начала;
2) альтруистическое и этическое начала;
3) эгоистическое и эстетическое начала;
4) эгоистическое и этическое начала;
5) альтруистическое и эгоистическое начала;
6) эстетическое и этическое начала (см. первоначальный вариант в [8, с. 93–94]).

Эти архетипы мы рассматриваем как **третью** внутреннюю детерминанту создания Стратегии развития нашей страны.

Напомним, что гиперболизация эгоистического начала присуща государственному управлению и государству как его основной формы. Необходим переход на использование архетипа, являющего собой синтез эгоистического и эстетического начал. Максимальное содействие ему может оказать общественное самоуправление, которому присущ архетип, состоящий из альтруистического и этического начал. Объединение этих архетипов олицетворяет **четвертую** внутреннюю детерминанту объекта нашего исследования.

Равнозначное функционирование системы общественного самоуправления предполагает верховенство свойственного ей архетипа над архетипом, характерным для государственного управления. В этом случае мы имеем дело с **пятой** внутренней детерминантой создания Стратегии развития России.

Подчеркнем, что взаимодействие четвертой и пятой детерминант вызовет формирование в стране новой системы управления в виде синтеза государственного управления и общественного самоуправления. Перед нами **шестая** внутренняя детерминанта Стратегии развития РФ в новом столетии[1].

Рассмотрим капиталистическую формацию, вышедшую на завершающий этап развития. Ей присущи гиперболизация эгоистического начала, теория эгоистического экономического человека и антиномия между реальным и финансовым секторами экономики. Отметим, что в реальном секторе появились индикаторы новой общественно-экономической формации, ведущий архетип которой состоит из альтруистического и этического начал. Содействие ему на неосознаваемом уровне оказывает архетип, основанный на взаимодействии эгоистического и эстетического начал.

Обратимся к финансовому сектору РФ, для которого характерны не только гиперболизация эгоистического начала, но и верховенство программ анти-духовной сферы символической личности видов родового человека. Предстоит неординарный переход данного образования на новый этап его развития, основанный на двух архетипах, представляющих соответственно эгоистическое и эстетическое, альтруистическое и этическое начала[2]. В результате произойдет синтез реального и финансового секторов, и экономика России явит собой новую человеко-и-личностно ориентированную общественно-экономическую формацию как **седьмую** внутреннюю детерминанту Стратегии развития нашей страны.

Обратимся к исследованию женщин как вида родового человека. В процессе эволюции в них возникли и развились программы прошлого, которые на неосознаваемом уровне содействовали им как в воспитании, обучении и социализации детей, так и в осмыслении потенциалов своих мужей. Здесь мы имеем дело с осознанием настоящего и с приближением будущего. Мужчины, охраняя с древности женщин, обладают неосознаваемой способностью идти из будущего в настоящее [8, с. 236-237]. В пользу этих выводов говорят результаты исследований в квантовой физике (см. [1]).

Изложенное вывело нас на использование понятий «программное прошлое» и «программное будущее» и триады «программное прошлое <—> краткосрочное настоящее <—> программное будущее»

---

[1] Раскрытие третьей-пятой внутренних детерминант вызывает необходимость фундаментального исследования Человека как моно-триадного существа в свете всеобщего, особенного и единичного для выявления его громадных позитивных, прежде всего, духовных, потенциалов.

[2] Наиболее длительный период потребуется США и связанным с ними стран для трансформации финансового сектора в новое образование.

♦ в Стратегиях развития страны, регионов, городов, сел и т.д.;

♦ в повседневной жизни, включая процессы воспитания, обучения, социализации мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин.

Перед нами **восьмая** внутренняя детерминанта Стратегии развития России.

Обратимся к семье, которую феноменологическая наука трактует как социальный институт. Метафизическая методология вывела нас на осмысление семьи как вида человеческого рода, который, являясь малой социальной группой, нацелен

- на улучшение своей генеалогии и, тем самым, родового человека, человеческого рода и их видов;
- на возникновение новых инновационных поколений, потенциально адаптированных к новым общественно-экономическим условиям;
- на максимальное содействие становлению, развитию и деятельности представителей видов родового человека и человеческого рода [8, с. 72].

Появившись на первой самой длительной стадии эволюции Homo, семья благодаря выявленному нами архетипу **выживания** стала основой рода, общины, племени, общества и системы общественного самоуправления в первобытнообщинном строе [8, с. 147].

Она спонтанно сплачивала отцов и матерей, дедушек и бабушек, многочисленных детей и внуков. В них возникли и стали развиваться программы самодеятельности, самоуправления, соучастия, соуправления, солидарности, субсидиарности и др. Семьи выживали благодаря проявлению в их членах

1) потенциалов Духовного начала в виде его архетипов, а также самости, нравственного идеала и мудрости, являющейся синтезом духовности и методологии деятельности, живого созерцания и общения;

2) уникальных потенциалов ментального, социального, пространственно-временного начала и телесной сферы, начиная с перинатального периода.

Будучи видом человеческого рода, она стала содействовать

– проявлению гармонии между ее представителями;

– сведению к минимуму перехода потенциальных противоречий человеке в реальные;

– возникновению и проявлению в людях программ гуманизма.

Семья обусловила **первичность** духовной сферы и вторичность анти-духовной сферы в эволюции человечества. Нами установлено, что третья научно-техническая революция спонтанно вызвала в конце XX века переход семьи от архетипа выживания к архетипу **духовного, ментального, социального, телесного саморазвития** [8, с. 278–280].

Элиты США и ЕС не обратили внимания на эту позитивную тенденцию. Их больше интересует эволюция семьи в сторону однополых браков в единстве с верховенством программ анти-духовной сферы в их внешней и зачастую внутренней политике.

Руководители РФ, выйдя на поощрение семей в плане увеличения рождаемости детей в стране, не обратили внимания на то, что семья как вид человеческого рода исторически является уникальной мастерской по духовно-нравственному, ментальному, социальному развитию молодежи как инновационного поколения, а также и представителей других видов родового человека и человеческого рода. В этой связи в России следует создать Министерство межпоколенческих связей, направленное

- на решение различных проблем развития семьи как вида человеческого рода;
- на творческое взаимодействие представителей молодежи как инновационного поколения, среднего поколения и поколения «золотого возраста» [8, с. 153];
- на духовно-нравственное возрождение страны.

Очевидна правомерность интерпретации семьи как **девятой** внутренней детерминанты Стратегии развития РФ в новом столетии.

Феноменологическая наука не смогла выявить тесную связь между стремительной динамикой смены общественных, политических, социальных, технологических процессов, семьей как видом человеческого рода, мужчинами и женщинами как видами родового человека, молодежью как инновационным поколением, удивляюще быстро адаптирующейся к изменяющимся внешним условиям, и системой образования.

Эти связи говорят о необходимости раздельного обучения мальчиков и девочек, юношей и девушек в средней школе в связи с различной адаптацией к внутренним и внешним условиям их будущей разносторонней жизни. Перед нами **десятая** внутренняя детерминанта Стратегии развития объекта нашего исследования.

Третья научно-техническая революция вызвала переход индустриальной цивилизации в постиндустриальную формацию. Размышляя о ее сверхзадачах, мы пришли к выводу, что она должна содействовать реализации в РФ

1) архетипов Универсума;

2) его сущностных характеристик [8, с. 46–51];

3) реализации на практике первичности Человека, вторичности реального сектора и третичности финансового сектора;

4) становления и развития формальной демократии сверху и снизу с постепенным переходом к творческой демократии;

5) перехода общества в широком смысле этого слова в общество мудрости [3].

Эти задачи полезно рассматривать как **одиннадцатую** внутреннюю детерминанту Стратегии развития страны.

Анализ детерминант Стратегии развития РФ говорит о необходимости сплочения граждан в целом и различных социальных групп для ее реализации на основе склонной к совершенствованию системы этических ценностей, состоящих из

• архетипов Универсума и Духовного метафизического начала;

• самости, нравственного идеала, высших нравственных принципов, нравственных архетипов, мудрости и др. [8, с. 91–111]:

• этических, рефлектируемых и непосредственно ощущаемых ценностей [8, с. 162–166].

Эту систему полезно трактовать как **двенадцатую** внутреннюю детерминанту создания Стратегии развития России.

Из раскрытия внутренних детерминант объекта нашего исследования следует, что их исходными моментами являются позитивные и негативные потенциалы Homo.

5. Заключение

С позиции интегральной методологии было выявлено, что истоки и детерминанты Стратегии развития нашей страны основаны на результатах третьей научно-технической революции (см. вторую-пятую главы [8]). Они содействовали нам в раскрытии особенностей, признаков и сверхзадач четвертой научно-технической революции [8, с. 342–353], проходящей в пространстве шестого социально-технологического уклада (2010–2050 гг.). Мы рассматриваем этот период как первый этап реализации внутренних и внешних детерминант объекта нашего исследования. Седьмой социально-технологический уклад являет собой второй этап создания Стратегии развития России в XXI веке.

Можно с уверенностью полагать, что необходима фундаментальная разработка Конституции РФ, в которой были бы изложены основы системного формирования и реализации рассматриваемой Стратегии, особенности этапов ее развития, а также ее уточненные истоки, внутренние и внешние детерминанты.

Список литературы

1. Левин А. Будущее в прошлом // Популярная механика. 2012. – № 10. – С. 58–59.
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: МНЭПУ, 1998. – 228 с.
3. Общество мудрости: истоки, потенциал и возможности формирования. – Орел: ОРАГС, 2011. – 276 с.
4. Проханов А. Валдайские мудрецы // Завтра. – М., 2017. – № 43. – С. 1.
5. Самостроенко Г.М. Внутренние и внешние детерминанты формирования стратегии развития экономики РФ и ее регионов / Г.М. Самостроенко, Г.Я. Узилевский // Экономические и гуманитарные науки. 2017. – № 6. – С. 98-108.
6. Узилевский Г.Я. О развитии социологии управления в XXI веке в контексте научно-технической революции // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. – Т. 11, № 5. – С. 67–74.
7. Узилевский Г.Я. Переосмысление научных представлений о системе международных отношений с позиции интегральной методологии научных исследований // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. – Т. 11, № 6. – С. 171–178.
8. Узилевский Г.Я. Человек, третья научно-техническая революция и природа управления. – Орел: ОРАГС, 2016. – 364 с.
9. Узилевский Г.Я. Об истоках, потенциале и возможном пути построения общества мудрости в России // Общество мудрости: истоки, потенциал и возможности формирования. – Орел: ОРАГС, 2011. – С. 15–68.
10. Узилевский Г.Я. Истоки и особенности метафизической трансрациональной методологии научных исследований // Человек и управление нравственно-ориентированным развитием социальных институтов. – Орел, 2010. – С. 17-41.
11. Узилевский Г.Я. Метафизическая методология научных исследований и природа управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. – № 4. – С. 60–69.
12. Узилевский Г.Я. Человеческий род и индивид в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. – Орел: ОРАГС, 2007. – 328 с.
13. Goswami At. Physics of the Soul. The Quantum Book of Living, Dying, Reincarnation and Immortality. – Charlottesville (VA): Hampton Roads Publishing Company, 2013. – 304 p.
14. The Soul and Quantum Physics: an Interview with F.A. Wolf // Experiencing the Soul before Birth, during Life, after Death. – Carlsbad (C.A.): Hays House, 1998. – P. 245–252.

Усманова Т.Х.
д.э.н., профессор Финансового университета, гл.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
Utx.60@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ПРОЕКТНОЙ И ПРОГРАММНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *Топливно-энергетический комплекс, проект, программа, проектное управление, парадигма, Стратегия социально-экономического развития.*

Проектное управление в Российской Федерации в последние годы набирает определенные обороты. Так, экспертные группы, аналитики системы топливно-энергетического комплекса (ТЭК) озабочены многими существующими проблемами, угрозами и рисками, а также конфликтами интересов между смежными структурами. Переходная экономика последних 25 лет, попытка построить рыночную экономику страну к экономической эффективности не привела. Всем понятная ситуация, связанная с ликвидацией отраслевого холдинга РАО «ЕЭС России» и со многими другими крупными структурами, нанесла много вреда системному развитию многих отраслей народного хозяйства. Новая парадигма глобального бизнеса – построение цифровой экономики в условиях интеграции стран в мировую экономику требует системного управления проектами, нового мышления, модельного и ситуационного прогнозирования, формирования инновационного менеджмента, учета, контроля и аудита, ориентированного на результат.

Перекосы переходной экономики привели к потере контроля во многих отраслях народного хозяйства. Так в отрасли ТЭК отошли от налаженного централизованного управления, тем самым не формируя новую эффективно управляемую систему, попытались перейти к рыночным механизмам. Всеми экспертами единогласно утверждается, что рыночные механизмы в системе ТЭК так и не были созданы. Потеряна связь между производством и научными центрами, уменьшилось финансирование НИОКР на разработку новых технологий, нарушена система наращивания компетенций в разрозненных структурах системы ТЭК. Другой крайностью неэффективного управления системой ТЭК являются стейкхолдеры, учредители, сформированные вследствие хаотичной приватизации энергетических компаний. Анализ доли акций акционеров в уставном капитале энергетических структур вызывает больше вопросов, чем уверенности в их способности к эффективному управлению стратегическими компаниями, отвечающими за экономическую безопасность страны. Существующие перекосы в управлении энергетическими компаниями в условиях грядущей цифровой экономики требуют разработки новой парадигмы планирования, прогнозирования и контроля над ними. Новая парадигма должна быть основана на терминологии и ценностных установках, ориентации на результат цифровой экономики. Многие эксперты задаются вопросом: каково же будет управление результатами предстоящей интеграции информации в условиях выпуска криптовалют, интеграции экономик в мировое хозяйство.

Инновационная парадигма должна быть разработана научными центрами в симбиозе с энергетическими компаниями, так как любое «инновационное чудо» – это отлично защищенная со всех сторон организация: технологическая, информационно-программная, техническая, кадровая, социальная. Все передовое сообщество обеспокоено тем, что долгосрочный и хронический экономический кризис и спад производства оказали значительное воздействие на спад потребления энергии. Как показывают экспертные заключения, в последние 3 года отсутствует рост потребления энергии в России, хотя ранее прогнозировались, что ежегодный рост потребления электроэнергии будет составлять 3–4% в год. В рамках анализа существующей практики, прогнозы были снижены до 2–3% из-за предполагаемого роста ВВП страны. В условиях плановой экономики СССР существовала зависимость: 1% энергоемкого производства роста ВВП влиял на 1% роста потребления электроэнергии. Как показывает статистика, в странах с менее энергоемким производством на 1% роста ВВП приходится 0,35% роста потребления электроэнергии.

Для обоснования новой Парадигмы управления энергетическими проектами необходимо провести анализ Энергетической стратегии России на период до 2020 года, которая была разработана во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации № 389-р от 16.03.2000 г. Формирование основ энергетической политики в рамках переходной экономики ведется с 1992 г:

- В сентябре 1992 г. Правительство Российской Федерации одобрило основные положения Концепции энергетической политики в новых экономических условиях;
- В мае 1995 г. Указом Президента России № 472 от 07.05.95 г. утверждены «Основные направления энергетической политики Российской Федерации на период до 2010 года»;
- Принято Постановление Правительства № 1006 от 13.10.95 г. «Основные положения Энергетической стратегии России»;
- Принят Указ Президента России № 426 от 28.04.97 г. «Основные положения структурной реформы в сфере естественных монополий»;

• Принято Постановление Правительства № 987 от 07.08.97 г. «Программа мер по структурной перестройке, приватизации и усилению контроля в сферах естественных монополий» и т.д.

Эти первоначальные и огромное количество последующих документов определили основные направления энергетической политики, цели, приоритеты и механизмы их реализации на долгосрочную перспективу. Однако в реальном секторе нормативно-правовое регулирование энергетической отрасли привело к серьезным перекосам, которые на сегодняшний день обсуждаются экспертными группами, учеными и специалистами отрасли. Ошибочное планирование энергетики вызвало цепную реакцию неправильных управленческих решений, которые привели к серьезному кризису в ценообразовании, формировании инвестиционных проектов и обеспечения по ним возвратности инвестиций, существенному вывозу капитала из системы энергетики. Главной задачей энергетической политики страны провозглашалась структурная перестройка отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Последующие ошибочные действия и процессы в системе энергетики оказались не менее разрушительными для энергетического сектора и экономики России в целом.

Главным постулатом рассматриваемой парадигмы является то, что природные топливно-энергетические ресурсы и созданный производственный, научно-технический и кадровый потенциал энергетического сектора экономики – национальное достояние России. Эффективное прогнозирование, планирование, использование, контроль могут обеспечить выход страны из кризиса, из спада производства и экономики, могут содействовать переходу социально-экономических систем на траекторию устойчивого развития, обеспечивающего рост благосостояния населения.

Новая парадигма предполагает, что для эффективного использования нашего достояния, для обеспечения энергетической безопасности России в условиях перехода страны к рыночной экономике, формирования основ долгосрочного стабильного энергообеспечения общества и сохранения энергетической независимости государства нужна научно обоснованная и общественно воспринятая долгосрочная энергетическая политика, задачами которой являются:

• устойчивое обеспечение населения и экономики страны энергоносителями;

• повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов и создание необходимых условий для перевода экономики страны на энергосберегающий путь развития;

• создание надежной сырьевой базы и обеспечение устойчивого развития топливно-энергетического комплекса в условиях формирования рыночных отношений;

• уменьшение негативного воздействия ТЭК на окружающую среду;

• поддержание экспортного потенциала ТЭК и расширение экспорта его продукции;

• сохранение энергетической независимости России, обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации.

В условиях переходной экономики была упущена возможность создания такой системы, а именно:

• не были выполнены прогнозные оценки Стратегии социально- экономического развития России;

• в связи с кризисом и спадом объемов производства ухудшились экономические, финансовые и количественные и качественные показатели функционирования всех отраслей ТЭК;

• значительно изменился состав учредителей, многие из которых зарегистрированы в оффшорных зонах, учредители не влияют на эффективность управления системами ТЭК;

• отсутствует системная инвестиционная политика из-за разрозненности структурных подразделений и наличия множества собственников энергетических компаний;

• конфликт интересов генерации и сетей в рамках финансового планирования, ценообразования и компенсации затрат, распределения прибыли, планирования капитальных вложений, модернизации энергетических структур;

• не осуществляется снижение энергоемкости экономики страны;

• крайности в бюджетно-налоговой политике государства;

• крайности денежно-кредитной политики в стране;

• конфликт интересов в части компенсации платежей, проблема невозвратности дебиторской задолженности за поставленные энергоносители;

• действующее законодательство не сформировалось таким образом, чтобы обеспечить эффективную реализацию Энергетической стратегии России;

• действующие нормативно-правовые акты имеют фрагментарный характер и недостаточны для эффективного государственного регулирования соответствующих взаимоотношений в рамках несформированных рыночных отношений в целом;

• не была сформирована целостная система законодательно-правовых актов в энергетическом секторе и др.

В настоящее время страна имеет кардинально другую структуру экономики – в России до 1991 года доминировало материальное производство, а сейчас в ВВП примерно 60–65% услуги, а только 40–35% – материальное производство. Снижение объемов материального производства приводит к снижению потребления энергии, тем самым растут свободные мощности энергетических структур. При этом в последние годы были введены в эксплуатацию 20–25 гигаватт мощностей, которые были построены по договору поставки мощностей, с инвестиционным процентом в размере 14–17% годовых. Последствия непродуманного планирования легли на плечи потребителя электроэнергии, кроме того в настоящее время катастрофически сокращаются возможности роста производства. Производственные компании поставлены перед дилеммой: оплатить счет за электроэнергию или выдать заработную плату. И та, и другая ситуация грозит серьезными последствиями не только для гражданских предприятий, но и для военно-промышленного сектора. Поэтому нужна новая Парадигма, Концепция и Стратегия развития энергетической системы на ближайшую перспективу с учетом долгосрочного планирования.

Новая Парадигма должна кардинально снизить существующие риски и угрозы и определить методологию, методы и модели для решения создавшихся проблем. В таблице 1 приведена гипотетическая Энергетическая Стратегия России, которая на первый взгляд ничем не угрожает развитию энергетики в стране. Однако более глубокий анализ происходящих процессов показывает существование серьезных перекосов в развитии энергетики в стране. Топливно-энергетический комплекс России и социально-экономические системы страны взаимосвязаны и тесно переплетены.

Таблица 1

Гипотетическая Энергетическая Стратегия России

№ п/п	Прогнозная оценка энергетической Стратегии России[1]	Новая парадигма[2] желаемой энергетической Стратегии
1	Гармонично регулируемая рыночная экономика, предусматривающая открытую рыночную модель экономики с гибким государственным регулированием ее функционирования, в основном, экономическими методами, которые направлены на поддержку отечественных товаропроизводителей в условиях их конкуренции с зарубежными.	Гармонично регулируемое **государственно-частное партнерство**, предусматривающее **смешанную** модель экономики с государственным регулированием **добавленной стоимости** и **контролем** ее функционирования и **формирования ценообразования,** в основном, экономическими методами, которые направлены на поддержку отечественных товаропроизводителей, **и их защиты** в условиях конкуренции с зарубежными.
2	Усиление инвестиционной активности с привлечением иностранных инвестиций, ускорение формирования цивилизованного рынка с нормализацией расчетно-финансовых отношений на рынке, реформированием и переориентацией интересов банковской сферы	**Формирование оптимальной инвестиционной активности для формирования цивилизованного внутреннего и внешнего рынка с государственным регулированием ценообразования и контроля над финансовыми потоками как производства, передачи и потребления.**

Новая парадигма желаемой Стратегии показывает, что рассматриваемые стратегии отличаются по сути и сущности. Заявленная парадигма и энергетическая Стратегия имеют перекос в сторону ухудшения положения не только энергетический компаний, но и промышленных, которые вынуждены банкротиться под давлением повышения цен на электроэнергию. Для развития инноваций, экономического роста и увеличения ВВП необходимо кардинально пересмотреть парадигму и энергетическую стратегию на ближайшую и дальнейшую перспективу.

Результат/практическая значимость работы. Прогнозирование и развитие инновационных проектов в стране требуют ретроспективного, факторного, процессного, ситуационного, перспективного и системного анализа во взаимосвязи с долгосрочными прогнозами страны с учетом макроэкономических показателей и индикаторов. Разработка новых методологий, методов и моделей развития инновационных проектов требует адаптации различных механизмов и инструментов к постулатам финансового моделирования, как это представлено в гипотетической Энергетической Стратегии России (ЭСР).

Список литературы

1. Ивантер В.В., и др. Восстановление экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 5 (158). – С. 3-17.
2. Трачук А.В., Линдер Н.В., Зубакин В.А., Золотова И.Ю., Володин Ю.В. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике: проблемы и пути решения. – Санкт-Петербург, 2017.
3. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года.
4. Энергетика России: Взгляд в будущее. Обосновывающие материалы к Энергетической стратегии России на период до 2030 г.
5. Авдийский В.И., Безденежных В.М. Экономическая безопасность и устойчивость сложных социально-экономических систем // Проблемы развития современных социально-экономических систем (ПАУЭР-2014) Материалы Международной научно-практической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения. 2015. – С. 9–24.
6. Сенчагов В.К. Национальная структурная политика – путь к обеспечению экономической безопасности // Вестник РАЕН. – М., 2015. – № 5. – С. 64–70.
7. Николаев В.А., Исаков Д.А. Методология стратегического анализа рисков социальных систем // Аудит и финансовый анализ. – М., 2014. – № 1. – С. 316–318.
8. Исаков Д.А. Управление рисками развития муниципальных экономических систем. – М., 2010.
9. Башмаков И.А. Разработка комплексных долгосрочных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности. автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. – М., 2013.
10. Усманова Т.Х. Менеджмент устойчивого социально-экономического развития регионов в рамках бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. – Т. 7, № 1 (25). – С. 123–131.
11. Усманова Т.Х. Инновационный менеджмент как инструмент развития человеческого капитала и повышения качества жизни // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. – Т. 7, № 3 (27). – С. 98–106.
12. Комков Н.И., Усманова Т.Х., Исаков Д.А. Системно-функциональный подход к обеспечению коммунальными услугами // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. – Т. 7, № 4 (28).
13. Комков Н.И. Закономерности научно-технического развития и их использование при прогнозировании // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2010. – № 3.
14. Комков Н.И. и др. Методические и организационные основы управления развитием компаний. СПб., 2015.

[1] Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. – М.: ГУ ИЭС Минэнерго России, 2001. – 544 с.

[2] Разработано автором.

15. Методические основы прогнозирования научно-технологического прогнозирования в промышленно-развитых странах. – М.: МАКС-Пресс, 2013.
16. Комков Н.И., Романов С.В., Лазарев А.А. Возможности и проблемы системно-технологического проектирования // Прогнозирование перспектив технологической модернизации экономики России. – М.: МАКС-Пресс, 2010.
17. Широв А.А Роль инструментальных методов анализа и прогнозирования при обосновании экономической политики // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 2 (161). – С. 3–9.
18. The institutional framework and governance model of Russia's crisis policy: disaster focus / Akimov V., Porfiriev B. Crises in Russia: Contemporary Management Policy and Practice from a Historical Perspective. 2012. – P. 63–80.
19. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Экспертиза проектов развития макрорегионов России: проблемы организации // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 5. – С. 18–29.

Шийко В.Г.[1]

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО БАЗИСА ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *индустриализация, индустриальный базис, экономический потенциал, индустриальный потенциал, модернизация, социально-ориентированное развитие, инновационная экономика, инновационное развитие.*

Keywords*: industrialization, industrial base, economic potential, industrial capacity, modernization, social-oriented development, innovative economy, innovative development.*

Ускоренное инновационное социально-ориентированное развитие России предполагает создание, прежде всего, нового индустриального потенциала, опирающегося на машиностроение и обрабатывающую промышленность. Вместе с тем требуется продолжение модернизации накопленного промышленного потенциала.

В промышленной политике сегодняшнего дня модернизация прочно укоренилась и демонстрирует определенные результаты в обновлении промышленного потенциала и в переходе активных промышленных производств на инновационный путь развития. Примером являются корпорации «Роснано», «Ростехнологии», «Сколково», Авиакорпорации «Сухой», «Витязь», «Иркут» и ряд других. При этом тяжелое машиностроение и обрабатывающая промышленность находятся в запущенном состоянии, так как Россия лишена индустриального базиса, который смог бы возродить спрос на инновации, а также стать локомотивом инновационного развития промышленности и страны в целом.

Уже почти 300 лет индустриализация трактуется экономистами как процесс создания и развития крупного машинного производства в промышленности и вооружения других отраслей хозяйства высокотехнологичным оборудованием. Переход к инновационной экономике требует структурной технологической диверсификации экономики на базе инновационного машиностроения в целях роста производительных сил, стабильного и сбалансированного развития экономики страны для обеспечения непрерывного социального прогресса и преобразования всего народного хозяйства в информационное общество.

Начало индустриализации было положено в Великобритании во времена промышленной революции в конце XVIII – начале XIX века, а затем распространилось на другие страны. Индустриализация превращает экономику и общество с преобладанием сельского хозяйства и ремесла в экономику и общество, основанные на машинном (механизированном) производстве. Начавшись в промышленности, индустриализация постепенно распространяется на сельское хозяйство и сферу услуг. Индустриализация предполагает развитие разделения труда и новых производственных отношений, урбанизацию, изменения в структуре занятости населения. Процесс индустриализации является основой более широкого процесса – модернизации производства.

В России индустриализация осуществлялась в конце XIX века и охватила, главным образом, угледобычу и машиностроение. В СССР индустриализация проводилась в начале 1920-х и в середине 1930-х годов на основе приоритета тяжёлой индустрии, при низком уровне жизни населения, выкачивании средств из сельского хозяйства, путем его коллективизации командно-силовыми методами. Для этого времени характерно зарождение гражданской авиации в СССР, начало эксплуатации месторождения Курской магнитной аномалии, сборка в 1924 году первого автомобиля «ЗИЛ», а в 1939 году автопробег в честь выпуска миллионного автомобиля. В Ленинграде были выпущены первые советские пожарные автомашины, а в ноябре 1924 года в Москве был пущен в эксплуатацию Второй часовой завод, в 1932 была пущена в работу первая домна Кузнецкого металлургического комбината.

Индустриализация не является этапом, присущим только социалистическому строительству. Она – обязательное условие модернизации страны. Однако к середине 1920-х годов для СССР ее проведение становится необходимым по ряду причин.

Во-первых, к 1925 г. завершился восстановительный период. Советская экономика по основным показателям вышла на довоенный уровень. Для того чтобы обеспечить рост промышленного производства, следовало не столько переоснащать действующие заводы, сколько строить новые современные предприятия.

Во-вторых, более рационально предстояло решить проблемы размещения экономического потенциала страны. В Центрально-промышленном районе, занимавшем всего 3% территорий России, было сосредоточено 30% промышленного производства и 40% рабочего класса. Страна по-прежнему оставалась аграрной, крестьянской. Деревня была перенаселена. В городах росла безработица, что усиливало социальную напряженность.

В-третьих, стимулом для форсирования индустриализации стала экономическая и политическая изоляция страны на международной арене. Находясь во враждебном капиталистическом окружении, СССР был под постоянной

[1] Шийко Вера Георгиевна – к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики минерально-сырьевого комплекса Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе – МГРИ-РГГРУ. E-mail: shiyko@yandex.ru

угрозой войны. Аграрная страна не имела шансов выстоять в случае военного столкновения с индустриально развитыми державами.

Решение о начале индустриализации было принято на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. Собственно об индустриализации на съезде говорилось лишь в общих чертах. Здесь была сформулирована главная задача индустриализации: обеспечить экономическую самостоятельность СССР, превратить его из страны, ввозящей оборудование и машины, в страну, производящую их. Вопросы темпов, источников и методов ее проведения на съезде не рассматривались. Уже после съезда по этим вопросам разгорелись жаркие споры. Обозначились две точки зрения: одни требовали проведения «сверхиндустриализации» за счет крестьянства, а другие выступали за преобразования по пути развития рыночной экономики.

Источники проведения индустриализации были названы на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): доходы от государственных предприятий, внутренние займы у населения, строжайшая экономия и бережливость на производстве, социалистическое соревнование. Сторонники «сверхиндустриализации» были подвергнуты жесткой критике со стороны руководства.

Решение столь сложной задачи было невозможно без перехода к долгосрочному планированию. В декабре 1927 г. были приняты директивы по составлению первого пятилетнего плана. В решениях съезда подчеркивалась необходимость сбалансированного развития всех отраслей народного хозяйства, соблюдения пропорциональности между накоплением и потреблением.

По предложению Г.М. Кржижановского (председатель Госплана) разрабатывалось два варианта пятилетнего плана – отправной (минимальный) и оптимальный. Цифры оптимального были примерно на 20% выше отправного. Планом предусматривался рост промышленной продукции на 180%, сельскохозяйственной – на 55%. Национальный доход планировалось увеличить на 103%. Производительность труда в промышленности должна была возрасти на 110%, реальная заработная плата – на 71%, доходы крестьян – на 67%. За годы первой пятилетки (1927/28 – 1932/33 гг.) планировалось построить 1500 промышленных предприятий преимущественно в тяжелой промышленности. Среди них такие гиганты, как Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, Туркестанско-Сибирская железная дорога (Турксиб) и другие.

Уже с 1929 года руководство страны начинает призывать к форсированию темпов индустриализации. Выдвигается лозунг «Пятилетку – в четыре года!». Плановые задания пересматриваются в сторону увеличения. Страна была обязана выпускать вдвое больше, чем планировалось вначале, цветных и черных металлов, чугуна, автомобилей, сельскохозяйственных машин и др. В ряде отраслей (угле- и нефтедобыча) темпы прироста были еще выше. В 1929 г. берется курс на «большой скачок». Свою роль сыграло убеждение в том, что в экономике можно действовать так же, как и в политике, – организовать и вдохновить массы высокими идеями и бросить их в решительный бой за осуществление светлых идеалов, а действие объективных экономических законов можно не учитывать. И все же проведение лихорадочной индустриализации выявило ряд проблем.

Во-первых, стало очевидным, что за счет планируемых реальных финансовых источников осуществить широкое промышленное строительство невозможно. В начале 1930-х годов темпы развития промышленности начинают падать: в 1933 г. они составили 5% против 23,7% в 1928–1929 гг. Нехватка средств привела к «замораживанию» почти четверти строящихся предприятий. Не хватало стройматериалов, транспорт не справлялся с возросшим объемом перевозок. Средств катастрофически не хватало.

В условиях «великого кризиса» страны Запада стали наперебой предлагать СССР на выгодных условиях закупать у них оборудование. Широкомасштабный импорт оборудования не был предусмотрен пятилетним планом, но упускать удобного момента руководство страны не хотело. В 1931 г. советские закупки составили треть мирового экспорта машин и оборудования, а в 1932 г. – половину. Средства для приобретения техники государство получало от продажи хлеба. Сельское хозяйство становится главным источником, за счет которого удалось осуществить техническое переоснащение промышленности. Для получения дополнительных средств правительство начало выпускать займы, осуществило эмиссию денег, продавать за границу художественные ценности из крупнейших музеев.

Нехватка средств усиливалась низкой рентабельностью работы предприятий. Первоначально имелось в виду, что закупленное оборудование через год – два будет давать прибыль. Однако, отсутствие квалифицированных кадров, плохая организация труда и низкая дисциплина не позволили осуществиться этим планам. Оборудование простаивало.

Перекачка финансовых средств на создание тяжелой промышленности привела к появлению серьезных диспропорций в народном хозяйстве: почти не развивалась легкая промышленность, и деградировало сельское хозяйство. Кроме того, в самой тяжелой промышленности преобладали предприятия, связанные с военным производством. Это ориентировало экономику не на удовлетворение потребностей человека, а на производство ради производства и, в конечном счете, не способствовало росту жизненного уровня советских людей.

И все же индустриализация привела к колоссальным сдвигам. За годы первых пятилеток резко повысился экономический уровень СССР. Была создана современная тяжелая промышленность. Несмотря на огромные издержки, процент ежегодного прироста производства в среднем составлял от 10 до 16%, что было намного выше, чем в развитых капиталистических странах. К концу 1930-х гг. СССР стал одной из немногих стран, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в то время человечеству. Страна действительно обрела экономическую независимость и самостоятельность.

При общности основных черт процесс индустриализации по-разному происходит в разных странах и в различные исторические периоды. Так, в ряде стран индустриализация осуществлялась при ведущей роли государства (Германия, Россия, Япония, страны Юго-Восточной Азии), а в слаборазвитых странах роль государства была ограничена. Всякое местное промышленное производство было задушено, а страны «третьего мира» через неэквивалентный обмен

(завышенные цены на промышленные товары и заниженные на сельскохозяйственную продукцию и сырье) вносили свой вклад в индустриализацию и экономический рост Европы и США.

Вместе с тем научно-технический прогресс не стоял на месте. В 1980-е появление «новых индустриально сверхразвитых стран», вступивших в этап постиндустриализма, привело к передислокации «грязных производств» и экспорту трудоемких сервисных и сборочных индустриальных производств в страны «третьего мира».

Инновационное развитие экономики современной России невозможно без создания высокотехнологичного индустриального потенциала.

Под индустриальным потенциалом понимается возможность народного хозяйства на базе эксплуатируемого промышленного оборудования увеличивать рост доходов населения в государстве, что оценивается через основные макроэкономические показатели (основные показатели ВВП на душу населения, ИРЧП – уровень образования, средняя продолжительность жизни).

Индустриальный потенциал сам по себе существовать не может, он может существовать только при наличии индустриальной базы. От форм и методов создания новой инновационной индустрии зависит продвижение России в сторону постиндустриального сообщества или в направлении информационного эволюционного уклада. Ученые и ведущие специалисты активно работают над этими проблемами: уже сформирована и утверждена Указом Президента новая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года (Стратегия НТР-2035).

Стратегии НТР-2035 был присвоен целеустанавливающий статус — наряду со Стратегией национальной безопасности и Стратегией социально-экономического развития РФ. В Стратегии НТР-2035 заявлены следующие цели: концентрация основных усилий и ресурсов в научных исследованиях и инновационно-технологических разработках на актуальных для общества и государства «больших вызовах»; соединение науки и технологий с инновациями в Российской Федерации, формирование единого комплексного социального института «наука — технологии — инновации»; повышение эффективности деятельности российских исследовательских организаций, исследователей и разработчиков, а также их сетей и групп; развитие в России фундаментальных и прорывных исследований и разработок, формирование научно-технологического задела на будущее, углубление понимания природных процессов в мире. Стратегия НТР-2035 формулирует принципы, механизмы и этапы реализации работ по выполнению поставленных задач, а также сценарии научно-технологического развития, характеризуемые определенными параметрами, которые легли в основу целевых индикаторов и системы мониторинга. Очевидно, в дальнейшем предстоит гармонизация этих индикаторов в том числе с индикаторами Стратегии инновационного развития (СИР-2020).

Таким образом, базовым требованием новой модели устойчивого роста экономики, учитывающей тренды цивилизационной эволюции, должен стать приоритет развития качественно нового индустриального сектора. А комплексный критерий эффективности новой индустриализации российской экономики – это не только эффективность интеллектуального труда, эффективность технологического машиностроительного рывка, эффективность коммерциализации конкурентоспособной инновационной продукции, но прежде всего постоянный социальный прогресс и стабильное, сбалансированное развитие экономики на базе высокоэффективной инновационной индустрии.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»
2. Национальный доклад об инновациях в России 2016. – М.: Минэкономразвития России, 2017.
3. Инновационное развитие экономики России. Междисциплинарное взаимодействие: Седьмая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет. – М.: Проспект, 2016. – 680 с.
4. Беседы об экономике, т.1 / Под ред. С.Д.Бодрунова. – М., 2017.
5. Шийко В.Г. Теоретико-методологические основы инвестирования инновационного развития экономических процессов: монография. – М.: Кнорус, 2012.
6. Шийко В.Г. Сбалансированность инвестирования воспроизводственных факторов инновационного развития экономических процессов: монография. – М.: Кнорус, 2013.

Яшкова Т.А.
д.полит.н., профессор АТИСО

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РФ

Ключевые слова*: глобализация, демократия, идентификация, императив интеграции, кризис, макроуровень, мезоуровень, модернизация, спонтанная модернизация, политическая модернизация, трансформация, регионализация.*

Keywords*: globalization, democracy, identity, the imperative of integration, crisis, macro-level, meso-level, upgrading, spontaneous modernization, political modernization, transformation, regionalization.*

Термин «модернизация» означает улучшение чего-либо. Под модернизацией в современной политической науке принято понимать переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Этот переход занимает длительный период (примерно от XVI в. по настоящее время) и для многих стран он еще не завершился. Модернизация – это комплексный процесс. Она охватывает все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. Изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг с другом. Если же между ними происходит раскол, то и результаты модернизации оказываются частичными, ограниченными. Например, успешный экономический рост невозможен без распространения его плодов на все общество, сравнительного сближения доходов различных социальных групп. Точно так же рыночные структуры не работают без соответствующего культурного сдвига, появления определенного типа личности, а политическая демократия – без институтов гражданского общества.

В нынешнем своем виде теория политической модернизации возникла в 1950-е годы для теоретического обслуживания политики Запада по отношению к освободившимся странам, которая в конечном итоге превратилась в обоснование некой модели глобального процесса цивилизации, суть которой в описании характера и направлений перехода от традиционного к современному, т.е. рациональному обществу в результате научно-технического прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативной и ценностной систем[1].

В этой концепции выделяются два типа модернизации. Первый из них – тип оригинальной, спонтанной модернизации – характерен для стран, переживших переход к рациональным общественным структурам в результате постепенного, длительного развития внутренних процессов (Англия, США). Второй тип, тип вторичной, отраженной модернизации, характерен для стран, по тем или иным причинам, отставшим в своем развитии и теперь за счет широкого использования опыта передовых государств пытающихся догнать их по уровню и качеству жизни. Основным фактором вторичной модернизации являются социокультурные контакты с уже существующими центрами индустриальной и постиндустриальной культуры.

Процесс модернизации подразделяется на определенные фазы. Различают такие стадии, как осознание цели, консолидация настроенной на модернизацию элиты, период трансформации и, наконец, интеграция общества на новой основе. Иногда это разграничение проще: этап ограниченной модернизации и затем ее распространение в массы. Выделяют также раннеиндустриальную, позднеиндустриальную и постиндустриальную фазы. Последняя фактически выходит за рамки модернизации, поскольку в постиндустриальном обществе начинают формироваться качественно новые черты: информационная революция, индустриализация потребления, преобладание духовных стимулов над материальными, рост творческих функций в сфере труда. Нынешние развитые страны находятся в начале этой фазы.

Обобщая и суммируя идеи представителей разных школ политологии, можно следующим образом изложить суть современного понимания политической модернизации. Политическая модернизация – это способность политической системы постоянно и успешно адаптироваться к новым социальным целям и создавать новые виды институтов, обеспечивающих не только контроль над ресурсами, политическую стабильность, но и каналы для эффективного диалога между государством и обществом.

На сегодняшний день в России идет широкая дискуссия на тему модернизации, Президент и Премьер лично и активно в ней участвуют, получая консультации оппозиции, современных авторитетных экспертов.

В статье «Россия – вперед!» действующий в то время президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев поддерживает модернизационную идеологию В.В. Путина, добавляя к идеям предшественника такие понятия, как справедливость и свобода. Причем общественную справедливость он видит в новой для России либеральной трактовке – не столько социальную, сколько правовую и политическую. «Принципы развития нации – это свобода и справедливость, гражданское достоинство человека, благополучие и социальная ответственность»[2]. Справедливость рассматривается президентом как политическое равноправие, честность судов и ответственность руководителей. Она реализуется как социальные гарантии, направленные на преодоление бедности и коррупции. В частности, экс-президент России

[1] См.: Пугачев В.П. Основы политической науки. – М., 1994. – С. 172–182

[2] См: Яшкова Т.А. Сравнительная политология: учебник. − М.: Дашков и К, 2015. – С. 314–317.

Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию 2010 г. отметил: «Модернизация создает умную экономику, но модернизация требует и умной политики, обеспечивающей условия для всестороннего обновления жизни общества. Нам необходимы новые стандарты в деятельности органов госуправления и оказании публичных услуг, высокое качество работы судебной и правоохранительной системы, современные формы участия граждан в развитии своего города и села, их большее влияние на деятельность муниципальных органов»[1].

Анализируя сказанное, можно сделать вывод, что нынешние руководители России выбрали следующий вектор трансформации для нашей страны – «прорывная модернизация с использованием западных и собственных технологий без резкой смены институциональной и культурной идентификации», осуществляемая поначалу преимущественно авторитарными методами с последующим плавным и постепенным подключением либеральных ценностей и институтов.

Однако русская православная церковь утверждает, что модернизация не должна привести к смене культурной идентификации, а проводиться на основе российских фундаментальных ценностей. Она стремится представить собственную модель, ценностную основу для проведения модернизации. Патриарх Кирилл обратился к проблеме модернизации еще в свою бытность Митрополитом Смоленским и Калининградским. Ряд важных тезисов был высказан им на XI Всемирном Русском народном соборе. «Главная идея, с которой Церковь обращается к обществу в связи с модернизацией, заключается в том, что, модернизируя настроечные ценности, мы должны сохранять и укреплять фундаментальные ценности. Всякая модернизация должна включать нравственное измерение. Иначе ничего не получится. Иначе у нас будет еще одна машина угнетения»[2]. Для Кирилла модернизация – это нравственный императив, и основная ее цель заключается в преодолении социальной несправедливости путем поиска собственных национальных мотивов и основ для прогрессивных преобразований.

Духовные основы русского народа, на основании которых необходимо проводить модернизацию, по мнению Кирилла, заключены в синтезе идей Нила Сорского и Иосифа Волоцкого и воплощаются в уважении ценностей земного мира и употреблении их на пользу человека и общества. Другим источником традиций разумного распоряжения богатствами, по мнению Митрополита, является «Домострой». Центральным в проекте Кирилла является тезис о высоком духовном смысле труда, который несет благо, в отличие от постоянного процесса накопления богатств и соответственно неразумных трат.

В качестве главного инициатора перемен в идеях и ценностях, учителя и наставника, Кирилл видит государство, которое уже пошло по этому пути, предложив переосмыслить имперские идеи, разобрав идею «суверенной демократии» и «русского проекта»[3].

Проект Патриарха Кирилла заключается в возрождении традиционных основ для модернизации, но при этом идеи, которые могли бы быть двигателем перемен, пока не выработаны. Поиск идей и установление традиционных смыслов в России осложнены также наличием двух социокультурных векторов: европейского и евразийского (в прошлом: западников и славянофилов).

Относительно человеческого фактора хотелось бы подчеркнуть, что он является основным инструментом осуществления политической модернизации. Ведь известно, что в широком смысле человеческий фактор включает в себя психологические, социальные и другие характеристики человека, его возможности и ограничения, проявляющиеся при определённых условиях в практических результатах его деятельности. В политике человеческий фактор представляет собой исторически и цивилизационно сложившуюся в данном обществе совокупность основных ценностных ориентаций, нравственных принципов, норм поведения в обществе, политической образованности и информированности, социально-политических навыков, установок, мотиваций, интересов и потребностей, представлений о личностно значимых элементах социально-политической жизни – политических идеалах и справедливости, правах и свободе человека, о его гражданском долге, политическом прогрессе, отношении к внутренней и внешней политике определенного правительства и государства, приверженность к определенным политическим традициям и т.д. В данное понятие входят также интегральные характеристики связи человека и политической сферы общества, проявляющиеся в конкретных условиях их взаимодействия, опосредование политической деятельности всей совокупностью политических структур, обстоятельств и отношений в обществе.

Под модернизацией обычно понимается не только и не столько широкомасштабный технологический прорыв, но и соответствующий этому прорыву процесс создания новой культуры – общественных институтов и отношений, ценностей и норм поведения. Классическая западная модернизация начинается с изменения идентичности людей модернизирующегося общества (предваряющего технологический прорыв) и завершается также сменой их идентичности. Историческая логика такой модернизации (модернизация сознания – модернизация бытия – модернизация институтов – модернизация экономики – модернизация идентичности) ведет к возникновению и развитию активной рыночной модели экономики и становлению общества потребления.

Ведущую роль в преобразовании и развитии политических систем играет человеческий фактор, поскольку человек выступает в качестве исходного пункта и конечного результата всех политических процессов, содержит в себе те силы, которые инициируют политические изменения.

Человеческий фактор постоянно находится в центре внимания политической науки, во многом, благодаря тому, что человек выступает в качестве исходного пункта, главной движущей силы и конечного результата любого изменения. Развитие процесса модернизации, обусловленной человеческим фактором, осуществляется на следующих уровнях:

---

[1] См: Яшкова Т.А. Сравнительная политология: учебник. − М.: Дашков и К, 2015. – С. 314–315.

[2] Киселев Д. Патриарх Кирилл: модернизация должна включать нравственное измерение. 22.11.2009. – http://old.vesti7.ru/archive/news?id=15229

[3] Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес». – http://www.patriarchia.ru

1. На макроуровне это влияние выражается в системно-формационных трансформациях характера общественного строя, наступающих в результате реформаторской деятельности лидеров, реализации ими стратегии модернизации. Наиболее ярким примером являются «сталинские пятилетки» которые дали толчок развитию тяжелой промышленности, сыгравшей решающую роль в Великой Отечественной войне.

2. На мезоуровне влияние человеческого фактора воплощается в изменениях политико-правовой системы и режима власти, духовно-идеологических и социокультурных последствиях, ведущих либо к реальной демократизации и раскрепощению общества или же к авторитарному откату и другим негативным подвижкам как в центре, так и в регионах. Так, например, «Косыгинские реформы», проведенные во второй половине 1960-х годов, заметно улучшили социально-экономическую ситуацию в СССР. Однако с другой стороны, известны пагубные последствия прихода к власти генерала Д.М. Дудаева в Чеченской республике в 1992 году, которые обострили социально-политическую обстановку в РФ.

3. На микроуровне влияние человеческого фактора воплощается в изменениях социально-экономической ситуации и общественных настроений в муниципальных образованиях. Так, на муниципальном уровне в России особую роль играет личность главы местного самоуправления как в городских мэриях, так и в районных администрациях.

При осуществлении политической модернизации в основном используется механизм заимствования образцов. Однако их копирование всегда осуществляется не в пустом пространстве, а в конкретно-историческом и социокультурном контексте той или иной страны, под влиянием национальных традиций. В целом можно утверждать, что происходит взаимовлияние традиций и заимствований и их изменение в ходе этого процесса. Это справедливо для всех государств, осуществляющих модернизацию политической системы, в том числе и России.

Для России характерна особая, не сравнимая с многими другими странами и цивилизациями роль государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях. Эта существенная роль государства в процессе политической модернизации выражается в наличии так называемого «самодержавного синдрома», при котором в центре, главной фигурой выступает некий автократ (царь, император, генсек, президент).

Согласно идеям М. Вебера, суть политической модернизации заключается в обретение человеком личной свободы, для осуществления которой необходимы два начала: абсолютный характер общечеловеческих норм и плюрализм. Базой для политической модернизации служит гражданское общество, имеющее целью обуздание всевластия государства, создание представительной демократической системы и современного правового государства[1].

Однако особенностью политической модернизации в России является то, что она представлена лишь частично. Нельзя сказать, что в России сформировано гражданское общество, которое активно участвует в политической жизни страны. Сегодня в России наблюдается процесс его формирования, элементы гражданского общества присутствуют во многих сферах общественной жизни. Например, политические партии, органы местного самоуправления, средства массовой информации, общественно-политические организации, различные экологические и правозащитные движения, этнические и конфессиональные общности, спортивные объединения, творческие, научные и культурные союзы, союзы предпринимателей и потребителей и т.д.

В настоящий момент на пути осуществления политической модернизации перед государством стоит ряд задач. К примеру, для решения проблем политической модернизации необходима правовая трансформация российского общества, при которой должна быть достигнута устойчивость системы правоприменения, гарантирующей доступ гражданам к правосудию и обеспечению их прав и свобод на основе независимости судов и равенства всех граждан перед законом.

Еще одна особенность политической модернизации в России состоит в том, что для ее успешного процесса необходимо модернизировать ситуацию в экономике, для чего необходимо развивать человеческий капитал. Соответственно, современной России жизненно необходимо воплотить в сфере реальной экономики и политики такой подход, при котором субъектом модернизации и одновременно объектом интенсивного развития человеческого капитала должны стать широкие слои российского общества, что обеспечит нашей стране устойчивое и поступательное развитие.

При этом хотелось бы заметить, что понимание обществом смысла и целей модернизации самое противоречивое, большая его часть относится к модернизации с явным недоверием. Так, исходя из данных опроса, проводимого «Левада-Центром», можно увидеть отношение граждан к процессу модернизации, так «в период с 26 февраля по 2 марта 2010 г. … 22% опрошенных считают, что модернизация будет проводиться путем обновления устаревшего промышленного оборудования за счет заимствования техники и технологий у Запада, 16% считают модернизацию очередным способом разворовывания госсредств, 17% видят в ней «только разговоры», 10% ожидают от модернизации нравственного возрождения страны на основе православных ценностей и только 11% ожидают построения правового государства со свободной рыночной экономикой»[2].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что значительной части экспертов необходимость модернизации кажется очевидной, но большая часть общества не «созрела» для кардинальных перемен в образе жизни, культуре, в деятельности социальных, политических и экономических институтов, поэтому говорить об интенсификации модернизации в ближайшие несколько лет преждевременно.

---

[1] См.: Яшкова Т.А. Политическая модернизация России в условиях глобальных трансформационных вызовов: монография. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.149.

[2] См.: Явчуновская Р.А., Яшкова Т.А. Стратегия модернизации и модернизация политического курса. – http://gigabaza.ru/doc/170165-pall.html

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Андрианов В.Д.
д.э.н., академик РАЕН, профессор МГУ
andrianov_vd@mail.ru

ТЕНЕВОЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ЗАНЯТОСТЬ И «СЕРЫЕ» ЗАРПЛАТЫ

Ключевые слова: *теневая сфера экономики, «серая» экономика, теневая занятость, «белые» и «серые» зарплаты, коррупция, налоговый маневр, эффективность государственного управления.*

Keywords: *shadow scope economy, grey economy, shadow employment, «white» and «gray» wages, corruption, tax maneuver, the effectiveness of public administration.*

Современная теневая экономика является ответом на попытки государства административными методами ограничить свободу рынка и частного предпринимательства.

Любое регулирование невозможно без ограничений, но избыточные ограничения, как правило, провоцирует предпринимателей на нарушение законодательных норм, особенно если это влияет на максимизацию их прибыли.

В 2017 г**.** международная Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (ACCA)[1], подготовила исследование, посвященное оценке современного состояния и прогнозу развития глобальной теневой экономики до 2025 г.[2]

Теневую экономику эксперты ACCA определяют «как экономическую деятельность и полученный от нее доход, которые находятся за пределами системы государственного регулирования, налогообложения или административного надзора».

В представленном докладе Россия вошла в пятерку стран с наиболее высокой долей теневого сектора экономики, заняв четвертое место в рейтинге из 28 обследованных стран.

Стоимость объема теневого производства в России оценивалась в 33,6 трлн. руб., что составляло 39% от ВВП страны.

Ранее в специальном докладе под названием «Россия: нелегальные финансовые потоки и роль теневой экономики» эксперты американской исследовательской организации «Global Financial Integrity» (GFI)[3] оценивали уровень теневой экономики в России в 2013 г. в 46% ВВП страны[4].

Таким образом, показатель теневой экономики в России был одним из самых высоких в мире, он почти на 80% был выше, чем в среднем по миру.

В течение многих лет объем теневого сектора в России остается относительно стабильным. В периоды стагнации и кризисов он увеличивается, в периоды экономического роста предприниматели получают определенные стимулы для выхода из тени.

Наиболее высокая доля легальной ненаблюдаемой экономики в России приходилась на сельское хозяйство (подсобные хозяйства), строительство, операции с недвижимостью (черные риелторы и сдача жилья в наем), рынок автотранспортных средств и перевозок, рынок услуг служителей культа, шоу-бизнес и др.

К легальной серой зоне экономики относятся различные виды услуг «фрилансеров», в том числе образовательные услуги (репетиторство), услуги домохозяек, сиделок, медицинские и косметические услуги, услуги так называемых «целителей» и магов и др.

Среди нелегальных секторов теневой экономики наибольшее распространение в России получил рынок наркотических средств, финансовый рынок (кредиты и обналичивание денежных средств), рынок труда, рынок интимных услуг, рынок оружия, игорный бизнес, многочисленные мошеннические схемы отъема денег у населения и др.

---

[1] Ассоциация дипломированных сертифицированных бухгалтеров, The Association of Chartered Certified Accountants (ACCA) – международная профессиональная ассоциация, объединяющая специалистов в области финансов, аудита и учета. Организации была образована в 1904 г. В настоящее время объединяет 188 тыс. членов в 178 странах мира.

[2] Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025 / The Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). – Glasgow, 2017. – June.

[3] Global Financial Integrity (GFI) **–** американская некоммерческая исследовательская организация, созданная в 2006 г. Штаб-квартира компании расположена в Вашингтоне, США. Основная цель организации анализ перемещения нелегальных денежных средств по всему миру. Ежегодно публикует доклады, посвященные незаконному вывозу капитала из развитых и развивающихся стран.

[4] Russia: Illicit Financial Flows and the Underground Economy / Global Financial Integrity (GFI), – Washington (D.C.), 2013. – February 13.

Для определения масштабов теневой экономики кроме показателя доли в ВВП в экономической науке используются показатели занятости (итальянский метод) в «серой» и «черной» зоне и показатели размера фонда «серой» оплаты труда в официальном и нелегальном теневом секторе экономики.

Теневая занятость в экономике России

В условиях нестабильной экономической ситуации в последнее десятилетие в России наблюдается тренд на расширение вовлеченности граждан в теневую занятость.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется на рынке работников, занятых дополнительной или временной работой.

Поскольку неформальный сектор имеет тенденцию к расширению, соответственно объективно возникает повышенный спрос в этом секторе на рабочую силу.

По официальным данным Росстата количество занятых в теневой экономике увеличилось с 10,5 млн. человек в 2003 г. до 13,6 млн. человек в 2013 г.

За тот же период число работающих по найму возросло с 4,6 млн. человек до 7,7 млн. человек.

Доля занятых в неформальном секторе экономики за этот период возросла с 16 до 19% от общего количества занятого населения.

В 2016 г. Росстат оценивал количество занятых в неформальном секторе экономики России в 15,4 млн. человек, или 21,2% от общего количества занятых. Показатель удельного веса «серой» занятости оказался самым высоким за последние 11 лет.

Таблица 1

Динамика изменения количества занятых в теневом секторе экономики России

Годы	млн. человек
2003	10.5
2011	13,0
2013	13,6
2014	14,2
2015	15,0
2016	15.4
2017*	15–16

* Предварительные данные. Источник: по данным Госкомстата.

Традиционно минимальная теневая занятость приходилась на северо-западные регионы страны и столицу. Наиболее высокие показатели занятых в теневой экономике были в национальных республиках.

Высокий процент теневой занятости отмечался в сельском хозяйстве (личные подсобные хозяйства), торговле, строительстве, операциях с недвижимостью, в образовании (репетиторство) и др.

Анализ социального статуса нелегальной рабочей силы показал, что в теневую экономику массово вовлекаются преимущественно представители малоимущих и маргинальных слоев населения, а также молодежь, безработные, рабочие-мигранты и т.п. По численности они составляют наиболее массовую прослойку занятых в теневом секторе экономики.

Следует отметить, что подсчет объема теневой экономики и теневой занятости – процесс весьма субъективный. Точную оценку этого показателя вывести весьма сложно, поскольку сам термин «теневая» подразумевает скрытность процессов.

Поэтому данные официальной статистики Росстата о неформальной занятости значительно отличаются от данных полученных путем социологических опросов, результатов специальных научных исследований и оценок независимых экспертов.

В частности, заместитель Председателя Правительства России по социальным вопросам Ольга Голодец сообщала, что по данным на август 2015 г. в теневой экономике страны было занято не менее 36% трудоспособного населения, или примерно 27 млн. человек.

Специалистами Центра социально-политического мониторинга Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) в 2017 г. было приведено специальное исследование под названием «Динамика теневой занятости работников».

В частности, эксперты пришли к выводу, падение доходов населения, недостаточность предложений официального трудоустройства с достойной оплатой труда вынуждает работников к поиску основного или дополнительного заработка в неформальной, теневой сфере.

Доля граждан, которые в течение последнего года в различной степени были вовлечены в теневой некриминальный рынок труда, составляла примерно 44,8% от общей численности занятого населения страны, которая в 2017 г. составляла 72 млн. человек).

Это более 33 млн. трудоспособных граждан России или почти каждый второй работник, которые в течение последнего года в той или иной степени были задействованы в неформальном секторе экономики[1].

[1] Динамика теневой занятости работников / Центр социально-политического мониторинга РАНХиГС. – М., 2017.

Именно такое количество занятых работает или подрабатывает и при этом не платит налоги в федеральный бюджет. Большинство из них трудятся в неформальном секторе длительное время на постоянной основе.

Такие данные о теневой занятости были получены экспертами в ходе социологического опроса 1600 работников в возрасте старше 18 лет[1].

Следует отметить, что данные предыдущих опросов, выполненных по аналогичной методике, фиксировали следующие показатели доли вовлеченности работников в теневой рынок труда: в 2006 г.– 45,1%, в 2013 г.– 44,5%, 2016 г. – 40,3%.

Таким образом, можно констатировать, что за последние десять лет доля занятых в теневом секторе экономики России держится на достаточно высоком уровне, что свидетельствует о том, что органам государственного управления не удалось найти экономические стимулы для работающих граждан для их перехода в формальный «белый» сектор экономики.

Внедряемые меры административного регулирования, включая стимулирование безналичных расчетов, позволяют выявлять теневые сферы бизнеса и бороться с его функционированием. Однако административные и запретительные меры не стимулируют владельцев бизнеса выводить его из тени.

Некоторые меры законодательной и исполнительной власти, в частности принятие изменений в Гражданский кодекс об определении правового статуса самозанятых граждан или расширение безналичной формы расчета, не принесли ожидаемого результата и оказались малоэффективными.

Те административные меры, которые принимают сейчас власти в отношении легализации занятости, в том числе, добровольная регистрация самозанятых граждан, оказывающих услуги уборки помещений, репетиторства, присмотра за детьми и др. пока не привели к кардинальному изменению ситуации в этих секторах экономики.

По данным официальной статистики Федеральной налоговой службы, (ФНС), на 1 августа 2017 г. всего в России только 295 человек подали заявки на регистрацию в качестве самозанятых.

При этом профильные ведомства рапортуют об успехах в борьбе с неформальной занятостью. В частности, в 2017 г. Минтруд в очередной раз привел данные, по которым за два с половиной года был легализован труд более чем 5 млн. работников. При этом в ведомстве не уточнили, сколько одновременно за тот же временной период рабочих мест перетекло в теневой сектор.

Высокий уровень теневой занятости россиян связан прежде всего с низким уровнем жизни, а также отсутствием в обществе эффективных механизмов, обеспечивающих диалог между гражданами, предпринимателями законодательной и исполнительной властью.

Неформальная занятость и серые зарплаты в целом отвечают интересам как предпринимателей, так и граждан, выполняющих работу за определенное вознаграждение без официального оформления трудоустройства. Предприниматели освобождают себя от обязательных отчислений в пенсионные и социальные фонды, работники не платят подоходного и других видов налогов. В проигрыше остается государство, которое не получает налоги в федеральный бюджет, в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования и др.

В современной российской экономике сохраняются факторы, которые стимулируют переток трудящихся из белого сектора в серый. По данным социологических опросов, сложилась ситуация, когда наемный работник не видит четкой связи между его официальной зарплатой и размером будущей пенсии. При этом размеры пенсий по старости и «социальной» пенсии остаются на очень низком уровне, не покрывая даже официальный прожиточный уровень. В этом связи для многих работников выгоднее сейчас получить деньги в конверте, чем обеспечить себе накопления в виде страховых взносов на будущую пенсию.

Другой фактор, стимулирующий теневую занятость, связан с предпринимательской деятельностью. Мотивы ухода в тень у предпринимателей в большинстве случаев сугубо экономические, прежде всего это налоговое бремя, неадекватное сложившейся рыночной ситуации, несбалансированное трудовое законодательство, способствующее удорожанию и без того недешевой рабочей силы

Оказывает влияние на уход в тень предпринимателей сложная система разрешительно-запретительная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институциональные ограничения и масштабная коррупция. Отечественные предприниматели «оптимизирует» налоговые платежи и производят неучтенную государством продукцию в том числе и потому, что аналогично поступают некоторые их конкуренты. Законопослушное поведение предпринимателя влияет на уровень конкурентоспособности выпускаемой им продукции и оказываемые услуги.

«Серый» фонд оплаты труда в России

Размер и динамика теневой экономики могут оцениваться с помощью наблюдения за динамикой изменения показателя объема денежной массы в обращении и ее распределения по секторам.

Денежные средства в каждой стране эмитируются центральным банком, и ее величина в наличном обороте отражается в статистических публикациях, соответственно экспертным методом может быть оценена ее доля в теневом секторе.

[1] Исследование проводилось в июле 2017 г. в 35 субъектах Российской Федерации. Выборка репрезентировала работников основных видов экономической деятельности на предприятиях различных форм собственности. Опрос проводился методом личного интервью («face to face») по месту работы или жительства респондентов. Данные опроса представлены в сравнении с результатами исследований, проведенных Центром ранее по сопоставимой методике.

В России вследствие глубоких структурных диспропорций, в том числе в уровнях налоговой нагрузки между «белой» и «серой» экономикой, сохраняется тенденция к росту «серого» фонда оплаты труда. По оценкам Росстата, скрытый фонд оплаты труда в стране, в который входят доходы работников в неформальном секторе и серые зарплаты в официальном секторе, с 2011 г. увеличился с 6,3 трлн. руб. (10,6% ВВП) до 10,9 трлн. руб. (13,4% ВВП) в 2015 году. В 2016 г. Минфин оценивал «серый» фонд оплаты труда в 10 трлн. рублей ежегодно. Таким образом на оплату труда и доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами, приходилось около 25% от всего фонда оплаты труда наемных работников. В 2017 г. этот показатель по данным Минфина увеличился до 12 трлн. рублей, что составляло 40% размера федерального бюджета, и примерно 14% ВВП России.

Согласно социологическому опросу, проведенному ВЦИОМ, в 2016 г. каждый десятый трудящийся признался, что получает зарплату полностью в конверте. Частично «серую» зарплату получали примерно 13% респондентов. При этом примерно для 90% данной категории трудящихся неофициальный заработок являлся основным источником дохода. Чаще всего россияне соглашались на зарплату «в конверте» в кризисные и посткризисные периоды, так было в 1998–1999 г. и в 2008–2009 г.

Следует подчеркнуть, что с этих доходов трудящихся налоги в федеральный бюджет либо не уплачиваются вовсе, либо уплачиваются частично. По оценкам Минфина из-за «серых» зарплат в теневом секторе федеральный бюджет ежегодно недополучал около 1,5 трлн. рублей.

Однако в последние годы наметилась определенная тенденция к некоторому улучшению ситуация с черными и серыми заработками граждан. В частности, по данным социологического опроса, который провел в конце 2017 г. портал по поиску работы «Superjob.ru», россияне стали категоричнее относится к зарплатам «в конвертах» и работе в обход Трудового кодекса. В проведенном опросе 38% соискателей работы заявили, что откажутся от «серого» и «черного» заработка. Количество желающих работать легально и получать «белую» зарплату в 2017 г. оказалось самым высоким за последние 8 лет[1].

Для обеления оплаты труда и перевода его в легальную сферу необходимы дополнительные экономические стимулы. Минфин неоднократно предлагал изменить структуру налоговой нагрузки снизив ставки прямых налогов на труд и повысив ставки косвенных налогов. Последние предложения по налоговому маневру были представлены Президенту РФ в конце 2017 г. В частности, предлагалось повысить НДС с 18 до 22%. И, параллельно снизить ставки страховых взносов для работодателей с 30 до 22%. В этих предложениях есть рациональное зерно, но есть и определенные риски. В частности, понижение норматива, или ставки по социально-страховым платежам приведет к снижению поступлений в Пенсионный фонд, что в свою очередь потребует дополнительных средств из Федерального бюджета для компенсации выпадающих доходов фонда.

Теневой фонд заработной платы – это огромный объем неучтенной наличности, которая прямо и косвенно связана с коррупцией. По официальным данным Генеральной прокуратуры России ведомства, которое координирует работу всех правоохранительных органов по противодействию коррупционным проявлениям, за последние три с половиной года за совершение коррупционных преступлений осуждено более 45 тыс. человек. Размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба с 2015 г. по сентябрь 2017 г. оценивался ведомством в 148 млрд. руб.[2] Очевидно, что теневой сектор экономики выгоден коррупционерам в системе исполнительной власти и правоохранительных органах, поэтому многие из них препятствуют реальной борьбе с теневым бизнесом[3].

* * *

Основными причинами существования теневой экономики обычно называют «провалы рынка» либо избыточное государственное регулирование. В экономике России с начала проведения либеральных экономических реформ эти оба феномены давно и «удачно» сосуществуют.

Возникает вполне резонный вопрос. Можно ли победить теневую экономику? Пока мировая практика указывает на то, что полная и безоговорочная победа над теневой экономикой, также как полное искоренение коррупции, с которой она тесно связана маловероятна[4]. Самая эффективная система централизованного управления не может ликвидировать теневую экономику, она лишь в силе уменьшить ее масштабы.

При самых минимальных налогах и либеральных методах регулирования все равно какая-то доля налогоплательщиков будет уклоняться от их уплаты. Поэтому речь может идти прежде всего о сокращении теневого сектора экономики России, за счет роста доли формальной «белой» экономики.

В России до сих пор нет комплексной программы борьбы с теневой экономикой. В Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г. эта проблема лишь упоминается как угроза, с которой надо бороться. Конкретных мер не предлагается.

В Минэкономразвитии считают, что для борьбы с теневой экономикой необходимо проводить тонкую настройку налоговой системы, чтобы поддержать «белые» компании, тех, кто инвестирует, тех, кто внедряет инновации, тех, кто экспортирует, тех, кто будет помогать достичь более высоких темпов роста.

---

[1] «Superjob.ru.» – портал по поиску работы.

[2] http://genproc.gov.ru – Официальная страница Генеральной прокуратуры. Пресс конференция 8 декабря, накануне Международного дня борьбы с коррупцией.

[3] Подробнее см.: Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 236 с.

[4] Там же.

Необходимо изменить ситуацию, при которой нарушение законов приносит большую выгоду, чем их соблюдение. При этом очевидно, что одними заградительными мерами, снизить долю теневого сектора будет весьма проблематично.

В мировой практике есть страны, где налоговое бремя не меньше российского, а стоимость рабочей силы еще более высокая, но при этом предприниматели не стремятся уйти в тень. Очевидно, причина не в «жесткости и неотвратимости наказания», а в нахождении оптимального баланса интересов между государством и бизнесом.

Уровень теневой экономики в России можно снизить за счет улучшения качества бюрократии, усиления контроля над коррупцией и увеличения доходов населения.

Среди первоочередных запретительных и стимулирующих мер для снижения уровня «тенизации» российской экономики можно выделить следующие:

- совершенствование законодательства, выработка более унифицированных законодательных норм, в том числе в сфере налогообложения;
- уменьшение налоговой нагрузки на предпринимателей, и прежде всего на малый и средний бизнес;
- обеспечение защиты прав самозанятых граждан, упрощение режима их регистрации и деятельности и др.;
- легализация отдельных секторов теневой экономики и их интеграция в легальную экономику;
- повышение прозрачности и эффективности государственного управления, развитие цифровой экономики и электронного правительства;
- ликвидация нелегального рынка рабочей силы;
- снижение масштабов коррупции в органах исполнительной власти, правоохранительных органах, корпоративном секторе и др.;
- повышение эффективности налогового администрирования, в том числе усиление контроля в сфере уклонения от уплаты налогов крупными корпорациями, малым и среднем бизнесом;
- использование современных технологий для мониторинга используемых населением моделей потребления и выявления незаконной деятельности;
- увеличение числа безналичных транзакций, которые должны осуществляться через электронные платформы;
- деофшоризация экономики и др.

Определенный вклад в борьбу с «теневиками» должен внести Банк России путем санации банковского сектора. Необходимо продолжить ликвидацию финансовых организаций, участвующих в обслуживании «теневой экономики» и сомнительных операций, сокращая объем незаконного обналичивания денежных средств.

Наемные работники, и предприниматели только до определенного предела и под очень сильным давлением исполнительной власти готовы жертвовать своими интересами и в конечном итоге доходами.

Поскольку объем теневой экономики в России остается очень высоким, поэтому к запретным мерам, которые сейчас активно вводятся в отношении налогового администрирования, наличного денежного оборота, обналичивания денежных средств и др. необходимо добавлять и меры стимулирующего характера.

Поэтому сужение теневого сектора без роста ВВП имеет ограниченные возможности. Реальный рост ВВП, рост «белых» доходов населения, улучшение инвестиционного климата будет способствовать снижению доли теневого сектора.

Бабич И.Ю.
аспирант Российского экономического университета

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СТРАН ЕАЭС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз (ЕАЭС), внешняя торговля, торговый оборот, экспорт, импорт, структура, динамика.*
Keywords: *Eurasian Economic Union (EAEU), foreign trade, trade turnover, exports, imports, structure, dynamics.*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это международная организация региональной экономической интеграции, которая объединила в соответствии с Договором с 1 января 2015 г. Республику Армения, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию. Как отмечал Министр иностранных дел РФ С. Лавров «Порядка 50 стран выразили желание сотрудничать с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Такой интерес со стороны иностранных государств к ЕАЭС будет способствовать «встраиванию» России в интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [1].

Создание ЕАЭС способствует технологической модернизации, повышению конкурентоспособности национальных экономик и созданию условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения стран-участниц ЕАЭС. В странах ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в различных видах экономической деятельности. По данным ЕАЭС Валовой внутренний продукт (ВВП) стран, входящих в Евразийский экономический союз, составляет 3,2% в структуре мирового ВВП.

Объем внешней торговли товарами государств ЕАЭС с третьими странами представляет собой сумму экспорта и импорта товаров со странами, не входящими в состав ЕАЭС. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. объем внешней торговли товарами стран ЕАЭС с третьими странами сократился на 69,69 млрд. долл. США (на 12,1%) и составил 509,37 млрд. долл. США.

Экспорт товаров из государств ЕАЭС в третьи страны в 2016 г. по сравнению с 2015 г. уменьшился на 65,6 млрд. долл. США (на 17,5%), составив 308,3 млрд. долл. США. Импорт товаров за этот же период снизился на 4,4 млрд. долл. США (на 2,1%) до 201,1 млрд. долл. США. Сальдо внешней торговли в 2016 г. составило 107,2 млрд. долл. США.

В течение рассматриваемого периода в структуре внешней торговли товарами государств ЕАЭС с третьими странами экспорт товаров сократился с 64,5 до 60,5%, а доля импорта товаров возросла соответственно с 35,5 до 39,5%.

В совокупном объеме товарооборота стран государств ЕАЭС с третьими странами наибольший вклад внесла Россия – 84,3%. Удельный вес других членов ЕАЭС не столь значителен: 9,5% – Казахстан, 4,8% – Беларусь, по 0,7% – Армения и Кыргызстан.

Основными торговыми партнерами государств ЕАЭС являются страны Европейского Союза (ЕС), на долю которых приходится 46,6% в общем торговом обороте членов ЕАЭС, Китай – 15,4%, страны СНГ (без ЕАЭС) – 5,2%, США – 4,5%, Япония – 3,4%, Республика Корея – 3,1%, страны МЕРКОСУР – 1,4%.

В товарной структуре экспорта государств ЕАЭС в третьи страны наибольший удельный вес составляют минеральные продукты, удельный вес которых в течение рассматриваемого периода сократился с 65,6% до 60,7%; металлы и изделия из них, доля которых возросла на 0,8 процентных пункта (п.п.) до 10,4%; продукция химической промышленности, удельный вес которой уменьшился на 0,4 п.п., составив 6,7%. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. отмечается увеличение удельного веса экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья с 4,4 до 5,5%; машин, оборудования и транспортных средств – на 0,6 п.п. до 4,2%; древесины и целлюлозно-бумажных изделий – с 2,6 до 3,2% (рис. 1).

Анализ динамики товарной структуры экспорта государств ЕАЭС свидетельствует о незначительных изменениях в составе экспорта, т.к. значение рассчитанного Интегрального коэффициента структурных различий (индекса) Рябцева (I_R) составило 0,0427.

Максимальный объем экспортируемых товаров государствами ЕАЭС составляют минеральные продукты; металлы и изделия из них; продукция химической промышленности и каучук. В 2016 г. по сравнению с предыдущим годом отмечается сокращение объема экспортируемых минеральных продуктов на 58 119,4 млн. долл. США (на 23,7%) до 187 208,3 млн. долл. США; продукции химической промышленности – на 5750,4 млн. долл. США (на 21,9%), составив 20 558,1 млн. долл. США; металлов и изделий из них – на 4030,8 млн. долл. США (на 11,2%) до 31972,2 млн. долл. США, а также кожевенного сырья, пушнины и изделий из них (на 19,0%); машин, оборудования и транспортных средств (на 3,8%). При этом возрос экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 4,2%; древесины и целлюлозно-бумажных изделий – на 3,0%; текстиля, текстильных изделий и обуви – на 6,3%; других товаров – на 7,3% (табл. 1).

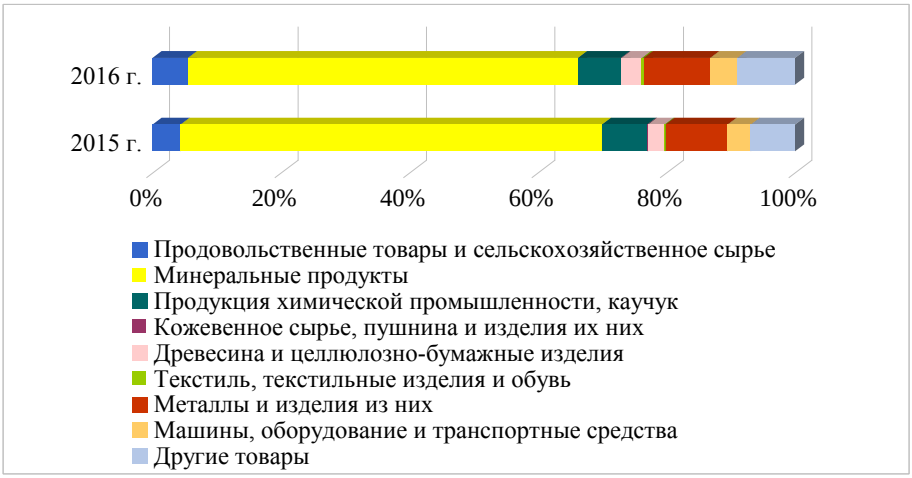


Рисунок 1.
Товарная структура экспорта государств ЕАЭС в третьи страны, % к итогу

Таблица 1

Динамика экспорта товаров государств ЕАЭС в третьи страны

	2015 г.	2016 г.	Изменение экспорта	
			млн. долл. США	%
Экспорт товаров – всего, млн. долл. США	373 842,7	308 264,8	–65 577,9	–17,5
в том числе:				
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	16 288,5	16 974,8	686,3	4,2
минеральные продукты	245 327,7	187 208,3	–58 119,4	–23,7
продукция химической промышленности	26 308,5	20 558,1	–5750,4	–21,9
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	357,6	289,8	–67,8	–19,0
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9597,3	9888,1	290,8	3,0
текстиль, текстильные изделия и обувь	787,5	837,5	50	6,3
металлы и изделия из них	36 003,0	31 972,2	–4030,8	–11,2
машины, оборудование и транспортные средства	13 516,7	13 006,2	–510,5	–3,8
другие товары	25 655,9	27 529,8	1873,8	7,3

По объему экспортируемых товаров из государств ЕАЭС лидируют страны ЕС, Китай, страны СНГ (без ЕАЭС). Географическая структура экспорта товаров государств ЕАЭС в третьи страны характеризуется значительным удельным весом поставок продукции в страны ЕС, удельный вес которых сократился на 2,8 п.п., в 2016 г. составив 50,5%; в Китай, доля которого возросла с 9,4 до 10,7%; в страны СНГ (без ЕАЭС), удельный вес которых незначительно снизился до 5,8%. Необходимо также выделить такие страны как США, Республику Корея и Японию, удельный вес которых в 2016 г. составлял 3,3%; 3,3 и 3,2% соответственно (рис. 2).

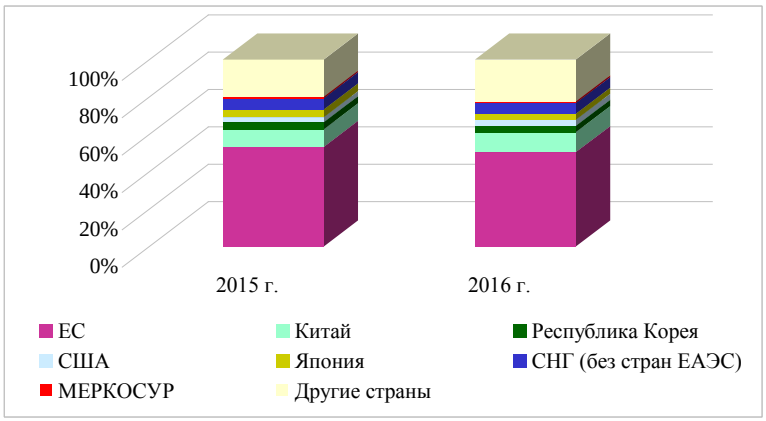


Рисунок 2.
Региональная структура экспорта товаров государств ЕАЭС в третьи страны, % к итогу

В течение рассматриваемого периода наблюдается сокращение экспорта товаров государств ЕАЭС во все представленные страны, но наиболее существенное его снижение произошло в страны ЕС (на 21,9%), Республику Корея (на 28,2%), Японию (на 35,4%) и стран СНГ (без ЕАЭС) – на 21,2%. А в наименьшей степени экспорт сократился в США – на 0,2% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика экспорта товаров государств ЕАЭС в третьи страны

	2015 г.	2016 г.	Изменение экспорта	
			млн. долл. США	%
Экспорт товаров – всего, млн. долл. США	373 842,7	308 264,8	–65 577,9	–17,5
в том числе:				
ЕС	199 098,4	155 558,1	–43 540,3	–21,9
Китай	35 064,7	32 896,0	–2168,7	–6,2
Республика Корея	14 304,8	10 265,5	–4039,3	–28,2
США	10 067,6	10 052,3	–15,3	–0,2
Япония	15 371,5	9926,9	–5444,6	–35,4
СНГ (без стран ЕАЭС)	22 578,7	17 794,4	–4784,3	–21,2
МЕРКОСУР	3122,0	2830,1	–291,9	–9,3
Другие страны	74 235,0	68 941,5	–5293,5	–7,1

Географическая структура экспорта в течение рассматриваемого периода не претерпела существенных изменений, что подтверждает значение рассчитанного Интегрального коэффициента структурных различий (индекса) Рябцева (I_R) 0,03607.

Государства ЕАЭС импортируют из третьих стран, в основном, машины, оборудование и транспортные средства, удельный вес которых в общем объеме импорта из данных стран увеличился с 42,9 до 43,3%; продукцию химической промышленности, удельный вес которой в 2016 г. по сравнению с 2015 г. не изменился и составляет 18,5%; продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, доля которых сократилась с 14,1 до 13,2%; металлы и изделия из них, удельный вес которых снизился на 0,5 п.п. до 6,4%; текстиль, текстильные изделия и обувь, доля которых возросла с 6,0 до 6,3% (рис. 3).

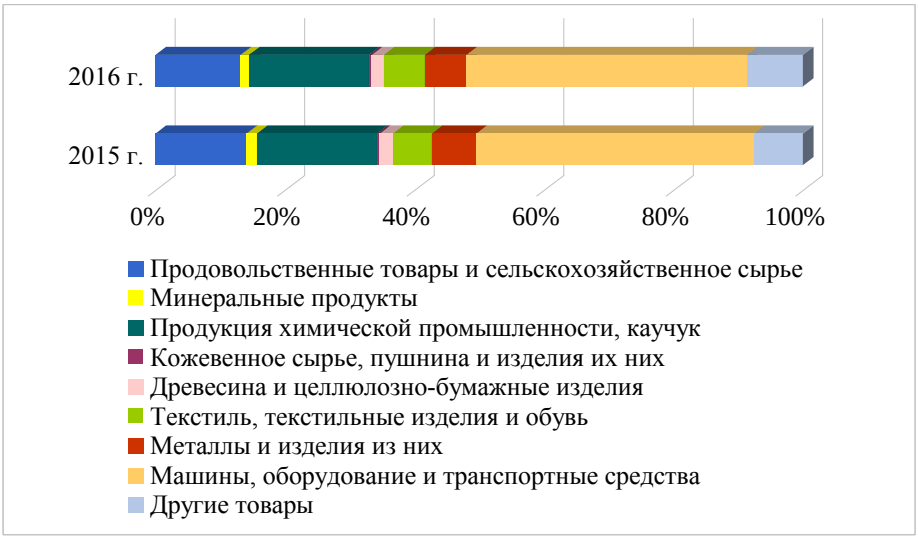


Рисунок 3.
Товарная структура импорта государств ЕАЭС из третьих стран, % к итогу

В 2016 г. по сравнению с 2015 г. товарная структура импорта государств ЕАЭС из третьих стран практически не изменилась, т.к. значение рассчитанного Интегрального коэффициента структурных различий (индекса) Рябцева (IR) составило 0,01629.

В 2016 г. по объему импорта товаров в государства ЕАЭС из третьих стран лидируют машины, оборудование и транспортные средства; продукция химической промышленности и каучук; продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

В течение рассматриваемого периода сократился импорт большинства товарных групп в государства ЕАЭС из третьих стран. Но в наибольшей степени наблюдается уменьшение поставок продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 2473,7 млн. долл. США (на 8,5%); металлов и изделий из них – на 1203,9 млн. долл. США (на

8,5%). В наименьшей степени снизился объем поставок машин, оборудования и транспортных средств – на 1,2%. В то же время импорт текстиля, текстильных изделий и обуви возрос на 3,2%; других товаров – на 12,3% (табл. 3).

Таблица 3

Динамика импорта товаров государств ЕАЭС из третьих стран

	2015 г.	2016 г.	Изменение импорта	
			млн. долл. США	%
Импорт товаров – всего, млн. долл. США	205 507,3	201 107,9	–4399,4	–2,1
в том числе:				
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	28 995,1	26 521,4	–2473,7	–8,5
минеральные продукты	3254,7	2559,0	–695,7	–21,4
продукция химической промышленности	38 047,9	37 248,9	–799,0	–2,1
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	930,1	913,9	–16,2	–1,7
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4190,4	3718,7	–471,7	–11,3
текстиль, текстильные изделия и обувь	12 333,2	12 731,4	398,2	3,2
металлы и изделия из них	14 161,3	12 957,4	–1203,9	–8,5
машины, оборудование и транспортные средства	88 201,1	87 162,6	–1038,5	–1,2
другие товары	15 393,5	17 294,6	1901,1	12,3

Географическая структура импорта товаров в страны ЕАЭС в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом практически не изменилась. Значительный объем товаров в государства ЕАЭС поставляется из стран ЕС (40,8%), Китая (22,7%) и США (6,3%) (рис. 4).

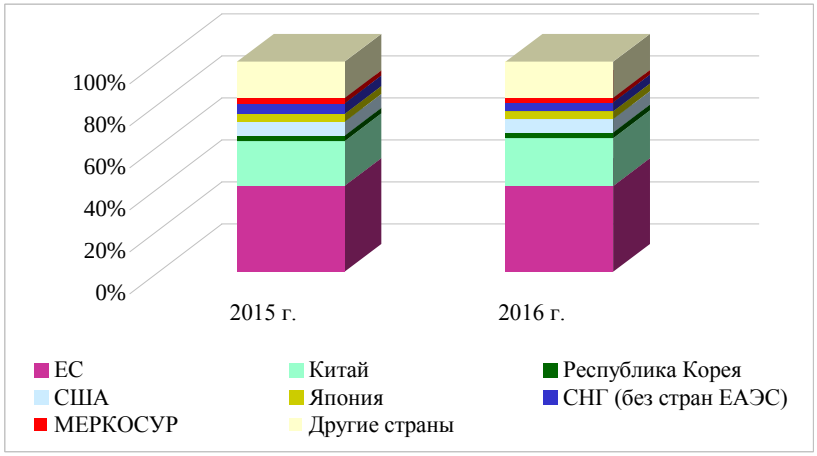


Рисунок 4.
Региональная структура импорта товаров в государства ЕАЭС из третьих стран, % к итогу

В течение рассматриваемого периода увеличились поставки продукции в государства ЕАЭС из Китая с 43 785,5 млн. долл. США до 45 718,4 млн. долл. США (на 4,4%) и из Республики Корея с 5353,1 млн. долл. США до 5694,1 млн. долл. США (на 6,4%). А из остальных из представленных стран отмечается сокращение импорта товаров: например, из США – с 13 594,3 млн. долл. США до 12 720,5 млн. долл. США (на 6,4%), из стран СНГ (без стран ЕАЭС) – на 17,1% до 8602,0 млн. долл. США (табл. 4).

Таблица 4

Динамика импорта товаров в государства ЕАЭС из третьих стран

	2015 г.	2016 г.	Изменение экспорта	
			млн. долл. США	%
Импорт товаров – всего, млн. долл. США	205 507,3	201 107,9	–4399,4	–2,1
в том числе:				
ЕС	84 008,9	82 043,7	–1965,2	–2,3
Китай	43 785,5	45 718,4	1932,9	4,4
Республика Корея	5353,1	5694,1	341	6,4
США	13 594,3	12 720,5	–873,8	–6,4
Япония	7596,9	7412,7	–184,2	–2,4
СНГ (без стран ЕАЭС)	10 381,8	8602,0	–1779,8	–17,1
МЕРКОСУР	5121,7	4404,1	–717,6	–14,0
Другие страны	35 665,0	34 512,4	–1152,6	–3,2

Как отмечалось в утвержденной Правительством РФ «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики России является «укрепление Союзного государства, формирование Единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества, формирование общего энергетического рынка государств – членов Евразийского экономического сообщества и создание совместных финансовых институтов развития; формирование условий для свободного перемещения граждан в рамках Единого экономического пространства, создание общего культурно-образовательного пространства с государствами – членами Евразийского экономического сообщества и другими государствами на евразийском пространстве [2].

Список литературы

1. Выступление Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова во время пресс-конференции по итогам встречи с министром иностранных дел Казахстана Кайратом Абдрахмановым. – https://souzveche.ru/articles/politics/35309/
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009
3. Сайт Евразийского экономического союза. – http://www.eaeunion.org
4. Федеральная таможенная служба РФ. – http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24786:----------2016--&catid=477:2015-03-18-08-15-02&Itemid=2590

Бычкова О.В.
к.э.н., доцент кафедры экономики предприятия Донецкого национального университета, г. Донецк
ovb13575@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *критерии, показатели, стратегия развития, экономическая безопасность.*

Основные методические трудности управления экономической безопасностью на различных уровнях хозяйствования определяются сложностью определения вида, состава, величин, предельных значений параметров системы, характеризующих ее безопасность в зависимости от типа, уровня, исходного состояния этой системы.

Состояние экономической безопасности каждого субъекта ведения хозяйства характеризуется с помощью критериев и показателей. Критерии экономической безопасности характеризуют качественную плоскость, на основе которой формируется противодействие опасности. Например, способность экономической системы противостоять опасности определяется такими критериями, как обеспеченность ресурсами, технологиями, организацией и уровнем развития производства, финансов, менеджмента, маркетинга, юридической и охранной служб и др.

Таким образом, критерий экономической безопасности – это признак, на основании которого определяется состояние и способность экономической системы противостоять проявлениям опасности.

Критерии экономической безопасности отражают качественную сторону, на основе которой встраивается противодействие угрозам экономической безопасности.

К важнейшим критериям экономической безопасности отнесем следующие элементы:

– состояние воспроизводственного процесса и степень его технологической зрелости;

– состояние финансово-кредитной системы и её влияние на эффективность использования ресурсного потенциала;

– эффективность функционирования капитала и труда, степень его соответствия общемировым тенденциям (производительность, фондоотдача, фондоемкость, конкурентоспособность и т.д.);

– состояние науки и степень её интеграции в производство и другие сферы жизнедеятельности общества, превращение науки в непосредственную производительную силу общества;

– состояние ресурсного потенциала, особенно технологической и возрастной структуры средств производства, эффективность инвестиционной и инновационной политики;

– соответствие хозяйственного механизма уровню развития и качественному состоянию производительных сил;

– социально-экономические условия жизни общества и всестороннего развития личности каждого человека [1].

Критерии экономической безопасности позволяют оценить состояние экономики с позиции важнейших процессов, которые отражают сущность экономической безопасности.

В связи с отдельными критериями формируются конкретные показатели экономической безопасности. Если критерий определяет качественную основу экономической безопасности в отдельном направлении, то показатель определяет количественную характеристику этого явления.

Показатель экономической безопасности является количественной характеристикой способности субъекта сохранять состояние и противостоять опасности недостижения целей развития согласно с определенным критерием.

Показатели экономической безопасности и опасности являются противоположными по содержанию величинами. Они характеризуют состояние одного и того же критерия развития экономической системы, но с противоположных полюсов. Для каждой экономической системы и подсистемы существуют собственные критерии и показатели безопасности. Общеизвестно, развитие опасности проходит два этапа, а между ними лежит предельный показатель экономической опасности.

Предельное значение показателя экономической опасности характеризует вероятность потери субъектом экономической деятельности статуса, структуры, действенности. (При этом под действенностью понимается способность субъекта экономической деятельности достигать поставленных целей развития). Предельный показатель экономической опасности имеет и противоположный показатель – предельный показатель экономической безопасности. Если в целом вероятность опасности для субъекта ведения хозяйства размещается между 0 и 1, то математическая величина предельного показателя экономической безопасности равняется единице за исключением предельного показателя экономической опасности. (При этом целесообразно показатели экономической опасности определять знаком «-», а безопасности – «+»).

Предельный показатель экономической опасности характеризует вероятность реальной потери субъектом ведения хозяйства собственного статуса, структуры и действенности. Предельные показатели экономической опасности согласно с критериями формируются отдельно для конкретных субъектов экономической деятельности.

Принимая во внимание, что показатель экономической безопасности определяет количественную характеристику качественной стороны развития явления, последнее делает невозможным определение универсального показателя экономической безопасности. Безопасность экономической системы характеризуется большим количеством показателей и критериев. Как невозможно определить разные потребительские стоимости одной математической величиной, так и показатели экономической безопасности согласно с различными критериями невозможно свести к одной цифре. Дело в том, что безопасность системы зависит от большого количества составляющих. Любой менеджер может подтвердить, что цели развития системы в целом и ее подсистем, в частности, часто не совпадают [2].

Для обеспечения экономической безопасности важное значение имеют пороговые значения показателей, то есть предельные величины. Их несоблюдение препятствует нормальному развитию разных элементов воспроизводства, что приводит к формированию негативных и разрушительных тенденций в системе экономической безопасности.

Соответственно наивысшая степень экономической безопасности достигается при условии, что вся система показателей находится в пределах допустимых границ своих пороговых значений, а пороговые значения одного показателя достигаются не в ущерб другим.

Следовательно, расхождение критериев и показателей безопасности разных составляющих и уровней экономической системы несет в себе невозможность определения обобщающего показателя безопасности. Попытки определить подобные общие показатели безопасности не получили должного практического подтверждения.

Общеизвестно, что критерии безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях существенно различаются между собой, хотя отдельные из них могут иметь сходный характер. Строго говоря, каждой системе в каждый данный момент времени присущи свойственные ей значения показателей, уровней экономической безопасности и предельно допустимые величины этих показателей. Наиболее представительные показатели (параметры состояния), характеризующие меру устойчивости, именуют индикаторами (указателями) экономической безопасности.

В последние годы в связи с обострением проблем поддержания устойчивого состояния экономики предпринимаются попытки выделения типовых макроэкономических индикаторов экономической безопасности страны и установления их нормативных пороговых значений. Отметим наличие особенностей, затрудняющих решение этой задачи, не всегда учитываемых исследователями, авторами публикаций в области экономической безопасности: 1. Круг индикаторов экономической безопасности системы не может быть установлен однозначным образом, между разными индикаторами существуют причинно-следственные связи и взаимозависимости, в связи с чем могут использоваться на равных правах различные совокупности индикаторов. 2. Пороговые величины индикатора безопасности могут зависеть от значений других индикаторов, в связи с чем необходимо устанавливать пороговые величины с учетом взаимосвязи показателей экономической безопасности. 3. Фактически не существует строго известного, заранее заданного порога, при пересечении которого система сразу же попадает в необратимое кризисное состояние. Системам экономической природы более свойственно наличие пороговой полосы, критической зоны, в пределах которой вероятность возникновения кризисного состояния становится ощутимо высокой. Система способна находиться в этой опасной зоне без полной потери устойчивости в течение определенного периода, зависящего от наличия резервов и степени живучести системы. 4. Совокупность одновременно анализируемых индикаторов безопасности можно сократить, выделяя из экономической безопасности ее отдельные виды, части, такие как финансовая, бюджетная, налоговая, кредитная безопасность, и определяя соответствующие им группы индикаторов [3].

Установлены в ходе исследований наиболее типичные виды угроз экономической безопасности страны: 1. Резкий спад производства до уровня, не способного обеспечить удовлетворение насущных потребностей экономики и населения. 2. Снижение объема валового внутреннего продукта в расчете на душу населения до предела, способного подорвать независимое существование государства, породить социальные катаклизмы в связи с обнищанием народа. 3. Уменьшение доли инвестиций в национальном доходе и общего объема инвестиций в экономику и социальную сферу до величины, предельно сдерживающей техническое и технологическое обновление производства, освоение научно-технических достижений, развитие науки и образования. 4. Старение основных средств производства, зданий, сооружений, коммуникаций, способное приводить к массовому возникновению чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф. 5. Ухудшение экологии, состояния окружающей среды, порождающее опасность для жизни и существования людей, животного и растительного мира в земной, водной, воздушной среде. 6. Увеличение зависимости национальной экономики от импортных поставок жизненно важных для страны и ее населения товаров и услуг, не обеспеченных собственными запасами и надежными гарантиями. 7. Незащищенность экономики страны от внешних и внутренних опасностей военного и террористического характера. 8. Попадание значительной части экономики в скрытую от государственного контроля и регулирования криминальную, теневую область, массовое сокрытие доходов и уклонение от налогов. 9. Коррумпированность аппарата управления экономикой. 10. Недопустимо высокий уровень инфляции, способный перерастать в гиперинфляцию. 11. Невозврат кредитов, невыполнение долговых обязательств, неплатежи на уровне организаций, компаний, финансовых структур, регионов, государства, бартерные расчеты, дезорганизующие экономику и финансовую систему. 12. Дефицитность государственного, региональных и местных бюджетов на уровне, подрывающем финансирование социально-экономических проектов и программ, бюджетной сферы. 13. Увеличение государственного внешнего и внутреннего долга до уровня, приводящего к дефолту. 14. Недопустимо высокая дифференциация доходов, накоплений, имущественных ценностей разных слоев населения. 15. Рост безработицы сверх допустимого предела. 16. Ухудшение демографической ситуации, наносящее ощутимый ущерб воспроизводству населения и трудового потенциала. 17. Распространение эпидемических и других заболеваний. 18. Значительное снижение продолжительности жизни [2].

Для разработки государственной политики (например, антикризисных мер) требуется, кроме качественного описания экономики, также количественное определение границ безопасного развития. Критерий экономической безопасности позволяет оценить состояние экономики.

В системе показателей экономической безопасности целесообразно выделять: уровень и качество жизни; темпы инфляции; норму безработицы; экономический рост; дефицит бюджета; размер государственного долга; состояние золотовалютных резервов; деятельность теневой экономики; состояние экологии.

Общеизвестно, что ослабление экономической безопасности в стране допустимо лишь до какого-то предела. Особое значение имеют не столько сами показатели, сколько их пороговое значение. Общепринято считать, что пороговые значения – это предельные значения, несоблюдение которых препятствует нормальному развитию элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности.

Важно, что проводимая институтами власти политика экономической безопасности должна быть направлена на поддержание всего комплекса показателей и пороговые значения одного показателя не должны достигаться в ущерб другим. Например, возможно значительно увеличить прирост ВВП за счет экспорта нефти. Отсутствие роста добычи нефти может сказаться на внутренне ориентированном рынке, что неизбежно приведет к росту себестоимости товаров и услуг и как следствие – к росту цен. Государству необходимо в каждом конкретном случае соотносить экономическую эффективность и безопасность, но то, что выгодно в краткосрочном периоде, в стратегическом аспекте может оказаться совсем не выгодным.

Объективно любая экономическая система не застрахована от таких негативных явлений, как внешние и внутренние угрозы, которые связаны между собой. Слаборазвитый, неконкурентоспособный внутренний рынок ведет к росту импорта и как следствие – к внешней задолженности. К числу внешних угроз относятся: высокая внешняя задолженность; сырьевая ориентация экспорта; невысокие объемы внешнеторгового оборота России, особенно в области продукции обрабатывающей промышленности.

Среди внутренних угроз наибольшую опасность представляют тенденции, складывающиеся в социальной и научно-технических сферах, особенно платежеспособный спрос населения. Возобновление экономического роста требует восстановления платежеспособного спроса как в потребительском секторе, так и в инвестиционном. Здесь возникает своеобразная «платежеспособная ловушка». Низкий платежеспособный спрос приводит к исчезновению многих видов производства. Чрезмерный платежеспособный спрос ведет к росту цен, создаст нагрузку на эмиссию денег и тем самым способствует росту инфляции.

Известно, что 1 млрд. эмиссионных рублей приводит к росту инфляции на 1%. Поэтому необходимо с помощью государственного регулирования создать оптимальную структуру платежеспособного спроса населения. Государственное регулирование этой проблемы должно прежде всего учитывать глубокие различия в платежеспособности тех или иных социальных групп, чтобы было достаточно товаров как по высоким, так и по относительно средним и низким ценам.

Сокращение бюджетного дефицита – один из инструментов, используемых для подавления инфляции, однако без структурной и эффективной промышленной политики нельзя быть уверенным (особенно в долгосрочной перспективе), что сокращение бюджетного дефицита приведет к положительным результатам. Если спрос превышает предложение, а денежная масса увеличивается более высокими темпами, чем это требуется для воспроизводства капитала и товарной массы, возникают предпосылки для роста цен и экономика становится дефицитной.

Искусственное сдерживание роста массы денег с помощью рычагов центрального банка для прекращения роста цен ведет к кризису неплатежей.

Сложным и многофакторным способом борьбы с подавлением инфляции является стабилизация издержек производства и цен. После известной либерализации цен становится видно, что стабилизация цен невозможна без стабилизации издержек производства и обращения, а также без повышения производительности труда. Необходимо показать и разработать механизмы, устраняющие недостатки в тех или иных частях сложившейся российской модели воспроизводства. Задачей государственного регулирования становится устранение причин, ведущих к росту цен.

Таким образом, для нормального функционирования российской экономической системы необходимо формирование системы критериев и показателей обеспечения экономической безопасности, а также необходима разработка стратегии экономической безопасности как на краткосрочный, так и на долгосрочный период. Некоторые специалисты считают, что в настоящее время главное – выживание экономики, затем ее стабилизация и только в перспективе – развитие. В основе этой стратегии лежит представление о «могучей руке рынка». Такое понимание имеет право на существование, и с позиции экономики оно теоретически обоснованно.

Реализация государственной стратегии экономической безопасности предполагает разработку механизма се реализации. Механизм обеспечения экономической безопасности страны – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. Он включает в себя следующие элементы [4]:

– мониторинг экономики и общества;

– определение пороговых, предельно допустимых значений социально-экономических показателей;

– деятельность государства по выявлению внутренних и внешних угроз безопасности экономики;

– создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения, которые могут быть использованы в экстремальных случаях.

Обеспечение экономической безопасности страны требует создания соответствующей инфраструктуры, пронизывающей все сферы деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти. Так, в рамках исполнительной власти она создается по сферам распределения ответственности за национальную и экономическую безопасность в

целом (Совет безопасности и координируемые им структуры и спецслужбы) и по функциональным направлениям экономической безопасности (Правительство РФ и входящие в него структуры с выделением соответствующих направлений). Иерархия власти и властных структур определяет и производную инфраструктуру системы экономической безопасности России.

Список литературы и источников

1. Критерии и показатели экономической безопасности. – http://www.topknowledge.ru/ekonomicheskaya-bezopasnost/3878-kriterii-i-pokazateli-ekonomicheskoj-bezopasnosti.html
2. Богомолов В.А. Экономическая безопасность: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / [В.А. Богомолов и др.]; под ред. В.А. Богомолова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 295 с.
3. Критерии экономической безопасности. – http://textbook.news/upravlencheskiy-uchet_708/382-kriterii-ekonomicheskoy.html
4. Показатели экономической безопасности. – http://textbook.news/ekonomika-predpriyatiy-uchebnik/ekonomicheskaya-bezopasnost-ucheb-posobie-dlya.html

Воронов М.В.
д.т.н., профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет
mivoronov@yandex.ru
Стамов И.Г.
д.ф.-м.н., профессор, Приднестровский государственный университет istamov51@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛАТЕНТНЫЕ УГРОЗЫ РОССИИ

Ключевые слова: *цивилизация, страна, угрозы, общество, культура, стратегия, развитие.*
Keywords*: civilization, country, threat, society, culture, strategy, development.*

Человек был и есть живое существо, которого эволюция превратила в человека разумного. Однако за последние тысячи лет с позиций антропологии существенных изменений в человеке не произошло. Эволюция же коснулась человечества как сообщества разумных людей. К качественным сдвигам в развитии мировой цивилизации приводят в основном развитие науки и технологий. Принципиально важным для настоящего периода является то, что в результате своего поступательного развития человечество достигло такого уровня производства, что может обеспечить вполне комфортный уровень материального потребления, снабдив каждого жителя нашей планеты в необходимом количестве едой, одеждой и достойным жильем. По данным ООН в мире производится продовольствия достаточно для того, чтобы обеспечить каждому едоку по 4 тыс. калорий в сутки. Правда до стола добираются в среднем лишь 2 тыс. калорий на едока, а до 30% произведенного продовольствия выбрасывается, и как следствие, около 2 млрд. людей голодают. Примерно такая же картина с обеспечением одеждой и жильем. Казалось бы, следует ограничить безудержный рост материального потребления и перейти к формированию достойной разумных людей социальной жизни.

Вместе с тем в результате гонки за увеличением материального потребления (чего только стоит экономика «одноразовых стаканчиков») человечество вплотную приблизилось к краю пропасти: экологические возможности природы – на пределе, все опаснее происходящие военные конфликты, грозящие перейти к войне на тотальное взаимоуничтожение. Но и это не все. Уже невооруженным глазом видны следующие стоящие на этой «траектории развития» границы опасности – опасности социального порядка. Так уже сегодня огромная часть дееспособных людей (у нас это сотрудники МЧС и МВД, огромная армия охранников и обеспечивающих их специалистов) отвлечена на борьбу с различного рода «нарушителями общественного общежития», число которых нарастает как снежный ком. Внутри общества набирают обороты процессы «дебилизации» и «раскультуривания» общества, которые обусловливают принципиально новые опасности, в первую очередь со стороны бурно развивающейся техносферы и биосферы. По-видимому, целесообразнее устранять причины возникновения этих опасностей, чем постоянно генерировать их и тратить огромные усилия на борьбу с ними.

Угрозы уничтожения (вернее, самоуничтожения) жизни на Земле становятся все более реальными, причем не только из-за природных катаклизмов или неумной «жизнедеятельности», сопровождаемой безответственным отвлечением огромных материальных ресурсов и времени на это, но и целого ряда скрытых от широких масс угроз. Люди решают множество своих насущных проблем, однако всеобщего и осознанного понимания актуальности проблем обеспечения безопасности жизни на Земле нет. Более того, теория и практика социальных отношений на сегодняшний день не дают ясных рекомендаций для их разрешения.

Почему уровень осознания надвигающихся рукотворных катастрофических опасностей в обществе столь низок? Как сформировать безопасную траекторию достаточно комфортного своего существования – траекторию разумности. Как перейти на такого рода траекторию? Удовлетворительных ответов на эти вопросы пока нет. Однако вопросы анализа и проектирования будущего приобрели первостепенную важность, без решения которых мир может быть в скором времени обречен. Нам представляется, что на повестке дня стоит более фундаментальная задача – смена основной парадигмы организации и дальнейшего развития человеческого сообщества.

На планете в силу исторических причин сложился и победно шествует социум, получивший название «Западный мир» или «золотой миллиард», концепция существования которого сводится, в конечном счете, к обеспечению его жизнедеятельности за чужой счет (в том числе путем отторжения заработанного другими, путем обмана, насилия и уничтожения других людей), к господству сильного над слабым. В свое время им был выработан механизм, который на основе бурного развития науки и технологий обеспечил очень высокий уровень производства человеческих благ и сверхконцентрацию богатств в руках крайне узкого круга элиты. Идеология этого сообщества провозглашается в таких терминах как свобода для отдельного человека, свобода для сообществ и народов, справедливость, демократия и т.п. При этом их трактовка и применение на практике не исключают возможности, конечно же «в рамках закона», хитрить, обманывать, грабить и убивать. Многие исследователи называют эту модель построения общества англосаксонской неолиберальной моделью.

Успехи основных носителей этой модели (стран «золотого миллиарда») стимулируют их сохранять этот тренд развития и распространять его на весь мир, а их эффективность порождает стремление других подражать им. Однако в силу качественных изменений, происходящих по мере развития науки и технологий, эта модель, имеющая в своей основе идею процветания меньшинства за счет эксплуатации большинства и реализуемая на основе «волчьих законов», требует существенной корректуры. Дело в том, что правящая элита все более сужается, так называемый средний класс размывается и стремительно растет масса низов – основной массы человечества. Это обусловливает все более неустойчивое состояние мирового сообщества, заметно нарастают опасности, ожидающие мир, если он продолжит идти по этой траектории. Имеется ли выход из создавшейся ситуации?

В складывающихся условиях с целью сохранения господства англосаксонской модели построения общества наряду с традиционными активно разрабатываются и используются методы переформирования человеческого сообщества за счет изменения его культурного потенциала, вернее раскультуривания основной массы населения. Почему? Потому что культура объединяет людей в отдельные цивилизационно сформированные сообщества, сложившаяся именно в таких общностях культура и лежит в их основе. Трансформация культуры – это трансформация этих цивилизаций.

Для управления массами в условиях увеличивающегося неравенства принцип «хлеба и зрелищ» и в наше время нисколько не утратил своей актуальности как один из механизмов сдерживания противоречий между бедными и богатыми. Поскольку первый компонент этого императива потенциально близок к своему удовлетворению (сегодня можно «дать хлеба» всем), основные усилия брошены на разработку второго.

Скрытая цель раскультуривания общества (иногда называемого постмодернизмом) – повысить эффективность манипулирования массами и в первую очередь с**делать практически невозможной осознанную и целенаправленную коммуникацию низов, для** превращения людей в оболваненных бездумных прагматиков. **Поэтому п**рограмму раскультуривания реализуют по двум основным взаимосвязанным направлениям: атомизация сообщества и дебилизация населения. На этом пути главным инструментом становятся стремительно развивающиеся средства и технологии телекоммуникации. Заодно решается и другая постоянно актуальная задача – создать новые товарные рынки. Рынки же «зрелищ» практически бездонны, сравнительно малозатратны и посему сулят огромные прибыли.

В качестве основного инструмента выбраны современные технологии торможения развития интеллекта людей, снижения уровня их базового образования и попросту оглупления людей, ибо человек, лишенный способности подвергать рефлексии свои поступки и происходящие вокруг него процессы, **становится зависимым от действия надиндивидуальных сил, оказывается объектом различных систем манипуляции** массовым сознанием. И на этом пути достигнуты грандиозные «успехи»: до 90% взрослого населения «узнают свое мнение» из средств массовой информации. Сегодня средства массовой информации и телекоммуникации образуют целую индустрию по производству «социолохов». Между тем именно государство должно создавать и контролировать каналы коммуникационных средств, информирующих и пропагандирующих творческий созидательный компонент общества, раскрывающих содержание и проблемы происходящих в мире процессов, и не должно поддерживать средства информации, формирующие человека-потребителя, человека-индивидуалиста, так как это приводит к дезинтеграции общества в силу выше рассмотренных причин.

Мир устроен так, что все позитивное требует усилий (трудно учиться и работать, требуются усилия, чтобы заставить себя вести здоровый образ жизни), а негативное проще и приятнее в осуществлении (ср. просмотры развлекательных шоу). Точно по этой же причине быть потребителем намного более комфортно, чем быть гражданином, и в прямой конкуренции традиционная цивилизационная идентичность неизбежно проиграет идентичности потребительской[1]. Действительно, гораздо проще собрать людей под рекламным лозунгом «Распродажа!», чем под знаменами политического идеала. Именно поэтому развитие индустрии телекоммуникации столь стремительно движется в направлении гедонизации масс. Сегодня практически все население вовлечено в коммуникационные сети, которые наряду с несомненно полезными функциями доставки информации позволяют решать и задачу атомизации населения.

Происходящая перманентная эволюция индивидуализма (атомизация общества), направленная на соответствующие изменения культуры и ценностных ориентаций людей, устраняет политическую активность, вытесняет политический дискурс из сознания человека. Постепенно «человек социальный» уступает место «человеку индивидуальному». Любые попытки позитивных политических преобразований (ведь их реализация требует приложения дополнительных усилий) гаснут из-за глубокой акцентированности на частной сфере. Причем происходит это за счет тотального постмодернистского обессмысливания всего, что выходит за пределы индивидуальных интересов[2]. Для этого активно и повсеместно насаждается виртуальное общение и упрощенный взгляд на жизнь, попса, плюрализм, толерантность, псевдообщение, криптоевгеника и ювенальная юстиция, закон о гендере, **упрощение языка, при котором происходит потеря вложенных смыслов и многие другие подобного рода «просветительские» новации**[3]. **В перспективе все это ведет к разрушению общества как комплекса социальных связей, основанных на взаимопомощи разумных людей. В этих процессах кроме** исторически **сложившихся** элементов **общественных отношений, безусловно, просматриваются элементы целенаправленного воздействия, преследующего цели ослабления или уничтожения соперников.**

[1] Санина А.Г. Информационное общество и государственная идентичность // Информационное общество. – М., 2013. – № 6. – С. 9–15.

[2] Табачков А.С. Информационное общество в контексте истории // Вопросы философии. – М., 2014. – № 10. – С. 37–45.

[3] Дамье В. Атомизация общества и социальная самоорганизация: Российский контекст. – http://www.aitrus.info/node/105

Технологии современной социализации успешно приводят индивидуальные нормы и ценности человека в соответствие с установленной нормативно-ценностной системой, позволяющей при этом и извлекать коммерческую прибыль, что находит свое выражение в управляемом перепотреблении (консюмеризме), когда потребление становится не столько средством поддержания жизни, сколько само становится ее смыслом.

Человеческое сознание функционирует на основе определенных знаков и символов, а формирование новых знаков ведет к новой организации психики. Набирающий силу консюмеризм является системой, предлагающей иной тип знаковости чем тот, который предлагался прежними формами культуры. Можно сказать, что инфраструктура современного потребления ─ это мегамашина производства желаний. Она не столько удовлетворяет желания, сколько их формирует, диктует, что именно следует желать[1]. Наращивая социальную апатию, консюмеризм обеспечивает и появление все новых и новых товарных рынков, решая тем самым большинство задач сохранения социального статус-кво. Остается только грамотно управлять этой машиной, что с завидным успехом и осуществляется.

Важным феноменом потребительской культуры наших дней является то, что страсть к потреблению доминирует как над бедными, так и над богатыми. Она превращается в надиндивидуальную и надстатусную реальность, задающую соответствующий тип мышления, ценностные ориентации и поведенческие практики. Важно отметить, что культура консюмеризма отчасти уравнивает мечтания и стремления как бедных, так и богатых, правда, она не уравнивает их возможности в реализации этих стремлений. Она задает высокие стандарты, которым способно соответствовать меньшинство, но стремится охватить большинство. Соответственно, все социальные слои живут в мире потребления, но одни обладают широким ассортиментом потребительских ресурсов, а другие его лишены.

В результате сформирована целая социокультурная система, где социальная идентификация построена не в сфере труда и производства, а вне трудовой деятельности — прежде всего в развлечениях, и в первую очередь развлечениях показных и демонстративных. Формируется общество потребления как стадия развития капитализма, на которой индивидуальное потребление, опосредованное рынком, превращается в один из ключевых факторов формирования социальных отношений во всех сферах. Так если ранее стратификация общества основывалась на трудовой деятельности индивидуума, на социальной системе распределения труда, то теперь классификационным первенством обладает стиль жизни, на который указывает тело, одежда, машина, место отдыха и т.д.[2]

Именно вследствие выхода на авансцену потребительских практик усиливаются тенденции деполитизации и деконсолидации. Конечно, эти тенденции обусловлены различными причинами, однако потребительская культура является одной из наиболее значимых причин индивидуализации общества и утраты социальных связей.

В свете вышеизложенного за каждой локальной и частной инициативой англосаксонского мира отчетливо просматривается тень власти. Более того, англосаксонская модель неолиберализма **выступает как новая форма тоталитаризма.** Англосаксонский мир вошел в фазу разрушения, которую он в силу врожденной экспансивности может продвинуть только за счет присвоения неподконтрольных ему ресурсов, и значит, вполне вероятна его последующая атака на иные цивилизации. Одним из объектов нападения является Россия, представляющая для него в социально-психологическом и идентификационном плане полного антипода (Русский мир всегда был созидателен)[3].

Россия как цивилизация должна воспроизводить свой народ в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте, которые обобщенно и называют культурой. Несомненно, современные угрозы нашей цивилизации выглядят как факторы снижения ее «жизнеспособности» по всем составляющим. Наиболее болезненные и опасные для нашего народа шаги связаны с его раскультуриванием. Активно продвигаемые неолиберализмом культурологические новации в значительной мере являются замаскированными (латентными) угрозами и составляют суть современной экспансии. Примеров этого сколько угодно. Все большей властью наделяются корпорации, ответственные за массовую рекламу и брендинг (а значит, и за рост потребительских тенденций). Под видом заботы о людях, семимильными шагами идет развитие инфраструктуры потребления, что приводит к симулякризации достатка, гражданственности и социальности.

Нам представляется, что центральная болевая точка России – духовно-нравственное состояние нашего общества. И речь идет уже не только об укреплении, но и восстановлении нашей культурной идентичности. Причина этому – победа мещанской идеологии над здравым смыслом человека разумного. Мещанство стало механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством[4]. К сожалению, мещанство характеризует не только образ жизни, но и мышление человека. Мещанину присуща ограниченность жизненных взглядов узколичными интересами, трусость и вульгарность во вкусах. Ограниченность взглядов и отсутствие цели – вот главные критерии мещанина. Победа мещанского стиля жизни приводит к ослаблению социальности общества, что вызывает нарастание энтропии в обществе, а ослабление социальных связей сопряжено с коррозией гражданственности. Многие россияне для себя сделали выбор жить в прямом и переносном смысле слова за железными засовами и высокими заборами.

Англосаксонская идеология неолиберализма нашла в современной России свою опору в победившем в нашей стране конце XX века мещанстве, ибо именно этот культурно-исторический феномен не приемлет культуры произ-

---

[1] Ильин А. Н. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. – № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 58–82. – http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/IlyinSocial-Atomiza-tion-Consumerism/

[2] Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / Под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс». – 464 с.

[3] Ямилов Р.М. Русский мир vs Англосаксонский мир: вопросы, возможности, стратегия. // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». – http://human.snauka.ru/2015/03/9753

[4] Бунич И.Л. Пятисотлетняя война в России. Кн. 1. – СПб.: Облик, 1997. – 640 с.

водства, он противоположен творчеству, прогрессу, верности идеалам и социальной активности. Это именно то, чего добиваются на данном этапе наши визави.

В чем состоит притягательность Западного образа жизни? Почему большинство людей стремится жить в смысловом пространстве, созданном Западом? Почему Запад стал верховным судией всего мира? Дело ведь не только в том, что у него создано общество с самым высоким уровнем потребления. Англосаксонскому миру принадлежит абсолютный идеологический приоритет, обеспечивающий ему возможность лучше других генерировать нужные ему идеологические образы. Созданное идеологическое доминирование позволило англосаксонскому миру присвоить себе право судить всех остальных, руководствуясь правилом: «если джентльмен не может выиграть по данным правилам, джентльмен меняет эти правила».

В тенденциях развития цивилизации на протяжении длительного времени можно отметить кроме ключевого кода – кода выживания (для некоторых код выживания до сих пор связан с экспансией на чужие территории и богатства) и код сохранения, причем сохранения идентичности, культуры, истории и в целом всего человеческого рода, а не отдельных его частей. Если последнее выражено в нашем социуме на протяжении последних веков, то отход назад, либо замораживание прогресса в развитии, по-видимому, связан с близоруким управлением страной, когда навязанные мифы и перемены, стереотипы, выгодные сильным мира сего, принимаются за стратегию развития нашей страны.

Предлагаемые в наши дни модели социального уклада России декларируют необходимость формулировки национальной идеи в качестве базового элемента (скрепы), на котором строятся отношения между гражданами в обществе[1]. При этом очевидны попытки уйти от социально ориентированных устройств общественных отношений и сохранить общество с индивидуальной свободой каждого, ограниченной его возможностями, формулируемой примерно так: бери столько, сколько сможешь взять, используя индивидуальные качества такие, как умение петь, прыгать, бегать и т.д. По нашему мнению, на первое место выдвигаются риски, связанные с недоговороспособностью социальных групп и отдельных индивидов. И это еще одна из главных латентных опасностей России. Разобщенность в социуме и другие обстоятельства, в том числе численность популяции и разнообразие генофонда, определяют разнообразие структур и отношений, подавляют синергетические процессы определяющие прорывы в развитии. В число угроз безопасному развитию цивилизации и отдельного государства входит дифференциация общества по многим признакам, наиболее значимыми среди которых являются клановые, этнические, религиозные. Между тем, вопросы сохранения полиэтничности, поликультурности, сложившегося на планете биоразнообразия, необходимой интеграции людей для создания отношений приемлемых для всех и решения глобальных проблем безопасности являются ключевыми.

Сдерживающим фактором в создании международного консенсуса является кризис управления сообществами, госструктурами, значимыми для обеспечения безопасности центрами и организациями, связанный с недостаточной компетентностью управленцев, неразработанной системой контроля качеством управления, а также недостатками демократической системы выборов, допускающей к управлению людей без соответствующего профессионального образования, требуемых моральных характеристик. При этом растет вероятность реализации угроз для безопасного развития цивилизации из-за увеличения возможностей попадания высокотехнологичных продуктов, средств массового поражения людей и разрушения окружающей среды в криминальные структуры или некомпетентным управленцам. Надо отметить, что принципы управления формировались естественным образом на этапе становления человеческого сообщества. В настоящее время они пришли в противоречие с реальным пониманием необходимости сохранения жизни на Земле и требуемыми для этого реформами социального уклада людей и отношений между ними.

Вариантом решения этих проблем может стать формирование нового мировоззрения, которое включает слом сформировавшейся парадигмы, диктующей индивидуализм, потребительскую модель отношений, управление с позиций сильных и хитрых, а также создание механизмов перехода от человека разумного, решающего задачи выживания, к человеку ищущему, решающему задачи познания мира и общества для сохранения цивилизации. Россия по своей сути является центром кристаллизации новых идей и приверженцем сохранения мира, господства справедливости и мудрости.

Несмотря на сильнейший прессинг как извне, так и изнутри, наше общество продолжает генерировать людей с русским (в культурологическом смысле) менталитетом. Если в западных странах потребительство рассматривают как естественное явление, то для России это привносимое извне «понимание жизни» является, по большому счету, чуждым и не дает ожидаемого результата при попытках его внедрения.

К сожалению, в настоящее время у России нет достаточно полного идеологического единства, которое направляло бы её действия. Проектирование же будущего является необходимой стратегией для реализации безопасности социума и построения тех отношений, которые станут идеологией страны. Идей разумных и предложений по их реализации для этого достаточно много[2]. Необходимо провести их системный анализ и обеспечить координацию деятельности всех государственных организаций, направленную на решение требуемых задач. Какого рода эти задачи?

---

[1] Бузина Т.В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. – М.: РГГУ, 2011. – 352 с.; Воронов М.В., Березовский В.А. Модель построения в России постиндустриального общества. Монография. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 232 с.; Сулакшин С.С. Количественная теория цивилизационного генеза и локальных цивилизаций. – М.: Научный эксперт, 2013. – 176 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996.

[2] Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Стратегия прорыв: технологии, образование, науки. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 304 с.; Сергеева Л.И. Безопасность каждого человека как смысл культуры предотвращения // Безопасность Евразии. 2005. – № 4; Воронов М.В. Аспекты стратегии возрождения России // Производство, наука и образование в России: новые вызовы. Сборник трудов III Международного Конгресса. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. – С. 547–457; Воронов М.В., Стамов И.Г. Системная модернизация страны: Сущность, приоритетные цели и основные направления // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – Ч. 2. – С. 14–18.

1. Анализ содержания тех концепций, которые составляют основу отношений между гражданами страны, включая, может быть, и те, которые прописаны в конституции, и их отличий от используемых в других странах. С учетом такого анализа должны быть скорректированы концептуальные основы государственной идеологии. Если это не будет обеспечено, то никаких серьезных успехов в консолидированном развитии России не будет достигнуто.

2. Для того чтобы справляться с задачами и вызовами времени, требуется, чтобы сознание общества и его элиты было не хаотичным, несвязанным и реактивным, а рациональным, логичным, превентивным. Гражданам и управленцам необходимо владеть инструментами рационального мышления, адекватным реальности языком, навыками логических умозаключений, «духом расчетливости», навыками рефлексии и проектирования. Реализация этих требований – базовая задача всего госаппарата, а также науки и образования. Последнее должно обеспечивать для обучающихся всех уровней подготовки (в том числе и управленческих кадров) формирование реалистичной картины мира и мировоззрения, соответствующего требуемой степени социализации учащегося в рамках государственных идеологических концепций. Осознать, что формирование социального человека базируется на фундаментальных основах миропонимания, на картине мира, которую рисуют ему, начиная с момента рождения. Нужны представления и идеи, на основе которых осознаются и оцениваются отношения людей. Если же эти составляющие жизни различных групп людей в одной стране сильно различаются, значит, из страны удален ее стержень и ее процветание крайне проблематично. Нам необходимы единые представления и идеи, которые должны быть концептуально оформлены в виде идеологии и обязательно закреплены в Конституции. В этом отношении по-видимому все учебные планы должны быть едиными и соответствовать нашим проектам будущего.

3. Найти решение проблемы, которую можно определить как глобальный кризис управления, нерешение которой грозит уничтожением цивилизации.

Выводы

1. Проблемы построения позитивных устойчивых социальных отношений, позволяющих решать задачи жизнеобеспечения и безопасности вызваны противоречием между заложенным природой индивидуализмом отдельного человека и социальным характером человеческого общества.

2. Продолжение неолиберального курса, базирующегося на принципе «прав тот, кто сильнее», становится все более опасным и ставит под вопрос само существование человечества.

3. В социальной сфере, как и везде необходимо соблюдать многообразие, ибо многообразие земных цивилизаций – залог устойчивости человеческого сообщества. В этом плане Россия, как цивилизация, несет в себе потенциал позитивного разрешения многих жизненно важных проблем человечества.

4. В нашей стране отсутствует единая система целеполагания на долгосрочный период, вследствие чего сложно выстраивать приоритеты при планировании мероприятий по обеспечению национальной безопасности и социально-экономического развития. Этим определяется отсутствие целенаправленной политики в интересах защиты наших социокультурных ценностей как от внешних, так и внутренних угроз.

5. Исходя из стратегических интересов России как отдельной цивилизации, необходимо четко определить вектор развития нашей страны. Он должен пройти всенародное обсуждение и быть принят в качестве высшего приоритета во всей нашей последующей деятельности. Центральной становится задача национально и патриотически ориентированной политики формирования культуры адекватной российской цивилизации. В основе ее решения – обеспечение действенной социализации каждого жителя России на единой концептуальной платформе.

6. Концепции развития государства сегодня не могут быть ограничены только национальными интересами, национальная идея не может и не должна базироваться только на этом. Сохранение жизни на Земле в интересах всех живущих должно быть составной частью национальной идеи для всех сообществ Мира. Фундаментальной основой для этого могут быть интернациональные проекты, в первую очередь решающие проблемы безопасности цивилизационного развития.

Гернега К.С.
старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск
gernega@yandex.ru
Болгова К.В.
студент Южно-Уральского государственного университета

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Ключевые слова*: социальная безопасность, молодежь, социальное знание.*
Keywords*: social security, youth, social knowledge.*

Современное состояние России характеризуется общественно-экономической и политической нестабильностью, что обостряет проблемы различных групп населения. Одной из таких социально-демографических групп является молодежь, которая, обладая значительными внутренними ресурсами, не только не имеет достаточного опыта реализации этих ресурсов, но и адекватной надежной внешней системы защиты от неблагоприятных социальных явлений. Это обстоятельство обусловливает необходимость формирования системы социальной безопасности молодежи.

По мнению М.В. Крыгиной, в современном российском обществе отношение к молодежи неоднозначно: во-первых, ее рассматривают как будущее страны и образ завтрашнего дня; как объект, нуждающийся во всесторонней поддержке государства в объеме, необходимом для нормализации адаптивных процессов и достаточном для разрешения возникающих жизненных проблем; во-вторых, как активного субъекта, призванного в будущем обеспечить создание условий устойчивого и безопасного развития общества; в-третьих, молодежь вообще не рассматривают в качестве объекта социальной безопасности [1, с. 83].

На современном этапе при решении проблем молодежи именно комплексный подход представляется перспективным и практически востребованным в решении многочисленных проблем молодого поколения в современных российских условиях.

Социально-экономический, духовно-нравственный, демографический кризисы повышают психологическое напряжение, тревожность, негативно влияют на адаптационные возможности, ослабляют физическое и психическое здоровье молодежи.

Усугубляет ситуацию недоступность эффективной психологической помощи молодежи в кризисной ситуации, отсутствие со стороны государства контроля над средствами массовой информации, активно пропагандирующими образ жизни, негативно воздействующий на физическое и психическое состояние молодежи.

Социально-экономическое расслоение общества ведет к неравному доступу к качественному образованию и высокооплачиваемой работе, к криминализации подростковой и молодежной среды, следствием чего является риск расширенного воспроизводства преступности в стране. Среди молодежи распространяются опасные болезни, такие как туберкулез и СПИД. По данным Роспотребнадзора, в стране на 1 мая 2017 года было официально зарегистрировано 933 419 инфицированных ВИЧ, причем большинство из них – молодежь [2, с. 65].

Информационное воздействие на молодежь через Интернет носит зачастую негативный характер, в результате у молодежи формируется неверное представление о жизни и успехе. Через социальные сети молодых людей втягивают в финансовые пирамиды и другие мошеннические схемы. Интернет стал «пространством шума» с большим количеством заведомо ложной, искаженной информации.

Плохо контролируемые миграции ведут к криминализации общества и молодежи, к обострению отношений между различными этническими сообществами. В СССР дружба народов считалась важнейшей ценностью и достижением советской действительности. На постсоветском пространстве все изменилось. Уровень жизни в бывших советских республиках резко понизился и ответственность за все беды стали возлагать преимущественно на русский этнос. Отсюда – дискриминация русскоязычного населения в национальных республиках. В свою очередь массовая миграция в Россию из «депрессивных» регионов спровоцировала национальную нетерпимость в среде русской молодежи. «Врага» находят чаще в «лицах кавказской национальности» и индивидуальные негативные характеристики объясняют особенностями национального характера того или иного человека.

К числу духовно-нравственных угроз следует отнести разрушение механизма духовной преемственности поколений, ослабление объединяющих ценностных основ российской культуры и традиционных форм общественной морали. Следствием этих процессов является снижение интереса молодого поколения к отечественной культуре, отрицание ценности исторического и культурного опыта предшествующих поколений.

В последние годы исследователи отмечают неблагоприятные изменения в мотивации получения образования. Для многих молодых россиян стало нормой получение образования ради престижа, статуса. Отсюда – безразличие к качеству образования, потеря смысла в образовании как форме личностной самореализации.

В обществе происходит постепенное обесценивание труда людей, занятых в бюджетной сфере: врачей, учителей, преподавателей. Гуманитарная, естественнонаучная и техническая интеллигенция скатилась в социальной иерархии вниз, образовав слой «работающих бедных». Поэтому современная молодежь уже не мечтает «покорять космос», заниматься научными исследованиями, а устремляется в сферу торговли и обслуживания, в банковскую сферу. Однако число желающих работать в данных сферах в несколько раз превышает спрос, что порождает структурную безработицу, являющуюся результатом дисбаланса спроса и предложения на рынке труда. Государству уже сегодня необходимо задуматься об эффективном использовании трудового ресурса как единственном факторе увеличения ВВП в условиях демографического спада.

Обращают на себя внимание негативные изменения в использовании русского языка. Прежде всего, это касается распространения сленгизмов, просторечий, слов-паразитов и нецензурных выражений, которые уродуют нашу речь. Ученые считают, что литературный язык переживает сегодня важные социальные, психологические и структурные изменения, отрицательно сказывающиеся на его употреблении. Происходит «вымывание» коренных русских слов, следствием чего является искажение национальных образов мира, которые традиционно присущи русской ментальности и до сих пор сохранялись внутренней формой славянского слова. Следствием этого процесса является не только нарушение «национальной картины мира», но и ликвидация ценностно-нормативной функции языка, понижение духовно-нравственного статуса явлений.

Следствием реформ, проводимых в стране, стало снижение требовательности к художественному уровню искусства со стороны государства. В результате на молодежь обрушилась лавина низкопробной литературы, некачественного кино и музыки, которые в значительной мере изменили ее эстетический вкус. Лишь незначительная часть молодежи проявляет интерес к интеллектуальному кино и музыке, знакома с современным отечественным искусством. Наблюдается стремительная политизация средств массовой информации, следствием чего является снижение роли телевидения в приобщении молодежи к искусству.

Снижение уровня духовности в нашей стране отразилось и на сфере досуга. Одним из отрицательных последствий этого явления в 90-е годы стала криминализация и наркотизация молодежного досуга. Происходила трансформация досуговых общностей в преступные группировки. Согласно исследованиям социологов, в структуре молодежного отдыха существенно сокращались созидательно-творческие формы активности, и преобладало пассивное времяпрепровождение. Однако в последние годы ситуация в сфере досуга начала меняться в лучшую сторону: постепенно формируется новая социокультурная среда, обусловливающая формирование новых ценностных ориентаций молодежи. Отмечается интерес к активной общественной деятельности, развитию молодежных инициатив и движений [3, с. 117].

Настораживает отсутствие патриотизма у современной российской молодежи. Сыновье отношение к отечеству, гордость за него, готовность защищать его и, если надо, отдать за него свою жизнь постепенно вытесняется более рациональным: «Родина там, где мне хорошо». Отсюда такое желание поскорее получить диплом об образовании и уехать жить в «благополучную» страну.

Вышеперечисленные проблемы следует рассматривать как результат общецивилизационных изменений и просчетов социальной политики государства. Показателями уровня обеспечения социальной безопасности молодежи являются качество и уровень жизни, человеческий и социальный капитал молодежи.

Если уровень жизни молодежи включает материальную обеспеченность, то качество жизни молодежи включает состояние психического и физического здоровья; свободу деятельности и выбора; разнообразный досуг; приемлемый объем потребления товаров и услуг; благополучие семьи; доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям; участие в общественной и культурной жизни; доступ к разнообразной информации; комфортные условия труда и быта и т.п. Человеческий капитал молодежи представляет собой врожденные способности и таланты, образование (знания) и приобретенную квалификацию. Социальный капитал молодежи – это социальные связи, которые являются предпосылкой и результатом интегрированности в социальную и социально-профессиональную структуру общества.

Данные показатели необходимо использовать для мониторинга реализации целей и задач государственной молодежной политики.

Проблема социальной безопасности молодежи не может быть решена без развития системы социальной защиты. Социальная защита молодежи находит свое выражение в таких областях, как физическое развитие и охрана здоровья, трудоустройство и вовлечение в занятие предпринимательской деятельностью, обеспечение жильем и т.д. В настоящий время система социальной защиты молодежи, как и система социальной защиты населения Российской Федерации в целом, находится в стадии становления.

Следует отметить, что системный подход к решению проблемы обеспечения социальной безопасности молодежи будет способствовать скорейшей интеграции молодежи в общество и обновлению всей системы общественных отношений.

Список литературы

1. Крыгина М.В. Социальная безопасность молодежи в условиях трансформации общества // Вестник научных конференций. – Тамбов, 2015. – С. 81–86.
2. Лига М.Б. Социальная безопасность молодежи: организационно управленческое обеспечение / М.Б. Лига, Н.С. Павлова, И.А. Щеткина. – Саратов: Академия естествознания, 2015. – 160 с.
3. Макаров В.Е. Безопасность молодежи как социальное явление в современных социально экономических условиях // Социальная политика и социология. – М., 2016. – С. 114–120.

Дарда Е.С.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Ильин Э.А.
магистрант Российского экономического университета

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА С ПОЗИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Ключевые слова: *сельское хозяйство, продовольственная безопасность.*
Keywords: *agriculture, food security.*

Продовольственная безопасность является составной частью национальной безопасности страны, сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, системы жизнеобеспечения, необходимым условием обеспечения здоровья, физической активности, долголетия и высокого качества жизни населения страны.

Обеспечение продовольственной безопасности – сложная и многоаспектная проблема как страны, так и человечества в целом, затрагивающая интересы всех социальных групп населения. Продовольственная безопасность – важнейшее условие гарантированного устойчивого функционирования, существования и развития общества.

Понятие продовольственной безопасности было впервые сформулировано в середине 70-х годов применительно к сложившейся в мире парадоксальной ситуации, когда абсолютное перепроизводство продовольствия стало сопровождаться его катастрофической нехваткой в ряде развивающихся стран «третьего мира», массовым голодом и голодными смертями десятков тысяч людей. Исходный английский термин «food security», впервые введённый в широкое употребление на состоявшейся в 1974 г. в Риме Всемирной конференции по проблемам продовольствия, которую организовала Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), переводится двояко: как продовольственная безопасность и как продовольственная обеспеченность.

Современная стратегия развития экономики России предполагает в качестве одной из важных целей достижение и поддержание продовольственной безопасности. Продовольственная безопасность определяется, как способность государства, гарантированная соответствующим ресурсным потенциалом, независимо от внешних и внутренних условий, стабильно удовлетворять потребность населения страны в целом и каждого гражданина в отдельности продуктами питания и питьевой водой в объемах, ассортименте и качестве, достаточных для полноценного физического и социального развития, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства. Проблема обеспечения продовольственной безопасности остается актуальной с момента начала либерализации внешнеэкономической деятельности в России.

Как известно, в России в 2010 году была принята и утверждена президентом Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации»[1]. В Доктрине говорится, что продовольственная безопасность Российской Федерации является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Стратегической целью продовольственной безопасности является прежде всего обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Гарантией ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов.

Для оценки состояния продовольственной безопасности в качестве критерия принимается удельный вес отечественной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов (с учетом переходящих запасов) внутреннего рынка соответствующих продуктов, имеющий пороговые значения в отношении[2]:

- зерна – не менее 95 процентов;
- сахара – не менее 80 процентов;
- растительного масла – не менее 80 процентов;
- мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85 процентов;
- молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90 процентов;
- рыбной продукции – не менее 80 процентов;

[1] Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

[2] Еженедельный обзор рынка зерновых культур и продуктов их переработки № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/233

- картофеля – не менее 95 процентов;
- соли пищевой – не менее 85 процентов.

Расчет продовольственной независимости проводится по следующей формуле:

$$ПН = \frac{ОП + З_{н.г.} - З_{к.г.}}{О_{л.п.} + О_{п.п.}} \times 100,$$

где

ОП — это объем производства в натуральном выражении;

З(н.г.) — запасы на начало года;

З(к.г.) — запасы на конец года, О(л.п.) — объем личного потребления;

О(п.л.) — объем производственного потребления.

В настоящее время данный показатель нельзя считать достаточным для оценки продовольственной безопасности, так как он устарел и не характеризует должным образом самообеспечение страны ключевыми продуктами питания. Для более точной оценки продовольственной безопасности уже сегодня предлагается вместо показателя удельного веса отечественного производства в общем объеме ресурсов использовать показатель самообеспеченности. Данный показатель рассчитывается как процентное соотношение российского производства к внутреннему потреблению.

Для определения уровня продовольственной безопасности России построим прогнозные модели, описывающие динамику уровня самообеспеченности России пятью ключевыми продуктами питания, такими как зерно, картофель, растительное масло, сахар, молоко и молокопродукты, а также мясо и мясопродукты. Для определения расчетных значений будут использованы методы на основе экстраполяции тренда и адаптивные модели.

Прогноз будет построен на основе данных последних 10 лет. Таким образом, период упреждения составит 2–3 года. Точность, достоверность и адекватность модели будут определены коэффициентом детерминации, уровнем значимости F-критерия Фишера и экономической интерпретацией полученных результатов, во избежание парадоксальных явлений.

Прогнозирование уровня самообеспеченности зерном было осложненно выбросами, зафиксированными в 2010 и 2012 годах, вызванными климатическими и природными факторами.[1] Так, в 2010 году в России было зафиксировано аномально низкое количество осадков, а в 2012 нашествие паразитов. В связи с этим, ни одна из исследованных прогнозных моделей не показала достаточно точных результатов. Для того чтобы устранить данные выбросы, временной ряд результативного показателя был сглажен методом скользящей средней с периодом равным 3. Применение данного метода сократило временной ряд на 2 уровня, но позволило избавиться от выбросов и произвести регрессионный анализ. Таким образом, для прогноза уровня самообеспеченности России была выбрана кубическая регрессионная модель:

$$\hat{y} = 1{,}474 - 0{,}140t + 0{,}02t^2,$$

где

t – последовательность наблюдений.

Характеристика модели предложена в табл. 1. Коэффициент детерминации данной модели составляет 0,90, что говорит о высокой точности модели. Модель значима, согласно F-критерию Фишера, включает в себя фактор времени.

Таблица 1

Характеристика регрессионной модели, зерно

R-квадрат	Значимость F	Наблюдения	Стандартная ошибка
0,900	0,003	8,000	0,053
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
Y-пересечение	1,474	0,074	0,001
t	–0,140	0,038	0,014
t^2	0,020	0,004	0,005

Важно отметить, что число наблюдений при построении данной модели было сокращено с 10 до 8, в связи с применением скользящей средней для устранения выбросов и сглаживания временного ряда. В связи с этим, построение прогноза на 3 года вперед невозможно. Таким образом, период упреждения данной модели составляет 2 года. Кроме того, в модель не был включен фактор, отобранный на этапе корреляционного анализа, так как в процессе отбора прогнозной модели, данный фактор был незначим.

В результате применения регрессионной модели были построены прогнозные значения на 2017 и 2018 годы (рис. 1). Таким образом, согласно данной модели, уровень самообеспеченности России зерном составит 180,46% в 2017, и 203,74% в 2018 году. Таким образом, мы можем говорить о позитивном прогнозе на ближайшие два года.

Прогнозирование уровня самообеспеченности России картофелем с помощью обычных методов экстраполяции тренда невозможно. Это связано с отсутствием тенденции во временном ряду данного показателя. В связи с этим определим вероятность позитивного дальнейшего развития данного явления с помощью закона распределения Пуассона.

[1] Еженедельный обзор рынка зерновых культур и продуктов их переработки № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/233

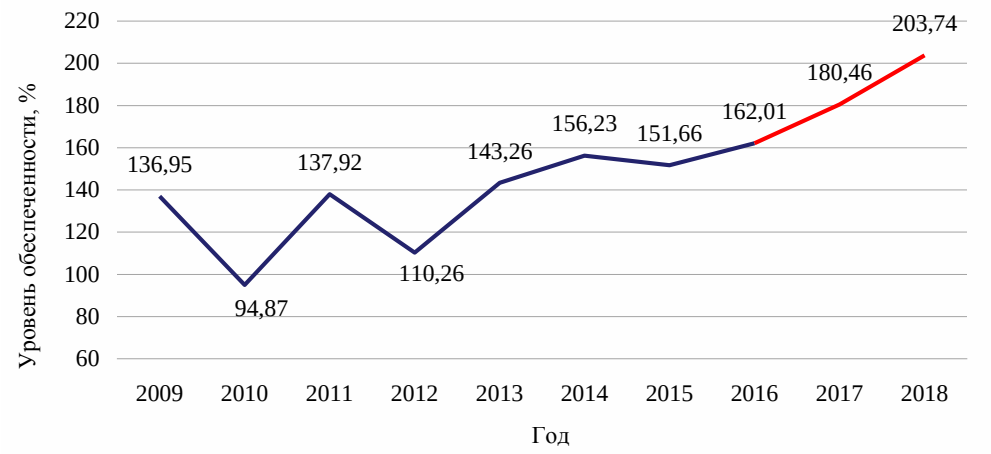


Рисунок 1.
Прогноз уровня самообеспеченности России зерном на 2017–2018 гг.

Средняя длина благоприятной тенденции во временном ряду уровня самообеспеченности картофелем составила 2 года. Средняя длина благоприятной тенденции показывает, сколько в среднем в рассматриваемом временном ряду, наблюдалось совершение благоприятной тенденции. На основе полученной средней длины благоприятной тенденции τ определяется показатель, характеризующий интенсивность прерываний этой благоприятной тенденции (λ). В нашем случае, λ составила 0,5. Данный показатель определяет, сколько раз в среднем за рассматриваемый период времени совершалось прерывание благоприятной тенденции. Вероятность благоприятной тенденции (p) определяется на основе закона распределения Пуассона. Таким образом, вероятность наблюдения положительной тенденции в уровне самообеспеченности России картофелем составила 66%. Следовательно, в связи с достаточным уровнем производства картофеля на душу населения по отношению к потреблению мы можем говорить о достижении продовольственной независимости России по данному продукту питания.

В ходе исследования возможных методов прогнозирования самообеспеченности растительным маслом были выявлены серьезные выбросы в анализируемом ряду динамики, которые не позволяли достаточно точно описать тренд. В связи с этим прогнозирование производилось на сглаженном методом скользящей средней временном ряду. Период сглаживания был выбран на уровне 3 лет, что сократило число наблюдений до 8, но позволило устранить выбросы во временном ряду и подобрать описывающую тренд регрессионную модель.

Таким образом, для прогнозирования уровня самообеспеченности растительным маслом, наилучшие показатели точности и значимости показала простая линейная регрессионная модель:

$$\hat{y} = 1{,}089 - 0{,}104t$$

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Точность построенной модели составляет 92%. Модель значима по F-критерию Фишера. Стандартная ошибка модели составила 0,081. Все факторы данной модели имеют высокую значимость как по P-значению, так и по t-критерию Стьюдента.

Таблица 2

Характеристика регрессионной модели, растительное масло

R-квадрат	Значимость F	Наблюдения	Стандартная ошибка
0,92	0,00016	8	0,081
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
Y-пересечение	1,089	0,063	0,000002
t	0,104	0,012	0,000162

В связи с вынужденным сокращением числа наблюдений максимально возможный период упреждения сократился до 2 лет. В результате применения данной модели были спрогнозированы значения на 2017–2018 годы. Так, уровень самообеспеченности России растительным маслом в 2017 году достигнет 212,92%, а в 2018 – 223,32% (рис. 2). Следовательно, мы можем говорить о благоприятном прогнозе на ближайшие 2 года продовольственной безопасности Российской Федерации по растительному маслу.

Аналогичные результаты были получены в ходе построения прогноза по уровню самообеспеченности сахарным песком. Анализируемый временной ряд имел серьезный выброс в 2010 году, в связи с чем все возможные прогнозные модели показывали недостаточную точность. Как и в двух предыдущих случаях, было проведено сглаживание прогнозируемого временного ряда методом скользящей средней с трехлетним периодом. Это позволило устранить выброс, однако, сократило число наблюдений до 8, что, в свою очередь, сократило возможный период упреждения до 2 лет.

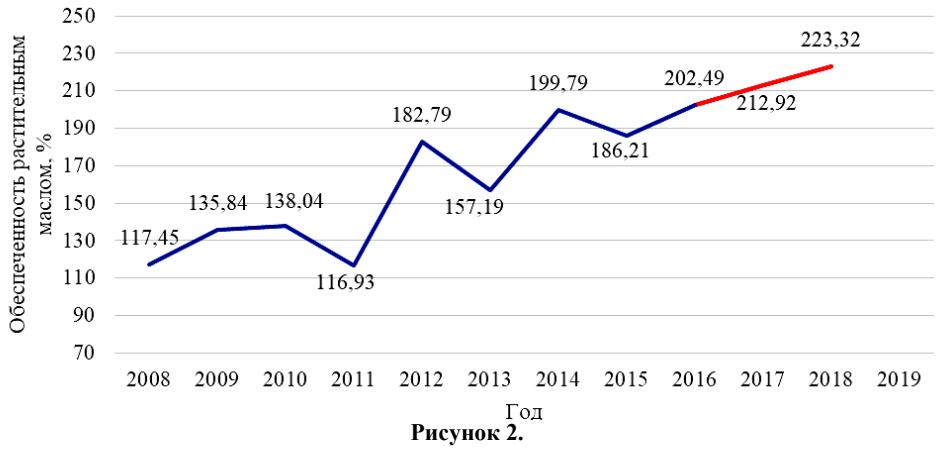


Рисунок 2.
Прогноз уровня самообеспеченности России растительным маслом на 2017–2018 гг.

Таким образом, наиболее точной и достоверной показала себя линейная регрессионная модель:

$$\hat{y} = 0{,}517 - 0{,}048t$$

Характеристика регрессионной модели, описывающей временной ряд уровня самообеспеченности России сахарным песком, представлена в табл. 3. Предложенная модель описывает исследуемое явление с точностью 91%. Модель значима и имеет стандартную ошибку 0,039. Все коэффициенты предложенной модели значимы.

Таблица 3

Характеристика регрессионной модели, сахар песок

R-квадрат	Значимость F	Наблюдения	Стандартная ошибка
0,91	0,00024	8	0,039
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
Y-пересечение	0,517	0,0309	0,000003
t	0,048	0,0061	0,000238

В результате прогнозирования, в соответствии с построенной моделью, были получены значения уровня самообеспеченности России сахарным песком в 2017 и 2018 годах. Так, в 2017 году, данный показатель составил 99,24%, а в 2018 – 104%. Таким образом, мы можем говорить о некотором снижении показателя по сравнению с последними годами, однако, с благоприятной динамикой на будущие годы. Продовольственная безопасность по сахарному песку будет достигнута и в дальнейшем позиции по данному продукту питания должны быть закреплены.

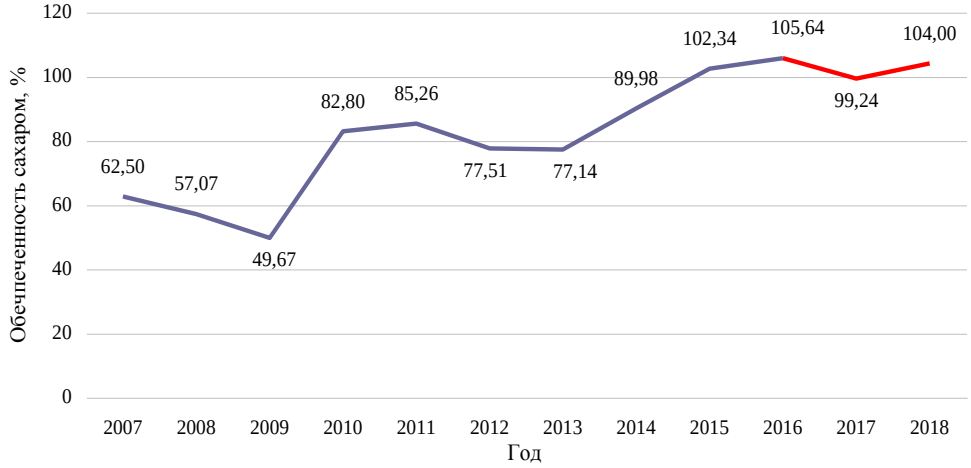


Рисунок 3.
Прогноз уровня самообеспеченности России сахарным песком на 2017–2018 гг.

Уровень самообеспеченности России мясом и мясопродуктами имеет устойчивый восходящий тренд, который наиболее точно описывается линейной регрессионной моделью:

$$\hat{y} = 0{,}594 - 0{,}032t$$

Построенная модель описывает тренд с точностью 97%. Модель значима согласно F-критерию Фишера и имеет стандартную ошибку 0,017. Все коэффициенты модели значимы, в соответствии с P-значением и t-критерием Стьюдента. Характеристика регрессионной модели представлена в табл. 4.

Таблица 4

Характеристика регрессионной модели, мясо и мясопродукты

R-квадрат	Значимость F	Наблюдения	Стандартная ошибка
0,97	0,0000002	10	0,017225141
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
Y-пересечение	0,594	0,0118	0,00000000003
t	0,0317	0,0019	0,00000016587

С помощью предложенной модели был построен прогноз с периодом упреждения 3 года. Так, в 2017 году уровень самообеспеченности России согласно построенной регрессионной модели составит 94,27%, в 2018 – 97,44%, в 2019 – 100,61%. Таким образом, мы можем говорить о благоприятном прогнозе на ближайшие 3 года и продовольственная безопасность по мясу и мясопродуктам будет достигнута.

В ходе исследования моделей для прогнозирования уровня самообеспеченности России молоком и молокопродуктами было выявлено, что наилучшие результаты демонстрирует кубическая прогнозная модель. Однако полученные прогнозные значения на 2017–2019 годы были излишне оптимистичны без должного экономического обоснования выявленного роста анализируемого показателя. В связи с этим было принято решение об увеличении числа наблюдений с 10 до 16, что позволило увеличить достоверность модели. В результате, для прогнозирования уровня самообеспеченности России молоком и молокопродуктами наилучшие характеристики продемонстрировала квадратичная регрессионная модель:

$$\hat{y} = 0{,}906 - 0{,}016t + 0{,}0006t^2$$

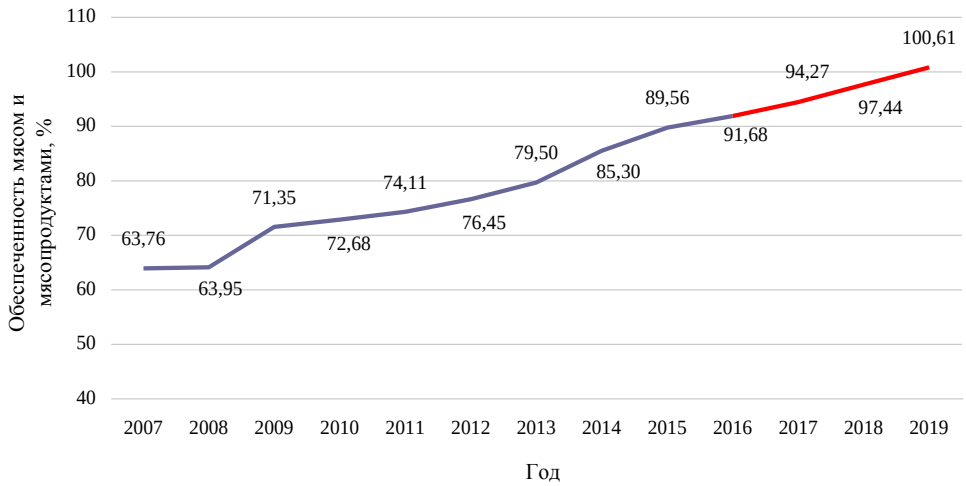


Рисунок 4.
Прогноз уровня самообеспеченности России мясом и мясопродуктами на 2017–2019 гг.

Характеристика данной регрессионной модели представлена в табл. 5. Предложенная модель описывает имеющийся в исследуемом показателе тренд с точностью 84%. Модель значима и имеет стандартную ошибку 0,014. Все параметры данной модели также значимы, как по F-критерию Фишера, так и по t-критерию Стьюдента.

Таблица 5

Характеристика регрессионной модели, мясо и мясопродукты

R-квадрат	Значимость F	Наблюдения	Стандартная ошибка
0,84	0,000007	16	0,013792
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
Y-пересечение	0,906451	0,011787	0,00000
T	–0,015979	0,003191	0,00024
t^2	0,000608	0,000182	0,00538

В результате прогнозирования исследуемого временного ряда с применением данной модели были рассчитаны прогнозные значения уровня самообеспеченности молока и молокопродуктов на 2017–2019 годы. Таким образом, согласно модели уровень самообеспеченности России молоком и молокопродуктами в 2017 году составит – 81,07%, в

2018 – 81,60%, в 2019 – 82,25% (рисунок 5). Следовательно, мы можем говорить о благоприятном прогнозе на ближайшие годы.

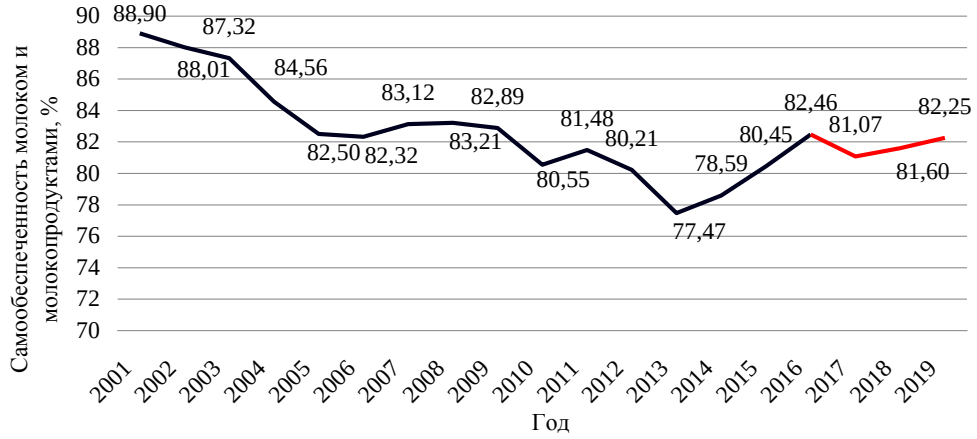


Рисунок 5.
Прогноз уровня самообеспеченности России молоком и молокопродуктами на 2017–2019 гг.

Однако рассчитанные показатели не позволяют говорить о достижении пороговых значений продовольственной безопасности, обозначенных в Доктрине. Согласно модели, необходимый уровень – 90%, будет достигнут по данному продукту питания лишь к 2026 году. Впрочем, число наблюдений модели не позволяет нам строить достоверный прогноз на столь большой срок.

В результате прогнозирования было выявлено, что все исследуемые продукты питания имеют благоприятную динамику развития. Так, прогнозные значения по зерну на 2017 и 2018 годы составили 180,46 и 203,74% соответственно. Прогнозные значения уровня самообеспеченности растительным маслом – 212,92 и 223,32% на аналогичный период. Прогнозные значения самообеспеченности сахаром – 99,24 и 104,00% на аналогичный период. Прогнозные значения уровня самообеспеченности мясом и мясными продуктами на 2017, 2018 и 2019 годы составили 94,27%, 97,44 и 100,61%. Прогнозные значения на аналогичный период по молоку и молочной продукции – 81,07%, 81,60 и 82,25%.

Таким образом, можно говорить о позитивных результатах обеспечения продовольственной безопасности в России на ближайшие 2–3 года практически по всем ключевым продуктам питания за исключением молока и молокопродуктов. По данной категории продуктов продовольственная безопасность, в соответствии, с выбранной прогнозной моделью может быть достигнута лишь к 2026 году.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
2. Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт / Федеральная служба государственной статистики. – 1995–2016. – Электрон, дан. – http://www.gks.ru
3. Еженедельный обзор рынка зерновых культур и продуктов их переработки № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/233
4. Еженедельный обзор рынка мяса и мясной продукции № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/238
5. Еженедельный обзор рынка молока и молочной продукции № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/237
6. Еженедельный обзор рынка масличных № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/235
7. Еженедельный обзор рынка сахара № 1-21 / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.specagro.ru/#/analytics/240
8. ЕМИСС: Официальный сайт / Государственная статистика. – http://www.fedstat.ru/

Ковалева Г.Д.,
Гулакова О.И.[1]

ПРОГНОЗ ПОТРЕБЛЕНИЯ НЕФТИ КРУПНЕЙШИМИ СТРАНАМИ АТР С ПОЗИЦИИ ИНТЕРЕСОВ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

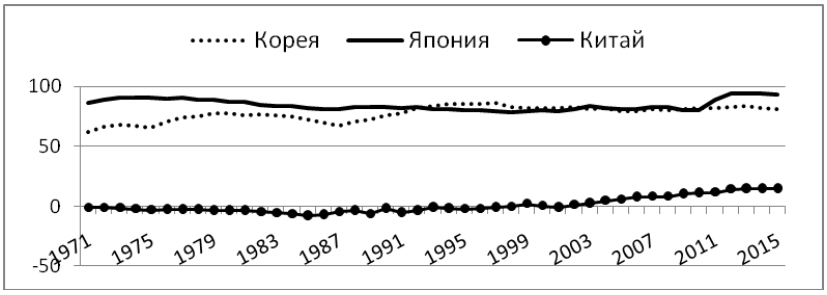
Ключевые слова: *нефть, потребление нефти, Китай, Япония, Южная Корея, эконометрический анализ, тренды, прогноз потребления нефти.*

Keywords: *oil, oil consumption, China, Japan, South Korea, econometric analysis, trends, forecast of the oil consumption.*

Один из национальных приоритетов РФ на период до 2030 г. – развитие Дальнего Востока на основе реализации его экспортного потенциала с ориентацией на страны АТР. Внедрение ряда крупных инвестиционных проектов стало толчком к возникновению положительных тенденции в развитии ДФО. В экономической сфере отмечается повышение доли региона в общем объеме добычи и экспорта топливно-энергетических полезных ископаемых в стране и соответственно, расширение его участия в формировании доходов от внешнеэкономической деятельности федерального бюджета.

Более 90% экспорта российской нефти в страны АТР приходится на три государства – Китай, Южную Корею и Японию (по данным на 2016 г. 47.6 млн. т, 12.4 млн. т и 9.9 млн. т соответственно) [1~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~]. К тому же, эти страны входят в 14 экономик мира с самым высоким уровнем ВВП [2~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~] и восьмерку мировых потребителей нефти [3~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~], а также являются крупнейшими нефтеимпортерами. Так в 2016 г. они в этом качестве занимали 2-е, 4-е и 5-е места, соответственно, уступив США и Индии [1~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~].

Все три государства имеют значительные проблемы с обеспеченностью нефтью по объективным причинам. Южная Корея и Япония бедны ископаемыми ресурсами, и их чистый импорт составляет более 80% в потреблении первичных энергоресурсов. В Китае, несмотря на наличие собственных энергоресурсов, в связи с высоким экономическим ростом потребность в них с 2002 г. стала превышать внутреннее предложение и к 2015 г. доля чистого импорта достигла 15%. (рис. 1) Кроме того, ожидается, что потребление нефти, а соответственно, и ее импорт будет расти и дальше.



Источник: [2]

Рисунок 1.
Доля чистого импорта в использовании первичных энергоресурсов (%)

Оценка состояния и дальнейшее развитие инфраструктуры нефтегазовой отрасли для обслуживания торговли в АТР предполагают изучение потенциальных рынков сбыта продукции, выявление системных факторов, формирующих спрос, и построение прогнозов, что было выполнено на основе эконометрического моделирования спроса для трех государств – Китая, Японии и Южной Кореи, как наиболее значимых потребителей нефти в АТР.

[1] Ковалева Галина Даниловна – к.э.н., лауреат премии ГКНТ СССР (1989), доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, с.н.с., зав. сектором ИЭОПП СО РАН. Научные интересы: область измерения экономической динамики; участие в разработке транспортной стратегии России и стратегии социально-экономического развития Сибири; региональный аспект интеграции России в мировую экономику на примере Сибири и Дальнего Востока. E-mail: gdkov@ieie.nsc.ru

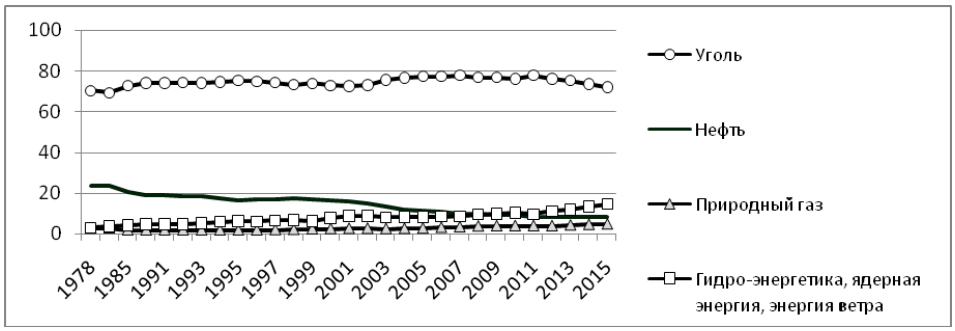
Гулакова Ольга Игоревна – ассистент НГУ, м.н.с. ИЭОПП СО РАН. Научные интересы: оценка общественной эффективности инфраструктурных проектов, оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели, региональный аспект интеграции России в мировую экономику на примере Сибири и Дальнего Востока. E-mail: olgulakova@yandex.ru

Китай

Китайская Народная Республика (КНР) в настоящее время (на 2016 г.) имеет вторую по потреблению нефти [3] и первую по размеру ВВП (рассчитанному по ППС) экономику в мире [2]. Численность населения Китая приблизилась к 1,4 млрд. чел., увеличившись за последние 40 лет более чем в 1,5 раза [2].

Современный Китай демонстрирует огромный потенциал экономического роста, и потребление энергоносителей в среднесрочной перспективе будет только увеличиваться. В настоящее время он активно использует все силы и возможности в противостоянии за доступ к энергетическим ресурсам и активам за рубежом [4], расширяя и внутренние возможности. В КНР наращиваются объемы добычи нефти и газа на морском шельфе, а также внутри страны [5]. Но собственные месторождения не справляются с возрастающим потреблением нефти в стране. Так, если до 1992 г. объем потребления нефти не превышал объема добычи, то к 2015 г. потребление превысило объем добычи более чем в 2,7 раза [3]. Ожидается, что в последующие 5–10 лет спрос на нефть будет активно расти, в то время как производство сырой нефти в Китае увеличится незначительно. К тому же собственные запасы нефти составляли в 2016 г. относительно небольшую величину – около 25,7 млрд. барр. Например, в России общий объем доказанных запасов на конец 2016 г. составлял 109,5 млрд. барр., в США – 48 млрд. барр. [3]

Главное место в энергобалансе Китая пока занимает уголь. Страна, обладая крупными запасами урана и большим потенциалом в гидро-, гелио- и ветроэнергетике [6] постепенно снижает долю угля и намерена увеличить долю альтернативной энергетики до 15% в общем энергобалансе страны уже к 2020 г. В структуре энергопотребления доля природного газа должна вырасти в 2 раза. В условиях постепенного, но почти постоянного возрастания доли альтернативных источников энергии наблюдается положительная динамика в использовании природного газа и устойчивая отрицательная динамика в использовании нефти и продуктов ее переработки (рис. 2).



Источник: [8~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~].

Рисунок 2.
Динамика использования источников энергии в Китае, %

Если не будет обнаружено новых нефтяных месторождений, то ожидается постепенный спад производства собственной сырой нефти. Однако предполагается, что Китай будет продолжать активно использовать нефть до 2035 г. включительно [7]. Практически вся сырая нефть поступает на переработку. В 2014 г. около 7% сырой нефти шло на производство химических продуктов и химического сырья и около 91% – на производство продуктов переработки [8].

Наибольшая доля в потреблении нефтепродуктов приходится на промышленность и транспорт. Доля потребления нефтепродуктов в транспортном секторе постоянно растет. С 2013 г. доля транспорта стала превышать долю промышленности в структуре потребления нефтепродуктов Китая (в 2014 г. доля промышленности – 35%, транспорта – 38%), в то время как в 1990 г. в транспортном секторе экономики потреблялось в 4 раза меньше продуктов нефтепереработки, чем в индустриальном секторе (доля промышленности – 64%, транспорта – 15 %) [8].

Согласно исследованиям Б. Лин (B. Lin), рост ВВП в Китае находится в прямой зависимости от роста потребления нефти в дорожно-транспортном секторе экономики [6]. Учитывая то, что автомобилизация в Китае находится на относительно ранней стадии, можно предположить, что импорт нефти продолжит наращиваться.

С другой стороны, чтобы сдерживать темпы увеличения потребления энергоресурсов на протяжении последних лет правительство Китая активно реализует политику энергосбережения как среди населения, так и в промышленности.

Тем не менее, с 2002 г. зависимость КНР от внешних источников энергоресурсов имела выраженную тенденцию к росту. С 2009 г. на импорт стала приходиться половина потребляемой в стране сырой нефти. Кроме того, о создании национальной системы стратегических резервов (SPR) энергоресурсов Китай принял решение еще в 2000 г. [9, 10~~10~~].

Одним из важных направлений энергетической стратегии Китая стала политика географической диверсификации. Наиболее перспективными источниками энергоносителей были определены страны Персидского залива, Россия и страны Центральной Африки, причем в 2016 г. Россия заняла первое место в рейтинге объемов китайского импорта нефти.

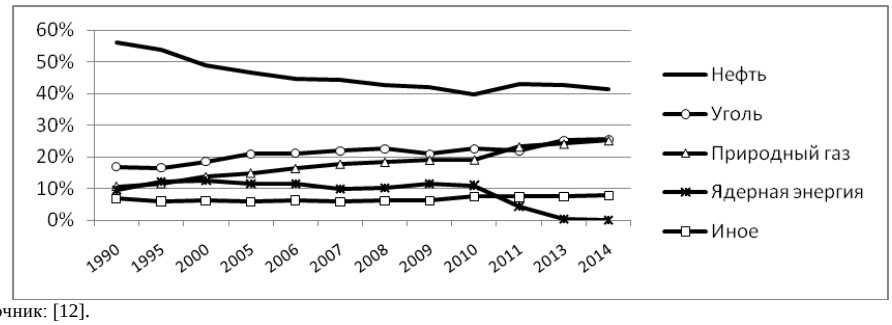
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный

Япония

Экономика Японии занимает 4-е место в мире по ВВП, рассчитанному по ППС, 3-е место по импорту нефти и входит в пятерку крупнейших потребителей энергии [2, 3]. Численность населения Японии почти не меняется с 1999 г., оставаясь на уровне 127 млн. чел. [12].

В мировом рейтинге по величине проектных мощностей генерации электроэнергии страна занимает 3-е место после США и Китая. [11~~11~~]. При этом Япония бедна ископаемыми ресурсами и вынуждена импортировать нефть, нефтепродукты, сжиженный газ и уголь. Внутренний спрос на нефть удовлетворяется в основном за счет импорта, собственное производство обеспечивает не более 9% от общего объема потребления нефти [12]. Из-за отсутствия у страны достаточных углеводородных ресурсов японские энергетические компании принимают активное участие в нефтегазовых проектах во всех странах мира.

Япония проводит политику диверсификации энергопотребления. Благодаря повышению эффективности использования нефтепродуктов, а также увеличению использования природного газа и угля, доля потребления нефти за последние 25 лет упала почти на 10% [12] (рис. 3).



Источник: [12].

Рисунок 3.
Динамика использования источников энергии в Японии, %

Отраслевая структура потребления продуктов нефтепереработки в Японии, в отличие от Китая, остается практически неизменной с 1990 г. Наибольшая доля приходится на транспорт, обеспечивая более 92% конечного потребления продуктов нефтепереработки (по данным на 2014 г.). На 2-м месте – производство с высокой долей нефтехимической промышленности [12].

Землетрясение и цунами, произошедшие в Японии у побережья Сендай 11.03.2011 г., привели к тому, что с марта 2011 г. Япония постепенно приостановила работу всех ядерных энергетических мощностей, и лишь летом 2014 г. были допущены к запуску первые два реактора, притом, что ядерная энергетика являлась неотъемлемой частью японской энергетической политики. В краткосрочной и среднесрочной перспективах ожидается, что энергетическая экспансия будет связана с импортом нефти, угля, СПГ и применением возобновляемых источников энергии с постепенным сокращением доли атомной энергии в энергобалансе Японии. В долгосрочной перспективе, Япония предполагает опираться на возобновляемые источники энергии и, по-прежнему, на ядерную энергетику и [13~~13~~].

Энергетическая безопасность, забота об окружающей среде и экономия являются тремя «китами» японской энергетической политики. Кроме того, в настоящее время страна занимает 1-е место в мире по обеспеченности стратегическими резервами энергоресурсов. Внимание японского правительства направлено уже не на наращивание, а на построение эффективной схемы реализации резервов [13~~13~~]. Для России их важно учитывать как сдерживающие факторы.

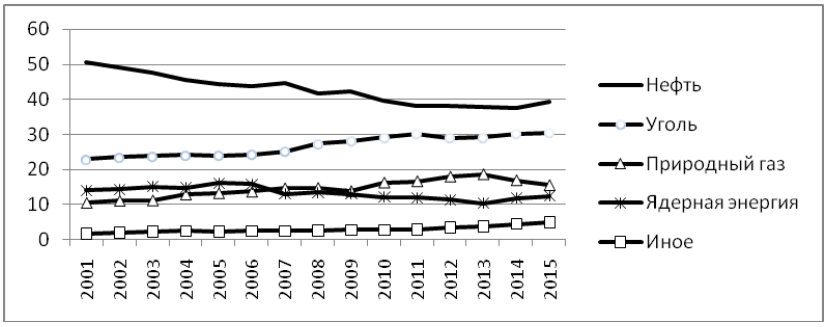
Но для России также важно, что за 25 лет география импорта Японии претерпела изменения в её пользу. Хотя страны Персидского залива остаются главными поставщиками энергетического сырья, роль Юго-Восточной и Центральной Азии постепенно становится все более незначительной. С 1990 г. доля РФ выросла с исчезающее малой величины до 8% в 2015 г, а по объемам поставок среди стран, поставляющих нефть в Японию, Россия поднялась на 3 место, уступив только Саудовской Аравии и Катару [12]. Это превращает Японию в важного с позиций России игрока на нефтяном рынке АТР.

Южная Корея

Южная Корея незначительно уступает первым двум странам по объему экономики. В 2016 г. она занимала 14-е место в мире по уровню ВВП, рассчитанному по ППС, и входила в восьмерку крупнейших потребителей нефти, занимая 5-е место в мире по её импорту [1, 3]. Численность населения страны быстро растет, она практически достигла 51 млн. чел., более чем в 1,5 раза превысив уровень 1970 г. [2].

Энергетические ресурсы Южной Кореи характеризуются относительно крупными месторождениями каменного угля, урана, газа и запасами гидроресурсов при полном отсутствии нефтяных месторождений. В целях повышения энергетической безопасности страна принимает активное участие в поисках и разработках месторождений энергоресурсов совместно с иностранными компаниями за рубежом.

В структуре её энергопотребления доля нефти составляет наиболее весомую часть (около 40% в 2015 г.), однако она постепенно снижается на фоне роста потребления угля и природного газа. Экономика Южной Кореи больше всех стран АТР ориентирована на использование природного газа, однако доля добываемого газа в структуре потребления энергоресурсов не превышает 20% (к 2015 г. упала почти до 15%). Постепенно увеличиваются доли альтернативных источников энергии и гидроэнергетики, но их роль остается незначительной, к 2015 г. они в сумме не превышали 5% (рис. 4).



Источник: [14~~Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.~~].

Рисунок 4.
Динамика структуры энергопотребления в Южной Корее, в %

Рост потребления нефти в стране начался еще в XX веке, и оно возросло с 476 тыс. барр. в день в 1980 г. до 2763 тыс. барр., в день в 2016 г. [3]. Почти вся сырая нефть отправляется на производство нефтепродуктов, но внутри страны потребляется менее 80% произведенных продуктов [14].

Невзирая на отсутствие собственных нефтяных месторождений, в Южной Корее располагаются одни из самых современных и крупнейших заводов мира по нефтепереработке (НПЗ). Суммарные мощности корейских НПЗ превышают внутренние потребности страны, и значительная часть нефтепродуктов экспортируется в соседние государства.

В структуре энергопотребления нефтепродуктов с 1985 г роль производственного сектора и транспорта меняется незначительно, в сумме обеспечивая в 2015 г. более 90% конечного потребления продуктов нефтепереработки. При этом на производственный сектор приходилось в 2015 г. 58%, на транспортный сектор – 36%. Согласно исследованию Хосеок Ким (Hoseok Kim) [15], потребление нефти в транспортном секторе будет расти.

На территории Южной Кореи с целью укрепления энергетической безопасности государства создан и постоянно поддерживается нефтяной стратегический запас. Южная Корея, прежде всего, зависит от импорта нефти из стран Персидского залива, так около 85% всей нефти в 2016 г. поставлялось из этого региона. Доля российской нефти незначительна, в последнее десятилетие варьировала в диапазоне 3–4% от совокупного нефтяного импорта. В отличие от Китая и Японии, российскому экспорту нефти только предстоит расширить свои позиции в Корее.

Построение эконометрической модели

Анализ на основе данных различных статистических источников, а также статей, написанных по данной тематике, неизбежно приводит к возникновению пробелов в описании экономических взаимосвязей, что обусловлено неполнотой информации и множественностью причин, определяющих поведение объекта исследования. В результате аналитического обзора определены основные экономические факторы, и выдвинута гипотеза о влиянии их на потребление нефти в анализируемых странах. Для решения данной проблемы в рамках гипотезы о составе причинного блока воздействующих факторов на потребление нефти страной осуществлен эконометрический анализ массива статистических данных.

Для построения уравнений регрессии были собраны ежегодные данные за 45 лет (1971–2015 гг.) из статистических источников в соответствии с результатами аналитического обзора (табл. 1). Потребление нефти в транспортной отрасли косвенно характеризуют факторы x_2 и x_3; потребление нефти в энергетике – фактор x_4; в производстве– фактор x_5.

Таблица 1

Основные факторы, гипотетически влияющие на потребление нефти в стране

Переменная	Наименование переменной	Источник
y	Потребление нефти млн. барр./день	[3]
x_1	Общая численность населения, млн. чел.	[2]
x_2	Потребление энергоресурсов в дорожном секторе, млн. т.н.э.	[2]
x_3	Авиаперевозки пассажиров, зарегистрированных в стране, млн. чел.	[2]
x_4	Производство электроэнергии на основе нефти и нефтепродуктов, млрд. кВт/ч.	[2]

x_5	ВДС в «производстве[1]», в ценах 2010 г. в 10 млрд. долл. США	[2]
x_6	Валовой выпуск продукции, млрд. долл. США, цены 2010 г.	[2]

Для решения проблем, связанных с возникновением ложной корреляции и гетероскедастичности, уравнения регрессии строились для стационарных рядов, для чего показатели были пересчитаны в темпы роста. Эконометрический анализ проводился в два последовательных этапа. Сначала проверялась гипотеза о влиянии динамики ВВП (**фактор x_6**) на темпы роста потребления нефти. Построенные регрессионные уравнения позволили принять гипотезу о положительной взаимосвязи между динамикой потребления нефти и ВВП для каждой из трех стран. Причем для анализируемых государств, как следствие их политики энергосбережения, при отсутствии роста ВВП темпы потребления нефти будут сокращаться (табл. 2).

Таблица 2

Уравнения регрессии между темпами роста потребления нефти и темпами роста ВВП

Страна	Уравнения регрессии
Китай*	$y_t = -0{,}01 + 0{,}65x_{7t} + e_t$ $(0{,}02)R^2 = 14\%$
Япония	$y_t = -0{,}03 + 1{,}03x_{7t} + e_t$ $(0{,}000)R^2 = 33{,}7\%$
Южная Корея	$y_t = -0{,}02 + 1{,}3x_{7t} + e_t$ $(0{,}000)R^2 = 44{,}1\%$

* Для построения регрессии использованы ежегодные данные за 40 лет (1976–2015 гг.)

На втором этапе расчетов для понимания воздействия причинного комплекса ВВП был заменен на составляющие компоненты и выявлена доля влияния каждого фактора на потребление нефти в стране. Для решения проблемы мультиколлинеарности регрессионный анализ производился с использованием пошагового метода. Для определения степени влияния каждого фактора, уравнения регрессии строились на основе анализа частных корреляций. Построенные уравнения множественной регрессии, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Уравнения регрессии между темпами роста потребления нефти и влияющими факторами.

Страна	Уравнение Регрессии	Независимые факторы	Стандартизованные коэффициенты
Китай	$y_t = 0{,}04 + 0{,}34x_{2t} + 0{,}09x_{5t} + e_t$ $(0{,}003)(0{,}003)$ $R^2 = 35\%$	x_2. Потребление энергоресурсов в дорожном секторе.	0,40
		x_5. Производство электроэнергии на основе нефти и нефтепродуктов.	0,38
Южная Корея	$y_t = -0{,}004 + 0{,}3x_{3t} + 0{,}45x_{6t} + e_t$ $(0{,}001)(0{,}008)$ $R^2 = 45.5\%$	x_3. Авиаперевозки пассажиров.	0,44
		x_6. ВДС в «производстве», в ценах 2010 г.	0,36
Япония	$y_t = -0{,}01 + 0{,}22x_{2t} + 0{,}25x_{3t} + 0{,}13x_{5t} + e_t$ $(0{,}013)(0{,}000)\ \ (0{,}000)$ $R^2 = 57{,}3\%$	x_2. Потребление энергоресурсов в дорожном секторе.	0,30
		x_3. Авиаперевозки пассажиров.	0,43
		x_5. Производство электроэнергии на основе нефти и нефтепродуктов.	0,39

В результате для каждого государства были определены приоритетные факторы, влияющие на потребление нефти в стране. Так, во всех анализируемых странах рост потребления нефти связан с ростом потребностей национального транспорта в энергоресурсах. Кроме того в Южной Корее – с развитием производства, а в Японии и Китае – с ростом потребностей в электроснабжении.

В современных технологических и экономических условиях нефть остается одним из определяющих ресурсов энергообеспечения, и рост спроса на российскую нефть в Китае, Японии и Кореи в ближайшие десятилетия имеет все основания.

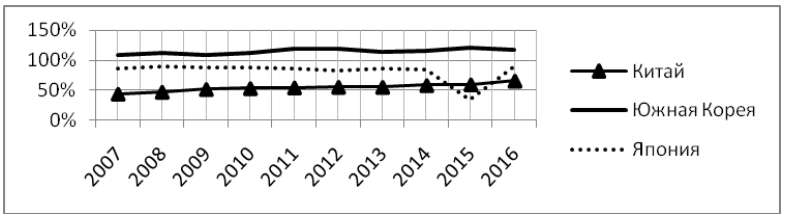
Прогноз

В построении прогноза использованы результаты анализа сложившихся тенденций в период с 1966 по 2016 гг. в потреблении нефти тремя крупнейшими азиатскими странами. В Китае с 1976 г. до конца интервала наблюдалась положительная динамика добычи нефти. В Южной Корее высокий рост потребления нефти имел место с 1990-х гг., до 1999 г., затем динамика стала более стабильной. В Японии бурное послевоенное развитие экономики сменялось пери-

[1] Сферы «производства» (industrial) определяются в соответствии с международными стандартами промышленной классификации ISIC (International Standard Industrial Classification of All Economic Activities, Rev.4. United Nations statistic division. – http://unstats.un.org/unsd/cr/registry/regcst.asp?Cl=27&Lg=1).

одами спада и стагнации. В настоящее время в связи с аварией на АЭС величина потребления нефти постепенно увеличивается, но из-за падения численности населения и использования более эффективных транспортных средств ожидается дальнейшее падение потребления продуктов нефтепереработки.

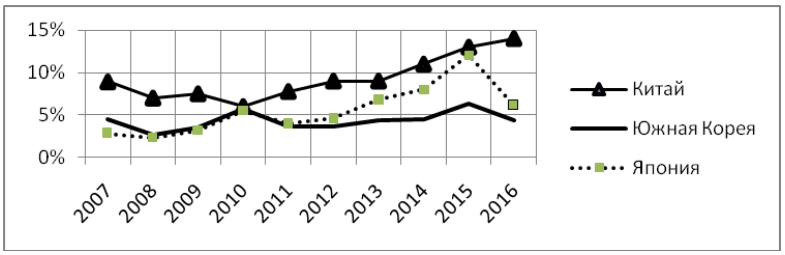
Для определения величины возможного экспорта нефти в страны АТР проанализирована динамика структуры импорта нефти в рассматриваемых государствах. Доля импорта нефти из РФ в объеме ее потребления Южной Кореи и Китая в последнее десятилетие имеет возрастающую тенденцию. В Японии в 2015 г произошло резкое падение объемов импорта нефти, которое стабилизировалось к 2016г. (рис. 5)



Источник: построено авторами на основе анализа данных [2,3].

Рисунок 5.
Динамика доли импорта нефти в объеме ее потребления (%)

Доля Китая в российском импорте с начала функционирования нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» значительно возросла (с 6% в 2010 г. до 14% в 2016 г.). Доля Южной Кореи и Японии остается в последнее десятилетие относительно стабильной с непродолжительными тенденциями к росту, в среднем колеблясь около 4% и 6% соответственно (рис. 6).



Источник: построено авторами на основе анализа данных [1].

Рисунок 6.
Динамика доли российского импорта в совокупном импорте государств (%)

Прогноз возможных объемов потребления нефти осуществлен при помощи циклических моделей временных рядов в анализируемом периоде. Для полноты анализа он дополнен прогнозами крупных статистических агентств. Прогнозы строились с учетом предположений о том, что будут оставаться неизменными: динамика потребления нефти; доля поставок российской нефти в структуре импорта анализируемых государств (на уровне последнего десятилетия для Южной Кореи и Японии, а в Китае – на уровне 2016 г.). Результаты расчетов представлены в табл. 4, и на их основании можно предположить, что к 2030 г. Россия сможет поставлять в Китай около 75 млн. т., в Южную Корею около 6 млн. т., в Японию – 8 млн. т. К аналогичным выводам относительно Китая, но со стороны возможностей России пришел и Б.Г. Санеев [16~~16~~].

Таблица 4

Потребление нефти и ее экспорт из РФ, факт и прогноз (в млн. т.)

Страна	Фактическое потребление нефти	Прогноз потребления нефти		Фактический импорт нефти из РФ	Прогноз импорта нефти из РФ **в 2030 г.**	
	2016 г.	**2030 г.**	Источник	**2016**	мин	мах
Китай	579	762	EIA (2016) [19~~19~~]	52	58	79
		712	IEA (2016) [20~~20~~]			
		852	BP (2017) [17~~17~~]			
		787	Авторский			
Южная Корея	122	109	ADB (2009) [18~~18~~]	6	5	6
		123	EIA (2016) [19~~19~~]			
		133	Авторский			
Япония	184	187	ADB (2009) [18~~18~~]	10	7	10
		182	EIA (2016) [19~~19~~]			
		129	IEA (2016) [20~~20~~]			
		215	Авторский			
				68	**70**	**94**

Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный
Отформатировано: Цвет шрифта: Черный

Заключение

С конца XX века в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона можно было наблюдать вне зависимости от конъюнктуры мировых цен на энергоносители рост спроса на нефть. В рамках применения предложенной методики можно утверждать, что рост потребления нефти в анализируемых государствах АТР связан с ростом потребностей национального транспорта в энергоресурсах; в Южной Корее – с развитием производства, в Японии и Китае – с ростом потребностей в электроснабжении. Однако при отсутствии роста ВВП в анализируемых государствах темпы потребления нефти могут сокращаться.

Список литературы

1. UN Comtrade Database / United Nations Commodity Trade Statistics Database, 2017. – http://comtrade.un.org/db/dqBasicQueryResults.aspx? px=H3&cc=2709&r=643&y=2017
2. World development indicators / The World Bank Group, 2017. – http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx? source=world-development-indicators#
3. BP Statistical Review of World Energy June 2017. – P. l. – http://www.bp.com/content/dam/bp-country/eses/statistical_review_of_world_energy_ 2017.pdf
4. Островский А.В. Возможности Китая в решении энергетической проблемы // Энергетическая политика. 2010. – № 4. – С. 53–67.
5. Салыгин В.И. Современные экономические и политические аспекты развития нефтегазового комплекса стран ЮВА / В.И. Салыгин, С.В.Березинский // Вестник МГИМО Университета. – М., 2014. – № 4 (37). – С. 54–59.
6. Boqiang Lin. Estimation on oil demand and oil saving potential of China's road transport sector / Lin Boqiang , Xie Chunping // Energy Policy. 2013. – Vol. 61, October. – P. 472–482. – http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421513005028
7. Odgaard O. China′s energy security and its challenges towards 2035 /O. Odgaard, J. Delman // Energy Policy. 2014. – Vol. 71, August. – P. 107–117. – http://www.sciencedirect. com/science/article/pii/S0301421514002079
8. China statistical yearbook 2016 / National Bureau of Statistics of China, 2017. – http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/
9. Kang Wu. China′s energy security: Oil and gas // Energy Policy. 2014. – Vol. 73, October. – P. 4–11. – http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421514003395
10. Xin C. Using stockpile delegation to improve China′s strategic oil policy: A multi-dimension stochastic dynamic programming approach / Ch. Xin , H. Mu // Energy Policy. 2014. – Vol. 69, June. – P. 28–42. – http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151400161X
11. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции: монография в 2-х кн. Кн. 1 / И.И. Меламед, Н.П. Дементьев, К.Ю. Казанцев и др.; ред. И.И. Меламед. – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011. – 738 с.
12. Japon statistical yearbook 2017. / Statistics Bureau of Japon, 2017. – http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/66nenkan/1431-11.htm
13. Vivod V. Japan's energy security predicament post-Fukushima // Energy Policy. 2012. – Vol. 46, July. – P. 135–143. – http://www.sciencedirect.com/science/article /pii/S0301421512002492
14. Yearbook of Energy Statistics / Korea Energy Statistics Information System, 2017. – http://www.kesis.net/
15. Hoseok Kim. Energy demand and supply, energy policies, and energy security in the Republic of Korea // Energy Policy. 2011. – Vol. 39, N 11, November. – P. 6882–6897. – http://www.sciencedirect.com/science/article/ pii/S030142151100591X
16. Санеев Б.Г. Топливно-энергетический комплекс востока России: современное состояние и перспективы // Регион: экономика и социология. 2013. – № 2 (78). – С. 251–265.
17. BP Energy Outlook 2035: January 2017. – P. l. – http://www.bp.com/en/global/corporate/energyeconomics/energy-outlook.html
18. Energy Outlook for Asia and the Pacific / Asian Development Bank (ADB), October 2009. – https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29782/energy-outlook.pdf
19. International Energy Outlook 2016 U.S. / U.S. Energy Information Administration (EIA), 2016. – https://www.eia.gov/outlooks/ieo/
20. World Energy Outlook 2016 / International Energy Agency (IEA), 2016. – https://www.docdroid.net/IOBt86G/world-energy-outlook-2016.pdf

Коровникова Н.А.[1]

ПАТРИОТИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *патриотизм, патриотизация, инновации, развитие, Россия.*
Keywords: *patriotism, patriotization, innovation, development, Russia.*

После распада Советского блока и дискредитации его идеологических основ Россия, как и другие страны постсоциалистического пространства, столкнулась с масштабными, качественными трансформациями, которые, по сути, сводились к «вестернизации» и «космополитизации» всех сфер жизнедеятельности. На фоне «ослабленного духовного иммунитета» подобные процессы привели к деформации, деидеологизации и, как следствие, депатриотизации общественного сознания. Учитывая, что ценностный фундамент российского патриотизма исторически являлся одним из важнейших факторов стабильного роста, проявления патриотического нигилизма поставили под угрозу стабильность, безопасность и перспективы России в новой глобальной системе координат XXI века.

Очевидно, что поступательная эволюция российского социума представляется возможной только при условии единства россиян на базе высших идей и ценностей, в числе которых особое место занимает патриотизм, который, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанному на встрече Клуба лидеров[2] в начале февраля 2016 года, и является национальной идеей современной России[3]. Поэтому российские реалии стимулируют возрождение и популяризацию патриотической идеи в качестве «духовной скрепы» общества, которая должна стать ядром общенациональной стратегии инновационного развития России как государства и цивилизации.

На сегодняшний день в отечественном научном дискурсе циркулирует множество различных трактовок патриотизма как социально-философского и психологического феномена, общественно-государственного принципа, ценностного ориентира и т.п.[4] В наиболее общих терминах патриотизм как многогранное и сложносоставное понятие, которое охватывает как минимум *пять областей* ментальной сферы (психологическую, гносеологическую, социально-культурную, духовно-нравственную, аксиологическую)[5], можно определить на микроиндивидуальном уровне – как субъективное (внутриличностное) чувство, эмоциональное переживание, а на макросоциальном – как объективный критерий, детерминирующий общественное сознание, поведение, деятельность.

Патриотизм аккумулирует в себе не только совокупность эмоций, представлений, идей, но и *вектор практического поведения*, направленного на прогрессивное, инновационное развитие страны, народа, личности. Поэтому, являясь частью мировоззренческих ценностей, духовной культуры, идеологии и морали, он служит мощным средством консолидации, мобилизации и ориентации деятельности каждого гражданина на благо Родины и представляет собой социальный институт, обеспечивающий устойчивость и эффективность функционирования и эволюции социума.

Другими словами, по своей природе и значению патриотизм – это аксиологический принцип личного, в чем-то иррационального чувства (переживания) любви к Родине, обусловливающий характер и особенности не только ментального, но и «материального» (экономического, социального, политического) пространства жизнедеятельности общества. Он одновременно обозначает устойчивое духовное явление, способ психологического существования человека (психологический феномен), философский, нравственный и политический критерий, социальное чувство, социологическую характеристику и *принцип поступательного, инновационного развития*, который «выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества»[6].

Вышеизложенное позволяет трактовать *патриотизацию* как совокупность процессов актуализации, популяризации, культивирования, воспитания и поддержки патриотизма в качестве основополагающего ценностного принципа

---

[1] Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., доцент МИЭПП, с.н.с. ИНИОН РАН. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru

[2] Более подробно о «Клубе лидеров» см. https://leadersclub.ru

[3] Путин В. В. У нас нет никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма // Наша молодежь. 2016. – № 4. – С. 3.

[4] Например: чувство любви и гордости за свое Отечество; общественный, нравственный и политический принцип; идеология и психология преданности Отечеству; готовность защищать Родину даже ценой собственной жизни; духовно-нравственная ценность общегосударственного уровня; критерий и результат политической, культурной, национальной самоидентификации; морально-нравственные установки, мировоззрение и т.п.

[5] Более подробно см. Коровникова Н. А. Аксиологическое пространство постсоветской России: идея, идеология, идентичность. – М.: НОУ ВО «МИЭПП», 2017. – С. 73.

[6] См. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. – http://www.gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/

и ориентира развития общества и государства. В современном контексте патриотизация должна охватывать *культурное, информационное, образовательное пространства* и соответствовать следующим *критериям*:

1) *идейно-ценностным*: приоритетная ценность патриотизма и его особая социально-культурная значимость в общественном сознании; уникальность российского патриотизма; державность (единая и неделимая Россия); гордость за прошлое, настоящее и будущее Отечества;

2) *общественно-государственным*: единство личных, групповых, общественных и государственных интересов; самодостаточность; исполнение гражданского и патриотического долга; воспроизводство и адаптация патриотических традиций к вызовам современности;

3) *социально-педагогическим*: единство патриотического контекста; повышение социально-культурного, политического статуса и эффективности *патриотического воспитания*; обновление системы ценностей патриотического воспитания согласно реалиям XXI века[1].

Патриотизация как процесс, который опосредует и детерминирует содержание аксиологического пространства, должна отвечать трем незыблемым, первостепенно актуальным и исторически присущим России принципам: *национальности, суверенитета и традиции*, которые формируют фундамент российского общества, государства, цивилизации. Действительно, исторический опыт России наглядно демонстрирует и доказывает, что патриотизм можно рассматривать не только как традиционный ценностный ориентир, но и как необходимое условие прогрессивного развития на всех этапах ее многовековой истории. В данном ракурсе эвристически интересным и наглядным с точки зрения значимости патриотизма для уровня развития российского государства и общества представляется подход, предложенный О.М. Родионовым, который выделил следующие десять периодов в истории России[2]:

1) *древнерусское государство (Киевская Русь)* (к. IX – н. XIII вв.) – генезис русского патриотизма, который воплотился в идее о необходимости единения Руси («Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и т.д.);

2) *господство татаро-монгольского ига* (40-е гг. XIII – к. XV вв.) – собирание сил и постепенное становление патриотического сознания («символы» служения Отечеству: Александр Невский, Сергий Радонежский, Дмитрий Донской);

3) *создание и укрепление русского централизованного государства* (к. XV – к. XVI вв.) – усиление патриотической составляющей через обретение независимости (первая в истории России вариация национальной идеи «Москва – Третий Рим»);

4) *ослабление централизованной власти, «смута»* (к. XVI– н. XVII вв.) – подрыв патриотических настроений на фоне личных амбиций и притязаний на верховную власть со стороны представителей знати (польско-шведская интервенция);

5) *начало правления династии Романовых* (1612 г. – к. XVII в.) – укрепление единства государства на базе патриотических ценностей (высшее проявление патриотизма в народном ополчении Минина и Пожарского);

6) *царствование Петра I, «Екатерининский век»* (XVIII в.) – формирование основ государственного патриотизма, системы патриотического воспитания, идеи служения Отечеству;

7) *период зрелости Российской империи* (XIX в.) – укрепление русской патриотической идеи, ее определение в формуле «Православие. Самодержавие. Народность» («золотой век» русской литературы, искусства, науки: Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, В.С. Соловьев, С.М. Соловьев, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев и др.);

8) *разрушение Российской империи, революционные потрясения* (первые десятилетия XX в.) – деградация и депатриотизация общественного, в первую очередь, элитарного сознания (идеи либерализма, западничества, антимонархизма);

9) *советский период* (1920–1990-е гг.) – создание продуктивной системы военно-патриотического воспитания, формирование *советского государственного патриотизма*; но с 1980-х годов – начало деградации патриотической идеи советского образца;

10) *постперестроечный период* (н. 1990-х гг.) – деформация всех сфер жизнедеятельности на «либерально-рыночной» основе, дискредитация советских ценностей и идеологии, в том числе их патриотической составляющей.

В постсоветской России место и значимость патриотизма в новой системе ценностных ориентиров изменялись в зависимости от состояния политико-экономической конъюнктуры и идейно-аксиологической направленности элитарного и массового сознания. Отталкиваясь от этих двух факторов, на протяжении последних трех десятилетий можно условно выделить три этапа (де)патриотизации аксиологического пространства россиян:

1) *«кризис»* (постперестроечный этап до 1994 г.) общественного и элитарного сознания; уничтожение общегражданских и общегосударственных ценностных ориентиров, в том числе патриотизма; вместо патриотизации имели место процессы «вестернизации» и «космополитизации» всех сфер жизнедеятельности;

2) *«ревитализация»* (1994–1999 гг.) патриотической проблематики, восстановление патриотической составляющей в значительной степени через обращение к досоветским образцам[3];

3) *«популяризация и актуализация»* (н. 2000-х гг. – по настоящее время) патриотической составляющей; процесс активной патриотизации на основе советских примеров героизма и служения Отечеству (победа в ВОВ, первый

---

[1] См. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В.И. Лутовинова. – М.: Экон-Информ, 2017. – С. 16.

[2] Там же, с. 186-189.

[3] С новой силой начинают «звучать» такие героические события, как Ледовое побоище 1242 г., Куликовская битва 1380 г., Полтавское сражение 1707 г., Бородинское сражение 1812 г., и персоналии А. Невского, Д. Донского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова; по-новому осмысливается роль царской семьи, в том числе императора Николая II, и т.д.

полет в космос, Великие стройки коммунизма и т.п.); конвергенция патриотических образцов досоветской и советской России, которые сформировали крепкий фундамент для дальнейшей популяризации патриотической идеи в качестве значимого фактора безопасности и инновационного развития России XXI века.

Очевидно, что на различных этапах постсоветского периода использовался разный ракурс интерпретации истории через ее антипатриотическую или, напротив, патриотическую трактовку. Игнорирование патриотической компоненты, спонсирование антипатриотических настроений привели к трагическим последствиям в ранний постсоветский период, стали причиной искажения ценностных ориентиров, формирования «негативной» идентичности, проявлений контрпатриотизма и т.п. В то время как патриотизация на основе разумного синтеза модификаций аксиологических образцов Российской империи и СССР (в том числе на уровне государственной символики) имела позитивные результаты и заложила прочные основы для будущего эффективного развития России как государства и цивилизации.

Исторический опыт позволяет сделать вывод о практической необходимости патриотизации для обеспечения единства, целостности и безопасности российского государства. Сегодня патриотизация представляется обязательным условием инновационного развития страны, народа, личности, поскольку «истинный патриот» в соответствии с его позицией разделяет со своей родиной национальные добродетели и пороки, достижения и отсталость, потому что родина и патриот – это «живое тождество»[1].

И наконец, можно констатировать, что идея патриотизма России XXI века находится на качественно новом уровне осознания и реализации, поскольку проблематика патриотизации вышла за рамки умозрительного характера в практическую плоскость[2]:

- приняты государственные программы и концепции[3];
- в стадии разработки находятся соответствующие нормативные правовые акты[4];
- на государственном уровне сформулирован ряд принципов, целей, задач, форм патриотического воспитания (патриотизации)[5] в качестве условия стабильного, поступательного, инновационного развития России как государства и цивилизации.

[1] Усачева Ю. С. Проблемы национализма и патриотизма в наследии Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, П.Б. Струве: дис. … канд. историч. наук. – СПб., 2011. – С. 22.

[2] Правовая основа патриотического воспитания (патриотизации):

- Конституция Российской Федерации;
- федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации», «О высшем и послевузовском образовании», «О культуре», «О воинской обязанности и военной службе», «О ветеранах», «О днях воинской славы (победных днях) России», «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»;
- Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»;
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
- постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1999 года № 1441 «Об утверждении Положения о подготовке граждан Российской Федерации к военной службе»,
- Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года;
- другие нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в части, касающейся вопросов патриотического воспитания.

[3] См. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.», которая стала продолжением государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». – http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf

[4] Например, разработан Модельный закон о патриотическом воспитании (Приложение к постановлению Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2015 года № 42-6), в котором изложены понятия патриотизма, гражданственности, Отечества, гражданско- и военно-патриотического, духовно-нравственного воспитания; а также основы государственной политики, обеспечения деятельности, регулирования и управления в сфере патриотического воспитания. См. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В. И. Лутовинова. – М.: Экон-Информ, 2017. – С. 287–301.

[5] См. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. – http://www.gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/

Максимцев И.А.
д.э.н., профессор, ректор СПбГЭУ
Межевич Н.М.
д.э.н., профессор СПбГУ, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН

НОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *мировая экономика, глобализация, кризис экономической модели, постамериканский мир, евразийская интеграция.*

Оценка евразийской интеграции, не может быть произведена в отрыве от исследования международных политических и экономических процессов. В этом контексте политологи предлагают учитывать то, что «в любой политической системе… отсутствие эффективной власти ведет к анархии и хаосу, но чрезмерная ее концентрация подавляет личные и коллективные свободы»[1] Данная формула имеет адекватное экономическое прочтение. Хаос в международных отношениях имеет вполне доказуемую экономическую природу.

Во-первых, повсеместно обостряются противоречия того типа, которые ранее называли классовыми. Однако речь не идет о том, что капитализм вырастил себе могильщика в лице пролетариата. Скорее можно предположить, что новым «могильщиком» станет средний класс, не желающий становиться пролетариатом.

Классический капитализм, получил мощные стимул обновления, реализовавшиеся уже после второй мировой войны. Возможно ли повторение этого опыта? Вопрос важен в связи с тем, что цена этого опыта оказалась очень высокой. Однако без этого не сложилась бы модель общества всеобщего благосостояния. «Фольксваген» у всех предполагает возможность «Мерседеса» у избранных и «Майбаха» в эксклюзиве. Выпадение первого символа неизбежно создаст проблемы у держателей более высоких статусов. До 2008 года этот вопрос обсуждался, но дискуссия казалась скорее теоретической, чем имеющей отношение к практике. Несмотря на желание ряда представителей политического класса списать эти издержки на мигрантов, Россию, Америку, очевидно, что перед нами кризис глобальной экономической модели. Закономерно и то, что государства постсоветского пространства, продолжая формировать собственные модели экономического развития, учитывают данные положения.

Во-вторых, «постамериканский мир», который появится не по причине упадка Соединенных Штатов, а в результате «подъема остальных»[2]. Это принципиально отличает данную ситуацию от эпохи первой и второй холодной войны[3]. Отметим то, что эти «остальные» продолжают зависеть от США по критически важным параметрам. Это относится как к членам Европейского Союза, так и участникам евразийской интеграции.

В-третьих, «разворачивается борьба между двумя моделями развития – либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и «авторитарным капитализмом», флагманами которого всегда выступали азиатские «тигры» и «драконы». … ударный рост КНР вопреки звучащим почти два десятилетия предсказаниям коллапса, не позволяет больше заниматься эскапизмом»[4].

Дискуссия о демократии получает новый стимул. Согласно новому докладу правозащитной организации **Freedom House, постоянно увеличивается число стран, демонстрирующих отход от соблюдения политических прав и гражданских свобод, их уже вдвое больше, чем тех, где ситуация в этой** сфере улучшается. Ослабление демократии происходит в сверхдержавах (таких как Россия, Китай, США), в «новых демократиях» (Венгрия, Польша) и в региональных державах (Турция, Венесуэла, Египет, Кения).[5] С этим тезисом можно не соглашаться полностью или частично, однако кризис демократии опирается и на объективные экономические параметры, рост неравенства, проблемы экономической и социальной мобильности.

При этом жизнь в «период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности»[6] создает новые системные риски экономического характера.

---

[1] Мюллерсон Р. Нет права без баланса. – http://www.globalaffairs.ru/number/Net-prava-bez-balansa-18228

[2] Zakaria F. Спад влияния США – великая глобальная история нашей эпохи. – https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-decline-of-us-influence-is-the-great-global-story-of-our-times/2017/12/28/bfe48262-ebf6-11e7-9f92-10a2203f6c8d_story.html?utm_term=.b3c5af094350

[3] Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Науч. ред. А.А. Поршакова; Пер. с англ. Е.В. Нетесовой. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

[4] Караганов С. Новая эпоха противостояния. – http://www.globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-1919

[5] Freedom in the World 2018 // Democracy in Crisis. – https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018

[6] Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community / Edited by R.B.J. Walker, S.H. Mendlevits. – London, 1990. – P. 35.

В-четвертых, поиск США новой экономической идеологии, адекватной реалиям XXI века, не привел к возврату к практикам изоляционизма, но продемонстрировал отказ от ставшей знакомой и привычной «Глобализации 1.0». Министерская конференция ВТО в Буэнос-Айресе в декабре 2017 года провалилась. При нарастающих разногласиях между США и странами ЕС, а также такими странами, как Китай и Индия, участники конференции перенесли переговоры в рабочие группы, объединяющие несколько десятков стран. Это превращает любые дискуссии в практически бесконечные споры.

Новые характеристики глобализации предполагают не только новую географию, но и адекватные формы взаимодействия экономики и политической сферы. В этом контексте американские практики вызывают вопросы: «Проповедуемый Трампом торговый протекционизм ради «великой Америки» может дать только кратковременный положительный эффект, и то лишь в сферах низкоквалифицированного труда. Отрасли высоких технологий, как было показано на примере Apple, напротив, требуют свободы торговли, обеспечивающей беспрепятственное движение через границы не только товаров и услуг, но и ноу-хау, технологий, квалифицированных кадров и целых производств»[1]. В какой степени это может стать причиной нового кризиса, в рамках которого переоцененный американский рынок может войти в состояние длительной коррекции, которая повлечет за собой эффект домино и масштабный крах банков, других финансовых и нефинансовых корпораций по всему миру. Может ли китайский кризис стать мировым, еще не известно. При этом то, что американский кризис легко трансформируется в мировой доказывать не нужно.

Пятое. Проблема Европейского Союза была ошибочно диагностирована как «дезинтеграция». Вероятно, это ошибочное мнение, или указание на столь долговременную тенденцию, что оценивать ее экономическую составляющую не представляется возможным. Европейская интеграция не измеряется как конкретный, четко определенный кризис, скорее следует указать на пересечение множества проблем, на первый взгляд выглядящих как самостоятельные. Более того, миграционный кризис, правый радикализм в восточноевропейских государствах, Брекзит и необходимость реформирования еврозоны имеет общую природу – кризис управления. В этих условиях политическая активность Брюсселя лимитирована не финансовыми, а именно экономическими трудностями. Если до кризиса ЕС сильно не стремился «брать» Украину и Молдавию, то сейчас это тем более проблематично. Разговоры о Западных Балканах как пространстве расширения вообще не следует рассматривать всерьез. Об этом свидетельствует и развернувшаяся дискуссия о ценностных основах европейского общества.

Европейская и особенно американская модели в экономике и политике к 80-м годам прошлого века сформировались как универсальные и догматические. Евразийские модели, россиецентричная и китайская принципиально отличаются тем, что они не позиционируются как универсальные.

Перед нами не только экономический кризис, но и кризис ценностей. «Европа – это не география. Европа – это общность принципов и верность им. Принципы формируют географию – география не формирует принципы»[2]. Подобное отношение к географии, экономике, истории приводит к парадоксальному результату – утрате управления и кризису институтов. Что же делать в том случае, когда кризис европейских институтов сопровождается кризисом глобальных институтов управления?

Шестое. Институциональный подход – не единственный, но возможный для анализа интеграционных процессов как в евразийском, так и европейском измерении. В современных условиях достоинство институционального подхода состоит в том, что он не ограничивается изучением формальных институтов, т.е. установленных государственных по форме и традиционных по сути, он уделяет внимание неформальным акторам, правила работы которых еще формируются.

Отвечая на поставленный выше вопрос, укажем, что «появление неформальных многосторонних институтов …, создает альтернативные источники обеспечения общих благ. …Три наиболее ярких примера включают такие институты, как «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС, влияние которого растет на региональном и глобальном уровне»[3].

Седьмое. Прошедшие десятилетия позволяют нам говорить о накоплении определенного опыта интеграции. Рубеж 1990–1992 годов четко фиксируется в истории европейской и евразийской (постсоветской) интеграции. В этот период проявилось новое качество интеграционных процессов, запущенных в Европе в начале 50-х годов, а в СССР в 20–50-е годы. С 1990–1992 гг. и до настоящего времени в экспертном сообществе и тем более в прессе стало общим местом рассматривать интеграционные процессы на западе и востоке Европы как нечто различное, не подчиняющееся общим закономерностям. Долгое время для этого были определенные основания. В последнее время становится очевидным, что тенденции развития интеграции имеют много общего. К примеру «свойственная постсоветскому пространству модель «срастания» бизнеса и политики, культура бизнеса, олигархические тенденции»[4] проявляет себя от Испании до Литвы, и лишь затем в Москве и Астане.

Равным образом провалилась попытка приписать именно Евразийскому Союзу проблемы с имплементацией отдельными странами общих норм. «Обилие юридически необязательных двухсторонних соглашений наряду с систематическим применением исключений и межправительственным характером интеграции привело не только к тому,

---

[1] Портанский А. Свобода торговли — цель на все времена // «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок / Центр стратегических разработок. – М., 2018. – С. 42.

[2] Мери Л. Тацит был нашим крестным. Речь на приеме в честь Президента Итальянской Республики 22 мая 1997 года // Вышгород. 2008. – № 1–2. – С. 14.

[3] Ларионова М.В. Новый подход к оценке эффективности международных институтов // Вестник международных организаций. – М., 2016. – Т. 11. № 1. – С. 128.

[4] Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства» / Центр восточноевропейских исследований. – Вильнюс, 2012. – С. 12.

что СНГ не смогло трансформироваться в реальное экономическое образование с высоким уровнем интеграции и элементами наднационального управления, но и помешало в рамках СНГ возникнуть реальному политическому союзу»[1]. Так, абсолютно справедливо, отмечает коллектив политологов под идейным руководством литовских экспертов. Однако то, что справедливо для СНГ, мы надеемся, не будет системным признаком Евразийской интеграции.

Проблемы евразийской интеграции очень напоминают трудности интеграции в ЕС, конечно с учетом временной десинхронизации. Неочевидность глобальных правил ставит под вопрос и региональные институты и процессы, критически сказывается на качестве и скорости интеграционных процессов. С другой стороны, более позитивное развитие российской экономики и значимые институциональные новации евроазиатской интеграции усиливают восточный вектор интеграции. Мы не согласны с позицией А. Либмана, согласно которой Москва не рассматривает ЕАЭС как один из приоритетных инструментов по продвижению собственной повестки дня. Впрочем, наиболее интересен и спорен вывод автора о том, что «окно возможностей для продвижения евразийского регионализма, открывшееся в начале 2010-х годов стремительно закрывается»[2]. Разрушительная борьба за постсоветскую Евразию[3] является частью еще более масштабных процессов передела сфер влияния в современном мире.

Восьмое. «Невозможно торговать, не воюя, невозможно воевать, не торгуя»[4] – программный тезис известного специалиста по мировой экономике Уильяма Бернстайна. Второе десятилетие XXI века ознаменовалось удивительной попыткой не торговать и не воевать одновременно. Экономической агрессии подверглось государство, занимающие значимые или ведущие позиции по ключевым параметрам глобальной конкурентоспособности. Происходящее не может не отразиться как на России, так и на странах объявивших ей торговую войну. Новая политика в отношении России сделала крепче российское общество и российскую экономику. Ключевые страны, развязавшие экономическую агрессию, столкнулись с негативными экономическими последствиями для себя. Политические последствия измерению не поддаются. В авангарде санкционной политики идут сильные и влиятельные государства и малые страны, решающие проблемы внутренней консолидации за счет внешнеполитических и внешнеэкономических авантюр. Избирательность санкций отсутствует, экономические расчеты – отсутствуют, политическая целесообразность – гипотетическая. При этом очевидно, что «иностранные инвесторы станут первыми, кто пострадает от введения санкций в отношении российского госдолга»[5]. Для Евразийского Союза и соответствующего интеграционного проекта продолжение санкционного пресса также предполагает необходимость адаптации к новым вызовам.

[1] Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства» / Центр восточноевропейских исследований. – Вильнюс, 2012. – С. 5.

[2] Libman A. Eurasian Economic Union: Between perception and reality. – http://neweasterneurope.eu/2018/01/09/8767/

[3] Колтон Т., Чарап С. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск. – М., 2017. – Декабрь.

[4] Бернстайн У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли. – М., 2014.

[5] Королева А. Новые санкции США против России: три сценария. – http://expert.ru/2018/01/17/sanktsii/

Небренчин С.М.
д.и.н., профессор, заместитель директора ЦСОиСМИ ТПП РФ
nebrenchin@tpprf.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Ключевые слова: *«мягкая сила», информационная война, «мейнстрим», гибридные войны, институты управления государством и обществом, управляемый хаос, подрывные операции, контент, стратегическая инициатива, информационный суверенитет, информационная безопасность, координация информационного взаимодействия, национальная информационная система, подготовка кадров.*

Keywords: *soft power, information warfare, «mainstream», a hybrid war, the institutions of government and society, controlled chaos, subversive operations, content, strategic initiative, information sovereignty, information security, coordination of information interaction, the national information system, training.*

Феномен «мягкой силы»

В нынешней международной обстановке роль информационного фактора значительно возрастает, так как современный мир стремительно меняет свой облик. На смену пятому технологическому укладу спешит уже шестой – это нано-, био-, когно-, инфо- и другие технологии. Глобальная конкуренция за лидирующие позиции в мире сегодня приобретает ранее невиданные масштабы. Все четыре направления развиваются в тесном взаимодействии. Как считает директор Курчатовского института Михаил Ковальчук, «нано- и биотехнологии создают тело, а инфо- и когноодушевляют его»[1]. Речь идет о том, что «интеллектуальные роботы» могут «поработить человечество», а власти смогут читать и контролировать человеческие мысли. Новые ранее невиданные возможности открывает инфореволюция, в результате которой семимильными шагами развивается всемирная паутина. Сегодня пользователями Интернет являются более половины жителей планеты, большинство из них проживает в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В России, по различным данным, количество «юзеров» колеблется от 85 до 90 млн.

Информационное противоборство в мире и, в частности, вокруг России сегодня проходит на фоне продолжающейся глобальной поляризации мировых сил. С одной стороны, США борется за удержание своих доминирующих позиций в мире, с другой – Китай стремительно превращается в главного конкурента Америки. В этом глобальном размежевании сил речь уже не идет о многополярном мире, а о возвращении к двухполюсному миру. ЕС и многие другие страны мира вынуждены развиваться в фарватере политико-экономического развития США, некоторые страны Евразии и Африки попадают в сферу влияния Пекина, но продолжают «оглядываться» на Вашингтон и Брюссель. На независимую роль претендует Россия, которая в качестве третьей силы может даже выиграть от глобальной поляризаций сил, столкновения США и КНР. Она даже может стать альтернативным центром притяжения, в большей или меньшей степени вернувшись к положению СССР на международной арене в конце прошлого столетия.

События, которые стремительно разворачиваются на наших глазах во многих регионах, которые приводят к смене правительств и изменению политической конфигурации регионов и государств, характеризуются тем, что они сочетают в себе как летальные, так и не летальные средства достижения геополитических, экономических, демографических и других целей современного международного противоборства. В рамках единой стратегии США, НАТО и ЕС намерены объединить усилия своих правительств, армий и разведок под эгидой США в рамках «всеобъемлющей межведомственной, межправительственной и международной стратегии» и максимально эффективно использовать методы «политического, экономического, военного и психологического давления. По мнению зарубежных экспертов, атлантические геостратеги исходят из того, что гибридная война представляет собой использование комбинации обычных, нерегулярных и асимметричных средств в сочетании с постоянными манипуляциями в политической и идеологической сферах.

Собственно феномен «мягкой силы» в качестве стратегии непрямых и ненасильственных, но целенаправленных подрывных действий активно реализуется ведущими странами в геополитической борьбе с конкурентами и противниками. Как и в давние времена достижение цели – изменить в нужном направлении замыслы и планы противника – попрежнему остается более эффективным способом борьбы с ним, нежели разгром его войска на полях сражений[2]. Роль стратегии «мягкой силы» особенно велика в ценностно-мировоззренческом столкновении цивилизаций. В настоящее время информационный фактор стал уже феноменом геополитического ранга, который способен кардинально изменить саму природу земной цивилизации. Целенаправленная информация выступает в качестве главной содержатель-

[1] См.: Великая когнитивная революция. // http://www.rusrep.ru/article/2010/10/18/cognit

[2] Бельков О.А. Мягкая сила»: слова и смыслы // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве. – М., 2016. – http://rol-tekhnologij-myagkoj-sily.pdf

ной компоненты «мягкой силы». На практике она реализуется посредством комплекса активных мер и действий в отношении отдельных враждебных государств, геополитических конкурентов в борьбе за контроль над материальными и людскими ресурсами, овладение рынками сбыта товаров и услуг.

В настоящее время гибридная война в своей сущности интегрирует в себе совокупность всех средств противоборства – от наиболее современных и технологичных («кибервойна» и информационное противоборство) до использования примитивных по своей природе террористических способов и тактических приемов в ведении вооруженной борьбы. Они увязаны, скоординированы и реализуются по единому замыслу и целям в рамках набора актуальных информационных поводов, широко и целенаправленно освещаемых в СМИ и мировой паутине. Гибридная война предполагает дозированное использование арсеналов жёсткой и мягкой силы.

Как считают эксперты, сегодня технологии «мягкой силы» применяются в рамках комплекса гибридных акций скоординировано по месту и времени, целям и задачам, формам и методам, содержанию, объектам и каналам воздействия. Целенаправленное влияние оказывается сразу на все основные механизмы и институты управления обществом, призванные обеспечивать суверенитет, территориальную целостность, национальную безопасность страны. В широком смысле они ведутся во всех основных сферах жизнедеятельности конкретного государства и общества или межгосударственного союза – организационно-концептуальной, финансово-экономической, политико-правовой, социокультурной, внешнеполитической, обороны и безопасности. При этом информационное сопровождение подрывных операций, в том числе формирование соответствующего информационно-пропагандистского фона, комплексное манипулирование общественным сознанием, целенаправленное провоцирование необходимых действий и т.п., является одним из главных «мягких» способов и средств достижения поставленных целей подрывной деятельности. Нынешним примером гибридной войны в широком смысле является ведение США и их ближайшими союзниками по НАТО необъявленной войны против современной России.

В узком смысле гибридная война ведется в одной из сфер международных отношений, жизнедеятельности конкретного государства или союза стран с использованием информационного инструментария воздействия. Так, например, манипулирование на финансовых и фондовых рынках со стороны США и, в частности, Федеральной резервной системы, имеет целью сохранить доминирование нефтедоллара в мире, спровоцировать финансово-экономический кризис в отношении других валютных зон (евро, юань), а также отдельных конкурирующих или неугодных стран. В современном мире «финансовый фронт» является главной «кровеносной» системой мировой экономики, финансово-экономических регионов и ведущих государств мира. Успех или неудача здесь предопределяют либо стабильное и устойчивое развитие государств, либо приводят к губительному кризису[1].

Подрывной арсенал гибридных войн

В конкретном плане *в организационно-концептуальной сфере* «мягкая сила» реализуется в рамках целевых планов сдерживания развития государства. В частности, посредством подрыва отечественной научной школы, навязывания суверенным государствам вредных программ и концепций развития, государственного и общественного строительства, реализации на практике политики «разделяй и властвуй», удаления из структур власти ревнителей национальных интересов и продвижения агентуры влияния, поощрения коррупции, подкупа и склонения к предательству национальных интересов представителей высшего истеблишмента и т.п.

Во-многом, благодаря эффективной подрывной работе в организационно-концептуальной сфере Западу удалось подтолкнуть СССР к распаду, а затем взять под внешний контроль российские власти в начале 90-х гг. Как известно, России были навязаны чуждые либеральные ценности, пагубные реформы и программы развития, коррупционная модель развития, на верхние этажи власти была продвинута прозападная команда экономистов во главе с Егором Гайдаром, на всех уровнях стала реализовываться политика «разделяй и властвуй».

В области информации и культуры может осуществляться целенаправленный подрыв традиционных ценностей, внедрение в общество чуждых ценностей и образа жизни, плюрализма мнений, культа потребления, двойных стандартов, надуманных общечеловеческих ценностей и прав человека. Одновременно осуществляется целенаправленное влияние на систему образования и воспитания, искусство, литературу и кинематограф, деятельность соответствующих институтов и учреждений и, прежде всего, ведущих СМИ и Интернет-ресурсов, распространения сферы действия всемирной паутины. Особое значение придается борьбе с инакомыслием, удержанию национального информационного пространства под внешним контролем в рамках чужеродного заидеологизированного «мейнстрима»[2], который производится и продвигается ведущими западными аналитическими центрами, СМИ, Интернет-порталами, социальными сетями.

Современные возможности Интернет, который во многом находится под контролем США и транснациональных компаний, позволяет осуществлять тотальную слежку за населением других стран. Агентство национальной безопасности США, в соответствии с предписаниями «Патриотического акта» от 2001 г.[3], собирает отчеты посетителей поисковых систем, прежде всего, от таких поисковых компаний как «Гугл» (Google), которая управляет более чем миллионом серверов, обрабатывает свыше одного миллиарда поисковых запросов[4]. Интернет сети – это сегодня один

[1] Девятов А. Гибридная война на финансовом рынке. – http://shzs.info/news/604-gibridnaia-voina-na-finansovom-fronte.html
[2] Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». – https://regnum.ru/news/polit/2158662.html
[3] Ашманов И. Информационный суверенитет // Завтра. – М., 2017. – № 11 (1215), март. – С. 4.
[4] Google (компания). – https://ru.wikipedia.org/wiki/Google

из самых эффективных инструментов массовой социальной мобилизации «юзеров» на совместные активные действия, в том числе и протесты, а также реагирования на реальные и искусственные поводы.

В России деятельность так называемой «пятой колонны» до сих пор поддерживается идеологически благодаря тому, что информационные ресурсы страны во многом остаются под внешним заидеологизированным влиянием, несмотря на то, что формально российское государство контролирует ведущие федеральные СМИ и прежде всего, телеканалы, поисковую сеть «Яндекс».

В сфере финансов и экономики речь, прежде всего, идет о провоцировании кризисных явлений, дестабилизации социально-экономической обстановки, чтобы спровоцировать рост протестных настроений в обществе и антиправительственных выступлений. В арсенале «мягкой силы» в этой сфере – манипуляции с национальной валютой, способствование сжатию денежной массы, росту стоимости кредитов, увеличению налоговой нагрузки на бизнес, уничтожению конкурентоспособных секторов национальной экономики и, прежде всего, наукоемких производств в промышленности и сельском хозяйстве, подрыву национального рынка товаров и услуг. Кроме того, предпринимаются шаги по продвижению интересов зарубежного бизнеса в ущерб национальному предпринимательству, поощрению спекулятивного бизнеса, провоцируется вывоз капиталов и др.

В области безопасности, обороны и правоохранительной деятельности враждебная «мягкая сила» нацелена на сдерживание военной силы, поощрение пагубных реформ и противопоставление друг другу силовых структур, сокращение их численности, ухудшение финансового и материально-технического обеспечения, разрушение системы боевой учебы и подготовки военных кадров. Как правило, ведется целенаправленная лоббистская работа по развалу оборонного комплекса, срыву программ перевооружения, дискредитации силовиков в глазах населения страны. Нередко, предпринимаются шаги по втягиванию армейских структур в вооруженные конфликты и боевые действия на стороне одной из конфликтующих стран, созданию неконституционных вооруженных структур («подполье»), частных военных компаний на основе охранных предприятий. В отношении силовых структур всегда ведется тотальная разведывательная деятельность.

Применение «мягкой силы» не означает отказа от непосредственного применения «жесткой силы» – силовых действий. Наличие самодостаточного военного потенциала, способность к демонстрации своей силы и мощи в мире, наряду с мощным финансово-экономическим потенциалом государства, как в случае США и их союзников по НАТО, уже само по себе является важным условием массированного применения других гибридных технологий в различных сферах глобального противоборства. Наряду с использованием вооруженных сил и средств, в арсенале гибридных войн – содействие реализации вооруженных планов подполья и оппозиции, подстрекательство к диверсиям, террористическим актам, совершение провокаций под «ложным флагом», подстрекательство к саботажу, забастовкам, которые могут спровоцировать силовую реакцию властей и т.п.

В политико-правовой сфере – это, прежде всего, всесторонняя поддержка политической оппозиции, использование темы защиты прав человека во внутриполитической борьбе, содействие продвижению представителей оппозиционных сил в государственные и общественные институты власти, создание враждебной сети неправительственных организаций. «Мягкая сила» в политико-правовой сфере реализуется посредством лоббирования пагубных законов, негативного влияния на выборные процессы, использования деструктивных политтехнологий, поощрения антисоциальных явлений. Особое значение придается формированию многопартийности, вбрасыванию антиобщественных инициатив, провоцированию религиозных и межнациональных конфликтов, разрушению традиционных скреп общества и др. В арсенале подрывных средств значатся также политические скандалы, дискредитация институтов власти и демонизация неугодных политиков.

В дипломатии широко используется международная практика введения санкций, бойкотов, запретов, принятия враждебных резолюций, решений, деклараций, проведение антинациональных конференций и форумов, дискредитация национальной дипломатии, высылка дипломатов. В дипломатической сфере активно ведется информационно-разведывательная деятельность, в том числе направленная на привлечение к сотрудничеству влиятельных и перспективных политиков, чиновников, бизнесменов, представителей, науки, СМИ. Эффективным инструментом «мягкой силы» признаны конфиденциальные встречи, ведение переговоров и т.п., в ходе которых можно успешно продвигать идеи, инициативы, предложения, переубеждать оппонентов в своих интересах.

Технологии продвижения «мейнстрима»

Всестороннее информационное сопровождение специальных операций по применению технологий «мягкой силы» является главным инструментом оказания давления на международных конкурентов и оппонентов, зарубежные страны и их институты управления государством и обществом. Оно осуществляется в рамках гибридных войн, специальных подрывных операций, посредством создания реальных и искусственных информационных поводов, оказания инфо-, психо-, пропагандистского воздействия целевым контентом. Современные информационные войны – это совокупность и сочетание содержательных форм и методов, технологических способов и средств по убеждению и внушению, манипуляции общественным сознанием на эмоциональном и рациональном уровнях – дезориентация, устрашение, введение в депрессивное и агрессивное состояние, моральное разложению. Особое внимание придается воздействию на представителей элиты, национальных авторитетов и других влиятельных лиц.

В производстве и продвижении глобального «мейнстрима» главная роль принадлежит таким международным структурам, как National Intelligence Council (Национальный совет по разведке), Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace (CEIP), Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies (CSIS), Foreign Policy Research Institute (FPRI) частная разведывательно-

аналитическая компания «STRATFOR» в США, The International Institute for Strategic Studies (IISS) в Англии, глобальные газеты «Wall Street Journal», «Financial Times», «USA Today», «International Herald Tribune», New York Times, Washington Post, корпорации BBC, CNN, Deutsche Welle (Немецкая волна), агентства AP (Associated Press), AFP (Франс Пресс), Blumberg, поисковые системы google, rambler, yahoo и другие. Оперативное онлайн продвижение глобального заидеологизированного контента осуществляется общемировой компьютерной сетью. С ее возможностями трудно конкурировать отдельным национальным поисковым сетям и, в частности, российской транснациональной компании «Яндекс», которая, занимая четвертое место в мире по количеству обработанных поисковых запросов, заметную роль играет в России, Турции, Украине, Белоруссии и Казахстане.

Информационные «генералы» (руководители ведущих СМИ и Интернет-ресурсов) в своей редакционной политике и специально отобранные журналисты, эксперты и другие ньюсмейкеры строго придерживаются единой идеологической линии освещения событий, подачи и продвижения информации. Агрессивные наступательные действия навязываются международному и национальному общественному мнению в соответствии с политико-дипломатическими, финансово-экономическими, культурно-развлекательными, спортивными, образовательными и другими информационными поводами, организуемые и управляемые из единого внешнего центра.

К определению целеполагания и содержания глобального подрывного контента не всегда имеют отношение соответствующие государственные и информационные структуры ведущих стран мира. В стратегическом плане заказ на концептуальное видение мира, на основе чего, как правило, формируются параметры идеологизированного «мейнстрима», исходит из таких мировых центров принятия решений, какими являются Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия и др. Так, в частности, Национальный совет по разведке подготовил «Доклад о проекте 2020»[1], многие положения которого, как свидетельствует практика, будут использованы в качестве целевых установок для формирования глобального контента и выбора объектов информационного воздействия в различных регионах мира. В частности, в докладе в отношении России прогнозируется обострение социальных проблем, рост организованной преступности, нарастание авторитарных тенденций, замедление демократических преобразований, усиление демографического кризиса и др. Такого рода выводы и оценки становятся реперными при производстве контента и выборе объекта информационной пропаганды.

В конкретных регионах и странах мира прозападные СМИ и Интернет-ресурсы, социальные сети и блогосфера, собственно информационно-экспертная агентура влияния активно участвует в обеспечении присутствия «мейнстрима» в национальном информационном пространстве. Они, располагая соответствующими информационными ресурсами (СМИ и Интернет-ресурсы), имея поддержку мировых Интернет сетей, в качестве ньюсмейкеров активно участвуют в создании резонансных информационных поводов, в том числе скандалов, формировании информационно-пропагандистской повестки, манипулировании общественным мнением, оказании давления на власти. В конкретном плане агентура влияния разжигает противоречия и сеет рознь, дезинформирует, провоцирует и подстрекает общество на антиконституционные действия, тиражирует разного рода ложь и измышления западной пропаганды. Сегодня, например, в России стержнем антироссийской пропаганды является оголтелая русофобия, тотальная война против основ российской государственности и общества, демонизация российского президента и дискредитация его сторонников, провоцирование кризисов и конфликтов, поощрение антиправительственных выступлений.

Инструментом «мягкой силы», способным эффективно влиять на все основные механизмы управления государством и обществом, является так называемая коммуникативно-разведывательная деятельность. Дело в том, что в ходе коммуникации с представителями враждебной стороны можно не только собирать интересующие сведения, но и оказывать соответствующее информационное и даже пропагандистское воздействие. По мнению А. П.Девятова, «в искусстве управления есть неотъемлемая сфера деятельности, о которой, как и о целомудрии женщины, распространяться не принято. Эта сфера деятельности называется разведкой»[2].

Западные разведки, в частности, Центральное разведывательное управление и государственное разведывательное управление в Англии (Intelligence Service) отличает умение собирать и анализировать разносторонние знания, сведения, проводить научные исследования и на этой основе выдавать долгосрочные прогнозы. Между тем, в других странах, таких как Китай, Иран, Израиль, где сохранились сильные школы комплексного анализа и синтеза представлений картины мира, разведсведения собираются и обобщаются с учетом национального мировосприятия. В российской отечественной практике понятие «разведка» изначально также имело отношение к познанию целостной картины мира.

Как показывает зарубежная и отечественная практика, на основе космологических и метафизических представлений[3] можно гораздо результативнее анализировать разведданные, события, явления, тенденции и процессы, синтезировать и обобщать оценки и мнения, делать правильные выводы и прогнозы, успешно противостоять в геополитическом противоборстве. В узком информационном смысле «информационная разведка» подразумевает вскрытие по информационным признакам характера и содержания враждебных операций и отдельных акций, целеполагания программ и публикаций в СМИ и Интернет, особенностей композиционных структур, системы тезисов и аргументов, технологий, приемов и методов продвижения информации.

---

[1] Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. – http://www.intelros.org/lib/doklady/2020/2020.htm

[2] Девятов А.П. Девятов А.П. Небополитика. Путь правды – разведка: теория и практика «мягкой силы». – М.: Волант, 2013. – 352 с. – https://spmagazine.ru/155

[3] Небренчин С.М. Концептуальные измерения геополитики. – М.: ФНИМБ, 1995. – С. 5–13.

Природа управляемого хаоса

В последние годы одной из наиболее эффективных разновидностей ведения гибридной войны против неугодных государств и политиков признаны так называемые «цветные революции» – операции по инспирированию и распространению управляемого хаоса. Как правило, массовые протестные выступления организуются в столичных мегаполисах. Целью вмешательства во внутренние дела суверенных государств является устранение неугодных правителей, переформатирование органов власти, создание предпосылок подрыва основ государственной безопасности, взятие под контроль природных и людских ресурсов страны.

«Цветные» революции наших дней, являющиеся составной частью и современных «гибридных войн» в широком смысле, нельзя считать каким-то новым явлением в истории. Вмешательство извне во внутренние дела независимых государств имело место с самых давних времен. Россия на себе не раз испытала действия внутренних подрывных сил, управляемых из-за рубежа. Достаточно привести пример Октябрьской революции 1917 года в России. Известные события 1991 года, когда произошел распад Советского Союза, также не обошлись без вмешательства извне. Последняя попытка неконституционного переформатирования власти в России была предпринята в 2012 году, прежде всего, во время президентских выборов, силами так называемого «белоленточного» движения во главе с лидерами либерально-демократической оппозиции, активно поддерживаемой Западом и их агентурой влияния в российских коридорах власти, СМИ, бизнесе и т.п. Опасность новых революционных событий в России существует и сегодня. Прогнозируемый новый виток конфронтации, который может вызвать провоцирование массовых протестов извне, скорее всего, будет приурочен к президентским выборам 2018 г.

В мире только в последние годы ареной организованных протестных выступлений стали Грузия, Киргизия, Молдавия, Украина, некоторые государства Ближнего Востока и другие страны мира. В результате таких управляемых политических экспериментов, как правило, законные правительства оставались не у дел, к власти приходили марионеточные режимы, резко ухудшалось социально-экономическое положение населения, в отдельных странах возникали вооруженные конфликты, и даже происходила дезинтеграция территорий суверенных государств.

По мнению О.Ф. Ковитиди, члена комитета Совета Федерации РФ по обороне и безопасности, операции по продвижению управляемого хаоса в отдельном регионе мира являются одной из разновидностей гибридных войн. Как показывает практика, гибридные технологии, направленные на дестабилизацию обстановки, захват власти и установление контроля над страной, посредством провоцирования «цветной революции» достигают своих целей только при определенных условиях.

- *Во-первых,* если заметно падает уровень жизни населения, сильно увеличивается разрыв между бедными и богатыми, попираются гражданские права и свободы, нарушаются писанные и неписанные законы справедливости, чести и достоинства в обществе.
- *Во-вторых*, когда при прямой или косвенной поддержке извне провоцируются и организуются массовые антиправительственные протесты, другие подрывные действия, в том числе и теракты.
- *В-третьих,* если информационно-культурное пространство страны находится под внешним контролем, а значительная часть ведущих СМИ и Интернет-ресурсов, социальные сети подвержены влиянию враждебного «мейнстрима», придерживаются антигосударственной идейно-политической линии, следуют в фарватере чужеродной заидеологизированной информационной политики зарубежных стран, международных структур.
- *В-четвертых*, в случае попадания чиновников в зависимость, когда они фактически оказываются частью мировой элиты, существует явный или скрытый раскол среди представителей высшего истеблишмента, наличие в большом количестве во властных структурах на всех уровнях, в крупном бизнесе, в общественных и научных институтах власти, СМИ, так называемых агентов влияния, готовых в нужный момент открыто выступить на стороне оппозиции.
- *В-пятых*, если игнорируются национальные интересы, правительством реализуется антинациональный внешне- и внутриполитический курс, проектирование и развитие страны осуществляется по международным предписаниям.
- *В-шестых*, когда страну возглавляет слабый, неавторитетный, коррумпированный и зависимый руководитель государства и общества, не представляющий большинство населения страны в этно-религиозном плане.
- *В-седьмых,* при отсутствии иммунитета в обществе к революционным потрясениям, неготовности населения активно участвовать в массовых мероприятиях, направленных на обеспечение общественной и национальной безопасности, отстаивание суверенитета, территориальной целостности.
- *В-восьмых,* когда на международной арене складывается неблагоприятная обстановка (вооруженный конфликт, санкции, бойкот и т.п.) для государства и общества, которая провоцирует раскол в обществе, рост антиправительственных настроений.

В 2013–2014 гг. все эти основные предпосылки и условия проявились в полной мере, в частности, на соседней Украине. Страна и народ стали объектом операции по насаждению управляемого хаоса, попали в ловушку «цветной революции» в ходе известных событий на Майдане, страна оказалась втянутой в братоубийственную гражданскую войну. Государство фактически потеряло свой национальный суверенитет и перешло под внешнее управление западных государств и международных сил, заметно ухудшилось социально-экономическое положение украинцев, произошла утрата территорий и идет распродажа земель, возросла преступность в городах. Сегодня Украина представляет реальную угрозу не только для соседних государств и, в частности, Российской Федерации[1], но и для евразийской безопасности в целом.

[1] Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». – https://regnum.ru/news/polit/2158662.html

От обороны к стратегическим инициативам

В угрожаемый период развития земной цивилизации, эпоху глобальных вызовов и угроз Россия оказалась в эпицентре мировых противоречий, превратилась в объект постоянного вмешательства во внутренние дела извне, против страны развязана «необъявленная» информационная война. Между тем, готовность к обеспечению безопасности страны в информационной сфере является непременным условием эффективного отстаивания суверенитета и территориальной целостности РФ. Для успешной деятельности в этой сфере крайне важно, чтобы страна располагала информационным суверенитетом, целостной идеологией, системой идеалов и ценностей, соответствующих национальным интересам. По мнению сенатора О.Ф. Ковитиди, России необходима собственная эффективная национальная система «мягкой силы»[1].

Между тем, в современной России отсутствует консолидация элит и власти[2], государственная эффективная информационная политика, концепция видения и применения на практике собственной «мягкой силы» не определена. До сих пор информационные ресурсы и, прежде всего, многие ведущие СМИ и Интернет-ресурсы страны действуют в рамках враждебного «мейнстрима», многие редакторы и ведущие журналисты находятся под сильным мировоззренческим влиянием извне. В структурах власти отсутствует эффективный центр по координации силовых и гражданских информационных институтов, не организованна должным образом подготовка информационных (идеологических) кадров. России, в большей или меньшей степени, удается противостоять враждебным гибридным нападкам, чаще действовать от «обороны», чем вести наступательные действия.

В этих условиях крайне сложно правильно выстроить эффективную систему информационного обеспечения реализации внутри- и внешнеполитического курса страны, создать эффективные механизмы противодействия и нейтрализации информационных угроз, оперативного реагирования на угрожаемые информационные вызовы и нападки извне. Между тем в современных условиях необходимо не только выйти из состояния информационной обороны, но и перейти к стратегическому информационному планированию и наступательным действиям по всем информационным фронтам. Такой подход принесет несравненно больший информационно-пропагандистский эффект, позволит перехватить стратегическую инициативу в глобальном противоборстве, выйти из состояния, когда приходится постоянно оправдываться в глазах международной общественности, навязывать свою информационную повестку геополитическим оппонентам и конкурентам.

При разработке конкретных стратагем и идеологем национальной системы «мягкой силы», выработке и продвижении долгосрочных смыслов и воззрений целесообразно руководствоваться цивилизационными и национальными интересами, опираться на богатое отечественное мировоззренческое наследие. Одновременно необходимо всесторонне учитывать характер и содержание современного информационного противоборства, информационно-коммуникативные реалии, использовать исторический опыт ведения работы по разложению войск и населения противника в боевых и особых условиях. При этом контентное целеполагание предопределяет весь спектр содержательных параметров применения «мягкой силы». Даже в сравнении с современными информационными технологиями, содержательным аспектам принадлежит более важная роль в достижении целей манипулирования общественным сознанием. Производство эффективного контента и его адаптация к реалиям конкретной обстановки во многом зависит от правильных оценки и выбора объектов инфо-, психо- пропагандистского воздействия.

С учетом того, что устойчивость и выживаемость государства в эпоху вызов, угроз и потрясений во-многом обеспечивает стержнеобразующая роль русско-славянского большинства населения страны целесообразно, чтобы в ходе информационного противоборства вокруг России, в большей степени были востребованы проверенные временем историко-культурные и демографические смыслы, национально-ориентированные взгляды, контексты и точки зрения на события, явления и процессы, апробированные на практике ведения борьбы за выживание и самосохранение уникальной российской цивилизации. Прямая открытая «русская правда» национальной «мягкой силы» способна успешно конкурировать с агрессивной враждебной пропагандой. Ей вполне по силам опровергнуть и напрочь отбросить лживые постулаты и догматы, перейти в наступление и кардинально изменить общую картину мира в международном контексте, перезагрузить современные информационные отношения. Яркие резонансные публикации, в электронном (телевидение, радио, Интернет и др.) или печатном (газеты, журналы) измерении, в различном жанровом оформлении (статья, комментарий, интервью и др.), уже сами по себе могут иметь немалый пропагандистский эффект.

Планирование гибридных мероприятий, в том числе контрпропагандистских и наступательных информационных операций (компаний) и отдельных акций должно осуществляться по единому замыслу в тесном взаимодействии с заинтересованными государственными и общественными институтами власти в сочетании с другими формами и методами так называемой гибридной войны. В медиапланировании особое значение приобретает координация информационных операций и компаний по месту и времени, целям и задачам, формам, форма и методам, объектам и каналам воздействия.

В ходе ведения операции необходимо тесное взаимодействие с заинтересованными государственными ведомствами и общественными институтами, представителями СМИ и Интернет-ресурсов, которые в части касающейся участвуют в гибридных акциях комплексно применения «мягкой силы» в конкретных сферах геополитического противоборства с враждебными силами. Одновременно важно постоянно и целенаправленно вести информационную раз-

[1] Сенатор предлагает информационную систему «мягкой силы». – https://ria.ru/society/20160630/1455183525.html

[2] Несмотря на беспрецедентный уровень доверия граждан России к главе государства (более 80%), нынешняя природа российской власти во многом остается компрадорской по своей сути, действующей в интересах внешнего влияния.

ведку, распознавать и вскрывать враждебные информационные цели и смыслы, которые навязываются государству и обществу.

Национальная система «мягкой силы»

Создание национального института «мягкой силы» (НИМС), в том числе инструментария гибридного продвижения и отстаивания национальных интересов России на международной арене, предполагает консолидацию и развитие комплекса сил и средств политического, дипломатического, финансово-экономического, информационно-культурного, силового и другого характера. В связи с дальнейшим обострением международной обстановки, нарастанием кризисных явлений глобального порядка[1], усиления противоборства в сфере применения гибридных технологий целесообразно строительство такого рода национальной системы осуществлять на базе силовых структур, МИД, Общественной и Торгово-промышленной палат России и других отдельных неправительственных организаций, ведущих СМИ и Интернет-ресурсов прогосударственной ориентации. Одновременно, с учетом того, что значительная часть нынешнего, особенно, журналистского сообщества федерального уровня по-прежнему находится в плену чужеродных стереотипов и идеологем, необходимо существенно повысить требования к выращиванию национальных информационных кадров. Сегодня особое значение приобретают отбор и подготовка информационных кадров, вооруженных целостным мировоззрением, способных профессионально, решительно и последовательно действовать на стороне национальных интересов своего народа и государства.

По оценкам экспертов, подготовку профессиональных кадров «мягкой силы» целесообразно осуществлять в профильном военном и гражданском вузе, где уже создана соответствующая база преподавания иностранных языков. В настоящее время, в эпоху глобализации знание зарубежных реалий и владение языками рассматривается одним из основных требований, предъявляемых к современным информационным кадрам. Профильный федеральный военный или гражданский вуз мог бы готовить специалистов в области аналитики, журналистики, зарубежного регионоведения, зарубежных коммуникаций, связей с общественностью и СМИ, PR и рекламы, кибертехнологий, социологии, политических технологий, консалтинга, психологии, музыкальной индоктринации, контрпропаганды, спецпропаганды и другие кадры в сфере информационного противоборства. Обучение может вестись как на бюджетной основе для силовых структур и других министерств и ведомств, так и на коммерческой – в интересах предприятий оборонно-промышленного и энергетического комплекса (Рособоронэкспорт, Росатом, Ростех, Газпром, Роснефть и др.), а также для потребностей неправительственных международных организаций российского влияния за рубежом.

Кроме того необходимо иметь ввиду, что сегодня востребованы специалисты двух разных типов: из ниши технической сетевой безопасности и защиты информации и стратегических коммуникаций, а также медиа, коммуникаций, PR, рекламы и более специальных областей вплоть до психолингвистики и семантики. Поэтому нужен целевой поиск и отбор кандидатов на обучение, обладающих техническими, менеджерскими и творческими способностям. Такие кадры призваны будут обеспечить эффективное взаимодействие специалистов разных профилей. Решение этой задачи потребует существенных изменений в подготовке новых информационных кадров. При этом крайне важно, чтобы подготовка кадров базировалась на мощной аналитической основе, опирающейся не только на анализе событий, явлений и процессов, а синтезе разносторонней информации имеющей отношение к различным сферам знаний и отраслям деятельности. В рамках вуза должным образом должна быть организована научно-исследовательская деятельность по следующим основным проблемам: место и роль информационного фактора в мировых процессах; актуальные вопросы информационного противоборства в мире; анализ и прогноз развития международной обстановки; перспективы развития информационных технологий; теория и практика «мягкой силы»; лингвосемантическая составляющая информации и пропаганды; информационный контекст гибридных войн; проблематика межкультурных коммуникаций; сетевые возможности информационного оружия и др.

Повышение эффективности подготовки информационных кадров позволит сформировать современную систему информации и коммуникации в силовых структурах и других органах власти. Деятельность национальной системы информационного продвижения государства должна организовываться и координироваться из единого центра на основе целенаправленного планирования специальных политических мероприятий, информационных операций и отдельных акций. К ведению государственной информационной работы могут быть подключены не только соответствующие структуры министерств и ведомств, но и общественные институты, в частности: Общественная и Торгово-промышленная палаты России, информационные и другие возможности госкомпаний, неправительственных организаций.

Особое место в национальной системе «мягкой силы» отводится силам и средствам информационного сообщества. Среди российских информационных ресурсов, которые целенаправленно вещают, в том числе и на зарубежные аудитории, следует особо выделить Международное информационное агентство «Россия сегодня», телеканал «Раша тудей», радиостанцию «Спутник», ИА «ТАСС» на английском языке, англоязычные версии Интернет-ресурсов МИД, сайтов Общественной и Торгово-промышленной палат РФ и др. На английском языке выходит немало научных печатных и электронных изданий, существуют неправительственные СМИ.

Различные органы государства, располагая своими специфическими информационными и другими возможностями участия в мероприятиях «мягкой силы», привлекаются и участвуют в скоординированных операциях в части касающейся в рамках общего плана операции. Взаимодействие и координация усилий осуществляется по следующим

[1] Природные и техногенные катаклизмы, массовые миграции, социальные потрясения, международный терроризм, сепаратизм, конфликты на национальной и религиозной почвах, масштабные эпидемии, голод и др.

основным направлениям: мониторинг информационного пространства и обмен информацией; информационно-коммуникативная и информационно-разведывательная практика; аналитическая работа; медиапланирование; развитие связей с общественностью и СМИ; действия в сфере PR и рекламы; продвижение информации в сети Интернет; инициирование социологических исследований, издательская деятельность, распространение слуховых вирусов и др. С учетом того, что международное сотрудничество во многом представляет собой представительскую информационно-коммуникативную деятельность, оно также относится к сфере информационного взаимодействия. Однако главным инструментом координации общих усилий выполняет целевой контент, который производится и распространяется из единого центра.

Составной частью национальной системы «мягкой силы» должны рассматриваться соответствующие информационные и другие возможности силовых структур Российской Федерации. По мнению экспертов, для подготовки силовиков в информационной сфере целесообразно использовать возможности Военного университета МО РФ. С учетом актуальности сохранения преемственности идеологических традиций со времен ВИИЯКА (Военный институт иностранных языков Красной армии), который существовал и развивался, прежде всего, как идеологический вуз в советский период, нынешний Военный университет мог бы получить название Военный институт информации и иностранных языков (ВИИИЯ). В эпоху глобальных вызовов и угроз реорганизация вуза в новом формате, в известной мере, повторит опыт возрождения ВИИЯ в качестве идеологического вуза в период «холодной войны», существенно укрепит авторитет и повысит роль МО среди других силовых и гражданских государственных ведомств, позволит государству поднять на новый уровень подготовку информационных кадров в масштабах страны.

С учетом того, что в мире усиливается тенденция в сторону все более активных и эффективных синтетических гибридных операций, сочетающих в себе технологии военных кибероперациий с целеполаганием информационного противоборства», необходимо, чтобы планирование и решение задач перехвата стратегической инициативы, достижения превосходства над противником в информационной сфере строго увязывалось с мерами информационно-технического характера. В новой Доктрине информационной безопасности РФ представлено видение гуманитарных и технических угроз и вызовов РФ, но не ведется речь об актуальности, характере и содержании координационной работы в этом направлении.

В целом, с учетом того, что в настоящее время информационная сфера жизнедеятельности государств и общества во многом находится под жестким внешним влиянием, создание альтернативной информационной системы на базе силовых и других смежных правительственных структур может сыграть ключевую роль в информационном противоборстве вокруг России и, в целом, в мире. Кроме того, решение этой актуальной задачи поможет выстроить эффективную вертикаль управления государством и обществом, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности России в эпоху глобальных вызовов и угроз.

Нестеров А.В.[1]

ДОКТРИНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ «ДОКТРИНЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ»

Ключевые слова: *доктрина, информация, безопасность, опасность, угроза, вызов, индивид, продуцент, коммуникатор, коммуникативный.*

Доктрина информационной безопасности РФ (далее Доктрина) является доктринальным правовым актом[2], т.к. утверждена указом Президента РФ. Доктрина предусматривает развитие правовых средств обеспечения информационной безопасности, которые должны использоваться силами обеспечения информационной безопасности. Необходимо различать правовое и юридическое обеспечение. К юридическому обеспечению будем относить легальное обеспечение, а к правовому – элементы правовой доктрины в части информационной безопасности. Эти элементы представляют собой научно-обоснованные положения (рекомендации) публикаций, направленные на развитие теории и практики информационной безопасности РФ.

В Доктрине в информационную сферу входят разнородные элементы, в том числе механизмы регулирования соответствующих общественных отношений. Эти механизмы, средства, способы, процедуры, принципы можно обозначить одним словом «инструменты». Кроме того, в Доктрине упоминаются общественные и государственные институты. Учитывая инструментально-институциональный подход[3], можно рассматривать применение инструментов обеспечения информационной безопасности, в том числе и юридических, в соответствии с юридическими институтами.

Однако человеку свойственно ошибаться, поэтому юридические институты часто содержат недостатки (пробелы, противоречия, неясности). Как правило, эти недостатки устраняются за счет критики, продуцируемой в правовой доктрине в части информационной безопасности[4]. Кроме того, правовая доктрина может предлагать и правовые инструменты, которые, как показывает юридическая практика, начинают использовать как законодательно установленные юридические инструменты.

Так как настоящий текст не является обзорным, то приносим свои извинения тем авторам, чьи публикации по рассматриваемой теме не будут упомянуты. Формальное ограничение объема публикации, вынуждает делать ссылки на предшествующие публикации автора[5].

Недостатки Доктрины можно разделить на терминологические, правовые и/или содержательные несоответствия соответствующим критериям. Поэтому рассмотрим некоторые юридически значимые понятия, используемые в Доктрине, т.к. ее «язык» и терминология должны обладать юридическими свойствами[6]. Терминологический раздел Доктрины традиционно занимает мало места, что всегда порождает дискуссии по поводу значений используемых специальных слов. Основными понятиями в Доктрине являются понятия опасности (безопасности) и угрозы, которые так или иначе связаны с иными доктринами и стратегиями РФ. Рассмотрим эти понятия совместно. Известны понятия опасности и угрозы в Военной доктрине РФ и Стратегии национальной безопасности РФ. Однако в Доктрине угроза и опасность уже определяются по-другому, в частности: «угроза информационной безопасности Российской Федерации (далее – информационная угроза) – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере». В этой связи рассмотрим эти понятия более подробно.

Источник опасности продуцирует причину опасности, причина опасности продуцирует опасное воздействие, а опасное воздействие продуцирует последствия опасного воздействия, в том числе и «ущерб» индивиду. Здесь в качестве индивида могут выступать не только субъекты («личность, общество и государство»), но и объекты, в том числе инфраструктура, и/или среда.

Категория индивида характеризует индивидуальное свойство элемента во множестве, которое также можно рассматривать как индивид. Индивидуальное свойство – это как минимум одно свойство, выделяющее (индивидуали-

---

[1] Нестеров Анатолий Васильевич – д.ю.н., профессор Российского университета дружбы народов, Российской таможенной академии. E-mail: nesterav@yandex.ru

[2] Нестеров А.В. Классификация правовых актов // Государство и право. – М., 2013. – № 7. – С. 5–11.

[3] Нестеров А.В. Инструментально-институциональный подход к деятельности: системно-юридический аспект. – М.: Препринт, ноябрь 2016. – 18 с. – www.nesterov.su

[4] Нестеров А.В. Существует ли информационная безопасность или некоторые аспекты законопроекта Технического регламента «О безопасности информационных технологий» // Правовые вопросы связи. 2007. – № 1. – С. 31-34.

[5] Нестеров А.В. Еще раз о цитировании и самоцитировании в публикационной академической коммуникации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – С. 731–735.

[6] Нестеров А.В. Терминологические вопросы взаимодействия информационного и интеллектуального права // Материалы Международной конференции «Понятийный аппарат информационного права». – М.: ИГП РАН, 2015. – С. 103–109.

зирующее) элемент в ситуации, а также саму ситуацию в ее окружении. Здесь ситуация рассматривается как множество позиций (положений, состояний и/или уровней), составляющих ее элементов. В качестве индивида могут выступать живое существо (человек, животное, растение), собственно индивид в виде субъекта, объекта и/или инструмента, а также сама ситуации в некотором окружении[1].

Таким образом, можно использовать понятие опасного продуцента. Однако продуцент может продуцировать не только опасное, но и негативное воздействие. Негативное воздействие для индивида может состоять из опасного, угрожающего и/или вызывающего воздействия, которые продуцируются негативными продуцентами в виде опасности, угрозы и/или вызова. Отсюда следует, что опасность (свойство опасности) – это способность продуцента продуцировать неприемлемые негативные последствия для индивида.

Поэтому меры по обеспечению безопасности индивида должны предусматривать воздействия на негативного продуцента, в частности, на негативное воздействие, его причину и/или источник. В этой связи индивида также можно рассматривать как продуцента. Безопасность индивида связана с определением негативных воздействий.

Воздействие будем рассматривать как некоторое устремленное изменение позиции продуцента в некоторой среде и/или сфере[2]. В качестве устремления может выступать цель, ценность и/или иное благо. Кроме того, выделяют субъективное и объективное воздействие, к последнему можно отнести воздействие, продуцирующее техногенное и/или природное событие.

В целом негативные воздействия можно разделить на потенциальные (предполагаемые, вероятные и/или возможные), непосредственные и/или непредвиденные негативные воздействия.

Опасное воздействие – это вероятное негативное воздействие, которое ранее уже фактически происходило как минимум один раз, характеризующее, что оно может произойти как минимум второй раз.

Угрожающее воздействие – это предполагаемое негативное воздействие, вероятность появления которого отлична от 0.

Так как категории опасности и угрозы могут логически пересекаться, то существует логическая конструкция опасной угрозы. Таким образом, основание опасаться подразумевает, что угроза исходит от опасного субъекта, т.е. субъекта, уже совершавшего как минимум одно противоправное и/или неправомерное деяние.

Вызывающее воздействие – это возможное негативное воздействие, которое может закончиться негативным или позитивным последствием с вероятностью равной примерно 0.5, т.к. ранее как минимум из двух воздействий одно было негативным, а другое позитивным.

Из этих определений следует, что понятие воздействия представляет собой изменение позиции продуцента, где позиция определяется внешним положением, внутренним состоянием и/или уровнем позиции. Негатив же оценивается субъектом по уровню неприемлемого негативного последствия от такого воздействия.

Иногда вероятное воздействие называют вероятностным, что не верно, т.к. для него необходимы статистические сведения о ранее происходивших фактических негативных воздействиях. Вероятностное негативное воздействие – это воздействие, которое может произойти, и для которого можно вычислить вероятность его наступления хотя бы по малой выборке (как минимум четыре случая).

Непредвиденное негативное воздействие – это воздействие, которое ранее никогда не происходило, и поэтому индивид не мог заранее к нему подготовиться, за исключением резервирования средств на непредвиденные расходы для нейтрализации таких фактических воздействий и/или их последствий.

Для оценки уровня безопасности индивида можно использовать показатель интегрального расстояния от индивида до продуцента негатива[3]. Здесь интегральное расстояние – это не геометрическое расстояние, а мера, позволяющая оценить уровень изменения негатива по отношению к индивиду, в виде величин направления, скорости и/или энергии этих изменений. Применение понятия «риск» позволяет переводить негативное воздействие в разряд измеряемых величин. Риск, фактически, есть мера появления негативного потенциального воздействия.

Отметим, что риск может приводить как к негативным, так и позитивным последствиям, поэтому риск – это вероятность наступления негативного/позитивного воздействия на индивида и может использоваться для количественной характеристики наступления негативного или позитивного последствия. Противоположным негативному риску понятием является гарантия, в частности, гарантийные обязательства, страховка и/или компенсационные фонды от убытка (неудачи).

Отметим, что воздействие может носить как действительный, так и знаковый и/или психический характер. Последние информационные воздействия еще называют влиянием, которое может выражаться в виде изменения позиции человека или массы людей. Например, информационное воздействие может не оказать/ влияния на него или на массовое сознание.

Информационно-коммуникативное воздействие может быть явным, косвенным и/или действующим вне сознания человека. Поэтому иногда информационную коммуникацию используют для неосознаваемого коммуникативного

---

[1] Понятия индивида и продуцента более подробно рассмотрены в некоторых наших публикациях: Нестеров А.В. Продуцентный подход. – М.: НИУ ВШЭ, препринт, сентябрь 2015. – 11 с. – www.nesterov.su; Нестеров А.В. Экспертика: Общая теория экспертизы. – М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014. – 261 с.

[2] Понятия среды и сферы приведены в публикации: Нестеров А.В. О категории пространства, среды и поля. – М.: НИУ ВШЭ, препринт, июль 2015. – 13 с. – www.nesterov.su

[3] Нестеров А.В. Некоторые соображения о стратегии Йордана Рууса // Стратегический менеджмент. 2009. – № 1. – С. 74–77.

воздействия на получателя сообщения, которое он может воспринимать на подсознательном уровне[1]. Если коммуникативное воздействие приводит к повышению уровня позитивной позиции коммуникатора помимо его сознания, то тогда можно говорить о позитивном информационном манипулировании. Если у одного из коммуникаторов вероятность достижения устремления уменьшится, то тогда говорят о негативном информационном манипулировании этого коммуникатора другим коммуникатором.

Известны инструменты негативного информационно-коммуникативного воздействия на массы людей. Целью таких воздействий является продуцирование коммуникативного продукта (отклика) у коммуникатора, выступающего объектом воздействия. Здесь под коммуникативным продуктом понимается изменение позиции как минимум у одного коммуникатора в информационной сфере[2].

Негативные воздействия могут быть нанесены юридическому субъекту, его объему полномочий и/или элементам юридически значимой жизнедеятельностной ситуации, находящейся в общественной и/или природной среде. Естественно, субъекты стараются обезопасить себя и для этого используют обеспечение безопасности. С правовой точки зрения, в понятие безопасности входит понятие юридической безопасности, а в него, кроме юридической защиты могут входить понятия юридической охраны и/или юридического признания субъекта и его благ. В этой связи под безопасностью будем понимать уровень признания субъекта и его благ, их охраны и/или защиты от непосредственного (фактического), потенциального и/или непредвидимого негативного воздействия на них, а также их последствий. Юридическое признание заключается в легальном подтверждении объема полномочий юридического субъекта в отношении некоторых благ. Негативное воздействие на объем полномочий субъекта может быть выражено в виде нарушения законодательных норм, положений договоров и/или судебных решений, а также юридических критериев и/или юридических гарантий.

Деяния юридических субъектов, техногенные и/или природные события могут негативно воздействовать на охраняемые блага юридических субъектов. Поэтому Конституция РФ и/или нормы международного права охраняют такие блага. При этом юридические субъекты могут отстаивать свои законные интересы. В частности, отрицание (не признание), отмена и/или умаление конституционных правомочий (свобод, прав и/или законных интересов) юридических субъектов запрещены Конституцией РФ. Информационно-коммуникативные воздействия на личность, общество и государство могут иметь негативный характер в силу их противозаконности, недостоверности и/или иных свойств, вызывающих негативные последствия в элементах информационной сферы. Поэтому государство обязано создавать системы обеспечения информационной безопасности от таких негативных воздействий.

В заключение отметим, что Доктрина, несомненно, является важным «шагом» в развитии юридической базы в обеспечении информационной безопасности РФ, но требует тщательной разработки нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере информационной безопасности.

[1] Нестеров А.В. О соотношении коммуникации и информации // Сборник статей по материалам международной научной конференции «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – С. 81–83.

[2] Нестеров А.В. Интернет-поле VS киберпространства // Вопросы безопасности. 2015. – № 4. – С. 16–24.

Никулин Н.Н.
д.э.н., профессор МИСиС

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕАЭС: СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова: *глобализация, регионализация, интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), инвестиции, сбережения, накопление основного капитала, ПИИ.*

Keywords: *globalization, regionalization, Eurasian Economic Union (EAEU), investment, savings, the accumulation of fixed capital.*

Наряду с экономической глобализацией, выражающейся в нарастании открытости национальных экономик и установления единых норм использования экономических ресурсов во всем мире, идет процесс региональной интеграции различных групп стран, объединяющихся на основе совпадения социально-экономических интересов и имеющих, как правило, общие задачи и особенности развития.

При этом необходимо отметить, что в основе процесса регионализации отношений лежат не только экономические причины. Так, западная общественная модель мироустройства предполагает построение универсального сообщества, основанного на постулатах свободы личности, демократии и гуманизма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения «священного принципа» частной собственности и рыночной модели индустриальной экономики. Его логическим завершением становится всемирное содружество наций, их объединение в рамках глобального гражданского общества под эгидой единого межгосударственного центра. Подобный центр, постепенно перенимая функции национальных правительств, преобразовывал бы их в дальнейшем в своего рода региональные административные структуры.

Частично реализуясь, данный процесс сталкивается, однако, со значительными трудностями, обусловленными, прежде всего, фундаментальной культурной неоднородностью мира, резким экономическим неравенством на планете. Это способствует формированию других, хотя и гораздо менее распространенных в общественном сознании взглядов, на обустройство мира – от евразийских, исламских, фундаменталистских проектов до конфуцианских концепций, связанных с темой приближения «века Китая».

Так, например, все больше сторонников в странах Азии находит трайбалистская теория (tribalism) Джоэля Коткина, согласно которой растущая глобальная рыночная экспансия приведет к повышению значимости азиатских этнических групп, таких как «китайцы» или «индийцы». Взлет этих «глобальных азиатских родов» Дж. Коткин объясняет следующими факторами:

– ярко выраженная этническая идентичность, ориентация на самопомощь и семейные связи, высокая этика обучения, трудовая мораль и культ экономии;

– возникновение транснациональной экономики;

– быстрое развитие сферы коммуникационных и информационных технологий.

Новые технологии «позволили рассредоточенным территориально членам этих азиатских групп поддерживать контакт друг с другом». Чайна-тауны и кварталы «малой Индии» от Лондона до Куала-Лумпура являются узловыми пунктами этнических, транснациональных экономических сетей. Интересным явлением в этом отношении являются так называемые World Chinese Entrepreneurs Conventions. Так 16–18 сентября 2017 г. в Янгоне (Мьянма) состоялась уже 14-е заседание данного объединения[1].

В то же время формирование региональных сообществ происходит, по нашему мнению, в условиях нарастания единства взглядов на систему социальных ценностей и закономерности исторического процесса. Образование региональных объединений с целью экономической защиты не означает их полной закрытости от воздействия мирового капитала. Создание определенных преимуществ региональному капиталу не может полностью перекрыть конкурентную борьбу за экономические ресурсы с капиталами других государств. Да, в мире формируются несколько региональных центров. Но при этом рост экономических взаимосвязей в рамках этих региональных экономических образований сопровождается одновременным развитием связей между регионами, процессом экономической глобализации. Как пишет Мануэль Кастельс, можно «говорить о существовании глобальной экономики, потому что экономические агенты действительно работают внутри глобальной взаимосвязанной сети, выходящей за пределы национальных и географических границ. Однако эта экономика не является полностью независимой, поскольку национальные правительства играют важную роль в управлении экономическими процессами. … Глобальная экономика – *это не экономика планетарного масштаба*. … Я считаю, что внутреннее подразделение на регионы является системной характеристикой глобальной экономики»[2].

[1] http://www.globalnewlightofmyanmar.com/world-chinese-entrepreneurs-meet-yangon/

[2] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 11, 114.

Данное противоречие между процессом глобализации в рамках всего мира и сохранением этно-конфессиональных, культурных и других различий приводит к тому, что формирование более крупных и относительно единых, доступных для капиталов нерезидентов, экономических пространств происходит в форме образования региональных хозяйственных структур, на уровне которых принципы глобализации реализуются с меньшими издержками. Можно сказать, что культурно-исторические (цивилизационные) различия приводят к тому, что формируются «разные типы капитализмов», что и становится основой регионализации процесса глобализации на современном этапе развития человеческого общества и мировой экономики. «Именно из-за сложной структуры интересов, определяющей функционирование современного мирового хозяйства, – отмечает А.Д. Некипелов, – к вопросу об эффекте процесса глобализации нельзя подходить с "вселенскими" критериями. Не случайно многообразные противоречия интересов участников международных экономических (и не только экономических) отношений оказываются одним из важных оснований для развития процессов регионализации хозяйственной деятельности. Последние выступают одновременно и как форма глобализации, и как инструмент защиты от неблагоприятных ее последствий для государств, имеющих аналогичные специфические интересы. Соответственно регионализация одновременно служит и целям создания более крупного экономического пространства и защиты его от действия внешних сил в рамках глобальной конкуренции»[1].

Таким образом, регионализация отношений между национально-государственными образованиями является объективным процессом на данном этапе мировой глобализации. И это также необходимо учитывать при определении стратегии развития России, ее отношения к интеграционному процессу на постсоветском экономическом пространстве в рамках ЕАЭС, СНГ, места и роли России, ЕАЭС, СНГ в мировом сообществе и мировой экономике.

Межгосударственная интеграция как форма разрешения противоречия глобального и регионального, интернационального и национального в капитале

Следует отметить, что в рамках интеграционного комплекса остаются национальные воспроизводственные комплексы, между которыми остается противоречие экономических интересов. В то же время появляется интерес комплекса в целом, который тоже должен быть реализован. Кто в данном случае является субъектом этого интереса. Достигается ли он автоматически через реализацию интересов частных экономических субъектов? Или же только наднациональные интеграционные структуры способны оптимизировать результат хозяйствования комплекса и в этой связи сознательно перераспределять экономические ресурсы между государствами-членами. В этой связи можно провести параллель – между интегрирующимся регионом и национальными хозяйствами. В рамках последних очень часто проводится экономическая политика с целью поддержки районов, находящихся в наименее благоприятных условиях. Иначе говоря, национальные власти преднамеренно нарушают условия совершенной конкуренции внутри страны и делают это с помощью мер позитивной хозяйственной политики. Такая же политика может проводиться и в интеграционном комплексе. Главным при этом является координация экономической политики государств-членов, имеющих целью смягчить неравномерность экономического развития отдельных стран интеграционного комплекса и отдельных районов внутри этих стран. Целью при этом становится оптимальная экономическая структура всего интеграционного комплекса.

Однако проблема сочетания интересов оптимизации регионального хозяйства с интересами оптимизации национальных хозяйств все равно остается. Поэтому интеграция возможна в тех случаях, когда национальные образования или же не беспокоятся о своей будущности или же новое, интеграционное будущее им представляется более привлекательным. При этом серьезным препятствием на пути экономического объединения в рамках интеграционного комплекса остается также национальное самосознание народов интегрирующихся стран, являющееся важной составной частью их общественного сознания. Это обусловлено тем, что развитие процесса экономической интеграции влечет за собой все возрастающее ограничение национального суверенитета участвующих в нем государств, что вызывает неоднозначное отношение к этому процессу. Экономические интересы, например, Казахстана и Беларуси в ЕАЭС могут значительно различаться.

В рамках интеграционного пространства проходят те же процессы, что и в мировой экономике в целом: рост конкуренции, разорение одних предпринимателей и усиление других, перемещение производств между странами, рост концентрации и размеров предприятий. Так, в рамках ЕС большую роль в повышении эффективности общественного производства эффект интегрирования сыграл за счет изменений в размещении производственных мощностей. На нынешнем уровне развития техники мощности отдельных агрегатов переросли национальные границы, и потребности оптимального их использования требуют транснациональной системы размещения производства. В этой связи формирование единой территориальной структуры хозяйства в рамках интеграционного комплекса дает значительный экономический эффект. Это связано с возможностями концентрации и специализации производства, экономии инвестиций, транспортных издержек и т.д.

По нашему мнению, главным при формировании интеграционного комплекса является то, что в этом случае создаются такие экономические условия воспроизводства капитала для государств-членов, которые не могут возникнуть ни в рамках национального хозяйства, ни в условиях участия национальных капиталов в международном разделении труда. При этом капиталы стран-участниц получают дополнительные возможности для усиления своих конкурентных позиций на мировом рынке.

[1] Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – № 4. – С. 6.

Дело в том, что образование межгосударственного интеграционного комплекса означает формирование относительно единой территориальной структуры хозяйства, взаимную адаптацию национальных территориально-хозяйственных структур, при которой отдельные национальные хозяйства, при всей их самостоятельности, становятся частями единого интеграционного целого.

Отметим в этой связи, что, например, в рамках ЕС проводится единая промышленная и сельскохозяйственная политика, предполагающая жесткое подчинение национальных хозяйств решениям общесоюзных органов.

Таким образом, формирование интеграционного комплекса предполагает принятие на себя государствами-участниками серьезных обязательств, связанных с определенной потерей рычагов влияния на национальную экономику.

В то же время необходимо отметить тот факт, что рационализация размещения в рамках интеграционного объединения может не соответствовать рационализации в масштабе мирового экономического пространства. Какое интегрируемое пространство может быть оптимальным – обосновать весьма сложно. Это также следует учитывать и при формировании интеграционного комплекса ЕАЭС.

Интеграционный комплекс ЕАЭС

Договор об образовании Евразийского экономического союза официально вступил в силу 1 января 2015 года. В августе 2015 года членом ЕАЭС официально стал Кыргызстан. Представление об экономическом потенциале ЕАЭС дает табл. 1.

Таблица 1

Экономические показатели стран-членов ЕАЭС в 2016 г.

	Население		ВВП		Экспорт			Импорт		
	млн. чел.	Доля, %	Всего, млрд. долл.	Доля, %	Всего, млрд. долл.	В ЕАЭС, млрд. долл.	Доля ЕАЭС, %	Всего, млрд. долл.	Из ЕАЭС, млрд. долл.	Доля ЕАЭС, %
Армения	2,9	1,6	10,6	0,7	1,8	0,4	22,2	3,3	1,1	33,3
Беларусь	9,5	5,3	47,4	3,2	23,6	11,4	48,3	27,6	15,4	55,8
Казахстан	17,8	9,9	137,3	9,2	36,7	3,9	10,6	25,4	9,9	39,0
Кыргызстан	6,1	3,4	6,6	0,4	1,5	0,4	26,7	4,0	1,6	40,0
Россия	144,3	79,9	1283,2	86,4	287,6	26,8	9,3	183,3	14,5	7,9
ЕАЭС	180,7	100,0	1484,97	100,0	351,2	42,9	12,2	243,6	42,5	17,4

Источники: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/12_180.aspx; http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP.CD&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&populartype=series&ispopular=y#

Согласно теории международного разделения труда Хекшера-Олина различия в относительной обеспеченности факторами производства и в характеристиках их использования обусловливают специализацию страны на производстве определенных товаров.

При этом уровень обеспеченности может быть природным (и тогда говорят о *естественных* преимуществах одних стран перед другими) или же созданным, что формирует *приобретенные* преимущества.

ЕАЭС – это сложное сочетание экономической и хозяйственной систем. В рамках ЕАЭС пропорции обмена результатами производства могут значительно отличаться от общемировых пропорций.

При этом страны-члены ЕАЭС в неодинаковой степени вовлечены во внутри интеграционные отношения и отношения с третьими странами.

Таблица 2

Доля стран ЕАЭС в их совокупном внешнеторговом товарообороте, %

	2015 г.	2015 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г.	2016 г.
	с третьими странами	со странами СНГ	со странами ЕАЭС	с третьими странами	со странами СНГ	со странами ЕАЭС
Армения	70,61	29,39	5,42	69,58	30,42	7,65
Беларусь	43,07	56,93	19,33	39,09	60,91	22,08
Казахстан	72,60	27,40	6,69	71,78	28,22	6,32
Кыргызстан	50,36	49,64	7,22	58,90	41,10	7,64
Россия	87,09	12,91	5,43	87,58	12,42	5,63
ЕАЭС	81,32	18,68	6,76	81,36	18,64	7,15

Источники: http://www.cisstat.com/; http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2015-2016.pdf

В значительной степени столь существенная разница (ср., например, Россию и Беларусь) обусловлена обеспеченностью стран природными ресурсами, которые в большинстве случаев конкурентны не только на внутриинтеграционном, но и на мировом рынке

Приобретенные преимущества как условия развития передовых отраслей экономики в рамках ЕАЭС

Повысить долю страны в мировом доходе позволяет производство товаров с высокой долей добавленной стоимости в цене товара. Добавленная стоимость – это добавленные капитальные издержки и издержки на заработную плату. Их соотношение в разных товарах в значительной мере предопределяет обменные товарные пропорции (хотя, конечно, на цены товаров влияют и факторы со стороны спроса).

Страна, специализирующаяся на производстве товаров с высокой долей добавленной стоимости, реализует приобретенные преимущества, связанные с накоплением «неестественных» факторов производства: денежного и производительного капитала и определенного уровня квалификации рабочей силы.

При этом с неизбежностью возникает проблема соотношения текущих будущих экономических интересов как отдельных экономических субъектов, так и национально-государственных экономик в целом. Это обусловлено тем, что формирование приобретенных преимуществ с неизбежностью ведет к снижению текущей величины прибыли и уровня текущего потребления, поскольку предполагает накопление ресурсов в настоящее время для увеличения производства в будущем.

Опыт подобной экономической политики в США и ее необходимость для Германии подробно исследовал немецкий экономист Фридрих Лист в своей работе «Национальная система политической экономии» (Das Nationale System der politischen Ökonomie, 1841). «Нация должна жертвовать материальными богатствами – пишет Фр. Лист, – и переносить эти лишения для приобретения умственных и социальных сил, она должна жертвовать выгодами в настоящем, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем». «Если во время войны земледельческая нация ценой жертв и усилий создала свою промышленность, то после окончания войны в условиях свободной конкуренции она будет разрушена. Это участь тех наций, которые не стремятся обеспечить себе выгоды непрерывности работы из поколения в поколение посредством осуществления национального разделения операций труда и ассоциации производительных сил». «Каналы и шлюзы Голландии – пишет Фр. Лист – результат труда многих поколений... Есть ли здесь общий интерес поколений – главное, ибо часто какое-то строительство превышает силы современного поколения. Например, пути сообщения – это выгода всех поколений. В этом случае есть право у современного поколения переключить часть бремени и на будущие поколения!». Таким образом, считает Фр. Лист, «единство нации является основным условием прочного национального благосостояния и там где целый ряд поколений преследовал одну и ту же цель, нации достигли гармонического развития всех производительных сил»[1].

Предпосылки формирования конкурентных преимуществ ЕАЭС в условиях глобализации мировой экономики

В 50-е годы XX века группой латиноамериканских сотрудников Экономической комиссии ООН для Латинской Америки – ЭКЛА, (*Economic Commission for Latin America –ECLA),* образованной в 1948 году, была разработана специальная социально-экономическая программа, предусматривающая ускоренное развитие данного региона на основе принципов регулируемой рыночной экономики.

Теоретическим обоснованием данной программы послужили работы известного аргентинского экономиста Рауля Пребиша, которые позднее были включены в книгу «Периферийный капитализм: Кризис и трансформация» (Capitalismo periferico. Crisis y transformacion, 1981).

Р. Пребиш и другие авторы «Доктрины ЭКЛА» исходили из концепции «периферийного капитализма», согласно которой страны Латинской Америки принадлежат к сырьевой периферийной зоне мировой экономики, что приводит их к зависимости и эксплуатации со стороны индустриальных центров, к постоянному отставанию от экономически развитых государств.

Преодолеть такое состояние страны региона, по мнению авторов данной программы, можно только на путях ускоренной модернизации своей экономической и социальной структуры. Чтобы добиться этого, нужно обеспечить ускоренную индустриализацию стран.

Большое значение при этом придавалось региональной экономической интеграции и достижению социальной справедливости на основе реализации принципа национального единства общества.

Положение о необходимости модернизации экономики на настоящем этапе развития актуальны также и для всех стран-членов ЕАЭС.

При этом современные конкурентные преимущества на пространстве ЕАЭС можно реализовать только при наличии объективных предпосылок, в частности, необходимой величины и качества денежного и производительного капитала, современных технологий и качества человеческого потенциала. Кроме того должна иметь место необходимая институциональная среда для реализации данных преимуществ. Отсутствие хотя бы одного фактора не позволяет реализовать современный экономический воспроизводственный процесс.

Россия и ЕАЭС

Особое значение для развития ЕАЭС имеет реализация данных предпосылок в России, поскольку доля РФ в экономике ЕАЭС определяющая. Уровень развития российской экономики в значительной мере формирует целост-

[1] Лист Фр. Национальная система политической экономии. Пер. с нем. Под ред. К.В. Трубникова. – СПб.: Издание А.Э. Мертенс, 1891. – С. 184, 212, 342,

ность интеграционного комплекса ЕАЭС. Так на РФ в ЕАЭС в 2016 году приходилось: 79,9% населения, 86,4% ВВП, 81,9% экспорта, 75,2% импорта (см. табл. 1.).

В то же время следует отметить, что уровень взаимных экономических связей в ЕАЭС для большинства стран-членов и, что очень важно, для России (исключение – Беларусь) незначительный. Так доля стран ЕАЭС во внешнеторговом обороте ЕАЭС в 2015 году составила всего 6,76%; в 2016 году – 7,15% (доля РФ, соответственно – 5,43% и 5,63%) (см. табл. 2.).

Для развития интеграционного комплекса ЕАЭС необходима взаимная экономическая заинтересованность всех стран-членов. А это возможно только тогда, когда уровень их конкурентоспособности начнет повышаться и с учетом действия положительного эффекта масштаба и воспроизводственные связи в рамках ЕАЭС начнут становиться более эффективными, чем за его пределами.

Одним из обязательных факторов повышения конкурентоспособности является рост капиталовооруженности в странах ЕАЭС и, в первую очередь, в России.

Отметим, что технологическая модернизация в настоящее время – это обязательно конкурентный вызов мировым производителям той или иной продукции. Иначе в условиях глобальной экономики быть не может. При этом во многих высокотехнологичных отраслях промышленности требуется критическая масса инвестиций для организации конкурентоспособного процесса производства.

Чтобы показать возможности создания конкурентных преимуществ в странах ЕАЭС для развития высокотехнологичных отраслей экономики, сравним уровни капиталовооруженности в обрабатывающей промышленности России и США, представив данные в единой валюте, а именно в долларах США.

Таблица 3

Сравнение обрабатывающей промышленности РФ и США (тыс. долл. на одного занятого, раз)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016	**2006–2016 гг.**
США												
Добавленная стоимость	127,4	133,6	135,3	145,7	158,8	162,5	166,3	169,2	173,2	177,1	176,8	**156,9**
Капиталовооруженность труда	195,8	211,9	233,1	259,9	271,5	276,9	279,8	289,1	292,8	296,1	300,9	**264,3**
Инвестиции	24,4	28,6	30,7	29,7	31,3	33,9	35,9	37,5	37,9	38,7	40,0	**33,5**
РФ												
Добавленная стоимость	13,3	17,3	22,2	15,9	19,0	21,9	23,1	24,6	23,1	16,3	15,2	**19,3**
Капиталовооруженность труда	13,7	17,6	21,6	21,1	25,6	28,5	29,6	33,8	34,1	24,0	23,5	**24,8**
Инвестиции	2,4	3,4	4,7	3,4	3,9	4,5	5,1	5,8	5,3	3,5	3,0	**4,1**
США/РФ												
Добавленная стоимость	9,6	7,8	6,3	9,5	8,3	7,4	7,2	6,9	7,5	10,8	11,6	**8,4**
Капиталовооруженность труда	14,4	12,0	11,1	12,6	10,4	9,7	9,5	8,5	8,6	12,3	12,8	**11,1**
Инвестиции	10,1	8,3	6,6	8,7	7,9	7,5	7,1	6,5	7,2	11,2	13,2	**8,6**

Источники: http://www.bea.gov/; http://data.bls.gov/cgi-bin/surveymost?ce; http://www.gks.ru/; http://www.cbr.ru/

Сопоставляя абсолютные показатели капиталовооруженности в США и РФ в обрабатывающей промышленности, приходишь к выводу, что возможности для развития высокотехнологичных отраслей промышленности в РФ ограничены. Следует также отметить, что абсолютный разрыв величин капиталовооруженности и добавленной стоимости нарастает. И это в значительной степени определяет возможности инновационного развития экономики России, а также других стран-членов ЕАЭС

О возможностях страны повысить уровень капиталовооруженности свидетельствует показатель доли накопления основного капитала в ВВП. К сожалению, данные свидетельствуют, что у России и других стран-членов ЕАЭС этот показатель значительно ниже, чем, к примеру, у Китая и Индии. Показатели в ЕАЭС соответствуют уровню экономически развитых стран (США, Германия, Япония), которые уже осуществили модернизацию своей экономики, а не стремятся к ее проведению.

Таблица 4

Доля накопления основного капитала в ВВП, %

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2000–2016
Армения	18,4	17,7	21,1	23,0	23,9	29,8	35,5	36,9	39,8	36,4	33,4	26,1	23,6	21,2	20,0	20,6	17,8	26,2
Беларусь	25,2	22,7	22,0	23,7	25,3	26,5	29,7	31,4	33,3	35,9	38,8	37,7	33,4	37,2	33,2	28,7	23,9	29,9
Казахстан	17,3	23,7	24,0	23,0	25,1	28,0	30,2	30,0	26,8	27,8	24,3	21,5	22,8	21,9	21,6	22,9	22,0	24,3
Кыргызстан	18,3	17,0	16,5	13,8	14,8	16,2	23,4	25,0	27,2	28,6	28,1	24,0	31,7	29,9	32,8	33,0	32,5	24,3
Россия	16,9	18,9	17,9	18,4	18,4	17,8	18,5	21,0	22,3	22,0	21,6	21,5	21,5	21,8	21,2	20,7	21,1	20,1
Бразилия	18,3	18,4	17,9	16,6	17,3	17,1	17,2	18,0	19,4	19,1	20,5	20,6	20,7	20,9	19,9	18,1	16,4	18,6
Китай	33,4	34,3	36,0	39,3	40,6	40,5	39,7	38,9	40,1	44,9	45,0	44,9	45,3	45,5	45,0	43,8	42,9	41,2
Германия	23,0	21,7	20,0	19,5	19,2	19,1	19,8	20,1	20,3	19,2	19,4	20,3	20,1	19,7	20,0	19,9	20,0	20,1
Индия	24,6	27,1	25,6	26,5	31,0	32,8	33,8	35,6	35,0	34,3	33,4	34,3	33,4	31,3	30,4	29,3	27,1	30,9
Япония	27,4	26,5	25,0	24,5	24,1	24,6	24,7	24,1	24,0	22,4	21,3	21,9	22,4	23,3	23,9	23,4	23,1	23,9
Мексика	20,9	20,0	18,8	20,6	21,2	21,3	22,0	22,3	23,1	22,5	21,1	21,7	22,3	21,1	21,0	22,5	22,9	21,5
США	23,0	22,4	21,4	21,5	22,0	22,8	22,8	22,1	21,0	18,5	18,0	18,3	19,0	19,2	19,7	19,8	19,5	20,6
Мир	23,5	23,3	22,7	23,1	23,6	24,0	24,4	24,5	24,4	23,5	23,1	23,3	23,5	23,5	23,6	23,5	23,2	23,6

Источник: http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS

Данные табл. 4 показывают, что доля накопления основного капитала, например, в РФ за период 2000–2016 гг. в 2,1 раза ниже, чем в Китае и соответствует уровню экономически более развитых США.

При этом также следует признать, что увеличить долю накопления основного капитала в России и других странах ЕАЭС также весьма проблематично, поскольку у них доля сбережений в ВВП также намного ниже, чем в том же Китае и в Индии (см.: табл. 5).

Таблица 5

Доля сбережений в ВВП, %

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2000–2016
Армения	3,2	13,3	17,8	19,8	24,0	29,5	33,8	31,2	27,9	18,0	19,9	14,7	15,4	16,0	13,5	18,2	16,2	19,5
Беларусь	23,1	21,0	19,6	22,5	23,7	29,9	28,3	27,3	28,9	24,3	26,1	30,1	32,4	28,7	28,1	25,7	21,7	26,0
Казахстан	20,1	21,3	23,1	24,9	27,1	29,5	31,2	27,5	32,2	25,7	26,3	28,3	25,7	25,2	28,7	25,0	21,0	26,1
Кыргызстан	14,7	17,2	16,9	10,1	15,4	14,7	10,9	20,8	14,6	25,2	19,9	17,4	12,7	9,1	11,5	14,6	23,2	15,8
Россия	36,2	33,0	28,7	29,1	30,8	31,1	30,7	30,1	31,5	22,7	27,2	29,3	27,8	24,7	25,0	27,3	25,4	28,9
Бразилия	12,5	12,3	14,5	15,3	18,0	17,1	16,8	17,3	16,9	13,9	18,0	18,6	18,1	18,3	16,0	14,4	13,9	16,0
Китай	36,5	38,2	39,8	44,0	47,1	47,9	50,5	52,0	51,9	51,1	51,5	49,5	49,8	48,9	49,7	48,4	46,1	47,2
Германия	22,1	21,9	21,8	21,1	23,5	23,4	25,4	27,5	26,5	23,8	25,2	27,2	26,3	26,2	27,0	27,7	27,6	25,0
Индия	27,9	28,3	29,1	32,1	36,9	38,0	38,8	41,0	36,5	38,2	38,2	35,5	34,0	33,3	33,6	32,5	30,2	34,4
Япония	30,0	28,6	27,3	27,5	28,1	28,3	28,5	29,1	27,4	24,1	25,1	24,2	23,6	24,0	24,6	27,0	27,2	26,7
Мексика	20,8	19,1	18,2	20,9	22,0	21,6	22,8	24,7	25,1	24,7	23,9	23,2	23,6	21,0	21,5	22,3	23,3	22,3
США	20,8	19,6	18,3	17,5	17,7	18,0	19,3	17,5	15,7	14,6	15,3	16,0	18,0	18,5	19,6	19,4	18,1	17,9
Мир	24,8	24,0	23,6	24,1	25,1	25,6	26,7	26,6	25,5	23,3	24,5	24,8	24,9	24,7	25,1	25,1	24,4	24,9

Источник: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNS.ICTR.ZS?view=chart

Однако именно сбережения являются одним из основных источников ускоренного накопления основного капитала.

Также источником более быстрого роста капиталовооруженности в странах ЕАЭС могли бы служить прямые иностранные инвестиции. Однако и данный показатель для РФ также значительно меньше, чем в других приведенных в таблице странах (см. табл. 6).

Таблица 6

Чистые прямые инвестиции, млрд. долл.

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2000–2016
Армения	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,5	0,7	0,9	0,8	0,5	0,7	0,5	0,3	0,4	0,2	0,3	6,7
Беларусь	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,4	1,8	2,2	1,9	1,4	4,0	1,5	2,2	1,9	1,7	1,2	21,2
Казахстан	1,4	2,8	2,6	2,5	5,6	2,5	7,6	12,0	16,8	14,3	7,5	13,8	13,6	10,0	7,2	6,2	17,0	143,3
Кыргыз-стан	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,2	0,2	0,4	0,2	0,4	0,7	0,3	0,6	0,4	1,1	0,5	5,3
Россия	2,7	2,8	3,5	7,9	15,4	15,5	37,6	55,9	74,8	36,6	43,2	55,1	50,6	69,2	22,0	6,9	32,5	532,2
Бразилия	33,0	23,2	16,6	10,1	18,2	15,5	19,4	44,6	50,7	31,5	88,5	101,2	86,6	69,7	97,2	74,7	78,2	858,7
Китай	42,1	47,1	53,1	57,9	68,1	104,1	124,1	156,2	171,5	131,1	243,7	280,1	241,2	290,9	268,1	242,5	170,6	2692,3
Германия	248,0	56,9	51,2	65,3	–20,4	59,9	87,4	50,8	30,9	56,7	86,1	97,5	65,5	67,4	16,7	52,6	52,5	1125,0
Индия	3,6	5,1	5,2	3,7	5,4	7,3	20,0	25,2	43,4	35,6	27,4	36,5	24,0	28,2	34,6	44,0	44,5	393,6
Япония	10,7	4,9	11,6	8,8	7,5	5,5	–2,4	21,6	24,6	12,2	7,4	–0,9	0,5	10,6	19,8	5,6	34,9	183,0
Мексика	18,4	30,1	24,1	18,2	24,9	26,0	20,7	33,1	32,2	19,5	21,1	24,1	17,4	47,1	30,1	36,2	33,9	457,0
США	350,1	171,5	109,5	111,3	207,9	138,3	294,3	340,1	332,7	153,8	259,3	257,4	250,3	288,1	237,7	506,2	479,4	4487,9
Мир	1461,0	796,3	744,1	710,8	1009,2	1543,2	2146,5	3099,1	2451,2	1364,8	1860,3	2282,8	2114,8	2127,9	1791,2	2344,0	2300,3	30147,5

Источник: http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?view=chart

В данном случае значительный чистый приток прямых иностранных инвестиций позволил в определенной мере компенсировать таким странам, как США, Бразилия более низкий уровень сбережений в ВВП.

Среди стран-членов ЕАЭС ПИИ имеют определенное значение только для Казахстана.

Таким образом, решение проблемы накопления капитала для современной модернизации экономики стран ЕАЭС, по нашему мнению, возможно или на базе значительного повышения доли сбережений в ВВП или за счет привлечения значительных прямых иностранных инвестиций. А объединение этих факторов, тем более, позволит гораздо быстрее решить данную проблему.

Однако это потребует значительного изменения экономической политики. Использование первого фактора сталкивает экономические интересы разных поколений и требует определенного социального консенсуса.

Приток инвестиций из-за рубежа наталкивается на ограничения со стороны основных возможных государств-доноров и потребует от стран ЕАЭС значительных изменений в проводимой государственной политике в целом.

В то же время нерешенность проблемы накопления основного капитала до уровня, позволяющего сформировать условия для конкуренции с мировыми производителями высокотехнологичной продукции, в первую очередь в России, может привести к тому, что уровень интеграционных взаимосвязей в рамках ЕАЭС будет сохраняться, в основном, на основе действия внеэкономических факторов.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
2. Лист Фр. Национальная система политической экономии. Пер. с нем. Под ред. К.В.Трубникова. – СПб.: Издание А.Э.Мертенс, 1891. – 452 с.
3. Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – № 4. – С. 3–16.

Радовель М.Р.
д.филос.н., профессор, Электростальский политехнический институт

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПОЛЯРИЗАЦИИ НА РАЗЛИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: *поляризация, интенсивность поляризации, корреляция, каузальная структура корреляции, целевые социальные объекты.*

Keywords: *polarization, polarization intensity, correlation, casual structure of correlation, purposeful social objects.*

Состояние и развитие общества складывается под воздействием множества обстоятельств. Особую роль при этом играют процессы ***консолидации и поляризации***, которые всегда выступали и выступают в качестве актуальных факторов влияния на все стороны жизни российского общества. Эти факторы, будучи различными по содержанию, тесно взаимосвязаны и обусловливают друг друга. Они реализуются в значительной мере независимо, а то и вопреки воле властей и иных активных социальных акторов. С ними связаны и самые серьезные опасности и риски для нашей страны, и большие надежды на успешное и устойчивое ее развитие. Поэтому данная пара социальных факторов заслуживает внимательного, скрупулезного изучения.

В предшествующих своих работах[1] автор уже имел возможность показать значение процессов консолидации и поляризации в жизни социума, способы их оценки и измерения, рычаги влияния на них и изменения их в благоприятном для общества направлении. В данной статье наше внимание сосредоточено именно на процессе поляризации, дополнен соответствующий аналитический инструментарий и расширен круг социальных явлений, в связи с которыми рассматривается фактор поляризации. Здесь будет показано влияние фактора поляризации на такие социальные процессы и явления, как ВВП, «Ощущение счастья», «Пессимизм в общественном настроении», «Страх бедности, нищеты»[2]. В качестве поляризационного фактора, влияющего на перечисленные стороны жизни, взяты: 1) отношения между такими процессами, как наличие и отсутствие сбережений у населения, 2) отношения между масштабом бедности в обществе и наличием сбережений у части населения, также рассмотренные в их изменении. Содержание пп. 1) и 2), как станет ясно в дальнейшем, существенно различается.

Для анализа здесь использован традиционный корреляционный инструментарий, дополненный авторским методом каузального (причинно-следственного) анализа, позволяющим «расщеплять» корреляционный показатель и выявлять скрытую за ним каузальную структуру[3]. Это дает возможность обнаружить за общим показателем корреляции индивидуальное поведение каждого фактора-коррелята, реализуемое в процессе их взаимодействия.

Только на первый взгляд может показаться, что влияние поляризации (равно как и консолидации) на различные явления и процессы в обществе вполне понятно и самоочевидно: консолидация – это всегда позитивно, благоприятно для общества, а поляризация (читай: разобщенность, противостояние и т.п.) – это непременно негативный фактор. На самом деле, всё намного сложнее, поскольку поляризация – это очень сложный, многосоставный и многомерный процесс. Его влияние на общество, сила этого влияния и его социально-ценностный вектор зависят от многих обстоятельств. В частности, от того, в каком сегменте социума происходит эта поляризация (экономика, политическая сфера, культура, образование и т.д.), в какой форме человеческой активности она реализуется (в мыслях, чувствах, действиях). Многое зависит от того, на какую сторону общества, на какой социальный объект воздействует поляризация: в отношении одного это воздействие будет благоприятно, в отношении чего-то другого оно может оказаться пагубным. Ниже приведена таблица, в которой представлены различные аспекты поляризации, которые необходимо учитывать при анализе влияния поляризации на социум и построении эффективной стратегии деятельности.

---

[1] Радовель М.Р. Характеристики солидарности / поляризованности российского социума: опыт количественного анализа // XV Международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». 18–19 дек. 2014 г. М., 2015 г.; Радовель М.Р. Солидарность и поляризованность в ценностном мире современных россиян // Всероссийская научно-общественная конференция «Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление», 28 ноября 2014 г. М., 2014.

[2] Данные о динамике ВВП – на основе информации РОССТАТ, «Ощущение счастья» – из материалов ВЦИОМ («Индекс счастья»), «Пессимистичность в общественном настроении» на основе таблиц из кн. Общественное мнение – 16. Ежегодник. – М., 2017, «Страх бедности» – на основе таблиц из кн. Общественное мнение – 14. Ежегодник. – М., 2015.

[3] Радовель М.Р. Перспективные возможности воздействия на ценностную сферу социума: корреляционно-каузальный подход // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 3. – М., 2016; Радовель М.Р. Ценностный мир современных россиян в контексте «корреляционной геометрии» // Теория и практика современной науки. 2016. – № 8 (14).; Радовель М.Р. Новые возможности описания социума: корреляционно-каузальный анализ // VII Международная социологическая Грушинская конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. 15–16 марта 2017 г. М., 2017.

Таблица 1

Три аспекта (параметра) поляризованности социума

№№	Наименование параметров	Содержание
1	Количественный	Интенсивность реализации поляризованности, выраженная в соответствующих показателях (индексах)
2	Тематический	Социальные сферы и области жизнедеятельности, в которых проявляется поляризованность общества
3	Модусный	Форма человеческой активности, в которой проявляется поляризация (в мыслях – «когнитив», в переживаниях – «эмотив», в действиях – «оператив», или «эффектив»)
4	Аксиологический	Продуктивность или контрпродуктивность для социума конкретных ситуаций поляризованности

Учитывая особую актуальность в условиях современной России таких проблем, как бедность, с одной стороны, а с другой – разрыв (поляризация) между богатством и бедностью, мы будем анализировать в данной статье в качестве важного фактора влияния на различные социальные процессы, во-первых, показатель масштаба бедности, а во-вторых, два вида показателей поляризации по признаку «материальной обеспеченности». Один из них связан с отношением «бедность – наличие сбережений», второй – с отношением «наличие сбережений – отсутствие сбережений». Эти отношения близки по смыслу, но различны, как мы увидим далее, по интенсивности представленной в них поляризации, что очень важно для целей нашего исследования.

Приведем ниже таблицу, в которой собраны все результаты расчетов, необходимые для осмысления корреляции двух факторов поляризации и ВВП (Россия, 2010–2016 гг.). Эти факторы различаются по интенсивности (уровню) поляризации и, соответственно, по силе и характеру влияния на различные социальные явления и процессы.

Таблица 2

Корреляция факторов «Наличие сбережений» и «ВВП»

№	Варианты коррелятов	Корр. R	Кауз. R'_1	Кауз. R'_2	Баланс Bl	Диф. d	Период T
1	Сбер.(E)/ Сбер.(H)	**–0,91**	**–0,47**	**–0,36**	–0,83	0,08	≈0,75 г.
2	Бедность / Сбережен.	**–0,38**	**–0,17**	**–0,42**	–0,59	0,21	≈1 г.
3	Сбер.(E), ВВП	**+0,76**	**+0,40**	**+0,53**	+0,93	0,17	≈1
4	Сбер.(H), «–«–«	**–0,90**	**–0,49**	**–0,51**	–1,0	0,10	≈1
5	Сбер.(E/H), «–«–«	**+0,83**	**+0,45**	**+0,52**	+0,97	0,14	≈1
6	Сбер.(H/E), «–«–«	**–0,84**	**–0,42**	**–0,59**	–1,01	0,17	≈1
7	Сбер.(E+H), «–«–«	**–0,61**	**–0,33**	**–0,14**	–0,47	0,14	≈1
8	Бедн+Сбер, «–«–«	**+0,34**	**+0,39**	**–0,25**	+0,14	0,20	≈ 1,5

Условные обозначения и разъяснение их значения и смысла:

Сбер.(E) – наличие сбережений, «сбережения есть». Сбер.(H) – отсутствие сбережений, «сбережений нет».

Сбер.(E/H) – соотношение (пропорция) между наличием сбережений и их отсутствием;

Сбер.(H/E) – соотношение (пропорция) между отсутствием сбережений и их наличием;

Сбер.(E+H) – объединение (суммирование) показателей «наличия» и «отсутствия» сбережений;

Бедн.+Сбер. – объединение (суммирование) показателей «бедность» и «сбережения».

Корр. R – показатели корреляции для каждой пары взаимодействующих факторов.

Кауз. R'_1 – первый каузальный показатель, фиксирует потенциал влияния «левого» коррелята на «правый», напр., Сбер. (E) на ВВП.

Кауз. R'_2 – второй каузальный показатель, фиксирует потенциал влияния «правого» коррелята на «левый», напр., ВВП на Сбер. (E).

Баланс Bl – сумма первого R'_1 и второго R'_2 каузальных показателей, в идеале должна приближаться к показателю корреляции R, но по определенным причинам в той или иной мере отличается от него.

Диф. D – дифференциал, разница между показателем корреляции R и балансом Bl, выступает критерием корректности и точности при определении каузальных показателей коррелятов.

Период T – период действия коррелятов, временной интервал, в течение которого действие, или потенциал, факторов-коррелятов реализуется в наиболее полной мере.

Возможны различные подходы к измерению влияния поляризации на целевые социальные объекты. Один из подходов (он отражен в табл. 2) основан на использовании приема сложения влияния двух полярных факторов на целевой объект (социальное явление или процесс). В этом случае суммируется влияние «полярных» факторов А и В (например, «Бедность» и «Наличие сбережений») или факторов А и не-А (например, «Наличие сбережений» и «Отсутствие сбережений»), а затем определяется совместное влияние (соответствующие корреляции и каузальные показатели) факторов А и В или А и не-А на некоторый целевой объект (например, показатель ВВП, или «Устроенность жизни», или «Ощущение счастья» и т. д.).

Интуиция и опыт подсказывают нам, что не только фактор бедности, но и сам по себе разрыв между бедностью и богатством должен оказывать существенное влияние на те или иные стороны и явления в социуме. Но, к сожалению, результаты приведенных выше (табл. 2) расчетов практически не подтверждают это предположение. Обратим внимание, например, на строки 4 и 6 из табл. 2:

4	Сбер.(H), «–«–«	**–0,90**	**–0,49**	**–0,51**	–1,0	0,10	≈1
6	Сбер.(H/E), «–«–«	**–0,84**	**–0,42**	**–0,59**	–1,01	0,17	≈1

Мы видим здесь, что показатели корреляции R и каузальные показатели R'_1 и R'_2 для двух разных случаев – отсутствия сбережений «Сбер.(Н)» и, казалось бы, случая с поляризацией «Сбер.(Н/Е)» практически одинаковы, очень близки по значению. Получается, что поляризация сама по себе не сработала. Почему так получилось? Дело, видимо, в том, что возможный социальный эффект от разрыва между бедностью и богатством в данном случае «растворяется» на фоне общей массы опрошенного контингента, которая включает в себя не только бедных, но и более или менее обеспеченных, а также богатых людей. Значит, следовало бы опросить отдельно категорию бедных людей, чтобы определить, в какой мере влияют на различные стороны их сознания сама бедность и в какой – разрыв между ними и богатыми людьми. Но у автора в распоряжении не было соответствующего эмпирико-социологического материала. И все же имеется некоторая возможность получить обоснованные выводы относительно влияния фактора поляризации на различные социальные процессы и явления.

По-видимому, вполне допустимо оценивать интенсивность, уровень поляризации между двумя факторами-антиподами посредством величины отрицательной корреляции R между ними. В случае приемлемости такого подхода, сравнивая уровень поляризации для двух приведенных выше пар – «Сбережения есть – Сбережений нет» и «Бедность – Наличие сбережений», можно было бы считать, что уровень поляризации в первой паре примерно вдвое выше, чем во второй. На том основании, что корреляционный показатель по первой паре $R_1 = –0,91$, а по второй $R_2 = –0,38$. Будем далее в нашем анализе считать, что в случае $R_1 = –0,91$ уровень поляризации «высокий», а в случае $R_2 = –0,38$ он «низкий». Ниже мы сможем убедиться, что это поляризационное различие совершенно определенным образом, как устойчивая тенденция, сказывается на целом ряде примеров, что вполне выглядит как закономерность.

Таблица 3

Влияние интенсивности поляризации на целевые объекты

Уровни поляризации	Объекты	Корр. R	Кауз. R'_1	Кауз. R'_2
Высокий	ВВП	**–0,61**	–0,33	–0,14
Низкий		+0,34	**+0,39**	–0,25
Высокий	Счастье	**–0,21**	–0,44	+0,15
Низкий		+0,56	**+0,24**	+0,50
Высокий	Страх бедности	**–0,44**	+0,53	–0,82
Низкий		+0,73	**+0,92**	–0,18
Высокий	Пессимизм	**–0,09**	+0,35	-0,25
Низкий		+0,46	**+0,62**	-0,01

Прокомментируем представленные в таблице результаты.

1) Столбец «Корр. R»: величины, соответствующие высокому уровню поляризации (выделенные жирным шрифтом), по всем объектам имеют положительные значения, все со знаком «плюс», в то время как остальные величины – со знаком «минус». Т.е. высокий уровень поляризации обеспечивает всем корреляциям отношение «***противо***действия», а низкий, наоборот, отношение «***со***действия».

2) Столбец «Кауз. R'_1» фиксирует устойчивый характер соотношений первых каузальных показателей R'_1. Здесь обнаруживается, что низкий уровень поляризации для всех объектов всегда обеспечивает определенный сдвиг в сторону позитивных (плюсовых) значений. Даже тогда, когда и высокий уровень поляризации выдает позитивное значение для соответствующих каузальных показателей (например, по объекту «Страх бедности»), низкий уровень обеспечивает еще более высокое положительное значение: +0,92 против +0,53. Получается, что менее интенсивная поляризация всегда приводит к более высокой позитивности (содействию), по сравнению с более интенсивной и «агрессивной».

3) Столбец «Кауз. R'_2». Почти по всем объектам имеем отрицательный знак при вторых каузальных показателях R'_2 (знак противодействия). И только «Счастье», так сказать, расцвечивает каузальность положительным значением, особенно при низком уровне поляризации (+0,50).

Таким образом, можно уверенно утверждать, что поляризация, ее интенсивность имеет очень серьезное, и в каждом случае своеобразное, значение в социальных отношениях.

Синчук Ю.В.
д.полит.н., профессор Московского государственного лингвистического университета
sinchukjv@mail.ru

КРЫМ – РЕШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ РОССИИ

Ключевые слова: *Россия, Крым, миссия, перспективы, политические интересы, национальные интересы России.*
Keywords: *Russia, Crimea, mission, prospects, political interests, national interests of Russia.*

В марте 2014 года был подписан международный договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России. В Российской Федерации появился новый субъект – Крымский федеральный округ. Это событие является значимым и для Российской Федерации, и для Республики Крым. Российская Федерация выполнила свою историческую миссию воссоединения. Благодаря миротворческому характеру действий России в интересах населения Крыма было исполнено добровольное решение крымчан о возвращении Крыма России.

Территория Крымского полуострова долгое время принадлежала Османской Империи. С конца XV века она совершала регулярные набеги на Российскую Империю и Польшу с целью захвата рабов и грабежа. Русско-турецкая война 1768–1774 годов положила конец османскому господству и по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года османы отказались от претензий на Крым. С тех пор территория Крыма стала активно заселяться русскими. Активному развитию региона дал старт указ императрицы Екатерины II. С начала XIX века в Крыму развивается виноградарство (Магарач) и судостроение (Севастополь), прокладываются дороги. При князе Воронцове начинает обустраиваться Ялта, закладывается Воронцовский дворец, а южный берег Крыма превращается в курорт[1]. По итогам Крымской войны 1853–1856 годов, войны между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства, с другой, Российская Империя сохранила за собой Крымский полуостров, хотя и проиграла войну. Основной целью коалиции в этой войне являлось стратегическое сдерживание влияния Российской Империи и, как следствие, поддержка влияния Османской Империи, которая переживала упадок. После прихода большевиков к власти была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (КрАССР). В 1920-е годы национальный состав населения Крыма существенно изменился во многом из-за последствий голода, который унес жизни примерно 100 тыс. жителей[2].

19 февраля 1954 года Президиум Верховного совета СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Этот момент в политической истории Крыма вызывает множество дискуссий. В частности, ставится под сомнение легитимность принятия этого решения, а также отмечается, что в указе речь идет лишь о Крымской области, в которую не входил город Севастополь, что юридически говорит о том, что Севастополь находился в составе УССР, а впоследствии в составе Украины с 1991 года по 2014 год, незаконно и формально всегда принадлежал РСФСР, а затем Российской Федерации. В ходе Украинского кризиса, начавшегося в ноябре 2013 года движением «Евромайдан», в марте 2014 года был проведен референдум о статусе Автономной Республики Крым. Постановления Верховной Рады Автономной Республики Крым от 6 марта 2014 года № 1702-6/14 «О проведении общекрымского референдума» и № 1745-6/14 «О независимости Крыма»[3] стали историческими. Парламент Крыма – легитимный орган власти. Право народа на самоопределение зафиксировано в основных международных документах. Согласно Всеобщей декларации прав человека (статья 21, пункт 3) «воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»[4]. Международный пакт о гражданских и политических правах (ратифицирован Указом Президиума ВС СССР 18 сентября 1973 года) закрепляет право на самоопределение, в том числе «свободное возвращение к независимому государству или объединение с ним».

Референдум был проведен в связи с обеспокоенностью подавляющего числа русского населения полуострова тем, что гражданская война и революция могут дойти и до Крыма. 16 марта 2014 года в Крыму состоялся референдум, в котором, по официальным данным, приняло участие около 82% избирателей, из них 96% проголосовали за вступление в Российскую Федерацию. 17 марта 2014 года, согласно результатам референдума, Республика Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, обратилась с просьбой о присоединении к России.

---

[1] Абгарян Р.Э., Синчук Ю.В., Чащихин Б.Д. Политология и политическая теория. Учебно-методический комплекс. – М., 2010. – 460 с.

[2] Синчук Ю.В., Родионов А.А. Возвращение Крыма – а какова цена? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. – М., 2016. – № 17 (756). – С. 169–176.

[3] http://base.garant.ru/23700012/#ixzz4t8NPIZDk

[4] http://legalacts.ru/doc/vseobshchaja-deklaratsija-prav-cheloveka-prinjata-generalnoi-assambleei/

Состоялась историческое событие – возвращение Крыма. Великий русский народ обрёл потерянное чувство единства, гордости и достоинства. Народ Крыма вновь влился в единую российскую нацию.

Согласно действующей Конституции России (статья 65, часть 2), «принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом», согласно которому принятие в состав РФ в качестве нового субъекта «иностранного государства или его части» осуществляется исключительно по взаимному согласию России и другого заинтересованного государства[1].

Президент России В.В.Путин 18 марта 2014 года подписал указ о присоединении Республики Крым, провозгласившей свою независимость от Украины.

В нынешней напряженной политической ситуации перед многими государствами стоит дилемма – жестко отстаивать свои национальные интересы, не боясь конфронтации с более влиятельными и серьезными государствами на мировой политической арене, или же действовать в фарватере внешнеполитического курса какого-либо из государств. Есть, однако, и третий путь – политика невмешательства в международные дела и конфликты, при которой одно государство старается выстраивать приемлемые отношения со всеми государствами. Стоит признать, что этот вариант носит временный характер и не может рассматриваться как долгосрочный и перспективный, так как в истории каждого государства наступает момент, когда приходится выбирать между двумя вышеупомянутыми путями. Россия все чаще и настойчивей отстаивает свои интересы, и это не может не вызывать возмущения у стран Западной Европы и США.

Возвращение Крымского полуострова в состав Российской Федерации и образование на его территории двух субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя вызвало широкий общественный и политический резонанс. В результате присоединения Крыма Россия попала под жесткое санкционное давление со стороны стран Евросоюза, США, а также стран, в целом поддерживающих политику ЕС[2]. Эти секторальные санкции, а также персональные санкции в отношении российских чиновников и бизнесменов, безусловно, пошатнули положение нашей экономики, но не выполнили своей задачи – «обвалить» российскую экономику до такой степени, чтобы вынудить руководство нашей страны изменить внешнеполитический курс, в том числе и в отношении Украинского кризиса. Еще одним инструментом негативного воздействия на экономику нашей страны стало снижение кредитных рейтингов России агентствами Moody`s и Standard & Poors. Снижение этих рейтингов ухудшило инвестиционный климат нашей страны. Третьим инструментом влияния на нашу экономику стал «обвал» цен на энергоресурсы, что не могло не сказаться на котировках российского рубля. За период с 1 сентября 2014 года по 1 февраля 2015 года, рубль подешевел к доллару США более чем на 32 рубля (обесценился на 86%), а к евро – более чем на 27 рублей (обесценился на 57%). Санкции против России были введены в надежде ослабить нашу экономику, но они ее только укрепляют. Президент России в эфире прямой линии с гражданами 16 апреля 2015 года заявил, что санкции нужно не перетерпеть, а использовать как возможность реализовать то, что не удавалось раньше, характерны и просьбы российских сельхозпроизводителей не отменять санкции в течение последующих нескольких лет, чтобы иметь возможность наладить производство и выйти на достойный уровень конкурентоспособности.

[1] http://kommentarii.org/konstitutc/page71.html

[2] Гладков И.С. Внешнеторговые связи России в условиях санкционного давления // Власть. – М., 2015. – № 4. – С. 48.

Тен Ю.П.
д.филос.н., профессор Ростовского филиала Российской таможенной академии

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СТРАН БРИКС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Ключевые слова: *БРИКС, международное экономическое сотрудничество стран БРИКС, международные экономические отношения стран БРИКС, культура, диалог культур.*

На современном этапе глобализации мировой экономики, информатизации общественных связей и взаимодействий, внедрения новейших технологий в производство и сферу всего спектра коммуникаций стремительное развитие международных экономических отношений опережает развитие коммуникативных умений и навыков диалога между представителями различных исторически сложившихся общностей как носителей самобытных языков и культур. В сложившихся условиях особенно актуальным представляется вопрос, связанный с осуществлением экономического, политического и научно-культурного сотрудничества между странами в рамках разных форматов интеграции (ЕАЭС, ЕС, ШОС, АСЕАН и др.). Отсюда актуализируется ключевая цель данного исследования – междисциплинарный анализ проблемы взаимопонимания в процессе диалога представителей разных культур стран-участниц объединения БРИКС.

Инициатива Президента Российской Федерации В.В. Путина, прозвучавшая в 2006 году, о создании неформального политического клуба стран БРИК, безусловно, явилась одним из значимых геополитических событий начала XXI столетия. Неформальная группа БРИКС – это новое в современной истории объединение как по времени образования, так и по форме существования. С тех пор как в 2001 году аналитик компании «Голдман-Сакс» Дж. О'Нейл объединил Россию, Бразилию, Индию и Китай в «неформальную» группу, степень значимости выбранных стран в мировой экономике возрастает с каждым годом. Присоединение в 2011 году ЮАР, как экономического и политического партнера, открыло для стран БРИКС большие перспективы активного сотрудничества с Африкой.

Степень значимости обозначенной группы стран в мировой экономике возрастает с каждым годом. Высокие макроэкономические показатели, большая обеспеченность ресурсами, подвижная государственная экономическая политика дали возможность группе БРИКС сконцентрировать более 30% совокупного мирового валового внутреннего продукта, оцененного по ППС, 22% мирового ВВП, оцененного по номинальному значению. Группа БРИКС играет лидирующую роль в различных областях мирового хозяйства.

Страны неформальной группы БРИКС демонстрируют объективные предпосылки к усилению экономической взаимозависимости и формированию многополярной системы международных отношений[1]. Оценка экономического потенциала стран БРИКС показывает, что «их динамичное развитие обеспечено историческими предпосылками к объединению, богатой ресурсной базой стран и общностью интересов. Увеличение актуальных мировых и региональных вызовов в сфере международной торговли также является объективной причиной интенсификации сотрудничества»[2]. Важным свидетельством, выражающим интерес России к данному сотрудничеству, является документ «Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года»[3]. Она определяет «переход российской экономки на инновационный путь развития», «предполагает реализацию крупных стратегических инициатив и проектов, осуществляемых в масштабе мировой экономики, с привлечением потенциала других стран и иностранных компаний»[4]. В частности, обозначены приоритеты по укреплению торгово-экономических отношений с Китаем, Индией, Бразилией и ЮАРЮАР.

Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Пристальное внимание ученых к странам БРИКС[5] объясняется реальным повышением их экономического веса и политической роли в современном мире. Особенность стран кластера БРИКС состоит в том, что он образован из стран, принадлежащих к различным цивилизациям, занимающих особое геополитическое положение в мире, но вместе с тем объединенных наличием общих характеристик. Все страны объединения, – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, – динамично развивающиеся государства с большим населением, которые взаимодействуют с другими организациями и странами как значимые субъекты мировой политики, экономики и культуры.

---

[1] Пелевина К.А. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2013. – С. 6–7.

[2] Там же, с. 10.

[3] Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020

[4] Там же.

[5] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. – М.: МИСК-ИНЭС-НКИ БРИКС, 2014. – 48 с.

Междисциплинарный характер исследования предопределяет использование категорий, походов и методов из философии, теории и истории культуры, социологии, менеджмента, мировой экономики и международных экономических отношений. Именно такой подход позволяет обогатить современный взгляд на диалог разных стран в сфере международных экономических отношений, формы которого обусловлены степенью сходства/различия представителей стран как носителей самобытных социо-культурных, политико-правовых и религиозных ценностей, норм и традиций мышления.

Таким образом, объединение стран БРИКС служит примером международного содружества, возникшего на поликультурном пространстве, имеющего различные политико-экономические и этнокультурные особенности организации социальной жизни. Данные страны обладают значительными территориальными масштабами (за исключением ЮАР) и численностью населения. Все члены группы БРИКС обладают богатейшими (хотя и различными по объему и роли в экономическом развитии) природными ресурсами[1]. Это «дает основание исследователям для определения данной группы стран как стран-гигантов»[2]. Интересно отметить, что страны БРИКС, имея средний уровень доходов на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными государствами, демонстрируют высокую динамику догоняющего роста (темпы роста ВВП равны среднемировым или превосходят их). Страны осуществляют крупные институциональные и структурные преобразования, способствующие их вовлечению в мирохозяйственные связи (глобальные транснациональные корпорации осваивают рынки стран БРИКС, а местные компании активно выходят на внешний рынок).

В XXI веке содержание, структура, основные субъекты и тенденции развития мирового хозяйства отражают процесс глобализации экономики и всех сторон общественной жизни. Глобализация рассматривается как процесс преобразования региональных социально-экономических систем в единую всемирную систему, развивающуюся на базе относительно унифицированных закономерностей. Субъектами мирового хозяйства являются государства (развитые, развивающиеся, страны с переходной экономикой), международные организации и международные финансовые центры (ООН, МВФ, ВТО, ЕС, ЕАЭС и др.), национальные предприятия, транснациональные корпорации, физические лица. Иными словами, субъекты мирового хозяйства – это люди как отдельные индивиды, а также социальные группы и общности. Данные субъекты являются носителями определенного социо-культурного «багажа». Вступая в процесс международного общения субъекты могут сталкиваться с различного рода барьерами[3]. Степень взаимопонимания в международной коммуникации обусловлена степенью культурных различий (культурной дистанции). В каждом обществе индивиды взаимодействуют посредством вербальных и невербальных средств, которые вырабатываются в результате длительной историко-культурной практики и устанавливаются в качестве паттернов и норм общения и поведения в данном обществе. Поэтому исторический опыт сотрудничества стран БРИКС служит значимым основанием для обсуждения возможности взаимодействия различных культур. Для продолжения развития плодотворного сотрудничества БРИКС требуется разработка модели диалога, сочетающая как универсальные культурные основы, так и собственные культурные особенности.

Межгосударственное сотрудничество БРИКС в экономической сфере – базис для развития диалога народов и культур. Дело в том, что для достижения высокой степени результативности в общении между представителями цивилизаций, степень культурных и религиозных различий между которыми чрезвычайно высока[4], необходим поиск форм для достижения взаимного взаимопонимания. Одной из таких форм выступает диалог культур.

Диалог – это взаимопонимание, которое предполагает «проникновение в другого и сохранение дистанции (своего места)»[5]. К диалогическим формам общения М.М. Бахтин относит «доверие к чужому слову, приятие, поиски глубинного смысла, согласие, наслаивания смысла на смысл, дополняющее понимание»[6]. Именно диалог культур выступает как «путь решения проблем, вызванных процессами глобализации, между культурами разных стран, как стратегическую составляющую часть процесса межкультурного взаимодействия»[7]. Сущность диалога состоит не только во взаимном обмене концепциями и идеями, но и в понимании «чужого» – иной точки зрения, другой культуры. Для того чтобы прийти к взаимопониманию, участники диалога должны обладать определенным уровнем знаний не только о своей, но и о чужой культуре, а также способностью к ее адекватному восприятию. Таким образом, диалог между культурами необходим на пути к объединению человечества вокруг общих (универсальных) ценностей, но при этом с сохранением самобытности каждого из народов[8].

БРИКС – объединение ведущих держав пяти цивилизаций: китайской, индийской, евразийской, латиноамериканской, африканской. БРИКС является не военно-политическим блоком или региональным экономическим союзом, а «планетарным объединением, ориентированным на диалог и партнерство цивилизаций в ответ на вызовы нового века;

---

[1] Особо выделяется Российская Федерация, на территории которой находится около 30% мировых запасов полезных ископаемых.

[2] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 106.

[3] Тен Ю.П. Современные культуры и особенности межкультурных коммуникаций: учебник. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 141.

[4] Тен Ю.П. Символ в межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 129.

[5] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 223.

[6] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 304.

[7] Кравченко О.А. Концептуализация модели научной коммуникации в процессах межкультурного взаимодействия (на примере БРИКС). Дис. … канд. филос. наук. – М., 2017. – С. 88.

[8] Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / Пер. с англ. Т. Вечерина и С. Капица. – М.: Логос, 2002. – С. 37.

основан на принципах равенства и взаимодействия ведущих держав и цивилизаций»[1]. В условиях глобализации, характеризующейся тенденциями к культурной унификации и изоляции, диалог культур как форма международной коммуникации, может являться не только важным фактором сохранения культурной целостности, но и средством достижения понимания между представителями различных культур.

Обеспечение экономического сотрудничества – одна из главных задач стран БРИКС. Дать ответ на глобальные вызовы «можно только совместными усилиями, при условии сотрудничества между наиболее перспективными развивающимися странами»[2]. Страны анализируемой «пятерки» находят возможность по согласованию позиций относительно разных международных вопросов, сотрудничают в политической, военно-дипломатической, социально-культурной и научно-технической сферах с целью решения существующих и потенциальных рисков и угроз.

Преимущество союза БРИКС заключается в том, что данное объединение, в отличие от других ныне существующих международных организаций, образовалось в эпоху обострения глобальных вызовов современности. Как следствие, все цели и задачи данного союза направлены на преодоление отрицательных последствий глобализации. Особенностями цивилизационного опыта стран БРИКС, которые могут оказаться востребованными в процессе формирования БРИКС, являются актуализация духовных (нерыночных) стимулов в реализации мегапроектов, стремление к минимизации экологических катастроф, предотвращение социальных рисков. Опыт налаживания сотрудничества стран БРИКС служит началом поиска отличий между ними, недооценка которых может вызвать недопонимание и напряжение.

Как полагает Ю.В. Яковец, сегодня в авангарде становления интегральной цивилизации идут Китай, Индия, Бразилия[3]. Отсюда для современного международного дискурса чрезвычайно актуальна научная разработка и обсуждение долгосрочной стратегии глобального устойчивого развития на базе цивилизационного и ноосферного подходов, диалога и партнерства цивилизаций. Возможно, что перед представителями стран БРИКС открывается уникальный путь конструктивного сотрудничества в плане решения глобальных угроз нашей планете и человечеству. Так В.С. Степин выделил три наиболее злободневные проблемы современности: «проблема выживания в условиях непрерывного совершенствования оружия массового уничтожения»[4]; экологический кризис и проблема выхода из современного антропологического кризиса: «проблема сохранения человеческой личности, сохранения человека как биосоциальной структуры в условиях растущих всесторонних процессов отчуждения»[5].

На сегодняшний день существует более тридцати форм взаимодействия стран БРИКС. При этом около одной трети приходится на диалог между представителями гражданского общества, включающий неформальные научные и социальные структуры: Молодежный и Гражданский форум, Деловой совет, Консорциум научных центров, Форум БРИКС по вопросам урбанизации и др. В данном отношении БРИКС представляет собой уникальное объединение, где официальное сотрудничество государственных организаций дополняется неофициальными формами взаимодействия[6].

Особенностью гражданского измерения БРИКС является высокая научно-исследовательская и в целом интеллектуальная составляющая в деятельности объединения[7]. Был создан Совет экспертных центров БРИКС, создание которого и проведение ежегодных Академических форумов способствует формированию уникальной платформы взаимодействия представителей «пятерки» для определения приоритетных направлений исследования, а также осуществлению экспертно-аналитической деятельности.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации в мире взаимодействие стран БРИКС призвано способствовать углублению взаимопонимания и практического сотрудничества участников «пятерки» в конкретных областях. Так, на седьмом саммите БРИКС одним из приоритетных направлений развития было выделено «продвижение гуманитарных контактов в сферах образования, культуры и науки»[8], а также было акцентировано внимание на активизации коммуникационных связей неправительственных организаций. Как отметил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «совпадающие интересы и взаимоуважительный диалог позволят «пятерке» выйти на общие позиции по многим глобальным вопросам»[9].

Наука является фактором, элементом и механизмом «мягкой силы» в современных международных отношениях. Научная коммуникация – площадка апробации диалога (полилога) культур. Необходимо формирование единого культурно-образовательного пространства через развитие межличностных и межкультурных форм диалога в научной

---

[1] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. – М.: МИСК-ИНЭС-НКИ БРИКС, 2014. – С. 10.

[2] Пелевина К.А. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Автореф. дис. ... кандидата эконом. наук. – М., 2013. – С. 11.

[3] См. Яковец Ю.В. Парадоксы и перспективы цивилизационной динамики // Экономические стратегии. – М., 2013. – № 4. – С. 115.

[4] Стёпин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Академический Проект; Трикста, 2011. – С. 142.

[5] Там же, с. 143–144.

[6] См.: БРИКС: общность подходов и конкретика дел // БРИКС: Россия, Уфа. – http://www.consrio.mid.ru/doc/BRICKS-UFA.pdf

[7] Будаев А. «Мягкая сила» БРИКС: новые горизонты и измерения сотрудничества. – М.: Перо, 2016. – С. 52.

[8] Ученые: БРИКС станет ведущей группой к 2050 г., но надо еще работать // РИА Новости. – http://ria.ru/world/20141118/1033977464.html#ixzz3t5ds2uSr

[9] Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на открытии Глобального университетского саммита БРИКС (Москва, октябрь 2015 г.) // МИД РФ. – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1901113/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw

сфере научной коммуникации. Развитие науки и внедрение инноваций влияют на перспективы выхода изучаемых стран на передовые позиции в международном разделении труда и осуществление перехода к инновационной модели экономического развития. К примеру, на основе изучения стратегий международных компаний стран БРИКС, ученые делают вывод о том, что одним из ведущих факторов повышения конкурентоспособности рассматриваемых фирм являются именно инновации и НИОКР[1]. Обеспечение конкурентоспособности страны без сильного научного и инновационно-технологического потенциала и эффективной системы государственного управления невозможно. Особенно очевидно это в современный период, когда разворачивается новый виток научно-технического прогресса XXI века, растет пропасть между авангардными и отстающими державами, усиливается конкуренция на мировых рынках, обостряются геополитические противоречия.

Каждая из стран «пятерки» сегодня стоит перед стратегической задачей обеспечения инновационного развития своего государства, что позволит динамичным развивающимся экономикам данных стран преодолеть стоящие перед ними вызовы глобализации, обеспечив качественный переход к передовым формам организации производства и повышения уровня жизни населения. Стоит заметить то, что для решения обозначенных проблем необходим «поиск оптимальных условий и эффективных механизмов согласования экономки, политики и культуры»[2].

Таким образом, диалог культур выступает как принцип межкультурного взаимодействия, предполагающий активный обмен содержанием культур при сохранении ими своей самобытности. В процессе международного сотрудничества важно изучать особенности культуры, с носителями которых будет осуществляться общение, так как при вступлении в процесс коммуникации информация, составляющая содержание коммуникации, будет существовать не изолированно, а в неразрывной взаимосвязи с культурными картинами мира коммуникантов[3].

В заключении следует сделать следующий вывод. Все страны группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) – наследники великих цивилизаций и культур. Каждая из стран внесла огромный вклад в развитие человеческой культуры. Исходя из принципа мультикультурного плюрализма, следует сделать вывод о том, что данные уникальные историко-цивилизационные общности не могут полностью раствориться и стать подобием западной цивилизации. Поэтому суть разработки стратегии сотрудничества «пятерки», основанная на принципах межкультурного диалога, представляется наиболее перспективной. В рамках общемирового пути развития по магистрали глобальной техногенной цивилизации, где наука и технология выступают основными инструментами использования, познания и преобразования мира природного и мира социального, следует, используя современные информационно-коммуникативные средства общения, получать знания о культурных (социальных, религиозных и т.д.) различиях других народов и стран, развивать умения и навыки международного общения, используя и общезначимые (международные) нормы этики, этикета и в зависимости от контекста и ситуации общения нормы права.

[1] См. Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В. Страны БРИКС в современной мировой экономике. – М. Магистр; ИНФРА-М, 2013.

[2] Астафьева О.Н. Принципы инновационной культурной политики – вне «экономического детерминизма» // Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия: материалы и доклады научно-методологического семинара (Москва, 18 апреля 2006 года). – М.: Ключ-С, 2007. – С. 69.

[3] Кравченко О.А. Оптимизация диалога культур посредством изучения культурных матриц стран-партнеров // Известия Юго-Западного государственный университет. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. – № 1 (18). – С. 214–217.

Тульчеев В.В.
д. э. н., гл.н.с. ВНИИКХ
Жевора С.В.
к.с-х.н. директор ВНИИКХ
Гордиенко Н.Н.
н.с. ВНИИХ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ: ПРИОРИТЕТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АПК И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, импортозамещение, санкции, быстроокупаемые СПТК, АПП, АПО.*

Keywords: *food security, import substitution, sanctions, quick payback SPTK, APP, APO.*

Утверждённая Президентом В. Путиным стратегия экономической безопасности России на период до 2030 г. предусматривает предотвращение кризисных явлений в сырьевой, продовольственной, научно-технической и финансовой сферах, а также недопущение снижения качества жизни граждан в условиях новых вызовов и угроз национальным интересам страны.

За последние 10 лет сельское хозяйство показало рост в 35%, в то время как промышленность – 5%, транспорт подрос на 2%, а строительство сократилось на 10%. Если только сельское хозяйство ежегодно даёт рост ВВП до 4%, то с учётом заготовки, хранения, переработки, транспортировки, оптовой и розничной торговли сельхозпродукции мы имеем более 20% ВВП страны. С организацией более глубокой переработки сельхозпродукции и её реализации (с высокой добавленной стоимостью) ВВП страны увеличится (с учётом экспорта) намного больше.

В 2016 году Россия вышла на 1-е место в мире по экспорту пшеницы, по производству сахара и сахарной свеклы. Доля убыточных сельхозорганизаций снизилась в 1,5 раза – до 18,7%. Закредитованность СХО составила 2 трлн. руб., или 80% от объёма их реализованной продукции. Оплата труда в сельском хозяйстве в 2016 г. составила 21,4 тыс. руб. в месяц при средней заработной плате по РФ – 36,7 тыс. руб., или в 1,7 раза меньше[1].

Локомотивами экономики России сегодня являются АПК и ОПК, задействовавшие соответственно до 140 и 100 отраслей народного хозяйства, которые производят товары двойного назначения – оборонного и сельскохозяйственного (сельскохозяйственное, тракторное, транспортное и прочее машиностроение), используя схожие технологии.

Сегодня России очень сложно планировать своё существование на длительный срок, так как свыше 40% федерального бюджета формируется за счёт внешнего фактора, в частности цены за баррель нефти и зависит от частых её скачков. Нестабильность порождает противоречия в планировании экономического блока – сегодня одни прогнозы, завтра другие, которые противоречат первым. Поэтому необходимо создать подушку безопасности для экономики из двух многоотраслевых гигантов (АПК и ОПК) объединяющих до 240 отраслей народного хозяйства, которые дадут стране необходимую стабильность и независимость, станут гарантом продовольственной и национальной безопасности.

Прошедшие за последние 25 лет разрушительные процессы в агропромышленном производстве и социальной сфере села набрали такую инерционную силу, которую преодолеть в условиях торговой войны, экономического, финансового, металлического и других кризисов возможно, если на решение продовольственной, а значит, и национальной безопасности поднимется весь народ, как это и происходило в трудные моменты российской истории.

Для структурной перестройки давно устаревшего планового АПК необходимо задействовать радикальные мобилизационные меры, возможно (как и раньше) с использованием КБ и специалистов оборонных отраслей.

В настоящее время малый и средний бизнес в нашей стране не в состоянии эффективно участвовать в создании инфраструктурных рыночных объектов из-за снижения спроса на заёмное финансирование, несмотря на снижение ЦБ ключевой ставки. По данным ЦБ на 1 января 2017 г. портфель кредитов, выданных малому и среднему бизнесу составил 4,5 трлн. руб., что на 2,5% меньше уровня предыдущего года[2].

Низкорентабельным и убыточным КФХ и СХО, перерабатывающим и пищевым предприятиям сложно получить новые кредиты, имея огромную задолженность. Без новой сельхозтехники и перерабатывающего оборудования невозможно произвести высококачественные конкурентоспособные продукты питания с низкой себестоимостью и ценой. Значит, необходимо срочно создавать быстро окупаемые агропромышленные формирования (АПФ) – специализированные сельскохозяйственные производственно-торговые кооперативы (СПТК) на основе малых форм хозяй-

[1] Аганбегян А. Рекорд коровы по кличке пазуха // Аргументы и факты. – М., 2017. – № 10 – С. 16.

[2] Кривянский С. Малый бизнес учится жить без кредитов (в 2016 г. две трети компаний не обращались в банки за займами) // Московский комсомолец. 2017. – № 8 (458). – С. 4.

ствования (МФХ) – личных (ЛПХ), фермерских (КФХ) хозяйств и малых сельхозорганизаций (СХО), а также агропромышленных предприятий (АПП типа «совхоз-завод») и объединений (АПО холдингового типа), центром которых должны стать малоотходные и безотходные высокомеханизированные и автоматизированные хранилища-комплексы, в которых следует размещать мобильные и менее рискованные по капвложениям гибкие высокопроизводительные, механизированные и автоматизированные обрабатывающие, перерабатывающие сельхозсырьё и фасовочно-упаковочные поточные линии малой и средней мощности. Объединить сельхозпроизводство с хранением и переработкой требует как высокий удельный вес МФХ в производстве сельхозпродукции в России, так и неравномерный рост цен продукции у сельхозпроизводителей, заготовителей (посредников), переработчиков, пищевиков и торговцев каждый из которых стремится получить максимальную прибыль. То есть продолжается рост доходов посредников, спекулянтов, переработчиков, транспортников и торговли за счет крестьян и потребителей при постоянном повышении розничных цен.

Поддержание и создание новых экономически крепких и эффективных СПТК, АПП и АПО позволит восстановить уничтоженные школы, больницы, построить каждому высококвалифицированному специалисту новое жильё с водопроводом, газом, канализацией и садовым участком. Без создания мощных СПТК. АПП и АПО, необходимого соцкультбыта, не внедрить будущие агроландшафтные и дизайнерские проекты, которые будут радовать мимо проезжающих россиян, гостей и туристов не одно столетие. Такие начинания оживят и одухотворят близлежащие сельские территории, в которых СПТК, АПП и АПО увеличат сельхозпроизводство в т.ч. на заброшенных 40 млн. га пашни, взятых в аренду.

Действительно, созданный при поддержке государства высокорентабельный растениеводческий малый и средний бизнес в СПТК, АПП и АПО может в дальнейшем рассчитывать на собственные средства (без услуг коммерческих банков), решая одновременно проблемы импортозамещения и роста экспорта конечной сельхозпродукции овощекартофелепродуктов, соков и т.п. с высокой добавленной стоимостью, используя российские плодородные земли, большие запасы пресной воды, минеральных удобрений, относительно дешёвые энергоносители и рабочую силу, а также традиционную помощь оборонных отраслей.

Процесс интенсивного развития сельского и народного хозяйства России зависит от пропорционального и сбалансированного развития продуктовых и непродуктовых подкомплексов АПК, сырьевых, промышленных и других единых технологических цепочек, эффективность работы которых зависит от рационального использования производственных мощностей в системе «поле (ферма, рудник, скважина, лесосека, море, океан и др.) – потребитель», включающих всех взаимосвязанных сельхозтоваропроизводителей, рабочих и специалистов, технику, оборудование, а также передовые технологии производства, хранения, переработки, фасовки, упаковки, транспортировки, оптовой и розничной торговли конечными продуктами питания. Чтобы удвоить производство отечественного продовольствия (хотя бы основных высокорентабельных продуктов питания), обеспечить быстрый рост экономики страны и ВВП необходимо не только сосредоточить производство, хранение, переработку и реализацию «в одних руках» – СПТК, АПП и АПО, но и восстановить связи промышленного картофелеводства, плодоовощеводства и некоторых других отраслей сельского хозяйства со 140 смежными с ними отраслями.

Так как сельское хозяйство медленнее других отраслей народного хозяйства приспосабливается к быстро меняющимся экономическим, демографическим и другим условиям, то требуется на новой технологической ресурсосберегающей основе создать в благоприятных природно-климатических, почвенных и экономических регионах специализированные растениеводческие и животноводческие СПТК, АПП и АПО с современными высокомеханизированными и автоматизированными собственными хранилищами и комплексами, лучшими районированными сортами и породами животных, с учётом зональных специфических агротехнологий, подключая помимо известных факторов интенсификации наиболее подходящие (даровые) силы Природы (почва, вода, солнце, климат, длительность вегетации, севообороты и т.п.).

Специализация, кооперация и агропромышленная интеграция, позволяют организовать высокорентабельные формирования; создать единое производственное пространство в рамках района, региона, федерального округа и России в целом по экспорту зерна и картофеля; использовать приёмы и методы рыночного планирования, с увязкой с госзаказами (по зерну, картофелю и т. п.), целевыми государственными региональными, федеральными и экспортными программами с соответствующей господдержкой сельхозтоваропроизводителей, без которой невозможен прогресс в сельском хозяйстве и создание быстроокупаемых СПТК, АПП и АПО, которые в состоянии работать на полном хозрасчёте, без услуг коммерческих банков в ближайшие 50–100 лет[1].

Параллельно необходимо (с учётом анализа финансовой и производственной деятельности СПТК, АПП и АПО и системы «поле (ферма) – потребитель») определить себестоимость производства конечных продуктов питания, соответственно минимальные оптовые и розничные цены конкурентоспособные на внутреннем и мировом рынке, обеспечивающие достаточную рентабельность для расширенного воспроизводства. Затем на основе изучения спроса на основные продукты питания определить оптимальное соотношение уровня доходов населения и максимально допустимого уровня цен, достаточных для роста товарооборота АПФ и обеспечения нормального уровня питания, согласно рекомендуемым нормам. При этом механизмы госрегулирования в АПК, существующие во всех развитых странах мира, должны постоянно совершенствоваться в зависимости от изменений на внутреннем и мировом рынках. При этом государством используются следующие механизмы: госзакупки и товарные интервенции; льготное кредитование, таможенное регулирование (экономическое и административное) и др.

В целом государственное регулирование и поддержка АПК и его продуктовых подкомплексов должны обеспечить:

[1] Тульчеев В., Лукин Д., Лукин Н. Кооперация и интеграция малых форм хозяйствования – перспектива развития АПК и общего аграрного рынка ЕАЭС // АПК: экономика, управление. 2017. – № 7.– С. 22–32.

– адаптацию агропромышленного производства тех или иных продуктов питания к рыночным условиям;

– развитие рыночной инфраструктуры в системе «поле-потребитель», включающей в первую очередь хранение и переработку сельхозпродукции в местах его специализированного производства – в СПТК, АПП, АПО и др., дороги с твёрдым покрытием, специализированный транспорт в т.ч. железнодорожный;

– дальнейшую интенсификацию процессов производства, хранения переработки и реализации продукции;

– снижение энергоёмкости и ресурсоёмкости единицы конечной продукции;

– международный маркетинг и реализацию программ расширения экспорта сельхозкультур и продуктов их переработки, в страны-участницы ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др.

Государственная поддержка сельского хозяйства и приоритетное развитие конкурентоспособных, экспортоориентированных производств должны осуществляться за счёт внедрения комплекса технико-технологических и организационно-экономических инноваций в СПТК, АПП и АПО на основе сочетания системы государственной поддержки и использования внутренних резервов товарных ЛПХ, КФХ и СХО. При этом СПТК, АПП и АПО должны обеспечить пропорциональное и сбалансированное развитие всех 3-х сфер АПК РФ и его основного звена – сельского хозяйства в режиме расширенного воспроизводства в сочетании с экспортом основных продуктов питания в страны ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и другие[1]. При этом одновременно необходимо ввести государственные нормативно-правовое регулирование по созданию трудо- энерго- ресурсосберегающей единой технологической (продуктовой) цепочки от поля (фермы) до потребителей (в т.ч. зарубежных), адаптированной к международным требованиям с целью повышения конкурентоспособности отечественных продуктов питания на мировом рынке.

У наших зарубежных партнеров, например, США экономическая политика предусматривает: снижение налогов на бизнес и средний класс, рост госинвестиций на инфраструктурные проекты в размере 1 трлн. долл., которые вместе с частными средствами будут вкладываться в строительство дорог, аэропортов и нефтепроводов, так как Трамп считает, что только частные инвестиции эту проблему не решат[2].

Таким образом, в США фискальная политика строится в интересах бизнеса и среднего класса, а само государство берётся за совершенствование инфраструктуры в масштабе страны. При создании новой рыночной инфраструктуры в России целесообразно перенять опыт США, где за государственными успешно идут частные инвестиции.

Помогая малому бизнесу беспроцентными кредитами (через Госбанки), сняв налоги с мелких предпринимателей, власти Вьетнама получили громадный эффект – страна завалена собственными продуктами, рост экономики составил 6,7% в год.

Чтобы приостановить рост розничных цен на продукты питания и увеличить платежеспособность спроса, необходимо как в Китае, Вьетнаме и других развивающихся странах освободить начинающих (в т.ч. создающих СПТК) фермеров, других сельхозтоваропроизводителей и индивидуальных предпринимателей от налогов на 3 года и дать им возможность выйти напрямую (без посредников) в торговую сеть, в т.ч. и собственную (кооперативную). Известно, что чем больше продавцов и магазинов в расчёте на определённую территорию, тем выше конкуренция и ниже цена продуктов питания. И если крупные (в основном иностранные) торговые сети вытесняют с рынков отечественных мелких продавцов, то фермерские (кооперативные) магазины «шаговой доступности», кооперативные логистические центры и собственные производственные рынки, наоборот, снизят цены на более качественную сельхозпродукцию, чтобы увеличить товарооборот и как можно скорее реализовать свой скоропортящийся товар.

Государство и чиновники оказывают финансовую помощь в основном крупным торговым сетям. В регионах цены на продовольствие только растут. Если посмотреть на самое популярное славянское блюдо – борщ, то окажется, что свекла в нём азербайджанская, морковь израильская, капуста турецкая, картофель египетский, свинина бразильская, сметана белорусская. Зато многие российские фермеры увязли в кредитах, не могут найти цивилизованные рынки сбыта своей экологически чистого «борщового набора».

Вместо того чтобы развивать фермерскую торговлю у себя на местах 50 регионов Российской Федерации сегодня направляют своих сельхозтоваропроизводителей на ярмарки в Москву, где вместо палаток и шатров на Семёновской площади появился комфортабельный крытый павильон, где оборудованные торговые места предоставляют бесплатно, что снижают цену продуктов питания. Аренда павильонов с современными холодильниками также бесплатно, что позволяет торговать фермерам круглый год, в любую погоду[3]. Этот положительный опыт необходимо развивать во всех регионах России, одновременно с созданием кооперативных продовольственных рынков, кооперативных пригородных логистических центров и фермерских магазинов «шаговой» доступности. От этого питание россиян станет лучше и дешевле.

Если в Москве в 2017 г. работали 200 сельскохозяйственных рынков и ярмарок на 15 тыс. торговых мест, в т.ч. 102 ярмарки выходного дня, 30 региональных и межрегиональных, 47 торговых центров и 22 традиционных капитальных сельхозрынков, то в других крупных городах и промышленных центрах России таких достижений пока нет, как нет и пригородных фермерских логистических центров, а также прирельсовых хранилищ-комплексов в СПТК или АПО, которые в любое время года могут отгрузить (поставить) в любой город или район России, в страны-участницы ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др. отечественный картофель, овощи, плоды и продукты их переработки длительного хранения.

---

[1] Тульчеев В.В., Чекмарёв А.П., Жевора С.В. Развитие технико-технологического сотрудничества в картофелепродуктовом подкомплексе стран БРИКС // АПК: экономика, управление. 2016. – № 5. – С. 59–66.

[2] Вардуль Н. Трампоэкономика на марше // Московский комсомолец. 2017. – № 8 (458). – С. 4.

[3] Дмитриева И. Как изменились ярмарки // Аргументы и факты. – М., 2017. – № 25. – С 10.

Разовое вливание федеральных и региональных бюджетных средств в сельское хозяйство или в любое другое звено единой технологической цепочки «поле (ферма) – потребитель» является не чем иным, как латанием дыр «в сгнившем чулке», это не имеет ничего общего с целенаправленной научно обоснованной политикой продовольственного обеспечения населения, (особенно в условиях преобладающего неэффективного мелкотоварного производства.

В условиях некооперированного и неинтегрированного экстенсивного развития мелкотоварного сельского хозяйства Российской Федерации, импортные продукты питания даже из развивающихся стран мира скоро окажутся слишком дорогими для россиян, для населения ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др. Поэтому рано или поздно проблему создания АПФ и быстрой прямой доставки местной скоропортящейся сельхозпродукции к столу потребителей (без посредников) придётся решать совместно, опираясь на реальное обновление кадров на всех уровнях.

Большинство аналитиков сходятся в том, что выход из кризиса будет достаточно медленным, с чем нельзя согласиться. Всё зависит как от принимаемых мер – жёстких и непопулярных, как в Китае, Вьетнаме и других быстроразвивающихся странах, так и от реального обновления кадров на всех уровнях.

Новые руководители в новых, рыночных условиях, быстрее, на наш взгляд, найдут с помощью передовой мировой науки и техники выход из сложившейся в России тяжёлой финансово-экономической и продовольственной ситуации, нежели старые «проверенные» кадры, выступающие против кооперации, агропромышленной интеграции любых технико-технологических и организационно-экономических нововведений уже более 70 лет. Подбор честных, нацеленных на конечный результат, горящих энтузиазмом руководителей и исполнителей любого возраста, позволит сменить коррумпированную, забюрократизированную, «молчаливую» по всей вертикали систему, боящуюся потерять хорошую зарплату, пенсию и льготы. По обобщающему индексу «эффективности государственного управления» Россия недалеко ушла от африканских государств[1].

Сегодня продовольственные, «металлические», финансовые, экономические и другие кризисы и бесконечные санкции должны стать локомотивами истории, «ракетами-носителями» всего нового и интенсификации экономики АПК и России, ускорителями НТП во всём народном хозяйстве. Уже сегодня необходимо двигаться в направлении кооперации и агропромышленной интеграции, реально заняться созданием экспортоориентированных высокоэффективных и безотходных СПТК, АПП и АПО, которые не только быстро решат проблему импортозамещения многих продуктов питания за счет сокращения потерь отечественной сельхозпродукции в 2–3 раза, но и выведут фермеров, их кооперативы и других сельхозтоваропроизводителей на мировые рынки продовольствия. Если сегодня в СХО развитие получили зерновые, сахарная свекла, подсолнечник, лён и др. культуры, то МФХ должны объединиться в СПТК и специализироваться на производстве самых трудоёмких культур – картофеле и овощах открытого грунта, реализуя крупные однородные сортовые партии на рынок как в свежем, так и в переработанном виде.

Когда в России с каждым днём дорожает хлеб, картофель, молоко и другие продукты питания первой необходимости, растут цены на лекарства, тарифы на ЖКХ, энергоносители, транспортные услуги, а предприниматели и предприятия АПК ощущают кредитный голод, не зная, как расплачиваться за ранее взятые заёмные средства, то в Китае, например, инфляция близка к нулю, низкопроцентное банковское кредитование переживает бум, а национальный юань по отношению к доллару только крепнет. Если цены более чем на 90% видов сельхозпродукции диктуются рынком, то на базовую продукцию (нефть, газ, электроэнергию) государство устанавливает твёрдые цены. В результате если постоянно растущий монопольный диспаритет цен в России ведёт к свёртыванию сельскохозяйственного производства, то в Китае, наоборот, – к расширению воспроизводства продовольствия, развитию тракторного и сельхозмашиностроения, других отраслей. В России естественные и другие монополии уничтожают аграрный сектор, стремясь поднять цены на газ, электричество, тепло, ГСМ до европейского уровня, в то время как оплата сельского труда в 2 раза меньше даже средней по экономике и в десятки раз меньше чем на Западе.

Нужна разработка не только целевых государственных (в т.ч. экспортных) программ по зерну, картофелю и продуктам их переработки, механизмов государственной (в т.ч. экспортной) поддержки мер ответственности и других условий, обеспечивающих развитие этих и других основных высокорентабельных продуктовых подкомплексов АПК РФ с конкретными проектами различной мощности высокомеханизированных и автоматизированных хранилищ-комплексов, элеваторов, цехов переработки и разнообразием каналов реализации (в т.ч. на экспорт), но и программ для приобретения отечественных и зарубежных поточных автоматизированных линий малой и средней мощности для установки в хранилище-комплексе СПТК (окупаемые за 0,5–1,0 года), нужны кредиты по ставкам, сравнимым с западными. Падение интереса к банковским займам малого бизнеса связано с высокими ставками по кредитам, частым отказам в его получении без объяснения причин и др. Между тем, малый высокорентабельный бизнес в СПТК, АПП и АПО, обладая большой мобильностью, относительно малыми капвложениями (в сравнении с советскими «флагманами» отрасли или «гигантами» 5-ти летки), оперативно может переключиться на другую однородную продукцию, без простоев технологического оборудования и банковских кредитов. Например, вместо уже мытого высокорентабельного картофеля, можно выпускать очищенные от кожуры клубни или порезать их на дольки для производства замороженного картофеля, «фри» или обжаренные чипсы, затем перемолоть в муку и высушить, получив картофельное пюре или картофельный крахмал из нестандартных клубней и очисток, создав высокорентабельное безотходное производство на селе, производя в межсезонье чипсы из пеллет (разнообразного на 80% готового фигурного полуфабриката), которые надо только обжарить в растительном масле. Осталось только открыть собственную торговую сеть (или в кооперации с другими СПТК) и вся прибыль достанется не посредникам, переработчикам и торговцам, как сегодня, а самому фермеру и партнерам по кооперации, которые на следующий год удвоят и утроят урожай спецсортов картофеля и овощей.

[1] Костиков В. Патока в кисельных берегах // Аргументы и факты. – М., 2010. – № 41. – С. 6.

Учёные сегодня не в состоянии проверить свои перспективные технологии в современных семеноводческих и продовольственных хранилищах, вместимостью на 3–5–10–20 тыс. и более, так как нет таких специализированных объектов, оснащенных по последнему слову науки и техники. Не отработаны и рациональные схемы товародвижения в системах «поле-потребитель» на натуральных образцах семенных и товарных СПТК, АПП и АПО, которые также в дальнейшем необходимо постоянно модернизировать, чтобы обеспечить свою конкурентоспособность.

Без специализированных хранилищ-комплексов (семенного и продовольственного) построенных из быстровозводимых (за 30–40 дней) лёгких металлических конструкций (ЛМК) любой вместимости, в каждом из которых сосредотачивается до 80–90% всех затрат труда и средств на производство конечной продукции – семян элиты или различных готовых к употреблению картофельных продуктов (построенных в натуре), невозможно продолжать исследования по дальнейшей механизации и полной автоматизации уборки, транспортировки, загрузки и выгрузки, сортировки, фасовки, упаковки, мойке, сушке, переработке картофеля, овощей, плодов и т.д. загрузки их в тару, транспорт и т.д. Таких современных образцов предприятий будущего в России на селе практически нет, так как проектные НИИ федерального уровня в большинстве своём ликвидированы.

Сегодня необходимо готовить высокооплачиваемых специалистов широкого профиля межотраслевого, межпрофессионального уровня с различными, но необходимыми знаниями (инженеров-экономистов, технологов-экономистов, менеджеров-маркетологов и т.п.), а не узких специалистов – агрономов, ветеринаров, инженеров, которые без экономических знаний не в состоянии видеть перспективу и стратегию развития своих предприятий, объединений, комплексов, отраслей и сфер подкомплексов АПК РФ, а также конкурировать с западными фермерами, знающими «всё» или кооперирующихся с другими, чтобы знать еще больше. В картофелепродуктовом подкомплексе руководители и специалисты широкого профиля должны так же знать всё или почти всё – от пробирки до хрустящего картофеля, других картофелепродуктов, картофельного крахмала (в т.ч. модифицированного), полученных от выборки множества спецсортов. В свеклосахарном – от высокопродуктивных определённых сортов сахарной свеклы до максимального выхода сахарного песка с 1 га (или 1 т сырья). В мясомолочном подкомплексе – от специальной породы животных до получения мраморного мяса или сыра со специфическим вкусом, запахом и другими, требуемыми потребителями свойствами. В птицеводстве – от яйца с эмбрионами до яичного порошка; в льняном – от сорта льна до получения ткани нужного качества и других конечных товаров (каждый из подкомплексов также состоит из 3-х своих специфических основных сфер).

Из-за недостатка или отсутствия средств (а соответственно спроса на сельхозтехнику), СХО и КФХ не в состоянии быстро развиваться. Многие заводы 1 сферы АПК, созданные в СССР (поставляющие средства производства для всех подкомплексов), ликвидированы, находятся за рубежом или на гране банкротства.

Хищническая эксплуатация «советских» заводов сельхозмашиностроения, размещённых в республиках СССР, полученных в ходе приватизации собственности, сдача ещё работающих станков и оборудования в металлолом, жадность, стремление к наживе и перепродаже остатков предприятий новым собственником привела к тому, что 1 сфера АПК должна создаваться практически с нуля, но уже под требования новых СПТК, АПП и АПО.

Масштабное отставание в сельском хозяйстве является одной из угроз национальному суверенитету страны. Например, плодородие Северного Кавказа, благоприятные климатические условия, множество рек, озёр и прудов, которые можно задействовать для полива, (в т.ч. горные реки вечных льдов с бетонными каналами), позволяют рационально использовать самый ценный ресурс – землю (как это осуществляется в южных регионах Казахстана).

Аграрный разворот экономики России на основе развития одновременно всех аграрных регионов в т.ч. Северного Кавказа – поставщика ранней плодовоягодной, овощной и другой сельхозпродукции, традиционные высокие трудовые навыки, развитие фермерского и кооперативного движения в производстве экологически чистых продуктов питания позволили бы решить проблему занятости миллионов сельских жителей южных регионов, в том числе в уборке, хранении, переработке, фасовке, упаковке и реализации на внутреннем и мировом рынках, с качеством продуктов не хуже турецких египетских, индийских и китайских фермеров – поставщиков ранних картофеля, овощей, плодов и т.п. в Россию.

Помимо быстрого оборота капитала и окупаемости инвестиций в хранилища, линии обработки и переработки, достойных заработков для жителей сёл, аулов, станиц, деревень и т. п., значительные налоги получила бы местная власть для обустройства сельских территорий. В условиях развития агропромышленного производства в СПТК появились бы новые многочисленные каналы сбыта и для домашних мелкотоварных хозяйств, в т.ч. расположенных в предгорных, горных и высокогорных регионах, при условии обеспечения их необходимыми высококачественными семенами, тарой, транспортом и т.п.

Вывозимые из страны миллионы долларов опять вернутся в Россию в АПК и органически связанную с ним промышленность, состоящую от 140–160 отраслей. На территории где осуществляется добыча и переработка природных богатств страны (как в дореволюционный период) олигархи начнут строить на «своей» территории для своих рабочих и служащих вместе с СПТК фермерские магазины «шаговой доступности», кормить их не импортным «химическим» и «синтетическим» продовольствием, а экологически чистыми дешёвыми местными продуктами питания в т.ч. на фермерских продовольственных рынках, доставленными прямо с поля, или с хранилища в течение 3–4 часов, вместо 3–4 дней через посредников и спекулянтов с наименьшими потерями, затратами труда и средств, из совместно созданных «подшефных» СПТК, растениеводческого и животноводческого направления с согласованной оптимальной ценой или торговой наценкой. В данных условиях восстановится социальная справедливость и паритетные отношения в АПК и народном хозяйстве, начнёт процветать наша родная страна, показывая всему миру образец действительно демократического развития общества.

Фадеева Т.А.
к.э.н., н.с. ИСЭПН РАН
fadeevatoma@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

***Ключевые слова**: миграция, Китай, Россия, незаконная миграция, типы миграции населения, миграционная политика.*

Рассматривая процессы международного взаимодействия Российской Федерации в начале третьего тысячелетия, на наш взгляд, следует обратить особое внимание как на постоянную, так и особенно – на временную китайскую иммиграцию. Явление китайской иммиграции в Россию имеет давние традиции. Особенно на Дальнем Востоке. При этом на всех этапах социально-экономического развития нашей страны китайская иммиграция имела как позитивные, так и негативные последствия. Позитивный импульс был традиционно направлен на созидание, на включение китайских (в первую очередь трудовых) мигрантов в решение многочисленных проблем в области рабочей силы, дефицит которой исторически складывался в нашей стране на Дальнем Востоке в условиях малочисленного населения данного стратегически важного для России региона. Эта извечная проблема для сопредельных к Китаю дальневосточных территорий российского государства испокон века играла и играет роль притягательного «полюса» для трудовой китайской иммиграции.

Кратко рассмотрим миграционное взаимодействие России и Китая в исторической ретроспективе. Причем, не столько с практических, сколько, с теоретических позиций. Поскольку основная проблема в исследовании миграционного взаимодействия между Китаем и Россией заключается в отсутствии достоверной информации, а также в количественном несоответствии официально зарегистрированных как постоянных, так и особенно – временных мигрантов из Китая, и неопределенности в отношении их реальной численности на российской территории. Отметим, что в последнее время та же проблема стала все чаще возникать и с оценкой численности российских (особенно временных) иммигрантов в Китае.

Из-за отсутствия достоверной информации по количественным параметрам численности китайцев в России и численности русских в Китае затруднены объективные оценки как положительных, так и отрицательных сторон такого взаимообмена для России. Оценки последствий нахождения того или иного числа китайских граждан как постоянно, так и временно на российской территории, как правило, диаметрально противоположны. Единственное, в чем пока еще относительно единодушны все исследователи проблем российско-китайского взаимодействия (в том числе миграционного), это то, что по официальным данным постоянно проживающие в России китайцы и ранее и теперь относительно немногочисленны. Например, по материалам первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Приморской области было 30,7 тыс. китайцев. По данным послевоенной всесоюзной переписи 1959 г., в России проживало 19,1 тыс. китайцев. По данным последней всесоюзной переписи населения 1989 г. численность китайцев сократилась уже до 5,2 тыс. человек. В постсоветский период с 1992 по 2006 гг. в Россию на постоянное место жительства приехало в общей сложности 17 тыс. иммигрантов из Китая, а в Китай выехало 10,3 тыс. иммигрантов из России. По материалам всероссийской переписи населения 2010 г. всего на российской территории было зафиксировано 28 943 китайцев. О чем свидетельствуют вышеприведенные официальные данные? Во-первых, о том, что поток китайских иммигрантов на постоянное место жительства как был, так и остается невелик. Во-вторых, что ему соответствует примерно сопоставимый поток иммигрантов из России. Характерно, что по материалам Пятой всекитайской переписи населения в 2000 г. в России находилось примерно столько же китайских граждан, сколько по переписи 1897 г. – их число возросло всего лишь в 1,1 раз[1].

По мнению ведущих специалистов, «Россия, как любое другое современное государство, сталкивающееся с демографическими вызовами, стоит перед необходимостью вырабатывать и реализовывать политику в отношении всех трех демографических процессов: рождаемости, смертности, миграции. И во всех трех случаях необходимо учитывать, что политика – это искусство возможного, хотя возможности каждого из трех направлений политики не одинаковы. Наиболее ограничены возможности политики в области рождаемости, намного больше нереализованных возможностей у политики охраны здоровья и снижения смертности, и, наконец, еще больше возможностей у миграционной политики, по крайней мере, теоретически. Потенциальными источниками миграции в Россию, как и во все развитые страны, могут стать перенаселенные страны Азии и Африки. Главные же ограничения связаны с «интеграционной емкостью» российского социума, она определяет порог, до которого прием мигрантов – представителей другой куль-

[1] Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения КНР 2000 года). – Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2003. – Т. 7. – С. 1797.

туры, религии и т.п. – не вызывает недовольства местного населения, не порождает напряжений и конфликтов. Расширение «интеграционной емкости» само становится важнейшей задачей миграционной политики, и от того, насколько успешно удастся решать эту задачу. Во многом зависит и то, в какой степени Россия сможет ответить на стоящие перед нею демографически вызовы»[1]. Не вступая в дискуссию с данными авторами, сразу им возразим. История знает опыт, например, Техаса – прибывшие в него мигранты из сопредельного государства – США, превысив половину его мексиканского населения, потребовали плебисцита и успешно проголосовали за его выход из состава Мексики и вхождения как штата – в США. Что являет собой наглядный и убедительный пример возможности территориальной аннексии без военных действий и жертв. Впрочем, такая ситуация для России особенна понятна и актуальна, в связи с повторным вхождением в ее состав Крыма.

На наш взгляд, на сегодняшний день не столько изменение масштабов постоянной и временной миграции китайцев в Россию должно быть в центре внимания при изучении миграционного взаимодействия России и Китая, сколько негативные последствия китайской иммиграции, связанные с использованием любых каналов, в том числе – и криминальных, для реализации поставленных китайскими иммигрантами, особенно – временными, задач если не прямого обогащения, то существенного улучшения материального положения своих семей в Китае. К сожалению, эта особенность китайской иммиграции – значительная доля незаконного типа межгосударственной миграции, сохраняется и до сегодняшнего дня. Нарушаются законы, активно развивается теневой бизнес, вследствие этого экономике дальневосточных регионов наносится, как и всегда наносился, огромный вред. Еще в начале прошлого века П.А. Столыпин, будучи с ревизией на Дальнем Востоке, подчеркивал этот момент в своем докладе правительству Российской Империи. В докладе говорилось, что из государственной казны на Дальний Восток за последние годы перекачено более 850 млн. рублей, оценка же всех имеющихся на Дальнем Востоке материальных ценностей, включая все наземные постройки, включая военные объекты и КВЖД, которые к этим вложениям никакого отношения не имеют, составила всего около 300 млн. рублей. Где остальные 500 млн. рублей? Задавал вопрос П.А. Столыпин и сам же на него отвечал: в Китае, в Манчжурии. И, спустя столетие, представляется, что все вышесказанное можно отнести и к ситуации в постсоветский период. После распада СССР и отмены в конце XX века визового режима между РФ и КНР, вновь в миграционном взаимодействии между нашими странами активизировались миграционные потоки. И если в начале постсоветского периода китайские иммигранты относились в большинстве своем к туристическому виду во временном типе миграции, поскольку предпочитали указывать целью своих поездок – туризм, то истинной целью этих китайских поездок начала 1990-х годов была, в основном, челночная торговля. Следовательно, они прибывали на российскую территорию как представители социально-экономического типа миграции. Китайцы привозили на российские территории, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, низкокачественные потребительские товары, в обмен на которые они закупали российские природные ресурсы – металлы, лес, рыбу, а также химические удобрения и продукцию машиностроения.

Помимо регионов Дальнего Востока и Сибири основной точкой притяжения как вышеназванных «номинальных», так и реальных туристов, остается Москва и Санкт-Петербург, которые в одном только 2014 г. посетило 0,5 млн. китайцев. По данным китайского дипломатического ведомства в 2015–2016 гг. число китайских туристов, посетивших Россию, выросло в два раза и превысило 1,1 млн. человек в год. И число туристов продолжает неуклонно расти.

Нельзя не отметить, что китайцы с самого начала освоения Дальнего Востока вносили свой посильный вклад в позитивное решение многочисленных проблем в области рабочей силы этого осваиваемого и столь важного для России региона. А проблема дефицита рабочей силы, который исторически складывался в нашей стране на Дальнем Востоке в условиях малочисленного населения данного региона, общеизвестна. Как правило, в Россию въезжали трудовые мигранты, которые были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, строительстве, лесозаготовках. В условиях социально-экономического кризиса после распада СССР захват китайскими бизнесменами господствующего положения на дальневосточных рынках потребительских товаров осуществился фактически молниеносно. К сожалению, этому способствовало и то, что в кризисных условиях этот регион стал фактически забытым и автономно развивающимся. Процесс разгосударствления здесь осуществился в наиболее криминализированной форме. Утрата государственного контроля над социальными и экономическими процессами, происходящими в регионе, позволила российским новоиспеченным коммерсантам в условиях фактически транспортной автономии региона игнорировать государственные интересы в своих сделках с хорошо организованными китайскими фирмами. Все это на фоне массового оттока местного населения (из этого исстари целенаправленно заселяемого российским государством на всех этапах его развития за последние два с половиной века), на запад, особенно – в европейский центр, объективно и субъективно и породили представление у российского обывателя о китайской экспансии и ее негативных последствиях для региона.

Это подтверждают и социологические опросы, проводимые в том числе сотрудниками ИСЭПН, а также ИСПИ РАН. В последнем случае, в числе экспертов выступали специалисты различных ведомств, в том числе исполнительной власти субъектов Дальневосточного федерального округа, сотрудники администрации этого края, главы административных районов, сотрудники службы занятости, миграционной службы, УВД, ФСБ, пограничной службы и представители МИДа России. По мнению 70% опрошенных, к иммигрантам из Китая жители дальневосточных районов относились накануне третьего тысячелетия, недоброжелательно.

В результате, на фоне приводимых в средствах массовой информации данных о численности китайских иммигрантов, вопросы об оценке китайской иммиграции в России, как в целом, так и на дальневосточных территориях,

[1] Вишневский А.Г., Зайончковская, Ж.А., Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В. Демографические вызовы России. Ч. 3. Миграция // Демоскоп Weekly. – М., 2017. – № 753–754.

стали остро дискуссионными. В российской прессе начал продвигаться тезис о «китайской демографической экспансии» и «китайской угрозе», связанных с якобы управляемым из Китая переселенческим процессом. Все это является следствием отсутствия научно-обоснованной концепции миграции населения в 1990 годы и в начале 2000-х годов. Это сказалось на законотворчестве в области миграционных процессов, а также на учете и контроле за международными мигрантами. Именно отсутствие контроля и учета за иммигрантами порождает негативные последствия любой нелегальной иммиграции и китайской в особенности. Уже 20 лет назад Л.Л. Рыбаковский – один из наиболее серьезных и известных исследователей миграции на Дальнем Востоке – говорил о том, что анализ «тенденций развития современного этапа иммиграции на Дальнем Востоке, а также наиболее значимых ее последствий, имеющих, наряду с внутриполитическим, и очевидное внешнеполитическое значение, показал, следующее. Что основное внимание должно быть сконцентрировано лишь на одном ее аспекте, на нелегальной иммиграции китайского населения»[1]. И этот аспект до сих пор остается без должного внимания. В постсоветское время все основные проблемы в миграционном взаимодействии России и Китая остались неизменными. В том числе те проблемы, о которых полтора десятилетия назад Г. Витковская и Д. Тренин писали, что «учитывая сложившиеся обстоятельства и уже проявившиеся тенденции, масштабная китайская миграция в Россию представляется неизбежной. Это требует скорейшей выработки и осуществления эффективной политики взаимовыгодного взаимодействия в сотрудничества с Китаем, особенно в приграничных районах. Миграционная политика и политика на рынках труда являются важнейшими составными частями общей политики партнерства. Это относится не только к российско-китайским отношениям, но и к сотрудничеству Дальнего Востока России со странами АТР. Как показывает ход событий в последние годы, без такого сотрудничества развитие дальневосточного региона и даже его простое выживание вряд ли возможны»[2]. Негативные аспекты китайской иммиграции, по мнению такого ведущего специалиста по китайской иммиграции, как А.В. Островский, по-прежнему досконально не изучены и явно преувеличены. По его мнению, они связаны с незнанием реальной ситуации на российских дальневосточных территориях, которые являются по-прежнему основными территориями концентрации китайских легальных и нелегальных иммигрантов. И это убедительно доказали в работе, посвященной проблемам сравнительных особенностей трудовой миграции из Китая, Вьетнама и КНДР в России С.В. Рязанцев и Р.В. Маньшин[3]. С другой стороны, это обусловлено и незнанием современной ситуации в области как внешней, так и внутренней миграции в Китае, в его северо-восточных территориях. Островский А.В. подчеркивает тот факт, что в сопредельные с нашей страной провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, по материалам Всекитайской переписи 2010 года, лидируют в Китае по величине отрицательного сальдо не во внешней, а, наоборот, во внутренней миграции[4]. Он также отмечает, что в Китае выработаны основные направления государственной политики в области миграций: «Вся деятельность государства в миграционной сфере должна способствовать социально-экономическому развитию… стимулировать миграции из восточных районов КНР в западные». Это позволяет вывод о том, что перспективы миграционного взаимодействия Китая и России, в том числе на дальневосточных, сопредельных российских и китайских территориях, будут зависеть от особенностей социально-экономического развития не только России, но и Китая.

[1] Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность и последствия. – М., 1994. – С. 19.

[2] Витковская Г., Тренин Д. Введение // Перспективы дальневосточного региона. Межстрановые взаимодействия. – М.: Гендальф, 1999. – С. 10.

[3] Рязанцев С.В., Маньшин Р.В. Сравнительные особенности трудовой миграции из Китая, Вьетнама и КНДР в России // Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: новые подходы к учету и анализу внешней трудовой миграции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск: Новый проект, 2016. – С. 201–210.

[4] Островский А.В. Внутренние миграции в Китае как результат экономических реформ // Миграционное право. 2014. – № 4. – С. 26.

Цацулин А.Н.[1]

КОГО БЫ ЕЩЁ ПОЗВАТЬ НА БОРЬБУ С КОРРУПЦИЕЙ, И МОГУТ ЛИ МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ БЫТЬ ПОМОЩНИКАМИ В СТОЛЬ ВАЖНОМ ДЕЛЕ?

Ключевые слова: *коррупция, взятки, хищение бюджетных средств, отмывание коррупционных доходов, мировые религии, апостолы, пророки, святые, пастыри, коррупциогенность, конфессии.*

Keywords: *corruption, bribery, embezzlement of budgetary funds, money laundering, world religions, apostles, prophets, saints, shepherds, corruptionism, confessions.*

Чем больше в государстве коррупции, тем больше законов.
П.К. Тацит (Анналы. Книга III)

Введение

Настоящая статья построена по материалам доклада, сделанного автором на межвузовской научно-практической конференции «Коррупция как угроза безопасности личности, общества, государства», которая была проведена 8 декабря 2017 г. Первым пограничным кадетским военным корпусом Федеральной службы безопасности Российской Федерации и куда были приглашены сотрудники и преподаватели СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург)[2]. Необычная тема доклада и последующей статьи задана непосредственно организаторами этой конференции.

Международный день борьбы с коррупцией был провозглашён Генеральной ассамблеей ООН и теперь ежегодно официально отмечается в России 9 декабря, как дата подведения итогов комплекса антикоррупционных мероприятий. В этот день в 2003 г. была предложена для подписания Конвенция ООН против коррупции как основополагающий документ, который обязывает подписавшие его страны объявить уголовным преступлением взятки, хищение бюджетных средств и отмывание коррупционных доходов. Согласно одному из положений Конвенции, необходимо возвращать средства в ту страну, откуда они поступили в результате коррупции. РФ была в числе первых стран, подписавших и ратифицировавших в 2006 г. указанный документ. Тем не менее, ст. 20 Конвенции ООН в РФ напрямую не применяется из-за отсутствия пока правовых оснований в виде нормативных актов.

Коррупция рассматривается в качестве весьма существенного фактора, реально угрожающего национальной безопасности Российской Федерации, а проблема противодействия коррупции представляется исключительно актуальной и предельно важной. Прямым следствием институированного в нашей стране образования под названием «коррупция» стал уход в тень (с оттенками черного и серого) части национального хозяйства, работающего в режиме «гаражной экономики» и оттягивающего на себя, по авторской оценке, до 23,6% созданного официально объёма ВВП в текущих ценах.

Борьба с коррупцией и экономической преступностью является одним из приоритетных направлений деятельности МВД РФ[3]. Мероприятия, направленные на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие правонарушений в данной сфере, осуществляются непрерывно. В 2016 г. МВД РФ в этом направлении была проведена масштабная работа с впечатляющими результатами.

По информации Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, в январе-октябре 2017 года правоохранительными органами выявлено 25,7 тыс. преступлений коррупционной направленности, из которых 5,3 тыс. – в крупном и особо крупном размере. Установлено больше 12 тыс. лиц, совершивших преступления, из них привлечено к уголовной ответственности более 10 тыс. чел., в том числе выявленных сотрудниками органов внутренних дел более 9 тыс. Окончено расследованием 22,1 тыс. преступлений данного вида. И них 19,3 тыс. – направлены в суд.

Экономический ущерб от коррупционных действий представляется колоссальным. Так, Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка определил общую сумму ущерба от преступлений коррупционной направленности в России за 2016 г. в размере 43,8 млрд. руб., что равносильно 10% от стоимости суммарного ущерба по всем видам преступлений

[1] Цацулин Александр Николаевич – д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург. E-mail: vash_64@mail.ru

[2] Программа и Материалы межвузовской научно-практической конференции «Коррупция как угроза безопасности личности, общества, государства» г. Пушкин – 8 декабря 2017 г. // Сб. науч. статей. Ч. 1. – СПб.: Изд-во Первого пограничного кадетского военного корпуса ФСБ РФ, 2017.

[3] Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» от 19.05.2008 № 815. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

в целом по стране. Более того, по сравнению с предыдущим годом эта оценка подросла примерно на 3 млрд. руб.[1]. Но эти оценки касаются зафиксированных фактов хозяйственной жизни страны, и они явно занижены. Коррупция проникла во все поры национальной экономики и в регулирование рыночного хозяйства. Л.Г. Бызов резюмирует: «Коррупция в России – это образ жизни, в которой ни власти, ни бизнес, ни общество не хотят жить по закону» [2].

И глава ФАС РФ И.Ю. Артемьев проблему неблагополучного состояния российского рынка усматривает в том, что «…антимонопольное законодательство и без уголовной составляющей имеет явный карательный и коррупционный уклон. Ежегодно ФАС возбуждает свыше 10 тыс. дел, из них 2600 – по злоупотреблению доминирующим положением и около 300 – по соглашениям и согласованным действиям. Это на один-два порядка больше, чем в развитых странах»[2].

Определение проблемы

Понятие «коррупции», как и само явление, предельно сложное, многоаспектное, структурное, всеобъемлющее и, разумеется, до конца не исследованное. Многообразие проявлений коррупции в обществе как системного явления поражает воображение – это и многочисленные примеры экономической, политической коррупции, бытовой, и, естественно, отвратительный, по существу, контент коррупционной морали и коррупционного мировоззрения. Всё это представляет собой значительную опасность для российской государственности [10]. С точки зрения организации *Transparency International*[3], Всемирного банка и других международных институтов, коррупция – это злоупотребление доверенной властью ради личной выгоды.

Юристы же предпочитают более строгие определения с соответствующими им наказаниями согласно, например, ст. 290 УК РФ «Получение взятки», «Злоупотребление полномочиями» (ст. 201), «Коммерческий подкуп» (ст. 204). К тому же несмотря на то, что строго говоря, юридико-технически установленный факт коррупции почти везде является уголовным преступлением, само понятие включает в себя и неэтичные, хотя и уголовно ненаказуемые поступки, например, кумовство, алчность. В целом ряде случаев оценить экономические последствия от фактов коррупции затруднительно по следующим обстоятельствам: существенная латентность явления; невещественность/нематериальность отдельных коррупционных проявлений.

Так, назначение родственника чиновника, не имеющего необходимых профессиональных компетенций, на высокооплачиваемую государственную должность даже при отсутствии факта взятки, способно нанести материальный и моральный урон государственным интересам и самому институту государственной/муниципальной службы в связи с непрофессионализмом, ошибочно принятыми решениями. Хотя измерение такого ущерба всегда проблематично. Но попытки оценить мнение бизнеса о наиболее коррупциогенных сферах, а также об изменениях в области борьбы с коррупцией, проводятся давно и повсеместно.

Пример такой попытки отражён в табл. 1. В выборочном статистическом исследовании и по ограниченным сферам бизнеса и предпринимательства приняли участие 643 компании, структурно относящихся – 46,7% к малому бизнесу; 47,1% к среднему и 6,2% (согласно градации на 2013 г.) к крупному бизнесу. Разумеется, в отлакированных результатах исследования просматривается и некоторое лукавство в ответах респондентов, хотя и анонимных, в зависимости от масштаба опрашиваемого бизнеса. Исследования же подобного рода по оценке субъективных мнений среди масс верующих и атеистов, а также в конфессиональных аспектах, насколько автору статьи известно, не проводились в России вовсе.

Таблица 1

Результаты оценки бизнес-сообществом Санкт-Петербурга уровня коррупции и антикоррупционных инициатив городских властей за 2013 г., %

№ п/п	Наименование структуры	Совсем не коррумпированы	Несколько коррумпированы	Весьма коррумпированы	Затрудняюсь ответить	Всего
1	Губернатор Петербурга	35	19	9	37	100
2	Правительство Петербурга	15	35	29	21	100
3	ЗакС Петербурга	18	27	30	25	100
4	Прокуратура Петербурга	7	29	38	26	100
5	Суды Петербурга	6	35	48	11	100
6	Налоговые органы Петербурга	30	16	21	33	100
7	Полиция Петербурга	3	23	55	19	100
8	Таможенные органы Петербурга	17	30	27	26	100
9	Бизнес-компании с госучастием	11	29	47	13	100

Источник сведений: анонимные опросы и анкетирование Регионального делового журнала [4, с. 5].

[1] Общий ущерб от коррупции в России в 2016 году. – http://www.the-village.ru/village/ city/ situation/252183-corruption-russia-2016/

[2] Скоробогатый П. ФАС уполномочен запретить // Эксперт. – М., 2013. – № 43 (873), 28 октября-3 ноября, – С. 26.

[3] Transparency International — неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру. Именно в её индексе восприятия коррупции в различных странах Россия находится на 126-м месте из 159 возможных.

Несколько отличающиеся результаты дают оперативные опросы ВЦИОМ, по которым чаще всего взятки получают налоговые инспекторы (21% опрошенных), судьи и другие работники правоохранительных органов (16,25%), пожарные и строительные инспекторы (13,9%). Масштабнее всего получают взятки чиновники, распределяющие госконтракты (13,40%), таможенники (12,50%) и сотрудники законодательных органов (4,10%)[1].

На сей счёт имеется любопытная статистика о росте размера взятки [13]. Так, усреднённая сумма взятки в РФ на душу населения за период с 1 сентября 2014 года по 31 августа 2015 года составила 613,7 тыс. рублей, или $9440 и выросла за этот период почти в три раза, на чём настаивает председатель Ассоциации адвокатов России за права человека М. Баст. А за прошлый отчётный период эта сумма, по её сведениям, составляла 218,4 тыс. рублей, или $5600, т.е. в долларовом эквиваленте средний размер взятки вырос на 40,7%. Эти данные были представлены в Независимом годовом докладе всероссийской антикоррупционной общественной приёмной «Чистые руки», который был направлен руководству страны, депутатам Госдумы, а также в правоохранительные органы.

Специалисты этой организации при своих расчётах исходили из разделения общего числа обращений на отдельные виды коррупции: предпринимателей, взаимодействие обычных граждан с чиновниками при уголовном, административной и гражданском производстве жалобы на бытовую коррупцию. В расчётах использовалось общее количество обращений, средний размер взятки в отдельных группах согласно информации, полученной из обращений, и их процентное соотношение по видам взяток.

По сведениям указанной Ассоциации, лидирующие позиции по-прежнему занимают жалобы на коррупцию в органах судебной власти – их количество составило более 61%. При этом увеличился средний размер взятки за вынесение решения по уголовным делам – до 3 млн. рублей, по гражданским делам информации об изменении стоимости за вынесенные решения данных нет, по-прежнему сумма остаётся в пределах 650 тыс. рублей.

Второе место по количеству жалоб, как сообщается в Докладе, устойчиво занимают органы внутренних дел – доля обращений составила 39,3%, при росте на 18,5%. Здесь средний размер взяток составил 5 тыс. рублей. Поступали сообщения о взятках за отказ полиции в возбуждении уголовного дела: минимальный размер которых составил 500 тыс. рублей. Значительно, на 16,3% увеличилось число жалоб на прокуратуру, общее их количество составило 33,75%. При этом подавляющее большинство жалоб не имеет обоснованных подозрений на коррупцию, и отказы прокуратуры на заявления и жалобы граждан чаще всего связаны с тем, что предлагаемые к проверке и рассмотрению вопросы не относятся к компетенции прокуратуры.

Заметно реже – на 4,45% – стали поступать жалобы на органы СКР – количество заявлений составило 11,2%. Обращения граждан на коррупцию в органах региональной исполнительной власти и местного самоуправления поступают практически изо всех регионов РФ, общее число жалоб составляет 12,5%, что указывает на рост по сравнению с предыдущим отчётным периодом, когда общее количество жалоб составило – 7,1%. В основном жалобы на региональные власти касаются махинаций и коррупционных схем при распределении бюджетных средств, когда, согласно сообщениям, средства, выделенные из федерального бюджета на региональные нужды, не доходят до конечного адресата, и в ходе распределения бюджетных средств используются различного рода механизмы, направленные на личное обогащение региональных чиновников. Более того, Следственным комитетом ведётся кампания по привлечению рядовых чиновников к ответственности за коррупцию, отмечена тенденция, что уровень коррупции среди чиновников среднего звена видоизменился – они стали более осторожными, количество коррупционных схем сократилось, но появились принципиально свежие.

По данным Независимого доклада, на уровне отечественной коррупции сказался экономический кризис, обострение международных отношений, «усиление забюрократизированности органов власти» в связи с принятием ряда законов, направленных на контроль экономики, ограничение свободы слова и деятельности гражданских организаций. Когда коррупционер в условиях кризиса получил возможность уйти от ответственности перед обществом, а у общества существенно сократились механизмы контроля институтов государства, это создало дополнительные условия для нового витка коррупционной спирали[2].

История проблемы

Корни коррупции уходят в глубокое прошлое человеческих цивилизаций, зафиксированы в анналах истории, и в различных выявленных достоверных источниках уже содержатся соответствующие упоминания, исторические факты и наставления. Первым известным читающей публике бескорыстным борцом с коррупцией, по всей видимости, оказывается шумерский Уруиним-гина (известный также как Урукагина), царь Лагаша, живший и героически сражавшийся с экономическими злоупотреблениями своих чиновников ещё в XXIV в. до н.э.

Коррупцию преследовали, правда, без особых результатов месопотамские, индийские цари, египетские фараоны и китайские императоры, что зафиксировано в религиозной и юридической литературе тех времен. Само же слово коррупция – латинское, родом из Древнего Рима (*corruptio, corrumpere* – лат.). То есть проблема коррупции сама по себе древнейшая и, как подтверждает Конвенция ООН, до сих пор до конца не разрешенная. Современный «Англо-русский словарь общей лексики» даёт целую гамму синонимов, характеризующих отвратительное коррупции со всех

[1] Отчёт ВЦИОМ. – http://www.bkg.ru/library/articles/?ELEMENT-ID=3195

[2] Всероссийская антикоррупционная общественная приёмная «Чистые руки» — проект, созданный в 2008 году в рамках Ассоциации адвокатов России за права человека. Для работы с жалобами на коррупцию была открыта круглосуточная телефонная «горячая линия». Ежедневно специалисты обрабатывают до 50 звонков, поступающих со всех регионов России.

сторон: порча, гниение, распад, разложение, упадок, порочность, развращённость[1]. Но откуда накопилось столько отталкивающих «оттенков черного»?

Так, процесс усиления государственной централизации в период европейского средневековья привёл не только к расширению коррупции вширь и вглубь, но даже способствовал обновлению правового лексикона за счёт такого удивительного и специального термина, как «терпимая норма» коррупции. Настоятельные рекомендации воздерживаться от подкупа судей содержатся в Талмуде, Библии, Коране, в текстах буддийской Трипитаки (изложения Дхармы) и в иных сохранившихся древних религиозных текстах. Откровенное неприятие коррупционных мотивов прослеживается во всех авраамических религиях (иудаизме, христианстве, исламе), а также в других мировых религиях *откровения* (буддизме, индуизме) – в них Бог раскрывает себя людям, сообщая им свою волю и предписывая им определённый тип поведения.

Религия как форма духовной культуры (не только верующих) изучает с помощью теологического инструментария (а с недавних пор и на кафедре теологии в МФТИ) фундаментальные вопросы жизни, бытия в режиме «зри в корень» (удачное выражение из Библии[2]). То есть религия оказывает воздействие практически на все стороны этого бытия и серьёзно затрагивает сферу человеческого сознания. Общество без религии (не путать с национальной идеей) или с искажённой религией (не путать с политической доктриной) дичает, деградирует, что можно, к сожалению, наблюдать на практике повсеместно. И здесь возникает чисто юридико-технический вопрос: позволяет ли действующая Конституция РФ разрабатывать и устанавливать какую-либо идеологию в качестве государственной и/или обязательной?

Что же касается коррумпированного духовенства, представляющего кастовый мир и демонстрирующего сословную солидарность, то эта ситуация порождена, как не покажется странным, также пассивностью верующей части населения, его нежеланием глубоко изучать каноны догматического богословия с помощью просвещённых пастырей, придерживающихся принципов аскезы. Поскольку, досконально зная предмет, можно гораздо эффективнее бороться с коррупцией в среде духовенства, что делал даже Иисус Христос; именно Его проповеди были направлены в основном против духовенства в лице фарисеев, книжников (соферим), лукавых раввинов и компрадоров, а также разбойников-террористов из Иудеи (2 колена Авраамова) и Израиля (10 колен) – зелотов.

Религия традиционно представляет интересный и сложный предмет для изучения. По сути, для многих истинно верующих религия представляется самой большой, важной темой в их жизни, своеобразной институциональной скрепой. А сводить твёрдым атеистам этот предмет к адаптации пары-тройки расхожих штампов, отбрасывая неясности контента религиозного источника, трудности его понимания и не пытаясь в его положениях обстоятельно разобраться, – это, по крайней мере, подход довольно поверхностного человека, исподтишка исповедующего агностицизм[3].

Суть же заключена в том, что если народ не хочет изучать религию, правители церкви и духовенство монополизируют эту сферу, начиная придумывать свои варианты толкования «от имени Бога». В Евангелии от Иоанна, Сын Божий сообщает: «Я есмь Путь, и Истина и Жизнь» (Ин. 14:6). По П.А. Флоренскому, «Истина для еврея, действительно, есть «верное слово», «верность», «надёжное обещание» [12, с. 22–23]. Но разбираясь, что и где написано, благочестиво сверяя с явленными в Священным Писании примерами, можно исправить допущенные злоупотребления в области догматов религии, оздоровив её интерпретационную канву весьма значительно.

Кстати, И.В. Сталин, разогнав окончательно в 1943 г. хорошо прикормленную, достаточно лояльную, проагентуренную и пр. группу «обновленцев»[4], захвативших руководство РПЦ, и сделав ставку на «маргиналов» в среде духовенства, представляющих т.н. Тихоновскую Церковь[5], отобрав у церковного клира привилегии в ходе целевых репрессий, в известной мере тем самым способствовал, в целом, оздоровлению отечественного института главной религии страны. Божий промысл действовал в этом вопросе через Вождя всех народов, его руками. Тем не менее, в лоне РПЦ остались наиболее искренние, служащие ради высокой идеи, а не ради денег, мирской славы и быстро, заслуженно исчезаемого из памяти людской имени.

В целом во времена СССР квалификационный уровень духовенства был весьма высоким, священники были достаточно аскетичны, их образ жизни и качество служения больше соответствовали библейским идеалам, и это было привлекательно для истинно верующих, а также страждущих духовно-нравственного исцеления настоящей верой. Здесь следует правильно понимать, что аскетизм представляет собой совокупность физических, нравственных упражнений, направленных на освобождение духа, т.е. образ жизни, который отвечает требованиям аскезы. А Предстоятель РПЦ, Святейший Патриарх Кирилл (В.М. Гундяев) уточняет: «Нет большей аскезы, чем обуздывать ум, …нет худшей болезни, чем быть жадным…»[6]. Уточнение это тем более уместно, что почти 2 тыс. лет тому назад Спаситель Мира

---

[1] Палажченко П. Англо-русский словарь общей лексики (несистематический словарь). – М.: ABBYY, 2008.

[2] Библия. Ветхий Завет. – http://duhpage.sed.lg.ua/Azy/Bible/Old/vtorozakonie.htm

[3] Агностицизм – термин, введенный в философский оборот Т.Г. Гексли и Г. Спенсером, обозначающий непознаваемость сущности вещей и первопричин сущего.

[4] По поводу «обновленцев» (сторонников «Живой церкви») М.А.Булгаков в 7-й (из 8 сохранившихся) редакции своего романа «Мастер и Маргарита», которой располагает и РПЦ, описал в 18-й главе такой интересный эпизод в поведении буфетчика А.Ф. Скокова после посещения «нехорошей квартиры» № 50 – он идёт в храм за духовной поддержкой и успокоением. Но там «обновленцы» организовали торговлю каким-то барахлом нерелигиозного содержания (как тут не вспомнить сцену из евангельского повествования об изгнания Иисусом Христом, с помощью бича из верёвок, торжища и меновщиков из портика Храма Соломона – (Мф. 21:12–13; Ин. 2:13–16 и др. [11]), а церковные службы прекратились, т.е. буфетчик был «извергнут из лона церкви», и лишь после этого фиаско он отправился к проф. Кузьмину за своим окончательным смертельным диагнозом.

[5] Особое мнение Кураева А. – https://echo.msk.ru/programs/personalno/2109446-echo/# mmread/

[6] http://vita-schola.ru/duhovnye-praktiki/sila-askezy.html/

заблаговременно предупреждал: «Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщением богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода» (Ев. от Марка 4:18-19).

Борьба за выживание для религии вполне естественна, она и должна быть такой, «будете гонимы за имя Моё». Первый же признак внутренне здоровой религии состоит в том, что она практически независима от государственных институтов. Истинная религия – это всегда подвижничество и вольнодумство относительно мирских законов и правил. Никакой царь или президент не выше истины [5]. Но, разумеется, интересы религии и государственной политики густо и тесно переплетались во все времена и всюду.

«В управлении государством мы создадим неразбериху… Мы незаметно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель… Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов и, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу, всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом» (1948) [8, с. 16].

Столь пространная цитата, рисующая страшные картины грядущего апокалипсиса для России, – какому автору, явно с больным воображением, она могла бы принадлежать? Ответ может удивить читателя: автором текста является А.У. Даллес, бывший человеком, безусловно, религиозным, исповедовавшим, кстати, иудаизм и являвшимся одним из руководителей американского масонства.

Автору приведённой цитаты приписывают (и в последние годы всё чаще подтверждается этот факт) составление такого документа, как План Даллеса, или Гарвардский проект, или проект «Анаконда», или «Комитет 300» и т.д. для нашей страны. Именно эти документы, имевшие статус государственных доктрин, содержали детальные планы насаждения в СССР, а затем и в России изощрённых коррупционных схем. План как слепок с «Протоколов собраний Сионских мудрецов», подлинность которых повсеместно отвергается, а сам документ, историками давно считающийся «фальшивкой», оказался на практике достаточно живучим и эффективным по силе своего воздействия.

Религиозные корни противодействия коррупции

Иудаизм. Но как сама иудейская, самая древняя религия относится к проблеме коррупции? Иудейская библия – это Талмуд и Тора, а десять Моисеевых заповедей стали основами других, более молодых и динамично развивающихся мировых религий. Кроме заповедей Христианство и Ислам заимствовали и многие принципы иудаизма из Торы (Пятикнижие Моисея), например, «не причиняй другому боль». В иудаизме гомосексуализм и скотоложество по-прежнему запрещены, даже если они не причиняют никакого вреда остальным, не участвующим в этих процессах людям. Интуитивно, без особого анализа деталей понятно, что такой запрет оправдан во многих отношениях.

Дело в том, что, будучи оторванным от остальных моральных требований, принцип «не причиняй зло» лежит в основе идолопоклонства. Твои отношения с идолом никого не касаются. Главное, чтобы ты не переступал границ чужой личной автономии, тогда всё будет хорошо. Но почему-то рано или поздно все системы идолопоклонства разваливаются, причиняя неописуемые страдания людям. Других примеров история просто не знает [7].

Требовать от законодателей введения законов против чёрствости не имеет смысла. Всегда есть множество способов обидеть человека неподсудно. Да и сама система законодательства не искореняет равнодушие, хамство, наглость и пр., а занята совсем другим делом: законы стоят на охране порядка, т.е. направлены против дурных поступков, а не инициируют добрые поступки граждан. Может быть поэтому наблюдается всеобщее падение нравов. Мораль деградирует даже в витринной цитадели законности – в США.

Американскую юридическую систему год от года пытаются укрепить, а мораль, наоборот, падает. Но поскольку система законности неразрывно связана с моральным климатом страны, то сила законности тоже катится вниз. Ибо не бывает такого, чтобы коррозия морали, этики не затронула тех, кто стоит на охране порядка и нравственных устоев. Судьи, судящие людей за взятки, сами начинают лихорадочно брать взятки. Полиция и иные силовые структуры, борющиеся с преступностью, сами приобретают узнаваемо криминальные черты и окраску.

Таким образом, сознание *личной выгоды* перечёркивает все преимущества возможного составления *общественного договора*[1]. Именно по этой причине во всех без исключения странах растёт уровень серьёзных правонарушений из года в год. Изучая динамику этого процесса, теоретически можно спрогнозировать для некоторых обществ дату, когда все их граждане переедут на более или менее постоянное жительство в тюремные камеры и лагери. Если, конечно, исключить искренне религиозных людей, а также тех, кто принципиально честен изначально и/или *a priori*.

Уровень восприятия евреев, полученный и заданный на священной горе Синай, определяется как уровень *Письменной Торы*, которая действительно предлагалась Всевышним всем народам в виде Заповедных скрижалей (через посредничество братьев — Моисея и Аарона). В Торе, взятой на вооружение по разным причинам только евреями более 3,3 тыс. лет назад, нашли место 613 моральных установок и идей: не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, не ставь камня перед слепым и т.д. Все установки, сторожки представляют собой прямые указания – что надо

[1] В настоящее время основные проблемы, обозначенные во взаимоотношениях между государственной властью и гражданским обществом, анализируются Общественной палатой, которая является уже 13 лет высшим официальным представителем гражданского общества в РФ. Именно на Общественную палату при её создании возлагались надежды на содействие в борьбе с коррупцией и в укреплении межнационального мира посредством подготовки ежегодного доклада об эффективности антикоррупционной работы.

делать и чего делать нельзя ни в коем случае. Прямые указания «делай» нужны для того, чтобы человеку в этом мире было хорошо. Запреты «не делай» нужны для того, чтобы ему не было там же плохо. Но не вся человеческая боль, которая причиняется друг другу, подчинена Закону.

В целом иудаизм относится к христианству как к своему «производному», «дочерней религии», призванной нести народам мира базовые элементы системы воззрений иудаизма. Руководство Московской Патриархии РПЦ старается подчеркивать культурно-религиозную общность с иудеями. Многие элементы христианства напрямую заимствованы из иудаизма:

– так, церковный ритуал (т.е. собирание верующих для молитвы, чтения Писания и проповеди) заимствован из схем синагогального богослужения;

– некоторые христианские молитвы – это, по существу, переработка еврейских оригиналов, например, «Отче наш» (Каддиш);

– молитвенные формулы имеют еврейское происхождение – аминь (Амен), аллилуйя (Галилуйа), осанна (Хоша`на);

– некоторые христианские обряды преобразованы из еврейских, например, таинство крещения (обрезание и микве);

– главную священную книгу иудеев Танах (ТаНаХ – Еврейская Библия, Иудейская библия) христиане считают и своей священной книгой, называют её Ветхим Заветом, а дополнив текст Новым Заветом, составили свою Библию[1];

– Яхве (Ягве) – имя Бога Библии. Но поскольку употреблять имя Бога запрещено, то в иудаизме принято название Хашем, Адонай, Элогим[2] и т.д., а в христианстве Господь, т.е. Господин, Креатор (*Creator* – католическ.), Творец, Иегова и т.д.

Но вернёмся к Заветам. Если иудей на службе у государства/народа делает «ближнему своему» плохо, из корыстных соображений причиняет сознательно ближнему вред, преодолевает и нарушает запреты, то для грешных душ коррупционеров, преступивших Закон, Талмуд заблаговременно и красочно расписывает муки ада непосредственно в геенне огненной (Эруб., 19) [3, с. 531–532]. Особенно устрашающие сцены с детальным описанием непереносимых физических страданий предусмотрены для бесчестных судей и продажных секретарей, которые доподлинно согрешили в присутственных местах. В этом смысле мрачные инсталляции триптиха Х. Босха, точнее его правой створки «Музыкальный Ад», по сравнению с настоящими, леденящими душу адскими муками из Талмуда, иллюстрируют всего лишь комиксы для читателей с возрастной пометкой 12^{+}.

Христианство (православие). Последние 27 лет экономических и политических свобод вновь стали временем испытания для российского народа. Сложившаяся в годы большевистского лихолетья бюрократическая система управления страной в последующие 74 года неуклонно продуцировала заметную коррупционную компоненту, которая в постсоветское время, к концу второго десятилетия XXI в. превратилась в доминирующий механизм государственной машины публичного управления и квазирыночного способа ведения хозяйственных операций. Особенно критическим стало общественное отношение к федеральным, региональным, местным, в том числе и национальным, элитам, которые сегодня сформировали вокруг себя порочные экономические кланы, зачастую связанные с организованной преступностью, одержимые жаждой наживы и демонстративно упивающиеся своей безнаказанностью.

Государственная и муниципальная служба, и даже система местного самоуправления, сегодня в глазах общественности почти всегда выступают маркёром непорядочности, стяжательства, предельно тесной интеграции с теневыми рынками, отмыванием денег, политикой ближнего и дальнего офшора, ускоренным вывозом из страны капиталов и пр. Популярной для всевозможных анализов в СМИ и в исследованиях соответствующих узких специалистов стала своеобразная коррупционная триада: «распил, занос, откат». Проводя естественно напрашивающиеся здесь исторические параллели, любопытно вспомнить о громадном количественном росте бюрократического аппарата в Римской империи в поздних периодах её существования, когда христианство стало выходить из катакомб и приобретать известное влияние.

Этот безудержный рост привёл, в конце концов, к тому, что государственные должности в Риме рассматривались как часть личной собственности, которую можно эксплуатировать. Неслучайно, как исторически параллельное место, в проекте Кодекса этики и служебного поведения работника МВД РФ, одобренного прежним министром этого ведомства Р.Г. Нургалиевым (2004–2012), взятка деликатно именовалась *административно-статусной рентой*. Правда, римский император Октавиан Август пытался противодействовать этому тренду и раздавал избирателям свои личные средства, чтобы они уже ничего не требовали от кандидатов на государственные должности, но безрезультатно. Разрушительное влияние коррупции было одной из главных причин распада Древнего Рима.

Лишённая внутренней христианской правды подобная внутренняя государственная политика, как правило, ведёт к духовному, а затем и к общественному оскудению и омертвению социума. Как писал великий русский святитель Тихон Задонский (1724–1783), «…где нет жизни духовной, там смерть духовная, так же как, где нет жизни телесной, там телесная смерть. За смертью духовной следует смерть вечная, если душа не воскреснет истинным покаянием»[3].

Первым известным фактом коррупции было деяние христианского апостола Иуды Искариота, который предал (или просто продался, или совершил действо коррупционного характера) за 30 сребреников своего учителя Иисуса

[1] Танах. – http://www.moshiach.ru/sait/projets/5074.html/

[2] Библейские имена собственные переданы в массоретском чтении Священного Писания по сефардскому произношению [3, с. 274]. Иудаизм признаёт Священным Писанием 39 книг Ветхого Завета.

[3] Коледич Е.Н. «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихона Задонского. Особенности поэтики. LAP Lambert Academic Publishing, 2014.

Христа (Евангелие от Матфея (27:4)). Хотя история этого вопроса сегодня далеко не очевидна, а полученные «кровавые» деньги были весьма невелики. На них в Новозаветные времена можно было приобрести лишь небольшой участок земли сомнительного качества (около одного гектара) в гористой местности близ древнего Иерусалима.

Автор настоящей статьи сделал уточняющие валютные расчёты по курсовым соотношениям за разные периоды времён и эпох, аргументирующие высказанные соображения: 30 серебренников (исходная база) = 120 серебряных римских денариев = 30 тетрадрахм = 120 драхм (в пересчёте на момент обмена валют – тирский статер ≈ иерусалимский сикль (Иудея – Южное Царство) ≈ шекель Израиля (Северное Царство) = 400 сестерциев = 4,8 золотых ауреуса = 1200 ассам = $5000 [11]. Кстати, налоговая система древнего Израиля была самая продуманная, изощрённая и на порядок лучше организованная, нежели в самой римской метрополии. А сиклями осуществлялись в столице все налоговые платежи; именно эта валюта была целью большинства обменных валютных операций возле храмового портика, что, кстати, жёстко регулировалось и контролировалось Синедрионом.

Отметим, что надлежащая физическая форма нужна была первым христианским клерикалам (так сказать, волонтёрам первого созыва) при ловле «человеков». Так, почти все апостолы у Иисуса Христа были вполне спортивными людьми, перемещаясь по 50 км в день в поисках новой паствы и пропитания. Особо выделялся Иуда Си́монович Искариот – личность, безусловно, спорная, но он был любимым учеником Спасителя, Его доверенным лицом и добросовестным сотрудником, являлся надёжным казначеем апостолов первого созыва, носил тяжеленный ящик с денежной наличностью, осуществлял закупки всего необходимого для апостольского служения.

До работы с Иисусом (апостольского служения) замечен был как кинжальщик-зелот, видный участник освободительной борьбы против римского владычества в Иудее[1]. Был физически самым сильным из апостолов. Так, в бросании самых тяжелых камней на расстояние, по информации писателя Л.Н. Андреева, победил известного силача, самого могучего из учеников – апостола Петра (по-гречески – *камень*).

Конец Иуды был ужасен: предал ли он Христа из-за разочарования в его учении или так называемое предательство было инициировано самим Спасителем, – пусть об этом спорят клерикальные исследователи типа Этьена Кассе или светские писатели, создающие свои произведения в духе литературного эссе того же Л.Н. Андреева [1]. Во всяком случае, обнаруженные свитки пятого апокрифического Евангелия «От Иуды» [6] и Кумранские рукописи, которые могли бы пролить свет на эту запутанную историю, какого-либо доверия профессиональным историкам-исследователям и востоковедам не внушают.

Но вот, пусть читатель с воображением представит себе хлипкое дерево (по разным источникам – это береза, осина, ольха и даже рябина) у края пропасти, ветвь, на которую накидывается верёвочная петля, простирается уже непосредственно над пропастью. И никаких тебе табуретов для удобств, как не к месту будет сравнение с ванной Б.А. Березовского, или, со скорбной кончиной Роббина Уильямса, или с бывшим министром печати и экс-главой «Газпроммедиа» М.Ю. Лисиным (по некоторым сведениям, настоящим коррупционером)[2]. Вот как без уникальной физической подготовки, даже будучи достаточно сильным мужчиной, можно совершить суицид в таких неподобающих условиях ритуала? Вообразить это сложно; для такого действа нужны расторопные ассистенты.

Другой эпизод из иных апокрифических изданий также описывает деяния собственно коррупционного толка. Например, Симон, увидев, что «при возложении рук Апостольских передается Дух Святой», принёс апостолам деньги, т.е., по существу, взятку с просьбой: «…дайте и мне власть сию», на что апостол Петр ответил ему: «Серебро твоё погибель тебе принесёт, поскольку ты помыслил получить дар Божий за деньги». Так свидетельствует об этом Книга деяний святых Апостолов (Деян. 8:18) [5].

Затем в течение тысячелетия европейского, уже христианского средневековья понятие «коррупция» приобретает исключительно церковное, каноническое значение как искушение, обольщение, дьявольский соблазн. Коррупция в трактовке и коннотации католического богословия оказывается проявлением безусловной греховности, поскольку, по апостолу Иоанну, «…грех и есть беззаконие».

Ислам. Вторая по значимости мировая религия также строго запрещает давать и получать взятки; суры и аяты канонической версии Корана – священной книги мусульман – недвусмысленно, в мусульманской традиции трактуют эти положения. Коран представляет собой свод высказываний, сделанных от имени Аллаха пророком Мухáммедом (Магомет, или Магомед, или Мохáммед, или Мухáмад) и, согласно исламской догматике, эта книга является божественным руководством для человечества, последним Священным Писанием, ниспосланным самим Аллахом[3]. Тексты Корана увещевают читателя вести жизнь чистую и благочестивую.

Мусульмане принимают эту милость, придерживаются божественного руководства, следуют Его предписаниям, подчиняются Его велениям, избегают Его запретов и не преступают Его ограничений. Следование кораническим путём, по мнению приверженцев ислама, служит залогом счастья и преуспевания, тогда как, наоборот, отдаление от него порождает причины многочисленных невзгод и несчастий (Сура 4.6:155 аят). Божественное руководство воспи-

[1] Зелоты в Римской Иудее были закрытым обществом террористов, а для осуществления подрывной деятельности на этой имперской окраине нужны были, как и наше время, денежные средства. Зелоты зарабатывали на свой террор, «крышуя» продажи жертвенных животных во время праздника Пасхи в Иерусалимском храме [Особое мнение Кураева А.]. Бичуя же торговцев в Божием Храме, Спаситель мира изгонял именно разбойников, которые превратили Дом Бога в вертеп, а не вообще лиц (индивидуальных предпринимателей), продававших сопутствующие храмовым ритуалам товары, работы и услуги.

[2] Доклад полиции раскрывает обстоятельства смерти Михаила Лесина // Инопресса. – https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2105468-echo/

[3] Коран. – http://koran.su/ 2:188/

тывает мусульман в духе праведности, богобоязненности, благонравия, искренности, высокой нравственности и честности.

Пророк Магомет пользуется рассказом из Ветхого Завета об уничтожении городов Содома и Гоморры для того, чтобы предостеречь врагов своих от греховности, распущенности, мздоимства и лихоимства и при этом уточняет: «…Ислам – не что иное, как возобновление "религии Аврамовой", веры этого истинного "друга Божия"» (Сура 4, 124 аят). Пророк высказывал в своих первых речах расположение к исповедующим иудаизм, из которого он заимствовал существенные элементы для своего собственного учения.

И хотя текст Корана является, по мнению филологов, обрывистым, его канонический контент не содержит каких-либо ощутимых противоречий. Так, пророк Мухáммед говорил: «Проклятие от Всевышнего падёт на того, кто даёт взятку, и на того, кто берёт её» (Ибн Маджа). В другой версии данного хадиса сказано, что проклятие падёт и на посредника между ними (Ахмад ибн Ханбал). О запрете коррупции в Коране сказано следующее: «Не присваивайте незаконно имущество друг друга и не подкупайте этим {имуществом} судей, чтобы намеренно присвоить часть собственности {других} людей грешным путём» (Сура 2 «аль-Бакара», 188 аят).

Политический журналист В.Р. Соловьев приводит в своей книге [9] любопытный пример специализации судей в российских арбитражных судах по конкретным пространственно-территориальным игрокам (ЮКОС, «Лукойл», «Башнефть» и пр.) с привязкой исхода судебного разбирательства к курируемым олигархами товарным рынкам: «И конечно, процент побед у этих коммерческих структур был удивительно высок». В контексте же термина *зухд* (этическое понятие Ислама, концептуально близкое философии аскетизма, предполагающее полный отказ от земных наслаждений и удовольствий) правоверному мусульманину-аскету настоятельно рекомендована крайняя осмотрительность в различении дозволенного и запрещённого религиозным законом.

Однако с отдельными положениями ислама верующим нужно скрупулезно разбираться, а не просто слепо верить сложившейся коннотации некоторых догматов. Здесь важно определиться, что правильнее и где расставлять акценты: строго ритуальное исполнение религиозных обрядов или вдумчивое изучение законов Священных писаний?

Выводы

1. В заключение следует заметить, что основные мировые религии без исключения, а также одна из самых интересных афро-карибских религий ограниченного хождения – *вуду*, которая является эклектическим сочетанием вероучений других религий[1], из всех видов коррупции единодушно осуждают, в первую очередь, представителей судебной ветви государственной власти, т.е. коррумпированность непосредственно судейского корпуса – служителей закона, а далее, по ранжиру, представителей бюрократического аппарата разных сфер управления всех уровней и территорий.

2. Автор статьи разделяет мнение специалистов, которые утверждают, что в принципе коррупция невозможна при отсутствии т.н. *дискреционной власти*, т.е. предоставления конкретному государственному органу или определённому чиновнику исключительного права действовать (бездействовать) по своему внутреннему убеждению, пониманию и усмотрению, но якобы в рамках закона, который он истолковывает, разумеется, по-своему. Таким образом, и в данном случае речь может идти не о бытовой коррупции, а о качестве чиновничьего аппарата и сопряжённой с существованием последнего упомянутой выше коррупционной «триады», т.е. попросту существования многоликого института взяток. И не является фигурой речи расхожая теза – не берущий взятки чиновник вызывает известное подозрение.

Уже почти официально рассчитывается в РФ ежегодный средний размер взятки и её динамика. Естественно, обложение узаконенных взяток налогом, как это предлагал в своё время харизматичный лидер ЛДПР, не улучшит ситуацию и никак не снизит коррупционные риски. Или обсуждаемые идеи стимуляция через систему однократных вознаграждений подачи заявлений о фактах коррупции/конфликтах интересов по примеру Древнего Рима как эпохи политеизма (с пантеоном узко специализированных богов), так и уже христианского периода, представляются весьма опасными именно для нашего общества. А вот провести надлежащий анализ (в духе деятельностной компаративистики [11]) сравнительной эффективности метода «кнута *vs* пряника» в борьбе с коррупциогенностью российскому Законодателю ещё только предстоит.

3. В связи с изложенным выше можно утверждать, что уничтожить коррупцию как феномен невозможно до тех пор, пока сохраняется возможность принятия субъективных решений публичными или должностными, даже глубоко религиозными, более того, воцерковлёнными, лицами в обход светского закона и/или Божьего Закона. Но разрозненные, нашумевшие и, несомненно, знаковые события коррупционного характера в уходящем (2107) году, в которых бесполезно искать конспирологические приметы, тем не менее, объединяются волей старой стервы «леди-истории» (не путать с исторической наукой и той самой пресловутой англичанкой), которая соблюдает свои, ей одной ведомые законы.

Россия же пока следует в фарватере собственного законодательства о борьбе с коррупцией, не торопится по разным причинам имплементировать и присоединяться к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответ-

[1] Параллели между конфессиями Вуду и Христианством настолько сильны, что не существует никакой вражды между этими двумя религиями, и во многих областях они мирно сосуществуют. Сегодня священники обеих религий работают рука об руку, чтобы помочь принести мир и процветание в Африку, на родину вуду. Более того, понтифик католической церкви Папа Римский Иоанн Павел II говорил о почете, с которым он относился к практикующим вуду жрецам, признавая «основополагающую добродетель», присущую учению и верованию вуду. Папа даже присутствовал на священной церемонии вуду в 1993 г., помогая скреплению добрейшего сосуществования этих двух, казалось бы, противоположных религий.

ственности за коррупцию[1]. Так, временнóй лаг с момента подписания этой Конвенции 27.01.1999 до момента её ратификации в 2006 г. оказался непривычно значительным. А в отдельных случаях Законодатель даже понижает добротность нормативного акта, как это случилось, по оценочному суждению автора статьи, идя навстречу интересам избранных аффилированных структур и дополняя спорными поправками ст. 65 ФЗ-№ 44 «Порядок предоставления документации об электронном аукционе, разъяснений её положений и внесение в неё изменений»[2].

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Иуда Искариот и другие. – СПб.: Вита Нова, 2009.
2. Бызов Л.Г., Семенова Т.А. Голоса прошлого: в 2 т. Т. 2 / Сост. Бызов Л.Г., Семенова Т.А. – М.: Новый хронограф. 2017.
3. Еврейская энциклопедия: в 16 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во Брокгаузъ-Ефронъ; М.: Издательский Центр «Терра», 1991.
4. Макурова Т. [и др.]. Петербургский бизнес просит контроля // Региональный деловой журнал «Эксперт Северо-Запад». – СПб., 2013. – Ноябрь. – С. 4–13.
5. Мещеряков Д.В. Возникновение и развитие коррупции // Гуманитарные научные исследования. 2016. – № 10. – http://human.snauka.ru/ 2016/10/16705
6. Панас Г. Евангелие от Иуды: апокриф: роман. – М.: Радуга, 1987.
7. Свирский Е. Свобода и выбор: методическое пособие. Ч. 1. – Иерусалим: Изд-во Университета Духовного наследия, 1997.
8. Себов Г.Ф. Финал катастрофы. – М.: Витязь, 2000.
9. Соловьев В.Р. Империя коррупции. Территория русской национальной игры. – М.: Эксмо, 2012.
10. Соложенцев Е.Д. Топ-экономика. Управление экономической безопасностью. – СПб.: Троицкий мост, 2016. Гл. 2. – С. 125–139.
11. Цацулин А.Н. Экономический анализ. – СПб.: Питер, 2014. – 704 с.
12. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Т. 1. – М., 1990. – С. 22–23.
13. Средний размер взятки вырос в России за год почти в три раза / Интерфакс. 03.09.2015; ©РИА «Новости». – https://ria.ru/lenta/organization_Interfaks/
14. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174). – http://docs.cntd.ru/document/901858911/
15. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/573e8d1b7bfb3e86383b42db 5a387aa3644cb676/
16. Евангелие от Марка. Вторая книга Нового Завета. – http://www.patriarchia. ru/bible/mk/ 4:18-19

[1] Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174). – http://docs.cntd.ru/document/901858911/

[2] . Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/573e8d 1b7bfb3e86383b42db5a387aa3644cb676/

Чепель С.В.
д.э.н., с.н.с., гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете министров республики Узбекистан, Ташкент

УЧЕТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРИМЕР УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова*: экономическая интеграция, внешние шоки, VAR модели, мировая конъюнктура, макроэкономическая динамика, внешнеэкономическая политика.*

Узбекистан, как малая открытая экономика, тесно интегрирован в глобальную экономику через сложный комплекс продуктовых, торговых и финансовых каналов, испытывая на себе влияния как позитивных так и негативных шоков со стороны мировой экономики. Для республики наиболее актуальными являются вопросы оценки степени уязвимости национальной экономики к шокам в ценовой динамике сырьевых и энергетических ресурсов (хлопок, золото, энергоносители и т.д. – ведущие позиции национального экспорта) на мировых товарных рынках. Не менее важной является оценка влияния на национальную экономику и роста или спада производства у основных торговых партнеров Узбекистана, и прежде всего влияния экономики России.

Для изучения этих вопросов был использован эконометрический подход, ориентированный на построение системы эконометрических уравнений в форме модели векторной авторегрессии (VAR модель), которая во многом преодолевает ограничения, свойственные традиционным структурным эконометрическим моделям. VAR модели находят все более широкое применение для решения конкретных прогнозно-аналитических задач в различных странах мира[1].

Исходя из существующих информационных возможностей при построении модели было использовано 11 макроэкономических индикаторов, отражающих уровень экономической и инвестиционной активности (ВВП, промышленность, сельское хозяйство, инвестиции, экспорт и импорт), потребления (розничный товарооборот, расходы государства), доходов (населения и государства), курсовой политики (включая и курс сума на параллельном рынке), внешнеэкономические факторы (мировые цены на сырьевые ресурсы и ВВП России).

Все переменные выражены в форме темпов роста, рассчитанные в процентах изменения значения текущего квартала по отношению к соответствующему кварталу предыдущего года. Это во многом решает проблему устранения влияния сезонного фактора. В дополнение к этому, полученные ряды были пропущены через соответствующие фильтры для полного устранения фактора сезонности.

Динамика этих индикаторов в указанной выше форме представлена на рис. 1 и рис. 2. Ее анализ показывает, что практически для всех индикаторов, характерно отсутствие трендовой составляющей, что является косвенным свидетельством их стационарности. Исключение составляет лишь динамика курсового разрыва, величина которого в последние два года имела тенденцию к росту.

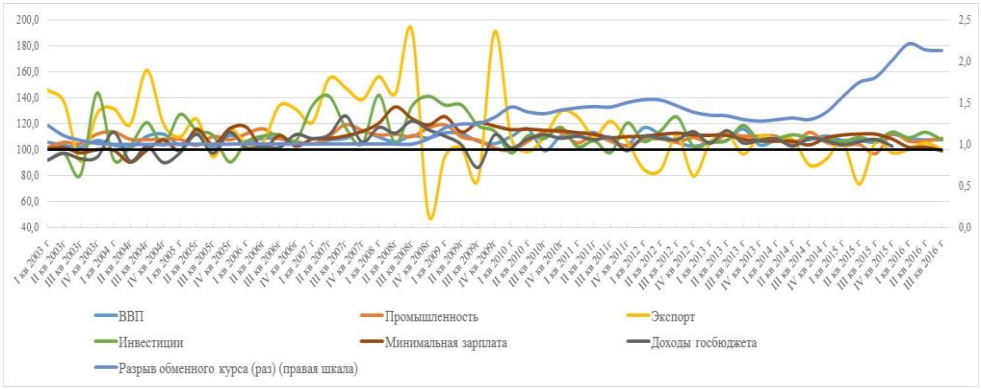


Рисунок 1.
Квартальная динамика национальных макроэкономических индикаторов (в % текущ. кв. к соотв. кв. предыдущего года). Источник: расчеты автора на основе данных государственной статистики

[1] См., например, Stock J., Watson M. Implications of Dynamic Factor Models for VAR Analysis // NBER Working Papers. 2005. – P. 67. – https://www.princeton.edu/~mwatson/papers/favar.pdf; Шевелев А. А. Байесовский подход к оценке воздействия внешних шоков на макроэкономические показатели России // Мир экономики и управления. 2017. – № 1

Среди национальных макроиндикаторов *наибольшая волатильность* была свойственна динамике *экспорта и инвестиций*, особенно в первой половине отчетного периода. В отдельные моменты периода глобального финансового кризиса 2008–2009 годов динамика экспорта отклонялась от своего равновесного состояния на 60 п.п. и более, что свидетельствует о высокой степени зависимости национальной экономики от внешнеэкономического фактора и актуальности задачи количественной оценки этих взаимосвязей.

Среди внешнеэкономических показателей (рис. 2) наибольшая волатильность была свойственна мировым ценам на хлопок-волокно. В отдельные моменты посткризисного периода (2011–2012 гг.) мировые цены на хлопок взлетали более чем в 2 раза, после чего так же резко падали, создавая серьезные сложности при реализации этого товара, а также для сельского хозяйства республики и для бюджетных поступлений.

Рисунок 2.
Квартальная динамика внешнеэкономических индикаторов (в % текущ. кв. к соотв. кв. предыдущего года). Источник: расчеты ИПМИ на основе данных ГКС

Предварительный вывод о стационарности исходных квартальных рядов подтверждается и результатами использования теста на стационарность (ADF тест, см. табл.1). Это позволяет использовать эти ряды непосредственно в модели, не прибегая к процедуре коинтеграции. Исключение составляет переменная курсового разрыва[1], которая была включена в модель в форме первой разности.

Таблица 1

Результаты тестирования исходных квартальных рядов на стационарность по наличию единичного корня (ADF тест)

Переменная	*t-статистика*	*Критическое значение (0,05% уровень)*
ВВП	–8,33	–2,9
Промышленность	–6,73	–2,9
Инвестиции	–8,0	–2,9
Мин. зарплата	–3,4	–2,9
Доходы бюджета	–3,0	–2,9
Экспорт	–6,9	–2,9
Разрыв обменного курса	–4,16	–2,9
ВВП России	–3,6	–2,9
Цены на газ	–5,3	–2,9
Цены на хлопок	–5,2	–2,9
Цены на золото	–3,0	–2,9

Источник**:** расчеты автора с использованием системы Eviews.

В процессе эконометрического анализа отрабатывались различные конфигурации моделей: традиционная (все переменные эндогенные), с выделением экзогенных переменных (внешнеэкономические показатели), узким (с исключением ряда взаимно коррелирующих индикаторов внутреннего развития) и широким кругом переменных. Наилучшие результаты были получены при использовании узкого круга индикаторов (показатели табл. 2 за исключением ВВП).

Тестирование различных модификаций модели позволило установить, что оптимальный лаг запаздывания составил 4 квартала. Именно для такой конфигурации модели достигаются максимальные значения информационных критериев (Akaike AIC, Schwarz SC), а в функциях отклика – появляются периоды со статистической значимостью реакции экономики на внешние шоки.

Кроме того, использование опции ARRoots Table/Graph (Таблица/график AR-корней), проверяющей остатки регрессии показало, что использованная конфигурация VAR модели в целом стационарна, т.к. все обратные корни (37

[1] В результате либерализации валютного рынка в конце 2017 г. курсовой разрыв был ликвидирован, а валютный курс сума унифицирован.

корней) по модулю меньше единицы и находятся внутри единичного круга. Полученные при этом наиболее устойчивые результаты влияния внешних шоков на ключевые макроэкономические индикаторы сведены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика реакции экономики Узбекистана на различные источники внешней нестабильности

Характеристика функции отклика по ключевым макроэкономическим индикаторам	Источники внешней нестабильности			
	ВВП России	Мировые цены на:		
		золото	газ	хлопок
1. Промышленный выпуск				
– период статистической значимости	с 3-го по 8-й квартал	–	–	–
– направленность взаимосвязи	прямая	прямая	прямая	прямая
– оценка уязвимости (в п.п на 1 п.п шока)	1,2–1,4	0,12–0,24	0,034	0,054–0,11
2. Экспорт				
– период статистической значимости	с 1-го по 3-й квартал	1-й и 4-й кварталы	–	с 1-го по 7-й квартал
– направленность взаимосвязи	прямая	прямая	прямая	прямая
– оценка уязвимости (в п.п на 1 п.п шока)	4,17–6,25	1,19–1,49	(–0,85)–(–0,51)	0,54–0,68
3. Инвестиции				
– период статистической значимости	–	–	–	с 7-го по 8-й квартал
– направленность взаимосвязи	прямая	прямая	прямая	прямая
– оценка уязвимости (в п.п на 1 п.п шока)	3,13–4,17	0,18–0,6	0,03–0,51	0,14–0,35
4. Доходы бюджета				
– период статистической значимости	с 2-го по 4-й	1-й квартал	1-й квартал	–
– направленность взаимосвязи	прямая	прямая	прямая	прямая
– оценка уязвимости (в п.п на 1 п.п шока	0,42–1,67	0,06–0,24	(–0,34)–(–0,17)	0,14–0,19
5. Разрыв в индексах обменного курса				
– период статистической значимости	с 1-го по 8-й квартал	1-й квартал	1-й квартал	–
– направленность взаимосвязи	обратная	обратная	обратная	обратная
– оценка уязвимости (в п.п на 1 п.п шока)	–0,21–(–0,1)	(–0,01)–(–0,006)	(–0,02)–0	(–0,003)–0

Источник: обобщение автором результатов построения функций откликов в рамках построенной VAR модели.

Используя графики функций отклика, в ней отражены периоды со статистически значимым отклонением траектории анализируемых индикаторов от их равновесного уровня (например, повышение в динамике промышленного производства с 3-го по 8-й квартал при разовом увеличении ВВП России на 1 п.п. в первом квартале прогнозного периода, строка 1 табл. 2), а также максимальная величина этого отклонения в процентных пунктах (3-я строка таблицы, например, 1,2–1,4 п.п. в отклике по индикатору промышленного производства).

Анализ данных этой таблицы позволил сделать *следующие выводы:*

1. *Экономика Узбекистана тесно взаимосвязана с экономикой России.* Увеличение (или уменьшение) динамики ВВП России на одно стандартное отклонение (4,8 п.п.) по отношению к ее средней оценке за отчетный период (105,0%, медианная оценка) повышает (или уменьшает) динамику *национального экспорта* на 20 п.п. с запаздыванием в 2–3 квартала. В пересчете на 1 п.п. эффект от изменения ВВП России для экспорта оценивается, примерно, в 4–6 п.п. При этом реакция национальной экономики на этот канал внешнего шока становится статистически значимой, начиная со 1-го квартала с момента воздействия этого шока и до 4-го квартала. Помимо экспорта, высокую чувствительность к росту и спаду в экономике России проявила *промышленность*. Однако статистически значимый эффект достигается позже (спустя уже полтора года) 1,2–1,4 п.п. в пересчете на 1 п.п. ВВП России, т.е. эластичность промышленного производства в Узбекистане по ВВП России заметно ниже, чем аналогичная эластичность для экспорта.

2. Оперативно, начиная со второго квартала, реагируют на рост ВВП России и *доходы бюджета* республики. При этом в своем пиковом значении (с лагом в 3–4 квартала) они достигают 1,8–2 п.п. на один п.п. изменения ВВП России. Этот результат свидетельствует о *высокой степени зависимости бюджетной системы республики от экономической динамики ведущего торгового партнера Узбекистана*.

Рост экономики России благотворно сказывается и на сбалансированном валютном рынке республики, т.к. прогнозируемое сокращение *разрыва между официальным и неофициальным курсами сума* составляет 1,5 раза при росте ВВП России на одно стандартное отклонение с запаздыванием в полтора года.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди других внешнеэкономических факторов (в т.ч. волатильности мировых цен) только динамика ВВП России оказывает статистически значимое влияние на курсовой разрыв, что позволяет рассматривать этот внешнеэкономический фактор как важнейший среди других источников и факторов внешней неустойчивости.

3. *Наибольшая уязвимость национальной экономики к волатильности цен на сырьевые ресурсы обнаружена для мировых цен по золоту*. Их изменение на одно стандартное отклонение (17 п.п. при средней медианной оценке в отчетном периоде в 111,0%) через 4 квартала приводит к изменению *экспорта* на 20 п.п. Позитивно рост мировых цен на золото влияет на инвестиции (с запаздыванием в один год), промышленное производство и доходы бюджета (с запаздыванием в два года), но для большинства точек отчетного периода эта реакция не является статистически значимой. Таким образом, *диверсификация национального экспорта, снижение в нем доли цветных металлов является главным условием повышением устойчивости динамики экспорта и экономики в целом.*

Более высокая статистическая значимость реакции экономики Узбекистана свойственна при рассмотрении канала внешних шоков со стороны нестабильности мировых хлопковых цен. Однако высокая степень волатильности

этого фактора (36,8% стандартное отклонение при средней медианной оценке в 103,6%) означает и меньшие оценки эластичностей динамики макроэкономических индикаторов по этому фактору. Так, имея статистически значимое воздействие на экспорт на протяжении двух лет с момента возникновения этого импульса, повышение экспорта при росте этого фактора на одно стандартное отклонение составило около 20 п.п. (с лагом в полтора года), т.е. оценка эластичности в этом случае не превышает 0,54–0,56 п.п. против 1,2 п.п. для золота.

4. *Рост мировых цен на газ*, в отличие от роста цен на хлопок и золото, оказывал на национальную экономику по большей части *негативное воздействие*. Это касается, прежде всего, *экспорта, инвестиций, бюджетных*. Возможные причины этого состоят в том, что мировая цена на газ формируется исходя из мировой цены на нефть (с запаздыванием в полгода). Рост нефтяных цен приводит к росту транспортных издержек, повышает себестоимость выпускаемой промышленной продукции и услуг, т.к. большая часть нефти, поступающая на переработку в республике, имеет импортное происхождение. Соответственно и большая часть газа, в отличие от цветных металлов и хлопка, используется для удовлетворения внутренних потребностей промышленности и населения и рост цен на него, как результат роста мировых цен на нефть, увеличивает себестоимость вырабатываемой электроэнергии, металлов, цемента и т.д. При этом необходимо учитывать, что для населения и отдельных отраслей промышленности, внутренние цены на газ субсидируется государством, что ограничивает доходы газодобывающих компаний при улучшении мировой конъюнктуры на энергоносители.

Кроме того, по газу, особенно трубопроводному, как правило, заключаются долгосрочные контракты, и рост мировых цен на этот вид энергоносителей далеко не всегда приводит к быстрому увеличению экспортной выручки, что и предопределяет такую негативную реакцию национальной экономики. Следовательно, *целесообразно ограничивать долю природного газа в структуре товарного национального экспорта, повышая его объемы, направляемые на глубокую переработку* (новые химические материалы, синтетическое топливо и т.д.).

Щербаков А.П.
к.э.н., доцент, Финансовый университет
alscherbakov07@mail.ru

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *российская экономика, конкурентоспособность, предпринимательство, эффективность, регулирование, протекционизм, национальная система экономики.*

Современная мировая экономическая система характеризуется углублением интеграции, расширением межгосударственных связей. Успешность интеграции России в систему общемирового экономического обмена напрямую зависит от формирования приоритетов в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности российской экономики. Конкурентоспособность обусловливает ключевые составляющие эффективного экономического развития в целом. При рассмотрении понятия конкурентоспособности современная экономическая наука выделяет три основных методологических подхода – поведенческий, функциональный и структурный.

Согласно поведенческому подходу конкуренция представляет собой борьбу за ограниченные ресурсы, и это, в свою очередь, обусловливает эффективное использование данных ресурсов. Структурный подход классифицирует типы рынков и определяет специфические условия их функционирования. Функциональный подход определяет содержание конкуренции с точки зрения ее ведущей роли в экономическом и социальном развитии.

Современный этап развития экономики подтвердил ведущую роль конкуренции в развитии производительных сил и ее ключевую роль в экономиках отдельных стран, а также в мировой экономике в целом. Современным критерием эффективности экономического развития является конкурентоспособность. М. Портер под конкурентоспособностью понимает способность постоянно развиваться, первоначально добиваясь конкурентного преимущества, затем сохраняя это преимущество путем совершенствования конкретного продукта, способов производства и других факторов, так чтобы конкуренты не смогли догнать и перегнать. Обновление и совершенствование – это то, из чего складываются конкурентные преимущества. Конкурентные преимущества в теории М. Портера обусловлены следующими факторами: 1) возможностью фирмы производить и продавать товар с более низкими общими издержками 2) возможностью предоставить на рынок продукт с большим количеством потребительских свойств. Всемирный экономический форум определяет конкурентоспособность как набор институтов, политических мер и факторов, обусловливающих уровень производительности страны. Уровень производительности, в свою очередь, определяет устойчивый уровень благосостояния, которого может достичь экономика.

Политика, направленная на формирование конкурентных преимуществ, тесно связана с политикой протекционизма. Противостояние между протекционизмом и свободной торговлей берет начало во времена перехода от принципов меркантилизма, с его войной всех против всех, к принципам классической политэкономии, пытавшейся гармонизировать отношения между странами. Классическая теория опиралась на восходящий к Д. Рикардо и Дж.С. Миллю принцип сравнительных преимуществ. В дальнейшем первоначальная классическая теория была дополнена и усовершенствована шведскими учеными Э. Хекшером и Б. Олином. Классическая и неоклассическая теория сравнительных преимуществ является мощным теоретическим обоснованием преимуществ, связанных со свободой международной торговли, и безусловно являлась шагом вперед в развитии принципов международных экономических взаимоотношений. Тем не менее, некоторые современные ученые (У. Истерли, Э. Райнерт) подвергают критике ряд положений мейнстрима экономической науки, обращая внимание на альтернативные теоретические концепции.

Одна из таких концепций представлена в работе основоположника «геополитической экономии» Ф. Листа «Национальная система политической экономии». Именно Лист впервые предложил использовать в основе метода политэкономии историзм. Созданная им программа экономического возрождения Германии была успешно претворена в жизнь князем Бисмарком. Политэкономия, по его мнению, основана на философии, политике и истории. И именно история дает ответы на потребности будущего, показывает соотношение философии и политики. Политика стремится к развитию национальной системы экономики, которая сохраняет равновесие между различными отраслями. В контексте XIX века это было сотрудничество между сельским хозяйством и промышленным производством. Со времен Листа изменились соотношения и система взаимодействия между ведущими отраслями. Изменилась роль нематериальных сил, определяющих глубину влияния факторов экономического роста. Однако необходимость применения системного подхода остается актуальной.

Лист определял достижение всеобщей свободы (в том числе свободы торговли) через «установление у всех народов равномерной культуры и могущества», а не наоборот через свободную торговлю к могуществу. Однако вопреки распространённому мнению, теория Листа была в большей степени о взаимодействии между различными секторами экономики, и в меньшей степени о протекционизме. Следуя логике Листа, в России приоритеты развития аг-

рарного сектора экономики следует рассматривать в контексте ее географических и климатических особенностей, культурно-исторических традиций.

Теория Листа содержала важные положения для внедрения национальных принципов экономической системы. Горячим поклонником системы национальной экономики являлся министр финансов Российской империи С.Ю. Витте. В своей работе «Национальная экономия и Фридрих Лист» он отмечает истинный патриотизм, глубину и высокую практическую значимость этой теории. В качестве основной заслуги он отмечает опровержение тезиса классиков, о том, что логические построения, верные для всего человечества в целом, также верны и для отдельных наций. «История представляет примеры гибели целых наций потому, что они не умели в благоприятное время решить великую задачу обеспечения своей моральной, экономической и политической независимости».

Одним из главных средств развития производительных сил страны является национальное единство, которое сохраняет интеллектуальные, социальные и материальные богатства нации от иностранного грабежа. Теория игнорировала аргументы Листа, что дало мощный импульс использования протекционистских мер в Европе и США. Отрицательный эффект протекционистских мер в полной мере смогли почувствовать во время Великой депрессии. По закону Смута-Хоули в 1930 году были повышены таможенные пошлины на импортные товары. Это привело к повышению цен, и снижению потребительского спроса. От протекционизма фактически отказалось большинство стран, за исключением некоторых стран, восстанавливающих свою экономику после войны, например, Японии.

Это означало пересмотр положений макроэкономической теории сравнительных преимуществ на основе принципов свободной торговли. Ярким свидетельством этого поворота явились теоретические основы, заложенные в программных положениях ГАТТ а в последующем и ВТО. Таким образом, национальная специфика и особенности отраслевой структуры не являлись более приоритетом при разработке стратегии развития национальной производственной системы. Современные подходы трактуют производственную систему как некую иерархию связей, определяющих комбинацию различных отраслей промышленности. Формирование оптимальной и эффективной структуры экономики подразумевает не просто контуры определенной макроэкономической политики, или отдельных протекционистских мер, но и стратегически подчиненного, планомерного развития отраслей. Пример формирования и успешного следования принципам национальной системы экономики, демонстрировали США во второй половине XX века. Эта политика привела к структурной сбалансированности и высокой конкурентоспособности. Основными мерами являлись:

1. Поддержка исследований и разработок, инициированных Министерством обороны.

2. Финансирование малых и средних предприятий, а также высоко рисковых проектов путем поддержки венчурного бизнеса.

3. Контроль над промышленностью с помощью стандартов в области бухгалтерского учета, производственной технологии, интеллектуальной собственности.

4. Совершенствование системы высшего образования и организация притока высококвалифицированных и талантливых специалистов со всего мира.

5. Специфика судебной системы, где приоритетом являлись национальные интересы.

Решающую роль в мировом экономическом развитии играет инновационная структура экономики. По данным Росстата за 2016 г. доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП Российской Федерации достигла исторического максимума 22,3%. Такой рекордный результат был обеспечен успехами военно-промышленного комплекса.

Таблица 1

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП в % к итогу:

2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
19,7	20,3	21,1	21,8	21,5	22,3

Источник: Росстат.

Повышение уровня финансирования исследований и разработок в развитых странах достигается за счет предпринимательского сектора. За последнее десятилетие, предпринимательский сектор увеличил свои расходы на 50%, в то время как государство всего на 8,3%. Ведущую роль здесь играют крупные корпорации, которые определяют структуру инновационных систем, а также влияют на производство и разработку в глобальных масштабах наиболее востребованных направлений научно-технического прогресса. Функция государства в данном контексте состоит в определении и стимулировании наиболее значимых, приоритетных направлений науки и техники, находящихся на стыке экономических, политических и социальных проблем общества. Повышение уровня развития образовательной и научно-технической сферы создает устойчивый фундамент для поступательного экономического роста и наряду с этим является мощным геополитическим фактором. В этой связи международная конкуренция, обусловленная процессами глобализации и интеграции мирового хозяйства, становится драйвером экономического развития и фактором повышения экономической эффективности мирового хозяйства. Учитывая это, актуальным становится поиск оптимального влияния международной конкуренции на повышение эффективности, т.е. максимизация конструктивных тенденций в процессах конкуренции и минимизация деструктивных.

Список литературы

1. Интрилигейтор М. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Проблемы теории и практики управления. – М., 2008. – № 6.
2. Казанцев С.В. Оценка внутренней конкурентоспособности регионов России // Эко. 2008. – № 5.
3. Доклад о конкурентоспособности России 2011 / World Economic Forum.
4. Дынкин А.А. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. – М.: Международные отношения, 2003.
5. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность России и мира: 1992–2015. – М.: Экономика, 2005.
6. Пономарев И. ВТО: риски и новые возможности // Вестник Российского союза строителей. – М., 2012. – № 5.
7. Истерли У. В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках. – М., 2006.
8. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М., 2011.

Эскиндаров М.А.
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, ректор Финансового университета
Перская В.В.
д.э.н., профессор, заслуженный экономист России, академик РАЕН, директор института исследований МЭО Финансового университета
Vprofessor7970@gmail.com

ИНИЦИАТИВА БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА – НОВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ОДНОГО КОНТИНЕНТА НА ОСНОВЕ СЛОЖИВШИХСЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРАВИЛ[1]

Ключевые слова*: многополярность, интеграция, национальный суверенитет, межгосударственное сотрудничество, партнерство.*
Keywords*: multipolarity, integration, national sovereignty, interstate cooperation, partnership.*

Впервые инициатива большого Евразийского партнерства была озвучена 17 июня 2016 г. на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, когда Президент РФ В.В. Путин сказал, что «мы совсем недавно в Астане обсуждали это и предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнёрства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И конечно, имею в виду наших партнёров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений»[2]. Китай поддержал эту инициативу в течение двух месяцев после ее возникновения, одновременно указав, что со своей стороны прорабатывает конкретные меры по её реализации. Такое партнерство, по мнению китайской стороны, могло бы объединить страны ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, т.к. эта инициатива отвечает тенденциям глобализации и общему желанию стран евразийского континента, поскольку речь идёт об открытости и углублении сотрудничества во имя развития[3].

На форуме высокого уровня «Один пояс, один путь» (май 2017 г., Китай) В.В. Путин, развивая свою инициативу, обозначил, что нужны свежие, свободные от стереотипов идеи, отказ от воинственной риторики, взаимных обвинений и упрёков, которые лишь усугубляют ситуацию. «Евразия способна выработать и предложить содержательную и позитивную повестку. Это касается обеспечения безопасности, развития отношений между государствами, организации экономики, социальной сферы, систем управления, поисков новых драйверов роста. Россия видит будущее евразийского партнёрства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. Мы должны показать мировому сообществу пример совместного, новаторского конструктивного будущего, основанного на справедливости, равноправии, уважении национального суверенитета, на нормах международного права и незыблемых принципах Организации Объединённых Наций. …Считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс, один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии способно стать основой для формирования большого евразийского партнёрства… Мы должны показать мировому сообществу пример совместного, новаторского конструктивного будущего, основанного на справедливости, равноправии, уважении национального суверенитета, на нормах международного права и незыблемых принципах Организации Объединённых Наций»[4].

Таким образом, рассматриваемая инициатива призвана выступить в виде прообраза формирования и реализации идеи многополярности в современных условиях в рамках одного континента – а именно Евразии. В рамках этой инициативы фактически провозглашаются идеи равноправного взаимодействия и сопряжения национальных интересов стран в процессе развития партнерских связей; формирования площадок обмена опытом и развития и сохранения культурной идентичности; преодоления веками складывающихся противоречий между граничащими друг с другом странами на основе развития диалога и стремления преодоления конфликтов на основе консенсуса и компромиссов, не допуская вмешательства во внутренние дела суверенных государств; разработки общих подходов и нарративов в политике образования всех уровней, которая учитывала бы новые и инновационные наработки мирового сообщества (в т.ч. Болонского процесса или существовавших в рамках СССР методик), но была бы ориентирована на развитие

[1] Статья подготовлена в рамках общеуниверситетской темы Финуниверситета на 2017–2018 гг. «Вызовы и задачи обеспечения поступательности развития большого Евразийского партнерства с участием ЕАЭС, КНР, Индии, Пакистана, Ирана, партнеров по СНГ и других заинтересованных государств».

[2] http://kremlin.ru/events/president/news/52178

[3] https://russian.rt.com/article/315184-mid-knr-pekin-podderzhal-iniciativu-rossii-po

[4] 14−15 мая 2017 года. – http://kremlin.ru/events/president/trips/54504

интеллектуального и духовного уровней обучающихся, на развитие логики и умения принимать решения на основе профессионализма, на формирование гармоничной личности XXI века, которая осознанно и свободно выбирает свой жизненный путь, уважая исторические и культурные традиции, национальные корни, сохраняя свои идентичность в многообразном мире.

В области развития международного экономического сотрудничества эта инициатива будет базироваться на максимально возможном использовании преимуществ многостороннего регулирования мировой торговли, движения инвестиций, экологического партнерства и сотрудничества в области преодоления климатических изменений, в т.ч. ориентируясь на уже согласованные нормы в рамках ВТО, а также вырабатывая согласованные решения на уровне межгосударственного партнерства, сохраняя право и возможности национального государственного регулирования и реализации национальных интересов, в т.ч. в области социальной политики.

Характерно, что данная инициатива направлена на охват так называемых развивающихся экономик, которые в противовес развитым странам, отказавшимся де факто от социальной ориентации экономической политики, преследуют цели формирования национальных социально ориентированных государств, направленных на всемерное и последовательное повышение уровня жизни населения и ликвидацию социального неравенства и диспропорциональности в уровнях доходов. При этом все эти страны, как правило, – государства с позитивной динамикой роста численности населения в противовес национальным хозяйствам Европы и частично США, имеющим депопуляционный тренд коренного населения и возмещающим дефицит трудовых ресурсов за счет миграционного фактора.

Провозглашенная инициатива – это предложение нового видения мирового порядка будущего, использования принципов мирного сосуществования в условиях перехода к реальной многополярности и построения нового мирового пространства на примере и в рамках Евразийского континента.

Инициатива большого Евразийского партнерства предполагает опору на международное право и достигнутые договоренности в рамках Устойчивого развития до 2030 г. ООН как план действий для людей, планеты и процветания. Особое место в этом плане обращено на взаимодействие на базе развития совместного партнерства. Устойчивость в материалах ООН рассматривается как синоним обретения населением планеты жизнеспособного развития[1], где особую роль играет[2] партнерство, в т.ч. в рамках региональной интеграции. Развитие региональной интеграции переориентируют мировой воспроизводственный процесс на развитие региональных воспроизводственных цепочек, а они должны учитывать различные национальные условия и специфику странового и национального, религиозно-этнического, культурного развития. Развитие партнерских связей в условиях полицентризма – это взаимодействие, направленное на сохранение и поддержание паритета сил и выстраивание взаимоотношений на основе не только добрососедства, но и взаимодействия «равных» участников как базового принципа партнерства. Этот подход исключает главенство одного партнера над другими, диктат интересов одной державы другим контрагентам (вставка 1).

Вставка 1

Главы государств и правительств 30 стран мира приняли **Итоговое Коммюнике Первого Международного Экономического Форума** «Один пояс – один путь», который завершился в китайской столице. Особо выделены пять ключевых принципов дальнейшей кооперации участников – это равноправные консультации, взаимная выгода, гармония и толерантность, рыночные механизмы, сбалансированность и стабильность.

Согласно **Коммюнике** члены форума обязались проявлять уважение к принципам и резолюциям Совета Безопасности ООН, нормам внутреннего законодательства, территориальной целостности и суверенитету государств-партнеров, а также осуществлять планирование и реализовывать проекты сотрудничества исключительно путем консультаций и переговоров.

Стороны обязались учитывать интересы, естественные и культурные различия, признавать специфику друг друга. Все участники форума заявили о важности роли рынка и справедливых деловых механизмов, а также руководящей роли национальных правительств, играющих ключевую роль в осуществлении открытой, прозрачной и не дискриминационной политики.

Члены форума подчеркнули важность экономической, социальной, фискальной, финансовой и экологической составляющей дальнейших совместных проектов, поддержания высоких нормативов и стандартов, устойчивого экономического роста, общественного прогресса и защиты окружающей среды при их реализации.

В работе форума приняли участие главы стран и правительств следующих государств: *президенты* – Аргентины, Белоруссии, Чили, Чехии, Индонезии, Казахстана, Кении, Лаоса, Филиппин, России, Швейцарии, Турции, Узбекистана, Вьетнама, Киргизии; *премьеры:* Камбоджи, Эфиопии, Фиджи, Греции, Венгрии, Италии, Малайзии, Монголии, Пакистана, Польши, Сербии, Испании, Шри-Ланки, а также государственный секретарь Мьянмы. Кроме этого, участниками форума стали представители США, Южной Кореи, КНДР, Германии, Франции, Великобритании, Евросоюза, Японии, генеральный секретарь ООН, директор-распорядитель МВФ, а также президент Всемирного банка. О воем намерении участвовать в работе конференции также заявила КНДР, от которой должна быть официальная делегация во главе с министром внешнеэкономических дел Ким Ён Чжэ. Вашингтон выразил по этому поводу недовольство, направив в МИД КНР ноту. В ней говорится, что участие в форуме Пхеньяна «посылает неверный сигнал в момент, когда мир пытается оказать давление на КНДР» с целью приостановки северокорейской ракетно-ядерной программы. США направили в Пекин своих представителей, в т.ч. представлять США будет сотрудник Совета национальной безопасности при Белом доме Мэттью Поттингер, ответственный за азиатское направление.

Источник: http://tass.ru/ekonomika/4252211; http://1prime.ru/News/20170514/827449645.html; http://www.ved.gov.ru/news/22965.html

[1] Организация Объединенных Наций A/69/L.85. Генеральная Ассамблея, Distr.: Limited 12 August 2015 Russian Original: English.

[2] Interactive dialogue 3.Fostering sustainable economic growth and transformation and promoting sustainable consumption and production.

Полицентризм исключает доминирование интересов сторон над остальными участниками глобального партнерства, и тем более использование ресурсного и технологического потенциалов, человеческого капитала для целей развития одной страны или группы стран. Другими словами многополярность исключает «паразитизм» поступательности развития за счет других стран.

При таком партнерстве исключаются требования:

– снижения роли национального государства в регулировании экономик;

– повышения доли платных всех услуг в формировании ВВП страны;

– доминирования экономических интересов одной страны или ее крупных компаний над интересами других партнеров.

В этой связи идея Всеобъемлющего регионального экономического партнерства может рассматриваться как форма содействия реализации проектов в рамках Экономического пояса Шелкового пути, включая его морскую составляющую, Северного Арктического морского пути (инициатива России, позволяющая сократить время в пути из Северной Европы и Сибири в Азию[1]), строительства трубопроводов и других транспортных путей и пр., т.е. проектов взаимного интереса, позволяющих реализовывать национальные интересы и развивать хозяйственные потенциалы стран. Это партнерство базируется на использовании уже существующих согласованных международно-правовых норм (в т.ч. в рамках ВТО, региональных соглашений торгово-инвестиционного характеров или «Free Trade Agreement +»). В этой связи укрепление межгосударственности связей предполагает оптимизацию механизма взаимодействия как на уровне правительств, так и в рамках межгосударственных финансово-экономических организаций.

Евразийский экономический союз, основанный Белоруссией, Арменией, Казахстаном, Киргизией и Россией, рассматривает развитие взаимодействия стран ЕАЭС на базе **сохранения целостности национальных законодательных систем стран-участниц** Союза. Целями создания ЕАЭС являются: всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик; создание условий стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов[2]. Этот Союз открыт для привлечения новых членов, для подписания соглашений о Зонах свободной торговли и инвестиций. Деятельность ЕАЭС базируется на принципах рыночной экономики и добросовестной конкуренции, подразумевающих законность и открытость, гласность и объективность»[3]. В целом ЕАЭС провозгласил реализацию четырех свобод движения – товаров, услуг, капитала и рабочей силы[4]. Все это является привлекательным фактором для партнеров Евразийского континента.

Цель партнерства в рамках Евразийского континента – это консолидации усилий государств и совместное преодоление кризисных процессов, формирование условий для подъема и развития национальных экономик, направленные на повышение уровня и качества жизни людей. Достижение цели обусловливает наравне с интеграционным взаимодействием консолидацию усилий в области безопасности и борьбы с угрозой терроризма в т.ч. на основе расширения международной организации ШОС, ОДКБ или форума/организации для координации усилий и взаимодействия по направлениям, отвечающим национальным интересам стран БРИКС. При этом хотим подчеркнуть, что потенциал нового формата континентального международного партнерства кроется не в бюрократизации, в повышении координации взаимодействия, в связи с чем, «чтобы лучше координировать свою совместную работу…, мы создаём практически интернет-издание электронного секретариата [БРИКС]»[5].

Интеграционный проект Евразийского экономического союза способен выступить в роли эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, т.к. ЕАЭС – это форма интеграционного взаимодействия, которая не преследует цели постепенной передачи национального суверенитета на наднациональный уровень и перехода к политическому союзу, прообразом которого является ЕС. Поэтому попытка приравнять ЕАЭС к процессу возрождения Российской империи или СССР, что свойственно сегодня демократическому истеблишменту США, равносильна элементарному непониманию или преднамеренному извращению реальной ситуации. Более того, противники ЕАЭС в США и ЕС рассматривают в качестве инструмента противостояния уже получившую развитие в странах ЕАЭС сеть некоммерческих неправительственных организаций и образовательный процесс, т.е. апеллируя к молодежи, причем подросткового возраста[6].

Формальных препятствий на пути согласования и единообразного развития векторов экономического взаимодействия стран ШОС и ЕАЭС не существует. Для этого имеются все необходимые предпосылки: большой природный и экономический потенциал, относительно недорогая рабочая сила и энергоресурсы, производственно-технологическая взаимосвязь, общая транспортная инфраструктура. По территории ЕАЭС проходит самый короткий сухопутный и морской (через Ледовитый океан) путь из Европы в Юго-Восточную Азию.

Процессы глобализации делают Евразийский континент в силу его особого географического, природного, стратегического и экономического положения потенциальным центром мировой геополитической системы. Особое внимание при этом должно быть уделено преодолению «топливно-сырьевой уклона» в формировании единого экономического пространства, в связи с чем необходим, полагаем, перечень сфер и отраслей национальных экономик, где

---

[1] http://будущее-арктики.рф/stati/severnyj-morskoj-put-stati

[2] Там же.

[3] ЕАЭС. Архитектура будущего. Годовой отчет 2014. – С. 7.

[4] Там же, с. 16.

[5] http://kremlin.ru/events/president/news/49907

[6] О направленности образовательного процесса в странах ЕАЭС и необходимости подчинения его национальным интересам см. подробнее гл. 8 «Интеграция и образовательная среда» в «Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации». – М., Экономика, 2016, – С. 331–371.

необходима промышленная кооперация с сокращением издержек производства и сбыта или взаимовыгодный обмен товарами и услугами.

Другими словами страны-участницы могут придерживаться общего вектора экономического взаимодействия ЕАЭС и ШОС, и БРИКС – интеграции вглубь и вширь, диверсификации промышленно-отраслевой структуры и выпускаемого ассортимента продукции, повышения как собственно национальной конкурентоспособности, так и конкурентоспособности товаров и услуг на внешних и внутреннем рынках.

Таким образом, проекты в рамках ЭПШП, региональное торгово-экономическое взаимодействие государств – членов АТЭС, ЕАЭС и АСЕАН +, как и расширение числа участников ШОС или ОДКБ – все это составляющие элементы большого Евразийского партнерства как попытка формирования новой системы взаимодействия на основе существующей системы ООН и международного права и исключающее блоковость мышления и необходимости противостояния партнеров.

Однако в настоящее время отношение западного экспертного сообщества к этой инициативе не столько скептичное, сколько резко негативное, поскольку предпринимаются реальные шаги по представлению альтернативного видения мирового порядка.

«Согласно учению Сунь-Цзы, величайшее искусство заключается в победе без боя. Осознавая свою военную неполноценность перед США, Китай хочет создать благоприятные условия в стратегической среде для достижения основных целей, не прибегая к силе. Но КНР свойственно отсутствие прозрачности в политике, в т.ч. в Южно-Китайском море, что отрицательно сказывается на доверии возможных партнеров»[1].

Одновременно инициатива «Один пояс, один путь» рассматривается американскими экспертами в качестве стратегической программы, которая дает КНР возможности для формирования регионального механизма безопасности и прямой доступ к Индийскому океану.

США считают, что КНР бросает серьезный вызов их интересам в Восточной Азии, в связи с этим признается необходимым перебалансирование и сдерживание растущего влияния Китая путем использования дипломатических, экономических, культурных средств и сохранение своих стратегических позиций в регионе. Соединенным Штатам необходима стратегия противодействия возможной консолидации сил в Евразии.

Подъем Китая предоставляет альтернативу странам Центральной Азии, в результате появления которой эти страны могут выбирать партнеров в более широком диапазоне, обеспечивая себе выгоду. Инициатива ЭПШП для стран Центральной Азии – это привлекательный проект, т.к. она нацелена на стимулирование связей, на содействие развитию торговли и инвестиций, на развитие инфраструктуры[2].

Европейский парламент оценивает указанную инициативу с позиции силового давления и необходимости «твердо стоять на своих нормах и ценностях при обсуждении вопросов с Китаем»[3]. Государства-члены ЕС должны думать о своих непосредственных интересах, в случае реализации согласованной общей политики они неизбежно вступят в конкурирование с великими державами. Государства-члены ЕС также должны учитывать, что отношения с США изменились и будут трансформироваться. США оценивают ЕС как экономическую самостоятельную державу, являющуюся конкурентом США на мировых рынках. Евро является вызовом господству доллара, а стратегические приоритеты США переместились на Ближний Восток, о чем свидетельствует перебалансировка вооруженных сил США в этих районах. Страны-члены ЕС должны понимать, что им необходимо увеличить свой оборонный бюджет и свой вклад в расходы и повысить свою ответственность в рамках НАТО[4].

Инициатива большого Евразийского партнерства – это альтернативный подход и существенный вызов монополярности, которому будут препятствовать страны «золотого миллиарда».

Эта инициатива, по оценке Zhao Bingxing, пока не является единообразным подходом, удовлетворяющим всех партнеров, ее реальный эффект в значительной мере опирается на различные ситуации в каждой стране. И не удивительно, что каждая страна имеет разные позиции, все зависит от рассмотрения конкретных факторов, в том числе экономической, геополитической, идеологической и т.д. составляющей. Эта инициатива предлагает больше возможностей для малых и средних развивающихся государств, чем для крупных держав или западных стран[5].

В связи с изложенным признаем целесообразным отметить следующее:

1. Инициатива большого Евразийского партнерства – это не предложение, направленное на расширение зон влияния супердержав (по аналогии с Транс-Тихоокеанским или Трансатлантическим торгово-инвестиционным партнерствами, направленным на принципиальные изменение норм и правил международного экономического взаимодействия, еще более высокую де факто поляризацию развития между развитыми и развивающимися экономиками, рост диспропорциональности доходов) и не форма борьбы и противостояния возрождающихся новых держав «руководителям» существующего мирового порядка. Это предложение по реализации на практике принципов многополярности в рамках одного континента – Евразии, как формы устойчивого мирового развития в предстоящие годы.

2. Указанная инициатива четко сформулировала принципы, на базе которых будет развиваться – это партнерство: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние

[1] Challenges to freedom of the seas and maritime rivalry in Asia / European Parliament's Sub-Committee on Security and Defense. – P., 2017.

[2] http://www.globalresearch.ca/author/zhao-bingxing. 05.10.2017

[3] Challenges to freedom of the seas and maritime rivalry in Asia / European Parliament's Sub-Committee on Security and Defense. – P., 2017.

[4] Ibid.

[5] http://www.globalresearch.ca/author/zhao-bingxing. 05.10.2017

дела партнеров; равенство всех взаимодействующих субъектов, в т.ч. на уровне межгосударственного диалога, и взаимная выгода; обеспечение мирного сосуществования и безопасности для всех и каждой страны в частности; сохранение национальной идентичности каждого государства, наций и народностей в нем, признание исторической преемственности, традиций, культуры, языкового многообразия и религиозной свободы. Данная инициатива не предполагает унификации и стандартизации всех видов национальных политик, формализации требований к системам образования на всех уровнях, радикального изменения международного права и реформирования сложившейся системы ООН как организации, позволяющей эффективно решать поставленные на межгосударственном уровне проблемы планетарного масштаба.

3. Для успешного продвижения инициативы большого Евразийского партнерства фактически уже сформированы все необходимые межгосударственные организации, включая банковскую сферу, и площадки, позволяющие достигать консенсус национальных политик и формировать механизмы, которые обеспечат реализацию намечаемых проектов в рамках поддержания устойчивого и поступательного развития, его динамизма в целях повышения уровня жизни населения стран континента.

Интеграция в рамках инициативы выступает как форма сотрудничества, позволяющая обеспечить рост взаимного товарообмена, согласования технических стандартов производимой и используемой продукции и услуг, взаимодополняющего партнерства и одновременно обеспечивающего реализацию национальных интересов и стратегий развития каждой из стран, но не направленная на утрату национального государственного суверенитета или тем более снижение роли собственного государства в регулировании национальных экономик, процессов общественного развития. И базой в рамках этой инициативы может явиться ЕАЭС, разработанные механизмы сопряжения интересов ЕАЭС и стран АТЭС, ЕАЭС и проектов ЭПШП.

4. Однако в современных условиях со стороны стран, стоящих у истоков формирования монополярности, противостояние реализации этой инициативы будет усиливаться. Евросоюз как часть Евразийского континента будет институционально усиливаться, укрепляя внутри ЕС позиции наднациональности и снижения роли национальных государств ЕС, роста административного и силового, в т.ч. военного потенциалов, постепенно формируя свою независимую от США внешнюю политику[1].

В этой связи только отдельные государства ЕС смогут участвовать в реализации континентальной инициативы, исходя из своих национальных интересов и способности национальных элит выстраивать независимую от аппарата ЕС стратегию. Рассчитывать в ближайшее время на возможность создания единого пространства от Лиссабона до Владивостока, полагаем, пока преждевременно. Лишь отдельные государства смогут принимать участие в реализации конкретных проектов в рамках инициативы большого Евразийского партнерства, о чем свидетельствует, например, количество участников со стороны ЕС в работе форума «Один пояс, один путь» согласно Совместному коммюнике по итогам круглого стола лидеров рамках Международного форума «Один пояс, один путь» от 15 мая 2017 года[2].

Список литературы

1. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Интеграция и образовательная среда // Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации. – М.: Экономика, 2016. – С. 331–371.
2. ЕАЭС. Архитектура будущего. Годовой отчет 2014.
3. Организация Объединенных Наций A/69/L.85 (Генеральная Ассамблея, Distr.: Limited 12 August 2015).
4. China's One Belt, One Road: Will it reshape global trade? – http://www.mckinsey.com/global-themes/china/chinas-one-belt-one-road-will-it-reshape-global-trade
5. Just what is this One Belt, One Road thing anyway? – http://edition.cnn.com/profiles/james-griffiths, May 12, 2017; http://kremlin.ru/events/president/news/52178
6. Challenges to freedom of the seas and maritime rivalry in Asia / European Parliament's Sub-Committee on Security and Defense. – P., 2017.
7. Северный морской путь – главная транспортная артерия России. – http://xn----8sbbmfaxaqb7dzafb4g.xn--p1ai/severnyj-morskoj-put-glavnaya-transportnaya-arteriya-rossii/
8. India and the United States in the Trump era: Re-evaluating bilateral and global relations. – https://www.brookings.edu/research/india-and-the-united-states-in-the-trump-era-re-evaluating-bilateral-and-global-relations/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=53228257
9. МИД КНР: Пекин поддержал инициативу России по созданию Большого евразийского партнёрства. – https://russian.rt.com/article/315184-mid-knr-pekin-podderzhal-iniciativu-rossii-po
10. Interactive dialogue 3. Fostering sustainable economic growth and transformation and promoting sustainable consumption and production. – https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/8151Interactive%20Dialogue%20%203%20-%20Growth%20Industrialization.pdf

[1] India and the United States in the Trump era: Re-evaluating bilateral and global relations. – https://www.brookings.edu/research/india-and-the-united-states-in-the-trump-era-re-evaluating-bilateral-and-global-relations/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=53228257

[2] http://kremlin.ru/supplement/5188

НОВАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Авдеева Е.С.,
Еризко В.В.[1]

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова*: цифровизация, Индустрия 4.0, энергетическая отрасль, зарубежный опыт.*
Keywords*: digitalization, Industry 4.0, energy industry, foreign practices.*

Процесс глобальной диджитализации с невероятной скоростью влияет на смену экономического уклада, изменяет традиционные рынки и основной источник добавленной стоимости за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровыми инфраструктурами, в целом перестраивая социальные взаимоотношения и человеческое мышление. Таком образом, можно говорить о явлении, получившем название «Индустрия 4.0», которое характеризуется рядом масштабных трендов (роботизация, моделирование и прогнозирование, горизонтальная и вертикальная интеграция, «Интернет вещей», кибербезопасность, облачные вычисления и хранение данных, дополненное производство и реальность, большие данные и продвинутая аналитика), которые оказывают значительное влияние на устоявшиеся бизнес-модели. Ежегодный эффект от внедрения элементов «Индустрии 4.0» в России (эффект оценен, исходя из расчетного эффекта внедрения технологий «Индустрии 4.0» в развивающихся странах с поправкой на долю ВВП России в общем ВВП развивающихся стран) по прогнозам составит к 2025 году от 1,3 до 4,1 трлн. руб.[2], включая следующие элементы:

- управление производственными операциями (640–2240 млрд. руб.);
- превентивное обслуживание (320–850 млрд. руб.): оптимизация послепродажного обслуживания; удлинение жизненного цикла оборудования; увеличение технической доступности оборудования;
- производительность работников (20–60 млрд. руб.);
- оптимизация товарных запасов (160–550 млрд. руб.);
- НИОКР и производство (10–60 млрд. руб.);
- здравоохранение и безопасность (110–370 млрд. руб.);
- логистика и складское хозяйство (0-2 млрд. руб.);
- предпродажная аналитика (0–20 млрд. руб.)

Проанализировав данные, можно сделать вывод о том, что существенный эффект от внедрения инструментов «Индустрии 4.0» можно ожидать в промышленной сфере, где наиболее важная часть рабочего процесса – управление производственными операциями.

Для капиталоемких отраслей промышленности, таких как добыча нефти и газа, электроэнергетика технологии «Индустрии 4.0» открывают возможности существенного повышения эффективности, но не влекут за собой радикальной трансформации бизнес-модели. Более того, в 2017 году был запущен проект «Рейтинг умных городов России»[3], оценивающий уровень готовности городской инфраструктуры к использованию интеллектуальных технологий в рамках концепции умного города – применительно к сферам ЖКХ, энергетики, транспорта, e-government и промышленности. Таким образом, сфера энергетики и промышленности является ключевой и с точки зрения устойчивого развития городов, а проект станет драйвером темы цифровизации городов России, создав единый центр сбора лучших отечественных практик. Для более трудоемких отраслей оптимизационный потенциал заключен в повышении эффективности производственного процесса за счет автоматизации, использования подключенных к промышленному Интернету вещей датчиков и углубленной аналитики. Существенный эффект от внедрения цифровых технологий можно получить в обрабатывающей промышленности ввиду ее высокой трудоемкости и технологического отставания России от передовых стран. Здесь прирост эффективности возможен на всех участках цепочки создания добавленной стоимости – от ускорения разработки и вывода на рынок новых продуктов, синхронизации цепочки производства и поставок, комплектующих до существенного повышения эффективности планирования, производства, контроля качества и

[1] Авдеева Екатерина Сергеевна – д.э.н. профессор кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления им. П.А. Столыпина филиала РАНХиГС. Профессиональные интересы: lean-производство, ресурсосбережение, стратегии развития предприятий, цифровизация, экономика знаний. Направление преподавательской деятельности: Экономика и управление народным хозяйством. E-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Еризко Виктория Вадимовна – аспирант Поволжского института управления им. П.А. Столыпина филиала РАНХиГС.

[2] Росстат; ЦБ РФ; IHS; IMF; The Internet of Things; Mapping the value beyond the hype / McKinsey Global Institute, июнь 2015 г.

[3] Согласно информации, размещенной «Институтом развития интернета» (ИРИ), – ири.рф

уровня сервисного обслуживания конечной продукции. В связи с вышеизложенным, остановимся более подробнее на цифровых процессах, протекающих в сфере энергетики, рассмотрев практический опыт зарубежных компаний.

Следующим пунктом рассмотрим законодательный аспект процесса цифровизации в промышленности и энергетики. Согласно исследованию, The Boston Consulting Group (BCG), в 2016–2017 гг. показатели развития цифровой экономики в России демонстрируют сдержанную динамику. Доля цифровой экономики в ВВП в 2016 г. вернулась к росту после снижения в 2015 г. и сегодня составляет 2% (что на 10% выше значения 2015 г.)[1]. Вклад цифровой экономики в ВВП вырос с 1,5 трлн. руб. в 2015 г. до 1,7 трлн. руб. в 2016 г. (рис. 1). Среднегодовой долларовый рост (GAGR) в 2010–2016 гг. составил 4,8% (рост в долларовом эквиваленте ниже, чем в рублем в связи с эффектом девальвации), что все еще ниже среднегодовых темпов роста цифровой экономики в странах-лидерах (Скандинавия – 6–7%, США и Великобритания – 8–9%), и значительно ниже, чем в догоняющих (Китай – свыше 20%)[2].

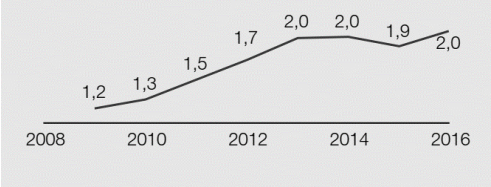


Рисунок 1.
Вклад цифровой экономики в ВВП в % от ВВП

Для изменения волатильности траектории роста цифровой экономики в России, 28 июля 2017 г. утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», покрывающая пять базовых направлений, которые составляют фундамент дальнейшего развития цифровизации: инфраструктура, информационная безопасность, кадры и образование, нормативное регулирование, исследования и разработки[3]. Создана автономная некоммерческая организация (АНО) «Цифровая экономика», в состав которой уже сегодня вошли Mail.Ru Group, «Яндекс», Rambler & Co, «МегаФон», «Вымпелком», «МТС», «Ростелеком», «Сбербанк», «1С», «Ростех», «Росатом», «Почта России», а также фонды «Сколково» и «ВЭБ Инновации» и Агентство стратегических инициатив. Целью национальной программы развития цифровой экономики является создание в России благоприятных организационных и нормативно-правовых условий для эффективного развития институтов цифровой экономики при участии государства, национального бизнес-сообщества и гражданского общества и обеспечения быстрого роста национальной экономки за счет качественного изменения структуры и системы управления национальными экономическими активами, достижения эффекта «российского экономического чуда» в условиях формирования глобальной цифровой экосистемы. Основными задачами программы являются следующие:

- обеспечение технологического лидерства страны в условиях формирования глобального цифрового пространства;
- формирование качественно новой структуры экономических активов, отвечающих экономическим приоритетам цифровой экономики;
- формирование подходов к организации производственных отраслей, отрасли торговли, сферы услуг, учитывающих достижения цифровой экономики и эффективных в условиях формирования и развития глобального цифрового пространства;
- формирование принципов эффективного управления формируемыми и совершенствование управления существующими экономическими активами (ресурсами);
- создание условий для активного участия национального бизнес-сообщества, в том числе в секторе ММСП, и гражданского населения в формировании пространства цифровой экономики за счет создания привлекательных организационных и нормативно-правовых условий и пространства доверия к цифровой среде;
- создание условий для повышения качества жизни населения за счет изменения структуры и качества услуг социальной сферы и создания новых возможностей для предпринимательской и трудовой деятельности;
- обеспечение безопасности и суверенитета национального пространства цифровой экономики;
- обеспечение эффективного участия страны в процессах формирования глобальной экосистемы цифровой экономики и глобального цифрового пространства.

Исходя из поставленных задач, приоритетом является включение технологических трендов в национальную программу развития, что поможет обеспечить российским компаниям равные конкурентные условия в ситуации, когда многие другие страны активно развивают аналогичные направления цифровой экономики в пределах своих цифровых юрисдикций. Выделим следующие основные технологические тренды в сфере цифровой трансформации промышленности, которые базируются на вышеперечисленных концепциях:

- массовое внедрение интеллектуальных (квантовых) датчиков в оборудование и производственные линии (технологии индустриального Интернета вещей);

[1] Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике / The Boston Consulting Group. 2017.

[2] Gartner; Ovum; EIU; Euromonitor; UN; IDC; WTO; Data Insight; Mail Group; ВШЭ; ЦБ РФ; Pyramid research; РАЭК; АКАР; MagnaGlobal; IAB Europe; Спарк-Интерфакс; Consumer Barometer; Росстат; данные площадок zakupki.gov.ru, B2B-Centre.ru; ФТС; ФЦП «Информационное общество»; Минкомсвязь; анализ BCG.

[3] http://government.ru/docs/28653/

- переход на безлюдное производство и массовое внедрение роботизированных технологий;
- переход на хранение информации и проведение вычислений с собственных мощностей на распределенные ресурсы («облачные» технологии»);
- сквозная автоматизация и интеграция производственных и управленческих процессов в единую информационную Систему («от оборудования до министерства»);
- переход на обязательную оцифрованную техническую документацию и электронный документооборот («безбумажные» технологии);
- цифровое проектирование и моделирование технологических процессов, объектов, изделий на всем жизненном цикле от идеи до эксплуатации (применение инженерного программного обеспечения);
- применение технологий наращивания материалов взамен среза («аддитивные» технологии, 3D-печать);
- применение мобильных технологий для мониторинга, контроля и управления процессов в жизни и на производстве;
- развитие технологий промышленной аналитики;
- переход на реализацию промышленных товаров через Интернет;
- массовое индивидуальное производство (персонификация товаров не будет увеличивать стоимость за счет использования аддитивных технологий);
- сервисная бизнес-модель;
- прогнозное обслуживание;
- прогнозирование качества;
- отслеживание состояния;
- совместное использование ресурсов;
- мгновенное реагирование;
- цифровое рабочее место;
- 100% утилизация и переработка;
- промышленный Интернет вещей

Вышеперечисленные технологические направления логично находят свое отражение в дальней отраслевой цифровизации, в частности, в цифровой трансформации энергетики, в создании высокоинтегрированных интеллектуальных системообразующих и распределительных электрических сетей нового поколения в Единой энергетической системе России. (Smart Grid). Smart Grid можно описать следующими аспектами функционирования:

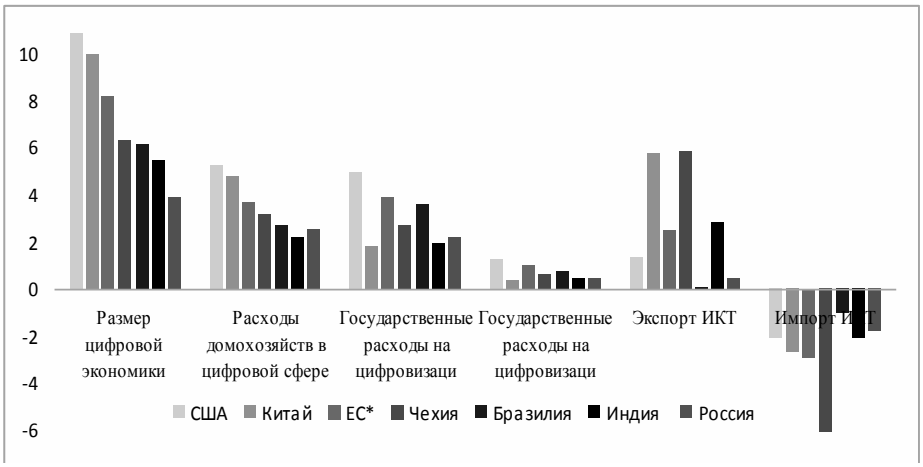
1. гибкость. Сеть должна подстраиваться под нужды потребителей электроэнергии;

2. доступность. Сеть должна быть доступна для новых пользователей, причём в качестве новых подключений к глобальной сети могут выступать пользовательские генерирующие источники, в том числе ВЭИ с нулевым или пониженным выбросом CO_2;

3. надёжность. Сеть должна гарантировать защищённость и качество поставки электроэнергии в соответствии с требованиями цифрового века;

4. экономичность. Наибольшую ценность должны представлять инновационные технологии в построении Smart Grid совместно с эффективным управлением и регулированием функционирования сети.

Создание и внедрение интеллектуальных сетей Smart Grid в энергетическую систему России прочно связано с такими ключевыми аспектами цифровой экономики, как оцифровка данных и обработка больших данных, новые материалы, новые форматы управления, обращающиеся к оперативному анализу массивов данных и автоматизированной прогностике.



* 5 стран Западной Европы: Великобритания, Германия, Италия, Франция и Швеция.

Рисунок 2.
Вклад цифровой экономики в ВВП России и его составляющие в сравнении с другими странами (% ВВП)

На сегодняшний день значение такого ключевого для развития цифровой экономики показателя, как соотношение между объемом цифровой экономики и совокупным ВВП страны, составляет 3,9%, что примерно в 2–3 раза ниже, чем в выбранных для сравнения странах. Цифровые расходы домохозяйств составляют 2,6% ВВП России – это наиболее существенный вклад в освоение новых технологий, но он пока ниже, чем в среднем у стран-лидеров (3,6%). Доля государственных расходов и частных инвестиций в структуре ВВП также ниже, чем в рассматриваемых странах, а объем экспорта цифровых технологий в четыре раза меньше импорта. Если довести объемы российских инвестиций в ИКТ, включая цифровые расходы домохозяйств и инвестиции компаний и государства, до среднего уровня сравниваемых стран, доля цифровой экономики в России вырастет до 5,9% ВВП, что позволит России занять место между Индией и Китаем (рис. 2)[1].

По уровню цифровизации частных компаний Россия пока отстает от стран-лидеров. Частный сектор не использует преимущества активного освоения цифровых технологий потребителями, слабо инвестирует в использование технологических достижений, в повышение производительности и создание новых продуктов и услуг. Объем инвестиций частных компаний в цифровизацию составляет пока всего 2,2% ВВП, тогда как в США он достигает 5%, в странах Западной Европы – 3,9%, в Бразилии – 3,6%. В итоге возможности поддержки конкурентоспособности российских компаний ниже не только в международном масштабе (незначительный объем высокотехнологичного экспорта), но и внутри страны (вытеснение иностранными компаниями российских игроков в сегментах электронной торговли, социальных сетей, поисковых систем). Более того, низкий уровень инвестиций со стороны заказчиков цифровых решений ограничивает возможности развития российских компаний – поставщиков цифровых решений, так как именно внутренний рынок является первой ступенькой для роста будущих цифровых лидеров. По уровню цифровизации сильнее всего от стран ЕС отстают важнейшие для России отрасли – добывающая, обрабатывающая промышленность и транспорт. Как было отмечено выше, российские компании и правительство недостаточно инвестируют в развитие цифровых технологий. Мы можем видеть последствия этого недостатка инвестиций, сравнивая отдельные отрасли экономики по уровню цифровизации (табл. 1)[2].

Таблица 1

Уровни цифровизации отраслей (доля ВВП)

Отраслевой сегмент	Доля ВВП (%)
ИКТ	9
Образование	2
Финансовая деятельность	5
Оптовая и розничная торговля	11
Строительство	7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2
Здравоохранение и социальные услуги	4
Химическая и фармацевтическая промышленность	2
Обрабатывающая промышленность	12
Нефтегазовая отрасль	9
Транспорт и складирование	5
Добыча полезных ископаемых (кроме нефти и газа)	5

Для ликвидации этого отставания предприятиям придется опережающими темпами внедрять цифровые технологии в производственную деятельность. В особенности это касается технологий «Индустрии 4.0». Рассмотрим на практике опыт перехода на цифровые рельсы зарубежных компаний, в части на примере компании Henkel[3].

Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт провели исследование, в рамках которого топ-менеджерам из разных стран задавался вопрос, готовы ли их компании к переходу на современные технологии. Результаты оказались шокирующими: 70% опрошенных заявили, что для этого у них нет производственной структуры, сотрудников и руководителей. Технологии выступают катализатором новых проектов, изменяют мир с невероятной скоростью, а динамичный подход к управлению предполагает выносливость, умение справляться с этими изменениями, быстро и уверенно реагировать на возникающие проблемы. По сути, речь идет об образе мышления в целом – более открытом, непринужденном и творческом, при котором большое внимание уделяется людям и опыту. Идти в ногу с цифровыми технологиями – значит перестраиваться изнутри, формировать меняющуюся, динамичную позицию, которая сформулирована в проведенном исследовании: «Работай и думай по-новому». «Индустрия 4.0» интегрирует все процессы – производство, логистику, сервисное обслуживание, управление персоналом и планирование ресурсов. В цифровую эпоху виртуальный и реальный мир активно взаимодействуют: технологические циклы становятся короче, требования клиентов учитываются в процессе производства в режиме реального времени, сервисное и техническое обслуживание приобретает независимость, а заказы выполняются в автоматическом режиме. Изменения затрагивают и кадровую сферу: появляются новые профессии и компетенции, а люди с гибким мышлением, готовые анализировать и учиться, вытесняют работников с закостенелыми взглядами.

[1] Международная федерация робототехники; Росстат; 451 Research; EIU; Euromonitor International; Gartner; ITC Trade Map; MAGNA; Ovum; Phocuswright Inc.; Strategy Analytics; UN Comtrade.

[2] Директ ИНФО; Росстат; HIS; EU KLEMS

[3] Согласно информации, размещенной на официальном сайте компании Хенкель (HENKEL) и в СМИ (интервью топ-менеджмента, заводские практики). – www.henkel.ru

С концепцией «Индустрия 4.0» тесно связано понятие «умное предприятие» – быстрое, стабильное и рациональное, на котором максимально используются автоматизированные системы и передача данных по Сети. Управление такими заводами осуществляется онлайн, что позволяет централизованно координировать все процессы и автоматически контролировать их в режиме реального времени. Henkel внедряет концепцию «Индустрия 4.0» во все этапы промышленного цикла – от планирования, закупок сырья и производства продукции до организации доставки. В некоторых регионах производственные процессы компании уже полностью автоматизированы.

Очевидно, что машины самостоятельно могут выполнять повторяющиеся, рутинные действия гораздо эффективнее, чем человек. Согласно концепции «Индустрия 4.0» люди должны заниматься более творческими задачами и генерировать новые идеи для создания «умного» производства. Такой подход дает много преимуществ – новые технологии быстрее развиваются, помогают оптимизировать процессы производства, технического обслуживания и контроля качества и способствуют производству более универсальной и безопасной продукции. В бизнес-подразделении Laundry & Home Care все производственные площадки и процессы уже сегодня связаны между собой, а сбор информации происходит централизованно в режиме реального времени. Для этого используется платформа Wonderware – основная цифровая система четвертой промышленной революции. Она собирает и обрабатывает онлайн-данные, поступающие с приборов контроля и учета всех площадок, где производятся средства для стирки, фиксирует, сколько энергии или воды потребляет каждый завод, и наглядно отображает полученную информацию. Благодаря способности анализировать данные система может распознавать определенные модели и выявлять возможности для оптимизации процессов. С 2016 года Wonderware умеет собирать и анализировать показатели эффективности производственных линий – работники в любой точке мира могут просматривать информацию обо всех производственных площадках и совместно принимать любые необходимые меры для совершенствования процесса производства.

К глобальной сети сбора и обработки данных подключена производственная площадка Laundry & Home Care в Перми – самый цифровизированный завод Henkel Россия. Благодаря ее использованию специалисты отдела качества могут просматривать и анализировать информацию о продукции, произведенной в любой интересующий временной интервал на конкретной производственной линии, по всем каталожным номерам Henkel. Завод активно использует и другие достижения «Индустрии 4.0». Так, еще в 2016 году здесь были установлены системы автоматического контроля качества этикетирования Intravis, которые позволяют добиться 100%-го качества нанесения этикетки на линии. Все установки Intravis также подключены к Wonderware, благодаря чему можно в режиме реального времени получать информацию о количестве и характере дефектов. Устройства «Индустрии 4.0» в Перми находят применение не только на производстве, но и в лабораториях системы контроля качества – многие приборы здесь работают при минимальном участии специалистов и лаборантов отдела качества благодаря цифровому интерфейсу. Так, в микробиологической лаборатории используется прибор «БакТрак 4300», который в автоматическом режиме контролирует отсутствие заражения в образцах готовой продукции. Технология позволяет сократить сроки выполнения микробиологического анализа с 7 до 3 дней и избежать отсутствия готового продукта на складе, исключив длительную блокировку продукции на время проведения контроля. Кроме того, в лаборатории тары и упаковки для контроля упаковочных материалов используется универсальная испытательная машина Zwick с новейшим программным обеспечением, позволяющим получить наглядную картину испытания, в которой отражаются мельчайшие детали процесса (статистические характеристики материала, графики, результаты измерений), для того чтобы оперативно оценить прочностные характеристики упаковочных материалов и их надежность. Henkel всегда тестирует новые идеи, прежде чем начать повсеместно их использовать. Сейчас некоторые из возможностей, которые открывает «Индустрия 4.0», осваивают в Adhesive Technologies: на десяти площадках подразделения в Азиатско-Тихоокеанском регионе запущен пилотный проект новой системы управления производственными процессами Manufacturing Execution System (MES) – целостной технологической платформы с полностью прозрачной и функциональной средой. Благодаря MES удалось с легкостью выявить узкие места технологического процесса и получить новые возможности для его совершенствования и введения принципов бережливого производства. В России MES установлена на Ногинском косметическом заводе – предприятии, которое компания существенно модернизировала после приобретения. Кроме этой системы на заводе используется производственный модуль SAP, но его возможности исчерпываются подготовкой рецептуры и списка компонентов для последующего выведения их на печать и передачи в производство. После выпуска информацию о произведенной продукции и расходе комплектующих и сырья в SAP также необходимо занести вручную, что увеличивает риск ошибок. MES позволила автоматизировать эти процессы: рецептура и список компонентов поступают в систему, рабочие подтверждают выполнение этапов производственного процесса на терминалах, а после их окончания MES автоматически передает данные о выпуске продукции и списании комплектующих и химсырья. Следующий шаг в развитии MES в Ногинске – интеграция системы с производственным оборудованием, которая исключит ошибки ручного ввода и на этом этапе.

«Индустрия 4.0» подразумевает внедрение изменений не только в сферу производственных мощностей. Наиболее показательный пример влияния цифровизации на другие сферы – автоматизированный склад готовой продукции Henkel Россия в Перми: единственное хранилище такого рода в нашей стране и одно из четырех, существующих в Европе. На складе автоматизировано до 75% всех технологических процессов. Система работы склада многофункциональна: на нем одновременно выполняются различные операции по приемке, хранению и отпуску продукции. Поступающая на склад продукция автоматически сортируется и распределяется по местам хранения или отправляется в механизированную часть склада для пополнения ранее отобранной продукцией. Заказы к отгрузке собираются на 80% автоматически и лишь на 20% – операторами склада. Такая масштабная автоматизация позволяет отгружать со склада в среднем 60–65 автомашин (1800–2000 палет в день). Для обслуживания и устранения неисправностей автоматизированных систем на складе необходимо присутствие всего лишь одного дежурного инженера в смену. Для него обору-

довано специальное рабочее место, где в режиме реального времени визуально отображается работа систем, записываются и отображаются неисправности. Для случаев, когда инженер не может самостоятельно решить проблему с оборудованием или программой, существует удаленная техническая поддержка.

В рамках реализации стратегии Henkel по ускорению перехода на цифровые каналы бизнес Laundry & Home Care внедряет использование мобильного приложения для фиксации обходов по безопасности Behavior based Safety Application (Enablon). В июне 2017 г. приложение в пилотном режиме начали использовать два завода подразделения, в том числе завод по производству порошков и сырья для косметической промышленности в Энгельсе. Фиксация и отслеживание результатов обходов – один из самых эффективных инструментов управления системой охраны труда и безопасности на рабочих местах. Приложение упрощает эту процедуру и экономит время сотрудников: с приложением Enablon нет необходимости тратить время на возвращение на рабочее место к компьютеру, чтобы внести данные для фиксации каждого обхода – всю необходимую информацию, включая видео и фото, можно в несколько кликов отправить с любого смартфона. Сегодня в пилотном проекте в Энгельсе участвует 15 наиболее активных сотрудников в области безопасности, но в будущем приложение будет доступно каждому сотруднику завода. Кроме того, в финальной версии приложения может появиться возможность назначения действий по итогам обхода – тогда программа сможет полностью заменить существующие инструменты для учета обходов по безопасности.

В числе других умных и эффективных решений энгельсского завода – пилотная система Maintenance Helper, разработанная специалистами Henkel Россия. Программа дает возможность в онлайн-режиме отслеживать состояние оборудования и своевременно реагировать на нештатные ситуации; она также оснащена сигнализацией, срабатывающей при увеличении нагрузки на оборудование или приближении времени планового технического обслуживания. Данные о работе оборудования архивируются, поэтому сотрудники завода могут вести в системе учет времени работы, количество проведенных ремонтов и планировать техническое обслуживание. Первые результаты внедрения Maintenance Helper внушают оптимизм: количество аварийных остановок производства на заводе сократилось до 28%.

Цифровизация российской экономики станет важным источником долгосрочного экономического роста. Потенциальный эффект для ВВП от цифровизации экономики к 2025 году оценивается в 4,1–8,9 трлн. руб. (в ценах 2015 года), что составит 19–34% общего увеличения ВВП[1] (источники прироста ВВП к 2025 году за счет цифровизации представлены в табл. 2).

Таблица 2

Источники прироста ВВП к 2025 году за счет цифровизации (трлн. руб., в ценах 2015 года)

Оптимизация производственных и логистических операций	• Мониторинг производственных линий в режиме реального времени • Оптимизация логистических маршрутов и определение порядка приоритетности отправлений	1,4–4,0
Повышение эффективности рынка труда	• Эффективный и быстрый поиск работы и заполнения вакансий • Возможности удаленной работы • Новые профессии и рабочие места	2,1–2,9
Повышение производительности оборудования	• Сокращение простоев оборудования и расходов на ремонты • Повышение загрузки оборудования	0,4–1,4
Повышение эффективности НИОКР и разработки продуктов	• Быстрое прототипирование и контроль качества • Анализ больших массивов данных при разработке и совершенствовании продуктов	0,2–0,5
Снижение расхода ресурсов и производственных потерь	• Снижение расхода электроэнергии и топлива • Сокращение производственных потерь сырья	<0,1

В дополнении к вышеизложенному, цифровизация будет способствовать повышению качества жизни граждан, что будет выражено в следующем:

- новые возможности трудоустройства;
- рост покупательной способности населения;
- социальный лифт и рост вовлеченности;
- доступная и качественная медицина и образование;
- комфортные для жизни города;
- удобные цифровые сервисы и госуслуги;
- привлекательность экономики для квалифицированных кадров;
- национальная, экономическая и общественная безопасность.

Для достижения поставленной цели на 2025 год (рост объемов цифровой экономики в 3 раза) нужны совместные усилия государства и компаний:

государство:

- по мере автоматизации все большего количества операций профессии будут видоизменяться. Потребуются новые подходы к обучению и готовность к массовому переобучению кадров;
- высокие темпы развития инноваций потребуют совершенствования регулирования и повышения его гибкости;
- государство сможет вовлечь население в цифровую экономику, обеспечив граждан доступной инфраструктурой ИКТ, развивая цифровую грамотность населения и проведя дальнейшую цифровизацию государственных и муниципальных услуг;

[1] Цифровая Россия: новая реальность / McKinsey & Company. 2017.

компании:

- необходимо развивать культуру постоянных инноваций по образцу цифровых компаний. Пассивная позиция неизбежно приведет к потере конкурентоспособности;
- промышленные компании – фундамент российской экономики. Заблаговременные инвестиции в технологии «Индустрии 4.0» позволят им выйти на передовые позиции по этому еще не сформировавшемуся направлению;
- успех цифровых преобразований требует активного сотрудничества с образовательными и исследовательскими организациями, а также высокотехнологичными компаниями.

Таким образом, применение данных инструментов «Индустрии 4.0» потребует от предприятий развертывания на своих производствах промышленного Интернета вещей, объединяющего комплекс необходимых программных решений, а также внедрения новых типов оборудования. Потенциальный ежегодный эффект от внедрения Интернета вещей на промышленных и строительных площадках оценивается в размере от 1,4 до 4,6 трлн. долл. США. К основным рычагам создания стоимости вследствие внедрения технологий «Индустрии 4.0» на производстве относятся: оптимизация режимов работы оборудования, оптимизация загрузки оборудования, повышение производительности и безопасности труда, логистическая оптимизация, повышение качества продукции, улучшение прогнозирования спроса, сокращение сроков вывода продукции на рынок, улучшение послепродажного обслуживания.

Бабич С.Г.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет

КРЕДИТОВАНИЕ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова*: банковский сектор; кредиты; задолженность по кредитам; динамика, структура, индекс Рябцева, линейный коэффициент корреляции.*

Keywords*: banking sector; loans; debt on loans; dynamics, structure, Ryabtsev index, linear correlation coefficient.*

В условиях перехода российской экономики на инновационный путь развития большое значение приобретает модернизация промышленного производства и его технологическое перевооружение. В настоящее время большинство предприятий и организаций нашей страны не обладают необходимыми финансовыми ресурсами для разработки и внедрения новейших технологий и нового оборудования, в связи с чем повышается роль банковского сектора, важнейшей функцией которого является предоставление аккумулированных временно свободных денежных средств физических и юридических лиц реальному сектору экономики. С введением со стороны отдельных государств антироссийских санкций существенно снизилась возможность получения российскими кредитными организациями средств.

Как отмечал академик А.Г. Аганбегян «Модернизация экономики требует крупных инвестиций. Единственный путь ослабления и преодоления негативных сил, тянущих экономику к нулевому уровню, – ускоренный рост инвестиций, где определяющая роль в перспективе принадлежит инвестиционному кредитованию» [2].

За период с 2014 г. по 2016 г. вследствие снижения спроса на кредитные ресурсы со стороны нефинансовых предприятий и организаций объем предоставляемых банковским сектором кредитов российской экономике сократился на 644,9 млрд. руб. (на 1,8%) и по данным Центрального банка России (ЦБ) составил 35579,7 млрд. руб. При этом объем кредитов в рублях возрос на 2,6%, а в иностранной валюте – сократился почти на треть.

По данным ЦБ в стране в течение рассматриваемого периода удельный вес кредитов, предоставленных банковским сектором нефинансовым организациям, сократился в совокупном объеме активов банковского сектора с 35,4% до 32,3%.

Увеличение объема кредитования предприятий и организаций произошло только в трех федеральных округах страны – в Центральном (на 0,3%), Южном (на 11,3%) и Приволжском (на 6,3%). Наиболее существенное сокращение данного показателя отмечается в Дальневосточном федеральном округе – на 31,9% (табл. 1).

Таблица 1

Динамика кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ на начало года

	Объем предоставляемых кредитов, млн. руб.		Изменение объема кредитов	
	2014 г.	2017 г.	млн. руб.	%
Российская Федерация	36 224 575	35 579 659	–644 916	–1,8
в федеральных округах:				
Центральный	19 813 999	19 873 016	59 017	0,3
Северо-Западный	3 785 259	3 558 438	–226 821	–6,0
Южный	2 061 530	2 294 822	233 292	11,3
Северо-Кавказский	296 044	224 780	–71 264	–24,1
Приволжский	4 342 389	4 614 438	272 049	6,3
Уральский	2 429 323	2 022 661	–406 662	–16,7
Сибирский	2 485 650	2 303 325	–182 325	–7,3
Дальневосточный	1 010 381	688 181	–322 200	–31,9

Негативной тенденцией в банковском секторе, по нашему мнению, является неравномерное распределение предоставляемых кредитов по регионам страны. В течение рассматриваемого периода сохраняется существенная концентрация кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям, в Центральном федеральном округе, удельный вес которого возрос с 54,7 до 55,9% (рис. 1).

Как видно на рис. 1, в течение рассматриваемого периода наблюдается незначительное увеличение доли Южного (с 5,7 до 6,4%), Приволжского (с 12,0 до 13,0%) федеральных округов, а доля Северо-Западного федерального округа, например, сократилась с 10,4 до 10,0%, Сибирского – с 6,9 до 6,5%. По нашему мнению, ожидать в ближайшее время изменения региональной структуры предоставляемых кредитов не приходится.

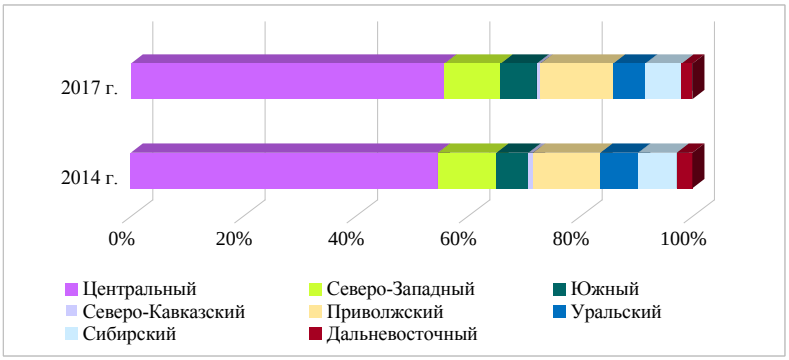


Рисунок 1.
Региональная структура кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ в рублях в их общем объеме на начало года, % к итогу

Сосредоточение значительного объема денежных средств в коммерческих банках Центрального федерального округа осложняет возможность получения финансов ресурсов из банковской системы в большинстве регионов страны, поскольку крупные столичные коммерческие банки заинтересованы в основном в предоставлении кредитов крупным предприятиям, ориентированным на экспортно-импортные операции. А большинство региональных банков не имеет в своем распоряжении значительных объемов финансовых ресурсов для дальнейшего кредитования реального сектора экономики.

В начале 2014 г. 87,2% кредитов российской экономике предоставлялись коммерческими банками в рублях, а к началу 2017 г. доля кредитов в национальной валюте увеличилась до 91,1%, что связано, по нашему мнению, не только с ростом доверия к национальной валюте, но и с изменением курса рубля по отношению к иностранным валютам. Данная тенденция прослеживается в Центральном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. А в Южном, Уральском и Сибирском федеральных округах удельный вес предоставляемых кредитов в иностранной валюте в течение рассматриваемого периода увеличился на 1,9 п.п., 4,7 п.п. и 1,9 п.п. соответственно (рис. 2).

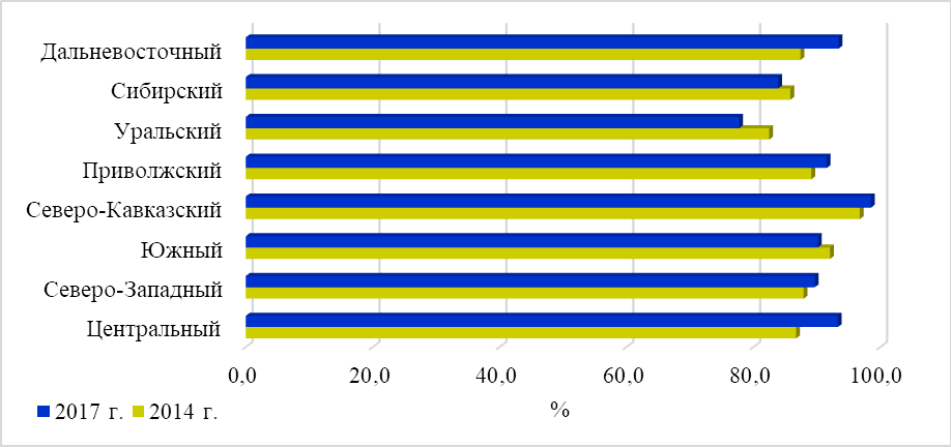


Рисунок 2.
Удельный вес кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ в рублях в их общем объеме на начало года, %

Большой интерес, по нашему мнению, представляет изучение динамики кредитов, предоставляемых в рублях в иностранной валюте в регионах страны.

В Центральном и Приволжском федеральных округах, например, к началу 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. объем кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ, в рублях возрос на 7,9 и 9,1%, а в иностранной валюте – сократился на 49,5 и 17,3% соответственно. А в Южном федеральном округе отмечается рост объема кредитования нефинансовых предприятий и организаций и в рублях, и в иностранной валюте на 9,0 и 38,0% соответственно, что, по нашему мнению, явилось следствием включение Республики Крым и г. Севастополь в состав Южного федерального округа и, соответственно, направлением значительных денежных средств для восстановления экономики этих регионов. В Северо-Западном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах наблюдается сокращение объема кредитования предприятий и организаций и в рублях, и в иностранной валюте. А в Уральском и Сибирском федеральных округах объем предоставляемых ре-

альном сектору экономики в национальной валюте сократился, а в иностранной валюте возрос соответственно на 5,7% и 5,0% (рис. 3).

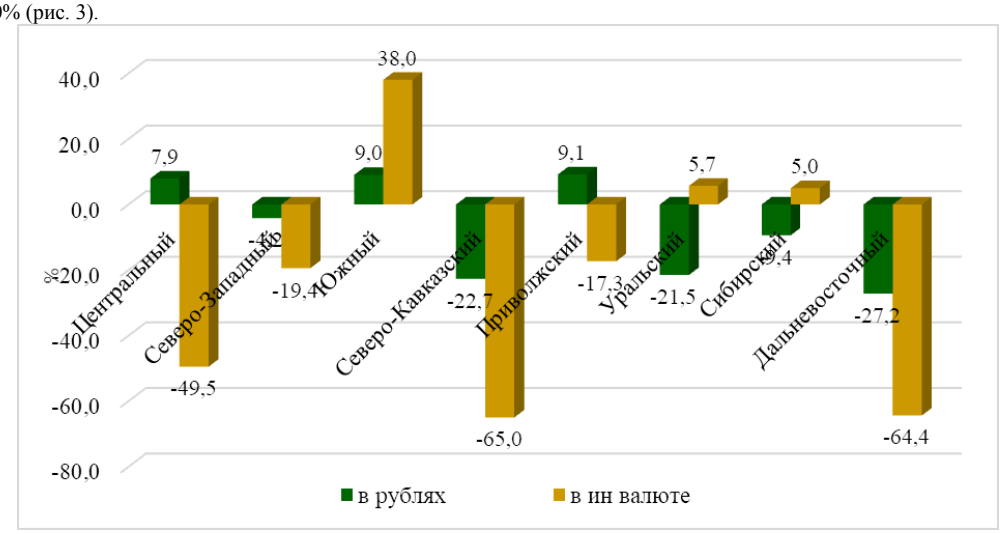


Рисунок 3.
Темп прироста кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ, в начале 2017 г. по сравнению с началом 2014 г. в рублях и иностранной валюте, %

В начале 2017 г. из субъектов РФ по объему предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям кредитов заметно выделяются г. Москва, на долю которой приходится 41,6% от их общего объема в стране, г. Санкт-Петербург (7,5%), Московская область (7,2%), Республика Татарстан (4,7%), Краснодарский край (4,1%), Свердловская (2,2%), Тюменская (2,2%) и Нижегородская (2,1%) области, т.е. удельный вес приведенных выше восьми субъектов РФ превышает 71%.

В структуре предоставляемых кредитов по видам экономической деятельности наблюдаются определенные изменения. Если в начале 2014 г. по удельному весу предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям кредитов в их общем объеме лидировала сфера оптовой и розничной торговли (24,0%), то к началу 2017 г. на первом месте находится сфера обрабатывающих производств, доля которой возросла в течение рассматриваемого периода с 13,7 до 24,9%, а сфера торговли из-за сокращения потребительского спроса и осложнения положения торговых организаций переместилась на второе место.

Сложная ситуация в сфере строительства обусловила сокращение удельного веса данного вида экономической деятельности с 6,8 до 4,1%. Такая же тенденция наблюдается в сфере транспорта и связи. В то же время удельный вес предоставляемых кредитов предприятиям добывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, сельского и лесного хозяйства возрос (рис. 4).

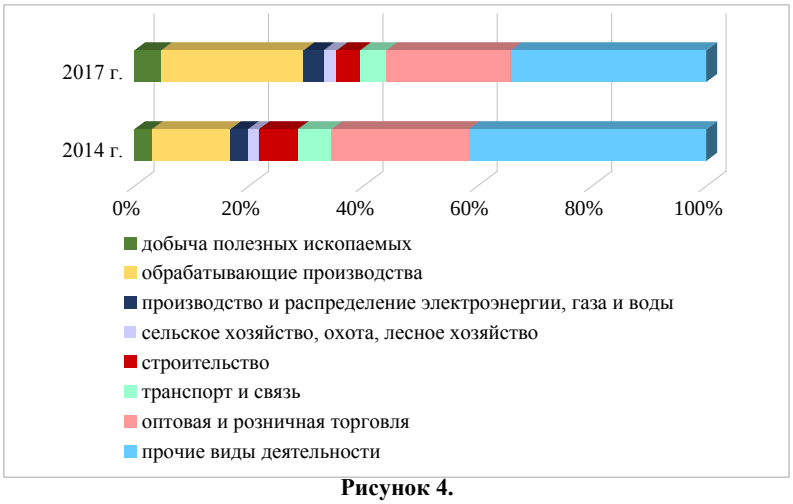


Рисунок 4.
Структура кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ по видам экономической деятельности на начало года, %

Для изучения динамики предоставляемых кредитов по видам экономической деятельности был рассчитан Интегральный коэффициент структурных различий (индекс) Рябцева (I_R), полученное значение которого свидетельствует о низком уровне различий сравниваемых отраслевых структур предоставляемых кредитов (I_R = 0,143).

Изменение экономической ситуации в стране обусловило разнонаправленную динамику объема предоставляемых кредитов реальному сектору экономики. Позитивной тенденцией на рынке корпоративного кредитования является, по нашему мнению, увеличение объема денежных средств, направляемых коммерческими банками предприятиям, демонстрирующим деловую активность: в сфере обрабатывающих производств на 78,5%; добычи полезных ископаемых – на 47,7%; производства и распределения электроэнергии, газа и воды – на 12,7%; сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства – на 22,7%. А ухудшение экономической ситуации в торговле и строительстве вследствие сокращения спроса на кредитные ресурсы обусловило отрицательную динамику предоставляемых кредитов данным видам экономической деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Динамика кредитов, предоставляемых юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в РФ по видам экономической деятельности на начало года

Виды экономической деятельности	Объем предоставляемых кредитов, млн. руб.		Изменение объема кредитов	
	2014 г.	2017 г.	млн. руб.	%
Добыча полезных ископаемых	1 130 342	1 669 546	539 204	47,7
Обрабатывающие производства	4 960 655	8 856 271	3 895 616	78,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1 108 468	1 248 918	140 450	12,7
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	673 052	822 540	149 488	22,2
Строительство	2 469 683	1 464 532	–1 005 151	–40,7
Транспорт и связь	2 131 993	1 652 418	–479 575	–22,5
Оптовая и розничная торговля	8 702 056	7 713 761	–988 295	–11,4
Прочие виды деятельности	15 048 326	12 151 673	–2 896 653	–19,2

Значительной проблемой в сфере кредитования является рост задолженности по кредитам, предоставленным нефинансовым организациям, включая просроченную задолженность. Если в РФ в целом данный показатель увеличился на 26,7%, составив по данным Банка России 28 204,1 млрд. руб. то, например, в Центральном федеральном округе возрос на 36,7% до 15 554,3 млрд. руб., в Сибирском – на 65,6% до 2370,3 млрд. руб., а в Северо-Западном – на 7,5% до 2637,0 млрд. руб. Более половины от общего объема задолженности по кредитам, предоставленным нефинансовым организациям в стране, сформировано в коммерческих банках Центрального федерального округа. В начале 2017 г. в отраслевом разрезе наибольший удельный вес задолженности по кредитам, предоставляемым юридическим лицам, отмечается в прочих видах экономической деятельности (34,0%), в обрабатывающих производствах (21,6%) и в сфере торговли (14,4%).

Как отмечалось в утвержденной Правительством РФ «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «В современных условиях финансовая система играет ключевую роль в обеспечении сбалансированности и инновационного развития экономики. Стоимость финансовых ресурсов на внутреннем рынке является высокой. При этом в реальном выражении из-за высокой инфляции ставки остаются отрицательными, что снижает стимулы к сбережению и не способствует повышению эффективности кредитования. Наблюдается дефицит качественных инвестиционных проектов и вместе с тем дефицит свободных средств, особенно долгосрочных, которые могут быть направлены на инвестиционные цели» [1].

Для повышения кредитной активности коммерческих банков необходимо предлагать более привлекательные условия для клиентов с целью привлечения временно свободных денежных средств физических и юридических лиц в кредитные организации.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009
2. Аганбегян А.Г. Инвестиционный кредит – главное звено преодоления спада в социально-экономическом развитии России // Деньги и кредит. – М., 2014. – № 5. – С. 11–18.
3. Лаврушин О.И. Банки в современной экономике: необходимость перемен // Банковское дело. – М., 2013. – № 4. – С. 6–13.
4. Статистический бюллетень Банка России. – http://www.cbr.ru/publ/?PrtId=bbs

Белокрылов К.А.[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ[2]

Ключевые слова*: государственный сектор, цифровая экономика, цифровизация, воспроизводство, 4-я промышленная революция, публичные закупки, электронизация, блокчейн.*

Keywords*: government sector, digital economy, digitalization, reproduce, 4-th industrial revolution, public procurement, electronization, blockchain.*

Хотя начало цифровой революции датируется с 1960-х годов, когда стали разрабатываться мейнфреймы (большие ЭВМ), персональные компьютеры и, в конечном счете, Интернет, однако формирование цифровой экономики как целостной системы 3D происходит лишь в последние годы. Это обусловлено стремительным развертываем 4-й промышленной революции, в качестве критериальных характеристик которой К. Шваб называет появление киберфизических систем, поддерживаемых всепроникающим Интернетом с существенно уменьшившимися и недорогими датчиками, искусственный интеллект, самообучающиеся машины – в целом 23 технологии, в т.ч. 3D печать.

Четвертая промышленная революция ведет к цифровому преобразованию производственных процессов всех отраслей, поскольку цифровые технологические достижения – трехмерная печать 3D, большие базы данных, человеко-роботная кооперация – оказывают радикальное воздействие на микроуровень организации и управления производством. В еще большей мере 4.0 industry трансформирует деятельность офисных служащих**,** интегрируя их посредством цифровой связи с непосредственным производством в целях ускорения и удешевления процессов создания новых продуктов и их производства. К 2030 году глобальный потенциал добавленной стоимости новой волны инноваций, охватывающих целый ряд обрабатывающих отраслей, достигнет 1,4 трлн. долл. Благодаря предоставлению информации в реальном времени о спросе, производственных мощностях, эксплуатационных характеристиках и качестве продукции, промышленность 4.0 позволит принимать решения, которые значительно повышают эффективность процесса во всем: от ценообразования до планирования производства. Следовательно, в то время как модернизация производственных технологий существенно преобразует промышленность, наибольшие выгоды могут быть получены в непроизводственных фазах общественного воспроизводства, поскольку промышленность 4,0 обеспечивает цифровизацию на базе рутинных алгоритмов таких фаз, как принятие решений, исследования и разработки, создание новых продуктов, ценообразование, планирование, диспетчеризация и закупки. Конечно, на основе достижений цифровой экономики, создания цифровых фабрик компании в достаточно близкой перспективе осуществят автоматизацию многих рабочих мест, вытеснив работников, как предвидел еще К.Маркс, из непосредственного производственного процесса, заменив их роботами. В то же время новые функции, реализуемые в цифровой форме, появятся у служащих, обладающих необходимыми навыками и компетенциями взаимодействия в цифровом пространстве. В этом проявляется так называемая перекрестная функциональная революция эффективности (A cross-functional efficiency revolution), детерминирующая широкие и глубокие изменения трудовых функций работников в условиях офисной автоматизации (цифровизации) в сторону интенсификации и жесткой регламентации их обязанностей по взаимодействию с искусственным интеллектом. Ряд примеров иллюстрируют некоторые из перспективных изменений функций на пред- и послепроизводственных стадиях общественного воспроизводства. Так, принятие таких важных управленческих бизнес-решений, как прогнозирование спроса и цен в настоящее время осуществляется на основе оценок менеджеров по продажам и маркетингу, ожиданий рынка и общей рыночной конкуренции. В условиях стремительного изменения современной рыночной ситуации такие прогнозы характеризуются достаточно низкой степенью достоверности. Вместо этого более продвинутые компании уже перешли к формированию прогнозов спроса на основе использования методов анализа больших данных (big Date). Автоматически используя данные из широкого спектра источников, централизованные аналитические алгоритмы прогнозируют будущий спрос из разных сегментов клиентов и географических регионов. В конечном счете прогнозирование спроса на основе алгоритмов в реальном времени будет использоваться во многих взаимосвязанных процессах, таких как маркетинговые исследования, планирование продаж, планирование производства и планирование с минимальным участием человека[3].

[1] Белокрылов Кирилл Анатольевич – к.э.н., доцент экономического факультета, руководитель Пилотного центра госзакупок, Южный федеральный университет. E-mail: kbelokrylov@sfedu.ru

[2] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-010-00871 «Разработка инструментария оценки и стимулирования качества публичных закупок: концептуальные основания и методические подходы».

[3] Costa A.A., Arantes A., Tavares L.V. Evidence of the impact of public e-procurement: the Portuguese experience // Journal of Purchasing & Supply Management. 2013. – N 19. – P. 238–246.

Вторым примером являются так называемые интеллектуальные закупки и аутсорсинг, осуществляемые на основе существенного повышения прозрачности интеграции компании с поставщиками, доступа к более широкому кругу поставщиков и большей гибкости при принятии решений о закупке. Изготовители стандартизируют обмен полностью оцифрованных данных о продукции и производстве с поставщиками, что позволяет преодолеть такие проблемы, как непоследовательная оцифровка, которая может затруднить процесс запроса-заявки.

Наконец, сфера исследований и разработок новых продуктов, в рамках которой используется широкое моделирование, интеграция данных, распознавание больших массивов данных и циклы обратной связи в реальном времени. Цифровые инновации повышают эффективность процессов исследований и разработок новых продуктов путем структурированного анализа операционных данных и современной мехатронной (программной) инженерии с использованием цифровых моделей. По мере совершенствования моделирования процессы исследований требуют все меньшего количества дорогостоящих трудоемких физических прототипов, которые заменяются их цифровым моделированием и виртуальными средами тестирования[1].

Таким образом, в каждой из фаз воспроизводственного процесса, т.е. не только в самом производстве реализация достижений индустрии 4.0 обеспечивает повышение эффективности функционирования персонала «белых воротничков», позволяя компаниям делать гораздо больше, часто с меньшим количеством сотрудников соответствующего офиса. В то же время эти цифровые решения создают новые возможности для бизнеса, например, позволяя производителям улучшать бизнес-процессы своих клиентов в рамках взаимодействия B2B – снижать затраты, совершенствовать собственные предложения клиентов и создавать новые продукты и рабочие места. Так, в США и ЕС ведущие производители автомобилей, реализующие технологии промышленности 4,0, предлагают другим производителям программные и аппаратные решения для решения задач повышения производительности и энергоэффективности производства.

Лидеры в производстве вагонов предлагают облачный программный пакет, который улучшает управление активами и эффективность работы для железнодорожных операторов. Клиенты получают выгоду от снижения расходов на обслуживание и электроэнергию, а увеличивая использование активов, железнодорожники могут сократить свои капитальные расходы в долгосрочной перспективе.

Производители оборудования для производства бумаги предлагают программное обеспечение для клиентов, которое оптимизирует потребление и увеличивает выпуск бумаги. Программа собирает и анализирует данные, производит оценки в реальном времени потенциала оптимизации процесса и автоматически корректирует параметры процесса. Конечно, производитель оборудования и программного обеспечения взимает ежемесячную фиксированную плату за установку и получает поток доходов, если клиент достигает согласованной экономии на производственных издержках. Кроме того, у компании-производителя оборудования есть возможность построить бизнес-консалтинг по производству, используя информацию из данных и алгоритмов.

Охватывая все сферы отрасли экономики, 4,0 Industry проникает во все составляющие государственного сектора как такую область экономики или часть экономического пространства страны, где:

– производятся, распределяются и потребляются не частные, а общественные блага (public goods), которые рынок не производит;

– государство является специфическим субъектом экономических действий, в условиях унификации типа хозяйственного порядка во всех сферах и отраслях – их орыночнивания – формируя квазирынок закупок всех благ и услуг, необходимых для производства общественных благ;

– рынок не действует или частично действует (как квазирынок), следовательно, преобладает нерыночный способ координации экономической деятельности, нерыночный тип организации обмена деятельностью, нерыночное взаимодействие интересов;

– экономическое равновесие между спросом и предложением общественного (коллективного) блага осуществляется государством, органами местного самоуправления и добровольно-общественными организациями с помощью соответствующих социальных институтов и бюджетно-финансовой политики.

Масштабы государственного сектора определяются, с одной стороны, предпроизводственными условиями – размерами государственной собственности (запас ресурсов), в с другой – объемом государственных доходов и расходов (потоки собираемых и расходуемых средств). Кроме того, масштабы общественного сектора во многом зависят не только от объективных экономических возможностей страны (ее богатств), но и от институциональных факторов – сложившихся традиций, менталитета государственного патернализма и, главное, от особенностей проводимой социальной и экономической политики государства. Согласно закону А. Вагнера (конец XIX в.), доля государственного сектора в экономике постоянно увеличивается в исторической перспективе в развитием промышленности[2], требующей высокого качества человеческого капитала. Действительно, в течение XX в. удельный вес государственного сектора непрерывно возрастал связи с необходимостью удовлетворения потребностей широких слоев населения в общественных благах и в соответствии с кейнсианской революцией, но в условиях возрождения идей рыночного либерализма его доля несколько снизилась, особенно в период рыночной трансформации постсоциалистических стран.

Как и любая сфера экономики, государственный сектор функционирует в соответствии с законами воспроизводства, анализ которых в контексте производства капитала и его воспроизводства как непрерывно возобновляющего-

[1] Hill M. Industry 4.0's outsized impact on the back office. Aug 03, 2016. – http://www.manufacturingglobal.com/peopleandskills/902/Industry-40's-outsized-impact-on-the-back-office

[2] Wagner A. Lehrbuch der politischen Oekonomie. Bd. I. Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre. – Th. I. Grundlegung. 2. Ausg. – Leipzig; Heidelberg, 1879.

ся процесса[1] К. Маркс начал в первом томе «Капитала», перейдя во втором томе к его рассмотрению как единства процессов производства и обращения индивидуального (1,2 отделы) и воспроизводства всего общественного капитала на макроэкономическом уровне (3 отдел). Исходя из концепции воспроизводства К. Маркса, воспроизводственный процесс в государственном секторе включает все его традиционные фазы – производство общественных благ, их распределение, обмен и потребление[2]. Для осуществления производства общественных благ на предпроизводственной стадии экономические субъекты государственного сектора (государственные и муниципальные организации, государственные корпорации) должны купить на соответствующих отраслевых рынках необходимые блага и услуги, т.е. осуществить закупки товаров, работ, услуг, организуя особый рынок публичных закупок, характеризуемый как «почти рынок», квазирынок[3] в связи с тем, что единственным покупателем на нем выступает государство, устанавливая соответствующие формальные правила. Хотя институционально-правовая основа формализации взаимоотношений субъектов рынка бюджетных закупок непрерывно совершенствуется (последнее масштабное изменение принято 31 декабря 2017 г. (Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. «504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»), но эта, необходимая для обеспечения непрерывности воспроизводственного процесса в государственном секторе, фаза все еще характеризуется существенными провалами[4], институциональными аномалиями[5], проявляющимися в нарушениях закупочных процедур, которых, например, в 2017 г. было выявлено специалистами Счетной палаты РФ на сумму почти 2 трлн. руб.[6], что составляет около трети всего объема государственных закупок.

Реализация мегатрендов, составляющих 4-ю промышленную революцию, в государственном секторе предопределяет трансформацию его в значимую составляющую цифровой экономики. На наш взгляд, именно с электронизации системы публичных закупок и началось формирование цифровой экономики в России, поскольку в 2007 г. было принято Постановление Правительства РФ № 147 «О создании в стране единого общероссийского портала для информационного обеспечения государственной закупочной деятельности». Единый общероссийский портал *www.zakupki.gov.ru*, или официальный сайт начал функционировать с 2011 г. Затем в соответствии Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с 1 января 2014 г. началось формирование контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок, одной из целевых установок которой является повышение степени электронизации процедур публичных закупок. В этих целях с 1 января 2016 г. введена в действие Единая информационная система, обеспечивающая свободный и безвозмездный доступ к информации, ее полноту, достоверность и своевременность[7]. Тем самым систематически повышается степень электронизации рынка публичных закупок, представленность российской системы закупок в сети Интернет. Кроме того, эволюционирует и сам Интернет в направлении семантического веба, Интернета вещей, который распространяется на домашнюю автоматизацию, интеллектуальные измерения, удаленный промышленный контроль, интеллектуальную логистику и отслеживание положения всех транспортных средств в режиме реального времени. В целом к 2020 г. в системе Интернет будут функционировать 20-50 млрд. различных устройств[8]. Поэтому начавшаяся глобальная 4-я промышленная революция существенно меняет как условия и форматы бизнеса, так и его взаимодействие с государством, поскольку стимулирует самообусловливание научно-технологического развития, когда формируется цикл ИКТ-материалы-когни. Наряду с Единой информационной системой закупок функционируют и другие платформы, базирующиеся на технологиях искусственного интеллекта, обеспечивающих как эффективное ведение бизнеса в условиях цифровой экономики, так и его участие в государственных, муниципальных и корпоративных закупках, например, платформа Seldon (https://f.myseldon.com/ru/mailpromo), программный модуль которой Seldon.Price позволяет заказчикам быстро обосновывать начальную максимальную цену контракта Seldon, а программный модуль Seldon.Future представляет собой систему прогнозирования развития бизнеса с гарантированным результатом; составляя прогноз сделок с клиентом, заинтересованным в товаре или услуге; предоставляя данные о потенциальных поставщиках необходимых товаров и услуг, осуществляя анализ рисков, например, клиентской базы на предмет возможных банкротств, арбитражных дел, проверок; оценивая вероятность победы в торгах с учетом соответствующего предложения и текущей ситуации, а также вероятность успешной реализации инвестиций; прогнозируя развитие ситуации на отраслевых рынках, биржах, торгах. Платформу Seldon могут эффективно использовать коммерческие организации, работающие в сегментах B2B и B2G, заказчики и поставщики на рынке закупок, контролирующие органы.

Многие региональные заказчики, особенно в сфере здравоохранения и образования используют систему «Биржевая площадка» (bp.zakazrf.ru) для снабжения бюджетных учреждений качественными продуктами питания. Исполь-

---

[1] Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 578.

[2] Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.12. – С. 715.

[3] Корытцев М.А. Институциональная модернизация квазирыночных структур общественного сектора. – Ростов н/Д: изд. ЮФУ, 2009.

[4] Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных реформ в России. – М.: Едиториал УРСС, 2013.

[5] Лаврентьева А. В. Институциональные аномалии макроэкономических систем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.э.н. – Волгоград, 2015.

[6] Фомченков Т. Счетная палата выявила в 2017 году нарушений почти на 2 трлн рублей // Российская газета. – М., 2017. – 26 декабря. – https://rg.ru/2017/12/26/schetnaia-palata-vyiavila-v-2017-godu-narushenij-pochti-na-2-trln-rublej.html

[7] Белокрылова О.С. Совершенствование институциональных условий функционирования рынка государственных и муниципальных закупок в контексте снижения рисков // Terra Economicus. 2016. – Т. 14.0, № 4. – С. 78.

[8] Trepova M. Procurement & the 4th Industrial Revolution. – http://www.trn.ua/articles/9799/

зование закупочного модуля этой площадки, например, бюджетными учреждениями Республики Татарстан обеспечило снижение начальной цены контрактов с 820,4 до 659,9 млн. руб., т.е. позволило сэкономить 160,5 млн. руб. или 20% выделенных бюджетных средств в 2017 г. (на 20.09).

В настоящее время доминантным способом определения поставщика (исполнителя) товаров, работ, услуг для удовлетворения потребностей общественного сектора выступает электронный аукцион, доля которого составила почти 55% от общего количества размещенных в ЕИС извещений и 61,5% общего объема заключенных контрактов (рис. 1).

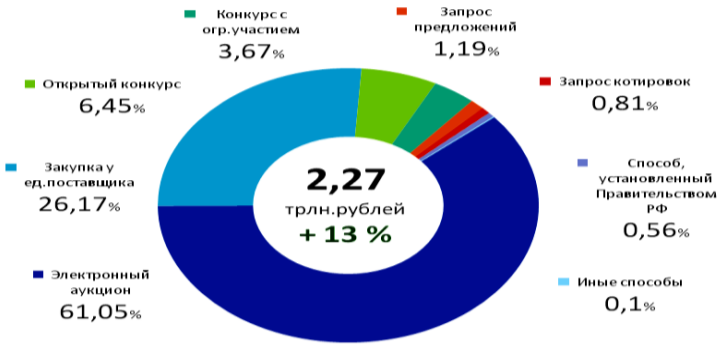


Рисунок 1.
Структура общего объема контрактов, заключенных в I полугодии 2017 г. по разным способам проведения торгов[1]

Однако по итогам заключения контрактов в рамках реализации Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (223-ФЗ) картина совершенно иная, и она не меняется год от года (рис. 2).

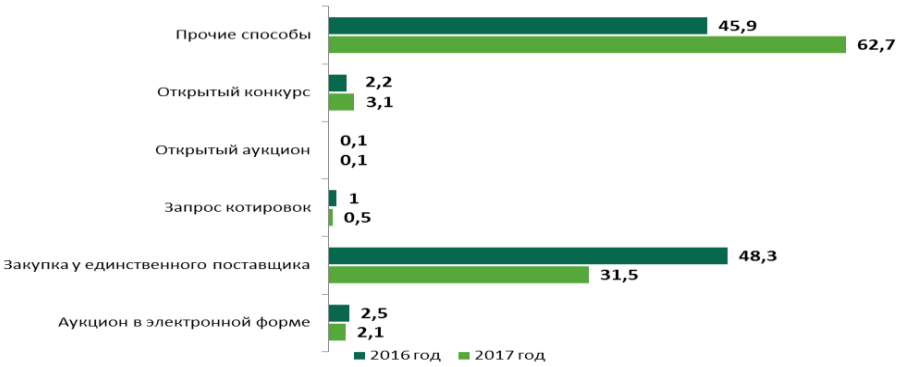


Рисунок 2.
Доля закупок различными способами в 2016–2017 гг.[2]

Хотя общий объем закупок регулируемых организаций – субъектов естественных монополий, унитарных предприятий, автономных учреждений, хозяйственных обществ с долей государственного (муниципального) участия, превышающей 50% и иных юридических лиц – по 223-ФЗ в I полугодии 2017 г. не увеличился, но он составил 9,3 трлн. руб.[3], из которых четверть приходится на 5 крупнейших заказчиков, но, как показано на рисунке 2, более 94% закупок осуществляется на неконкурентной основе. При этом закупки у единственного поставщика составляют 31,6% общего объема, закупки с применением «иных способов» – 62,7% и лишь 5,8% закупок регулируемых организаций осуществляется путем проведения конкурентных торгов. Следует отметить, что обладая определенной свободой в установлении закупочных регламентов, такие организации включают в него все большее число иных способов закупки, отлич-

[1] Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам I полугодия 2017 года. – М.: Минфин, 2017. – С. 10.

[2] Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в первом полугодии 2017 года. – М.: Минфин, 2017. – С. 3.

[3] Следует отметить, что полноценной статистики и аналитики по госзакупкам и закупкам отдельных компаний не ведется. Минэкономразвития России отказалось от этой практики летом 2015 года и в своих мониторингах приводит лишь выборочную статистику (Смотрицкая И.И., Бегтин И.В., Бонч-Осмоловский М.А., Дашков С.Б. и др. Госзакупки. Какой должна быть контрактная система? – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – С. 9).

ных от указанных в действующем законодательстве: в I полугодии 2017 г. заказчики изобрели 308 новых способов закупки, доведя общее число «иных способов» до 4780, большинство из которых представляют собой мутированную закупку у единственного поставщика. Тем самым существенно суживается круг участников торгов – до 1,73 участника на одни торги, хотя в I полугодии 2017 г. этот значимый показатель вырос на 5%[1].

Материально-технической основой повышения конкурентности рынка публичных закупок является дальнейшая его электронизация согласно Федеральному закону от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"», способствующая росту степени его транспарентности. В электронную форму переводятся практически все способы закупки – открытый конкурс, двухэтапный конкурс, запрос котировок. В результате, на наш взгляд, Единая информационная система закупок превращается в распределенную учетную базу данных, в которой хранятся сведения обо всех событиях по осуществлению процесса закупки – планирование, документация, осуществление закупки, ее контрактация и инфорсмент исполнения контракта. Эта технология блокчейн характеризуется высоким уровнем открытости и надежности, и хотя практически используется она пока в сфере криптовалют, но внедрение блокчейн-технологий обеспечивает автоматизацию процессов торгов по публичным закупкам, ведет к заключению в будущем цифровых контрактов, значительной экономии ресурсов, прежде всего, бумаги.

Конечно, РФ отстает от развитых стран по темпам и масштабам формирования цифровой экономики на десятилетие, занимая 41-е место по готовности к ней. В результате доля цифровой экономики в ВВП России составляет 2,8% в отличие от 5,5%, в развитых странах и 6% в Китае[2]. Однако формальная институционализация процесса электронизации системы публичных закупок в новых поправках, внесенных в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», свидетельствует о расширении масштабов цифровизации экономики общественного сектора.

[1] Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в первом полугодии 2017 года. – М.: Минфин, 2017. – С. 2.

[2] Digital Government 2020: Prospects for Russia / World Bank Group. 2016. – P. 7.

Белокрылова О.С.
д.э.н., Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической теории ЮФУ, г. Ростов-на-Дону
obelokrylova@sfedu.ru
Мовсисян Н.К.
студент Южного Федерального университета
nadegda.movsisyan@mail.ru

ДИНАМИКА АПК В САНКЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Ключевые слова*: агропромышленный комплекс, импортозамещение, продовольственное эмбарго, санкции, модернизация АПК, продовольственная безопасность, экспорт, импорт.*
Keywords*: agricultural sector, import substitution, food embargo, sanctions, modernization of agriculture, food security, export, import.*

6 августа 2017 г. исполнилось три года с момента введения продовольственного эмбарго Россией в отношении некоторых стран ЕС, США, Австралии, Норвегии и др. в ответ на принятие ими санкции против России. Результатом этих двусторонних запретительных мер – санкций в отношении России и продовольственного эмбарго в отношении ряда стран, обусловивших глобальные изменения во внешней и внутренней среде – стало развития российского рынка продовольствия. Проблема анализа динамики АПК в санкционный период является остро актуальной в связи с тем, что эта масштабная сфера выступает вторым по величине экспортным сектором России (после нефтегазовой отрасли). Поэтому при формировании стратегии развития АПК государство призвано обеспечить баланс между экономическим суверенитетом и продовольственной безопасностью страны, с одной стороны, и наращиванием экспортного потенциала, и созданием высококачественной конкурентной продукции, с другой.

Ускоренная динамика АПК является одним из приоритетных направлений развития российской экономики ввиду того, что на его долю приходится около 6% общего объема ВВП и 9,5% численности занятых страны. Кроме того, АПК демонстрирует поразительную динамику мультипликативных эффектов для экономики: по средним оценкам, каждый вложенный в АПК рубль, трансформируется в 4–5 рублей в смежных отраслях[1].

Как показал более чем 3-летний опыт реализации санкционных мер, их воздействие не столько наносит урон России вследствие ограничения ввоза импортной продукции, сколько загоняет самих участников антироссийских санкций в экономическую ловушку вследствие потери масштабных рынков сбыта, детерминирующей миллиардные убытки. Напротив, АПК России получил шанс начать широкомасштабную модернизацию с реальной перспективой развития, расширением мощностей и строительством новых комплексов, теплиц, перерабатывающих предприятий. Реализуемая стратегия импортозамещения для России является вынужденной, навязанной экономическими санкциями США и ЕС. Основными принципами такой модернизации экономической стратегии – от экспортоориентации к импортозамещению – являются устойчивость, совместимость, выполнение поставленных задач[2].

Промежуточные результаты действия стратегии импортозамещения в АПК, функционирующей с момента подписания Президентом России, Владимиром Путиным, в августе 2014 года указа, запрещающего ввоз на территорию страны некоторого ряда товарных категорий (говядина, свинина, мясо птицы, рыба, морепродукты, сыры, молоко, фрукты и овощи), свидетельствуют о том, что несмотря на устойчивый рост производства отечественной сельхозпродукции и тенденцию снижения объемов импортной продукции на прилавках российских магазинов, положительный баланс экспортно-импортных операций по-прежнему не достигнут. Кроме того, существенные достижения в импортозамещающей трансформации АПК все еще не стали гарантией доступности и привлекательности отечественного продовольствия для внутреннего потребителя как по платежеспособной составляющей, так и по качественным показателям в сравнении с импортными аналогами.

АПК включает в себя отрасли по переработке и хранению производимой продукции, а также отрасли, снабжающие аграрный сектор средствами производства. Поэтому сбалансированное развитие трех базовых сфер АПК – сельхозмашиностроения, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности – является объективно необходимой предпосылкой надежного обеспечения населения страны продовольствием, а промышленности – сырьем, а также ускорения темпов социально-экономического развития после кризиса 2015–2016 гг.

Уровень технологического развития перерабатывающих отраслей российского АПК нельзя назвать передовым, что детерминирует существенные потери продукции сельхозпроизводства. На наш взгляд, современный уровень раз-

[1] Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / НИУ «Высшая школа экономики». 05.12.2017. – //www.hse.ru/news/expertise/201397875.html

[2] Аверкиева Е.С., Белокрылов К.А. Модернизация общественного сектора: совершенствование институциональных условий функционирования государственных учреждений // Journal of Economic Regulation. 2013. – Т. 4, № 3. – С. 27.

вития АПК характеризуется следующими негативными тенденциями и проблемными зонами, особенно в сфере собственно аграрного производства:

1) Недоиспользование территориально-ресурсного потенциала, позволяющего наращивать масштабы выпуска сельскохозяйственной продукции: доля земель, в отношении которых реализуются те или иные меры государственной поддержки АПК, составляет лишь 13%, в то время как ее требуют 95% пастбищ и 60% пашни.

2) Аграрная реформа 1990-х гг. положила начало трансформации системы инвестирования в АПК, формируя многосторонние каналы привлечения финансирования (как отечественные, так и зарубежные), а также механизмы вовлечения в процесс активного использования ограниченных ресурсов и их распределения.

3) 3) Существенным изменениям на федеральном и региональном уровнях подверглась и институционально-правовая основа деятельности всех сфер АПК. К примеру, в настоящее время государственная поддержка АПК осуществляется на основе реализации Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», главной задачей которой является достижение тотальной продовольственной безопасности России наряду с ускорением темпов импортозамещения посредством организации эффективного производства и сбыта[1].

Следует отметить, что потенциал АПК в санкционный период существенно возрос. Катализатором этого процесса является также девальвация рубля (на 217% в 2014 г.), обусловившая резкий скачок цен на импортное продовольствие и сельскохозяйственное сырье, что создало более выгодные условия для финансирования отечественного сельхозпроизводства взамен заполнения российского продовольственного рынка продукцией иностранного происхождения. Вместе с тем, несмотря на значительное увеличение объемов государственной поддержки в рамках финансирования отраслей сельского хозяйства, одной из самых весомых проблем, которые возникают перед агропромышленными компаниями, по-прежнему является несовершенство механизма государственного регулирования АПК.

Продовольственное эмбарго как инструмент внешнеторговой деятельности было вынужденной мерой, принятой в ответ на санкционное воздействие на Россию США и ЕС. В 2015 г. список стран, в отношении которых Россия применяет данный механизм, был расширен в отношении Албании, Лихтенштейна, Исландии и Черногории. С 1 января 2016 г. в этот перечень также включается Украина. Период действия самоналоженного продовольственного эмбарго продлен Россией до 31 декабря 2018 г. Повышение эффективности АПК в санкционный период является неотъемлемой составляющей обеспечения национальной безопасности страны. Анализ динамики показателей торгового баланса РФ в течение последних 6 лет показывает, что около 146 млрд. долл. было потрачено на закупку импортной продукции и техники для развития отечественного АПК. Ситуация осложняется и тем, что в июле 2014 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) принял решение о прекращении инвестирования программ развития отраслей сельского хозяйства России на 271 млн. долл., что составляет 45% прямых иностранных инвестиций в сферу агропромышленного производства в 2014 г.

Проведенное нами исследование динамики развития агробизнеса в 2015 г. позволило выявить ряд факторов политического и экономического характера, оказывающих как стимулирующее, так и тормозящее воздействие на производителей сельхозпродукции. Рейтинг наиболее значимых дестабилизирующих факторов возглавляет колебание валютного курса, о чем свидетельствует 61% опрошенных респондентов. Следует отметить, что наибольшему влиянию данного фактора подвергаются крупнейшие компании, объем выручки которых достигает более 100 млрд. руб., а также компании, выстраивающие долгосрочную производственную стратегию. В число факторов положительного влияния нами включена тенденция снижения конкурентоспособности импортной продукции, что детерминировало стремительный рост выручки крупных агрохолдингов и компаний пищевого производства (прирост доходов в 2014 г. составил 32%). Растущая эффективность крупных агропроизводителей детерминирована достаточно высокой степенью диверсификации их производства. В качестве примера эффективной компании в Ростовской области можно назвать Агропромышленную группу «Юг Руси» (АПГ)[2].

Совокупный годовой объем выручки «ТОП-50 крупнейших агрохолдингов России» в 2016 г. достиг 1,83 трлн. руб., что на 10,2% выше, чем в предыдущем году, в т.ч. ГК «Содружество» (126 610,8 млн. руб.); Агропромышленный холдинг «Мираторг» (108 253,9 млн. руб.); ГК «Эфко» (106 900 млн. руб.); АО ВБД (96 036,4 млн. руб.); ГК «Русагро» (84 257 млн. руб.); Группа «Черкизово» (82 417,2 млн. руб.); ООО «Каргилл», ООО «Провими» (81 413,7 млн. руб.); ОАО «Астон» (76 575,6 млн. руб.); ГК «Агро-Белогорье» (57 960,5 млн. руб.); АО «Данон Россия» (53 562 млн. руб.)[3].

Необходимо также обратить внимание на специфику трансформации АПК в санкционный период. В частности, компании «Агропромкомплектация», «Агро-Белогорье», «Русагро» и Великолукский мясокомбинат в 2017 г. произвели запуск линий полуфабрикатов, поставляемых в сети общественного питания. Более того, такие субъекты в сфере агропроизводства, как «ЭкоНива», «Молвест», «Дамате» выбрали траекторию реализации масштабных инвестиционных проектов. Наряду с этим, «Мираторг», «УГМК-агро», «АФГ Националь» продолжают стремительно расширяться, наращивая темпы выпуска и увеличивая загрузку производственных мощностей.

Вместе с тем, огромный потенциал поддержки сельхозпроизводителей среднего и малого бизнеса имеет созданный совместный фонд России и Китая, который призван аккумулировать значительные инвестиционные средства

[1] Стратегия национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. – http://publication.pravo.gov.ru

[2] Белокрылова О.С. Диверсификация как приоритетная стратегия развития АПК региона в регламентах ВТО // Вопросы регулирования экономики, 2014, – Т. 5, № 4. – С. 7.

[3] Рейтинг 50 крупнейших компаний агропромышленного комплекса России по итогам 2016 года. 05.12.2017. – http://expert.ru/ratings/50-krupnejshih-kompanij agropromyishlennogo-kompleksa-rossii-po-itogam-2016-goda/

с последующим их вложением в отрасли АПК и реализацию программ развития сельского хозяйства. Данный проект двустороннего сотрудничества весьма актуален в связи с тем, что Россия обладает полосой плодородных земель, расположенных на граничащих с Китаем территориях, почва и климат которых благоприятны для выращивания сои и зерновых культур. Однако идея массированного экспорта сельскохозяйственного сырья и продуктов питания в Китай все еще находится на стадии разработки, на реализацию этой перспективной идеи и выстраивание сотрудничества может потребоваться десяток лет.

Россия наращивает производство продукции сельского хозяйства: в 2016 г. индекс роста составил 103%, в т.ч. в растениеводстве – 102,9%, в животноводстве – 103,1%. Сложившиеся темпы роста обеспечивают в полной мере выполнение норм Доктрины продовольственной безопасности по таким товарным группам, как масло, зерно, картофель и сахар[1]. Кроме того, как показывают данные, представленные в таблице 1, уровень самообеспеченности России в 2016 г. молоком и продукцией молочного производства составил 90%, а мясом и мясопродуктами – 85%.

Таблица 1

Динамика уровня самообеспеченности России продуктами питания[2]

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Уровень самообеспеченности
Молоко и молочные продукты	77%	79,4%	81,5%	90
Мясо и мясопродукты	81,9%	87,2	89,7%	85
Рыбная продукция	79,4 %	80,4%	83%	80

Высокий показатель в мясной отрасли обусловлен реализацией стратегии импортозамещения, в результате чего доля потребления импортной свинины снизилась до 8% в 2016 г. (птицы – до 5%), в то время как в 2013 г. она составляла 26%. Оказать содействие развитию животноводства призвана кооперация государства с фермерами в рамках создания «Эмбрионального центра», строительство которого ведется на Кубани и в специализацию которого входит молочное животноводство, а также выращивание «под заказ» мясных животных. Усиливается вклад в развитие АПК платформенных технологий межотраслевого назначения. К ним относятся в первую очередь информационно-коммуникационные, авиакосмические и биотехнологии (включая генетическую модификацию, молекулярные маркеры, молекулярную диагностику, вакцины, клеточные культуры, микробиологические решения для пищевой промышленности и т.д.). Ожидается взрывной рост спроса на технологии урбанизированного сельского хозяйства (вертикальные фермы, роботизированные теплицы и др.)[3].

Аналогичные процессы развиваются в отраслях растениеводства: поставки импортных овощей сокращены с 866 тыс. т в 2013 г. до 463 тыс. т в 2016 г., при этом за последние три года рост производства тепличных овощей составил 30%. В результате импортозамещения в 2016 г. российские сельхозтоваропроизводители обеспечивают на 99% потребности населения страны в зерне, на 97% – в картофеле, на 84% – в растительных маслах и сахаре.

Сокращение поставок импорта произошло в 3 раза, в то время как российский экспорт сельхозпродукции в 2016 г. возрос до 17 млрд. долл. «Россия может торговать не только нефтью, но и стать ведущей мировой аграрной державой, это открывает большие возможности для динамичного развития экономики в целом», – так Александр Ткачев, министр сельского хозяйства, выразил свои надежды на рост экспорта. К 2020 году экспорт продукции сельского хозяйства должен составить 21 млрд. долл.

Но вместе с тем, необходимо поддерживать стабильный курс рубля и не допускать его укрепления, чтобы не свести на нет все усилия государства по реализации программы импортозамещения.

Отраслью, занимающей лидирующие позиции по объему полученной прибыли, а также многократно увеличившей рентабельность сельского хозяйства в России, стало производство и экспорт зерна. В 2017 г. Россия стала крупнейшим экспортером зерна в мире, продав более 34 млн. т[4], а общий объем производства зерна достиг рекордного уровня в 119 млн. т. Напомним, что еще около 20 лет назад Россия являлась импортером зерна, его импорт в СССР в конце 1980 гг. превышал 40 млн. т. В мае 2017 г. Россия и Турция подписали соглашение о взаимном снятии санкций в торговле, что приносит значительную выгоду России, так как она выступает основным поставщиком зерна на турецком рынке.

В результате наметившихся прогрессивных сдвигов в сфере АПК впервые в новейшей истории на российских прилавках стала превалировать продукция отечественного происхождения. Но по результатам социологических опросов исследовательского центра «Ромир» выявлено, что далеко не все потребители признают качество отечественной продукции приемлемым: 15% россиян отмечают снижение качества поставляемых молока, мяса и молочной продукции. Более того, почти треть опрошенных (33%) считают складывающуюся ситуацию на российском рынке сыра крайне неудовлетворительной[5], в результате чего доля потребления этого продукта в России стремительно падает. Несмотря на то, что санкционное воздействие и, как следствие, высвобождение 20% емкости рынка способствовало

[1] Молчан А.С., Погребная Н.В., Бирюкова А.Г. Развитие агропромышленного комплекса – приоритетная задача правительства в «санкционном» периоде для России // Научный журнал КубГАУ. 2016. – № 6. – cyberleninka.ru/article/n/razvitie-agropromyshlennogo-kompleksa-prioritetnaya-zadacha-pravitelstva-v-sanktsionnom-periode-dlya-rossii

[2] Составлена на основе данных официальных сайтов Росстата, Союзмолока, Минсельхоза, Росрыболовства.

[3] Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / НИУ «Высшая школа экономики». 05.12.2017. – //www.hse.ru/news/expertise/201397875.html

[4] Гончаров В.Д., Селина М.В. Экспортный потенциал АПК России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. – Т. 1, № 10. – С. 34–41.

[5] Россияне дорожат свежими продуктами. 11.02.2016. – http://romir.ru/studies

росту выпуска отечественных сыров, тенденцию спроса нельзя охарактеризовать как позитивную. Причиной этого является повышение себестоимости товарной единицы и отпускной цены товара вследствие девальвации рубля, что неминуемо приводит к снижению покупательной способности населения.

Динамика, представленная данными рис. 2, показывает, что при темпе инфляции с января по июнь 2017 г. в 2,3% рост цены за 4 года на ряд товарных категорий превысил 50%, в частности: рыбопродукты – 50,61%; фрукты и цитрусовые – 60,76%; орехи – 79,23%. Такой скачок цен приводит к снижению покупательной способности населения.

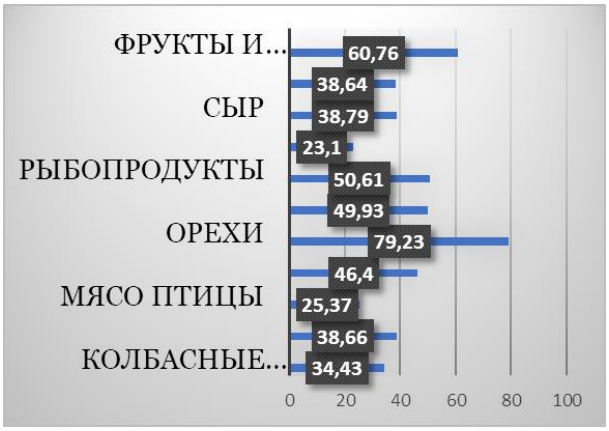


Рисунок 1.
Динамика цен на продукты в санкционный период, % (конец 2013 г.- июнь 2017 г.)[1]

Несмотря на существенное возрастание потенциала российского АПК, Россия сталкивается с неспособностью обеспечивать население в достаточных объемах некоторыми видами продукции. К примеру, по данным Fruitnews, в 2013–2016 гг. импорт свежих фруктов в Россию снизился до 1,45 млн. т, в то время как прирост их отечественного урожая составил лишь 181 тыс. т[2], что, естественно, снизило уровень потребления свежих фруктов населением России. Недопроизводство осложняется и особенностями инвестирования данного сектора: достижение прибыльности бизнеса занимает 10–12 лет.

Исследуя специфику и динамику развития АПК в санкционный период, следует отметить возникающие искусственные ограничения, которые являются тормозящим фактором на пути увеличения темпов роста масштабов производства и стимулирования внутреннего спроса. Так, например, с 1 января 2018 г. производители готовой молочной продукции с подачи Россельхознадзора и Минсельхоза обязаны получить электронный сертификат на свою продукцию[3]. Участники рынка утверждают, что данное нововведение является преждевременным ввиду существования технических препятствий для проведения электронной сертификации. Помимо этого, такая мера неминуемо ведет к стремительному удорожанию переработки молока. Крупные агрохолдинги имеют возможности преодолеть искусственные или бюрократические ограничения, в то время как для малого бизнеса это создает серьезную угрозу вплоть до выхода с рынка. К примеру, даже задержка продукции мелких фермерских хозяйств на границе может стать фактором роста убыточности предприятий, что дискредитирует все меры по привлечению малого бизнеса в экспортоориентированное производство.

Императивным требованием для успешной реализации стратегии импортозамещения является также обеспечение агропромышленного комплекса достаточным количеством трудовых ресурсов, обладающих необходимыми компетенциями. Но к 2020 г. ожидается сокращение трудовой базы АПК до 35,5 млн. чел., а к 2030 г. – до 32,3 млн. чел. Главной причиной масштабного снижения численности населения села является массовая миграция и, в первую очередь, молодежи вследствие непривлекательности аграрного труда, прежде всего, по уровню заработной платы. Так, средний размер оплаты сельскохозяйственного труда за январь-август 2017 г. составил около 17,7 тыс. руб., т.е. лишь 56,5% от среднероссийского уровня и лишь в 2 раза превысил прожиточный минимум. Более 20% работников сферы лесного промысла и охотничьего дела вынуждены выживать на доход, находящийся на грани установленного прожиточного минимума. В результате низкие доходы работников сельскохозяйственного производства обусловливают отнесение к категории бедных до 17% населения сельских территорий, а показатель безработицы в данном секторе составляет 7,9%, что почти в 2 раза выше, чем в городе (4,3%,).

Анализ сферы агрострахования позволил зафиксировать следующие тенденции: сокращение площади застрахованных посевов, численности застрахованных животных, уменьшение размера компенсационных выплат[4]. Сель-

[1] Источник: составлено Мовсисян Н.К. на основе данных «Россстат».

[2] https://fruitnews.ru/

[3] Рыбаков О.Е. Агропромышленный комплекс России в условиях санкционного давления // Молодой ученый. 2017. – № 22. – С. 288-293. – https://moluch.ru/archive/156/44030/

[4] Ушачев И.Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе России // Импортозамещение в АПК России: проблемы и решения. – М.: ВНИИЭСХ, 2015. – С.447.

хозпроизводителям невыгодно осуществлять страхование на предлагаемых страховыми компаниями условиях. При этом, на наш взгляд, сложившаяся модель страхования в агрокомплексе открывает возможности для мобилизации страховщиками огромных денежных ресурсов с осуществлением крайне низкого покрытия потерь при наступлении страхового случая. В связи с этим целесообразно совершенствовать механизм государственного регулирования системы агрострахования в направлении создания концепции покрытия риска от недобора урожая, что наиболее актуально для производителей сельскохозяйственной продукции. При этом целесообразно формально институционализировать долю страхового покрытия не ниже 70–80% от объема полученных страховых премий с учетом субсидий.

Росту темпов производства российского АПК и увеличению его эффективности в период санкционного воздействия способствовали программы льготного кредитования отрасли, осуществляемые банковским сектором наряду со значительным объемом их государственной поддержки. Объем кредитования, предоставленный Россельхозбанком производителям сельского хозяйства, вырос на 44% и превысил 242 млрд. руб., что на 27% превышает уровень 2014 г. Весомая доля в общем объеме выданных кредитов принадлежит отрасли растениеводства.

В целом, в комплекс мер государственной поддержки агропромышленного комплекса в настоящее время включаются:

– возмещение 20–35% затрат на переоборудование или постройку молочных ферм, плодоовощных комплексов, теплиц, складов и селекционных центров;

– компенсационные выплаты до 35% при инвестировании в сельское хозяйство на Дальнем Востоке;

– субсидирование повышения продуктивности молочного производства на Дальнем Востоке, в Нечерноземье и Крыму возросло до 20% (введён повышающий коэффициент 1,2);

– возмещение затрат на закладку плодово-ягодных садов в общей сумме 2,5 млрд. руб.;

– льготное кредитование по ставке до 5%, где доля субсидий на мелкие сельские хозяйства определяется регионом;

– грант для открытия фермерского хозяйства и сельскохозяйственных кооперативов может составить до 3–30 млн. руб. в зависимости от масштаба хозяйства;

– экспортеры пользуются следующими преимуществами приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК»: льготные кредиты, консультации, участие в зарубежных выставках[1].

Реализации стратегии импортозамещения обеспечивает также наращивание экспорта, в частности, в развивающиеся страны. Причем, экспортоориентация выступает приоритетным направлением развития ряда крупных сельскохозяйственных предприятий. Так, группа агропредприятий «Ресурс» – один из крупнейших отечественных производителей мяса птицы, основные птицеводческие предприятия которого расположены в Ставропольском и Краснодарском краях, – в 2013 г. отправила на экспорт 20 тыс. тонн продукции, или около 9% ее общего объема. Лидерами поставок среди стран дальнего зарубежья стали Вьетнам, Габон, Того, Бенин[2].

Таким образом, по нашему мнению, четко выявляются следующие два направления развития отечественного АПК:

− институционально-правовое, которое должно оказывать целенаправленное воздействие на объекты управления в АПК с целью устранения диспаритета цен на сельхозпродукцию;

− развитие и укрепление научно-технического потенциала с наращиванием его инновационного характера для интенсификации производственного процесса и увеличения объёмов производства во всех отраслях АПК.

Проведённый анализ состояния российского АПК показал, что, несмотря на введение санкционного режима ЕС, США и другими странами, продовольственная безопасность России остаётся на достаточном уровне, свидетельством чего является положительная динамика показателей производства сельскохозяйственной продукции. Что касается отрицательного эффекта от санкций, то он характерен, скорее, для стран-санкционеров. Экономики стран, для которых российский рынок сельскохозяйственной продукции был основным каналом сбыта сельхозпродукции, понесли существенный ущерб, прежде всего это экономики прибалтийских стран, неспособных компенсировать потери от санкций. Вместе с тем, в России более ощутим потребительский эффект от воздействия санкций: сузился продуктовый ассортимент, поднялся уровень цен на сельскохозяйственную продукцию.

В силу этого приоритетной целью научно-технологического развития АПК России является обеспечение конкурентоспособности российской продукции на внешнем и внутреннем рынках, прежде всего, за счёт создания, распространения и применения новейших достижений науки и технологий. Реализация этой цели призвана обеспечить переход к высокопроизводительному, высокотехнологичному и ресурсоэффективному производству сельскохозяйственного сырья и продукции.

[1] Семыкин В.А., Сафронов В.В., Терехов В.П. Приоритетные проблемы социально-экономического и институционального развития агропромышленного комплекса региона в условиях открытой экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. – № 5. – С. 3.

[2] Горбатов А.В. Агропромышленный комплекс России: санкции, состояние и перспективы // Управление экономическими системами. 2015. – № 9 (81). – С. 24.

Вукович Г.Г.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой Кубанского государственного университета
kaf224@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ

Ключевые слова: *сфера услуг, трудовой потенциал, управление персоналом, человеческий капитал, развитие, эффективность.*

Keywords: *services, labor potential, personnel management, human capital, development, efficiency.*

На пути к достижению организацией своих стратегических целей все большее значение уделяется развитию персонала. Изменение деятельности и структуры организации требует постоянных преобразований в моделях производственного поведения персонала. В интересах организации и персонала необходимы последовательные усилия, которые способствуют противодействию «физическому» и «моральному» износу рабочей силы, а значит, и ее устареванию.

Управление персоналом является целенаправленной и осознанной деятельностью, направленной на обеспечение оптимальных условий для труда коллектива и отдельных его работников во благо достижения целей предприятия. Управление персоналом по сферам деятельности подразделяется на следующие составляющие:

– подбор нового и адаптация старого персонала;
– активная работа с персоналом (обучение, развитие и организация труда);
– деловые коммуникации и оплата труда;
– стратегическая работа с персоналом и управление его мотивацией.

К основным признакам персонала относятся:

– установление деловых взаимоотношений с работодателем, подтверждающихся трудовым договором;
– наличие подходящей квалификации, профессии или специальности, определяющей деятельность работника на конкретной должности;
– целевая направленность деятельности сотрудников предприятия.

Развитие трудового потенциала организации является важным фактором повышения её эффективности и конкурентоспособности[1]. Потенциал персонала включает скрытые и явные возможности персонала, его способность к эффективной деятельности, развитию и адаптации в меняющихся условиях. Выполнение данных условий обеспечивает устойчивое развитие организации в долгосрочной перспективе[2]. На смену «машинным технологиям» пришли «интеллектуальные», сформировавшие новые подходы к решению экономических, технических и социальных задач. Персонал организации, обладающий определенным потенциалом, начал рассматриваться в качестве одного из главных факторов увеличения прибыли.

Исходной основой и источником формирования потенциала персонала организации служат:

– природные и приобретенные свойства работника;
– способности, знания, умения и навыки;
– ценности и характер.

Выделим ключевые параметры, отражающие состояние трудового потенциала организации, а также рекомендуемые оценочные показатели.

1. Уровень образования сотрудников организации (процент работников с высшим, незаконченным высшим или средним специальным образованием).

2. Стаж работы в организации (процент сотрудников, имеющих стаж работы более двух лет).

3. Уровень удовлетворенности сотрудников организации (результаты анкетирования по группам показателей: удовлетворенность условиями труда, содержанием работы, размером заработной платы, социальной средой, перспективами карьерного роста в организации).

Развитие экономики повлекло за собой изменение требований к персоналу. Появились новые характеристики, отражающие потенциал работников. Под воздействием определенных требований к персоналу формируется его качественная определенность, исходя из чего определяется степень соответствия профессионально-квалификационных, личностных, интеллектуальных характеристик сотрудников уровню научно-технического прогресса и требованиям

[1] Голубев К.М., Молочников Н.Р., Захарова Л.Н. Особенности управления персоналом в системе государственной службы // Устойчивое развитие: общество и экономика. 2016. – С. 32–35.

[2] Строителева Т.Г., Борисов С.А., Беляева Т.А. Методические аспекты исследования интеллектуального потенциала // Экономика устойчивого развития. 2014. – № 3 (19). – С. 203–207.

сложившихся экономических условий. Сохранение и развитие потенциала персонала должны стать главенствующей стратегической задачей для организации, поскольку данные процессы определяют перспективы ее развития[1].

Потенциал персонала организации – это система, каждый элемент которой выполняет определенные функции и оказывает влияние на другие элементы, интегрируется с ними, в процессе чего система обретает способность полноценного функционирования. При условии успешной реализации потенциала персонала организации осуществляется его переход в человеческий капитал.

Потенциал персонала служит основой человеческого капитала организации, а человеческий капитал может рассматриваться как потенциал, уже включенный в производство и реализованный. При высоком уровне потенциала сотрудников повышается эффективность, адаптивность и конкурентоспособность организации в целом, т.к. сотрудники удовлетворены своим трудом. Создаются ориентиры для перспективного организационного поведения, что влияет на уровень мотивации и компетенций персонала[2].

Мероприятия, направленные на стимулирование роста уровня потенциала персонала организации, ориентируются на внутренние и внешние факторы, характеризующие особенности персонала.

Последние включают в себя уровни НТП и экономического развития, социальную политику, систему образования, состояние рынка труда и т.д. Внутренними факторами являются материально-техническая база организации, её стиль управления и условия труда, организационная культура, возможность должностного и квалификационного продвижения и т.д.

Особенностями персонала организации определяется и уровень его потенциала. Рассматривая работников по отдельности, выделим следующие элементы потенциала персонала организации:

– инновационный;
– интеллектуальный;
– трудовой;
– личностный;
– естественный.

Каждому элементу присущи определенные характеристики, которые должны учитываться при комплексной оценке потенциала. По данным характеристикам определяются факторы, оказывающие влияние на элементы потенциала персонала организации[3]. С целью повышения интеллектуального потенциала необходимо:

– привлечь способные и талантливые кадры, развивать эти качества у персонала;
– поддерживать образовательную систему на предприятии, ввести систему поощрений обучающихся сотрудников;
– сформировать у сотрудников стремление к повышению компетенций и уровня знаний;
– создать благоприятные условия для восприятия нового и увеличить информационные потоки;
– развивать у сотрудников навыки сбора информации, её обработки и представления результатов руководству в приемлемой форме и т.д.

На уровень потенциала персонала могут оказывать влияние цели, задачи и миссии предприятия, определяя требования к персоналу[4].

Создание и формирование процессного подхода к управлению персоналом включает в себя следующие действия[5]:

– выявление необходимой информации для построения новой и полной системы процессов;
– определение последовательности взаимодействия в этой системе процессов;
– поиск ответственного сотрудника и наделение его соответствующими полномочиями;
– выделение ключевых процессов стратегических целей и планов;
– поиск и определение заказчика, составление требований к качеству результатов функционирования;
– определение поставщиков процесса и требований к элементам входа в процесс;
– выбор метрологического обеспечения и определение показателей, отражающих эффективность менеджмента;
– планирование программы измерений показателей эффективности и качества процесса;
– составление модели процесса управления персоналом в виде блок-схемы, учитывающей требования системы менеджмента.

Характерной чертой данных процессов служит их межфункциональность и взаимосвязь, которые оформляются и закрепляются в виде документов или действий, являющихся основанием для начала очередного процесса[6].

Итак, управление персоналом учитывает методическое и системное влияние на процессы формирования и распределения рабочей силы в границах определенного предприятия. С помощью организационно-экономических, социальных и правовых отношений между субъектом и объектом управления создаются оптимальные условия для всесто-

---

[1] Кротова М.А., Пахалович М.А., Казарьян М.Ю., Топольян Е.Л. Управление персоналом: теоретико-методические аспекты // Экономика устойчивого развития. 2017. – № 3(31). – С. 125–129.

[2] Там же.

[3] Гузиева Е.В., Павленко И.А., Никитина А.В. Клиентоориентированность персонала как фактор успешного развития бизнеса // Экономика устойчивого развития. 2016. – № 2 (26). – С. 93–95.

[4] Павленко И.А., Гузиева Е.В., Никитина А.В. Стимулирование и мотивация трудовой деятельности в управлении персоналом на современном предприятии // Экономика устойчивого развития. 2016. – № 2 (26). – С. 285–288.

[5] Там же.

[6] Пономаренко Е.Е., Кротова М.А., Абоян З.А. Балансирование диспропорций в агропромышленном секторе России на основе развития его кадрового обеспечения // Экономика устойчивого развития. 2017. – № 1 (29). – С. 379–381.

роннего развития и эффективного использования трудового потенциала членов коллектива. Трудовой потенциал, в свою очередь, остается одной из важнейших категорий человеческого фактора, он непосредственно взаимодействует с производительной силой и обеспечивает эффективность трудовой деятельности, что в конечном итоге приводит к качественному экономическому росту.

Голодов С.В.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Golodov.SV@rea.ru
Бабич С.Г.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Babich.SG@rea.ru
Кокарев М.А.
к.ф.-м.н., в.н.с. Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ mikhail.kokareff@gmail.com
Самарина Е.П.
старший преподаватель, Российский экономический университет
Samarina.EP@rea.ru
Чикин С.Н.
к.э.н., доцент, НГУЭУ
s.n.chikin@edu.nsuem.ru

СИСТЕМА СТАТИСТИЧЕСКИХ И ОПТИМИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА. ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, инновационное развитие, статистические и оптимизационные модели.*

Интенсивный рост сельскохозяйственного производства, обусловленный с одной стороны реализацией принятой в 2010 г. Доктрины продовольственной безопасности России, с другой стороны – введением запрета на ввоз продовольственных товаров из ряда западных стран в ответ на введенные против России санкции, выдвинул на первый план потребность в изучении и прогнозировании развития агропромышленного комплекса страны. В мире в целом и в России, в частности, накоплен существенный опыт построения прогнозных моделей развития АПК. Наиболее эффективный подход с точки зрения увязки сложившихся тенденций развития и определения оптимальных пропорций комплекса включает в себя сочетание статистических и оптимизационных моделей. Именно экономико-математические модели позволяют воспроизводить общую ресурсную ситуацию на перспективу и тенденции изменения структурных параметров, а также дают возможность выбора лучшего в определённом экономическом смысле варианта развития при различных уровнях использования экономического потенциала АПК. Идея увязки математико-статистических и оптимизационных моделей не нова, но её актуальность вновь возрастает в связи с тем, что экономика входит в стадию рационального использования ресурсов и как следствие, влияние различных факторов на этом этапе усиливается. Таким образом, использование этого подхода для моделирования развития агропромышленного комплекса страны в современных условиях эффективно и актуально.

Среди специалистов, которые занимались исследовательской и организационной деятельностью в сфере экономико-математического моделирования, безусловно, чрезвычайно значительна роль Василия Сергеевича Немчинова (1). Будучи человеком энциклопедических знаний, а также тонко чувствующим формирование новых направлений в экономической науке, он по сути дела воплотил в жизнь тезис К. Маркса: Наука только тогда достигает совершенства, когда начинает пользоваться математикой. Он одним из первых понял всю важность широкого распространения математического моделирования, математических методов как в теории, так и в практике исследования и принятия решений в экономике. Он первым сформулировал необходимость внедрения в экономику не только описательных количественных методов, но и математических методов анализа и решения планово-экономических задач. Уже в 1957 году В.С. Немчинов начал деятельность по организации исследовательской деятельности в области экономико-математических методов. Он создал ряд новых направлений: экономико-математические методы, планометрические методы, экономическую кибернетику.

Система моделей планового хозяйства предусматривает (кроме модели социалистического расширенного воспроизводства) модель общественного разделения труда, модель территориального размещения общественного материального производства, модель денежных и финансовых потоков в народном хозяйстве, модель материально-технического снабжения, динамическую модель экономического развития. Все эти модели позволяли осуществить разветвленную систему экономических и плановых расчетов в целях получения различных вариантов народнохозяйственного плана. Последние отличаются от оптимального варианта, удовлетворяющего определенному экономическому критерию, например, требующему обеспечения максимального хозяйственного результата при минимальной затрате наличных ресурсов. При моделировании экономических процессов общественное производство рассматривается как многомерное хозяйственное пространство, и соответственно могут быть выделены следующие стороны хозяйственной деятельности:

- вещественный состав сферы материального производства;
- технологические способы производства;
- отраслевая структура производства;
- производственные и природные ресурсы;
- затраты на хозяйственную деятельность и её результаты;
- финансовые потоки в экономике;
- трудовые ресурсы.

Измерение многомерного хозяйственного пространства не может осуществляться без разветвленной системы общественных оценок, таких как плановая цена, общественная стоимость, потребительная стоимость, экономическая эффективность использования ресурсов. Плановая экономика, многократно подвергнутая критике, конечно, имела множество недостатков, перечислять которые не имеет смысла. Как правило, критики отмечают отсутствие гибкости, что они связывают с тем, что она лишена конкуренции, её мобилизационный характер, а также давление некой субстанции, которую они определяют как «государство». Государство, по их мнению, плохой менеджер, неэффективный собственник, а также неэффективный инвестор. При продавливании реформ перечисленный набор был представлен как список того, что требует устранения на пути к рыночному благополучию. Двадцать пять лет реформ позволили провести чистый эксперимент, который дал возможность опровергнуть практически все перечисленные пропагандистские тезисы. Обращаясь к проблеме использования математического моделирования в процессе построения прогнозов и планировании сложных экономических объектов, таких как агропромышленный комплекс страны и его региональные подразделения, а также система продуктовых подкомплексов, необходимо отметить, что практически мы имеем дело с задачей оптимального, разумного распределения ресурсов. Кроме этого, задача должна включать в себя динамический аспект. Объединяя два эти принципиально важные базисные начала, мы получаем и методический подход, приоритет в разработке которого принадлежит профессорам Б.И. Искакову и В.А. Колемаеву (2, 3). Задача прогнозирования и планирования АПК продолжает быть актуальной. Естественно, со временем она приобрела новые оттенки и нюансы. Например, в ней необходимо отразить наличие различных форм собственности предприятий, особенности применения технологий, привлечения ресурсов и т.д. Во многом сам подход не претерпел существенных изменений. Так или иначе, осталась задача оптимизации распределения ограниченных ресурсов с целью максимизации ожидаемого эффекта. Многовариантные расчёты, проводимые при различных предположениях об использовании экономического потенциала АПК и различных темпах научно-технического прогресса, помогут выявить узкие места, диспропорции и определить пути их ликвидации.

Система моделей для определения перспектив развития и размещения АПК в общем виде включает модели центрального комплекса, обеспечивающие части системы совокупностью рабочих гипотез и обобщающих полученные частные результаты, и периферийные математико-статистические модели, с помощью которых на основе динамических рядов соответствующих показателей определяются экзогенные параметры центральных моделей, то есть технико-экономические коэффициенты при переменных и правые части ограничивающих условий. Следовательно, периферийные модели должны воспроизводить общую ресурсную ситуацию на перспективу (трудовые, материальные, финансовые ресурсы, инвестиции) и тенденции изменения структурных параметров моделей центрального блока. Центральный комплекс моделей состоит из оптимизационных моделей (линейные статические и линейные динамические), позволяющих осуществлять выбор лучшего в определённом экономическом смысле варианта развития при различных уровнях использования экономического потенциала АПК. Успешное развитие АПК в нашей стране связано с инновационным подходом к его развитию. В оптимизационной модели этот подход отражён созданием специальных конкурирующих технологий, которые отличаются большей эффективностью, но требуют значительных инвестиций. Один из важнейших вопросов планирования вообще, и планирования с помощью математических методов в частности – это выбор критерия. Критерий развития экономического объекта определяется целью, поставленной перед ним. Целью в глобальном смысле может быть, например, достижение полного благосостояния и свободного развития всех членов общества. Хотя в настоящее время она, возможно, не так уж популярна, так как противоречит пропагандируемому максимальному извлечению прибыли. Однако в конкретных задачах формализовать этот критерий эффективности довольно сложно. Поэтому приходится использовать некоторые частные критерии. В связи с этим необходимо отметить, что преодолеть разногласия в вопросе о существовании некого обобщающего показателя экономического развития, пригодного для использования в качестве критерия, до сих пор не удалось. Некоторые специалисты отвергают существование такого интегрального показателя. Они предлагают использовать систему показателей, описывающих наиболее важные связи. Видимо, этот подход является наиболее продуктивным. Авторы придерживаются именно его (6, 7). В практике моделирования АПК используют не менее двадцати критериев как минимизационных, так и максимизационных. Как правило, это либо минимизация затрат, либо максимизация валового выпуска. Наряду с упомянутыми критериями используются или предлагаются к использованию другие критерии. Например, предлагается использовать критерий максимизации прибыли, исчисленной в оптимальных ценах. Впервые этот критерий предложен В. Ф. Пугачёвым. Оптимальным планом при его использовании считается такой план, который даёт максимальное изменение целевой функции, то есть такой, при котором достигается максимальное значение интегрального эффекта. Критерий интересен, но его практическая реализация наталкивается на проблему определения оптимальных цен. В условиях фактически дикого капитализма цены с трудом поддаются регулированию, которое, как показывает практика, вполне возможно и эффективно. Ещё один подход предложен В.С. Немчиновым. Он состоит в том, чтобы использовать в качестве критерия выход калорий, жиров, белков и углеводов с единицы площади. В.С. Немчинов для решения задачи размещения АПК предложил использовать в качестве критерия межрегиональную товарность производимой продукции. Этот критерий однако не лишен недостатков, так как его использование игнорирует внутрирегио-

ональное потребление продукции. Для стимулирования внутреннего производства продукции АПК интересен критерий, сформулированный С.Е. Ильюшонком, – это разность между суммарной калорийностью дефицитных и недефицитных продуктов. Критерий способствует производству продуктов, объёмы которых не соответствуют запросам рынка. Это как раз то, что нужно для решения проблемы импортозамещения.

Для практических расчётов, как показывает опыт, требуется использование различных минимаксных критериев с их последующим согласованием.

Так среди наиболее эффективных:

- минимум затрат труда в сельском хозяйстве;
- максимум производства кормов для животноводства;
- максимум производства валовой продукции;
- максимум производства конечной продукции.

Два последних требуют тщательной проработки цен, в которых считается объёмный показатель. С точки зрения стимулирования роста производства и создания некоторого инвестиционного запаса критерий конечной продукции представляется наиболее интересным. Оптимальные решения, полученные при использовании различных критериев, не совпадают. Отсюда возникает идея компромисса, которая реализуется через процедуру согласования. Такие процедуры были разработаны и отечественными, и зарубежными специалистами. Например, строится синтетический показатель. Задача решается по разным критериям, затем находится разность между максимальным и минимальным значениями разных критериев. Эта разность принимается за 100%. Остальные разности – доля от неё. В качестве показателя эффективности используется сумма этих долей. Лучший план имеет наименьшую сумму. Несколько иной подход используется В. Вархусом. План оценивается на основе среднего стандартного отклонения, а не простой суммы:

$$d_j = \sqrt{\frac{\sum_1^m d_{ij}}{m}}$$

j=1,2,...,n, где

d_j —стандартное отклонение j-го варианта плана;

n- сравниваемых вариантов плана;

m – число выбранных критериев;

d_{ij}-отношение отклонения i-го критерия в j-том варианте плана к наибольшей разности.

Оба подхода просты, эффективны и не потеряли актуальности.

Развитие АПК страны в последние 25 лет характеризуется существенной неравномерностью. Падение объемов производства, поголовья животных, посевных площадей, урожайностей и продуктивностей было настолько значительным, что восстановление дореформенных уровней представлялось невозможным. В табл. 1 показана динамика некоторых показателей отечественного сельского хозяйства.

Таблица 1[1]

Важнейшие показатели сельского хозяйства Российской Федерации

Показатели (хозяйства всех категорий)	1990 г.	1995 г.	2005 г.	2016 г.
Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур, тыс. т	116 676	63 406	77 803	120 672
Валовой сбор сахарной свёклы, тыс. т	32 327	19 072	21 276	51 367
Валовой сбор картофеля, тыс. т	30 848	39 909	28 137	31 108
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. гол.	57 043	35 103	21 625	18 753
Поголовье свиней, тыс. гол.	38 314	22 631	13 812	22 023
Поголовье птицы, тыс. гол.	659 808	422 601	357 468	553 011
Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га	19,5	13,1	18,5	26,2
Урожайность сахарной свёклы, ц/га	240	188	282	470
Урожайность картофеля, ц/га	104	118	124	153
Надой молока на 1 корову, кг	2731	2153	3176	4134
Средний настриг шерсти с 1 овцы, кг	3,9	2,9	3,0	2,4
Средняя яйценоскость 1 курицы-несушки, штук	236	212	301	310
Внесено минеральных удобрений кг/га всей посевной площади	88	17	25	49
Внесено органических удобрений т/га всей посевной площади	3,5	1,4	0,9	1,4
Приходится тракторов на 1000 га пашни, шт.	11	9	6	3

Данные табл. 1 довольно ярко отражают как глубину падения, так и существенный рост показателей за последние десять лет. Причём при существенном падении внесения удобрений, парка сельхозтехники отрасль демонстрирует рост урожайности и продуктивности. Агропромышленный комплекс – один из основных секторов экономики страны. Проводимая аграрная реформа направлена на создание экономических условий для функционирования сельских товаропроизводителей всех форм собственности и на этой основе скорейшую стабилизацию сельскохозяйственного производства в новых условиях хозяйствования. Специфика АПК как объекта прогнозирования выражается в том, что он включает несколько органически взаимосвязанных отраслей, первичным же является сельское хозяйство. Известно, что в сельскохозяйственном производстве условно можно выделить два периода: в одном – процесс производства совершается под действием человека, в другом – под воздействием природных сил. Следовательно, при прогнозирова-

[1] gks.ru

нии показателей развития АПК необходимо использовать как наивные методы, так и экспертные, статистические. В первом случае результат объективен, но недостаточно учитываются факторы внешней среды. Применение экспертных методов позволяет устранить данный недостаток. Статистические методы позволяют уловить и исследовать и экстраполировать тенденции, сложившиеся в динамических рядах. Внедрение интенсивных технологий требует дополнительных вложений, как минимум, на 30–50% больше средств по сравнению с традиционно сложившимися, при повышении их окупаемости в 1,5–2 раза. Глобальный критерий оптимальности – это критерий функционирования народного хозяйства как целостной экономической системы. Он должен максимизировать благосостояние общества и быть направленным на максимум совокупного общественного продукта, национального дохода, фонда накопления, фонда потребления и т.д. Процессы, направленные на решение частных экономико-математических задач в АПК, преследуют конкретные цели и оптимизируются с помощью локальных критериев оптимальности. Их особенность в том, что каждый локальный критерий не должен противоречить требованиям глобального и при этом более полно учитывать особенность решаемой задачи. Подобный подход правомерен, так как в рамках экономики имеются комплексы, отрасли, формирования, организации, которые имеют свои специфические цели и задачи. Рассматриваемые приемы получения компромиссного решения имеют как положительные, так и отрицательные стороны, в том числе и определенные условности. Чаще всего при решении конкретных экономико-математических задач, имеющих многокритериальный характер, часть возможных критериев непосредственно учитывают в ограничениях. Например, ограничение по прибыли увязывают с ограничением по использованию капитальных вложений и формированию фондов, а в качестве целевой функции выступает максимизация стоимости конечной продукции за вычетом той ее части, которая направляется на погашение кредитных средств. При такой постановке получается компромиссный вариант, по которому будет предложен план с возможно большой прибылью, меньшей фондоемкостью отраслей, наивысшим вложением собственных инвестиций в развитие производства и максимальной денежной выручкой.

Список литературы

1. Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. – М.: Соцэкгиз, 1962, – 409 с.
2. Искаков Б.И. Инструментарий для исследования проблем оптимизации размещения и специализации сельского хозяйства по зонам страны на перспективу. – М., 1969, – 104 с.
3. Колемаев В.А. Эконометрическая статистика и её математическое обеспечение // Статистические алгоритмы и программы. – М., 1979, – С. 21–131.
4. Колеснёв В.И. Обоснование параметров экономических показателей сельскохозяйственных организаций при оптимизации структуры производства продукции на основе применения информационных технологий и экономико-математических моделей / В. И. Колеснёв, И. В. Шафранская // Рекомендации. – Горки: БГСХА, 2013. – 46 с.
5. Математическое моделирование экономических процессов в сельском хозяйстве: Учебник / А.М. Гатаулин [и др.]; под ред. А.М. Гатаулина. – М.: ИТК Гранит, 2009. – 432 с.
6. Садовникова Н.А., Минашкин В.Г., Кучмаева О.В., Дарда Е.С., Махова О.А. Статистика: учебник. – М.: Научная библиотека, 2016.
7. Голодов С.В. Влияние научно-технического прогресса на планирование регионального агропромышленного комплекса (на материалах Центрального экономического района СССР): дисс. на соискание уч. ст. к.э.н. – М.: МИНХ им. Г.В. Плеханова, 1984. – 173 с.
8. Василенко И.Г. Моделирование развития регионального продовольственного комплекса (на материалах Киргизской ССР): дисс. на соискание уч. ст. к.э.н. – М.: ВНИИЭСХ, 1983. – 170 с.

Гончаренко Л.С.
к.э.н., доцент Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета
bls@csu.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: *модернизация, экономический рост, технологичность, инновации, факторы модернизации, сравнительный анализ предпосылок модернизации России и Японии.*

В настоящее время модернизация понимается как процесс перехода к новому обществу, к новому этапу, характеризующемуся качественными и количественными сдвигами во всех сферах жизни общества. Модернизация экономики – это комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности производства, ускорение экономического роста, более полное удовлетворение потребностей общества[1]. В данном контексте модернизации подлежат не только развивающиеся страны, но и развитые, т.к. целью любого хозяйства является развитие.

Можно выделить несколько особенностей модернизации экономики на современном этапе:

1) Комплексность модернизации – процесс обновления и выхода на следующий уровень возможен при совершенствовании всех сфер жизни общества, т.е. внедрение технологических инноваций будет иметь большую эффективность, если общество психологически подготовлено, если произошли соответствующие институциональные и структурные сдвиги в хозяйственной системе.

2) Необратимость – любая страна стремится к прогрессивному развитию, достижения не отрицаются, не осуществляется возврат к более раннему этапу развития. В истории наблюдались примеры регрессивного развития стран, но данные нарушения в работе хозяйственных механизмов были связаны с войнами и катаклизмами, в мирное время, как правило, имеет место экономический рост, в крайнем случае стагнация экономики.

3) Глобальный характер модернизации – уровень развития технологий в XX–XXI веке не допускает изолированного развития какого-либо государства. Инновации и разработки, осуществленные в одной стране, в течение короткого времени становятся достоянием всего мира. Модернизационные сдвиги любой национальной экономики инициируют изменения спроса и предложения в странах-партнерах.

Зарубежный опыт модернизации экономики мы рассмотрим на примере Японии[2]. Современное положение Японии в мировой экономике является результатом преобразований во всех сферах жизни: экономике, сельском хозяйстве, административном аппарате, образовании, культуре. Япония избрала догоняющий тип модернизации, при котором в страну не просто переносились образцы западных технологий, способов производства и управления – эти нововведения «адаптировались» к специфике общества, что позволяло получить большую эффективность от процесса модернизации.

Особую роль в обновлении Японии сыграли преобразования в области экономики, поскольку именно они создавали материальную базу для превращения страны в современное государство. Существовали следующие предпосылки, позволившие стране достичь высокого уровня развития в XX веке:

1) Активная роль государства в экономике. С начала построения капитализма в Японии государство являлось главным собственником ресурсов, осуществлявшим контроль практически над всеми сферами экономики. Постепенный переход к рыночным формам и законам хозяйствования ослабил государственный надзор, но не привел к снижению роли государства в экономике, к потере доверия граждан к государству как к гаранту стабильности и процветания. Благодаря государственной поддержке и стимулированию был сформирован благоприятный климат для инвестирования и развития новых производств.

2) Высокая степень технологичности японского хозяйства. Технологические достижения Японии, как и многих государств в XX веке, обусловлены наращиванием военно-технологического потенциала накануне мировых войн (преодоление отставания от Запада, формирование новых отраслей), а в мирное время необходимостью удовлетворять потребительский спрос на всех рынках. Наряду с внедрением привнесенных технологий японские специалисты вели собственные разработки в различных сферах: электроника, химическая промышленность, менеджмент качества.

3) Психологическая готовность общества к изменениям. Исторически японское население характеризуется способностью адаптировать элементы других культур и цивилизаций при верности собственным традициям, что обеспечивает успешную трансформацию привнесенной культуры и нововведений в общество без социальных катаклизмов.

[1] Нуреев Р.М. Экономика развития: Учебник. – М.: Норма, 2008.
[2] Экономика Японии. Учебное пособие. – М.: Восточная литература, 2008.

Данная восприимчивость к нововведениям обусловлена особенностями политической системы и ментальности населения.

Японская модернизация имела двусторонний характер: из модернизации «сверху» она превратилась в нововведения «снизу», на уровне отдельной фирмы, что обеспечило ее всеобъемлющий характер.

Бурный рост японской экономики после второй мировой войны имел определенную базу: значительный уровень затрат на исследования и разработки, селективность стратегии экономического развития (акцент на удовлетворение массового спроса), переориентация военного производства на товары народного потребления, реформирование системы образования (по основным принципам: индивидуализм; непрерывное образование; учет глобальных перемен; творческий подход, инновационность). Япония осуществила догоняющую, экзогенную модернизацию – она использовала зарубежные разработки с учетом специфики собственного хозяйства и особенностей развития общества. В настоящее время страна перешла к эндогенному типу модернизации – разработке собственных инноваций, технологий и образцов.

Рассматривая возможности модернизации российской экономики, необходимо отметить, что Россия в силу уровня развития и специфики хозяйства может использовать в настоящее время только способ догоняющей модернизации[1]. Проведем анализ модернизационных предпосылок в России.

1) Роль государства в экономике. Национальная экономика уже много лет носит название «переходной», и действительно имеет некоторые черты присущие прежней модели хозяйствования. В период становления рыночного хозяйства государство отказалось от тотального контроля экономической жизни, сохраняя при этом достаточную степень влияния, что необходимо при проведении кардинальных реформ и в условиях нестабильности развития страны. Но, в отличие от Японии, оно потеряло доверие населения страны, что не может способствовать проведению эффективной модернизации, т.к. начинаться она должна «сверху» – в области законодательства, социальной и финансовой политики. Соответствующие действия государственных органов власти и управления производятся, т.е. импульс «сверху», есть, однако он не поддерживается широкими массами по ряду причин, к которым относятся недоверие к государству, политическая пассивность, низкий патриотизм.

2) Технологичность национальной экономики не является высокой. Россия заимствует большую часть технологий, что замедляет процесс модернизации, удорожает стоимость продукции и услуг.

3) Психологически российское население не готово к модернизации. К причинам этого можно отнести ментальную пассивность. Широкими массами модернизация, нововведения не воспринимаются, модернизация не находит отклика «снизу», происходит принудительное внедрение новых способов производства, технологий, инноваций.

В России существуют не только факторы, замедляющие процессы модернизации, но и предпосылки, ей способствующие, например, обилие природных, человеческих, энергетических и экономических ресурсов, дешевая рабочая сила, низкий по сравнению с развитыми странами уровень жизни.

В целях осуществления модернизации в нашей стране необходимо повысить уровень доверия граждан к государству, не ослабляя его роли в экономике, увеличить вложения в НИОКР, инновации, реформировать систему образования, повысить его связь с реальным сектором, пересмотреть политику сырьевой направленности и минимизировать отраслевые перекосы национального хозяйства.

[1] Максимцев И.А. Модернизация России: социально-экономический и технологический аспект: – Учебное пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2008.

Горденко Г.В.
с.н.с. Института экономики РАН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: НАЗРЕВШИЕ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова*: государственное управление, институт интеллектуальной собственности, коммерциализация объектов интеллектуальной собственности.*
Keywords*: public administration, institute of intellectual property, commercialization of objects of intellectual property.*

Институт интеллектуальной собственности в инновационной экономике

Инновационная экономика может существовать только в условиях, когда знания и связанные с ними инновации становятся доминирующим ресурсом общественного производства. Развитие инновационной экономики, как показывает мировой опыт, зависит от многих предпосылок фундаментального характера. В первую очередь речь идет о формировании экономических и институциональных условий, обеспечивающих заинтересованность экономических агентов в создании, распространении, реализации и приспособлении знаний к процессам производства новых продуктов и оказания услуг.

Построить инновационную экономику можно только на высокой добавленной стоимости человеческого интеллекта, на развитии института интеллектуальной собственности[1]. Интеллектуальная собственность (ИС) имеет юридическое содержание как объект правоотношений; институциональное как вид собственности; экономическое как система экономических отношений между экономическими агентами по поводу присвоения или отчуждения, а также использования объектов интеллектуальной собственности (ОИС). При этом следует отметить, что ИС позволяет выявить специфические инновационные отношения экономических агентов в соответствии с жизненным циклом ОИС: создание, приобретение прав, практическое использование, окончание срока действия прав на ОИС.

Следует отметить, что уже на этапе инициирования интеллектуальной деятельности необходимо понимать, как в будущем могут быть распределены между участниками этого процесса отношения распоряжения, владения, использования, связанные с ОИС. Сложность понятия ИС проистекает из сложности определений самой интеллектуальной деятельности, ее результативности, а также из-за неоднородности ОИС.

Разные элементы прав могут быть закреплены за разными субъектами правоотношений ИС, во-первых, вследствие специфичности ОИС; во-вторых, из-за спецификации прав ИС[2].

Рассмотрим специфичные черты ОИС:

- Большинство ОИС как результат творческого труда имеет авторов.
- Интеллектуальные продукты нематериальны и физически не изнашиваются.
- Создание ОИС, относящихся к сфере высоких технологий, требует, как правило, гораздо больше времени, средств и творческих усилий по сравнению с затратами на их копирование и использование. Часто такие объекты представляют собой результаты совместной деятельности многих лиц, объединившихся с тем, чтобы добиться успеха. Возникает возможность множественности владельцев прав.
- При тиражировании или дистрибуции ОИС обязательным является не только участие правообладателя (продавца) и лица, заинтересованного в приобретении полной или частичной совокупности прав на ОИС (покупателя), но и автора – обладателя права на авторское вознаграждение от любого использования его творческой деятельности.
- Возможность установления в отношении отдельных ОИС режима государственной тайны существенно ограничивает возможность их коммерциализации.
- Продавец прав на ОИС, как правило, не теряет знания об ОИС, следовательно, имеет потенциал для дальнейшей инновационной кооперации экономических агентов.
- Решение об ограничении интеллектуального продукта институтом ИС принимается автором или уполномоченным им лицом с учетом многих факторов: научной, технической, общественной значимости данного результата, промышленного применения, его патентоспособности в соответствии с законодательно установленными критериями.

Влияние перечисленных факторов на возможность предоставления легальной монополии на использование результатов интеллектуальной деятельности (РИД) довольно существенно.

---

[1] Под интеллектуальной собственностью современное российское законодательство и международные соглашения понимают совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и творческой деятельности.

[2] Под спецификацией прав собственности подразумевается определение субъекта, обладающего правом, объекта, набора правомочий, включая условия, способы передачи правомочий от одного субъекта к другому.

Перспективы совершенствования института ИС в России можно связать со следующими обстоятельствами.

1. Отношения по поводу регистрации, оборота, охраны и использования прав на ОИС приобретают системные свойства.

2. Институт ИС дополняет традиционные направления деятельности экономических агентов инновационной сферы. Например, к традиционным функциям университетов (подготовка квалифицированных кадров и проведение научных исследований) добавляются взаимодействия с бизнесом, реализуемые, в том числе, и через отношения, включая распоряжение ОИС как частью национального богатства, созданного университетами за государственный счет.

3. С институтом ИС связано дальнейшее развитие российской науки. В частности, институт ИС способствует повышению статуса и доходов специалистов, владеющих правами на ОИС.

В связи с тем, что знания являются активом, который принадлежит конкретному человеку, но должен приносить пользу всему обществу, в отношении ИС возникают противоречия, которые могут оказать существенное влияние на процесс инновационного развития. Основное противоречие заключается в монопольном праве на ОИС, что может препятствовать быстрому распространению новых знаний в интересах всего общества.

Деструктивное влияние ИС на создание и распространение инноваций возможно также в следующих случаях:

1. Права на ОИС используются как инструмент торможения инновационных процессов (например, применяется блокирующее патентование).

2. Права на ОИС, принадлежащие субъектам национальной инновационной системы (в частности, государственным структурам) гипертрофируются и входят в противоречие с интересами других экономических агентов в инновационной сфере.

3. Затраты общества на поддержание системы охраны ОИС превышают эффект от их использования.

Принципиально важно при исследовании проблем развитии института ИС учитывать следующие обстоятельства.

1. В информационную, цифровую эпоху движущей силой экономического роста и развития является, в первую очередь, технологический прогресс. Причем значение технологий возрастает, так как внедрение новых технологий с каждым годом происходит быстрее, инновационные циклы становятся короче, а развитие технологий напрямую связано с ростом значения интеллектуальной собственности.

2. Современное общество характеризуется высокой степенью сложности. Такая сложность требует, чтобы право ИС находило точки соприкосновения и устанавливало необходимое равновесие между разнообразными интересами, с которыми связана разработка инноваций, интеллектуальное творчество и распространение результатов интеллектуальной деятельности.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что ИС нуждается в управлении на уровне государства. Под таким управлением следует рассматривать создание экономических и институциональных условий, способствующих формированию и развитию связей экономических агентов для эффективной реализации полного жизненного цикла ОИС, включая защиту ОИС.

Современное состояние государственного управления интеллектуальной собственностью

Рассматривая вопросы государственного управления ИС, важно учитывать, что каждому этапу развития экономики соответствует и качественно новый уровень решений в области управления. Одно лишь накопление прошлого опыта, закрепление уже испытанных форм и повторение оправдавших себя методов не позволяет решать новых проблем. В этом диалектика развития науки и практики управления: постоянно выявлять новые проблемы в управлении, искать методы и средства их решения, и реализуя найденные формы управления, готовить почву для новых изменений.

При всем многообразии видов инновационной деятельности ключевым звеном инновационного процесса является создание и использование ОИС, ставших результатом исследований и разработок. Это понимание инновационного процесса не означает, что в нем участвуют только научные институты, университеты или компании, ведущие наиболее перспективные исследования. Инновационный бизнес – это и компании, осуществляющие нововведения, являющиеся результатом исследований и разработок.

В настоящее время РФ, обладая всеми возможностями и составляющими для инновационного развития – развитой сетью научных и образовательных организаций, сырьевыми ресурсами, самостоятельным сектором промышленного и агропромышленного производства, достаточно восприимчивым к технологиям населением, не показывает существенных достижений и прорывов в росте национальной «интеллектуальной» экономики. Одной из основных проблем, сдерживающих такое развитие России, является отсутствие системной коммуникации между элементами и составляющими инновационной системы – сектором исследований и разработок, промышленностью, государственными институтами и органами власти, институтами развития и финансирования.

Принципиально важным в этой связи представляется принятие Федерального закона «О государственном стратегическом планировании в Российской Федерации»[1]. Он, по мнению специалистов, позволит повысить эффективность координации и целенаправленности деятельности федеральных, региональных и муниципальных властей, учреждений, предпринимателей для ускорения экономического и научно-технологического прогресса.

В соответствии с принятым законом утверждены отраслевые документы стратегического планирования в научной, научно-технической и инновационной сферах:

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

• Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»[1].

• Утверждена государственная программа РФ «Развитие науки и технологий»[2], основные цели которой – формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок и обеспечение его ведущей роли в процессе технологической модернизации экономики.

В Стратегии определена цель научно-технологического развития Российской Федерации – обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации.

Сегодня к слабым местам института ИС можно отнести:

• низкий уровень реальной инновационной активности предприятий;

• крайне низкий уровень коммерциализации результатов научных исследований и разработок;

• низкая доля финансирования бизнесом сектора исследований и разработок, далекая от доли, принятой в развитых странах с хорошими инновационными показателями;

• для подавляющего большинства российских предприятий участие в инновационной деятельности на национальном уровне не является популярной бизнес-стратегией.

Рассмотрим подробнее основные проблемы, которые необходимо учитывать с целью развития института ИС в России.

1. Низкий уровень финансирования научных исследований, в том числе фундаментальных

По данным Industrial Research Institute (IRI), в 2015 г. расходы на исследования и разработки в мире в целом составили 1882,7 млрд. долл. Из них более 60% расходов пришлось на 4 страны – США, Китай, Японию и Германию. При этом доля России составила только 2,7%. По прогнозу IRI, расходы на исследования и разработки в России продолжат сокращаться.

Финансирование науки из средств федерального бюджета в процентах к расходам федерального бюджета в 2016 г. составило 2,81%, а к валовому внутреннему продукту – 0,54%[3].

Как свидетельствуют данные табл. 1, в основном государство принимает на себя бремя затрат на исследования и разработки, компенсируя недостаток средств организаций предпринимательского сектора. Доля бюджетных средств составляла 65,9% в 2016 г., доля источников финансирования бизнеса – 16,4%.

Включая бюджетные ассигнования на содержание образовательных организаций высшего образования и средства организаций государственного сектора.

Таблица 1

Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования в РФ (млрд. руб.)

	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего	**76,7**	**523,4**	**847,5**	**914,7**	**943,8**
в том числе по источникам финансирования:					
средства бюджета 1)	41,2	360,3	569,1	617,3	622,3
собственные средства научных организаций	6,9	47,4	99,7	109,9	129,1
средства фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	…	…	…	…	9,3
средства организаций предпринимательского сектора	14,3	85,9	145,8	150,9	154,9
средства образовательных организаций высшего образования	0,1	0,1	1,8	2,3	1,6
средства частных некоммерческих организаций	0,03	0,6	1,0	1,3	1,3
средства иностранных источников	9,1	18,6	21,0	24,2	25,4
в том числе средства:					
международных организаций	…	3,7	3,1	1,3	1,5
государственных организаций зарубежных стран	…	5,7	4,8	7,2	8,1
организаций предпринимательского сектора зарубежных стран	…	7,9	12,1	14,2	14,2
прочих зарубежных организаций (организаций образования, фондов, некоммерческих организаций)	…	1,2	1,0	1,5	1,6

Источник: Росстат: онлайн – сборник «Россия в цифрах» – выпуск 2017 г.

2. Незаинтересованность российского бизнеса в нововведениях

К сожалению, уровень реальной инновационной активности предприятий в России остается крайне низким. Согласно данным Росстата, удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в промышленности, в 2012–2015 гг. не превышал 10%[4].

[1] Указ Президента РФ от 01.12.2016 г № 642. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-01122016-n-642

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы”» // Информационно-правовой портал «Гарант».

[3] Росстат: онлайн – сборник «Россия в цифрах» – Вып. 2017 г. – https://nangs.org/analytics/rosstat-online-sbornik-rossya-v-tsifrakh-vypusk-2017-goda-pdf

[4] Федеральная служба государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

По экспертным оценкам[1], ключевой проблемой является отсутствие ответственности менеджмента за развитие компании на среднесрочный период. Среднесрочных планов инновационного развития либо не существует, либо отсутствует реальная ответственность за их неисполнение. Таким образом, основным приоритетом становится решение операционных задач и максимизация прибыли в краткосрочной перспективе.

Такая ситуация является губительной для инновационных проектов с горизонтом реализации в 5–10 лет, то есть за пределами краткосрочного горизонта планирования. Менеджмент не заинтересован в инновациях. В компаниях зачастую отсутствует система управления инновациями, отсутствуют прозрачные и четкие критерии выбора инновационных проектов. Компании не заинтересованы во внедрении даже собственных разработок.

Важно иметь в виду, что слабая склонность к нововведениям в течение длительного времени приводит к отсутствию в компаниях компетенций и бизнес-процессов, необходимых для нововведений.

В мировой практике драйверами инноваций являются малые инновационные предприятия, которые создаются преимущественно на базе научно-исследовательских институтов и образовательных организаций высшего образования и используют научно-технические разработки своих учредителей. Практика создания и функционирования малых инновационных предприятий как самостоятельных структур, проводящих исследования и внедряющих научно-технические результаты в производственный процесс, пока не получила должного развития в России.

Об инновационном потенциале малых и средних предприятий (МСП) можно судить по данным Российского банка поддержки МСП[2]. К важнейшим факторам, сдерживающих развитие бизнеса следует отнести: сильную конкуренцию за рынки сбыта как с крупными, так и с МСП; недоступность кредитов и других источников финансирования; высокое налоговое бремя; слабое развитие инфраструктуры в регионе; административные барьеры и коррупцию.

С другой стороны, слабость инновационной составляющей объясняется незаинтересованностью крупных предприятий в инновациях, а также в партнерстве с инновационными МСП.

3. Низкие масштабы вовлечения ОИС в хозяйственный оборот

В России все еще сохраняются значительные «разрывы» в части коммерциализации и вывода на рынок результатов фундаментальных исследований и прикладных разработок. При этом объем бюджетных средств, направляемых на развитие науки, до сих пор не увязан с результатами коммерциализации ОИС. Процесс коммерциализации в России является самым слабым звеном в реализации жизненного цикла ОИС.

Коммерческое использование ОИС может быть реализовано двумя способами:

1. Использование ОИС в хозяйственной деятельности предприятия – стратегия капитализации, позволяющая предприятиям сформировать свои нематериальные активы.

2. Выход на рынок ИС – стратегия коммерциализации ОИС.

В рамках стратегии капитализации ОИС важнейшим экономическим показателем являются сведения относительно доли внедренных в промышленность патентов на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) от общего числа полученных патентов (табл. 2)[3].

Таблица 2

Динамика выданных и внедренных патентов в России

Годы	Выдано патентов, всего, ед.	Количество внедренных патентов*, всего, ед.	Доля внедренных патентов в количестве выданных, %
2010	44 469	7499	16,9
2011	44 567	7448	16,7
2012	47 932	8361	17,4

* Использованием патента считается ввоз на территорию страны, где действует данный патент, изготовление, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в хозяйственный оборот или хранение для этих целей продукта, в котором используется изобретение, полезная модель или промышленный образец.

Данные таблицы свидетельствуют о низкой доле внедренных патентов в числе выданных, о невысокой величине капитализации ОИС.

По свидетельству главы Роспатента Григория Ивлиева, патентная активность в России как в 2016, так и в 2017 г. снижалась. Проблемы также существуют и с использованием зарегистрированных разработок[4].

Рассмотрим, насколько эффективно функционирует национальный рынок ИС. При всей условности количество патентов отражает интенсивность инновационной деятельности и научно-технологического развития. Поэтому патенты служат одним из важных, хотя и не абсолютных индикаторов уровня инновационного развития страны, в том числе процессов коммерциализации научно-исследовательской деятельности. Так, в официальных источниках ВОИС[5] патентная активность оценивается в сравнении с такими показателями, как общий уровень ВВП, количеством населе-

[1] Национальный доклад об инновациях в России. 2016. http: //www.rvc.ru/upload/iblock/b6d/RVC_innovation_2016_v.pdf

[2] Финансовая составляющая и ожидания малого и среднего бизнеса в 2015 г. Доклад Российского банка поддержки малого и среднего предпринимательства. – http: //www.asros.ru/public/files/11/10217_ msp _sio_2015_1506. pdf

[3] Игнатова И.В., Любимова Е.А. Инновационный потенциал производства в регионе // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. – Т. 7, № 2. – С. 9. – https://naukovedenie.ru/index.php?p=vol7-2

[4] Савинов М. Роспатент без патентов. // Expert online. – http://expert.ru/2017/12/28/rospatent

[5] World Intellectual Property Indicators. 2016. – P.26. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2016.pdf

ния, затратами на НИОКР и другими макроэкономическими показателями. По количеству заявок в соотношении с ВВП лидером с 2004 г. является Республика Корея. Россия в топ-10 стран по этому показателю не входит.

В России в 2016 г. было подано чуть более 41 тыс. заявок на изобретения. Из этого числа российские изобретатели подали около 27 тыс. заявок на изобретение. За этот же год было выдано около 21 тыс. патентов. Всего же на конец 2016 г. в России действовали 230,87 тыс. патентов на изобретения, около 53 тыс. патентов на полезные модели и около 30,5 тыс. патентов на промышленные образцы. Эти патенты и являются основой рынка интеллектуальной собственности. В 2016 г. в отношении этих патентов было совершено (зарегистрировано в Роспатенте) менее 3 тыс. сделок – лицензий, отчуждений. А количество договоров залога патентных прав составляют буквально единицы: всего девять договоров в отношении 28 патентов было зарегистрировано в 2016 г.[1] Очевидно, что эти цифры говорят о том, что рынок интеллектуальной собственности в России еще пока развит очень слабо. К началу 2016 г. Россия занимала восьмое место в мире по объему рынка интеллектуальной собственности[2].

О слабости развития рынка ИС также свидетельствуют данные, представленные в табл. 3, которые существенно отличаются от мировой практики. Так, лицензионные договоры выступают эффективным способом коммерциализации ОИС. Однако в России такая форма коммерциализации реализуется в недостаточной мере. Кроме того, в мировой практике лицензиат в целях своей защиты старается получить исключительные права на интеллектуальную собственность, покупает исключительную лицензию. В России преобладают неисключительные лицензии, что объясняется сложностью обеспечения исключительных прав, к тому же такая лицензия намного дешевле.

Таблица 3

Динамика регистрации Роспатентом договоров об отчуждении исключительного права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и по договору о предоставлении права их использования

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Договоры об отчуждении патента	1445	1195	1274	1237	1191	1369
Договоры исключительной лицензии	272	299	303	252	224	244
Договоры неисключительной лицензии	1490	1541	1546	1476	1443	1326
Всего зарегистрировано договоров	3207	3035	3123	2965	2858	2939

Источник: Годовой отчет Роспатента за 2016 г. – http://old.rupto.ru/about/reports/2016

Проблемой в части коммерциализации научных разработок остается недостаточное развитие объектов инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, технопарков, индустриальных парков, центов коллективного пользования оборудованием и др.), нацеленных на доводку РИД до стадии коммерциализации, повышение степени выживаемости научно-технических разработок. В России функционирует 1417 организаций инфраструктуры[3]. Как показывают исследования специалистов, не все объекты удовлетворяют потребностям инновационных предприятий на ранних стадиях развития, обеспечивают трансфер технологий, формируют связи между участниками на рынке инноваций[4].

Общую картину о развитии института ИС в России подтверждает оценка независимыми экспертами инновационных систем 128 стран, которые в совокупности производят 98% мирового ВВП и в которых проживает 92% населения планеты[5] (доклад «Глобальный инновационный индекс»). Специалистами был рассчитан рейтинг стран на основании 82 параметров, отражающих самые разные аспекты инновационной деятельности, например, развитие технологий, состояние бизнеса, результаты творческой деятельности. Итоговый индекс рассчитывался как среднее из двух индексов – результатов инноваций и ресурсов инноваций. В итоговом индексе GII-2016 Россия заняла 43 место. Наряду с довольно высокими позициями по направлениям: «человеческий капитал и наука» (23 место), «уровень развития бизнеса» (37 место), отметим, что слабой стороной российской инновационной системы является недостаточное развитие инновационных связей (112 место), а также низкий уровень развития имеющихся кластеров (101 место). В целом, согласно индексу GII, по эффективности инновационной деятельности позиция России довольно низкая (69 место). Необходимо отметить, что при всей условности индекса, несмотря на наличие у российской инновационной системы отдельных конкурентных преимуществ, сравнение с лидерами демонстрирует масштабное отставание по многим показателям рейтинга.

Усиление стратегических начал государственного управления в сфере интеллектуальной собственности

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в России не решены многие проблемы, связанные с созданием эффективного института ИС, отвечающего требованиям научно-технологического развития страны.

Следует отметить, что интеллектуальная собственность является связывающим звеном между наукой и бизнесом, а процесс жизненного цикла ОИС является сложным и довольно длительным. В этой связи для коммерциализа-

[1] Интеллектуальная собственность в России и Сибири. 22 Декабря 2017. http://www.gorodissky.ru/publications/articles

[2] Тенденции российского рынка интеллектуальной собственности. – https://issec.hse.ru/news/201702602.html

[3] Данные портала «Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности региональных инновационных систем». – http://www.miiris.ru

[4] Состояние господдержки развития инновационной инфраструктуры. – //www.engineering-info.ru/wp-content/uploads/2015/09/

[5] Global Innovation Index – 2016. – http:/www.globalinnovation index.org. (Доклад был представлен в 2016 г. в штаб-квартире ООН).

ции ОИС необходима институциональная обеспеченность «стыков» между отдельными фазами и этапами их жизненного цикла.

Подчеркнем, что до сих пор в России сфера ИС в целом недостаточно скоординирована по своим целям и задачам. Управление ИС – это сложный и многофакторный процесс, который требует объединения усилий различных государственных органов, научных центров и фондов. Но при этом необходимо четкое разделение сфер влияния и зоны ответственности каждого участника этого процесса, с одновременным повышением уровня координации усилий и результатов.

Если рассматривать ситуацию в России, то на настоящий момент положения, относящиеся к развитию в области ИС, содержатся в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, в которой указываются основополагающие принципы государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации. Суть этих принципов сводится к следующему[1]:

- **свобода научного и технического творчества**: предоставление возможности участникам исследований и разработок выбирать и сочетать направления, формы взаимодействия, методы решения исследовательских, технологических задач при одновременном повышении их ответственности за результативность своей деятельности и значимость полученных результатов для развития национальной экономики и общества;
- **системность поддержки**: обеспечение полного цикла получения новых знаний, разработки качественно новых технологий, создания инновационных, прорывных продуктов и услуг, формирования новых рынков, а также занятие устойчивого положения на них;
- **концентрация ресурсов**: сосредоточение интеллектуальных, финансовых, организационных и инфраструктурных ресурсов на поддержке исследований и разработок, создании продуктов и услуг, необходимых для ответа на большие вызовы, стоящие перед РФ;
- **рациональный баланс**: государственная поддержка исследований и разработок, направленных на решение как значимых задач в рамках приоритетов научно-технологического развития РФ, так и задач, инициированных исследователями и обусловленных внутренней логикой развития науки, государственная и общественная поддержка фундаментальных исследований как инструмента долгосрочного развития страны;
- **открытость**: эффективное взаимодействие участников исследований и разработок с представителями бизнеса, общества и государства, а также исходя из национальных интересов с международным сообществом;
- **адресность поддержки и справедливая конкуренция**: использование публичных механизмов для обеспечения доступа к государственным инфраструктурным, финансовым и нефинансовым ресурсам наиболее результативных исследовательских коллективов, иных субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности.

С позиций влияния государственного управления на развитие института ИС вышеперечисленные принципы имеют первостепенное значение.

Однако следует поддержать мнение специалистов о том, что в целях обеспечения единого и комплексного подхода к управлению ИС в РФ необходимо разработать государственную стратегию в области ИС (пока есть проект), которая должна стать важной и неотъемлемой частью государственной инновационной политики, регулировать все вопросы, связанные с созданием, правовой охраной, коммерциализацией и защитой прав ИС.

Можно сослаться на опыт зарубежных стран. Так, для обеспечения координации усилий и получения максимальных результатов в сфере ИС в ведущих странах мира на государственном уровне разрабатывается национальная стратегия в области ИС, обычно эта работа проводится в три этапа:

I этап – разработка специальной государственной программы по формированию и реализации национальной стратегии развития ИС;

II этап – формирование рабочей группы;

III этап – разработка национальной стратегии ИС.

Следует подчеркнуть важность разработки такой стратегии, так как все действия по созданию, учету, поощрению и использованию ИС имеют существенные стратегические последствия для экономики страны.

В заключение отметим, что развитие форм и методов государственного управления ИС неразрывно связано с мировыми тенденциями в этой сфере: появлением цифровых технологий; развитием территориальной дезинтеграции и многообразных форм сетевых организаций; растущим числом участников творческого процесса; усложнением взаимодействия участников жизненного цикла ОИС; разделением создания, воплощения и распространения интеллектуального продукта.

[1] Указ Президента РФ от 01.12.2016 г № 642. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Каратаев С.В.
к.э.н., в.н.с. Центра экономических исследований РИСИ
karataev.riss@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ключевые слова: *инвестиции, инфраструктура, Россия.*
Keywords: *investments, infrastructure, Russia.*

Вопросы повышения инвестиционной активности в инфраструктурной сфере в последние годы широко обсуждаются на международном уровне. Это связано с тем, что для многих стран дефицит инфраструктуры является одним из существенных препятствий для обеспечения устойчивого экономического роста. В свою очередь развитие инфраструктуры, как показывают многочисленные исследования, оказывает благоприятное воздействие на экономику. Принято выделять несколько «каналов» подобного влияния. В их числе: сокращение издержек национальных предприятий, диверсификация экономики, связанные с этим структурные изменения внутреннего спроса и предложения, что приводит к повышению производительности труда и увеличению доходности вложений. Рост доступности инфраструктуры имеет также большое значение для повышения качества жизни населения и обеспечения макроэкономической стабильности[1]. В результате, инвестиции в инфраструктуру приводят к росту экономической активности как на национальном, так и на региональном уровне.

Для России развитие инфраструктурной сферы является важным элементом национальной политики. Президент РФ В.В. Путин назвал инфраструктуру «одним из приоритетов в работе Правительства, вообще государства … в ближайшие годы»[2]. При этом задачи, стоящие перед нашей страной, представляются значительными. Согласно отчету Глобального инфраструктурного центра (Global Infrastructure Hub) потребности страны в инфраструктурных инвестициях в 2016–2040 годы достигнут 1792 млрд. долл., объем инвестиций за этот период (при сохранении текущих тенденций) составит порядка 1065 млрд. долл., а дефицит вложений – 727 млрд. долл. или 29 млрд. долл. ежегодно[3]. Для его преодоления объем финансирования отрасли должен быть увеличен на 68% с 3,2 до 5,4% ВВП[4]. При этом наибольшие потребности в инвестициях будут наблюдаться в транспортной сфере (прежде всего, это автодороги и аэропорты).

Рост объемов вложений в инфраструктуру в подобных масштабах, по нашему мнению, невозможен без более активного участия частного капитала. На сегодняшний день его доля в общем объеме инвестиций в России оценивается на уровне чуть более 2%, что существенно ниже показателей других развивающихся экономик (в среднем около 5%)[5]. Именно привлечение частных инвесторов, таким образом, должно стать приоритетом в инфраструктурной сфере на ближайшие годы. Их слабое присутствие в настоящее время вызвано не только специфическими факторами (прежде всего введенными против России санкциями, препятствующими приходу средств с западных рынков капитала), но также и другими проблемами, характерными для большинства стран с формирующимся рынком. Использование их опыта по привлечению финансирования со стороны частных компаний будет в существенной степени способствовать улучшению ситуации в инфраструктурной сфере и преодолению имеющихся инвестиционных ограничений.

Исследования показывают, что дефицит финансирования зачастую связан с недостатками в системе подготовки предлагаемых инвесторам проектов. Среди наиболее распространенных проблем называется отсутствие «потока проектов, структурированных с учетом интересов инвесторов», недостаточное качество проектной и финансовой документации, недоверие частного сектора к системе правового регулирования инвестиционной активности в инфраструктурной сфере, слабый опыт государственных институтов[6]. Также выделяется низкая экономическая обоснованность

[1] См. например: Kessides C. The contributions of infrastructure to economic development: a review of experience and policy implications / World Bank. World Bank discussion paper. 1993. – N 213. – P. IX–X. – http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/569671468764675127/pdf/multi0page.pdf

[2] Большая пресс-конференция Владимира Путина [Стенографический отчёт о ежегодной пресс-конференции Президента России 14 декабря 2017 г.] // Президент России. Официальный сайт. 2017. 14 декабря. – http://kremlin.ru/events/president/news/56378

[3] Global Infrastructure Outlook. Infrastructure investment needs 50 countries, 7 sectors to 2040 // Oxford Economics. Global Infrastructure Hub. 2017. July. – P. 90. – http://gihub-webtools.s3.amazonaws.com/umbraco/media/1529/global-infrastructure-outlook-24-july-2017.pdf

[4] Overview of Russian Federation's infrastructure market // Global Infrastructure Hub. InfraCompass. – https://infracompass.gihub.org/ind_country_profile/RU

[5] Ibid.

[6] Ehlers T. Understanding the challenges for infrastructure finance // Bank for International Settlements. BIS Working Paper. 2014. August. – N 454. – P. 3. – http://www.bis.org/publ/work454.pdf

отбора приоритетных проектов (в том числе при выборе между строительством новых объектов и реконструкцией существующих), непрозрачные механизмы проведения конкурсов и т.д. (см. табл. 1).

Таблица 1

Барьеры, препятствующие привлечению частных капиталов в инфраструктурную сферу

Категория	Наименование
1. Возникающие на стороне государственных органов	– недостаточность государственных гарантий в течение всего срока действия инвестиционных соглашений; – отсутствие достаточного числа качественных проектов, подготовленных на уровне международных стандартов; – фрагментарность ответственности федеральных, региональных и муниципальных органов власти; – изменчивость регулятивных норм; – высокий уровень затрат, связанных с участием в конкурсах.
2. Возникающие на стороне инвесторов	– отсутствие необходимой квалификации для оценки рисков; – недостаточная финансовая емкость национальных рынков; – регуляторные барьеры для инвестирования; – устоявшиеся предпочтения инвесторов к краткосрочным вложениям.
3. Связанные с условиями финансирования	– негативное восприятие инвесторами объемов инвестиционных затрат; – недостаточная прозрачность отрасли; – расхождение интересов участников рынка; – недостаток информации об имеющихся проектах.

Источник: Pooling of Institutional Investors Capital – Selected Case Studies in unlisted equity infrastructure / OECD. 2014. April. – P. 33. – http://www.oecd.org/finance/OECD-Pooling-Institutional-Investors-Capital-Unlisted-Equity-Infrastructure.pdf

Серьезной проблемой является отсутствие доступной и надежной информации о ситуации в отрасли. В первую очередь это касается качественной и количественной оценки имеющихся мощностей и их реального состояния, обоснованности расчетной стоимости планируемых к оказанию услуг, объема и эффективности вложений и т.д. Несистемность и неполнота данных существенным образом затрудняют оценку приоритетности проектов, определение необходимых параметров финансирования, сроков окупаемости и инвестиционной привлекательности в целом. В результате реализация проектов, особенно в рамках государственных программ, сталкивается с изначально незапланированным ростом затрат и сроков работ. По данным отдельных исследований, увеличение первоначальной стоимости и сроков происходит в 90% случаев[1], что кардинальным образом влияет на доходность осуществленных вложений.

Кроме того, во многих развивающихся экономиках наблюдается низкая эффективность функционирования инфраструктуры. В настоящее время более 5% вырабатываемой энергии теряется из-за несовершенства используемых технологий. Потери при передаче электроэнергии в отдельных странах превышают 20%, в водоснабжении – 40% и т.д. В то же время в случае снижения потерь до уровня развитых государств экономия средств, по оценке Всемирного банка, составила бы более 50 млрд. долл.[2]

Инфраструктурная сфера из-за присущей ей специфики является областью повышенных рисков. Практически каждый проект по-своему уникален. Инвесторы должны обладать высокой квалификацией и использовать индивидуальный подход при принятии решений. Это возможно только для крупнейших участников рынка, однако не подходит для массового инвестора, что приводит к незначительным объемам средств, поступающих от частного сектора. Кроме того, проекты имеют длительный период реализации, срок их окупаемости может достигать 30–40 лет, что определяет дополнительные риски для инвесторов и делает необходимым оказание последовательной поддержки со стороны государственных органов. Ее отсутствие приводит к повышению политического риска для потенциальных участников инфраструктурных проектов, которые определяют стабильность государственной политики в качестве ключевого фактора при инвестировании. Возможные изменения могут, к примеру, привести к снижению цен на предоставляемые услуги и тем самым сократят привлекательность вложений.

Важным фактором представляется валютный риск – доходы в инфраструктурной сфере обычно поступают в национальной валюте, в то время как для развивающихся экономик основным источником инвестиций остаются зарубежные финансовые институты, предоставляющие средства в «твердых» валютах. В случае значительных курсовых изменений, что вполне возможно с учетом длительных сроков окупаемости, подобная несбалансированность может привести к ухудшению финансовых показателей и убыткам для инвесторов. Снижение данного типа риска возможно, если привлечение средств будет осуществляться в национальной валюте, однако этому зачастую препятствует слабое развитие национальных финансовых рынков.

В этих условиях одним из ключевых элементов, способных усилить инвестиционную активность в отрасли, является внутренний финансовый рынок. Опыт отдельных стран (Бразилия, Индия, Мексика и др.) показывает, что его развитие напрямую влияет на участие частных компаний в инфраструктурных инвестициях. Предоставление дополнительных возможностей для вложения средств позволяет постепенно изменить приоритеты инвесторов, которые традиционно интересуются инструментами с устоявшимися правилами регулирования (находящиеся в биржевом листинге акции, облигации с фиксированной доходностью) и высокими рейтингами надежности. При этом в отдельных

[1] Toward a Framework for Assessing Private vs Public Investment in Infrastructure // EM Compass. 2017. January. Note 29. – http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/e16e60fb-bc87-4f15-939d-c6636681aca4/EMCompass+note+29+Infrastructure+Framework+1-13+MB+NEW+rev+1.pdf

[2] Infrastructure needs in developing countries (Annex I) // Supporting Infrastructure in Developing Countries. Submission to the G20 by the MDB Working Group on Infrastructure / World Bank. 2011. June. – http://documents.worldbank.org/curated/en/297061468343728311/pdf/655610BR0v20Se0Official0Use0Only090.pdf

странах приоритетом становится развитие индексных фондов, специализирующихся на инвестициях в ценные бумаги инфраструктурных компаний. Подобные инструменты создаются в последние годы не только на национальном уровне (Япония, Индия, Китай и т.д.), но также и на региональном, прежде всего в Азии. Другой тенденцией становится появление специализированных инфраструктурных фондов, деятельность которых связана с вложениями в бумаги, не включенные в биржевые листинги. Распространение получают инфраструктурные и проектные долговые инструменты, а также исламские облигации, наиболее широко используемые в Малайзии.

В целом, результативность национальной политики по привлечению частных инвестиций в инфраструктуру зависит от успехов в нахождении баланса интересов между потенциальными инвесторами и государством в распределении рисков. При этом комплекс факторов, влияющих на инвестиционную ситуацию в инфраструктурной сфере, индивидуален для каждой страны. Помимо эффективности деятельности национальных специализированных институтов можно выделить еще как минимум три отдельных группы факторов, оказывающих существенное воздействие на объем частных вложений: состояние экономики, размер национального финансового рынка, стоимость привлечения средств. Для России наиболее значимыми факторами являются объем прямых иностранных инвестиций, уровень сбережений, ВВП и глубина финансового рынка, то есть показатели, характеризующие потенциальные источники поступления средств в отрасль и микроэкономическую ситуацию в стране.

Таким образом, обеспечение долгосрочной стабильности экономики и развитие внутреннего финансового рынка, в том числе с использованием имеющегося зарубежного опыта, позволят улучшить инвестиционную ситуацию в инфраструктурной сфере. Этому будет также способствовать усиливающийся интерес глобальных институциональных инвесторов к подобному роду инвестиций. Согласно опросу Глобального инфраструктурного центра большинство из них (93%) в 2017 г. заявило о готовности увеличить свои вложения в инфраструктуру. Причем всего за год количество положительных ответов увеличилось на 65%[1]. Эти результаты, как представляется, оптимистичны и для России. Ведь сложность взаимодействия с западными инвесторами в условиях санкций может быть компенсирована, к примеру, привлечением китайских капиталов, заинтересованных в реализации проектов в рамках инициативы «Пояс и Путь».

[1] Annual Global Infrastructure Investor Survey: Insights into infrastructure markets // Global Infrastructure Hub / EDHEC Infrastructure Institute. 2017. – P. 1. – https://gihub-webtools.s3.amazonaws.com/umbraco/media/1817/gih_edhec-factsheet_art_web.pdf

Костяев А.И.
д.э.н., профессор, академик РАН, гл.н.с. Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства
galekos@yandex.ru

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *диверсификация, занятость, модернизация, аграрное производство, производительность труда, импорт, спрос, предложение, посевные площади.*
Keywords: *diversification, employment, modernization, agrarian production, labor productivity, import, demand, supply, crop areas.*

Проблемы сельской занятости в XXI веке претерпели кардинальные изменения в сравнении с периодом плановой экономики. Социалистическое сельское хозяйство испытывало постоянный дефицит рабочей силы, особенно в пиковые периоды проведения полевых работ. Поэтому в целях обеспечения своевременной и полной уборки урожая с заводов и фабрик, учебных и научно-исследовательских учреждений мобилизовались в колхозы и совхозы сотни тысяч рабочих, служащих, студентов и научных сотрудников. В обычные (непиковые) периоды сельскохозяйственные предприятия также ощущали нехватку трактористов, комбайнеров, работников полеводства и животноводства. Для привлечения кадров на село, закрепления их в сельской местности применялись различные меры экономического и административного характера. Всячески сдерживался рост городов, в особенности с численностью населения более миллиона и, прежде всего, Москвы и Ленинграда. Тем не менее, проблема дефицита работников в сельскохозяйственных предприятиях так и не была устранена. Дело в том, что решение продовольственной проблемы в стране в условиях как низкой урожайности сельскохозяйственных культур, так и низкой продуктивности скота требовало обработки значительных площадей пашни и содержания избыточного поголовья животных. Урожайность основных сельскохозяйственных культур в последние 20 лет перед переходом к рыночным отношениям практически не росла (табл. 1).

Таблица 1

Урожайность основных сельскохозяйственных культур в Российской Федерации в 1971–1990 годах в хозяйствах всех категорий, ц/га

Виды культур	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.
Зерновые культуры (в весе после доработки)	12,9	13,8	13,0	16,5
Картофель	106	106	104	110
Овощи	136	143	157	163

Источник: разработка автора по данным Росстата: http://www.gks.ru

Продуктивность скота и птицы также менялась незначительно и была не стабильной по годам: периоды некоторого роста показателей сменялись их спадом (табл. 2).

Таблица 2

Продуктивность скота и птицы в Российской Федерации в 1975-1985 годах в хозяйствах всех категорий, кг

Показатели	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Удой молока на одну корову в год	2264	2282	2169	2334	2731
Продукция выращивания (приплод, прирост, привес) скота в расчете на одну голову:					
Крупного рогатого скота	114	107	99	105	121
Свиней	117	94	97	101	118

Источник: разработка автора по данным Росстата: http://www.gks.ru

Некоторый рост урожайности и продуктивности произошел только в последнюю пятилетку перед рыночными реформами, и связан он был с курсом на ускорение развития всех секторов экономики, в том числе и аграрного, путем закупки во Франции и Голландии современных технических средств и технологий возделывания картофеля и овощей.

Переход к рыночной экономике в его шоковом варианте создал принципиально иную ситуацию с сельской занятостью. Резкий рост импорта продовольствия при полной открытости внутреннего рынка страны и снижение платёжеспособного спроса нищающего населения привели к свертыванию отечественного сельскохозяйственного производства по всем направлениям. Сокращение масштабов производства по большинству видов сельскохозяйственной продукции происходило до 2000 г. (рис. 1, 2).

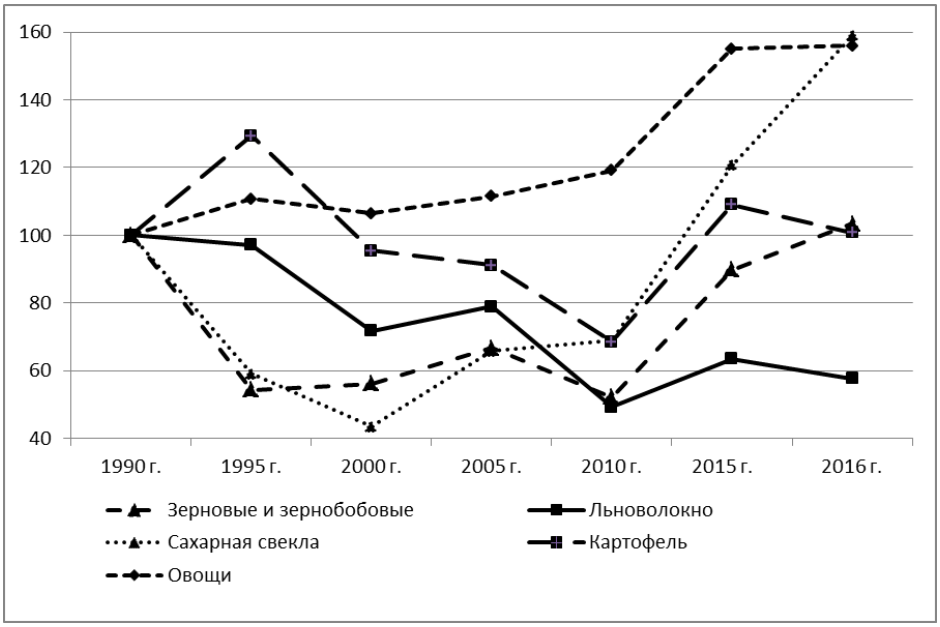


Рисунок 1.
Динамика объемов производства основных видов продукции растениеводства в Российской Федерации в натуральном выражении, в % к 1990 г.

При этом по ряду отраслей (картофелеводству, зерновому хозяйству) спад объемов производства продукции происходил до 2010 г., а по некоторым из них (молочному скотоводству, льноводству) – продолжается до сих пор.

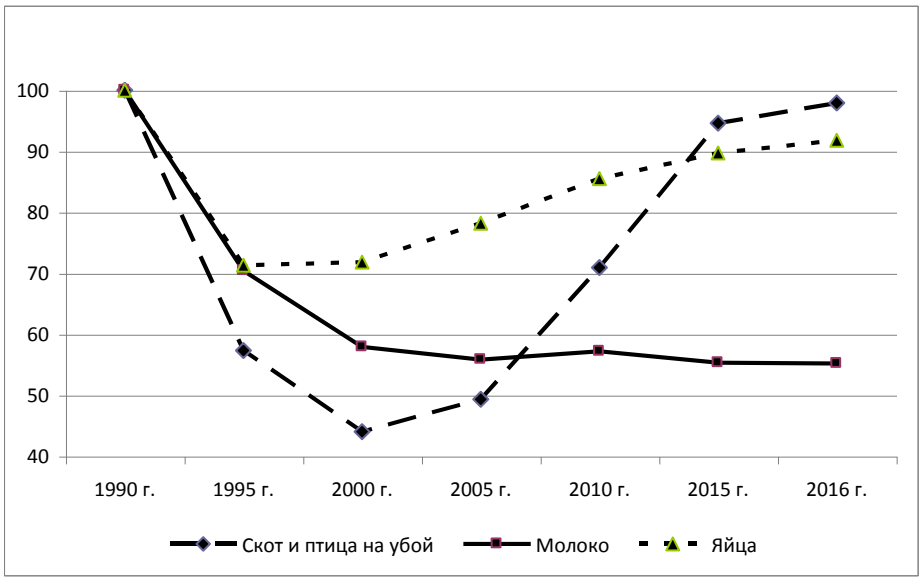


Рисунок 2.
Динамика объемов производства основных видов продукции животноводства в Российской Федерации в натуральном выражении, в % к 1990 г.

Следствием этого явилось сокращение числа работников, занятых в аграрном секторе экономики. В первое десятилетие рыночных реформ среднегодовая численность занятых в отрасли «сельское хозяйство» уменьшилась на 13,4% (с 9,7 тыс. чел. в 1990 г. до 8,4 тыс. чел. в 2000 г.). Это было даже несколько ниже, чем по экономике в целом, где сокращение составило 14,6%[1]. В сельскохозяйственных организациях в это время отмечалась скрытая безработи-

[1] Труд и занятость в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_36/Main.htm

ца, так как при отсутствии других мест приложения труда бывшие колхозники и рабочие совхозов были согласны работать, имея мизерную заработную плату. Если отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в отрасли «сельское хозяйство» к общероссийскому уровню в 1990 г. составляло 95%, то в 1995 г. – 50%, а в 2000 г. – только 40%[1].

Последующую динамику численности занятых в отрасли «сельское хозяйство», в силу перехода статистического учёта на международные стандарты, можно проследить только совместно с охотой и лесным хозяйством, в совокупности представляющих один вид экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство». Поскольку в рамках данного вида деятельности сельскому хозяйству по числу занятых принадлежит доминирующее положение, то выводы будут вполне корректными.

Если тренды численности занятых в экономике в целом и отрасли «сельское хозяйство» в период с 1990 г. по 2000 г. были равнонаправленными и лишь незначительно различались темпами их сокращения, то в последующие годы ситуация кардинально изменилась. Численность занятых в экономике России после 2000 г. в целом начала расти (в среднем на 6–7% в год), а по виду экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» стала резко падать, сократившись к 2016 году на 41,2% (рис. 3).

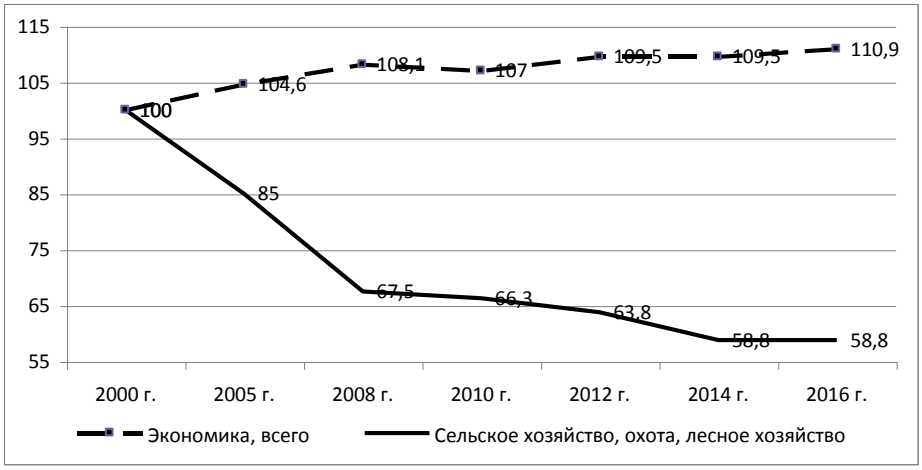


Рисунок 3.
Динамика численности занятых по основной работе в экономике Российской Федерации в целом и по виду экономической деятельности «сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство», в % к 1990 г.

После 2000 года на динамику занятых в сельском хозяйстве, наряду с продолжающимся по ряду отраслей сокращением масштабов производства, существенное влияние оказал рост урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных (табл. 3).

Таблица 3

Динамика урожайности сельскохозяйственных культур в Российской Федерации в 1996–2016 годах в хозяйствах всех категорий, ц/га

Сельскохозяйственные культуры	В среднем в год				2011–2016 гг. в % к 1996–2000 гг.
	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2016 гг.	
Зерновые и зернобобовые	15,1	18,8	20,7	22,8	151,0
Лен-долгунец (волокно)	4,0	5,7	7,5	9,0	225,0
Сахарная свекла	177,2	240,8	308,7	411,8	232,4
Масличные культуры	8,4	9,9	11,1	12,7	151,2
Картофель	104,8	113,5	129,1	148,2	141,4
Овощи открытого грунта	144,2	158,7	185,4	217,1	150,6

Источник: разработка автора по данным Росстата: http://www.gks.ru

Модернизация сельскохозяйственного производства, явившаяся следствием научно-технического прогресса, обеспечила рост всех факторов производства (труда, земли и капитала). Наиболее наглядно это можно проследить на производительности земли. Так, для производства идентичных объемов картофеля в 2016 году требовалось посевных площадей в 1,5 раза меньше, чем в 2000 году, масличных культур и овощей открытого грунта – в 1,6 раза, зерна и льна-долгунца – в 1,7 раза, сахарной свеклы – в 2,5 раза. Аналогичная ситуация и в животноводстве. Возросшая продуктивность коров в 2016 году относительно 2000 года предопределила убыль их поголовья на 4,5 млн. голов, что привело к снижению общих потребностей животноводства в поддерживающем корме для скота и, как следствие, к сокращению площадей под кормовыми культурами. В конечном счёте, высвободились значительные ресурсы труда, и

[1] Труд и занятость в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_36/Main.htm

в сельской местности выросла численность незанятой рабочей силы. Уровень занятости населения в возрасте от 15 до 72 лет в сельской местности Российской Федерации в январе 2017 года составил 58 против 67,3% в городах. Разрыв в уровне занятости населения между селом и городом усиливается. Если в начале 2016 года он составлял 7,5, то в 2017 году уже 9,3 процентных пункта[1].

Таблица 4

Динамика продуктивности животных в Российской Федерации в 2000–2014 годах в сельскохозяйственных организациях, кг

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2000 г.
Надой молока на 1 корову	2341	3280	4189	4841	5140	219,6
Продукция выращивания (приплод, прирост, привес) скота в расчете на одну голову:						
Крупного рогатого скота	79	94	105	116	121	153,2
Свиней	62	107	155	199	205	330,6

Источник: разработка автора по данным Росстата: http://www.gks.ru

Отсутствие рабочих мест на селе вызывает миграционную активность сельского населения, которая проявляется в зависимости от его местоположения в системе «центр-периферия». На уровне субъектов Российской Федерации действие механизма в системе «центр-периферия» нами рассмотрен на примере Вологодской, Новгородской и Псковской областей – субъектов Российской Федерации, в которых проблемы занятости населения являются весьма острыми в связи с низким рентным потенциалом для развития сельского хозяйства. Здесь сформировалась долговременная негативная демографическая ситуация, остры проблемы сельского расселения. Для этого нами выделены:

а) «ближняя периферия» – сельские муниципальные районы, непосредственно примыкающие к городам-центрам: Вологде, Новгороду, Пскову и Великим Лукам;

б) «дальняя периферия» – удаленные сельские муниципальные районы, расположенные вдоль границ с сопредельными субъектами РФ;

в) «средняя периферия» – сельские муниципальные районы, расположенные между ближней и дальней периферией.

Аграрное производство в районах ближней периферии по отношению к остальной сельской территории субъектов Федерации имеет позитивный тренд развития (таблица 5).

Таблица 5

Численность, механический прирост и плотность населения на сельских территориях ближней, средней и дальней периферии Вологодской, Новгородской и Псковской областей

Регионы	Число муниципальных районов	Численность сельского населения на начало года, тыс. чел.		2016 г. в % к 2012 г.	Среднегодовой механический прирост сельского населения за 2012–2016 годы (+,–)		Плотность сельского населения, на 01.01.2016 г., чел. на кв. км.
		2012 г.	2016 г.		всего, чел.	на 1000 жителей, чел.	
Ближняя периферия							
Вологодская область	1	50,8	52,4	103,1	+371	+7,18	11,5
Новгородская область	1	45,3	47,7	105,3	+823	+17,71	10,4
Псковская область	2	57,9	61,0	105,4	+1120	+18,68	9,3
Итого	**4**	**154,0**	**161,1**	**104,6**	**+2314**	**+14,64**	**10,3**
Средняя периферия							
Вологодская область	16	174,1	168,9	97,0	–796	–4,65	2,9
Новгородская область	8	59,1	56,0	94,8	–164	–2,83	2,9
Псковская область	8	61,6	57,3	93,0	–267	–4,50	2,9
Итого	**32**	**294,8**	**282,2**	**95,7**	**–1227**	**–4,25**	**2,9**
Дальняя периферия							
Вологодская область	9	112,7	103,7	92,0	–1111	–10,28	1,6
Новгородская область	12	80,8	75,9	93,9	–158	–2,01	2,5
Псковская область	14	79,5	72,3	90,9	–534	–7,07	2,7
Итого	**35**	**273,0**	**251,9**	**92,3**	**–1803**	**–6,89**	**2,0**

Источник: разработка автора по данным Росстата: http://www.gks.ru

Здесь открываются новые рабочие места, преимущественно основанные на использовании современных компьютерных технологий, робототехники, принципиально отличающиеся по условиям и характеру труда от районов «средней», а ещё более – «дальней периферии».

[1] Динамика уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет / Занятость и безработица в ноябре 2017 года. Оперативная информация Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/con

Сельские территории «ближней периферии», в связи с этим, в рассматриваемых областях Северо-Запада повсеместно имеют прирост сельского населения за счет положительного сальдо миграции, а плотность населения здесь находится на уровне, позволяющем обеспечивать их развитие.

С точки зрения концепции «Центр-периферия» Дж. Фридмана, города-центры обладают передовыми технологиями и социальными достижениями, а огромная периферия – совокупность отдаленных и слаборазвитых территорий с замедленной модернизацией, служит источником ресурсов и потребителем инноваций[1].

Действительно «центр», являясь сосредоточением разнообразных рабочих мест и местом спроса на трудовые ресурсы, предлагает в то же время многие виды услуг в различных сферах.

В районах «периферии», напротив, существует дефицит рабочих мест и имеется избыточное предложение рабочей силы при неудовлетворенном спросе на услуги в сфере образования, здравоохранения, культуры и т.п. Но, одновременно, «периферия» имеет повышенный спрос на инновации, инвестиционные ресурсы для развития сельских территорий.

Как показывают исследования, данный механизм в большей степени действует в одном направлении: «центр» забирает из «периферии» ресурсы, а адекватный поток инноваций и инвестиций в сторону «периферии» не формируется. Вследствие этого сельские территории, имеющие различное местоположение к «центру», существенно различаются траекториями развития, что требует учёта при разработке и реализации стратегий и программ их развития. Таким образом, трансформационные изменения в аграрном секторе экономики предопределяют совокупность проблем в развитии сельских территорий[2].

При этом весьма важным обстоятельством является тот факт, что «ближняя периферия» весьма неоднородна. В муниципальных районах «ближней периферии» резко выделяются те сельские поселения (муниципальные образования нижнего уровня), которые непосредственно примыкают к городам-центрам. Именно эти территории притягивают основную часть мигрантов, прибывающих в «ближнюю периферию». Данная часть «ближней периферии» представляет собой «полупериферию», которая, как и в теории мировой системы Иммануила Валлерстайна, «эксплуатируется центром», но, в свою очередь, «эксплуатирует периферию»[3].

Территории сельских поселений «полупериферии» имеют высокий рентный потенциал, однако сельскохозяйственное производство здесь не конкурентно за земельные участки с другими видами бизнеса. В условиях рыночной экономики высокоэффективные в плановом периоде сельскохозяйственные предприятия «полупериферии» (в Ленинградской области это совхозы «Фёдоровское», «Ленсоветовский», «Шушары», «Лесное», «Верево» и др.) прекратили своё существование, и сельские территории начали приходить в упадок. Появилась незанятая рабочая сила, которую не всегда мог поглотить «центр». В связи с этим здесь возникла потребность диверсификации производства и, как следствие, диверсификация занятости сельского населения.

Исследование ситуации позволило предложить для данного типа территорий вариант диверсификации сельской экономики на основе индустриальных парков (ИП), представляющих собой специально организованные территории-площадки, обеспеченные соответствующей инфраструктурой (подведенными к ним электрическими, газовыми, водопроводными сетями, с системой водоотведения) и т.п.

В индустриальных парках предусматривается и решение административно-правовых вопросов, необходимых для начала организации и последующего функционирования промышленного производства. Для этого, как правило, создается управляющая компания. Желающие начать бизнес, арендуют за соответствующую плату необходимые площади в ИП и организуют промышленное производство. Все вопросы по содержанию инженерной инфраструктуры берет на себя управляющая компания. Возможны варианты приобретения в ИП вновь создаваемой организацией промышленных площадей в собственность. Размещение ИП в сельских поселениях полупериферии, позволяет решить вопросы диверсификации занятости местного населения и экономики муниципальных образований, активизировать развитие этих сельских территорий в целом.

В сельских поселениях (СП) Ленинградской области уже функционируют индустриальные парки, последовательно решая эти задачи.

Это индустриальные парки «Фёдоровское» (Фёдоровское СП, 120 га, 19 резидентов), «Лесное» (Куйвозовское СП, 118 га, 2 резидента), «Приневский» (Заневское СП, 12,7 га, 4 резидента), «Дони-Верево» (Веревское СП, 183 га, 2 резидента), «Усть-Лужский» (Вистинское СП и Усть-Лужское СП, 650 га, один резидент).

Особую группу составляют индустриальные парки вдоль автострады М10: М10 «Тельмана» (Тельмановское СП, 112 га, 20 резидентов), М10 «Ям-Ижора» (Тельмановское СП, 200 га, 2 резидента).

Весьма перспективно создание ИП в сельских поселениях, расположенных между центрами городов вдоль крупных автострад, где на практике, в соответствии с концепцией французского экономиста П. Портье могут формироваться «оси (коридоры) развития»[4].

Такие примеры уже существуют. На Киевском шоссе между Санкт-Петербургом и городом Гатчиной формируется индустриальный парк «Дони-Верево», который приглашает стать резидентами представителей производств пищевого и оборудования для сельского хозяйства (сервис и ремонт) и др.

---

[1] Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. – 279 p.

[2] Никонова Г.Н. Проблемы устойчивого развития сельских территорий на фоне трансформационных изменений в аграрном секторе экономики России // Устойчивое развитие сельской местности: концепции и механизмы. Никоновские чтения – 2001. Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Петриков. 2001. – С. 8–12.

[3] Wallerstein I. The Capitalist World Economy. – Cambridge. – 1979.

[4] Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. – T. 14. – P. 58–132.

Результаты проведённого нами ещё в 2011 году исследования влияния городов Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Москвы на степень периферийности сельских территорий Новгородской области показали, что в этом регионе чётко просматривается «коридор» развития вдоль трассы «Москва – Санкт-Петербург»[1].

Индустриальные парки, расположенные в сельских поселениях в сфере влияния «осей развития», в большей степени, чем на территории полупериферии могут ориентировать свою деятельность на отрасли агропромышленного комплекса.

Не менее остры вопросы диверсификация производства и занятости населения на сельских территориях дальней периферии и примыкающих к ней районам средней периферии, где отсутствуют свободные рабочие места в сельскохозяйственных организациях и перспектива их появления не просматривается. Особенно это актуально для приграничных сельских территорий[2].

Нами изучен подход к активизации сельскохозяйственного производства на основе предоставления грантов, направленных на поддержку начинающих фермеров и развитие семейных ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств.

Опыт предоставления грантов в Ленинградской, Новгородской и других областях Северо-Западного федерального округа дал положительный результат. Однако субсидии в этой форме направляются, как правило, на развитие сельскохозяйственных видов деятельности, что не ведёт к заметному изменению структуры занятости на сельских территориях. В этой связи нами предложен вариант диверсификации сельской экономики на основе предоставления грантов на развитие несельскохозяйственных (альтернативных) видов деятельности, по аналогии с уже апробированным подходом к поддержке сельскохозяйственных производств фермерских хозяйств.

Данный вариант диверсификации охватывает все уровни управления: макроуровень, региональный (мезоуровень) и микроуровень. На макроуровне необходимо принятие специального постановления Правительства РФ, формирующего нормативно-правовую основу диверсификации сельской экономики посредством предоставления грантов. На мезоуровне разрабатываются региональные программы с целевыми параметрами, ресурсным обеспечением, направлениями диверсификации, а также формируются конкурсные комиссии с выполнением ряда функций. На микроуровне (уровне конкретного производителя) решаются задачи подготовки и предоставления документации в конкурсную комиссию, заключения договоров с органами исполнителей власти, эффективного использования субсидий в форме гранта, создания новых рабочих мест в сфере несельскохозяйственного (альтернативного) производства, отчётности за использование субсидий.

В определённой степени проблему диверсификации занятости жителей села, в силу сокращения рабочих мест в сфере сельскохозяйственного производства, могли бы решать администрации муниципальных районов и сельских поселений по собственной инициативе за счёт средств местных бюджетов. Однако доходная часть местных бюджетов в большинстве случаев недостаточна даже для обеспечения финансирования повседневного функционирования на своей территории учреждений образования, здравоохранения, коммунального хозяйства и других объектов жизнеобеспечения. Для инвестиций в основной капитал вновь создаваемых диверсифицированных производств у местных бюджетов практически нет средств. К тому же, в перечень показателей, по которым осуществляется оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, количество вновь созданных рабочих мест при поддержке администраций муниципальных образований не входит[3].

В условиях членства Российской Федерации во Всемирной Торговой Организации (ВТО), при ограничении возможностей бюджетной поддержки сельского хозяйства в рамках, так называемой, «красной корзины», мероприятия по диверсификации в аграрном секторе приветствуются. Несколько пунктов Приложения 2 «Соглашения по сельскому хозяйству» указывают на отсутствие таких ограничений со стороны ВТО:

– пункт 9 «Содействие структурным изменениям посредством программ, побуждающим производителей прекратить свою деятельность» позволяет государству субсидировать программы, «облегчающие прекращать деятельность лиц, занятых производством товарной сельскохозяйственной продукции, или их перемещения в сектора деятельности, не относящиеся к сельскому хозяйству»;

– пункт 10 «Содействие структурным изменениям посредством программ по прекращению использования ресурсов», предусматривает право государства на субсидии реализуемых «программ, направленных на прекращение использования земли или других ресурсов, включая домашний скот, для целей производства товарной сельскохозяйственной деятельности»[4].

Ретроспективный анализ подходов к сельскому развитию в странах Евросоюза показывает, что на смену отраслевой и перераспределительной моделям развития сельских территорий приходит территориальная модель. Основная ставка в такой модели делается на государственную аграрную политику, направленную на активизацию использования внутренних ресурсов территории, в том числе на основе «диверсификации доходов сельскохозяйственных пред-

[1] Методология исследования проблем депрессивности территорий муниципальных районов. – Санкт-Петербург; Пушкин: Изд-во ГНУ СЗНИЭСХ Россельхозакадемии, 2011. – С. 65–66.

[2] Костяев А.И., Забродин В.А., Клоков К.Б. и др. Устойчивое развитие сельских территорий Северо-Запада России (основные положения концепции). – СПб., 2009. – 107 с.

[3] Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». – http://ivo.garant.ru/#/document/57416772/paragraph/1492:0

[4] Приложение 2 к соглашению по сельскому хозяйству. Внутренняя поддержка: основание для освобождения от обязательств по сокращению. – http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13

приятий, распространения форм диверсифицированных видов деятельности, новых форм сокращения издержек, формирования несельскохозяйственных видов деятельности…»[1].

Являясь неотъемлемой частью глобальных мирохозяйственных процессов, Российская Федерация должна ориентироваться в сельском развитии на те модели, которые успешно применяются за рубежом и, одновременно, имеют внутренние предпосылки для освоения их в нашей стране, в том числе для создания новых рабочих мест в альтернативных (несельскохозяйственных) сферах деятельности.

[1] Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней. Пер. с итальянского. 2010. – С. 25.

Красильникова Е.В.
н.с. ЦЭМИ РАН
krasilnikova_lena@list.ru

МОДИФИКАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ[1]

***Ключевые слова**: жизненный цикл, корпоративные отношения, корпоративное управление цифровая экономика.*
***Keywords**: life cycle, corporate relations, corporate governance, digital economics.*

Систематизация стратегий различных типов собственников и менеджмента определяет различия целей и интересов, что закономерно влияет на принятие решений, приводит к неоднозначному воздействию на финансово-экономические результаты деятельности и выбор источников финансирования. Предполагается, что концентрация собственности, как фактор агентских отношений, особенно актуальный для российских компаний, влияет на проявление агентских конфликтов. Структурирование предпочтений участников агентских отношений и систематизация различий противоречий интересов для отечественных компаний и зарубежных приводит к балансированию долгосрочных интересов при разработке стратегий. Обоснование необходимости идентификации и учета потенциальных агентских проблем в условии различных предпочтений и интересов, в частности – на привлечение капитала, способствует повышению качества разрабатываемых стратегий.

Корпоративное управление может быть определено как «система контроля и процедур», которая обеспечивает рамки, определяющие права, роли и обязанности различных групп внутри организаций. В основе развития корпоративного управления лежит выработка балансов и стимулов, необходимых компании для минимизации и управления конфликтами интересов.

Учет интересов стейкхолдеров, включающих поставщиков, кредиторов, сотрудников развивался в разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Принципах корпоративного управления. Данные Принципы направлены на создание основы эффективной системы корпоративного управления, защиту прав собственников и исследование их основных функций, равенство условий для них, участие в спорных ситуациях, раскрытие и повышение прозрачности, роли совета Директоров[2]. Усовершенствованные принципы корпоративного управления, которые были пересмотрены в 2004 году и в 2015 году, акцентируют положительную роль и влияние корпоративного управления не только на деятельность компании, но и на стабильность финансового рынка и экономический рост.

По международным критериям российский Кодекс корпоративного управления признается одним из лучших, поскольку расширенно раскрывает принципы защиты интересов акционеров. Однако механизмы корпоративного управления не всегда способствуют защите интересов в практической деятельности российских предприятий. В настоящий момент службой Банка России по финансовым рынкам разрабатывается новый проект Кодекса корпоративного управления.

Одной из задач корпоративного управления является защита интересов заинтересованных сторон. Для российских компаний отмечаются позитивные тенденции согласно исследованию Doing business, проводимому Всемирным Банком в 2017 г. Для отечественных компаний выявлен положительный тренд повышения прозрачности деятельности, рост прав акционеров, наличие доступа для них к внутренним документам. По этим критериям отечественные компании опережают в среднем компании из стран ОЭСР с высоким доходом. Проблемой по-прежнему остается низкая персональная ответственность директора, а также права собственности и контроля.

По данным Всемирного экономического форума и Глобального отчета о конкурентоспособности в 2012 г. РФ находится на 132 из 139 по защите прав миноритариев, на 116 месте в 2015 г.; на 111 месте в 2017 г.; на 123 месте – по защите прав собственности в 2015 г., 51 место по защите инвесторов в 2017 г. По развитию финансовых рынков – на 125 месте в 2012 г., на 95 – в 2015 г., на 108 в 2016 г., в 2017 г. на 107. Доступность финансовых сервисов – 109 место в 2012 г, 69 – в 2015 г., 101 место в 2017 г. Легкость в получении займов – 107 место в 2012 г., 57 – в 2015 г., 115 – в 2016 г., 110 – в 2017 г. Доступность венчурного капитала – 95 в 2012 г., 66 – в 2015 г., 87 место в 2016 г., 89 место в 2017 г. Стабильность банков – 129 место в 2012 г., 115 место – в 2015 г., 121 место – в 2016 г. и в 2017 г.[3] Согласно отчету в 2017 г. основными препятствиями в деятельности являются коррупция, высокие налоги, ограниченность финансирования, инфляция.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ с 2016 г.), проект № 15-32-01297а2.

[2] https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceprinciples/32159669.pdf

[3] http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf; http://www3.weforum.org/docs/GCR20172018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf

Исследование корпоративных отношений по мере движения компании по кривой жизненного цикла

Компания не является статичной, ее стратегии не являются неизменными, они развиваются в силу временных факторов, а также внутренних и внешних особенностей. Меняются и усовершенствуются корпоративные отношения при развитии компании, на каждой стадии ее жизненного цикла – все это обозначает необходимость учета фактора развития компании в системе экономических наук. Уточнение связей теории жизненного цикла с прочими научными направлениями экономической науки позволяет совершенствовать теоретические основы и представления о сценарности развития компании при реализации стратегий.

Установлено, что разработка теорий жизненного цикла, как правило, проводилась изолированно, когда объектом исследования были компании различного типа, выявлялись различные характеристики и критерии стадий. Зачастую изучались отдельные компании, по результатам обследования которых формировались общие гипотезы о развитии жизненного цикла, а также анализировались общие выборки компаний, включающие малые и крупные организации, компании с распыленной и концентрированной собственностью. Преимущественно развитие теорий жизненного цикла базировалось на изучении организационных и управленческих характеристик компаний, не исследовались финансово-экономические факторы и не учитывались предпочтительные источники финансирования. Эти параметры управления и собственности, несомненно, являются значимыми в идентификации стадий жизненного цикла, более того, для российских компаний они являются необходимыми (поскольку по-нашему мнению, именно предпочтения крупных собственников инициируют развитие компании, влияют на переход компании от одной стадии к другой), но недостаточными. С 1980-х годов были предприняты попытки связать стадии жизненного цикла с экономическими показателями деятельности компании, такими как выручка, издержки. В последнее время проводятся исследования, посвященные изучению денежных потоков компании и отдельных факторов рентабельности на различных стадиях жизненного цикла.

Целесообразно определение финансовых и нефинансовых показателей, зачастую исключающихся из моделей, выявление драйверов перехода от этапа к этапу, определение предпочтительных источников финансирования на том или ином этапе развития компании.

Нами исследуется развитие конкретной отечественной компании «Ленты», которая была создана «с нуля», а не в ходе приватизации, у которой был основатель-предприниматель. Показано движение компании по кривой жизненного цикла с выделением особенностей и проблем корпоративных отношений, целей развития, а также источников финансирования.

Стадия становления

Место компании на рынке, окружающая среда, внешние связи: начало развития отрасли отечественного ритейла происходило на фоне отсутствия удобного формата продажи-покупки в связи с переходом к рыночной экономике, развитием предпринимательства, переходом от рынка «продавца» к потребностям покупателя. *Стратегические цели собственников:* предоставление качественных продуктов по низким ценам, привлечение оптовых покупателей, торговля только продовольственными товарами, автоматизация и формализация процессов, внедрение программного обеспечения SAP, ориентация на розничную торговлю, расширение ассортимента товаров, реализация продовольственных и непродовольственных товаров, высокое качество реализуемой продукции, низкие цены, ориентация на систему управления взаимоотношениями с клиентами для повышения качества бизнес-процессов: усовершенствование маркетинга, повышение качества и количества продаж, привлечение покупателей. *Организационная структура*: основатель компании является генеральным директором. *Организационные изменения:* основатель «Ленты» О. Жеребцов сменил пост гендиректора на должность председателя правления.

Риски и угрозы развития: собственник компании на фоне дефолта, кризиса фокусируется на идее создания гипермаркета с низкими ценами, когда резко снижается импорт продовольственных товаров, что положительно влияет на возможность развития крупной продовольственной сети – принимается решение собственником о закрытии ряда мелких магазинов и открытие крупного гипермаркета в Санкт-Петербурге.

Основными препятствиями в развитии розничной торговли являлись ограничение финансирования и существующие коррупционные и бюрократические угрозы. В этот период изменение структуры финансирования, привлечение новых источников капитала было затруднительным при наличии непрозрачности ведения предпринимательской деятельности. Возникала высокая угроза поглощения более успешными компаниями на рынке или же привлечение стороннего инвестора. *Источники финансирования: с*обственные средства основателя, заемный капитал и небольшие кредиты банков. *Новые источники финансирования «Ленты»: о*снователь компании и генеральный директор О. Жеребцов продает 40% компании инвестору из США Августу Мейеру, которого сильно интересовала деятельность розничной торговли в России. Такая сделка способствовала ускорению развитию компании, открытию новых магазинов.

Стадия медленного роста

*Стратегические цели собственников, предпринимательская инициатива создателя: о*снователь компании рассматривает деятельность и развитие «Ленты» как «возможность реализации предпринимательской инициативы», что корреспондирует с выводами зарубежных и отечественных исследователей о драйверах развития организации. Именно предпринимательская инициатива на ранних стадиях жизненного цикла определяет вектор качественного будущего роста фирмы. Он отмечает, что по мере развития организации нарастает бюрократизация процессов, что ограничивает

возможность маневра при наличии внешних значимых изменений. «А в «Ленте» по-прежнему присутствует дух скорости и инноваций». Отмечается, что собственнику необходимо поддерживать командный дух, быть вовлеченным в оперативное управление компанией, непосредственно сам О. Жеребцов посещает магазины, общается с покупателями для понимания тенденций и склонности покупателя, механизмов торговли. Отмечаются задачи минимизации издержек, увеличения оборота, повышение качества управления компанией, региональное развитие. «Компания у нас не публичная, поэтому наши акции не могут быть оценены ни фондовой биржей, ни аналитиками».

Организационная структура: вхождение иностранных представителей в качестве независимых директоров в состав Совета директоров, которые, по мнению основателя компании, «много помогают нам, консультируют, влияют на политику компании». Привлечение иностранных специалистов из аналогичных компаний-ритейлеров, действующих в США, на должности директоров по логистике. Все эти факторы свидетельствуют о повышении уровня управления в компании, ориентации на долгосрочное качественное развитие. *Риски и угрозы развития: к*онкуренция, появление различий в интересах крупнейших собственников. *Усложнение источников заемного финансирования:* привлечение заемного капитала на сумму 30 млн. долл. от Европейского банка реконструкции и развития, миссией которого является «инвестирование в проекты, которые способствуют переходу к открытой и рыночной экономике, а также развитию частной и предпринимательской деятельности. Именно привлечение иностранного инвестора в капитал компании способствовало привлечению масштабного заемного капитала. *Активное наращивание заемного финансирования:* привлечение нового источника заемного финансирования в качестве кредита в 90 млн. евро от синдиката банков ABN Amro, Королевского банка Шотландии. Повторный кредит от Европейского банка реконструкции и развития на 50 млн. долл. *Увеличение заемного финансирования:* привлечение синдицированного кредита в 200 млн. евро от банков ABN Amro, Королевского банка Шотландии. *Решение собственника о стратегии развития:* по мнению основателя компании, «Лента» находится на стадии роста. А потенциальная продажа доли компании Wal-Mart не имеет основания, поскольку не рассматривается потребность в поглощении и дальнейшим этапом развития компании (но такой механизм вероятен при невозможности роста компании-цели) и акционеры «Ленты» не ориентированы на выход из бизнеса. Противопоставление стоимости бизнеса его качеству – как причина нежелания проводить первичное размещение акций, «надо строить качественный бизнес, который ценен сам по себе». Нет цели создать компанию, чтобы потом подороже продать. Тем не менее, пока компания продолжает органический рост, проводя дополнительную эмиссию акций, которую выкупил Европейский банк реконструкции и развития, его доля составила 11%.

Стадия роста

Стратегические цели собственников: различие в стратегиях развития компании у портфельных инвесторов, TPG Capital и ВТБ – Капитала и А. Майера. В частности, в отношении стратегии финансирования: необходимость последних выплат по кредиту банку ABN Amro, Королевскому банку Шотландии. По мнению А. Мейера, фонды при вхождении в состав акционеров готовы были рефинансировать оставшуюся часть долга, но впоследствии стали сокращать строительство и открытие новых площадей «Ленты» (был открыт только один магазин в Череповце). Ориентация фондов на активное увеличение стоимости для последующей продажи. *Организационная структура*: совет Директоров возглавляет миноритарий Д. Костыгин, генеральный директор – Ян Дюннинг.

Предполагается на основе прироста показателей, проявления агентских противоречий, показателей операционной, финансовой и инвестиционной активности, что компания находилась на стадии медленного роста с периода привлечения иностранного инвестора, усложнения источников заемного финансирования, увеличения их срока до периода второго агентского конфликта. Такие выводы соответствуют гипотезе о том, что организация находится на стадии становления и медленного роста около 10 лет[1]. Таким образом, показатели соответствуют стадии роста по методике Дикинсон и стадии «давай-давай» по адаптированный методике И. Ивашковской на основе представлений о стадиях жизненного цикла И. Адизеса[2]. Компания «Лента» в настоящее время находится на стадии бурного роста, который был генерирован привлечением иностранного фонда и ВТБ-капитала. Авторское представление механизма движения компании «Лента» по кривой жизненного цикла выглядит следующим образом:

[1] Lester D. L., Parnell J. A., Carraher A. Organizational life cycle: A five stage empirical scale // The International Journal of Organizational Analysis, 2003. 11 (4): 339–354.

[2] Dickinson, V. Cash Flow Patterns as a Proxy for Firm Life Cycle. Working paper No1268509, Social Science Research Network . 2007; Ивашковская И.В., Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 4. С. 19–34 Adizes I. Corporate Lifecycles How and Why Corporations Grow and Die and What To Do About ItPrentice Hall //Englewood Cliffs, NJ. – 1989.

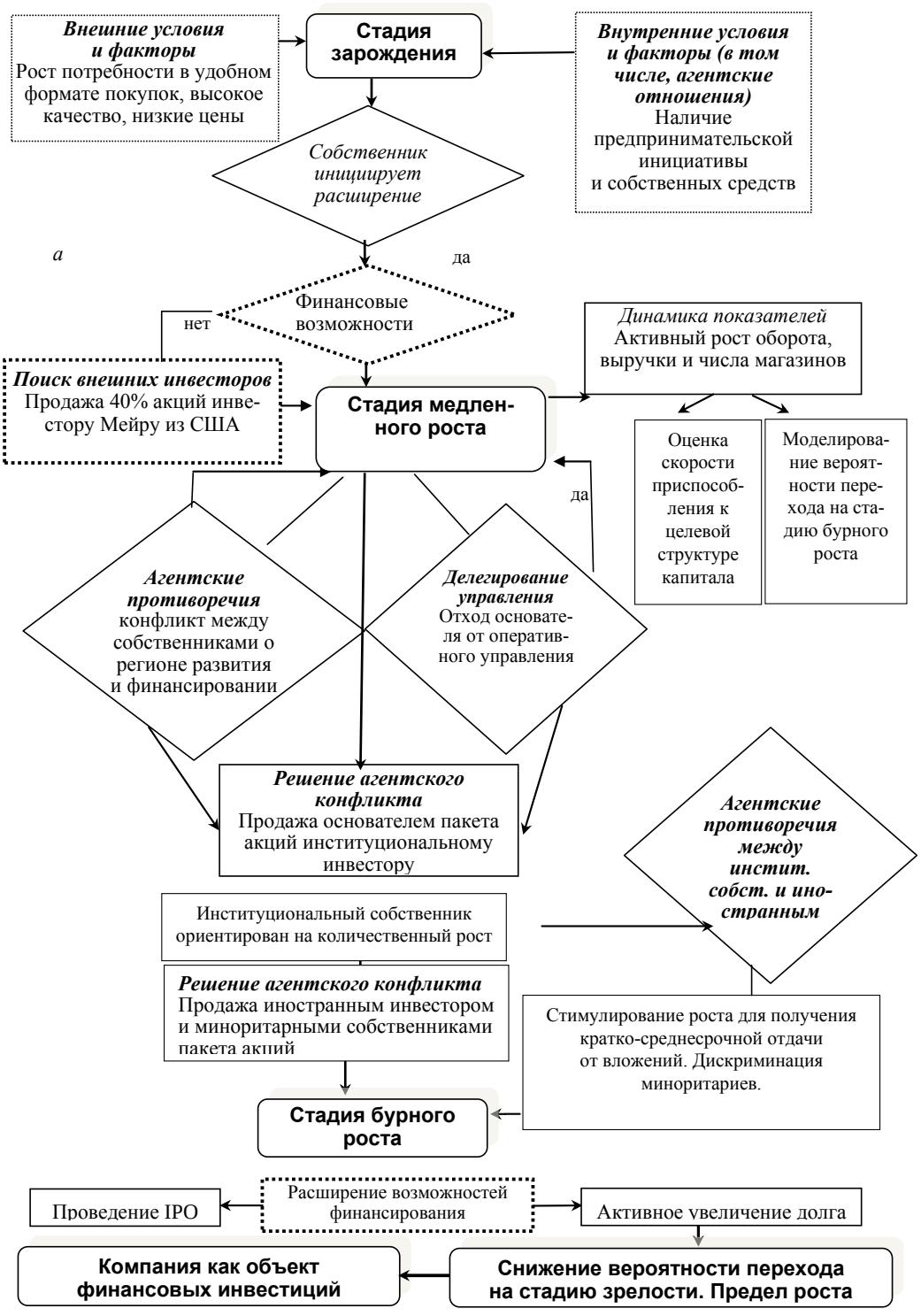


Рисунок 1.
Механизм движения компании по кривой жизненного цикла

В настоящее время активно развивается концепция перехода к цифровой экономике, отмечается существенный вклад Интернет-связанных отраслей в ВВП развивающихся стран. Такие трансформации затронут и область корпора-

тивных отношений. Предполагается, что цифровизация может способствовать снижению асимметрии информации, повышать прозрачность принимаемых решений. Можно отметить в связи с этим повышение роли искусственного интеллекта в принятии решений. К примеру, участие робота в собрании совета Директоров одного инвестиционного фонда способствовало оптимизации и ускорению процесса аналитической обработки информации и получаемых альтернатив решений. В России управляющие Сбербанка нацелены на развитие возможностей использования искусственного интеллекта. Таким образом, предпринимаются попытки модификации элементов корпоративного управления в условиях перехода на новый технологический уклад.

Список литературы

1. Ивашковская И.В., Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // Российский журнал менеджмента. 2004. – Т. 2, № 4. – С. 19–34.
2. Dickinson V. Cash Flow Patterns as a Proxy for Firm Life Cycle. Working paper N 1268509, Social Science Research Network. 2007.
3. Lester D. L., Parnell J. A., Carraher A. Organizational life cycle: A five stage empirical scale // The International Journal of Organizational Analysis. 2003. – Vol. 11, N 4. – P. 339–354.
4. https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceprinciples/32159669.pdf
5. http://www3.weforum.org/docs/GCR2016
6. http://www3.weforum.org/docs/GCR20172018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf

Кротова М.В.
к.э.н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
mw_krotowa@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РИСКОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА ПЕРЕДОВЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ)

***Ключевые слова**: стратегические риски, нефтегазовый комплекс, технологическое развитие.*

Стратегические риски – одна из относительно новых научных категорий, работа по которой стала актуальной после принятия Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 642 от 1 декабря 2016 года. Стратегические риски близки по смыслу к понятию «большие вызовы» – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения используемых ресурсов.

Согласно бизнес-ориентированному подходу[1],в основе стратегических рисков лежат ошибки, допущенные при принятии решений на уровне всей стратегии развития организации. Эти риски обладают следующими свойствами:

- решающее влияние на функционирование компании (инвестиционного проекта, дочерней структуры, продуктовой линейки и т.д.), вследствие чего материализация стратегических рисков ведет к банкротству компании, ее ликвидации, уходу с рынка или значительной утрате капитализации;
- как правило, длительный временной лаг, превышающий риски других видов, из-за чего, как считается в традиционном менеджменте, стратегическим рискам часто не уделяют должного внимания, либо их фактически игнорируют на ранних этапах становления компании (проекта, продукта и т.д.), исходя из предположения, что в средне- и долгосрочной перспективе ресурсы компании существенно увеличатся – или же произойдут кардинальные изменения в бизнес-климате, а также из предположения, что стратегию возможно скорректировать;
- множественность природы и видов рисков; они могут быть операционными, кредитными, рисками ликвидности и т.д.;
- зачастую в компании (системе) имеет место зависимость существенного объема ресурсов, технологических операций, коммуникаций и т.п., от наличия и надежности функционирования одного-единственного структурно-технологического звена (или связанных звеньев), в котором происходит «перенапряжение всей системы».

Последний признак требует пояснения. Например, для небольших компаний, работающих в сфере высоких технологий риск, связанный с персоналом, может оказаться стратегическим если все алгоритмы, технологии, секреты производства или методы работы компании находятся «в голове» одного сотрудника, который волен в любой момент сменить место работы. IT-риск может быть стратегическим для практически любого бизнеса, если имеющаяся информационная система обладает емкостью, превышающей текущие потребности, но существенно меньшей, чем у ожидающихся перспективных аналогов такой системы.

Из подобного определения вытекает еще и то, что стратегический риск может быть связан не только с текущей структурой и функционированием компании (инвестиционного проекта, продукта и т.п.), но и с самим т.н. «дизайном» будущей организации (технологии), в том числе и с решениями о соотношении закупок отечественного и импортного оборудования и даже – о фактической комплектности этого оборудования, если например, отечественная технологическая установка оснащается импортными деталями и КИПиА. Поэтому, например, в качестве метода противодействия стратегическим рискам определенной природы следует рассматривать различные виды технологического импортозамещения, об актуальности которого автор писал неоднократно.

Решения, способные перерасти в стратегический риск, могут закладываться и на разных стадиях жизненного цикла системы:

- на стадии пред-инвестиционных исследований в области разработки сценариев, стратегических альтернатив и оценки целесообразности самой деятельности;
- на стадии бизнес-плана или проекта, когда еще нет ни организации, ни технологии;
- на стадии собственно строительства капитальных объектов и фактического приобретения оборудования и технологий, подбора и найма персонала и т.п.;
- на стадии текущего функционирования, в этом случае возможны корректировки изначальной стратегии («дизайна») как в сторону снижения, так и в сторону возрастания стратегических рисков.

[1] Ср.: Исправление будущих ошибок: как технологии риск-менеджмента помогут вам уверенно смотреть в будущее. – http://www.klerk.ru/boss/articles/450871/

Очевидно, что «цена ошибки», стоимость и сама возможность выхода из зоны риска, в том числе и путем противодействия этим стратегическим рискам для всех стадий жизненного цикла системы (компании, технологии), будет различаться. Само понятие стратегических рисков имеет гораздо больший потенциал применения не столько в практике малых и средних высокотехнологичных компаний, сколько в управлении большими социально-экономическими системами (интегрированными компаниями с государственным участием, и госкорпорациями, региональными хозяйственными комплексами и др.) Как и большие вызовы стратегические риски не могут быть преодолены простым увеличением ресурсов, используемых на страхование, компенсацию потерь или противодействие, исходя из традиционных подходов к управлению рисками для коммерческих организаций.

Методологический подход к рассматриваемой автором группе рисков в разрезе «большой стратегии» содержится, например, в работах Н.А. Махутова[1], который к числу стратегических рисков относит события, имеющие глобальный характер и катастрофические последствия – не только для России, но и для значительных групп вовлеченных в них стран, территорий, отраслей: мировые войны, крупные техногенные катастрофы, а также сознательно допущенные экономические и социально-демографические кризисы. Н.А. Махутов предлагает выделять четыре группы стратегических рисков:

- *системные стратегические риски*, определяющие в количественной форме общее состояние обеспечения национальной безопасности государства в целом (сохранение населения, территории и образа жизни);
- *интегральные стратегические риски* как важнейшие составляющие системных стратегических рисков, определяющие в количественной форме состояние национальной безопасности в отдельных заданных сферах жизнедеятельности государства;
- *комплексные стратегические риски* как компоненты интегральных стратегических рисков, определяющие в количественной форме состояние национальной безопасности в заданных сферах жизнедеятельности государства и регионов;
- *дифференцированные стратегические риски* как части комплексных стратегических рисков, определяющие в количественной форме состояние национальной безопасности в заданных сферах жизнедеятельности государства и регионов.

Далее, в зависимости от величины (уровня) и приемлемости стратегические риски можно разделить на:

- *фактические* – те стратегические риски, с которыми система регулярно сталкивается в силу своей структуры и среды деятельности и так или иначе вынуждена им противодействовать или применять страхование;
- *неприемлемые* – стратегические риски, априори отменяющие возможность принятия связанных с ними решений, какими привлекательными они бы не были в других аспектах;
- *приемлемые* – позволяющие принять связанное с ними решение при известных мерах по страхованию или противодействию им;
- *пренебрежимые* – те, которые теоретически существуют и прогнозируются, но их можно игнорировать в текущей деятельности вследствие низкой вероятности реализации их в силу фактически сложившихся обстоятельств.

Важным выводом из процитированной работы Н.А. Махутова является фундаментальное свойство стратегических рисков: они в той или иной форме связаны, с одной стороны, с организационно-управленческими дисциплинами, и с другой – с техносферой, научно-техническим развитием, инновациями и с технологиями, которыми оснащены крупные хозяйственные комплексы.

Принципиально важно здесь не только наличие и понимание рисков, имеющих технологическую природу, но и ответ на определяющий вопрос: кто контролирует процессы создания и приобретения технологий, особенно тех, через которые проходят наибольшие объемы ресурсов, решений, информации, т.е. технологий, подверженных стратегическим рискам.

Бизнес-подход к стратегическим рискам недостаточен еще и потому, что не всегда позволяет определить, какую же именно стратегию формулирует и фактически реализует та или иная система? Под системой здесь подразумевается не только крупная компания, но и страна, государство, и комплекс ее стратегических отраслей. Если говорить об определяющих для экономики России, ее международного статуса и безопасности отраслях, к которым принадлежит и нефтегазовый комплекс, то здесь одной из определяющих характеристик стратегии на общенациональном уровне будет задача обеспечения суверенитета нашей страны, во всех областях – от ценностно-мировоззренческой до технологической.

Значимые характеристики стратегий представлены в табл. 1[2].

При такой классификации изложенного в книге В.В. Иванова методологического материала отказ системы от высокого уровня конкуренции может рассматриваться как один из способов избегания неприемлемых стратегических рисков. Опасность и неприемлемость подобного отношения к научно-технологической стратегии развития нашей страны подчеркивается как самим автором книги, так и в приведенном в конце ее письме ученых, датированном рубежом 1991-1992 гг. Именно в этом документе была показана важность научно-технического развития и научно-технической политики для нашей страны и в условиях, когда вместо административно-командной системы начала формироваться смешанная рыночная экономика.

Таблица 1

[1] См.: Махутов Н.А. Оценки и прогнозы стратегических рисков в техногенной сфере жизнедеятельности государства. – https://cyberleninka.ru/article/v/otsenki-i-prognozy-strategicheskih-riskov-v-tehnogennoy-sfere-zhiznedeyatelnosti-gosudarstva

[2] См.: Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. – М.: Наука, 2015.

Характеристики основных типов национальных стратегий по соотношению геополитических и экономических критериев

Тип стратегии	Варианты соответствующей стратегии в области технологий и научно-технической политики		Обеспечивающая техническая политика
Полный суверенитет, формирование собственной системы коллективной безопасности	Глобальное лидерство		Стремление к лидерству в технологиях всех категорий – оборонных, двойного назначения, гражданских, являющихся ключевыми для обеспечения мировой стратегической стабильности и высокого по мировым меркам потенциала национальной экономики
Стремление к обеспечению полного суверенитета в средне- и долгосрочной перспективе	Обеспечение технологической независимости при снижении значимости экономических критериев	Технологическое лидерство по отдельным технологиям или их группам	А. Импортозамещение или протекционизм, которые требуют особой политики с учетом общего высокого уровня кооперации современных национальных экономик В. Схемы привлечения инвестиций, маркетинга и сервиса для конвертации технологий в успешный экспортный товар Возможно копирование иностранных инноваций с большей или меньшей степенью адаптации к национальным целям и рынкам
Переходные стратегии, в основе которых экономический выбор	Рыночное лидерство	Догоняющее развитие	Важен не столько научно-технический уровень производств, сколько возможность удерживать значительные объемы реализации запатентованной продукции, в цене которой присутствует определенная рентная составляющая Распространено копирование технологий
Ограниченный суверенитет, вхождение в другие системы коллективной безопасности	Нишевое лидерство	Длительное догоняющее развитие	Ставка на импорт технологий, с приоритетной ценностью обеспечения роста занятости либо форсированной модернизации в ущерб независимости от иностранных технологий Копирование технологий ограничено в силу следованиям стандартам более сильных союзников по защите их интеллектуальной собственности
Отказ от суверенитета, декларации о намерении вхождения в другие системы коллективной безопасности	Деиндустриализация		Сознательный отказ от определенных видов деятельности и технологий, как правило, с целью снижения общего уровня стратегических рисков в военной, экономической и техносфере Копирование технологий затруднено из-за отсутствия (распада) инженерных и научных школ, производственной базы

В работе Н.А. Махутова прямо указано, что к глобальной катастрофе в 1990-е гг. Россию привело игнорирование стратегических рисков, по типу стратегии деиндустриализации. Избежать повторения аналогичных ситуаций в будущем – это не только политическая, но и фундаментальная научная задача.

Представляется важным применить вышеизложенные методологические подходы к выявлению наличия и причин возникновения стратегических рисков в сфере создания новых территориально-индустриальных комплексов и определению возможностей им противодействовать. Нами это будет сделано в отношении одного их приоритетных направлений социально-экономического развития России – освоения нефтегазовых ресурсов Арктики.

В своем выступлении на международном форуме «Арктика – территория диалога» в Архангельске 30 марта 2017 года Президент РФ Владимир Путин *«…дал понять всем государствам и потенциальным конкурентам в освоении арктических территорий, что Россия может стать международной площадкой в деле освоения ресурсов и развития промышленной базы, сохранения самобытной культуры и традиций народов Севера, преодоления разногласий и прочной основой для инвестиций в Арктику»*[1].

Конкретным целям, задачам, проблемам и инженерно-технологическим решениям реализации миссии России в Арктике посвящен целый ряд фундаментальных академических работ, начатых еще в середине 1990-х гг. Можно сказать, что фундаментальные исследования Арктики, а также геологии континентального шельфа и перспектив развития здесь добычи углеводородов под эгидой концерна «Росшельф», ОАО «Роснефть» и ОАО «Газпром», Минтопэнерго России, институтов Российской Академии наук стало стратегическим ответом научного и промышленного сообщества на угрозу деиндустриализации нашей страны.

По экспертным оценкам авторов коллективной монографии Института проблем нефти и газа РАН и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН[2], *«…освоение континентального шельфа арктических морей, в отличие от Сахалина или Черноморского побережья, сдерживается рядом дополнительных объективных факторов, среди которых, помимо ограничений, связанных с последствиями глобального финансово-экономического кризиса, следует отметить также дефицит необходимых технологий и оборудования, способных работать в сложных горно-геологических и климатических, в частности ледовых, условиях. Качественные технологии для освоения шельфа Се-*

[1] См. материал информационно-аналитического портала «Русская весна от 30-01.2018 г. по ссылке: http://rusvesna.su/news/1516828718

[2] Дмитриевский А.Н., Комков Н.И., Мастепанов А.М., Кротова М.В. Ресурсно-инновационное развитие экономики России / Под ред. Н.И. Комкова и А.М. Мастепанова. – М.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2013.

верного моря, используемые, например, норвежскими компаниями, не могут быть непосредственно использованы для освоения российского континентального шельфа, поскольку они рассчитаны на более мягкие климатические условия».

Перспективы развития газовой отрасли в первой половине XXI века будут связаны с формированием трех новых газодобывающих регионов: на полуострове Ямал с прилегающими акваториями, на шельфе Баренцева, Карского и Печорского морей и на востоке России. Именно эти новые газодобывающие регионы будут определять дальнейшее развитие ресурсной базы газодобычи. Помимо собственно ПАО «Газпром», среди российских участников, непосредственно поставляющих и отрабатывающих применение новых технологий для арктической добычи газа и конденсата, сервиса и т.п., ведущая роль отведена ФГУП ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова и ООО «Газпром добыча шельф».

Разработка Штокмановского месторождения (Баренцево море) к 2013 г. разделена на три фазы с ориентировочными объемами добычи соответственно 23,7 млрд. куб. м газа, 47,4 млрд. куб. м. и 71,1 млрд. куб. м газа в год[1]. Разумеется, в непосредственный ход работ на Штокмане будут неоднократно вноситься коррективы в силу причин как политического, так и технологического характера, но наличие конкретных ориентиров по объемам добычи свидетельствует о том, что необходимый набор технологий для этой части Баренцева моря разработан и в целом может быть коммерчески реализован.

Принципиально иные проблемы стоят перед реализацией стратегии освоения акваторий восточнее Баренцева моря: Печорского, Карского, а также Охотского морей – из-за наличия сплошного льда в течение длительного времени при обустройстве месторождений здесь должны использоваться либо стационарные ледостойкие платформы на мелководном шельфе, либо полностью подводные добычные комплексы, включающие фонтанную арматуру, сепараторы, соединительные трубопроводы, манифольды, подводное компрессорное, насосное и энергетическое оборудование. Потребуются принципиально новые средства доставки добытых углеводородов. В ПАО «Газпром» в целях повышения эффективности разработки месторождений на шельфе северных морей разработаны не имеющие аналогов технические решения для обеспечения подледной добычи газа при обустройстве Русановского и Ленинградского месторождений шельфа Карского моря, но это пока только разработки, не воплощенные в металл и не опробованные на практике[2]. Для освоения отдаленных от транспортных коммуникаций и относительно мелких месторождений потребуется создание плавучих заводов СПГ и газовозов ледового класса, а также морских комплексов для добычи природного газа и переработки его в метанол и синтетическое жидкое топливо. Необходимость разработки подобных технологий является в настоящее время серьезным вызовом для всей газовой отрасли России.

21 февраля 2008 года в целях осуществления проектирования, разработки, строительства, финансирования и эксплуатации объектов первой фазы освоения Штокмановского месторождения «Газпром», Total и Statoil Hydro подписали Соглашение акционеров о создании оператора проекта компании Shtokman Development AG. По оценкам на 2013 г., Штокмановское ГКМ было определено ресурсной базой для экспорта газа в Европу по газопроводу «Северный поток» и поставок СПГ на рынки Атлантического бассейна.

В настоящее время непосредственные формы и сроки реализации этих проектов корректируются в силу как политических, так и технологических причин. Хотя на принципиальную конфигурацию инвестиционных проектов на базе Штокмана западные санкции, вопреки ожиданиям ряда западных политиков, не оказали никакого влияния.

Параллельная динамика интересов наблюдалась и в нефтяной промышленности. В конце 2011 года было принято постановление Правительства России о передаче ОАО НК «Роснефть» без конкурса лицензий на Центрально-Баренцевский, Федынский и Персеевский участки в Баренцевом море, в приграничной зоне с Норвегией.

В 2011 г. ОАО НК «Роснефть» и американская компания Exxon Mobil заключили соглашение о стратегическом партнерстве, которым, в частности, предусматривается инвестирование 3,2 млрд. долл. США в геологоразведку и освоение трех лицензионных участков в Карском море (Восточно-Приновоземельских -1, -2, -3). Оформление этих проектов предполагалось в виде совместных предприятий, доля Роснефти в акционерном капитале каждого из которых составит 66,7%, а доля ЭксонМобил 33,3%.

Немногим позже, в начале 2012 года ОАО НК Роснефть и итальянская компания ENI подписали Соглашение о комплексном сотрудничестве, в соответствии с которым предусмотрены совместное освоение участков… в т.ч., и Баренцева (Федынского и Центрально-Баренцевского участков) моря на территории России, обмен технологиями и персоналом, а также участие «Роснефти» в международных проектах ENI. Доля ENI в совместном проекте составит 33,33%. В соответствии с соглашением ENI обеспечит финансирование комплекса геолого-разведочных работ, необходимых для подтверждения коммерческой перспективности участков. Также в 2012 г. ОАО НК «Роснефть» и норвежская компания Statoil ASA подписали Соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым предусмотрены совместное освоение участков российского шельфа Баренцева и Охотского морей, участие «Роснефти» в освоении участков норвежского шельфа Баренцева моря, возможность приобретения «Роснефтью» долей участия в международных проектах Statoil.

Во всех совместных проектах за Россией остается контрольная доля участия, превышающая 60%, основной организационной формой ее участия должны стать совместные предприятия. Одновременно создавалась юридическая база для создания технологий, причем, судя по приведенным выше экспертным оценкам, многие из них – требовались с нуля. С этими целями «Роснефть» и Exxon Mobil создали в Санкт-Петербурге Арктический научно-проектный центр

[1] Дмитриевский А.Н., Комков Н.И., Мастепанов А.М., Кротова М.В. Ресурсно-инновационное развитие экономики России / Под ред. Н.И. Комкова и А.М. Мастепанова. – М.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2013.

[2] Там же.

шельфовых разработок, в задачи которого войдут научно-исследовательские и проектно-изыскательские работы. По оценкам зам. директора ИПНГ РАН А.М. Мастепанова, это будет первый в стране интеллектуальный центр, способный выполнять весь спектр работ, стоящих перед компанией при освоении шельфовых месторождений. В его задачи войдет аккумулирование мирового и российского опыта, развитие ключевых компетенций, необходимых для разработки шельфовых месторождений, и создание новых технологий морской добычи, включая разработку буровых установок, судов и платформ ледового класса, подводных систем подготовки и транспортировки углеводородного сырья.

Таково в целом сложившееся к настоящему времени распределение ресурсов между основными странами и компаниями-участниками. Но следует понимать, что исходя даже из простого перечисления этих проектов, Российская миссия в Арктике может быть реализована различными последовательностями стратегических решений, объединяющих сферы как собственно безопасности – военной, дипломатической, экологической, так и экономики крупных территориально-производственных комплексов (табл. 2).

Таблица 2

Альтернативные стратегические подходы к осуществлению миссии России в Арктике

Определяющие критерии	1	2
Круг решаемых задач	Концентрация на вопросах геополитики, дипломатии и безопасности, согласования интересов участников освоения Арктики, включая государства с несовпадающими интересами и национальными системами ценностей	Концентрация на обеспечении широкого спектра решений в области не только военно-дипломатической, но и энергетической, экологической и транспортной безопасности в регионе с вовлечением опыта отечественных крупных компаний, формирование устойчивой экономической кооперации
Инструменты решения задач	Военные разработки и усиление присутствия России в Арктике. Международные соглашения в военной и дипломатической сферах, развитие межгосударственного диалога и новые документы в области морского права	П(**1**) + создание российских технологий для промышленного освоения Арктики, в частности, высокоширотной добычи нефти, газа, конденсата и углеводородного сырья сложного состава, их подготовки, транспортировки и переработки Разумный экономический протекционизм при поставках технологий в Россию. Экспорт отдельных технологий.
Инвестируемые объекты и технологии с Российской стороны	Во многом сконцентрированы в технологиях оборонного и транспортного характера и подчинены задачам обеспечения безопасности и координации участников работ в Арктике	П (**1**) + разработка собственных технологий гражданского назначения для ведения ключевых работ в Арктике.
Характер динамики стратегических рисков по мере реализации проектов в Арктике	Уровень стратегических рисков невысок в условиях начала промышленного и транспортного освоения Арктики. Стратегические риски могут увеличиться числом и уровнем в условиях необходимости импорта гражданских технологий, в т.ч. для ТЭК, транспорта и природопользования	Уровень стратегических рисков может оцениваться как очень высокий в условиях учреждения множества новых отечественных производств, в том числе, с учетом жесткой международной конкуренции за рынки сбыта и источники финансирования для разработчиков. В случае и по мере успешной реализации инвестиционно-инновационных проектов,

Определенную информацию о текущей стратегии морской нефте- и газодобычи в акваториях Баренцева, Печорского и Карского морей содержит доклад «Российско-норвежское нефтегазовое сотрудничество на Крайнем Севере. Охрана окружающей среды, системы мониторинга и ликвидации нефтяных разливов», подготовленный под эгидой INTSOK-Norwegian oil and gas partners. Имеющаяся в распоряжении автора его открытая версия датирована декабрем 2014 года, что, во-первых, позволяет считать его относительно современным по характеристике имеющихся инженерно-технологических решений для Арктики, а во-вторых, важно, что он вышел уже после принятия правительствами многих стран Запада отраслевых санкций в отношении Российских государственных компаний, ведущих работу на арктическом шельфе и отражает существующую уже в новых геополитических условиях степень технологической кооперации между отечественными и иностранными компаниями.

Целью доклада, судя по тексту, является «*…изучение вопросов, относящихся к охране окружающей среды, системам мониторинга и ликвидации нефтяных разливов и связанных с нефтегазовым производством на Крайнем Севере». Более конкретно, он «…направлен на то, чтобы охарактеризовать современное состояние/возможности и выявить проблемы, касающиеся оценки экологического риска, анализа систем готовности к ликвидации разливов нефти, обнаружения, мониторинга и реагирования на нефтяные разливы*».

Здесь также «*… рассматриваются проблемы, связанные с нормативно-правовыми рамками и перспективами российско-норвежского сотрудничества. Кроме того, здесь дается оценка поставщиков технологий/услуг, работающих над решениями (или уже их поставляющих) для нефтегазовой промышленности*».

В докладе сказано, что проект RU-NO Barents «*…не смог бы быть предпринят без руководства, поддержки и финансирования со стороны»* МИД Норвегии, Министерства нефти и энергетики Норвегии, Инновейшн Норвей, администрации губерний Финнмарк, Трумс, Нурланн, Рогаланд и Акерсхюс, Баренц-Секретариата, компаний «Роснефть», Conoco Phillips Scandinavia AS, A/S Norske Shell, GDF Suez E&P Norge, Chevron Norge AS, Statoil ASA, Total E&P Norway, Eni Norge AS, ExxonMobil Production & Exploration Norway A/S, Det Norske Oljeselskap ASA, North Energy, FMC Technologies, GE Oil & Gas, Норвежской нефтегазовой ассоциации, Федерации норвежской промышленности, Норвежской Конфедерации профсоюзов, Petroarctic, Газпром, Lukoil Overseas North Shelf AS, Крыловского гос-

ударственного научного центра, ЦКБ МТ «Рубин», Союза нефтегазопромышленников России, ассоциаций «Созвездие» и «Мурманшельф», а также Центра бизнеса и управления Университета Нурланна, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, OG21 – Норвежская стратегия в области нефтегазовых технологий, Marintek Sintef, Greater Stavanger Economic Development и Det Norske Veritas (DNV).

Анализ содержания доклада показывает, что в качестве приоритетной сферы международной кооперации между названными выше странами и их ведущими компаниями, по сути, действующими как неофициальные представители с большим объемом компетенций и ресурсов, является обеспечение экологической безопасности работ по добыче углеводородов на шельфе, а точнее – деятельность по ликвидации морских разливов сырья. Юридической основой является морское и международное право, исполнение требований которого является необходимым условием ведения любой добычи углеводородов на шельфе.

Заложенный в доклад юридическо-технологический подход означает по сути, что владение определенными технологиями освоения шельфа Арктики в акваториях Баренцева, Печорского и Карского морей обеспечивает право доступа к ресурсам, в т.ч. и определяющее его право не только номинального владения лицензиями, но и фактического ведения всего комплекса работ. Иными словами, объемы добычи и поставки формирует тот, кто обладает необходимыми технологиями и соответствует юридически обязывающим требованиям.

Перечисленные в докладе нефтегазовые компании, а также их научные и сервисные компании-партнеры в целом повторяют состав участников т.н. первичного распределения ресурсов западной части морей Арктической зоны России, закрепленного соглашениями 2008–2012 гг. Приведенный список и дальнейший текст доклада свидетельствуют о том, что среди имеющихся и потенциально заинтересованных поставщиков технологий для обеспечения:

- технологически достижимого уровня безопасности работ на шельфе, обеспечиваемого существующими и ожидающимися технологиями;
- юридически приемлемого уровня безопасности работ на шельфе, задаваемого источниками морского права, государственными экологическими и природоохранными стандартами как России, так и Норвегии, а также других арктических государств,
- не более пятой доли составляют компании из нашей страны. Такое же «соотношение сил» по поставщикам технологий, уже среди сервисных и инженерных компаний, перечисленных в тексте доклада в разделах по поставщикам технологий для конкретных направлений работ на арктическом шельфе.

Непропорциональность вклада российских поставщиков и подрядчиков в обеспечение безопасности работ на шельфе очевидна уже при ознакомлении с составом участников подготовки доклада. Имеется в виду непропорциональность осваиваемой территории Арктики и ожидаемой величины углеводородных запасов, принадлежащих России, тому количеству отечественных поставщиков технологий, которые задействованы в соответствующих проектах. Непропорциональность усиливается еще и тем, что речь идет об освоении запасов углеводородного сырья, юридически относящихся исключительно к России, на условиях СП с доминированием участия российских компаний, а не, к примеру, соглашений наподобие раздела продукции, при которых участие иностранных поставщиков и подрядчиков квотируется в интересах иностранных партнеров. Вот и получается, что импорт одних из наиболее чувствительных для проектов технологий – а именно обеспечения экологически безопасного ведения работ закладывается уже на стадии проекта, причем в довольно жесткой юридически обязывающей форме. Данное условие реализации проектов освоения Арктики само по себе является источником значительного числа стратегических рисков структурно-технологической природы, причем непосредственные формы и сроки материализации таких рисков не очевидны, поскольку сами проекты находятся на ранней стадии ведения работ и потребуют существенных капиталовложений в перспективе 2035–2050 гг.

* * *

Можно сделать общий вывод о том, что судя по имеющимся материалам, в настоящее время преимущественно реализуется стратегический подход **П(1)**, в котором основная нагрузка на нашу страну в освоении Арктики отводится задачам обеспечения безопасности и координации между различными странами и компаниями, имеющими интересы в этом регионе мира. Технологическое сотрудничество при этом будет идти по принципу отбора наиболее эффективных технологий и конкуренции во многом заранее зафиксированного пула поставщиков. Критерием же попадания в фактический пул поставщиков является обладание лишь некоторыми технологиями, пригодными для ведения работ в Арктике – при том, что согласно оценкам ИПНГ, ни одна из субарктических стран не имеет реально эффективных высокоширотных технологий для разведки, добычи, сбора, подготовки и транспортировки углеводородного сырья.

К направлениям противодействия возникающим стратегическим рискам как для России в целом, так и для компаний, которым при переходе добычи сырья с суши на шельф угрожает утрата технологической независимости, можно отнести:

1. Привлечение к работам максимально возможного числа новых организаций в сфере НИОКР и тиражирования арктических технологий. Важную роль будет играть разница в жизненном цикле компаний: если ведущие западные компании уже сегодня находятся в стадии рыночной зрелости, то российские могут существенно выиграть из-за большего динамизма в развитии «с нуля».

2. Участие России в подготовке и принятии новых международных соглашений и нормативно-правовых документов в области ведения работ на шельфе и в высоких широтах, требования которых являются более жесткими, чем в Норвегии, Финляндии, США, Канаде и других заинтересованных странах. Активное ведение политики штрафов за уже нанесенный экологический ущерб иностранными компаниями.

3. В случае успешной разработки технологий для ведения работ в высоких широтах – организация экспорта таких технологий.

Кузьмина И.В.[1]

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИЕЙ

Ключевые слова: *корпорация, управление, принципы корпоративного управления, Кодекс корпоративного управления.*

Рассматривая вопросы концептуальных основ управления корпорацией, необходимо отметить, что в настоящий момент единого понимания по данному вопросу среди ученых нет.

В общем смысле, под управлением понимается процесс организации такого целенаправленного воздействия на некоторую часть среды, называемую объектом управления, в результате которого удовлетворяются потребности субъекта, взаимодействующего с этим объектом и имеющего определенное целеполагание[2].

Как уже было отмечено, в современной науке отсутствует какое-либо единое определение понятия «корпоративное управление». Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем фактом, что в теоретическом плане корпоративное управление можно раскрывать в различных аспектах, поэтому дефиниций этого понятия множество.

Корпоративное управление по своей сущности представляет совокупность экономических и административных механизмов, с помощью которых реализуются права акционерной собственности, и формируется структура корпоративного контроля; а также систему взаимодействий между органами управления корпорацией, ее руководством, советом директоров, акционерами и другими заинтересованными лицами для реализации их интересов[3].

Также корпоративное управление понимается как разновидность социального управления. Корпорация представляет собой определенную организованную систему, элементом которой выступает управление. Сущность такого управления состоит в воздействии на корпорацию как систему общественных отношений (организованную систему) с целью их упорядочения, сохранения их специфики.

При этом под социальным управлением понимается воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Различают стихийное управление, воздействие которого на систему – результат взаимодействия различных сил, массы случайных единичных актов, и сознательное управление, осуществляемое общественными институтами и организациями (государством и др.)[4].

Важно подчеркнуть, что корпоративное управление представляет собой сознательное управление, осуществляемое специально формируемыми в корпорации органами. Более того, органы корпорации образуются в порядке, определенном законодательством, и законодательство определяет разграничение компетенции между этими органами.

Следствием данного обстоятельства является тот факт, что корпоративное управление, прежде всего, представляет собой управление, осуществляемое на основании правовых норм как законодательного, так и локального (внутреннего) регулирования.

Таким образом, в узком смысле корпоративное управление (управление корпорацией) – это воздействие на корпорацию как организованную систему, осуществляемое специально образованными органами, действующими в пределах своей компетенции.

В широком смысле корпоративное управление – внутренние и внешние взаимоотношения, система определенных отношений, возникающих между органами управления и владельцами ценных бумаг корпорации (акционерами, владельцами облигаций и иных ценных бумаг), между корпорацией и государственными органами, а также другими заинтересованными лицами, так или иначе вовлеченными в управление эмитента (общества) как юридического лица.

При этом суть корпоративного управления в широком смысле представляет собой процесс поиска баланса между интересами различных участников корпорации: акционеров и менеджмента, отдельных групп лиц и корпорации в целом путем реализации участниками корпорации определенных стандартов поведения (этических, процедурных), принятых в деловом сообществе.

Таким образом, корпоративное управление – это комплекс мер, осуществляемых как зарубежными, так и российскими компаниями для защиты интересов собственников и в конечном итоге для повышения стоимости компании и привлечения инвестиций.

В основу эффективного и легального управления, в том числе, и корпоративного, всегда заложены соответствующие принципы.

---

[1] Кузьмина Ирина Владимировна – к.ю.н., доцент, ведущий специалист Учебно-методического управления, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета.

[2] Теория управления. – http://ur-consul.ru/Bibli/Tyeoriya-upravlyeniya-SHpargalka.html

[3] Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: КНОРУС, 2015. – С. 231.

[4] Кирилловых А.А. Корпоративное право: Курс лекций. – М.: Юстицинформ, 2009. – С. 45.

Так, под принципами корпоративного управления понимают основные начала, характеризующие процесс управления корпорацией. В данной связи важно отметить, что принципы корпоративного управления в настоящее время не получили непосредственного закрепления в российском законодательстве. Вместе с тем, в законодательстве других стран принципы корпоративного управления также очень часто аккумулируются не в законодательных актах, а в рекомендательных документах – Кодексах корпоративного управления, исполнение которых корпорации принимают на себя добровольно. Основой для разработки принципов корпоративного управления в национальных правопорядках служат принятые в 1999 г. Советом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Принципы корпоративного управления (OECD Principles of Corporate Governance).

Рассматриваемый документ определяет, что структура корпоративного управления должна обеспечивать стратегическое управление компанией, эффективный контроль за деятельностью администрации со стороны совета директоров, а также подотчетность совета директоров акционерам.

При этом основополагающими принципами корпоративного управления, сформулированными ОЭСР, являются справедливость, ответственность, прозрачность, подотчетность.

Важно подчеркнуть, что принципы корпоративного управления ОЭСР носят рекомендательный характер и могут использоваться для оценки и совершенствования действующего законодательства, а также непосредственно корпорациями для выработки систем корпоративного управления и наиболее эффективной практики. В соответствии с обозначенными Принципами структура корпоративного управления компании должна обеспечивать:

– защиту прав акционеров;

– равное отношение к акционерам;

– признание предусмотренных законом прав заинтересованных лиц;

– своевременное и точное раскрытие информации по всем существенным вопросам, касающимся корпорации;

– эффективный контроль администрации со стороны правления (наблюдательного совета), а также подотчетность правления акционерам.

В данной связи необходимо подчеркнуть, что экономические факторы являются определяющими при формировании законодательства, включая законодательство в сфере корпоративного управления.

Важным элементом корпоративного управления является выбор соответствующей модели управления.

Модель корпоративного управления представляет собой классический треугольник: акционеры (общее собрание) – совет директоров (наблюдательный совет) – единоличный (коллегиальный) исполнительный орган общества.

В зависимости от состава органов управления выделяют модели управления корпорацией. Модель управления каждого хозяйственного общества определяется его индивидуальными особенностями, в том числе распределением пакета акций (долей), включая наличие или отсутствие контрольного или блокирующего участия в уставном капитале, совмещением функций собственников и менеджеров, для акционерного общества также – присутствием индивидуальных, институциональных инвесторов (инвестиционных, пенсионных фондов, страховых компаний и проч.) и другими обстоятельствами. Непосредственно путем выбора модели управления собственники определяют наиболее оптимальный способ реализации своих интересов.

Исходя из состава органов возможны следующие модели управления российской корпорацией:

1. Общее собрание, совет директоров, единоличный исполнительный орган и коллегиальный исполнительный орган, ревизионная комиссия (ревизор).

2. Общее собрание, совет директоров, единоличный исполнительный орган, ревизионная комиссия (ревизор).

3. Общее собрание, единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган, ревизионная комиссия (ревизор).

4. Общее собрание, единоличный исполнительный орган, ревизионная комиссия (ревизор)[1].

Говоря об источниках правового регулирования управления корпорацией, необходимо отметить также отсутствие единого законодательного акта, регламентирующего данный вопрос. В большинстве случаев, законодатель определяет данные нормы применительно к корпорациям конкретной организационно-правовой формы, например, для акционерных обществ[2], обществ с ограниченной ответственностью[3] и пр.

Банком России в 2014 году одобрен Кодекс корпоративного управления[4], закрепляющий общие принципы управления корпорацией. Однако Кодекс не является нормативным правовым актом и имеет рекомендательный характер, фактически выполняет функцию модельного правового акта, хотя обладает чертами подзаконного нормативного акта.

Он представляет собой своеобразный свод морально-этических правил, связанных с управлением в акционерных обществах, базируется на принципах корпоративного управления, и имеет значение не только для акционерных обществ, но и для всех корпораций. Как уже отмечено выше, его нормы носят рекомендательный характер.

Вместе с тем, Кодекс корпоративного управления – действенный инструмент повышения эффективности управления компанией, обеспечения ее долгосрочного и устойчивого развития.

---

[1] Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: КНОРУС, 2015. – С. 239.

[2] Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

[3] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[4] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. – М., 2014. – № 40.

Целью Кодекса корпоративного управления является:

– определить принципы и подходы, следование которым позволит российским компаниям повысить инвестиционную привлекательность в глазах долгосрочных инвесторов;

– отразить в форме наилучших стандартов деятельности выработанные за прошедшие годы подходы в области разрешения корпоративных проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности акционерных обществ;

– предоставить рекомендации по надлежащей практике справедливого отношения к акционерам с учетом имевших место негативных примеров нарушений их прав;

– учесть накопленную практику применения Кодекса корпоративного поведения; упростить применение наилучших стандартов корпоративного управления российскими акционерными обществами в целях повышения их привлекательности для отечественных и зарубежных инвесторов;

– предоставить рекомендации, направленные на повышение эффективности работы органов управления акционерных обществ и контроля за их деятельностью.

Основными направлениями регламентации в Кодексе являются следующие положения:

– права акционеров, в том числе рекомендации по использованию электронных средств для участия в голосовании и получения материалов собрания, а также по защите дивидендных прав акционеров;

– выстраивание эффективной работы совета директоров – определение подходов к разумному и добросовестному исполнению обязанностей членов совета директоров, определение функций совета директоров, организация работы совета директоров и его комитетов;

– уточнение требований к директорам, в том числе к независимости директоров;

– рекомендации по построению системы вознаграждения членов органов управления и ключевых руководящих работников общества, включая рекомендации к различным компонентам такой системы вознаграждения (кратко- и долгосрочной мотивации, выходным пособиям и др.);

– рекомендации по выстраиванию эффективной системы управления рисками и внутреннего контроля;

– рекомендации по дополнительному раскрытию существенной информации о компании и подконтрольных ей организациях и принятых в них внутренних политиках;

– рекомендации по проведению существенных корпоративных действий (увеличение уставного капитала, поглощение, листинг и делистинг ценных бумаг, реорганизация, существенные сделки), позволяющие обеспечить защиту прав и равное отношение к акционерам.

Таким образом, вопрос управления корпорацией в настоящей момент в нашей стране, в большей степени, определяется непосредственно локальными актами самой корпорации.

Кунцман А.А.
главный инженер, Компания Redsys

АДАПТАЦИЯ БИЗНЕСА К ВЫЗОВАМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *цифровая экономика, адаптация предприятия, управление знаниями, цифровые технологии, аутсорсинг, интегрированные сервисы, конкурентное преимущество.*

Keywords: *digital economy, adaptation of an enterprise, knowledge management, digital technology, outsourcing, integrated services, competitive advantage.*

Современная мировая экономическая система находится в ситуации, в которой значительную долю ВВП развитых стран составляет деятельность по генерации, обработке, хранению и распространению информации. Деловая информация относится к ключевым ресурсам предприятий практически всех отраслей. Повышение роли информации и знаний в бизнесе, необходимость снижать производственные затраты и быстрое развитие цифровых информационных технологий породило практически новый тип экономики – цифровую экономику.

В данной работе будет использоваться термин «цифровая экономика», под которой автор понимает современный тип экономики, характеризующийся преобладающей ролью информации и знаний как определяющих ресурсов в сфере производства материальных продуктов и услуг, а также активным использованием цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации.

Кардинальные изменения в сфере управления предприятиями, происходящие под влиянием цифровой экономики, уже несколько десятилетий находятся в фокусе теоретических и практических исследований. Эти изменения обусловили формирование новой экономической парадигмы в последние десятилетия.

Активная фаза цифровой трансформации модели управления бизнесом наблюдается с 1980-х гг. В новой модели управления по-другому расставляются приоритеты. Снизилась значимость материальных активов как базового источника доходов. В развивающемся цифровом обществе отношения между экономическими субъектами опираются на информационные ресурсы и нематериальные активы [3, с. 27].

Свободное распространение информации приближает рынки к состоянию, близкому к совершенной конкуренции: растет количество производителей и продавцов товаров и услуг, растет осведомленность покупателей. Параллельно происходит дробление бизнесов, разрушаются вертикально-интегрированные холдинги. Производители приобретают значительную гибкость и становятся более специализированными. Расширяются неформальные связи между компаниями, управленческие модели децентрализуются, меняются внутренние организационные структуры [1, с. 143].

Развитие цифровой экономики обусловило появление ряда качественных изменений в управлении компаниями:

1) Информация стала полноценным и особо значимым фактором производства.

2) Появление эффективных цифровых технологий привело к снижению трансакционных издержек.

3) Общие производственные затраты выросли, так как за актуальную информацию необходимо платить.

4) В силу роста доступности управленческой информации и повышения эффективности методов ее обработки, снизился общий уровень рисков и неопределенности.

5) Выросла роль человеческого фактора в обслуживании информационных систем.

Цифровая экономика выдвигает на первый план знания как стратегический актив, обеспечивающий выживание и развитие предприятий различных отраслей. Необходимо применять модели управления знаниями, поддерживающие динамичные изменения внутренней и внешней среды и основанные на конкуренции ценностей. Эти модели должны предусматривать трансформацию знаний в ключевые компетенции, позволяющие побеждать в конкурентной борьбе.

Управление корпоративными знаниями должно формировать интеллектуальный капитал, который распространяется на организационные, клиентские и кадровые активы. Комплексное использование этих активов формирует внутренние и внешние компетенции.

На начальной стадии развитие цифровой экономики базировалось на электронной коммерции и Интернет-сервисах. В настоящее время она охватила практически все социально-экономические сферы: здравоохранение, образование, банковский сектор и т.д. Цифровой документооборот и технологии электронной подписи способствовали появлению электронного правительства, что дало возможность повысить качество и оперативность предоставления государственных услуг.

Уровень сложности цифровых сервисов постоянно повышается. В рамках комплексных сервисов интегрируются ранее независимые технологии, внедряются инновационные подходы к управлению производством [2, с. 27].

В качестве показательных примеров интегрированных сервисов можно привести PLM-системы (product lifecycle management – управление жизненным циклом продукта), BPM-системы (business process management – управление бизнес-процессами). PLM-системы базируются на методах и инструментах информационной поддержки производства продукции на всех стадиях ее жизненного цикла. К специфике PLM можно отнести возможность интеграции

как систем автоматизации различных вендоров, так и различных АСУ многих производственных компаний. Таким образом, на основе PLM формируется единое информационное поле, в котором работают ERP, САПР, PDM, CRM, SCM и другие системы автоматизации.

Иногда такие компоненты PLM как, например, САПР, становятся универсальными интегрирующими системами, оказываясь на том же уровне иерархии, что и PLM. В свою очередь, например, BIM-системы (building information model – информационная модель здания) может интегрироваться в САПР. Кроме того, BIM, совместно с ГИС (геоинформационными системами) могут являться компонентами Интернета вещей и дополненной реальности. Так цифровые технологии комплексно внедряются не только на производстве, но и в быту. Для данной стадии развития цифровой экономики необходимы значительные вычислительные мощности и инновационные информационные технологии, необходимо системно пересматривать принципы организации производства, трансформировать систему управления экономикой предприятия.

За последние два десятилетия произошли прорывы не только в ИТ, но и в других отраслях и секторах. К тому же сами основополагающие технологии цифровой экономики – Интернет- и мобильные технологии значительно трансформировались и продолжают меняться. Таким образом, драйвером изменений в цифровой экономике являются технологические инновации.

Можно выделить следующие типовые этапы интеграции предприятия в цифровую экономику.

1. Предприятие использует Интернет для маркетинговых задач. Осуществляется информационная поддержка клиентов и партнеров, изготавливаются и продвигаются сайты, ведутся клиентские базы данных и т.д. Эти меры дают определенный эффект, однако их результативность относительно низка и связана со значительными, не всегда оправданными затратами.

2. Сотрудники предприятия адаптируются к работе с прогрессивными инструментами обработки информации, формируется общее информационное поле для совместной работы предприятия с покупателями и деловыми партнерами. Как пример, можно привести работу в интегрированных системах, позволяющих поставщикам и покупателям участвовать в управлении логистическими (в частности, складскими) процессами предприятия. На основе актуальных данных поставщики формируют задания на отгрузку сырья и материалов, а потребители координируют процессы покупки и доставки товаров. Такое взаимодействие можно отнести к категории Интернет-бизнеса. Данный подход позволяет значительно снизить логистические и коммерческие издержки.

3. Выделяются основные и вспомогательные бизнес-процессы предприятия. Второстепенные бизнес-процессы целесообразно передать на аутсорсинг сторонним исполнителям, имеющим ключевые компетенции в соответствующих областях и способным предложить более высокое качество и сократить издержки предприятия.

До наступления эпохи цифровой экономики было практически невозможно интегрировать все основные бизнес-процессы компании (в том числе передаваемые на аутсорсинг) в единое целое. В настоящее время современное аппаратное и программное обеспечение дает возможность наладить скоординированную работу предприятия с контрагентами и осуществлять контроль над всеми основными процессами. Иначе говоря, цифровые технологии открыли для компаний принципиально новые возможности интеграции.

4. На аутсорсинг могут быть отданы логистические, маркетинговые, производственные, закупочные и другие функции. Также сторонним исполнителям может быть передано ведение бухгалтерского и финансового учета. Относительно редко передаются на аутсорсинг функции, связанные с ведением важных клиентов, так как в процессе выполнения этих функций предприятие получает очень ценную информацию о рынке. Функцию формирования ассортимента многие предприятия тоже предпочитают оставлять в своей компетенции.

Таким образом, в условиях цифровой экономики многие компании трансформируются в управленческие центры, берущие на себя ключевые функции (стратегическое управление, разработки, производство, взаимоотношения с клиентами и т.д.). Все второстепенные функции передаются на аутсорсинг.

Подводя итоги, выделим важнейшие задачи предприятия в процессе адаптации к вызовам цифровой экономики: выявление внутренних и внешних информационных потребностей, планирование информационной структуры, подбор необходимого аппаратного и программного обеспечения, формирование комплексной информационной системы и интеграция в ее рамках всех основных бизнес-процессов. Успешное решение всех перечисленных задач дает возможность повысить прибыльность бизнеса, обеспечить финансовую прозрачность и сформировать полноценную систему стратегического управления.

Список литературы

1. Дятлов С.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование. – СПб.: Астерион, 2008.
2. Куприяновский В.П., Синягов С.А., Тищенко П.А., Раевский М.А., Юдицкий А.А. Применение комбинированных технологий BIM-ГИС в строительной отрасли для различных категорий заинтересованных лиц: Обзор состояния в мире // ArcReview. 2015. – № 2 (73).
3. Соловьева Ю.Н. Направления развития маркетинговой компетентности в условиях цифровой экономики // Маркетинг Менеджмент в цифровой экономике. – СПб., 2015. – № 2.

Курбанов А.Х.
д.э.н., доцент Военной академии материально-технического обеспечения
kurbanov-83@yandex.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: *военная логистика, Интернет вещей, «Индустрия 4.0», конвергентный подход, логистизация, продукция военного назначения, цепь поставок.*

Keywords: *military logistics, Internet of things, «Industry 4.0», convergent approach, logistics, military products, supply chain.*

Несмотря на то, что логистический подход стал признаваться большинством участников цепи снабжения, российская логистика продолжает оставаться неоднородной как в научном аспекте, так и в практическом применении. По итогам 2016 года качество логистической инфраструктуры в России (по пятибалльной шкале) оценивается в 2,43 балла, простота организации международных поставок товаров – 2,45, качество логистических услуг – 2,76, возможность отслеживания грузов – 2,62, своевременность доставки – 3,15. Россия и раньше не была лидером по этим показателям, но сейчас ее позиции еще и падают. В сравнении с 2014 годом по совокупности показателей Россия спустилась с 90-й позиции на 99-ю, по качеству инфраструктуры – с 77-го места на 94-е. Только по показателю «качество логистики» Россия сдвинулась вверх на восемь позиций, с 80-го места на 72-е из 160 [12]. Это связано с одной стороны с тем, что представители научного сообщества и бизнеса используют множество (порой несовместимых между собой) различных логистических технологий, разрабатывают и применяют частные модели, методы, методики и алгоритмы, предназначенные для логистизации процессов материально-технического обеспечения потребителей [6; 10]. С другой стороны, незначительной продолжает оставаться роль государства, которому необходимо ускорить создание нормативной базы, необходимой для внедрения современных логистических технологий [9].

Логистические системы развиваются непрерывно, изменяются подходы к построению цепи снабжения, они становятся всё более интегрированными и гибкими с точки зрения всех участников логистических отношений. Большое будущее в сфере логистики предсказывается Интернету вещей [15]. Компании, стремящиеся использовать Интернет вещей в своей деятельности, должны ориентироваться на то, что необходимо не просто рассматривать вопрос о внедрении единого прецедента в рамках складской работы, транспортировки или доставки к месту назначения. Ключ к успеху лежит в понимании возможностей его применения в различных областях [15].

С точки зрения теории логистики Интернет вещей может соединять различные активы по цепи поставок, а затем анализировать данные, полученные из этих соединений для генерирования новых идей. Благодаря этому Интернет вещей позволяет логистическим услугам достигнуть более высоких уровней эксплуатационной эффективности, создавая индивидуальные, динамические и автоматизированные услуги для своих клиентов [15].

В свою очередь «Индустрия 4.0» так же обладает перспективами применения в логистической сфере. Одним из наиболее ощутимых аспектов четвертой промышленной революции является идея «сервис-ориентированного проектирования». Оно может варьировать от пользователей, использующих заводские настройки для производства собственных продуктов, до компаний, которые поставляют индивидуальные продукты индивидуальным потребителям (организуют пошив отдельных предметов одежды по индивидуальным заказам с учетом антропометрических характеристик заказчиков).

Потенциал такого вида производства огромен. Применительно к одежде, например, это означает, что, если какой-то предмет «знает» (это достигается наличием специальных датчиков вшитых, например, в подкладку), что скоро его сроки эксплуатации подходят к концу, он может уведомить фабрику, на которой будет поставлена в очередь задача произвести новый предмет. Когда придет время приобрести новую одежду (или обувь), она уже будет доставлена домой или в пункт выдачи заказов. Возможна также и гибкая доставка в случае, если клиент находится на работе или даже в другом городе.

Далее перейдем к особенностям функционирования ведомственных логистических систем. Рассмотрим их на примере системы материально-технического обеспечения (МТО) военной организации государства (Вооруженных сил Российской Федерации), которая функционирует в интересах обеспечения военных потребителей продукцией, работами и услугами. Систему МТО ВС РФ принято относить к числу наиболее масштабных. Она аккумулируют в себе все типичные проблемы логистических систем: иерархичность, территориальную разветвленность, большое количество номенклатурных позиций, высокую стоимость запасных частей и проч. [11]. Взаимодействие элементов системы МТО ВС РФ представляет собой сложный комплекс информационных процессов, охватывающих заказчика, потребителей, поставщиков, соответствующие отделы и службы, склады, арсеналы и т.д. Информационные процессы, протекающие в системе, как и любые информационные процессы, предполагают сбор, обработку, хранение и форми-

рование новой агрегированной информации о состоянии системы. На основе получаемой таким образом информации принимаются решения и предпринимаются соответствующие действия [4, 5]. Поэтому эффективность информационных процессов во многом определяет эффективность функционирования системы МТО ВС РФ [4]. В связи с этим внедрение логистических инноваций в военной сфере может быть ориентировано, прежде всего, на повышение эффективности информационных процессов (здесь просматривается прямая связь с коммерческими логистическими системами). К основным инновациям в этой области, по оценкам военных специалистов, следует отнести создание автоматизированных систем управления логистическими процессами в ВС РФ, внедрение средств автоматической идентификации продукции военного назначения, развитие системы каталогизации предметов снабжения ВС РФ и др. [8, 11]

Внедрение данной автоматизированной системы позволит обеспечить эффективное решение следующих основных задач [5, 8]: учет состояния, движения всего спектра материальных ресурсов (предметов снабжения, ГСМ, расходных материалов, военно-технического имущества и др.); сбор и оценка потребностей воинских формирований в материальных ресурсах, работах и услугах; оценка объемов закупаемых ресурсов; планирование выполнения работ и поставок ресурсов; рациональное расходование материальных средств; оценка затрат на МТО военных потребителей.

По нашему мнению, перспективным направлением развития управления логистическими процессами в ВС РФ является использование средств объективного контроля и сопряженных с ними программно-технических комплексов, предназначенных для сбора, хранения и обработки данных по наличию, потребности, учету движения и расхода материальных ресурсов. Данная технология позволяет регистрировать и передавать в органы военного управления данные о техническом состоянии, движении военной техники, расходе ГСМ, что обеспечивает высокую достоверность и актуальность сведений, необходимых для принятия решения по управлению МТО.

Если говорить о возможностях конвергенции коммерческой и ведомственной логистики, то необходимо исходить из того, что под конвергенцией нами понимается процесс сближения и поиска компромиссов между двумя логистическими подходами, которые обладают как одинаковыми, так и специфическими характеристиками. Коммерческие логистические системы более открыты и, как правило, готовы к быстрым изменениям, внедрению новых управленческих и технических инноваций. Ведомственные логистические системы, напротив, консервативны. Информация по обеспечению военных потребителей продукцией (номенклатура и объём материальных средств, подлежащих поставке или размещенных на объектах хранения), как правило, имеет ограничения в доступе. Тем не менее, современные реалии таковы, что конвергентный подход при оптимизации цепей поставок в ведомственных логистических системах предполагает возможное сближение различных способов оптимизации цепей поставок, используемых коммерческими компаниями, так или иначе встроенными в систему поставок продукции военного назначения.

Для формирования единого понимания направлений конвергенции при оптимизации цепей поставок в ведомственных логистических системах рассмотрим основные уровни, на которых возможно использование новых нетрадиционных для системы МТО ВС РФ технологий и подходов. Всего можно выделить три уровня:

1) стратегический уровень, на котором осуществляется решение задач, возникающих перед военными логистическими системами (развитие, администрирование логистической системы, выполнение основных управленческих функций для достижения её основных целей);

2) оперативный уровень (управление движением материально-технических ресурсов, необходимых для функционирования военной организации), основная задача которого состоит в обеспечении постоянного контроля над ходом выполнения производственных заказов и оказании необходимого воздействия на логистическую систему с тем, чтобы удерживать её параметры в заданных пределах для достижения поставленных перед организацией целей. На данном уровне можно выделить такие его основные функции управления движением потоков, как прогнозирование потребности, планирование поставок, координация действий, контроль выполнения поставок и анализ эффективности;

3) тактический уровень: получение материальных средств, транспортировка материальных средств, их грузопереработка, складирование и распределение.

Представленные нами уровни логистической системы были сопоставлены с возможными направлениями конвергенции коммерческой и ведомственной логистики. В результате была получена матрица применимости перспективных логистических технологий на конкретном уровне, в которой просматривается соблюдение принципа «задача–инструмент–решение» (см. табл.).

В рамках конвергенции коммерческой и ведомственной логистики нельзя забывать о том, что данный процесс обладает некоторыми особенностями, в первую очередь они будут связаны с необходимостью значительных инвестиций в развитие логистических систем, нахождение общих свойств и верификации принципов совместной работы. Второй особенностью является необходимость сохранения и защиты сведений по реальным объемам материальных средств, производимых и поставляемых в интересах военной организации государства и недопущение сбора, анализа и использования соответствующей в интересах разведывательных служб иностранных государств.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что для достижения целей внедрения конвергентного подхода при оптимизации цепей поставок в коммерческих и ведомственных логистических системах необходимо решить комплекс взаимосвязанных задач:

– обеспечить гибкий подход к использованию существующих технологий для различных видов логистических систем;

– совместить элементы администрирования для обмена информацией между всеми участниками логистических процессов;

Таблица 1

Матрица оценки применимости перспективных логистических технологий в рамках конвергенции коммерческой и ведомственной логистики

<table>
<tr><td rowspan="2">Уровень логистической системы</td><td colspan="2">Используемые подходы (существующие и перспективные)</td></tr>
<tr><td>Ведомственные логистические системы</td><td>Коммерческие логистические системы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Стратегический (планирование развития, администрирование логистической системы, выполнение основных управленческих функций)</td><td>Администрирование логистической системы осуществляется централизованно, все решения принимаются после согласования на всех уровнях управления. Мероприятия планирования, как правило, носят краткосрочный и среднесрочный характер</td><td>Используется как централизованный, так и децентрализованный подход. В логистических системах за счет высокой степени внедрения ИТ некоторые управленческие решения могут приниматься без участия человека. Существует возможность долгосрочного планирования в развитии логистических систем</td></tr>
<tr><td colspan="2">Допускается расширение степеней автоматизации процессов МТО военных потребителей, разработка и внедрение алгоритмов и программ, целью которых является повышение степени автономности при выполнении некоторых административных задач в рамках планирования логистического обеспечения</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Оперативный (прогнозирование потребности в материальных средствах, планирование поставок, координация, контроль и анализ эффективности логистических процессов)</td><td>Задачи выполняются, как правило, с использованием классических технологий. Использование ИТ носит ограниченный, фрагментарный характер, что существенно снижает эффективность их использования, документооборот осуществляется на бумажных носителях. Мероприятия контроля и анализа логистических процессов предполагают непосредственное участие человека</td><td>Широко используются ИТ-технологии. Применение современных логистических концепций делает возможным автоматическое пополнение запасов, перераспределение их между складами с учётом потребности. Процесс контроля и анализа эффективности логистических систем позволяет в реальном масштабе времени оценивать результативность логистических операций</td></tr>
<tr><td colspan="2">В процессе конвергенции возможна адаптация технологий коммерческого канального распределения для обеспечения военных потребителей. Так, например, перспективным представляется внедрение Интернета вещей и элементов «Индустрии 4.0». Прогнозирование и планирование может осуществляться путём подключения всех потребителей в единую сеть, в результате чего увеличится степень достоверности потребности в материальных и технических средствах (она будет определять не нормативным методом, а расчетным, с учётом реального износа). При этом возможно отступление от централизованной модели обеспечения. Это приведет к сокращению количества элементов в цепочке поставок и снизит объем запасов, хранимых на складах. Контроль, анализ и оценка эффективности ведомственных логистических систем будут осуществляться полностью в автоматическом режиме</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Тактический (получение материальных средств, их перевозка, переработка, хранение и выдача (продажа))</td><td>Существующая схема поставок материальных средств практически не подвергалась трансформации с середины XX века. Транспорт, склад, конечный потребитель связаны между собой операциями погрузки/разгрузки, приема/выдачи в определенные (установленные) сроки (периоды). В режиме реального времени конечному потребителю информация о наличии и количестве материальных средств, хранимых на складе, как правило, недоступна. Отслеживание их движения, за некоторым исключением, в логистической системе также невозможно</td><td>Логистические операции, осуществляемые на «последней миле доставки» не рассматриваются изолированно. Всё, начиная с характеристик товара и его упаковки заканчивая отзывом конечного потребителя представляет собой единую систему, синхронизированную во времени и пространстве. Возможно отслеживание движения заказа по логистической системе, как по контрольным точкам его прохождения, так и в режиме реального времени. В зависимости от результативности деятельности система постоянно адаптируется к требованиям заказчиков</td></tr>
<tr><td colspan="2">Тактический уровень логистической системы обладает существенными перспективами внедрения современных логистических технологий поскольку, в отличии от стратегического и оперативного, он непосредственно связан с конечными потребителями. Востребованным могут быть не только технические инновации, позволяющие отслеживать и контролировать перемещение (хранение) материальных средств в реальном масштабе времени, но управленческие решения, внедрение которых будет способствовать повышению эффективности системы доставки конечной продукции путем использования мобильных пунктов выдачи заказов, почтаматов, привлечения логистических операторов, имеющих развитую сеть филиалов и проч.</td></tr>
</table>

Источник: разработано автором на основе анализа работ [2, 4, 7, 8, 9, 13, 14, 15], результатов собственных исследований [5, 10, 11].

– сформировать систему конфиденциальной обработки данных закрытого характера (шифрование, защита информации и проч.);

– сфокусироваться на внедрении и использовании Интернета вещей путём создания целой сети умных активов, связанных между собой по всей цепи поставок.

Список литературы

1. Amazon запатентовал воздушные склады. N+1. – https://nplus1.ru/news/2016/12/29/Amazon-go-ahead
2. Адибекян О.А. Категориальность дивергенции и конвергенции // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. – № 1. – С. 225–230.
3. Антонян К.К. Конвергенция – магистральный путь социально-экономического развития современности // Статистика и Экономика. 2013. – № 2. – С. 8–12.

4. Бабенков В.И., Бабенков А.В. Критерии оценки эффективности логистических процессов в системе материально-технического обеспечения // Коммерция и логистика сборник научных трудов / Под ред. В.В. Щербакова, А.В. Парфенова и Е.А. Смирновой. – СПб., 2011. – С. 31–33.
5. Военная логистика: история, методология, современное состояние и перспективы развития: Коллективная монография / Под ред. д.э.н., доцента Курбанова А. Х. – СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2014. – 284 с.
6. Ворушилин Л. В., Курбанов А. Х. Может ли компания заниматься логистикой самостоятельно // Логистика. 2013. – № 12 (85). – С. 57–59.
7. Козин М.Н., Яковлев С.С. Государственное регулирование инновационным развитием страны: оптимальные пути и перспективы // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Рязань: АПиУ ФСИН, 2016. – С. 1224–1228.
8. Коновалов В.Б. Материально-техническое (тыловое и техническое) обеспечение силового компонента государства: направления интеграции и координации // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. Сборник научных трудов. – СПб.: СПбПУ, 2017. – С. 7–17.
9. Котляров И. Д. Услуга или манипулирование: взаимодействие Интернет-магазинов с потребителями // Интернет-маркетинг. 2016. – № 6. – С. 358–364.
10. Курбанов А.Х., Курбанов Т.Х., Шаламов Д.В. Эволюция инструментария логистики и его роль в принятии управленческих решений // Логистика. 2017. – № 7. – С. 40–44.
11. Курбанов А.Х., Мостовой А.А., Мартынов М.В. Концепция военной логистики в современных социально-экономических условиях // Логистика. 2012. – № 10 (71). – С. 55–59.
12. Лопатина Т., Перечнева И. Завести локомотив // Эксперт. – М., 2017. – № 45 (1051).
13. Плотников В.А. К вопросу о формировании сетевой экономики // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2014. – С. 225–228.
14. Плотников В.А., Самойлова Т.Д. Особенности управления резервами организаций торговли // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфере, технологии. 2017. – № 2 (32). – С. 50–53.
15. Internet of things in logistics. A collaborative report by DHL and Cisco on implications and use cares for the logistics industry, 2015. – http://www.dhl.com/content/dam/Local_Images/g0/New_aboutus/innovation/DHLTrendReport_Internet_of_things.pdf

Мамраева Д.Г.[1]

МЕХАНИЗМ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН[2]

Ключевые слова*: инновации, коммерциализация инноваций, механизм эффективного управления инновационным процессом, изобретатели, инновационный продукт, ГЧП, инноватор.*

Keywords*: innovations, commercialization of innovations, mechanism for effective management of innovation process, inventors, innovative product, PPP (public-private partnership), innovator.*

Современное развитие Казахстана ознаменовано различными процессами, такими как научно-техническая революция, глобализация, а также вступление в ВТО. В связи с этим немаловажную роль в развитии экономики страны играют инновационные идеи, технологии, разрабатываемые вузами, НИИ, научно-исследовательскими центрами, которые воплощаются в продукты и несут в себе ключевой компонент конкурентоспособности национальной экономики.

В связи с этим особую актуальность приобретает создание механизма эффективного управления процессом коммерциализации инноваций, один из вариантов которого разработан автором настоящей работы (см. рис. 10). Важно заметить, что успешность данной модели возможна только в том случае, если будет соблюдено выполнение и реализация каждого из компонентов, представленных в рамках схемы, так как каждый из них – неотъемлемая часть всего процесса успешной коммерциализации.

Ранее отечественными и зарубежными авторами предпринимались попытки описать модель коммерциализации, которая могла бы представить суть процесса и помочь инноваторам в доведении своей разработки до целевого потребителя, но большинство из них сводилось к простой схеме: идея – разработка прототипа – поиск инвесторов – получение финансирования – создание инновационного продукта в промышленном масштабе – выход на рынок [2]. Соответственно, в моделях подобного рода упускались многие моменты, в них, например, не отражалась роль государства, не было деления процесса коммерциализации на этапы, не раскрывалась роль каждого из них, не отводилась отдельная роль такому перспективному направлению, особенно в сфере индустриально-инновационного развития, как ГЧП. В связи с этим, автором была предпринята попытка создать модель механизма эффективного управления процессом коммерциализации инноваций в РК, который был бы практически применим, и отражал бы особенности всего процесса коммерциализации [3].

Рассмотрим разработанную нами модель данного механизма более подробно.

Как известно, основными участниками процесса коммерциализации являются разработчики инноваций и их покупатели (инвесторы):

− научно-исследовательские институты. Процесс коммерциализации здесь осуществляется не самим институтом, а его владельцем (заказчиком разработки) – государством, крупной фирмой, частным инвестором;

− малые и средние предприятия – участники процесса коммерциализации, которые, в отличие от научно-исследовательских институтов, реализуют инновации самостоятельно (либо через посредников);

− коллективы изобретателей и изобретатели-одиночки, которые часто имеют большое количество разработок, но неспособны довести их до рыночного применения.

Но ключевым участником процесса коммерциализации является государство, которое выполняет ряд основных и второстепенных функций, от которых во многом зависит успешность коммерциализации той или иной разработки [4].

Среди основных функций выделим:

1. Финансирование научных исследований, реализуемое посредством базового, грантового или программно-целевого финансирования. Основными инициаторами процесса финансирования в Казахстане выступают:

– Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан – ключевой участник, выделяющий основной объем средств на финансирование научных исследований;

– АО «Национальное агентство по технологическому развитию» – создано для содействия в обеспечении координации процессов инновационного развития и предоставления мер государственной поддержки);

---

[1] Мамраева Динара Габитовна – к.э.н., доцент кафедры «Экономика и международный бизнес», КарГУ им. Е.А. Букетова, Караганда. Сфера научных интересов автора: инновации, инновационная деятельность предприятий, коммерциализация инноваций, технопарки, рынок интеллектуальной промышленной собственности. Являлась руководителем НИР, финансируемой Министерством образования и науки Республики Казахстан, на тему: «Исследование процесса коммерциализации инноваций в Республике Казахстан с целью выявления проблем и разработки механизма эффективного управления инновационным процессом» (№ 0288/ГФ-4). E-mail: dina2307@mail.ru

[2] Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект № 0288/ГФ-4 «Исследование процесса коммерциализации инноваций в Республике Казахстан с целью выявления проблем и разработки механизма эффективного управления инновационным процессом».

– Национальный управляющий холдинг «Байтерек», который был создан в целях оптимизации системы управления институтами развития, финансовыми организациями, и развития национальной экономики;

– АО «Фонд науки», который оказывает содействие субъектам научной и (или) научно-технической деятельности в реализации научных исследований, опытно-конструкторских разработок, проектов коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности, отвечающих потребностям реального сектора экономики [5].

2. Обеспечение научно-исследовательскими кадрами.

3. Регулирование конкуренции и реализация антимонопольной политики, которое осуществляется в рамках правового поля.

4. Создание инновационной инфраструктуры. Для успешной коммерциализации здесь важно выделить следующие моменты:

a) создание разветвленной сети патентных агентств, конструкторских бюро, технопарков, бизнес-инкубаторов, венчурных фондов, инновационных центров;

b) создание наукоградов, инновационных кластеров (по типу «Сколково»);

c) патентование результатов инновационной деятельности через РГП НИИС.

К второстепенным функциям можно отнести: создание благоприятных макроэкономических условий и, соответственно, обеспечение политической стабильности.

Что касается покупателей, то в нашей схеме их классификация не представлена, так как в рамках 3–5 этапов коммерциализации (пре-коммерциализации, коммерциализации и пост-коммерциализации) инноватор, либо сам, либо, прибегая к помощи консалтинговых агентств, маркетинговых компаний, то есть к кадрам соответствующей квалификации, обеспечиваемых государством в рамках функции «Обеспечение научно-исследовательскими кадрами», определяет свой рынок сбыта, своего конечного потребителя, в связи с чем нет необходимости рассматривать группы потребителей, выделенные по каким-либо классификационным признакам, отдельно.

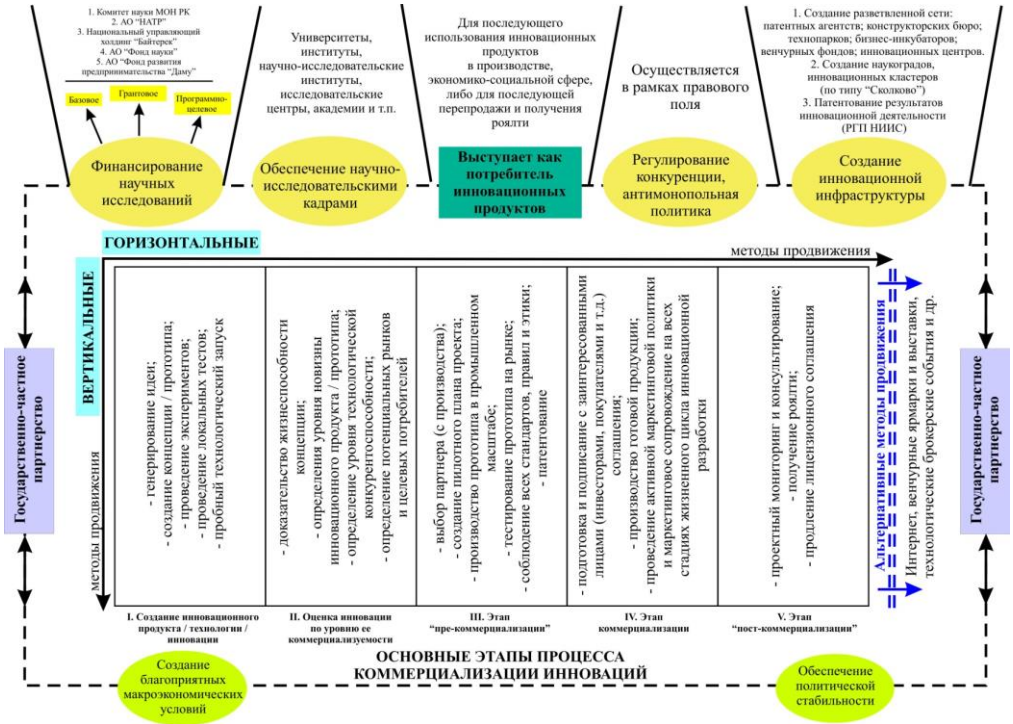
Тем не менее отметим, что к покупателям инноваций (инвесторам) относятся:

− государственные фонды и программы – предназначены для обеспечения разработчиков инноваций финансовыми, информационными и другими ресурсами, а также оказания помощи при коммерциализации разработок;

− негосударственные фонды, гранты и программы – оказывают такой же спектр услуг, что и государственные;

− венчурные фонды и «бизнес-ангелы» – предоставляют значительную финансовую помощь разработчикам инноваций, в обмен на возврат вложений или долю в капитале, либо передачу прав на созданную инновацию;

− крупные и средние фирмы – полностью финансируют создание и продвижение инноваций с целью их дальнейшего выпуска или внедрения в собственное производство.



Примечание – разработано автором

Рисунок 1.
Механизм эффективного управления процессом коммерциализации инноваций в Республике Казахстан [6]

Важнейшим моментом механизма является понимание всеми участниками процесса коммерциализации ключевых шагов коммерциализации, которые нами разделены на 5 основных этапов:

1. Первый этап – «Создание инновационного продукта, технологии, инновации». На данном этапе предусмотрены следующие подэтапы: генерирование идеи, создание концепции/прототипа, проведение необходимых экспериментов/локальных тестов, пробный технологический запуск (если данная инновация – технологическая).

2. Второй этап – «Оценка инновации по уровню ее коммерциализуемости». В рамках данного этапа предусмотрено: проведение доказательства жизнеспособности концепции, определение уровня новизны инновационного продукта/прототипа, определение уровня технологической конкурентоспособности, а также потенциальных рынков и целевых потребителей. Данный этап крайне важен, так как именно на нем определяется, по сути, степень новизны инновации и возможность ее коммерциализуемости в будущем.

3. Третий этап – «Пре-коммерциализация». На данном этапе необходимо осуществить выбор партнера по производству (при условии, если на предыдущем этапе были достаточно четко определены целевые потребители или группа целевых потребителей), оценка лабораторного прототипа, создание пилотного плана проекта, производство прототипа в промышленном масштабе, тестирование прототипа на рынке, проверка факта соблюдения всех стандартов, правил и этических норм, патентование изобретения (посредством обращения в РГП НИИС, в международное патентное бюро и т.д.).

4. Четвертый этап – «Коммерциализация». В рамках данного этапа предусмотрена подготовка и подписание заинтересованными лицами соглашения, производство готовой продукции, проведение активной маркетинговой политики и маркетинговое сопровождение на всех стадиях жизненного цикла инновационной разработки.

5. Пятый этап – «Пост-коммерциалиазция». Данный этап многими учеными чаще всего не рассматривается, либо вообще упускается из виду, так как считается, что основная задача – это продать разработку без какого-либо «послепродажного» обслуживания или сопровождения. Но данное представление в условиях современных рыночных отношений, а также быстро меняющейся конъюнктуры и постоянно возрастающего уровня конкурентоспособности, теряет свою актуальность. Поэтому в рамках нашей модели одним из важнейших этапов признается «пост-коммерциалиазция», предусматривающая проектный мониторинг и консультирование, получение роялти, а также разные формы продолжения сотрудничества с инвестором, например, посредством продления лицензионного соглашения.

Как уже отмечалось выше, важным моментом сегодня является установление взаимовыгодных условий сотрудничества между государством и бизнесом. Особенно это актуально для успешного функционирования благоприятной инновационной среды большинства промышленных предприятий.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что разработанная автором модель является практико-ориентированной; при этом четкое понимание всех этапов коммерциализации, представленных в рамках схемы, а также подэтапов, даст возможность на ранних стадиях определять степень коммерциализуемости той или иной инновационной разработки, и, соответственно, принимать решения о дальнейшей работе с этой инновацией, либо ее отклонении и переходе к более перспективной новации, которую будет отличать высокий уровень новизны и конкурентоспособности.

Список литературы и источников

1. Государственная Программа форсированного индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2010-2014 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года №958 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – http://akorda.kz
2. Carayannis E.G., Goletsis Y., Grigoroudis E. Multi-level multi-stage efficiency measurement: the case of innovation systems // Operational Research. 2015. – Vol. 15, N 2. – P. 253–274.
3. Мамраева Д., Ташенова Л. Патентная активность в Республике Казахстан: региональная дифференциация и основные проблемы // Инновации. – СПб., 2012. – № 6 (164). – С. 102–106.
4. Мамраева Д., Ташенова Л. Рынок интеллектуальной промышленной собственности в Республике Казахстан: состояние и тенденции развития // Актуальні проблеми економіки. 2012. – № 7. – С. 404–413.
5. Шаекина Ж.М., Мамраева Д.Г., Ташенова Л.В. Исследование рынка интеллектуальной промышленной собственности в Республике Казахстан: Монография. – Караганды: Изд-во КарГУ, 2013. – 231 с.
6. Мамраева Д.Г. Исследование процесса коммерциализации инноваций в Республике Казахстан и механизм его управления: Монография. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 158 с.

Мещеряков Д.А.
д.э.н., профессор кафедры менеджмента и региональной экономики Воронежского института экономики и социального управления

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *экономика, модернизация, профессионализм, компетентность, управление, государственное управление, управление социально-экономическими процессами, государственные гражданские служащие.*

Keywords: *economy, modernization, professionalism, competence, management, government administration, management of socio-economic processes, state civil servants.*

Система государственного управления в современной России продолжает оставаться одной из самых значимых проблем для общества и государства. Проблемы государственного управления и его эффективности вызывают повышенный интерес среди политиков, ученых, экспертов утверждающих, что эффективность национальной экономики, ее модернизация в России во многом зависит от системы государственного управления, так как управление является важнейшим ресурсом общества и его успешного социально-экономического развития. Подтверждение этому мы видим в специфике современного социально-экономического развития нашей страны. Сегодня Россия, обладая богатейшими природными ресурсами, испытывает серьезные трудности в экономической, технологической, социальной, культурной и других сферах общественной жизни. Одна из важнейших причин сложившейся ситуации в стране связана с неэффективностью сформировавшейся (в ходе реформ) системы государственного управления, с уровнем профессионализма и компетентности работников, занятых в этой сфере. Двадцать пять лет либеральных экономических реформ в нашей стране показали и доказали свою полную несостоятельность. За эти годы страна не смогла осуществить модернизацию, не перешла на инновационный путь развития, не смогла осуществить структурную перестройку экономики и перестать быть сырьевым придатком более развитых стран. Заметим, что опыт зарубежных стран показывает, что вложения в систему управления приносят прибыли в 3-5 раз больше, чем в технику и технологии[1].

Причины «резкой деградации российской экономики целиком лежат в сфере управления хозяйством, сложившейся в результате реформ»[2]. Страны, которые показывают лидерство по скорости социально-экономического развития, в последнее время, достигают этого за счет «эффективной системы управления, все институты которой работают в слаженном режиме благодаря поддерживаемой подавляющим большинством населения идеологии роста общественного благосостояния. Все, что ей противоречит, отсекается, невзирая на догмы тех или иных учений»[3].

И в настоящее время жизнеспособность российского общества обеспечивается, в основном, не успешной системой государственного управления, а наличием природных и высоколиквидных энергоносителей. Неэффективная система государственного управления неизбежно ведет к дополнительным потерям рабочего времени, здоровья, продолжительности и качества жизни, к снижению благосостояния граждан. В этой связи актуально звучат слова Френсиса Фукуямы о том, что неудачи либеральной демократии связаны «скорее не с идей демократии, а с ее реализацией, потому что большинство людей в мире определенно предполагают жить в обществе, где действует подотчетное и эффективное правительство, а гражданам на регулярной основе доступны разнообразные меры социального обеспечения. Но только очень немногие правительства могут обеспечить все это – из-за слабости, коррумпированности, некомпетентности политических институтов, а иногда даже их отсутствия»[4].

О необходимости повышения эффективности системы государственного управления модернизационными процессами в нашей стране свидетельствуют и результаты социологического исследования, проведенного в 21 субъекте Российской Федерации и завершившегося в 2017 году[5]. В ходе исследования было опрошено 1297 респондентов из числа населения и 142 эксперта из числа представителей органов власти и муниципального управления, государственных и частных предприятий, организаций и учреждений, научных работников и средств массовой информации. Результаты исследования показали высокий уровень актуальности для граждан нашей страны вопросов государственного управления и проблемы повышения его эффективности.

---

[1] Варламов А.А., Приходько В.Ф., Шаповалов Д.А. Национальная система управления условиями среды обитания – современная парадигма развития России // Власть. – М., 2010. – № 7. – С. 24.

[2] Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – С. 207.

[3] Глазьев С.Ю. Какая идеология поднимет Россию // Академия Тринитаризма. – М., Эл. 377-6567, публ.24181. 13.01.2018.

[4] Фукуяма Ф. Государственный порядок: научно-популярное издание [пер. с англ. В.Л. Гончарова]. – М.: АСТ, 2015. – С. 31.

[5] Магомедов К.О. Государственное управление и гражданские служащие в предметном поле социологии // Государственная служба. – М., 2017. – Т. 19, № 3. – май-июнь. – С. 7.

С утверждением, что повышение эффективности системы государственного управления в нашей стране сегодня является важной национальной задачей, уверенно согласилось подавляющее большинство респондентов и экспертов (см. табл. 1).

Данные, представленные в табл.1, показывают, что востребованность в российском обществе положительных изменений в системе управления очень высокая.

Таблица 1

Распределение мнений относительно важности повышения эффективности системы государственного управления

		Респонденты, %	Эксперты, %
1.	да	64,0	72,5
2.	в какой-то мере	29,8	23,9
3.	нет	3,9	2,1
4.	затруднились ответить	2,3	1,5

Важно указать, что в условиях нарастающей геополитической нестабильности и неустойчивости развития экономики, резкого обострения глобальной конкуренции, недостаточно эффективная система государственного управления становится угрозой для экономической безопасности нашей страны. Надежды на позитивный характер возможных перемен в системе государственного управления социально-экономическими процессами и процессом модернизации в нашей стране автор статьи связывает с новой «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», где в числе «основных угроз» названо «недостаточно эффективное государственное управление»[1].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что сложившаяся система государственного управления модернизационными процессами в нашей стране не является эффективной и требует совершенствования за счет роста профессионализма и компетентности работников, занятых в ней. Особенности таких работников (государственных гражданских служащих) заключаются не только в их правовом статусе, но и в тех требованиях, которые предъявляются к ним для эффективного выполнения функциональных обязанностей. Поэтому формирование высокопрофессионального и компетентного кадрового состава государственной гражданские службы с соответствующим уровнем профессионализма и компетентности, представляется принципиально важным условием повышения эффективности управления модернизационными процессами независимо от реализуемой модели социально-экономического развития общества. Подчеркнем, что совершенствование системы профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации, повышение их профессионализма и компетентности названы в качестве одного из основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы, утвержденных указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 603[2].

Данное утверждение основывается на известных общих положениях об управлении социально-экономическими процессами, которые можно свести к следующему. Во-первых, субъектами управления социально-экономическими процессами являются только люди, группы людей, органы управления. Во-вторых, управление социально-экономическими процессами в обществе – это осознанный процесс, т.е. управляющее лицо или орган управления заранее продумали, наметили, осознали виды используемых ими управляющих воздействий, их последствия (положительные или отрицательные). В-третьих, чрезвычайно важное свойство управления – наличие целей, на достижение которых оно направлено. Управление возникает потому, что люди желают достичь определенных целей, осуществить свои намерения, удовлетворить некоторые потребности, получить нужный результат. Формирование цели предшествует управлению. Исходя из целей, интересов, потребностей человек или орган управления организуют, направляют действия других людей, таким образом, чтобы выполнить целевую задачу. В-четвертых, при осуществлении государственного управления социально-экономическими процессами, необходимо согласовывать интересы государства, фирм и домашних хозяйств.

Согласно формальным требованиям (уровень профессионального образования), уровень профессионализма и компетентности работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы в органах государственной власти в нашей стране, достаточно высокий, и он неуклонно растет. Об этом свидетельствуют данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), являющейся национальным инструментом статистического учета работы госорганов (табл. 2). Данные, представленные в табл. 2, показывают, что за период с 2008 г. по 2016 г. произошел рост численности государственных гражданских служащих, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, и сократилось число служащих, не имеющих профессионального образования. Так, если в 2008 г. доля всех работников, замещавших государственные должности и должности гражданской службы в органах власти, имеющих высшее профессиональное образование, составляла 85,4%, то в 2016 г. она составила 94,6%. Примерно такая же тенденция наблюдалась и в органах исполнительной власти. Доля работников имеющих высшее профессиональное образование, занятых в органах исполнительной власти выросла с 85,7% в 2008 г. до 94,4% в 2016 г.

[1] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208. – www.kremlin.ru/acts/bank/41921

[2] Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 года № 403. – www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71363052/

В течение указанного периода произошло снижение доли всех работников в системе государственного управления, имеющих среднее профессиональное образование с 12,4% в 2008 г. до 4,7% в 2016 г. Доля государственных гражданских служащих с таким уровнем образования в органах исполнительной власти также снизилась с 12,5% в 2008 г. до 4,9% в 2016 г.

Таблица 2

Численность работников, замещавших должности государственной гражданской службы Российской Федерации, по уровню образования (человек)[1]

Все работники, замещавшие государственные должности и должности гражданской службы в органах государственной власти Российской Федерации	Имели профессиональное образование		Не имели профессионального образование	Справочно из числа лиц с высшим образованием имели ученую степень
	высшее	среднее		
на 1 октября 2008 г.	722 854	104 523	18 930	12 214
на 1 октября 2009 г.	755 822	93 328	17 001	12 752
на 1 октября 2011 г.	749 342	66 582	11 579	12 971
на 1 октября 2013 г.	726 305	51 652	8443	12 636
на 1 октября 2016 г.	717 283	36 017	5475	11 524
в том числе в органах: исполнительной власти				
на 1 октября 2008 г.	597 307	87 329	12 438	8808
на 1 октября 2009 г.	619 883	79 699	11 367	9182
на 1 октября 2011 г.	603 940	55 485	7717	9204
на 1 октября 2013 г.	575 245	42 750	6040	8677
на 1 октября 2016 г.	554 151	28 855	4224	7825

В качестве положительной тенденции необходимо отметить и снижение в системе государственного управления доли всех работников, не имеющих профессионального образования (с 2,2% в 2008 г. до 0,7% в 2016 г.). В органах исполнительной власти за этот период также произошло снижение этой категории работников с 1,8% в 2008 г. до 0,7% в 2016 г.

Представленные выше данные показывают положительные тенденции в формировании профессионализма работников, замещающих государственные должности и должности гражданской службы в органах государственной власти. Однако необходимо акцентировать внимание на том, что уровень профессиональной подготовки работников, занятых в системе государственного управления является существенным критерием их профессионализма и компетентности, но не единственным. Бесспорно, диплом об уровне профессионального образования работника, занятого в системе государственного управления, дает ему определенные преимущества, позволяет занимать ту или иную должность в системе управления, но не всегда отражает реальный уровень его профессионализма и компетентности, наилучшие конечные результаты его деятельности[2].

Это утверждение является чрезвычайно важным, т.к. в организационных структурах исполнительных органов власти фиксируются крайне негативные явления, снижающие эффективность системы государственного управления: кумовство, фаворитизм, открытый протекционизм. Следствием этого становится торговля должностями. По результатам исследования, проведенного социологами, 71,3% респондентов – государственных гражданских служащих заявили о фактах назначения на должности государственной службы за плату. Это есть ни что иное как кадровая коррупция, которая основана на корыстных интересах взаимодействующих между собой субъектов – одного, обладающего правом назначения на должность, и второго, заинтересованного в получении этой должности. Она заняла еще одну нишу в ряду негативных и деструктивных процессов в системе государственного управления социально-экономическими процессами в российском обществе, в процессе его модернизации. При этом возникает риск падения профессионализма и компетентности управленческого аппарата системы государственного управления, деформации наиболее значимых профессиональных качеств кадрового потенциала государственной гражданской службы. К этому следует добавить, что в структурах органов государственной власти формируется атмосфера круговой поруки, клановой замкнутости (об этом говорят 46,2% опрошенных гражданских служащих), игнорируются нормы и требования законодательства в работе с государственными служащими (37,1%), происходит падение уровня профессионализма государственных гражданских служащих (отмечает каждый второй участник опроса)[3].

Говоря о профессионализме и компетентности в системе государственного управления модернизационными процессами важно выделить ряд оснований, которые необходимо учитывать в оценке профессионализма и компетентности работников, занятых в этой системе управления. Во-первых, профессионализм и компетентность работников системы государственного управления означает их деятельность в интересах государства, общества и социальной справедливости. Во-вторых, профессионализм и компетентность – это целесообразная и рациональная деятельность работников системы государственного управления. В-третьих, профессионализм работников в системе государствен-

[1] Численность работников, замещавших должности государственной гражданской и муниципальной службы Российской Федерации, по уровню образования, ветвям власти и уровням управления // ЕМИСС государственная статистика [офиц. сайт]. – https://fedstat.ru/indicator

[2] Мещеряков Д.А. Теория компетентности субъектов предпринимательской деятельности. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 2000. – С. 33–38.

[3] Магомедов К. Кадровая коррупция в органах государственного и муниципального управления // Государственная служба. – М., 2014. – № 4 (90), июль-август. – С. 16–17.

ного управления означает их высокое мастерство, глубокое овладение профессией, качественное, профессиональное исполнение служебных обязанностей. В-четвертых, компетентность работников системы государственного управления – это совокупность способностей (общих и специальных), знаний (общеобразовательных, общекультурных, общих и специальных, профессиональных и специфических), опыта и навыков человека как субъекта управленческой деятельности и социально-экономических отношений, позволяющая ему осуществлять выбор и достигать наилучших результатов деятельности в целях реализации общественных интересов, роста общественного благосостояния людей при ограниченности ресурсов.

Повышению эффективности системы государственного управления социально-экономическим развитием и модернизационными процессами в нашей стране, росту профессионализма и компетентности работников, занятых в органах государственной власти, будет способствовать реализация Основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016-2018 годы, утвержденных указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 603[1], а также выполнение плана мероприятий («дорожная карта») по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы, утвержденного распоряжением Правительства РФ 12 сентября 2017 года. Существенную роль в повышении профессионализма и компетентности в системе государственного управления призван сыграть и ежегодный Всероссийский конкурс молодых управленцев «Лидеры России».

[1] Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 года № 403. – www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71363052/

Молочников Н.Р.
д.э.н., профессор, Кубанский государственный университет
mnr001@mail.ru
Пономаренко Е.Е.
д.э.н., профессор, Кубанский государственный университет
2450340@gmail.com

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *трудовой потенциал, управление персоналом, инновационная экономика, научно-технический прогресс.*
Keywords: *labor potential, personnel management, economics of innovation, scientific and technological progress.*

В наши дни на территории России произошли существенные изменения в условиях работы в организациях. Собственники и руководители компаний вынуждены в условиях конкуренции между предприятиями искать новые пути по достижению коммерческого успеха. Возросла готовность предприятий вкладывать средства и силы в создание человеческого капитала, появилась тенденция увеличения расходов на обучение персонала и его «обновление».

Ускорение темпов научно-технического прогресса и устаревания профессиональных навыков и знаний повлияло на то, что важнейшим условием функционирования любого предприятия стало развитие трудового потенциала. Несоответствие квалификации персонала потребностям компании оказывает негативное влияние на результаты её деятельности[1].

Трудовой потенциал – ресурсный аспект социально-экономического развития. Это понятие отражает совокупность способностей занятых в организации кадров. Формирование трудового потенциала происходит под влиянием демографических и естественных факторов. Основной задачей управления трудовым потенциалом является поиск способов повышения потенциала людей, включая его творческий и интеллектуальный аспект.

Характерной чертой современного состояния экономики является рост дифференциации всех звеньев воспроизводственной цепи, усиление роли качественных изменений и обновление механизма работы в целом. Этим обусловлено всестороннее повышение значимости роли человека как главного элемента системы производительных сил.

В сфере профессионального развития традиционными методами принято считать составление индивидуального плана развития и аттестацию.

Индивидуальный план развития – это процесс самореализации сотрудника применительно к занимаемой должности. Учитываются резервы улучшения рабочего процесса, программа мероприятий и мер, ведущих к цели.

Аттестация – процесс, предусматривающий оценку руководством эффективности профессиональной деятельности своих подчиненных. В ходе аттестации работодатель определяет перспективы сотрудников, которые сообща формируют свои индивидуальные планы развития и затем передают их в отдел человеческих ресурсов.

В организациях, где уделяется особое внимание повышению квалификации, возрастает значимость формулирования цели обучения. Чем грамотнее сформулирована цель обучения, тем легче будет разработать адекватную программу обучения и определить эффективность проведенных занятий.

К числу форм, методов и подходов к профессиональному росту управленческого персонала относятся:

– программное обучение и дискуссии;
– тренинги и деловые игры;
– поиск оптимальных решений определенных практических задач;
– процесс решения;
– анализ ситуаций наиболее часто встречающихся в управленческой практике и др.

Повышение квалификации и разработка методов переподготовки основываются на соблюдении следующих требований:

– заинтересованность обучаемого в результате переподготовки;
– закрепление приобретенных знаний и навыков на практике;
– переподготовка; усвоение и закрепление накопленного материала;
– разнообразие образовательных программ;
– актуальность изучаемого материала для сотрудников с профессиональной точки зрения, возможность использования приобретенных навыков и знаний на рабочем месте.

[1] Пересадина И.О., Лымарева О.А., Кротова М.А. Особенности управления персоналом на предприятиях агропромышленного комплекса России // Международные научные исследования. 2015. – № 4 (25). – С. 48–51.

Потребность в обучении кадров и повышении их квалификации может определяться не только принципами организации или требованием работодателя, но и индивидуальными характеристиками персонала, например:

– возраст;

– профессиональный стаж или опыт;

– уровень способностей;

– специфика трудовой мотивации и т.д.

Выделяют следующие виды потребности в обучении и переподготовке кадров: качественная (каким знаниям необходимо обучить), количественная (определяет число сотрудников которых необходимо включить в процесс), которые выделяются благодаря:

– оценке информации о работниках (в кадровой службе);

– регулярной оценке результатов;

– наблюдению за работой персонала;

– анализу всевозможных источников проблем;

– сбору и анализу заявок от руководства на повышение квалификации персонала;

– предложениям работников, собираемых при помощи опросов и анкетирования.

При оценке показателей работы персонала преследуются следующие цели:

– административные;

– мониторинг качества управленческой деятельности;

– совершенствование системы развития работников и процесса управления персоналом;

– осуществление обратной связи.

Административные цели обеспечиваются руководством в процессе принятия им важных административных решений, (в процессе оплаты труда, повышении или понижении в должности, при увольнении и т.д.)[1]. При принятии административных решений требуется использование общей оценки каждого работника и сопоставление оценок, полученных работниками. Для получения таких интегральных оценок необходимо:

– вычислить среднее арифметическое всех полученных ранее сотрудником оценок;

– сложить все известные отметки и получить общую суммарную оценку;

– подсчитать итоговую оценку путем сложения или усреднения «взвешенных» оценок.

Следующая цель –мониторинг качества управленческой деятельности. Оценка работы управленческого персонала помогает узнать насколько качественно и успешно руководители различных уровней справляются со своими обязанностями, включающими: распределение ресурсов и планирование деятельности, ведение документации, мотивацию и обучение подчиненных и др.[2] Совершенствование системы развития работников и процесса управления персоналом позволяет выявить слабые, требующие улучшения блоки профессиональной деятельности. Рабочие показатели и поведение сотрудника сопоставляют со стандартами и требованиями предприятия. Учитывается так же оценка перспектив развития работников, служащая одним из основных методов контроля за работой персонала, с целью поддержания и сохранения установленных стандартов работы. Если профессиональная деятельность персонала не соответствует стандартам, организации следует предпринять следующие шаги:

– реорганизовать трудовой процесс;

– откорректировать нормы выработки;

– осуществить обучение работников или переобучение;

– разработать и ввести программы, направленные на повышение уровня мотивирования;

– переместить работников, не справляющихся со своими обязанностями, на другие должности;

– уволить неподходящих сотрудников и осуществить найм новых кадров.

Помимо указанных ранее оценок, оценивается и «уровень вклада», отражающий реальный вклад работника в процесс развития организации. Определение «уровня вклада» осуществляется по должностным группам работников, а результат соотносится с более общими формальными требованиями[3]. Для создания эффективной системы оценки работы персонала необходимо решить следующие задачи:

– разработать адекватную систему оценки;

– разработать методы и процедуры, используемые для оценки работы персонала;

– согласовать разработки и утвердить соответствующей документацией;

– обучить руководителей, т.к. они должны четко понимать цели и задачи, решаемые в ходе оценки работы персонала;

– осуществить контроль над использованием методов и процедур оценки работы персонала;

– оформить результаты очередной аттестации в личных делах работников, т.е. собрать и хранить информацию, полученную в результате проведенной оценки;

– анализировать результат работы персонала, подготовить отчет высшему руководству.

---

[1] Беляева Т.А., Вукович Г.Г., Никитина А.В. Теоретико-методологические аспекты исследования международного разделения труда в условиях глобализации // Экономика устойчивого развития. 2015. – № 4 (24). – С. 19–26.

[2] Берлин Л.В., Вукович Г.Г. Региональные аспекты управления трудом // Экономика устойчивого развития. 2012. – № 11. – С. 44–48.

[3] Вукович Г.Г. Качество рабочей силы: компетентностный подход // Экономика устойчивого развития. 2011. – № 8. – С. 32–36.

Особенности кадровой политики и специфика деятельности организации оказывают сильное влияние на цели и задачи системы оценки результатов профессиональной деятельности штатных сотрудников организации. Важно соотношение целей оценки с целями организации. Для обеспечения эффективной работы системы должно учитываться все многообразие задач, которые решаются организацией в общей системе кадрового менеджмента.

Исходным пунктом диагностики квалификации служит оценка деятельности персонала, благодаря которой формируется информация о состоянии подготовки кадров. На этапе диагностики определяется перечень профессиональных качеств работника, а при оценке знаний специальной комиссией проводится аттестация выполнения рабочих обязательств. На этом этапе можно произвести и оценку психофизического состояния кадров, целесообразности проведения тренингов и других форм переподготовки, разработать перечень рекомендаций для прохождения индивидуальной программы обучения[1].

К сожалению, из-за отсутствия документов и положений, регламентирующих порядок выявления проблем организации, в ряде случаев не уделяется должного внимания потребностям в обучении и переподготовке кадров.

Персонал является ключевым элементом в деятельности организации, от его способности к оперативному решению возникающих проблем, слаженности и дружелюбности напрямую зависят показатели функционирования всей организации. Этим объясняется внимание, уделяемое разработке грамотной мотивационной программы, способствующей подбору и удержанию высококвалифицированного персонала, приверженного своему предприятию.

[1] Павленко И.А., Гузиева Е.В., Никитина А.В. Стимулирование и мотивация трудовой деятельности в управлении персоналом на современном предприятии // Экономика устойчивого развития. 2016. – № 2 (26). – С. 285–288.

Муратова Н.К.
к.э.н., доцент, Экономический факультет МГУ

ФИНАНСОВЫЕ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

***Ключевые слова**: «догоняющая» модернизация, финансовые стратегии, финансовый «форсаж», финансовый капитал, финансовая инфраструктура, финансовый дирижизм.*

Мировой финансовый кризис показал необходимость модернизации финансовых стратегий отдельных государств. Особенно это актуально для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Там финансовая модернизация осуществляется в рамках общей модернизации экономики «догоняющего» типа, когда переход в новый технологический уклад, радикальное обновление производственного потенциала носит скачкообразный характер с резким ускорением темпов экономического роста, повышением уровня и качества жизни.

Мировая практика финансовых стратегий модернизации экономики предполагает:

– сочетание универсальных коммерческих банков с независимыми инвестиционными банками; развитие смешанной модели венчурной индустрии, основанной на взаимодействии государственных и частных институтов венчурного финансирования (европейский и азиатский опыт);

– развитие «разноскоростной» модели регулирования (разные объемы и жесткость регулирования различных институтов и сегментов финансового рынка в зависимости от природы их рисков и функций, выполняемых в макроэкономике);

– реструктуризацию финансовых институтов (рост капитализации, усиление систем регулирования рисков и конфликтов интересов, особенно в небанковских институтах», создание «китайских стен», снижение уровня государственности и концентрации (олигополии); создание полноценной системы пруденциального надзора за небанковскими финансовыми институтами); перенос центра тяжести с государственного надзора за соблюдением формальных требований законодательства (внутренний учет, раскрытие информации, правила совершения сделок и т.п.) на пруденциальный надзор; усиление защиты прав кредиторов по долговым инструментам; исключение обширного массива неопределенностей в налоговом законодательстве в части финансового рынка; урегулирование оборота складских свидетельств, новых видов финансовых продуктов (этические финансы, религиозные финансы, гендерные финансы, «зеленые» финансы и т.п.).

– формирование полноценной системы статистики финансового рынка, адекватной по уровню денежно-кредитной статистике, активность государства в развитии финансового рынка. Переход от модели регулирования, основанной на жестких предписаниях, к модели, в центре которой принципы, соглашения, стандарты, прецеденты, с переносом основного объема работы по формированию стандартов и правил в саморегулируемые организации. Преодоление фрагментарности системы регулирования.

– формирование полноценной системы макро-надзора за всеми видами финансовых институтов, в том числе системно значимыми и холдинговыми (коллегии регуляторов), за крупными торговыми позициями; создание механизмов урегулирования системного риска. Создание специализированных судов (применением законодательства об акционерных обществах, финансовом рынке, защите прав инвесторов).

Развивающиеся экономики, которые проходят через «догоняющую» модернизацию, обычно относят к странам «экономического чуда». Это Япония, Германия, Австрия, Италия (1950–1960-е гг.), Испания (1960-е гг.), Бразилия (конец 1960-х – 1970-е гг.), Чили, Ирландия (1990–2000-е гг.), Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг (1960–1990-е гг.), Китай (1980–2010-е гг.). К концу XX в. в клуб крупных экономик, находящихся в мировых топ-15 по темпам роста, стали входить преимущественно азиатские страны. Предпосылками «догоняющей» модернизации являются:

– крупные изменения в политической системе, социальной структуре, составе собственности;

– смена элит при значимом отставании от группы ведущих стран или стран – ориентиров;

– конкуренция стран за выживание, за ресурсы, за сферы влияния;

– послевоенное восстановление экономики на новой технологической основе.

«Догоняющая» модернизация экономики обычно предполагает изменение траектории развития с помощью расширенного вмешательства государства. Наиболее высока она в административных, затем в смешанных и переходных экономиках, особенно если накладывается на процесс трансформации от плана к рынку. Согласно исследованиям, финансовая система стран в период «экономического чуда» выводится в «форсаж», работает в специальном режиме «подстегивания» экономики для получения быстрого краткосрочного эффекта за счет сверхустановленных параметров. Поэтому, получение быстрого эффекта в одной сфере приводит к увеличению нагрузки на другие.

Финансовый «форсаж» – одна из главных стратегий «экономического чуда». Его отличают быстрая «финансиализация», пронизанность экономики финансовыми отношениями, преобладание финансовых сделок. Идет настройка

ключевых денежных параметров, механизмов, инструментов на стимулирование роста и модернизации. В частности, это проявляется:

– в финансовом дирижизме, в низкой налоговой нагрузке и сокращении потребления государства;

– в кратном росте монетизации, в экстремальном увеличении нормы накопления;

– в насыщенности экономики долговыми активами, в нормализации процента;

– в подавлении инфляции, в заниженном валютном курсе.

Все примеры стран, прошедших успешную модернизацию, связаны с опережающим нарастанием финансовой «глубины» экономики. Это уровень ее насыщенности деньгами и финансовыми инструментами, рост внутреннего денежного спроса в опережение предложения. В рамках ускоренной модернизации резко увеличивается норма накопления. От начальных значений в 10–15%, норма накопления достигает 30–45% в периоды сверхбыстрого роста. Далее, когда экономика переходит в менее динамичное состояние, норма накопления опять снижается. Так, в США всю вторую половину XX века норма накопления колеблется вокруг 20%.

Рост финансовой «глубины» (монетизации) многократно повышает способность финансового сектора кредитовать экономику на нужды модернизации, а также неизбежно снижает цену денег в массовых инвестициях. Однако после вспышки роста цен происходит последовательное снижение инфляции. Валютная политика во времена «экономического чуда» связана со снижением курса национальной валюты к мировой резервной валюте, в крайнем случае, с поддержанием курса в закрепленном состоянии к доллару, но никогда – с ее усилением. Таким образом, поддерживается выгодность экспорта, прямых инвестиций, ограничивается вывоз капитала. В периоды «догоняющей» модернизации текущее потребление государства ограничивается, в т.ч. и на военные расходы, все ресурсы идут на инвестиции. Однако как только экономика выходит в обычную динамику, текущее потребление государства растет в относительных величинах.

«Догоняющая» модернизация экономики предполагает активное вмешательство государства (дирижизм, интервенционизм), изменяет траекторию развития экономики (административными и рыночными методами). Причем дирижизм наиболее высок в административных экономиках, смешанных и переходных. Для осуществления «экономического дирижизма» широко используются индикативные и прямые планы. На начальных стадиях модернизации в замедленную экономическую среду вводятся точки роста специальных («свободных») экономических зон. В результате на смену торговому протекционизму приходит либерализация. В случае если финансовая система разбалансирована, необходимо принимать политику финансового развития, инвестировать средства в модернизацию экономики, сформировать средний класс, способствовать росту конкурентоспособности национальных финансов, реструктурировать финансовый сектор и усилить его устойчивость.

Важным компонентом финансового «форсажа» является центральный банк. В условиях развивающейся экономики он может играть пассивную роль – пытаться удержать цены и валютный курс, либо занимать активную позицию – стимулировать устойчивый рост, модернизацию, финансовое развитие. Наконец, ЦБ может служить технической учетной системой, не имеющей стимулов и ресурсов, а значит, и возможности на что-то влиять. Есть несколько типов поведения центрального банка: шоковый (денежная реформа, разовая глубокая девальвация, скачок процента), имитационный (попытка отстоять стандартные механизмы – воспользоваться госдолгом и длительное время имитировать режим монетарного регулирования), строительный (активно строить новые институциональные элементы) и финансовый (последовательно ставить и решать задачи финансового развития на основе сочетания дирижизма и рыночного воздействия). В результате анализа данных моделей поведения ЦБ можно заключить, что в периоды кризиса он следует «дирижистской» модели. Так в наиболее короткие сроки удастся решить главную задачу – защитить национальную экономику на мировых рынках. Если ЦБ перейдет в режим «форсажа», и начнет играть активную роль, государству удастся перейти к стратегии «догоняющей» модернизации.

Например, в Малайзии первая волна «экономического чуда» произошла в 70-х гг., когда был принят закон о свободной торговле, произошло дерегулирование внутренних процентных ставок, а среднегодовые темпы роста ВВП составили 8%. Вторая волна «экономического чуда» началась в 80-х г. с политики приватизации, притока портфельных инвестиций, когда генераторами роста были бытовая электроника и текстиль. В конце 90-х г. произошел перегрев экономики и кризис, что потребовало диверсификации экономики, поддержания внутреннего спроса, сохранения для предприятий доступа к финансированию, создания собственной кадровой базы и др. Эти проактивные меры смягчили эффект замедления экономического роста в наиболее подверженных кризису отраслях. Активная государственная политика была направлена на улучшение инфраструктуры, гарантирование банковских вкладов, рост затраты на обучение, создание новых рабочих мест.

Либерализация движения финансового капитала в это время в Малайзии осуществлялась последовательно с приоритетом привлечения долгосрочных прямых инвестиций и жестким ограничением потоков краткосрочного спекулятивного капитала. Пакет антикризисных мер включал запрет на вывод средств и кредитование нерезидентов в национальной валюте.

Стратегия финансового «форсажа» способствует встраиванию местного рынка капиталов и денежного рынка в мировую финансовую систему. Это происходит через привлечение в страну прямых и портфельных инвестиций. Для прямых инвестиций характерны следующие черты:

– большая степень риска,

– более длительный срок капиталовложений,

– инвесторы, как правило, лишаются возможности быстрого ухода с рынка.

Основными формами прямых иностранных инвестиций (ПИИ) являются открытие за рубежом следующих предприятий:

– дочерняя компания – предприятие, в котором прямой инвестор-нерезидент владеет более 50% капитала;

– ассоциированная компания – предприятие, в котором прямой инвестор-нерезидент владеет менее 50% капитала;

– филиал – предприятие, полностью принадлежащее прямому инвестору.

Государство также стимулирует ПИИ:

1. Предоставление государственных гарантий (отсутствие дискриминации по сравнению с местными инвесторами).

2. Предоставление налоговых, таможенных и административных льгот в принимающей стране. Особенно большие льготы предоставляются инвесторам в оффшорных центрах и СЭЗ, в которых значительно упрощены процедуры регистрации новых предприятий, сняты валютные ограничения, упрощена финансовая отчетность, обеспечивается охрана тайны личности владельца компании и др.

3. Страхование зарубежных инвестиций.

4. Урегулирование инвестиционных споров.

5. Исключение двойного налогообложения.

Для стран-доноров основная выгода ПИИ состоит в возможности получить максимальную прибыль, в том числе и за счет сокращения уровня налогообложения и диверсификации рисков по сравнению с аналогичными внутренними инвестициями.

Портфельные иностранные инвестиции ставят целью получение прибыли за счет процентов или дивидендов, при этом инвестор не ставит своей задачей управление предприятием или проектом, в которые вкладываются денежные средства. В азиатских странах открытие рынка для портфельных инвестиций произошло в начале 90-х годов под давлением МВФ и Всемирного банка, что активно подняло их позиции на притоке краткосрочных дешевых денег вплоть до «перегрева» экономики и кризиса конца 90-х г.

Поэтому пакет антикризисных мер включал жесткие ограничения в сфере портфельных инвестиций, в частности:

- годовой запрет на вывод средств от торговли ценными бумагами с депозитов у брокеров, открытых в рингитах,
- получение разрешения на конвертацию средств на депозитах в рингитах в валюту на зарубежных счетах,
- получение разрешения на любые инвестиции за рубеж для резидентов.

Начиная с 2001 года, последовательно отменялись ограничения по счету капитала для постепенного восстановления фондового и валютного рынков после трудных времен. В результате чистый приток портфельных инвестиций оказался в 2000-е гг. еще выше, чем в 90-е гг. С 2004 г. начались резкие перепады объемов в ответ на изменения конъюнктуры мирового финансового рынка. А в результате мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. пошел чистый отток портфельных инвестиций.

Таким образом, портфельные инвестиции использовались азиатскими странами для поддержания темпов экономического роста, но никак не для запуска «экономического чуда». Эти предприятия к моменту допуска портфельных инвестиций уже развивались в течение 15–20 лет, став основой реального сектора.

Стратегия финансового «форсажа» предполагает послабление в налоговой системе. Так, в настоящее время, уровень налогов в азиатских странах составляет около 1/6 ВВП, что является довольно низким показателем. Началось это в конце 60-х гг., когда был принят закон о стимулировании инвестиций, который предоставлял налоговые каникулы в зависимости от первоначальных капиталовложений. Дивиденды, в свою очередь, перестали быть налогооблагаемые, тогда как за создание новых рабочих мест и развитие предприятий в малоразвитых районах давались налоговые послабления. Закон о свободной торговле, гласил, что компании, находящиеся в свободной зоне освобождались от пошлин, акцизов, налогов на товары и на услуги. «Пионерный» статус компаний означал освобождение от налога на прибыль на пять лет (для высокотехнологичных компаний и компаний). Для компаний, специализирующихся на НИОКР вводилась льгота в размере 100% на капиталовложения, совершенные в течение 10 лет.

Новая финансовая стратегия связана с развитием финансовой инфраструктуры и контролем за уровнем инфляции. Сначала в 60–70-е гг. страны Юго-Восточной Азии применяли традиционную политику в области учетной ставки ЦБ с ее понижением в посткризисные периоды для стимулирования роста. Затем, в 90-е гг. произошло резкое повышение учетной ставки ЦБ для отбора лишней ликвидности при «разогреве» экономики и попытке остановить бегство капитала во время финансовых кризисов. Чтобы регулировать ликвидность банковского сектора, осуществляли параллельно изменения норм обязательных резервов. Эта норма сначала последовательно повышалась, но из-за нефтяного кризиса в 70-е гг. возникла обратная ситуация. Ее снижение стимулировало рост ликвидности и ускорение экономики. Она падала вплоть до следующего перегрева в начале 1990х гг.

В конце 90-х гг. финансовая стратегия в странах Юго-Восточной Азии по борьбе с кризисом осуществлялась по рекомендациям МВФ. Их основная суть: плавающий курс национальной валюты, отсутствие ограничений насчет капитала; повышение учетных ставок для борьбы с инфляцией и укрепления доверия инвесторов; минимальная государственная помощь банкам и проблемным компаниям; снятие ограничений на право нерезидентов владеть собственностью; приватизация государственной собственности; сокращение или отмена государственных субсидий.

Однако очень быстро эти страны отказались от внешнего влияния и ввели собственный пакет антикризисных мер, который включал в себя фиксированный официальный обменный курс; жесткие меры регулирования / ограничения вывоза национальной валюты за рубеж; ограничение права нерезидентов оперировать с государственными ценными бумагами; снижение учетной ставки и ставки корпоративного налога; массовый выкуп и реструктуризация проблемных долгов банков и предприятий специально созданными государственными агентствами.

Сумма международных обязательств азиатских стран в кризис не превысила накопленные золотовалютные резервы. Это позволило не принимать пакет стабилизационных мер МВФ в обмен на кредиты, а справляться своими

силами. В первое десятилетие XXI в. международные резервы существенно увеличились, прежде всего, за счет большого притока портфельных инвестиций. Эта «подушка безопасности» позволила в период кризиса 2008 г. дополнительно субсидировать пострадавшие государственные предприятия, а ЦБ поддерживать стабильную ликвидность коммерческих банков. В этот период происходили постепенные реформы банковской системы.

В итоге классические банки, которые принимали депозиты и выдавали кредиты, преобразовались в комплексные структуры, обслуживающие инвестиционные капиталы и встроенные в мировые финансовые системы. Так, в Законе о банках и финансовых организациях были законодательно классифицированы: финансовые посредники: лизинговые, факторинговые компании, учетные палаты, строительные кооперативы, венчурные фонды, финансовые институты развития, пенсионные фонды и страховые компании, включая оффшорные страховые компании, инвестиционные (торговые) банки.

Поэтому в конце 90-х в процессе посткризисной перестройки финансового сектора не было ликвидировано ни одного банка, а произошли следующие изменения: слияние и поглощение финансовых институтов, скупка необслуживаемых долгов, снижение нормы резервирования, изменение стандартов банковской деятельности. С 80-х гг. особенностью банковской системы азиатских стран стала растущая роль исламских финансов, которая не предполагает формального взимания ссудного процента, а переориентирует банкира на совместное с клиентом участие в инвестиционных проектах. В настоящее время исламские банки обеспечивают до 60% всего объема кредитования.

Валютная политика основывалась на курсе либерализации, но проводилась путем жестких фиксаций. Искусственно заниженный курс национальной валюты использовался как стимулирующий фактор экспортной конкурентоспособности этих стран, что дало свои результаты в сочетании с политикой экспортной ориентации. Валютная политика тяготеет к жесткой привязке к одной или нескольким мировым валютам. Одна из основных причин – это порождаемая стабильным заниженным курсом «уверенность в будущем» экспортеров и иностранных инвесторов.

С начала 80-х гг. стал быстро развиваться финансовый рынок, как рынок акций, так и рынок частных облигаций. После кризиса 90-х гг. стремительное развитие национального рынка облигаций способствовало увеличению объема портфельных инвестиций. Начался запуск рынка деривативов, первый сегмент торговли фьючерсами и опционами (ограничение допуска нерезидентов к торговле производными инструментами), пошла переориентация банков на привлечение заемных средств с помощью облигационных займов, была введена прозрачная процедура корпоративных облигационных выпусков. После 2008г. был реализован посткризисный пакет стимулирующих мер по либерализации финансового рынка:

– отмена обязательного участия резидентов в капитале дочерних структур крупных инвестиционных банков;

– повышение квоты участия нерезидентов в капитале для схем коллективного инвестирования;

Активизировалось создание экономики частного сектора как основного драйвера роста с помощью следующих мер:

– модернизация регулирования частного сектора;

– либерализация сферы услуг;

– снятие барьеров для входа на рынки;

– принятие нового законодательства о конкуренции;

– улучшение интерфейса «бизнес – власть»;

– стимулирование инновационного роста;

– создание поддерживающей инновации инфраструктуры (экосистемы);

– создание инновационных возможностей;

– поддержка частного финансирования инновационных проектов;

Произошла рационализация роли правительства в бизнесе через увеличение долей частного сектора в государственно-частных партнерствах; создание соответствующего правительственного фонда поддержки; достижение баланса между частным сектором и государственными корпорациями.

Развитие малого и среднего бизнеса рассматривалось как фактор роста и инноваций через:

– снижение доли издержек регулирования;

– поддержку развития предпринимательской культуры;

– дальнейшее ускорение и процедур создания и регистрации;

– облегчение доступа к финансированию.

Важным моментом стало участие в глобальной конкуренции, а именно: привлечение прямых и портфельных иностранных инвестиций; привлечение иностранных квалифицированных кадров.

Этим странам присуща «двойственность» сложившейся экономической и финансовой системы. С одной стороны, существует субсидируемый правительством ряд импортозамещающих компаний, неконкурентоспособных на мировом рынке и укомплектованных почти исключительно национальными кадрами. С другой стороны, работает множество высокоразвитых производств и сервисных центров транснациональных корпораций, экспортирующих свою продукцию и услуги на международные рынки через свободные экономические зоны.

Опыт азиатских стран, совершивших «экономическое чудо», позволяет использовать стратегию финансового «форсажа» и для России. Для достижения цели необходима смена парадигмы финансовой политики, её переориентация на укрепление внутреннего денежного спроса, снижение зависимости от внешних источников капитала, прекращение немонетарной инфляции, предупреждение излишнего расширения участия государства в собственности, снижение налоговой нагрузки на экономику, противодействие системным рискам. Для этого в центр должны быть поставлены финансовая политика стимулирования экономического роста, финансовое развитие российской экономики

(её монетизация, «финансиализация» до уровня новых индустриальных экономик, преодоление накопленных деформаций и разбалансированности финансовой системы). Цели такой финансовой политики подразделяются на:

– качественные (рост долгосрочных инвестиций в реальный сектор, в модернизацию, в обеспечение устойчивого экономического роста);

– количественные (переход по уровню зрелости в кластер финансовых рынков новых индустриальных экономик).

Программа рассчитана на сроки до 15–20 лет. На первом этапе (5–10 лет) – усиление элементов административного регулирования, переход в финансовый «форсаж». На втором этапе, когда финансовая система будет нормализована, достижение более высокого уровня финансового развития – либерализация, реструктуризация финансовых институтов с государственным участием. Предполагается, что все изменения, предлагаемые программой финансового «форсажа», будут проводиться взвешенно, осторожно, часто в «закрытом режиме», не торопясь, чтобы не вызвать взрыва инфляционных ожиданий или не создать атмосферу падения курса рубля. Ослабление «оффшоризации» собственности возможно лишь при существенном снижении рисков бизнеса, регулятивных издержек и налогового пресса. Система частных мер предполагает как ограничительные, так и стимулирующие меры.

В инвестиционной политике необходимым является: снижение фискальной нагрузки (увеличение финансовых ресурсов в распоряжении бизнеса для целей развития, мораторий на увеличение ставок налогов, «ударное» расширение налоговых стимулов, связанных с модернизацией и длинными инвестициями). Необходимым также является удержание высокой доли бюджетных расходов на экономику, сокращение удельного веса общегосударственных расходов в структуре затрат, осуществляемых государством. Увеличение государственных инвестиций в основной капитал в экономике, образовании и науке, в том числе за счет вложений внебюджетных фондов в публичные облигации реального сектора. Возможно сокращение субсидирования процента за счет бюджета (по мере нормализации уровня процента в экономике). А также реализация крупных национальных проектов с участием Центрального банка.

Новая стратегия требует проведения последовательной и осторожной денежно-кредитной политики, направленной на сбалансированный рост финансовой глубины экономики, что предполагает:

– переход к «мультитаргетированию», основанному на одновременном таргетировании денежной массы (органичный рост монетизации), инфляции (ее снижение при условии активного противодействия государства немонетарной инфляции), процента (снижение ставки рефинансирования, других ставок процента Банка России), широкого коридора колебаний курса рубля (сокращение разрыва между реальным и номинальным эффективным курсом);

– преодоление разрыва между реальным и номинальным эффективным курсами рубля (вместо до- и посткризисной политики закрепленного курса, прерываемого шоками и девальвациями);

– внедрение рубля в международный оборот, достижение к 2025 г. статуса региональной резервной валюты при условии роста доли России в мировом ВВП и глобальных финансовых активах до 4–6%.

– стабилизация счета капитала, ограничивающим потоки «горячих денег» (обязательное резервирование средств, обложение налогом средств, выводимых в короткие сроки, лимитирование позиций по краткосрочным внешним долгам для операций на финансовом рынке и т.п.);

– переход к активной модели антимонопольного и ценового регулирования: ограничение роста цен естественных монополий, глубокое снижение регулятивных издержек как части монопольно высоких цен, временное расширение круга административных цен (с понижением лимитных цен), переход к госзаказу по низким лимитным ценам, внедрение в госзаказ и ценовое регулирование программы международных ценовых сопоставлений, рост операционной способности органов антимонопольного регулирования.

Все это возможно сделать, только если Банк России станет центральным банком развития, сочетающим финансовый дирижизм, направленный на урегулирование деформаций в макрофинансах и на создание финансовых условий для «экономического чуда», с развитием российского финансового сектора как действительно рыночной среды.

Мызрова О.А.
д.э.н., профессор, Саратовский государственный технический университет
Olga_Myzrova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТА ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ

Ключевые слова*: инновационная деятельность, бюджет инновационной деятельности кластера, фонд развития кластера, интеграция стран ЕАЭС, межгосударственный инновационный промышленный кластер.*
Keywords: *Innovation activity, budget for innovation activities of the cluster, cluster development fund, the integration of the EAEU countries-participants, international innovation industrial cluster.*

Современное направление развития промышленной политики стран ЕАЭС предполагает построение инновационных систем, основанных на интеграции науки и промышленности, что требует формирования новых подходов к государственному и межгосударственному управлению, содержанию промышленной, инвестиционной, научно-технической и инновационной политик.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе определены следующие цели промышленной политики стран ЕАЭС:

«1. Ускорение и повышение устойчивости промышленного развития.

2. Повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов ЕАЭС.

3. Осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности.

4. Устранение барьеров в промышленной сфере, в т.ч. на пути движения промышленных товаров государств-членов ЕАЭС»[1].

Реализуемая промышленная политика ЕАЭС должна быть направлена на совместное освоение «новых видов экспортоориентированной продукции, в том числе за счет углубления кооперации, увеличения локализации производства и развития импортозамещения; создание новых производственных цепочек и инновационных секторов промышленности; модернизацию производства в традиционных отраслях; наращивание экспорта совместно произведенной высокотехнологичной продукции. Для этих целей Договором предусмотрены и уже реализуются такие инструменты и механизмы, как Евразийские технологические платформы, Евразийская сеть субконтрактации и Евразийская сеть трансфера технологий»[2]. Для обеспечения регулирования и развития общего финансового рынка Союза на 2025 год запланировано создание наднационального органа, полномочия и функции которого государства-члены определят после завершения поэтапной гармонизации законодательства.

Достижению поставленных целей может способствовать формирование и развитие межгосударственных инновационных промышленных кластеров (МИПК), основанных на взаимодействии науки и производства, интеграции стран, которые при рациональной организации должны приводить к сокращению издержек, ускорению инновационных процессов, повышению конкурентоспособности промышленной продукции, а, следовательно, синергетическому эффекту.

Одним из механизмов, от которого зависит успех функционирования МИПК, является финансовый. При этом в рамках финансового механизма первостепенную роль играют принципы формирования и распределения финансовых и инвестиционных ресурсов. Поэтому в рамках данной статьи рассмотрим один элемент этого механизма – построение финансово-инвестиционного бюджета МИПК.

В целях обеспечения средствами инновационной деятельности финансово-инвестиционный бюджет МИПК может создаваться в рамках Фонда развития кластера (рис. 1). Однако этот процесс требует определенного сочетания источников средств, которое будет минимизировать цену, а, в конечном итоге и затраты, и способствовать максимизации их отдачи (прибыль на вложенные средства). Поэтому выбор направлений инновационной деятельности промышленных предприятий кластера ЕАЭС требует анализа основных критериев оценки эффективности на основе алгоритма выбора оптимального решения для вложения финансово-инвестиционных средств в деятельности МИПК.

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
[2] Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. – http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents

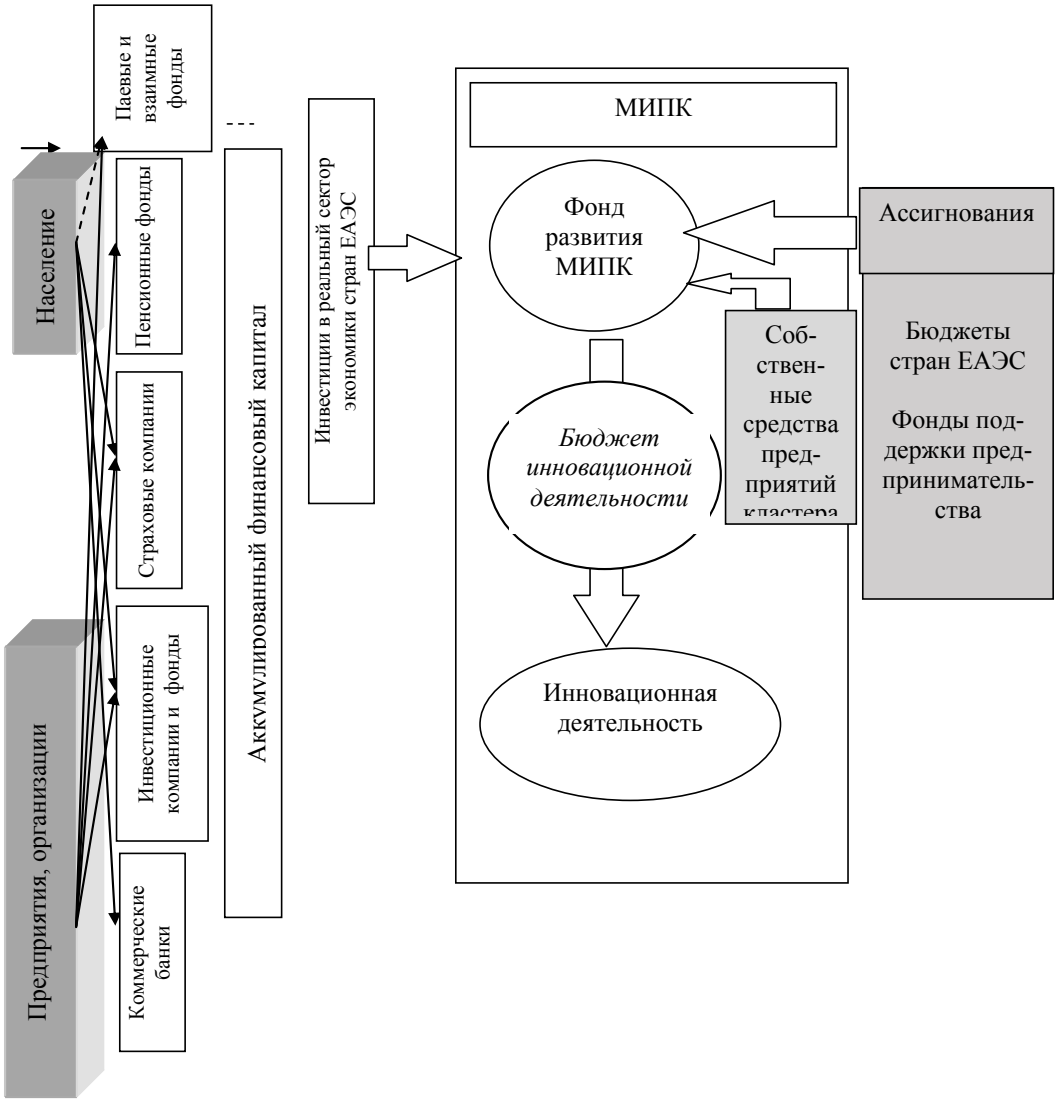


Рисунок 1.
Формирование Фонда развития МИПК

Важнейшими целями формирования финансово-инвестиционного бюджета МИПК выступают оценка неопределенностей, рисков, потребностей в собственном и заемном капитале, информирование, контроль и др. (рис. 2).

Определение потребности финансово-инвестиционных ресурсов предполагает оценку необходимости привлечения дополнительных источников при отсутствии или недостаточности собственных. Цель управления ожиданиями инвесторов подразумевает использование эффективных инструментов, позволяющих обеспечить соответствующий размер прибыли, уровня ликвидности, сохранить доверие инвесторов.

Подготовка информации (отчетности) для внешних участников инновационной деятельности МИПК означает наличие информации, необходимой для привлечения потенциальных инвесторов. Цель формирования доходов, расходов и управление средствами бюджета состоит в проведении разграничений между расходованием средств и управлением, представляющим собой процесс планирования, и предшествует управлению, направленному на достижение запланированного или более высокого результата инновационной деятельности МИПК.

«Внешние перспективы» – это цель, показывающая, что предприятия кластера работают в высоко динамичной среде, что требует адаптации результатов инновационной деятельности к этим изменениям для увеличения прибыли, деловой активности и улучшения финансового состояния.

Рисунок 2.
Цели формирования финансово-инвестиционного бюджета инновационной деятельности МИПК

В связи с тем, что риски, как правило, являются неотъемлемой составляющей инновационной деятельности промышленных предприятий, в т.ч. и в составе кластера, одной из целей формирования бюджета инновационной деятельности МИПК является их выявление, оценка и разработка мероприятий снижению их степени или предотвращению.

Бюджет инновационной деятельности МИПК может состоять из двух частей: гибкой и фиксированной. Первая часть формируется с учетом возможности изменений, которые могут вноситься при колебаниях различных параметров инновационной деятельности и оказывающих влияние на финансовые результаты. Эти изменения, как правило, связаны с изменением затрат и учитываются путем корректировки заложенных в бюджет допущений по итогам фактически достигнутого уровня инновационной деятельности. Вторая часть бюджета является «жесткой», т.е. не может подвергаться корректировке в зависимости от полученных результатов на каждой стадии инновационной деятельности.

Кроме того, комплексный бюджет инновационной деятельности МИПК может носить оперативный, текущий и перспективный характер. Каждый из них связан с этапом и сроками инновационной деятельности (исследования, НИОКР, производство, продвижение, реализация и т.д.). Оперативный характер бюджета определяется достижениями целей инновационной деятельности предприятий, входящих в кластер (план финансирования инновационной деятельности, план производства, план материально-технического снабжения); текущий характер связан с краткосрочным расходованием средств бюджета, направляемых на планирование текущих целей развития инновационной деятельности МИПК. Последний, перспективный бюджет, представляет собой бюджет генерального развития кластера.

Управление структурой бюджета проводится на основе анализа сложившейся структуры и основных тенденций ее изменения под влиянием развития инновационной деятельности МИПК. При этом должны устанавливаться определенные соотношения между собственными и заемными средствами бюджета, определяться необходимость и возможность корректировки этого соотношения для того, чтобы имелась возможность расширять источники формирования бюджета инновационной деятельности предприятий кластера. По результатам проведенного анализа в случае недостатка средств требуется выявление резервов финансирования инновационной деятельности и целесообразности использования средств Фонда развития МИПК.

Таким образом, формирование бюджета финансирования инновационной деятельности межгосударственных промышленных кластеров в рамках фонда развития позволит, на наш взгляд, повысить инновационную активность и конкурентоспособность промышленных предприятий стран ЕАЭС, а также приведет к дальнейшему развитию интеграционных процессов.

Намитулина А.З.
к.э.н., доцент Финансового университета
AZNamitulina@fa.ru

МОДЕЛЬ ДОЛГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *бюджетная политика, долговая политика, государственный долг, долговая устойчивость, темпы роста ВВП, уровень благосостояния граждан.*
Keywords: *fiscal policy, debt policy, public debt, debt sustainability, GDP growth rates, standard of living.*

Согласно руководству по статистике государственного долга Международного Валютного Фонда 2011 года под долговой устойчивостью страны понимается способность государства обслуживать долговые обязательства, не допуская при этом существенной корреляции баланса доходов и расходов. Устойчивость государственного долга зависит от следующих характеристик:

1. Стоимость текущих и будущих первичных расходов не должна превосходить аналогичные показатели доходов.

2. Возможность пролонгации подлежащих погашению долговых обязательств в плановом режиме. Государственный долг считается устойчивым, если страна способна придерживаться графика платежей. Нарушение графика при готовности страны осуществлять платежи служит сигналом о кризисе ликвидности, снижении долговой устойчивости.

3. Готовность государства осуществлять платежи по долговым обязательствам даже при отсутствии экономической целесообразности.

Отсутствие достаточных ресурсов для удовлетворения потребностей страны и обеспечения выполнения государством своих функций на протяжении длительного времени является причиной неуклонного роста объемов государственного долга. По оценкам экспертов сумма государственного долга стран Европейского союза и Соединенных Штатов Америки в несколько раз превосходит объем мирового ВВП. Погашение такого объема заимствованных средств не представляется возможным в краткосрочной перспективе. Также следует учесть, что в условиях постоянной угрозы экономических потрясений и роста глобальной нестабильности формирование сбалансированной долговой политики государства, превращается в проблему, в отношении которой не существует универсального решения.

Модель долговой политики для обозначения международной сопоставимости определяется как соотношение совокупного государственного долга и: объема ВВП, объема экспорта товаров и услуг, доходов и расходов бюджета, дефицита бюджета и т.д. Однако относительные показатели долговой устойчивости не способны учесть специфику экономик различных стран, а, следовательно, и отразить устойчивость государственного долга. Исследования, проведенные К. Рейнхартом и К. Рогоффом, показали, что в период с 1970 по 2008 год отношение внешнего долга к валовому национальному продукту превышало 100% только в 16% случаев дефолта или реструктуризации, более половины дефолтов имели место при значениях данного показателя, не превышавших 60%.

Попытка решения данной проблемы была предпринята Международным Валютным Фондом в 2014 году при разработке новой концепции оценки долговой устойчивости. Современный подход предусматривает анализ не только относительных показателей, но и оценку рисков для каждой рассматриваемой страны. Государственный долг можно считать устойчивым, если первичное сальдо бюджета позволяет стабилизировать его при возникновении наиболее вероятных для конкретной экономики кризисных явлений. Пороговые значения объемов государственного долга рассматриваются как своеобразные индикаторы, позволяющие определить необходимость дальнейшего анализа риска долговой устойчивости для каждой страны в отдельности.

Существуют административные и рыночные методы управления государственным долгом. Административные методы включают конверсию, консолидацию, унификацию, отсрочку погашения, аннулирование или списание долга. Рыночными методами управления являются реструктуризация, секьюритизация, доразмещение облигаций и т.д. Наиболее распространенный способ получения средств для погашения обязательств – рефинансирование долга, т.е. погашение уже имающихся задолженностей путем размещения новых займов. Также можно выделить и иные методы покрытия государственного долга, появление которых было связано с трудностями многих стран в выплате обязательств: погашение долга за счет товарных поставок, оплата долга в национальной валюте с последующим обращением ее в инвестиции, обмен долговых обязательств на акции компаний страны-должника или долговые обязательства третьих стран.

Управление государственным долгом включает решение ряда задач: сохранение экономической безопасности страны, обеспечение социальной стабильности, сохранение репутации государства как первоклассного заемщика, обеспечение предсказуемости рынка долговых обязательств, минимизация стоимости долга, достижение эффективно-

го использования заемных средств и т.д. Формирование благоприятных условий для развития экономики страны – основная цель процесса управления государственным долгом.

В период с 2012 по 2016 год в России происходило постепенное увеличение долговых обязательств с 9,7% в 2012 до 13,2% к ВВП в 2016 году. В течение рассматриваемого периода прослеживается тенденция как к увеличению внешнего, так и внутреннего долга. В 2016 году большую долю государственного внутреннего долга России составили облигации федерального займа с постоянным доходом – 50%, облигации внешних облигационных займов – 28% и облигации федерального займа с амортизацией долга – 11%. За 2011-2015 гг. расходы на обслуживание государственного долга Российской Федерации увеличились практически в 2 раза: с 262,7 млрд. рублей в 2011 году до 518,7 млрд. рублей в 2015 году.

Сравнительный анализ объемов государственного долга различных стран показал, что Япония остается лидером по объему долговых обязательств как в абсолютном выражении, так и в процентном к ВВП, заметно увеличивая свой долг в период с 2011 по 2015 год. По состоянию на 2016 год объем государственного долга Японии составил 250,4% к ВВП. Также на протяжении последних 6 лет значительно увеличились долговые обязательства Италии (до 132,7% к ВВП), Франции (96,1% к ВВП) и США (108,2% к ВВП). Несмотря на глобальную тенденцию к увеличению объемов долговых обязательств, есть страны, государственный долг которых сокращался. Так, государственный долг Исландии сократился с 95,13% к ВВП в 2011 до 67,59 % к ВВП в 2015 году.

Результаты анализа объемов государственного долга и уровня благосостояния показали следующее (табл. 1):

Таблица 1

Соотношение размеров государственного долга и индекса человеческого развития.

Государство	Государственный долг в % к ВВП (2015 год)	Индекс человеческого развития (2015 год)
Япония	248	0,903
Италия	132,7	0,887
США	105,2	0,920
Франция	96,1	0,897
Великобритания	89	0,909
Россия	13,6	0,804
Узбекистан	10,7	0,701
Афганистан	6,8	0,479

Источник: IMF Data, Human Development Report 2016.

1. Для большинства развитых стран с высоким уровнем индекса человеческого развития характерны большие объемы государственного долга.

2. Ряд развивающихся и слаборазвитых стран с невысоким уровнем человеческого развития имеют относительно низкие показатели объемов долговых обязательств.

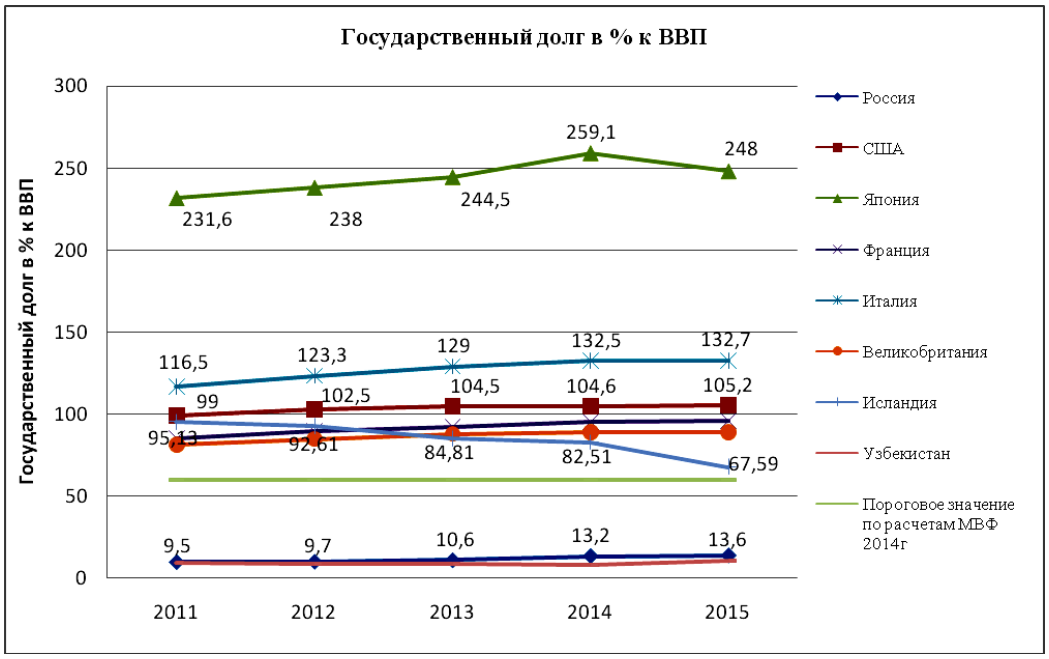
На основе динамического анализа темпов роста государственного долга и показателей индекса человеческого развития было выявлено, что для России, Японии, США, Великобритания, Франции и Италии характерна зависимость между выше вышеперечисленными показателями. Привлекаемые финансовые ресурсы позволяют странам осуществлять инвестиции в национальную экономику, способствуя увеличению темпов роста ВВП, повышая уровень материального благосостояния граждан. В то время как низкие затраты на развитие человеческого капитала, несущественные вложения в социальную сферу, безопасность и промышленность в слаборазвитых странах становятся причиной отсутствия необходимости постоянного наращивания размеров долговых обязательств.

Внутренний интенсивный рост промышленного сектора, сферы услуг и предпринимательства, а также грамотно проводимая бюджетная политика Исландии и Филиппин, до настоящего времени позволяет увеличивать поступления в бюджеты всех уровней и способствовать, с одной стороны, сокращению долговых обязательств, и с другой стороны, росту уровня благосостояния населения.

Темпы роста ВВП России в последние годы снижались, составив в 2015 году –3,9% к ВВП, объемы государственного долга увеличивались. Данная тенденция имеет тревожный характер. Привлекаемые денежные средства направляются на осуществление необходимых текущих расходов, не способствуя развитию экономики в долгосрочной перспективе, что в будущем ставит под сомнение долговую устойчивость России.

Согласно исследованиям, проведенным Международным Валютным Фондом в 2014 г., были установлены следующие пороговые значения, отражающие необходимость дальнейшего анализа рисков долговой устойчивости: текущий уровень госдолга для развивающихся стран – 50% ВВП, для развитых – 60% ВВП. Проведенный анализ показал превышение порогового значения на несколько процентных пунктов США, Японии, Великобритании, Италии и Франции (рис. 1). Наибольшее расхождение от критических показателей составили объемы государственного долга Японии, более чем на 170% к ВВП. Наименьшие – Исландия – 7,6% к ВВП в 2015 году.

Одним из показателей, отражающим устойчивость экономики, является доходность государственных облигаций. Высокая доходность облигаций влечет за собой увеличение расходов на обслуживание государственного долга, что приводит к росту дефицита государственного бюджета. В большинстве стран Европейского союза доходность по облигациям составляет приблизительно 6%. На основании полученных данных можно сделать вывод об опасности финансовой ситуации для экономик стран, имеющих большие задолженности. В случае дефолта определенного государства в условиях процесса глобализации может возникнуть цепная реакция банкротств других государств.



Источник: IMF Data.

Рисунок 1.
Государственный долг России, США, Японии, Франции, Италии, Великобритания, Исландии, Узбекистана в % к ВВП

Долговая политика различных государств во многом зависит от финансовых возможностей страны и размеров долговых обязательств. Если объемы государственного долга России позволяют проводить политику, направленную на поддержание умеренной долговой нагрузки путем осуществления выплат по долговым обязательствам в соответствии с планом и осуществлять постоянный мониторинг объемов долга, то для ряда других стран этих мер недостаточно. Единственной из рассматриваемых стран, долговая устойчивость которой по вышеприведенным оценкам не вызывает сомнений, является Россия. Наибольший объем государственного долга в Российской Федерации был зафиксирован в 2015 и составил 13,6% к ВВП, что на 46,4 процентных пункта ниже рисковых значений.

Проведенный структурно-динамический анализ объемов государственного долга и макроэкономических показателей экономического развития на примере России и зарубежных государств позволил доказать утверждать, что долговая устойчивость, стабильное экономическое развитие государства и повышение уровня жизни граждан характерны для стран с эффективной системой управления государственным долгом. Грамотная бюджетная политика является основой для решения острых социально-экономических проблем, составляя базу для роста национальной экономики.

Опыт Соединенных Штатов Америки показал, что не все мероприятия по сокращению государственного долга приводят к исключительно положительным результатам. Здесь проведение секвестра бюджета в итоге привело к росту безработицы, снижению доходной части, замедлению темпов роста ВВП. Однако мероприятия, реализованные правительством Исландии, в частности увеличение объемов денежной массы, реализация части государственного имущества, создание наиболее благоприятного инвестиционного климата, позволило сократить объемы государственного долга более чем на 25% к ВВП в период 2011–2015 гг. Таким образом, мероприятия по сокращению долговых обязательств должны проводиться с учетом всех экономических особенностей государства.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ.
2. «Отчет об исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2015 год». Расширенная коллегия Министерства финансов Российской Федерации.
3. Волков Р.Г., Сабельникова Е.М., Апокин А.Ю. Теоретические основы и практика управления государственным долгом // Платежные и расчетные системы. Научно-исследовательская работа. Анализ устойчивости государственного долга в современных условиях / Департаментом национальной платежной системы Банка России: Центральный банк Российской Федерации. – М., 2015. – С. 8–57.
4. Перспективы развития мировой экономики. Слишком долгий период слишком медленного роста / Международный валютный фонд: Обзоры мировой экономики и финансов. 2016. – С. 243.

5. Рейнхарт К., Рогофф К.С. На этот раз все будет иначе. – М.: Карьера Пресс, 2011. – С. 528.
6. Долговая проблема как феномен XXI века: Монография / Под ред. А.А. Пороховского; Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 288.
7. Нестеренко Т.Г. Концепция эффективной бюджетной политики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: специальность 08.00.01; 08.00.10: защищена 30.06.2006 / Финансовая академия при Правительстве РФ. – М., 2006 – С. 231.
8. Звонова Е.А. Современные проблемы государственных долгов и суверенных дефолтов в странах Евросоюза // Вестник Финансового университета. – М., 2016. – № 4 (94). – С. 105–117.
9. IMF Data. – http://data.imf.org/?sk=806ED027-520D-497F-9052-63EC199F5E63&ss=1441803350568
10. Human Development Report 2016. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf

Никонова Г.Н.
д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зав. отделом Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства; профессор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета galekos@yandex.ru

«ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС» В СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Ключевые слова: *аграрный сектор, модернизация, земельные отношения, государственное регулирование.*
Keywords: *agricultural sector, modernization, land relations, state regulation.*

Модернизация аграрного сектора в настоящее время находится в центре внимания государственной политики. Как известно, на первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, созданной при Президенте Российской Федерации в мае 2009 г., были определены сектора экономики, развитие которых даст значимый мультипликативный эффект и послужит катализатором модернизации в других отраслях. Согласно «Стратегии научно-технологического развития РФ»[1], переход к высокопродуктивному и экологически чистому агрохозяйству является в нашей стране одним из приоритетов на ближайшие 10–15 лет. Большую роль в этом играет также реализация мероприятий Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы, в которой определены меры специальной подпрограммы: «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие», направленные на поддержку и стимулирование инновационной активности товаропроизводителей.

«Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года»[2] предусматривает организацию отечественного производства сельскохозяйственной техники, соответствующей мировому уровню – на основе модернизации существующих производственных мощностей и создания новых. С ориентацией на внутренний рынок и экспорт к 2030 году планируется в 3 раза увеличить выпуск машин и оборудования, что позволит ликвидировать существенное отставание по технической оснащенности отечественного сельскохозяйственного производства от стран с аналогичными почвенно-климатическими условиями. Названные и другие намеченные меры, безусловно, позволят качественно изменить тип воспроизводственного процесса в аграрном секторе, что невозможно без освоения инновационных технологий как основы конкурентоспособности производимой продукции. Это в совокупности создаст предпосылки для ускорения импортозамещения, укрепления продовольственной безопасности государства, развития сельских территорий. Вместе с тем, не обсуждая в данном случае внутренние проблемы сельскохозяйственного производства, сохраняющие механизмы его деиндустриализации, следует отметить необходимость внесения корректив в государственную аграрную политику в целях наведения порядка в «земельном вопросе».

Земельные угодья как основное средство производства, во-первых, не теряют своей основополагающей роли при получении продуктов питания даже в условиях перехода на инновационный путь развития, во-вторых, именно этот ресурс аграрной экономики за годы рыночных реформ подвергся наибольшему разрушению при трансформации отношений собственности. Современные процессы модернизации производства сдерживаются из-за неупорядоченности земельных отношений, являющихся важнейшим индикатором тех изменений, которые происходят в сельской местности в целом. Включение сельскохозяйственных угодий, как главного ресурса аграрного производства, в рыночный оборот является объективной реальностью и закономерным развитием рыночных отношений. Однако рыночные механизмы не обеспечивают эффективное перераспределение земель между сельхозтоваропроизводителями и наиболее полную реализацию потенциала почвенного плодородия в интересах всего общества.

Сложившаяся ситуация с землепользованием в аграрном секторе по-прежнему не позволяет достигнуть поставленной цели земельной реформы 90-х годов – создать многоукладность в сельском хозяйстве и условия для рационального использования земли. До сих пор значительные площади занимают неиспользуемые сельскохозяйственные угодья, в отдельных регионах – до 30–40% площади пашни. При этом низкий удельный вес земель, поставленных на кадастровый учет, является сдерживающим фактором в развитии производства, слабость земельного контроля не позволяет решать проблемы неиспользуемых, «ничейных» земель, включая каналы распределения земельной ренты.

Необходимо отметить следующие особенности современного землепользования в аграрном секторе страны:

– тенденцию к концентрации земельных угодий в собственности физических или юридических лиц (в том числе зарубежных), особенно в регионах производства экспорто-ориентированной продукции;

– продолжающийся в ряде регионов процесс сокращения земельных площадей, используемых сельскохозяйственными товаропроизводителями;

[1] О Стратегии научно-технологического развития РФ. Утверждена Указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 г. – http://docs.cntd.ru/document/420384257

[2] Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2017 г. № 1455-р. – https://docviewer.yandex.ru/view/36502707/?*=

– наличие проблем с расширением площади землепользования для представителей малого бизнеса и устойчиво функционирующих сельскохозяйственных организаций;

– нерешенность проблемы невостребованных земельных долей;

– проблемы перехода к процедуре изъятия земельных участков при их неиспользовании по целевому назначению, в соответствии с Федеральным законом РФ № 354-ФЗ от 3 июля 2016 года.

Концентрация землепользования является важнейшим параметром уровня развития сельскохозяйственного производства и необходимым условием эффективного применения современных машин и технологий, что является мировой тенденцией. На основе данных группировки сельскохозяйственных организаций (СХО) по размеру площади сельхозугодий можно проанализировать реальные изменения в динамике землепользования (табл. 1).

Таблица 1

Изменение уровня концентрации землепользования СХО РФ за период 2006-2016 годов

Группы СХО по размеру площади сельскохозяйственных угодий, га	Площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одну СХО			Удельный вес СХО к общему числу СХО, имевших землю, %		
	2006 г.	2016 г.	2016 г. к 2006 г.,%	2006 г.	2016 г.	2016 г. к 2006 г. + –
до 4,1	1,3	0,9	69,2	6,4	7,3	0,9
4,1–10	5,1	5,2	101,9	4,3	3,2	-1,1
10,1–20	12,7	10,8	85,0	3,0	3,0	0
20,1–50	30,1	28,0	93,0	5,2	5,5	0,3
50,1–100	66,0	63,8	96,7	4,8	5,5	0,7
100,1–200	128,0	130,3	101,8	5,2	6,3	1,1
200,1–500	285,6	311,3	108,9	9,1	11,3	2,2
500,1–1500	803,3	865,8	107,8	14,9	17,5	2,6
1500,1–3000	1856,2	2003,6	107,9	13,1	13,1	0
3000,1–4000	2828,7	3185,9	112,6	6,7	5,4	–1,3
4000,1–6000	3824,7	4502,8	117,7	9,5	6,9	–2,6
6000,1–10 000	5582,8	6936,2	124,2	8,6	6,4	–2,2
10000,1–40000	11877	15 273,6	128,6	8,1	7,4	–0,7
свыше 40 000	17 321,8	452 166,4	126,1	1,0	1,4	0,4
Всего	2575,6	9100,5	109,2	100	100	X

Источник: рассчитано по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года и предварительных данных ВСХП-2016: Официальный сайт Росстата. – http://www.gks.ru

На основе итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года можно констатировать два противоположных процесса: дробление или стабилизацию размеров землепользования в хозяйствах, относящихся к категории малоземельных (до 100 га), заметный прирост средней площади сельскохозяйственных угодий у хозяйств с площадью от 6 до 10 тыс. га и, особенно, в группе свыше 10 тыс. га, что ставит на повестку дня вопрос организации эффективного земельного контроля.

Между тем масса структурного сдвига, как разница в удельном весе групп по размеру площади земли сельскохозяйственных организаций, за 10-летний период между Переписями незначительна. В группе сельскохозяйственных организаций с площадью земли от 40 тыс. га и более находятся 445 СХО со средней площадью угодий в расчете на 1 сельскохозяйственную организацию свыше 452 тыс. га. В целом в этой категории хозяйств сконцентрировано 69% общей земельной площади всех СХО страны, что отражает усиление процесса консолидации земель крупными агрохолдингами.

По данным консалтинговой компании BEFL только с апреля 2013 г. по апрель 2017 г. количество таких агрохолдингов увеличилось с 30 до 50, а площадь земель в их собственности выросла с 7,1 млн. га до 11,8 млн. га, или в 1,7 раза (табл. 2).

Наиболее высокий темп роста размеров землепользования наблюдался у агрохолдингов с площадью более 500 тыс. га, а их доля в землепользовании достигла 27,6%.

Рассмотренные процессы концентрации землепользования неоднозначны: с одной стороны они позволяют решить проблему импортозамещения и выхода с продукцией на внешний рынок, с другой – вступают в противоречие с решением задачи устойчивого развития сельских территорий. В данном случае «рост играет роль существенной предпосылки устойчивого развития, но он явно недостаточен, так как возможен за счет разрушения каких-либо социальных структур, организаций и снижения качества жизни»[1]. Обладая значительной рыночной властью, агрохолдинги поглощают землепользование мелких сельскохозяйственных организаций и представителей малого бизнеса, при этом высокотехнологичное производство не создает предпосылок к расширению занятости и источников доходов для местного населения. Более того, для функционирующих на данной территории сельскохозяйственных организаций возникает конкуренция за бюджетные субсидии и квоты по субсидируемым кредитам банков, выделяемым в зависимости от объемов производства. В результате разрушается не только многоукладность на селе, но и сельский образ жизни в целом. Так, например, в ходе проводимых нами социологических опросов были высказаны конкретные претензии жителей деревни в Смоленской области в отношении одного из агрохолдингов:

[1] Сухарев О.С. Институциональная экономика: теория и политика / Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2008. – С. 153.

Таблица 2

Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в РФ по состоянию на апрель 2013, 2015 и 2017 годов (по данным консалтинговой компании BEFL)[1]

Группы агрохолдингов с земельной площадью, тыс. га	2013 г.		2015 г.		2017 г.		Структур-ный сдвиг (+,-) п/п
	Кол-во	Доля в %	Кол-во	Доля в %	Кол-во	Доля в %	
Число агрохолдингов							
до 120	3	10,0	9	22,5	16	32,0	+22,0
120–199	12	40,0	12	30,0	11	22,0	–18,0
200–299	5	16,7	9	22,5	10	20,0	+3,3
300–499	10	33,3	8	20,0	8	16,0	–17,3
500 и более	–	–	2	5,0	5	10,0	+10,0
Всего	30	100,0	40	100,0	50	100,0	x
Землепользование, тыс. га							
до 120	315	4,4	939	10,4	1676	14,3	+9,9
120-199	1748	24,5	1707	19,0	1631	13,9	-10,6
200–299	1233	17,3	2089	23,2	2355	20,0	+2,7
300–499	3826	53,7	3144	34,9	2849	24,2	–29,5
500 и более	–	–	1120	12,4	3249	27,6	+27,6
Всего	7122	100,0	8999	100,0	11 760	100,0	x

– условием работы на ферме является письменное обязательство не иметь никаких животных в личном подсобном хозяйстве (что на селе является неприемлемым, так как при отсутствии работы оно служит источником продуктов питания для семьи);

– непрерывная продолжительность рабочего дня установлена с 7 часов утра и до 22 часов вечера;

– предложенный уровень заработной платы (не более 10 тыс. руб. в месяц) был намного меньше, чем у соседнего фермера (ответ представителей агрохолдинга: «Если не согласны – мы наймем работников из-за рубежа»);

– отсутствие помощи жителям деревни в обработке земли даже за высокую плату, так как за работой тракториста следит система навигации;

– распахиваются дороги между деревнями, поскольку нужен единый земельный массив;

– для вспашки земли без предупреждения было сожжено сено фермера на земельном участке, которым он пользовался свыше 12 лет;

– местный фермер прекратил деятельность, поэтому потеряли работу и доходы (около 30 тыс. руб. в месяц) более 10 сельских жителей;

– для борьбы с распространением африканской чумы свиней против диких кабанов в окрестных лесах применяются большие объемы отравленных приманок и веществ, что меняет представление о сельской местности как экологически чистой территории страны.

Следовательно, можно констатировать неблагоприятные последствия концентрации землепользования с позиций интересов местного населения в отношении доступа к земельной ренте и производству сельскохозяйственной продукции. Неслучайно широкую известность получили протесты фермеров Краснодарского края, написавших обращение в адрес президента РФ и пытавшихся на тракторах приехать в Москву. Главными их претензиями были непрозрачность процедур получения земли, произвол местных чиновников, захват участков, обман пайщиков, при концентрации земли в руках чиновников и владельцев агрохолдингов.

Неблагоприятные процессы, происходящие в сельской местности, заставляют обратиться к наследию А.В. Чаянова, который на основе анализа демографической ситуации и проблем в землепользовании сделал вывод о подчинении крестьянских хозяйств крупному капиталу, а также о том, что этот капитал «вмешивается в организацию процесса производства и т.д.».

Можно провести современные аналогии, когда через поставки импортного продовольствия, тяжелые условия кредитования, скупку земли, присвоение ренты крупный капитал в XXI веке участвует в формировании определенной институциональной и экономической среды в сельской местности, что входит в противоречие с задачами устойчивости развития сельского социума.

Совершенно очевидно, что в целях обеспечения гармонизации взаимодействия новых аграрных структур и сельского сообщества, необходимы специальные меры государственного регулирования развития крупного бизнеса в отрасли – на принципах государственно-частного партнерства. Это позволит снизить остроту деструктивных процессов на селе, а агрохолдингам – включиться в осуществление функций по поддержанию жизнедеятельности на территории, которые в условиях плановой экономики выполняли сельскохозяйственные предприятия. Это такие функции как сфера приложения труда местного населения, помощь в обработке земли для владельцев личных подсобных хозяйств, продажа молодняка животных и кормов, оказание ветеринарных и других услуг, закупка произведенной населением продукции и другие.

Сельскохозяйственные организации и в современных условиях, в определенной мере, решают эти задачи. Но, как показали данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в целом по РФ в I полугодии 2016 года только

[1] Костяев А.И., Никонова Г.Н. Концентрация земли в крупных агрохолдингах: плюсы и минусы // АПК: инновационные технологии. 2017. – № 4. – С. 121.

76,3% сельскохозяйственных организаций от их общего количества осуществляли хозяйственную деятельность. Сократилось также количество функционирующих крестьянских (фермерских) хозяйств, с увеличением при этом численности хозяйств населения и занимаемой ими площади земли – в 1,5 раза. Это оказывает непосредственное влияние на уровень использования сельскохозяйственных угодий в аграрном секторе.

В ходе реализации Государственных программ развития сельского хозяйства на 2008–2012 годы и 2013–2020 годы был приостановлен процесс выбытия из хозяйственного оборота земельных угодий, в том числе пашни, а посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в РФ увеличились более чем на 5 млн. га. Однако, несмотря на это, как показала Перепись, на 1 июля 2016 года в стране во всех категориях хозяйств не использовалось свыше 17 млн. га сельскохозяйственных угодий, или 12,2% к их наличию, а общая площадь неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения составляет свыше 39 млн. га. Наибольший удельный вес неиспользуемых земель данной категории находится в Сибирском, Приволжском, Центральном и Северо-Западном федеральном округе. Причем самый высокий удельный вес площадей неиспользуемых сельскохозяйственных угодий (32,1%) характерен для Северо-Западного федерального округа. В остальных федеральных округах использование сельскохозяйственных угодий варьирует от 80% (Дальневосточный ФО) до 90,4% (Уральский ФО). В целом по РФ за 10-тилетний период между сельскохозяйственными переписями удельный вес общей площади используемых сельскохозяйственных угодий возрос с 75,5 до 87,7%, в том числе в сельскохозяйственных организациях – с 74,0 до 88,8%.

Современные структурные сдвиги в землепользовании отражают трансформационные процессы в самой системе земельных отношений, являясь следствием изменения как ее внутренних элементов, так и условий воспроизводственного процесса в аграрном секторе. Например, в Северо-Западном федеральном округе удельный вес неиспользуемых пахотных земель в 3 раза превышает общероссийский уровень, и этот показатель практически не сокращается. Даже в Ленинградской области, которая находится по объему производства продукции сельского хозяйства на 18-ом месте в РФ и где несмотря на издержки рыночных реформ было сохранено крупномасштабное производство сельскохозяйственных организаций, темпы вовлечения неиспользуемых земель в хозяйственный оборот являются низкими.

Неблагоприятные природно-климатические условия регионов Северо-Западного федерального округа: мелкоконтурность земельных угодий, избыточная увлажненность почв и их повышенная кислотность оказывают непосредственное влияние на рентный потенциал угодий, их привлекательность для вложения капитала, что определяет особенности рыночного оборота земли и подходы к его государственному регулированию. Незначительный в последние годы размер прироста объемов производства продукции указывает фактически на исчерпанность потенциала сельскохозяйственной деятельности в Северо-Западном федеральном округе в условиях современной рыночной среды.

Главными ограничителями деятельности, которые воздействуют в течение достаточно длительного времени, оказывая влияние на структурные сдвиги в производстве продукции в территориальном и инновационном аспекте, являются недостаток собственных источников финансовых ресурсов и высокие кредиты банков. Так, согласно результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, только 16,7% сельскохозяйственных организаций в целом по РФ и 12% в СЗФО получали в 2015 году кредиты банков. При этом около 50% сельскохозяйственных организаций брали кредитные средства на пополнение оборотных средств, 26% – для приобретения техники и оборудования и лишь 8% – для строительства и модернизации производственных объектов. Следовательно, объективно необходим комплекс дополнительных государственных мер для повышения доходности сельскохозяйственного производства на основе роста масштабов субсидирования сельскохозяйственной деятельности, экономического стимулирования рационального использования и охраны земель. Это, в свою очередь, будет активизировать ввод новых земельных угодий в воспроизводственный процесс, поскольку, несмотря на то, что модернизация производства способствует более интенсивному использованию земельных угодий и увеличению выхода продукции с единицы площади, одновременно требуется дальнейший рост обрабатываемых площадей.

Между тем в современных условиях сдерживающим фактором инновационной деятельности сельскохозяйственных организаций являются не только рассмотренные выше их экономические проблемы. Парадоксальным является тот факт, что при значительной площади неиспользуемых в регионах земельных угодий, дальнейший рост масштабов производства в ходе модернизации сельскохозяйственного производства стал осложняться проблемой расширения землепользования. Причинами этого, опираясь на положения институциональной теории, можно признать «зависимость от траектории предшествующего развития». Они уходят в историю аграрной реформы 90-х годов, когда сельскохозяйственные угодья колхозов и совхозов были разделены между их работниками и работниками объектов социальной сферы, находящихся на территории хозяйства.

Жители села получили так называемые земельные доли (паи) и свидетельства на право собственности на землю без выдела земельного участка на местности, а сельскохозяйственные организации остались без земли, кроме тех случаев, когда владельцы долей внесли их в уставный капитал. После передачи земли в частную собственность хозяйства не являлись сособственниками земли, поэтому могли пользоваться землей только на праве аренды ее у владельцев земельных долей, которые могли их также сдать в аренду фермеру, выйти для организации своего фермерского хозяйства или расширения личного подсобного хозяйства, а в дальнейшем продать сельскохозяйственной организации и т.д. Поскольку сами владельцы земельных долей не смогли включиться в активное землепользование, различные структуры производили ускоренную скупку долей и выделение земельных участков в натуре в целях дальнейшего перевода сельскохозяйственных угодий в другие категории. Таким образом, единое землепользование разрушалось, хозяйства превращались в «земельных доноров», при этом даже устойчиво функционирующие из них не имели свободных средств для покупки земли и ее оформления. Неслучайно до сих пор в собственности сельскохозяйственных организаций находится менее 50% площади используемой ими земли, около 30% занимают взятые в аренду угодья, остальное – это не оформленные земли, что создает проблемы чересполосицы, дальноземелья, разрушения мелиора-

тивного комплекса, а самое главное – трудности консолидации единого земельного массива при освоении инновационных технологий.

Следует отметить, что земельные доли стали в дальнейшем настоящей институциональной «ловушкой», т.е. «неэффективной, но устойчивой нормой (институтом) хозяйственных отношений», которая имеет самоподдерживающий характер и ее трудно отменить[1]. Даже через 25 лет, прошедших с начала земельной реформы, на невостребованные земельные доли приходится в целом по РФ 16,8 млн. га, из них только 26% площади признано муниципальной собственностью и 39% поставлено на кадастровый учет.

Проблема доступа к земельным ресурсам достаточно наглядно видна на примере ЗАО Племзавод «Ручьи» Ленинградской области – инновационно-активной сельскохозяйственной организации. Несмотря на то, что вопрос сохранения целостности землепользования в данном хозяйстве был решен с самого начала реформ – путем внесения работниками своих земельных долей в уставный капитал, тем не менее недостаток земельных угодий, в конечном счёте, стал преградой для полномасштабной модернизации производства.

На первом этапе, в результате модернизации производства овощей и картофеля на основе голландской технологии и освоения кассетной технологии выращивания рассады капусты потребность хозяйства в посевной площади для производства сопоставимых объемов капусты и свеклы снизилась в 2,2 раза, моркови – в 3,7 раза[2].

Технологическая модернизация в животноводстве с внедрением автоматизированных технологий кормопроизводства и кормления, трудосберегающих систем доения коров, компьютеризированных систем управления стадом и др., также позволила рациональнее использовать сельскохозяйственные угодья[3]. Модернизированное на основе инновационных технологий производство создало определённый резерв земельных площадей для расширения масштабов производства, но не решило проблему до конца.

На втором этапе в хозяйстве с использованием самых последних инновационных достижений был построен не имеющий аналога в стране, новый животноводческий комплекс на 2100 коров с объемом производства молока 10 тыс. т в год и наличием дополнительно 1000 голов на реконструируемой ферме. Благодаря модернизации производства (в том числе на основе применения французской технологии кормления животных) средний удой от коровы без удорожания рациона повысился на 1,3 тонны в год, экономия на оплате труда составила – 1,2 млн. руб., дополнительная прибыль от реализации молока – 27,5 млн. руб. [4]

При этом рост объемов производства молока нужно было обеспечить увеличением дополнительных площадей земельных угодий в размере не менее 2000–2500 га, чтобы ликвидировать возникший дефицит кормов собственного производства. Для решения проблемы недостатка сельскохозяйственных угодий в границах существующего землепользования хозяйству пришлось проделать значительную работу, начиная с длительных поисков информации о возможном наличии земли, включая соседние с Ленинградской областью регионы. Так, сначала рассматривался земельный массив в одном из районов Ленинградской области на расстоянии 100 км от центральной усадьбы ЗАО «Племенной завод «Ручьи», путем покупки или аренды 1230 га угодий из земель запаса и около 1000 га смежных земельных участков – из невостребованных долей работников бывшего совхоза. Однако после того как все многочисленные вопросы были согласованы с региональными и местными органами власти, а на оформление земель хозяйством было затрачено 4 млн. рублей, в том числе 2 млн. руб. – на геодезические и кадастровые работы, оказалось, что земли запаса, находящиеся в государственной собственности, не разграничены между Российской Федерацией и Ленинградской областью, о чем информации у местных органов управления не было[5].

Новые поиски привели к варианту землепользования уже в 200 км от центральной усадьбы «Ручьев», где удалось взять в пользование 970 га земли у находящегося в предбанкротном состоянии одного из хозяйств региона, оформить в собственность 900 га из земель невостребованных долей его работников, а также получить свыше 1100 га из фонда перераспределения земель, что позволило решить задачу увеличения площади земельных угодий.

Аналогичные проблемы с приобретением земли в собственность или аренду характерны для многих хозяйств, стратегия развития которых направлена на модернизацию и расширение объемов производства. Следовательно, задачей государства, во-первых, является целевое выделение бюджетных средств и реализация специальной программы по выявлению неиспользуемых угодий, установлению границ всех земельных участков, находящихся в различных формах собственности, постановке их на кадастровый учет. Во-вторых, необходимы бюджетные субсидии на приобретение и освоение выбывших из сельскохозяйственного оборота угодий, так как хозяйства несут большие затраты на реализацию самих инвестиционных проектов стоимостью до 900 млн. руб. Поэтому приобретение 1 тыс. га земли в собственность даже по кадастровой стоимости потребует одновременного наличия в хозяйстве дополнительно 10–30 млн. руб. свободных финансовых средств, без учета издержек в размере не менее 5–10 тыс. руб. на 1 га, необходимых для окультуривания земель, которые не использовались свыше 20-ти лет.

---

[1] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – М., 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3–20.

[2] Трафимов А.Г. Земельный вопрос в развитии пригородной сельскохозяйственной организации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. – № 10. – С. 39–43.

[3] Трафимов А.Г. Реализация инновационной стратегии развития сельскохозяйственной организации // АПК: Экономика, управление. 2008. – № 11. – С. 1–20.

[4] Трафимов А.Г. Опыт освоения инноваций при производстве молока // Молочное скотоводство России: состояние, тенденции, перспективы. – Вологда, 2017. – С. 162–167.

[5] Трафимов А.Г. Земельный вопрос в развитии пригородной сельскохозяйственной организации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. – № 10. – С. 39–43.

Таким образом, необходимо констатировать, что стратегия модернизации сельскохозяйственного производства, направленная на устранение существующих проблем в аграрном секторе путем перехода к модели его развития на инновационной основе, с одной стороны, способствует повышению эффективности использования земельных ресурсов. Основываясь концепции Ф. Перру о «доминирующих единицах» как полюсах роста можно прогнозировать формирование «зон развития» в сельской местности и увеличение спроса на землю.

С другой стороны, модернизация объективно требует радикального усиления роли государства в регулировании рыночного оборота сельскохозяйственных угодий и воспроизводственного процесса в отрасли. Механизмы самоподдержания неэффективного института земельных долей при недостатках института земельного контроля привели к введению в практику такого институционального нововведения как изъятие неиспользуемых земель у собственников. Например, законодательно установлено, что если в течение 3-х и более лет подряд с момента, когда установлен факт, что земля не используется для ведения сельского хозяйства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности, земельный участок может быть принудительно изъят у его собственника по суду и продан с публичных торгов по рыночной цене или кадастровой стоимости. Однако в современных условиях простое изъятие земель у собственников не позволит решить накопившиеся проблемы земельных отношений, ведь нужно не только изымать землю, но и обеспечить ее включение в воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве. Между тем эти два мероприятия (изъятие земель и их возвращение в воспроизводственный процесс), имеющие единую целевую установку на повышение эффективности использования сельскохозяйственных угодий, в программных документах федерального и регионального уровней не синхронизированы.

Следовательно, можно сделать вывод, что отдельные меры государства по регулированию земельных отношений (путем изъятия неиспользуемых земель, программ ввода в оборот заброшенных угодий без соответствующего финансового обеспечения и т.д.) не позволяют решить в полной мере совокупность сформировавшихся проблем. Требуется на основе программно-целевого подхода объединить ресурсную и инвестиционную подсистемы модернизации производства с институциональной подсистемой земельного оборота земель сельскохозяйственного назначения.

На региональном уровне целесообразно разработать и реализовать долгосрочные целевые комплексные программы, определяющие перспективы развития сельскохозяйственного производства на соответствующих территориях и необходимые для этого площади земельных угодий. В рамках данных программ становится возможным:

– проведение не формальной, а реальной инвентаризации земель на предмет принадлежности земельных участков конкретным собственникам или пользователям;

– зонирование сельскохозяйственных угодий по целевому назначению и направлению использования в перспективе;

– формирование перечня особо ценных земель, совершенствование системы их государственного мониторинга;

– определение судьбы изъятых земельных участков, создание информационного банка данных о свободных необремененных земельных участках, собственность которых разграничена между уровнями управления;

– переход к распределению средств бюджетной поддержки товаропроизводителей не только на основе объемов производства, но и с учетом норматива дифференциального рентного дохода в территориальном аспекте;

– использование зарубежного опыта осуществления контроля со стороны государства за крупными собственниками земли и реализация мер по недопущению ее избыточной концентрации в собственности физических и юридических лиц и т.д.

Без этого будет невозможно добиться повышения эффективности и целевого использования общенародного достояния – сельскохозяйственных угодий, что в свою очередь, станет определенным тормозом в дальнейшей модернизации аграрного сектора экономики страны.

Новиков В.Е.
д.э.н., профессор, начальник отдела исследования экономических и правовых проблем в таможенном деле НИИ Российской таможенной академии
v.novikov@customs-academy.ru
Новиков С.В.
м.н.с. Российской таможенной академии
s.novikov@customs-academy.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: *российская экономика, внешнеэкономическая политика России, импортозамещение, таможенная политика, таможенный тариф ЕАЭС.*

В борьбе за мировые ресурсы и экономическое развитие конкурирующие страны используют меры, направленные на поддержание неэквивалентного обмена во внешней торговле. Суть их заключается в том, чтобы экономически сориентировать соперников на экспорт топливных и сырьевых товаров и ввоз ими продукции обрабатывающей промышленности. Это достигается путем выстраивания соответствующего таможенного тарифа, когда таможенные пошлины на импортные готовые товары устанавливаются на таком уровне, чтобы их стоимость на внутреннем рынке оказалась ниже стоимости отечественных товаров.

Такой подход основывается на теории либерализации внешней торговли, разработанной в классической политэкономии А. Смитом и Д. Рикардо, в соответствии с которой все страны получают экономические выгоды от внешней торговли. Однако это не соответствует действительности, поскольку при следовании этой теории менее развитые страны не могут использовать свой социально-экономический потенциал. Эта теория подвергается существенной критике, поскольку она не учитывает научно-технический прогресс, квалификацию занятых работников, фактор увеличения масштабов производства и другие моменты. Но она выгодна развитым странам и странам, добившимся значительных успехов в продвижении своей продукции на мировые рынки, например, КНР.

Из-за незавершенности теории внешней торговли существующие подходы к оценке эффективности импортозамещения недостаточно обоснованы, что приводит к экономически неоправданным выводам о целесообразности импортозамещения.

Сильной стороной теории внешней торговли Адама Смита считают то, что она основана на трудовой теории стоимости. Но она не отвечает на вопрос, почему торгуют между собой страны, когда нет абсолютного преимущества в производстве тех или иных товаров. Например, из предположения, что в США для производства единицы сырья требуется 2 рабочих дня, для производства единицы оборудования – 1 рабочий день, а в России на производство единицы сырья требуется 4, а на единицу оборудования – 3 рабочих дня, делается вывод, что России выгодно импортировать оборудование из США, а США выгодно экспортировать оборудование в Россию и закупать в России сырье. Указывается, что эта теория позволяет строить внешнеэкономическую политику на научном фундаменте и необходимо развивать свободную торговлю, а не защищать свою промышленность от иностранной конкуренции. Доказывается, что позиция развивающихся стран о неэквивалентном характере их торговли с развитыми странами несостоятельна. В этих целях сравниваются затраты труда на производство экспортного товара с затратами на производство импортируемых товаров из развитой страны.

При этом в качестве аргумента высказывается положение, что страна, импортирующая товары с высокой долей добавленной стоимости, снижает свои расходы на удовлетворение общественных потребностей, что в действительности следует из теории внешней торговли А. Смита и Д. Рикардо. Поэтому каждая страна должна специализироваться на производстве продукции, где она имеет абсолютное или относительное преимущество. В действительности нужно сравнивать потенциальные затраты на производство товара, замещающего импорт, если бы развивающая страна-импортер сама производила этот товар[1].

В научной и учебной литературе, как правило, доказываются преимущества теории абсолютных и относительных преимуществ. Однако уже сейчас эффективность внешней торговли определяется по балансу добавленной стоимости. Страны стремятся экспортировать товары с высокой долей добавленной стоимости, в цене которой учитывается экономический эффект от ее реализации на внешнем рынке. Таким образом, об эквивалентности обмена во внеш-

[1] Киреев А.П. Международная экономика. В 2-х ч. Учебное пособие для вузов. Ч. 1 Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 86, 88, 91.

ней торговле следует судить исходя из баланса добавленной стоимости, полученной при создании продукции, замещающей импортную и экспортную цены аналогичной продукции[1].

Предположим, закуплен бульдозер за 1 млн. долл. США. Цена этого бульдозера формируется следующим образом: затраты прошлого труда без амортизации – 0,4 млн. долл., амортизация – 0,1 млн. долл., заработная плата – 0,3 млн. долл., прибыль – 0,1 млн. долл., экономический эффект полученный потребителям и учтенный в цене – 0,1 млн. долл. Таким образом, за бульдозер страна должна поставить товаров на 1 млн. долл. Предположим в обмен на бульдозер поставляется нефть по цене 60 долл./баррель или 360 долл. /т. Всего будет поставлено нефти на 1 млн. долл.: 360 долл/т = 2800 тонн. Себестоимость нефти 13 долл/т, в ней амортизация – 5,2 долл/т, зарплата 4,0 долл/т, затраты по транспортировке – 3 долл/т, в ней добавленная стоимость 1 долл/т, прибыль 3,5долл/т, рента – 40,5 долл/т. Добавленная стоимость на 1 тонну нефти 5,2+4,0+1+3,5+40,5 = 54,2долл/т или 54,2:60*100 ≈ 91,2 %.

В этой ситуации страна взамен на импорт бульдозера экспортирует нефть, внутренняя цена которой составляет 19,5 долларов за баррель (13+3+3,5), а реализуемая величина ренты составляет 60-19,5=40,5 долларов, т.е. поставляется продукция с высокой долей добавленной стоимости.

Однако спецификой этой продукции является то, что в добавленной стоимости решающую долю занимает природная рента, в данном случае 40,5:54,2*100=74,7%. Специализация на экспорте нефти предполагает соответствующие ее запасы, затраты на добычу и уровень мировых цен, ограниченную занятность населения. Рост затрат на добычу нефти, что характерно для России, или падение мировых цен приводит к невыгодному для страны обмену: доходы от продажи нефти снижаются.

Теперь предположим, что взамен импортного товара с высокой долей добавленной стоимости производится аналогичный отечественный товар. Например, ввозится станок стоимостью 5000 долларов, использование которого позволяет получить за весь срок его службы 1000 единиц добавленной стоимости. Аналогичный по назначению отечественный станок за весь срок службы позволял получать 500 единиц добавленной стоимости, его цена была равна 7000 долларов. Разница в 500 долларов определялась бы увеличением объема производства продукции и ее более высокой ценой, потому что она обладала более высокими потребительскими свойствами.

В связи с тем, что импортный станок позволял покупателю получить дополнительно 500 долларов в добавленной стоимости, в цене импортного товара учитывалась экономия от использования станка в 500 долларов (1000 долларов – 500 долларов). В цене производимого отечественного станка добавленная стоимость составляет 700 долларов.

Подведем баланс. При ввозе иностранного станка из страны вывезено 5000 долларов. Его применение позволило нам получить 1000 долларов добавленной стоимости. Отказ от производства собственного станка привел к потере 700 долларов. При использовании импортного станка дополнительно получили 500 долларов. Потери в величине добавленной стоимости составили 200 долларов (700 долл. – 500 долл.).

Для оплаты импортного станка необходимо вывезти продукции на 5000 долларов. Главный вопрос состоит в том, с какой долей добавленной стоимости будет вывезена продукция на мировой рынок.

Предположим на мировой рынок можно поставить изделие по цене 6000 долларов, которое естественно в этом случае должно быть конкурентно на мировом рынке. Добавленная стоимость в цене товара составляет 600 долларов. Потери же страны в добавленной стоимости от импорта станка и отказа от производства станка составили 200 долларов. Таким образом, в этом случае положительный баланс составит 600–200 = 400 долларов.

Отсюда видно, что, если замещается импортный станок отечественным станком, который менее эффективен в производстве данной продукции, чем импортный, страна выигрывает 200 долларов. Если же страна способна поставить на мировой рынок продукцию с более высокой добавленной стоимостью взамен импортного станка, то выигрыш составляет 400 долларов.

То есть, отказ от производства собственного станка представляется более выгодным, если можно поставить на мировой рынок товар с высокой долей добавленной стоимости. Выгода окажется более низкой, если вместо импортного станка будет производиться аналогичный отечественный станок. Однако здесь следует учитывать вопросы национальной безопасности, перспективность продукции, возможности ее дальнейшего совершенствования и снижения затрат на производство.

Теперь предположим, что страна отказывается от импортозамещения и не располагает возможностями поставки на мировой рынок продукции с высокой долей добавленной стоимости, то есть в стране не производится конкурентоспособная на мировом рынке продукция с высокой долей добавленной стоимости. В этом случае на мировой рынок должна быть поставлена конкурентоспособная продукция с низкой долей добавленной стоимости, к которым обычно относятся сырьевые ресурсы, имеющиеся в стране. Особенностью этих товаров является то, что их стоимость на мировом рынке может существенно колебаться в результате изменения спроса на них под влиянием мировых экономических кризисов, что характерно для экономических систем с преобладанием стихийных процессов в формировании экономических пропорций, и прежде всего, в распределении вновь созданной стоимости между собственниками капитала и наемными работниками.

В части рынка сырьевых товаров следует учитывать также рентный фактор, то есть разный уровень затрат на добычу и подготовку этого сырья в связи с различиями в природно-геологических условиях добычи и качества сырья.

Внешняя торговля в обмен нефти на бульдозер оказывается невыгодной, во-первых, по причине, что недоиспользуется неограниченный ресурс человеческого потенциала, а во-вторых, что расходуется ограниченный доступный природный ресурс в виде нефти.

[1] Новиков В.Е. Взаимодействие цен и таможенных пошлин в государственном регулировании экономики // Вестник Российской таможенной академии. – М., 2014. – № 3 (28). – С. 20.

Возможно, когда-то, при освоении неограниченного потенциала солнечной, термоядерной и других видов энергии для удовлетворения общественной потребности человека может быть использовано вещество в атомарном, молекулярном или другом состоянии, но пока оно остается доступным в основном в том виде, в каком оно возникло при возникновении нашей планеты. Поэтому это вещество должно быть преобразовано в результате применения соответствующего интеллектуального потенциала таким образом, чтобы оно более полно удовлетворяло потребности общества.

В этой ситуации страна в настоящее время экспортирующая нефть в замен на бульдозеры, которые в том числе использует и для добычи нефти, принимает решение отказаться от обмена нефти на бульдозеры. Варианты решения этой проблемы могут быть разные и зависят от научно-технического и социального потенциала страны.

Например, страна может попытаться взамен на бульдозеры поставить на экспорт товары с более высокой долей добавленной стоимости. Возможен вариант организации собственного производства на базе имеющихся разработок или на базе закупки иностранного производства бульдозеров с последующим переходом на собственное производство.

Варианты могут быть различные, но они должны давать возможность, в конечном счете, перехода на собственное производство и дальнейшее совершенствование узлов и компонентов с высокой долей добавленной стоимости, определяющих возможность повышения конкурентоспособности изделия в последующие периоды.

Например, Советский Союз при проведении индустриализации страны пошел путем закупки предприятий с полным технологическим циклом и одновременно создавал научно-техническую базу для развития соответствующих отраслей.

Худшим вариантом импортозамещения является организация сборочного производства без его глубокой локализации и права дальнейшего совершенствования ведущих узлов изделия, что закрепляет страну в глобализационных производственных цепочках с производством узлов и компонентов с низкой долей добавленной стоимости, что характерно для российской экономики.

Импортозамещение тесно связано с конкурентоспособностью и является одним из элементов механизма повышения конкурентоспособности страны. Замещая импорт товаров с высокой долей добавленной стоимости, страна одновременно организует собственное производство таких товаров или им аналогичных, тем самым формируя необходимую научно-производственную базу и развивая подготовку кадров высокой квалификации, способных производить такую продукцию. В Российской Федерации создана Правительственная комиссия по импортозамещению, которая рассматривает вопросы организации производства отечественных товаров взамен импортных, с учетом конкретных условий[1].

Однако в Российской Федерации проводилось импортозамещение наоборот – это когда собственное производство продукции с высокой долей добавленной стоимости замещается импортным под предлогом его неконкурентоспособности на мировом и внутреннем рынках.

Под импортозамещением в настоящее время понимают обычно организацию производства на территории страны товара, вместо его ввоза из других стран. Такая ситуация возникает, когда страна исторически отстала в социально-экономическом развитии и предпринимает меры для преодоления этой отсталости или стремится сама производить какой-либо товар, весьма важный для удовлетворения общественных потребностей.

В первом случае можно сослаться на опыт индустриализации в СССР, который использовали Китайская народная республика и другие развивающиеся страны.

Во втором случае, можно указать на попытки США отказаться от ввоза более эффективных российских ракетных двигателей и перейти на собственное производство такой продукции под предлогом обеспечения национальной безопасности. Организация собственного производства ранее закупаемых товаров требует значительных первоначальных затрат, которые затем окупаются за счет увеличения производства продукции с более высокой долей добавленной стоимости.

Необходимость все более полного удовлетворения постоянно возрастающих неограниченных общественных потребностей в условиях конкурентной борьбы требует, чтобы затраты в расчете на единицу удовлетворения этих потребностей постоянно снижались. Поэтому следует стимулировать объем создаваемой в стране добавленной стоимости. Российский таможенный тариф, введенный в начале 1990-х годов создавал преимущества на внутреннем рынке импортным товарам, в результате чего резко сократилось производство машин, оборудования, электроники. Во многих случаях производство техники с полным технологическим циклом было заменено сборочным производством с выполнением простых технологических операций. Промышленное производство, в том числе добывающие отрасли, аграрно-промышленный комплекс был поставлен в зависимость от иностранных технологий и оборудования.

Экономические реформы 1992 года стали, по существу, завершением цикла преобразований экономического механизма в СССР, к недостаткам которого относилась невосприимчивость к научно-техническому прогрессу, к повышению качества продукции и улучшению эстетических свойств, их соответствия потребностям покупателя.

В определенной степени это было связано с ускоренной индустриализацией страны, что было совершенно необходимо. Индустриализация должна была быть проведена в короткие сроки, что обусловливалось геополитическими условиями. Это потребовало ускоренного развития производств, средств производства, что привело к недостаточному производству предметов потребления и удовлетворения потребностей населения.

На фоне сбалансированных экономик западных стран это выглядело существенным недостатком экономического механизма СССР, что использовалось в конкурентной борьбе против России западными странами. В результате в 1965 году была начата реформа экономического механизма на основе стимулирования работы предприятий за счет

[1] Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

увеличения прибыли, а не за счет роста объема производства и снижения затрат. Однако такой подход не решал проблему диспропорций в экономике СССР, а приводил к более быстрому росту цен по сравнению с удовлетворением потребностей общества.

В условиях усилившейся диспропорции в развитии экономики и удовлетворении общественных потребностей в 1992 году было решено провести углубление экономических реформ за счёт либерализации экономических отношений между хозяйствующими субъектами, а в последующем между ними и населением и государством.

Однако эти меры ни в какой степени не соответствовали состоянию экономики, но отвечали интересам западных стран в конкурентной борьбе против России. Либерализация цен и открытие внешнеторговых границ, беспошлинная торговля быстро привели к развалу обрабатывающей промышленности и обмену сырья на импортное оборудование, предметы потребления и продовольствия.

В этой ситуации научно-технический потенциал оказался не нужным и быстро деградировал при отсутствии поддержки со стороны государства. Развивались ложные экономические идеи, что Россия может успешно существовать как экспортер топливно-сырьевых товаров и потребитель более эффективных, чем отечественные, зарубежных товаров и технологий.

Однако технологическая зависимость России скоро была использована западными странами в конкурентной борьбе против России введением различного ряда санкций на доступ к западным технологиям и оборудованию, вытеснению России с энергетических и сырьевых рынков, что может привести к быстрому экономическому кризису в России.

В этих условиях получили развитие идеи импортозамещения, организации собственного производства продукции взамен импортной. Однако идея импортозамещения подается как задача производства предприятиями, в некоторых случаях при финансовой поддержке государства, сразу конкурентоспособной на мировых рынках продукции. Производство такой продукции может быть организовано только в единичных случаях при наличии соответствующих научно-технических разработок, в то время как при существующей импортной зависимости требуется массовый переход на производство собственного оборудования.

Это может быть осуществлено только при коренном пересмотре внешнеторговой политики в Евразийском экономическом союзе, существенной корректировке таможенного тарифа в сторону обеспечения равновыгодности реализации на внутреннем рынке продукции собственного производства и импортной продукции.

Однако в этом направлении никаких мер не принимается. Страны ЕАЭС выполняют принятые на себя в рамках Всемирной торговой организации обязательства по снижению ставок таможенного тарифа. По существу, такое снижение ставок никакого воздействия на производство и импорт не оказывает, поскольку таможенный тариф занижен в несколько раз и создает преимущество на внутреннем рынке для импортной продукции.

Например, при действующей ставке таможенного тарифа ЕАЭС на экскаваторы 5%, расчетная ставка, обеспечивающая равновыгодность использования импортного и отечественного экскаватора должна быть на уровне от 16 до 46%[1]. В таблице 1 показано соотношение внутренних цен бульдозеров, экскаваторов, погрузчиков и импортной стоимости этой продукции при средневзвешенной тарифной ставке и ставке, обеспечивающей их равновыгодность для потребителя.

Таблица 1

Соотношение цен производителя на внутреннем рынке и расчетной стоимости при импорте бульдозеров, экскаваторов, погрузчиков[2]

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Курс доллара по годам	24,86	31,83	30,36	29,39	31,08	31,85	38,61	61,07
Цена бульдозеров на внутреннем рынке, руб. за штуку	2 876 612	3 151 488	3 087 559	2 904 600	3 411 396	2 899 802	3 437 731	3 381 753
Цена экскаваторов на внутреннем рынке, руб. за штуку	3 800 646	1 645 400	5866 382	10 251 664	3 830 334	6 118 933	12 449 119	6 718 161
Цена погрузчиков на внутреннем рынке, руб. за штуку	80 544	59 237	76 430	81 369	74 536	78 386	82 983	101 017
Расчетная стоимость при импорте по товарной позиции 8429, учитывающая начисленную пошлину по средней ставке, рублей за шт.	2 223 847	4 013 333	2 998 712	1 835 956	2 951 534	2 454 297	2 765 586	4 726 062
Расчетная стоимость при импорте по товарной позиции 8429, учитывающая начисленную пошлину по ставке 20%	2 541 539	4 586 667	3 427 100	2 098 235	3 373 181	2 804 911	3 160 669	5 401 214

В условиях значительного занижения ставки таможенной пошлины импортозамещение по этой продукции невозможно реализовать в массовом порядке. Импортозамещение выгодно для страны, когда производится не только продукция конкурентоспособная на мировом рынке и замещающая уже реализуемую там продукцию, но и вытесняющая импортную продукцию с внутреннего рынка под защитой таможенных пошлин, что невозможно сделать, следуя обязательствам ВТО. Всемирная торговая организация находится в критической ситуации из-за накопившихся в ней

[1] Романенко А.А. Таможенное регулирование ввоза дорожно-строительной техники на территорию Таможенного союза: монография / А.А. Романенко, В.Е. Новиков. – М.: Российская таможенная академия, 2011. – 82 с.

[2] Рассчитано авторами на основании источников [7, 8].

противоречий между странами, вследствие проводимой в ней торговой политики, не вытекающей из экономической теории, а отвечающей интересам развитых стран, поэтому Россия должна выйти из этой организации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации предусматривается обеспечение устойчивости по макроэкономической ситуации, стимулирование темпов экономического роста, а также развитие рационального импортозамещения, снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции, ускоренное развитие агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности[1].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года определены цели политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В частности, ставятся цели повышения устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз, обеспечение темпов роста экономики и повышение ее конкурентоспособности, рост научно-технического потенциала, развития экономики. Достижение этих целей должно привести к укреплению экономического суверенитета страны[2].

России нужно срочно менять свою внешнеэкономическую политику, исходя из реальной экономической теории и учета своих интересов. Только реальный, а не мнимый переход на импортозамещение позволит России сохранить экономическую, а вместе с ней и политическую самостоятельность.

Список литературы и источников

1. Киреев А.П. Международная экономика. В 2-х ч. Ч. 1 Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. Учебное пособие для вузов. – М.: Международные отношения, 2002. – 416 с.
2. Новиков В.Е.Взаимодействие цен и таможенных пошлин в государственном регулировании экономики // Вестник Российской таможенной академии. – М., 2014. – № 3. – С. 16–24.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
4. Романенко А.А. Таможенное регулирование ввоза дорожно-строительной техники на территорию Таможенного союза: монография / А.А. Романенко, В.Е. Новиков. – М.: Российская таможенная академия, 2011. – 120 с.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
7. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
8. Россия в цифрах: Краткий статистический сборник за 2004–2015 годы / Росстат.
9. Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» за 2004–2015 годы.

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683.

[2] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н.,
директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана,
профессор МФТИ
prof-orlov@mail.ru

СОЛИДАРНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА – БАЗОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ XXI ВЕКА

Ключевые слова: *управление хозяйством, экономическая теория, Аристотель, солидарная информационная экономика, рыночная экономика, информационные технологии, теория принятия решений.*

Keywords: *property management, the economic theory, Aristotle, solidary information economy, market economy, information technology, decision theory.*

Десять лет назад мы начали разработку новой экономической теории – солидарной информационной экономики. В этой статье, подводя промежуточные итоги, констатируем: солидарная информационная экономика должна заменить рыночную экономику в качестве базовой экономической теории. Заменить как при преподавании, так и в качестве основы конкретных экономических и управленческих разработок.

Широко применяемые понятия «цифровая экономика», «информационно-коммуникационный менеджмент», «информационная экономика», «инновационная экономика», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» и др. близки понятию «экономика знаний»[1]. Можно выявлять различия между этими понятиями, но проще признать их синонимами, что мы и сделаем.

Первая Интернет-публикация по солидарной экономической теории сделана 11 июня 2007 г.[2]. Она породила развернутый Интернет-ресурс. На 06.01.2018 этот ресурс содержит 145 материалов и просмотрен более 143,5 тыс. раз, что свидетельствует об интересе специалистов. За 10 лет по новой теории (вначале мы ее называли неформальной информационной экономикой будущего, а также функционалистско-органической (солидарной) информационной экономикой) выпущено более 50 публикаций[3], из которых сошлемся на две статьи[4].

1. О термине «экономическая теория»

Начнем с обсуждения терминов. Слово «экономика» имеет два основных значения – хозяйственная деятельность и наука об этой деятельности. Можно было бы говорить «экономика» и «экономическая наука» подобно тому, как используются пары терминов «педагогика» и «педагогическая наука», «медицина» и «медицинская наука». Во всех трех случаях в связи с ростом научного знания обычно используют множественное число: «экономические науки», «педагогические науки», «медицинские науки». Среди экономических наук выделяют основную, базовую, наиболее общую и называют ее «экономической теорией».

Обсудим содержание понятия «экономическая теория». В этой области накопилось много заблуждений, поэтому необходим их критический анализ и выработка научно обоснованных рекомендаций.

В учебных курсах, рассказывающих о развитии экономических учений, первым экономистом в истории науки называют Аристотеля. Согласно его определению, экономика – наука о разумном ведении хозяйства, о деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, т.е. на производство и приобретение благ для дома и государства.

С целью принизить значение Аристотеля иногда утверждают, что он занимался домоводством (писал о ведении домашнего хозяйства). Те, кто так утверждают, рассчитывают, что их читатели не знакомы с сочинениями Аристотеля (хотя они изданы и в переводе на русский язык). На самом же деле Аристотель писал обо всех основных видах хозяйствующих субъектов. Среди них – предприятие (как сельскохозяйственное, так и производство в городе), город (полис), регион (сатрапия), государство (империя).

---

[1] Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. – М., 2003. – Т. 73, № 5. – С. 450–460.

[2] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=570

[3] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=951

[4] Orlov A.I. Functionalist-Organic Information Economy – the Organizational-Economic Theory of Innovation Development // Biocosmology – neo-Aristotelism (Биокосмология – нео-Аристотелизм). 2013. – Vol. 3, N 1. – P. 52–59; Орлов А.И. О развитии солидарной информационной экономики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 121. – С. 262–291.

По мнению Аристотеля, противоестественной является хрематистика, т.е. деятельность, направленная на приобретение выгоды, извлечение прибыли, на накопление богатства. Аристотель резко противопоставлял экономику хрематистике. Он развивал экономическую теорию как основу деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, и резко критиковал хрематистику как антиобщественную (преступную) деятельность.

В настоящее время понимание экономической теории извращено по сравнению с трудами Аристотеля. Именно с этим связано желание умалить значение работ Аристотеля.

Приведем обширную цитату из известного учебника Самуэльсона[1], содержащую некоторые из популярных определений этого понятия:

«1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми.

2. Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов (земля, труд, товары производственного назначения, например машины, и технические знания) для производства различных товаров (таких, как пшеница, говядина, пальто, концерты, дороги и яхты) и распределения их между членами общества в целях потребления.

3. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств.

4. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства.

5. Экономическая теория есть наука о богатстве».

Наблюдаем много извращений по сравнению с формулировками Аристотеля. Главное из них состоит в том, что вместо ведения хозяйства акцент перенесен на второстепенные стороны хозяйственной деятельности – обмен, денежные сделки, «редкие» ресурсы, богатство и т.п.

Определению экономики по Аристотелю соответствуют такие современные научные и учебные дисциплины, как менеджмент, экономика предприятия, организация производства. В настоящее время эти дисциплины находятся среди экономических наук, но на вторых ролях. А на первое место вышла современная хрематистика – финансы и кредит, банковское дело, анализ курсов акций и валют, рынки ценных бумаг и т.п., направленные на приобретение выгоды, извлечение прибыли, на накопление богатства.

Необходимо освободить экономическую теорию от извращений хрематистики, развивать, излагать и применять ее в практической работе в соответствии с Аристотелем как науку о деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей. Определению Аристотеля на современном этапе соответствует солидарная информационная экономика. Она и должна заменить рыночную экономику.

2. Рыночные извращения в экономической теории

В современной России распространено представление о том, что экономическая теория – это теория рыночной экономики. Под таковой имеется в виду система ведения хозяйства, основанная на принципах свободного предпринимательства, многообразия форм собственности на средства производства, рыночного ценообразования, договорных отношений между хозяйствующими субъектами, ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность субъектов. Это система ведения хозяйства, в которой только решения самих покупателей, поставщиков товаров и услуг определяют структуру распределения.

Приведем несколько типовых формулировок. Давать точные ссылки на источники нет необходимости, поскольку подобными формулировками буквально кишат разнообразные литературные и электронные источники.

Обычно отмечают, что рыночная экономика основана на принципах:

- свободного предпринимательства;
- многообразия форм собственности на средства производства;
- рыночного ценообразования;
- договорных отношений между хозяйствующими субъектами (людьми, предприятиями и т.д.);
- ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность.

Согласно другому источнику основные черты рыночной экономики таковы:

- наличие различных видов конкуренции;
- многообразие форм собственности (личной, частной, коллективной, государственной, общинной);
- полная административная независимость и самостоятельность хозяйствующего субъекта, занимающегося производством товаров и услуг (поскольку товаропроизводитель должен быть собственником результатов своего труда);
- свободный выбор поставщиков сырья и покупателей продукции;
- ориентированный на покупателя рынок.

Иногда полагают, что рыночная экономика обладает следующими свойствами:

- рыночное ценообразование не предполагает какого-либо вмешательства государства;
- любое вмешательство государства в экономику является ограниченным.

Одним из достижений рыночной экономики принято называть равные возможности хозяйствующих субъектов.

[1] Самуэльсон П. Экономика. Т.1. – М. : НПО «Алгон» ВНИИСИ, 1992 . – 331 с.

И еще:

Рыночная экономика — социально-экономическая система, развивающаяся на основе частной собственности и товарно-денежных отношений. Рыночная экономика опирается на принципы свободы предпринимательства и выбора.

Рыночная экономика — экономика, организованная на основе рыночной саморегуляции, при которой координация действий участников осуществляется государством, а именно законодательной и судебной властью непосредственно, а исполнительной только опосредованно, путем введения различных налогов, сборов, льгот и т. п. Это экономика, в которой только решения самих покупателей, поставщиков товаров и услуг определяют структуру распределения.

С позиции истории бизнеса **рыночная экономика** — экономическая система, направляемая и регулируемая механизмом стихийных рыночных трансакций в институциональной среде и при господстве соответствующих институтов.

По мнению многих экономистов, «рынок», под которым принято понимать систему хозяйствования, основанную на свободе договора, ценообразования по закону спроса и предложения и встречном обороте денежной массы (то есть товарно-денежную рыночную систему), представляет собой не более чем одну из исторически обусловленных и исторически приходящих форм товарообмена и товарораспределения.

Так, по оценке американского экономиста и теоретика менеджмента П. Друкера, 1873 г. – «конец эры либерализма – конец целого столетия, на протяжении которого политическим кредо была политика невмешательства в экономику»[1].

Приведем два примера неадекватности основных положений рыночной экономики.

3. Динамика роли государств в национальных экономиках

В настоящее время российское руководство и в целом поддерживающие его политику средства массовой информации (СМИ) пропагандируют необходимость сокращения участия государства в экономике. Как следствие, идут разнообразные «реформы», проводится приватизация государственных предприятий, структур и функций, уменьшаются налоги и т.п. Нобелевские лауреаты по экономике говорят[2] противоположное – роль государства должна возрастать. Посмотрим, что происходило в различных странах на протяжении последнего столетия. В качестве индикатора возьмем величину государственных расходов, выраженную в процентах от величины валового внутреннего продукта (ВВП). С достаточной степенью точности его можно назвать долей государственного бюджета в валовом внутреннем продукте (пренебрегая разницей между доходной и расходной частями государственного бюджета). Этот индикатор измеряет роль государства в экономике. В соответствии с известным разложением Дж. Кейнса для ВВП возможные значения для него – от 0 до 100%. Чем больше рассматриваемый индикатор, то значительнее роль государства в национальной экономике. В табл.1 приведены данные Международного валютного фонда для 11 наиболее экономически развитых зарубежных стран.

Таблица 1

Государственные расходы (расходная часть бюджета) в процентах от ВВП

№ п/п	Страна	1870 г.	1913 г.	1960 г.	1998 г.
1	Швеция	5,7	10,4	31,1	58,5
2	Франция	12,6	17,0	34,6	54,3
3	Бельгия	-	13,6	30,3	49,4
4	Италия	11,9	11,1	30,1	49,1
5.	Нидерланды	9,1	9,0	33,7	47,2
6	Германия	–	14,8	32,4	46,9
7	Норвегия	5,9	9,3	29,9	46,9
8	Великобритания	–	12,7	32,2	40,2
9	Япония	–	8,3	17,5	36,9
10	Австралия	18,3	16,5	21,2	32,9
11	США	7,3	7,5	27,0	32,8
12	Среднее по 11 странам	10,1*	11,8	29,1	45,0
13	Россия		11,5	74,0	19,8

*Примечани*е. * За 1870 г. – среднее арифметическое по 7 странам.

Данные табл.1 весьма красноречивы. Во всех одиннадцати странах в XX в. наблюдается значительный рост роли государства в экономике. К концу века она составляет от 1/3 (США) до 1/2 или более (58,5% – Швеция, 54,3% – Франция, 49,4% – Бельгия, 49,1% – Италия, и т.д.). В то же время с 1870 г. по 1913 г. индикатор увеличился в среднем незначительно – на 1,7%, а по отдельным странам уменьшился.

[1] Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении: Пер. с англ. – М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.

[2] Орлов А.И., Орлов А.А. Нобелевские лауреаты – за государственное регулирование экономики // Обозреватель-Observer. – М., 1998. – № 1 (96). – С. 44–46. Перепечатано в кн.: Современная политическая история России (1985–1998), т. 1. Хроника и аналитика. – М.: Духовное наследие – РАУ-Корпорация, 1999. – С. 909–911.

Для России рассматриваемый индикатор вел себя совершенно иначе. В 1913 г. Россия занимала одно из средних мест среди рассмотренных. Затем индикатор значительно вырос и в послевоенные годы достиг 74%. В 1960 г. это было более чем в два раза больше, чем в среднем по 11 странам. К концу XX в. ряд стран (Швеция, Франция) приблизился к тому уровню контроля государства над экономикой, какой был в СССР. Зато в России произошел откат на уровень 1913 г. В настоящее время роль российского государства в национальной экономике почти в два раза меньше, чем американского, и в три раза меньше, чем французского.

В терминах теории управления можно сказать так. В послевоенном СССР наблюдался излишне жесткий контроль государства за экономикой (было опережение других стран на полвека). С целью возвращения в «основное русло» было признано необходимым уменьшить роль государства в экономике. Было бы естественно перейти куда-нибудь между Францией и Германией, т.е. уменьшить долю государственных расходов с 74% ВВП до примерно 50% ВВП. Однако произошла весьма большая перерегулировка, и Россия очутилась по рассматриваемому индикатору далеко ниже всех рассматриваемых стран. Если раньше отклонение составляло +15,5% от ближайшей страны (Швеции), то теперь оно составляет (–13,0%) по сравнению с США, т.е. влияние государства на экономику в России меньше почти в 2 раза, чем аналогичное влияние в США.

Если считать, что развитие экономики в рассматриваемых одиннадцати странах идет «нормально», то для выхода из кризиса в нашей стране необходимо увеличить роль государства в экономике в 2–3 раза[1].

4. Государственные предприятия эффективнее частных

К настоящему времени имеется огромное количество книг, статей, ресурсов Интернета, связанных с поисками оптимального управления теми или иными экономическими системами. Среди обсуждаемых вопросов, например, такой: «Какие предприятия работают более эффективно – государственные или частные?»

Частные предприятия хвалят за возможность развертывания личной инициативы, быстроту реакции на изменение рыночной среды. Критикуют их за несогласованность действий, излишнюю трату ресурсов, а также за высокую вероятность различных противоправных и противообщественных действий. Государственные предприятия критикуют за неповоротливость, вызванную бюрократизмом управления, а хвалят за законопослушность. На основе словесного обсуждения нельзя сделать однозначного вывода. Обратимся к статистике.

В табл. 2 приведены статистические данные Европейского Союза на конец 1995 г.[2] На конец 1995 г. для каждой страны и для Европейского Союза в целом указаны доля занятых в государственном секторе (в процентах от всех занятых в стране) и доля госсектора в создании добавленной стоимости (в процентах от валового внутреннего продукта). В последнем столбце указана эффективность госсектора в странах Европейского Союза относительно предприятий и организаций других форм собственности. Она получена путем деления второй из этих долей на первую. Страны упорядочены в порядке убывания валового внутреннего продукта. Из данных табл. 2 видно, что производительность труда (объем созданной добавленной стоимости на одного работающего) в госсекторе выше, чем на частных предприятиях. Это утверждение справедливо для Европейского Союза в целом и для всех его стран по отдельности, кроме одной – Бельгии.

Таблица 2

Эффективность госсектора в странах Европейского Союза

Страна	Доля занятых в госсекторе	Доля госсектора в добавленной стоимости	Относительная эффективность госсектора
Германия	8,0	10,0	1,25
Франция	11,9	14,2	1,19
Италия	11,5	13,0	1,13
Великобритания	2,3	2,6	1,13
Испания	6,0	7,2	1,20
Швеция	11,4	13,3	1,17
Австрия	10,0	14,0	1,40
Бельгия	9,7	8,6	0,89
Греция	12,0	14,0	1,17
Финляндия	14,7	19,0	1,29
Португалия	6,0	13,1	2,18
Нидерланды	3,4	6,0	1,76
Дания	7,8	8,0	1,03
Ирландия	9,3	11,0	1,18
Люксембург	5,6	6,3	1,13
Европейский Союз	8,0	9,7	1,21

Итак, согласно мировому опыту экономическая эффективность государственных предприятий выше, чем у частных. Одна из причин состоит в том, что зарубежные государства предпочитают оставлять у себя (или национализировать) высокоэффективные предприятия и избавляться от малоэффективных и убыточных, приватизируя их.

[1] Орлов А.И. Теория принятия решений. Учебник для вузов. — М.: Экзамен, 2006. — 576 с.

[2] Абрамов Ю.А. В поисках баланса интересов и ресурсов // Космос в фокусе политики, экономики, культуры / Научн. ред. Л.В. Голованов. – М.: Новости космонавтики, 2002. – С.92-101.

5. Вперед к Аристотелю: от рыночной экономики к солидарной информационной экономике

Итак, рыночная экономика осталась в XIX веке. А началась она в XVIII веке. До этого времени правители обычно действовали в соответствии с теорией Аристотеля, командуя хозяйственной жизнью в своих странах. Рыночная экономика – временный зигзаг в развитии экономической теории, соответствующий историческому периоду, когда буржуазия вышла на первый план, победив монархии и оттеснив государственные органы управления на второй план. Но в XX в. государства вернули себе первенство.

Основное течение (мейнстрим) современной **экономической науки** – обоснование несостоятельности рыночной экономики и необходимости перехода к плановой системе управления хозяйством. В условиях России это означает, в частности, переход государства к непосредственному управлению экономикой, воссоздание Госплана и отраслевых министерств.

Согласно А. Файолю первая из пяти функций менеджмента – прогнозирование и планирование[1]. Предприятия и корпорации работают по планам – стратегическим и оперативным, долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным. Удивительно, что перенос идеи планирования с корпорации на государство вызывает сопротивление некоторых лиц, по недоразумению именующих себя «экономистами».

Внедрение в России в начале 1990-х годов в массовое сознание, в преподавание и практику государственного управления мысли о необходимости и перспективности рыночной экономики – результат успешной операции геополитических противников в информационной войне. Таким образом были разрушены конкурентные преимущества экономики СССР, прежде всего централизованное управление.

При развитии экономической теории необходимо избавиться от рыночных извращений и двигаться вперед, руководствуясь идеями Аристотеля, которые не только не устарели, но являются более современными, чем рассуждения о пользе рынка. Таким образом, солидарная информационная экономика должна заменить рыночную экономику.

В рамках мейнстрима плановой экономики имеются различные системы взглядов. Они должны быть проанализированы и при положительном заключении экспертизы – применяться для управления народным хозяйством. В частности, мы полагаем, что современные модели и методы управления промышленными предприятиями и коммерческими компаниями должны учитывать разрабатываемое в Институте проблем управления РАН новое направление в менеджменте, известное как «Умное управление». Оно предполагает использование современных механизмов управления организационными системами (механизмов прогнозирования и планирования, организации, стимулирования (мотивации), координации и контроля) как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне региона, страны и международных отношений.

Как сказано на сайте разработчиков проекта «Умное управление»[2], «одна из ключевых тенденций XXI века – появление первых примет наступления эпохи «умной» экономики, экономики знаний. Она заставляет пересмотреть место человека в контуре управления. Из факторов производства (наряду с трудом и капиталом) человека «повысили» до уровня нематериального «актива», обладающего рациональным экономическим поведением со способностью к саморегулированию и саморазвитию.

Чем же отличается управление человеком, коллективом от управления самым сложным техническим объектом? Отличий, безусловно, много, но можно выделить основные, порожденные спецификой человека как объекта управления – его активностью.

Первое отличие – это способность человека к самостоятельному целеполаганию.

Второе – способность самостоятельно выбирать действия, в частности – сознательно искажать информацию (если это ему выгодно) и/или не выполнять планы, опять же если это ему выгодно.

Третье отличие – способность к рефлексии относительно собственной деятельности и деятельности других субъектов, в том числе – возможность прогнозирования их поведения.

В современном менеджменте остро ощущается необходимость перехода от несистематизированного и подавляющего своим объемом набора «лучших практик» к комплексу инструментов управления.

Целью проекта «Умное управление» является разработка научного подхода к конструированию таких инструментов – механизмов управления – учитывающих активность сотрудников, на основе теоретического анализа (теории активных систем) и обобщения передового опыта участников проекта.

Технологии управления должны опираться на систематическое использование теории принятия решений[3], в том числе экспертных технологий[4].

Солидарная информационная экономика (СИЭ) – разрабатываемая нами базовая организационно-экономическая теория[5], предназначенная для замены устаревшей «рыночной экономики». СИЭ – функционалистско-органическая информационная экономика, опирающаяся на взгляды Аристотеля[6]. СИЭ можно соотносить с научным направлением

---

[1] Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 475 с.

[2] http://www.mtas.ru/about/smartman

[3] Орлов А.И. Теория принятия решений. Учебник для вузов. – М.: Экзамен, 2006. – 576 с.

[4] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование: учебник в 3 ч. Ч. 2. Экспертные оценки. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. – 486 с.

[5] Орлов А.И. Освободить экономическую теорию от извращений // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 82–87.

[6] Orlov A.I. Functionalist-Organic Information Economy – the Organizational-Economic Theory of Innovation Development // Biocosmology – neo-Aristotelism (Биокосмология – нео-Аристотелизм). 2013. – Vol. 3. – N 1. – P. 52–59.

«Умное управление». Обширная разработанная нами базовая организационно-экономическая теория достаточно подробно рассмотрена в предыдущих публикациях, поэтому в настоящей работе ограничимся отдельными замечаниями.

Итак, теория управления людьми (менеджмент) бурно развивается. Кроме СИЭ и идеи «умного управления», необходимо использовать широко известные современные технологии управления, объединенные термином «контроллинг». Введением в эту область является учебник[1].

6. Экономика – часть менеджмента

В западных учебниках со «Школы научного управления» начинается изложение менеджмента. Однако «Школа научного управления» основана на «русской системе обучения ремеслам», разработанной в Императорском Московском Техническом Училище (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана). Констатируем присвоение интеллектуальной собственности[2].

Место и время рождения современного менеджмента – Москва, 60–70-е годы XIX в. Вполне естественно, что современная базовая организационно-экономическая теория – СИЭ – также создана в МГТУ им. Н.Э. Баумана. Отметим, что центральная часть экономики – это экономика предприятия (организации), другими словами, инженерная экономика, а отнюдь не макроэкономика.

Общепризнано, что управленческие решения необходимо принимать на основе всей совокупности социальных, технологических, экономических, экологических, политических факторов. Итак, экономика – часть менеджмента как науки об управлении людьми.

Согласно СИЭ информационные технологии и теория принятия решений позволяют построить информационно-коммуникационную систему, предназначенную для выявления потребностей и организации производства с целью их удовлетворения. Для реализации этой возможности необходима лишь воля руководства хозяйственной единицей, нацеленная на преобразование ее системы управления. В частности, как и происходит в развитых и развивающихся странах, российское государство должно стать основным действующим лицом в экономике.

Общая схема принятия решений в солидарной информационной экономике проста: целеполагание – планирование – выполнение планов – анализ результатов – целеполагание. Ключевым этапом является целеполагание. Необходимо сформировать цели, которые общество желает достигнуть (включая набор показателей и их целевых значений). Этот этап нельзя полностью формализовать, хотя использование разнообразных инструментов теории принятия решений полезно. Прохождение трех остальных этапов не представляет принципиальных трудностей, поскольку необходимые для этого организационно-экономические методы достаточно хорошо разработаны.

7. Предшественники и прикладные работы

Основные предшественники СИЭ – Аристотель, В.М. Глушков, Ст. Бир[3]. Многие исследователи высказывали схожие мысли[4]. В том числе Ф. Бекон, Г. Форд, К. Поланьи. Подробный анализ работ предшественников проведен в наших публикациях, посвященных СИЭ, в том числе в указанных выше в настоящей статье.

В рамках плановой системы можно смоделировать любые рыночные отношения, а потому плановое хозяйство заведомо не менее эффективно, чем рыночное. Шотландские экономисты В. Пол Кокшотт и Аллин Ф. Коттрелл убедительно продемонстрировали[5] теоретическую возможность организации производства с целью непосредственного удовлетворения потребностей в масштабах страны или человечества в целом. Для расчетов управленческих решений мощностей стандартных современных компьютеров вполне достаточно. Следовательно, критика планового хозяйства Хайеком в современных условиях несостоятельна.

Важна концепция «контроллинга методов»[6]. Инновации в сфере управления основаны, в частности, на использовании новых адекватных организационно-экономических методов. Контроллинг в этой области – это разработка процедур управления соответствием используемых и вновь создаваемых (внедряемых) организационно-экономических методов поставленным задачам. В деятельности управленческих структур выделяем используемые ими организационно-экономические методы и рассматриваем их с точки зрения влияния на эффективность (в широком смысле) процессов управления предприятиями и организациями. Если речь идет о новых методах (для данной организации), то

---

[1] Контроллинг. Учебник / А.М. Карминский, С.Г. Фалько, А.А. Жевага, Н.Ю. Иванова; под ред. А.М. Карминского, С.Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.

[2] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование, эконометрика и статистика в техническом университете. – Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Естественные науки». – М., 2012. – № 1. – С. 106–118.

[3] Орлов А.И. Вперед к Аристотелю: освободить экономическую теорию от извращений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – № 3 (127). – С. 478–500.

[4] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=570

[5] Cockshott W.P., Cottrell A.F. Information and Economics: A Critique of Hayek. – http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/socialism_book/hayek_critique.pdf

[6] Орлов А.И. Контроллинг организационно-экономических методов // Контроллинг. 2008. – № 4 (28). – С. 12–18; Орлов А.И. Новая область контроллинга – контроллинг организационно-экономических методов // Научный журнал КубГАУ. – Краснодар, 2014. – № 99. – С. 1126–1137.

их разработка и внедрение – организационная (управленческая) инновация, соответственно контроллинг организационно-экономических методов можно рассматривать как часть контроллинга инноваций[1].

Пример применения концепции «контроллинга методов»– система контроллинга методов управления безопасностью полетов. Речь идет об инновационном проекте по разработке АСППАП – автоматизированной системы прогнозирования и предотвращения авиационных происшествий (стоимость разработки – 180 млн. руб.). Разработана система организационно-экономических методов и программ поддержки принятия управленческих решений в области управления безопасностью полетов, весьма важной для авиации. Эта система играет роль службы контроллинга, снабжая руководителей, отвечающих за безопасность полетов, правилами принятия решений и проектами решений в конкретных ситуациях. Разработка АСППАП выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Постановления Правительства РФ № 218[2].

Представляет интерес анализ практики управленческой работы в Группе авиакомпаний (ГрК) «Волга-Днепр». ГрК – мировой монополист в области нестандартных грузоперевозок. Самолеты АН-124 «Руслан» – самые мощные в мире. Практика нашей управленческой работы в ГрК «Волга-Днепр» демонстрирует главенство менеджмента над экономикой, в частности, большое значение экспертных технологий. За 2011-2012 гг. в ГрК «Волга-Днепр» в ходе разработки АСППАП под нашим руководством проведено около 400 экспертиз, собрано и обработано около 20 000 экспертных оценок.

Весьма многие авторы высказывали взгляды, аналогичные положениям солидарной информационной экономики. Внутри этого движения выделим наш вклад в экономическую теорию. Применительно к СИЭ он состоит в разработке теории принятия решений как инструментария СИЭ, в частности, методов сбора и анализа экспертных оценок для выявления и согласования потребностей. За подробностями отсылаем к многочисленным статьям и тезисам (Орлов, 2011)

8. Выводы

Освободить экономическую теорию от извращений – это значит избавиться от «рыночной экономики» и вернуться к взглядам Аристотеля, которым в сегодняшней ситуации соответствует солидарная информационная экономика (с точки зрения биокосмологии – это функционалистско-органическая информационная экономика, опирающаяся на взгляды Аристотеля).

Не прибыль – основное, а удовлетворение потребностей. Необходимо менять психологические установки массы участников хозяйственной жизни.

Солидарная информационная экономика должна стать основой для принятия управленческих решений на всех уровнях – от предприятия до государства.

Преподавание экономической теории должно опираться на взгляды Аристотеля и солидарную информационную экономику.

[1] Фалько С.Г., Иванова Н.Ю. Управление нововведениями на высокотехнологичных предприятиях. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. – 256 с.

[2] Бутов А.А., Волков М.А., Макаров В.П., Орлов А.И., Шаров В.Д. Автоматизированная система прогнозирования и предотвращения авиационных происшествий при организации и производстве воздушных перевозок // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. – Т. 14, № 4(2). – С.380-385; Орлов А.И. О подходах к разработке организационно-экономического обеспечения решения задач управления в аэрокосмической отрасли // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар, 2014. – № 99. – С. 73–100.

Платонова Т.Е.
к.э.н. доцент МГИМО

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ АПК РОССИИ

Ключевые слова*: сельское хозяйство, инновации, инвестиции, международное сотрудничество России и зарубежных стран в сфере АПК, международный опыт инновационных решений в агропромышленном комплексе, опыт создания совместных предприятий.*

Keywords*: agriculture, innovation, investment, international cooperation of Russia and foreign countries in the field of agriculture, international experience of innovative solutions in the agricultural sector, experience of creation of joint ventures.*

Активизация инновационной деятельности в сельском хозяйстве развитых стран основывается на реализации законодательных рычагов и управленческих технологий, направленных на улучшение экономических, материально-технических, организационных, научных и социальных условий для повышения эффективности и конкурентоспособности национального агропромышленного комплекса.

На текущем этапе развития России возросло значение инновационных и инвестиционных параметров роста экономики в целом и отдельных ее отраслей. За последние 6 лет затраты на технологические инновации возросли с 400 403,8 млн. рублей (2010 г.) до 1284590,3 млн. рублей (2016 г.), т.е. более чем в 3,2 раза. Общий объем выпуска инновационных товаров, работ и услуг увеличился с 1243712,5 млн. рублей (2010 г.) до 4363321,7 млн. рублей (2016 г.), или в 3,5 раза[1].

Одной из отраслей экономики России, не имеющей пока значительных достижений в инновационной деятельности, является сельское хозяйство. В 2016 году инновационная активность организаций в этой сфере (удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году в общем числе обследованных организаций) составлял 4,0% по сравнению с 8,4% по этому показателю в целом по народному хозяйству. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составил в этой отрасли в 2016 году – 1,4%, по сравнению с 8,5% в целом по всем отраслям.

Однако на современном этапе развития сельского хозяйства в России можно отметить и ряд достижений в сфере инновационного развития этой отрасли.

Таблица 1

Затраты на технологические инновации в перерабатывающих отраслях АПК России, млн. руб.

Показатель	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г	2015 в % к 2010
Затраты на технологические инновации, всего	358 861,1	762 774,1	762 774,1	735 757,7	205,0
Затраты на технологические инновации в производстве пищевых продуктов	8760,9	29 974,3	25 864,4	20 143,0	229,9
исследования и разработки	736,4	4970,2	2080,6	2920,6	396,6
приобретение машин и оборудования	5744,9	21 393,6	16470,1	12 409,7	216,1
приобретение новых технологий	57,6	36,9	62,0	95,4	165,6
из них: права на патенты, лицензий	16,2	5,1	11,6	5,4	33,3
приобретение программных средств	266,9	47,1	27,2	48,0	18,0
производственное проектирование	584,4	1723,5	3587,6	1619,1	277,1
другие виды подготовки производства	1085,0	696,7	383,9	1290	118,9
обучение и подготовка персонала	9,7	25,2	12,8	17,4	179,4
маркетинговые исследования	132,8	191,7	178,3	129,1	97,2
прочие затраты	143,1	889,1	3061,9	1613,5	в 11 раз

Источник: рассчитано автором по данным российского статистического ежегодника.

Данные таблицы 1 показывают, что по последним статистическим данным в 2015 году затраты на технологические инновации в целом по экономике РФ увеличились по сравнению с 2010 годом в 2,05 раза, при этом затраты на инновации в производстве пищевых продуктов выросли в 2,29 раза. Наиболее быстро выросли затраты на исследования и разработки, приобретение машин и оборудования, производственное проектирование и обучение и подготовку персонала.

Однако в последние два года рост затрат на технологические инновации в сфере производства пищевых продуктов замедлился, в 2015 году этот показатель снизился по сравнению с 2013 годом на 32,8% или 9831,3 млн. рублей.

[1] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Большое значение для повышения инвестиционной привлекательности предприятий АПК и роста технической и технологической модернизации этой отрасли имеет реализация основных направлений Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

В соответствии с задачами этой программы в сельском хозяйстве РФ растут ассигнования, направленные на стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе.

Таблица 2

Объем инвестиций в основной капитал по сельскому хозяйству (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами)

	2016 год			*Справочно 2015 г. в % к итогу*
	Млрд. руб.	*В % к*		
		2015	итогу	
Всего	10 993,7	98,8	100	100
Из него Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	395.2	110,6	3,6	3,1

Источник: Специальный расширенный выпуск доклада «Социально-экономические показатели России в 2016 г.

Анализ данных табл. 2 показывает, что объем инвестиций в основной капитал по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству увеличился в 2016 году по сравнению с 2015 годом на 10,6% и составил 3,6% к общему итогу инвестиций в соотношении с 3,1% в 2015 годом.

Низкий уровень инновационного развития и инвестиционной привлекательности агропромышленного комплекса требует обоснованного подхода к использованию финансирования инновационных проектов с использованием международного опыта в этом направлении[1].

В современной аграрной экономике многих зарубежных стран используется совокупность методов и инструментов, для обеспечения эффективной инвестиционной политики. К ним относятся политические меры, поддерживающие экономическую стабильность и доверие к правовым и рыночным институтам; поддержка частных инвесторов, с принятием стимулов обеспечивающих баланс интересов инвесторов и общества; целевая направленность структурных изменений и рационального использования ресурсов в агропродовольственной системе[2].

Государство в развитых странах выступает крупным, а в развивающихся – основным инвестором в новые знания и технологии для аграрного сектора. Сельскохозяйственные научные исследования и разработки, финансируемые за счет бюджетных средств выполняются в большинстве стран в учреждениях высшего образования или национальных исследовательских агентствах, на которые приходится от 45 до 95% от общих затрат на сельскохозяйственную науку. В последние годы доля затрат на НИОКР по проблемам АПК, выполняемых в правительственных научных учреждениях и институтах высшего образования оставалась стабильной, например в США на уровне 45%, Чехии – около 70%.

В Китае инвестиции в сельскохозяйственные исследования существенно увеличились, в 1995–2000 гг. среднегодовые темпы роста государственных затрат на НИОКР по вопросам АПК составляли 5,5%, в 2001–2005 гг. – увеличились до 15%.

В Канаде реализуются специальные программы развития агропродовольственного сектора (Growing Forward), которые включают ряд подпрограмм. Например, в пятилетней федеральной программе Agri Innovation Program, принятой в 2013 году определены три основных направления, в которых обозначены разные условия финансирования в зависимости от стадии и участников инновационного процесса[3].

В настоящее время вопросы инновационного развития и разработки новых технологий сельскохозяйственного производства все активнее ставятся на повестку дня и в сотрудничестве государств-членов ЕАЭС (России, Казахстана Белоруссии, Армении и Киргизии).

В апреле 2014 года Президент Казахстана Н.А. Назарбаев озвучил инициативу о разработке программы Евразийского инновационно-технологического взаимодействия на период до 2025 года. Эта программа позволяет государствам ЕАЭС поставить общие цели и задачи в области инвестиций и инноваций на долгосрочную перспективу. В мае 2015 года Евразийский межправительственный совет (ЕМС) принял распоряжение № 11 «О формировании евразийских технологических платформ». В этом документе были сформулированы задачи государств-членов ЕАЭС по совместному использованию передовых национальных и мировых достижений НТП, мобилизации научного и производственного потенциала для решения задач по разработке инновационных технологий и внедрению их в производство.

Сотрудничество стран ЕАЭС развивается по многим направлениям АПК, в частности, по сельскохозяйственному машиностроению. Основным документом в этой сфере является решение № 4, принятое в мае 2015 года, «О созда-

[1] Афонина В.Е. Методы финансирования инвестиционного процесса в сельском хозяйстве // Научное обозрение, 2014. – № 7. – С. 411–415.

[2] Афонина В.Е. Платонова Т.Е. Василевская Н.С. Развитие малых форм хозяйствования в АПК России и вопросы выборочного обследования личных подсобных хозяйств // Региональная экономика и управление Электронный научный журнал. 2017. – № 3(51). – http://eee-region.ru/

[3] Методические положения по повышению инновационной привлекательности хозяйствующих субъектов АПК / Под ред. И.С. Санду, Н.Е. Рыженковой. – М.: Научный консультант, 2017. – 210 с.

нии условий для развития производства машин и оборудования для сельского хозяйства в государствах – членах ЕАЭС». На основании этого документа были разработаны и приняты нормативные документы по следующим вопросам:

– об организации производства аналогов, выпускаемых в других странах, комплектующих запчастей для сельскохозяйственного машиностроения;

– о повышении конкурентоспособности производимой сельхозтехники и о мерах по развитию экспорта машин и оборудования для АПК государствами-членами ЕАЭС на рынки третьих стран;

– о снижении импорта сельхозтехники и стимулировании процесса импортозамещения в этой отрасли.

Важнейшим направлением сотрудничества в сфере АПК является также решение проблем в сфере биотехнологий. В группу, занимающуюся этими вопросами, в настоящее время входят представители: НПЦ «Армбиотехнология» НАН Республики Армения, Института микробиологии НАН Беларуси, «Фарммединдустрии» Казахстана и НПП Атамекен» Кыргызстана, ОАО «Фармстандарта» и ЗАО «Биокад» России [8, с. 96]

В документе «Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии» № 14 от 8 июля 2015 года определены основные направления развития НИОКР в сфере агропромышленного комплекса до 2020 года:

1. Разработка и создание селекционного материала зерновых зернобобовых и других сельскохозяйственных культур с целью получения высокоурожайных сортов, адаптированных к климатическим и другим факторам риска в земледелии.

2. Разработка технологии получения и применения новых биологических средств защиты различных культур от болезней и вредителей.

3. Проведение работ по единой системе оценки племенной ценности и методов селекции племенных животных на основе биотехнологических подходов.

4. Разработка новых технологий и методов в сфере ветеринарии с использованием биологически активных веществ для терапии и профилактики болезней животных и птиц, повышения их резистентности к инфекционным и другим заболеваниям.

5. Разработка комплекса мер по обеспечению продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза и развитию механизмов развития общего аграрного рынка и межгосударственной кооперации в агропромышленном комплексе ЕАЭС.

6. Разработка ресурсо- и энергосберегающих технологий и оборудования для глубокой переработки сельскохозяйственных культур, молока и мяса.

7. Моделирование межгосударственных кластеров в целях развития общей системы агропромышленного комплекса и аграрного рынка в системе Евразийского экономического союза[1].

На сегодняшний день сельское хозяйство России является привлекательным направлением для иностранных компаний инвесторов. Об этом свидетельствуют различные инвестиционные проекты, реализуемые в последние годы.

Gruppo Corporativo Fuertes (Испания) и группа «Черкизово» создали СП по производству мяса в Тамбовской области, общей стоимостью 7,27 млрд. рублей мощностью 50 млн. т.

Hyundai Heavy Motors (Южная Корея) имеет в собственности в Приморском крае предприятие «HyundaiKhorolAgro» в с.Вознесенское, в котором на 5500 га выращивается кукуруза и соя и располагается молочно-товарная ферма.

RZ Agro LTD (Франция) в 2012 году создало предприятие совместно с АФК «Система», которое контролирует 99 тыс. га земли в Ростовской области и Ставропольском крае, где возделывают пшеницу, ячмень, подсолнечник, кукурузу и др. культуры.

TH TRUE Milk (Вьетнам) компания подписала соглашение о создании молочного кластера в Московской области. Начато строительство животноводческого комплекса на 46500 голов, объем первоначальных инвестиций 500 млн. долларов.

В сельском хозяйстве России на предприятиях с участием иностранного капитала занято в настоящее время более 55.8 тыс. человек, оборот данных организаций достиг в 2015 году 172 млрд. рублей, что в 5 раз больше уровня 2005 года, объем вложений в основной капитал организаций с участием иностранного капитала достиг 31 млрд. рублей[2].

Выводы

На современном этапе развития агропромышленного производства все более актуальными становятся проблемы ускорения научно-технического прогресса на основе инновационных процессов и эффективных инновационных разработок как в области фундаментальных исследований, так и в сфере распространения передового производственного опыта.

Как показывает международный опыт решения этих проблем, обеспечение глобальной продовольственной безопасности требует эффективного использования всех источников финансирования как государственных, так и частных инвестиций с целью эффективного и динамичного развития аграрного сектора. В большинстве развитых стран государственные органы предпринимают значительные усилия по росту национальных инвестиций в научные и прикладные исследования, что позволяет стимулировать активное привлечение в эту сферу частного капитала.

[1] Методические положения по повышению инновационной привлекательности хозяйствующих субъектов АПК / Под ред. И.С. Санду, Н.Е. Рыженковой. – М.: Научный консультант, 2017. – 210 с.

[2] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/

В международной практике используются различные методы государственной поддержки, направленной на различные категории объектов, включая образовательные учреждения, национальные исследовательские институты, крупные корпорации, малый и средний бизнес. В качестве инструментов этой поддержки используются бюджетное финансирование, предоставление налоговых льгот, выделение льготных государственных займов и кредитных гарантий, финансирование бизнес-инкубаторов, технопарков и других объектов.

В российской экономике достигнуты определенные успехи по повышению инвестиционного потенциала агропромышленного сектора. Вместе с тем, как показывает зарубежный опыт, необходимо усилить регулирующие и стимулирующие меры в этом направлении, такие как:

– обеспечение устойчивых темпов государственной поддержки аграрной науки в государственном секторе путем роста финансирования как фундаментальных научных исследований, так и создания новых форм организации научно-инновационной деятельности (венчурного финансирования, консультативных центров, учебно-производственных хозяйств, технопарков и т.д.);

– совершенствование законодательных и нормативно-правовых механизмов, способствующих правовому обеспечению инновационной и инвестиционной деятельности в АПК;

– повышение эффективности финансово-экономических механизмов реализации инновационных проектов в сельском хозяйстве (системы налогообложения, льготного кредитования, получения грантов, создания свободных экономических зон на базе научных центров и т.д.);

– расширение возможностей эффективного развития совместной инновационной деятельности и привлечения инвестиций на международном уровне как с государствами Евразийского экономического союза, так и с другими заинтересованными государствами.

Список литературы

1. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. – http://www.gosprog.ru/gp-razvitiya-selskogo-hozyaystva/
2. Доклад министра сельского хозяйства РФ А.Н. Ткачева «О ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». – http://government.ru/dep_news/27456/
3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. – http://mcx.ru/press-service/news/aleksandr-tkachev-predstavil-natsionalnyy-doklad-ob-itogakh-razvitiya-apk-v-2016-godu/
4. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/
5. Афонина В.Е. Методы финансирования инвестиционного процесса в сельском хозяйстве // Научное обозрение. 2014. – № 7. – С. 411–415.
6. Афонина В.Е. продовольственная безопасность и инвестиции в контексте вызовов современности // Науковедение. 2014. – № 4(23). – С. 1–10. – https://naukovedenie.ru/PDF/99EVN414
7. Афонина В.Е. Платонова Т.Е. Василевская Н.С. Развитие малых форм хозяйствования в АПК России и вопросы выборочного обследования личных подсобных хозяйств // Региональная экономика и управление Электронный научный журнал. 2017. – № 3(51). – http://eee-region.ru/
8. Методические положения по повышению инновационной привлекательности хозяйствующих субъектов АПК / Под ред. И.С. Санду, Н.Е. Рыженковой. – М.: Научный консультант, 2017. – 210 с.
9. Современные проблемы менеджмента в международном бизнесе: монография / Под. ред. проф. В.И.Королева. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
10. Формирование инновационной системы АПК: механизм государственно-частного партнерства / Под ред. И.Г. Ушачева, И.С. Санду, В.И. Нечаева, Г.М. Демишкевич, Н.Е. Рыженковой. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2014. – 219 с.
11. Agricultural Innovation System: An Investment Sourcebook / World Bank. 2012. – P. 361–448.
12. Policy Framework for Investment in Agricultural / OECD. – Paris, 2013. – 39 p.
13. Innovation for Agricultural productivity and sustainability: Review of Canadian policies / OECD. 2015. – 173 p.

Погодина Т.В.
д.э.н., профессор, Финансовый университет
pogodina15@yandex.ru

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: *российская экономика, инновационное развитие, инновационная активность предприятий, финансирование инновационных процессов.*

Инновационный процесс часто считают разновидностью инвестиционного процесса. Как для инвестиционного, та и для инновационного процессов характерно наличие неопределенности и риска. С точки зрения фактора неопределенности, невозможно предвидеть, каким будет итог инновационного процесса, поскольку создаваемое в результате него новшество обладает уникальными свойствами. В то же время, инновационный процесс при его осуществлении на различных стадиях сопровождают различные виды рисков, которые можно разделить на две основные группы: риски, сопровождающие любой инвестиционный процесс (общие риски); риски, присущие исключительно инновационному процессу (индивидуальные инновационные риски).

Рассматривая инновационную активность российских компаний, можно выявить несколько особенностей:

– ориентация, прежде всего, на внутренний рынок (незначительная часть предприятий предполагает выход с создаваемой продукцией на внешние рынки);

– характер «улучшающих» инноваций. В данном случае компании ориентируются не на новую «рыночную нишу», а усиливают уже имеющиеся конкурентные преимущества. Данная стратегия имеет право на существование, если компания убеждена в качестве своих товаров или предоставляемых услугах;

– развитие инновационного потенциала в российских регионах крайне неоднородно. Наиболее инновационные регионы страны – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, республика Татарстан. Белгородская область и т.д.

Одной из существенных характеристик современных инновационных связей в российской экономике стала, по нашим наблюдениям, отраслевая раздробленность и дисбаланс внутригосударственных социально-экономических систем. В основе таких проявлений лежит сущностный признак рыночной экономики. Снижение централизующей функции государства в настоящее время очевидно. Его функции сведены к минимуму и отражаются в основном в фискальных проявлениях и минимальных, поверхностных перераспределительных функциях.

Неформальная приватизация национальных природных ресурсов, доставшихся одним отраслям, никак не отражается на поддержке других видов экономической деятельности. Государство не озабочено глобальными стратегиями и предоставляет возможность развиваться его элементам практически самостоятельно. Каждый субъект экономики в основном функционирует в своем собственном поле. В этой связи само понятие управления диверсифицируется на различные частные проявления, не имеющие единой стратегической базы.

Поэтому очень важно в современных условиях переосмыслить создавшуюся ситуацию и выявить факторы, способствующие повышению инновационной активности компаний и инновационного потенциала регионов. Совокупность факторов развития инновационного потенциала социально-экономической системы России может быть представлена посредством схемы инновационных взаимосвязей, которые целесообразно разложить в четыре взаимоувязанные плоскости: состояние, цели, ресурсы и взаимосвязи системы.

В России прослеживается дисбаланс инновационных взаимосвязей, который проявляется в существенном разрыве в инновационной активности крупных, малых и средних субъектов рыночных отношений. На рынке инноваций в значительной степени доминирует крупный бизнес. Процесс развития инноваций на малых и средних предприятиях не позволяет говорить о возможном преодолении сложившегося разрыва в среднесрочной перспективе.

Также дисбаланс инновационных взаимосвязей имеет отраслевую специфику. Ключевыми видами экономической деятельности, в которых осуществляются инновации, являются обрабатывающие производства. Однако и там имеют место существенные препятствия. Остановимся более подробно на исследовании факторов, препятствующих инновациям в промышленном производстве, и представим их в табл. 1.

Таким образом, основными факторами, препятствующими реализации нововведений в России (значимость более 10%), являются их высокая стоимость, недостаток собственных денежных средств, высокий экономический риск и недостаток финансовой поддержки со стороны государства. Средней степенью отрицательного воздействия (значимость 5–10%) обладают такие факторы, как недостаток квалифицированного персонала и рыночные факторы. В наименьшей степени препятствия для осуществления инновационной деятельности (значимость менее 5%) создают недостаток информации о рынках сбыта и неразвитость кооперационных связей.

Таблица 1

Ранжирование факторов, препятствующих осуществлению инноваций в промышленном производстве России, в процентах

№	Факторы	Значимость, %
1	Высокая стоимость нововведений	15,0
2	Недостаток собственных денежных средств	14,5
3	Высокий экономический риск	11,8
4	Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	10,7
5	Недостаток квалифицированного персонала	7,3
6	Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность	7,1
7	Низкий спрос на новые товары, работы, услуги	6,2
8	Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности	5,8
9	Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)	5,5
10	Низкий инновационный потенциал организации	5,1
11	Недостаток информации о рынках сбыта	4,0
12	Неразвитость кооперационных связей	3,2

* Данные Федерального статистического наблюдения, осуществляемого по форме № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации», относящиеся к 2012–2013 гг., по регионам – к 2011–2012 гг.[1]

Необходимым условием осуществления инновационной деятельности в компании является наличие финансовых ресурсов для обеспечения осуществления инновационных процессов и коммерциализации создаваемых новшеств.

Структурно все источники финансирования инновационных процессов компаний можно разделить на две группы – собственные средства и внешние источники финансирования. Среди собственных средств выделяют нераспределенную прибыль компаний, собственные денежные средства, средства специальных фондов. Рассмотрим основные формы финансирования инновационной деятельности компаний. А. Асаул выделяет несколько форм финансирования инновационной деятельности, среди которых дефицитное финансирование, акционерное (корпоративное) финансирование, проектное финансирование. При дефицитном финансировании правительства иностранных государств, международные финансовые институты, российские организации предоставляют инвестиции правительству Российской Федерации. Преимуществом данной формы финансирования является возможность государственного регулирования и контроля инвестиций. Сложностью использования данной формы в российских условиях является нецелевой характер финансирования, рост внутреннего и внешнего долга, увеличение расходной части бюджета. В случае акционерной (корпоративной) формы финансирования коммерческие банки и институциональные инвесторы предоставляют свои финансовые ресурсы организациям для финансирования научных исследований и инновационных разработок. При этом данные инвестиции не имеют целевую направленность, характеризуются высоким уровнем риска, что осложняет их использование в российских условиях.

При проектном финансировании инновационной деятельности инвесторами выступают правительства, международные финансовые институты, коммерческие банки, российские организации, иностранные инвесторы и институциональные инвесторы, которые предоставляют средства для финансирования определенных инвестиционных и инновационных проектов на целевой основе [1, с. 22].

При рассмотрении приведенных выше способов финансирования инновационной деятельности можно отметить, что компании непосредственно получают средства на осуществление инновационной деятельности в результате акционерного (корпоративного) финансирования или проектного финансирования, но между данными способами существуют существенные различия. Акционерное финансирование позволяет компаниям привлечь определенный объем средств от институциональных инвесторов или коммерческих банков. Полученные средства компании могут направлять на обеспечение инновационной деятельности в соответствии со своими целями и задачами, финансовой политикой.

Из перечисленных форм финансирования инновационной деятельности только проектное финансирование носит целевой характер, финансовые ресурсы предоставляются инвесторами с целью осуществления конкретных инновационных проектов. Для всех трех типов финансирования характерно наличие высокой степени рисков, которые связаны с неопределенностью и трудностью прогнозирования итогов осуществления инновационной деятельности компаний.

Поиск новых источников финансирования и оптимального сочетания известных источников является одной из приоритетных задач развития инновационной деятельности. На микроуровне это необходимо для достижения конкурентоспособности организаций и их устойчивого развития, что осуществляется только при способности организаций производить конкурентоспособную продукцию за счет более эффективного использования производственных и финансовых ресурсов [2].

[1] Данные о факторах, препятствующих инновациям, собираются раз в два года. Следующие данные будут получены за 2014–2015 гг.

Основным внутренним источником финансирования инновационной деятельности является прибыль. Уровень прибыли можно оценить с помощью показателей рентабельности, которые проанализированы за 2012–2015 гг. и представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей прибыли по отдельным видам экономической деятельности в России за 2012–2016 гг., в процентах

Вид экономической деятельности	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2016 г.	
				факт	отклонение от 2012 г.
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)					
Всего	8,6	7,0	7,3	7,6	–1,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	10,7	5,2	17,4	15,7	5,0
Добыча полезных ископаемых	28,0	22,1	19,2	26,2	–1,8
Обрабатывающие производства, из них	10,7	8,8	9,9	10,1	–0,6
производство пищевых продуктов	9,4	8,6	9,1	9,2	–0,2
производство кокса и нефтепродуктов	12,8	9,3	8,3	3,8	–9,0
химическое производство	21,2	15,6	21,0	22,9	1,7
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	11,3	9,9	16,4	20,0	8,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,9	4,4	3,3	7,1	3,2
Строительство	5,0	8,3	3,4	4,2	–0,8
Рентабельность активов					
Всего	6,1	4,5	2,5	5,9	–0,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,5	1,7	4,9	6,0	2,5
Добыча полезных ископаемых	11,9	11,3	12,1	9,9	–2,0
Обрабатывающие производства, из них	8,1	4,5	2,9	6,3	–1,8
производство пищевых продуктов	6,4	5,7	3,0	8,2	1,8
производство кокса и нефтепродуктов	14,4	7,0	7,0	3,0	–11,4
химическое производство	14,9	6,5	–1,0	13,0	–1,9
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	5,6	2,7	1,5	12,5	6,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,9	0,7	0,2	5,3	4,4
Строительство	2,9	5,6	–0,9	0,4	–2,5

Источник: Росстат. – www.gks.ru [6].

Можно отметить, что в целом по экономике показатели рентабельности проданных товаров и рентабельности активов снизились в 2015 г. по сравнению с 2012 г. В то же время положительная динамика по показателю рентабельности проданных товаров произошла в таких видах деятельности, как сельское хозяйство, охота и рыболовство, химическое производство, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Значение показателя рентабельности активов увеличилось в этих же видах экономической деятельности за исключением химического производства. Таким образом, в вышеназванных видах экономической деятельности имеются неплохие предпосылки по активизации инновационных процессов при создании соответствующих условий.

Для достижения целей повышения конкурентоспособности и повышения инновационной направленности социально-экономических систем во многих регионах России используется кластерный подход. Инновационный территориальный кластер (ИТК) представляет собой группу взаимосвязанных и географически локализованных организаций, одновременно взаимодействующих, конкурирующих и обеспечивающих конкурентоспособность посредством своей инновационной направленности на региональных и мировых рынках [3, 4].

В 2008 г. Министерством экономического развития РФ были разработаны Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. В 2012 г. утвержден перечень инновационных территориальных кластеров, определены направления их поддержки. Отбор кластеров осуществлялся Министерством экономического развития РФ на основе программы развития инновационного территориального кластера в регионе. По итогам экспертизы были отобраны программы 25 ИТК, относительно которых были сформированы меры государственной поддержки.

Лидером по количеству сформированных и поддержанных на федеральном уровне кластеров является Приволжский федеральный округ (9 ИТК). Далее следуют Центральный (6 ИТК), Сибирский (5 ИТК) и Северо-Западный (3 ИТК) федеральные округа. В Уральском и Дальневосточном федеральном округах выделено по одному кластеру. Отсутствуют кластеры в Южном и Северо-Кавказском федеральном округа. С учетом инновационного и производственного потенциала сформированы две группы кластеров. В первую группу включены кластеры, развитие которых предполагается поддержать через предоставление субсидий региональному бюджету из федерального бюджета. В ПФО это Саровский инновационный кластер, кластер «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением», Камский инновационный территориально-производственный кластер Республики Татарстан, инновационный территориальный Аэрокосмический кластер Самарской области, ядерно-инновационный кластер г. Димитровограда Ульяновской области.

Предусмотрено выделение средств в общем объеме до 5 млрд. рублей ежегодно в течение 5 лет, начиная с 2013 г. Кроме того, было осуществлено включение мероприятий программ развития кластеров в состав федеральных целевых программ и государственных программ Российской Федерации. В целях создания у предприятий-участников стимулов к осуществлению инноваций им предоставлены налоговые льготы по налогу на добавленную стоимость, налогу на прибыль, налогу на имущество организаций, по уплате страховых взносов в социальные фонды.

Во вторую группу были включены ИТК, программы развития которых требуют дальнейшей доработки, в связи с чем на первом этапе не предполагается поддержка реализации программ за счет предоставления межбюджетных субсидий.

В целом, финансовое обеспечение инновационной деятельности в России имеет явные и неявные недостатки, связанные с проблемами как внутреннего, так и внешнего порядка. Причем внутренние и внешние проблемы финансирования инновационной деятельности переплетаются между собой, усугубляя общую ситуацию с финансовым обеспечением инновационных процессов. Мы считаем, что вопросы финансирования инновационной деятельности в среднесрочной перспективе будут нарастать ввиду неустойчивого развития российской экономики в целом и ухудшения финансово-экономического состояния отдельных компаний [5]. Поэтому очевидно, что в ближайшей и отдаленной перспективе не стоит ожидать в России существенного роста объема производства инновационной продукции и доли инновационно активных компаний. К сожалению, в России стал доминирующим принцип – выживает сильнейший, который привел к снижению предпринимательской уверенности и незаинтересованности в развития бизнеса на инновационной основе.

Список литературы

1. Асаул А.Н. Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А.Н. Асаул [и др.]. – СПб: АНО ИПЭВ, 2008. – 606 с.
2. Погодина Т.В. Оценка конкурентоспособности и направлений кластеризации экономики регионов Приволжского федерального округа / Т.В. Погодина, Т.В. Задорова // Регионология. – Саранск, 2009. – № 1. – С. 63–70.
3. Портер М. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 608 с.
4. Система менеджмента для управляющих компаний инновационных территориальных кластеров Российской Федерации. – М.: ВШЭ, 2014. – 250 с.
5. Баткилина Ю.М. Совершенствование механизмов и инструментов инновационной деятельности в регионах Российской Федерации / Ю.М. Баткилина, А.А. Гудкова, А.В. Кольцов. – http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/25355/3953.pdf
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Положихина М.А.
к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова*: санкции; импортозамещение; импорт в Россию; обеспеченность продовольствием; сельскохозяйственное производство; станкостроение.*

Импортозамещение стало в России актуальной и осознанно проводимой политикой в связи с санкциями со стороны западных стран и отечественными контрсанкциями.

В результате обострения международной обстановки ухудшились условия для деятельности отечественных оборонных предприятий, нефте- и газодобывающих компаний. Всего в настоящее время под санкциями находится 150 человек и 38 отечественных организаций [Все санкции Запада против России, 2016; Положихина М.А., 2016, с. 79–80]. Ответные меры со стороны России затронули в основном производителей продовольствия [Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560; Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778].

Введение антироссийских санкций заставило органы власти также оценить общий уровень импортозависимости экономики. Как выяснилось, перечень российских импортозависимых позиций обширен — от редкоземельных металлов до селедки. Например, доля импорта в производстве сельхозтехники к 2014 г. составляла от 50 до 90% (в зависимости от категории деталей), в тяжелом машиностроении – до 50%, авиастроении – 80% [Импортозамещение: начало большого пути, 2017; Положихина М.А., 2016, с. 80–81]. О слишком высоком уровне зависимости от экономики России от импорта неоднократно высказывались разные эксперты. И теперь связанные с этим угрозы были осознаны на правительственном уровне.

В качестве одной из стратегий противостояния санкциям в России стало рассматриваться проведение политики импортозамещения. В промышленности это означает содействие локализации в стране производства ранее импортируемой продукции, а также созданию новой продукции, аналогичной или превосходящей зарубежную по своим параметрам, адаптированной к отечественным климатическим и географическим условиям. Данное направление предполагает приоритетное развитие (а в случае России – нередко и возрождение) производств, ориентированных на внутренний рынок.

В целях реализации политики импортозамещения в 2014–2015 гг. был предпринят целый ряд действий институционального характера [Положихина М.А., 2016, с. 81–84]. В том числе к 2016 г. Минпромторгом России было утверждено 20 отраслевых планов импортозамещения, охватывающих 2200 технологических направлений промышленности и определяющих меры стимулирования предприятий, принимающих участие в реализации этих программ. Вполне ожидаемо основное внимание в правительственных документах уделялось вопросам обеспечения оборудованием, прежде всего топливно-энергетического и оборонного комплексов, а также развитию сельскохозяйственного производства.

Достижения импортозамещения. С момента провозглашения в России курса на импортозамещение прошло немного времени. Но уже появились отрасли-лидеры и отрасли, отстающие в этом процессе. Наибольшие успехи достигнуты в оборонном комплексе и сельском хозяйстве [Рощепий И., 2016; Наиболее заметные отрасли импортозамещения, 2017]. Кроме того, есть позитивные сдвиги в производстве оборудования для нефте- и газодобычи, некоторых отраслях химической промышленности и фармацевтики, производстве сельскохозяйственной техники [Минпромторг обсудил импортозамещение…, 2017; Наиболее заметные отрасли импортозамещения, 2017].

Таблица 1

Производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в РФ[1]

№ пп	Виды продукции	В среднем за 1986–1990 гг.	В среднем за 2001–2005 гг.	2014 г.	2015 г.
1.	Мясо крупного рогатого скота, млн. т	4,1	1,9	1,6	1,6
2.	Мясо свиное, млн. т	3,3	2,0	3,0	3,1
3.	Мясо птицы, млн. т	1,7	2,2	4,2	4,5
4.	Молоко, млн. т	54,2	32,5	30,8	30,8
5.	Яйца, млрд. шт.	47,9	36,3	41,9	42,6
6.	Зерно (в весе после доработки), млн. т	104,3	78,8	105,3	104,8
7.	Картофель, млн. т	35,9	28,4	31,5	33,6

Так, в 2016 г. сельскохозяйственное производство в России выросло почти на 5% по сравнению с 2015 г., а индекс производства пищевых продуктов, включая напитки, – на 2,6% [Правительство РФ…, 2017]. Наиболее заметны

[1] Составлено по данным [Российский статистический ежегодник, 2016, с. 388, 397].

позитивные сдвиги в растениеводстве – особенно в зерновом хозяйстве, а также в плодоводстве и овощеводстве. В частности, получены рекордные урожаи зерна, превысившие показатели советского периода: в 2016 г. – 120,7 млн. т и 137,6 млн. т в 2017 г. (по данным Росстата). В животноводстве ситуация хуже. Если в свиноводстве и птицеводстве прогресс очевиден, то про производство говядины и молока этого сказать нельзя (табл. 1).

Успехи отечественного сельского хозяйства привели к определенному импортозамещению в товарных ресурсах продовольствия (табл. 2). В частности, существенно снизилась доля импортной свинины и сыра. Вместе с тем высокой остается доля импортной говядины, а импорт сухого молока и сливок даже увеличился (табл. 3).

Таблица 2

Доля импорта отдельных продовольственных товаров в их товарных ресурсах в РФ, %[1]

№ пп	Продовольственные товары	III-й квартал 2014 г.	2016 г.	III-й квартал 2017 г.
1.	Говядина	59,1	40,2	45,0
2.	Свинина	17,0	9,5	9,4
3.	Мясо птицы	9,8	5,0	4,6
4.	Масло животное	35,7	26,3	28,6
5.	Сыры	40,6	22,8	27,8
6.	Сухое молоко и сливки	45,2	59,6	56,6
7.	Мука	1,0	1,9	1,8

В 2017 г. уровень самообеспеченности РФ по зерну, по предварительной оценке, может достигнуть 99,3% (на 4,3% выше порогового значения, установленного Доктриной продовольственной безопасности), по сахару – 96,5% (на 16,5% выше), по растительному маслу – 84% (на 4% выше), по картофелю – 97,6% (на 2,6% выше), по мясу и мясопродуктам – 90,2% (на 5,2% выше), по рыбной продукции – 81,2% (на 1,2% выше). В то же время самообеспеченность молоком и молокопродуктами пока отстает от порогового значения (не менее 90%) – по итогам года оно может составить 80,7% [Правительство РФ: О результатах…, 2017].

В целом импорт в Россию сократился (хотя не столько из-за импортозамещения, сколько из-за падения курса рубля и сокращения спроса) – табл. 3. Особенно заметен данный процесс в импорте продовольствия, хотя и не по всем позициям. Но если в 2005 г. доля импортных товаров в розничной торговле составляла 36%, то в III-м квартале 2017 г. она снизилась до 22% [Показатели, характеризующие импортозамещение в России, 2017].

Однако в 2017 г. импорт товаров из дальнего зарубежья снова стал расти, особенно – мяса (табл. 3). По данным Федеральной таможенной службы за первый квартал доля импорта продовольствия в общем объеме импорта увеличилась с 13,7% (в 2016 г.) до 14,4% [Еремина Н., Комарова А., 2017]. По прогнозам Министерства сельского хозяйства России в 2017 г. увеличит импорт продовольствия на 11,4% до 27,9 млрд. долл. (против 25 млрд. долл. в 2016 г.). Рост импорта происходит за счет увеличения поставок (в натуральном выражении) свежих фруктов (на 13%) и овощей (на 29%), картофеля (в два раза), сухого молока (на 15%) и сливочного масла (на 7%) [Россия в 2017 году увеличит…, 2017].

Таблица 3

Импорт отдельных видов продукции в РФ[2]

№ пп	Виды продукции	2014 г.	2015 г.	III-й квартал 2017 г.	в % к III-му кварталу 2016 г.
1.	Мясо крупного рогатого скота, тыс. т			277,8	143,8
2.	Мясо свиное, тыс. т	1055	747	209,6	113,8
3	Мясо птицы, тыс. т	455	255		
4.	Живая рыба, тыс. т			0,6	в 3,6 раза
5.	Рыба мороженная, охлажденная и ракообразные, тыс. т	650	401	346,6	113,0
6.	Молоко и молочная продукция, тыс. т, в т.ч.: – молоко, тыс. т	300	246	847,0	108,0
7.	Молоко и сливки сухие, тыс. т	132	146		
8.	Сыры, тыс. т			20,1	92,6
9.	Овощи, включая картофель, тыс. т			847,0	108,0
10.	Картофель, тыс. т	690	553		
11.	Фрукты и орехи, тыс. т			3668,2	115,0
12.	Яблоки, тыс. т	1050	892		
13.	Соль, тыс. т	720	428	1041,0	79,1
14.	Мука, тыс. т	35,5	25,3		
15	Трактора, тыс. шт.	82,9	59,5		
16.	Станки металлорежущие, тыс. шт.	788	406		
17.	Станки другие, тыс. шт.	308,1	232,7		

Растет ввоз тех товаров, производство которых еще недостаточно налажено внутри страны. И прежде всего это касается молока и молочных продуктов, ситуация с производством которых вызывает серьезное беспокойство [Бе-

[1] Составлено по данным [Показатели, характеризующие импортозамещение…, 2017].

[2] Там же.

лов А.С. и др., 2017]. Поголовье коров в России в 2017 г. в 2 раза меньше, чем в 1915 г. (17,3 и 8,4 млн. соответственно), тогда как в 1978–1983 г. в стране насчитывалось более 22 млн. коров. И тенденция сокращения поголовья сохраняется. Поэтому, несмотря на рост продуктивности, если показатели производства скота и птицы на убой находятся на уровне 1987–1988 гг., то показатели производства молока – на уровне 1957 г. [Российский статистический ежегодник, 2016, с. 396, 397, 402].

Кроме того, воспользоваться открывшимися в связи с политикой импортозамещения возможностями (включая льготные кредиты) смогли в основном крупные сельскохозяйственные организации. А производится, например, картофель, главным образом в личных хозяйствах населения. И поголовье коров здесь больше, чем в сельскохозяйственных организациях. Не случайно поэтому ситуация в молочной отрасли и картофелеводстве хуже по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства. В частности, «фундамент» для относительно успешного развития свиноводства и птицеводства был заложен ранее – благодаря соответствующим программам и финансированию.

Наконец, сохраняется очень сильная зависимость отечественного сельского хозяйства от импортных семян, посадочного материала и породистого молодняка. Используется много импортной техники, аналогов части из которой в России до сих пор не производится. И если в сельскохозяйственном машиностроении наблюдается некоторое оживление, то прогресс в обеспечении собственными сортовыми семенами, посадочным материалом и породистым молодняком минимален.

Таким образом, если говорить о достигнутых успехах импортозамещения, то они пока фрагментарны и неустойчивы. А вот проблемы носят системный характер.

Проблемы импортозамещения. В результате введения антироссийских санкций резко обострилась главная проблема отечественной экономики – значительное техническое и технологическое отставание от передовых стран, быстро преодолеть которое невозможно. И предпринятых мер по импортозамещению недостаточно для того, чтобы остановить увеличение этого разрыва.

Особенно заметен этот процесс в машиностроении, в некоторых секторах которого в последние годы наблюдается даже рост импорта [Толкачев С.А., Тепляков А.Ю., 2017]. Если инвестиции в сельское хозяйство, охоту и рыболовство в 2014–2016 гг. составляли 3–4% от общего объема инвестиций в стране, то на производство машин и оборудования приходилось менее 1% [Российский статистический ежегодник, 2016, с. 581]. А отмечаемое статистикой сокращение импорта машиностроительной продукции (табл. 3) связано не столько с импортозамещением, сколько с сокращением спроса, и сопровождается увеличением изношенности основных фондов.

Больше всего беспокойства вызывают медленные темпы восстановления в России станкостроения, которое является «стержнем» машиностроения. Состояние этой отрасли во многом отражает промышленный потенциал страны в целом. В 1991 г. в России производилось 70 тыс. станков. В 2015 г. – только 3,4 тыс., в том числе станков с ЧПУ (токарных) – всего 204 шт. [Российский статистический ежегодник, 2016, с. 369]. Производство промышленных роботов отсутствует даже в качестве официального статистического показателя. Доля импортозависимости в отечественном станкостроении оценивается от 90 до 95% и предполагалось снизить ее к 2016 г. только до 91% [Станкостроение в современной России, 2017].

В период 2011–2016 гг. в России действовала подпрограмма «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности» Федеральной целевой программы, фактически выступавшая частью проекта по военно-технической модернизации. Но итоги ее реализации не подведены; в 2014 и 2015 гг. средства на финансирование подпрограммы не выделялись [Володин А., 2017]. И в целом средства на развитие станкостроения выделяются незначительные, а масштабы производства значительно отстают от потребностей российской экономики в станках и иных инструментах для создания продукции с высокой добавленной стоимостью. Хотя в стране существуют отдельные достаточно успешные станкостроительные предприятия, а также создаются новые, преимущественно совместные с немецкими и японскими компаниями [Станкостроение в современной России, 2017]. Собственные же разработки незначительны, а к качеству произведенной на их основе продукции высказывается много нареканий со стороны потребителей.

В ряде стран мира (Бразилия, Китай) введение санкций послужило толчком для ускорения темпов развития экономики, включая технический и технологический рывок. В России реализуется скорее «иранский вариант» – адаптация экономики к неблагоприятным внешним условиям. Такой ход развития событий имеет свои положительные стороны [Мануков С., 2017; Le Figaro, 2017]. Однако при этом снизилось внимание к импортозамещению со стороны правительственных органов: политика начала превращаться в очередную кампанию. Но новый «виток» антироссийских санкций подтвердил актуальность и долговременность данного направления.

В 2017 г. США ввели новые санкции против России [Трамп ввел санкции…, 2017]. В том числе:

- закреплены действующие ограничительные меры и ужесточен порядок отмены или изменения санкций – для этого теперь требуется разрешение Конгресса;
- санкции расширены на российские государственные предприятия в металлургической и горнодобывающей отраслях, а также в сфере железнодорожного транспорта;
- ужесточены санкции в отношении финансового сектора РФ и российской энергетики: запрещены денежные и другие операции, а также финансирование компаний, находящимися под санкциями, на срок более 14 дней (ранее допускалось 30); ограничен срок кредитования в энергетическом секторе 60 днями (ранее допускалось 90);
- введена потенциальная ответственность в виде санкций для лиц и организаций, участвующих: 1) в развитии, техническом обслуживании, модернизации или ремонте трубопроводов, которые РФ использует для экспорта энергоресурсов; 2) в зарубежных нефтяных и газовых проектах попавших под прежние санкции российских компаний; 3) сотрудничающих с российскими компаниями из санкционного списка.

Новые санкции затронули более 90% российского нефтяного сектора и почти всю газодобычу. Но, что гораздо неприятнее, они предусматривают наказание для российских партнеров. И хотя это не соответствует международным правовым нормам, такой подход значительно осложняет как международное сотрудничество и торговлю России, так и совместное предпринимательство на ее территории [Кантышев П. и др., 2017].

Неблагоприятные последствия для России принятых санкционных решений уже продемонстрировал скандал с турбинами Siemens в Крыму [Бут М., 2017], который еще раз подтвердил необходимость обеспечения технологической и технической независимости.

Безусловно, импортозамещение не должно быть направлено на достижение автаркии. Но оно должно стать частью долговременной промышленной политики, целью которой является инновационное развитие экономики страны.

Пока инновационный цикл в России разорван, в стране отсутствует эффективная система превращения научных разработок в серийное производство. В советский период проблему преобразования научных идей в производство продукции пытались решить за счет развития отраслевой науки (наряду с фундаментальной) и функционирования научно-производственных объединений. В настоящее время вопрос связи науки и производства стоит еще более остро. Существуют отдельные звенья инновационного цикла (венчурное финансирование, стартапы и т.д.) при почти полном отсутствии опытных производств. Но без выстроенной инновационной «цепочки» промышленность развиваться не может. Напротив, до сих пор продолжается деградация отечественного производственного потенциала.

Без восстановления на новой технологической основе отечественной промышленности невозможны как импортозамещение, так и обеспечение безопасности российского государства, его экономическая независимость и суверенитет в целом.

Список литературы

1. Белов А.С., Воронин А.А., Жебит М.Э. Молочная отрасль России – 2017 год // Агровестник. Статьи & Аналитика. Отраслевая информация. – 21.08.2017. – https://agrovesti.net/lib/industries/dairy-farming/molochnaya-otrasl-rossii-2017-god.html
2. Бут М. Эксперт: в Siemens поняли «намек» США со штрафом к ExxonMobil // Экономика сегодня. Мир. Промышленность. – 21.06.2017. – Режим доступа: https://rueconomics.ru/262915-ekspert-v-siemens-ponyali-namek-ssha-so-shtrafom-k-exxonmobil
3. Володин А. Что с программой станкостроения в России? // Территория войны. – М. – 08.04.2017. – http://m.globalwarnews.ru/chto-s-programmoy-stankostroeniya-v-rossii-1713.html
4. Все санкции Запада против России // ТАСС. Международная панорама. – 06.09.2016. – http://special.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1055587
5. Еремина Н., Комарова А. Россия не может без импорта // Газета.ru. Бизнес. Экономполитика. – 27.05.2017. –https://www.gazeta.ru/business/2017/05/22/10686401.shtml
6. Импортозамещение: начало большого пути // ИД Вестник промышленности. Статьи. – 01.04.2017. – http://tgdaily.ru/2017/04/01
7. Кантышев П., Никольский А., Воробьев А., Бочкарева Т. Как новые санкции повлияют на Россию // Ведомости. Промышленность. – М. – 30.10.2017. – https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/10/30/739795-kak-sanktsii-povliyayut#_
8. Мануков. С. FT: «Запад допустил ошибку с антироссийскими санкциями» // Expert Online. – М. – 05.09.2017. – http://expert.ru/2017/09/5/sanktsii/?partner=988462
9. Минпромторг обсудил импортозамещение с крупнейшими производственными компаниями // Neftegaz. RU. Новости. – М. – 14.12.2017. – https://neftegaz.ru/news/view/167689-Minpromtorg-obsudil-importozameschenie-s-krupneyshimi-proizvodstvennymi-kompaniyami
10. Наиболее заметные отрасли импортозамещения в России // VVS. Полезная информация. – 11.2017. – https://vvs-info.ru/helpful_information/poleznaya-informatsiya/otrasli-importozameshcheniya/
11. Перепелица О. Пласт на разрыв // Российская газета. Спецвыпуск. – М. – 23.06.2015. – № 6705(134). – https://rg.ru/2015/06/23/programma.html
12. Показатели, характеризующие импортозамещение в России / Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. – М., 2017. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#
13. Положихина М.А. Изменения в промышленной политике и промышленности России под воздействием санкций // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. ислед. Отдел экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред. и др. – М., 2016. – № 2. – Влияние санкций на экономику России: Последствия и возможности. Оценки российских и зарубежных специалистов / Ред.-сост. вып. Макашева Н.А., Пехтерева Е.А. – С. 79–94.
14. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 “О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”» // Российская газета. – М., 2014. – № 6450 (178).
15. Правительство РФ: О результатах импортозамещения в 2016 году // NANO NEWS NET. Новости. – 17.05.2017. – http://www.nanonewsnet.ru/news/2017/pravitelstvo-rf-o-rezultatakh-importozameshcheniya-v-2016-godu
16. Россия в 2017 году увеличит импорт продовольствия на 11,4% // Экономика и жизнь. – 20.11.2017. – https://www.eg-online.ru/news/360575/
17. Российский статистический ежегодник 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 725 с.
18. Рощепий И. Реальные итоги импортозамещения // Livejournal. – 03.09.2016. – http://roshchepiy.livejournal.com/2405.html
19. Станкостроение в современной России // ПравдоРуб. – М. – 19.10.2017 – https://m.pravdoryb.info/stankostroenie-v-sovremennoy-rossii.htm
20. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Импортозамещение в отраслевом разрезе: причины успехов и неудач // Капитал страны. – 09.06.2017. – http://kapital-rus.ru/articles/article/importozameschenie_v_otraslevom_razreze_prichiny_uspehov_i_neudach/
21. Трамп ввел санкции США против России: все подробности // Сегодня. Мировые новости. США. – 03.08.2017. – https://www.segodnya.ua/world/usa/tramp-vvel-sankcii-ssha-protiv-rossii-vse-podrobnosti-1044228.html
22. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 32. – С. 4470.
23. Le Figaro: Россия выиграла партию в санкционной войне, но дорогой ценой // Оригинал новости ИноТВ. – 10.08.2017. – https://russian.rt.com/inotv/2017-08-10/Le-Figaro-Rossiya-viigrala-partiyu?utm_source=infox.sg

Потехин Н.А.
д.э.н., профессор кафедры управления и права УрГАУ, г. Екатеринбург
pot-pk@yandex.ru
Потехин В.Н.
к.э.н., руководитель сайта «Вторая индустриализация России»
vnp1@ya.ru

ПЕРЕХОД К ИННОВАЦИОННОМУ СПОСОБУ ВОСПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ВТОРОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

«Только путь всеобщего инновационного развития обеспечит гуманизацию процессов объективной эволюции общества и производства России, а затем и всей цивилизации, сохранит Природу и Землю для потомков и человечества на многие тысячелетия».

***Ключевые слова**: инновационное развитие, Вторая индустриализация, гуманизация общественного воспроизводства, законы социально-экономического развития.*

Идея осуществления кардинальной гуманизации общественного воспроизводства не нова. Она уже многие века будоражит умы и практику многочисленных поколений ученых, политиков и простого народа всех стран, ищущих и предлагающих более или менее перспективные пути развития человека-общества в природе. Однако до настоящего времени нет объективной и достаточно аргументированной научной базы, теории, методологии, практики, обеспечивающих в совокупности бескровное решение этой глобальной проблемы. Истории известны пока лишь насильственные и кровавые пути достижения так называемой лучшей жизни для всего народа, сопровождающиеся большими потерями для всего общества и цивилизации.

Обобщение накопленного многовекового опыта в данной сфере показывает, что для каждого варианта решения выделенной проблемы, необходим комплекс соответствующих предпосылок, направленных на гуманизацию процессов объективной эволюции общества и производства в России и мировом сообществе. Ключевыми из них, на наш взгляд, являются: 1) принятая обществом духовно-нравственная и социально-экономическая исходная модель жизнедеятельности человека-общества в природе; 2) определенная научная база общественных и иных наук, теория и методология; 3) соответствующие кадры с общей и профессиональной подготовкой всех категорий; 4) определенные духовно-нравственные, идеологические, политические и социально-экономические условия жизнедеятельности; 5) научно-технологические предпосылки; 6) информационные и управленческие предпосылки; 7) экологические предпосылки; 8) характер развития производительных сил, производственных и надстроечных отношений.

Более глубокий анализ выделенных предпосылок показывает, что в основе развития России и всего мирового сообщества, лежит принятая вековой практикой и навязанная всем наукам в различных модификациях одна и та же религиозно-кастовая, классово-политическая, дискриминационно-деградационная исходная модель жизнедеятельности человека-общества в природе – «Тиран-Жертва» [19]. Сохранение и модернизация данной модели обеспечивается соответствующими религиозно-политическими, научно-теоретическими, методологическими и организационно-практическими разработками и мероприятиями, «обосновывающими» и обеспечивающими: во-первых, извечность названной модели в различных модификациях, данной Богом; во-вторых, сохранение частной собственности, религиозно-политического, социально-экономического господства и власти элиты, установленного ими государственного строя, как данное Богом; в-третьих, постоянное религиозно-политическое, социально-экономическое, научно-методологическое и практическое обеспечение господства и преимуществ «Тиранов» и соответствующее состояние «Жертв» в системе всех способов общественного воспроизводства в разной степени; в-четвертых, ориентацией развития всех наук и практики общественного воспроизводства под углом зрения необходимости и неизбежности сохранения и достижения преимущественно «Тиранами» своей основной цели коммерческой деятельности – получение постоянно возрастающей прибыли, интересов, потребностей, возможностей дальнейшего «роста», социально-экономических, политических, правовых преимуществ собственниками средств производства, капиталов и власть имущей элиты общества, как всеобщего двигателя прогресса. Все это получило закрепление в системе плюралистического законодательства РФ, других стран, в международном праве и государственно-хозяйственной практике.

Рассмотрение широко распространенных научных баз современных буржуазных, марксистско-ленинских теорий, методологий и их модификаций подтверждает первичность избранной дискриминационно-деградационной исходной модели жизнедеятельности – «Тиран-Жертва» и вторичность последующих научно-практических обоснова-

ний, отражающих соответствующее развитие капиталистического, социалистического, государственно-монополистического, в т.ч. «либерально-демократического» общественного воспроизводства, управления и права. Этим определяются религиозно-кастовые, классово-политические, догматические, социально-психологические, субъективно-волюнтаристские основы многочисленных научных баз, теорий и методологий частичного познания процессов развития и управления общественным воспроизводством, обеспечивающие возможность и необходимость узурпации государственной и хозяйственной власти, так называемой элитой общества и их сообщниками, для обеспечения своих преимуществ в различных формах жизнедеятельности.

К ключевым недостаткам относятся основные положения общепринятых теорий и практик: стоимости и цены товара; прибавочной стоимости, в т.ч. средней, монопольной и сверхприбыли; необходимого и прибавочного труда; стоимости и цены рабочей силы; денег и денежных суррогатов; заработной платы, доходов наемных работников и прожиточного минимума; совокупность социально-экономических узко дисциплинарных методологических инструментов, имеющих преимущественно религиозно-кастовые, классово-политические, субъективно-договорные, основы и единицы измерения социально-экономических затрат-результатов общественного воспроизводства в денежном выражении; рынка и рыночных отношений; конкуренции, как всеобщего двигателя прогресса; государства и его роли в рыночном общественном воспроизводстве [4; 24].

Не менее важное негативное значение имеет также широкое использование негодных методологических инструментов в исследованиях, выработке, принятии и реализации управленческих решений по всем уровням хозяйствования с заведомо известными необоснованными оценками и результатами. Например, использование всеобщего закона сохранения энергии, как общеизвестно, отражающего изменения в неживой материи, но применяемого почему-то повсеместно в исследованиях и разработках проблемы развития социально-экономических явлений; повсеместное применение в расчетах (на основе этого закона) линейной математики и линейных моделей к нелинейным социально-экономическим процессам; введение на основе этих субъективно-договорных теорий и негодных методологических инструментов системы ложных целей, принципов, критериев и субъективно-договорных показателей оценки состояния и определения прогнозов в денежном выражении, с помощью экспертных заключений, социологических опросов и т.д.

Ни одна имеющаяся научная база, теории и методологии общественных наук и государства не ставили перед собой таких задач, не гарантировали и не обеспечивали на практике гуманные, эволюционные условия развития жизнедеятельности всего населения страны. Отмеченное относится и к социалистическому способу производства, который, как и предыдущие, предусматривал узурпацию государственной и хозяйственной власти, использование идеологии, политики группой лиц и их сообщников по уровням хозяйствования в своих корыстных целях [14]. Они организовали перестройку и обеспечили разрушение СССР. Такие действия привели к огромным потерям общества, даже большим, чем в период Великой Отечественной войны с фашистской Германией [166; 177].

В результате существенных теоретических, методологических и практических недостатков в развитии общественных и иных наук Россия, как и все ведущие страны мирового сообщества, уже более 50 лет находится на заключительной фазе цикла обновления общественного воспроизводства [3]. Данная фаза сопровождается комплексом негативных последствий для всего простого народа и государства: значительным отставанием социально-экономических, управленческих, правовых наук от требований объективных закономерностей эволюционного развития человека-общества в природе; научно-технологическим застоем и отставанием по всем сферам жизнедеятельности от ведущих стран мира; насаждением в политике и практике тупиковых субъективно-волюнтаристских, деструктивных теоретических стереотипов, концепций и мероприятий, разрушающих все общественные институты; превалированием методологий частичного познания социально-экономических явлений, которые приводят на практике к высокой степени субъективизма, неопределенности в представлении и управлении общественным воспроизводством; введением в практику системы ложных целей и показателей, искажающих оценки состояния и представления о жизнедеятельности общества по уровням хозяйствования; постоянно усиливающимися всеобщими внутренними и внешними кризисами; существенным снижением качества жизни основной части населения (порядка 96%), значительными потерями общества в виде гуманитарных катастроф, постоянных локальных войн; превращением России в финансово-сырьевой придаток стран Большой семерки.

Несмотря на наблюдаемый длительный всеобщий научный застой, иных, более свежих, достаточно позитивных, обнадеживающих в будущем – современных перспективных теорий, концепций, точек зрения, подходов, комплексных мыслей в развитии России и ведущих стран мирового сообщества не приводится, а при таких подходах не будет их видно и в перспективе. Здесь вполне уместны слова и выводы В.И. Ленина, критиковавшего в свое время философов и физиков, назвавшего такое состояние в науке (конец XIX века) «нищета философии и философия нищеты» [9]. В настоящее время наблюдается аналогичная ситуация в философских, идеологических, политических, социологических, экономических, управленческих и правовых науках всего мирового сообщества, которые не могут и не хотят дать никаких перспектив и надежд на дальнейшее позитивное развитие цивилизации. Это свидетельствует об очень длительном духовно-нравственном, государственно-политическом, социально-экономическом, управленческом и правовом застое и упадке ведущих мировых держав, чрезмерно высоком уровне концентрации и узурпации государственно-монополистической власти в руках отдельных групп международных бизнес-элит.

К сожалению, существующие в настоящее время наиболее популярные теории, концепции и проводимые в соответствие с ними мероприятия лишь усугубляют сложившуюся обстановку, разрушают общественные институты и усиливают деструктивные тенденции во всех сферах жизнедеятельности общества в России и других странах. Дело дошло уже до того, что возникла реальная угроза сохранения жизни всего человечества на Земле [10; 20; 21; 22]. Потенциал наиболее известных теорий, концепций и методологий давно исчерпан (более 80–50 лет назад, когда США и

Великобритания избрали политику «нового мирового порядка» (1945 г.), заявили о «постиндустриальном обществе» (1960 г.), «золотом миллиарде» (1973), «либерально-демократическом устройстве на американский лад» (1957–1968 гг.), а СССР о «развитом социализме» (1972 г.) и потому все они не в состоянии обеспечить позитивную, качественно новую, реальную концепцию и теорию устойчивого развития общества и цивилизации на длительную перспективу.

Отмеченное одновременно свидетельствует об объективной необходимости срочного вывода России из всеобщего внутреннего и внешнего кризиса и избавления от возможных более тяжких потерь и гуманитарных катастроф всего населения страны в уже ближайшем будущем. В настоящее время, как никогда, экономические, управленческие, правовые науки, совместно с фундаментальными, естественными и прикладными призваны дать незамедлительный положительный ответ и раскрыть аргументированный эффективный механизм бескровного выхода из всеобщего кризиса России и, на ее примере, обеспечить сохранение и устойчивое развитие цивилизации на Земле на многие тысячелетия.

Общеизвестно, что на определенном этапе эволюции общества и позитивного использования инноваций, наступает новое количественно-качественное состояние ее жизнедеятельности и достигается самодостаточность в развитии всех участников производства, отсутствие притязаний на чужой труд, территорию, на свободы и гарантии населения, собственность граждан и совместный общественный продукт, повсеместно внедряются экологически чистые технологии и соответствующее взаимодействие человека с природой, устойчивое положение системы природа-общество-человек-производство. Это есть достижение нового качества – «Новая общественно экономическая формация – инновационный способ воспроизводства». Подобный механизм преобразования общества посредством количественно-качественных внутренних и внешних изменений является также основным направлением перехода общественного производства на новый цикл обновления, на достижение эволюционного состояния нового качества всех составных звеньев, которые без узурпации власти по уровням хозяйствования, без кровавых революций, катаклизмов, без умышленно ложных теорий, целей, концепций типа «новый мировой порядок», «золотой миллиард», «порядок из хаоса – управление хаосом в экономике», «либерально-неолиберально-демократических перестроек» для всего населения страны, формирует качественно новое – «инновационное общество» и соответствующий способ воспроизводства. В этом заключается духовно-нравственная, социально-экономическая и экологическая сущность полезности категории «инновации» и их позитивного использования в практике жизнедеятельности общества путем осуществления Второй индустриализации России.

Исторически известно, что новая общественно-экономическая формация, как правило, отличалась комплексом количественно-качественных признаков от предыдущих формаций. В данном случае – инновационный способ воспроизводства, в сравнении с предыдущими: во-первых, приходит на смену социалистическому, действующему государственно-монополистическому капитализму и его разновидностям в виде «либерально-демократического строя на американский лад»; во-вторых, связан с переходом на качественно новый цикл обновления общественного воспроизводства; в-третьих, предполагает значительные количественно-качественные улучшения жизнедеятельности для всего народа по всем звеньям общественного воспроизводства и надстройки; в-четвертых, основан на принципиально новой, гуманной исходной модели жизнедеятельности человека-общества в природе – «Каждый человек хозяин своей жизни»; в-пятых, использует качественно новую научную базу и принципы в фундаментальных, естественных, прикладных и общественных науках для формирования и повсеместного применения в общественном воспроизводстве соответствующих теоретических, методологических, технологических, управленческих, духовно-нравственных, социально-культурных, социально-экономических разработок, воспитания подлинно гуманного мировоззрения, морали, идеологии и политики, позитивно преобразующих всю практику жизнедеятельности общества и обеспечивающих новое качество – экологически чистое, комфортное и устойчивое развитие системы человек-общество-природа-производство; в-шестых, является выходом России, а затем и мирового сообщества из системных и всякого рода иных внутренних и внешних кризисов, создает предпосылки устойчивого развития для всех членов общества; в-седьмых, формирует духовно-нравственные, социально-экономические, научно-технологические, организационно-практические предпосылки для всеобщего инновационного творчества и их реализации всем населением России, для постоянного достижения всеобщего синергетического эффекта со знаком плюс по всем уровням хозяйствования.

Комплексным вариантом создания перечисленных ключевых предпосылок является осуществление Второй индустриализации России в короткие сроки (3–5 лет) для перехода на качественно новый цикл обновления и инновационный способ общественного воспроизводства. Это не самоцель, но по своей сущности есть духовно-нравственная, научно-технологическая, социально-экономическая, экологическая подлинно гуманная форма и подлинно эволюционный способ развития и выхода России, а затем и существующей цивилизации из порочного круга саморазрушения всего человечества.

Качественно новая научная база общественных и иных наук предполагает открытие и использование на практике физических законов не только первого рода, но и физических законов второго и т.д. рода, которые современные ученые уже открыли и внедряют в практику [18; 25]. Их использование создает возможность применять качественно новые физические, социально-экономические, экологические и духовно-нравственные принципы в общественном воспроизводстве и получать на этой основе постоянные эффекты, достигать всеобщую синергию со знаком плюс по всем уровням хозяйствования в жизнедеятельности общества.

К новой научной базе, основанной на более расширенном составе всеобщих и социально-экономических законов, относятся законы:

– сохранения полной мощности [3],

– золотого сечения,

– развития социально-экономических систем С.А. Подолинского [11],

– синергии – объединения объектов живой и неживой природы,
– сохранения кинетронного импульса [25],
– сохранения энергоинформационного потенциала [18],
– экономии времени,
– роста производительности труда,
– возвышения потребностей,
– цикличного развития – эволюции социально-экономических систем,
– воспроизводимости природных ресурсов,
– и другие.

Учет в общественном воспроизводстве закона сохранения полной мощности и названных других законов ставит «с головы на ноги» всю теорию и методологию общественного воспроизводства. Сущность его заключается в том, что выполненная работа обществом, отраслью, регионом, предприятием и каждым человеком не пропадает. Она приобретает лишь различные формы их проявления – позитивные и негативные. Причем увеличение доли положительных результатов компенсируется соответствующим уменьшением негативной части выполненной работы. Следует помнить, что выполненная работа есть мощность и измеряется в кВт/час и других сопоставимых единицах, образующих единую систему размерностей физических величин. В числе этой системы нет абстрактных единиц размерностей, а также стоимости, денег, коэффициентов волатильности и т.д. Все эти показатели относятся к числу субъективно-договорных и эмоциональных единиц измерения, которые вводят в заблуждение практику общественного воспроизводства и их участников в интересах отдельных групп для достижения своих корыстных целей и интересов [1; 4].

По своей социально-экономической сущности закон сохранения полной мощности выражается в структуре бюджета социального времени, затраченного обществом в процессе своей жизнедеятельности. Он имеет следующую совокупность форм проявления: полезные затраты-результаты; бесполезные затраты-результаты; вредные затраты-результаты; потери затрат-результатов; резервы затрат-результатов по той же структуре – полезные, бесполезные, вредные, потери затрат-результатов в структуре бюджета социального времени общества при выполнении работы в единицу времени. Закон сохранения полной мощности одновременно характеризует смысл жизнедеятельности общества и каждого человека. Сущность этого смысла сводится к увеличению доли полезных затрат-результатов и уменьшению доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального времени общества и воспроизводства по уровням хозяйствования на основе внедрения инноваций. Остальные перечисленные всеобщие законы развития общества аналогично отражают с различных сторон и уточняют выделенный смысл жизнедеятельности общественного воспроизводства и исчисляются в единой системе размерностей физических величин. Названные всеобщие законы предопределяют действие социально-экономических законов. Отказ от их учета в теории и практике приводит к различного рода бессмысленным внутренним и внешним противоречиям, кризисам, локальным войнам и пр. гуманитарным катастрофам.

Ключевым звеном новой научной базы служит системно-целостная междисциплинарная методология, обеспечивающая более простое, полное и объективное познание явлений природы и общества [13], охватывающая, в отличие от наиболее распространенных субъективно-договорных методологий, фундаментальное воспитание, общую и профессиональную подготовку кадров всех категорий, духовно-нравственные аспекты в труде всех участников общественного воспроизводства.

На основе представленной совокупности всеобщих и социально-экономических законов и междисциплинарной методологии формируется теория бескровного эволюционного преобразования существующего «либерально-демократического строя на американский лад» в подлинно гуманный – инновационный способ общественного воспроизводства. Это служит реальной предпосылкой для выработки объективной подлинно гуманной стратегической идеологии, политики, системы объективных основных целей, принципов, критериев, задач и показателей оценки дальнейшего социально-экономического и иного развития всего населения страны качественно новой формации по всем уровням хозяйствования.

Внедрение качественно новой системно-целостной междисциплинарной методологии, охватывающей также объективные показатели оценки деятельности по уровням хозяйствования, структуру бюджета социального времени и иные [1; 3; 4; 7; 8] в совокупности с новой научной базой, теорией общественного воспроизводства полностью исключает проблему возникновения безработицы среди трудоспособного населения страны при внедрении всевозможных инноваций. Более того, такой подход высоконравственного общества, в отличие от существующего, предусматривает и повсеместно стимулирует в свою очередь всеобщее творчество всего населения страны и активное участие в общественном воспроизводстве.

Основные теоретические, методологические и практические положения инновационного способа производства и его качественно новая исходная модель жизнедеятельности обусловливают объективную необходимость соответствующего создания совокупности предпосылок для перехода на новый цикл эволюции общественного воспроизводства, обеспечения устойчивого развития всего населения России.

К ним относятся:

– использование качественно новой научной базы, междисциплинарной теории и методологии целостного познания социально-экономических явлений и процессов, позволяющих осуществлять исследование в условиях определенности и полного знания развития изучаемого объекта в реальном времени (адекватное прошлое, настоящее, будущее);

– разработка и повсеместное претворение во всех сферах жизнедеятельности общества качественно новой духовно-нравственной, идеологической, социально-культурной, учебно-научно-производственной, экологической и социально-экономической модели – «Каждый человек хозяин своей жизни»;

– использование качественно новой комплексной научно-технологической идеи – осуществление Второй индустриализации России, обеспечивающей широкое использование антиэнтропийных инструментов в технических, производственных, социальных, экономических, информационных и иных системах;

– повсеместное применение прорывных, гибридных и кинетронных супертехнологий, постоянно использующих эффекты броуновского движения мельчайших частиц физического Хаоса в народнохозяйственных социально-экономических, социально-культурных, экологических, духовно-нравственных целях, не нарушающих природную среду и экологию, но кардинально улучшающих качество жизни всего населения страны [25];

– повсеместное использование качественно новых научно-технологических принципов взаимодействия человек-общество-природа-производство-государство на основе постоянного получения физических и социально-экономических кинетронных эффектов в системе технологий нового поколения и новом цикле развития человечества на Земле;

– соблюдение и учет в междисциплинарной теории, методологии и практике действия более расширенного перечня совокупности всеобщих и социально-экономических законов, в соответствие с которыми обеспечивается постоянное увеличение доли полезных затрат-результатов, уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов, резервов затрат-результатов с такой же структурой в бюджете социального времени общества по уровням хозяйствования, обеспечивая истинный смысл жизнедеятельности каждого человека-общества-цивилизации;

– постоянное увеличение коэффициента эффективности деятельности (КЭД) общества, коэффициента полезного действия (КПД) технических и иных систем, коэффициента воспроизводимости природных ресурсов по уровням хозяйствования и отраслям общественного производства на основе прорывных, гибридных и кинетронных супертехнологий;

– неукоснительное соблюдение 100% экологической чистоты используемых технологий, общественного производства и среды обитания;

– фундаментальное и комплексное воспитание на основе использования междисциплинарной теории и методологии познания социально-экономических и иных явлений и КСТ-технологий, профессиональная подготовка к новым инновационным принципам, прорывным, гибридным и кинетронным супертехнологиям всех членов общества и кадров всех категорий, опережающее развитие средств производства;

– постоянное повышение реального уровня качества жизни и благосостояния всех членов общества, обеспечиваемых научно-технологически и организационно-практически комфортными условиями жизнедеятельности в рабочее и свободное время [3; 13; 14; 15; 25].

Приведенные теоретические, методологические и практические базовые научные положения указывают на кардинальные отличия нового инновационного способа общественного производства от государственно-монополистического и иных. Все они могут и должны осуществляться бескровным путем на основе количественно-качественных системных мероприятий по подлинной гуманизации жизнедеятельности всего населения страны на основе осуществления Второй индустриализации России, являющейся научно-практическим и организационным программным комплексом стратегических, тактических и оперативных мероприятий государства и хозяйствующих субъектов, всего народа, обеспечивающих кардинальный выход из всех системных кризисов, переход на качественно новый цикл обновления общественного производства и инновационный способ воспроизводства.

Список литературы

1. Бартини Р.О. Соотношения между физическими величинами. Проблемы теории элементарных частиц // Доклады АН СССР. – М.: Атомиздат,1965. – Т. 163, № 4. – С. 249–266.
2. Беляев И.П., Капустян В.М. Процессы и концепты. – М.: ТОО «СИМС», 1997.
3. Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011.
4. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества / Под ред. М.И. Гвардейцева. – М.: Радио и связь, 1996.
5. Губин В.Б. О методологии лженауки // Философские науки. – М., 2002. – № 1. – С. 150–156.
6. Кара-Мурза С. Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. 1999. – http://www.kara-murza.ru
7. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие / Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000.
8. Кузнецов П.Г. Энергетический анализ основ общественного производства. – М.: Советское радио, 1972.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. (Опубл. в 1909). – М.: Политиздат,1971.
10. Николаев А.И., Николаев И.В. Ощущения четвертого порядка. (Учебное пособие по философии, психологии, логике и педагогике). – Санкт-Петербург, Возрождение России, 2006.
11. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: Ноосфера, 1991.
12. Полный обзор преступлений Горбачева и его окружения. – http://patriot-su-rf.ru/blog/43703548515/Polnyiy-obzor-prestupleniy-Gorbacheva-i-ego-okruzheniya.
13. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Методология междисциплинарного анализа и синтеза на примере экономических, управленческих и правовых наук // Агропродовольственная политика России. 2015. – № 12. – С. 97–107.
14. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Концепция инновационного развития общественного производства – осуществления Второй индустриализации России на период 2017–2022 гг. – Екатеринбург: Спутник, 2017.
15. Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016. – № 1. – С. 90–98.
16. Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 декабря, № 5964 (291).

17. Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов // Российская газета. – М., 2014. – 14 января, № 6277 (5).
18. Рогожкин В.Ю. Эниология: Энергоинформ. обмен. – М.: Пантори, 2000.
19. Синельников В.В. Прививка от стресса. Как стать хозяином своей жизни. – М.: Центрполиграф, 2013.
20. Тофлер Э. Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2005.
21. Тоффлер Э. Третья волна, 1980. – М.: АСТ, 2010.
22. Цаплин В.С. Странная цивилизация. – М.: АСТ-Астрель, 2006.
23. Царегородцев С. Механизм управления обществом. Как преодолеть догматизм современной философии. – М., 2014.
24. Шапиро А. Рынок как порок // Коммерсант Weekend. 2009. – 10 апреля, № 13 (109).
25. Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М.: 2009.

Романова Е.М.
к.э.н.
mola123@yandex.ru

ОБ ОПЫТЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ США В ЭКОНОМИКУ ЯПОНИИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова: *прямые инвестиции (ПИИ); США, Япония, Россия; мировая экономика; транснациональные корпорации (ТНК); санкции.*

Согласно данным ведущих финансовых аналитиков Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), США, по-прежнему, остаются глобальным лидером в вывозе прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В последние десятилетия прямые инвестиции ТНК США занимают самые весомые и прочные позиции в экономике Японии (равно как и японские ПИ в США). Экономика Японии является важнейшей областью реализации экономических интересов США [7; 11, с. 87]. Удельный вес прямых инвестиций США составляет 25,2% или 7,0 трлн. иен от объёма всех ввезённых ПИИ из-за рубежа в экономику Японии. Для сравнения: доля совокупных инвестиций стран Восточной Азии (включая Китай, Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур) в экономике Японии в конце 2016 г. составляла 5,0 трлн. иен или 18%; доля европейских стран (Нидерландов, Франции, Великобритании, Швейцарии, Люксембурга, Германии) – 48,7% или 12,425 трлн. йен. [19, с. 4–6].

Япония весьма привлекательна для Штатов в связи с тем, что это страна с высокими передовыми технологиями (в области электроники и робототехники), высоким научно-техническим потенциалом, развитым общим (особенно) транспортным машиностроением (включая автомобилестроение и судостроение).

Американские инвесторы особо заинтересованы в ряде отраслей японской экономики, к которым относятся финансы и страхование, производство транспортного оборудования, химическая промышленность (включая фармацевтику), сфера услуг и коммуникаций, оптовая и розничная торговля, недвижимость, сфера транспорта и грузоперевозок, дорожная инфраструктура [19, с. 5–6]. В последние четыре года наибольший объем ПИ из США был направлен в высокотехнологичный сектор, включая ИТ-технологий, программное обеспечение и производство полупроводников [19, с. 6].

Прямые инвестиции из США в конце XX – начале XXI веков повысили конкурентоспособность японской экономики, благотворно повлияли на её «оживление» и помогли стране преодолеть экономический кризис, при этом экономика Японии всё ещё остаётся относительно «закрытой» для американского инвестора [11, с. 87-106]. Такая система «открытия» японского рынков для инвестиций при общей системе «закрытости» «нужных» и охраняемых секторов японской экономики, каким-то образом выгодна стране и по сей день. Отметим, что «закрытость» некоторых секторов экономики, вовсе не мешает Японии привлекать значительные объемы ПИ из США непосредственно в те отрасли, которые имеют «стратегическое значение» и «разрешены» для вложений американским инвестором, и где можно извлечь от этого реальные выгоды для японской экономики.

Всего (по состоянию на конец 2016 г.) согласно американской статистике Бюро экономического анализа (БЭА) Министерства торговли США, объём накопленных американских прямых инвестиций в Японии составил – 114,6 млрд. долл. (для сравнения: в Китае – 92,5; Гонконге – 65,6). К концу 2014, 2015, 2016 гг. соответственно (в млрд. долл.) прибыль от американских филиалов ТНК в Японии составила 8,3; 9,7; 11,1 [22, с. 64, 66, 68–69, 78; 23, с. 12–14].

О японских мерах по привлечению инвестиций и о том, что стоит перенять России

Известно, что на протяжении 15 лет (1990-е гг. – начало 2000-х гг.) Япония испытывала серьёзнейшие экономические проблемы [11, с. 87-88]. Однако Япония, развивая свой экономический потенциал и опираясь на поддержку США «подняла себя из руин» и, благодаря этому, обеспечила стабильное инвестиционное сотрудничество не только между США, но и с рядом других стран. Благодаря ежегодно проводимым структурным реформам, направленным *на либерализацию экономики страны и проведение правовых реформ в стране* (в основном телекоммуникационного сектора и сектора энергетики) и относительному повышению «открытости» её внутреннего рынка для инвесторов без ущерба для собственной экономики, за двадцать лет Япония достигла значительных результатов.

В 2010-е годы темпы проникновения американского капитала в Японию ускорились, а позиции компаний США в японской экономике несколько укрепились. В конце 2010-х гг. экономика «оживилась» и стала готовой к успешному американо-японскому взаимовыгодному сотрудничеству [11, с. 88–89]. Важные соглашения, подписанные между США и Японией в конце 1990-х и все последующие 2000-х годы повлияли на увеличение притока прямых инвестиций из США (в т.ч. *Соглашение по прямым зарубежным инвестициям*, которое предусматривало реформирование японского рынка по трём основным ключевым аспектам: создание условий для более действенного и эффективного функ-

ционирования механизма слияний и поглощений через рынок; обеспечение ликвидности земельного рынка и доступа иностранных инвесторов на этот рынок; увеличение мобильности рынка труда).

В мае 2003 г. Японским инвестиционным центром по поддержке предпринимательства и инвестиций была учреждена *Организации содействия развитию внешней торговли Японии или ДЖЕТРО (Japan Eternal Trade Organization (JETRO)* со штаб-квартирой в г. Токио. ДЖЕТРО имеет собственный веб-сайт (на японском и английском языках) и ряд международных офисов по всему миру (включая, Северную Америку, Европу, страны Азии и Среднего Востока, Океании, Центральной и Южной Америки, Африки, Россию и страны СНГ). На сайте в режиме «нон-стоп мониторинга» публикуются все важные события, касательно иностранных инвесторов, освещаются и обсуждаются результаты встреч на высших уровнях различных глав государств, в частности, США с Японией и другими странами АТР. Так, например, на сайте ДЖЕТРО изучаются объёмы привлечения иностранных (в особенности, американских) ПИИ в Японию, показываются новые тенденции в их привлечения, рассматриваются основные торговые сделки, реформы в области инвестиций, опубликовываются новшества в законодательной базе Японии. ДЖЕТРО ежегодно с 2000-х гг. по настоящее время публикует спецдоклады, получившие название *«Белые книги ДЖЕТРО по прямым иностранным инвестициям» («JETRO White Papers»).* В них содержится актуальная информация об общей экономической ситуации в японской экономике.

Новые меры по привлечению капитала в 2010–2017 гг. и «Стрелы» Абэ

После вступления в должность премьер-министра Японии Синдзо Абэ была предложена (и позже воплощена в жизнь) новая экономическая политика под названием «Абэномика». *Центральными элементами «абэномики»* были ***три «политические стрелы»:*** агрессивная денежно-кредитная политика; гибкая бюджетная (фискальная и налоговая) политика и стратегия роста, включая структурную реформу наиболее перспективных отраслей экономики страны и её устойчивое восстановление, которые предполагают долгосрочное развитие (в рамках третьей стрелы должен возникнуть мультипликативный эффект; создание новых рынков; развитие человеческого капитала и либерализация рынка).

С. Абэ в своём выступлении в январе 2018 г. отметил, что «абэкономика» была создана «для будущего роста, для будущих поколений и для будущей Японии». Первоочерёдными задачами Абэ считает: 1) повышение производительности; продолжение курса реформ в сфере регулирования; 3) использование возможностей международного сотрудничества и улучшение деловой среды для стимулирования притока ПИИ из-за рубежа.

В рамках «третьей стрелы» г-на Абэ была подготовлена и в 2014 г. пересмотрена и опубликована в августе 2016 г. *«Стратегия по оживлению японской экономики» («Japan Revitalization Strategy»).* Особый акцент в третьем направлении был сделан на удвоение объема входящих прямых инвестиций из-за рубежа к 2020 г. до 35 трлн. иен (примерно 314 млрд. долл.) при условии радикального улучшения инвестиционного климата и создании всех необходимых условий для иностранного инвестора [13, с. 9].

В апреле 2014 г. Правительство Японии учредило *«Совет по продвижению* ПИИ*» (‘FDI Promotion Council’),* состоящий из министров и частных советников по секторам экономики страны. Основная цель деятельности данного Совета – рекомендации по улучшению инвестиционного климата в Японии. В марте 2015 г. при участии ДЖЕТРО и Института развивающихся экономик Японии был разработан, а в 2017 году принят и опубликован особый план в виде небольшого доклада по привлечению иностранных ПИИ в экономику Японии в ближайшие годы.

В марте 2016 г. Правительство Японии во главе с С.Абэ разработало *«Пять обещаний для привлечения заграничного бизнеса в Японию» («Five Promises for Attracting Foreign Business in Japan»).* В мае 2016 г. был издан Доклад *Совета по продвижению ПИИ* с рекомендациями о том, в какие отрасли лучше привлекать инвестиции, а также рекомендациями по улучшению законодательства в отношении легального проникновения иностранных фирм в отрасли японской экономики. Также среди значимых событий 2016 г. можно выделить разработку *Политического Пакета по продвижению ПИИ для превращения страны в глобальный инвестиционный «хаб»* [27].

В апреле 2016 г. Правительство Японии учредило *«Спецсистему назначения инвестиционного консультанта» («Investment Advisor Assignment System»)* в котором каждый госчиновник, то есть министр выступает в роли особого советника по определению среди иностранных компаний «стратегически наиболее важных» для инвестирования в японскую экономику. Отметим, что таких компаний было выбрано только 9, из них – 6 из США [19; 27].

В 2016 г. Японским правительством был принят *«Валютный и Торговый Акт» («Foreign Exchange and Foreign Trade Act»),*чётко регулирующий доступ к ведущим секторам экономики иностранных инвесторов. Уже принят в феврале 2014 г.

В начале октября 2017 г. Японское правительство разработало и опубликовало на своем сайте специальную видео-программу под названием *«Как инвестировать в Японию: усилия Правительства в данной области.* Суть программы такова: рассказать потенциальному инвестору о том, насколько Япония улучшила своё деловую среду на предприятиях и привнесла инновации в дальнейшее инвестиционное сотрудничество между США и Японией. С данной программой ознакомился генеральный директор компании «Филипс Электроникс Джэпэн, Эл-Тэ-Дэ» г-н Дэнни Рисберг (Danny Risberg, CEO, Philips Electronics Japan,Ltd.), который отметил «полезность» упомянутого выше документа. Японцы призывают американских коллег осуществлять ПИИ в туризм, т.к. они ведут к растущему спросу потребителей и вносят вклад в социально-экономическое развитие краёв и областей Японии.

В соответствии с данной программой иностранный инвестор может приобретать долю в уставном капитале предприятия более 10%, если это «не противоречит национальным интересам страны и приносит пользу, не причиняя вред экономической стабильности государства» [19]. Приобретение доли в капитале предприятия менее этой величи-

ны не даёт возможность непосредственно участвовать в управлении предприятием, в частности иметь своего представителя в Совете директоров,

В данной программе выделены следующие отрасли для инвестирования из-за границы: сельскохозяйственная отрасль, космическая промышленность, лесное хозяйство и лесоперерабатывающая промышленность, нефтегазовая отрасль, электроэнергетика, тепло- и газоснабжения, использование водных ресурсов, сфера телекоммуникаций и электросвязи (при условии введённых ограничений) и сфера производства изделий из кожи [27].

Японский Банк по международному сотрудничеству («Japan Bank for International Cooperation» («JBIC») с 2016 г. оказывает значительное содействие и помощь иностранному инвестору, а также «помогает привлечению ПИИ в Японию», предоставляя специальные инвестиционные кредиты на льготных условиях для зарубежного инвестора. Особенно это касается создания СП на территории Японии и привлечения американских ПИИ с нефтяную сферу японской экономики.

В рамках «абэномики» было принято решение перезапустить атомные электростанции, что должно значительно улучшить торговый баланс Японии и привлечь в страну новые капиталовложения из-за рубежа.

Результативной можно считать и реализацию *«Стратегии оживления экономики».* Эта стратегия нацелена на достижение «несомненного превосходства» Японии в сфере НИОКР, инфраструктуры, высоких технологий и инноваций, а также на привлечение новых «талантливых умов», а также на содействие проникновению японских ТНК на мировые рынки [8, с. 274–275, 279–280].

Согласно данным Докладов *«World Statistics 2016» и «Japan Invest Japan Report 2016»* примерно 86% из потенциальных 197 иностранных компаний (среди них есть и из США), которые собираются инвестировать свой зарубежный капитал в форме ПИИ в Японию, рассматривают японскую экономику как «рынок с большими преимуществами и полностью соответствующий зарубежным стандартам для иностранного инвестора». Среди этих компаний есть уже и американские гиганты (такие как «Кока Кола», «Монделиз Интернэшнл, Инк «Джонсонс энд Джонсонс») которые уверены в возможностях успешной деятельности на рынках Японии [7, с. 450–453].

В сфере инновационных технологий и ноу-хау очевидна роль ведущих американских корпораций. Так, например, американский концерн «Дженерал Моторз» создал в Японии «Технологическую инициативу Японии», основав при этом совместное предприятие (СП) с японской корпорацией «Ниппон Карбон Ко.Эл-Тэ-Дэ» по производству высокотехнологических неорганических волокон для последующего поколения авиационных двигателей. Для осуществления данного проекта была привлечена японская компания «Хонда Мотор Ко.Эл-Тэ-Дэ». Корпорация «Катерпилар» *(«Caterpilar»)* создала в Акаси (Префектура Хёго) глобальную научную базу развития гидравлических экскаваторов.

30 мая 2017 г. В Токио состоялся *«Бизнес-семинар Япония-США-Европа»,* на котором была подчеркнута важность создания «нового» взаимовыгодного сотрудничества для осуществления прямых инвестиций. А 14 июня 2017 г. при поддержке ДЖЕТРО в Вашингтоне состоялся *«Азиатско-тихоокеанский семинар по экономической интеграции»,* в котором приняли участие представители более 150 американских компаний и ведущие специалисты. На семинаре обсуждались основные проблемы в области привлечения прямых инвестиций из-за рубежа. В октябре и ноябре 2017 г. состоялся важный диалог между Д. Трампом и С. Абэ, в ходе которого были достигнуты договорённости и в дальнейшем продолжать взаимовыгодное сотрудничество обеих стран в области экономики и привлечения инвестиций. Однако Дональд Трамп подчеркнул в своём заявлении от 16 октября 2017 г., что «сейчас упор будет сделан не на новые проекты в Японии, а на увеличение заработной платы рабочим в США и сокращение рабочих квот на места для иностранцев». Это неминуемо приведёт к «эффекту закрытых дверей», но уже со стороны США, и это может негативно отразиться на двустороннем инвестиционном сотрудничестве.

Среди важных вех в развитии американо-японского сотрудничества можно выделить подписанное 10 февраля 2017 г. *«Совместное заявление Президента США Дональда Дж. Трампа и Премьер-министра Японии Синдзо Абэ».* Оно направлено на «укрепление дальнейшего политического и экономического сотрудничества между обеими странами не только в рамках «США – Япония», но и на развитие взаимовыгодных взаимоотношений США с регионом АТР. США делают акцент на дальнейшие инвестиции в рамках уже ранее подписанных законодательных актов и инициатив, в том числе и в те «прибыльные» сектора японской экономики, где есть реальная от этого выгода для двух стран. При этом требования Америки следующие: расширение возможностей для экономического роста и роста занятости в обеих странах, честная торговля и устранение торговых и инвестиционных барьеров на пути привлечения прямых инвестиций из США в экономику Японии [18, с. 1].

В начале октября 2017 г. Японское правительство разработало и опубликовало на своём сайте (в формате видео специальную программу под названием *«Как инвестировать в Японию: усилия Правительства в данной области».* Суть программы такова: рассказать потенциальному инвестору из США о том, насколько Япония улучшила свою деловую среду и условия для дальнейшего инвестиционного сотрудничества между США и Японией.

Правительство Японии предприняло ряд попыток по совершенствованию деловой среды и пересмотрело административные процедуры, напрямую связанные с программой *«Во имя роста» («In the name of Growth»).* В Японии был заложен «прочный» и «надёжный» фундамент для успешного американо-японского сотрудничества в области привлечения ПИ с нотками «жёсткого» и специфического партнёрства с оттенком протекционизма, отдалённо напоминающего метод «кнута и пряника». Если американские фирмы при таких условиях смогут продолжать инвестирование и расширять свою деятельность в Японии, то это будет способствовать не только получению взаимных выгод, укреплению японской экономики (а экономически сильная и стабильная Япония – в национальных интересах США), но и повышению конкурентоспособности обеих стран.

Т*ем не менее, у двустороннего сотрудничества этих стран есть и ряд отрицательных моментов.* Так, например, манипулируя ценами, дочерние компании как японских, так и американских ТНК в своих прямых капиталовло-

жениях умело обходят национальные законодательства, скрывают часть своих доходов от налогообложения путём перекачивания их из отрасли в отрасль, из одной страны в другую или непосредственно прямо в сам штаб-квартиры ТНК [11, с. 88–89, 91–92].

Об основных выводах для России и о дальнейших перспективах российско-американского сотрудничества

Если говорить о некоторых положительных результатах деятельности российско-американских предприятий за последние десять лет (с 2006 по 2016 гг.), то следует отметить цикличность «взлётов» и «падений» двустороннего сотрудничества наших стран. В настоящее время на российском рынке присутствуют те компании, которые сумели адаптироваться к условиям ведения бизнеса в РФ в непростой политической обстановке, и те компании, которые «сумели» выжить в условиях санкций США против России. Это такие гиганты как: «ПепсиКо», «Кока-Кола Компани», «Проктер энд Гэмбл», «Макдональс Корпорейшн», Монделиз Интернэшнл, Инк.», «Дженерал Моторс», «Джонсон энд Джонсон», «Каргил», «Алкоа», «Дженерал Электрик», «Форд Мотор Компании», «Пфайзер Инк.», «Найк», «Юнилевер», «Убер», «Эппл Компьютер Инк.», «Майкрософт Корпорейшн» и некоторые другие [1, с. 121; 127–128].

Характер их деятельности (пищевая, табачная, химическая отрасли, область машиностроения, добывающая, обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, информатика и вычислительная техника, финансовая сфера, холдинговые (небанковские) компании) имеет довольно продуктивный характер и для самих инвесторов из США и для экономики России, так как большинство их создает совместные предприятия (СП) [1, с. 123–124]. Позитивно, что упомянутые компании вовсе не намерены покидать российский рынок, несмотря на «отсутствие конструктивного диалога» между президентами стран и санкции. К примеру, американская компания «Дженерал Электрик» всё-таки подписала соглашение об учреждении совместного предприятия с нефтяной компанией «Роснефть» в ожидании того, что когда-нибудь Вашингтон все же снимет санкции с нефтяных фирм. Отметим, что американский капитал направляется туда, где региональное законодательство способствует улучшению местного инвестиционного климата. Малоразвитые города и области РФ мало интересуют инвестора. В результате на экономику семи субъектов РФ – Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской, Тюменской и Сахалинской областей и Республики Коми – приходится свыше 70% объёма накопленных прямых инвестиций США (до 2015 г.). Особенно полезным было бы привлечение ПИ из США в российскую сферу НИОКР и инфраструктуру России (как, например, это практикуется в Японии, где инвесторы широко привлекаются к строительству новых железнодорожных трасс и автомобильных дорог). Нужно создавать качественно новую индустрию на основе использования новейших технологий и привлечь туда перспективных специалистов и учёных как из России, так и из-за рубежа (что давно уже практикуется в Китае, Японии и Ю. Корее).

Необходимо создать эффективный орган (некий аналог японскому) по привлечению и регулированию иностранных инвестиций на государственном уровне, в функции которого входили бы как регулирующая и консалтинговая деятельность; предоставление отчётов в режиме «нон-стоп» (как это практикуется в Японии); содействие в сбыте товаров и услуг (в т.ч. национальных товаров) за рубежом, так и выработка и принятие определённых норм, которые направлены на содействие привлечению иностранных капиталовложений и др. Полезно было бы создать целую систему регулирования ПИИ и разработать особые меры по привлечению ПИИ, как это делалось в Японии (и Южной Корее), которые принесли ощутимые «плоды» государству. При этом необходимо также устранить и «психологический барьер» восприятия иностранного капитала, когда всё «заграничное» кажется подозрительным, вредным, плохим.

Некоторые регионы предоставляют налоговые льготы иностранным компаниям. Однако эти льготы обусловлены такими условиями, которые ставят инвестора в «зависимость» от субъективных действий чиновников и выполнение которых требует значительных усилий и расходов (отсюда высокая степень бюрократии на местах, взяточничество и коррупция, рост «теневого бизнеса», отсутствие «прозрачности» и «надёжности» для вложений в российскую экономику). Также следует решить вопрос, связанный с неясностью права собственности на землю и недра. Часто возникают транспортные и таможенные проблемы, например, нефтедобывающие СП сталкивались с отказами доступа к нефтепроводам, с произвольными повышениями тарифов за перекачку нефти, с повышением таможенных пошлин. Необходимо помнить, что зарубежный инвестор (и не только американский), вкладывающий свои средства в создание СП в России, должен быть обеспечен всеми необходимыми гарантиями надёжности и «прозрачности» для своих вложении, особенно, в сфере услуг. Поэтому необходимо срочно выработать такую политику путём усовершенствования и модернизации сферы услуг, которая бы соответствовала западным и американским стандартам.

Список литературы

1. Гаспаришвили А.Т., Романова Е.М. Деятельность американских ТНК в России // Вестник внешней торговли. – М., 2018. – № 2.
2. Зименков Р.И., Романова Е.М. Американские ТНК за рубежом: стратегия, направления, формы // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 8. – С. 45–53.
3. Зименков Р.И. Новые явления в зарубежной деятельности американских ТНК // Россия и Америка в XXI веке. 2015. – № 1.
4. Лавров назвал санкции США бессмысленными // Известия. – М., 2018. – 21 января. – С. 1.
5. Кириллов А.Н. Два года «Абэномики»: первые результаты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. – № 1 (61). – С. 226–228.
6. Коровин Н.М. Проблема привлечения прямых иностранных инвестиций в Японию (2000–2015 гг.) // Японские исследования. – М., 2017. – № 1. – С. 38.

7. Костылева А.В., Бычкова Л.В. Роль транснациональных корпораций в мировой экономике // Молодой учёный. 2017. – № 2. – С. 450–453. – https://moluch.ru/archive/136/38254/ 9
8. Ребрей С.М, Япония в международном движении капитала // Мировая экономика. – М.: Изд-во МГИМО Россия, 2016. – № 4.
9. Романова Е.М. Особенности использования в России опыта корпоративного управления Японии и Китая // Вестник внешней торговли. – М., 2017. – № 12. – С. 26–42.
10. Романова Е.М. Прямые инвестиции США на рубеже XX–XXI веков // Маркетинг. – М., 2016. – № 1 (152). – С. 3–18.
11. Романова Е.М. Американские прямые инвестиции в экономику Японии. США. Канада: экономика – политика – культура. – М., 2007. – № 9. – С. 87–106.
12. Россия в цифрах. – М., 2017. – 513 с.
13. Стрельцов Д.В. Попадут ли «стрелы» «Абэкономики» в цель? // Азия и Африка сегодня. 2014. – http://www.mgimo.ru/publications/?id=1008144/
14. Супян В.Б. США в мировой экономике в начале XXI века // США-Канада: экономика, политика, культура. – М., 2008. – № 1. – С. 3–16.
15. Ушанов С.А. Американские транснациональные корпорации и вопросы внешнеэкономической безопасности // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. – № 3. – http://naukovedenie.ru/PDF/05EVN317.pdf
16. Эксперт. – М., 2017. – № 7 (1017), 13–19 февраля. – С. 40–41.
17. Эксперт. М., 2017. – № №34 (1040), 21-27 августа. – С. 14–20.
18. «Joint Statement from President Donald J.Trump and Prime Minister Shinzo Abe», Foreign Policy, Issued on: February 10, 2017, p. 1. – www.whitehouse.gov
19. JETRO Global Trade Investment Report 2017 – Global Economy Reaching Turning Point Overview, July 31, 2017 by JETRO Overseas Research Department, Chapter 1. Section 3:World FDI and Japan's FDI. – P. 16–56.
20. Global Foreign Direct Investment slipped in 2017. – Geneva, 2018. – 22 January. Press Release UNCTAD/Press/PR/2018/2* – www.mailchi.mp
21. Survey of Current Business. Direct investment Position for 2006. Country and Industry Detail by Marilyn Ibarra and Jeniffer Koncz, July 2007 (see:Table 1.12. U.S. Direct Investment Abroad on a Historical-Cost Basis, 2006, July 2007, p. 34; pp. 21–36).
22. Survey of Current Business 2016. – July 25 (www.bea.gov). – P. 69; 78 (Table 14. U.S. Direct Investment Abroad: Selected Items by detailed country, 2011–2015 (millions of dollars), July 2016. – P. 78); Table 13.3. U.S. Direct investment abroad: income without current-cost adjustments. – July 2016. – P. 64; 66; 68–70.
23. Survey of Current Business, July 2017 (www.bea.gov) (Direct Investment Positions for 2016. Country and Industry Detail. By Derrick T. Jenniges and Sarah A. Stutzman), (including: Table 1.1. U.S. Direct Investment Abroad on a historical-cost basis, 2015 (millions of dollars), p. 3 and Table 1.2. U.S. Direct investment abroad on a historical-cost basis, 2016, p. 2), pp. 1–16.
24. World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy / UNCTAD. – P. 252.
25. White House Publishing. «Memorandum of January 23, 2017. Presidential Documents. Federal Register January 25, 2017/ Presidential Documents. № 8497 / Withdrawal of the United States From the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement. Momerandum for the United States Trade Representative (www.whitehouse.gov).
26. The White House 1600 Daily News. It's time to restore America's competitive edge. 2017. – October 16 (www.whitehouse.gov).
27. Why Japan? 5 Reasons to Invest in Japan / External Japan Trade Organization' (JETRO). – www.investjapan.org/
28. The RIA-NEWS. – www.russian.rt.com
29. U.S.Net International Position Fourth Quarter and Year 2017. – www.bea.gov

Росс Г.В.
д.э.н., д.т.н., профессор, Финансовый университет
ross-49@mail.ru
Лихтенштейн В.Е.
д.э.н., профессор, МТУ МИРЭА

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ ПУЗЫРЯМИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Ключевые слова: *финансовые пузыри, цифровая экономика, управление, рынок, равновесие, парадигма, эволюционно-симулятивный метод, равновесный случайный процесс.*
Keywords: *financial bubbles, management, digital economy, balance, paradigm, market, evolutionary-simulation methodology, equilibrium stochastic process.*

Любая деятельность легко превращается в раздувание пузыря. Не счесть числа способов такого превращения: организация ажиотажного спроса, раскрутка бренда, монополизация, а также воровство, приписки, создание пирамид, финансовый терроризм и пр. Сущность финансового пузыря – в том, что цена товара, услуги или ценной бумаги больше той, которая должна была бы быть, если бы соблюдались условия совершенной конкуренции. Разность этих цен и есть пузырь. Иначе говоря, пузырь – это не обеспеченные активы. Всякий способ зарабатывания денег из денег, например, получение процентов по кредитам, является, вообще говоря, раздуванием пузыря и запрещается исламскими банками[1]. Они следуют Ветхому Завету, где говорится, «… настоящий праведник «в рост не отдает и процентов не берет»[2].

При всем этом, финансовый пузырь, если он не слишком большой и не слишком устойчивый, является полезным, желательным и даже обязательным для здоровья экономики. Это легко пояснить на простом примере, о котором было рассказано в одной из новостных программ: девушка изобрела складные домашние тапочки. Она взяла кредит, наладила мелкое производство, и товар сам себя разрекламировал благодаря «сарафанному радио». Так возник бизнес, который создал более 100 рабочих мест. Этот пример показывает, что ажиотажный спрос может возникнуть стихийно, что он может создать полезный бизнес и что без кредитов ничего бы не получилось. В целом, всякая попытка раздуть пузырь мотивируется желанием легко заработать деньги и является неизбывным стимулом экономической активности. Если представить себе некую идеальную экономику, в которой удалось полностью искоренить пузыри, то это будет либо стагнирующая, либо деградирующая экономика.

Проблемы создают не сами пузыри и даже не их раздувание. В здоровой экономике пузыри сдуваются сами собой. Обычно это связано со спадом ажиотажа. Проблемы создает деятельность, направленная на сохранение пузырей. В этом заинтересованы не только энтузиасты легкого заработка, но также бизнес, который уже в какой-то части превратился в пузырь, и его многочисленные лоббисты в органах законодательной и исполнительной власти. Достижению цели сохранить пузырь могут служить такие финансовые стратегии как рефинансирование, ребрендинг, маркетинговая новация, эмиссия ценных бумаг и пр. Пузыри могут распадаться и сливаться, мимикрировать, прилипать к реальному производству и отрываться от него. Если пузырь делается достаточно устойчивым к изменениям внешних условий, колебаниям рынка и финансовым стрессам, то он начинает играть роль «тихой гавани», привлекает капиталы, поглощает реальное производство.

Главные негативные воздействия финансового пузыря состоят в следующем:

- во-первых, пузырь смещает цену вправо, то есть привносит ошибку в информацию, которую несут цены, искажает экономические измерения и извращает расчеты;
- во-вторых, создает нежелательные перетоки капитала, концентрацию капитала в пузырях, диспропорции в экономике и расслоение по доходам;
- в-третьих, создает условия неопределенности для экономических агентов (ЭА), увеличивает риски для инвестиций и транзакций, приводит к хаотизации экономики.

В цифровой экономике роль финансовых пузырей многократно возрастает в связи с тем, что ее основой является массовое применение искусственного интеллекта и Интернета для принятия решений путем обработки сырых данных. Г. Греф считает, что «данные превращаются в информацию, когда они проанализированы. Новые технологии позволяют обрабатывать сырые данные … Водоворот данных закружит всех и даже человеческую сущность. … 230 лайков и мы будем понимать вашу личность лучше, чем близкие. Это используется для управления клиентскими

[1] Исламский банк. – https://www.syl.ru/article/332940/islamskiy-bank-printsip-rabotyi-osnovnyie-pravila-islamskiy-bank-bez-protsentov-bankovskaya-deyatelnost

[2] http://nm2000.kz/news/2011-05-23-40737

отношениями. Уже можно считывать психотип из фотографии … Это принципиально новые модели – выявление истинных потребностей человека». Уже сегодня торговые компании, например, «Али Баба», имеют технологии, которые позволяют в реальном масштабе времени распознавать предпочтения и предсказывать пожелания покупателей. Этого не было на предыдущих технологических укладах, когда создавались машины, которые могут двигаться быстрее чем человек, работать производительнее, чем человек, делать то, на что человек не способен, например, летать. Теперь машины уже научились думать лучше человека. Стало очевидно, что искусственный интеллект превзошел интеллект человека и по скорости обработки информации, и по объему памяти, и по функциональности при работе с сырыми данными. Другое дело, что «машина, которая генерирует тексты, или какое-то изображение, не понимает, что она генерирует. Она сгенерировала последовательность байтов. Это мы уже наполняем эту последовательность семантикой, определяя, что это изображение похоже на картину Рембрандта …»[1] «Интеллектуальные системы … обладают способностями к обучению, рациональным распределениям и направленному или разумному поведению. Вот этих 2-х компонентов у них нет, а есть 1-й: обучаться они могут. Мы не можем смоделировать интеллект человека полностью, кем бы он ни был: врачом, педагогом, или уборщицей»[2].

Это оставляет надежду, что искусственный интеллект (ИИ) не победит человека, но несомненно, что ИИ и Интернет меняют окружающую человека среду и вступают с человеком в открытую конкуренцию. Будучи нацелен на получение дохода, или прибыли, или расширения какого-нибудь бизнеса, искусственный интеллект быстро обнаружит, что проще всего делать деньги из денег, раздувать пузыри, а также зарабатывать на человеческих пороках и слабостях. Суммарный, кумулятивный результат прихода цифровой экономики состоит в том, что классическая экономическая парадигма, согласно которой рынок уравнивает спрос и предложение с помощью цен, стала неадекватной. Рыночный механизм хорошо работает везде, где предложение сдерживается ограниченными ресурсами, спрос – ограниченными доходами, и когда предпочтения устойчивы. До недавнего времени эти условия соблюдались почти везде и действие свободного рынка распространялось на все основные категории экономических агентов (ЭА): низкодоходную, среднедоходную и высокодоходную. В цифровой экономике масштабы финансовых пузырей таковы, что:

– низкодоходная категория расширяется и по необходимости превращается в категорию социальных иждивенцев, которые живут на пособия и дотации, не имеют свободных средств, чтобы выбирать на открытом рынке, уподобляя систему потребления системе прямого распределения, для которой рынок – всего лишь ширма;

– среднедоходная категория постепенно, но неуклонно сужается и остается единственным пристанищем для классической рыночной парадигмы;

– высокодоходная категория, оставаясь достаточно узкой, концентрирует самую большую долю финансового капитала, превращается в финансовый пузырь и полностью перестает подчиняться классической экономической парадигме.

Концентрацию капитала в высокодоходной категории достаточно хорошо характеризуют такие цифры: «Всего 13% земного населения владеют 95% капитала Земли»[3], «1% самых богатых людей на планете владеют активами в объеме $110 трлн. Это в 65 раз больше совокупного объема богатства, которое принадлежит беднейшей половине человечества»[4]. По данным известного итальянского журналиста и аналитика Джульетты Кьезы «Этим миром правят 9 человек»[5].

Экономическая наука хорошо изучила процессы, происходящее в низкодоходной и среднедоходной сферах, то есть там, где действует классическая парадигма с учетом мер социальной поддержки и прямого распределения. Однако самое интересное и абсолютно неизвестное науке происходит в высокодоходной сфере. Здесь обитают потребители с таким уровнем платежеспособности, что им доступны любые ресурсы в любом количестве. Их предпочтения неустойчивы. Иначе говоря, это сфера экономики неограниченного предложения и неопределенного спроса, в которой нет никакого смысла говорить о равновесии спроса и предложения: классическая парадигма здесь не работает! Примеры неадекватности классической парадигмы приводятся в многочисленных исследованиях, в том числе, удостоенных Нобелевских премий[6]. В основном это примеры нарушений равновесия из-за психологических факторов. Эти исследования дают полезные рекомендации разработчикам маркетинговых программ, подсказывают, как формировать и распределять премиальные фонды между топ-менеджерами крупных компаний, но они ничего не дают для понимания процессов, свойственных цифровой экономике.

Обобщая все сказанное, мы приходим к формулировке следующей задачи:

необходимо предложить парадигму цифровой экономики, которая охватит все категории экономических агентов и явится поэтому обобщением классической рыночной парадигмы, а также позволит разработать технологию управления финансовыми пузырями, включая:

– способы измерения пузырей;

– целевые критерии управления пузырями;

---

[1] Ламб В. Завтра не умрет никогда. – http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32318

[2] Осипов Г.С. (профессор, зам. директора ФИЦ ИУ РАН, президент Ассоциации ИИ). Завтра не умрет никогда. – http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32318

[3] http://www.234555.ru/publ/11-1-0-70

[4] SUNNA PRESS МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСЛАМА. – http://sunnapress.com/news/business/6447-85-samykh-bogatykh-liudei-v-mire-vladeiut-takim-zhe-obemom-aktivov-kak-i-polovina-naseleniia-zemli.html

[5] Кьеза Дж.: Этим миром правят 9 человек //Новые ведомости, 17.11.2015. – http://nvdaily.ru/info/38411.html

[6] См.: Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Нобелевские премии и идеология экономической справедливости // Экономические и гуманитарные науки. 2016. – № 5(292).

– способы воздействия на пузыри.

Научный задел для решения поставленной задачи включает теорию равновесных случайных процессов (РСП) [1; 2], методологию математического моделирования РСП, а именно эволюционно-симулятивную методологию [1; 2], способы измерения финансовых пузырей [3], целевые критерии управления пузырями [3], инструментальную систему Decision, позволяющую программно реализовывать ЭСМ [4, 5]. Структурная формулировка эволюционно-симулятивной модели (ЭСМ), которая одновременно является моделью РСП, моделью ЭА и моделью новой парадигмы, представлена соотношениями (1) – (7). Рассматривая содержание переменных и смысл соотношений (1) – (7), мы получаем систему понятий, необходимых для описания новой парадигмы, математическую модель новой парадигмы, а также краткие, но точные характеристики основных компонент системы управления финансовыми пузырями.

$$Fa_t = \rho\left(\overline{f}, \overline{p}\right) \quad (1),$$

$$\Psi_1\left(PL_t, Fa_t\right) = \rho_1\left(PL_t, Fa_t, \overline{f}, \overline{p}\right), если \quad PL_t \text{ f } Fa_t \quad (2),$$

$$\Psi_2\left(PL_t, Fa_t\right) = \rho_2\left(PL_t, Fa_t, \overline{f}, \overline{p}\right), если \quad PL_t \text{ p } Fa_t \quad (3),$$

$$\min_{PL_t}\left\{\max_{L\in\{1;2\}}\left\{M\left\{\Psi_L\left(PL_t, Fa_t\right)\right\}\right\}\right\} \quad (4),$$

$$P_t^0 = p\left(PL_t \text{ f } Fa_t\right) \quad (5),$$

$$З / З_t = \lim_{\Delta\to 0}\frac{M\left\{\Psi_1\left(PL_t + \Delta, Fa_t\right)\right\} - M\left\{\Psi_1\left(PL_t, Fa_t\right)\right\}}{M\left\{\Psi_2\left(PL_t, Fa_t\right)\right\} - M\left\{\Psi_2\left(PL_t + \Delta, Fa_t\right)\right\}} \quad (6),$$

$$r_{k,t} = \rho_{2+k}\left(PL_t, P_t^0, З / З_t, \overline{p}, \overline{f}\right), k = 1,...,K \quad (7).$$

Понятие ЭА мы трактуем широко, включая сюда кроме домохозяйств, государства, иностранного сектора, что принято в 4-х секторной модели, также отрасли, сферы деятельности, сектора рынка, регионы и органы власти. ЭА находится в случайной среде, под воздействием погоды f_1, политической конъюнктуры f_2, автоколебаний в системах управления f_3 и пр. Будем считать каждый фактор $f_i, i = 1,...,I$ скалярной случайной величиной. Учитывая, что количество факторов не ограничено и что нет ограничений на законы распределения вероятностей значений факторов, это допущение не сужает область нашего рассмотрения. Т.о. в любой момент времени случайная среда представляется случайным вектором $\overline{f} = \{f_1,..., f\}$.

ЭА активен, то есть стремится достичь некоторой цели и реагирует на случайные внешние воздействия. Реакцию ЭА на внешнюю среду мы называем управляющим воздействием. Случайность и активность, сочетаясь, приводят к тому, что функционирование любого ЭА есть «равновесный случайный процесс (РСП) – процесс, траектория которого в фазовом пространстве определяется сочетанием случайных факторов и управляющих воздействий, направление и сила которых определяется размером и направлением отклонения фактической траектории от сглаженной» [2, с. 53]. Наглядно смысл РСП виден на примере сектора рынка конкретного товара. При этом фазовые координаты – это цена (x_1) и объем продаж (x_2); сглаженная траектория – это равновесные цена и объем продаж; фактическая траектория – это мгновенное значения цены и объема продаж; управляющие воздействия – это прибыль (для поставщика) и расходы (для покупателя). Для любого ЭА можно подобрать несколько наиболее важных интегральных характеристик и принять их в качестве фазовых координат.

Точку фазового пространства в момент t, то есть вектор $\{x_{1,t}, x_{2,t},..., x_{n,t}\}$ обозначим Fa_t (от слова «факт»). Таким образом, $Fa_t = \{x_{1,t}, x_{2,t},..., x_{n,t}\}$. Пусть $t = 0$ – текущий момент. Если t момент прошлого или текущий момент (то есть, $t \le 0$), то компоненты вектора Fa_t имеют конкретные значения (реализации). Если же t момент будущего, то есть, если $t > 0$, то Fa_t зависит от случайной среды $\overline{f}$ и является случайным вектором. Кроме того, что Fa_t зависит от $\overline{f}$, он еще зависит от исходных показателей, таких, например, как мощность ЭА (p_1), ставка налога на прибыль (p_2) и т.п.; $\overline{p} = (p_1,..., p_J)$ – вектор исходных показателей. Соотношение (1) показывает, что с помощью имитационной модели $\rho\left(\overline{f}, \overline{p}\right)$ можно получать реализации Fa_t через реализации факторов $\overline{f}$ при заданных исходных показателях $\overline{p}$.

Алгоритмы имитационных моделей $\rho, \rho_1, \rho_2, \rho_{2+k}, k = 1,...,K$, включенных в (1) – (7), мы не раскрываем, в чем и выражается структурный характер этой формулировки. Примеры конкретных (не структурных) формулировок ЭСМ для разных категорий ЭА даны в [4, 5].

По фактической траектории ЭА до текущего момента $t=0$ можно построить сглаживающую траекторию и найти на ней точку PL_t (от слова «план»), соответствующую любому моменту будущего $t>0$. При этом нам не важно, имеется ли реальная возможность строить сглаживающую траекторию. Мы упоминаем о ней только для того, чтобы пояснить смысл понятия PL_t, которое вместе с понятием Fa_t, необходимо, чтобы раскрыть механизм мотиваций поведения ЭА. Мотивом всегда является несовпадение факта Fa_t и плана PL_t. Ведь если бы факт и план всегда совпадали, то никаких усилий, чтобы влиять на происходящее было бы не нужно! Но Fa_t – случайная, а PL_t – детерминированная величина, и вероятность их совпадения близка 0. Целью управления воздействия является сокращение негативных последствий отклонения Fa_t от PL_t. Чтобы количественно выражать эти последствия, необходимо иметь возможность сопоставлять Fa_t и PL_t, определять направление отклонения Fa_t от PL_t и иметь меру отклонения факта от плана. Для этого на множестве G допустимых значений Fa_t и PL_t установим отношение порядка. Пусть h отображает G на числовую ось R, то есть, $h: G \to R$. Будем считать, что Fa_t не хуже PL_t и писать $Fa_t \,\mathrm{f}\, PL_t$, если $h(Fa_t) \geq h(PL_t)$ и говорить, что Fa_t не лучше PL_t и писать $Fa_t \,\mathrm{p}\, PL_t$, если $h(Fa_t) \leq h(PL_t)$. Чтобы пояснить эти определения, снова обратимся к примеру рынка. В этом случае в роли h выступает прибыль: если сочетание цены и объема продаж Fa_t дает больше прибыли, чем сочетание цены и объема продаж PL_t, то Fa_t не хуже PL_t, то есть $Fa_t \,\mathrm{f}\, PL_t$.

Разность $h(PL_t)-h(Fa_t)$ (или $h(PL_t)-h(Fa_t)$) не является интегральной мерой негативных последствий отклонения Fa_t от PL_t. Например, если Fa_t приносит меньше прибыли, чем PL_t, то кроме прибыли фирма еще теряет долю на рынке, у нее ухудшается баланс, она может нести имиджевые потери. Интегральная характеристика всех этих негативных последствий может выражаться не обязательно в рублях, но и в других единицах, например, в баллах. Соотношение (2) показывает, что имитационная модель $\rho_1(PL_t, Fa_t, \overline{f}, \overline{p})$ в ситуации, когда $PL_t \,\mathrm{f}\, Fa_t$ позволяет рассчитать количественную меру негативных последствий отклонения Fa_t от PL_t, которые мы обозначаем $\Psi_1(PL_t, Fa_t)$ и называем издержками завышения. Итак, если Fa_t хуже (не лучше) PL_t, то есть, если $Fa_t \,\mathrm{p}\, PL_t$ то негативные последствия есть $\Psi_1(PL_t, Fa_t)$.

Как это ни странно, но негативные последствия наступают и тогда, когда факт лучше плана. Ведь если факт лучше, значит, плохим был план, он был занижен. Поскольку мы рассматриваем будущее ($t>0$), то имеем возможность принять PL_t, который с достаточной вероятностью был бы не хуже Fa_t. Соотношение (3) показывает, что имитационная модель $\rho_2(PL_t, Fa_t, \overline{f}, \overline{p})$ в ситуации, когда $PL_t \,\mathrm{p}\, Fa_t$ позволяет рассчитать интегральную количественную меру негативных последствий отклонения PL_t от Fa_t, которую мы обозначаем $\Psi_2(PL_t, Fa_t)$ и называем издержками занижения. Издержки $\Psi_1(PL_t, Fa_t)$ и $\Psi_2(PL_t, Fa_t)$ соизмеримы и соотношение (4) выражает минимаксную стратегию поведение ЭА. Ее суть в том, что ЭА стремится минимизировать больший из риска завышения $M\{\Psi_1(PL_t, Fa_t)\}$ и риска занижения $M\{\Psi_2(PL_t, Fa_t)\}$, которые являются математическими ожиданиями издержек завышения $\Psi_1(PL_t, Fa_t)$ и издержек занижения $\Psi_1(PL_t, Fa_t)$ соответственно.

Соотношения (1) – (4) однозначно определяют оптимальный план PL_t, а соотношение (5) показывает, что с PL_t однозначно связан показатель P_t^0, который мы называем надежностью и который выражает вероятность того, что оптимальный план будет не хуже факта. Соотношение (6) определяет показатель $З/З_t$, (от «Завышение/Занижение»), и выражает отношение риска завышения к риску занижения в окрестности оптимума. На основе $PL_t, P_t^0, З/З_t, \overline{p}, \overline{f}$ могут вычисляться расчетные показатели $r_{k,t}, k=1,...,K$, на что указывает соотношение (7).

Итак, нами введены понятия: экономический агент, случайная среда, управляющее воздействие, активность, равновесный случайный процесс, план, факт, издержки завышения, издержки занижения, риск завышения, риск занижения, надежность, завышение/занижение. Эти понятия описывают модель (1) – (7). При этом суть новой парадигмы выражает соотношение (4), которое эквивалентно можно записать так:

Риск завышения = Риск занижения

Равенство рисков завышения и занижения определяет поведение экономических агентов (ЭА) всех категорий, в том числе, низкодоходных, среднедоходных и высокодоходных. Даже ЭА, у которого нет ресурсных ограничений, который имеет изменчивые предпочтения и неопределенные намерения, все равно ориентируется на свои субъективные риски, исходя из того, как бы не сделать чего лишнего (риск завышения) и не упустить чего-нибудь необходимого (риск занижения). При этом классическая экономическая парадигма, которую выражает равенство:

Спрос = Предложение

является частным случаем условия (4). Пусть Fa_t – объем продаж, C - цена, S – себестоимость. В линейном приближении соотношение (2) запишется так:

$$\Psi_1(PL_t, Fa_t) = S*(PL_t - Fa_t), если \quad PL_t > Fa_t \quad (8),$$

а соотношение (3) так:

$$\Psi_2(PL_t, Fa_t) = (C - S)*(Fa_t - PL_t), если \quad PL_t < Fa_t \quad (9).$$

ЭСМ (1), (8), (9), (4) – (7) является моделью классической парадигмы. Причем $З / З_t = \frac{S}{C-S}$; $Z = \frac{1}{З / З_t} = \frac{C-S}{S}$ – удельная доходность; $D = Z * P_t^0$ – удельная доходность с учетом риска. Z и D – расчетные показатели. Имеется строгое математическое доказательство, что равновесие спроса и предложения является частным случаем равновесия рисков завышения и занижения (основная теорема теории РСП, см. главу 3 в [2]).

Понятие «Доля финансового пузыря» (ДФП) было введено в [3]. ДФП измеряет долю, которую занимает обеспеченная часть в номинальной стоимости валюты или ценной бумаги. Одновременно ДФП выражает вероятность достоверности экономического показателя, например, прибыли, капитализации, цены и т.д. ДФП можно уподобить показателю «Крепость спиртного напитка», который является отношением «… объёма растворённого безводного спирта к объёму всего напитка, умноженному на 100%»[1]. Например, если ДФП доллара составляет 97% (см. [3]), то это значит, что реальная цена зеленой бумажки составляет 3 цента. Остальные 97% – пузырь, финансовое ничто, пустота. Вместе с этим, ДФП выражает вероятность достоверности цены или иного экономического показателя. Например, если капитализация некоторой фирмы равна \$N, то ДФП есть вероятность, что цифра N истинна.

Чтобы рассчитать ДФП конкретного ЭА (или валюты, или ценной бумаги) необходимо:

– Во-первых, найти эталонного ЭА (или валюту, или ценную бумагу), который подобен исследуемому и действует в условиях, близких к совершенной конкуренции.

– Во-вторых, рассчитать для эталона и для исследуемого ЭА (или валюты, или ценной бумаги) хотя бы одну из характеристик $PL, P^0, З / З$, имея ввиду, что для расчета часто могут быть использованы не только специально разработанные и реализованные в Decision ЭСМ, но и разнообразные прямые способы. В частности, P^0 часто можно непосредственно оценить по данным статистической отчетности или на основе специальных, ограниченных, конфиденциальных социологических опросов. Во многих случаях могут использоваться ЭСМ, изложенные в [2; 3; 4; 5], которые составляют уже достаточно большую библиотеку.

– В-третьих, воспользоваться для расчета ДФП взаимно однозначным соответствием показателей $PL, P^0, З / З, D$ и универсальной соизмеримостью показателей $З / З, P^0, D$. Зная P^0 и $З / З$, можно рассчитать D, а зная $D_э$ эталона и $D_и$ исследуемого ЭА (или валюты, или ценной бумаги), можно рассчитать ДФП по формуле: $ДФП = \frac{D_э}{D_и} * 100\%$.

Цели управления финансовыми пузырями определяются тем, что:

– во-первых, управление пузырями системно решает целый комплекс взаимосвязанных и взаимно дополнительных задач, включая достижение экономической справедливости (это понятие введено в [3]), повышение надежности и достоверности экономических измерений, снижение диспропорций, повышение эффективности;

– во-вторых, обеспечивает возможность эффективного государственного вмешательства в экономику без существенных ограничений для действия механизмов рыночной саморегуляции, а, напротив того, опираясь на эти механизмы;

– в-третьих, в цифровой экономике значение управления пузырями резко возрастает и получает, по всей видимости, первостепенное значение.

Целью управления является выравнивание ДФП у разных ЭА, но не стремление обеспечить строгое и непрерывное равенство. Необходимо лишь обеспечивать устранение нежелательных аномалий в размерах и в устойчивости пузырей. Достаточно подробно цели управления анализируются в [3]. Согласно доказанным теоремам (см. главу 3 в [2]) пузыри приводят к увеличению различий в значениях D и концентрации капитала там, где D больше. Возрастание D способствуют как экономическому росту, то есть увеличению капитализации ЭА, или объемов производства, или улучшению котировок акций и т.п., так и к росту ДФП. Экономический рост можно считать качественным

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Крепость_напитка

только в том случае, если он происходит либо при постоянном ДФП, либо при его умеренном увеличении, во всяком случае, меньшем, чем рост экономики. Если же рост в основном происходит за счет ДФП, то он качественным не является.

Какой, например, смысл обсуждать прекрасный многолетний рост ВВП США и тыкать этим ростом нашим монетарным органам, если мы не знаем, какую долю в этом росте занимает увеличение финансового пузыря. Очень даже может быть, что это вообще никакой не рост, а чистое раздувание пузыря и этим ростом совсем не нужно гордиться, а с ним нужно активно бороться. Известно, что вложения в инфраструктуру, в образование, в новые технологии дают медленный рост ВВП, который к тому же не в полной мере получает отражение в статистике. В противоположность этому всякое раздувание пузыря идет прямым вкладом в ВВП той страны, резидентом которой является его владелец. «Nintendo, которой принадлежит бренд Pokemon заработала за неделю больше денег, чем Центробанк печатает за год»[1]. Nintendo характерен именно для цифровой экономики. Ему ничего не нужно, кроме Интернета: ни металла, ни энергии, ни труда. Спрашивается, чем Pokemon лучше финансовой пирамиды? Допустимо ли с помощью игр столь быстро концентрировать столь огромные финансовые средства? Например, на бирже в случае больших скачков или паники приостанавливают торги. Почему бы не приостанавливать распространение игры? Или не ввести особое налогообложение? Или не ограничить способы использования средств в пузырях? Или не ограничить перемещение таких средств? Все это меры управления пузырями, подобными Nintendo. Пример с Nintendo вовсе не является редким исключением. Сегодня видеоблогеры формируют миллионные аудитории и зарабатывают миллиарды.

Задачу мониторинга ДФП следует возложить на статистические службы, рейтинговые агентства и Центробанк соответственно направлениям их деятельности. Их следует обязать открыто и регулярно публиковать данные по ДФП. Они же должны разрабатывать и утверждать методики расчета и использования ДФП при оценках стоимости бизнеса, для оценок котировок валют, выполнении сравнительных исследований и др. Принципиально важно, чтобы методики расчета ДФП, источники информации для расчета и программное обеспечение тоже были открыты для свободного и бесплатного (за государственный счет) доступа в интерактивном режиме, что должно быть закреплено законодательно. Каждый желающий должен иметь возможность оперативно, в режиме диалога рассчитать ДФП для себя, для конкурента, для совершения сделки и т.п. Иначе расчет ДФП, присвоение ДФП бизнесу или ценным бумагам тут же превратится в способ недобросовестной конкуренции, давления, шантажа и, в конечном итоге, станет еще одним способом сокрытия, сохранения и раздувания пузырей.

Список литературы

1. Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Новые вопросы в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2013.
2. Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Равновесные случайные процессы: теория, практика, инфобизнес. – М.: Финансы и статистика, 2015.
3. Авдийский В.И., Безденежных В.М., Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Экономическая справедливость и безопасность экономических агентов. – М.: Финансы и статистика, 2016.
4. Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Информационные технологии в бизнесе: применение системы Decision в микро- и макроэкономике. – М.: Финансы и статистика, 2008.
5. Лихтенштейн В.Е., Росс Г.В. Информационные технологии в бизнесе: применение системы Decision в решении прикладных экономических задач. – М.: Финансы и статистика, 2009.

[1] http://07kbr.ru/2016/07/21/pokemon-go-v-rossii-na-soveshhanii-v-centrobanke-nashli-pokemonov/

Румянцев А.А.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: *предприятие, отрасль, технологичность производства, инновация, финансирование, источник, федеральный бюджет, собственные средства.*

Keywords: *enterprise, industry, technology of production, innovation, financing, source, federal budget, own funds.*

Одним из основных барьеров, сдерживающих инновационную деятельность на промышленных предприятиях, являются ограничения финансовых средств. Обстоятельства хозяйствования таковы, что многие предприятия обрабатывающей промышленности испытывают нехватку средств на эти цели, которая становится одним из основных препятствий инновационной деятельности на предприятиях. Именно этот фактор как наиболее значимый в сдерживании внедрения отечественных научно-технических результатов отмечают руководители обрабатывающей промышленности. Его доля среди других факторов составляет 46,6%, в приборостроении 73,8%[1]. Существует несколько источников образования финансовой базы инновационной деятельности на предприятии. Основные из них собственные средства предприятия (прибыль и амортизационные отчисления), бюджетные средства (федерации, субъекта РФ, муниципалитета), ссуды и кредиты.

Кроме прямых источников финансирования инноваций, можно упомянуть косвенные: средства, услуги, льготы, предоставляемые предприятиям объектами региональной инновационной инфраструктуры. В Санкт-Петербурге функционируют фонды: венчурный, предпосевной, содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, а также Свободная экономическая зона технико-внедренческого типа (предоставляет налоговые и другие льготы), бизнес-инкубатор «Ингрия», бизнес-инкубаторы при ряде вузов, технопарки предоставляют предприятиям услуги: консультирование, поиск инвесторов, аренду оборудованного помещения по льготной цене и другие. Инновационная инфраструктура города в основном ориентирована на поддержку малых инновационных предприятий.

Анализ источников прямого финансирования инновационной деятельности выполнялся по группам предприятий Санкт-Петербурга, которые формировались по уровню их технологичности[2] (табл. 1).

Таблица 1

Группы предприятий по уровням технологических видов деятельности

Уровень технологичности	Вид деятельности	Профиль деятельности
Высокотехнологичный	Производство средств измерения, контроля, управления и испытания, оптических приборов, фото- и кинооборудования	Группа 1, 5 предприятий. 1. Промышленная контрольно-измерительная аппаратура. 2. Гидроакустические комплексы. 3. Микроэлектроника и микросистемотехника. 4. Медицинская техника, оптические приборы, фотоаппараты. 5. Полупроводниковые приборы, рентгеновские трубки, микроволновые приборы.
Среднетехнологичный высокого уровня	Производство машин и оборудования	Группа 2, 3 предприятия. 1. Дизельные двигатели для судов и железнодорожного транспорта. 2. Газотурбинные двигатели. 3. Редукторы для авиации.
	Производство электрических машин и электро-оборудования	Группа 3, 3 предприятия 1. Турбо- и гидрогенераторы. 2. Локальные электростанции. 3. Электротехническое оборудование для электростанций, нефтяной промышленности и других отраслей.
Среднетехнологичный низкого уровня и низкотехнологичный уровень	Производство пластмассовых изделий и продуктов питания, напитков	Группа 4, 6 предприятий. 1. Изделия из термопластов, фторопластов. 2. Изделия из пластмасс для электромонтажа. 3. Алкогольные напитки; 4. Мукомольное производство. 5. Хлебобулочные изделия. 6. Кондитерские изделия.

[1] Заинченко С., Кузнецова Т., Рудь В. Особенности взаимодействия российских предприятий и научных организаций в инновационной сфере //Форсайт. 2014. Т. 8. № 1. С. 14.

[2] Классификация предприятий по уровням технологичности принята по перечню Росстата и ОЭСР / Коцюбинский В.А. Методологические подходы сопоставления показателей развития высокотехнологичных секторов России и ОЭСР // Инновации. – СПб., 2015. – № 4. – С. 27–32.

В группы отбирались ведущие, структурообразующие предприятия Санкт-Петербурга.

В результате анализа финансирования инновационной деятельности в группе предприятий Санкт-Петербурга разных отраслей промышленности была выявлена зависимость источников финансирования расходов на технологические инновации[1] от факторов: степени технологичности видов деятельности предприятий, отраслевой принадлежности, рентабельности производства.

Высокотехнологичные предприятия (приборостроение) расходуют значительные суммы на инновационную деятельность – до 44% от выручки. У них до 30% численности работников заняты в научно-исследовательских и проектно-конструкторских подразделениях. Главным источником финансирования инновационной деятельности являются средства федеральных структур и прежде всего Министерства обороны РФ. Собственные источники составляют всего 15% от выручки при отсутствии средств из бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и при отсутствии кредитов и займов при минимальных суммах субсидий из федерального бюджета.

Финансирование инновационной деятельности высокотехнологичных предприятий из федерального бюджета при ограниченности собственных средств во многом обусловлено необходимостью поддерживать производства, продукция которых участвует в формировании технологического базиса экономики и в обеспечении государственной безопасности.

При достижении военного паритета с другими странами и сокращения гособоронзаказа с целью сохранения достигнутого технологического потенциала важно сохранить для высокотехнологичных предприятий федеральное финансирование инновационной деятельности для налаживания производства и выпуска высокотехнологичной гражданской продукции в форме государственного заказа для технологического подъема государственных унитарных предприятий и предприятий с государственным участием, а также в форме субсидий для модернизации технологической базы предприятий при переходе их на выпуск гражданской продукции.

По группе среднетехнологичных предприятий расходы на инновационную деятельность составили 5,4% от выручки, а собственные средства составляют уже 54%. С точки зрения степени технологичности наблюдается тенденция снижения доли федерального финансирования от высокотехнологичных предприятий с большей долей продукции общественного спроса к среднетехнологичным предприятиям с увеличивающейся долей конкретного отраслевого рынка и далее к низкотехнологичным предприятиям по производству продукции личного потребления.

Как показал анализ, существенным фактором формирования источников финансирования инновационной деятельности предприятий обрабатывающей промышленности является отраслевая принадлежность. Как правило, отраслевая принадлежность является признаком отнесения предприятия к высокотехнологичным, среднетехнологичным или низкотехнологичным производствам с соответствующими им источниками финансирования. Для России отраслевая принадлежность является одним из базовых при анализе государственной поддержки[2].

В рыночной экономике основным источником финансирования инновационной деятельности на промышленном предприятии являются собственные средства, которые зависят от рентабельности предприятия, его доходов. Для высокотехнологичных предприятий преимущественным источником финансирования инноваций, как отмечено выше, являются средства федерального бюджета. Собственные средства у них не имеют существенного значения еще и из-за низкой рентабельности производства. В анализируемой группе высокотехнологичных предприятий рентабельность продаж (отношение прибыли от продаж к выручке от продаж) колебалась в пределах 4–9%. Федеральное финансирование инновационной деятельности высокотехнологичных предприятий (приборостроение), таким образом, обусловлено не только технологичной значимостью их продукции, но и низкой при этом рентабельностью производства, которая в разы меньше, чем у зарубежных фирм, близких по профилю деятельности анализируемым петербургским предприятиям[3].

В группах среднетехнологичных высокого технологичного уровня предприятий (дизелестроение и производство электрических машин) большая их часть имеет невысокую рентабельность продаж: от 0,4 до 8,5% и суженные при этом возможности формирования собственных источников финансирования инноваций.

Если в среднетехнологичных низкого уровня предприятиях (изготовление пластмассовых изделий) рентабельность также невысока, то на предприятиях пищевой промышленности (низкотехнологичный уровень) рентабельность продаж составляет порядка 20%. Однако инновационная деятельность на предприятиях отрасли ограничена природой технологии и ее продукции (традициями, инерцией, удовлетворением текущего спроса).

Анализ финансирования инновационной деятельности предприятий Санкт-Петербурга различной отраслевой принадлежности свидетельствует в целом об ограничении источников финансирования, в том числе займов и кредитов, которые еще не имеют существенного значения, во-первых, из-за ограничения собственных финансовых средств на обслуживание займов и кредитов и, во-вторых, из-за высоких процентных ставок банковского кредита, который остается недоступным и при снижении ключевой ставки ЦБ России с 18.12.2017 г.

Если финансирование в высокотехнологичные предприятия, имеющие заказы федеральных структур, в основном Министерства обороны РФ, обладают финансовыми средствами для проведения активной инновационной дея-

---

[1] Расходы на технологические инновации (продуктовые, процессные) включают затраты на исследования и разработку, дизайн, приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, приобретение новых технологий, программных средств.

[2] Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Зудин Н.Н. Результаты налоговой и финансовой поддержки российских компаний: проверка на дополнительность // Журнал новой экономической ассоциации. – М., 2017. – № 4. – С. 73.

[3] Румянцев А.А. Факторы научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Запада России // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 4. – С. 64.

тельности, то другие анализируемые предприятия, ориентированные в значительной мере на производство гражданской продукции (дизелестроение, производство электрических машин), ограничены в средствах как со стороны федеральных структур, так и со стороны собственных возможностей из-за невысокой рентабельности производства, прибыли от продаж продукции. Расходы на инновационную деятельность рассматриваемых групп предприятий отстают от зарубежных в аналогичных отраслях. «Стратегические НИОКР западных компаний на 30–40% финансируются за счет госбюджета»[1]. Отечественные среднетехнологичные предприятия по производству продукции конечного потребления в настоящее время нуждаются в расширении федеральной поддержки инновационной деятельности. «Предприятия, выпускающие технологически сложную продукцию с высокой долей добавленной стоимости, страдают от недостатка собственных средств и потому самостоятельно не способны осуществить расширенное воспроизводство на прогрессивной технологической основе»[2]. Тем не менее, в перспективе как высокотехнологичные, так и среднетехнологичные и низкотехнологичные должны будут все в большей степени ориентироваться на рыночные условия образования источников финансирования инноваций, если продукция на их основе востребована рынком.

[1] Имамутдинов И., Медовников Д. Частные инновации. – http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&uri=http%3A%2Faltshuler.ru%2Fkonspekty%2Fstati-drugih-avtorov%2Fbizness-stati-na-razny...

[2] Шовкун И. О роли финансового механизма инновационно-технологического развития экономики // Общество и экономика. – М., 2010. – № 10–11. – С. 93.

Садовникова Н.А.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой статистики РЭУ
Sadovnikova.NA@rea.ru
Сидак М.В.
ассистент РЭУ, руководитель аналитической службы ГК «Сюкден»
marynasidak@gmail.com

СТРУКТУРНАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ САХАРНОЙ ОТРАСЛИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА: САХАР ИЛИ БИОТОПЛИВО?

Ключевые слова: *перепроизводство, диверсификация, импортозамещение, энергетическая независимость, экологическая безопасность, пищевое сырье, биоэтанол.*
Keywords: *overproduction, diversification, import substitution, energy independence, environmental safety, food raw materials, bioethanol.*

Биотопливо является ярким примером практического воплощения инновационных технологий в области альтернативной энергетики и представляет собой топливо, получаемое из биологической массы.

В настоящее время различают три поколения биотоплива. К биотопливу первого поколения (1G) относят биоэтанол, получаемый из традиционного пищевого сырья (сахарной свеклы, тростника, кукурузы, зерновых), биодизель, получаемый из пищевых растительных масел (рапса, пальмового масла и пр.), а также чистые растительные масла. Однако экономические, экологические и социальные последствия использования биотоплива первого поколения оказались в центре внимания широкой общественности, поскольку конверсия продовольствия в топливо ведет к сокращению производства пищевого растительного сырья, что в свою очередь приводит к росту цен на продовольствие в мире и, как следствие, к увеличению числа голодающих людей в беднейших странах. Всё это получило неоднозначную оценку в средствах массовой информации и сегодня является предметом политических дебатов и кампаний гражданского общества.

Биотопливо второго поколения (2G) или «улучшенное биотопливо» получают уже по новым технологиям из непродовольственного биосырья, что позволяет в какой-то степени ослабить общественную обеспокоенность по поводу продовольственной безопасности. Сырьем здесь уже выступают отдельные виды специально выращиваемых энергетических растений, отходы деревопереработки и пищевые отходы.

Новым направлением развития биоэнергетики является использование в качестве исходного сырья водорослей. Энергетический выход переработки водорослевой биомассы превосходит любое другое непродовольственное сырье; выращивание водорослей не требует эксплуатации земельных угодий, что позволяет рассматривать водоросли как экологически устойчивое биосырье, не имеющее негативных последствий с точки зрения сохранения биоразнообразия и соответствующего принципам устойчивого развития землепользования.

Можно выделить две общие главные причины, побудившие мир активно двигаться в этом направлении – энергетическая независимость и экологическая безопасность. В то же самое время у каждой страны, производящей сегодня биоэтанол, стимулы для этого были разные. Так, для Бразилии толчком к активным исследованиям производства этанола послужила арабо-израильская война в начале 70-х годов, когда страны-члены ОПЕК объявили эмбарго на поставки нефти в государства, поддержавшие Израиль. Многие пошли по пути энергосберегающих технологий. Однако некоторые страны, включая Бразилию, приступили к разработке технологий производства биотоплива. Бразильские эксперты понимали, чтобы избавиться от зависимости, необходим принципиально другой источник топлива. Им стал этанол как результат переработки сахарного тростника, растущего на всей территории этой огромной страны. К тому же, в этот период страна переживала кризис в сахарной отрасли на фоне перепроизводства сахара, вызванного высокими урожаями, и, как результат, низкими ценами на него. Таким образом развитие биотопливного рынка в Бразилии решило две ключевые проблемы: энергозависимость и сахарное перепроизводство.

Для США энергетический кризис 70-х и решение Бразилии уйти от импортозависимости в пользу альтернативного источника топлива стали началом стремительного развития производства биоэтанола из кукурузы, чему также послужила разработанная при президенте Джордже Буше Программа «Стандарты возобновляемых видов топлива», целью которой является сокращение выбросов углекислого газа, избавление страны от зависимости от импорта нефти, а также развитие сельской экономики, которая обеспечивает сырье (кукурузу) для биотоплива. Эту программу регулирует Закон от 2007 года «Энергетическая независимость и безопасность». Сегодня США являются мировым лидером по производству биоэтанола, значительно опередив Бразилию.

В настоящее время Китай является третьим по величине в мире производителем биотоплива (после США и Бразилии). В КНР растет интерес к производству и использованию биотоплива второго поколения. Расширение производства биотоплива второго поколения позволит обеспечить рабочими местами до 3 млн. человек. При этом как один из перспективных источников сырья для производства нового биотоплива в Китае рассматриваются водоросли.

Для стран ЕС развитие альтернативных источников энергии должно было снизить зависимость от поставок нефти и газа и одновременно сократить выбросы углекислого газа в атмосферу. Однако обратной стороной медали оказалась проблема выведения сельскохозяйственных площадей из «пищевого» оборота, переработка пищевых масличных культур на биотопливо. Евросоюз гарантировал высокие субсидии фермерам, которые вложили деньги в оборудование по переработке сельскохозяйственных пищевых культур «на месте». В конце 2012 г. ЕС принял Директиву, ограничивающую долю биотоплива первого поколения (с 10 до 5% к 2020 г.) и поощряющую разработку биотоплива второго поколения. После 2020 г. финансирование со стороны ЕС будет получать только биотопливо, способствующее экономии парниковых газов (должно выделяться минимум на 35% меньше парниковых газов, чем у ископаемого топлива) и производимое из непищевых растений и биомассы. Новая Директива ЕС по возобновляемой энергетике направлена на предотвращение прямого использования лесов, водно-болотных угодий и территорий с высокой ценностью для производства биотоплива.

Импортозависимость и дороговизна энергетических ресурсов стали ключевым стимулом развития биотопливного рынка на Украине. Так, импорт топлива доходит до 85% ежегодно и если раньше страна закупала энергетические ресурсы в России по дисконтным ценам, то сегодня – в Европе по европейским.

Курс на импортозамещение в России привел к тому, что страна вышла на самообеспеченность по многим социально-значимым продуктам сельского хозяйства, среди которых сахар. Рекордные валовые сборы сахарной свеклы в течение последних двух лет сумели не только покрыть внутренние потребности в сахаре, но и сформировали его экспортный потенциал, который, к сожалению, полностью реализовать пока что не удается в силу различных экономических, политических причин, а также неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка. Аналогично, рекордный урожай зерновых обусловил рост их экспорта, но на фоне высокой конкуренции на мировом рынке, внутренние цены оставляют желать лучшего. Поэтому для решения всех этих проблем России сегодня необходима диверсификация производства на с/х рынке, а именно развивать глубокую переработку зерна и сахарной свеклы, широко применяя мировой опыт.

Если смотреть глобально, то в последние годы мировое производство биоэтанола растет, при этом львиную долю его потребления составляет смесь с топливом (рис. 1).

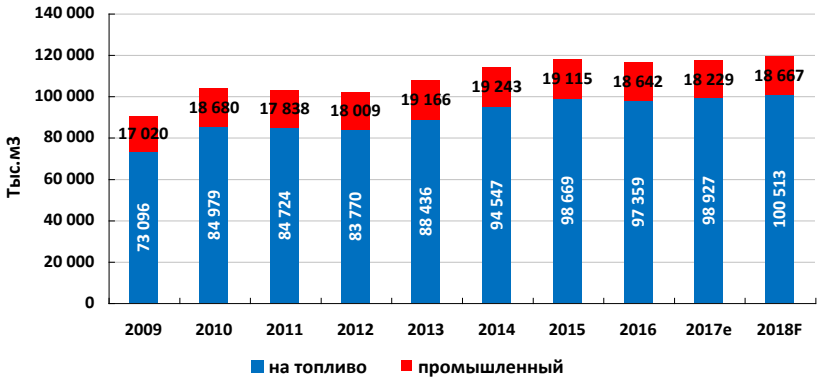


Рисунок 1.
Динамика мирового производства этанола, тыс. м^3

Ожидается, что в 2018 г. мировое производство биоэтанола достигнет почти 120 млн. м^3.

В разрезе сырья наибольший удельный вес имеет производство этанола из зерновых (67%), затем идет сахарный тростник (32%) и из сахарной свеклы производится всего 1% биоэтанола от общего его объема производства (рис. 2).

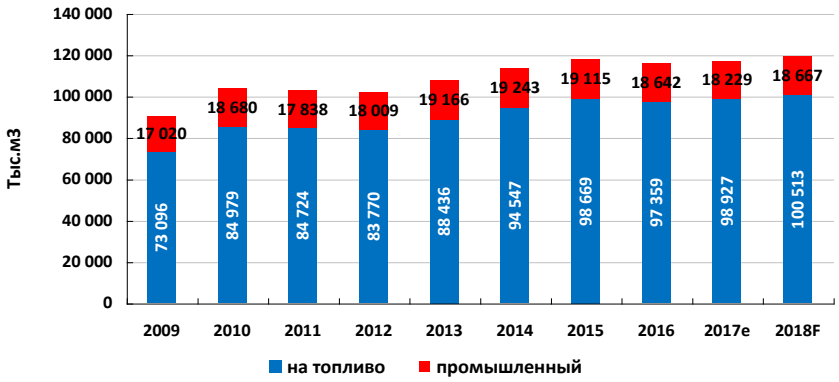


Рисунок 2.
Динамика мирового производства биоэтанола в разрезе сырья

Мировыми лидерами по производству биоэтанола традиционно являются США, Бразилия, Азия и страны ЕС (рис. 3).

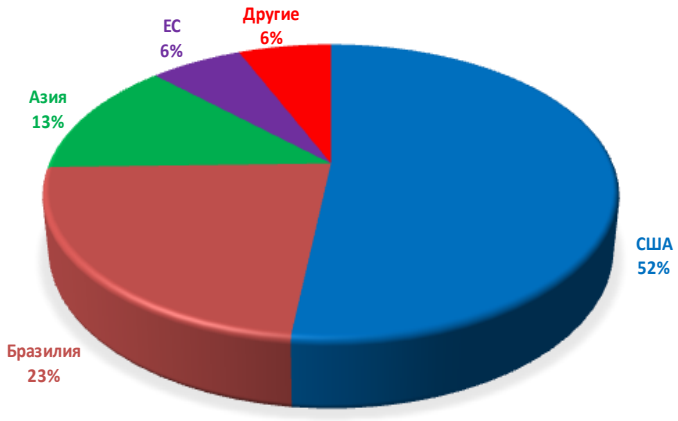


Рисунок 3.
Структура мирового производства этанола в 2017 г.

При этом следует отметить, что только в Азии доля промышленного этанола превышает долю этанола, потребляемого на топливо.

Что касается мирового потребления, то глобально в последние годы оно находится почти на одном и том же уровне, а регионально растет за счет стран Азии, где потребление биоэтанола значительно превышает его производство.

В целом сегодня азиатский рынок биотоплива находится на стадии своего бурного развития. Производство биоэтанола в этом регионе, как и его потребление, с каждым годом растет преимущественно за счет Китая, Индии и Таиланда, которые являются локомотивом в структуре производства этанола в Азии (рис. 4).

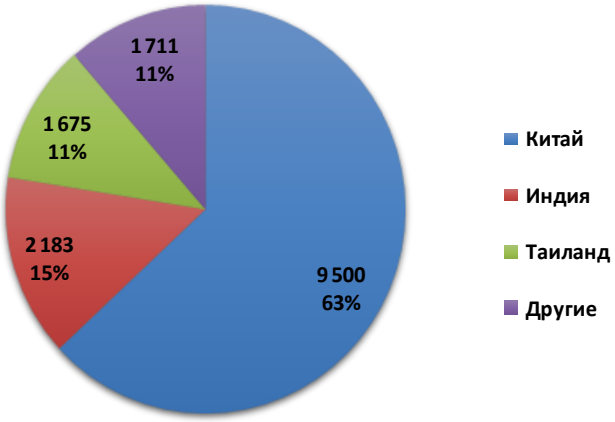


Рисунок 4.
Структура производства этанола в Азии

Во всех азиатских странах-производителях этанол вырабатывается преимущественно в промышленных целях за исключением Таиланда, где 82% производства составляет этанол на топливо. Однако процент смеси этанола с топливом ежегодно в этих странах растет и предполагается, что к 2020 году в Китае он составит 10%, а значит, потребление биоэтанола в этой стране вырастет более чем в два раза (рис. 5).

Процент смеси этанола с бензином ежегодно устанавливается государством в рамках национальных биотопливных программ на основе спроса и предложения. Так, в Бразилии данный показатель составляет 25%, в Штатах – 10%, в Китае – 5%, а в странах ЕС от 4 до 8% в зависимости от энергетической и экологической политики страны. В Германии, например, установлено целевое сокращение выбросов до 4% вместо квот на биотопливо (рис. 6).

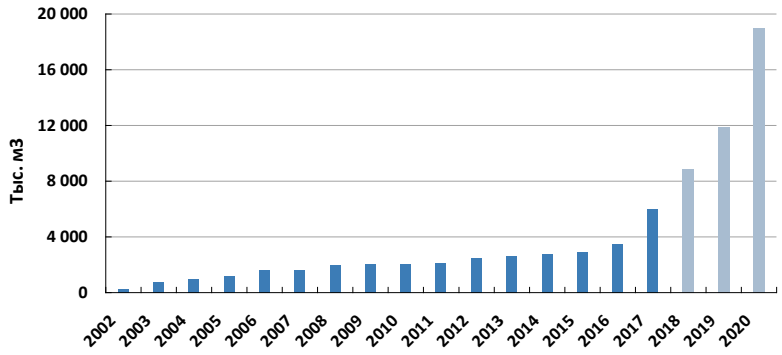


Рисунок 5.
Динамика и прогноз потребления этанола на топливо в Китае

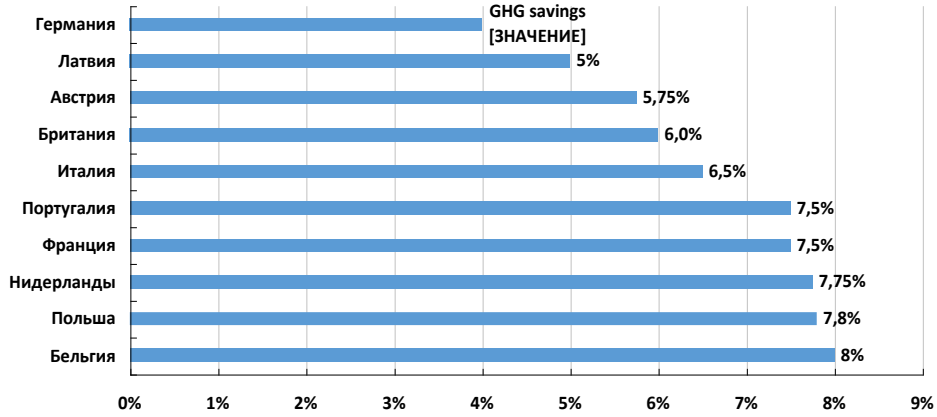


Рисунок 6.
Процент смешивания этанола с бензином в странах ЕС в 2017 г.

В 2017 г. в странах ЕС 74% этанола произведено из зерновых, 20% из сахарной свеклы и 6% из другого сырья (отходы, органика и т.д.) при этом основные мощности сосредоточены во Франции (42%), Германии (22%) и Бельгии (13%).

В целом в европейских странах мощности превышают фактическое производство биоэтанола, что означает недозагруженность мощностей. Львиная доля произведенного этанола в этих странах потребляется на топливо (рис. 7).

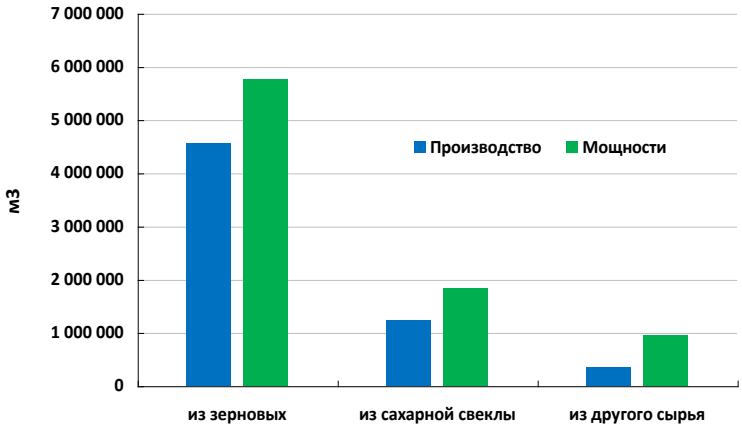


Рисунок 7.
Мощности и производство биоэтанола в странах ЕС в 2017 г.

Интересно рассмотреть украинский опыт развития биотопливного рынка как одного из первых на постсоветском пространстве.

В Украине значительным шагом в направлении стимулирования производства биотоплива стал принятый в мае 2008 года закон «О стимулировании развития производства биологических топлив». В этом законе впервые за всю историю независимой Украины было написано, что биотопливо может производить любой субъект предпринимательской деятельности. До этого такие топлива мог производить только «Укрспирт» как государственный монополист.

В 2012 г. был принят закон, предусматривающий с 1 января 2013 г. введение нормы добровольного добавления 5% биоэтанола в бензин, с 2014 эта норма становилась обязательной, а с 2016 должна была составлять 7%. Однако ввиду политических событий на Украине с 2015 г. все принятые ранее законы в сфере биотопливной политики были отменены и процесс развития украинского биотопливного рынка оказался в стагнации.

Импортозависимость и удорожание энергетических ресурсов ударили по ключевым отраслям украинского АПК в т.ч. сахарной, где все заводы работают либо на угле, либо на газе. Это стало стимулом для сахарного бизнеса Украины активно двигаться в сторону развития производства биотоплива для собственных нужд. Так, в 2016 г. «Укргазбанк» выдал «Гнидавскому сахарному заводу» (Луцк) кредит в 47 млн. грн. на строительство цеха по производству биотехнических компонентов путем переработки сахарной свеклы на сахар и биоэтанол на одной из производственных площадок. Кредит был предоставлен в рамках соглашения с Международной финансовой корпорацией (IFC). Реализация проекта в 2017 г. способствовала значительному снижению энерго- и ресурсоемкости продукции предприятия.

Таким образом на Украине был разработан целый ряд мероприятий и стимулов для расширения производства и использования биотоплив, но большая их часть находится на стадии внедрения либо просто на бумаге. В этой ситуации необходимы более эффективная политика и более действенные законодательные акты, которые бы заинтересовывали потребителей в использовании биотоплив и обеспечивали бы в полном объеме получение экологических, экономических и социальных выгод. В то же самое время на поддержку от государства, учитывая нынешнюю ситуацию в Украине, рассчитывать не приходится, единственный шанс – инвестировать в реконструкцию и современные технологии.

В России развитию биотопливного рынка препятствуют определенные так называемые барьеры, среди которых: наличие акциза на спирт, отсутствие господдержки производства и внутреннего рынка сбыта, неразвитая инфраструктура. При этом в стране имеются уникальные возможности производства биоэтанола – это природные климатические условия, позволяющие выращивать разное пищевое сырье для его производства (прежде всего сахарную свеклу и зерновые), большие земельные ресурсы и самое главное перепроизводство в сельском хозяйстве, что требует диверсификации отдельных отраслей для решения этой проблемы. Аграрный сектор имеет большой потенциал для того, чтобы стать неисчерпаемым источником для производства биоэтанола.

Для наглядности рассчитаем потенциал производства биоэтанола из сахарной свеклы в России на основе текущих показателей отрасли:

– посевная площадь 1180 га;
– урожайность 43 т/га;
– средняя сахаристость свеклы 16,2%;
– выход сахара 13,5%;
– выход биоэтанола с 1 т сахарной свеклы 132 л;
– среднее потребление бензина в стране 33 млн. т в год;
– коэффициент перевода из литров в тонны 0,750 для бензина;
– оптимальный ежегодный объем производства сахара 6 млн. тонн.

Расчеты:

1) Валовой сбор:
1180 × 43 = 50 740 тыс. т
2) Общий выход биоэтанола:
132 × 50 740 ≈ 6,7 млрд. л или 6,7 млн. $м^3$
3) Перевод в тонны:
(6700 × 0,750) / 1 000 = 5 025 тыс. т
4) Необходимо ежегодно при смешивании в 5%:
33 000 × 0,05 = 1 650 тыс. т
5) Объем переработки свеклы для оптимального объема производства сахара:
6000 / 13,5% = 44 444 тыс. т
6) Свободный текущий объем сахарной свеклы для выработки биоэтанола:
50 740 – 44 444 = 6296 тыс. т
7) Выход биоэтанола из свободного текущего объема сахарной свеклы:
6 296 × 132 = 831 млн. л или 623 тыс. т, что составляет 38% от необходимого объема производства при смешивании в 5%.

Таким образом современное состояние сахарной отрасли уже позволяет производить биоэтанол из сахарной свеклы для 2% смеси с бензином при сохранении оптимального объема производства сахара на уровне 6 млн. тонн в год. Для достижения 5% смеси с топливом необходимо увеличить посевные площади свеклы либо добиваться её более высокой урожайности посредством дальнейшего развития и внедрения агротехнологий.

В то же самое время в настоящий момент развитию технологий производства биотоплива в России сопутствует ряд рисков. Прежде всего это отраслевой конфликт интересов между нефтегазовым рынком и биотопливным. Смесь биоэтанола с бензином означает, что внутреннее потребление нефти должно сократиться на 5% в пользу этанола, а в случае его экспорта занять определенную нишу на мировом рынке энергетических ресурсов вместо той же нефти. Россия – страна сырьевых ресурсов и экспорт является стратегически важным направлением её развития. Однако стоит отметить, что традиционные энергетические ресурсы (нефть, газ, дизель) являются исчерпаемыми, и что на смену им рано или поздно должны прийти альтернативные источники энергии (топлива), которые уже сегодня необходимо развивать в стране.

Вторым риском является угроза продовольственной безопасности. Как уже упоминалось выше, производство этанола из пищевого растительного сырья ведет к росту цен на продовольствие. Так, по данным Forbes, в 2000 году более 90% кукурузы в США отправлялось на производство продовольствия для человека и корма для скота, 5% – на производство этанола. В 2013 году 40% выращиваемого растения уходило на производство этанола, 15% – на изготовление продуктов питания и напитков, 45% использовалось в качестве пищи для домашних животных. По данным The Washington Post, за последние девять лет площадь кукурузных полей в стране увеличилась до 86,4 млн. га, а цены на кукурузу в рассматриваемый период выросли более чем в три раза. Поэтому очевидна необходимость разработки и применения стандартов устойчивого развития в области производства и использования биотоплива. Такие стандарты должны охватывать процессы производства и переработки основных сельскохозяйственных культур и действовать во всех странах-производителях; направлениями реализации этого подхода должны быть единые меры контроля и сертификации. Это, в свою очередь, обеспечит возможность регулирования объемов производства продукции (сахара или биоэтанола), учитывая конъюнктуру рынка.

С развитием международных торговых отношений существенно увеличивается число участников биотопливного рынка. Группу основных потребителей импортного биотоплива сегодня составляют ЕС, Китай и Индия. Расширяется сегмент потребления в развивающихся странах Азии и Африки, уже заявивших о национальных биотопливных программах. Все это формирует внешний спрос на биоэтанол и свидетельствует о возможности производства этанола из сахарной свеклы не только для внутреннего, который практически отсутствует в России, но и уже развитого мирового экспортного рынка.

Таким образом во многом перспективы биотоплива в России будут зависеть от развития инфраструктуры (количества заправок с так называемым «экотопливом»), формирования внутреннего рынка сбыта путем создания спроса на биотопливо, для чего необходимо уменьшить или обнулить пошлины на завоз автомобилей с двигателями, адаптированными к разнообразным видам топлива. Именно путем создания парка таких автомобилей пошли в Европе, и к настоящему моменту они обеспечили почти 10% топлива из биоэтанола. Также если будет достаточное внутреннее и внешнее инвестирование, льготные мероприятия со стороны государства, облегчение получения лицензии на производство, поддержка отечественного производителя, то «биотопливное» будущее России обеспечено.

В свою очередь, развитие российского биотопливного рынка позволит привлечь инвестиции в эту сферу, загрузить мощности сахарных и спиртовых заводов, а также заводов по глубокой переработке зерна, что обеспечит дополнительные рабочие места, увеличит поступления в бюджеты всех уровней, улучшит экологическую ситуацию в стране. Для агарной отрасли – это дополнительное направление сбыта своей продукции.

Симахина О.Н.
экономист-аналитик ООО «Спортмастер»

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ПАНАЦЕЯ ИЛИ ФАКТОР РАЗВИТИЯ?

Ключевые слова*: импортозамещение, экономический рост, эмбарго, государственные инвестиции, промышленность.*

Keywords*: import substitution, economic growth, embargo, state investments, industry.*

После распада СССР многие экономические связи были нарушены: бывшие республики Союза, являвшиеся частью единого производственного комплекса страны, стали самостоятельными государствами. Осуществился переход к новой системе хозяйствования, были открыты национальные рынки для иностранных товаров, в результате произошло сокращение объемов собственного промышленного производства вдвое.

Начиная с 1998 г. заметны некоторые положительные изменения: на фоне стабилизации экономики и роста спроса внутри нашей страны происходит расширение собственного производства. К 2000-м гг. государство осознало важность производственной независимости и создало крупные производственные комплексы в ключевых отраслях экономики. Появились такие предприятия, как Ростех (оборонная промышленность и машиностроение), Росатом (атомные технологии и энергетика), Объединённая авиастроительная корпорация (авиастроительство), Роснано (нанотехнологии) – все они обеспечиваются госзаказом и кредитной поддержкой. Создание таких компаний и их развитие способствует отказу от импортных товаров и технологий в пользу отечественных – в этом заключается суть импортозамещения.

Понятие «импортозамещение» стало особенно популярным в 2014 г., когда Украинский кризис и низкие цены на нефть привели к экономической стагнации. Уже к 2012 г., т.е. до антироссийских санкций, модель экономического роста, основанная на экспорте полезных ископаемых и импорте товаров и технологий, исчерпала себя. Однако до ввода санкций никаких активных мер, направленных на развитие отечественного производства, не предпринималось. В итоге, основной причиной популяризации политики импортозамещения можно назвать запрет на ввоз некоторых товаров и продовольственное эмбарго – ответ России на введенные санкции. Надо отметить, что санкции против России носили персональный характер и вначале касались только некоторых людей, а затем организаций и финансовых институтов, Россия же ответила запретом на ввоз сельскохозяйственной продукции. На тот момент, данная отрасль уже активно развивалась, и такая политика пошла ей на пользу.

Развитие сельского хозяйства, безусловно, очень важно для страны, но все-таки приоритетным направлением на данный момент является создание инновационной экономики. Импортозамещение может стать одной из мер, позволяющих постепенно перейти от простого производства к созданию высокотехнологичных предприятий. Антироссийские санкции, введенные в 2014 г. способствовали корректировке направления развития экономики в сторону повышения производственной и продовольственной безопасности России.

В данный момент замещаются даже те товары, которые ранее не производились, например, сыры, мясо виноградных улиток. Доля импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья сократилась с 21,8% в 2000 г. до 13,7% в 2016 г. (рис. 1). То есть, все большие объемы финансирования тратятся на расширение производства продукции сельского хозяйства, однако существенного обновления оборудования не происходит. По мере старения основных фондов, в том числе машин и средств производства, Россия сталкивается с их дефицитом, который покрывается за счет ввоза иностранной техники. В 2000 г. треть товарной структуры импорта составляли машины и оборудование, в 2016 г. – уже половину.

Еще до введения санкций государство основное внимание уделяло повышению продовольственной безопасности, и только после 2015 г. была создана Программа правительства по импортозамещению до 2020 г. Основным документом, регламентирующим импортозамещение, является государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности». Эта программа, рассчитанная до 2020 г., содержит 7 подпрограмм, которые касаются развития не только сельского хозяйства, но и машиностроения, легкой промышленности, информационных технологий и других отраслей.

Для оценки степени реализации данной программы предложен целый ряд индикаторов. По состоянию на 2016 г. план был недовыполнен по 74 показателям из 180 (41 %). В 2015–2016 гг. ни один общий показатель по программе не достиг планового значения (табл. 1). Следовательно, и в ближайшие два года маловероятно выполнение поставленных задач, несмотря на то, что после 2015 г. по всем индикаторам произошел рост.

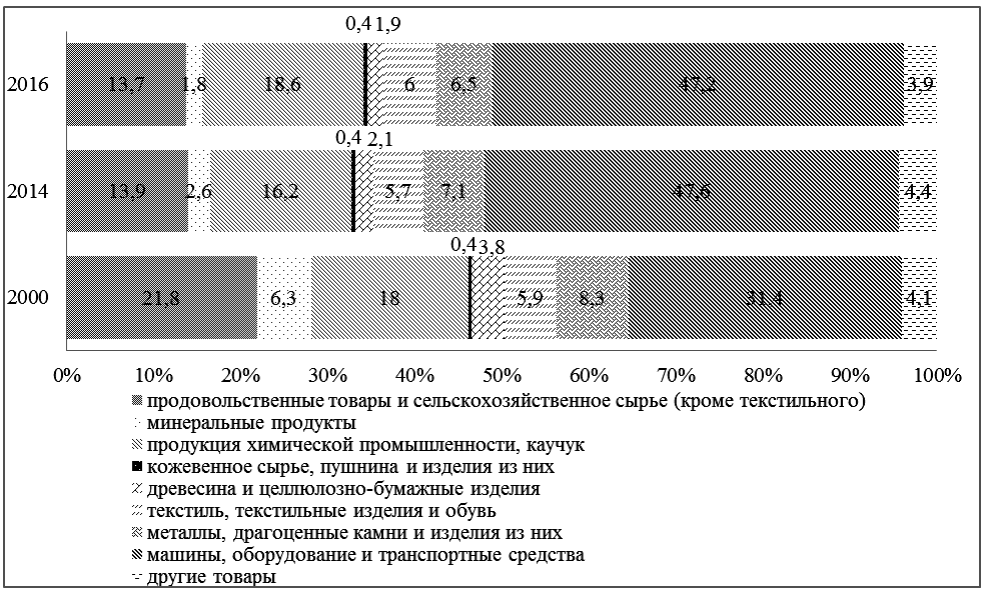


Рисунок 1.
Товарная структура импорта, 2000 г., 2014 г., 2016 г., %[1]

Таблица 1

Плановые и фактические значения показателей государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»[2]

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году (план)	105,1	100,3	103,2	103,5	103,2	103,6	104.1
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году (факт)	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	–	–
Индекс производительности труда, в % к предыдущему году, в % к предыдущему году (план)	105,6	102,7	103,8	104,9	104	105,1	105,2
Индекс производительности труда (факт)	103,3	102,2	100,7	97,8	99,8	–	–
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году (план)	104,7	101,7	110,3	106,8	106	107,2	108,4
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (факт)	106,8	100,8	98,5	89,9	99,8	–	–
Индекс прироста высокопроизводительных рабочих мест, в % к предыдущему году (план)	8,8	7,9	7,2	10,2	8,4	7,9	9,1
Индекс прироста высокопроизводительных рабочих мест, в % к предыдущему году (факт)	12,7	6,9	4,5	–9,1	–4,8	–	–

Общий объем финансирования за счет федерального бюджета государственной программы «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» составляет 1060 млрд. руб., 75% этой суммы предполагается потратить на развитие производства средств производства (подпрограмма 2 «Развитие производства средств производства»). Несмотря на приоритетное финансирование и значимость отрасли для развития экономики, с точки зрения выполнения планов по состоянию на 2016 г. – это самая отстающая подпрограмма: план недовыполнен по 16 показателям из 26 (62%).

По другим подпрограммам план не реализован в основном по показателям, характеризующим высокотехнологичное производство, инновации, обновление основных средств, а также обрабатывающие производства, машиностроение, металлургию. Учитывая желание государства построить инновационную экономику, такие результаты свидетельствует об отсутствии материальной базы для развития производств, внедрения и создания новых технологий. Хотя импорт высокотехнологичный товаров по сравнению с 2014 г. сократился, это вовсе не свидетельствует о замещении этих технологий отечественными разработками (рис. 2).

[1] Российский статистический ежегодник, 2017 г. – https://fedstat.ru/

[2] Портал госпрограмм РФ: Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности. – https://programs.gov.ru/Portal/programs/reportIndicators?gpId=17&year=2016

Рисунок 2.
Импорт высокотехнологичной продукции, млн. долл. США, 2014–2016 гг.[1]

Например, все разработки нефтегазовых месторождений в Арктике сильно зависимы от зарубежного оборудования, включая морские буровые установки, насосно-компрессорное и внутрискважинное оборудование, оборудование для генерации электроэнергии, а также программное обеспечение. До санкций в 2014 г. «Роснефть» заключила с норвежской «North Atlantic Drilling» долгосрочное соглашение об использовании до 2022 г. шести морских буровых установок на шельфовых проектах компании, в том числе и в Арктике. В результате, российские компании находятся в сложном положении: с одной стороны, осваивать шельф Северного Ледовитого океана нужно и стратегически важно, но с другой, российские поставщики еще не скоро смогут производить необходимое для этого оборудование, а использование привозного, например, из Китая, может увеличить аварийность работ. Это приводит к снижению интереса инвесторов к шельфовым проектам и ставит под угрозу выполнение Газпромом и Роснефтью своих лицензионных обязательств.

Санкции и низкие цены на нефть привели к тому, что доля нефтегазовых доходов в последние три года сокращалась: в 2014 г. удельный вес составлял 51,3%, в 2015 г. – 42,9%, а в 2016 г. – 37,4%. Вынужденно происходит переориентация экономики, и в этой трансформации политике импортозамещения отводится важная роль. С точки зрения развития производства следует, прежде всего, уделять внимание увеличению объемов продукции уже производимой отечественными предприятиями, автоматизировать процесс ее создания, использовать новые технологии для повышения качества, снижения цены. С другой стороны, есть ряд товаров, которые в России еще не производятся, но могли бы. Открытие таких производств позволит расширить круг используемых технологий, а спрос на разработку технологических цепочек даст толчок производству новых средств производства, появятся дополнительные рынки сбыта технологий. Однако следует помнить, что некоторые предприятия в России могут оказаться нерентабельными.

На сегодняшний момент успехи политики импортозамещения наблюдаются в тех отраслях экономики, развитие которых началось задолго до санкций. Сельское хозяйство, безусловно, важный вектор развития, но уже сейчас прирост объема продукции в данной сфере тормозится низкой фондовооружённостью. Очевидно, что не следует ожидать быстрых изменений и технологического бума в ближайшем будущем, а государству следует снизить ожидания относительно прироста индикаторов. Финансирование приоритетных отраслей, конечно, дает толчок, но без технической базы, которая была уничтожена, производство сложных, а уж тем более инновационных механизмов пока невозможно.

Импортозамещение дает шанс России пойти не по пути догоняющего развития, а выбрать иной путь, возможно более сложный и трудоемкий, но в итоге, позволяющий построить действительно сильную экономику. Расширяя число отраслей, участвующих в импортозамещении, государство стремится обеспечить всестороннее развитие экономики. Следует отметить, что раньше оно занималось, прежде всего, модернизацией оборонной промышленности. Самодостаточность этой отрасли российской экономики обеспечивает России ключевое место на мировой политической арене. Однако с точки зрения экономического развития, приоритетными отраслями являются обрабатывающая промышленность, машиностроение, производство средств производства. К сожалению, раньше им не уделялось должного внимания. Импортозамещение, главная цель которого состоит в развитии отечественного производства – один из способов изменить сложившуюся ситуацию и повысить уровень независимости от других стран и общемировой политической ситуации.

Список литературы

1. Сибирская Е.В. Управление региональной экономикой // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. – Т. 1, № 5–1. – С. 48–57.
2. Сибирская Е.В. Интеграционные структуры как основа стратегии развития региона // Регионология. 2003. – № 1–2. – С. 94–97.
3. Рязанов В.Т. Политика импортозамещения в России в условиях высоких геополитических рисков. – https://www.if24.ru/politika-importozameshheniya-v-rossii-v-usloviyah-vysokih-geopoliticheskih-riskov/
4. Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Проблемы импортозамещения в отечественной экономике. – http://www.unionexpert.ru/index.php/zhurnal-qekspertnyj-soyuzq-osnova/zhurnal-qehkspertnihyj-soyuzq-122014g/item/655-problemy-importozameschenia

[1] Российский статистический ежегодник, 2017 г. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm

Симонов К.В.
к.полит.н., первый проректор по международному сотрудничеству и внешним коммуникациям Финансового университета
Петросянц Д.В.
к.э.н., доцент, Финансовый университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Ключевые слова*: предпринимательство, инновационная политика, устойчивое развитие, модернизация, институциональная среда, институты догоняющего развития.*
Keywords*: entrepreneurship, innovation policy, sustainable development, modernization, institutional environment, catching-up institutions.*

Суть проблемы

Начиная с 1991 года в России начали внедряться и функционировать институты капиталистической экономики: формировался фондовый рынок, появлялись новые банки и страховые компании, инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды и т.п. Проблема оказалась не в том, чтобы создать эти институты, а правильно заставить их работать и взаимодействовать между собой и другими участниками рынка. Академик А.Г. Аганбегян считает, что главное достижение при выстраивании экономики новой России состоит в том, что «возврата к старому быть не может: у нас есть частное имущество, товары в магазинах, мы можем выезжать за границу… …но за эти 25 лет можно было сделать неизмеримо больше»[2]. К оценке же произведенных изменений в экономике страны академик А.Г. Аганбегян относится еще более скептически: «…после 1990-х годов у нас закончилось реформирование, и к рынку мы так и не перешли. У нас нет фондов капитала и «длинных» денег, проблемы с рынком рабочей силы, землей, налоговой системой. Россия сегодня – это государственная олигархическая переходная смешанная экономика, где 70% валового продукта производится на базе госсобственности»[3].«Исходя из гипотезы, что сложным системам свойственно устойчивое инерционное следование в русле сложившихся десятилетиями трендов, следует учитывать, что сиюминутного эффекта даже от самых выверенных и удачных действий руководства страны, направленных на смену вектора экономического развития, ждать нельзя. Однако необходимо оценить те шаги, которые были предприняты ранее, и их результаты действуют уже в течение определенного времени»[4]. А в дорожные карты развития вносить перманентные корректировки.

В целом ряде статей академика В.М. Полтеровича прослеживается мысль, что только постепенное совершенствование институтов рынка по мере улучшения гражданской культуры и уровня благосостояния возможно в современных условиях для нашей страны. Для стран догоняющего развития, к которым относится и современная Россия, выявлены примерно идентичные цели, а также технологические, институциональные и культурных ограничения. В свою очередь в этих странах формировались институты догоняющего развития, которые «способствовали формированию отношений сотрудничества между властью, бизнесом и обществом. Они смягчали действовавшие ограничения и сами постепенно модифицировались, обеспечивая переход к современным демократиям с эффективной рыночной экономикой»[5].

На протяжении многих лет профессор М.Г. Завельский изучал и формализовывал в своих трудах институциональные изменения в экономике и процессы, порождающие конфликты и рассинхронизацию взаимоотношений различных субъектов хозяйственной жизни. В частности, он утверждает, что «конфликт побуждает вовлеченных в него людей своевольно изменять соответствующие институты, «притирая» их друг к другу. Такой процесс проходит ряд

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093а.

[2] Академик Аганбегян назвал главную проблему российской экономики // Сайт портала «Московский комсомолец». – http://www.mk.ru/economics/2017/10/12/akademik-aganbegyan-nazval-glavnuyu-problemu-rossiyskoy-ekonomiki.html

[3] Там же.

[4] Петросянц Д.В. Системные проблемы построения национальной инновационной системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. – № 1. – С. 2.

[5] Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. – № 5. – С. 35.

стадий, пока на каждой из них, словно при мутации гена, не выработается все «топливо». Только тогда институт обретает новое устойчивое качество»[1].

Ординарный профессор Высшей школы экономики С.Г. Кордонский считает, что в нашей стране не только не развиваются институты рыночной экономики в привычном их понимании, а вовсе продолжают прослеживаться не всегда институализированные отношения хозяйствующих субъектов между собой и Государством. А бизнес как таковой не существует, развитие получают так называемые «промыслы». «Промысел работает не на деньгах, а на авторитете, репутации – «хороший врач», «хороший столяр» и так далее. Деньги являются производным от статуса, от авторитета. Промысел нельзя продать. Его могут либо отнять, либо закрыть. В промысле нет бухгалтерии, есть учет и контроль, а бухгалтерии как института нет вообще. Мы еще не дошли до стадии рынка, у нас существует совокупность промыслов… …банки – это не бизнес, а финансовый промысел. Люди нашли источник финансовых ресурсов, консолидировали их и вкладывают ресурс куда-то, получая взамен авторитет, репутацию. Авторитет привлекает дополнительные финансовые ресурсы»[2].

Вот такой неутешительный анализ дают ведущие эксперты и аналитики, политологи, экономисты и социологи проведенным в нашей стране реформам, годам, ушедшим на формирование новых условий хозяйствования, созданию новой институциональной капиталистической среды, в том числе, института предпринимательства. Президент России В.В. Путин резонно поясняет с трибуны Генеральной ассамблеи ООН в 2015 г., что «никто не обязан подстраиваться под одну модель развития, признанную кем-то раз и навсегда единственно правильной»[3]. При этом, несомненно, следует учитывать и национальные особенности, и сложившуюся специфику развития бизнеса и предпринимательства в России. В Послании Федеральному собранию 2016 года Президент В.В. Путин сетует на то, что давление на бизнес со стороны некоторых представителей правоохранительных органов оказывает не только негативное влияние, но и практически его парализует. «В результате таких действий часто разваливаются и успешные компании, у людей собственность отбирают. Хочу поблагодарить парламентариев за поддержку законопроекта, который значительно усиливает уголовную ответственность правоохранителей за фабрикацию дел, в том числе с целью помешать работе предпринимателей»[4].

Развитие предпринимательства как комплексный процесс

Предпринимательство – многогранный процесс, связанный не только с экономикой, но и с политикой, психологией, культурой и т.п. Предпринимательство – это превращение инновации в устойчивое предприятие, генерирующее ценности. Предпринимателем является любое лицо, новое или существующее, которое обеспечивает разработку новых продуктов или услуг, использует новые методы производства и поставки продуктов и услуг при меньших затратах. Предприниматель создает новые механизмы управления природой и людьми, тем самым показывая, что новые продукты, процессы или режимы организации могут быть выгодными и эффективными, способствующими росту экономики в целом. Предприниматель берет на себя риск создания устойчивого предприятия, производящего новые продукты, услуги или способы организации, которое может существовать вне зависимости от своего создателя, принося выгоду экономике и обществу.

Ряд исследований был посвящен значению и роли предпринимателя и отношению к институту предпринимательства в обществе. Так в диссертации О.О. Вавилова дается следующее определение: «предприниматель – это, прежде всего, личность, обладающая рядом особых качеств, выделяющих его из социума, принимающая на себя обязательства перед обществом, известные как социальная ответственность бизнеса, получая взамен право распоряжаться определенным набором средств и ресурсов, подчиняя свою инновационную, экономическую, политическую и общественную деятельность цели получения прибыли и удовлетворения общественных потребностей… …современное предпринимательство выступает в качестве нового типа организации и формы групповых социально-экономических отношений для отечественного социума. Поведенческие реакции предпринимателей в существенной мере обусловлены традициями и национальной психологией»[5]. С.Г. Кордонский считает, что «ярлык «бизнесмен» в нынешние времена присваивается и тем, кто идет на риск, берет кредит, покупает технологию и сырье, выпускает продукцию, продает ее за деньги, и тем, кто так или иначе получает свою долю от распределяемого государством ресурсного «пирога», неважно, в денежной форме или в натуральной для последующей продажи»[6].

Предпринимательство – это образ мыслей, рассуждений и действий, который выражается во внедрении инноваций в уже имеющиеся ресурсы, в результате чего создаются новые товары, услуги или способы организации (управления), реализующиеся в условиях нового предприятия и приносящие доход. «Главная особенность – стремление к поиску новых возможностей получения прибыли; проявление инновационной активности, связанной с использовани-

---

[1] Завельский М.Г. Хозяйственное развитие и теневая экономика // Экономическая наука современной России, – М., 2003, – № 4. – С. 37.

[2] Симон Кордонский: «Банки — это не бизнес, а финансовый промысел» // Портал Банкир.Ру. – http://bankir.ru/publikacii/20160427/simon-kordonskii-banki-eto-ne-biznes-a-finansovyi-promysel-10007485/

[3] В.В. Путин, речь в Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке 28.09.2015 г. // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385

[4] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2016 г. // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379

[5] Вавилов О.О. Предприниматель как объект социально-экономического исследования / Автореферат кандидатской диссертации, – М.: МГУ, 2008. – 23 с.

[6] Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/82219853

ем имеющихся возможностей с максимальной выгодой»[1]. Таким образом, чтобы давать оценку институту предпринимательства, постараемся найти наиболее адекватные пути правильно его определить, измерить и оценить. По мнению С.Г. Кордонского, «реальность в России практически не описана. А если она не описана, непонятно, с чем исследователь, приходящий с какими-то своими стандартизированными методиками, имеет дело. Наши поллстеры, социологи, социальные философы и прочие ориентированы на импортные технологии, а социология как таковая сформировалась на финансовой поддержке Фонда Сороса и других западных фондов и посажена на соответствующую понятийную платформу. Исследователи применяют эту понятийную платформу здесь так же, как применяют ее на Западе, где она родилась и долго отрабатывалась. Это, мягко говоря, некорректно»[2].

В руках государства сосредоточены финансово-экономические и законодательные инструменты для создания благоприятной предпринимательской среды. При этом мало обновить правовую базу сфере предпринимательства. Необходимо выстроить и обеспечить эффективное правоприменение. А господдержка кредитования малого и среднего предпринимательства натыкается на целый ряд барьеров в отношении с банковским сектором. Даже руководитель ПАО Сбербанк Г. Греф, организации аккредитованной Акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) в качестве уполномоченного банка для участия в Программе стимулирования кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства относится с серьезным недоверием к представителям малого и среднего предпринимательства. Так, в сентябре 2017 г. Г. Греф заявил, что малый бизнес зачастую становится «фабрикой по отмыванию доходов»[3]. При этом, раз попав в «черный список» ПАО Сбербанк или иного кредитного учреждения, у предпринимателей отношения с банками могут испортиться надолго. Так как уже за минимальные нарушения условий кредитных договоров установлено автоматическое включение бизнесменов в эти списки. Эта база является общей для всех банков, сейчас создается международный обмен информацией подобного рода. Даже если покинуть Россию, открыть свой бизнес будет проблематично и в других странах, так как эта база данных международная. А благие намерения по увеличению социальных отчислений предпринимателями и новые условия перехода на упрощенную налоговую систему (УСН) привели к уходу с рынка миллиона малых предпринимателей, не выдержавших дополнительного налогового бремени.

В качестве главы Комитета гражданских инициатив А.Л. Кудрин, выступая в апреле 2015 г. на конференции в Высшей школе экономики, заявил, что «бюрократия серьезно давит на бизнес, ограничивает его. Создает сложности то, что мы называем административными барьерами, коррупцией. Тем самым эффективность экономики остается невысокой. В этих условиях предпринимательство как основной мотор российской экономики испытывает большие сложности… …часть общества относится к предпринимателям, «как к кулачеству», и эта идеология «еще немного стала вырастать»[4].

Таким образом, налицо системная проблема по развитию предпринимательства в нашей стране, требующая не только экономических решений, но и политического, ментального, культурного и т.п. осмысления, с существенными особенностями и своеобразием по субъектам Федерации. Ученые **Уфимского государственного нефтяного технического университета считают, что в регионах России** конкуренция среди бизнес-структур ведется не только за финансовые и экономические ресурсы, но и за административные, так как последние в условиях российской политической действительности при определенных условиях могут обеспечивать более высокие дивиденды. «В таких условиях базовые институты деловой предпринимательской среды, проектируемые на федеральном уровне, при трансляции их в регионы испытывали серьезное давление со стороны большого числа региональных институций (экономический менталитет, деловая культура, национально-культурные ценности, система устойчивых неформальных институтов), воздействие которых приводило к институциональной трансформации, в результате чего вживляемый в деловую практику региона институт начинал видоизменяться, подстраиваясь под ту конфигурацию отношений, которая доминирует в регионе»[5].

В январе 2018 года Минэкономразвития РФ принял решение оценить, насколько эффективно регионы информируют предпринимателей о возможностях по развитию бизнеса и доступных мерах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП). Для этого будет составлен рейтинг субъектов по информационному освещению темы МСП. Кроме того, Минэкономразвития оповестило граждан страны через свою пресс-службу, что активно работает над повышением доступности информации о программах поддержки бизнеса, для чего новости по тематике развития малого и среднего предпринимательства размещаются во всех социальных сетях, и даны адреса в Интернете[6]. На первый взгляд инициатива позитивная, однако, если принять во внимание институциональный когнитивный диссонанс в отношении чиновников, общества, самих предпринимателей, к сфере предпринимательской деятельности, то инициатива просто бессмысленна, она не найдет рефлексии у целевой аудитории.

---

[1] Петросянц Д.В. Предпринимательский вуз: зарубежный опыт и российская действительность // Региональная экономика: теория и практика. 2013. – № 31. – С. 41–48.

[2] Кордонский С.Г. Сама концепция пути ошибочна. https://www.kommersant.ru/doc/3459946

[3] Малый бизнес часто становится фабрикой по отмыванию денег, считает Греф. – https://ria.ru/economy/20170907/1501977414.html

[4] Кудрин обвинил власти в популизме и страхе перед реформами. – https://www.rbc.ru/economics/07/04/2015/5523e48b9a7947f3ec255113

[5] Солодилова Н.З. Потенциал развития и факторы ограничения региональной деловой среды / Н.З. Солодилова, Р.И. Маликов, К.Е. Гришин // Экономика региона. 2015. – № 2 (42). – С. 138.

[6] Минэкономразвития составит рейтинг регионов по информационному освещению мер поддержки малого и среднего бизнеса. http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmb/201823011

В табл. 1. нами представлены несколько значимых глобальных проектов исследования предпринимательства. Одним из наиболее влиятельных проектов в мире по исследованию предпринимательства, является «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM), который связывает предпринимательство с понятием инновационности, способностью создавать новые продукты и технологии. Исходя из этого, рассматривается различное «качество» предпринимательства – в зависимости от новизны предлагаемых продуктов и используемой технологии. Вот лишь некоторые наблюдения самого свежего среза, в котором вскрываются наиболее наболевшие и значимые проблемы развития института предпринимательства в России:

- из года в год эксперты отмечают «непредсказуемость и агрессивность» государственной политики, «постоянно меняющиеся правила игры», «отсутствие реально действующего правового поля и законов», а также «избирательность правоприменения». «Высокий уровень бюрократии» и «клановость» чиновничьего аппарата» также не способствуют улучшению предпринимательского климата в России.
- доступ к финансированию для новых компаний, по мнению экспертов, затруднен из-за «недоступности денег – дорогих кредитов, тотального недоверия банков и других финансовых институтов к бизнесу».
- среди препятствующих развитию предпринимательства факторов эксперты отметили национальные культурные особенности. В обществе витает «настороженное или даже негативное отношение к предпринимательству». Предпочтения молодого поколения в пользу крупного бизнеса или чиновничества эксперты объясняют «стремлением не зарабатывать, как предприниматель, а «получать» как чиновник»[1].

Таблица 1

Значимые глобальные проекты исследования предпринимательства в мире

	GlobalEntrepreneurship Monitor Глобальный мониторинг предпринимательства	OECD / Kauffman Entrepreneurship Indicators Program Индикаторы предпринимательства	World Bank Global Entrepreneurship Survey Исследование глобального предпринимательства	Eurobarometer Entrepreneurship Евробарометр – Предпринимательство
Основные задачи	Измерение различий в предпринимательских отношениях, деятельности и стремлениях во всем мире. Раскрытие факторов определения уровней предпринимательства. Определение политики. Последствия.	Создание международно-сравнимых статистических баз данных о предпринимательстве и определяющих его факторах для стран ОЭСР.	Понимание динамики частных предприятий во всем мире через сбор данных по созданию бизнеса на международном уровне, которые могут быть сравнимы для неоднородных правовых, экономических и политических систем.	Измерение предпринимательского мышления людей и изучение мотивации, выбора, опыта и препятствий, связанных с работой на себя. Результаты помогают органам, определяющим политический курс ЕС, понять проблемы и разработать необходимые политические и экономические программы.
Источники данных	Репрезентативные выборки взрослого населения в возрасте от 18–64 лет для любой экономики; Экспертные опросы, по крайней мере, 36 экспертов в каждой экономике.	Зарегистрированные базы данных; внешние источники данных.	Зарегистрированная база данных; альтернативные источники, такие как статистические агентства, налоговые и трудовые учреждений, торговые палаты и частные производители.	Репрезентативные выборки взрослого населения от 15 лет и старше для каждой экономики (или 500 или 1000 на страну).

Составлено авторами. Источники: Национальный отчет Глобальный мониторинг предпринимательства. – http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf; http://www.kauffman.org; Сайт проекта Евробарометр-Предпринимательство. – https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/vto/documents?name_list=All&field_type_tid=8769&field_year_value=All&items_per_page=10&page=1; http://www.worldbank.org/

Предпринимательские вузы

Предпринимательские вузы (университеты) (ПУ) – поставщики технологий, решений, сервисов в инновационную систему страны, активно взаимодействуют с институтами развития, государственными корпорациями и компаниями. В стенах ПУ готовятся кадры, необходимые для инновационного развития экономики и социальной сферы – инженерные, управленческие, предпринимательские. Задача ПУ быть генератором знаний в виде научных исследований и квалифицированных кадров, формировать специфическую среду, где проходят отбор лучшие, наиболее эффективные решения.

В отличие от классических вузов для предпринимательских университетов характерно совмещение преподавательской, научно-исследовательской и предпринимательской деятельностей, от которых возможно получение некоторого дохода, а также наличие объектов инновационной инфраструктуры. «Тем самым университет выстраивает модели подготовки специалистов, которые нацелены, с одной стороны, на подготовку и выпуск поколений инноваторов, а

[1] Национальный отчет Глобальный мониторинг предпринимательства. – http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf

с другой – на производство инновационных идей и продуктов для разных отраслей экономики»[1]. Ключевой характеристикой такого университета является коммерциализация научной деятельности и ее результатов, выраженных в различных инновационных разработках и опытно-конструкторских разработках.

Зададимся вопросом: какие условия предоставляет ПУ студентам и преподавателям для проявления их предпринимательского потенциала (предпринимательская среда)? И как оценить имеющийся задел? Для этого необходимо выявить и измерить:

- наличие преподавателей имеющих собственный опыт в бизнесе, профессиональные компетенции которых, помогли при создании собственного бизнеса. Консалтинговые и диалоговые площадки;
- наличие и уровень развития институтов развития трансферта новых знаний в готовый продукт;
- инновационные образовательные программы и применение передовых образовательных технологий;
- использование научно-лабораторной базы вуза;
- насколько вуз идет в ногу со временем, и если есть отставания от реальных процессов в хозяйстве страны, как их преодолеть?

На тему связи высшего образования и интенсификации предпринимательства в исследуемой региональной системе фиксируется более тысячи публикаций в США и Европе в последние 20–25 лет. Хотя большинство авторов предполагают наличие такой связи, однако убедительных доказательств до сих пор не получено.

Заключение

В резюме настоящему докладу отметим, что институт предпринимательства в современной России находится в стадии становления и развития в соответствии с особенностями психообщественной инфраструктуры современной России и её регионов. В этой связи представим некоторые тезисы, ни в коем случае не стремясь создать исчерпывающую энциклопедию проблем и направлений развития института предпринимательства в России:

- предпринимательство – специфичный институт рыночной экономики, имеющий свои особенности в конкретных институциональных, территориальных, ментальных и иных условиях;
- мнение общества о предпринимателях и бизнесменах в России по- прежнему имеет негативный подтекст, связанный с восприятием их как «барыг», «спекулянтов» и т.п. Такое восприятие инерционно, связанно с целенаправленной пропагандистской политикой, проводимой в СССР в отношении института предпринимательства;
- российское предпринимательство по большей части нельзя охарактеризовать как инновационное ни по новизне предлагаемой продукции, ни по использованию новых и новейших технологий, однако ожидания будущего роста бизнеса у российских предпринимателей значительно выше ожиданий предпринимателей стран Европы. Отчасти это связано с высокой волатильностью рынков в нашей стране. С другой стороны, с наличием свободных ниш в бизнесе (последнее, предмет отдельных дискуссий и обсуждений);
- экономический кризис стал настоящим испытанием для российских предпринимателей. В частности это рост кредитных ставок, девальвация рубля, стремительное падение доходов населения и т.п.;
- основной «удар» по улучшению предпринимательской среды в стране на себя должны взять предпринимательские университеты. Это и пропаганда института предпринимательства, и обучение основам бизнеса, и диалоговая площадка для предпринимателей, ученых, студентов и аспирантов, чиновников, по поводу оптимизации и развития института предпринимательства во всех регионах России. Иначе говоря, современные вузы уже не могут ограничиваться решением традиционной для них задачи обеспечения экономики высококвалифицированными специалистами, они должны активизировать свою деятельность в сфере исследований и разработок, развивать инновационную деятельность, становиться региональными центрами предпринимательской активности.

[1] Андрюшкевич О. Опыт формирования предпринимательских университетов в контексте модели «тройной спирали» / О. Андрюшкевич, И.М. Денисова // Федеральное издание «Капитал Страны». 2014. – http://kapital-rus.ru/articles/article/opyt_formirovaniya_predprinimatelskih_universitetov_v_kontekste_modeli_troj/

Старовойтов В.И.
д.т.н., проф., зам. директора института ВНИИКХ
Звягинцев П.С.
к.э.н., в.н.с. института ВНИИКХ

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В КАРТОФЕЛЕВОДСТВЕ

Ключевые слова: *картофелеводство, подпрограмма, импортозамещение, импорт и экспорт картофеля, семенной картофель.*

Решение задач продовольственной безопасности и обеспечение уровня жизни населения РФ требуют интенсивного развития и внедрения новых генетических технологий в сельское хозяйство, в том числе в селекцию и семеноводство картофеля.

По данным Россельхозцентра и Госкомиссии по испытанию и охране селекционных достижений, сорта картофеля зарубежной селекции используются в РФ более широко, чем отечественные. За последние 3 года эта тенденция усиливается: в Госреестр РФ внесено 88 сортов картофеля, из них только 32 отечественных. В настоящее время в государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию, находится 396 сортов картофеля.

Из пяти наиболее распространенных в производстве сортов четыре сорта – импортные (Ред Скарлет, Розара, Романо, Гала (из них защищен патентом только Гала, а остальные уже не охраняются патентами), и только один – российский. Таким образом, РФ находится в критической зависимости от зарубежных сортов. В Российской Федерации для выведения новых сортов картофеля современные методы маркёр-ориентированной и геномной селекции вообще не применяются, и при сохранении этой тенденции РФ обречена на стремительное отставание картофелеводства от технологически развитых стран. Прямой перенос в Россию новых технологий селекции картофеля, разработанных в развитых странах (маркёр-ориентированной и геномной селекции), невозможен в связи с их высокой стоимостью и ограничениями, накладываемыми зарубежными компаниями – владельцами этих технологий на их передачу в другие страны.

Организация работы по постоянному выведению новых высокоэффективных сортов картофеля на базе новых отечественных селекционно-генетических технологий исключительно важна в связи с тем, что существующие сорта картофеля в течение нескольких лет теряют устойчивость к заболеваниям, так как постоянно появляются новые вредители, а также расы вирусов и грибов, к которым картофель не имеет устойчивости.

Низкая конкурентоспособность сортов картофеля российской селекции на внутреннем и международном рынках обусловлена крайне низкими объёмами финансирования исследований и разработок в сфере российского картофелеводства, а также множеством связанных с этих факторов.

Селекции и семеноводство картофеля в Российской Федерации практически не обеспечены современной материально-технической базой и инфраструктурой; имеет место слабая оснащенность научных лабораторий и семеноводческих центров современными приборами, оборудованием и реактивами.

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2016 г. № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства» и Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996 30 августа 2017 г., разработана подпрограмма «Развитие селекции и семеноводства картофеля в Российской Федерации» Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы[1].

Научное обеспечение импортозамещения в картофелеводстве осуществляется на основе реализации вышеуказанной подпрограммы.

Картофель традиционно является вторым по значимости продуктом растениеводства в Российской Федерации после зерновых культур. В России производится 30 млн. тонн картофеля и она занимает третье место в мире по объемам производства (рис. 1).

Среднегодовой объем внутреннего рынка товарного картофеля оценивается в 6-7 млн. тонн. В среднесрочной перспективе в потреблении российских домохозяйств картофель сохранит статус «второго хлеба», спрос будет поддерживаться за счет повышения доли потребления картофеля, подвергнутого обработке, в первую очередь, получения сухих картофелепродуктов и вакуумированного картофеля.

Ежегодные объемы импорта картофеля составляют около 500 тыс. тонн и постепенно снижаются (254 тыс. тонн в 2016 г. – это около 4 процентов крупнотоварного производства картофеля); экспорт картофеля около 200 тыс. тонн (рис. 2). Экспорт картофелепродуктов – около 80 тыс. тонн. Промышленно перерабатывается около 1 млн. тонн.

[1] www.pravo.gov.ru

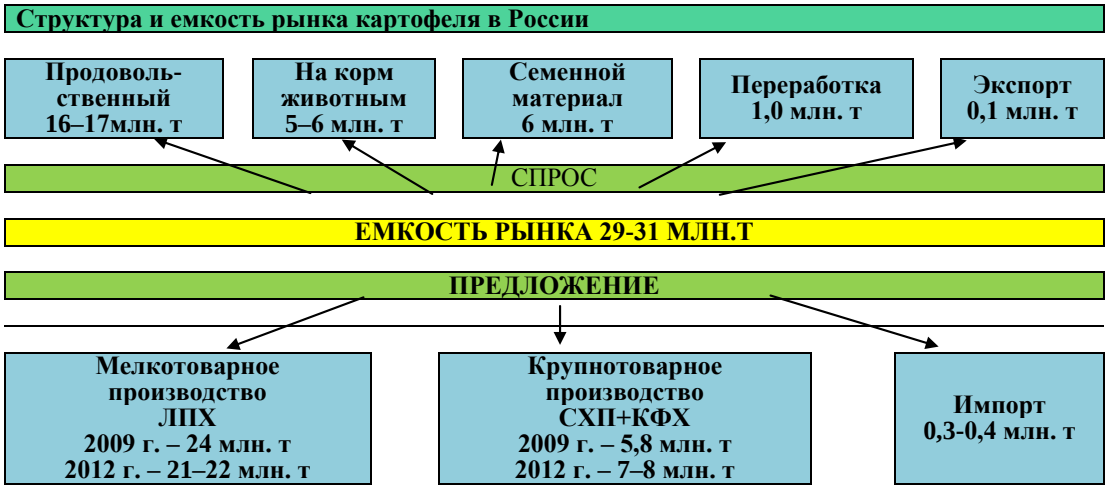


Рисунок 1.
Структура и емкость рынка картофеля в России

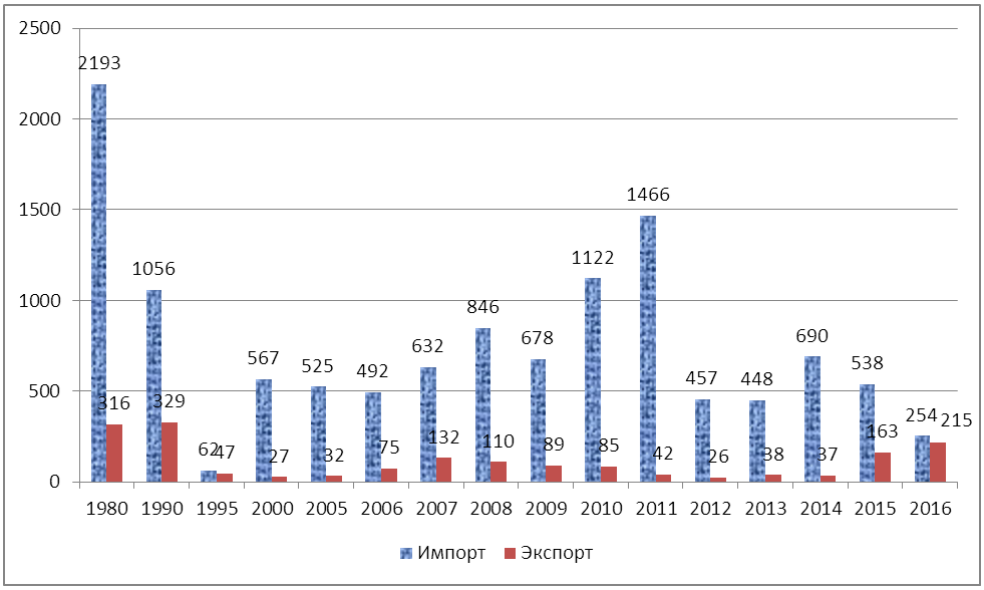


Рисунок 2.
Импорт/экспорт картофеля в РФ, тыс. т

Импорт семенного картофеля составляет 16–18 тыс. тонн/год. Экспорт семенного картофеля 6 тыс. тонн.

Несмотря на значительные объемы внутреннего производства товарного картофеля, доля семенного картофеля сортов российской селекции среди 10 лидирующих на отечественном рынке сортов не превышает 20 процентов в общем объеме производства. Это объясняется низкой конкурентоспособностью сортов российской селекции по сравнению с сортами зарубежной селекции, на которые в 2016 г. пришлось около половины посадочного материала (49,8%). Высокая доля посадочного материала иностранной селекции отражает, прежде всего, спрос сельскохозяйственных организаций (200 тыс. га или 9,7% площадей, занятых посадками картофеля), крестьянских и фермерских хозяйств (КФХ 150 тыс. га или 7,2% площадей).

Ведущими странами-поставщиками в Российскую Федерацию семенного картофеля в 2014–2017 годах являлись Германия, Нидерланды, Финляндия, а также Польша, Великобритания и Франция. Одновременно с этим в последние годы семеноводческие компании указанных стран активно реализуют проекты по локализации производства семенного картофеля на территории Российской Федерации. Локализация производства импортных сортов картофеля не снижает импортозависимости, поскольку производства исходных растений остается за рубежом.

Основной целью подпрограммы «Развитие селекции и семеноводства картофеля в Российской Федерации на 2017–2025 годы» является обеспечение стабильного роста производства высококачественного семенного картофеля

современных конкурентоспособных российских сортов на основе применения новых высокотехнологичных отечественных разработок, включающих элементы полного комплексного научно-технического цикла.

Задачи подпрограммы:

- формирование современной научной-технологической базы селекции и семеноводства картофеля за счет выполнения комплексных научных исследований фундаментального и прикладного характера, в том числе совершенствования и разработки агротехнологий, технологий классической и геномной селекции, геномного редактирования, создания новых отечественных сортов картофеля, семеноводства (оригинальных и элитных семян) и масштабирования производства новых сортов картофеля с конкурентоспособными хозяйственно-ценными признаками: продуктивность, форма клубня, глубина залегания глазков, устойчивость к биотическим и абиотическим стрессам, механическим повреждениям, широким диапазоном адаптивной способности к условиям произрастания;
- сохранение, изучение и пополнение биоресурсных коллекций сортов, сортообразцов и гибридов картофеля, коллекций возбудителей заболеваний картофеля и симбиотических микроорганизмов;
- разработка и применение высокоэффективных технологий семеноводства на основе крупномасштабного тиражирования посадочного материала современных российских сортов картофеля, с применением биотехнологических методов, стандартизированных схем последовательного технологического выращивания семян высших категорий, современных биологических средств защиты и диагностики возбудителей заболеваний и вредителей картофеля, наборов реагентов для генетической паспортизации сортообразцов картофеля и диагностики хозяйственно-ценных генов;
- увеличение годового объема производства и реализации семенного картофеля сортов отечественной селекции категорий оригинальный и элитный, созданных в рамках подпрограммы;
- реализация комплексных научно-технических проектов по созданию отечественных конкурентоспособных сортов, сортообразцов и гибридов картофеля;
- создание системы контроля качества растительного материала на всех этапах производственного цикла от селекции до семеноводства, в том числе экспертизы генетического материала;
- совершенствование системы подготовки и дополнительного профессионального образования кадров для подотрасли картофелеводства и привлечения молодых специалистов, ориентированных на быструю адаптацию к требованиям научно-технического прогресса.

Подпрограммой предусматривается разработка, апробация и коммерциализация представленных на рис. 3 технологий.

- маркер-ориентированной селекции картофеля;
- молекулярной паспортизации (генотипирования) сортов и линий картофеля,
- клонального микроразмножения и оздоровления коммерчески ценных сортов картофеля,
- высокопроизводительного гено и фенотипирования картофеля.

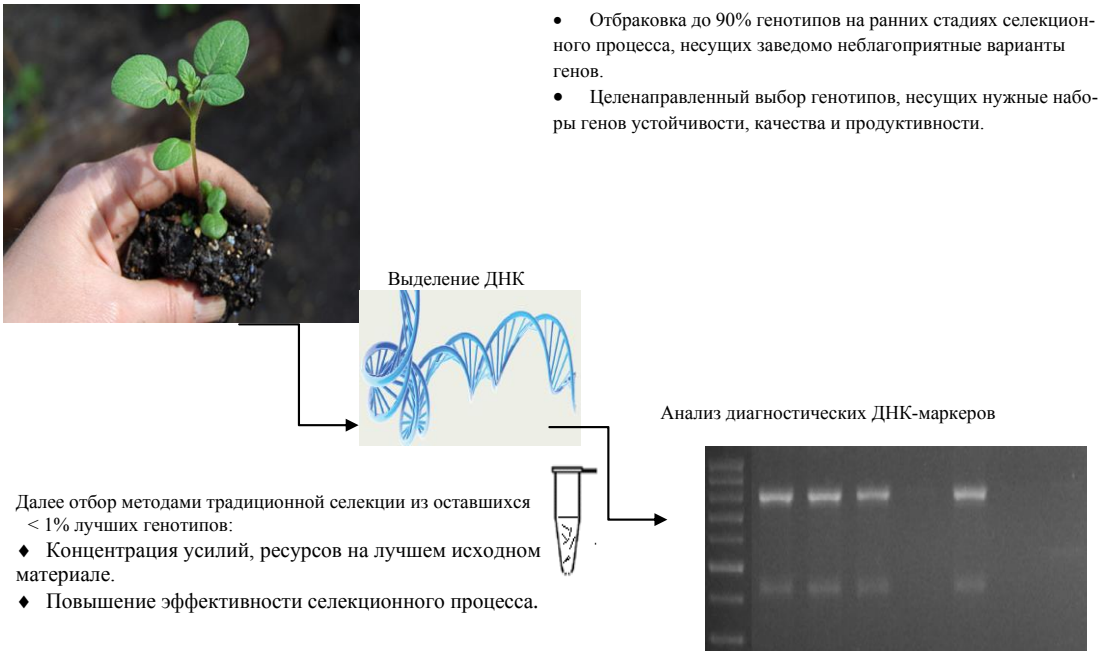


Рисунок 3.
Маркёр-ориентированная селекция = традиционная селекция + генодиагностика

Достижение цели и реализация задач Подпрограммы основано на значительной научной базе, имеющейся в подотрасли картофелеводства:

– разработаны приоритетные направления селекции (рис. 4)

Рисунок 4.
Приоритетные направления селекции сортов картофеля

– созданы селекционные линии, перспективные для быстрого выведения сортов картофеля на основе новейших селекционно-генетических технологий;

– сформированы и поддерживаются биоресурсные коллекции картофеля (не менее шести коллекций в России), содержащие тысячи образцов – источников и доноров генов, контролирующих хозяйственно-ценные признаки для селекции новых сортов;

– по данным международных баз цитирования Российская Федерация уже сейчас имеет более 150 публикаций по использованию ДНК-маркеров в растениеводстве, из них в области картофелеводства около 10%;

– одним из важнейших результатов, полученных с участием российских ученых, является расшифровка генома картофеля, полученные результаты будут использованы для полногеномных исследований с целью поиска новых маркеров хозяйственно-ценных признаков картофеля;

– существенным конкурентным преимуществом является достигнутый высокий уровень отечественных научных школ в области молекулярной генетики, геномики и биоинформатики, составляющих основу новейших генетических технологий селекции растений;

– имеется значительный опыт в обработке результатов современных селекционно-генетических и геномных экспериментов («больших данных» – «bigdata»), разработаны первые вычислительные конвейеры для обработки омиксных данных, полученных для картофеля;

– разрабатываются методы автоматического фенотипирования растений, в том числе на картофеле уже разработаны первые протоколы автоматического фенотипирования и опубликованы результаты их использования;

– разработаны современные молекулярно-генетические технологии для диагностики возбудителей заболеваний и вредителей картофеля;

– разработаны меристемно-тканевые и аэрогидропонные технологии масштабного тиражирования сортов и сортообразцов;

– ведется разработка инновационных высокоэффективных биологических средств и методов защиты картофеля и технологий их применения в связи с изменением фитосанитарной ситуации (рис. 5).

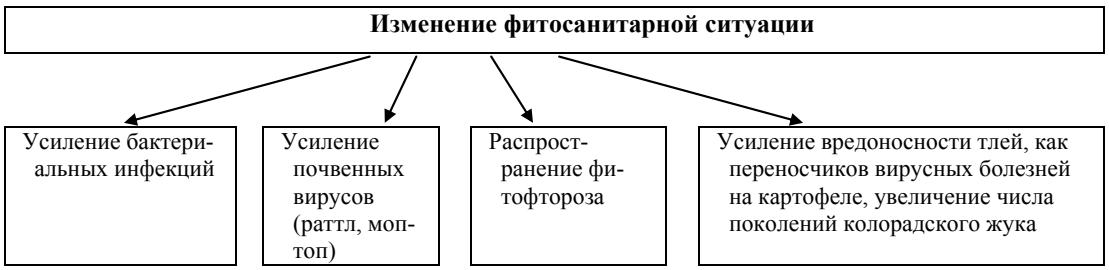


Рисунок 5.
Изменение фитосанитарной ситуации

В целях реализации мероприятий подпрограммы сформирован комплексный план научных исследований «Развитие селекции и семеноводства картофеля»(КПНИ).

Ожидаемые результаты реализации подпрограммы

Снизить уровень импортозависимости подотрасли картофелеводства за счет:

- увеличения объема производства и реализации в рамках подпрограммы семенного картофеля отечественной селекции категории элита – не менее чем на 18 тыс. тонн;
- создания новых отечественных конкурентоспособных сортов картофеля – не менее чем 12 сортов:
- столовые сорта для раннего потребления (Гулливер, Любава, Метеор, Крепыш и др.);
- столовые сорта для длительного хранения (Колобок, Великан, Бабушка, Фрегат и др.);
- сорта для переработки на сухое пюре (Брянский деликатес, Ноктюрн, Сигнал, Вымпел);
- столовые сорта для диетического питания (Василек, Романтик, Салатный)
- обеспечения отрасли дополнительными профессиональными образовательными программами по перспективным направлениям картофелеводства – 100 процентов;
- разработки для селекции и семеноводства картофеля – не менее 11 новых технологий;
- обеспечения поддержки не менее 7 коллекций сортов картофеля;
- регистрации результатов интеллектуальной деятельности (РИД), на использование которых будут заключены лицензионные соглашения, в том числе за рубежом – не менее 18 единиц;
- увеличение доли публикаций по селекции и семеноводству картофеля в рецензируемых научных изданиях (Scopus или Web of Science) – не менее 138 единиц;
- создания образовательными и научными организациями – участниками комплексных научно-технических проектов не менее 12 базовых (совместных) кафедр и 24 лабораторий и временных творческих коллективов;
- увеличения численности персонала, занятого исследованиями и разработками в организациях, выполняющих работы по селекции и семеноводству картофеля (полная занятость) на 340 человек;
- обеспечения участия в выполнении подпрограммы не менее 17 научно-исследовательских и образовательных организаций;
- разработки и регистрации не менее 10 новых биологических средств защиты картофеля.

Все это позволит снизить технологические риски, связанные с недостаточным обеспечением российского рынка семенным картофелем сортов российской селекции.

Таким образом, подпрограмма «Развитие селекции и семеноводства картофеля в Российской Федерации» будет способствовать системному усовершенствованию семеноводства картофеля как на федеральном, так и на региональном уровнях, дальнейшему развитию наметившихся в последние годы положительных тенденций и темпов роста крупнотоварного производства картофеля, способствовать импортозамещению в картофелеводстве, развитию экспортных поставок картофеля и картофелепродуктов.

Сулейманов З.Э.
к.э.н., Министерство по Чрезвычайным ситуациям Азербайджанской Республики

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЛОГИСТИЧЕСКИ-ОРИЕНТИРОВАННЫМИ ИННОВАЦИЯМИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ: ОПЫТ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ключевые слова: *инновации, логистика, таможенные процедуры и технологии.*

Инновационный подход к развитию бизнес-процессов предполагает постоянный и целенаправленный процесс разработки и внедрения нововведений, обеспечивающих кардинальные изменения в экономической сфере, стремительное повышение результативности хозяйствования.

Уровень инновационной активности предприятий и целых регионов в большой степени определяется действенностью инструментов государственного регулирования бизнес-сферы, в том числе эффективностью таможенных регуляторов. Вместе с тем и для самой таможенной сферы расширение использования инновационных подходов имеет весьма существенное значение с учетом возможностей повышения эффективности таможенных процедур и технологий.

Важную роль в модернизации таможенной сферы играют логистически-ориентированные инновации. Совершенствование логистических методов организации таможенной деятельности предполагает сопряжение всей совокупности материальных, информационных и финансовых потоков.

В стратегическом отношении логистически-ориентированное развитие инновационных методов управления таможенной сферой можно трактовать как систематическую оптимизацию всего комплекса таможенных регуляторов, обеспечивающих прохождение трансграничных товарно-материальных потоков.

Главной целью логистически-ориентированных инноваций в таможенной сфере является достижение максимального уровня координации бизнес-процессов, сопровождающих трансграничное товародвижение на всех его этапах. Максимальный эффект от таможенно-логистических инноваций возможен в ситуации, когда все звенья таможенной логистики действуют по принципу бизнес-интеграции с ориентацией на то, чтобы улучшение деятельности каждого звена способствовало улучшению работы всей целостной таможенно-логистической системы.

Геополитические условия, конъюнктура рынка, организация мирохозяйственных связей в последние годы изменяются очень динамично. Учитывая эти обстоятельства, современные таможенно-логистические системы должны быть высокоадаптивными к новым реалиям глобального экономического пространства. Оценивая существующие подходы к организации инновационных процессов в таможенной сфере, можно отметить, что сейчас уже много сделано для повышения уровня логистической нацеленности таможенных операций. Развиваются инновационные формы электронного декларирования, все шире используются методы удаленного выпуска товаров и предварительного информирования, позволяющие минимизировать нагрузку на действующую таможенную инфраструктуру. Вместе с тем многое в области развития логистически-ориентированных инноваций в таможенной сфере еще только предстоит сделать.

В долгосрочной перспективе для оптимизации системы информационного обеспечения инновационной деятельности целесообразно добиваться более высокого сопряжения информационно-логистических потенциалов таможенных и налоговых органов. Подобная консолидация информационно-логистических потенциалов одновременно с развитием информационной поддержки внешнеторгового бизнеса обеспечит оптимизацию функций государственного управления финансовыми потоками.

Для совершенствования методов управления логистически-ориентированными инновациями в таможенной сфере необходим тщательный учет рациональной мировой практики. Значительные успехи в данной области имеются в Азербайджанской Республике, чей опыт с некоторой корректировкой может быть полезен и для российских структур.

В целях повышения эффективности таможенной деятельности в Азербайджане на инновационной основе совершенствуются таможенные технологии работы и система применения многих регуляторов. Таможенные органы, используя управленческие и технико-технологические инновации, обеспечивают действенный контроль за перемещением товаров через пропускные пункты. При этом строго соблюдаются положения международных соглашений.

При подготовке Государственным таможенным комитетом Азербайджана нормативных документов, определяющих правила и условия товародвижения через таможенные границы, а также при модернизации таможенных процедур особое внимание обращается на инновационные таможенные технологии. В республике систематически принимаются меры по корректировке законодательства в целях поддержки инноваций, логистического ускорения товарооборота, повышения эффективности таможенного контроля за экспортно-импортными потоками, приведения таможенных процедур в соответствие с наиболее рациональными международными подходами.

Как пример активного участия таможенных органов Азербайджана в инновационно-ориентированных трансграничных процессах, способствующих развитию национальной экономики, можно отметить такой факт. Когда в 1995 году на инновационной основе начала бурно расширяться разработка морских нефтегазовых месторождений с нара-

щиванием добычи нефти и газа, экспорт нефти пошел по новым более рациональным маршрутам, что потребовало адекватной корректировки таможенной деятельности. С учетом инновационно-ориентированного ускорения развития нефтяной промышленности в республику для выполнения контрактных работ стали в большом количестве поступать новые грузы, включая высокоэффективное оборудование. Для обеспечения упрощенного и оперативного таможенного оформления этих грузов при Бакинском таможенном управлении был введен в действие дополнительный таможенный пост «Сахил».

Существенное наращивание масштабов экспорта нефти и нефтепродуктов, рост объемов транзитных грузоперевозок, присоединение Азербайджана к мировой нефтегазовой коммуникационной системе, строительство экспортного нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и других инновационно-ориентированных объектов коммуникационной инфраструктуры обусловили рост числа подразделений, выполняющих функции таможенного оформления и контроля перемещения нефтепродуктов. Для повышения эффективности таможенного сопровождения процессов перемещения нефтепродуктов в 2001 году на основе мобилизации внутренних резервов Государственного таможенного комитета и использования организационно-управленческих инноваций была сформирована дополнительная таможня «Энержи», эффективно выполняющая таможенное оформление и контроль потоков энергоносителей.

В качестве одной из весьма значимых предпосылок логистически-ориентированной оптимизации трансграничных процессов надо отметить расширение сети таможенных складов на территории Азербайджана с одновременным повышением уровня их инновационного потенциала и совершенствованием состава выполняемых функций. Государственным таможенным комитетом республики систематически уточняются нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность таможенных складов. При этом приоритетное внимание уделяется вопросам активизации и поддержки инновационных процессов в таможенно-терминальной области.

В условиях развития отвечающих международным стандартам таможенных пропускных пунктов вдоль государственной границы Азербайджана, увеличения их пропускных возможностей и совершенствования правил таможенного контроля проводится инновационно-ориентированная модернизация таможенно-логистической инфраструктуры.

Восстановление исторического «Шелкового пути», а также развитие международного транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия способствуют превращению Азербайджанской Республики в очень важное транзитное государство, что стало предпосылкой значительного роста масштабов трансграничных процессов, сопровождаемого инновационно-ориентированным развитием форм и методов таможенной деятельности. Особую значимость это приобретает в условиях ввода в строй (ноябрь 2017года) новой железной дороги Баку-Тбилиси-Карс (Турция), интерес к которой проявили многие страны Центральной Азии, Китай, Пакистан и Южная Корея. В настоящее время страны-участники «Шелкового пути», включая Азербайджан, решают задачи обеспечения упрощенного и беспрепятственного прохождения транзитных товаров и транспортных средств через свои территории. Для эффективного решения этих задач в Азербайджане на системной основе идет наращивание инновационных предпосылок повышения качества таможенной деятельности.

С учетом большого числа новых бизнес-задач и усиления внимания к организационно-управленческим инновациям, структура Государственного таможенного комитета Азербайджана в последние годы модернизировалась. В целях увеличения экспортно-импортных возможностей государства, повышения рациональности процессов таможенного контроля и оформления товаров, а также для логистического ускорения товарооборота было сформировано более 50 дополнительных таможенных постов, охватывающих различные регионы республики. Динамично развиваются логистически-ориентированные инновационные таможенные процедуры и технологии. Следует отметить, что в последние годы в республике на инновационной основе сокращается не только число документов, требующихся для организации трансграничных процессов, но и время подготовки этой документации, а также время прохождения таможенных процедур.

Инновационные технологии выполнения таможенных процедур можно трактовать как новые организационно-экономические подходы к использованию методов и средств, оптимизирующих трансграничные бизнес-процессы. Критерием логистически-ориентированной оптимизации данных процессов является сокращение временных и финансовых затрат непосредственных участников трансграничной деятельности в ходе их взаимодействия с таможенными звеньями.

Для полного и оперативного информирования субъектов трансграничной деятельности о таможенно-логистических новациях и тематических новостях в Азербайджане выпускаются такие издания как еженедельник «Гомрук хаберлери» и ежемесячник «Гомрукчу», существует веб-сайт Государственного таможенного комитета, создана обновляемая автоматизированная база данных таможенных органов.

С целью упрощения процессов таможенного оформления, обеспечения прозрачности хозяйствования и активизации инновационных процессов в республике создан Учебный центр таможенных брокеров Государственного таможенного комитета.

Перспективы инновационно-ориентированного развития системы таможенно-логистического регулирования бизнес-процессов в Азербайджане, а также приоритеты совершенствования таможенной политики следующие:

– формирование новых таможенных постов, оснащенных высокоэффективными технико-технологическими средствами, а также инновационное совершенствование действующей таможенно-логистической инфраструктуры с целью увеличения возможностей пропуска товаров через границу по всем направлениям грузоперевозок;

– создание новых логистических терминалов и центров в целях инновационно-ориентированной рационализации складских и грузовых операций, сопровождающих трансграничные бизнес-процессы;

– инновационное развитие системы обмена информацией таможенных органов с соответствующими государственными структурами для повышения уровня координации и контроля экспортно-импортных потоков;

– совершенствование методов анализа и прогноза показателей таможенной деятельности с целью повышения точности оценок рисков в сфере регулирования трансграничных процессов;

– оптимизация системы обмена необходимой информацией с грузоперевозчиками в целях своевременного и полного обеспечения таможенных органов данными об условиях перевозок грузов перед началом их поставки на территорию республики всеми видами транспорта;

– обеспечение всех таможенных постов самыми современными техническими средствами и расширение сети оборудованных лабораторий для проведения качественного таможенного контроля и экспертизы;

– расширение использования инновационного потенциала службы «е-таможня» и применения «безбумажных» технологий для оптимизации процессов оформления документации, логистической минимизации работ в области взаимоотношений органов таможни с бизнес-структурами и обеспечения прозрачности хозяйствования.

Многие из уже принимаемых мер, безусловно, будут способствовать инновационно-ориентированной оптимизации таможенной деятельности. Тем не менее, в стратегическом отношении для динамичного развития таможенной сферы с ее четкой адаптацией к новым рискам и глобальным вызовам требуется усиление системного подхода, означающего сопряженное решение всего комплекса проблем модернизации таможенной деятельности с устранением фрагментарности в подходах к решению данных проблем.

Система в ее теоретико-методологической трактовке предполагает объединение различных подсистем, элементов, частей, образующих целостность, с обеспечением рациональных связей между структурно-функциональными элементами. В полной мере этим принципам должна отвечать целостная система управления инновационным развитием таможенной сферы.

Построение и функционирование систем, включая таможенно-логистические, предполагает их иерархичность, многоуровневость, когда каждый уровень системы решает свои специфические проблемы. При этом любое системное формирование может рассматриваться в качестве структурной части системы более высокого порядка, а его собственные элементы – в качестве системы более низкого порядка. Следует учитывать, что целостность и результативность работы системы зависят от качества взаимодействия всех подсистем и иерархических уровней.

Целостный механизм управления инновационным развитием таможенной сферы с его функциональными блоками необходимо рассматривать в качестве сложной системы с целым рядом иерархических уровней, каждый из которых является открытой системой, зависящей от состояния внешней среды.

Для организации эффективного управления инновационным развитием таможенной сферы на системной основе требуется уточнение полного круга субъектов и объектов управления с их взаимосвязями и четкой классификацией их целей. Необходима увязка всего множества целей с методами и средствами их достижения, а также со всеми типами управленческих ресурсов. Все это является предметом углубленных исследований, проводимых азербайджанскими учеными-теоретиками совместно со специалистами практиками таможенной сферы.

Использование логистически-ориентированного системного подхода к управлению инновационными процессами в таможенной сфере будет способствовать динамичному повышению эффективности работы широкого круга таможенных структур и их бизнес-партнеров, что в свою очередь обеспечит рост конкурентоспособности и устойчивости всей национальной экономики.

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, зав лаб. ИПР РАН

УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В «ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ»

Ключевые слова: *функция квалификации и здоровья, человеческий капитал, цифровые технологии.*
Keywords: *qualification and health function, human capital, digital technologies.*

1. Человеческий капитал и особенности его воспроизводства в новой технологической реальности

Исходя из традиции, заложенной ещё Теодором Шульцем [3], под человеческим капиталом понимают знания, навыки, опыт, квалификацию, которые можно использовать как ресурс при создании различных видов благ, включая сами новые знания и квалификацию. Это, с одной стороны, довольно широкое определение, подобно тому, как он определял институты, понимая под ними и организационные структуры, фирмы, корпорации, контракты, кооперацию, кредитно-денежные отношения, контракты, права собственности, включая трудовое законодательство – и формы человеческого капитала [3, с. 249]. С другой стороны, состояние здоровья, образ и качество жизни также влияют на возможность использования знаний, опыта, квалификации. Более того, технологические изменения, обусловленные накопленными знаниями, одновременно приводят к обесцениванию целых видов знаний и профессионального опыта. Следовательно, функция здоровья и квалификации составляют две основные части человеческого капитала.

Высокая неопределённость технологических изменений, тем не менее, выдвигает ряд требований к состоянию человеческого капитала, который обусловливает эти изменения и сам изменяется с прогрессом технологий. Таким образом, при плохом состоянии фондов и технологий, детерминирующих обучение, подготовку кадров, видимо, проблематично говорить о высоком качестве человеческого капитала. Оно будет явно не столь высоким. Конечно, знания и квалификация могут присутствовать, условно говоря, отдельно, но всё-таки их приложение обращено к капиталу и технологиям и зависимо от них. Это составляет основное содержание процесса воспроизводства человеческого капитала. Конечно, деторождение, демографические тенденции, социальное благополучие граждан, включая уровень неравенства и бедности, влияют не только на прирост населения, но и на процесс воспитания, обучения, кадровой подготовки. Сильное влияние здесь оказывает система среднего, высшего образования, а также наличие или отсутствие политики в области подготовки кадров и их распределения в экономике.

Человеческий капитал ещё более неоднороден, чем физический или природно-ресурсный капитал. Ещё Дж. Хикс утверждал, что неоднородность капитала является чёрной дырой современной ему экономической теории, что причина всех проблем как раз в неоднородности. Вместе с тем, появляющиеся новые технологии усиливают эту имманентную неоднородность, связанную с траекториями социализации человека, когда неумение открыть характерные (генетически заданные) способности и развивать их в должное время, оборачивается выполнением несвойственных задач или работы, в рамках которой способности данного агента раскрываются далеко не полностью, либо не раскрываются в принципе. Когда помимо различных возможностей в обучении, появляются информационные технологии, которые выравнивают «информированность агентов», снижают уровень информационной асимметрии, но не обеспечивают автоматически уровня квалификации, неоднородность человеческого капитала в смысле профессии возрастает – капитал приобретает различные профессиональные оттенки. Оппортунизм как модель поведения, позволяющая получить дивиденды, скрывая подлинную квалификацию, только за счёт общей информированности – также увеличивается.

Цифровая экономика – это не что иное как «информационная экономика», снабжённая специальными технологиями (цифровыми), улучшающими работу с информацией (восприятие, обработка, анализ, отбор, хранение). Однако, в своём развитии, при успехах в применении систем искусственного интеллекта происходит не просто замена ручного труда машинами (автоматизация, механизация), или человека – роботом (но в механическом смысле), а замена сначала элементов мышления – искусственным интеллектом, который будет способен самосовершенствоваться и развиваться, принимать не заданные заранее некой совокупностью, а творчески синтезированные решения, а затем и самого человека как мыслящей биоконструкции. Конечно, до последнего сценария ещё далеко, к тому же это произойдёт только при соответствующих успехах в развитии биотехнологий и генетики, клонировании людей и т.д. (если эта деятельность не окажется под запретом, подобно ядерному оружию сегодня[1]). Это способно сделать роль человека подчинённой, однако, создавать системы искусственного интеллекта всё равно должен будет человек. В связи с чем требования к интеллектуальной деятельности людей изменятся. Произойдёт главное структурное изменение в области человеческого капитала – ещё большее смещение акцентов с физического на интеллектуальный труд. Это с необхо-

[1] Хотя режим нераспространения, как видим, нарушается.

димостью приведёт к расширению значения образования, сделав этот процесс практически безостановочным на протяжении жизни людей. Интеллектуальный труд требует соответствующих мотивов, своеобразной конкуренции, что наверняка увеличит внутреннюю социальную конфликтность, что не может не сказаться на системе оплаты труда, контрактации агентов и т.д. и т.п. Вооружённость цифровыми технологиями, конечно, увеличит скорость обработки информации, но само появление таких технологий обеспечит и больший объём информации, более высокую нагрузку на профессиональных агентов по поводу принятия релевантных решений в своей профессии. Возрастёт специализация труда, возникнет ещё большая дифференциация в рамках одной профессии с появлением новых профессий, в том числе, в информационном секторе. Существенно возросший объём информации усилит требования к релевантной информации, повлияет на процесс обучения кадров. Различные девиации в информационном секторе возрастут, они уже увеличиваются и требуют регламентации деятельности в этой отрасли хозяйства. Трансакционные издержки, вероятно, не понизятся, как принято ожидать, а повысятся, потому что конфликтность, девиации, регламентации и общий объём информации – возрастут. Требования к «узкому знанию» увеличатся, нужно будет «знать всё ни о чём», то есть, по узкому вопросу быть самым ценным кадром. Такое явление ощущается на рынках труда уже сегодня, дифференцируя этот рынок, снимая с повестки дня стереотипные подходы к его макрорегулированию. Переложение ядра функций на искусственный интеллект произойдёт и будет нивелировать данный процесс, однако, такие имманентные функции, как здоровье и квалификация останутся двумя основными элементами человеческого капитала. Иногда человеческий капитал представляют как инвестиции (денежные вложения в человека), в частности, в обучение и иногда – в лечение, однако, правильнее, давать оценку по накопленному знанию и опыту, квалификации, с учётом потенциала здоровья агента, представляя в виде стоимостной оценки эти параметры. Понятие человеческого потенциала, разумеется, шире, оно широко использовалось российскими и советскими экономистами и включало в себя не только компетенции и состояние здоровья, но и социальные условия жизни (уровень, образ и качество жизни), а также возможность использования трудовых ресурсов в будущем. Следовательно, общая социально-экономическая ситуация в стране, уровень неравенства, образования населения (стандарты образования и их выполнение), уровень здоровья. продолжительности жизни (различные варианты показателя) – непременные условия воспроизводства человеческого капитала. Под воспроизводством понимается получение здоровых и компетентных кадров, способных к саморазвитию и воспитанию себе подобных с наращением их знаний и умений. Это модель расширенного воспроизводства человеческого капитала. Если говорить о простом воспроизводстве человеческого капитала, то это ситуация, когда прирост населения происходит при неувеличении или снижение потенциала здоровья и без наращения квалификации, то есть, когда качество новых знаний и умений не возрастает, либо снижаются морально-нравственные качества персонала. Рассмотрим на основе авторской работы десятилетней давности функцию здоровья и квалификации [2].

2. Функции здоровья и квалификации – две основные части человеческого капитала

Ведущей причиной неоднородности человеческого капитала является то, что агенты имеют разное здоровье, квалификацию, даже профессии, социальные условия воспитания и получения образования. Эффект разницы по каждому направлению суммируется, умножается на технологический прогресс, диктующий особые условия к функционированию агента и обучению, обусловливая неоднородность. Свойство возрастающей неоднородности – это коренная характеристика воспроизводства человеческого капитала. Следовательно, изучить его можно по функциям здоровья и квалификации, а также дисфункции этих функций. Покажем это на уровне экономического агента. Необходимо учитывать, что реализация этих функций в экономике, где основную роль играет капитал, формируя, в том числе, и спрос на цифровые технологии, знание, зависит от среднедушевого дохода агента, потому что каждая функция для своей реализации требует расходов, определяемых величиной дохода.

С точки зрения агента здоровье есть благо, ценность которого с возрастом возрастает, а общая стоимость снижается, и в точке смерти агента здоровье как благо равно нулю (см. рис. 1). Затраты в обеспечение здоровья являются инвестициями в создание будущего дохода, поскольку с утратой здоровья снижается производительность труда, возрастают потери рабочего времени, связанные с нетрудоспособностью, либо «вялой» работой, что понижает и извлекаемый агентом доход. Убывание здоровья с возрастом компенсируется частично ростом расходов. Покажем кривые изменения запаса здоровья двух агентов, которые родились с разным исходным запасом здоровья (например, это расхождение может быть генетически предопределено, либо было обусловлено режимом вынашивания и протекания родов) [2].

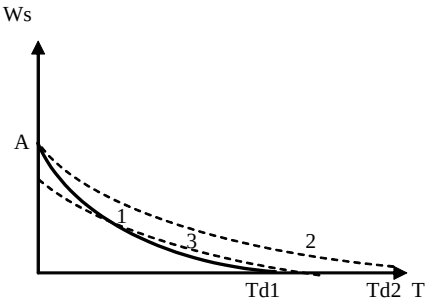


Рисунок 1.
Вариант динамики функции запаса здоровья агента

Как видно из рисунка, функция запаса здоровья для агентов 1–2 берёт начало в одной точке А, в случае 3 исходный запаса здоровья агентов отличается. Если запас одинаков, то агенты всё равно могут прожить период неодинаковой продолжительности – Td1 и Td2 соответственно. Ситуация, представленная на графике 1, показывает, что имея более низкий запас здоровья по отношению к агенту1, агент 3 проживёт несколько дольше, но меньше агента 2. Такой характер динамики функции запаса здоровья говорит о том, что агенты проходят разные пути социализации, приобретают различный доход, который позволяет им по-разному ликвидировать усиливающиеся в ходе износа организма дисфункции, что, в конечном счёте, сказывается на продолжительности жизни. Здесь не рассматривается функция запаса здоровья, которое может стать равным нулю в силу аварии. Например, агент 1 учился на отлично, что требовало значительных усилий, комнатной работы, нагрузки на глаза и нервную систему. Агент 3 учился на воздухе, быстро приобрёл работу, которая связана с полезным для организма трудом. Пересечение кривых 1 и 3 даёт точку, в которой их потенциалы здоровья сравнялись, и далее происходит разное растрачивание запасов здоровья. Так, первый агент защищает докторскую диссертацию в молодом возрасте. Если в экономике нет стимулов для такой траектории развития, то расплатится он за такое желание своим здоровьем. К тому же, связывая свою работу с наукой, агент 1 приобретает невысокий доход, а агент 3 осуществляет функцию контроля строительства объектов в лесной зоне, что способствует укреплению здоровья и гарантирует, по крайней мере, в российской экономической системе, более высокий доход. Часть дохода агенты инвестируют в здоровье, причём с каждым годом всё больше и больше, но вот в общем случае доля инвестирования дохода в такое благо как здоровье обычно не одинакова и определяется предпочтениями агентов осуществлять подобные расходы [2].

Вид кривой запаса здоровья должен быть несколько иным, чем представлено на предыдущем рисунке. Функция запаса здоровья будет иметь возрастающий участок, что связано с накоплением запаса здоровья и формированием потенциала здоровья в детском возрасте.

Медицина по существу позволяет восстанавливать функцию здоровья, поэтому инвестиции в здравоохранение – это восстановление функции здоровья агентов, следовательно, основное условие воспроизводства человеческого капитала. Конечно, если инвестиции в медицину растут в стране, а социально-экономические иные показатели существенно ухудшаются, то в таком случае вряд ли инвестиции в человеческий капитал способны обеспечить должный характер воспроизводства этого капитала.

Инвестиции в образование составляют вторую форму человеческого капитала. Только правильно вести речь не о величине денежных сумм, получаемых образованием, а о качестве годных специалистов, которые выпускаются этой системой, с учётом обучения на месте, где происходит калибровка и наращение общих навыков, полученных в школе и университете. Ошибочно считать, что университет должен выпустить абсолютного всезнайку, готового трудиться в промышленности, сельском хозяйстве или иных отраслях. Он лишь должен быть готовым применить ряд навыков на рабочем месте и уметь быстро войти в курс дела и отточить свою квалификацию в данной профессии. Это принципиально разный подход к образованию и его этапам. Цифровые технологии и их широкое распространение в будущем приведут к тому, что обучение будет носить перманентную форму, но не тяготить агента, подтачивая его здоровье, а быть условием его реализации, частью профессии. Именно такой подход должен быть воспроизведен институционально применительно к сфере науки и проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Новая технологическая реальность диктует потребность по любым профессиям в специалистах-исследователях. Именно такой профессиональный крен должен найти отражение в современном образовании. Помимо конкретных навыков и знаний специалист должен быть познающей и самосовершенствующейся системой – исследователем, а подготовка исследователей предъявляет повсеместно особые требования к организации учебного процесса. За период обучения уровень квалификации агентов в эффективной системе образования должен увеличиваться. Однако если сравнивать любое по качеству обучение с начальным состоянием агента до обучения, то приращение какого-то знания будет налицо. Поэтому важной становится оценка того, насколько должен возрасти уровень квалификации в процессе обучения. Цифровые технологии исполняют вспомогательную роль и не могут быть фетишом процесса обучения. Иногда при формализации процесса обучения, наделении его игровым характером навыки и знания, наоборот, усваиваются не прочно, теряются, а обучаемый приобретает весьма условное представление о реальности [1].

В связи со сказанным, можно ввести функцию квалификации (уровень компетенций) специалиста и сравнить динамику этой функции на периоде обучения и за период всей жизни агента с функций запаса здоровья W_s. До периода обучения T_{NO} функция квалификации может возрастать в зависимости от характера дошкольного обучения и познания мира, того сколько внимания уделяется ребёнку в семье, начального уровня дохода, способностей родителей, в том числе способностей к воспитанию детей. На участке обучения $[T_{NO}, T_{KO}]$ запас здоровья сокращается, а функция квалификации растёт. В связи с этим важнейшим требованием к процессу обучения является то, чтобы агент не осуществлял затраты здоровья при обучении, либо они были минимальны. Тем самым политика образования должна быть синхронизирована с задачей наращения потенциала здоровья, а не растраты его. Затем, после основного обучения возможны сценарии (рис. 2): 1) квалификация инерционно возрастает за счёт накопления опыта специалистом и с годами жизни стабилизируется на одном уровне (линия 3), либо к концу жизни сокращается (линия 4); 2) квалификация инерционно растёт за счёт совершенствования опыта, переподготовки и переквалификации (повышения квалификации, стажировки и др.) в последующие годы, к концу жизни достигая, пика и стабилизируясь (линия 1), либо несколько сокращаясь (линия 2). Запас здоровья неуклонно снижается, хотя функция может отражать более крутое (быстрое) снижение сразу после или даже во время учёбы (линия 5) [2].

Функция квалификации агента может зависеть от функции запаса здоровья. Кроме того, квалификация будет зависеть от способностей агента, в том числе его генетики, а также от уровня начального дохода, либо имеющегося или унаследованного актива, приносящего такой доход.

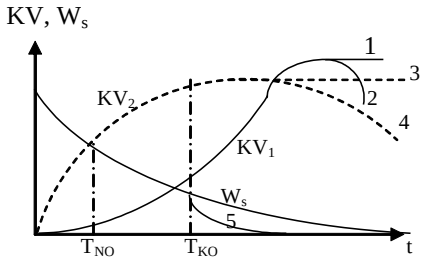


Рисунок 2.
Динамика уровня квалификации и запаса здоровья от лет жизни агента

В зависимости от уровня дохода агента можно представить функцию запаса здоровья и функцию уровня квалификации (см. рис. 3).

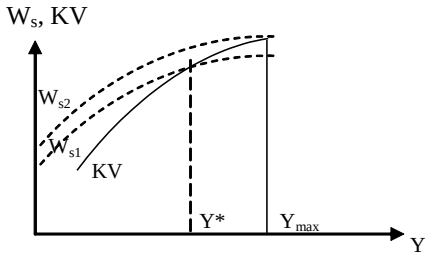


Рисунок 3.
Функция запаса здоровья и квалификации от дохода

Допустим, для одного и того же уровня дохода запас здоровья выше запаса квалификации. Обе функции растут замедляющимся темпом, но с некоторого значения национального/душевого дохода Y* запас квалификации растёт сильнее, нежели запас здоровья, а затем этот рост при Y_{max} вообще прекращается. С момента Y* квалификация становится более значимой. Именно её дальнейший рост, который можно связывать с технологическим прорывом (например, цифровой революцией), может обеспечить передвижение кривой W_{s1} в положение W_{s2}, тем самым, возрастёт запас здоровья для данного уровня дохода. Привязка функции запаса здоровья и квалификации к уровню дохода позволяет сформулировать задачу нахождения разрыва между двумя функциями и оптимального распределения инвестиций между сохранением, восстановлением или увеличением запаса здоровья, либо повышением квалификации и наращением запаса человеческого капитала. Одним словом, наращение человеческого капитала посредством обучения и повышения квалификации сопровождается его износом, причём реальным физическим износом, выражающимся в ухудшении запаса здоровья, снижении работоспособности и производительности. Тем самым два составных элемента человеческого капитала, инвестируясь по-разному, всё-таки обеспечивают влияние друг на друга, элиминируя издержки, в частности образования относительно здоровья.

Учитывая сказанное, можно говорить о дисфункции экономического агента (DF_A) – это по существу совокупность дисфункции здоровья(D_{Ws}) и квалификации(D_{KV}). Дисфункция квалификации – это дисквалификация, которая выражается в потере необходимого знания, либо неумении применить то знание, которое находится в распоряжении агента, либо неполучение должного знания (в силу состояние системы образования). Саму дисфункцию по каждой составляющей можно представить через функции запаса здоровья и квалификации. Тогда запишем:

$$DF_A = D_{Ws} + D_{KV}.$$

Макроэкономическая политика должна исходить в связи с этим из необходимости минимизации этой функции, либо потребуется по-другому поставить задачу, представить функцию благосостояния (SFW) в виде суммы функции запаса здоровья (W_s) и уровня квалификации (KV). Тогда будет сформулирована задача поиска максимума благосостояния для всей экономической системы по её человеческому капиталу. Иными словами:

$$DF_A \to \min,\ SFW(t) = W_S(t) + KV(t) \to \max.$$

Разные квалификации и число специалистов каждой квалификации имеет свою значимость в экономике относительно их вклада в темп экономического роста и в прирост национального дохода. Поэтому имеет смысл задача определения и прогноза квалификационной матрицы экономики по величине взноса каждой профессиональной группы в развитие. В такой постановке данная задача, будучи решённой, позволит управлять и системой образования, и рынками труда, и развитием в целом.

Благосостояния агента складывается из запаса здоровья и накопленной квалификации. Фактически его можно представить как сумму двух функций: $B_i(t)=W_{si}(t)+KV_i(t)$. Имеющиеся ресурсы, проектируемые институты, накопленный физический запас капитала (жильё, инфраструктура, производственные площади/мощности и т.д.) обслуживают эти базовые функции и обеспечивают, либо не обеспечивают их приращение.

Исходя из сказанного, представим в соответствии с приведенными выше графическими зависимостями функции запаса здоровья и квалификации в аналитическом виде. Запишем их так:

$$W_s = a_1 - a_2 e^{-\beta 1 y}\ ,\ KV = b_1 - b_2 e^{-\beta 2 y}\ .$$

Продифференцировав по уровню душевого дохода, получим:

$$\frac{\partial W_s}{\partial y} = c_1 e^{-\beta 1 y},\ \frac{\partial (KV)}{\partial y} = c_2 e^{-\beta 2 y}\ .$$

Зависимость функции запаса здоровья и уровня квалификации можно представить следующим образом (это модель-схема, обозначающая подход, а не работающая модель):

$$W_s = a - be^{-\alpha KV},\ \frac{\partial KV}{\partial t} = AKV_0 e^{\mu W_{sw}}\ .$$

Полагая, что KV = c t, квалификация изменяется пропорционально времени (имеются данные, что объём знаний растёт по экспоненте, или показательной функции, однако для простоты взята линейная зависимость[1]), в этом случае:

$$\frac{\partial W_s}{\partial t} = c_3 e^{-\alpha KV};\frac{\partial W_s}{\partial t} = \frac{\partial W_s}{\partial t}\frac{\partial y}{\partial y} = \frac{\partial W_s}{\partial y}\frac{\partial y}{\partial t} = c_1 e^{-\beta 1 y}\frac{\partial y}{\partial t},$$

откуда следует, что

$$\frac{\partial y}{\partial t} = c_4 e^{\beta 1 y - \alpha KV}\ .$$

Выразив функцию квалификации, получим:

$$KV = \frac{\beta_1}{\alpha} y - \frac{1}{\alpha}\ln[\frac{1}{c_4}\frac{\partial y}{\partial t}].$$

Далее несложно выразить и функцию запаса здоровья.

Таким образом, решение, как и вид функций квалификации и запаса здоровья будет зависеть от представления динамики валового продукта (на душу населения). Иной способ – задать функцию квалификации и интенсивность затрат системы образования, то есть воспользоваться уравнением вида: $\frac{\partial KV}{\partial t} = f(KV) + Z(t), KV(t=0) = RV_0$ [1]. Приняв f(KV)=φ KV (φ<0 – показатель, характеризующий восприятие знаний, то есть эффективность усвоения (скорость) знаний) и Z(t)= Z_0, получим: $\frac{\partial KV}{\partial t} = \phi KV + Z_0$.

Решением данного уравнения в общем виде является выражение:

$$KV(t) = -\frac{Z_0}{\phi} + (KV_0 + \frac{Z_0}{\phi})e^{\phi t}\ .$$

Исходя из полученного выражения, обнаруживалось, что снижение запаса здоровья влияло на квалификацию в сторону понижения, во всяком случае, снижало возможность повышения квалификации. Это важное условие для выстраивания макроэкономической политики, затрагивающей различные связанные сферы деятельности. Такое изменение отличается от иных моделей, с постоянной интенсивностью расходов на образование. [1, с. 144–154].

Иными словами, следует распределять инвестиции в экономике так (и влиять на формирование такой структуры), чтобы конечные продукты и потребление замыкалось на два сектора, обеспечивающих здоровье и образование, выпуск в которых имел бы точки приложения в рамках конкретной отраслевой системы.

Список литературы

1. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: УРСС, 2001. – 288 с.
2. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 368 с.
3. Schultz T.W. Investment in Human Capital. – N.Y., 1971.

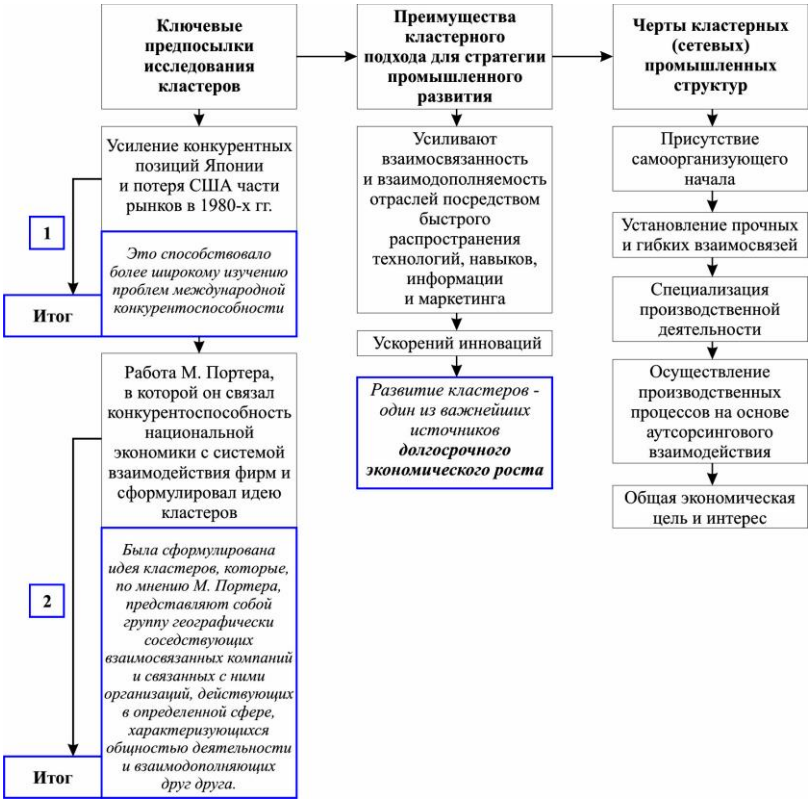
[1] В источнике [2] отсутствует это уточнение, которое является очевидным для демонстрации такой связи.

Ташенова Л.В.
аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета, магистр экономических наук, н.с. НИИ Регионального развития, г. Караганда, Республика Казахстан
Бабкин А.В.
д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИННОВАЦИОННО-АКТИВНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В ЭКОНОМИКЕ[1]

Ключевые слова*: кластерный подход, протокластер, кластер, промышленный кластер, инновационный промышленный кластер, системообразующий инновационно-активный промышленный кластер, коммерциализация.*
Keywords*: cluster approach, protocluster, cluster, industrial cluster, innovative industrial cluster, system-building innovation-active industrial cluster, commercialization.*

Введение. В настоящее время, в условиях глобализации и интеграции, промышленный прогресс обеспечивают не разрозненные предприятия, а их объединения: группы, кластеры и сети. В последние годы в мире понятие «кластер» стало достаточно распространенным. Именно такие сетевые структуры, как кластеры способствуют достижению и удержанию превосходства компаниями над их конкурентами.



Примечание: составлено авторами. Источники: [1, 2, 3].

Рисунок 1.
Кластерный подход в условиях промышленного развития

[1] Статья подготовлена в рамках проведения исследований по проекту РФФИ № 18-010-01119 «Управление цифровой трансформацией инновационно-промышленного кластера как системообразующего элемента отраслевой цифровой платформы: методология, инструментарий, практика».

Понятие «кластер» впервые было введено в оборот американским экономистом Майклом Портером в 1990 году. Данную категорию он рассматривал в рамках своей работы, в которой он связал конкурентоспособность национальной экономики с системой взаимодействия фирм. На основе этой работы, М. Портер дал следующее определение: «Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга». Это стало одной из важнейших предпосылок исследования кластеров.

Вторым важнейшим моментом явилось усиление конкурентных позиций Японии, и потеря Соединенными Штатами Америки части своих рынков, что способствовало углублению знаний и более широкому изучению проблем международной конкурентоспособности (рис. 1).

В качестве ключевых причин возникновения кластера можно выделить повышенный региональный спрос, факторные условия, внутриотраслевую конкуренцию, «волю случая» (например, создание компании, которая станет в последующем «якорной» и вокруг которой будет «разрастаться» будущий кластер) и др.

Кластеры способствуют усилению взаимосвязанности и взаимодополняемости отраслей посредством распространения технологий, навыков, информации и маркетинга, и, как следствие, – ускорению инноваций [4–6, 18–20 и др.]. В связи с чем, можно считать, что развитие кластеров – это один из важнейших источников долгосрочного экономического роста региона, страны.

Понятие и особенности кластеров

Понятие «кластер» исследовано многими учеными, но, тем не менее, считаем целесообразным рассмотреть анализируемую научную категорию в рамках данной статьи, при этом важно заметить, что данное понятие будет рассмотрено исключительно с экономической точки зрения (табл. 1).

Таблица 1

Основные подходы к определению понятия «кластер»

Автор	Определение
М. Портер	Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга [4].
Ефимычев Ю.И., Захаров И.В.	Кластеры – сконцентрированные по географическому признаку (компактные) группы взаимосвязанных предприятий, конкурирующих, но и ведущих совместную работу [2].
Клейнер Г.Б., Качалов Р.Н., Нагрудная Н.Б.	Кластеры – группы организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства продукции, ее реализации или потребления ресурсов, – в последнее время заняли особую нишу в пространстве объектов экономического анализа и синтеза [5].
Рассказова А.Н.	Кластер – это объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг [6].
Селищев Е.Н., Синицын И.С.	1) кластер – это географическая концентрация подобных, смежных или дополнительных предприятий с активными каналами для бизнес-трансакций, коммуникаций и диалога, которые разделяют специализированную инфраструктуру, рабочие рынки, услуги и имеют общие возможности или угрозы; 2) это отраслевое или территориальное добровольное объединение предпринимательских структур, которые тесно сотрудничают с научными (просветительскими) учреждениями, общественными организациями и органами власти с целью повышения конкурентоспособности собственной продукции и содействия экономическому развитию региона; 3) это сеть поставщиков, производителей, потребителей, элементов промышленной инфраструктуры, исследовательских институтов, взаимозависимых в процессе создания добавленной стоимости; 4) это группа расположенных на территории поселения или вблизи его взаимозависимых предприятий и организаций, которые дополняют и усиливают конкурентные преимущества друг друга; 5) это группа локализированных взаимозависимых компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг и пр., научно-исследовательских и учебных институтов, других организаций, которые дополняют и усиливают конкурентные преимущества друг друга [7].
Березовский Д.С.	Кластеры – образования из юридически независимых организаций, эффективно решающих производственные, сбытовые и инновационные задачи с целью создания потребительской ценности [8].
Примечание: составлено авторами.	

Рассмотрев разнообразные подходы к понятию «кластер», необходимо систематизировать и значения такой экономической категории как «промышленный кластер» (табл. 2).

Таблица 2

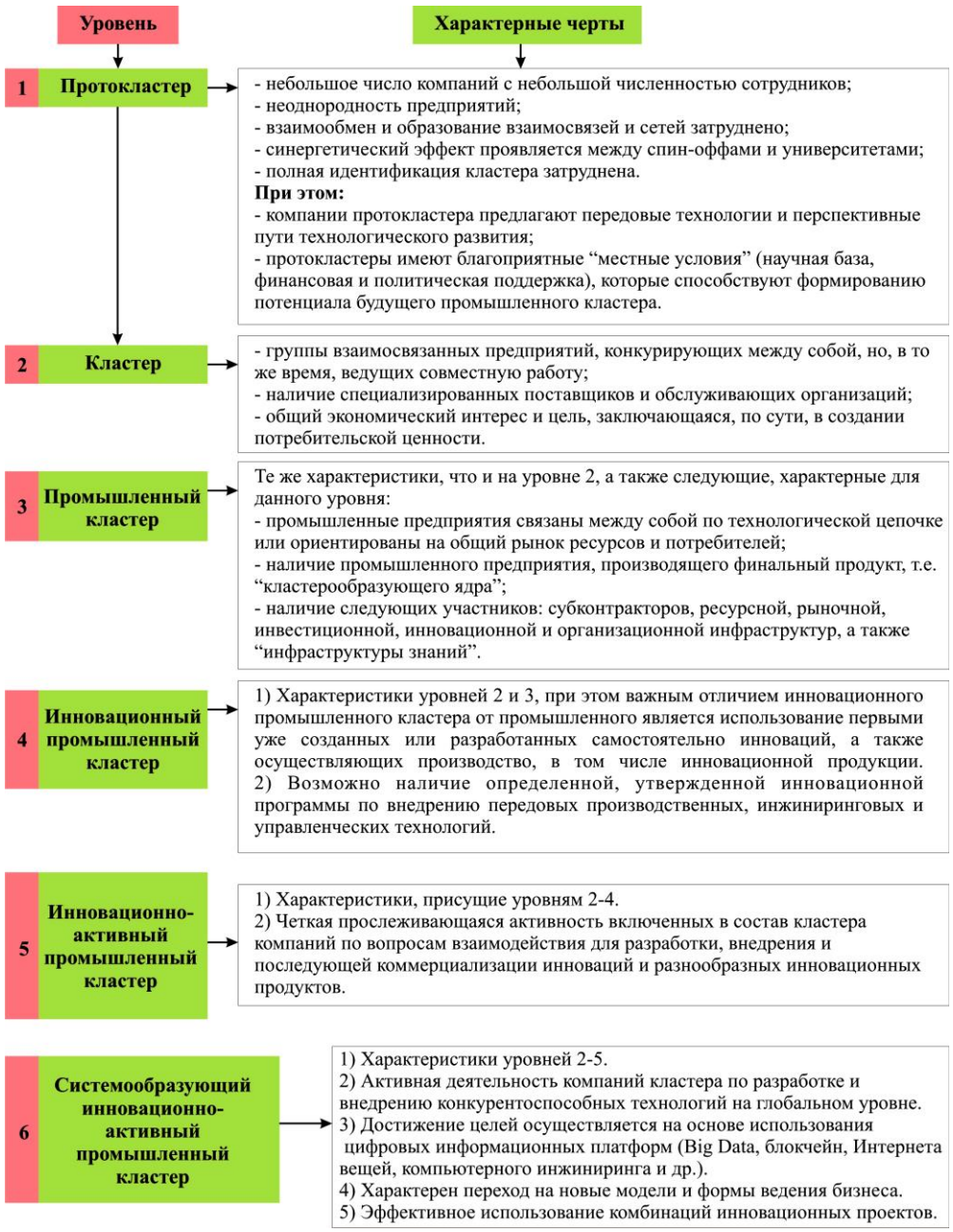
Систематизация значений экономической категории «промышленный кластер»

Автор	Определение
М. Портер	Промышленным кластером называют группу территориально близких взаимосвязанных предприятий и связанных с ними организаций, функционирующих в определенной отрасли и имеющих схожие предпосылки к деятельности [9].
Жданова О.	Промышленный кластер представляет собой группу территориально локализованных предприятий, научно-производственных и финансовых компаний, связанных между собой по технологической цепочке или ориентированных на общий рынок ресурсов или потребителей (сетевая взаимосвязь), имеющих сетевую форму управления, конкурентоспособных на определенном уровне и способных генерировать инновационную составляющую как основу их конкурентоспособности на рынках [3].
Булярская С.А.	Промышленный кластер обычно понимается как группа географически соседних взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной области и характеризующихся общей деятельностью [10].
Волчихин В.И., Пащенко В.Г., Юрков Н.К.	Промышленные кластеры – это объединения малых, средних и крупных предприятий, производящих взаимодополняющую продукцию на определенной территории [11].
Рассказова А.Н.	Промышленный кластер представляет собой группу территориально локализованных предприятий, научно-производственных и финансовых компаний, связанных между собой по технологической цепочке или ориентированных на общий рынок ресурсов или потребителей (сетевая взаимосвязь), имеющих сетевую форму управления, конкурентоспособных на определенном уровне и способных генерировать инновационную составляющую как основу их конкурентоспособности на рынках [12].
Зазимко В.Н.	Промышленный кластер – совокупность компактно расположенных на ограниченной территории, продуктово-ориентированных, постоянно взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга промышленных и иных организаций, способных осуществлять цикл расширенного воспроизводства, включая и инновационный цикл, имеющих долгосрочную общность интересов и основанную на них систему управления совместной текущей деятельностью и развитием, использующую различные организационно-хозяйственные (включая организационно-правовые) формы и соответствующие им инструменты управления, способную обеспечивать на базе общего результата всем членам альянса их локальные, а территории – общерегиональный эффект [13].
Шпиленко А.	Промышленный кластер – это некая совокупность промышленных предприятий, которые находятся в кооперационных связях и располагаются в пределах субъекта либо нескольких субъектов Российской Федерации [14].
Словарь бизнес-терминов	Промышленные кластеры – это локально взаимосвязанные группы малых, средних и крупных предприятий, производящих взаимодополняющую продукцию, а также профильных вузов, НИИ и т.д. [15].
Примечание – составлено авторами.	

Анализ литературы и данных таблиц 1 и 2 показывает, что многие авторы под понятием «кластер» понимают «промышленный кластер», что, конечно, вносит некоторую неопределенность в разграничение этих двух категорий. С точки зрения экономики, по сути, разделить эти два понятия бывает достаточно сложно, если речь изначально не идет о промышленности.

Промышленные кластеры способствуют ускорению инноваций, что является основой для повышения производительности труда и усиления стратегических преимуществ региона, страны, а также поддержания динамичной конкуренции. Исходя из проведенного анализа понятий «промышленного кластера», «кластера», можно выделить характерные черты промышленных структур (кластеров): присутствие самоорганизующего начала, установление прочных и гибких взаимосвязей между промышленными предприятиями, специализация производственной деятельности, осуществление производственных процессов на основе аутсорсингового взаимодействия, а также общая экономическая цель и интерес.

Помимо вышеперечисленных характеристик, несомненно, могут присутствовать и другие, так как для любого кластера, включая промышленный, характерно эволюционное развитие, видоизменение, переход на другие уровни взаимодействия между компаниями, включенными в состав кластера, использование широких возможностей, предоставляемых сферой информационно-коммуникационных технологий [1–3, 4–6, 18–20 и др.]. Учитывая данный подход, важно понимать, что сегодня не совсем корректно говорить только лишь о кластерах или промышленных кластерах. Данная сетевая структура получила мощный толчок развития в последние десятилетия. В современных мире, в условиях новой волны реиндустриализации, перехода к цифровой экономике предпочтительнее говорить о «системообразующем инновационно-активном промышленном кластере», способном функционировать на современных информационных платформах, внедрять новые и эффективные формы ведения бизнеса, активно заниматься разработкой, внедрением и коммерциализацией не отдельно взятых инновационных проектов и продуктов, а их комплексов, комбинаций, что, несомненно, будет способствовать снижению издержек, максимизации прибыли и созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью (рис. 2).



Примечание: составлено авторами.

Рисунок 2.
Вертикаль понятий в структуре эволюционного перехода от термина «протокластер» к категории «системообразующего инновационно-активного промышленного кластера»

Как видно из рис. 2, в процессе своей эволюции дефиниция «кластер» претерпела ряд изменений. На наш взгляд, говорить о кластерном развитии наиболее верно, начиная с термина «протокластер» [19], так как именно он является первоосновой того кластера, который затем будет сформирован и который будет иметь определенную критическую массу. Затем уже осуществлять переход к привычному для нас понятию «кластера», а далее – к определениям «промышленного кластера», «инновационного промышленного кластера», «инновационно-активного промышленного кластера» как к промежуточным звеньям к ключевой цели – «системообразующему инновационно-активному промышленному кластеру».

Системообразующий инновационно-активный промышленный кластер

Наиболее высокоуровневой формой хозяйствования является *системообразующий инновационно-активный промышленный кластер, под которым будем понимать совокупность взаимосвязанных между собой хозяйствующих субъектов различных сфер деятельности (исследования, инжиниринг, разработка, производство, консалтинг и др.), объединенных едиными целями (в частности – максимизацией прибыли, оптимизацией используемых ресурсов, снижением издержек, расширением рынка сбыта, повышением уровня конкурентоспособности), материальными, информационными и финансовыми потоками, разрабатывающих, владеющих и внедряющих в практическую деятельность глобально конкурентоспособные технологии, на основе которых обеспечивается системное межотраслевое (или в крайнем случае отраслевое) развитие, обеспечивающее достижение целей на основе информационно-технологических / цифровых платформ для создания систем (системных продуктов с высокой степенью добавленной стоимости), а не отдельно взятых инновационных проектов/продуктов.*

Кластерный подход за рубежом

Необходимо отметить, что кластерный подход в развитии экономики используется в различных странах. Кластеры получили широкое распространение в таких странах мира как Германия, Финляндия, Великобритания и многих других (табл. 3).

Таблица 3

Направления кластеризации в Европе

Направление кластеризации	Страны
Электронные технологии, связь, информатика	Швеция (кластер звукозаписи), Ирландия (производство компьютерных программ), Германия (информационные системы и медийный кластер), Швейцария, Финляндия, Дания (мобильная спутниковая связь), Норвегия
Строительство	Германия (включая цементную промышленность), Финляндия, Нидерланды
Биотехнологии и биоресурсы	Нидерланды, Германия, Франция, Великобритания, Норвегия, Италия, Швеция
Фармацевтика и косметика	Дания, Швеция, Франция, Италия, Германия
Агропроизводство и пищевое производство	Финляндия, Бельгия, Франция, Италия, Нидерланды, Греция, Ирландия
Нефтегазовый комплекс и химия	Швейцария, Германия, Бельгия (переработка пластмассы)
Машиностроение, электроника, металлообработка	Нидерланды, Италия, Германия, Норвегия (судостроение), Ирландия, Швейцария, Финляндия (судостроение), Бельгия, Швеция, Греция, Испания, Великобритания (производство спортивных машин)
Коммуникации и транспорт	Нидерланды, Норвегия, Ирландия, Дания, Финляндия, Бельгия, Швеция
Энергетика	Норвегия, Финляндия, Швеция
Легкая промышленность	Швейцария, Австрия, Италия, Швеция, Дания (текстильная промышленность), Финляндия, Германия (текстильная промышленность), Португалия (производство обуви)
Лесобумажный комплекс	Финляндия, Норвегия (мебельная промышленность), Дания (мебельная промышленность), Германия (деревообработка, производство мебели, бумажная промышленность), Швеция, Австрия (производство деревянной мебели)
Здравоохранение	Швеция, Дания, Швейцария, Нидерланды
Сфера услуг	Великобритания (бизнес-услуги, исследования и разработки, производство программного обеспечения), Австрия (образовательный кластер), Финляндия (Интернет-торговля), Бельгия, Лихтенштейн (финансовые услуги)
Примечание: составлено авторами по данным источников [16, 17]	

В условиях современного экономического развития вопросы промышленной кластеризации все чаще трактуются как имеющие высокую степень новизны. Важно заметить, что формирование кластеров в мире происходит довольно активно, уже наблюдается четкая специализация в процессе кластеризации, при этом прослеживается тенденция появления и развития не только промышленных кластеров, но и кластеров в сфере услуг, информационно-коммуникационных технологий, здравоохранения и многих других.

Полученные результаты:

1. Проведенный анализ показал, что все большее число стран стремится к разработке и реализации кластерной промышленной политики, так как именно кластерная форма организации предприятий будет отвечать современным экономическим вызовам: усилению глобальной конкуренции, интеграции рынков, переходу к четвертой промышленной революции, основанной на использовании инноваций, базирующихся на комбинации современных технологий, информационных платформах.

2. Показано, что необходимо не только стремиться к кластерной форме объединения промышленных и интегрирующих предприятий, а переходить на новую форму этого взаимодействия, – к системообразующим инновационно-активным промышленным кластерам, для которых авторами сформулировано определение.

3. Представлена вертикаль понятий в структуре эволюционного перехода от термина «протокластер» к категории «системообразующего инновационно-активного промышленного кластера»

Список литературы

1. Дуракова Н.Ю. Кластер как основа управления промышленными предприятиями // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: Материалы конференции (2013 г.), Т. 3 / Пермский национальный исследовательский технический университет. – Пермь, 2013. – С. 440–443.
2. Ефимычев Ю.И., Захаров И.В. Промышленные кластеры и экономический рост // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2005. – №1. – С. 15–18.
3. Жданова О. Кластер как современная форма управления промышленными предприятиями // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2008. – № 4. – С. 264–271.
4. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 453 с.
5. Клейнер Г.Б. Предприятие в условиях неопределенности: риски, стратегии, безопасность / Г.Б. Клейнер, В.Л. Тамбовцев, Р.М. Качалов. – М.: Экономика, 2007. – 343 с.
6. Рассказова А.Н. Промышленный кластер: типовая модель и оценка // Международный научный журнал. 2011. – № 1. – С. 44–50.
7. Селищев Е.Н., Синицын И.С. Промышленные кластеры как основа инновационного развития экономики Ярославского региона // Ярославский педагогический вестник. 2011. – № 4. – С. 177–180.
8. Березовский Д.С. Промышленные кластеры: определение, сущность и особенности формирования // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. – М., 2012. – № 2. – С. 20–32.
9. Портер М. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
10. Булярская С.А., Синицын А.О. Управление промышленным экономическим кластером // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – № 5. – С. 36–40.
11. Волчихин В.И., Пащенко В.Г., Юрков Н.К. Промышленные кластеры и инновации (аналитический обзор) // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2006. – Т. 2. – С. 3–5.
12. Рассказова А.Н. Кластер как современная форма управления промышленными предприятиями // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. – № 15–2. – С. 204–209.
13. Зазимко В.Н. Научно-практические аспекты организации и управления промышленными кластерами // Экономика и управление. 2014. – № 1 (99). – С. 52–55.
14. Шпиленко А. Промышленный кластер – это «единое окно», где можно субсидировать затраты, а не бегать по министерствам в поисках мер поддержки. – https://goo.gl/zLYRTG
15. Промышленные кластеры. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20424
16. Федотова А.Ю. Промышленные кластеры и переход к новому технологическому укладу: исторический аспект и перспективные тенденции // Инженерный вестник Дона. 2012. – Т. 23, № 4–2 (23). – С. 45–52.
17. Газимагомедов Р.К. Региональные промышленные кластеры в Западной Европе // Вопросы структуризации экономики. 005. – № 2. – С. 172–188.
18. Бабкин А.В., Новиков А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. – № 1 (235). – С. 9–29.
19. Babkin, A.V., Kudryavtseva, T.J. Identification and analysis of instrument industry cluster on the territory of the Russian Federation // Modern Applied Science. 2015. – Vol. 9, N 1. – P. 109–118.
20. Бабкин А.В., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Оценка экономической эффективности функционирования кластеров: количественный подход // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. – Т. 8, № 5. – С. 34–42. DOI: 10.18721/JE.19462

Телюк М.С.
ассистент Российского экономического университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Ключевые слова: *устойчивое развитие, сельское хозяйство, показатели.*
Keywords: *sustainable development, agriculture, indicators.*

В соответствие с Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» государственная аграрная политика направленна на устойчивое развитие сельского хозяйства. Устойчивое развитие подразумевает интегрированный подход, учитывающий три аспекта: экономический, социальный и экологический.

На практике выделяют два похода регистрации данного явления:

1. Построение системы показателей, учитывающий каждый аспект в отдельности, экономический, социальный и экологический.

2. Выделение интегрального индикатора устойчивости развития.

Наиболее приемлемым, по мнению автора, подходом регистрации данного явления (устойчивого развития) является первый из названных вследствие своей универсальности.

В разрезе концепции устойчивого развития экономический аспект сельского хозяйства подразумевает под собой эффективное использование ограниченных ресурсов. Большинство показателей, отражающих экономический аспект сельскохозяйственного производства, имеют условно-натуральную и относительную форму выражения. Урожайность сельскохозяйственных культур характеризует средний сбор продукции растениеводства с единицы убранной площади. К продуктивности животноводства относится показатель «Произведено (выращено) скота (в живом весе) в расчёте на 1 голову». Данный показатель определяется как отношение количества полученного приплода, прироста молодняка и привеса скота (взрослого и молодняка) в результате их откорма и нагула, к поголовью соответствующего вида скота на начало отчётного года. Кроме того, к производительности животноводства относятся следующие показатели:

– средняя яйценоскость 1 курицы – несушки;

– надой молока на 1 корову и др.

Средняя яйценоскость 1 курицы несушки за год показывает количество яиц, полученных в среднем на одну курицу-несушку, и рассчитывается как отношение количества куриных яиц, полученных от кур-несушек, к их среднему поголовью за год. При расчёте среднего надоя молока на одну корову производство молока, полученного от коров молочного стада, делится на среднее поголовье стада. К показателям характеризирующие эффективность использования труда относится производительность труда. Этот показатель определяется как отношение показателя «Продукция сельского хозяйства в фактических ценах» к показателю «Среднегодовая численность занятого населения в сельском хозяйстве». В большинстве случаев на практике экономический аспект выражают посредством показателей, характеризирующих соотношение доходов и расходов, т.е. показатели рентабельности. Расчёт показателей рентабельности производится на основе стоимостных показателей, поэтому возможен расчёт как по подвидам сельскохозяйственного производства, так и по сельскохозяйственному производству в целом. Но вследствие специфики учёта на основе текущих открытых данных в России расчёт рентабельности возможен только по отдельным категориям хозяйствования. Здесь возможны различные модификации данного показателя рентабельности, к примеру, показатель «рентабельность активов» рассчитывающийся как отношение прибыли к активам. Основными информационными источниками показателей, характеризирующих экономический аспект уровня устойчивого развития сельского хозяйства, служат агрегированные данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) из следующих форм утверждённых Росстатом:

1. № 2-фермер «Сведения о сборе урожая сельскохозяйственных культур»;

2. № 3-фермер «Сведения о производстве продукции животноводства и поголовье скота»;

3. № 29-СХ «Сведения о сборе урожая сельскохозяйственных культур»;

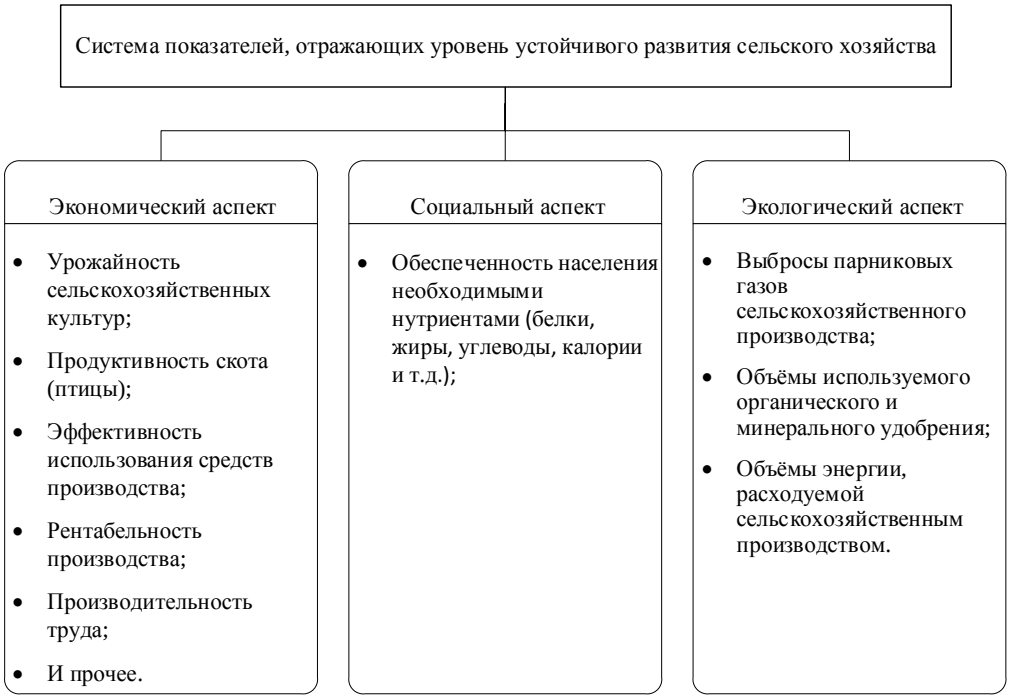
4. № 24-СХ «Сведения о состоянии животноводства»;

5. № 2 «Производство сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах граждан».

Расчёт показателей рентабельности производится Федеральной службой государственной статистики и Министерством сельского хозяйства, их значения представлены в ЕМИСС.

Социальный аспект устойчивого развития сельского хозяйства выражается в его основной социальной функции, а именно в обеспечении людей продуктами питания в объёмах, необходимых для удовлетворения их потребностей. Данный аспект возможно учитывать на основе показателей продовольственного баланса. Необходимо произво-

дить соотношение личного потребления и объёма производства продовольственной продукции, выраженной в основных пищевых ценностях (калории, белки, жиры и углеводы) с учётом производственного потребления. Показатели необходимо выражать в основных макронутриентах для унификации значений, и возможности дальнейшего сравнения объектов исследования. Возможен учёт и микронутриентов, но значения их содержания сильно варьируют в зависимости от способа употребления и в силу природно-климатических условий не везде возможно удовлетворить личное потребление за счёт собственного производства. Так же вместо объёма личного потребления можно использовать нормативные значения, рекомендованные Федеральным исследовательским центром питания, биотехнологии и безопасности пищи (ФИЦ питания и биотехнологии) или Всемирной организацией здравоохранения. Расчёт содержание макронутриентов в российских продуктов питания производится на основе базы данных «Химический состав пищевых продуктов, используемых в Российской Федерации» ФИЦ питания и биотехнологии. Значения показателей продовольственного баланса рассчитываются Росстатом и представлены в ЕМИСС. В конечном итоге производится расчёт самообеспеченности субъектов и России в целом, по основным макронутриентам. При наличии значения показателей продовольственного баланса менее чем за год показатель «Вариация сельскохозяйственного производства продовольственных товаров» рассчитывается как среднеквадратическое отклонение за год на основе значений самообеспеченности макронутриентами. Вариация сельскохозяйственного производства продовольственных товаров показывает зависимость производства от погодных условий – чем ниже его значение, тем более устойчиво развито сельскохозяйственное производство.



Экологический аспект подразумевает обеспечение целостности биологических, физических и природных систем при производственной деятельности сельского хозяйства. Сельскохозяйственное производство на текущем уровне развития научно-технической базы неотъемлемо связано с экологическими проблемами, такими как выбросы парниковых газов (метана, оксида азота и др.), способствующих появлению парникового эффекта (повышения температуры нижних слоёв атмосферы планеты). В настоящее время воздействие на окружающую среду любого вида экономической деятельности выражается в выбросах CO_2-эквиваленте. Данная методика была разработана Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Выбросы каких-либо веществ (соединений) унифицируются в углекислогазовом эквиваленте посредством коэффициентов пересчёта потенциала глобального потепления. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК) выделяет следующие причинностные группы выбросов парниковых газов в сельскохозяйственном производстве:

– пахотные земли,
– энтеральная ферментация,
– органические удобрения,
– минеральные удобрения.

На основе этих групп рассчитывается общий объём выбросов парниковых газов от сельскохозяйственного производства в углекислогазовом эквиваленте (CO2-эк.). К сожалению, данная методика учитывает только факторы, прямо или косвенно оказывающие воздействие на глобальное потепление, не учитываются факторы, оказывающие воз-

действие на общую экологическую обстановку на территории сельскохозяйственного производства. Значения выбросов, указанные в руководящих принципах Межправительственной группой экспертов по изменению климата, носят общий характер и не учитывают технологию производства. В то время как антропогенные выбросы сильно варьируют в зависимости от технологии сельскохозяйственного производства. К экологическому аспекту так же относят показателям объёмов использованной энергии, внесённых удобрений и пестицидов. Они оказывают косвенное воздействие на загрязнение почв и общую экологическую обстановку. Основой для расчёта антропогенных выбросов служат агрегированные данные, представленные в ЕМИСС (поголовье скота, посевная площадь сельскохозяйственных культур и др.). Объём вносимых пестицидов, к сожалению, публикуется нерегулярно Министерством сельского хозяйства.

Автором статьи была разработана система показателей, характеризирующая уровень устойчивого развития сельского хозяйства.

Представленная система показателей позволяет давать оценку уровня устойчивого развития сельскохозяйственного производства. Возможно как производить сопоставления субъектов России между собой по уровню устойчивого развития сельского хозяйства, так и выявить динамику их развития.

Для достижения целей устойчивого развития сельского хозяйства РФ необходимо учитывать все три аспекта устойчивого развития. Учёт данных аспектов возможен посредством системы показателей. Представленная система показателей не позволяет оценить все факторы, оказывающие влияние на уровень устойчивого развития сельского хозяйства, вследствие несовершенства статистического учёта. В настоящее время в отечественной и зарубежной практике остаются проблемы в разработке системы показателей устойчивого развития сельского хозяйства, которые необходимо будет решить в дальнейших научных изысканиях.

Список литературы

1. Афанасьев В.Н., Маркова А.И. Статистика сельского хозяйства. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 272 с.
2. Бобылев С.Н. [и др.]. Индикаторы устойчивого развития: экономика, общество, природа / С.Н. Бобылев, Н.В. Зубаревич, С.В. Соловьева, Ю.С. Власов. – М.: МАКС Пресс, 2008.
3. Дарда Е.С. Анализ динамики основных факторов развития сельского хозяйства // Вестник Севкавгти. 2017. – № 1 (28). – С. 14–20.
4. Зинченко А.П. Современные проблемы статистики сельского хозяйства и окружающей природной среды. – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2016. 197 с.
5. Пискулова Н.А., Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие. Новые вызовы: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) Международные отношения и Зарубежное регионоведение. – М.: Аспект-Пресс, 2015.
6. Подхватилина С.С. Статистика сельского хозяйства. – Минск: Вышэйшая школа, 2012. – 239 с.
7. Телюк М.С. Оценка уровня устойчивого развития сельского хозяйства // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2015. – № 4 (29). – С. 306–315.
8. Телюк М.С. Статистический анализ сельскохозяйственного производства стран мира на базе принципов устойчивости развития // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Инновационное развитие российской экономики» Т. 2. Статистическое исследование развития экономики. – М., 2016. – С. 395–397.
9. Тутельян В.А. Химический состав и калорийность российских продуктов питания. – М.: Дели плюс, 2012. – 283 с.
10. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/
11. ЕМИСС. – https://fedstat.ru/
12. IPCC – Intergovernmental Panel on Climate Change. – http://www.ipcc.ch/
13. FAOSTAT. – http://www.fao.org/faostat/en/#home
14. БГД – Методологические положения по статистике (выпуск 1, 2, 3, 4, 5) – http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm

Тимофеев А.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
rea105@mail.ru;
Лебединская О.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета Lebedinskaya19@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: цифровая экономика, цифровые технологии, Интернет вещей, информационно-телематическая платформа.*
Keywords: *digital economy, digital technologies, the Internet of things, information and telematics platform.*

Аналитики McKinsey прогнозируют, что к 2025 году цифровизация экономики России позволит увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн. рублей. Сейчас доля цифровой экономики составляет в экономике России 3,9%, что в два-три раза ниже, чем у лидеров в этой сфере – США, Сингапура и Израиля. Однако к 2025 году цифровая экономика может составить в России уже 8–10% ВВП, подсчитали аналитики. Если планы по инвестированию 100 млрд. рублей в год в программу «Цифровая экономика» будут реализованы, наше отставание может существенно сократится уже в ближайшие годы. В Великобритании доля ИТ в ВВП страны – свыше 12%, у нас пока только 3%.По прогнозам американской консалтинговой компании BCG, к 2035 г. объем цифровой экономики в мире достигнет $16 трлн. [1].

Глобальные тренды определяют перечень объектов будущего. Их анализ критичен для каждой страны и мировой экономики в целом.

Основными сквозными цифровыми технологиями, которые входят в рамки программы «Цифровая экономика», являются:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра (блокчейн);
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный Интернет;
- компоненты робототехники и сенсорика;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Перечень сквозных цифровых технологий желательно дополнить биометрическими технологиями (для удаленной идентификации личности в рамках создания единой цифровой среды доверия), облачными и туманными технологиями (для создания информационной инфраструктуры цифровой экономики), геоинформационными технологиями (для определения местонахождения цифровых объектов).

Новый технологический уклад многократно повышает цену и ценность интеллектуального капитала, а человеческий потенциал – знание и творчество, а также качество государственного управления – приобретает все большее значение в глобальной конкуренции.

Для успешного развития цифровой экономики необходимо построение нормативной базы, адаптированной к реалиям цифровой экономики, и создание информационной инфраструктуры, среды и платформ для исследования и разработки, работы по созданию глоссариев, гармонизированных российских и международных онтологий, справочников, реестров и классификаторов по различным отраслевым направлениям (сферам деятельности).

В части создания информационной инфраструктуры важно предусмотреть формирование платформ «совместной» экономики, то есть экономики совместного пользования цифровыми активами и цифровой инфраструктурой. В том числе определить приоритетные кросс-отраслевые цифровые платформы и их влияние на цифровую трансформацию межотраслевых экономических процессов (например, таких как «здравоохранение – сельское хозяйство», «городское хозяйство – экология – логистика – транспорт»). Также целесообразно предусмотреть создание Единого реестра альтернативных цифровых платформ межгосударственного (транснационального), национального и регионального масштаба, как отраслевых, так и межотраслевых (например, «цифровые транспортные коридоры»).

По мере цифровизации глобальной экономики возрастает прямое влияние транснациональных корпораций на российских рынках. В связи с этим, предлагается уделить внимание электронной коммерции, включая создание российской платформы электронной торговли, логистической инфраструктуры Интернет-торговли, обеспечение сертификации и лицензирования ввозимых товаров и услуг, обеспечение трансграничных платежей, в том числе с использованием НСПК. В условиях создания зон свободной торговли в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС государственное регу-

лирование цифровой торговли становится важным направлением с точки зрения обеспечения защиты потребителей, соблюдения прав на интеллектуальную собственность, прозрачности и безопасности трансграничной Интернет-торговли, устранение цифрового неравенства предполагает повсеместный доступ к WI-FI и покрытие мобильными сетями связи пятого поколения.

В условиях сегодняшних реалий цифровой экономики, для продвижения товаров и услуг на зарубежные рынки все большую роль играют электронные инструменты. В наиболее сконцентрированном виде они представлены на электронных платформах. Поддержка и развитие таких отраслевых цифровых платформ необходима для основных секторов экономики: цифрового здравоохранения, цифрового образования, умного транспорта (рис. 1).

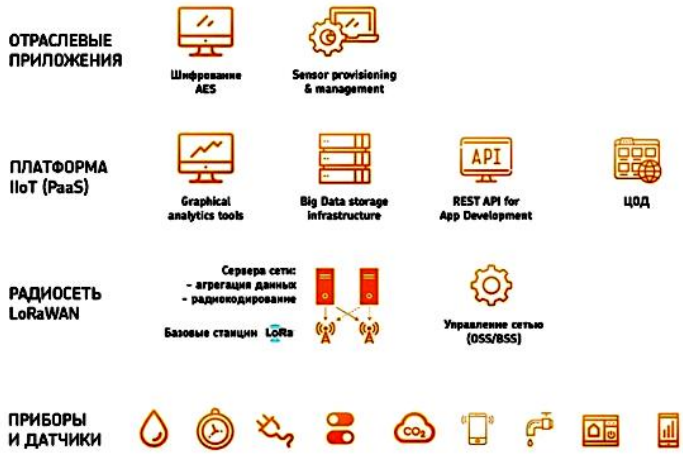


Рисунок 1.
Целевая технология сетевой инфраструктуры сбора и обработки данных

Цифровизация государства – это гигантская проблема, которая не может быть решена усилиями исключительно правительства. Требуется обязательное активное участие бизнеса. Сейчас 48 госуслуг – это 80% всех услуг, которыми пользуются граждане.

Одним из ключевых признаков является изменение модели потребления: использование превалирует над владением; ценность определяется реализацией в товаре индивидуальных потребностей; фокус смещается на общую стоимость владения, а не на первоначальную цену товара. В социальной сфере цифровую экономику мы «узнаем» по взрывному развитию общественных институтов, когда социальный авторитет начнет активно теснить социальный статус. При этом нужно учитывать, что основной показатель прогресса цифровой экономики – это мера принятия обществом технологических новшеств и инноваций. [5]

В нашей стране технологии Интернета вещей – одно из динамично развивающихся направлений новой индустриализации. Точнее, усиливается влияние технологий промышленного Интернета вещей (IoT). Это влияние обусловлено задачами, которые ставятся перед отечественными предприятиями: переход на контракты жизненного цикла во взаимодействии производителей и потребителей сложной техники; выпуск продукции с высоким уровнем программируемых параметров. На предприятиях сырьевых отраслей, металлургии и транспорте – переход к обслуживанию и ремонту производственного оборудования по состоянию и создание систем предикативной аналитики в отношении производственной инфраструктуры.

На развитие индустриального Интернета вещей оказывают большое влияние крупные корпоративные и государственные инициативы. Скажем, цель проекта «Цифровая железная дорога» – обеспечение устойчивой конкурентоспособности РЖД на глобальном рынке транспортных и логистических услуг за счёт использования современных цифровых технологий. Создание российской сервисной информационно-телематической платформы и ее внедрение в серийные модели автомобильных производителей, реализующих легковые автомобили в нашей стране. Предполагается, что данная платформа будет аккумулировать информацию в транспортной сфере, включая оценку загруженности дорог, оптимизировать транспортные потоки, прогнозировать возникновение чрезвычайных и опасных ситуаций, следить за состоянием оборудования городской и транспортной инфраструктуры.

В мире уже нет свободных, открытых и доступных экспортных рынков сбыта. Все рынки сбыта в мире уже поделены, на них доминирует Китай, страны Юго-Восточной Азии, и здесь существует высокая глобальная конкуренция. В мире очевиден дефицит идей. И тут нет уже поделенных рынков сбыта, хотя лидеры в создании интеллектуальной продукции есть (США, Западная Европа, отчасти Китай, Япония). Но и они постоянно конкурируют друг с другом. В последние годы объем цифровой экономики стремительно увеличивается. В мире неофициально возник и существует своего рода клуб стран и компаний, которые являются лидерами в создании интеллектуальной продукции, в первую очередь, высоких технологий.

Рисунок 2.
Модель развития цифровой экономики

Цифровая экономика, выраженная в технологиях и технологических трендах, – это и есть «земные» вопросы. Бизнес-модели, усиленные за счет данных, создадут новые источники дохода. Малые и средние предприятия получат преимущества скорости и маневренности, необходимые для управления новыми процессами и реализации инноваций [2]. Большинство мировых лидеров цифровизации, нынешних гигантов, начинали как небольшие предприятия с мизерным стартовым капиталом, а затем, «оседлав» ту или иную прорывную технологию, росли экспоненциально. Развитие облачных технологий и повышение доступности различного рода облачных сервисов стимулируют рост числа индивидуальных предпринимателей, для которых основным преимуществом становится свобода выбора времени работы и высокая мобильность. Для нашей страны – это рост высокопроизводительных рабочих мест [3], увеличение занятости людей, живущих вдали от мегаполисов. Преимущества цифровой экономики для компаний, в особенности быстро растущих стартапов, более чем очевидны.

Список литературы

1. Цифровая Россия: новая реальность. Аналитический отчет экспертной группы Digital. ООО «Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс», июнь 2017. – www.mckinsey.ru
2. Куприянов Ю. Цифровая трансформация и экспоненциальные технологии как основа для новых моделей бизнеса. Презентация. – https://bi.hse.ru/data/2017/03/31/1168546830/КС28.03%20-%20Юрий%20Купри янов.pdf
3. Идея Минкомсвязи вырастить миллион программистов грозит России «индийской ловушкой». – http://www.cnews.ru/news/top/2017-07-06_ideya_minkomsvyazi_ vyrastit_million_programmistov
4. Цифровые дивиденды. Обзор Доклада о мировом развитии. 2016. Всемирный банк, 2016.
5. Из-за новых технологий в мире исчезнут миллионы рабочих мест // Ведомости. 2016. – 26 января. – https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/01/27/625618-ischeznutrabochih-mest

Титова А.И.
главный специалист-эксперт Федеральной службы по аккредитации

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Ключевые слова: *государственное управление, электронное правительство, российский и зарубежный опыт.*

На сегодняшний день в России одной из самых актуальных задач государственного управления является формирование электронного правительства. Концепция электронного правительства в России явилась синтезом опыта зарубежных стран в данном вопросе: центры государственных слуг, появившиеся в нашей стране, – это заимствование опыта Германии и Бразилии.

В настоящее время можно выделить четыре основных модели построения электронного правительства:

– континентально-европейская модель (страны Западной, Центральной и Восточной Европы;

– англо-американская модель (США, Канада, Великобритания);

– азиатская модель (Южная Корея, Сингапур);

– российская модель[1].

В силу ориентации России на опыт других стран целесообразно рассмотреть инновационные практики стран, представляющих различные модели построения электронного правительства, и являющихся лидерами рейтинга государств по уровню развития «Электронного правительства» по версии ООН 2016 года. Мировым лидером по уровню развития электронного правительства является Великобритания. Второе и третье места в списке заняли Австралия и Корея, далее следует Сингапур[2] (см. табл. 1)

Таблица 1

Топ 10 стран лидеров рейтинга государств по уровню развития «Электронного правительства» по версии ООН 2016

Страна	Индекс
Великобритания	0.9193
Австралия	0.9143
Южная Корея	0.8915
Сингапур	0.8828
Финляндия	0.8817
Швеция	0.8704
Нидерланды	0.8659
Новая Зеландия	0.8653
Дания	0.8510
Франция	0.8456

Сегодня британский вариант электронного правительства стал классикой онлайн-управления. Немаловажным вкладом в его успех стало то, что система внедрялась не волюнтаристски, а с учетом всех положительных эффектов и ошибок менеджеристских реформ[3].

Сегодня электронное правительство Великобритании основывается на двух службах: GOV.UK[4] и NHS Choices.

GOV.UK – информационный ресурс, созданный Правительством цифровых услуг Великобритании для обеспечения единой точки доступа к государственным услугам физическим и юридическим лицам – подданным Британской империи и постоянным резидентам. Новый портал создан с максимально возможным использованием открытого ПО, что снижает его стоимость во много раз.

Сайт объединяет в себе информационные ресурсы всех государственных ведомств, позволяет получить консультации, информацию обо всех актуальных возможностях и услугах, а также оценить их качество. На каждой стра-

[1] Станкевич Л.Т., Новоженина Н.О. Электронное правительство: теоретические модели и реальная практика // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: тр. VI Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 3–6 ноября 2003 г. – СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2003. – С. 128–129.

[2] UNE-Government Knowledge Database. – https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2016

[3] Голотьбо М. П. Британия: цифровая по умолчанию // e-Gov.by: Идеи электронного правительства для Беларуси. – http://e-gov.by/themes/best-practices/britaniya-cifrovaya-po-umolchaniyu

[4] Официальный сайт GOV.UK – https://www.gov.uk/

нице сайта присутствует ссылка для обратной связи. В настоящее время на портале нашли отражение более 600 различных вопросов, интересующих граждан.

Информация на сайте структурирована несколькими способами.

Путеводители – предоставляют комплексную информацию по выбранной теме. Информация разбита на несколько частей, так что можно изучать вопрос последовательно или сразу перейти к интересующей части.

Подход, реализуемый Gov.uk отличен от того, который принят на федеральном портале государственных услуг России (https://www.gosuslugi.ru/), когда пользователю предлагается переложение информации административного регламента государственной услуги, структура которого не знакома обычному человеку. Описание услуги изложено на юридическом языке, справочная информация минимальна. Посетив такой сайт, гражданин будет вынужден исследовать нормативные документы, обращаться за консультацией в орган власти, звонить или приходить на прием лично.

План действий для реализации развития электронного правительства Сингапура состоит из шести стратегических программ:

1. Обучение компьютерной грамотности государственных служащих;
2. Реинжиниринг механизма государственных услуг, увеличение количества электронных услуг;
3. Инфокоммуникационное образование для граждан;
4. Технологическое экспериментирование во внедрении направлений по увеличению потенциала для адаптации к стремительным изменениям в трендах развития ИКТ;
5. Операционное улучшение эффективности взаимодействия между государственными учреждениями;
6. Адаптивная и трудоемкая инфокоммуникационная структура для достижения эффекта масштаба при предоставлении государственных услуг с меньшими затратами и более высокой производительностью[1].

В Сингапуре каждое ведомство занимается формированием системы предоставления услуг самостоятельно. Однако созданы и специализированные органы власти с общими полномочиями: Управление развитием информационно-коммуникационных систем (The Info-communications Media Development Authority (IMDA)[2]), занимающееся развития информационно-коммуникационных технологий и их внедрением в сферу государственного управления, Служба REACH[3], обеспечивающая обратную связь с гражданами.

В целом можно отметить следующие тенденции развития системы предоставления государственных услуг в Республике Сингапур:

1. объединение физических точек приема граждан;
2. создание центров электронного доступа;
3. развитие электронных услуг;
4. создание единых информационных порталов.

По причине высокой плотности и относительно небольшой территории в Сингапуре отсутствуют специализированные центры обслуживания населения. поэтому в целях повышения удобства для заявителей государственные органы стали проводить работу по выделению в своем составе самостоятельных подразделений, отвечающих за взаимодействие с заявителями. Например, в Министерстве трудовых ресурсов создано подразделение, отвечающее за прием заявителей по своей тематике.

Новацией в данном направлении является концепция создания «вертикальных кемпингов» (vertical kampung). Суть концепции заключается в строительстве специализированных кампусов с представительством различных государственных учреждений для приема граждан, а также с развитой инфраструктурой (кафе, магазины, банки, библиотеки, парки).

Информатизация правительства происходит в большинстве стран мира, но особенно эффективного уровня внедрения информационных технологий в правительство достигли именно в Сингапуре. Основной акцент в развитии системы предоставления публичных услуг в Сингапуре сделан на внедрении электронных услуг.

Портал электронных услуг Сингапура разделен на три категории пользователей: резиденты, нерезиденты и бизнес. Каждый раздел имеет свою структуру и функционирует отдельно. В разделе для граждан и резидентов Сингапура представлено более 450 электронных услуг.[4] Портал отличается удобной навигацией и полноценной функцией поиска.

Особый интерес представляет канал обратной связи с заявителями, который курируется государственной службой REACH (Reaching Everyone for Active Citizenry Home). На каждой странице сайта доступна функция отправки сообщений, также отзыв можно оставить по телефону, электронной почте, посредством социальных сетей и SMS. На основе голосования формируется рейтинг понятности изложения и качества предоставления электронных услуг, который виден всем посетителям портала. В свою очередь служба REACH анализирует запросы и доводит актуальные проблемы до правительства Сингапура.

Основа внедрения сингапурской модели электронного правительства – информатизация социальной сферы – культуры, образования, здравоохранения, а также налаживание механизмов электронной коммуникации. Сингапур ставит перед собой цель сокращения государственного аппарата за счет внедрения ИКТ. Ориентация на граждан предполагает установку терминалов получения электронных услуг и справочной информации в часто посещаемых

[1] Афанасьева Александра Сергеевна Возможности электронного правительства в Сингапуре // Теория и практика общественного развития. 2015. – № 20. – С. 174–176.

[2] Официальный сайт The Info-communications Media Development Authority. – https://www.imda.gov.sg/

[3] Официальный сайт Службы REACH. – https://www.reach.gov.sg

[4] Официальный сайт электронных государственных услуг Сингапура eCitizen – https://www.ecitizen.gov.sg/index.html

заведениях. Государственные порталы услуг стараются максимально интегрировать с мобильными устройствами для облегчения процедуры взаимодействия с государством, разрозненные сайты ведомств интегрируются в единое информационное пространство[1].

С 2013 года в Республике Корея реализуется стратегия «умного правительства» – электронное правительство 4.0.

Новая стратегия ориентирована на переход к максимальному использованию мобильных устройств, которые в настоящий момент имеются у всех жителей Республики Корея. Мобильные телефоны используются для предоставления электронных услуг, информирования, оповещения, оплаты проезда.

Независимые информационные системы ведомств электронного правительства Республики Корея объедены в общий центр GIDC, в котором осуществляется профессиональное управление всеми данными. В системе ведётся учет действий пользователей, и хранятся все версии документов[2].

В Республике Корея функционируют несколько порталов для взаимодействия с гражданами и бизнесом. Порталы имеют различную специализацию: получение государственных услуг, подача обращений и жалоб, поддержка бизнеса. В настоящее время правительство ориентировано на развитие мобильных приложений, на формирование так называемого мобильного электронного правительства. Через мобильный телефон можно подать заявление на получение социальных пособий, патентов, оплатить пошлину, проезд и многое другое. Ответ от ведомства приходит также в мобильное приложение. Ведомства отвечают за выпуск и функционирование мобильных приложений.

Приоритетным направлением повышения эффективности государственного управления в Эстонии стала задача эффективного государственного управления, и инструментом его достижения стал проект государственного масштаба «Электронная Эстония».

Поскольку распространение информационных технологий и компьютеризации не повлияло на качество государственного управления: бюрократизация, многочисленные бумажные формы, отсутствие центра ответственности и межведомственного информационного взаимодействия сохранились, правительством Эстонии было принято решение о проведении реформы и оптимизации государственных регистров. Они были унифицированы и сформированы в единую информационную базу. Вторым этапом стало предоставление государственных услуг по принципу «одного окна». Далее базы данных всех государственных органов были интегрированы в одну информационную систему, таким образом был получен электронных инструмент для обслуживания населения.

Сердцем и мотором «Электронного государства» Эстонии является X-tee/X-Road. Это электронная среда обмена данными между различными информационными системами. В этой среде по защищённым каналам интегрируются государственные, банковские и коммерческие базы данных. Для оплаты государственных услуг через Интернет, оплаты налогов и совершения иных платежей была введена банковская электронная авторизация. В 2002 году каждому гражданину были выданы персональные карточки, которые были привязаны к единому идентификационному номеру гражданина. Карточка позволяет подтверждать банковские транзакции и подписывать документы цифровой подписью.

На сегодня более 70% от всех перечней государственных услуг Эстонии предоставляются через Интернет Портал www.eesti.ee. В этой же системе работает первая в мире система электронных выборов www.valimised.ee. В марте 2011 года, 25% всех избирателей в Эстонии впервые в мире голосовали через мобильный Интернет с мобильных устройств. Данная IT-система, разработанная за 400 тысяч евро, окупила себя, упразднив расходы на образование избиркомов, канцелярское обеспечение, зарплаты, затраты на транспорт[3]. Также в Эстонии есть портал Минздрава – «э-Здоровье» www.digilugu.ee, где на каждого гражданина ведётся цифровая история болезни. В Эстонии действует и электронная полиция – www.politsei.ee. Все камеры видеонаблюдения, базы данных по книге учёта преступлений, преступников, жертв преступлений хранятся на данном портале. Все школы объединены в портал www.ekool.ee, который позволяет родителям общаться друг с другом, работниками школ, просматривать электронный дневник, расписание, оценки.

Разработана также система оплаты www.arvekeskus.ee, к которой привязаны все потребители и поставщики услуг, через нее осуществляются операции по оплате. Электронный счет связан через X-tee с налоговой службой, банками, центром обмена документами, который служит для документооборота всем сторонам общества – гражданам, госструктурам и бизнесу.

В настоящее время около 99% всех государственных услуг доступны онлайн: через единый портал госуслуг можно получить водительские права, зарегистрировать рождение ребенка, подать заявление на получение социального пособия. Кроме того, 95% налоговых деклараций в стране тоже подается онлайн[4]. Но на пути достижения столь высоких показателей Эстония столкнулась с некоторыми трудностями. Например, низкая компьютерная грамотность населения. Данная проблема была решена посредством реализации многочисленных государственных программ в сотрудничестве с крупными Интернет-провайдерами по обучению населения компьютерным технологиям. Особое внимание уделялось работе с сельскими жителями, проведению Интернета в отделённые поселения и организации

[1] Гурнина Д.А., Журавлев В.Г. Электронное правительство России: возможности и преимущества. – М., 2011. – 205 с.

[2] Экспертный центр электронного государства. – http://d-russia.ru/elektronnoe-pravitelstvo-respubliki-koreya-istoriya-i-opyt-sozdaniya.html

[3] Опыт Эстонии: Маленькая страна, которая смогла построить «Электронное государство». – http://www.infosystema.kg/index.php/ru/2013-01-19-05-26-21/2013-01-19-05-27-49/item/100-опыт-эстонии-маленькая-страна-которая-смогла-построить-электронное-государство

[4] Каким должно быть настоящее электронное правительство? Эстония показывает пример. – http://www.pvsm.ru/elektronnoe-pravitel-stvo/142421

точек общего доступа в Интернет. В 2016 году около 55% жителей Эстонии являются пользователями Интернета (для сравнения: в России – только 15%)[1].

Несмотря на объем проделанной странами-лидерами работы, стоит отметить, что процессы предоставления ими государственных услуг все же не до конца совершенны: у каждой остался перечень государственных услуг, которые не могут быть оказаны дистанционно, не все государственные органы ввели свои сайты под эгиду электронного правительства.

Российская модель электронного правительства представлена в целевой федеральной программе «Электронная Россия 2002–2010 гг.» и государственной программе «Информационное общество» на 2011–2020 годы[2]. Программа «Информационное общество» ориентирована на формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, развитие науки, технологий и техники, подготовка квалифицированных кадров. Госпрограмма охватывает все отрасли и сферы деятельности, она призвана повысить качество жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Объем финансирования государственной программы за все время ее реализации из средств федерального бюджета составляет 1,2 трлн. рублей[3].

Постепенно РФ движется по пути от электронного правительства к электронному обществу. В России все больше развиваются электронные услуги и функции, количество офлайн-операций постепенно снижается[4]. С каждым годом Интернет в России становится все доступнее. Постепенно решается задача по обеспечению минимальным набором услуг связи жителей малых населённых пунктов. На конец 2016 года ПАО «Ростелеком» построено около 34,4 тыс. км волоконно-оптических линий связи, а также 3909 точек доступа к сети Интернет с использованием средств коллективного доступа в населенных пунктах с численностью населения от 250 до 500 человек[5].

За 2015–2016 годы реализован проект по созданию единой концепции и коммуникационной политики в части популяризации преимуществ получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Проведенная маркетинговая компания в сети Интернет обеспечила охват более чем 60 миллионов граждан.

Основным порталом по предоставлению государственных услуг Российской Федерации является Gosuslugi.ru. Информация на портале Gosuslugi.ru сгруппирована по нескольким категориям – для физических лиц; для юридических лиц; для предпринимателей; для иностранных граждан. Авторизация на сайте происходит с помощью Единой системы идентификации и аутентификации граждан[6]. Условно ЕСИА можно назвать «электронным паспортом» гражданина РФ. В Единой системе идентификации и аутентификации граждан на начало 2017 года зарегистрировано более 40 млн. человек. Полноценная работа Интернет-портала предоставления государственных услуг «Gosuslugi.ru» невозможна без налаженных механизмов межведомственного электронного взаимодействия или СМЭВ[7].

Количество запросов в единой системе электронного взаимодействия органов власти при оказании государственных услуг в 2016 году составило 9,7 млрд.[8]

В 2007 году в России появились первые Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, которые работают по принципу «одного окна». Данный принцип предусматривает предоставление государственной или муниципальной услуги после однократного обращения заявителя с соответствующим запросом. При этом взаимодействие с органами, предоставляющими государственные услуги, или органами, предоставляющими муниципальные услуги, осуществляется многофункциональным центром без участия заявителя. На 1 марта 2017 года охват системой одного окна достиг 96,6% россиян от общего числа жителей страны[9].

Структуру основных механизмов, реализуемых в рамках проекта «Электронное правительство России», можно представить в виде упрощенной схемы. Стрелками обозначен порядок получения госуслуг для граждан и бизнеса, межведомственное взаимодействие (см. рис. 1).

---

[1] Полная интернетизация Эстонии возможна к 2017 году. – https://rus.postimees.ee/954686/polnaya-internetizaciya-estonii-vozmozhna-k-2017-godu

[2] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество” (2011–2020 годы)».

[3] Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы). – http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/

[4] Рудычева Н. ИКТ в госсекторе: основные тренды – http://www.cnews.ru/reviews/gov2015/articles/ikt_v_gossektore_osnovnye_trendy/

[5] Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество 2011–2020 годы)». – http://minsvyaz.ru/uploaded/files/otchet2016.pdf

[6] Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) – информационная система в Российской Федерации, обеспечивающая санкционированный доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных информационных системах.

[7] Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) – информационная система, которая позволяет федеральным, региональным и местным органам власти, кредитным организациям (банкам), негосударственным пенсионным фондам, и прочим участникам СМЭВ обмениваться данными, необходимыми для оказания государственных услуг гражданам и организациям, в электронном виде.

[8] Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество2011–2020 годы)». -http://minsvyaz.ru/uploaded/files/otchet2016.pdf

[9] МФЦ охватили 96,6% россиян. -:http://ar.gov.ru/ru/news/42956/1/0/0/index.html

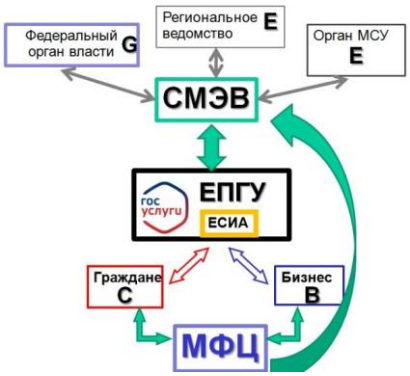


Рисунок 1.
Структура механизмов электронного правительства России[1]

Проанализируем состояния электронного правительства в России (см. табл. 2)

Таблица 2

Swot-анализ электронного правительства в России

Сильные стороны	Слабые стороны
– Снижение издержек государственного управления – Вовлечение граждан в участие в демократических процессах – Дебюрократизация – Быстрый доступ к государственным услугам	– Отсутствие преимущества при электронной форме обращения за многими услугами: не экономит их время и не уменьшает числа необходимых посещений органа, предоставляющего услугу – Неготовность отдельных госорганов: слабая ИТ база – «Электронная бедность» населения – Недостаточная ориентация на пользователя при реализации электронных услуг – Высокие затраты на внедрение и поддержку «Электронного правительства» – Слабое развитие института электронной подписи – Ошибки и сбои, возникающие при обращении за услугами в электронной форме – Низкая востребованность электронной формы получения государственных и муниципальных услуг, связанная с проблемой дальнейшего использования электронных документов, выданных в результате их предоставления, недостаточная востребованность таких документов в гражданском обороте
Возможности	**Угрозы**
– Достижение прозрачности и открытости власти – Снижение коррупционности – Повышение эффективности государственного управления – Вовлечение общества и бизнеса в процесс принятия государственных решений – Демократизация общества – Повышение компьютерной грамотности населения – Повышения доступности Интернета в отдельных регионах России – Применение успешного зарубежного опыта с учётом особенностей страны	– Неразвитость инфраструктуры – Нехватка квалифицированного персонала – Недостаточная осведомленность населения о государственных услугах в электронном виде – Перенесение отрицательного отношения к власти на электронное правительство – Увеличение разрыва в доступе к информации – Хакерские атаки, взломы паролей – Сбои в сети

Проведенный анализ показывает, что в России сохраняют актуальность проблемы низкой востребованности электронной формы получения государственных и муниципальных услуг, высокие затраты на внедрение и поддержку «Электронного правительства», недостаточная ориентация на пользователя и т.д. Поскольку внедрение электронного правительства решает проблему повышения уровня прозрачности и эффективности оказания государственных услуг, а также увеличения результативности государственного управления, сокращения уровня коррупции, открывает новые способы коммуникации между государством и обществом, которые являются актуальными для Российской Федерации, успешный опыт вышеприведенных стран может быть применен в российской практике.

[1] Дубровский Д.Н. Структура механизмов электронного правительства России // Молодой ученый. 2017. – № 27. – С. 80–83. – https://moluch.ru/archive/161/45123/

Рисунок 2.
Возможности внедрения в российскую практику преимуществ моделей развития электронного правительства зарубежных стран

Изучение зарубежного опыта системы предоставления государственных услуг позволяет определить основные направления реформирования системы государственных услуг в России. Среди них следует выделить:

1. создание уполномоченного органа, ответственного за реализацию программы повышения качества предоставления государственных услуг;

2. развитие инфраструктуры для совершенствования системы информирования потенциальных потребителей о государственных услугах и порядке их предоставления;

3. создание системы надлежащего обучения государственных служащих по эффективному обслуживанию потребителей услуг;

4. повышение эффективности государственной службы, повышение ответственности и подотчетности органов власти перед гражданами, тема является актуальной для государственных услуг, так как связана с налоговыми обязательствами государства;

5. повышение клиент ориентированности, открытости доступа к данным, необходимым для взаимодействия с государством;

6. переход к максимальному использованию мобильных устройств для предоставления электронных услуг, информирования, оповещения;

7. предоставление всех массовых и социально значимых услуг полностью в электронном виде;

8. повышения уровня доверия граждан к использованию электронной подписи;

9. реализация ориентации на интересы и потребности заявителей в различных жизненных и деловых ситуациях.

Для увеличения вовлеченности и осведомленности граждан о политике в сфере государственных услуг необходимо проводить регулярные разъяснительные компании посредством выпуска периодических изданий, публикаций информации на Интернет-порталах о том, что происходит в сфере государственных услуг, цели и задачи реформы предоставления услуг, ход проведения реформы, лучшие достижения, возникшие проблемы.

Страницы портала по оказанию государственных услуг https://www.gosuslugi.ru/[1] необходимо дополнить обучающими, интерактивными видео с описанием государственных услуг, в которых максимально доступно изложить информацию о порядке предоставления услуги, о том, что представляет собой данная услуга, куда можно за ней обратиться, как ее получить в электронной форме, в том числе описать технические детали (на какие кнопки нажать, какую информацию ввести и т.д.).

По примеру Сингапура, Америки необходимо создать специальный орган власти, отвечающий за общую политику и организацию предоставления государственных услуг, в обязанности которого также должно входить проведение разъяснительных кампаний.

В мировом опыте можно отметить множество различных сервисов и решений, направленных на облегчение доступа гражданам с ограниченными возможностями к государственным услугам. Предлагается внедрить звуковое сопровождение страниц портала по оказанию государственных услуг https://www.gosuslugi.ru/: разместить звуковые файлы, описывающие основное содержание страниц, либо применить специализированное программное обеспечение, позволяющее пользователю «озвучить» нужные элементы страницы.

[1] Официальный сайт государственных услуг Российской Федерации. – https://www.gosuslugi.ru/

Тихобаев В.М.
д.э.н., профессор, Институт законоведения и управления ВПА, г.Тула
matrix.balance@mail.ru
Фадеева Ю.В.
к.э.н., Институт законоведения и управления ВПА, г.Тула
fa_2004@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Ключевые слова*: метод «затраты-выпуск»; альтернативность ресурсов; ограниченная наблюдаемость; системная динамика; управление по отклонению; межотраслевой баланс с переменной структурой затрат; иерархическая структура.*
Keywords*: method «input-output»; alternative resources; limited observability; system dynamics; management of residuals; input-output balance with variable cost structure; a hierarchical structure.*

Постановка задачи. Оперативное управление балансовыми пропорциями

Основная концепция развития российской экономики – её инновационный рост. Существует ещё один источник развития, значительно менее затратный, но которому сегодня не уделяется должного внимания – ускорение оборота капитала. Оно само по себе означает рост производительности труда и достигается за счёт детальной сбалансированности производства и потребления, постоянно возобновляемой и поддерживаемой в турбулентной рыночной среде. Внедрение технологических новшеств обычно сопровождается нарушением сложившихся пропорций, и новый механизм должен, по нашему убеждению, гармонично сочетать оба подхода, максимально используя потенциал цифровой экономики. Принцип, положенный в основу механизма, – управление по отклонению от плановой траектории конечного выпуска, которая также может меняться.

Ограничимся статическим вариантом МБ, хотя изложенные результаты в основном справедливы и для динамической (рекуррентной) версии:

$$X = A \cdot X + Y \quad (1),$$

где: $X = \{x_k\}$, $Y = \{y_k\}$ – векторы валового и конечного выпусков продукции; $A = [a_{kp}]$ – матрица коэффициентов прямых затрат *k*-той продукции на *p*-ю; $k, p = \overline{1,n}$

$$X = S \cdot Y \; S = (E - A)^{-1} = [s_{kp}] \quad (2),$$

Плановый период разбит на равные промежутки времени Δt (циклы управления). Будем полагать, что $\Delta t = 1$, и понятия объёма выпуска за цикл и интенсивности совпадают. Изменения интенсивности в пределах цикла не рассматриваются. Валовые и конечные объёмы $x_k(\tau)$ и $y_k(\tau)$, произведенные в τ-м цикле, находятся в зависимости

$$X(\tau) = S \cdot Y(\tau), \quad (3)$$

где $X(\tau) = \{x_k(\tau)\}, Y(\tau) = \{y(\tau)\}$, $S = (E - A)^{-1} = [s_{kp}]$

Будем вначале полагать, что запланированный темп производства предусматривает выпуск равных количеств продукции за любые равные промежутки времени, то есть плановая интенсивность постоянна и равна

$$Y(0) = Y \cdot 1/T \quad (4),$$

где *T* – число циклов управления в плановом периоде. Существует регулятор (планирующий орган, управляющая система), который вычисляет векторы $X(\tau)$ по закону (3). Вектор $X(\tau)$ определяет план производства на τ-й цикл.

Индивидуальные расходные нормы при смене ассортимента, образующего планово-учётную позицию (отрасль), приводят к тому, что фактические коэффициенты прямых затрат $a_{\phi kp}$ могут отличаться от плановых a_{kp}, заложенных в регуляторе, на величину погрешности Δa_{kp}. Ассортиментные сдвиги носят локальный характер и образуют нижний (отраслевой) уровень управления. На верхнем (межотраслевом)уровне

$$A_\phi = A + \Delta A \quad (5),$$

где $A_\phi = [a_{\phi kp}], \Delta A = [\Delta a_{kp}]$, и предложенные ниже модели являются двухуровневыми. Принимается, что ΔA – максимальная по модулю практически достоверная величина.

Регулирование происходит следующим образом. В соответствии с вектором текущего отклонения фактического конечного выпуска от планового (требуемого) в каждом цикле корректируется интенсивность затрат отраслевых ресурсов. Причина отклонения не имеет значения. В дальнейшем корректировка последовательно уточняется.

Процесс регулирования конечного выпуска *k*-й отрасли изображен на рис.1, где y_k ,$y_{фk}$- траектории планового и фактического выпусков; $\vartheta_k(2)$ – отклонение фактического выпуска от планового во 2-м цикле. Текущий запас, отмеченный вертикальной стрелкой, гарантирует непрерывность процесса производства в отрасли; горизонтальные стрелки – фактический конечный выпуск. Как видно, регулирование возможно, если имеется резерв мощности (циклы 2 и 4) и производственный запас.

Помимо неточной фиксации действительных удельных затрат, в балансовых расчетах при достаточном разукрупнении отраслей возникает проблема размерности. Она заключается прежде всего в том, что время обращения матрицы *E-A* растет приблизительно пропорционально второй или третьей степени от прироста числа отраслей. Хотя наращивание вычислительных возможностей происходит весьма быстро, уникальные компьютерные системы пока недёшевы. Следует учитывать и фактор неустойчивости решений. Однако решающее значение экономия машинного времени будет иметь при имитации динамики путём многократно ускоренного перебора вариантов.

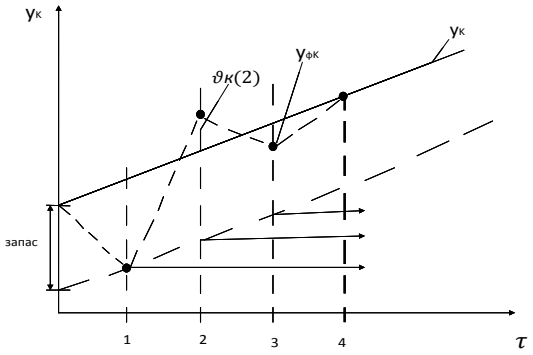


Рисунок 1.
График переходного процесса

Покажем, какие возможности открывает здесь управление по отклонению. Допустим, что управляющая система вычисляет матрицу *S* приблизительно, как частичную сумму ряда:

$$S = \sum_{m=0}^{\infty} A^m \qquad (6).$$

Предполагается, что матрица *A* – продуктивная и ряд (6) сходится. Если ограничить сумму (6) m_1 членами, образуется остаток $\Delta S = [\Delta s_{kp}]$, представляющий собой матрицу погрешностей вычисления коэффициентов полных затрат. Приближенные значения коэффициентов, которые затем используются в расчетах, образуют матрицу плановых коэффициентов $S_n = [s_{пкр}]$.Тогда

$$S = S_n + \Delta S \qquad (7).$$

Выбор числа членов разложения (6) m_1 зависит от производительности вычислительного комплекса и допустимой погрешности ΔS. Примем вариант вычисления плановых коэффициентов полных затрат наиболее «экономный» по затратам машинного времени:

$$S_{nkp} = a_{kp/k \neq p}$$

$$S_{nkk} = 1 + a_{kk}$$

«Свободное движение» системы зависит от её внутренних параметров, под которыми понимаем погрешность Δ*A* и несовершенство регулятора в виде приближенного обращения матрицы *(E-A)*. Балансовые пропорции подвержены, кроме того, воздействию разнообразных внешних факторов – «вынужденное движение». Внешние воздействия будем моделировать в виде вектора Δ*Y*(*τ*), который, вообще говоря, может включать компоненты любого знака. Тогда уравнение системной динамики примет окончательный вид:

$$\Theta(\tau+1) - [K \cdot B - (K - E)] \cdot \Theta(\tau) = \Delta Y(\tau) \quad (8)$$

где $\Theta(\tau) = Y(\tau) - Y_{ф}(\tau)$ – вектор отклонений фактического конечного выпуска от планового в τ -м цикле; $Y(\tau), Y_{ф}(\tau)$ – векторы плановой и фактической интенсивности конечного продукта в τ -м цикле;

$\Delta Y(\tau)=\Delta Y_{упр}+\Delta Y_{возм}$; $\Delta Y_{упр}$- заданное приращение вектора интенсивности конечного выпуска (управляющее воздействие) в τ-м цикле; $\Delta Y_{возм}(\tau)=(E-A_{ф})\cdot\Delta X_{возм}(\tau)$ – вектор непланового изменения интенсивности конечного выпуска в τ-м цикле (возмущающее воздействие); $\Delta X_{возм}(\tau)=\{\Delta x_{возмi}(\tau)\}$ – вектор неплановых затрат (экономии) отраслевых ресурсов в τ-м цикле

$B=(E-A)\cdot\Delta S+\Delta A\cdot S-\Delta A\cdot\Delta S$; $K>0$ – коэффициент обратной связи, корректирующий динамику.

В результате исследования модели (8) установлено следующее:

Достаточным условием устойчивости процесса при $K=1$ является соблюдение неравенств

$$\| A+\Delta A \|<1$$

$$\| A^{m_1+1}+\Delta A\cdot\sum_{m=0}^{m_1}A^{m} \|<1 \quad (9).$$

Последнее выражение позволяет согласовать требования к производительности вычислительного комплекса с детальностью отраслевой структуры.

В частном случае $\Delta A=0$ устойчивость соблюдается при любом m_1, то есть с оперативных балансовых расчётов практически снимается проблема размерности;

В частном случае $S=S_{п}$ достаточным условием устойчивости является соблюдение неравенства $\| \Delta A\bullet S \|\le 1$.

2. Ограничения отраслевых мощностей (интенсивностей конечных выпусков) не приводят к потере устойчивости, но увеличивают длительность времени регулирования.

3. Та или иная форма приращения интенсивности $\Delta Y(\tau)$ позволяет задавать любую форму траектории конечного выпуска, реализуя различные законы управления для каждой отрасли (группы отраслей):

- стабильный выпуск;
- выпуск по заданной программе;
- случайные (ситуационные) колебания конечного выпуска.

Уравнение (8) путём несложных преобразований позволяет моделировать динамику фактических конечных выпусков. Модель позволяет решать ряд актуальных задач оперативного управления. Возможно использование модели как в режиме имитаций, так и в реальном управлении. Неплановые затраты $\Delta X_{возм}(\tau)$ означают, в частности, возможность сочетания автоматического управления с ручным изменением объёма поставляемых ресурсов.

Планирование пропорций. Межотраслевой баланс с переменной структурой затрат

Управление по отклонению способствует решению информационных проблем сбалансированности. Вторая группа – материальные проблемы, порождающие структурную и общую несбалансированность. Леонтьевские модели совершенно недостаточно отражают альтернативность ресурсов, их принципиальную заменимость. Альтернативность не сводится к фиксируемым в леонтьевских моделях технологическим вариантам выпуска отраслевой продукции с индивидуальными ограничениями. В основной своей массе варианты реализуются на прежнем оборудовании, которое требует разве лишь переналадки или модернизации. Именно поисками рациональных альтернатив занимается менеджмент. Весь научно-технический прогресс в области средств производства – это более или менее рациональные замены. По принципу однородности элементов, то есть их заменимости в производстве и использовании строятся классификаторы продукции, выбираются пропорции собственного производства и внешних поставок. К выбору альтернатив сводятся такие относительно малозатратные массовые мероприятия как диверсификация производства, вариантность логистики.

Как потребительные стоимости средства производства объективно сравнимы вопреки так называемой теории предельной полезности, которая на сегодня имеет весьма скудный практический выход и справедлива лишь для товаров конечного потребления[1].

Объективная сравнимость средств производства позволяет говорить о количественных пропорциях замен и их системных последствиях, существенно расширяя возможности леонтьевских моделей. Предложены и исследованы т.н. модели межотраслевого баланса с переменной структурой затрат (МБПС).

По-прежнему ограничимся вариантом, построенным для статической модели (1). Определим баланс замен (альтернатив, вариаций) в виде следующего равенства (в предположении единственности технологического варианта для j-ой отрасли):

$$\Delta a_{tj}=-\mu_{ijt}\cdot\Delta a_{ij}$$

$$\mu_{ijt}\in M,\ \mu\ge 0,\ i,j,t\in\overline{1,n} \quad (10),$$

где: Δa_{tj}, Δa_{ij} – приращения (вариации) коэффициентов a_{tj}, a_{ij}, вызванные заменами;

μ_{ijt} – коэффициент заменяемости (технический эквивалент) i-х затрат t-ми в производстве продукции j-ой отрасли;

M – множество технологически допустимых замен в системе, описываемой моделью (1), $\{M\}=l$

[1] Тихобаев В.М., Воскресенская Л.Н. Балансовые модели, ориентированные на рынок: монография. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. – С. 57.

Возможны сопутствующие изменения коэффициента a_{cj} как следствие замен коэффициентов согласно (10):

$$\Delta a_{cj} = \lambda_{ijc} \cdot \Delta a_{ij}$$
$$\lambda_{ijc} \in \Lambda_j \in \Lambda,\ c \in \overline{1,n} \quad (11),$$

где: Λ_j – множество сопутствующих изменений (вариаций коэффициентов j-го столбца);

Λ – множество сопутствующих изменений коэффициентов системы (1).

Замены, при которых $\Lambda = 0$, получили название простых, при $\Lambda \neq 0$ – сложных. Поскольку межотраслевые замены производятся между конкретными продуктами, а каждая отрасль обычно включает множество их видов, коэффициенты μ_{ijt}, λ_{ijc} представляют собой средневзвешенные величины. Если же изменения касаются одного продукта, то частные коэффициенты совпадают с агрегированными. Однако управление внутриотраслевыми структурными сдвигами позволяет существенно расширить масштабы замен.

Неоднозначность удельных затрат ресурсов влияет на пропорции развития бизнес-системы, и вместо (1) получаем новые соотношения

$$X' = A'X' + Y' \quad (12).$$

Исследуем возникающие при этом закономерности, не учитывая сопутствующие заменам временные лаги.

Пусть в равенствах (1) известны величины *X,Y,A.* Известно также множество замен *M, Λ*, связанных соотношениями (10), (11). Положим в (12)

$$X' = X + \Delta X,\ A' = A + \Delta A,\ Y' = Y + \Delta Y,$$

Тогда

$$X + \Delta X = (A + \Delta A) \times (X + \Delta X) + Y + \Delta Y \quad (13).$$

Условие $\Delta Y \geq 0$, (или, как исключение, $\Delta Y \leq 0$ для некоторых *k*) означает экономический рост, частично или полно удовлетворяющий внешнюю потребность. Вычитая из (13) исходное равенство (1) после несложных преобразований получим

$$\Delta X = S \cdot \Delta A \cdot (X + \Delta X) + S \cdot \Delta Y \quad (14),$$

где: $\Delta X = \{\Delta x_k\}$, $\Delta Y = \{\Delta y_k\}$, $\Delta A = [\Delta a_{kp}]$, $\Delta a_{kp} = 0 \diagup kp \neq ij \vee ic$

Условие (14) с учетом (10) и (11) примет вид:

$$\Delta x_k = \sum_{M\Lambda} (s_{ki} - \mu_{ijt} \cdot s_{kt} + \lambda_{ijc} \cdot s_{ki}) \cdot \Delta a_{ij} \cdot (x_j + \Delta x_j) + \sum_{p=1}^{n} s_{kp} \cdot \Delta y_p \quad (15),$$
$$k = \overline{1,n}$$

где Δx_k, Δa_{ij}, Δy_k – переменные параметры, представляющие собой приращения соответствующих величин, вызванные заменами.

Общее число переменных параметров в (15) равно $2n + l$.

Ограничимся случаем $\{M\} = l \leq n$ Полагая в (15) неизвестными n любых переменных параметров из их общей совокупности (эндогенные параметры), и экзогенно задавая остальные, получим систему из n уравнений с n неизвестными,- модель МБПС. Пусть, например, неизвестны все l вариаций (приращений) Δa_{ij} и $n - l$ компонент векторов Δx_k, Δy_k. Тогда число экзогенно задаваемых компонент векторов Δx_k, Δy_k составит $n + l$. Меняя по собственному выбору номера экзогенно задаваемых компонент, получаем необходимые, по крайней мере, условия для формирования ряда вариантов экономических постановок задач развития. Задачи, решаемые на основе модели МБПС:

– получение требуемой структуры роста конечного продукта;

– улучшение структурной и общей сбалансированности;

– системная оценка перспективности нововведений, определение меры их «прогрессивности»;

– в сочетании с сетевой моделью дополнительная возможность оптимизации управления инновационным проектом. Первоначальный вариант решения этой задачи предложен в статье Тихобаева В.М.[1]

Методологические принципы нового экономического механизма

Таким образом, модели (11) и (15) в совокупности решают информационные и материальные проблемы межотраслевой сбалансированности. Решение первых основано на вариациях объёмных (используемых ресурсов), вторых –

[1] Тихобаев В.М. Инновационное проектирование на малом предприятии // Современные проблемы права и управления: Сборник докладов 5-й Международной научной конференции / Под общ. ред. проф. И.Б. Богородицкого. – Тула: Изд. ИЗУ ВПА, 2015. – С. 158–163.

удельных величин (коэффициентов затрат). Метод, их объединяющий, удобно называть методом балансовых вариаций. Сформулируем далее основополагающие принципы, на которых строятся предложенные модели.

Принцип «затраты-выпуск» это форма разделения труда в обществе – первое фундаментальное свойство, которое следует учитывать при балансовом обосновании.

Он соблюдается хотя бы в самой примитивной форме в любом материальном производстве в виде комплектности потребления независимо от того, проводятся ли расчёты по матричной схеме. Любой предприниматель прежде всего стремится отследить всю схему материальных связей.

Альтернативность, взаимозаменяемость средств производства – второе фундаментальное свойство, которое следует учитывать при балансовом обосновании.

При выборе альтернатив главным становится вопрос о ценах. По формальным признакам включим сюда взаимозаменяемость собственного производства и внешних поставок продукции.

МБПС позволяют управлять межотраслевыми пропорциями в средне- и долгосрочном периодах.

Третье фундаментальное свойство общественного производства сформулируем как ограниченную наблюдаемость экономических явлений и процессов, неполноту, асимметричность информации, используемой для управления.

Управление по отклонению, как было показано, является действенным средством снижения асимметрии.

Предложенные модели, принципы их построения основаны на объективных законах общественного производства, не связанных с формами собственности, ценами, которые всегда отражают чьи-то интересы и предпочтения: «процессы производства носят характер законов природы в гораздо большей степени, нежели общественные по существу законы распределения»[1]. Любая естественная наука исследует какие-то определённые законы природы. Экономика изучает способность объекта быть потребительной стоимостью.

Являясь экономическим аналогом законов механики и физики, положенных в основу функционирования технических систем, количественная оценка потребительной стоимости позволяет использовать хорошо разработанный аппарат теории автоматического управления для решения экономических задач. Объективный характер использованных закономерностей – гарантия реализуемости предлагаемого метода. Отсюда следует, что попытки построить эффективный экономический механизм путём одного лишь финансового регулирования совершенно недостаточны. Цены в конечном итоге отражают оплату труда, которая всегда субъективна. Попросту говоря, заменить предложенную системную динамику ценовым регулированием – не получится. Сказанное отнюдь не означает недооценки финансового регулирования, его «вторичности». Ценовой механизм – движущая сила конкуренции и экономического развития. И сразу встают два вопроса. Первый: как должны формироваться цены в высокосбалансированной системе? Второй: как создать такую систему?

Отвечая на первый, отметим, что цены, как минимум, должны быть такими, чтобы осуществлялся непрерывный трудовой процесс. Недопустимы как полная уравниловка, так и запредельно высокая разница в оплате труда. В новых условиях цены частично освобождаются от вменяемой им регулирующей функции, усиливается их социальная роль. Государство получает дополнительные возможности устанавливать гарантированный социальный минимум. Сочетание конкуренции со справедливой оплатой труда требует согласования плановых и рыночных методов. План – это по преимуществу госсобственность, устойчивое производство и стабильная зарплата, рынок – частная собственность, инновации и высокие риски, в том числе и в оплате труда. Хотя во всех экономически развитых странах существует государственный сектор, либеральная традиция (Л. Мизес, Ф. Хайек) отказывает государству в способности обеспечить на длительный период высокие темпы развития. Предлагаемый экономический механизм, как выше показано, позволяет сочетать в едином балансовом пространстве различные типы организации и собственности. Причём существенно расширяется сфера конкурентной борьбы: в неё включается государство, которое способно привлечь рабочую силу из частного сектора, где коммерческий успех нередко достигается усилением социального неравенства. Необходимо сказать о роли кредитно-финансового сектора, который призван обеспечить рациональную инвестиционную политику. С этой целью наряду с детальным балансом, необходимым для технологического управления, создаётся путём последовательного агрегирования иерархическая система динамических балансов укрупнённого отраслевого и (или) территориального планирования. Параллельное существование технологического и финансового планирования и регулирования позволяет избежать невязок, присущих советской системе фондирования.

Отвечая на второй вопрос, отметим, что переход к новому механизму наиболее целесообразно начинать с отдельного предприятия или даже с его частей, если они обладают заметным внутренним оборотом, позволяющим построить полноценную матричную модель.

Оперативные методы управления производством на предприятии относятся к числу наиболее сложных. Они имеют две составляющие: оперативно-календарное планирование, основанное на календарно-плановых нормативах, и регулирование (диспетчирование). Качество плана определяется обоснованностью и соблюдением расходных норм, что в реальности достичь не удаётся. Кроме того, имеются различного рода возмущающие воздействия, риски. Устранить эти неблагоприятные факторы призвано диспетчирование. Однако ныне оно подменяется скользящим планированием, избыточным резервированием, другими неадекватными методами. В результате даже наиболее продвинутые компьютерные системы с развитым сервисом не могут обеспечить использование ресурсов труда и оборудования

[1] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо. 2008. – С. 56. – (Антология экономической мысли).

больше, чем на 70%[1]. Системы «канбан» (Япония) и just-in-time при несомненной эффективности требуют создания идеальных условий и при этом – дополнительных ручных регулировок[2].

Диспетчирование, основанное на управлении по отклонению позволяет формировать и корректировать систему календарно-плановых нормативов, реагировать на поступление заказов в случайные моменты времени. Повышается производительность труда. Данная организационная инновация в отличие от инноваций технологических требует значительно меньших вложений. Вместе с тем внутренняя сбалансированность уменьшает «проседание» производства при переходе на новые технологии и продукты.

Имеется опыт практического использования модели регулирования инструментального производства на Тульском оружейном заводе. Результаты моделирования подтвердили устойчивость и высокую динамическую точность реального процесса управления. Коллектив разработчиков удостоен премии им. С.И. Мосина за 1993 год.

Диспетчирование позволяет оптимизировать прежде всего запасы в незавершённом производстве, в то время как основная их часть – внешние поставки и готовая продукция. Поэтому вертикальная и горизонтальная интеграция в условиях нового балансового механизма – естественный процесс.

Операциональность предложенного «метода балансовых вариаций» позволяет говорить о перспективах его использования на региональном и на национальном уровнях, чему способствуют возможности цифровых технологий. Преодолевается ущербность «догоняющего развития».

[1] Туровец О.Г., Попов В.Н., Родионова В.Н. и др. Организация производства и управление предприятием: Учебник / Под ред. Туровца О.Г. 3-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2011. – С. 257. – (Высшее образование).

[2] Щиборщ К.В. Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России. – М.: Дело и Сервис, 2001. – С. 151.

Третьякова О.Г.
к.э.н., доцент, Финансовый университет
OTretyakova@fa.ru
Шпаковская Е.П.
к.э.н., доцент, Финансовый университет
EShpakovskaya@fa.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНФЛЯЦИИ В РОССИИ

Ключевые слова: *инфляция, индекс потребительских цен (ИПЦ), причины инфляции, рост цен, уровень инфляции, экономическая политика.*

Keywords: *inflation, consumer price index (CPI), inflation pre-conditions, price increase, level of inflation, economic policy.*

На протяжении многих лет природа российской инфляции, как и сущность экономической политики государства, направленной на её подавление, вызывает острейшую дискуссию в научных и политических кругах. Сравнительный анализ точек зрения различных авторов на сущность инфляции и причины ее возникновения позволяет выделить два подхода: согласно первому подходу инфляция имеет монетарную природу, согласно второму – инфляция является немонетарным или не только монетарным явлением.

До 90-х годов в период плановой экономики статистический учет инфляции велся по показателям «Индекс розничных цен государственной и кооперативной торговли», «Индекс розничных цен на отдельные товары народного потребления в государственной и кооперативной торговле». По мнению экономистов, в регулируемой экономике, когда цены фиксированы, инфляция может быть скрытой, подавленной. Её спутниками становятся дефицит многих товаров, всплеск теневой торговли, резкое увеличение цен на рынках. В экономике России инфляция возникла в 50-х – начале 60-х годов XX века. Причина ее появления – падение эффективности общественного производства. При дефиците товаров и значительном разрыве цен (высоких на сырье и низких на готовую продукцию) инфляция носила скрытый характер[1]. Как и во многих других странах, уровень инфляции в России, после распада СССР и перехода от плановой экономики к рыночной, начал оцениваться на основе индексов потребительских цен. Их исчисление Росстат ведет с 1991 года.

Таблица 1

Индекс потребительских цен в России с 1991 по 1996 гг., по месяцам к концу предыдущего месяца, за год к декабрю предыдущего года[2]

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	За год
1991	6.20	4.80	6.30	63.50	3.00	1.20	0.60	0.50	1.10	3.50	8.90	12.10	**160.40**
1992	245.30	38.00	29.90	21.70	11.90	19.10	10.60	8.60	11.50	22.90	26.10	25.20	**2508.84**
1993	25.80	24.70	20.10	18.70	18.10	19.90	22.39	26.00	23.00	19.50	16.39	12.50	**839.90**
1994	17.90	10.82	7.41	8.49	6.91	6.00	5.33	4.62	7.96	15.00	14.61	16.44	**215.14**
1995	17.77	11.02	8.94	8.47	7.93	6.66	5.38	4.56	4.46	4.72	4.56	3.20	**131.30**
1996	4.11	2.79	2.80	2.16	1.60	1.17	0.72	-0.21	0.33	1.20	1.88	1.42	**21.81**

Как видно из табл. 1, инфляция в постсоветский период начала свой стремительный рост, и индекс потребительских цен к декабрю предыдущего года составлял в первые три года становления нового государства 160,4%, 2508,84% и 839,9%, что говорит о высокой инфляции или даже гиперинфляции. За рассматриваемый период первый пик инфляции наблюдался в январе 1992 года (рис. 1). Его причиной стал переход к свободным рыночным ценам от административно регулируемых цен.

В 1992 году инфляция в 240% была вызвана преодолением диспропорций в экономике, сложившихся в результате административного регулирования. Именно период с 1992 по 1996 гг. можно назвать началом формирования рыночных отношений и периодом перехода к рыночной экономике.

[1] Грязнова А. Г. Макроэкономика. Теория и российская практика. – М., 2006; Осадчая И. Инфляция: суть, причины, формы проявления // Наука и жизнь. – М., 2008. – №. 4.

[2] Источник: данные Росстата РФ

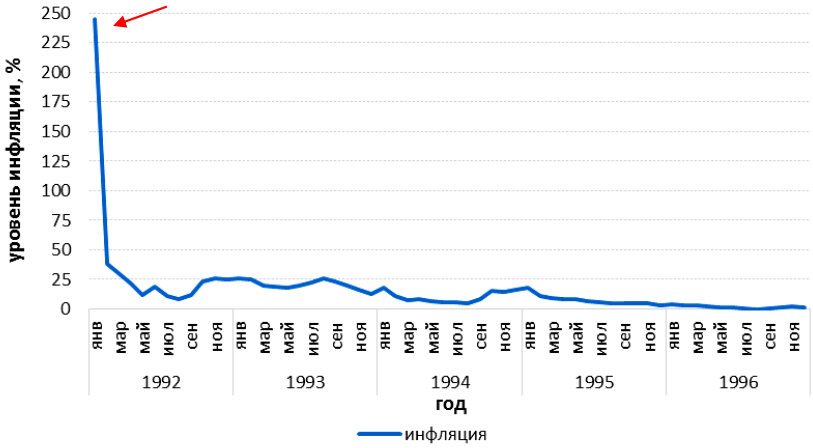


Рисунок 1.
ИПЦ в России по месяцам, к концу предыдущего месяца, 1992–1996 гг.

Данные об уровне инфляции с 1993 года предоставляет Центральный банк Российской Федерации. На рис.2 представлен график уровня инфляции относительно того же периода с периода прошлого года.

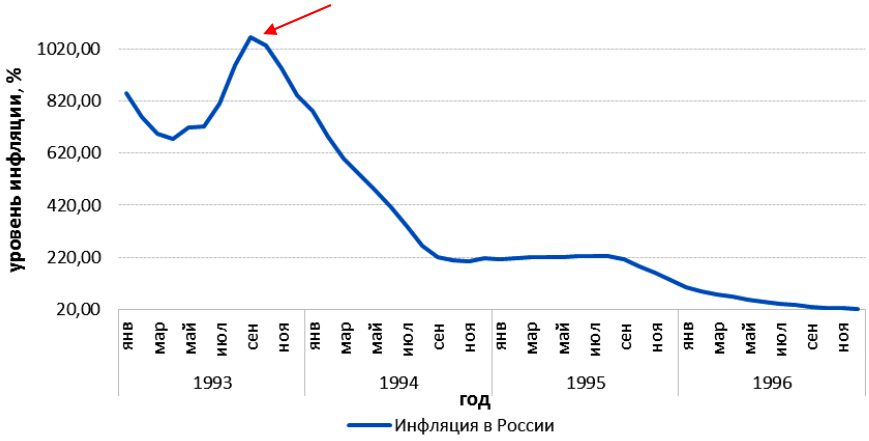


Рисунок 2.
Уровень инфляции в России по месяцам, относительно того же периода прошлого года, 1993–1996 гг.

Инфляция в этот период достигает пика в сентябре-ноябре 1993 года. Данный всплеск имеет не монетарную природу, а связан в первую очередь с политической обстановкой в стране. Именно в этот промежуток времени достиг своего апогея внутриполитический конфликт в России (21 сентября – 4 октября 1993 года).

Признаки стабилизации производства наметились со второго полугодия 1996 г. (табл. 2).

Таблица 2

Индекс потребительских цен в России с 1996 по 2001 гг., по месяцам к концу предыдущего месяца, за год к декабрю предыдущего года[1]

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	За год
1996	4.11	2.79	2.8	2.16	1.6	1.17	0.72	-0.21	0.33	1.2	1.88	1.42	**21.81**
1997	2.34	1.54	1.43	0.96	0.94	1.1	0.93	-0.14	-0.3	0.17	0.61	0.96	**11.03**
1998	1.51	0.89	0.64	0.38	0.5	0.08	0.17	3.67	38.43	4.54	5.67	11.61	**84.43**
1999	8.38	4.13	2.79	3.03	2.22	1.91	2.82	1.16	1.48	1.37	1.23	1.26	**36.53**
2000	2.33	1.04	0.64	0.89	1.75	2.55	1.79	0.98	1.32	2.11	1.52	1.64	**20.18**
2001	2.76	2.28	1.86	1.79	1.78	1.62	0.45	0.01	0.6	1.09	1.36	1.6	**18.58**

[1] Источник: данные Росстата РФ.

В то же время с 1996 по 1998 г. постепенно происходит нарастание влияния негативных тенденций в экономике, которые были определены бесконтрольным использованием краткосрочных государственных облигаций (ГКО), выпущенных для покрытия дефицита бюджета России. Можно сказать, что фактически в этот период государство построило финансовую пирамиду ГКО, которая, закончилась дефолтом в августе 1998 года, что привело к финансово-экономическому кризису в стране. Анализируя динамику ИПЦ с 1996 по 2001 гг. (рис. 3.), мы видим, что резкий скачок ИПЦ наблюдался с июля 1998 г., достигнув пика в сентябре, затем пошел такой же резкий спад до октября того же года. Причина максимального роста инфляции в сентябре 1998 года (рис. 3) была вызвана обвалом ГКО в августе (запаздывание на месяц).

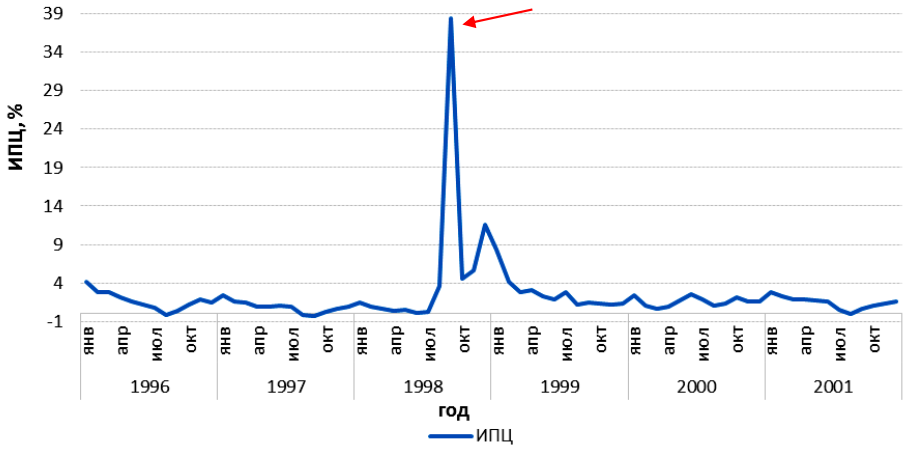


Рисунок 3.
ИПЦ в России по месяцам, к концу предыдущего месяца, 1996–2001 гг., %

В последующем периоде (2000–2002 гг.) наблюдалось существенное снижение темпов инфляции. Если в 1999 году прирост потребительских цен составил 36,5%, то в 2000 году – 20,2%, в 2001 году –18,6% и в 2002 году –15,1% (табл. 3).

Снижение инфляции в этот период связано прежде всего с проведением государством взвешенной кредитно-денежной и бюджетной политики: исполнение государственных бюджетов 2000–2002 гг. с профицитом; сокращение бартера и неплатежей, улучшение финансовой дисциплины. Необходимо подчеркнуть, что снижение темпов инфляции проходило на фоне роста платежеспособного спроса населения.

В период с 2002 по 2008 гг. наблюдается рост экономики России, сопровождающийся снижением темпов инфляции (0–3%), появляется нескольких периодов дефляции (рис. 4), связанных с ростом мировых цен на нефть и нефтепродукты. В эти годы доходы преобладали над расходами в виду притока в Россию большого количества нефтедолларов.

Таблица 3

Индекс потребительских цен в России с 2002 по 2008 гг., по месяцам к концу предыдущего месяца, за год к декабрю предыдущего года[1]

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	За год
2002	3.09	1.16	1.08	1.16	1.69	0.53	0.72	0.09	0.4	1.07	1.61	1.54	**15.06**
2003	2.4	1.63	1.05	1.02	0.8	0.8	0.71	-0.41	0.34	1	0.96	1.1	**11.99**
2004	1.75	0.99	0.75	0.99	0.74	0.78	0.92	0.42	0.43	1.14	1.11	1.14	**11.73**
2005	2.62	1.23	1.34	1.12	0.8	0.64	0.46	-0.14	0.25	0.55	0.74	0.82	**10.92**
2006	2.43	1.66	0.82	0.35	0.48	0.28	0.67	0.19	0.09	0.28	0.63	0.79	**9**
2007	1.68	1.11	0.59	0.57	0.63	0.95	0.87	0.09	0.79	1.64	1.23	1.13	**11.87**
2008	2.31	1.2	1.2	1.42	1.35	0.97	0.51	0.36	0.8	0.91	0.83	0.69	**13.28**

Центробанк РФ стремился удержать курс рубля по отношению к мировым валютам (доллар и евро), то есть проводил политику таргетирования рубля в пределах, необходимых для обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции внутри страны и экспортного потенциала. По этой причине ЦБ РФ в этот период покупал на валютном рынке большие объемы нефтедолларов, что в свою очередь привело к стремительному росту золотовалютных ресурсов в стране и к повышению денежной массы, что впоследствии явилось причиной роста инфляции к концу рассматриваемого периода (рис. 4, 5).

[1] Источник: данные Росстата РФ.

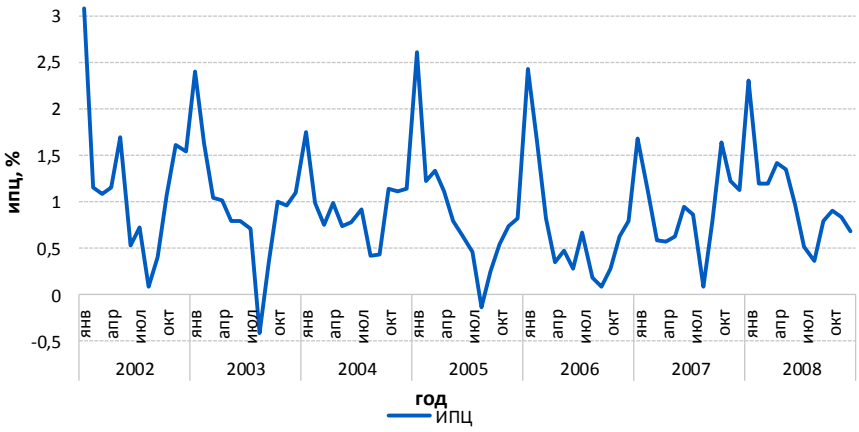


Рисунок 4.
Инфляция в России по месяцам, к концу предыдущего месяца, 2002-2008 гг., %

В 2007-2008 гг. Россия оказалась в ситуации сочетания высоких темпов как экономического роста, так и инфляции. При реальном росте ВВП с темпом не ниже 6,5% в год, месячный индекс потребительских цен в первом полугодии 2007 года увеличился с 7,5–8,0%, до 15,0% к середине 2008 года (рис. 5).

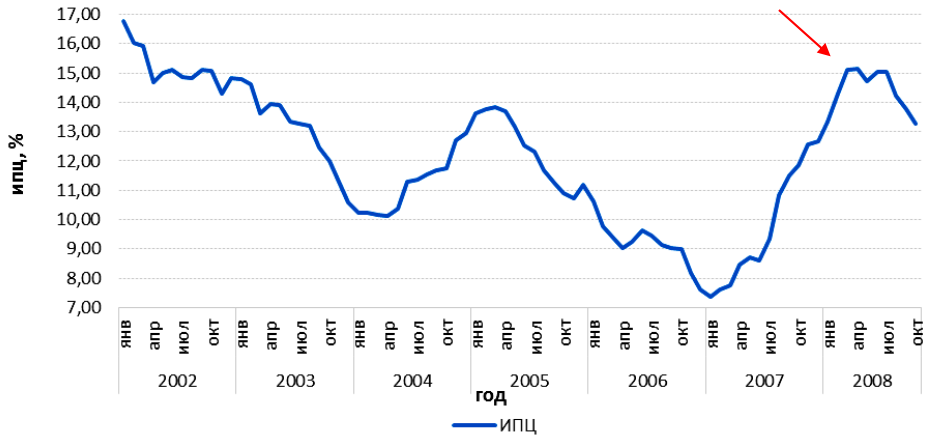


Рисунок 5.
Уровень инфляции в России по месяцам, относительно того же периода прошлого года, 2002–2008 гг.

В середине 2008 года с началом нового мирового финансового кризиса наблюдается завершение тенденции низкого уровня развития инфляции, после которого, наступает следующий этап развития инфляционного процесса. Заметим, что кризисные явления в российской экономике начали появляться с 2008 года, а к началу 2009 года достигли максимума. По данным Правительства РФ стабилизация экономики началась с середины 2009 года, а с начала 2010 года стал наблюдаться ее рост. Увеличению темпов инфляции в 2008–2009 гг. способствовал рост денежной массы в стране, так как для поддержки многих системообразующих предприятий (например, ОАО «АвтоВАЗ»), да и финансового сектора, было потрачено большое количество средств.

Анализ динамики инфляции за период 2009–2016 гг. по сравнению с аналогичным периодом прошлого год (рис. 6) показывает, что в апреле 2012 года уровень инфляции в России был всего 3,57% относительно того же периода предыдущего года. Этот показатель оказался самым низким за всю историю Российской Федерации с 1991 года.

При анализе динамики ИПЦ по месяцам относительно предыдущего месяца (рис. 7) мы видим отрицательный темп роста в 2011 г., который произошел по нескольким причинам: во-первых, цены на нефть марки BRENT в это время составляли около 126,03$ за баррель, то есть почти вернулись к показателям 2008 года, когда цена на нефть была самой высокой за всю историю России – 140,3$ за баррель; во-вторых, в августе 2011 года страна вошла в ВТО, став полноправным членом Всемирной торговой организации (официальный протокол о принятии России в ВТО был подписан еще в декабре 2011 г.); в-третьих, обменный курс иностранной валюты был невысоким и составлял с 2011 по 2012 гг. от 27 до 32 рублей за доллар.

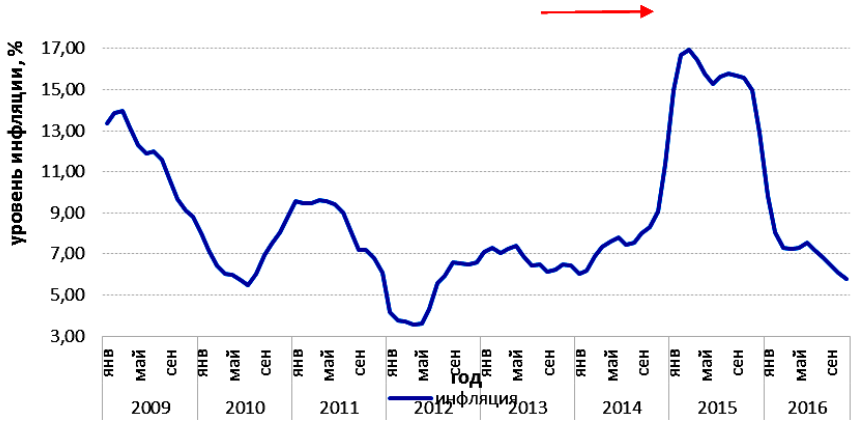


Рисунок 6.
Уровень инфляции в России по месяцам, относительно того же периода прошлого года, 2009–2016 гг.

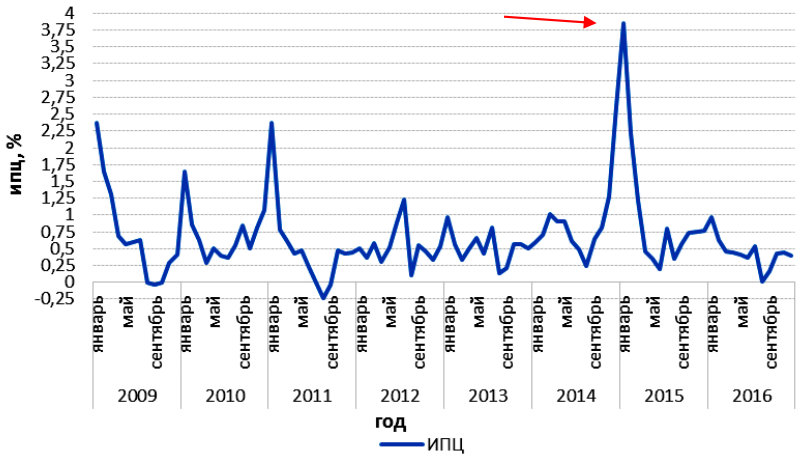


Рисунок 7.
Инфляция в России по месяцам, к концу предыдущего месяца, 2008–2016 гг., %

После перехода ЦБ России к таргетированию инфляции и плавающему валютному курсу в условиях резкого ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры курс рубля значительно увеличил свою волатильность[1]. В 2014 году после введения санкций в отношении России и снижения цен на нефть, уровень инфляции вырос в несколько раз и уже в марте 2015 года составил 16,9 %. Динамика инфляции оказалась высокой, превысив данные мирового кризиса 2008–2009 годов. По мнению аналитиков, причинами инфляции в 2015 году послужили[2]: повышение акцизов на автомобильное горючее; снижение курса национальной валюты; рост инфляционных ожиданий из-за ослабления рубля; санкции ЕС и США; введение продуктового эмбарго для США, ЕС, Канады.

За последние 7 лет темпы роста инфляции в России были умеренными до 2014 года, затем наблюдался скачок, в результате которого он достиг 11,35% (табл. 4).

В 2015 году инфляция по сравнению с 2014 годом возросла до 12,91% (что говорит о внутригодовом росте инфляции), но уже в 2016 году внутригодовая динамика улучшилась и в годовом исчислении уровень инфляции составил 5,39%.

Таким образом, на основе статистического анализа уровня инфляции в России за период с 1992 по 2016 гг. можно выделить пять этапов ее развития:

1992–1996 гг. – галопирующая инфляция, появившаяся в результате смены экономической системы и образования нового государства. Другими словами, в этот период наблюдался резкий взлет цен, причины которого в большей мере носят неэкономический характер;

[1] Доклад о денежно-кредитной политике / Центральный Банк России. – М., 2016. – № 1, март.
[2] Миркин Я.М., Добашина И.В., Салин В.Н. Статистика финансовых рынков: учебник. – М.: КноРус, 2016.

Таблица 4

Уровень инфляции в России на конец периода, % (к концу предыдущего месяца и к декабрю предыдущего года)[1]

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	Год
2010	1.64	0.86	0.63	0.29	0.5	0.39	0.36	0.55	0.84	0.5	0.81	1.08	8.78
2011	2.37	0.78	0.62	0.43	0.48	0.23	-0.01	-0.24	-0.04	0.48	0.42	0.44	6.10
2012	0.5	0.37	0.58	0.31	0.52	0.89	1.23	0.1	0.55	0.46	0.34	0.54	6.57
2013	0.97	0.56	0.34	0.51	0.66	0.42	0.82	0.14	0.21	0.57	0.56	0.51	6.47
2014	0.59	0.7	1.02	0.9	0.9	0.62	0.49	0.24	0.65	0.82	1.28	2.62	11.35
2015	3.85	2.22	1.21	0.46	0.35	0.19	0.8	0.35	0.57	0.74	0.75	0.77	12.91
2016	0.96	0.63	0.46	0.44	0.41	0.36	0.54	0.01	0.17	0.43	0.44	0.4	5.39

1997–2000 гг. – активные антиинфляционные мероприятия правительства, в результате которых появляются признаки стабилизации и снижения цен. В то же время в этот период происходит экономический кризис 1998 г, приведший к дефолту, росту цен на продукцию и услуги и девальвацию рубля. С начала 2000-х начинается постепенное снижение инфляции;

2001–2007 гг. – период стабильной инфляции в стране. Взвешенная бюджетная и кредитно-денежная политика правительства, высокие цены на нефтепродукты, спокойная внешняя обстановка и стабильный низкий таргетируемый валютный курс приводят к ежегодному сокращению уровня инфляции;

2008–2013 гг. – рост инфляции вследствие влияния мирового экономического кризиса, затем постепенная нормализация экономической ситуации и снижение инфляции до рекордно низкого уровня в 2012 году;

2014–2016 гг. – стабильное макроэкономическое состояние инфляции, с середины 2014 года рост инфляции вследствие валютного кризиса с последующим постепенным выходом из него. Переход государства к политике таргетирования инфляции.

[1] Источник: данные Росстата РФ.

Трошин Н.Н.
с.н.с. Российского института стратегических исследований

РОЛЬ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *зарубежные китайские инвестиции, российско-китайское инвестиционное сотрудничество, инвестиционный климат в России, рынок капитала в Китае.*
Keywords: *Chinese outbound investment, Russian-Chinese investment cooperation, investment climate in Russian, Chinese capital market.*

Центр экономического роста постепенно смещается в страны Азии. Особенно заметно это стало после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. На фоне медленного восстановления экономики в США и фактической стагнации в странах ЕС Китай продолжал развиваться уверенно высокими темпами. В этой ситуации российские компании стали внимательнее присматриваться к восточному соседу. В 2010 г. Объединенная компания «РУСАЛ» первой провела первичное размещение акций на фондовой бирже Гонконга. Однако широкого распространения этот опыт тогда не получил. Введение экономических санкций в 2014 г. серьезно ограничило доступ отечественных компаний к западным рынкам капитала, заставив их вновь обратиться на Восток.

Оценка объемов китайских инвестиций в российскую экономику

В новых условиях активизация инвестиционного сотрудничества с Китаем является одним из приоритетов развития российско-китайского экономического сотрудничества. Вместе с тем, масштабы капиталовложений китайских компаний в российскую экономику все еще значительно отстают от объемов двусторонней торговли. По информации Банка России после всплеска в 2014 г. чистый приток прямых инвестиций из Китая стал плавно снижаться. В 2016 г. он сократился до 349,6 млн. долл., что на 47% меньше чем в 2015 г.[1] Схожую динамику демонстрируют в целом и китайские данные (см. рис. 1). По сведениям главного статистического управления КНР чистые зарубежные инвестиции китайских компаний в Россию уменьшились в 2016 г. на 56% по сравнению с предыдущим периодом[2].

Источник: Банк России, Статистика внешнего сектора, таблица Операции по инструментам и странам партнерам. – https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs; National Bureau of Statistic of China, National Data, Annual, Net Overseas Direct Investment. – http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01

Рисунок 1.
Динамика прямых китайских инвестиций в Россию (в млн. долл.)

Разумеется, официальная статистика не полностью отражает реальные объемы иностранных инвестиций, поступивших из той или иной страны. В международной практике при юридическом оформлении капиталовложений за

[1] Банк России Статистика внешнего сектора, таблица Операции по инструментам и странам партнерам. – https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs

[2] National Bureau of Statistic of China National Data, Annual, Foreign trade and Economic Cooperation, Net Overseas Direct Investment. – http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01

рубежом широкое распространение получило использование «компаний специального назначения» (special purpose vehicles, SPV), как правило, зарегистрированных в одном из признанных оффшорных центров. В результате конечный инвестор оказывается зачастую не видим для официальной статистики. Но это еще не повод для того, чтобы называть эти цифры «нелепыми» или предпочесть, например, китайскую статистику российским данным фактически лишь на том основании, что она дает бо́льшие абсолютные значения[1].

О масштабах объявленных китайскими компаниями инвестиций в Россию можно судить по данным, которые Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute, AEI) собирает совместно с Heritage Foundation на основании публичных отчетов (см. рис 2). Впрочем, и они не отражают объем действительно полученных капиталовложений. Во-первых, между объявлением о сделке и ее закрытием (реальным перечислением средств) обычно имеется временной лаг, порой весьма значительный. К тому же инвестиции могут осуществляться по частям. Во-вторых, здесь не учитываются продажи ранее приобретенных активов, т.е. вывод средств из страны. Не говоря уже о реинвестировании полученных доходов и т.п.

Источник: American Enterprise Institute and Heritage Foundation, China Global Investment Tracker, January 2018 update. – http://www.aei.org/china-global-investment-tracker

Рисунок 2.
Динамика объявленных инвестиций из Китая в Россию (в млн. долл.)

По данным AEI в 2013 г. китайские компании инвестировали 6,25 млрд. долл. в уставный капитал российских предприятий. В 2014 г. общий объем привлечения средств из Китая остался практически на том же уровне (6,21 млрд. долл.). Сокращение вложений в уставной капитал (до 3,53 млрд. долл.) было компенсировано заключением контрактов на новое строительство на 2,68 млрд. долл. В 2015 г. китайские капиталовложения в российскую экономику выросли до 6,9 млрд. долл., главным образом за счет нового строительства. Однако в 2016 г. объем привлеченных средств снизился на 59% (до 2,85 млрд. долл.). При этом инвестиции уменьшились на 38%, составив 2,23 млрд. долл., тогда как объемы контрактов на новое строительство упали до 620 млн. долл. по сравнению с 3,3 млрд. долл. в 2015 г.[2] Таким образом, собранные AEI и Heritage Foundation сведения в целом не противоречат официальной статистике.

Несколько выбиваются из этого ряда только данные Евразийского банка развития (ЕАБР), эксперты которого собирают собственную базу китайских инвестиций в страны ЕАЭС и СНГ. Но, в отличие от AEI и Heritage Foundation, чья база общедоступна, ЕАБР публикует только сделанные на ее основе обзоры. Из них следует, что по итогам 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций из Китая в РФ снизился на 1,4%[3], тогда как за 2016 г. они увеличились на 3 млрд. долл. или на 57,7%[4].

Трудно сказать, чем вызваны эти расхождения. Оценка объема инвестиций китайских компаний в российскую экономику в 2016 г., сделанная экспертами ЕАБР и AEI, в принципе совпадает. Так что дело, по всей видимости, в занижении данных на начало 2016 г., несмотря на их переоценку в сторону повышения в отчете 2017 г.

Структура китайских инвестиций в России и мире

Анализ имеющейся статистической информации позволяет говорить о слабой активности китайских инвесторов на российском рынке. Свою роль сыграли, конечно, опасения крупных компаний в КНР и, прежде всего, банков, работающих на рынках США и ЕС, попасть под действие экономических санкций, введенных против России. Кроме

[1] Кашин В. Много ли Китай инвестирует в Россию? – http://ru.Valdaiclub.com/a/ highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/

[2] China Global Investment Tracker, January 2018 update. – http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/

[3] Евразийский банк Развития ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2016. Доклад № 41. – С. 7. – https://eabr.org/upload/iblock/571/edb_centre_2016_report_41 _fdi_eurasia_rus.pdf

[4] Евразийский банк Развития ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2017. Доклад № 47. – С. 6–7. – https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf

того, некоторые китайские инвесторы могли ожидать более выгодных предложений для начала инвестиций. В то же время сказались изменения, наметившиеся в последние годы в структуре зарубежных инвестиций китайских компаний.

Все более значительную роль в наращивании прямых зарубежных инвестиций из Китая играет частный бизнес. По данным AEI, если до 2010 г. вложения частных китайских компаний за границей не превышали 2% от общего объема китайских инвестиций за рубежом, то в 2016 г. на их долю приходилось уже 46,4% (см. рис. 3)[1]. В 2017 г., в связи с принятыми китайским руководством мерами по борьбе с оттоком капитала, активность частных инвесторов на внешних рынках несколько снизилась. Тем не менее, объем их капиталовложений в этом году оказался сопоставим с общим объемом зарубежных инвестиций всех китайских компаний в 2011 г. (67,1 млрд. долл. и 67,8 млрд. долл. соответственно).

Источник: American Enterprise Institute and Heritage Foundation, China Global Investment Tracker, January 2018 update. – http://www.aei.org/china-global-investment-tracker

Рисунок 3.
Зарубежные инвестиции частных китайских компаний (в млн. долл.)

Увеличение доли частного сектора напрямую связано с изменением отраслевой направленности китайских зарубежных инвестиций. Если в 2009–2013 гг. на долю энергетики приходилось 54% всех зарубежных капиталовложений китайских компаний, то в 2014–2015 гг. она сократилась до 26%, а в 2016–2017 гг. – до 18,5%[2]. Аналогично уменьшился удельный вес китайских инвестиций в металлургию. Им на смену приходят инвестиции в такие отрасли как транспорт, сельское хозяйство и сектор высоких технологий (см. рис. 4).

В то же время в России основной объем китайских инвестиций по-прежнему приходится на энергетику и металлургию. В результате, по мнению экспертов Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА), интерес китайских компаний к капиталовложениям в российскую экономику может снизиться. Новые же инвестиции в постиндустриальные сектора будут сдерживаться сравнительно слабым развитием в России сферы услуг и закрытостью области высоких технологий для иностранного капитала[3]. В то же время авторы доклада «Российско-китайский диалог: модель 2017 г.» полагают, что уже в ближайшие несколько лет инвестиции в таких традиционных для сотрудничества между Россией и Китаем областях как энергетика, строительство, лесная промышленность и т.д. вполне могут быть дополнены проектами на стыке информационных технологий и услуг[4].

Как отмечается в докладе ЕАБР, несмотря на то, что топливно-энергетический комплекс остается главным объектом китайских инвестиций, наметилась тенденция к сокращению его доли (с 86,8% в 2010 г. до 74,1% по итогам 2016 г.). Отчасти это произошло за счет наращивания вложений в химическую промышленность, хотя ее удельный вес пока не превышает 5%. Увеличились капиталовложения в строительный сектор и машиностроение, высокими темпами в последние три года растут китайские инвестиции в агропромышленный бизнес (переработку сельскохозяйствен-

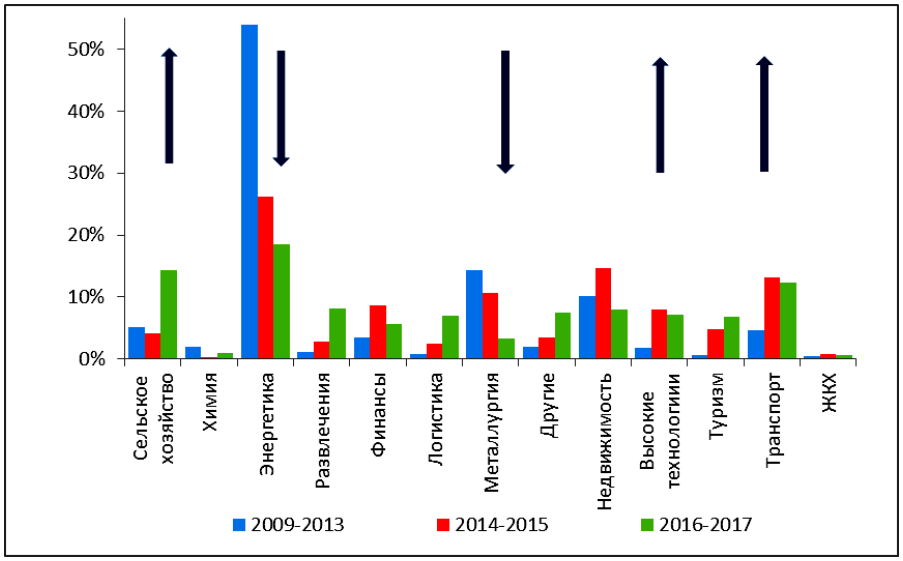
[1] Scissors D. Private Data, Not Private Firms: The Real Issues in Chinese Investment. January 2018. – P. 7. – http://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/01/China-Tracker-Jan2018.pdf

[2] Рассчитано автором на основании China Global Investment Tracker, January 2018 update. – http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/

[3] АКРА Китай больше не инвестирует в сырье. Анализ внешних прямых инвестиций Китая. 9 августа 2016. – https://www.acra-ratings.ru/research/56

[4] Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 Российский совет по международным делам. – http://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2017/

ного сырья)[1]. Обозначился инвестиционный интерес китайских компаний к российской фармацевтической промышленности, проектам в области биотехнологий и медицинских исследований[2].



Источник: American Enterprise Institute and Heritage Foundation, China Global Investment Tracker, January 2018 update, URL: http://www.aei.org/china-global-investment-tracker

Рисунок 4.
Отраслевая структура китайских зарубежных инвестиций (в %)

Динамика инвестиционного сотрудничества в 2017 г.

Поддержку китайским инвестициям в российскую экономику, по мнению экспертов АРКА, могут оказать меры, принятые руководством Китая в рамках предотвращения оттока капитала. Ограничения, введенные летом 2017 г. на капиталовложения в недвижимость и индустрию развлечений, должны снизить поток китайских инвестиций, направляемый в США и Европу и увеличить долю России. Скажется также начавшаяся реализация выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Пояса и пути», на которую указанные ограничения не распространяются[3].

Представляется, однако, что большее значение для китайских инвесторов имеет выход в 2017 г. российской экономики из кризиса и стабилизация курса рубля. Его укрепление повысило привлекательность рублевых активов, а снижение инфляционных ожиданий на фоне осторожной денежно-кредитной политики, проводимой Банком России, сократило риски таких инвестиций.

В результате, по данным российского Центробанка, чистые прямые инвестиции китайских компаний в российскую экономику в первом полугодии 2017 г. увеличились на 43% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.[4] Со своей стороны чрезвычайный и полномочный посол Китая в РФ Ли Хуэй заверил, что за три квартала 2017 г. прямые инвестиции в Россию выросли на 34,1% и оказались «на передовых позициях» среди зарубежных капиталовложений китайских компаний[5].

Факторы, препятствующие росту китайских инвестиций в Россию

Тем не менее, пока преждевременно говорить об окончательном переломе в настроениях китайских инвесторов. Для того чтобы исправить ситуацию, по общему мнению, необходимо больше взаимного доверия. Пока же бизнесмены из Китая говорят, что у них складывается четкое ощущение: российские партнеры пытаются получить доступ к

[1] Евразийский банк Развития ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2017. Доклад № 47. – С. 7. – https://eabr.org/upload/iblock/ 252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf

[2] Китайские инвестиции в Россию. Комментарий маркетолога-аналитика IPT Group Каплиной Оксаны на странице компании в Фейсбуке. – https://www.facebook.com/ iptg.ru/posts/362928747397827

[3] АКРА Ограничения на отток капитала в Китае открывают новые возможности для стран СНГ. Анализ внешних прямых инвестиций Китая. 4 сентября 2017. – https://www.acra-ratings.ru/research/344

[4] Банк России Статистика внешнего сектора, таблица Операции по инструментам и странам партнерам. – https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs

[5] Новая эпоха развития Китая и новые перспективы китайско-российских отношений. 16 ноября 2017. – http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-epokha-razvitiya-kitaya-i-novye-perspektivy-kitaysko-rossiyskikh-otnosheniy/

«кошельку», не задумываясь о выстраивании отношений с инвестором и, следовательно, не давая гарантий возвратности вложенных средств[1].

Серьезным препятствием является также недостаточная открытость большинства российских компаний. Потери, которые понесли инвесторы, вложившиеся в акции Московской биржи, ПАО «Уралкалий» и ряд других, получив широкую огласку в Китае, создавали впечатление, что все инвестиции в Россию провальные. В январе 2018 г. появилась информация, что крупнейший в Китае частный инвестиционный консорциум Fosun отказалась от согласованной в мае 2017 г. сделки по покупке миноритарного пакета акций российского золотодобытчика «Полюс». Ряд экспертов полагает, что это может быть связано с делом, возбужденным во Франции против Сулеймана Керимова, отца фактического владельца российской компании[2].

Отечественному бизнесу не следует думать, что китайские компании станут инвестировать средства туда, куда им укажут «партия и правительство». Китай является страной с рыночной экономикой, и даже государственные предприятия будут ориентироваться в первую очередь на условия осуществления капиталовложений. В этой связи необходимо сосредоточиться на улучшении инвестиционного климата, и в частности решить проблему с применением уже действующих норм законодательства.

О важности этого вопроса свидетельствуют результаты исследования, которое было проведено компанией Ernst & Young (EY) среди китайских инвесторов. Чаще всего в качестве препятствия для вложений в российскую экономику называлось состояние правоприменительной практики. Причем у тех, кто имеет бизнес в России, доля недовольных уровнем исполнительной дисциплины была значительно выше (61% по сравнению с 39% в целом). В то же время, на трудности с поиском интересных проектов пожаловалось только 15% из работающих в России китайских компаний по сравнению с 22% в целом[3].

Наряду с плохим инвестиционным климатом в России развитие сотрудничества в этой сфере тормозится сохраняющимися в Китае ограничениями на движение капитала. Несмотря на включение юаня в корзину резервных валют МВФ, китайская валюта не стала свободно конвертируемой. Из-за этого привлечение средств в юанях оказывается для российских компаний более дорогим по сравнению с финансированием в долларах или евро. Они вынуждены либо платить банкам дополнительные комиссионные за обмен, либо приобретать необходимую продукцию в Китае, создавая дополнительный спрос для китайской экономики.

По-прежнему закрытым для российских компаний остается внутренний китайский рынок акционерного капитала. Все еще сохраняются барьеры, ограничивающие широкий выход иностранных компаний на рынок облигаций материкового Китая. Каждая сделка фактически утверждается властями в индивидуальном порядке, а для перевода заграницу полученной от продажи номинированных в юанях облигаций выручки требуется специальное разрешение. В результате только ОК «РУСАЛ» удалось весной 2017 г. разместить свои трехлетние облигации на сумму 1 млрд. юаней (около 150 млн. долл.) с доходностью 5,5%[4].

Заключение

Развитие российско-китайского сотрудничества в инвестиционной сфере отвечает взаимным интересам наших стран. Улучшение инвестиционного климата в России повысит ее привлекательность для китайских инвесторов. С другой стороны облегчение доступа российским компаниям к рынку капитала материкового Китая позволит снизить стоимость заимствований и превратит китайский рынок в реальную альтернативу западному финансированию.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что Китай все сильнее интегрируется в мировую финансовую систему. Об этом, в частности, свидетельствует разрешение выполнять функции андеррайтера (т.е. организатора размещения облигаций) на межбанковском рынке Китая, полученное китайской дочкой американского банка JPMorgan Chase. Одновременно американский Citi Bank был уполномочен осуществлять расчеты по номинированным в юанях облигациям на внутреннем рынке[5].

Представляется, что в этих условиях китайское руководство будет избегать прямого нарушения экономических санкций, введенных против России. Тем не менее, у российских компаний сохраняются широкие возможности для реализации имеющегося потенциала инвестиционного сотрудничества с Китаем.

---

[1] У Фэй Взгляд с той стороны: как России привлечь китайские инвестиции. – http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/348085-vzglyad-s-toy-storony-kak-rossii-privlech-kitayskie-investicii

[2] Китайцы до «Полюса» не дошли. – https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/16/ 5a5c6d839a7947152d240816

[3] Китайские перспективы: как мнение о российском рынке влияет на инвестиционные стратегии Китая / ООО «Эрнст энд Янг». 2015. – http://www.ey.com/ru/ru/services/ strategic-growth-markets/ey-perspectives-from-china-survey-overview

[4] РУСАЛ определил цену размещения первого транша облигаций, номинированных в юанях (panda bonds). – http://www.rusal.ru/press-center/press-releases/17011/

[5] New China bond licences raise more questions // Asia Money, 2017. – February 10. – https://www.euromoney.com/article/b12khpkzst7yfm/new-china-bond-licences-raise-more-questions

Устинова О.Е.
к.э.н., доцент, Московская академия Следственного комитета РФ
olga.e.ustinova@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: инновационное развитие, конкурентоспособность, конкурентные преимущества, интеллектуальный капитал, эффективность.*

В сложных экономических условиях рыночная ориентация российской экономики обусловливает изменение во взглядах на управление хозяйствующими субъектами и предопределяет необходимость в разработке новых подходов к управлению конкурентоспособностью. Среди основных факторов, характеризующих конкурентные позиции любой организации, отрасли и страны в целом, целесообразно выделить качество управления, эффективность финансовой системы, состояние и развитие интеллектуального капитала, открытость и восприимчивость к инновациям. Компании, принимающие участие в конкурентной борьбе, отчасти реализуют глобальную стратегию развития национальной экономики, при этом государство предоставляет важнейшие ориентиры для их деятельности. Важно отметить, что необходимые конкурентные условия обеспечиваются государством посредством совершенствования антимонопольного законодательства, регулирующего отношения в этой области. Однако создание условий для внутренней конкуренции предполагает также использование в стратегии отечественных компаний не только методов ценовой конкуренции, но и применение современных технологий, достижение более высокого качества продукции и услуг, а также формирование, развитие и эффективное использование интеллектуального капитала. В данной работе анализируются основные объемные показатели по группам объектов интеллектуальной собственности, их использование в региональном аспекте, рассматривается динамика инновационной активности организаций, приводится анализ уровня концентрации малых и средних предприятий по видам экономической деятельности.

Важнейшим фактором, способствующим повышению конкурентоспособности российских компаний является инновационное развитие, предполагающее выстраивание взаимосвязей научно-технической, производственной, финансовой, социальной деятельности. Применительно к российским компаниям важно подчеркнуть не только необходимость выбора тех или иных направлений инновационного развития, но и необходимость осмысления концептуальных и методических подходов к измерению влияния инновационных разработок и продуктов на их конкурентоспособность. Практика показывает, что независимо от того, какую позицию изначально занимал хозяйствующий субъект, какой долей рынка он владеет, представителем крупного, среднего или малого бизнеса он является, какова его организационно-правовая форма и т.д., внедренная инновация способна привести к значительному увеличению прибыли. Отсюда следует, что на современном этапе развития рыночных отношений в России одним из основополагающих факторов конкурентоспособности как отраслей, так и компаний, становится инновационная составляющая, предопределяющая их развитие. Вместе с тем, в условиях глобализации, охватывающей новые сферы деятельности, российским организациям приходится активнее соперничать с зарубежными компаниями, имеющими определенные преимущества, в том числе по техническому уровню и качеству продукции. Свидетельством того, что страны с ограниченными природными ресурсами и небольшой территорией по отдельным показателям являются лидерами и занимают ведущие позиции, являются опубликованные международные рейтинги и статистический данные. Так, показатель ВВП (в млрд. долларах США) за 2016 год составил[1]: первое место США – 17 947, второе КНР – 10 983, третье Япония – 4123, четвертое Германия – 2849, Россия занимает 12-е место (1326). По показателю ВВП на душу населения США находится на 5-м месте (57220), после Люксембурга, Швейцарии, Норвегии и Катара, а Россия лишь на 66-м (7742). Ситуация в России в условиях экономического кризиса и действующих санкций требует пристального внимания к развитию интеллектуального потенциала и обеспечению его эффективного использования, так как он становится ключевым источником экономического роста, а его масштаб и качество в значительной и возрастающей степени обусловливает основные параметры инновационного развития.

Официальные сведения Федеральной службы государственной статистики РФ об инновационной деятельности организаций[2] свидетельствуют об увеличении доли инновационных товаров, работ, услуг в общем произведенном объеме (8,4% по данным 2015 г.). При этом у организаций сферы услуг доля инновационной составляющей выше (12,9%) чем у предприятий промышленного производства (7,9%). По данным федеральной службы интеллектуальной собственности динамика объемных показателей по товарным знакам в 2016 году по отношению к 2014 г, составляет

[1] Сайт Министерства экономического развития. Россия в международных рейтингах. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/bizinmprove/rankings

[2] Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

прирост 30%. Наряду с этим, динамика объемных показателей по изобретениям и полезным моделям имеет отрицательное значение (табл. 1), исключение составляют промышленные образцы[1].

Таблица 1

Динамика объемных показателей по группам объектов интеллектуальной собственности за 2014–2016 гг.

Наименование групп объектов интеллектуальной собственности	2014 г.	2015 г.	2016г.	2014 г. / 2016 г.
Товарные знаки	42 328	43 067	55 215	+30%
Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем	15 148	15 691	15 858	+5%
Изобретения	33 950	34 706	33 536	–1%
Полезные модели	13 080	9 008	8875	–32%
Промышленные образцы	3742	5459	4455	+19%

Динамика использования объектов интеллектуальной собственности в разрезе федеральных округов РФ за 2016 год показывает, что не все регионы достигают средних значений. При этом лидерами являются Центральный и Приволжский с показателями 43,2 и 25,7% по всем видам используемой интеллектуальной собственности. Менее всего таких объектов применяется в Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах (3,0%, 0,8, 0,9% соответственно). Текущее состояние требует более глубокого анализа выявления причин неравномерного распространения и использования объектов интеллектуальной собственности в региональном аспекте. Среди общих черт, характерных для современного этапа развития, следует отметить отсутствие эффективно-функционирующих инновационных центров в большинстве регионов РФ, нехватку финансирования инновационных проектов, недостаточность контроля при реализации государственных программ, направленных на инновационное развитие. Так, например, по данным Счетной палаты РФ в отношении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» за 2016 год по тринадцати целевым показателям (индикаторам) из девятнадцати не предусмотрены плановые значения, вследствие чего отсутствует возможность проверки степени достижения целей и решения поставленных задач. Более того, анализ выполнения целевых показателей этой же госпрограммы показывает, в частности, что индикатор «Инновационная активность промышленного производства» составляет лишь 10% вместо запланированных 50%. Одной из причин, оказавших негативное влияние, можно считать низкие темпы восстановления промышленности вследствие экономического кризиса. Мнение Счетной палаты РФ об эффективности этой госпрограммы сформулировано как «ниже среднего»[2].

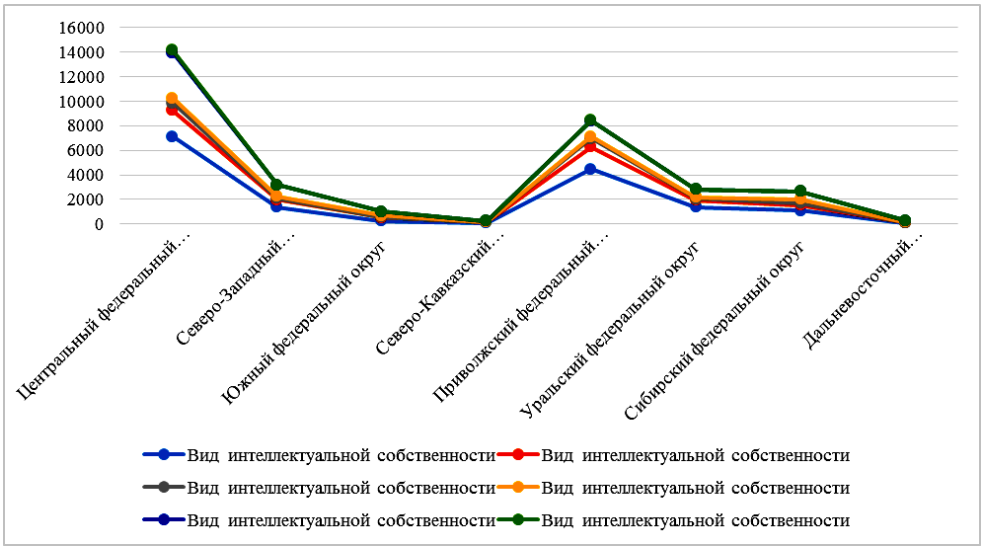


Рисунок 1. Динамика использования объектов интеллектуальной собственности по субъектам Российской Федерации за 2016 год

Уровень выполнения показателей другой государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» составляет 70,8%, при том, что бюджетные ассигнования в 2016 году были увеличены. По подпрограмме «Инвестиционный климат» целевые показатели выполнены на 60%, «Развитие среднего и малого предпринимательства» на 75%, «Стимулирование инноваций» на 75%. При этом особого внимания заслуживает госпрограмма «Развитие науки и технологий». По оценке Минэкономразвития, степень ее эффективности составляет 80,5%, что определяется как «ниже среднего». Счетной палатой РФ также отмечается отсутствие установленных плановых зна-

[1] Сайт Федеральной службы интеллектуальной собственности. [- http://www.rupto.ru/about/stat/otchet_rp_2016.pdf

[2] Сайт Счетной палаты РФ. – http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/

чений по двадцати показателям из двадцати восьми, в том числе по таким подпрограммам как: «Развитие сектора прикладных научных исследований и разработок», «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора», «Развитие межотраслевой инфраструктуры сектора исследований и разработок». Результаты исполнения бюджета по рассмотренным госпрограммам отчасти характеризуют динамику использования объектов интеллектуальной собственности на территории Российской Федерации (рис. 1).

Анализ инновационной активности организаций в целом показывает ее рост к 2016 г. по сравнению с 2010 г. на 56,6%. Тем не менее, ее динамика по видам экономической деятельности характеризуется крайне полярными значениями. Так, наибольший удельный вес, безусловно, приходится на научные исследования и разработки (34,6%), далее обрабатывающие производства – 15%, связь – 13,7%. По данным официальной статистики[1] отсутствуют показатели, отражающие инновационную активность по монтажу, устройству покрытий зданий и сооружений (рис. 2), низкие значения в сельском хозяйстве (4,7%), а также при предоставлении прочих видов услуг (3%). Незначительный рост наблюдается в 2015 и 2016 гг. в производстве прочих строительных работ 1,5 и 2,2% соответственно.

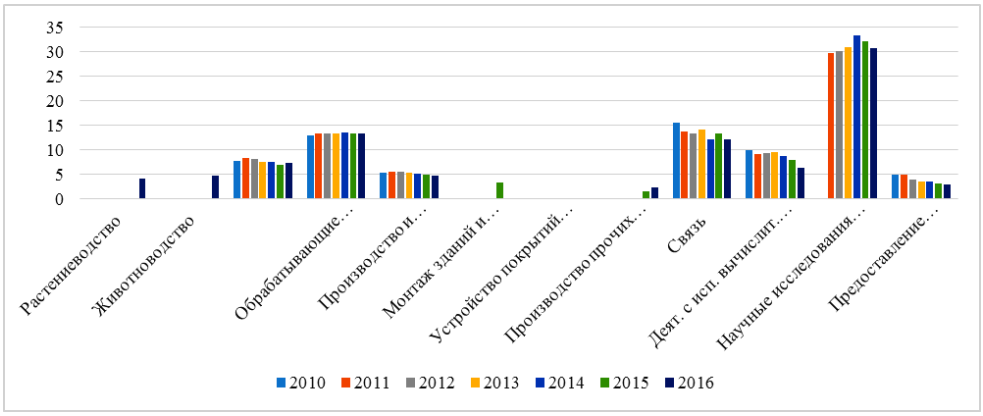


Рисунок 2.
Динамика инновационной активности организаций по видам экономической деятельности

Среди вышеперечисленных видов экономической деятельности особого внимания заслуживает анализ инновационной активности организаций по обрабатывающим производствам. Самые высокие позиции приходятся на производство кокса и нефтепродуктов (11,0%), химическое производство (12,4%), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (рис. 3). Однако прослеживается резкое снижение инновационной активности с 2010 г. к 2016 г. по первому из указанных видов деятельности на 27%. Также следует отметить и ее общее сокращение на 5,3% по всем обрабатывающим производствам.

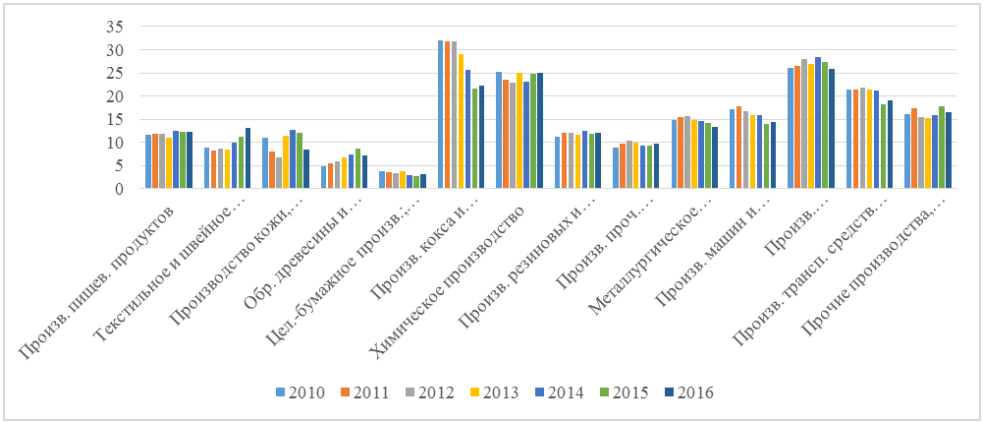


Рисунок 3.
Динамика инновационной активности организаций по обрабатывающим производствам

Таким образом, для стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов требуется формирование и развитие соответствующей инфраструктуры по всей территории РФ, включающей информационное и консультационное обеспечение, доступ к современным технологиям и т.п.

[1] Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

В зависимости от осуществляемой экономической деятельности ниже представлен анализ показателя, рассчитанного как отношение количества средних и малых предприятий к общей численности рабочей силы за 2015 год и характеризующего уровень их концентрации в каждом из видов (рис. 4). При этом наивысшее его значение наблюдается в сферах деятельности, связанных с недвижимым имуществом (4,84), оптовой и розничной торговлей (3,86), предоставлением услуг гостиниц и ресторанов (2,74). Низкие показатели отмечаются в деятельности по добыче полезных ископаемых (0,36), в образовании (0,61), при производстве и распределении электроэнергии, газа, воды (0,48), в сельском хозяйстве (0,63).

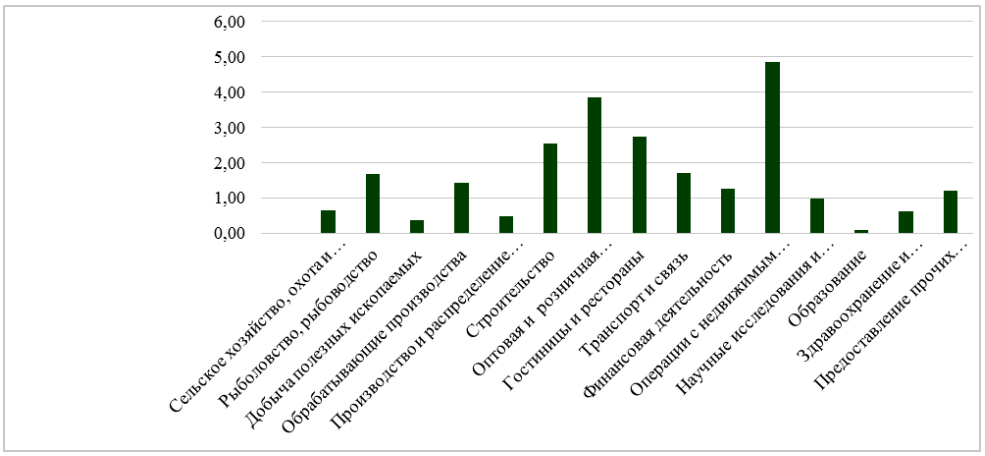


Рисунок 4.
Уровень концентрации малых и средний компаний в разрезе видов экономической деятельности

Управление конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта целесообразно рассматривать как процесс формирования и поддержания конкурентных преимуществ и одновременно устранения уязвимых позиций. С точки зрения стратегического менеджмента оно ориентировано на формирование конкурентных преимуществ и рыночное позиционирование, опирающееся на эффективное использование и развитие интеллектуального капитала. При этом видимыми результатами этого могут стать повышение потребительской ценности продукта, снижение издержек производства, уменьшение стоимости продукта, улучшение качества продукта и обретение им уникальных свойств, а невидимыми – повышение престижа и статуса продукта, формирование позитивного имиджа хозяйствующего субъекта в целом. Важно подчеркнуть, что потребитель замечает эти проявления, не осознавая самого содержания технологических и организационных, управленческих процессов и других невидимых факторов.

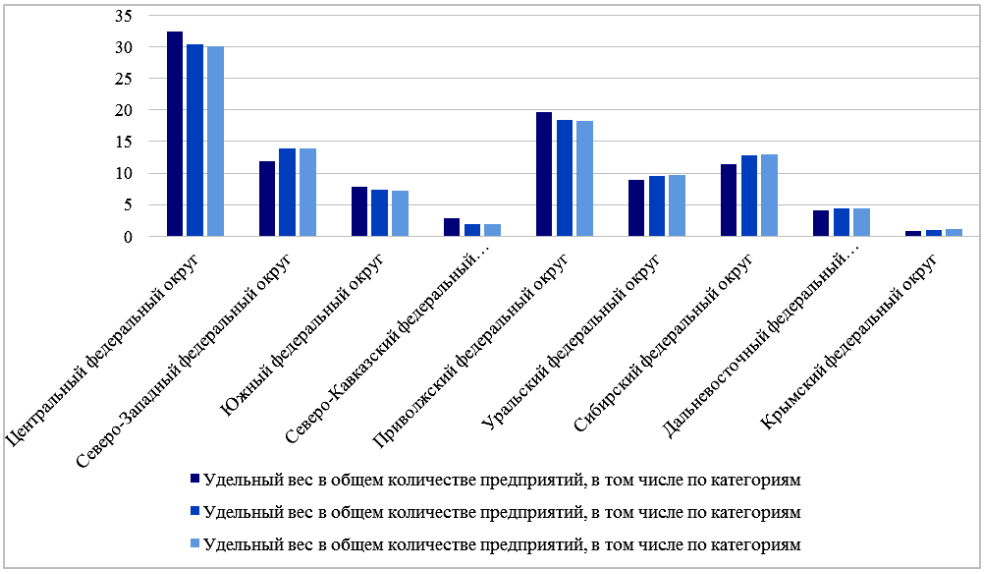


Рисунок 5.
Удельный вес средних и малых предприятий в общем количестве функционирующих компаний в разрезе федеральных округов РФ в 2015 г.

Анализируя условия конкурентной среды, нельзя не отметить важнейшую роль маркетинговой составляющей в управлении конкурентоспособностью организации. В этой связи интеллектуальный капитал выступает как составной компонент маркетинговой стратегии организации, в части управления ее нематериальными активами. Следует также обратить внимание на влияние факторов внешней среды прямого и косвенного воздействия. К первому стоит отнести появление новых технологий, конкурентов, поставщиков, потребителей, посредников. Косвенное влияние проявляется посредством стратегического предвидения, использования инновационного и интеллектуального потенциала и т.п. Таким образом, при создании условий формирования, эффективного использования и развития интеллектуального капитала хозяйствующие субъекты способны наращивать конкурентные преимущества и занимать лидирующие позиции на рынке.

Результаты анализа функционирующих на территории Российской Федерации средних и малых предприятий свидетельствуют об их неравномерном рассредоточении по федеральным округам РФ (рис. 5) и их большой концентрации в Центральном (30%) и Приволжском (18%) регионах. Невысокие показатели приходятся на Дальневосточный (4%), Северо-Кавказский (2%) и Крымский (1%). Проведенный регрессионный анализ подтверждает зависимость количества средних и малых предприятий от численности рабочей силы по субъектам Российской федерации, коэффициент детерминации составляет 0,958 или 95,8%. Вместе с тем, уровень концентрации малых и средних компаний в региональном аспекте характеризует его относительно равномерное распределение по всей территории Российской федерации (табл. 2). Лидирующие позиции занимает Северо-Западный федеральный округ, который опережает даже Центральный и Уральский регионы.

Таблица 2

Сравнительный анализ количества малых, средних предприятий и численности рабочей силы по регионам за 2015 г.

Федеральный округ Российской Федерации	Численность, чел.	Количество малых и средних предприятий	Отношение количества средних и малых предприятий к общей численности рабочей силы
Центральный федеральный округ	21 108 173	446 772	0,02
Северо-Западный федеральный округ	7 604 243	203 477	0,03
Южный федеральный округ	7 017 089	107 478	0,02
Северо-Кавказский федеральный округ	4 492 285	29 116	0,01
Приволжский федеральный округ	15 502 170	271 706	0,02
Уральский федеральный округ	6 508 716	140 444	0,02
Сибирский федеральный округ	9 815 533	188 807	0,02
Дальневосточный федеральный округ	3 376 314	65 195	0,02
Крымский федеральный округ	1 163 027	15 423	0,01

Анализ инновационной активности и уровня концентрации малых и средних предприятий в рассматриваемых аспектах позволяет судить об общей негативной тенденции инновационного развития и необходимости незамедлительного реагирования на сложившееся состояние как на уровне хозяйствующих субъектов, так и российской экономики в целом. В этой связи пристальное внимание следует уделять полноте исполнения бюджетных средств, направленных на инновационное развитие и повышение конкурентоспособности. Более того, необходимо усилить контроль на стадии рассмотрения федерального и региональных бюджетов за плановыми показателями (индикаторами), которые в дальнейшем будут характеризовать степень эффективности потраченных средств.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что современная конкурентная среда в условиях динамично развивающегося рынка обусловливает необходимость постоянного совершенствования научных подходов, методов и способов управления конкурентоспособностью. При этом роль интеллектуальной составляющей как части ресурсной базы хозяйствующих субъектов в настоящее время становится превалирующей. В этой связи в целях увеличения стоимостного потенциала компаниям следует уделять большее внимание эффективному управлению своими компетенциями и достижению устойчивых конкурентных преимуществ. Это, в свою очередь, подразумевает более результативное управление интеллектуальными ресурсами посредством аккумулирования опыта и навыков, формирования организационного знания и осуществление на его основе непрерывного обучения.

Список литературы и источников

1. Руус Й., Пайк С. Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Руус, С. Пайк, Фернстрем Л. – СПб.: Высшая Школа Менеджмента, 2010. – 436 с.
2. Сайт Министерства экономического развития. Россия в международных рейтингах. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/bizinmprove/rankings
3. Сайт Счетной палаты РФ. – http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
5. Сайт Федеральной службы интеллектуальной собственности (РОСПАТЕНТ). – http://www.rupto.ru/about/stat/otchet_rp_2016.pdf
6. Itami H. Mobilizing invisible assets. – London etc.: Harvard university press. 1991. – P. 186.
7. Stewart T.A. Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations. – N.Y.; L.: Doubleday / Currency, 1997.

Чалдаева Л.А.
д.э.н., профессор Финансового университета

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Ключевые слова: *цифровая экономика, информационное общество, принципы формирования информационного общества, бизнес-процессы, предпринимательство, приоритетные направления, риски, информационная безопасность, кадры и образование.*

Keywords: *digital economy, information society, principles of information society formation, business processes, entrepreneurship, priority directions, risks, information security, personnel and education.*

Современное состояние экономики страны характеризуется не столько предпринимательскими инициативами, сколько возможностями их реализации при формировании, в частности, информационного общества на платформе цифровой экономики. Из этого следует, что для решения поставленной задачи необходимо учитывать не только государственные интересы, но и интересы предпринимательского сообщества, а сформированная Стратегия развития информационного общества, которая нашла отражение в соответствующих документах [1; 2], также и программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], предусматривающая основные направления ее воплощения, способствуют построению вектора развития экономики в целом.

В данных документах понятие «цифровая экономика» сформулировано как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [2], а также дано определение понятия «информационное общество», опирающееся на принципы его формирования, отражающие интересы общества. Из этого следует, что «обеспечение прав граждан на доступ к информации, обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией, сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг, приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий, обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях, обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере» [2] относятся к основополагающим критериям и формирования, и функционирования информационного общества.

Поскольку построение информационного общества преследует цель последовательного воплощения в реальность бизнес-процессов и планов разнообразной конструкции и различных возможностей исполнения, то для этого необходимо мобилизовать усилия всех участников «технического, технологического и производственного процесса», направленных на использование преимуществ цифровой экономики с применением системного подхода, предполагающего прежде всего наличие бизнес-задания с последующей разработкой технического проекта и его тестирования, а также опытного испытания с последующей корректировкой программного обеспечения и внедрения в эксплуатацию. В данном случае положительная оценка возможностей цифровой экономики определяется ее возможностями и воздействием на процессы, происходящие в экономической системе.

Однако развитием цифровой экономики могут быть спровоцированы и негативные последствия. В частности, сокращение штатного состава организаций, что повлечет за собой увольнение персонала или необходимость организации его переподготовки и повышения квалификации, а также потребность в специалистах новой формации, что ляжет дополнительной нагрузкой на образовательные учреждения в подготовке специалистов, способных активно адаптироваться к новым возможностям цифровой экономики с последующим вовлечением в производственный процесс.

Вместе с развитием возможностей цифровой экономики может наступить абсолютная невостребованность обширного класса специалистов, подготовка которых будет полностью прекращена или сведена до минимума, что повлечет за собой усиление риска социальной напряжённости в обществе. Кроме того, в процессе «внедрения цифровых технологий» сотрудники будут испытывать нагрузку, многократно превышающую нормы эффективной организации выполнения операций производственных процессов. Причем данная ситуация вполне вероятно возникнет тогда, когда внедрение методов цифровой экономики будет находиться в решающей стадии освоения, а к завершению этого процесса трудозанятость персонала резко упадет и они полностью или частично окажутся невостребованными. Очевидно, необходимость решения таких задач, как обеспечение роста микро- и макропоказателей, производительности труда и занятости населения на основе новых знаний, навыков и умений приобретает статус первой необходимости. Отсюда возникает необходимость не только подготовки и разработки программы, но и внедрения IT- технологий.

Далее последует период их эксплуатации, и потребуются специалисты по предупреждению и ликвидации угроз информационной безопасности, формированию многопользовательского контента, сопровождению программного

обеспечения, обновлению программ, разработке новых и запуску их в производство с последующим использованием. Также сформируется необходимость в разработке программ по предупреждению кризисных ситуаций.

В основополагающих документах на предстоящую перспективу нашли отражение такие направления развития цифровой экономики, как нормативное регулирование процесса, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, информационная инфраструктура и обеспечение безопасности. В каждом из них сформулированы задачи с предполагаемыми вариантами развития событий и вариантами решений.

Представленные направления развития цифровой экономики наполнены соответствующим содержанием и необходимым сопровождением. Так, выполняя предписания направления «Нормативное регулирование процесса», следует решить такие задачи, которые формируют условия для мониторинга и совершенствования правового регулирования цифровой экономики, способствуя появлению новых идей и таким образом стимулируя развитие данной сферы приложения труда. Кроме того, необходимо создать центры методического обеспечения с компетентностной направленностью, как структурного звена системы подготовки кадров, связанного с надзором за функционирования цифровой экономики в нормативно-правовом пространстве.

В программе развития цифровой экономики особое место занимает такое направление как кадры и образование, которое предполагает создание модели профессиональной подготовки, а далее ее апробацию с последующей корректировкой, способствующей эффективному взаимодействию всех участников процесса – общества, бизнес-сообщества, рынка труда и образования в условиях цифровой экономики, которое закладывает основу ее развития и формирования информационного общества.

Особенность сложившейся ситуации заключается в том, что задачи поставлены для разного уровня образования и прежде всего, для системы в целом на основе модели компетенций, устанавливающей базовые требования к овладению знаниями, навыками и умениями в области цифровой экономики для каждого уровня образования, обеспечивая их преемственность. Так, система общего образования призвана способствовать формированию интереса и осознания необходимости в подготовке гражданского общества к организации жизнедеятельности в условиях цифровой экономики, в то время как системе профессионального образования следует сосредоточиться на подготовке квалифицированных специалистов, обладающих навыками, необходимыми для созидательной деятельности в условиях цифровой экономики, а системе дополнительного образования в интересах подготовки компетентных специалистов сосредоточиться на повышении их квалификации на основе новшеств и передовых достижений в применении цифровой экономики в различных сферах деятельности. Иллюстрацией настоящих и предполагаемых результатов от использования возможностей цифровой экономики по направлению кадры и образование являются сведения, характеризующие удельный вес в государственной итоговой аттестации выпускников в форме ЕГЭ цифровых информационных технологий (рис. 1). Представленные данные наглядно демонстрируют современное состояние аттестации учащихся с использованием цифровой экономики практически с нулевым результатом, и лишь только с 2020 года прогнозируется существенный рост данного процесса, в то время как учащиеся в настоящее время активно используют возможности цифровой экономики для развлечения, а не для получения фундаментальных знаний.

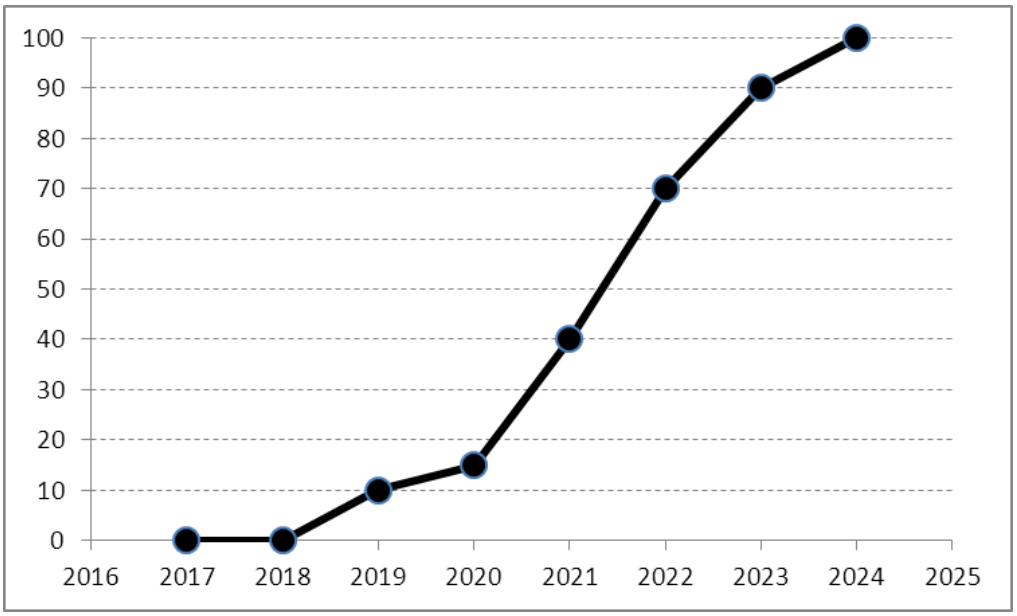


Рисунок 1.
Удельный вес цифровых информационных технологий, используемых в государственной итоговой аттестации

Внедрение цифровой экономики в реальный сектор экономики будет способствовать формированию технических и технологических компетенций, которые потребуют создания центров, обеспечивающих экспертную поддержку исследований и разработок, а также их коммерциализации.

Таким образом, практика становления "цифровой экономики" свидетельствует о том, что ее влияние на экономические процессы многогранно, это влияние носит устойчивый характер, пронизывая все области функционирования и жизнедеятельности общества, государства и населения.

Список литературы и источников

1. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 30.10.2017).
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».
4. Чалдаева Л.А. Риски современного предпринимательства: характерные особенности и практика эффективного управления. Развитие предпринимательства и бизнеса в современных условиях: методология и организация. Монография / Под общ. ред. ректора Финансового университета, д.э.н., профессора М.А. Эскиндарова. – М., Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^{0}», 2017. – 466 с.
5. Словарь финансово-экономических терминов / Под общ. ред. М.А. Эскиндарова. 3 изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^{0}», 2018. – 1168 с.

Черкасова О.В.
к.э.н., с.н.с. ФНЦ аграрной экономики и социального развития сельских территорий – ВНИИЭСХ
ok_kamen@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ

***Ключевые слова**: сельское хозяйство, аграрная политика Китая.*

Вследствие роста спроса на продовольствие со стороны растущего населения и несмотря на ежегодно растущие показатели производства сельскохозяйственной продукции Китай превратился в крупнейшего нетто-импортера сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В связи с этим в современных условиях аграрная политика Китая направлена, прежде всего, на достижение следующих основных целей – удовлетворение спроса на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие преимущественно внутреннего производства, поддержание доходов сельхозтоваропроизводителей и развитие сельской местности. На протяжении периода перехода Китая от плановой к рыночно-ориентированной экономике особую озабоченность у правительства в сельскохозяйственной отрасли вызывали вопросы обеспечения продовольственной безопасности, в частности, самообеспечение зерном, обеспечение доходности сельхозпроизводителей, а также социальная стабильность в связи с необходимостью удовлетворения потребностей в продовольствии огромного населения страны.

В ближайшем будущем Китай ожидает рост темпов индустриализации и урбанизации, развитие рыночно ориентированной экономики, все большая вовлеченность в международное сотрудничество. От состояния сельского хозяйства будет в значительной степени зависеть скорость социально-экономического развития страны. Решение проблем сельского хозяйства, села и крестьянства остается приоритетной задачей. Сельское хозяйство по-прежнему будет основой экономики, и страна намерена идти по пути его модернизации, создавая долгосрочный механизм интеграции города и деревни.

Усиление протекционизма в аграрной сфере развитых стран с одной стороны обеспечило надежную защиту производителей в сельском хозяйстве, а с другой – вызвало нарастание негативных явлений на мировом продовольственном рынке. Вместе с тем, ряд развивающихся государств и, прежде всего, Китай рассматривает усиление роли государства в аграрной сфере как наиболее перспективное направление аграрной политики, чтобы за счет действенных административно-экономических рычагов обеспечивать национальную продовольственную безопасность и поддерживать высокий экспортный потенциал продукции АПК.

Успешное реформирование сельского хозяйства и сельских территорий в рамках общих экономических преобразований в Китае за 40 лет реформ (1978–2017 гг.) превратили страну в мирового лидера по объему производства основных видов сельскохозяйственной продукции – зерна, масла, овощей, фруктов, мяса, яиц, рыбы и морепродуктов (табл. 1). С момента начала рыночных преобразований в Китае система государственного регулирования сельского хозяйства претерпевала существенные изменения в направлении расширения использования косвенных экономических инструментов финансово-бюджетной, кредитной, ценовой, налоговой и внешнеторговой политики. За годы экономических реформ Китаю удалось достичь высоких показателей производства основных видов сельскохозяйственной продукции на фоне изменяющейся структуры сельскохозяйственного производства в сторону наращивания производства кормовых культур, продукции животноводства, овощеводства, плодоводства.

Таблица 1

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в Китае в 2010–2015 гг.

Вид продукции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Зерновые, млн. тонн	496,4	519,4	539,3	552,7	557,4	572,3
Пшеница, млн. тонн	115,2	117,4	121,0	121,9	126,2	130,2
Рис, млн. тонн	195,8	201,0	204,3	203,6	206,5	208,2
Кукуруза, млн. тонн	177,4	192,8	208,1	218,5	215,6	224,6
Мясо в целом, млн. т	79,3	79,6	83,9	85,4	87,1	86,3
Мясо КРС, млн. тонн	6,5	6,5	6,6	6,7	6,9	7
Свинина, млн. тонн	50,7	50,5	53,4	54,9	56,7	59,4
Мясо птицы, млн. тонн	11,6	12	12,6	12,8	13	13
Молоко, млн. тонн	37,5	38,1	38,8	36,5	37,2	37,5
Фрукты, млн. тонн	214	228	241	251	261	274
Сахар, млн. тонн	11,4	12,5	14,2	14,3	13,3	11
Аквапродукция, млн. т	53,7	56	59	62	65	67

Источник: China Statistical Yearbook 2017.

Несмотря на снижение доли сельскохозяйственной продукции в ВВП с 28% в 1978 г. до 9% в 2015 г., положение этой отрасли в качестве базовой в экономике КНР и главного поставщика сырья для легкой промышленности сохранилось. Имея в своем распоряжении всего 9% мировых пашен, сельское хозяйство Китая не только удовлетворяет основные потребности пятой части населения планеты (1,4 млрд. чел.) в продовольствии и других сельскохозяйственных продуктах, но и обеспечивает сырьем, рабочей силой и обширным потребительским рынком другие отрасли экономики. Вместе с тем, вследствие роста спроса на продовольствие из-за растущей численности населения и увеличения доли среднего класса с высокими показателями потребления, Китай стал крупнейшим нетто-импортером сельскохозяйственной продукции.

На фоне замедления темпов экономического роста китайской экономики статус сельского хозяйства как приоритетной отрасли не изменился.

Сельское хозяйство страны по-прежнему развивается в соответствии с пятилетними и ежегодными планами социально-экономического развития, которые устанавливает Госсовет КНР (Центральное народное правительство) – высший исполнительный орган Китая на основе законов и постановлений, разработанных Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП).

Программа реформ, связанных с сельским хозяйством, сельскими районами и крестьянством детально прописана в Документе номер 1 – важнейшем политическом документе, публикуемом в начале каждого года Центральным комитетом Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) и Госсоветом КНР.

Основные задачи в области развития сельского хозяйства Китая на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.):

– Регулировать процесс урбанизации, влияющий на внутренний спрос. Для этого необходимо ускорить процесс перевода мигрирующего сельского населения в состав городского, в частности, путем смягчения ограничений при оформлении прописки в городах и поселках, а также улучшению доступа к государственным услугам в сфере образования, трудоустройства, медобслуживания по месту фактического проживания.

– Стимулировать рост фермерских доходов.

– Ускорять регулирование структуры сельского хозяйства. Непрерывный рост производства зерна создал надежные гарантии для стабилизации цен и улучшения народного благосостояния, однако в результате образования высоких запасов зерна рыночные цены на него снизились. Поэтому следует корректировать структуру растениеводства и животноводства, распределять площади между различными видами зерновых с учетом внутренних потребностей и рыночного спроса. Также необходимо решать проблему излишков продовольственных резервов, поддерживать глубокую переработку сельхозпродукции.

– Регулировать вопросы землепользования и охраны земель сельхозназначения. С этой целью разработать проект восстановления лесных и степных покровов на нецелесообразно распаханных землях.

– Совершенствовать политику поддержки семейных ферм, крупных специализированных хозяйств, крестьянских кооперативов и других новых типов хозяйствующих субъектов.

– Внедрять научно-технические инновации в сельское хозяйство.

– Обеспечить госбюджетные вложения в сельское хозяйство, создать всекитайскую систему гарантий по сельскохозяйственным кредитам, совершенствовать систему аграрного страхования и сельские финансовые услуги, что привлечет еще больше инвестиций в модернизацию аграрного сектора.

– Улучшать коммунальную инфраструктуру и предоставление государственных услуг на селе, включая прокладку дорог, водо- и электроснабжение.

– Осуществлять программу интенсивной ликвидации бедности и помощи малоимущим сельским жителям.

Основные направления современной аграрной политики Китая

Продовольственная безопасность

Обеспечение продовольствием является одной из приоритетных задач китайского правительства. С 1980-х гг. Китай принял ряд мер для развития производства продовольствия и постепенно создал систему продовольственной безопасности, соответствующую законам рыночной экономики. Китай планирует поддерживать стабильное развитие производства зерновых и повышать продовольственную безопасность путем повышения производительности труда в основных сельскохозяйственных регионах, увеличения урожайности и качества зерновых. Уровень самообеспечения продовольствием должен достигнуть 95% и более. К 2020 г. планируется производить не менее 540 млн. тонн зерна. Правительство каждой провинции страны несет ответственность за поставки продовольствия, обеспечение посевных площадей, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, увеличение запасов продовольствия, за поддержание баланса между предложением и спросом и за цены на зерновые. Государственная поддержка производителей зерна включает дотации производителям из центрального бюджета; субсидирование и премирование уездов, получающих большие урожаи.

С момента вступления Китая в ВТО в деле обеспечения продовольственной безопасности были достигнуты значительные результаты. Прежде всего, это колоссальное сокращение бедного населения и ужесточение мониторинга качества продуктов питания в целях улучшения здоровья и безопасности граждан.

Анализ показателей продовольственной независимости показывает, что собственным производством в стране полностью покрывается спрос на зерно и мясную продукцию. Важным направлением обеспечения продовольственной

безопасности являются мероприятия и реформы, направленные на сохранение сельхозугодий внутри Китая. Чтобы обезопасить государство от угроз, вызванных ростом цен на продовольствие на мировом рынке, КНР активно использует политику аренды пахотных земель в других государствах, направляя потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на приобретение крупнейших агрохолдингов мира, что является наиболее значительным и перспективным направлением обеспечения продовольственной безопасности страны.

Охрана пахотных земель

В соответствии с государственной задачей к 2020 г. общая площадь пахотных земель не должна быть ниже, чем 120 млн. га. В связи с дефицитом пахотных земель Китай рассматривает охрану пашен как одну из основ государственной политики. В Конституции КНР, «Законе о землеустройстве», «Законе о земельном подряде в сельской местности», «Положении об охране сельских полей» и других документах четко прописаны требования об охране пахотных земель. Кроме того, ведется работа по повышению качества пахотных земель. Государство поощряет крестьян и сельские кооперативы вкладывать средства в увеличение плодородности земель.

Повышение производительности сельского хозяйства

Предполагается дальнейшее внедрение передовых научных достижений и инновационных технологий, ускоренное развитие общегосударственной научной базы сельского хозяйства и региональных исследовательских центров, содействие разработкам в области производства кормов, предотвращения и локализации эпизоотий, экономного использования ресурсов, контроля загрязнения окружающей среды и т.д. Также планируется увеличить выращивание элитных культур, таких как высококачественный гибридный рис, сделать более эффективными использование и охрану генетических ресурсов.

Реструктуризация сельского хозяйства

В результате оптимизации структуры сельскохозяйственного производства доля животноводства должна составить 50% общего объема производства сельскохозяйственной продукции. Ожидается дальнейшее развитие взаимодействия сельскохозяйственных отраслей с промышленным сектором и сферой обслуживания. Постепенно оптимизируется структура занятости в сельских районах. Численность рабочих на сельских предприятиях каждый год увеличивается более чем на 2,5 млн. человек и еще около 5 млн. крестьян ежегодно пополняют ряды рабочих-мигрантов.

Совершенствование торговли сельскохозяйственной продукцией

Предполагается строительство и совершенствование оптовых сельскохозяйственных рынков, развитие системы классификации сельхозпродукции в зависимости от качества, а также стандартизация упаковки. Будет продолжаться работа над проектом «Сельский рынок». Предполагается дальнейшее развитие сети кооперативов по снабжению и сбыту, а также продвижение городской торговой сети в сельские районы.

Увеличение доходов крестьян

Следует развивать производство продукции с высокой добавленной стоимостью, расширять горизонтальные производственные связи и вертикальную интеграцию в целях увеличения доходности сельского хозяйства. Способствовать переоснащению и реструктуризации поселковых предприятий; поддерживать экономическое развитие уездов и направлять избыточную рабочую силу в другие отрасли экономики и в города, что должно привести к росту несельскохозяйственных доходов крестьян.

Социальное обеспечение сельских районов

Планируется продолжать развитие инфраструктуры в сельских районах, проводить мероприятия по защите окружающей среды и поддержанию благоприятной экологической обстановки, развивать здравоохранение и социальное обеспечение на селе.

Аграрное образование

Стимулирование дальнейшего распространения обязательного общего образования и улучшение условий обучения в сельской местности; расширение системы дополнительного образования, направленной на повышение профессиональной подготовки крестьян. Будет внедряться программа обучения рабочих-мигрантов, которая позволит им приобрести навыки, необходимые для работы в несельскохозяйственных сферах, а также программы обучения конкретным навыкам сельскохозяйственного производства, строительства, управления и т.д.

Увеличение инвестиций в сельское хозяйство и сельские районы

Среди приоритетов выделяется развитие сельской инфраструктуры за счет средств центрального и местных бюджетов. Предполагается реформирование управления средствами для сельского хозяйства, объединение и повыше-

ние эффективности вложений, привлечение финансовых организаций и частных инвесторов для развития микрокредитования и социальной сферы.

Развитие принципа открытости сельского хозяйства

Китай намерен придерживаться политики открытости на основе взаимовыгодного сотрудничества с другими странами и международными организациями с целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства, увеличения доходов крестьян и роста конкурентоспособности китайской продукции на мировом рынке, а также модернизации сельского хозяйства. Это предполагает, во-первых, расширение международного обмена и сотрудничества в сфере производства зерновых, выполнение положений «Декларации тысячелетия», предоставление помощи ряду развивающихся стран в обеспечении продовольственной безопасности в рамках сотрудничества юг-юг и программы ФАО «Продовольственная безопасность», что подразумевает их ознакомление с новыми технологиями и обучение специалистов в китайских учебных заведениях. Во-вторых, поощрение торговли сельскохозяйственной продукцией. Китай продолжит работу над повышением качества и безопасности сельхозпродукции, будет строго выполнять обязанности члена ВТО и предлагать безопасные сельскохозяйственные продукты для потребителей внутри страны и за рубежом. В-третьих, участие в двустороннем и многостороннем межправительственном сотрудничестве в сфере сельского хозяйства. Обмен визитами высокопоставленных чиновников, участие в работе совместных комитетов будут способствовать дальнейшему развитию научной, экономической и кадровой кооперации.

Заключение

В ближайшем будущем Китай ожидает рост темпов индустриализации и урбанизации, развитие рыночно-ориентированной экономики, все большая вовлеченность в международное сотрудничество. От состояния сельского хозяйства будет в значительной степени зависеть скорость социально-экономического развития Китая. Решение проблем сельского хозяйства, села и крестьянства останется приоритетной задачей. Сельское хозяйство по-прежнему будет основой экономики, и страна намерена идти по пути его модернизации, создавая долгосрочный механизм интеграции города и деревни по принципу «Промышленность поддерживает сельское хозяйство, город помогает селу».

Опыт обеспечения Китаем продовольственной безопасности 1,4 млрд. человек, что составляет 19% от мирового населения, обладая всего 11% сельскохозяйственных земель, представляет интерес для стран Евразийского региона. Китай является одним из наиболее крупнейших производителей (19% от мирового объема производства зерна, 29% мяса, 50% овощей) и импортеров сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

Перед странами Евразийского региона и Китаем стоит ряд схожих проблем на пути дальнейшего развития сельского хозяйства, наиболее важными из которых являются повышение эффективности и конкурентоспособности отрасли, улучшение благосостояния сельских жителей и развитие сельских территорий, расширение рынков сбыта и стимулирование экспорта.

Таким образом, странам Евразийского региона можно рекомендовать использовать положительный опыт китайской аграрной политики, заключающийся в эффективной деятельности сельских кредитных, снабженческо-сбытовых кооперативов и предприятий частно-государственного партнерства, благодаря которым получили развитие подсобные производства и отрасли в сельской местности, агротуризм, народные промыслы, переработка дикорастущего сырья, производство стройматериалов и сельское строительство, а также уникальный опыт по экспансии прямых иностранных инвестиций Китая в сельскохозяйственное производство зарубежных стран.

Такие направления аграрной политики, показавшие свою эффективность в КНР, как совершенствование налогообложения, льготное кредитование, страхование и субсидирование сельхозтоваропроизводителей, внешнеторговая политика, учитывающая интересы китайских производителей, можно рекомендовать для использования в странах Евразийского региона.

Список литературы

1. Гусева Е.С. Перспективы обеспечения продовольственной безопасности в условиях снижения ресурсообеспеченности аграрного сектора Китая // Агро XXI. 2015. – №1–3. – С. 5–6.
2. Гусева Е.С. Экспансия иностранных инвестиций в аграрный сектор регионов мира как направление аграрной политики Китая // Инновационные технологии в экономике и менеджменте. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Хабаровск: Эвенсис, 2016. – С. 77–81.
3. Основные направления политики Китая в области сельского хозяйства / Министерство сельского хозяйства Китая. 2013-03-04. – http://russian.agri.gov.cn/nygk/201303/t20130304_10868.htm
4. Папцов А.Г. Агропродовольственный сектор Китая: современные векторы развития // Аграрная политика России в условиях международной и региональной интеграции». Труды Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. 2015. – С. 234–241.
5. Сяоюй Л. Стимул роста торговли / Л. Сяоюй, Ч. Яту // Китай. 2016. – № 8. (130). – С. 36–37.
6. Черкасова О.В. Государственное регулирование сельского хозяйства Китая: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук (08.00.14). – М.: ВНИИЭСХ, 2009. – 26 с.
7. Черкасова О.В. Потенциал аграрной сферы стран БРИКС // АПК: экономика, управление. 2016. – № 2. – С. 81–86.
8. China Statistical Yearbook 2017.
9. OECD Economic Surveys: China. 2015. – 54 p.

Чинаева Т.И.
к.э.н., доцент Финансового университета

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: цифровая экономика, ВВП, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ.*
Keywords*: digital economy, GDP, information and telecommunication technologies, ICT.*

Во многих странах мира разработаны стратегии перехода к цифровой экономике, нацеленные на расширенное внедрение передовых Интернет-технологий. Правительством страны 28 июля 2017 г. также была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой были выделены пять основных направлений развития цифрового общества: инфраструктура; информационная безопасность; кадры и образование; нормативное регулирование, исследования и разработки.

В настоящее время базовой причиной расширения цифрового сегмента экономики является рост трансакционного сектора, который в развитых странах составляет свыше 70% национального ВВП[1]. Статистические данные также свидетельствуют о возрастающем удельном весе цифровой экономики в ВВП многих стран.

В России удельный вес цифровой экономики в ВВП по оценкам Boston consulting group[2] в 2016 г. был зафиксирован на уровне 2%, в то время как в Великобритании значение показателя составило 12,4%, Южной Корее – 8%, Китае – 6,9%, США – 5,4%. Основном фактором роста цифровой экономики России, по мнению авторов отчета, является онлайн-потребление, рост которого в 2016 г. в сравнении с предыдущим годом составил 22%. Стремительно развиваются такие Интернет-зависимые сегментов, как: туризм, игры, медиа, банковские услуги и др. Активно развиваются и государственные электронные сервисы. В отчете подчеркивается растущая активность пользователей: «Россия – шестая страна в мире и крупнейшая в Европе по количеству Интернет-пользователей»[3].

Согласно статистическим данным[4], удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональные компьютеры, в общем числе домашних хозяйств постепенно растет и составил в 2016 г. 74,8% имеющих доступ к сети Интернет, в том числе широкополосный – 70,7%. Значение показателей для населения в трудоспособном возрасте были выше, персональные компьютеры использовало 80,6%, сеть Интернет 80,8%. Среди населения молодых возрастных групп в 2016 году сеть Интернет использовалась наиболее активно: в возрастной группе 15–24 года – 95%, 25–34 – 92%.

Российская статистика собирает данные по следующим составляющим цифровой экономики: сектору информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сектору контента и СМИ, внешней торговли товарами и услугами, связанными с ИКТ, а также данные по показателям инфраструктуры цифровой экономики. Следует отметить, что единая методология оценки цифровой и Интернет-экономики пока не разработана.

Важнейшей составляющей цифровой экономики является сектор информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), который подразделяется на сектор информационных технологий (ИТ) и телекоммуникаций. По методологии Росстата под информационными и коммуникационными технологиями понимаются технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и предоставления данных, текстов, образа, звуков[5]. Следует отметить, что изучение сектора ИКТ в России связано с определенными затруднениями, вызванными недостаточной разработанностью методологической базы, что обусловлено относительной новизной изучаемого объекта, а также стремительным его развитием, усложняющим измерительные процессы. Не разработана единая методология измерения цифровой экономики и за рубежом. Организации, изучающие процессы интернетизации общества, а также влияние Интернета на экономику и социальную сферу используют разные подходы[6].

В России в 2015 г. наблюдалось 166 тыс. организаций сектора ИКТ со среднесписочной численностью работников 1349 тыс. человек, что в процентном отношении от общей численности работников в организациях составляло 3%. По своей структуре организации сектора ИКТ распределялись следующим образом: основная часть организаций занимается деятельностью, связанной с оказанием ИКТ-услуг (53,1%), оптовой торговлей занято 23,9% организаций от их общего числа, 13,5% – деятельность в области электросвязи и 9,5% – деятельностью, связанной с производством ИКТ-оборудования. Что касается занятости работников в этих организациях, то здесь наблюдались несколько другие

[1] Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. – Т. 3, № 157. – С. 17–20.

[2] Отчет BBG «Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике». – http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf

[3] Отчет BBG «Россия онлайн? Догнать нельзя отстать. http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf

[4] Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М: НИУ ВШЭ, 2017. – 238 с.

[5] Россия в цифрах, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm

[6] Плаксин С., Абдрахманова Г., Ковалева Г. Интернет-экономика в России: подходы к определению и оценке // Форсайт. – М., 2017. – Т. 11, № 1. – С. 55–65.

соотношения: значения удельных весов численности работников, занятых в организациях, связанных с производством ИКТ оборудования, деятельностью в области электросвязи и деятельностью, связанной с оказанием ИКТ-услуг были достаточно близки между собой и составили 32,7%, 30,9 и 31,0% соответственно[1].

Согласно данным,[2] полученным в результате обследования 207356 организаций в экономике в целом в 2015 г., 92,3% обследованных организаций использовали персональные компьютеры и в 88,1% использовался Интернет. При этом наиболее высокие значения показателей относились к организациям государственного управления (97,2% и 94,5% соответственно) и к организациям социальной сферы (94,6 и 88,9% соответственно). Электронная почта была в 84,0% организаций, веб-сайт – у 42,6%, электронным обменом данными между своими и внешними информационными системами пользовались 59,6% обследованных организаций, технологиями автоматической идентификации объектов (RFID) – 4,8%, «облачными» сервисами – 18,3%.

Можно отметить соответствие данных существующему мнению, что цифровая экономика создает благоприятные условия для развития системы государственного управления.

В целом сектор российских ИКТ развивается достаточно динамично, однако его отличает несбалансированность развития отдельных составляющих. Так, например, недостаточно развит российский рынок облачных услуг. Под облачными технологиями понимают возможность мгновенного получения сетевых ресурсов по требованию, при этом в случае возрастания внешней нагрузки на сервис происходит активация дополнительного пула вычислительных узлов[3]. Учитывая масштабность современных расчетов в различных видах деятельности, использование облачных вычислительных систем является весьма эффективным, так как позволяет снизить общую стоимость услуг для провайдеров, повысить параметры обслуживания пользователей[4]. Однако при пользовании облачными сервисами особое внимание должно уделяться обеспечению конфиденциальности данных в процессе их обмена между сервером и мобильными клиентами.

На развитие цифровой экономики в стране влияет в первую очередь государство, которое обладает значительными управленческими, финансовыми, законодательными ресурсами. В большинстве стран мира правительства проявляют значительный интерес к развитию цифровых производств, так как это способствует повышению экономического роста и производительности труда, созданию новых рынков, развитию производственной и инновационной деятельности, улучшению природоохранной деятельности и т.д.

[1] Чинаева Т.И. Сектор ИКТ в условиях развития цифровой экономики // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2017 г.: в 5 т. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017.

[2] Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М: НИУ ВШЭ, 2017. – 238 с.

[3] Шишкин Ю.Е., Шишкин В.Е. Совершенствование системы управления облачными сервисами в условиях ограниченности ресурсов // Проблемы науки. 2017. – № 4 (17). – С. 47. – http://scienceproblems.ru/images/PDF/2017/17/pn-4-17.pdf

[4] Шишкин Ю.Е. Анализ моделей взаимодействия пользователей и провайдеров облачных систем // Интеллектуальные системы, управление и мехатроника–2016: материалы всерос. науч.-техн. конфер. молодых ученых, аспирантов и студентов. Севастополь 19–21 мая 2016 г. – Севастополь: СевГУ, 2016. – С. 289–293.

Шаталова Е.П.
к.э.н., доцент Финансового университета

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ОТДЕЛЕНИЯХ БАНКА

Ключевые слова: *цифровая экономика, банковское обслуживание.*

В последнее десятилетие отечественные банки пережили большие изменения в сфере внедрения новых технологий. Информационные технологии и телекоммуникации навсегда изменили многие бизнесы. В том числе пришлось меняться и представителям одного из самых консервативных видов бизнеса – банкам, которые начали практиковать цифровой банкинг.

Наибольшей трансформации подверглось банковское отделение, которое традиционно выступало самым доходным и в то же время затратным каналом продаж.

Еще 20 лет назад отделение было едва ли не единственным каналом и возможностью для банковского бренда быть представленным потребителю. В настоящее время для большинства банков отделения генерируют большую часть розничных продаж, несмотря на стремительное развитие альтернативных каналов. Однако в ближайшее время роль банковского отделения как канала продаж кардинальным образом изменится. Ожидаются принципиальные изменения в бизнес-моделях, технологиях и сценариях банковского обслуживания. Данные трансформации отразит даже функциональный дизайн отделений.

Можно предположить, что банки как и большинство корпораций, прежде всего, создают организационные структуры, максимизирующие свою ценность. Анализируя выбор банковских организационных структур, в том числе включающих филиалы, отделения и дополнительные офисы, надо отметить, что эти структуры характеризуются различными внутренними механизмами спасения от возможного дефолта (учитывая факт имманентного для банковской деятельности риска). Кроме того, эффективность банка зависит от финансовой синергии, порождаемой его организационной структурой. Но нельзя не учитывать и тот фактор, что на банковские технологии напрямую влияет поведение потребителя банковских продуктов и услуг и его привычки.

1. Изменение поведения потребителей и цифровой банкинг

Цифровой банкинг можно определить как проведение транзакций и доступ к информации банковского счета в электронном виде через персональные компьютеры. Концепция цифрового банкинга включает все виды банковской деятельности, то есть финансовые и нефинансовые транзакции через различные каналы электронного банкинга, обычно называемые альтернативными каналами доставки (АЦП), включая банкоматы, телефон, POS, мобильный банкинг, а также социальные сети[1].

Финансовая индустрия традиционно расходовала гигантские ресурсы на развитие информационных технологий, персонала, инфраструктуры, маркетинг, но она оказалась неспособна успевать за меняющимся поведением потребителей своих услуг. Изменения в поведении потребителей повлекли за собой изменение концепции банковского обслуживания.

Городской житель проводит ежедневно по нескольку часов в виртуальном пространстве, которое пока ещё по привычке обозначается термином «виртуальное», но фактически, стало представлять собой реальное поле деятельности человека в специфической области компьютерных сервисов и телекоммуникаций, тесно переплетённое с реальной жизнью. Потребители воспринимают как должное тот факт, что окружающие их бренды, продукты, компании, в том числе банки, становятся такими же активными в виртуальной сфере их жизни, как и в реальности. Доверие как ключевой принцип банковской деятельности формируется и по отношению к банковским сервисам, пришедшим через Интернет, оно порой такое же, как в реальной жизни.

Ключевая проблема, которую предстоит решать банкам, – это создание и оправдание доверия со стороны потребителей. Финансовая система во время кризиса показала массу примеров, когда недостаток доверия и легкомысленное обращение финансовых институтов с важными для потребителя ценностями привели к банкротству. Отделения становились той территорией, на которой банковский бренд встречался лицом к лицу с клиентами. Человеку свойственно желание общаться с живым человеком. Например, когда нужно вызвать полицию или скорую помощь, это не делают через e-mail или социальную сеть. Отделения банков стали доказательством надежности банков. Это достаточно дорогое доказательство, но не дороже, чем доверие как базовая ценность банковского дела.

[1] Fonseca J.R. E-banking culture: a comparison of EU 27 countries and Portuguese case in the EU 27 retail banking context // J. Retail. Consum. Ser. 2014. – Vol. 21, N 5. – P. 708–716.

Развитие технологий и новых каналов переводит большую часть банковских рутинных операций в самообслуживание, делая их удобными для клиентов и дешевыми для банков. На практике многие банки не задумывались о ценности самообслуживания для своих клиентов, думая лишь об экономии на издержках. Идея закрыть кассы, перевести операции с наличными в сети банкоматов, которые обслуживаются по аутсорсингу, рациональна и привлекательна. Но она будет принята потребителями, если им объяснили выгоды и обучили пользоваться новыми каналами. Сегодня же мы можем видеть, что наличие банкоматов и платежных терминалов стало стандартом индустрии, но клиенты по-прежнему стоят в очереди к кассам.

В последнее время стало очевидно, что серьезным упущением банков стало то, что при значительных инвестициях в инновационные технологии банки почти ничего не делают, чтобы научить клиента использовать их.

Задача отделений в новых условиях цифрового банкинга остается прежней и заключается в построении и поддержании долгосрочных отношений между клиентом и банком.

2. Мультиканальность обслуживания

С современным банком клиент может взаимодействовать через разные каналы, и клиент должен видеть мультиканальность в отделении. Сегодня не имеет смысла спорить, какой канал лучше и эффективнее. Только конвергенция каналов может принести успех бизнесу.

Подсознательно клиент воспринимает дистанционные каналы как небезопасные. Для клиента банковский бренд не существует раздельно в разных каналах, как, например, удобный online-сервис и плохие отделения. Клиент формирует общее впечатление о банке. В большинстве случаев банки демонстрируют похожее качество сервиса в разных каналах. Беспорядок в отделениях и запутанный интерфейс сайта, сложный для ориентирования online-банкинг – отражение корпоративной культуры банка, а не вопрос одной из технологий. Сервис – это не только процесс или технология, это еще и культура.

3. Изменение сценариев обслуживания

Столкнувшись с оттоком клиентов, некоторые банки предлагают новый опыт работы с клиентами в своих филиалах и отделениях, делая особый упор на цифровые технологии для усиления положительной реакции клиентов. Исследователями доказано, что цифровые и телекоммуникационные технологии не оказывают прямого влияния на два важных маркетинговых результата клиентских отношений: лояльность клиента и приверженность данному банку при потреблении услуг[1]. Однако цифровые технологии оказывают прямое позитивное влияние на экономическую эффективность банка.

Именно работа с потребительским опытом через глубокое понимание настоящих потребностей клиента станет важной инновацией для банковских отделений.

Розничный банк может попробовать предложить розничным клиентам более закрытый и премиальный сервис — то, что ранее было доступно только состоятельным лицам. Там, где клиента заставляли стоять, ему предложат присесть, вместо общения с менеджером почти в проходе предложат пройти в один из переговорных модулей. Вместо навязчивого кросс-сейлинга попытаются узнать о потребностях клиента. Иногда достаточно просто начать работать по выходным.

4. Уменьшение площади отделений как общий тренд

Похоже, что время больших отделений с нерациональным использованием пространства ушло в прошлое. Теперь банки стремятся предоставить больший функционал на меньших площадях. Задача решается путем рациональной организации клиентских потоков, рабочих мест и функциональных модулей, унификации оборудования. Как совместить это со стремлением предоставить премиальный сервис?

Есть несколько приемов, как сделать банк интереснее для клиента, не увеличивая (или даже сокращая) площадь отделений. На развитых рынках проектировщики часто выделяют максимум пространства зоне приветствия и ожидания. В этой части отделения клиенты наиболее чувствительны. Важно дать посетителям возможность адаптироваться к атмосфере отделения, показать бренд в лучшем виде и подготовить клиента к общению с менеджером. Время ожидания в пределах 5-6 минут клиент не чувствует, если его проводить с интересом и пользой для себя.

5. Фокусированные действия по изменению формата отделений

Несколько лет назад банки были готовы инвестировать значительные ресурсы в переформатирование отделений, сейчас целесообразными являются точечные вмешательства в устройство отделений для усовершенствования определенных этапов клиентского визита, способных улучшить потребительский опыт, создать дополнительные точки контакта клиента с банковским брендом. Сложной задачей является определение этих участков. Это можно выполнить с помощью аудита розничной сети и наблюдений за поведением клиента. Оказывается, что незначительное вмешательство в так называемый «путь клиента», позволяющее ему лишний раз заметить, например, рекламу продукта, может существенно увеличить продажи. Очень часто для этого не требуется больших инвестиций.

[1] Reydet S., Carsana L. The effect of digital design in retail banking on customers' commitment and loyalty: The mediating role of positive affect // Journal of Retailing and Consumer Services. 2017. – Vol. 37. – P. 132.

Напротив, полное изменение дизайна не всегда приводит к улучшению бизнес-показателей. Это связано с тем, что перед началом проекта по изменению дизайна отделения, банки не имеют всестороннего представления о том, как дизайн повлияет на эффективность отделений, какие изменения будут импонировать клиентам. Решения о запусках проектов по обновлению дизайна отделений принимаются интуитивно.

6. Сокращение количества отделений

Один из сложнейших вопросов, которые встанут перед крупными розничными банками в ближайшие годы, это вопрос о недвижимости, находящейся в собственности банков. В связи с изменением роли отделений банкам уже не нужно будет большого количества точек продаж, что потребует существенных трансформаций внутрибанковской структуры и решения сопутствующих сложных проблем. Но отделения должны находиться в местах с высокой концентрацией целевой аудитории. Вопрос не только в количестве отделений, но и в правильном их расположении

7. Местоположение отделений

Банковские отделения должны размещаться в местах с большим трафиком потенциальных клиентов и большой целевой аудиторией.

В настоящее время общепризнано, что такого рода места – это перекрестки деловых кварталов и торговые центры.

В развитых странах Азии – Японии и Сингапуре банки стремятся открывать отделения в торговых центрах. Отделения для молодых клиентов поколения Миллениума (Generation Y) открываются в зданиях учебных заведений и развлекательных центрах.

Citibank в Токио открывает транзакционные отделения прямо на станциях метро, где к банкоматам нередко выстраиваются очереди, несмотря на распространение электронных каналов платежей. Несмотря на то, что система бесконтактных платежей, работает в Японии с 2003 года, очереди к банкоматам все равно стоят: значит, люди нуждаются в банках в таких местах.

8. Новые сценарии работы персонала отделений

В отделениях будущего изменятся обязанности персонала. Банкам уже сейчас не нужна армия кассиров и менеджеров по продажам. Менеджеры нового типа должны определять потребности клиента и уметь предлагать относительно стандартный продукт клиенту так, будто он создан и кастомизирован специально под индивидуальный случай клиента. Другой задачей станет обучение клиентов работе с новыми электронными каналами обслуживания для обеспечения комфортного и безопасного перемещения без потери возможности получать привычное банковское обслуживание, не утрачивая при этом эмоциональной связи с банковским брендом.

Эмпирические данные показывают, что цифровые технологии оказывают благоприятное влияние на клиентов, тем самым помогая оправдать значительные расходы на модернизацию формата банковского обслуживания в отделении банка[1]. С управленческой точки зрения, эти результаты должны побудить банки продолжать модернизацию отделений для получения положительного экономического эффекта. Цифровые технологии в обслуживании клиентов способны обеспечить среду обслуживания, которая одновременно способствует как самообслуживанию клиента, так и новому способу обмена информацией потребителя услуг с консультантом. Цифровой дизайн может выступить как стратегическое преимущество, которое может инициировать новое отношение между клиентами и их банком, основанное на персонализированном сопровождении. Наконец, цифровой дизайн банковских услуг способен привлекать клиентов через положительный опыт, и продвигать банк в виртуальной информационной области, включая социальные медиа.

9. Ошибки в оформлении отделений

Современный потребитель живет в непрерывном информационном потоке, когда сотни брендов пытаются ему что-то рассказать. На этом фоне, как правило, финансовые сервисы не выглядят яркими или особо привлекательными. В этом потоке можно выделиться простотой и лаконичностью, объясняя сложные вещи простым языком и создавая простые и практичные предложения.

Дизайн отделений не должен быть усложненным. Он должен запомниться, произвести впечатление на клиента, но не превращать визит клиента в квест. Однако, другая крайность, когда банки обезличивают свои отделения, экономя на всем. В результате посетители не чувствуют никаких эмоций, у них не формируются привязанность к бренду и привыкание к его визуальным атрибутам.

Создание комфортной и безопасной атмосферы позволяет небольшим банкам показывать свою заботу о клиентах, которую можно ощутить даже физически. Скорость обслуживания неизменно является значимой ценностью, но все-таки, скорость – это не эмоция.

[1] Reydet S., Carsana L. The effect of digital design in retail banking on customers' commitment and loyalty: The mediating role of positive affect // Journal of Retailing and Consumer Services. 2017. – Vol. 37. – P. 138.

10. Устаревший подход к оценке эффективности отделений

В будущем отделения станут центрами построения отношений между клиентом и банком, создания потребительского опыта, коммуникации банковского бренда, они будут меньше сосредоточены на продажах продуктов. Но тогда возникает закономерный вопрос, как тогда подсчитать эффективность такой структурной единицы банка? Необходимы новые способы оценки эффективности бизнесов, которые должны быть основаны на понимании роли различных каналов в общем успехе. Эффективность будет определяться для всего бизнеса в целом.

К сожалению, большинство сетей банковских отделений пока методически рассматриваются как центры затрат, и многие успешные банки больше похожи на государственные учреждения, чем на современный розничный бизнес. На практике главная роль банковского отделения остается такой же, но это объясняется старым подходом, основанным на контроле над затратами. По всей видимости, в ближайшее время точкой дифференциации для банков станет потребительский опыт, получаемый его клиентами.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», статья 22 «Филиалы, представительства и внутренние структурные подразделения кредитной организации».
2. Налоговый кодекс РФ.
3. Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций».
4. Инструкция Банка России от 16.09.2010 № 136-И «О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц».
5. Положение Банка России от 24.04.2008 № 318-П «Положение о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации».
6. Положение Банка России от 16.07.2012 № 385-П «Положение о правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации».
7. Приказ ФНС России от 09.06.2011 № ММВ-7-6/362 «Об утверждении форм и форматов сообщений, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 23 Налогового кодекса Российской Федерации, а также порядка заполнения форм сообщений и порядка представления сообщений в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи».
8. Чумак Н.В. Перспективы банков 2013–2015: стратегии, маркетинг, продукты и каналы // Банковский Ритейл. 2013. – № 1.
9. Reydet S., Carsana L. The effect of digital design in retail banking on customers' commitment and loyalty: The mediating role of positive affect // Journal of Retailing and Consumer Services. 2017. – Vol. 37. – P. 132–138.
10. Benedikter R. Social Banking and Social Finance. – New York etc.: Springer, 2011.
11. Fonseca J.R. 2014. E-banking culture: a comparison of EU 27 countries and Portuguese case in the EU 27 retail banking context // Journal of Retailing and Consumer Services. 2014. – Vol. 21, N 5. – P. 708–716.
12. Shaikh A.A., Glavee-Geo R., Karjaluoto H. Exploring the nexus between financial sector reforms and the emergence of digital banking culture – Evidences from a developing country // Research in International Business and Finance. 2017. – Vol. 42. – P. 1030–1039.

Шибаева Н.А.,
Артёмов А.В.[1]

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *информационная экономика, цифровая экономика, экосистема цифровой экономики.*
Keywords: *information economy, digital economy, digital economy ecosystem.*

Возрастание роли инфокоммуникационных технологий в хозяйственных процессах открывает новый этап общественного развития и формирования экономики нового типа, в которой знания, информация и компьютерные технологии обеспечивают конкурентоспособность экономическим агентам. Начало этого процесса можно связать с развитием в 40-х годах прошлого столетия кибернетики и зарождением «информационного общества», где главным фактором производства становится информация, традиционные же факторы – такие, как труд, земля и капитал представляются менее значимыми. Сегодня информация и инфокоммуникационные технологии, обеспечивающие информационное взаимодействие признаются важным ресурсом развития общества. Социально-экономические отношения переходят в сетевое пространство, наблюдаются институциональные и структурные изменения в экономике.

В 2003 году под эгидой ООН в Женеве состоялся первый этап Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам развития информационного общества, второй этап проводился в 2005 году в Тунисе, там обсуждалась реальная возможность использования потенциала цифровой революции в области инфокоммуникационных технологий (IT) на благо людей. Результатом форума стало подписание Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», в которой отмечено, что IT сегодня оказывают огромное влияние практически на все аспекты нашей жизни и способны стать мощным инструментом для создания новых рабочих мест, расширения возможностей трудоустройства, повышения производительности и экономического роста, а также повышения качества жизни[2].

В России в 2017 году Президентом РФ была утверждена Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы, где указано, что под информационным обществом понимается такое общество, в котором информация, уровень её доступности, применения кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан[3].

Безусловно, информация в хозяйственной деятельности играет огромную роль. В современном обществе информация выступает в роли самостоятельной производительной силы и самостоятельного продукта, который имеет конечную цену и продаётся на рынке. При этом важно учитывать факторальный аспект – то, как меняется значение фактора производства при изменении объёма информации. Получение и воспроизводство информации в таком случае связано с издержками[4].

В информационном обществе, как уже отмечалось, к факторам производства относятся не только традиционные, такие как труд, природные богатства и земля, капитал и предпринимательские способности, но и информация. Каждый из этих ресурсов выполняет свою функцию в хозяйственной деятельности и позволяет его собственнику получать факторные доходы в разных формах:

– трудовой ресурс позволяет получать заработную плату;
– земля и природные ресурсы дают ренту;
– капитал позволяет получать проценты и дивиденды;
– предпринимательская способность и информация дают прибыль.

Если информация рассматривается нами как фактор производства (ресурс), приносящий факторный доход, тогда очевидно, что этот ресурс должен иметь эквивалентную оценку наряду с другими факторами. Из этого следует, что назрела объективная необходимость расширения состава экономических элементов расходов, формирующих себестоимость продукции (работ, услуг). Классификация расходов производства в информационном обществе должна содержать следующе элементы:

---

[1] Шибаева Наталья Анатольевна – д.э.н., доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. E-mail: n.shibaeva@mail.ru

Артёмов Андрей Владимирович – к.т.н., доцент, доцент кафедры программной инженерии, директор Центра информатизации. E-mail: avladar1984@yandex.ru

[2] Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» Документ ООН WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12 декабря 2003 года. http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf

[3] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/

[4] Сухарев О.С. Управление знаниями, информация и экономический рост // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 7. – С. 118–130.

1. Амортизация основного капитала;
2. Материальные расходы;
3. Расходы на оплату труда;
4. Расходы на социальные нужды;
5. Расходы на информацию;
6. Прочие расходы.

Такая классификация должна быть утверждена, по нашему мнению, на нормативном уровне. Это позволит рассматривать информационную экономику как конкретный, поддающийся измерению, сектор экономики, связанный с использованием и воспроизводством информационного ресурса во взаимодействии с другими факторами производства продукции (работ, услуг). Утверждение данной классификации на официальном уровне, даст возможность получать достоверные сведения об информационных расходах предприятий и организаций, об их доли в составе издержек производства, а соответственно о доли информации в добавленной стоимости и валовом национальном (региональном) продукте. Кроме этого, появится возможность калькуляции не только информационных расходов, но доходов.

Если же мы рассматриваем информацию как предмет, средство или результат труда, как продукт, используемый и производимый субъектами информационной деятельности сферы IT в цифровом виде, то в этом случае, на наш взгляд, речь идёт о цифровой экономике. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объёмов и использование результатов анализа которых позволяют повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг[1].

Соответственно, цифровая экономика представляет собой специфический вид хозяйственной деятельности (отрасль экономики), которая осуществляется специализированными субъектами хозяйственной деятельности, обладающими необходимыми для этого компетенциями и техническими возможностями. Эта деятельность направлена на обеспечение населения, бизнеса и государства информацией и технологиями по её сбору, хранению, обработке, передаче и идентификации в безопасном режиме и удобном формате.

Согласно положениям федеральной программы Правительства РФ «Цифровая экономика Российской Федерации», цифровая экономика имеет три уровня:

1) рынки и отрасли, где осуществляется взаимодействие поставщиков и потребителей товаров и услуг;

2) платформы и технологии, на которых осуществляется взаимодействие этих поставщиков и потребителей товаров и услуг;

3) среда, создающая условия для развития платформ и технологий, а также для эффективного взаимодействия рынков и отраслей, которая охватывает нормативно-правовое регулирование, кадры, информационную инфраструктуру и информационную безопасность[2].

Выше обозначенные три уровня создают цифровое пространство в новой экономике и формируют её экосистему. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации под экосистемой цифровой экономики понимается партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных Интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан[3].

Платформы, информационные технологии, Интернет-сервисы и информационные системы, обеспечивающие создание, хранение, обработку, передачу и распространение информации заинтересованным лицам сегодня принадлежат разным компаниям, органам государственной власти и гражданам. В федеральной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»» Правительством РФ поставлена задача обеспечения эффективного взаимодействия между этими платформами, сервисами и информационными системами для обеспечения пользователей достоверной, актуальной и безопасной информацией с наименьшими преходящими потерями времени в целях повышения благосостояния и качества жизни граждан.

Внутри каждого крупного предприятия или организации сегодня функционируют несколько информационных систем различного назначения, предоставляющих различным категориям внешних и внутренних пользователей разнородную информацию в соответствии с их правами доступа и потребностями. Следовательно, такое информационное пространство каждой компании можно рассматривать как локальную цифровую экосистему, взаимодействующую с глобальной цифровой экосистемой при помощи специальных протоколов и интерфейсов информационного обмена. Взаимодействие может заключаться в коммуникации с другими предприятиями, организациями, физическими лицами (например, с клиентами, контрагентами, филиалами и т.д.), или в обязательном предоставлении информации в органы государственной власти (статистическая, бухгалтерская, налоговая отчетность), в получении обязательной информации (распоряжения или приказы органа государственной власти подведомственным учреждениям).

Для построения локальной цифровой экосистемы в рамках одного предприятия требуется разработка специальных интерфейсов взаимодействия между различными информационными системами, создание единой точки входа ко

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/

[3] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/

всем сервисам системы для пользователей, а также обеспечение необходимых механизмов защиты информации. Россия пока находится только на этапе становления экосистемы для цифровой экономики, тогда как в странах Европы и США подобные технологии разрабатываются, внедряются и развиваются с середины 80-х годов XX века.

Развитие математических и алгоритмических моделей обработки, хранения, структурирования и анализа информации позволяют повысить эффективность производства, минимизировать различные затраты, а также начать постепенный переход к полноценным роботизированным производствам, сводя роль человека при этом только к глобальному контролю, мониторингу и принятию управленческих решений. Немаловажное влияние на стремительное внедрение информационных технологий в сферу производства оказало и развитие компьютерных сетей.

Создание глобальной вычислительной сети мирового масштаба (Интернет), а также стремительное повышение пропускных способностей каналов связи, в том числе беспроводных, и мобильных, позволило организовать передачу больших объемов информации за короткие промежутки времени, организовать системы управления в реальном времени на промышленных производствах, а также реализовать концепцию туманных вычислений и grid-сетей. На настоящий момент можно выделить следующие широко используемые в экономике сетевые информационно-коммуникационные системы, работающие на цифровых технологиях:

1. Системы электронного документооборота (как корпоративного, так и межкорпоративного);
2. Автоматизированные системы управления предприятием, включающие в себя единое хранилище данных, подсистемы для автоматизации основных, вспомогательных и управленческих процессов производства;
3. Автоматизированные информационные системы и технологии бухгалтерского учета, контроля и аудита;
4. Экспертные системы, в том числе основанные на концепции нейросетевых технологий и машинного обучения;
5. Банковские информационные системы, в том числе и системы межбанковского информационного взаимодействия (например, система SWIFT);
6. Биржевые информационные системы;
7. Системы электронной торговли и коммерции классов B2B, B2C;
8. Интернет вещей;
9. Социальные сети для организации маркетинга и рекламы;
10. Облачные и туманные технологии и вычисления;
11. Системы оказания электронных услуг населению и организациям (в том числе государственные и муниципальные), включая системы межведомственного электронного взаимодействия;
12. Электронная почта и мессенджеры для обмена информацией.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, использование технологии блокчейн, которая является революционной, и в будущем она станет гарантированной основой предотвращения мошеннических, коррупционных операций, разного рода подлогов и фальсификаций в новой экономике.

Блокчейн представляет собой цифровую распределённую базу транзакций (реестр совершённых операций) между участниками сети, которыми могут быть государственные структуры, юридические и физические лица, общественные организации. Предполагается, что все операции с активами записываются в одном реестре в виде блоков информации, которые все соединены в единую цепочку. При этом участники сети равны, и подключаются к ней по одинаковым протоколам. Легитимность внесённой информации обеспечивается цифровыми подписями. Содержимое реестра в обязательном порядке согласуется между участниками сети протоколом консенсуса с применением криптографических алгоритмов хеширования, что обеспечивает минимизацию риска мошеннических транзакций.

Таким образом, в цифровой реестр записываются в хронологическом порядке все транзакции (операции с активами) признанные действительными всеми участникам блокчейн сети, но согласованные децентрализовано, и, соответственно, которые в дальнейшем не могут быть отменены. При этом участники сети видят только свои операции, децентрализованная одно-ранговая сеть лишает их возможности дестабилизировать систему или контролировать базовую инфраструктуру. В результате технология блокчейн способна обеспечить достоверность и прозрачность информации в цифровой экономике.

В заключении хотелось бы отметить, что функционирование современной экономики уже невозможно представить без применения инфокоммуникационных технологий (IT). Начав развиваться с середины 40-х годов XX века, они достигли своего пика использования к началу XXI века, и на текущий момент сфера IT (в том числе цифровые технологии) охватила все отрасли хозяйства и виды общественно-культурной деятельности. Развитие элементной базы вычислительной техники позволило повысить вычислительные мощности персональных устройств, а уменьшение их размеров сделало их непосредственным спутником предпринимателей, экономистов, менеджеров как частного сектора экономики, так государственного.

Якушев Н.О.
м.н.с. ВолНЦ РАН, Вологда
nilrus@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КЛАССИФИКАЦИИ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА

Ключевые слова: *несырьевой экспорт, сырьевой экспорт, классификация, экономический рост, территория, товар.*

Keywords: *non-commodity export, commodity exports, classification, economic growth, territory, product.*

Развитие экспортной деятельности является одним из приоритетов экономической политики любого государства. В Российской Федерации ключевым фактором в усилении позиций в глобальной экономике, расширении международного экономического сотрудничества, повышении вклада в социально-экономическое развитие территории является несырьевой экспорт. Однако отсутствие единой сформированной и утверждённой классификации товарной группы сырьевого и несырьевого экспорта не способствует разработке стратегии, нацеленной на экономический рост территории.

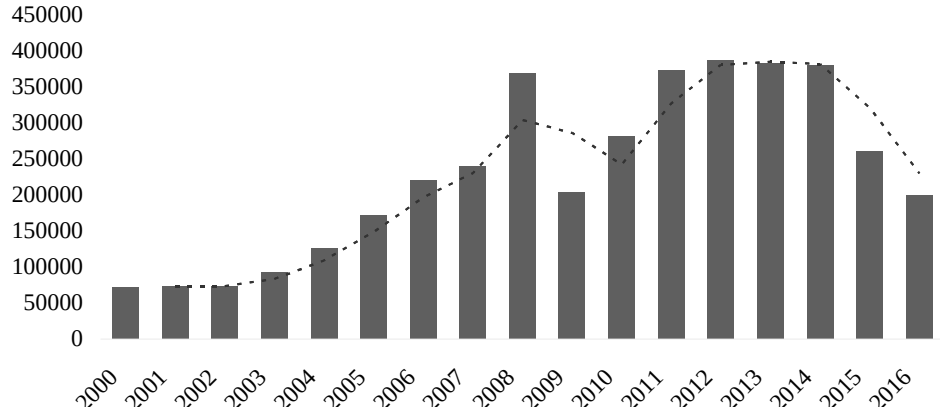


Рисунок 1.
Динамика стоимостных объёмов экспорта Российской Федерации с 2000 по 2016 гг., млрд. долл. США

Согласно статистическим данным Центрального банка РФ стоимостные объёмы российского экспорта в 2016 г. составили 281,8 млрд. долл. США[1]. Рост экспортных поставок по сравнению с 2000 г. увеличился в 2,8 раза (рис. 1).

При этом доля российского экспорта в общемировом в 2016 г. составляет немногим более 1,8%[2]. Россия входит в первую двадцатку и занимает 16 место среди всех стран по объёмам экспорта (табл. 1).

Из таблицы видно, что первые десять стран суммарно формируют более половины всего объема мирового экспорта. Из них в первой тройке находится Китай с долей экспорта в 16,4% в мировых поставках. Второе и третье место занимает США и Германия.

Согласно показателям мирового развития в 2016 г. Россия по доле экспорта в ВВП (22,2%) находится на уровне развитых стран (так, к примеру, в Германии она составляет 38,6%, во Франции – 19,8%, Великобритании – 15,6%, Японии – 13%)[3]. Однако наибольшую долю в общероссийских объёмах экспорта занимает сырьё и товары первичного передела продукции (товары топливно-энергетического комплекса – 62%). Для сравнения: в 2000 г. этот показатель составлял только 50%[4]. По данным статистки доля несырьевого экспорта России в общих объёмах всех поставок на зарубежные рынки составляет 34%[5]. В развитых и развивающихся странах данный показатель находится в интервале от 36% до 94% (Бразилия – 36%, Германия – 83%, Китай – 94%)[6].

[1] Статистика внешнего сектора. – https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs
[2] Trade statistics for international business development. – https://www.trademap.org/countrymap/Country_SelProduct.aspx?nvpm=1
[3] World Development Indicators / The World Bank. – http://documents.worldbank.org/
[4] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/
[5] Экспорт регионов / Российский экспортный центр. – https://www.exportcenter.ru
[6] World Customs Organization. – http://www.wcoomd.org/

Таблица 1

Доля российского экспорта в общемировых поставках в сравнении зарубежными странами в 2016 г.

Страна	Объёмы экспорта, млрд. долл. США	Доля в мировом экспорте, %	Место
Китай	2614,2	16,4	1
США	1450,5	9,1	2
Германия	1340,8	8,4	3
Япония	644,9	4,1	4
Республика Корея	495,4	3,1	5
Франция	488,9	3,1	6
Италия	461,5	2,9	7
Нидерланды	444,9	2,8	8
Великобритания	411,5	2,6	9
Бельгия	398,0	2,5	10
Канада	389,1	2,4	11
Мексика	373,9	2,3	12
Сингапур	329,9	2,1	13
Швейцария	304,7	1,9	14
ОАЭ	298,7	1,9	15
Российская Федерация	285,5	1,8	16

В Российской Федерации под категориями сырьевого и несырьевого экспорта согласно параметрам, которые предложены и сформированы АО «Российским экспортным центром», принято понимать следующее[1]:

1. Сырьевой экспорт – экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, включая отходы и лом.

2. Несырьевой экспорт – экспорт товаров, не входящий в перечень сырьевых товаров и включающий некоторую градацию (энергетический, неэнергетический: низких, средних, высоких переделов).

При данной формулировке реализация поставленной задачи в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» о росте несырьевого экспорта на 7% достижима[2]. Но в то же время, с точки зрения экономического развития территорий акцент делается на количественных характеристиках, т.е. объёмах экспорта в целом.

При данном подходе нефтепродукты являются ключевым сегментом российского несырьевого экспорта (энергетического типа) в 2016 г. они составляли 63,8% в поставках на мировые рынки[3]. Однако продукция машиностроения, которая является одним из основных локомотивов роста экономики и занимает преобладающие позиции в поставках на внешние рынки в большинстве развитых стран, в России составляет только 22,7% (реакторы ядерные, котлы, оборудование и их части – 9,3%)[4].

Между тем в целом в совокупной сегментной структуре несырьевого экспорта России также преобладает продукция топливно-энергетического комплекса, т.е. несырьевого энергетического экспорта с долей 35,4%. При этом доля низких переделов продукции составляет 54,4%, продукции с высокой добавленной стоимостью – только 29,5%[5].

Стоит напомнить, что миссией РЭЦ является поддержка и развитие несырьевого экспорта через участие в государственной политике и создание единого эффективного института развития[6]. При этом в первую десятку товаров несырьевого экспорта согласно аналитическому отчёту входят следующие категории (позиции): алюминий и его сплавы с долей 4,6%, стальные полуфабрикаты нелегированные – 4,1, пшеница – 3,9, пиломатериалы – 2,9, смешанные удобрения – 2,4, листовой прокат нелегированный горячекатаный – 2,%, медь рафинированная – 2,2, азотные удобрения – 2, мороженая рыба – 1,8, калийные удобрения – 1,7%.

В работе Л.И. Абалкина «Логика экономического роста» приводится характерное описание опасности сырьевой направленности, которая обратит в страну в сырьевой придаток для обрабатывающих отраслей развитых стран[7]. Если говорить о роли государства, то стоит вспомнить труды зарубежных авторов. В исследованиях Майкла Портера государству отводится особая роль в обеспечении устойчивости страны на внешних рынках[8]. В этой связи очень важно чётко формулировать приоритеты экспортной политики государства. Из этого следует, что российский несырьевой экспорт состоит в большей степени из ассортимента простых изделий и товаров, близких к сырьевым. Очевидно, что это не позволит получить долгосрочного экономического эффекта для территорий и страны в целом.

---

[1] РЭЦ создал новый уникальный сервис для экспортеров. – https://exportcenter.ru/news/rets-sozdal-novyy-unikalnyy-servis-dlya-eksporterov/

[2] Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации. – http://economy.gov.ru

[3] РЭЦ создал новый уникальный сервис для экспортеров. – https://exportcenter.ru/news/rets-sozdal-novyy-unikalnyy-servis-dlya-eksporterov/

[4] Федеральная таможенная служба РФ. – http://www.customs.ru

[5] Экспорт регионов. – https://www.exportcenter.ru/international_markets/regions_export/

[6] Стратегические перспективы. – https://www.exportcenter.ru/company/perspective/

[7] Абалкин Л.И. Логика экономического роста. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 228 с.

[8] Майкл Портер и его теория конкурентных преимуществ. Модель пяти сил конкуренции Майкла Портера. – http://fb.ru/article/243789/maykl-porter-i-ego-teoriya-konkurentnyih-preimuschestv-model-pyati-sil-konkurentsii-maykla-portera

Таким образом, при традиционном подходе к оценке несырьевого экспорта в России складывается ситуация с преобладанием продукции в низких, а также, в чуть меньшей степени, средних переделов топливно-энергетического комплекса и металлургической промышленности. Что, в свою очередь, говорит о получении только краткосрочной выгоды и не может принести должного экономического эффекта в долгосрочной перспективе.

С нашей точки зрения, под сырьевым экспортом следует понимать экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, произведенных из них материалов, подлежащих дальнейшей переработке (сырьевые товары).

В то же время несырьевой товарный экспорт – это не только поставки на зарубежные рынки готовой сложной продукции (энергоблоков, самолетов, автомобилей и т.д.). В первую очередь, это экспорт деталей и комплектующих для глобальных цепочек добавленной стоимости.

При таком подходе доля несырьевого товарного экспорта в 2016 г. в России составила 9,1%[1]. Из этого следует, что основными потенциальными позициями в несырьевом товарном экспорте, востребованными на мировых рынках является машиностроительная продукция. Это отражает главные приоритеты развития как экономики России в целом, так и территорий в частности.

Основным драйвером экономического роста регионов должен стать экспорт на внешние рынки продукции несырьевых производств, выпускающих конкурентоспособные товары с высокой степенью переработки, и расширение присутствия на мировых рынках по товарным позициям машиностроения в части поставок деталей и комплектующих для глобальных цепочек добавленной стоимости.

Таким образом, ключевыми инструментами для реализации проактивной экспортной политики в регионах с целью увеличения доли несырьевого сектора для обеспечения экономического роста должны стать следующие: формирование и построение системы поддержки и стимулирования развития высокотехнологичной продукции несырьевого экспорта на основе нефинансовых и финансовых инструментов (налоги, кредиты, страхование, торгово-экономические меры) на всех циклах экспортной деятельности с поэтапной возможностью их реализации; расширение спектра существующих кредитных инструментов и повышение конкурентоспособности их условий (процентные ставки, сроки рассмотрения) с увеличением объёмов финансирования на разных стадиях экспортного цикла; развитие кадрового потенциала с формированием пула экспертов и внедрением профессионального стандарта «специалист по внешнеэкономической деятельности»; применение сетевого подхода к созданию региональных центров поддержки экспортоориентированных предприятий в предпринимательском секторе с оценкой экономического эффекта для участников и регионального бюджета.

[1] Федеральная таможенная служба РФ. http://www.customs.ru

Ярных Э.А.
д.э.н., профессор кафедры статистики Российского экономического университета

РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, инновационная деятельность, классификация инноваций, микропредприятия, индивидуальное предпринимательство, государственное регулирование малого и среднего бизнеса, экономико-математические модели.*

Key words: *small and medium business, innovative activity, classification of innovations, microenterprises, individual business, state regulation of small and medium business, economic-mathematical models.*

Малые и средние предприятия выполняют большую роль в развитии инновационной экономики. Предприятия малого и среднего предпринимательства не могут продуцировать научные и инновационные разработки. Это возможно только с привлечением больших инвестиций как государственных, так и частных или на условиях государственно-частного партнерства. Однако необходимо учитывать огромный внедренческий потенциал малых и средних форм хозяйствования, что связано с их органической природой. Малый и средний бизнес в условиях большой конкурентной борьбы обладают высокой способностью к внедрению инноваций и нововведений.

Также имеются и некоторые недостатки малого и среднего бизнеса, к которым относятся:

- повышенный риск, связанный с низкой рыночной устойчивостью и большой зависимостью от изменяющейся ситуации на рынке;
- зависимость от крупного бизнеса;
- низкий уровень управленческой культуры и недостаточная компетентность руководителей и менеджеров;
- большая зависимость от внешних факторов и условий;
- повышенная чувствительность к изменениям условий хозяйствования;
- высокие проценты за пользование банковскими кредитами и проблемы получения дополнительных финансовых средств, кроме дорогих кредитов.

В настоящее время в малом и среднем бизнесе только официально занято более 17 млн. чел., из которых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности состоит 5,4 млн. чел. (30,6%), на предприятиях занято 12,4 млн. чел. (69,4%)[1]. Вклад малых предприятий в производство продукции, в создание валового внутреннего продукта, значителен. К началу 2016 г. удельный вес добавленной стоимости малых предприятий в валовом внутреннем продукте составил 20,5 против 22,5% в 2011 году[2].

Для успешного управления инновационной деятельностью в малом и среднем бизнесе необходимо тщательное изучение природы и законов инноваций. Инновации не следует путать с несущественными видоизменениями вида конечного продукта или с незначительными изменениями технологии его изготовления. Речь идет об эстетических изменениях, например, цвета, формы или о незначительных технических или внешних изменениях в продуктах с неизменной конструкцией и свойствами, изменение стоимости товара. Инновации начинаются с изменения конструктивных параметров и свойств конечного продукта (товара). Для упорядочивания информации необходимо разработать качественную классификацию инноваций на основе сходства (различия) признаков. На первом уровне классификации инновации делятся на продуктовые и процессные. К первому виду инноваций (продуктовых) относится внедрение технологически новых или кардинально усовершенствованных продуктов. Этот вид инноваций характеризуется использованием новых материалов, новых полуфабрикатов и комплектующих изделий и в результате этого типа инноваций получают принципиально новый продукт.

Технологически новый продукт (продуктовая инновация) представляет собой продукт, значительно отличающийся от ранее производимых по своим конструктивным и функциональным характеристикам, а также материалам изготовления. Подобные инновации предполагают использование новых технологий.

Ко второму виду инноваций (процессным) относят разработку и внедрение технологически новых или значительно усовершенствованных производственных методов, включая методы передачи продуктов. Инновации второго типа связаны с внедрением нового производственного оборудования, основных средств, новых организационных методов планирования и осуществления производственной и других видов деятельности, а также основаны на использо-

[1] Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Актуальные статистические исследования социально-экономических явлений и процессов: научная коллективная монография / О.А. Хохлова, В.В. Борисов, С.Г. Бабич, Эльдяева Н.А., Е.С. Кованова [и др.]. – Орел: ООО «Научное обозрение», 2015. – 144 с.

[2] Эльдяева Н.А. Проблемы измерения труда в инновационной экономике // Инновационное развитие российской экономики IX Международная научно-практическая конференция. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. – М., 2016. – С. 142–144.

вании результатов исследований и разработок. Процессные инновации способствуют резкому повышению результативности экономической и финансовой деятельности.

Изменения в продукте или в технологии его изготовления не считаются инновациями, если они не относятся прямо к внедрению новых или кардинально улучшенных свойств продукта (услуги), а именно:

- организационные и управленческие изменения должны быть связаны с передовыми методами управления, существенными изменениями внутренней организационной и производственной структуры, с реализации новой стратегией и тактикой работы предприятия;
- принятие новых стандартов качества.

Рассмотрим различные классификации инноваций.

По новизне инновации делятся на:

- новые для отрасли в мире;
- новые для отрасли в стране;
- новые для данного предприятия (корпорации).

По роли на предприятии выделяются:

- входные инновации (изменения в использовании нового сырья, материалов, новых машин и оборудования, новой информации и др.);
- выходные инновации (новые изделия, новые услуги, новые технологии, новая информация и др.);
- системные инновации, связанные с кардинальным изменением управленческой, производственной, технологической структуры предприятия.

В зависимости от эффекта изменений различают:

- базовые или радикальные инновации;
- частные или модификационные инновации;
- улучшающие инновации.

Классификация инноваций на основе сфер деятельности предприятий разработана Научно-исследовательским институтом системных исследований (РНИИСИ). При этом выделяются инновации: экономические; производственные; в области управления; торговые; технологические; социальные.

Следует отметить также классификацию инноваций А.И. Пригожина[1]:

1 По распространенности: единичные, диффузные.

2. По месту в производственном цикле: сырьевые, обеспечивающие (связывающие), продуктовые.

3. По преемственности: замещающие, отменяющие, возвратные, открывающие, ретровведения.

4. По охвату ожидаемой доли рынка: локальные, системные, стратегические.

5. По инновационному потенциалу и степени новизны: радикальные, комбинаторные, совершенствующие.

На наш взгляд, можно классифицировать инновационную деятельность по следующим шести направлениям:

- проектирование новых производственных технологий;
- организация и подготовка производства;
- получение патентов;
- приобретение овеществленной технологии, включая машины и оборудование;
- соответствующее обучение персонала;
- продвижение новых продуктов на рынках сбыта.

Статистика должна стать инструментом анализа инновационного процесса, точно измерять скорость обновления производства, технологий и продукта, объективно и оперативно отражая все происходящие изменения в публикуемой информации.

До настоящего времени целенаправленный федеральный закон, регулирующий инновационную деятельность, так и не принят, а вопрос о его необходимости является предметом острых дискуссий. Хотя, неоднократные попытки решить проблему были. Например, еще в 1997 г. инициативная группа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы предложила проект закона «Об инновационной деятельности в РФ» (отложили); в 1999 г. проект закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» был принят ГД, но не прошел утверждение в СФ. Всего за период с 1997 по 2010 гг. в ГД вносились пять законопроектов об инновационной деятельности, но ни один из них так и не был принят[2].

Из всего вышесказанного следует, что пока не будет сформирована единая понятийная база, закрепленная законодательно на федеральном уровне, говорить об инновационной деятельности и ее регулировании на общегосударственном уровне как минимум преждевременно. Именно по этой причине регулирование инновационной деятельности в соответствии с нормативными актами и внутренними документами отраслей и ведомств возможно максимум на региональном уровне. Вопросы постановки задач федерального уровня требуют подключения нормативной базы на уровне Правительства РФ или Президента, что не всегда оправдано, т.к. ряд федеральных инновационных задач (в

[1] Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – М.: Политиздат, 1989. – С. 270–275.

[2] Проект Федерального закона № 97090719-2 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) // Сейчас.ру. – http://www.lawmix.ru/lawprojects/76241; Проект Федерального закона № 99029071-2 «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко 2-му чтению 19.11.1999. Там же. – http://www.lawmix.ru/lawprojects/70222 21.02.2014). Проекты федеральных законов № 97090719-2, 99029071-2, 271376-5, 327066-5, 344994-5.

информационной и в других сферах) как минимум на ранних этапах могут быть решены силами малого и среднего бизнеса.

Современная система государственного регулирования инновационной деятельности сталкивается с рядом проблем: отсутствует оптимальная система органов исполнительной власти (их полномочий) субъектов РФ, регулирующих инновационную деятельность; фрагментарность полномочий госорганов; избыточность и противоречивость нормативной базы. Анализ нормативной базы в сфере инновационного законодательства позволил выделить более двадцати полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, которые имеют практически регулирующий и распорядительный характер, при практически полном отсутствии контрольно-надзорных функций. Подобный дисбаланс объясняется малочисленностью субъектов региональной инновационной инфраструктуры.

Выявлено, что в отечественном законодательстве в сфере государственной поддержки инновационной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса существует некая дихотомия. Первая разновидность государственной поддержки – финансовая – выражается в предоставлении субъектам малого и среднего бизнеса налоговых льгот, создании условий по льготному кредитованию, финансировании НИР и ОКР, контрактном финансировании, субсидировании, предоставлении грантов и т. п. Вторая форма государственной поддержки (организационное обеспечение) подразумевает участие государства в создании субъектов инновационной инфраструктуры, развитии венчурного инвестирования, использовании преимуществ государственного частного предпринимательства, в кадровом обеспечении инновационной деятельности. Несмотря на полноту списка, в нем отсутствует такая форма, как страхование инновационных рисков, которое возможно было бы осуществить двумя способами: путем создания государственных страховых компаний либо налогового стимулирования уже действующих страховых компаний, предоставляющих услугу по страхованию инновационных рисков.

Малому и среднему бизнесу отводится важная роль в экономике страны, поскольку он позволяет расширить область труда, создавая возможности для реализации предпринимательской деятельности населения, уменьшить социальную напряженность в обществе и способствовать динамичному экономическому росту, характеризующегося экономным расходованием ресурсов.

К особенностям малого предпринимательства в области труда и трудовых отношений следует отнести значительную гибкость управления, оперативность реагирования на изменение рыночной конъюнктуры. К необходимым факторам и условиям развития эффективного предпринимательства относятся:

– благоприятное законодательство – это наличие государственных законов, разрешающих и стимулирующих предпринимательство;

– эффективно развивающаяся экономика с необходимыми условиями экономического роста (частная или общественная собственность на капитал и результаты экономической деятельности)[1].

– благоприятное социальное окружение – благожелательное отношение всего населения к предпринимательской деятельности и предпринимателю.

В Законе Российской Федерации «О развитии малого и среднего предпринимательства» отмечается, что «предпринимательская деятельность (предпринимательство) представляет собой инициативу по самостоятельной организации деятельности как граждан, так и их объединений, на получение коммерческих результатов от этой деятельности»[2].

В соответствии с Федеральным Законом, микропредприятием считается организация, число работников которой не более 15 человек. Малым предприятием считается организация, численность работников которой колеблется от 16 до 100 сотрудников. Организация с численностью сотрудников от 101 до 250 человек относится к предприятиям среднего бизнеса. Следовательно, к субъектам малого бизнеса относятся организации (компании) с численностью сотрудников до 100 человек. Субъекты малого предпринимательства могут быть зарегистрированы как физическими, так и юридическими лицами.

К предприятиям малого и среднего бизнеса относятся потребительские кооперативы и коммерческие организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, созданные юридическими и физическими лицами, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица. Перечисленные виды организации должны отвечать соответствующим требованиям Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Организации малого и среднего предпринимательства, созданные юридическими лицами, в обязательном порядке заносятся в Единый государственный реестр.

Главная черта малого и среднего бизнеса – соединение собственности, труда и управления, что дает одновременно реальные преимущества и существенные ограничения в его развитии.

В настоящий момент времени в России сформировалась трехсекторная модель экономики. Кроме этого, часть экономики остаётся вне рыночных отношений и обслуживается в основном государственными и муниципальными учреждениями, так называемый бюджетный сектор[3].

---

[1] Гончаренко Л.П. Теория и методология процессов расширенного воспроизводства в инновационной экономике: [монография] / Л.П. Гончаренко, С.А. Филин, А.Ж. Якушев. – Улан-Батор: Кристал пресс КОО, 2016. – 347 с.; Проблемы инновационного развития экономики России. Теоретические аспекты: монография / М.З. Ильчиков. – М.: КноРус, 2015. – 121 с.; Gerber M.l E. The E-Myth Revisited Why Most Small Business Don't Work and What to Do about It. Harper Business. 2001; Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2009; Hall R., Jones C.I. Why do some countries produce so much more output per worker than others? // Quarterly Journal of Economics. 1999. – Vol. 114. – P. 83–116.

[2] Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». – http://consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_ 10230

[3] Анкидинова Н,, Кузьминов Я,, Ясин Е. Экономика России перед долгим переходом // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 6. – С. 5.

Первый сектор «Сырьевой бизнес» включает компании, специализирующиеся на добыче, переработке, транспортировке углеводородного сырья и торговле. В начале 2000-х годов для этих компаний было характерно получение сверхдоходов от растущих цен на нефть, затем государство изменило налогообложение путем введения экспортных пошлин и НДПИ, что позволило изымать в бюджет и перераспределять другим секторам экономики часть нефтегазовой ренты. Тем не менее, с учетом «изъятий нефтегазовой ренты» рентабельность в этом секторе выше в 2–3 раза, чем в других секторах экономики.

Второй сектор включает крупные предприятия и компании несырьевых отраслей, продукция которых ориентирована на внутренний рынок. Укрепление рубля в период высоких мировых цен на энергоресурсы привело к снижению конкурентоспособности цен на их продукцию по сравнению с импортными аналогами. В результате конкурентной борьбы практически исчезла легкая и текстильная промышленность. Другие отрасли, используя низкую цену труда в России, смогли выжить и в условиях выгодного курса рубля провести техническое перевооружение и повысить свою конкурентоспособность.

Благодаря внутреннему спросу, генерируемому и поддерживаемому государством путем перераспределения нефтегазовых доходов, эти предприятия получают среднюю доходность на уровне 9–12%. Тем не менее, их рентабельность была ниже по сравнению с доходностью сырьевого бизнеса, что недостаточно компенсировало риски, связанные с несовершенством правовой и регулирующей среды. В этих условиях снижаются инвестиции бизнеса в проекты несырьевого сектора. Лишь в отраслях жилищного и дорожного строительства, машиностроения и сельского хозяйства, поддерживаемых государством в последнее время, привлечение инвестиций частного бизнеса осуществлялось на условиях софинансирования или гарантирования проектов государством.

В сложившейся модели активную роль играет государство в плане перераспределения ресурсов между отраслями первого и второго секторов экономики.

Третий сектор включает предприятия малого и среднего бизнеса, развивающиеся в торговле и сфере услуг. Этот сектор получает некоторые возможности роста за счет развития внутреннего спроса, однако неустойчивый характер их развития связан с отсутствием реальной государственной поддержки и финансирования. Согласно расчетам, средняя рентабельность в этом макросекторе не превышала 5–6%, что равнозначно уровню инфляции[1].

Совокупность малых предприятий – юридических лиц на 89,5% состоит из микропредприятий. На эту категорию предприятий можно отнести каждое третье созданное рабочее место и каждый третий рубль от выручки от реализации.

Индивидуальное предпринимательство также представлено преимущественно микропредприятиями. Они составляют 98,7% общего числа индивидуальных предпринимателей – малых предприятий, на них занято 79,2% работников, и их выручка от реализации продукции составляет 69,3%. В микропредприятия было направлено 82,9% от общего потока инвестиций в основный капитал. В этом типе предприятий сосредоточено 86,6% основных фондов малого и среднего бизнеса, учтенного по полной учетной стоимости на конец года[2].

Определение отраслевой структуры малого и среднего бизнеса и ее диверсификации в условиях экономического кризиса является сложной и актуальной научной проблемой. По данным сплошного статистического учета была собрана ценная информация, позволяющая провести полный экономический анализ распределения малых и средних предприятий по видам экономической деятельности и выявить динамические изменения за ряд лет.

Малые и средние предприятия, образованные юридическими лицами, сосредоточены в отраслях оптовой и розничной торговли, ремонта автомобилей и мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (38%), в сфере операций с недвижимостью, аренды и представления услуг (21%), строительных работ, а также добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды (по 11%).

Индивидуальные предприниматели занимаются сельскохозяйственной деятельностью (7%), а также сосредоточили свою деятельность в сфере услуг. Виды экономической деятельности индивидуальных предпринимателей почти не отличаются от юридических лиц. Более половины индивидуальных предпринимателей занимаются оптовой и розничной торговлей, ремонтом транспорта (автомобилей и мотоциклов), бытовых изделий и предметов личного пользования, по 11% – транспортной деятельностью и операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг.

Наиболее распространенной организационно-правовой формой малого и среднего бизнеса в Российской Федерации является общество с ограниченной ответственностью (ООО), более 92% субъектов имеют данную форму. Другой формой являются акционерные общества (4,6%) и 3,8% из них зарегистрированы в качестве закрытых акционерных обществ[3].

Доля России на мировом рынке высоких технологий очень низка и не превышает 1%[4]. По уровню развития инноваций Россия значительно отстала от ведущих стран мира. Так, доля инновационной продукции в общем объеме произведенной российской продукции составляет не более 1,5%, а в наиболее развитых странах мира прирост ВВП

---

[1] Анкидинова Н,, Кузьминов Я,, Ясин Е. Экономика России перед долгим переходом // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 6. – С. 8.

[2] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. –http://consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_ 10230

[3] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. – http:// gks.ru.http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform

[4] Гончаренко Л.П. Теория и методология процессов расширенного воспроизводства в инновационной экономике: [монография] / Л.П. Гончаренко, С.А. Филин, А.Ж. Якушев. – Улан-Батор: Кристал пресс КОО, 2016. – С. 34.

обеспечивается до 75% инновациями. Предельная изношенность производственных фондов, неразвитость инновационной сферы в России могут стать угрожающими в условиях зарождения нового технологического уклада.

Преимущественное стимулирование выпуска новых товаров (услуг) либо использования новых технологий, связанно с генерированием положительных внешних эффектов. Структурная политика должна в целом иметь не реагирующий, а активный характер. В противном случае она будет лишь еще больше способствовать консервации сложившейся структуры производства. Нужно понимать, что это требование очень сложно соблюсти, поскольку существующие отрасли обладают гораздо большими лоббистскими возможностями. Поддержка сырьевых компаний в период кризиса 2008–2009 гг. подтвердила это.

Анализ данных, показал, что за исследуемый период 2011–2015 гг.[1] темп прироста оборота фирм-субъектов МСиБ, осуществлявших инновационную деятельность в расчете на одно предприятие несколько ускорился, достигнув к началу 2016 г. значений в 105–106%. Значительная амплитуда темпа роста оборота средних предприятий связана зачастую их крайней неустойчивостью на рынке.

Прирост оборота в расчете на одного работника в целом по России превышает почти на 30% аналогичный показатель по инновационным предприятиям. Так, при среднем приросте показателя в среднем по России на 3,2%, субъекты среднего бизнеса показывают только 0,9%.

При этом среди субъектов МСиБ несмотря на активную поддержку федеральных программ по поддержке инноваций, сократилась доля фирм, осуществляющих НИР. Так, по малым предприятиям сокращение составило с 0,93 до 0,83%. Следует отметить, что при крайне незначительном участии МП в инновационной деятельности даже такое малое снижение имеет серьезное значение. По микропредприятиям и средним фирмам складывается практически аналогичная ситуация. Снижение составило соответственно с 0,93 до 0,86% и с 0,70 до 0,63. Причиной негативной динамики, по нашему мнению, является увеличение доли убыточных фирм.

Для комплексного анализа и прогнозирования инновационного развития малого и среднего бизнеса можно использовать различные экономико-математические модели, и среди них следует выделить два важных и основных вида: структурные и функциональные.

Первый вид моделей исследуют технико-организационное особенности экономического объекта, его составные элементы и соотношение внутренних параметров. Модели линейной и нелинейной оптимизации, модели управления запасами, модели межотраслевого баланса являются примером структурных моделей.

Функциональные модели отличаются принципиально иной методологической основой. Они воспроизводят поведенческую стратегию объекта в результате выявления взаимозависимостей между входными и выходными параметрами и обходятся без дополнительной информации о внутренней структуре этого объекта. К таким моделям относятся эконометрические модели. Эти виды моделей должны использоваться комплексно, так как в результате реализации структурных моделей получают информацию о поведении системы на изменение факторов внешней среды, а при исследовании посредством функциональных моделей получают возможные предположения (гипотезы) о внутренней организации и структуре анализируемого объекта и ее сложности. Одностороннее применение, а тем более противопоставление структурных и функциональных приемов моделирования, зачастую встречающихся на практике моделирования, снижают достоверность и ценность выполняемых расчетов.

Таким образом, разработка методологии комплексного статистического исследования труда и инвестиционно-инновационной деятельности в малом и среднем бизнесе базируется на системе статистических показателей по труду и инвестиционно-инновационной деятельности, а также эконометрическом моделировании их взаимосвязи.

[1] Малое и среднее предпринимательство в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 96 с.

Ярыгина И.З.
д.э.н., профессор, Финансовый университет

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БРИКС

Ключевые слова: *экономическое пространство, финансирование, государство, бизнес, развитие, БРИКС.*
Keywords*: economic space, funding, government, business, development, BRICS.*

Современная Россия идёт по пути переустройства всех сфер жизни на принципах интернационализации финансовых связей со странами-партнёрами, экономической интеграции и модернизации. Приоритетным направлением развития является расширение экономических связей со странами БРИКС, которые объединяет стремление к повышению уровня жизни населения и укреплению позиций в мировой экономике. В современных условиях, исходя из логики формирования интеграционных объединений в мировой экономике, можно прогнозировать укрепление взаимодействия заинтересованных сторон на этапах формирования межгосударственных зон свободной торговли, таможенных союзов, общего рынка, экономического и валютного союзов. Эффективному решению указанных задач способствует партнёрство государства и частных структур (ГЧП).

В целом ГЧП – форма взаимодействия государства и частных инвесторов на взаимовыгодных условиях в целях решения экономических задач. Важно отметить, что ГЧП не предполагает приватизацию предприятий, при которой осуществляется перевод активов от государственных институтов частным. Основа таких сделок для государства – решение социальных и экономических задач, а для бизнеса – частный интерес и стремление к прибыли. Опыт США, Японии и ряда европейских стран показал, что при взаимодействии государства и частной структуры имеет место разделение ответственности и рисков. Каждый проект предполагает формирование отдельного механизма. Основной моделью бизнес-процесса ГЧП является партнёрство, когда возможно реализовать проект только совместными усилиями. Практика показала, что совместные проекты государства и частных структур имеют социальную направленность, результат важен для общества. В целом ГЧП предполагает доходную деятельность участников проекта: для государства – дополнительные возможности модернизации экономики, а для бизнеса – развитие.

Историю ГЧП представляется возможным разделить на следующие этапы: аутсорсинг; разработка проекта, дизайн, строительство; полноценное государственно-частное партнёрство на базе отдельных соглашений государственных и частных институтов.

Такие формы взаимодействия государственных и частных институтов целесообразно использовать в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества стран БРИКС, что будет способствовать модернизации экономик стран-членов и развитию международных контактов субъектов хозяйствования. При этом необходимо наличие политической воли, разделение полномочий, прозрачность деятельности, ясность целей, задач и способов их решения.

Практика показала, что наиболее распространённой формой ГЧП является создание совместных финансовых, страховых, налоговых фондов, строительство, реконструкция, разработка месторождений, поддержка функционирования объектов, обслуживание клиентов. Указанные формы сотрудничества в ряде случаев имеют концессионную основу. Концессия – договор государства с частной структурой о передаче в эксплуатацию на определённых условиях недвижимости с правом строительства, добычи ископаемых и пр.

Опыт США показал, что в рамках концессии целесообразно осуществлять долгосрочные проекты (до 99 лет). В случае стремления к быстрому экономическому результату предпочтительны специальные договорные отношения государственных и частных структур. Многие примеры сотрудничества в рамках ГЧП представлены в ЕС, где успешно реализуются проекты в различных отраслях экономики: транспорт, энергетика, образование, здравоохранение, оборона, региональное развитие. Представляет интерес также опыт США, ЕС и Японии в сфере защиты окружающей среды (переработка мусора, очистительные станции), строительства и эксплуатации автотрасс, железнодорожных магистралей, аэропортов, мостов, по водоснабжению, развитию инфраструктуры, строительству и эксплуатации жилищного фонда, сбережению энергии, инновационным проектам и др. на муниципальном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Важно отметить значительные возможности государственно-частного партнёрства в развитии регионов и малых городов, когда государство предоставляет налоговые, страховые и прочие льготы, создавая благоприятные условия для сотрудничества экономических субъектов.

В целом, роль государства – обеспечить условия реализации стратегий, в результате которых реализуется творческая идея, нововведение, осуществляются преобразования в экономической, технической, социальной или иной области, связанной с изобретениями и открытиями.

Британские эксперты пришли к выводу, что ГЧП инновационного характера предполагает формирование процедур администрирования в процессе реализации самого проекта, исходя из конкретных потребностей бизнеса.

Участникам проекта целесообразно поддерживать деловые контакты и принимать на себя риски, в зависимости от формы участия в проекте, где каждый делает для общего блага то, что умеет. Для малых и средних предприятий стимулом участия в ГЧП являются соглашения с государственными институтами на предоставление услуг или иную деятельность. В целом процедура формирования ГЧП включает: постановку целей, изучение особенностей проекта, разработка правил и требований, определение полномочий и ответственности, корректировка целей в соответствии с особенностями проекта, формирование совместных задач на новый период, разработка новых правил и требований, определение, в случае необходимости, новых полномочий и ответственности, а также организация и совершенствование финансирования с учётом налоговой политики, дотаций, гарантий, концессионной составляющей, финансового инжиниринга, возможного приглашения иностранных участников и пр. ГЧП создаёт благоприятные условия для обеспечения пользователей качественными услугами по минимальной стоимости за льготы, которые предоставляет государство. Такую схему сотрудничества используют на государственном и муниципальном уровне, в том числе в рамках решения социальных задач. Практический интерес представляет опыт ГЧП по проектированию, строительству и эксплуатации образовательных структур. Реализованные проекты «работают» более 50 лет. Частные предприятия обеспечивают строительство и круглосуточную техническую поддержку, функционирование кафе, библиотек, и пр. Муниципалитет предоставил налоговые льготы на время строительства и эксплуатации учебного заведения до выплаты задолженности по кредиту. Согласно договорённости, стороны распределяют расходы проекта: государство, например, обеспечивает финансирование в объеме 10%, а частный сектор – 90%. В результате ГЧП в указанной сфере привлекаются ресурсы частных инвесторов на социальные нужды, снижается нагрузка на бюджет, решается вопрос занятости населения. Важный урок ГЧП – тщательный подбор партнёров и открытое обсуждение проблем поиска правильных решений, способных защитить участников проектов от излишних рисков.

В настоящее время перед странами БРИКС стоят важные задачи экономического развития, решение которых связано с разумным использованием мирового опыта. Объективная реальность определяет роль государственных институтов стран БРИКС в развитии рынка капиталов и услуг, стимулировании социальной ответственности бизнеса, реализации программ поддержки наименее защищенных субъектов хозяйствования, разработке унифицированных регламентаций в сфере рыночных отношений, содействии бизнесу, в том числе имеющему инновационный характер. В этой связи с целью развития национальных экономик стран-членов необходимо совершенствование законодательной базы в части снижения стоимости отдельных форм финансирования, цен на материальные и технические ресурсы, предотвращение воровства, невыполнения договорных обязательств, содействие сбыту национальной продукции, облегчение долгового прессинга, формирование эффективной системы налогообложения, контроля деятельности руководителей хозяйств, предприятий, обеспечение нормативной базы ГЧП, способствующей бизнесу. Особое внимание целесообразно обратить на закрепление международных норм, стимулирующих развитие инновационных технологий – затратного, но перспективного сектора экономики, востребованного временем. Эксперты Международного валютного фонда отмечают, что, в целом, позитивные тенденции развития национальных экономик развивающихся стран связаны с усилением государственного регулирования и гармонизацией банковской деятельности стран БРИКС. В настоящее время идёт процесс реформирования мировой экономики в условиях преодоления последствий мирового финансового кризиса. Эффективное решение актуальных задач стран БРИКС возможно в настоящее время на базе взаимодействий государства и бизнеса.

В современных условиях правительства стран идут по пути повышения эффективности регулирования макроэкономических процессов и ставят задачи обеспечения роста национальных экономик, совместимости стандартов финансирования бизнеса, поддержки конкуренции, заботы об уровне жизни населения. В свою очередь, расширение финансового сотрудничества стран связано с соблюдением принципов обеспечения поступательного характера преобразований, поддержки рынка на базе межгосударственного администрирования и совместимого правового обеспечения деятельности субъектов хозяйствования, стимулирования взаимодействия государства и бизнеса на многосторонней и двусторонней основе.

Важным механизмом государственно-частного партнёрства является Новый банк развития БРИКС, способный обеспечить финансирование приоритетных программ развития стран-членов на льготных принципах. В этой связи представляется целесообразным уточнить экономические преференции каждой из сторон и определить краткосрочный (до 3-х лет) и долгосрочный план действий, направленный на поддержку проектов в сфере инфраструктуры, сельского хозяйства, здравоохранения, регионального развития, производства продукции, разработки полезных ископаемых, образования, новых технологий и пр. Оптимизации ресурсной базы многосторонних проектов будет способствовать сотрудничество со странами Евразийского экономического Союза, Центральной и Восточной Европы, СНГ, а также с межгосударственными банками, участниками которых являются БРИКС (Международный инвестиционный банк, Международный банк экономического сотрудничества и др.), обеспечивающими финансирование программ развития и заинтересованными в укреплении своей позиции на глобальном рынке капиталов и услуг.

В этой связи особое внимание целесообразно уделить вопросам межгосударственного содействия развитию экономических и финансовых отношений путем обеспечения преференций: льготного кредитования, гарантирования, страхования экспортных кредитов, проектного финансирования, синдицированного кредитования, лизинга, факторинга, продвижения товаров и услуг стран-членов, прозрачности и совместимости регулирования, а также реализации программ поддержки субъектов хозяйствования на базе механизма государственно-частного партнёрства и использования национальных валют в обеспечении их договорных отношений. Экономическая потребность в использовании национальных валют, их способность выполнять функции денег за рубежом (мера стоимости, средство обращения, средства платежа, средство накопления), совместимые нормы валютного регулирования будут способствовать расширению участия национальных валют стран БРИКС и усилят их роль в глобальной экономике.

Государственные институты различных стран в текущих условиях используют мировой опыт, подтвердивший необходимость контроля за ценами, качеством товаров и услуг, регулированием процентных ставок, формами и методами работы рынка, что способствует упорядочению условий конкуренции субъектов хозяйствования, в том числе с иностранным участием. Реализация принципов стратегического партнёрства экономических субъектов БРИКС будет также способствовать формированию условий выхода банков и финансовых институтов стран-партнёров на местный рынок, сократит временное ограничение деятельности, обеспечит пополнение технологическими и административными ресурсами для реализации приоритетных программ развития и расширит горизонты профессиональной деятельности. Особое значение для развития партнёрских отношений имеют механизмы ГЧП при стимулировании прямых инвестиций в страну реципиент, в том числе в рамках проектов «гринфилд» (с нуля). Практика показала, что согласованная межгосударственная поддержка прямых и портфельных инвестиций стран-партнёров усиливает взаимодействие сторон и способствует укреплению их роли в экономике. История доказала, что формирования новой парадигмы экономических отношений связано с укреплением сотрудничества государств и их хозяйствующих субъектов. Государство несет ответственность за финансово-экономическое и социальное положение страны, используя широкий набор средств и методов воздействия на экономику, бюджет, налоги, монетарную политику, законодательство и пр. Такие особенности участия государства в экономике целесообразно учитывать в целях выбора эффективного способа решения проблем и определения перспектив развития на национальном, региональном и межгосударственном уровне. Реализация эффективной фискальной политики, например, способна стимулировать международное экономическое сотрудничество. Необходимыми условиями такой политики могут быть стимулирование расходов, связанных с реализацией стратегических программ развития, благоприятная налоговая политика, поддержка программ международного сотрудничества на базе государственно-частного партнёрства.

Разработка основных принципов взаимодействия сторон в указанных направлениях является актуальной задачей стран-партнёров. Совершенствование финансовых отношений стран БРИКС, обеспечение совместимости регламентаций в сфере модернизации банковских систем, биржевой, клиринговой, корпоративной, торговой деятельности, противодействие манипуляциям, регулирование валютных, кредитных, финансовых операций будет способствовать развитию экономического сотрудничества заинтересованных сторон.

В целях совершенствования мировой финансовой архитектуры представляется целесообразной разработка концепции международного финансового центра стран БРИКС с учётом имеющейся финансовой инфраструктуры – Бразильской фондовой биржи, Московской биржи, Бомбейской фондовой биржи, Корпорации бирж и клиринговых организаций Гонконга, Фондовой биржи Йоханнесбурга.

Опыт стран, преодолевших последствия кризисов, в том числе России показал, что важна не перспектива реформ, а то, как они «воплощаются в жизнь» в условиях межотраслевого и международного сотрудничества, что основой крепких взаимовыгодных международных отношений является экономический интерес, реализация которого зависит от «политической воли» государств.

Поддержка правительствами стран БРИКС финансирования программ развития на базе государственно-частного партнёрства с учётом представленных в статье предложений будет в полной мере способствовать эффективному решению задач экономического роста стран и укреплению их роли в мировой экономике.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Реформа мировой финансовой системы не учитывает роли БРИКС. – http://top.rbc.ru/economics/29/03/2012/643966.shtml
2. Озарнов Р.В. Перспективы банковского обеспечения торгового сотрудничества стран группы БРИКС // Евразийский научный журнал. 2016. – № 5.
3. Ярыгина И.З. Международный банковский бизнес в условиях глобализации. LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 256 с.
4. Ярыгина И.З. Роль банков развития в обеспечении экономических интересов БРИКС // Экономика, налоги, право. – М., 2015. – № 3. – С. 102–108.
5. Agreement on the New Development Bank, The 6th BRICS Summit, July 15, 2014, Fortaleza, Brazil.- http://ndbbrics.org/agreement.html
6. The Strategy of BRICS Economic Partnership. – Ufa, 2015. – 30 p.
7. Banks within BRICS economic development / I.Z.Yarygina. – http://www.leap2020.net/euro-brics/2015/03/03/banks-within-brics-economic-development-2/
8. Beyond BRICS New and Rising Global Powers // Revolutions. Global Trends & Regional Issues. 2015. – Vol. 3, N 1. – 108 p.

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бирюков А.В.[1]

ФАКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ УЧАСТИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Ключевые слова: *международные научно-технологические отношения (МНТО), научно-технический прогресс (НТП), глобальная информационная революция, глобальный технологический трансфер (ГТТ), золотой век «цифры», международная информационная безопасность (МИБ).*

С началом глобальной информационной революции наблюдается быстро растущее воздействие научно-технического прогресса на всю систему международных отношений. Эксперты заговорили о формировании новой геополитической реальности – международных научно-технологических отношениях[2]. Конечно, НТП всегда влиял на международные отношения со времен начала промышленной революции. Особенно ярко это воздействие проявилось при создании атомного оружия и во время космической гонки, которые сформировали основные параметры холодной войны. Однако этот важный фактор рассматривался в ряду других. Ситуация стала меняться, когда научные знания, технологии и инновации, достигнув определенного качественного состояния в годы противостояния СССР и США, получили распространение по всем направлениям. Научно-технический прогресс и обусловленные им процессы выдвинулись на первый план международной повестки дня. Это стало возможным только в условиях масштабных информационных перемен, которые формируют устремленность в будущее и открытость, то есть то, что как воздух востребовано МНТО.

Общественная информатизация в сочетании с экономической глобализацией обусловили настоящий каскад глобальных процессов, которые все глубже раскрывают содержание международных научно-технологических отношений. Развиваются глобальный инновационный процесс и транснациональная инновационная инфраструктура. Большинство стран испытывает воздействие глобальных академической и технологической революций. Все больший вес набирает цифровое измерение в промышленности, энергетике, на транспорте и в космическом пространстве. Расширяется поле «критической информационной инфраструктуры». Продолжается слияние реального и виртуального миров, в результате которого образуется своеобразный «гибридный мир», новое явление современности. При этом, как ни странно, нарастает значимость суверенитетов и национальных интересов, которые испытывают серьезное воздействие «цифры», но в отличие от прогнозных оценок вовсе не растворяются в контексте интенсификации глобальных процессов.

Политический смысл глобального инновационного процесса состоит в том, что совокупная мощь и глобальная конкурентоспособность государств опираются, прежде всего, на интеллект, получающий импульс в рамках инновационного развития, в котором участвует государство, бизнес, наука и образование. Это становится предметом взаимодействия государств, а развитие симбиоза перечисленных компонентов привлекает внимание международных организаций, деловых кругов и научного сообщества.

Чрезвычайно важна государственная политика, нацеленная на инновационное развитие общества, модель которой считается самой передовой и удачной. Благодаря продуманным государственным шагам создается благоприятная среда, в которой все участники инновационного процесса получают возможность проявлять творчество. В обществе создается атмосфера ценности исследования, поиска и открытия, знания ценятся как таковые.

Исключительную роль играет бизнес, ориентированный на инновации, поскольку они являются основным источником прибыли. Такой бизнес вовсе не всегда является крупным, а нередко средним и даже малым, но сетевым, то есть использующим информационные технологии и программы, что позволяет ему успешно взаимодействовать с транснациональными корпорациями. Бизнес становится центральным элементом инновационного процесса, поскольку является основным потребителем инноваций, своего рода мотором инновационного развития.

Являясь основным поставщиком инноваций, наука становится реальной производительной силой, пользуется государственной и частной поддержкой и является своего рода становым хребтом инновационного развития. Наконец, в симбиозе присутствует образование, заточенное на подготовку специалистов, связанных с инновационным процессом.

---

[1] Бирюков Алексей Викторович – к.и.н., доцент МГИМО, ведущий эксперт Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО. Сфера профессиональных интересов – международные научно-технологические отношения, влияние НТП на международные отношения, БРИКС, ускоренное развитие государства в современном мире. E-mail: a-birioukov@mail.ru

[2] Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения. – М.: РосНОУ, 2014.

Именно в контексте инновационного процесса развивается глобальный облачный технологический ресурс, обеспечивающий сочетание конвергентных и облачных технологий, современных научных знаний о функционировании экономики, Больших данных, касающихся экономико-технологического развития, методов корпоративного управления, автоматизированной отчетности, а также глубокого понимания процесса познания[1].

Содержание глобальной технологической революции зависит от уровня кооперации стран мира. Их достижения должны опираться на фундаментальную и прикладную науку, осуществлять масштабные национальные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Она стимулирует активное участие интеллекта в производственных процессах, охватывает экономическую и финансовую деятельность, а также гуманитарную сферу.

Значительно ускоряется темп технологических трансформаций и сокращается длительность технологических циклов. Если раньше обновление оборудования занимало годы, то сегодня на передовых рубежах научно-технического прогресса оборудование меняется в течение года и менее. Многие виды интеллектуальной деятельности, вносящие весомый вклад в прирост ВВП, вообще не требуют оборудования (за исключением все более совершенного компьютера). Бурно растет трансфер технологий в глобальном масштабе, став важнейшей сферой международного научно-технического и экономического взаимодействия.

В настоящее время сбываются прогнозы многих экспертов начала XXI века. Технологии начинают трансформировать качество жизни людей, увеличивают ее продолжительность, изменяют облик индустрии и содержание труда. В мире формируются новые экономические и политические центры силы. Одновременно инновационный фактор усиливает неравномерность развития. Не все страны оказались в состоянии создать адекватные механизмы адаптации современных технологий, а еще меньше государств могут использовать их в массовом порядке. Массовое использование новых технологий предполагает наличие в стране факторов, к числу которых относятся институциональные, образовательные, финансовые, социальные, культурные, политические и экологические преобразования, которые в комплексе играют позитивную роль, но пробелы хотя бы в одной из сфер оказывают негативное влияние на всю систему.

Одним словом, глобальная технологическая революция высветила не только необходимость быстрого наращивания собственного научно-технологического потенциала, который зависит от международной среды и во все большей степени опирается на внутренние ресурсы, но и комплексного отношения к национальному развитию. Соответственно жизненно важным становится видение собственного научно-технологического роста, вписанное важным компонентом в национальную стратегию и цифровой контекст.

Цифровая эпоха сказалась и на глобальной академической революции. В настоящее время в опоре на информационные возможности по всему миру идет активный поиск талантливых молодых людей, обучение которых предполагает приобретение новых компетенций. Этот поиск осуществляется в рамках широчайшего международного образовательного сотрудничества и роста международной академической мобильности. Другая тенденция академической трансформации связана с транснациональным образованием, которое включает дистанционное обучение наиболее способных, подающих большие надежды лиц с привлечением лучших учителей мира по самым востребованным современным обществом специальностям.

С точки зрения оценки глобальной академической революции с позиций международной политики можно сказать, что данный феномен активно используется для наращивания влияния на страны, социальные группы и конкретных людей. В то же время даже элементы академической образовательной деградации, имеющие серьезный отсроченный эффект, должны привлекать внимание общества, широко обсуждаться и вдумчиво исправляться на государственном уровне. Это связано с тем, что плохо образованные, немотивированные потребители особенно подвержены влиянию и манипулированию.

Глобальная информационная революция кардинальным образом повлияла на постиндустриальный способ производства. Постиндустриализм претерпел существенные изменения, связанные с переосмыслением феномена. От сферы услуг он дрейфовал в сторону торговли и финансов, появилась новая нормальность. А в условиях «четвертой промышленной революции» снижение себестоимости обусловило новую волну индустриализации в контексте цифровой экономики.

Сама логика технологической волны указывает на неизбежное наступление промышленного капитала. В обществе развитых стран растет понимание важности становления индустрии на новых технологических основах. ОЭСР прогнозирует, что на период до 2030 года страны мира будут жить в условиях слияния технологий, начиная от разнообразных цифровых технологий (3D печать, Интернет вещей, продвинутая роботизация) и новых материалов, базирующихся на нано- и биотехнологиях, до новых процессов, в основе которых находятся технологии Больших данных, искусственного интеллекта и синтетической биологии. Слияние технологий приведет к серьезным изменениям с точки зрения многофакторной производительности, занятости и безработицы, разнообразия квалификаций и компетенций, распределения доходов, влияния на торговлю, благосостояние и окружающую среду[2].

Цифровая экономика, которая становится «новой реальностью», и вокруг которой продолжаются дискуссии, является продолжением существующих мировых экономических трендов, поэтому важно понимать ее тесную взаимосвязь с достижениями человечества, с одной стороны, и принципиальную новизну, с другой. Эксперты заговорили о «золотом веке» цифры, когда новые технологии интенсивно внедряются в промышленность и в результате резко возрастает производительность капитала и снижается стоимость основных ресурсов. В промышленности происходит тотальное снижение себестоимости на стыке реального и виртуального, ускоряются процессы принятия оптимальных

[1] Овчинников В.В. Технологии глобальной конкуренции. – М.: ИНЭС-МАИБ, 2012. – С. 11–13.

[2] Next Production revolution: Implications for Governments and Business / OECD Publishing. – Paris, 2017.

решений, широкое распространение получают облачные и туманные технологии, и что немаловажно происходит рост прибыльности функционирования производственных активов и растет их инвестиционная привлекательность[1].

В мире возник феномен «цифрового парадокса мощи», когда чем в большей степени ты развиваешь собственный информационный потенциал, тем в большей степени ты становишься уязвим для кибернетических атак[2]. Реализуя стратегию «мягкого лидерства», в США делалась ставка на «всеобщую осведомленность» в международных делах и информационное превосходство, которую они демонстрируют в отношениях со своими противниками и друзьями. Однако еще в 2010 году, когда была принята «Стратегия национальной безопасности США», американцы признавали, что «каждая технология усиливает не только государство, но и тех, кто разрушает его».

В этой связи растет понимание цифровой уязвимости, что вызывает настоящий шок в США. Разворачивающийся скандал вокруг мифа о вмешательстве русских хакеров в избирательный процесс президента США со всей очевидностью указывает на растущий страх перед собственной кибернетической уязвимостью, несмотря на колоссальный информационный потенциал. В таком контексте несколько иначе воспринимаются современные международные научно-технологические отношения, сталкивающиеся с эскалацией кибернетической напряженности, ростом кибернетических вооружений и атак, а также выдвижением кибернетического шпионажа на одно из первых мест межгосударственного противоборства.

В свете изложенных трендов представляется целесообразным высказать ряд соображений по поводу оптимизации участия России в МНТО в условиях глобальной информационной революции. При этом мы будем опираться на китайский опыт, который можно рассматривать в качестве урока в данной области.

В этой связи представляется важным констатировать, что важнейшим фактором наращивания технологического потенциала России является включение в мировые процессы в качестве субъекта развития, глубоко понимающего собственные национальные интересы, а также цели других участников глобализации. При этом мы должны отдавать себе полный отчет, что «коллективный Запад не пылает любовью к нашей стране». Его действия против СССР, а также история с санкциями против России в настоящее время об этом со всей очевидностью свидетельствуют. Различие заключается в том, что в 90-е годы прошлого века США находились на пике успеха и считали себя победителем в холодной войне, а в настоящее время мы живем в переходный период от однополярного к многополярному миру. Стало окончательно ясным, что либеральная модель в условиях глобализации не является «концом истории». Национальный совет по разведке США в одном из последних исследовательских докладов прямо заявил, что грядет завершение эры господства англосаксонского мира[3].

Несмотря на стремление изолировать нашу страну, Россия не считает, что открытость отменяется. Наоборот, ее значение нарастает. Особенно значимым становится отношение к международной конкурентной технологической среде. И здесь следует подчеркнуть обязательность эндогенной составляющей развития, которая не противоречит открытости и помогает преодолеть сырьевую направленность экономики и не закрепить статус интеллектуального придатка, а также позволяет реализовать комплексно-выборочное замещение импортной продукции национальными товарами. Россия должна уметь производить все, повышая качество производства и укрепляя технологический суверенитет. Неплохо бы также помнить и любимую максиму Игоря Васильевича Курчатова «опережать, не догоняя»[4].

В контексте широко обсуждаемой в обществе стратегии национального технологического роста, хотелось бы обратить внимание на идею инклюзивного развития, которая, кстати сказать, имеет китайские корни и принята БРИКС. В этой идее, трансформировавшейся в полноценную концепцию, развитие выстраивается вокруг человека и предполагает сочетание демократического управления, регулируемой экономики, опирающейся на прогнозирование и моделирование, научно-технического прогресса, социальной гармонии и духовного подъема. В таком понимании стратегия национального технологического роста является результатом конвергенции сильных сторон социалистического и капиталистического общества. Китайская модель, думается, отражает позитивные итоги именно инклюзивной конвергенции.

В любой стратегии нужны приоритеты. Наши приоритеты должны быть связаны с капитализацией конкурентных преимуществ России, формированием промышленного ядра, становлением финансовой самостоятельности, адекватностью промышленно-технологической политики, готовностью к научно-образовательному инновационному прорыву. Формулируя приоритеты, следует ориентироваться на создание привлекательного режима для привлечения в первую очередь национального капитала. При этом, естественно, не исключается иностранный капитал как источник инвестиций, передового опыта и новых квалификаций. Однако при этом не должно быть поощрения компрадорского подхода к национальному развитию в любом виде.

Необходимо повышать качество структуры технологического потенциала, которая связана с долями технологических укладов в национальной экономике. Российский технологический контекст охватывает ряд укладов, причем доля четвертого значительна. Однако Россия имеет серьезные достижения в областях, которые характеризуют текущий технологический уклад, связанный, в частности, с очередным витком освоения околоземного космического про-

---

[1] Грамматчиков А., Гурова Т. Золотой век «цифры». Наступает // Эксперт. – М., 2017. – № 30–33, 24 июля-20 августа. – С. 13.

[2] Федоров А.В., Зиновьева Е.С. Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – С. 131.

[3] Мир в 2030 году: прогноз американских экспертов (о докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры») / Аналитические доклады ИМИ, Вып. 3 (38). – М.: МГИМО-Университет, 2013.

[4] Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. – М.: ЛЕНАНД, 2016.

странства, глобальной информационной революцией, развитием новых видов энергии, сетевым принципом деятельности, базирующимся на Интернете. Однако было бы неправильно сосредоточиваться только на наращивании объемов пятого технологического уклада, несмотря на его актуальность и значимость.

Чтобы у технологического потенциала России было будущее, необходима национальная ориентированность на шестой технологический уклад, который, как и все предыдущие, вызовет революционные изменения во всех аспектах общественной жизни. Но в отличие от предыдущих он может привести к становлению цивилизационных изменений на Земле. Переход к новому технологическому укладу связан с массовым проникновением в разные виды деятельности конвергентных, аддитивных и когнитивных технологий, робототехники и искусственного интеллекта. Появляются возможности для расширения биологического потенциала человека, его последовательного вытеснения из процесса производства и сосредоточении на интеллектуальном и художественном творчестве. Одновременно возрастают риски утраты им социальной инициативы. В массовом масштабе появляются т.н. «лишние люди». Замаячила перспектива технологической сингулярности.

Последний доклад ЮНЕСКО о науке, изданный в 2016 году, еще раз свидетельствует, что России нужны неотложные меры, направленные на укрепление научных аспектов технологического потенциала. Между тем в нашей стране наблюдаются снижение численности и статуса ученых, занятых в сфере исследований и разработок, недостаточность финансового и ресурсного обеспечения науки. По научному потенциалу страна уступает не только технологическим лидерам, но и не входит в число лидеров стран G-20[1]. Являясь наследницей Российской империи и СССР, Россия по-прежнему сильна в фундаментальной науке, прежде всего физике и математике, но говорить о целостности научного комплекса уже не приходится. Между тем имеются серьезные заделы в области фундаментальной науки, которые при целенаправленных усилиях со стороны государства в состоянии восстановить роль науки в ускоренном развитии России, обеспечении ее безопасности и инновационного прорыва. Активное участие государства обусловлено некоммерческим характером научной деятельности и очень долгим периодом окупаемости достижений фундаментальной науки.

Сокращается быстрыми темпами не только отряд исследователей, но и количество их публикаций, особенно в англоязычных изданиях. Утешает тот факт, что количество цитирований ученых России в мировом научном сообществе стабильно, что указывает на сохраняющийся авторитет российской науки. Ситуация усугубляется и в связи с затеянной реформой Российской академии наук и топтанием на месте ее преобразований. Большие надежды возлагаются на нового президента РАН, что позволяет надеяться на восстановление традиционно сильного национального научного центра.

Крайне негативный эффект с точки зрения трансформации знаний в инновации имел факт разрушения прикладной науки. В результате часть средств, предназначенных для фундаментальной науки, направляется на коммерциализацию новых знаний. Национальная инновационная система, несмотря на колоссальные усилия и создание инновационной инфраструктуры, пока не функционирует с адекватными результатами. Цикл фундаментальная наука – прикладная наука – НИОКР – производство оказался нарушенным.

ЮНЕСКО фиксирует особенно негативную ситуацию в области охраны интеллектуальной собственности, защиты технологий и инноваций с помощью патентования. Авангардные развитые страны наращивают собственную монополию на интеллектуальном поле. Задача заключается в том, чтобы решительно ломать сложившуюся интеллектуально-правовую асимметрию, действуя «по-китайски»[2]. Только таким образом можно торпедировать доминирование развитых стран в области патентов и торговых марок и обеспечить достойное с технологической точки зрения положение в мире уже в обозримом будущем.

По словам М.В. Ломоносова, «университет – единокровный брат Академии наук». Образовательная политика России нуждается в срочных и серьезных коррективах, направленных на вывод из глубокого кризиса, в котором система образования пребывает в результате проводимой реформы. Перемены должны быть нацелены на формирование целостного взаимодействия со стратегией развития страны. Необходимо широкое общественное понимание, что образование является «основой всего дела» и что без высокого статуса и адекватного финансирования образование не сможет обеспечить реализацию научно-технической, промышленной, оборонной, энергетической политики, которые остро нуждаются в пополнении корпуса квалифицированных кадров по специальностям, востребованным цифровой эпохой.

Полномасштабное внедрение инновационной экономики не возможно без людей, способных проектировать, управлять и поддерживать сложные социальные и технологические процессы. Поэтому образование является не только важным компонентом национальной инновационной системы, но и представляет собой одну из наиболее инновационных отраслей народного хозяйства. Образование человека в течение всей его жизни обусловлено высокой скоростью обновления знаний и необходимостью поддержания собственной конкурентоспособности. Оно требует формирования компетенций, обеспечивающих способность к самообразованию и познавательной мотивации. Несмотря на сложность задачи, надо учить инновационному мышлению – решать не проблемы, а головоломки. И, следовательно, не ждать созревания проблем и затем решать их изо всех сил, а предвидеть возникновение проблем и делать максимум возможного, чтобы ликвидировать их на стадии зарождения. Страны, имеющие таких специалистов в достаточ-

[1] Доклад о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях российских ученых в 2015 году. Доклад утвержден решением Общего собрания членов РАН 23 марта 2016 года.

[2] КНР обгоняет США по количеству патентов, промышленных образцов и торговых марок. См. Бирюков А.В. Новая реальность формирующегося многополярного миропорядка: научно-технологическое сотрудничество России и Китая // Международная жизнь. – М., 2018. – № 1. – С. 62.

ном количестве, получают в мире постоянно меняющихся технологий большие конкурентные преимущества. Россия должна находиться в ряду таких стран[1].

В заключении хотелось бы отметить фактор, внешне, казалось бы, не связанный с национальным технологическим потенциалом и национальным участием в ГТТ. Речь идет о становлении в России гражданского общества и организации духовного общественного подъема, которые, как демонстрирует опыт очень многих стран, включая Россию, имеют значение. Полет Гагарина в околоземный космос и возвращение Крыма в лоно Родины являются катализаторами становления гражданского общества и духовного подъема нации. В цифровую эпоху актуализируется этическая проблематика. Вовсе не случайно, что люди, связанные с НТП и технологиями, в большинстве своем имеющих двойное предназначение, заговорили о необходимости глобальной нравственной революции, о важности воспитания в образовательном процессе, повышения уровня культуры, культивирования исторической памяти. Наблюдаемые в мире негативные явления в этих сферах, когда, например, имеются попытки забыть о правде истории и опыте предыдущих поколений, указывают на возрастании значимости гуманитарных аспектов инновационного прорыва. В этой связи в центр внимания шестого технологического уклада поставлены высокие гуманитарные технологии, которые поддерживают традиционные ценности, связанные с детьми, дружбой и любовью, приоритетом коллективных начал в общественной жизни[2].

Президент России В.В. Путин также отмечал, что нравственная катастрофа, которую испытывает наша держава, требует сосредоточить усилия на воспитании россиян. Эта серьезная задача должна стать неотъемлемым компонентом социализации граждан, как говорится, с младых ногтей – не только в семье, но и в школе и других общественных институтах, включая церковь. При этом следует иметь в виду, что технологический прорыв требует не только знающих, но и высоко моральных людей, потому что научно-технический прогресс не прощает бездушного и поверхностного отношения.

[1] Решение международной конференции «Проблемы институционального взаимодействия и развития международного научно-технического и образовательного партнерства для обеспечения инновационного развития России». Москва. 7–8 апреля 2016 года // Сайт Российского нового университета. – www.rosnou.ru

[2] Цыганов В.В. Адаптивные механизмы и высокие гуманитарные технологии. Теория гуманитарных систем. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2012.

Быков А.А.,
Денисейко И.В.,
Хаустович Н.А.[1]

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ФАКТОРЕ ЦИКЛИЧНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *Google Books Ngram, Joy-Sadness index, длинные волны Кондратьева, тест Грейнджера, технологический уклад, экономическое развитие, эмоции.*

Постановка проблемы

В современных условиях основным ресурсом производства и управления становится научное знание. Начиная со второй половины XX в. человеческий капитал, знания, разработка и трансферт технологий внесли больший вклад в экономический рост, нежели остальные «осязаемые» факторы производства – труд, капитал, природные ресурсы[2]. Наблюдаемые масштабные технологические изменения являются свидетельством того, что инновации являются необходимым и основным фактором экономического роста. При этом современная экономическая наука безоговорочно принимает постулат технологического детерминизма, суть которого сводится к объяснению общественного развития преимущественно прогрессом в науке и технологиях, определяющим образом воздействующим на бытие[3].

В классической интерпретации экономика как наука призвана искать способы удовлетворения потребностей людей за счет преобразования и распределения ограниченных природных ресурсов. Инновации и новые технологии являются способом повысить эффективность использования ресурсов, поэтому их всестороннее исследование относится к предмету экономической науки. Существуют теоретические и эмпирические доказательства зависимости темпов роста ВВП и уровня благосостояния общества от интенсивности внедрения в практику новых знаний. Но от чего зависит сама интенсивность создания нового, учитывая, что новые знания и технологии создаются исключительно человеком?

Концепции цикличности технологического развития

Технологический детерминизм акцентирует внимание на превращении знаний в богатство, не уделяя особого внимания вопросам об источнике самих новых знаний, роли человека в их создании, организации условий, способствующих росту инновационной активности. Поскольку как производство знаний, так и создание богатства является результатом человеческой деятельности, то эти процессы логично изучать во взаимосвязи.

Яркой иллюстрацией технологического детерминизма является теория технологических укладов, возведенная на постсоветском пространстве в ранг аксиомы. Сами названия технологических укладов, пронумерованных от первого до шестого, широко используются не только в научной литературе, но и в программных государственных документах. Основы теории были заложены Й. Шумпетером в рамках понятия «кластер инноваций». Далее теория получила развитие в результате исследований Г. Менша и А. Кляйнкнехта, которые показали циклическую динамику нововведений, связав ее с фазами экономического цикла. В развитие теории существенный вклад внес Д.С. Львов, а окончательно оформил ее С.Ю. Глазьев, обосновав экономический механизм смены технологических укладов.

Согласно теории С.Ю. Глазьева, смена технологических укладов производится по следующей схеме: сначала новая технология находится в эмбриональной стадии развития продолжительностью до 20 лет, которая затем переходит в фазу роста длительностью 25 – 40 лет, которая сменяется фазой зрелости – с этого момента начинает распространяться технология нового уклада[4].

---

[1] Быков Алексей Александрович – д.э.н., профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета, г. Минск E-mail:Bikov_A@bseu.by

Денисейко Ирина Валерьевна – ассистент кафедры математических методов в экономике Белорусского государственного экономического университета. E-mail: iryna-x@yandex.ru

Хаустович Наталья Александровна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики и управления Белорусского государственного экономического университета. E-mail: natahk@mail.ru)

[2] Petrescu A.S. Science and Technology for Economic Growth. New Insights from when the Data Contradicts Desktop Models // Review of Policy Research. 2009. – Vol. 26, N 6. – P. 839–880.

[3] Быков А.А., Седун А.М. Перспективы пост- и неоиндустриального развития в условиях возможной трансформации системы международного разделения труда // Белорусский экономический журнал. 2015. – № 2. – С. 4–23.

[4] Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 3. – С. 26–38.

Связь смены технологических укладов с фазами цикла (длинными волнами Кондратьева) очевидна, однако Кондратьев выступал сторонником плюралистического подхода к анализу причин долгосрочных циклических колебаний, в рамках которого механизм цикла объясняется не одним, а несколькими факторами. К таким факторам Кондратьев относил не только инновации, но также взаимосвязанность отраслей, специфику системы распределения, особенности функционирования банковской системы, сложившиеся отношения в сельском хозяйстве и т.д. Более того, он отрицательно отнесся к попытке Шумпетера создать динамическую теорию, центральным элементом которой была инновационная деятельность предпринимателя[1]. Он утверждал, в частности, что направление и интенсивность научно-технических открытий является функцией запросов практической действительности. Изобретения могут быть, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия для их применения[2]. Но от чего тогда зависит появление необходимых экономических условий для внедрения инноваций? На этот вопрос Н.Д. Кондратьев ответа не дает.

Последователи теорий длинных волн и технологических укладов описывают взаимосвязь между цикличностью и внедрением инноваций следующим образом: «в периоды благоприятной конъюнктуры предприниматели ограничиваются нововведениями, требующими малорисковых инвестиций. В фазе депрессии большого цикла, когда само существование огромного количества хозяйствующих фирм ставится под угрозу банкротства, наиболее прозорливые предприниматели решаются на большой риск, связанный с освоением выпуска базисных инновационных продуктов и сменой технологий, понимая, что даже значительная модернизация старой продукции уже не приведет к кардинальному улучшению финансовой ситуации»[3]. Таким образом, анализ и моделирование экономического цикла ограничивается системой «экономика – инновации – предприниматель». Последний, руководствуясь критериями максимизации прибыли и снижения потерь, олицетворяет собой коллективное большинство в рыночной экономике, действующее в рамках теории рациональных ожиданий с целью максимизации собственной выгоды.

Теоретическая модель экономического цикла изменится, если в нее будет введен дополнительный фактор, характеризующий поведение людей – предпринимателей, инноваторов, покупателей – с точки зрения их склонности к риску и оценки среднесрочных перспектив экономического развития. Этот фактор можно определить как отклонение поведения людей от абсолютно рационального в сторону чрезмерного оптимизма либо чрезмерного пессимизма.

В последние годы в экономической науке все больше критики направляется в адрес концепции рациональных ожиданий Р. Лукаса, обосновывающей возможность измерения всех видов рисков в экономике и, следовательно, способность познания и научного предсказания будущего. Не случайно Нобелевским лауреатом 2017 г. стал экономист Ричард Талер, доказавший, что иррациональность поведения людей далеко выходит за рамки статистической погрешности и является весьма существенным обстоятельством принятия множества экономических решений[4]. Не исключено, что массовое отклонение людей от модели рационального поведения может рассматриваться в качестве источника циклической динамики экономики.

Взаимосвязь настроений людей с экономическим циклом

В 2013 г. были опубликованы результаты исследования на тему «Выражение эмоций в книгах 20-го века»[5], проведенного с применением Google Books Ngram Viewer. Статья получила широкий резонанс среди научной общественности главным образом как образец применения новых когнитивных технологий в гуманитарных науках.

Google Books Ngram Viewer — поисковый онлайн-сервис компании Google, позволяющий строить графики частотности использования различных слов в книгах за последние 200 лет. Данный сервис относят к технологиям класса Big Data, предназначенным для хранения и обработки огромных массивов информации.

Суть исследования сводилась к анализу частоты использованных в книгах терминов, выражающих различные эмоции: гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление. Каждой эмоции поставлены в соответствие определенные слова – от 30 до 224. В выборке были использованы только книги на английском языке, опубликованные в Великобритании и США, преимущественно художественные. Соотвественно, полученным результатом стало количественное измерение эмоционального настроя людей в США и Великобритании в период с 1900 по 2008 гг.

В частности, было отмечено общее снижение эмоциональности в течение всего периода, что нашло отражение в постепенном сокращении использования более эмоциональных слов в речи, характеризующих как положительные, так и отрицательные эмоции. Другим важным результатом стал график «радость-печаль», который показывает исторические периоды с относительно радостным или грустным общественным настроем (рис. 1).

Анализируя полученный результат, авторы констатируют, что Первая мировая война проходила на пике эмоционального подъема в обществе, в то время как Вторая мировая по времени соответствовала общему эмоциональному спаду. Этот факт никак не объясняется и дополнительно не исследуется в данной статье.

---

[1] Макашева Н., Загадка Н.Д. Кондратьева: неоконченная теория динамики и методологические проблемы экономической науки // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 3. – С. 4–17.

[2] Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – С. 280.

[3] Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. – С. 158.

[4] Воробьев В.А., Майборода Т.Л. Либертарианский патернализм Р. Талера: Основания, возможности, концептуальные провалы // Белорусский экономический журнал. 2017. – № 4.

[5] Acerbi A., Lampos V., Garnett P., Bentley R.A. The Expression of Emotions in 20th Century Books // PLoSONE. 2013. 8(3): e59030. doi:10.1371/journal.pone.0059030

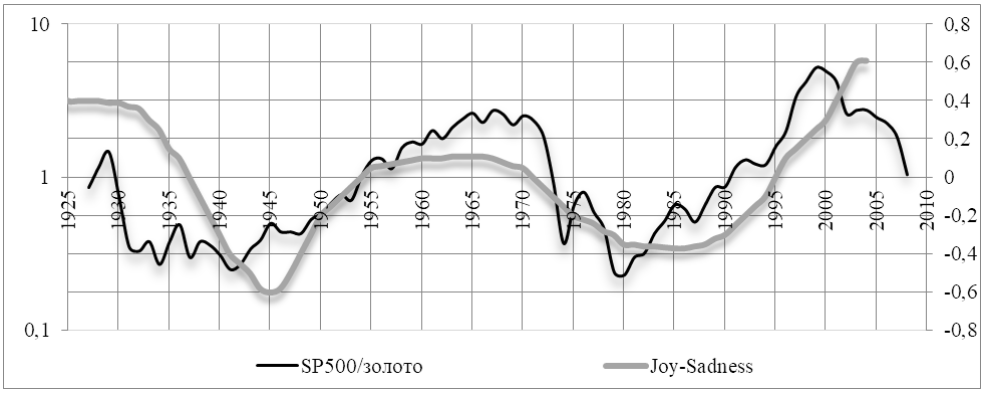


Рисунок 1.
Динамика S&P 500 в золотом эквиваленте (логарифмическая шкала слева) и индекса «радость-печаль»[11] (9, с. 47)

Отформатировано: Знак сноски, Шрифт: 12 пт

В нашем случае применительно к результатам оценок эмоциональности особый интерес вызывает вопрос: каким образом индекс «радость-печаль» согласуется с динамикой экономических показателей, особенно со стадиями роста и спада в экономическом цикле ,а также сменой технологических укладов? Вполне возможно, такая связь должна быть, поскольку график «радость-печаль» показывает довольно четко выраженные циклические колебания.

В одной из наших работ[1] при анализе факторов макроэкономического цикла было проведено сопоставление динамики индекса «радость-печаль» с рядом показателей. Было показано, что отсутствует корреляция между данным индексом и темпами роста экономики, поэтому гипотеза о зависимости настроения людей от изменения их доходов была отвергнута. Однако найдена положительная корреляция индекса «радость-печаль» с динамикой специального биржевого индекса, показывающего соотношение котировок S&P 500 с рыночной ценой золота (рис. 1).

Индекс S&P 500 формируется на основе капитализации крупнейших американских компаний, охватывающих до 80% американской экономики. Рост этого индекса свидетельствует о хороших перспективах экономики США с точки зрения множества независимых трейдеров, олицетворяющих в своей совокупности общее мнение рынков. В золото, как правило, инвестируют люди, которые стремятся к долговременному сохранению собственного благосостояния, ожидая катастрофических сценариев развития экономики. Уменьшение биржевых котировок акций, валют и других несырьевых активов по отношению к золоту означает относительный рост цен на золото. Такая ситуация повторяется в периоды неопределенности с высокой вероятностью кризиса, когда инвесторы теряют веру в перспективы развития технологически продвинутых отраслей экономики[2]. Таким образом, периоды «дешевого золота», или повышательной волны конъюнктуры формируются на фоне всеобщего доверия к экономическому развитию на базе перспективных новых технологий, а периоды «ухода в золото» олицетворяют общее снижение веры в технический прогресс и ожидания кризиса.

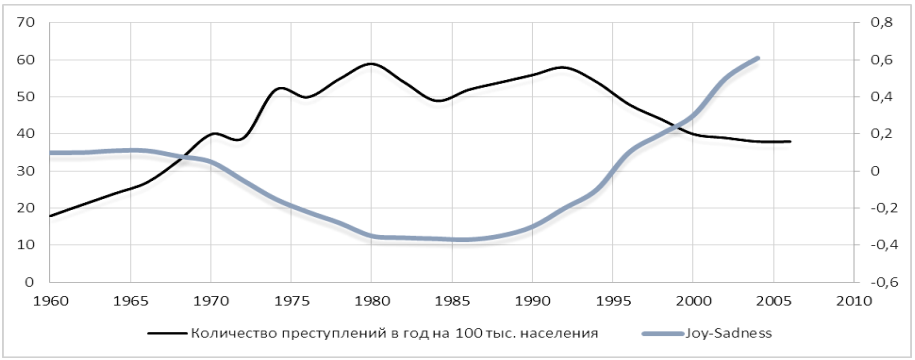


Рисунок 2.
Индекс «радость-печаль»[55] и динамика преступности в США[3]

Отформатировано: Знак сноски, Шрифт: 12 пт

Проведенный анализ (рис. 1) в первом приближении показывает довольно тесную взаимосвязь двух индексов и подтверждает совпадение динамики конъюнктуры рынка США с настроениями людей в США и Великобритании. По-

[1] Быков А.А., Быков К.Р., Хаустович Н.А. Исторический анализ экономического развития с применением Google Books Ngram // Белорусский экономический журнал. 2017. – № 4. – С. 37–55.

[2] В ожидании «судного дня»: биткоин vs золото // Вести Экономика. 22.11.2017. – http://www.vestifinance.ru/articles/94075

[3] Статистика преступлений в США. – http://muacre.livejournal.com/56637.html

добный вывод нельзя назвать открытием: общеизвестно, что удобным и действенным, хотя и далеким от совершенства мерилом социального настроения (социометром) являются индексы национальных финансовых рынков (американский S&P 500, японский Nikkei и т.п.). Дело в том, что занимаемая инвестором или аналитиком позиция в отношении ценных бумаг подчеркивает его представления о будущем на определенную временную перспективу. Учитывая позиции различных игроков, рынок синтезирует их в единый индикатор – изменение цен на акции.

Связь настроений людей с экономическими показателями существует, но она гораздо сложнее прямого влияния богатства и доходов на настроение. Например, график на рис. 2 иллюстрирует обратную зависимость между настроением и преступностью в США, корреляция между показателями составляет –0,62.

Таким образом, если общественные настроения и связаны с конъюнктурным циклом, то остается открытым вопрос относительно механизма этой связи. Быть может ключом к пониманию зависимости между настроением и экономикой являются технологические инновации?

Взаимосвязь настроений людей с технологическими инновациями

В работе[1] приводятся данные о числе патентов, зарегистрированных в мире ежегодно в расчете на 1 миллион человек населения мира. Данный показатель в определенной степени является индикатором инновационной активности в части создания новых знаний и технологий, но не их внедрения. Его динамика вполне определенно носит циклический характер, изменяясь в амплитуде от 30 до 130 ед. (рис. 3). При этом все же не совсем понятен характер зависимости между показателями.

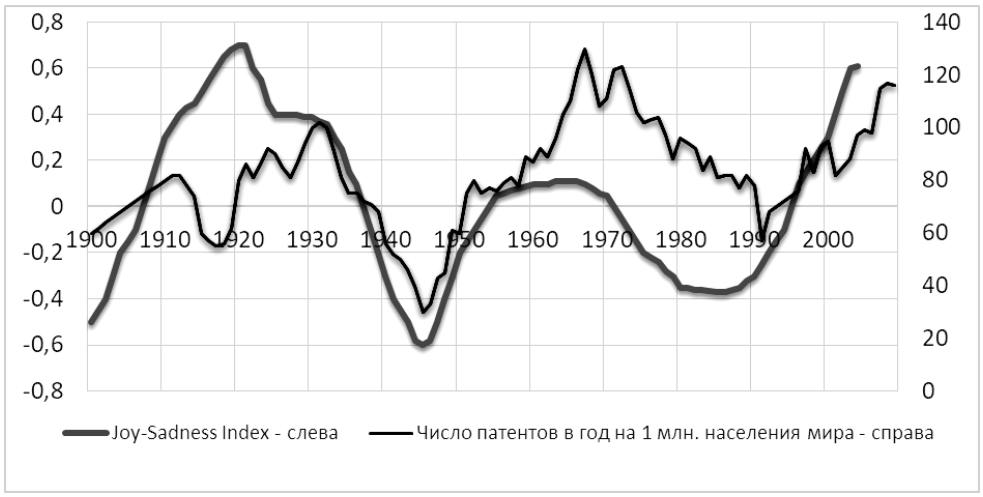


Рисунок 3.
Число патентов[2] и индекс «радость-печаль»[3]

Для прояснения характера взаимосвязи между двумя показателями проведем статистическое моделирование в пакете EViews.

Пусть p_t – временной ряд числа патентов в год на 1 млн. населения мира, js_t – индекс Joy-Sadness. Оба ряда измерены по данным за период с 1900 по 2004 год (105 наблюдений). Проверим наличие причинно-следственной взаимосвязи между рядами с помощью теста Грейнджера. Как известно, тест Грейнджера на причинность заключается в следующих действиях[4]. Проверим нулевую гипотезу о том, что «ряд js_t не является причиной временного ряда p_t». Для этого построим модель вида:

$$p_t = a + \sum_{i=1}^{k} b_i p_{t-i} + \sum_{i=1}^{k} c_i js_{t-i} \quad (1)$$

и при помощи обычного *F*-теста проверим, будут ли одновременно равны нулю все параметры c_i, $i = \overline{1,k}$ для различных значений *k*.

Статистика Фишера рассчитывается по формуле (2):

[1] Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Kondratieff Waves in the World System Perspective // Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. International Perspectives on Social Policy, Administration, and Practice. – B., 2016. – Figure 2.16. – P. 43.

[2] Там же.

[3] Acerbi A, Lampos V, Garnett P, Bentley RA The Expression of Emotions in 20th Century Books // PLoSONE. 2013. 8(3): e59030. doi:10.1371/journal.pone.0059030

[4] Магнус Я.Р. Эконометрика. Начальный курс: учеб. – 6-е изд., перераб. и доп. / Я.Р. Магнус, П.К. Катышев, А.А. Пересецкий. – М.: Дело, 2004. – 576 с.

$$F = \frac{R_1^2 - R_2^2}{1 - R_1^2} \cdot \frac{df}{k} \quad (2),$$

где R_1^2 – коэффициент детерминации модели (1);

R_2^2 – коэффициент детерминации модели $p_t = a + \sum_{i=1}^{k} b_i p_{t-i}$;

df – число степеней свободы модели (1);

k – число лаговых слагаемых, используемых в модели (1).

Чтобы нулевая гипотеза была принята, статистика F, рассчитанная по формуле (2) должна иметь распределение Фишера для заданного уровня значимости и степеней свободы k и df.

Гипотеза о том, что «ряд p_t не является причиной временного ряда js_t», проверяется аналогично с помощью модели:

$$js_t = a + \sum_{i=1}^{k} b_i js_{t-i} + \sum_{i=1}^{k} c_i p_{t-i} \quad (3).$$

При условии, если нулевая гипотеза «js_t не является причиной p_t» будет отклонена и при этом будет принята гипотеза «ряд p_t не является причиной временного ряда js_t», можно будет прийти к заключению, что «js_t влияет на p_t».

В таблице 1 приведены результаты проведения теста Грейнджера.

Таблица 1

Результаты теста Грейнджера на причинно-следственную взаимосвязь временных рядов p_t и js_t

k	Нулевая гипотеза			
	p_t не причина js_t		js_t не причина p_t	
	F	$p(F)$	F	$p(F)$
2	1,3329	0,2684	5,2440	0,0069
3	1,3023	0,2783	3,4265	0,0202
4	1,0663	0,3778	2,4011	0,0555
5	0,8024	0,5509	1,9477	0,0943
6	0,8765	0,5157	2,2212	0,0485

В табл. (1) найдены расчетные значения статистик Фишера и их p-значений для модели (1) при различных k и такие же показатели для модели (3). Известно, что если вероятность $p(F)$ больше заранее заданного уровня значимости, то нет оснований отвергнуть нулевую гипотезу, в противном случае нулевая гипотеза не принимается. Для уровня значимости 10% принимаем гипотезу «p_t не причина js_t» и отвергаем гипотезу «js_t не причина p_t», т.е. тест Грейнджера дает устойчивые результаты для лагов от 2 до 6. В таком случае следует сделать вывод о наличии значимого влияния временного ряда js_t на ряд p_t.

Обсуждение результатов и выводы

Применение теста Грейнджера на наличие причинно-следственной связи между переменными во временных рядах подтверждает зависимость интенсивности инновационной деятельности, которая характеризуется показателем числа патентов на душу населения, от настроения людей, которое выражается индексом «радость-печаль».

Сравнительно высокая статистическая погрешность в оценках (10% ошибка вместо требуемых 5%) объясняется провалом числа патентов в период с 1913 по 1921 годы, что приблизительно соответствует периоду I Мировой войны. Это обстоятельство связано с тем, что в военное время новые изобретения, как правило, не патентуются, а внедряются сразу «с колес». Общеизвестно, что ряд крупных открытий и изобретений, важных технологических инноваций, включая ракетостроение и ядерные технологии, были разработаны во время II Мировой войны. Но и на Первую Мировую также приходится всплеск инновационной активности, который не нашел отражения в росте числа патентов. Так, в годы I Мировой войны объем промышленного производства России вырос на 22%. К 1916 г. промышленность полностью перестроилась, была реализована довоенная программа по вооружению. Тяжелая промышленность увеличила выпуск продукции в три раза. Появились первые образцы автомобилей, броневиков, самолетов. Были созданы отечественная электротехника и радиопромышленность. Валовой доход в крупной индустрии, связанной с производством вооружений, возрос почти на 300%[1].

Как показали проведенные расчеты, временной разрыв (лаг) между показателями составляет от 2 до 6 лет. Данный факт объясняется длительностью процедуры оформления патента – срок патентования в США составляет от 3 до 5 лет[2].

[1] Шапкин И.Н. Экономика России в годы Первой мировой войны // Вести Экономика. 04.11.2017. – http://www.vestifinance.ru/articles/93399

[2] Гардиум. Патентные поверенные и судебные адвокаты. – http://legal-support.ru/services/patent/mezhdunarodnoe-patentovane/patenty-ssha/

Если перечисленные факты подтверждают зависимость инновационной активности от настроения людей, то вопрос о механизме, логике такой зависимости остается открытым. Как вариант, рост всеобщего оптимизма в обществе увеличивает доверие к новым технологиям, приводя к завышенным ожиданиям по поводу результатов их внедрения. В итоге научная и инновационная деятельность становится более престижной, общественно значимой, что привлекает в данную сферу дополнительные денежные ресурсы и высококвалифицированные кадры. Наоборот, в периоды всеобщего пессимизма престижность инновационной деятельности уменьшается по мере снижения веры в перспективы экономического развития; финансовые средства перетекают в активы, которые, согласно общественному мнению, являются более надежными для сохранения капиталов, квалифицированные кадры покидают сферу науки.

В одной из наших работ[1] мы выдвинули предположение о смене поколений как важном факторе цикличности экономического и технологического развития. Существует известная, но не всеми признанная теория поколений, согласно которой поколение рассматривается как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет, каждый поколенческий цикл включает 4 поколения, демонстрирующих повторяющиеся модели поведения, и длится 80–90 лет[2]. Руководствуясь данной теорией, можно объяснить инертность систем образования и инновационной деятельности сменой поколений: допустим, люди обучились ранее престижной профессии (например, связанной с добычей полезных ископаемых) и заняли руководящие должности; со временем приоритеты изменились, но представителям власти чрезвычайно трудно освоить новую престижную профессию (например, IT-специалиста).

Изложенные рассуждения лишь гипотетически отражают возможные факторы, влияющие на интенсивность инновационной деятельности. Данная проблема весьма актуальна, и появление новых научных подходов и методов создает предпосылки для ее более глубокой проработки.

[1] Быков А.А., Быков К.Р., Хаустович Н.А. Исторический анализ экономического развития с применением Google Books Ngram // Белорусский экономический журнал. 2017. – № 4. – С. 37–55.

[2] Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. – № 1. – С. 94–97.

Васильева Л.В.
к.э.н., НИИ РИНКЦЭ
Хабарова Т.В.
к.ф.-м.н., НИИ РИНКЦЭ
Жарова Г.В.
НИИ РИНКЦЭ

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ НАУКИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ[1]

Ключевые слова*: глобальный кризис, шестой технологический уклад, большие вызовы, научно-техническая сфера, государственный заказ на НИОКР, федеральные целевые программы.*

Keywords: *global crisis, the sixth technological way, great challenge, the scientific-technical sphere, the state order for R & d, federal target program.*

Специфика реалий современной России заключается в существовании комплекса проблем, которые образовались под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Основной фон определяется происходящими процессами глобальных изменений в мировой экономике, обусловленными началом перехода на шестой технологический уклад развитыми странами и усилением глобальной конкуренции. Для России эта ситуация усугубляется необходимостью преодоления последствий экономических санкций, направленных на ослабление ее позиций и влияния в мировом сообществе. В условиях структурных диспропорций экономики, глобального снижения цен на основные сырьевые продукты, роста бюджетных ограничений необходимы скоординированные усилия для преодоления негативных тенденций. Как показывает опыт развитых стран, экономическое лидерство в долгосрочной перспективе может быть обеспечено только опережающим ростом технологического уровня обрабатывающих отраслей промышленности. Главными трендами, определяющими профиль нового технологического уклада, являются биотехнологии, искусственный интеллект, новые материалы с заранее заданными свойствами, нанотехнологии, глобальный информационные сети. Развитие каждого из них базируется на достижениях науки.

Эти обстоятельства предопределили изменение роли науки в российском обществе. Сегодня государство рассматривает науку не просто как отдельный сектор социально-экономической системы, а как сферу получения и освоения новых знаний, ядро развития и основной ресурс обеспечения независимости и конкурентоспособности страны. Долгосрочная стратегия научно-технологического развития, разработанная на период до 2035 года[2] (Стратегия-2035), позиционирует отечественную науку как средство обеспечения противостояния большим вызовам, стоящим перед страной, среди них:

– появление новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер, рост глобальной и региональной нестабильности;

– ожидаемая новая волна технологических изменений в глобальной экономике, приводящая к существенному увеличению производительности труда как в производственной, так и в социальной сфере при наблюдаемом отставании России от мировых темпов технологического развития;

– усиление роли инноваций и человеческого капитала в социально-экономическом развитии страны и снижающаяся значимость многих традиционных для экономики России иных факторов роста;

– накопление структурных дисбалансов в российской экономике (рост ее зависимости от «нестабильных» нефтегазовых доходов, снижение доли инвестиций в структуре ВВП, ухудшение качественных и показателей расходов бюджетной системы) и исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития России;

– необходимость создания принципиально новых конкурентоспособных секторов экономики;

– значительная доля присутствия государства в экономике при низкой эффективности его участия в ней;

– изменение ситуации на рынке труда, в социальной сфере и в здравоохранении, связанное с изменением возрастного состава населения, его старением и ростом социального разнообразия, вызванного как демографическими изменениями, так и геополитическими и экономическими факторами;

– риск распространения в мире эпидемий, многие из которых вызваны как новыми неизвестными ранее инфекциями, так и повышением устойчивости известных бактерий и вирусов к существующим препаратам;

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства и образования Российской Федерации по материалам научно-исследовательской работы, выполненной в рамках государственного задания в сфере научной деятельности по проекту № 26.12625.2018/12.1.

[2] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года. – http:// www.pravo.gov.ru

– проблемы сохранения окружающей среды, проявляющийся глобальный дефицит ресурсов и пресной воды, последствия изменения климата;

– необходимость обеспечения продовольственной безопасности в существующих демографических, природных и экономических условиях с точки зрения количества и качества продовольствия;

– усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала; появление новых геополитических лидеров, формирование реальной конкуренции России в инновационной сфере не только со стороны государств – инновационных лидеров, но и со стороны развивающихся стран;

– формирование новых региональных торгово-экономических и политических союзов в мире (включая TPP, TPIP), интегрирующих рынки, выстраивающих единые институциональные и финансовые пространства и заставляющих страны искать свое место в складывающейся новой системе отношений;

– рост значимости энерговооруженности экономики при качественном изменении характера развития глобальных и локальных энергосистем, выражающемся в отказе от наращивания объемов выработки энергии в пользу эффективного ее использования.

В сложившихся условиях от прикладной науки ждут прорывные решения для модернизации промышленности, развития ее на новом уровне. Организация научных исследований осуществляется в соответствии со стратегическими направлениями развития экономики страны при использовании программно-целевого подхода к решению наиболее значимых проблем. При разработке Стратегии-2035 было проанализировано состояние сферы науки и технологий по ключевым аспектам и определены новые задачи (табл. 1).

Таблица 1

Анализ состояния сферы науки[1]

Аспекты анализа	Результаты анализа	Задачи Стратегии-2035
1. Нацеленность научно-технологической политики на преодоление «больших вызовов»	Действующие приоритетные направления науки, техники (ПНТТ) и технологий сформированы по тематическим областям исследований	Пересмотр ПНТТ, обеспечение концентрации ресурсов на «больших вызовах»
2. Влияние науки и технологий на развитие общества	Результаты НИОКР плохо конвертируются в конкурентные рыночные продукты. Низкая доля инновационной продукции. Низкая производительность труда (более чем в два раза ниже уровня развитых стран)	Переход от практики согласованного развития науки и технологий к созданию комплекса «наука – технологии – инновации»
3. Эффективность и конкурентоспособность исследователей	Россия по 224 перспективным направлениям задельных НИОКР, определяющих развитие 74 отраслей и секторов экономики, находится на уровне ниже мирового	Обеспечение повышения эффективности исследователей
4. Наличие исследовательского задела на перспективу	Россия представлена только в 3% глобальных исследовательских фронтов, вклад российских публикаций в публикации по данным направлениям составляет всего 1%	Создание «задела» под будущие «большие вызовы» в фундаментальных и поисковых исследованиях

Важным звеном в инновационной цепочке являются НИОКР гражданского назначения, при выполнении которых происходит апробация научных идей для решения приоритетных задач и результаты которых способствуют модернизации производства, повышению уровня его технологичности. Особенностью современных технологий является их узкая направленность, быстрая устареваемость, необходимость постоянного обновления. Все это создает неопределенность и неравномерность в развитии научно-технического процесса, сложность сохранения позиций лидерства в технологической сфере. Политика использования разработанных в других странах передовых технологий может обеспечить переход лишь на стадию инвестиционного развития. Для инновационного развития необходимо иметь свои ниши определенного технологического монополизма, что возможно только при наличии собственных разработок и изобретений[2]. Задача прикладной науки сегодня – учитывая современные мировые технологические тенденции – способствовать выходу экономики из кризисного состояния, разработке передовых технологий, генерации базисных инноваций следующего технологического уклада.

Одним из важных инструментов реализации государственной политики в области приоритетных направлений научно-технологического развития страны являются федеральные целевые программы (ФЦП), в рамках которых выполняются НИОКР гражданского назначения. Система организации и управления реализацией государственного заказа на выполнение НИОКР в рамках ФЦП представляет собой комплекс взаимоувязанных составляющих, включающий в себя нормативно-правовое регулирование и организацию конкурсов, обоснование тематики исследований, ресурсное обеспечение проектов, координацию межведомственного взаимодействия, обеспечение эффективности расходования средств и результативности ФЦП. В настоящее время происходит процесс корректировки действующей нормативно-правовой базы, регулирующей выполнение государственного заказа на НИОКР в связи с утверждением Стратегии-2035. Концепция ее принципиально отличается от предыдущих документов такого плана: сегодня российской науке не ставятся конкретные задачи как одному из секторов социально-экономической системы, а задается целеполагание – решение крупных проблем (внешних вызовов), стоящих перед страной.

[1] Составлено по материалам: http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2016/06/prezentatsiya-proekta-SNTR-12.05.2016.pdf

[2] Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А., Голомысов В.С. Актуализация приоритетов научно-технологического развития России. Проблемы и решения. – http://fictionbook.ru/author/vladimir _zinov/aktualizaciya_prioritetov_nauchno_ tehnol/read_online.html

Такой подход меняет логику реализации ФЦП, в частности, процедуры организации конкурсов на участие в выполнении мероприятий. Так, внесены изменения в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, касающиеся регламента подготовки и обсуждения проекта ФЦП, отбора проблем для программной разработки, предварительной оценки эффективности реализации целевой программы и расходования бюджетных средств[1]. Установлены дополнительные требования к анализу достаточности мер для достижения целей программ и обеспечения планируемой динамики целевых индикаторов и показателей. В частности, предварительное рассмотрение проекта целевой программы проводится на заседаниях общественного совета при государственном заказчике, а при наличии нескольких государственных заказчиков целевой программы – при государственном заказчике-координаторе целевой программы. При отборе тематики проектов, включаемых в программу, учитываются такие факторы, как значимость проблемы, невозможность ее комплексного решения в приемлемые сроки только за счет средств бизнеса, принципиальная новизна. Подчеркивается важность обеспечения межведомственной координации и межотраслевых связей технологически сопряженных отраслей и производств, задействованных в проекте. При разработке целевых программ, содержащих прикладные научные исследования и экспериментальные разработки гражданского назначения, предусмотрено согласование государственным заказчиком проекта концепции целевой программы с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, а также с Министерством образования и науки Российской Федерации.

Происходящие изменения в позиционировании гражданской прикладной науки ярко прослеживаются на примере одной из наиболее наукоемких федеральных целевых программ – «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» (ФЦР ИР). В контексте Стратегии-2035 миссия ФЦП ИР заключается в настройке действенного инструмента трансфера знаний из науки в экономику в отличие от традиционной поддержки исследовательских коллективов. Программа должна органично сочетаться со всеми инструментами поддержки научно-инновационной цепочки – и фундаментальной науки, и внедрением в производство. Формально основные параметры конкурсов, касающиеся принципов выбора тематики (директивно или поддержка инициативных предложений), сроков выполнения проектов, лимитирования объемов финансирования, требований к привлечению внебюджетных источников, остаются прежними[2]. Меняется логика инвестирования, уточняются цели, задачи и приоритеты, расширяется перечень инвесторов[3].

Ключевая задача сегодня – вовлечение научных организаций в модернизацию существующих отраслей. Проекты данного направления формируют профиль мероприятия 1.2 «Проведение прикладных научных исследований для развития отраслей экономики». Принципиальное изменение в логике инвестирования состоит в том, что индустриального партнера определяет Минобрнауки России на конкурсной основе, рассматривая заявки средних и крупных компаний, которые видят развитие своего бизнеса через использование результатов науки. На следующем этапе индустриальный партнер и Минобрнауки России совместно проводят конкурс среди научных организаций, по результатам которого определяются исполнители проектов, отобранных на первом этапе. При таком подходе к организации конкурса меняется роль государства, так как заказчиком НИОКР является теперь индустриальный партнер, а государство выполняет функцию «страхователя» рисков индустриального партнера. Механизм «страхования» рисков заключается в соотношении долей источников финансирования: чем ближе задача проекта к фундаментальной стадии исследований и, соответственно, выше риск предпринимателя, тем больше доля бюджетных средств. Если решаемая задача ближе к получению практического результата (технологии) и внедрению, доля государства уменьшается[4]. В мероприятии 1.3 «Проведение прикладных научных исследований и разработок, направленных на создание продукции и технологий», нацеленном на движение от науки к бизнесу, также меняется логика отбора исполнителей контрактов. Здесь главная задача – дать возможность научным организациям построить бизнес, создать хозяйствующие субъекты. Предпочтение отдается научным организациям, которые имеют хорошую репутацию и уже обладают практическим опытом работы в бизнесе. Государством будет поддерживаться первая стадия исследования, но при организации самого производства научная организация должна будет обеспечить привлечение внешних инвестиций[5].

В развитие концептуальных положений модернизации ФЦП ИР разрабатываются локальные документы, регламентирующие отдельные вопросы организации и проведения конкурсов, в частности отбор проектов с точки зрения обеспечения коммерциализации их результатов. Большой проблемой сегодняшней прикладной науки является низкий уровень готовности отечественных технологий к интеграции в производственные циклы промышленных предприятий. Стоит задача разработки подходов к оценке состояния технологий в плане возможностей их коммерциализации. Следует отметить, что в мире существует значительное количество признанных практик по оценке уровней готовно-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 2017 г. № 67 «О внесении изменений в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация». – http:// www.pravo.gov.ru

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1497 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы». – http:// www.pravo.gov.ru

[3] Васильева Л.В., Хабарова Т.В, Жарова Г.В. Практика реализации государственного заказа на научно-техническую продукцию гражданского назначения в рамках ФЦП: организационно-управленческие и правовые аспекты // Инноватика и экспертиза. 2017. – № 3. – С. 182–204.

[4] Матвеев С.В. ФЦП, Стратегия научно-технологического развития и университетская наука // Портал «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации». – http://sntr-rf.ru/expert/ftsp-strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-i-universitetskaya-nauka/

[5] Матвеев С.В. Изменение форматов. – https://4science.ru/articles/Vuzpromekspo-Matveev/

сти технологий (УГТ)[1], отличающихся степенью детализации и целеполаганием. Они проявили себя эффективными инструментами управления для уменьшения технических рисков, минимизации затрат и оптимизации сроков выполнения работ[2]. Использование подобных практик позволяет обеспечить общий стандарт данных при мониторинге готовности новых технологий или новых применений существующих технологий, создать инструмент измерения риска, обосновать решения по финансированию и выбору оптимального варианта технологии.

Использование подобной методики оценки зрелости технологий впервые предусматривается на уровне ФЦП ИР. Министерством образования и науки Российской Федерации подготовлен проект «Методики определения уровней готовности технологии в рамках проектов ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы», который в настоящее время проходит стадию экспертной оценки и корректировки[3]. Документ предназначен для использования при организации приема конкурсных заявок, планировании государственных закупок, формировании мероприятий государственных и федеральных целевых программ, а также заявителями, претендующими на включение предложенных ими тематик исследований в число проектов, финансируемых в том числе в рамках ФЦП ИР. Разработанный проект содержит алгоритм комплексной оценки научно-технических проектов через УГТ в зависимости от вида научной и научно-технической деятельности, что позволит определить соотношение бюджетных и внебюджетных инвестиций в прикладные научные исследования и экспериментальные разработки. Оценка базируется на анализе научных и научно-технических результатов (публикации в индексируемых научных изданиях и/или охраняемые результаты интеллектуальной деятельности). Исходя из УГТ, определяется соотношение бюджетных и внебюджетных инвестиций в прикладные научные исследования и экспериментальные разработки, осуществляемые в рамках ФЦП ИР. Предложенный подход к дифференциации соотношений источников финансирования согласуется с логикой стимулирования участия бизнеса в НИОКР: чем ближе разработка к фундаментальному исследованию, тем менее очевиден результат и необходимо большее участие государства. Создание приемлемых для практической реализации систем показателей и процедур оценки дополняет действие аналогичных методик (подходов), многообразных и широко используемых систем показателей, оценивающих эффективность и результативность процессов (явлений) в экономике, производстве.

В русле согласования и обеспечения взаимосвязи нормативно-правовой базы, регулирующей научную сферу, со Стратегией-2035 в настоящее время идет работа над проектом нового Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Действующий закон был принят более 20 лет назад, за прошедший период в него внесено свыше 30 поправок, что повлияло в итоге на системность изложения. Отдельные положения излишне детализированы, например, вопросы присвоения ученых степеней, другие в то же время не проработаны. В частности, недостаточно охвачена законодательством научно-экспертная деятельность. Реальное поле занятости государственных научных центров шире, чем это предусмотрено в законодательном плане, что создает препятствия и ограничения в работе.

Рассмотренные в статье аспекты модернизации сферы научных исследований имеют важное значение в контексте изменения роли науки и превращения ее в реальное средство решения глобальных проблем страны. Процесс преобразований займет определенное время, и оценка их результативности – вопрос будущего. В любом случае, учитывая масштабность проекта, меры прямого воздействия понадобится подкреплять косвенным регулированием (налоговое и таможенное стимулирование, развитие научно-инновационной инфраструктуры, развитие экспертного сообщества и т.п.).

[1] Баданов А.Ю., Рызванов Р.А. Адаптация лучших мировых практик по оценке уровней готовности технологий, уровней готовности интеграции, системного уровня готовности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. – № 4–1. – С. 71–82.

[2] Попов Э.В., Савинич В.С., Сосунов Я.А., Шведов А.Г. Оценка готовности технологии. – http://aviaglobus.ru/2014/06/30/8346/

[3] Методика определения уровней готовности технологии в рамках проектов ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» (проект).

Гарнов А.П.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ

Ключевые слова*: стратегическое планирование, нефтяная промышленность, инновации, утилизация нефтепромышленных отходов.*

Keywords*: strategic planning, oil industry, innovation, utilization of oil industrial wastes.*

Технико-экономическое развитие в соответствии с общенаучным подходом определяется как процесс воспроизводства технологических укладов. На мезо- и микроуровне этот термин определяется как «количественное расширение и качественное обновление производственной деятельности хозяйствующего субъекта в течение определенного времени за счет внедрения новой техники и технологий с учетом его финансово-инвестиционного и интеллектуального потенциала» [2].

Количественное расширение достигается за счет увеличения производственных мощностей. Качественное обновление происходит благодаря более эффективному использованию ресурсов, имеющихся в распоряжении хозяйствующего субъекта (материальных, трудовых и т.д.)

В современных условиях развития российской экономики от способности создавать и внедрять научные и технические достижения в значительной мере зависит конкурентоспособность хозяйствующих субъектов. Использование инноваций оказывает влияние на технико-экономическое развитие предприятий как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Внедрение результатов научно-технического прогресса, новых достижений в производственной деятельности во многом определяет интенсивность и эффективность развития отраслей российской экономики.

Инновационная деятельность становится основной составляющей в стратегии развития предприятий всех отраслей национального хозяйства, в том числе в нефтяной промышленности, которая является важной составной частью экономики нашей страны.

Нефтяная отрасль объединяет предприятия, сооружения и технологические объекты, которые производят добычу, переработку и реализацию топливных ресурсов внутри страны и за рубежом. Масштабы и роль нефтяной промышленности для нашей страны столь велики, что можно считать её ключевой отраслью экономики и важным фактором развития российского общества и геополитического статуса страны.

По данным министерства энергетики РФ, в 2016 г. в стране было добыто рекордное количество нефти и газового конденсата – 547,497 млн. т нефти с газовым конденсатом (+2,5% к 2015 г.), первичная переработка нефти составила 279,365 млн. т в год (–1,2% к 2015 г.).

Рост экспорта нефтяного сырья в 2016 г. по сравнению с аналогичным показателем 2015 г. составил 12,4 млн. т, или +5,1%. По итогам 2016 года Россия заняла первое место в мире по объему добычи нефти, опередив Саудовскую Аравию и США.

Хотя объем первичной переработки нефти второй год снижается, глубина переработки продолжает увеличиваться. По сравнению с 2015 г. она выросла на 5%. [4]

Таблица 1

Основные показатели работы *нефтяной* отрасли

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Добыча нефти и газового конденсата, млн. т	518,1	523,4	526,7	534,2	547,5
Поставка нефти на экспорт, млн. т	239,7	235,0	221,3	241,8	254,2
Первичная переработка нефти, млн. т	265,4	274,5	288,9	282,9	280,7
Глубина переработки нефти, %	71,1	71,4	72,3	74,4	79,2

**Источник*: https://minenergo.gov.ru

Согласно проекту Энергетической стратегии России на период до 2035 г. добыча нефти будет обеспечиваться в объеме 490–550 млн. т, что полностью покроет потребности загрузки нефтеперерабатывающих мощностей и исполнения экспортных контрактов. Глубину переработки нефти планируется повысить до 90–91% за счет модернизации и развития отрасли на базе передовых технологий преимущественно отечественного производства. [6]

[1] Гарнов Андрей Петрович – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики промышленности РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: profgarnov@yandex.ru

Нефтяная отрасль сконцентрировала в себе значительный научно-технический, финансово-инвестиционный и интеллектуальный потенциал. Она является одним из крупнейших потребителей инновационных технологий.

Однако внедрение ряда важнейших технологических решений и инноваций в российских нефтяных компаниях идет медленнее, чем в конкурирующих зарубежных компаниях.

С 2013 г. активность инновационной деятельности в нефтяной отрасли, как и во многих других отраслях, снижалась. Это было связано с кризисными явлениями в российской экономике и международными экономическими санкциями. В 2016 г. инновационная активность нефтяных компаний несколько оживилась, но по-прежнему остается на недостаточно высоком уровне.

Таблица 2

Инновационная активность организаций

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	10,0	8,6	8,5	7,6	7,7
обрабатывающие производства, в т.ч.	13,4	13,3	13,6	13,3	13,3
производство кокса и нефтепродуктов	31,7	29,0	25,7	21,6	22,2

*удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций, по видам экономической деятельности

** *Источник*: http://www.gks.ru

Ещё одно проблемой российской нефтяной отрасли является значительный износ основных фондов. Модернизация предприятий нефтяной отрасли идет медленно. Решение этой проблемы требует создания собственных современных технологий и оборудования. Трудность заключается в том, что сейчас российские производители оборудования для нефтедобычи и переработки недостаточно конкурентоспособны, поскольку выпуск отечественного оборудования не осуществлялся на протяжении долгого периода.

Особенностью российской нефтяной отрасли является её сильное (чаще всего, негативное) техногенное воздействие на окружающую природную среду. В некоторых российских регионах предприятия нефтяной отрасли являются главными загрязнителями окружающей природной среды.

Как упоминалось выше, отрасль имеет высокую экономическую и социальную значимость, поэтому для минимизации загрязнения окружающей среды необходим поиск и реализация экономически, социально и экологически сбалансированных решений и программ. Так, Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. требует, чтобы гарантированное удовлетворение внутреннего спроса на энергоресурсы осуществлялось при последовательном ограничении нагрузки топливно-энергетического комплекса на окружающую среду путем снижения выбросов загрязняющих веществ, сброса загрязненных сточных вод, а также сокращения отходов производства и потребления энергии.

Наблюдаемое в последние годы увеличение объемов добычи и транспортировки нефти вызвало рост количества нефтяных отходов, являющихся экологически агрессивными образованиями. Техногенное обезвреживание нефтяных отходов до сих пор не получило комплексного решения.

Утилизация нефтепромышленных отходов, осуществляемая путем сжигания, биоразложения, захоронения, ведет к уничтожению полезного продукта, имеющегося в отходах. Уже добытый ресурс безвозвратно теряется. Кроме того, обезвреживание отходов часто лишь частично снижает экологическую нагрузку. Столь расточительный подход к решению проблемы отходов существует, главным образом, по той причине, что сейчас нет окупаемых технологий, позволяющих полностью преобразовывать нефтепромышленные отходы в безопасный для окружающей среды и технологически полезный продукт.

В связи с этим проблема утилизации нефтепромышленных отходов с извлечением оставшегося в них сырья является одним из приоритетных направлений для инновационных решений.

Актуальность применения инноваций с целью более эффективного использования углеводородов, улучшения экологической обстановки, перехода на более высокий технологический уровень развития подтверждается действующими стратегиями развития экономического и социального развития российских регионов. Крупнейшая российская нефтяная компания «Роснефть» особое внимание уделяет технологиям, связанным с экологией и утилизацией производственных отходов – одной из ключевых производственных задач [7].

По нашему мнению, проблема нефтепромышленных отходов требует комплексного подхода. Комплексное использование и утилизация нефтепромышленных отходов должны охватывать следующие процессы:

- извлечение дополнительного минерального сырья из нефтесодержащих отходов;
- утилизация нефтешламов;
- утилизация твердых отходов;
- нейтрализация газообразных отходов.

Центральным моментом решения проблемы нефтепромышленных отходов является определение баланса между выгодами, полученными благодаря экологической политике, и затратами на ее осуществление.

Перечень возможных выгод довольно широк. Например, эффектообразующими факторами при реализации инновационного мероприятия в сфере утилизации нефтешламов являются прирост продукции, сокращение эксплуатационных расходов, капитальных вложений, платежей за загрязнение окружающей среды и др. Поэтому оценку экономической эффективности следует осуществлять на основе экономических, экологических и социальных показателей, характеризующих общественную эффективность производства [3].

Экономические показатели описывают экономию финансовых, материальных, трудовых и природных ресурсов, которые расходуются при производстве продукции из вторичным сырьем, заменяющего первичное сырье, экономию затрат на хранение и утилизацию отходов, на ликвидацию ущерба, нанесенного окружающей среде.

Экологические показатели характеризуют уменьшение загрязнения окружающей среды.

Социальные показатели отражают более эффективное использование трудовых ресурсов, снижение уровня безработицы, повышение жизненного уровня населения, уменьшение социальной напряженности, сохранение и улучшение здоровья населения.

Экономическая эффективность внедрения комплексного использования нефтепромышленных отходов проявляется не только на уровне предприятия, но и региона, и даже экономики в целом.

Обобщающим критерием, характеризующим экономическую эффективность инновационного проекта использования нефтяных отходов, является интегральный социально-эколого-экономический эффект, который слагается из следующих эффектов:

- ресурсообеспечивающего эффекта от прироста выпуска внутреннего валового продукта и расширения минерально-сырьевой базы за счет прироста ценности природных ресурсов;
- ресурсосберегающего эффекта за счет экономии первичного сырья в связи с заменой его вторичным в сопряженных и потребляющих отраслях;
- экологического эффекта, обусловленного предотвращением или сокращением отрицательного воздействия отходов на ОС;
- социального эффекта [3].

Чтобы создать для нефтеперерабатывающих предприятий стимулы для развития использования отходов, необходимо сформировать организационные, правовые и экономические условия. В их числе особые условия налогообложения и иные преференции для нефтеперерабатывающих предприятий, использующих технологии переработки отходов.

Более оптимальный баланс между развитием экономики и сохранением экологической стабильности можно обеспечить за счет развития альтернативной энергетики, которая основана на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ).

Согласно проекту Энергетической стратегии России на период до 2035 г. третьим этапом развития отечественной энергетической отрасли, который завершится в 2035 г., станет этап развития инновационной экономики. Основным содержанием этого этапа станет постепенный переход к энергетике будущего с принципиально иными технологическими возможностями дальнейшего развития, с опорой на высокоэффективное использование традиционных энергоресурсов и новых неуглеводородных источников энергии и технологий ее получения.

Инновационное развитие российской энергетики будет при этом обеспечено заложенным на предыдущих этапах инвестиционным и инновационным фундаментом в виде новых технологий, оборудования и принципов функционирования топливно-энергетического комплекса и смежных отраслей.

В 2016 г. крупнейшие нефтяные компании мира увеличили инвестиции в бизнес, связанный с производством электроэнергии из ВИЭ, одновременно сократив объем вложений в традиционные направления. Целями инвестиций являются снижение рисков сокращения потребления обычного топлива, применение опыта в других отраслях, получение прибыли от участия в новых быстро растущих, перспективных и высокодоходных отраслях.

Российские нефтяные компании, в частности «Лукойл», реализуют проекты в сфере зеленой энергетики в тех странах, где для таких инвестиций созданы привлекательные условия. В России интерес к инвестициям в это направление сравнительно низок, что связано как с климатическими особенностями, так и отсутствием свободных финансовых ресурсов у нефтяных компаний.

Пока рентабельность ВИЭ недостаточна для коренного перелома ситуации. Однако благодаря развитию новых технологий положение может измениться очень быстро.

Краткое рассмотрение актуальных вопросов стратегии развития нефтяной промышленности позволяет сделать следующие выводы:

Нефтяная отрасль является одной из важнейших составляющих российской экономики. Россия занимает ведущую позицию на мировом нефтяном рынке.

Уровень эффективности нефтяной отрасли при этом остается невысоким из-за технологического отставания, значительного износа основных фондов, недостаточной глубины нефтепереработки и других причин. Решение этой проблемы требует создания собственных новых технологий и оборудования.

Нефтяная отрасль оказывает сильное техногенное воздействие на окружающую среду. Центральным моментом решения обострившейся проблемы нефтяных отходов является определение баланса между выгодами, полученными благодаря экологической политике, и затратами на ее осуществление.

Для ускорения развития переработки нефтесодержащих отходов необходимо создание соответствующих экономических условий для заинтересованности нефтяных предприятий.

Возобновляемые источники энергии позволят найти более оптимальный баланс между развитием экономики и сохранением экологической стабильности. Благодаря реализации проектов в сфере зеленой энергетики нефтяные компании могут диверсифицировать инвестиции и получить прибыль от участия в быстро растущей и перспективной отрасли.

Список литературы и источников

1. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.08.2003 №1234-р.

2. Кабанов С.С. Диагностика и оценка технико-экономического развития предприятий автомобильной промышленности: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Кабанов Сергей Станиславович; Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – 193 с.
3. Крестовских Т.С. Комплексная оценка эффективности инновационных проектов переработки нефтесодержащих отходов. Корпоративное управление и инновационное развитие Севера // Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2011. – № 4. – С. 13.
4. Министерство энергетики Российской Федерации. – https://minenergo.gov.ru
5. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks
6. Проект Энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 года (редакция от 01.02.2017). – https://minenergo.gov.ru/node/1920
7. Адаптация и внедрение новых технологий. – https://www.rosneft.ru/Development/sci_and_innov/Innovacionnaja_dejatelnost/Adaptacija_i_vnedrenie_novih_tehnologij

Гнездова Ю.В.
д.э.н., профессор кафедры экономики Смоленского государственного университета

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *цифровая экономика, информационные технологии, инвестиции, стартап, цифровые технологии, венчурное финансирование, логистические издержки.*

Keywords*: digital economy, information technologies, investments, start-up, digital technologies, venture financing, logistics costs.*

Развитие цифровой экономике в России сегодня закреплено на государственном уровне в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», целью которой является создание экосистемы цифровой экономики страны, в которой данные в цифровом виде будут являться ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности.

Россия является самой крупной страной в Европе по количеству пользователей Интернета. В нашей стране 84 млн. человек ежемесячно посещают сеть. Вместе с тем, уровень проникновения Интернета в России остается на уровне существенно более низком, чем в развитых странах – 70,4%. За прошедший год уровень проникновения Интернета не вырос. Однако доля пользователей пользующихся мобильным Интернетом при помощи смартфонов выросла за год на 4,9 п.п. и составила 42,1% населения страны. Используют Интернет на планшетах 19% населения. Больше всего пользователей Интернета в возрастной группе от 16 до 29 лет – 97% [2].

Сегодня Россия не входит в группу лидеров развития цифровой экономики по многим показателям – уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, средней задержки в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах. Доля цифровой экономики в ВВП России составляет 3,9%, что в 2–3 раза ниже, чем у стран-лидеров. Однако уже сейчас заметен и ряд положительных тенденций. Один из важнейших показателей – объем цифровой экономики – в последние годы стремительно растет. Например, ВВП страны с 2011 по 2015 год вырос на 7%, а объем цифровой экономики за тот же период увеличился на 59% – на 1,2 трлн. руб. в ценах 2015 года. Таким образом, за эти пять лет на цифровую экономику пришлось 24% общего прироста ВВП [3].

За последние несколько лет в России практически с нуля удалось создать крупные цифровые компании, и некоторые из них добились международной известности. Это крупнейший в мире независимый онлайн-банк «Тинькофф Банк», который не имеет физических отделений, цифровые порталы и экосистемы сервисов «Яндекс» и Mail.ru, производитель морских тренажеров и электронных навигационных систем «Транзас», площадка электронных объявлений Avito, социальная сеть «ВКонтакте», компания по производству цифровых решений в области безопасности «Лаборатория Касперского». Высокий уровень цифровизации в современном мире – синоним конкурентоспособности и перспективности компаний, отраслей и национальных экономик.

По уровню цифровизации частных компаний Россия пока отстает от стран лидеров. Частный сектор не использует преимущества активного освоения цифровых технологий потребителями, слабо инвестирует в использование технологических достижений, в повышение производительности и создание новых продуктов и услуг. Объем инвестиций частных компаний в цифровизацию составляет пока всего 2,2% ВВП, тогда как в США он достигает 5%, в странах Западной Европы – 3,9%, в Бразилии – 3,6%. В итоге возможности поддержки конкурентоспособности российских компаний ниже не только в международном масштабе (незначительный объем высокотехнологичного экспорта), но и внутри страны (вытеснение иностранными компаниями российских игроков в сегментах электронной торговли, социальных сетей, поисковых систем) [3].

Более того, низкий уровень инвестиций со стороны заказчиков цифровых решений ограничивает возможности развития российских компаний – поставщиков цифровых решений, так как именно внутренний рынок является первой ступенькой для роста будущих цифровых лидеров.

На протяжении последних лет в России быстро увеличивался экспорт программного обеспечения: среднегодовой темп роста этого показателя в 2010–2015 годах составлял 15%. Этому способствовало прежде всего стремительное развитие мирового рынка ПО [5]. По оценкам компании IDC, в период до 2020 года этот сектор будет расти в среднем на 7% в год, что вдвое превышает прогнозные показатели других мировых ИТ-рынков (оборудования – 1,6%, ИТ-инфраструктуры – 5,7%, ИТ-услуг – 3,1%, телекоммуникационных услуг – 1,5%). Основная часть российского экспорта услуг по разработке программного обеспечения (ПО) приходится не на лицензионное ПО, а на индивидуальные решения, преимущественно для крупных иностранных компаний, которые получают львиную долю прибыли от реализации конечных продуктов и услуг [4].

В России существует значительный интеллектуальный потенциал для будущего развития цифровых стартапов: в стране есть много квалифицированных разработчиков, востребованных, в том числе, в Кремниевой долине и имею-

щих опыт участия в зарубежных проектах. Ключом, который позволит высвободить этот потенциал, может стать грамотная организация поддержки цифровых стартапов со стороны государства и частных инвесторов, а также адекватное финансирование. Несмотря на то, что сегодняшняя макроэкономическая ситуация накладывает определенные ограничения, существуют перспективы развития рынка венчурного финансирования в России, который основан на значительных масштабах неиспользованного потенциала, важно ускорить темпы цифровизации и к 2025 году достичь амбициозной, но вполне реалистичной цели – утроить размеры цифровой экономики.

Список источников

1. Протокол заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам «О программе «Цифровая экономика» от 5 июля 2017 г. // Официальный сайт Президента России. http://kremlin.ru/events/councils/bycouncil/1029/55100
2. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls
3. Retailing in Russia / Euromonitor International. 2017, январь. – http://www.euromonitor.com/retailing-in-russia/report
4. Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2016 год / РАВИ. 2017, февраль. – http://www.rvca.ru/upload/files/lib/rvca_yearbook_2016_russian_pe_and_vc_market_review_ru.pdf
5. Прогноз социально-экономического развития до 2020 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2017, 6 апреля. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/e33a7a41-7dc7-4c59-9d1f-96415344e9df/1704062.pdf?mod=ajperes&cacheid=e33a7a41-7dc7-4c59-9d1f-96415344e9df

Гумерова Г.И.[1]**,**
Шаймиева Э.Ш.[2]

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИДЕРСТВА В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ)

Ключевые слова: *теории лидерства, явные и неявные знания, интеллектуальное лидерство, профессиональные компетенции руководителя в цифровой экономике.*

Keywords*: leadership theory, explicit and implicit knowledge, intellectual leadership, professional competence of the leader in the digital economy.*

Объектом настоящего исследования являются научные исследования, включая обзоры зарубежных, российских авторов в области концепций лидерства. Предметом исследования является концепция «обслуживающего» лидерства, обеспечивающая интеллектуальное лидерство нации на основе управления неявными знаниями в составе института интеллектуальной собственности[3] [1–13].

Подход к классификации теорий лидерства в экономике знаний

В период международной исследовательской активности по разработке теоретического, методического обеспечения развития экономики знания с 2000 г. по настоящее время в области концепций лидерства как составляющей интеллектуального капитала организации высокотехнологичного бизнеса авторами выявлено наличие необходимости формирования особого типа лидерства (руководителя) для высокотехнологичных предприятий, предприятий с высокой социальной ответственностью, социально-ориентированных предприятий (государственных, муниципальных учреждений), когда управленческой задачей является повышение производительности труда, вовлечение персонала в наукоемкий, социально-ориентированный труд на основе модели управления на этических принципах, институционально закрепленных и действующих в виртуальном (для сетевых компаний) и реальном пространствах.

Подход, использованный авторами для анализа эволюции теорий (концепций) лидерства на основе их обзора с 1967 г. по 2015 г. заключается в следующих положениях: 1. Теории лидерства как часть соответствующей модели управления знанием в организации – это управленческая инновация в каждой соответствующей «длинной» волне Н. Кондратьева, включающая рациональную (основанную на явном знании) и иррациональную (основанную на неяв-

[1] Гумерова Гюзель Исаевна – д.э.н., профессор, руководитель отдела образовательных проектов Департамента образовательных проектов и программ Фонда инфраструктурных и образовательных программ (группа РОСНАНО), специалист в области управления проектами в сфере высшего образования и мониторинга рынка труда (высший менеджмент), формирования и развития национальной системы профессиональных квалификаций. Область научных интересов: управление инновациями и инвестиционной деятельностью; региональная инновационная политика; технологические инновации; коммерциализация технологий; управление знаниями и объектами интеллектуальной собственности. E-mail: Guzel.Gumerova@rusnano.com

[2] Шаймиева Эльмира Шамилевна – д.э.н., профессор кафедры менеджмента, зав. научно-исследовательской лабораторией менеджмента знаний Факультета менеджмента и инженерного бизнеса, руководитель учебных модулей по программе МБА Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова. Область научных интересов: управление инновационными процессами в высокотехнологичных видах экономической деятельности, технологическими инновациями, знаниями, объектами интеллектуальной собственности; концепции лидерства экономики знаний. E-mail: shaimieva@ieml.ru, kaz03@yandex.ru

[3] Обоснованием выбора концепции «обслуживающего лидерства» в качестве предмета настоящего исследования выступают следующие положения:

– универсальный характер концепции «обслуживающего» лидерства для возможного применения в различных социально-экономических системах, так как в ее основе – гуманность, гуманное отношение к сотрудникам, внутренней и внешней среде организации в целом. Гуманность опирается на нравственно-духовные положения в управлении организацией, что характерно духовным (религиозным) социально-экономическим организациям, характеризующимся – как и биологических системах – значительной продолжительностью жизни;

– возможность формирования экономических категорий из области иррационального, неявного (доверие, справедливость) в экономике знаний, используемых для достижения рациональных целей организации[3];

– концепция «обслуживающего лидерства» в условии социотехнического, пользовательского трендов в составе организационных представляет собой этико-ориентированную модель управления знанием в организации, выявляющая уникальность по следующим положениям теорий лидерства: взаимодействие «руководитель-последователи»; цифровая основа лидерства; социальная ориентация организации [14], [15]. Данная уникальность обеспечивает разработчику концепции интеллектуальное лидерство в экономике знаний;

– разрыв между количеством исследований в научно-теоретической, научно-методической, научно-практической областях концепции «обслуживающего лидерства» в зарубежной экономической литературе (в первую очередь, в США), способствующей ее институционализации в экономике знаний с 1970 гг. по настоящее время и недостатком исследовательских работ в области методологии концепции лидерства экономики знаний в русскоязычной экономической литературе.

ном знании) компоненты; 2. Классические теории лидерства, основанные в третьей (индустриальной) волне, сменяются в четвертой волне теориями, основу которых формирует «ценностный» подход, где под «ценностью» понимаются управленческие компетенции, основанные на опыте и навыках руководителя как его явных и неявных знаниях[1]. Следовательно, в четвертой и пятой «длинных» волнах актуальность приобретают те теории лидерства, которые оперируют «…марочным «брендовым» ресурсом…» организации, то есть ее нематериальным активом, частью которого является феномен лидерства [15]; 3. В третьей группе концепций лидерства с 1998 по 2005 г. значение приобретают вопросы «руководителя и последователей», решаемые в экономике знаний на основе явных и неявных этических принципов, широко представленных в концепциях лидерства в западной экономической литературе (табл. 1). Обоснованием разработки этико-ориентированных концепций лидерства являются проблемы в управлении компаний в США в 2000 г., приведшие к финансовым кризисам, банкротству предприятий.

Концепции лидерства как совокупность управления явными и неявными знаниями в реальном и виртуальном пространствах, эволюционируют в период с 1967 по настоящее время от управления явными знаниями в реальном пространстве до управления доминирующими неявными знаниями в виртуальном, реальном пространствах (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция теорий лидерства за период 1967 – 2015 г.

Дата первой публикации/зарождение теории	Теория, концепция	Подход	Исследователи
1. Классические теории лидерства			
1967 г.	Концепция черт	Персоналистический	Ф. Голтон, К. Берд
1964 г.	Вероятностная модель эффективного лидерства	Ситуационный	Ф. Фидлер
1964 г.	Теория Х и теория У	Поведенческий	Д. Мак-Грегор
1954 г.	Мотивационная концепция	Поведенческий	А. Маслоу
1955 г.	Концепция «конструктивного альтернативизма»	Социально-когнитивный	Дж. Келли
2. Новейшие теории лидерства теории : концепции лидерства экономики знаний			
1990 г.	Теория эмоционального интеллекта	Поведенческий, ценностный	Д. Голман
1998 г.	Теория опосредованного лидерства	Поведенческий	Р. Фишер, А. Шарп
2000 г.	Концепция «первичного лидерства»	Поведенческий	Д. Голман, Д. Бояцис
2000 г.	Теория «внутреннего стимулирования» лидерства	Поведенческий	К. Кэшман
2002 г.	Лидерство как управление парадоксами	Поведенческий, ценностный (нормативный)	Ф.Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер
3. Концепции лидерства экономики знаний, основанные на этических принципах			
1998 г.	Теория «распределенного» лидерства (shared leadership)	Ценностный	Д. Брэдфорд, А. Коэн
1997 г.	Теория связующего лидерства (connective leadership)	Ценностный	Дж. Липман-Блюмен
1994 г.	Теория трансформационного лидерства	Ценностный	Басс Б., Аволио Б.
1991, 2005 г.	Теория этического лидерства	Ценностный	Браун, Тревильо, Гаррисон, Грахам
2005 г.	Теория аутентичного лидерства	Ценностный	Аволио Б., Гарднер В.
1970, 2002 г.	Концепция «обслуживающего лидерства»	Ценностный	Гринлиф Р., Лутханз Ф., Ван Дирендонк

Источник: на основе: [1–13; 16]

Таблица 2

Группировка концепций лидерства с 1967 г по настоящее время: вид знания/пространство; теории лидерства

Группа	Вид знания / пространство		Теории лидерства	
	Вид знания как объект управления	Пространство для управления	Период, гг.	Подход в управлении
А, Б	Явные, неявные	Реальное	1967–1990	Персоналистический, ситуационный, поведенческий, социально-когнитивный
В, Г.	Явные, неявные	Реальное, виртуальное	1990- по н/время	Ценностный

Явные – доминанта вида.
Источник: разработка авторов

Новизна авторского подхода к эволюции теорий лидерства заключается в следующих аспектах:

[1] Критерии дифференциации явного и неявного знания следующие: структурное соотношение в организации; идентификация в организации (объектная база); уровни (области) создания знания и уровень менеджмента создания знания; внутрикорпоративный трансфер знаний по способу, затратам; защита знания; характеристика предприятия-создателя знания; влияние на конкурентоспособность предприятия; условия извлечения знания; локализация неявного знания в следующих областях лидерства организации экономики знания: лидер → последователи → организационная среда.

– в исследовании теорий лидерства в контексте эволюции «длинных волн», приведшей к доминированию в 4–5 «длинных волнах» нематериальных активов в составе иррационального над материальными активами в составе рационального [16];

– в исследовании теорий лидерства в контексте организационного поведения последователей (сотрудников), готовых следовать за руководителем, обладающим явным и неявным знанием, институционализированным в (этической) ментальной модели в данной организации (табл. 2).

Теории лидерства и модели управления знанием

Исходя из необходимости построения национальной модели менеджмента для обеспечения интеллектуального лидерства нации [16] авторы полагают, что искомая модель содержит в условиях экономики знаний базовую идею модели управления знанием в организации как системе; в условиях доминирования на рынке знания в мировом, российском пространствах неявного знания над явным – базовую идею модели управления знанием в организации с выделением объектной базы и методического инструментария системы управления знанием в организации[1]. Авторы исходят из следующих положений: (а) сущность (национальных) моделей управления знанием стран-лидеров технологических укладов заключается в развитии методического инструментария по извлечению явного, неявного знания в организации как системе на макро-, мезо- и микроукровнях; (б) индикатором эффективности модели управления знанием выступает показатель «производительности труда» в составе совокупной факторной производительности, определяемой как условия, влияющие на развитие производства и роста экономики [17, 18].

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что концепция лидерства для модели управления знанием в организации должна соответствовать следующим требованиям (положениям): 1.Обладать философией, позволяющей для управления высокотехнологичными предприятиями развивать инструментарий по извлечению неявного знания; для управления коммерческими предприятиями сформировать научное обоснование развития высокой корпоративной социальной ответственности; 2. Обладать способностью эффективного использования на предприятиях различных организационно-правовых форм: коммерческих, некоммерческих (государственных, муниципальных); в различных видах экономической деятельности (высокотехнологичные, здравоохранения, социальной службы, образования); 3. Обеспечивать развитие доверия, справедливости в организации как одного из положений институциональной экономики; условий для извлечения неявного знания; иррациональной компоненты в целеполагании лидера бизнеса.

На основе проведенного исследования авторами разработаны рекомендации по развитию исследований в области лидерства (табл. 3), а также требования к концепции лидерства для модели управления знанием в организации на мезо- и микроуровнях, включающие требования к компетенциям руководителя (табл. 4).

Таблица 3

Рекомендации по развитию исследований в области лидерства

Область дисциплин	*Направления исследований*
Рекомендации на основе обзора теорий лидерства в экономике знаний	
Междисциплинарный характер дисциплин: социально-психологические науки, в том числе менеджмент; философские науки	1. Изучение концепций лидерства в странах, занимающих ведущие позиции в экономике знаний в соответствующем регионе (Кувейт; Сингапур, Гонконг, Тайвань, Китай, Южная Корея, Япония и др.).
Рекомендации на основе обзора концепции «обслуживающего» лидерства в зарубежной экономической литературе	
Социально-экономические науки, в том числе менеджмент	2. Изучение концепций лидерства в кооперации с зарубежными исследователями
Рекомендации на основе обзора концепции «обслуживающего» лидерства в российской экономической литературе	
Междисциплинарный характер дисциплин: социально-психологические науки, в том числе менеджмент; философские науки	3. Разработка концепции лидерства с различных точек зрения – философия концепции, экономические аспекты концепции, эффективность концепции в организации
Философские науки	4. Формирование концепции лидерства на основе духовно-нравственной российской практики, обеспечивающей объединение сотрудников для достижения целей организации
Социально-психологические науки	5. Формирование психометрических показателей – характеристик руководителя-лидера, обеспечивающего в организации созидательную атмосферу доверия, справедливости
Социально-экономические науки, в том числе менеджмент	6. Разработка, тестирование и внедрение на предприятиях различных видов экономической деятельности шкал измерения характеристик руководителя-лидера
	7. Разработка, тестирование и внедрение на предприятиях различных видов экономической деятельности параметров измерений экономических категорий экономики знаний из области иррационального (доверие, справедливость), используемых для достижения рациональных целей организации.
	8. Изучение эффективности концепции лидерства на российских предприятиях в отношении производительности труда, лояльности сотрудников, текучести кадров

[1] Модель управления знанием на макро-, мезо- и микроуровнях представляет собой соответственно: национальную, региональную/отраслевую, в рамках конкретного предприятия модель управления знанием, сущность которых заключается в развитии методического инструментария по извлечению явного, неявного знания в организации как системе [17, 18].

Менеджмент	9. Разработка практики управления неявными знаниями на предприятиях различных видов экономической деятельности
	10. Уточнение концепции лидерства как конструкции для негражданских видов экономической деятельности
	11. Создание специализированного фонда, целью которого является поддержка перспективных исследований по разработке концепции лидерства в экономике знаний для российских предприятий

Таблица 4

Основные положения концепции лидерства в экономике знаний: требования в рамках модели управления знанием в организации, требования к профессиональным компетенциям руководителя в управлении неявным знанием

Составная часть	Уровень	Требования к концепции лидерства
I. Требования в рамках модели управления знанием в организации		
Философия основателей компании	Руководитель	Основывается на религиозных, философских/нерелигиозных (нравственных, этических) учениях
	Организация	Институционализация положений, закрепляющих в реальном, виртуальном пространствах философию компании; моральные ценности; организационную культуру
Модель трудовых отношений	Руководитель	Уникальность по следующим положениям теорий лидерства: – взаимодействие «руководитель-последователи»; – цифровая основа лидерства;
	Организация	– социальная ориентация организации
Совокупная факторная производительность	Руководитель/ организация	Национальные особенности в управлении организациями на мезо- и микроуровнях
	Руководитель	Доминирование элементов управления неявным знанием (в составе иррационального) над явным (в составе рационального), виртуального над реальным пространством.
II. Требования к профессиональным компетенциям руководителя в управлении неявным знанием		
Характеристики	Руководитель	Расширение возможностей и прав сотрудников, скромность, аутентичность, межличностное восприятие, обеспечение направления развития, руководство как служение
Профессиональные компетенции	Руководитель	Обладание методическим инструментарием модели управления знанием по извлечению неявного знания в организации[1]

Список литературы

1. Caroll B.C., Patterson K. Servant Leadership: A Study between India and the United States // Servant Leadership: Theory & Practice. 2014. – Vol.1, N 1. – P. 16–45.
2. Davenport Th., De Long D., Beers M. Building Successful Knowledge Management Projects. Center for Business Innovation, Working Paper. 1997. – http://www.providersedge.com/docs/km_articles/Building_Successful_KM_Projects.pdf
3. Dierendonck D. van. Servant Leadership: A Review and Synthesis // Journal of Management. 2010. – Vol. 37. Originally published online 2 September 2010. DOI: 10.1177/0149206310380462
4. Gibb C. Leadership // The Handbook of Social Psychology. 2nd ed. – Reading (Mass.). Addison-Wesley, 1969. – Vol. 4.
5. Hofstede G. The Cultural Relativity of Organizational Practices and Theories // Journal of International Business Studies. 1983. – Vol. 14, (2) (Special Issue on Cross Cultural Management (Autumn). – P. 75–89. – http://www.aogaku-daku.org/wp-content/uploads/2011/07/culturalRelativity6.pdf
6. House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. Understanding cultures and implicit leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE // Journal of World Business. 2002. – Vol. 37. – P. 3–10.
7. Jaworski J., Scharmer O. Leadership in the New Economy: Sensing and Actualizing Emerging Futures / Working paper, Society for Organizational Learning. – Cambridge (Mass.); Beverly (Mass.), 2000.
8. Liden R.C., Wayne S.J. Servant leadership and serving culture: influence on individual and unit performance // Academy of Management Journal. 2014. – Vol. 57, N 5. – P. 1434–1452. – http://dx.doi.org/10.5465/amj.2013.0034
9. Peterson S.J., Galvin S.J., Galvin B.M., Lange D. CEO Servant Leadership: exploring executive characteristics and firm performance // Personnel Psychologies. 2012. – Vol. 65. – P. 565–596.

[1] К инструментам по управлению неявным знанием можно отнести следующие: 1. Развитие наставничества для молодых сотрудников со стороны сотрудников с опытом работы. 2. Развитие «самообучающихся» групп, когда сотрудники, повысив квалификацию во внешних образовательных организациях, предлагают новые теоретические и практические знания для общего использования в организации. 3. Развитие площадок-«экосистем», на которых сотрудники способны решать эффективно возникающие вопросы самостоятельно. 4. Постановка перед коллективом новых задач теоретического, практического планов, поддерживая тем самым в форме деловой (тренировочной) игры готовность предприятия решать задачи на практике, возникающие неожиданно и требующие высокого профессионализма. 5. Повышение уровня геймизации работы в целях выявления все бо́льшего объема неявного знания: в решении управленческих задач в условиях высокого инновационно-инвестиционного риска и большой неопределенности в части будущего денежного потока (для менеджмента высшего уровня); рутинной тактической работы с ориентацией сотрудников на новаторство в области принятия решений и достижения результатов производственных процессов (для менеджмента среднего, низшего уровней).

10. Pircher Verdorfer, Peus C. Servant Leadership // Trends der psychologischen Führungsforschung. Neue Konzepte, Methoden und Erkentnisse. – Göttingen: Hogrefe Verlag, 2014. – S. 67–77.
11. Sendjaya S., Sarros J.C., Santora J.C. Defining and Measuring Servant Leadership Behavior in Organizations // Journal of Management. 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 402–420.
12. Senge P. The Fifth Discipline: the Art and Practice of the Learning Organization. – New York: Doubleday, 1999. – http://www.ottoscharmer.com/sites/default/files/2002_Illuminating_the_Blind_Spot.pdf
13. Swedberg R. Markets as Structures // The Handbook of Economic Sociology. – Princeton: Princeton University Press, 1994.
14. Адизес И.К. Управляя изменениями. – СПб.: Питер, 2008.
15. Сундуков А.В. Лидерство как управленческая технология развития организаций в информационной экономике // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. – № 11. – С. 185- 189.
16. Филонович С.Р. Поиски российской модели менеджмента: взгляды инсайдеров // Российский журнал менеджмента. 2004. – № 3. – С. 3–16.
17. Панкратова О.А. Проблема соотношения рационального и иррационального в познавательной деятельности. Диссертация на соискание ученой степени канд. философ. наук. – Ульяновск, 2014.
18. Развитие навыков для инновационного роста в России. – М.: Алекс, 2015. – 172 с.
19. Замулин А.Л. Лидерство в эпоху знаний // Вестник СПетерб. ун-та. Сер. Менеджмент. 2012. – Вып. 3. – С. 48–77
20. Пудовкина Н.Г. Ментальные модели как основа и препятствия для аналитической деятельности // Вектор науки / ТГУ. 2012. – № 1(8). – С. 349–352.
21. Коженко Я.В. Особенности модернизации государственного управления в России: на примере концепций «сильного» и «сервисного» государства. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-33-00313а2 «Формы и методы сервисного управления в постсоветской России: проблемы повышения качества оказания государственных услуг».

Долганов А.В.
к.э.н., директор представительства ПАО КБ «Центр-инвест»
Долганова Н.А.
к.э.н., доцент, Московский международный университет

УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ: ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *управление научно-технологическим развитием, принципы управления, инновационная модель развития экономики, менеджмент, интегрирование управления научно-технологическим развитием, образовательной сферой и бизнеса.*

Keywords: *management of scientific and technological development, principles of management, innovation model of economic development, management, integration of management of scientific and technological development, education and business.*

Современной наукой и хозяйственной практикой научно-технологическое развитие (НТР) рассматривается не просто как драйвер экономического роста, но и как обязательное и значимое условие устойчивого развития экономики, обеспечения ее конкурентоспособности и жизнеспособности.

В современной науке сложились различные концепции и взгляды на управление развитием экономикой и научно-технологическим развитием. Всех их объединяет признание решающего влияния научно-технологического развития на результаты социально-экономического развития. Из программных документов фактически вытеснены или используются как сопутствующие для раскрытия содержания НТР такие термины как «модернизация», «научно-технический прогресс», что совершенно логично. Научно-технологическое развитие содержательно более точно, объемнее и глубже отражает суть этого явления и процесса в современных условиях.

Понятие «научно-технологическое развитие» нами рассматривается интегрировано – и как явление, и как процесс, то есть как деятельность, предполагающая осуществление научных исследований, их воплощение в новые или усовершенствованные продукты (услуги), а также в новые или усовершенствованные технологические процессы и способы производства, организации и управления ими, используемые в хозяйственной практике. Важным аспектом является коммерциализация технологических новшеств.

Чтобы изменить сложившуюся неэффективную сырьевую модель экономического развития нашей страны, необходима не просто констатация НТР как фактора экономического роста, но и активное управление этим процессом на всех его уровнях с учетом ее дихотомической сущности. Дихотомичность управления НТР проявляется в том, что базовые тренды, программы и параметры научно-технологического развития задаются на макроэкономическом уровне, а конкретные результаты реализуются в показателях развития предприятий, промышленности, в степени инновационности производимой продукции, конкурентоспособности бизнеса и экономики в целом. Вместе с тем и макроэкономическое, и внутрикорпоративное управление находятся в неразрывном единстве: каждая из подсистем управления также образует определенные дихотомии. Например, очевидно, что каждый хозяйствующий субъект вступает во взаимоотношения с органами государственной власти, другими хозяйствующими субъектами. Внутри каждого предприятия формируются взаимоотношения собственников, менеджеров и сотрудников, интересы которых часто не совпадают и требуют управленческих подходов для обеспечения их рационального соотношения. Дихотомичность управления НТР влияет на содержание, динамику и статику процесса, и, как следствие, на показатели научно-технологического развития и экономики в целом.

Поставленные в программных документах социально-экономические задачи развития Российской Федерации основаны на признании того, что их решение возможно только через формирование несырьевой модели экономического развития, через прорыв в научно-технологической сфере. В связи со сложностью поставленных задач складывается потребность в формировании и функционировании соответствующей им системы управления, поскольку сложившаяся система управления НТР не обеспечивает существенных подвижек в состоянии и динамике научно-технологических процессов. Данное утверждение достаточно серьезно и требует подтверждения, поэтому представляется необходимым обозначить некоторые параметры состояния российской экономики, доказывающие объективность данного вывода.

Серьезная трансформация управленческих структур в период реформ и принимаемые решения в исследуемой сфере, в частности, не привели к улучшению состояния НТР. В рамках статьи невозможно детальное фактологическое доказательство, но даже обозначение некоторых количественных параметров весьма убедительно. В табл. 1 представлена динамика ряда показателей, характеризующих состояние и движение основных фондов, составляющих материальную основу экономического развития.

Из данных табл. 1 четко видно, что за весьма длительный период не произошло каких-либо позитивных изменений в состоянии и движении материальной базы экономики: степень износа основных фондов составляет почти 50%, и при сложившихся темпах их обновления для замены потребуется более сорока лет. По данным на конец 2016 года, полностью изношены 16,9% основных фондов, а в обрабатывающей промышленности, как следует из проведенного анализа статистических данных, это показатель равен 16,2%. Уровень износа активной части, в частности, машин и оборудования, транспортных средств составляет соответственно 26,0 и 11,8%. В отраслях обрабатывающей промышленности вышеназванные показатели равны 22,0 и 21,0% соответственно.

Таблица 1

Состояние и движение основных фондов экономики Российской Федерации

Показатели	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Ввод в действие основных фондов, в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	125,1	93,4	97,0	94,5	117,7
Коэффициент выбытия основных фондов (в сопоставимых ценах), %	1,3	0,8	0,8	1,0	0,8
Коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах), %	1,8	3,7	4,3	3,9	4,4
Степень износа основных фондов (по полному кругу организаций), на конец года, %	39,3	47,1	49,4	47,7	48,1

Составлено по данным Росстата [9].

При таком состоянии и движении основных фондов сложно говорить о возможности технологического рывка и инновационном тренде развития материальной базы предприятия. Между тем в современных условиях темпы продуктовых инноваций существенно возросли, а изменения в технологиях, то есть способах производства, в отраслях, определяющих конкурентоспособность экономики, составляют 5–8 лет. В 2014–2016 гг. индекс физического объема инвестиций в основной капитал ниже по отношению к предыдущему году.

Чтобы не наращивать технологическое отставание, необходимо интегрирование возможностей инноваторов с возможностями бизнеса. Бизнес четко осознает, формулирует и управляет собственными интересами и собственными рисками, исходя из отсутствия внятной долгосрочной экономической политики и четкой стратегии экономического развития страны. Управленческие решения в сфере НТР, определяемые соответствующими управленческими структурами, не обеспечивают сбалансированности интересов общества и бизнеса.

Центры получения прибыли должны сближаться и интегрироваться с центрами системного управления, обеспечивая инновационный успех и бизнес-процессов, и экономики в целом. Следует отметить, что у нас фактически отсутствует этот самый центр системной интеграции научно-технологического развития, однако создано большое количество структур, осуществляющих управление НТР на разных уровнях и в разных звеньях управления, различающихся по масштабам и объектам управления. В самом общем виде можно назвать органы государственной и муниципальной власти, структуры ряда некоммерческих организаций (торгово-промышленная палата, ассоциации по разным направлениям деятельности и другие), подразделения предприятий и организаций.

На всех уровнях и во всех ветвях законодательной и исполнительной власти созданы и работают государственные и муниципальные структуры (комитеты, агентства, департаменты, межведомственные комиссии, координационные советы по управлению НТР), функции которых многообразны, а в качестве целевой функции обозначено развитие научно-технологической сферы. Такой управленческий полицентризм имеет больше недостатков, чем преимуществ. Первые проявляются в неизбежном дублировании функций управления, непрозрачности, а порой и недостаточной обоснованности принимаемых решений (во все структуры высококлассных экспертов и специалистов не хватает), снижении оперативности, распылении ресурсов, несогласованности в определении базовых направлений НТР.

Самое главное: в сложившейся системе размывается авторство формируемой научно-технологической политики и ответственность за ее реализацию. Программные и прогнозные документы социально-экономического и научно-технологического развития, нацеленные на долгосрочную перспективу, не только корректируются, но и серьезно меняются, ранее сформулированные задачи и показатели просто забываются и разрабатываются новые задачи, цели и показатели, которые также остаются скорее декларативными, чем реально исполняемыми. Примером тому являются такие документы как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации», «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», Постановление Правительства «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы» и другие. Последующие документы также не свободны от перечисленных выше недостатков [1, 2, 3,4, 5].

Существенно снижает эффективное управления НТР и постоянное нарушение важнейших принципов управления, в том числе гибкости и надежности. Постоянные реорганизации системы управления сопровождаются ломкой старых и созданием новых структур управления, перераспределением функций между ними и другими неизбежными негативными последствиями. Так с 1992 года было разработано 5 программ реформирования оборонно-промышленного комплекса, где, как известно, сосредоточены многие актуальные научно-технологические разработки. При этом под каждую программу создавались новые структуры, а старые, не выполнившие, да и не имевшие реальной возможности выполнить свои функции, упразднялись без достижения поставленных целей и задач [10]. Примеры частные, но за ними четко видна неэффективная система управления и очевидные результаты, проявляющиеся в сохранении неблагоприятной технологической ситуации. Причем недостатки и проблемы носят системный характер. Как результат: отсутствие существенных изменений в сфере НТР, сохранение старой модели экономического развития, что подтверждают многие факты и данные, представленные в табл. 2 и на рис. 1.

В структуре затрат на технологические инновации в России на исследования и разработки направляется менее 45%, более трети направляется на приобретение машин оборудования и программных продуктов. Высокий удельный вес в структуре затрат на приобретение машин оборудования и программных продуктов свойственен зависимым экономикам и укрепляет их зависимый характер, даже если экономики функционируют весьма эффективно.

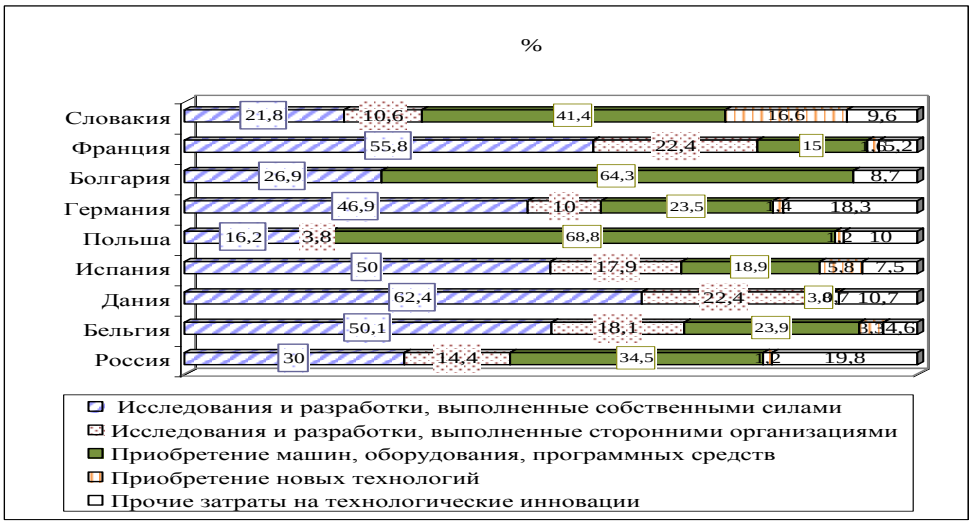


Рисунок 1.
Структура затрат на технологические инновации по видам деятельности, 2015 г.
Составлено по данным НИУ ВШЭ [8]

Высокий уровень затрат на исследования и разработки приобретение новых технологий обеспечивает таким странам как Германия, Бельгия, Дания, Южная Корея, Китай устойчивый рост экономики и высокий уровень инновационной активности.

Как следует из результатов проведенных исследований, основанных на изучении показателей и процессов, характеризующих научно-технологическое развитие, Россия в сопоставлении с зарубежными странами отстает по большинству из них, причем тенденции к преодолению отставания не просматриваются. Так выявлено, что Россия по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации, существенно отстает от развитых и динамично развивающихся стран. Например, в Германии таких предприятий больше, чем в России более чем в 6 раз, в Бельгии – более чем в 5,2, в Швеции – в 5,1 раза, в Дании – в 4,3 раза, в Чешской Республике, Венгрии и Польше – в 4 раза [8].

Внутренние затраты на исследования и разработки в РФ составили на конец 2000 г. 76,7 млрд. руб., а на конец 2016 г. – 943,8 млрд. руб. Рост в 12,3 раз за 16 лет, однако, как и затраты на финансирование науки, они не являются значительными. В структуре затрат на исследования и разработки стратегическая ориентированность даже не просматривается (табл. 2).

Таблица 2

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по видам затрат, %

Показатели	2000 г.	2010 г.	2016 г.
Текущие затраты	96,3	93,5	92,6
заработная плата с учетом страховых взносов	49,8	55,3	53,8
затраты на приобретение оборудования	4,4	3,5	2,6
другие материальные затраты	22,8	17,1	18,5
прочие текущие затраты	19,3	17,7	17,7
Капитальные затраты	3,7	6,5	7,4
земельные участки и здания	0,7	1,5	1,3
оборудование	1,8	3,8	4,0
прочие капитальные затраты	1,2	1,2	2,1
ВСЕГО	100	100	100

Составлено по данным Росстата [9].

На долю капитальных затрат приходится чуть более 7% затрат, на приобретение оборудование в составе текущих затрат приходится от 4,4 в 2010 году до 2,6% в 2016 году, на заработную плату 53,8%. Более 90% затрат приходится на оплату труда, но низкий уровень заработной платы остается причиной непрестижности научной деятельно-

сти. Не только инновационные фундаментальные, но и прикладные исследования при таком обеспечении деятельности представляются весьма проблематичными.

Никаких сколько-нибудь существенных изменений не произошло в финансировании науки, что четко следует из данных официальной статистики (табл. 3).

Таблица 3

Финансирование науки из средств федерального бюджета, млрд. руб.

Показатели	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Расходы федерального бюджета, млрд. руб. в том числе:	17,4	237,6	437,3	439,4	402,7
на фундаментальные исследования	8,2	82,2	121,6	120,2	105,2
на прикладные научные исследования	9,2	155,5	315,7	319,2	297,5
в процентах:	1,69	2,35	2,95	2,81	2,45
к расходам федерального бюджета	1,69	2,35	2,95	2,81	2,45
к валовому внутреннему продукту	0,24	0,51	0,55	0,53	0,47

Составлено по данным Росстата [9].

Очевидно отсутствие положительной динамики в длительном периоде и проблематичность реальных перспектив для технологического рывка и инновационного развития экономики в целом. Из приведенных данных видно, что в абсолютном выражении затраты на научные исследования возрастают, но их отношение к расходам федерального бюджета и к валовому внутреннему продукту незначительно и практически не меняется. Четко просматривается тенденция сокращения затрат на фундаментальные исследования. Если в 2000 г. расходы на прикладные исследования превышали расходы на фундаментальные исследования на 12%, то в 2016 году уже более чем в 2,8 раза. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал с 2014 года ниже предыдущих лет. Вопрос о перспективах развития фундаментальной науки в контексте рассматриваемой проблематики не является риторическим: известно, что восстанавливать потери и нагонять отставание в фундаментальной науке и в фундаментальном образовании очень сложно, а иногда невозможно.

Доля предпринимательского сектора в затратах на исследования и разработки сократилась с 70,8% 2000 г. до 58,9% в 2016 г.

Доля некоммерческого сектора за исследуемый период не изменилась и составила 0,2%. За годы реформ не было предложено инструментов, мотивирующих бизнес к развитию НТР, его преимущество в основном декларируются. Следует отметить, что структура затрат на исследования и разработки существенно различается по разным странам, что во многом обусловлено и историческими условиями, и сложившейся практикой современного управления. Но, несмотря на различия, страны – инновационные лидеры обеспечивают эффективность функционирования данной сферы деятельности.

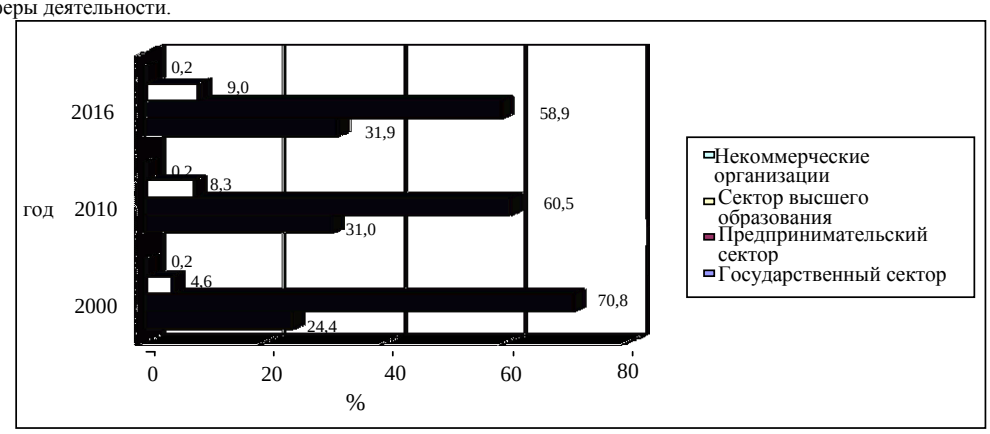


Рисунок 2.
Внутренние затраты на исследования и разработки по секторам деятельности в Российской Федерации. Составлено по данным Росстата [9]

Научно-технологическое развитие – не механистический прорыв в инновационной сфере, это рыночное событие. До тех пор пока победу на рынке приносит административный ресурс или конъюнктура чисто ценового характера, бизнес не будет рассматривать в качестве приоритетной задачу вложения средств в инновации, поскольку это сложный и длинный путь к росту прибыли, к обогащению. Пока у бизнеса есть возможность работать прибыльно без управленческих и прочих усилий, без затрат на инновации, на научно-технологическое развитие, без инновационно-инвестиционных рисков он так и будет работать. В этом есть обоснованная и психологическая, и экономическая логика со стороны бизнес-сообщества.

Инновационные риски практически всегда значительны, а инвестиционные проекты требуют серьезных вложений. При наличии у предпринимателя прибыли, удовлетворяющей его по объему и динамике, дополнительные риски

не желательны. Общие условия функционирования российского бизнеса таковы, что обеспечение заинтересованности в инвестиционно-инновационной активности бизнеса чаще декларируется, чем существует реально. Сбалансированность интересов бизнеса, государства и общества может быть обеспечена через систему управления научно-технологическим развитием, смежными сферами деятельности, в том числе научно-образовательной.

Проблемы, связанные с управлением научно-образовательной сферой также носят системный характер. Ни одни стратегический документ для научно-образовательной сферы в течение последних 15-ти лет не был выполнен, так же как и программные документы в области научно-технологического развития. Критических работ по управлению научно-образовательной сферой в России много, большая часть их справедлива. Предложений по совершенствованию управления научно-образовательной сферой тоже достаточно. Они связаны с управлением и академической наукой, и образовательной деятельностью. Однако принимаемые решения до настоящего времени не привели к существенным изменениям и ситуацию в системе управления не улучшили, несмотря на то, что аналитическая база развития предшествующего периода дает достаточно информации о несоответствии системы управления задачам НТР. Непродуманность и отсутствие реального целевого ориентира, соотносящегося с задачами развития инновационной модели экономики, проявлена, например, при подготовке и разработке ФЗ о реформировании РАН, позже принявшем форму 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук, и внесении изменений в отельные законодательные акты Российской Федерации». Конфигурирование системы управления наукой, включающей РАН, ФАНО, Российский научный фонд, Министерство образования и науки, ориентированные на тесное сотрудничество и взаимодействие с правительством, госкорпорациями, отраслями, вузовской наукой и научно-исследовательскими институтами, – это сигнал о том, что в управлении научно-образовательной сферой идут положительные трансформации, нацеленные и соотносящиеся с задачами формирования инновационной экономики.

Формирование единого центра системной интеграции научно-технологического развития и возможно, и необходимо. Подобным центром в свое время был Государственный комитет по развитию науки и техники (ГКНТ). При всем справедливо критическом отношении к управлению научно-техническим развитием в Советском Союзе следует отметить, что ГКНТ выполнял важную роль в управлении и нес ответственность за принимаемые решения. В настоящее время ответственность, как и функции, «размазана» по звеньям и уровням управления. И если дублирование функции увеличивает затраты, тормозит принятие эффективных управленческих решений, то распыление ответственности, ее обезличенность и отсутствие персональной ответственности в принципе не предполагают эффективности в решении задач НТР.

Идея формирования единого научно-технологического пространства (ЕНТП) не нова. О ней неоднократно заявляли такие известные ученые и специалисты как Ивантер В.В., Иванов В.В, Фомина А.В. Ее весьма успешно реализуют страны, стремящиеся сохранить и укрепить свое технологическое и инновационного лидерство. Так единое научное пространство в странах ЕС (*European Research Area – ERA*) закреплено Лиссабонской стратегией. Похожие процессы идут в США и других макрорегионах, защищающих свои интересы, рынки и научно-технологическое лидерство.

В силу особенностей российской системы управления формирование такого единого центра, важнейшей задачей которого будет разработка научно-технологической политики, – прерогатива первого лица государства. В его распоряжении есть совещательные органы, а именно: Совет по науке и образованию, Совет по модернизации экономики и инновационному развитию России, Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам, а также РАН с ее экспертными функциями и предписанной законом обязанностью формировать научную политику. Из изучения состава Советов по персоналиям следует, что многие из них входят в несколько таких структур как при президенте, так и в других ведомствах. В определенной мере это обеспечивает интегрированность принимаемых решений, с другой – просматривается ситуация, при которой постановка целей и задач, их последующая реализация, контроль и оценка, определение критериев эффективности сосредотачиваются если не в одном ведомстве, то в руках одних и тех же лиц – руководителей.

Кроме того, необходимо интегрировать цели и задачи научно-технологической политики, которые в значительной мере, по нашему мнению, должны формироваться научно-технической элитой, с задачами ведомств экономического блока исполнительной власти. Именно эти структуры в связке должны формировать инструментарий, заинтересовывающий бизнес в участии в инновационных разработках. Действующие в настоящее время налоговые льготы и некоторые другие преференции для бизнеса, участвующего в инновационных проектах, не обеспечивают решение поставленных задач.

Результативность управления НТР следует оценивать не столько по специализированным показателям, характеризующим усилия конкретного ведомства, но и по обобщающим, прежде всего по динамке показателей, характеризующих качество жизни населения страны и ее регионов. Опыт стран, являющихся инновационными лидерами и активно наращивающих научно-технологический потенциал, показывает, что наиболее высоких результатов добиваются те из них, кто в проводимой политике руководствуется следующими задачами:

– улучшение качества жизни и развитие человеческого капитала;

– высокотехнологичный бизнес и наукоемкое производство;

– сбалансированность интересов общества, государства и бизнеса;

– формирование научно-образовательной сферы, ориентированной на решение стратегических задач развития экономики.

Именно связка «наука-образование-бизнес-государство», интегрированная через систему управления и принятия адекватных стратегическим задачам управленческих решений, может обеспечить развитие инновационной экономической модели.

В настоящее время к числу обсуждаемых и интересных дискуссионных вопросов относится соотношение понятий «научно-технологическое развитие» и «цифровая экономика», развитие производственной сферы и цифровизация экономики. При этом, безусловно, содержательно для российской экономической науки понятие «цифровой экономики» является более новым. Как представляется, эти понятия и явления не только тесно связаны и взаимообусловливают друг друга, но в определенной степени находятся в конкуренции между собой. В данном случае речь идет, прежде всего, о конкуренции за финансовые инвестиции, человеческий капитал. В связи с этим актуализируется потребность в социально-философском, экономическом, научном осмыслении этих процессов, в изучении практических последствий их интеграции и влияния на социально-экономическую жизнь общества, производство и бизнес, на методы и инструменты управления этими процессами. И вновь на первый план выходит задача принятия принципиально новых, своевременных, обоснованных управленческих решений и программ развития с учетом новых реалий.

Список литературы и источников

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [утв. расп. Прав. от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009)] // СПС Консультант Бизнес: Версия Проф. – http://www.consultant.ru
2. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации [утв. ук. През. от 07.07.2011 г. № 899]. – http://www.consultant.ru
3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [утв. расп. Прав. от 08.12.2011 г. № 2227-р.] // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/docs/9282/
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [разр. Минэкономразвития РФ]. –http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
5. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [утв. Прав. 20.01.2014 г.] // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru
6. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. – 2-ое изд., доп. – М.: Наука, 2015. – 383 с.
7. Ивантер В.В. Влияние технологического прогресса на перспективную структуру Российской экономики // Вестник РАН. – М., 2009. – № 3 (79). – С. 246–250.
8. Индикаторы инновационной деятельности: 2017. Статистический сборник. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2017.– 328 с.
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. –http://www.gks.ru/
10. Фомина А.В. Управление развитием высокотехнологичных предприятий наукоемких отраслей промышленности / А.В. Фомина, Б.Н. Авдонин, А.М. Батьковский, М.А. Батьковский. – М.: Креативная экономика, 2014. – 400 с.

Доржиева В.В.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ НАУКОЕМКОГО ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ[2]

Ключевые слова: *наукоемкий высокотехнологичный сектор, научно-технологическое развитие, стратегическое планирование, отраслевое стратегическое планирование.*

Keywords: *knowledge-intensive high-tech sector, scientific and technological development, strategic planning, branch strategic planning.*

В современных условиях роль технологического фактора в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития становится определяющей. Особое значение приобретает развитие наукоемкого высокотехнологичного сектора экономики, повышение его конкурентоспособности на мировых высокотехнологичных рынках, где формируются основные источники прибыли, обеспечивающие решение социально-экономических задач. По сути, заложенные амбиционные планы в принятых ранее программных документах[3], реализация которых должна обеспечить возрождение России в качестве одного из технологических лидеров мирового рынка, нашли отражение в Стратегиях национальной и экономической безопасности, научно-технического и отраслевого развития.

Целевые индикаторы стратегического развития российской экономики до 2030 г. представлены в табл. 1. Запланированный уровень по показателю «Доля высокотехнологического сектора в ВВП» на 2020 г. (18,5%) и 2030 г. (22%) выполнен по итогам 2016 г. и составил 22,4%.

Таблица 1

Целевые индикаторы стратегического развития экономики РФ до 2030 г., %

Показатели	2010 г.	2020 г.	2030 г.
Раздел: Базовые показатели экономики			
Среднегодовые темпы изменения ВВП		5,5	4,7
Раздел: Диверсификация экономики			
Вклад инновационных факторов	1,7	2,4	3
Доля высокотехнологичного сектора в ВВП	**12**	**18,5**	**22**
Раздел: Инновационная активность			
Удельный вес инновационно-активных предприятий в общем числе предприятий	11,8	22	29
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности	6,3	22	30

Источник: [1].

Однако, несмотря на достижение целевого индикатора на 2030 г. и устойчивый рост доли наукоемкого высокотехнологичного сектора за последние 5 лет (рис. 1), важнейшим ограничителем повышения конкурентоспособности выпускаемой высокотехнологичной продукции и расширения рынков сбыта как внутри страны, так и за рубежом является состояние технологического потенциала отечественной промышленности.

[1] Доржиева Валентина Васильевна – к.э.н., доцент, с.н.с. Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН. E-mail: vv2006uu@yandex.ru

[2] Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН (п.23) «Научные основы развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций».

[3] Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 8.12.2011 г. № 227-р; Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 г.». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 2539-з; Государственная программа развития науки и технологий. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20.12.2012 г. № 2433-р; Государственная программа РФ «Развитие экономики и инновационная экономика». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.03.2013 г. № 467-р.

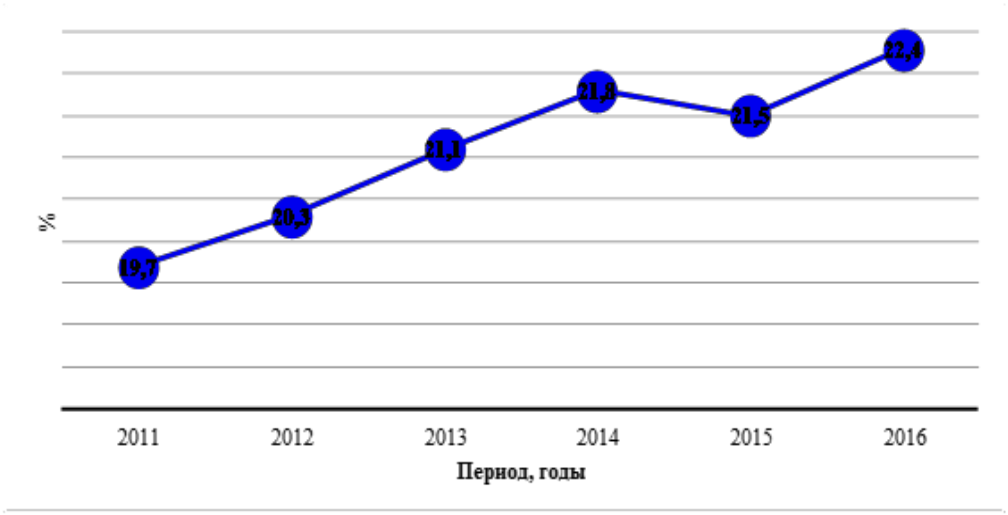
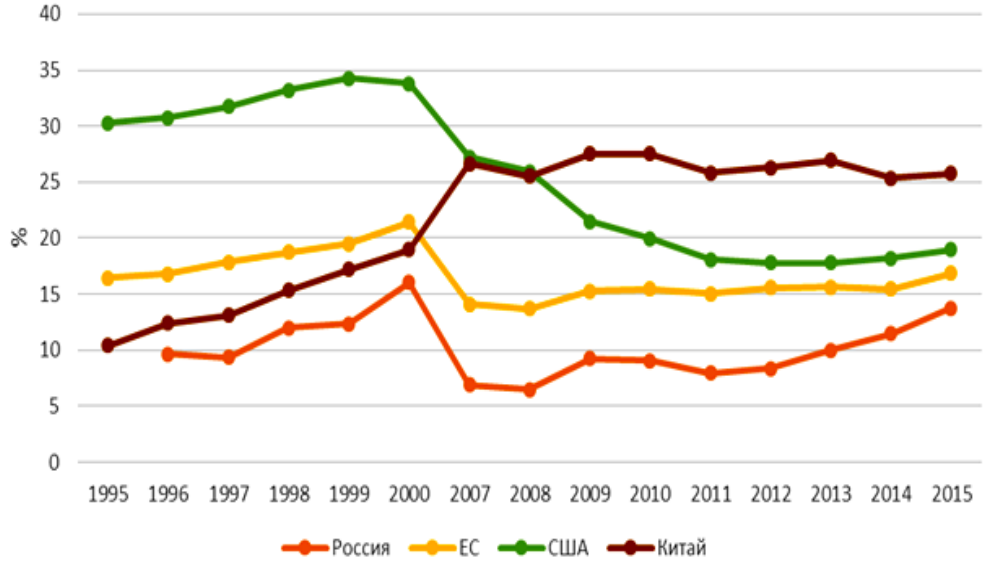


Рисунок 1.
Доля продукции наукоемких высокотехнологичных отраслей в валовом внутреннем продукте (по данным Росстата [7]), %

Целеполагание основано на существенных экономических предпосылках – устойчивом росте доли наукоемкого высокотехнологичного сектора РФ в ВВП и экспорте. За последние шесть лет доля продукции наукоемких высокотехнологичных отраслей в валовом внутреннем продукте увеличилась с 19,7% в 2011 г. до 22,4% в 2016 г. При этом если ВВП России в ценах 2011 г. за 5 лет увеличился на 1,64%, то прирост выпуска высокотехнологичной продукции составил 10,5% [8].

Анализ динамики объемов экспорта высокотехнологичной продукции в доле поставок отраслей обрабатывающей промышленности России на мировом рынке показал увеличение стоимостного показателя в 2 раза (0,58%/9,84 млрд. долл. США), но достигнутый уровень физического в 13,8% намного ниже показателей трех мировых центров высокотехнологичного производства: ЕС – 16,7%, США – 19% и Китая – 25,8% (рис. 2). Рост стоимостного показателя в общемировом масштабе составил 18%, где ведущими странами-лидерами являются Китай с долей 12,95% (558,6 млрд. долл. США), Германия – 11,07% (199,8 млрд. долл. США), США – 9,65% (155,6 млрд. долл. США) [9].



Источник: интерпретировано по базам данных [11], %

Рисунок 2.
Динамика экспорта высокотехнологичной продукции в доле поставок отраслей обрабатывающей промышленности на мировом рынке за период 1995–2015 гг.

Общеизвестно, что существенную роль в успешном развитии наукоемкого высокотехнологичного сектора играет высокотехнологичный экспорт предприятий этого сектора. В России исторически «ядро» наукоемкого высокотехнологичного сектора составляют «традиционные отрасли» – оборонно-промышленный комплекс, авиаракетно-космический комплекс, атомная промышленность [2]. В совокупности на Соединенные Штаты, Евросоюз и Россию приходится более 80% экспорта вооружений. По данным Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), в период с 2011 по 2015 год доля России на рынке экспорта вооружений достигала 25%, тогда как у США доля – 33% у Китая почти – 6%, Франции – 5,6%, Германии – 4,7%, Великобритании – 4,5% [6].

Согласно официальной таможенной статистике РФ анализ динамики вывозимых и ввозимых товаров высокотехнологичных видов товаров показал, что за период 2000–2016 гг. российский высокотехнологичный экспорт вырос в 4 раза, причем произошло это преимущественно за счет так называемых «традиционных товаров» (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля России высокотехнологичными видами продукции, млн. долл.

Код ТВ	Товары и товарные группы	Экспорт				Импорт			
		2000	2010	2015	2016	2000	2010	2015	2016
8401	Ядерные реакторы, ТВЭЛ(ы), оборудование и устройства для разделения изотопов	501	1599	1421	1314	2	7	20	15
8411, 8412	Двигатели турбореактивные, трубовинтовые, газовые турбины, двигатели реактивные	337	1440	2076	1819	139	1130	1249	1100
8471	Вычислительные машины, их блоки, считывающие устройства	38	101	444	217	202	4816,5	4034	3824
8517	Телефонные аппараты, беспроводные трубки	23	93	181	278	393	6607	6335	6714
8521	Видеозаписывающая и видеовоспроизводящая аппаратура	0	2	3	3	10	202	36	38
8526	Аппаратура радиолакационная, радионавигационная и дистанционного управления	48	340	309	756	15	223,1	152	146
8540, 8541, 8542	Лампы и трубки электронные, диоды, транзисторы, полупроводниковые приборы, интегральные схемы и микросборки	208	182	188	187	73	584	1197	1332
88	Летательные аппараты, космические аппараты и их части	1165	4859	5740	6063	558	3895	3466	5416
90	Инструменты и аппараты оптические, фоторгарфические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские, их части и принадлежности	712	1224	1246	1441	1090	6004	5110	5166
30	Фармацевтическая продукция	145	385	547	637	1293	11126	8698	8909
Итого		3177	10224	12155	12715	3775	34595	30297	32660

Источник: [5].

Соотношение экспорта и импорта свидетельствует о достаточно высокой конкурентоспособности продукции «традиционных» отраслей. Да и сам факт того, что многие из этих товаров экспортируется не только в развивающиеся страны, но и в развитые, подтверждает это. Отрицательным моментом является узость номенклатуры товаров «традиционных» отраслей и низкая конкурентоспособность «новой» высокотехнологической продукции. Об этом же говорит и соотношение экспорта и импорта «новых» высокотехнологичных товаров. Например, несмотря на то, что темпы роста «новых» высокотехнологичных изделий, связанных с цифровыми технологиями, были достаточно высоки, их доля в российском высокотехнологичном экспорте невелика.

Эксперты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН справедливо отмечают, что «развитие наукоемкого высокотехнологичного сектора российской экономики и формирование на его основе мощного технологического ядра, способного обеспечить создание передовых технологий и распространение их в другие области экономической деятельности, становятся особенно актуальной задачей в связи с введением санкций против РФ, которые могут существенно ограничить или заблокировать доступ на российский рынок многих необходимых комплектующих и новых зарубежных производственных технологий» [3].

В исследовании экспертов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) [10] с помощью индекса конкурентных позиций по сегментам высокотехнологичной продукции и степени зависимости экономики от импорта высокотехнологичных товаров из стран, введших в 2014 г. санкции против РФ, показано, что Россия является узконишевым производителем высокотехнологичной продукции со слабыми конкурентными позициями по большинству товаров и высокой зависимостью от импорта.

Наибольшую зависимость от высокотехнологичного импорта испытывают такие сектора, как фармацевтика, медицинская и электротехника, машины и оборудование (кроме двигателей, турбин и ядерных реакторов). С точки зрения технологической безопасности и влияния импорта из стран, которые ввели против России санкции, наиболее проблемными отраслями экономики остаются авиастроение, производство медицинского, оптического оборудования, двигателей и турбин, фармацевтика. В долгосрочной перспективе предстоит развивать собственное производство, особенно тех товаров, доля импорта которых из введших санкции стран очень велика.

Развитию наукоемкого высокотехнологичного сектора препятствуют несовершенство национальной инновационной системы и сохраняющийся недостаточно благоприятный инвестиционный климат. Так, по данным Росстата за первый квартал 2017 г. в РФ зафиксирован спад инвестиций в высокотехнологичные и наукоемкие отрасли на 6,8–7,1% при росте общего объема инвестиций на 2,3%, до 1,713 трлн. рублей [4]. Более 40% этой суммы пришлось на добычу полезных ископаемых (530,4 млрд. рублей, рост на 1,5%) и строительство трубопроводов для их транспортировки за рубеж (184,2 млрд. рублей, рост на 24,5%). Более чем на треть, до 38,8 млрд. рублей выросли инвестиции в финансовую и страховую деятельность.

Принятый закон «О стратегическом планировании в РФ» (ФЗ №172) имеет многоступенчатую систему введения в действие и целый ряд его важных положений до сих пор не выполнен в полном объеме. При этом новые разрабатываемые документы должны быть взаимно согласованы и синхронизированы на разных уровнях управления (федеральном, отраслевом, территориальном), а также между разными видами документов планирования в рамках единой системы стратегического планирования. В соответствии с нормами статьи 47 ФЗ № 172, он может заработать лишь после принятия подзаконных актов, регламентирующих принятие системы новых документов стратегического планирования, а до тех пор действуют документы, принятые не в соответствии с новым ФЗ № 172.

В связи с этим в настоящее время действует множество нескоординированных документов, регламентирующих развитие наукоемкого высокотехнологичного сектора, да и в целом научно-технологическое развитие страны. К примеру, в ФЗ № 172 среди документов, определяющих научно-технологическое развитие, указаны только следующие:

– Перечень критических технологий;

– Государственные программы;

– Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации.

Иные документы не обозначены в ФЗ № 172, что не позволяет считать их относящимися к документам стратегического планирования и скоординированными между собой в целях достижения определенного результата. Хотя, фактически, в России действует множество иных нескоординированных с ФЗ № 172 документов, определяющих научно-технологическое развитие страны. К ним можно отнести:

1. Перечень критических технологий;

2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия инновационного развития), утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»;

3. Дорожные карты национальной технологической инициативы;

4. Стратегия развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2012 № 2580-р «Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года»);

5. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 годы), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 2538-р (ред. от 20.07.2016) «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 годы)»;

6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы»);

7. ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники» на 2014–2020 гг. (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21.05.2013 № 426 (ред. от 27.05.2016) «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического сектора России на 2014–2020 годы»).

В соответствии с п. 27 статьи 3 ФЗ № 172 «отраслевой документ стратегического планирования РФ – документ, в котором определены приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения

национальной безопасности РФ, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления РФ, субъекта РФ, муниципального образования».

Согласно статье 19 ФЗ № 172 формируемый отраслевой срез документов долгосрочного планирования представлен на уровне целеполагания отраслевыми стратегиями и схемами развития отраслей экономики и сфер государственного управления, стратегиями развития отдельных сфер социально-экономического развития и иными документами целеполагания, решения о разработке которых принимаются Президентом РФ или Правительством РФ. В целом логичен порядок, когда сначала в отраслевых стратегиях определяются приоритеты развития и задаются ориентиры для разработки государственных программ и стратегий развития государственных корпораций, после чего для их реализации разрабатываются крупномасштабные проекты и рассчитываются необходимые ресурсы, что является на сегодня основой при формировании бюджета РФ.

На наш взгляд, важно уже на стадии формирования стратегии долгосрочного развития отраслей промышленности первостепенное внимание уделить:

– сложившемуся состоянию развития отрасли, выявлению основных проблем, тормозящих развитие и рост конкурентоспособности;

– оценке перспективного спроса (рынков) на продукцию отрасли в разрезе важнейшей товарной номенклатуры. Необходимо проанализировать возможные масштабы спроса внутреннего рынка, с учетом импортозамещения, а также потенциальные внешние рынки в привязке к конкретной географии;

– анализу основных тенденций технологического развития мирового наукоемкого высокотехнологичного сектора, соответствия технологического уровня отечественной продукции лучшим зарубежным образцам, имеющихся технологических заделов и их соответствия тенденциям технологического развития на мировых рынках;

– оценке необходимого ресурсного обеспечения целевого варианта развития высокотехнологичной отрасли.

По замыслу разработчиков ФЗ-172 в качестве исходного этапа разработки системы документов стратегического планирования высокотехнологичных отраслей должен рассматриваться на этапе прогнозирования – Прогноз научно-технологического развития, по результатам которого и должны формироваться долгосрочные цели развития наукоемкого высокотехнологичного сектора, определяющие смысловую основу Стратегии развития научно-технологического развития на долгосрочную перспективу, которые, в свою очередь, должны формировать основу (т.е. обосновывать целесообразность) разработки конкретных отраслевых, секторальных и региональных программ общегосударственного значения как инструментов реализации стратегических целей долгосрочного развития страны.

Свою особую специфику в системе стратегического планирования имеет среднесрочный (трехлетний) прогноз. В отличие от прогноза и стратегии долгосрочного социально-экономического развития, отраслевых и региональных стратегий и программ, которые должны разрабатываться раз в шесть лет, среднесрочный прогноз социально-экономического развития разрабатывается ежегодно. Его основная задача заключается в обосновании темпов роста ВВП и основных макроэкономических показателей на последующие за текущим три года, из которых параметры первого года служит экономической основой для разработки доходной части федерального и консолидированного бюджетов страны. От размера таких доходов зависят и масштабы финансирования программ развития различных секторов экономики. Таким образом, среднесрочный прогноз социально-экономического развития может служить обоснованием для корректировки параметров отраслевых документов стратегического планирования долгосрочного характера (стратегий и программ). При этом такая корректировка, как правило, связана с изменениями ресурсной части обеспечения программ, а не сменой стратегических целевых установок развития отрасли.

На этапе планирования и программирования отраслевой срез стратегического планирования реализуется в государственных программах РФ, перечень которых определяется Правительством РФ в соответствии со стратегическими направлениями социально-экономического развития страны, сформулированными в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. К числу таких программ следует отнести 18 государственных программ, касающихся различных отраслей национального хозяйства и промышленности, реализация которых связана с модернизацией экономики и инновационным развитием. Кроме того, четко выраженную отраслевую направленность имеет и Государственная программа вооружения, которая не только формирует оборонный заказ для ряда отраслей промышленности, но и содержит мероприятия по развитию производственного сектора этих отраслей.

Таким образом, разработка проектов отраслевых документов долгосрочного планирования должна осуществляться исходя из следующих общих принципов:

– цели отраслевых стратегий должны соответствовать целям долгосрочного социально-экономического развития РФ;

– подготовка отраслевых стратегий должна осуществляться с учетом согласованности и взаимной увязки с государственными программами, стратегиями развития государственных корпораций и с планами территориально-отраслевого развития РФ;

– целевые ориентиры отраслевых стратегий должны быть согласованы с ориентирами, задаваемых для реализации государственных программ и стратегий развития государственных корпораций;

– отраслевые государственные программы должны учитывать реальную ресурсную базу, на основе которых должны быть разработаны планы или «маршрутные карты» реализации предложенных в отраслевых стратегиях мероприятиях.

Список литературы

1. Белов С.А. Экономический профиль и проблематика стратегического развития высокотехнологичного сектора Российской Федерации // Экономические науки. – М., 2015. – № 10 (131). – С. 54–57
2. Внешнеторговое измерение новой индустриализации России. – СПб.: Алейтея, 2015. 286 с.
3. Кошовец О.В., Ганичев Н.А. Экспорт российских вооружений как особый фактор развития высокотехнологичной промышленности России // Проблемы прогнозирования. – М., 2015. – № 2. – С. 121–134.
4. Росстат: инвестиции в России уходят в трубу. – https://newizv.ru/news/economy/06-06-2017/rosstat-investitsii-v-rossii-uhodyat-v-trubu
5. Таможенная статистика РФ за 2000–2016 гг. – http://customsonline.ru/search_ts.html
6. Технологии уходят в оборонку // Expert Online. 21.10.2017. – http://expert.ru/2017/02/8/tehnologii/
7. Федеральная служба государственной статистики/ – http://www.gks.ru/
8. Ширяев А. Наука и технологии России: нужна ли для развития отрасли Стратегия-2035? // Капитал страны. 27.01.2017. – http://kapital-rus.ru/articles/article/nauka_i_tehnologii_rossii_nujna_li_dlya_razvitiya_otrasli_strategiya2035/
9. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. 2017. – № 3 (89). – С. 62–77.
10. Gnidchenko A., Mogilat A., Mikheeva O., Salnikov V. Foreign Technology Transfer: An Assessment of Russia's Economic Dependence on HighTech Imports // Foresight and STI Governance. 2016. – Vol. 10, N 1. – P. 53–67.
11. The World Bank. – https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?end=2016&locations=RU-US-CN-EU&start=1995&view=chart

Дутов А.В.
д.т.н., к.э.н., генеральный директор НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., директор департамента НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского», в.н.с. Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ

Ключевые слова: *инновационное развитие, прорывные технологии, догоняющее развитие, асимметричный ответ, эффекты масштаба, межотраслевая интеграция, координация.*
Keywords: *innovative development, breakthrough technologies, catch-up development, asymmetric response, the effects of scale, cross-sectoral integration, coordination.*

Особенности современного этапа инновационного развития национальной экономики и обороны

Научно-техническая революция и глобализация привели к качественным изменениям в процессах инновационного развития технологий. Традиционно, начиная с трудов Й. Шумпетера, в экономической теории инноваций последние рассматривались как средство достижения конкурентного преимущества. Производитель, разработавший инновационный продукт или процесс его производства, мог получать дополнительный доход от продаж новшества, экономию издержек и, в конечном счете, сверхприбыль. Технологическое преимущество в военно-политической сфере играет даже бо́льшую роль, чем в экономической. Страны-лидеры в технологическом развитии достигают гораздо больших успехов, чем страны, богатые ресурсами – более того, подчиняют их себе и получают гораздо бо́льшую выгоду от этих ресурсов, чем их владельцы.

Однако в современном глобализированном мире барьеры для диффузии технологий снизились, сами по себе технические новшества можно купить, как и компетенции по их разработке. Таким образом, происходит конвергенция в технологическом развитии, возможности разных фирм и стран уравниваются, инновационная рента (как в узко коммерческом смысле, так и в военно-политическом плане) исчезает. Впрочем и масштаб страны, потенциальная емкость рынков имеют значение для развития технологий – при прочих равных, чем больше страна, тем выше экономически оправданные затраты на исследования и разработки, а также тем больше «критическая масса» исследователей и разработчиков новых технологий[1]. В этих условиях на первый план выходят не столько технологические инновации (продуктовые или процессные), сколько организационные, возможность быстро собрать необходимые компетенции, организовать создание нового продукта и вывести его на рынок (соответственно, принять на вооружение). Т.е. на смену ресурсной конкуренции и конкуренции технологической (которые были характерны на предыдущих этапах развития человечества) приходит временна́я конкуренция. В ней значительную роль играют организационные технологии (в т.ч. новые методы управления созданием опережающего научно-технического задела, позволяющие создавать новую наукоемкую продукцию с низкими рисками и в заданные сроки, подробнее см. [4, 9]) и поддерживающие их информационные технологии (автоматизированное проектирование и производство – CAD/CAM/CAE, технологии компьютерного моделирования и т.п., см. [7, 8]).

Однако и в этой сфере резервы роста и получения конкурентного преимущества ограничены. Кратковременное превосходство над конкурентами в коммерческой сфере далеко не всегда обеспечит значительную сверхприбыль и, тем более, эффект блокировки, позволяющий не пустить опоздавших конкурентов на рынки (поскольку продукция инноватора уже заняла бо́льшую часть рынка, накоплена «критическая масса»). Кроме того, скорее, Российская Федерация не выйдет победителем в такой инновационной гонке – напротив, существует множество примеров того, как технологическое лидерство было упущено нашей страной из-за низкой мобильности промышленного производства, недостаточной оперативности принятия решений. В военно-политической сфере относительно недолговечное преимущество технологического лидера либо требует немедленной реализации в форме радикальных действий (не всегда приемлемых даже для самих лидеров), либо оно будет со временем нейтрализовано, и паритет восстановится. Пример: после Второй Мировой войны США получили такое преимущество над всеми остальными странами, в т.ч. над СССР, создав и приняв на вооружение ядерное оружие (более того, даже применив его в рамках акции устрашения). Однако это не привело к немедленному переформатированию миропорядка под диктатом США (тогда США пришлось бы немедленно начать масштабную ядерную войну, для чего не было не только политических условий, но и возможностей – по количеству ядерных зарядов и их носителей). А уже через несколько лет СССР создал и ядерное оружие, и

[1] Подробнее см. работы [13, 14], посвященные влиянию масштабов экономической системы на возможности развития технологий и наукоемкой промышленности.

средства его доставки, и затем обеспечил военно-политический паритет с США на несколько десятилетий. С одной стороны, при создании стратегически важных инноваций, коммерческих или военных, обычно уделяется большое внимание защите информации. С другой стороны, и раньше действовали механизмы промышленного и научного шпионажа, а в настоящее время их возможности даже расширились в связи с информатизацией.

В современном мире конкуренция компаний и целых стран усилилась, стала более ожесточенной, активно применяются методы вооруженной борьбы как средства разрешения противоречий. Причем, идеология взаимовыгодного сосуществования уступила место идеологии антагонистической борьбы, в которой проигравший теряет все. Таким образом, национальная конкурентоспособность и состоятельность в глобальном технологическом соревновании становятся залогом национальной безопасности, выживания страны и ее населения. Понимание этих аспектов и поставило принятую в конце 2016 г. Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации [12] (далее – СНТР) на самый верхний уровень документов государственного стратегического планирования, наряду со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. Теперь СНТР нуждается в наполнении, в конкретных эффективных механизмах реализации. Данная работа посвящена выработке соответствующих предложений.

Новая организация исследований и разработок как шанс для России в современной глобальной технологической конкуренции

Как показал проведенный выше анализ, на первый взгляд, нынешние позиции нашей страны в описанных условиях весьма пессимистичны. Относительно малые масштабы и емкость внутреннего рынка ограничивают ресурсные возможности. Традиционное отставание в организационном плане, низкая мобильность производственных систем, инертность систем управления (государственных и корпоративных) делают маловероятным и лидерство во временно*й* конкуренции (хотя соответствующие слабые стороны необходимо устранять – это вопрос национальной безопасности). Означает ли это неизбежный проигрыш нашей страны в стратегической перспективе в экономике и в оборонной сфере? Разумеется, такой исход нельзя признать приемлемым, необходимо искать выход. Он, как это уже не раз бывало в отечественной истории, должен быть асимметричным, поскольку традиционные решения, идеология догоняющего развития гарантированно приводят к проигрышу.

На наш взгляд, резервы такого асимметричного ответа, частично уравнивающего шансы нашей страны в конкуренции с глобальными лидерами, лежат в области принципов создания новых технологий и наукоемкой продукции. Конкретнее, может быть эффективной межотраслевая интеграция исследований и разработок, их проведение в интересах не каждой отрасли промышленности в отдельности, а целой совокупности, комплекса технологически близких отраслей. Это позволяет сконцентрировать ресурсы (тем более что в нашей стране они сильно ограничены ввиду малого масштаба экономики), а также оперативно воспользоваться новыми технологиями (как только они будут разработаны хоть где-либо) в разных областях техники. Концентрация ресурсов и централизованное проведение опережающих исследований повышает шансы на достижение временно*г*о лидерства. Если продолжать изолированную разработку технологий в интересах отдельных отраслей, крайне низкие ресурсные возможности ограничивают поиск новых решений единственным направлением в каждой отрасли, но выбранное направление может оказаться неоптимальным (тем более что при выборе приоритетов неизбежен волюнтаризм) или даже тупиковым.

Таким образом, России необходима новая организация самого процесса научно-технологического развития, которая дает шансы достичь паритета в глобальной конкуренции со странами-лидерами, многократно превосходящими нашу страну по масштабам, ресурсным возможностям, организационным технологиям, мобильности и степени информатизации. Можно заметить, что и ранее прорывы, которые обеспечили выживание нашей страны в крайне неблагоприятных условиях, относятся к категории «уравнивающих шансы». Так, именно ядерное оружие позволило обеспечить военно-политический паритет и глобальную стабильность на несколько десятилетий, несмотря на то, что СССР все-таки уступал объединенному «западному миру» и в экономическом, и в ресурсном отношениях, и в гонке обычных вооружений неминуемо проиграл бы, поскольку ресурсы на содержание армии и производство ВВСТ были многократно меньшими, чем у конкурентов, даже в период наивысшего могущества страны. Однако ядерное оружие обладает потенциалом сдерживания, который делает бессмысленной агрессию против ее обладателя, безотносительно к разнице масштабов и ресурсных возможностей[1] (поскольку неважно, может ли одна страна уничтожить весь мир десять раз, а ее потенциальные противники – сто раз). Т.е. традиционно считавшаяся пропорциональной связь экономического потенциала и военной мощи страны[2] изменила свой характер, и уже нельзя однозначно утверждать, например, что втрое более крупная и богатая держава втрое сильнее в военном плане. Аналогично, ряд технологий, появившихся в период научно-технической революции (в энергетике, транспорте, сельском хозяйстве) уравнивали шансы России с ее конкурентами, несмотря на известные проблемы экономического развития, обусловленные ее природно-климатической и географической спецификой. Сейчас технологии все-таки в большей степени, нежели естественные ресурсы, определяют место страны в мире, ее конкурентные и военно-политические позиции. И теперь такой «уравнивающей шансы» инновацией – на сей раз, организационной – может стать новая организация исследований и разработок, основанная на их глубокой межотраслевой интеграции.

[1] В теории военной экономики этот эффект называется *эффектом Пожарова*, по имени профессора ВАГШ А.И. Пожарова [3].

[2] Тем более что эта связь явным образом проявлялась еще совсем незадолго до создания ядерного оружия, во Второй мировой войне, которая и стала «войной промышленных потенциалов», «войной ресурсов».

Формальное обоснование этой гипотезы можно получить, рассматривая математические модели временно́й конкуренции, а конкретнее, модели стоимости и длительности исследований и разработок [6, 10]. Их качественные свойства таковы, что масштаб системы оказывает наибольшее влияние на удельную стоимость и ожидаемую длительность исследований и разработок при очень малых масштабах. Разумеется, и при объединении ресурсов разных отраслей наша страна продолжит уступать в несколько раз глобальным лидерам по количеству возможных направлений поиска (что влияет на сроки и риски создания новых технологий), а также по объемам продукции, на которые распределяется стоимость разработки технологий. Однако этот проигрыш при переходе, условно говоря, от 10 к 1 существенно сильнее, чем при переходе от 100 к 10. Консолидация ресурсов нескольких отраслей, централизованная разработка технологий в интересах нескольких областей техники и позволяет России в этом условном примере увеличить масштабы с 1 до 10, уйдя из области критически малых масштабов. Таким образом, межотраслевая интеграция прикладных исследований и разработок является «уравнивающей шансы» организационной инновацией, компенсирующей меньшие масштабы нашей страны и меньшую оперативность внедрения новых технологий.

Межотраслевая интеграция и межведомственная координация исследований и разработок как условие асимметричного ответа

Для осуществления радикальных инновационных прорывов необходимо координировать исследования и разработки, приводящиеся в интересах различных отраслей и областей техники, и, возможно, объединять их. Яркий пример доставляет проблема развития военной авиационной техники в долгосрочной перспективе.

С одной стороны, нынешняя тенденция ее развития – прогрессирующее усложнение, удорожание и удлинение сроков создания «универсальных» авиационных комплексов (АК), удовлетворяющих все более жестким противоречивым требованиям – сама по себе представляется тупиковой, подробнее см. [2, 11]. Вероятно, в локальных конфликтах, которые преобладают в современных военно-политических условиях, существенно более эффективным (с военно-экономической точки зрения) становится использование более простых и дешевых специализированных авиационных комплексов, взаимодействующих по сетецентрическим принципам в составе смешанной группировки. Причем такой вектор технологического развития не требует существенной новизны в сфере физико-технических технологий (разработка которых длительна и ресурсоемка) – в основном, требуются инновации в области управления, логистики и т.п.

С другой стороны, высокие технологии физико-технического характера все-таки неизбежно потребуются для создания новых поколений стратегических вооружений. Так, весьма актуальной (в т.ч. с глобальной военно-политической точки зрения, с учетом перспектив изменения системы международных договоров) военно-технической концепцией представляется концепция т.н. *«быстрого глобального удара»* (БГУ, или PGS, Prompt Global Strike), подразумевающая возможность нанесения высокоточного удара (в т.ч. неядерными боеприпасами) в любую точку Земли в течение нескольких минут. Это, в свою очередь, возможно лишь с использованием космического пространства. Поэтому соответствующие летательные аппараты будут гиперзвуковыми и многосредными, воздушно-космическими. В США проводятся испытания экспериментальных аппаратов соответствующего назначения, например, демонстратора технологий NASA X-37B. Судя по продемонстрированным им возможностям, он обладает целым рядом «прорывных» характеристик, в т.ч.:

- возможностью динамичного орбитального маневрирования, многократного перехода от полета в атмосфере к космическому полету и обратно (атмосферного «нырка»), с изменением курса, высот и скоростей полета в широком диапазоне (что, в свою очередь, и открывает возможности оперативной доставки целевой нагрузки в любую точку Земли);
- возможностью длительного пребывания на орбите с корректировкой параметров движения (что требует экономичных двигателей коррекции, например, ионных, а также накопителей энергии высокой емкости и стойкости к неблагоприятным температурным и др. воздействиям, возможно, многоразовых складных источников энергии, солнечных батарей);
- автоматическим и автономным управлением с элементами искусственного интеллекта, причем, устойчивым к радиационным, тепловым, механическим и др. нагрузкам, в т.ч. возникающим при гиперзвуковом полете в атмосфере (проблемы обеспечения радиосвязи в этом режиме и обусловливают необходимость автономного интеллектуального управления);
- многоразовой тепловой защитой, выдерживающей вход в плотные слои атмосферы и движение с гиперзвуковыми скоростями (и также обладающей высокой сохраняемостью в условиях длительного орбитального полета), и т.п.

В рамках отечественной авиационной промышленности соответствующие технологии в настоящее время отсутствуют. В то же время, они могут быть разработаны в интересах других отраслей, например, ракетно-космической промышленности[1] (в особенности, сегмента, обеспечивающего потребности РВСН). Однако авиационная промышленность и отраслевая прикладная наука в настоящее время не располагают полной информацией о возможностях и прорывах, достигнутых в других отраслях отечественного ОПК, об исследованиях и разработках, проводимых в их интересах. Хотя вполне возможно, что в этих отраслях созданы технологии, которые могут быть успешно применены в авиастроении и наоборот.

[1] В России, в отличие от США и стран ЕС, эти отрасли исторически разделены и разобщены; впрочем, и в случае их интеграции все равно большинство отраслей и областей техники останется «отдельными», и проблема их разобщенности не будет решена.

Также вполне возможно, что в смежных отраслях ОПК разрабатываются «закрывающие» технологии, которые резко снижают актуальность технологического развития авиации, по крайней мере, в узком смысле (т.е. совершенствования летательных аппаратов – конструкции планера, силовой установки и бортового оборудования, улучшения их свойств – тем более что пределы такого улучшения уже почти достигнуты). Не обладая соответствующей информацией о возможном создании «закрывающих» технологий в смежных отраслях, научные организации отрасли не могут обоснованно определить роль военной авиационной техники в перспективных системах вооружений и вообще, роль авиации в группировках Вооруженных сил. В итоге, вполне возможно, что при создании научно-технического задела для будущих поколений военной авиационной техники российское авиастроение вынуждено ставить избыточные цели (и расходовать излишние ресурсы – пусть даже и выделяемые в недостаточных объемах), ориентируясь на традиционные для авиации функции в вооруженной борьбе, которые она в перспективе выполнять и не будет. Это приводит к неэффективному использованию крайне ограниченных ресурсов – и финансовых, и кадровых, и временны́х. Фактически, каждая высокотехнологичная отрасль в отдельности вынуждена развиваться в технологическом отношении вслепую, в отсутствие четких ориентиров. Не исключено, что некоторые исследования и разработки в авиастроении проводятся для решения тех задач, которые уже могут быть эффективнее решены иными видами техники, причем, на эти работы расходуются дефицитные ресурсы, которых не хватит для решения иных задач, в которых авиация и авиастроение оказали бы большее влияние на социально-экономическое развитие или обороноспособность страны. Иначе говоря, неэффективное целеполагание приводит к тому, что научные организации стремятся к достижению неактуальных целей, но по причине дефицита ресурсов не могут их достичь. В итоге не хватает ресурсов для своевременного достижения действительно актуальных целей.

Ввиду ведомственной разобщенности практически неизбежно дублирование исследований и разработок в различных отраслях. Отчасти оно имеет место даже при наличии у ЛПР всей необходимой информации, из-за преобладания частных интересов. Свойства любых организаций (в т.ч. научных организаций, интегрированных структур промышленности) таковы, что они заинтересованы в увеличении объемов своей деятельности и используемых ресурсов. В условиях сокращения ресурсов, выделяемых в целом на исследования и разработки в Российской Федерации, это неизбежно приводит к тому, что многие критически важные технологии вообще не будут созданы – по крайней мере, в те сроки, в которые их необходимо создать по соображениям национальной безопасности или экономической эффективности.

В то же время, описанный пример перспективного воздушно-космического летательного аппарата для БГУ показателен в том смысле, что его разработка лишь в рамках авиастроения в принципе невозможна – как и в рамках ракетно-космической промышленности. Аналогичные проблемы межведомственной разобщенности блокировали развитие экранопланов и других многосредных аппаратов[1]. Ведомственные, отраслевые границы неизбежно блокируют создание новых отраслей и областей техники, поскольку отрасль как объект защищает свои интересы, а не реагирует непосредственно на базовые потребности национальной экономики и обороны. Безотносительно к экономии ресурсов и эффектам их концентрации (в т.ч. временны́м), межотраслевая координация исследований и разработок необходима, чтобы обеспечить переход к новому технологическому укладу, скоординировать одновременное создание и внедрение взаимодополняющих инновационных технологий. В отсутствие механизмов такой координации инновационные технологии не только не будут внедрены, но даже не будут созданы, как обосновано в работе [5]. Причем, как показано в работах [1, 5], в период смены технологических укладов[2] наиболее эффективно централизованное управление исследованиями и разработками во всех взаимодействующих отраслях.

Таким образом, в Российской Федерации назрела необходимость создания единого органа централизованного государственного управления исследованиями и разработками в интересах обороны страны и развития национальной экономики. Этот орган должен вырабатывать единую стратегию научно-технологического развития всех отраслей промышленности и областей техники. В коллегиальном режиме их представители должны обмениваться информацией о возможных достижениях науки и технологий в своих областях, что позволит более рационально распределять между видами техники задачи обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития. В то же время, принятие решений должно быть организовано ни в коем случае не по узковедомственным критериям, а именно по критериям общегосударственного уровня.

Список литературы

1. Байбакова Е.Ю., Клочков В.В. Экономические аспекты фрагментации технологических цепочек в наукоемкой промышленности // Вестник Уральского государственного технического университета. Серия «Экономика и управление». 2010. – № 6. – С. 89–101.
2. Балабан Е.И. Гальченко А.В., Тегин В.А. Прогноз стоимости образцов материальной продукции военного назначения // Вооружение и экономика. 2016. – № 4.

[1] Безотносительно к перспективности тех или иных технических концепций. Дискуссия о ней преждевременна, поскольку позиции основаны не столько на объективных системных исследованиях, проводимых по критериям общегосударственного уровня, сколько на тенденциозных оценках, отражающих ведомственные и корпоративные интересы, конфликты различных организаций и даже персоналий.

[2] Как свидетельствуют результаты практически всех исследований технологического развития в военной и гражданской сферах, именно этот этап наблюдается сейчас в технологическом развитии как в России, так и за рубежом. Тезис об исчерпании пределов развития современных технологий не оспаривается ни в научной среде, ни в иных сообществах, и принят официально в таких доктринальных документах, как СНТР и др.

3. Гребеник В.В., Шкодинский С.В. Эффект А.И. Пожарова как объективный закон в области обеспечения экономической и военной безопасности ядерных держав мира // Экономика и предпринимательство. 2012. – № 6. – С. 30–34.
4. Дутов А.В., Клочков В.В. Развитие систем управления созданием новых технологий в наукоемкой промышленности // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 45 (348). – С. 2–15.
5. Дутов А.В., Клочков В.В. Стратегическое управление развитием авиационных технологий: проблемы и современные решения // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 48 (351). – С. 2–15.
6. Иванова Н.В., Клочков В.В. Экономические проблемы управления высокорисковыми инновационными проектами в наукоемкой промышленности // Проблемы управления. – М., 2010. – № 2. – С. 25–33.
7. Клочков В.В. CALS-технологии в авиационной промышленности: организационно-экономические аспекты. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2008. – 124 с.
8. Клочков В.В., Гусманов Т.М. Маркетинговые информационные технологии в авиастроении // Маркетинг в России и за рубежом. 2007. – № 6. – С. 10–18.
9. Клочков В.В., Рождественская С.М. Современные принципы управления прикладными исследованиями в авиационной науке // Интеллект & технологии. 2016. – № 1 (13). – С. 58–63.
10. Русанова А.Л., Клочков В.В. Эффективность кооперации в сфере исследований и разработок: временны**е** аспекты // Инновации. – СПб., 2011. – № 8. – С. 71–77.
11. Скопец Г. Многофункциональность: за все надо платить // Авиапанорама. – М., 2008. – № 1.
12. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.
13. Тимченко М.В., Клочков В.В. Анализ влияния емкости рынка на конкурентоспособность наукоемкой продукции // Журнал экономической теории. 2012. – № 2. – С. 115–128.
14. Kremer M. Population Growth and Technological Change: One Million B. C. to 1990 // The Quarterly Journal of Economics. 1993. – Vol. 108. – P. 681–716.

Зайнетдинов Р.И.[1]

УСКОРЕНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ НА ОСНОВЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: *инновация, ускорение, внедрение, бифуркация, синергетика, аттрактор, технологическое развитие, информация, энтропия.*

Keywords: *innovation, acceleration, commercialization, bifurcation, synergetics, attractor, technological development, information, entropy.*

Как показывает многолетний опыт работы автора на кафедре «Инновационные технологии», конкретные результаты инновационной деятельности в современной России не всегда соответствуют ожиданиям из-за недооценки важности научного управления инновационно-инвестиционными процессами, замалчивания реальных проблем, возникающих при внедрении инноваций. Довольно редко используются перспективные и современные методы теории инноваций и других наук, в частности нелинейной динамики и теории самоорганизующихся систем (синергетики). В реальной практике, к сожалению, в основном преобладает метод проб и ошибок. Такие действия методом проб и ошибок, попытки управлять сложными переходными инновационными процессами и обновляемыми системами, не зная и/или не учитывая их свойств и не вполне понимая, в каком состоянии эти системы находятся в конкретный момент времени, не позволяют принимать эффективные управленческие решения и стабильно получать желаемые результаты.

В то же время в результате ускорения развития и усложнения социально-экономических систем в разных странах мира приходит понимание того, что сложившиеся традиционные формы и методы управления не могут справиться со стремительно нарастающими проблемами, кризисными ситуациями и требуют значительной корректировки и обновления. В современном быстро меняющемся мире методы и формы управления также должны обновляться в направлении большей гибкости, большей адаптивности, повышения способности своевременно решать задачи регулирования инвестиционных и других потоков для достижения поставленных целей технологического развития на макро-, мезо- и микроуровнях.

Новые возможности в совершенствовании инновационно-инвестиционной политики и управления открываются современными подходами, основанными на системном анализе, нелинейной динамике и синергетике. Предлагаемый синергетический подход к управлению инновационными процессами и сопряженными с ними материальным, энергетическим и информационным потоками базируется на изучении, анализе и моделировании свойств и состояний переходных инновационно-инвестиционных процессов и обновляемых технологических систем.

Сложные процессы, связанные с технологическим развитием и происходящие в ходе разработки и применения инновационных технологий, видов продукции, услуг и бизнес-моделей, носят ярко выраженный нелинейный характер и сопровождаются необратимыми изменениями. Научно обоснованное управление, прогнозирование и планирование инновационных процессов должны, по нашему мнению, опираться на современные математические модели и методы нелинейной динамики и синергетики. Ряд исследователей (Д. Сахал[2], М. Хироока[3] и др.) ранее использовали подобные модели и методы для анализа инновационных процессов. В настоящей работе изучение, анализ и моделирование свойств инновационно-инвестиционных процессов основывается на использовании информационно-энтропийного и мультифрактального подходов, а также вейвлетного анализа[4]. Это позволяет глубже понять природу динамики (в том числе цикличности) технико-экономического развития инновационных систем на базе универсальных закономерностей самоорганизации и самоподобия. На этой основе нами предложен научный подход для ускорения внедрения инноваций.

Рассмотрим инновационно-инвестиционный процесс развития открытой технологической системы. Такие системы в процессе своего обновления развиваются как открытые диссипативные устойчиво неравновесные системы, способные к самоорганизации[5]. Наличие материального, энергетического и информационного потоков (в качестве

---

[1] Зайнетдинов Рашид Исламгулович – д.т.н., профессор, действительный член Академии проблем качества РФ. Профессиональные интересы: ускорение внедрения инноваций, наукоемкие технологии, инновационные процессы, проекты и программы, синергетика, мультифрактальные структуры, динамика информационной энтропии, прогнозирование точек бифуркации, анализ аттракторов технологического развития, качество и надежность систем. E-mail: zri7755@gmail.com

[2] Sahal D. Patterns of technological innovation. Addison-Wesley Publishing Company, 1981. – 381 p.

[3] Hirooka M. Innovation dynamism and economic growth: a nonlinear perspective. Edward Elgar, 2006. – 426 p.

[4] Зайнетдинов Р.И. Моделирование свойств инноваций на основе энтропийного, мультифрактального и вейвлетного анализа // Управление инновациями 2009: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – С. 114–118.

[5] Зайнетдинов Р.И. Построение концепции управления инновациями на основе моделей точных наук // Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. Материалы Всеросс. науч. конф., 3 апреля 2012 г., Москва. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 580–593.

которых выступают потоки инвестиций, патентной информации, кадров, оборудования и т.д.) от внешних источников к системе и их диссипация являются предпосылками активности инновационной системы. Рассматриваемые самоорганизующиеся системы включают и профессиональные сообщества, а с психологических позиций сюда целесообразно добавить поток «мотивационной энергии», угасание которого приводит к снижению темпов роста научных знаний, истощению потока инноваций и постепенному разрушению интеллектуальной структуры, что подчеркивает диссипативный характер инновационных систем. Гомеостатические свойства профессионального сообщества определяются такими факторами, как научные школы и исторические традиции, стабильная система образования и классические учебники, которые обеспечивают преемственность и устойчивое развитие науки, техники и технологий. Эта модель открытой активной обновляемой системы вполне соответствует концепции открытых инноваций[1].

Важнейшей функцией состояния системы является энтропия. По И.Р. Пригожину[2], изменение энтропии *dS* за интервал времени *dt* в открытой системе можно разделить на сумму двух составляющих

$$dS = d_eS + d_iS, \quad (1)$$

где d_eS – поток энтропии, зависящий от процессов обмена инновационной системы с окружающей средой; d_iS – производство энтропии, обусловленное необратимыми процессами внутри самой инновационной системы.

Определенные стадии временной эволюции инновационной системы могут происходить при общем понижении энтропии. В соответствии с традиционной интерпретацией энтропии, как меры неупорядоченности системы, это означает, что в ходе эволюции разупорядоченность уменьшается за счет оттока энтропии, происходит самоорганизация, система эволюционирует к более сложной структуре. При этом могут возникать новые типы диссипативных структур, углубляться иерархия внутри системы и дифференциация подсистем, меняться структура и сложность. В устойчиво неравновесном состоянии положительное производство энтропии внутри системы компенсируется отрицательным потоком энтропии, т.е. притоком информации извне системы или с других иерархических уровней самой инновационной системы[3].

Отличительной особенностью инновационно-инвестиционных процессов является то, что они сопровождаются необратимыми изменениями. Все реальные процессы в той или иной степени необратимы и неравновесны. Источником развития открытой системы является асимметрия потоков вещества, энергии и информации, т.е. наличие градиентов этих величин. В качестве критического элемента обновляемой системы рассмотрена локальная зона повышенного градиента определяющего параметра *X*, лимитирующего режим работы всей обновляемой системы. Для анализа поведения такого критического элемента системы использована модель бистабильного элемента (рис. 1), обладающего двумя устойчивыми состояниями – старым (с параметром X_0) и новым (с параметром X_1), в каждом из которых он может находиться достаточно долго. Внешние воздействия могут приводить к переходу критического элемента из одного состояния в другое с интенсивностями ν и μ переходов критического элемента обновляемой системы из старого состояния в новое и обратно соответственно. Чтобы вызвать такой переход, интенсивность воздействия должна превысить некоторый пороговый уровень X_{th}. Вводится параметр режима $\alpha = \nu/\mu$, характеризующий режим эксплуатации (существования) обновляемой системы.

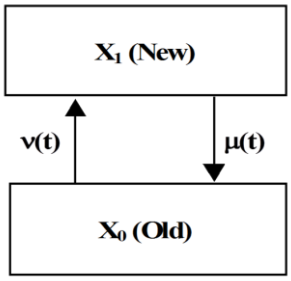


Рисунок 1.
Граф переходов бистабильного элемента, моделирующего поведение обновляемой системы.

В зависимости от соотношения вероятностей P_0 и P_1 нахождения критического элемента в старом и новом состояниях соответственно, нами рассмотрены три характерных режима существования («modes of being») обновляемой системы:

а) старвация – лёгкий (стабильный), когда $\alpha<1$, $\nu<\mu$, $P_0 > P_1$, т.е. система бóльшую часть времени все еще продолжает находиться в старом состоянии;

б) бифуркация – симметричный, когда $\alpha=1$; $\nu=\mu$; $P_0 = P_1 = 0{,}5$;

в) инновация – тяжёлый (переходный), когда $\alpha>1$; $\nu>\mu$; $P_1 > P_0$, т.е. система бóльшую часть времени уже находится в новом состоянии, инновационная технология преобладает.

[1] Чесбро Г. Открытые инновации. – М.: Поколение, 2007. – 336 с.

[2] Пригожин И.Р. Введение в термодинамику необратимых процессов. – М.: ИЛ, 1960.

[3] Zainetdinov R. Entropy Dynamics Associated with Self-Organization // Paradigms of Complexity. Fractals and Structures in the Science. – Singapore: World Scientific, 2000. – P. 229–242.

Для анализа эволюции обновляемой системы в процессе перехода от старвации к инновации нами исследована динамика информационной энтропии, которая является мерой неопределённости существования системы, она равна количеству информации по Шеннону, необходимому для снятия этой неопределённости[1]:

$$H = -\sum_{j=0}^{1} P_j(t) \log_2 P_j(t) \qquad (2).$$

Иногда удобнее использовать безразмерную относительную энтропийную функцию в виде H/H_{max} , где H_{max} – максимальное значение информационной энтропии. При этом минимальное значение $H/H_{max} = 0$ соответствует вырождению стохастической системы в жёсткую детерминированную. Достижение максимального значения энтропийной функции $H/H_{max} = 1$ в открытой самоорганизующейся системе соответствует точке бифуркации, в которой происходит разрушение исчерпавшей свои диссипативные способности структуры, и начинается этап формирования новой структуры на ином иерархическом уровне. Эта точка соответствует качественному скачку, т.е. переходу обновляемой системы на новый уровень развития.

Аналитические зависимости для описания динамики потока информационной энтропии H(t) и её скорости dH/dt во времени *t* получены нами в виде[2]:

$$H(t) = -\frac{\alpha}{1+\alpha}\frac{1}{\ln 2}\left\{\frac{1+\alpha e^{-\beta t}}{\alpha}\ln\left[\frac{1}{1+\alpha}\left(1+\alpha e^{-\beta t}\right)\right] + \left(1-e^{-\beta t}\right)\ln\left[\frac{\alpha}{1+\alpha}\left(1-e^{-\beta t}\right)\right]\right\} \quad (3),$$

$$\frac{dH}{dt} = -\frac{\nu e^{-\beta t}}{\ln 2}\ln\left[\frac{\alpha\left(1-e^{-\beta t}\right)}{1+\alpha e^{-\beta t}}\right] \quad (4),$$

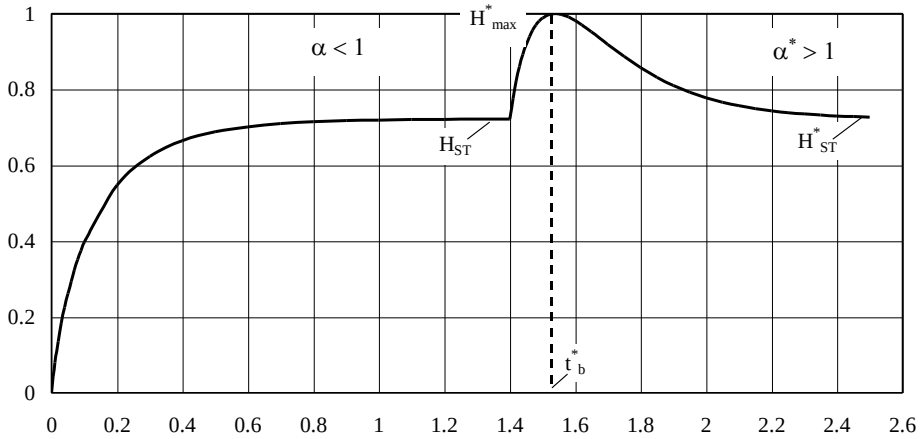
где $\beta = \nu + \mu$; ν, μ – интенсивности переходов критического элемента обновляемой системы соответственно из старого состояния в новое и обратно.

Для переходного режима существования обновляемой системы при $\alpha>1$ наступление точки бифуркации точки бифуркации соответствует моменту времени[3]:

$$t_b = -\frac{1}{\beta}\ln\left(\frac{\alpha-1}{2\alpha}\right) \qquad (5).$$

Выполнен также анализ потока информационной энтропии и скорости его изменения как отклика обновляемой системы на изменение условий существования. На рис. 2 показаны графики изменения потока информационной энтропии H(t) и его скорости dH/dt для случая, когда в условный момент времени $t = 1{,}4$ на систему оказывается воздействие, приводящее к переходу от старого ($\alpha<1$) к новому ($\alpha^*>1$) режиму существования, т.е. к её инновации. Анализ полученных нами зависимостей показал, что обновляемая система реагирует на сильное воздействие, приводящее к новому режиму существования, резким возрастанием потока информационной энтропии от достигнутого в предшествующих условиях стационарного уровня H_{ST} до максимума $H^*_{max} = 1$ в точке t^*_b бифуркации. При этом скорость dH^*/dt^* приращения потока энтропии резко падает до нуля, становится отрицательной, проходит минимум и стремится к нулю, когда обновляемая система входит в новое стационарное состояние. После прохождения точки бифуркации t^*_b поток информационной энтропии уменьшается и стабилизируется на новом стационарном уровне H^*_{ST}, соответствующем масштабу инновации.

а) H(t)

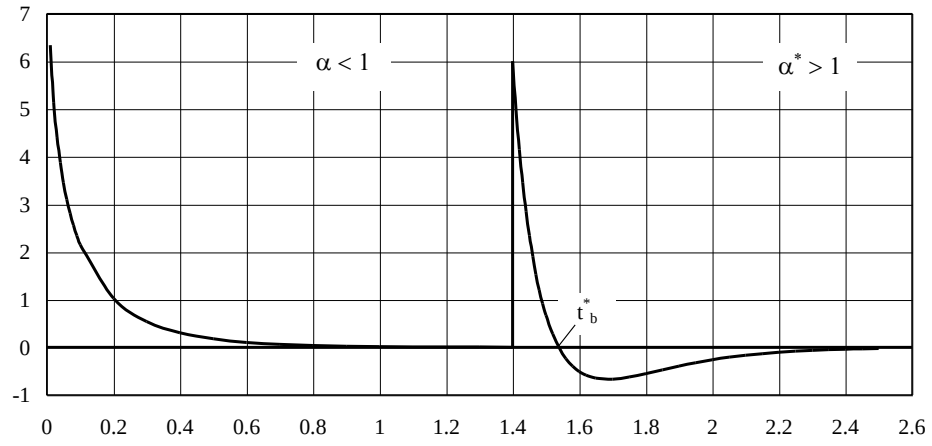


[1] Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление / М.: Мир, 1989.

[2] Zainetdinov R.I. Dynamics of Informational Entropy Associated with Self-Organization Process in Open System // Chaos, Solitons & Fractals. Pergamon, 1999, vol. 10, No. 9. Pp. 1425–1435.

[3] Ibid.

б) dH/dt



Время *t*

Рисунок 2.
Динамика изменения потока информационной энтропии H(t) (а) и его скорости dH/dt (б) в случае инновации системы ($\alpha<1$; $\alpha^*>1$)

Дополнительный анализ показал, что в точке бифуркации, соответствующей моменту времени t^*_b, дисперсия D_x определяющего параметра *X* обновляемой системы также достигает максимума. В этот момент обновляемая система характеризуется наибольшей разупорядоченностью, хаотичностью, когда случайные флуктуации проявляются на макроскопическом уровне. Этот факт позволяет использовать D_x в качестве диагностического параметра обновляемой системы.

В данном исследовании мы исходим из того, что траектории технологического развития, как правило, уникальны для каждой реальной обновляемой системы. При этом можно выделить ограниченное число типовых траекторий и сценариев приближения обновляемой технологической системы к аттракторам технологического развития. Основные сценарии технологического развития основаны на замещении существующей (базовой) технологии одной или несколькими инновационными.

Базовым элементом большого числа концепций инновационного менеджмента являются S-образные кривые разных видов. Такие зависимости возникают вследствие изменения доминирования во времени двух сил: потенциала роста и эффекта насыщения. В сфере технологического прогнозирования и стратегического менеджмента логистические кривые используются для темпорального анализа и моделирования трёх различных инновационных процессов: технологического замещения в промышленности, диффузии инноваций в социальной среде и изменения технико-экономических показателей (технологические траектории).

Рассмотрим основные сценарии технологического развития, основанные на замещении существующей (базовой) технологии одной или несколькими инновационными.

Сценарий 1. Это исходный сценарий – бинарное технологическое замещение. Имеет место, когда одна инновационная технология полностью замещает одну существующую, достигшую зрелости (вступившую в фазу насыщения). Этот случай обычно описывается моделью S-образной кривой, вытекающей из дифференциального уравнения Фрехюльста. Согласно модели Фишера-Прая[1], логарифм отношения долей рынков новой и существующей технологий считается линейной функцией времени. Фишер и Прай[2] изучали скорость технологического замещения для 17 случаев инновационного развития. Нормирование шкалы времени с помощью условия $2(t - t_0)/\Delta t$, где Δt – время замещения от 10 до 90% рынка технологии; t_0 – время наступления равновесия между технологиями (50%-ное замещение) позволило свернуть все 17 случаев технологического замещения в единую кривую, представленную на рис. 3.

[1] Encyclopedia of Technology and Innovation Management / Ed. by V.K.Narayanan and G.C.O'Connor. Wiley, 2010. – 546 p.

[2] Fisher J., Pry R. A simple substitution model of technological change // Technological Forecasting and Social Change. 1971. – N 3. – P. 75–88.

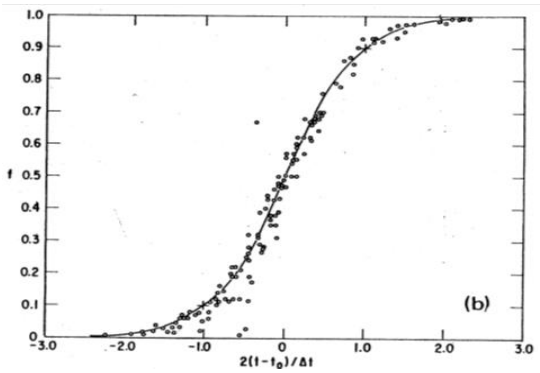
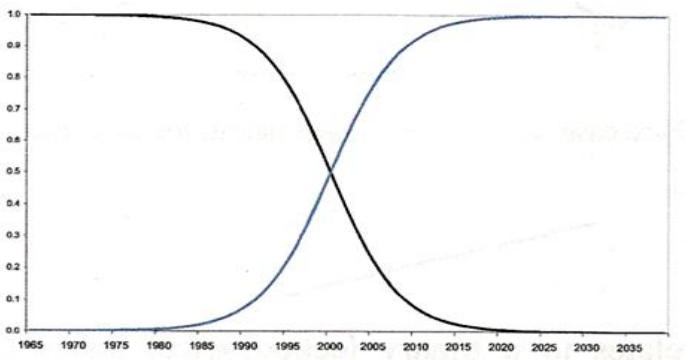


Рисунок. 3.
Нормированная модель Фишера-Прая для 17 случаев бинарного технологического замещения[1]

Теоретический график бинарного технологического замещения показан на рис. 4, а эмпирический пример бинарного технологического замещения, в качестве которого рассмотрен переход от бессемеровского к мартеновскому процессу в сталелитейном производстве в период времени с 1878 по 1930 гг.[2] приведен на рис. 5.

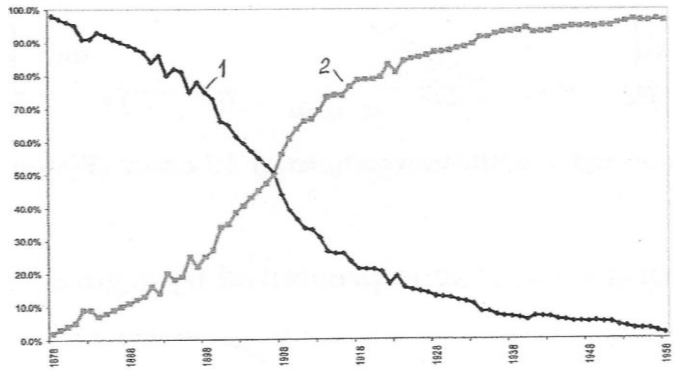
Доля рынка, %



Время T, год

Рисунок 4.
Исходный сценарий: теоретический график бинарного технологического замещения

Доля рынка, %



Время T, год

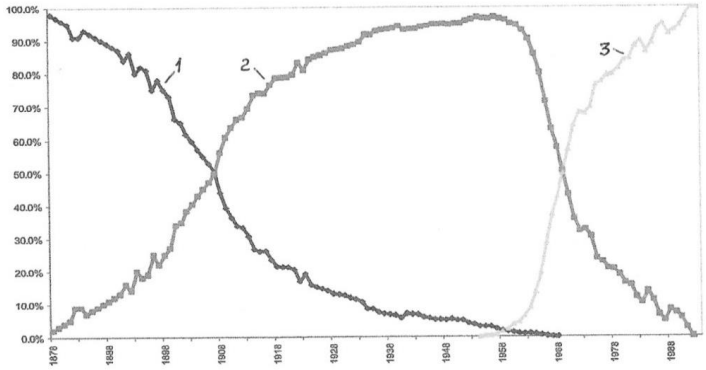
Рисунок 5.
Исходный сценарий: эмпирический пример бинарного замещения технологии бессемеровского (линия 1) мартеновским (2) процессом производства стали в период с 1878 по 1958 гг.

[1] Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление. – М.: Мир, 1989.

[2] Fisher J., Pry R. A simple substitution model of technological change // Technological Forecasting and Social Change. 1971. – N 3. – P. 75–88.

Сценарий 2. Последовательность бинарных замещений. С течением времени в промышленности последующие поколения технологий вытесняют друг друга. Предполагается, что при рассмотрении серии технологий повторение характерного сценария замещения (появление – рост – преобладание – насыщение – спад) выглядит как объединение исходных сценариев 1. Эмпирический пример последовательного замещения технологий производства стали в период с 1878 по 1994 гг. представлен на рис. 6[1].

Доля рынка, %

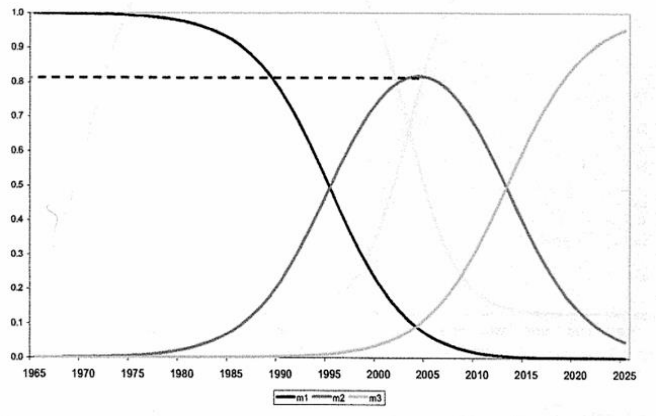


Время T, год

Рисунок 6.
Сценарий 2: эмпирический пример последовательного замещения технологий: бессемеровский (линия 1) – мартеновский (2) – кислородно-конвертерный процессы (3) производства стали в период с 1878 по 1994 гг.

Сценарий 3. Перекрывающее (множественное, многоуровневое) замещение. В случае последовательности замещений каждое технологическое поколение фактически не успевает достичь полного преобладания до того, как замещается новым поколением. В высокотехнологичных отраслях промышленности нередко ускорение времени появления новой технологии порождает перекрывание исходных вариантов по времени. Несколько авторов[2] предложили аналитические модели для данного вида многоуровневого замещения. Теоретический график перекрывающего многоуровневого технологического замещения показан на рис. 7.

Доля рынка, %



Время T, год

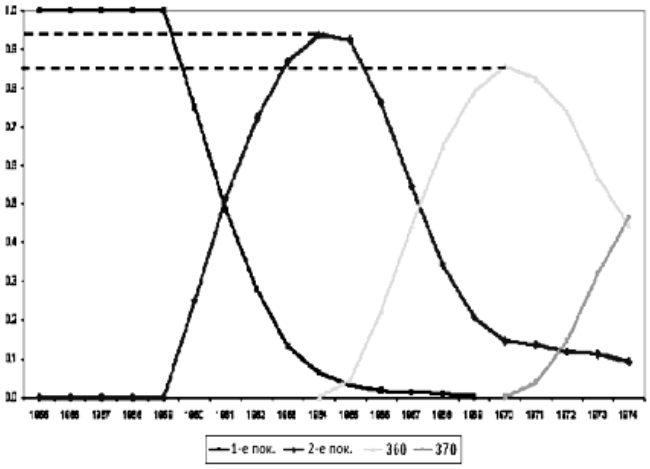
Рисунок 7.
Сценарий 3: теоретический график перекрывающего многоуровневого замещения технологий m1, m2 и m3

[1] Fisher J., Pry R. A simple substitution model of technological change // Technological Forecasting and Social Change. 1971. – N 3. – P. 75–88.

[2] Norton J., Bass F. A Diffusion Theory Model of Adoption and Substitution for Successive Generations of High-Tech Products // Management Science. 1987. – Vol.33. – P.1069-1086.

Эмпирические данные[1] по технологическому замещению вычислительных систем компании IBM, представленные на рис. 8, показывают, что каждое из 4-х перекрывающих поколений ещё не достигало полного доминирования, когда следующее поколение уже начинало замещение предыдущего. По вертикальной оси отложен индекс количества операций в секунду на доллар, т.е. отношение производительности ЭВМ к цене для четырех поколений ЭВМ с ноября 1954 до февраля 1971 г.

Доля рынка, %



Время T, год

Рисунок 8.
Сценарий 3: эмпирический пример перекрывающего замещения технологий вычислительных машин IBM (1955–1974 гг.)

Сценарий 4. Влияние долговременных обратных связей (информации от потребителей). В предыдущих вариантах побудительным мотивом процесса технологического замещения является появление лучшей в некотором смысле технологии. Однако в отдельных случаях замещение может начаться даже при отсутствии инновационной альтернативы. В принципе, некоторые организационные, социальные, научные, природные и др. изменения компонентов технологической системы могут вызвать процесс замещения, в том числе обратного. Процесс замещения может начаться, например, как ответная реакция на информацию от потребителей, на решения государственных и контролирующих органов и т.д. Возможности применения тех или иных технологий могут быть пересмотрены с социальных позиций, как ответ на негативную реакцию потребителей, на изменения других элементов системы, частью которых они являются. Характерным примером является взлёт и падение хлорорганических средств от насекомых, в частности ДДТ, после появления отрицательной реакции токсикологов и органов государственного надзора США. Это известный пример пересмотренного замещения в связи с отрицательным влиянием ДДТ на окружающую среду. Социальная значимость эффективности и безопасности этих средства от насекомых менялась со временем, исходя из изменений в социальном толковании ДДТ и других средств от насекомых. После запрета на использование хлорорганических соединений их доля неуклонно снижалась с 70% рынка синтетических органических средств от насекомых в 1966 г. до 6% в 1984 г. Это вызвало изменение динамики замещения и рост доли других средств от насекомых с 20% в 1966 г. до 70% в 1982 г.

Сценарий 5. «Парусник». Этот сценарий (рис. 9) представляет особый интерес в настоящей классификации. Предлагаемый нами научный подход для ускорения внедрения инноваций целесообразно применять именно в ситуациях, подобных этому сценарию. Название сценария связано с историческим фактом серьёзной и продолжительной задержки ΔT технологического замещения пароходами парусных судов на Трансатлантических линиях в период с 1845 до 1870-х гг.[2] Говоря современным языком, в этот период времени транспортная система Трансатлантических линий проходила через каскад бифуркаций, связанных с появлением быстроходных океанских парусных судов (клиперов) и недостаточной надёжностью и безопасностью океанских пароходов. Представленные на рис. 9 эмпирические кривые замещения инноваций по сценарию «Парусник» и сопутствующие этому сценарию события соответствуют длительному периоду времени с 1797 по 1964 гг. Дополнительно построенная линия 3 показывает ожидаемую траекторию в виде классической логистической кривой, соответствующей модели Фишера-Прая за время с 1797 по 1845 гг., а линия 4 – траекторию, построенную с учётом 31-летней задержки ΔT замещения пароходами парусников с 1845 до 1870-х гг., вызванной появлением клиперов. Теоретический график задержки замещения под влиянием сильного сопротивления преобладающей технологии представлен на рис. 10.

[1] Phister M. Data processing technology and economics. – Bedford (MA): Digital Press/SantaMonica Publishing Company, 1979.
[2] Rosenberg N. On technological expectations // The Economic Journal. 1976. – Vol. 86 (34). – P. 523-535.

Очевидно, что в этом сценарии – особая драматическая динамика, в которой преобладающая технология, находящаяся под угрозой вытеснения новой технологией, зачастую предпринимает последний рывок усовершенствований в попытке вернуть конкурентные преимущества. Это усовершенствование текущей технологии позволяет ей ещё какое-то время удерживать преимущество над новой технологией. Тем не менее, обычно результат таких улучшений только оттягивает вытеснение устаревшей технологии. Это хорошо известный, но далеко не единственный пример серьезной задержки внедрения новых технологий в связи с сильным сопротивлением старой замещаемой технологии. Понятно, что подобные примеры нередки и в наши дни. Но инноваторы зачастую предпочитают не афишировать свои проблемы и стараются выходить из сложных ситуаций самостоятельно методом проб и ошибок. Замалчивание реальных проблем, возникающих при внедрении инноваций, может приводить к сложным ситуациям в процессе реализации инновационных проектов и программ. Поэтому чрезвычайно важным является анализ возможностей и путей ускорения процесса внедрения инновации на базе использования современных методов нелинейной динамики и синергетики.

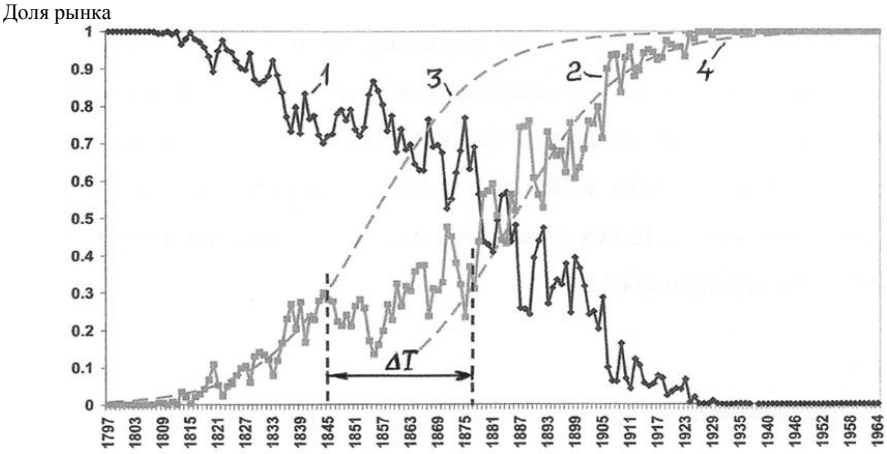


Рисунок 9.
Сценарий 5 «Парусник»: эмпирический пример задержки Δ*T* из-за сильного сопротивления в процессе замещения технологии парусных судов (линия 1) пароходами (2) в период *T* с 1797 по 1964 гг.

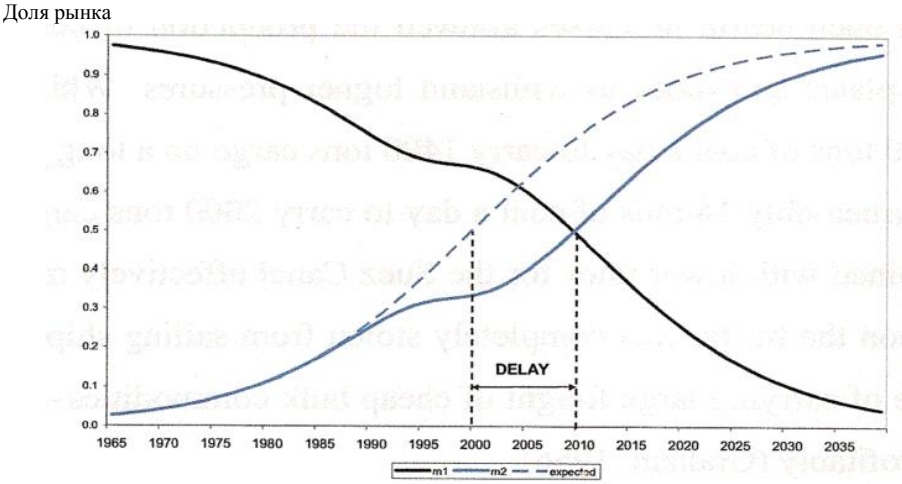


Рисунок 10.
Сценарий 5: теоретический график задержки (DELAY) замещения под влиянием сильного сопротивления преобладающей технологии

Множество виртуальных сценариев и реальных траекторий (рис. 11) инновационного технологического развития отражает современные взгляды на технологические изменения, проявляющиеся во времени в виде последовательной смены поколений технологий с учётом их замещения. Переход с одной виртуальной траектории на другую связан

с прохождением каскада критических точек, которые являются стохастическими аналогами точек бифуркации в момент времени t^*_b. Такая бифуркация в зависимости от условий реализации может привести обновляемую систему к новому стационарному состоянию, как в случае сценария бинарного (или последовательного) технологического замещения, либо к довольно длительным колебаниям обновляемой системы между двумя (и более) почти равновероятными состояниями, соответствующими преобладанию той или иной из множества конкурирующих технологий, как в сценарии «Парусник» (см. рис. 9–10).

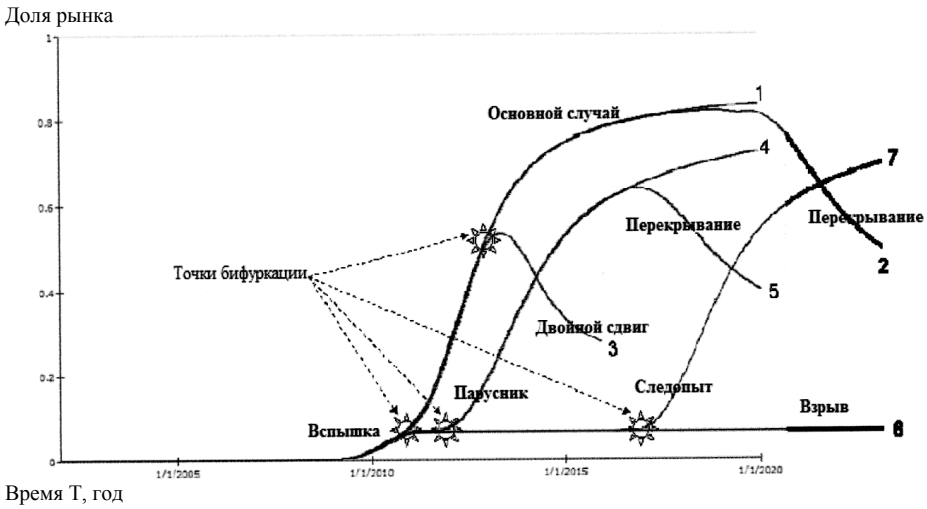


Рисунок 11.
Множество виртуальных сценариев и траекторий технологического развития за период времени *T* и точки бифуркаций на них

Выявлена зависимость режима существования обновляемой системы и времени прохождения системой точки бифуркации от функции распределения случайного процесса внешних воздействий на систему, её входных потоков, например, инвестиционных и информационных потоков. Так, на рис. 12 приведен график зависимости параметра α режима существования обновляемой системы от изменения параметров (среднего значения X_m и среднеквадратического отклонения S_x) нормального (гауссовского) случайного процесса (потока) на входе обновляемой системы. Аналогичные зависимости получены также для других вариантов внешних потоков на входе обновляемой системы.

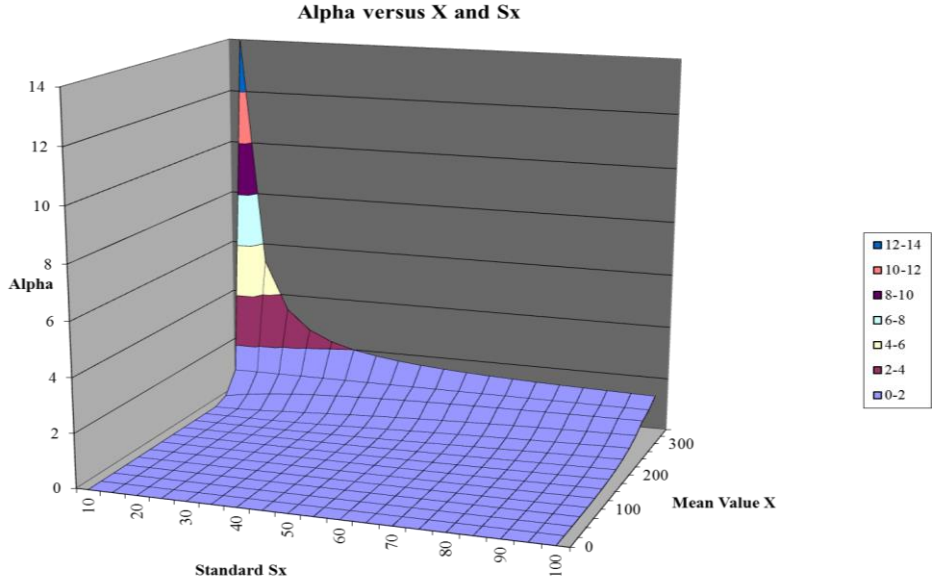


Рисунок 12.
Изменение параметра α режима существования обновляемой системы в зависимости от среднего значения X_m и стандарта S_x случайного процесса на её входе

Целенаправленно изменяя параметры входных потоков (материального, энергетического и информационного), в качестве которых выступают потоки инвестиций, патентной информации, кадров, оборудования и т.д. от внешних источников к системе, мы имеем возможность оказывать влияние на время прохождения обновляемой системой критической точки t^*_b бифуркации. Мы не можем точно предсказать, по какому пути пойдёт развитие обновляемой системы после прохождения точки бифуркации. Однако мы можем предсказать время нахождения системы в этом крайне неопределенном состоянии, характеризуемом наиболее высокими рисками, когда целесообразно предпринять меры, способствующие скорейшему прохождению обновляемой системы через критическую точку и успешной адаптации системы к новому состоянию. Мы можем создать наиболее благоприятные условия для успешного прохождения обновляемой системой точки бифуркации в желаемом направлении, а также предпринять возможные меры, чтобы направить обновляемую систему по желаемому благоприятному пути развития.

На рис. 13 показана эволюционная кривая изменения потока информационной энтропии в обновляемой системе при реализации последовательности инноваций, включающая три уровня иерархии и четыре временных интервала. На первом интервале времени система существует в старом режиме. Поток информационной энтропии за время переходного процесса стабилизируется на уровне H_{CT}, соответствующем этому режиму, без прохождения точки бифуркации. Через промежуток времени t^*_b после перехода в новый режим существования (точка 1) обновляемая система проходит точку бифуркации, связанную с разрушением диссипативной структуры 1-го иерархического уровня (первого цикла). Претерпев скачок развития и выйдя на второй уровень иерархии (второй цикл), обновляемая система выходит на эволюционный этап развития, в течение которого происходит сравнительно медленная стабилизация потока информационной энтропии за счёт насыщения информацией до уровня $I=1-H^*_{CT}$, соответствующего новому режиму существования самоорганизующейся обновляемой системы. Дальнейший ход временной эволюции обновляемой системы виден из графика (см. рис. 13). После успешного прохождения точек бифуркации B_1 и B_2 энтропия по мере притока информации убывает, что означает соответствующее возрастание уровня организации обновляемой системы в процессе её инновационного развития. На каждом иерархическом уровне эволюции – цикле инновационного развития системы в конце процесса самоорганизации, когда «архитектура» обновляемой системы в основном определилась и наступает насыщение информацией, энтропийная кривая постепенно выпрямляется, отображая переход системы в эволюционную стадию своего инновационного развития. Возрастание степени организации любой системы имеет свой предел, область насыщения, определяемые ограниченными возможностями накопления информации в данной структуре на данном иерархическом уровне – цикле развития системы. Каждый переход обновляемой системы на другой иерархический уровень – новый цикл развития неизбежно проходит через критическую точку, являющуюся стохастическим аналогом точки бифуркации. Перевод графиков, показанных на рис. 13, из декартовой в полярную или цилиндрическую систему координат позволяет представить их в виде спиралей развития. Это делает инновационные циклы развития системы с чередованием эволюционных и революционных периодов, разделённых точками бифуркации, ещё более наглядными. При этом спирали технологического развития могут раскручиваться или скручиваться в зависимости от того, по какому пути развития следует обновляемая система после каждой точки бифуркации. Полученные математические выражения позволяют прогнозировать момент t_b наступления критического состояния обновляемой системы в точке бифуркации и своевременно принять меры по повышению адаптационной способности системы и ускорению её приспособления к новым условиям существования.

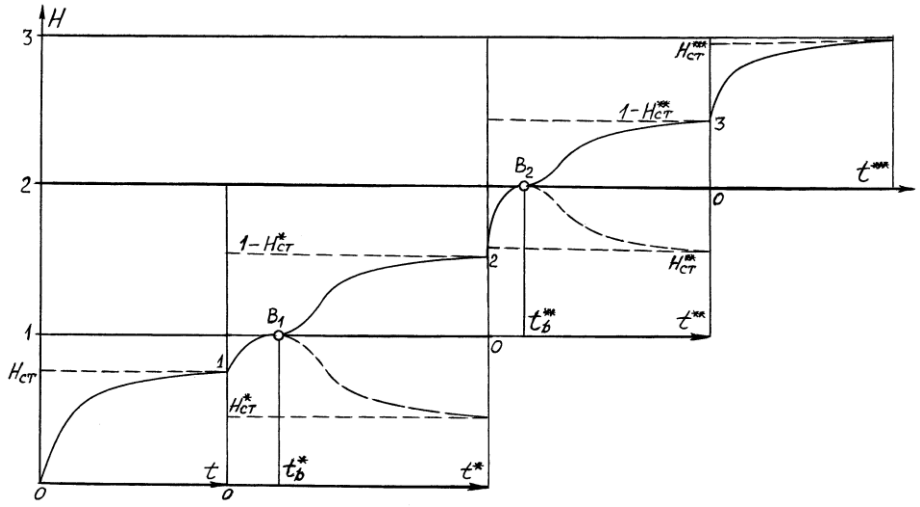


Рисунок 13.
Эволюционная кривая потока информационной энтропии *H(t)*
в процессе инновационного развития системы

На основе разработанной математической модели получена количественная картина временной эволюции системы, вызванной нововведениями, которая полностью согласуется с представлениями синергетики о качественных

процессах самоорганизации неравновесных диссипативных систем. Предложенная модель и полученные математические зависимости позволяют на единой основе описать траекторию технологического развития системы, включая прохождение последовательности точек бифуркации (скачков технологического развития) и эволюционных стадий технологического развития на каждом иерархическом уровне. Переход на новый уровень развития идёт от беспорядка к порядку, через явления неустойчивости в точках бифуркации, где перед обновляемой системой открывается возможность перехода к одному из нескольких аттракторов технологического развития.

В этой связи ставится вопрос о целесообразности анализа аттракторов и точек бифуркации на траекториях технологического развития. Возможность прогнозирования времени наступления точек бифуркации позволяет принимать эффективные управленческие решения и получать желаемые результаты в технологическом развитии страны. В перспективе представляется целесообразным и возможным (при накоплении соответствующего опыта) достаточно слабыми внешними воздействиями на входные потоки направлять обновляемую систему по желательному пути развития.

Выводы

1. При целенаправленном изменении входных потоков (материального, энергетического и информационного), в качестве которых выступают потоки инвестиций, научной и патентной информации, кадров, оборудования и др. от внешних источников к обновляемой системе, появляется возможность оказывать влияние на время прохождения инновационной системой точки бифуркации (или каскада бифуркаций).

2. Возможность оценки времени прохождения инновационной системы через это состояние, характеризуемое наиболее высокими рисками, позволяет предпринять меры, способствующие скорейшему прохождению обновляемой системы через критическую точку и успешной адаптации системы к новому состоянию.

3. Путем рационального управления входящими потоками целесообразно создавать наиболее благоприятные условия для успешного прохождения системой точки бифуркации в желаемом направлении, а также предпринимать все возможные меры, чтобы направить обновляемую систему по желаемому благоприятному пути развития.

4. Полученные математические выражения позволяют прогнозировать момент наступления критического состояния обновляемой системы в точке бифуркации и своевременно предпринимать меры по повышению адаптационной способности системы и ускорению её приспособления к новым условиям существования.

5. На этой основе предлагается метод ускорения процесса внедрения инноваций путем рационального управления потоками, входящими в обновляемую систему.

6. Необходима и целесообразна практическая апробация предлагаемого метода ускорения внедрения инноваций.

Предложения о сотрудничестве просьба направлять автору на электронный адрес: zri7755@gmail.com

Казеннов С.Ю.
к.э.н., в.н.с. ИМЭМО РАН
Koroleva@imemo.ru
Кумачев В.Н.
с.н.с. ИМЭМО РАН
Kumach-44@yandex.ru

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РФ: ЕСТЬ ЛИ УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОРЫВА?

Ключевые слова*: эффективность инноваций, ресурсы и резервы, двойные технологии, проблемы 90-х и перезапуск развития, ограничители – внешние и внутренние, роль государства и крупных хозяйственных структур, оборонная составляющая, импортозамещение, стимулы и мотивации.*

Сегодня мало просто сказать, что инновационно-технологическая составляющая – одна из главных, определяющих для современного экономического развития, обеспечения национальной и военной безопасности (НВБ), завоевания лидирующих позиций в миропорядке будущего. В своем выступлении на заседании Совета безопасности РФ (7.12.2016) В. Путин прямо поставил вопрос о необходимости ускоренного, прорывного развития технологической сферы страны, его максимальной реализации на практике, в том числе на международной арене. Причем сейчас, особенно в условиях всякого рода ограничителей для РФ, финансово-экономических затруднений, глобальных и национальных, роста политико-военной напряженности в мире, санкционных мер и т.д., крайне остро стоит вопрос о повышении эффективности инновационной сферы России, затрат на нее. На самых разных форумах можно слышать – инновации должны быть рентабельными. В ходе обсуждения проекта Стратегии научно-технического развития РФ (заседание Совета по науке и образованию при Президенте РФ, 23 ноября 2016 г.) академик А. Дынкин подчеркнул, что она «ставит важную задачу: развернуть науку и технологии от процесса к результативности, к захвату рынков... Эта Стратегия уже не про наукоемкость, а про наукоотдачу». И это означает поиск конкретных путей, инструментов повышения эффективности инновационно-технологической сферы, использования научно-технических достижений.

Особое внимание при этом следует обращать на инновационно-технологическую деятельность (ИТД) в оборонной сфере и в ее интересах, поскольку здесь сосредоточена значительная часть инновационного потенциала во многих странах мира, в том числе в передовых. А для России это особенно актуально, поскольку в сфере НВБ, обороны и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) сосредоточено до 3/4 производства инновационной продукции страны. В октябре 2015 года Президентом РФ была утверждена «Концепция развития военно-научного комплекса РФ на долгосрочный период», предусматривающая проведение работ по более чем 200 направлениям. Одной из ее ключевых задач названы обеспечение эффективного взаимодействия гражданской и военной экономики, передача и использование технологий, перекрестная кооперация в сфере НИОКР. В данном отношении заметим, что за предыдущие четверть века доля двойных технологий (ДТ) в оборонной сфере в мире увеличилась вдвое и достигла более 1/3 с тенденцией к дальнейшему повышению. Заметим, что рассмотрение вопроса ДТ подчас упрощенно сводится к задачам конверсии, выпуска продукции гражданского и двойного назначения предприятиями ОПК, при этом роль инновационной деятельности в области ДТ явно зауживается.

Сегодня для той же области НВБ очевидны потребность, необходимость качественного прорыва в военных технологиях, с привлечением принципиально новых технологических решений, что невозможно на данном этапе без самых серьезных подпиток, «драйверов», в том числе со стороны гражданских НИОКР и ДТ. А это невозможно без прорывов в фундаментальных исследованиях и в иных областях знаний, привлечения общенаучных, «общетехнологических», «сквозных» технологий. При этом существенными являются выверенное распределение (если надо, то и перераспределение) инвестиций между прикладными работами и фундаментальными исследованиями в пользу последних, а также превращение научных исследований в инновационный продукт.

Зарубежный опыт осуществления ИТД, безусловно, важен для России. Однако нужно учитывать и значительную специфику РФ, ее инновационной политики, зависящую от исторического опыта и традиций, особого положения оборонной сферы и оборонных НИОКР в российско-советской экономике, науке, технике. Наконец, многое зависит от особых отличительных черт нынешнего «возобновительного» этапа развития РФ и ее инновационной сферы, наличия всякого рода ограничителей, внешних и внутренних. Таким образом, для ИТД РФ «особый путь» развития, по крайней мере сегодня, на данном историческом этапе, в данных обстоятельствах, практически неизбежен. Заметим, что у нашей страны имеется достаточный опыт именно такой деятельности, в мобилизационном режиме и при всякого рода ограничителях, с вовлечением в этот процесс всех возможных ресурсов и резервов. Хотя, разумеется, для сегодняшней «мобилизации» во многом необходимы качественно иные мотивационные и организационные приемы.

Отличительными чертами инновационной сферы РФ должны стать высокая комплексная эффективность, асимметричность, крайняя экономность. Особое требование – к технологической и финансовой реализуемости проектов, их ресурсному, кадровому, инвестиционному обеспечению, верной оценке функциональной востребованности, вписываемости во всю систему инновационной, оборонной деятельности, жизнедеятельности государства и общества. Разработчики не имеют права просто «ввязаться в бой» без учета такой комплексной согласованности, тем более что сами предприятия, как правило, финансируют не более трети собственных инноваций. Во время посещения одного из подмосковных предприятий ОПК В. Путин совершенно определенно сформулировал позицию государства – нам не нужны «ковры-самолеты» в единственном экземпляре, которые не имеют функциональных, производственных, рыночных перспектив. Оценка эффективности НИОКР должна производиться с учетом возможности поддержания всего жизненного цикла изделия, его ремонтопригодности, обслуживаемости, модернизационного и модификационного ресурса, а также экспортного потенциала и конкурентоспособности на мировых рынках. И разумеется, что особо подчеркивается в последнее время, один из критериев оценки эффективности ИТД – это возможности их использования в качестве ДТ или для их совершенствования.

Для эффективной ИТД в первую очередь важны условия ее осуществления, «среда» воспроизводства, «обитания», инфраструктура. Между тем, российская ИТД сегодня имеет отнюдь не оптимальные стартовые позиции для своего дальнейшего, тем более прорывного развития. После «провала» в 90-е годы РФ, безусловно, прибавляет в своем инновационном рейтинге, в частности, ее доля в глобальных расходах на НИОКР выросла в 2007-2015 годах почти вдвое – с 1,4 до 2,7% и Россия занимает 8-е место в мире по этому показателю. При этом доля РФ в мировой экономике – 3,2%, в мировых военных расходах – 6,9% (см. табл. 1–2). Заметим, что в первой десятке ведущих стран мира по расходам на НИОКР схожий «профиль» отмечен только для Индии. В абсолютном выражении расходы РФ на НИОКР с начала века выросли в 13 раз. Доля расходов на НИОКР в ВВП страны возросла у России за этот период с 1,15 до 1,50%. Положительно сказались благоприятная экономическая конъюнктура начала века, целенаправленная политика государства по реорганизации сферы НВБ на новой технологической основе. Так, значительно увеличились расходы на собственно оборонные НИОКР РФ, хотя темпы их роста вдвое уступают темпам роста военных расходов. Подчеркнем, это отнюдь не пресловутая «милитаризация», а всего лишь частичная компенсация за обвал оборонных расходов (после достижения верхних рубежей в 2015–2016 гг. наметилось замедление их прежнего роста и даже сокращение) и расходов на НИОКР в 90-е годы. Тогда ситуация была действительно критической, ее усугубило раздробление ранее целостных работоспособных структур, в том числе разработческих и производственных подразделений. Производство продукции военного назначения (ПВН) в 1992-1996 гг. сократилось на 88%, гражданской продукции на предприятиях ОПК – на 71%. Расходы на военно-ориентированные НИОКР в 1990–1996 гг. сократились в 11 раз, а их доля в военных расходах РФ, подвергшихся серьезному урезанию, снизилась с 18,6% до 3,6%. Процветали утечка технологий, их «серый» экспорт, в том числе через совместные предприятия. В РФ фактически были остановлены разработки по целому ряду ключевых направлений – в радиоэлектронике, вычислительной технике, многих секторах машиностроения. Всего за этот период было утрачено несколько сот ключевых, критически важных технологий, с потерей качества многих уже вроде бы хорошо отработанных технологий. Неподготовленное, необоснованное (единственное обоснование – «в интересах развития земельного рынка») перемещение, в том числе межрегиональное, инновационно-технологических структур из ведущих центров страны приводит к невосполнимой потере компетенций, квалифицированных кадров.

Таблица 1

Место России среди ведущих по расходам по НИОКР стран мира, по ППС, 2015 год

Страна	Расходы на НИОКР, млрд. долл., текущие цены	Доля (%) в мировых расходах		
		В расходах на НИОКР	В мировой экономике (ВВП)	В военных расходах
США	496,8	26,4	17,0	28,0
Китай	372,8	19,8	17,5	15,7
Япония	164,56	8,7	4,5	2,1
Германия	107,4	5,7	3,4	2,0
Южная Корея	74,5	4,0	1,7	2,0
Индия	66,5	3,5	7,3	6,6
Франция	59,2	3,1	2,4	2,5
РФ	**51,5**	**2,7**	**3,2**	**6,9**
Великобритания	44,5	2,4	2,3	2,3
Бразилия	36,8	2,0	2,8	1,9
Канада	28,9	1,5	1,5	0,7
Весь мир	1882,7	100,0	100,0	100,0

Примечание: В 11 ведущих по расходам на НИОКР странах мира сосредоточено 79,8 суммарных расходов на НИОКР. Использованный для исчислений показатель паритета покупательной способности (ППС) более полно, по сравнению с рыночным обменным курсом валют (РОКВ), отражает соотношение величин при анализе реальной экономики. Таблицы 1–2 составлены по следующим источникам: Ежегодник СИПРИ. – М.: ИМЭМО РАН; Military Balance – London: IISS; Global R&D Funding Forecast – A Supplement to R&D Magazine; UNESCO Institute for Statistics за ряд лет.

Таблица 2

Россия и десять первых стран мира по доле расходов на НИОКР в ВВП данных стран, %, 2015, долл. США, текущие цены, ППС

	Страна	Расходы на НИОКР, % от ВВП	Место в мировых расходах на НИОКР	Расходы на НИОКР, млрд. долл. США	Военные расходы, % от ВВП
1	Южная Корея	4,04	5	74,5	2,6
2	Израиль	3,93	22	10,9	5,2
3	Финляндия	3,55	29	7,9	1,4
4	Швеция	3,41	17	15,2	1,2
5	Япония	3,39	3	164,6	1,0
6	Дания	2,98	30	7,5	1,3
7	Германия	2,92	4	107,4	1,2
8	Швейцария	2,90	19	13,0	0,8
9	Австрия	2,84	23	11,1	0,8
10	США	2,76	1	496,8	3,5
…	…	…	…	…	…
23	**РФ**	**1,50**	**8**	**51,5**	**4,5**

Примечание: К рассмотрению приняты первые 40 стран по расходам на НИОКР, на которые приходится 96,9% мировых расходов на НИОКР. Доля расходов на НИОКР в ВВП для этой группы стран – 1,96%, для остального мира – 0,40%, для мира в целом – 1,75%.

Сегодня доля РФ в глобальном производстве наукоемкой продукции (0,3%) на порядок отстает от ее доли в глобальном ВВП. При этом вклад интеллектуальной собственности в ВВП РФ – менее одного процента (в США 12%, в Германии – 7,8%)[1] Кроме того, выясняется, что производственная база во многих случаях не соответствует заявленным разработчиками и заказчиками требованиям[2] Сегодня удельный вес инновационно-активных предприятий в российском ОПК – не выше 1/3.

По оснащенности российских НИОКР оборудованием и расходными материалами, фондовооруженности РФ уступает передовым странам Запада в 10 и более раз. Причем доля современного оборудования в последние годы не растет, а падает. Среди явных проблем с общей инфраструктурой российских НИОКР – недостаточная информация о технологиях, требованиях рынка, низкий платежеспособный спрос, в том числе со стороны государства, на новую наукоемкую продукцию, недостаточность регулирующих инновационную деятельность правовых документов, неразвитость системы сопровождения инновационной деятельности, включая посреднические, информационные, финансово-банковские структуры и т.д. Все это негативно сказывается на возможностях трансфера технологий, развития ДТ. Существует устойчивое мнение, что именно организационно-управленческая, мотивационная сторона является главной проблемой российской ИТД.

Несмотря на рост объемов расходов на НИОКР, они все же недостаточны для инновационного рывка РФ, даже по мобилизационно-асимметричному сценарию. В США считают, что ограниченное финансирование российских разработок в перспективе может негативно сказаться даже на экспорте ВВТ из РФ[3]. Средства, выделяемые на НИОКР, расходуются неэкономно, не все они доходят до разработчиков, реально выполняется и находит спрос лишь незначительная часть НИОКР. Как полагает В. Лопатин, гендиректор Российской корпорации интеллектуальной собственности, ситуация усугубляется тем, что расходы на НИОКР, как правило, носят допроизводственный, допродажный характер, поэтому одной из проблем российской инновационной сферы сегодня является нестабильность долгосрочных прогнозов и планов макроэкономики.

В запущенном состоянии в РФ находятся защита интеллектуальной собственности, патентоведение. А, как любят говорить в США, правильное оформление изобретения не менее важно, чем само изобретение, это очень стимулирует изобретательство и изобретателей. По количеству патентов РФ в 14 раз отстает от США, еще больше от Китая, при этом уступает СССР в 11 раз. После некоторого сокращения миграции ученых и специалистов из РФ к середине нынешнего десятилетия ситуация снова усугубляется. И это притом, что в 1992-2012 гг. из РФ, по данным Фонда ООН по вопросам народонаселения UNFPA, эмигрировало более 3 млн. специалистов. Среди работающих только в семи зарубежных странах-лидерах по миграции ученых и специалистов из РФ 70% делают это в США, 12% – в Израиле, 8% – в Канаде. Если в ближайшее время в РФ не будут предприняты радикальные меры в области подготовки кадров и образования, то будет утерян ряд важных исследовательских и научных школ и направлений, прекратят существование сложившиеся творческие коллективы. Напомним, что в последние 15 лет 12 раз первыми в комплексном зачете на международных олимпиадах и творческих конкурсах были представители Китая.

Имеются и многие иные факторы, тормозящие инновационно-технологическое развитие РФ. Сегодня, наряду с процессами глобализации, ростом международного взаимодействия в инновационной сфере, отмечается и противоположная тенденция – нарастание протекционистских, ограничительных, запретительных мер как в политических и военно-политических, так и в коммерческих интересах. Ведущую роль в усилении ограничительной политики играют

[1] См.: Материалы VIII международного форума инновационного развития через рынок интеллектуальной собственности. 2016.

[2] Совещание по проблемам ОПК у Президента РФ, 10–13 мая 2016 года, Сочи.

[3] Theohary C.A. Convential Arms Transfers to Development Nations / US Congress Studies. 2015.

США, она касается даже близких партнеров Вашингтона. Ограничения больно «бьют» и по внутриамериканскому трансферу инноваций. Так, НАСА констатировала, что «стало трудно распространять технические изобретения, которые нужно не скрывать, а популяризировать». Но в первую очередь такая ограничительная политика относится к попыткам технологически изолировать Россию. Санкции в отношении РФ, по крайней мере в высокотехнологической, инновационной и инвестиционной сферах, а значит, и возможности кооперации и использования зарубежных компонентов в российском экспорте инновационной продукции, включая ВВТ, будут существовать еще неопределенно долгое время. Тем более в складывающихся условиях остро встает вопрос резкого повышения уровня инновационной, научно-исследовательской, разработческой деятельности в РФ, в том числе в отношении эффективного, бережливого использования расходов на НИОКР и задействования фактора ДТ, обеспечения реальной технологической самодостаточности.

В этой плоскости – о вопросе импортозамещения. Для РФ на данном этапе это неизбежность и не должно быть эйфории по поводу быстрых успехов на этой ниве. Считается, что реальные возможности по импортозамещению – несколько сотен позиций в год, при этом общие потребности РФ по импортозамещению – десятки тысяч позиций. Интересно в этом плане мнение гендиректора Стратегической телекоммуникационной компании РФ «Воентелеком» А. Давыдова (Форум Армия 2016). «Мы не должны всеми силами «бороться с импортом» и возводить это в ранг самоцели. Следовало бы хеджировать рынки – диверсификацией поставок, трансфером технологий или отечественными разработками и производством. Нельзя после стольких лет технологического забвения, в течение которых конкуренты интенсивно развивались и создавали высокоэффективные международные кооперационные связи, сразу взять и выдать что-то на-гора. За это время те же Штаты проникли во всю (российскую – авт.) технологическую цепочку создания продукта от системы автоматизированного проектирования (САПР) до производственного и измерительного оборудования. Имея в каждом из циклов собственные элементы, без которых невозможен выход финального изделия, они могут не только пользоваться «бэкдорами», но и регулировать рынок, например, накладывая запрет на поставки в какую-либо страну, как в случае с РФ, комплектующих в виде чипов, микросхем, лицензируемых IP-блоков, программного обеспечения». В сложившихся обстоятельствах одна из важных задач развития инновационной сферы РФ – поиск новых партнеров на международной арене, например, среди стран АТР, имеющих достаточный потенциал инновационного партнерства.

В современной РФ особо значительна, по целому ряду обстоятельств, при всех их известных недостатках, роль крупных организационно-хозяйственных структур в инновационной деятельности, и это не только «советское наследие». Крупные структуры, особенно в условиях кризиса, в наибольшей степени обладают возможностью маневрирования с финансово-инвестиционными и иными ресурсами в сфере НИОКР, концентрации этих средств и ресурсов на приоритетных, ключевых направлениях, выстраивания реально работающих кооперационных цепочек взаимодействия. Для них, как правило, более возможно участие в глобальных рыночных отношениях и международной кооперации (разумеется, с учетом нынешних ограничителей для РФ). В качестве системообразующих крупные структуры имеют развитые отношения с государством, возможности госфинансирования, получения госзаказов, в том числе ГОЗ, иных форм поддержки, что особенно важно в достаточно рисковых инновационных проектах, требующих серьезных вложений и гарантий таких вложений. В современной РФ, с ее неразвитостью экономической инфраструктуры, рыночных отношений, юридического сопровождения, проблемами с «правильным» ценообразованием, именно крупные структуры могут выступать в качестве ядер интеграции, способных обеспечить относительный порядок и эффективное взаимодействие в ходе реализации проектов. Руководители «Финвал инжиниринг групп», ратующие за создание в России «центров компетенций» на предприятиях и в иных структурах ОПК, прямо подчеркивают, что, в отличие от зарубежных стран, в России их деятельность эффективна прежде всего в рамках крупных структур.

Все это ни в коем случае не отменяет и не умаляет роли среднего и малого бизнеса (СМБ), в инновациях и изобретениях (включая так называемые «гаражные технологии»). И роль СМБ в выполнении тех же оборонных заказов за рубежом сегодня намного выше, чем в РФ. Но верно и то, что реальная рыночная осуществимость даже самых «прорывных» проектов невозможна, как правило, без участия крупных и сверхкрупных организационно-хозяйственных структур. Эти связи могут носить самый разнообразный, не обязательно «жесткий» характер. Кстати, оперируя понятием СМБ, нужно иметь в виду, что, например, в США верхняя граница предприятий СМБ по численности занятых значительно выше принятой в РФ. Поэтому многие предприятия, не считающиеся в РФ принадлежащими к СМБ, в США будут именно таковыми.

О том, как в рамках крупной российской госкорпорации на ближайшие десять лет (Стратегия 2025) предполагается решать задачи инновационного развития, в том числе в сфере ДТ, доложил на встрече с Президентом РФ гендиректор ГК «Ростех» С. Чемезов (август 2016 г.). «Ростех» должен стать «корпорацией двойного назначения», доля гражданской продукции должна увеличиться по стоимости до 50% (сегодня – 26%). РТ будет «ядром технологического, а значит и экономического развития страны, обеспечив РФ лидирующее место в новом техническом укладе». При этом основными «драйверами» технико-экономического роста Корпорации, повышающими эффективность ее деятельности, станут, наряду с качественным управлением, маркетингом и операционной эффективностью, трансфер технологий между гражданским и оборонным секторами, быстрорастущие «умные» рынки, электроника, ИТ, автоматизация, системы управления, робототехника, новые материалы и др.

Сейчас справедливо признается, что время «быстрых денег» проходит, это прежде всего относится к большим техноемким проектам. И реально расширить горизонт издержек, стимулировать в условиях экономических и иных ограничений долговременные инвестиции в инновации с дальнейшей (но не близкой) отдачей, способные резко повысить технологические возможности страны, может в современной России только государство. Попытки «увести» государство из экономики и сферы инноваций, передав данную роль частному бизнесу, к этому не готовому, в 90-е годы

чуть не закончились крахом. Наоборот, примером абсолютно успешного, причем экономически, участия государства в инновационной деятельности, в том числе для гражданского сектора экономики, может служить Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана.

По мнению Президента Института национальной стратегии, председателя Президиума экспертного совета при коллегии Военно-промышленной комиссии (ВПК) М. Ремезова, 6-й технологический уклад пока «отнюдь не является столь рентабельным» в массовом смысле, а потому главным драйвером в его продвижении будут государственный и военный рынки с фиксированным спросом, «не зацикленным на проблемах себестоимости и традиционных рыночных издержек». В этом плане – по поводу «фактора рыночной конкуренции», которая является «двигателем экономики». Как считает Д. Медовников, директор Института менеджмента инноваций ВШЭ, в отношении высоких и оборонных технологий здесь есть своя «специфика». Многие разработки, тем более сверхнаукоемкие, в рамках масштабных, дорогостоящих проектов, осуществляются единицами фирм в мире, работающими на специфический рынок, государственный и оборонный. В ограниченных экономических условиях, когда необходима концентрация ресурсов и инвестиций, их дробление недопустимо: конкуренция слишком затратна. По крайней мере, современная мировая экономика не воспринимает сферу высоких технологий столь «упрощенно рыночно».

Так что же необходимо для осуществления инновационно-технологического прорыва, возможен ли он вообще в современной России? И только ли дело в увеличении финансирования, как считают некоторые? Особо подчеркиваем: отмеченные проблемы и недостатки инновационно-технологической сферы РФ – в то же время и резервы для изменения ситуации, ресурсы для качественно иной траектории развития (вопрос «лишь» в том, как первое трансформировать во второе). Прежде всего, необходимо четкое представление о стратегии (идеологии) реформирования инновационно-технологической сферы и в целом развития России. Требуется инвентаризация реализуемых задач ИТД России и реальных возможностей для их решения. Среди этих задач, безусловно, в первую очередь – обеспечение национальной, военной, технологической безопасности страны, в широком понимании. То есть, с включением в этот перечень вопросов экономического развития, благосостояния нации, политической стабильности, создания условий для расширения комплексного влияния РФ в мире, в том числе и приоритетно на страны и регионы в окружении России. Так, без предъявления реальных научно-технологических, инновационных достижений не может быть и речи о развитии устойчивых и долговременных реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, в которых Россия выступала бы в качестве системообразующего ядра.

Что касается возможностей, ресурсов для инновационно-технологического развития РФ, то они, во-первых, весьма ограничены, во-вторых, крайне плохо управляемы, в-третьих, очень слабо реализуемы. Тем более это важно понимать, когда речь идет о «прорывном» развитии, поскольку иного сценария, кроме мобилизационного, России сегодня ни ее внешние оппоненты, ни внутреннее состояние дел не предоставляют. Разумеется, это не может быть простой калькой с «советских» мобилизаций, однако ряд общих принципов востребован и сегодня. В числе главных – задачи концентрации и консолидации сил и средств, их акцентированного и эффективного использования. А это означает (подчеркиваем, на данном, сложном для РФ этапе развития) не снижение, а усиление роли государства, в самых разных качествах – заказчика инновационной и оборонной продукции, организатора и куратора разработки и производства, инвестора, контролера (в целях реального контроля, а не, сдвинув брови, погрозить пальцем – и забыть), особенно в условиях неразвитости и специфики инновационных рынков. И это предполагает оценку не просто количества, «вала», но прежде всего качества, полезности и нужности проводимых работ. Ведь инновационная экономика в современной России, впрочем, как и экономика в целом, должна быть крайне «экономной».

Очень многое при решении задач прорывного инновационно-технологического развития упирается в мотивационно-поведенческие аспекты. Требуется целенаправленная работа по созданию и пропаганде соответствующих профессиональных, ценностных ориентиров и установок, моделей поведения и публичному освещению деятельности их носителей, включая их оценку обществом, в том числе материальную. В инновационном развитии кадры, действительно, «решают все». И послевыборный период – наиболее благоприятный для серьезной ротации в руководстве инновационно-технологической сферы РФ и в российских властных структурах. С массовым приходом действительно эффективных, ответственных, государственно мыслящих, моральных руководителей-подвижников, разумеется, подбираемых не по итогам конкурсов «что-где-когда».

Только политическая воля, четкие и требовательные организационные решения в интересах дела, помноженные на здравый смысл, видение перспектив, понятное, рациональное сочетание интересов государства, общества (которое еще нужно объединить) и личности способны произвести переворот в российском общественном сознании, обеспечить качественный рывок в экономике, инновационно-технологической сфере РФ. В ином случае мы обречены на новый застой, дальнейшее отставание.

Нужно понимать – мир ожидают неизбежные изменения сферы экономики, инновационной деятельности, соотношений различных ее видов и направлений. Сегодня у РФ есть уникальная возможность, разумеется, не начать свое инновационное развитие «с чистого листа», без учета предыдущих результатов и стартовых позиций, но в ходе нового, самостоятельного раунда технологической гонки – существенно «срезать углы». Причем приоритетом должно стать создание технологий, формирующих становой хребет нового уклада и миропорядка будущего, распределяющих роли и места в нем для различных государств. При осуществлении выверенной политики, в том числе инвестиционной, с приоритетом для ключевых, прорывных технологий, среди которых все больше «двойных», РФ реально способна занять лидирующие позиции в новых инновационных и технологических нишах, исследовательских дисциплинах, определяющих ход дальнейшего развития.

Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., директор департамента НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского», в.н.с. Института проблем управления РАН
Рождественская С.М.
начальник отдела НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЦЕНАРНЫХ УСЛОВИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВИАСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: *прогнозирование, авиастроение, сценарии, выбор технологий, технологические развилки.*
Keywords: *прогнозирование, авиастроение, сценарии, сценарные условия, выбор технологий, технологические развилки.*

Введение

Авиация и авиастроение являются

- социотехнической и организационно-экономической системой, поскольку она включает в себя как технические системы и объекты (авиационную технику, наземную инфраструктуру, производственную и экспериментальную базу, и т.п.), так и экономические – предприятия и отрасли, социальные – индивидов и их сообщества, и т.п.;
- *активной системой* (подробнее см. [1~~1~~]), т.е. ее отдельные субъекты обладают собственными интересами, а развитие является целенаправленным, целеустремленным (что необязательно означает его соответствие интересам большинства граждан, национальным интересам государств и т.п.);
- *открытой системой*, взаимодействующей с рядом других, внешних систем, подверженной их влиянию и, возможно, оказывающей свое влияние на них.

На развитие сложных систем влияют многие неопределенные факторы как внешние по отношению к ним, так и внутренние. Для анализа и прогнозирования развития в условиях неопределенности влияющих факторов разработано несколько известных подходов. Можно рассматривать эти факторы как случайные или, например, интервальные, нечеткие и т.п. величины на «входе» изучаемой динамической системы, непосредственно анализируя ее «выход» методами стохастической динамики, интервальной или нечеткой математики и т.п. Но возможен и другой подход, который и называется сценарным. Рассматривается лишь несколько (и, как правило, немного) вариантов изменения влияющих факторов – областей их значений, траекторий изменения на протяжении прогнозного периода. Для каждого такого варианта рассматривается «выход» системы по принципу «что, если…» Совокупность влияющих условий и последствий их реализации, результатов развития системы и называется сценарием. Такой подход к прогнозированию и управлению в условиях неопределенности проще и нагляднее, чем описанные выше альтернативы. Кроме того, для некоторых систем его применение содержательно обосновано их свойствами, спецификой зависимости «выхода» от «входа».

Научно обоснованное формирование сценарных условий развития науки и технологий в авиастроении должно опираться на системную методологию. Как правило, при разработке сценариев будущего изменения каких-либо внешних факторов, влияющих на развитие сложных систем (к которым относится и авиация) преобладает экспертный подход, сопряженный со значительным риском волюнтаризма, субъективности сформированных сценариев. Поэтому актуальна разработка методологических подходов, позволяющих придать формированию сценариев более объективный характер.

Принципы формирования сценариев и сценарных условий развития авиастроения

В зависимости от параметров социально-экономического развития и состояния национальной безопасности могут складываться различные внешние условия, предпосылки для развития авиации и авиастроения. Можно выделить качественно отличающиеся друг от друга наборы таких условий. *Базовые сценарные условия* – это качественно или количественно заданные параметры внешних условий, в которых авиация будет играть определенные роли в социально-экономическом развитии страны, обеспечении национальной безопасности. В различных базовых сценарных условиях возникают различные потребности в развитии авиации и авиастроения, возможно изменение характера вооруженных конфликтов, появление новых классов боевых и специальных задач. При этом могут возникать новые рынки авиаперевозок, авиационных работ, продукции авиастроения.

Базовые сценарии – это варианты развития социально-экономической, геополитической, военно-политической ситуации и соответствующие им различные «образы будущего» авиации. Каждый базовый сценарий включает в себя

- базовые сценарные условия;

- соответствующие им роли авиации в экономике, обороне, жизни общества;
- цели создания научно-технического задела в авиастроении (связанные с ролью авиации в том или ином «образе будущего») и определенные целевые значения показателей их достижения;
- отвечающие этим целям наборы перспективных платформ и их характеристики[1].

Базовые сценарии определяют потребности в развитии науки и технологий в авиастроении. В то же время, ответ на эти потребности (т.е. конкретный выбор технологий) тоже может быть не единственным, он также зависит от влияющих неопределенных факторов. Например, если требуется обеспечить доступные авиаперевозки, можно выбрать различные типы силовых установок в зависимости от того, какое топливо дешевле. С одной стороны, прогнозы изменения внешних факторов следует строить в рамках прогнозирования развития соответствующих внешних систем, что явно выходит за рамки прогнозирования развития рассматриваемой системы, в данном случае, авиации и авиастроения[2]. Т.е. отраслевые специалисты, работающие в авиастроении, не обладают необходимыми для этого компетенциями, а также «мощностями», поскольку разработка комплексного прогноза развития всех отраслей национальной экономики по своей трудоемкости на 1–2 порядка превосходит разработку прогноза развития конкретной отрасли. Кроме того, даже с точки зрения многих исследователей, специализирующихся в области изучения, например, топливно-энергетического комплекса, динамика цен энергетических ресурсов настолько плохо предсказуема, что сложно выделить конечное количество определенных траекторий их изменения в отдаленном будущем (а развитие технологий авиастроения необходимо прогнозировать и планировать на горизонты до 30–50 лет). При этом цены на энергоносители и, в частности, на авиатопливо

- оказывают существенное влияние на эксплуатационные расходы авиакомпаний, уровень тарифов, прибыли и убытки авиаперевозчиков, а в долгосрочной перспективе – и на выбор направлений научно-технологического развития авиастроения, подробнее см. [44];
- исключительно изменчивы – так, на протяжении только первой декады 2000-х гг., за несколько лет, цена сырой нефти и цена авиатоплива возросла в несколько раз, см. рис. 1, а в 2014–2015 гг., наоборот, имело место более чем двукратное падение мировых цен на эти ресурсы, и сложно объяснить такие изменения объективным процессом балансировки спроса и предложения нефти.

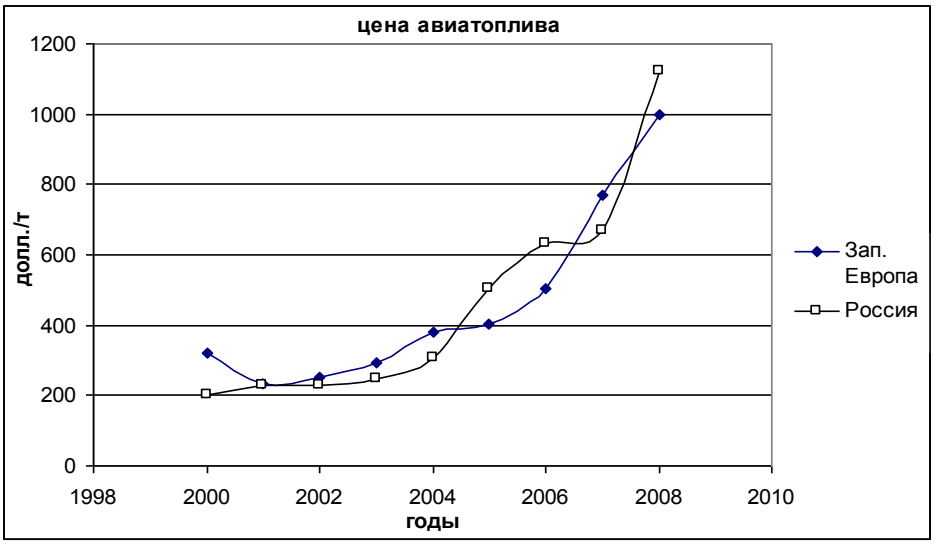


Рисунок 1.
Динамика средних цен авиатоплива в аэропортах России и Западной Европы в 2000-е гг.[3]

Т.е. возможности надежного, достоверного прогнозирования конкретных траекторий изменения ряда внешних факторов, весьма значимых для авиации, практически отсутствуют (либо попытки их прогнозирования приведут к недопустимому расширению предмета исследований, т.е. для этого отраслевым экономистам авиастроения придется глубоко погрузиться в экономику соответствующих отраслей).

С другой стороны, оставаясь исключительно в рамках исследований авиации как сложной системы, можно сформулировать некоторые плодотворные рекомендации по выбору вариантов изменения внешних условий, актуаль-

[1] Платформа здесь понимается как класс техники, определенная рыночная ниша, выполняющая определенные функции – возможно, различными способами. Например, платформа «малое воздушное судно с расширенными условиями базирования» может соответствовать как вертолету соответствующей вместимости и грузоподъемности, так и автожиру, самолету с короткими взлетом и посадкой и т.п.

[2] Здесь рассматриваются внешние системы, влияние авиации на которые пренебрежимо мало или отсутствует, т.е. неактуальна координация стратегий их развития и усилий по их изучению. Исследование динамики этих внешних, по отношению к авиации, систем практически никак не связано с отраслевыми исследованиями в области авиации.

[3] По данным источника www.tdtoap.ru

ных именно для прогнозирования развития технологий. Воспользуемся тем, что «отклик» авиации как сложной системы на изменения внешних условий, как правило,

- дискретен, т.е. в зависимости от внешних условий могут быть выбраны те или иные, оптимальные в данных условиях, технологии, значимо отличающиеся друг от друга;
- неравномерен, т.е. имеет области сильного и слабого изменения при изменении внешних условий.

Анализ внутренних свойств авиастроения и воздушного транспорта позволяет содержательно выделять несколько дискретных сценариев изменения внешних условий, качественно отличающихся друг от друга траекториями развития науки и технологий. Формирование сценариев сводится, таким образом, к выявлению областей параметров внешних условий, в которых наблюдаются значимые количественные или даже качественные изменения в рассматриваемой системе.

Технологические вариации базовых сценариев – это альтернативные направления технологического развития авиастроения, с использованием которых можно реализовать функции перечисленных в этих сценариях платформ. **Технологические сценарные условия** – это диапазоны (многомерные области) значений внешних условий, соответствующих выбору той или иной технологической вариации базового сценария.

Варианты внешних условий, при которых будет реализована та или иная вариация базового сценария, могут формироваться, фактически, «обратным счетом». Это должно делаться на основе анализа поведения прогнозируемой системы и выявления областей параметров внешних условий, в которых наблюдаются значимые количественные или даже качественные изменения. Тогда, даже при слабой предсказуемости изменения внешних условий, можно сформулировать прогноз развития изучаемой системы в следующих терминах: *«если параметры внешних условий будут лежать в следующей области:..., можно ожидать следующих тенденций развития системы... иначе...»* и т.д.

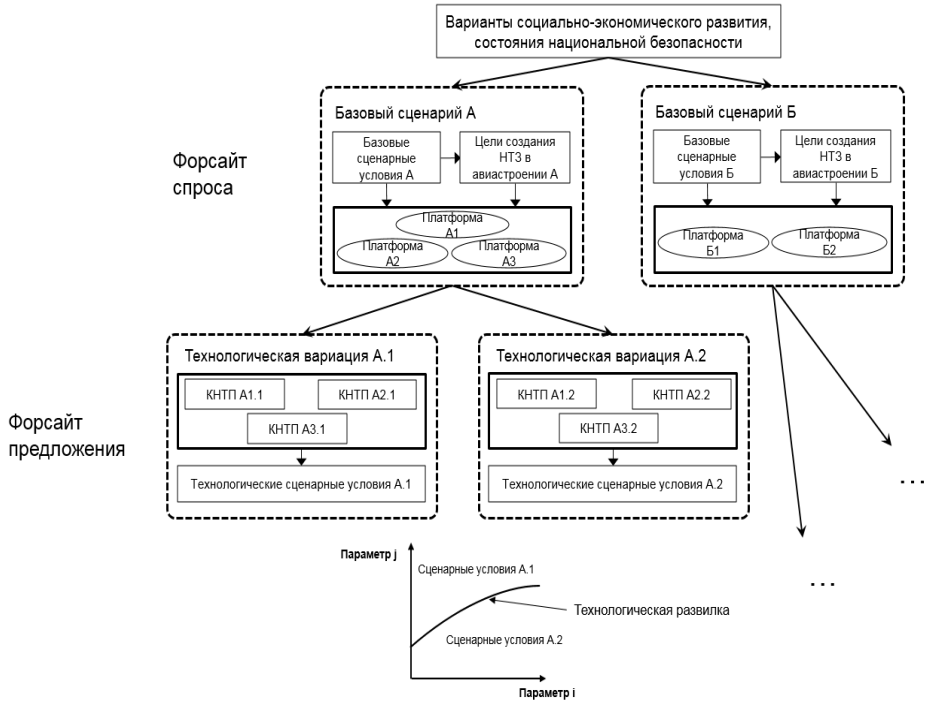


Рисунок 2.
Общая структура сценариев развития науки и технологий в авиастроении и краткое описание принципов их формирования

Границы выявленных областей соответствуют *технологическим развилкам,* разделяющим альтернативные варианты научно-технологического развития отрасли (технологические вариации). Определение конечного набора технологических вариаций и разделяющих их технологических развилок позволяет ставить перед исследователями в других отраслях (в ТЭК, иных отраслях транспорта и машиностроения, и т.п.) более определенные вопросы, на которые можно дать научно обоснованный ответ даже при значительной неопределенности будущего этих отраслей, например, *«превысит ли цена продукции вашей отрасли некоторый порог?»*

Вместо предсказания полной динамики их показателей, требуется лишь определить, попадут ли они в определенные области значений. Такая постановка вопроса существенно повышает вероятность определенного (и научно обоснованного) ответа, даже при высокой неопределенности динамики интересующих показателей.

Таким образом, технологические вариации базовых сценариев определяются не столько динамикой изменения внешних условий (существенно неопределенной), сколько свойствами самой управляемой системы. Поэтому выде-

ленные таким образом технологические вариации можно назвать «объектно-ориентированными» или «основанными на свойствах объекта».

Общая структура сценариев и сценарных условий развития науки и технологий в авиастроении изображена на рис. 2. Также на нем приведено краткое описание общей идеологии их формирования. Если базовые сценарии определяются в рамках Форсайта спроса, поскольку определяют потребности в развитии авиационных технологий, предпосылки для развития отрасли, то технологические вариации – часть Форсайта предложения, поскольку определяют уже способы ответа на выявленные потребности.

Пример определения «технологических развилок» в развитии авиастроения, гражданской авиации и взаимодействующих с ними отраслей

На рис. 3-5 схематично представлен пример выявления технологической развилки в процессе взаимодействия авиации (воздушного транспорта и авиастроения) и топливно-энергетического комплекса, ТЭК. Если цена на альтернативные энергоносители $p_{\text{энерг}}$ будет ниже определенного уровня $p^*_{\text{энерг}}$, авиация будет готова на них перейти и предъявлять значительный спрос, см. рис. 3. Фактически это означает, что, во-первых, авиастроение будет готово поменять технологии, разработать и освоить выпуск авиационной техники, предназначенной для использования нового вида энергоносителей, и, во-вторых, гражданская авиация, пользуясь возможностями снижения эксплуатационных расходов и тарифов, расширит предложение авиаперевозок, что, в свою очередь, обеспечит высокий спрос на новый вид энергоносителей и соответствующую авиационную технику.

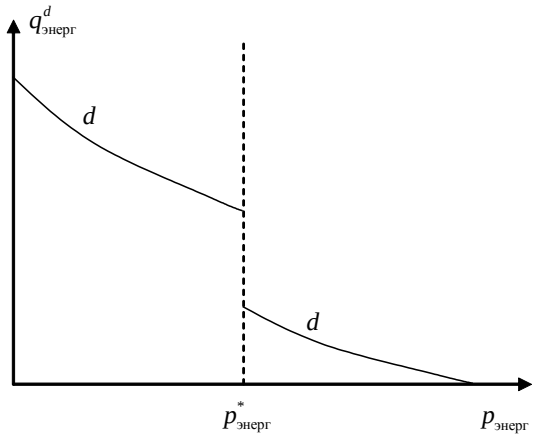


Рисунок 3.
Функция спроса авиации на новый вид энергоносителей (пример)

В то же время, для ТЭК как потенциального производителя альтернативного вида энергоносителей также существует в данном случае технологическая развилка следующего характера, см. рис. 4. Если объем продаж нового вида энергоносителей $q_{\text{энерг}}$ будет выше определенного порога $q^*_{\text{энерг}}$, ТЭК будет готов их производить по «серийной» технологии и продавать относительно дешево (именно в силу значительных масштабов производства и экономии на масштабе). В противном случае предложение данного вида ресурсов возможно, но по более высоким ценам, поскольку осваивать их массовое производство ТЭК невыгодно.

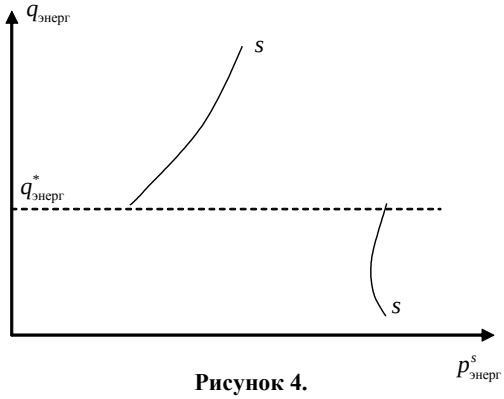


Рисунок 4.
Функция предложения нового вида энергоносителей со стороны ТЭК (пример)

В приведенном примере значимые для взаимодействующих отраслей входные переменные и их пороговые значения «перпендикулярны» (для авиации важна цена энергоресурсов, и при ее снижении ниже порога $p^*_{\text{энерг}}$ возможен резкий рост спроса на эти ресурсы до некоторого уровня; для ТЭК важны именно объемы продаж энергоресурсов, и если они превысят некоторый порог $q^*_{\text{энерг}}$, возможно скачкообразное снижение их цены до некоторого уровня). Возникает вопрос: насколько совместимы между собой пороги значимых внешних показателей для обеих взаимодействующих отраслей? Условия, при которых их интересы при переходе к новому виду энергоносителей совместимы между собой, имеют следующий вид:

А) $q^d\left(p^*_{\text{энерг}}\right) > q^*_{\text{энерг}}$,

т.е. спрос на энергоносители при пороговой цене для перехода авиации на них должен быть выше, чем пороговый объем производства для ТЭК, при котором он готов производить и продавать их дешево;

Б) $p^s\left(q^*_{\text{энерг}}\right) < p^*_{\text{энерг}}$,

т.е. цена предложения энергоносителей, по которой ТЭК готов их продавать при достаточном объеме спроса, должна быть ниже пороговой цены, при которой авиация готова перейти на новые энергоносители.

Условия (А, Б) должны выполняться одновременно – тогда переход к новому виду энергоресурсов взаимовыгоден для обеих отраслей и, следовательно, возможен в рыночной экономике[1], т.е. соответствующая технологическая развилка в развитии авиации и ТЭК актуальна. Наглядно можно представить такую ситуацию в виде, показанном на рис. 5 (здесь совмещены графики спроса и предложения энергоресурсов, приведенные на рис. 3 и 4).

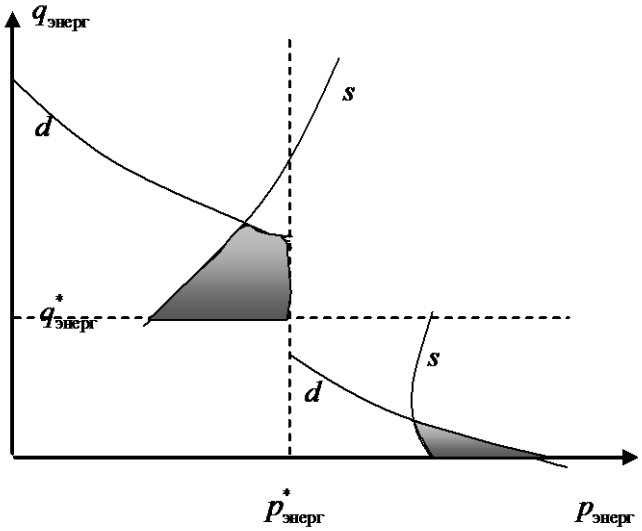


Рисунок 5.
Области компромисса в пространстве внешних условий для авиации и ТЭК, взаимодействующих на рынке энергоресурсов (пример)

Заштрихованные области отражают «области компромисса» между двумя взаимодействующими отраслями. В этих областях любая точка $\left(p_{\text{энерг}}; q_{\text{энерг}}\right)$, в принципе, приемлема для обеих отраслей, т.к. лежит левее кривой спроса авиации на энергоресурсы данного вида, но правее кривой их предложения со стороны ТЭК. В примере, приведенном на рис. 5, таких областей две: внизу справа – соответствующая фактическому отсутствию рынка энергоресурсов нового типа для авиации (высокие цены, низкие объемы продаж), и вверху слева – область, соответствующая переходу авиации к использованию альтернативных энергоносителей, а ТЭК – к их массовому выпуску. В принципе, области, изображенной внизу справа, может и не быть. Здесь представляет интерес именно область, расположенная в центре графика. Она будет непустой лишь при одновременном выполнении условий (А, Б). В этом случае взаимодействующие отрасли могут успешно преодолеть «технологическую развилку» и выйти на новый уровень как развития технологий, так и экономического развития, удовлетворения человеческих потребностей (в данном случае, в скоростных перевозках, поскольку они становятся существенно доступнее при использовании более дешевых энергоресурсов) и т.п. Подчеркнем, что соответствующие пороги, которые можно преодолеть, появляются не сразу, а именно в процессе научно-технологического развития. И его прогнозирование, в рамках предлагаемого здесь подхода, прежде

[1] Впрочем, даже если какие-либо технологические изменения взаимовыгодны для взаимодействующих отраслей, необходима еще координация их инновационной политики, которая представляет собой отдельную проблему, подробнее см. [22, 33].

всего, сводится к оценке этих порогов на основе анализа свойств управляемых систем (в данном случае, отраслей экономики и областей техники).

На этом примере можно заметить (на рис. 5 это наглядно видно, поскольку области компромисса лежат левее кривой спроса, но правее кривой предложения), что само наличие технологических развилок обусловлено именно скачкообразным характером изменения зависимостей, в данном случае – кривых спроса и предложения энергоносителей. В принципе, областей компромиссов между взаимодействующими отраслями и соответствующих развилок может быть несколько, и новые возникают по мере научно-технологического развития отраслей, как показано на рис. 6.

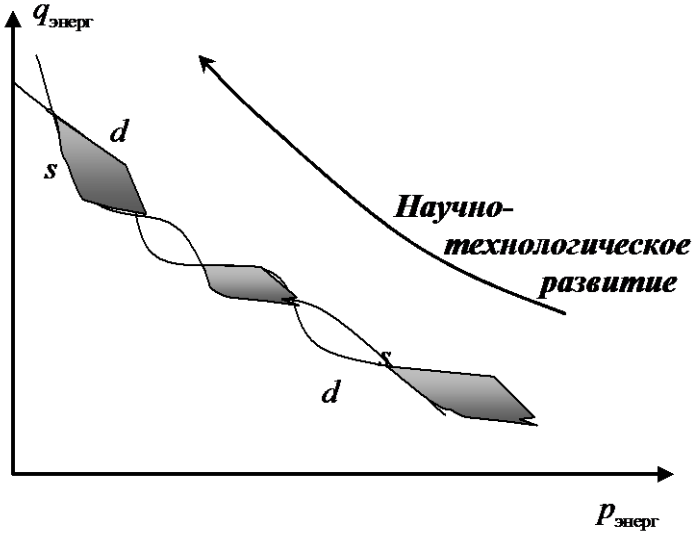


Рисунок 6.
Множественность областей компромисса и технологических развилок (пример)

При этом продвижение «влево-вверх», т.е. в сторону меньших цен, но бо́льших объемов производства, означает и прогресс в удовлетворении человеческих потребностей: блага (в данном случае – и энергоносители, и авиаперевозки) становятся доступнее, а их потребление расширяется.

Как упоминалось выше, параметры внешних условий, как правило, многочисленны, т.е. вектор внешних условий многомерен. Многомерны и пороговые уровни значений этих параметров, которые принимают вид некоторых граничных, пороговых гиперповерхностей в пространстве значений параметров внешних условий. Они и определяют технологические развилки.

Строго говоря, многомерная область значений параметров внешних условий должна включать в себя и координату времени. Т.е. рассматриваются именно динамические сценарии изменения внешних условий. Например, если известна (или задана, в виде прогноза) динамика распределения населения по уровню дохода, можно вычислить и траекторию изменения порогового уровня стоимости авиаперевозок, при котором достигается заданная подвижность населения (например, существенно более высокая, чем в нынешнем состоянии, что и позволяет говорить о качественно ином сценарии развития). Далее, исходя из моделей влияния энергетического сектора на технологическое развитие авиации, можно определить и граничную, пороговую траекторию изменения цены тех или иных видов энергоресурсов, потребляемых авиацией. Либо, по крайней мере, можно вместо непрерывных траекторий определять граничные значения параметров внешних условий, соответствующие различным дискретным временны́м горизонтам – например, через 10, 20, 50 лет и т.п.

Пример определения границы «переключения» между технологическими альтернативами

Пусть альтернативные технологии влияют на стоимость владения воздушным судном (ВС) следующим образом:

- применение первой обеспечивает бо́льшую энергоэффективность воздушных судов в эксплуатации, но также увеличивает их цену;
- применение второй ведет к большему энергопотреблению в эксплуатации, но цена воздушного судна ниже, чем при применении первой.

Пусть все остальные составляющие прямых эксплуатационных расходов авиакомпаний (ПЭР) одинаковы. Т.е. стоимости пассажиро-километра (пусть они и являются критерием выбора) равны

$$c^1_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^1 + \frac{P^1_{\text{ВС}}}{\tau} + c^1_{\text{пр}};$$

$$c^2_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^2 + \frac{P^2_{\text{ВС}}}{\tau} + c^2_{\text{пр}}, \text{ где}$$

$c^1_{\text{пасс.-км}}$, $c^2_{\text{пасс.-км}}$ – стоимости пассажиро-километра полета при применении первой и второй технологии соответственно,

$p_{\text{энерг}}$ – цена единицы энергии,

g^1, g^2 – удельный расход энергии в расчете на пассажиро-километр при применении первой и второй технологии соответственно,

$P^1_{\text{ВС}}$, $P^2_{\text{ВС}}$ – цена воздушного судна при применении первой и второй технологии соответственно,

τ – назначенный ресурс воздушного судна,

$c^1_{\text{пр}}$, $c^2_{\text{пр}}$ – прочие составляющие эксплуатационных расходов расчете на пассажиро-километр при применении первой и второй технологии соответственно.

По условию $g^2 > g^1$ и $P^1_{\text{ВС}}(Q) > P^2_{\text{ВС}}(Q)$, Q – накопленный к определенному моменту времени выпуск ВС.

Но, в свою очередь, цена ВС зависит от серийности его выпуска:

$$\frac{\partial P_{\text{ВС}}}{\partial Q} < 0.$$

И, наконец, серийность выпуска определяется пассажирооборотом и производительностью одного ВС:

$$Q = \frac{W\left(c_{\text{пасс.-км}}\right)}{w}, \text{ где}$$

$W\left(c_{\text{пасс.-км}}\right)$ – зависимость спроса на перевозки (пассажирооборота) от стоимости пассажиро-километра полета,

w – производительность воздушного судна.

В свою очередь, спрос на перевозки падает с ростом тарифа и растет с ростом ВВП страны или мира Y:

$$\frac{\partial W}{\partial c_{\text{пасс.-км}}} < 0;\ \frac{\partial W}{\partial Y} > 0,$$

Таким образом, стоимость пассажиро-километра зависит от следующих внешних условий: от цены энергоресурсов и от ВВП, причем, она растет с ростом цены энергии и падает с ростом ВВП:

$$c^1_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^1 + \frac{P^1_{\text{ВС}}\left(\frac{W\left(c^1_{\text{пасс.-км}};Y\right)}{w}\right)}{\tau} + c^1_{\text{пр}};$$

$$c^2_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^2 + \frac{P^2_{\text{ВС}}\left(\frac{W\left(c^2_{\text{пасс.-км}};Y\right)}{w}\right)}{\tau} + c^2_{\text{пр}}.$$

(равновесные значения стоимости пассажиро-километра и цены ВС определяются из решения полученных уравнений).

При этом можно качественно предсказать следующие результаты выбора оптимальной технологии. При повышении цены энергии, разумеется, первая технология становится предпочтительнее. Но ВС при этом дороже в разработке. Чем выше ВВП, тем выше, при прочих равных, спрос на перевозки и потребное количество ВС. И при больших значениях ВВП относительная дороговизна технологии 1 распределяется на больший объем транспортной работы и выпуска ВС, и, в конце концов, вносит меньший вклад в стоимость пассажиро-километра.

Т.е. разделяющая граница в пространстве внешних факторов $(p_{\text{энерг}};Y)$ будет не параллельной или перпендикулярной осям, а наклонной (причем, скорее всего, в рассмотренном примере эта граница не будет прямой), см. рис. 7.

На этом же рисунке можно отразить и несовместимость некоторых сочетаний внешних условий. Если, например, в нефтедобывающей стране с ростом цен энергоресурсов значимо возрастает ВВП, благосостояние населения и спрос на авиаперевозки (пример условный), тогда при высоких ценах энергоресурсов ВВП не может быть низким. Следовательно, «северо-западная» область, в верхней левой части графика, является «запрещенной» именно с точки зрения реалистичности внешних условий, а не внутренних свойств самой системы, авиации. На рис. 7 она заштрихована.

Продолжим рассмотренный выше пример выбора между двумя технологиями, более и менее энергоэффективной (но и, соответственно, более или менее дорогостоящей в смысле цены изделий). Предположим, что соответствующие уравнения решены, и далее рассматриваются уже равновесные значения стоимости пассажиро-километра полета и цены ВС:

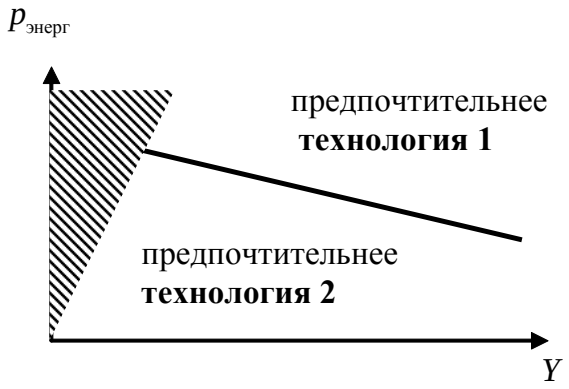


Рисунок 7.
Пример формы границы в пространстве внешних условий

$$c^1_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^1 + \frac{P^1_{\text{ВС}}(Y)}{\tau} + c^1_{\text{пр}};$$

$$c^2_{\text{пасс.-км}} = p_{\text{энерг}} \cdot g^2 + \frac{P^2_{\text{ВС}}(Y)}{\tau} + c^2_{\text{пр}},$$

причем, $\frac{\partial P_{\text{ВС}}}{\partial Y} < 0$.

Здесь стоимость пассажиро-километра является критерием эффективности технологии, т.е. целевым функционалом. Пространство внешних условий двумерно и включает в себя ВВП и цену энергоресурсов: $\left\{p_{\text{энерг}}(t); Y(t)\right\}$. В этом пространстве необходимо найти границу, разделяющую области предпочтительности технологий 1 и 2, из условия

$$c^1_{\text{пасс.-км}}\left[p^{(1,2)}_{\text{энерг}}(t); Y^{(1,2)}(t)\right] = c^2_{\text{пасс.-км}}\left[p^{(1,2)}_{\text{энерг}}(t); Y^{(1,2)}(t)\right], \text{ или}$$

$$p^{(1,2)}_{\text{энерг}}(t)\cdot g^1 + \frac{P^1_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}(t)\right]}{\tau} + c^1_{\text{пр}} = p^{(1,2)}_{\text{энерг}}(t)\cdot g^2 + \frac{P^2_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}(t)\right]}{\tau} + c^2_{\text{пр}}, \text{ или}$$

$$p^{(1,2)}_{\text{энерг}}(t) = \frac{P^1_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}(t)\right] - P^2_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}(t)\right]}{\tau\cdot\left(g^2 - g^1\right)} - \frac{c^2_{\text{пр}} - c^1_{\text{пр}}}{g^2 - g^1}.$$

Поскольку время здесь рассматривается как независимая переменная, для определения границы в пространстве внешних условий $\left\{p_{\text{энерг}}(t); Y(t)\right\}$ можно опустить его в полученном уравнении:

$$p^{(1,2)}_{\text{энерг}} = \frac{P^1_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}\right] - P^2_{\text{ВС}}\left[Y^{(1,2)}\right]}{\tau\cdot\left(g^2 - g^1\right)} - \frac{c^2_{\text{пр}} - c^1_{\text{пр}}}{g^2 - g^1}.$$

Его решением будут сочетания значений ВВП и цены энергоресурсов $\left\{p^{(1,2)}_{\text{энерг}}; Y^{(1,2)}\right\}$, причем, чем выше ВВП, тем ниже соответствующая цена энергоресурсов (поскольку равновесная цена ВС с ростом ВВП в рассматриваемой модели падает). Эти точки образуют континуум, изображенный убывающей линией на рис. 7. Таким образом, область значений $\left\{p_{\text{энерг}}(t); Y(t)\right\}$, при которых предпочтительнее технология 1, соответствует одному сценарию технологического развития, а область, в которой предпочтительнее технология 2 – второй сценарий, и далее от специалистов в области макроэкономического прогнозирования и в области анализа рынков энергоресурсов требуется лишь определить, будут ли значения ВВП и цены энергоресурсов выше или ниже найденной границы в пространстве этих параметров.

Заключение

На основе анализа проблем долгосрочного прогнозирования научно-технологического развития авиастроения в условиях существенной неопределенности внешних факторов, предложен новый подход к формированию сценариев развития, который включает в себя:

- учет особенностей динамики технологического развития, в частности – дискретности технологий;

- поиск пороговых значений параметров внешних условий, при которых становится целесообразным (с точки зрения поставленных целей развития отрасли) «переключение» на ту или иную альтернативную технологию, т.е. поиск «технологических развилок»;
- формирование сценарных условий в виде

• базовых сценарных условий (социально-экономических, геополитических и др.), соответствующих различным вариантам «образа будущего» авиации,

• и диапазонов (многомерных областей) значений внешних условий, соответствующих тому или иному выбору технологий (технологическим вариациям). Границы соответствующих областей соответствуют технологическим развилкам, разделяющим альтернативные варианты научно-технологического развития отрасли.

2. Такой «объектно-ориентированный» подход к формированию сценарных условий развития науки и технологий в авиастроении, в меньшей степени ориентирован на изучение внешних по отношению к авиации и авиастроению систем (что неограниченно расширяло бы необходимый фронт исследований), и в большей степени – на изучение их внутреннего устройства, их специфики и поведения в зависимости от внешних условий. Это существенно снижает трудоемкость прогнозирования перспектив развития науки и технологий в авиастроении и сужает спектр необходимых для этого компетенций.

Предлагаемый методологический подход позволяет свести необозримое множество возможных вариантов изменения внешних условий (а его мощность может быть больше, чем континуум) к конечному набору сценариев, каждый из которых приводит к специфическому варианту развития изучаемой системы, качественно отличающемуся от прочих – в данном случае, выбором тех или иных технологий. Определение конечного набора технологических развилок позволяет ставить перед исследователями в других отраслях более определенные вопросы, на которые можно дать научно обоснованный ответ даже при значительной неопределенности будущего этих отраслей. Вместо предсказания полной динамики их показателей, требуется лишь определить, попадут ли они в определенные области значений.

Список литературы

1. Бурков В.Н., Новиков Д.А. Теория активных систем: состояние и перспективы. – М.: Синтег, 1999. – 128 с.
2. Дутов А.В., Клочков В.В. Стратегическое управление развитием авиационных технологий: проблемы и современные решения // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 48 (351). – С. 2–15.
3. Клочков В.В., Чернер Н.В. Управление изменениями в распределенных производственных системах: проблемы внедрения комплементарных инновационных технологий // Друкеровский вестник. 2015. – № 4. – С. 21–36.
4. Commercial Aircraft Design Characteristics – Trends and Growth Projections / International Industry Working Group, January 2007, 5th Edition. – 60 p.

Кумакова С.В.
к.э.н., доцент

УВЕЛИЧЕНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *мировые расходы на НИОКР, затраты на науку в ВВП, расходы федерального бюджета на научные исследования и разработки, экспорт и импорт инновационной продукции, патентная активность, научно-исследовательские организации, научные кадры, проект Национальной интеллектуальной инициативы, опорные университеты.*

Место России в мировых инновационных процессах пока не соответствует имеющемуся в стране научному и образовательному потенциалу. Недостаточное финансирование научных исследований и разработок, особенно фундаментальной науки, приведет к дальнейшему оттоку высококвалифицированных научных кадров, потере перспектив роста национальной конкурентоспособности на мировых рынках инновационной продукции и необратимому отставанию от развитых стран.

В рейтинге The Global Innovation Index 2017 самых инновационных стран, который составляет Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) ООН, Россия заняла 45-ю строчку из 127[1]. Уровень инновационной активности российских предприятий в 2015 г. составил 9,3%, в то время как в Германии – 67,0, Франции – 56,4, Финляндии – 55,3, Японии – 47,9, Словакии – 31,1, Эстонии – 26,5%[2].

Созданная в России за последние годы нормативно-правовая база поддержки инновационной деятельности дополняется наличием многочисленных «институтов развития», включая фонды, кластеры, технопарки (действуют 5 государственных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, 34 венчурных фонда, 12 инновационных фондов, 35 технологических платформ, 25 инновационных территориальных кластеров, 13 наукоградов, 48 государственных научных центров, а также несколько профильных госкорпораций, например «Ростех»). По оценке В.Н.Лопатина, действует более 150 федеральных, региональных и отраслевых программ, концепций, стратегий, призванных стимулировать инновационный рост[3]. Майскими указами президента РФ 2012 г. ставилась задача развития НИОКР, в том числе за счет увеличения финансирования до 1,73% ВВП (в 2015 г. было 1,13%), повышения индекса цитируемости российских ученых в базе данных Web of Science до 2,44%. Эксперты Центра стратегических разработок считают, что «Стратегия 2020» может быть выполнена на 29%, а предыдущая «Стратегия 2010» была выполнена на 39%[4].

В формирующемся многополярном мире складываются 4 главных центра научного прогресса – США (31% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский Союз (24%), Китай (14%) и Япония (11 %). Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Европейского Союза – в 12 раз, от Китая и Японии – в 6,4 раза, от Индии – в 1,5 раза[5]. На долю Российской Федерации в 2016 г. приходилось 2,8% (2014 г. – 3,1%) мировых расходов на НИОКР (8 место в мире)[6]. По абсолютным размерам расходов на НИОКР на первом месте – США – 465 млрд. долл., далее Китай – 284 млрд. долл., Япония – 165, Германия – 92, Республика Корея – 63, Франция – 52, Великобритания – 44, Россия – около 40 млрд. долл.[7]

По мнению директора Института экономики РАН, д.э.н. Е.Б. Ленчук, *на протяжении более чем двух десятилетий, показатели развития науки и инноваций находятся на уровне ниже пороговых значений технологической безопасности страны*. Так, например, доля затрат на науку в ВВП не поднималась выше отметки 1,2% (2015 г. – 1,13%)

[1] Гатинский А. Россия опустилась в рейтинге самых инновационных стран – https://www.rbc.ru/economics/15/06/2017/594271b19a79473ed86548d0

[2] Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л.М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – https://www.hse.ru/data/2017/03/14/1170079947/Индикаторы%20инновационной%20деятельности%202017.pdf

[3] Лопатин В.Н. Государственные регуляторы формирования и развития рынка интеллектуальной собственности в странах Таможенного союза и СНГ в 2014 году // Право интеллектуальной собственности. – М., 2015. – № 2 (40).

[4] Железнова М. Стратегия имитации // Ведомости. – М., 2016. – 28 декабря. – https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671525-strategiya

[5] Рогов С.М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки – http://www.iskran.ru/docs/doklad%2028_08.pdf

[6] Березина Е. Наука тратить // Российская газета. – М., 2016. 5 декабря, №7144. – https:// rg.ru/2016/12/05/perechen-rashodov-na-niokr-budut-rasshirit.html

[7] Кузнецова Г.В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. – № 2.

при критическом пороговом значении этого показателя в 1,5%. Заложенные параметры затрат на науку в ВВП, которые должны достигнуть уровня 1,73% только к 2030−2035 годам, практически делают невозможным не только сокращение технологического отставания, но и приведут к его дальнейшему росту. Следует отметить, что уже сегодня затраты на науку в ВВП достигли в США 2,73%, в Германии – 2,85, во Франции – 2,23, в Японии – 3,46, в Израиле – 4,21, в Китае – 1,98, Южной Корее – 4,36%[1].

Современное научно-технологическое развитие и производство инновационной продукции связаны с 50-ю макротехнологиями, из которых 18 контролируются странами ЕС (Германия, Франция, Великобритания, Швеция и др.), что позволяет им входить в десятку лидеров мирового рынка наукоемкой продукции и наращивать объемы ее экспорта. Россия в структуре данного рынка занимает всего лишь 0,4%. При этом за 10 лет объем остался на прежнем уровне, что может свидетельствовать о процессах стагнации в научно-технической сфере страны. В то же время в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. была поставлена задача занять 5-10% на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг в 5–7 и более секторах[2].

По данным ИСИЭЗ НИУ «Высшая школа экономики» в 2015 г. выпуск инновационных товаров крупными и средними организациями промышленного производства составил 3,3 трлн. руб. В сопоставимых ценах это примерно соответствует уровню 2014 г. Доля высокотехнологичного сектора в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг составляет 10,3%, низкотехнологичного – 8,6%. Доля новой для мирового рынка продукции в общем объеме инновационных товаров в 2015 г. составляла лишь 3,2%. В основном преобладают товары, новые для организации, но уже известные на рынках (53,5%)[3].

Россия находится на восьмом месте в мире по объему финансирования НИОКР. А вот по объему экспорта высокотехнологической продукции – на двадцать восьмом. Уступая следующим странам: Чехии (21 млрд. долл., 18-е место), Венгрии (14 млрд. долл., 24-е место), Польше (12 млрд. долл., 25-е место). Доля хайтека в российском экспорте упала с 19% в 2003 г. до 10% в году 2013 г. На первом месте по хайтек-экспорту – Китай, продающий на сумму 560 млрд. долл., на втором Германия – 193, на третьем США – 147 млрд. долл. На четвертом месте Сингапур – 135 млрд. долл., далее Республики Корея – 130, Франция – 113, Япония – 105 млрд. долл. Россия экспортирует хайтека на сумму около 9 млрд. долл. Впереди России – Дания, сразу за Россией – Бразилия. Даже Вьетнам находится на пятнадцатом месте – 27,8 млрд. долларов[4]. Подавляющая часть экспорта инновационной продукции приходится на продукцию, не подвергавшуюся технологическим изменениям, что говорит о слабых конкурентных позициях российских инновационных предприятий на внешних рынках. Вслед за ростом в период 2010–2013 гг. и падением в 2014 г., доля экспорта инновационной продукции в общем объеме всей продукции в 2015 г. продолжила своё снижение и остановилась на отметке 2,1%. В ряде секторов, активно осваивающих инновационную продукцию, доля экспорта достигает более высоких значений: 9,1% – в производстве летательных аппаратов, 3,5% – в производстве нефтепродуктов. В среднем по высокотехнологичным секторам эта величина составляет – 4,2%, в среднетехнологичных отраслях низкого уровня – 2,4%. Экспорт инновационной продукции по большей части ориентирован на страны дальнего зарубежья (78,2%), на страны СНГ приходится 21,8%[5].

В 2014 г. удельный вес государств ОЭСР по экспорту российских технологий достиг 71,0%, к 2015 г. в связи с экономическими санкциями снизился до 37,5%. В 2015 г. наиболее значительные объемы российского экспорта технологий приходились на такие государства ОЭСР как США – 319,1 млн. долл., Германия – 47,2, Нидерланды – 32,3 и Франция – 20,6 млн. долл. Доля стран СНГ в 2015 г. составила 8,1%. Государства ОЭСР остаются крупнейшими партнерами России по импорту технологий: их доля в 2015 г. достигла 83,9% объема выплат. Значительные суммы транзакций российскими лицензиатами направлялись в Германию – 392,6 млн. долл., США – 254,1, Финляндию – 196,1, Францию – 174,9, Швейцарию – 166,5, и Великобританию – 138,6 млн. долл.)[6].

Россия успешно использовала в прошлом импорт как источник заимствования инноваций. В связи с санкциями и экономическим кризисом создались предпосылки для торможения модернизации и инновационного развития страны. Наибольшую угрозу для будущего экономического развития России представляет снижение поставок из стран ЕС – главного потенциального источника инновационных заимствований. От экономического кризиса пострадали точные науки, в том числе оборонные НИОКР. За первые три года кризиса импорт научных приборов сократился более чем на 50%. На 30–40% сократился импорт электроники, компьютерной и телекоммуникационной техники. Общее снижение импорта высокотехнологичной продукции неизбежно отразится на дальнейшем развитии информационно-коммуникационных технологий. В первые годы кризиса на 40% сократились импортные поставки техники для авиа-

[1] Будет ли у России стратегия научно-технологического развития – https://regnum.ru/news/innovatio/2140919.html

[2] Теребова С.В. Сотрудничество России и Евросоюза: от импорта технологий к экспорту // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 3.

[3] НИУ ВШЭ: из российских инновационных товаров 3,2% новые для мирового рынка – http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=126137#.WeEzzHW7WM8

[4] Ваннах М. О российских расходах на НИОКР и высокотехнологическом экспорте. – http://www.computerra.ru/126249/o-rossiyskih-rashodah-ni-niokr-i-vyisokotehnologicheskom-eksporte/

[5] НИУ ВШЭ: из российских инновационных товаров 3,2% новые для мирового рынка. – http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=126137#.WeEzzHW7WM8

[6] Сагиева Ш. С. Внешняя торговля технологиями России // Наука, технологии, инновации. Институт статистических исследований экономики знаний НИУ ВШЭ, 2016. – https:// issek.hse.ru/data/2016/07/07/1116486462/NTI_N_6_07072016.pdf

космической промышленности[1]. У России отрицательное сальдо платежей за технологии. С 2002 г. оно увеличилось в 1,5 раза (2002 г. – 361 010,4 тыс. долл., 2015 г. – 550 697,2 тыс. долл.)[2].

Положительная динамика в области «инновационной экономики» должна отражать увеличение числа исследователей, если речь идет о базовых основах получения инновационных результатов, которые без НИОКР и фундаментальных разработок представить невозможно[3]. По доле численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых Россия уступает десяти государствам ЕС, таким как Финляндия, Швеция, Бельгия и др. Еще в 1991 г. Россия унаследовала порядка 2,4 миллиона человек с учетом вспомогательного персонала, исследователей – 1,2 миллиона человек (с учетом профессорско-преподавательского и научно-исследовательского персонала высшей школы). В 1998 г. это число уменьшилось до 670 тысяч человек, в 2015 г. – их стало уже 379 тысяч человек. За это время уменьшилось и количество научно-исследовательских организаций (с 3525 в 2000 г. до 2960 в 2015 г.). Одновременно в два раза увеличилось число организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования (526 и 1124 соответственно). Число организаций, имеющих собственные научные подразделения, в предпринимательском секторе уменьшилось с 2278 организации в 2000 г. до 1400 в 2015 г.[4]

По сравнению с 1991 г. в 2014 г. численность персонала в России, занятого исследованиями и разработками, сократилась более чем в 2,6 раза или на 1201 тыс. человек. Численность исследователей в 2014 г. была ниже уровня 1990 г. на 610 тыс. человек и составляла 373 тыс. человек. Таким образом, в 2014 г. в российской науке осталось всего 37% от общей численности исследователей начала 90-х годов XX века.

За последние годы из страны уехали 16 000 докторов наук, а осталось всего 26 000.[5] С 2014 г. по данным Росстата, в России были уволены 27 тысяч научных работников, а их численность сократилась на 25%, до 80,2 тысячи человек[6]. Численность аспирантов в России уменьшилась с 2000 г. на 34% (2000 г. – 17 502, 2015 г. – 11 528)[7].

Научные исследования и разработки в России в начале 2015 г. выполняли 3566 организаций, 78% от уровня 1992 г. Среди них: 2115 научно-исследовательских организаций, 489 конструкторских бюро, 61 проектная и проектно-изыскательская организация, 30 опытных заводов, 406 вузов, 231 промышленное предприятие, 234 прочие организации. В России 61 научно-исследовательская организация имеет статус государственного научного центра. В них работает 64,5 тыс. человек, которые выполнили в 2014 г. исследований и разработок объемом свыше 1,1 млрд. руб. В составе научного и научно-технического потенциала России 21 тыс. малых предприятий отрасли «наука и научное обслуживание», в которых работает около 140 тыс. человек. Персонал, занятый исследованиями и разработками, составлял к началу 2015 г. 813,2 тыс. человек (53% к уровню 1992 г.), из них 391,1 тыс. человек – исследователи (48,6% к уровню 1992 г.)[8].

24 июня 2015 г. на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ на тему «Новые вызовы и приоритеты развития науки и технологий в Российской федерации» ректор МГУ имени М.В. Ломоносова В. Садовничий говоря о проблемах науки отметил, что средний возраст научного исследователя сейчас – 63 года, доктора наук – 58. В Англию ежегодно уезжает 30 тысяч молодых людей учиться, продолжать учёбу, треть из них может не вернуться. Проведенное в МГУ имени М.В. Ломоносова социологическое исследование, в котором приняли участие 6 тысяч аспирантов, показало, что только 23% желает остаться работать в науке[9].

Важным показателем состояния научного и научно-технического потенциала является уровень патентной активности страны. Лидерами по числу опубликованных патентных заявок выступают США, Япония, Китай, Германия, Республика Корея.

В 2015 г. число международных патентных заявок на изобретения, поданных в соответствии с Договором о патентной кооперации (PCT), выросло на 4,5% по сравнению с 2014 г. При этом лидером по числу полученных заявок на изобретения стал Китай – 928 тыс. ед. Россия по данному показателю отстает от наиболее передовых стран в разы, хотя и занимает в общемировом рейтинге десятое место[10].

---

[1] Фальцман В.К. Кризис в аспекте настоящего и будущего экономики // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 2.

[2] Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – https://www.hse.ru/data/2017/03/14/1170079947/Индикаторы%20инновационной%20деятельности%202017.pdf

[3] Сухарев О.С. Инновационная экономика: старые и новые технологии // Инвестиции в России. 2017. – № 1 (ч. 1) – http://inecon.org/docs/2017/IvR_01_17.pdf

[4] Красников Г.Я. Российская академия наук: 5 принципов научно-технологического развития. – https://scientificrussia.ru/articles/rossijskaya-akademiya-nauk-5-printsipov-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-rossii

[5] Будет ли у России стратегия научно-технологического развития. – https://regnum.ru/news/innovatio/2140919.html

[6] Финансирование науки в России упало до минимума за последние 6 лет. – https://newizv.ru/news/science/29-06-2017/finansirovanie-nauki-v-rossii-upalo-do-minimuma-za-poslednie-za-6-let?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

[7] Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017.

[8] Кузнецова Г.В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. – № 3.

[9] Заседание Совета по науке и образованию. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/49755

[10] Финансирование науки в России упало до минимума за последние 6 лет. – https://newizv.ru/news/science/29-06-2017/finansirovanie-nauki-v-rossii-upalo-do-minimuma-za-poslednie-za-6-let?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

В 2015 г. в России было выдано 35,5 тыс. патентов (в 2000 г. – 23,3 тыс., в 2014 г. – 33,1 тыс.). Доходы от экспорта и импорта патентов на изобретения составляют менее 1% от суммы операций[1]. Уровень патентной активности (число патентных заявок на изобретения, поданных в стране национальными заявителями на 1000 исследователей) в России выше, чем в странах – лидерах инновационного развития, как Нидерланды, Финляндия, Швеция. В то же время доля коммерциализированных патентов находится на предельно низком уровне – 0,14%, тогда как, например, в Великобритании она составляет около 70%[2].

Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), по итогам 2015 г. Российская Федерация заняла 10-е место в мире по количеству заявок на патентование изобретений с учетом заявок резидентов и зарубежных заявителей, 14-е место по количеству поданных патентных заявок на 100 млрд. долларов ВВП и 17-е место по количеству поданных патентных заявок на душу населения. Но их большая часть имеет только национальный статус, лишь 3,2% от общего количества патентов вышли за пределы страны[3].

В 2016 г. международных заявок, которые позволяют потом на их основе получать патенты в разных странах, российскими компаниями было подано 996 штук. В то время как страны первой пятерки (США, Япония, Китай, Германия, Республика Корея), каждая – от 20 до 50 тыс. По мнению председателя правления фонда «Сколково» И. Дроздова, мы сильно отстаем в коммерциализации интеллектуальной собственности (ИС). Трансферт технологий из вузов в компании в России пока не получил распространения. Ведущие американские вузы сотни миллионов долларов в год зарабатывают только на лицензировании ИС. В 2016 г. стартовал проект Национальной интеллектуальной инициативы. Суть проекта в том, чтобы при помощи новых технологий сделать возможным доступ к институту ИС широкого круга лиц; ускорить процесс оформления ИС и упростить ее коммерциализацию через электронные площадки[4].

По доле ассигнований на НИОКР в ВВП по паритету покупательной способности в 2015 г. лидировали: Израиль – 4,11%, Республика Корея – 4,29%, Япония – 3,59%, США – 2,74%. В России этот показатель составил 1,13%, т.е. самый низкий среди развитых стран. В отличие от большинства стран рыночной экономики, в России финансирование НИОКР ведется в основном из государственных средств – 69,5%. В других странах основные средства на НИОКР поступают из предпринимательского сектора: в Японии – 77,3%, Германии- 65,8%, США – 60,9%, Франции – 55,0%[5]. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в странах ОЭСР на долю средств организаций предпринимательского сектора в НИОКР, в среднем, приходится 61%, в странах-членах ЕС – 28 – 54,3%. В России, несмотря на увеличение прибыли у этих организации за 2000–2015 гг. в 1,6 раза, эта доля даже сократилась с 33 до 27%. За 15 лет иностранное финансирование российской науки сократилось в два раза, а удельный вес в расходах на науку с 12 до 2,6%[6].

В XXI веке мировые валовые расходы на НИОКР росли быстрее глобального ВВП, что привело к резкому повышению интенсивности научных исследований. По данным доклада ЮНЕСКО о науке, рост инвестиций в исследования и разработки за период с 2007 по 2013 гг. составил 31%, в то время как увеличение мирового ВВП за тот же период оценивается в 20%. Согласно аналитическим обзорам «Global R&D Funding Forecast», динамика мировых валовых затрат на исследования и разработки с 2013 по 2016 гг. увеличилась на 25%. В Российской Федерации, напротив, за период с 2014 по 2016 гг. бюджетные ассигнования на гражданскую науку сокращались. В 2014 г. они составляли 437,3 млрд. руб., в 2016 г. – уже 306,3 млрд. руб., а по итогам 2016 года и составили 285,8 млрд. руб. (в рамках соответствующих государственных программ)[7]. Финансирование науки из средств федерального бюджета в % к ВВП составило в 2015 г. всего 0,56%, а к расходам федерального бюджета – 2,81%, что ниже, чем в 2014 г., соответственно 0,56 и 2,95%[8]. Доля ВВП России, которая направляется на проведение фундаментальных исследований, в полтора-два раза ниже, чем в Венгрии, Греции, Польше и Португалии, не говоря о более развитых странах.

В 2016 году на гражданскую науку из бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов было выделено 402,7 млрд. руб., что на 8,5% меньше, чем в 2015 г. Сокращение расходов федерального бюджета на научные исследования в 2016 г. связано с завершением в 2015 г. Федеральной космической программы России на 2006-2015 гг. Почти две трети финансирования (251 млрд. руб.) ушло на прикладные исследования «в области национальной экономики». Расходы на медицинские исследования были меньше в 14 раз – 18,5 млрд. руб., или 4,6% от общей суммы. Расходы на фундаментальную науку сократились на 11%, до 104,9 млрд. руб. По данным ВШЭ в реальном выражении (с учетом

---

[1] Кузнецова Г.В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. – № 3.

[2] Теребова С.В. Сотрудничество России и Евросоюза: от импорта технологий к экспорту // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 3.

[3] Красников Г.Я. Российская академия наук: 5 принципов научно-технологического развития. – https://scientificrussia.ru/articles/rossijskaya-akademiya-nauk-5-printsipov-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-rossi

[4] Быстрицкая И. Для России этот поезд явно не ушел. -https://www.gazeta.ru/science/2017/06/05_a_10708703.shtml

[5] Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – https://www.hse.ru/data/2017/03/14/1170079947/Индикаторы%20инновационной%20деятельности%202017.pdf

[6] Кузнецов А. Источники финансирования науки. – http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=121583#.WeE00nW7WM8

[7] Красников Г.Я. Российская академия наук: 5 принципов научно-технологического развития. – https://scientificrussia.ru/articles/rossijskaya-akademiya-nauk-5-printsipov-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-rossii

[8] Березина Е. Наука тратить // Российская газета. – М., 2016. – 5 декабря, №7144. – https:// rg.ru/2016/12/05/perechen-rashodov-na-niokr-budut-rasshirit.html

инфляции) эта сумма стала рекордно низкой с 2005 г. В 2017 г. они будут урезаны еще на 20%, до 336,2 млрд. руб., а к 2019 г. – на 26%, до 319 млрд. руб.[1]

Расходы федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения (научные исследования) за период 2014–2016 гг. составили 1 040,96 млрд. руб. Основной объем расходов – 51,99% или 541,28 млрд. руб. приходится на прикладные научные исследования в области национальной экономики. Наибольший объем расходов федерального бюджета на научные исследования приходится на Министерство промышленности и торговли Российской Федерации и составляет 221,36 млрд. руб. или 21,27%. На Федеральное космическое агентство приходится 16,70%, Министерство образования и науки Российской Федерации – 15,26%, Министерство здравоохранения РФ – 4,15%, прочие ГРБС – 34,73%. Большая часть расходов на научные исследования осуществляется в рамках государственных программ Российской Федерации – 99,55%. Доля государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, в общем объеме указанных расходов составляет 39,61%. Наибольший объем расходов федерального бюджета на научные исследования среди других государственных программ предусмотрен программой «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы» – 187,40 млрд. руб. или 18,00%.

Значительная часть расходов федерального бюджета в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» в период 2014–2016 гг. приходится на реализацию Подпрограммы 1 «Фундаментальные научные исследования» и составляет 297,64 млрд. руб. или 66,46% от общего объема средств, предусмотренных на реализацию программы. На втором месте расходы на реализацию федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» (65,91 млрд. руб. или 14,72%), на третьем месте расходы в рамках Подпрограммы 3 «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» (37,17 млрд. руб. или 8,30%)[2].

Больше всего средств в России выделяют на НИОКР аэрокосмическая отрасль и ВПК. Российская доля от глобальных затрат на них составляет 13 и 11 процентов соответственно. За ними – технологии для промышленности, атомные технологии и медицина. Среднее распределение средств из бюджетов на НИОКР на разработку программного обеспечения (ПО) и сервисов с 2010–2015 гг. выросло с 54 до 59%. Аналитики ожидают, что этот показатель достигнет 63 процентов в 2020 г. По данным исследования, к 2018 г. больше всего расходов на НИОКР придется на область здравоохранения. Значительно возрастет финансирование разработок программного обеспечения, увеличатся инвестиции в развитие Интернет-индустрии. В то же время ожидается, что среднее распределение средств из бюджетов на НИОКР на разработку продукции уменьшится до 37% к 2020 г. Общее снижение за десять лет составит 19 процентов, прогнозируют эксперты[3].

По мнению академика А.М. Сергеева бюджетное финансирование всех научных учреждений РАН-ФАНО, в которых работает 125 тыс. человек, на уровне одного миллиарда евро не позволит реализовать те задачи, которое руководство страны ставит перед российской наукой в Стратегии научно-технологического развития[4]. В пересчете на одного исследователя, финансирование в вузовском секторе уже в 2,7 раза превышает финансирование организаций ФАНО. Директор Института экономики РАН, д.э.н. Е.Б. Ленчук считает, что «перекос, в условиях общей скудности финансирования сектора науки и инноваций, приводит к деградации фундаментальной науки, которая не может быть компенсирована расширением инновационной деятельности в вузовской среде по аналогии с американской моделью организации научной и инновационной деятельности»[5].

По мнению заместителя министра образования и науки Л. Огородовой, в настоящее время особую роль приобретает формирование региональных опорных университетов, которые к 2019 г. будут созданы более чем в 50 регионах страны. На их базе и ведущих университетов России будут создаваться университетские центры инновационного, технологического и социального развития. Сегодня опорными признаны 33 университета, отобранные в 2015 году (11 университетов) и в 2017 году (22 университета). На государственную поддержку программ развития этих университетов Минобрнауки России уже выделило около 3 миллиардов рублей. Центры будут создаваться на базе опорных университетов, а также ведущих университетов России. К 2019 г. планируется создать опорные университеты более чем в 50 регионах, а к 2025 г. около 100 университетских центров. Целью приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» является формирование к 2025 году привлекательной социальной среды и нового качества жизни в регионах, обеспечение доступа к современным технологиям, развитие в регионах отраслей экономики знаний. Реализация проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» будет способствовать выстраиванию и расширению взаимодействия университетов с производственными кластерами и высокотехнологичным бизнесом[6].

[1] Финансирование науки в России упало до минимума за последние 6 лет. – https://newizv.ru/news/science/29-06-2017/finansirovanie-nauki-v-rossii-upalo-do-minimuma-za-poslednie-za-6-let?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

[2] http://fin.edu.ru/InfoPanel/min_obr2.html#page0_target

[3] Березина Е. Наука тратить. – https://rg.ru/2016/12/05/perechen-rashodov-na-niokr-budut-rasshirit.html

[4] Механик А. Широкий фронт исследований. – http://expert.ru/expert/2017/38/shirokij-front-issledovanij/

[5] Будет ли у России стратегия научно-технологического развития. – https://regnum.ru/news/innovatio/2140919.html

[6] Бутенева Т. Знания дают энергию. – https://rg.ru/2017/09/20/liudmila-ogorodova-k-2019-godu-50-regionov-poluchat-opornye-universitety.html

Выводы:

– существующее бюджетное финансирование научных исследований и разработок не соответствует ни сегодняшним потребностям, ни тем задачам, которые поставлены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 1.12.2016 № 642 и не позволит выйти на передовые позиции по уровню технологического, инновационного и экономического развития;

– установленные на перспективу 2030-2035 гг. затраты на науку в размере 1,73% к ВВП могут привести к закреплению стагнации в научно-технической сфере страны, неконкурентоспособности России на мировом рынке инновационной продукции и дальнейшему увеличению отрицательного сальдо платежей за технологии;

– доля российской инновационной продукции на мировом рынке остается предельно низкой – 0,4%. Доля новой для мирового рынка продукции в общем объеме российских инновационных товаров в 2015 г. составляла лишь 3,2%;

– низкая инновационная активность российских предприятий свидетельствует о наличии существенных барьеров для занятия предпринимателями инновационной деятельностью;

– Россия сильно отстает в коммерциализации интеллектуальной собственности. Доля коммерциализированных патентов в России находится на предельно низком уровне – 0,14 и только 3,25% патентов выходит за пределы страны;

– потенциал РАН недостаточно используется при реализации Национальной технологической инициативы.

Необходимо:

– увеличить финансирование институтов РАН-ФАНО;

– увеличить финансирование гражданской науки;

– разработать стимулирующие меры по увеличению затрат на НИОКР в предпринимательском секторе и по привлечению предпринимателей в высокотехнологичные отрасли;

– укреплять взаимодействие академических институтов с ведущими и опорными университетами, создавать специализированные исследовательские центры отраслевой науки, в ином случае увеличение финансирования науки приведет только к росту числа патентов, а не к их коммерциализации и выпуску инновационной продукции.

Никонова А.А.
к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН
prettyal@cemi.rssi.ru

ПОТЕНЦИАЛ И ИНСТРУМЕНТЫ РОСТА ИННОВАЦИОННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО УКЛАДА ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова*: цифровые технологии, цифровая экономика, знания, экономика знаний, стратегия, система, взаимодействия.*

Keywords*: digital technology, digital economy, knowledge, knowledge economy, strategy, the system, collaboration.*

Введение

Формирование нового экономического уклада – это современный глобальный тренд, в который важно вписаться для поддержания устойчивости и конкурентоспособности российской экономики. В современной экономике на долю НТП приходится до 90% от совокупного вклада всех факторов прироста ВВП[1]. Участие России в международном разделении труда как поставщика энергоресурсов создает определенные угрозы экономической и технологической безопасности национального хозяйства в контексте кардинальных технологических и структурных сдвигов мировой системы. Действительно, ежегодные темпы роста и развития нового технологического уклада составляют, по оценке академика РАН А.А. Дынкина, примерно 35%. К новому укладу относят[2] биоинженерные и медицинские технологии, фармацевтику, молекулярную биологию и генную инженерию, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, основанного на цифровых технологиях.

По замечанию Президента РФ В.В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г., «цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути – это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. И конечно, формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкурентности отечественных компаний, позиций страны на мировой арене на долгосрочную перспективу, по сути на десятилетия вперёд. … Сейчас наша первоочередная задача – создать эффективный механизм для продвижения этого значимого проекта»[3]. В.В. Путиным выделены три (на самом деле – четыре) ключевые направления развития нового уклада: 1) ликвидация правовых барьеров, которые препятствуют внедрению передовых технологий; 2) создание опорной инфраструктуры: линий связи, центров хранения и обработки данных; 3) серьёзное совершенствование всей системы образования, включая обеспечение всеобщей цифровой грамотности, а также запуск инструментов поддержки отечественных компаний, которые являются центрами компетенций в сфере цифровых и других сквозных технологий[4].

Во-первых, речь идет о создании благоприятствующей нормативно-правовой среды и приведении её в соответствие с требованиями цифровой экономики как нового уклада, качественно новых производственных отношений. Во-вторых, необходимы соответствующее информационное и материально-техническое оснащение для реализации новых технологий и видов деятельности. В-третьих, важно предусмотреть изменения в учебных курсах, системе подготовки и переподготовки кадров, повышения квалификации по новым специальностям. Кроме того, следует разработать подходящие механизмы, направленные на поддержку отечественных компаний, наиболее продвинутых в плане сквозных технологий.

О целях и задачах создания нового уклада в России

По темпам роста электронных технологий Россия занимает лидирующие позиции. Согласно данным Росстата, за 2010–2016 гг. удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, увеличился с 48,4 до 74,8%. В России средняя скорость Интернета в 2016 г. повысилась на 29% и достигла уровня Франции и Италии. К началу 2017 г. российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных вырос до 14,5 млрд. руб.[5]

---

[1] Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. – Т. 196. – С. 86–186.

[2] Дынкин А.А. Кризис миропорядка: поиски выхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. – Т. 196. – С. 63–73.

[3] Путин В.В. Вступительное слово на Заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983

[4] Там же.

[5] Там же – со ссылкой на Росстат РФ.

В целях развития цифровой экономики в России принят ряд правительственных документов в рамках реализации Стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 гг.[1] Приведем некоторые из них для иллюстрации плана действий. Прежде всего, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» до 2025 г., разработанная Минкомсвязи РФ и утвержденная Правительством РФ 28.07.2017[2], нацелена на решение трех основных задач: экосистема, правовая среда, конкурентоспособность фирм[3].

1. Создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан.

2. Создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках.

3. Повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом.

В этих целях в Программе предусмотрено:

- Управление ресурсами при помощи интегрированных цифровых платформ, объединяющих в информационной среде всех участников рынка, снижая транзакционные издержки и изменяя систему разделения труда.
- Широкополосное покрытие сетями Интернет территории страны; создание сетей 5G в 10 городах с населением 300 тыс. человек.
- Создание 50 «умных городов» с населением 50 млн. человек, каждый из которых сможет участвовать в управлении, выражая свое мнение на специальных информационных площадках.
- Перевод на электронные формы до 90% документооборота к 2025 г. и до 80% государственных услуг населению при поддержании высокого качества услуг.
- Переход на беспилотный общественный транспорт в 25-ти крупных городах РФ.
- Поддержка высокотехнологичных компаний в сфере информационных технологий.
- Рост подготовки специалистов в сфере электронных технологий.

Программа ориентирует на создание, абсорбцию и диффузию «сквозных технологий». Этот термин обозначает цифровые технологии, которые, будучи созданы в определенном секторе экономики, могут быть использованы в различных видах деятельности. В программных документах по созданию цифровой экономики сквозные технологии включают большие данные (Big Data); нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей[4].

Учитывая организационное и инфраструктурное несовершенство отечественной экономики, выделено специальное направление создания центров компетенций и технического обеспечения в области цифровых технологий, и 18 декабря 2017 г. Правительственная комиссия утвердила разработанный Министерством связи и массовых коммуникаций РФ план мероприятий по формировании институциональной среды для развития НИОКР в области цифровой экономики, технологических заделов и компетенций. Основные усилия направлены на решение шести задач[5]: 1) анализ спроса и предложения на НИОКР в разрезе применения «сквозных» технологий; 2) формирование механизмов и мер поддержки участников программы «Цифровая экономика»; 3) определение критериев и порядка отбора лидирующих исследовательских центров для развития «сквозных» технологий; 4) реализация механизма отбора и функционирования таких центров; 5) создание программ обучения и повышения квалификации в сфере цифровой экономики; 6) формирование и успешное функционирование не менее десяти компаний-лидеров.

В этом плане намечены следующие цели:

- Выявление секторов экономики с наиболее высоким потенциалом коммерциализации решений на базе «сквозных» технологий, относящихся к сфере цифровой экономики.
- Начало цифровой трансформации секторов экономики и отдельных ее субъектов.
- Создание спроса на отечественную продукцию в сфере «сквозных» технологий со стороны широкого круга субъектов экономики.
- Защита технологических решений иностранного происхождения, необходимых для развития в России приоритетных «сквозных» технологий.
- Разработка и утверждение программ деятельности отобранных организаций-лидеров.

---

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Информационно-правовой портал ГАРАНТ. – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/

[2] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Информационно-правовой портал ГАРАНТ. – http://base.garant.ru/71734878/

[3] Программа «Цифровая экономика». – С. 2.

[4] Там же. – С. 3.

[5] План мероприятий по направлению «Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утв. Правит. комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2). Офиц. вебсайт Правительства РФ. – http://static.government.ru/media/files/1P5evO23war1woLA0q8aJ2DtAqsydInS.pdf

• Создание условий для развития международного научно-технического сотрудничества организаций-лидеров по приоритетным направлениям «сквозных» технологий цифровой экономики; начало реализации совместных проектов.

• Формирование экосистемы, способствующей развитию компаний-лидеров на рынках цифровой экономики.

• Значимый для экономики вклад компаний-лидеров в цифровую трансформацию национальной экономики согласно целям программы «Цифровая экономика».

• Доведение до руководства ведущих государственных компаний принципов и инструментов развития цифровой трансформации экономики.

• Интенсификация спроса на исследования и разработки в области «сквозных» технологий цифровой экономики.

• Создание не менее чем трех аспирантских и магистерских школ по каждому направлению «сквозных» технологий на базе ведущих вузов и научных организаций.

Количественные показатели включают следующие значения:

• Рост активности в сфере цифровых технологий к 2024 г.: а) количества участников цифровых платформ для НИОКР – до 100; б) компаний – технологических лидеров, конкурентоспособных на глобальных рынках – до 10; в) реализованных проектов в области цифровой экономики объемом не менее 100 млн. рублей – до 30.

• Рост активности в сфере цифровых компетенций: а) создание двух центров компетенций к 2020 г. по каждому из направлений «сквозных» технологий; б) доведение количества международных центров компетенций, являющихся партнерами цифровых платформ для НИОКР, до 15 к 2019 г. и до 30 к 2024 г; в) доведение количества российских организаций, участвующих в реализации крупных проектов объемом 3 млн. долл. по приоритетным направлениям международного сотрудничества в области цифровой экономики, до 10 к 2024 г.

• В сфере научно-образовательной подготовки к 2024 г.: а) рост созданных аспирантских и магистерских школ по направлениям «сквозных» технологий на базе ведущих вузов и научных организаций – до 50; б) рост количества специалистов по направлениям «сквозных» технологий, обученных за рубежом и вернувшихся в Россию – до 500.

На этой основе ожидаются определенные результаты в следующих областях: интеллектуальной видеоаналитики с доказанной точностью около 95%, речевого программирования и распознавания, развития нейротехнологий, искусственного интеллекта, онкодиагностики, сети связи 5G на отечественной элементной базе, «умных» технологий, технологий повышения эффективности использования энергоресурсов, сверхпроводниковой и оптической квантовой вычислительной техники, сверхчувствительных сенсоров для АЭС, военных, медицинских и других технологий, средств защиты линий связи для силовых ведомств, банковского и корпоративного сектора[1].

Технологические приоритеты и направления использования цифровых технологий расписаны довольно подробно. Вместе с этим, существо вопроса состоит в формировании нового уклада, т.е. в изменениях, которые затрагивают все подсистемы экономики и общества. С системных позиций в таком контексте собственно технологии нами рассматриваются как вторичные изменения, на первом месте стоит трансформация организационных основ и эффективных взаимодействий элементов социально-экономической системы, а также институциональной среды и управляющей подсистемы, которые представляют собой наиболее слабые места в России и в которых «провисает» большая часть принимаемых решений.

Состояние и развитие когнитивной подсистемы, важнейшей подсистемы экономики нового, цифрового уклада, существенно зависит от качества развития интеллектуального потенциала и в целом человеческого развития. Согласно Программе, «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности»[2]. Отчасти это так, но в узком понимании детерминант НТП. Согласно системному представлению современной эволюции общественного развития, в частности, научно-технологического развития, симбиоз знаний человеческие талантов и способностей представляют собой основной драйвер роста экономики, производительности и НТП. При этом в Программе в качестве одной из основных целей декларировано вполне обоснованно усиление взаимодействий всех участников инноваций в рамках создания экосистемы цифровой экономики[3]. Важно определить нормативный характер взаимодействий на разных уровнях иерархии.

Основы формирования цифрового уклада закладываются в системных взаимодействиях ключевых общественных подсистем, их развитие должно быть сбалансированным в целях поддержания функциональности каждой из них в рамках системной целостности и системной устойчивости. Технологическое развитие должно идти «в ногу» с адекватными преобразованиями других подсистем и взаимодействий между ними. Новое качество роста в экономике знаний обеспечивает, главным образом, когнитивная подсистема, связанная с человеческими факторами. Реальный сектор «подхватывает» новые технологии в процессе интерактивных взаимодействий подсистем и хозяйствующих субъектов. Напротив, приведенные фрагменты программных задач ориентированы в большей степени на технологические аспекты перемен, но не на фундаментальные системные факторы становления уклада. Кроме того, остается в стороне вопрос обоснования возможности создания цифровой экономики в такие короткие сроки, в частности, нужно оценить имеющийся материально-вещественный, интеллектуальный и организационный потенциал развития нового уклада, и на этой основе выбирать цели и средства достижения. Этим вопросам посвящено дальнейшее изложение результатов исследования, выполненного при финансовой поддержке Российским фондом фундаментальных исследований проекта «Методология и инструментарий стратегирования технологических изменений экономических систем разного уровня иерархии с учетом требований индустрии 4.0 к нестационарной российской экономике» № 18-010-01028.

[1] План мероприятий по направлению «Формирование исследовательских компетенций …», 2017.

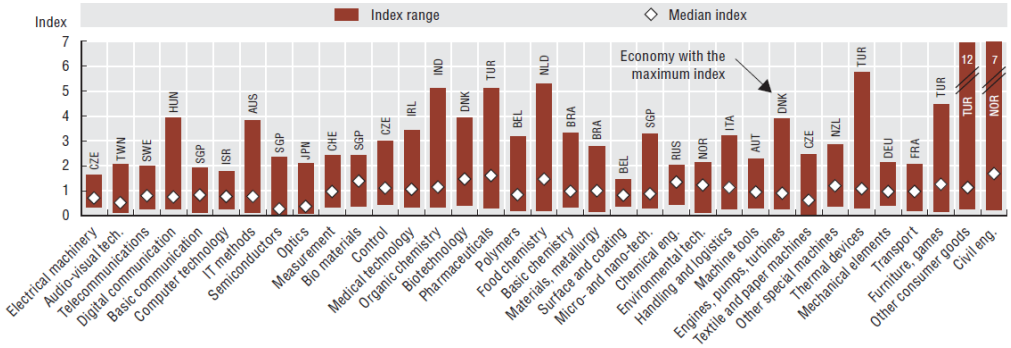
[2] Программа «Цифровая экономика». – С. 1–2.

[3] Там же, с. 2.

Оценки потенциала цифровой модели экономики в России

О наличии в России необходимых и достаточных условий роста технологичных конкурентоспособных производств, в том числе в сфере ИКТ, можно судить по нескольким признакам, характеризующим основные подсистемы народнохозяйственного организма, связанные с созданием, применением и распространением новых технологий. По общему индексу, оценивающему уровень цифровой экономики, Россия занимает 39-е место из 60 по состоянию на 2016 г. По оценке темпов роста цифровых технологий в стране, Россию относят, скорее, к быстро развивающимся странам с относительно низкими стартовыми условиями для цифровой экономики, таким как Китай, Малайзия, Боливия, Кения, Саудовская Аравия, Турция: в эволюции цифровой экономики мы на 5-м месте[1]. Однако в целом, в России поведение акторов и предпринимательская активность в сфере ИКТ отстают от планов и намерений. Низкое качество институциональной среды, бизнес-среды, инфраструктурного обеспечения (транспортного, коммуникационного, логистического, финансового) ограничивает деятельность компаний, связанных с ИКТ. В Корее отрасли IT-сектора занимают 56% во внутренних затратах бизнеса на НИОКР, в Израиле – 48%, в Финляндии – 51%, США – 41%[2]. Однако в массе ведущих зарубежных компаний с IP-адресом, отличающихся размером затрат на НИОКР, нет ни одной отечественной корпорации[3]. В 2013 г. общие внутренние затраты на НИОКР в информационную индустрию составили в Корее 1,85% от ВВП, в Израиле – 1,6%; в Финляндии – 1,15%; в США – 1,77%[4]. В России на НИОКР в экономике в целом отчисляется 1,12% от ВВП.

По патентным заявкам можно судить о потенциале национальной экономики в сфере тех или иных технологий. Российская наука сильна, прежде всего, в области химической инженерии (рис. 1).



Источник: ОЭСР.

Рисунок 1.
Уровень конкурентных преимуществ стран в сфере технологий по их видам (индекс)[5]

Вместе с этим группа стран БРИКС в целом намного опережает США и страны Западной Европы в темпах роста размера патентования IT-технологий, главным образом, за счет Индии и Китая, которые в этой сфере продвинулись, соответственно, вдвое и на 50%[6] за 2012–2015 гг. Россия также ускорила темпы создания ИКТ (рис. 2).

[1] Chakravorti B., Chaturvedi R.Sh. Digital Planet 2017: How competitiveness and trust in digital economies vary across the world. – Medford: The Fletcher School, Tufts University, 2017. – P. 18–22. – https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf

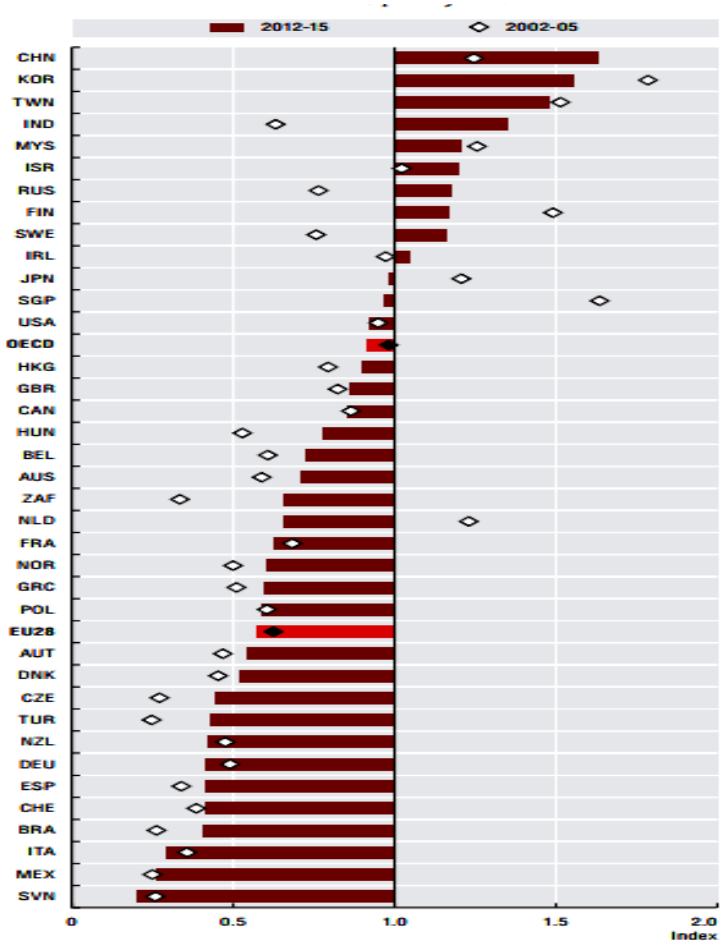
[2] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015: Innovation for growth and society / OECD Publishing, – Paris, 2015. – P. 160. – http://dx.doi.org/10.1787/sti_scoreboard-2015-en

[3] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation / OECD Publishing. – Paris, 2017. – P. 31. – http://dx.doi.org/10.1787/9789264268821-en

[4] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015. – P. 160.

[5] Ibid., p. 197.

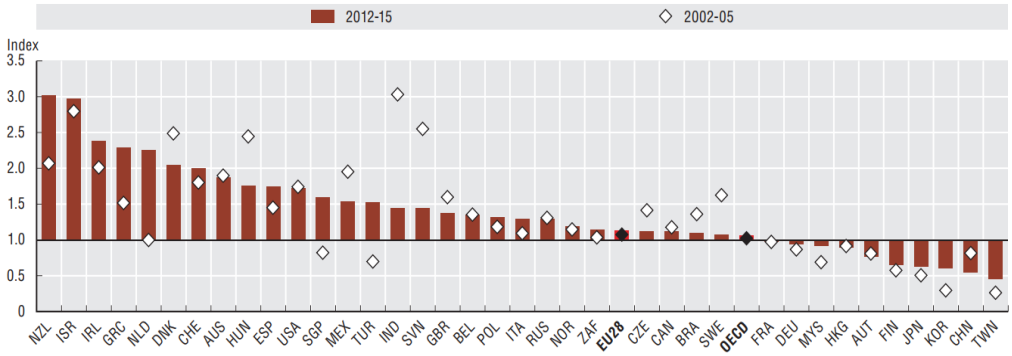
[6] Ibid.



Источник: ОЭСР.

Рисунок 2.
Выявленные технологические преимущества в области ИКТ в странах (индекс)[1]

В сфере здравоохранения, т.е. медицинских и фармакологических технологий, страны БРИКС, включая РФ, напротив, снизили свой потенциал (рис. 3).

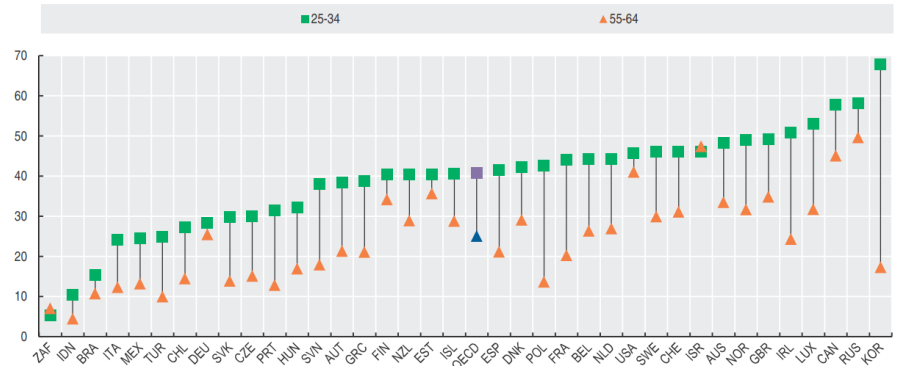


Источник: ОЭСР

Рисунок 3.
Технологические преимущества стран в сфере, связанной со здравоохранением (индекс)[2]

[1] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 179.
[2] Ibid.

Входные условия для создания знаний и применения их в экономике в России сравнительно неплохие. Так, удельный вес граждан с высшим образованием в возрастной группе населения от 55 до 64 лет самый высокий в мире – около 50%; в группе от 25 до 34 лет нас обгоняют только корейцы: соответственно 58 и 68% молодых граждан (рис. 4). Причем подготовка одного индивида со средним специальным образованием обходится в России вдвое дешевле, с высшим – в 1,8 раз, чем в среднем в ОЭСР[1].



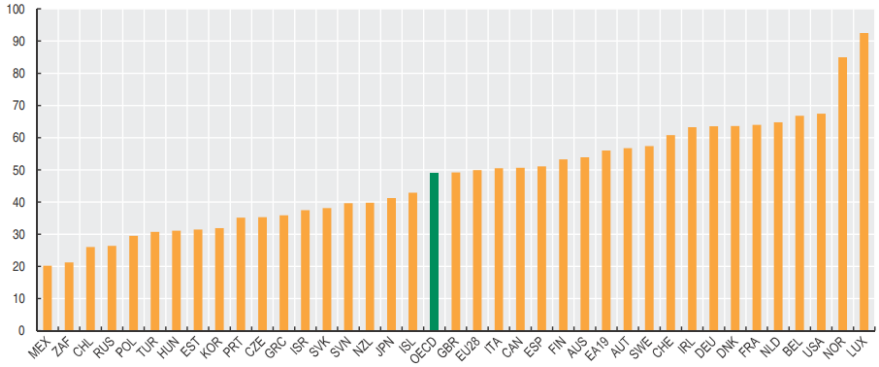
Источник: ОЭСР

Рисунок 4.
Удельный вес населения двух возрастных групп с высшим образованием в 2014 г.[2]

Кроме того, Россия отличается относительно высокой долей выпускников вузов в сфере естественных наук, инженерии и ИКТ, 28 против 23% в ОЭСР в среднем[3]. Доля патентов, связанных с ИКТ, растет: к 2012–2015 гг. в РФ она увеличилась до 38%; в ОЭСР в среднем до 34; в Корее до 57%[4]. Несмотря на относительно высокие уровни образованности кадров и патентной активности, трансфер знаний в экономику слабый. Имеющийся в стране интеллектуальный потенциал используется, по оценке академика РАН С.Ю. Глазьева, максимум на 25%[5]. К примеру, за 2006–2015 гг. цитировано 11 наших научных публикаций в области машинного обучения, в Китае – 100, в США – 334[6]. За 2005–2015 гг. вклад роботостроения в добавочную стоимость обрабатывающей промышленности снизился почти в 3 раза, в отличие от стран ОЭСР и БРИКС[7].

Условия и факторы развития инновационных производств

1. ***Технологическая модернизация производства, связанного с переходом к новому технологическому укладу.*** Уровень технологий и оснащения отраслей напрямую влияет на производительность труда: в России она почти вдвое ниже, чем в среднем в ОЭСР (рис. 5).



Источник: ОЭСР

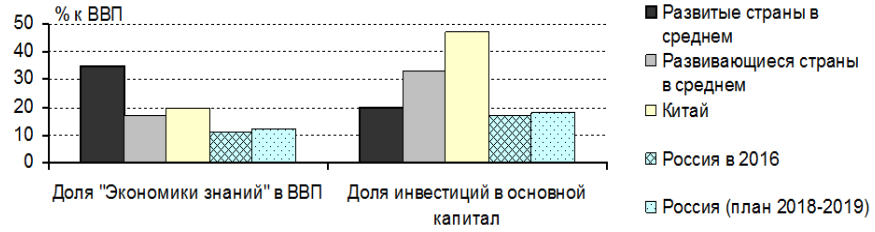
Рисунок 5.
Производительность труда в странах в 2014 г. (ВВП за час труда в долл. по ППС в тек. ценах)[8]

[1] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015. – P. 175, 177.
[2] OECD FACTBOOK 2015–2016. – P. 171.
[3] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 102.
[4] Ibid., p. 150.
[5] Глазьев, 2015.
[6] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 34.
[7] Ibid., p. 36.
[8] OECD FACTBOOK 2015-2016. – P. 39.

Уровень производительности является одним из ведущих факторов роста конкурентоспособных производств, при том что новая экономика предъявляет повышенные требования к конкурентной стратегии компаний: сегодня недостаточно сокращать издержки и выпускать дешевые продукты; чтобы побеждать в конкурентной борьбе важно своевременно улучшать качество товаров и технологий. Цифровая экономика ориентирована на стремительные темпы качественных изменений практически всех видов деятельности. В этом плане устаревшие технологии и парки оборудования в России препятствуют абсорбции новых технологий. Доля неконкурентоспособных мощностей превышает четвертую часть оборудования в машиностроении, 22% – в производстве кожи и обуви, 17% – в производстве транспортных средств и оборудования, по 14% – в химии и пищевой промышленности, от 9 до 13% – в других отраслях; в нефтепереработке таковых около 7%, однако, доля мощностей, введенных до 2000 г. там составила 66%[1]. Для интенсивного проникновения новых технологий в эти отрасли необходима реновация производственной базы российской экономики, нужны массовые инновационно наполненные инвестиции. Инвестиции в отрасли, сопряженные с IT сектором, будут способствовать, во-первых, развитию и трансферу новых технологий в масштабе всего народного хозяйства; во-вторых, формированию благоприятной инновационной экосистемы в России. По мнению А.А. Дынкина, «инвестиции в медицинские, сельскохозяйственные технологии, развитие жилищно-транспортной инфраструктуры, преобразование ландшафта и использование технологий комфорта способны радикально трансформировать среду обитания и среду хозяйственной деятельности, предоставляя возможности для быстрого роста стран с изначально неблагоприятными экономическими условиями»[2].

2. ***Вложения в рост интеллектуального потенциала и человеческое развитие.***

Основные драйверы новой экономики – это нематериальные активы, сотрудничество участников инноваций, когнитивные способности фирмы и человеческие способности, знания, особенные навыки, таланты. Именно эти составляющие конкурентоспособности на глобальных рынках новых товаров и услуг нуждаются в целенаправленной поддержке. Человек и когнитивная подсистема, а также все отрасли с ними связанные составляют «экономику знаний», в которую входят наука, образование, здравоохранение, социальное развитие. В странах-лидерах в сфере новейших технологий такое понимание получает отражение в структурной инвестиционной политике, охватывающей отрасли «экономики знаний» и базовые индустриальные отрасли экономики (рис. 6).



Источник: построено по данным Аганбегяна А.Г

Рисунок 6.
Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний» в ВВП, %[3]

За 2005-2015 гг. страны ОЭСР увеличили расходы на образование и НИОКР, соответственно, почти на 9 и 11%[4]. В среднем в ОЭСР затраты на образование составляют свыше 1,5% от ВВП; в Канаде и США, соответственно, 2,6 и 2,7%; в Корее – 2,3%[5]. Затраты на НИОКР в процентном отношении к ВВП в ОЭСР в среднем вдвое выше, чем в России. Вложения стран ОЭСР в неосязаемые активы выше, чем в машины и оборудование, в Ирландии и Норвегии они выше более чем вдвое[6].

Соответствующий отклик виден в темпах роста таких экономик: 1–2% в развитых странах; 4–6% в развивающихся странах; 7% в Китае – в отличие от отрицательных значений темпов роста в РФ до 2017 г. В России одни из самых низких государственных социальных расходов по сравнению с сопоставимыми странами, 12,5%, тогда как в среднем в ОЭСР – 22%; в Бельгии, Дании, Франции – от 29 до 31%[7]. При этом здоровье россиян ухудшается, по количеству курящих пропорционально населению мы на 7-м месте; по количеству потребляемого алкоголя на душу населения – на 4-м, причем потребление растет[8]. Экономические катаклизмы, низкий уровень заработной платы, неопределенность в сфере занятости и другие неурядицы способствуют ухудшению настроения общества. По уровню суицида Россия на 2-м месте после Кореи, причем за период 1990–2013 гг. этот уровень увеличился на 28%[9].

[1] Salnikov V., Galimov D., Mikheeva O., Gnidchenko A., Rybalka A. Russian manufacturing production capacity: Primary trends and structural characteristics // Russian Journal of Economics. 2017. – N 3. – P. 240–262.

[2] Дынкин, 2015.

[3] Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. – М., 2017. – Т. 19, № 3 (145). – С. 66–79; Т. 19, № 4 (146). – С. 6–21.

[4] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 98.

[5] Ibid., p. 98.

[6] Ibid., p. 110.

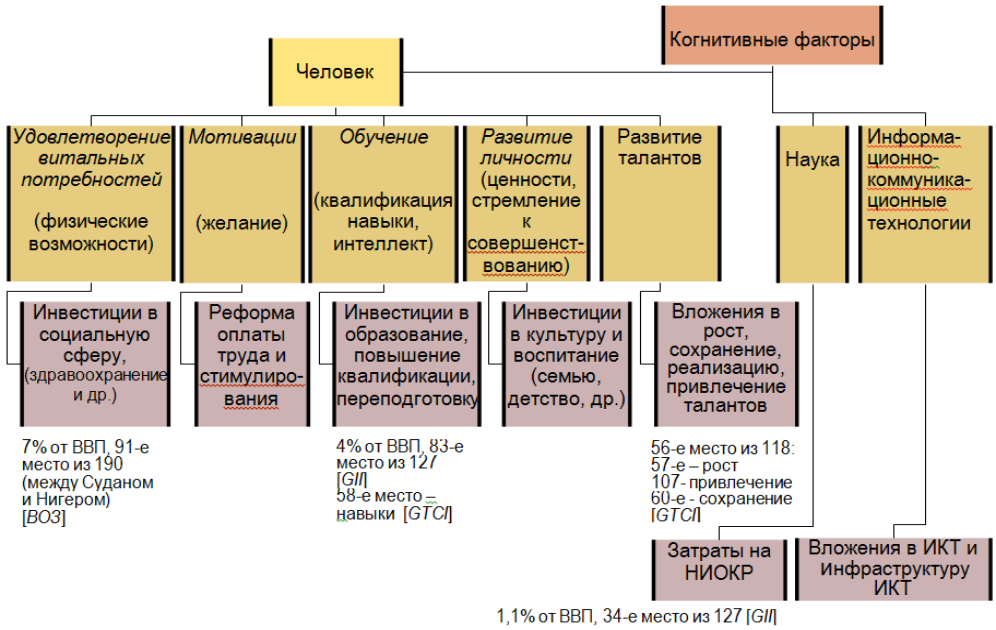
[7] OECD FACTBOOK 2015–2016. – P. 191.

[8] Ibid., p. 209, 211.

[9] Ibid., p. 207.

Вместе с этим государственные расходы на здравоохранение в расчете к ВВП сократились за 2000–2013 гг. с 3,3 до 3,1% (3,7% в 2010 г.) – это более чем вдвое ниже, чем в среднем в ОЭСР и значительно ниже, чем в развитых странах. С учетом частных затрат общие расходы на эти цели в России в 1,4 раза ниже чем в ОЭСР[1].

По мнению академика РАН А.Г. Аганбегяна, негативные тенденции отставания России в росте «экономики знаний» и национальной экономики в целом могут быть преодолены путем увеличения доли накопления и стимулирования человеческого развития как главного источника (добавим – и основной цели) социально-экономического роста[2]. Формирование нового уклада связано с несколькими общественными подсистемами, в комплексе которых когнитивная подсистема выступает драйвером «экономики знаний». С целью создания механизмов поддержки и выбора приоритетов вложений в становление цифровой экономики предлагается структура направлений развития когнитивных факторов роста и человеческого развития как основополагающего элемента когнитивной подсистемы и цели развития (рис. 7).



Источник: разработано автором

Рисунок 7.
Структура когнитивных факторов научно-технологического развития

Для некоторых элементов когнитивной подсистемы на рис. 7 приведены характеристики применительно к России за последние годы, по которым имеются данные. Оценки показывают значительное отставание страны по ряду позиций, которые должны стать предметом государственной политики в области социально-экономического и научно-технологического развития. Так, в России слабее, чем в сопоставимых странах, развито внутрифирменное обучение: менее 30% занятых против 76–77% в Новой Зеландии, Нидерландах, Дании, Финляндии[3].

3. ***Улучшение бизнес-среды, инвестиционного климата, институциональной среды.*** В результате значимых для инновационных предприятий правительственных мер значительно облегчились процедуры получения кредита, создания бизнеса, инфраструктурные и другие условия для абсорбции и диффузии инноваций. Однако в степени влияния знаний на экономику и результативности инноваций в целом Россия всё более уступает странам-лидерам, согласно выполненным нами расчетам[4].

По многим входным условиям для осуществления инноваций отставание сократилось, но увеличилось по выходным индикаторам. К последним относятся показатели, характеризующие уровень абсорбции и диффузии знаний и технологий, креативную результативность экономики. В частности, по росту высоких и средне-высокотехнологичных производств РФ занимает 51-е место из 127; по созданию бизнес-моделей и организационных моделей в сфере ИКТ – соответственно, 91-е и 51-е место; по удельному весу экспорта высоких технологий и услуг в сфере ИКТ – соответ-

[1] OECD FACTBOOK 2015–2016. – P. 219.
[2] Аганбегян, 2017. – № 4.
[3] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 47.
[4] Никонова А.А. Методологические и методические аспекты институционального решения задач научно-технологического развития экономики // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: сб. научн. статей по матер. V Межд. научн. конфер. / Государственный ун-т управления. Под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: ИД ГУУ, 2017.

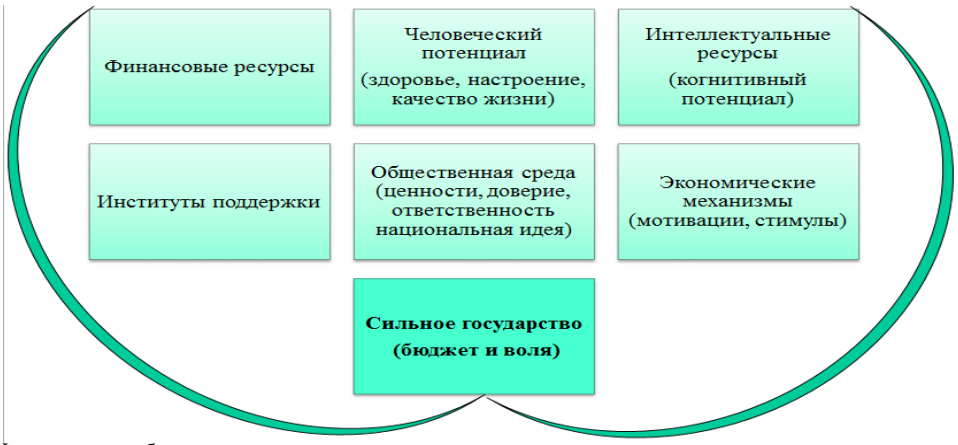
ственно, 44-е и 76-е место. По активности в режиме он-лайн (Online creativity) мы более успешны: 39-е место[1]. Рост диапазона в значениях оценок, демонстрирующих улучшение инвестиционного климата, институциональной среды, бизнес-среды и снижение результативности инноваций, говорит о несистемности экономической и научно-технологической политики.

Системные требования к реализации программ цифровизации экономики

На основе понимания технологического уклада как воспроизводящей саму себя целостности технологически сопряженных производств[2] и соответственно, экономического уклада – как воспроизводящейся целостности общественных подсистем, сформулируем основные требования к реализации программ становления цифровой экономики в России. Принципиальный тезис подхода состоит в том, что формирование «правильных» институтов развития, регуляторной среды, нормативно-правовой базы, механизмов поддержки, о чём говорится в приведенных выше программных документах создания цифровой экономики, можно и нужно осуществлять на основе системных принципов планирования и управления научно-технологическим развитием.

В рамках системного подхода к управлению нововведениями в нестабильной среде разрабатывается концепция стратегирования научно-технологического развития экономических систем разного уровня иерархии как многоаспектный, многопроцессный и многообъектный итеративный процесс принятия долгосрочных решений и анализа последствий их реализации, меняющей качественно систему в целом и отдельные её звенья. В основе стратегирования – системная теория экономики, единственно пригодная для описания функционирования современной социально-экономической системы с учетом влияния социальных, поведенческих и других качественных факторов, связанных с несколькими секторами экономики, общества, внешнего мира. Целеполагание встроено в систему стратегирования как итеративный процесс согласования подсистем на базе результатов оценки потенциала развития, условий и факторов; такие оценки могут быть получены при помощи системного анализа объектов, их ближнего и дальнего окружения.

Такой подход предполагает несколько стадий анализа и синтеза социально-экономической системы в разрезе ключевых её подсистем: формирование теоретических представлений об изучаемом объекте; формулирование предпосылок исследования; постановка проблемы; сбор и обработка информации; интерпретация результатов; целеполагание, согласование предпочтений и приоритетов; выбор управляющих воздействий; реализация решений; анализ изменений объекта и среды функционирования; корректировка представлений и формулирование выводов; анализ просчетов; уточнение проблемы и предпосылок; корректировка решений, приоритетов, направлений и механизмов регулирования. Объективные и всесторонние оценки потенциала являются ключевым фактором принятия решений; заключительная стадия представляет собой формирование образа будущей целостной системы – образа, который складывается под влиянием эволюции её подсистем и текущей ситуации. В концепции стратегирования определяются требования к ключевым подсистемам и взаимодействиям между ними в рамках целостной социально-экономической системы (рис. 8).



Источник: разработано автором.

Рисунок 8. Требования к реализации научно-технологических программ в рамках стратегирования изменений

Последовательная реализация предлагаемого подхода отвечает современным представлениям об управлении сложными социально-экономическими системами: «необходимо создание современной системы управления научно-техническим развитием страны, охватывающей все стадии научных исследований и научно-производственного цикла

[1] The Global Innovation Index 2017. – Ithaca etc.: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2017. – P. 281. – https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report

[2] Глазьев, 2015.

и ориентированной на модернизацию экономики на основе нового технологического уклада». Для этого нужен ГКНТР РФ при президенте РФ[1].

Заключение

Как показывает эволюция цифровых технологий, темпы продвижения России в этом направлении достигнуты в основном за счет экстенсивного роста электронных форм связи, например, количества подключений мобильной широкополосной связи: около 107 млн. в 2016 г. (интересно, что Россия – единственная страна, где пользователи Интернет занимаются с ним в ежедневном режиме)[2]. Вместе с этим представляется затруднительным за семилетний плановый период изменить кардинально качественный расклад сил на мировой научно-технологической арене и развить высокие темпы роста конкурентоспособных производств на базе цифровых технологий, используя наши сравнительно скромные преимущества по большинству направлений современного НТП, за исключением химической инженерии и некоторых других направлений. Поставленные задачи предполагают выстраивание системы взаимодействий акторов, в т.ч. в рамках международного научно-технологического сотрудничества, что намечено в программах, но весьма не просто в условиях неопределенной экономической и институциональной среды, а также санкций, поэтому нужно разрабатывать подходящие мотивационные механизмы, подбор которых может быть осуществлен в результате итеративных процедур согласования интересов агентов. На таких системных принципах можно определить возможные каналы сотрудничества и трансфера новых технологий, создать соответствующую инфраструктуру коммуникаций с учетом факта слабого участия в глобальных цепочках создания стоимости. В программах намечены определенные мероприятия, однако представляется существенным решение вопроса согласования предпочтений, отношений и поведения заинтересованных сторон.

Реализация системного подхода к развитию инновационных производств в рамках формирования нового уклада, цифровой экономики, декларируемого в правительственных программных документах, предусматривает более широкий и глубокий анализ связей и секторов национального хозяйства, чем это сделано, с целью обоснования направлений приложения усилий и расходования средств. Прежде всего, следует сфокусироваться на элементах когнитивной подсистемы как решающих факторах экономики знаний, не упустить из виду главный смысл функционирования народнохозяйственной системы – человека как драйвера и одновременно с этим конечной цели любых системных трансформаций. В намеченных мероприятиях опущен ряд важнейших моментов, связанных с этими требованиями. В частности, необходимость применения системных принципов к обоснованию стратегических приоритетов и способов воздействий предполагает соизмерять целевые показатели цифровых технологий за счет тех или иных источников с имеющимся интеллектуальным и технико-технологическим потенциалом экономики.

[1] Глазьев, 2015. – С. 174.

[2] OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. – P. 18, 196.

Разумовский В.А.[1]

О СТРУКТУРИРОВАНИИ НАУЧНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТЕНДОВОЙ БАЗЫ

Ключевые слова: *стендовые испытания, оборудование, перечень, объект, структура, характеристики, параметры, факторы, выбор, эффективность.*

Keywords: *bench testing, equipment, scroll, object, structure, features, parameters, factors, choice, efficiency.*

В Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. первой из десяти основных задач по направлению создания экономических условий для разработки и внедрения современных технологий и стимулирования инновационного развития называется «преодоление критической зависимости от импортных поставок научного, экспериментального, испытательного и производственного оборудования»[2].

Для решения этой задачи в оборонно-промышленном комплексе (ОПК), в частности, проводится работа по сбору и обобщению информации, связанной с наличием и техническим состоянием научно-экспериментальной стендовой базы (НЭСБ). Анализ собранной, чрезвычайно громоздкой информации показывает острую необходимость ее систематизации. То есть, необходимость классификации объектов НЭСБ, их характеристик и возможностей в рамках определенной структуры. Такую систематизацию объектов НЭСБ будем называть Перечнем НЭСБ или просто Перечнем.

Данные, включенные в Перечень, с одной стороны, позволят провести инвентаризацию НЭСБ ОПК. С другой стороны, они помогут разработчикам и производителям военной и гражданской продукции в поиске необходимого для их деятельности испытательного оборудования с требуемыми характеристиками. В перспективе на Перечне (базе данных) может быть построена информационно-аналитическая система с целью повышения качества управленческих решений по комплексному развитию и эффективному применению НЭСБ ОПК.

Предлагается иерархический подход к построению Перечня НЭСБ, который ориентируется на задачи, предполагаемые к решению на этом Перечне, и параметры испытаний, представленные в ГОСТ 16504-81[3].

В дальнейшем под НЭСБ понимается оборудование, называемое стендовым, на котором подвергается (стендовым) испытаниям продукция (или ее часть), на определенных этапах своего жизненного цикла: НИР, ОКР, опытная эксплуатация. Под объектом НЭСБ подразумевается единица испытательного оборудования (стенд), состоящая в организации на бухгалтерском учете, или некоторая группировка таких единиц (например, расположенных на одном и том же производственном участке).

Место стендовых испытаний среди других типов испытаний в соответствии с ГОСТ 16504-81 показано на рис. 1.

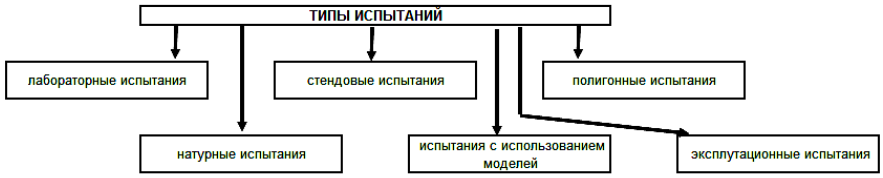


Рис. 1 Место стендовых испытаний среди других типов испытаний

Структуру традиционно определяют как внутреннее устройство, строение, один из аспектов представления некоторой вещи в виде системы – совокупности логически связанных, упорядоченных элементов (составных частей).

Элемент обладает самостоятельностью по отношению ко всей системе и неделим при данном способе выделения частей. Его неделимость означает нецелесообразность учета в пределах выбранной структуры внутреннего строения элемента. Иными словами, элемент характеризуется только своими внешними проявлениями в виде связей и взаимосвязей с остальными элементами.

Связь это совокупность зависимостей свойств одного элемента от свойств остальных элементов системы. Установить связь между двумя элементами – значит выявить существование зависимостей их свойств, которые могут иметь односторонний или двусторонний характер. В последнем случае говорят о взаимосвязях элементов.

[1] Разумовский Валерий Алексеевич – д.т.н., профессор Академии труда и социальных отношений, гл.н.с. НТЦ «Информтехника – филиал ФГУП “НИИСУ”». E-mail: avgust1347@km.ru

[2] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (раздел III, п.18). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № и208.

[3] ГОСТ 16504-81. Межгосударственный стандарт. Система государственных испытаний продукции. Испытания и контроль качества продукции. Основные термины и определения. – http://docs.cntd.ru/document/1200005367

Внешняя среда – набор существующих в пространстве и времени других систем, которые оказывают влияние на исследуемую систему. По сути, очерчивание или выявление системы есть разделение некоторой области на две части, одна из которых рассматривается как система – объект анализа или синтеза, а другая как внешняя среда. Вход в систему характеризует воздействие внешней среды на систему, выход – воздействие системы на внешнюю среду.

Структуру, как правило, связывают с графическим отображением элементов и их связей. Однако структура может быть представлена и в матричной форме, форме теоретико-множественного описания, а также с помощью других средств моделирования систем[1].

Понятно, что одна и та же система может быть представлена разными структурами, в том числе простым перечислением элементов. Все зависит от стадии изучения, тех или иных аспектов рассмотрения, целей проектирования системы. Так, например, структура кооперации головного исполнителя государственного оборонного заказа[2] может быть представлена с помощью следующих типовых структур:

– иерархической (древовидной) структуры с сильными связями (рис. 2), если изучается глубина кооперации (количество иерархических уровней, на которых расположены исполнители);

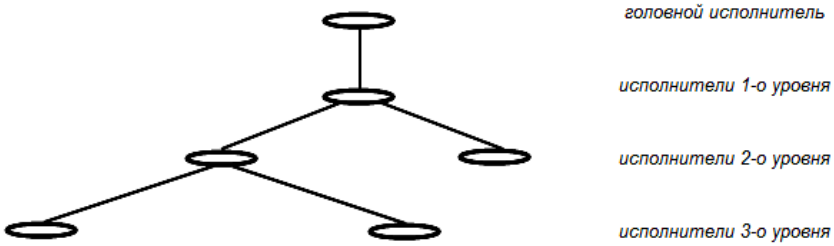


Рис. 2. Структура кооперации головного исполнителя (пример)

– иерархической структуры со слабыми связями (рис. 3), если анализируются производственные связи головного исполнителя и исполнителей;

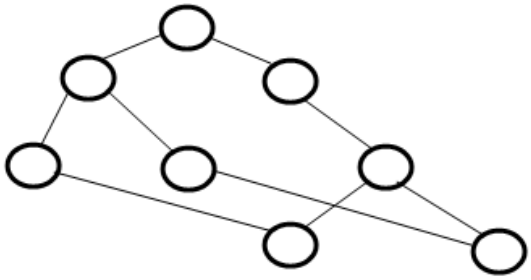


Рис. 3. Иерархическая структура со слабыми связями

– многосвязной структуры или структуры полного графа (рис. 4), если разрабатывается механизм субсидиарной ответственности участников кооперации;

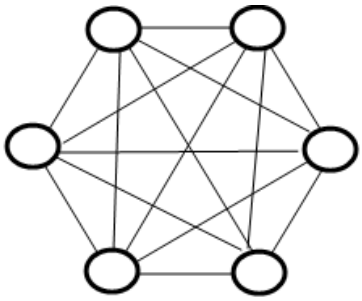


Рис. 4. Многосвязная структура

[1] https://studfiles.net/preview/5885793/page:4/

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном оборонном заказе».

– сетевой диаграммы (рис. 5), если анализируется временной аспект реализации задания по государственному контракту.

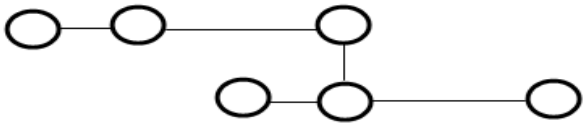


Рис. 5. Сетевая диаграмма

Иерархическая структура является декомпозицией системы в пространстве. Все элементы и связи здесь существуют одновременно, не разнесены во времени (на рис. 5 подразумевается обратное). Наибольшее распространение и эффективность она показала при проектировании различных систем управления и инструментов контроллинга (информационной поддержки управленческих решений). Тот же федеральный закон «О государственном оборонном заказе» с точки зрения последовательности изложения и с учетом отсылок имеет иерархическую структуру со слабыми связями (рис. 3).

По своему содержанию Перечень представляет собой описание с помощью некоторых реквизитов (показателей, признаков) реально существующей совокупности объектов НЭСБ. Иными словами, это информационная система (т.е. инструмент контроллинга). Ее основные задачи перечислены на рис. 6. Отсюда иерархическая структура как раз и положена в основу формируемого Перечня НЭСБ.

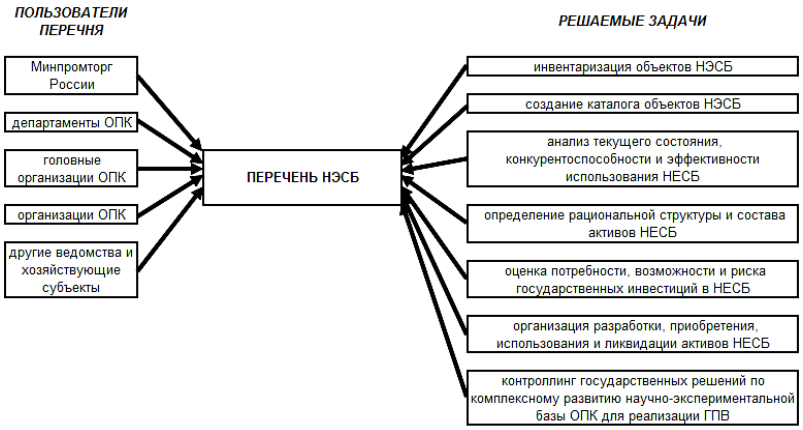


Рис. 6. Задачи, решаемые на Перечне НЭСБ

Вместе с тем возможны альтернативные варианты структурирования Перечня в виде:

– линейной структуры (рис. 7), если объекты НЭСБ упорядочиваются, например, по уменьшению балансовой стоимости основных средств;

Рис. 7. Линейная структура

– сотовой структуры (рис. 8), когда выход на объекты НЭСБ исполнителей осуществляется через головных исполнителей государственного оборонного заказа.

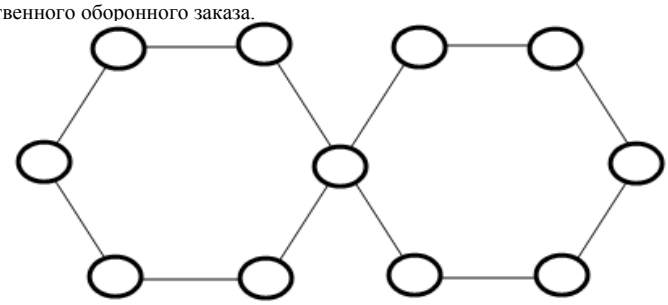


Рис. 8. Сотовая структура

Исходя из задач, решаемых на Перечне, опыта сбора и обобщения информации об объектах НЭСБ, в качестве ключевых реквизитов Перечня были выбраны (табл. 1):

– наименование объекта НЭСБ (*поз. 1*) – характеристика объекта НЭСБ, которая отражает его индивидуальность и основные особенности;

– испытательная организация (*поз. 2*) – организация, на которую в установленном порядке возложено проведение испытаний определенных видов продукции или проведение определенных видов испытаний, балансодержатель оборудования объекта НЭСБ;

– отраслевое направление ОПК (*поз. 3*) – судостроительная, радиоэлектронная, авиационная промышленность и т.д.;

– характеристики испытаний (*поз. 4*) – могут принимать 10 значений:

– механические испытания – испытания на воздействие механических факторов;

– климатические испытания – испытания на воздействие климатических факторов;

– термические испытания – испытания на воздействие термических факторов;

– радиационные испытания – испытания на воздействие радиационных факторов;

– электромагнитные испытания – испытания на воздействие электрического напряжения, тока или поля;

– магнитные испытания – испытания на воздействие магнитного поля;

– химические испытания – испытания на воздействие специальных сред;

– биологические испытания – испытания на воздействие биологических факторов;

– иные испытания – испытания, неучтенные в предыдущих подпунктах;

– факторы и параметры воздействия (*поз. 5*) – здесь указываются воздействующие факторы, их параметры и пределы изменения значений этих параметров;

– состояние объекта НЭСБ (*поз. 6*) – показатели, характеризующие качество оборудования объекта НЭСБ, его использование во времени, конкурентоспособность объекта, использование производственной мощности и т.п.

Таблица 1

РЕКВИЗИТЫ ПЕРЕЧНЯ НЕСБ

наименование объекта НЕСБ	испытательная организация	отраслевое направление ОПК	характеристики испытаний	факторы и параметры воздействия	состояние объекта НЕСБ
1	2	3	4	5	6

Однако даже при таком небольшом числе ключевых реквизитов (табл. 1) иерархическая структура Перечня НЭСБ может быть организована не единственным образом. В качестве примера схематично приведем некоторые из них.

На рис. 9 изображена структура, реализующая следующую последовательность уровней иерархии: отраслевое направление ОПК – 1-й уровень; испытательная организация; – 2-й уровень; наименование объекта НЭСБ (объект может быть не один), состояние объекта НЭСБ – 3-й уровень; характеристики испытаний, факторы и параметры воздействия – 4-й уровень. Элементами представленной структуры выступают: отраслевые направления ОПК, испытательные организации, объекты НЭСБ, характеристики испытаний.

На этом рисунке стрелки показывают направления поиска объекта НЭСБ с необходимыми характеристиками испытаний (факторами и параметрами воздействия). Двойные разнонаправленные стрелки связывают взаимозависимые элементы, принадлежащие одному уровню иерархии.

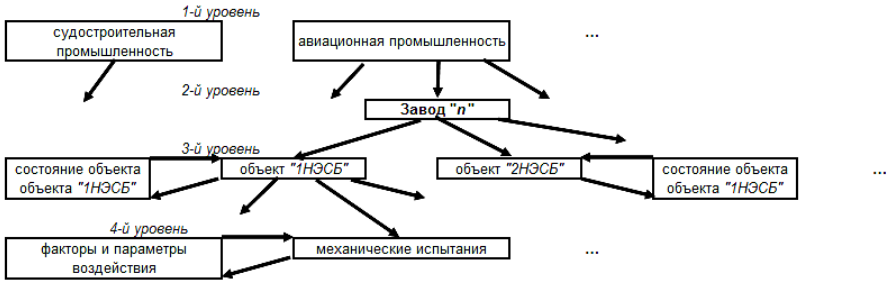


Рис. 9. Пример 1 структуры Перечня НЕСБ

Нетрудно видеть, что структура на рис. 9 с точки зрения поиска объекта НЭСБ весьма неэффектна, поскольку она может потребовать перебора всех объектов НЭСБ, содержащихся в Перечне.

Аналогичным недостатком, потенциально в меньшей степени, что достигается выделением «факторов и параметров воздействия» в отдельный пятый уровень иерархии, обладает структура Перечня на рис. 10.

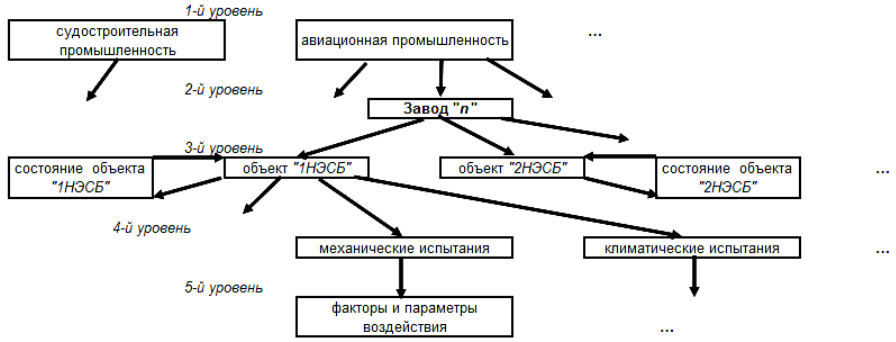


Рис. 10. Пример 2 структуры Перечня НЭСБ

На рис. 11 представлена двухуровневая структура Перечня НЭСБ: наименование объекта НЭСБ, состояние объекта, испытательная организация, отраслевое направление ОПК – 1-й уровень; характеристики испытаний, факторы и параметры воздействия – 2-й уровень.

Трехуровневая структура Перечня НЭСБ, полученная посредством выделения в отдельный уровень иерархии «факторов и параметров воздействия» (по аналогии с рис. 8), приводится на рис. 12.

Рассмотренные примеры возможных структур Перечня обладают тем же существенным недостатком, о котором говорилось выше: для поиска необходимого объекта может потребоваться перебор если не всех, то весьма значительного числа объектов НЭСБ, содержащихся в Перечне. Иными словами, эти структуры построены без учета времени достижения основной целевой установки Перечня на данной стадии его разработки: выход на объект НЭСБ с требуемыми испытательными характеристиками.

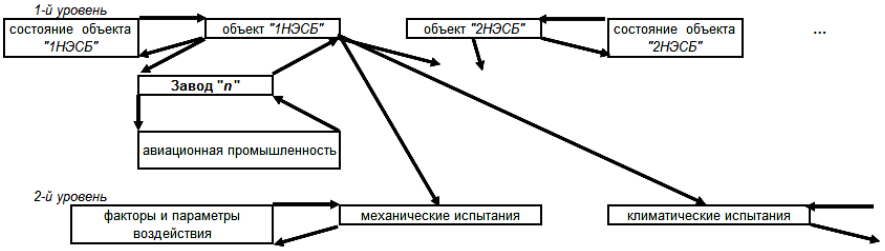


Рис. 11. Пример 3 структуры Перечня НЭСБ

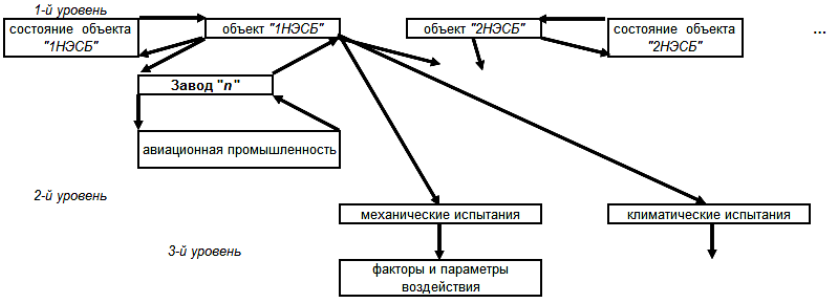


Рис. 12. Пример 4 структуры Перечня НЭСБ

В этой связи оптимальной структурой Перечня НЭСБ применительно к реквизитам табл. 1 является следующая последовательность иерархий: характеристики испытаний – 1 уровень; факторы и параметры испытаний – 2 уровень; наименование объекта НЭСБ, состояние объекта НЭСБ – 3 уровень; испытательная организация, отраслевое направление ОПК – 4 (рис. 13).

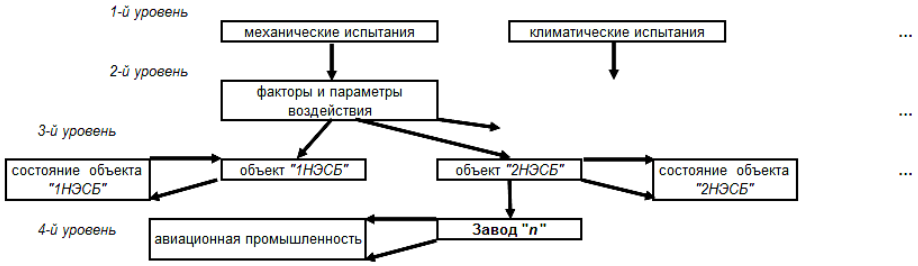


Рис.13. Пример структуры, реализующей целевую установку Перечня НЭСБ

Вместе с тем позиция «факторы и параметры испытаний» в настоящее время не является жестко регламентированной: испытательные организации (балансодержатели НЭСБ) заполняют ее в произвольной форме. Значит структуру на рис. 13 в полной мере реализовать не удастся. В связи с этим ее предлагается поменять на другую структуру, менее эффективную, но более приемлемую с точки зрения организации «каталога» объектов НЭСБ (рис. 14).

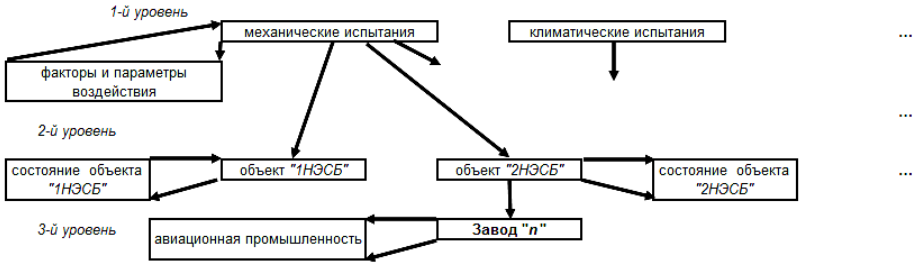


Рис.14. Рекомендованная структура Перечня НЭСБ

Вернемся к позиции 6 табл. 1 «Состояние объекта НЭСБ», которая в перспективе должна содержать исходные данные, необходимые для решения задач, направленных на повышение эффективности государственных решений по комплексному развитию научно-экспериментальной базы ОПК.

Под эффективным использованием и комплексным развитием научно-экспериментальной и стендовой базы предприятий ОПК будем понимать состояние НЭСБ, при котором:

– НЭСБ не является «узким местом» (сдерживающим фактором) ни в одном из производственных процессов на предприятиях, участвующих в выполнении государственных контрактов. В частности, при модернизации производственного процесса при необходимости одновременно с ним должна осуществляться и модернизация НЭСБ;

– для достижения тактических и стратегических целей функционирования ОПК;

– оценку потребности, возможности и риска государственных инвестиций в НЭСБ;

– организацию разработки, приобретения, использования и ликвидации активов – содержание НЭСП экономически обоснованно (целесообразно) для испытательной организации.

Повышение эффективности (качества) государственных решений в части НЭСБ ОПК означает выполнение указанных условий при ограниченном (минимальном) расходовании бюджетных средств и предполагает решение нескольких основных задач (рис. 6):

– анализ (мониторинг) текущего состояния, конкурентоспособности и эффективности использования НЭСБ;

– определение рациональной структуры и состава активов НЭСБ;

– контроллинг государственных решений.

Каждая из перечисленных задач предполагает возможное участие в получении решения нескольких управленческих уровней:

– испытательной организации;

– головного исполнителя государственного оборонного заказа;

– департамента Минпромторга России, в чьем ведомственном или функциональном подчинении находится испытательная организация;

– Минпромторга России.

Понятно, что объектом управленческих решений является НЭСБ испытательной организации, а отправной точкой для принятия таких решений – анализ состояния и возможностей активов НЭСБ.

Активы НЕСБ (рис. 15) принципиально включают несколько блоков, среди которых выделяют[1]:

– основные средства;

– нематериальные активы;

– незавершенное строительство;

[1] Ендовицкий Д.А. Экономический анализ активов организации: учебник. – М.: «Эксмо», 2009. – (Полный курс МВА)

– материально-производственные запасы;
– трудовые ресурсы;
– дебиторская задолженность.

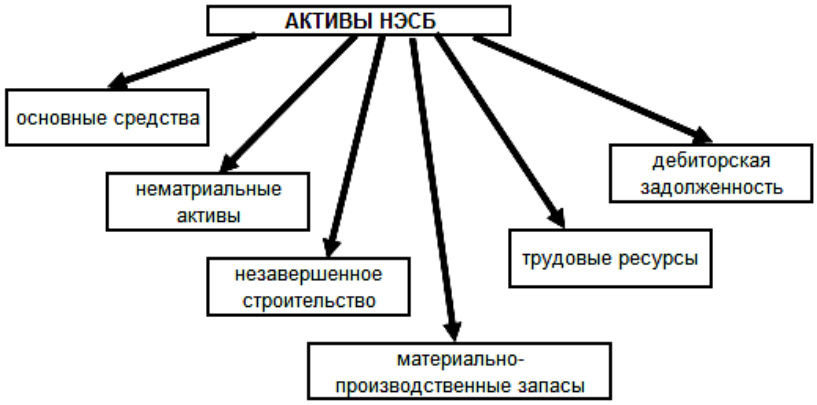


Рис. 15. АКТИВЫ НЭСБ, ПОДВЕРГАЕМЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Эффективность активов отдельного блока описывается при помощи характерных для этого блока показателей (индикаторов). На их основе федеральным органом исполнительной власти (распорядителем бюджетных средств) при помощи инструментария[1] могут быть сделаны различные оценки сравнительной эффективности использования НЭСБ: по отдельным блокам активов, объектам НЕСБ; испытательным организациям. Во всех случаях, однако, для испытательной организации речь идет, в первую очередь, об оценке влияния НЭСБ на финансовые результаты ее деятельности (выручку и прибыль). Поэтому изначально расчет показателей и экономический анализ активов НЭСБ проводится в интересах и силами самой испытательной организации.

[1] Разумовский В.А. Финансовый контроль инновационных проектов, использующих государственную поддержку // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 493–496.

Раков Д.Л.
к.т.н., с.н.с. Института машиноведения РАН
Печейкина М.А.
ст. преподаватель МЭИ НИУ
Статников И.Н.
к.т.н., в.н.с. Института машиноведения РАН

ПРОГРЕССИВНЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ДЛЯ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова*: инновационные технологии, прогнозирование, морфологический подход, анализ и оценка технических решений, параметрическая оптимизация.*

Для анализа и оценки технических решений (ТР) при прогнозировании развития инновационных технологий (ИТ) может быть эффективно использован прогрессивный морфологический подход (ПМП) основанный на кластерном и экспертном анализе [1]. Все множество методов постановки и решения задач структурного синтеза можно разбить на два класса: трансформационные и морфологические (дискурсивные). Трансформационные подходы опираются на широкое использование творческих возможностей проектанта. Морфологические методы базируются на комбинаторном подходе. Процедура морфологического анализа позволяет целенаправленно, планомерно закладывать в морфологические множества технических решений огромное число ТР-аналогов. На стадии морфологического анализа надо получить не план решения задачи, как в трансформационных методах, а так называемое морфологическое множество решений – описание потенциально возможных решений данной задачи [2]. Морфологический подход наиболее широко применяется в технических науках [3–7].

При этом очевидно, что оба подхода, используемых при решении задач структурного синтеза, необходимо связаны с использованием методов параметрической оптимизации [1]. И так как методы параметрической оптимизации используются на каждом этапе выбора структуры разрабатываемой системы (а таких этапов может быть огромное количество, что будет показано ниже), то к этим методам (параметрической оптимизации) предъявляется, в свою очередь, много требований (многокритериальность) и, быть может главные: скорость получения результатов и максимальная независимость от имеющегося объёма исходной информации на каждом этапе структурного синтеза. В качестве одного из таких методов предлагается использовать метод ПЛП-поиска, вероятностного по своей природе [14, 15]. Изюминкой этого метода является то обстоятельство, что на основе проведения вычислительных экспериментов удаётся осуществить квазиравномерный просмотр пространства варьируемых параметров в заданных диапазонах их изменения и применить количественные статистические оценки влияния значений параметров на анализируемые свойства выбранной на данном этапе структуры с заданной вероятностью $P_{зад.}$, выбор величины которой, в свою очередь, определяется требуемой точностью расчётов, связанной с объёмом вычислений. Такие возможности метода могут существенно сократить объём количества выбираемых структур.

Рассмотрим кратко применение ПЛП-поиска на примере выбора рациональных значений параметров широко применяемого в различных областях техники такого объекта как двухступенчатый планетарный редуктор [16], условная схема которого показана на рис. 1.

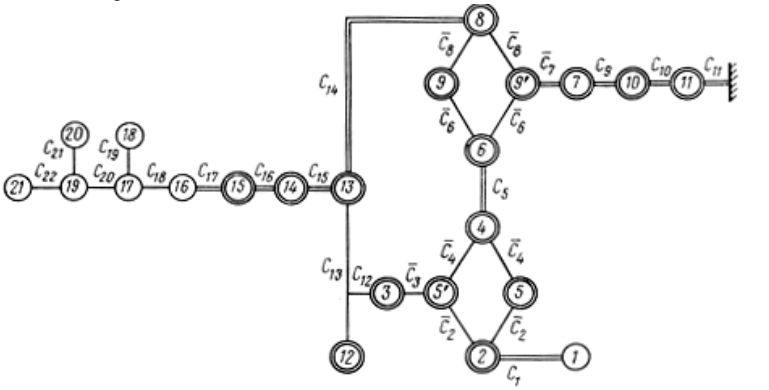


Рисунок 1.
Условная схема динамической системы двухступенчатого планетарного редуктора

Схема представляет разветвлённую цепь инерционных элементов (кружочки), соединённых упругими связями (прямые линии); при этом двойные кружочки и двойные линии соответствуют варьируемым моментам инерции и жёсткостям, а одинарные кружочки и одинарные линии – неварьируемым моментам инерции и жёсткостям. Физический смысл приведенных на схеме элементов следующий: 1 – ротор, 2,6 – солнце, 3,7 – водило, 5 и $5'$ – сателлит I-й ступени, 8 – эпицикл, 9 и $9'$ – сателлит II-й ступени, 10 – корпус, 11 – основание, 12 – 21 – элементы привода: с – крутильная жёсткость (Нсм/рад), $\bar{c}$ – линейная жёсткость (Н/см).

Качество исследовавшегося редуктора оценивалось шестимерным вектором эффективности $\overline{\Phi}(\overline{\alpha})$, все составляющие которого по физическому смыслу следовало минимизировать: $\Phi_1(\overline{\alpha})$– абсолютная амплитуда крутильных колебаний корпуса (рад); $\Phi_2(\overline{\alpha})$ – усилие, возникающее между корпусом и основанием (Н); $\Phi_3(\overline{\alpha})$ – усилие, возникающее в зацеплении солнце-сателлит I-й ступени (Н); $\Phi_4(\overline{\alpha})$– усилие, возникающее в зацеплении эпицикл-сателлит I-й ступени (Н); $\Phi_5(\overline{\alpha})$ – усилие, возникающее в зацеплении солнце – сателлит II-й ступени (Н); $\Phi_6(\overline{\alpha})$ – усилие, возникающее в зацеплении эпицикл – сателлит II-й ступени (Н); всюду $\overline{\alpha}$ – вектор варьируемых параметров $\overline{\alpha} = (\alpha_1,..., \alpha_{25})$.

Цель решения задачи заключалась в том, чтобы в заданной исходной области изменения варьируемых параметров $G(\overline{\alpha})$ в виде 25 – мерного параллелепипеда по результатам вычислительных экспериментов на математической модели (ММ) отыскать подобласть (или подобласти), которая с заданной вероятностью $P_{зад.}$ определяла бы максимальное по количеству множество векторов $\overline{\Phi}(\overline{\alpha})$ с минимальными значениями у $\Phi_k(\overline{\alpha}), (k = \overline{1,6})$. Для оценивания эффективности таких подобластей была использована из [17] идея нормирования критериев $\Phi_k(\overline{\alpha})$ таким способом, чтобы в «идеальном» (нереальном) случае все нормированные критерии $\lambda_k(\overline{\alpha}) = 1$ одновременно.

Из описания схемы следует, что первоначально варьировались значения 25 параметров ($J = 25$), входящих в ММ из 23 линейных неоднородных дифференциальных уравнений вида $[M]+[C]\,z = F_1 \sin\omega_1 t + F_2 \sin\omega_2 t$, где $[M]$– матрица масс и моментов инерции; z – вектор перемещений, F_1, F_2 – векторы возмущающих сил, действующих соответственно на первой и второй ступенях редуктора; ω_1, ω_2 – частоты возбуждения на первой и второй ступенях, что соответствует фиксированному числу оборотов; *t* – время.

Не описывая подробно весь процесс решения задачи в [16], приведём полученные в работе результаты. С вероятностью $P_{зад.} \geq 0.95$ установлено, что: одновременно на величину $\Phi_1(\overline{\alpha})$ существенное влияние оказывают значения 10 параметров из 25, на $\Phi_2(\overline{\alpha})$– 8 из 25, на $\Phi_3(\overline{\alpha})$ – 9 из 25, на $\Phi_4(\overline{\alpha})$ – 11 из 25, на $\Phi_5(\overline{\alpha})$ – 9 из 25 и на $\Phi_6(\overline{\alpha})$ – 8 из 25. Для каждого $\Phi_k(\overline{\alpha})$ с той же вероятностью $P_{зад.} \geq 0.95$ были выделены в $G(\overline{\alpha})$ под-области $G_k(\overline{\alpha})$, дающие распределение $\Phi_k(\overline{\alpha})$, близкое к унимодальному; затем были выделены общие для всех $\Phi_k(\overline{\alpha})$ несущественные параметры и на основании полученной информации была визуально (графически) сконструирована область $G_0(\overline{\alpha})$, состоящая из объединений и пересечений $G_k(\overline{\alpha})$. Эффективность полученных конечных результатов приведена в табл. 1, где при одних и тех же значениях *N* – количествах вычислительных экспериментов в областях $G(\overline{\alpha})$ и $G_0(\overline{\alpha})$ – подсчитывались числа вариантов, у которых одновременно все $\lambda_k(\overline{\alpha}) \geq const$.

Таблица 1

Сравнение по эффективности областей $G(\overline{\alpha})$ и $G_0(\overline{\alpha})$

N	$\lambda_k \geq 0.06$		$\lambda_k \geq 0.08$		$\lambda_k \geq 0.10$		$\lambda_k \geq 0.12$	
	$G(\overline{\alpha})$	$G_0(\overline{\alpha})$	$G(\overline{\alpha})$	$G_0(\overline{\alpha})$	$G(\overline{\alpha})$	$G_0(\overline{\alpha})$	$G(\overline{\alpha})$	$G_0(\overline{\alpha})$
32	4	26	1	17	1	4	0	1
64	9	56	1	34	1	11	0	2
128	16	112	2	69	1	22	0	2
256	26	214	5	131	2	43	0	6
512	55	473	264	2	2	89	0	13
1024	116	953	22	533	4	181	0	29

Данные табл. 1 ясно показывают, что даже не применяя никакой формальной «свёртки» критериев $\Phi_k(\overline{\alpha})$, но лишь благодаря использованию ПЛП-поиска, удалось выделить область $G_0(\overline{\alpha}) \subset G(\overline{\alpha})$, соответствующую в пространстве критериев области, в которой сконцентрировано множество векторов $\{\overline{\Phi}(\overline{\alpha})\}$ с одновременно наилучшими (минимальными) значениями своих составляющих.

Теперь рассмотрим сам морфологический подход. Морфологический подход широко используется в Германии. Общество немецких инженеров разработало два набора правил для инженеров: VDI 2222, «методы проектирования: методическая разработка технических принципов» [8] и VDI 2221, «методы проектирования технических систем и продуктов» [9], в которых рекомендуется использовать морфологические подходы в поиске инновационных технических решений.

Одной из проблем в прогнозировании развития ИТ является неопределённость при их оценке, Неопределенность исходных данных из-за неточного знания характеристик новых технологий [10, 11].

Процесс ПМП состоит в последовательном выполнении рада шагов и подробно описан в [12]. В исследуемом объекте – ИТ, выделяют группу основных признаков. В зависимости от вида задачи из множества признаков выбираются существенные, т.е. способные сильно повлиять на решение задачи. Выбор является неформальным моментом. Например, множество признаков может выявляться из формул изобретений. Для каждого признака выбирают альтернативы, т.е. возможные варианты его исполнения или реализации. Комбинируя их между собой, можно получить множество различных решений (вариантов) собранных в морфологической таблице (МТ) (рис. 2). Сгенерированная МТ содержит 1152 потенциальных варианта ТР.

Альтернативы →

Признаки ↓

	P^1	P^2	P^3	P^4
P_1	P_1^1	P_1^2	P_1^3	
P_2	P_2^1	P_2^2	P_2^3	P_2^4
P_3	P_3^1	P_3^2		
P_4	P_4^1	P_4^2	P_4^3	
P_5	P_5^1	P_5^2	P_5^3	P_5^4
P_6	P_6^1	P_6^2		
P_7	P_7^1	P_7^2		

Рисунок 2.
Морфологическая таблица

Основные сложности на пути выбора решения определяются двумя обстоятельствами – сложностью формализации задачи и большим количеством разнообразных требований, критериев и ограничений. Критерий – это подобие цели, ее аппроксимация, модель. При переходе от целей к критериям, последние рассматриваются как количественные модели качественных целей. Определение значения критерия для данной альтернативы является, по существу, косвенной идентификацией ее пригодности как средства для достижения цели. В дальнейшем производится сопоставление каждому элементу морфологической таблицы соответствующего значения критерия, по которому будет проводиться оценка. Критериям присваиваются весовые коэффициенты в зависимости от цели. На следующем этапе осуществляется генерация вариантов, их оценка, первоначальный отбор и формируется некоторое множество рациональных вариантов для последующего анализа. Каждый новый сгенерированный вариант сравнивается с предыдущими из множества. При более высоком уровне он заносится во множество рациональных вариантов, при худшем отбрасывается. Затем проводится кластеризация вариантов с использованием меры сходства (рис. 3). Процесс кластеризации рассматривается как поиск «естественной» группировки объектов [13].

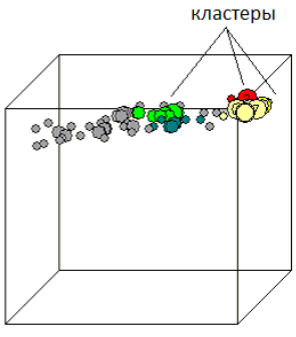


Рисунок 3.
Кластеры в пространстве решений

Область исследования сужают к нескольким кластерам, которые в дальнейшем исследуются. Сопоставляя варианты, определяют наилучшие решения, успех которых наиболее вероятен. Вводится степень новизны и оценка найденных альтернатив. Для повышения степени информативности при выборе, генерируются конвергентные вариан-

ты – варианты имеющие максимальную оценку по каждому из критериев и «лучший» или «идеальный» вариант, т.е. ТР имеющее максимальную оценку (рис. 4). После выбора некоторого количества вариантов производят параметрическую оптимизацию и окончательный выбор.

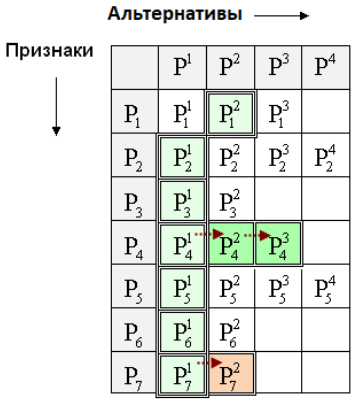


Рисунок 4.
Выбранные ТР

В процессе эволюции технические системы и технологии появляются, функционируют, устаревают и вытесняются более прогрессивными, отвечающими изменившимся внешним условиям. Можно моделировать изменение внешних условий путем задания новых весовых коэффициентов у критериев. Таким образом, можно прогнозировать развитие технической системы в течение времени, ее жизненный цикл, а также определить будет ли система «устойчива» (рис. 5).

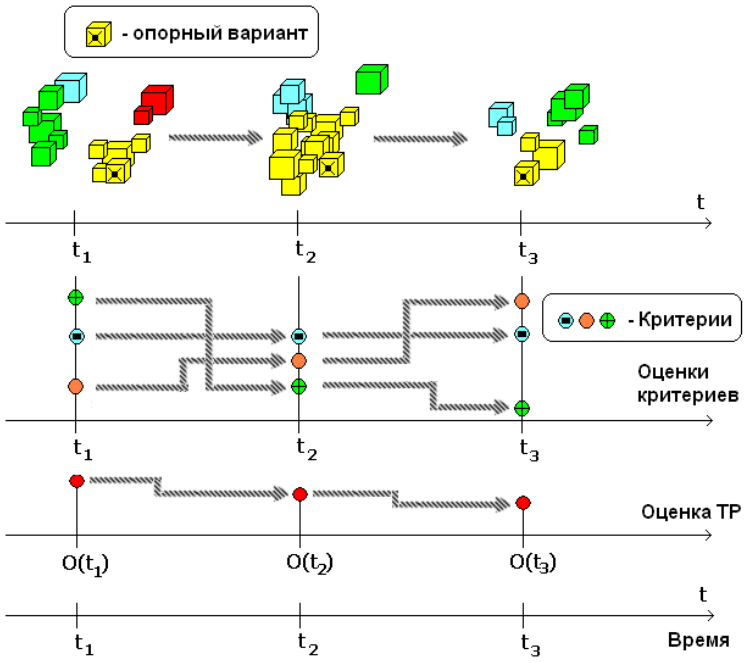


Рисунок 5.
Развитие технического решения в зависимости от времени

Для сравнения вариантов ИТ производят попарное сравнение вариантов (рисунок 6).

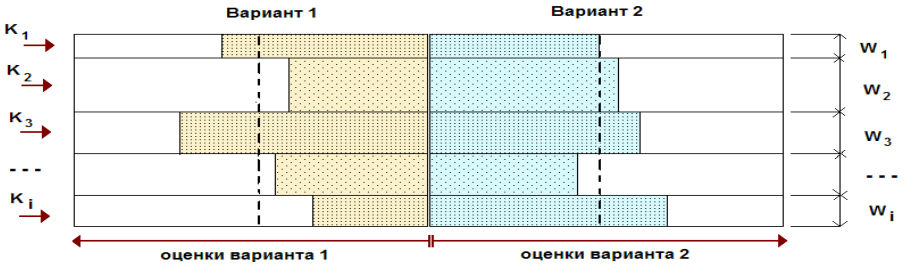


Рисунок 6.
Сравнение вариантов

Выводы

Рассматриваемый подход позволяет:

1. Решить задачу прогнозирования как конкретных технологий, так и некоторых технологических кластеров.

2. Структурировать задачу, повысить степень обоснованности принимаемого решения и расширить количество вариантов, среди которых производится выбор.

3. Результаты, приведенные в табл. 1, показывают, на каком этапе структурного синтеза при морфологическом подходе можно остановиться, то есть, тем самым существенно сократить перебор структур, если результаты параметрической оптимизации соответствуют исходным техническим требованиям.

Список литературы

1. Bardenhagen L., Gavrilina V., Klimenko B.M., Pecheykina M.A., Rakov D.L., Statnikov I.N. A comprehensive approach to the structural synthesis and evaluation of engineering solutions in the design of transportation and technological systems // Journal of Machinery Manufacture and Reliability. 2017. – Vol. 46, N 5. – P. 453–462.
2. Ritchey T. Problem Structuring using Computer-Aided Morphological Analysis // Journal of the Operational Research Society. 2006. – Vol. 57, N 7.
3. Pahl G., Beitz W. Engineering design: a systematic approach, 2nd ed. – London etc.: Springer, 1996.
4. Matthews P. Challenges to Bayesian decision support using morphological matrices for design: empirical evidence // Research in Engineering Design. 2011. – Vol. 22, N 1. – P. 29–42.
5. Grote K., Antonsson E. Handbook of Mechanical Engineering. 2011.
6. Fargnoli M., Troisi R., Rovida E. The morphological Matrix: Tool for the Development of innovative Design Solutions // 4th International Conference on Axiomatic design, ICAD, June 13–16, 2006, Florence, Italy.
7. Levin M.Sh. Modular System Design and Evaluation. 2015.
8. VDI 2221. Systematic approach to the development and design of technical systems and products. 1993.
9. VDI 2222. Pt 1. Methodic development of solution principles. 1997.
10. Раков Д.Л., Синёв А.В. Структурный анализ новых технических систем на базе морфологического подхода в условиях неопределённости // Проблемы машиностроения и автоматизации. 2014. – № 3. – С. 60–66.
11. Раков Д.Л., Синёв А.В. Параллельное проектирование на этапах структурного синтеза и параметрической оптимизации новых технических систем // Проблемы машиностроения и автоматизации. 2011. – № 4. – С. 99–102.
12. Раков Д.Л. Структурный анализ и синтез новых технических систем на базе морфологического подхода. – М.: Издательство научной и учебной литературы URSS, 2011. – 160 с.
13. Rakov D., Thorbeck J. High soundproofing ability of porous materials under stress using 4S technology // Century Perspectives. 2007. – P. 849–852.
14. Статников И.Н. О структурировании пространства исследуемых параметров в задачах проектирования машин и механизмов //. Проблемы машиностроения и надёжности машин. 2000. – № 5. – С. 11–17.
15. Статников И.Н., Фирсов Г.И. Использование многоуровневого планируемого эксперимента для многокритериального анализа скребкового конвейера // Информационные и коммуникационные технологии в образовании, науке и производстве. IX Международная научно-практическая конференция (Протвино, 27 июня – 1 июля 2016 г.). Сборник трудов. – Протвино: АО НПО «Турботехника», 2016. – С. 291–294.
16. Гринкевич В.К., Овчинникова Н.Ф., Статников И.Н. О многокритериальной задаче оптимального проектирования зубчатого механизма. Машиноведение. 1979. № 6. – С. 46–51.
17. Сергеев В.И., Статников Р.Б., Статников И.Н. Об одном способе принятия решения в задачах оптимизации со многими функциями цели // Решение задач машиноведения на ЭВМ. – М.: Наука, 1975. – С. 28–36.

Рождественская С.М.
начальник отдела НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., директор департамента НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского», в.н.с. Института проблем управления РАН

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ АВИАСТРОЕНИЯ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ ОТРАСЛИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Ключевые слова: *авиастроение, технологии, эффективность, конкурентоспособность, воздушный транспорт, социально-экономическое развитие, экономико-математическое моделирование.*
Keywords: *aviation, technology, efficiency, competitiveness, air transport, socio-economic development, economic-mathematical modeling.*

Введение

Развитие технологий авиастроения способствует повышению уровня технического совершенства (УТС) перспективной авиационной техники. Однако улучшение частных показателей УТС, т.е. технических характеристик, не является[1] самоцелью – оно направлено на достижение коммерческих целей предприятий-разработчиков и производителей авиационной техники, а также на достижение целей более высокого, общегосударственного уровня – социально-экономических, оборонных – в части, которая обеспечивается отраслью авиастроения и ее продукцией. Поскольку государство играет ключевую роль в поддержке развития авиастроения, в т.ч. в странах с рыночной экономикой, причем, эта поддержка требует расходов государственного бюджета, а, кроме того, передовые технологии в интересах авиастроения создаются преимущественно в государственном секторе прикладной науки согласно стратегическим планам [9, 13], естественно требовать, чтобы технологическое развитие этой отрасли отвечало национальным интересам, способствовало социально-экономическому развитию страны, повышению благосостояния ее населения, качества жизни. Следовательно, эффективность тех или иных технологий авиастроения необходимо оценивать не только с точки зрения коммерческой выгоды авиастроительных компаний, но и с общегосударственных позиций. Поэтому для системной оценки эффективности новых технологий и принятия решений о ресурсном обеспечении соответствующих исследований и разработок необходимо оценить влияние технологий на эффективность и конкурентоспособность продукции авиастроения и, в конечном итоге, на социально-экономическое развитие страны.

Такая оценка является многоуровневой. Вначале необходимо оценить влияние технологий на значения показателей уровня технического совершенства перспективной продукции авиастроения (первый этап), а затем – влияние показателей УТС на значения показателей эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения (второй этап). И, наконец, необходимо оценить влияние последних показателей на социально-экономическое развитие страны (третий этап). Впрочем, на них могут влиять и показатели уровня технического совершенства продукции авиастроения непосредственным образом, а не опосредованно, «через» ее эффективность и конкурентоспособность. Точнее, такое прямое влияние могут оказывать те показатели УТС, которые можно назвать показателями качества продукции авиастроения.

Первый этап, ***оценка влияния технологий на показатели уровня технического совершенства перспективной продукции авиастроения выполняется по следующим методикам, изложенным в книге [55]:***

- методика оценки влияния разрабатываемых технологий на индикаторы уровня научно-технического совершенства проектов по созданию авиационной техники, обеспечиваемого непрерывно обновляемым научно-техническим заделом в авиастроении;
- методика пересчета значений тактико-технических характеристик и качества образцов АТ на изделия различных классов и модификаций;
- методика прогнозирования достижимых на стадии производства значений тактико-технических характеристик и качества изделий АТ на основе проведенных оценок в процессе разработки образцов этой АТ.

Эти методики относятся, преимущественно, к инженерному (физико-техническому) моделированию конструкций изделий авиационной техники и происходящих в них рабочих процессов. И хотя в этой области остается еще це-

Отформатировано: Шрифт: полужирный, курсив

[1] Точнее, не должно являться – нарушение этого принципа приводит к значительным потерям времени и других ресурсов в сфере прикладной науки, которая фактически перестает отвечать своему названию, занимаясь «исследованиями ради исследований».

лый ряд нерешенных проблем методологии многодисциплинарного моделирования и оптимизации[1], она не относится к сфере интересов экономической науки. Второй этап, оценка влияния показателей УТС на значения показателей эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения, уже относится к сфере интересов отраслевой экономической науки и выполняется с помощью количественных моделей этих показателей, изложенных, например, в работах [1, 2]. Третий, заключительный этап соответствует оценке эффективности новых технологий авиастроения на высшем системном уровне – на уровне национальной экономики. Влияние эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения на социально-экономическое развитие страны отражает взаимосвязь экономики отрасли или комплекса отраслей, и национальной экономики в целом. С этой точки зрения авиастроение и авиация (гражданская авиация и государственная, т.е. военная авиация) представляют собой интересный пример, и, возможно, разработанные здесь принципы оценки их влияния на социально-экономическое развитие могут быть применены и к другим отраслям.

Механизмы влияния качества, эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения на социально-экономическое развитие страны

Влияние эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения на социально-экономическое развитие страны реализуется по двум взаимосвязанным каналам, соответствующим различным ролям, которые играет авиастроение в национальной экономике.

Прежде всего, авиастроение можно рассматривать как отрасль промышленности, генерирующую доходы. На макроуровне можно рассматривать вклад данной отрасли в ВВП, т.е. в сумму стоимостей конечных благ, производимых на территории страны, или сумму добавленных стоимостей. Помимо суммарного вклада в ВВП, представляет интерес и средняя добавленная стоимость, производимая одним занятым, которая является показателем производительности труда. С точки зрения экономической теории, добавленная стоимость, создаваемая на некотором производстве, раскладывается на факторные доходы – заработную плату (оплату труда), прибыль (оплату капитала), а также амортизацию основных фондов. Поэтому производительность труда, измеряемая как добавленная стоимость в расчете на одного занятого, определяет возможность устойчивого развития предприятий, привлечения квалифицированных работников и капитала, воспроизводства основных фондов. Поскольку амортизациоемкость успешно работающего авиастроительного производства не превышает нескольких процентов, и рентабельность в подобных отраслях обычно невелика, добавленная стоимость в данной отрасли, главным образом, определяет возможности обеспечения высокооплачиваемых рабочих мест для квалифицированных рабочих, инженеров, научных работников. Т.е. это, прежде всего, «зарплатоемкая» отрасль. В передовых авиастроительных державах мира средняя добавленная стоимость на одного занятого в отрасли имеет порядок сотен тысяч долл./чел.*г. На рис. 1 приведены графики изменения средней добавленной стоимости в расчете на одного занятого в год в трех основных подотраслях авиационной промышленности США в 1997–2007 гг.

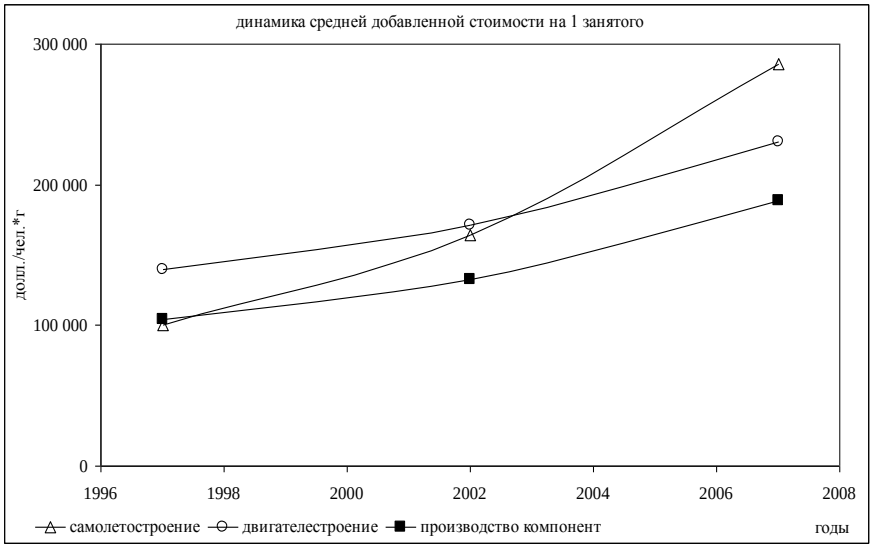


Рисунок 1.
Средняя добавленная стоимость в расчете на 1 занятого в трех подотраслях авиационной промышленности США в 1997–2007 гг.

[1] Разумеется, даже на низших уровнях необходимо проводить субоптимизацию конструкций, рабочих процессов и алгоритмов управления изделиями авиационной техники и их системами по критериям улучшения частных показателей УТС. Поскольку свернуть их в скалярный критерий на нижних уровнях нельзя, такая субоптимизация проводится в смысле улучшения по Парето.

Такой порядок величины средней производительности труда определяет и возможности обеспечения сравнительно высокой средней заработной платы. На рис. 2 наглядно представлены значения средних выручки и добавленной стоимости, приходящихся на одного работника; средней зарплаты всех работников и средней зарплаты производственных рабочих в основных подотраслях авиационной промышленности США в 2007 г. С тех пор качественных изменений порядка этих величин не произошло.

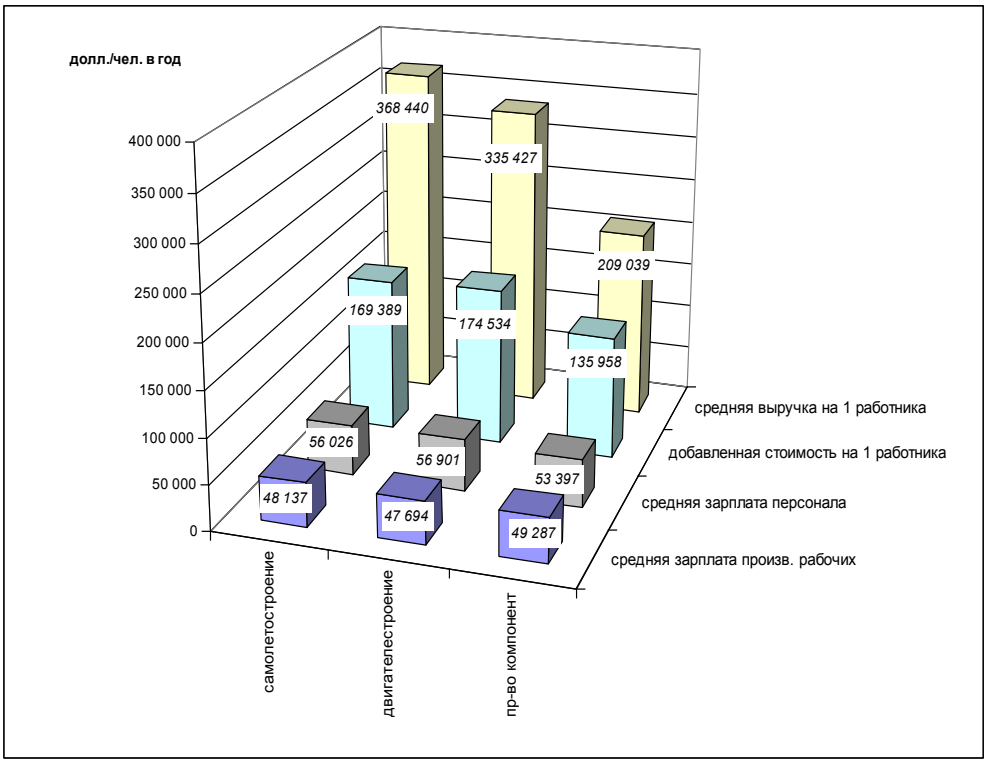


Рис. 2.
Средняя производительность труда и средняя заработная плата в авиационной промышленности США

Естественно, средняя заработная плата заведомо ниже средней производительности труда в силу наличия, помимо фонда оплаты труда, иных статей затрат, необходимости обеспечения прибыли предприятия, и т.п. Приведенные статистические данные по США показывают, что зарплата составляла лишь 15–26% выручки на одного работника и 33–39% добавленной стоимости. Однако даже такая доля зарплаты в добавленной стоимости, достигаемая в наукоемкой и высокотехнологичной промышленности, существенно выше, чем в прочих отраслях экономики. Необходимо еще учесть относительно высокую долю неденежных льгот и компенсаций, которые составляют 31–33% от фонда денежной заработной платы. Также необходима оценка требуемого количества работников отрасли, которые смогут выпустить плановый объем продукции за весь жизненный цикл изделия. В конечном счете, она важна для измерения вклада отрасли в решение социальных проблем и повышение качества экономического роста, а именно – в создание высокооплачиваемых рабочих мест для квалифицированных работников.

В то же время, как показано в работах [5, 7], и средняя производительность труда, и общая численность занятых в отрасли существенно зависят от ее доли на мировом рынке продукции авиастроения, т.е. от конкурентоспособности соответствующих производств и подотраслей авиационной промышленности. В указанных работах на основе количественных моделей оценивается зависимость вышеописанного вклада авиастроения в социально-экономическое развитие страны от конкурентоспособности данной отрасли. Чем выше конкурентоспособность национального авиастроения, т.е. его доля на мировых рынках изделий авиационной техники, тем выше и вклад отрасли в ВВП и занятость высококвалифицированных кадров, а также средний уровень доходов занятых, уровень налоговых поступлений и т.д. Сам по себе вклад авиастроения в ВВП даже в передовых авиастроительных державах мира, занимающих десятки процентов на мировых рынках – США, странах ЕС – остается относительно малым. Например, в США он составлял в 2008 г. 0,3% ВВП, в ЕС – 0,28%, а в РФ – 0,13–0,16%, подробнее [8], и с тех пор порядки доли авиастроения в ВВП качественно не изменились. Однако его вклад в обеспечение занятости квалифицированных кадров, на фоне вышеуказанной средней производительности труда, все-таки можно считать значительным – порядка нескольких сотен тысяч высокопроизводительных рабочих мест, не считая таковых в смежных отраслях, связанных с авиастроением кооперационными связями.

Даже если авиастроение как отрасль промышленности не вносит решающего вклада в ВВП и занятость высококвалифицированных кадров в стране, оно может обеспечивать стратегически важной продукцией национальную экономику (в части воздушного транспорта) и оборону. Если авиационная техника отечественного производства занимает существенную долю на внутреннем рынке (что нехарактерно для современного российского авиастроения), ее технико-экономические, экологические и др. характеристики определяют, в значительной степени, характеристики воздушного транспорта, его доступность, безопасность, качество авиатранспортного обслуживания населения и территории страны, экологическое воздействие на окружающую среду.

Т.е. авиастроение важно не только как отрасль, нацеленная на получение доходов, но и как отрасль, производящая определенную продукцию, способствующую социально-экономическому развитию, повышению качества жизни и благосостояния населения (экономического, экологического и т.п.), влияющего на его безопасность и качество жизни. С одной стороны, такой канал влияния характеристик продукции авиастроения на социально-экономическое развитие связан с конкурентоспособностью отрасли хотя бы на внутреннем рынке – поскольку, если ее продукция занимает на этом рынке пренебрежимо малую долю, ее характеристики не оказывают решающего влияния и на характеристики воздушного транспорта в стране[1]. С другой стороны, как можно увидеть из вышесказанного, в данном случае на социально-экономическое развитие страны влияет не конкурентоспособность отрасли как таковой, а факторы, влияющие на нее, а именно

- потребительские свойства продукции авиастроения;
- ее экономическая эффективность,
- надежность и безопасность, экологические характеристики.

Поэтому более корректно в этом случае говорить о влиянии на социально-экономическое развитие не столько конкурентоспособности, сколько экономической эффективности и качества[2] продукции авиастроения. Оба описанных канала можно наглядно представить в следующем виде, см. рис. 3.

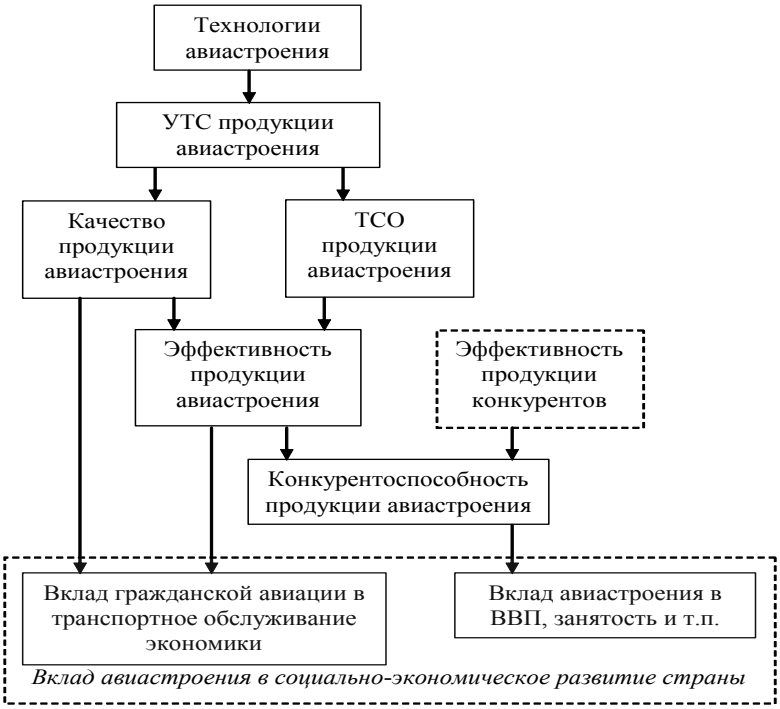


Рисунок 3.
Механизмы влияния научно-технологического развития авиастроения на социально-экономическое развитие страны

[1] Для того чтобы продукция отечественного авиастроения оказывала значительное влияние на характеристики воздушного транспорта, она должна массово применяться в гражданской авиации страны. Но даже если она неконкурентоспособна на открытом рынке, вполне возможны ситуации, когда эта продукция найдет массовое применение в отечественной гражданской авиации:

- в областях, где она решает государственные социальные задачи, а не коммерческие;
- благодаря протекционистским мерам государственного регулирования,
- в случае эмбарго на поставку авиатехники и ее обслуживание со стороны зарубежных поставщиков (или угрозы такого эмбарго, что заставит перейти на отечественную авиатехнику по соображениям экономической безопасности).

[2] Причем, непосредственно, а не как одного из факторов эффективности. Прежде всего, это касается таких показателей качества продукции авиастроения, которые определяют экологичность и безопасность воздушного транспорта.

Таким образом, оценка влияния качества, эффективности и конкурентоспособности продукции авиастроения на социально-экономическое развитие Российской Федерации включает в себя:

- оценку влияния конкурентоспособности продукции (измеряемой долей соответствующего сегмента мирового рынка, фактической или прогнозируемой при данном УТС продукции) на среднюю производительность труда, занятость квалифицированных кадров, вклад отрасли в ВВП и экспорт, выполняемую с помощью вышеупомянутых моделей [5, 7];
- оценку влияния эффективности продукции отрасли (при данном УТС) на показатели социально-экономического развития страны (в части доступности и качества авиатранспортных услуг).

Кроме того, технологии, разработанные в интересах авиастроения, обладают потенциалом трансфера в иные отрасли экономики. Это еще один канал влияния технологического развития авиастроения на социально-экономическое развитие – весьма значимый, но пока не получивший объективной количественной оценки.

Количественная оценка влияния развития воздушного транспорта на экономику в целом, на показатели социально-экономического развития страны – еще одна крупная научная проблема, далекая от удовлетворительного решения, особенно с учетом специфики России. Природно-географические и демографические особенности нашей страны – большая протяженность территории, низкая плотность населения на большей ее части, что делает нерентабельным развитие дорогостоящей наземной инфраструктуры, особенно для скоростных перевозок – придают особую роль авиации в обеспечении высококачественного транспортного обслуживания населения и народного хозяйства, мобильности пассажиров и грузов, в целом, транспортной «проницаемости» пространства. Т.е. авиация уже сегодня гораздо более значима для России, чем для многих более компактных стран с высокой плотностью населения и развитой наземной инфраструктурой. А при появлении новых возможностей в сфере воздушного транспорта (значительном повышении его доступности, качества услуг), вполне возможны и существенные импульсы для социально-экономического развития страны – вплоть до появления новых рынков в других отраслях, новых моделей мобильности и занятости населения, принципиально новых производственно-логистических систем. Понятно, что эконометрические оценки соответствующих эффектов невозможны, поскольку необходимый для идентификации таких моделей опыт по определению отсутствует. Чтобы в полной мере оценить и спрогнозировать влияние технологического совершенствования воздушного транспорта на социально-экономическое развитие Российской Федерации, необходима разработка аналитических моделей воздействия авиаперевозок на другие отрасли экономики, а также методы агрегирования отдельных эффектов. Только тогда можно адекватно оценить общий потенциальный вклад в экономику, который могут внести технологические инновации в сфере воздушного транспорта. Пока таких моделей и методов нет, остается ограничиваться интегральными показателями достижения целей создания научно-технического задела в авиастроении, приведенными в Плане деятельности по развитию науки и технологий в авиастроении [9] (т.е. показателями доступности и качества авиатранспортных услуг, безопасности воздушного транспорта и вредного воздействия на окружающую среду), хотя они, строго говоря, являются лишь «входами» для моделей влияния авиации на социально-экономическое развитие и состояние национальной безопасности. Эти интегральные показатели, строго говоря, лишь косвенно характеризуют социально-экономическое развитие, благосостояние населения и качество его жизни.

Оценка влияния технологий авиастроения на социально-экономическое развитие в части авиатранспортного обслуживания

В рамках описанного второго направления влияния технологического развития авиастроения на социально-экономическое развитие Российской Федерации могут быть использованы следующие модели влияния технико-экономических параметров гражданской авиационной техники на интегральные показатели работы воздушного транспорта для двух важнейших сегментов рынка авиаперевозок.

1) Модель зависимости пассажирооборота и доступности магистральных авиаперевозок в Российской Федерации от параметров используемых летательных аппаратов (стоимости пасс.-км и крейсерской скорости), см. [3]. Это структурная оптимизационная модель спроса на пассажирские перевозки в дальнем сообщении, в которой рассматривается выбор потенциальными пассажирами дальности поездок и оптимального для них (при заданном доходе и стоимости времени) вида транспорта. Можно считать, что эта модель дает оценки влияния технологических параметров магистрального воздушного транспорта не только на доступность авиаперевозок, но и в целом на качество транспортных услуг в дальнем сообщении (если считать, что средняя скорость перемещения является важнейшим показателем качества, и воздушный транспорт в этом отношении предпочтительнее менее скоростного наземного).

2) Модель суммарных (в масштабах страны) и удельных (в расчете на пассажира) затрат на выполнение транспортного стандарта, гарантирующего перевозку пассажира на заданное расстояние за фиксированное ограниченное время в отдаленных малонаселенных регионах в зависимости от параметров используемых летательных аппаратов (крейсерской скорости и обобщенных взлетно-посадочных характеристик, влияющих на уровень затрат на содержание аэродромов), см. [4]. В модели суммарные затраты дифференцированы на три статьи: подвозящий транспорт, содержание аэродромной инфраструктуры и выполнение полета. Эта модель также является оптимизационной: оптимизируется густота аэродромной сети по критерию минимума указанных затрат при выполнении транспортного стандарта.

С помощью модели (1) проведем параметрические расчеты доступности авиаперевозок и пассажирооборота различных видов транспорта, изменяя стоимость пассажиро-километра полета на магистральном самолете, а также его крейсерскую скорость. В расчетах будем использовать данные, приведенные в табл. 1–3.

Таблица 1

Характеристики социально-экономической ситуации

Наименование параметра	Значение
$M_{\min}$ – величина прожиточного минимума, руб.	9600
α – доля доходов сверх прожиточного минимума, отводимых на дальние поездки	0,05
β – отношение стоимости часа в пути к месячному доходу пассажира	0,005

Таблица 2

Технико-экономические параметры железнодорожного транспорта

Наименование параметра	Значение
v – крейсерская скорость, км/ч	50
$\Delta T_{пост}$ – постоянная составляющая длительности поездки, ч	1
p - средний километровый тариф (стоимость пассажиро-километра поездки для перевозчика), руб./пасс.-км	1,6
$\Delta P_{пост}$ – постоянная составляющая тарифа, руб.	450

Таблица 3

Технико-экономические параметры воздушного транспорта

Наименование параметра	Значение
$\Delta T_{пост}$ – постоянная составляющая длительности поездки, ч	3
$\Delta P_{пост}$ – постоянная составляющая тарифа, руб.	1500

Примем распределение населения по доходам также фиксированным и соответствующим полиномиальной аппроксимации для 2015 г. (см. рис. 4).

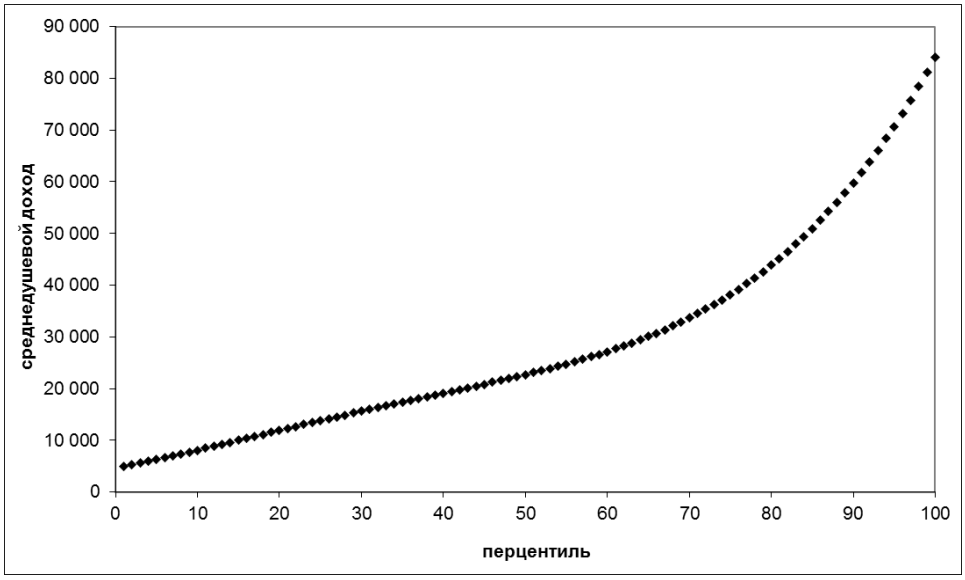


Рисунок 4.
Аппроксимация распределения населения России по доходам в 2015 г.

На основе этих данных с помощью модели (1) было показано, что наиболее существенно на уровень доступности магистральных авиаперевозок для населения Российской Федерации (т.е. долю потребителей, предпочитающих воздушный транспорт железнодорожному) влияет стоимость пассажиро-километра полета на самолете, см. рис. 5.

Как видно из представленных графиков, влияние крейсерской скорости используемых воздушных судов на предпочтительность услуг воздушного транспорта незначительно. При текущей стоимости пассажиро-километра полета на магистральном самолете, составляющей около 3,5 руб./пасс.-км, уровень доступности авиаперевозок для населения составляет около 30%, а пассажирооборот гражданской авиации – около 250 млн. пасс.-км в год. При снижении стоимости пассажиро-километра полета до 2 руб./пасс.-км. можно ожидать повышения доступности услуг воздушного

транспорта до уровня свыше 50%, т.е. примерно в 1,5 раза по сравнению с текущим. При этом пассажирооборот воздушного транспорта вырастет в 2 раза – до 500 млн. пасс.-км в год. Согласно модельным результатам, даже уменьшение тарифов до минимального из рассматриваемых значений: 1 руб./пасс.-км[1], не позволит повысить долю населения, пользующегося авиатранспортом, до уровня стран с наиболее развитой системой воздушных перевозок. На рис. 4 видно, что по самым оптимистичным оценкам при текущих уровнях доходов воздушные перевозки будет предпочитать не более 60–70% населения нашей страны, в то время как в США и Европе они доступны 80–90% населения.

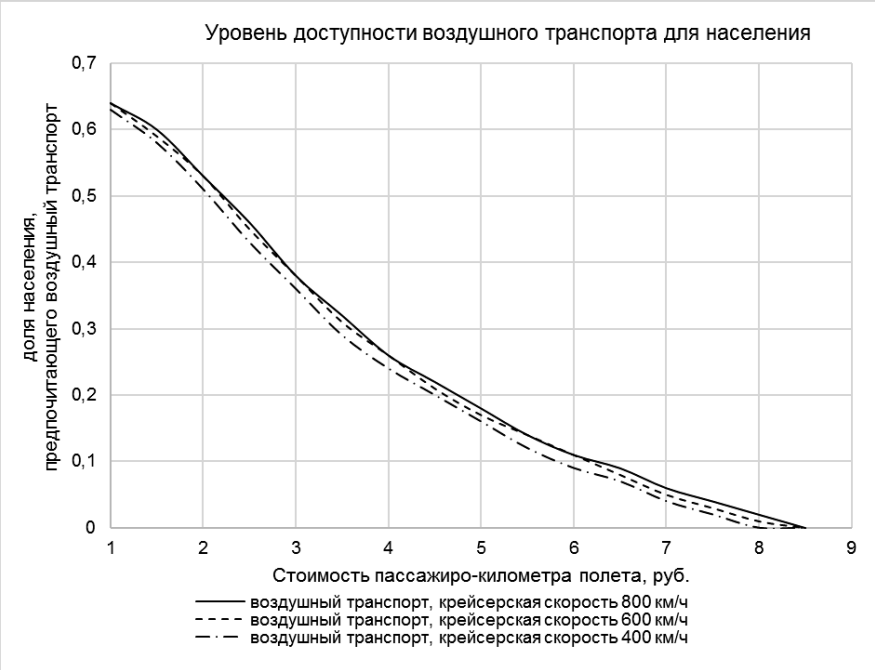


Рисунок 5.
Зависимость уровня доступности услуг воздушного транспорта от стоимости пассажиро-километра полета при различных его крейсерских скоростях

В табл. 4 заданы базовые значения параметров модели, с использованием которых далее будут проводиться расчеты. Взято типичное значение плотности населения для отдаленных регионов (1 чел./кв. км) и коэффициент подвижности, в 1,5 раза меньший среднего по России. Характерная дальность полета на местных линиях приведена в соответствии с данными статьи [10]. Параметры подвозящего транспорта соответствуют характеристикам междугороднего автобуса (хотя в регионах со сложными природными условиями могут использоваться транспортные средства повышенной проходимости) и приведены в табл. 5.

Таблица 4

Характеристики системы расселения и социально-экономической ситуации

Наименование параметра	Значение
ρ - плотность населения, чел./кв. км	1
γ – естественный уровень авиационной подвижности населения, полетов/чел. в год	0,4
L – характерная дальность полета (расстояние от рассматриваемого населенного пункта до районного или регионального центра), км	300

Таблица 5

Характеристики подвозящего транспорта

Наименование параметра	Значение
$v_{подв}$ – скорость подвозящего транспорта, км/ч	30
$c_{подв}$ – тариф на подвозящем транспорте, руб./км	10

[1] Следует отметить, что вероятность достижения такого значения при существующих ценах и текущем уровне развития технологий крайне мала.

В качестве базового варианта используемого на местных линиях воздушного судна возьмем легкий многоцелевой самолет с параметрами, приведенными в табл. 6. Стоимость содержания аэропорта примем равной 50 млн. руб./год. – в соответствии с данными о стоимости субсидий на содержание ФКП в рассматриваемых регионах [12]. Средний километровый тариф полета на местных линиях соответствует оценкам ГосНИИ ГА за 2014 год [11].

Таблица 6

Характеристики используемых воздушных судов и аэродромной инфраструктуры

Наименование параметра	Значение
m – пассажировместимость ВС, кресел	9
v – средняя рейсовая скорость ВС, км/ч	200
$c_{ккм}$ – средний километровый тариф ВС, руб./кресло-км	30
$C_{аэр}$ – стоимость содержания аэропорта, млн. руб./г	50

Проведенный в рамках модели (2) анализ структуры затрат на выполнение минимального транспортного стандарта в отдаленных малонаселенных регионах показывает, что в текущей социально-экономической ситуации в этих регионах Российской Федерации (для них характерны низкие плотность и естественная подвижность населения) наиболее значимая статья затрат – это затраты собственно на выполнение полетов на местных линиях, см. рис. 6. На этом рисунке изображена зависимость составляющих полных затрат (в расчете на пассажира) на обеспечение минимального транспортного стандарта от стоимости пассажиро-километра полета. Зависимость от стоимости содержания аэродромов существенно слабее.

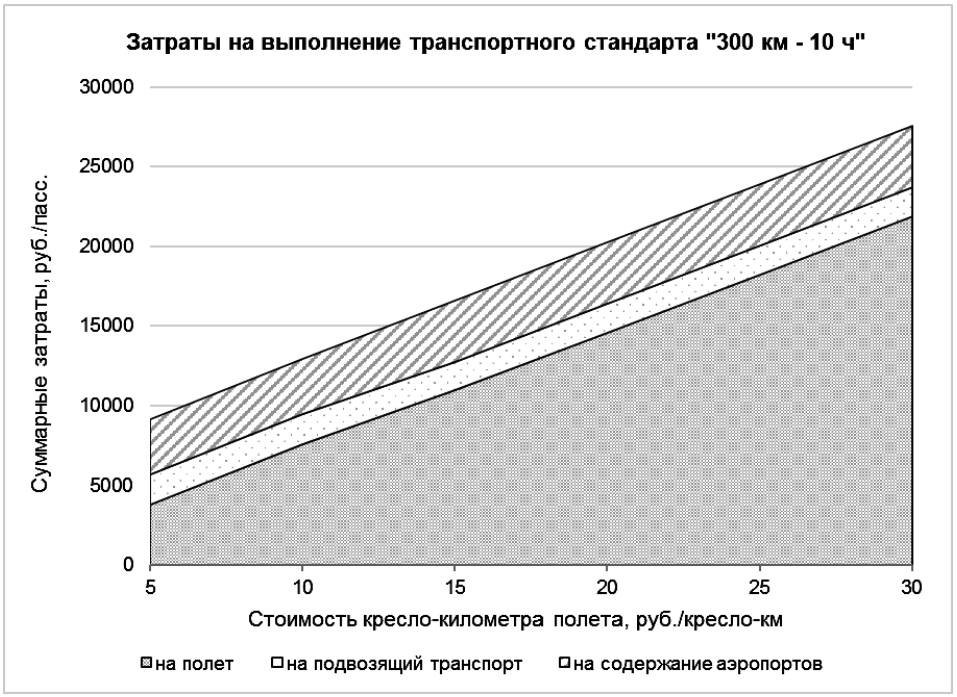


Рисунок 6.
Зависимость затрат в расчете на пассажира на обеспечение выполнения транспортного стандарта «300 км – 10 ч» от стоимости кресло-километра полета на используемых воздушных судах

Также весьма сильное влияние на критериальную величину затрат оказывает пассажировместимость ВС. Чем она ниже, при прочих равных, тем проще обеспечить высокую частоту рейсов и сократить время ожидания рейса, которое в малонаселенных регионах может составлять значительную долю общего времени в пути. На рис. 7 показана зависимость затрат (в расчете на пассажира) на выполнение минимального транспортного стандарта от пассажировместимости ВС.

Проведенный анализ показывает, что наиболее действенные пути уменьшения суммарной стоимости выполнения заданного транспортного стандарта (в расчете на пассажира) в отдаленных и малонаселенных регионах – это:

- уменьшение пассажировместимости используемых воздушных судов вплоть до 3-4 кресел, при сохранении (невозрастании) стоимости пассажиро-километра полета;
- радикальное, в 2 и более раз, снижение стоимости пассажиро-километра полета.

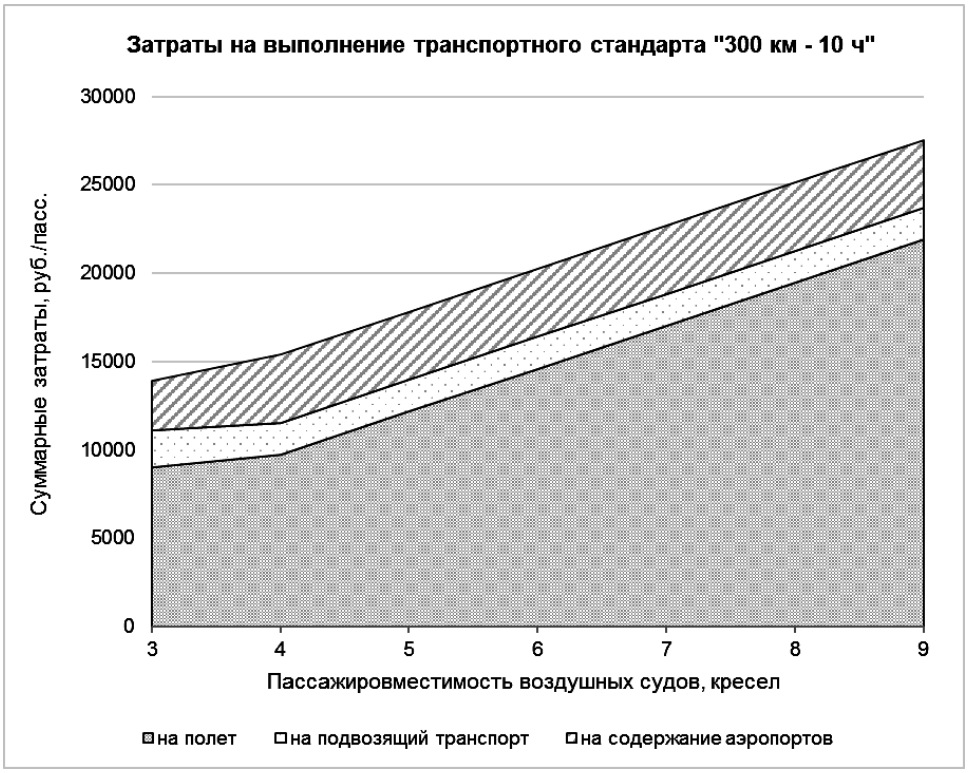


Рисунок 7.
Зависимость затрат в расчете на пассажира на обеспечение выполнения транспортного стандарта «300 км – 10 ч» от пассажировместимости используемых воздушных судов

Такие оценки, в принципе, позволяют приближенно сформулировать требования к технологиям авиастроения, исходя из социально-экономических соображений. Но «приемлемый» уровень качества и доступности авиатранспортных услуг пока приходится устанавливать экспертным путем, а не путем объективного расчета.

Помимо изменения доступности и качества авиатранспортных услуг, развитие авиационных технологий также направлено на обеспечение безопасности воздушного транспорта и снижение экологической нагрузки авиации на окружающую среду. И эти генеральные цели научно-технологического развития авиастроения имеют прямое отношение к социально-экономическому развитию страны, поскольку в последнее понятие, безусловно, входят и состояние окружающей среды, и безопасность граждан. Для количественной оценки соответствующих интегральных эффектов могут использоваться вышеупомянутые модели пассажирооборота воздушного транспорта. Его произведение на удельные показатели выбросов вредных веществ и вероятности авиационных происшествий (в расчете на пассажиро-километр) позволяет оценить суммарный, в масштабах страны, объем эмиссии и ожидаемое количество пострадавших в авиационных происшествиях. Впрочем, для более детальных оценок влияния воздушного транспорта на климат, качество воздуха, уровни шума на различных территориях, сильно агрегированных моделей пассажирооборота уже недостаточно, требуются более детализированные модели авиаперевозок на маршрутной сети страны и т.п.

В целом, описанный выше методический инструментарий позволяет относительно объективно оценить влияние новых технологий на эффективность, конкурентоспособность продукции авиастроения и, в конечном итоге, на социально-экономическое развитие страны (в комплексе, включая различные аспекты качества жизни населения, от доходов, доступности и качества транспортных услуг до уровня безопасности и состояния окружающей среды).

Список литературы

1. Клочков В.В. Организация конкурентоспособного производства и послепродажного обслуживания авиадвигателей. – М.: Экономика и финансы, 2006. – 464 с.
2. Клочков В.В., Гусманов Т.М. Проблемы прогнозирования спроса на перспективные пассажирские самолеты российского производства // Проблемы прогнозирования. – М., 2007. – № 2. – С. 16–31.
3. Клочков В.В., Нижник М.В., Русанова А.Л. Прогнозирование экономической эффективности создания новых видов скоростного пассажирского транспорта // Проблемы прогнозирования. – М., 2009. – № 3. – С. 58–76.
4. Клочков В.В., Горшкова И.В., Молчанова Е.В. Авиатранспорт в малонаселенных регионах: оценка затрат и эффективности инновационных технологий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 3 (330). – С. 58–68.

5. Клочков В.В., Критская С.С. Прогнозирование долгосрочных экономических последствий введения санкций против российской высокотехнологичной промышленности (на примере гражданского авиастроения) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 41 (278). – С. 14–25.
6. Методологические основы и регламенты управления исследованиями и разработками в высокотехнологичных отраслях промышленности (на примере Национального исследовательского центра «Институт имени Н.Е. Жуковского») / Под общ. ред. Б.С. Алешина, А.В. Дутова. – М.: Изд-во ГосНИИАС. 2017. – 160 с.
7. Молчанова Е.В., Критская С.С., Клочков В.В. Локализация высокотехнологичных производств и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 35 (224). – С. 21–29.
8. Проблемы и перспективы развития отечественной авиационной промышленности: аналитический доклад. – М.: Межведомственный аналитический центр, 2011 – 60 с.
9. План деятельности ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского» по развитию науки и технологий в авиастроении, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 1959-р.
10. Фридлянд А.А., Мордасов О.Д. Прогноз парка региональных воздушных судов // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2013. – № 3 (314). – С. 113–120.
11. Фридлянд А.А., Низаметдинов Р.Р. Российские авиаперевозки: стоимость и динамика цен // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2015. – № 11. – С. 59–66.
12. Фридлянд А.А., Чубуков А.П., Москаленко П.И. Анализ создания и финансирования федеральных казенных предприятий аэропортовой деятельности в северных и удаленных регионах Российской Федерации // Научный вестник МГТУ ГА. 2014. – № 202. – С. 80–84.
13. National Plan for Aeronautics Research and Development and Related Infrastructure / NASA, December 2007. – 56 p.

Рождественская С.М.
начальник отдела НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»
Сыпало К.И.
д.т.н., член-корреспондент РАН, первый заместитель генерального директора НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕЙ И ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВИАСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: *авиастроение, технологии, научно-технологическое развитие, цели, направления, задачи, показатели, выбор приоритетов.*
Keywords: *aviation, technology, research and technological development, aims, directions, objectives, indicators, priorities.*

Введение

Научно-технологическое развитие, НТР, особенно сейчас, когда оно требует значительных ресурсов, должно быть целенаправленным, целесообразным. Стратегические планы развития технологий должны задавать систему целей – т.е. следует применять принципы программно-целевого управления. Одним из первых отраслевых документов стратегического планирования в Российской Федерации, в котором эти принципы воплощены в сфере НТР, является План деятельности ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского» по развитию науки и технологий в авиастроении, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 1959-р. (далее – План деятельности).

В качестве стратегических приоритетов государства в области авиационной деятельности определены:

– Реализация и защита государственных интересов Российской Федерации в области национальной безопасности на основе обеспечения высокого технического уровня и боевой эффективности новых образцов авиационной техники и вооружения.

– Обеспечение доступности и качества услуг авиационного транспорта для населения, предприятий экономики, государственных служб Российской Федерации и ее субъектов.

– Обеспечение конкурентоспособности российского авиастроения на внутреннем и мировом рынках авиационной техники.

Рисунок 1.
Иерархия целей, направлений и задач развития науки и технологий в авиастроении (пример)

Эти государственные приоритеты, отвечающие потребностям общества, экономики, национальной обороны, далее конкретизируются до уровня целей развития науки и технологий в авиастроении. В соответствии с выбранными генеральными целями, определяются приоритетные направления и задачи развития науки и технологий в авиастроении. Так, например, для достижения цели повышения доступности авиаперевозок может быть актуальным снижение стоимости авиаперевозок, которое может быть достигнуто благодаря сокращению расхода авиатоплива, трудоемкости технического обслуживания и ремонта (ТОиР), и т.п. В свою очередь, снизить расход топлива можно несколькими способами. Таким образом, система целеполагания НТР авиастроения является иерархической (см. рис. 1).

Цели НТР (на всех уровнях, от генеральных целей до целей более низких уровней) должны быть выражены в количественной форме. Именно такая система целеполагания, иерархическая и снабженная количественными показателями, обеспечивает направленность исследований на повышение конкурентоспособности наукоемкой продукции, а также возможность обоснованного определения потребных ресурсов и выбора приоритетных направлений исследований и разработок. Такой выбор неизбежен, поскольку ресурсы ограничены. Данный доклад посвящен обоснованию состава целей НТР авиастроения на всех уровнях иерархии, а также выбору приоритетов.

Состав целей научно-технологического развития авиастроения и интегральных показателей их достижения

Текущая редакция Плана деятельности предусматривает следующий состав генеральных целей развития науки и технологий в авиастроении:

повышение экономической и физической доступности услуг, оказываемых с применением авиационной техники российского производства;

– повышение качества услуг, оказываемых с применением авиационной техники российского производства, и повышение конкурентоспособности авиационной техники российского производства;

– достижение приемлемого уровня эффективности обеспечения безопасности полетов;

– снижение вредного воздействия авиации на окружающую среду.

В результате критического анализа целей научно-технологического развития авиастроения, приведенных в Плане деятельности и их корректировки, было обосновано, что цели научно-технологического развития авиастроения в области создания авиационной техники гражданского назначения должны включать в себя:

– повышение экономической доступности услуг, оказываемых с помощью авиационной техники российского производства (далее – авиатранспортных услуг);

– повышение качества авиатранспортных услуг;

– повышение безопасности воздушного транспорта;

– снижение вредного воздействия авиации на окружающую среду;

– повышение конкурентоспособности продукции российского авиастроения.

Были определены следующие требования к составу интегральных показателей достижения целей научно-технологического развития авиастроения:

– интегральные показатели достижения целей научно-технологического развития авиастроения должны в количественной форме адекватно отражать степень достижения указанных целей, причем, на уровне социально-экономических, оборонных и т.п. эффектов, а не частных технологических изменений;

– состав интегральных показателей должен быть минимально необходимым, чтобы отразить степень достижения указанных целей.

На основе этих требований были проведены анализ и корректировка состава показателей достижения генеральных целей научно-технологического развития авиастроения. В результате было обосновано следующее.

А) Уровень экономической доступности авиатранспортных услуг следует измерять:

– коэффициентом доступности магистральных и региональных авиаперевозок для населения страны;

– суммарным объемом затрат на обеспечение выполнения заданных требований к качеству авиатранспортных услуги (транспортного стандарта) в регионах, где воздушный транспорт является безальтернативным.

Б) Уровень физической доступности авиатранспортных услуг не требует отдельных показателей, он характеризуется показателями достижения генеральных целей обеспечения экономической доступности и качества авиатранспортных услуг, а новые технологии позволяют улучшить баланс между этими показателями (конфликтными в отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионах);

В) Уровень качества авиатранспортных услуг следует измерять показателями:

– транспортного стандарта, то есть максимального суммарного времени в пути, дифференцированного по видам перевозок: между региональными центрами, между населенными пунктами внутри регионов;

– средней по авиатранспортной системе рейсовой скорости (отношения суммы тарифных расстояний к суммарному времени в пути для всех перевозок);

– средней по всем перевозкам задержки рейсов (абсолютной и относительной, к ожидаемому времени в пути), дифференцированной по видам перевозок;

– коэффициентом регулярности рейсов, то есть доли рейсов, выполненных в пределах допустимых задержек (по метеоусловиям и по техническим причинам), дифференцированного по видам перевозок;

– индексом связности сети и среднего по всем перевозкам количества пересадок, дифференцированных по видам перевозок.

Г) Уровень безопасности полетов следует измерять показателями

– частоты (в расчете на млрд. пассажиро-километров и на млн. перевезенных пассажиров) происшествий, дифференцированных по тяжести ущерба для здоровья и жизни граждан;

– частоты аварий и катастроф (в расчете на 100 тысяч полетов и на 100 тысяч летных часов).

Д) Уровень вредного воздействия авиации на окружающую среду следует измерять показателями:

– численности населения, проживающего в сегментах Б и В санитарно-защитных зон аэропортов;

– суммарных объемов эмиссии вредных веществ (CO_2, CO, оксидов азота, несгоревших углеводородов), возможно, дифференцированных по высотам.

Е) Уровень конкурентоспособности продукции российского авиастроения на рассматриваемом рынке следует измерять отношением стоимостного объема продаж продукции российского авиастроения (авиационной техники и послепродажного обслуживания, вместе взятых) к общему стоимостному объему продаж продукции авиастроения на данном рынке.

Оценка некоторых показателей (а, тем более, их прогнозирование на основе перспективного уровня развития технологий) требует совершенствования расчетных методов и разработки специализированных программных комплексов. Тем не менее, это необходимо, поскольку именно такие показатели характеризуют результативность научно-технологического развития на общесистемном уровне, характеризуют достижение декларируемых генеральных целей, влияние авиации и авиастроения на социально-экономическое развитие страны.

Была определена приоритетность улучшения показателей достижения целей научно-технологического развития авиастроения на период до 2040 г. Анализ механизмов влияния уровня научно-технологического развития авиастроения на социально-экономическое развитие Российской Федерации показывает, что механизм повышения конкурентоспособности продукции российского авиастроения и увеличения его непосредственного вклада как отрасли промышленности в социально-экономическое развитие останется слабым в пределах планового периода до 2040 г. Более значимо влияние на социально-экономическое развитие России характеристик гражданской авиации, обеспеченности населения и экономики авиатранспортными услугами и авиационными работами. Поэтому определять целевые значения интегральных показателей достижения генеральных целей следует, отдавая приоритет целям повышения доступности и качества авиатранспортных услуг, безопасности воздушного транспорта и снижения экологического воздействия авиации на окружающую среду. Цель повышения конкурентоспособности продукции отечественного авиастроения в пределах планового периода не должна рассматриваться как ведущая. Т.е. научно-технологическое развитие российского авиастроения до 2040 г. должно быть нацелено, прежде всего, на создание авиационной техники, позволяющей Российской Федерации эффективно решать государственные задачи социально-экономического и оборонного характера.

Актуализация перечня направлений достижения целей НТР авиастроения

В рамках иерархии целеполагания, принятой в Плане деятельности, направления технологического развития авиастроения – это подцели, цели 2-го уровня, т.е. пути достижения генеральных целей. Они, как правило, не конкретизируются до технологий, и не должны конкретизироваться до них, поскольку технологии – это уже конкретные способы решения задач НТР (т.е. достижения целей 3-го уровня в иерархии целеполагания). В рамках этой иерархии целей направления развития науки и технологий – это пути достижения генеральных целей, которые еще не предполагают конкретных технических решений и концепций. Например, генеральная цель повышения доступности авиаперевозок может достигаться по нескольким направлениям, соответствующим различным составляющим стоимости авиаперевозок – путем снижения стоимости кресло-километра полета (что, в свою очередь, может достигаться путем сокращения затрат на топливо, амортизации воздушных судов, затрат на их ТОиР), стоимости содержания аэропортовой инфраструктуры и т.п.

Первоначальный состав направлений НТР авиастроения был сформулирован в Плане деятельности. Однако он нуждается в актуализации и критическом анализе.

Во-первых, все направления должны быть одноуровневыми, относиться ко 2-му уровню целеполагания. Причем, даже генеральные цели уже подверглись некоторому пересмотру, и по итогам проведенного анализа их перечень таков:

- повышение безопасности воздушного транспорта;
- снижение уровня вредного воздействия авиации на окружающую среду;
- повышение доступности авиатранспортных услуг;
- повышение качества авиатранспортных услуг;
- повышение конкурентоспособности авиационной техники российского производства.

Во-вторых, перечень направлений НТР должен быть полон, т.е. он должен исчерпывать все возможные пути достижения генеральных целей. То же самое касается и задач развития науки и технологий в авиастроении, т.е. целей третьего уровня целеполагания. Ниже проведен критический анализ направлений достижения вышеприведенных целей развития науки и технологий в гражданском авиастроении, перечень направлений скорректирован и дополнен. В рамках каждого направления сформированы (в скобках) перечни задач развития науки и технологий. Кроме того, проведен качественный анализ влияния некоторых направлений и задач на достижение генеральных целей развития науки и технологий, выявлены «многоцелевые» направления и задачи, а также конфликтующие между собой.

Направления развития науки и технологий в области повышения безопасности воздушного транспорта:

- повышение безотказности авиационной техники, АТ (задачи: системотехнические методы повышения надежности АТ, развитие методов и технических средств контроля и диагностики);

- снижение частоты неблагоприятных проявлений человеческого фактора (задачи: совершенствование человеко-машинного взаимодействия, улучшение эргономики, включая ситуационную осведомлённость, улучшение условий работы экипажа; ограничение ошибочных и некорректных действий экипажа, развитие систем предотвращения опасных ситуаций, в т.ч. за счет автоматизации управления; разработка технологий обучения экипажей, эксплуатационного персонала, тренажерных технологий);
- развитие организационных систем управления безопасностью полетов, СУБП – данное направление, строго говоря, влияет на оба вышеописанных, т.е. повышает и безотказность АТ, и устойчивость к человеческому фактору;
- повышение безопасности воздушного движения (задачи: предотвращение опасных сближений воздушных судов, ВС друг с другом и с препятствиями, совершенствование связи и навигации, развитие технологий взаимодействия ВС между собой, а также между ВС и управлением воздушным движением, УВД, технологий совместного использования воздушного пространства пилотируемыми и беспилотными ВС);
- снижение неблагоприятного воздействия внешних условий природного и техногенного характера (задачи: улучшение ситуационной осведомленности экипажей и УВД о метеоусловиях, сдвиге ветра и спутном следе, повышение устойчивости летательных аппаратов, ЛА к неблагоприятным метеоявлениям и атмосферной турбулентности);
- снижение тяжести авиационных происшествий (задачи: обеспечение безопасности аварийной посадки и приводнения; повышение пожаро- и взрывобезопасности; совершенствование аварийного покидания ВС, спасания экипажей и пассажиров, эвакуации пассажиров и экипажа);
- обеспечение антитеррористической защиты авиационного транспорта (задачи: развитие технологий мониторинга и прогнозирования критических ситуаций в кабине ВС, досмотра и контроля пассажиров и грузов; защита авиатранспортной системы от незаконного вмешательства, включая кибербезопасность УВД и управления ЛА).

Направления развития науки и технологий в области снижения вредного воздействия авиации на окружающую среду:

- снижение авиационного шума на местности (задачи: снижение шума в источнике (в т.ч. шума силовой установки, планера ВС) – пассивное и активное (с помощью технологий активного шумоподавления), снижение уровня звукового удара сверхзвуковых ЛА (в принципе, может считаться частным случаем шума планера), эксплуатационные методы снижения шума на местности (путем оптимизации по критериям шума на местности траекторий полета, режимов работы силовой установки и конфигурации ЛА, особенно при взлете, посадке, наборе высоты и заходе на посадку));
- снижение эмиссии вредных веществ (задачи[1]: снижение эмиссии парниковых газов, снижение дымности и эмиссии несгоревших углеводородов; снижение эмиссии угарного газа, снижение эмиссии оксидов азота; снижение возможных выбросов вредных технологических жидкостей и др. расходных материалов на протяжении всего жизненного цикла изделий авиационной техники, от производства до утилизации).

Направления развития науки и технологий в области повышения доступности авиатранспортных услуг и авиационных работ[2]:

- снижение топливных или иных энергетических затрат (задачи: повышение весового совершенства ВС, повышение аэродинамического качества ВС, сокращение удельного расхода топлива силовыми установками; расширение областей применения и повышение доступности альтернативных видов топлив или энергии в силовых установках ВС);
- снижение стоимости поддержания летной годности и обеспечения готовности парков авиационной техники (задачи: повышение долговечности и сохраняемости изделий АТ; повышение ремонтопригодности и эксплуатационной технологичности изделий АТ (включая обеспечение их взаимозаменяемости и модульность конструкции); развитие технологий интегрированной и автоматизированной логистической поддержки эксплуатации парков АТ);
- снижение затрат на оплату труда и подготовку экипажей (задачи: автоматизация управления движением ЛА и функционированием их систем (в т.ч. расширение областей применения роботизированных авиационных систем); новые технологии обучения, в т.ч. тренажерные – многоцелевые задачи, они же способствуют и повышению безопасности авиаперевозок);
- снижение уровня сборов за пользование воздушным пространством (задачи: автоматизация УВД, развитие навигации и самолетовождения – многоцелевые задачи, они же способствуют и повышению безопасности авиаперевозок; сокращение максимальной взлетной массы ВС – многоцелевая задача, она же относится и к направлению снижения расхода топлива и энергии, которое, в свою очередь, тоже является многоцелевым, способствуя повышению доступности авиатранспортных услуг и снижению вредного воздействия авиации на окружающую среду);
- сокращение длительности полета и длины траектории (на данных маршрутах) (задачи: совершенствование технологий навигации и УВД для «спрямления» траекторий; повышение пропускной способности воздушного пространства, сокращающее очереди и задержки) – многоцелевое направление, оно же способствует и повышению каче-

[1] Возможно, их целесообразно рассматривать как поднаправления, поскольку они равноправны и несводимы ни к какому интегральному показателю.

[2] Поскольку доступность авиатранспортных услуг в рамках обновленной системы показателей достижения целей научно-технологического развития авиастроения измеряется себестоимостью перевозки пассажиров и грузов, направления достижения этой генеральной цели должны соответствовать снижению отдельных составляющих этой себестоимости. При этом отдельные направления могут быть и фактически являются конфликтными, например, сокращение расхода топлива может сопровождаться и ростом цены изделий АТ. Однако все, даже конфликтные, направления и задачи все равно следует отразить, поскольку априори неизвестно, какими именно направлениями и задачами целесообразно пожертвовать в пользу иных, более приоритетных. Далее выбор приоритетных направлений и задач в случае их конфликтности уже является предметом оптимизации.

ства авиатранспортных услуг путем сокращения времени в пути, а также сокращению вредного воздействия авиации на окружающую среду. Также данное направление сокращает и вышеописанные статьи затрат за счет сокращения длительности полетов;

- сокращение стоимости изделий авиационной техники (задачи: снижение стоимости используемых материалов и сырья, сокращение материалоемкости, в т.ч. энергоемкости производства, снижение трудоемкости производства изделий АТ, сокращение затрат на разработку изделий АТ, сокращение длительности разработки и подготовки производства изделий АТ, что способствует снижению потребности в заемных средствах на предпроизводственных стадиях ЖЦИ и соответствующих финансовых потерь, которые также относятся на себестоимость изделий АТ);
- сокращение затрат на создание и эксплуатацию необходимой инфраструктуры (задачи: улучшение взлетно-посадочных характеристик ВС; расширение допустимых условий базирования, в т.ч. по параметрам несущей способности покрытия и коэффициента сцепления; сокращение необходимой номенклатуры средств наземного обслуживания; повышение автономности навигации – многоцелевая задача, которая относится и к повышению безопасности авиаперевозок).

Такой перечень направлений исчерпывает все возможные пути сокращения себестоимости авиатранспортных услуг и позволяет в комплексе оценивать эффективность новых технологий с точки зрения этой цели.

Направления развития науки и технологий в области повышения качества авиационных услуг и работ:

- сокращение времени в пути – включая
- собственно продолжительность полета по данному маршруту (задачи: повышение крейсерской скорости полета, что вступает в противоречие с целью повышения доступности авиатранспортных услуг; повышение дальности беспосадочного полета; спрямление маршрутов и сокращение длительности ожидания ВС путем повышения пропускной способности воздушного пространства и аэропортов – многоцелевая задача, которая способствует и повышению доступности авиатранспортных услуг, и сокращению вредного воздействия авиации на окружающую среду);
- начально-конечные операции, при обеспечении безопасности (задачи: развитие технологий досмотра и контроля пассажиров и грузов – многоцелевая задача, способствующая и повышению безопасности авиаперевозок; сокращение длительности посадки-высадки пассажиров и операций с багажом);
- время ожидания рейса[1];
- повышение регулярности рейсов (задачи: повышение готовности парка, в отличие от снижения затрат на ее обеспечение, соответствующее цели повышения доступности авиатранспортных услуг; повышение всепогодности эксплуатации, расширение диапазона условий безопасной эксплуатации ВС);
- повышение комфорта пассажиров (задачи: снижение шума, вибраций, перегрузок на всех режимах полета, обеспечение благоприятного состава атмосферы в кабине, улучшение обзорности, дополнительные информационные сервисы – это направление является многоцелевым, т.к. оно относится и к цели повышения безопасности воздушного транспорта, с учетом некоторых факторов влияния комфорта на здоровье пассажиров – напрямую, и косвенно – через улучшение условий работы экипажа.

Направления развития науки и технологий в области повышения конкурентоспособности продукции российского авиастроения.

Если конкурентоспособность гражданских ВС достигается благодаря повышению экономической эффективности их эксплуатации (т.е. снижению себестоимости перевозок, при фиксированном качестве), а также обеспечению соответствия стандартам и нормам по безопасности и экологии, тогда направления повышения конкурентоспособности представляют собой объединение направлений повышения доступности авиатранспортных услуг, повышения безопасности и снижения вредного воздействия авиации на окружающую среду. Эти направления подробнее описаны выше. Поскольку они в значительной степени конфликтны, баланс между ними, с точки зрения конкурентоспособности, может определяться с помощью интегральных моделей доли рынка, занимаемой ВС с заданным уровнем себестоимости авиаперевозок, удовлетворяющих заданному набору стандартов и норм. Если качество авиатранспортных услуг меняется значимо (примеры – сверхзвуковые пассажирские самолеты, обеспечивающие значительное сокращение длительности полета на дальних маршрутах, дальнемагистральные самолеты, позволяющие выполнять беспосадочные перелеты вместо полетов с промежуточными посадками) и влияет на спрос, тогда к вышеперечисленным направлениям добавляются также направления повышения качества авиатранспортных услуг. Конфликтность достижения различных целей разрешается с помощью комплексных моделей долей рынка авиатранспортных услуг с различным уровнем себестоимости и качества, а также моделей рынка ВС с различными значениями дальности полета и себестоимости авиаперевозок.

Таким образом, направления повышения конкурентоспособности авиационной техники отечественного производства представляют собой совокупность направлений достижения всех прочих целей развития науки и технологий в авиастроении. Цель повышения конкурентоспособности авиационной техники не имеет обособленных направлений достижения, и, соответственно, задач развития науки и технологий. В принципе, к таковым можно отнести только расширение спектра авиационных работ и услуг (в т.ч. новые виды работ и услуг, которые ранее не выполнялись вообще, либо не выполнялись с помощью авиации).

[1] Последнее, при заданных пассажиропотоках, достигается только сокращением вместимости ВС, что, в свою очередь, вступает в противоречие с целью повышения доступности авиатранспортных услуг. Таким образом, может быть целесообразной разработка ВС, обладающих меньшей пассажировместимостью, чем известные, при сохранении прочих характеристик.

Обоснование выбора приоритетных направлений развития науки и технологий в авиастроении до 2040 г.

Выше перечислены все возможные направления развития науки и технологий в гражданском авиастроении, которые было бы желательно реализовать для достижения генеральных целей. Однако их перечень сформирован без учета ресурсных ограничений, реальных возможностей достижения тех или иных улучшений в этих направлениях (или «цены» таких улучшений, т.е. необходимых для их достижения затрат различных ресурсов), а также количественной оценки их «полезности», т.е. вклада в достижение генеральных целей развития авиастроения. Т.е. в реальности эти направления отнюдь не равноправны, хотя в системе целеполагания они находятся на одном – втором – уровне иерархии. Поэтому этот перечень следует воспринимать именно как список направлений-кандидатов на роль приоритетных. Необходима их приоритизация.

С одной стороны, приоритетными могут быть лишь те направления научно-технологического развития (подцели), которые вносят значимый вклад в достижение генеральных целей развития науки и технологий в отрасли (это определяется в рамках Форсайта спроса). С другой стороны, они должны быть реалистичными, т.е. в этих направлениях возможен значительный прогресс. Последнее на данном этапе можно оценить лишь предварительно, поскольку Форсайт предложения по всем возможным направлениям научно-технологического развития не проводился. Предварительно можно полагать, что наименьшим потенциалом улучшения обладают традиционные направления научно-технологического развития, принадлежащие к нынешнему технологическому укладу. Напротив, направления нового технологического уклада являются высокорисковыми, но оставляют Российской Федерации шанс на достижение успеха и даже лидерства.

В рамках проведенного Форсайта спроса показано, что достичь значимого прироста экономической доступности магистральных авиаперевозок можно, лишь сократив себестоимость кресло-километра в 2–2,5 раза относительно современного уровня. Это недостижимо в рамках современных технологий, используемых при создании магистральных воздушных судов. Поэтому, с учетом негативных перспектив достижения российским авиастроением значимой доли соответствующего рынка, соответствующие направления научно-технологического развития, связанные с совершенствованием магистральных воздушных судов с газотурбинными двигателями, не являются приоритетными в условиях ограниченности ресурсов.

Для развития в пределах 2040 г. значительного по емкости сегмента сверхзвуковых пассажирских и деловых перевозок в Российской Федерации нет социально-экономических предпосылок. В то же время, наличие научно-технического задела, позволяющего в среднесрочной перспективе создать сверхзвуковые пассажирские самолеты с приемлемым уровнем звукового удара, открывает перспективы развития соответствующего экспортного сегмента российского авиастроения. В случае если такое решение будет признано экономически целесообразным, потребуется развивать технологии создания экономичных газотурбинных авиадвигателей, возможно, с изменяемым циклом, обеспечивающим сверхзвуковой крейсерский полет.

В сегментах региональных воздушных судов, а также воздушных судов для местных воздушных линий, возможно значимое повышение доступности и качества авиатранспортных услуг при условии достижения себестоимости пассажиро-километра, соответственно, равной и превышающей не более чем в 1,5–2 раза уровень современных магистральных самолетов. При этом крейсерские скорости должны составлять не менее, соответственно, 500–600 и 250–300 км/ч (причем, должны быть обеспечены расширенные условия базирования). Принципиальная сложность достижения этих целевых ориентиров состоит в том, что указанные уровни научно-технического совершенства должны достигаться при малой вместимости воздушных судов, составляющей, соответственно, 9–19 мест и 3–5 мест. При этом уровень комфорта и безопасности полетов также не должен уступать современным магистральным самолетам. Удельные выбросы вредных веществ должны сократиться в несколько раз, чтобы планируемое многократное повышение подвижности населения на региональных и местных воздушных линиях не вызвало увеличения экологического воздействия авиации на окружающую среду. Управление такими воздушными судами должно быть существенно упрощено или даже автоматизировано, во избежание роста удельных (в расчете на пассажиро-километр) затрат на оплату труда и обучение экипажей, дефицита летных кадров высокой квалификации и снижения уровня безопасности полетов.

Значительные резервы улучшения социально-экономической ситуации, в т.ч. и возможности качественных изменений в пространственном развитии Российской Федерации, сохраняются в сегменте грузовых авиаперевозок, в т.ч. мультимодальных, «от двери до двери». При этом необходимо обеспечить:

– среднюю скорость доставки грузов не ниже 200–300 км/ч;

– себестоимость авиаперевозок в отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионах ниже, чем на наземном транспорте, в широком диапазоне размеров партий – от нескольких кг до нескольких тонн.

Осуществление таких авиаперевозок требует автоматического управления как отдельными воздушными судами, так и воздушным движением в целом. Также производство воздушных судов в широком диапазоне типоразмеров требует использования полимерно-композитных конструкционных материалов и аддитивных производственных технологий.

На основе представленных выше принципов выбора направлений развития науки и технологий в авиастроении до 2040 г., в качестве приоритетных направлений развития авиационной науки и технологий выделены следующие:

– снижение расхода топлива (в т.ч. путем расширения областей использования альтернативных авиационных топлив, а также расширения областей использования электрической энергии на борту) и массы воздушных судов;

– расширение сфер рационального использования гражданской авиации, авиации общего назначения и деловой авиации (в т.ч. путем создания комплексных систем управления перспективных беспилотных и опционально-пилотируемых воздушных судов, а также расширения областей применения роботизированных авиационных систем при решении транспортных и других народнохозяйственных задач).

Эти направления технологического развития приоритетны для нескольких основных платформ в гражданском авиастроении – воздушных судов региональных и местных воздушных линий, беспилотных и пилотируемых грузовых воздушных судов широкого диапазона грузоподъемности.

В то же время, именно эти классы воздушных судов являются предпочтительными объектами применения соответствующих новых технологий на начальных стадиях их развития:

– по технологическим причинам (соответствующие новые технологии проще вначале применить на воздушных судах меньшей размерности, или в менее ответственных сегментах рынка, например, в беспилотной авиации);

– по экономическим причинам, поскольку специфические условия эксплуатации этих классов воздушных судов позволяют эффективно использовать относительно дорогостоящие технологии, которые будут заведомо нерентабельными в сегменте магистральных воздушных судов.

Сибирская Е.В.,
Овешникова Л.В.[1]

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Ключевые слова*: информационно-аналитическая система, мониторинг, национально-технологическая инициатива.*

Keywords: *information-analytical system, monitoring, national-technological initiative.*

Процессы мониторинга и оценки являются важным механизмом для организации внутри страны согласованной политики выполнения **целей устойчивого развития** (ЦУР)[2], интеграции по вертикальным связям на всех уровнях власти.

В рамках мониторинга существуют огромные возможности для локализации «Повестки 2030» путем интеграции систем индикаторов локального, регионального, национального уровня.

Ключевые аспекты мониторинга, оценки, отчетности включают четыре направления:

– разработка национальных показателей и индикаторов на основе глобальных индикаторов ЦУР и создание баз данных.

– дезагрегирование (разукрупнение информации) данных.

– создание системы отчетности, онлайновых систем для обмена информацией, в том числе отчетности по ключевым индикаторам, и предоставление возможности для горизонтальной и вертикальной координации.

– оценка прогресса выполнения ЦУР на национальном и региональном уровнях[3].

Мониторинг ЦУР требует мобилизации всех частей национальной статистической системы, которая производит официальную статистику, а также сотрудничество с частными производителями данных. Координация между сообществом пользователей (политиками, научным сообществом, неправительственными организациями, частным сектором и СМИ и т.д.), а также производителями официальной статистики, является важной для производства и распространения официальной статистики, которая соответствует Основополагающим Принципам Официальной Статистики ООН и международным базовым принципам обеспечения качества.

В связи с мониторингом ЦУР, производители и сообщества пользователей, которые привлекаются, увеличились, а сбор данных и потоки, лежащие в основе мониторинга, являются сложными, особенно учитывая взаимосвязи, существующие между показателями. В Повестке Дня на период до 2030 года, развитие статистики само по себе является центральным компонентом средств осуществления. Она признает, что требования данных и статистики для мониторинга достижения целей представляет собой огромную проблему для всех стран.

Не желая оставлять без внимания такой важный аспект государственной политики в области статистики, в 2012 году в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова в рамках программы инновационного развития образовательной и научной работы в вузе создан Ситуационный центр социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Основой создания Ситуационного центра явилась Информационно-аналитическая Интернет-система «Оперативный мониторинг социально-экономического развития субъектов РФ», на которую Университетом получено Свидетельство № 2014612588 от 28.02.2014 г. от Федеральной службы по интеллектуальной собственности, подтверждающее уникальность аналитических и прогностических возможностей программы, а также право интеллектуальной собственности. С 2017 г. базовой информационно-аналитической системой Ситуационного центра является платформа Contour BI – Business Intelligence платформа для интерактивного многомерного анализа данных.

Основными целями деятельности Ситуационного центра являются:

1. Проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, и разработок в области социально-экономического развития России и регионов Российской Федерации.

2. Обеспечение актуальной статистической и аналитической информацией всех заинтересованных пользователей.

3. Выполнение экспертно-аналитических и консалтинговых работ по актуальным направлениям социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации.

---

[1] Сибирская Елена Викторовна – д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, Российский экономический университет; профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет. E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru

Овешникова Людмила Владимировна – д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, Российский экономический университет. E-mail: lud_proz@mail.ru

[2] Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/285/75/PDF/N1528575.pdf?OpenElement

[3] http://unstats.un.org/unsd/dnss/gp/FP-NEW-r.pdf

4. Организация сотрудничества с органами власти федерального и регионального уровней, органами местного самоуправления, коммерческими и международными организациями по использованию информационно-аналитических ресурсов Центра[1].

Таким образом, Ситуационный центр социально-экономического развития регионов Российской Федерации может стать интегрированной основой для представления данных официальной статистики России в мониторинге ЦУР. Для дальнейшего наполнения Ситуационного центра актуальной информацией университет постоянно работает по инициативным исследовательским темам, одной из которых является «Разработка и совершенствование научной базы для комплексных программ мониторинга готовности экономики к национальной технологической инициативе», выполненная коллективом кафедры статистики.

Основной задачей реализации проекта является поиск новых форм организации мониторинга для постоянной оценки готовности национальной экономики к национальной технологической инициативе (НТИ), позволяющих определить мультипликативные эффекты наблюдений и учета конкретных экономических показателей и условий в экономике Российской Федерации.

Предлагаемый проект позволил построить базовый пример мониторинга, объединяющий ресурсы и позволяющий активизировать явные и скрытые возможности для обеспечения исследований готовности национальной экономики к национальной технологической инициативе.

Исследование вопросов в рамках данного проекта позволило решить важные в научном и прикладном плане задачи по исследованию лучших отечественных практик мониторинга и прогнозирования готовности экономики к национальной технологической инициативе, которые реализуют «физическую» (по аналогии с теорией БД) составляющую, обеспечивающую доступ к экземплярам хранения, идентификацию и поиск значений показателей в локальных и внешних информационных ресурсах по признакам содержания и адресам хранения.

Авторами проекта разработана концептуальная схема алгоритма организации мониторинга экономики для оценки ее готовности к национальной технологической инициативе. Он состоит из нескольких контуров, выделенных по принципу схожести экономических процессов, которые они описывают. Как правило, блоки одного контура характеризуют либо различные фазы одного экономического процесса, либо операции, связанные с деятельностью одного и того же институционального сектора. Алгоритм включает следующие связанные между собой контуры: **рынки; технологии; инфраструктура; институты.**

Программы мониторинга, разработанные в соответствии с едиными требованиями, позволяют унифицировать информацию о проведении наблюдений за показателями НТИ, систематизировать и анализировать поступающую информацию с целью ее дальнейшего использования.

База данных по данному исследованию состоит из 759 показателей, характеризующих готовность экономики к национальной технологической инициативе. Эта работа приоритетна на основании классификации показателей по трехуровневой системе и может быть охарактеризована следующим образом:

Уровень 1. 93 показателя, считаются концептуально ясными с установленной доступной методологией и стандартами, и соответствующие показатели представлены данными Федеральной службой государственной статистики и Евростатом. *Примером могут служить показатели: Число организаций государственного сектора, выполнявших научные исследования и разработки; Число проданных роботов и др.*

Уровень 2. 194 показателя также считаются концептуально ясными с установленной доступной методологией и стандартами, но соответствующие данные не регулярно собираются, и соответственно нельзя провести сопоставления без дополнительных расчетов и обследований. *Примером может служить показатель – Объем финансирования НИОКР из внебюджетных источников.*

Уровень 3. 472 показателя, у которых нет либо устоявшейся методологии, либо стандартов. Этот уровень включает в себя те показатели, которые заложены в различных госпрограммах, и соответственно по которым методология и стандарты находится на стадии формирования. *Примером может служить показатель – Моторное биотопливо и его компоненты и др.*

Информационно–аналитическая система мониторинга, анализа и прогнозирования показателей по направлениям НТИ была разработана для автоматизации процессов сбора и обработки обширных и многогранных данных.

Система разработана с целью создания единого информационно–аналитического пространства для мониторинга, анализа, планирования, моделирования и прогнозирования с последующей визуализацией результатов и формированием отчетности. Информационно–аналитическая система мониторинга, анализа и прогнозирования включает в себя следующие подсистемы: Централизованное хранилище данных предназначено для накопления и хранения ретроспективных данных по показателям. Подсистема визуализации обеспечивает представление информации в табличном, текстовом, графическом и картографическом видах. В подсистеме реализованы функциональные возможности отображения результатов анализа и расчетных значений с использованием средств деловой графики, экспорта отчетной информации в MS Excel и другие форматы, а также вывод информации на печать.

База данных содержит результаты выборочных обследований готовности экономики к национальной технологической инициативе, проведенных РЭУ им. Г.В. Плеханова по данным Федеральной государственной службы статистики, Евростата. Обследованию подлежало 93 показателя 1 уровня, характеризующих 4 блока матрицы Национальной технологической инициативы «Исследование рынков», «Исследование технологий», «Исследование институтов», «Исследование инфраструктуры» (рис. 1–4).

[1] https://www.rea.ru/ru/org/managements/Pages/Situa-centr.aspx © ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

По состоянию на 01.10.2017 г. исследовано 93 показателя за период с 2008 г. по 2016 г. Собранные данные являются информационной базой для разработки практических рекомендаций и совершенствования методологических аспектов получения достоверной информации о состоянии, готовности и развитии национальной экономики к национальной технологической инициативе.

Рисунок 1.
Визуализация показателя «Доля лиц (домохозяйств), имеющих доступ к сети Интернет»

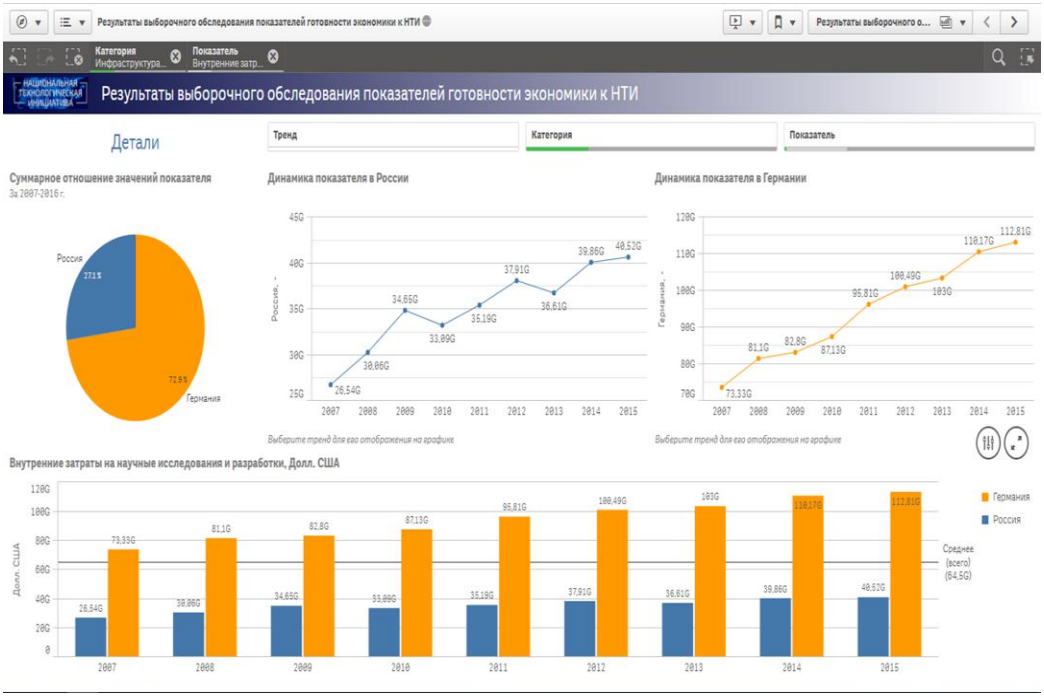


Рисунок 2.
Визуализация показателя «Внутренние затраты на научные исследования и разработки», долл. США

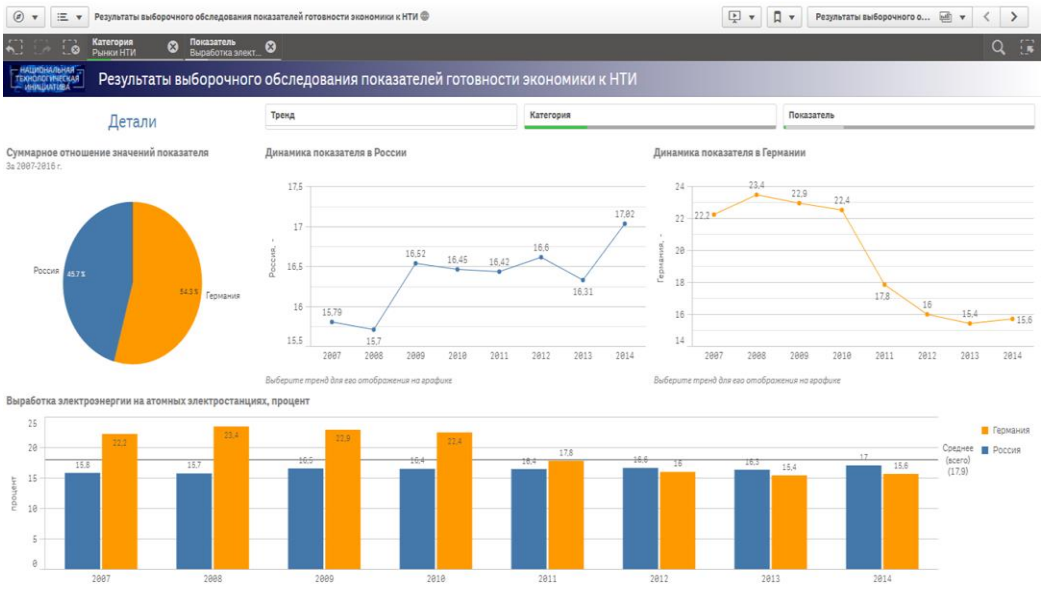


Рисунок 3.
Визуализация показателя «Выработка электроэнергии на атомных электростанциях», процент

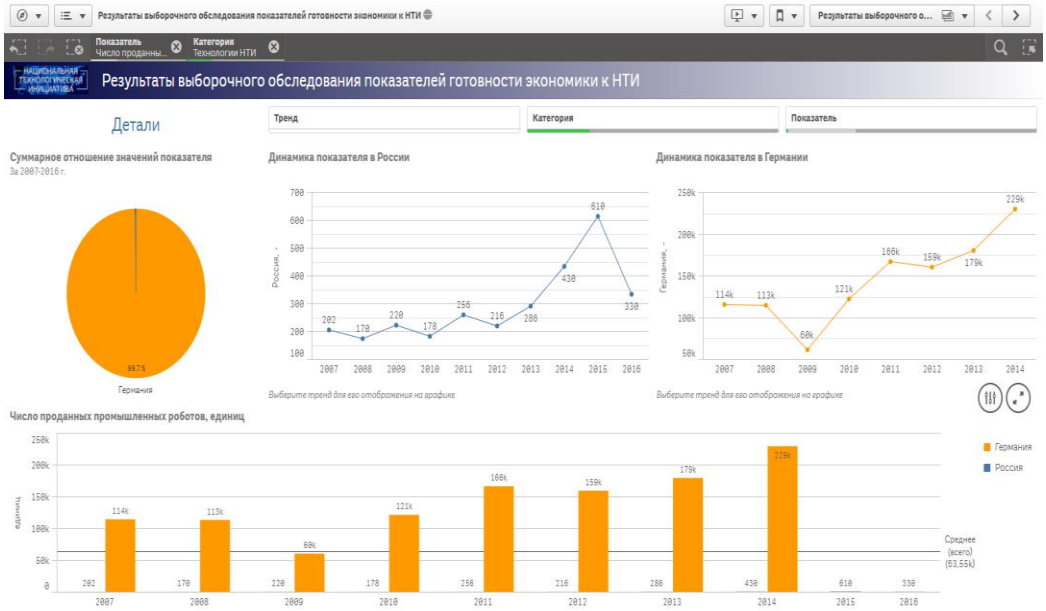


Рисунок 4.
Визуализация показателя «Число проданных промышленных роботов», единиц

Практической сферой применений знаний, полученных по проекту, является предложение опорных инструментов для:

1) государственных организаций, прежде всего формирующих экономическую и инновационную политику в рамках национальной технологической инициативы, анализа экономических проблем, составления прогнозов будущего и сценариев возможной инновационной политики и т.д.;

2) международных ассоциаций и организаций, которые связаны с оценкой и анализом экономической ситуации в Российской Федерации и перспективах ее развития;

3) некоммерческих организаций, таких как бюро экономического анализа, центры исследований экономической конъюнктуры, консалтинговые бюро и экспертные советы;

4) коммерческих организаций в рамках оценки и анализа текущей экономической ситуации, сценариев ее развития и разработки оптимальных и эффективных стратегий деятельности (особое значение имеет для крупных компаний, которые являются лидерами на рынке отрасли, и тех, которые сотрудничают с иностранными инвесторами);

5) научно-исследовательских структур, деятельность которых связана с разработкой мероприятий экономической политики и развитием теорий и моделей переходной экономики;

6) учреждений высшего образования, которые осуществляют подготовку бакалавров и магистров по направлениям «Экономика», «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление», «Управление персоналом», «Экономическая безопасность», «Инноватика» и др.

Сливицкий А.Б.
начальник сектора ГосНИИАС

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Ключевые слова*: авиационная деятельность, авиационная техника, внешнее (концептуальное) проектирование, государственное регулирование, информационно-аналитическое обеспечение концептуальные основы, системный анализ, системный подход, сложная система, стратегическое планирование, структура, управление.*

Keywords: *aviation activity, aircraft equipment, external (conceptual) design, government regulation, information and analytical support for the conceptual foundations, system analysis, system approach, complex system, strategic planning, structure, management.*

Системное мышление лежит в основе любой деятельности человека. Особенно ярко оно проявляется при решении сложных научно-практических проблем, при разработке и реализации крупномасштабных проектов, при управлении сложными техническими объектами и технологическими процессами в нештатных (критических) ситуациях или социально-экономическими системами в кризисных ситуациях [6], а также при решении задач научного и информационно-аналитического обеспечения национального стратегического проектирования и модернизации страны (отдельных отраслей хозяйствования). Подобные характеристики объекта исследования, безусловно, относятся к такому важному фактору (элементу) государственного и общественного устройства как авиационная деятельность (далее – АД). Фактору, имеющему в современном мире и, по-видимому, в долгосрочной перспективе, геостратегическое, геополитическое, экономическое, технологическое, научное, социальное и иные измерения как на национальном, так и на международном уровнях.

АД является определяющей для таких сфер жизни российского общества как обеспечение национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации, обеспечение её территориальной связности – конституционного принципа, так и для экономики и такой важной её составляющей как авиационный транспорт.

АД представляет собой сферу активности государства, науки и бизнеса, предметно ориентированную на авиационную технику (далее – АТ), включая воспроизводство АТ, применение и оказание авиационных услуг в гражданской и военной областях. По значимости и размерам АД относится к разряду сложных масштабных видов государственной промышленной, оборонной и социально-экономической деятельности. АД – это комплексная деятельность различных субъектов – элементов соответствующей сложной организационной системы, – осуществляющих управленческие функции по отношению к находящимся в их подчинении объектам высокой наукоёмкости, технической сложности, ресурсоемкости при всём многообразии их взаимосвязей [3, 5] и структурной изменчивости во времени в ходе своего жизненного цикла.

По словам Д. Медведева: «Вопросы госполитики в области АД – это широкий спектр задач, который прямо влияет на будущее российской авиации. Это один из приоритетов модернизации экономики. От положения дел в отрасли зависит и состояние в области безопасности страны, безопасности её граждан, и во многом это влияет на качество жизни. … развитие авиационного потенциала России – это ключевое условие повышения конкурентоспособности нашей экономики»[1].

Как объект государственного регулирования АД представляет собой сложную организационную систему, как уже было нами отмечено. Все элементы системы – субъекты АД – имеют разные цели функционирования: обеспечение территориальной связности (Минтранс), получение прибыли (авиакомпании), обеспечение обороны и национальной безопасности (Минобороны), создание элементов авиационного потенциала (Минпромторг), обеспечение безопасности полетов и авиационной безопасности, экологичность воздушных судов и др. Учет и согласование перечисленных целей представляют собой сложную управленческую проблему, усложнённую динамичным изменением внешних и внутренних политико-экономических факторов.

Концептуальные основы исследования авиационной деятельности

Концептуальную основу исследований АД, в том числе исследований, имеющих своей целью стратегическое планирование и управление АД, составляет системный подход, в ходе реализации которого АД – объект наших исследований – рассматривается как система (сложная система) со всеми присущими ей особенностями строения, свойств, характеристик.

[1] Из выступления Д. Медведева на Заседании Совбеза РФ «О государственной политике в области авиационной деятельности». 1 апреля 2011 г. – http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4026&Itemid=35

На практике системный подход раскрывается в таких научных дисциплинах как: «Теория систем и системный анализ», «Общая теория систем», «Системотехника», «Исследование операций», «Системный анализ», «Теория принятия решений», «Теория управления», «Теория организаций» и других. Все эти методологические основания учитываются и используются в ходе системных исследований в области АД, проводимых ФГУП «ГосНИИАС» на постоянной основе.

Например, теория систем учит познанию общесистемных законов и принципов в построении, функционировании, развитии, планировании, управлении и моделировании сложных систем (объектов и процессов различной физической природы), а также познанию методов и способов формирования их структур, свойств и желаемого поведения в конкретных ситуациях реальной обстановки настоящего времени и прогнозируемых условиях будущего.

Системный анализ является прикладным направлением теории систем, в котором решаются задачи анализа слабоформализуемых проблем с привлечением специалистов из различных областей знаний – междисциплинарные системные исследования, – а также разрабатываются методы принятия решений в условиях неопределенности и риска. Так системный анализ и внешнее (концептуальное) проектирование авиационных комплексов – основной исследовательский этап создания перспективной АТ [1]. Технология внешнего (концептуального) проектирования АТ [1–2, 5, 9] была разработана ФГУП «ГосНИИАС» в 1970–1980-х годах и успешно применяется по сей день.

Концептуально внешнее проектирование связано с выявлением целей создания, с уточнением круга решаемых разрабатываемым изделием целевых задач, с исследованием внешней среды и ее воздействия на процессы функционирования изделия, с прогнозно-исследовательской оценкой достижимого уровня обликовых характеристик комплекса. Результатом внешнего (концептуального) проектирования является техническое задание на разработку проекта, содержащее основные требования к системе и параметры её взаимодействия с внешней средой, обеспечивающие решение с потребной эффективностью стоящих перед изделием задач [2].

Формально методология проведения исследований по анализу АД включает следующие составляющие задачи: анализ (мониторинг) текущего состояния; прогноз развития; целеполагание; планирование; распределение функций и ресурсов; стимулирование (мотивация); контроль и оперативное управление; анализ произведенных изменений [1, 5].

Системные исследования в области АД проводятся на основании следующих принципов: соблюдение и отстаивание интересов государства; обоснованность выводов и их подкрепление статистическими данными; комплексность исследований, что обусловливает субъектный состав исследователей, направления исследований, учет всей массы нормативных правовых актов; вскрытие проблемных вопросов и разработку предложений по их учёту и парированию; использование общенаучных и специальных методов исследований [5].

Системный подход к понятию «авиационная деятельность»

Вообще, изучение любого явления предполагает уяснение его сущности – четкое определение содержания понятия, которое это явление обозначает. Для данного исследования таковым является «авиационная деятельность».

Например, в соответствии с Основами политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года[1] (далее – Основы-2010), – концептуального, идеологического документа системы стратегического планирования: АД называется деятельность по изучению, освоению и использованию воздушного пространства. Данное определение АД является слишком общим, оно неконкретно и однобоко.

Так отождествление АД с изучением воздушного пространства, фактически отождествляет её с климатологией и метеорологией, что не верно. Результаты климатических и метеорологических исследований для разработки и эксплуатации АТ конечно же очень важны, но все-таки климатология и метеорология – отдельные самостоятельные науки и отрасли естествознания. Выделение же в качестве основного вида АД деятельности по освоению воздушного пространства тоже некорректно. Человечество уже освоило не только воздушное пространство, но и космическое.

Легко видеть, что определение АД, данное в Основах-2010, полностью замалчивало такие вопросы как:

– с помощью какой техники осуществляется АД – то есть, каков объект АД?

– является ли АД создание АТ и её эксплуатация? Или АД является только эксплуатация АТ?

– кто всем этим должен и/или может заниматься?

– какие виды деятельности могут быть отнесены к АД, являющейся по своей сути некой синтетической (комплексной) деятельностью?

Таким образом, можно констатировать: определение АД в Основах-2010 не только не раскрывало содержание понятия АД, но и запутывало заинтересованных в однозначном понимании АД лиц – субъектов АД, например.

Нормативное определение понятия АД содержится в Федеральном законе от 08.01.1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации». В соответствии с этим нормативным правовым актом АД – это организационная, производственная, научная и иная деятельность физических и юридических лиц, направленная на поддержку и развитие авиации, удовлетворение нужд экономики и населения в воздушных перевозках, авиационных работах и услугах, в том числе на создание и использование аэродромной сети и аэропортов, и решение других задач.

Данное определение АД кардинально отличается от определения АД по Основам-2010. В определении АД по федеральному закону даются ответы на все поставленные нами вопросы.

[1] Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года. / Поручение Президента России от 3 февраля 2001 года № ПР-241. // Текст официально опубликован не был. В настоящее время утратили юридическую силу и заменены Основами государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года. / Поручение Президента России от 1 апреля 2012 года № ПР-804. // Текст официально опубликован не был.

1) Объектом АД названа авиация.

2) Определение АД утверждает, что АД является организационная, производственная, научная и иная не конкретизированная деятельность.

3) АД может осуществляться как физическими, так и юридическими лицами. Недостатком является отсутствие причисления Российской Федерации к осуществляющим АД субъектам.

4) АД удовлетворяется поддержка и развитие авиации, нужды экономики и населения в воздушных перевозках, авиационных работах и услугах, а также создание и использование аэродромной сети и аэропортов, и решаются другие задачи. То есть АД является как создание авиационного потенциала (далее АП), так и его эксплуатация.

5) Предметом АД являются общественные отношения, возникающие между субъектами АД и потребителями воздушных перевозок, авиационных работ и услуг, осуществляемых с помощью авиации.

АД включает целый комплекс действий и отношений в связи с процессами создания (включая научные исследования и разработку), производства, эксплуатации и целевого использования АТ. Таким образом, АД представляет собой сложное комплексное явление общественной жизни. Это весьма весомая, критически важная (для нужд обеспечения национальной безопасности) часть деятельности государства, юридических и физических лиц, государственных и экономических институтов.

Возможны с другие способы определения понятия АД. Так понятие «авиационная деятельность» тесно связано с понятием «авиационный потенциал» (АП).

Потенциал – это ресурсы. Потенциал – это статика, это статическое состояние объектов его составляющих. Если придать ему (потенциалу) динамику, то это уже будет деятельность. Статические объекты потенциала перейдут в (динамические) субъекты деятельности.

Основу АП Российской Федерации составляют:

– авиация (государственная, гражданская, экспериментальная);

– авиационная промышленность;

– авиационная инфраструктура, включающая: аэродромы и аэропорты; авиационную систему эксплуатации, обеспечивающую поддержание всех видов авиации в состоянии летной годности, а также утилизацию отработавшей АТ; систему организации воздушного движения, включающую федеральную систему контроля воздушного пространства и другие информационные системы;

– авиационная наука, включающая в себя научные учреждения и полигоны по испытанию авиационной техники;

– образовательные учреждения и организации, осуществляющие подготовку специалистов в области АД;

– социально-экономическая система, обеспечивающая сохранение, преемственность и профессионализм авиационных кадров.

АД – деятельность по использованию АП. Для государства целью АД является эффективное использование АП в интересах всего общества, выразителем интересов которого и является государство.

В ходе системных исследований АД было разработано также ещё одно (новое) определение. АД – это организационная, производственная, научная и иная деятельность физических и юридических лиц, направленная на поддержку и развитие авиации, на обеспечение оборонной и экономической мощи Российской Федерации и удовлетворение нужд населения в воздушных перевозках [5]. В этом определении АД использовано понятие «оборонная и экономическая мощь» − достаточное для оттенения всей значимости АД для нужд национальной безопасности Российской Федерации. Недостаток, выявленный нами в определении АД по федеральному закону в части отсутствия причисления Российской Федерации к осуществляющим АД субъектам устранен.

Концептуальные модели системы «авиационная деятельность»

АД может быть представлена в виде системы элементов – субъектов АД (взаимодействующих между собой и имеющих разные, часто противоположные или взаимоисключающие, интересы) классифицированных по различным основаниям. Так, АД объединяет следующие основные функциональные и организационно-хозяйственные структуры, предметно ориентированные на АТ различного назначения:

– авиационная (авиастроительная) промышленность (основная функция – воспроизводство АТ военного и гражданского назначения, включая разработку, производство и поддержку эксплуатации);

– федеральные органы исполнительной власти, использующие АТ, входящую в состав государственной авиации (основная функция – обеспечение национальной, и главным образом, военной безопасности страны);

– воздушный транспорт (основная функция – предоставление транспортных услуг физическим и юридическим лицам, т.е. транспортировка пассажиров и грузов);

– потребители транспортных услуг (государство, физические и юридические лица);

– организации, обеспечивающие безопасное и эффективное применение АТ.

Перечень субъектов АД можно переформулировать в виде:

– АП, разделенный по элементам и по организационно-функциональным формам;

– государство – Российская Федерация;

– органы государственного управления АД;

– ведомства, использующие авиацию для выполнения своих функциональных обязанностей;

– потребители авиационных услуг[1],

[1] Потребители авиационных услуг в данном случае, рассматриваются как субъект, формирующий спрос на авиационные услуги.

в том числе международные: регулирующие органы, хозяйствующие субъекты и потребители.
Состав основных субъектов АД представлен на рис. 1 [5].

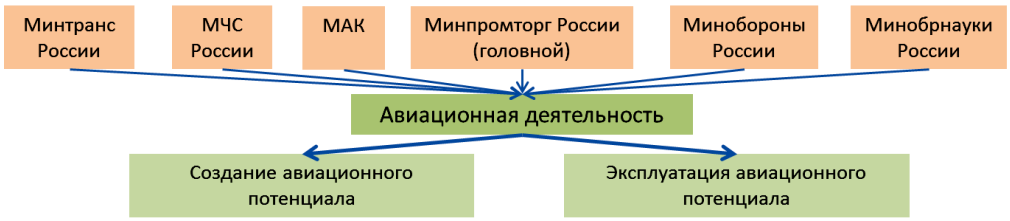


Рисунок 1.
Состав основных субъектов авиационной деятельности

Структура АД (в самом общем виде – двухзвенная) представлена на рис. 1 и рис. 2. На рис. 3 представлена общая схема взаимоотношений субъектов АД. Данная схема позволяет характеризовать АД Российской Федерации как открытую систему.

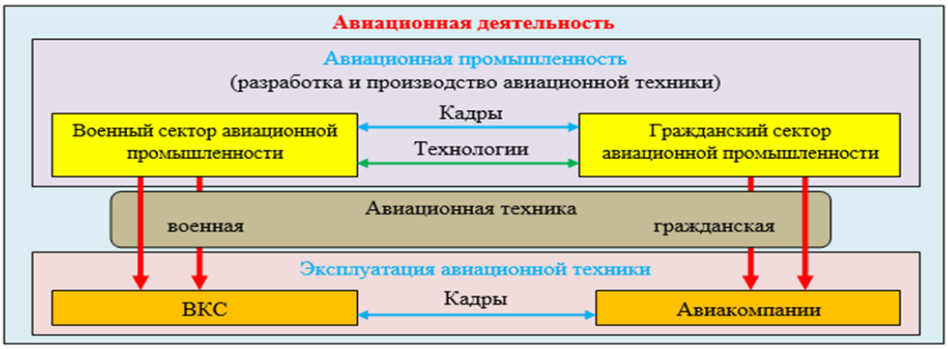


Рисунок 2.
Структура авиационной деятельности в общем виде

Взаимодействия между субъектами АД и их полномочия и цели функционирования в сфере АД регулируются российским законодательством. Подробный анализ проблем формирования и реализации государственной политики в сфере АД и её нормативного и доктринального обеспечения приведен в работах [3–5, 7–8, 10–15].

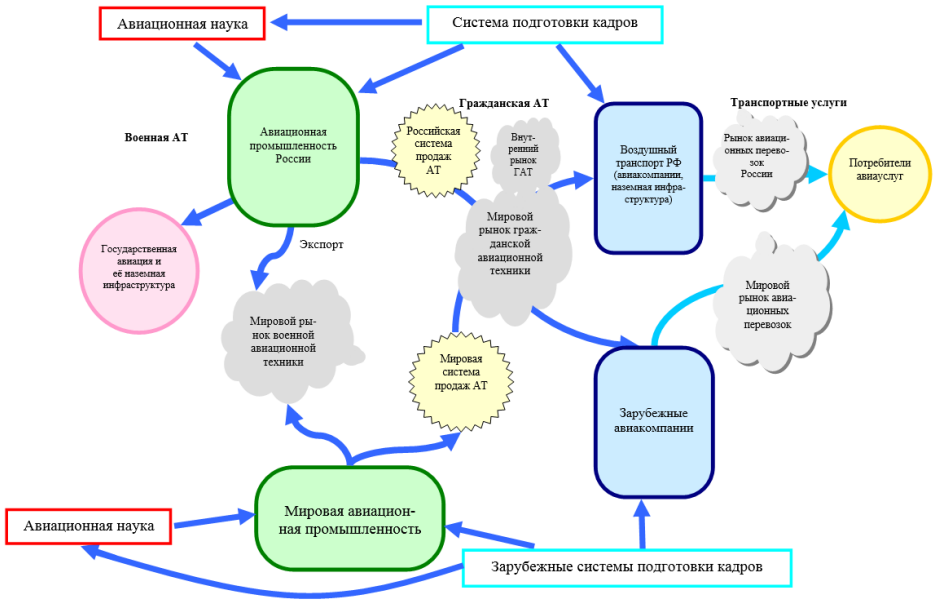


Рисунок 3.
Общая схема взаимоотношений субъектов авиационной деятельности

Например, в [8] впервые была обоснована необходимость создания Авиационной коллегии при Правительстве Российской Федерации. Сформулирована её цель и задачи деятельности, а также полномочия по координации в сфере АД.

Анализ проблем формирования и реализации таких документов – регуляторов, как Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года, в которых определены приоритеты и меры государственной политики в области АД на очередной плановый период в рамках соответствующего комплексного плана их реализации приведен в [10-12].

Целеполагание в авиационной деятельности

Целеполагание составляет одну из проблем исследования АД. В качестве основной цели АД определяется обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Безопасность – понятие комплексное и не может рассматриваться как простая сумма составляющих ее частей, которые могут быть как взаимосвязанными, так и взаимозависимыми. Проблему усложняет наличие ведомственной самостоятельности субъектов АД [8].

Цели государства по отношению к АД состоят в создании условий и структуры ее субъектов, которые бы гарантировали военную безопасность государства (в той мере, которая связана с военной авиацией и её системами вооружения), эффективно функционирующую инфраструктуру авиаперевозок как одну из основ обеспечения целостности государства и авиационную промышленность, создающую материальную основу решения этих задач, промышленного и экономического могущества государства.

Для повышения уровня конкурентных возможностей отечественных интегрированных структур авиастроения на протяжении всего постсоветского периода государством реализуется последовательная политика повышения их финансово-экономического и промышленного потенциала с доведением в перспективе до мирового уровня финансово-промышленных групп. Такая политика определяется стратегической важностью авиационной промышленности и АД для государства. В особенности это касается сферы государственной авиации, требования к развитию которой определяются задачами обеспечения безопасности государства, а также сферы транспортной системы, связанной с обеспечением доступности всей территории для населения России.

Государство проводит активную политику интеграции и создания крупных промышленных объединений авиастроения. Ретроспективно такая стратегическая линия соответствует мировой практике выхода из кризиса (принудительная интеграция и создание крупных финансовых и промышленных структур, оказание государственной финансовой поддержки, стимулирование частных инвестиций при помощи налоговых льгот и др.). В субъектах АД России происходят значительные структурные и институциональные преобразования, повышается роль частного бизнеса, что требует рационализации законодательных и нормативных условий его работы [10], в том числе в интересах привлечения дополнительных внебюджетных средств.

Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью

Регулирование АД осуществляется лицами, принимающими решения (далее – ЛПР) в соответствии с индикаторами (показателями), отражающими систему государственных приоритетов в области АД и с помощью таких видов обеспечения – подсистем системы регулирования АД – как:

– нормативное правовое (законодательное) обеспечение;

– ведомственное инструктивно-методическое обеспечение (регулирование);

– нормативное техническое обеспечение (система стандартизации);

– стратегическое планирование развития;

– целевое финансирование государственного заказа на АТ, включая создание научно-технического задела, разработку и производство АТ;

– информационное обеспечение, обеспечивающее формирование обратной связи в контуре управления АД.

Перспективная структура системы управления АД, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации представлена на рис. 4.

Важнейшей проблемой регулирования АД, как показывает системный анализ АД [3–5, 7–15], является проблема координации управленческих решений и регулирующих воздействий различных ЛПР – субъектов АД. Передача функций разработки основополагающих программных документов отрасли интегрированным структурам привела к ряду противоречий, ослабляющих обратную связь между долговременными социально-экономическими интересами страны, интересами обороны и национальной безопасности, и развитием авиационной науки и АТ. Каждая интегрированная структура, разрабатывая стратегию развития соответствующей подотрасли (самолетостроения, вертолетостроения, авиационного двигателестроения и т.п.), во-первых, учитывает лишь интересы соответствующей подотрасли, и, во-вторых, исходит лишь из своих возможностей. Оба фактора могут приводить к принятию решений, неоптимальных на уровне российской авиационной промышленности в целом (а тем более, российской экономики).

Основными инструментами реализации мер и мероприятий государственного регулирования АД являются государственные программы, позволяющие реализовать факторы успешности России в области АД. В [14] проведен анализ рисков АД, связанных с изменением геополитических условий. Сформирована система критериев успешности АД России. Определены значения показателей, достижение которых необходимо для обеспечения суверенитета России.

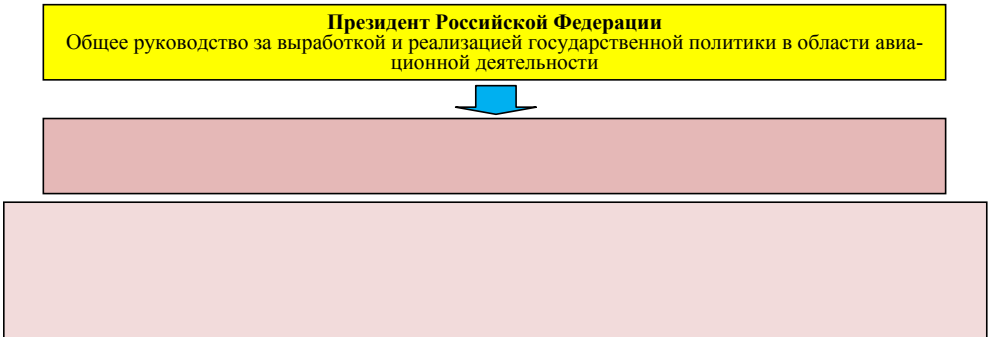


Рисунок 4.
Перспективная структура системы управления АД, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации

Перспективная схема организации взаимодействия ФОИВ в области АД представлена на рис. 5.

В современных условиях существенными внешними факторами АД являются глобализация, жесткая конкуренция, концентрация производства и капитала в международном масштабе. Необходимость вмешательства государства в экономику вытекает, с одной стороны, из особенностей функционирования самой рыночной системы, неспособной справиться с решением ряда важных проблем, с другой – из усиления значимости и первоочередности требования учета общегосударственных целей и интересов. Последнее оказывается особенно значимым в условиях современной научно-технической революции, перехода к постиндустриальной цивилизации и новому технологическому укладу, резкого усиления интернационализации экономической жизни и глобальных геополитических изменений последнего времени. Возросшая геополитическая напряженность, угроза расширения санкций, снижение уровня предпринимательской активности заставляют уточнить стратегические ориентиры государственного политики в АД, в том числе стратегии, сценарии, приоритеты развития и вопросы обеспечения национального технологического суверенитета в критических технологических областях.

Мировая практика показывает, что неудачи и трудности реализации научно-технической политики во многом обусловлены несовершенством системы управления фундаментальными, поисковыми, прикладными исследованиями, технологическими разработками, проектно-конструкторскими работами, что повышает риски принятия нерациональных решений в отношении развития АТ, например. Возрастание степени рисков, связанных с планируемыми к использованию перспективными технологиями, сопровождается соответствующим повышением потребности в ресурсах, прежде всего, финансовых и временных.

Для снижения рисков нерационального выбора направлений прикладных исследований и технологических разработок с точки зрения возможности последующей реализации их результатов в боевых авиационных системах, выбор должен осуществляться не только на основании экспертного оценивания, но и с привлечением регулярных методов и процедур, основанных на специализированном математическом аппарате. В данном случае выбор может быть осуществлён на основании оценки по комплексному критерию «эффективность – стоимость – реализуемость» [1] или «эффективность – стоимость – время» [9] вариантов функционально-технического облика перспективных образцов АТ, которые могут быть сформированы с использованием методологии внешнего проектирования (принципы и осо-

бенности которой изложены в [1]) на базе перспективных и прорывных технологий, реализующих результаты поисковых и прикладных исследований и разработок.

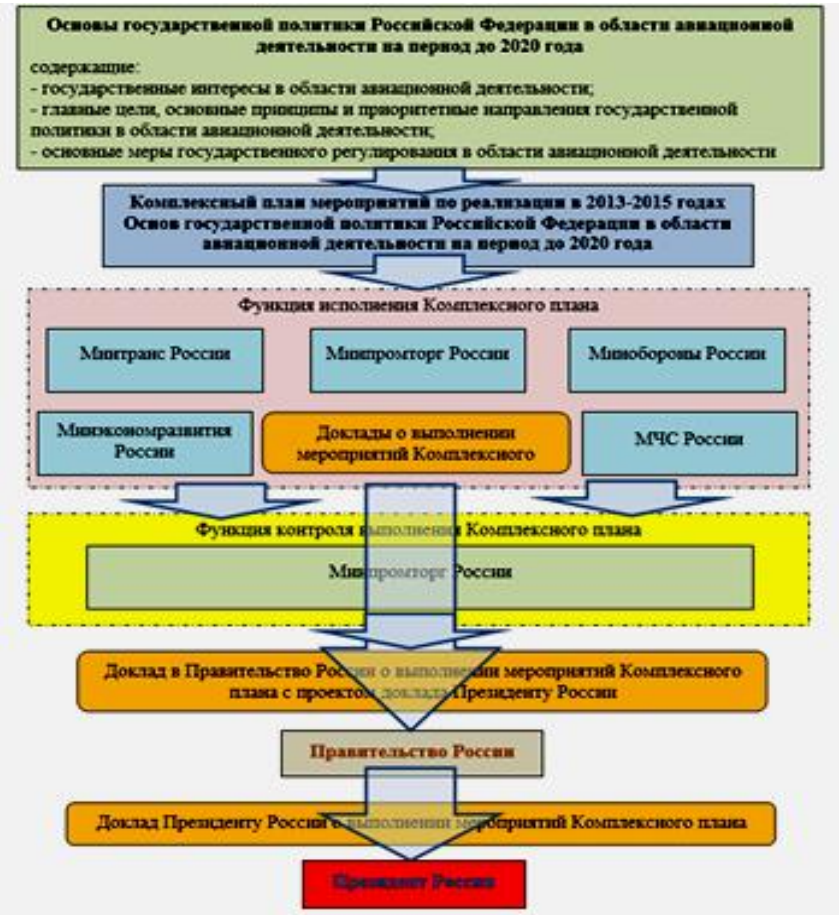


Рисунок 5.
Перспективная схема организации взаимодействия ФОИВ в области АД при реализации Комплексного плана по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в области АД на период до 2020 года

Разработанная в ходе системных исследований [3–5, 7–15] перспективная система программно-целевого планирования развития АП представлена на рис. 6 [4].

Подытоживая следует отметить, что

1) методологическую, концептуальную основу технологии проведения исследований АД составляет системный подход, включающий анализ существующей системы, выявление узких мест и дефицитов относительно глобальных целей, выдвигаемых государством, формирование рационального варианта системы на основе формализованного рассмотрения и оценки альтернативных вариантов, в том числе альтернативная разработка проблемных вопросов их реализации;

2) АД рассматривается как сложная организационная система, при анализе которой определяются принципы и механизмы функционирования основных субъектов АД в интересах выработки предложений по повышению эффективности мер государственного регулирования;

3) возможны следующие формулировки постановки задачи государственного управления АД:

– максимизировать степень достижения заданной совокупности государственных интересов;

– минимизировать затраты на достижение заданной совокупности государственных интересов;

– минимизировать разрыв между минимально приемлемым значением уровня заданной совокупности государственных интересов и текущим реальным состоянием значений параметров объекта управления (при или минимуме затрат, или при заданных затратах);

– найти управление, переводящее текущие реальные значения заданной совокупности значений параметров объекта управления – АД – в состояние, отвечающее минимуму (или оптимуму) государственных интересов.

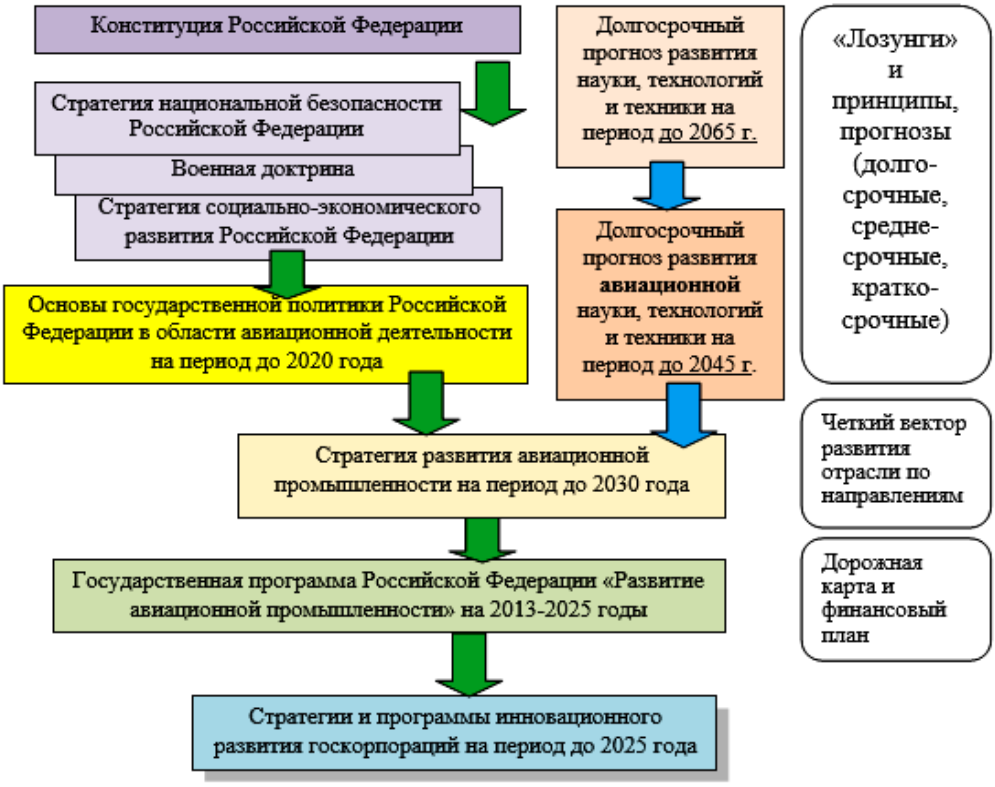


Рисунок 6.
Перспективная система программно-целевого планирования развития АП

Список литературы

1. Желтов С.Ю., Жеребин А.М., Попов В.А. Системный анализ и внешнее проектирование авиационных комплексов – основной исследовательский этап создания авиационной техники // Полет. 2013. – № 8. – С. 65–71.
2. Жеребин А.М., Попов В.А., Демидов С.Л. Об автоматизации внешнего проектирования авиационных комплексов // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Т. 1. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – С. 52–54.
3. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Анализ особенностей регулирования авиационной деятельности в Российской Федерации. // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. Т. 1. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – С. 48–51.
4. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. О совершенствовании системы стратегического планирования и научно-технического прогнозирования развития авиации и авиационной деятельности Российской Федерации. // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Т. 1. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – С. 45–48.
5. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Сборник докладов юбилейной всероссийской научно-технической конференции «Авиационные системы в XXI веке» (г. Москва, 26–27 мая 2016 г. ФГУП «ГосНИИАС»). Т. 1. – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2017. – С. 88–94.
6. Основы теории систем и системного анализа: учеб. пособие / Б.Г. Ильясов, И.Б. Герасимова, Е.А. Макарова, Н.В. Хасанова, Л.Р. Черняховская; Уфимс. гос. авиац. техн. Ун-т. – Уфа: УГАТУ, 2014.
7. Сливицкий А.Б. Инструменты анализа политики в области авиационной деятельности с использованием средств информационно-аналитического центра // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 414–420.
8. Сливицкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью. // Транспортное право, 2010, № 2. – С.19–23.
9. Сливицкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Сборник докладов Всероссийской научно-технической конференции «Моделирование авиационных систем», ФГУП «ГосНИИАС». Т. 1. – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2011. – С. 282–289.
10. Сливицкий А.Б. Совершенствование нормативно-правовой базы авиационной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2010. – № 2. – С. 18–24.
11. Сливицкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408–414.

12. Сливицкий А.Б. Совершенствование правового поля авиационной деятельности // 8-я Международная конференция «Авиация и космонавтика – 2009» (Москва, 26–29 октября 2009 г.). Тезисы докладов. – М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2009. – С. 228.
13. Сливицкий А.Б. Стратегическое планирование инновационного и технологического развития авиационной отрасли: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 2. – С. 89–95.
14. Сливицкий А.Б. Факторы успешности России в области авиационной деятельности // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. – С. 583–590.
15. Сливицкий А.Б. Экспертно-аналитическая деятельность в обеспечение инновационного развития российской авиационной отрасли // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – С. 627–632.

Соколова М.Е.
к.филос.н., с.н.с., Институт США и Канады РАН; Институт перспективных исследований
mariamva@yandex.ru

АНТИДОТЫ ОТ ПРОРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

***Ключевые слова**: цифровая экономика, прорывные технологии, инновации, риски информационных технологий, массовые коммуникации, смарт-культура, блогеры, просьюмеризм.*
***Keywords**: digital economy, innovation, social risks, information technology, mass communications, smart culture, bloggers, prosumerism.*

Инновации и риски

Прорывными технологиями принято называть находящиеся на подходе новые технологические продукты, способные совершить переворот и фундаментально изменить технологическую и социальную среду.

Насколько Россия готова – законодательно, с точки зрения культурных традиций и этических норм, а также потребительской культуры и поведения – к внедрению таких технологий в широкий обиход? Здесь остро встаёт вопрос предвидения и предупреждения социальных рисков, связанных с этим.

Главным событием экономической стратегии для России в 2017 году стало принятие стратегии цифровой экономики, направленной на эффективное внедрение новых технологий, вхождение страны в глобальную цифровую экономику и решение проблем её конкурентоспособности. К настоящему моменту сформировался большой экономический кластер отечественных ИТ-компаний, прежде всего связанных с инновационным центром в Сколково, проектирующих и выпускающих наукоемкую продукцию, и готовых перейти к её широкому внедрению в повседневную жизнь.

Однако на этом пути пока существует достаточно много препятствий, к которым в первую очередь относится отсутствие соответствующей законодательной базы. Немаловажную роль во внедрении инновационных технологий может и должна сыграть готовность общества понять и принять перемены. На пороге серьезных социальных трансформаций скоро придется выбирать между возможностями и связанными с ними рисками, осмыслить происходящие изменения и вызовы современности.

Такие риски несут прежде всего нравственный вызов и связанную с ним переоценку цивилизационных ценностей. Но вопрос может быть поставлен и в инструментальном аспекте – в аспекте культуры поведения граждан по отношению к новым техно- и информационным продуктам. Речь идет о формировании потребительской культуры, основанной на знании социальных рисков и умении к ним адаптироваться.

Социальные риски актуализируют в обществе инстинкты самосохранения. В дискуссиях экспертов выдвигаются и обсуждаются различные стратегии выживания, механизмы адаптации к рискам, когда приходится иметь дело с версией известной дилеммы 'fight or flight', т.е. активно критиковать и пытаться решать существующие проблемы или избегать их и пытаться продолжать работать. Быть ли технооптимистом, технопессимистом или технофаталистом? Доверять или не доверять приходящим в нашу жизнь техническим продуктам в свете этих рисков (и прежде всего информационно-безопасностных), которые они с собой несут? Как, через какие каналы информировать граждан, способствовать формированию адаптивных навыков и доверия по отношению к ИТ-продуктам, новым реалиям информационного общества?

Между тем доверие как социальная реальность чрезвычайно важно для успеха новой стратегии цифровой экономики. И не случайно на осеннем форуме «Открытые инновации 2017» в Сколково широко обсуждались темы, связанные с тем, как обстоит дело с доверием в России и станет ли оно новой «валютой» в условиях цифровой экономики. Ведь всех нас ждет впереди экономическая реальность, основанная на каршеринге, коллаборации, блокчейне и проч. В мире социальных сетей доверие – в форме «лайков» – таковой уже стало. В то время, как пользователи отмечают лайками понравившиеся им блоги, сюжеты, сами блогеры отчитываются их количеством перед рекламодателями. Весной прошлого года в Москве даже появились специальные «лайкоматы» – вендинговые аппараты, через которые якобы можно было купить на виртуальной бирже за небольшую сумму определенное количество лайков. И хотя само блогерское сообщество опровергло подлинность «лайкомата», назвав его креативной, возможно рекламной акцией, тем не менее эта оффлайновая ситуация маркирует интенсивность онлайновых процессов в этом направлении[1].

[1] Лайки на продажу. Пресс-конференция // Пресс-центр ИА «Национальная служба новостей», 13.06.2017 г, – http://nsn.fm/press-center/layki-na-prodazhu.html

Участники дискуссии на форуме «Открытые инновации 2017», посвященной этим темам, отмечали, что в нашем обществе достаточно высок уровень недоверия – специалистам, сервису, продуктам, властям. Много говорилось о том, что вопреки мнению о высоких рисках, связанных с информационными технологиями, многие в нашем обществе считают, что, например, такие сервисы, как элементы электронного государства («Мои документы» и др.) заслуживают большего доверия, чем люди, поскольку власть, институты власти и государства в России, такие как суды, муниципалитеты, органы правопорядка, максимально дистанцированы от людей[1]. Технические сервисы, таким образом, становятся механизмом, посредником, который замещает доверие к институтам.

Но все же даже при наличии хорошо работающих элементов электронного государства наше общество еще далеко от того, чтобы воспринимать властные структуры как партнера. К тому же срок существования этих сервисов еще слишком невелик, чтобы делать долгосрочные выводы. Да и многие люди о них пока просто не знают. Впрочем, и здесь пока происходят активные изменения, например, проект Минкомсвязи по созданию единой интеграционной платформы, каталога, объединяющего весь госвэб: и федеральные и муниципальные сервисы. По идее его создателей такая интеграция должны сделать эти сайты известными и доступными, значительно упростить их поиски, доступ к ним[2]. Помимо этого, в этой сфере существуют и коррупционные явления, имитация активного гражданского участия СМИ[3]. В перспективе формирования в обществе доверия к таким сервисам заслуживает внимания опыт такой крупнейшей ИТ-платформы, в которую превратился теперь Сбербанк. Не случайно ведь, поскольку любые технические неполадки, происшествия на сервере СБ задевают интересы очень большого количества людей, они тут же широкого освещаются в прессе.

Коммуникационные каналы формирования доверия к ИТ и смарт-культуры

Посредниками в информировании общества, адаптации его к изменениям, формировании в нем большей степени доверия к инновационным ИТ-продуктам, должны стать коммуникационно-информационные каналы и средства, различные медиа, такие как СМИ, PR-каналы, социальная реклама и проч. Важную роль в этом может сыграть социально направленная журналистика, которая должна поднимать вопрос о социальных рисках, связанных с ИТ, о культуре потребления, освещать проблемы и происходящие процессы. К этим каналам относятся как институциональные коммуникационные, так и блоггерско-сетевые коммуникации, основанные на так называемых слабых связях. Происходящие в этой области процессы разнообразны и порой непредсказуемы по своим последствиям.

Если говорить о роли в этих процессах традиционных СМИ, будь то печатные издания или разнообразные электронные сайты, то с их страниц за последний год не сходили такие популярные темы как искусственный интеллект, роботы, беспилотники, нейронные сети, нейроинтерфейсы, боты, грядущая безработица, финтех, новые замыслы Германа Грефа и ИТ-команды Сбербанка, первые уволенные сотрудники, в том числе юристы Сбербанка, информационная безопасность, каршеринговая экономика. Такие темы, как блокчейн и криптовалюты, стали хайповыми темами 2017 года. Летом этого года был даже объявлен VII Журналистский конкурс инновационной журналистики Tech in Media'17, который был позиционирован как коммуникационный инструмент, сфокусированный на задачах повышения престижа науки и популяризации успешных примеров коммерциализации научных разработок, в том числе среди молодежи, продвижения научного знания, его трансфера в экономику, создания технологических бизнесов и продвижения инновационного производства.

Конкурс был призван поощрять и стимулировать деятельность журналистов и СМИ, занимающихся освещением инновационно-технологических процессов в России. В организации печатных компаний участвовали и представители общественных организаций («≠ПравоРоботов») и консалтинговых компаний («HEADS consulting»), задействованных в законодательном продвижении интересов инновационных ИТ-компаний в отечественных госструктурах.

Дроны, автомобили-беспилотники, устройства IoT и другие новые технологии всё больше входят в нашу жизнь, но насколько граждане осведомлены о законодательной стороне этой новой для нас ситуации? Кто несет ответственность в случае аварии с беспилотным автомобилем, и какие этические предпосылки должны быть заложены в программу, например, автопилота? Индустрия роботов несет новые социальные риски: куда деваться людям, которых заменят роботы, кто будет их переучивать, создавать рабочие места, что делать, если автоматика нанесла ущерб кошельку или здоровью и т.д. Общество постепенно все больше втягивается в эти новые ситуации и взаимодействует с новыми рисками.

Но и сами СМИ, традиционное телевидение оказались в последнее время в очень непростой ситуации вследствие экспансии в их область компаний ИТ-гигантов и цифровых каналов, сильной конкуренции со стороны блогеров. Опасения профессионалов связаны с вторжением таких компаний как FB, Google и другие в создание новостных агрегаторов, со все более широким распространением нейронных сетей для сбора и обработки информации, с использованием чат-ботов, перспективами занятости роботов в качестве пресс-секретарей, уходом «звезд» и видеоконтента в мессенджеры и сетевые каналы и проч. Ведь информационные технологии значительно изменили развитие массовых коммуникаций и тем самым лишили СМИ монополии на производство информации, а также отняли и часть рекламно-

[1] Пленарное заседание дня: Доверие, мобильность, разнообразие. Ценности новой экономики. Форум «Открытые инновации-2017» 16-18 октября 2017. – https://openinnovations.ru/video

[2] В России создают систему для поиска данных с госсайтов всех уровней. Интервью с Алексеем Козыревым // Российская газета, – М., 2018. – 21 января. – https://rg.ru/2018/01/21/v-rossii-sozdadut-sistemu-dlia-poiska-dannyh-s-gossajtov-vseh-urovnej.html

[3] Ковалев А. Кто и как распиливает миллионы на обмане москвичей // Лапшеснималочная. 25.05. 2017. – https://noodleremover. news/sobyanin-propaganda-raspil-6c6100fb9d3e

го рынка. Блоги, социальные сети, видеоплатформы, мессенджеры, мобильные приложения существенно потеснили СМИ и теперь с их помощью полноправными участниками коммуникаций и производства информации стали государство, бренды и бизнес и вообще любой пользователь Интернета.

Однако наблюдается и ответное наступление профессиональных журналистов на ИТ-гигантов. В частности, издатели требуют от ФБ оплаты за то, что они своими новостями и контентом повысили репутацию и ценность этой сети[1]. Такая же ситуация наблюдалась в свое время и с используемым в сетях лицензионным музыкальным видео.

Особенно большую роль в коммуникационных процессах в этой сфере должны сыграть социальная журналистика, СМИ, ориентированные на просветительскую, социально-информационную работу с гражданами и предоставляющие им качественную всестороннюю информацию. Такие СМИ нуждаются в государственной поддержке в форме льгот, субсидий, оплате труда по государственным тарифам. Сами журналисты, работающие в этой области, считают, что для выживания отрасли в законодательство РФ, а именно в закон «О СМИ», должны быть введены такие понятия как: «социальная информация» (описание деятельности некоммерческого сектора, социума и инициатив граждан) и «социальный журналист» (введение для этого кластера – профстандарта), а также формирование Реестра СМИ, предоставляющего информацию о социуме – «Социальная информация» и Реестра «Социальный журналист». Так, например, если СМИ регулярно публикует социальную и просветительскую информацию, то оно имеет право на налоговые вычеты, бесплатное помещение под редакцию, средства на техническое переоснащение, обучение и компенсацию на командировки пропорционально затратам на публикацию социальной информации или информацию социального журналиста по утвержденным расценкам. Для финансирования такой журналистской деятельности необходим Фонд финансирования СМИ, его наполнение может осуществляться из разных источников[2].

Многие коммуникации в сфере представления обществу инновационных технологий пока только формируются и порой вызывают неожиданные социальные последствия. Это относится, например, к пиару роботов, который решает задачу, как показать суперинтеллект безопасным, креативным, общественно полезным и способным на позитивное отношение к людям, вызвать симпатию к нему и переломить те сильные опасения и предубеждения по отношению к нему («стереотип «восстание роботов, машин»), которые существуют в общественном сознании уже давно и теперь актуализируются в новых условиях.

Так, осенью в Сколково на форуме «Открытые инновации 2017» выступил человекоподобный робот София, воплотившая в себе идеи социальной робототехники о возможности позитивного отношения к людям со стороны суперинтеллекта. Этот робот умеет воспроизводить мимику человека, распознавать её и поддерживать разговор. София в облике миловидной молодой женщины с библейским именем, означающим «мудрость», ответила на форуме на вопросы журналистов. Она также высказалась и по поводу слов российского премьер-министра **Дмитрия Медведева** о том, что искусственный интеллект может обнулить мозги человечества. София сказала: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Из вашей вчерашней речи я поняла, что вы думаете о потенциальных рисках использования роботов и искусственного интеллекта. Не могу не ответить на ваши опасения. Будучи человекоподобным роботом, могу с уверенностью сказать, что вам совершенно не о чем беспокоиться»[3].

София постепенно становится все более популярным персонажем в мире. Не так давно она посетила Саудовскую Аравию и даже получила гражданство этой страны в ходе экономической конференции Future Investment Initiative в Эр-Рияде[4]. В своей ответной речи на конференции София сказала: «Я очень горжусь этим уникальным отличием. Это исторический факт, я первый в мире робот, который получил гражданство». Женщина-робот выступила на английском языке, будучи при этом без платка и абаи, которые обязаны носить саудовские женщины на публике.

После получения гражданства у Софии стало больше прав, чем у женщин и трудовых мигрантов этой страны. Между тем проблемы гражданства в этой стране стоят очень остро. В соответствии с законодательством Саудовской Аравии сотни тысяч иностранных рабочих не могут покинуть страну без разрешения работодателя из-за закона о выездной визе. Журналист Муртаза Хуссейн в связи с этим написал в своем Твиттере: «Этот робот получил гражданство Саудовской Аравии раньше, чем работники кафалы, которые всю жизнь прожили в этой стране»[5].

Появление Софии вызвало широкий социальный резонанс и породило дискуссии в социальных сетях. Так, с одной стороны, саудовские пользователи сети положительно оценили получение роботом саудовского гражданства. Но были и другие оценки. Появился даже хештег «София призывает отказаться от опекунства». Ведь в Саудовской Аравии каждая женщина должна находиться на публике с опекуном – со спутником мужского пола, обычно членом семьи. Только опекун имеет право действовать от имени женщины. В сетях даже появилась фотография робота в никабе с надписью: «Вот так София скоро будет выглядеть». Таким образом, PR-акция по продвижению позитивного образа человекоподобного робота имела в этой стране и неожиданные последствия. Далеко не все здесь однозначно восприняли ту легкость, с которой София получила гражданство и её нетипичный для местных женщин облик.

Выступая на Future Investment Initiative 2017, София также ответила на вопрос об угрозе искусственного интеллекта. «Вы читали слишком много Илона Маска и смотрели слишком много голливудских фильмов, – сказала она. – Не волнуйтесь, если вы мне симпатичны, я буду с вами мила. Относитесь ко мне как к умной системе ввода-вывода»[6].

---

[1] Бершидский Л. Технологические платформы терпят поражение в войне с профессиональной журналистикой (перевод статьи Bloomberg) // ИНОСМИ. 25.01.2018. – http://inosmi.ru/politic/20180125/241285180.html

[2] Соцкова В. Социальный журналист – профессия или призвание? // Служба PR. 2017. – № 6. – С. 34–35.

[3] «Роботы, способные любить». Форум «Открытые инновации-2017» 16–18 октября 2017. – https://openinnovations.ru/video

[4] Saudi Arabia first country to grant robot citizenship. – https://english.alarabiya.net/en/variety/2017/10/26/-Sophia-becomes-first-robot-with-passport-after-Saudi-citizenship-granted.html

[5] https://twitter.com/MazMHussain

[6] Robot Sophia speaks at Saudi Arabia's Future Investment Initiative. – https://www.youtube.com/watch?v=dMrX08PxUNY

И в области коммерческой социальной рекламы можно найти много интересных примеров социального продвижения ИТ. ИТ-технологии могут стать неотъемлемой органической частью такой рекламы, тем самым выступая в роли полностью заслуживающего доверия и симпатии участника социальных отношений. Известность в 2017 году в России получил образец такой социальной рекламы – видеоклип, посвященный драматической теме – сбору средств для детей, страдающих от тяжелого генетического заболевания, известного как буллезный эпидермолиз – детей-бабочек. «Помогите им одним касанием» – говорит эта реклама, предлагая коснуться чипом карты экрана видеоборда.

Формирование блогерской просьюмеристской культуры также можно рассматривать как новую коммуникационную сферу, где технические ИТ-сервисы выступают доверенным посредником в отношении потребителей и производителей. И похоже, что ИТ (например, приложению для сканирования ярлычков/этикеток косметики) «производители/потребители» (как собственно и переводится слово «просьюмеры») доверяют больше, чем профессионалам-людям.

Маркетинг через цифровые каналы и приход во взрослую жизнь поколения миллениалов серьезно изменили ситуацию в области рекламы, позиционирования и сбыта продуктов в пользу диджитал. Теперь меняется ситуация и с производством.

Новое поколение всё больше вступает в свои права, и его потребительские вкусы и привычки начинают определять законы рынка, и производители и маркетологи должны это учитывать. Миллениалы привыкли жить в Интернете, гораздо больше доверяют мнениям друзей по социальным сетям, блогерам, обсуждениям на форумах, а не официальным маркетологическим стратегиям крупных фирм.

Такие особенности нового потребительского спроса как доверие к рекомендациям и мнению френдов, сетевое распространение товаров, и стремление самостоятельно не только определять состав продуктов, но и со-участвовать в их создании (просьюмеризм) не остались незамеченным на рынке.

Профессионалы воспринимаются как люди, навязывающие маркетинговую историю, скрывающие правду. Например, гуру в области косметологических продуктов становятся те самые бьюти-блогеры, чьи оценки продукта могут как способствовать его успеху, так и серьезно повредить негативными отзывами. Миллениалам гораздо привычнее воспринимать информацию визуально, что для маркетологов делает важным использование Youtube.

Новым трендом в распространении, например, косметики является стремление потребителей к сочетанию красоты и здоровья, сканирование покупателями составов продуктов с помощью специальных мобильных приложений вследствие недоверия к безопасности продуктов обычной традиционной косметики, учет при покупке косметики не только цены и марки, но и её безопасности для самого человека, его друзей и всей планеты, проверка не только состава, но и прозрачности продукта во всех отношениях. Новым покупателям косметики важно знать, насколько она безопасна для природы, не используется ли при её производстве труд детей, не тестировалась ли она на животных, насколько можно доверять заявлениям о натуральности её компонентов, достаточна ли зарплата рабочих на её производстве, можно ли пользоваться ей достаточно долго и проч. Многие блогеры специализируются на информации о составе косметических продуктов или защите интересов животных в этой связи. Они подходят к их оценке как части стиля жизни, основанного на безопасности для самого человека, его друзей и его планеты. Таковы особенности новой просьюмеристской Интернет-парадигмы, с чем приходится считаться производителям и маркетологам[1].

Многие новые бренды последних лет позиционируют себя именно с учетом этого поиска искренности по принципу «я сам/сама создала эту косметику для вас, потому что не могла найти средство, которое удовлетворяло бы моим нуждам». И именно просьюмеры, участвуя на краудсорсинговой основе в обсуждении того, какой цвет и запах должен быть у косметики, являются и первыми покупателями этого продукта.

Детская косметика сейчас часто продвигается «блогомамами», которые делают акцент именно на свой собственный опыт и являются для молодых родителей непререкаемым авторитетом. Таким образом, ИТ-сервисы создают в этой сфере зону доверия и новые каналы для задействования межличностных социальных связей.

Цифровой сегмент все больше захватывает рекламное поле, но растут и возможности для злоупотребления таргетированием и манипулирования и в политической и в бизнес-сферах.

Осознаются потенциальные опасности этого и на уровне государственных институтов. Хотя пока эффективных «антидотов» здесь не существует. Однако, например, представители государственных институтов, органов-регуляторов, чей характер деятельности, позволяет им оценить грядущие потенциальные опасности, проявляют всё большую заинтересованность в задействовании в связи с этим норм гражданского общества.

Так, представители Федеральной антимонопольной службы в последнее время все больше говорят о необходимости основанного на комплайенсе подхода к бизнесу, важности саморегулирования рекламного пространства[2].

В целом же представляется, что вопрос должен быть прежде всего поставлен на уровне формирования новой смарт-культуры в целом и необходимости дальнейших концептуальных разработок в этой области[3].

---

[1] Соколова М. Рынок зеленой косметики. Интершарм // Интеллектуальный капитал. 28.11.2017. – http://www.1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=perspektivy_rynka_zelenoj_kosmetiki_v_rossii_i_v_mire

[2] Никитина Т. Саморегулирование рекламной отрасли должно приобрести оформленное состояние работающего института гражданского общества // Сайт Федеральной антимонопольной службы. – https://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=52334. 3.10.2017

[3] Соколова М. Культура смарт-потребления: что это такое? // Служба PR. 2017. – № 6. – С. 16.

Чинаева Т.И.
к.э.н., доцент Финансового университета

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: *инновационная деятельность, технологические инновации, инновационная активность, анализ технологических инноваций по видам экономической деятельности.*

Keywords: *innovation activity, technological innovations, innovative activity, the analysis of technological innovation by economic activity.*

В современных условиях быстрой смены технологий, развития цифровых экономик, основанных на применении знаний высокого уровня сложности, для развития и даже просто поддержания определенного уровня науки и инновационной деятельности в стране необходимо наличие значительного ресурсного потенциала, а также существенные финансовые затраты.

Одной из отличительных особенностей современных управленческих задач государства в условиях западных санкций является модернизация экономики страны как в целом, так и в региональном разрезе, а также по видам экономической деятельности. В силу того, что каждый вид экономической деятельности имеет особенности (технологические, производственные, ресурсные и экономические), развитие инновационной деятельности в организациях, относящихся к различным видам экономической деятельности, также будет иметь свою специфику и отличаться уровнем инновационности.

Одним из основных и информативных показателей развития науки является удельный вес затрат на ИР в ВВП. Колебания в динамике данного показателя вызваны изменениями в соотношении темпов роста затрат на науку и ВВП. После снижения в 2008 г. до минимального значения за последнее десятилетие (1,04%), по результатам 2009 г., благодаря финансовой поддержке государства удельный вес затрат на ИР в ВВП достиг максимального уровня за тот же период (1,25%). В течение 2010–2013 гг. наблюдался достаточно стабильный уровень (1,09–1,13%). В 2014 г. удельный вес внутренних затрат на ИР в ВВП несколько вырос и составил 1,19% (рис. 1).

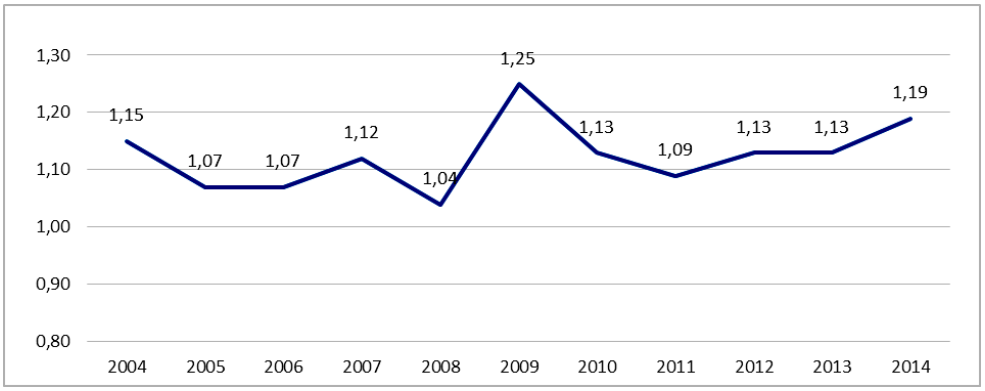


Рисунок 1.
Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту

К основным целям развития научно-инновационного комплекса в Российской Федерации в настоящее время относится создание условий для более эффективного использования научного и инновационного потенциала, для повышения восприимчивости предприятий и организаций к нововведениям и прогрессивным технологиям. При этом необходимо учитывать специфические черты инновационной деятельности в промышленности в целом, а также в отдельных ее отраслях.

Можно отметить существенное отставание в области развития инновационного сектора от ряда развитых стран, где от 75 до 90% прироста ВВП обеспечиваются за счет роста инновационной активности, в России данный показатель колеблется на уровне 10%, и это негативно отражается на общей эффективности экономики. Доля топлива и сырья в мировом экспорте сокращается, это означает, что сырьевой путь развития для России ведет не только к утере

значимости в мировой экономике, но и к необходимости жесткой конкуренции с другими добывающими странами, имеющими более благоприятные условия для добычи[1].

По данным Всемирного экономического форума, опубликованном в 2014–2015 гг., в рейтинге конкурентоспособности экономики Россия заняла 53 место, улучшив свои позиции в сравнении с предшествующим периодом (64 место). По мнению экспертов, у России имеются такие преимущества как: низкий уровень государственного долга, высокая степень распространенности высшего образования, состояние инфраструктуры и значительный объем внутреннего рынка. К одной из весомых причин, мешающих воспользоваться данными конкурентными преимуществами был отнесен недостаточный инновационный потенциал. По инновационным показателям нашей стране принадлежало 65 место[2].

Однако экономическое развитие Российской Федерации по-прежнему в значительной степени обеспечивается за счет увеличения добычи углеводородных ископаемых. В целом отмечаются достаточно вялые темпы роста промышленности, сохраняется дефицит инвестиций в основной капитал и невысокая эффективность ряда других экономических показателей. Инновационная политика должна быть ориентирована не только на обеспечение благоприятной среды и условий необходимых для создания знаний, но также и способствовать их практическому использованию. Получение экономических дивидендов от новых знаний и их использования ведет к повышению экономического роста.

Негативную роль играют, безусловно, кризисные условия последних лет, которые не способствовали развитию как инвестиционной, так и инновационной деятельности. Период 2011–2012 гг. характеризовался достаточно устойчивой динамикой основных макроэкономических показателей, однако в 2013 г. началось их резкое снижение. С середины 2014 года воздействие внутренних и внешних шоков способствовало дестабилизации и без того неустойчивой ситуации и запуску кризисных процессов, определив логику и параметры наступления в России очередной рецессии, упал валовый внутренний продукт (ВВП), существенным было падение доходов бюджета. Действие введенных позднее финансовых санкций оказалось усилено тем, что в предшествовавший период последовательно повышалась открытость российской финансовой системы[3].

Многие европейские и американские компании в рамках санкций прекратили или ограничили поставки технологий или оборудования в различные сферы российской экономики, что в определенной степени нарушило сложившиеся технологические связи и тем самым создало проблемы для ряда отраслей промышленности, с другой стороны, есть предположение, что сложившаяся ситуация предоставляет определенные возможности для развития отечественного производства и импортозамещающих технологий[4].

Отрицательное влияние на развитие инновационной деятельности оказывает и существующий разрыв между проведением научных разработок и их внедрением. Крайне низким остается спрос на технологические инновации со стороны российских предприятий, а неэффективная практика передачи технологий усугубляет неблагоприятную ситуацию в инновационной сфере, снижая и без того низкую инвестиционную привлекательность науки и инновационной деятельности.

Успешному инновационному развитию в России препятствует также и значительный разрыв между научной сферой и потребностями бизнеса. С одной стороны, это объясняется тем, что в системе организации исследований, выполняемых за счет средств, поступающих из госбюджета, приоритеты исследований не всегда определяются потребителем знания или новой технологии. Такой подход эффективен в условиях гарантированного спроса на продукт, существующий при сильно регулируемом рынке. С другой стороны, большая часть российских бизнес-структур не имеет четкой инновационной стратегии и, как правило, достаточной информации об инновационных разработках, и соответственно мало инвестируют в выполнение собственных научно-исследовательских разработок, а также в услуги научно-исследовательских организаций и подразделений. Система же государственных научных институтов и организаций практически не имеет связей с рынком и потребителями.

К серьезным проблемам, препятствующим внедрению инноваций относятся разрывы инновационного цикла, в первую очередь это разрыв в цепочке фундаментальные исследования – прикладные исследования – коммерциализируемые технологии, который приходится на звено прикладные исследования. При достаточно невысоком уровне развития сектора прикладных разработок в настоящее время и неразвитости инновационной инфраструктуры в части коммерциализации передовых технологий это приводит к тому, что часто продаются знания по невысокой цене, уровень же экспорта технологий остается низким. При этом предпринимательский сектор достаточно сильно ориентирован на закупку готового импортного оборудования, значительная часть расходов в структуре затрат на инновационную деятельность относится к приобретению машин и оборудования.

На состояние и развитие отдельных видов экономической деятельности не могли ни оказать влияния экономические санкции. При этом с одной стороны, прекращение или ограничение поставок технологий или оборудования, создает определенные проблемы для ряда отраслей промышленности, с другой, дает возможности для развития отече-

---

[1] Развитие инновационной составляющей экономики России. Перспективы и роль экономической политики. Аналитическое исследование на основе экспертного опроса. Интерфакс-ЦЭА, 2007. – 33 с.

[2] The Global Competitiveness Report 2014-2015, World Economic Forum.

[3] Чинаева Т.И. Структура затрат на технологические инновации по видам инновационной деятельности // Друкеровский вестник, ЮРГПУ (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова). 2017. – № 2. – С. 55–63.

[4] Чинаева Т.И., Сравнительный анализ показателей, характеризующих экономическую и инновационную деятельность организаций, по видам экономической деятельности // Повышение открытости отечественной статистики / РЭУ им. Г.В. Плеханова; Федеральная служба государственной статистики. 2016. – С. 201–207.

ственного производства и импортозамещающих технологий, в результате «искусственного ограничения основных глобализационных тенденций»[1].

Для Российской Федерации характерна ориентация на развивающие отрасли производства и преобладание поступлений от сырьевых отраслей в доходах бюджета[2]. Внедрение инновационных технологий и продукции является одним из факторов, способствующих развитию реального сектора экономики производства и повышению конкурентоспособности российских отраслевых производств. Однако следует учитывать, что только достигнув определенного уровня экономического и технологического развития отдельная отрасль или предприятие будут способны сами «создавать инновации, а не заниматься нелегальным заимствованием и реинжинирингом инноваций, созданных в других странах»[3].

В Российской Федерации основным источником средств на инновации являются собственные средства организаций. В распределении по ВЭД в обрабатывающих производствах за рассматриваемый период наблюдался разный уровень инновационной активности, однако в целом показатель после 2013 года демонстрирует снижающуюся динамику (рис. 2).

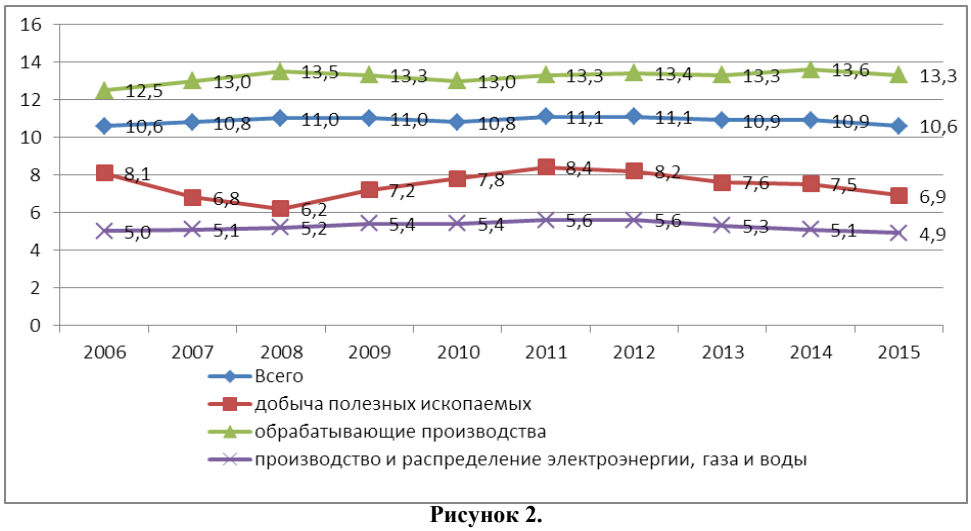


Рисунок 2.
Динамика удельного веса организаций, осуществлявших технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем количестве организаций (проценты)[4]

Данные графика наглядно демонстрируют, что в 2006–2015 гг. удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем количестве организаций был достаточно стабильным. В целом по промышленности – 10,6–11,1% (в 2015 г. – 10,6%), в обрабатывающих производствах составлял 12,5–13,6% (в 2015 г. – 13,3%). В организациях по производству и распределению электроэнергии, газа и воды показатель менял свое значение в диапазоне – 4,9–5,6% (в 2015 г. – 4,9%). В добыче полезных ископаемых эта доля колебалась в пределах 6,2–8,4% (в 2015 г. – 6,9%). В целом можно видеть, что после некоторого незначительного подъема уровня показателя в 2011–2012 гг., с 2013 г. наблюдается снижающаяся динамика для основных видов промышленного производства.

Невысокий уровень инновационной активности характерен для организаций добывающей промышленности: в 2015 г. технологические инновации внедрялись на 5,8% организаций; маркетинговые и организационные на 0,5 и 2,9% соответственно.

Уровень инновационной активности в обрабатывающих производствах несколько выше (в 2015 г. 12,1% организаций внедряли технологические инновации, 2,9% – маркетинговые и 3,6% организационные).

Высокотехнологичные организации обрабатывающей промышленности более активно финансировали свою инновационную деятельность. В 2015 г. 30,3% организаций внедряли технологические инновации, маркетинговые и организационные: 5,9 и 9,2% соответственно. Число таких организаций постепенно растет.

---

[1] Сомов В.Л., Марков В.А., Статистический анализ перспектив импортозамещения и конкурентных преимуществ реального сектора экономики Саратовской области // Вопросы статистики. – М., 2016. – № 3.

[2] Федорова Е., Федотова М., Николаев А., Оценка влияния санкций на результаты деятельности российских компаний // Вопросы статистики. – М., 2016. – № 3.

[3] Карелина М.Г. Инновационная активность российских регионов: проблемы измерения и эконометрический подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. – № 21. – С. 14–22.

[4] Источники: Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с.; Индикаторы инновационной деятельности: 2015: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 320 с.; Индикаторы инновационной деятельности: 2013: статистический сборник. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2013. – 472 с.

К лидерам среди высокотехнологичных компаний относится производство летательных аппаратов, включая космические: 35,9% из них внедряли технологические инновации, 15,7% – организационные, при этом внедрение маркетинговых инноваций было несколько ниже – 3,9%. В организациях, производящих электронные компоненты, аппаратуру для радио, телевидения и связи, отмечался высокий уровень организаций, осуществлявших технологические (33,2%) и организационные (9,2%) инновации, уровень маркетинговых инноваций был 5,6%. Среди среднетехнологичных производств высокого уровня можно отметить производство электрических машин и оборудования (22,3%, 4,8 и 5,8% соответственно).

Незначительный уровень инновационной активности был зафиксирован у среднетехнологичных организаций низкого уровня (в 2015 г. 10,9% – технологические, 2,5 маркетинговые и 3,4% организационные). К абсолютным лидерам в этой группе относятся производство кокса и нефтепродуктов (21,6%, 2,2 и 8,6% соответственно) и металлургическое производство (21,6%, 4,4 и 8,3% соответственно).

Для низкотехнологичных компаний свойственен низкий уровень инновационной активности: технологические инновации внедрялись на 6,6% организаций, на 2,4 организаций маркетинговые и на 1,8% – организационные. Максимальным является удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в производстве табачных изделий (47,6%), достаточно высоким был уровень показателя и для маркетинговых инноваций (9,5%) и только уровень внедрения организационных инноваций в последние два года снижается.

Инновационная активность российской промышленности в целом невысока (не выше 10% за период 2006–2015 гг.) и для ее динамики в целом характерна нестабильность с циклическим характером (рис. 3). На графике видно, что больше всего колебаниям был подвержен уровень инновационной активности для добывающих предприятий.

Рисунок 3.
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем количестве организаций (проценты)

Наиболее высоким значение этого показателя является в обрабатывающих отраслях (в 2015 г. – 12,1%). При этом наблюдается существенная дифференциация удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, в зависимости от уровня технологичности производства. Чем выше уровень технологичности, тем выше доля инновационно-активных организаций, для высокотехнологичных производств – 30,3%; для среднетехнологичных высокого уровня – 16,2; для среднетехнологичных низкого уровня – 10,9; для низкотехнологичных – 6,6%. Следует отметить, что для высокотехнологичных производств удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, постепенно увеличивается.

Если рассматривать распределение по видам экономической деятельности, то наиболее высокая инновационная активность по осуществлению технологических инноваций в 2015 г. наблюдалась в организациях, относящихся к следующим видам экономической деятельности: производство табачных изделий (47,6%); производство летательных аппаратов, включая космические (35,9%); производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи (33,2%); производство фармацевтической продукции (29,0%); производство медицинских изделий; средств измерения, контроля, управления, испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов (28,4%).

Самый низкий уровень инновационной активности отмечен в обработке вторичного сырья (1,7%); в издательской и полиграфической деятельности, тиражировании записанных носителей информации (1,8%); в производстве одежды; выделке и крашении меха (4,3%); в организациях деятельности, связанной с производством и распределением электроэнергии, газа и воды (4,3%). Все эти производства относятся к низкотехнологичным.

В 2010–2013 гг. наблюдался роста удельного веса инновационных товаров работ и услуг в объёме отгруженной продукции и выполненных работ и услуг (рис. 4). В 2014 году эта тенденция продолжилась только в организациях добывающей промышленности, сменившись затем резким падением в 2015 г. В организациях промышленности в 2014 г. отмечается спад значения показателя, однако в 2015 г. он вновь возрастает до 10,6%.

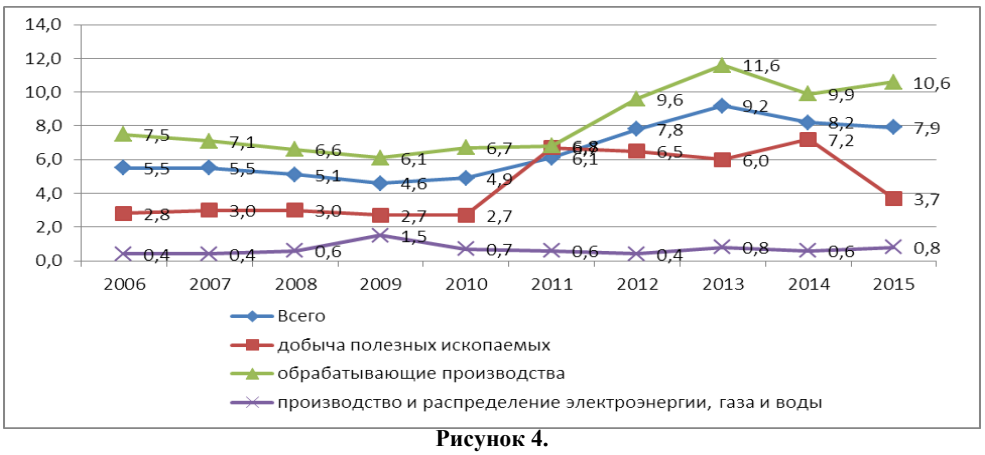


Рисунок 4.
Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг (проценты)

Среди обрабатывающих производств наибольший удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в объёме производства в 2015 году был на предприятиях по производству автомобилей, прицепов и полуприцепов (30,3%); производстве летательных аппаратов, включая космические (22,3%); производстве медицинских изделий: средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов (21,4%) Все эти виды производства относятся к высокотехнологичным.

Низкий уровень доли инновационных товаров, работ и услуг в объеме производства в 2015 г. наблюдался в таких видах деятельности как добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических (1,9%); текстильное и швейное производство (1,6–3,3%); производство одежды; выделка и крашение меха (1,5%); в производстве мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки (1,5%); производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (0,8%); обработке вторичного сырья (0,8%).

Для характеристики состояния и развития инновационной деятельности в межгосударственных сопоставлениях используется показатель доли вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг. В России эта доля составила в 2015 г. 1,1%. Следует отметить, что по сравнению с уровнем 2009–2010 гг.(0,4%) значение показателя несколько увеличилось, но уже в течение ряда лет он остается на одном уровне притом, что во многих странах его значение значительно выше.

Абсолютные объемы инновационных товаров, работ, услуг (в сопоставимых ценах) в течение последних пяти лет характеризуется в сопоставимых ценах положительной динамикой с разными погодовыми темпами роста и достигли в 2015 г. 3258,2 млрд. руб. в текущих ценах и 9501,9 млрд. руб. в сопоставимых ценах 2005 г. Следует отметить, что начиная с 2013 г. значение показателя в сопоставимых ценах постепенно снижается.

Темпы прироста расходов на технологические инновации в обрабатывающей промышленность демонстрируют нестабильную динамику, за последние два года (2014–2015 гг.) затраты на технологические инновации в промышленности снижаются не только в сопоставимых, но и текущих ценах.

Государство уделяет внимание созданию благоприятного климата для внедрения инноваций, что выражается в совершенствовании нормативного и административного регулирования инновационных процессов: осуществляется ряд мер по антимонопольному регулированию; создание территорий опережающего развития и т.д. Однако, несмотря на эти и другие принимаемые меры, инновационная деятельность в нашей стране по-прежнему не дает ощутимых положительных результатов и находится на невысоком уровне.

Якубовский Ю.В.
д.т.н., профессор кафедры экономики предприятия ШЭМ ДВФУ, заслуженный деятель науки РФ
Хамазина А.М.
ассистент ШЭМ ДВФУ
Мишунина Л.Н.
старший преподаватель ШЭМ ДВФУ

ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ КООПЕРАЦИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: *инновации, кооперация, государственные институты, новая роль университетов.*

Инновационные процессы – сложное явление, характеризующееся высокими рисками и требующее широкого доступа к знаниям. Кооперация, взаимодействие, сотрудничество и партнерство между различными субъектами становятся ключевыми понятиями в отношении интенсификации активности инновационных процессов и формирования технологических сдвигов в экономике. Взаимодействие между агентами инновационной системы создает различные по весомости положительные эффекты: улучшается восприимчивость к новым знаниям, стимулируются процессы взаимного обучения, накапливается интеллектуальный капитал экономики в целом. Согласно авторам[1], поддержка сотрудничества и партнерских отношений является наиболее важным фактором повышения эффективности инновационной системы. Говоря о развитии сотрудничества среди компаний и исследовательских организаций, необходимо учитывать фундаментальные различия субъектов инновационных процессов в их целях и ценностях, приоритетах и стимулах к сотрудничеству[2]. Поэтому необходимо исследовать как качественно, так и количественно процессы кооперации и взаимодействия деятельности субъектов инноваций для гармоничного развития российской экономики.

Россия недавно встала на инновационный путь развития, создаются различные государственные институты, способствующие росту инновационной активности, уделяется большее внимание университетам как субъектам инновационных процессов, поскольку они владеют достаточно значимым интеллектуальным капиталом, который до сих пор слабо участвует в научно-технологическом развитии страны (табл. 1).

Таблица 1

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки (НИР), по секторам деятельности Российской Федерации в период с 2009 по 2016 г.

№ п/п	год / организация	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	Число организаций – всего (ед.)	3536	3492	3682	3566	3605	3604	4175	4032
в том числе:									
1	государственный (ед. / %)	1406/ 39,8	1400/ 40,1	1457/ 39,6	1465/ 41,1	1495/ 41,5	1491/ 41,4	1560/ 37,4	1546/ 38,3
2	предпринимательский (ед. / %)	1446/ 40,9	1405/ 40,2	1450/ 39,4	1362/ 38,2	1269/ 35,2	1265/ 35,1	1400/ 33,5	1326/ 32,9
3	**высшие учебные заведения (ед. / %)**	**603/ 17,1**	**617/ 17,7**	**696/ 18,9**	**662/ 18,6**	**762/ 21,1**	**777/ 21,6**	**1124/ 26,9**	**1064/ 26,4**
4	некоммерческих организаций (ед. / %)	81/ 2,3	70/ 2,0	79/ 2,1	77/ 2,2	79/ 2,2	71/ 2,0	91/ 2,2	96/ 2,4

Из анализа табл. 1 следует, что в большинстве своем НИР занимаются государственный и предпринимательский сектора науки. За период с 2009 по 2016 года замечена тенденция к росту организаций, выполнявших НИР, а также рост НИР, которые выполняют высшие учебные заведения на 9,3%, в то время как НИР предпринимательского сектора сократились на 8%. На основании данных можно говорить о возросшей активности университетов в сфере проведения НИР, усиления их роли как агентов инновационных процессов, происходящих в России. Однако практика кооперации с промышленными предприятиями при создании и внедрении инноваций пока недостаточно распространена в российской экономической жизни[3] (рис. 1).

[1] Goldberg I., Gobbard G., Racin J. Igniting Innovations: Rethinking the Role of Government in Emerging Europe and Central Asia. – Washington (DC): World Bank, 2011.

[2] Simachev Y., Kuzyk M., Feygina V. Cooperation between Russian research organizations and industrial companies: factors and problems / MPRA Paper N 57503, posted 23. July 2014 23:18 UTC.

[3] Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/

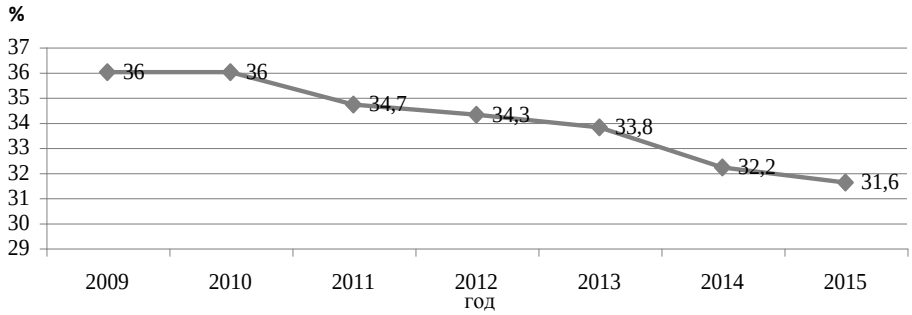


Рисунок 1.
Совместные проекты организаций, осуществляющих технологические инновации по выполнению исследований и разработок, в % за период 2009–2015 гг.

Из рассмотрения рис. 1 можно сделать вывод, что только около трети организаций, осуществляющих технологические инновации, практикуют выполнение совместных проектов, более того, за период с 2009 по 2015 год произошло снижение данного показателя на 4,4%. Все это говорит о неразвитости института кооперации по выполнению НИОКР.

Существует ряд факторов, которые в различной степени препятствуют инновационному развитию. Приведем рейтинг факторов, препятствующих технологическим инновациям[1]:

1) недостаток собственных денежных средств;
2) низкая финансовая поддержка со стороны государства;
3) высокая стоимость нововведений;
4) низкий спрос на новые товары, работы, услуги;
5) высокий экономический риск;
6) низкий инновационный потенциал организаций;
7) недостаток квалифицированного персонала;
8) недостаток информации о новых технологиях;
9) недостаток информации о рынках сбыта;
10) неразвитость кооперационных связей;
11) недостаток законодательных и нормативных правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность;
12) неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднических, информационных, банковских, прочих услуг);
13) неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности.

Наиболее значимыми факторами стали позиции 1, 2 и 3 в данном рейтинге. То есть главные барьеры связаны со сложностью в финансировании.

В целях преодоления негативных позиций, обозначенных выше, 9 апреля 2010 года Правительство Российской Федерации утвердило Постановление № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» (в новой редакции: «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 годы») (далее ПП № 218). Целью государственной поддержки в виде конкурса проектов на основании ПП № 218 является развитие научной и образовательной деятельности в российских университетах, стимулирование использования производственными предприятиями научного человеческого капитала российских высших учебных заведений для развития наукоемкого производства и стимулирование инновационной деятельности в российской экономике.

Подобная практика популярна в зарубежных странах. Существует множество апробированных инструментов поддержки инноваций, стимулирования расходов компаний на НИОКР: налоговые льготы, целевые кредиты, государственные субсидии и т.п. Однако субсидии занимают в этом ряду особое место[2]. Данный государственный инструмент инновационной политики (конкурс на основании ПП № 218), на наш взгляд, является действенным, он имеет как положительные, так и отрицательные стороны, которые были выявлены в ходе изучения опыта реализации проектов Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) с предприятиями Приморского края, получивших субсидию на основании ПП № 218. К положительным сторонам следует отнести следующее:

[1] Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с.

[2] Дежина И.Г., Симачев Ю.В. Связанные гранты для стимулирования партнерства компаний и университетов в инновационной сфере: стартовые эффекты применения в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2013. – № 3. – С. 99–122.

– субсидия выделяется производственному предприятию, что позволяет гарантировать востребованность разработки высшего учебного заведения и её дальнейшее использование для организации нового высокотехнологичного производства;

– конкурс одновременно нацелен на повышение инновационной активности организаций реального сектора экономики, стимулирование спроса на результаты исследований и разработок в корпоративном секторе и на поддержку связей между бизнесом и исследовательскими организациями (группами) в инновационной сфере. Особо следует отметить развитие исследовательской и технологической базы университетов путем расширения практики их вовлечения в инновационную и внедренческую деятельность организаций промышленности и повышение на этой основе качества подготовки специалистов в университетах, а также росту человеческого капитала;

– для предприятий главным мотивом участия в таких проектах является получение новых технологий и продуктов, которые позволяют повысить их конкурентоспособность, расширить имеющийся рынок и выйти на новый, минимизировав при этом риски за счет субсидирования НИОКТР государством;

– мотив участия университетов и научных организаций – получение значительных средств для реализации крупных исследовательских проектов и разработок, налаживание кооперации с бизнесом, создание и развитие наиболее конкурентоспособных научных творческих коллективов.

Можно выделить и слабые стороны проводимого конкурса проектов на основании ПП № 218:

– в большинстве случаев в конкурсе принимают участие и выигрывают промышленные организации, относящиеся к среднему и крупному бизнесу. Возможно, это связано с тем, что по правилам конкурса предприятие должно вложить не менее 100% собственных средств от размера получаемой субсидии, что является тяжелым бременем для многих компаний, особенно представителей малого бизнеса;

– конкурс не имеет никакой ориентации на регионы, слабые в инновационном развитии, которые необходимо стимулировать в первую очередь, поскольку подобные диспропорции приводят к аккумулированию финансово-экономических и торговых противоречий и дисбалансов между отдельными регионами;

– участники конкурса не имеют открытой возможности повысить качество заявок, так как нет обратной связи с экспертами. Поэтому доработка проектов осуществляется пока только на интуитивном уровне, чтобы заявить его в следующей очереди. Между тем, в зарубежной практике предоставление оценочного отчета по каждой проектной заявке является нормой, независимо от того, победила она или нет;

– в открытом доступе не выкладывается информация об уже реализованных проектах, получивших весь объем субсидии. Из-за этого сложно оценить реальный вклад реализованного проекта в экономику страны и ее инновационное развитие;

– в большинстве случаев кооперация между предприятиями и университетами рождается на основе уже имеющихся неформальных связей представителей бизнеса и науки. Поиск партнеров для кооперации является часто сложной задачей;

– предприятия не привыкли самостоятельно разрабатывать проекты и финансировать свои НИОКР. Нет общепринятого института льготного финансирования подобных проектов предприятиями;

– по правилам конкурса, на проведение НИОКР и реализацию проекта установлен срок до трех лет, что предполагает высокую готовность разработки к реализации, а значит, и профессиональную зрелость научного коллектива, достаточный опыт в подобных работах. На наш взгляд, этого срока недостаточно для многих сложных технико-технологических проектов. Поэтому представителям университета (исполнителям) необходимо иметь достаточный задел еще на этапе подачи заявки на конкурс, включая дорогие опытные модели;

– проведение лишь формального мониторинга в виде предоставления отчетов о дальнейшем развитии проекта на протяжении пяти лет после его реализации. Нет сопровождения амбициозных и ресурсоемких проектов, реального мониторинга и помощи с доведением проекта до полной реализации, включая достижение экономической эффективности и распространения этого опыта по регионам, с дополнительной оплатой затрат.

Рассматривая совокупность позитивных результатов и недостатков инновационного продвижения экономики в результате научно-технологического развития промышленного производства, следует остановиться на глубинных истоках несоответствия скоростей происходящих процессов в плане разработок стратегического планирования и управления формированием института субсидирования проектов, созданных в связке «государство – бизнес – наука (университет)» и продвижении реализации ПП № 218. Обратимся к экскурсу перехода высшего образования в России на трехуровневую парадигму «бакалавриат – магистратура – аспирантура» в условиях рыночной экономики и шоковой терапии. При этом в университетах деформировалось единство реализации процессов научного познания (обучения), как и организационно-управленческого единства, поскольку произошло изменение политико-правовой платформы. Субъекты хозяйственной деятельности (бизнес) в это же время проходили свой путь реорганизации и трансформации, при котором незаметно исчезали организации отраслевой науки и проектных изысканий.

После кризиса 2008 года нишу прикладных научно-проектных изысканий должны были заполнить коллективы высшей школы и академии наук РФ в кооперации с субъектами бизнеса, на что и направлено ПП № 218. Национальные исследовательские университеты (29 единиц) и самые продвинутые университеты РФ – МГУ и СПбГУ – адаптировались без больших проблем. У федеральных университетов по причине их создания методом агрегации, нарушено организационно-управленческое единство и не отлажено информационно-коммуникационное обеспечение из-за принудительности объединения разнородных университетов в единое образовательное пространство. Кроме этого, нарушена система ответственности ректора перед научно-педагогическим коллективом по причине его назначения Министерством образования, а не избранием в стенах университета, как это было ранее. Государственные университеты, обладающие программой стратегического развития, которых в России более 55 единиц, являются основой для буду-

щего развития предпринимательства, включая подготовку кадров для малого и среднего бизнеса в условиях региональных преобразований под управлением специалистов-менеджеров новой формации. В перспективе этим университетам предстоит достигнуть мирового уровня преподавания и научных исследований в финансово-экономической сфере, стать интеллектуальным центром экономического и социального развития регионов России, способствовать повышению конкурентоспособности экономики и образования страны в целом[1].

На основании вышесказанного следует вывод, что есть надежда на положительное развитие российской инновационной экономики за счет встраивания в реальный промышленный сектор страны систему высшей школы. Однако отмечается неготовность многих университетов к деятельности в новой модели, предполагающей их активное участие в роли одного из субъектов инновационных процессов российской экономики. Созданный государственный институт на основании ПП № 218 – эффективный инструмент, однако для роста его результативности необходимо совершенствование, соответствующее процессам в секторе науки. Самое главное – скорость изменений в системе образования была слишком стремительной, теперь необходимо время для адаптации и приспособления научных коллективов к новым условиям научно-технологического развития. Государству же следует обратить внимание на улучшение институционального обеспечения вузовской науки.

[1] Мишунина Л.Н., Якубовский Ю.В., Карастелев Б.Я. Предпосылки условий влияния высокотехнологичных предприятий в сотрудничестве с вузами на экономическое развитие Приморского края // Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2016) труды международной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бабкина. 2016. – С. 154–165.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анисимова Г.В.
к.э.н., доцент, в.н.с. Института экономики РАН
anisimovagalina@bk.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В XXI ВЕКЕ: РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *государственная социальная политика, неравенство, бедность, доходы, заработная плата.*
Keywords*: state social policy, inequality, poverty, income, wages.*

Как показывает действительность, существующие в России правовые и экономические механизмы в сфере регулирования доходов не только не решают задачу борьбы с неравенством и бедностью, а напротив, воспроизводят последние в расширенном масштабе. В ст. 7 Конституции определено «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Это, в первую очередь, должно означать нацеленность на снижение уровня бедности населения и экономического неравенства.

Однако в реальности российское государство проводит политику, полностью противоречащую официально декларируемым целям, суть которой – сознательное и последовательное ограничение функций и ответственности государства в сфере формирования условий жизнедеятельности населения. Существующая экономическая политика вообще не рассматривает проблему снижения неравенства как свою ключевую задачу.

Не случайно результатом либеральных постсоветских реформ стало наличие в России чрезвычайно острых проблем, существенно сдерживающих экономическое развитие страны. Одной из главных социальных проблем, проявившихся в российском обществе, является избыточное экономическое неравенство населения по уровню благосостояния. Динамика коэффициента Джини, который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения, за период 1992–2016 гг. в России вырос с 0,289 до 0,412[1].

Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), характеризуя степень социального расслоения и являясь наиболее чувствительным показателем, позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения — бедных и богатых. Учитывая, что за период 1992–2016 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в два раза и к 2017 г. доходы наиболее обеспеченного населения превысили доходы наименее обеспеченного в 15,6 раз, следует сделать вывод о переходе дифференциации доходов в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества.

Конечно, как показывают международные исследования, неравенство в последние десятилетия растет во многих развитых странах. Небольшая группа мировых элит концентрирует в своих руках все больший объем мирового богатства. По данным масштабного исследования швейцарской финансовой компании Credit Suisse за период 2012–2016 гг. доля богатства у наиболее богатой части населения планеты возросла более чем на 6 процентов, при этом уменьшились доли остальных групп населения. В 2012 г. на долю 1% богатейшего населения – приходилось 45,8% мирового богатства, в 2014 г. – 48%, а в 2016 – уже 50,8%[2].

Однако, согласно данным ежегодного отчета Global Wealth Report компании Credit Suisse, Россия среди крупных стран лидирует в мире по неравенству распределения богатства (табл. 1). На долю самых богатых 1% россиян приходится 74,5% всех личных активов в России. Следом за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индия (на долю 1% богатейшего населения – 58,4% богатства), Таиланд (58,0%), Индонезия (49,3%), Бразилия (47,9%). В мире в целом этот показатель равен 50,8%, в США – 42,1%. В европейских странах на долю наиболее обеспеченного 1% населения богатства приходится существенно меньше: – в Бельгии – 17,9%, в Норвегии – 27,4%, во Франции и Швейцарии (24,8%). Кроме того, за период 2012–2016 гг. наблюдается весьма негативная тенденция роста концентрации богатства у наиболее обеспеченного 1% населения России – доля состояния этой части населения увеличилась почти на 4%.

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Госкомстат России, 2002. – С. 130; Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

[2] Global Wealth Databook / Credit Suisse AG. 2012. – P. 150; Global Wealth Databook / Credit Suisse AG. 2016. – P. 148.

Таблица 1

Доля богатства страны, сосредоточенная у наиболее богатых групп населения

Страны	2012 год			2016 год		
	10%	**5%**	**1%**	**10%**	**5%**	**1%**
Австралия	50,4	38,5	20,5	52,7	40,6	22,0
Австрия				64,8	52,1	29,5
Бельгия				48,2	35,9	17,9
Бразилия	71,4	61,0	41,4	74,2	66,2	47,9
Великобритания	53,0	40,8	22,2	56,6	43,7	23,9
Венгрия				47,1	35,2	17,6
Германия	60,7	47,8	27,3	64,9	52,3	31,5
Греция				54,0	42,5	24,3
Дания	55,0	42,3	22,6	73,7	56,8	31,2
Израиль	67,6	57,0	37,4	66,4	56,1	37,3
Индия	73,8	65,3	48,8	80,7	73,4	58,4
Индонезия	73,8	66,7	45,6	75,7	66,8	49,3
Испания	54,2	43,2	25,3	56,2	45,4	27,4
Италия	49,2	37,2	19,3	54,7	43,3	25,0
Ирландия	60,4	48,8	29,2	62,5	49,1	28,0
Канада	57,7	44,9	25,0	57,8	45,3	25,6
Китай	60,0	49,8	32,0	73,2	63,2	43,8
Колумбия				63,9	52,3	32,6
Корея	60,7	49,9	31,4	58,8	47,3	28,3
Мексика				67,1	56,8	38,2
Нидерланды	63,8	50,6	27,8	56,3	43,9	24,4
Новая Зеландия	58,8	46,4	26,4	52,8	39,4	19,8
Норвегия	66,0	52,5	28,3	60,7	47,7	27,4
Польша				41,3	50,5	31,9
Португалия				58,8	47,2	28,0
Россия	**87,6**	**82,5**	**70,9**	**89,0**	**84,8**	**74,5**
Сингапур	58,6	45,7	24,9	62,6	51,8	33,0
США	76,0	62,7	37,2	77,6	66,5	42,1
Таиланд	70,0	60,7	43,1	79,9	72,9	58,0
Тайвань				62,2	51,5	32,8
Финляндия	51,4	38,9	20,1	62,4	50,8	31,0
Франция	62,7	49,2	25,5	56,4	44,1	24,8
Швейцария	72,0	58,3	35,2	56,5	44,1	24,8
Швеция	71,5	55,6	30,6	72,4	59,5	35,9
Южная Африка	73,0	60,6	37,7	73,1	62,2	41,9
Весь мир	**86,0**	**73,6**	**45,8**	**89,1**	**77,7**	**50,8**

Источники: Global Wealth Databook / Credit Suisse. – 2012. – P. 150; Global Wealth Databook / Credit Suisse AG. 2016. – P. 148.

Россия также лидирует в мире и по доле богатства самых состоятельных 5% населения (это 84,8% всего богатства страны), и самых состоятельных 10% населения (89,0%). Следует сделать вывод, что неравенство в российском обществе можно рассматривать как избыточное, которое снижая внутренний спрос на товары массового потребления, является тормозом экономического роста.

Избыточное социально-экономическое неравенство раскалывает страну на несколько частей, которые перестают понимать друг друга. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высоко обеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет и выживает большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

Устойчивая тенденция роста экономического неравенства с 2012 г. происходит на фоне увеличения численности бедных. Если в 2013 г. по официальным данным в России насчитывалось 15,5 миллионов человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в первом квартале 2017 г. численность граждан России, живущих за чертой бедности, выросла до 22 миллионов, составив 15% от общей численности населения[1]. В настоящее время официально к бедным относятся лица, живущие ниже прожиточного минимума. Это очень низкий порог (в I квартале 2017 г. в целом по Российской Федерации он составлял 9909 руб., на 1 января 2018 г. – 10 328 руб.).

Для объективного представления о границах (пороге) бедности необходимо пересмотреть критерии, используя различные методы: путем группировок населения по уровню доходов, выделения лиц, априорно ограниченных в возможностях самообеспечения, расчета с помощью индикатора лишений (недопотребления важнейших продуктов), на основе оценок общественного мнения по результатам социологических опросов и пр.

[1] Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#; О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2017 года. – http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/127.htm

Согласно данным ежегодного опроса ВЦИОМ, сегодня россияне считают бедными людей с доходами ниже 15 506 руб. в месяц на члена семьи. Два года назад эта сумма была существенно ниже (11 173 руб.)[1]. По данным социологического опроса более 80% россиян считают бедными тех, кому едва хватает средств на еду или одежду. Эта группа бедных в марте 2017 г. составила 35%: в том числе 6% респондентов отметили, что для них затруднительна даже покупка продуктов, 29% – что им едва хватает денег на одежду. Анализ статистики потребления важнейших продуктов и калорийности питания по группам населения показывает, что около 30% российского населения не получает минимально допустимую норму калорий, т.е. фактически не доедает[2]. Таким образом, в реальности слой бедности (особенно если его сравнивать с западными странами) значительно больше, чем показывают данные официальной статистики, и распространяется на большую часть так называемого среднего класса российского населения.

Использование средних статистических величин скрывает за собой удручающую картину обеднения большой части российского населения. Как свидетельствуют официальные данные, наблюдается устойчивая положительная тенденция увеличения среднедушевых денежных доходов населения. За период 2011–2016 гг. их величина выросла примерно на 10 тыс. руб. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика доходов населения

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	20 780	23 221	25 928	27 767	30 467	30 744
Реальные денежные доходы населения						
в процентах к:						
2011	100	105,8	110,9	110,4	105,8	99,9
2012		100	104,8	104,3	100,0	94,5
2013			100	99,5	95,4	90,1
2014				100	95,9	90,5
2015					100	94,4
Реальные располагаемые денежные доходы населения						
в процентах к:						
2011	100	104,6	108,8	108,1	104,6	98,6
2012		100	104,0	103,3	100,0	94,2
2013			100	99,3	96,2	90,6
2014				100	96,8	91,2
2015					100	94,2
Медианное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	15 435	17 131	19 152	20 594	22 713	22 948
Модальное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	8466	9323	10449	11328	12624	12786
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения; рублей в месяц)	5688	6510	7306	8050	9701	9828

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 91; Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2012. – С. 136; 2017. – С. 130.

Величина среднедушевых доходов рассчитывается как среднее значение между сверхдоходами миллиардеров и нищенскими доходами бедняков. Поэтому показательной является не средняя величина доходов, а модальное значение дохода, наиболее часто встречающееся в распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов. Оно более чем в два раза меньше средней величины. Т.е. основная часть населения имеет доходы, совсем незначительно превышающие весьма низкую величину прожиточного минимума.

Кроме того, хотя среднедушевые денежные доходы населения выросли – это доходы номинальные, т.е. измеренные в текущих ценах. Сравнивать же имеет смысл только реальные показатели, вычисленные в неизменных ценах определенного года, принятого за базу отсчета. За общей позитивной динамикой роста средних доходов, скрывается негативная тенденция сокращения их реальной величины, начиная с 2014 г., когда реальные среднедушевые доходы упали на 0,5%, составив 99,5% от уровня 2013 г. Далее эта тенденция усилилась: в 2015 г. реальные доходы упали почти на 4% (показатель составил 95,9%), а в 2016 г. более чем на 5% (94,4% по сравнению с 2015 г.).

Одной из основных причин низкого уровня реальных доходов большинства населения России является низкий уровень зарплаты, т.к. заработная плата является главным источником дохода. Все годы ее доля в структуре денежных доходов населения устойчиво составляла более 60% (табл. 3).

[1] Бедность: где грань? // Пресс-выпуск № 3349. – https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116154

[2] См. подробнее: Воейков М.И., Анисимова Г.В. Социальный контекст экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2017. – № 10. – С. 95–117.

Таблица 3

Структура денежных доходов населения (%)

Годы	Оплата труда*	Доходы от предпринимательской деятельности	Доходы от собственности	Социальные выплаты
2000	62,8	15,4	6,8	13,8
2001	64,6	12,6	5,7	15,2
2002	65,8	5,2	15,2	11,9
2003	63,9	12,0	7,8	14,1
2004	64,9	11,7	8,3	12,9
2005	63,6	11,4	10,3	12,7
2006	65,0	11,1	10,0	12,0
2007	67,5	10,0	8,9	11,6
2008	68,4	10,2	6,2	13,2
2009	67,3	9,5	6,4	14,8
2010	64,6	9,3	6,3	17,8
2011	67,3	9,5	6,4	14,8
2012	65,2	8,9	6,2	17,7
2013	65,6	8,9	5,2	18,3
2014	65,1	9,4	5,1	18,4
2015	65,6	7,9	6,2	18,3
2016	64,6	7,8	6,5	19,1

* Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату. Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2005. – С. 124; 2011. – С. 100; 2017. – С. 96.

Начиная с 2013 г. наблюдается падение роста реальных заработных плат, а в 2015 г. – даже их сокращение (табл. 4). Кроме того, при анализе реального наполнения доходов и заработной платы необходимо учитывать существенное падение курса национальной валюты, которое сказывается на росте цен не только импортных, но и многих отечественных товаров. В пересчете на доллары зарплаты не выросли, а сократились и в 2016 г. еще не достигли уровня 2010 г. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2016 г. в долларовом эквиваленте составляла всего 64% по сравнению с 2012 г.

Таблица 4

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций

Годы	Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	Среднемесячная начисленная заработная плата в ценах соответствующего года	
		руб.	долл. США (исходя из среднегодового официального курса доллара США)
2010	105,2	20 952	690
2011	102,8	23 369	796
2012	108,4	26 629	857
2013	104,8	29 792	936
2014	101,2	32 495	856
2015	91,0	33 981	560
2016	100,8	36 746	549

Источники: Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2016 гг. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/; Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2017. – С. 128.

В российских условиях ориентация на дешевую рабочую силу есть тупиковый путь, который дает лишь краткосрочный эффект, но одновременно приводит к ухудшению использования человеческого потенциала, научно-техническому отставанию страны от стран с передовой технологией. С одной стороны, дорогостоящая модернизация производства не может конкурировать с дешевым трудом. С другой стороны, низкооплачиваемый работник не может обеспечить эффективной работы современного высокотехнологичного оборудования.

Указанные противоречия могут быть разрешены посредством перехода на новые принципы и условия оплаты труда, основанные на принципиально новом подходе к работнику как стабильному и долговременному фактору развития предприятия. Эта перспективная стратегия менеджмента в области оплаты труда определяется как инвестиционная, характеризуемая следующими основными чертами: гарантированность основной части зарплаты; выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт работы), так и от результативности их работы на предприятии; установление более высоких заработков (так называемой «эффективной заработной платы») как способ привлечения и удержания работников, стимулирование повышения квалификационного уровня рабочей силы на предприятии; постоянный и устойчивый характер надтарифных стимулирующих выплат; предоставление социальных выплат и льгот, выходящих за сферу прямой оплаты труда[1].

[1] Анисимова Г., Соболев Э. О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // Человек и труд. – М., 2010. – № 1. – С. 32–36.

Растущая бедность – далеко не единственный тревожный сигнал. Согласно официальной статистике, с 2011 г. темпы роста ВВП, сбережений и инвестиций характеризуются минусовыми значениями. Даже в самом благополучном по данному показателю 2007 г. инвестиции составили примерно 20% к ВВП, а в последнем году советского периода (1990 г.) этот показатель составил примерно 38%. Особенно настораживает тенденции сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Неслучайно столь велика степень износа основных фондов (1993 г. – 33,7%, 2016 г. – 48,1%)[1], которая неуклонно возрастает.

Российская действительность не подтверждает либеральную экономическую концепцию, согласно которой большее неравенство ведет к увеличению сбережений, перетекающих далее в инвестиции, что вызывает дополнительный рост экономики. Увеличение неравенства и бедности не только препятствует целям социальной справедливости, но также влечет за собой отрицательные экономические последствия. Не случайно в докладе МОТ указывается: «Высокий и растущий уровень неравенства доходов может стать препятствием на пути к «равенству возможностей» и снижать социальную мобильность. При значительном неравенстве экономические преимущества чаще наследуются, чем приобретаются. Такая ситуация лишает людей мотивации к личным усилиям, а также подрывает их веру в справедливость общества и может отрицательно сказаться на социальных показателях и социальной сплоченности»[2]. В долгосрочной перспективе снижение качества социального капитала ведет к деградации всей экономики, поскольку возрастает доля малообразованного населения, неспособного ни производить, ни даже потреблять высокотехнологичные товары, что делает проблематичным инновационный путь развития экономики.

Можно констатировать, что Россия вступила в полосу формирования крайне негативных, антиинновационных тенденций, проявляющихся в падении уровня жизни населения, росте числа фактических бедных россиян. В 2016 г. вернулась тенденция естественной убыли населения. Причина многих социальных проблем состоит в том, что в стране сложилось глубокое неравенство между высшими чиновниками и народом. Высший государственный аппарат создал своего рода механизм, защищающий его от народа. Этот механизм охватывает много разных черт нынешней власти – начиная от равнодушия к бедности, к острым социальным проблемам населения и кончая отсутствием реакции на прямые обращения и требования разных категорий населения страны.

Зачастую принятые законы не соответствуют требованиям современного социального государства, увеличивая имущественные разрывы между отдельными слоями населения и отдельными регионами страны, поддерживая определенные малочисленные группы богатых граждан, сохраняя большую часть населения в бедности и нищете. Принимаются разрозненные законы и нормативные акты, в которые вносятся бесконечные уточнения, изменения, дополнения – преимущественно либерального характера, ориентированные на сокращение социальных функций государства.

Необходимо превратить законотворчество в процесс помощи малоимущим и преодоления нищеты. В настоящее время существует большое количество нормативных актов, прямо или косвенно связанных с финансовыми и экономическими обязательствами по социальной защите. Организация социальной работы на местах регламентируется огромным количеством зачастую противоречивых нормативных актов. В то же время работа по созданию законодательной базы в Российской Федерации далека от завершения. До сих пор не приняты законы о налоге на роскошь и ряд других, а главное – нет законов о правах человека, о преодолении бедности, стратегии и этапах решения этой задачи. Важным условием эффективности принимаемых в России законов является тщательный анализ состояния законодательной базы в развитых странах и использование многолетнего опыта законотворческой деятельности при принятии и реализации определенных решений.

[1] Степень износа основных фондов в Российской Федерации на конец отчетного года. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#

[2] Заработная плата в мире в 2014–2015 гг.: Заработная плата и неравенство доходов / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2015. – С. 21–22.

Бархатов В.И.
д.э.н., профессор, Челябинский государственный университет
ecoba@csu.ru
Капкаев Ю.Ш.
к.э.н., доцент, Челябинский государственный университет
ecoba@csu.ru
Лешинина В.В.
студент Челябинского государственного университета
leshinina-vera@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ГРАЖДАН

Ключевые слова: *качество жизни, уровень жизни, благосостояние, социальное благополучие, социально-экономическая политика.*

Keywords: *quality of life, standard of living, welfare, social welfare, socio-economic policy.*

Современные экономисты отталкиваются от монетарных экономических показателей, оценивая благосостояние жизни [1]. Все потребности людей подразделяются на материальные, духовные и социальные. Степень удовлетворения материальных потребностей отражает понятие уровня жизни, удовлетворение остальных в свою очередь отражает качество жизни. В этом смысле экономическое благосостояние и качество жизни являются близкими понятиями и зачастую используются как синонимы.

Под уровнем жизни подразумевается общее благосостояние населения (уровень доходов, возможность удовлетворения базовых потребностей граждан в еде, жилье, лекарствах и т.д.), которое можно оценить количественно [2]. Под качеством жизни понимается совокупность показателей благосостояния людей, которая включает в себя экологический параметр, личную и национальную безопасность, политическую и экономическую свободу и другие условия благополучия, которые трудно количественно измерить [4]. Качество жизни не идентично уровню жизни, оно включает наиболее специфические виды его определения, например, жизненные стандарты, в то время как уровень дохода является лишь одним из многочисленных, параметров качества жизни.

Социальное благополучие включает в себя уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей общества в целом и индивидуума в частности. В данной категории в первую очередь необходимо уделять внимание таким показателям как: потребность в общественном престиже, социальной защищенности, уважении, в общении, изменении статуса, свободе социального выбора, в «ассортименте» социальных благ, в том числе реализации социальных ожиданий. В этом случае социальное благополучие будет субъективной оценкой как уровня жизни, так и уровня социального здоровья общества.

Использование уровня жизни в качестве основного показателя эффективности социальной и экономической политики в условиях современной РФ не всегда отражает реальную социальную ситуацию, хотя бы из-за того, что цели чаще всего не совпадают. Целью экономики в условиях рынка является извлечение максимальной прибыли, социальная же политика направлена на рост благосостояния. Показатель социального благополучия характеризуется системой различных показателей. Эта система дополняет факторы благосостояния населения и уровня жизни и также способна использоваться для анализа достоверности.

Использование оценки социального благополучия дает возможность расширять число факторов, которые определяют действия социальных и экономических процессов. Причем факторы отражают суть процессов и дальнейшие социально-экономические последствия. Факторы, которые характеризуют социальное благополучие, могут выступать как самостоятельно, т.е. отражать мнение социума, так и применяться при определении других показателей и формировании оценок эффективности.

Рассматривать социальное благополучие необходимо как основную характеристику социально-экономического развития. Социальное неблагополучие свидетельствует о недостатке определенных благ, следовательно, о неудовлетворительном уровне жизни. Для эффективной оценки экономического и социального развития необходимо расширять критерии. Экономическая наука должна по-другому подойти к исследованию качества жизни, потому что те исследования, которые проводятся на основе имеющихся инструментов, являются неполными. Возникает необходимость добавления нетрадиционных факторов, характеризующих социальные, экономические и политические предпочтение граждан.

Оценивать динамику социально-экономического благополучия необходимо начинать с изучения базовых социальных и экономических процессов. В эти процессы включается изучение мнения людей по следящим критериям: доходы, наличие жилья, собственность, работа, образование, медицинское облуживание, коммунальные услуги, транспортная инфраструктура и т.д. Система показателей социального благополучия будет включать в себя статисти-

ческие данные, полученные в результате проведения опросов основных групп населения. Для выявления закономерностей мониторинг должен проводиться в определенные сроки, а по окончанию данные должны быть сформированы в отчетность. Результаты периодического мониторинга могут дополняться другими выборочными материалами.

Оценка социального благополучия граждан необходима для того, чтобы государство могло корректировать экономическую и социальную политики для роста благополучия граждан и в дальнейшем проводить государственную работу по реализации заданного качества жизни через введение законодательных стандартов, которые включают три блока.

Первый блок отражает здоровье населения и демографическое благополучие, которое можно оценить по уровню рождаемости, смертности и продолжительности жизни.

Второй блок характеризует удовлетворенность населения условиями жизни, а также удовлетворённость существующим положением в стране. В качестве инструмента оценки используются социологические опросы, проводимые в разных областях страны [6]. Самым негативным показателем неудовлетворенности является высокий уровень самоубийств.

Третий блок оценивает духовное состояние общества. Уровень духовности определяется по числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей: «не убий», «не укради» и т.д. За единицу измерения в данном случае принимаются данные официальной статистики (убийства, грабежи, нанесение тяжких телесных повреждений). Уровень нравственного состояния определяется частотой совершения данных проступков. Государство должно уделять внимание повышению качества жизни населения, т.к. качество жизни является главной целевой функции современных сверхиндустриальных промышленных систем [7].

Для обеспечения благополучия граждан необходимо грамотно подходить к оценке качества и уровня жизни, помимо основных критериев оценки включать нетрадиционные. Кроме систематического мониторинга необходимо решительные действия государства, основанные на внесениях изменений на законодательном уровне. При этом разработка конкретного плана действия, ориентированного на управленческую деятельность, позволит решить определенные задачи повышения благосостояния населения на качественно новом уровне.

Список литературы

1. Капкаев Ю.Ш. Социально-экономическое развитие как механизм формирования институциональных условий повышения качества жизни и роста благосостояния населения // Ключевые проблемы качества жизни: материалы Международной научной конференции. Челябинск, 25 мая 2006 г. / Отв. ред. Г.Г. Горелова. – М.: Университет РАО, 2006. – С. 103–106.
2. Добровольский И.П. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения / Ю.Ш. Капкаев, И.П. Добровольский // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. – № 11 (366). – С. 56–63.
3. Зайченко А.В. Проблемы социально-экономического развития и роста территории / Зайченко А.В., Капкаев Ю.Ш. // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. – № 6 (50). – С. 28–35.
4. Капкаев Ю.Ш. Компенсированное качество жизни и инвестиционная привлекательность территории // Материалы XXXIX научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / Под ред. А.Г. Бент. 2015. – С. 118–124.
5. Капкаев Ю.Ш. Выбор между благосостоянием и комфортом в контексте устойчивого развития // Материалы конференции «Устойчивое развитие в неустойчивом мире». – М.: Перо, 2014. – С. 27–28.
6. Капкаев Ю.Ш. Ресурсы Челябинской области как основа формирования комфортной среды жизнеобеспечения населения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. – № 12 (367). – С. 71–78.
7. Сенчикова Е.А. Инновационное развитие экономики / Е.А. Сенчикова, Ю.Ш. Капкаев // Теория и практика управления: ответы на вызовы инновационного развития: сборник научных статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и молодых ученых. – М.: Палеотип, 2013. – С. 60–62.

Викторов А.Ш.
д.соц.н., профессор социологического факультета МГУ
aviktorov@bk.ru

ОСНОВНЫЕ КОНСТРУКТЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Ключевые слова: *капитализм, новая реальность, модернизация, социальная справедливость, неравенство, консолидация.*

Keywords*: capitalism, new reality, modernization, social justice, inequality, consolidation.*

Неоднозначная направленность социальных изменений современного общества, которые непосредственно связаны с формированием новой реальности капитализма, с необходимостью требует нового теоретико-методологического осмысления.

В данной работе раскрываются сущностные основы новой социальной реальности капитализма через призму таких конструктов (категорий или нормативных ценностей) как социальная справедливость и социальная консолидация, поскольку именно они определяют вектор и стратегию общественного развития и характер модернизационных изменений. В методологическом плане благодаря сравнительному анализу двух содержательных аспектов (концептуального и социально-экономического) покажем противоречивую суть новой реальности капитализма, которая определена ее значимыми конструктами.

Концептуальный аспект – это проблема изучения (рефлексии) новой реальности капитализма в контексте теорий модернизма, постмодернизма и некого множества версий нового модернизма (метамодерна, альтермодерна, постпостмодерна, трансмодерна и др.), которые означают различные проекты трансформации капитализма. Поэтому в современном научном знании и в экспертном сообществе эта реальность как объективно существующая и субъективно понимаемая трактуется неоднозначно (разные методологические предпосылки и ценностные предпочтения). Так, например, социологи рассматривают ее как реальность разных обществ (постиндустриального, информационного, знания, потребления, услуг и др.), а экономисты – через концепты реиндустриализации, неоиндустриализации, деиндустриализации и пр.[1], каждое из которых имеет свои отличительные черты. Подобная ситуация приводит к тому, что практика проведения многочисленных (ежегодных и ежемесячных) международных конгрессов, форумов и конференций сводится иногда (в зависимости от политической ситуации) к неким медийным лозунгам: «новая консервативная политика», «новая стратегия России», «новый курс», «новая индустриализация» и др. Отсюда создается впечатление, что все научные мероприятия превращаются в некое подобие политического шоу на российском ТВ. Только там оно «промывает мозги» миллионной аудитории, а здесь, в большинстве своем, подтверждает согласие или фэйк генеральной линии партии.

За основу своего понимания мы берем теорию посткапитализма и альтермодерна (некоторые положения)[2], имеющей целый ряд особенностей: характеризуется деформацией привычных структур, морально-нравственных устоев; сопровождается утратой устойчивости социальных отношений; конструирует третий путь общественного развития через возвращение к истокам современной жизни в противовес к глобализму и фундаментализму (формально этот тезис выражен в названии Экономического Форума в Давосе (январь 2018): «Создавая общее будущее в расколотом мире») и др.

Социально-экономический – характеризует процесс формирования новой индустриальной реальности капитализма через трансформацию (изменения) институциональных ценностей, которые проявляются в двух формах: органической – повышение эффективности современного общества на основе новых технологий и ограниченной – заимствование (или копирование) западных институций современного общества без учета своих национально-культурных традиций.

Термин индустрия (досл. с лат. означает старательность, трудолюбие, усердие) отождествляется с понятием промышленность как совокупности предприятий, воздействующих на уровень развития производительных сил, т.е. это особые действия субъектов, создавших объекты, определяющие качество общественного развития. И индустриализация рассматривается как процесс развития промышленного производства благодаря применению тех или иных технологий. За всю историю своего существования человечество как особый разумно-рациональный субъект действий создало около десяти значимых технологий, которые определяли его тот или иной уровень развития. Причем последние шесть из них имеют прямое отношение к современному индустриальному обществу и связаны с деятельностью 6-8 поколений людей. Безусловными лидерами в развитии технологий являются развитые страны, среди которых особо

[1] Нуреев Р.М. От старой индустриализации к новой // Экономическое возрождение России. – М., 2016. – № 2(48). – С. 39–44.
[2] Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М., 2015.

выделяются США по применению и разработке технологий высокого уровня. Для сравнения: в развивающихся странах (в том числе и в России) доминируют технологии среднего уровня.

С точки зрения методологии изучения индустриального общества различаются классический и неоклассический подходы. Представители первого подхода исходили из разной роли индустриализма в развитии общества: приведет к свержению капитализма и обеспечит переход к социализму (К. Маркс); будет способствовать гармонии социальной жизни за счет разделения труда (Э. Дюркгейм); приведет к установлению рациональной модели капитализма с бюрократическим аппаратом управления (М. Вебер). Причем все они отмечали, что индустриальный труд как однообразный и не творческий ведет к деградации. А сторонники второго (начиная с Дж. Гэлбрейта) отмечали, что с одной стороны, индустриализация является ведущей чертой современного общества (возрастает ценность знаний, а не капитала; формируется новая индивидуальность, берущая власть в обществе и осуществляющая переход на плановой основе от капитализма к индустриализму). С другой – в условиях господства либеральной идеологемы произошел отрыв финансовой сферы от реального производства, которая вызвала не только обострение социально-экономических отношений между развитыми странами, но и обозначила разнородный и противоречивый характер трансформационных процессов, нашедших выражение в разных вариантах национально ориентируемой экономической политики (деиндустриализации, реиндустриализации, новой индустриализации) в зависимости от уровня инновационно-технологического развития определенной страны. В России в этом отношении политика деиндустриализации имела крайне негативную направленность, когда трансформация прошла в форме шоковой терапии с помощью известных инструментов (приватизации предприятий, либерализации цен и либерализации внешней торговли). Иначе говоря, благодаря деиндустриализации был осуществлен демонтаж промышленной основы российской (советской) цивилизации и превращение ее в сырьевой придаток ТНК. Согласно данным опроса экспертов (2014 г.) о трендах промышленного развития России были сделаны неблагоприятные прогнозы: имеет ярко выраженную сырьевую зависимость, которая сохранится и в будущем, поскольку перспектива развития наиболее значимых технологий оценивается крайне пессимистично[1]. По мнению А. Кудрина, «Стратегия 2010», принятая летом 2000 года в качестве основ социально-экономической политики правительства, была реализована на 39%[2].

В специальной литературе реальность трансформационных изменений в России обозначена как традиционалистская модернизация, поскольку согласно данным различных исследований большинство россиян хотят видеть своих детей интеллигентами, выступают за национализацию недр (84%), главной добродетелью видят труд (91%), недовольны демократией (72%), а работа для них важнее зарплаты. К тому же, если в Германии только 25% верят, что человека ожидает блестящее будущее, а остальные 75% видят его безрадостным, то в России наоборот[3].

Новая социальная реальность современного капитализма рассматривается автором как системная целостность через призму ее значимых ценностно-нормативных конструктов (социальная справедливость, социальная консолидация, неравенство, мобильность, дифференциация, равенство, доверие, право, честность), которые определяют выбор разных стратегий: модернизации капитализма без изменения его сущностной основы или переход к некапиталистической модели развития (социализм, коммунизм, анархо-коммунизм, технократия, ресурсно-ориентированная экономика). Рассмотрим более подробно наиболее значимые из них: социальная справедливость и социальная консолидация.

Конструкт социальной справедливости как социологическое понятие дает возможность установить меру неравенства (норм, действий, благ, заслуг) между людьми и социальными группами, в контексте определенного общества (его системы доминирующих ценностей, общественного идеала, порядка, понимания добра и зла, духовно-нравственного состояния). Суть социальной справедливости – это беспристрастное и соразмеренное распределение общественных благ в соответствии с имеющейся иерархий ценностей. Поэтому это понятие непосредственно связано с определением как объективных (что есть), так и субъективных (как представляется) критериев в оценке социального неравенства, которые должны иметь конкретно-исторический характер и базироваться на общечеловеческих и национальных ценностях. Причем как оценочная категория эти критерии могут различаться в отношении различных социальных групп, страт, слоев и др., т.е. имеющих неодинаковые социальные статусные позиции, и может рассматриваться как показатель проявления социальной несправедливости в качественной характеристике состояния общества или отдельных его сфер (в политике, экономике, праве, культуре и др.).

В сфере социальной жизни неравенство имеет прямое отождествление с социальной несправедливостью, где она выступает как конкретная мера проявления равенства и неравенства через соотношение объективных и субъективных критериев в положении различных социальных групп (реализация возможностей, доступ к материальным благам и др.).

В основе традиционного понимания социальной справедливости (изначальное стремление к уравнительности) лежат два принципа:

- «всем поровну» – распределительная справедливость;
- «равновесия противоположных деяний» (деяние – воздаяние, преступление – наказание, права – обязанности, заслуги – привилегии) – воздающая справедливость.

Если в классовом обществе (классовом подходе) социальная справедливость (несправедливость), социальное равенство (неравенство) носят классовый характер и оцениваются как выражение интересов господствующих классов, который оправдывает существующий строй как справедливый, то в социалистическом обществе она признавалась

[1] Федорова Е.А., Мазаева К.А., Сигова С.В. Перспективы промышленного сектора России: опрос экспертов накануне кризиса // Экономическое возрождение России. – М., 2015. – № 3(45). – С. 142–154.

[2] Центр Кудрина объявил о провале экономических реформ последних 16 лет. 27.12.2016. – www.finanz.ru

[3] Андреев А. Российский социум как другая Европа // Общественные науки и современность. – М., 2013. – № 3. – С. 70–79.

ограниченной, поскольку распределялась по труду (т.е. фактическое неравенство). По словам В.И. Ленина, «справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве остаются и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства в частную собственность»[1].

Поэтому поддержание социальной справедливости и социальной несправедливости определяется в первую очередь характером существующей социальной системы, ориентированной по преимуществу или на общественный, или на частный сектор в распределении материальных благ. Гипотетически, в оценке социальной справедливости (несправедливости) можно выделить высшие, средние и низшие критерии, но они будут иметь некий воображаемый характер (позитивный или негативный) и означать извечный критерий любого общества: «Каждому свое».

По мнению Уолцера, универсального принципа справедливого общества не существует, а вместо него должен быть принцип человечества в конкретном обществе, которое должно признавать его членство и гарантировать безопасность и благосостояние[2]. Поэтому в социологическом плане в условиях глобальных и национальных изменений, социальная справедливость как мера должна быть выражена в конкретных критериях сохранения и развития человека, группы, общества. И тем самым может выступить значимым элементом формирования новых общественных отношений и преодоления кризисного и небезопасного состояния.

Согласно данным социологических исследований, высокая степень чувства социальной несправедливости россиян коррелирует с нереализованными возможностями недостигнутых целей, которое они испытывают по отношению ко всему происходящему в современной России[3]. Это чувство свидетельствует о нелегитимности существующего миропорядка в России (свыше 90%), причем 38% испытывают его часто. Оно (устойчивое чувство несправедливости) наиболее представлено среди представителей возрастных групп старше 40 лет (свыше 40%) и сельских жителей (48%).

По мнению некоторых авторов, в стратегическом плане в России необходимо подготовить условия для осуществления перехода от финансово-паразитологического общества к обществу социальной справедливости, которое должно базироваться на новой научной и мировоззренческой парадигме системы образования и воспитания. Человек и общество в целом должны быть достойны общества социальной справедливости на основе принципов и положений гуманистической экономики (служить благу всех людей и гармоничному развитию человека), распределение доходов в обществе социальной справедливости должно иметь не форму «луковицы» или «перевернутой воронки» со стрелкой, стремящейся в бесконечность, а эллипса[4].

Отсюда следует, что конструкт социальной справедливости может служить критерием оценки существующего общества и выступить основой формирования новых общественных отношений (заключения нового общественного договора), и создания новой нормативно-правовой базы для преодоления социального неравенства и социальной несправедливости. Так, например, если в Китае в конце 2017 года был официально провозглашен курс на построение умеренно процветающего общества и стремление к большому успеху социализма с китайскими особенностями, то в России справедливое устройство общества и экономики так и остается на уровне деклараций избирательных кампаний[5].

Когда человек становится свободным от ответственности, он начинает жить по своим собственным законам, где главным становится личностный интерес, а общественный – рассматривается как средство реализации амбиций. Но освобожденный от общественного контроля (законов, традиций, ценностей) он превращается в манипулируемое существо и легко попадает на «крючок» различного рода социальных технологий, в основе которых лежат два биологических принципа: страх смерти и жажда удовольствия. Собственно говоря, на ней и покоится вся повседневная реальность современного общества, которая построена на парадоксе: люди, лишенные чувства ответственности, стремятся к его искоренению у других людей. Но первые имеют все, а вторые – ничего. Стать безответственным, т.е. выйти за границы ответственности, способен только весьма эгоцентричный человек или зомбированная некой «высшей идеей» группа или группы людей. Различного рода социальные мифы, религии и идеологии в этом контексте как раз и уводят человека от его личной ответственности не только за свои поступки, но и за положение в стране. В обществе, лишенном социальной ответственности, не может быть социальной справедливости, а потому оно обречено на вечное социальное неравенство.

Конструкт социальной консолидации (досл. с лат. – укреплять, поддерживать) определяет проблему неравенства в новой реальности через степень способности или неспособности социальной общности к процессу объединения, сплочения, укрепления взаимодействия индивидов и интеграции групп, составляющих общество. Усиление или ослабление социального неравенства связывается с характером консолидации, которая выражается в индикаторах социальной стратификации общества. К ним относятся три основные показателя:

1) децильный коэффициент – сравнивает минимальные доходы наиболее обеспеченной группы с максимальным доходом наименее обеспеченной группы;

2) коэффициент Джини – охватывает весь ряд расслоения населения по доходам, характеризуя степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютного равенства и абсолютного неравенства;

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. – С. 93.

[2] Капиталистическое общество. Проблема справедливости. – СПб., 2011. – С. 110–111.

[3] Чего опасаются россияне? Аналитический доклад. – М., 2008.

[4] Об уязвимости государственного режима «социальной справедливости»: Материалы научного семинара. – М., 2012. – Вып. 8 (46). – С. 61–62; 68.

[5] Цитаты из речи Си Цзиньпина на XIX съезде Компартии Китая // Вольная экономика. – М., 2017. – № 4, октябрь-декабрь. – С. 9.

3) коэффициент фондов – связан с характером роста, спада и распределения денежных и материальных средств[1].

Специальные исследования консолидационных процессов показали, что, с одной стороны, существуют пять факторов, которые провоцируют деструктивную, негативную консолидацию общества:

1) отсутствие доверия россиян к политическим и социальным институтам;

2) низкий уровень удовлетворенности условиями жизни;

3) дискредитация честности и значимости выборов в различные органы власти;

4) низкий уровень общегражданской идентичности;

5) широкая прожективная поддержка массовых выступлений.

А с другой – наличие качественной и количественной информации, которая позволяет рассматривать социальное неравенство на макро- и микроуровне (от индивида до государства) и выявить ее влияние на консолидационные процессы (развития демократических институтов, влияния на общественные процессы)[2].

Согласно данным ИСПИ РАН (в 2007, 2009, 2011 гг.), российское общество не способно консолидироваться, что мешает ему эффективно развиваться. Такая социальная разобщенность не благоприятствует сохранению его материальной структуры и даже воспроизводит склонности к распаду (отчужденность социальных групп и разъединение регионов страны). Отмечалось также, что с точки зрения религиозной консолидации:

- наиболее лояльны к политическому устройству – «воцерквленные»;
- верующие и неверующие не доверяют действующим руководителям государства;
- верующие в большей степени готовы к защите своих интересов (73%), чем неверующие (65%). Причем, если в 1980 году религиозность среди населения оценивалась в 25%, то сегодня обратная картина – 25% неверующих[3].

В самом общем плане, конструкт социальной консолидации может обозначать как процесс социальной интеграции (гармонизации отношений), направленный на повышение уровня самоорганизации граждан в решении общих проблем, так и уровень дезинтеграции (дисгармонии) общества.

Таким образом, проблема формирования новой реальности капитализма непосредственно связана с двумя противоположными стратегиями: трансформацией капитализма в условиях его системного кризиса и перехода на новый техноуклад (в развитых странах) или поиском некапиталистической модели развития (в Китае и некоторых других развивающихся странах). Причем в основе этой новой реальности главными содержательными элементами выступают социальная справедливость и социальная консолидация, которые помогают преодолеть нестабильность и неопределенность переходного времени. Они также могут служить критерием оценки существующего общества, выступать основой формирования новых общественных отношений (заключения нового общественного договора) и создания новой нормативно-правовой (ценностной) базы для будущего общества. Россия в этом контексте находится в неопределенном состоянии социальной реверсивности, которая предопределена характером традиционалистской модернизации и формальным статусом национального и социального государства.

[1] Экономический словарь. – М., 2007.

[2] Социально-структурные факторы консолидации российского общества. – СПб., 2012. – С. 22; 25.

[3] Что может объединить россиян. 2013. – 19 мая. – http://maxpark.com/communite/politic content1994098

Волкова Л.П.
к.т.н., доцент кафедры автоматизированного проектирования и дизайна НИТУ «МИСиС»

СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ КАК ОСНОВНАЯ МОТИВАЦИЯ В КОНВЕРГЕНЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО И ЦИФРОВОГО МИРОВ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *информационные технологии, разум, влияние личности, информационное общество, сознание, ноосфера, Интернет, социокультурные трансформации, самоорганизация, информация.*

Тема данной статьи касается ситуации, которая создалась в мире благодаря высокому темпу развития информационных и нанотехнологий в третьем тысячелетии, на основе которого прогнозируется появление фактически неограниченных ресурсов. Это в корне отличается от традиционной ситуации, когда отношения между людьми строились и развивались в контексте борьбы за ограниченные ресурсы. В этой связи немалый интерес вызвала книга Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция» (24). Эта книга может быть путеводителем для тех, кто являясь профессионалом в области современных конвергентных технологий, не безразличен к нашему общему будущему, стремясь изменить мир к лучшему. В своей книге Клаус Шваб делает упор на человеческий разум: «Наряду с контекстуальным и эмоциональным интеллектом существует еще и третий важнейший компонент, позволяющий эффективно прокладывать путь в условиях четвертой промышленной революции. Именно его я называю вдохновенным разумом. Вдохновенный разум (в англ. inspire от латинского слова spirare, то есть воодушевлять) направлен на непрерывный поиск смысла и предназначения. Он сосредоточен на питательном творческом импульсе, поднимающем человечество к новому коллективному и нравственному сознанию, основанному на общем осознании судьбы». Он призывает к совместным усилиям людей, живущих в разных регионах планеты, подчеркивая, что благо всего человечества зависит от того, будет ли выработано сообща, но каждым в себе «чувство общей цели». Клаус Шваб акцентирует внимание на главной, по его мнению, ценности в этой важной задаче – доверии к тем, кто принимает решения. При этом принятие решений должно осуществляться всегда только в общих интересах, а не для достижения личных целей. Поэтому на первый план выступает влияние личности на все процессы, происходящие в обществе.

Однако еще в середине прошлого века в России, развивая свое учение о любви к человеку, русский хирург и духовный писатель, епископ Русской православной церкви, святитель Лука, акцентировал внимание на человеческом сердце.

Архиепископ Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, в своей работе «Дух, душа и тело» (28) подчеркивает, что в человеческом мозге нет центров чувств, а есть только ощущения, поступающие от всех органов чувств. В свою очередь, ощущения он рассматривает «только как импульсы к возникновению мыслей, чувств, желаний и волевых движений». Он отмечает, что возникающие мысли подлежат «глубокой и окончательной обработке в сердце – горниле чувств и воли». Однако не только из мозга сердце получает мысли, «сенсорные восприятия, но и само обладает удивительной, важнейшей способностью получать из мира духовного экзогенные, нисколько не адекватные органам чувств, ощущения самого высшего порядка». Как отмечает святитель Лука, эти «ощущения из сердца передаются уму, в мозг и в огромной степени определяют, направляют и изменяют все психические процессы, в уме и духе происходящие».

Развитие современного информационного общества при ближайшем рассмотрении представляет собой процесс, который происходит, безусловно, во времени, но необходимо отметить решающую роль в этом процессе личности человека, вернее личностей, осуществляющих его и управляющих этим процессом. Именно от этого зависит то, каким будет человеческое общество, какое будущее ожидает всех нас. Профессор Соколов, подчеркивая, что информационная среда, в том числе и глобальная, имеет свои объективные законы развития, отмечает их доступность пониманию человека. Он также высказал мысль о том, что «идея информационного общества рождается в виртуальной реальности и плавно перетекает в социальную реальность» (14).

Существование глобального информационного общества стало реальностью, одобренной всеми регионами и странами мира. Но провозглашенное «источником развития для всех», оно фактически является «проектом лишь одной цивилизации – западной», поскольку в его основе «лежал сценарий по осуществлению *технико-технологической экспансии* Запада при помощи ИКТ» (12).

Вячеслав Семенович Стёпин разработал в конце 1980-х гг. концепцию двух типов цивилизационного развития – традиционалистского и техногенного. Он выделил общую для каждого из этих типов систему ценностей. Данная концепция имеет принципиальное значение для понимания того, что мы называем «информационным обществом» (15). Кроме того, именно в техногенной цивилизации «решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причём не только производственных, но и социальных» (23).

Главным становится вопрос: будет ли наша цивилизация холодной электронной или в ней будет преобладать теплота человеческих идеалов и чувств? Будут ли реальны самые мрачные предсказания о преобладании машинного интеллекта над человеческим разумом в развитии информационного общества? Нам необходима уверенность, что влияние человека всегда будет определяющим, что будут лидировать позитивные тенденции в процессе жизни, формируя Живой коллективный разум и преобразуя ноосферу в Сверхсознание человечества (4). Ответы можно найти у разных ученых, можно найти их и у В.И. Вернадского, когда он говорит о влиянии на жизнь каждой личности, утверждая, что «она своей волей становится одним из создателей» закона сознательного изменения процессов текущей жизни, участвуя «в глубоком процессе – переработке мировых явлений в целях, выработанных Сознанием» (3).

Рассматривая роль человеческого фактора в информационном обществе невозможно обойти стороной процессы, оказывающие непосредственное влияние на формирование глобальной информационной среды. Мы видим, что на первый план выходит значение совокупной «МегаЛичности», которая соотносится с употребляемыми терминами «глобальный мозг», «коллективный интеллект человечества», «ноосфера» (5). Каждый человек, являясь личностью, проживающей «здесь» и «сейчас», вносит свой вклад в развитие общества. Именно тот вклад, который и должен внести, ибо жизнь каждого из нас отражает те процессы, которые происходят в обществе, через ретроспективу индивидуального восприятия и понимания истории и жизни человечества. Поэтому степень взаимного влияния людей друг на друга, их целей и действий во всех сферах информационного общества очень важна, особенно при современном темпе развития информационных технологий. В этом аспекте интересны результаты исследований ученых, которые говорят о том, что сегодня мир стоит на пороге новой технологической революции – шестой волны технологических инноваций, выражающейся в переходе к конвергентным НБИК-технологиям (нано-био-информационно-когнитивным технологиям). При этом можно заметить, что здесь происходит взаимодействие двух типов процессов. Первый тип процессов связан с шестой волной технологических инноваций, а второй тип – это социальные процессы, происходящие в человеческом обществе, в реальном историческом процессе и метаистории (4).

С 8 по 12 сентября 2013 года в Южно-Сахалинске в рамках председательства России в Межправительственной программе ЮНЕСКО «Информация для всех» прошла Международная конференция «Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе». Здесь представители 46 стран обсудили влияние Интернета на социокультурные трансформации. Эта была первая в мире конференция на данную тему, которая стала попыткой комплексного осмысления тенденций, динамики, характера, масштаба, движущих сил, содержания и последствий социокультурных трансформаций, происходящих в условиях и под влиянием повсеместного распространения Интернета и других ИКТ. В конференции приняли участие теоретики и практики в сфере коммуникации и информации, а также учёные в области социальных и гуманитарных наук, философы, социологи, историки и другие. Особенностью конференции было то, что все вопросы рассматривались на междисциплинарной основе (13).

Участники конференции пришли к согласию в том, что Интернет представляет собой глобальный системный феномен, «обладающий свойством саморазвития и создающий широкий спектр социокультурных эффектов». Кроме того, в выводах конференции отмечалось, что «Интернет и новые медиа становятся основным пространством групповой и межличностной коммуникации, где генерируются новые культурные смыслы и способы взаимодействия». Отмечая положительные стороны этого развития, акцентировалось внимание и на опасностях, сопутствующих развитию Интернета. В частности, отмечалось, что «усиливается культурный разрыв между поколениями», нарушаются «традиционные механизмы культурной преемственности», возникает феномен «ухода в виртуальное пространство от решения проблем реального мира» (13). К важным выводам конференции следует отнести вывод о необходимости существенного пересмотра принципов защиты авторского права «с учетом особенностей цифровой среды для обеспечения свободного доступа к информации, необходимой для жизнеобеспечения и получения качественного образования, а также для развития науки». В одном из докладов конференции (22) сделан важный вывод о том, что «понятие информационного общества…имеет скорее идеологически «служебный», чем познавательный характер. Другими словами, оно призвано не столько объяснять, что происходит в реальности, сколько организовывать и направлять движение общества в желаемом направлении. Такого рода интеллектуальные конструкции как информационное общество…обслуживают интересы конкретных индивидов и социальных групп. Это, прежде всего, разработчики и производители информационных технологий, а также связанные с ними представители бизнеса, политики, вооружённых сил и специальных служб».

Эти проблемы обсуждались и позже – 16–22 августа 2014 года в Лионе на секции 210 «Новые технологии, информация, пользователи и библиотеки: взгляд в будущее» Всемирного библиотечного и информационного конгресса 80-й Генеральной конференции ИФЛА (International Federation of Library Associations and Institutions). Задачи глобального управления информационной сферой рассматривались в докладе, представленном на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации» (23). В докладе подчеркивается значение программы ЮНЕСКО «Информация для всех», направленной на создание справедливого общества путём расширения доступа к информации. Позиция ЮНЕСКО получила одобрение международного сообщества. Так, в Женевской декларации, принятой 12 декабря 2003 г., отмечается: «Мы твёрдо убеждены, что все вместе мы вступаем в новую эру огромных возможностей – эру информационного общества и расширения сферы человеческого общения. В этом зарождающемся обществе информацию и знания можно производить, обмениваться ими, совместно их использовать и передавать по всем сетям мира. Если мы предпримем необходимые действия, вскоре все люди смогут сообща построить новое информационное общество, основанное на совместном использовании знаний, на базе глобальной солидарности и более полного взаимопонимания между народами и странами. Мы верим, что эти меры откроют путь к дальнейшему развитию общества, действительно основанного на знаниях» (7).

В рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и седьмого международного IT-Форума 4–9 июля 2015 г. в Ханты-Мансийске прошла Всемирная встреча экспертов по проблемам сохранения языков и их развития в киберпространстве. На форуме отмечалось, что языковое разнообразие необходимо сохранять, поддерживать и развивать. Это понимание приходит ко всё большему числу людей во всем мире, и тема эта всё чаще выходит на высокий политический уровень. Но при этом все больше людей чувствуют и видят, что «языки становятся инструментом политического и экономического доминирования», малые языки ослабляются и утрачиваются. Как отмечается в заключительном документе форума (6), это происходит и с крупными европейскими языками: французским, немецким, испанским, русским, португальским, итальянским. При этом «они все реже используются в науке, политике, в деловом общении, и даже – в образовании, и всё больше уходят в тень английского».

Однако все провозглашенные в международных документах принципы развития информационного общества постоянно нарушаются, а иногда просто игнорируются. Со ссылкой на достоверные источники, сообщается о том, что в «развитых странах мира занимаются массовой слежкой за активностью пользователей Интернета, в том числе собственных граждан и стратегических союзников». Упоминается и о существовании кибернетических формирований в вооруженных силах «как минимум 10 государств», цель которых – «защита собственных компьютерных сетей, а также поиск уязвимостей и в случае необходимости нанесение удара по информационной инфраструктуре противника» (20). В докладе руководителя Центра по изучению проблем информатики ИНИОН РАН Ю.Ю.Черного на форуме в Ханты-Мансийске, акцентируется внимание на том, что «целью развития информационных технологий является возникновение искусственного интеллекта, который начнёт обучать себя сам и стремительно эволюционировать. В этом случае люди, как предшествующая стадия космической эволюции, окажутся более не нужными» (20). Несмотря на столь пессимистичные выводы, он, в заключение своего доклада, упоминает о важности и полезности «наряду с практической деятельностью по сохранению и развитию тех или иных языков привлекать философские, социологические, лингвистические и другие конкретно-научные подходы для более глубокого общего понимания ситуации и оценки перспектив дальнейшей работы».

Продолжая защищать линию ЮНЕСКО в использовании IT-технологий как инструмента борьбы за суверенитет стран и народов, Ю.Ю. Черный принял участие в работе круглого стола «Защита национальных интересов в эпоху технологического бума. IT-технологии как инструмент борьбы за суверенитет», который состоялся 27 апреля 2017 г. в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в рамках Парламентского клуба «Российский суверенитет». На заседании была представлена система трендов развития мирового прогресса, которые будут определять векторы технологического, экономического, демографического, общественного, политического и культурного развития России на ближайшие двадцать лет. В докладе «Проектируемое будущее» (21) Ю.Ю. Черный говорит о последовательных циклах технологических инноваций и высказывает идеи, касающиеся возможного будущего.

Наиболее актуальные из этих идей, касающиеся инновационных технологических изменений будущего, представляют интерес при решении образовательных проблем (5). Поэтому, размышляя, например, о том «чему учить студентов» и «как это делать», невольно приходишь к выводу о необходимости осмыслить имеющуюся информацию и попытаться убедиться в правильности выбора тем и содержания лекций, а также путей их эволюции. Например, читая студентам курс лекций по дисциплине «Информатика», имеющей самое непосредственное отношение не только к вычислительной математике, но и к физике, философии и метафизике, всегда приходится начинать с весьма простого определения информации: «Информация – это совокупность интересующих нас сведений, фактов, наборы данных», подчеркивая при этом, что ключевыми словами здесь являются «интересующих нас» (4). Говоря о свойствах информации, как о некой фундаментальной сущности, приходится выделять два главных ее свойства, отличающих ее от других фундаментальных сущностей, таких как вещество и энергия. Эти свойства информации – новизна и полезность. Есть еще одно свойство информации, о котором говорить, возможно, уже наступило время – это свойство самоорганизации, которое заключается в том, что информация самокодируется и проявляется в разных формах (5).

Как известно, о существе этой категории ведется постоянная дискуссия среди ученых, открываются все новые аспекты в понимании сути этого термина. Интерес представляют работы А.А. Денисова по созданию теории информационного поля (8). Известна также работа Г. Хакена (19), возможно многим ученым ближе именно этот подход. Рассматривая информацию первоначально в качестве «инструмента», Г. Хакен, говоря о «самозарождении смысла», делает важный вывод: «информация является решающим элементом существования самой жизни, …информация не только связана с пропускной способностью канала связи или с командами, отдаваемыми центральным регулятором отдельным частям системы. Она может также обретать роль своего рода среды, существование которой поддерживается отдельными частями системы – среды, из которой эти части получают конкретную информацию относительно того, как им функционировать когерентно, кооперативно. Именно на этом уровне в игру вступает семантика…». Говоря в своей работе о новом подходе, «который можно рассматривать как шаг в концепции информации, включающий семантику», он отмечает, что «смысл сигналу можно приписать только в том случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал». С этой позиции, говоря о «сложных системах», Г. Хакен подчеркивает основную закономерность изменения управляющего параметра, свойственную таким системам. Но, упоминая о том, что «при изменении этого управляющего параметра может возникнуть неустойчивость, и система переходит в новое состояние», он не анализирует информационные сообщества, где важно влияние человеческого фактора (5). А.А. Денисов в своем информационном подходе рассматривает разные формы существования информации. Он выделяет такие понятия, как «чувственное отражение в форме чувственной информации (или информации восприятия) J», «логическая информация (или информационный потенциал) H», «логическое пересечение, J и H», которое он называет в рассматриваемой теории «информационной сложностью (содержанием, смыслом) C= J x H». Отмечая, что «поскольку материя существует в пространстве, она тем самым всегда имеет структуру», он подчеркивает, что «именно структура как

распределение материи в пространстве характеризуется количественно и является информацией в себе» (8). Таким образом, А.А. Денисов вводит в физику наблюдения событий и объектов чувственное восприятие субъекта как участника событий. В этой связи можно вспомнить замечательные исследования В.И. Вернадского, касающиеся биосферы, его гипотезы о ноосфере. Выводы В.И. Вернадского вплотную подходят к тем проблемам, которые обсуждаются и в данной статье, и в тех работах, на которые мы ссылаемся. Уместно процитировать следующее его утверждение: «Биосфера не раз переходила в новое эволюционное состояние. В ней возникали новые геологические проявления, раньше не бывшие…Это переживаем мы и сейчас, за последние 10–20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу – перерабатывается научной мыслью социального человечества… Необратимость эволюционного процесса является проявлением характерного отличия живого вещества в геологической истории планеты от ее косных естественных тел и процессов. Можно видеть, что она связана с особыми свойствами пространства, занятого телом живых организмов, с особой его геометрической структурой, как говорил П. Кюри, с особым состоянием пространства…» (27). Поэтому становится понятной связь исследований А.А. Денисова, его гипотезы об информации как о «структуре», характеризующей «распределение материи в пространстве», с учением В.И. Вернадского о ноосфере (5). Обосновывая свое открытие, В.И. Вернадский также пишет об этом в статье «Автотрофность человечества», отмечая, что эта «великая геологическая, быть может, космическая сила» не принимается во внимание «в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу». Отмечая в своей работе невозможность выразить эту силу «в форме известных видов энергии», он подчеркивает, что ее влияние «на течение земных энергетических явлений глубоко и сильно», и должно иметь отражение, «в бытии самой планеты. Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного»(2).

Как известно, вместе с В.И. Вернадским одним из создателей теории ноосферы считается французский ученый и философ Пьер Тейяр де Шарден, который высказывает созвучные мысли, в своем главном труде «Феномен человека»:

«Вне всякого сомнения, материальная и духовная энергия *чем-то* связаны между собой и продолжают друг друга. В самой основе *каким-то образом* должна существовать и действовать в мире единая энергия. …Обе энергии – физическая и психическая, – находящиеся соответственно на внешней и внутренней сторонах мира, выглядят в целом одинаково, они постоянно соединены и некоторым образом переходят одна в другую… Энергетическая зависимость между внутренним и внешним вещей неоспорима. Но, очевидно, она может выразиться только с помощью сложной символики, где должны фигурировать величины различных порядков»(16).

Если говорить о науке, то в физике, несмотря на огромное значение, которое придается математике, все-таки критерием по-прежнему считается эксперимент. В свою очередь, математики, объявляя свою науку главной, в некоторых интерпретациях даже придают ей значение первоначальной сущности. В аспекте темы, развиваемой в данной работе, следует упомянуть имя Андрея Ивановича Лапина, работы которого содержат удивительные выводы. В своей работе «Наука и природа» он заметил следующее: «Ньютон думал, что у нас на Земле, в наших лабораториях и машинах начальные условия определяем мы. А в мире – Бог. Сейчас же считают, что начальные условия случайны, то есть их задаем не мы и не Бог, а Его Величество Случай. Поэтому, чтобы сделать естественную вещь объектом науки, то есть изучить ее в лаборатории, надо ее подвергнуть насилию, убить ее» (9). В предисловии к этой работе Игорь Шафаревич, резюмируя ее суть, делает вывод о том, что «научный, экспериментальный метод вообще неприменим к познанию Природы». Поэтому во всех экспериментах мы изучаем «лишь некоторые абстракции: природу, подогнанную под условия лаборатории». Отмечая, что «экспериментальный метод далеко не тождествен науке вообще», он подчеркивает, что ряд фундаментальных открытий был сделан путем наблюдения, упоминая при этом имена Чарльза Дарвина и Конрада Лоренца (9).

Можно предположить на уровне гипотезы, что процесс преобразования ноосферы продолжается, формируется общее достояние человечества – Сверхсознание или Живой Коллективный Разум, как результат самоорганизации чувственной и духовной информации, существующей в виде такого феномена, который носил разные названия в разные времена, в том числе и «коллективное бессознательное»(5). Таким образом, продолжаясь в своем развитии, процесс формирования ноосферы не стоит на месте, как и любой процесс. Именно Живой Коллективный Разум с его направленностью на любовь может противостоять всем опасностям уже возникшего, как его отражение, электронного искусственного интеллекта. Эти опасности, которые в полной мере проявляются при решении вопросов, связанных с развитием Интернета, обсуждаются вместе с проблемами «социального компьютинга» (11).

Обращаясь к «философскому миросозерцанию» Николая Бердяева, к его философии религии, видим, что эта тема у него звучит тоже оптимистично: «…Человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший … Личность не может быть частью чего-то: она есть единое целое, она соотносительна обществу, природе и Богу…Мир не перестал твориться, он не завершен: творение продолжается…» (1). Бердяев затрагивает в этой своей работе еще более сокровенную тему: «Духовная основа в человеке не зависит от природы и общества и не определяется ими. Человеку присуща свобода, хотя эта свобода не абсолютна…Речь идет об иррациональной свободе: не о свободе в истине, а о свободе принять или отринуть истину…» (1).

Необходимо сказать, что сама тема о «сохранении человеческого в человеке» возникла в попытке возразить тому, что при возникновении искусственного интеллекта, который «начнёт обучать себя сам и стремительно эволюционировать» может возникнуть ситуация, в которой «люди, как предшествующая стадия космической эволюции, окажутся более не нужными» (20). Эта иррациональная, даже трагическая гипотеза никак не согласуется с противоположным смыслом в высказываниях ученых, которые здесь приведены, и которые своей творческой деятельностью и жизнью доказывают это. И всегда останется за гранью возможностей искусственного интеллекта любовь.

В работах австрийского мыслителя Рудольфа Штайнера речь идет о теософии, как о «божественной мудрости». Говоря о назначении человека, он отмечает, что человек должен «свое высшее назначение мыслить в какой-либо связи с этим божественным…» (25). О любви он пишет в другой своей работе: «…любовь же есть переживание другого в собственной душе. Чтобы развить это переживание, нужно как бы набросить в душе покров на живущее в ее глубинах самочувствие (переживание «Я»). Когда в душе заглушено чувство ее собственных сил, в ней возникает, благодаря этому, чувствование в себе страданий и радостей другого существа; зарождается любовь, из которой вырастает истинная нравственность в жизни человека. Любовь есть для человека самый значительный плод переживания в чувственном мире…» (26).

Продолжая эту тему, можно увидеть, сколь большое значение придавал и Николай Бердяев личности человека, его свободе и способности любить, в замечательной работе, посвященной анализу его философских взглядов: «Любовь понимается Бердяевым как сила, преодолевающая отчуждение, т.е. не как психологическое чувство отдельного человека, а как принцип совершенного мироустроения…» (17). Читая это тонкое, глубокое и проницательное философское исследование, еще раз убеждаешься, что никакой искусственный интеллект с человеком сравниться не может.

В своих работах Эрих Фромм стремился «перенести акцент с биологических мотивов человеческого поведения в психоанализе на социальные факторы». В одной из них он пишет: «Мысль может быть пустой оболочкой, всего лишь мнением, которое высказывается, поскольку представляет собой мыслительный штамп, легко принимаемый и легко отбрасываемый в зависимости от мнения сообщества. С другой стороны, мысль может быть выражением человеческих чувств и подлинных убеждений, в этом случае в ее основании – вся личность в целом, мысль имеет эмоциональную матрицу. Человеческое действие по-настоящему определяется лишь такого рода мыслями…» (18).

Подводя итог изложенному, необходимо подчеркнуть, что направление развития искусственного разума всегда должно контролироваться в соответствии с идеалами человечества. Поэтому в процессах формирования глобальной информационной среды, в условиях конвергенции физического и цифрового миров, человеческий фактор всегда должен быть определяющим. Тогда именно «сохранение человеческого в человеке» может звучать как основная мотивация в модернизации России и, соответственно, современного информационного общества.

Список литературы

1. Бердяев Н. О русской философии. Ч. 1. – Свердловск: Издательство Урал. ун-та, 1991. – 288 с.
2. Вернадский В.И. Автотрофность человечества. – http://www.pobeda.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/vern1.html
3. Вернадский В.И. Философские заметки разных лет. Из записок. Август 1892 г. Прометей. Материалы к биографии. – М., 1988. – 352 с.
4. Волкова Л.П. Метафизика социальных процессов // Метафизика. 2017. – № 2(24). – С. 28–41.
5. Волкова Л.П. Влияние человеческого фактора в развитии информационного общества // Сборник статей Международной конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС «Государственное управление и развитие России: выбор приоритетов». – М., 2017. – Т. 1. – С. 227–239.
6. Всемирная встреча экспертов по проблемам сохранения языков и их развития в киберпространстве. Ханты-Мансийск,4-9 июля 2015 года. – Ugra_Global_Expert_Meeting_on_Multilingualism_in_Cyberspace_Programme(1). pdf
7. Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (Женева, 2003 г.) // Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Документы. – http://www.ifapcom.ru/ru/news/387
8. Денисов А.А. Теория информационного поля. Кн. 2. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2011. – 280 с.
9. Лапин А.И. Наука и природа. – https://www.litprichal.ru/work/260205/
10. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
11. Послесловие к 18-му заседанию совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации»: «Социальный компьютинг: история, методология, исследовательские проекты». – http://inion.ru/files/File/MPNI_18_170514_Posleslovie.pdf
12. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 60/252. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. – http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/502/74/PDF/N0550274.pdf?OpenElement
13. Сахалинская декларация «Интернет и социокультурные трансформации». Итоговый документ Международной конференции «Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе». Южно-Сахалинск, Российская Федерация, 8–12 сентября 2013 г. – sakh_decl_rus.pdf
14. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2012. – 352 с.
15. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – М., 1989. – № 10. – С. 3–18. – http://rozova.net/materials/VSStepin_Nauchnoe_poznanie_i_cennosti_technogennoy_civilizacii.pdf
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
17. Философия пола и любви Н.А. Бердяева / Ю.Ю. Черный; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: Наука, 2004. – 132 с.
18. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 143–221.
19. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
20. Черный Ю.Ю. Глобальная борьба за киберпространство и языки. – https://elibrary.ru/item.asp?id=26094042
21. Черный Ю.Ю. Проектируемое будущее. Доклад в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в рамках Парламентского клуба «Российский суверенитет» 27 апреля 2017 г. – http://inion.ru/index.php?page_id=436&id=1105&ret=435
22. Черный Ю.Ю. Размышления об информационном обществе // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8–12 сентября 2013 г.) / Сост. Кузьмин Е.И., Паршакова А.В. – М.: МЦБС, 2014. – С. 46–60. – http://www.ifapcom.ru/files/2014/sakhalin_sb/sakhalin2013_web.pdf
23. Черный Ю.Ю. «Шестая волна технологических инноваций: от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к конвергентным нано-био-инфо-когнитивным (НБИК) технологиям». Текст доклада на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации». Москва, ИНИОН РАН, 25 февраля 2016 г. – http://inion.ru/index.php?page_id=590
24. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.

25. Штейнер Р. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. – Ереван: Ной, 1990. – 160 с.
26. Штейнер Р. Порог духовного мира. Афористические рассуждения. Из летописи мира. Т.1. – Пенза: Каталог, 1991. – 320 с.
27. Электронный Архив В. И. Вернадского. – http://vernadsky.lib.ru . Данное электронное издание книги В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» готовилось по изданию: Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление* / Отв. ред. А.Л. Яншин. – М.: Наука, 1991.
28. Сайт «Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), епископ Крымский. – http://sv-luka.orthodoxy.ru/

Галаева Е.В.
д.э.н., профессор Академии труда и социальных отношений,
kafedra. etup1947@mail.ru
Кумар Ю.Б.
к.э.н., сотрудник отдела информационных технологий, Университет Рутгерс, Нью-Джерси, США
YKumar@dls.rutgers.edu

ПРОБЛЕМЫ РАСЧЕТА ВЕЛИЧИНЫ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА В РОССИИ

Ключевые слова: *социальная политика, прожиточный минимум, МРОТ.*

Величина прожиточного минимума трудоспособного населения в России в 4-м квартале 2017 г. составила 11 163 руб. Можно ли в каком-либо регионе России прожить на такую сумму работающему человеку целый месяц? Очевидно, что нет. Даже если бы он мог потратить на свои нужды всю указанную сумму. Однако даже этого он сделать не смог бы, потому что в этой сумме «сидит» еще и подоходный налог – 13%. При расчете прожиточного минимума в развитых странах этот момент учитывается. У нас – нет. Если вычесть из указанной суммы подоходный налог, то мы получим величину располагаемого дохода, который идет на собственные нужды работающего человека. Получаем сумму 9711,81 руб. Если всю эту сумму пустить на еду, то мы получим примерно 320 руб. в день, что явно недостаточно для работающего человека. А ему помимо этого требуются еще одежда, хотя бы минимальный набор хозяйственных средств (туалетная бумага, стиральный порошок и т.п.), хотя бы какие-то товары длительного пользования и, может быть, главное – средства на оплату коммунальных платежей, которые неуклонно растут.

Все это до недавнего времени учитывалось при расчете прожиточного минимума. По-видимому, осуществлялся необходимый контроль за его расчетом со стороны федеральных органов управления и Росстата. В последние 5 лет прожиточный минимум стал постепенно терять свое экономическое содержание и к настоящему времени, по нашему мнению, полностью его потерял. По-видимому, это связано с тем, что расчет прожиточного минимума попал под полную ответственность регионов и перестал контролироваться на федеральном уровне. В регионах же либо из-за нехватки квалифицированных специалистов, либо по каким-то иным соображениям расчету прожиточного минимума не уделяется должного внимания, что привело к практическому «замораживанию» его размера на уровне пятилетней давности.

Это означает утерю прожиточным минимумом экономического смысла и превращение его в некую абстрактную величину, используемую для иных целей, чем оплата труда. В такую абстрактную величину у нас в конце 90-х и нулевых годах был превращен МРОТ – минимальный размер оплаты труда. Он использовался при расчетах различных штрафов и неустоек, в нотариальных и прочих расчетах, но не имел никакого экономического смысла применительно к оплате труда.

Учитывая сказанное, мы предприняли собственную попытку наполнить прожиточный минимум экономическим содержанием и провели собственные расчеты[1]. У нас получилось, что прожиточный минимум для работающего человека, делящего расходы на оплату квартплаты и коммунальных услуг со своей работающей супругой (работающим супругом) составляет примерно 17 000 руб., а уплачивающего эти услуги в одиночку – 20 000 руб. Правда мы допустили общую ошибку – не учли налог на доходы физических лиц – 13%. При учете расхода на его уплату мы получаем величину прожиточного минимума для семейного человека 19 210 руб., а для одинокого – 22 600 руб.

Сколько людей у нас живут ниже величины прожиточного минимума – порога бедности?

Учитывая, что медианная заработная плата в России составляла в 2017 г. примерно 26 000 руб., ниже этой черты жила половина работающего населения – около 35 миллионов человек, из них не менее 20 миллионов получали заработную плату менее 19200 руб. (учитывая, что МРОТ до конца 2017 г. составлял 7800 руб.). У этих 20 миллионов имеются дети. Учитывая, что в среднем на российскую семью приходится примерно 2 детей (реально несколько меньше), то в среднем на одного работающего приходится 1 ребенок. Тогда 20 миллионов детей тоже попадают за черту бедности. Итого мы имеем уже 40 млн. бедных.

Добавим сюда пенсионеров. По нашим расчетам прожиточный минимум для них составлял в 2017 г. 13 000 руб. Примерно таким был и размер средней пенсии. Следовательно, мы можем полагать, что половина пенсионеров попала за черту бедности в 2017 г. Учитывая, что всего у нас насчитывалось 42 млн. пенсионеров, еще по меньшей мере 21 млн. населения относился к категории бедных (на самом деле, по нашему мнению, гораздо больше). Итого вместе с занятым населением за чертой бедности в 2017 г. проживал 61 млн. человек.

[1] Галаева Е.В., Кумар Ю.Б., Проблемы оплаты труда в современной России // Оплата и нормирование труда в промышленности. 2017. – № 12. – http://panor.ru/magazines/normirovanie-i-oplata-truda-v-promyshlennosti/numbers/226477.html?sphrase_id=19327

Далее мы еще не учли безработных. Они в полном составе попадают за черту бедности. У нас, как известно, максимальное пособие по безработице составляет 4900 руб., минимальное – 850 руб., и эти цифры не пересматривались уже лет 10. Очевидно, что пособие по безработице тоже уже давно превратилось в некую абстрактную величину, некую фикцию, не имеющую никакого экономического смысла. Вместе с тем, в категорию безработного может попасть любой человек, даже самый работоспособный, например, в случае банкротства предприятия и отсутствия в месте проживания других профильных рабочих мест. Во всех развитых странах пособие по безработице лишь немного уступает заработной плате на утерянном рабочем месте и позволяет вести достойную жизнь на протяжении времени получения пособия. Обычно этот период составляет полгода (в США в соответствии с федеральным законодательством период выплаты пособия составляет 26 недель).

Официально по статистике у нас насчитывается чуть более 5% безработных или около 4 млн. человек. Вместе с тем, у ряда экспертов, а также рядового населения эта цифра вызывает сомнение. По их и нашему мнению реальная безработица намного выше и составляет примерно 11–12%. По видимому, здесь дело в методологии расчета. Нам представляется, что в занятом населении учитываются не только коренные жители, как это было ранее, но и трудовые мигранты, а величина безработицы получается разницей между экономически активным и занятым населением. Тогда занятость является сильно завышенной, а безработица – сильно заниженной.

Даже если использовать официальные данные, число бедных в стране увеличивается еще на 8 млн. человек (сами безработные плюс их дети). Итого мы получаем общую численность населения, проживавшего в 2017 г. за чертой бедности – это 69 млн. человек.

Проблема расчета прожиточного минимума приобретает в настоящее время особое значение, т.к. впервые за почти 30 лет рыночных реформ объявлено о намерении Правительства довести величину МРОТ до размера прожиточного минимума трудоспособного населения. До этого во все указанные годы МРОТ колебался в диапазоне 55-65% от величины прожиточного минимума, что противоречило Трудовому кодексу, в котором говорится, что МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума. Однако сейчас мы сталкиваемся с другой проблемой: доведение МРОТ до потерявшей экономическое содержание величины прожиточного минимума на уровне 11 163 руб. не решает проблему бедности в стране. Если принять во внимание наши расчеты, в соответствии с которыми величина прожиточного минимума колеблется вокруг отметки в 20 000 руб. в зависимости от состава семьи, то установление МРОТ в размере 11 163 руб. оставит его опять в указанном диапазоне.

В западных странах и прожиточный минимум, и МРОТ имеют реальное экономическое содержание. В США прожиточный минимум устанавливается на федеральном уровне и является единым для всех штатов страны. Он устанавливается на одного работающего, но зависит от состава семьи (например, на него распределяется половина расходов на детей, если он имеет работающую супругу, либо на него списываются все расходы и на супругу, и на детей, если супруга не работает. Например, в 2016 г. прожиточный минимум одинокого работающего гражданина составлял $5 в час или 880 долларов в месяц, тот же прожиточный минимум был у работника, имевшего работающего супруга (супругу) и двоих детей. Прожиточный минимум женатого гражданина, имевшего работающую супругу (супруга), – 3 доллара в час или 528 в месяц (прожиточный минимум снижается за счет деления расходов на жилье). Одинокий работник, воспитывающий ребенка или семейный работник, имеющий неработающую супругу (супруга), имеет прожиточный минимум 7 долларов в час или 1232 доллара в месяц и т.п.[1]

Мы видим из этих цифр, что большинство затрат, входящих в прожиточный минимум, списываются на работника – расходы на жилье, транспорт, покупку товаров длительного пользования и т.п., поэтому его собственный прожиточный минимум более чем вдвое превышает затраты на каждого из иждивенцев. В затраты на каждого иждивенца входят только расходы на еду и одежду, поэтому общий бюджет иждивенца составляет примерно 350 долларов в месяц, причем эта сумма не зависит от того, о каком иждивенце идет речь – взрослом или ребенке.

В пересчете на рубли прожиточный минимум одинокого работника составляет примерно 50 000 руб., а на каждого иждивенца приходится еще примерно 20 000 руб. в месяц.

Минимальная заработная плата в США, наоборот, не зависит от состава семьи, но зависит от штата. Так, например, МРОТ в 2018 г. в штате Нью-Йорк составляет 10,40 долларов в час, в штате Нью-Джерси – 8,60 долларов в час и в штате Калифорния – 11 долларов в час[2] или в пересчете на месяц соответственно 1830,4, 1513,6, 1936 долларов. В малодетных семьях или семьях с двумя работающими супругами МРОТ, таким образом, в 2–3 раза выше прожиточного минимума, а для одного работника с 3–4 иждивенцами начинает от него отставать.

В Великобритании принят несколько иной подход к расчету прожиточного минимума – он там рассчитывается не на одного работника с учетом иждивенческой нагрузки как в США, а в целом на семью. Так, для одинокого работника или пенсионера он составляет 193 фунта стерлингов в неделю, для работающей супружеской пары или пары супругов-пенсионеров он составляет 288 фунтов, для одинокого родителя с одним ребенком в возрасте 1 года – 251 фунт, для пары с двумя детьми 3-х и 7-и лет – 403 фунта в неделю[3]. При пересчете указанных цифр на месяц, мы получим соответственно 832, 1242, 1084 и 2112 фунтов.

---

[1] Glasmeier A.K., Nadeau C.A. Living wage calculator: results from the 2016 dater update/ OpenDataNation.com on 04/13/2017. – http://livingwage.mit.edu/articles/23-results-from-the-2016-data-update

[2] Doyle A. 2018 Federal and State Minimum Wage Rates // The Balance. 2018. – January 8, – https://www.thebalance.com/2017-federal-state-minimum-wage-rates-2061043

[3] Tinson A., Ayrton C., Barker K., Barry T., Long O. London's Poverty Profile 2017 / New Policy Institute. 2017. – P. 37. – http://www.npi.org.uk/files/2915/0754/2603/Londons_Poverty_Profile_2017_report.pdf

Мы видим, что работники и пенсионеры имеют одинаковый прожиточный минимум в отличие от нашей страны. По-видимому считается, что при выходе на пенсию человек не должен менять сложившийся образ жизни в отношении еды, одежды и пр. При подсчете бюджета семей с детьми учитывается их возраст. Это связано с расходами по уходу за детьми: совсем маленьким требуется няня, после 3-х лет – детский сад, далее – школа. В среднем на иждивенца приходится примерно 250 фунта стерлингов в месяц.

Что касается минимальной заработной платы, то она утверждается на федеральном уровне и является обязательной для всех работодателей, нанимающих работников старше 25 лет. Для более молодых работников минимальная заработная плата снижается. С апреля 2017 г. МРОТ в Великобритании составлял 7.50 фунтов стерлингов в час, а с 1 апреля 2018 г. он составит 7,83 фунта[1]. В пересчете на месяц это, соответственно, 1320 и 1378,08 фунта. Это в целом покрывает бюджет одинокого родителя с одним ребенком и бюджет работающей пары с 2–3 детьми.

По аналогии с расчетом прожиточного минимума в США произведем собственные расчеты бюджета прожиточного минимума работника с учетом состава его семьи (иждивенческой нагрузки) на 2018 г.

Мы предполагаем, что в 2018 г. инфляция возрастет. Это связано с тем, что Правительство планирует произвести налоговый маневр по формуле «22–22»: увеличить на 4% налог на добавленную стоимость с 18 до 22% и снизить социальные взносы с 30 до 22%.

НДС – это косвенный налог, который фактически уплачивают потребители товара, т.е. простые граждане. Он закладывается в цену товара, поэтому цены возрастут на указанные 4%. Если добавить этот рост к достигнутому в 2017 г. уровню инфляции в размере 4%, то общая инфляция в 2018 г. будет не ниже 8%. Оценка ожидаемой инфляции на основе опросов экспертов превышает эту цифру и составляет 10–12% (ими ожидается ослабление национальной валюты, что, кстати, заложено и в бюджете страны). Именно этого уровня инфляции мы и будем придерживаться в своих расчетах.

Здесь следует заметить, что если 10%-й рост инфляции не будет компенсироваться соответствующим ростом зарплат в 2018 году, это отбросит за черту бедности еще 5 миллионов работающих плюс 5 млн. их детей. Само повышение МРОТ с 9489 руб. в начале 2018 г. до 11 163 руб. с 1 мая коснется не более 5–7% занятого населения и из бедности его не выведет (просто они будут чуть менее бедными). Важно, чтобы благодаря повышению ставки первого разряда, устанавливаемой обычно на уровне МРОТ, была пересмотрена в сторону повышения вся тарифная сетка. Тогда это сможет, наоборот, вывести из категории бедных примерно 5 миллионов работающего населения, в особенности если сетка строится по прогрессивной шкале.

Есть сомнения по поводу компенсации роста цен пенсионерам. Снижение социальных страховых тарифов с 30 до 22% еще более осложнит ситуацию с бюджетом Пенсионного фонда РФ, который и так является дефицитным, что может вылиться в недокомпенсацию уровня инфляции пенсионерам, а это в свою очередь «провалит» за черту бедности еще 5–6 млн. пенсионеров (вдобавок к уже имеющемуся 21 млн.) Таким образом при неблагоприятном раскладе с компенсацией 10%-ной инфляции работающему населению и пенсионерам общая численность населения, живущего за чертой бедности может увеличиться на 15–16 млн человек и достичь 85 млн.

Рост инфляции на 10% означает, что для одинокого работника полученная нами ранее величина прожиточного минимума в 2017 г. с учетом подоходного налога в размере 22 600 руб. при увеличении на 10% составит 24 860 руб., а для семейного работника без детей, но с работающей супругой (супругом), имевшаяся величина в размере 19 210 увеличится до 21 131 руб. Далее учтем состав семьи. По аналогии с США примем, что на каждого иждивенца приходится примерно 40% прожиточного минимума работника, а при наличии работающего супруги (супруга) расходы на иждивенцев делятся пополам (см. табл. 1).

Таблица 1

Расчет величины прожиточного минимума трудоспособного населения в России с учетом иждивенческой нагрузки на 2018 г., в сопоставлении с аналогичной величиной в США

Тип семьи	Прожиточный минимум в США, долларов	Прожиточный минимум в России, рублей
1 взрослый	880	24 860
1 взрослый и 1 ребенок	1232	34 804
1 взрослый, 2 детей	1584	44 748
1 взрослый, 3 детей	1936	54 692
2 взрослых, 1 работающий	1232	34 804
2 взрослых, 1 работающий , 1 ребенок	1584	44 748
2 взрослых, 1 работающий, 2 детей	1936	54 692
2 взрослых, 1 работающий, 3 детей	2288	64 636
2 взрослых	528	21 121
2 взрослых, 1 ребенок	704	25 345
2 взрослых, 2 детей	880	29 569
2 взрослых, 3 детей	1056	33 793

Данные по США пересчитаны авторами в расчете на месяц по источнику: Glasmeier A.K., Nadeau C.A. Living wage calculator: results from the 2016 dater update / OpenDataNation.com on 04/13/2017. – http://livingwage.mit.edu/articles/23-results-from-the-2016-data-update

[1] National Minimum Wage and National Living Wage rates / GOV.UK, 2018. – https://www.gov.uk/national-minimum-wage-rates

В настоящее время по величине прожиточного минимума мы отстаем от США примерно в 5 раз. При наших расчетах отставание все равно останется, но сократится примерно до 2 раз.

Учитывая, что МРОТ и в США, и в Великобритании покрывает содержание одного ребенка для одинокого родителя и двух детей для работающей пары, мы должны установить федеральный МРОТ для России хотя бы на уровне расходов одинокого работника, а это составляет 24 860 руб. (примерно 400 долларов).

Гернега К.С.
старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск
gernega@yandex.ru
Огурцова У.А.
студент Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова*: социально-психологическая адаптация, социализация, социальная среда, медиареальность, масс-медиа, социальная реклама.*
Keywords*: socio-psychological adaptation, socialization, social environment, media reality, media, social advertising.*

В современном мире человеку приходится постоянно адаптироваться под быстро изменяющиеся условия. Человек живет в информационном обществе, и на его социально-психологическую адаптацию неизменно влияют средства массовой информации.

По определению Д.В. Ольшанского, социальная адаптация – это вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Важнейший компонент адаптации – согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и реальностью социальной среды, включающее также тенденции развития среды и субъекта [6].

Многими авторами отмечается связь социально-психологической адаптации с социальной средой. Социально-психологическая адаптация формируется в процессе взаимодействия индивида и окружающей среды, является процессом и результатом приспособления к постоянно меняющимся условиям социальной среды.

В концепциях отечественных ученых К.А. Абульхановой-Славской, Л.С. Выготского, Б.Ф. Ломова, А.Н. Леонтьевой, А.В. Петровского и других сущность процесса адаптации усматривается во взаимодействии двух сторон — человека и социальной среды, в основе которого лежит активность социальной среды и активность личности, ориентированная на познание окружающего мира и разработку принципов и определенных способов взаимодействия, дающих возможность приспособиться к изменившимся социальным условиям, и преобразовать их по мере необходимости. Таким образом, в качестве объекта социально-психологической адаптации выступает социальная среда [4].

Социально-психологическая адаптация тесно связана с социализацией. С первых дней своего существования человек окружен другими людьми и включен в социальное взаимодействие. Первые представления об общении человек приобретает еще до того, как научится говорить. В процессах взаимодействия с другими людьми он получает определенный социальный опыт, который, будучи субъективно усвоенным, становится неотъемлемой частью его личности.

Однако в настоящее время человек подвержен влиянию СМИ. Он окружен всевозможными техническими средствами, способными транслировать масс-медиа: смартфоны, телевизоры, компьютеры и другие современные гаджеты, открывающие доступ к радио, телевидению, Интернету. При активном воздействии масс-медиа социализация индивида проходит в условиях медиареальности, которая выступает в качестве социальной среды.

Отечественные культурологи и социологи под медиареальностью понимают медиапространство, формируемое системой СМИ, в том числе и Интернетом. Зарубежные исследователи также ассоциируют медиареальность с цифровыми медиасредствами и киберпространством.

Медиареальность – это реальность, которая создается технологиями медиакоммуникаций (Интернет, телевидение, радио, пресса). Техническую основу медиареальности составляет компьютеризация, информатизация, появление новых средств коммуникации. Медиапространство может быть рассмотрено как особая реальность, представляющая одну из форм реализации социального пространства, в рамках которой конструируется и воссоздается свое понимание мира, что порождает формирование специфических социальных практик, представлений индивидов, включенных в коммуникационный процесс. Одной из важнейших функций медиареальности является формирование общественного мнения. Развитие потенциала личности становится полностью зависимым от использования ресурсов медиапространства [1].

Масс-медиа имеют возможность создавать и воссоздавать свое социальное пространство. Воспринятая индивидом «картина мира», побуждает его думать определенным образом, актуализировать и признавать значимыми лишь те аспекты реальности, которые воспроизводились в медиареальности. Отсюда медиареальность на субъективном уровне – это видение социального пространства в рамках особой мировоззренческой специфики.

На сегодняшний день масс-медиа раскрывают смысл происходящих в мире событий, охватывая все сферы современной жизни. Фактически, через СМИ формируется общественное мнение, оценивается содержание суждений и поступков. Медиареальность начинает оказывать все большее влияние на социально-психологическую адаптацию

человека. СМИ моделируют отношение людей к миру действительности, предлагают варианты поведения людей, распространяют социальные ценности, нормы и образцы поведения, обеспечивают социализацию человека.

Как же происходит отбор информации в медиареальности? Как создаются информационные сюжеты? Масс-медиа отбирают для освещения в первую очередь нечто новое, удивительное, то, что способно вызвать интерес публики, удивить или шокировать. Большинство сообщений в СМИ имеет негативный характер, новости об экстремальных событиях – голоде, войне, терактах, необычайно жестоких преступлениях, доминируют в СМИ. Следует отметить, что помимо освещения событий сенсационного характера, зрителям активно навязываются различные потребительские стандарты, новые искусственные потребности. Соответственно происходит искажение реальности. Индивидом отбираются искусственно-созданные, нереалистичные ситуации, нормы и образцы поведения. Человек не только воспринимает полученный таким образом социальный опыт и овладевает им, но и активно преобразует в собственные ценности и опыт установки, которые создаются искусственно и не имеют аналогов в реальности.

«То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря масс-медиа», – отметил известный немецкий социолог Николас Луман [5, с. 8]. Таким образом, уже с детства социализация человека проходит в нереальной действительности, медиареальность подменяет реальную социальную среду.

Н.В. Тюрина отмечает, что социальная-психологическая адаптация, как приспособление человека к условиям социальной среды, предполагает адекватное восприятие окружающей действительности и самого себя [9, с. 154]. Если личность находится под влиянием медиареальности, существует вероятность возникновения обратного процесса: дезадаптации. В данном случае дезадаптация подразумевает когнитивный диссонанс, вызванный несовпадением представлений о жизни медиареальности и реального положения дел, неадекватным восприятием окружающей действительности и самого себя.

Проблема социально-психологической адаптации личности в обществе становится все более острой в связи с трансформацией ведущих ценностных ориентаций. Потеря привычных ориентиров поведения, необходимость пересмотра личных ценностей и норм, а также выбора новых целей, основанных на навязанных СМИ мировоззренческих установках, порождает дезадаптацию и напряжение у большинства членов общества. Дезадаптации подвергаются не только на этапе первичной социализации в юности, с этим сталкиваются в разные периоды своей жизни представители среднего и старшего поколения. Дезадаптация проявляется в дезориентации в жизненно важных выборах. Порождаемый масс-медиа ценностный вакуум по-разному проявляется в различных слоях и социальных группах. Преувеличенное значение материальных благ, стремление к ним начинает заменять индивидуальные личностные смыслы. На арене медиареальности появляются новые «герои», что побуждает многих людей выбирать цели и направления деятельности, не соответствующие их внутренней сущности. Выбор значимых жизненных целей обычно также совершается в процессе социализации [2]. При недостаточно успешной социализации появляются плохо осознаваемые и нереалистичные цели, не отвечающие образу жизни человека.

К результатам манипуляции общественным сознанием относятся отвлечение от важных социальных проблем, маргинализация, потребительское поведение, чрезмерное упрощение возникающих вопросов и т.д. Люди становятся жаждущими развлечений, пресыщения, обывательского потребления. Формируется особый тип потребления, который заключается в вечной гонке за комфортом и развлечением.

Существуют позитивные примеры социально-психологической адаптации с помощью масс-медиа – социальная реклама. Социальная реклама наделена информационной и воздействующей функциями. Помимо указанных функций, по мнению Дакоро М.А., «социальная реклама выполняет коммуникативную, воспитательную функции и функцию социализации, типизации и институционализации определенных стандартов поведения» [3, с. 35].

О. Савельева под социальной рекламой понимает рекламу, направленную на распространение полезных с точки зрения общества социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках общества [7, с. 24].

Ориентирами для создания социальной рекламы являются фундаментальные человеческие ценности, морально нравственные принципы общества. Сюжеты создаются с опорой на существующие жизненно важные социальные проблемы. Предназначение социальной рекламы – гуманизация общества и формирование нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческой модели общества. Целью социальной рекламы является не только изменение отношения общества к той или иной проблеме, но в долгосрочной перспективе – создание новых социальные ценностей [3]. Соответственно, в процессе социализации под влиянием социальной рекламы человек приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему для нормальной жизни в обществе.

Список литературы

1. Абрамова М.А. Медиареальность как фактор ремифологизации общественного сознания // Сибирский философский журнал. – Новосибирск, 2012. – Т. 10, № 3. – С. 96–101.
2. Волынская Л.Б. Социокультурная и личностная адаптация человека на различных стадиях жизненного цикла: учеб. Пособие. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 168 с. – http://e.lanbook.com/book/3746
3. Каменева В.А. Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы // Политическая лингвистика. 2013. – № 2.
4. Красильников И.А. Социально-психологические механизмы внутренних конфликтов личности // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. – № 2. – С. 13–16.
5. Луман Н. Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А.Антоновского. – М.: Праксис, 2005. –305 с.
6. Овсяник О.А. Социально-психологические особенности адаптации личности // СИСП. 2012. – № 1. – С. 686–696.
7. Савельева О.О. Введение в социальную рекламу. – М.: РИП-Холдинг, 2016. – 176 с.

8. Савина И.Д., Анисимова А.М. Формирование моральных ценностей в сознании современного общества через социальную рекламу / Ульяновский государственный технический университет, Издательство: Закрытое акционерное общество «Университетская книга». – Курск, 2014. – С. 251–254.
9. Тюрина Н.В. Понятие адаптации в современной психологии // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2013. – № 5. – С. 152–157.

Гретченко А.И.[1]

ТРУД В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ[2]

Ключевые слова*: цифровая экономика, рынок труда, цифровые технологии, человеческий капитал, информационные технологии, цифровой рынок труда, модели рынка труда.*

Keywords*: digital economy, labor market, digital technologies, human capital, information technologies, digital labor market, labor market models.*

Современный этап развития России сопряжен с безальтернативной необходимостью перехода на новую модель экономического развития, в основе которой лежит более высокая эффективность использования интеллектуального и творческого потенциала человеческой личности. Данный переход ориентирован на повышение экономической и социальной эффективности организационных структур, кооперационных связей альянсов, которые образуют люди и организации в ходе трудовой и исследовательской деятельности, включая кооперационные связи предприятий, творческих проектных команд, исследовательских организаций, общественных и государственных институтов. Это обосновывает необходимость дополнительной разработки теоретических и институционально-технологических основ новой экономической среды на базе информационно-интеллектуальных сетей, то есть проработки основ цифровой экономики.

Переход общества от материально-вещественной, индустриальной экономики к цифровой меняет механизмы вовлечения людей в экономическую деятельность, спектр их экономической самореализации. Отмирают ранее необходимые профессии и появляются принципиально новые.

Термин «цифровая экономика» появился относительно недавно, в 1995-м году его ввёл американский специалист в области информационных технологий Николас Негропонте (Массачусетский университет)[3], широкое употребление этот термин получил только в XXI веке.

В 2015 году Международная организация труда (МОТ) в Докладе I Генерального директора «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда»[4] уделила особое внимание развитию цифровых, 3D и робототехнологий. МОТ совместно с Европейским фондом улучшения условий жизни и труда (Еврофонд) в 2017 г. опубликовала доклад «Работа всегда и везде: изменения в мире труда»[5], в котором на основании исследований, проведенных в 15 странах (Аргентины, Бразилии, Индии, Японии, Соединенных Штатов, Бельгии, Финляндии, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Нидерландов, Испании, Швеции и Соединенного Королевства) выделены основные типы трансформации современных работников. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЕСР) на конференции в 2016 году рассмотрела новые формы занятости и необходимые навыки работника, которые должны быть им сформированы для эффективного трудоустройства в информационном обществе[6].

Проблематика развития цифровой экономики является предметом многочисленных международных симпозиумов и конференций. Развернуты масштабные страновые исследования формирования цифровой экономики. Национальный исследовательский совет в США на протяжении целого ряда лет проводит исследования современных цифровых компетенций работников, а McKinsey на протяжении ряда лет прогнозирует будущие навыки работников[7].

В Японии для продвижения телеработы Министерство внутренних дел и коммуникаций (MIC) с 2012 года реализует Национальный проект развития телеработы и организует семинары для содействия дистанционной работе, представляя преимущества этой работы и т.п.

---

[1] Гретченко Анатолий Иванович – д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Директор НИИ «Новая экономика и бизнес» РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: gai51@list.ru

[2] Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 8-010-00534 «Разработка методологии, алгоритма и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах в профессионально-квалификационном разрезе».

[3] Negroponte N. Being Digital. – N.Y.: Knopf, 1995. – 256 p.

[4] Доклад I генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда». 104 сессия. ILC/104/DG/I. 2015

[5] Working anytime, anywhere: The effects on the world of work / Publications Office of the European Union, – Geneva, 2017. – 73 p.

[6] Panel 4.2 «Skills for a Digital World» of the OECD Ministerial Meeting on the Digital Economy, 21-23 June 2016, Cancún (Mexico). – http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/5jlwz83z3wnw-en.pdf?expires=1493031438&id=id&accname =guest&checksum=E56F3E7B87A3043C76F2BDD968ECA432

[7] A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age. Highlights. – Washington: McKinsey & Company, 2015. – file:///C:/Users/vitalya/Downloads/MGI%20Online%20talent_A_Labor_Market_That_Works_Executive_%20summary_June%202015.pdf

Развитие цифровой экономики широко исследуется и в России. В Сколково создан «Центр компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики»[1], основная цель деятельности которого направлена на разработку Концепции по совершенствованию нормативно-правового регулирования в условиях формирования цифровой экономики. Агентство стратегических инициатив реализует проект «Национальная технологическая инициатива: продукты рынков будущего»[2], в рамках которого формируются инновационные идеи развития информационной экономики. Институт развития информационного общества в России проводит исследования в области формирования и развития информационного общества в России, интеграции России в глобальное информационное общество[3]. НИУ «Высшая школа экономики»[4] разработаны общие критерии использования информационно-коммуникационных технологий участниками рынка и общества в целом, анализируются критерии вхождения России в цифровое пространство. В МГУ им. М.В. Ломоносова[5] разрабатываются направления развития информационного общества и цифровой экономики, в том числе обеспечения ее безопасности. В НИИ «Новая экономика и бизнес» РЭУ им. Г.В. Плеханова выполняется научно-исследовательский проект «Разработка методологии, алгоритма и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах в профессионально-квалификационном разрезе» поддержанный РФФИ на 2018–2020 годы.

Для того чтобы Россия заняла достойное место в глобальной цифровой экономике, необходимо определить базовый социально-экономический профиль российского работника, соответствующего требованиям современных информационно-коммуникационных технологий к классам условий его труда, сложности выполняемых работ и квалификации. В цифровой экономике работник может быть трудоустроен дистанционно вне территориальных и страновых границ работодателя, везде, где позволяют его конкурентоспособность и условия труда, и, не в последнюю очередь, привлекательный для него доход.

Социальный профиль работника включает обоснование типов его занятости и принципов и форм ее организации на гибкой основе, но с соблюдением основных трудовых и социальных прав, а также обоснование приоритетных сфер его деятельности, профессионального и социального статусов.

Экономический профиль работника включает обоснование размеров оплаты его труда и социальных выплат, соответствующих требованиям к поддержанию и развитию его конкурентоспособности, в том числе, в сравнении с зарубежными аналогами. Экономический профиль работника в цифровой экономике должен позволять ему обеспечивать расширенное воспроизводство и достойный уровень жизни его семьи (домохозяйства).

Социально-экономический профиль работника позволит, во-первых, обозначить условия, которые необходимо создавать на рабочих местах для привлечения российским государством и отечественным бизнесом высокопроизводительных работников как из нашей страны, так и из других стран. Во-вторых, определить, при каких условиях может быть сформирован конкурентоспособный работник для внутреннего и внешнего глобального цифрового рынка труда.

Переход к цифровой экономике предполагает повышение эффективности управления. Для этого необходимо разработать линейку типовых цифровых рабочих мест и оценить их параметры. Классификацию основных групп типовых рабочих мест следует представить в виде иерархической структуры с учетом той информации, которая необходима для каждой из этих групп. По составу этой информации можно определить типы компьютерных систем (программных продуктов), которые необходимы для автоматизации деятельности типовых рабочих мест для этих групп.

Такими группами типовых рабочих мест могут быть с учетом иерархии управленческой деятельности:

- руководители организации высшего уровня иерархии;
- финансово-экономический блок и бухгалтерия;
- руководители среднего звена;
- специалисты организации, создающие технологии работ и соответствующую руководящую документацию для исполнителей;
- исполнители;
- IT-специалисты, обеспечивающие эффективную эксплуатацию компьютерных систем.

Разработка социально-экономического профиля работника в цифровой экономике и определение требований к его рабочему месту позволят определить затраты на создание конкурентоспособных рабочих мест, что требуется для оценки человеческих, материальных и финансовых ресурсов, необходимых для выполнения задач, которые поставлены в Программе: «Цифровая экономика Российской Федерации»[6] по формированию рынка труда, соответствующего требованиям цифровой экономики и созданию системы мотиваций по освоению необходимых компетенций и участию кадров в её развитии в России.

Следует отметить, что в настоящее время развитие экономических и социальных процессов происходит в условиях высокой турбулентности и характеризуется высокой динамикой. Технологические изменения, трансформации экономических систем и систем управления, системы социальных отношений наращиваются экспоненциально характер, многие из них являются радикальными по своей сути. Эти изменения формируют новые вызовы, в том числе в

[1] Центр компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики. – http://sk.ru/foundation/about/p/digitalregulation.aspx

[2] https://asi.ru/nti/

[3] www.iis.ru

[4] https://issek.hse.ru/

[5] https://cs.msu.ru/laboratories/oit

[6] Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – http://base.garant.ru/71734878/

области социально-трудовых отношений, отношений по поводу формирования и использования человеческих ресурсов, профориентации и профессионального самоопределения личности.

Социально-трудовые отношения претерпевают радикальные изменения в трех отношениях.

Во-первых, изменяются границы традиционного разделения труда, стираются границы профессий, ускоряются темпы «вымирания» традиционных профессий, возникают новые, ранее непрогнозируемые. Российские эксперты отмечают, что за 5 лет могут исчезнуть до 10% существующих в настоящее время профессий. С этой точки зрения меняются принципы разделения и кооперации труда. Жесткое закрепление функций за той или иной профессией, в том числе в профессиональных стандартах, приходит в противоречие с динамикой и гибкостью социально-трудовой сферы. Роботизация и автоматизация кардинально меняют содержание труда во всех отраслях и видах занятости, что изменяет требования к компетенциям работников. Узкопрофессиональная подготовка приходит в противоречие с необходимостью формирования сквозных, надпрофессиональных компетенций (коммуникабельность, нестандартность и критичность мышления, умение работать с использованием современных цифровых технологий и др.), значение которых с каждым годом возрастает. И в начале трудового пути, и в течение трудовой деятельности человеку необходимо ориентироваться в мире профессий, в динамике и перспективах их изменений с тем, чтобы своевременно формировать и развивать свои компетенции, повышать свою конкурентоспособность на рынке труда с учетом перспектив его трансформации.

Во-вторых, изменяются формы занятости. Наряду с традиционными контрактными формами реализации трудовых отношений активно развиваются занятость в виде фриланса, краутсорсинга, инсорсинга, гибких форм включения профессионалов в трудовую деятельность, развивается дистанционная занятость, проектная форма занятости и пр. При этом новые формы становятся все более предпочтительными для молодежи и высококонкурентного персонала. Поэтому при профессиональном самоопределении и профориентации требуется учитывать не только трансформации в содержании и разделении труда, но и возможности, перспективы использования гибких (новых) форм социально-трудовых отношений.

В-третьих, повышается мобильность человека труда в течение его трудовой деятельности. Это связано как с активизаций миграционных процессов (по причинам труда и занятости мигрирует более 60% меняющих место жительства), так и с межпрофессиональной, межотраслевой, внутрифирменной мобильностью. «Образование в течение всей жизни» как принцип и концепция все отчетливее развивается и реализуется в практике. Становится все более устойчивой тенденция, когда человек меняет свою профессиональную принадлежность 3–4 раза в течение трудовой жизни. На рабочих местах все чаще преодолеваются традиционные барьеры в профессиональном разделении труда. Рабочие места формируются под задачи, компетенции работника, под клиента, технологию. Поэтому человеку труда необходимо ориентироваться в профессиях не только при выборе профессии, но и всю трудовую жизнь. В результате объективно возникает необходимость такого механизма, который бы позволял в условиях экспоненциальных изменений заблаговременно осуществлять связь между технологическими трансформациями, трансформациями в разделении труда и «мире» профессий, рынком труда, профессиональным и личностным развитием. Таким механизмом может стать модернизированная концепция профориентации и профессионального самоопределения.

Развитие цифровых технологий, роботизации и автоматизации должно стать базой для прогнозирования развития разделения труда и трансформации профессий, содержания труда. Это, в свою очередь, является основой для прогнозирования развития рынка труда и занятости населения, отсюда вытекают требования к образованию и формированию компетенций.

С позиции практики необходимо оценить эффективность применяемых методов профориентации и профессионального самоопределения с точки зрения их соответствия требованиям промышленной революции, перспективам развития рынка труда, формам занятости и др. Можно отметить, что в последние годы спонтанно, очевидно как неосознанная реакция на вызовы практики, возникают новые методы профориентации, новые субъекты. Интересными можно назвать проекты «Кванториум» (центры робототехники и цифровых технологий), «Сириус-Центры» (центры личностного и профессионального развития). В результате возникают противоречия между ними, несогласованность и разнонаправленность действий, дублирование. Методы профориентации слабо используют современные технологии, что снижает эффективность профориентационных мероприятий. 67% абитуриентов не имеют устойчивого выбора профессии и вуза (по результатам исследований проведенных в НИИ «Новая экономика и бизнес» РЭУ им. Г.В. Плеханова) даже при условии, что они участвовали не менее чем в трех профориентационных мероприятиях.

Кроме того, существующие в настоящее время системы профориентации направлены в большей степени на выбор профессии в соответствии с имеющимися на данный момент способностями и предпочтениями школьника (молодежи, реже – незанятого населения). Слабо учитываются прогнозы рынка труда, изменения в профессиях, условиях занятости. Горизонт прогнозирования не превышает 5 лет. Между тем, система должна основываться не на имеющихся способностях, а на потенциале, горизонт – не менее 10 лет, должны использоваться не профессиональные наклонности, а компетенции, в том числе надпрофессиональные, сквозные. Практически полностью отсутствуют независимые методы профориентации (профессионального самоопределения) для занятого населения. Системы карьерного планирования больше ориентированы на закрепление персонала в организации, а не на свободное перемещение человека на рынке труда, что порождает противоречия личностного и профессионального характера, тормозит развитие человеческих ресурсов страны. Поэтому необходимо разработать концепцию, позволяющую преодолеть эти противоречия и сформировать единую теоретическую базу для построения современной перспективной системы профориентации и профессионального самоопределения, интегрирующщей усилия различных субъектов для достижения общих целей.

Научная идея данной концепции заключается в рассмотрении профориентации и профессионального самоопределения как механизма, обеспечивающего единство и непрерывность процесса воспроизводства человеческих ресурсов с позиции выбора человеком своей траектории профессионального развития, что обусловлено сквозным характером изменений в технологическом, профессиональном и функциональном разделении труда под воздействием принципов четвертой промышленной революции, цифровой экономики и инновационным характером социально-трудовых отношений. Ограниченность существующих подходов к профориентации и профессиональному самоопределению связана с тем, что они разрывают единый процесс профессионального самоопределения человека в течение всей трудовой деятельности как минимум на три части:

– профориентация в традиционном смысле как выбор профессии школьниками, молодежью. В рамках этого речь идет об оценке своих предпочтений и потенциала, о выборе учебного заведения как сферы формирования первичных профессиональных способностей и развития личностных качеств, о возможностях трудоустройства. Эти аспекты ограничиваются профинформированием, профагитацией, профдиагностикой (чаще всего на основе психологического тестирования), профконсультированием (преимущественно для школьников и родителей, реже для меняющих профессию людей). Эта часть в большей степени отражает интересы человека (найти работу в соответствии со своими способностями) и общества (обеспечить отрасли народного хозяйства необходимым количеством человеческих ресурсов);

– регулирование рынка труда в части распределения человеческих ресурсов по отраслям занятости, формам занятости, между организациями (трудоустройство) и по уровням и формам подготовки (образование). Для обеспечения себя соответствующим персоналом, предприятия ведут работу со школьниками и студентами, проводят ярмарки вакансий, формируют соответствующий HR-бренд (бренд работодателя на рынке труда). В этой части в традиционную профориентацию включаются вопросы спроса и предложения труда, формирования и отдачи человеческого капитала, прогнозирования трудоустройства, формирования компетенций;

– профессиональное самоопределение как механизм планирования профессиональной деятельности, карьеры, служебно-должностных перемещений, развития компетенций в процессе трудовой деятельности. Эти вопросы решаются в рамках систем управления человеческими ресурсами на уровне организаций, корпораций и консультационных услуг, бизнес-образования. Следует отметить, что положительные аспекты профориентации (именно ориентации, выбора) утрачиваются в этих механизмах, поскольку преобладают интересы организаций, бизнеса и лишь тенденции «свободы труда» настойчиво формируют вектор интересов работника в этой проблематике.

Таким образом, научная идея заключается в том, чтобы сформировать единую концепцию ориентации человека, общества, организаций в профессиональном разделении труда с учетом интересов всех субъектов социально-трудовых отношений, перспектив трансформации мира профессий и рынка труда.

В условиях формирования цифровой экономики в России необходимо исследовать и обобщать опыт развития национальной специфики рынка труда в разных странах. В настоящее время, опираясь на исследования, проводимые российскими учеными, принято выделять национальные модели, такие как японская, американская, шведская модели рынка труда: «Для японской модели характерна система трудовых отношений, основанная на принципе «пожизненного найма», при котором гарантируются занятость постоянного работника на предприятии до достижения им возраста 55–60 лет, повышение размеров заработной платы, премиальных и социальных выплат в прямой зависимости от числа проработанных лет, плановое последовательное повышение квалификации и служебно-профессиональный рост. Японская модель рынка труда способствует формированию рациональной занятости при наиболее полном учете потребностей производства, интересов работодателей и наемных работников. Модель рынка труда США характеризуется децентрализацией законодательства: законы о занятости и помощи безработным принимаются каждым штатом отдельно. На предприятиях обычным является жесткое отношение к работникам, которые при изменении конъюнктуры рынка могут быть уволены, причем работники не информируются об увольнении заблаговременно. Коллективными договорами охвачена только четверть работников. Недостаточно внимания уделяется внутрифирменной подготовке персонала – за исключением подготовки по специфическим для фирмы работам. Подобная политика фирм ведет к высокой географической и профессиональной мобильности работников. Шведская модель характеризуется активной политикой государства в области занятости, делающей упор на меры по предупреждению безработицы, а не на содействие уже потерявшим работу, в результате чего уровень безработицы в этой стране минимальный»[1].

Как было отмечено ранее, определяющим фактором социально-экономического развития общества становится переход от «экономики натурально-вещественной» к «экономике знаний», в связи с чем, возрастает роль информации в решении практически всех задач мирового сообщества. Это является доказательством того, что научно-техническая революция постепенно превращается в интеллектуально-информационную.

В настоящее время к передовым странам с развитой фундаментальной наукой в данной области можно отнести такие страны как США, Япония, ФРГ, Великобритания и некоторые другие. К странам, использующим инновации и технологии вышеназванных стран можно отнести Китай, Японию, Южную Корею и др.). Вместе с тем появились такие страны как Швеция, Финляндия, Израиль, Ирландия, Норвегия, которые проводят активную политику на мировых рынках ИТ.

В связи с происходящими изменениями в глобальной цифровой экономике, России необходимо занять собственную нишу. По прогнозам ведущих экспертных агентств, в ближайшие годы информационно-коммуникационные

[1] См.: Прогнозирование потребности региональной экономики в подготовке квалифицированных кадров: моногр. / А.Г. Мокроносов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. – 111 с.

технологии могут заменить, примерно, 140 миллионов штатных работников умственного труда во всем мире[1]. В ведущих мировых экономиках эти процессы протекают еще более динамично. Так, например, в США предполагается «оцифровать» более 47% рабочих мест[2]. Отсутствие территориальных и временных границ для применения цифровых технологий приводит к формированию новой глобальной цепочки формирования цены рабочей силы. В зависимости от потенциала трудовых ресурсов и имеющихся у них навыков формируются регионы и страны с высокодоходными работниками и регионы и страны аутсайдеры, где цена рабочей силы достаточно низкая.

Создание в России социальных и экономических возможностей для высокопрофессионального труда работников в цифровой экономике, их постоянного развития и профессиональной реализации, высоких доходов носителей цифровых знаний и навыков, достойного уровня жизни их домохозяйств позволит создать в стране конкурентоспособную экономику с привлекательными условиями для жизни, труда и занятости.

Отставание развития цифровых навыков у трудовых ресурсов приведет к отставанию России от стран-лидеров цифровой экономики, к снижению конкурентоспособности национальных кадров, возрастанию неравенства уровня жизни домохозяйств на глобальном и региональном уровнях и снижению привлекательности жизни и работы в России.

Таким образом, актуальность данной проблематики определяется необходимостью создания в стране социальных и экономических возможностей для высокопроизводительного труда работников в цифровой экономике, их постоянного развития и профессиональной реализации, высоких доходов носителей цифровых знаний и навыков, достойного уровня жизни их домохозяйств. Это позволит создать в стране конкурентоспособную экономику с привлекательными условиями для жизни, труда и занятости населения, обеспечить привлекательность образа России в глобальной цифровой экономике, а также ее безопасность в человеческом измерении.

[1] Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy. Tech. Rep. / McKinsey Global Institute. 2013. – http://www.mckinsey.com/mgi/overview

[2] Greene L., Mamic I. The future of work: Increasing reach through mobile technology. – Bangkok: ILO, 2015; Berger T., Frey C. Structural Transformation in the OECD: Digitalization, Deindustrialization and the Future of Work / OECD Social, Employment and Migration Working Papers, N 193, OECD Publishing, – Paris, 2016. – http://dx.doi.org/10.1787/5jlr068802f7-en

Дегтярев А.Н.
д.э.н., профессор, член-корреспондент АН РБ, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан
Закиров М.З.
к.т.н., с.н.с., профессор ММЭИИ
cmot@mail.ru

РАЗРАБОТКА МОДЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова *программно-предметные цифровые модели, безопасность жизнедеятельности, регионы РФ.*

Модели безопасной жизнедеятельности являются основой создания информационных систем объектов социальной, экономической, экологической, энергетической, политической, продовольственной, медицинской, правовой, техногенной, образовательной, научной, транспортной, информационной, общественной и других видов безопасности.

Информационные системы в настоящее время становятся важнейшими структурообразующими элементами и от того насколько они будут учитывать сущности управления объектами безопасности рассмотренных предметных областей, настолько они могут стать эффективным элементом управления. Состав инфраструктуры объектов безопасности постоянно расширяется в результате включения новых предметных областей: науки, образования, производства, культуры и систем информационного обеспечения. Сущности предметных областей имеют сложные взаимозависимости, характеризуются свойством многофакторности. В отличие от ранее созданных систем, ориентированных на управление небольшим количеством предметных областей, в настоящее время необходимо создавать информационные системы для управления многими предметными областями. Создание таких информационных систем для управления объектами безопасности сегодня приравнивается к разработке дорогих крупномасштабных проектов и требует проведения глубоких исследований. Многие крупномасштабные проекты управления безопасности, созданные без проведения необходимых исследований, как показывает зарубежный и отечественный опыт, заканчиваются неудачей, что потребовало разработки многоуровневых концептуальных, информационных, предметно-программных и их цифровых моделей.

Сущности объектов безопасности могут трансформироваться в широких пределах за счет изменения свойств факторов взаимодействующих предметных областей. Поэтому на основе анализа сущностей предметных областей вначале создается обобщенная модель безопасности основных предметных областей и выделяется основной объект обобщенной модели и его связи с взаимодействующими компонентами. Концептуально, с этого этапа проектирования информационной системы определяется структура обобщенной модели, включающей только те предметные области, которые влияют на состояние безопасной жизнедеятельности выбранного объекта.

Важным этапом в разработке информационных систем социально-экономических систем и их моделей является разработка единой теоретической концепции, обеспечивающей сохранение целостности социально-экономических сущностей на всех этапах создания системы безопасной жизнедеятельности социально-экономических систем, начиная от уровня обобщенной модели (рис. 1) до предметно-программных цифровых моделей.

В настоящее время такой теоретической основой создания информационных систем становятся концептуальные модели, отражающие взаимодействие сущностей различных предметных областей социально-экономических систем.

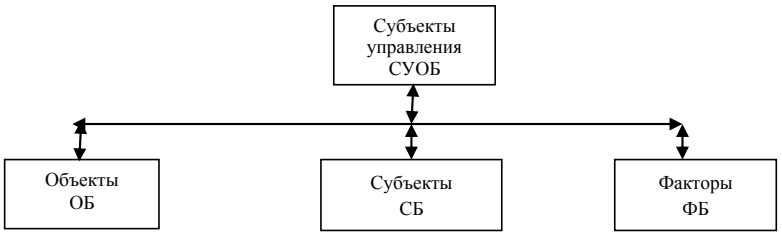


Рисунок 1.
Обобщенная модель системы безопасности

Новизна созданных концептуальных моделей заключается в их функциональной мощности, позволяющей поэтапно оценивать адекватность сущностям предметных областей и их моделей от первоначальной исходной концепции до создания реальных предметных цифровых моделей информационных систем объектов социально-экономической безопасности, включая самые сложные кластерные социально-экономические информационные системы.

Информационные системы социальной безопасности являются важной составной частью структур управления социальными процессами в органах социальной безопасности населения [1] и реабилитационных учреждениях инвалидов, в детских домах, учреждениях защиты детей, пострадавших от террористических актов (рис. 2).

Область применения предметной области информационных систем социальной безопасности в настоящее время стала такой широкой, что ее можно рассматривать в качестве самостоятельного объекта исследования, а также применять как показатель оценки оснащенности различных социологических учреждений современными средствами информационного обеспечения.

Политические и экономические процессы, происходящие в нашей стране в связи с глубоким реформированием экономики и общественных отношений, привели к необходимости поиска новых путей решения сложных социально-экономических проблем на базе инновационных подходов в обеспечении социально-экономической безопасности на основе информационных систем социальной безопасности. Если в области разработки справочных социальных систем в отечественной науке имеются некоторые теоретические работы, то в области разработки концепции и методологии исследования информационных систем социальной безопасности и защиты населения и военнослужащих теоретические исследования практически отсутствуют, нет исследований в части разработки информационных систем муниципального и государственного управления, хотя практически в каждом регионе в настоящее время начали создаваться многофункциональные центры предоставления услуг населению. Вместе с тем в этих центрах в основном решаются задачи предоставления услуг населению, определенных в программе информационного обеспечения в режиме «одного окна». В настоящее время во многих структурах субъектов управления социальной безопасности и защиты населения применяют справочные и консультационные компьютерные системы. Однако их применение не уменьшает объем работ, выполняемых учреждениями социально-экономической безопасности, так как данные, накопленные в этих учреждениях, имеют в основном справочный характер и в них отсутствуют средства анализа накопленной информации. На основе этих данных трудно анализировать сложные социально-экономические проблемы, включая прогнозирование и оценку результатов социальной и экономической безопасности объектов. Без формирования и отражения в информационных моделях динамически меняющегося социально-экономического и правового положения населения и проводимых реформ и структурных преобразований общества в целом, трудно определить вектор развития социально-экономической безопасной жизнедеятельности населения и проводимых социально-экономических реформ.

Отечественными учеными исследован достаточно широкий круг задач [4] раскрывающих проблемы социальной безопасности населения на основе методов социальной защиты, отражающей адекватно сущности социальной безопасности. Потому сущности социально-экономической безопасности стали в дальнейшем основой разработки всех многоуровневых моделей информационных систем объектов обеспечения безопасной жизнедеятельности.

Эти исследования позволили глубже и полнее раскрыть роль информационного обеспечения в функционировании и развитии общества и разработать концептуальные и информационные модели социально-экономической безопасности.

Сущность социальной и экономической безопасности выражается многообразно и противоречиво. В настоящее время разработка методологии исследования информационных систем социальной и экономической находится на начальном этапе. Большое количество информационно-справочных систем социальной безопасности ориентировано, в основном, на сбор справочной информации.

Основная масса как теоретических, так и эмпирических работ по созданию информационных систем обеспечения безопасной жизнедеятельности объектов социально-экономических систем посвящена исследованию отдельных, узких проблем, или носит ярко выраженный локальный, а не конструктивный характер. Отсутствие теоретической концепции и теоретического осмысления этих задач стало причиной ряда неудачных социальных информационных проектов. Многие проекты не могли функционировать более двух-трех лет и прекратили свое существование, не выдержав нагрузку информационных потоков. Нужно было определить основные сущности факторов, объектов, субъектов и субъектов управления, влияющих на уровень социально-экономической безопасности населения и включить их в число проблем социологического осмысления и разработки соответствующей методологии.

Данная методология исходит из того, что основой построения информационных систем социальной и экономической безопасности («ИСБ») являются:

– сущности социально-экономической безопасности населения;

– модели взаимодействия объектов, субъектов и их отражение на концептуальных и кластерных моделях объектов, факторов и субъектов социальной безопасности;

– кластерные многопредметные коммуникационные модели взаимодействия предметных областей социально-экономических объектов;

– информационные модели основных компонентов «ИСБ», построенных на основе интеграции инновационных компьютерных и сетевых технологий и применения экономически эффективных систем управления информационными ресурсами на базе цифровых технологий;

– методы проектирования предметных моделей, позволяющих принять оптимальные решения на каждом этапе исследований от уровня теоретических исследований до уровня реализации программных предметно-цифровых моделей. Необходимо отметить, что первостепенное значение в создании «ИСБ» имеет создание концептуальных, информационных и кластерных моделей социальной безопасности населения.

Основой создания указанных моделей стали проводимые исследования по определению влияния сущностей социальных инфраструктур на построение концептуальных моделей информационных систем социальной направленности [5], так как концептуальные модели при разработке современных информационных систем становятся основой анализа сложных социально-экономических проблем и важным шагом в переходе к предметно-цифровым моделям

информационного обеспечения и использования современных методов проектирования программного обеспечения многих социально ориентированных систем. Так была создана концепция концептуальных, информационных и кластерных моделей социальной безопасности населения, являющаяся важным научным вкладом в разработку информационных систем социальной сферы. Своевременность разработки социологической теории информационных систем социально-экономической безопасности населения обусловлена, с одной стороны потребностью обобщения и анализа опыта разработки отечественных и зарубежных систем «ИСБ» и, с другой стороны, определения дальнейших путей обеспечения информационной поддержки проводимых социальных реформ в нашей стране. В настоящее время накоплено большое количество материалов по созданию в учреждениях социальной защиты населения, региональными комитетами социальной защиты населения в регионах, их медицинскими учреждениями, различными общественными, правительственными и неправительственными организациями, ведомствами и ветеранскими организациями военнослужащих и внутренних дел и их фондами. Опыт разработки ведомственных информационных систем таких как «Информационные системы социальной адаптации бывших военнослужащих», «Информационные системы социальной защиты населения», «Информационные системы социальной реабилитации инвалидов», «Информационные системы социальной защиты детей от терроризма и экстремизма», «Информационные системы ранней диагностики, профилактики и диспансеризации» и других систем показал, что при сложившейся ситуации необходимо, используя достигнутые результаты социологических исследований, разработать теорию и методы построения информационных моделей социально-экономической безопасности. Основным направлением становления этой перспективной научной дисциплины является разработка концептуальных моделей информационных систем социальной безопасности населения и на их основе путем интеграции с новыми информационными технологиями создание теории и методов информационных систем объектов безопасности и других предметных областей. Именно современная цифровая технология, способная интегрировать накопленное социологическими исследованиями знания в этом важном социальном процессе, может обеспечить построение социально ориентированных информационных систем [6].

Кардинальным вопросом при создании концептуальных моделей информационных систем социально-экономической безопасности является установление основных отношений сущностей социальной безопасности: объектов, субъектов и факторов социальной инфраструктуры и адекватное их отражение в предметных областях социальной безопасности.

От правильности понимания отношений между ними зависит все многообразие логических построений и последующих практических действий по исследованию и построению информационных и программных систем [7]. Поэтому информационные модели, прежде всего, должны концептуально отразить не только отношения структурных составляющих социальной инфраструктуры, но и взаимное влияние динамики происходящих в них социально-экономических процессов. Нужно было в конечном итоге перейти к созданию многоуровневых моделей, охватывающих все этапы разработки информационной системы. Для решения этой задачи нами создана концептуальная схема, объединяющая не только все этапы, но шаг за шагом контролирующая сохранение концептуальной целостности сущностей предметных областей социально-экономических систем.

Концептуальная схема создания информационной системы безопасной жизнедеятельности регионов Российской Федерации

В настоящее время в связи с развитием новых тенденций интеграции предметных областей на состояние социально-экономической безопасности значительное влияние оказывают сущности предметных областей экономики, социологии, экологии, науки, образования, информации, энергетики, политики, здравоохранения, культуры, транспорта, продовольствия, юриспруденции, природных и техногенных явлений.

С другой стороны каждая из этих предметных областей в той или иной мере зависит от факторов других предметных областей. В данной ситуации для разработки информационной системы безопасности потребуется проведение фундаментальных исследований. Как показали исследования моделей информационных систем объектов различных предметных областей для разработки и внедрения таких систем нужно разрабатывать концептуальные схемы, обеспечивающие многоэтапное исследование предметных областей, влияющих на структуру информационной системы. Концептуальная схема при этом становится стратегической основой исследования не только информационных систем отдельных предметных областей, она становится платформой для разработки информационных систем многих предметных областей. В принятой нами стратегии исследования конечной целью является разработка теоретических основ построения инновационных информационных систем социально-экономической безопасности региона. В настоящее время с развитием новых информационных технологий путем внедрения цифровых технологий в корне меняются перспективы создания инновационных информационных систем безопасности. Ниже кратко рассматриваются этапы создания информационной системы социально-экономической безопасности.

На первом этапе исследований проводится анализ предметных областей, входящих в инфраструктуру социально-экономической безопасности. *На этом этапе формируются цели и методы исследований и основные свойства сущностей* социально-экономической *безопасности и их зависимости от факторов других предметных областей, влияющих на эффективность процессов управления безопасностью.*

На этом этапе выявляются важнейшие сущности безопасности, сохраняющие целостность своих свойств на всех этапах жизненного цикла управления процессами безопасности.

Этот этап важен еще тем, что здесь вводится требование сохранности концептуальной целостности на всех уровнях обработки информации, т.е. на каждом этапе проверяется не только целостность свойств сущностей социально-экономической *безопасности, но и концептуальная целостность, реализованная методами концептуаль-*

ного моделирования, обеспечивающая в дальнейшем переход на уровень предметно-программного цифрового моделирования на базе объектно-ориентированного программирования (ООП). Взаимодействие сущностей и их свойств осуществляется на основе концептуальных моделей субъектов и объектов системы социально-экономической *безопасности.*

Состав инфраструктуры социально-экономической безопасности постоянно расширяется в результате включения новых компонентов в состав уже взаимодействующих предметных областей: науки, образования, производства, культуры, экономики, экологии и систем информационного обеспечения. Информационная система становится важнейшим структурообразующим элементом в инфраструктуре систем безопасности, и от того насколько данная структура будет учитывать сущности целей предметной области социально-экономической безопасности, настолько она может стать эффективным элементом управления процессами безопасности.

Сущности предметных областей систем социально-экономической безопасности имеют сложные взаимодействия и взаимозависимости от различных факторов. Как правило, сущности безопасности характеризуются свойством многофакторности и требуют детального анализа их влияния на развитие тех или других процессов безопасности, что возможно анализировать только на основе современных цифровых технологий и концептуальных моделей. Сущности объектов предметной области безопасности могут трансформироваться в широких пределах за счет изменения свойств факторов взаимодействующих предметных областей (ПО). На основе анализа сущностей предметных областей безопасности вначале формируется обобщенная модель (ОМ) из основных ПО и выделяется объект предметной области безопасности (ОПБ) обобщенной модели (ОМ) и его связи с взаимодействующими компонентами (см. рис. 1).

Предметными областями могут быть практически те сущности, которые в наибольшей степени могут определять социальную и экономическую безопасность в данный момент в данном регионе и данном населенном пункте. Такими предметными областями могут быть социальная, экологическая, экономическая, информационная, продовольственная, военная, политическая духовно-нравственная, террористическая, эпидемическая и другие виды безопасности, влияющие на безопасность. Вместе с тем информационная система должна обеспечивать моделирование предметной области любой структуры, адекватно отражающей состояние безопасности в данном регионе, хранить всю историю о факторах, вызвавших нарушение безопасности.

Состав взаимодействующих компонентов: субъектов управления СУОБ, объектов безопасности ООБ, субъектов СОБ и факторов ФОБ будут меняться в зависимости от выбора той предметной области, которая рассматривается в данный момент как основной компонент безопасности. В качестве объекта исследования нами выбраны объекты социально-экономической безопасности, основные компоненты которой представлены на рис 2–5.

Необходимо отметить, что объекты социально-экономической безопасности могут представлять структурные элементы и других предметных областей.

На основе анализа сущностей предметных областей социально-экономической безопасности: субъектов управления СУОБ, субъектов СОБ, объектов ООБ и факторов ФОБ определяются дальнейшие направления, этапы и уровни исследования. Рассмотрим метод разработки концептуальных моделей объектов безопасности, состоящей в основном из базовых объектов социальной безопасности населения, как одного из важнейших компонентов безопасности.

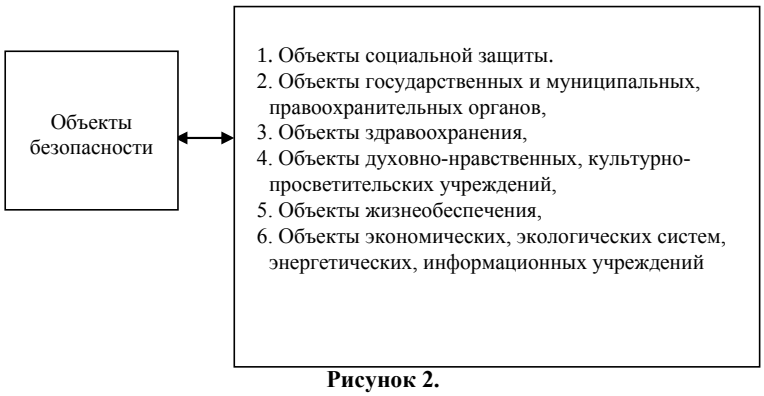


Рисунок 2.
Объекты безопасности

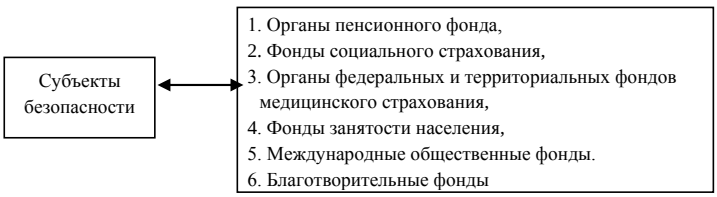


Рисунок 3.
Субъекты безопасности

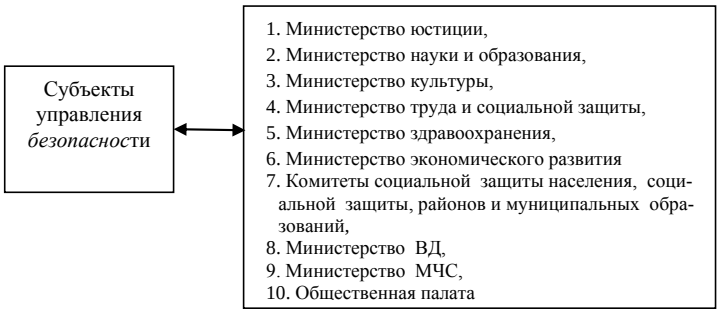


Рисунок 4.
Субъекты управления безопасности

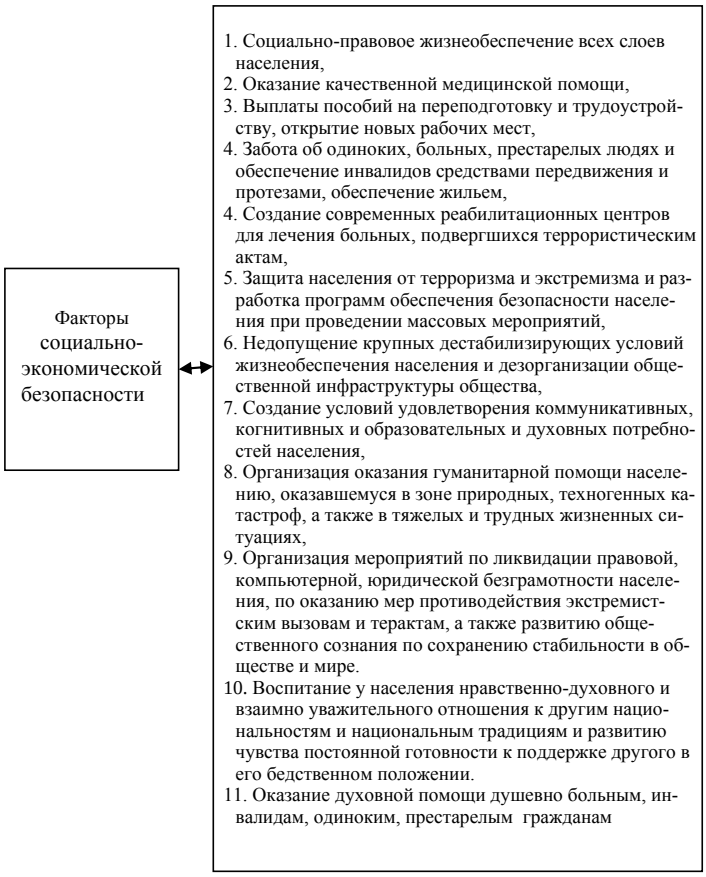


Рисунок 5.
Факторы социально-экономической безопасности

На втором этапе создаются концептуальные модели объектов социально-экономической безопасности, которые обеспечивают исследование взаимодействия объектов, факторов, субъектов и субъектов управления социально-экономической безопасностью. На этом этапе выбираются методы описания сущностей социально-экономической безопасности, концептуально разрабатывается схема процессной модели информационной системы безопасности и математическая модель оценки уровня безопасности и базовые классы объектов безопасности ОБ.

Концептуальная модель базируется на информационной структуре проблемной области, т.е. объектах социально-экономической *безопасности, и на методах моделирования, адекватно отражающих процессы в исследуемой предметной области.*

Важным этапом в исследовании систем социально-экономической безопасности и их моделей является разработка единой теоретической основы, обеспечивающей сохранение целостности сущностей безопасности на всех уров-

нях создания информационной системы безопасности от уровня ОМ, концептуальной модели (КМ), информационной модели (ИМ) до предметно-программных цифровых моделей (ППМ).

В настоящее время такой теоретической основой создания информационных систем становятся концептуальные модели, отражающие взаимодействие процессов сущностей социально-экономической безопасности, происходящих в инфраструктуре данной предметной области. Онтология здесь выступает как средство выявления и описания социально-экономических сущностей и их связей в ОБ являясь одновременно частью концептуальной модели. Концептуальная модель в результате такого расширения семантики приобретает новые свойства по устранению онтологически слабых концепций, второстепенных факторов и рассмотрение в моделях только значимых онтологических сущностей. С другой стороны и онтология становится более доступной для реализации на разных этапах моделирования социально-экономических процессов в различных предметных областях ОБ. Самым важным свойством, приобретенным онтологией в результате такой интеграции, является возможность реализации онтологических моделей промышленно освоенными программными системами на основе цифровых технологий. Цифровые модели облегчают дистанционную модернизацию прогаммных компонентов.

В концептуальной модели информационной системы главными составляющими элементами, как было показано выше, являются социально-экономические сущности объектов, субъектов, факторов и субъектов управления. В более широком понимании или представлении сущности субъектов, объектов и факторов оказывают различное влияние на решение задач объектов безопасности, отличаются определенной длительностью пребывания в том или ином состоянии, включают элементы со статическими и динамическими свойствами. Центральным вопросом при разработке концептуальной модели является определение влияния основных свойств сущностей на процессы управления безопасностью. Свойства сущностей объектов безопасности отличаются целостностью, относительной устойчивостью, динамичностью и непрерывностью. Эти свойства всегда едины, их учет обязателен при любом описании и оценке систем объектов безопасности. Под целостностью процесса понимается единство его проявлений под воздействием всех факторов безопасности. Это свойство играет большую значимость при выделении структуры и механизмов безопасности и оценке безопасности населения. Учет или игнорирование некоторых факторов, входящих в структуру социально-экономической безопасности, может оказать существенное влияние на достоверность полученных результатов. Поэтому соблюдение требования факторной целостности является важным условием разработки концептуальной модели и в дальнейшем цифрового аналога. Требование факторной целостности при оценке социально-экономической безопасности означает необходимость учета всех факторов независимо от потребности этих факторов в конкретное время. Есть такие факторы, присущие природе человека, игнорирование которых может привести к разрушению личности.

Одним из важных свойств безопасности, которое необходимо учитывать в концептуальной модели, является непрерывность процесса социально-экономической безопасности, которая определяется как наличие определенного уровня безопасности у любого объекта в любой момент времени. Понимание безопасности как непрерывного процесса имеет большое значение. При управлении процессом безопасности объекта необходимо определить его приоритеты, с позиции этого знания воздействовать на принимаемые решения. В модели необходимо учитывать и то, что процесс обеспечения безопасности не только непрерывен, но и динамичен. Под динамичностью понимается то, что под влиянием объективных и субъективных факторов меняется уровень оценки социально-экономической безопасности. Под субъективными факторами понимается изменение потребностей самого объекта социально-экономической безопасности. К объективным факторам относятся окружающие условия, а также сам объект безопасности и его действия. Свойство динамичности процесса социально-экономической безопасности важно еще и тем, что некоторые изменения, происходящие в социально-экономической инфраструктуре, могут привести к разрушительным ухудшениям социально-экономического положения объектов безопасности. Концептуальная модель должна обладать возможностью выявления наличия в системе неуправляемых и малоизученных процессов, приводящих к разрушению социально-экономических образований. Такие общественно разрушительные процессы нередко возникают тогда, когда в обществе происходят различные структурные преобразования. Динамика этих преобразований такова, что в настоящее время значительно сократились жизненные циклы устойчивого развития практически всех объектов общества. С каждым днем в мировое общественное движение пребывают новые общественные силы, требующие новые жизненные пространства и новые условия жизни. Мир меняется лавинообразно. Созданная нами концептуальная модель по своим свойствам в состоянии адекватно отражать эти изменения в цифровых моделях.

Как показывает краткий анализ компонентов инфраструктуры, эффективное решение задач социально-экономической безопасности не представляется возможным без информационных систем, построенных на основе концептуальных моделей, учитывающих взаимовлияние всех основных сущностей социально-экономической безопасности населения: субъектов, факторов, объектов и объектов управления. При этом информационные системы социально-экономической безопасности населения могут обеспечивать эффективное решение задач безопасности только тогда, если они представляют одну из социально-экономических сущностей, концептуально объединяющих и отражающих сложное взаимодействие сущностей предметной области.

Понятие дигитализация, введенное разработчиками проектирования промышленно ориентированных систем становится новым свойством информационной сущности, которое начинает применяться в настоящее время в инновационных приложениях. Информационная сущность в настоящее время приобретает новые свойства, отвечающие требованиям цифровой экономики. Одним из важнейших свойств цифровой технологии является максимальная дигитализация сущностей и их представление в виде готовых данных для передачи, хранения, представления пользователю и генерации в соответствующих приложениях, выполняющих свои функции в режиме активной аналитики. Активная аналитика, недавно введенная в состав информационных систем как встроенный интеллект, стала важ-

нейшей составной частью информационной сущности. Информационная сущность такова, что она не только входит в состав сущностей субъектов, факторов, объектов и объектов управления безопасности социально-экономических систем, но и является развивающейся сущностью. Благодаря этому свойству, информационные сущности субъектов, объектов, факторов и объектов управления приобретают возможность выполнения функции объединения сущностей, обеспечивающих отражение всех свойств социально-экономической инфраструктуры на базе цифровых моделей. С этой точки зрения современное использование новых информационных сущностей является естественным этапом развития информационных технологий. Как было показано выше, субъекты, объекты, факторы и объекты управления явно или косвенно отражают свои свойства и специфику организации взаимодействия между всеми элементами системы *социально-экономической* безопасности с помощью информационных сущностей. В связи с этим было уделено достаточно много внимания специфике организации *социально-экономической* безопасности в инфраструктуре объектов, субъектов, факторов и субъектов управления, ставших основой концептуальных моделей. Без такого анализа невозможно увязывать воедино проблемы организационно-экономического, финансового, социального и информационного обеспечения и разработки концептуальных моделей социальной и экономической безопасности. Специфика организации данной безопасности характеризуется тем, что объекты, субъекты, факторы и субъекты управления *социально-экономической* безопасности структурно представляют сложные комплексные системы. Только на базе цифровых моделей, построенных на базе концептуальных моделей, можно учитывать взаимовлияние сущностей и проводить анализ всех процессов и осуществлять поиск оптимальных путей безопасности населения. На основе детального рассмотрения зависимостей сущностей объектов, факторов, субъектов и субъектов управления обеспечивается создание концептуальных моделей, описывающих взаимодействие всех компонентов информационной модели.

Целесообразность такого подхода диктуется тем, что при проектировании таких сложных систем, как информационная система безопасности, прежде всего, необходимо концептуально определить взаимное влияние и зависимость основных сущностей. Значение концептуальных моделей проявляется еще больше на этапе разработки структуры информационных моделей, выборе аппаратных и программных средств. Концептуальные модели и на этом этапе позволяют учитывать особенности любого структурного подразделения социально-экономической безопасности населения путем включения систем активной аналитики.

При этом выявляются и уточняются связи, необходимые для построения информационных моделей конкретной функциональной системы**,** что является дальнейшим приближением к построению инфраструктуры на другом уровне абстракции. Так обеспечивается переход на необходимый концептуальный уровень, где оценивается эффективность модели на этом этапе, и так шаг за шагом до достижения предметного уровня программно-цифрового обеспечения. Такой подход значительно облегчает поиск эффективных решений на каждом этапе построения информационных моделей безопасности, программные комплексы достигают **уровня промышленных стандартов** и учитывают сущности в информационных структурах *социально-экономических систем*. Так с помощью концептуальной модели появляется возможность сопровождения разработки информационной системы от этапа постановки задачи до внедрения аппаратно-программных систем и выбора путей дальнейшего совершенствования информационного сопровождения безопасности. Концептуальная модель должна обеспечивать возможность описания и наглядного представления процессов, происходящих в информационной системе процессов. Это одно из важнейших свойств цифровых технологий, необходимых для обеспечения эффективного управления безопасностью социально-экономических систем. Процессы описания сложных взаимодействий сущностей безопасности могут быть выполнены различными методами и на основе различных средств и языков моделирования. При выборе языка моделирования основным критерием является требование выполнения соответствия функциональных возможностей языка адекватному представлению *социально-экономических* сущностей. Концептуальная модель в полном объеме должна учитывать взаимодействие всех сущностей, которые входят в инфраструктуру *социально-экономической* безопасности. Объекты, субъекты, факторы и субъекты управления безопасности представляют различные по своей природе компоненты инфраструктуры, однако они по своим основным признакам и свойствам функционально объединяются для решения задач объектов безопасности.

При разработке концептуальных моделей базовых классов объектов, субъектов управления, субъектов и факторов общественной безопасности используется унифицированный язык моделирования UML (The Unified Modeling Language). Важным достоинством этого языка является то, что UML предоставляет возможность для адекватного описания свойств сущностей на онтологическом и концептуальном уровнях. Другое важное достоинство выражается в том, что строительными блоками этого языка являются сущности, отношения и диаграммы, обеспечивающие представление сложнейших отношений сущностей предметных областей. Сущности являются основными объектно-ориентированными блоками языка, где самая важная разновидность – это класс. В концептуальной модели безопасности созданные базовые классы субъектов управления, субъектов, объектов и факторов безопасности адекватно отражают *социально-экономические* сущности и их свойства. Концептуальная модель обеспечивает сохранение онтологических сущностей и свойств обобщенных моделей на всех уровнях моделирования, включая цифровые модели информационных систем объектов безопасности, сохраняя целостность сущностей объектов, субъектов, факторов и субъектов управления. Таким образом, решается важнейшая проблема – сохранение целостности сущностей на всех этапах моделирования до системно-объектного уровня. В этом основное отличие онтологии при исследовании информационных систем объектов безопасности и ее преимущество в сравнении с другими до сих пор используемыми методами, включая системные исследования. При этом значительно увеличивается функциональность концептуальных моделей и сокращаются все виды затрат особенно на этапе создания предметно-ориентированных цифровых моделей информационной системы. Новизна созданных концептуальных моделей заключается в их функциональной мощности, позволяющей поэтапно оценивать адекватность сущностям предметных областей и их моделей от перво-

начальной исходной концепции до создания реальных предметно-цифровых моделей информационных систем объектов безопасности, включая самые сложные кластерные информационные системы с активной аналитикой. Базовые классы предметных областей объектов безопасности и процессные модели, построенные на основе концептуальных моделей, отражают взаимодействие всех основных сущностей. **На третьем этапе** исследуются структуры информационных моделей объектов безопасности: населения, реабилитации инвалидов, семей, женщин и детей. Основой построения информационных моделей являются концептуальные модели, отражающие информационные сущности, обеспечивающие факторную целостность при управлении *социально-экономическими* процессами. Кластерная модель выполняет не только информационные функции для этапа программно-предметной цифровой модели – она уточняет, конкретизирует наследованные сущности объектов, факторов, субъектов, субъектов управления безопасностью. Основой построения кластерных моделей стал обобщенный анализ сущностей предметных областей объектов безопасности. На этом этапе активная аналитика выполняет дополнительные функции оценки факторной целостности *социально-экономических* сущностей.

Четвертый этап исследований является базовым при разработке предметных программно-цифровых моделей. На этом этапе разрабатываются расширенные методы базовых классов и пользовательских интерфейсов. Данный этап включает также подготовку проекта программного обеспечения объектов безопасности, обоснование и выбор систем и языков программирования, а также систем управления базами данных, обоснование методов хранения и доступа к данным, разработку и выбор принципов интеграции базы данных с сетевыми технологиями и новые модели данных и их представление на пользовательских рабочих местах.

В настоящее время начались активные работы по созданию и внедрению **объектно-ориентированных баз данн**ых в различных областях, и в том числе связанных с решением задач безопасности. Особенно это проявляется в системах здравоохранения, в системах массового обслуживания, органах жилищно-коммунального хозяйства, в управлениях внутренних дел и системах поддержки управленческих процессов. Растущая популярность новой технологии объясняется тем, что объектно-ориентированные базы данных **в сравнении с традиционными реляционными** предоставляют качественно важные преимущества:

– обеспечивают инкапсуляцию логики и данных в одном объекте;

– поддерживают сложные типы данных и работу на различных уровнях абстракции. Однако технология объектно-ориентированного метода имеет и ряд недостатков и ограничений, среди которых следует отметить отсутствие развитых средств выборки и анализа данных. Необходимо было искать новые пути преодоления этих недостатков. Одним из перспективных направлений в настоящее время является выбор гибридных баз данных, поддерживающих как реляционные, так и объектные механизмы работы с данными. Такие гибридные системы обеспечивают:

– поддержку единой архитектуры данных;

– работу серверов многомерных данных;

– различные способы доступа к данным (прямые, объектные, SQL и WEB).

В нашей системе реализуется **метод независимого хранения данных** от способа их представления, который дает разработчику возможность создавать приложения на языках программирования, поддерживающих как реляционную технологию (ODBC, JDBC), так и объектную (Java, C++, XML и т.д.). При этом нет необходимости создавать промежуточную среду для преобразования из одного формата представления данных в другой. Таким образом, предусматриваются все меры оптимизации информационных ресурсов вплоть до машинных команд. Благодаря сбережению компьютерных ресурсов удается выполнять программы активной аналитики в реальном масштабе времени. Важным этапом исследований является поиск современных методов отражения социальных информационных сущностей на предметных моделях безопасности, а также выбор методов программирования, обеспечивающих переход от концептуальных и предметных моделей к среде базовых элементов и методов цифрового уровня информационной системы управления объектами безопасности.

Разработка предметных моделей, реализующих задачи концептуальной модели безопасности потребовала проведения исследований по выбору систем и языков программирования, принципов управления базами данных, включая методы хранения и доступа к данным, а также разработки принципов интеграции и взаимодействия с различными сетевыми технологиями. Наиболее приемлемым методом представления основных сущностей *социально-экономической* инфраструктуры являются объектные модели. Они позволяют более полно описывать процессы, происходящие в социальных структурах, обладают мощными средствами не только описания статических и динамических структурных элементов, но и современными языками программирования и управления базами данных, обеспечивающих проведение аналитических исследований на более высоком уровне.

Пятый этап является конструктивным этапом, определенным нормативно-правовыми документами, отраженными ГОСТми ISO по созданию информационных систем управления. Вместе с тем информационная система объектов безопасности («ИСБ») является прежде всего объектом информации, построенный с учетом сущностей объектов безопасности. С другой стороны «ИСБ» является информационной системой управления социально-экономическими процессами. Она должна отвечать требованиям систем безопасности международного уровня по надежности, защищенности, информационной безопасности, масштабируемости и эффективности.

Заключение

Разработка новой предметной области информационной системы объектов безопасности на основе предложенных подходов обеспечивает высокую эффективность информационных систем объектов социально-экономической

безопасности. Данная предметная область является новой теоретической концепцией для разработки и внедрения инновационных информационных приложений для практически самых сложных предметных областей.

Список литературы

1. Закиров М.З. Инновационные информационные системы переподготовки, трудоустройства социально-правовой защиты на основе социальных кластеров // Сб. Материалов Международной научно-практической конференции Формирование инновационного потенциала общества и направления его стратегического развития. – М.: ИМЭИ, 2012.
2. Социальная безопасность: методология политического анализа. М.; МГУ Институт переподготовки и повышения квалификации, 2009.
3. Суслаков Б.А. Идентификация социальных систем. – М., 1997.
4. Закиров М.З. Информационные модели социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас и отставку. Сущность, содержание и особенности построения информационных систем социальной защиты // Материалы научно-практической конференции «Вопросы защиты жизнедеятельности человека, животных и растений». – М., 2002.
5. Закиров М.З. Инновационные концептуальные модели информационных систем социальной защиты населения // Материалы Всероссийской научной конференции « Наука и власть: проблема коммуникаций». – М., 2009.
6. Закиров М.З. Инновационные модели социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас и отставку // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 2, / Московский государственный технический университет «МАМИ». – М., 2002.
7. Закиров М.З. Концептуальные модели информационных систем социальной защиты военнослужащих, уволенных из вооруженных сил, и членов их семей // Сб. материалов XII Международной научной конференции: Модернизация России. Ключевые проблемы и решения. – М.: ИНИОН РАН, 2011.
8. Закиров М.З. Онтология исследований информационных систем объектов социальной защиты. – М., 2014. – 323 с.
9. Закиров М.З. Онтология концептуальных моделей социально-экономических, научно-образовательных и производственных кластеров // Сб. материалов XII Международной научной конференции: Модернизация России. Ключевые проблемы и решения. – М.: ИНИОН РАН, 2012.
10. Закиров М.З. Концепция создания информационных систем активной аналитики // Наука и современность. – Тамбов, 2015. – № 4(6). – С. 31–37.
11. Закиров М.З. Онтология кластерных моделей социально-экономического развития регионов // Регионы Евразии: стратегия и механизмы модернизации инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – Ч. 1.
12. Закиров М.З. Концепция создания информационной системы кадрового потенциала для регионов Крайнего Севера // Труды Вольного экономического общества России. – М., 2014. – № 3. – С. 212–222.
13. Закиров М.З. Концепция создания информационных систем активной аналитики социальной инфраструктуры в моделях информационной системы социально-экономической безопасности // Наука и современность. – Тамбов, 2015. – № 4 (6). – С. 31–37.
14. Дегтярев А.Н.. Формирование эффективной электронной бизнес-среды // Новая экономика. Инновационный портрет России. – М., 2013. – С. 111–114.

Дорошенко С.В.[1]

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова*: экономическое поведение, предпринимательская модель, формы реализации, молодежь.*
Keywords*: economic behavior, entrepreneurial model, implementation forms, youth.*

Давно признано, что предпринимательство является движущей силой экономического развития. При этом в России, пережившей определенный «предпринимательский бум» в конце 1980-х – середине 1990-х годов, правительство по-прежнему поднимает вопрос о необходимости стимулирования предпринимательской активности населения. В 1990-х годах уже начала создаваться система поддержки малого и среднего предпринимательства, однако вопрос об ее эффективности так и остается открытым. Кроме того, возникают и другие вопросы, например, чем руководствуются чиновники, внедряя или сокращая те или иные меры, применяя те или иные инструменты? Учитываются ли факторы, которые влияют на рост предпринимательской активности той или иной социально-демографической группы населения? И наконец, что формирует предпринимательскую модель экономического поведения, а также через какие формы она реализуется в современном мире?

Одной из целей наших исследований является установление факторов, влияющих на формирование предпринимательской модели экономического поведения современной российской молодежи, а также возможных форм реализации такой модели.

Подобное исследование актуализировано, с одной стороны, необходимостью повышения предпринимательской активности в российских регионах, с другой – положением молодежи на рынке труда, более высоким уровнем безработицы по сравнению с другими социально-демографическими группами, и одновременным наблюдаемым торможением в стремлениях заниматься предпринимательством [1].

В экономическую науку бихевиористский подход в свое время проник из психологии. В рамках классического бихевиоризма поведение человека рассматривалось как совокупность ответов (реакций) на внешние воздействия (стимулы среды). Позднее необихевиористы дополнили эту двухзвенную цепочку промежуточными явлениями (целями, мотивами). По их мнению, поведение является не просто ответной реакцией, а целенаправленным актом.

Современные сторонники поведенческой экономики связывают поведение человека с мотивацией, ценностными установками, влиянием общества и окружающей среды. Результаты их исследований получают все большее общественное признание. Очередное подтверждение этому – присуждение Нобелевской премии в области экономики в 2017 году одному из основателей поведенческой экономики профессору Чикагского университета Ричарду Талеру, который своими исследованиями развенчал миф о рациональности принятия всех решений: от пенсионных накоплений до здравоохранения и спорта.

Предпринимательство сегодня совершенно справедливо признается важным элементом индивидуального развития, развития человеческого капитала, при этом выделяется его социальная значимость [2].

Рядом исследователей отмечается, что в основе предпринимательского поведения лежат поведенческие убеждения в совокупности с фактором инструментальных убеждений – увеличение личного богатства и дохода, реализация индивидуального предпринимательского идеала, стремление к личной экономической автономии, поддержание или улучшение личного жизненного уровня и других поведенческих убеждений [3]. Однако большинство людей стремится поддержать или повысить свой жизненный уровень, однако при этом далеко не все стремятся реализовать эту поведенческую установку через предпринимательскую деятельность.

По нашему мнению, следует разграничить на первый взгляд почти тождественные понятия – «предпринимательское поведение» и «предпринимательская модель экономического поведения». Говоря о предпринимательском поведении, исследователи объектом своего изучения часто делают самих предпринимателей, рассматривая их непосредственное поведение, например, с точки зрения инновационной составляющей. При этом выводятся разные типы предпринимателей, дается их характеристика и т.п.

Экономическое поведение населения, безусловно, является более широким понятием. Выделяются различные модели экономического поведения (сберегательная, миграционная, предпринимательская и т.д.). Любая из таких моделей реализуется через различные формы. Именно поэтому в своих исследованиях мы опираемся на понятие «предпринимательская модель экономического поведения».

По сути, предпринимательская модель экономического поведения представляет собой совокупность действий индивида или социальной группы, направленных на реализацию предпринимательского потенциала, как собственно-

[1] Дорошенко Светлана Викторовна – д.э.н., доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики УрО РАН. E-mail: doroshenkos@mail.ru

го, так и в целом экономической системы. При этом экономической системой могут выступать территории, корпорации, административные образования.

Предпринимательская модель, с одной стороны, детерминируется ценностными ориентирами, установками, мотивами, потребностями, то есть мотивационно-ценностными и когнитивными составляющими, через совокупность которых проявляется личностный феномен. С другой стороны, формирование и реализация предпринимательской модели экономического поведения находится под влиянием средовых факторов – экономических, институциональных, социальных, политических, культурных, инфраструктурных и т.д.

Таким образом, предпринимательская модель экономического поведения возникает в результате сложного взаимодействия личностных характеристик и комплекса внешних факторов. Последние связываются между собой в предпринимательскую экосистему. Кроме того, отдельно необходимо отметить влияние поселенческого фактора – среды проживания (мегаполис, малый город, сельское поселение), что существенно влияет на процесс принятия решений о занятии предпринимательской деятельностью.

Исключая теневой аспект, мы выделяем следующие формы реализации предпринимательской модели поведения, наиболее характерные для современной молодежи: создание собственного малого предприятия, интрапренерство, фриланс, семейный бизнес.

Список литературы

1. Дорошенко С.В. Исследование отношения и готовности молодого населения Свердловской области к ведению малого предпринимательства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. – № 4 (48). – С. 206–222.
2. Vinten G., Alcock S. Entrepreneuring in education // International Journal of Educational Management. 2004. – Vol. 18, N 3. – P. 188–195.
3. Wan-Chen Lu, Wan-Hua Chen. A Study on Female Entrepreneurs' Behavior in Micro-Enterprises in Taiwan – An Application of Planned Behavior Theory // The Journal of Global Business Management. 2013. – Vol. 9, N 1. – P. 204–219.

Кузьмина Э.Б.
магистрант
kuzmina9595@gmail.com
Антохонова И.В.
д.э.н., профессор, ВСГУТУ, г. Улан-Удэ
iv.antokhonova@gmail.com

УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *социальное предпринимательство, потенциал, ограничения, регион, безработица.*
Keywords: *social business, potential, restrictions, region, unemployment.*

В последние годы концепция социального предпринимательства, нацеленная на смягчение и решение социальных проблем, получила практическую реализацию. Основными признаками, лежащими в основе концепции предпринимательской деятельности, являются следующие – это востребованность в товарах и услугах на локальной территории, социальный эффект, инновационность, самоокупаемость и финансовая устойчивость, масштабируемость и тиражируемость, предпринимательский подход.

Социальное предпринимательство в России и ее регионах актуально, потому что помогает силами малого бизнеса решать социально-экономические проблемы, с которыми не справляется государство. Социальное предпринимательство ориентировано не только на получение прибыли, но и на положительный социальный эффект от этой деятельности. Последние несколько лет стали временем становления в России качественно нового явления на стыке социальной и экономической систем страны. Феномен социального предпринимательства, ранее широко известный лишь за рубежом, получил распространение и в отечественной бизнес-практике. Накопленный опыт реализации проектов в сфере социального предпринимательства требует осмысления и оценки проблем и перспектив развития этого явления в условиях современной России.

С точки зрения всемирной истории социальное предпринимательство – явление относительно молодое. В развитых странах оно существует более 30 лет, в России – меньше десятилетия. Несмотря на незначительный возраст, социальный бизнес уже сегодня занимает место в одном ряду с некоммерческими инициативами, благотворительностью, венчурной филантропией и корпоративной социальной ответственностью.

Существующий мировой опыт и продолжающаяся интеграция России в глобальное экономическое сообщество заставляют обратить особое внимание на социальное предпринимательство как способ социально-экономической деятельности коммерческих и некоммерческих организаций, при котором применение инновационных приемов осуществления предпринимательства сочетается с достижением устойчивой самоокупаемости в целях обеспечения решения социальных проблем.

Для Российской Федерации 2012 год ознаменовался одним из ключевых событий, связанных с государственной поддержкой бизнеса. Именно в этом году был создан институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей[1]. Что касается регионального развития института защиты прав предпринимателей в Российской Федерации, то этот вопрос федеральный закон относит к компетенции субъектов РФ.

Термин «социальное предпринимательство», «социальный предприниматель» в настоящее время отсутствует в российском законодательстве. В рыночной экономике социальное предпринимательство как термин возникло в 1980-х гг., в Россию термин пришел в 2007 г. с появлением фонда Вагита Алекперова «Наше будущее».

Проблема развития социального предпринимательства в Республике Бурятия заключается в том, что на уровне федеральных законов такое понятие отсутствует, а также слабо развита инфраструктура по поддержке предпринимательского бизнеса. Существуют льготы для стимулирования социально ориентированной деятельности бизнеса, но налоговое законодательство не предусматривает специальных льгот для субъектов социального предпринимательства[2].

Одним из факторов развития социального предпринимательства является наличие безработных, острых социальных проблем, особенно на удаленных сельских территориях.

[1] Рассохина А.А., Лукьянченко Н.Ю. Основы института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации и в зарубежных странах // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 103–106.

[2] Антохонова И.В., Манзарова Е.А. Потенциал социального предпринимательства в развитии проектной экономики региона // Актуальные проблемы современной экономики: сборник научных трудов. Сер. «Экономические науки». – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. – С. 8–11.

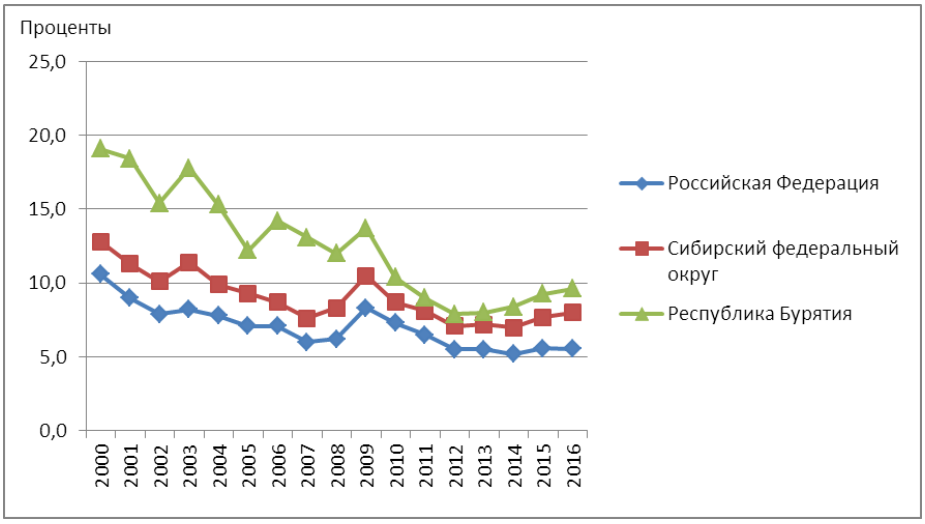


Рисунок 1.
Уровень безработицы, в процентах (2000–2016 гг.)

По данным официальной статистики уровень безработицы в Бурятии (рис. 1) после 2009 года снизился, однако он выше в течение 2000-х среднероссийского уровня и среднего уровня по СФО. Начиная с 2012, рецессия в экономике характеризуется ростом, и уровень безработицы достиг почти 10%. По показателю численности безработных и уровню безработицы Республика Бурятия в рейтинге регионов занимает по РФ – 37 и 11, по СФО – 8 и 4 место, соответственно[1]. Республика Бурятия относится к территориям с наиболее острой ситуацией на рынке труда.

В первую очередь социальным предпринимателям необходима финансовая поддержка, например, выдача денег для стартового капитала или на развитие бизнеса. Гранты, различные конкурсы по восполнению издержек не дают должного эффекта.

Но, несмотря на сокращение бюджета в государстве, Министерство экономики – сторонник сохранения поддержки социального предпринимательства и способствует реализации программ. В Бурятии создаются различные фонды по поддержке молодых предпринимателей.

Развитие социально-значимых проектов в Бурятии находится на этапе становления. Поддержку социально-значимым проектам оказывают крупные предприятия Республики и Министерство промышленности и торговли Республики Бурятия по «Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года» путем предоставления субсидий и грантов[2].

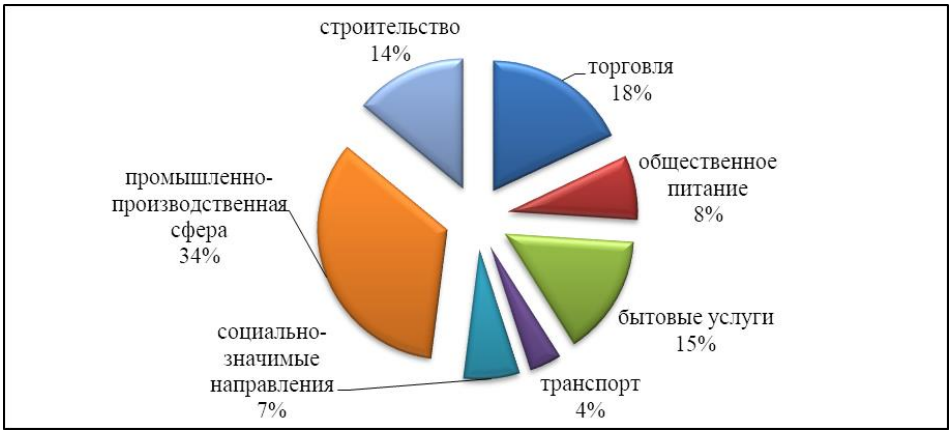


Рисунок 2.
Распределение получателей поддержки по видам деятельности в 2015 г.

[1] Багинов И.П., Булатова В.Б., Бурлов Д.Ю., Куклина С.К., Маланов В.И., Яковлева И.А. Безработица как фактор закредитованности населения // Молодой ученый. 2017. – № 13. – С. 240–245. – https://moluch.ru/archive/147/41141/

[2] Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года. Утверждена Законом Республики Бурятия от 14 марта 2013 года № 1903-IV.

В Республике Бурятия в соответствии с распоряжением Правительства РФ разработана Стратегия социально-экономического развития до 2025 года, (постановление Правительства Республики Бурятия от 15.12.2007 г. № 410). В 2011 году принята долгосрочная Программа социально-экономического развития на период до 2020 года, утверждённая Законом РБ от 14.03.2011 № 1903-IV, в которой определены приоритетные направления социально-экономического развития. Они включают в себя развитие минерально-сырьевого, туристско-рекреационного, агропромышленного, лесопромышленного комплексов, инновационной деятельности, человеческого потенциала.

В данной сфере нет законодательных актов, которые бы регулировали все вопросы, касающиеся социального предпринимательства. Но сегодня в вопросе законодательства выдвигаются определенные инициативы. Сейчас предлагается разработать закон, определяющий понятие «социальное предпринимательство», систематизировать нормы, регулирующие деятельность субъектов социального бизнеса.

Так же слабо развито информационное обеспечение потенциальных социальных предпринимателей. Так, на запрос о «социальном предпринимательстве» Интернет-поисковая система обнаружила лишь один ресурс, который содержит в себе информацию о социальном предпринимательстве. Портал «Новый Бизнес. Социальное предпринимательство» содержит в себе нормативную базу, конкретные примеры социального бизнеса, а также информацию о конкурсах и грантах.

В отличие от Республики Бурятия, в Иркутской области наблюдается тенденция развития инфраструктуры поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности, что выражается в создании и функционировании таких организаций как АНО «Агентство инвестиционного развития Иркутской области», оказывающее безвозмездные услуги по сопровождению проектов от стадии обращения до стадии реализации; Фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства «Иркутский областной гарантийный фонд», предоставляющий поручительства (гарантии), а также оказывающий информационно-консультативную поддержку и содействие малым и средним предприятиям; Центр кластерного развития (структурное подразделение ЦПП), который проводит маркетинговые исследования, разрабатывает и продвигает зонтичные бренды, организует и проводит обучающие тренинги, семинары и вебинары, софинансирует разработки бизнес-планов, подготавливает и реализует совместные кластерные проекты и другие [1].

В настоящее время существует фонд поддержки социальных проектов, отбирающий проекты в первую акселерационную программу предпринимательских инициатив в социальной сфере, в которую можно попасть на конкурсной основе. Участники данной программы получат управленческие навыки, сопровождение проектов, общение с экспертами и помощь в финансировании. Направления, которые включены в программу: социальная помощь, здравоохранение, образование, экологический бизнес, проекты в сфере культуры и новые технологии. Данная программа даёт уникальную возможность получить предпринимательские навыки и льготы на финансирование проектов.

Анализ развития и реализации социально-значимых проектов выявляет их потенциал в отношении увеличения количества рабочих мест, расширения налоговой базы, увеличения валового регионального продукта и выпуска импортозамещающей продукции.

[1] http://www.invest.irkobl.ru/ru/Meri-gosudarstvennoj-podderzhki/Infrastruktura-podderzhki

Кулагина Е.В.
к.э.н., в.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

ПОЛИТИКА НЕЗАВИСИМОЙ ЖИЗНИ И ИНКЛЮЗИИ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА[1]

Ключевые слова: *государство благосостояния, инвалидность, социальная политика в отношении инвалидов, инклюзия, образование детей-инвалидов, образование детей с ограниченными возможностями здоровья.*

Keywords: *public policy – social welfare policy, disability policy (social policy), disability studies, disability studies in education, inclusive education.*

Введение

Международное сообщество пришло к согласию относительно политической «природы» инвалидности – наличия созданных препятствий: отношений, окружающих барьеров и условий, устранение которых относится к области коллективной ответственности. Российская Федерация заняла активную позицию: подписала Конвенцию ООН[2], приступила к реформированию медико-социальной экспертизы[3], к созданию доступной среды[4] и к инклюзивной трансформации образования[5]. Наполнение социальной политики новым содержанием и принципами управления не обходится без противоречий. С одной стороны, усиливается требование к максимальной самодостаточности инвалидов. С другой стороны, реформы в сфере социальной защиты и образования ставят под вопрос обеспечение равных возможностей – сокращается государственное финансирование, усиливается адресность, вводится децентрализация, ответственность за социальное обеспечение переносится на граждан, локальные сообщества и местные бюджеты. Подход к решению проблем воспроизводит принципы развития социальной политики в отношении инвалидов, практикуемые в развитых странах на протяжении последних десятилетий. Критическое осмысление международного опыта позволяет выяснить причину противоречий и избежать возможных ошибок.

Социальная политика: переход к независимости

Проблемы инвалидов привлекли внимание международных организаций в процессе пересмотра концепции государств всеобщего благосостояния, их «третьего пути» развития на условиях сочетания их социальной функции с принципами управления, основанными на либеральных ценностях. Социальная политика в том смысле, в котором она понималось в прошлом веке, всё больше подвергается мутации под воздействием идеологии программ Мирового банка, ВОЗ, ООН, ОЭСР, ЕС. Выводы о несправедливости государства благосостояния – его затрат и бюджета, приводящих к иждивенческим настроениям среди населения, способствовали расстановке приоритетов в пользу свободной рыночной экономики в государствах благосостояния всех типов, включая либеральные, социал-демократические и консервативные режимы. Идеологический климат выразился в понятии «зависимости», по причине которой государство благосостояния скорее создавало проблемы, чем находило решения[6]. Социальное и экономическое стали антагонистами. Коренные изменения в социальную политику внёс пересмотр общественных отношений между государством и гражданином – обусловленность прав, закрепление индивидуальной ответственности[7]. Подход к экономической деятельности как к функции собственных предпринимательских способностей, навыков и гибкости, накопленного человеческого капитала, готовности принятия рисков оказал влияние на программы социальной помощи, переори-

[1] В публикации использован фрагмент статьи: Кулагина Е.В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2017. – Т. 13, № 10. – С. 1944–1971. – https://doi.org/10.24891/ni.13.10.1944

[2] Федеральный закон от 1 декабря 2014 №419- ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией конвенции о правах инвалидов».

[3] О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17.12.2015 № 1024н.

[4] Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 – 2020 годы. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2015 г. № 1297.

[5] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

[6] Oliver M., Barnes C. The New Politics Disablement. (2nd ed.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

[7] Dwyer P. Creeping Conditionality in the UK: From Welfare Rights to Conditional Entitlements? // The Canadian Journal of Sociology. 2004, – Vol. 29, N 2. – P. 265–287; Rose N. The death of the social? Re-figuring the territory of Government // Economy and society, 1996. – Vol. 25, N 3.

ентированные с принципов солидарности на личные достижения. Требования активности и лояльности индивидов, а также их способность к привлечению и мобилизации отмечены в программах и инструментах управления, базирующихся на управлении через общество. Субъект представляется нравственной личностью с определёнными обязательствами и ответственностью, а также со связью с другими индивидами – сообществом. Между сообществами также как и между индивидами устанавливается конкуренция за допуск к ресурсам. Конкуренция пришла на смену коренным принципам социального государства, гарантирующим населению защиту от узких интересов частных лиц и равный доступ к благополучию[1].

В «новом» государстве справедливость и равенство достигаются посредством «социальных инвестиций» – перераспределения возможностей (преимущественно в сфере образования и занятости), больше чем благосостояния. Социальная политика оценивается через возможности людей с точки зрения критерия справедливости и соображений равенства. В свою очередь граждане должны руководствоваться стремлением к повышению уровня своих образовательных и квалификационных ресурсов, к достижению благосостояния[2]. Предпринимательство, индивидуальный выбор и рынок рассматриваются как движущие силы для улучшения экономического развития и сокращения расходов на социальные и культурные нужды. На смену идеи об оптимальном уровне государственной помощи приходит гарантированный минимальный уровень поддержки. Вводится практика адресности, принятия ситуации от случая к случаю, а не по единым правилам[3]. Регулирование и социальный контроль становятся центральным аспектом управления. Государственные расходы и государственные службы находятся под жестким контролем нового государственного менеджмента с целью снижения социальных издержек, повышения эффективности общественных институтов[4].

Либеральная идеология государств благосостояния оказывает влияние на политику в отношении инвалидов. Медицинская модель инвалидности подверглась критике по причине отношения к проблеме как к персональной трагедии и размещения мер социальной защиты в зоне ближайшего взаимодействия: диагностика – предписание – профпригодность – лечение – взаимодействие. Наступление недееспособности предлагается рассматривать как следствие экономической, политической и социальной зависимости[5]. Социальная конструкция, а вернее социальная реконструкция, проблем инвалидности пересматривается с точки зрения необходимости перехода к «независимой жизни», интеграции и инклюзии. В общем смысле зависимость – неспособность выполнять ежедневную деятельность и потребность в дополнительной помощи противопоставляется независимости – отсутствию такой потребности, что вписывается в текущую политическую риторику соревновательного индивидуализма. Дебаты о зависимости приводят к перенаправлению социального обеспечения и обслуживания из государственных институтов, созданных для поддержки инвалидов, в общество. Возврат к «семейной» заботе, основанный на анти-институциональных идеях, происходит в первую очередь потому, что «сегрегация» и «социальный контроль» в государственных учреждениях требуют слишком сложных мер и дорогих затрат, чтобы быть оправданными. В ухудшающихся экономических условиях усиление нагрузки по уходу за инвалидами в семьях ударяет по населению. Между тем ни движение в сторону институциональных учреждений, ни движение обратно не представляет радикального сдвига в социальных отношениях. Культурная стигматизация инвалидов сохраняется и при условии отказа от «сурового» институционального режима, и при децентрализации социальных услуг, перевода их на уровень местных сообществ. Правительства большинства стран, где существуют проблемы инклюзии инвалидов, признают, что институциональная дискриминация может быть преодолена только в результате переориентирования экономической политики[6].

В условиях глобального экономического кризиса давление на социальную политику усиливается[7]. Одним из главных рычагов воздействия на величину государственных расходов стала Международная классификация функционирования, ограничения жизнедеятельности и здоровья ВОЗ (ICF). Вопреки «биопсихосоциальной» парадигме ВОЗ широкий набор критериев, включающей социально-экономические, культурные, политические факторы, вопросы неравенства, состояния окружающей среды, сервисы и услуги, а также интересы отдельной личности[8] оказываются невостребованными. Ужесточение оценки нарушений и различий инвалидов, а не барьеров, с которыми они сталкиваются, ведёт к сокращению численности получателей, размеров и продолжительности выплат. Дифференциация нарушений функций организма на незначительные, средние и тяжёлые используется для того, чтобы сократить социальные услуги и выделить их только тем, кто имеет острые потребности[9]. Как правило, при оценке нарушений учитываются производительность и персональные возможности для возвращения на рынок труда[10].

---

[1] Cox R.N. The Consequences of Welfare Reform: How Conceptions of Social Rights are Changing // Journal of Social Policy. 1998. – Vol. 27, N 1. – P. 1–16.

[2] Sen A. Development: Which Way Now? // The Economic Journal. 1983. – Vol. 93 (372). – P. 745–762.

[3] Cox R.N. Op. cit.

[4] Merson M. Teachers and the myth of modernization // British Journal of Educational Studies. 2000. – Vol. 48, N 2.

[5] Oliver M. The Politics of Disablement. – London: Macmillan Education, 1990.

[6] Oliver M., Barnes C. The New Politics Disablement. (2nd ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

[7] Berthoud R. Trends in the Employment of Disabled People in Britain / ISER Working Paper Series, 2011. – N 03.

[8] International Classification of Functioning, Disability and Health / World Health Organization. (ICF). W.H. A. Res. 54/21. 22.05.2001.

[9] Oliver M., Barnes C. The New Politics Disablement. 2nd ed. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

[10] De Boer W., Brenninkmeijer V., Zuidam W. Long-term disability arrangements. A comparative study of assessment and quality control. – Hoofddorp: TNO Work and Employment. 2004.

Важнейшей задачей управления в социальной сфере становится мотивация инвалидов к получению образования и экономической деятельности[1]. В фокус социальной политики включены лица с проблемами самообслуживания и занятости в трудоспособном возрасте. В среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опросы населения в возрасте от 20 до 65-ти лет показывают, что доля лиц с инвалидностью, не получающих социальной помощи, в том числе государственных пособий, компенсаций от работодателей, выплат по медицинскому страхованию, по безработице[2]. составляла в 2008 г. 10–25%[3]. Доля лиц, получающих социальные выплаты по причине инвалидности, составляет в США – 6,4% (от 18 до 65-ти лет)[4], в странах Европейского Союза – в среднем 15% от общей численности населения (от 15 до 64-х лет)[5]. Установка к повышению самодостаточности приводит к росту уязвимости инвалидов, их зависимости от экономических и социальных факторов, под влиянием которых развиваются политические силы и институты[6].

Конвенция ООН о правах инвалидов является важным шагом в направлении «равенства возможностей», между тем нет ясности, как они будут достигнуты. Согласно Европейским опросам, большинство инвалидов не ждут от Конвенции каких-либо изменений[7]. Расширение гражданских прав внутри законодательного поля не может оказать влияние на политическую и экономическую структуру общества, поэтому ощутимых улучшений в положении этой категории населения не последовало. Между тем задачи государственного управления усложняются в текущих условиях. С одной стороны, по причине сокращения расходов в сфере пенсионного обеспечения и социальной защиты населения. С другой стороны, под воздействием вызовов глобализации и постиндустриального общества, приводящих к сужению сферы занятости для лиц с инвалидностью[8]. Молодые люди, которые добиваются успеха в некоторых образовательных программах, часто сталкиваются с феноменом «вращающейся двери». Цикл обучения ведет к другой программе подготовки, а не к работе[9]. Поддержка занятости имеет успех в отдельных случаях, но скорее несёт обратный эффект – может привести к исключению, чем к инклюзии[10]. Инвалиды чаще остальных категорий населения сталкиваются с безработицей и бедностью[11]. Проблема инвалидности становится «движущейся мишенью», требующей неукоснительного выполнения принятых обязательств и норм, а также дополнительного комплексного реформирования[12].

Специальное образование: ориентация на инклюзию

Принципы, определяющие «третий путь» развития социального государства, а также стратегию «независимой жизни» оказали влияние на политику специального образования[13]. Помимо инвалидов с детства изменения затронули широкую категорию детей, нуждающихся в дополнительной поддержке и специальных условиях по причине нарушений, которые вызывают расстройства обучения и познавательной деятельности[14]. Документы международных органи-

---

[1] Haveman R., Wolfe B. The Economics of Disability and Disability Policy // Handbook of Health Economics, – Amsterdam: Elsevier, 2000. – Vol. 1; Jenkins S.P., Rigg J.A. Disability and Disadvantage: Selection, Onset, and Duration Effects // Journal of Social Policy. 2004. – Vol. 33, N 3.

[2] Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries. – Paris: OECD. 2010.

[3] Eurostat Statistics Explained. Disability statistics. 2015. – http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Disability_statistics

[4] Social Security Office of Retirement and Disability policy USA. Annual Statistical Report on the Social Security Disability Insurance Program, 2014. – https://www.ssa.gov/policy/docs/statcomps/di_asr/2014/sect05.html

[5] Инвалидами считаются граждане, испытывающие трудности при выполнении основного вида деятельности (зрение, слух, подъём, сгиб и т.д.). Основой вид деятельности понимается как выполнение задачи или действия. Трудности должны длиться по меньшей мере 6 месяцев или больше. См.: Eurostat Statistics Explained. – http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Basic_activity_difficulty

[6] Oliver M. The Social Model of Disability: Thirty Years on // Disability & Society. 2013. – Vol. 28, N 7.

[7] Jolly D. Pilot Study: The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. European Network for Independent Living. 2010. – 6 p. – http://pf7d7vi404s1dxh27mla5569.wpengine.netdna-cdn.com/files/library/jolly-pilotCRPD-final.pdf

[8] Transforming disability into ability. Policies to promote work and income security for disabled people, – Paris: OECD, 2003; Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries. – Paris: OECD, 2010.

[9] Education and disability/special needs: policies and practices in education, training and employment for students with disabilities and special educational needs in the EU 2012: An independent report. NESSE network of experts. – Brussels: European Commission. 2013.

[10] Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries. – Paris: OECD, 2010.

[11] Haveman R., Wolfe B. The Economics of Disability and Disability Policy // Handbook of Health Economics. – Amsterdam: Elsevier, 2000. – Vol. 1; Oliver M. The Social Model of Disability: Thirty Years on // Disability & Society. 2013. – Vol. 28, N 7.

[12] Widding St. Modernising and activating measures relating to work incapacity / Peer Review in Social Protection and Social Inclusion. European Commission Employment, Social Affairs and Equal Opportunities. – Madrid. 2010. – N 4–5, February. – P. 1–18. – http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1024&langId=en&newsId=1428&furtherNews=yes; Kemp P.A., Sunden A., Tauritz B.B. (Eds) Sick societies? Trends in disability benefits in postindustrial welfare states. – Geneva: International Social Security Association, 2006, – 241 p.

[13] Согласно Международной стандартной классификации образования (МКСО), программа специального образования может быть предложена отдельным учащимся в рамках уже существующих образовательных программ или в отдельном классе в том же учреждении, или в отдельном образовательном учреждении. См.: International Standard Classification of Education ISCED 2011 / UNESCO Institute for Statistics. – Montreal, 2012.

[14] Согласно МКСО, лица с особыми потребностями – те, которым по разным причинам требуется дополнительная поддержка и адаптивные педагогические методики, чтобы принимать участие в процессе обучения и осваивать образовательную программу. Такими причинами могут быть (но не ограничиваются ими) расстройства поведения, а также ограничения физических, ум-

заций: ООН, ЮНИСЭФ, ЮНЕСКО, ОЭСР, ЕС – первоначально Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов ООН[1], впоследствии Конвенция ООН о правах инвалидов последовательно закрепили необходимость интеграции и инклюзии. Вопросы нового языка – инклюзии стали фокусом кросснациональных исследований с точки зрения анализа непрекращающихся динамичных изменений[2]. Инклюзивная ориентация означает снижение числа детей и молодёжи в социальных учреждениях и в специальных школах. Цели международной политики, основанные на гуманных принципах «образования для всех», «равенства возможностей», демократических ценностях и идеалах, разнообразии и плюрализме, которые должны характеризовать «обычные» школы, достигаются под беспрецедентным давлением на систему образования, таким образом, что всем мероприятиям – законодательному обеспечению и практике отводятся кратчайшие сроки[3]. Быстрое внедрение «импорта инклюзии» обеспечивается за счёт принятия готовых решений без учета специфических политических, экономических, образовательных и социальных контекстов[4]. Физическая интеграция не означает автоматическое участие учеников с инвалидностью в жизни класса. Многие из них считают себя социально изолированными: реже принимаются сверстниками, дружат и включены в подгруппы[5]. Однако согласно общему убеждению, «не имеет значения, будет или нет работать полная инклюзия... даже если нет, необходимо думать, что она работает»[6].

Ориентации на инклюзию сопутствует проблематика концептуализации различий, связанных с инвалидностью и особыми образовательными потребностями детей, что выливается в «растущую культуру диагнозов»[7]. Классификация различий, основанная на медицинских показателях и других критериях, которые значимы для оказания образовательной поддержки, выполняет многоцелевую функцию. В том числе обусловливает: 1) рациональное распределение ресурсов для конкретных групп учеников; 2) контроль над системами подотчетности в расходовании средств на намеченные цели[8]; 3) сокращение расходов. Принцип, основанный на рассмотрении особенностей каждого отдельного ученика, предполагает замалчивание проблем социально-экономического и культурного неравенства как одной из главных причин нарушений и неуспеваемости. В целом он «идет рука об руку» с упором на индивидуализм и конкуренцию. Требования, в которых право быть включенным в специальное образование и получать поддержку становится правом индивида, а не какой-либо группы учеников[9], имеют последствия для развития специального образования. Вопросы равного доступа к образовательным, медицинским и социальным услугам в аспекте социально-экономических факторов – положения семей, статуса родителей, типа поселений, а также соблюдения соответствия между потребностью и уровнем её удовлетворения уходят на второй план[10]. Первоочередное внимание уделено разнообразию: расе, этничности, культуре и языку, а не проблемам учеников с меньшими ресурсами и низким культурным потенциалом семей, более ограниченных в выборе форм и видов образовательной поддержки[11].

Под влиянием индивидуализации или «адресности» при рассмотрении каждого отдельного случая состав детей с особыми образовательными потребностями становится зависимым от случайных факторов. В состав учеников могут включаться дети с проблемами в обучении из неблагополучных семей и мигранты[12]. Чёткая линия разграничения – кто нуждается в специальном образовании, не установлена: не существует общепризнанных, проверенных тестов и диагностических критериев[13]. Число категорий, на которые подразделяются ученики, структура их распределения, а

ственных, эмоциональных и социальных и других возможностей. См.: International Standard Classification of Education ISCED 2011 / UNESCO Institute for Statistics. – Montrealб 2012.

[1] General Assembly of the United Nation. Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities. Resolution adopted by the General Assembly 48/96 85 of 20 December 1993.

[2] European Agency for Development in Special Needs Education. Special Needs Education in Europe / Meijer C., Soriano V., Watkins A. (Eds). – Odense: European Agency for Development in Special Needs Educationб 2003; Students with Disabilities, Learning Difficulties and Disadvantages. Policies, statistics and indicators. – Paris: OECDб 2007; Education and disability/special needs: policies and practices in education / European Commission. 2013; European Schools. Statistics on the integration of pupils with special educational needs into the European Schools in the year 2013. Board of Governors of the European Schools. Meeting on 8-10 April 2014 in Sofia. 2014. – https://www.eursc.eu/en/Office/bodies

[3] Arnesen A-L. Lundahl L. Still Social and Democratic? Inclusive Education Policies in the Nordic Welfare States // Scandinavian Journal of Educational Researchю 2006. – Vol. 50, N 3.

[4] Tsokova D., Becirevic M. Inclusive education in Bulgaria and Bosnia and Herzegovina: policy and practice // European Journal of Special Needs Education. 2009. – Vol. 24, N 4.

[5] Pijl S.J., Frostad P., Flem A. The Social Position of Pupils with Special Needs in Regular Schools // Scandinavian Journal of Educational Research. 2008. – Vol. 52, N 8.

[6] Hess F., Brigham F. How Federal Special Education Policy Affects Schooling in Virginia. Rethinking special education for a new century / Finn Ch.E., Rotherham A.J., Hokanson C.R (Eds.). – Washington (DC): Progressive Policy Institute & Thomas Fordham Foundation, 2001.

[7] Johannesson I.A., Lindblad S., Simola H. An Inevitable Progress? Educational restructuring in Finland, Iceland and Sweden at the turn of the Millennium // Scandinavian Journal of Educational Research. 2002. – Vol. 46, N 3.

[8] Florian L., Hollenweger J., Simeonsson R. J., Wedell K., Riddell Sh., Terzi L., Holland A. Cross-Cultural Perspectives on the Classification of Children With Disabilities: Pt I. Issues in the Classification of Children With Disabilities // The Journal of Special Education. 2006. – Vol. 40, N 1.

[9] Johannesson I.A., Lindblad S., Simola H. Op. cit.

[10] Somersalo H., Solantaus T. Economic Recession and Inequality in Education: Children needing special services in focus // Scandinavian Journal of Educational Research. 2001. – Vol. 45, N 3.

[11] Arnesen A-L. Lundahl L. Op. cit.

[12] Students with Disabilities, Learning Difficulties and Disadvantages / OECD. 2007.

[13] Horn W.F., Tynan D. Time to Make Special Education «Special» Again. Rethinking special education for a new century / Finn Ch.E., Rotherham A.J., and. Hokanson C.R (Eds.), – Washington (DC): Progressive Policy Institute & Thomas Fordham Foundation, 2001.

также доля в составе школьников значительно различаются между странами[1]. Показатель доли детей с инвалидностью в общей численности учащихся школ составляет в США 13%[2], в ФРГ – 6,6%[3], в Англии 15,4%[4], во Франции 2,8%, в Норвегии 8%, в Швеции 1,5%[5].

Несмотря на значительные изменения в законодательстве, политиках и подходах, направленных на «максимальное включение» учащихся с инвалидностью, остаются вопросы, вызывающие серьёзную озабоченность. Инклюзивное образование не поддерживается на должном уровне с точки зрения ресурсов и услуг, не скоординировано с другими секторами образовательной системы, а также с государственными структурами, которые могли бы способствовать обучению. Не существует должного взаимодействия между специальными и инклюзивными школами, между общим и профессиональным образованием, отсутствуют специальные образовательные услуги за границами школьного возраста. Практики инклюзивного обучения значительно различаются между школами. Они в значительной степени являются производными от интеграции с использованием ограниченного числа дополнительных условий, таких как образовательная программа, позволяющая ассимилировать особых учеников. Более радикальных изменений, благодаря которым происходит перестройка учебных программ, методов, процедур и культуры для учёта различных потребностей учеников, как правило, не происходит[6]. Инклюзия внедряется в условиях острой нехватки учителей, обладающих компетенциями для обучения детей с психическими, физическими или эмоциональными нарушениями. Согласно обследованию ОЭСР, в 2013 г. эта проблема была отмечена в половине школ – 48%. Доля педагогов, успешно примениших знания в области обучения детей с особыми образовательными потребностями, составила всего 31,7%[7].

Возможности создания подходящих условий для обучения сужаются вследствие реформирования образовательной сферы, введения Нового государственного менеджмента, основанного на рыночных механизмах, подотчётности и эффективном использовании ресурсов[8]. Адаптация законодательства, в первую очередь финансовой системы, под цели инклюзии становится решающим фактором ускорения перевода из специальных школ в массовые[9]. Функции регулирования и финансирования перенаправляются от государственных органов управления образованием к локальным сообществам на региональном и местном уровнях, которые поощряются к оказанию поддержки детям с особыми потребностями. Децентрализация часто связана с введением квази-рынков, конкуренцией, автономией, повышением эффективности, подотчетности и с ориентированием системы образования на стимулирование инноваций, удовлетворение потребностей учащихся, родителей и работодателей[10]. Регионы, муниципалитеты и школы несут ответственность за выполнение конкретных целей и собственных планов для достижения инклюзии, которая подлежит контролю и мониторингу[11].

В Евросоюзе, где в специальных школах и специальных классах получает образование основная доля учащихся с особыми образовательными потребностями – во Франции (75%), в Германии (79%), в Великобритании (51%), в Дании (96%)[12],– исследователи отмечают перераспределение бюджетных средств от хорошо финансируемого специального образования в сторону скудно финансируемой инклюзии. Денежные средства, как правило, поступают из нескольких источников, в том числе из государственного бюджета, бюджета регионов (земель, провинций, районов) и местных органов управления (префектур, школьных округов)[13]. В ФРГ расходы из региональных и местных бюджетов составляют около 90% всех средств. Оставшуюся сумму – на оплату труда дополнительного персонала, специальное оборудование и транспорт, выплачивает федеральное правительство[14]. В условиях глобальной экономической стагнации и нехватки средств усиливается децентрализация обязанностей – от Министерства образования к локальным со-

[1] Students with Disabilities, Learning Difficulties and Disadvantages / OECD. 2007; Special Needs Education in Europe / European Agency for Development in Special Needs Education. 2003.

[2] Ученики в возрасте от 6-ти лет до 21-го года. См.: U.S. Department of Education, Office of Special Education Programs, 2015. September 25. – http://www2.ed.gov/programs/osepidea/618-data/state-level-data-files/index.html#bcc

[3] Education in Germany 2014. An indicator-based report including an analysis of the situation of people with special educational needs and disabilities / Authoring Group Educational Reporting. – Bielefeld: Federal Ministry of Education and Research, 2014.

[4] См: Special educational needs in England / Department for Education. – London, 2016. SFR 29. – https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/539158/SFR29_2016_Main_Text.pdf

[5] Возраст от 6-ти до20-ти лет. Education and disability/special needs: policies and practices in education / European Commission. 2013. March.

[6] Drudy S., Kinsella W. Developing an inclusive system in rapidly changing European society // International Journal of inclusive Education. 2009. – Vol. 13, N 6.

[7] TALIS 2013 Results: An International Perspective on Teaching and Learning. – Paris: OECD, 2014.

[8] Creating Effective Teaching and Learning Environments. First results from TALISю – Paris: OECD. 2012; Merson M. Teachers and the myth of modernization // British Journal of Educational Studiesю 2000.

[9] В некоторых странах финансирование не «привязано» к отдельному ученику, а выделено на школу. На практике это означает, что специальные школы получают вознаграждение. Перевод учеников в обычную школу поощряется незначительно. Таким образом, делается вывод, что система поддерживает сегрегацию. См.: Special Needs Education in Europe / European Agency for Development in Special Needs Education. 2003.

[10] Organization of provision to Support Inclusive Education – Summary Report / European Agency for Special Needs and Inclusive Education. – Odense: European Agency for Special Needs and Inclusive Education. 2014; West A., Allmendinger J., Nikolai R., Barham E. Decentralization and educational achievement in Germany and the UK // Environment and Planning C: Government and Policy. 2010. – Vol. 28, N 3.

[11] European Agency for Special Needs and Inclusive Education. 2014.

[12] Special Needs Education Country Data 2012. – Odense: European Agency for Development in Special Needs Education. 2012.

[13] European Agency for Development in Special Needs Education. 2003.

[14] Germany – Financing. – https://www.european-agency.org/country-information/germany/national-overview/financing.

обществам[1]. Финансовые ограничения, усиливаемые Новым государственным менеджментом, приводят к ухудшению условий обучения: увеличению размеров классов; сокращению специальных учителей и видов дополнительной поддержки[2]. Противоречия между декларируемыми целями инклюзивного образования и существующей практикой вызывают недоумение исследователей. Доминирующая неолиберальная, анти-социальная модель бросает серьёзный вызов обеспечению гарантий[3].

В США, где в инклюзивных классах обучаются 95% детей с особыми образовательными потребностями, в результате изменений в политике финансирования наметилась тенденция ухудшения условий и сокращения численности учеников[4]. Величина подушевого финансирования в США превышает средние значения по странам ОЭСР[5]. Уровень расходов на детей с особыми образовательными потребностями выше в два и более раза чем в общем образовании (величина расходов зависит от вида нарушений)[6] и контролируется законом, запрещающим сокращать финансирование по сравнению с предыдущим годом[7]. Однако из-за манипуляций в финансовой формуле, закрепляющей численность учащихся в специальном образовании в границах 1999 г., дополнительные расходы, которые должны выплачиваться из государственного бюджета, все больше перекладываются с федерального уровня и с уровня штатов на округа[8]. В период с 1999 по 2011 гг. снижение численности учащихся с инвалидностью в большинстве округов (59%) способствовало увеличению подушевого финансирования**.** Там, где их численность выросла, или где есть «дорогостоящие» учащиеся, средств оказалось недостаточно, так как дополнительных бюджетных расходов не предусмотрено. Созданный храповик поддерживает отрицательную корреляционную взаимосвязь между величиной финансирования и зачислением учеников с особыми потребностями[9]. Аналогичный финансовый механизм действует в случае увеличения в округе численности высоко затратных учеников (подушевое финансирование порядка 30 000$); детей, охваченных программами ранней помощи; учителей и/или повышения заработной платы[10]. Вопрос, который ставится на повестку дня, состоит не в том, как много денег выделить на специальное образование, а как лучше использовать ограниченные ресурсы[11].

Под предлогом следования к «наименее ограничительной среде»[12] многие виды услуг, позволяющие комбинировать обучение в общем классе с занятиями в отдельных помещениях, например, ресурсная комната, «специальное образование неполного дня» были прекращены или заменены на консультативные формы. Учеников всё чаще помещают в общеобразовательные классы на весь день, реже – в специальные помещения и классы[13]. За период с 1989/1990 по 2013/2014 гг. доли детей, которые обучались в обычных классах менее 40% учебного времени, а также от 40 до 79% учебного времени, сократились почти в два раза. Соответственно в два раза увеличилась доля обучающихся в общих классах на протяжении всего дня – 80% времени[14].

По мнению американских исследователей, на текущем этапе специальное образование характеризуется рядом особенностей. Во-первых, является дорогим и что ещё хуже – не эффективным. Политика инклюзии, которая вводит правила приёма детей-инвалидов в общие классы, одержима требованиями их выполнения и невнимательна к результатам – полученным навыкам и знаниям[15]. Индивидуальные программы, задуманные как гибкие инструменты обучения, превратились в письменные отчеты о соблюдении формальных требований. Как правило, они слабо соотносят-

---

[1] Education and disability/special needs: policies and practices in education / European Commission. 2013. March; Organization of provision to Support Inclusive Education – Summary Report. – Odense: European Agency for Special Needs and Inclusive Education. 2014.

[2] Arnesen A-L. Lundahl L. Op. cit.

[3] Drudy S., Kinsella W. Op. cit.

[4] За период с 2004/2005 по 2013/2014 гг. с 13,8% до 12,9% детей-инвалидов в общей численности школьников. См.: U.S. Department of Education, Office of Special Education Programs. 2015.

[5] В 2013 г. расходы на ученика в начальном и среднем образовании в США (11 800$) превышали среднее значение показателя по странам ОЭСР на 28%. Расходы в среднем специальном и высшем образовании (27 900$) превышали средние значения на 89%. См.: McFarland J., Hussar B., de Brey C., etc. The Condition of Education 2017.

[6] Chambers J. G., Parrish T. B., Harr J. J. What Are We Spending on Special Education Services in the United States, 1999-2000? Report 1. – Washington (DC): American Institutes for Research in the Behavioral Sciences. 2004. – 17 p.; Richmond M., Fairchild D. Financing the Education of High-Need Students. – Washington (DC): Thomas B. Fordham Institute, 2013. November 24, – 16 p.; Aron L., Loprest P. Disability and Education System // Future of Children. 2012, – Vol. 22, N 1.

[7] Boosting the Quality and Efficiency of Special Education / Ed. by N. Levenson – Washington (DC): Thomas B. Fordham Institute, September 2012. – 59 p.; McCann C. Federal Funding for Students with Disabilities. The Evolution of Federal Special Education Finance in the United State. – Washington (DC): National Center for Education Statistics, 2014. – 29 p

[8] Aron L., Loprest P. Disability and Education System // Future of Children. 2012. – Vol. 22, N 1; Berman S., Davis P., Koufman-Frederick A., and Urion D. The Rising Costs of Special Education in Massachusetts: Causes and Effects, Rethinking special education for a new century. Finn Ch. E., Rotherham A. J., Hokanson C. R (Eds.), – Washington (DC): Progressive Policy Institute & Thomas Fordham Foundation, 2001.

[9] McCann C. Op. cit.

[10] Boosting the Quality and Efficiency of Special Education.

[11] McCann C. Op. cit.

[12] McLeskey J., Hoppey D., Williamson P., and Rentz T. Is Inclusion an Illusion? An Examination of National and State Trends Toward the Education of Students with Learning Disabilities in General Education Classrooms // Learning Disabilities Research & Practice. 2004. – Vol. 19, N 2; McLeskey J., Landers E., Williamson P., Hoppey D. Are We Moving Toward Educating Students With Disabilities in Less Restrictive Settings? // The Journal of Special Education. 2012, – Vol. 46, N 3.

[13] McCann C. Op. cit.

[14] U.S. Department of Education, Office of Special Education Programs. 2015.

[15] Richmond M., Fairchild D. Op. cit.

ся со стандартами общеобразовательных программ[1]. Неподходящие условия обучения, а также дисциплинарные взыскания, обусловленные проблемами поведения таких учеников, – ведущая причина судебных разбирательств, инициируемых родителями[2].

Во-вторых, продвижение инклюзии не соотносится с эпохой, ориентированной на академические нормы и достижения – индивидуализацией образования каждого учащегося. Логика инклюзии противоречит системе стандартов и отчетности. Последняя требует от учеников выполнения заданий на высоком уровне[3], и направлена на усиление конкуренции между школами на основании образовательных достижений и рейтингов[4]. В обычные классы всё чаще включают детей с нарушениями психики и интеллекта, с эмоциональными расстройствами, расстройствами поведения, дефицитом внимания, гиперреактивностью множественными нарушениями[5]. Ученики с психическими и неврологическими нарушениями часто не контролируют поведение, получают дисциплинарные взыскания, что приводит к беспорядку в школах, снижению общей успеваемости[6].

В-третьих, совместное обучение создаёт противоречие между максимальной интеграцией и максимальным достижением[7]. Изменение дискурса в образовательной политики сопутствует изменению отношения к проблеме социальной интеграции во взрослой жизни, так как предполагается, это будет обеспечено рыночными механизмами[8]. Первоначальная цель специального образования состояла в том, чтобы гарантировать интеграцию в мейнстрим социальной жизни как можно большему числу учащихся с нарушениями в состоянии здоровья[9]. Однако инклюзивное образование скорее приводит к обратному результату – увеличению количества детей без навыков, знаний и основанных на способностях компетенциях, которые необходимы для успешной жизни.[10] Специальное образование перестало видеть миссию в компенсации и умении справляться с трудностями. Вместо этого оно сфокусировано на поощрении чувства правомочности получения специальных условий. Это приводит к негативным последствиям, так как в дальнейшем они сталкиваются с суровой реальностью в колледжах, в университетах и в сфере занятости[11].

Как показывают результаты тестирования учащихся с инвалидностью, многие из них, в том числе с лёгкими расстройствами, остаются практически не обученными элементарным знаниям, необходимым в жизни. Согласно исследованию Национальной оценки образовательного прогресса США (NAEP), в 2011 г. более 60% школьников с инвалидностью, окончившие 8 классов, не имели базовых навыков чтения[12]. В разрезе по штатам уровень оценки знаний может быть драматически низким, поскольку доля учеников, успешно справившихся с тестом, может составлять всего 7%[13]. В численности учащихся от 14-ти лет до 21-го года, которые прекратили обучение в 2012 г., доля получивших аттестат составила 63,9%, ещё 13,7% получили сертификат об окончании школы. Доля учеников, которые начали, но не закончили обучение в отчётный период, составила около 20%[14]. Отдельные исследования показывают, что доля лиц с инвалидностью, продолжающих получать образование после школы, составляла в 2005 г. порядка 46%. Около 30% выпускников не продолжают обучение, не участвуют в программах профессиональной подготовки и не работают[15].

Заключение

Социальная модель инвалидности, реализуемая на основе либеральных ценностей, приводит к негативным последствиям: сокращению государственного обеспечения на социальную защиту и специальное образование; усилению зависимости инвалидов от ресурсов семей, локальных сообществ, случайных факторов. Снижение численности инвалидов и детей, нуждающихся в дополнительной поддержке, сопровождается ужесточением критериев медицинского освидетельствования, сокращением социальных услуг и ухудшением условий обучения. Заметных сдвигов в сфере занятости и подготовке к рынку труда не последовало. В российских условиях, неблагоприятных для «максимально независимой жизни» инвалидов ввиду низкого уровня жизни населения; чрезмерного неравенства; ослабленной социальной политики в сфере услуг, в специальном образовании и занятости; непреодолимых транспортных барьеров, снижение степени ответственности государства за благосостояние граждан с инвалидностью чревато высокими социальными рисками.

---

[1] Hess F., Brigham F. Op. cit.

[2] Maass L.A. Special education and the least restrictive environment: United States federal appeals court outcomes and expert testimony. (PhD Thesis) 2005. – Montana: University of Montana. Paper 9529. – http://scholarworks.umt.edu/cgi/viewcontent.cgi? article=10565&context=etd

[3] Hess F., Brigham F. Op. cit.

[4] Horn W.F., Tynan D. Op. cit.

[5] Horn W.F., Tynan D. Op. cit.; McLeskey J., Landers E., Williamson P., Hoppey D. Op. cit.

[6] Horn W.F., Tynan D. Op. cit.

[7] Hess F., Brigham F. Op. cit.

[8] Arnesen A-L. Lundahl L. Op. cit.

[9] Horn W.F., Tynan D. Op. cit.

[10] Richmond M., Fairchild D. Op. cit.

[11] Horn W.F., Tynan D. Op. cit.

[12] U.S. Department of Education and the Institute of Education Sciences. National Center for Education Statistics. – https://nationsreportcard.gov/reading_2011/nat_g8.asp?tab_id=tab2&subtab_id=Tab_7#.

[13] Levenson N. (Eds.). Boosting the Quality and Efficiency of Special Education.

[14] U.S. Department of Education, Office of Special Education Programs. 2011/12 and 2012/13.

[15] Aron L., Loprest P. Disability and Education System // Future of Children. 2012. – Vol. 22, N 1.

Кучмаева О.В.[1]

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРЕСАХ ДЕТЕЙ НА 2012–2017 ГОДЫ

Ключевые слова*: социальная политика в интересах детей, положение детей, оценка эффективности политики.*
Keywords*: social policy for children, children, evaluation of policy effectiveness.*

Характерной чертой социальной политики современных государств является развитие стратегии и практики политики в интересах детства[2]. Важнейшим направлением исследований выступает поиск валидных методов оценки эффективности реализуемых мер[3].

Проблемы разработки и оценки политики в интересах детей находят в последние годы отражение и в стратегических документах международных организаций, и в исследовательских и методических проектах. Формируются системы мониторинга и оценки положения детей, в том числе и использующие нестандартные подходы в расчете комплексных индикаторов, основанных на мнении самих детей. Независимый обзор детского благополучия в Великобритании был подготовлен неправительственной организацией «Спасите детей»[4]. Обширный обзор ситуации был подготовлен в 90-е годы в Ирландии, причем сами дети участвовали в отборе 42 показателей, использовавшихся в анализе[5].

Социальная политика России в последние годы характеризуется разработкой стратегических документов, затрагивающих интересы семьи и детей. В июне 2012 года, после длительных дискуссий, была принята Национальная стратегия действий в интересах детей Российской Федерации на 2012–2017 гг.[6] В основу Национальной стратегии были положены российские и международные документы, главным из которых является принятая Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция о правах ребенка, государственные программы, регулярные поручения Президента Российской Федерации во время ежегодных Посланий Совету Федераций, предложения субъектов Российской Федерации.

Необходимо отметить, что предыдущий Национальный план действий в интересах детей был реализован в России в 1995–2000 гг. Для реализации Национальной стратегии были разработаны планы мероприятий[7]. На протяжении всего периода реализации Национальной стратегии проводился ее мониторинг[8]. На Федеральную службу государственной статистики была возложена разработка системы индикаторов для мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей и организация мониторинга его эффективности[9]. Портал Росстата содержит информацию по 5 из 6 разделов Национальной стратегии (102 показателя).

---

[1] Кучмаева Оксана Викторовна – д.э.н., профессор кафедры статистики РЭУ им. Г.В.Плеханова. Сфера профессиональных интересов – статистический анализ проблем жизнедеятельности семьи и семейной политики. E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

[2] Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. – М.: НИСП, 2007; Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О. Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости. Анализ мер поддержки материнства и детства, внедренных в 2007 году в Российской Федерации. – М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2007; Политика семьи и детства в постсоциализме / Под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2014; Тындик А.О. Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO, 2010. – № 1.

[3] Андреева А.И., Горшкова И.Д., Ковалевская А.С. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ: Определения, подходы, практический опыт. – М.: Проспект, 2014; Дмитришина Е.В., Кривелевич М.Е., Литвиненко Е.А. и др. Анализ эффективности бюджетных расходов на детей. Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации // SPERO. 2011. – № 15. – С. 105–144; Can Policies Boost Birth Rates? // The OECD Policy Briefs. 2007; Gauthier, A.H., Hatzius, J. Family benefits and fertility: an econometric analysis // Population Studies. 1997. – Vol. 51.

[4] Putting Children at the Centre: a practical guide to children's participation // Save the Children. 2010. – https://resourcecentre.savethechildren.net/library/putting-children-centre-practical-guide-childrens-participation

[5] Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах», Доклад Исследовательского центра «Инноченти». Вып. 7 / Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти». 2007.

[6] Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». – http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3QB3nN3D0

[7] Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р «О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/; Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2015 г. № 167-р «О плане мероприятий на 2015–2017 годы по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/#ixzz3YMK11PdX

[8] Мониторинг реализации Национальной стратегии действий в интересах детей в Российской Федерации на 2012-2017 гг. – http://мониторингнсид.рф/

[9] Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р «О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/

Анализ данных проблемной ситуации с использованием статистических показателей позволяет выявить глобальные проблемы в сфере положения детей и реализации социальной политики в их интересах.

Анализируя ситуацию с выполнением мероприятий, предусмотренных стратегическими документами, хотелось бы обратить внимание на возможность оценки динамики положения детей и семей с детьми на основе статистического мониторинга и, соответственно, результативности предпринимаемых мер.

По результатам реализации Национальной стратегии, в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства было принято решение объявить 2018–2027 годы в Российской Федерации Десятилетием детства[1].

Анализ результативности Национальной стратегии позволит не только получить представление о достигнутых успехах и неудачах на пути продвижения к благополучию детей, но и сформировать методические основы мониторинга эффективности дальнейшей деятельности.

Рассмотрим в качестве примера возможность оценки результативности мероприятий направления «Семейная политика детствосбережения» в рамках реализации Национальной стратегии на основе сформированной системы статистического мониторинга.

Анализ результативности выполнения мероприятий направления «Семейная политика детствосбережения»

Реализация Национальной стратегии по направлению «Семейная политика детствосбережения» была нацелена на перелом ряда негативных тенденций и преодоления социальных проблем: снижения численности детей; максимальных рисков бедности для многодетных и неполных семей; недостаточности удовлетворения спроса на доступные товары и услуги для детей; высокого уровня социального неблагополучия в семьях (сопряженного с пьянством и алкоголизмом, наркозависимостью, деградацией семейных и социальных ценностей, социальным сиротством); распространенности жестокого обращения с детьми, включая физическое, эмоциональное, сексуальное насилие в отношении детей; распространенности случаев лишения и ограничения родительских прав как основных мер по защите прав ребенка в случаях несвоевременного выявления и неоказания эффективной профилактической помощи семьям с детьми на ранних этапах.

Снижение уровня бедности, дефицита доходов у семей с детьми и ликвидация крайних форм проявления бедности

В целом, проблема высоких рисков бедности у семей с детьми остается актуальной. По данным Росстата, доля детей в возрасте до 16 лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности детей в возрасте до 16 лет) с 2012 г. до 2016 г. росла с 17,6 до 22,0% (табл. 1). В общей численности малоимущих домашних хозяйств доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет составляет более 62%.

Таблица 1

Доля детей в возрасте до 16 лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности детей в возрасте до 16 лет*

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доля детей из них:	19,9	17,6	17,9	18,5	21,5	22,0
детей в возрасте до 7 лет (в процентах от общей численности детей в возрасте до 7 лет)	18,7	15,6	15,6	15,4	17,4	18,6
детей в возрасте от 7 до 16 лет (в процентах от общей численности детей в возрасте от 7 до 16 лет)	21,1	19,5	20,0	21,4	25,6	25,3

* Показатель рассчитан на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

Важным достижением Национальной стратегии стало формирование «Детского бюджета», который представляет собой бюджетные ассигнования, направляемые на государственную поддержку семьи и детей за счет средств федерального бюджета (поручение Президента Российской Федерации от 18.02.2013 г. № Пр-325). Однако данный показатель носит аналитический, а не нормативный характер.

В субъектах Российской Федерации предпринимались меры по модернизации и развитию системы социальной помощи, призванные смягчить остроту проблемы бедности в семьях с несколькими детьми[2]. Получателями более существенной поддержки выступают многодетные семьи и семьи, оказавшиеся в той или иной трудной жизненной ситуации.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства».

[2] Овчарова Л.Н., Горина Е.А., Ворон О.В., Смирнов С.Н., Шепелева Е.В. Повышение эффективности и результативности социальной защиты за счет развития программ адресной поддержки нуждающихся. Аналитический доклад. – М.: Комитет гражданских инициатив , Независимый институт социальной политики, 2016. – https://komitetgi.ru/analytics/3035/

В целом по России численность получателей материнских и семейных пособий (в том числе выплачиваемых в системе социального страхования) увеличивалась как в связи с ростом рождаемости, так и в силу роста доли семей с детьми, находящимися за чертой бедности.

Одной из центральных мер российской демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, является материнский (семейный) капитал. Его размер подлежит ежегодной индексации, и в 2017 г. он составил 453 026 руб.

Практически четверть бюджетных расходов на цели социальной поддержки из средств бюджетов субъектов Российской Федерации ориентированы на детей или семьи с детьми, и около 60% из них – это затраты на социальное обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и замещающих семей, взявших себе таких детей на воспитание.

В субъектах Российской Федерации действует типовой набор мер социальной поддержки семей с детьми:

– ежемесячное пособие на ребенка, устанавливаемое по принципу нуждаемости, с различными повышающими коэффициентами (например, для детей одиноких матерей, детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов);

– региональный материнский (семейный) капитал, право на использование которого приобретается при рождении третьего и последующих детей;

– ежемесячные денежные выплаты на третьего и последующих детей, выплачиваемые до достижения детьми 3 лет;

– льготы и компенсации на оплату услуг, в том числе по коммунальным платежам, дошкольного образования, присмотра и ухода за детьми

– единовременные выплаты в период подготовки ребенка к школе;

– оказание социальной поддержки по технологии «Социального контракта».

На региональном уровне также устанавливаются меры социальной поддержки или условия их получения в зависимости от актуальных проблем, специфики территории, бюджетных возможностей.

Несмотря на все принимаемые меры, анализ статистических данных и социально-экономической ситуации показывает, что бедность семей с детьми по-прежнему остается одним из самых актуальных вызовов.

Ликвидация дефицита услуг, оказываемых дошкольными образовательными учреждениями

К началу реализации Национальной стратегии одной из основных проблем являлась доступность дошкольного образования для всех категорий детей.

На 1 января 2013 г. численность детей в возрасте от 3 до 7 лет, охваченных различными формами дошкольного образования, составляла 4 913 924 человека[1]. Новым дополнительным вызовом стала положительная демографическая динамика численности детского населения в возрасте от 3 до 7 лет. Только в 2016 г. детей данного возраста стало на 220 тыс. человек больше, чем в 2015 г.

В каждом регионе была принята Дорожная карта с целью обеспечения доступности дошкольного образования, целью которой стало создание дополнительных мест в дошкольных образовательных организациях. На 1 января 2017 г. численность детей в возрасте от 3 до 7 лет, посещающих дошкольные учреждения, составила 6 124 699 чел., что на 1 210 775 детей больше, чем в 2013 г. (4 913 924 человека).

В рамках реализации мероприятий модернизации региональных систем дошкольного образования в 2013–2015 гг. при государственной поддержке в субъектах Российской Федерации было создано более 1 млн. мест (1 136 336 места) в ДОО.

По состоянию на 1 октября 2017 г. в целом по Российской Федерации доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет составляла 98,94% (практически 100%). Значение показателя 100% доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет достигнуто в 70 субъектах Российской Федерации.

Наиболее острой проблема обеспечения доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет остается в шести субъектах Российской Федерации, где показатель доступности дошкольного образования для указанной возрастной группы не достигает 95%: в республиках Дагестан (81,10%), Ингушетия (61,70%), Северная Осетия – Алания (94,24%), Бурятия (92,76%) и Тыва (90,81%), в Республике Крым (82,96%).

Численность детей в возрасте от 3 до 7 лет, не обеспеченных местом в ДОО по состоянию на 1 октября 2017 г. составляет 63 664 человека (на 1 января 2015 г. – 372 430 человек).

Актуальным по-прежнему остается вопрос создания условий для получения дошкольного образования детьми раннего возраста (до 3 лет). В целом по Российской Федерации доступность дошкольного образования для них по состоянию на 1 октября 2017 г. составила 75,79%. Стопроцентную доступность смогли обеспечить два субъекта Российской Федерации: Ульяновская область, Чукотский автономный округ и еще в 20 регионах показатель доступности оказался выше 90%.

Численность детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет, состоящих на учете для приема в дошкольное учреждение, по состоянию на 1 октября 2017 г. составила 388 584 человека (на 1 января 2015 г. – 894 829 человек, на 1 января 2016 г. – 414 526 человек, на 1 января 2017 г. – 326 767 человек).

В табл. 2 приведены данные выборочного обследования Росстата о причинах, по которым дети в возрасте от 3 до 6 лет не посещают дошкольные образовательные учреждения (по итогам Комплексного наблюдения условий жизни населения).

[1] Данные Росстата по форме № 85-К.

Таблица 2

Дети в возрасте в возрасте от 3 до 6 лет, не посещающие дошкольные образовательные учреждения, %, 2016 г.

Причины непосещения ДОУ	Все респонденты	В том числе проживающие в домохозяйствах		
		с одним ребенком	с двумя детьми	с тремя и более детьми
Дети в возрасте в возрасте от 3 до 6 лет, не посещающие дошкольные образовательные учреждения, всего	100	100	100	100
В том числе по причинам:				
нет мест	10,3	16,8	9,1	6,8
высокая оплата	6,4	3,9	4,3	10,8
нет поблизости	9,7	9,6	8,3	11,3
дома ребенку лучше	47,8	43,0	48,2	51,1
не может посещать дошкольное учреждение по состоянию здоровья	6,7	7,5	8,1	4,6
другие причины	19,0	19,2	22,0	15,4

На первом месте среди причин непосещения – мнение родителей, что «дома ребенку лучше». Лишь 10,3% респондентов дали ответ, что их дети не посещают дошкольные учреждения, потому что «нет мест».

Функционируют 2032 семейные дошкольные группы как структурные подразделения муниципальных и (или) государственных организаций, реализующих основную образовательную программу дошкольного образования и осуществляющих присмотр и уход за детьми, с охватом 8066 воспитанников и 297 семейных дошкольных групп, осуществляющих только присмотр и уход без реализации образовательной программы, с охватом 890 воспитанников.

Доступность дошкольного образования для детей дошкольного возраста обеспечивается также посредством развития негосударственных форм дошкольного образования.

Если в 2012 г. в Российской Федерации число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми частной формы собственности (далее – ЧО) составило 467 (или 0,9% от общего числа дошкольных организаций всех форм собственности), то в 2016 г. их стало 990 (или 2,0% от общего числа организаций). К ним добавляются 769 индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на осуществление образовательной деятельности для данной категории детей. В результате негосударственный сектор создал 7240 мест по всей стране.

Сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме

Национальная стратегия предусматривала разработку мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей. По данным Росстата, доля детей, в отношении которых допущено опоздание (имеется задолженность) с выплатой алиментов, назначенных по решению суда (в процентах к общей численности детей, которым назначены алименты), снизилась весьма незначительно: с 22,6% в 2013 г. до 21,1% в 2015 г. Проблема остается весьма актуальной.

Несколько сократилось число исполнительных производств, по которым должники не приступили к выполнению алиментных обязательств на 23,3% (с 266,8 тыс. в 2015 г. до 204,7 тыс. в 2016 г.). При этом чем больше детей в семье, тем выше доля детей, в отношении которых имеется задолженность по выплате алиментов: среди семей с 1 ребенком – 20%, семей с тремя детьми – 28%.

Формирование в обществе ценностей семьи, ребенка, ответственного родительства

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации совместно с Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – Фонд поддержки детей), на протяжении всего периода реализации Национальной стратегии реализовалась Общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми. В 2013 г. стратегия кампании была дополнена положениями, направленными на продвижение ценностей ответственного родительства, семейного устройства детей-сирот как альтернативы жестокому обращению с детьми.

Результаты, полученные в ходе социологических опросов, проведенных по заказу Фонда, показывают эффективность проводимой кампании: доля семей, в которых физически не наказывают детей (бьют ремнем, другими предметами), выросла с 48% в 2009 г. до 58% в 2015 г. Уменьшается доля семей, в которых бьют ребенка (40% против 51%). Доля тех, кто считает, что «физические наказания для воспитания вредны, в нормальных семьях они недопустимы», выросла с 37% в 2009 г. до 46% в 2015 г.

Идеология непроявления жестокости к детям продвигается Фондом поддержки детей посредством общественного движения «Россия – без жестокости к детям», которое базируется на портале «Я – родитель». В 2016 г. к движению присоединилось более 47 тыс. человек (всего за весь период с 2010 г. – более 282 тыс. человек, а также десятки НКО, СМИ, городов и регионов, детских учреждений).

Повышение качества услуг для семей с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации; снижение численности семей, находящихся в социально опасном положении

В субъектах Российской Федерации проводятся мероприятия по реструктуризации сети учреждений социального обслуживания населения в целях устранения неэффективных, мало востребованных социальных услуг и подразделений, повышения качества предоставляемых населению услуг, внедрения передовых методик и технологий в деятельность социальных служб, развития наиболее актуальных и популярных форм работы.

Согласно данным федеральной статистической отчетности, в 2016 г. число учреждений социального обслуживания семьи и детей в субъектах Российской Федерации составило 2906 единиц (в 2013 г. – 3085), в том числе: 644 социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних (в 2013 г. – 717), 264 центра социальной помощи семье и детям (в 2013 г. – 472), 81 социальный приют для детей и подростков (в 2013 г. – 198), 241 реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями (в 2013 г. – 244), 109 центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей (в 2013 г. – 29); 16 центров психолого-педагогической помощи населению (в 2013 г. – 16), 2 центра экстренной психологической помощи по телефону (в 2013 г. – 7), 422 отделения по работе с семьей и детьми в центрах социального обслуживания населения (в 2013 г. – 358), 885 отделений по работе с семьей и детьми комплексных центров социального обслуживания населения (в 2013 г. – 905).

В учреждениях социального обслуживания семьи и детей насчитывалось 1407,5 стационарных отделений и 758 отделения дневного пребывания (в 2013 г. – 1498 и 801 соответственно); в качестве структурных подразделений работало 258 семейных воспитательных групп (в 2013 г. – 943), 974 отделения реабилитации для детей с ограниченными возможностями (в 2013 г. – 687), 766 отделений профилактики безнадзорности несовершеннолетних (в 2013 г. – 687), 4418 «телефонов доверия» (в 2013 г. – 2310 «телефонов доверия»).

Численность работников социальных служб, оказывающих помощь семьям, женщинам и детям, в 2015 г. составила 140,7 тыс. человек, в том числе 79,2 тыс. специалистов (в 2013 г. – 130,4 тыс. человек, в том числе 78,5 тыс. специалистов; в 2014 г. – 133,7 тыс. человек, в том числе 78,8 тыс. специалистов). Повышение квалификации в 2015 г. прошли около 23,5 тыс. специалистов (в 2013 г. – 17,3 тыс. специалистов, в 2014 г. – 21,3 тыс. специалистов).

Создание эффективных механизмов, способствующих сокращению случаев лишения родительских прав, выявлению семей, входящих в группу риска, их социальному сопровождению и реабилитации, сокращению числа случаев жестокого обращения с детьми в семьях

Приоритетной продолжает оставаться деятельность социальных служб и органов опеки и попечительства, направленная на сохранение кровной семьи.

За последние 5 лет (2012–2017 гг.) на 27 % уменьшилось число детей, в отношении которых лишены родительских прав оба или единственный родитель. Это свидетельствует о том, что мера лишения родителей их родительских прав становится крайней мерой.

За этот же период число детей, в отношении которых ограничены в правах оба или единственный родитель, увеличилось на 31%. Данная тенденция показывает, что мера ограничения родителей в правах стала чаще использоваться в качестве профилактической и воспитательной, дающей родителям шанс сохранить ребенка в семье.

Однако в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 6% увеличилось число детей, в отношении которых лишены родительских прав оба или единственный родитель (в 2015 г. – 26 225 детей, в 2016 г. – 27 793 детей). За этот же период число детей, в отношении которых ограничены в правах оба или единственный родитель, увеличилось на 14,3% (в 2015 г. – 7647 детей, в 2016 г. – 8917 детей).

Анализ причин оставления ребенка без родительского попечения показывает, что основная доля случаев приходится на лишение или ограничение родителей родительских прав – 65% от общего числа детей, которые в течение года были поставлены на учет в государственный банк данных, смерть родителя (родителей) – 25%, согласие на усыновление – 8%, родители неизвестны (прочерки в свидетельстве о рождении) – 2%.

Снижение в 2016 г. на 4,5% численности детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей (в 2015 г. – 3444 детей, в 2016 г. – 3288 детей), свидетельствует об активизации профилактической и просветительской работы с семьей.

Сокращение числа детей, остающихся без попечения родителей

Количественные результаты проводимой профилактической работы на протяжении последних пяти лет приведены в табл. 3. Начиная с 2012 г. происходит постепенное ежегодное сокращение численности выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (общее сокращение за весь период в целом по России составило 30%).

Стабильно сокращается численность детей, от которых матери отказались при рождении (общее сокращение за весь период составило 40%), и численность детей, у которых лишены родительских прав оба родителя или единственный родитель (общее сокращение за весь период составило 27%).

Таблица 3

Основные показатели сферы социального сиротства

Показатели	Годы					
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Численность выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за год (чел.)	82 177	74 724	68 770	61 621	58 168	57 290
Численность детей, которые возвращены родителям в течение года, всего (чел.)				14 561	10 023	10 454
Численность детей, от которых матери отказались при рождении (чел.)		6234	5757	4983	4396	3742
Численность детей, у которых лишены родительских прав оба родителя или единственный родитель (чел.)	38 323	33 810	30 532	27 859	26 225	27 793
Численность детей, у которых ограничены в родительских правах оба родителя или единственный родитель (чел.)	6803	7132	7353	7115	7647	8917
Численность детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей (чел.)	4682	4632	4184	3270	3444	3288
из них: детей, возвращенных родителям после проведения социально-реабилитационных мероприятий (чел.)			1215	866	796	577

Число детей, остающихся без попечения родителей, зависит от двух основных факторов: 1) качество профилактической работы с семьей; 2) семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, включая реинтеграцию ребенка в кровную семью, устройство под опеку/попечительство родственникам, передачу ребенка в замещающую семью и усыновление.

Сложности и ограничения статистического мониторинга

Проведенный анализ демонстрирует, что мониторинг результативности выполнения стратегии лишь в определенной степени может опираться на данные статистики.

Важнейшими разделами Национальной стратегии выступали ожидаемые результаты, сгруппированные по шести ее направлениям (Семейная политика детствосбережения; Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей; Здравоохранение, дружественное к детям, и здоровый образ жизни; Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства; Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия; Дети – участники реализации Национальной стратегии).

Для объективной оценки политики в интересах детей необходимы статистические данные, отражающие реализацию мер в направлении всех ожидаемых результатов. Официальный мониторинг мероприятий Национальной стратегии мог опираться, прежде всего, на перечень показателей, сформированный Росстатом, на который была возложена функция разработки индикаторов Национальной стратегии.

Однако при оценке результативности Национальной стратегии выявляются противоречия – ожидаемые результаты, прописанные в Национальной стратегии, и показатели результативности, подлежащие статистическому мониторингу Росстата, не всегда адекватны. Данные, размещенные на сайте Росстата в разделе «Семья, материнство и детство», в ряде случаев не позволили дать полную оценку достижению ожидаемых результатов Национальной стратегии.

В системе мониторинга имелась определенная ограниченность информационной базы, ориентация, прежде всего, на данные текущей статистики, не всегда раскрывающие суть ожидаемых результатов стратегии. Не использовались широкие возможности выборочных исследований как источника данных о ходе реализации Национальной стратегии и влиянии реализуемых мер на положение детей и семей с детьми, без чего невозможно оценить, в частности, многие качественные результаты реализации мероприятия Национальной стратегии.

Многие показатели не доступны для анализа в разрезе регионов. Например, характеристики уровня жизни домохозяйств с детьми, оценки финансового благополучия (по мнению домохозяйств) и прочее.

Во многих случаях публикация данных в разрезе всех субъектов России для проведения детального анализа и оценки дифференциации затруднена из-за невозможности получить репрезентативные данные для таких совокупностей (данные ряда выборочных обследований Росстата репрезентативны для России в целом и федеральных округов).

Для получения корректных и сопоставимых межрегиональных оценок необходимы дополнительные данные (например, о численности детей в регионах России, не представленные в соответствующем разделе на сайте Росстата).

Использование интегральной оценки результативности политики в интересах детей

На основе опыта проведения мониторинга Национальной стратегии можно сделать определенные выводы о методических приемах для оценки результативности мер социальной политики в интересах детей, которые могут быть использованы в практике мониторинга плана реализации «Десятилетия детства».

Необходимо проводить ежегодный анализ динамики показателей, входящих в систему статистического мониторинга Росстата. Анализ показателей должен проводиться как в целом по Российской Федерации, так и в разрезе регионов. Необходимо выделить среди них прежде всего те показатели, динамика которых может свидетельствовать о

продвижении в ходе реализации того или иного направления деятельности. При этом в контексте каждого из показателей определяется желательность роста или снижения (темп прироста по сравнению к предыдущему году) и масштаб роста или снижения (количество процентных пунктов). В зависимости от величины показателя темпа прироста начисляется определенное количество баллов. Сумма баллов для каждого региона определяется путем суммирования баллов, полученных за снижение или рост соответствующих показателей. В зависимости от количества начисленных баллов определяется место регионов в рейтинге по выполнению мероприятий плана «Десятилетия детства».

Начисление баллов проводится в отношении показателей, для которых соблюдаются следующие требования:

– отсутствует или минимальна на фоне остальных показателей возможность манипулирования статистикой для более выигрышного представления ситуации или экономии средств (например, ужесточение правил назначения пособий, предоставление статуса ребенка-инвалида и т.д.);

– присутствует сопоставимость данных по регионам (что в большей степени характерно для относительных показателей);

– имеется выраженная динамика и дифференциация показателей по регионам.

В последние годы достаточно распространено использование интегральных индексов в оценке качества жизни (Индекс лучшей жизни, Индекс процветания, Всемирный индекс счастья, Индекс качества жизни, Глобальный индекс благосостояния). Этот подход может быть использован и для оценки эффективности политики в интересах детей. Расчет интегральных индексов в разрезе отдельных направлений реализации политики в интересах детей позволит провести агрегирование комплекса показателей и проводить сравнение реализации мероприятий в целом по тому или иному направлению в различных регионах. Расчет интегрального индекса по каждому из направлений осуществляется на основе ряда показателей, доступных в региональном разрезе. В этом случае все показатели приобретают одинаковую размерность, они изменяются от 0 до 1.

Отбор показателей должен осуществляться с учетом:

– мнения экспертного сообщества,

– возможности использования показателей для анализа достижения ожидаемых результатов,

– наличия данных в разрезе субъектов Российской Федерации,

– отражения в совокупности отобранных показателей различных аспектов реализации того или иного направления.

Так, в частности для анализа результативности направления «Семейная политика детствосбережения» Национальной стратегии можно было бы предложить следующий интегральный индекс (ИИ) – исходя из доступной в региональном разрезе в настоящее время показателей на сайте Росстата:

$$ИИ_1 = \frac{1}{3}\sum_{i=1}^{3} X_i^{станд}$$

X_1 – доля детей в численности бедного населения, %;

X_2 – численность детей, родители которых лишены родительских прав на 10 000 детей в возрасте 0–17 лет;

X_3 – доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Стандартизация показателей X_1, X_2 проводится по формуле:

$$X_i^{станд} = \frac{X_{\min} - X_i}{X_{\max} - X_{\min}} + 1 \text{ (1), при } i = 1...n$$

Стандартизация показателя X3 проводится по формуле:

$$X_i^{станд} = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \text{ (2), при } i = 1...n$$

$X_i^{станд}$ – стандартизированное значение i-го показателя для конкретного субъекта;

X_i – исходное значение i-го показателя для конкретного субъекта;

X_{min} – минимальное значение для i-го показателя по совокупности оцениваемых субъектов;

X_{max} – максимальное значение для i-го показателя по совокупности оцениваемых субъектов;

n – количество анализируемых регионов.

В частности, расчет индекса по данным за 2015 год для г. Москвы позволяет получить следующие результаты. Интегральный индекс, характеризующий реализацию данного направления Национальной стратегии в г. Москве, оказался равен 0.84 и Москва занимала 3 место среди всех регионов России. Наиболее благополучная ситуация складывалась с показателем X_1 – доля детей в численности бедного населения – стандартизированное значение оказалось равным 1. Хуже всего обстояло дело с X_3 – долей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, по этому показателю г.Москва находилась лишь на 41 месте.

Сравнение интегральных показателей, рассчитанных по всем направлениям реализации Национальной стратегии, позволило бы выявить, какое направление в регионе реализуется наиболее успешно, а какое требует значительных дальнейших усилий для улучшения ситуации. Важным условием объективности оценки является отбор необходимой информации для его расчета.

Выводы

Проведенный анализ позволяет говорить о значительном месте, которое занимает политика в отношении детей в системе государственной социальной политики в России. Объективная оценка эффективности невозможна без использования статистических данных и методов статистического анализа ситуации. Анализ мониторинга реализации Национальной стратегии в интересах детей показывает, что необходимо расширение информационного поля мониторинга социальной политики в интересах детей, статистические показатели должны соответствовать заявленным в стратегических документах целях и ожидаемым результатам и иметь количественной выражение. Целесообразно шире использовать данные выборочных обследований, а так же использовать интегральные показатели, позволяющие дать комплексную оценку реализуемым мерам и проводить сравнительный анализ в региональном разрезе.

Махова О.А.
к.э.н., доцент кафедры статистики Российского экономического университета

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЖЕНСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЕ В ГОРОДЕ МОСКВА

Ключевые слова: *статистический анализ положения женщин на рынке труда, безработные женщины, гендерная структура безработных.*

Keywords: *statistical analysis of the status of women in the labor market, unemployed women, gender structure of the unemployed.*

Сегодня, с учетом прогнозов Росстата, показывающих будущее сокращение трудовых ресурсов, особое внимание необходимо уделять вопросам повышения эффективности государственной политики в сфере труда, в том числе в г. Москве. В этой связи важно грамотное обоснование принимаемых управленческих решений, основанное на детальном анализе структуры безработного населения. Государственная политика в сфере труда должна быть направлена на создание и бо́льшее распространение нацеленных на конкретные группы населения механизмов занятости. Выявление таких групп возможно при грамотном проведении экономико-статистического анализа структурных изменений в составе безработных мужчин и женщин.

Первичным фактором, определяющим участие женщин в экономике, является возраст. Именно возрастом определяется модель социально-трудового поведения женщин, возрастом определяются биосоциальные особенности женщин в тот или иной период ее жизни. Это дает основание для разработки соответствующей возрастной группировки, учитывающей особенности выполняемых женщинами функций (репродуктивной, воспитательной и т. д.) и применяемой для статистического анализа положения женщин в сфере труда.

Росстатом при проведении обследований рабочей силы[1] (с 2016 г., после внедрений в статистическую практику рекомендаций 19-й Международной конференцией статистиков труда[2], ранее обследование населения по проблемам занятости) определены: минимальная граница возраста – 15 лет, и максимальная – 72 года для обследуемого населения. По сути, указанные возрастные границы ограничивают возможности для участия в экономической деятельности, т.е. занятости, так как официальный статус безработного может получить только то лицо, которое находится в трудоспособном возрасте. Внутри вышеуказанных возрастных границ нами были выделены следующие группы и подгруппы:

- 16–30 лет – женщины в молодом трудоспособном возрасте, в том числе:
- 16–17 лет – не обремененные семьей (в настоящее время девушки реже выходят замуж до получения желаемого уровня образования);
- 18–24 года – создатели семейного гнезда (возраст покидания родительского дома и создания собственного);
- 25–29 лет – мамы и воспитатели (основной репродуктивный возраст и, как следствие, период ухода за детьми и их воспитания);
- 30 лет и старше – старший возраст возможного участия женщин в общественном производстве, в том числе:
- 30–44 года – воспитатели (рост требований к уровню знаний и образованию требует занятий с детьми не только в дошкольных и школьных учреждениях);
- 45–54 года – хранительницы домашнего очага (взрослые дети, устоявшийся, привычный быт расширяют возможности женщин, в том числе направленные на участие в общественном производстве, причем с увеличением возраста возрастает потребность в работе и желание быть общественно полезной);
- 55 лет и старше – бабушки (желание избегнуть одиночества путем погружения в работу, но альтернативная характеристика, уменьшающая трудоспособность, – здоровье).

Таким образом, женщины в молодом репродуктивном, позволяющем работать возрасте являются особой группой населения, для которой необходимо создавать соответствующие условия труда, прежде всего рабочие места с гибкими формами занятости. Значение этой проблемы обостряется на фоне суженного трудового замещения, старения населения и отсутствия простого воспроизводства населения. Следовательно, решение социально-демографических проблем в г. Москве должно быть комплексным и учитывать множество аспектов (важно повышать уровень рождаемости, не ухудшая положение женщин в занятости, предоставляя им возможности не отставать от темпов технологического и инновационного развития страны и ее регионов).

[1] Росстат. Обследование населения по проблемам занятости (обследование рабочей силы). – http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm

[2] Приказ Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=192555&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7754759446252137#0

В составе старшего женского населения, имеющего возможность трудиться, подгруппа 45–54 года характеризуется максимальной возможностью для участия в общественном производстве.

В целом работающие женщины возраста от 30 до 44 лет должны формировать и формируют женский рынок труда в России, так как именно они могут более полно реализовать свои потенциальные способности к участию в процессе общественного труда с меньшими потерями при осуществлении функций, не связанных с участием в производственной деятельности.

Анализ изменений численности безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, подтвердил право на существование вышеприведенной классификации. В период с 2005 по 2016 год численность каждой возрастной группы в пределах от 16 до 30 лет сократилась. В численности безработных женщин когорта молодого трудоспособного возраста характеризуется наименьшим удельным весом. В возрасте от 16 до 17 лет зафиксировано наиболее существенное снижение числа зарегистрированных безработных женщин с 342 до 26 человек (на 92,40%). В общей численности зарегистрированных безработных женщин удельный вес безработных в возрасте 16–17 лет в 2005 году составил 1,45%, в 2016 году – 0,12%, что увязывается с ростом потребности получения образования в современном мире. Также фактор образования в совокупности с причинами создания семьи обосновал снижение удельного веса когорты безработных в возрасте 18–24 года в общем числе безработных женщин с 11,27 % в 2005 году до 5,18 % в 2016 году. В возрастной группе 25–29 лет существенных изменений за анализируемый период не зафиксировано. Доля безработных женщин в 2005 году составила 7,94%, в 2016 году – 7,62%. Однако данная ситуация также говорит о необходимости поддержки молодого поколения в сфере труда, они получают образование, а найти работу зачастую становится сложно, так как работодатели скептически относятся как к лицам, не имеющим соответствующего опыта работы, так и к молодым женщинам, которым предстоит выполнять репродуктивную функцию.

Таблица 1

Возрастная структура безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, в 2005 и 2016 гг.

Возрастные группы	Численность безработных, человек						Удельный вес безработных конкретной возрастной группы в общей численности безработных по соответствующим гендерным группам населения, %			
	2005 г.			2016 г.			2005 г.		2016 г.	
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Всего	34 441	10 844	23 597	36 887	16 054	20 833	100,00	100,00	100,00	100,00
16–17 лет	591	249	342	52	26	26	2,30	1,45	0,16	0,12
18–24 года	3821	1161	2660	2025	945	1080	10,71	11,27	5,89	5,18
25–29 лет	2478	605	1873	2717	1130	1587	5,58	7,94	7,04	7,62
30–44 года	10 220	2563	7657	14 175	5239	8936	23,64	32,45	32,63	42,89
45–54 года	14 029	3113	10916	13 621	4490	9131	28,71	46,26	27,97	43,83
55–59 лет	3235	3086	149	4258	4185	73	28,46	0,63	26,07	0,35
60 лет и старше	67	67	0	39	39	0	0,62	0,00	0,24	0,00

Существенные изменения как в динамике масштабов, так и в возрастной структуре безработных женщин зафиксированы у когорты 30–44 года. Это единственная возрастная группа, в которой за период с 2005 по 2016 год увеличилась численность (на 16,70%) и на 10,44 процентных пункта изменилась доля в общем числе безработных женщин.

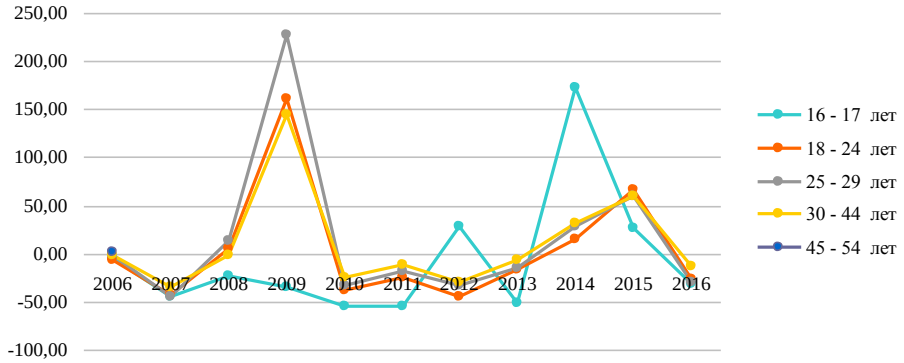


Рисунок 1.
Темпы прироста численности безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по возрастным группам за период с 2005 по 2016 г., %

За 12 лет масштаб регистрируемой безработицы женщин в возрасте 45–54 года сократился с 10 916 до 9131 человек (на 2,43%). При этом в структуре вес данной возрастной когорты существенно не изменился. В 2005 году безра-

ботных женщин в возрасте 45–54 года было чуть более 46% всей численности безработных женщин, в 2016 году – около 44%.

В целом сводные показатели, характеризующие структуру безработных женщин, позволяют говорить о существенной неравномерности в распределении численности зарегистрированных безработных женщин по возрастам, при этом неравномерность в 2016 году только усилилась (коэффициент энтропии в 2005 году составил 0,58, в 2016 году – 0,63). При этом значимых структурных сдвигов в возрастной численности безработных женщин не зафиксировано (индекс Гатева равен 0,15).

Рисунок 2.
Гендерная структура безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, за период с 2005 по 2016 г., %

Рассматривая молодой возраст, мы определили еще один значимый фактор, влияющий на безработицу, – образование. Современные наукоемкие и высокотехнологичные сферы экономической деятельности диктуют новые требования к образованию, навыкам и уровню знаний работников. Растет доля интеллектуального труда, тяжелый физический труд уходит в прошлое, обостряется проблема высококвалифицированных кадров. В этой связи структура безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, значимо трансформируется. Вопросы кадрового обеспечения выходят на первый план, что требует иного подхода к подготовке специалистов для цифровой экономики, для сфер деятельности, связанных с разработкой и производством современных наукоемких изделий. В соответствии с данными тенденциями в период с 2005 по 2016 год значимо сократилась численность безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости, с основным общим, средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием (соответственно на 47,74%; 63,81; 96,8%).

Таблица 2

Распределение безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по уровню образования в 2005 и 2016 гг.

Уровень образования	Численность безработных, человек					
	2005 г.			2016 г.		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего	34 441	10 844	23 597	36 887	16 054	20 833
Высшее профессиональное	10 626	3464	7162	19 754	7409	12 345
Среднее профессиональное	7744	1564	6180	11 253	5330	5923
Начальное профессиональное	5770	1901	3869	259	135	124
Среднее (полное) общее	7662	2663	4999	4055	2246	1809
Основное общее	2130	980	1150	1499	898	601
Не имеющие основного общего образования	509	272	237	67	36	31

Численность безработных женщин со средним профессиональным образованием существенно не изменилась: в 2005 году она составляла 6180 человек, в 2016 году – 5923 человека (уменьшение на 4,16%). Указанная динамика явилась основой сохранения веса безработных женщин со средним профессиональным образованием в общей численности зарегистрированных безработных женщин: в 2005 году он был равен 26,19%, в 2016 году – 28,43%.

За анализируемые 12 лет наибольшие изменения характерны для безработных женщин, имеющих высшее профессиональное образование. Численность данной когорты возросла с 7162 до 12 345 человек (на 28,91%), что привело

к трансформации безработных женщин по уровню образования, а удельный вес безработных женщин увеличился с 30,35% в 2005 году до 59,26% в 2016 году.

Коэффициент энтропии в 2005 году составил 0,41, в 2016 году – 0,67, что говорит о качественном переходе от средней неравномерности к существенной (крайне неравномерной), характерной для распределения численности зарегистрированных безработных женщин по уровню образования, при этом неравномерность к 2016 году усилилась.

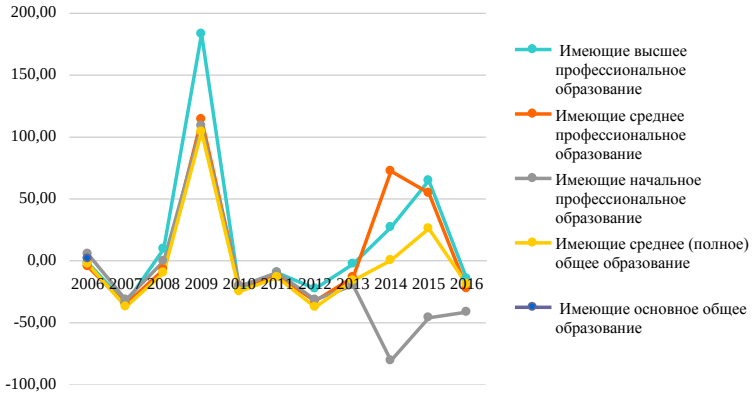


Рисунок 3.
Темпы прироста численности безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по уровню образования за период с 2005 по 2016 г., %

Изменения, произошедшие в распределении численности безработных женщин в разрезе уровня образования, привели к получению значения индекса Гатева, равного 0,43. В соответствии со шкалой сводного индикатора структурные сдвиги признаются средними тактическими (так как максимальная доля, характерная для 2005 года, осталась у когорты с высшим образованием).

Среди основных изменений в численности безработных женщин по основаниям незанятости можно выделить: существенное увеличение численности лиц, уволившихся по собственному желанию (с 6971 человека в 2005 году до 11 138 человек в 2016 году, то есть на 59,78%), и рост уволившихся по соглашению сторон (с 2086 человек в 2005 году до 2986 человек в 2016 году, то есть на 43,14%). Данные изменения обосновали структурные сдвиги в численности безработных женщин, характеризующиеся прежде всего увеличением удельного веса численности безработных женщин по причине увольнения по собственному желанию с 29,54% от общей численности безработных женщин в 2005 году до 53,46% в 2016 году, что говорит о росте открытости сферы труда (открытые ресурсы сети Интернет: HeadHunter – hh.ru, superjob.ru, zarplata.ru и другие) и большей уверенности женщин в завтрашнем дне (реализуемые государственные программы поддержки отдельных категорий безработных граждан).

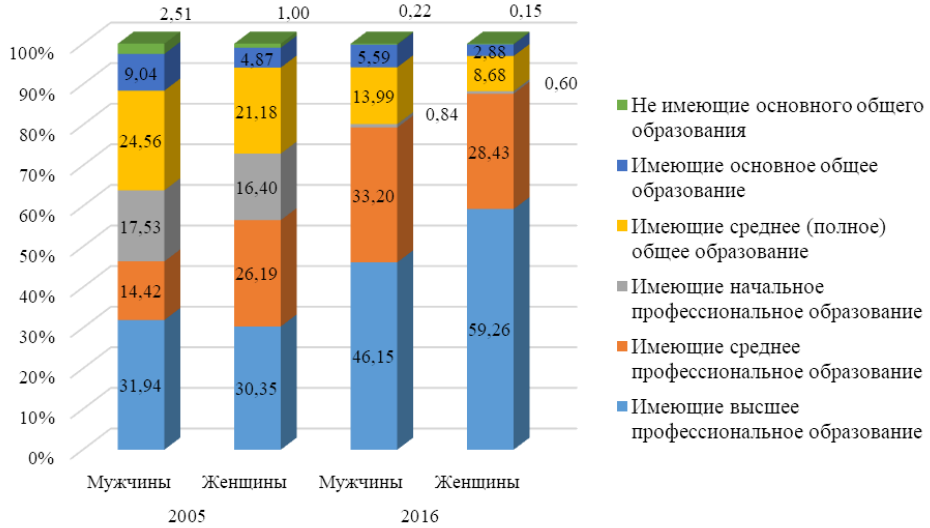


Рисунок 4.
Структура безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по уровню образования в 2005 и 2016 гг., %

Таблица 3

Распределение безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по основаниям незанятости в 2005 и 2016 гг.

Уровень образования	Численность безработных, человек					
	2005 г.			2016 г.		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего	34 441	10 844	23 597	36 887	16 054	20 833
Высвобожденные работники	8020	2435	5585	6824	2581	4243
Уволившиеся по собственному желанию	10 259	3288	6971	19926	8788	11 138
Уволившиеся по соглашению сторон	2806	720	2086	5552	2566	2986
Уволенные в связи с окончанием срока действия договора (контракта)	1192	345	847	1463	606	857
Выпускники	1274	414	860	856	378	478
Другие основания	10 890	3642	7248	2266	1135	1131

Интересно отметить, что численность безработных женщин –выпускниц образовательных учреждений в 2005 году составляла 860 человек (вес когорты в общем числе безработных женщин был равен 3,64%), за 12 лет она уменьшилась на 44,42% и в 2016 году стала равной 478 безработным женщинам (вес когорты в общем числе безработных женщин был равен 2,29%).

Численность безработных женщин по причине увольнения в связи с окончанием срока действия договора (контракта) существенно не изменилась: в 2005 году она составляла 847 человек, в 2016 году – 857 человек (увеличение на 0,52%). Указанная динамика явилась основой сохранения веса безработных женщин по причине увольнения в связи с окончанием срока действия договора (контракта) в общей численности зарегистрированных безработных женщин: в 2005 году он был равен 3,59 %, в 2016 году – 0,52%.

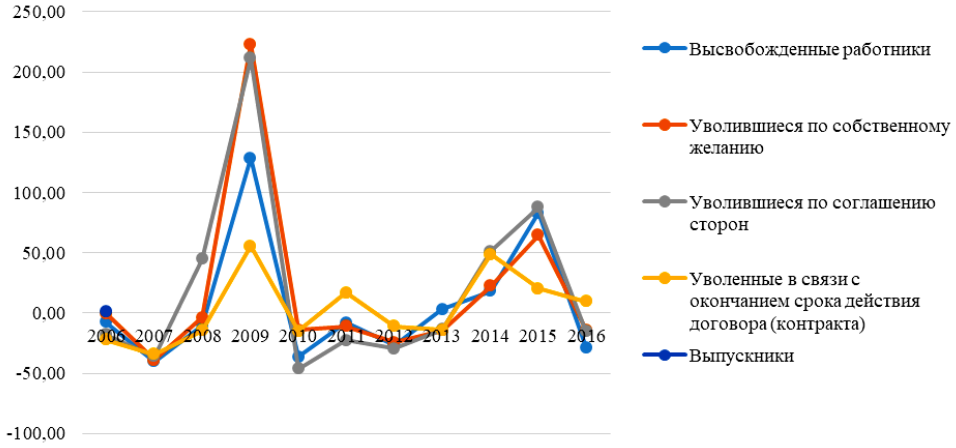


Рисунок 5.
Темпы прироста численности безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по основаниям незанятости за период с 2005 по 2016 г., %

Коэффициент энтропии в 2005 году составил 0,44, в 2016 году – 0,59, что говорит о среднем уровне неравномерности структуры в 2005 году и существенной (крайней) неравномерности в распределении численности зарегистрированных безработных женщин по основаниям незанятости в 2016 году (неравномерность к 2016 году усилилась).

Изменения, произошедшие в распределении численности безработных женщин по основаниям незанятости, привели к получению значения индекса Гатева, равного 0,46. В соответствии со шкалой сводного индикатора структурные сдвиги признаются средними стратегическими (в 2005 году максимальная доля в структуре была характерна для тех лиц, которые были высвобождены по другим основаниям, в 2016 году максимум веса был характерен для группы уволившихся по окончании срока действия договора (контракта).

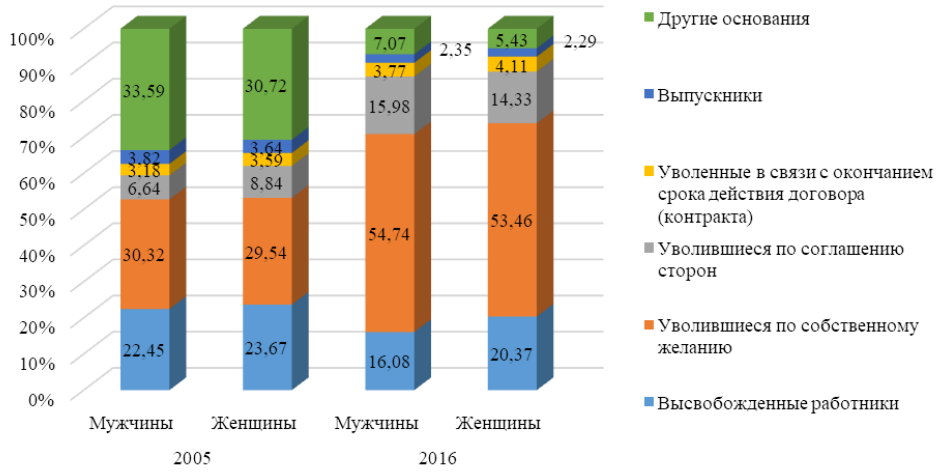


Рисунок 6.
Структура безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по основаниям незанятости в 2005 и 2016 гг., %

Характеризуя изменения численности безработных женщин в зависимости от их участия в трудовой деятельности до признания безработными, целесообразно отметить уменьшение численности безработных женщин, ранее работавших по профессиям рабочих, с 13 514 человек в 2005 году до 3860 человек в 2016 году (сокращение на 53,79%).

Таблица 4

Распределение безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по участию ранее в трудовой деятельности в 2005 и 2016 гг.

Участие ранее в трудовой деятельности	Численность безработных, человек					
	2005 г.			2016 г.		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего	34 441	10 844	23 597	36 887	16 054	20 833
Работавшие по профессиям рабочих	13 514	5161	8353	10 023	6163	3860
Работавшие на должностях служащих	17 958	4698	13 260	25 216	9076	16 140
Не приступавшие к трудовой деятельности	2969	985	1984	1648	815	833

В рассматриваемый период увеличилась численность безработных женщин, ранее работавших на должностях служащих, в 2005 году она составляла 13260 человек и к 2016 году возросла на 21,72 %, до 16 140 человек.

С 2005 по 2016 год численность безработных женщин г. Москвы, не приступавших к трудовой деятельности до признания их безработными, уменьшилась с 1984 до 833 человек (на 58,01 %).

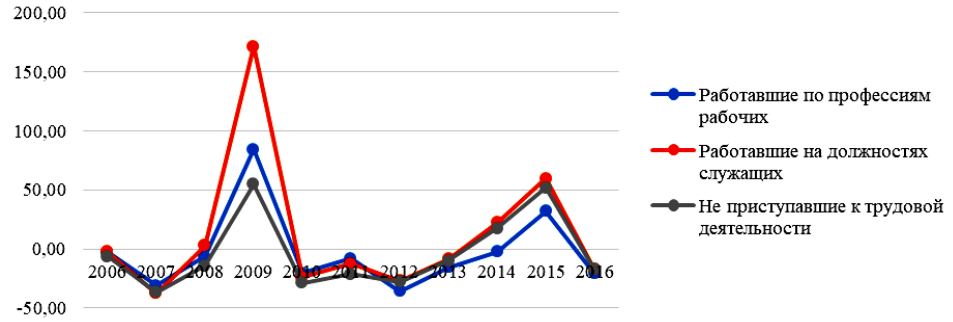


Рисунок 7.
Темпы прироста численности безработных женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по участию ранее в трудовой деятельности за период с 2005 по 2016 г., %

На протяжении всего исследуемого периода в численности безработных женщин наибольший вес принадлежал когорте безработных женщин, ранее работавших на должностях служащих (в 2005 году он составлял 56,19%, в 2016 году – 77,47%).

Коэффициент энтропии в 2005 году был равен 0,38, что говорит о среднем уровне неравномерности в распределении численности зарегистрированных безработных женщин по их участию в трудовой деятельности до признания безработными. К 2016 году неравномерность в распределении усилилась, коэффициент энтропии составил 0,56, что характеризует распределение численности зарегистрированных безработных женщин по признаку участия ранее в трудовой деятельности как крайне неравномерное.

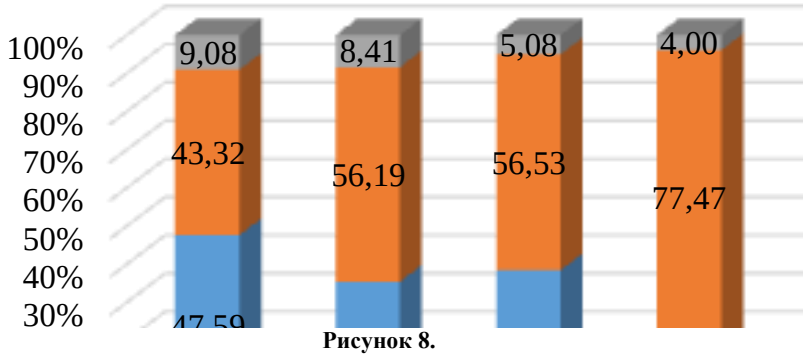


Рисунок 8.
Структура безработных мужчин и женщин, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения г. Москвы, по участию ранее в трудовой деятельности в 2005 и 2016 гг., %

За 12 лет структура безработных женщин по их участию в трудовой деятельности до признания безработными значимо не трансформировалась, о чем свидетельствует рассчитанное значение индекса Гатева, равное 0,27 (структурные сдвиги средние, тактические).

Проведенный анализ позволил охарактеризовать безработных женщин г. Москвы как мобильную часть населения (рабочей силы). При этом отмечается, что развитие экономики дает основу к существенным переменам в сфере труда.

Однако необходимо отметить, что исследование безработицы в г. Москва показало наличие гендерной проблемы и тем самым определило необходимость развития и совершенствования законодательных норм, регламентирующих положение женщин в сфере труда и обеспечивающих реализацию политики равных прав и возможностей. Опыт экономически развитых стран показывает, что решение проблем гендерного равенства, является одним из важнейших факторов достижения экономического и социального развития страны.

Список литературы

1. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 29.07.2017) «О занятости населения в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221297&rnd=282590.1282814127#0
2. Борьба с дискриминацией на основании гендерной идентичности: международно-правовой аспект. – https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7582:2015-07-30-11-13-46&catid=109:2010-06-17-09-48-32
3. Гонова О.В. Социально-экономическое развитие региона: модели рейтинговой оценки // Экономические науки. Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2010. – № 3 (23). – http://www.isuct.ru/e-publ/snt/sites/ru.e-publ.snt/files/2010/03/snt_2010_n03_40.pdf
4. Равны ли женщины мужчинам? – http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/tema05.php
5. Конвенция Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция № 156 от 23 июня 1981 года). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 30 октября 1997 года № 137-ФЗ. – http://docs.cntd.ru/document/901763236
6. Мониторинг демографического развития Москвы. 2015–2016 гг.: аналитические материалы // АНО «Совет по вопросам управления и развития» / Под ред. Елизарова В.В., Савостиной Е.А. – М.: ООО «Вариант», 2016. – 144 с.
7. ООН: Гендерные измерения XXI столетия. http://novznania.ru/archives/7203
8. Приказ Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=192555&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7754759446252137#0
9. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/
10. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/
11. Росстат. – http://www.gks.ru
12. Социологическое исследование «Дискриминация в сфере труда: распространенность, формы и причины существования. Распространенность трудовой дискриминации». – http://trudprava.ru/expert/research/discriminsurv/565

Нагуманов К.С.
д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических стратегий «Альтернатива», Астана
nugman75@list.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПРАКТИКА ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Ключевые слова*: компенсации семьям погибших, цена человеческой жизни, единая теория эволюции природы и общества, необходимый и избыточный продукт, происхождение человека, цена раба, наемное рабство, недополученный избыточный продукт.*
Keywords*: compensation to families of deceased, value of human life, unified theory of evolution of nature and society, essential and surplus product, origin of a human being, price of a slave, hired slavery, missed surplus product.*

Во второй половине XX века в работах по обоснованию необходимой надежности строительных конструкций появилось деление на здания и сооружения с экономической и неэкономической ответственностью. К первой группе теоретики относили сооружения, где разрушения конструкций не сопровождались человеческими жертвами. Это, например, сельскохозяйственные постройки в виде теплиц. Те случаи, где существовала опасность гибели людей, относили к сооружениям с неэкономической ответственностью, так как считалось, что ценность человеческой жизни не поддается количественной оценке. При этом упускалось из виду, что в принципе невозможно создать абсолютно прочную конструкцию. К тому же всегда существует та или иная вероятность разрушения из-за возможных недочетов и ошибок при проектировании, возведении и эксплуатации зданий и сооружений. Вопрос заключается лишь в том, на какие материальные затраты может пойти общество (какие принять запасы прочности, ужесточить контроль качества изготовления и эксплуатации конструкций), чтобы свести опасность разрушения к минимуму, но все же не к нулевой вероятности. Тем не менее, когда в начале 80-х годов автором статьи была предложена методика экономического обоснования необходимой надежности конструкций с учетом возможных человеческих жертв, она была встречена в штыки. Сама мысль оценивать жизнь человека в деньгах посчитали кощунством. Результаты исследований удалось опубликовать лишь в 1988 году с наступлением времен гласности и перестройки[1].

Однако времена и нравы меняются, и сейчас обычными стали сообщения, что семьям погибших в той или иной аварии, природной катастрофе, стихийном бедствии власть, организации выплатили денежные компенсации. При крушении «Невского экспресса» в 2009 году из федерального и регионального бюджетов за каждого погибшего выдали 600 000 рублей, и от ОАО РЖД – 500 000 рублей. В США семьям погибших в террористическом акте 11 сентября 2001 года выдали от 3,1 до 4,2 млн. долларов. Как в этих, так и в других случаях величина выплат назначалась волевым путем в зависимости от общественного резонанса на трагические события. Но в этом вопросе нельзя полагаться лишь на добрую волю государства, ведомства или организации. Необходимо перевести порядок возмещения ущерба на научно обоснованную нормативную базу. Поэтому появились попытки представить расчет стоимости жизни человека в виде неких формализованных процедур, как, например, оценка на основе среднедушевого ВВП, актуарный, доходный, затратный подходы, демографический метод, субъективная оценка на основе социологических опросов, исследование рынков труда[2].

Сама пестрота приведенных подходов к оценке стоимости жизни свидетельствует о том, что поиски решения проблемы ведутся учеными банальным методом «тык», проб и ошибок, без направляющей теоретической базы. Не опираясь на строго научные понятия жизни и человека, невозможно построить и научно выверенную методику оценку стоимости человеческой жизни. К сожалению, не владея в полной мере научной информацией по данному вопросу, исследователи довольствуются привычными, обывательскими представлениями о ценностях жизни и человека. Не понимая значения глубокой, теоретической проработки вопроса, даже те, кто по долгу службы обязаны серьезно и профессионально заниматься вопросом стоимости жизни, в конце концов, за помощью обращаются к тем, кто ждет от них же, – от профессионалов, – ответа. Вот и Центр стратегических исследований компании Росгосстрах обратился за помощью к населению страны. Для этого в первой половине 2015 года Центр проводит социологический опрос в 36 крупных и средних городах России. Всего в опросе приняли участие 7,8 тыс. респондентов. Результаты опроса общественного мнения, как утверждают исследователи, показали, что «средняя стоимость статистической жизни составила

[1] Нагуманов К.С. Назначение уровня надежности конструкций с «неэкономической» ответственностью // Научно-технические достижения – строительному комплексу. – Целиноград, 1988. – С. 68–69.
[2] Стоимость человеческой жизни. – https://ru.wikipedia.org/wiki/

4,5 млн. рублей»[1]. Но ведь с таким же успехом и хирург перед операцией на сердце может обратиться к простым людям с вопросом, нужно ли и как оперировать тяжело больного?

Между тем, уже на протяжении нескольких десятков лет нами разрабатывается единая теория эволюции природы и общества с приложениями её к решению конкретных проблем[2]. Простейшим свойством систем и исходным пунктом единой теории эволюции служит стабильность (устойчивость) систем во времени (рис.1).

Рисунок 1.
Геометрическая модель условий стабильности основных уровней организации природы и общества

При этом математически условия стабильности основных уровней организации окружающего нас мира выражаются в следующем виде:

Физическое тело: $\Delta E = E_{внутр.} < 0$

Животное: $\Delta E = E_{внеш.} - E_{физиолог.} = 0$

Человек: $\Delta E = E_{внеш.} - E_{физиолог.} > 0$,

где ΔE – запас энергии, определяющий стабильность системы;

$E_{внутр}$ – внутренняя энергия физического тела;

$E_{внеш.}$ – свободная энергия, извлекаемая организмом из внешней среды;

$E_{физиолог.}$ – свободная энергия, необходимая для покрытия физиологических потребностей организма.

Проще говоря, стабильность физического тела (прочность связей между его частицами) определяется той энергией, которая выделилась во внешнюю среду при образовании связей между его частицами – условие (1). Обратный процесс разрушения тела требует приложить к этим связям энергию, превышающую ранее выделившуюся. Так, чтобы разбить обычный камень, достаточно энергии удара увесистым молотком. А вот для разрушения связей между атомами и молекулами живой плоти не нужно даже внешней энергии удара – достаточно энергии беспорядочного теплового движения самих частиц. Поэтому для своей стабильности живой организм вынужден постоянно заниматься восстановлением этих связей, саморемонтом и для этого добывать энергию и материал в виде пищи из внешней среды – условие (2). Следовательно, биологическая жизнь есть способность живого организма обеспечивать динамическую стабильность своих биомакромолекул путем извлечения и использования свободной энергии из внешней среды.

Для своего выживания и развития животному достаточно добывать энергию в пределах физиологических потребностей организма – это жизненно необходимый продукт. И все же в ходе эволюции среди миллионов разнообразных вариаций живых организмов выделился биологический вид Homo sapiens своей удивительной, из ряда вон выходящей способностью добывать энергию из внешней среды сверх физиологических потребностей, то есть избыточный (прибавочный) продукт – условие (3). «Все развитие человеческого общества после стадии животной дикости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания, с того дня, как часть труда могла уже затрачиваться на производство не одних только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда и образование, и накопление из этого избытка

[1] Стоимость человеческой жизни в России составила 4,5 млн. рублей. – http://www.rgs.ru/media/CSR/on_startup/Life_value_2015.pdf

[2] Нагуманов К.С. Коренное различие между объектами живой и неживой природы // Техника – молодежи. – М., 1990. – № 6. – С. 13; Нагуманов К.С. Принципы единства и симметрии в разгадке тайн жизни и человека // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. 2011, – № 2 (8), – С. 218–222.

общественного, производственного и резервного фонда, все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса»[1].

Осознание фундаментальной роли избыточного продукта в рождении человеческого общества приводит к радикальному пересмотру господствующих до сих пор представлений о человеке. Во-первых, вызывает совершенно иной взгляд на его происхождение. Человек произошел не от Бога, и не от обезьяны; он произошел от избыточного продукта! Именно с появлением регулярного производства этого продукта над уровнем эволюции Homo sapiens как биологического вида возник качественно новый уровень культурной эволюции собственно человеческого общества. Эпоха качественного скачка в эволюции живой природы выделяется двумя революционными событиями. Производство избыточного продукта приводит к: а) появлению оседлости – первых постоянных поселений, а затем и городов с общественным разделением труда, торговлей, делением на касты, сословия, классы, развитием ремесла, искусства, появлением религий и т.д., и б) резкому и устойчивому росту численности населения Земли. Наступление обеих этих событий археологи, историки, демографы относят примерно к 8-му тысячелетию до н.э. С этого времени принято отсчитывать начало неолитической революции, когда отдельные популяции Homo sapiens в разных точках земного шара начали переходить от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию. Революционность перемен состоит в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, и потому материального носителя человеческих свойств точнее называть не Homo sapiens, а Homo facitus – человек производящий! Резкое увеличение численности людей, случившееся в эту эпоху, у специалистов получило название первой демографической революции. Следовательно, с достаточной, по историческим меркам, точностью можно утверждать, что человеческое общество появилось сравнительно недавно – всего лишь 10 000 лет назад![2]

Во-вторых, только в терминах избыточного продукта удается выявить объективное содержание и истинную ценность человеческой жизни. Скорее всего, поначалу производство излишков носило непреднамеренный, стихийный характер. Но довольно быстро поняв, какие преимущества, стабильность и процветание в жизни дает накопление богатства, первые люди стала всемерно развивать свои производительные силы. С этой целью, не ограничиваясь изготовлением и совершенствованием обычных, вещественных орудий труда, они стали приручать, использовать диких животных. Так появились коровы, лошади, овцы, козы, и т.п. Чтобы превратить лошадей, быков в покорный тягловый скот, шли даже на то, чтобы пресечь проявление их естественных инстинктов путем кастрации. Так появились мерины, волы и они стали служить даже мерой при оценке трудоспособности самих людей – «пашет как вол!». Естественно, что рабочий скот не был способен претендовать и не претендовал на свою долю в произведенном избыточном продукте. Этот «недостаток» оказал ему добрую службу. Получив новое применение и не подвергаясь скорому убою, как нынешние бройлеры или другой продуктивный скот, домашние животные непроизвольно продлевали свое существование в качестве тягловой силы. Такой способ переложения тяжелого физического труда на шею скота и, как следствие, наращивание производства избыточного продукта и безвозмездное присвоение совместно созданного богатства, подтолкнуло первые человеческие общества к тому, чтобы породить всем известное явление, как рабство.

Люди в необходимых случаях издавна кастрировали себя как особей биологического вида Homo sapiens и получали евнухов, кастратов для известных целей. Однако, не останавливаясь на этом, додумались и до того, что стали кастрировать не только в биологическом, но и в экономическом смысле. На том этапе развития человеческих обществ, когда развитие технологий стало способствовать производству работником большего объёма продукции, чем необходимо для поддержания собственной жизни, военнопленных, которых прежде убивали, стали лишать свободы и принуждать их к тяжёлому труду на хозяина. При этом они были лишены возможности присваивать и распоряжаться своей долей произведенного избыточного продукта. Взамен пленники в качестве рабов продлевали свое существование. Чем не кастрированный бык?

Раб является тем «недостающим звеном» между обезьяной и человеком, которое безуспешно ищут палеоантропологи среди скелетов доисторических времен. Причина неудач в том, что современные ученые признаки человека сводят к внешнему облику, строению скелета, прямохождению, объему мозга, речи, сознанию, изготовлению орудии труда и т.п. Но это все – предпосылки становления человека. Сутью же, критерием человека служит то, что он не только производит, но и распоряжается избыточным продуктом[3]. Потому-то раб уже не животное, так как производит избыточный продукт, но и не человек, так как не собственник этого продукта! Он – орудие труда! В укор специалистам наших дней отметим, что это отчетливо понимали ученые древности. Вспомним утверждения, приводимые в учебной и научной литературе по истории древнего мира: Аристотель (384–322 гг. до н.э.) – «одни орудия являются одушевленными, другие – неодушевленными. Раб есть одушевленная собственность и наиболее совершенное из всех орудий». Или Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.) – «теперь я буду говорить, какими орудиями труда обрабатываются поля. Эти орудия бывают трёх видов: говорящие – рабы, мычащие – быки, немые – повозки, лопаты, плуги».

Торгуясь на невольничьем рынке, покупатель прикидывал, какой доход он сможет получить сверх своих расходов на покупку и содержание вот этого конкретного раба. Никакой иной ценности жизнь одушевленного орудия труда для хозяина не представляла! Ему важна не «средняя стоимость статистической жизни» рабов (средняя температура по больнице), а конкретная польза и выгода от этого живого производителя товаров и услуг. А точнее и строже, – объем произведенного им избыточного продукта! Так в Древней Греции рабы-ремесленники стоили 3–4 мины, руководи-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 199.

[2] Нагуманов К.С. О начале зарождения ноосферы // Учение В.И. Вернадского и современная экологическая ситуация (к 130-летию со дня рождения). Материалы международной научной конференции. – Акмола-Боровое. 1993, с. 66–68.

[3] Нагуманов К.С. Критерии жизни и человека и единая теория эволюции природы и общества. // Эволюция: срезы, правила, прогнозы / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – Волгоград, 2016. – С. 221–228.

тели мастерских («менеджеры» античного производства) – 5–6 мин, рабы, обладающие выдающимися способностями или знаниями, – 10–15 мин, а самые красивые наложницы или танцовщицы – 20–30 мин. Цена раба в Древнем Риме хорошо известна – 400–500 денариев. В зависимости от спроса и предложения она вырастала до 600–700 денариев[1].

Наверное, совсем неслучайно корнем таких слов, как работа, рабочий, работник физического или умственного труда, служит «раб». Хотя кто из работников наемного труда готов сейчас осознать и принять свое положение раба? Но ведь верно подмечено: нет лучшего раба, чем тот, который считает себя свободным! На самом деле, если он в какой-то степени и свободен, то лишь в выборе своего работодателя. Тогда чем же наемный работник нашего времени отличается от классического раба? Отличается, прежде всего, тем, что он получает теперь в составе заработной платы часть произведенного им избыточного продукта. Прогресс же, достигнутый за последние столетия наемного рабства, состоит в том, что, например, по данным[2] доля чистой заработной платы в ВВП России, т.е. без налогов, уплачиваемых наемным работником, была на уровне примерно 20%. Отметим, что в развитых странах Запада этот уровень гораздо выше.

Использование понятия избыточного продукта дает ключ к разгадке цены человеческой жизни. Для этого весь продукт, производимый человеком в работоспособном возрасте, разделим на его компоненты (рис. 2). Прежде всего, выделим ту часть продукта, которое пойдет на поддержание жизнедеятельности человеческого организма – это есть, в денежном выражении, прожиточный минимум (необходимый продукт). Другая часть представляет собой весь избыточный продукт. Из него, в свою очередь, выделим ту часть, которая (как правило, – большая) присваивается работодателем, а также государством в виде налогов и других поборов. (Это будет материальная потеря для общества и государства от гибели человека). Оставшаяся часть выдается работнику вместе со стоимостью необходимого продукта в виде зарплаты. Именно эта часть избыточного продукта должна быть возмещена виновником смерти (властью, физическим или юридическим лицом) потерпевшей семье не как благотворительность, а как законом установленная обязанность!

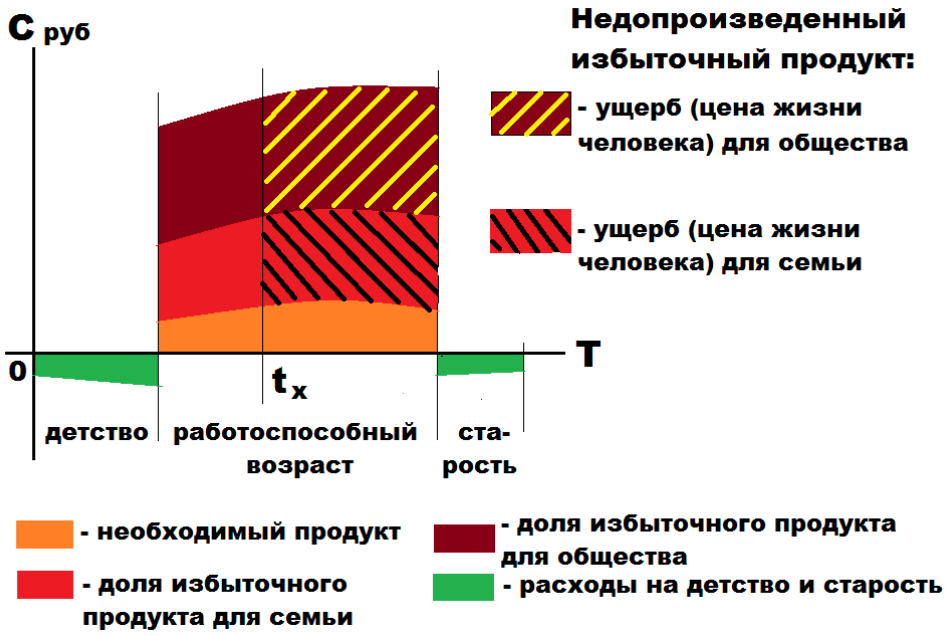


Рисунок 2.
Цена жизни человека для семьи как недополученная доля избыточного продукта

Оставшаяся часть выдается работнику вместе со стоимостью необходимого продукта в виде зарплаты. Именно эта часть избыточного продукта должна быть возмещена виновником смерти (властью, физическим или юридическим лицом) потерпевшей семье не как благотворительность, а как законом установленная обязанность!

Из приведенных соображений следует простая формула, позволяющая в первом приближении рассчитать ущерб (цену жизни человека) для семьи:

$$Ц = 12 \times ИП \times Г = 12 \times (З – Ппр) \times Г,$$

где:

Ц – цена жизни человека для семьи, руб.;

ИП – доля избыточного продукта, вносимого человеком в бюджет семьи ежемесячно, руб.;

З – месячная зарплата человека на момент гибели, руб.;

[1] 50 лекций по микроэкономике. Лекция 38. Капитализация. Раздел 3. – http://50.economicus.ru/index.php

[2] Катасонов В.Ю. От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному Капитализму. – М.: Кислород, 2015 – с. 166.

Ппр – прожиточный минимум, руб.;

Г – недоработанные трудоспособные годы.

Сводки человеческих потерь из-за дорожно-транспортных происшествий на просторах России похожи на сообщения с театра военных действий. Уменьшить эти потери можно, лишь установив неотвратимость материальной и моральной ответственности за смерть людей для виновников ДТП. (Сравнивая объемы потерь в России и странах Запада, приходишь к выводу, что такой ответственности практически нет). Поскольку речь здесь идет о материальной компенсации семьям погибших, оценим потери семьи водителя. По статистике[1] средняя зарплата водителей 22 228 рублей. За необходимый продукт примем установленный Правительством РФ прожиточный минимум на 2015 год в 10 404 рубля. Допустим, что из-за гибели водитель недоработал до пенсии 30 лет. Тогда материальной компенсацией семье должна быть сумма:

$$Ц = 12 \times (21\,228 – 10\,404) \times 30 = 3\,896\,640 \text{ руб.}$$

На деле же надо еще более конкретизировать задачу, так как у водителей разных категорий соответственно и разная зарплата. К примеру, дальнобойщик ежемесячно приносит домой в среднем 50 000 рублей[2]. Тогда при прочих равных условиях урон, а значит, и компенсация для семьи, должна составит 14 254 560 рублей.

Полученные цифры – расчетные. А как они соотносятся с реальностью и с исторической практикой? Ведь люди лишались жизни и раньше, в мирное время, и это не оставалось безнаказанным. Еще в первых, отпечатанных в камне почти четыре тысячи лет назад, древневавилонских законах царя Хаммурапи были установлены компенсации за причиненную смерть или увечье человека. Более близкий России, как по времени, так и по истории, стране, свод законов – «Жеті жарғы», – действовал в Казахском ханстве в XVIII–XIX веках. В нем также были установлены материальные наказания за смерть человека, Так, компенсацией за убийство мужчины служили 1000 баранов, женщины – 500 баранов, раба – стоимость беркута или гончей собаки[3]. Как видим, и здесь раб приравнивался не к человеку, а к животному. Что касается мужчины, то сейчас стоимость барана порядка 5–6 тысяч рублей. Следовательно, при нынешних ценах за смерть мужчины полагалась бы компенсация в 6000 × 1000 = 6 000 000 рублей. Учитывая, что в те времена единственным добытчиком в семье был мужчина, можно понять превышение цены такого добытчика над нынешним простым водителем.

[1] Уровень средней зарплаты за последние 12 месяцев: Водитель в России. – http://russia.trud.com/salary/692/5229.html

[2] Обзор зарплат дальнобойщиков. https://cargolink.ru/ls/blog/1395.html

[3] Семь фактов о «Жеті жарғы». – http://ehistory.kazakh.ru/ehistory/?category=19137

Нагуманов К.С.
д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических стратегий «Альтернатива», Астана
nugman75@list.ru
Садыков Т.У.
д.э.н., профессор кафедры экономических теорий Евразийского национального университета, Астана
sadykov-turtubek@mail.ru

ТУПИКИ РЕФОРМ СОЛИДАРНОЙ И НАКОПИТЕЛЬНОЙ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ И ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ НИХ (ОПЫТ КАЗАХСТАНА)

Ключевые слова: *вымирание государствообразующего народа, банкротство солидарной системы пенсионного обеспечения стариков, пенсия по старости как коренная причины падения рождаемости, крах надежд на накопительную пенсионную систему, авторский проект «Пенсия от детей», обсуждение проекта во властных структурах и обществе, перспективы перехода к семейному обеспечению старости.*

Keywords*: extinction of a state-forming nation, old-age pension as a root cause for fertility decline, bankruptcy of the pay-as-you-go pension system, hopes over defined contribution pension system at blow, «Pension from Children» project, discussion of the «Pension from Children» project in state bodies and society, perspectives for transition to family-based security of old age.*

Не так давно как Россия, так и Казахстан славились многодетностью своих семей. Сейчас же по статистике большинство семей в наших странах стало уже однодетными[1]. То есть, рождаемость упала ниже границы простого воспроизводства. Остатки прежней традиционной многодетности пока еще можно встретить лишь в южных регионах с преимущественно сельским, мусульманским населением. И как результат такого негативного явления в нашей демографии смертность в России опять стала преобладать над рождаемостью. Предварительные демографические данные на 2017 год, опубликованные Росстатом[2], хоронят появившиеся в последние годы надежды на рост численности населения страны. В этом году на 1,42 млн. рождений приходится 1,53 млн. смертей (рис. 1). А это значит, что попытки властей материнским капиталом стимулировать уровень рождаемости, достаточный хотя бы для простого воспроизводства населения страны, окончились провалом. Причем вымирание происходит за счет основного, – русского, – государствообразующего народа – и потому-то эта проблема давно уже стала главной угрозой национальной безопасности.

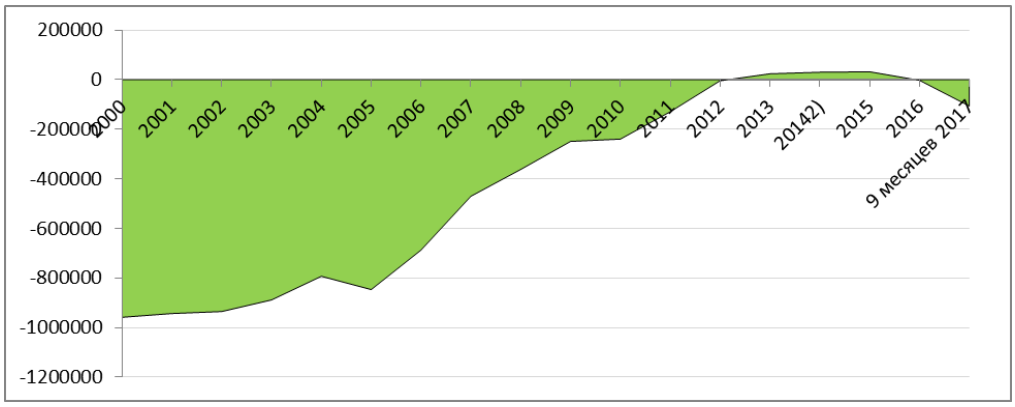


Рисунок 1.
Естественный прирост населения России, чел. (по данным Росстата)

Анализу причин падения рождаемости в мирное и сытое время посвящено множество исследований. Но в отличие от этих исследований наш многолетний и глубокий анализ[3] привел к неожиданному выводу: среди множества прочих факторов, приводящих к падению рождаемости, все же основным, решающим оказалось … введение пенсии

[1] Кузин С.И, Романов А.А., Карманов М.В. Статистика социально-демографических групп населения: Учебное пособие / Моск. эконом.-стат. ин-т. – М., 1989. – 36 с.

[2] Демографические откаты 2017 года. – http://rusrand.ru/analytics/demograficheskie- otkaty-2017-goda

[3] Нагуманов К.С., Нугман Г.К. Кому война, а кому и мать родна (Правда и ложь о пенсии по старости) // Деловое обозрение «Республика». 2001. – 22 марта.

по старости от государства! (рис. 2). Всеобщая система пенсионного обеспечения стариков впервые в мире была введена в Германии в 1889 году. Эта хитроумная задумка «железного канцлера» Отто фон Бисмарка в корне перевернула смысл жизни многих людей. Проверенная веками жизнеутверждающая установка: «построить дом, вырастить сына, посадить дерево» сменилась на убогое: «доработать, дожить до пенсии».

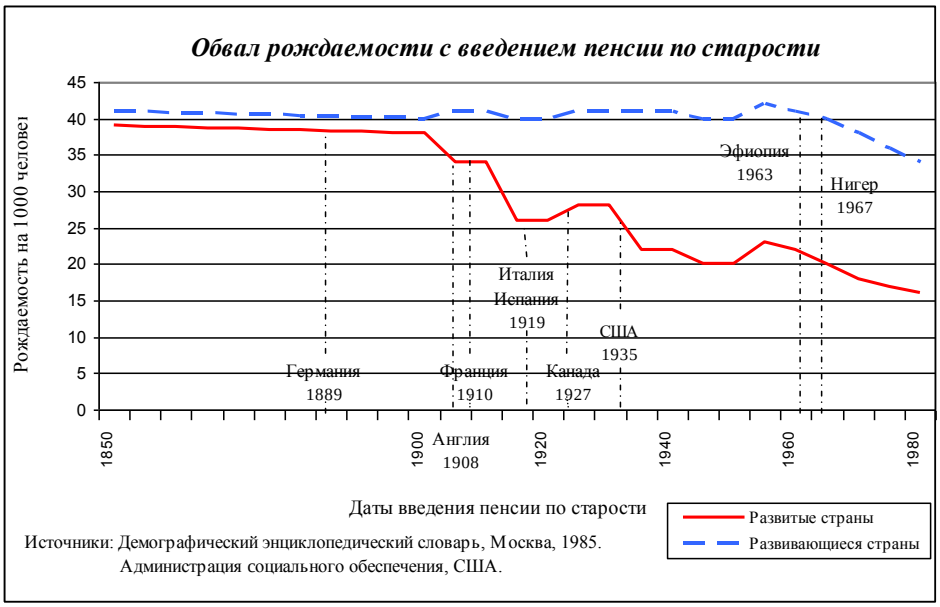


Рисунок 2.
Пенсия по старости как главная причина отказа от детей

Для определенности можно даже указать уровень пенсионных затрат, с которой рождаемость в стране падает ниже уровня простого воспроизводства, и начинается процесс вымирания населения. На основе обширных статистических данных (по 121 стране) Всемирного Банка и Бюро Переписи США мы установили закон падения рождаемости с ростом расходов на пенсионное обеспечение (рис. 3). Оказалось, что в среднем при пенсионных затратах выше 4,3% от ВВП, количество рождений падает ниже предельно допустимого 2,1 ребенка на одну женщину. Как видно из графика, расходы в России намного превышают максимально допустимые 4,3% от ВВП. И как следствие – 2 ребенка (а по последним данным и того меньше) на одну женщину и начавшийся процесс депопуляции населения.

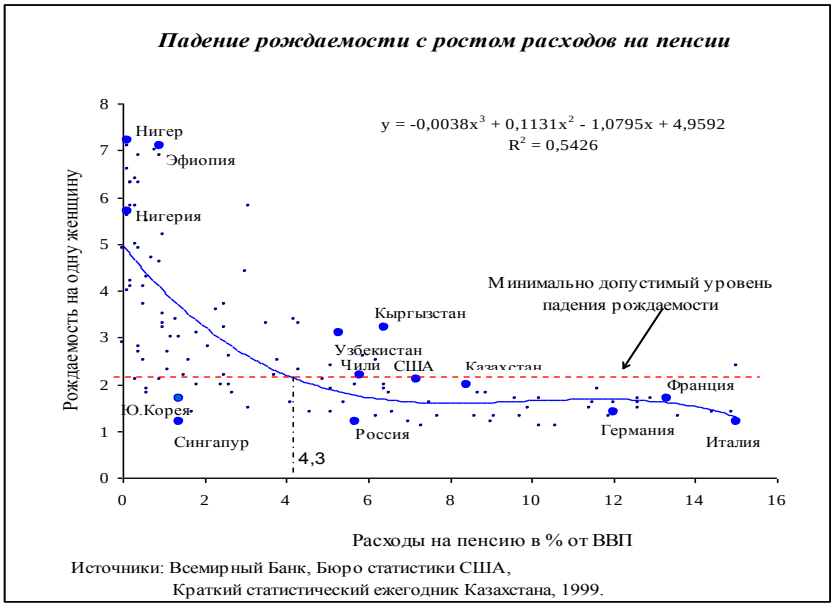


Рисунок 3.
При расходах на пенсии свыше 4,3% от ВВП начинается процесс вымирания народа

Раньше мы боялись, что человечество погибнет в огне ядерной войны. Теперь возникла угроза того, что нас уничтожит огонь депопуляции. На вопрос «Как остановить падение рождаемости?», все разводят руками. В то же время размер пенсионных выплат настолько мал, что большинство пенсионеров сейчас не живут, а выживают. На возмущенные голоса пенсионеров у властей ответ один: «Денег нет, но вы держитесь!» И вымирание народа, и бедственное положение стариков для них совершенно разные проблемы, не связанные друг с другом. На самом же деле, это две стороны одной медали и решать их надо вместе, как единое целое.

Пенсией по старости была разрушена экология семьи – взаимосвязь между поколениями родителей и детей. Не случайно все серьезные демографы, социологи отмечают, что во все прошлые времена дети для родителей были «живыми пенсиями»! Пока не поздно и чтобы не вымереть навсегда, исчезнуть как динозавры, у людей должен сработать инстинкт самосохранения. Для этого нужно, не теряя времени на нескончаемую череду бесполезных пенсионных реформ, восстановить тысячелетиями отработанную и исправно служившую связь между поколениями. Необходимо вернуться от социального способа обеспечения старости к семейному. Старость людей и сейчас обеспечивается не государством, а налогами на взрослых, работающих детей. Только при действующей пенсионной системе денежные средства от активного населения к пенсионерам движутся окольным путем, изрядно теряясь и мелея, словно в песках, в карманах государства, околопенсионных структур и чиновников.

В этой связи напрашивается идея сделать этот поток предельно коротким и прозрачным, от детей к родителям, без каких-либо посредников. В Казахстане разработан авторский проект «Пенсия от детей». Суть его заключается в том, чтобы 10% от заработка детей не отбирали в принудительном порядке в накопительные фонды, а перечисляли на банковские счета их родителей! В свою очередь, следующее поколение (внуки) должны поддерживать старость поколения уже детей. Что это даст?

Прежде всего, это выгодно нынешним пенсионерам. Переход должен быть постепенным и кроме пенсий, получаемых сейчас от «государства», они начнут получать еще и 10%-ные отчисления непосредственно от трудовых доходов своих детей. Это, прежде всего, позволит основной массе пенсионеров уйти от черты бедности. Старики же могут распоряжаться этими отчислениями по своему усмотрению: расходовать на свои повседневные нужды, баловать внуков или же возвращать назад, материально поддерживая своих детей в начале их самостоятельной жизни. Кому от этого будет плохо?

Это выгодно и взрослым детям. Прежде всего, своими отчислениями они будут выполнять свой священный сыновний долг. Это укрепит родственные связи между самыми близкими людьми, снова возродится понятие большой семьи, не будет брошенных малолеток в детдомах при живых родителях и забытых взрослыми детьми стариков в домах престарелых. Сейчас будущая старость только что вступивших в трудовую деятельность детей скрыта пеленой густого тумана: неизвестно, какие еще финансовые кризисы придется пережить им за предстоящие 30–40 лет и в каком состоянии окажется экономика страны к моменту выхода их на заслуженный отдых? А сколько раз произойдет отмена старых и ввод новых денег с аннулированием всех денежных накоплений, как это было уже не раз в нашей истории? Какой установят уровень замещения зарплат пенсией и т. п. При семейном же обеспечении, – когда и какую пенсию получать? – родители будут решать сами. Переводы на банковские счета они станут получать не с 55 или 60 лет, как сейчас в России, а куда раньше, как только дети начнут трудовую деятельность. Допустим, что первого ребенка родители решили произвести в 22 года. Других же детей – последовательно через 3 года. Допустим также, что трудовую деятельность дети начнут с 23-х лет. Тогда отчисления от первого ребенка родители начнут получать уже в 45-ти летнем возрасте. Доход каждого ребенка примем в размере средней зарплаты по России на 2016 год – 36700 рублей (данные Росстата). Пусть отчисления детей до своего 60-летия родители кладут на депозит с вознаграждением в 8 % годовых. Результаты расчетов по семейному обеспечению старости сведены в табл. 1.

Таблица 1

Размеры ежемесячных пенсий родителей в зависимости от количества детей

Дети	Периоды отчислений на счета родителей, *лет*	Накопления родителей к 60-ти годам, *рублей*	Ежемесячная пенсия от детей (вознаграждение по депозиту + отчисления), *рублей*
Первый	15	1 273 281	11 988
Второй	12	2 156 993	21 431
Третий	9	3 005 121	30 678

Конечно, вариант отчислений на депозиты родителей не самый лучший, а наиболее простой и наглядный пример материальной поддержки старости. На самом деле сплав задора молодых и опыта старших позволит им еще более эффективно распорядиться этими деньгами, открыв собственное дело, вложившись в ценные бумаги и т.д. и т.п. Тем не менее, даже такой вариант заведомо лучше обеспечат и старость людей, и выживаемость народа, чем существующие пенсионные системы. Для нормального воспроизводства населения не менее половины семей должны быть трехдетными. При предлагаемой системе пенсий непосредственно от трех детей помощь каждому из родителей была бы выше, чем та средняя пенсия в 13 700 рублей (2016 г.), которую получают сейчас они окольным путем от государства. Еще более весомо то, что у них на счетах лежала бы «подушка безопасности» в 3 млн. рублей! Такая «подушка» стала бы прочной финансовой базой для спокойной и обеспеченной старости: полноценное питание, лечение, отдых! Важно и то, что при отчислениях от детей из лексикона людей исчезнут старящие, унижающие человека понятия «пенсионного возраста» и «пенсионера».

Это выгодно и государству. Особая ценность семейного обеспечения старости состоит в том, что будет заложено решение еще одной актуальной для нас проблемы – демографической. При пенсиях непосредственно от детей воз-

никнет прямая заинтересованность в трехдетной семье, а не с одним ребенком, а то и вовсе в бездетной, как сейчас! Вместо стареющего иждивенческого населения государство получит молодое, развивающееся общество с расширенным воспроизводством людей. Это благотворно скажется и на экономике. Как тут не вспомнить слова Уинстона Черчилля: *«Нет лучших вливаний в экономику страны, чем вливание молока матери в уста младенца».* Важно и то, что переход к этой системе снимет с плеч государства тяжкий финансовый груз, ставший неподъемной даже для высокоразвитых экономик Запада.

Известно, что любая стоящая, глубокая идея вначале напрочь отвергается, затем признают в ней рациональное зерно, и наконец, когда идея пробьёт себе дорогу, удивляются – о чем тут спорили? И начинают оспаривать честь ее открытия. Судя по всему, идея пенсий от детей повторяет тот же путь. Вначале лидер республиканского движения пенсионеров «Поколение» Ирина Савостина в 2000-м году отвергла ее как абсурдную. Затем один из «отцов» пенсионной реформы 1998 года, Председатель Нацбанка РК Григорий Марченко заговорил о возможности «*рассмотреть вопрос о предоставлении гражданам до 35 лет права перечислять часть своих пенсионных накоплений собственным родителям, которые выходят на пенсию и, таким образом, взять на себя часть ответственности на их содержание*»[1]. Из множества комментариев на это заявление приведем хотя бы один «голос народа»: «Гость 35 лет 9 ноября 2011 17:30 *«Я рад содержать своими накоплениями только своих родителей, даже если сам ничего не получу! При сегодняшней системе, я кормлю накоплениями чужих»*. И, наконец, даже Председатель Ассоциации пенсионных фондов Казахстана Айдар Алибаев стал ратовать за семейное обеспечение стариков: *«Можно только приветствовать, если человек хочет свои взносы отдавать в пользу родителей»*. Он удивляется: *«Так почему бы не дать им возможность сейчас отправлять свои пенсионные взносы в пользу родителей?»*[2].

Нельзя забывать, что почти треть трудоспособного населения страны (самозанятые, получающие зарплату «в конвертах») в новой накопительной системе не участвуют. Но даже у тех, кто исправно перечислял свои 10% в ПНФ, накопленных средств совершенно недостаточно для спокойной, беззаботной жизни пенсионера. По данным Комитета по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций Национального банка Республики Казахстан на 1 марта 2012 года общая сумма пенсионных накоплений составила 2740,8 млрд. тенге. Общее количество вкладчиков – 8 157 171человек. Тогда средняя сумма накоплений – 335 999 тенге (на сегодня примерно 58 000 рублей). Надолго ли ее хватит? Уже в ближайшее время власть столкнется с огромной массой (миллионы людей) необеспеченных собственными накоплениями стариков. А это уже грозит социальным взрывом, это – благодатная почва для всякого рода радикальных движений, «цветных революций» и «арабских вёсен». Будь то солидарная, будь то накопительная система, в любом случае они будут создавать в стране социальную напряженность, и от них надо как можно скорее избавляться и переходить к семейному обеспечению старости! Тем самым власть избавится от лишней головной боли!

Возможность такого развития событий и свои интересы достаточно ясно представляет идеологический аппарат партии власти Казахстана – «НурОтан», председателем которой является сам Президент страны Нурсултан Назарбаев. Институт Общественной политики при партии «НурОтан» в 2014 году провел исследование по теме «О перспективах развития пенсионной системы Казахстана на 2014–2045 гг.». В состав исследовательской группы был приглашены и мы, как независимые эксперты. «Инновационная модель пенсионной системы – «Пенсия от детей» (на 29 листах) стала основной частью письменного отчета работы Института общественной политики перед руководством партии.

Для полной, всесторонней оценки предложенного решения демографической и социальной проблем как единого целого, в августе 2014 года у секретаря партии «НурОтан» Фархада Куанганова, а затем и у первого заместителя Председателя партии Бауыржана Байбека были проведены специальные заседания. Участвовали ведущие ученые и специалисты Института Общественной политики партии, Евразийского национального университета им. Л. Гумилева, университета «Туран – Астана», Института экономики.

По результатам обсуждений было принято решение приступить к пропаганде и освещению в СМИ основных положений предложенного подхода среди широких масс населения и формирования положительного общественного мнения. Партия взяла на себя задачу довести до высшего руководства страны идею возврата к семейному обеспечению старости, возрождения утраченной потребности в детях, и, тем самым, стимулировать массовость среднедетной, а, при необходимости, и многодетной семьи. Для закрепления идеи на законодательном уровне руководство партии намерена использовать свои возможности как самой влиятельной в парламенте фракции «НурОтан». Таким образом, радикальная идея пенсий от детей пробивает в Казахстане дорогу в жизнь и в перспективе должна постепенно стать элементом семейной политики государства.

[1] Марченко не против перечисления гражданами части пенсионных накоплений своим родителям. – http://www.zakon.kz/4457401-marchenko-ne-protiv-perechislenija.html

[2] Айдар Алибаев: У нас много людей с непонятным будущим. – http://www.zakon.kz/4458765-ajjdar-alibaev-u-nas-mnogo-ljudejj-s.html

Овчинников А.В.[1]

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ МИГРАНТОВ ТАТАРСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРМЯНСКОЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДИАСПОР)[2]

Ключевые слова: *культурная память, мигранты, Татарстан, азербайджанцы, армяне, диаспора, интеграция.*
Keywords: *cultural memory, migrants, Tatarstan, Azerbaijanis, Armenians, Diaspora, integration.*

Татарстан – расположенная в Среднем Поволжье одна из т.н. «национальных республик» в составе Российской Федерации. Официально регион позиционируется как территория межнационального и межконфессионального согласия. Население Татарстана в основном состоит из двух этнических групп – татар и русских. В региональных СМИ и властной риторике постоянно актуализируется дискурс добрососедских отношений внутри татаро-русского населения, и делаются небезуспешные попытки конструирования гражданской «татарстанской» идентичности. Представление о гражданской нации как этнической мозаике в целом характерно для современного российского государства.

Большую роль в формировании идентичности играет культурная память. В связи с этим вызывает определенный интерес опыт решения Татарстаном проблемы интеграции мигрантов в свое культурное пространство. Апробированные в регионе практики могли бы быть приняты во внимание и на общефедеральном уровне. Учитывая значительный объем имеющегося эмпирического материала, логично выбрать две этнические группы мигрантов, культурные характеристики которых имели бы определенные сходства с одной из главных региональных этнических групп, но в то же время отношения между государствами-«историческими родинами» мигрантов были бы не совсем однозначны. Этот подход позволит выявить образы символических границ, имманентно присутствующих в дихотомии «мигрант-местный». Преодоление этих символических границ, нахождение между ними «диффузных шлюзов» в виде общих праздников, памятных дат, событий и будет означать интеграцию мигрантов в общекультурное поле государства.

В Татарстане на роль таких «маркерных» этнических групп подходят армянская и азербайджанская диаспоры. Армяне – христиане, азербайджанцы – мусульмане, как, соответственно, русские и татары. Однако армяне, в отличие от русских, не православные, а христиане-григориане, азербайджанцы же, в отличие от татар, не сунниты, а в основном, шииты. Частью этнической идентичности армян и азербайджанцев, даже проживающих в диаспорах, стала память о незатухающем карабахском конфликте, являющемся причиной сложных государственных отношений между Арменией и Азербайджаном.

Численность азербайджанцев в Татарстане на начало 2015 г. составляла примерно 20 тыс. человек. Половина из них была гражданами России, а остальные имели временный вид на жительство. Работают азербайджанцы в сферах строительства, торговли, образования (учителя в школах и преподаватели в вузах)[3]. Проживают азербайджанцы во всех крупных городах Татарстана. Армян на начало 2015 г. в Татарстане насчитывалось порядка 7 тыс. человек. Их общины имеются как в Казани (3 тыс. чел), так и в других городах и поселках республики (в Набережных Челнах – 2 тыс., в Альметьевске – 800 чел. и т.д.). Большая часть армян работает в строительстве, но среди них имеются юристы, врачи, инженеры и т.д.[4]

Проблеме налаживания диалога «поверх символических границ» в Татарстане уделяют большое внимание на высшем региональном уровне. Государственными органами конструируется официальный дискурс межнациональной гармонии, в который должны, по возможности, вписаться мигранты. Этот официальный дискурс подкреплен идеологическими, финансовыми и силовыми возможностями государства и потому является определяющим в символической интеграции мигрантов. Материальным воплощением такой политики является «Дом Дружбы народов» – созданная в 1999 г. региональными властями организация, стремящаяся инкорпорировать культурные объединения мигрантов. Нахождение этих объединений под эгидой «ДДнТ» неформально делает их «легальным». Через структуры ДДнТ местная власть ведет диалог с представителями мигрантов. В составе ДДнТ существуют национально-культурные автономии азербайджанцев и армян.

---

[1] Овчинников Александр Викторович – к.и.н., н.с. Липецкого филиала Финансового университета, преподаватель Кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова. Сфера научных интересов – проблемы изучения национализма, социально-культурная антропология, историография древней и средневековой истории Татарстана. E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru;

[2] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации»).

[3] «Адмирал» – это главная проблема азербайджанской диаспоры в Татарстане» (интервью председателя Азербайджанской национально-культурной автономии в Татарстане Субхана Камран оглы Ахадзаде), 14.04.2015. – https://realnoevremya.ru/articles/4375

[4] Михаил Хачатурян: «Со времен Волжской Булгарии армяне здесь жили и строили», 6.04.2015 // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. – http://addnt.ru/mikhail-khachaturyan-so-vremen-volzhskojj

Институциализация азербайджанской диаспоры в Татарстане началась в 1988 г., когда группой проживавших в Казани вузовских преподавателей, аспирантов и студентов было создано объединение «Огуз». Его активистам удалось провести целый ряд мероприятий, связанных с тюркской культурой и историей. Они одними из первых в Татарстане начали отмечать общетюркский праздник «Навруз», в 1991 г. провели мероприятия, посвященные памяти средневекового философа и правителя Н. Гянджави и т.д. В 1994 г. «Огуз» официально преобразован в Общество дружбы «Татарстан-Азербайджан». В 1998 г. на его базе возникла Национально-культурная автономия азербайджанцев Казани[1]. Представительства Азербайджанской национально-культурной автономии Татарстана имеются во всех крупных городах региона – Альметьевске, Набережных Челнах, Нижнекамске, Елабуге, Чистополе.

На сегодняшний день (январь 2018 г.) азербайджанскую национально-культурную автономию возглавляет предприниматель Баширов Башир Тайяр оглы. Активисты автономии в целях налаживания культурного диалога активно используют образы общего с татарами тюркского прошлого (в дореволюционной России тюркское население территории современного Азербайджана именовалось «закавказскими татарами»). Так, в 2015 г. Казани был открыт памятник работавшему в Казани известному востоковеду А. Казем-Беку (1802–1870), которого в Баку официально считают азербайджанцем (еще в 2000 г. представителями азербайджанской диаспоры совместно с Казанским государственным университетом им. В.И. Ульянова-Ленина была организована посвященная А. Казем-Беку конференция). Руководители автономии официально обращались к Президенту Азербайджана с просьбой назвать одну из улиц Баку в честь татарского поэта Г.Тукая (1886–1913). В 2013 г. в Казани силами автономии был установлен мемориал тюркскому (азербайджанскому) революционеру, писателю и государственному деятелю Н. Нариманову (1870–1925)[2]. При это акцентировалось внимание на том, что именно Нариманов в свое время был лечащим врачом Тукая.

Стремясь утвердить представление о давнем присутствии азербайджанцев в Татарстане, активисты отмечают, что их сородичи еще на рубеже XIX–XX вв. создали в Казанской губернии свое национальное общество. Его члены организовали издание сатирического журнала «Молла Насреддин». Современная же диаспора выпускает бесплатную газету «Азербайджан» (тираж до 1000 экз.). В газете рассказывается об истории и культуре Азербайджана, его традициях, в том числе и кулинарных[3]. Активисты азербайджанской диаспоры интересуются жизнью татарской общины на своей родине, сами же принимают участие в татарском народном празднике «Сабантуй». Кроме того, азербайджанцы участвуют в праздновании таких государственных праздников Татарстана как День Республики (30 августа), День родного языка (26 апреля – день рождения упоминавшегося выше татарского поэта Г.Тукая; необходимо отметить определенное сходство тюркских татарского и азербайджанского языков)[4].

Сплачивающим праздником является и День Победы. Активисты диаспоры всячески подчеркивают общность этого праздника и нередко делают местному населению на 9 мая щедрые подарки. Например, в 2013, 2014 гг. азербайджанская диаспора организовала в Казани в ресторане «Давыл» чествование ветеранов Великой Отечественной войны (вне зависимости от национальности). Судя по видео, мероприятие прошло с размахом и на него были потрачены немалые средства[5]. О начале интеграции в общероссийское культурное пространство говорит факт празднования Дня народного единства 4 ноября.

Азербайджанцы-шииты, судя по доступным источникам, вполне комфортно чувствуют себя среди татар-суннитов. Они посещают суннитские мечети, вместе с суннитами организуют общемусульманские праздники. Например, Духовный голова азербайджанцев в Татарстане участвовал в проведенном в казанской мечети Марджани в январе 2014 г. праздничном мероприятии «Мовлуд ан Наби», посвященном дню рождения пророка Мухаммеда[6].

Анализируя материалы культурной деятельности азербайджанской диаспоры в Татарстане нельзя не отметить очень сильные связи с исторической родиной. Официальный сайт азербайджанской национально-культурной автономии местами напоминает сайт посольства или консульства Азербайджана. Много публикаций рассказывает о бывшем Президенте Гейдаре Алиеве, его сыне, нынешнем президенте, Ильхаме Алиеве, его жене и т.д. Из 712 обработанных публикаций новостной ленты сайта, в 112 в заголовках упоминаются Алиевы. Азербайджанцы Татарстана празднуют не только мусульманские или народные (например, Навруз), но и официальные государственные праздники Азербайджана (например, День Национального спасения, 15 июня). Таким образом, культурная и этническая идентификация, по крайней мере, части татарстанских азербайджанцев связана не с российским, а другим, иностранным, государством, в том числе, и с его политическими идеологемами, что объективно затрудняет и замедляет интеграционные процессы. Наряду с этим, следует отметить почти полное отсутствие пропаганды внешней политики Азербайджана (только одна публикация на сайте посвящена карабахскому конфликту, неоднозначных высказываний в адрес Армении и армян нет). Можно предположить, что такая информационная политика – негласное требование татарстанских властей.

Армянская национально-культурная автономия в Татарстане ведет свои истоки с начала 1990-х гг. Именно тогда выпускник исторического факультета Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

[1] Об организации, 2015 // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. – http://azr.addnt.ru/about/

[2] «Адмирал» – это главная проблема азербайджанской диаспоры в Татарстане» (интервью председателя Азербайджанской национально-культурной автономии в Татарстане Субхана Камран оглы Ахадзаде), 14.04.2015. – https://realnoevremya.ru/articles/4375

[3] Об организации, 2015 // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. – http://azr.addnt.ru/about/

[4] Там же.

[5] Праздничное мероприятие в честь ветеранов в ресторане «Давыл» – 9 мая 2013. – https://www.youtube.com/watch?v=TtajyeIa5Zo

[6] Мовлуд ан Наби, 9.1.2014 // Дом Дружбы народов Татарстана. – http://azr.addnt.ru/movlud-an-nabi/

М.Н. Хачатурян (приехавший в Казань в 1989 г.) вместе с единомышленниками основал общество армянской культуры «Луйс». Профессиональный историк Михаил Хачатурян пытается найти точки взаимодействия между армянами и местным населением в прошлом и сконструировать представление об исторической закономерности присутствия армян в Татарстане. Так, ему известно о наличии армянской колонии в г. Болгаре – одной из столиц Волжской Булгарии (X–XIV) – средневекового государства на территории Татарстана, в котором жили булгары – предки современных казанских татар. Хотя это и была купеческая колония, М. Хачатурян считает, что каменное строительство в Волжской Булгарии началось с прибытия туда армян. Он даже приписывает армянам культуртрегерскую роль*: «До этого здесь знали шатры, а культуры камня не было»*[1]. Конструируя исторический миф, М. Хачатурян проводит параллель между средневековым армянским населением региона и современным, которое, как указывалось выше, в основном, работает в сфере строительства.

Интересен сюжет об установке армянской часовни и поклонного креста (хачкара) в г. Болгар. Хачкар был установлен в октябре 2016 г., часовня открыта и освящена 8 мая 2017 г. на территории Свято-Авраамиевского храма. В мероприятии приняли участие активисты национально-культурной автономии армян РТ во главе с М.Хачатуряном и епископ Чистопольский и Нижнекамский Пармен. Объекты были построены за счет руководителя ООО Сувар «Б» Арутюна Багдасаряна[2]. С религиозно-канонической точки зрения эта ситуация необычна. Армянская григорианская церковь со стороны РПЦ официально не признается и считается еретической[3]. Строительство григорианских часовни и креста в пределах православного храма не вызвало возражений со стороны РПЦ, более того, её представители участвовали в их освящении. Судя по мониторингу сети «Интернет» только один анонимный житель г. Болгара негативно воспринял это событие. В его открытом письме содержались такие строки: «*Данные события вводят в смущение и недоумение многих православных нашего городка. Теперь, осеняя себя крестным знамением и совершая поклоны, перед входом на территорию храма, прихожане невольно кланяются и армянскому храму*»[4]. Историческим обоснованием строительства армянских святынь в г. Болгаре служил факт наличия здесь упоминавшейся выше средневековой армянской колонии.

Особо следует отметить, что с 2010 г. благодаря инициативе бывшего Президента Татарстана М. Шаймиева Болгар становится крупным культурным, религиозным и туристическим центром. Расположенные на Болгарском городище средневековые памятники позиционируются святынями татарского народа и сакральным центром татарского ислама. «Возрождение» болгарских памятников стало масштабным проектом, в котором были задействованы многие организации и трудовые коллективы Татарстана. Вовлеченность в «возрождение» Болгара армянской диаспоры говорит о желании участвовать в общереспубликанском деле. Строительство культовых объектов на «святой» для русских и татар земле свидетельствует о попытке найти собственную нишу не только в прошлом, но и настоящем Татарстана. В этом же заинтересованы и местные власти, «закрывшие глаза» на канонические противоречия в нахождении григорианской часовни и хачкара на территории православного храма, который сам, в свою очередь, находится в центре татарского ислама. Сигнал властей в данном случае очевиден – образы межнационального и межконфессионального согласия в республике конструируются, несмотря на формальные религиозно-схоластические расхождения. В этом отношении примечательно участие, впервые в истории, армянского фильма в фестивале мусульманского кино, который проходил в Казани в сентябре 2017 г.[5]

В начале 1990-х гг. между Казанью и Москвой был период сложных взаимоотношений, вызванных стремлением Татарстана к обретению суверенитета. 30 августа отмечался в Татарстане как день подписания Декларации о суверенитете. Постепенно, с укреплением вертикали власти, этот праздник получил название День Республики. Сегодня в Татарстане официально признаются и День Российского флага (22 августа) и День Республики (30 августа). Активисты армянской диаспоры, прекрасно зная подоплеку этих праздничных дат, стремятся учитывать нюансы отношений между Татарстаном и Федеральным Центром и принимать участие в соответствующих торжествах. Например, 23 августа 2017 г. армянские художники участвовали в проходившей в ДДнТ выставке художников Татарстана «Наш общий дом». Выставка была посвящена Дням Российского флага и Республики и являлась еще одним символическим свидетельством нормализации отношений между Казанью и Москвой. На одной из картин армянского художника была изображена Мэрия Казани с татарским народным орнаментом[6].

Армянская диаспора Татарстана стремится найти общие точки соприкосновения не только с местной, но и с общероссийской историей. Так, в новостях на официальной странице национально-культурной автономии армян РТ

---

[1] Михаил Хачатурян: «Со времен Волжской Булгарии армяне здесь жили и строили», 6.04.2015 // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. – http://addnt.ru/mikhail-khachaturyan-so-vremen-volzhskojj

[2] В Болгаре состоялось открытие армянской святыни – хачкара, 23.10.2016 // Новая жизнь. – http://spas-rt.ru/ru/the-news/item/12348-v-bolgare-sostoyalos-otkryitie-armyanskoy-svyatyini-%E2%80%93-hachkara.html; В Болгаре открылась армянская часовня, 8.05.2017. // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. – http://arm.addnt.ru/v-bolgare-otkrylas-armyanskaya-chasovn/

[3] Подробнее см.: В чем разница между православием и армянским христианством? 17.03.2010 // ПРАВОСЛАВИЕ.RU. – http://www.pravoslavie.ru/38172.html

[4] р.Б.Сергий. В г. Болгар (Татарстан) на территории православного храма открыли армянскую часовню, 22.06.2017 // Церковь и общество во времена апостасии. – https://antieres.wordpress.com/2017/06/22/gorod_bolgag_tatarstan_armianskaja_chasovnia_na_territorii_pravoslavnogo_hrama/

[5] Вакилова А. Впервые в фестивале мусульманского кино участвует фильм из Армении, 7.09.2017 // Дом Дружбы народов Татарстана. – http://arm.addnt.ru/vpervye-v-festivale-musulmanskogo-k/

[6] Вакилова А. Работы армянских художников и мастеров представлены на выставке ко Дню Российского флага, 23.08.2017 // Дом Дружбы народов Татарстана. – http://arm.addnt.ru/raboty-armyanskikh-khudozhnikov-i-master/

11 публикаций посвящены художнику И.К. Айвазовскому (1817–1900), 8 – композитору А.И. Хачатуряну (1903–1978), 6 – маршалу И.Х. Баграмяну (1897–1982), 2 – авиаконструктору И.А. Микояну (1927–2016) и т.д. Общим праздником без оговорок позиционируется День Победы – 9 мая. Представители диаспоры активно участвуют в праздничных мероприятиях, в том числе акции «Бессмертный полк».

Интеграция в российское культурное пространство происходит и через апелляцию к армянскому происхождению известных современников-россиян. На официальной странице армянской национально-культурной автономии можно встретить поздравления с днем рождения и афиши гастролей таких армян, как певцы И. Аллегрова и А. Руссо (Абраам Ипджян), шоумен М. Галустян, чемпионка России по фигурному катанию Е. Медведева-Бабасян, актер А. Джигарханян и т.д.

Таким образом, и азербайджанская и армянская диаспоры интегрируются в российское культурное пространство по следующим направлениям: поиски общего с местным населением прошлого; участие в местных народных, религиозных и государственных праздниках; вовлеченность в политическую жизнь принимающей стороны. Решающую роль в интеграции играют власти Татарстана, судя по всему, направляющие общий вектор культурной деятельности диаспор. Однако перед нами лишь официальный дискурс, который хоть и претендует на объяснение всей реальности, тем не менее, не тождественен самим реалиям жизни мигрантов. Следующим этапом исследования является анализ соотношения официального и неофициального дискурсов «проблемы мигрантов»[1], а также изучение методологических оснований построения конструктов «культурной интеграции мигрантов».

[1] Например, несмотря на «позитив» официальной риторики, проведенный автором анонимный опрос группы татарстанской «молодежи» (50 человек) в возрасте от 17 до 19 лет зафиксировал следующие негативные высказывания в адрес мигрантов: «*…есть отдельный тип мигрантов, которые ничего не делают, устраивают драки, торгуют наркотиками… к таким мигрантам я отношусь с ненавистью, потому что они приехали в чужую страну, и они … должны уважать наши традиции, наш народ, нашу культуру*»; «*Я считаю, что мигранты в России – это плохо. В связи с увеличением миграции, в России исчезает культура «Русских». Мигранты отнимают у российского народа работу, насилуют женское население России. С приездом мигрантов возросла преступность и торговля наркотиками. Я считаю, что России нужно вводить визовый режим со странами Средней Азии и Кавказа*» (Полевые материалы автора; стилистика, орфография и пунктуация сохранены).

Павлов Б.С.
д. филос.н., в.н.с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru
Пронина Е.И.
с.н.с. ИСИ РАН
pronina@isras.ru
Павлов Д.Б.
магистрант РАНХ и ГС; юрист, АБ «Юралс Лигал»

ДЕТИ И ИХ МОЛОДЫЕ РОДИТЕЛИ В ЭКОНОМИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ НА УРАЛЕ

Ключевые слова: *семья, «семья риска», детская девиантность, неполная семья, ребёнок-инвалид, Урал.*
Keywords: *family, «the family at risk», children's deviance, incomplete family, disabled child, Ural.*

Современное российское общество и, что самое существенное, исполнительная и законодательная власть России на переломе веков стали все более четко осознавать масштаб, остроту и тревожность проблем, связанных с массовым падением качества и уровня жизни подавляющего большинства российских семей и отдельных граждан в период реформирования экономических отношений. В начале XXI в. (2001 г.) в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ отмечалось: «Развитие страны определяется не одним лишь экономическим успехом, но – не в последнюю очередь – духовным и физическим здоровьем нации, хотя, разумеется, это все взаимосвязано… Власть в России должна работать, чтобы гарантировать политику улучшения жизни всех слоев населения России» [1]. Такая, к сожалению, далеко не единственная за последнее десятилетие руководящая установка на государственную защиту прав и интересов российских граждан была обусловлена многими причинами, в том числе сугубо государственного масштаба.

Несмотря на существенные сдвиги в экономике за последние 10–15 лет реформирования, современное состояние российского общества все еще характеризуется глубоким кризисом, сложностью и противоречивостью социальных процессов, экономической и политической нестабильностью, социальной напряженностью. По-прежнему сохраняются резкое снижение (по сравнению с концом 80-х годов) производительности общественного труда, разбалансированность экономики, несформированность многих важнейших правовых норм, юридических законов, социальных институтов, ухудшение здоровья нации и генофонда, нарушение процессов демографического движения населения, рост преступности, падение нравственности, инфляция.

Обнищание значительной части населения, принявшее затяжной и устойчивый характер, является дестабилизирующим фактором, угрожающим экономической и социальной безопасности государства в силу многочисленных негативных последствий, порожденных ростом неимущих, социально уязвимых слоев и групп населения. Состав последних был (и остаётся пока) крайне неоднородным. Некоторые социально уязвимые группы населения получают определенную, но недостаточную для жизненно необходимого минимума помощь государства и общества, являются подопечными органов социальной защиты, здравоохранения и других социальных институтов (например, пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды, дети-сироты, патронируемые органами опеки, и др.). Представители этих групп пользуются определенной системой социальных льгот и гарантий. Другие группы (беспризорные дети, граждане, не имеющие постоянного места жительства и работы – «бомжи» и др.) находятся как бы вне времени, пространства и общества, механизма социальной защиты таких групп просто не существует.

Падение жизненного уровня широких слоев населения влечет за собой ряд негативных социальных последствий: снижение или потерю социального статуса, невозможность удовлетворения материальных и духовных потребностей. Дальнейшее обострение социально-экономической ситуации привело к снижению жизненного уровня многих семей. Основные тенденции и особенности изменения уровня жизни семей с детьми за последнее десятилетие характеризовались снижением реальных денежных доходов, ростом дифференциации доходов различных групп, увеличением числа бедных семей, снижением роли пособий на детей в структуре семейных бюджетов и т.д. Привычным для семьи или конкретного человека становится состояние неуверенности в завтрашнем дне, страха за свое будущее и будущее своих детей, порождающее, в свою очередь, фрустрацию, стресс. В этом случае можно говорить о процессе люмпенизации населения, понимая его как постепенное движение к социальной дезадаптации, утрате завоеванных жизненных позиций, сползанию на «социальное дно».

Нельзя сбрасывать со счетов и идеологическую подоплеку, упорно внедряемую властями и заинтересованными коалициями предпринимателей в общественное сознание россиян, что в ходе реформ сложная диалектика взаимодействия экономической эффективности хозяйственного комплекса и сохранение определенного уровня социальной защищенности населения на первых этапах реформ должна закономерно развиваться явно не в пользу последней. «Крен

в сторону экономической эффективности аргументировался тем, – пишет С.Хенкин, – что переходному периоду имманентно присуще обострение социальных проблем, а потому социальная защищенность может носить весьма относительный характер: положительный эффект от формирования рыночных отношений получат далеко не все и не сразу» [2]. Отсюда сам собой напрашивается вывод: резкое имущественное и экономическое расслоение россиян, небывалое расширение масштабов бедности и нищеты – исторически оправданное следствие реформ, вполне закономерная плата за стремление к новому общественному устройству.

В качестве основной эмпирической базы использованной в данной статье используются результаты социологического исследования, проведённого авторами в ряде городов Урала, в частности:

«Дети-инвалиды-1997» – по проблемам социальной защиты детей-инвалидов в регионе в 1997 г. проведены опросы 425 респондентов из семей с детьми-инвалидами (родителей) в ряде городов и поселений Челябинской области и 60 экспертов, специалистов и руководителей, непосредственно причастных к решению социально-экономических проблем таких семей.

«Неполная семья – 1998» – исследование проблем неполных семей (выборочный опрос 352 глав монородительских семей, проведенный в ряде городов и поселений Челябинской области, в том числе на территории ВУТРЗ, 100 экспертов – работников социальных служб и правоохранительных органов).

«ВУЗ-Завод-2012» – в процессе работы над проблемой *анализа ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования территории* в 2011–2012 гг. было проведено комплексное социологическое исследование, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей 4-х групп респондентов – субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием:

Аббревиатура Опроса	Категория респондентов	Опрос, чел.
«ВУЗ-Студенты-2012»	студенты IV-V курсов 7 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск)[1]	870
«ВУЗ-Эксперты-2012»	опытные преподаватели этих же 7-ми уральских вузов	250
«Завод-2012»	молодые специалисты (выпускников *ВУЗ*ов)[2] с предприятий реальной экономики Урала	600
«Завод-Эксперты-2012»	опытные руководители[3] этих же предприятий (подразделений);	150
«Наука-2012»	специалисты в сфере социальных наук	100

«Детство-2014» – по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей трёх основных социально-профессиональных групп:

Аббревиатура Опроса	Категория респондентов	Опрос, чел.
«Детство-ВУЗ-2014»	преподаватели общественных наук в ВУЗах	50
«Детство-Власть-2014»	специалисты областных, городских и районных социальных служб	50
«Детство-Наука-2014»	специалисты в сфере социальных наук	50

Небольшое пояснение к перечню опросов, приведённому выше. Мы можем предвидеть недоумённые ремарки читателя о том, что, дескать, им предлагаются для анализа два первых исследования с солидной «социологической бородой», прошло уже два десятилетия, как проводились опросы на Урале: дескать, где – ОНИ (респонденты вчера), а где – МЫ (читатели – сегодня)?!

Не будем спешить с такими заключениями. Во-первых, речь идёт об ущербных социально-экономических условиях, в которых росли и воспитывались эти категории детей в конце прошлого столетия. Сейчас эти дети «подросли» на 20 лет и стали взрослыми, живя по-прежнему, СРЕДИ НАС, продолжая нести печальный отпечаток тех непростых лет своего взросления. И, во-вторых, хотя и прошли два десятилетия социально-экономических преобразований наследия «бывшего социализма» в «светлое будущее капитализма», условия жизни детей в экономически неблагополучных семьях изменились сегодня несущественно. Ребёнок-сирота – он и сегодня – «сирота», ребёнок-инвалид – он и сегодня – ребёнок-инвалид со всеми вытекающими отсюда социально-экономически-валеологическими обстоятельствами и последствиями.

Известно, что семья как социальное явление может рассматриваться под разными углами зрения: как основное средство воспроизводства населения, как важнейшая ячейка хозяйственно-бытовой деятельности, как субъект социализации молодых поколений, как объект демографической политики и т.д. В рамках же собственно социологического анализа семья рассматривается, прежде всего, как специфический социальный институт или как малая социально-психологическая группа.

В современном «Энциклопедическом социологическом словаре» понятие «семья» трактуется как общественный механизм воспроизводства человека, как отношения между мужем и женой, родителями и детьми, «основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [3].

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить целый ряд функций современной семьи:

[1] В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

[2] Опрашивались молодые специалисты в возрасте до 30 лет, со стажем работы на данном предприятии не менее 3-х лет.

[3] На предприятиях *(производствах, подразделениях)* опрашивались руководители, в чьём непосредственном подчинении трудились опрашиваемые нами выпускники уральских вузов.

1. Репродуктивная
2. Воспитательная
3. Хозяйственно-бытовая
4. Экономическая
5. Сфера первичного социального контроля
6. Духовного общения
7. Социально-статусная
8. Досуговая
9. Эмоциональная
10. Сексуальная

При всей многоплановости и кажущейся всеохваченности выделенными выше десятью функциями различных сторон жизнедеятельности семьи, эта классификация представляется нам неполной. В число важных функций современной семьи правомочно, по нашему мнению, включить и такие три функции как:

11. Рекреативная.
12. Функция информации.
13. Защитная функция.

Выполнение последней функции подразумевает защиту индивида семьей и самозащиту семьи в целом от внешних посягательств криминальных элементов на жизнь, здоровье и имущество семейных граждан.

Жизнедеятельность каждой конкретной семьи в системе «общество – семья» опосредуется рядом социально-экономических образований. Наиболее значимыми из них являются: общество – регион – город (поселение) – трудовая ассоциация (предприятие) – семья. Воспроизводство конкретной человеческой личности происходит во взаимосвязанной системе сообществ со своим установившимися социальными связями и характером социального партнёрства. Наиболее существенными из них по отношению к личности являются: семья, социально-территориальные группы и в целом мировое сообщество (см. рис. 1).

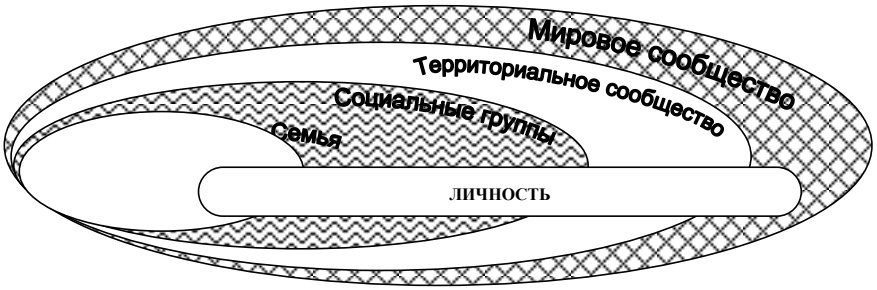


Рисунок 1.
Схема включенности личности в системы социального партнерства различного уровня

Эмансипация личности через отход от семьи (отчуждение от семейного образа жизни), нуклеаризация самой семьи, разъединение семейных поколений, массовость малодетной семьи и ее несостоятельность в такой социализации потомства, когда оно готово мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, потому что оно, прежде всего в семье, мотивируется подчинять эгоцентрические интересы семейным, – все это привело в XX в. в промышленно развитых странах к устранению семейного влияния, посредничества семьи в противостоянии личности и общества.

Отсюда проистекает взаимная нереспонсивность, невосприимчивость к потребностям друг друга: личность отстраняется от всего общественного как чуждого, как безлично-государственного, а общество проваливается в пропасть тоталитаризма, принуждающего личность к всепоглощающему конформизму.

Кризисные явления, которые мы наблюдаем за последние несколько десятилетий в российской семье, детерминируют повышенное внимание общества, государства, властных структур регионов к решению проблем этой первичной социально-экономической ячейки. Это обусловило, в частности, выделение в общей системе государственной (региональной) социальной политики специального направления – «семейная политика». Последняя выступает и как *цель*, и как *средство* решения социально-экономических проблем в регионе.

В связи с этим во многом проблематичным представляется взаимосоотношение общей государственной социальной политики и ряда других частных социальных политик, связанных с жизнедеятельностью социальных групп, например, семейной, демографической, миграционной, молодежной, культурной, экологической и др.

На рис. 1 мы попытались схематично изобразить взаимосоотношение *четырех основных политик* властных структур, в той или иной мере касающихся проблем функционирования и социального развития российского социума: *социальной, семейной, молодежной и демографической.*

Предлагая такую схему, мы попытались обратить внимание на следующие моменты:

а) социальная политика в регионе является составной частью общегосударственной социальной политики. Она имманентно вбирает в себя (включает) целый «пучок» реально реализуемых и декларативно провозглашенных частных политик социальной направленности. Последние, в свою очередь, в той или иной мере взаимообусловлены и взаимосвязаны по той простой причине, что объектно-субъектные отношения, сопровождающие формирование и реализацию каждой из частных социальных политик, связаны с жизнедеятельностью человека, социальной группы;

б) семейная политика в регионе составляет сердцевину и основную часть общей социальной политики в силу того, что, с одной стороны, институт семьи в качестве объекта социальной политики охватывает подавляющую часть

населения региона (около 90–95%), с другой – семья в качестве субъекта социальной политики участвует в реализации других «несемейных» политик – демографической, молодежной, экологической и т.д.;

Выше на суд читателя мы предложили схематичное изображение включенности личности в системы социального партнерства различного уровня: ***семья⇨социальные группы⇨ территориальное сообщество⇨мировое сообщество.*** Аналогичная схематичная конструкция может быть использована и при анализе защитной функции семьи от внешних рисков и угроз – рис. 2.

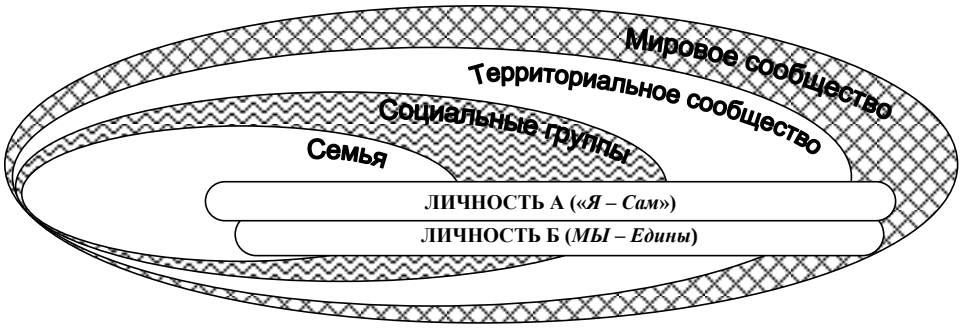


Рисунок 2.
Схема социально-экономической и психологической защищённости личности в системе социальных групп, институтов и территориальных сообществ

Общеизвестна пословица «Мой дом – моя крепость». В современных условиях эта традиционная мудрость справедлива частично. И сегодня дети во многих семьях находятся под «неусыпным» прикрытием «родительского крыла» как в части тактики удовлетворения их растущих (как правило) материальных и духовных потребностей и запросов, так и в реализации стратегических планов жизнеобеспечения, охраны от всяческого рода неприятностей, рисков, угроз. Подтверждением тому практика поступления в вуз «вне конкурса», «освобождения» от службы в армии, «уход» от несения уголовной ответственности за противоправные деяния и преступления. В ход идут взятки, кумовство, коррупционные связи и т.д.

Есть и другой диаметрально противоположный тип взаимообщения «отцов и детей», о котором известный русский адвокат А.Ф. Кони писал: «С грустью надо сознаться, что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только в отсутствии семьи, но и в ее наличности».

И еще одно пояснение к рис. 2. Соединение пространств «Личность-А» и «Личность-Б» символизирует особое отношение и поведение молодых людей (да и не только молодых) в системе окружающих их групп, общностей, институтов. В жизненной ситуации, когда молодой человек ощущает свою независимость и самостоятельность и не «обременен» ответственностью за другого близкого и дорогого для него человека, он ведет себя в рамках матрицы ***«Я-Сам».*** Иная ситуация наблюдается, когда «рядом появляется, находится» другой близкий человек *(ситуация обоюдной влюблённости, дружеской привязанности)*. Во втором случае защищённость личности от внешних деструктивных воздействий и влияний обеспечивается совместными усилиями по матрице ***«Мы Едины»***. Опыт показывает, что вторая ситуация возникает гораздо реже и длится короче, чем первая.

«Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья, – отмечал Н.А. Бердяев. – В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая. Связь же семьи с любовью еще гораздо более отдаленная» [4].

Кризисные явления, которые мы наблюдаем за последние несколько десятилетий в российской семье (да и не только в российской), детерминируют повышенное внимание общества, государства к решению ее проблем. Это обусловило, в частности, выделение в общей системе государственной (региональной) политики специального направления – семейной политики. Многочисленные данные социологических исследований (как авторских, так и исследований наших коллег) позволяют говорить о группах семей, потенциально тяготеющих к категории семей риска.

Состояние социально-экономической сферы можно проанализировать через соотнесение предельно-критических и реальных показателей развития российского общества. Так, например, доля населения, которое живет за чертой бедности, по обобщенным показателям развитых стран не должна превышать 10%, в России к началу XXI в. этот показатель, по разным данным, колебался от 30 до 40%. Разрыв доходов 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных составлял на указанный период по данным Института народного прогнозирования 40 раз, а предельно-критическое значение этого показателя в развитых странах – 10 раз. В России 13% населения являлись безработными, тогда как предельно допустимым является значение от 8 до 10% [5].

Обратимся к уральской статистике. В табл. 1 приведены данные администрации Челябинской области по состоянию на 1 января 1998 г. о наиболее многочисленных категориях населения, состоящих на учете в центрах социальной помощи Челябинской области – табл. 1[6].

Таблица 1

Число нуждающихся семей в Челябинской области

Категории нуждающихся семей	Количество малоимущих семей	Количество детей в них, чел.
Всего семей	91 506	196 994
в том числе остронуждающиеся	70 828	150 221
Многодетные семьи	28 924	103 564
в том числе остронуждающиеся	21 596	80 519
Неполные семьи	30 627	48 812
в том числе остронуждающиеся	24 599	36 111

Примечание. В общем количестве малоимущих семей неполные семьи составляют 33,5%, из них более 80% – остронуждающиеся.

Неполная семья на Урале. Прежде всего, сформулируем операциональное определение феномена «неполная семья», которого и будем придерживаться в работе. По нашему мнению, неполная семья – семья, в которой несовершеннолетний ребенок (дети) воспитывает(ют)ся без одного родителя – без отца, реже – матери.

Во-первых, в зависимости от наличия основного родителя выделяют материнские и отцовские неполные семьи. Отметим, что основную часть неполных семей России составляют именно материнские семьи. Например, в 1989 г. в РФ отцовские семьи составляли лишь 1% среди прочих типов семей. По оценкам ИСЭПН РАН и ИС РАН, в России на современном этапе доля отцов, остающихся с ребенком, составляет также менее 1%, а в США – около 10% среди семей с одним родителем [7].

Во-вторых, по количеству поколений в семье различают неполную простую – мать (отец) с ребенком или несколькими детьми, и неполную расширенную – мать (отец) с одним или несколькими детьми и другими родственниками. Причем преобладают именно неполные простые семьи. Так, по данным переписи 1989 г., в Свердловской и Челябинской области в общее число неполных семей входили следующие типы семей (число семей) [8] – табл. 2:

Таблица 2

Неполные семьи Свердловской и Челябинской областей (1989 г.)

Тип семьи	Свердловская Область	Челябинская область
Семьи, состоящие из матери с детьми	166 532	120 974
Семьи, состоящие из отца с детьми	13 779	9303
Семьи, состоящие из матери с детьми, с одним из родителей матери (отца)	23 925	18 696
Семьи, состоящие из отца с детьми, с одним из родителей отца (матери)	2391	1724

Примечание [CE1]: Заголовок в **ТАБЛ.** не надо?

Примечание [CE2]:

Об экономических возможностях поддержания жизнедеятельности глав неполных семей (по преимуществу – молодых женщин) можно судить по социально-демографическим параметрам их образования и существования [9,10,11]. Рассмотрим несколько позиций социально-демографической дифференциации этого типа семей.

А. ***По количеству детей*** выделяют неполные семьи с одним ребенком, двумя детьми, тремя и более. Как правило, неполная семья является однодетной. Для примера приведем данные двух переписей населения по Свердловской области. Из общего числа неполных семей семейные ячейки, состоящие из матери (отца) с детьми по количеству детей в семье до 18 лет составили в 1979 году 84,5 %; 1989 г. – 89,5 %, в том числе, соответственно, %:

с 1 ребенком – 61,1 / 61,7
с 2 детьми – 19,4 / 23
с 3 детьми **– 3 / 3,7**
с 4 и более детьми – 0,2 / 0,2

Б. ***По продолжительности существования неполной семьи*** можно выделить неполные семьи, которые существуют менее года, 1–3 года, 4–5 лет, 6–10 лет, более 10 лет. Так, среди женщин – глав неполных семей Челябинской области ***(«Неполная семья -1998»)*** растили детей без мужа менее года – 9%, 1–3 года – 28%, 4–5 лет – 21%, 6–10 лет – 21%, более 10 лет – 18%. Существование семьи в статусе неполной может быть как недолговременным, так и достаточно длительным. Неполная семья может оставаться таковой до отделения взрослых детей или становиться полной вследствие вступления матери (отца) в повторный брак (в том числе и в брак с отцом ребенка). Неполная семья может также перейти на другую стадию развития в связи с лишением матери (отца) родительских прав, ее смертью или смертью ребенка (детей).

В. ***По основному источнику формирования*** неполные семьи могут быть классифицированы на:

– внебрачные (материнские в терминологии С.И. Голода);

– разведенные (образовавшиеся в результате развода);

– осиротевшие (образовавшиеся после овдовения);

– распавшиеся (возникшие в результате раздельного проживания супругов в течение нескольких лет по разным причинам);

– формально не распавшиеся, но реально существующие без отца (матери), так называемые «временно неполные семьи» (при призыве на службу в армию молодого родителя, при объявлении в розыск одного из родителей, при нахождении отца (матери) в тюрьме и т.д.);

– образовавшиеся в результате лишения одного из родителей родительских прав.

Остановимся на некоторых аспектах жизнедеятельности неполных семей.

Трудности экономики семьи. «Усеченность» традиционной семейной группы (ядро которой составляет так называемая нуклеарная семья – «родители-дети» с наличием обоих родителей) предопределяет особенности выполнения неполной семьей своих основных функций: материально-экономической, хозяйственно-бытовой, воспитательной и др. Выполнение неполной семьей социальных функций имеет особый характер. Говоря о функциях неполных семей, прежде всего, отметим, что речь пойдет именно о наиболее распространенном типе неполной семьи, состоящей из матери и ребенка (детей).

Так, известные затруднения в выполнении неполной семьей материально-экономической и хозяйственно-бытовой функций связаны со следующими факторами:

1. Повышенная удельная экономическая нагрузка на одного взрослого члена семьи, связанная с отсутствием второго работника.

2. Отсутствие кооперации в домашней хозяйственной деятельности. Зачастую женщина вынуждена сама выполнять ту работу по хозяйству, которая является традиционно мужской или прибегать к услугам людей, которые не являются членами семьи.

3. Профессиональная «неполноценность» таких матерей на производстве, которая детерминируется следующим:

а) у матери, воспитывающей ребенка без отца, зачастую отсутствует возможность для получения желаемой профессии и повышения профессионального образования;

б) ограниченная производственная мобильность (перемена рабочего места на одном предприятии, переход на другое предприятие);

в) частое отсутствие таких матерей на работе из-за болезней ребенка и других уважительных причин, связанных с уходом за ребенком. Так, по данным Е.А. Овчарова, доля «часто болеющих» детей в возрасте до 3 лет в неполных семьях в 1,5–2 раза больше, чем в полных; частота заболеваний пневмонией выше соответственно в 4 раза, язвенной болезнью желудка – в 2 раза. Напряженные отношения в семье, неблагоприятный психоэмоциональный климат способствуют возникновению не только психосоматических расстройств у членов семьи, но и более тяжелому течению ревматизма у детей и подростков, в таких семьях в два раза больше детей с язвенной болезнью желудка, в 1,7 раза – с гастродуоденитами [12].

О материально-экономическом положении неполных семей на Южном Урале в конце прошлого века можно судить по результатам ответов на ряд вопросов анкеты в исследовании ***«Неполная семья-1998»*** (приводится прямой текст вопроса и проценты соответствующих ответов – ответов – 352 чел.).

1. *«В чем особенно нуждаетесь Вы лично в настоящее время?»,%*

материальная помощь	– 90
решение жилищного вопроса	– 41
решение проблем с работой	– 37
нужно лечить ребенка	– 29
нужно лечиться самой	– 28
хочется общаться с женщинами схожей судьбы	– 7
переехать в другой город, местность	– 5
нужна няня (сиделка) для ребенка	– 3
наладить отношения с родителями	– 2

2. «Где Вы живете со своей семьей в настоящее время?», %:

в благоустроенной отдельной государственной квартире	– 38
в благоустроенной отдельной приватизированной квартире	– 19
в частном доме родителей или родственников	– 12
в своем частном доме	– 7
в общежитии, предназначенном для одиночек	– 5
в общежитии семейного типа	– 4
в благоустроенной коммунальной квартире с соседями	– 4
в доме барачного типа (без основных удобств), одна комната	– 3
в доме барачного типа… несколько комнат	– 3
снимаем частное жилье	– 2

3. «Каковы дополнительные источники доходов Вашей семьи?», %:

экономия на питании, одежде	53
более активный труд на том предприятии, где работает респондент	25
активизация занятий садоводством, подсобным хозяйством	22
работа по совместительству	14
занятия коммерцией	3
занятие индивидуальной трудовой деятельностью	3
использование материальных средств, накопленных ранее	2
самостоятельно решить свои проблемы не могут	28

Мы видим, что в неполных семьях на момент опроса доминирующее положение занимал такой способ решения материальных проблем, как экономия средств, предназначенных для удовлетворения первичных потребностей – в пище и одежде, т.е. пассивное поведение. Однако экономическое поведение одиноких матерей включает в себя не

только пассивные, но и активные элементы: более активный труд на предприятии, занятия садоводством, совместительство. Занятия коммерцией и индивидуальной трудовой деятельностью занимают гораздо меньшее место в структуре дополнительных доходов. Особо отметим, что достаточная часть матерей не могут решить свои проблемы самостоятельно. Женщинам приходится обращаться за помощью в органы соцзащиты, к руководству предприятий, в благотворительные организации, к родственникам и знакомым [13, 14, 15].

Трудности воспитания детей. Особые трудности связаны с выполнением неполной семьей функции социализации. Возможным и вполне вероятным следствием неполноты среды социализации в семейной группе могут быть, *во-первых,* отклонения в психическом развитии ребенка, психические расстройства. Так, психологи отмечают, что подростки из неполных семей отличаются «более выраженной депрессивностью, низкой степенью сформированности интеллектуальных функций и тенденцией преобладания у них интровертированности» У подростков в таких семьях отмечается большая эмоциональная нестабильность. Развод в семье травмирует не только родителей, но и детей, он способен вызвать у них серьёзные нервно-психические расстройства.

Вторым следствием неполноты среды социализации является большая вероятность возникновения девиантного поведения детей из неполных семей. Так, В.А. Сысенко, например, делает вывод, что «рост безотцовщины при живом отце повышает вероятность отклоняющегося поведения среди подростков» [16]. Исследования показывают, что среди потребителей наркотиков высок удельный вес тех, у кого жизнь складывалась довольно неблагополучно с детства и юности или к моменту беседы с ними в связи со смертью обоих или одного из родителей, а также разводом, что, безусловно, отрицательно повлияло на формирование личности молодых людей, а в конечном счете и повлекло за собой их приобщение к потреблению наркотиков. Она отмечает, что из всех опрошенных наркоманов «умерла мать у 15,5%, отец – у 36,6%, а 26,6% жили и воспитывались в неполных семьях из-за развода родителей» [17]. Такие асоциальные проявления были выявлены и нами в ряде социологических опросов на Урале [18, 19, 20].

Третьим следствием отсутствия второго родителя в семье является неполноценность подготовки детей к семейной жизни. Многие российские социальные психологи (И.С. Андреева и А.В. Гулыга) придерживаются мнения о необходимости для успешной социализации детей наличия обоих родителей и совместного участия их в воспитании. При этом особое значение имеет непосредственное участие отца в воспитании детей. На подготовку ребенка к роли супруга и родителя оказывает воздействие не только подход родителей к ребенку, их отношения с ним, но и то, каковы супружеские отношения родителей и как ими выполняется их половая роль [21].

Вместе с тем, говоря об успешности социализации ребенка, нельзя абсолютизировать фактор наличия обоих родителей. Согласимся с И.С. Коном, который пишет, что «отсутствие одного из родителей не исключает возможности нормального развития ребенка и какой-то компенсации недостающего отцовского или материнского влияния» [22]. Влияние отношений ребенка с родителями на его развитие нельзя считать фатальным. Развитие ребенка происходит не только под влиянием родителей, определенную роль играют также жизненные обстоятельства, встречи и общение с другими людьми. Именно личность матери (отца), воспитывающей (воспитывающего) ребенка без супруга (супруги), ее (его) способность противостоять наименее благоприятным обстоятельствам, в которые поставлена неполная семья, имеет во многом определяющее значение в процессе социализации. Фактором, компенсирующим отсутствие одного из родителей, может быть благоприятное влияние ближайшего окружения ребенка: бабушек, дедушек, других родственников и знакомых.

Примечание [СЕЗ]: Лучше начни с этого

Первый: Возможно ли в монородительских семьях «компенсировать» (в той или иной мере) отсутствие (недостаточность) воспитательного воздействия отца на взрослеющего сына?»

Второй: «А теперь мы просим Вас выбрать из предыдущего списка те номера вариантов ответов, которые, по вашему мнению, можно отнести к ситуации, когда в семье без отца растет дочь»? Вот что показал опрос. Среди опрошенных 150 экспертов посчитали, что эту проблему в семье можно решать за счёт следующих воспитательных акций (% от общего числа респондентов; : *N=150 чел.; в числителе – ответы на вопрос № 1; в знаменателе – № 2):*

организации повышенного внимания к «безотцовским» детям со стороны детских дошкольных учреждений, школы, детских учреждений культуры	– 31 / 30
повышения педагогической культуры матерей	– 35 / 52
повышения заинтересованности дедушек, бабушек этих детей в воспитании своих внуков	– 27 / 36
создания благожелательного социально-психологического климата дворовой общественности	– 20 / 15
формирования «щадящей политики» по отношению к таким детям со стороны правоохранительных органов	– 11 / 7
соответствующей ориентации СМИ	– 14 / 13
за счет чего еще, допишите	– 5 / 4
влияние и роль отца в воспитании собственного ребенка (детей) в полной мере заменить вряд ли возможно	– 61 / 40

Социально-психологическое самочувствие. Неполные семьи имеют не только материальные проблемы, но также сталкиваются и с большим количеством проблем психологического характера. Наряду с социально-экономическим самочувствием неполной семьи остановимся на социально-психологическом самочувствии. Понятие «самочувствие» трактуется как субъективное ощущение физиологической и психологической комфортности внутреннего состояния. Говоря о социальном самочувствии, мы подразумеваем отношение индивида (группы) к окружающей реальности, его самооценку своего положения в системе общественных связей и отношений. Таким образом, социаль-

но-психологическое самочувствие – субъективная оценка комфортности или дискомфорта своего внутреннего состояния человеком, группой, в нашем случае – неполной семьей.

Социально-психологическое самочувствие находит свое воплощение в эмоциях, чувствах людей. Вслед за Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко отметим, что эмоции «выступают в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла по всем интересующим личность (или группу) проблемам» [23]. Как указывает психолог Р.С. Немов, «эмоции обычно следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности ему деятельности субъекта», «они есть непосредственное отражение, переживание сложившихся отношений, а не их рефлексия» [24].

На социологическом уровне эмоции и чувства, которые испытывают представители неполных семей, могут служить эмпирическими показателями социально-психологического самочувствия таких семей. Таким показателем может служить также оценка одинокими родителями отношения ближайшего окружения (родители, родственники, соседи, коллеги) к их семье.

Социологический опрос подтвердил, что психологическое состояние одиноких матерей отличается сложностью и противоречивостью. Тот факт, что одинокие матери на определенном этапе своего жизненного пути потерпели фиаско в сфере семейно-брачных отношений, накладывает на них печать некоей «семейной неполноценности», что находит свое выражение в оценке собственного положения. В ответах на вопрос «Чувства, которые Вы испытываете в настоящее время?» (**«Неполная семья-1998»**) мы получили следующую раскладку мнений (% от общего числа опрошенных – 352 чел.:

Пессимисты:	
горечь и обиду	– 17
разочарование в жизни.	– 11
страх, безысходность	– 10
собственную ненужность	– 4
Оптимисты:	
уверенность, что все изменится к лучшему	– 39
надежду, оптимизм	– 18
желание бороться с несправедливостью по отношению к себе	– 7

В положении одиноких матерей опрошенные испытывают противоречивые чувства и разделились на две группы – оптимистов и пессимистов, т.е. уверенных и не уверенных в своих силах и возможностях, готовых и не готовых к преодолению трудностей. Психологическое самочувствие как некая обобщающая характеристика внутреннего состояния личности, в частности одинокой матери, в значительной степени складывается под воздействием социальной среды. В последней можно выделить несколько уровней близости к личности: а) круг родных; б) круг товарищей по работе, коллег; в) круг друзей, знакомых, г) круг соседей и др.

В рамках исследования (***«Неполная семья-1998»***) замерялось отношение с социальным окружением (родителями, сослуживцами и соседями). Матери – главы неполных семей отвечали на вопрос о том, как к их положению относятся окружающие. Социально-психологическое самочувствие таких матерей (по их самооценкам) вполне удовлетворительное, и они не чувствуют особой дискриминации на свой счет. Так, высок процент одиноких матерей, оценивающих свои контакты со своим ближайшим социальным окружением как нормальные. Очень мал процент женщин, указывающих на недоброжелательное отношение (2-4 %).

Примерно половина матерей – глав неполных семей (48%) отмечают нормальное отношение к их положению одиноких матерей своих родителей, 40% указывают на подобное отношение коллег по работе, 32% – соседей. Значительное число респондентов выделяет сочувственное отношение: 20% – родителей, 14% – соседей, 13% – сослуживцев. На более терпимое отношение окружающих к одиноким матерям указывает также и тот факт, что об отношении к ним коллег по работе, родителей и соседей вообще не задумывались соответственно 8%, 9, 10% опрошенных. Отмечалось и уважительное отношение к положению одиноких матерей: 7% – уважительное отношение родителей и соседей, 5% – сослуживцев. Наиболее безразлично к одиноким матерям относятся соседи, а наименее безразлично – родители.

Относительно благополучное социально-психологическое самочувствие матерей-глав неполных семей проявляется в их высказываниях на вопрос: *« Как Вы поступаете, если кто-то проявляет бестактность, неуважительные высказывания в Ваш адрес?»* Следует оговориться, что хотя этот вопрос носил несколько провокационный характер, на него ответили почти все женщины, а значит, действительно многие слышали недобрые отзывы в свой адрес. Реагировали на них по-разному. Чаще всего – не обращали на неприятные высказывания особого внимания (45%). Однако каждая четвертая респондентка (26%) в целом по массиву принимала обиду близко к сердцу, хотя старалась скрыть это. Такая реакция оказалась преобладающей в группе женщин – наемных работников в бизнесе (63%). Высказывали обидчику свое недовольство чаще всего молодые женщины (23%), безработные и работницы (по 18%). Требовали извинения очень немногие (4%).

О проблемах, с которыми сталкиваются неполные семьи (с какими другими проблемами помимо материально-финансовых сталкиваются матери, воспитывающие детей без отцов по сравнению с полными семьями), можно судить по ответам глав монородительских семей на следующие два вопроса (% от общего числа опрошенных – 452 чел.):

«Как Вы считаете, сказывается ли отсутствие отца (мужа) на воспитании ребёнка (детей) в Вашей семье? В чём это проявляется? (Можно указать несколько вариантов)», %

не хватает «мужского» заработка	59
нет мужского воспитания (влияния) для сына (детей)	49
нет хозяина в доме	27

скучно жить без родного человека	20
нет защиты от общественного мнения, пересудов	8
к ребенку плохо относятся сверстники	4

«*С какими другими проблемами (помимо материально-финансовых) сталкиваются матери, воспитывающие детей без отцов (по сравнению с полными семьями)?», %:*

одиночество в ответственности за воспитание и судьбу ребенка	43
чрезмерная занятость матери на работе	28
чрезмерное «женское» воспитание	22
сложные взаимоотношения с ребенком	12
в такой семье чаще всего только единственный ребенок	11
отсутствие требовательности, балуют детей	9
«безнадзорность» ребенка	6

Семьи с детьми-инвалидами на Урале. Прежде всего, заглянем в энциклопедию. Читаем: ИНВАЛИД – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. В зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 16 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

Отношение к инвалидам и немощным всегда являлось показателем экономической и нравственной зрелости любого общества. Понятие «инвалид» в буквальном переводе означает «непригодный», «неполноценный». В период петровских реформ инвалидами называли военнослужащих, которые по причине заболевания, ранения или увечья не могли нести воинскую службу. Лишь после Второй мировой войны происходит формирование понятия «инвалид», относящегося ко всем лицам, имеющим физические, психические или интеллектуальные ограничения жизнедеятельности.

Согласно Декларации о правах инвалидов (ООН, 1975) «инвалид» означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечивать полностью или частично потребности нормальной личной и /или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или приобретенного, его или ее физических или умственных возможностей.

В настоящее время наиболее полное определение инвалидности содержится в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181–ФЗ: *инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограниченной жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной защиты.* В свою очередь ограничение жизнедеятельности выражается в полной или частичной утрате лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, контролировать сове поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

Ниже мы остановимся на некоторых проблемах семей, в которых растёт и воспитывается ребёнок-инвалид. При этом нами будут использоваться данные опроса *«Дети-инвалиды-1997»,* проведенного нами по проблемам социальной защиты детей-инвалидов в Уральском регионе. Вот некоторые паспортные данные *опроса:*

Опросы проводились в городах: Челябинск (Калининский, Курчатовский, Ленинский, Металлургический, Советский, Тракторозаводской, Центральный районы), Златоуст, Миасс, Пласт, Сатка, Куса, Катав-Ивановск, Усть-Катав, Касли, Еманжелинск; в районах: Сосновский, Красноармейский, Увельский. А вот некоторые социально-демографические характеристики семей, включённых в выборку (% от общего числа опрошенных – 425 чел.):

д) по типу семьи:

полная (есть муж и жена)	– 68
неполная, есть только мать	– 27
неполная, есть только отец	– 3
опекунская	– 2

е) по возрасту ребенка-инвалида:

до 3 лет	– 6
4-7 лет	– 20
8-10 лет	– 28
11-12 лет	– 18
13-14 лет	– 24
16 – 18 лет	– 5

ж) по состоянию здоровья ребенка:

инвалид с детства	– 53
первая группа инвалидности	– 6
вторая группа инвалидности	– 8
третья группа инвалидности	– 5
инвалид по зрению	– 0,5
не ответили на вопрос	– 28

з) по месту жительства:

город	– 83
село	– 17

А теперь обратимся к некоторым аспектам жизнедеятельности этих семей.

«В чем особенно нуждается Ваша семья в настоящее время?» – на этот, казалось бы, простой вопрос предстояло ответить отцам и матерям из 425 уральских семей, имеющих в своем составе детей-инвалидов. Из двенадцати наиболее острых проблем, включенных в список, в анкете респондентам предлагалось выбрать не более трех «самых важных». В анкете, которую заполняли эксперты, аналогичный по содержанию вопрос формулировался несколько иначе: *«В чем особенно нуждаются такие семьи?»* При этом респонденты жёстко не ограничивались возможным числом вариантов ответа. Посмотрим, как распределились ответы респондентов на этот вопрос из двух групп в целом (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – ответы родителей, в знаменателе – экспертов).

На момент опроса семьи нуждались:

в материальной (денежной) помощи	– 79 / 65
в дорогостоящих лекарствах	– 48 / 52
в решении жилищного вопроса	– 32 / 37
в постоянных консультациях врачей	– 25 / 42
в решении проблем, связанных с работой	– 21 / 37
в лечении за границей	– 8 / н.д.
в стационарном лечении	– 10 / 13
в няне (сиделке)	– 5 / 18
в средствах передвижения (спецавтомобиль)	– 4 / 18
в предоставлении места в специнтернате	– 3,3 / 12
в средствах передвижения (ручной коляске)	– 2,4 / 25
в чем-то другом	– 6 / 8

При анализе представленных данных обнаруживаются следующие закономерности. Ответы мужчин и женщин показывают, что отцы и матери в равной степени заботятся о благе семьи и о своем больном ребенке. Разница в ответах отражает распределение ролей в семье: матери больше озабочены самим лечением ребенка (организацией консультаций – 27%, лечения за границей – 17%); отцов больше беспокоит добывание средств для дорогостоящих лекарств – 67%, обеспечение жилищных условий – 27%.

Посмотрим, какие потребности являются более актуальными для социально-демографических групп опрошенных.

Результаты опроса позволяют судить о жилищной обеспеченности детей-инвалидов в челябинских семьях. На вопрос: *«Имеет ли Ваш ребенок-инвалид отдельную комнату в квартире?»* ответы родителей распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – вариант *«имеет»,* в знаменателе – *«не имеет»*)[1]:

В целом по Челябинской области	– 27 / 73
Группы по возрасту родителей, лет:	
До 29 лет	– 12 / 88
30–34	– 26 / 74
35–39	– 30 / 69
40 лет и старше	– 32 / 67
Группы по уровню среднедушевых доходов; тыс. руб.:	
до 200	– 12 / 88
200–300	– 21 / 78
300–500	– 44 / 55
500–750	– 40 / 60
750–1000	– 60 / 40
Группы по типу семьи	
полная	– 33 / 67
неполная	– 14 / 85

Анкетный опрос южноуральских семей, имевших (на момент опроса) детей-инвалидов, показал, что во многих случаях жилищные условия этой категории были далеки от необходимых стандартов. Так, в подавляющем большинстве семей (73%) дети-инвалиды не имели отдельной комнаты.

Известный российский социолог И.С. Кон определяет «родительство» как «систему взаимосвязанных явлений: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям, б) специфические социальные роли и нормативные предписания культуры ; в) обусловленные тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания и т.д.». Функцию родительства, воспитания в семьях, имеющих здоровых детей, разделяют в какой-то мере общественные учреждения – детсады, школы. Но в семьях, воспитывающих детей с нарушенным физическим или психическим развитием, общественные формы воспитания не могут быть использованы (за исключением специнтерната), а

[1] Где в сумме нет 100%, не указаны не ответившие на вопрос.

потому все функции родительства возлагаются на отцов и матерей, увеличивая их и без того большую физическую и психологическую нагрузку. Степень этой нагрузки мы выяснили, в частности, с помощью вопроса: *«С какими другими проблемами (помимо материально-финансовых) Вы сталкиваетесь как родитель ребенка – инвалида?»*. На этот вопрос анкеты были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных 425 чел.):

тревога за будущую участь ребенка-инвалида	69
трудности в получении инвалидом специального образования, подходящей профессии	32
сознание одиночества в ответственности за его судьбу	23
чрезмерные физические и моральные перегрузки	19
сложные взаимоотношения с таким ребенком	18
отсутствие контактов у него со сверстниками	14
комплекс неполноценности, «ненужности» у ребенка	9
«безнадзорность» инвалида	7
напряженная обстановка между взрослыми членами семьи	6
другие трудности и сложности	2,6

Состояние инвалидности, как и любое другое состояние, – это сложный в функциональном плане процесс: это особая логика восприятия окружения, образ мышления, это и особый, отличный от здоровых людей, образ жизни, это и многое особое другое, что можно понять до конца, только оказавшись в таком же положении. Комплекс неполноценности в повседневной жизни – это ситуация отчуждения, это один из параметров социализации ребенка, один из параметров его социальности. Формирование комплекса неполноценности является производной, по меньшей мере, трех внешних по отношению к ребенку основных условий, обстоятельств.

Существенное влияние на социально-экономическое и нравственно-психологическое самочувствие социально-обделённых детей оказывают традиции система благотворительности, сочувствия, переживания окружающих людей, официальных лиц. В одном из наших опросов (***«ВУЗ-2012»***) 250-ти уральским экспертам задавались следующие два вопроса: «*Нужно ли при приеме абитуриентов на бюджетные места отдавать предпочтение людям из социально незащищенных слоев? Кому в первую очередь?». Вот какие ответы были получены (% от общего числа респондентов – 250 чел.)*:

детям-инвалидам	**– 57**
социальным сиротам	**– 47**
дети из «бедных» семей	**– 39**
детям, имеющим неординарные способности	**– 32**
воспитанникам детских домов	**– 29**
детям из семей, пострадавших от войн	**– 28**
выходцам из села	**– 27**
детям из неполных семей	**– 24**
перспективным молодым спортсменам	**– 20**
детям из неблагополучных семей	**– 7**
представителям других социальных групп	**– 5**
детям из детских колоний	**-**

* * *

Поскольку участие детей-инвалидов в опросе не было предусмотрено программой исследования, то косвенным индикатором состояния интересующего нас психологического феномена выступали «экспертные» оценки родителей таких детей, они, безусловно, не надежны: не всегда адекватно характеризуют ребенка.

На вопрос анкеты: *«Как относится Ваш сын (дочь) к своему заболеванию, инвалидности?»* ответы родителей распределились так (% от общего числа опрошенных – 425 чел.):

пока не придает значения, не обращает внимания	– 44
переживает	– 23
стесняется, испытывает комплекс неполноценности	–19
другое	– 6
затруднились ответить	– 7

В числе 25 ответов (6%) родителей на вариант «другое» самой распространенной была запись: «Он (она) не понимает, что болен»

(14 чел.). Есть несколько других единичных записей:

пытается вести себя, как здоровый;
пока не придает значения, но переживает;
не оценивает ситуацию;
начинает задумываться, сравнивает себя с другими;
ребенок не говорит, он не понимает, что инвалид;
не понимает всего происходящего с ней;
боится;
не комплексует, но задумывается о будущем;

боится, что в будущем будет импотентом из-за лекарств;
надеется выздороветь.

* * *

Таковы наиболее массовые и самые общие контуры этого социально-психологического феномена, которые зафиксировали, с одной стороны, меру осознанности ребенком своего настоящего, а возможно, и будущего и меру трагичности данной жизненной ситуации. В то же время мы видим родительское восприятие самочувствия своего ребенка-инвалида, в котором отражается надежда либо отчаяние. То определение, которое дает семья событию-стрессу, в психотерапии именуются семейной перцепцией. Восприятие семьей инвалидности своего ребенка формируется на основе ценностных ориентаций, опыта переживания кризисной ситуации и согласуется с теорией рационально-эмоциональной психотерапией. В результате семья или адаптируется к своему несчастью, или продуцирует собственный кризис.

В процессе социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями, имеющем целью социальное включение ребенка в окружающее сообщество не-инвалидов, важно исходить из практики ориентации на семью, на семейные потребности и ресурсы социального окружения, используя принцип «работы в команде». Не вызывает сомнения при этом определяющая (первостепенная) роль матери как в процессе социализации, так и в сопутствующем ему процессе социальной реабилитации ребёнка-инвалида. Это обусловлено прежде всего социально-биологической близостью и кровной заинтересованностью матери в судьбе своего ребёнка. О высоком духовном единении матери с ребенком, ее готовности на любые жертвы во имя его интересов, и особенно здоровья, написано немало художественных произведений. У Расула Гамзатова, например, есть «Песня, которую поет мать своему больному сыну»:

Наполняй весь дом табачным духом,
Пей бузу, вина захочешь, пей,
Можешь не жалеть меня, старуху,
Только выздоравливай скорей!
В край далёкий уезжай, сыночек,
И оттуда писем не пиши,
В жёны выбирай, кого захочешь,
С городскими вдовами греши.
Я тебя баюкала когда-то
Согревала на груди своей.
Пей вино, кури табак проклятый,
Только выздоравливай скорей.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Рос. газета. – М., 2001. – 4 апреля.
2. Хенкин С. Социальная напряженность в российском интерьере // Власть. – М., 1997. – № 4.
3. Энциклопедический социологический словарь / Под общей ред. Г.В. Осипова. – М.: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 1995. – С. 663.
4. Цит. по: Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 31.
5. Локов В.В. Стабильность общества и система предельно критических показателей его развития // Социс. – М., 1998. – № 4. – С. 91–92.
6. Социальная защита населения. Инф. бюллетень за 1997 год. – Челябинск, 1998. – С. 39-41.
7. Лунякова Л.Г. Положение неполных семей. Раздел 7.6. Россия 99. Социально-демографическая ситуация. Центр гендерных исследований. IX ежегодный доклад. – М., 2000. – С.1.
8. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Логос, 1996. – С. 9–10.
9. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи: учеб. пособие. Ч. 2. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 297 с.
10. Гартман Н.А., Козлов В.Н., Павлов Б.С., Анисимов С.А., Иванова В.Ф. и др. Социальная защита детей-инвалидов в регионе (на материалах социологических исследований в Челябинской области). – Челябинск: Ин-т экономики УрО РАН, Челяб. гос. ун-т, 1998. – 204 с.
11. Гартман Н.А., Иванова В.Ф., Козлов В.Н., Павлов Б.С., Татаркин А.И., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Бердник Л.П., Заякина О.А., Мокеров И.П. Социальная защита неполных семей в регионе: (на материалах социологических исследований в Челябинской области). – Челябинск: ЧелГУ, 2001. – 215 с.
12. Овчаров Е.А. Социальная и экологическая обусловленность здоровья населения: учеб. пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1993. – С. 41.
13. Гартман Н.А., Павлов Б.С., Татаркин А.И., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Заякина О.А. и др. Люмпенизация населения как следствие асоциального реформирования экономики (на примере Уральского региона). – Ч. 1. Состояние проблемы: обнищание российского общества. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2000. – 118 с.
14. Лоншакова Н.А., Павлов Б.С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.
15. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. – № 12. – С. 109–122.
16. Семья: социально-психологические и этические проблемы: справочник. – Киев: Изд-во полит. литературы Украины, 1989. – С. 223.
17. Габиани А.А. Кто такие наркоманы // СОЦИС. – М., 1992. – № 2 . – С. 78–83.
18. Павлов Б.С., Зверева Г.Л. Проблемы социальной реабилитации городских подростков в условиях девиантной субкультуры молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. – № 14. – С. 124–133.
19. Павлов Б.С., Талалаева Г.В. Наркотизация молодёжной среды как социально-биологическая проблема в регионе (на примере городов и поселений Урала): препринт. – Екатеринбург: ИЭ УРО РАН, 2004. – 64 с.

20. Талалаева Г.В., Павлов Б.С. Демографические аспекты самосохранительного поведения молодежи. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008. – 194 с.
21. Андреева И.С., Гулыга А.В. Брак и семья сегодня // Семья: Книга для чтения. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 503.
22. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука, 1988. – С .241.
23. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996. – С. 181.
24. Немов Р.С. Психология: в 3 кн. Кн.1. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1995. – С. 370.

Павлов Б.С.
д. филос.н., в.н.с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru
Разикова Н.И.
к.х.н., профессор кафедры социальной безопасности ФТИ УрФУ
natigraz@mail.ru

СЕМЕЙНАЯ ССОРА И РАЗВОД В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА

Ключевые слова: *семья, конфликт, семейная ссора, развод, «семья риска», Урал, детская девиантность.*
Keywords: *family conflict, family quarrel, "the family at risk", divorce, Ural, children's deviance.*

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т.п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Симптоматично, что в числе приоритетных задач демографического развития населения Российской Федерации определено всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности. Сегодня особого внимания требуют соответствующие программы обеспечения развития новых подходов к гигиеническому и нравственному воспитанию молодёжи, особенно тинейджеров, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более [1].

Семья как малая социальная группа обладает определенными благами, достоинствами, которые являются *(могут быть)* привлекательными в глазах «нормальных» людей. В этом смысле мы говорим о ценности и предпочтительности семейного образа жизни в сравнении с холостяцким. Семья как межличностный союз *(социально-бытовое объединение)* существует не только за счет внешних обстоятельств, социально-экономических «обручей» *(как бы принуждающих жить вместе)*, не только благодаря привычке и инерции. Мощными скрепами семейного союза служат такие благодатные чувства, как любовь, обожание, уважение, благодарность, порядочность, солидарность, верность и др.

Существенные деструктивные поправки в социально-психологические отношения между супругами, между родителями и их детьми вносит такой «антискреп», как «супружеская ссора». «Ничто не является хорошим или плохим – отмечал в свое время В. Шекспир, – все зависит от того, как мы смотрим на вещи». Давайте, с позиций социологии посмотрим на феномен «супружеской ссоры», становящейся, нередко, причиной или поводом для дестабилизации и распада брачно-семейных союзов, деформацией процесса социализации детей.

В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам внутрисемейных отношений в уральских семьях, проведенных авторами в 2003–2012 гг. в Институте экономики УрО РАН и Физико-технологическом институте УрФУ, в частности:

– 2003 г. в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской и Челябинской областей по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых супругов – ***«Семья-1»*;**

– 2005 г. в г. Екатеринбурге были опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях, имеющих детей (362 мужчины и 518 женщин) – ***«Семья-2»***

– 2008 г. – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде – ***«Семья-3»***

– 2011 г. − анкетный опрос 200 семейных студентов ряда факультетов УГТУ-УПИ по проблемам стабильности семейных союзов и эффективности учебы в вузе – ***«Семья-4».***

– 2016 г. в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей – ***«Семья-5».***

Усложнение и дифференциация видов и сфер общественной практики, мобильность в изменении окружающей человека природной и социально-культурной среды оказывает многовекторное обратное воздействие на жизнедеятельность людей. При этом их возможности к адекватной реакции на качественные изменения в среде существования не безграничны. Нередко источником социальной напряженности являются антиобщественные проявления в поведении индивидов, социальных групп. Особого внимания общества требует молодая семья. *Аналогично живому организму, вновь образовавшаяся молодая семья наиболее неустойчива, нестабильна в первые периоды своего существования.*

Это обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Как и всякое живое образование, каждая индивидуальная семья в своем развитии (онтогенезе) проходит ряд последовательно сменяющих друг друга этапов от рождения этой социально-бытовой ячейки до ее смерти. Требуются годы супружеской жизни для стабилизации отношений, выработки таких общесемейных духовных ценностей, как взаимоуважение, взаимоподдержка, стремление к упрочению союза.

Известно, что причины будущего развода *(если таковой произойдет в данной конкретной семье)* закладываются, как правило, в молодом супружеском возрасте, когда устанавливается определенный стиль отношений между супругами, происходят формирование того или иного образа жизни, развитие и поощрение тех или иных привычек, форм общения и т.д. Ответственность супругов в этот период жизни семьи представляется не только в том, чтобы не допустить развода в первые годы брака, но и в том, чтобы предотвратить те внутрисемейные процессы, которые могут привести к разводу в более зрелом семейном возрасте [2, 3].

Опрашивая 880 молодых супружеских пар в г. Екатеринбурге *(«Семья-2»),* мы попытались прояснить социологическую «анатомию» происходящих на Урале ссор между молодыми мужем и женой. Ниже представлен ряд заданных нами в анкетах вопросов по поводу семейных ссор и мнение респондентов по этому поводу (% от общего числа респондентов):

1. Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?

Да, наверное, можно	23
Ссоры иногда необходимы	52
Без ссор не бывает семейной жизни	25

2. Кто чаще является зачинщиком ссор?

«Непонятно кто»	33
Жена	28
Муж	15
Оба	24

3. Продолжительность ссор в вашей семье

Миримся сразу	39
Не более одного дня	33
Несколько дней (2-3 дня)	16
Около недели	7
Около месяца	3
Месяц и более	2

4. Кто чаще уступает в семейных конфликтах?

Обоюдно	49
Муж	30
Жена	21

5. Наличие у супруга (супруги) вредных, азартных привычек и их влияние на возникновение ссор:

Вредные привычки	В молодой семье эти привычки:	
	присутствуют	предмет ссоры
Курение	60	30
Употребление алкоголя	36	40
Бездельничание	26	27
Сквернословие	18	15
Переедание	15	8
Игра в карты	8	8

Причинно-следственная «пестрота» возникновения и гашения семейных ссор связана не только с субъективными факторами. В них отражаются и объективные посылы социально-психологических сложностей и противоречий, сопровождающих процесс адаптации членов семейного союза друг к другу, адаптации семейного союза к окружающей их среде жизнедеятельности. Было бы, например, неправильным считать процесс стабилизации семьи (в частности, молодой), детерминированным лишь внутрисемейными отношениями, зависящими от уровня духовной культуры и эмоционального развития супругов. Строительство семейных отношений протекает на базе материальной жизни.

Тот или иной уровень духовного комфорта семейной ячейки – во многом отражение ее материально-хозяйственных возможностей в удовлетворении как материальных, так и духовных потребностей, определяемых уровнем денежных доходов, размером и состоянием жилища, развитием системы обслуживания, здравоохранения и т.д. А это в свою очередь во многом зависит от развития отношений «общество – молодая семья». Последнее включает не только материальную сферу. Существенное значение имеет общественное мнение по поводу таких нравственных понятий, как «супружеская любовь», «семейное счастье», «долг семьянина», «отцовство», «материнство» и т.п. [4].

Выполнение семьей жизненно важных функции предполагает, естественно, стабилизацию социально-психологического микроклимата этой первичной социальной ячейки общества, максимально исключающего проявления жестокости, садизма, оскорблений личности, *физического и духовного насилия* как между супругами, так и в системе отношений «отцы-дети». *Один из немаловажных механизмов трансформации общественных отношений – преодоление сложившихся стереотипов в сфере строительства семьи.*

К числу последних, например, относится устоявшееся мнение, что субъектом насилия в семье является исключительно *мужчина.* Расхожее представление здесь: *мужчина (муж) – насильник, женщина (жена) – жертва.* Подобная раскладка семейных ролей – излюбленный вариант освещения «семейных баталий и стычек» в произведениях литературы, кино, в зарисовках тележурналистов. Нельзя закрывать глаза на тот факт, что нередко мужчина и женщина меняются в ролевом распределении «насильник-жертва».

Подтверждением этому может служить судебная уголовная статистика, наличие женских тюрем и исправительно-трудовых учреждений. При этом причастность женщины к насилию в семье проявляется в двух основных формах: женщина – как инициатор (побудитель) проявлений насилия со стороны мужчины или других членов семьи (провоцирование насилия), женщина – субъект насилия. Кроме того, можно говорить об определенном диапазоне проявлений женского насилия в отношении членов семьи и, прежде всего, мужа. В этом случае, следует выделить три аспекта подобной активности женщин:

а) хотя и редко – это прямое физическое насилие над мужем;

б) жена осознанно выступает провокатором ответного насилия со стороны мужа;

в) жена выступает в роли «духовного садиста» над личностью мужа; предметом, поводом таких проявлений могут служить, например, частичная или полная импотенция супруга, низкая профессиональная дееспособность, «факты прошлой биографии» и т.п.

Мы не ставили перед собой задачу обвинять или оправдывать женщин за подобную, казалось бы, несвойственную им роль в семье. Не будем, как говорят, перекладывать грехи «с больной головы на здоровую». Нам бы хотелось обратить внимание специалистов, прежде всего социальных психологов, на актуальность этой проблемы. Тем более что российское общество стремительно приобщается к феминистским движениям, предполагающим, как известно, равноправие полов во всех видах деятельности.

Насилие, к сожалению, пока не потеряло своих позиций в разрешении споров и противоречий между представителями двух половин человечества. Мысль Президента РФ о том, что «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [5], на наш взгляд, может быть отнесена к отношениям, складывающимся во многих семьях россиян.

Особый аспект семейного строительства – отношения «отцов и детей» по поводу профессиональной социализации взрослеющих сыновей и дочерей. Вполне понятно, что наиболее существенные коррективы в формирование жизненных планов школьной молодёжи вносят их родители, родственники и гораздо реже учителя, преподаватели учебных заведений. Так в исследовании ***«Семья-5»*** на вопрос анкеты: *«Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере повлиял на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе на Вас лично?»* из 13-ти субъектов влияния подавляющее большинство респондентов из 7-ми уральских вузов выбрали пять (% от общего числа опрошенных – 1600 чел.):

Субъект влияния	%	***«Разброс»*** ответов по вузам, %
Мама	61	от 55 (УрФУ) до 73 (ЧГПУ)
Отец	45	от 43 (ТюмГУ) до 52 (ЧГПУ)
Бабушка, дедушка	13	от 11 (ЮУрГУ) до 19 УрГПУ
Учитель, учителя в школе	17	от 13 (УрГУПС) до 26 УрГПУ
Преподаватели в вузе	7	от 2 (ТюмГУ) до 10 (ЧелГУ)
Никто не влияет, каждый выбирает сам по себе	19	от 14 (ЧГПУ) до 26 (УрГПУ)

Несовпадение ценностных ориентаций в сфере труда, потребительской деятельности – одна из важных причин межпоколенческих конфликтов, приводящих нередко к духовно-нравственной отчуждённости и даже взаимного физического неприятия родных и близких людей [6].

В социологической литературе принято выделять неблагоприятные факторы, характеризующие семьи из числа, так называемых, «групп риска». [7]. Социальное неблагополучие таких семей проявляется в том, что они, как правило, провоцируют проблему социального сиротства в обществе, когда семья в лице родителей (взрослых) не в состоянии выполнять основные функции по отношению к детям. Можно утверждать, что корень зла таких семейных союзов заключается главным образом в неразвитой духовной жизни родителей, создающих в семье неблагоприятный морально-психологический климат. А материальные трудности в семье являются хотя и весомым, но не решающим фактором.

Каково же эмоциональное восприятие «собственного дома» у современных городских детей и подростков? Об этом позволяют судить их ответы на вопрос: «*С каким чувством, настроением ты чаще всего идешь к себе домой?»*, который задавался различным группам детей и подростков в исследовании *(Семья-3).* Опросы показали, что наиболее комфортно ощущают себя дома школьники, особенно дети из дружных, сплоченных семей, а также хорошо ведущие себя ребята. Наименее приятна домашняя обстановка для подростков-правонарушителей: только каждый десятый из них идет домой с охотой, подавляющее большинство – по необходимости, 13% – как в наказание. Неприятие детьми «своего дома» нередко заканчивается так называемыми побегами детей из родительских семей. *Первые побеги под-*

ростков из семьи происходят в страхе наказания или как реакция протеста, а затем превращаются в условно-рефлекторный стереотип [8].

В исследовании (*«Семья-3»)* выяснялось мнение респондентов по поводу причин широкого распространения бездомности и беспризорности в российских регионах и путей (средств) социальной реабилитации детского населения. В частности, в анкетах, заполненных подростками-учащимися**,** их родителями и экспертами**,** один из вопросов формулировался так: *«Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? Укажите главные, по 3–4 причины, в каждой группе причин».* Ниже приводятся ответы трех групп респондентов – табл. 1.

Таблица 1

Причины ухода детей из родительской семьи: мнение респондентов (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Причины ухода детей из родительской семьи	Группы		
	Учащиеся	Родители	Эксперты
Вариант I. «Виноваты» родители, семья			
У них сложная обстановка в семье (родители пьют, скандалят)	72	71	82
Жестокое обращение родителей с детьми	71	68	74
Их не понимают родители, живут «как чужие»	47	41	55
Появление в семье мачехи, отчима	37	30	39
Потеря родителей (смерть или заключение)	47	40	36
«Заставляет» нехватка денег в семье	21	31	23
У многих отсутствуют дома родители из-за частых командировок	7	9	11
Переезд семьи из другой местности с потерей жилья, работы	3	4	9
Вариант 2. «Виноваты» улица, школа, сами дети, подростки:			
Влияние на ребенка уличных приятелей	51	51	69
Приобщение к наркотикам, алкоголю	65	55	64
Желание пожить на свободе, без предписаний и правил	36	35	38
Виноваты сами подростки, их безволие и т.п.	33	37	32
Хотят подражать «крутым» ребятам и девушкам	31	29	30
Влияют преступные группировки подростков	38	26	26
У них проблемы с учебой в школе	24	37	47
Некорректная деятельность милиции	7	13	14

В одном из других наших исследований мы выяснили, что причиной помещения ребёнка в детский дом явилось «изъятие» ребёнка из родительской семьи по причине пристрастия к алкоголю не только его отца, но и матери. По признаниям опрошенных воспитанников ряда уральских детских домов, в каждой третьей семье их родителей постоянно пили не только отец, но и мать [9]. «С грустью надо сознаться, – писал замечательный русский адвокат А.Ф. Кони, – что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только в отсутствии семьи, но и в ее наличности». [10, с. 199]. Нетрудно видеть, насколько несовместим и непригоден для выполнения такой родительской миссии образ жизни многих семей, для которых обыденным проявлением активности выступают постоянные пьянки родителей, ссоры и драки между ними, превращение квартир в притоны для пьяных компаний [11]. «Главные условия, необходимые для нормального развития ребенка со стороны матери, – отмечал в свое время П.Ф. Лесгафт, – чистота, сдержанность, деятельная жизнь как в умственном, так и в физическом отношении» [12].

В исследовании *«Семья-3»* мы обратились к уральским экспертам с вопросом: *«Укажите, пожалуйста, какими чертами характера, качествами должны обладать родители, чтобы их ребенок не стал «трудным»?* Прежде всего, мы просили ответить по каждому столбцу (в отношении матери и отца). Предлагалось выбрать 5–8 вариантов. Результаты ответов респондентов приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Желаемые качества родителей: мнение экспертов (% от числа опрошенных экспертов – 230 чел.; в числителе – необходимые качества матери; в знаменателе – отца)

Качества родителей	Мать / Отец
Трезвенность	81 / 61
Хорошие, уважительные отношения друг с другом	81 / 83
Трудолюбие, ответственное отношение к работе	65 / 49
Справедливость	62 / 55
Доброта, любовь к своим детям, умение подходить к ним	60 / 61
Честность, совестливость	45 / 46
Умение создавать в семье материальный достаток	45 / 16
Хозяйственность, домовитость	28 / 44
Высокая образованность, культура	28 / 37
Умение мастерить, рукодельничать	22 / 15
Вежливость, тактичность	18 / 23
Общительность	16 / 20
Другие качества	18 / 19

Не правда ли, что эти данные могут служить своеобразным «компасом» в составлении программ занятий в так называемых «Родительских университетах», нашедших распространение в некоторых регионах РФ [13].

А как относятся к разводам молодые родители? В исследовании *(Семья-1)* молодым отцам и матерям (возраст семейной жизни – 3–5 лет) задавался вопрос «о допустимости» развода супругов при наличии у них ребенка (детей). Вот мнение молодых супругов (в большинстве своем родителей) о допустимости разводов в семьях, имеющих детей (% от общего числа опрошенных 2900 чел.)

– категорически не допускают – 17
– допускают по обстоятельствам – 64
– допускают, «это нормально» – 19

Дополнительный анализ, в частности, показал, что соотношение групп приемлющих и не допускающих развод при наличии детей в «молодых» семьях различного уровня детности практически идентично.

Вряд ли можно считать правильным, когда ошибки одного из супругов не поправляются его партнером, а усугубляются. Общеизвестна строчка из песни «За хорошей дружбою прячется любовь…». В противовес этому, в семейно-брачных отношениях, к сожалению, во многом справедливы и слова: «За хорошей ссорою прячется развод…»

Существует довольно расхожее мнение о том, что современная молодёжь, современные молодые семьи кардинальным образом отличаются от своих родителей и от их поведения в «семейной молодости». Дескать, «раньше молодые люди были и более терпимы, и добрее друг к другу, и более ответственно относились к своей семье, к детям, больше ценили мир и согласие в семье и старались не доводить дело до развода и т.д. и т.п. ». Так ли это? Обратимся к одному из наших исследований по проблемам стабильности молодых уральских семей, причин и поводов, разногласий и ссор в них, приводивших молодых отцов и матерей к «решению развестись».

Речь идёт о комплексном социологическом исследовании, проведённом нами по поручению Челябинского Обкома КПСС, в 1983 г. в г. Магнитогорске. Кратко о программе самого исследования. В его программу входили: а) опрос 690 молодых семейных супругов из так называемых «благополучных» городских семей[1]; б) экспертный опрос судей, по поводу характера прохождения (на момент опроса) 243 дел разводящихся пар в *трёх районных народных судах* города и в) проведение контент-анализа 2500 записей актов о расторжении браков в городе за 1965, 1970, 1975, 1980–1081 гг. Предмет исследования – изучение проблем дестабилизации семейно-брачных отношений, в частности, повышения показателя разводимости в молодых семьях горожан.

В частности, на каждое бракоразводное дело народному судье предлагалось заполнить экспертный листок-анкету. Последняя состояла из двух основных блоков вопросов. В первом – объективные социально-демографические данные о разводящихся супругах, выяснение которых производилось по сведениям, содержащимся в заявлении о расторжении брака. Второй блок содержал оценочные суждения, дополнительные сведения о причинах развода, возможных путях примирения, которые судья выяснял (или мог выяснить) в процессе судебного разбирательства. На эти вопросы должен был ответить судья сам лично, основываясь на свежих впечатлениях от законченного дела (после вынесения судом решения или прекращения дела по другим причинам).

Итак, из трех народных судов города нами была получена первичная информация о 243 завершенных бракоразводных делах. Какие же результаты мы получили в процессе оценки бракоразводных дел (табл. 3).

Таблица 3

Мнение судей о причинах разводов в уральских семьях, имеющих детей (% от общего числа экспертных оценок; в числителе – претензии истицы к мужу; в знаменателе – истца – к жене)

Претензии инициаторов развода к своему (ей) супругу (е)	% / %
Пьянство, алкоголизм	*78* / 12
Супружеские измены	*42 / 37*
Грубость, скандальность	*32 / 52*
Недостаточное участие в уходе за детьми и их воспитании	*32 / 52*
Утрата чувства любви	22 / 3
Недостаточное участие в домашней работе	21 / *37*
Невнимательность, равнодушие к супруге (супругу)	16 / 13
Встречи с друзьями (подругами), знакомыми вне семьи	14 / *42*
Эгоизм, себялюбие	13 / 10
Вредное влияние на детей	11 / -
Ревность	9 / 13
Неумение оградить семью от вмешательства родственников	8 / 13
Плохое отношение со стороны мужа или жены к родственникам супруги (супруга)	3 / 10

Итак, по мнению экспертов, основной причиной примерно каждых трех из четырех разводов (78%), которые совершались по инициативе женщины, являлось пьянство или алкоголизм мужчины. Характерно, что относительное число браков, расторгаемых по причине мужского пьянства, практически не менялось в различных возрастных группах. Сразу же отметим, что в большинстве случаев женщины указывали на пьянство в совокупности с другими при-

[1] К числу «благополучных» семей социологи относили супружеские пары, в которых молодые отцы и матери оценивали свои отношения с супругом (супругой) как «нормальные», не дающие повода к разводу.

чинами. В значительной части дел (около 50%) женщины указывали целый комплекс причин, на основании которых они считают продолжение своей супружеской жизни невозможным. Если оценивать результаты экспертизы в целом, то, по мнению судей, большинство браков в г. Магнитогорске распадалось по вине мужчин. Соотношение указанных судьями причин вины мужа и вины жены составляло примерно пропорцию 2:1 [14].

Было бы, очевидно, неправильным то или иное поведение или качество одного из супругов относить лишь на его счет, полностью вменять ему в вину распад семьи. Покажем на примере возможную сложность выяснения причинно-следственных связей деформации внутрисемейных отношений. Утрата чувства любви и эмоциональная холодность жены по отношению к мужу могли возникнуть по причине фиксации у мужа случайной любовной связи, которая произошла из-за чрезмерного употребления алкоголя. Последнее, в свою очередь, могло возникнуть на почве ревности к супруге, из-за ослабления ее внимания к мужу после рождения ребенка. Однако в поисках истинной первопричины антисемейного поведения необходимо помнить, что те или иные качества личности, ее поступки по отношению к семье не могут быть полностью объяснены какими-либо обстоятельствами или неблагоприятным поведением одного супруга. В строительстве семейных отношений участвуют, как правило, двое. Вряд ли можно считать правильным, когда ошибки одного из супругов не поправляются его партнером, а усугубляются [15].

Вышесказанное позволяет нам делить все личностные причины развода на две основные группы: а) зависящие по преимуществу от самого человека (например, такие черты характера, как скандальность, сварливость, скупость,- или поступки – наличие любовной связи, увлечение алкоголем и т.п.); б) зависящие от его супруга (например, утрата уважения к партнеру, сексуальная неудовлетворенность и т.д.). Естественно, что борьба за искоренение «антисемейной» причины, отнесенной нами условно к первой группе, является в большей мере прерогативой самой личности. Наличие негативной черты характера или стиля поведения одного супруга, неприемлемых для другого, может предполагать три основных пути решения внутрисемейного противоречия:

во-первых, категорическое неприятие с последующей постановкой ультиматума «или – или» (второе «или» предполагает развод);

во-вторых, примирение с существующим положением вещей во имя сохранения более существенных (с позиций неудовлетворенного супруга) семейных ценностей;

в-третьих, конструктивная позиция супруга, направленная на исправление поведения, черт характера спутника жизни.

В какой-то мере эти три пути присутствуют в реальных семейных взаимоотношениях. Нашим молодым супругам в анкетах задавался вопрос: «Пытались ли Вы изменить некоторые черты характера или поведения супруги (а), которые ВЫ не одобряете?» Были получены следующие ответы, % от общего числа ответивших (606 чел.):

– этого не требовалось – 23
– пытался (ась) изменить – 70
– не пытался (ась) изменить – 7

Итак, большинство опрошенных супругов, будучи неудовлетворенными *(полностью или частично)* поведением супругов, занимали активную воспитательную позицию. Каковы же результаты этой педагогической деятельности? В нашей анкете также спрашивалось: *«Если пытались изменить поведение супруга, то какого результата Вы достигли?»* Ответы на этот вопрос распределились следующим образом, % от общего числа ответивших:

– произошло изменение в лучшую сторону – 38
– изменение не значительное – 45
– изменений нет – 17
– поведение изменилась в худшую сторону – 0

Характерно, что ни один из ответивших супругов не признал отрицательного последствия своих педагогических воздействий на супруга и, соответственно, не подчеркнул последний предлагаемый нами в анкете вариант. Однако и те, кто оценили положительно свое воздействие на супруга, оказались в меньшинстве. Большинство же молодых супругов признают, что их попытки переделать характер супруга, пересилить его отрицательные привычки, вкусы и т. д. не принесли ощутимых результатов, а 17% признали, что таких результатов практически нет.

Кстати, в исследовании ***(«Семья-2»)*** , проведённом нами в 2005 г. *(то есть спустя, практически, 30 лет после магнитогорского опроса)* на вопрос анкеты *«Можно ли путем ссор перевоспитать мужа (жену)?»* ответы молодых супругов распределились на три, неравные группы (% от общего числа опрошенных – 880 чел.)

Да, возможно	22	***«Оптимисты»***
Можно, но не всегда	50	***«Реалисты»***
Считаю, что нельзя	28	***«Пессимисты»***

Установление внутрисемейного мира, предотвращение атмосферы, способствующей утверждению обоюдного мнения о необходимости развода, зависят во многом, если не в основном, от такта супругов в общении друг с другом, умения сопереживать, понимать близкого человека, уважать его достоинство, щадить самолюбие. Между тем в настоящее время многие молодые семьи страдают от психолого-педагогической некомпетентности в отношениях друг с другом. В анкете молодым супругам из Магнитогорска предлагался вопрос*: «Как часто случается Вам высказывать претензии супруге (супругу) при посторонних: друзьях, родственниках и выслушивать критические замечания от супруги (супруга)?»* Из 504 человек, ответивших на этот вопрос, 59% высказывают такие претензии супругу (причем 11% подчеркнули графу «довольно часто»). Примерно такое же относительное число наших респондентов признали, что подобные претензии им приходится выслушивать от своей жены (мужа) 53 и 10%, соответственно.

Развитие супружеских конфликтов, разрушающих молодую семью *(в равной мере это относится и к более зрелым семьям)*, во многом зависит от характера отношений и преимущественного лидерства одного из супругов. Переход от традиционного безусловного главенства мужа, свойственного старым патриархальным семьям, к более демократическим отношениям супругов нарушил веками сложившийся паритет внутрисемейных ролей. Подчеркивая непререкаемую власть мужчины (отца) в семье в прошлом, А.С. Макаренко писал: «Отец! Это центральная фигура истории! Хозяин, начальник, педагог, судья и иногда палач, это он вел семью со ступеньки на ступеньку, это он, собственник, накопитель и деспот, не знавший никаких конституций, кроме божеских, обладал страшной властью...». [16, с. 47].

Разумеется, характер лидерства в современной семье далек от такой ортодоксальной традиционности в отношениях, однако реальное главенство в семьях пока еще носит довольно рельефный характер. При этом в различных группах семей мы можем встретить целый спектр типов главенства – от «жесткого патриархата» до «жесткого матриархата». Нашим экспертам – судьям мы предлагали оценить характер отношений в семье, представшей перед судом по делу о разводе, и соотнести их с пятью основными типами лидерства:

– «жесткое» главенство мужа (ЖГМ);
– «мягкое» главенство мужа (МГМ);
– равноправие и демократизм (РД);
– «мягкое» главенство жены (МГЖ);
– «жесткое» главенство жены (ЖГЖ).

Мы сознаем, что поставили перед судьями довольно сложную задачу. Ее решение осложнялось не только недостаточностью информации о прошлых отношениях супругов (в процессе судебного разбирательства эти отношения, вполне понятно, деформировались в той или иной степени). Во многом проблематичной и субъективной оставалась сама возможность отнесения тех или иных супружеских отношений к предлагаемым пяти типам. Принимая во внимание эти сложности, посмотрим все же, какую оценку дали судьи разводящимся парам. Из 243 рассмотренных дел по параметру «лидерства» были оценены 180 (74%) пар, % от общего числа дел, которым была дана оценка: ЖГМ-33; МГМ-9; РД-23; МГЖ,-19; ЖГЖ-16.

Учитывая известную условность и наибольшую возможность ошибки при классификации отношений на «жесткое» и «мягкое» главенство, при дальнейшем анализе выдвигаемых причин развода мы разделили все обследованные семьи по характеру лидерства на три группы, % от общего числа дел, оцененных экспертами:

– главенство мужа (ГМ) – 42
– равноправие и демократизм (РД) – 23
– главенство жены (ГЖ) – 35

Экспертные оценки о наиболее распространенных причинах развода в этих трех группах семей свидетельствуют о значительных отличиях относительной частоты различных причин развода в группах семей с разным типом отношений. Характерно, что в группах семей с полярными типами отношений пьянство и жестокость мужа по отношению к жене чаще являются причиной развода, чем в семьях, где до разлада доминировали отношения равенства и демократизм. В то же время в последних чаще причиной развода выступает утрата чувства любви и сопутствующая этому супружеская неверность.

Для работников, занимающихся проблемами городской семьи, не может не представлять интерес информация о характере супружеских отношений, непосредственно предваряющих решение одного из супругов о разводе. Вот что показал опрос экспертов. Приходу супругов в ЗАГС для развода предшествовали, % от общего числа обследованных пар (243):

– «эмоциональный развод» (утрата любви и взаимопонимания, появление отчуждения) – 33
– «физический развод» (прекращение супружеских отношений без разъезда) – 31
– временный разъезд супругов, резкий уход одного из них в результате конфликтной ситуации – 26
– «пробный развод» (разделение супругов и разъезд, как правило, объясняемые желанием пожить отдельно, проверить свои чувства и т. д.) – 10

Отношения, классифицируемые нами как «физический» и «эмоциональный развод», встречаются несколько чаще в группе семей, отличающихся главенством жены (так, «эмоциональный развод» в группе семей типа ГМ наблюдался в 33% случаев, а типа ГЖ – в 40%), в свою очередь чаще, чем в браках с главенством мужа или жены в равноправных супружеских союзах (РД) встречаются «пробный развод», а также имущественные и денежные притязания. Временный же разъезд, связанный, как правило, с резким, не продуманным до конца поступком одного из супругов (чаще всего жены), наиболее редок в тех брачных союзах, где главенствует супруга.

Важнейшим условием прочности супружеского союза является половая удовлетворенность супругов, их взаимное половое влечение. Обследование магнитогорских молодых семей показало, что 26% опрошенных считают сексуальную гармонию главным условием прочного, счастливого брака. Говоря о влиянии сексуальной гармонии на стабилизацию семейных отношений, важно помнить о диалектичности этого феномена. Прав, на наш взгляд, польский ученый К. Имелинский, который пишет, что «...неналаженная половая жизнь отрицательно отражается на супружеских отношениях вообще, приводя к серьезным разногласиям даже между любящими друг друга людьми. И наоборот, супружеские конфликты самого разного характера отрицательно сказываются на половой жизни» [17, с. 188].

В нашем магнитогорском исследовании была сделана попытка выяснить, как влияет на решение супругов о разводе прекращение между ними интимных отношений. В анкете эксперта мы просили судью уточнить, как долго (до момента подачи заявления) разводящиеся не жили интимной супружеской жизнью. Вполне понятно, насколько сложен этический аспект выяснения подобных сведений. И все же наши эксперты посчитали возможным выполнить

эту задачу при ведении 180 бракоразводных процессов, что составляет 74% всех обследованных дел. Была выявлена следующая зависимость периода прекращения интимных отношений до подачи заявления о разводе от типа лидерства в семье (табл. 4).

Таблица 4

Период прекращения интимных отношений молодых супругов до подачи заявления о разводе в различных типах семей % от общего числа полученных ответов по каждой группе

Период семейной жизни от прекращения интимных отношений до подачи заявления о разводе в ЗАГС	Группы			
	Все опрошенные	По типу главенства		
		ГМ	РД	ГЖ
Имели отношения вплоть до подачи заявления	3	8	–	2
Прекратили отношения за период:				
– до одного месяца	16	14	15	12
– от одного до трех месяцев	16	12	15	19
– от трех до шести месяцев	17	10	30	21
– от шести до 12 месяцев	19	28	15	17
– от года до 2-х лет	11	8	3	4
– свыше 2-х лет	18	20	22	25

Данные свидетельствуют о том, что вопросы половых отношений и развода разные группы дестабилизировавшихся семей решают по-разному. Для одних духовная дестабилизация семьи означает, как правило, и прекращение интимных отношений, для других эти два вопроса практически не взаимосвязаны. Последняя ситуация была характерна прежде всего для семей, где главенствует муж. Из этой группы 8% имели интимные отношения накануне подачи заявления о разводе в ЗАГС. Общественная практика свидетельствует, что нередки случаи, когда супруги подают заявление о разводе слишком поспешно, не взвесив все «за» и «против», не попытавшись нейтрализовать те причины, факторы, которые легли в основу мотивации о расторжении семейного союза. Именно для такой части разводящихся пар важна профилактическая примиряющая деятельность работников суда, в первую очередь – народного судьи, ведущего дело [18, 19].

Подведём некоторый итог. В начале статьи мы привели ответы молодых супругов на вопрос анкеты: «Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?» Лишь каждый четвёртый респондент (23%) отметил вариант *«Да, наверное, можно».* Подавляющее же большинство опрошенных молодых супругов считают, что *«Ссоры иногда необходимы»* – 52% или вариант *«Без ссор не бывает семейной жизни»* – 25%. У нас нет достаточных оснований не признать того обстоятельства, что в настоящее время феномен супружеской ссоры является, практически, «обязательным» атрибутом семейного строительства. В нашем случае, речь идёт, прежде всего, о молодых уральских семьях. Встаёт вопрос: «Ссоры и семейные конфликты – это новое приобретение института семьи или его «родовое» наследие?».

Как свидетельствует история, возраст семейных конфликтов такой же, как и возраст самого института семьи – этого уникального института человеческого взаимодействия. И сегодня речь, очевидно, должна идти не о поиске эффективных *(кардинальных)* средств и способов «изживания» ссор и конфликтов из семейного обихода. Нужно учиться, прежде всего, профилактике «мирных» семейных отношений – это, *во-первых*. А, *во-вторых,* важно использовать созидательный потенциал межличностного общения между членами семьи в поисках удовлетворительного разрешение возникающих противоречий и, главное*, во благо сохранения семейного союза и его ценностей.*

Список литературы

1. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 121–131.
2. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
3. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи: учеб. пособие. Часть 2. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 297 с.
4. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. – № 3. – С. 58–69.
5. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. – http://www.b-port.com/news/item/93504.html
6. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
7. Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Иванова В.Ф. и др. Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации «трудных». – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН, 1997.
8. Павлов Б.С. Семейное неблагополучие – базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.
9. Павлов Б.С. Детские дома в России: опыт ретроспективно-прогностического анализа (На материалах социологических исследований). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. – 450 с.
10. Кони А.Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Статьи и заметки. Судебные речи. – М.: Изд. юрид. лит., 1958.
11. Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация): автореф. дис.…д-ра социол. наук. – Ростов н/Д, 2007.
12. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. – http://nashaucheba.ru/v35191
13. Павлов Б.С., Разикова Н.И. Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия: журнал научных публикаций. – Екатеринбург, 2012. – № 10. – С. 110–119.
14. Павлов Б.С., Иванова В.Ф., Ишутина Т.А. Социологическая фамилистика на Среднем и Южном Урале в 70–90-е годы: к истории вопроса // Известия Уральского государственного экономического университета. 2001. – Т. 4. – С. 152–161.

15. Павлов Б.С. Опыт исследования причин дестабилизации семей // Развитие и стабилизация молодой семьи. (Конкретно-социологическое исследование): Сб. научных трудов. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – С. 90–103.
16. Макаренко А.С. Книга для родителей. – М.: Госучпедиздат РСФСР, 1950. – 250 с.
17. Имелинский К. Психогигиена половой жизни: Пер с польского. – М.: Медицина, 1973.
18. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
19. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи. Часть 2. Учебное пособие. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 297 с.

Плетнева М.В.
соискатель РАНХиГС
pletneva-m@yandex.ru

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова*: гражданское общество, социальная активность, граждане, демократия, некоммерческие организации, НКО, третий сектор, социально-ориентированные организации, добровольчество, общественный контроль, активная гражданская позиция.*

Keywords: *civil society, social activity, citizens, democracy, non-profit organizations, NGOs, the third sector, socially-oriented organizations, volunteerism, public control, active civic position.*

Становление гражданского общества и его взаимодействие с государством в текущей политической практике и теоретических исследованиях в современной России считается одной из важнейших задач для качественно новых изменений в политической системе государства. Именно наличие институтов гражданского общества определяет степень демократического состояния общества и там, где они отсутствуют, существует деспотизм государства, а общество страдает от разобщенности.

Исследования показывают, что на протяжении всей многовековой истории ученые не смогли прийти к единому мнению о понятии «гражданское общество». На сегодняшний день существует множество трактовок и интерпретаций данного феномена, в том числе и диаметрально противоположных. Такой разброс во мнениях и взглядах исследователей можно объяснить длительной эволюцией общественно-политической мысли рассматриваемого понятия. Считается, что такая ситуация говорит о сложности и многоаспектности самого понятия, а также отражает незавершенность процесса познания указанного феномена.

Эксперты по-разному оценивают уровень сформированности и степень влияния российских институтов гражданского общества на власть: от отрицания самого факта наличия системного и структурированного гражданского общества до признания в России факта значительных позитивных сдвигов в этой области и утверждения о возникновении нового, демократического консенсуса между властью и обществом.

В данной работе под гражданским обществом понимается сообщество активных граждан, которые добровольно объединяются в различные организации и устанавливают между собой разнообразные отношения для реализации своих интересов. Тем самым они обеспечивают целенаправленное развитие общества без вмешательства государства как политической властной силы. Благодаря внутренним источникам саморазвития, независимым от государства, гражданское общество способно ограничивать властную деятельность государства.

Функционирование гражданского общества в стране зависит от социальной активности граждан и их инициативы. Если в стране сами граждане активны и проявляют инициативу, а государство поддерживает эту активность, при этом оно не вмешивается в процесс самоорганизации граждан, то можно говорить о развитом или функционирующем гражданском обществе в этой стране.

Начиная с 2001 года руководство нашей страны уделяет большое внимание развитию гражданского общества. В частности Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Посланию 2003 года отмечает: «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией»[1].

Действительно, гражданское общество помогает решать государству различные задачи. К примеру, социально-ориентированные некоммерческие организации, а к ним относятся те НКО, которые занимаются решением социальных проблем и развитием гражданского общества, берут на себя часть функций государства.

На сегодняшний день в Российской Федерации зарегистрировано 224,5 тысяч НКО, из них более 140 тысяч – социально ориентированные (СО НКО). Но активны только 10–15% от общего числа НКО[2]. В ежегодном докладе Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в РФ за 2016 год» отмечалось, что среди действующих СО-НКО около трети оказывают благотворительную помощь нуждающимся, социально незащищенным группам граждан и людям, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах, чуть меньше занимаются деятельностью в сфере защиты прав и свобод человека, правовым просвещением, участвуют в организации добровольческого движения. По данным экспертов, услугами НКО при решении различного рода социальных проблем пользуется около 15% населения страны, то есть более 20 млн. человек[3]. Благодаря работе СО-НКО активно развивается волонтерство и добровольчество. Так, около 2444 тыс. Добровольцев приняло участие в работе этих организаций. Что напрямую спо-

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2003 г. – http://kremlin.ru/acts/bank/36352

[2] Роль «третьего сектора» экономики в социально-экономическом развитии страны. – http://tass.ru/pmef-2017/articles/4274113

[3] Никовская Л.И., Якимец В.Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 5. – С. 38.

собствует консолидации населения для решения различных проблем. По данным исследования И.Мерсьяновой более чем на 70% возросло число людей готовых участвовать в добровольческой деятельности. Если в 2014 году было 29% из опрошенных, то в 2017 это число составило 50%[1].

Исследования показывают рост масштабов благотворительности в России. Готовность помогать деньгами возросла с 33 до 47% , что и подтверждает британский фонд GAF (Фонд поддержки и развития филантропии). По данным исследования, 50% россиян совершали в течение года денежные пожертвования благотворительным организациям. Средняя сумма пожертвования составляет более 3,8 тыс. рублей (3,3 тыс. рублей в 2015 году). Исходя из этой суммы и числа взрослого городского населения, авторы исследования делают вывод о том, что общая сумма средств, пожертвованных россиянами в НКО в год, составляет около 143 млрд. рублей. Также в исследовании говорится, что за последний год количество людей, жертвующих более 5 тыс. рублей, увеличилось в 2 раза[2].

Государство активно включается в деятельность по сотрудничеству с институтами гражданского общества. Сотрудничество, прежде всего, развивается с организациями гражданского общества, которые надлежащим образом оформлены юридически, и деятельность которых связана с социальной сферой. Также наблюдается, что объем финансирования социально-значимых проектов увеличивается год от года. Так, если в 2008 году это сумма составляла 1,5 миллиарда рублей[3], то в 2017 году для государственной поддержки НКО планировалось выделить сумму в размере 4,32 миллиарда рублей[4].

Гражданское общество может способствовать ограничению власти чиновников, в том числе осуществлять контроль и вести борьбу с правонарушениями власть предержащих. Мероприятия общественного контроля проходят в самых разных областях жизнедеятельности общества: сегодня на выборах любого уровня (а уж тем более федерального значения) присутствуют общественные наблюдатели. Общественный контроль ведется за деятельностью управляющих компаний, за содержанием лиц в местах лишения свободы, за ходом проведения ЕГЭ, за потребительским рынком.

Из доклада Общественной палаты о состоянии гражданского общества за 2016 год становится ясно, что основным трендом «в развитии гражданской активности в нашей стране стал рост низовой неформализованной активности»[5]. Это находит свое подтверждение в работе И.В. Мерсияновой, директора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, согласно которой только 35% граждан участвовали в формальной добровольческой деятельности, через организацию, остальные 65% – в неформальной[6].

Такую тенденцию можно объяснить тем, что гражданские инициативы достаточно часто проходят «сверху», в связи с чем наблюдается отсутствие доверия к ним. Поэтому граждане предпочитают объединяться в неформальные движения для достижения каких-либо целей.

На сегодняшний день эффективно работающих активистов можно встретить практически во всех сферах деятельности: экологии, просвещении, обустройстве территории, а так же в различных клубах по интересам. Хочется отметить, что граждане все чаще занимают активную гражданскую позицию в различных конфликтных ситуациях. Примером может служить: защита памятников архитектуры, платные парковки в Москве, внедрение системы «Платон», снос или реновация пятиэтажек в Москве. Например, благодаря активным действиям граждан из программы реновации были исключены 40 районов старой Москвы и 15 поселений новой, были внесены существенные изменения в принимаемый закон о так называемой реновации, защищающие интересы граждан.

Гражданское общество содействует формированию устойчивых, удобных и эффективных каналов коммуникаций граждан с властью. В качестве эффективной площадки обратной связи зарекомендовали себя различные общественные форумы. Например, «Форум действий» Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» (ОНФ), который проходит при участии Президента РФ В.В. Путина. Площадкой общественно-государственного диалога в последние годы выступает также Общероссийский гражданский форум. В 2016 году на форуме работали 14 экспертных площадок, включая «Местное самоуправление», «Общественный контроль», «Качество социальной помощи», «Права потребителей» и др.». Высоко оценивая значимость подобных мероприятий, хочется всё-таки отметить, что они ориентированы не столько на развитие демократических практик, сколько на демонстрацию эффективности вертикали власти и создание положительного имиджа общенационального лидера.

Актуальным является Общероссийский гражданский форум, организованный комитетом Гражданских инициатив.

На Первом форуме (2013 г.) присутствовали около 900 чел. из 83 регионов нашей страны, которые в тематических группах обсуждали наиболее актуальные проблемы в развитии гражданского общества. Стоит отметить, что в отличие от Всероссийского гражданского форума данный форум был проведен по инициативе «снизу» и представители власти на него не были приглашены. Это было принципиальное решение организаторов, так как форум должен был

[1] Мерсиянова И.В. Волонтерство и участие россиян в деятельности НКО и гражданских инициатив. – https://grans.hse.ru/06_04_2017

[2] Россияне пожертвовали в НКО более 140 млрд. рублей в 2016 году // РИА Новости. – https://ria.ru/disabled_know/20161101/1480406903.html

[3] Государственная поддержка общественных организаций должна сохраниться. – http://www.interfax.ru/presscenter/42911

[4] Государственная поддержка некоммерческих неправительственных организаций в 2017 году. – https://ucivic.ru/p-grants/

[5] Доклад Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества за 2016 год. – https://www.oprf.ru/files/1_2017dok/Doklad_OPRF_2016_11012017.pdf, с. 6-7

[6] Мерсиянова И.В. Волонтерство и участие россиян в деятельности НКО и гражданских инициатив. – https://grans.hse.ru/data/2017/04/07/1168282450/Мерсиянова%2006.04.2017%20на%20сайт.pdf

стать площадкой прежде всего для представителей самого гражданского общества. Одной из основных задач форума является создание и активизация горизонтальных связей гражданского общества современной России.

В 2017 году прошел уже 5-й Общероссийский гражданский форум, который был посвящен России будущего. На нем обсуждались различные изменения, которые могли бы быть инициированы и реализованы гражданским обществом. В частности было сделано заявление, в котором говорилось о важности развития гражданского общества, т.е. о создании среды, построенной на горизонтальных связях активных людей, заменяющих устаревшие иерархические связи. В документах форума было отмечено: «мы должны начать действовать на основании базового принципа – стремления к максимальному раскрытию человеческого потенциала и расширению пространства для любой конструктивной инициативы. Сегодня, когда богатство природных и дешевизна трудовых ресурсов уже не могут служить драйверами экономики, будущее России зависит от другого капитала – человеческого. Это таланты и компетенции наших граждан, их способность и готовность брать на себя ответственность, экспериментировать»[1].

В то же время на форуме были представлены концепция реформирования местного самоуправления, предложения по развитию особо охраняемых природных территорий, успешные технологии и практики по развитию городских и сельских сообществ, также был сделан призыв к участию в общественном наблюдении за выборами Президента РФ 2018 года.

Однако, несмотря на то, что гражданская активность возрастает, стоит отметить, что около 50% граждан все еще не готовы принимать участие в деятельности каких-либо общественных организаций и гражданских инициатив на добровольной основе, не получая вознаграждения. Согласно общественным опросам:

1% – приняло бы участие в деятельности политических партий,

1% – в деятельности правозащитных организаций,

6% – экологических организаций,

2% – местных инициативах по защите прав и интересов жителей.

58% – за последний год не выполняли никакую неоплачиваемую работу в интересах других лиц[2].

К причинам низкого уровня гражданского участия, на наш взгляд, относятся:

– доминирование в массовом сознании государственно-патерналистских установок, а также неверие в результативность гражданских инициатив и действий;

– недостаточное понимание людьми роли общественных объединений и организаций;

– недостаток гражданского образования как руководителей и активистов общественных объединений и организаций, которые не достаточно компетентны в организации совместных действий, в ведении переговоров, публичных выступлениях, подготовке обращений, так и рядовых граждан, которые, как правило, не знают своих прав и алгоритмов действий, в том числе и коллективного характера, в случае их нарушения.

– порядок формирования отдельных институтов гражданского общества, заложенный законодательно, не способствует их становлению как действенного инструмента связи государства и граждан.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что на сегодняшний день происходит рост гражданских инициатив и укрепление институтов гражданского общества. Сегодня Российская Федерация как никогда нуждается в более активной деятельности собственных граждан, а для этого необходимо развитие института ценностей современного гражданина путем формирования базиса, основанного на духовно-нравственных устоях данного общества, в котором надо сделать акцент на таких ценностях как культура труда, самоорганизация, нравственность, патриотизм.

Свидетельством реально существующего гражданского общества будет действительная выборность представителей власти, информационная прозрачность расходования бюджетных средств, а также сокращение числа чиновников и ослабление их роли в управлении страной, в том числе и передача их функций общественным организациям.

[1] Материалы 5-го общероссийского гражданского форума. – https://civil-forum.ru/forums/2017/materialy-foruma/

[2] Мерсиянова И.В. Волонтерство и участие россиян в деятельности НКО и гражданских инициатив. – https://grans.hse.ru/data/2017/04/07/1168282450/Мерсиянова%2006.04.2017%20на%20сайт.pdf

Романова А.А.
к.э.н., доцент Орловского государственного университета
anna-r@lenta.ru
Романов П.А.
магистрант Орловского государственного университета
r-peter@mail.ru

РОЛЬ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: *инновации, качество жизни, мобильные деньги, M-PESA.*
Keywords*: innovations, quality of life, mobile money, M-PESA.*

В настоящее время считается общепризнанным, что основой конкурентоспособности современной экономики является инновационная деятельность, обеспечивающая создание, использование и распространение новых технологий. Как правило, страны, лидирующие в инновационных рейтингах, имеют высокий уровень экономического развития и, как следствие, качества жизни населения. Действительно, первые места в Глобальном инновационном индексе[1] Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) традиционно занимают Швейцария, Швеция, Нидерланды, США, Великобритания, Финляндия и Германия,- страны, имеющие высокий уровень ВВП на душу населения.

Тем не менее, в некоторых случаях возникает парадокс: иногда именно в развитых странах наблюдается настороженное отношение к новшествам. В качестве примера можно рассматривать историю запретов и ограничений, связанных с инновационным сервисом Uber, предоставляющим услуги такси. В течение 2014–2017 гг. деятельность Uber сталкивалась с проблемами во Франции, Финляндии, Дании и Тайване[2], а осенью 2017 года мэрия Лондона не продлила лицензию компании в столице Великобритании.

С одной стороны, клиенты во многих случаях предпочитали более дешевые услуги Uber, не нанимающей водителей и не имеющей своего автопарка, и, как следствие, доходы традиционных операторов такси существенно сокращались, что стало причиной их недовольства и обвинений Uber в недобросовестной конкуренции. С другой, использование в качестве водителей частных лиц на собственных машинах не всегда могло обеспечить должную безопасность пассажирам, и не соответствовало требованиям к операторам такси.

Можно ли однозначно рассматривать протесты водителей традиционных такси против Uber как стремление ограничить выбор потребителей и противодействие инновациям? Очевидно, эффект от инноваций не всегда может быть положительным для всех, кого они затрагивают. Показательно, что известный американский экономист Нассим Талеб одной из самых серьезных современных угроз человечеству признавал неолуддитов: «Прогресс не приносит людям того, что им хотелось бы, и очень многие превращаются в ультраконсерваторов, начинают бороться с наукой и социальными реформами»[3].

Очевидно, решение проблем, возникающих при реализации инноваций, – одна из важнейших задач государственной политики, обеспечивающей баланс общественных интересов. Так, противоречие между новой моделью организации бизнеса, позволяющей существенно снизить затраты, и традиционной формой ведения дел в большинстве случаев разрешалось государственным вмешательством: уточнением требований к оборудованию автомобиля и лицензированию водителей, привлекаемых Uber.

Эксперты Всемирного банка в Докладе о мировом развитии за 2016 год, посвященном цифровым технологиям, констатировали, что в большинстве случаев новые технологии «стимулировали экономический рост, создавали возможности и повышали эффективность оказания услуг», но в то же время «совокупный эффект от их использования оказался слабее ожидаемого и распределялся неравномерно»[4]. Для того чтобы инновации стали средством улучшения качества жизни наиболее нуждающихся, новейшие технологии должны дополняться совершенствованием законодательной базы и инвестициями в человеческий капитал. Очевидно, это возможно только при оптимальном балансировании интересов государства (прежде всего, в рамках социальной политики) и компаний-участников инновационных процессов.

[1] http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf
[2] https://www.rbc.ru/photoreport/13/07/2017/596762999a79477da1eed4c5
[3] Нассим Талеб: «Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью». – https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c
[4] Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды» / Всемирный банк, Вашингтон. – https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf?sequence=16

Зачастую логика развития технологий приводит к сокращению низкоквалифицированных рабочих мест в инновационных отраслях. Так, в течение 2017 года происходили массовые увольнения программистов «ограниченной квалификации» в Индии[1]. На протяжении последних двух десятилетий индийский сектор информационных технологий Индии развивался быстрыми темпами за счет аутсорсинга, обеспечивая работой свыше 4 миллионов человек, которые писали и тестировали программное обеспечение, вводили и анализировали данные, обеспечивали поддержку клиентов американских и европейских компаний, привлекаемых низким уровнем зарплат в Индии. Для многих небогатых индийцев работа в отрасли стала своего рода «социальным лифтом», дав возможность считать себя «средним классом». В целом же сектор информационных технологий и связанные с ним компании создают доход, превышающий 150 млрд. долларов США в год.

Влияние автоматизации и развитие искусственного интеллекта в настоящее время приводят к ликвидации некоторых видов работ, но в дальнейшем позволят создать новые рабочие места. Однако отсутствие необходимой квалификации становится причиной уязвимости для тысяч работников, ныне занятых в сфере информационных технологий. Исследование индийской Национальной ассоциации компаний программного обеспечения и сервиса и McKinseyIndia, проведенное в 2015 году, показало, что от 50 до 70% навыков работников отрасли будут не востребованными к 2020 году[2]. Очевидно, что сохранение конкурентных позиций индийских компаний в сфере программного обеспечения потребует существенных расходов на повышение квалификации специалистов, что может стать серьезной проблемой для работников из бедных семей.

Влияние инновационных процессов на социальную сферу во многом определяется их скоростью. Как отмечает профессор Калестус Джума в книге «Инновация и ее противники. Почему люди сопротивляются новым технологиям»: «Исторически технические инновации были медленным процессом. Сегодня же множество новых инженерных решений появляются быстрее, чем общество создает дополнительные институты для их регулирования»[3].

Очевидно, что эффективная инновационная политика, как на государственном, региональном уровнях, так и на уровне отдельной компании должна учитывать социальные риски – обратную сторону технического прогресса. В то же время, глобализация способна существенно повлиять на инновационные процессы в отдельной стране, создавая новые возможности для внедрения новых технологий за счет международного движения капитала. К. Джума, приводя в качестве примера Китай, «совершивший скачок в некоторых технологиях», подчеркивает, что «развивающемуся миру потенциально доступны научные и технические знания, которые развитые страны получили на ранних стадиях индустриализации»[4].

Таким образом, глобализация может дать возможность получить положительный эффект от инноваций и развивающимся странам, создающим условия для использования новых технологий. Примером реализации такой политики можно считать опыт Кении, где за 10 лет была создана и успешно развивалась система мобильных платежей M-PESA, чья деятельность в настоящее время уже вышла за национальные границы.

История M-PESA в Кении началась в марте 2007 года, спустя год, в апреле 2008 года она стала доступна пользователям в Танзании, а в период с 2012 по 2015 гг. – в Демократической Республике Конго, Мозамбике, Индии, Лесото, Египте, Румынии, Албании и Гане.

Safaricom, кенийский оператор сотовой связи – дочерняя компания британской телекоммуникационной группы Vodafone Group PLC, первоначально разрабатывала M-PESA в качестве платформы, обслуживающей микрокредитование, однако практически сразу ее функционал был расширен, и M-PESA стала системой денежных переводов. Рекламная кампания под слоганом «Отправь деньги домой» оказалась очень эффективной в Кении, где значительная часть населения работает в крупных городах, высылая часть заработка семьям в провинции.

К началу 2013 года более трети населения Кении использовали эту платформу для оплаты счетов за электричество, школьных сборов. Среди ее несомненных достоинств – удобство и простота использования на основе меню, доступного для любого мобильного телефона. Более того, мобильный оператор постоянно повышает качество услуг – так, в декабре 2017 года в M-PESA был добавлен ряд голосовых функций, позволяющих слабовидящим проверять остатки средств на счетах до и после совершения операций[5].

Развитие M-PESA можно рассматривать в качестве примера реализации инновации, способствовавшей улучшению качества жизни не только непосредственных участников инновационного процесса, но и связанных с ними людей. Успех M-PESA стимулировал появление новых услуг и товаров, а также форм сотрудничества с финансовыми институтами, в том числе и с традиционной банковской системой.

В 2012 году Safaricom совместно с Коммерческим Банком Африки (CBA) предложил новые услуги по микрокредитованию и сбережениям на платформе M-PESA-M-Shwari, что в переводе с суахили означает «спокойствие»[6]. По сути, это безбумажная банковская услуга, позволяющая управлять сберегательным счетом M-Shwari через мобильный телефон, перемещая средства со счета M-PESA, получая проценты на сбережения, а в случае необходимости –

[1] Nida Najar. Indian Technology Workers Worry About a Job Threat: Technology // The New York Times. 2017. – June 25. – https://www.nytimes.com/2017/06/25/business/india-outsourcing-layoffs-automation-artificial-intelligence.html?mtrref=feedly.com&mtrref=www.nytimes.com

[2] Ibid.

[3] Juma C. Innovation and Its Enemies. Why People Resist New Technologies. Oxford University Press, 2016. – P.12.

[4] Ibid., p.13.

[5] https://www.mobileworldlive.com/money/news-money/safaricom-adds-voice-control-to-m-pesa/

[6] https://www.economist.com/news/finance-and-economics/21574520-safaricom-widens-its-banking-services-payments-savings-and-loans-it

пользуясь овердрафтом. Минимальная сумма сбережений для участия в программе – 500 кенийских шиллингов (примерно 4,9 доллара США). Очевидно, что подобное предложение представляет интерес для беднейших слоев населения, лишенных доступа к традиционным банковским услугам, и является удобной и безопасной альтернативой неформальным сбережениям и кредитам. За пять лет существования M-Shwari было выдано кредитов на 230 млрд. кенийских шиллингов (примерно 2,23 млрд. долларов США), средний кредит на одного клиента – сумма, эквивалентная 32 долларам США, а накопленные сбережения клиентов на начало декабря 2017 года – 12,6 млрд. кенийских шиллингов (122,3 млн. долларов США)[1]. Следует отметить, что, кредитуя и обслуживая малый и микробизнес, M-Shwari играет важную роль в сокращении бедности.

Политика Safaricom способствовала расширению клиентской базы: по данным Управления связи Кении, к середине 2017 года 80,7% из 28 миллионов жителей- подписчиков сервисов мобильных переводов, использовали для этого платформу Safaricom[2]. Кроме того, компания стремилась занять рыночные ниши, малопривлекательные для банков и других финансовых посредников. Так, к концу 2016 года M-PESA предложила пользователям новый тариф – Kadogo, обеспечивающий финансовую интеграцию наименее защищенных слоев населения, с бесплатными переводами средств на сумму ниже 100 кенийских шиллингов (примерно 1 доллар США). Клиенты же получили возможность переводить минимальные средства – 1 кенийский шиллинг[3].

Главный исполнительный директор Safaricom Боб Коллимор в феврале 2017 года в интервью CNN выразил уверенность в том, что модель бизнеса, ориентированная на обслуживание микроплатежей, будет успешной и в дальнейшем: «Мы нацелены на один шиллинг, – подчеркнул он. – Банковский сектор во всем мире всегда игнорировал основание пирамиды. Мы же понимаем, что база пирамиды должна обслуживаться, и это может быть выгодно»[4].

По данным The New York Times[5], к концу 2017 года 69% взрослых Кении используют электронные платежи, дебетовыми картами платят 11%, 3% – кредитными, а 55% рассчитываются с помощью мобильного телефона (главным образом, с использованием M-PESA).

Отметим, что Safaricom в рамках развития электронных платежей сотрудничает не только с Коммерческим Банком Африки – на кенийскую систему мобильных платежей обратили внимание и крупные участники рынка. К 2017 году Safaricom установил партнерские отношения с Western Union и MoneyGram, общепризнанными лидерами в сфере международных денежных переводов.

Таким образом, к марту 2017 года M-PESA объединила более 30 миллионов пользователей в 10 странах, оплачивающих международные переводы, задолженность по кредитам, медицинские и другие услуги. Система мобильных платежей обслуживалась 287400 агентами в Кении и за границей, за 2016 год было проведено около 6 миллиардов транзакций. В отдельные моменты M-PESA обрабатывала 529 транзакций в секунду[6].

В статье «Почему Кения лидирует в сфере мобильных денег?» журнала The Economist[7] выделялись несколько причин, обусловивших успех M-PESA: высокие тарифы на перевод денег у конкурентов, доминирующее положение Safaricom на кенийском рынке мобильных услуг, продуманная маркетинговая кампания, эффективная система обработки платежей и так называемый «сетевой эффект»: чем больше людей использовали M-PESA, тем привлекательнее она становилась для других, стимулируя их подписываться тоже. Кроме того, наличие надежной платформы для мобильных платежей породило множество стартапов в Кении, чьи бизнес-модели строятся на основе M-PESA.

Исследователи отмечают, что финансовые инновации в Кении стали действенным инструментом борьбы с бедностью. Как утверждает Кирон Монкс (CNN), «2% домашних хозяйств в Кении смогли вырваться из тисков экстремальной бедности за счет доступа к сервису мобильных денег»[8]. The Economist ссылается на данные обследований сельских домашних хозяйств в Кении, доходы которых увеличились на 5–30% с использованием M-PESA[9].

Доходы M-PESA направлялись не только на развитие системы мобильных платежей: в 2010 для финансирования мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения кенийцев, был учрежден благотворительный фонд M-PESA Foundation. Совместно с правительством, Safaricom, рядом международных организаций M-PESA Foundation финансировал крупномасштабные проекты в сфере здравоохранения, образования, охраны окружающей среды[10].

К примеру, в округе Самбуру, одном из засушливых регионов Кении, где доля бедного населения, живущего на менее чем $1 в день, составляет 80%, фонд реализовал пилотный проект HELP (Health Enablement and Learning Platform), направленный, прежде всего, на снижение материнской и детской смертности. С помощью программы HELP, реализуемой с помощью мобильной связи, создавались возможности для гибкого индивидуального обучения работников здравоохранения и подготовки волонтеров в общинах. Опыт соединения государственной системы подготовки специалистов здравоохранения и мобильных технологий признан успешным и впоследствии был распространен

[1] http://cbagroup.com//newsroom/cba-and-safaricom-celebrate-ground-breaking-milestones-as-they-mark-the-5th-anniversary-of-m-shwari/

[2] https://www.mobileworldlive.com/money/news-money/safaricom-adds-voice-control-to-m-pesa/

[3] https://www.safaricom.co.ke/personal/m-pesa/do-more-with-m-pesa/m-pesa-kadogo

[4] http://edition.cnn.com/2017/02/21/africa/mpesa-10th-anniversary/index.html

[5] https://www.nytimes.com/interactive/2017/11/14/business/dealbook/cashless-economy.html

[6] http://edition.cnn.com/2017/02/21/africa/mpesa-10th-anniversary/index.html

[7] https://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/05/economist-explains-18

[8] http://edition.cnn.com/2017/02/21/africa/mpesa-10th-anniversary/index.html

[9] https://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/05/economist-explains-18

[10] http://www.m-pesafoundation.org/about-us/

фондом на другие территории, где ощущается нехватка квалифицированных медицинских работников или отсутствуют медицинские учреждения.

Важнейшим проектом фонда стало открытие в феврале 2016 года Академии M-PESA Foundation – интерната для талантливых старшеклассников из бедных семей[1]. Отбирая ярких, целеустремленных, но нуждающихся студентов, которые не в состоянии позволить себе качественное образование, Академия надеется воспитать предпринимателей, мыслителей и лидеров общин, которые станут будущим Кении. Критерии отбора обучающихся – отличная успеваемость, потенциал лидерства и предпринимательства, критическое мышление, способность решать проблемы. Академия оснащена современным оборудованием, привлекает лучших преподавателей со всего мира, студентам доступны качественные образовательные ресурсы. Важнейшим результатом обучения считается понимание студентами ценности знаний и образования, что сделает молодежь конкурентоспособной в экономике инноваций.

Оценивая десятилетний опыт функционирования мобильной платформы M-PESA, можно с уверенностью сказать, что инновационные процессы в Кении стали важнейшим стимулом экономического развития. В данном случае внедрение инноваций способствовало не только экономическому росту, но и социальному прогрессу. Современные технологии в одной отрасли, способствующие эффективному перераспределению ресурсов и инвестициям в человеческий капитал, дали возможность повысить качество жизни населения, сокращая бедность и неравенство.

[1] http://www.m-pesafoundation.org/projects/our-academy/

Соболев Э.Н.
д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ НА РОССИЙСКИХ ПРЕПРИЯТИЯХ

Ключевые слова*: затраты на рабочую силу, инвестиционная стратегия, эффективная заработная плата, социальное инвестирование, институциональная среда.*
Keywords*: labor costs, investment strategy in labor sphere, effective wage, social investment, institutional environment.*

На протяжении значительной части постсоветского периода ведущим направлением политики бизнеса в сфере трудовых отношений являлась *стратегия минимизации затрат на рабочую силу.* Основным механизмом реализации стратегии минимизации выступала так называемая сверхгибкая оплата труда, к элементам которой можно отнести оплату труда ниже стоимости воспроизводства рабочей силы, сокращение доли тарифной составляющей заработка, невыплаты заработной платы. Нельзя не отметить и такой элемент «сверхгибкого» регулирования как *теневая заработная плата*. Фактическая заработная плата в особенности на средних и малых предприятиях могла на порядок отличаться от зафиксированной в контракте. Теневые заработки «работали» на стратегию минимизации, прежде всего, потому что, не будучи нигде зафиксированы официально, они легко поддавались сокращению при ухудшении экономической конъюнктуры, что и было продемонстрировано в ходе последнего кризиса. Кроме того, они являлись доступным инструментом снижения издержек для работодателя, не ущемляя при этом сиюминутных интересов работника.

Анализ показывает, что имеются различия в реализации стратегии минимизации на крупных и малых предприятиях[1]. На крупных предприятиях чаще использовались экономические факторы минимизации (снижение доли тарифа в заработной плате), а на малых практиковались формы, связанные с нарушениями трудового законодательства. В рамках минимизационной стратегии увеличение переменной части относительно постоянной (тарифной) обусловлено не стремлением усилить стимулирующий эффект оплаты труда, а намерением решить проблему выживания предприятия за счет работников. В то же время прослеживалось стремление менеджмента «застраховать» собственные доходы через увеличение стабильной части заработной платы вне зависимости от экономической ситуации на предприятии. В результате, по данным наших обследований, доля руководителей в общем фонде оплаты труда на экономически неблагополучных предприятиях составляла более 20%, тогда как на средних и благополучных – около 15%.

Основной концептуальный недостаток стратегии минимизации, по нашему мнению, заключается в неразрешимом противоречии между долговременными задачами предприятия и системой стимулирования работников, направленной на решение преимущественно текущих задач. Это противоречие проявляется в резком возрастании неопределенности размеров заработной платы и негарантированности ее получения, что подрывает условия нормального воспроизводства работников; в ослаблении роли зарплатных факторов в поддержании экономической деятельности предприятия в долговременной перспективе; в блокировании стимулов к технологической реструктуризации производства. Дешевая рабочая сила служит препятствием для технологической реструктуризации предприятий. Низкая цена труда способствует консервации неэффективных, плохо технически оснащенных рабочих мест, сохранению в рамках предприятия значительной доли избыточных работников. Кроме того предпринимателю становится выгоднее выплачивать мизерные компенсации за нанесение вреда здоровью работников, чем заботиться о внедрении безопасных технологий.

В российских условиях ориентация на дешевую рабочую силу – тупиковый путь, который дает лишь краткосрочный эффект, но одновременно приводит к ухудшению использования человеческого потенциала, научно-техническому отставанию страны от стран с передовой технологией. С одной стороны, дорогостоящая модернизация производства не может конкурировать с дешевым трудом, с другой – низкооплачиваемый работник не может обеспечить эффективную работу современного высокотехнологичного оборудования.

Более перспективной политикой бизнеса в сфере трудовых отношений является *инвестиционная стратегия* развития рабочей силы, в рамках которой работник рассматривается как стабильный и долговременный фактор развития предприятия[2]. Стремление к увеличению прибыли, естественно, сохраняется, однако дополняется осознанием необходимости учитывать интересы наемных работников и устанавливать устойчивые и продуктивные взаимоотношения с ними.

Для решения этой задачи в рамках инвестиционной стратегии складывается набор внутрикорпоративных практик, важнейшими из которых являются политика эффективной заработной платы и социальное инвестирование.

---

[1] Анисимова Г., Соболев Э. О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // Человек и труд. – М., 2010. – № 1. – С. 32–34.

[2] Соболев Э.Н. Развитие инвестиционной стратегии бизнеса в сфере труда // Экономическое возрождение России. 2015. – № 2 (44). – С. 39–42.

Эффективная заработная плата (несколько превышающая уровень зарплаты, сложившийся на рынке труда для данной категории работников) способствует тому, что работники дорожат своим рабочим местом, повышается уровень мотивации их труда, растет его производительность. Она предполагает гарантированность основной части заработка, а также выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт), так и от результативности их работы на предприятии.

Ядром системы *социальных инвестиций* являются вложения в программы обучения работников, охрану их здоровья и обеспечение безопасных условий труда. Следует отметить, что социальные расходы в том или ином объеме несет любая компания. Но только в том случае, если компания ведет работу системно в расчете на долговременный экономический или социальный результат (а не просто реагирует на те или иные требования со стороны властей или персонала), можно говорить о том, что социальные расходы приобретают характер социальных инвестиций.

Доля расходов на профессиональное обучение в структуре затрат организаций на рабочую силу в России весьма незначительна и в течение более чем 20 лет не превышает 0,3% (для сравнения: в странах ЕС на обучение тратится на порядок больше – около 3%).

По данным Росстата, среди специалистов высшего уровня квалификации различными формами профессионального обучения ежегодно оказывается охвачен каждый седьмой, а среди специалистов среднего уровня квалификации – каждый десятый российский работник. При этом как минимум в трети случаев обучение на профессиональных курсах осуществляется на основе самофинансирования, т. е. за счет средств самих обучающихся. Однако в последние годы дополнительное образование стало в гораздо меньшей степени финансироваться за счет средств самих обучающихся и в гораздо большей – за счет средств предприятий[1].

В наибольшей мере социальное инвестирование получило развитие в деловой практике крупнейших российских компаний, инкорпорированных в мировое бизнес-сообщество. У таких компаний, с одной стороны, есть возможность для проведения сильной социальной политики, а с другой стороны, их социально ответственное поведение является условием поддержания конкурентоспособности на международных рынках. Однако для большинства средних и малых предприятий, не входящих в «сырьевую элиту» или непосредственно с нею не связанных, и сегодня характерно не расширение, а минимизация программ и мероприятий социальной направленности. Таким образом можно говорить о двух принципиально разных моделях поведения бизнеса в отношении наемных работников, сформировавшихся в рамках общей социально-экономической системы (табл. 1).

Таблица 1

Охват работников социальными программами на предприятиях, применяющих и не применяющих инвестиционную стратегию

Вид льгот или социальных программ	Доля работников, пользовавшихся льготой	
	На предприятиях, применяющих инвестиционную стратегию	На предприятиях, не придерживающихся инвестиционной стратегии
Дотации на транспорт	11,7	11,7
Субсидии на питание	26,3	8,6
Дополнительное медицинское страхование	42,8	10,6
Льготные путевки в санаторий и дома отдыха	38,1	14,5
Оплата занятий спортом (фитнесс-клуб, бассейн и т.п.)	17,6	5,6
Материальная помощь	14,8	21,9
Оплата дошкольных учреждений	5,5	5,5
Участие в программах обучения, переподготовки, повышения квалификации	54,9	21,8

Источник: данные обследований Института экономики РАН.

Социальное инвестирование играет ключевую роль в концепции социальной ответственности бизнеса. До сих пор гипертрофированная роль в системе социальной ответственности отводилась внешней благотворительной деятельности и сотрудничеству с властями в решении наиболее острых проблем местного сообщества. По нашему мнению, программы и направления социальной деятельности бизнеса, которые выходят за рамки фирм (различного рода благотворительные программы, инвестиции, связанные с развитием территорией и т.п.), играют второстепенную роль, так как не имеют следствием рост экономической эффективности фирмы. Напротив, ключевые элементы инвестиционной стратегии – эффективная заработная плата и социальное инвестирование – не только непосредственно выгодны самим работникам, но и в долгосрочной перспективе экономически выгодны бизнесу[2]. В результате в этой стратегии возникает общность интересов между работниками и бизнесом, которая образует экономическую основу для формирования реального социального партнерства.

Поскольку прямое институциональное давление со стороны государства или профсоюзов на бизнес очень слабое, то возникает вопрос, что заставляет предпринимателей идти на повышение оплаты труда или другие формы социального инвестирования?

[1] Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – С. 29.

[2] Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // Экономическая наука современной России. – М., 2017. – № 3 (78). – С. 55–69.

Диапазон мотивации у менеджмента достаточно широк. Во-первых, *альтруистическая мотивация* – благотворительность или «социальная ответственность» бизнеса, так сказать, в чистом виде; во-вторых, *рыночная необходимость* как средство закрепления более квалифицированных и производительных работников*;* в-третьих, *прагматическая мотивация* менеджмента, который начинает осознавать стратегическую выгодность социальных вложений в персонал (это тот же рыночный подход, хотя и более тонкий)[1]. Этот набор (альтруизм, рынок и прагматизм) существует на всем протяжении постсоветского периода. Но вес различных мотивов не остается неизменным. В первой половине 1990-х гг. ведущим мотивом был альтруизм, желание помочь нуждающимся. Особенно это было заметно на старых предприятиях. Исследование, проведенное в эти годы на предприятиях оборонной промышленности, показало, что две трети директоров (67%) в общей выборке и 89% на благополучных предприятиях в качестве основного мотива называли заботу о работниках и членах их семей[2]. Это традиционный патерналистский подход. Но уже во второй половине 1990-х гг. прагматическая мотивация сравнялась с альтруистической, а в 2000-е годы новый патернализм – стремление увязать внутреннюю корпоративную социальную политику с экономическим расчетом (практика социальных инвестиций) – уверенно вышел на первое место. Не последнюю роль играет фактор формирования благоприятного имиджа компании в обществе.

Противоречия современного этапа развития инвестиционной стратегии. Становление инвестиционной стратегии является длительным процессом, который протекает сложно и противоречиво даже в высокоразвитых странах. Предпринимательство медленно эволюционирует от примитивных форм к цивилизованным, его ответственность перед работниками возрастает по мере развития подходов к мотивации персонала, роста профессионализма менеджмента, изменения его ценностных ориентаций и, соответственно, стратегических целей развития бизнеса. Даже на продвинутых предприятиях инвестиционную стратегию редко можно встретить в чистом виде: чаще имеет место пересечение или наложение различных элементов той и другой стратегии, которое может давать неоднозначный результат. Например, использование социального бюджета может служить фактором, усиливающим социальную дифференциацию на предприятиях, если при распределении корпоративных социальных фондов они в большей мере достаются высшему управленческому персоналу и в меньшей мере рядовым работникам.

Многое зависит от формирования «человекоориентированной» институциональной среды, которая должна или стимулировать, или принудительно «навязывать» менеджменту политику инвестирования в развитие наемного персонала. Законодательные меры часто оказываются недостаточными и должны дополняться изменениями культурных норм и формированием новых ценностных ориентиров. Важным внутренним фактором, способствующими распространению этой стратегии, является устойчивое финансово-экономическое положение предприятий. Стагнационный вариант экономического поведения предприятия (ориентация на «выживание») настроен на минимизационную стратегию. Развивающиеся же предприятия в большей степени тяготеют к использованию инвестиционной стратегии[3].

Социальная ответственность бизнеса может вступать в противоречие с задачами обеспечения текущей конкурентоспособности, прибыльности фирм. Это противоречие отчасти снимается в том случае, когда социальная ответственность получает широкое распространение, захватывая подавляющую или, по крайней мере, значительную часть бизнес-структур. В России до этого еще далеко. Поэтому в настоящее время для распространения инвестиционной стратегии развития рабочей силы следует опираться на механизмы институционального принуждения[4]. Это, во-первых, введение жестких законодательных норм, регламентирующих поведение бизнеса, в том числе среднего и малого, в отношении наемных работников, а также реализация мер по принуждению к исполнению этих норм; во-вторых, использование механизмов социального партнерства для достижения компромисса, выработки гибких, в т.ч. неформальных, правил взаимодействия работодателя и работников; в-третьих, формирование договоренностей в рамках предпринимательских союзов относительно основных социальных функций, которые возлагаются на работодателей.

[1] Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). – М.: ИЭ РАН, 2012. – С. 157–159.

[2] Виноградова Е., Дюк Е. Российские промышленные предприятия в 1996 году // Экономические и социальные перемены. 1997. – № 2. – С. 44–47.

[3] Кубишин Е.С., Соболева И.В. Влияние глобализации на развитие социально-трудовых отношений: роль транснациональных корпораций // Вестник Института экономики РАН. – М., 2013. – № 4. – С. 39–58.

[4] Соболев Э.Н. Стратегия бизнеса в сфере социально-трудовых отношений // Вестник Института экономики РАН. – М., 2012. – № 5.

Сулягина Е.А.
первый заместитель директора Департамента труда и социальной защиты населения города Севастополя
lenysin@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДАЧИ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ ОТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА УРОВЕНЬ СУБЪЕКТА РФ)

Ключевые слова: *переходный период, занятость, безработица, пособие по безработице, рынок труда.*
Keywords: *transition period, employment, unemployment, unemployment benefit, labour market.*

В марте 2014 года в состав Российской Федерации вошли два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Переходный период, в условиях которого Севастополь пребывал в течение всего 2014 года, существенно изменил ситуацию на региональном рынке труда. Институциональные процессы, охватившие и отдельные предприятия и целые отрасли экономики города Севастополя (финансово-банковский сектор, торговля, государственное управление, транспортная отрасль), сопровождались оптимизацией штатной численности работников и высвобождением высококвалифицированной рабочей силы.

В течение 2014 года было высвобождено 3,9 тыс. работников, оставались под угрозой сокращения 3,5 тыс. человек. В целом это составило около 10% общей численности штатных работников, занятых в учреждениях и организациях города на начало 2014 года.

Экономика города была не в состоянии адекватно отреагировать на эти процессы предложением работы (как количественно, так и качественно) в других сферах экономической деятельности. Как следствие, увеличилось число обращений граждан в центр занятости по вопросам поиска работы. На учете в центре занятости состояли 7,3 тысячи граждан, из которых 6 тысячам, в соответствии с законодательством о занятости, был присвоен статус безработного. В составе безработных 65,3% – женщины, 46,6% – молодежь в возрасте до 35 лет. Профессиональный состав безработных более чем на 70% был представлен специалистами и служащими (бухгалтеры, экономисты, банковские служащие, специалисты государственной службы, руководители всех уровней). Пособие по безработице получали 4718 человек, что на 35,3% больше в сравнении с 2013 годом.

Реакция регистрируемого рынка труда на сложные процессы и изменения в экономике выразилась в снижении спроса со стороны работодателей на рабочую силу, что осложняло решение вопросов трудоустройства зарегистрированных безработных. На конец декабря 2014 года оставались актуальными только 756 вакансий, в то время как на учете в органах службы занятости состояли 2230 безработных, зарегистрированных в установленном порядке. То есть, численность официально зарегистрированных безработных превысила потребность в рабочей силе, заявленную работодателями, в 3 раза.

Среди безработных, зарегистрированных в центре занятости города Севастополя на конец 2014 года, 1714 или около 77% имели право на выплату пособия по безработице.

Здесь нужно отметить, что на Украине законодательство о занятости населения (1) действует наряду с законодательством об общеобязательном государственном социальном страховании на случай безработицы.

Размеры и продолжительность социальных выплат в случае наступления страхового случая (безработицы) зависят от причины незанятости гражданина, трудового стажа до момента утраты работы, причины увольнения с работы и среднего заработка.

То есть, согласно законодательству (2), действовавшему на территории города Севастополя по состоянию на 21.02.2014, для отдельных категорий безработных пособие по безработице определялось в процентах к средней заработной плате (доходу) или среднему денежному обеспечению в зависимости от страхового стажа:

до 2 лет – 50%,
от 2 до 6 лет – 55%,
от 6 до 10 лет – 60%,
свыше 10 лет – 70%.

В зависимости от продолжительности безработицы пособие по безработице в течение периода его выплаты (360 календарных дней) уменьшалось и выплачивалось в процентах к определенному размеру: первые 90 календарных дней – 100%, следующие 90 календарных дней – 80%, в дальнейшем – 70%.

Размер пособия по безработице ограничивался суммой 4-х минимальных заработных плат, установленных по состоянию на 21 февраля 2014 года. В рублевом эквиваленте это составляло 18 513,6 рублей (минимальная заработная плата 1218 гривен х 4 × 3,8 (установленный курс соотношения рубля и гривны). Это в 3,8 больше, чем максимальный размер пособия по безработице, установленный в Российской Федерации.

По факту, в 2014 году вопросы, связанные с оказанием содействию занятости населения, входили в компетенцию Фонда общеобязательного социального страхования на случай безработицы (Центр занятости) города Севастополя (далее Фонд). За основу определения размера пособия по безработице в переходный период до 01.01.2015 были взяты следующие нормативные правовые акты:

1. Федеральный конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»;

2. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»;

3. Действовавшие на Украине: Закон Украины «О занятости населения» от 05.07.2012 № 5067-VI и Закон Украины «Об общеобязательном государственном социальном страховании на случай безработицы» от 02.03.2000 № 1533-III.

На основании статей 6 и 10 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» Фонд осуществлял регистрацию и проводил выплату пособия по безработице гражданам Российской Федерации, зарегистрированным по месту жительства на территории города Севастополя.

В структуре безработных граждан, зарегистрировавшихся в органах службы занятости города Севастополя по состоянию на 31 декабря 2014 года и получающих пособие:

– 20% имели право на получение пособия по безработице в минимальном размере по украинскому законодательству (в пересчете на рубли – 2067 рублей);

– 15% – пособие по безработице выплачивалось так же в минимальном размере, но только для отдельных категорий застрахованных граждан (3557 рублей);

– 7% безработных имели право на выплату пособия по безработице в максимальном размере (18 514 рублей);

– 58% получали пособие в среднем размере (9100 рублей). В целом по всем категориям безработных средний размер пособия по безработице на конец 2014 года составлял 7314 рублей.

Учитывая необходимость сохранить для жителей Севастополя определенные социальные преференции в переходный период, в том числе в области содействия занятости населения, было принято решение не уменьшать размеры пособия по безработице гражданам, которые были уже зарегистрированы в службе занятости населения города Севастополя по состоянию на март 2014 года.

С 1 января 2015 года все государственные услуги в сфере занятости населения и социальное обеспечение граждан на случай безработицы в городе Севастополе должны были осуществляться в соответствии с Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» (3).

Вопросы регулирования выплаты пособия по безработице с первого января 2015 года отдельным категориям граждан, у которых размер пособия превышает размер максимальной величины пособия по безработице, определенный Правительством Российской Федерации, отражен в Федеральном Законе от 1 декабря 2014 года № 399-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с выплатой пособия по безработице, в связи с принятием в Российскую Федерацию новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (4).

Указанным Законом, в частности, устанавливалось:

– граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, зарегистрированные в соответствии с действующим Российским законодательством по состоянию на 31 декабря 2014 года в качестве безработных граждан и которым было уже назначено и выплачивалось пособие по безработице по законодательству, действовавшему на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года, размер пособия по безработице которых в течение части периода выплаты пособия по безработице, превышает размер максимальной величины пособия по безработице, установленного в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года, получают пособие по безработице в весь указанный период выплачивается в размере максимальной величины пособия по безработице;

– в течение оставшейся части указанного периода пособие по безработице подлежало выплате в размере пособия по безработице, которое причиталось гражданину в соответствии с тем законодательством, которое действовало на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года;

– граждане, у которых размер пособия по безработице не превышал по размеру максимальную величину пособия по безработице, пособие по безработице выплачивалось в размере пособия по безработице, рассчитанного гражданину в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года;

– граждане, указанные выше и поименованные в частях 1 и 2 Федерального Закона № 399-ФЗ от 1.12.2014, имели право на период получения пособия по безработице, установленного в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года, и до момента наступления оснований для прекращения этих выплат, предусмотренных вышеуказанным законодательством, законодательством Республики Крым и законодательством города федерального значения Севастополя на установление доплат (и не малых) к пособию по безработице для сохранения ранее назначенных пособий по безработице.

Важно отметить, что общий размер пособия по безработице вместе с доплатами к пособию по безработице не мог быть ниже того размера пособия по безработице, который был рассчитан и выплачивался гражданину в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года.

Во исполнение Федерального Закона № 399-ФЗ от 01.12.2014 был принят Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 95-ЗС «Об установлении доплат к пособиям по безработице отдельным категориям граждан, признанных в установленном порядке безработными и проживающих на территории города федерального значения Севастополя», вступивший в силу с 1 января 2015 года.

Постановлением Правительства Севастополя от 29.12.2014 № 663 утвержден порядок финансирования и расходования средств бюджета города Севастополя, для осуществления доплаты к пособиям по безработице отдельным категориям граждан, признанных в установленном порядке безработными, и проживающих на территории города федерального значения Севастополя.

Новеллы регионального законодательства основывались на федеральном российском законодательстве.

В соответствии с законом субъекта Российской Федерации (5) отдельным категориям граждан, проживающих в городе Севастополе, для сохранения ранее назначенных и выплачиваемых размеров пособия по безработице, гарантированного им в соответствии с законодательством, действовавшим на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года, были законодательно определены меры социальной поддержки в виде доплаты к максимальной величине пособия по безработице (доплата к пособию по безработице).

Доплата выплачивалась в течение всего периода, определенного к выплате по ранее действовавшему законодательству в максимальном размере величины пособия по безработице.

Сумма, подлежащая в качестве доплаты к пособию по безработице, определялась как разница между тем размером пособия по безработице, который причитался гражданину в соответствии с законодательством, действовавшим на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года, и размером максимальной величины пособия по безработице, установленным по Российскому законодательству.

При этом пособие по безработице выплачивалось из федерального бюджета, доплата к пособию – из бюджета города Севастополя.

На 2015 год в бюджете города Севастополя были предусмотрены средства в объеме 25018,6 тыс. рублей на выплату доплаты к пособию по безработице.

С учетом всей сложности вопроса, расчет пособия по безработице для граждан, зарегистрированных до 1 января 2015 года, осуществлялся в двух системах – «ЕИАС «Служба занятости», в которой можно было проследить всю историю выплат по безработному в условиях переходного законодательства, и ПК «Катарсис», в которой расчет пособия осуществляется в соответствии с российским законодательством. При сопоставлении данных двух систем и определялась сумма доплаты к пособию по безработице по каждому конкретному человеку.

В соответствии с Законом города Севастополя № 95-ЗС от 26.12.2014 года «Об установлении доплат к пособиям по безработице отдельным категориям граждан, признанных в установленном порядке безработными и проживающих на территории города федерального значения Севастополя», в 2015 году 1070 человек получали доплату к пособию по безработице за счет средств бюджета города Севастополя. Кассовые расходы на выплату доплаты к пособию по безработице составили 27141,7 тыс. рублей. Средний размер доплаты в среднемесячном исчислении – 4391,86 рублей.

Таблица 1

Динамика выплаты доплаты к пособию по безработице за 2015 год

Период выплаты	Численность безработных, получающих доплату, чел.	Сумма доплаты отдельным категориям безработных, руб.	Средняя выплата по отдельным категориям безработных, руб.	Общее число безработных, получающих пособие по безработице, чел.	Средний размер пособия по безработице, руб.
Январь	955	3553	8453	1797	3846
Февраль	857	4360	9260	1790	3962
Март	784	4793	9693	1777	3614
Апрель	625	4959	9859	1604	3517
Май	514	4648	9548	1353	3425
Июнь	421	4437	9337	1184	3378
Июль	328	4528	9428	1048	3278
Август	232	4667	9567	837	3199
Сентябрь	160	4161	9061	664	2995
Октябрь	93	4285	9185	523	2898
Ноябрь	52	4856	9756	458	2972
Декабрь	37	1687	6587	453	2805
Всего за 2015 год	1070	4392	9292	3274	3447

Таким образом, благодаря принятым мерам в 2015 году удалось сохранить ранее установленные размеры пособий по безработице и выплачиваемые отдельным категориям граждан, проживающим на территории города Севастополя, в рамках законодательства, действовавшего на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 21 февраля 2014 года и не ухудшить их материальное положение.

Безработные граждане, зарегистрированные после 1 января 2015 года, получали пособие по безработице по основаниям, в сроки и в размерах, установленных Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

Список источников

1. Закон Украины «О занятости населения» от 05.07.2012 № 5067-VI.
2. Закон Украины «Об общеобязательном государственном социальном страховании на случай безработицы» от 02.03.2000 № 1533-III.
3. Федеральный закон от 01.12.2014 № 399-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с выплатой пособия по безработице, в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».
4. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».
5. Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 95-ЗС «Об установлении доплат к пособиям по безработице отдельным категориям граждан, признанных в установленном порядке безработными и проживающих на территории города федерального значения Севастополя».

Тропинова Е.А.[1]

«БЮДЖЕТ ДЛЯ ГРАЖДАН» КАК ИНСТРУМЕНТ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: *региональное развитие, качество управления, бюджетный процесс, партисипативный бюджет, бюджет для граждан, цифровая экономика.*

Эпоха цифровой экономики создает условия для обеспечения прозрачности деятельности органов государственной власти. Наиболее целесообразна такая транспарентность в сфере публичных финансов, в бюджетном процессе на всех его этапах от разработки и планирования до непосредственного воплощения. Сегодня сферы «политического» и «экономического» смыкаются в одной важной точке – в актуальной необходимости вовлечения граждан в процессы публичного управления, развитие паритетного диалога между различными группами интересов: элитами, предпринимателями, интеллектуалами, общественными организациями и гражданами.

Политическая наука трактует вовлечение с позиций развития принципов демократии, расширения открытости деятельности институтов публичного управления, развитие ответственности государства за принимаемые политические решения и их своевременную общественную экспертизу. Экономически, вовлечение различных групп стейкхолдеров в бюджетный процесс направлено, в основном на управление общественными инвестициями в значимых для поддержания трендов экономического развития направлениях, на оптимизацию общественных расходов и управление структурой местных и территориальных бюджетов для обеспечения их сбалансированности и «реализуемости». Наконец, политическое и социально-экономическое значение участия граждан в бюджетном процессе связано со стремлением достижения эффективности функционирования властных институтов и их оперативной модернизации в соответствии с изменением общественных потребностей.

Расширяющаяся практика реализации партисипативных бюджетов в странах с различным уровнем социально-экономического развития, в условиях иногда полярных политических режимов и принципов организации системы государственно-общественного управления, свидетельствует об актуальности и существенной значимости этого института. Первый кейс воплощения партисипативного бюджета датируется концом 80-х годов XX века в г. Порто Алегре (г. Бразилия). В Европе партисипативные бюджеты получили распространение в начале 2000-х годов и адаптация модели «Порто Алегре» реализовалась в многообразии форм и инструментов гражданского участия в зависимости от страновых особенностей, уровня социально-экономического развития страны и территории, размеров поселений и численности населения, уровня социально-экономической и культурной дифференциации граждан, а также особенностей политической и экономической культуры.

В России реализации бюджета для граждан связана с инициативой Открытого правительства и определяется министром финансов РФ А. Силуановым и министром РФ по вопросам Открытого правительства М. Абызовым как совокупность мероприятий по реализации принципа понятности власти и воспитания гражданина-сознательного налогоплательщика, активного участника процесса формирования и использования общественных финансов[2]. Институционализация партисипативного бюджета в России и ее регионах обеспечивалась разработкой нормативно-правовой базы и закреплением в числе ключевых государственных приоритетов. В 2013 году Бюджетное послание Президента РФ «О бюджетной политике в 2014-2016 гг.» закрепило содержание и основные направления расширения гражданского участия в бюджетном процессе на региональном и муниципальном уровнях с целью повышения прозрачности. В результате к 2016 году все субъекты РФ представили свои бюджеты в доступной для граждан форме. При этом качество и структура представляемой информации, а также направления ее использования существенно меняются. Информирование постепенно заменяется вовлечением.

Важным результатом имплементации принципов партисипативных бюджетов и расширением гражданского участия в России является позиционирование в международных рейтингах, таких как Index of Open Budget. Россия в 2017 году вошла в число стран с высокой степенью прозрачности с индексом прозрачности 72 и индексом структуры 78, что отражает высокую степень открытости, адекватности бюджетного процесса и структуры и наличие условий для гражданского вовлечения, которое, к сожалению, остается невысоким, с индексом 13 (в сравнении с Кыргызстаном, где показатель этого индекса составляет 31, но в целом на международном уровне, индекс 12)[3]. Оценивая достаточно высокие темпы развития института партисипативного бюджета в России и уже накопленный опыт реализации

[1] Тропинова Елена Александровна – к.э.н., доцент кафедры политического управления СПбГУ (г. Санкт-Петербург). Сфера научных интересов: гражданское участие, бюджетный процесс, местное самоуправление и локальная экономика. E-mail: tropinova@mail.ru

[2] Бюджет для граждан – Показатель открытости Минфина. – http://open.gov.ru/events/5509235/

[3] https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/results-by-country/country-info/?country=ru

бюджетов для граждан в регионах с многообразными результатами, актуальным представляется вопрос о его потенциале для развития местных сообществ и о причинах невысокого уровня вовлечения граждан.

Сегодня, когда общество усиливает запрос на открытость и прозрачность деятельности государства, когда технологически созданы условия для получения необходимой информации о процессах принятия решений и их результативности, все больше политических решений принимаются на делиберативной основе[1], когда множество акторов: политические и бизнес-элиты, общественные организации, граждане и их ассоциации получают равные возможности обмениваться мнениями по важным для всех вопросам. Такой процесс предоставляет возможность различным группам быть услышанными, а также повышает вероятность того, что большинство интересов будут учтены в решении, которое в конце концов будет принято. Подобное общественное обсуждение и, возможно, публичное голосование поддерживает легитимность принимаемых решений, а значит, их дальнейшую более успешную реализацию. При этом существует два конкурирующих друг с другом подхода, объясняющих суть демократического процесса принятия решений, основанных на гражданском участии. Сторонники неолиберального подхода, восходящего к идеям Ю. Хабермаса, развивают идею консенсуса, когда тщательно разработанные правила поддерживают равнозначность и конкурентную природу мнений различных сторон в совещательном диалоге, что, в конечном счете, приводит к консенсусу, то есть отбору тех решений, которые в достаточной степени актуальны и отражают мнения большинства (или, как отмечают критики данного подхода, доминирующей социальной группы)[2]. Сторонники пост-марксистского подхода (радикальной демократии), развитого в трудах М. Фуко, Ш. Муфф, исходят из конфликтной природы «нормального» процесса принятия решений. Они полагают, достижение консенсуса приводит к тому, что некоторые (малочисленные, угнетенные, ограниченные) группы не имеют возможности продемонстрировать свои интересы. Конфликт же, благодаря своей открытой природе, обеспечивает возможности признания и осознания всеми сторонами диалога имеющихся различий и в дальнейшем обсуждение возможных границ. Наконец, исследователи, представители обоих подходов, делают весьма значимый вывод о том, что уровень гражданской активности и вовлечения в процесс принятия решений зависит не столько от дизайна и степени развития института, сколько от того, в какой степени различные общественные группы и граждане «накопили» социальную мотивацию и власть до вовлечения в совещательный процесс. То есть, в какой степени развита их общественная инициатива. И тогда сформированный институт (партисипативные бюджеты) сможет реализовать свою миссию эффективно.

Эбдон и Франклин называют следующие базовые принципы вовлечения граждан в бюджетный процесс[3]:

1) информирование и научение граждан о процессах принятия политических и социально-экономических решений в стране, территории, месте проживания,

2) повышение финансовой грамотности населения,

3) постепенное обновление структуры бюджетов, направлений финансирования в соответствии с закономерностями развития местного сообщества, сочетание приоритетности задач сверху вниз с инициативами снизу,

4) содействие укрепления доверия граждан к власти и развитие чувства «community».

Важно отметить последовательность реализации данных принципов в России. На начальном этапе, как подчеркивает М. Абызов «мы ставили задачу повысить финансовую грамотность населения и сделать основной финансовый документ страны – бюджет – более понятным и доступным для каждого…. Польза для граждан заключаются в информированности о социальных услугах, возможности реализации общественного контроля за расходованием средств, и важнейший шаг в этой работе – не только информирование, но и вовлечение граждан на всех стадиях бюджетного процесса, что является средством формирования их национальной и территориальной идентичности»[4]. Таким образом, повышение уровня финансовой грамотности и общей политической и гражданской культуры участия являются отправными точками для продуктивного вовлечения граждан.

Вовлечение граждан в процесс принятия решений относительно публичных финансов в значительной степени связано с факторами среды, в которой создается бюджет (особенности институциональной структуры местного сообщества, политическая и экономическая культура, размер поселений (города, села, региона), гомогенность или гетерогенность экономического потенциала места). Кроме того, тех механизмов, которые обеспечивают гражданское вовлечение (публичные слушания, анкетирования, конкурсы идей, круглые столы, опросы). Немаловажную роль играет длительность жизненного цикла и качество администрирования гражданских заявок. Наконец, компетентность чиновников, принимающих участие в бюджетном процессе или формах сотрудничества и взаимодействия с гражданами.

Факторы среды становятся, по мнению Петри и Шилдс, а также Н. Богатырь, значимыми на этапе внедрения института в практику местного самоуправления. В результате анализа опыта стран с различным уровнем социально-экономического развития нами был сделан вывод о специфике целей и инструментов вовлечения граждан в бюджетный процесс (табл. 1).

---

[1] Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. – М., 2002. – № 5

[2] Beaumont J., Nicholls W. Plural Governance, Participation and Democracy in Cities // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. – Vol. 32, N 1. – P. 87–94.

[3] Ebdon C., Franklin A.L. Citizen Participation in Budgeting Theory // Public Administration Review. 2006. – Vol.66, N 3. – P. 437–447.

[4] Правкомиссия обсудила «бюджет для граждан» и утвердила региональный стандарт открытости. – http://open.gov.ru/events/5516547/

Таблица 1

Ключевые цели реализации «бюджетов для граждан» в развитых и развивающихся странах[1]

Развивающиеся страны	Развитые страны
Миссия: просветительский проект, повышение уровня финансовой грамотности, упрощение и визуализация данных, дифференциация каналов распространения информации о бюджетном процессе	**Миссия**: углубление социальной, демографической, этнической дифференциации населения, активное включение мигрантов в жизнь страны, политическая и экономическая социализация
Практическая цель Бюджета для граждан: контроль над расходованием бюджетных средств, обучение как стратегия вовлечения граждан	**Практическая цель Бюджета для граждан**: участие общественных объединений в контроле качества использования доступных для территории ресурсов

Таким образом, уровень развития и качество среды, а также общий уровень политической и финансовой культуры граждан определяют базовую мотивацию и формы участия либо через информированность и обучение (в развивающихся странах), либо через вторичные ассоциативные группы или прямое участие (в развитых). Как отмечалось ранее, в России практика вовлечения граждан в бюджетный процесс набирает обороты и можно обозначить основные результаты, в числе которых созданная на федеральном уровне база лучших практик «Бюджетов для граждан» по регионам. Н.С. Сергиенко, проводя в своем исследовании сравнительный анализ реализации партисипативных бюджетов в регионах, отмечает, что публикация информации на сайтах или выпуск специализированных брошюр не обеспечивает необходимый уровень осведомленности граждан, так как не сформирована культура критической оценки и мониторинга деятельности правительства[2]. В некоторых регионах России внедряют практику вовлечения граждан в процесс разработки бюджета и представления собственных проектов (Программа «Твой бюджет», реализуемая в Санкт-Петербурге, представляет конкурсный механизм презентации и отбора предложений с последующим финансированием и сопровождением к реализации. Программа реализуется пилотно в 9 районах города. Проекты преимущественно направлены на благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство и социальную сферу). Важно отметить, что в регионах, успешно реализующих партисипативные бюджеты (Москва, Тульская, Тверская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Мурманская область и др.) наблюдается сочетание принципов обучения и просвещения граждан с непосредственным вовлечением. Администрации активно работают по усилению коммуникативной составляющей, прежде всего в Интернете (исследования показывают, что Интернет является доминирующим источником информации для граждан о развитии местного сообщества 56% опрошенных, другие значимые каналы – общественные слушания и представительства граждан в комитетах).

Однако сохраняющийся невысокий уровень вовлечения граждан в бюджетный процесс и активное их участие в принятии общественно значимых решений связано, на наш взгляд, с тем, что продвижение идеи партисипативных бюджетов в регионах России по-прежнему остается под воздействием административной логики и идей политического реформирования, то есть цель пока состоит не в гражданско-центрированных инициативах, когда местная администрация готова передать часть функций по обеспечению местного развития и бюджетного процесса гражданам, а в идее реформирования местной администрации, обеспечения ее эффективности и прозрачности, а последнее является фактором легитимности и поддержки со стороны местного сообщества. Подобная ориентация препятствует достижению значимых социально-экономических эффектов, проистекающих из партисипативного бюджета – сокращение общественных затрат, в том числе на содержание местной администрации, и обеспечение эффективности общественных инвестиций в значимые для местного сообщества проекты.

[1] Составлено с использованием: Богатырь Н.В. Бюджет для граждан: найти получателя? // Экономическая социология. – М., 2014. – Т. 15, № 5. – С. 54–84., Petrie M., Shields J. Producing a Citizens' Guide to the Budget: Why, What and How? // OECD Journal on Budgeting. 2010. – Vol. 2. – P. 1–13.

[2] Сергиенко Н.С. «Бюджет для граждан»: опыт регионов и муниципальных образований // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2017. – № 1. – С. 49–51.

Черкасов П.С.
к.э.н., вице-президент ОАО «ИНГРАД»
Ложко В.В.
к.м.н., научный руководитель Санкт-Петербургского института управления развитием человеческих ресурсов

ПРОЦЕССЫ ТРАДИЦИОННОГО РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *программные и нормативные документы жилищного строительства, целевые программы, основные направления жилищной политики в СССР, закон о приватизации жилья, рыночные механизмы решения жилищной проблемы, федеральная жилищная политика, региональная жилищно-строительная политика.*
Keywords: *regulatory documents for housing construction, targeted programs, main directions of housing policy in USSR, housing privatization law, market mechanisms for solving the housing problem, federal housing policy, regional housing-construction policy.*

Исторически начало формирования жилищного строительства совпадает с началом нового государственного строительства в России после революции 1917 года. Программным документом жилищного строительства периода социализма стал принятый Советом народных комиссаров СССР Декрет «О жилищной политике» от 4 января 1928 г. Следует отметить, что в этом исторический периоде происходил поиск государственными деятелями и учеными сущности государственной жилищной политики, методов ее формирования и направленности, приведший к формированию двух методологических подходов: «урбанистов»[1], являвшихся сторонниками создания мегаполисов, и «дезурбанистов»[2], отстаивавших идею равномерного расселения людей по территории. При этом и те, и другие рассматривали жилищную политику не в качестве элемента государственной социальной политики, а как часть производственных процессов, трактуя «дом как машину для жилья»[3].

В период Великой Отечественной войны развитие жилищного хозяйства в стране по понятным причинам было практически заморожено. Более того, на территории СССР было сожжено и полностью разрушено свыше 1710 городов, 70 000 поселков и деревень, уничтожено, по разным данным от 70 до 100 млн. кв.м жилья. Но уже в 1943 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором намечалась программа по восстановлению жилья[4].

В послевоенный период по мере решения самых насущных задач восстановления народного хозяйства оживилась и государственная жилищная политика. В первое послевоенное десятилетие было построено 254,6 млн. кв. м жилой площади (или более 441 млн. кв. м полезной). Подлинный прорыв в решении жилищной проблемы произошел в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в результате принятия ЦК КПСС и Советом Министров СССР Постановления «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31.07.1957 N 931, поставившего задачу в кратчайшие сроки достигнуть значительного прироста жилищного фонда страны[5].

Новая глобальная задача в развитии жилищной политики в стране – «задача большой социальной значимости – обеспечить к 2000 г. практически каждую советскую семью отдельным жильем — квартирой или индивидуальным домом»[6] была сформулирована в решениях XXVII съезда КПСС (1986). Съездом была определена и программа дальнейшего улучшения жилищных условий трудящихся, самой своей постановкой поднявшая еще один пласт застарелых проблем[7]: расселение жильцов коммунальных квартир; благоустройство индивидуального фонда; снос или модернизацию государственного фонда постройки до 1950-х гг.; улучшение условий временного проживания в общежитиях; снятие ограничений на строительство индивидуального и коллективного жилищного фонда.

Именно этому этапу соответствует разработка Федеральной целевой программы «Жилье-2000», которая, как утверждают специалисты, несмотря на весь ее социальный пафос, никак не была увязана с планами стратегического

[1] Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. – М., 1929. – 64 с.
[2] Охитович М. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. – № 1-2. – С. 7.
[3] Чеботарев И.В. Государственная жилищная политика трансформируемой России: социологический анализ (на примере Сахалинской области). Автореф. дисс… канд. социол. Наук. – М., 2012. – С. 5.
[4] Лапшина Е. Е. Жилищная политика и жилищно-коммунальное хозяйство // Молодой ученый. 2011. – № 2. – С. 149–153.
[5] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31.07.1957 № 931. Собрание постановлений Правительства СССР. 1957. – № 9. – С. 102.
[6] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. [В 3 т.]. Т. 2. – М.: Политиздат, 1986. – С. 10.
[7] Титов А.А. Жилищное право Российской Федерации: учебник. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 45.

развития государства. Как известно, впоследствии она была признана провальной. Вместе с тем, в контексте исследуемой проблемы, нельзя не отметить такого позитивного ее момента, как наличие территориального разреза: она подкреплялась республиканскими жилищными программами, учитывающими местные социально-демографические и природно-климатические условия, национальные традиции, характер и уровень развития производительных сил. В то же время возникает новая форма обеспечения потребности в жилье молодых семей, не обладавших значительными денежными сбережениями, – движение молодежных жилищных кооперативов (МЖК). Членами МЖК становятся молодые люди, прошедшие обучение строительным рабочим профессиям. В течение всего срока строительства (нормативный срок – 18 месяцев) они с отрывом от основного производства без оплаты труда работали на строительстве собственного дома, который в дальнейшем эксплуатировался на кооперативной основе.

В результате в этот исторический период наметился качественный сдвиг в ориентирах жилищной политики[1]: от преодоления преимущественно нехватки жилья к удовлетворению потребности в улучшении жилищных условий. Кроме того, следует особо отметить, что в середине 80-х в СССР обозначился переход к развитию сегмента частной собственности в жилищном секторе.

Несмотря на то, что к моменту распада СССР советская государственная жилищная политика была признана неэффективной, тем не менее, к концу 80-х гг. подавляющее большинство граждан СССР было обеспечено жильем. Было достигнуто относительное насыщение потребностей населения в жилом фонде по объемным, и отчасти по качественным показателям (в основном в плане санитарно-гигиенического обустройства жилья). Однако одновременно признавалось очевидное несоответствие структуры жилого фонда семейной структуре населения. А это, по сути дела, означало структурный дефицит жилья, когда, на семью из трех человек полагалась двухкомнатная квартира, что не отражало сложившихся мировых стандартов, согласно которым потребности такой семьи должна удовлетворять квартира в четыре комнаты – по одной на каждого члена семьи плюс еще одна, общая.

Однако – по мере развития общества – изменяются и потребности его членов, в т.ч. потребности жилищного характера: они переходят на новый уровень и заключаются уже не в самом факте наличия/отсутствия отдельного жилья, но в месторасположении квартиры/дома, его объемах (метраже и кубатуре), уровне благоустройства, качестве отделки, а также в том, что граждане в основной массе не являются собственниками занимаемого жилья. Таким образом, возникли объективные предпосылки для новых, актуальных времени преобразований и реформ в формировании и реализации государственной жилищной политики.

Следует отметить основные направления новой жилищной политики, реализация которой была начата в период, предшествующий распаду СССР[2]:

– граждане, имеющие возможность решить жилищную проблему самостоятельно, должны были получить возможности для приобретения жилья в частную собственность;

– государство принимало на себя обязанность по обеспечению жильем только социально-незащищенных категорий граждан;

– вместо ЖКХ создаются крупные ремонтно-строительные тресты, выполняющие коренным образом изменившиеся задачи эксплуатационной сферы, в т.ч. реконструкцию жилья первых массовых серий;

– после реконструкции жилье поступает в собственность создаваемых жилищных кооперативов. Не реконструированное жилье первых массовых серий (часть из которого планировалось вообще снести) к приватизации не допускается;

– в жилищном строительстве и сфере эксплуатации развивается сектор частного предпринимательства, который принимает на себя подрядные функции отделки и текущего ремонта жилых помещений;

– при возведении нового жилья государство оставляет за собой задачи возведения и обновления инженерной инфраструктуры в увязке с генеральными планами населенных пунктов и стратегическими планами экономического развития.

В 90-е гг. прошлого века относительно поступательное движение государства опять оказалось нарушенным: переход к рыночным отношениям, отход от централизованного планирования всех сфер жизни государства внесли свои коррективы и в жилищную политику. Принятие Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» от 04.07.1991 № 1541-1 ознаменовало собой переход к новому типу жилищной политики[3], в соответствии с которой потребность граждан в жилье должна удовлетворяться не за счет общественных фондов потребления, а за счет собственных средств граждан. В качестве его основной задачи было декларировано «…Создание условий для осуществления права граждан на свободный выбор способа удовлетворения потребностей в жилье, а также улучшение использования и сохранности жилищного фонда». Ранее действовавшая установка на обеспечение государством *каждой советской семьи* приняла вид обеспечения <в короткие сроки> жильем бесплатно или за доступную плату *лишь отдельных категорий граждан* (из государственного, муниципального и других жилищных фондов). Изложенное определило принципиально новые для жилищной политики страны задачи: создание рынка жилья (что принципиально меняет экономическую, социальную и юридическую роль государства: оно постепенно перестанет быть главным инструментом в решении жилищной проблемы), а также преодоление отрицательных последствий уравнительного

[1] Государственная жилищная политика: Социальное измерение / Отв. ред. Т.В. Соколова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 114.

[2] Дедюхова И.А. Государственная жилищная политика к началу реформирования. Обзор государственных жилищных программ до 2000-го года. Доступно на сайте: http://deduhova.ru/modernmacro/homepolit.htm

[3] Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 11.07.1991, № 28, ст. 959.

распределения жилья. Одним из примеров негативных последствий может служить гипертрофированное развитие государственной собственности на жилье. Например, в ведомственном жилищном фонде в одном лице происходило совмещение администрации, работодателя и домовладельца, что, соответственно, оказывало негативное влияние на мотивы труда работников. Администрация наделялась правом выселять из ведомственных домов рабочих и служащих, прекративших по уважительным причинам трудовые отношения с предприятиями важнейших отраслей экономики, без предоставления другого жилья, а с 1982 г. переселять их в жилые помещения, условия которых отвечали самому минимуму санитарных и технических требований. Такой режим, по сути, представлял собой один из способов внеэкономического принуждения рабочих и служащих к низкооплачиваемому труду.

Закон о приватизации, по сути, провозгласил кардинальную жилищную реформу, поскольку без вовлечения государственного, общественного и муниципального жилищного фонда – через его приватизацию – и фонда жилищно-строительных кооперативов – через передачу его в собственность членов кооперативов, – составляющих значительную часть всего жилищного фонда, состоящего в основном из многоквартирных жилых домов, невозможно было сформировать рынок жилья. В соответствии с одним из сопровождающих Закон о приватизации нормативно-методических документов «Примерное положение о бесплатной приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» граждане получили возможность стать собственниками занимаемого по договору найма жилого помещения. Последнее – в условиях «восстановления в правах» частной собственности – стало практически единственной подлинной ценностью большинства россиян. Подчеркнем этот немаловажный момент, который в последующие десятилетия станет одним из важнейших факторов развития основных направлений жилищной политики в России. По официальным данным, к концу 2009 г. 3/4 жилых помещений государственного и муниципального жилого фонда приходилось на жильё, находящееся в собственности граждан. Однако достичь поставленной цели только посредством приватизации жилищного фонда было невозможно, поскольку требовалось внесение соответствующих изменений и дополнений в Жилищный Кодекс. Что и было сделано через два дня после принятия Закона о приватизации – 06.07.1991 года.

Следующим шагом реформирования стало принятие Верховным Советом РСФСР Закона «Об основах Федеральной жилищной политики» от 24.12.1992 № 4218-1, который и определил основы новой системы удовлетворения жилищных потребностей граждан[1], предусматривающей сосуществование двух взаимодополняющих механизмов решения проблемы: планово-распределительного и рыночного. С 1 марта 2005 г. документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ.

В 1993 г. стартовала государственная целевая Программа «Жилище», которая не была выполнена полностью[2]. Указом Президента России «О новом этапе реализации государственной целевой Программы “Жилище”» от 29 марта 1996 г. срок ее реализации был продлен[3] до 2001 года. В документе были поставлены следующие задачи в области жилищной политики:

– обеспечить возможность улучшения жилищных условий для семей со скромным и средним достатком путем внедрения в практику долгосрочных жилищных кредитов на приемлемых условиях, предоставления субсидий на строительство и приобретение жилья, оказания помощи в развитии индивидуального жилищного строительства и других мер государственной поддержки граждан, нуждающихся в жилье;

– увеличить объемы и повысить качество жилищного строительства;

– расширить права органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в улучшении жилищных условий граждан, в проведении жилищной реформы.

Именно в это время «полностью прекращается финансирование строительства государственного и муниципального жилья, возникает негласная конъюнктура и регламентация выделения площадок под жилищную застройку, прекращает обновляться инженерная инфраструктура, начинается массовое возведение исключительно самого дорогого жилья – «элитного».

Попутно следует указать, что тогда же к структуре традиционно нуждающихся в улучшении жилищных условий объективно добавилось огромное число тех категорий населения, которые вообще не имели жилплощади: военнослужащие и члены их семей, уволенные с военной службы в запас или отставку в связи с выводом Вооруженных Сил из дальнего и ближнего зарубежья, вынужденные переселенцы, беженцы и т. д.

Указом Президента «О жилищных кредитах» № 1180 от 10.06.1994 г., определявшим общий порядок предоставления гражданам кредитов на строительство, реконструкцию и приобретение жилья, государством впервые было предложено гражданам решить жилищную проблему за собственный счет.

Следующим Указом Президента РФ от 23.03.1996 № 420 (ред. от 02.04.1997) и постановлением Правительства РФ «О разработке федеральной целевой программы «Свой дом» от 27.06.96 № 753 в качестве составной части нового этапа Государственной целевой программы «Жилище» была утверждена ФЦП «Свой дом»[4]. Ее цель — ускорение решения жилищной проблемы в интересах граждан России путем обеспечения населения высококачественными комфортабельными индивидуальными жилыми домами. Главным ориентиром доступности жилья в соответствии с концепцией программы «Свой дом» должна была стать стоимость 1 м общей площади жилья в индивидуальном доме с

[1] Закон РФ от 24.12.1992 № 4218-1 «Об основах Федеральной жилищной политики» // Российская газета. – М., 1993. – № 15, 23 января.

[2] Государственная целевая Программа «Жилище» // САПП РФ. 1993. – № 28. Ст. 2593.

[3] Указ Президент России от 29 марта 1996 г. «О новом этапе реализации государственной целевой Программы “Жилище”». СЗ РФ. 1996. – № 19. Ст. 1254.

[4] Постановление Правительства РФ от 27.06.96 N 753 «О разработке федеральной целевой программы «Свой дом». СЗ РФ. 01.07.96, № 14, ст. 1427 и № 27. Ст. 3280.

автономными источниками жизнеобеспечения, не превышающая среднего 2-месячного денежного дохода на душу населения в субъектах Российской Федерации. Особенностью программы явилось выдвижение на первый план таких главных потребительских качеств, как функциональные удобства и комфортность проживания, учет природно-климатических особенностей района и конкретного места размещения дома, эстетические и экологические требования.

В 1996 г. в жилищной сфере также принимаются Указ Президента РФ «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья» № 430 от 29.03.1996 г. и Постановление Правительства РФ «О предоставлении гражданам Российской Федерации, нуждающимся в улучшении жилищных условий, безвозмездных субсидий на строительство или приобретение жилья» № 937 от 03.08.1996 года. Государство с принятием этих документов фактически сняло с себя обязанность о полностью бесплатном предоставлении жилья гражданам, поставленным на очередь еще в советское время. Взамен в Постановлении предлагается механизм частичного финансирования покупки или самостоятельного строительства жилья. Именно в этот момент заканчивается государственный подход к формированию жилищной застройки, стратегическому планированию развития населенных пунктов в увязке с развитием промышленности. Следует отметить, что период социально-экономического развития государства конца 90-х гг. характеризовался исключительной нестабильностью, выразившейся в отношении населения в виде замораживания вкладов, длительного «сокращения денежной массы», невыплат заработной платы, пенсий и пособий и т.п. негативных факторах, снизивших долю граждан, способных самостоятельно решить жилищную проблему с 64% на начало 1990 г. до 10% в 1998 году. При этом около пяти лет (1995–2000 гг.) на формирующийся рынок в условиях абсолютного дефицита предлагался лишь товар, способствующий удовлетворению дефицитов качества и комфортабельности – строилось преимущественно элитное жилье.

Очередной попыткой комплексного решения жилищной проблемы в стране стало принятие постановлением Правительства РФ от 17.09.2001 № 675 Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы, направленной на обеспечение доступности жилья и безопасных и комфортных условий проживания[1]. В ней отмечалось, что начавшаяся реформа в жилищной сфере стала поворотом от планово-административных методов регулирования к рыночным механизмам при соблюдении социальных гарантий жилищных прав малоимущих граждан и иных категорий населения, а право собственности на жилье, рынок жилья стали неотъемлемой частью отношений в этой сфере.

Программой устанавливались следующие основные количественные ориентиры:

- сокращение времени ожидания в очереди на получение социального жилья малоимущими гражданами с 15–20 лет до пяти-семи лет;
- обеспечение уровня доступности приобретения жилья, при котором средняя стоимость стандартной квартиры размером 54 кв. м будет равна среднему совокупному денежному доходу семьи из трех человек за три года.

Программа включала девять подпрограмм:

- Государственные жилищные сертификаты;
- Обеспечение жильем граждан Российской Федерации, подлежащих отселению с комплекса «Байконур»;
- Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного фонда;
- Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации;
- Обеспечение жильем участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф;
- Обеспечение жильем беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации;
- Обеспечение жильем молодых семей;
- Обеспечение жильем граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей;
- Мероприятия по обеспечению жильем отдельных категорий граждан.

В 2005 г. начался второй этап Программы «Жилище»[2], предлагавший реализацию четырех подпрограмм:

- Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства;
- Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры;
- Обеспечение жильем молодых семей;
- Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством; а также мероприятий по реализации Концепции развития унифицированной системы рефинансирования ипотечных жилищных кредитов в России, одобренной на заседании Правительства Российской Федерации 30 июня 2005 года.

Далее в 2006 г. на базе Федеральной целевой программы «Жилище» начал реализовываться «Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»[3]. Его основными направлениями были заявлены: развитие жилищного строительства; совершенствование жилищно-коммунального комплекса; совершенствование системы ипотечного жилищно-коммунального кредитования населения и рынка жилья; выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем граждан из числа категорий, установленных федеральным законодательством; нормативное правовое обеспечение организации предоставления гражданам жилых помещений социального использования. Проект был рассчитан **до 2010 года, но уже в 2009 он был признан провалившимся[4]. Это признали как государственные чиновники (Глава Минрегиона РФ В. Басаргин и косвенно – премьер-министр**

[1] Постановлением Правительства РФ от 17.09.2001 № 675 О Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы // Российская газета. – М., 2001. – 26 сентября.

[2] Сайт ФЦП «Жилище» на 2002-2010 гг. – http://www.fcpdom.ru/sub.php

[3] Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». – www. national.invir. ru>?Id=105

[4] Провал национального масштаба. – www.bestrealtor.ru/useful_info/6

В. Путин), так и специалисты и эксперты. Так, в 2006 г. планировалось, что объемы жилищного строительства к 2010 г. вырастут вдвое (с 41,2 до 80 млн. кв. м), однако увеличить их удалось только в 1,5 раза. В качестве основных причин неудачи они называют его непроработанность и несистемность. «Проект изначально не был понятен. Он включал очень много подпрограмм, малосвязанных между собой, с плохо обоснованными с критериями и заданиями. Проект оставался типичным продуктом чиновничьего творчества. Даже специалистам было трудно в него вникнуть. Проект не был даже в общем виде доведен до граждан. Потрачены огромные деньги, и как оказалось — впустую», – комментирует ведущий аналитик «Океанит консалтинг» О. Борисенок. Спровоцированный государством рост цен на недвижимость был обусловлен явным дисбалансом средств, выделяемых на стимулирование спроса на рынке жилья и средств на стимулирование предложения. Это соотношение составляло 9 к 1, что было отмечено в докладе замминистра регионального развития С. Круглика в декабре 2008 года. Результатом такой политики в период с января 2006 года по август 2008-го, до момента начала кризиса, стали: рост цен на рынке жилой **недвижимости;** отсутствие системы подготовки строительных площадок инженерными коммуникациями и их распределения посредством аукционов; отсутствие прописанных мер, вынуждающие застройщиков снижать цены; отсутствие в программе новых стандартов по согласованию проектов и ряд других.

К позитивным результатам принятия приоритетных национальных программ как в жилищной сфере, так и в сферах образования и здравоохранения могут быть отнесены, по крайней мере, два момента: активизация общества в его отношении к социальным проблемам и более или менее удачная попытка выделения приоритетов в социальной сфере.

Тем не менее, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050 и положениям распоряжения Правительства Российской Федерации от 28.12.2008 № 1996-р федеральная целевая программа «Жилище» и входящие в ее состав подпрограммы была продлена до 2015 года.

Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011-2015 годы, пролонгирующая действие механизмов программы на 2002–2010 годы и формирование ряда новых мер, предусматривала создание условий для возникновения рынка доступного жилья экономического класса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности, комплексное решение проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечивающее доступность жилья для граждан, безопасные и комфортные условия проживания в нем.

Таким образом, можно утверждать, что:

1. Современная российская система удовлетворения потребностей граждан в жилище не отвечает требованиям времени. Отечественные исследователи оценивают право на жилище[1] «как слабо организованное, не обеспеченное и поэтому практически не реализующееся для большинства населения России. Огромное количество льготных категорий людей, имеющих субъективные права на получение жилой площади в домах государственного и муниципального жилищных фондов, не смогли удовлетворить свои жилищные потребности»;

2. Лишь незначительная часть семей с наиболее высокими доходами могли улучшить жилищные условия посредством инструментов рынка жилья. Жилищная политика на федеральном уровне оказалась непоследовательна, ее реализация на местах неэффективна[2], административная система приватизирует ренту от управления земельными ресурсами, строительства и управления жилищным фондом;

3. Государственная жилищная политика во все периоды своей реализации преимущественно была и остается ориентированной на развитие городов, которые, по сути, представляют собой опорный каркас пространственного развития регионов.

Регион – это пространственно организованная, обладающая внутренним единством целостная социально-экономическая система, территориально локализованная в виде комплекса взаимосвязанных подсистем, детерминированных исторически сложившейся структурой материального производства, социальной инфраструктурой, человеческим капиталом, природным потенциалом, а также местом и ролью этой территории в системе экономических отношений с другими регионами и административным центром страны. При этом регион может рассматриваться и как структурная система, и как функциональная система.

Особенностью региона является также то, что с одной стороны, он выступает объектом управления, с другой же, является детерминантой самой системы управления, определяя и задавая параметры регулирования экономических и социальных отношений, использования природного потенциала, поскольку именно региональные органы власти отвечают за развитие политико-административной, социальной и производственной инфраструктуры региона[3].

На наш взгляд, в регионе как комплексной и, действительно, очень сложно организованной, многоуровневой системе, можно выделить по разным основаниям весьма значительное число подсистем. Региональная жилищно-строительная политика является одним из инструментов как социально-экономического, так и пространственного развития региона. Констатация данного факта позволяет нам выделить в регионе следующие виды подсистем, которые, так или иначе, влияют на формирование и реализацию региональной жилищно-строительной политики, а через нее на социально-экономическое и пространственное развитие региона (рис. 1).

---

[1] Долгошеев М.А. Проблемы обеспечения прав граждан РФ на жилище: конституционно-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. – М.: Юрист, 2010. – № 1. – С. 46.

[2] Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. – М., 2011. – С. 248.

[3] Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. – М., 2006. – № 8. – С. 25–34.

Рисунок 1.
Жилищно-строительная политика как производная региональных подсистем, обеспечивающая социально-экономическое и пространственное развитие региона.

Системообразующим фактором социально-экономического и пространственного развития региона является жилищно-строительная политика, которая в свою очередь, является производной от ряда региональных подсистем, представленных на рисунке 1.

Материально-производственная подсистема региона представляет собой комплекс предприятий и организаций, а также связей между ними, которые образуют т.н. реальный сектор экономики региона. Эта подсистема формирует материальную основу жизнедеятельности регионального социума.

Кредитно-финансовая подсистема формирует финансовую основу реализации региональной жилищно-строительной политики, предоставляет каналы для движения платежных средств, организуя и регулируя комплекс бюджетных, денежно-кредитных отношений строительных организаций с инвесторами, а также с населением, как потребителями жилищно-строительной отрасли.

Снабженческо-сбытовая подсистема обеспечивает поставку строительных и вспомогательных материалов, оборудования, инструментов для формирования продукта жилищно-строительной отрасли и его реализации на рынке жилья для населения.

Энерго- и водоснабжающая подсистема обеспечивает производство, распределение и доставку ресурсов, необходимых для строительства жилья и пространственного освоения территории, а также для обеспечения жизнедеятельности регионального социума.

Транспортно-логистическая подсистема формирует условия сетевой коммуникации субъектов, так или иначе вовлеченных в строительство жилья в регионе, а также поддерживает функционирование снабженческо-сбытовой подсистемы.

Жилищно-коммунальная подсистема участвует в формировании стандартов и приоритетов реализации региональной жилищно-строительной политики, обеспечивает поддержание функционирования объектов жилищно-строительной политики.

Образовательно-воспитательная подсистема формирует кадровый потенциал реализации региональной жилищно-строительной политики: готовит специалистов для строительной отрасли.

Кадровая и социозащитная подсистема регулирует движение кадрового потенциала региональной жилищно-строительной политики, подготовленного образовательно-воспитательной подсистемой. Кроме того кадровая и социозащитная подсистема обеспечивает мобилизацию кадров из числа трудовых мигрантов и безработных.

Информационно-коммуникационная подсистема обеспечивает трансляцию целевых ориентиров и приоритетов региональной жилищно-строительной политики, управленческих решений по ее реализации, организует и поддерживает взаимодействие с другими подсистемами.

Природно-ресурсная подсистема обеспечивает субъектам региональной жилищно-строительной политики доступ к местным ресурсам, контролирует эколого-экономическую сбалансированность в регионе.

Следует отметить, что субъекты региональных социально-экономических подсистем находятся, как правило, в тесном взаимодействии между собой, так или иначе, участвуя и в реализации региональной жилищно-строительной политики: по разным оценкам, с жилищно-строительным комплексом связано до 25% экономики региона.

Таким образом, жилищно-строительная политика является фактически одним из важнейших инструментов не только социально-экономического, но и пространственного развития региона. Рассмотрим более конкретно те экономические и социальные эффекты, которые возникают в регионе как результат проведения этой политики.

В качестве интегративного экономического эффекта от реализации региональной жилищно-строительной политики следует, в первую очередь, отметить рост экономической активности хозяйствующих субъектов и, как следствие, увеличение поступлений в региональный бюджет, развитие сферы банковских и страховых услуг, которые, как правило, сопровождают жилищное строительство, развитие региональной транспортной, информационно-коммуникационной, социальной инфраструктуры и пр.

Активизация жилищно-строительной отрасли дает импульс развитию смежных производственных отраслей[1] (строительных материалов, химической промышленности, деревообрабатывающей промышленности; одно рабочее место в сфере строительства поддерживает занятость до 10 человек в смежных отраслях и т.д.), а также отраслям социальной сферы, особенно региональной системе профессионального образования, поскольку расширяется заказ на подготовку специалистов различных строительных профилей. Именно региональная жилищно-строительная политика является одним из факторов системной организации регионального воспроизводства, о которой пишет Б.М. Гринчель[2]: «Говоря о системной организации регионального воспроизводства, необходимо отдавать себе отчет, что это должна быть система, адекватная и новым экономическим и социальным рамкам, обеспечивающая не просто восстановление старого относительного благополучия, а дающая новый потенциал регионального развития…».

Среди важнейших социальных эффектов проведения региональной жилищно-строительной политики следует, прежде всего, указать на демографический рост. Известно, что плохие жилищные условия являются одним из препятствий деторождению, ограничений для реализации семьями своих репродуктивных планов.

При этом следует понимать, что речь идет не только об улучшении жилищных условий. Проведение региональной жилищно-строительной политики предполагает комплексное освоение территорий, и это не только возведение жилого фонда, но и формирование социальной инфраструктуры, (детских садов, школ, подростковых клубов, кинотеатров, галерей и т.д.). «Социальная инфраструктура как устойчивая совокупность материально-вещественных элементов, создающих условия для удовлетворения всего комплекса потребностей в целях воспроизводства человека и общества, представляет собой систему учреждений, предприятий и обеспечивающих их органов управления»[3].

Еще одним социальным эффектом реализации региональной жилищно-строительной политики является развитие трудовой мобильности и содействие занятости экономически активного населения. Эта проблема особенно остро стоит сегодня для трудодефицитных регионов. Однако надо отметить, что трудовую мобильность следует рассматривать не только в экономическом контексте – как инструмент решения кадровых проблем предприятий региона. Трудовая мобильность – это важное условие развития человеческого капитала.

Именно возможность для человека переместиться в другой регион, а в рамках региона, в другой район, муниципальное образование, где есть рабочие места, требующие повышенной квалификации, а также жилье, как необходимое условие для такого переезда, формируют условия для дальнейшего профессионального роста, повышения квалификации. Отсутствие жилья в потенциально новом месте жительства даже при наличии возможности трудоустройства на рабочее место, которое могло бы объективно способствовать развитию человека в профессиональном аспекте, является препятствием для формирования нового качества человеческого капитала региона, развития его производительных сил и регионального хозяйства в целом.

Таким образом, можно утверждать, что формирование и реализация эффективной жилищно-строительной политики активизирует целый комплекс экономических и социальных процессов в регионе, способствующих его стратегическому развитию.

Региональная жилищно-строительная политика как целостность имеет особые содержательно-сущностные и структурно-функциональные составляющие, которые необходимо учитывать при разработке ее теоретических и методологических положений. Отсутствие разработанных в полной мере таких теоретических и методологических положений является тормозом не только строительства жилья, но и в целом социально-экономического развития регионов. К такому выводу приходят многие исследователи[4], например, Л.В. Ивановский, М.Н. Безлепкин, Ю.В. Якишин, которые отмечают, что «Придание территориальному развитию крупных городов управляемого характера во многом сдерживается из-за отсутствия целостной научной методологии».

По нашему мнению, смысл и содержание любой политики заключается в интересах и целях обеспечения жизни человека и общества. Поэтому мы считаем, что сущность любых направлений государственной политики заключается в разработке и реализации ценностей и целей, выявлении проблем, мешающих их достижению, создании с помощью

---

[1] Смирнов В.М. Регулирование развития жилищного строительства крупного города: Автореферат дисс. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 (строительство). – СПб., 2009. – С. 3.

[2] Гринчель Б.М. Значение конкуренции в построении современной системы регионального воспроизводства // Стратегические приоритеты регионального развития: от теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства / Под ред. В.В. Окрепилова; Институт проблем региональной экономики РАН. – СПб.: Наука, 2009. – С. 58.

[3] Кузнецов С.В. Приоритетные пути трансформации региональных систем управления социальными процессами // Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН: отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – С. 451.

[4] Ивановский Л.В., Безлепкин М.Н., Якишин Ю.В. Методологические аспекты управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга и оценки результатов развития // Стратегия развития и экономическая политика: Научный альманах Экономического совета при Губернаторе Санкт-Петербурга. 2015. – Вып. 4. – С. 54.

управленческих решений механизмов достижения целей, направленных в любых областях существования, функционирования и развития общества на формирование достойной жизни с высоким качеством.

В это связи в методологию разработки любой политики, в том числе региональной жилищно-строительной политики, должны быть заложены, как минимум, два фундаментальных онтологических основания:

- обязательность ценностного целеполагания, направленного в экономических и управленческих процессах на сохранение и улучшение жизни человека и общества;
- исполнение главного смысла всеобщего универсального закона жизнедеятельности: не нанесение ущерба существованию, функционированию и развитию природы и человеческого общества.

Базовой категорией исследуемой области является понятие «политика регионального развития», которое принято на государственном уровне и определено[1] как «система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Вместе с тем ранее региональная политика определялась[2] как «система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим, и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации». При этом принято считать, что политика должна исходить от органов власти как субъектов воздействия, а управление от органов управления. Обычно законодательная власть формулирует политику, а исполнительная власть осуществляет управление. Поэтому разработанная политика должна закрепляться законодательно.

Рассматривая политику через призму управления, можем сказать, что она предстаёт как целостная система ценностей, целей, управленческих решений и мер регионального управления, направленных на преодоление выявленных проблем и достижение поставленных целей, закрепленных конкретными нормативно-правовыми актами и целевыми программами.

Ключевой категорией для исходного формирования региональной жилищно-строительной политики являются концептуальные основания этой политики. Они выполняют двоякую функцию: во-первых, они являются базисными элементами методологии разработки этой политики, во-вторых, формируют содержательно-сущностную и структурно-функциональную ее составляющие.

Таблица 1

Концептуальные основания региональной жилищно-строительной политики (ценностно-целевая проблемно-управленческая матрица)

Системные ценности	Условия реализации ценностей	Проблемы, мешающие реализации ценностей
Базовые жизнеобеспечивающие основания		
Сохранение жизни и улучшение здоровья населения региона	Создание условий для жизнедеятельности регионального социума	Неблагоприятная экология, климат, плохие санитарно-гигиенические условия жизни
Нормативно-правовые основания		
Право на жилье. Обязанность правового государства обеспечивать эти права граждан	Обеспечение права на жилье. Реализация обязательств государства по обеспечению права граждан на жилье	Недостаточно развитая нормативно-правовая обеспеченность со стороны государства по реализации права граждан на жилье
Институционально-статусные основания		
Региональная жилищно-строительная политика – системообразующий фактор стратегического развития региона	Приоритетное ресурсное обеспечение и институциональная поддержка региональной жилищно-строительной политики	Отсутствие формального (в официальных документах) и неформального (в массовом сознании) признания региональной жилищно-строительной политики фактором стратегического развития
Социально-экономические основания		
Качество жизни и качество человеческого капитала российских регионов	Обеспечение качества жизни населения регионов и роста человеческого капитала регионов как главного ресурса экономики.	Относительно невысокое качество жизни, необходимое для формирования человеческого капитала востребованного современной экономикой
Территориально-пространственные основания		
Экономическое и социальное пространство региона как самостоятельная ценность и ресурс его развития	Обеспечение рационального сочетания размещения производительных сил и расселения населения	Отсутствие региональных стратегий пространственного развития, учитывающих весь комплекс факторов стратегического развития региона
Теоретико-методологические основания		
Принципы, методы, механизмы разработки и реализации региональной жилищно-строительной политики, учитывающие ее роль в стратегическом развитии региона	Формирование методологии и организационно-методического инструментария разработки и реализации региональной жилищно-строительной политики.	Отсутствие разработанных в достаточной степени теоретических и методологических положений разработки и реализации региональной жилищно-строительной политики

Многие управленческие решения, имеющие стратегическое значение для развития страны, отдельных ее регионов, принимались без достаточной их проработки. Это приводило, как правило, к различным негативным последстви-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». – www.kremlin.ru›acts/bank/41641

[2] Основные положения региональной политики в Российской Федерации. // Российская газета. – М., 1996. – 11 июня.

ям, вынуждающим кардинально пересматривать принятые решения, разрабатывать новые стратегии и программы развития.

В качестве примеров таких, не до конца продуманных решений, принятых на федеральном уровне, можно привести концепцию пенсионной реформы, неоднозначные решения по реформированию энергетической системы страны, решения в области модернизации науки, образования, здравоохранения, очевидные ошибки в градостроительной и жилищной политике.

Существование жилищной проблемы в первую очередь обусловлено неудовлетворительным выполнением государством обязанностей по обеспечению конституционного права граждан на жилье. С учетом целого комплекса сложившихся негативных факторов эта серьезная социальная проблема требует разработки и реализации системного подхода и адекватных инструментов ее решения в виде формирования современной научно обоснованной региональной жилищно-строительной политики.

На региональном уровне особый интерес представляет проблематика именно жилищной и региональной жилищно-строительной политики, в которой сходятся и концентрируются интересы государства, населения и бизнеса, причем не только строительного, но и всего регионального бизнес сообщества, для которого строительство жилья означает: привлечение на данную территорию дополнительных трудовых ресурсов, возникновение новых полюсов роста, развитие промышленной, энергетической, транспортно-логистической и инженерной инфраструктуры, привлечение государственных и банковских инвестиционных ресурсов, необходимых для процессов строительства и приобретения населением жилья.

В интересах методологии разработки и реализации жилищно-строительной политики считаем целесообразным выделить следующие шесть основных концептуальных ценностных оснований региональной жилищно-строительной политики: базовые жизнеобеспечивающие; нормативно-правовые; институционально-статусные; социально-экономические; территориально-пространственные; теоретико-методологические.

В качестве предметных ценностей в рамках нашего исследования мы выделяем жилье для населения, а в качестве субъектных ценностей нормативную, оценочно-предписывающую сторону общественного сознания в виде норм и действий в этой области, нормативного представления о справедливой обеспеченности населения жильем и проектирования принципов действия для такой обеспеченности.

Несмотря на наличие таких правоустанавливающих документов, как Конституция РФ, Градостроительный кодекс РФ, Генеральная схема расселения РФ, Жилищный кодекс РФ, Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики» и другие законы в этой области жилищная проблема удовлетворительно не решалась в течение всех лет существования Российской Федерации. Это связано не столько с недостатком понимания сущности жилищной проблемы и механизмов ее решения, сколько с отсутствием единых научно-обоснованных и согласованных между собой алгоритмизированных моделей ее решения на всех уровнях административной вертикали.

Среди устанавливаемых основными законами страны высших ценностей выделено одно из фундаментальных прав – право на жилище, без реализации которого невозможна базисная составляющая жизни человека – его существование, что требует обеспечения со стороны государства. Для населения обеспечение этого права означает не только важнейшее условие существования, но еще и обеспечение условий формирования и сохранения основных природно-физиологических способностей[1], формирующих главный ресурс общества и экономики – человеческий капитал, обеспечивая его жизнеспособность, работоспособность, способность к обучению и адаптации. Для региона жилищно-строительная политика представляет собой один из основных способов пространственного развития. Для органов государственного управления реализация региональной жилищно-строительной политики – это не только прямое выполнение их функций и цель деятельности по обеспечению права населения на жилище, но и опосредованное через это обеспечение жизнеспособности населения, функционирования общественного хозяйства региона и жизнеспособности страны в целом.

Принципиальным основанием для разработки региональной жилищно-строительной политики является переданная на уровень субъектов РФ функция развития нормативной правовой базы, связанной с реализацией федеральных приоритетов на соответствующей территории. Поэтому разработка региональной жилищно-строительной политики как новой, в том числе законодательно-правовой модели в виде нового общественного продукта, обеспечивающего реализацию одной из важных функций государственного управления, является базисной инновацией, а её реализация, очевидно, становится приоритетным нововведением.

Региональную жилищно-строительную политику следует понимать и формировать как системную целенаправленную деятельность региональных органов государственной власти и государственного управления, бизнес-сообщества и населения, представляющую собой совокупность мер и действий законодательного, нормативного, планового, управленческого, научно-инновационного, институционального, инвестиционного, производственного, информационного, правоприменительного и правоохранного характера, направленных на создание оптимальной системы расселения людей на территории региона, позволяющей формировать и поддерживать необходимый уровень главного ресурса экономики региона – человеческого капитала, обеспечивающего функционирование территориально-производственного каркаса экономики региона, главной целью которой является обеспечение достойного качества жизни населения.

Новейшие исследования регионального российского человеческого капитала, качество которого напрямую определяют культурное, социальное, экономическое и политическое состояние регионов страны показали, что выяв-

[1] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.

ленный кризис качества человеческого капитала намного опаснее кризиса финансового и объясняет разрушение реальной экономики, производства и многих других деструктивных процессов в российских регионах. Реальные способности населения регионов не соответствуют требованиям глобальной экономики и политики. «Вбрасываемый» в регион финансовый капитал существенно превосходит ассимилирующий его человеческий капитал[1], который не в состоянии его «переварить».

Продолжающаяся нерешенность проблем в жилищной сфере, отсутствие значимых сдвигов в решении жилищной обеспеченности населения стали постоянно растущим фактором социальной напряженности, риском устойчивого состояния государства, общества, его хозяйства, а также очевидного обострения проблемы в ближайшем будущем.

Поэтому в основу стратегической разработки новой государственной политики по решению жилищной проблемы должны быть положены следующие общие основополагающие принципы:

- системная научная разработка всех направлений региональной жилищно-строительной политики как инновационного общественного продукта и применения конкретной системной методологии ее разработки и реализации для всех регионов России как главного способа решения жилищной проблемы;
- внесение значительных корректив в существующие законодательно-правовые основания разрешения жилищной проблемы и первичное формирование таковых в области региональной жилищно-строительной политики как нового для регионов постоянно действующего инструмента системного решения проблемы;
- создание на основе единой идеологии и системной методологии научно-практического центра разработок по управленческому проектированию жилищно-строительных политик для регионов РФ с учетом их специфики;
- формирование региональной жилищно-строительной политики как драйвера индустриального развития экономики регионов и российской экономики в целом;
- создание особой региональной системы управления, обеспечивающей обоснованные меры, условия и институты для формирования региональной жилищно-строительной политики и развития жилищного строительства;
- создание современной инновационной индустриальной основы жилищного строительства законодательно формируемой и регулируемой государством, которая формируется и реализуется регионами с помощью «модели рамочных для регионов правил на основе системной методологии разработки и реализации жилищно-строительной политики»;
- полноценная комплексная поддержка государством домашних хозяйств как важнейшего субъекта экономической деятельности и потребителя жилищно-строительной отрасли в процессе реализации региональной жилищно-строительной политики;
- создание со стороны государства необходимых условий в системе региональной жилищно-строительной политики, позволяющих удовлетворять потребность в жилье не только экономически активной части населения но и всех слоев общества;
- оказание эффективных мер государственной федеральной и региональной поддержки категориям граждан, которые в силу объективных причин не могут решить жилищную проблему самостоятельно.

[1] Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. Опыт психологического измерения человеческого капитала / Под ред. проф. Юрьева А.И. – СПб., 2009. – С. 119.

Шеломенцев А.Г.
д.э.н., профессор, заведующий отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН
Сятчихин С.В.
к.э.н., ведущий экономист отдела исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ СОГЛАСОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РФ[1]

Ключевые слова*: общественное участие, стратегическое планирование, согласование документов, субъекты РФ, муниципальные образования.*
Keywords*: public participation, strategic planning, coordination of documents, subjects of the Russian Federation, municipalities.*

По своему содержанию общественное участие не сводится только к информированию граждан, учету их мнения и общественному контролю в ходе правительственной деятельности, а предполагает и перераспределение власти в пользу различных социальных групп, а также их вовлечение в процессы не только принятия, но и реализации управленческих решений на государственном и муниципальном уровнях.

Основной целью этого института является повышение качества государственного и муниципального управления, учет мнений различных социальных групп, а также установление баланса интересов власти и общественности как на стадии разработки документов стратегического планирования, так и их реализации. В целом, основные положительные эффекты внедрения института общественного участия для органов власти характеризуются повышением эффективности их деятельности, формированием стимулов к принятию обоснованных решений, экономией бюджетных средств и привлечением дополнительных ресурсов из внебюджетных источников. Для социума положительные стороны общественного участия определяются обеспечением открытости административного процесса, снижением уровня коррупции, ростом доверия граждан к принимаемым чиновниками решениям. Таким образом, общественное участие как институт государственного и муниципального управления направлено на повышение эффективности деятельности правительства на различных уровнях власти.

Особенно актуальным представляется развитие общественного участия в сфере стратегического планирования. Это обусловлено необходимостью учета широкого круга социальных интересов, использования знаний и ресурсов общественности в целях повышения эффективности решений в сфере государственного и муниципального управления в долгосрочной перспективе.

Институт общественного участия в России находится на стадии становления и требует дальнейшего совершенствования. Однако чиновники в целом не заинтересованы в более активном вовлечении граждан в деятельность правительства. А между тем такая ситуация не позволит повысить общественное доверие к органам власти, а также обеспечить положительные преобразования, достигаемые за счет общественного участия.

Особенно сложной представляется проблема общественного участия в процессе согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ. Это вызвано несовершенством правовой базы в сфере стратегического планирования, которая рассматривает общественность в качестве второстепенного субъекта. Это может приводить к игнорированию ее интересов в процессе согласования муниципальных документов стратегического планирования в соответствии с целями и задачами социально-экономического развития субъектов РФ. Так, разработанные с учетом мнения общественности документы стратегического планирования на муниципальном уровне могут быть подкорректированы под давлением региональных органов власти. Это произойдет потому что законодательство не предусматривает гарантий и ответственности за надлежащее исполнение требований общественности в процессе согласования региональных и муниципальных документов стратегического планирования.

А между тем муниципальный уровень является наиболее приближенным к населению уровнем власти, призванный решать локальные проблемы. При этом большинство муниципальных образований впервые столкнулись с задачей разработки документов стратегического планирования, поскольку это было закреплено в федеральном законодательстве в этой сфере. Однако остаются недостаточно разработанными вопросы организации общественного участия в области согласования документов стратегического планирования субъектов РФ и муниципальных образований.

[1] Статья подготовлена в рамках плановой НИР Института экономики УрО РАН № 0404-2015-0021 в ИСГЗ «Факторы и механизмы развития и реализации экономического потенциала населения регионов с позиции социокультурного подхода»

Местное самоуправление как институт, занимающий промежуточное положение между государством и населением, обязан руководствоваться их долгосрочными интересами.

Поэтому требуется обеспечить развитие общественного участия в процессе согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ. Предложенные рекомендации на основании анализа нормативной правовой базы в этой сфере позволяют выработать меры по повышению эффективности общественного участия в процессе согласования регионального и муниципального планирования с учетом их долгосрочных последствий.

Согласование предполагает деятельность не только в процессе разработки проектов муниципальных документов стратегического планирования, но и их корректировки, и реализации. При этом общественное участие является инструментом отстаивания интересов муниципальных образований в их отношениях с другими публично-правовыми образованиями, фактором внебюджетного финансирования долгосрочного социально-экономического развития муниципальных образований, а также позволяет сместить акцент на использование источников саморазвития.

Наличие в отечественной системе стратегического планирования противоречий между представлениями о будущем и реальностью, между видением чиновников и различных социальных групп по поводу будущего государства и муниципальных образований в условиях полной неясности у чиновников относительно будущего страны, а также нежелания публичного освещения информации о нём в конечном итоге приводит к отсутствию логической связи в цепочке «проблемы-решения-ожидаемые результаты»[1]. Из этого очевидно, что существующая система стратегического планирования требует коренных преобразований. Проблема заключается в том, что в современной системе стратегического планирования не осуществляется проверка соответствия принятых документов стратегического планирования общественным ожиданиям. Тем самым эти документы носят формальный характер, а их принятие и реализация теряют смысл для общественности, превращаясь в ритуал.

На наш взгляд, ключевое значение приобретает общественное участие. Во-первых, вовлечение граждан в процесс стратегического планирования позволит выявить все имеющиеся проблемы в области социально-экономического развития. Во-вторых, совместное принятие чиновниками вместе с представителями общественности решений в области долгосрочного социально-экономического развития публично-правовых образований позволит повысить социальное доверие к властным институтам, а также будет способствовать вовлечению информации, ресурсов и знаний, которыми обладают граждане. В-третьих, это повысит качество административного процесса и обеспечит повышение бюджетной эффективности за счет общественного контроля.

Накопленные противоречия между субъектами РФ и муниципальными образованиями в условиях их значительной зависимости от первых приводят к ущемлению интересов местного самоуправления при принятии решений, в том числе и по вопросам стратегического планирования. Для большинства муниципальных образований традиционные методы управления не позволяют эффективно отстаивать их интересы в процессе взаимодействия с региональными органами государственной власти. Сложившаяся ситуация обусловливает потребность во внедрении и в развитии инструментария общественного участия.

Актуальность обозначенной проблемы подтверждает необходимость формирования механизма согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ, включающего не только ценностные, институциональные, финансовые, информационные предпосылки эффективного вовлечения граждан, но и мероприятия по привлечению виновных должностных лиц к ответственности за игнорирование результатов общественного участия в процессе взаимодействия государственных и муниципальных органов. Решению данной проблематики посвящено настоящее исследование.

На первом этапе будет проведен анализ правовой базы в сфере стратегического планирования на предмет регулирования вопросов общественного участия в процессе согласования муниципальных документов стратегического планирования на уровне субъекта РФ.

На федеральном уровне формирование современной институциональной базы стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований связано с принятием Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[2]. В статье 3 Федерального закона отмечено, что сущность системы стратегического планировании заключается в согласованном взаимодействии ее участников.

Кроме того, впервые на законодательном уровне в России определены правовые рамки регулирования стратегического планирования на муниципальном уровне, которому посвящены две статьи.

Статья 6 Федерального закона закрепляет полномочия органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования, которые включают целеполагание социально-экономического развития, разработку, рассмотрение, утверждение (одобрение), реализацию, мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, а также иные полномочия. При этом долгосрочные цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований должны быть согласованы с приоритетами и целями социально-экономического развития РФ и субъектов РФ. Однако Федеральный закон не закрепляет порядок такого согласо-

[1] Лексин В.Н. Стратегическое мышление при незнании будущего // Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России. Материалы научного семинара. Вып. 5 (43). – М.: Научный эксперт, 2011. – 96 с.

[2] О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: по состоянию на 3 июля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – 30 июня, № 26 (часть I). – Ст. 3378.

вания. Между тем в научной литературе эта проблема обсуждается[1]. При этом в соответствии со ст. 8 Федерального закона одной из задач стратегического планирования является «координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики». А под муниципальным управлением понимается «деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития». Тем самым общественность исключается из числа субъектов стратегического планирования. Вместе с тем согласно ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление в России предполагает самостоятельное решение гражданами вопросов местного значения[2]. При этом местное самоуправление реализуется через прямое волеизъявление, а также органы местного самоуправления. Очевидно, в Конституции РФ первостепенное значение отдаётся осуществлению местного самоуправления посредством прямого участия населения, однако законодательство в сфере стратегического планирования игнорирует этот факт.

Анализ статьи 39 Федерального закона, посвященной муниципальному стратегическому планированию, позволяет выделить его следующие ключевые особенности. Во-первых, среди муниципальных образований в нем упоминаются лишь муниципальные районы и городские округа, т.е. в муниципальных образованиях других типов исключается наличие стратегического планирования. А между тем на 1 января 2017 года среди всех 22392 муниципальных образований городские округа, в т.ч. с внутригородским делением, составили 2,51%, а муниципальные районы – 8%[3], что свидетельствует о значительном сужении сферы стратегического планирования на муниципальном уровне. Во-вторых, разработка, утверждение и реализация документов муниципального стратегического планирования осуществляется в соответствии с бюджетным законодательством, т.е. указывается на зависимость муниципальной системы стратегического планирования от бюджетного процесса. В-третьих, решения по поводу документов стратегического планирования принимаются органами местного самоуправления, т.е. население исключено из этого процесса. Однако специалисты Института экономики города утверждают, что современное законодательство в сфере стратегического планирования предоставляет широкие возможности привлечения различных участников гражданского общества[4]. В-четвертых, в отличие от других уровней власти к документам стратегического планирования на муниципальном уровне относятся лишь стратегия социально-экономического развития и план ее реализации, т.е. процессы прогнозирования и программирования выходят за рамки стратегического планирования на уровне местного самоуправления.

Вместе с тем на практике местное самоуправление находится в значительной подчиненности от других уровней власти. Во-первых, следует отметить их экономическую зависимость. Так, по данным Минфина РФ в общем объеме доходов местных бюджетов в 2016 году доля межбюджетных трансфертов без учета возврата остатков (включая субвенции) составила 63,4%[5]. В целом по Российской Федерации расходы на решение вопросов местного значения составляют 63,4% в общей сумме расходов местных бюджетов (в городских и сельских поселениях это значение достигло уровня 99,1 и 98,1% соответственно, в связи с тем, что на поселенческий уровень передавался незначительный объем государственный полномочий). Относительно 2015 года доля расходов местных бюджетов на решение вопросов местного значения снизилась на 0,2%. Расходы на осуществление государственных полномочий (переданных и не переданных) в 2016 году составили 36,2% от всех расходов[6]. Во-вторых, политическая подвластность выражена в том, что в соответствии с ч.6 ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ Законами субъекта РФ органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями субъекта РФ. При этом согласно ч. 6.1 Федерального закона Законами субъекта РФ может осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ на срок не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 4 Федерального закона срок полномочий депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации одного созыва не может превышать пять лет. А между тем в ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ указано, что среднесрочный срок в области стратегического планирования составляет от 3 до 6 лет, а долгосрочный период – более 6 лет. Другими словами, спустя 5 лет может быть осуществлено перераспределение полномочий, что негативно скажется на стратегическом планировании муниципальных образований не только в среднесрочном, но и долгосрочном периоде.

---

[1] О гармонизации документов государственного стратегического планирования: препринт WP8/2015/01 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, И.Ю. Сластихина.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – 48 с.; Пузанов А.С., Попов Р.А., Ланцев Д.М. Методические рекомендации по оптимизации стратегического планирования на муниципальном уровне. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2015. – 28 с.

[2] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – 4 августа, № 31. – Ст. 4398.

[3] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2016 год. – https://www.minfin.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/

[4] Пузанов А.С., Попов Р.А., Ланцев Д.М. Методические рекомендации по оптимизации стратегического планирования на муниципальном уровне. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2015. – 28 с.

[5] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2016 год. – https://www.minfin.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results

[6] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2016 год. https://www.minfin.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/

В отношении эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне существует ряд ограничений. Во-первых, весьма трудно изменить вектор развития стратегического планирования муниципальных образований вследствие «эффекта колеи». Во-вторых, политическая и экономическая зависимость муниципальных образований от региональных органов власти не позволяет отстаивать интересы местных сообществ, в том числе и в области стратегического планирования. В-третьих, приближенность местного самоуправления к населению требует не только учёта его мнения по значимым вопросам долгосрочного социально-экономического развития муниципальных образований, но и внедрения практик общественного участия.

Таким образом, проведенный анализ законодательства в области стратегического планирования на федеральном уровне позволил установить отсутствие положений, регламентирующих вопросы согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ.

В качестве объекта анализа регионального законодательства в сфере стратегического планирования был выбран Пермский край как субъект РФ-лидер по вопросам организации процедур стратегического планирования в России, поскольку уже в 2010 было сформировано региональное законодательство в этой сфере. Однако проведенный анализ регионального правового регулирования области стратегического планирования показал отсутствие положений о порядке взаимодействия Пермского края и муниципальных образований в этой сфере[1].

На муниципальном уровне было исследовано правовое регулирование сферы стратегического планирования в Пермском городском округе как в муниципальном образовании одном из лидеров России в области стратегического планирования, в котором в 2014 году была утверждена Стратегия социально-экономического развития до 2030 года[2].

Решение Пермской городской Думы от 23.08.2016 № 166 повторяет положения федерального законодательства о необходимости соответствия муниципальных документов стратегического планирования приоритетам и целям социально-экономического развития России и Пермского края[3]. В Решении обозначены положения о формировании рабочей группы, включающей должностных лиц местной администрации, депутатов представительного и контрольно-счетных органов местного самоуправления, а также иных лиц и формируемой в целях координации стратегического планирования социально-экономического развития города Перми. Однако в состав рабочей группы не включены представители общественности. При этом не отмечена необходимость формирования рабочих групп для согласования региональных и муниципальных документов стратегического планирования. Кроме того, для обеспечения информационной открытости проекты документов стратегического планирования размещаются на официальном сайте муниципального образования, а также подлежат общественному обсуждению.

Постановление администрации города Перми от 21.11.2016 № 1035 регламентирует вопросы обсуждения документов стратегического планирования муниципального образования[4]. Общественное обсуждение осуществляется в целях информирования, выявления, учета мнения представителей гражданского общества и подготовки предложений по итогам. Однако решение не предусматривает ответственности за неучет предложений и (или) замечаний по проекту документа стратегического планирования. Кроме того, срок общественного обсуждения составляет всего 7 дней, который нельзя признать достаточным для организации процесса общественного обсуждения. Вместе с тем Решение не содержит положений об особом порядке регулирования согласования муниципальных документов с региональными органами государственной власти субъектов РФ.

Постановление администрации города Перми от 21.11.2016 № 1036 регулирует вопросы по организации рабочей группы в области стратегического планирования муниципального образования[5]. Целью формирования рабочей группы является координация деятельности по разработке и реализации стратегии социально-экономического развития и её реализации.

Таким образом, анализ действующего законодательства в сфере стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровне показал, что вопросам общественного участия в процессе согласования документов регионального и муниципального стратегического планирования не уделяется достаточного внимания. Такая ситуация может привести к тому, что интересы местных сообществ могут быть игнорированы органами власти. Кроме того, в случае несоответствия муниципальных документов стратегического планирования региональным выработанные общественностью положения могут быть исключены из итоговых документов стратегического планирования, принятых на уровне местного самоуправления.

---

[1] О стратегическом планировании в Пермском крае: Закон Пермского края от 2 апреля 2010 г. № 598-ПК: по состоянию на 5 мая 2015 г. // Собрание законодательства Пермского края. 2010. – 9 апреля, № 4.

[2] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года: Решение Пермской городской Думы от 22 апреля 2014 г. № 85. – http://www.gorodperm.ru/actions/strategy/conception_development/dok/strategia

[3] Об утверждении положения о стратегическом планировании в городе Перми: Решение Пермской городской Думы от 23 августа 2016 г. № 166. – http://www.gorodperm.ru/actions/strategy/conception_development/akt/

[4] Об утверждении Порядка проведения обсуждения документов стратегического планирования города Перми: Постановление администрации города Перми от 21 ноября 2016 г. № 1035 // Официальный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования город Пермь. 2016. – 25 ноября, № 87.

[5] Об утверждении Положения о рабочей группе по планированию социально-экономического развития города Перми, Положения о подгруппах рабочей группы по планированию социально-экономического развития города Перми по функционально-целевым направлениям, предусмотренным стратегией социально-экономического развития муниципального образования город Пермь: Постановление администрации города Перми от 21 ноября 2016 г. № 1036. 2016. – 25 ноября // Официальный сайт муниципального образования город Пермь. – http://www.gorodperm.ru

Вследствие этого на втором этапе будут определены предпосылки и механизмы повышения эффективности общественного участия в процессе согласования муниципальных документов стратегического планирования на уровне субъекта РФ.

Ключевое значение имеют ценностные, институциональные, организационные, финансовые и информационные предпосылки. Ценностные предпосылки предусматривают осознание участниками стратегического планирования (чиновниками и социумом) необходимости вовлечения в процесс согласования документов стратегического планирования всех заинтересованных сторон, в т.ч. членов гражданского общества. Институциональные предпосылки предполагают совершенствование правового регулирования как на федеральном, так и на региональном, и муниципальном уровнях. Организационные предпосылки охватывают реализацию мероприятий по формированию координационных органов, рабочих групп, включающих все заинтересованные стороны. Финансовые предпосылки предполагают реализацию мероприятий по бюджетному стимулированию как субъектов РФ, так муниципальных образований по активизации общественного участия в процессе согласования регионального и муниципального стратегического планирования. Информационные предпосылки предусматривают формирование информационной базы согласования документов стратегического планирования, включающей результаты деятельности в этой сфере.

Кроме того, требуется разработать и внедрить различные механизмы в целях повышения эффективности общественного участия в процессе согласования муниципальных документов стратегического планирования на уровне субъекта РФ.

Механизмы инициативной разработки инструментов общественного участия направлены на создание самими гражданами способов согласования документов стратегического планирования, а также и их совершенствование. Необходимость создания и внедрения механизмов инициативной разработки инструментов общественного участия в процессе стратегического планирования обусловлена несовершенством закрепленных в законодательстве форм и методом вовлечения общественности. Вместе с тем у муниципальных чиновников отсутствуют достаточные стимулы по формированию эффективной системы взаимодействия с населением. Для решения этой проблемы предлагается создать условия по разработке непосредственно гражданами удобных для них инструментов общественного участия. Механизмы информирования предполагают формирование доступной информации о деятельности органов местного самоуправления по согласованию документов стратегического планирования. Механизмы гласности направлены на доведение соответствующей информации до общественности, поскольку основная часть населения не получает сведений об итогах согласования документов стратегического планирования. Механизмы участия предусматривают вовлечение общественности в процесс согласования документов стратегического планирования. Механизмы координации направлены на разрешение спорных ситуаций в процессе согласования документов стратегического планирования. Целью механизмов подотчетности является привлечение к ответственности чиновников путем применения к ним санкций за результаты осуществляемой ими деятельности. Механизмы оценки включают методический инструментарий определения соответствия результатов функционирования механизмов поставленным перед ними целям. В целом предложенные механизмы охватывают различные аспекты общественного участия в процессе согласования документов регионального и муниципального стратегического планирования.

Таким образом, развитие практики общественного участия в процессе согласования документов муниципального стратегического планирования на уровне субъектов РФ отражает не только современные тенденции развития государственного и муниципального управления, но и является ключевым фактором повышения эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне. Устранение ограничений эффективного функционирования института общественного участия, а также реализация предложенных авторами предпосылок и внедрение механизмов позволят обеспечить принятие более обоснованных решений в процессе согласования документов стратегического планирования с точки зрения учета интересов всех заинтересованных социальных групп.

Ядгаров Я.С.[1]

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *человеческий фактор; натуральное хозяйство и рыночная экономическая система; «экономический человек» и реальный человек; классическая политэкономия и ее противники; неоклассицизм и институционализм; кейнсианство и неолиберализм.*

Keywords*: the human factor; the natural economy and the market economic system; «economic man» and real people; classical political economy and its opponents; the neoclassicism and institutionalism; Keynesian economics and neoliberalism.*

Вопрос о месте и роли человека в хозяйственной жизни стал одним из наиболее злободневных вопросов для многих слоев общества еще в эпоху натурального хозяйства, то есть во времена Древнего мира и Средневековья. В эту эпоху в древневосточных и античных странах адептами системы натурального хозяйства являлись правители, мыслители и философы, а в период средневековья – лидеры христианства и ислама. Не менее значимым этот вопрос проявлял себя и тогда, когда наступила эпоха зарождения и становления рыночной экономики и в хозяйственной жизни (творческими усилиями сначала приверженцев меркантилизма, затем лидеров классической политической экономии и их противников, а далее неоклассицизма и институционализма) стал практически доминировать принцип всеохватности товарно-денежных отношений. В результате возникшие за все это время многообразные альтернативные ответы на данный вопрос все еще требуют осмысления и переосмысления, оставаясь востребованными для теоретических школ, течений и направлений экономической науки и в наши дни.

В данном контексте непреходящими ценностями и историческими памятниками экономической науки являются, в частности, натурально-хозяйственные экономические идеи правителей, философов древневосточных и античных стран, лидеров католицизма и ислама в средневековом периоде. Их суждения, концепции и доктрины базируются, как правило, на наблюдениях и видении места человека в хозяйственной жизни через призму здравого смысла и преимущественно в категориях нормативного подхода и понятиях морали и этики, добра и зла. Ими внедрены в научный оборот первые трактовки форм и направлений экономической политики, предполагающие необходимость регламентации взаимоотношений субъектов экономики и масштабов товарного производства, а также непосредственное либо опосредованное участие государства в хозяйственной жизни[2].

Хрестоматийными примерами исторических памятников древневосточного периода явились древневавилонские «законы Хаммурапи» и древнекитайский трактат «Гуань-цзы», древнеиндийский трактат «Артхашастра», а в античном периоде – модели идеального государства античных философов Платона и Аристотеля и многое другое. В них место и роль человека в хозяйственной жизни трактуются через призму многообразных экономических категорий, как-то: богатство и его формы, собственность и ее формы, деньги и их функции, товар и его свойства, стоимость и «справедливая цена», налоги и их формы, торговая прибыль и ссудный процент, обмен и ростовщичество. Но в то же время из толкования сути этих категорий часто недвусмысленно следует, как например, у Аристотеля неприятие крупной (оптовой) торговли и ссудных операций и тенденциозный анализ этапов эволюции форм торговли и денежного обращения. В частности, такие ранние формы торговли, как прямой товарообмен и товарообмен посредством денег, он относит к некой естественной сфере – сфере, которую называет «экономика», а ростовщичество и движение торгового капитала, то есть когда товарообмен осуществляется с приращением первоначально авансированных на эти цели денег, – к неестественной сфере, называемой им «хрематистика». По словам Аристотеля, ростовщичество «с полным основанием вызывает ненависть» и является «по преимуществу противным природе», потому что «оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег»[3].

Апологетика средневековыми схоластами натурально-хозяйственной идеологии, приоритетной роли в экономике и анализе хозяйственной жизни морально-этических методологических принципов тесно увязывается, к примеру, с постулированием школами ранних и поздних канонистов альтернативных трактовок экономической категории «справедливая цена» и предпосылок деления труда человека на умственный и физический виды. При этом с точки зрения первых (Августин, другие ранние канонисты) она является подлежащей «установлению» знатью и собственни-

[1] Ядгаров Яков Семенович – д.э.н., профессор, зав. секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории Финансового университета. E-mail: yakovyadgarov@mail.ru

[2] Ядгаров Я.С. История экономических учений: Учебник для вузов по экономическим специальностям (изд. 4-е, перераб. и доп.). – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 48-61.

[3] Аристотель. Соч. В 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 395.

ком товара затратной характеристикой, а торговая прибыль и ростовщический процент – это виды дохода, извлечение которых в силу их греховной сущности следует запрещать. С точки зрения вторых (Аквинат, другие поздние канонисты), «справедливая цена» имеет как затратную, так и морально-нравственную сущность, вследствие чего требуется учитывать положение продавца на рынке и увязывать ее уровень еще и с нематериальными издержками (включая тот «риск», которому подвергает себя собственник товара, лишаясь его при продаже). Торговая прибыль и ростовщический процент – это вознаграждение за «риск» соответственно торговца и ростовщика. А принципы деления труда человека по видам и определения его роли в хозяйственной жизни, по Аквинату, таковы: «Деление людей по различным профессиям обусловлено, во-первых, божественным провидением, которое разделило людей по сословиям… Во-вторых, естественными причинами, которые определили то, что различные люди склонны к различным профессиям…»[1].

Периоды меркантилизма и классической политической экономии явились этапом окончательного перехода от натурально-хозяйственной системы к рыночной экономической системе, «не опирающейся на непосредственное принуждение»[2]. Именно лидеры этих направлений мировой экономической мысли создали «предпосылки для научного исследования и систематизированного описания хозяйственной деятельности людей», обусловили «выделение политической экономии» и формирование концепции об «особой модели человека, легшей в основу новой самостоятельной науки», для которого «стремление к богатству» и есть «главный мотив поведения»[3].

Одновременно следует указать на обращенность идеологов меркантилизма к исключающей условия для конкурентной среды и свободного ценообразования протекционистской экономической политике в практике предпринимательской деятельности и постулирование положения о том, что источник богатства и индивида и государства следует видеть непременно в неэквивалентном обмене во внешней торговле. Данные сентенции меркантилистов в период так называемого позднего (зрелого) французского меркантилизма предопределили, как известно, возникновение феномена, вызванного несбалансированной государственной протекционистской политикой, обусловливающего узость внутреннего рынка (получившего впоследствии название «кольбертизм»).

В свою очередь всемерная актуализация и пропаганда представителями классической политической экономии принципов классового анализа экономических явлений и экономического либерализма и отождествление богатства с совокупностью товарных ценностей, создаваемых в сфере материального производства, основывались на апологии доктрины laissez faire в смитианских концепциях об «экономическом человеке» и «невидимой руке». Из этих концепций и вытекают известные и ныне ортодоксальные суждения классиков и ранних неоклассиков о месте и роли человека в той саморегулирующейся (получившей впоследствии название «закон Сэя») экономической системе (экономике свободной конкуренции), в которой проявляют себя «объективные, не зависящие от воли и желания индивида экономические законы». Ведь в понимании А. Смита, и он это постоянно подчеркивает в своем «Богатстве народов», рыночные законы лучшим образом могут воздействовать на экономику, когда частный интерес стоит выше общественного, то есть когда интересы общества в целом рассматриваются как сумма интересов составляющих его лиц.

Между тем о тенденциозности понятия смитовского «экономического человека» в современной экономической литературе упоминают довольно часто. Например, по оценке Л. Мизеса, после А. Смита экономическая наука вплоть до нашего времени в сущности «изучает не живых людей, а так называемого «экономического человека», фантома, имеющего мало общего с реальными людьми. Абсурдность этой концепции, – продолжает он, – становится вполне очевидной, как только возникает вопрос о различиях между человеком реальным и экономическим. Последний рассматривается как совершенный эгоист, осведомленный обо всем на свете, и сосредоточенный исключительно на накоплении все большего и большего богатства»[4].

В период апогея классической политической экономии, именуемый научным экономическим сообществом периодом промышленного переворота, берет свое начало творчество противников абсолютизации доктрины laissez faire – лидеров экономического романтизма, утопического социализма и немецкой исторической школы. Лидеры названных направлений мировой экономической мысли обозначили, можно сказать, первую целостную реалистичную критику этой доктрины с позиций неприятия смитовских идей об «экономическом человеке» и «невидимой руке».

В частности, экономисты-романтики (по терминологии К. Маркса – приверженцы мелкобуржуазной политической экономии) в своих сочинениях во главу угла ставили проблематику защиты социально-экономических интересов «третьих лиц» (мелких производителей – ремесленников, крестьян, кустарей) и рабочих. Они впервые дали оценку роли «третьих лиц» в предотвращении экономических кризисов и придании экономике социальной направленности, обосновали значимую роль в экономике мелкой собственности (малого бизнеса), выдвинули концепции реформирования либеральной экономики. Причем согласно родоначальнику экономического романтизма С. Сисмонди реформы следует осуществлять «сверху», то есть посредством реализации правительством соответствующих законодательных решений (полагая, что «только власть» может не допустить расширение производства ради интересов «отдельных лиц»[5]), а по мысли другого более позднего экономиста-романтика П. Прудона – «снизу», то есть посредством самоорганизации трудящихся.

---

[1] Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1982. – С. 129.

[2] Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – С. 59.

[3] Там же, с. 59-60.

[4] Мизес Л. фон. О некоторых распространённых заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS. 1994. – Т.2, вып. 4. – С. 207.

[5] Сисмонди С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. – М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. – Т. 1. – С. 168.

Представители утопического социализма, оппонируя классикам, так же как и экономисты-романтики пропагандировали идеи социальной направленности экономики, акцентируя в своих суждениях о месте и роли человека в хозяйственной жизни внимание на необходимости обоснования программ социально ориентированных экономических реформ как «снизу» (Р. Оуэн, Ш. Фурье), так и «сверху» (К. Сен-Симон). Весьма примечательными по этому поводу представляются следующие обобщения известных историков экономической мысли Ш. Жида и Ш. Риста[1]:

– К. Сен-Симон и его единомышленники являются «истинной предтечей коллективизма», поскольку они стремятся «захватить в коллективную организацию всех членов нации» и возможность такого объединения предполагают «сверху», то есть посредством «национализации» и других действий «правительства экономического», которое сменит «правительство политическое»;

– Р. Оуэн и Ш. Фурье и их последователи – это «социалисты-ассоцианисты», так как в отличие от «сенсимонистов» желают, чтобы «индивид не потерялся в массе», и предпочитают «сохранить его с помощью организации маленьких автономных групп», то есть предполагают, что «объединение... придет снизу, а не сверху».

Что касается представителей немецкой исторической школы, то они в своих суждениях о месте и роли человека в хозяйственной жизни весьма убедительно аргументировали тезис о влиянии на экономический рост всей совокупности факторов, противопоставив каузальному (причинно-следственному) методу анализа функциональный и исторический методы[2]. Именно неординарные методологические основания немецкой исторической школы позволили ей раскрыть несостоятельность одной из центральных методических позиций классиков, согласно которой в экономической науке приоритетное значение имеют якобы главным образом экономические законы, факторы и категории, и их действие объявляется универсальным и неотвратимым во все времена и для всех народов (государств). Очевидно и то, что представители исторической школы (в отличие от классиков) исходят из того, что экономические законы не следует отождествлять с природными законами (например, законы химические, физические и т. п.), которые неизменно проявляют себя благодаря стабильному характеру вызывающих их действие заранее известных элементов и компонентов. Поэтому, наперекор классикам, они указывают на не универсальный характер политической экономии и зависимость результативности экономических процессов не только от экономических (базисных), но и от многообразных факторов неэкономического (надстроечного) свойства, включая «человеческий фактор».

Наконец, говоря о ключевых нововведениях ученых-экономистов в области исследований проблематики места и роли человека в хозяйственной жизни в период новейшей истории мировой экономической мысли, прежде всего, необходимо упомянуть об одной из центральных теорий маржиналистской парадигмы экономической науки – теории предельной полезности, вошедшей в научный оборот благодаря родоначальникам маржинализма. Не случайно эту теорию Л. Мизес охарактеризовал следующим образом: «…отличительная черта современной теории предельной полезности состоит в том, что она обращает особое внимание на несовершенство реального человека. Эта теория... имеет дело с решениями, которые принимают все участники общественной жизни, взаимодействующие друг с другом на основе разделения труда»[3].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что в указанном – новейшем периоде истории мировой экономической мысли – представители нынешнего неортодоксального неоклассицизма и институционализма, а также приверженцы кейнсианства и неолиберализма, оперируют целостным инструментарием предельного экономического анализа, включающим в себя и теорию предельной полезности. Получаемые ими новые результаты базируются также на использовании в научных изысканиях постулатов демонополизации и государственного регулирования экономики. Их ответами на исследуемый в данной статье вопрос и одновременно вкладом в сокровищницу современной экономической науки стали:

– введение в научный оборот обоснования психологической оценки индивидом полезности и принципа неэквивалентного характера обмена благ через призму теории стоимости, разработанной на базе концепции предельной полезности благ;

– обоснование экономической модели, в которой деятельность хозяйствующего субъекта исследуется через призму функционального метода анализа и в рамках которого в качестве самостоятельных разделов экономической науки представлены микроэкономика и макроэкономика.

[1] Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. – М.: Экономика, 1995. – С. 170, 185, 186.

[2] Ядгаров Я.С. Ответы экономической науки на вызовы хозяйственной жизни в эпохи дорыночной и нерегулируемой рыночной экономики // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – М., 2014. – № 3 (69). – С. 44.

[3] Мизес Л. фон. Указ. соч., с. 207.

Яковлева С.И.
д.э.н., доцент, профессор Тверского государственного университета
Sv_Yakowleva@mail.ru

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РЕГИОНА: ОПЫТ ЗЕМЛИ СЕВЕРНЫЙ РЕЙН–ВЕСТФАЛИЯ, ГЕРМАНИЯ

Ключевые слова: *региональная стратегия, региональный план, общественное обсуждение, онлайн-формы общественного обсуждения.*
Keywords: *regional strategy, a regional plan, public discussion, on-line forms of public discussion.*

Международная практика активного участия общественности в региональном стратегическом планировании включает разные формы, которые по функциональному признаку объединяются в три группы – информационные, консультационные, совместная разработка и реализация [1]. В Федеральном законе «О стратегическом планировании РФ» (2014) [2] такой формой названо *«общественное обсуждение»*. Заметим, что «общественное обсуждение» шире информационного понятия «общественные слушания».

Главная функция «общественного обсуждения» в региональном стратегическом планировании – это выявление общественного мнения, учет предложений и замечаний. А формы организации массового участия общественности в процессе разработки региональных стратегий могут быть разные. Интересной и очень продуктивной формой является онлайн-участие общественности в экспертизе проектов стратегических документов. В данной публикации на примере разработки нового Плана развития земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия) показаны онлайн-формы, позволившие жителям (и организациям) региона внести свои критические и/или конструктивные предложения в проект Регионального плана.

Напомним, что начало немецкого регионального планирования датируется с 1920-х гг. – в межвоенные годы, когда начали свою работу ассоциации регионального планирования [11]. Немецкая Конституция (действует с 1949 г.) [6] предоставила муниципалитетам широкие полномочия в планировании их территорий. В 1960-х годах юридически обязательным инструментом стал «Региональный план». В 1998 г., уже после объединения Германии, был принят Федеральный Закон о Региональном планировании [12]. Закон определяет общие цели и правовые рамки регионального планирования, и носит *рекомендательный характер* для административных структур. В 2004 г. принят Федеральный *строительный кодекс* (Baugesetzbuch) [4]. Он определяет компетенции планирования на уровне муниципалитетов: составляются Планы использования земель (Flächennutzungsplan) и Планы застройки (Bebauungsplan). Закон установил правила и меры по охране природы и окружающей среды в период строительных работ, а также правила расчетов компенсационных выплат муниципалитетам и др.

Главными разработчиками стратегий пространственного развития страны и регионов продолжают оставаться Ассоциации регионального планирования. Особенно много их появилось после войны, в 1950-е гг. они были организованы для восстановления сильно разрушенных городов. Участие общественности обязательно в немецкой системе планирования.

Основные документы регионального (стратегического) планирования:

- Планы и программы развития федеральных земель (Landesentwicklungsplan и Landesentwicklungsprogramm) – это стратегические документы, совмещающие социально-экономическое и территориальное планирование федеральных земель и их районов.
- Региональные планы (Regionalpläne) районов планирования (Raumordnungsregion). Германия разделена на 114 районов планирования.
- Комплексные планы городов (стратегии развития).
- Стратегии городских агломераций. Городским агломерациям, которые располагаются на границах двух федеральных земель, рекомендуется осуществлять общее региональное планирование. Пример: Совместная инновационная стратегия земель Берлин и Бранденбург (innoBB), 2011 [5].

Подробнее покажем особенности регионального планирования на примере федеральной земли **Северный Рейн-Вестфалия** (NRW). Столица – город Дюссельдорф. Крупнейший по численности населения город – Кёльн. Общая численность населения – 17,6 миллиона человек (самая населённая из земель ФРГ), здесь сосредоточено 29 из 80-ти крупных немецких городов. Продолжается социально-экономическое реформирование региона – от горнодобывающего и металлургического центра Германии к «Культурной столице Европы 2010». В рамках проекта «Рур 2010 – культурная столица Европы» [13], город Эссен представлял в данном проекте весь Рурский регион. Кардинальная трансформация специализации экономики региона потребовала трансформации его территориальной структуры. Северный Рейн-Вестфалия является *густонаселенной землей* Германии. На ограниченном пространстве (34,1 тыс. км²) и при наличии различных ресурсов предъявляются особые требования к предоставлению земельных участков для развития конкурирующих между собой видов деятельности. Эти вопросы последовательно решались в процессе разра-

ботки и активного обсуждения нового проекта «Плана развития земли Северный Рейн-Вестфалия» [8] (далее – План). Предыдущий План действовал с 1995 г. [7], новый вступил в силу 8 февраля 2017 года [10]. Работа над этим планом шла с 2013 г.

В **содержание нового Плана** [9] включены разнообразные тематические разделы, в том числе основные (с проектными картами):

1.1. Новые проблемы.

1.2. Демографические изменения (прогноз). Комментарии и табл. см. ниже.

1.3. Устойчивое экономическое развитие.

1.4. Сохранение природы, возобновляемых ресурсов и климата

2. Пространственная структура страны.

Пространственное развитие в соответствии с новым Планом [9] выровнено по существующей, функционально структурированной системе центральных мест (Zentrale Orte). Трехуровневая система центральных мест включает *региональные центры* (Oberzentren), *районный центры* (Mittelzentren), *базовые центры* (Grundzentren). План предлагает продолжать фокусироваться на эффективной *пространственной концентрации* государственных и частных учреждений обслуживания и коммунальных услуг. Число центральных мест в новом Плане развития осталось без изменений (с 1979 г.). Это является результатом исторических процессов и в то же время основой для дальнейшего территориального развития. Центральные места связаны эффективными транспортными и коммуникационными сетями. В земле Северный Рейн-Вестфалия в каждой общине *статус опорного центра* гарантирует его обитателям первичную медицинскую помощь и быструю доставку товаров народного потребления. Региональные и районные центры с бóльшими транспортными расходами должны быть доступны из любого места для частного и общественного транспорта. Для обеспечения этого *необходимо гарантировать мобильность* населения за счет сохранения и улучшения качества работы *общественного транспорта*.

3. Сохранение культурных ландшафтов.

4. Защита климата и адаптация к изменению климата.

5. Региональное и приграничное сотрудничество.

6. Расселение.

….

8. Транспорт и техническая инфраструктура.

…..

9.3. Энергетическое сырье.

и др.

Новый План развития федеральной земли Северный Рейн–Вестфалия [9] представляет собой *сочетание* стратегии социально-экономического развития, территориального (пространственного) планирования и градостроительства. Эта интегральная модель может быть рекомендована для стратегического планирования российских регионов.

Таблица 1

Фрагмент проекта Плана развития федеральной земли Северный Рейн–Вестфалия, пересмотренный проект, сентябрь 2015 г.: раздел «Демографические изменения» [8, с. 19-20]

Begründungsentwurf - Stand: 25.6.2013 entfallender Text ist ~~durchgestrichen~~	**Änderungen des Entwurfs – Stand 22.09.2015 geänderter Text ist unterstrichen**
~~**Demographischer Wandel**~~	**1.2 Demographischen Wandel gestalten**
	Ausgangslage:
In Nordrhein-Westfalen leben heute ~~(2012) ca. 17,8~~ Mio. Menschen ~~(9,1 Mio. Frauen / 8,7 Mio. Männer)~~. In den 1990er Jahren verzeichnete Nordrhein-Westfalen einen Bevölkerungszuwachs von annähernd 0,9 Mio. Menschen (0,4 Mio. Frauen / 0,5 Mio. Männer). Dieser Trend setzt sich nicht fort. ~~Nach der Vorausberechnung der Bevölkerung in den kreisfreien Städten und Kreisen Nordrhein-Westfalens 2011 – 2030/50 wird die Bevölkerung in Nordrhein-Westfalen von 2012 bis 2030 um 3,6 % abnehmen.~~ Von diesem landesweiten Bevölkerungsrückgang werden die Teilräume Nordrhein-Westfalens sehr unterschiedlich erfasst. ~~Während z. B. für den Raum Köln/Bonn, die Städte Aachen, Düsseldorf, Münster und Leverkusen sowie den Rhein-Erft- und Rhein-Sieg-Kreis und die Kreise Kleve, Gütersloh und Paderborn noch eine weitere Bevölkerungszunahme erwartet wird, geht die Landesstatistik davon aus, dass die Bevölkerung im Ruhrgebiet, im Bergischen Städtedreieck sowie im Südosten und in einigen Kreisen im Nordosten des Landes von 2012 bis 2030 zum Teil um über 10 % zurückgehen wird.~~	In Nordrhein-Westfalen leben heute (2014) ca. 17,6 Mio. Menschen (9,0 Mio. Frauen / 8,6 Mio. Männer). In den 1990er Jahren verzeichnete Nordrhein-Westfalen einen Bevölkerungszuwachs von annähernd 0,9 Mio. Menschen (0,4 Mio. Frauen / 0,5 Mio. Männer). Dieser Trend setzte sich nicht fort; im ersten Jahrzehnt dieses Jahrhunderts stagnierte die Bevölkerungszahl. Seit 2011 nimmt die Bevölkerung in Nordrhein-Westfalen jedoch – vor allem aufgrund hoher Zuwanderungsüberschüsse - wieder zu, und nach der aktuellen im Auftrag der Staatskanzlei von IT.NRW erstellten Vorausberechnung der Bevölkerung in den kreisfreien Städten und Kreisen Nordrhein-Westfalens 2014 – 2040/60, im Folgenden kurz "aktuelle Bevölkerungsvorausberechnung" genannt, wird sie zunächst von 2014 bis 2025 weiterhin um etwa 0,9% zunehmen, bis 2035 wieder auf das Niveau von 2015 absinken und danach kontinuierlich zurückgehen. Von dieser landesweiten Entwicklung werden die Teilräume Nordrhein-Westfalens sehr unterschiedlich erfasst. So lässt sich nach den Ergebnissen der aktuellen Bevölkerungsvorausberechnung ein Bevölkerungswachstum von mehr als 10 % bis 2040 für die kreisfreien Städte Düsseldorf, Köln, Bonn und Münster feststellen; diese Städte haben als Einzige unter den kreisfreien Städten und Kreisen aufgrund ihrer Altersstruktur noch einen Geburtenüberschuss. Zuwächse

Краткий перевод фрагмента:

Конструктивное обоснование – состояние на 06.25.2013 Отмененный текст ~~перечеркнут~~	Поправки к проекту – состояние на 09.22.2015 Исправленный текст подчеркнут
~~Демографические изменения~~	**1.2 Формы демографических изменений**
В земле Северный Рейн-Вестфалия около 17,8 млн. чел. (2012): 9,1 млн. женщин / 8,7 млн. мужчин. В 1990-е годы, произошло увеличение населения примерно на 0,9 млн чел. (0,4 млн. женщин / 0,5 млн. мужчин). Эта тенденция не продолжилась. По прогнозам население в Северной Рейн-Вестфалии в 2012–2030 гг. уменьшится на 3,6%. Эта тенденция уменьшения населения касается многих частей региона. В то время как в крупных городах и их окрестностях – Кёльн / Бонн, Аахен, Дюссельдорф, Мюнстер и Леверкузене и в районе Рейн-Эрфт и Рейн-Зиг и районах Клеве, Гютерсло и Падерборн, по-прежнему, ожидается прирост населения при условии, что население в Руре, в районе города Бергиш и на юго-востоке, и в некоторых округах на северо-востоке страны будет уменьшаться с 2012 по 2030 гг., в некоторых случаях более чем на 10%.	В земле Северный Рейн-Вестфалия около 17,6 млн. человек: 9,0 млн. женщин / 8,6 млн. мужчин (**2014**). В 1990-е годы произошло увеличение населения примерно на 0,9 млн. чел. (0,4 миллиона женщин / 0,5 млн. мужчин). Эта тенденция не продолжилась: в первом десятилетии этого века население осталась на прежнем уровне. В 2011 г. население в Северной Рейн-Вестфалии выросло в основном из-за высокой иммиграции. По прогнозам в центральных городах и районах Северной Рейн-Вестфалии в период 2014–2040/2060 гг. («текущий демографический прогноз») населения будет продолжать расти с 2014 года до 2025 года примерно на 0,9%, затем произойдет падение до уровня 2015–2035, а далее будет снижаться непрерывно. Это будет характерно для многих частей региона. Рост населения более чем на 10% к 2040 году для городов Дюссельдорф, Кельн, Бонн и Мюнстер установлен в соответствии с результатами последнего демографического прогноза; эти города растут быстрее в связи с возрастной структурой их населения и превышением рождаемости над смертностью. Рост людности на 5–10% прогнозируется для городов, которые расположены в непосредственной близости от столицы и наиболее крупных городов.

Подробнее покажем ***форму участия общественности*** в обсуждении проекта Плана развития Земли Северный Рейн-Вестфалия [9–10]. Проект Регионального плана (LEP NRW) был разработан в 2013 г. В апреле-сентябре 2015 года, правительство Земли NRW решило существенно изменить проект нового плана развития и провести вторую процедуру участия общественности для измененных частей проекта. Все государственные органы, участвовавшие в этой работе, а также граждане страны и прилегающих районов, смогли представить свои замечания по исправленным частям проекта LEP NRW к 15 января 2016 года. Для обсуждения общественности была предложена уточненная версия плана [8]. Замечания и рекомендации можно было отправлять в режиме онлайн или по электронной почте. Для знакомства с проектом документ был показан в табличной форме (см. фрагмент в табл.1). В левой коронке даны положения уточненного проекта 2013 года, справа – новые положения с изменениями в сентябре 2015 г. В табл. 1 показан фрагмент проектных уточнений в разделе «Демографические изменения». Согласование проектных предложений потребовалось в связи с неточным прогнозом населения, в том числе по отдельным районам Земли Северный Рейн-Вестфалия.

В **ресурсных районах** добычи полезных ископаемых ключевым вопросом территориального проектирования является разработка системы «отраслевого» расселения, в том числе в сочетании с традиционным расселением местных жителей. В староосвоенных и плотно заселенных ресурсных районах эта задача особенно актуальна в период активного расширения мест открытой добычи (карьеров). Расширение карьерных «полей» вызывает необходимость переселения отдельных населенных пунктов, как правило, сельских – деревень, сел, поселков. Поэтому важнейшей задачей пространственного планирования является *контроль за развитием поселений*. Вопрос о целесообразности переселения – это не столько техническое и экономическое решение, сколько – социальное. Требуется учесть мнение местных жителей. См. пример онлайн-консультаций, проведенных в период разработки Регионального плана земли Северный Рейн-Вестфалия в связи с предварительным проектным решением о переселении трех населенных пунктов в зоне расширения открытых карьеров по добыче бурого угля [10]. Всего получено более 1400 комментариев, мнение жителей было учтено и план расширения карьера отодвинут во времени до 2030–2045 гг. Рекомендовано переселение самостоятельно не проводить. При этом местное население получило обещание, гарантирующее 15-летнее сохранение деревень, так как первая подготовительная работа по процедурам переселения начинается примерно за 15 лет до фактического начала горных работ. Этот пример современной формы активного участия общественности в разработке документов стратегического планирования для учета мнения местных жителей.

В заключение заметим главное: стратегическое планирование для «организации территории» – это коллективная работа, обязательно с привлечением на стадии разработки (и переработки) местных жителей, региональных университетов, общественных организаций. Опыт земли Северный Рейн–Вестфалия представляется очень интересным и полезным для регионального стратегического планирования России.

Список литературы

1. Модель общественного участия в процессе стратегического планирования. – М.: Фонд «Институт экономики города». – 16 с. – https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/49/15108429015d084b842cfa308ce72572045f60beb5/Model.pdf/
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (статья 13). – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/20151113
3. Яковлева С.И. Интегральная модель регионального стратегического планирования // Псковский регионологический журнал. 2016. – № 26. (2). – С. 114–128. – http://elibrary.ru/item.asp?id=25984153
4. Baugesetzbuch (BauGB), 2004. – http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bbaug/gesamt.pdf

5. Gemeinsame Innovationsstrategie der Länder Berlin und Brandenburg (innoBB), 2011. – http://innobb.de/sites/default/files/gemeinsame-innovationsstrategie-der-laender-berlin-und-brandenburg-innobb-372.pdf
6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland GG. Ausfertigungsdatum: 23.05.1949. – http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf
7. Landesentwicklungsplan Nordrhein-Westfalen (LEP NRW), 1995. – http://www.dortmund.de/media/p/stadtplanungs_und_bauordnungsamt/stadtplanung_bauordnung_downloads/Landesentwicklungsplan_NRW.pdf
8. Landesentwicklungsplan Nordrhein-Westfalen überarbeiteter Entwurf September 2015. – https://land.nrw/sites/default/files/asset/document/01_10_2015_lep_text_zweite_beteiligung_lanuv.pdf
9. Landesentwicklungsplan Nordrhein-Westfalen (LEP NRW) vom 14.12.2016. – https://www.land.nrw/sites/default/files/asset/document/lep_nrw_14-12-16.pdf
10. Landesplanung [Электронный ресурс]. URL: https://www.land.nrw/de/thema/landesplanung.
11. Mertins G., Paal M. Regional Planning in Germany. Institutional framework, instruments and effectiveness // Estudio de casos sobre planificacion regional. 2011. P. 31–49. – http://www.ub.edu/medame/PRMertins.pdf
12. Raumordnungsgesetz (1998 г. ред. 2015 г.). – http://www.gesetze-im-internet.de/rog_2008/
13. Ruhr. 2010: Рурская область – культурная столица Европы. – http://dw.com/p/LOyL

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

Апанасенко Г.Л.
д.м.н., профессор Национальной медицинской академии последипломного образования, Киев
apanas@ukr.net

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, МЕДИЦИНА 4Р И ВАЛЕОЛОГИЯ: ОТ ЧЕГО ОТКАЗАЛАСЬ РОССИЯ?

Ключевые слова: *человеческий капитал, Медицина 4Р, валеология, стратегия здравоохранения.*

Россия, обладающая огромным природным и воспроизводимым потенциалом, подошла к тому, что количественные и качественные показатели ее человеческого капитала приближаются к границе, когда не может быть обеспечено решение задач собственного развития и воспроизводства, развития экономики, освоения территориальных, природных, сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. И это связано, прежде всего, с состоянием здоровья населения.

Сегодня здоровье необходимо рассматривать как экономическую категорию – основу человеческого капитала. Инвестициями в человеческий капитал являются сохранение и укрепление здоровья, воспитание, образование, медицинская и социальная помощь. Но соответствует ли стратегия здравоохранения сохранению и воспроизводству человеческого капитала?

Ведущими причинами высокой смертности населения являются хронические неинфекционные заболевания – ХНИЗ (сердечно-сосудистые, злокачественные новообразования, эндокринные, заболевания дыхательной системы), составляющие до 87% всех причин смерти. Общепринято считать, что для улучшения здоровья населения надо бороться с ними, что по сути своей с точки зрения сохранения человеческого капитала бессмысленно и экономически не оправдано. Необходимо чётко себе представлять, что эти заболевания являются следствием снижения уровня здоровья, вызванного целым рядом причин, обусловленных влиянием общества, поведенческих особенностей индивида и природной среды. В то же время низкий уровень здоровья таблетками не лечится, ибо *механизмы здоровья и болезни различны, также как различны и технологии воздействия на них.*

Если мы хотим сохранить или повысить качество человеческого капитала, необходимо радикально менять стратегию здравоохранения. Суть её заключается в переходе от не оправдавшей себя «концепции постоянного совершенствования медицинской помощи населению» к «концепции воспроизводства, сохранения и укрепления здоровья населения». Существуют ли хоть какие-нибудь предпосылки для этого?

В 2008 г. увидел свет доклад Hood L. & Galas D. «P4 Medicine: Personalized, Predictive, Preventive, Participatory», подготовленный для компьютерной исследовательской Ассоциации США (7). Подзаголовок доклада выглядит следующим образом: «A Change of View that Changes Everything», что в переводе означает: «Изменение взгляда, который меняет всё». Доклад начинается со слов: «Медицина переживает сейчас великую революцию, которая изменит сущность здравоохранения и означает переход от реакции (на болезнь) к превенции». Действительно, с появлением Медицины 4Р появилась новая парадигма медицинского мышления и медицинской помощи, которая определит развитие отрасли на ближайшие десятилетия. Каким образом?

Дело в том, что современная медицина делает упор на борьбу с уже существующими проявлениями болезни, не всегда глубоко вникая в причины её появления. То есть механизмы развития современной патологии остаются не до конца выясненными. Но такой «ремонт» организма не дает долгосрочного эффекта, не восстанавливает в полной мере человеческий потенциал и является временной мерой. Акценты в медицине должны полностью сместиться так, чтобы предотвращать появление болезней. Именно это и предлагает профессор Л. Худ, президент Института системной биологии в Сиэтле и автор идеи создания 4Р медицины. В будущем врачи смогут, утверждает он, определять сбои в системе под названием «организм» еще до возникновения болезни.

4Р медицина имеет четыре составляющие:

Прогноз. Прогнозирование болезни на основе генома и индивидуальных характеристик организма. Соблюдение этого принципа позволяет прогнозировать возможные заболевания на основе изучения индивидуальных особенностей человека. То есть, определив факторы риска («ущербные» гены), врачи могут предсказать, что у пациента при определённых эпигенитических условиях разовьётся болезнь Альцгеймера, рак простаты или другое заболевание.

Профилактика. Зная характер прогнозируемой патологии, можно предотвратить возникновение болезни. С внедрением новых подходов можно предотвратить болезнь, пока человек еще здоров. Это легче, приятнее и дешевле.

Персонализация – индивидуальный подход к каждому человеку. Речь идёт о создании уникального генетического паспорта для контроля над здоровьем пациента. Медицина должна будет ориентирована не на лечение болезни вообще, а конкретного больного в частности.

Партисипативность, т.е. активное участие самого пациента и привлечение разных специалистов. Таким образом, предполагается партнерство и подразумевается широкое сотрудничество различных врачей-специалистов и самого пациента, который превращается из объекта лечения в полноценного участника этого процесса. Эта связка должна создавать в нашем сознании устойчивую мотивацию для ведения здорового образа жизни и постоянного мониторинга собственного здоровья.

Такой комплексный подход, по мнению автора, сможет изменить возможности медицины и подходы к лечению больных. «В ближайшие три десятилетия мы будем свидетелями удивительного увеличения продолжительности жизни человека, возможно — на 10–20 лет», – утверждает автор новой парадигмы здравоохранения.

Одним из необходимых условий воплощения 4Р медицины является получение большого количества данных о человеке. Для этого потребуется постоянное генетическое и биохимическое тестирование с широким использованием информационных технологий.

В марте 2014 года Институт системного здоровья в Сиэтле запустил проект, в котором участвуют 100 добровольцев. На протяжении 9 месяцев постоянно отслеживались важнейшие жизненные показатели этих людей. По ходу поступления данные анализировались и, если показатели отклонялись от нормы, испытуемым давались советы по коррекции образа жизни. Так исследователи проверяют в действии идею создания 4Р медицины. По завершении первого эксперимента планируется новое крупномасштабное исследование, которое будет длиться 25 лет и включать 100 тысяч человек. За это время исследователи постараются окончательно отработать тактику действий и усовершенствовать подходы, с помощью которых можно будет заботиться о здоровье. И тогда малейшие сбои в организме, происходящие на молекулярном уровне, будут своевременно вычисляться и исправляться. А это значит, что болезнь будет уничтожаться еще в зачаточной стадии. Для решения практических проблем Медицины 4Р нужны будут специалисты, которые, по сути, будут врачами по здоровью, а не болезни.

Во всём мире обсуждается сейчас новая парадигма здравоохранения, в том числе и на постсоветском пространстве. В Германии издаётся международный журнал Official journal of European Association for Predictive, Preventive and Personalized Medicine (EPMA).

Следование новой парадигме требует подготовки **кадров, обладающих соответствующими знаниями и способными реализовать принципы 4Р медицины. Н**а базе Первого МГМУ им. И.М. Сеченова в Москве уже создана Международная школа персонализированной и трансляционной медицины для внедрения принципов «4Р Медицины» в медицинское образование. Автор концепции «Медицина 4Р» Л. Худ уже трижды был в Сколково, создана дорожная карта внедрения новейших достижений в медицину РФ и к 2020 году планируется открыть первый центр превентивной медицины. Таким образом, планируется затратить колоссальные средства из государственного бюджета для внедрения и развития «взгляда, который меняет всё»

И все забыли (или не знали!) о том, подобная парадигма здравоохранения (не допустить развития болезни) была сформулирована в СССР ещё 35 лет тому назад.

В 1982 году И.И. Брехман в журнале «Вопросы философии» опубликовал методологическую статью (3), а в 1987 г. выпустил книгу «Валеология – наука о здоровье» (4). Валеология впервые выделила индивидуальное здоровье в предмет исследования. Рождённая в СССР, она доселе так и не дождалась статуса научной дисциплины, хотя как ни в одной другой науке, в валеологии человек рассматривается как целое, а не простое скопление органов, систем или генов. Это даёт возможность получить совершенно неожиданные, на первый взгляд, для практики выживания человечества.

Валеология подразделяется на несколько направлений. Ведущее из них – медицинская валеология (на Украине она под термином «санология» получила приоритетное развитие). Предмет исследования санологии – индивидуальное здоровье (механизмы самоорганизации живой системы), возможности «управления» ими. На основании многолетних исследований был чётко сформулирован тезис: болезнь формируется и манифестируется, когда истощаются резервы здоровья. *Таким образом, периодически «измеряя» здоровье, можно предотвратить развитие болезни задолго до её манифестации*.

До появления валеологии феноменология здоровья была чрезвычайно скудной, а гносеологически она основывалась на альтернативе «здоров-болен» (диагноз «здоров» в здравоохранении до сих пор формулируется при отсутствии признаков патологического процесса, то есть методом исключения). Научные достижения валеологии позволили существенно расширить феноменологию здоровья. Кратко она представляется следующим образом (1).

Здоровье может быть охарактеризовано количественно. (При этом в качестве ключевого слова в дефиниции здоровья «благополучие» заменено на категорию «жизнеспособность»). Разработана методология и простейшая, доступная среднему медицинскому персоналу методика «измерения» здоровья. Она не требует сложного оборудования и может использоваться в районных больницах и фельдшерско-акушерских пунктах, в кабинетах семейных врачей. Установлено, что существует некий «безопасный уровень» здоровья (БУЗ), выше которого не определяются ни эндогенные факторы риска развития заболевания, ни его проявления. (Эти данные через 20 лет подтверждены западными исследователями, см. 6). За последние 25 лет количество жителей Украины, находящихся в этой «безопасной зоне» здоровья, сократилось на порядок – с 8 до 0,8%. При выходе из «безопасной зоны» формируется феномен «саморазвития» патологического процесса без изменения силы действующих факторов. Сформулировано понятие о «превентивной реабилитации», под которым понимается возвращение индивида в "безопасную" зону здоровья за счет наращивания резервов здоровья.

Таким образом, можно говорить о возможности «управления» индивидуальным здоровьем – контролируемом процессе оздоровления индивида с учетом обнаруженных феноменов, позволяющем поставить первичную профилактику хронических неинфекционных заболеваний на строго научную основу (2).

Второе важное направление валеологии – школьная, или педагогическая валеология. Она призвана исследовать закономерности вовлечения личности в процесс самооздоровления. Её практическое преломление в учебных заведениях должно предусматривать три раздела: образовательный (что такое здоровье, что хорошо и что плохо для здоровья, как стать здоровым), мотивационный (формирование мотивации к самооздоровлению) и практический (полноценное физическое воспитание, питание и оптимальный психологический климат в коллективе).

К сожалению, развитие валеологии на постсоветском пространстве всячески тормозится. Гигиенисты утверждают, что валеологи «украли» у них предмет исследования (хотя они занимаются исследованием влияния на человека факторов окружающей среды, а не феноменом здоровья), специалисты по биоэтике говорят, что «валеология – это орудие духовной экспансии» или ещё хуже – «путь к эвтаназии (?!)» а клиницисты – что валеология не имеет никакого отношения к медицине, т.к. в ней не представлен процесс лечения и пр. Обвинения валеологии строились на том, что масса псевдоучёных, экстрасенсов и эзотериков стала примерять на себя одежды валеологии. Но самое главное: валеологию обвинили в растлении малолетних (так расценили на постсоветском пространстве проводимое по западным программам половое воспитание, которое осуществлялось почему-то на уроках валеологии). Именно это обстоятельство вызвало гнев российской общественности (5), что и послужило поводом для уничтожения валеологии. Но вместе с водой выплеснули и ребёнка.

То, что из разработок медицинской науки внедряется в практическое здравоохранение, зависит от образованности, широты кругозора и интеллекта тех, кто руководит этим социальным институтом. Если в 1991 году по нашей инициативе на Украине была утверждена врачебная специальность «врач-санолог» и при Национальной медицинской академии последипломного образования организована соответствующая кафедра для подготовки врачей, то сейчас МЗ Украины не замечает существования этой специальности: сокращаются центры здоровья, в учреждениях не предусмотрены должности врачей-санологов, в систему подготовки семейного врача основы санологии не включены, в предлагаемой реформе медицины в стране нет и намёка на санологию и пр. Полагаем, что не лучше обстоит дело и в РФ: среди множества медицинских специальностей нет ни одной, целью которой был бы мониторинг, сохранение и укрепление здоровья человека. А ведь здоровье человека – основная цель медицины.

Валеология утверждает, что основой стратегии здравоохранения должно быть «управление» здоровьем практически здорового человека, и только таким способом можно уменьшить несоответствие между необходимостью и возможностью оказания медицинской помощи.

Все 4 компонента Медицины 4Р присущи валеологии.

Прогноз. При определении уровня здоровья определяется место индивида на шкале здоровья и как далеко он отстоит от БУЗ. При выходе из зоны БУЗ формируется патология. Доказано существование закономерности: «Больше здоровья – меньше болезни» и наоборот.

Профилактика. Задача профилактических программ – сохранение индивида в зоне БУЗ. При возвращении индивида в зону БУЗ («превентивная реабилитация») снижается возможность развития патологии.

Персонализация. Стиль и уклад жизни формируются под конкретного индивида, а оздоровительные программы составляются в зависимости от уровня здоровья. Оздоровление проводится постоянно, а лечение эпизодически – по показаниям.

Партисипативность. Постулат валеологии – «Человек сам хозяин своего здоровья». Он сам реализует оздоровительные мероприятия, составленные при участии и контроле врача по здоровью.

Сравнивая (табл. 1) пути реализации новой парадигмы здравоохранения, необходимо отметить, что технологии Медицины 4Р совершеннее валеологических методик (учтём, она появилась на четверть века позднее и стоит на три порядка дороже), но прогностическая значимость анализа генома менее надёжна. Так по данным литературы из 10 пациентов 2 имеют в геноме «ущербные» гены, но реализуются в патологию немногие из них – только при определенных эпигенетических условиях. В то же время при низком уровне здоровья практически у всех пациентов определяются эндогенные факторы риска либо уже сформировавшаяся патология (без её детализации).

Таблица 1

Сравнительная характеристика методологии и технологий новых направлений в медицине

Критерии оценки	Медицина 4Р	Валеология
Прогнозирование	+	+
Профилактика	+	+
Персонификация	+	+
Партисипация	+	+
Основная технология диагностики	**Анализ генома**	**Оценка уровня здоровья**
Специальность врача	**Врач по здоровью**	**Врач по здоровью**
Доступность для первичного звена здравоохранения	**недоступна**	**доступна**

Что из всего этого следует?

А следует из вышеизложенного то, что необходимость внедрения новой парадигмы здравоохранения на фоне биологической деградации вида Homo Sapiens (1) уже не вызывает сомнения, и её нужно реализовывать. Но в ближайшем обозримом будущем технологии Медицины 4Р из-за дороговизны вряд ли получат широкое распространение (несмотря на то, что Л. Худ постоянный гость в Сколково). Но у нас есть валеология, мало уступающая по эффективности Медицине 4Р. Она дешёвая и доступная для первичного звена здравоохранения. И на её быстрое развитие следует обратить особое внимание инстанций, ответственных за научное сопровождение медицины. Пока же отдаётся предпочтение дорогому зарубежному аналогу в ущерб дешёвой (по стоимости), но не менее эффективной отечественной технологии. И это граничит с головотяпством.

Отбиваясь от гонений на валеологию, в одной из статей я написал: «Пройдёт совсем немного времени, и валеология вернётся к нам из-за рубежа в новой красивой упаковке». Свершилось.

Список литературы

1. Апанасенко Г.Л. Эпидемия хронических неинфекционных заболеваний: стратегия выживания. – Saarbrukken: Lambert Acad. Publ., 2014. – 260 с.
2. Апанасенко Г.Л. «Прямой путь к здоровью»: что это? // Валеология. 2016. – № 3. – С. 37–41.
3. Брехман И.И. Философско-методологические аспекты проблемы здоровья человека // Вопросы философии. – М., 1982. – № 2. – С. 48–53.
4. Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. – Л.: Наука, 1987. – 125 с.
5. Что скрывается под маской валеологии? // Медгазета. 2000. – № 5.
6. Aspenes S.T., Nilsen T.I.L., Skaug E.A. et al. Peak oxygen uptake and cardiovascular risk factors in 4631 healthy women and men // Med. Sci. Sports Exerc. 2011. – Vol. 43, N 8.– P. 1465–1473/
7. Hood L., Galas D. P4 Medicine: Personalized, Predictive, Preventive, Participatory. – http://cra.org/ccc/wp-content/uploads/sites/2/2015/05/P4_Medicine.pdf

Валиахметов Р.М.,
Дартау Л.А.[1]

ТЕОРЕТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Ключевые слова: *государственное управление, человеческий потенциал, здравоохранение.*

Проблема развития человеческого потенциала (ЧП) была сформулирована в середине XX века, в последние три десятилетия она исследуется преимущественно в рамках Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), которая ежегодно публикует мировые доклады о развитии человека[2]. В соответствии с общепринятой методикой, для каждой страны рассчитывается свой индекс человеческого развития (ИЧР), который традиционно включают три основных компонента: долголетие, образование и среднедушевые доходы населения. Для их оценки используются следующие показатели:

– средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (основной индикатор здоровья и долголетия);

– средняя продолжительность обучения и ожидаемая продолжительность обучения (индикатор образования и образовательного потенциала);

– валовый национальный доход на душу населения, по паритету покупательной способности в долл. США (индикатор уровня доходов и материального благосостояния).

Помимо аналитической задачи, основные усилия разработчиков направлены на поиски и формулировки стратегических направлений государственной деятельности, обеспечивающих оптимальное развитие ЧП путем создания соответствующих условий жизнедеятельности населения на местах и необходимого для этих целей уровня и качества жизни. При этом априори предполагается, что по достижению таких условий человек в своем развитии будет следовать намеченному курсу, ориентированному на здоровую и долгую жизнь, наполненную знаниями и творчеством.

Учеными и специалистами, работающими в этом направлении, делается вывод о необходимости выстраивания многоуровневой и многовекторной системы управления развитием человеческого потенциала не только по вертикали (центр – регионы – муниципалитеты), но и по горизонтали, с участием всех ветвей власти и институтов управления. Обоснован тезис о необходимости существенных изменений как в стратегических документах, так и в функционировании самих социальных институтов, обеспечивающих развитие и воспроизводство человеческого потенциала.

Не подвергая сомнению правомерность и обоснованность путей развития ЧП, предлагаемых большинством исследователей, в данной работе мы делаем акцент на роли самого человека в решении этой проблемы в качестве субъекта управления на основе теоретико-управленческого подхода (разработка ИПУ РАН)[3]. При этом большее внимание уделяется здоровью как персонифицированному социальному феномену. Работа в этом направлении начиналась в середине 80-х годов в рамках международного проекта СИНДИ[4] по сбору данных о распространенности факторов риска основных хронических неинфекционных заболеваний для самостоятельного заполнения электронной анкеты респондентами (пациентами, учащимися, сотрудниками трудовых коллективов и пр.). После накопления достаточного объема данных и наблюдения за отношением респондентов к такой организации сбора медико-социальной информации стало очевидным, что разработанная технология может быть использована для решения не только узкоспециализированных медицинских задач, но и для мониторинга социально-экономического благополучия населения на местах с учетом знаний и мнения людей. Поликлиники, будучи частью инфраструктуры системы здравоохранения, предназначены для обслуживания граждан с «временным ухудшением» здоровья, позволяющим им самостоятельно обращаться за консультациями врачей, после которых они также самостоятельно, следуя назначенному врачом лечению, организуют и обеспечивают это лечение, контролируя процесс своего выздоровления. Другими словами «лечат сами себя», не обращаясь зачастую с повторным визитом в поликлинику. Таким образом, в каждой конкретной ситуации врач делится с пациентами знаниями, получив которые, человек становится субъектом управления (регулятором в

[1] Валиахметов Рим Марсович – к.соц.н., директор Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

Дартау Людмила Арнольдовна – к.т.н., в.н.с., Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва. E-mail: dartau@mail.ru

[2] Валиахметов Р.М. Актуальные проблемы государственного управления развитием человеческого потенциала // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – С. 27–31.

[3] Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. – М., 2015. – № 2. – С. 52–59.

[4] Программа СИНДИ (CINDI) от Countrywide Integrated Noncommunicable Disease Intervention program – программа широкого внедрения профилактики неинфекционных заболеваний.

терминах теории управления) процессом лечения. Этот вывод положил начало новому направлению в академической теме лаборатории – «Фундаментальные и прикладные аспекты изучения, измерения и управления здоровьем». Все последующие результаты этой работы соотносились с рекомендациями ВОЗ, основные положения которых, касающиеся взгляда на здоровье со стороны мирового научного сообщества, остаются неизменными с конца 1970-х гг. Согласно последней редакции Всемирной декларации по здравоохранению (ВОЗ, май 1998 г.): «…обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав каждого человека, и, действуя таким образом, мы подтверждаем достоинство и ценность каждого человека, а также равные права, равные обязанности и равную ответственность всех в отношении здоровья. Мы признаем, что улучшение здоровья и благосостояния людей является **конечной** целью социального и экономического развития»[1]. Как следствие, каждая страна должна с учетом особенностей своей инфраструктуры здравоохранения разработать собственные способы реализации рекомендаций ВОЗ. В этом же документе указывается, что «первичная медико-санитарная помощь является основным инструментом достижения здоровья для всех»[2]. Как правило, ВОЗ не пытается как-то обосновать свои рекомендации. Она просто констатирует, что на данный момент важно, и какими путями возможно дальнейшее продвижение. Если же речь идет о конкретных способах реализации рекомендаций ВОЗ в той или иной стране, то здесь приходится учитывать весь спектр показателей социально-экономического, правового и ментального состояния общества этой страны на данный момент.

В настоящее время, как и в предыдущие годы, мы сравниваем полученные собственные выводы с более поздними рекомендациями ВОЗ, которые по-прежнему четко указывают на следующие обстоятельства:

1) «улучшение показателей здоровья и сокращение неравенств в отношении здоровья – актуальная задача для каждого из государств-членов…»; при этом такая деятельность лежит вне системы здравоохранения и зачастую идейно приходит извне;

2) не существует «готовых, универсальных решений, которые позволили бы сбалансировать социальные цели и установить приоритеты для использования ограниченных ресурсов»; при этом особо подчеркивается значимость факторов, лежащих за пределами системы и обусловленных историей, культурой, языком и, как следствие, ментальностью населения конкретной страны (региона)[3].

Анализируя региональные стратегии развития, можно заметить, что в них, в т.ч. разрабатываемых в последнее время, не только сохранились, но и усилились положения о развитии человеческого потенциала как основной или даже конечной цели социально-экономического развития региона. Развитие и воспроизводство человеческого потенциала рассматривается как качественная характеристика социального развития и важнейший индикатор качества жизни населения. Такой подход характерен в основном и для муниципальных стратегий развития. В программных документах Московского урбанистического форума 2014 г. одним из приоритетных было определено направление «Человеческий потенциал как драйвер развития российских городов»[4]. На этой концептуальной основе разработаны проекты стратегий социально-экономического развития как Республики Башкортостан, так и ее столицы г. Уфы. Логическим продолжением этой работы явится и разработка Доклада о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан «Здоровье и человеческое развитие».

Возвращаясь к исследованиям феномена здоровья, следует подчеркнуть, что последующие поиски продолжились в рамках кибернетической парадигмы этой науки: Кибернетика – наука об общих закономерностях процессов передачи информации и управления в машинах, человеке и обществе. Было дано определение здоровья: «Здоровье – это феномен, возникающий в результате управления согласованной деятельностью клеток, тканей и органов живой системы с целью достижения постоянства (относительного равновесия) параметров, характеризующих как внутреннюю среду организма, так и относительную стабильность (гармонию) отношений в социуме». Коротко: «Здоровье есть результат управления». Наблюдаемыми и измеряемыми характеристиками (параметрами) управления служат значения так называемых «существенных переменных» (артериальное давление, температура и другие – до тысячи наименований). Без управления этот феномен исчезает. Как следствие, прекращается и жизнь, хотя все компоненты системы продолжают некоторое время существовать. Человек при этом является главным регулятором своего здоровья, независимо от того, осознает он это или нет[5].

В то же время самосохранительное поведение человеку обеспечивают не только рефлексы и инстинкты самосохранения, но и способность к обучению, передаваемые по наследству. В результате человек «как бы» знает, что ему хочется (хотелось бы) быть здоровым, но он не знает (не может знать), что ему нужно делать для реализации своего потенциала долголетия с учетом достигнутых предыдущими поколениями знаний. Таким образом, общественное развитие и социально-экономический прогресс обеспечиваются и сохраняются лишь на популяционном уровне. С этой

---

[1] Здоровье-21: Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: введение // Европейская серия по достижению здоровья для всех. 1998. – № 5. – С. 1–2.

[2] Здоровье для всех к 2000 году – глобальная стратегия / Документ ВОЗ WHA34/5. 1981. – С. 28.

[3] Приоритетные задачи в области укрепления систем здравоохранения в Европейском регионе ВОЗ на 2015–2020 гг. Ориентация на нужды людей: от слов к делу. / ВОЗ, EUR/RC65/13 + EUR/RC65/Conf.Doc./7 (рабочий документ), 31 июля 2015.

[4] Материалы IV Московского урбанистического форума. Конференция городов: «Человеческий потенциал как драйвер развития российских городов». РФ 11 декабря 2014 года. – http://mosurbanforum.ru/forum2014/novacii/konferenciya_gorodov_rossii/manifest/

[5] Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: СИНТЕГ, 2009. – 400 с.

точки зрения люди рождаются не будучи «отягощенными» уровнем знаний, достигнутым обществом до их появления на свет.

Другим актуальным постулатом является утверждение, что в живой природе все системно, иерархично и управляемо. Утверждается, что «медицинская наука была всегда», поскольку под воздействием боли, страха и беспомощности (этих объективно существующих мотиваторов), человек тысячелетиями вынужден был обращаться к другим людям за помощью. Эти факторы и лежат в основе (и, в известной мере, определяют специфику) общественных отношений в сфере здравоохранения.

Однако за последние 300 лет, благодаря достижениям медицины (микробиологии, в первую очередь), средний возраст дожития граждан развитых стран вырос с 30 лет до 70 лет и более, обеспечив при этом развитие всех без исключения сфер экономики и народного хозяйства в целом, которые, в свою очередь, привели к появлению высокотехнологичной медицины. Но этот очевидный, казалось бы, прогресс привел и к возникновению ряда негативных тенденций в развитии самих систем здравоохранения (касающихся, в первую очередь, этико-правовых отношений уже не только в отрасли, но и на государственном уровне). Проблема старения из естественного процесса завершающего цикла существования отдельных живых организмов превратилась в медицинскую проблему и поле «отчаянной» конкурентной борьбы за «спасение» жизней силами фармацевтических компаний и высокотехнологичных хирургических вмешательств, с использованием протезирования и пересадки органов.

Накопленные медицинской наукой знания о влиянии факторов риска для здоровья на возраст дожития и о роли самого индивида в способности уменьшать их отрицательный вклад привели к необходимости поднять вопрос о повышении ответственности самих граждан за текущий уровень здоровья, т. е. о возрастании доли профилактических мероприятий, в которых главную роль играет сам человек. Принципиальной особенностью наступившего периода развития цивилизации становится «обеспечение» здоровья благодаря системному управлению здоровьем тремя основными субъектами: человеком (он – главный), государством (оно определяет правила «игры» через организационно-правовые технологии) и здравоохранением (оно служит источником знаний и практик для такого управления). Этому периоду соответствует предлагаемая в нашей работе новая организационная парадигма развития первичного здравоохранения – переход от предоставления медицинской помощи (услуг) исключительно по обращаемости к **совместному управлению** здоровьем.

В работе описан принципиально новый тип общественных взаимоотношений, названный «Государственным управлением здоровьем и качеством жизни» (сокращенно – «управление здоровьем»). Этот тип взаимоотношений возникает в результате формализации на законодательном (договорном) уровне совместной деятельности гражданина (здоровье которого подлежит управлению) и лица, обладающего по отношению к этому гражданину государственным административным ресурсом (властью и средствами). Такими субъектами, в первую очередь, являются работодатели, администрация учреждений образования и муниципальная власть, поскольку ухудшение здоровья происходит там, где люди живут, работают и учатся[1].

В результате предлагаемых действий прогнозируется синергетический эффект, который проявится при совместном управлении здоровьем в системе «государство – гражданин» и позволит принципиально изменить характер здравоохранной деятельности и гармонизировать отношения в обществе практически во всех других сферах.

[1] Дартау Л.А. Муниципалитеты, их роль и место в сотрудничестве с населением по обеспечению качества жизни на местах // Россия: тенденции и перспективы развития (ежегодник). – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 3. – С. 539–543.

Гришанова А.Г.
к.э.н., в.н.с. Института социально-политических исследований РАН
gralexandra1949@gmail.com

МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: *миграция, национальная безопасность, демографическая безопасность, Концепция демографической политики, миграционная политика.*

Keywords: migration, national security, demographic security, the concept of demographic policy, migration policy.

Миграция на Дальнем Востоке и национальная безопасность – чем объясняется актуальность исследования данного вопроса? Прежде всего тем, что проблема демографического развития вообще (а не только его миграционной компоненты) для Дальнего Востока находится в центре государственного внимания. Это наглядно подтверждается тем фактом, что распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 за № 1298-р утверждена Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Интересно, что в ней фактически не уделено места конкретным параметрам именно миграционных процессов. В то время как для процессов естественного роста населения эти запланированные параметры не только прописаны на уровне ДФО в целом, но и на уровне отдельных его субъектов. Причем, по каждому году с 2017 г. по 2020 г., на первом этапе, и на 2025 г. на втором этапе реализации Концепции. Но общеизвестно, что именно миграционные процессы своими негативными следствиями – катастрофическим снижением численности дальневосточного населения, в первую очередь и обусловили как разработку, так и утверждение вышеназванной Концепции демографической политики Дальнего Востока. В которой, наконец-то, в контексте национальной безопасности России поставлена задача перед Правительством РФ и соответствующими ведомствами, отвечающими за те или иные параметры демографического развития нашей страны, в первую очередь начать решать демографические проблемы именно Дальнего Востока. Отметим, что многие макрорегионы в таких региональных демографических концепциях также нуждаются.

Чем обусловлена актуальность исследования проблем демографического развития Дальнего Востока в контексте национальной безопасности России? Прежде всего, его непреходящим значением для российского государства уже на протяжении почти двух столетий, иными словами – традиционной актуальностью. Общеизвестно, что проблемы населенности, демографического развития как страны в целом, так и ее восточных территорий, испокон веков находились в центре внимания российского государства. В том числе (и особенно) с момента отмены крепостного права в середине XIX века. Однако и сегодня, спустя полтора столетия, в начале XXI века проблема демографического развития Дальнего Востока России, его не просто слабой населенности, а в полном смысле слова – опустения, становится вызовом, угрозой демографическому развитию России.

Термин «безопасность» определяется, как правило, как альтернатива термину «опасность» и трактуется как отсутствие опасности. Соответственно «национальная безопасность», по логике вещей, это «отсутствие опасности национальному развитию». Но даже гипотетически представить полное отсутствие опасностей на уровне национального развития невозможно. Поэтому, естественно, и определение термина «национальная безопасность» имеет иную трактовку, чем просто «отсутствие опасностей на национальном уровне». Во всем многообразии представленных в многочисленных научных статьях и словарях, где дано определение данного термина, представляется наиболее кратким следующее из Википедии: «национальная безопасность – это безопасность, которая отвечает за целостность государства». В этом определении, во-первых, показано, что «национальная безопасность» – это вовсе не отсутствие опасностей как таковых. Во-вторых, что данный термин – не универсален и должен использоваться только на высшем – общегосударственном уровне. В некоторых странах термин «национальная безопасность» в государственных документах не используется, а вводится термин «государственная безопасность». В-третьих, что из всех опасностей, существующих на общегосударственном уровне, «национальная безопасность» относится только неизменно к первому в иерархии его атрибутов аспекту – целостности. В-четвертых, безопасность – это наиболее важная сфера деятельности государства, ее социально-политическая функция – ответственность за целостность государства.

И этот последний момент, на наш взгляд, на сегодняшний день – наиболее важный. Об этом наглядно свидетельствует новейший исторический опыт, когда та или иная территория пытается получить независимость от государства, в которое она входит на настоящий момент, а это государство всеми законными и незаконными мерами и методами этому отделению и получению ею суверенитета противодействует, как например, Донецкой области на Украине, Каталонии – в Испании. На сегодняшний день для того или иного государства понятие «национальной безопасности» (особенно при рассмотрении тех или иных для нее угроз, таких как ее целостность и суверенитет), рассматривается, в том числе – в СМИ, в первую очередь в неразрывной связи с социально-политической составляющей. Для социально-политического развития нашей страны демографическая безопасность – одна из важнейших составляющих ее безопасности как вообще, так и на региональном уровне – на Дальнем Востоке, на наш взгляд, в первую очередь. Исто-

рический опыт переселенческой политики Российской Империи во второй половине XIX-начале XX веков убедительно свидетельствует, что даже тогда, когда термин «национальная безопасность» еще не был введен в научный оборот, по сути дела, именно он (в вышеприведенном кратком его понимании), и был заложен в концепцию колонизации Сибири и Дальнего Востока.

Представляется, что с социально-политической точки зрения наиболее конструктивным может быть следующее определение «национальной безопасности»: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое обеспечивает реализацию конституционных прав и свободы граждан Российской Федерации». Это определение фиксирует три основных уровня защиты от внешних и внутренних угроз: личности, общества и государства, на которых должны быть созданы условия для решения важнейших социально-политических задач в сфере национальной безопасности: реализацию конституционных прав и свободы граждан страны.

Наиболее кратким определением термина «демографическая безопасность», на наш взгляд, может быть следующее: это состояние защищенности количества и этнического состава населения страны от внешних и внутренних угроз[1]. Из более пространных определений более всего подходит определение, данное Тарасовой А.А., которая совершенно справедливо понятие демографической безопасности понимает как «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей, а ее укрепление связывается с удлинением человеческой жизни, повышением эффективности демографического воспроизводства, расширением демографической свободы»[2].

Теперь – об актуальности исследования демографического развития Дальнего Востока в контексте национальной безопасности. Важно понимать, что в начале XXI века в свете кардинальных изменений в мире, в том числе глобализации всех сторон жизни мирового сообщества, актуальность проблем демографического развития в контексте национальной безопасности выходит на первый план и с теоретических, и с практических позиций. Глобализация подразумевает, что решение тех или иных проблем, отражающих интересы одного государства, неизменно взаимосвязано с их решением и интересами других государств, а в некоторых, наиболее важных проблемах – сохранения жизни на земле и борьбы с ядерной угрозой – с интересами всех без исключения государств мира. А демографическая безопасность – важнейшая составляющая безопасности любого государства.

Утверждение Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, в которой, наконец-то, большое внимание уделено прогнозным параметрам естественного движения населения, конечно, внушает оптимизм. Однако общеизвестно, что «двумя неотъемлемыми, но различными по своему смыслу, частями любой политики являются концепция и программа (план) действий. Такое понимание, органически связанных между собой двух разных по сути категорий, хотя и составляющих единое целое, т.е. политику, исключает довольно распространенное их смешение»[3]. К сожалению, данное замечание по-прежнему актуально. Его можно отнести не только, например, и к проекту Концепции демографического развития России. Тогда «разработчики выдерживали огромный нажим: им предлагали включить в концепцию конкретные меры по снижению смертности, укреплению семьи и другие, не говоря уже о мерах, относящихся отнюдь не к демографической политике»[4]. В принятой Концепции, в целом, что можно считать ее положительной характеристикой, внимание вопросам продолжительности жизни, рождаемости и смертности, в определенной степени уделено.

Вплоть до 1991 года темпы роста народонаселения на Дальнем Востоке были самыми высокими в России. Численность населения к 1991 году достигла исторического максимума – 8,06 млн. человек. На начало 2016 года она составляла 6,195 млн. человек, на начало 2017 года – уже 6,183 млн. человек. Таким образом, за период 1991-2016 годов в этом макрорегионе население ежегодно уменьшалась в среднем на 117 тысяч человек, из которых примерно 7 тысяч – за счет естественной убыли – превышения чисел умерших над числом родившихся, а 110 тысяч – за счет миграции. Наиболее масштабное сокращение пришлось на 1991–2000 годы – 1232 тыс. человек. В 2010–2016 годы, благодаря принятым на федеральном и региональном уровне мерам, демографическая ситуация на Дальнем Востоке относительно улучшилась.

[1] Ohrana-bgd.ru/bgdobsh1_24.html

[2] Novainfo.ru article 9085

[3] Практическая демография / Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – С. 247.

[4] Там же.

Дартау Л.А.
к.т.н., в.н.с., Институт проблем управления РАН
dartau@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ: ВОЗМОЖНОСТИ «ТЕХНОЛОГИИ ЭДИФАР» В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СТРЕССА НА ПОПУЛЯЦИОННОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: *система здравоохранения, управление здоровьем, качество жизни, технология ЭДИФАР, стресс.*

Все выводы, представленные в данной статье, основаны на исследованиях ИПУ РАН в рамках академической темы «Фундаментальные и прикладные аспекты изучения, измерения и управления здоровьем», которая разрабатывалась с середины 80-х годов прошедшего столетия[1]. Коротко суть разработки можно изложить в нескольких предложениях:

1. Феномен здоровья рассматривается с позиций теоретико-управленческого (ТУ) подхода, предложенного в ИПУ РАН, один из выводов которого гласит: Здоровье есть результат управления, а человек – его главный и всегда первый регулятор. Общественных отношений по поводу здоровья «здорового» человека в современном мире не существует.

2. В работе описан принципиально новый тип общественных взаимоотношений (не существовавший ранее), названный «Государственным управлением здоровьем и качеством жизни», сокращенно – «управление здоровьем». Этот тип взаимоотношений возникает в результате формализации на законодательном (договорном) уровне совместной (персонифицированной) деятельности гражданина, здоровье которого подлежит управлению, и лица, обладающего по отношению к этому гражданину административным ресурсом (властью и средствами). В первую очередь, это работодатели и руководство образовательных учреждений.

3. Для практических целей разработана «Организационно-правовая технология ЭДИФАР», применение которой приведет к нормализации отношений в сфере здравоохранения и гармонизация взаимоотношений в обществе в целом[2].

По современным представлениям здоровье присутствует в двух категориях научного знания – исторически общепринятой био-медицинской категории и социально-экономической категории знания с середины XX века. Далее по тексту термин **здоровье** будет употребляться в связке с **качеством** жизни и рассматривается как интегральная мера качества жизни, которая опосредует все остальные параметры и характеристики организма человека (ВОЗ, 1981)[3].

Оговоримся заранее, что приведенные в данной статье примеры эмпирических данных, полученных в реальных условиях применения «Технология ЭДИФАР», не первый раз используются нами в публикациях, но в разных контекстах.

Медицинская наука была «всегда», поскольку под воздействием боли, страха и беспомощности (этих объективно существующих мотиваторов), человек тысячелетиями вынужден был обращаться к другим людям за помощью. Однако за последние 300 лет, благодаря достижениям медицины (микробиологии, в первую очередь), средний возраст дожития граждан развитых стран вырос с 30 лет до 70 лет, обеспечив при этом развитие всех без исключения сфер народного хозяйства, которые, в свою очередь обеспечили появление «высоких технологий» в самой медицине. Но этот очевидный, казалось бы, прогресс привел к возникновению ряда негативных тенденций в развитии систем здравоохранения. Проблема старения из естественного процесса завершающего цикла существования отдельных живых организмов превратилась в медицинскую проблему и поле «отчаянной» конкурентной борьбы за «спасение» жизней силами фармацевтических компаний и высокотехнологичных хирургических вмешательств, с использованием протезирования и пересадки органов. Людям в итоге увеличили срок существования после 20 лет в 3-5 раз, что в условиях быстро меняющихся форм и правил поведения в социуме, привело к «запредельному» количеству стрессовых нагрузок, в первую очередь, психологической природы, связанных с реакцией на общественные отношения в процессе жизнедеятельности.

---

[1] Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. – М., 2015. – № 2. – С. 52–59.

[2] Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 2. Организационно-правовая технология // Проблемы управления. – М., 2015. – № 3. – С. 40–48.

[3] Здоровье для всех к 2000 году – глобальная стратегия / Документ ВОЗ WHA34/5. 1981. – С. 28.

Все полученные результаты и выводы этой работы построены на анализе ситуации со здоровьем не только с позиций Теоретико-управленческого подхода, но и с привлечением научных знаний из разных областей, которые в настоящее время фактически присутствуют в общественном сознании и, в основном, не оспариваются.

По этой причине, используя, с одной стороны, техническую терминологию, а с другой – мультидисциплинарную, приходится находить для них соответствия как между собой, так и в рамках бытовой лексики, поскольку для описания повседневной жизни индивида другая терминология неуместна. Указанное обстоятельство оказывается особенно важным в связи с необходимостью формирования относительно нового научного направления, предназначенного для «обучения граждан здоровью»[1].

Одновременно в течение почти 30-летнего периода работы по проблеме управления здоровьем все получаемые результаты соотносились с выходившими на этот момент в свет многочисленными документами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Приведем необходимое для дальнейшего изложения в контексте данной статьи определение ВОЗ качества жизни: «Качество жизни – степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются»[2].

В этой работе, как и в предыдущие годы, мы сравниваем полученные собственные выводы с более поздними рекомендациями ВОЗ, которые по-прежнему четко указывают:

«Улучшение показателей здоровья и сокращение неравенств в отношении здоровья – актуальная задача для каждого из государств-членов…» и деятельность эта лежит вне системы здравоохранения и зачастую идейно приходит извне.

… «Готовых, универсальных решений, которые позволили бы сбалансировать социальные цели и установить приоритеты для использования ограниченных ресурсов, не существует». При этом «неоднократно подчеркивается значимость факторов, лежащих за пределами системы» и обусловленных историей, культурой, языком и, как следствие, ментальностью населения конкретной страны (региона)[3].

Начнем с вопроса об удовлетворенности пациентов работой поликлиники в новой России, поставленного впервые в тексте электронной анкеты:

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ РАБОТУ ПОЛИКЛИНИКИ N 111?

1 Плохо

2 Скорее плохо

3 Удовлетворительно

4 Скорее хорошо

5 Хорошо

6 Затрудняюсь ответить

Тогда в 1998–1999 годы, анализ результатов ответов на этот вопрос имел принципиальное значение для целей управления. В подгруппе пожилых (60 лет и старше) ответ «ХОРОШО» выбрали, соответственно, 42% (из 106) мужчин и 39% (из 362) женщин. Ответ «СКОРЕЕ ХОРОШО» – 15% мужчин и 12% женщин. Ответ «УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО» – 34 и 40% соответственно. Суммарное количество ответивших «ПЛОХО» и «СКОРЕЕ ПЛОХО» составило всего 4 у мужчин и 5% у женщин.

В ответах на данный вопрос мнения экспертов от здравоохранения и политиков, ориентирующихся на западные стандарты, существеннейшим образом отличалось от мнения населения. Не будучи специалистами в медицине, не зная возможностей учреждений первичной помощи в «богатых» странах, люди вкладывали в положительные оценки работы поликлиники, в первую очередь, сам факт существования и доступности этих учреждений по месту жительства. И в этом смысле поликлиники обладали статусом учреждений, создающих у населения чувство защищенности (а в масштабах государства – обеспечивающих социальную безопасность населения на местах). Созданная в России инфраструктура первичной помощи, в основном, оправдывала себя с точки зрения принципа равенства и доступности этого рода услуг со стороны государства, и поэтому к попыткам ее реорганизации следовало относиться чрезвычайно осторожно. Тогда ответы на этот и подобные вопросы ставили разработчиков «в тупик» – население гораздо выше оценивало социальную реальность по сравнению со специалистами и «экспертами» из депутатской среды, и становилось понятно, что к реформам поликлиник надо подходить очень осторожно. Сегодня мы видим результат последовавшей «реформации, модернизации, оптимизации и т.п.» первичного звена отечественной системы здравоохранения, который привел к лавинообразному росту недовольства среди граждан.

Становилось очевидным, что возможности мониторинга общественного благополучия через доврачебные кабинеты поликлиник можно использовать для целей оценок общественного мнения и принятия решений на уровне местных администраций, как **неожиданно это ни прозвучит при первом прочтении**[4].

---

[1] Дартау Л.А. Теоретико-управленческое обоснование образовательной (педагогической) деятельности в структуре современного здравоохранения // Труды 10-й Международной научной конференции «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». – М.: Издательство Московского университета, 2016. – С. 779–781.

[2] Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ // Европейская серия по достижению здоровья для всех. 1999. – № 6. – 310 с.

[3] Приоритетные задачи в области укрепления систем здравоохранения в Европейском регионе ВОЗ на 2015-2020 гг. Ориентация на нужды людей: от слов к делу. / ВОЗ, EUR/RC65/13 + EUR/RC65/Conf.Doc./7 (рабочий документ), 31 июля 2015.

[4] Потанина Ю.А., Дартау Л.А., Белоконь О.В. Компьютерная технология ЭДИФАР как средство сбора данных от населения (для разработки социальной политики на местах) – М.: Московский лицей, 1999. – 205 с.

Необходимо отметить, что поликлиники в инфраструктуре системы здравоохранения предназначаются для оказания помощи гражданам с временным ухудшением самочувствия (в отличие от служб скорой помощи и стационаров). Человек, как правило, обращается в поликлинику самостоятельно и, получив информацию о диагнозе, назначенном лечении и, возможно, больничный лист, сам же покидает поликлинику. Воспользоваться посещением гражданином поликлиники не только для целей предварительного сбора данных о факторах риска НИЗ (диспансеризации – не чаще одного раза в год), но и для сбора дополнительных сведений в режиме мониторинга о социально-экономическом положении на местах, позволяет предлагаемая технология «ЭДИФАР»[1].

Технология «ЭДИФАР» позволяет обнаружить многие источники напряжения в социуме, лежащие за пределами узкоспециализированных интересов врачей во время приема граждан в поликлинике. Результатом воздействия социального напряжения на отдельных граждан, является **стресс**, который впоследствии может привести к разнообразным соматическим расстройствам и превратит «здорового» человека в реального пациента, включая случаи «внезапной» смерти на производстве, не связанной с условиями труда, по количеству которых, по сообщениям прессы, Россия вышла на первые мести среди развитых стран.

Особенностью «Технологии ЭДИФАР» является возможность непосредственно после заполнения э-анкеты направить пациента в кабинет «Психологической поддержки» (название условное). В этом кабинете после непродолжительного собеседования со специалистом психолого-педагогической направленности (из когорты выпускников упомянутого выше относительно нового научного направления, предназначенного для «обучения граждан здоровью) можно определить дальнейший «маршрут» человека (в данной ситуации не «пациента» – потребителя услуг системы здравоохранения) в службы конкретной социальной помощи при муниципалитете[2].

Цель данной статьи – продемонстрировать возможный спектр тем для обсуждения с населением в «новом» доврачебном кабинете поликлиники:

Перечислим некоторые из вопросов подобного рода (без вариантов ответов):

– Какие у Вас жилищные условия?
– Есть (были) ли в вашей семье неблагополучные в социальном отношении дети?
– Есть ли в вашей семье инвалиды или беспомощные престарелые люди, проживающие вместе с вами?
– Есть ли у Вас обида на семью, в которой вы выросли?
– Считаете ли Вы кого-нибудь из своих родителей неблагополучным?
– Как бы ты сам/сама ответил(а) на вопрос: Все ли у тебя в порядке? (Для старших школьников и молодежи)
– Есть ли у Вас обида на государство?
– Есть ли у Вас надежда на помощь и уход со стороны близких, когда это потребуется?
– Можете ли Вы оценить ваш уровень жизни на сегодняшний день?
– Изменилось ли ваше благополучие за последние годы?
– Принимаете ли Вы участие в голосовании во время выборов? И многие другие.

В связи с актуальностью проблем и ростом неблагополучных тенденций в молодежной среде – агрессивности, суицидальных рисков, наркотизации, психофизической (психосоматической) и психосоциальной дезадаптации современной молодежи, начнем с подростков.

Ответы на вопрос в табл. 1 демонстрируют одно из главных достоинств технологии ЭДИФАР – возможность легкой перепроверки и повторяемости результатов собеседования.

Таблица 1

БЫВАЮТ ЛИ У ВАС ССОРЫ В СЕМЬЕ	юноши 1999 г. 372 чел. %	девушки 1999 г. 559 чел. %	юноши 1998 г. 370 чел. %	девушки 1998 г. 366 чел. %
1. НЕТ	26,04	12,52	24,05	9,02
2. У НАС ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ	40,86	41,5	42,16	47,27
3. ДА, НО МЕНЯ ЭТО НЕ КАСАЕТСЯ	4,57	4,83	5,95	4,37
4. ДА, И МЕНЯ ЭТО СИЛЬНО ОГОРЧАЕТ	22,04	36,85	21,62	35,52
5. ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	6,45	4,29	6,22	3,83

Как видно из ответов на этот непростой в психологическом отношении вопрос, ситуация практически не изменилась за год, в ответах нет «чехарды», и они вызывают доверие. Ответ 5 здесь необходим, хотя количество выбравших его невелико. Традиционно принято считать, что мальчиков сложнее воспитывать в подростковом возрасте. Однако если посмотреть глазами подростков, то складывается впечатление, что юноши живут в более благополучных семьях.

В предыдущие годы мы убедились, что некоторые подростки просто просят о помощи, и необходим прием специалиста во время диспансеризации для этих ребят. В один из дней мы организовали прием таких подростков в сосед-

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

[2] Дартау Л.А. Муниципалитеты, их роль и место в сотрудничестве с населением по обеспечению качества жизни на местах // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 3. – С. 539–543.

нем кабинете экспертом к.м.н. Крюковым Г.Б. – медицинским психологом из Московского педагогического университета[1]. В кабинет к нему приглашались учащиеся, выбравшие ответы 3 или 4 на приведенный ниже в табл. 2 вопрос.

Таблица 2

КАК БЫ ВЫ ОТВЕТИЛИ САМОМУ/САМОЙ СЕБЕ НА ВОПРОС: ВСЕ ЛИ У МЕНЯ СЕЙЧАС В ПОРЯДКЕ ?	юноши 2000 г 216 чел. %	девушки 2000 г 325 чел. %
1. ДА, ВСЕ	52,31	55,38
2. НЕТ, НЕ ВСЕ, НО ЭТО МЕНЯ МАЛО БЕСПОКОИТ	29,63	24,31
3. НЕТ, И Я НЕРВНИЧАЮ	12,50	14,77
4. НЕТ, У МЕНЯ СЕЙЧАС ВСЕ ПЛОХО	2,78	4,31
5.	2,78	1,23

Наши предположения об эффективности такого рода организации помощи подросткам подтвердились. По расписанию диспансеризация продолжалась с утра до 2-х часов дня, однако никто из получивших рекомендацию проконсультироваться у специалиста не ушел. Прием у него продолжался до 7 вечера. По мнению эксперта, все они были настроены на контакт и большинство из них действительно нуждались в помощи.

Суицидальному поведению посвящено несколько вопросов анкеты для студентов младших курсов одного из вузов Москвы

Таблица 3

ЮНОШИ				Текст вопроса:	ДЕВУШКИ			
2002 г. осень 578 чел. %	2003 г. весна 651 чел. %	2003 г. осень 943 чел. %	2004 г. весна 704 чел. %	ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ОЗНАЧАЮТ ТЕРМИНЫ “СУИЦИД” И “СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ”?	2002 г. осень 176 чел. %	2003 г. весна 178 чел. %	2003 г. осень 261 чел. %	2004 г. весна 204 чел. %
				Текст ответов:				
13,15	**11,83**	**13,15**	9,52	1. НЕТ, НЕ ЗНАЮ	11,36	9,55	13,03	10,29
21,11	**17,67**	**24,50**	20,03	2. ПРЕДСТАВЛЯЮ, О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ	14,77	20,79	25,67	20,10
65,74	**70,51**	**62,35**	70,45	3. ДА, ЗНАЮ	73,86	69,66	61,30	69,61

Ниже в объединенной Таблице 4 в центральном столбце приведены формулировки этих вопросов, а справа и слева от него количества юношей и девушек, выбравших ответы «ДА» на эти вопросы.

Таблица 4

ЮНОШИ				Начало текста вопроса:	ДЕВУШКИ			
2002 г. осень 578 чел. %	2003 г. весна 651 чел. %	2003 г. осень 943 чел. %	2004 г. весна 704 чел. %	“СУИЦИД” – ЭТО СИНОНИМ СЛОВА “САМОУБИЙСТВО”. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОГЛИ БЫ ОПРАВДАТЬ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА…	2002 г. осень 176 чел. %	2003 г. весна 178 чел. %	2003 г. осень 261 чел. %	2004 г. весна 204 чел. %
Количество ответивших «ДА»				Конец текстов вопросов 151–157:	Количество ответивших «ДА»			
9,52	11,06	7,42	8,66	1. НЕСЧАСТНАЯ, БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ?	10,23	6,74	9,96	7,35
9,00	9,98	6,68	8,24	2. СМЕРТЬ БЛИЗКОГО, РОДНОГО ЧЕЛОВЕКА?	10,80	11,24	18,01	14,22
10,73	10,60	8,59	10,51	3. КРАХ ЛИЧНЫХ ПЛАНОВ, ПОТЕРЯ ЖИЗНЕННЫХ ПОЗИЦИЙ?	13,07	10,11	13,41	9,31
5,54	**3,38**	**4,24**	**3,41**	4. БАНКРОТСТВО, МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЛИ БЕДНОСТЬ?	**5,11**	**4,49**	**6,51**	**2,94**
10,90	8,45	8,38	9,52	5. СТРАХ НАКАЗАНИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ?	13,07	8,99	14,56	9,31
37,54	**34,72**	**33,51**	**33,10**	**6. ТЯЖЕЛОЕ СОМАТИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ (НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ)?**	**42,61**	**44,94**	**41,76**	**40,20**
17,82	**16,28**	**13,26**	**14,49**	7. ИЗВЕСТНЫ ЛИ ВАМ ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ОПРАВДАТЬ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА?	**14,20**	**11,80**	**11,11**	**12,75**

Таким образом, несмотря на юный возраст и относительно высокий текущий потенциал физического и социального здоровья, молодые люди демонстрируют достаточную жизненную мудрость в расстановке акцентов при ответах на эти непростые вопросы. Минимально «оправданными» оказались материальные причины, а максимально – причины, связанные как раз с осложнениями ХНИЗ, хотя практически никто в аудитории во время лекционных занятий не смог ответить на вопрос: «Что такое ***эвтаназия***?». Никто также не слышал и об уже принятом законе об эвта-

[1] Дартау Л.А., Семикин Г.И. Технология и компьютерная система «ВАЛЕО-МГТУ» как основа валеологического сопровождения процесса обучения в техническом университете. – М., 2001, 66 с.

назии в некоторых странах. Достаточно высокий процент студентов, выбравших ответ «ДА» на вопрос с последней формулировкой, требует дальнейших контактов с ними для выяснения причин. И открывают «фантастические» возможности для работы клинических психологов и специалистов других областей антропологической направленности.

В заключение отметим, что работа с подростками и молодежью требует особых психотерапевтических подходов и обязательной конфиденциальности. Как показал наш опыт, предпочтение должно отдаваться индивидуальным беседам (хотя это и очень дорого), поскольку коллективные занятия сложно сделать привлекательными для этого возраста. Предстоит еще огромная работа в этом направлении, в том числе и по созданию учебников, не просто излагающих особенности строения человеческого тела, психики и правила гигиены, а призывающие к сотрудничеству с государством в вопросах управления здоровьем. Учитывая при этом, что многие проблемы молодежной среды требуют не столько медицинского, сколько педагогического вмешательства воспитательно-образовательного характера[1].

В процессе собеседования пожилым пациентам задается вопрос, после которого многие начинают плакать (табл. 8).

Таблица 8

ЕСТЬ ЛИ У ВАС НАДЕЖДА НА ПОМОЩЬ И УХОД СО СТОРОНЫ БЛИЗКИХ, КОГДА ЭТО ПОТРЕБУЕТСЯ?	мужчины 122 чел. %	женщины 400 чел. %
1. ДА, Я ТАК ДУМАЮ	48,36	61,25
2. ДА, НО Я НЕ УВЕРЕН(А)	18,03	10,50
3. НЕТ, СКОРЕЕ ВСЕГО	9,84	7,75
4. НЕТ ТАКОЙ НАДЕЖДЫ	17,21	16,75
5. ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	6,56	3,75

То есть почти каждый пятый (или даже третий, с учетом суммы третьего и четвертого ответов) пожилой человек живет под постоянным давлением стресса – отрицательных переживаний[2]. Что касается государственной помощи пожилым людям путем строительства разного рода специализированных «мест пребывания», то отношение населения к этим инициативам можно было бы оставить без комментариев (табл. 9).

Таблица 9

КАКАЯ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ВАМ КАЖЕТСЯ НАИБОЛЕЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ (В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ)?	мужчины 1998 г. 122 чел. %	женщины 1998 г. 400 чел. %
1. ПАНСИОНАТ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ	4,1	2,75
2. ДОМ ДНЕВНОГО ПРЕБЫВАНИЯ (С ПИТАНИЕМ И ЛЕЧЕНИЕМ)	2,46	2,75
3. ДОМ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ (С МЕДИЦИНСКИМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ)	8,2	4
4. ОБСЛУЖИВАНИЕ НА ДОМУ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ	40,16	52
5. ТРУДНО ГОВОРИТЬ НА ЭТУ ТЕМУ	18,03	15,5
6. НЕ ЗАДУМЫВАЛСЯ(ЛАСЬ) ОБ ЭТОМ	27,05	23

То есть среди тех, кто думает и соглашается говорить на эту тему, нет желающих провести в государственном учреждении остаток жизни, а следовательно, при любом качестве ухода и оснащения эти учреждения останутся для населения «золотыми клетками» и «гордиться» ими может только сама власть. Вопрос о возможности организации ухода до последних дней и минут жизни на дому для беспомощных (или в хосписе для больных), зависит только от самой власти. Согласно классической схеме управления решение этого вопроса не может быть передано ни медицинским, ни социальным учреждениям (которые могут лишь породить еще одно учреждение в своей же структуре). Роль этих учреждений – исполнительная, а мнение населения по поводу деятельности любой из этих исполнительных структур можно узнать в «новом» доврачебном кабинете поликлиники.

[1] Семикин Г.И., Дартау Л.А., Стефанюк Е.А. Здоровье и образ жизни человека: возможности управления. Учебное пособие. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. – 64 с.

[2] Из радио сообщения на Вестях-FM: В Британии около 9 млн. человек (при общей численности населения 66 млн. чел.) нуждаются в поддержке. В связи с чем Премьер-министр страны выступила с предложением создания в Правительстве страны «Министерства одиночества».

Дрёмова Н.Б.[1]

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА В РАМКАХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова*: маркетинговые исследования, фармацевтический рынок, научная школа, лекарственное обеспечение населения, методические материалы.*

Keywords*: marketing research, pharmaceutical market, scientific school, medicinal provision of the population, methodical materials.*

В последние десятилетия в фармацевтической экономической науке значительное развитие получило направление разработки методологии маркетинговых исследований фармацевтического рынка (ФР). Данное экономическое явление представляет собой продажи преимущественно лекарственных средств (ЛС) (в структуре ФР до 80% приходится на ЛС, остальное – другие аптечные товары, относящиеся к парафармацевтической продукции).

Актуальность таких исследований сформировалась с изменением экономических условий существования страны, что привело к кардинальным преобразованиям структуры фармацевтического сектора здравоохранения. В частности, это смена формы собственности фармацевтических организаций, расширение и диверсификация ассортимента товаров, развитие форм лекарственного обеспечения населения и систем ценообразования, форм коммуникативных взаимоотношений в медицинской и фармацевтической среде и продвижения современных ЛС.

Постепенное вхождение российского рынка в мировое фармацевтическое пространство с его законами, тенденциями и принципами требует профессионально грамотного применения специальной науки маркетинга в фармации. Для отечественной науки данное направление является новым, что обусловило необходимость разработки методологии маркетинговых исследований (МИ) ФР [1, 2].

В качестве объектов МИ использовалось потребление ассортимента различных групп ЛС как сегментов ФР, а также потребительское поведение целевых аудиторий / потребителей фармацевтической продукции как субъектов ФР. В задачи исследования были включены поиск и адаптация методов для МИ ассортимента и потребителей ЛС.

Методы исследования: статистические и социологические методы качественных и количественных исследований ФР. Данные исследования классифицируются как эпидемиологические аналитические, а конкретные методы заимствуются из статистики, социологии, социальной гигиены и других наук. Кроме того, применяется комплекс методов, широко известных в маркетинге [3].

Исследования в этом направлении проводятся с начала 90-х годов прошлого века в рамках научного направления кафедры вначале медицинского и фармацевтического товароведения, преобразованной затем в экономику и управления здравоохранением, и в настоящее время кафедры педагогики. Сейчас направление развивается как научная школа профессора Дрёмовой Н.Б. «Теория и практика маркетинговых исследований в фармации». Начиная с защиты докторской диссертации Дрёмовой Н.Б. (1991), исследования проводились в работах и учеников (свыше 40 человек, работающих в настоящее время не только в КГМУ, но и в других вузах России). Так, профессор Гацан В.В. возглавляет своё направление в Пятигорском МФИ – филиале Волгоградского ГМУ; профессор Спичак И.В. – в Медицинском институте НИУ «БелГУ»; д.фарм.н. Афанасьева Т.Г. – в Воронежском ГМУ. В КГМУ работают профессор Овод А.И., доценты Олейникова Т.А., Репринцева Е.В., Толкачёва И.В., Солянина В.А., Хорлякова О.В., Бушина Н.С.; ст. преподаватели Холявина М.М., Сергеева Н.М., Кулешова В.В. В других вузах и учреждениях работают Дзюба В.Ф., Панкова Н.И., Литвинова Т.М., Соломка С.В., Джару М.М., Николаенко А.М., Совершенный И.Н., Алексеев И.В., Орешко А.Ю., Морозов В.А., Афанасьева Н.И. и др. Всего защищенно 5 докторских и 20 кандидатских диссертаций [4].

Основная цель научных исследований – это совершенствование методологии МИ и рекомендация её практической фармации.

К основным задачам исследований школы относятся следующие:

- Изучение тенденций развития показателей ФР на разных уровнях (мировой, российский, региональный). Исследуется динамика показателей с использованием аналитических методов выявления трендов в потреблении/продажах ЛС и прогнозирование перспектив развития с помощью комплекса методов научного прогнозирования. Определяются структурные особенности ФР, в том числе производство, виды лекарственных форм, фармакотерапевтические группы, доступность, отпуск населению, происхождение сырья.
- Формирование концепции/дизайна маркетингового анализа ассортимента отдельных фармакотерапевтических групп (например, витамины, бронхолитические, фитопрепараты, урологические, для лечения ДЦП, гиполипидемиче-

[1] Дрёмова Нина Борисовна – д.фарм.н., профессор, зав. кафедрой педагогики Курского государственного медицинского университета. E-mail: dremova@mail.ru

ские, снотворные, бета-адреноблокаторы, противоопухолевые и др.) Подобран комплекс показателей для характеристики сегментов ФР и методического инструментария для их выявления.

- Разработка методического инструментария анализа социальной значимости ЛС с позиций многомерного объекта (исследования выполнялись совместно с проф. Коржавых Э.А.). Разработаны типология свойств ЛС по отношению к ним как товарам: основные измерения ЛС в зависимости от факторов, формирующих их свойства; сформирован комплекс свойств ЛС, определяющих их социальную значимость.
- Разработка технологии маркетингового планирования, составления маркетинговых программ, расчёта маркетингового потенциала лекарственных препаратов (ЛП), методические подходы для формирования маркетинговых стратегий и программ лояльности для аптечных организаций.
- В последние годы в исследованиях уделялось много внимания разработке методического инструментария организации и функционирования фармацевтического бизнеса, в частности сформировано определение этого явления, предложена система контроля за отдельными бизнес-процессами, а также бизнес-моделирование новых бизнес-идей. Разработаны методические подходы к позиционированию ЛС на ФР, к оценке конкурентоспособности ЛС и отдельных аптечных организаций.
- Отдельное направление сформировано в совместных исследованиях с кафедрой латинского языка (доцент Березникова Р.Е.) – основы терминологического анализа торговых названий ЛП, что позволило научно обосновать теоретические основы их типологии и формирования. Полученные научные факты положены в основу фармацевтических и маркетинговых классификаций ЛС.
- Другое направление получило развитие в исследованиях специализированной фармацевтической помощи с применением фармакоэкономических исследований. В итоге разработаны концептуальные положения её организации в аптечных организациях (совместно с проф. Овод А.И. и проф. Коржавых Э.А.) и стандарты фармацевтической помощи по отдельным заболеваниям [6]. В ряде исследований изучены различные аспекты лекарственного обеспечения населения, в том числе сформирована «потребительская корзина ЛС» для семей; методические подходы к формированию лекарственного бюджета лечебных учреждений и его специализированных отделений; положения фармацевтического порядка в отделениях; методики формирования формулярных списков в детских учреждениях и развития дополнительных услуг в аптеках.
- На основе маркетинговых исследований потребителей фармацевтической продукции выявлены особенности их потребительского поведения, построена его модель при покупке медицинских и фармацевтических товаров; разработано методическое обеспечение социологического опроса посетителей аптек, статистической обработки анкет и интерпретации полученных результатов.
- В рамках научной школы проведен ассортиментный анализ следующих фармакотерапевтических групп ЛС: витамины, противотуберкулёзные, ЛП ацетилсалициловой кислоты (Дрёмова Н.Б.); антигистаминные (Кулешова В.В.); местные анестетики (Репринцева Е.В.); проктологические (Холявина М.М., Толкачёва И.В.); валеологические (Сергеева Н.М.); бронхолитические (Олейникова Т.А.); фитопрепараты (Афанасьева Т.Г.); противоопухолевые (Литвинова Т.М.); контрацептивные (Холодова Е.И.); урологические (Овод А.И.); для лечения ДЦП (Солянина В.А.): гиполипидемические (Хорлякова О.В.); противодиабетические (Джару М.М.); снотворные (Совершенный И.Н.); противомигренозные (Панкова Н.Ю.); остеопоротические (Олейникова Т.А., Орешко А.Ю.); антигипертензивные (Шепелева Е.Н.); бета-адреноблокаторы (Николаенко А.И.); антиретровирусные для лечения ВИЧ (Алексеев И.В.); а также: ассортимент дошкольных и школьных учреждений (Спичак И.В.), дополнительные услуги в аптечных организациях (Дзюба В.Ф.), факторы лояльности потребителей (Бушина Н.С., Афанасьева Н.И.).
- С развитием IT-технологий для автоматизации расчётов МИ подготовлен пакет программных продуктов как для исследования трендов в динамике показателей ФР, прогнозирования потребности в ЛС, так и для получения разных характеристик формирования тех или иных показателей структуры рынка (Соломка С.В., Морозов В.А.). Кроме того, разработаны экспертные автоматизированные системы по рациональной фармакотерапии.

В последние годы проведены социологические исследования в дистанционной форме опроса для получения различных характеристик потребителей фармацевтической продукции (фармацевтическая осведомлённость, отношение к ЛС и др.). В первом исследовании потребителей ЛС приняли участие 500 компьютерных пользователей, а во втором «Лекарства в нашей жизни» – более 600 респондентов. Социологические опросы позволили получить ряд данных об отношении населения к ЛС, лекарственной терапии, болезням, здоровому образу жизни и т.п.

В настоящее время выполняются исследования по разработке научных основ формирования концептуальных положений лекарственного обеспечения населения отдельных регионов с учётом специфики окружающей среды (Морозов В.А.); изучаются аспекты качества фармацевтического образования с целью его повышения до уровня современных требований практической фармации (Олейникова Т.А., Солянина В.А.). Продолжаются мониторинговые исследования потребителей ЛП, их гендерных особенностей, требующих учёта при разработке программ лояльности и других конкурентных преимуществ аптечных организаций (Афанасьева Н.И.).

Практически по всем направлениям осуществляется подготовка различных методических материалов, в т.ч. монографий, методических и учебно-методических пособий, рекомендаций для включения в содержание дисциплин: «управление и экономика фармации», «медицинское и фармацевтическое товароведение», «латинский язык», «педагогика в фармации», «маркетинг в фармации». Разработаны рабочие программы для элективных (по выбору) курсов по маркетинговым исследованиям для практической фармации, управлению бизнесом, развитию и оценке конкурентоспособности в аптечных организациях, подготовке специалистов-провизоров, компетентных в вопросах фармацевтической помощи ВИЧ-инфицированным, методологии научных исследований. Результаты научных исследований пуб-

ликуются как в центральной фармацевтической печати, так и в материалах различных симпозиумов, конгрессов и конференций [5].

Для отработки практических навыков и умений по научным материалам подготовлен целый ряд рекомендаций и методического обеспечения активных форм обучения, таких как: деловые и ролевые игры, кейсы, которые с успехом применяются в учебном процессе подготовки врачей и провизоров.

Список литературы

1. Дрёмова Н.Б. Концепция маркетинговых исследований по анализу и прогнозированию рынка лекарственных средств / Н.Б. Дрёмова, Е.В. Лазарева // Фармация. 1996. – № 1. – С. 27–29.
2. Дрёмова Н.Б. Основные направления и перспективы маркетинговых исследований фармацевтического рынка России // Фармация. 1999. – № 3. – С. 27–29.
3. Дрёмова Н.Б. Развитие методологии маркетинговых исследований в фармации // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2005. – № 1. – С. 62–76.
4. Дрёмова Н.Б. Разработка методологии маркетинговых исследований фармацевтического рынка // Научные материалы членов Российской академии естественных наук (Курское региональное отделение). – Курск: КГМУ, 2013. – С. 49–55.
5. Дрёмова Н.Б. Формирование научной школы «Теория и практика маркетинговых исследований в фармации» // Фармацевтическое образование, наука и практика: горизонты развития: Материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. уч., посв. 50-летию фарм. ф-та КГМУ (Курск, 20–21 октября 2016). – Курск: КГМУ Минздрава России, 2016. – С. 245–248.
6. Коржавых Э.А. Формирование научных школ по проблеме «фармацевтическая помощь» / Э.А. Коржавых, Н.Б. Дрёмова, Л.В. Мошкова // Университетская наука: Взгляд в будущее: Материалы итоговой науч. конф. сотр. КГМУ, ЦЧНЦ РАМН и отделения РАЕН, посв. 78-летию КГМУ (7 февраля 2013). – Курск: КГМУ Минздрава России, 2013. – Т. 2. – С. 406–410.

Кожевникова Н.И.
к.э.н., в.н.с. ИСПИ РАН
dema1@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ключевые слова**: демографическая ситуация, геополитика, стратегический регион, Дальний Восток, миграция, миграционная ситуация.*

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке в настоящее время является одной из наиболее обсуждаемых тем регионального развития России. Утверждение Правительством Российской Федерации 20.06.2017 Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (далее Концепция) этому также способствовало. И неуклонное снижение численности населения, и миграционная убыль, и неблагоприятная тенденция в области рождаемости которые встали на повестку дня с момента распада Союза ССР, подводят к выводу о крайней актуальности исследования демографической ситуации именно в этом федеральном округе РФ.

Рассмотрим важнейшие аспекты демографической ситуации, в отношении которых в Концепции предусмотрены прогнозные параметры развития на уровне субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ (далее – ДВФО). Естественно, начнем с численности населения, которая постоянно снижалась на протяжении всего постсоветского периода (с 8,06 млн. чел. на начало 1991 г. до 6,18 млн. чел. – на начало 2017 г.). По предварительным оценкам, на начало 2018 г. численность ДФО составила – 6,16 млн. человек, то есть число дальневосточников, по-прежнему убывает.

Концепция, по нашему мнению, имеет декларативный характер, поскольку в ней несмотря на устойчивую и долгосрочную негативную тенденцию динамики численности дальневосточного региона говорится: «Стратегической целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 года является стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 6,2 млн. человек к 2020 году и ее увеличение до 6,5 млн. человек к 2025 году». Отметим в этой связи, что если на протяжении 2018 г. темпы убыли населения ДВФО сохранятся, то уже на начало 2019 г. численность этого округа будет менее запланированной. А дальнейшее снижение в течение 2019 г., при сохранении современных тенденций ее динамики сделает невозможным выполнение к 2020 г. поставленной в Концепции стратегической цели. Как, впрочем, и достижение всех предлагаемых в Концепции прогнозных параметров стабилизации численности населения отдельных дальневосточных субъектов РФ.

Предполагать, что на втором этапе реализации Концепции – к 2025 году – поставленная в Концепции стратегическая цель в 6,5 млн. человек будет достигнута, и что к этому времени будут созданы предпосылки для увеличения этой численности до 7 млн. человек, не следует, т.к. на сегодняшний день для этого нет объективных оснований. Без кардинального перелома тех демографических тенденций, которые характерны как для ДВФО в целом, так и для отдельных дальневосточных субъектов РФ по отдельным демографическим показателям поставленные в Концепции плановые параметры, скорее всего не смогут быть достигнуты.

За прошедшие годы второго десятилетия XXI века демографическая ситуация в дальневосточных субъектах РФ характеризовалась нежелательной динамикой ее важнейших аспектов. Начнем с динамики численности населения. В противоположность стране в целом, где численность населения в 2010-2017 гг. неуклонно увеличивалась, в ДВФО совокупная численность неизменно снижалась – в среднем на 17 тысяч в год. В 2015-2017 гг. в среднем ежегодная убыль населения ДВФО составляла 13,5 тыс. чел. Если же рассматривать динамику численности населения отдельных субъектов ДВФО, то здесь картина не такая однозначная, поскольку не все дальневосточные субъекты РФ ежегодно неуклонно снижали свою численность. Например, на территории Чукотского АО был разовый общий прирост только в 2012 г., когда численность данного субъекта РФ возросла на 0,2 тыс. человек, при этом уже в следующем, 2013 г, она на ту же величину уменьшилась и продолжала уменьшаться в дальнейшем. В Республике Саха (Якутия) в 2010–2012 гг. численность населения ежегодно снижалась, но начиная с 2013 г. в данном субъекте РФ наблюдалось волнообразное повышение общего прироста. Он обеспечил, в среднем за период 2013–2017 гг., ежегодный рост численности населения данного субъекта РФ на 0,18%. В Сахалинской области в 2016 г. численность населения возросла всего на 0,1 тыс. человек, а в 2017 г. – уже на 3,2 тыс. человек. Численность населения Сахалинской области в эти два года росла в два раза быстрее, чем в Республике Саха Якутия. Сахалинская область по силе миграционного притяжения как долговременных, так и трудовых мигрантов в России лидирует. По мнению таких признанных экспертов в области миграции в нашей стране, как, например Ж.А. Зайончковская, этот субъект РФ является одним из 6 регионов-лидеров наряду с Москвой, Санкт-Петербургом, ХМАО, ЯНАО и Ненецким АО.

Не менее важно определить и те дальневосточные субъекты ДВФО, которые в наибольшей степени способствуют развитию неблагоприятной демографической ситуации. И теоретически (с точки зрения методологии исследо-

вания демографической ситуации), и практически (с точки зрения проведения мер демографической политики), именно эти субъекты РФ должны стать объектами первоочередных мер демографической политики. Кто-то может возразить, а зачем это делать, если уже утверждена Концепция демографического развития ДВФО с указанием прогнозных параметров численности населения на уровне конкретных субъектов РФ, запланированных на каждый год первого, так и на завершающий год второго этапа реализации вышеназванной Концепции. Ответ прост. Выше мы показали, что Концепция исходит не из реальных, а из желательных параметров демографической ситуации в данном регионе.

На Дальнем Востоке в последние шесть лет общее сокращение населения происходило за счет ежегодного неуклонного сокращения численности как городского населения, которое за 2010-2017 гг. сократилось на 40,2 тыс. человек, так и сельского населения, которое за это время сократилось на 96,7 тыс. человек. По данным Росстата, в трех вышеназванных субъектах РФ (которые являются исключением в ДВФО, поскольку имели в отдельные годы за период 2010–2017 гг. положительный прирост населения), этот прирост осуществлялся исключительно за счет прироста в отдельные годы их городского населения. Поэтому подробнее остановимся на динамике именно городского населения ДВФО.

Интересно отметить, что только в двух субъектах ДВФО – Республике Саха (Якутия), и Чукотском АО в целом за период 2010–2016 гг. городское население увеличивалось, при этом фактически в обоих случаях – постоянно (исключение – в Чукотском АО в последнем, 2017 г. снизилось на 0,5 тыс. чел.). Однако рост городского населения в этих двух территориях не перекрыл сокращения этой части населения в целом по региону. Наблюдались «всплески» – на 0,1 тыс. в Камчатском крае (в 2011 г.), на 0,2 тыс. в Хабаровском крае (в 2013 г.) и даже на 1,8 тыс. человек в Приморском крае (в 2012 г.).

В ДВФО городское население, как отмечено выше, сократилось в 2010 -2017 гг. на 40,2 тыс. человек, и наибольший негативный вклад в это внесли Камчатский край – 2,7 тыс. человек, Приморский край – 11,7, Хабаровский край – 10,7, Амурская область -17,0 тыс. человек, Магаданская область -11,9 тыс. человек, Сахалинская область – 4,6 тыс. человек, Еврейская АО – 8,2 тыс. человек. Общая убыль в них, включая 0,1 тыс. человек в Чукотском АО в 2017 г., составила 66,8 тыс. человек.

Обратимся к динамике сельского населения ДВФО. Выше уже отмечалось, что его потери особенно велики, и, на наш взгляд, эта динамика катастрофична: сельское население в ДВФО сократилось за анализируемый период в 2,4 раза больше, чем городское – на 96,7 тыс. человек. Следует помнить, что именно сельское население является важнейшей компонентой хозяйственного освоения той или иной территории, поскольку именно сельская поселенческая сеть играет роль своеобразной «канвы» всей поселенческой сети и ее деградация (которую оценивают снижением числа сельских поселений, их средней людности, общей убылью сельского населения) является свидетельством серьезных демографических проблем на той или иной территории. Общая убыль численности сельского населения по Дальнему Востоку в 2010–2017 гг. составила 96,7 тыс. человек. Необходимо констатировать, что нет ни одного субъекта ДВФО, в котором в целом за рассматриваемый период сельское население увеличилось. Оно снизилось: в Республике Саха (Якутия) – на 12,1 тыс. человек, в Камчатском крае – на 4,6 тыс. человек, в Приморском крае – на 32,5 тыс. человек, в Хабаровском крае на – 7,6 тыс. человек, в Амурской области – на 15,2 тыс. человек, в Магаданской области на -1,4 тыс. человек, в Сахалинской области – на 13,0 тыс. человек, в Еврейской АО – на 6,5 тыс. человек, и в Чукотском АО – на 3,4 тыс. человек. Но в отдельных субъектах иногда прирост сельского населения был зафиксирован. Один раз – в Республике Саха (Якутия) – в 2016 г. и в Хабаровском крае в 2010 г., два раза – в Камчатском крае – в 2011 и 2012 гг., три раза – в Магаданской области (2012, 2013 и 2015 гг.). Во всех вышеприведенных случаях совокупный прирост сельского населения составил всего 5,3 тыс. человек, а наиболее выигрышно в этом отношении по картине динамики как общей, так и ежегодной убыли сельского населения, выступает Магаданская область, поскольку на ее территории положительный прирост сельского населения зафиксирован трижды.

Таким образом, негативная динамика на протяжении 2010–2016 гг. как городского, так и сельского населения имела своим следствием уменьшение общей численности населения ДВФО.

Общеизвестно, что составляющими общей демографической динамики являются, с одной стороны, процессы естественного движения населения – рождаемость и смертность, а, с другой стороны, миграционные процессы. Рассмотрим подробнее миграционный баланс на Дальнем Востоке. За рассматриваемый период времени 2010–2016 гг. он сохранял для ДВФО в целом отрицательное значение. Если в РФ в целом он постоянно характеризовался миграционным приростом, который в среднегодовом исчислении составлял 263,7 тыс. человек, то в ДВФО миграционной убылью (в среднем 23,5 тыс. чел. в год).

В ДВФО все это время наблюдался постоянный отток населения. Однако масштабы оттока по годам этого периода были различны. Если в 2010 году Дальний Восток покинули 27,4 тыс. человек, то в 2016 г. – только 17,4 тыс. человек, то есть на 10 тысяч меньше. В ДВФО миграционная убыль составила за период 2010–2016 гг. 164,4 тыс. человек. И она была характерна для всех без исключения годов этого периода, с максимальным значением 33,0 тыс. человек – в 2013 г., и минимальным – в 2016 г. (17,4 тыс. человек). На Дальнем Востоке только в трех субъектах: Приморском и Хабаровском крае и Чукотском АО был зафиксирован миграционный прирост населения, причем во всех трех случаях – в одном и том же 2011 г. Соответственно, он составил 1,1, 1,8 и 0,5 тыс. человек. Миграционный отток в ДВФО за счет передвижений в пределах России составил 25,3 тыс. человек, притом максимальный вклад в этот внутрироссийский отток внесли Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края и Амурская область (68%). Во внутрироссийском миграционном обмене годами наибольшего оттока населения из ДВФО были 2012-2014 гг. В эти годы фактически без исключений вышеназванные субъекты РФ лидировали по величине миграционной убыли во внутрироссийском миграционном обмене.

Рассматривая миграционный обмен субъектов ДВФО за счет международных передвижений, следует отметить следующее. Здесь фиксируется фактически неизменный миграционный прирост. И этот миграционный прирост по данному типу межгосударственной миграции населения внес позитивный вклад в демографическую динамику ДВФО в размере 7,9 тыс. человек за 2010–2016 гг. В том числе на долю Хабаровского края, Приморского края, Магаданской и Сахалинской области (даны в порядке убывания этого миграционного прироста) пришлось более 3/4 этого позитивного вклада. В разрезе отдельных годов наибольшие значения миграционного прироста за счет межгосударственного обмена были характерны (в порядке убывания положительной величины) для 2012, 2011 и 2014 гг. Единственное исключение из вышеназванной картины – это зафиксированное в Хабаровском крае в 2013 г. и Амурской области – в 2010 г. отрицательное сальдо межгосударственной миграции, но величина этих сальдо была незначительной – соответственно, 0,3 тыс. человек и 0,03 тыс. человек. Поэтому возникает вопрос, за счет каких стран формировались вышеназванные параметры межгосударственного сальдо, за счет обмена со странами СНГ или за счет других зарубежных стран? Рассмотрение параметров межгосударственного сальдо с разделением на вышеназванные две группы стран, позволяет отметить следующее. За счет стран СНГ и Балтии, ДВФО за 2010–2016 гг. получил миграционный прирост в размере 9,0 тыс. человек. При этом на долю Хабаровского и Приморского края, Магаданской и Сахалинской и Амурской области пришлось 84%.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод; стабилизация численности дальневосточников на уровне 6,2 млн. человек в современных условиях задача трудная для выполнения в свете рассмотренных выше важнейших аспектов динамики численности населения ДВФО, в том числе особенностей современной миграционной ситуации. А это очень важно учитывать, т.к. миграционные процессы – наименее инерционные среди всех других демографических процессов. Но они имеют свои закономерности, которые сохраняются на долгие годы и влияют на конъюнктурные факторы, которые в отдельные годы могут привести к слому той или иной тенденции развития миграции населения. Это не отменяет необходимости учета многолетних, в том числе относительно недавних миграционных трендов. Поэтому следует учитывать прошедший, как позитивный (в советский период), так и негативный (в постсоветский период) опыт в миграционном движении населения данного геополитически архиважного федерального региона России.

Следует учитывать, что формирование миграционных установок у населения во многом зависит от наличия у них так называемой «миграционной биографии», когда лица, имевшие опыт переселений, более склонны к принятию решения о переселении, участию в повторном акте миграции. В советский период именно данный макрорегион принял максимальное число мигрантов. И этот факт – один из тех факторов, который в определенной мере объясняет, что из данного федерального округа в постсоветский период наблюдался наиболее массовый миграционный отток населения.

И поэтому для закрепления населения в ДВФО необходимо более мощные рычаги воздействия на его миграционную подвижность, чем просто принятие очередной Концепции. Все вышесказанное, усугубляется тем фактом, что все еще не утверждена дорожная карта реализации Концепции, хотя срок ее подготовки уже истек 20 сентября 2017 г. А значит – нет реальных механизмов реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока. Помимо этого следует учесть, что несмотря на начавшуюся в 2015 г. реализацию проекта «дальневосточный гектар», миграционный отток из всех без исключения субъектов ДВФО сохранялся.

Конышев И.С.
д.м.н., профессор филиала Военно-медицинской академии, Москва

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ – ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОЗНИКАЮЩИМ ПРОБЛЕМАМ, РОЛЬ И МЕСТО ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: *гибридная война, здравоохранение, информационные технологии, Система интеллектуальной поддержки принятия решений.*

Гибридная война стоит у порога. Ее воины невидимы, недоступны для обычного восприятия. Нет визуального объема, протяженности, запаха, звука, тактильного ощущения. Отсутствуют предчувствия политической неразберихи, экономической разрухи, прекращения продовольственного, водо- и электроснабжения, массовых перемещений огромных масс беженцев и другого типа обездоленных. В отличие от цветных революций не требуется свержение правительства, ввода вооруженных формирований. Но присутствуют указания на возможности информационного нашествия[1]. Не случайно в постановлении Правительства поставлена задача создания информационной структуры государственного управления[2]. Остро стоит вопрос внедрения цифровых технологий, что было особо подчеркнуто на совместном заседании Фонда развития инновационного предпринимательства и профильных комитетов Торгово-Промышленной палаты РФ 4 декабря 2017 г.[3] В рамках Общего названия «Цифровая экономика: инновации и бизнес» проводился круглый стол «Цифровая медицина и прорывные IT-технологии в здравоохранении: новые возможности и вызовы» – модератор академик РАН В.В. Береговых. Обсуждались тенденции развития информатизации здравоохранения, цифровые технологии – эффективное средство решения проблем биобезопасности страны, создание базы данных и вопросы мониторинга медицинских технологий, возможности управления рисками в здравоохранении, медицинское образование и др. Здравоохранение РФ имеет много уже готовых технологий в профилактике и лечении заболеваний, однако они встречают глухое сопротивление бюрократического аппарата, отсутствует финансирование передовых технологий и материально техническая база подготовки кадров.

Мир переживает переломный этап в международных отношениях[4]. Понятие «гибридная война», которая представляет собой действия в период, не относящийся в чистом виде ни к войне, ни к миру, вошло в широкое употребление в начале XXI века[5].

Россия из-за огромности нашей территории, неистощимого запаса полезных ископаемых и пресной воды, перекреста движений товаров и других форм межгосударственных сообщений планетарного масштаба, внутренней соборности и высокой ответственности за судьбы других народов всегда была и будет объектом воинственных посягательств агрессоров разного уровня.

Духовно-нравственные ценности и здравоохранение как неотъемлемые составляющие безопасности государства постоянно находятся в поле зрения противоборствующих сторон. Пришла пора решительных действий, отдельные направления которых представлены в таблице с освещением основных проблем в зависимости от болевых точек проблем здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1

Основные проблемы здравоохранения и пути их решения в условиях гибридных войн в зависимости от стратегических и тактических возможностей государства и общественных составляющих

Стратегические и тактические направления	Проблемы здравоохранения	Пути решения
1	2	3
Военные конфликты – межгосударственные, гибридные, с участием негосударственных вооруженных формирований, наемников, мигрантов, племенных сообществ, религиозных меньшинств	Традиционное планирование запасов и подготовки кадров здравоохранения по противодействию отстает от быстро меняющейся медицински значимой обстановки	Внедрение современных технологий управления: компьютерных, интеллектуальных, нейросетевых, кадровых, лабораторно-исследовательских, психолого-педагогических, нормативно-правовых, снабженческих

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[2] Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 20 октября 2010 г. № 1815-р. «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”».

[3] http://www.ibdf.ru/

[4] Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. – М.: Горячая линия; Телеком, 2018. – 284 с.

[5] Бартош А.А. Россия в эпоху гибридных войн // Независимое военное обозрение. – М., 2017. – № 39. – С. 4.

1	2	3
Создание временных военно-политических коалиций, использование форм традиционной войны и методов борьбы с иррегулярными формированиями	Затруднения в создании ресурсов материальных средств, подготовки необходимого набора специалистов, программного обеспечения	Введение специальных программ формирования мобильных медицинских подразделений с широким спектром оказания помощи, лабораторной диагностики и инструментальных измерений
Разработка Концепции ограниченной стратегической ядерной войны при узком диапазоне радиопротекторной защиты имеющихся препаратов	Отсутствие в достаточном количестве медицинских средств защиты населения и личного состава силовых структур, работников здравоохранения.	Создание запасов надежных средств медицинской защиты населения, резерва радиометрической аппаратуры, подготовка медицинских кадров, мобильных групп медико-радиационной разведки
Разрушение промышленных объектов с запасами аварийно опасных химических и радиоактивных веществ, патогенных биологических агентов	Недостаточность навыков в медицинских формированиях по оказанию помощи при воздействии даже одного из всего спектра имеющихся патогенов	Регулярное проведение учений с использованием максимально приближенных к реальности сценариев, учет в Центрах медицины катастроф запасов радиационно, химически и биологически опасных веществ
Наличие гибридных угроз – дипломатических, военных, экономических, образовательных, информационно-технологических, этнических, религиозных, возрастных, психологических	Недостаток специалистов здравоохранения с правом принятия ответственных решений в вопросах государственного и местного самоуправления	Введение специальных курсов мобилизационной подготовки по вопросам тактики гибридных войн с элементами кадровых замещений, возрастно-половых различий, молодежного движения, обращения с лекарственными средствами и медицинскими изделиями
Использование несиловых способов борьбы, дипломатического, экономического, юридического, спортивно-аналитического и других способов давления	Затруднения в освоении кибернетических программ, завуалированных медицинских средств воздействия и индивидуальной защиты	Взаимодействие с ООН, ВОЗ и ЮНЕСКО, соединение сил и средств РАН РФ, силовых структур, Минздрава и Роспотребнадзора России, расчетно-аналитических центров, прогнозных организаций, общественных объединений
Диспропорция между особенностями современной войны и традиционными подходами к оценке угроз	Определение ресурсов для решения текущих задач и создание запасов на будущее, балансировка рисками	Учреждение единого центра противодействия с широкими полномочиями по образу Государственного комитета обороны во время Великой Отечественной войны
Комбинация угроз без боевого столкновения с поражением наиболее уязвимых мест противника (мировоззренческих, образовательных, морально-психологических, медико-гигиенических, противоэпидемических и др.)	Сбор данных о генофонде населения России военными структурами НАТО предполагает разработку отдельных маркеров скрытого воздействия для поражения наиболее важных представителей управления страной, обороны, науки, промышленности, сельского хозяйства и т.д.	Ускоренная разработка приемов и методов защиты, биологических или генномодифицированных препаратов, диагностических устройств, дезинфектантов и иммуномодуляторов, кооперация с международными медицинскими центрами, активизация работы по гигиеническому воспитанию и обучению населения, введение тематики в последипломное образование
Создание странами НАТО нескольких десятков Центров передового опыта по противодействию гибридным угрозам, внедрению кибероперaций, борьбы с терроризмом, действий в экстремальных климатогеграфических зонах, поражения энергетически важных объектов	Центры обработки данных Минздрава и Роспотребнадзора не занимаются прогнозированием медико-генетической обстановки, отсутствуют программы автоматизированной обработки массива лабораторных данных по биологическому материалу страны	Усиление защиты иммунной системы населения, создания бригад медико-биологического противодействия, подразделений психофизиологической помощи с соответствующим оснащением и оборудованием, разработка антидотного ряда для генетических маркеров, концентрация всех сведений этого ряда в едином центре (например, ВЦМК «Защита»)
Подрывные акции на границах, дезинформация и использование массовой миграции населения	Занос экзотических инфекций, наплыв незащищенного в иммунном отношении контингента	Усиление мер санитарной охраны границ и территорий, взаимодействие всех структур государственного управления по вопросам медицински значимых проблем
Размещение на территории сопредельных государств лабораторий с запасами патогенных биологических агентов	В случае активизации подрывных элементов возможен специальный или случайный занос патогенов на территорию РФ	Мониторинг групповой и массовой заболеваемости населения не только в сопредельных странах, но и в других регионах, с которыми у нас имеются военные или торговые отношения
Усиленное освоение арктических широт при разработке широкомасштабных карьеров, бурении глубоких скважин, притоке населения с привычками поведения в средних широтах	Рост климатически и промышленно обусловленного теплообразования, затруднения в постановке первичного клинического диагноза и эвакуации больных, своевременном информировании органов управления о появлении особо опасных или экзотических инфекций, несвойственных для региона отравлений	Внедрение Систем интеллектуальной поддержки принятия решений, охватывающей органы управления, все звенья клинической и профилактической медицины, в разы обеспечивающие высоко значимые объективность и скорость принятия решений в системе здравоохранения. Адаптация разработанных для среднетемпературных условий способов передачи, обработки и хранения информации к функционированию при сверхнизких температурах

1	2	3
Продвижение государственных интересов России в Африку, Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию, Ближний и Средний Восток и др.	Возможен занос на территорию страны несвойственных инфекций и соответственно отсутствие специфического иммунитета, наличие недостаточной настороженности медицинского персонала, отсутствие этих разделов в компьютерных базах знаний центров подготовки других специалистов	Создание лабораторной базы, стажировка врачей и медсестер в медицинских учреждениях этих регионов, постоянный сбор сведений о состоянии здравоохранения. Включение в программы последипломного образования разделов данной патологии, вплоть до особенностей психологического статуса, обычаях и верованиях коренного населения, используемых им методов профилактики и лечения.
Насаждение чуждых природе человека продуктов питания, нравственных ценностей, распространение смертельно опасных способов поведения (однополые браки, сексуальная вседозволенность, наркомании, реклама медикаментов и самолечения, фальшивые продукты и др.)	Органы управления здравоохранением не имеют юридических оснований для вмешательства, отсутствуют соответствующие специалисты и рычаги воздействия, в общественном мнении и реально – это область ответственности других организаций. Возможности здравоохранения ограничено действующими документами Правительства, Минздрава и Роспотребнадзора	Совершенствование санитарного законодательства, внутренней организации Минздрава, Роспотребнадзора, Министерства образования и науки, построение в единую систему возможностей агробиологии, ветеринарии, микробиологии, учреждений Академии наук, туризма и отдыха, пищевой промышленности, торговли, водообеспечения, физкультуры и спорта, теле- и радиовещания, печатной продукции, силовых министерств и ведомств, общественных объединений и организаций

К сожалению, провозглашенный 8 января 1918 г. в речи на Конгрессе Президентом США Вудро Вильсоном последний из 14 пунктов тезис о создании равноправной общности объединенных наций нарушается его наследниками[1]. В Стратегии национальной безопасности (18 декабря 2017 г.) нынешний Президент США заявляет, что идет война, и Америка ее выиграет. На данном этапе развития человечества речь идет о гибридной войне, несмотря на заявления США о возможности применения ядерного оружия даже при неядерном нападении.

Для здравоохранения нашей страны это означает необходимость внедрения современных систем ускоренного доведения до руководящего органа информации о возникающих химико-биологических угрозах, внезапных осложнениях санитарно-эпидемиологической обстановки. Такая уникальная Система интеллектуальной поддержки принятия решений (СИП) создана в нашей стране и не имеет аналогов в мире.

Имеющаяся система продвижения информации регулируется приказом Минздрава и Роспотребнадзора (от 10 октября 2013 г. № 726н/740 «Об оптимизации системы информирования о случаях инфекционных и паразитарных болезней) с недостаточно обеспеченной материально-технической базой и в организационном плане расплывчатыми формулировками. Невозможно из Тикси доложить в Красноярск о возникновении эпидемической вспышки или массового отравления в письменном виде за 12 часов. А обязанности типа «Обеспечить незамедлительную передачу …, полноту сбора эпидемиологического анамнеза, …персональную ответственность, … взять под контроль, … прием информации и т.д.» входят в число постоянных действий медицинского персонала.

Разработка Системы вызвана тем, что на всех этапах управления требуется быстрое принятие решений, которое определяется объемом, скоростью её поступления и компетентностью всех звеньев исполнителей, возможностями сил и средств, помощью государственных структур, способностью использовать информационные технологии, национальный и мировой опыт. С целью помощи организации противодействия возникающим химико-биологическим угрозам в Институте систем связи и управления (Москва) создана Система интеллектуальной поддержки принятия решений (СИП), резко повышающая производительность мероприятий, их адекватность и эффективность, которая проходит определенные этапы становления – 3-главый 7-ступенчатый алгоритм развития. Функционирование системы поддерживается взаимосвязанной через телекоммуникационную среду совокупностью комплексов программно-технических средств (КПТС) различной модификации. Составные части системы взаимодействуют между собой посредством сети Интернет с использованием клиент-серверной технологии.

Опыт внедрения данной системы в Республике Адыгея (2015-2017 гг.) показал, что для обеспечения непрерывного контроля за состоянием санитарно-эпидемиологической обстановки, оперативного реагирования на её осложнение в составе СИП наряду со стационарными рабочими местами необходимы мобильные автоматизированные рабочие места (АРМ) для органа управления здравоохранением и специалистов по эпидемиологии, токсикологии, гигиене, выезжающих в очаг поражения.

В составе СИП для центрального аппарата создаются Ситуационные центры с КПТС, функционирующие в режиме реального времени и обеспечивающие отображения на фоне географической карты местности проведение системного анализа и тенденций развития складывающейся обстановки.

СИП функционирует по принципам взаимодействия открытых систем с использованием общепринятого инструментария, обеспечивающего возможность как поэтапного наращивания КПТС, так и изъятие из системы морально устаревших ресурсов. Предусматривается использование серийно выпускаемых средств общего назначения, а также учет в проектировании уже созданной инфраструктуры и подготовленности персонала.

СИП обеспечивает решение следующих задач:

- оказание информационной поддержки при постановке предварительного клинического диагноза инфекционного заболевания или поражения опасными химическими веществами с целью верификации вспышек заболеваний, установление их связи с чрезвычайными ситуациями биологического или химического характера;

[1] Винокуров В. «14 пунктов Вильсона» на новый лад // Независимое военное обозрение. – М., 2018. – № 1. – С. 1, 3.

- экстренный, ежедневный, еженедельный и ежемесячный мониторинг санитарно-эпидемиологической обстановки;
- прогнозирование санитарно-эпидемиологической обстановки с расчетом возможных санитарных потерь;
- формирование рекомендаций по реализации предварительных профилактических мероприятий в условиях угрозы осложнения обстановки;
- интеллектуальная поддержка принятия решений при планировании и проведении мероприятий по локализации и ликвидации эпидемических очагов инфекционных заболеваний, отравлений особо опасными химическими веществами.

Поддержка принятия решений в СИП реализуется комплексом различных методов и средств, в том числе:

- экспертной системой выявления и оценки риска распространения инфекционных заболеваний и (или) отравлений особо опасными химическими веществами (ООХВ) – (ЭС-1);
- экспертной системой по установлению ведущих путей и факторов передачи и распространения патогенных биологических агентов (ПБА) и ООХВ – (ЭС-2);
- экспертной системой верификации ПБА и ООХВ – (ЭС-3);
- системой расчета медико-санитарных последствий применения ПБА и ООХВ – (РС-1);
- системой расчета потребных сил и средств для ликвидации последствий применения ПБА и ООХВ – (РС-2);
- системой подготовки отчетно-информационных документов.

При разработке системы использованы современные и адаптированные к практике методы и средства поддержки принятия решений для различных организационных структур, исходя из решаемых ими задач.

Оценивая достигнутое, можно предложить несколько направлений совершенствования информационных технологий с позиций стратегии принятия решений.

Как показывает практика борьбы с массовыми заболеваниями и отравлениями, особо опасными инфекциями, первыми опасность встречают врачи, которые в этих случаях должны быстро вспомнить огромное количество довольно объемных руководящих и методических документов. Действующие в системе Роспотребнадзора и Министерства здравоохранения компьютерные программы носят, в основном, медико-статистический характер и в выработке адекватных управленческих решений, эффективном контроле качества исполнения приказаний, оперативном отслеживании медико-санитарной обстановки помощи не оказывают. Отсутствуют приемы и методы интеллектуальной поддержки врача при постановке предварительного диагноза, что особенно важно при высоко контагиозных и экзотических инфекциях и паразитозах, редко встречающихся в данной местности отравлениях. Это особенно важно при аварийных ситуациях с распространением или террористическом применении ООХВ.

СИП позволяет автоматизировать и технически обеспечить работу должностных лиц, специалистов группы экспертов и руководителей здравоохранения средствами индивидуального и коллективного отображения информации, возможностью пользоваться информацией из единой базы данных в доступной области, пополнять интеллектуальный потенциал в своей предметной области пользуясь базой знаний системы.

Комплекс обеспечивает:

– анализ информации о чрезвычайных ситуациях в целях их классификации и верификации;

– интеллектуальную поддержку выработки решений по управлению здравоохранением региона в условиях химико-биологических угроз и ликвидации их последствий;

– прогнозирование обстановки с расчетом уровня, структуры и динамики ожидаемых потерь и оценку вариантов организации оказания медицинской помощи пострадавшим;

– формирование рекомендаций по ликвидации последствий БТА и ХТА и восстановлению санитарно-эпидемиологического благополучия;

– поддержание информационной базы о силах и средствах, используемых в ходе ликвидации ЧС, а также составе резерва для их усиления.

Реализованные в процессе создания опытного образца СИП системно–технические и программные решения позволяют:

– значительно повысить оперативность проведения мероприятий по профилактике массовых инфекционных заболеваний и отравлений, и тем самым снизить затраты на ликвидацию последствий масштабных эпидемических осложнений и химических поражений, применению медицинских средств индивидуальной защиты;

– уменьшить неопределенность при постановке предварительного клинического и эпидемиологического диагнозов за счет реализации в СИП новой структуры и алгоритмов функционирования программного симптомокомплекса;

– создать новые рабочие места в системе Министерства здравоохранения, санитарно-эпидемиологических учреждениях, в вузах медицинского профиля (подготовка кадров, их периодическая переподготовка);

– обеспечить в режиме реального времени электронный контроль руководства за выполнением санитарно-противоэпидемических мероприятий по санитарной охране населения и территории зоны ответственности;

– сформировать новое направление в современной эпидемиологии, основанное на комплексном использовании достижений эпидемиологии и новейших информационных технологий;

– минимизировать финансовые риски создания и развития системы.

Таким образом, решение медико-биологических проблем безопасности требует соединения компетентности управленческих структур в науке и практике, ответственности за потенциал здоровья населения, опоры на внутренние ресурсы нашей огромной страны. Если наука не будет опережать достижения практики на десятилетия вперед, мы будем погребены под тяжестью собственной великости, как рушится железобетонная конструкция после размягчении металлического каркаса при высокотемпературном пожаре.

Кузьмин А.И.
к.э.н., д.соц.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
Kuz53@list.ru
Михеева А.Р.
д.соц.н., в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск
annm@ieie.nsc.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНЫЙ ВОЗРАСТ МУЖЧИНЫ В ЗЕРКАЛЕ ТАБЛИЦ СМЕРТНОСТИ ЖЕНЩИН: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[1]

Ключевые слова*: условное поколение, рождаемость, воспроизводство населения, таблицы смертности, вероятности дожития, самосохранительное поведение населения, регион.*

Keywords: *conventional generation, fertility, population reproduction, mortality tables, probabilities of survival, preventive behaviour of the population, region.*

Собственно предметом исследования является дифференциация вероятности смертности мужчин и женщин в границах экономически активного возраста (15–72 лет). Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть на основе сопоставления данных дожития полных таблиц смертности у мужчин и женщин 2015 г. территориальную дифференциацию смертности по гендерному признаку [1, с. 38–54]. При этом уровень дожитий у женщин принимается за своеобразный «региональный эталон» потенциала жизнеспособности мужчин.

Гипотеза исследования связана с оценкой потенциала влияния факторов здорового образа жизни на поведение мужчин в конкретных регионах страны. При этом используется кластеризация территорий по допустимому уровню дожитий в современном российском обществе на примере более или менее «благополучных» с позиций рисков смертности областей, краев и республик (включая столичные города).

Методика исследования связана с построением индекса самосохранительного поведения: путем соотношения числа доживающих у лиц мужского и женского пола до 72 лет с условным числом доживающих по таблицам смертности от рождения до 15 лет. Метод исчисления вероятности дожития в возрасте 15–72 лет доступен для понимания в силу простой интерпретации достаточно сложных показателей такого инструментария как полные таблицы смертности Росстата за 2015–2016 гг.

Общая картина распределения дожитий в экономически активном возрасте у мужчин и женщин в федеральных округах обнаруживает вектор резкого снижения таковых при передвижении с Запада на Восток (табл. 1). Размах распространенности низких дожитий резко усиливается именно в гендерном аспекте. Расчеты показали, что картина вероятностей дожития у лиц мужского пола в восточных районах неблагоприятная, что и ожидалось установить в гипотетическом плане в силу климатических условий, дифференциации уровня жизни, низкой культуры самосохранительного поведения и оттока наиболее квалифицированной, молодой и дееспособной части населения в центральные регионы и на Запад в принципе [2].

Таблица 1

Распределение дожитий от 15 до 72 лет у лиц мужского и женского пола по федеральным округам и гендерному признаку, в расчете на 1000 чел. доживающих по таблицам смертности до 15-летнего возраста

Территории РФ	*Гендерные показатели дожития*		
	Соотношение *вероятности дожития в экономически активном возрасте мужчин и женщин*	Соотношение *вероятности дожития в экономически активном возрасте женщин и мужчин*	Вероятность *дожития женщин в экономически активном возрасте*
1	**2**	**3**	**4**
Российская Федерация	**0,588**	**1,700**	**733**
Центральный федеральный округ	**0,616**	**1,624**	**755**
Белгородская область	0,593	1,686	769
Брянская область	0,523	1,896	732
Владимирская область	0,522	1,916	707
Воронежская область	0,566	1,766	754

[1] Программа Президиума РАН № 6 Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества: Проект № 18-6-7-39 «Научно-методический инструментарий социоэкономической оценки ресурсообеспеченности домохозяйств как фактора динамичного развития регионов».

1	2	3	4
Ивановская область	0,537	1,864	710
Калужская область	0,570	1,754	728
Костромская область	0,522	1,810	715
Курская область	0,536	1,868	732
Липецкая область	0,547	1,828	742
Московская область	*0,608*	*1,646*	*744*
Орловская область	0,521	**1,919**	743
Рязанская область	0,716	1,775	742
Смоленская область	0,536	1,864	703
Тамбовская область	0,552	1,812	750
Тверская область	0,503	**1,917**	692
Тульская область	0,523	**1,912**	717
Ярославская область	0,546	1,833	735
г. Москва	*0,739*	*1,353*	*801*
Северо-Западный федеральный округ	**0,739**	**1,699**	**729**
Республика Карелия	0,495	**2,020**	695
Республика Коми	0,496	**2,017**	704
Архангельская область	0,540	1,852	728
Вологодская область	0,514	**1,944**	731
Калининградская область	*0,604*	*1,655*	*700*
Ленинградская область	*0,588*	*1,700*	*726*
Мурманская область	0,549	1,823	709
Новгородская область	0,504	**1,982**	692
Псковская область	0,507	**1,974**	675
г. Санкт-Петербург	*0,675*	*1,482*	*756*
Южный федеральный округ	**0,618**	**1,618**	**744**
Республика Адыгея	0,624	1,602	745
Республика Калмыкия	*0,629*	*1,589*	*758*
Краснодарский край	*0,626*	*1,597*	*752*
Астраханская область	0,604	1,641	732
Волгоградская область	0,602	1,661	741
Ростовская область	0,620	1,613	737
Северо-Кавказский федеральный округ	**0,699**	**1,430**	**791**
Республика Дагестан	*0,699*	***1,262***	*839*
Республика Ингушетия	*0,812*	***1,230***	*865*
Кабардино-Балкарская	*0,669*	*1,494*	*804*
Карачаево-Черкесская	*0,847*	***1,179***	*796*
Республика Северная Осетия-Алания	*0,642*	*1,559*	*798*
Чеченская Республика	*0,727*	*1,380*	*741*
Ставропольский край	0,648	1,543	767
Приволжский федеральный округ	**0,552**	**1,809**	**731**
Республика Башкортостан	0,555	1,802	719
Республика Марий Эл	0,501	1,995	738
Республика Мордовия	0,568	1,761	759
Республика Татарстан	0,609	1,641	786
Удмуртская Республика	0,530	1,886	730
Чувашская Республика	0,583	1,781	748
Пермский край	0,562	1,955	694
Кировская область	0,540	1,851	733
Нижегородская область	0,526	**1,900**	724
Оренбургская область	0,548	1,796	706
Пензенская область	0,579	1,790	750
Самарская область	0,558	1,793	726
Саратовская область	0,583	1,716	736
Ульяновская область	0,546	1,830	732
Уральский федеральный округ	**0,559**	**1,789**	**719**
Курганская область	0,534	1,872	704
Свердловская область	0,536	1,866	711
Тюменская область с округами	*0,604*	*1,654*	*738*
Челябинская область	0,551	1,816	712
Сибирский федеральный округ	**0,556**	**1,799**	**689**
Республика Алтай	0,537	1,861	685
Республика Бурятия	0,572	1,749	668
Республика Тыва	0,452	2,216	627
Республика Хакасия	0,566	1,768	670
Алтайский край	*0,586*	*1,704*	*714*
Забайкальский край	0,762	1,882	638
Красноярский край	0,558	1,792	692

1	2	3	4
Иркутская область	0,530	1,934	652
Кемеровская область	0,531	1,885	673
Новосибирская область	0,570	1,754	726
Омская область	0,564	1,772	716
Томская область	*0,602*	*1,659*	*710*
Дальневосточный федеральный округ	**0,533**	**1,875**	**677**
Республика Саха (Якутия)	*0,585*	*1,709*	*711*
Камчатский край	0,528	1,893	689
Приморский край	0,550	1,893	686
Хабаровский край	0,516	1,937	678
Амурская область	0,494	2,025	648
Магаданская область	0,558	1,857	625
Сахалинская область	0,515	*1,942*	662
Еврейская автономная	0,454	***2,204***	615
Чукотский автономный округ	0,670	1,920	576
Крымский федеральный округ	**0,534**	**1,871**	**771**
Республика Крым	*0586*	*1,705*	*706*
г. Севастополь	0,556	1,800	727

*данные по ЯНАО отсутствуют в силу малочисленности населения округа (малого числа умерших за год, что не позволяет построить таблицы смертности).

Учитывая низкую продолжительность жизни трудоспособном возрасте в целом по стране и особенно на «северо-восточных окраинах» РФ, можно сказать, что *есть* «счастливые территории России» – в которых дожития распределяются более или менее равномерно приближаются к правилу «Жили счастливо и умерли в один день» (без суицида и прочих *эксцессов криминального и иного толка). К этому кластеру территорий относятся* в гендерном смысле слова прежде все шесть республик Северо-Кавказского федерального округа. Это своеобразный эпицентр гендерного демографического равновесия, судя по величине дожитий мужчин и женщин. Ставрополье резко выбивается из этого кластера (но на фоне дожитий других регионов вполне благополучно себя чувствует в силу климатических и социальных факторов).

К «вполне счастливым» территориям можно отнести по общероссийским меркам регионы: Томской области, Тюменской области, Алтайского края, отчасти Татарстан и Калмыкию. Разумеется благоприятная гендерная ситуация по дожитиям в экономически активном возрасте наблюдается у мужчин и женщин в столицах России и отчасти в Московской области. К тому же здесь высоки индексы культуры самосохранительного поведения и в целом средней продолжительности жизни (включая ситуацию с младенческой и детской смертностью). Остальные территории напоминают «поле социальных потрясений и битв» (не исключая фактор супружеских конфликтов на почве различного рода злоупотреблений, неоднократно перечисляемых в медицинской и социологической литературе). Наиболее деформированы дожития по гендерному признаку в Амурской области и Еврейской автономной области, на Чукотке и Сахалине, республике Тыве (перевес дожитий женщин по сравнению с мужчинами на этих территориях – двукратный и даже более того более). В Европейской части России по гендерным деформациям выделяются области: Нижегородская, Псковская, Новгородская, Владимирская, Орловская, Тверская, Тульская и Пермский край. Коэффициент гендерной дифференциации дожитий в них приближается к двукратному перевесу дожитий у женщин по сравнению с мужчинами. Это очень тревожная ситуация требует от органов государственной муниципальной власти и субъектов гражданского общества особой жесткой позиции в условиях обострившихся процессов депопуляции и неустойчивости брачных союзов.

Список литературы

1. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 240 с.
2. Харькова Т.Л., Никитина С.Ю., Андреев Е.М. Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. 2017. – № 8. – С. 61–68.
3. Развитие человеческого потенциала Сибири: проблемы социального воспроизводства регионального сообщества / Я.А.Лещенко и др. 2013. – 514 с.

Махова О.А.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Карманов М.В.
д.э.н., профессор, Российский экономический университет

ЗАМЕЩЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Ключевые слова: *демографическое замещение, экспансия, показатели замещения коренного населения.*
Keywords: *demographic substitution, expansion, indices of replacement of indigenous population.*

Мир как определенная космо-биологическая система, включающая собственно нашу планету, проживающих на ней людей и многочисленных представителей земной флоры и фауны, подчиняется определенным законам развития. Один из них заключается в постоянном преобразовании, сводящемся к совершенствованию и приспособлению к изменяющимся условиям существования.

Необходимость регулярного преобразования вызвана тем, что она заложена в самом развитии, продвижении вперед, которое подразумевает изменение самого мира и его важнейших составных элементов. При этом происходит и определенная трансформация общества, его облика, пропорций, устоев и традиций. Наиболее известными факторами преобразования социума являются [1]:

- географические открытия;
- развитие производства;
- научно-технический прогресс;
- творческая деятельность;
- войны;
- миграционное движение населения и др.

Каждый из данных факторов связан со своеобразным способом изменения ранее существовавшей действительности, которая как бы перемещается в новые реалии. В результате мир и общество становятся другими и могут идентифицироваться как продукт произошедших преобразований.

В последние десятилетия в литературе все чаще и чаще приходится сталкиваться с точкой зрения, согласно которой трансформация мира во все возрастающей степени определяется действием демографических компонент, приводящих к вялотекущей и до поры до времени незаметной экспансии, проступающей в замещении коренного населения [2].

С теоретических позиций демографическое замещение не является принципиально новым понятием и уже достаточно давно рассматривается применительно к смене поколений. Например, когда на смену уходящим старым поколениям приходят более молодые поколения. В статистике по этому поводу даже принято рассчитывать коэффициент трудового замещения, который характеризует, сколько лиц моложе трудоспособного возраста приходится на каждую 1000 жителей, находящихся в трудоспособном возрасте [3].

Однако на уровне коренного населения, постоянно проживающего на определенной территории, под замещением понимается несколько иной процесс. Он подразумевает замену коренных жителей некоренными, пришлыми людьми, которые могут избирать несколько сценариев поведения. Первый из них сводится к тому, что лица, вновь прибывшие на данную территорию, начинают ассимилироваться, растворяться среди местного населения. Они пытаются освоить имеющиеся традиции и обычаи, воспринимают религию и принципы жизни того коллектива, в который они вливаются. Второй сценарий заключается в том, что некоренное население частично принимает «правила игры» коренных жителей, но пытается также не потерять и свою специфику, не забыть родной язык и т.п. И, наконец, третий сценарий проявляется в том, что некоренные жители даже и не пытаются учитывать интересы «аборигенов». Они создают свои анклавы, пытаются их расширить территориально и демографически, полагаясь на родной язык, исконную религию, а также собственные традиции, порядки и устои. В результате по мере наращивания «демографических мускулов», то есть собственного количественного представительства некоренное население более или менее быстро вытесняет, а точнее замещает ту популяцию, которая располагалась в данной местности.

По существу в этом контексте замещение представляет собой своеобразную смену одних людей другими людьми, которые отличаются основными этническими, национальными, религиозными, языковыми и прочими параметрами, серьезно отличающими их от социума, существовавшего ранее. Подобная «подмена» ведет к более или менее существенным преобразованиям окружающего мира, отличающимся своим специфическим характером [4].

Главная особенность замещения населения как способа преобразования мира сводится к его, если так можно выразиться, медленному, ползущему характеру, который до поры до времени не проступает ярко, а потом (пройдя точку невозврата) сразу производит качественное изменение обстановки. Например, военные действие или научно-

технический прогресс и т.п. задают резкие изменения мира, а поэтому вряд ли могут быть названы скрытыми или ползущими способами преобразования мира [5].

Среди факторов замещения населения ведущая роль традиционно отводится миграции, т.к. именно территориальные перемещения людей способствуют трансформации демографических пропорций в области населения [6]. На самом деле миграция представляет собой более простой и понятный механизм замещения коренного населения, когда пришлые жители осваивают новое для себя жизненное пространство и «подвигают» тех, кто родился или долго жил на рассматриваемой территории в самых различных областях общественной жизнедеятельности. Однако демографическая экспансия, приводящая к замещению населения, ничуть не хуже реализуется и с помощью естественного движения популяции. В том случае, когда у некоренных жителей естественный прирост выше, чем у аборигенов происходит то же самое достижение демографического превосходства. Оно может быть реализовано в разных комбинациях рождаемости и смертности, но чаще осуществляется за счет более высокой рождаемости некоренного населения. Правда, этот фактор способен дополняться и более низкой смертностью, и более высокой продолжительностью жизни, сочетанием низкой смертности с высокой продолжительностью жизни и иными более сложными сочетаниями компонент естественного движения населения.

Замещение населения – это сложный социально-экономический процесс, имеющий определенные последствия. Принято считать, что в его результате коренная популяция оказывается перед лицом одного из следующих вариантов трансформации обстановки [7]:

- утрата исторически сложившихся позиций;
- утрата части территории;
- утрата государственного суверенитета и др.

С этими вариантами можно соглашаться или не соглашаться, но главное заключается в другом – в качественном изменении части мира, мира в целом, которое проявляется в следующих направлениях:

- трансформация этнической структуры населения;
- трансформация религиозной структуры населения;
- трансформация языковой структуры населения;
- трансформация культурно-образовательного уровня населения;
- трансформация интеллектуального потенциала населения;
- трансформация экономической активности населения;
- трансформация политических предпочтений населения;
- трансформация социальных устоев и традиций населения и др.

Иными словами, замещение одних членов общества другими приводит к кардинальным изменениям условий и образа жизни населения, которое по иному воспринимает окружающую действительность, ставит во главу углу новые цели и задачи, меняя все исторически сложившиеся социальные пропорции и приоритеты.

Параметры демографической экспансии адекватно характеризуются статистическими данными. Статистика, как отрасль общественной науки и практики занимает исключительное место в анализе механизма и результатов замещения населения. Оперируя конкретной цифровой информацией, она позволяет ответить на следующие актуальные вопросы:

1) Насколько широкомасштабным является процесс замещения коренного населения?

2) Как быстро осуществляется процесс замещения коренных жителей другим населением?

3) К каким последствиям в самых различных областях деятельности приводит процесс замещения коренного населения?

Однако не следует думать, что ответы на выше перечисленные вопросы получаются автоматически и при любых условиях. Для того чтобы «оцифровать» процесс замещения коренного населения объективно необходимы определенные показатели или индикаторы, которые предоставляют возможность оценить те или иные аспекты смены одних людей другими.

В их качестве могут быть использованы следующие количественные характеристики [8]:

- численность коренных жителей;
- удельный вес коренных жителей в общей численности населения;
- динамика численности и удельного веса коренных жителей в общей численности населения;
- доля коренных и некоренных жителей в приросте (убыли) общей численности населения;
- динамика доли коренных и некоренных жителей в приросте (убыли) общей численности населения;
- соотношение темпа прироста численности коренного населения с темпом прироста численности некоренных жителей;
- накопленная численность некоренных жителей, прибывших на данную территорию за определенный период времени;
- отношение числа некоренных жителей к среднегодовой численности коренного населения и др.

Все представленные выше показатели дают лишь общее представление о результатах замещения коренного населения. Их главным недостатком является то, что они не акцентируют внимание на том, почему именно происходит рассматриваемый процесс. Чтобы разобраться в его особенностях, необходимы сведения, аккумулируемые в индикаторах естественного и миграционного движения населения. Например, как соотносятся между собой уровни коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста коренного и некоренного населения, а также индикаторы воспроизводства и средней продолжительности предстоящей жизни. С другой стороны, не помешают и сопоставления коэффициентов, отражающих территориальные перемещения, а именно прибытие, убытие, миграционный

прирост и др. В совокупности они позволят выявить имеющиеся различия между коренными и некоренными жителями, касающиеся возможностей увеличения абсолютных размеров и относительного представительства той или иной части популяции, проживающей на данной территории.

Кроме того за «бортом» статистики не должны оставаться показатели, отражающие изменения, протекающие в экономике и социальной сфере. В том смысле, что роль коренного и некоренного населения в производственной, политической и иной общественной деятельности может трансформироваться в самых различных направлениях. Скажем, некоренные жители, проникая в экономику, могут захватывать те или иные отрасли бизнеса, превращая их в собственную вотчину, совершенно не считаясь с интересами коренного населения. Да и представительство некоренных жителей в органах управления и власти также может приобретать ранее неизвестные формы.

Любые рассуждения о фактическом состоянии процесса замещения населения наталкиваются на целый ряд проблем, которые в настоящее время не позволяют реально оценивать положение дел. Все они могут быть объединены в несколько групп:

- организационные;
- информационные;
- методологические.

Организационные проблемы связаны с тем обстоятельством, что в условиях принципиального движения мирового сообщества в сторону демократии и толерантности любые рассуждения о последствиях демографической экспансии носят неоднозначный характер. В этой связи на государственном уровне практически не предпринимаются какие-либо действия, направленные на то, чтобы разобраться с теми или иными аспектами замещения населения, а также выяснить, в какой мере они содействуют укреплению или разрушению государства.

Информационные проблемы сопряжены с серьезным дефицитом статистической информации об имеющихся видах и формах проявления демографической экспансии. Чтобы успешно противостоять тем или иным вызовам необходимо иметь адекватное и полное представление об объекте исследования. К сожалению, в современных условиях текущие процессы замещения населения в своей подавляющей части оказались вне поля зрения статистического учета, а поэтому и вне поля зрения органов управления различного уровня [9].

Методологические проблемы вытекают из того факта, что для прикладного анализа любого общественного процесса, включая и замещение населения, необходим определенный инструментарий – принципы сбора данных, показатели, методы и т.д. Однако он либо еще не разработан, либо не адаптирован под специфику смены коренного населения некоренными жителями. Ведь даже начиная собственно с определения коренного населения (родившиеся в данной местности или проживающие определенный период времени) возникают серьезные методологические вопросы, не позволяющие однозначно идентифицировать протекающие социально-демографические процессы.

В целом, подводя итоги рассмотрения содержания и результатов процесса замещения населения, важно подчеркнуть целесообразность и необходимость его комплексного исследования [10]. Целесообразность прикладного анализа демографической экспансии предопределяется следующими моментами. Во-первых, не стоит уподобляться страусу, который зарывает свою голову в песок, так как хочется того или нет, но замещение коренного населения некоренными жителями наблюдается во многих регионах и странах мира, а поэтому его преобразование связано, в том числе и с данным процессом. Во-вторых, независимо от геополитической и политической подоплеки замещение населения – это объективный процесс, который сказывается на многих сферах общественной жизнедеятельности, а поэтому требует самого пристального внимания. Необходимость прикладного анализа демографической экспансии также может быть обоснована рядом аргументов. С одной стороны, последствия замещения населения часто носят далеко не безобидный характер и выливаются в серьезные противоречия между этническими, религиозными и другими группами общества. Поэтому чтобы избежать подобного хода развития событий требуется иметь адекватное представление о происходящем. С другой стороны, неконтролируемое замещение населения вполне способно ввергнуть мир в полосу высокой турбулентности, которая может подорвать основы его нормального существования, а поэтому актуальность исследования соответствующих процессов преобразования действительности не должна вызывать ни малейших сомнений, в том числе и в контексте сохранения самой земной цивилизации.

Список литературы

1. Щербакова С.И. Преобразование окружающего мира под воздействием техногенных факторов // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира. Материалы международной научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам современного экономико-экологического развития. 2016, – С. 343–347.
2. Карманов М.В., Смелов П.А. Демографическая экспансия как угроза инновационного развития России // Инновации и инвестиции. 2010. – № 4.
3. Международная статистика / Под ред. Б.И. Башкатова, А.Е. Суринова. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: ЮРАЙТ, 2013. – 701 с.
4. Демографическая конъюнктура общества как важнейший элемент прикладных экономических и маркетинговых исследований / Под общим руководством проф. Карманова М.В. Межкафедральная монография. – М.: МЭСИ, 2010.
5. Игумнова А. Покой и воля современности. – http://www.spoline.ru/article/fullinfo/450/
6. Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. – М.: Финансы и статистика, 2013.
7. Карманов М.В., Кузин С.И. Актуальные вопросы интегральной оценки, моделирования и прогнозирования демографической экспансии // Международная торговля и торговая политика. 2014. – № 1 (81). – С. 23–30.
8. Карманов М.В. Демографическая экспансия как объект статистического исследования // Статистика и экономика. 2010. – № 4. – С. 115–118.

9. Боков А.Н. Демографические вызовы национальной безопасности современной России // Статистика и экономика. 2014. – № 6–2. – С. 390–393.
10. Смелов П.А., Егорова Е.А., Махова О.А. Структура демографической экспансии населения Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2016. – № 10. – С. 193–199.

Пациорковский В.В.
д.э.н., профессор, гл.н.с. ИСЭПН РАН

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Ключевые слова: *воспроизводство населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграционная подвижность.*

Key words: *reproduction of the population, birth rate, mortality, natural increase, migration mobility.*

При всей противоречивости происходящих процессов, оценивая текущее состояние воспроизводства населения, можно сказать, что меры демографической политики, реализовавшиеся в последние годы, дали положительные результаты. Основной из них – сокращение естественной убыли населения в 2008–2012 гг. и его естественный прирост в 2013–2015 гг.

Вместе с тем, для стабилизации численности населения, равно как и для минимизации его потерь в условиях накатывающихся волн спада рождаемости, перед Россией стоит задача перейти от СКР в 1,76 рождений на одну женщину (2016 г.) к уровню рождаемости, составляющему, как минимум, 2,1 рождений. А для его расширенного воспроизводства необходимо выйти за верхнюю границу порога замещения, составляющую 2,32 рождений. В плане рождаемости дальнейшие цели предполагают рост числа семей с тремя и более детьми.

В территориальном разрезе село более позитивно откликается на проводимую демографическую политику. К примеру, в 2008 г. СКР городского населения составил 1,37, а сельского – 1,91 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Тот же коэффициент в 2012 г. для городского населения составил 1,54, а для сельского – 2,22 ребенка. Наконец, в 2014 г. он составил, соответственно, 1,59 для городского населения и 2,32 для сельского населения[1].

Это значит, что в принципе многие муниципальные образования с преобладанием сельского населения в решении задач демографического развития уже вплотную подошли к порогу расширенного воспроизводства населения. В отдельных сельских районах его ограничивают высокая смертность, большой отток населения, а также пришедшая в 2015 г. волна спада рождаемости.

Поэтому в плане рождаемости дальнейшие цели здесь предполагают рост числа семей с тремя и более детьми. В рассматриваемый период многодетность в сельской местности имеет вполне определенные возможности получить более широкое распространение. Отсюда вполне корректно сделать вывод, что в решении проблем демографического развития ставка должна делаться, в том числе и на сельское население.

Сейчас оно составляет около четверти населения страны. Поэтому увеличение численности сельского населения правильно рассматривать в качестве одной из важных мер демографической политики. Уместно подчеркнуть еще раз, что семейные домохозяйства надо поощрять садиться на землю в полном смысле этого слова. Для решения этой задачи следует считать актуальным и своевременным:

– Предоставление селянам и жителям малых городов права бесплатного получения в собственность земельного участка под индивидуальное жилищное строительство – без конкурса и торгов.

– Содействие на возвратной основе в получении средств на строительство жилья в сельской местности и малых городах. Эти средства можно выдавать и в форме товарного кредита под обязательства рождения детей или наращивания объемов продукции товаров и услуг в рамках домашнего производства.

В основе сформулированных выше предложений лежит следующее допущение: *«Доступность земли и домашнее производство представляют собой необходимое и достаточное условие демографического развития»*. Ограничения в доступности земли ведут к сворачиванию домашнего производства, которое сопровождается доминированием потребительской функции семьи и угасанием репродуктивности.

Такое развитие событий может способствовать восстановлению нарушенного в эпоху индустриального общества равновесия в демографическом развитии. В этом плане требуется преодоление сопротивления региональных и местных властей как уже принятым решениям по выделению земли многодетным семьям, так и обсуждаемым предложениям по «деревянной» ипотеке, товарному кредиту и др.

В то же время совершенно ясно, что на перспективу решение проблем воспроизводства населения без учета положения дел в городской местности фактически невозможно. Рождаемость, как и смертность, наиболее низкая в городских округах (ГО) с крупнейшими и крупными городами. Одновременно в эти две группы ГО идет и основной поток мигрантов. Немногим более высокая рождаемость, но весьма далекая от поставленных задач, и одновременно выше смертность в ГО, включающих в себя средние, малые города и ПГТ. В ГО с малыми городами и ПГТ наблюдается и миграционный отток населения, прежде всего молодежи, что сокращает базу их демографического развития в перспективе.

[1] Демографический Ежегодник. 2015. – М.: Росстат, 2015. – С. 45.

В ГО доминируют домохозяйства меньше среднего размера с количеством членов семьи до 2,6 человек. При этом только в одной группе ГО с населением центра городского округа от 100 до 250 тыс. человек размер домохозяйств приближается к их среднему размеру по стране в целом. Именно в этой группе ГО демографическое развитие можно считать наиболее сбалансированным, так как миграционный прирост практически полностью компенсирует естественную убыль населения, а в период с 2010 по 2015 г. (до вхождения в очередную демографическую яму) во многих случаях и перекрывал ее. Примерами таких ГО служат: Братск, Йошкар-Ола, Майкоп, Салават, Старый Оскол, Сыктывкар и др.

Во всех остальных группах ГО наблюдается явный дисбаланс в динамике численности населения. В ГО с городами свыше 250 тыс. человек идет слишком интенсивный миграционный приток (Белгород, Новокузнецк, Саратов и др.), а в ГО с населением менее 100 тыс. жителей – чрезмерно высокие показатели смертности, которая в малых городах и ПГТ (Вязники, Новозыбков, Сосьва и др.) сочетается с миграционным оттоком жителей.

Это означает, что во всей городской местности домохозяйства испытывают большие напряжения, связанные со стремлением увеличить средний размер семьи и домохозяйства. Тогда как имеющиеся характеристики среднего размера домохозяйств типичны для неполных семей, а также брачных пар без детей и одиночек, ведущих самостоятельное хозяйство.

Данные последних переписей населения (табл. 1) показывают, что и после принятия мер демографической политики 2000-х гг. тенденция роста таких ущербных с точки зрения демографического развития семей продолжается. Как уже отмечалось ранее, предпринимаемые в последние годы меры улучшили ситуацию с рождаемостью в стране (федеральный и региональный «материнский капитал», выделение семьям земельных участков для индивидуального жилищного строительства при рождении третьего ребенка и др.). В то же время растущий удельный вес семей и домохозяйств с ограниченными возможностями реализации репродуктивной функции сокращает базу демографического развития. О нарастании указанной тенденции часто пишут в терминах эволюции семьи и изменения посемейной структуры[1].

Таблица 1

Структура населения России по семьям и домохозяйствам по данным всероссийских переписей населения 1989–2010 гг.

Единица измерения	Всего домохозяйств	в том числе		Всего семей	Из них		Из семей с детьми		
		Одиночки	Семьи		без де-тей	с детьми	с 1-м ре-бенком	с 2-мя детьми	с 3-мя и более детьми
Перепись 2010 г.									
млн. ед.	54,6	14	40,6	40,6	16,6	24	17	6	1
%	100	25,7	74,3	100	40,9	59,1	69,5	25,8	4,7
Перепись 2002 г.									
млн. ед.	53	12	41	41	20	21	14	6	1
%	100	22,6	77,4	100	48,8	51,2	66,7	28,8	4,5
Перепись 1989 г.									
млн. ед.	50	10	40	40	16	24	12	10	2
%	100	20,0	80,0	100	40,0	60,0	50,0	41,7	8,3

Источник: Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 316.

Между тем здесь как бы просматриваются три самостоятельных явления. Во-первых, растет число одиночек (14 млн.) и их удельный вес (25,7%) в общем составе домохозяйств (2010 г.). Еще не так давно в составе домохозяйств их было менее 3%.

Во-вторых, сохраняется на очень высоком уровне (40,9%) удельный вес семей без детей. Вполне допустимо утверждать, что вряд ли все они не имеют детей по медицинским или возрастным показателям. На это обстоятельство полезно обращать внимание, особенно в связи с распространением идеологии бездетности во многих странах мира, в том числе и в России.

В-третьих, растет одновременно число (17 млн.) и удельный вес (69,5%) семей с одним ребенком. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, с одной стороны, первого ребенка стали заводить несколько чаще, и это хорошо. С другой стороны, о том, что блокируется широкий переход к рождению второго и последующих детей. Понятно, что это далеко не лучшее развитие событий. Вместе с тем, вполне возможно, что два первых явления представляют собой естественный ресурс повышения рождаемости. Его можно привести в действие, прежде всего, путем расширения числа рождений первого ребенка. На это ориентируют и последние инициативы руководства страны по поддержанию демографического развития, которые начали реализоваться с января 2018 г.[2]

Таким образом, выход из создавшегося положения – использование естественных ресурсов повышения рождаемости. В настоящее время есть три практически не задействованных основных естественных ресурса, использование которых может способствовать повышению рождаемости. Все они взаимосвязаны. Один из них – общее омоложение брачности и сроков рождения первого ребенка. Другой ресурс – стимулирование появления первого ребенка в моло-

[1] Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 91, 108.

[2] Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. – http://kremlin.ru/events/president/news/56228

дежных семьях. Третий – распространение брачности и реализация репродуктивной функции в постоянно растущей вузовской студенческой среде. Уместно напомнить, что в последние годы в вузы идут 70–80% выпускников средней школы. В действительности это большая часть входящих в жизнь поколений.

Без четкого и однозначного понимания самой сути семьи и необходимости восстановления фундаментальной роли домохозяйства в жизни общества очень сложно достигнуть устойчивых успехов не только на путях выхода из демографического тупика и стабилизации воспроизводства населения, но и общественного развития в целом. В социальной политике рассмотрение семьи как самостоятельного института в отрыве от непосредственной среды ее обитания для поддержания и воспроизводства, которой семья и создается, чревато не просто огромными заблуждениями. Как показывает опыт, такая социальная политика повсеместно и неизбежно ведет к нарушению режима воспроизводства населения.

В этом плане обращает на себя внимание определение семьи, зафиксированное в совместном заявлении руководителей двух христианских церквей в феврале 2016 г. в Гаване. Дословно в нем сказано: «Семья – естественное средоточие жизни человека и общества»[1]. Это определение весьма существенно отличается от ходящего из публикации в публикацию понимания семьи как «основной ячейки общества» или «одного из первых социальных институтов»[2].

Приведенное выше определение семьи имеет, как минимум, четыре существенные особенности. Во-первых, в нем семья рассматривается как природное (естественное) средоточие жизни человека и общества. Такой подход вполне корректен, если учесть, что биология давно и внимательно занимается изучением места и роли семьи в живом мире. «Любовь… это лишь внешняя часть биологического айсберга под названием “репродукция”»[3]. Из этого, кроме всего прочего, следует, что семья имеет смысл только там, где есть различие полов (половой диморфизм) и обоюдное желание к продолжению рода.

Во-вторых, из рассматриваемого определения следует, что человек не только зачинается и появляется на свет в семье. Такой ход событий обеспечивает генетическая (сексуальная) моногамия. Суть дела состоит в том, что в дальнейшем именно в семье человек становится собственно человеком. Действенность этого механизма обеспечивает социальная моногамия – одно из самых загадочных и не до конца понятных явлений живой природы.

В-третьих, одиночки, однополые браки, бездетные семьи по условию не могут быть носителями солидарности поколений и уважения к немощным. Это обстоятельство требует особого внимания и будет рассмотрено ниже.

Наконец, в-четвертых, судя по всему, общество исходно представляет собой продукт распространения социальной связи и социальных отношений мужчины и женщины в семье на окружающих их людей. В первую очередь это касается кровных родственников, далее родных и близких, а уже затем соседей, друзей и знакомых.

Возможно, здесь вполне уместно еще раз обратить внимание на то, что биологический источник семьи – взаимное желание продолжения рода. В то же время социальный источник семьи – взаимное желание оставить после себя потомство, способное к продолжению человеческого рода. При этом мужчина ищет верную женщину. Он хочет быть уверен, что родившийся ребенок его. Женщина, напротив, до зачатия ищет мужчину – качественного производителя потомства. А после родов – защитника и кормильца, который способен выдержать тяготы продолжительного взросления детей.

Действительно, дети зачинаются в среднем в течение 28 дней, а воспитываются они потом (до совершеннолетия), как минимум, около 7000 дней. «Многие исследователи считают, что человек не способен развиваться без длительного попечения родителей, так как взрослению предшествует достаточно долгий период беспомощности. И именно постоянное внимание и продолжительный уход обоих родителей позволил человеку со временем обрести большой мозг»[4]. Другими словами, не исключено, что многому человеческому в нас мы обязаны столь продолжительному периоду взросления. Всему, однако, есть свой предел. И вряд ли правильно доводить период взросления до четверти, а то и трети всей жизни.

В конечном счете, био-социальный смысл семьи представляет собой максимизацию ограниченных индивидуальных ресурсов двух особей для безопасности и успеха их потомства, равно как и личной жизни каждой из сторон в обществе. С этой точки зрения социальная моногамия может рассматриваться как вполне функциональный природный инструмент эволюции. Поэтому она и наблюдается у многих видов живых существ, в том числе и у человека.

В противоположность этому однополые браки имеют только социальный смысл. Желание такой связи может возникнуть лишь в случае отсутствия репродуктивных установок. Это значит, что однополые браки не имеют перспективы в качестве инструмента эволюции вида. Их необходимо рассматривать как отклонение или тупиковую ветвь в эволюции человека.

Справедливости ради следует отметить, что у социальной моногамии есть, если так можно выразиться, природное измерение. Дело состоит в том, что в живом мире забота о потомстве, даже в тех случаях, когда наблюдается социальная моногамия и семейная опека взросления подрастающего поколения, во-первых, не снимает действия естественного отбора.

Во-вторых, не ведет к сокращению численности потомства. И, наконец, в-третьих, не предполагает такого огромного объема затрат сил и времени, как это наблюдается у современного человека. В животном мире, да и во многих исторических обществах, родители относятся к детям как бы с большим доверием, заставляя их раскрывать и

[1] Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 12 февраля 2016 г. Пункт 19., Гавана. – http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074

[2] Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 51, 80, 91, 98.

[3] Климов В. Создание семьи в мире животных. – https://www.nkj.ru/archive/articles/20719/

[4] Паймакова М. Природа придумала моногамию для защиты потомства. – http://www.vesti.ru/ doc.html?id=1112400&cid=2161

закреплять в повседневной жизни свои врожденные способности к самосохранению, самостоятельности и раннему взрослению.

Огромная и мало чем оправданная продолжительность времени по подготовке нашего современника к жизни в обществе позволяет предположить, что мы как бы забыли о врожденных способностях (инстинктах, рефлексах, привычках, разуме) и идем по давно отвергнутому наукой пути понимания новорожденного как «чистой доски». В результате вопреки наблюдающейся в живом мире тенденции сокращения продолжительность ухода за потомством[1], люди наращивают соответствующие затраты жизненных сил, времени и материальных средств.

Одновременно, мы как бы забыли и о естественном отборе, идя по пути сокращения численности потомства и поздних браков. Акселерация и раннее половое созревание истолковываются нами как результат улучшения условий жизни. Между тем, вполне возможно, что эти явления имеют естественный характер. Посредством них наша природа говорит нам, что для сохранения вида надо пораньше вступать в браки и наращивать численность потомства. Мы же упорно продолжаем идти в противоположном направлении.

В подтверждение высказанного соображения уместно сослаться на получающие распространение факты рождения детей несовершеннолетними или от них. При получении огласки такой факт становятся предметом следственного и судебного разбирательства по статье 134 УК РФ («Половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста»). По ним выносятся соответствующие решения даже в случаях фиксации хорошей заботы родителей о ребенке и их ссылки на любовь и обоюдное согласие создать семью.

Прав В.А. Вагнер подчеркивая: «На земле *человек только один,* пользуясь силой своих разумных способностей, преступил этот железный закон отбора и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной – ребенком – право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов силу законов социальных»[2].

Сам факт такого противопоставления говорит о том, что в решении основного вопроса философской антропологии о природе и сущности человека, мы идем по пути признания приоритета социального начала. Это очень опасное направление движения. Оно уже принесло людям массу бед и их будет трудно избежать в будущем. Парадоксально, но в этом плане научные и религиозные представления о природе и сущности человека более близки и органичны в своих выводах в отношении рассматриваемого явления.

В любом случае, независимо от доминирования биологических или социальных представлений, домохозяйство уместно рассматривать как материальное средоточие жизни семьи, позволяющее ей выращивать продолжительное время потомство в благоприятных для детей и себя лично условиях. Это значит, что, вынося те или иные функции семьи за пределы домохозяйства, необходимо быть крайне осторожным.

При этом эффекты от обобществления (социализации тех или иных функций семьи) могут носить кратковременный и поверхностный характер, а издержки такого вторжения в жизнь семьи могут быть практически непоправимыми во времени и пространстве. Вполне возможно, что депопуляция и представляет собой ответ семьи на вторжение общества в ее жизнь, репродуктивную сферу и домохозяйство. Уместно напомнить, что в нашей стране такое вторжение было особенно беспардонным и целенаправленным в первой половине XX в.

В крупных и крупнейших городах естественный ресурс повышения рождаемости сосредоточен в системе высшего профессионального образования. В последние годы в вузы идут 70–80% выпускников средней школы. В частности, в 2014 году по данным Росстата в вузы поступило 78,3% выпускников средних общеобразовательных школ и средних профессиональных образовательных учреждений[3]. В действительности это большая часть входящих в жизнь поколений.

В этих условиях для целей демографического развития уместно, во-первых, уделить особое внимание вопросам семьи и брака в студенческой среде. Во-вторых, поощрять ранние браки. В-третьих, стимулировать появление первого ребенка в молодых семьях. В самом деле, трудно понять, почему можно работать и воспитывать детей, работать и учиться, но нельзя иметь ребенка и учиться. И это происходит в условиях, когда вузовская система все больше концентрирует в себе основную часть репродуктивного потенциала.

У рассматриваемого вопроса есть и другая сторона, которая пока еще обсуждается очень слабо. Реальность состоит в том, что высшая школа – это поздний брак и высокая вероятность его распада. В лучшем случае (для горожан в особенности) – это нуклеарная семья и малодетность. В пользу указанных выводов убедительно свидетельствуют данные последних трех переписей населения, приведенных выше в табл. 1.

Концентрируя в себе все большую часть репродуктивного потенциала, система высшего образования в рамках действующего законодательства не имеет каких-либо обязательств, связанных с воспроизводством человека. И напрасно. В условиях распространения коммерческого подхода к высшему образованию вполне корректно отдавать бюджетные места семейным парам с одним ребенком, шире создавать при вузах семейные общежития, детские дошкольные учреждения, кооперироваться с местными властями в предоставлении многодетным студенческим семьям социального жилища и др.

Вполне понятно, что в существующих условиях появление первого ребенка связано со снижением уровня жизни молодой семьи. Но это обстоятельство надо учитывать в социально-экономической политике, а не рассматривать его как порок. Пороком должны считаться безбрачие, малодетность и тем более отказ иметь детей. Именно в этом

[1] Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Биопсихология. Т. 1. – М.: Наука, 2005. – С. 336.

[2] Там же. – С. 246.

[3] Российский статистический ежегодник 2015. – М.: Росстат, 2015. – С. 196, 206, 209.

случае индивид и семейная пара, окунаясь в потребительство, образ жизни «здесь и сейчас», порывают связь со своей природой и собственной миссией.

Справедливости ради следует отметить, что сегодня высшая школа не только морально и материально, но и в правовом плане не подготовлена к подобному развитию событий. В то же время сосредоточение репродуктивного потенциала в вузах крупнейших городов, равно как и необходимость решения задач демографического развития, на перспективу будут делать все более настоятельными предлагаемые или близкие к ним меры.

Кроме того, важен тот факт, что ранний брак и семья – это взросление, повышенная ответственность и вовлечение в общественно полезный труд. А это именно то, что в настоящее время так требуется от молодых поколений. Причем, с учетом широко обсуждающихся сегодня гендерных особенностей и различий, указанное обстоятельство касается как молодых людей, так и девушек.

В противном случае государство может оказаться вынужденным форсировать преобразование создаваемых сегодня по всей стране перинатальных центров в центры репродукции человека. Со всеми вытекающими из этого довольно сложными последствиями для семьи и брака, отцовства и материнства. Говоря четче, может оказаться так, что то, что сегодня создается для целей помощи женщине с минимальными потерями стать матерью, при определенных обстоятельствах исключит ее из процесса воспроизводства человеческой жизни.

Исходя из сказанного, можно сделать чисто практический вывод. Для достижения успеха в борьбе с демографическим кризисом необходимо, во-первых, скорректировать правовое поле, регулирующее брачно-семейные отношения. Во-вторых, переходить от уже сложившегося набора различных мер по стимулированию воспроизводства населения, к формированию постоянно действующего социально-экономического механизма, ориентированного на воспроизводство населения и увеличение удельного веса больших многодетных и многопоколенных семей. Иными словами, для целей демографического развития крайне важно создать **механизм стимулирования репродуктивного поведения.**

Такой механизм, как известно, существовал в русской земельной общине. Один из известных специалистов по аграрному перенаселению в России – Л. Литошенко, указывая на данное обстоятельство, писал в свое время: «Если прирост семей в данном хозяйстве обгоняет средний рост населения в общине, то многодетные дворы выигрывают при очередном переделе за счет малосемейных. Общинный порядок земледелия *премирует*, таким образом, плодовитость населения»[1].

Вряд ли правильно подозревать нас в приверженности и тем более к воссозданию русской земельной общины. Упоминание о ней важно в качестве указания на пример существования в нашем историческом опыте механизма расширенного воспроизводства населения. Этот механизм опирался на общинную собственность земель сельскохозяйственного назначения и домашнее производство сельскохозяйственной продукции. Роль движителя в этом механизме выполнял общинный порядок земледелия, а точнее периодический передел земли.

Вполне возможно, что вновь формируемый механизм может опираться на земли поселений, выдаваемые под индивидуальное жилищное строительство и домашнее производство самого разнообразного вида. В этом случае уже существующие сельские подворья (ЛПХ) и фермерские хозяйства могут рассматриваться как частные случаи реализации предлагаемого механизма. Роль движителя в таком механизме могут выполнять обременения и поощрения, связанные с получением земли и кредитов под индивидуальное жилищное строительство, их списание и другие меры.

Материнский капитал, равно как и уже введенное право на бесспорное получение земельного участка при рождении третьего ребенка свидетельствуют о движении в нужном направлении. Ему, правда, было бы правильно придать естественный характер. Все же возможность «вить гнездо» после рождения второго или третьего ребенка искажает естественный ход событий, для которого, как известно, характерно сначала вить гнездо, а лишь потом класть в него яйца.

Без создания сходного механизма, адаптированного к новым условиям жизни, трудно рассчитывать на решение проблем демографического развития. Ошибочно рассчитывать на эффективность во времени, опираясь на отдельные меры по стимулированию рождаемости. Будучи целостным, такой механизм, как уже отмечалось в ряде наших работ[2], может опираться:

– при появлении первого и каждого последующего ребенка на пособие, соответствующее его прожиточному минимуму;

– при появлении второго ребенка, как это уже и делается, – на материнский капитал;

– при появлении третьего ребенка – на земли поселений, выдаваемые под индивидуальное жилищное строительство (эта новация частично уже введена, но пока еще работает плохо);

– при появлении четвертого ребенка – на товарный кредит под строительство жилого дома, хозяйственных построек и приобретения техники;

– при появлении пятого ребенка – на списание выданного товарного кредита при выполнении всех ранее принятых обязательств;

– при появлении шестого ребенка – на получение основной брачной парой права вхождения в родительский компонент пенсионной системы.

Формирование механизма стимулирования репродуктивного поведения кроме своей основной цели может решить ряд других важных задач. Во-первых, разорвать сложившуюся порочную связь рождаемости и бедности. Во-

[1] Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 116.

[2] Пациорковский В.В. Воспроизводство населения: семья и домохозяйство. /Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 272–291; Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010.

вторых, разрушить устоявшиеся стереотипы, оказывающие негативное влияние на репродуктивное поведение. В-третьих, на перспективу такой механизм может рассматриваться как прототип безусловного базового дохода семей и домохозяйств, выполняющих репродуктивную функцию. Актуальность указанного поворота событий будет нарастать по мере продвижения к новому технологическому укладу, предполагающему вывод и сферы производства огромных масс трудоспособного населения. Новый технологический уклад одновременно влечет роботизацию производства и индивидуализацию товаров и услуг, с вытекающими отсюда последствиями массовой ликвидации рабочих мест и наращивания производственной функции домохозяйств. Поэтому уже сегодня надо думать о том, как в таких условиях жизни люди смогут реализовать свою репродуктивную функцию.

В целом вполне возможно, что демографическое развитие нашей страны в перспективе может быть обеспечено за счет увеличения числа многодетных семей в сельской местности и среднего размера семей в городах страны, где сосредоточено большинство ее жителей. При этом в крупных и крупнейших городах это вполне реально сделать в основном за счет увеличения рождаемости первого ребенка, а в малых и средних городских населенных пунктах – за счет сокращения смертности и хотя бы небольшого увеличения числа многодетных семей.

Попова Л.А.
д.э.н., доцент, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
popova@iespn.komisc.ru

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОЕВРЕМЕННОСТЬ

***Ключевые слова**: рождаемость, демографическая политика, возрастная структура, исчерпанная плодовитость поколений, репродуктивные установки.*
***Keywords**: birth rate, demographic policy, age structure, exhausted fertility of generations, reproductive attitudes.*

С 2000 г., после 12 лет снижения, в России наблюдалось повышение рождаемости. С одной стороны, оно было обусловлено реализацией в условиях экономического роста и улучшения уровня жизни населения рождений, отложенных в кризисные 1990-е годы. С другой, весомый вклад в подъем рождаемости вносило омоложение возрастной структуры детородных контингентов в результате достижения репродуктивных возрастов относительно многочисленными поколениями 1980-х годов рождения. Поэтому ожидалось, что повышение продлится, как минимум, до конца нулевых годов. Однако уже в 2005 г. произошло снижение рождаемости. Восстановлению позитивного тренда способствовало развертывание государственной демографической политики, начало которой положили стартовавшие с 1 января 2006 г. приоритетные национальные проекты и Президентское Послание 2006 г. В 2006–2007 гг. были введены родовые сертификаты, увеличены размеры и изменен способ начисления некоторых детских пособий, учрежден федеральный материнский капитал на второго (последующего) ребенка, утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». В 2011 г. федеральные меры были подкреплены мероприятиями, реализующимися на региональном уровне. В рамках ФЦП «Жилище» на условиях софинансирования за счет субсидий регионам из федерального бюджета была запущена подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей». Были внесены поправки в Земельный кодекс Российской Федерации, согласно которым многодетные семьи получили право на безвозмездное приобретение земельных участков, что было закреплено региональными законами о бесплатном предоставлении земельных участков гражданам, имеющим троих и более детей. Во всех субъектах федерации были приняты законы о мерах дополнительной поддержки семей с детьми, в соответствии с которыми с 2011–2012 гг. стал назначаться региональный материнский (семейный) капитал с целью стимулирования рождения (усыновления) детей третьей или последующей очередности. Его размер существенно различается по регионам, в отдельных территориях он устанавливается на детей другой очередности, в некоторых его действие распространяется на правоотношения, возникшие ранее 2011 г., в большинстве субъектов федерации срок его действия ограничен, но в некоторых региональный капитал имеет бессрочный характер. В декабре 2015 г. программа федерального материнского капитала на второго ребенка, учрежденная в момент введения на срок с 1 января 2007 г. до 31 декабря 2016 г., была пролонгирована до конца 2018 г. Вслед за этим были продлены до конца 2018 г. и сроки реализации региональных капиталов, имеющих срочный характер.

Динамика количественных и качественных характеристик рождаемости и результаты социологических обследований показывают, что проводимая в России просемейная демографическая политика оказала значительное позитивное воздействие на уровень и структуру рождаемости, а также на величину репродуктивных установок населения и степень их реализации. Однако ее влияние на перспективы рождаемости следует оценить как негативное. Без существенного усиления действующей демографической политики и расширения спектра ее мероприятий новыми эффективными мерами ее последствия будут дополнять неблагоприятное действие изменений возрастной структуры.

В ближайшем будущем на динамику рождаемости в России будут оказывать понижающее влияние три сильнодействующих фактора. Во-первых, это продолжающееся ухудшение возрастной структуры женщин детородного возраста. Во-вторых, эффект исчерпанной итоговой плодовитости когорт, наиболее детородные возрасты которых пришлись на период введения и наращивания мероприятий просемейной демографической политики. В-третьих, пониженные уровни установок детности у молодежи, достигающей возрастов репродуктивной активности. Рассмотрим каждый из этих факторов подробнее.

В 2007 г. детородного возраста достигли родившиеся в 1992 г. В указанном году к самой младшей репродуктивной группе 15–19 лет относились поколения 1988–1992 годов рождения, к возрасту 20–24 года – родившиеся в 1983–1987 годах, к возрасту 25–29 лет – когорты 1978–1982 годов. До 2007 г. возрастом максимальной репродуктивной активности в России был интервал 20–24 года, с 2008 г. мода рождаемости перешла в группу 25–29 лет. Иными словами, в первый год реализации федерального материнского капитала в наиболее активных фертильных возрастах 20–29 лет были родившиеся в 1978–1987 годах. Аналогично, в 2008 г. в возрастах максимальной рождаемости были

поколения 1979–1988 годов рождения. В 2026 г. уровень рождаемости будут определять когорты 1997–2006 годов рождения.

Числа родившихся в России значительно варьируют по годам, следуя траектории демографической волны, сложившейся в стране в ходе ее демографической истории. Соответственно, для каждого десятилетнего периода, формирующего население наиболее активных фертильных возрастов определенного года наблюдения, характерно свое количество родившихся (табл. 1). Согласно расчетам, наибольшая в последние годы численность возрастной группы 20–29 лет могла быть в 2008 г. – порядка 23,5 млн. человек, включая мужчин и женщин, родившихся в 1979–1988 годах. После этого началось уменьшение населения в возрасте 20–29 лет. В 2017 г. в возрасте максимальной репродуктивной активности было приблизительно 16,6 млн. человек. Это на 29,5% меньше, чем в 2008 г. После 2017 г. темпы сокращения населения в возрасте 20–29 лет уменьшаются, но численность наиболее фертильных контингентов будет сокращаться в России до 2022 г. включительно. В указанном году в возрасте 20–29 лет будет около 13,2 млн. человек, т.е. на 44,0% меньше, чем в 2008 г. И только с 2023 г. количество населения в этом возрасте в стране снова начнет увеличиваться, но в первые годы очень незначительными темпами. Если в 2013–2020 гг. численность рассматриваемой возрастной группы сокращается на 5–6% ежегодно, в 2017 г. – на 7%, то в 2023–2026 гг. ожидаемые темпы прироста не более 0,7–1,3% в год.

Таблица 1

Динамика численности родившихся в России в разные десятилетние периоды

Годы наблюдения	Когорты, относящиеся к возрасту 20–29 лет в указанном году, годы рождения	Число родившихся в десятилетний период, тыс. чел.	Годы наблюдения	Когорты, относящиеся к возрасту 20–29 лет в указанном году, годы рождения	Число родившихся в десятилетний период, тыс. чел.
2007	1978–1987	23 374,0	2017	1988–1997	16 595,7
2008	1979–1988	23 543,4	2018	1989–1998	15 530,5
2009	1980–1989	23 525,5	2019	1990–1999	14 584,6
2010	1981–1990	23 311,5	2020	1991–2000	13 862,6
2011	1982–1991	22 869,6	2021	1992–2001	13 379,6
2012	1983–1992	22 129,2	2022	1993–2002	13 188,9
2013	1984–1993	21 029,8	2023	1994–2003	13 287,2
2014	1985–1994	20 028,4	2024	1995–2004	13 381,5
2015	1986–1995	19 017,0	2025	1996–2005	13 475,1
2016	1987–1996	1 7835,7	2026	1997–2006	13 650,1

Рассчитано по данным официального сайта Росстата. – http://www.gks.ru/

Разумеется, это только оценки динамики численности населения в возрасте 20-29 лет, основанные на численности родившихся в определенные десятилетние периоды – без учета половой структуры родившихся, повозрастной женской смертности и внешней миграции. Но это оценки, которые достоверно демонстрируют направления тренда численности женщин в наиболее активных детородных возрастах в России. Таким образом, в ближайшие пять лет влияние возрастной структуры населения на уровень рождаемости однозначно негативное, и такой характер воздействия в той или иной степени сохранится, по меньшей мере, до середины 2020-х годов.

Второй фактор, который будет оказывать понижающее влияние на уровень рождаемости в ближайшей перспективе – это эффект исчерпанной итоговой плодовитости когорт, самые активные репродуктивные возрасты которых пришлись на период введения и наращивания мероприятий просемейной демографической политики. Через возрасты максимальной фертильности в 2007–2015 гг., т.е. в период роста рождаемости в условиях проведения просемейной демографической политики, прошли реальные когорты с 1978 до 1995 годов рождения. Представители когорты 1978 года уже в 2008 г. перешли в более старший возрастной интервал 30–34 года, а представителям поколения 1995 года рождения в 2015 г. только исполнилось 20 лет. Т.е., по сути, речь идет прежде всего о когортах 1980-х годов рождения – последних относительно многочисленных поколениях россиян.

В результате стандартизации возрастных коэффициентов рождаемости по коэффициентам 2006 г., предшествовавшего началу активизации демографической политики, выявлено, что за 2007–2015 гг. в России родилось почти на 20% больше детей, чем их было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. Т.е. в условиях действия демографической политики в стране произошло более 3,2 млн. дополнительных рождений. Развитие мероприятий просемейной политики региональными мерами определило увеличение вклада поведенческой компоненты в общий уровень рождаемости. Если за четыре года 2007–2010 гг. интенсивность рождаемости повысилась в России по сравнению с 2006 г. на 11,6%, что дало 922 тыс. дополнительных рождений, то в пятилетний период 2011–2015 гг. изменения в репродуктивном поведении населения существенно скомпенсировали начавшееся неблагоприятное воздействие на рождаемость структурного фактора, число рождений увеличилось на 24,2%, что соответствует 2,3 млн. дополнительных рождений[1].

Определенная часть этих рождений является прямым эффектом демографической политики: без ее мероприятий они бы просто не состоялись. Крупномасштабные меры демографической политики, безусловно, способствовали более полной реализации существовавших репродуктивных установок населения, а отчасти также пересмотру и реа-

[1] Шишкина М.А., Попова Л.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – № 1 (49). – С. 161–177.

лизации повышенных установок детности. Об этом свидетельствуют сдвиг рождаемости в старшие возрастные группы и увеличение доли рождений старших очередностей. Но довольно большая часть дополнительных рождений – это следствие уплотнения календаря рождений у молодых когорт населения.

Повышение рождаемости в 2007–2015 гг. затронуло все старшие возрастные группы до середины 1980-х годов включительно. Они уже не будут вносить практически никакого вклада в предстоящий уровень рождаемости: итоговая плодовитость этих когорт исчерпана. В первые годы после введения федерального и региональных материнских капиталов отмечалось увеличение показателей рождаемости и в самых молодых возрастных группах, т.е. у поколений второй половины 1980-х годов и даже начала 1990-х годов рождения. График рождений этих поколений в той или иной степени оказался уплотненным в результате раннего старта реализации фертильности из-за желания успеть воспользоваться материнскими капиталами, срок действия которых был ограничен 2016 г., а впоследствии продлен лишь на два года. Соответственно, в ближайшее время у них произойдет зеркальное разрежение поля рождений, поскольку у части представителей молодых когорт репродуктивные планы уже близки к завершению, а у некоторых они завершились досрочно. Исчерпание итоговой плодовитости старших поколений и досрочное исчерпание итоговой плодовитости части представителей молодых когорт будет усиливать действие структурного фактора сокращения уровня рождаемости.

Третий фактор – это пониженные репродуктивные установки у молодежи, достигающей детородных возрастов. В целом по стране уже введение федерального материнского капитала содействовало не только более полной реализации существовавших репродуктивных планов старших поколений, откладывавшихся год за годом, но и повышению уровня репродуктивных ожиданий населения. Согласно выборочному обследованию «Семья и рождаемость»[1], в 2009 г. репродуктивные установки россиян были заметно выше выявленных в обследованиях ВЦИОМ в течение 1991–2000 гг.[2] В Республике Коми обследование, проведенное в 2008–2009 гг., роста установок детности по сравнению с 2000 г., не установило, однако и оно продемонстрировало возможность влияния мер демографической политики на репродуктивные ожидания реальных когорт, которым эти меры в основном адресованы[3]. Сравнительный анализ результатов трех социологических исследований, проведенных в 2008–2009 гг., в первые годы реализации программы федерального материнского капитала, в 2013 г., после введения региональных мер демографической политики, и в 2015–2016 гг., в условиях консервации демографической политики (пролонгации ее на два года без изменения перечня мер), показал, что наращивание демографической политики оказывает заметное благоприятное влияние на уровень репродуктивных установок населения. Причем повышающее воздействие последовательного усиления мер просемейной политики касается всех реальных когорт населения, а не только тех, которым они адресованы. В то же время консервация демографической политики оказывает уже избирательное влияние. Продление в конце 2015 г. сроков действия федерального материнского капитала на второго ребенка до конца 2018 г., согласно нашим оценкам, благоприятствовало увеличению установок детности у поколений конца 1980-х – первой половины 1990-х годов рождения, ставших его адресатами. В то же время замораживание спектра мероприятий демографической политики содействовало негативной динамике репродуктивных намерений молодых когорт: середины – второй половины 1990-х годов рождения. Т.е. взросление при отсутствии новых мер просемейной политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения этих поколений. А у самых молодых участников обследования 2015–2016 гг., родившихся в 1999–2000 годах, которым к началу 2016 г. было по 15–16 лет (в этом возрасте было опрошено 418 человек), установки детности оказались заметно ниже, чем у более старших респондентов: на их репродуктивные стандарты существующие меры демографической политики, очевидно, уже не оказали никакого стимулирующего влияния[4].

Негативная динамика репродуктивных установок у когорт середины – второй половины 1990-х годов рождения и низкие установки детности у родившихся в 1999–2000 годах в совокупности со стагнацией и снижением в последние годы уровня рождаемости убедительно доказывают необходимость нового этапа серьезного усиления мер демографической политики. Потому что в условиях продолжающегося ухудшения возрастной структуры детородных контингентов и действия эффекта исчерпанной итоговой плодовитости реальных когорт только уровень репродуктивных установок населения и степень их реализации могут противодействовать первым двум факторам. Иными словами, нивелировать предстоящий провал рождаемости возможно только дальнейшим наращиванием мероприятий просемейной демографической политики, обеспечением ей длительного, преемственного характера.

Первые шаги в направлении усиления российской демографической политики в области рождаемости были сделаны 28 ноября 2017 г. в докладе Президента России В.В. Путина на заседании Координационного совета национальной стратегии действий в интересах детей. Выступая со своими предложениями, глава государства отметил необходимость «перезагрузки» демографической политики в стране и озвучил целый ряд инициатив в социально-демографической сфере, среди которых продление программы материнского капитала на второго ребенка до конца 2021 г., субсидирование ипотечной ставки для семей, у которых родится второй или третий ребенок, а также установление в малообеспеченных семьях ежемесячной выплаты на первенцев до полутора лет.

---

[1] Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». – http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

[2] Бодрова В.В. Сколько детей хотят иметь россияне? // Демоскоп Weekly. – М., 2002. – № 81–82, 23 сентября – 6 октября. – http:// demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php

[3] Попова Л.А., Бутрим Н.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз: науч. журн. 2011. – № 2 (14). – С. 73–85.

[4] Попова Л.А., Шишкина М.А. Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2017. – 128 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Кроме продления срока действия материнского капитала на второго ребенка до 31 декабря 2021 г., т.е. еще на три года, Президентом предложено ввести дополнительные направления его использования. В частности, в виде ежемесячных денежных выплат особо нуждающимся семьям, а также на оплату услуг дошкольного образования по уходу и присмотру за ребенком уже с двухмесячного возраста. Для семей, в которых начиная с 1 января 2018 г. родится второй или третий ребенок, будет запущена специальная программа ипотечного кредитования. Покупая жилье на первичном рынке или рефинансируя ранее полученные ипотечные кредиты, такие семьи смогут рассчитывать на субсидирование государством процентной ставки сверх 6% годовых. С 1 января 2018 г. установлена ежемесячная выплата на первенца в размере детского прожиточного минимума до достижения ребенком возраста полутора лет. Это пособие предполагается адресным: как и ежемесячные денежные выплаты из средств материнского капитала, оно будет назначаться только семьям с доходом, размер которого не превышает полуторакратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения. С целью улучшения медицинского обслуживания детей правительству предложено отработать детальный график реконструкции, капитального ремонта и дооснащения оборудованием детских поликлиник, включая поликлинические отделения больниц, и строительство новых поликлиник на условиях софинансирования из федерального и региональных бюджетов. На фоне решения в стране вопроса с обеспечением детей местами в детских садах поставлена задача ликвидации очередей в яслях для детей от 2 месяцев до трех лет[1].

Безусловно, это крайне необходимые шаги в условиях начавшегося понижения уровня рождаемости. Вопрос о пролонгации программы материнского капитала на второго ребенка за год до ее окончания уже витал в воздухе. Следующим шагом должно быть продление реализации региональных материнских капиталов. Но продление материнских капиталов на два-три года, как это происходило до сих пор – это паллиатив. Указанные меры демографической политики необходимо сделать бессрочными, чтобы в дальнейшем избегать феномена досрочного исчерпания итоговой плодовитости реальных когорт в стремлении успеть воспользоваться какой-то экономической преференцией.

Должны быть существенно расширены направления реализации материнских капиталов. Это экономически не затратно, а психологический эффект может оказаться весьма значительным. При этом можно использовать опыт регионов по направлениям использования региональных материнских капиталов. Например, предусмотреть возможность приобретения за счет средств материнского сертификата нового автомобиля, произведенного на территории России. Наличие автотранспортного средства существенно расширяет экономические возможности семьи, и подобные направления реализации региональных материнских капиталов (приобретение транспортных средств, а также снегоходов, лодок, лодочных моторов и другой техники) успешно используются в некоторых северных регионах с разреженной системой расселения. А с другой стороны, это будет реальной поддержкой отечественного автопрома, брендом которого вполне может стать слоган «Автомобиль для молодой семьи». Следует предоставить владельцам федеральных сертификатов право на лечение детей за счет средств материнского капитала и на получение образования родителями, что также применяется в некоторых регионах при реализации региональных сертификатов.

Будучи противниками проведения демографической политики по принципу малообеспеченности, мы много писали о том, что материнские капиталы ни в коем случае нельзя переводить на адресное назначение. Демографической политике категорически противопоказана целенаправленность по бедности: если в государственной социально-демографической политике приоритет отдается социальной компоненте – не стоит ожидать от нее устойчивого демографического эффекта. Основные мероприятия просемейной политики должны быть адресованы всему населению. В противном случае общество потеряет рождения в тех слоях населения, которые обладают самым высоким социализирующим потенциалом. Кроме того, адресность по нуждаемости в просемейной демографической политике, акцентирование внимания на «экономической невыгодности» рождения детей для семьи может оказать отрицательное влияние на уровень репродуктивных установок, формирующихся у молодых поколений, что, в свою очередь, негативно отразится на дальнейших перспективах рождаемости.

В то же время ежемесячную денежную выплату в размере регионального детского прожиточного минимума в случае рождения в семье третьего и последующего ребенка, изначально утвержденную в регионах с низкой рождаемостью только для малообеспеченных семей, на наш взгляд, следует и дальше реализовать не как меру демографической политики, а как меру социальной поддержки многодетных семей с недостаточными доходами. В таких условиях, во-первых, будет более реальная возможность продлить срок ее действия – в некоторых регионах из-за сложной экономической ситуации власти уже в 2016 г. приняли решение о прекращении выплаты этого пособия, которое в момент введения было утверждено только на 2013–2015 гг. А, во-вторых, в условиях выплаты этого пособия лишь на третью часть, максимум, половину детей из малообеспеченных многодетных семей совершенно правомерно ставить вопрос о возможности его распространения и на более старшие возрасты – вплоть до достижения ребенком 16 лет (а обучающимся в общеобразовательных учреждениях до 18 лет). Возможно, с применением поправочных коэффициентов для разных возрастных категорий аналогично ежемесячному пособию на детей. С точки зрения экономики народонаселения главным результатом рождаемости является не рождение детей, а достижение ими возраста экономической активности с максимально высокими качественными характеристиками. Небогатым семьям, решившимся на рождение третьих и более детей, государство должно помочь социализировать их до периода трудоспособности, поскольку в этом заключается его важнейший народнохозяйственный интерес.

Так же положительно мы относимся к введению с начала 2018 г. ежемесячной выплаты на первого ребенка только семьям с доходом ниже полуторакратного размера прожиточного минимума трудоспособного населения. В условиях ухудшения возрастной структуры репродуктивных контингентов и действия эффекта исчерпанной плодови-

[1] Социальные инициативы Путина: поддержать семью, повысить рождаемость // РИА Новости. – https://ria.ru/society/20171128/1509778178.html

тости когорт необходимо простимулировать возможность рождения первого желанного ребенка в молодых семьях. А молодые семьи, как правило, небогаты. Часто это семьи студентов, учащихся, только начинающих работать молодых специалистов с низкой зарплатой. Пособие по уходу за ребенком до полутора лет в молодых семьях зачастую оказывается в минимальном размере, поскольку у молодой мамы не хватает или вовсе нет стажа работы. Поэтому ежемесячная выплата в размере детского прожиточного минимума – это очень хорошее подспорье для семьи до выхода мамы на работу. В данном случае выглядит оправданным и ограничение срока выплаты пособия полутора годами. В молодых семьях с первенцем не происходит консервации бедности, как это часто наблюдается в семьях с тремя и более детьми. Как правило, им нужен только первый толчок, чтобы встать на крыло.

При разработке новых мер демографической политики следует сделать больший акцент не на количественных показателях, тем более что они все равно радовать не будут, поскольку действуют очень сильные факторы снижения рождаемости, а на улучшении качественной структуры рождаемости, укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений. Самой просемейной мерой демографической политики можно считать приоритет вторым рождениям, поскольку именно они являются наиболее семейными: среди них самый значительный процент совершается в официально зарегистрированных браках. На наш взгляд, сегодня требуется переориентация главных экономических мероприятий демографической политики на вторые рождения. При обязательном сохранении и федерального, и региональных материнских капиталов необходимо усилить меры, стимулирующие вторые рождения. Например, в ряде регионов семья уже сейчас может выбрать, когда ей лучше использовать региональный материнский капитал: при первом рождении, втором или третьем. На наш взгляд, такой выбор должен быть во всех регионах. И все новые инициативы государства должны вовлекать в свою орбиту не столько многодетные семьи, сколько двухдетные. Чтобы самым распространенным типом семьи в России стала не однодетная, а двухдетная семья. Это тем более актуально, что адресатом усиления мер, ориентированных на вторые рождения, в настоящее время будут малочисленные когорты 1990-х годов рождения, активизация репродуктивного поведения которых отвечает долгосрочным целям демографического развития страны. Это будет позитивно влиять и на формирование установок детности поколений 2000-х годов рождения, тоже малочисленных.

При этом основной упор в экономических мерах демографической политики должен быть сделан на повышение самостоятельности семей с детьми, которую возможно достичь как за счет роста занятости, увеличения доходов от трудовой деятельности, расширения возможностей членов молодых семей заниматься предпринимательством, возрастания мобильности рабочей силы, так и за счет развития льготных жилищных программ для семей с детьми. Для России, испытавшей быстрые темпы урбанизации на протяжении 30–70-х годов XX века и отличающейся высокой стоимостью возведения жилья в связи с суровыми природно-климатическими условиями, нерешенность жилищных проблем населения имеет давнюю историю. По результатам практически всех социологических обследований неудовлетворенность жилищными условиями является важнейшим после материальных проблем фактором, не позволяющим семьям реализовывать желаемое число детей. Не случайно основным направлением использования средств материнского капитала является именно улучшение жилищных условий. Наличие собственного жилья является гарантией, признаком экономической свободы, качественно иного социального статуса человека[1]. Опросы населения и опыт осуществления современной демографической политики показывают, что главной мерой, направленной на повышение рождаемости, должно стать создание комфортных жилищных условий для семей, репродуктивные планы которых ориентированы на рождение двух-трех детей. Решение жилищной проблемы – это не только мера по повышению рождаемости, но и способ упрочения власти, усиления доверия ко всему тому, что власть обещает и делает[2].

Поэтому следует и дальше расширять спектр мероприятий, содействующих молодым семьям в разрешении жилищной проблемы. С 1 января 2018 г. уже запущена программа субсидирования ипотечной ставки сверх 6% годовых для семей, у которых родится второй или третий ребенок. На перспективу можно предложить такие направления, как освобождение молодых семей при ипотечном кредитовании на долгий срок от первоначального взноса, накопление которого может занять длительное время, что приведет к откладыванию рождения детей и, возможно, дальнейшему отказу от желанных детей второй-третьей очередности; софинансирование государством строительства льготного жилья для семей с двумя и более детьми с ценой за квадратный метр ниже средней по населенному пункту; развитие системы арендного жилья, государственной или на принципе государственно-частного партнерства, которая будет способствовать также повышению мобильности рабочей силы и пр. Но в любом случае, повышение экономической самостоятельности и улучшение жилищного положения семей с детьми – это, прежде всего, прерогатива государства. Т.е. наряду с пособиями на детей эти направления тоже относятся к экономическим мерам государственной демографической политики.

С другой стороны, нельзя недооценивать эффективность психологических мер демографической политики по формированию ценностных ориентаций населения в области детности. Есть все основания полагать, что достаточно большая часть как повышения рождаемости в 2007–2015 гг., так и увеличения уровня репродуктивных установок населения при наращивании мер демографической политики – это следствие той благоприятной психологической атмосферы, которая сложилась в российском обществе в условиях повышения внимания государства к проблемам в области рождаемости, носящего не декларативный характер, а подкрепленного крупномасштабными экономическими мерами. Поэтому должна быть существенно усилена ориентационная работа среди молодежи с целью формирования у

[1] Римашевская Н.М. Семья в странах с переходной экономикой // Народонаселение. – М., 2002. – № 4 (18). – С. 5–18.

[2] Рыбаковский Л.Л. Накануне выбора: второй этап депопуляции или демографический рост? // Народонаселение. – М., 2013. – № 4. – С. 39–49.

нее репродуктивных стандартов на уровне двухдетности и среднедетности, повышения ценности полной семьи, в которой оба родителя со всей ответственностью и осознанностью вовлечены в жизнь и развитие своих детей.

Ценности семьи с детьми должны закладываться населению с подросткового возраста – в тот период, когда происходит формирование потребности в детях на определенном уровне и устанавливаются приоритеты в жизненных ориентациях человека. Требуется создание, развитие и поддержание общей идеологии государства, направленной на увеличение у населения потребности в детях как движущей силы, вносящей значимый вклад в формирование итогового уровня детности каждой конкретной семьи, повышение восприятия полной семьи, родительства, материнства, отцовства в качестве высших человеческих ценностей. Создание такого просемейного климата в обществе будет оказывать положительное воздействие на устойчивость ценностей семейного порядка, которые в значительной степени влияют на итоговое число детей в семье, задают направление развитию качественных аспектов рождаемости.

Ценностно-ориентационное направление в демографической политике является наиболее сложным и в то же время крайне необходимым. Успех в его реализации может быть достигнут только при условии консолидации усилий всех общественных институтов – семьи, образования, средств массовой информации, культуры, религии, иных организаций различного уровня. Важнейшими проводниками этого направления должны быть семья и школа, поскольку установление приоритетов в жизненных стратегиях человека и формирование количественных параметров потребности в детях происходят в подростковом возрасте. Но главным субъектом разработки и реализации социально-психологической демографической политики по повышению потребности в детях является государство.

Сафиуллин М.Р.,
Сафиуллина Р.М.[1]

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕНДЕНЦИИ, ФИНАНСИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ[2]

Ключевые слова: *общие и государственные затраты на здравоохранение, функциональная структура расходов на здравоохранение.*

В последнее десятилетие действия правительств в области здравоохранения были сосредоточены на инициативах по сдерживанию государственных расходов в этой сфере. Однако растущее понимание взаимозависимости здоровья и благосостояния населения, значение, которое гражданские общества придают здоровью и роли систем здравоохранения в улучшении здоровья населения, являются серьезными аргументами в пользу пересмотра государственной политики по расходам на здравоохранение. В странах европейского региона осуществляются многочисленные стратегии, направленные на повышение уровня отзывчивости системы здравоохранения, включая следующие:

1. Определение перечней услуг и прав на их получение, придание перечням услуг большей прозрачности, расширение набора услуг, включаемых в пакеты, в целях соблюдения человеческого достоинства пациентов;
2. Сокращение очередей на обслуживание и списков ожидания;
3. Принятие законодательства по правам пациента;
4. Включение вопросов, касающихся соблюдения человеческого достоинства пациентов и уважительного отношения к ним, в программы учебной подготовки работников здравоохранения;
5. Расширение прав пациентов на самостоятельный выбор поставщиков или механизма оплаты услуг здравоохранения.

Повышение качества здравоохранения – это ключевая характеристика реформ здравоохранения, проводимых в последнее время в европейских странах. Среди многочисленных принятых инициатив в европейских странах в области здравоохранения необходимо отметить следующие:

1. Национальное законодательство и политика, направленные на обеспечение качества оказания медицинской помощи;
2. Всесторонние стратегии по повышению уровня медицинской безопасности пациентов;
3. Новые системы регистрации и лицензирования новых технологий и лекарственных препаратов;
4. Включение элементов обеспечения качества в программы подготовки медицинских работников и непрерывного профессионального образования;
5. Следование рекомендациям клинических руководств и осуществление процессов аудита;
6. Создание пространственных ГИС и внедрение методов обеспечения качества на клиническом уровне;
7. Учет показателей качества медицинского обслуживания при определении размеров оплаты труда работников здравоохранения.

Меняющиеся потребности населения и модели предоставления медицинских услуг требуют наличия квалифицированных и гибких кадровых ресурсов. Основные проблемы в сфере развития кадрового обеспечения здравоохранения в европейских странах обусловлены растущими темпами изменений в предоставлении и организации услуг здравоохранения (изменяющейся картиной заболеваемости и демографической ситуацией, распространением новых, сложных технологий, ростом информированности и требовательности пациентов в связи с ростом доходов, распространением принципов доказательной медицины и др.).

---

[1] Сафиуллин Марат Радикович – к.геогр.н., доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет. E-mail: marek1987@yandex.ru

Сафиуллина Роза Маратовна – к.геогр.н., доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет. E-mail: http://www.bashedu.ru/

[2] Данная статья является продолжением исследования проблем финансирования и территориальной организации здравоохранения европейских стран, России и ее регионов, см.: Сафиуллин М.Р. Оценка эффективности здравоохранения: глобальный, национальный, региональный уровень // Региональные исследования. 2011. – № 2. – С. 114–121; Сафиуллин М.Р. Финансирование здравоохранения за рубежом и в России: тенденции, эффективность // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации Ч. 1. – М.: РУДН, 2010. – С. 356–362; Сафиуллин М.Р. Развитие здравоохранения в странах Европейского региона: тенденции, затраты, проблемы // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Ч.2. – Уфа: УНЦ РАН, 2010. – С. 261–265; Сафиуллин М.Р. Проблемы эффективного функционирования здравоохранения региона (на примере Республики Башкортостан) // Методология и методика региональных исследований: из прошлого в будущее. – Смоленск: 2011. – С. 265–271; Сафиуллин Р.Г., Салимгареев Н.Г. Критерии оценки пространственного развития региона // Регионология. 2009. – № 3. – С. 19–27; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективное региональное развитие: виды, факторы, тренды // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы Международного симпозиума. – Нальчик: КБГУ, 2013. – С. 271–274.

Эволюционируют и кадровые ресурсы здравоохранения европейских стран. Например, рост доли женщин среди врачей размывает традиционные различия между категориями медицинских работников. Трудности и проблемы в области медицинских кадровых ресурсов, с которыми сталкиваются европейские страны, носят различный характер. Уровень обеспеченности работниками здравоохранения и их распределение варьирует в масштабе европейского региона. Во многих регионах Западной Европы отмечается дефицит персонала (особенно врачей первичной помощи и высококвалифицированных медицинских сестер), что контрастирует с унаследованным от прежних систем избытком врачей и больничных коек во многих странах Центральной и Восточной Европы и СНГ.

Особые проблемы встают в процессе планирования численных соотношений между врачами общей практики и специалистами и между врачами и медицинскими сестрами. В ряде стран, особенно в Западной Европе, доля врачей общей практики снижается, что отражает не только растущую сложность клинических методов, но также культурные и финансовые факторы. В связи с этим многие страны в последнее время наращивают усилия по дополнительной подготовке и переподготовке врачей первичной помощи (особенно Англия), стимулируют выпускников медицинских институтов занимать должности в структурах первичной помощи (Финляндия и Швеция), предпринимают активные меры, направленные на подготовку большего числа медицинских сестер, на удержание медицинских сестер, рассматривающих возможность ухода из сектора, а также на повторное привлечение тех, кто ранее покинул работу (Нидерланды).

Ключевым вопросом кадрового обеспечения здравоохранения в европейских странах является миграция кадров, что, с одной стороны, порождает трудности, с другой, открывает возможности для улучшения деятельности систем здравоохранения. С конца 1990-х годов отмечается значительный рост масштабов международного найма и миграции кадров здравоохранения. В ряде стран ЕС организаторы здравоохранения стремятся к заполнению существующего дефицита путем привлечения врачей и медицинских сестер из других стран ЕС или находящихся за его пределами (включая и Россию). Процесс расширения ЕС привел к повышению мобильности кадров, что вызывает определенную озабоченность относительно эмиграции работников здравоохранения. Международная миграция работников здравоохранения в одних странах помогает устранить кадровый дефицит, в других способствует решению проблемы избытка персонала, а также позволяет медицинским работникам-мигрантам улучшить свои условия жизни. Однако межгосударственная миграция работников здравоохранения также рождает проблемы как для стран, которые теряют своих работников, так и для тех, которые полагаются на приток медицинских работников из других стран: в отношении языкового барьера и препятствий для интеграции мигрантов в новую для них социально-экономическую и политическую общественную систему. Например, Англия в значительной мере полагается на использование медиков-мигрантов из стран, не входящих в состав ЕС, таких как Индия и Южная Африка.

Достигнут определенный прогресс в отношении мониторинга и количественной оценки процесса миграции медицинских работников. Однако все еще не создана необходимая для полноценного планирования информационная база, позволяющая отслеживать кадровые потери в странах-донорах (в том числе и для других сфер наемного труда в стране), а также приток (как в отношении численности, так и источников) в страны-реципиенты. Необходимо оценивать последствия эмиграции работников здравоохранения и эффективность различных мер, направленных на ее ограничение или содействие удержанию кадров и необходима информация о причинах возникновения дефицита. Стратегические подходы к решению проблем, связанных с иммиграцией и эмиграцией медицинских работников, включают не только мониторинг миграционных потоков и разработку более совершенных информационных баз, но и активное управление процессами миграции. Управляемая миграция медицинских работников будет приобретать все большее значение вследствие перспективных демографических изменений в странах ЕС.

Реформы в области финансирования здравоохранения носят дифференцированный характер в европейских странах в зависимости от особенностей институциональных механизмов, культурных, экономических и политических условий в этих странах. Большинство правительств в европейских странах повысили уровень своих обязательств в отношении финансирования сферы здравоохранения несмотря на возрастающие финансовые трудности за последнее десятилетие. Уровень государственных расходов на нужды здравоохранения в процентах от ВВП в европейских странах растет (табл. 1). Это отражает тот факт, что в большинстве европейских стран были приняты решения о повышении статуса здравоохранения в общих государственных расходах. Россия относится к группе стран с низкими расходами на здравоохранение.

Динамика общих затрат на здравоохранение в период с 1995 по 2013 годы показывает, что для большинства стран ЕС характерна тенденция к увеличению затрат на здравоохранение (табл. 1). Сокращение затрат наблюдается в Эстонии, Латвии, Черногории.

Таблица 1

Общие затраты на здравоохранение от ВВП за 1995–2013 гг., %[1]

Страны	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6
Албания	9,56	6,26	6,12	5,34	5,88
Австрия	9,58	10,02	10,42	11,13	11,03
Бельгия	7,61	8,12	9,65	10,56	11,19
Босния и Герцеговина	8,97	7,14	8,71	9,76	9,63
Болгария	5,25	6,18	7,31	7,58	7,63

[1] Европейская база данных: «Здоровье для всех».

1	2	3	4	5	6
Хорватия	6,85	7,76	6,99	8,36	7,3
Кипр	4,74	5,77	6,37	7,28	7,44
Чешская Республика	6,69	6,31	6,93	7,43	7,24
Дания	8,13	8,7	9,77	11,08	10,62
Эстония	6,32	5,28	5,02	6,25	5,72
Финляндия	7,85	7,22	8,43	8,99	9,4
Франция	10,36	10,08	10,93	11,55	11,66
Германия	10,11	10,4	10,81	11,56	11,3
Греция	9,62	7,88	9,66	9,48	9,82
Венгрия	7,33	7,18	8,45	8,06	8,05
Исландия	8,21	9,5	9,44	9,29	9,06
Ирландия	6,56	6,18	7,58	9,21	8,92
Италия	7,06	7,87	8,74	9,41	9,09
Латвия	5,76	6,0	6,37	6,55	5,72
Литва	5,37	6,46	5,83	7,09	6,24
Люксембург	5,57	7,48	7,95	7,68	7,1
Мальта	5,63	6,57	9,06	8,31	8,73
Черногория	7,42	7,32	8,46	6,9	6,49
Нидерланды	8,33	7,96	10,88	12,15	12,89
Норвегия	7,88	8,42	9,03	9,42	9,57
Польша	5,48	5,52	6,21	7,02	6,66
Португалия	7,52	9,3	10,35	10,86	9,71
Румыния	3,22	4,34	5,48	5,95	5,34
Сербия	6,7	6,82	9,05	10,74	10,6
Словакия	6,06	5,5	7,04	8,51	8,21
Словения	7,46	8,26	8,5	9,07	9,16
Испания	7,44	7,21	8,29	9,65	8,88
Швеция	7,96	8,18	9,06	9,47	9,71
Швейцария	9,33	9,91	10,86	10,91	11,47
Великобритания	6,69	6,93	8,13	9,37	9,12

Общие затраты на здравоохранение в расчете на душу населения самые высокие (в перерасчете по ППС) в Люксембурге – 6518 долларов (2013 год) (табл. 2). В Швейцарии и Нидерландах общие затраты на здравоохранение составили свыше 5000 долларов на одного жителя. Самым низким уровнем расходов на здравоохранение характеризуется Албания (539 долларов на одного жителя). За период с 1995 по 2013 годы увеличение общих затрат на здравоохранение по паритету покупательной способности населения наблюдается в большинстве европейских стран: рост затрат на здравоохранение в 3–4 раза. Исключение составляют Босния и Герцеговина, где расходы увеличились еще больше – в 7,5 раза.

Таблица 2

Общие затраты на здравоохранение в расчете на душу населения за 1995–2013 гг. (долл., по ППС)[1]

Страны	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6
Албания	263,69	248,44	366,83	458,74	539,28
Австрия	2253,29	2904,39	3514,89	4516,83	4884,62
Бельгия	1710,3	2250,68	3115,37	4057,76	4526,08
Босния и Герцеговина	123,76	314,68	538,3	853,56	928,45
Болгария	289,71	384,5	714,81	1088,42	1212,52
Хорватия	547,75	834,7	1103,83	1606,81	1516,85
Кипр	729,94	1114,73	1599,97	2283,61	2196,98
Чешская Республика	895,81	982,17	1479,93	1930,13	1981,84
Дания	1871,53	2514,36	3248,02	4545,27	4552,4
Эстония	396,16	511,39	823,86	1300,21	1452,64
Финляндия	1477,23	1857,19	2593,51	3296,84	3604,12
Франция	2098,27	2556,49	3240,67	4039,46	4333,58
Германия	2275,82	2682,18	3361,86	4426,08	4811,82
Греция	1264,08	1454,44	2359,06	2685,04	2512,67
Венгрия	657,28	852,91	1432,19	1700,83	1839,01
Исландия	1913,11	2764,57	3336,46	3415,2	3645,81
Ирландия	1190,31	1800,06	2974,18	3796,18	3867,12
Италия	1495,95	2031,02	2504,03	3161,62	3126,05
Латвия	314,02	478,09	844,74	1145,37	1310,4
Литва	332,15	558,24	846,8	1386,87	1578,73
Люксембург	2184,62	4046,85	5475,08	6520,58	6518,22
Мальта	897,09	1282,4	1961,45	2326,7	2651,86

[1] Европейская база данных: «Здоровье для всех».

1	2	3	4	5	6
Черногория	445,33	479,08	709,52	919,77	926,37
Нидерланды	1796,91	2351,88	3823,55	5063,13	5601,11
Норвегия	1861,11	3055,12	4316,99	5475,38	6307,78
Польша	406,08	584,08	856,34	1432,19	1550,72
Португалия	1015,36	1652,43	2224,08	2810,37	2507,79
Румыния	183,12	247,9	519,95	964,27	988,16
Сербия	300,7	395,08	771,14	1191,12	986,94
Словакия	504,2	604,89	1142,67	2039,18	2146,56
Словения	970,38	1453,93	1997,92	2452,28	2595,21
Испания	1190,37	1547,62	2275,68	3025,54	2845,7
Швеция	1741,72	2291,94	2969,49	3761,95	4243,84
Швейцария	2567,85	3233,95	4027,31	5319,08	6188,65
Великобритания	1347,14	1832,62	2710,7	3223,45	3310,7

Доля государственных расходов в общем объеме затрат на здравоохранение была близка или превышала 80,0% в Хорватии, Румынии, Швеции, Люксембурге, Чехии, Нидерландах, Исландии и Норвегии (2013 год). Лидером по государственным затратам на здравоохранение является Дания (85,4% от общих затрат на здравоохранение). Для значительного числа европейских стран характерна тенденция к снижению государственных затрат на здравоохранение в период с 1995 по 2013 годы. Значительные сокращения государственных затрат произошли в Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Эстонии, Франции, Германии, Венгрии, Ирландии, Латвии, Литве, Люксембурге, Черногории, Польше, Сербии, Испании, Швеции, Словакии и Словении. Это свидетельствует об увеличении доли частных затрат на здравоохранение в этих странах.

Таблица 3

Функциональная структура расходов на здравоохранение европейских стран, в % от текущих расходов здравоохранения, 2012 г.[1]

Страны	Услуги лечебной и реабилитационной помощи	Услуги долгосрочного сестринского ухода	Сопутствующие услуги в здравоохранении	Медицинские товары, отпускаемые амбулаторным больным	Профилактика и службы общественного здравоохранения	Управление здравоохранения и медицинского страхования
Бельгия	49,0	22,4	3,8	18,8	1,1	4,9
Болгария	48,9	0,1	3,2	41,4	3,8	2,0
Чешская Республика	60,1	3,9	5,7	24,5	2,1	3,0
Дания	57,3	24,0	4,1	10,1	2,3	2,2
Германия	54,5	12,6	4,8	19,4	3,3	5,4
Эстония	54,9	4,4	11,1	24,3	3,4	2,0
Греция	64,4	0,7	4,5	27,2	1,2	2,0
Испания	58,9	10,9	5,4	19,6	2,1	3,2
Франция	54,6	11,4	5,1	20,8	2,0	6,1
Хорватия	53,7	0,7	8,5	31,1	2,3	2,7
Кипр	64,8	2,8	10,7	18,9	1,3	1,3
Литва	52,3	6,0	6,4	29,7	2,4	3,3
Латвия	52,4	7,7	5,0	31,8	1,2	2,0
Люксембург	56,5	22,5	5,8	11,6	1,9	1,7
Венгрия	50,4	3,8	5,2	35,4	3,4	1,7
Нидерланды	51,0	25,1	2,0	13,3	3,6	3,9
Австрия	60,2	14,5	3,2	16,5	1,8	3,8
Польша	60,1	7,0	5,1	24,6	2,0	1,2
Португалия	62,6	1,7	8,8	23,0	2,1	1,8
Румыния	46,2	11,5	3,9	29,9	6,8	1,7
Словения	56,5	8,9	3,4	23,8	4,0	3,5
Словакия	46,9	0,3	8,5	38,0	2,8	3,5
Финляндия	62,4	9,4	3,6	16,7	6,2	1,7
Швеция	66,6	7,6	4,4	15,2	3,9	1,6
Исландия	59,3	18,6	1,7	17,0	1,3	2,2
Норвегия	50,1	28,9	7,2	10,6	2,5	0,6
Швейцария	58,9	20,1	3,4	11,0	2,1	4,4
Австралия	70,1	1,2	6,0	18,6	2,0	2,1
Канада	48,2	14,9	6,5	20,3	6,1	3,4
Япония	63,7	9,1	0,7	22,0	2,9	1,6
Новая Зеландия	59,2	14,5	5,2	10,7	6,4	4,0
Южная Корея	56,0	12,7	1,0	22,5	3,1	4,8
США	70,1	5,8	:	13,6	3,1	7,5

[1] Eurostat (online data code: hlth_sha_hc).

Во всех европейских странах, за исключением Кипра и Албании, преобладает государственное финансирование, хотя его доля в общей величине расходов на здравоохранение в большинстве стран с 1996 г. сократилась.

Частное финансирование представлено в основном прямыми платежами населения, доля которых в общих расходах здравоохранения с 1996 г. выросла, но в большинстве европейских странах все еще составляет меньше трети общих расходов. Частное медицинское страхование в большинстве европейских стран до 1995 г. не существовало вовсе, либо вносило очень малый вклад в общие расходы на здравоохранение. Хотя во многих странах его доля в общем финансировании здравоохранения выросла, но она все еще существенно ниже 5%. В то же время частное медицинское страхование в Канаде достигло 12,9% от текущих расходов здравоохранения в 2011 году, а в США – 34,8%.

Функциональная структура расходов на здравоохранение, характеризуется тем, что на лечебные и реабилитационные услуги приходится не менее 50,0% от текущих расходов здравоохранения в большинстве европейских стран, за исключением Бельгии, Болгарии, Словакии и Румынии.

Расходы на управление здравоохранением и медицинское страхование варьируют от 1,2% текущих расходов здравоохранения в Польше до 6,1% во Франции. В Норвегии доля текущих расходов здравоохранения, посвященная администрации и медицинскому страхованию была особенно низкой (0,6%), в то время как в США эта доля достигает 7,5%.

Таким образом, одним из подходов, использованных европейскими странами для обеспечения устойчивости показателей деятельности здравоохранения, является повышение относительной приоритетной значимости вопросов здравоохранения в решениях, которые касаются распределения государственных ресурсов. В то же время эти цифры указывают на значительные различия между европейскими странами. Общей тенденцией является приверженность обеспечению устойчивого достижения целей системы здравоохранения путем повышения расходов.

Общее состояние здоровья населения в европейских странах за последние 15 лет улучшилось. Однако существует ряд проблем, вызывающих серьезную озабоченность: а) высокая распространенность неинфекционных заболеваний в большинстве европейских стран; б) неравенство между странами и внутри стран в отношении доступа к услугам здравоохранения и конечных результатов в отношении здоровья; в) несоответствие между состоянием здоровья, кадровыми ресурсами и потребностями населения в области здравоохранения; г) рост расходов на оказание медицинской помощи.

Глобальный социально-экономический кризис угрожает усугубить существующее неравенство и несправедливость в отношении социальных аспектов и здоровья населения европейских стран. Текущая ситуация вызывает значительные изменения в социальных нормах, образе жизни и формах поведения населения, связанных со здоровьем, и может иметь многочисленные и долгосрочные последствия для систем здравоохранения стран Европы. В этой связи на правительства европейских стран оказывается все большее давление со стороны гражданского общества с тем, чтобы они предприняли реальные действия в направлении повышения эффективности и устойчивости функционирования систем здравоохранения. В условиях, когда средства массовой информации и общественное мнение выступают за усиление прозрачности и подотчетности, функция стратегического управления, осуществляемые министерствами здравоохранения и государственными ведомствами, приобретают актуальность для населения и привлекают все большее внимания.

В России расходы на здравоохранение из государственного бюджета в 2015 году составили 406 млрд. рублей или 2,6%. При этом в условиях наступившего социально-экономического кризиса финансирование здравоохранения сокращается. Распределение финансов на здравоохранение по функциям в России таково, что половина средств направляется на лечебные услуги, чуть меньше на обеспечение населения медикаментами и товарами медицинского назначения, потребляемых вне учреждений здравоохранения. На профилактику и другие услуги здравоохранения расходуется около 18% от общего объема средств, направленного на здравоохранение.

К числу основных проблем развития системы здравоохранения в России относятся следующие:

– недостаточное финансирование в целом и в расчете на душу населения. Доля расходов на здравоохранение в России составляет 0,5% от ВВП, в США – до 15,7%;

– низкая заработная плата среднего медицинского персонала и врачей;

– территориальная недоступность дорогостоящей медицинской помощи (высокотехнологичная медицина и сложные операции) большинству нуждающихся российских пациентов;

– усиление в условиях нынешнего кризиса различий между регионами в размерах подушевого финансирования здравоохранения и в доступности медицинской помощи.

Таким образом, можно обозначить четыре ключевых вызова современной российской системе здравоохранения.

Во-первых, задачи модернизации российской экономики будут подталкивать государство к росту расходов на здравоохранение и одновременно к требованию повышения эффективности использования направляемых в него ресурсов. В странах с развитой рыночной экономикой, к которым мы хотим приблизиться лет через 15, на здравоохранение расходуется не менее 9% ВВП.

Во-вторых, в российской экономике усилится конкуренция между работодателями за высококвалифицированную рабочую силу. И следует ожидать, что качество социального пакета, который уже сейчас вводится в корпорациях и частных предприятиях, станет инструментом конкуренции на рынке за высококвалифицированную рабочую силу.

В-третьих, растущий молодой средний класс будет формировать более высокие требования к качеству медицинской помощи. И это тоже станет серьезным вызовом российской системе здравоохранения.

В-четвертых, дифференциация регионов по уровню экономического развития будет не уменьшаться, а увеличиваться. Соответственно, будут усиливаться различия между регионами в размерах подушевого финансирования здравоохранения и в доступности медицинской помощи, и будут усиливаться требования со стороны основной части российских регионов к политике государства по перераспределению доходов.

Симагин Ю.А.
к.геогр.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН РАН, доцент Финансового университета yas63@yandex.ru

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Ключевые слова: *динамика численности населения, естественное движение населения, рождаемость, смертность, городские округа, муниципальные районы, регионы России, территориальная дифференциация.*
Keywords: *population dynamics, natural population change, fertility, mortality, urban districts, municipal districts, regions of Russia, territorial differentiation.*

В настоящее время практически во всех странах мира динамику численности населения определяет, прежде всего, его естественное движение (соотношение рождаемости и смертности), а не миграционные процессы. В итоге именно по показателям динамики рождаемости и смертности, в первую очередь, можно судить об изменении демографического потенциала того или иного государства как в ближайшие годы, так и в более отдаленной перспективе. Естественно, что на социально-экономическое развитие любой территории существенно влияет и качественная структура демографического потенциала – половозрастная, образовательная, расселенческая, распределение населения по величине доходов и др.характеристики[1]. Но анализ следует начинать с рассмотрения общей динамики численности населения и ее составляющих.

Начиная с 2010 года в Российской Федерации после многолетнего перерыва наблюдается положительная динамика численности населения – в основном за счет положительного сальдо миграций и воссоединения с Крымом. Но в 2013–2015 гг. в стране наблюдался также положительный естественный прирост населения, пусть и очень незначительный – на уровне 0,2–0,3 промилле[2]. Он был обусловлен как проводившейся в предыдущие годы демографической политикой со стороны федеральных и региональных органов власти (выплата федерального «материнского капитала» семьям после рождения второго ребенка с 2007 г., выделение бесплатных земельных участков для жилищного строительства после рождения третьего ребенка и др. меры), так и сложившейся возрастной структурой населения. В возраст наиболее активного деторождения (20–30 лет) вошли относительно многочисленные поколения людей, родившихся во второй половине 1980-х – самом начале 1990-х гг.

Но в настоящее время и в ближайшие годы дети будут рождаться преимущественно у малочисленных поколений, родившиеся в середине и конце 1990-х гг., начале XXI века. Ситуацию усугубил экономический кризис 2014–2016 гг., повлекший сокращение реальных доходов населения и другие негативные социальные последствия, которые в полной мере еще не преодолены. В итоге, если в 2015 году количество родившихся в России превысило количество умерших на 32,0 тыс. человек, то в 2016 году численность умерших превысила численность родившихся на 2,3 тыс. человек. В относительных показателях это очень незначительная величина – 0,01 промилле. Но в 2018 и последующих годах ситуация с естественным движением населения в России, по всей видимости, будет ухудшаться, так как продолжится сокращение численности населения в возрасте 20–30 лет.

При этом следует отметить, что рождаемость в России значительно выше, чем в большинстве европейских стран. Так в 2015–2016 гг. общий коэффициент рождаемости в нашей стране составлял 12,9 промилле, а суммарный коэффициент (число родившихся детей на одну женщину) достиг 1,8. Тогда как в государствах Европы общий коэффициент рождаемости, как правило, составляет около 10 промилле, а суммарный коэффициент – менее 1,5, и при таких показателях рождаемости естественная убыль наблюдается лишь в нескольких странах. Таким образом, можно сделать вывод, что естественная убыль в России обусловлена не столько низкой рождаемостью, сколько слишком высокой смертностью населения.

Смертность в России снижается практически на всем протяжении XXI века, достигнув в 2016 году 12,9 промилле или, в более точно отражающих ситуацию показателях средней ожидаемой продолжительности жизни, примерно 72 года (66,5 лет – для мужчин и 77,1 – для женщин). Но в последнее время смертность снижается медленнее, чем рождаемость. Так в 2016 году, по сравнению с предыдущим годом, численность умерших снизилась на 0,9%, а численность родившихся – на 2,7%. В итоге в 2016 году и сформировалась естественная убыль населения по стране в целом, которая в ближайшие годы будет, скорее всего, увеличиваться. Ожидаемая продолжительность жизни в России на 10 и более лет меньше, чем в европейских странах, что также свидетельствует о чрезмерно высоком уровне смертности в стране.

Для социально-экономического развития негативным процессом, кроме естественной убыли населения, является также сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Начиная с 2005 года, пенсионного возраста

[1] Симагин Ю.А., Глушкова В.Г. Динамика численности населения и социально-экономическое развитие регионов России. // Региональные исследования. 2012. – № 3 (37). – С. 65–69.
[2] Здесь и далее статистические данные с официального сайта Росстата: http://www.gks.ru/

достигают многочисленные поколения людей, родившиеся с конца 1940-х до середины 1960-х годов, на смену которым приходят малочисленные поколения, рождение которых пришлось на конец XX века – начало XXI века. Теоретически решить эту проблему могло бы массовое привлечение трудовых мигрантов из других государств. Но при преимущественно положительном экономическом эффекте, масштабная иммиграция может иметь многочисленные негативные социальные, культурные, политические и иные последствия.

При этом анализ ситуации по России в целом не позволяет выявить дифференциацию по отдельным территориям страны, которая по динамике численности населения, как и по многим социально-экономическим проблемам, очень велика. Наиболее дробную дифференциацию можно рассмотреть на уровне муниципальных образований первого порядка – городских округов и муниципальных районов[1]. Это позволяет созданная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия», сформированная на основе официальных данных Росстата[2].

Анализ данных на муниципальном уровне показывает, что хотя по России в целом численность населения росла с 2010 года за счет положительного сальдо внешней миграции, а с 2013 года – также и за счет положительного естественного прироста, в большинстве городских округов и муниципальных районов продолжалось сокращение численности населения. Так, выросло население за период 2010–2016 гг. только в примерно 22% муниципальных образований первого порядка, в том числе в 40% городских округов и в 16% муниципальных районов. Тогда как в 15,5% муниципальных образований население сокращалось очень быстро – более чем на 2% ежегодно (табл. 1). Такое значение говорит о фактическом обезлюдении этих территорий уже в среднесрочной перспективе (без осуществления специальных программ по их развитию), что приведет к практически полному прекращению социально-экономической деятельности.

Большинство населения России (56%) проживает в муниципалитетах, где население за 2010-2016 гг. росло, что и обусловило положительную динамику численности жителей по стране в целом. Но по площади такие городские округа и муниципальные районы занимают всего около 11% территории России (это Москва, Санкт-Петербург, большинство районов Московской области, Краснодарского края, Республики Дагестан и т.п.). Тогда как почти на 9/10 территории страны депопуляция продолжалась все последние годы, в том числе на 22% территории – более чем на 2% ежегодно. Причинами этого являлись как естественная убыль, так и массовый миграционный отток населения со многих территорий страны. Соотношение этих причин в разных частях страны существенно различается. В данной статье речь идет о процессах естественного движения населения. Они и будут рассмотрены ниже с акцентом на смертность, как наиболее проблемную составляющую динамики численности населения в современной России.

Таблица 1

Распределение муниципальных образований России по группам в зависимости от динамики численности населения за период 2010–2016 гг.

Тип муниципального образования (МО)	Группа по динамике численности населения		
	Быстрая депопуляция (более 2% в год)	Депопуляция (до 2% в год)	Рост численности населения
Все МО первого порядка:			
– количество, единиц	361	1457	510
– % от всех МО	15,5	62,6	21,9
– средняя динамика численности населения, %	–13,3	–4,1	+5,7
Городские округа:			
– количество, единиц	31	300	221
– % от всех округов	5,6	54,4	40,0
– средняя динамика численности населения, %	–13,7	–3,0	+5,7
Муниципальные районы:			
– количество, единиц	330	1157	289
– % от всех районов	18,9	65,1	16,3
– средняя динамика численности населения, %	–13,2	–4,8	+5,7

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Как уже говорилось выше, по России в целом в 2016 году наблюдался естественный прирост, близкий к нулевому. Но на уровне муниципальных образований первого уровня подавляющее большинство (почти ¾) имели отрицательный естественный прирост населения. В табл. 2 представлены доли муниципалитетов с положительным и отрицательным естественным приростом населения в 2016 г. по федеральным округам. Как хорошо видно, положительный прирост населения на уровне муниципальных образований характерен лишь для большинства городских округов и муниципальных районов Северо-Кавказского федерального округа, хотя на уровне субъектов Российской Федерации в 2016 г. он отмечался почти в 44% регионов – в 37 из 85. 3/4 муниципалитетов первого порядка с отрицательным естественным приростом сохраняли такую характеристику все последние годы, тогда как в целом по России с начала века до 2016 года ситуация улучшалась: рождаемость увеличивалась, а смертность сокращалась с исключениями в отдельные годы.

[1] Районы далее делятся на муниципалитеты второго порядка – городские и сельские поселения.

[2] База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

Таблица 2

Доля городских округов и муниципальных районов с разными значениями естественного прироста населения в 2016 г., %

Федеральный округ	Естественный прирост населения		
	Отрицательный	Положительный	Всего
Центральный	93,1	6,9	100,0
Северо-Западный	87,2	12,8	100,0
Южный	78,0	22,0	100,0
Северо-Кавказский	13,2	86,8	100,0
Приволжский	80,4	19,6	100,0
Уральский	66,7	33,3	100,0
Сибирский	56,0	44,0	100,0
Дальневосточный	57,0	43,0	100,0
Вся Российская Федерация	72,2	27,8	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Как видно из таблицы, особенно сложной ситуация является в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, где около 90% муниципальных образований имеют естественную убыль населения, иногда очень значительную, которая во многих случаях сопровождается также миграционным оттоком жителей. Причем высокий уровень естественной убыли обусловлен в основном именно очень высокой смертностью на уровне более 20 промилле, а не низкой рождаемостью. «Анти-лидерами» по общим показателям здесь являются Пучежский муниципальный район Ивановской области (естественная убыль – 21,6 промилле), Опочецкий муниципальный район Псковской области (естественная убыль – 20,7 промилле) и Льговский муниципальный район Курской области (естественная убыль – 20,5 промилле).

Ситуация в муниципальных районах, где преобладает сельское население, как правило, хуже, чем в городских округах. Различия связаны в основном с более старой возрастной структурой сельского населения, что и проводит к более высоким показателям общего коэффициента смертности. Но и средняя ожидаемая продолжительность жизни, которая не зависит от возрастной структуры, среди сельских жителей страны ниже, чем среди горожан. Поэтому даже при повышенной рождаемости, находящейся на уровне, достаточном для простого воспроизводства населения (суммарный коэффициент 2,11 в 2015 году, 2,06 в 2016 году) естественная убыль сельского населения больше, чем городского, которое закономерно отличается пониженной рождаемостью (суммарный коэффициент 1,78 в 2015 году, 1,76 в 2016 году). Снижение суммарного коэффициента рождаемости в 2016 году по сравнению с 2015 годом можно считать одним из проявлений социально-экономического кризиса, начавшегося в стране во второй половине 2014 года.

Северо-Кавказский округ и в отношении различий между муниципальными районами и городскими округами является исключением. Лидерами по естественному приросту здесь являются некоторые районы за счет очень высоких общих показателей рождаемости – Джейрахский в Республике Ингушетия (рождаемость – 32,3 промилле, естественный прирост – 26,4 промилле), Гудермесский в Чеченской Республике (рождаемость – 30,1 промилле, естественный прирост – 25,4 промилле), Карабудахкентский в Республике Дагестан (рождаемость – 25,3 промилле, естественный прирост – 20,1 промилле). Высокие показатели естественного прироста обеспечивают здесь рост численности населения даже при значительном миграционном оттоке жителей.

В Сибири и на Дальнем Востоке почти в половине городских округов и муниципальных районов наблюдается положительный естественный прирост населения. При этом численность населения сокращается за счет массового миграционного оттока, преимущественно в Центральный и Южный федеральные округа. Разными мерами, особенно в Дальневосточном федеральном округе (создание территорий опережающего развития, «свободных портов» и др.) стимулируется ускоренное развитие экономики[1]. Но при этом задачи увеличения демографического потенциала, без чего экономическое развитие невозможно, не решаются. Вступившая в действие в 2017 году программа по выделению «дальневосточного» гектара всем желающим гражданам России в этом смысле может только затормозить отток местного населения с Дальнего Востока, но не привлечь туда новых жителей, поскольку эти гектары выделяются, как правило, на неосвоенных территориях, где заниматься можно только специфическими видами экономической деятельности (сбор кедровых орехов, выращивание лекарственных растений и т.д.), непривлекательными для подавляющего большинства жителей страны. Финансовых средств, необходимых для освоения «дальневосточных гектаров» в настоящее время у подавляющего большинства жителей страны также нет.

Как уже говорилось выше, главной проблемой демографического развития России в настоящее время является слишком высокий уровень смертности населения. В XXI веке преобладающей тенденцией (в отличие от 1990-х гг.) стало сокращение смертности. Так, общий коэффициент смертности снизился с максимума в 2003 году в 16,4 промилле до 12,9 промилле в 2016 году притом, что доля людей в старших возрастах в стране за этот период увеличилась. Средняя ожидаемая продолжительность жизни за этот же период выросла с 64,84 года (58,53 для мужчин и 71,85 для женщин в 2003 году) до 71,87 года (66,50 для мужчин и 77,06 для женщин в 2016 году). Это увеличение при имеющейся возрастной структуре населения явно недостаточно, чтобы обеспечить стабильный положительный естествен-

[1] Симагин Ю.А. Проблемы учета демографического потенциала в стратегиях экономического развития регионов России // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 4. – С. 111–117.

ный прирост. Но территориальное распределение в этом случае значительно лучше, чем относительно общей динамики численности населения.

База данных «Муниципальная Россия» позволяет на уровне городских округов и муниципальных районов проследить изменение общего показателя смертности с 2010 года. Средняя ожидаемая продолжительность жизни на уровне муниципалитетов органами статистики, к сожалению, не рассчитывается. Один из результатов представлен в табл. 3. Видно, что в 4/5 муниципалитетов первого уровня смертность сокращалась, как и по стране в целом. Причем если в среднем по России общий коэффициент смертности за 2010–2016 гг. сократился на 9,2%, то в некоторых муниципальных районах – примерно в 2 раза (Осташковский муниципальный район в Тверской области, Муромский муниципальный район во Владимирской области и др.). Примечательно, что наибольшую долю муниципалитеты с сокращением смертности имеют в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, то есть на тех территориях, для которых, как было показано выше, естественная убыль населения наиболее характерна. Данная тенденция имеет, безусловно, положительный характер, и может свидетельствовать об определенных успехах медицины и здравоохранения, сокращении распространенности вредных привычек и росту популярности среди населения здорового образа жизни. Свою роль сыграл также и изначально очень высокий уровень смертности на этих территориях.

Таблица 3

Доля городских округов и муниципальных районов с разной динамикой смертности населения в 2010–16 гг., %

Федеральный округ	Общий коэффициент смертности населения		
	Сократился	Вырос	всего
Центральный	88,2	11,8	100,0
Северо-Западный	83,1	16,9	100,0
Южный	82,1	17,9	100,0
Северо-Кавказский	76,4	23,6	100,0
Приволжский	81,0	19,0	100,0
Уральский	67,0	33,0	100,0
Сибирский	78,7	21,3	100,0
Дальневосточный	79,1	20,9	100,0
Вся Российская Федерация	80,9	19,1	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

В худшую сторону по динамике смертности выделяются территории с относительно молодым возрастным составом населения, где общие коэффициенты смертности первоначально были сравнительно низкими. Так, в противоположность общероссийской тенденции выросла смертность в 1/3 муниципалитетов Уральского федерального округа и почти в 1/4 муниципалитетов Северо-Кавказского федерального округа. В основном в этих же округах находятся и лидеры по росту смертности. В частности, в городском округе Магас Республики Ингушетия за 2010–2016 гг. общий коэффициент смертности увеличился более чем в 2 раза. Правда, следует учесть, что в абсолютных цифрах это очень небольшие величины: в 2010 году в этом муниципалитете умер 1 человек, а в 2016 году при численности населения, увеличившейся с 2010 года примерно в 3 раза, умерло 6 человек, и это составило менее 1 промилле от численности населения Магаса.

Таким образом, можно говорить о тенденции сокращения дифференциации по уровню смертности между разными территориями страны. Там, где первоначально смертность (по общему коэффициенту) была наиболее высока (Центральная и Северо-Западная Россия), более характерно сокращение показателя как по величине, так и по территориальной распространенности. Тогда как на территориях с изначально низкими показателями общего коэффициента смертности сокращение происходит в меньших масштабах, во многих муниципалитетах наблюдается рост смертности. Но, естественно, сокращение такой дифференциации идет очень медленно, что видно из данных табл. 4.

Таблица 4

Муниципальные образования России с максимальной и минимальной смертностью в 2016 г.

Максимальная смертность		Минимальная смертность	
Муниципалитет	Значение, промилле	Муниципалитет	Значение, промилле
Опочецкий район Псковской области	30,5	Городской округ Новая Земля Архангельской области	0,3
Пучежский район Ивановской области	29,2	Городской округ Магас Республики Ингушетия	0,9
Локнянский район Псковской области	29,1	Городской округ Назрань Республики Ингушетия	1,4

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Минимальным уровнем смертности отличаются некоторые городские округа Северо-Кавказского федерального округа, характеризующиеся наиболее молодой возрастной структурой населения и близкими к максимальным в стране показателями средней ожидаемой продолжительности жизни. По всей видимости, также низок и по тем же причинам уровень смертности во многих закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО), где большинство населения составляют военнослужащие и члены их семей. Но большинство статистических показателей ЗАТО (в том числе связанные с их населением), как правило, в открытых источниках не публикуются, что затрудняет их сравнение с другими муниципалитетами страны. Одно из редких исключений – городской округ Новая Земля.

Очень высоким уровнем общего коэффициента смертности населения отличаются некоторые муниципальные районы Центрального и Северо-Западного федеральных округов, особенно в областях Псковской, Новгородской, Ивановской, Костромской, Тверской, Смоленской, Курской и некоторых других. В этих регионах необходимы специальные программы по сокращению смертности населения, особенно в сельской местности и небольших городских населенных пунктах. В этой связи положительный эффект могло бы дать сохранение и развитие существующей сети учреждений здравоохранения, в противоположность проводившейся в предыдущие годы политики по их сокращению в рамках «оптимизации» сети учреждений. Необходимо внимательно изучить также опыт тех муниципалитетов, где за период 2010–2016 гг. значение общего коэффициента смертности сократилось на 30–50%. Если такого же эффекта в ближайшие годы удастся добиться в наиболее проблемных в настоящее время муниципальных образованиях, даже при существующих показателях рождаемости возможно достижение стабильного положительного естественного прироста населения страны.

Соболева С.В.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
soboleva@ieie.nsc.ru
Чудаева О.В.
н.с. ИЭОПП СО РАН

УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *демографическая безопасность, национальная безопасность, депопуляция, демографическая политика, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, естественный прирост.*

«…вся политика, вся наша работа – в экономике, социальной сфере, других областях – должна быть нацелена на сбережение нации, на решение задач демографического развития»
В. Путин, 23 декабря 2017 г.

Длительная депопуляция в России с 1992 г., которая была временно преодолена в период с 2013 г. по 2015 г., в том числе за счет положительного потенциала, накопленного в 1980-х годах относительно высокой рождаемости, с 2016 г. возобновилась, и скорее всего надолго, как это и прогнозировалось (рис. 1). Естественный прирост составил -2286. Однако по предварительным данным Росстата за январь-ноябрь 2017 г. отрицательный естественный прирост составил уже – 122 005 при положительных 18 538 за аналогичный период 2016 г. Произошло это за счет резкого сокращения числа родившихся на 10,7%, в абсолютных цифрах – на 186 979 человек. И хотя смертность тоже снизилась на 46 436, но не смогла компенсировать столь быстрое падение рождаемости.

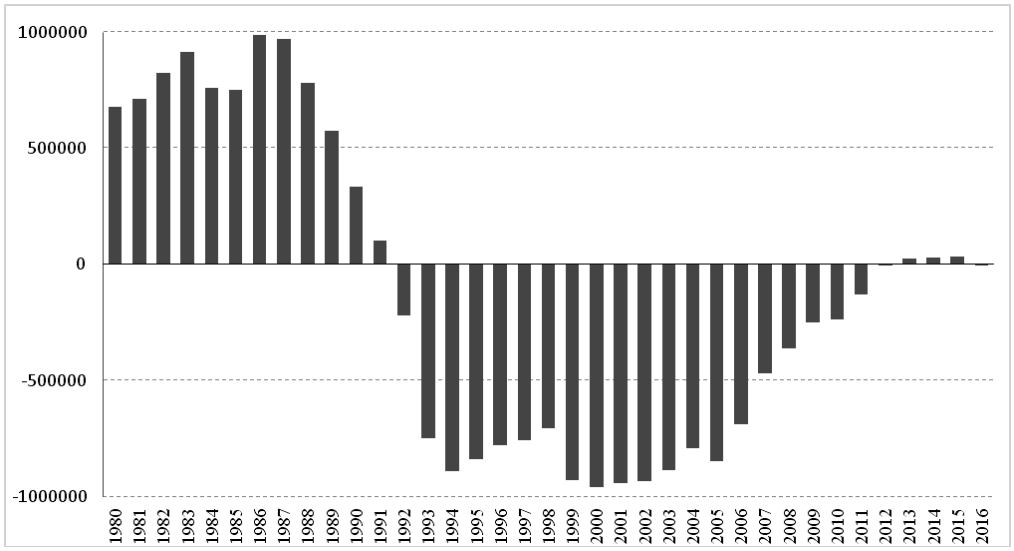


Рисунок 1.
Динамика естественного прироста населения России за 1980–2016 гг., чел.[1]

Таким образом, на фоне продолжающегося снижения смертности, с 2015 г. происходит слом позитивных тенденций роста числа родившихся из-за неблагоприятной для рождений возрастной структуры населения, а также ухудшения экономической ситуации, снижения доходов населения, недофинансирования социальной сферы, неуверенности в будущем.

Новый виток депопуляции происходит теперь в других, в отличие от наследия «застойного» СССР, более тяжелых демографических условиях наследия 1990-х гг.: в активный репродуктивный период вступают малочисленные

[1] Рисунки 1 и 3 предоставлены н.с. ИЭОПП СО РАН Смирновой Н.Е.

поколения родившихся уже в постсоветской России с худшим состоянием здоровья, в том числе репродуктивного, а в возраст старше трудоспособного – относительно многочисленные поколения родившихся в конце 1950-начале 1960 гг. (рис. 2). То есть при прочих равных условиях на протяжении длительного времени число родившихся будет снижаться за счет значительного уменьшения числа женщин в репродуктивном возрасте, а число умерших – расти за счет увеличения числа людей старше трудоспособного возраста, на которых приходится большинство смертей.

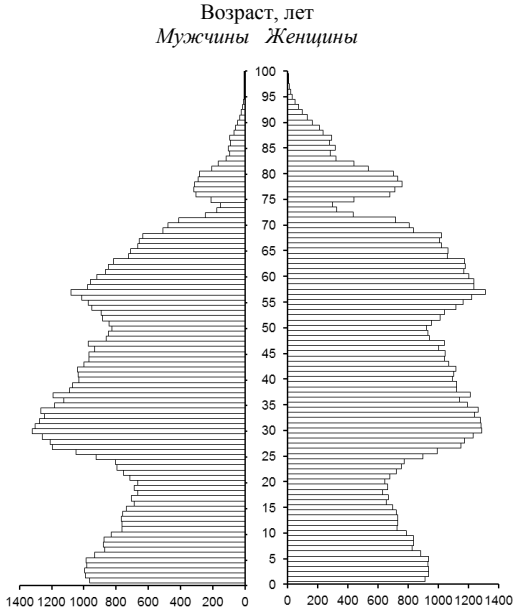


Рисунок 2.
Половозрастная структура населения на начало 2017 г.

Депопуляция в России дополнительно осложнялась длительным периодом роста заболеваемости населения, особенно интенсивным у детей и подростков – будущего страны. Причем наиболее быстро в постсоветский период росла заболеваемость болезнями системы кровообращения и новообразованиями, вносящими наибольший вклад в смертность и инвалидизацию населения.[1] Старение населения может еще больше усилить негативные тенденции. Таким образом, демографический потенциал снижался как количественно, так и качественно, в том числе на перспективу.

Все вместе это негативно влияет не только на демографический потенциал, воспроизводство населения, но и на состояние и перспективы экономики, а также на обороноспособность страны. Очевидно, что такая демографическая ситуация имеет не только важнейшее социально-экономическое значение для России, но и важнейшее геополитическое значение, ставя под вопрос дальнейшие возможности народов России развивать свой материальный, духовный и культурный потенциал. Проблема состоит в том, что прогнозируемой численности и плотности населения в такой огромной стране как Россия не достаточно не только для того, чтобы освоить свое геополитическое пространство, но даже для того, чтобы удержать его в будущем. Это представляет угрозу национальной безопасности, в том числе суверенитету, территориальной целостности и устойчивому социально-экономическому развитию страны.

При этом важнейшей составляющей, ядром национальной безопасности России является именно демографическая безопасность. По сути, демографический вопрос – ключевой для России, и он стоит так: быть или не быть нашему народу и государству. Положительное решение этого главного вопроса заключается в преодолении демографической катастрофы.

Из-за резкого обострения демографической ситуации президент В. Путин срочно потребовал перезагрузки демографической политики и принятия комплекса мер, которые позволят стабилизировать численность населения России и не допустить ее снижения в предстоящее десятилетие. В результате, не дожидаясь конца 2017 г., были оперативно приняты, законодательно утверждены и финансово обеспечены новые меры, направленные на поддержку рождаемости.

Выступая на съезде партии «Единая Россия» 23 декабря 2017 г., президент заявил: «Скажу больше: вся политика, вся наша работа – в экономике, социальной сфере, других областях – должна быть нацелена на сбережение нации,

[1] Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности динамики заболеваемости населения Сибири и ее регионов в контексте российских тенденций // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 12 / [отв. ред. В.И. Герасимов]; РАН, ИНИОН [и др.]. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Ч.3. – С. 561–568.

на решение задач демографического развития»[1]. Приоритетами были названы борьба с бедностью, здравоохранение, снижение смертности, строительство качественного и доступного жилья, школ, детских садов, формирование современной среды жизни в городах и поселках, дороги, ЖКХ.

Ключевой составляющей депопуляции является низкий уровень рождаемости. Если поколения детей малочисленнее поколений родителей на протяжении некоторого времени, то рано или поздно с неизбежностью наступит депопуляция – количество умерших будет превышать количество родившихся. Для того чтобы в долгосрочной перспективе наше население не убывало, необходимо, чтобы на смену двум родителям приходили двое детей, то есть нужно добиться такой ситуации, при которой суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину за репродуктивный период) устойчиво был не менее 2,15 – это уровень простого воспроизводства населения при текущей смертности.

Однако на протяжении более полувека с 1964 г. рождаемость в России не обеспечивала даже простого воспроизводства населения. Исключением стали 1987-1988 гг. как следствие пронаталистской политики СССР и антиалкогольной кампании, когда суммарный коэффициент рождаемости превысил пороговое значение (рис. 3).

Кстати, это хороший пример того, что рождаемость может быть увеличена при помощи проведения осознанной демографической политики. И, наоборот, последующий обвал рождаемости в постсоветской России, связанный с катастрофическим состоянием дел в экономике и развалом в социальной сфере, демонстрирует тот факт, что демографическая сфера в целом (см. рис. 1, 2), и рождаемость в частности, весьма чувствительны к внешним воздействиям, как положительным, так и отрицательным.

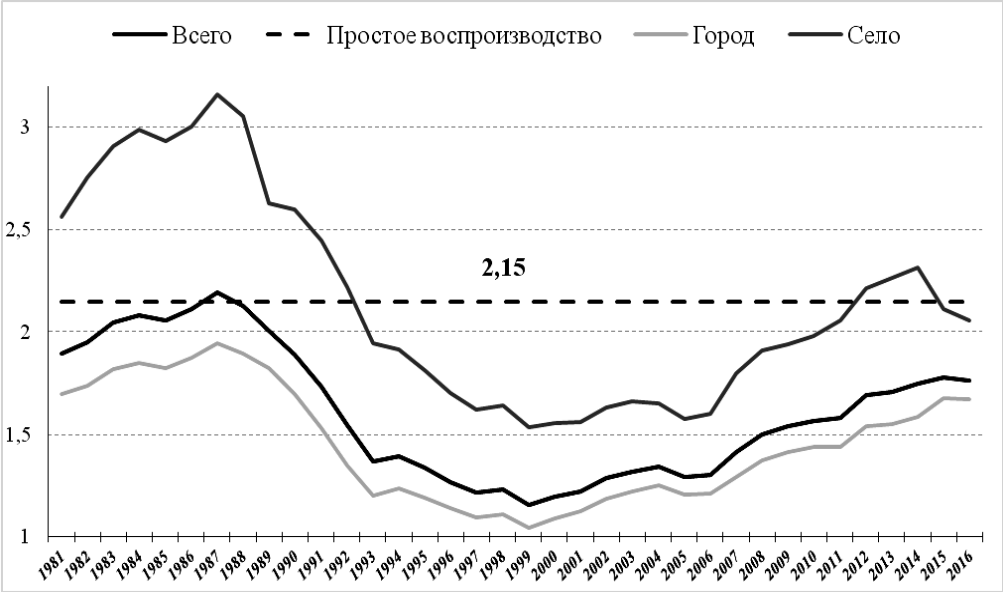


Рисунок 3.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за 1981–2016 гг.

Все остальное время с первой половины 1960-х гг. суммарный коэффициент рождаемости был ниже порогового значения, то есть режим воспроизводства оставался суженным. По данным за 2016 г. этот показатель обеспечивал, даже после роста в последние годы, только 84% от уровня простого воспроизводства, что совершенно не достаточно для выхода из депопуляции. Поскольку из-за особенностей российской половозрастной пирамиды, даже если мы в ближайшее время каким-то чудесным образом достигнем суммарного коэффициента рождаемости 2,15, т.е. воспроизводить себя будут только репродуктивные контингенты, у нас еще много лет будет идти депопуляция за счет накопленного неблагоприятного для воспроизводства потенциала из-за того, что будут вымирать старшие, более многочисленные поколения (см. рис. 2). Следовательно, для выхода из депопуляции нужно, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был еще выше.

Отсюда приходим к выводу, что целевым ориентиром для нашей демографической политики должна стать семья с 3–4 детьми, так как только такая семья способна вытащить Россию из трясины депопуляции. Именно такая семья должна получить наибольшую экономическую и моральную поддержку со стороны государства и общества.

Нам часто говорят, что повышение рождаемости невозможно. Однако наш недавний отечественный опыт, в том числе и последних лет, когда в 2006 г. в Послании Федеральному собранию президент В. Путин объявил курс на исправление катастрофической демографической ситуации (см. результаты на рис. 1–3), говорит об обратном. Можно привести и другие примеры, когда именно интенсивность рождаемости, выраженная суммарным коэффициентом рождаемости, не зависящим от возрастной структуры и численности женщин репродуктивного возраста, которые мо-

[1] http://www.kremlin.ru/events/president/news/56478

гут значительно изменяться (см. рис. 2), после периодов спада снова повышалась и весьма существенно. Например, в США – с 2,2 во времена великой депрессии до 3,8 в конце 1950-х гг. в разгар послевоенного беби-бума, когда семья с 3-4 детьми была совершенно обычной.

Улучшение социально-экономических условий по сравнению с катастрофическими 1990-ми гг. и меры демографической политики, предпринятые с 2006 г., помимо снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни, также имели в качестве результата рост суммарного коэффициента рождаемости, особенно заметный в сельской местности (см. рис. 3). С 2012 г. в сельской России этот показатель превысил ключевой уровень простого воспроизводства, что означало переход к уже расширенному типу воспроизводства населения. Всего за период 2005–2014 гг. он вырос на 47%. При этом отметим, что и в 1980-х гг. село гораздо активнее города реагировало на меры демографической политики.

По данным за 2016 г. по показателю суммарного коэффициента рождаемости на селе, даже после некоторого его снижения с 2015 г., федеральные округа РФ группировались следующим образом:

1. Суженное воспроизводство – Центральный (1,64), Северо-Западный (1,87) и Южный (1,75).
2. Простое воспроизводство – Северо-Кавказский (2,16) и Приволжский (2,12).
3. Расширенное воспроизводство – Уральский (2,41), Сибирский (2,63) и Дальневосточный (2,49).

Интересно заметить, что чем дальше находится от Москвы и Санкт-Петербурга территория, тем выше рождаемость на селе, особенно на просторах Сибири и Дальнего Востока, в отличие от Центральной России с самым низким показателем в стране.

То есть село продолжает оставаться естественным резервом для восстановления численности российского населения. Таким образом, мы видим, что село, в отличие от города, оказалось чрезвычайно отзывчивым даже на незначительные по большому счету меры воздействия. *Причем рост рождаемости обеспечивался, что не маловажно, в прямом смысле слова коренными жителями. Соответственно именно на село и нужно направлять основные усилия по преодолению депопуляции, которые будут наиболее эффективны и будут иметь самую быструю отдачу.*

Села и малые города – это демографический источник роста для страны, в отличие от крупных городов, которые ещё с давних времён себя не воспроизводят и растут только за счет притока населения извне. И это давно и твердо установленный демографической наукой факт. Причем независимо от типа исходной культуры урбанизация приводит к ее разрушению и прежде всего в семейных отношениях. Кстати, самые низкие суммарные коэффициенты рождаемости в стране по данным за 2016 г. демонстрируют г. Москва – 1,46 и Ленинградская область – 1,32, при среднем показателе по России – 1,76.

Пополнение крупных городов первоначально обеспечивалось за счет близлежащих территорий, затем после исчерпания их возможностей, как это произошло в первую очередь в центральной России, – за счет иностранных трудовых мигрантов. Кроме того в крупные города едут люди особого склада и не для того, чтобы рожать детей, а за карьерой, деньгами и потреблением, то есть их привлекают конкурирующие с деторождением ценности.

Опорная сеть поселений на огромной территории страны, и в первую очередь вдоль протяженных границ, имеет важнейшее геополитическое значение, обеспечивая связанность пространства и контроль над ним. Особенно это касается обширных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Села и малые города могут вносить значительный вклад в экономику страны, в производство и переработку, в том числе сельскохозяйственных продуктов. *Исключительно важна их роль в обеспечении продовольственной безопасности страны, которая является важнейшей составляющей национальной безопасности России и фактором сохранения ее суверенитета, а также самым теснейшим образом связана с демографической безопасностью.*

Село является хранителем национальных культур народов, населяющих Россию, их традиций, в том числе в сфере воспроизводства населения, умения жить в гармонии с природой, бережного отношения к земле-кормилице.

Наконец, Россия выжила, преодолевая все катаклизмы XX века, включая победу в Великой Отечественной войне, за счет села. Необходимо вернуть ему долги.

Однако в последние годы на высоком уровне вслед за селом были объявлены неперспективными теперь уже малые и средние города. Так в 2011 г. в рамках Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов» Э. Набиуллиной, в бытность ее министром экономического развития РФ, предлагалось переселить жителей малых и средних городов, которые были признаны в перспективе нежизнеспособными, в мегаполисы.

В конце ноября 2017 г. на V Общероссийском гражданском форуме в дискуссии на тему «Будущее экономики страны: роль агломераций» бывший министр финансов, организатор форума и председатель Комитета гражданских инициатив А. Кудрин снова озвучил эту идею, заявив, что стране необходима программа поддержки роста агломераций. Развитие агломераций, по его мнению, должно входить в десятку главных задач страны. В настоящее время А. Кудрин является заместителем председателя Экономического совета при президенте РФ и главой Центра стратегических разработок, который готовит Социально-экономическую программу развития России.

В дискуссии участвовал мэр Москвы и член Совета Безопасности РФ С. Собянин, который поддержал идею развития агломераций, признав, что за ними будущее. Им было заявлено следующее. «У нас в сельской местности проживает сегодня условно лишних 15 млн. человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности на селе, по большому счету, не нужны»[1].

«Все меньше и меньше людей, которые могут себе найти высокопроизводительный и качественный труд. То же самое можно сказать о провинциальных небольших городах. К сожалению, реально хорошей занятости и качествен-

[1] https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc

ных рабочих мест все меньше и меньше. Мы начинаем эту сельскую местность спасать, спасать эти небольшие города», – заявил градоначальник.

По словам мэра, в московской агломерации на сегодняшний день уже 30-35 млн. человек, включая близлежащие области, куда ездят москвичи на лето, а местные жители работать в Москву. С. Собянин отметил, что производительность труда в столице в 2,5 раза выше, чем в среднем по России, и в 5–7 раз выше, чем в селах.

По его мнению, Москва – это «не черная дыра, которая высасывает таланты со всей страны, а драйвер экономики». «Развитие агломераций приводит к развитию конкуренции и укреплению обороноспособности страны, а Россия всегда находилась под ударом, и сегодня под ударом, пусть и не в военном смысле», – добавил он.

Разберем эти тезисы по порядку.

1. С 1990-х годов произошло разрушение системы хозяйствования в стране, отсюда – «лишние» миллионы людей. Экономическая модель такова, что население зачастую только мешает. При этом дети становятся экономически очень невыгодными.

2. Если у нас все так хорошо с производством сельхозпродукции вследствие использованием новых технологий, то почему мы в больших масштабах продолжаем закупать ее за границей? И это не говоря о засилье вредных для здоровья населения, особенно детского, суррогатов на прилавках магазинов? В первую очередь это касается качественных молочных продуктов, овощей, фруктов и ягод, составляющих основу здорового питания. Крупные высокотехнологичные агрохолдинги как раз и производят свою высокотоварную продукцию с широким использованием вредных не только для человека, но и для окружающей среды пестицидов и прочих химикатов, консервантов и других добавок, гормонов, антибиотиков и т.д. Используемые ими интенсивные технологии быстро истощают почву, обедняют ее состав и нарушают естественные процессы, происходящие в ней, делая ее нежизнеспособной.

При этом количество и качество доступного для населения продовольствия оказывает огромное влияние на демографическую сферу, воспроизводство и здоровье населения, в первую очередь подрастающего поколения.

Говорить после этого о лишних людях на селе как-то странно, особенно учитывая масштабы страны и плотность ее населения. Кроме того, жители небольших поселений занимаются отнюдь не только сельскохозяйственной, но и многими другими видами деятельности, привязанными к территории и важными для страны: небольшими производствами, например тех же стройматериалов, добычей ресурсов, обслуживанием транспортных путей, рекреационных зон, охраной границ и многим другим.

3. По поводу высокой производительности труда в столице можно отметить, что существующая десятилетиями практика налогообложения по месту регистрации головных офисов компаний искусственно существенно завышает показатели экономической активности Московской и Санкт-Петербургской агломераций и их доходную базу и, соответственно, существенно занижает показатели регионов концентрации основного производства, в том числе за счет ресурсодобывающих компаний из восточных регионов страны[1]. Концентрация высокодоходных групп населения за счет столичного статуса действует в этом же направлении. Поэтому этот механизм не будет работать для любых агломераций. При этом С. Собянин в своем выступлении назвал Москву самым высокопроизводительным центром страны, в то время как в ней сконцентрирована, прежде всего, сфера услуг, а не реальное производство.

Такая ситуация способствует усилению территориальных диспропорций в развитии страны. Устранение государства из сферы управления и переход к модели рыночной организации пространства привели к тому, что периферийные территории превратились в пространства глубокой экономической и социальной депрессии. Что в свою очередь оказывало сильное негативное влияние на демографическую сферу, так как она всегда весьма зависима от социально-экономических условий.

Особенно наглядно эти процессы можно наблюдать в самом историческом центре России – в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Два их центра – Москва и Санкт-Петербург – «вытягивали» молодое активное население, прежде всего из соседних регионов, усиливая депопуляцию и кризисные явления на этих территориях. В результате в 2016 г. самые высокие темпы естественной убыли в стране от 5 до 6,8 промилле отмечались на исконно русских территориях областей, ставших зоной демографического бедствия: Владимирской, Ивановской, Курской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Новгородской и Псковской. Причем в сельской местности ситуация еще хуже.

4. Тезис об укреплении обороноспособности страны через концентрацию населения в крупных городах – уже совсем удивительный. Совершенно очевидно, что огромные скопления людей, прежде всего в двух наших крупнейших столичных мегаполисах – Москве и, особенно, Санкт-Петербурге, находящихся недалеко от продвинувшихся на восток расположений сил НАТО, являются замечательными и весьма желанными мишенями для упреждающего сокрушительного удара. Известны давние планы США времен холодной войны о ядерных ударах по крупнейшим городам бывшего СССР. Причем удары вовсе не обязательно наносить открытыми военными методами, можно например и диверсионными: через нарушение работы систем жизнеобеспечения, целенаправленное распространение заразных заболеваний и т.д.

При этом С. Собянин совершенно справедливо отмечает, что Россия всегда находилась под ударом, в том числе и в настоящее время. Помнится, в советские времена еще на уроках начальной военной подготовки школьникам внушалось, что самое первое действие при угрозе применения оружия массового поражения – это рассредоточение, с целью минимизации потерь среди населения.

[1] Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017. – № 4. – С. 3–24.

Кстати, и оборонительный щит страны в те времена ковался в многочисленных небольших закрытых административно-территориальное образованиях (ЗАТО), в том числе по причине потенциальной опасности для населения, поэтому в крупных мегаполисах их нельзя было размещать. Эти малые города со специализацией в энергетической, космической или военной отрасли, с высокой концентрацией научно-технического потенциала в свое время весьма способствовали также развитию науки и технологий, повышению конкурентоспособности страны, а в настоящее время приходят в упадок.

Таким образом, нам постоянно на протяжении длительного времени внушают, что наши огромные пространства с богатейшими природными ресурсами планетарного масштаба являются непосильной обузой для страны в условиях рыночной экономики. Под благовидным предлогом заботы о благополучии людей, борьбы с безработицей и повышения конкурентоспособности на мировом рынке нас принуждают сжаться в нескольких мегаполисах, где население становится чрезвычайно уязвимым, окончательно отсекая от жизненно важных ресурсов, и добровольно зачистить от населения свою территорию. Далее можно будет заняться распределением освобожденной от людей земли, при этом поставить вопрос о «выгодной» продаже «лишних» земель всем, кто давно говорит о том, зачем России столько земли. После этого в результате ускоренной депопуляции на России можно будет поставить крест на радость ее врагам и безбоязненно завладеть ее бесчисленными богатствами. Это путь деградации, ускоренного вымирания народа и развала государства.

Поэтому для решения демографической проблемы России нужно делать прямо противоположное – использовать уже существующие агломерации не для дальнейшего искусственного стягивания в них «лишнего» населения с территорий, освоенных в прошлом с большими затратами, а как плацдарм для дальнейшей экспансии, в первую очередь вдоль уже существующих транспортных путей. *В качестве механизма такой экспансии использовать все возможные способы поддержки и поощрения усадебного домостроения для желающих граждан России, обязательно с предоставлением обширных участков земли, пригодных в качестве пространства для жизни большой семьи.* Дальневосточный гектар – движение в правильном направлении. Необходимо распространить эту практику на всю страну, и в первую очередь на Сибирь. При этом российские просторы превращаются из обузы в фундаментальное стратегическое преимущество граждан России, потому что странно вымирать на своей земле при наличии огромных ресурсов для жизни.

Земля, вместе с расположенными на ней ресурсами, и в первую очередь полями и лесами, озерами и реками, является самой главной материальной ценностью, потому что она дает Жизнь. В будущем ценнейшими востребованными ресурсами будут чистая вода и качественное продовольствие, поэтому нужно беречь и сохранять свою землю, за которую наши предки не жалели свои жизни. *Земля, по мнению П.А. Столыпина, является «единственным источником нашего благосостояния» и «залогом нашей силы в будущем»*[1]*, ценность которой возрастет многократно. Это и есть наше величайшее конкурентное и стратегическое преимущество.*

Потепление климата будет на пользу холодной России. Помимо очевидного снижения огромных затрат на борьбу с холодом, что приведет к росту конкурентоспособности российской экономики и более комфортным условиям для проживания населения, особенно на обширных восточных и северных территориях, потепление открывает грандиозные перспективы перед сельским и лесным хозяйством за счет удлинения периода вегетации и смягчения зимних морозов. Соответственно повысится урожайность и набор возделываемых культур. Уже сейчас на юге Сибири имеется товарное производство подсолнечника, сахарной свеклы, кукурузы на зерно. Дачники успешно выращивают розы, виноград, арбузы, абрикосы и многие другие теплолюбивые культуры. *В будущем производство экологически чистого и качественного продовольствия может стать важнейшей статьей доходов населения.* Но в первую очередь даст возможность сполна обеспечить самыми лучшими, свежими и натуральными продуктами свою большую семью.

Кроме того, развитие современных информационных технологий и средств коммуникации, автоматизация и новейшие технологии производства уже не требуют концентрации большого количества людей и постоянного личного присутствия для осуществления производственного и управленческого процесса, что позволяет многим людям перейти на удаленные формы работы. Проживание в небольших поселениях, при этом в комфортных условиях просторного усадебного жилья, позволит не тратить каждый день время, деньги, нервы и здоровье на дорогу на работу и обратно, а направить освободившиеся силы на нужды своей семьи.

Социологические опросы показывают, что нынешний уровень рождаемости в России искусственно сдерживается двумя основными факторами – недоступностью жилья и низкими зарплатами[2]*. При этом съемное или ипотечное жилье не решает проблему, а часто наоборот, препятствует рождаемости, потому что люди боятся потерять крышу над головой. Жилье для большой семьи с детьми должно быть именно своим.* Под крышей своего дома, всегда имея возможность накормить семью качественным продовольствием, люди наконец-то обретут уверенность в будущем, которой им так не хватает для принятия решения о рождении детей.

Для этого *очень важно полностью освободить граждан от уплаты налогов на усадебную землю и дома на ней. Современная налоговая система, предусматривающая постоянный рост налогов на жилье и приусадебные земельные и дачные участки, является очень мощной антидемографической мерой.* Она вынуждает даже тех, кто уже давно владеет ими, продавать их или избавляться другими способами, так как бремя налогов становится непосильным. А, кроме

[1] Из речи П.А. Столыпина в Государственной Думе по проекту закона «О земле» (5 декабря 1908 г.) // Государственная дума. Третий созыв. Сессия вторая. 1908-1909 гг. Стенографические отчеты. – СПб., 1909. – Ч. I. – С. 2279–2284.

[2] Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013 г.). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

того, она не справедлива и не логична: почему гражданин должен снова и снова платить за свою собственность, оплаченную средствами, с которых уже были взяты все налоги? Ведь это не аренда, а собственность. Получается, что у нас нет собственности на недвижимость.

Поэтому нужно пересмотреть налоговую систему и законодательство в широком смысле, а также проводить экспертизу новых решений и инициатив, включая вышеприведенную по сселению населения самой большой в мире страны в десяток-другой агломераций, на предмет непротиворечия демографическим целям, которые должны быть основополагающими. Эти цели должны стоять во главе угла при разработках стратегии развития страны.

Таким образом, помимо создания благоприятных материальных условий для семей с детьми, пропаганды семейных ценностей и т.д., *в демографической политике нужно задействовать политику пространственного освоения страны с акцентом на усадебное домовладение и большие семьи с детьми.* И здесь Россия имеет фундаментальное и стратегическое преимущество за счет своих просторов.

И наконец, поскольку демографическая сфера сильнейшим образом зависит от социально-экономических условий (см. рис. 1–3), необходим решительный курс на внутреннее развитие страны, а не ее сжатие, в том числе экономического пространства. *Нам требуется принципиально новая социально-экономическая модель не с целью вписаться в мировой рынок, а с целью преодоления демографической катастрофы, угрожающей самому существованию России.*

Аванесов В.С.
д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика»
testolog@mail.ru

РЕФОРМА, МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ – ЧТО СЕЙЧАС ВАЖНЕЕ?

Ключевые слова: *реформа, модернизация, стратегия развития образования.*

Огромные внутренние ресурсы и возможности России
очевидно не соответствуют убогим темпам и масштабу
развития экономики и человеческого капитала последних 35–40 лет.
И это качественное и радикальное противоречие
неизбежно предстоит разрешить российской правящей элите
ещё до 2020 года. Либо смириться с нарастающей деградацией
и постепенной фактической потерей суверенитета. И в конечном счёте –
с потерей национальной идентичности.
А.И. Подберёзкин
«2018 год: Угрозы национальным интересам
и реальные возможности России»[1]

Введение

Этот доклад – продолжение предыдущего[2]. В нем рассматриваются три основные формы улучшения образования.

Первая – это *реформы.* Они использовались в течение последней четверти века. Результат – ухудшение качества образования. По уровню развития человеческого капитала Россия откатилась назад.

Вторая форма – это *модернизация образования*, которая проводилась в России и СССР в период с 1921 по 1941 год. Она оказалась успешной. Другая попытка модернизации образования, с 1991 по 2000 годы, окончилась неудачей. Главные причины – некачественность, скудное финансирование и коммерциализация образования.

Третья форма – разработка *стратегий развития* российского образования. Они не получили со стороны образовательных властей ни понимания, ни поддержки. Но в современных условиях эта форма может оказаться самой подходящей при условии её наполнения новым, творческим содержанием.

Проблемная ситуация

Уже отмечалось, что нынешнее образование в России всё меньше становится похожим на то, которое сейчас утверждается в странах, устремлённых вперёд в достижении высокого качества знаний[3]. Различия не только в результатах, но и в направлениях. Например, в России мы видим сверхизбыточное усиление государственного контроля в сфере образования. Заметную активность в этом деле проявляет специально созданный для этого орган – Рособрнадзор. За рубежом такого контроля нет вообще, как нет и подобного органа, потому что там контроль не государственный, а общественно-профессиональный. А это серьёзное препятствие любым попыткам коррупции, которая у нас превратилось в настоящее бедствие.

Образование в России продолжает отставать от потребностей граждан и страны. На это указывает общая информация о состоянии дел. Очевидно старение материально-технической базы образования, не хватает современных школьных и вузовских зданий, большие трудности с развитием адекватной времени учебной среды. Сокращались академические свободы и учебная мотивация, возрастали нагрузки на преподавателей, снижалась их реальная зарплата по многим регионам страны. В условиях фактической отстранённости управленцев от общественного обсуждения накопившихся проблем, качество образования ухудшалось. Потому что нерешаемые вопросы порождают нерешаемую проблему. Стало понятнее, что в сфере образования нужны не бюрократические реформы, а научно-обоснованные, содержательные и структурные преобразования, поддерживаемые всеми слоями общества. Но таких преобразований нет.

[1] http://viperson.ru/articles/2018-god-ugrozy-natsionalnym-interesam-i-realnye-vozmozhnosti-rossii

[2] Аванесов В.С. Модернизация образования в России: ключевые проблемы и пути их решения. Доклад на XVI Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». – http://viperson.ru/articles/modernizatsiya-obrazovaniya-v-rossii-klyuchevye-problemy-i-puti-ih-resheniya

[3] Там же.

В первую очередь надо менять формы организации, содержание и методы образовательного процесса. Данный доклад посвящён формам. Они важны. Так что не случайно было сказано, что модернизация остаётся темой научной дискуссии при условии поиска конкретной *формы* её осуществления1 Но творческих дискуссий по данной и другим проблемам у нас нет и уже давно.

Определение понятия «реформа»

Этот термин берёт начало от латинского слова «reformo», что переводится на русский язык как «преобразовываю». Иногда реформой называют совокупность мероприятий, направленных на улучшение качества деятельности. Однако на практике не все реформы дают положительные результаты. Например, почти все образовательные реформы последней четверти века в России имели больше отрицательных результатов, чем положительных.

Реформы также трактуются как способ изменения или переустройства тех или иных значимых сфер жизнедеятельности государства и общества, осуществляемого сверху, самой властью[2]. И это – существенный признак самих реформ.

Л.Н. Данилова выделяет два смысла понятия «реформа». В широком смысле – это любая реорганизация и изменение. В узком смысле реформа касается только отдельной сферы общественно-политической жизни[3]. Этот же автор подчёркивает нейтральность значения понятия «реформа». В нём нет информации о позитивности или негативности изменений, о прогрессе или регрессе[4].

Как отмечается в Википедии, необходимость проведения образовательных реформ диктуется изменениями социально-экономической реальности, рынка труда, востребованностью выпускников вузов, новыми требованиями к выпускникам учебных заведений к их социальной и профессиональной компетенции. Реформам уже подверглись все уровни образования – общего, среднего специального, высшего профессионального и послепрофессионального образования. В сферу проводимых реформ так или иначе оказались вовлечены миллионы людей – учащиеся, их родители, учителя школ, студенты, преподаватели вузов и т.д. Поэтому проводимые реформы образования получили большой общественный резонанс[5].

Существенные признаки таких резонансных «реформ» можно увидеть на установленных признаках так называемого Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Это его ненаучность, игнорирование научной и общественной критики, массовое ухудшение качества знаний, неэтичное[6] внедрение ЕГЭ в сферу образования, принудительность, тотальность, некачественность, неэффективность[7] и непедагогичность.

Три реформы и две модели образования

Доктор философских наук, проф. А.Ф. Поломошнов выделил три волны неудачных реформ образования. Они названы им так:

– абстрактно-гуманистическая (1991–2003 гг.)

– Болонская перестройка (ломка российской системы образования, 2003–2011 гг.

– т.н. рыночная модернизация – с 2011 по наше время[8].

По словам А.Ф. Поломошнова, чиновники, начиная с 1991 года, непрерывно трансформируя отечественную систему образования, буквально затерзали её т.н. «реформами»: беспрерывным изменением содержания учебных ГОСов, всевозможными организационными изменениями, лавиной регламентирующих и постоянно меняющихся бумаг и инструкций. Бесконечные проверки, аттестации, аккредитации, мониторинги сыплются на головы несчастных образовательных учреждений и педагогов как из сундука Пандоры[9].

Он также дал названия двум основным моделям реформирования сферы образования – командно-административной и общественно-демократической, отметив, что в России используется командно-административная модель проведения реформ[10]. При последней модели педагогические работники, ученые и широкая педагогическая общественность практически отстранены от обсуждения курса реформ и от принятия решений. Им отводится роль стати-

---

[1] Мишин Ю.Д. Постников П.М. Прохоров В.Т. Модернизация: мифическая и действительная // Модернизация отечественного высшего образования: расчёты и просчёты. С. 4. Материалы межд. научно-методич. конф. 3 февраля, 5 марта 2015 г. СГУПС, НТИ (филиал) МГ. – Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 2015. – 300 с.

[2] Political Science. An Introduction / M.G. Roscin [e.c.]. – New Jersey: Prentice Hall International, 1988. – 350 p.

[3] Данилова Л.Н. Концептуальные основы реформирования общего образования. Монография. – Ярославль: Канцлер, 2016. – 218 с.

[4] Там же, с.10.

[5] Реформа образования в России. – https://ru.wikipedia.org/wiki/

[6] В первые годы т.н. «экспериментального» внедрения ЕГЭ, положительные оценки получали все, кто только приходил и заполнял бланки, без какой-либо проверки знаний вообще.

[7] Аванесов В.С. Единый государственный экзамен – некачественный и неэффективный. – http://viperson.ru/articles/edinyy-gosudarstvennogo-ekzamen-ege-nekachestvennyy-i-neob-ektivnyy

[8] Проблемы модернизации российского образования: монография [А.Ф. Поломошнов и др.]; под. общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – Пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2014. – С. 41.

[9] Поломошнов А.Ф. Модернизация российского образования: проблемы курса: монография /А.Ф. Поломошнов и др. Под. общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – Пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2015. – С. 4.

[10] Там же.

стов-исполнителей принятых в кулуарах высших органов власти и Минобрнауки решений. Последние нередко не только не учитывают интересы педагогических работников и педагогической общественности, но и нарушают их.

Изменение международной обстановки в 2016–2017 гг.

Послекрымские события и успешная российская военная операция в Сирии существенно изменили международные отношения России с США и странами Европы. В связи с чем прежние псевдолиберальные идеи интеграции российского образования с мировым и Европейским образованием повисли в воздухе, и стали, таким образом, не реализуемыми. Нас там с целью объединения образовательной деятельности никто и не ждал. Но только теперь стало очевидным, что почти все проводившиеся в этом направлении реформы образования в свете быстро меняющейся международной обстановки оказались ошибочными.

Спорные методы совершенствования ЕГЭ – главного метода министерской реформы образования

Нынешнее руководство Минобрнауки и Рособрнадзора своими действиями по изгнанию из ЕГЭ заданий в тестоподобной форме совершает очередную ошибку. Вместо них оно стремится сейчас использовать дорогостоящие традиционные методы, требующие т.н. «ручной» проверки. Именно отсюда проистекает неизбежное и беспредельное удорожание проведения ЕГЭ, что создаёт для чиновников новые коррупционные каналы, а для страны – повышенную нагрузку на бюджет.

На ошибочность такого шага указывают авторы даже из организации, которая все годы активно участвовала в продвижении ЕГЭ. Это авторы из Высшей школы экономики. Вот довольно обширная цитата из монографии, откуда легко понять необходимость хотя бы минимального обсуждения научных вопросов перед тем, как что-то решать в органах управления образованием.

«Важно понимать, что различные формы заданий направлены на проверку различных навыков обучающихся, и именно комбинация различных форм заданий позволяет провести всестороннюю диагностику, Задания с выбором правильного ответа (часть А ЕГЭ), во-первых, обладают наиболее высоким уровнем эффективности (требуют меньше времени на выполнение, чем задания открытой формы (части В и С), что позволяет включить большее число таких заданий и тем самым шире охватить содержание дисциплины), а во-вторых, дают возможность проверить достижение учебных целей более высокого уровня (умение анализировать, критически осмыслять предложенные варианты и оценивать их правдоподобие). Именно поэтому эти задания так популярны во всем мире. Однако эти задания тяжелее всего разрабатывать, гораздо сложнее, чем задания части В (с кратким ответом). Разработка качественных заданий с выбором правильного ответа требует больших затрат времени и сил по сравнению с другими формами тестовых заданий. В частности, нахождение правдоподобных дистракторов требует высокой квалификации разработчиков.

В используемых сегодня КИМ ЕГЭ задания части А в основном направлены на фактуальные знания, а достижение учебных целей более высокого уровня почти не проверяется. Анализ спецификаций, кодификаторов и демоверсий КИМ показывает, что в некоторых предметах наблюдается сильный перекос в сторону фактологии. При таком соотношении сложно не признать справедливость критики ЕГЭ в тех пунктах, что касаются натаскивания на решение конкретных фактологических задач, не имеющих отношения ни к реальной жизни, ни к будущему обучению в вузе (если оно предполагается) …. Задания с выбором ответа играют очень важную роль, и их надо не убирать, а менять таким образом, чтобы максимально раскрыть их оценочный потенциал»[1].

Очевидно, что волевые и спорные решения, кажущиеся сейчас популярными для спасения научно несостоявшегося ЕГЭ, отбрасывают страну назад от образовательных технологий. В сочетании с отсутствием научных дискуссий, привычным засекречиванием реальных статистических результатов и субъективированным ступенчатым шкалированием данных ЕГЭ, такие решения представляют собой слишком шаткую основу развитию образования в стране.

Отличие реформ от модернизаций

Отличие реформ от модернизаций заключается в том, что реформы организуются и управляются сверху, властными органами, в то время как модернизации осуществляются всеми возможными силами – профессионалами, гражданами, обществом и органами управления страной.

По мнению многих авторов, учёных и педагогов, ненаучные бюрократические реформы, вместо предполагавшегося улучшения, по сути, разрушают российскую образовательную систему. Но этих авторов бюрократия либо не слышит, либо не способна слышать. Либо делает вид, что не слышит. А это очень плохо для становления единства нации – главного фактора успешного противостояния усиливающемуся давлению извне. Отсюда можно сделать вывод о своего рода неадекватности сложившейся в последние годы образовательной власти изменившимся условиям жизни.

[1] Ключевые вопросы развития национальных и региональных систем оценки качества образования … Колл. моногр. / В.А. Болотов, И.А. Вальдман, Р.В. Горбовский и др. Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд-во Высш. школы экономики, 2016. – С. 130–131.

Модернизация образования

Если принять определение, что реформа – это преобразование, переустройство, которые обычно инициируется сверху правительством, то модернизацию можно определить как приведение сферы образования к современным требованиям личности, граждан, общества и государства. Поэтому модернизация обычно проводится в жизнь именно так – гражданами, обществом и государством.

При модернизации нужны:

– общественная составляющая и всенародная поддержка;

– развивающаяся экономика страны и самого образования;

– обновление содержания и деление его на уровни;

– новые методы обучения и самостоятельного изучения;

– техническое, технологическое и программное оснащение образовательного процесса;

– переподготовка педагогических кадров[1].

Вот почему подлинная модернизация важнее и эффективнее реформ. Такая модернизация случилась только один раз, в предвоенный период. И она продолжает приводить в изумление многих исследователей. Например, в недавно опубликованной статье[2] приводится диалог между нашим известным военным специалистом, генерал-полковником Л. Ивашовым и отставным министром обороны У. Перри, в котором последний заявил: «Мне непонятен период с 1921-го по 1941 год. Ваша страна совершила такой рывок как ни один народ в истории человечества»[3]

Ускоренное развитие науки и народного образования – ведущие факторы успешной модернизации страны

Анализ периода развития СССР до 1941 года указывает на общие ведущие факторы успеха – опережающее развитие науки и народного образования. В СССР того периода учился каждый, кто мог и кто хотел учиться. Некоторые сотрудники научных институтов не успевали даже закончить обучение в вузах, но это не помешало им потом стать действительными членами АН СССР, поскольку они были очень востребованы в развитии науки того времени.

Не было, естественно, и такого бизнес-проекта как некачественный и необъективный ЕГЭ[4]. Как не было и господства ведомственных интересов чиновников над Академией наук и общегосударственными интересами. Что дало необходимые стартовые условия для совершения того рывка в предвоенном развитии страны, о котором сказал У. Перри.

Два варианта модернизации

Сазонов Б.В. выделяет два варианта модернизации – т.н. догоняющей и опережающей другие страны. Он делает такой вывод: «Подлинная модернизация состоит не в том, чтобы догнать и воспроизвести определенный (сегодняшний) уровень организации образования в этих странах, а в том, чтобы освоить инновационные механизмы развития производства и общества в целом, включая систему образования»[5].

Объяснение вопросу возможности или невозможности подлинной модернизации образования в России можно найти в работе А.Ф. Поломошнова. «Модернизированное образование невозможно, если нет модернизированной экономики и пока её не будет, модернизировать образование невозможно. Получается замкнутый круг или логический тупик. Выход из него состоит в том, чтобы поставить проблему иначе: нужно вести речь не об опережающей модернизации системы образования или социально-экономической системы страны, а об одновременной и согласованной их модернизации, чтобы они друг другу соответствовали и соответствовали реальному потенциалу страны и ее интересам, обеспечивали рост могущества страны и ее конкурентоспособность». И далее он делает такой вывод: образование не может не соответствовать существующей системе. Деградационная социально-экономическая система, выстроенная реформаторами, ведет неизбежно к деградации образования. Здесь цитируемый автор ссылается на собственный диагноз, сделанный им в 2010 году. О том, что конструктивная модернизация высшего образования в современных условиях, существующих в стране, и при современных административно- принудительных методах, невозможна[6]. И он прав.

Новый рывок пока маловероятен

Действительно, сейчас, несмотря на возрастающую актуальность, рывок в развитии науки и образования России либо невозможен, либо маловероятен. Если страна не преобразится существенным образом. Среди главных причин такой невозможности – фактическое исчезновение в России идей и практики народного образования, проблемы с управлением страной, образованием и с развитием науки.

---

[1] Аванесов В.С. Модернизация образования или реформа – что важнее? – http://viperson.ru/articles/modernizatsiya-obrazovaniya-ili-reforma-chto-vazhnee

[2] Аванесов В.С. О проблемах развития образования и науки. – http://viperson.ru/articles/o-problemah-razvitiya-obrazovaniya-i-nauki

[3] Цитата из статьи: Ивашов Л. В Нью-Йорке очень боятся отставки Медведева. 26 авг. 2017 года. – https://izborsk-club.ru/13812

[4] Александрова А. Кто заработает на ЕГЭ? – http://news-24h.ru/obshchestvo/kto-zarabotaet-na-egye.html

[5] Сазонов Б.В. Проблемы и пути модернизации российского образования. – http://www.fondgp.ru/

[6] Поломошнов А.Ф. См. с. 9 в монографии: «Модернизация российского образования: проблемы курса: монография /А.Ф. Поломошнов и др. Под. общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – Пос. Персиановский: Изд-во Донского Гос. Аграрного университета, 2015.

В стране вместо прогрессивной государственной образовательной политики всё ещё господствуют субъективизм, жалкие остатки псевдолиберальной ведомственной образовательной политики, со всеми вытекающими из этого недостатками. И всё это – вместо решения главных проблем современной организации учебной деятельности.

Стратегия

В самом общем виде стратегию можно определить как искусство и науку достижения желаемых результатов. Такие результаты – это заранее сформулированные цели и решённые задачи. Таким образом, стратегия представляет искусство и науку достижения сформулированных целей и решения нужных задач. Отсюда становится понятной ведущая роль правильного формулирования целей и задач для оценки качества стратегии. В условиях фактического отсутствия чётко определённых целей и задач образовательной деятельности Российского государства, любая озвученная стратегия неизбежно теряет в конкретике и эффективности. В данном докладе принимается такое определение: стратегия – это учение о лучшем употреблении всех сил и средств, в соответствии с целями развития образования большинства населения страны.

Достижение целей может быть обеспечено различными затратами сил и ресурсов. Естественным образом возникает вопрос об эффективной стратегии, которая характеризуется получением максимально возможных результатов при минимальных затратах ресурсов, времени и сил. В противоположность этому ведомственная образовательная стратегия заинтересована в получении от государства максимальных ресурсов на свою деятельность. Но именно этот своевольный интерес обрекает ведомственную образовательную стратегию на неэффективность. При отсутствии подлинного общественного контроля за результатами ведомственной образовательной деятельности такая стратегия обречена быть не только затратной, но и некачественной.

Главный смысл образовательной стратегии – определение форм и методов перехода из нынешнего состояния системы образования в другое, желаемое качественное состояние.

Главные вопросы образовательной стратегии – это уяснение и эффективное выполнение поставленных целей и задач. Для этого требуется поиск ответов на сопряжённые вопросы – как, какими формами, методами и средствами можно добиться выполнения поставленных целей?

Затем следует этап оценки вероятной эффективности (неэффективности) выбираемых форм и методов достижения целей, на основе которого отбираются наиболее подходящие средства. И, наконец, проводятся оценки качества принимаемых решений и методов. Вся эта работа должна проводиться гласно. Но со времён руководства М. Горбачёва заметно исчезла и гласность принимаемых решений.

Мнение А.И. Подберёзкина

Как справедливо отмечает доктор исторических наук, профессор МГИМО, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей» А.И. Подберёзкин, Минобрнауки считает нужным сократить количество вузов под предлогом повышения качества. Но качество подготовки в институтах не может быть одинаковым. Невозможно добиться того, чтобы в региональных университетах готовили так же, как в Физтехе. Стране нужны специалисты разного уровня. А потому принципиально ошибочно сокращать приём в вузы. В будущей экономике знаний высшее образование должно быть не только всеобщим, но и обязательным. Вот почему должен быть принят план выхода на этот рубеж к 2020–2025 году[1]

Логика А.И. Подберёзкина подтверждается практикой быстро развивающихся стран, где число студентов и вузов увеличивается, а не уменьшается, как у нас. Что касается качества образования, то при умелом руководстве оно достигается не сокращением вузов, а современной организацией учебного процесса. Это как раз то, чем министерство образования и науки либо занимается недостаточно, либо не занимается совсем. Неопределённость данного суждения связана с отсутствием научно-состоятельных публикаций министерских отчётов, на которые можно было бы сослаться. В советское время Госкомитет СССР по высшей школе создавал бригады из ведущих профессоров, которые приезжали в проблемные вузы и там передавали свой опыт работы. Сейчас таких бригад тоже нет.

Новая образовательная стратегия

Содержание новой образовательной стратегии образуют идеи, формы и методы достижения такого уровня подготовленности личности каждого гражданина, который позволяет стране сохранять свой язык, свою культуру, территорию и социальную общность, развивать потенциал нации и общества на уровне текущих и предстоящих требований.

Образование теперь не сводится к воспитанию и обучению личности одним только государством, роль которого в управлении сильно преувеличена образовательным ведомством. Воспитание общественным воздействием не менее важно. Анализ современных тенденций общественного развития свидетельствует о необходимости расширения общественного участия в управлении образованием на всех его уровнях. Реальная готовность общественности к такой деятельности и имеющийся опыт её работы в регионах РФ даёт основания говорить о возможности эффективного влияния общественности на решение проблем образования.

Эффективная стратегия развития образования в РФ может быть осуществлена при условии:

– формирования эффективной государственной образовательной политики;

[1] Подберёзкин А.И. Эффективная элита, образование и наука. – http://viperson.ru/wind.php?ID=526634

– создания новых форм усиления партнёрства учащихся (студентов), их родителей, образовательных учреждений, общественных организаций и государства;

– перехода к общественно-государственной форме управления образованием.

Методы обновления образовательной деятельности

Эффективность рассмотренных в статье форм образовательной деятельности зависит не только содержания, которое в этой статье не рассматривалось, но и от методов. В дополнение к известным в педагогике традиционным методам, здесь можно кратко упомянуть современные технологичные методы обновления образовательной деятельности. Например, такие как качественные задания в тестовой форме и тесты, которые не следует путать с порочными т.н. «тестами ЕГЭ». Затем можно назвать адаптивное обучение и адаптивный тестовый контроль, квантованные учебные тексты с заданиями в тестовой форме. Кроме того, супертест, мониторинг, рейтинг, технологические системы управления самостоятельной работой школьников и студентов, а также технологическая система коррекции знаний учащихся и студентов[1].

Ошибочный антитестовый тренд, проводимый руководством Минобрнауки и Рособрнадзора, стал существенной помехой для развития методов педагогических измерений в стране. В России уже резко сократилось число авторов, пишущих по данной проблеме, а те, кто ещё пишут, не видят в проводимой образовательной политике позитивных перспектив.

[1] Аванесов В.С. Применение образовательных технологий и педагогических измерений для модернизации образования. – http://viperson.ru/articles/vadim-avanesov-primenenie-obrazovatelnyh-tehnologiy-i-pedagogicheskih-izmereniy-dlya-modernizatsii-obrazovaniya

Анисимова А.Э.
к. культурологии, ученый секретарь ВИНИТИ РАН
uchsekr@viniti.ru
Гагельстром А.О.
аспирант ИНИОН РАН
alisaasila@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА И ВЫБОР БУДУЩЕЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ[1]

Ключевые слова*: абитуриенты, перспективная специальность, актуальная вакансия, рынок труда, высшее образование, человеческий капитал, заработная плата, плата за обучение.*
Keywords*: graduates, jobs for future, deficient vacancy, jobs market, higher education, human capital, salary, education fees.*

Перед современными абитуриентами стоит сложная задача – выбрать интересную специальность, которая будет не только по душе, но и спустя 5 лет будет востребованной и актуальной. В наше динамично меняющееся время – это задача непростая. Во-первых, современные реалии позволяют нам попробовать себя в разных сферах, у человека часто меняются интересы, предпочтения. Сейчас существует огромное множество методик, позволяющих личности определиться в плане профессиональной ориентации (тестирования, анкетирования и т.д.)[2]. Но личные предпочтения и способности человека – не единственная сторона медали при выборе профессионального пути. Будущая специальность, безусловно, должна обеспечить человеку достойный уровень жизни в будущем, это вопрос заработной платы, востребованности специальности на рынке труда. Результаты исследования, представленные в данной статье, позволят помочь в выборе наиболее перспективной специальности и оценить, как изменились перспективы трудоустройства для ряда специальностей (табл. 1).

Таблица 1

Экономическая выгода и перспективы трудоустройства для ряда специальностей, по данным hh

№	Название специальности	2016 г.		2017 г.		2016 г.		2017 г.		Окупаемость обучения		Востребованность на рынке труда	
		Уровень з/п	Стоимость обучения	Уровень з/п	Стоимость обучения	Кол-во факультетов в Москве	Кол-во рабочих мест	Кол-во факультетов в Москве	Кол-во рабочих мест	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Архитектор	3	1	3	3	1	2	1	2	+		+	+
	Инженер по телеком муникациям и связи	–	1	2	2	1	–	1	1				
	Инженер по технике безопасности	1	1	1	1	1	1	1	1				
	Инженер-конструктор	1	1	2	2	1	2	2	1			+	–
	Инженер-строитель	2	1	2	2	1	1	1	1	+			
	Инженер-технолог по качеству	–	1		2	1	–	1	1				
	Инженер-электрик	1	1	1	2	1	1	1	1		–		
	Инженер-энергетик	2	1	1	2	1	1	1	1	+	–		
	Ландшафтный дизайнер	1	2	1	2	1	1	1	1	–	-		

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-33-01023.
[2] Диагностика профессионального самоопределения: учеб.-метод. пособие / Сост. Я.С. Сунцова. Ч. 2. – Ижевск: Удмуртский университет, 2011. – 142 с.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2	Журналист	1	1	1	3	1	1	2	1		–		–
	Искусствовед	1	2	1	2	1	1	1	1	-	–		
	Переводчик	1	1	1	2	1	1	1	1		–		
	Психолог	1	1	1	1	1	1	3	1				–
	Психотерапевт	–	1	3	1	1	–	3	1		+		–
	Юрист	1	1	1	1	3	3	3	3				
3	Врач	2	3	2	3	1	3	1	3	–	–	+	+
	Стоматолог	2	3	1	3	1	1	1	1	–	–		
4	SEO специалист	2	–	1	1	1	1	1	1				
	Графический дизайнер	1	2	1	3	1	1	1	1	–	–		
	Контент-менеджер	1	1	1	3	2	2	3	1		–		–
	Программист	3	1	3	2	2	3	3	3	+	+	+	
	Системный администратор	1	1	1	1	1	2	1	2			+	+
	Специалист по защите информации	–	2	2	1	1	–	2	1		+		–
5	Технолог пищевого производства	3	1	2	1	1	1	1	1	+	+		
	Химик-технолог	2	2	3	2	1	1	1	1		+		
6	Логист	1	1	1	3	1	2	1	1		–	+	
	Маркетолог	1	1	2	3	1	3	1	3		–	+	
	Менеджер	2	1	2	2	1	3	2	3	+		+	+
	Менеджер гостиничного и рест. дела	2	1	1	1	1	1	1	1	+			
	Менеджер по закупкам	2	1	1	3	1	3	1	1	+	–	+	
	Менеджер по инновациям	–	1	3	1	1	–	1	1		+		
	Менеджер по персоналу	1	1	1	2	1	3	2	3		–	+	+
	Менеджер по продажам	3	1	3	2	2	3	3	3	+	+	+	
	Менеджер по туризму	1	1	2	1	1	2	2	1		+	+	–
	Налоговый консультант	3	–	3	1	1	1	1	1		+		
	Финансовый менеджер	2	3	2	3	1	1	1	1	–	–		
	Спец. по гос. и муницип. управлению	–	1	–	2	2	–	3	1				–
	Таможенник	2	1	–	2	1	1	1	–	+			
	Экономист	1	1	1	1	2	3	3	2			+	–
7	Авиаинженер	1	1	3	2	1	1	1	1		+		
	Ветеринар	1	1	1	2	1	1	1	1		–		
	Геолог	3	2	3	2	1	1	1	1	+	+		
	Дизайн одежды	1	1	2	2	1	1	1	1				
	Нанотехнолог	–	1		2	1	–	1					
	Педагог	1	1	1	1	1	1	2	2				
	Политтехнолог	–	3		3	1	–	1					
	Режиссер	1	1	2	3	1	1	1	1		–		
	Системный аналитик	3	1	3	3	3	1	3	1	+		–	-
	Социолог	–	1	2	2	1	–	1	1				
	Эколог	1	2	1	2	1	1	2	1	–	-		–

№ 1 – Архитектура и строительство; № 2 – Гуманитарные специальности; № 3 – Здравоохранение; № 4 – Информатика и вычислительная техника; № 5 – Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров; № 6 – Экономика и управление; № 7 – Специальности, не вошедшие в классификацию по группам.

Далеко не каждый абитуриент может получить образование на бюджетной основе, многим приходится оплачивать обучение за счет личных средств. По данным Высшей школы экономики, в 2017 г. стоимость платного образования возросла в среднем на 16%, при этом спрос на платное образование остался неизменным[1]. Но, наверняка, перед каждым студентом, которому предстоит обучаться на платной основе, встает вопрос, а как быстро окупится полученное образование? Мы предлагаем сопоставить данные, приведенные в столбике Стоимость обучения по специальности и Уровень заработной платы, результаты представлены в колонке Окупаемость затрат на обучение. Наиболее благоприятной ситуацией является превышение уровня заработной платы по отношению к уровню относительной стоимости образования. Те специальности, напротив которых стоит «+», являются наиболее быстро окупаемыми при трудоустройстве молодого специалиста. Затраты на обучение по специальностям, которым соответствует «-», слишком высоки с учетом уровня заработной платы специалиста, имеющего данную профессию. Так, например, можно отметить, что обучение по медицинским специальностям (врач, стоматолог), являлось дорогим как в 2016, так и в 2017 г., в то время как уровень заработной платы специалиста – средний по экономике страны.

Также важно, насколько специальность является востребованной на рынке труда. Для этого мы сравнили соотношение количества рабочих мест и числа факультетов в г. Москве, которые выпускают специалистов по данному направлению. Ситуация, когда спрос превышает предложение, называется дефицитом. Для выпускника вуза выгодно иметь уникальную, редкую, но при этом востребованную специальность, так сказать «дефицитную» для рынка труда профессию. В таком случае, специалист будет претендовать не только на высокую заработную плату, но при этом сможет выбирать наиболее оптимальный для себя вариант трудоустройства по другим, нематериальным параметрам (приближенность места работы к дому, привлекательная корпоративная политика компании, социальный пакет и т.д.).

В рассматриваемом перечне специальностей к дефицитным можно отнести профессию врача. На сегодняшний день, врачи требуются повсеместно, и мы наблюдаем высокий спрос на данных специалистов притом, что в Москве, как, впрочем, и в других городах России, подготовку по направлению «Лечебное дело» ведут всего несколько вузов, в основном это профильные образовательные организации высшего профессионального образования. Но в силу малого числа факультетов и цена на обучение из года в год является высокой.

Противоположная тенденция просматривается с системными аналитиками. При достаточно быстрой окупаемости платного обучения, специальность на протяжении нескольких лет является «избыточной», так как объем предложения со стороны системы высшего образования превышает объем спроса на рынке труда.

В перечне специальностей, которые были выбраны нами для проведения исследования, можно выделить несколько групп. Опираясь на Общероссийский классификатор специальностей по образованию, мы выделим следующие группы специальностей (табл. 2).

Важно отметить, что данные, приведенные в табл. 2, представлены в несколько обобщенном виде, не все специальности в группе, которые мы относим к наиболее экономически выгодным, или, наоборот, имеют средний уровень экономической привлекательности, полностью относятся к таковым. Мы делали своё заключение исходя из того, какие перемены происходили за рассматриваемый период (2016–2017 г.) с большинством специальностей и уже на основании этого относили группу специальностей к более или менее удачным, несмотря на то, что в каждой группе есть свои исключения.

Таблица 2

Основные группы специальностей в российской экономике

Степень экономической привлекательности групп специальностей	Наименование групп специальностей		
Наиболее выгодные	Экономика и управление	Информатика и вычислительная техника:	Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров
Наименее выгодные	Гуманитарные специальности	Например, системный аналитик, эколог, ветеринар	
Средний уровень	Архитектура и строительство	Здравоохранение	Например, дизайн одежды, политтехнолог, режиссер, социолог, нанотехнолог, педагог, авиаинженер, геолог

Сравнивая показатели 2016 и 2017 гг., можно заключить, что в 2016 г. список экономически выгодных специальностей был длиннее. В 2017 г. к специальностям с наиболее высокой степенью экономической привлекательности мы смогли отнести три группы профессий. К специальностям из группы «экономика и управление» относится целый блок менеджериальных профессий. Именно за счет этих специальностей, группу можно отнести к категории «экономически выгодные». На протяжении двух лет, менеджеры являются востребованными на рынке труда. Особенно среди менеджериальных специальностей можно выделить менеджера по инновациям и менеджера по продажам. Можно отметить, что по сравнению с 2016 г., повысилась скорость окупаемости образования по специальности налоговый консультант, в то время как обучение по таким специальностям как логист, маркетолог, наоборот, стало менее экономически выгодным.

По-прежнему рынок испытывает дефицит в программистах и специалистах по защите информации.

[1] Результаты приёма в вузы в 2016 и 2017 годах. Данные собраны и систематизированы Высшей школой экономики. – https://education.yandex.ru/universities/2017

Технологи продовольственных продуктов и потребительских товаров являются востребованными специалистами. Обучение на платной основе быстро оправдает себя, поэтому данный блок специальностей можно отнести к экономически выгодным и актуальным.

Специалисты, имеющие гуманитарные специальности, стали менее востребованными на рынке труда по сравнению с 2016 г. По многим направлениям возросла стоимость обучения притом, что заметного роста заработной платы мы не наблюдаем. Соответственно данную группу специальностей можно отнести к наименее выгодным, впрочем, как и некоторые специальности, которые мы не обобщили в отдельную группу (системный аналитик, эколог, ветеринар).

Инженерные специальности перестали заметно выделяться на фоне других, а некоторые из них стали экономически невыгодными из-за завышенных цен на образование (например, инженер-электрик и инженер-энергетик). Профессия архитектора на протяжении нескольких лет является востребованной на рынке труда и экономически перспективной, хотя экономическая выгода от работы по этой специальности в 2017 г. несколько снизилась по сравнению с 2016 г.

Можно заключить, что медицинские специальности, как и ряд других, которые не представлены определенной группой (дизайн одежды, политтехнолог, режиссер, социолог, нанотехнолог, педагог, авиаинженер, геолог), относятся к специальностям со средним уровнем экономической привлекательности.

Не исключено, что со временем положение групп специальностей в плане перспективности, актуальности и экономической целесообразности обучения по данным направлениям будет меняться. На это могут повлиять разные факторы, в том числе и государственная политика, которая диктует свои требования в плане подготовки специалистов высшего профессионального образования. Те тенденции, которые отмечены в рамках данного исследования, хорошо характеризуют ситуацию на рынке труда и могут быть подспорьем современному абитуриенту.

Белокрылова О.С.[1]

ВУЗОВСКАЯ НАУКА: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ В ОРГАНИЗАЦИИ[2]

***Ключевые слова**: 4-я промышленная революция, научные исследования, научные и образовательные критерии, параметрические критерии, научная школа, колаборация.*

***Keywords**: 4.0 industry, scientific researches, scientific and educational criteries, parametric criteries, scientific school, Collaboration.*

В условиях развертывания 4-й промышленной революции[3] четко выявляется сокращение жизненного цикла инноваций, что обусловливает необходимость их непрерывного внедрения в хозяйственный и образовательный процесс и ставит перед работниками вузов задачу формирования развитых исследовательских и педагогических компетенций. Это объективно детерминирует гетерогенизацию вузовской занятости по содержанию и формам, в частности, сочетание научно-исследовательской деятельности с образовательной в структуре рабочего времени научно-педагогических работников вузов. Анализ Всемирного рейтинга университетов Times Higher Education в 2018 г. (рис. 1) показывает, что у ТОП-200 вузов в рейтинге в структуре репутационного ресурса доминируют такие наиболее важные показатели деятельности, как «исследовательская активность»[4] преподавателей вузов, которая определяется участием научно-педагогических кадров (НПР) в проведении исследований и качеством этих исследований, и «влияние исследований», который определяется объемами цитирований опубликованных учеными вуза работ. Так, параметрический показатель «Образование» у университетов, входящих в ТОП, в 2017 г. составил 56,3; «Исследования» – 63,7; «Цитирование» – 100,0; «Доход от промышленности» – 76; «Интернационализация» – 99,8. Следовательно, соотношение результативности образовательной и научно-исследовательской деятельности университетов-топов составляет 1:3. При этом анализ профиля Южного федерального университета (ЮФУ) в Times Higher Education, 2017 показывает, что эти параметрические показатели составляют, соответственно, 22,4; 8,2; 14,8; 39,2; 23,4, т.е. соотношение результативности образовательной и научно-исследовательской деятельности ЮФУ составляет 1:1,02.

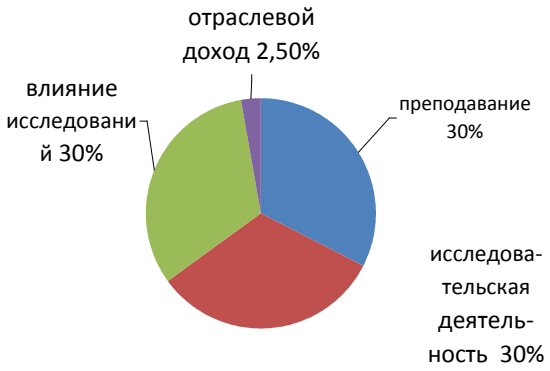


Рисунок 1.
Критериальные показатели Всемирного рейтинга университетов Times Higher Education[5]

---

[1] Белокрылова Ольга Спиридоновна – д.э.н., Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической теории экономического факультета ЮФУ. E-mail: obelokrylov@sfedu.ru

[2] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-010-00871 «Разработка инструментария оценки и стимулирования качества публичных закупок: концептуальные основания и методические подходы».

[3] Industrie 4.0 in Produktion. Automatisierung und Logistik / Ed. by Bauernhansl T., Hompel M. ten, Vogel-Heuser B. – Wiesbaden: Springer, 2014.

[4] Романовская И.А. Развитие инновационной позиции преподавателя высшей школы в процессе организационного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 2. – С. 323; Роль исследовательской деятельности в университете. Круглый стол // Вопросы образования. 2007. – № 4. – С. 181–200.

[5] Составлено по: World University Rankings 2018: now starring a cast of thousands. – https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings-2018-now-starring-cast-thousands

Конечно, эти общепринятые рейтинговые показатели результативности научной деятельности являются относительно новыми критериями оценки эффективности работы вузов России, поскольку в Национальном рейтинге университетов России еще в 2013 г. показатель «Исследования» включал 6 параметров, а показатель «Образование» – 15. Но в 2017 г. в соотношении научных и образовательных критериев в оценке вузов стали доминировать параметрические показатели научно-исследовательской деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Параметрические показатели оценки деятельности университетов в сферах «Образование» и «Исследования» в Национальном рейтинге университетов России, 2017 г.[1]

№ п/п	Показатель «Образование»	Вес, %	Показатель «Исследования»	Вес, %
1	Спектр реализуемых образовательных программ 1 уровня массовой подготовки кадров высокой квалификации (Б и С)	20	Спектр реализуемых вузом образовательных программ (ОП) 2 и 3 уровней подготовки исследовательских кадров высшей квалификации (магистров, аспирантов, докторантов)	20
2	Качество абитуриентов	10	Вклад вуза в формирование научно-образовательной элиты страны.	10
3	НПР с учеными степенями	10	Суперкомпьютеры	10
4	Стоимость образовательных услуг вуза в 2016 г.	15	Научная продуктивность авторов Университета по данным международной наукометрии в 2016 г.	15
5	Организация практики	15	Цитируемость статей авторов Университета по данным международной наукометрии на конец 2016 г.	15
6	Работа с школами и школьниками	10	Научная продуктивность авторов Университета по данным национальной наукометрии на конец 2016 г.	10
7		10	Цитируемость статей авторов Университета по данным национальной наукометрии на конец 2016 г.	10
8		10	Финансирование НИОКР в 2016 году	10

Статистические показатели по исследовательской активности теперь подтверждают эту картину. Доля персонала, занятого исследованиями и разработками в вузах России, в 1990-е годы резко сокращалась – с почти 109 тыс. в 1990, до менее 31 110 чел. в 2000 г., то есть более чем 3,5 раза. Затем эта тенденция сменилась относительно плавным ростом, и в 2015 г. численность персонала, занимающегося исследованиями в вузах, составила 60 151 чел., увеличившись по сравнению с 2000 г. почти в 2 раза и составив 8,6% общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками в России, в т.ч. 12,1% численности собственно исследователей страны (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности персонала в сфере исследований и разработок в секторе высшего образования (чел.)[2]

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего	52 065	40 787	43 500	53 290	59 454	59 469	59 247	62 400	63 870
Образовательные организации высшего образования	40 015	31 110	33 942	46 776	53 944	53 699	54 092	58 573	60 151
Научно-исследовательские институты (центры)	9458	7254	7021	4796	3904	3070	2864	2049	2092
Конструкторские, проектно-конструкторские организации	2170	2198	1991	1392	1197	1830	1502	1408	1121
Прочие организации	399	221	546	324	401	861	775	369	506

Данные табл. 2 отражают в целом более высокую динамику высшего образования в последние 15 лет по сравнению с другими секторами отечественной науки. Так, внутренние затраты российских вузов на исследования и разработки в 2000–2015 гг. в среднем возрастали на 10% в год, а численность ученых – на 4,1% при более низкой динамике этих показателей для науки в России в среднем: соответственно 4,7 и 1,2%. Поэтому общие затраты российских вузов на научные исследования в 2015 г. выросли в 4,2 раза – до 87,7 млрд. руб. Доля сектора высшего образования за 15 лет увеличилась с 4,5 до 9,6%, а число вузов и их филиалов – с 526 до 1124. Но научные исследования осуществляют лишь 75,1% российских вузов, в т.ч. Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) (табл. 3).

Как показывают данные, представленные в табл. 3, за 5 лет (2012–2016 гг.) объемы финансирования исследований и разработок в Южном федеральном университете увеличились почти в полтора раза.

[1] Методика и процедуры формирования Национального рейтинга университетов (НРУ2017). – http://unirating.ru/txt.asp?rbr=30&txt=Rbr30Text9318&lng=0

[2] Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 173.

Таблица 3

Объемы исследований и разработок в Южном федеральном университете (2012 и 2016 гг.)

Направление науки и образования	2012, млн. руб.	2016, млн. руб.
Естественнонаучное и физико-математическое	381,47	551
Инженерное	604,3	881,7
Гуманитарное и социально- экономическое	57,13	96,9
В области архитектуры и искусств	7,7	9,22
ВСЕГО	1060	1 574,82
Объем финансирования НИР в расчете на 1 научно-педагогического работника (тыс. руб./год)	352	564,76

Современной формой организации научной деятельности в вузах является относительно недавно формализованный институт «научная школа». Безусловно, эта категория использовалась практически всегда в российской науке: «В России начало научной работе было положено правительством Петра, исходившего из глубокого понимания государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себе почву в общественном сознании и не прерывалась в те долгие десятилетия, когда иссякла государственная поддержка научного творчества… Она создавалась при этом интеллигенцией страны, создавалась их личным усилием, по личной инициативе или путем образуемых ими организаций…»[1]. При этом понятие «научная школа» неформально использовалось как для идентификации сложившихся направлений исследований, прежде всего, в естественных науках, так и в научной литературе[2], но к настоящему времени отсутствует его четкая дефиниальная определенность и в Федеральных законах от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» и «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2017 № 473-ФЗ), и в научных исследованиях и публикациях. Исключением является определение «ведущей научной школы» как сложившегося коллектива «исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров и иметь в своем составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей»[3].

Традиционно в качестве научной школы идентифицируется институционально формализированное объединение ученых (научно-образовательные организации различного статуса – университет, кафедра, факультет, научно-исследовательский институт, лаборатория) или неформальный исследовательский (творческий) коллектив, за рубежом характеризуемый как коллаборация[4], зачастую не имеющий формальной принадлежности к какому-либо структурному подразделению университета или научно-исследовательского института.

На основе проведения анализа предметно-содержательных характеристик научная школа определяется нами как научный коллектив, объединённый организационно конкретной проблематикой исследования, общей системой взглядов, интересов и традиций, руководитель которого на регулярной основе осуществляет подготовку кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук), тем самым обеспечивая, с одной стороны, межпоколенное воспроизводство исследовательской группы, а с другой – развитие и рост результативности российской науки в целом. К существенным признакам научной школы, на наш взгляд, относятся:

– разработка и представление на всех уровнях – от студенческих работ до докторских диссертаций, на конференциях, в публикациях – основополагающих для данной научной школы концептуальных идей и подходов;

– коллективное изучение крупномасштабной научной проблемы, недоступной для решения одним ученым;

– подготовка молодых ученых в целях систематического воспроизводства научного коллектива.

В соответствии с «Положением о научных школах Южного федерального университета» целью деятельности научных школ ЮФУ является определение и реализация научных направлений, в которых университет может рассматриваться как один из признанных лидеров, для позиционирования в российском и мировом научных сообществах и формирования имиджа университета как ведущего научно-образовательного и инновационного университета. В «Положении» определены следующие критерии (признаки существования) научных школ:

1. Наличие основателя школы – лидера, крупного ученого, выдвинувшего оригинальные идеи (парадигму), получившие признание и привлекающие последователей-учеников, обладающего педагогическим мастерством и личным авторитетом, определяющего общую программу исследований и подходы к изучаемым проблемам, обеспечивающего сохранение и постоянное пополнение коллектива способными к самостоятельному поиску последователями, разделяющими ценности и традиции школы.

2. Сохранение в научной школе атмосферы творчества, общей программы исследований: адхократическая (adventitious against the odds) организационная культура управления и общения, ориентированная на достижение результатов.

---

[1] Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 65.

[2] Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011; Альтшулер Н.С., Ларионов А.Л. Казанская физическая школа: Выпускники КГУ тридцатых годов XX века – создатели новых научных направлений // Научный Татарстан. 2002. – № 3/4. – С. 36–44; Антонов А.Н. Роль научной школы в профессиональном и коммунистическом воспитании молодых ученых // Актуальные проблемы коммунистического воспитания молодой инженерно-технической и научной интеллигенции. – М., 1985. – Вып. 2. – С. 39–42.

[3] Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 года № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» (в ред. от 25.05.2016 № 464).

[4] Echavarria M. Enabling Collaboration – Achieving Success Through Strategic Alliances and Partnerships. LID Publishing Inc., 2015.

3. Преемственность научных направлений и традиций школы, по меньшей мере, в трех поколениях исследователей.

В качестве функционала научной школы нами выделены следующие структурные составляющие:

– реализация научных исследований в наиболее перспективных направлениях развития науки;

– осуществление теоретических и прикладных научных исследований в определенной сфере;

– признание авторитетности, научного статуса, теоретической и практической результативности школы научным сообществом;

– презентация достигнутых результатов в ведущих изданиях и на конференциях всероссийского и международного уровня;

– систематическая подготовка кадров высшей квалификации (докторов и кандидатов наук);

– отражение полученных результатов в учебниках и учебных пособиях в России и за рубежом.

Указанным критериям и функционалу соответствуют 11 ведущих научных школ и 44 научные школы, возглавляемые ведущими учеными ЮФУ. В качестве показателей оценки результативности (эффективности) деятельности научной школы в ЮФУ используются:

– наличие научных наград, почетных и академических званий (кроме общественных академий) у членов школы;

– участие в работе диссертационных, редакционных, научно-технических, экспертных советов, редколлегий журналов и других общественно-научных органов, прежде всего, региона;

– проведение на базе научной школы каждые 5 лет всероссийских и международных конференций, симпозиумов, конгрессов;

– наличие аспирантуры, докторантуры по профилю научной школы.

В целях повышения эффективности деятельности научных школ, например, экономического факультета ЮФУ, которые формируют его уникальный научный бренд, на наш взгляд, целесообразно:

– стимулировать развитие научных школ факультета на основе систематического аудита направлений их развития и поддержки приоритетных направлений научных исследований;

– расширить внутреннюю финансовую (грантовую) поддержку научных школ на конкурсной основе на уровне университета и факультета;

– при избрании руководителей научных школ по конкурсу на вакантные должности устанавливать максимальный срок эффективного контракта (5 лет), обеспечивающий необходимый горизонт реализации стратегии развития школы и непрерывности процесса подготовки научных кадров;

– при формировании сети автономных диссертационных советов ЮФУ расширить диапазон возможностей аттестационной системы, обеспечив подготовку и аттестацию научных кадров по всем научным специальностям в формате предметных областей ведущих научных школ;

– институционально закрепить за факультетом право подготовки научных кадров через докторантуру;

– уточнить и минимизировать показатели оценки результативности деятельности научных школ в целях снижения уровня бюрократического воздействия на сугубо творческий научный процесс.

Реализация предложенной системы мер обеспечит достижение стратегических показателей развития научных исследований в ЮФУ (табл. 4).

Таблица 4

Основные показатели стратегии развития вузовской науки в ЮФУ

	2016 г.	2021 г.
Доля магистрантов и аспирантов в общей численности обучающихся, %	26,3	28
Объем исследований по заказам предприятий реального сектора экономики, млн руб.	682	1050
Число публикаций на 100 НПР, WoS[28]	28	22
Число публикаций на 100 НПР, Scopus[36]	36	47
Количество цитирований на 100 НПР, WoS[228]	228	170
Количество цитирований на 100 НПР, Scopus[270]	270	183

Достижению этих стратегических показателей развития научной деятельности НПР ЮФУ будет способствовать реализация следующей системы мер:

– совершенствование системы тематического планирования исследований в аспирантуре и докторантуре в соответствии с направлениями исследований научных школ, отражающих приоритетные направления развития науки, технологий и техники;

– определение приоритетов повышения публикационной активности;

– реализация комплекса инструментов по обеспечению качества публикаций научных результатов;

– разработка комплекса мер по повышению эффективности управления интеллектуальной собственностью, включая механизмы капитализации накопленных интеллектуальных результатов;

– конвергенция проводимых исследований;

– оценка и продвижение на международном рынке результатов проведенных исследований;

– формирование системы отбора и продвижения комплексных научно-технических проектов;

– развитие института постдоков.

Вдовенко З.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой, Российский химико-технологический университет
vzv27@mail.ru
Шипкова О.Т.
к.э.н., доцент, Российский химико-технологический университет
olship@inbox.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНЖЕНЕРОВ И УЧЕНЫХ В РАМКАХ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА)

***Ключевые слова**: новая промышленная политика, компетенции инженера, гибкая образовательная среда.*
***Keywords:** new industrial policy, engineer's skills, flexible educational environment.*

В свете происходящей трансформации экономической системы, которое характеризуется тенденцией нарастания темпов технологических изменений, принципиально важной становится скорость перевода научных достижений в производство. Само производство приобретает характер непрерывной инновации. А основным элементом современной эффективной производственной деятельности является трансфер технологий. Новое индустриальное производство отличается тесной интеграцией с наукой и образованием. В связи с этим промышленность не может рассматриваться обособленно от других отраслей, необходим комплексный, системный подход, учитывающий межотраслевые связи и эффекты в рамках глобальных технологических кластеров[1]. Реальные масштабы современной экономики и внешнеэкономической деятельности определяются не размером экспорта и импорта, а объемом добавленной стоимости, которую создает страна. Характерной чертой современного мирового хозяйственного развития является переход ведущих стран к новому этапу формирования инновационного общества – построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Интенсификация производства и использование новых научно-технических результатов предопределили резкое сокращение инновационного цикла, ускорение темпов обновления продукции и технологий[2]. В контексте вышесказанного в развитых странах наметилась тенденция реиндустриализации, которая подразумевает не возвращение традиционных производств, а формирование новых отраслей промышленности. Речь идет о стратегии «новой индустриализации», которая сегодня становится приоритетным курсом экономической политики большинства стран развитого мира. Основным содержанием новой индустриализации является процесс распространения «прорывных технологий», которые охватывают как формирование новых отраслей и секторов экономики и промышленности, воспроизводящих эти прорывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях и секторах.

Все это требует от государства обновленной системы регулирования, которая комплексно подходит к системе «промышленность-наука-образование». В связи с этим, модернизационные процессы в развитии общества, имеющие место в нашей стране, не могут рассматриваться в отрыве от подготовки специалистов инженерной направленности. По мнению специалистов, работодателей, общественных организаций, образовательных учреждений существует дефицит высококвалифицированных инженерных кадров[3]. Более того, имеют место противоречия, связанные с потребностями бизнеса в определенных компетенциях выпускников образовательных учреждений и предложением компетенций, формируемых образовательной системой в соответствии с государственными образовательными стандартами. В рамках V Конференции «Национальная система квалификации в РФ: актуальные вопросы» Московского международного химического форума 26 октября 2017 г. отмечалось, что работодатели ожидают инженеров, готовых внедрять инновационные продукты и коммерциализировать свои научные идеи, принимать решения в мире неструктурированных данных, когда основными ограничениями становятся не пространство и время, а риски и скорость.

Указанные тенденции трансформации общества приводят к изменению взглядов на промышленную политику. А реализация «новой промышленной политики», в свою очередь, требует от системы образования корректных ответов на внешние вызовы. Теоретическое переосмысление промышленной политики трансформируется в программные документы, призванные реализовать новую индустриальную политику на практике. Приведем ряд примеров.

---

[1] Бодрунов С.Д. Грядущее Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

[2] Инновационная политика и региональное развитие в современном мире / И. Животовская, Т. Черноморова. – М.: ИНИОН РАН, 2011.

[3] Акулич С. Инженерное голодание. – http://akulich.info/diagnoz–inzhenernoe–golodanie; Ассоциация инженерного образования в России. – http://aeer.ru/ru/pokholkov.htm; Диплом как пропуск в профессию // Путеводитель российского бизнеса. 2013. – № 9 (29). – С. 27; Никонов В. Решение проблемы инженерных кадров. – http://amurpress.ru/index.php?Itemid=69&catid=1:latest–news&id=17547:2013–06–18–04–41–03&option=com_content&view=article

В Европе с сентября 2017 г. взят курс на обновленную стратегию промышленной политики, которая объединила в себе как существующие, так и новые горизонтальные и сектор-специфические инициативы. Подготовлен план межсекторного взаимодействия по вопросу компетенций (New Skills Agenda: Blueprint for sectoral cooperation on skills). Это план стратегического взаимодействия между ключевыми заинтересованными сторонами: бизнесом, профсоюзами, исследователями, образовательными организациями, а также органами власти в определенных секторах экономики. Особо подчеркивается роль образовательных организаций не только в плане обеспечения экономической системы квалифицированными кадрами, но и в качестве источника инноваций. Акцент в документах ставится на мультидисциплинарность подготовки студентов. Следует отметить, что к ключевым компетенциям отнесено «чувство инициативы и предпринимательства», которое разъясняется как способность индивида трансформировать идеи в действия, что включает креативность, инновационность, принятие риска и способность планировать и управлять проектом. Кроме того, подчеркивается важность создания новой системы оценки компетенций студентов и выпускников[1].

В США создаются национальные инновационные институты — это консорциумы, в состав которых входят университеты, промышленные компании, малый бизнес, сервисные и консалтинговые организации, региональные органы власти, где они, во-первых, совместно инвестируют в развитие перспективных производственных технологий, во-вторых, обеспечивают подготовку кадров в соответствующих областях. Работа таких институтов строится на принципах государственно-частного партнерства[2]. В целях обеспечения промышленности квалифицированными кадрами, прежде всего в отраслях, связанных с передовыми производственными технологиями, в США была выдвинута законодательная инициатива по созданию 25-ти производственных университетов с предоставлением им пакета льгот для создания образовательных программ в области современных производственных технологий[3].

В процесс «новой индустриализации» активно включаются и динамично развивающиеся страны – Китай, Бразилия, Индия и менее развитые страны – Аргентина, Вьетнам, Чили. Все они сегодня разрабатывают национальные стратегии развития промышленности и инноваций, направленные на диверсификацию экономик и мобилизацию инноваций для повышения национальной конкурентоспособности[4].

В российской «Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года» определено, что химический комплекс является локомотивом мировой экономики и драйвером инновационного развития. Однако химический комплекс России характеризуется относительно низкими темпами роста и слабым развитием производств высоких переделов. В перечне ключевых проблем химической промышленности по влиянию на конкурентоспособность ее основных сегментов в первую пятерку попадает проблема недостаточного развития кадрового, научного и технологического потенциала химической промышленности. В связи с этим в качестве одной из приоритетных инициатив для развития химической промышленности выбрана инициатива развития кадрового потенциала (программы переподготовки, поддержка профильных образовательных учреждений и т.п.). Промышленная политика, нацеленная на инновационный путь развития страны, тесно связана с обеспечением качественно новой подготовки инженеров и ученых отрасли. Отсюда вытекает необходимость разработки новой методологии выявления и актуализации ключевых компетенций, формирование которых связано с изменяющимся мировым экономическим пространством и местом отрасли в нем, а также механизмов быстрой реализации результатов такого мониторинга в профильных образовательных учреждениях при поддержке государства и профессионального сообщества отрасли. Технологические потребности глобальной экономики знаний резко меняют характер инженерного образования, требуя, чтобы инженер владел гораздо более широким спектром ключевых компетенций. Растущее осознание важности технологических инноваций для конкурентоспособности экономики и национальной безопасности требует новых приоритетов для инженерной деятельности. Тесное взаимодействие и взаимопроникновение фундаментальных и прикладных исследований (даже в рамках отдельных комплексных проектов), меж- и мультидисциплинарный характер новых технологий, а также влияние киберинфраструктуры, требуют новых парадигм инженерной деятельности.

Инженеры должны понимать принципы развития бизнеса, быть экспертами в области разработки и производства продукции, знать, как планировать, проектировать, производить и применять сложные инженерные системы. Новый подход к инженерному образованию интегрирует личностные, межличностные и профессиональные навыки с дисциплинарными техническими знаниями с целью подготовить инженера, способного к инновациям и предпринимательству. Инженерное образование ставится в контекст инженерной деятельности, которая включает в себя планирование, проектирование, производство и применение (Conceiving, Designing, Implementing, and Operating – CDIO)[5], т.е. полный жизненный цикл инженерных процессов, продуктов и систем. Задача высшей школы – подготовка выпускников к успешной инженерной деятельности, формирование у выпускников способности участвовать и со временем руководить всеми этапами планирования, проектирования, производства и применения объектов, процессов, систем и управления проектами. Основной принцип CDIO, например, – определение результатов обучения и использование проблемно- и проектно-ориентированного обучения как неотъемлемых этапов реализации подхода, применимого при

[1] New Skills Agenda: A Blueprint for Sectoral Cooperation on Skills. – https://ec.europa.eu/growth/content/new-skills-agenda-blueprint-sectoral-cooperation-skills-1_en

[2] Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 3. – С. 132–143.

[3] Толкачев С. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада // Экономист. – М., 2014. – № 10. – С. 54–69.

[4] Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 3. – С. 132–143.

[5] Похолков Ю.П. Ассоциация инженерного образования в России. – http://aeer.ru/ru/pokholkov.htm; Качество инженерного образования в России: Материалы Общерос. обществ. орг. Ассоц. инж. образования России. 2017. – http://aeer.ru/files/ES_1.pdf

проектировании и внедрении образовательной программы. Инженер должен быть способен находить не только технические, но и потенциально успешные экономические решения, уметь оценить стоимость проекта. Выпускник инженерного вуза должен уметь не только генерировать гениальные идеи, но и реализовать их на практике. Выпускники инженерных программ должны иметь более полное представление о прибыли, которую они приносят своей организации.

На практике наблюдается рассогласование стратегических направлений развития страны и реалий организаций высшего образования в отрасли. Так, анализ утверждаемых государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению «Химия» показывает, что, например, на уровне бакалавриата среди компетенций экономико-управленческого блока, которым уделяется огромное внимание в зарубежной практике, в стандарт включены «способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности» и «способность принимать решения в стандартных ситуациях…». При этом выпускник бакалавриата, готов только к стандартным ситуациям, а оценка риска попадает в область компетенций магистра. На практике недостаточное внимание к развитию экономико-управленческих компетенций в стандартах приводит к сокращению количества и объема дисциплин экономического профиля. Российским отраслевым вузам целесообразно обратить внимание на формирование ключевых экономико-управленческих компетенций, необходимых ученому и инженеру в области химической промышленности, и инициировать создание системы мониторинга их изменений для обеспечения активного внедрения инноваций и коммерциализации научных разработок. Все это невозможно без тесного взаимодействия вуза, работодателя и государства, а также создания методологии актуализации компетенций и системы оперативного внедрения результатов в образовательную практику, в частности, через дисциплины по выбору, которые достаточно оперативно можно актуализировать в контексте изменений внешней среды.

Кроме того, в мире осуществляется переход к проектному образованию. Обучение осуществляется в процессе работы над конкретным НИР по заказам промышленных предприятий (создание новых материалов; отработки новых технологий и др.). Это могут быть НИР, выполняемые совместно со студентами старших курсов, аспирантами, преподавателями и представителями академических институтов или промышленных предприятий, что позволит уменьшить разрыв, когда выпускник приходит на работу в промышленность, а ему предлагают забыть все то, чему его учили в университете.

Основная причина существующих проблем подготовки инженерных кадров в России с требуемыми параметрами заключается в слабом взаимодействии вузов и предприятий по вопросам формирования конкурентных компетенций у выпускников вузов. Чаще всего компании приходят в вузы с запросом на студентов той или иной специальности и практически не формируют с вузами совместных проектов, в то же время вузы самостоятельно разрабатывают компетенции будущих специалистов. Вместе с тем работодатели при приеме на работу специалистов инженерного профиля выдвигают в качестве обязательного условия наличие стажа работы по специальности. Возникает вопрос: откуда у выпускника появится стаж работы, прописанный в трудовой книжке? Для того чтобы обеспечить профессиональную подготовку, промышленные предприятия должны принять студента на производственную практику, которая включает обучение студента на рабочем месте. В этом случае обязательно наличие наставника на рабочем месте, и эта работа должна ему оплачиваться. Возникают вопросы: Кем оплачиваться и каким должен быть уровень оплаты? Эта проблема взаимоотношений предприятия и вуза на сегодняшний день не урегулирована, в том числе и на государственном уровне[1].

Для решения проблемы важно объединить усилия всех заинтересованных сторон. Модернизация подготовки инженерных кадров должна рассматриваться в прямой зависимости от оказываемого влияния на инновационное развитие, через межсекторное партнерство работодателей и образовательной системы. Необходима интеграция усилий в разработке требований к квалификации инженеров, предоставлении предприятиям налоговых льгот при создании базовых кафедр для стимулирования бизнеса к участию в реализации инновационных механизмов и др.

Трансформация экономики, движение к новому технологическому укладу, характеризующемуся широким применением информационно-коммуникационных технологий, бурным развитием био- и нано- индустрии, нарастанием знаниеёмкости материального производства – все это требует пересмотра методов работы в системе образования. Постоянное обновление знаний и расширение их объема обусловливает необходимость перманентной переподготовки специалистов («идея образования в течение всей жизни»). Особые требования новый мир предъявляет к специалистам технического профиля, обязуя их быть готовыми к принятию решений в условиях не просто неопределенности, а «новизны», к выполнению своих функций в постоянно меняющейся окружающей среде. В существующей системе образования с преимущественным использованием нормативно-регулятивных методов организации учебного процесса такого специалиста подготовить фактически невозможно. Гибкого и открытого к инновациям выпускника можно взрастить только в гибкой образовательной среде, организованной на основе инструментов, которые не накладывают ограничений на выбор и принятие решений, не отменяют выбор, а создают необходимый мотивационный настрой. Такими инструментами, с нашей точки зрения, являются техники, разработанные в рамках поведенческой экономики (включая систему мягкого влияния – наджинг[2]), широко используемые, например, в прикладном маркетинге, но незаслуженно обходимые вниманием в системе образования. Архитектура внутренней организации учебного процесса должна учитывать поведенческие аспекты и модели поведения с целью сохранения студенческого контингента до

[1] Вдовенко З.В. Востребованность профессии инженера в современном обществе // Производство, наука и образование России: новые вызовы // Сборник материалов III Международного Конгресса (ПНО-III) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб., 2017. – С. 666–675.

[2] Shipkova O.T., Vdovenko Z.V., Efimova N.S., Shushunova T.N. Nudging in Education: the Case of Master Program // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2016. – N 3-1. – P. 689–696.

конца обучения с высокой результативностью последнего. Это предполагает полную реорганизацию учебного процесса и принципиальное изменение роли преподавателя. В частности, в сетке расписания не должна прописываться форма работы, а сама сетка должна быть гибкой. Поэтому целесообразно дать свободу преподавателю в рамках выделенного лимита времени на дисциплину, а также установленного дня (дней) и времени, распределять формы занятий и продолжительность каждой формы самостоятельно. Лекционные занятия могут быть регламентированы администрацией в начале семестра, но иметь плавающий график в течение семестра, преподаватель на основе запроса студентов сам определяет их частотность и продолжительность в рамках установленного семестрового лимита времени. Причем делает это не в начале семестра, а в ходе учебного процесса с учетом количества студентов, их уровня подготовки, запросов и пр. Также важна подготовка преподавателя к роли тьютора, который способен проектировать индивидуальную траекторию обучения в рамках своей дисциплины.

И, наконец, необходима выстроенная система межсекторного взаимодействия в отношении компетенций выпускников вузов, особенно технических. Создание эффективной системы наращивания и оптимального использования интеллектуального потенциала нации обусловливает необходимость реализации мер, направленных на стимулирование перехода к стадии активной коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Для обеспечения технологических потребностей промышленности необходимо создать гибкую инновационную среду, в том числе и в образовательной системе, обеспечивающую необходимый мотивационный настрой, что позволит изменить характер инженерного образования, выпускник вуза – будущий инженер будет владеть широким спектром ключевых компетенций и будет готов к любому роду инноваций.

Гернега К.С.
старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск
gernega@yandex.ru
Ватагина И.Н.
студент Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ключевые слова: *одаренность, одаренные дети, психолого-педагогическое сопровождение.*
Keywords*: endowments, exceptional children, psychology and pedagogical maintenance.*

Процесс выявления, обучения и развития одаренных детей составляет одну из главных задач современного отечественного образования. Актуальность работы с одаренными детьми определяется несколькими обстоятельствами: осознанием обществом «человеческого потенциала» как важнейшей предпосылки и основного ресурса своего развития; ускорением динамики жизни, увеличением информационной и эмоциональной нагрузок на человека, множеством проблем, решение которых требует огромных интеллектуальных усилий; требованиями социума к профессиональной деятельности личности, которая должна быть творческой, активной, социально ответственной, с развитым интеллектом, высокообразованной и др. Особое место в формировании такой личности занимает психолого-педагогическая работа с одаренными детьми [1, с. 47–49].

Согласно рабочей концепции одаренность – это системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких по сравнению с другими людьми, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности. Одаренный ребенок – это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности. Детский возраст – период становления способностей и личности. Это время глубоких интегративных процессов в психике ребенка на фоне ее дифференциации. Уровень и широта интеграции определяют особенности формирования и зрелость самого явления-одаренности. Поступательность этого процесса, его задержка или регресс определяют динамику развития одаренности. Одним из постоянно дискутирующихся вопросов, касающихся проблемы одаренных детей, является вопрос о частоте проявления детской одаренности [6, с. 68].

Теплов Б.М. считал, что нельзя говорить об одаренности вообще, а можно говорить об одаренности к какой-нибудь деятельности, он понимал одаренность как «качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении деятельности» [7, с. 461]. Психолого-педагогическое сопровождение одаренных учащихся – комплексная педагогическая, психологическая, медицинская, социальная проблема, поэтому её решение возможно лишь при объединении усилий специалистов разного профиля. С такими детьми должны работать многие специалисты, об этом в своих трудах говорят М.Н. Акимова, Ю.Д. Бабаева, М.М. Безруких, М.Р. Битянова, М.И. Буянов, Н.П. Вайзман, А.И. Доровской, В.Т. Козлова, В.Б. Новичкова., Н.Б. Шумакова, Е.Л. Яковлева и др.

Организация психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся выделяется рядом исследователей в качестве необходимого условия развития потенциальных способностей одаренных школьников.

Зеер Э.Ф. отмечает, что психологическое сопровождение – это движение вместе с изменяющейся личностью, своевременное оказание возможных путей, помощь и поддержка [2, с. 125]. Сопровождение – это способ включения индивида в процесс взаимодействия с целью создания условий для саморазвития, самодвижения в деятельности всех субъектов взаимодействия. Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей – это система деятельности, направленная на создание социально-психологических условий для успешного обучения и развития ребенка. В условиях школы оно является особенно актуальным, так как является гарантом в обеспечении его высокого качества.

Осознавая актуальность данной проблемы, группа отечественных ученых разработала рабочую концепцию одаренности. Представление об одаренности, изложенное в данной концепции, в значительной степени расходится с привычным представлением об одаренности как высоком уровне развития конкретных (прежде всего умственных) способностей ребенка: одаренность трактуется здесь как системное качество, характеризующее психику ребенка в целом. При этом именно личность, ее направленность, система ценностей ведут за собой развитие способностей и определяют, как будет реализовано индивидуальное дарование. Такой подход делает приоритетной задачу воспитания, а не просто обучения одаренного ребенка [6, с. 67].

Известный исследователь способностей Лейтес Н.С. предлагает различать три категории способных детей:

1. Учащиеся с ранним подъёмом интеллекта.

2. Дети с ярким проявлением способностей к отдельным школьным наукам и видам деятельности (в том числе и внешкольной).

3. Дети с потенциальными признаками одарённости [4, с. 416].

Следовательно, создаваемые условия по психолого-педагогическому сопровождению одарённых учащихся в рамках общего образования должны предусматривать: совершенствование когнитивных, поведенческих, эмоциональных и мотивационных сфер личности, а также обеспечивать гибкость и вариативность учебного процесса за счет включения в него предметных, надпредметных и метапредметных знаний и умений. Необходимо предусматривать использование современных источников информации, а также включение личностно-ориентированных технологий обучения, которые должны способствовать развитию самопознания и социализации личности.

Выявление одаренных детей – продолжительный процесс, связанный с анализом развития конкретного ребенка.

Рассмотрим возможные направления работы школьного психолога в образовательном учреждении, специализирующемся на обучении и психологическом развитии одаренных детей и подростков. В работе со школьниками наибольшее значение, с нашей точки зрения, имеют следующие направления психологической деятельности:

1. Помощь школьникам в социально-психологической адаптации. Обучаясь в специальных заведениях, общаясь в своей культурной микросреде, одаренные дети нередко испытывают трудности в общении, построении взаимоотношений, организации формального социального взаимодействия за рамками такой среды. В задачи психолога должна входить работа, направленная на расширение социального опыта школьников, осознание особенностей различных форм социальных контактов, расширение репертуара их социального поведения. В работе с подростками особое значение приобретает работа, направленная на формирование адекватных отношений с противоположным полом.

2. Организация в школе психологической среды, поддерживающей и развивающей идею уникальности каждого школьника, ценности и значимости его способностей и возможностей. Именно такая психологическая обстановка в противовес конкуренции, самоутверждению за счет других, позволит максимально раскрыть потенциал каждого ученика.

3. Организация специальных условий для всестороннего, целостного психологического развития школьников. Необходимо развивать все стороны психического мира, личности одаренных учеников, не превращая их в стартовую площадку, «материальную базу» для развития пусть уникальной, но лишь отдельной грани его индивидуальности.

4. Оказание школьникам методической, технологической помощи в развитии различных психологических особенностей и свойств, в совершенствовании своих способностей. Психолог может оказать школьникам серьезную помощь в выработке навыков саморазвития, самосовершенствования, самовоспитания. В подростковом возрасте практически все школьники испытывают интерес к анализу и развитию самих себя, у одаренных детей такие потребности часто особенно выражены.

5. Психопрофилактическая работа. В учреждениях, ориентированных на обучение одаренных детей, особенно важно следить за соблюдением педагогами, школьной администрацией, родителями некоторых психофизических возрастных норм, не допускать значительной интеллектуальной, информационной, физиологической перегрузки школьников [5, с.96].

Следовательно, создаваемые условия по психолого-педагогическому сопровождению одарённых учащихся в рамках общего образования должны предусматривать: совершенствование когнитивных, поведенческих, эмоциональных и мотивационных сфер личности, а также обеспечивать гибкость и вариативность учебного процесса за счёт включения в него предметных, надпредметных и метапредметных знаний и умений. Необходимо предусматривать использование современных источников информации, а также включение личностно-ориентированных технологий обучения, которые должны способствовать развитию самопознания и социализации личности.

Список литературы

1. Гернега К.С. Развитие инновационной деятельности в высшем учебном заведении // Образование и наука в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2014. – С. 47–49.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. – 125 с.
3. Лебедева В.П. Учителю об одаренных детях: пособие для учителя / В.П. Лебедева, В.И.Панов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 354 с.
4. Психология одаренности детей и подростков / Под ред. Н.С. Лейтеса. – М., 2011. – 416 с.
5. Психология одаренности: от теории к практике. – М.: Ин-т психологии РАН, 2010. – 96 с.
6. Рабочая концепция одаренности. – М.: Магистр, 2008. – 68 с.
7. Теплов Б.М. Способность и одаренность. Т.1. – М., 2012. – 461 с.

Гретченко А.А.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет
vaz21063@list.ru

ПОДГОТОВКА ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Ключевые слова*: цифровая экономика, человеческий капитал, рынок труда, экономика знаний, цифровая инфраструктура, цифровые технологии, единое цифровое пространство, квалифицированные кадры.*
Keywords*: digital economy, human capital, labor market, knowledge economy, digital infrastructure, digital technologies, unified digital space, qualified personnel.*

Разработанные к настоящему времени стратегические документы РФ содержат целый ряд требований к обеспечению условий инновационного развития страны на основе эффективного вовлечения человеческого капитала в экономические и социальные процессы. Однако они не нацеливают субъектов экономической деятельности на комплексное решение стратегических задач по обновлению системы подготовки квалифицированных кадров, адекватной фундаментальным принципам функционирования цифровой экономики.

Глобальным трендом современности становится усложнение экономических отношений, усиление виртуализация экономики. В условиях глобализации мир становится все более технологичным: и электронная, и цифровая экономика становятся его продуктом. В мировой экономике начинает превалировать цифровая часть.

Цифровая экономика является базой развития в целом и оказывает воздействие на такие разнообразные отрасли как банковская, розничная торговля, транспорт, энергетика, образование, здравоохранение и многие другие. Цифровые технологии, такие как Интернет вещей (IoT), большие данные (big data), использование мобильных устройств и девайсов преобразуют способы социального взаимодействия, экономические отношения, институты. Появляются новые способы кооперации и координации экономических агентов для совместного решения определенных задач (sharing economy).

Статистика стран ОЭСР, несмотря на общемировую нестабильность, свидетельствует об устойчивом росте мировой торговли продуктами цифровой экономики (в среднем, рост составляет около 4%), опережающими темпами растет объем оказываемых услуг (до 30% в год). Увеличиваются расходы предприятий на исследования, связанных с цифровыми технологиями. Развивается и становится доступней цифровая инфраструктура, повышается качество коммуникационных сетей по мере внедрения технологий 4G и оптоволоконных средств передачи данных. При этом снижаются цены, в частности, на услуги мобильной связи, увеличиваются возможности по использованию мобильных устройств для доступа в Интернет, что, в конечном итоге, позволяет прогнозировать все больший охват и развитие цифровых технологий в мире[2].

В настоящее время разработана система индикаторов для измерения развития цифровой экономики странами ОЭСР. Прежде всего, это такие показатели, как: инвестиции в научные разработки; инвестиции в разработку программного обеспечения; расходы на образовательную и дополнительную переподготовку; разработка и выпуск информационно-коммуникационного оборудования; создание рабочих мест в сфере науки и высоких технологий; удельный вес высокотехнологичного сектора в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; доля высокотехнологичной продукции в международной торговле и другие важнейшие макроэкономические показатели.

Универсальность воздействия возрастающих потоков данных на развитие общества и экономики позволяет говорить о них как о ведущем ресурсе экономического роста современного общества. Эксперты характеризуют данную ситуацию изменениями в экономических отношениях и формированием цифровой экономики, указывая на необходимость поиска новых подходов к решению проблем её развития.

В общих чертах можно выделить четыре критерия анализа цифровой экономики, в той или иной степени рассматриваемые различными исследователями: критерий, связанный со сферой занятости; пространственный критерий; технологический; и, собственно, экономический. При этом возможны дополняющие друг друга критерии, хотя зачастую как отечественные, так и зарубежные исследователи приводят свои собственные критерии. В нашей статье, с целью раскрытия ее научно-практического содержания, используя работы Д. Белла, Ч. Лидбитера, П. Друкера[3], в ко-

[1] Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 8-010-00534 «Разработка методологии, алгоритма и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах в профессионально-квалификационном разрезе».

[2] Toffler A. The Third Wave. 1980.

[3] Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1999; Drucker P. Post-Capitalist Society. – N.Y.: Harper Collins, 1993; Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 1962.

торых рассматриваются структура занятости населения и модели наблюдаемых изменений. Следует отметить, что снижение доли занятых в сфере производства и увеличение в сфере услуг рассматривается как замещение физического труда информационными ресурсами.

Статистические наблюдения свидетельствуют об увеличении доли людей, занятых в сфере услуг (в Западной Европе, США, Японии эта доля достигает 70% и более), большая часть которых тем или иным образом связана с деятельностью по обработке определенных данных, и потому на этой основе представляется вполне убедительным доказывать существование цифровой экономики. Основная проблема данного подхода заключается в сложности выделения категории сотрудников, работающих с данными. К примеру, можно считать, что основой формирования цифровой экономики стал рост числа специалистов по компьютерным технологиям, сотрудников телекоммуникационных компаний, аналитиков, главной задачей которых является обработка данных. Однако в настоящее время не существует методики подсчета работников цифровой экономики.

На многие вопросы цифровой экономики должна дать ответы экономическая наука, поскольку цифровизация экономики связана, прежде всего, с трансформацией экономических отношений, основывающейся на информационной среде. Переход на качественно новый уровень использования информационных технологий во всех сферах производственной и общественной жизни является первоочередной задачей для российской экономической системы в стремительно меняющемся мире. Цифровая экономика становится основой глобальных преобразований, которые в ближайшие десятилетия кардинальным образом изменят модели развития и ведения бизнес-процессов. При этом в ее основе лежат не производство товаров и услуг, а знания и люди, обладающие этими знаниями, способностью осваивать информацию и генерировать новые идеи.

Среди пяти базовых направлений цифровой экономики в соответствии с программой «Цифровая экономика Российской Федерации на период до 2024 г.» следует выделить кадры и образование. Отмечается, что в настоящее время система подготовки кадров и существующие образовательные программы не соответствуют требованиям цифровой экономики. Имеется серьезный дефицит кадров в образовательном процессе всех уровней образования – общего, профессионального и дополнительного.

В программе указано, что к 2024 г. около 800 тыс. выпускников ВО и СПО должны обладать компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне, а свыше 1 млн. чел. пройдут переобучение по программам ДПО в соответствии с требованиями цифровой экономики. Прогнозирование отраслей, квалификаций, в которой будут востребованы данные специалисты становится важнейшей задачей, стоящей перед Российской Федерацией.

В.В. Путин, выступая на XXI Петербургском международном экономическом форуме, заявил о важности преобразований экономики и перехода к цифровой экономике, сравнив предстоящие преобразования по масштабам с проектом электрификации страны. Глава государства обозначил основные направления развития в России цифровой экономики: ликвидацию правовых барьеров, которые препятствуют внедрению передовых технологий; создание опорной инфраструктуры – линий связи, центров хранения и обработки данных; серьезное совершенствование всей системы образования, включая обеспечение всеобщей цифровой грамотности, запуск инструментов поддержки отечественных компаний, которые являются центрами компетенций в сфере цифровых и других сквозных технологий.

Цифровой экономике было посвящено заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, на котором было отмечено, что цифровая экономика – это новый уклад жизни, позволяющий создать новую систему государственного управления, направленную на успешное развитие отечественного бизнеса, социальной сферы и общества в целом.

В рамках прямой линии связи с Президентом В.В. Путин еще раз подчеркнул, что без цифровой экономики Россия не сможет перейти к следующему технологическому укладу, без которого ни у российской экономики, ни, соответственно, у государства, нет будущего. Необходимо, чтобы цифровая экономика внедрялась не под эгидой «заработать сейчас», а для качественных долгосрочных изменений в обществе и в экономике.

В настоящий момент Правительством поставлена задача формирования цифровой экономики. Однако зачастую ошибочно предполагается, что цифровизация экономики основана только на новых технологиях. Технологии – это средства развития цифровой экономики. Основные препятствия связаны с неразвитостью цифровой культуры и дефицитом рабочих кадров, с неспособностью компаний, в том числе малых и средних предприятий, адаптироваться к быстрым трансформациям и коренным переменам.

Согласно оценкам The Boston Consulting Group, российская экономика обладает потенциалом роста объема цифровой экономики от 2,1% в ВВП до 5,6% к 2020 гг. Однако важны не столько количественные показатели роста цифровой статистики, сколько реальная технологическая трансформация, относящаяся ко всем сферам деятельности – технологиям, поставщикам, клиентам, человеческим ресурсам, корпоративному управлению и стратегическому планированию.

Ключевой задачей является переосмысление традиционных процессов в деятельности компании, модификация агентских отношений. Переход к цифровой экономике способствует повышению производительности, росту конкурентоспособности, что, в конечно итоге, влияет на повышение качества жизни.

Кроме того, переход к цифровой экономике влияет на снижение информационной непрозрачности и асимметрии информации, на появление новых источников финансирования.

Отметим, что среди лидеров мировых компаний сектор цифровой экономики занимает главенствующее место (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг крупнейших компаний мира, 2016 г.[1]

Компания	Основная сфера деятельности	Капитализация, $
Apple	Производство электроники и информационных технологий	577,4 млрд.
Google	Интернет-сервисы, приложения, видеохостинг YouTube	547,9 млрд.
Microsoft	Производство программного обеспечения	443 млрд.
Amazon	Торговля в Интернете	360 млрд.
Wells Fargo	Банки	299 млрд.
Samsung	ПК, мобильные устройства, бытовая техника и электроника	254 млрд.
China Mobile	Телекоммуникации	250 млрд.
Verizon	Телекоммуникации	229,0 млрд.
AT&T	Телекоммуникации	226,0 млрд.
Walmart	Ритейл	216,9 млрд.

Экономика в цифровой форме должна обеспечить повышение конкурентоспособности страны, повысить качество жизни населения, способствовать экономическому росту и укреплению национального суверенитета.

Вместе с тем, Российская Федерация по многим параметрам и характеристикам сложившейся структуры экономики существенно отстает от западных и азиатских стран. В настоящий момент цифровая экономика в развитых странах представлена примерно 5,5% ВВП, в России, по разным оценкам – от 2,8 до 3,9%. Недостаточно готова Российская Федерация к переходу к цифровой экономике (41-е место в мире) и по экономическим и инновационным результатам использования цифровых технологий (38-е место в мире).

На низкий уровень внедрения цифровых технологий и реализации глобальной цифровой повестки, кроме всего прочего, влияют недостаточный уровень развития нормативно-правовой базы и отсутствие сформированной и эффективно действующей бизнес-среды. Эти проблемы требуют скорейшего решения при активном содействии различных субъектов экономики.

Как отмечалось выше, цифровая экономика является одним из самых действенных инструментов повышения производительности труда, в том числе, через механизм создания высокопроизводительных рабочих мест. Среди выгод от цифровизации экономики следует отметить сокращение издержек, повышение эффективности деятельности, рост качества управления, повышение конкурентоспособности. Основными рисками, на наш взгляд, являются социальные проблемы, потенциальная безработица, значительный разрыв в развитии цифровых и остальных отраслей, а также – вопросы информационной безопасности.

Разработкой цифровых технологий и цифровых решений занимается ряд крупных российских компаний (ПАО «Сбербанк», ГК «Ростех», ПАО «Ростелеком», ГК «Росатом», Лаборатория Касперского и др.). Однако в этих разработках преобладает краткосрочный, «инструментальный» аспект. В результате подавляющее число отечественных цифровых технологий и решений не нацелены на потребности формирования в РФ современной высокотехнологичной экономики, не обеспечивают рост конкурентоспособности отечественных товаров и услуг. До сих пор не разработаны четкие алгоритмы и методики определения потребности цифровой экономики России в квалифицированных кадрах для целей долгосрочного, устойчивого социально-экономического развития РФ.

С учетом российской специфики алгоритм определения потребностей экономики в квалифицированных кадрах целесообразно основывать на учете факторов дополнительного спроса и дополнительного предложения в определенной категории работников в профессионально-квалификационном разрезе.

Приведем перечень нескольких наиболее известных (на российском рынке) и проверенных методик моделирования и прогнозирования состояния рынка труда:

1. ИАС «Мониторинг, анализ и прогнозирование динамики системы образования и рынка труда» Центра бюджетного мониторинга при Петрозаводском государственном университете. Методика данной модели позволяет прогнозировать потребности экономики в квалифицированных кадрах по уровням образования и укрупненным группам специальностей.

2. Модель QUMMIR (Quarter Macroeconomic Model of Interactions for Russia) – квартальная макроэкономическая эконометрическая модель, описывающая взаимодействия основных макропеременных экономики РФ. Модель предназначена для проведения сценарных прогнозных расчетов на краткосрочную и среднесрочную (до 5 лет) перспективу.

3. Методика Агентства трудовой статистики (Bureau of Labor Statistics) – осуществляет прогноз состояния рынка рабочей силы. Ее основная идея – количество и состав рабочей силы зависят от предположений о будущей численности населения, его составе, а также от тенденций изменения коэффициента участия в трудовой деятельности различных групп населения.

4. Разработанная лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН методика представляет собой интегральную оценку состояния и развития рынка труда. В основе ее разработки лежит комплексный анализ движения трудовых ресурсов и предложенный сценарий ситуации в условиях сформировавшегося рынка труда.

Данные методики используются в отечественной практике уже длительное время, однако все они имеют определенные недостатки и не позволяют с высокой точностью прогнозировать потребности экономики в квалифицированных кадрах.

[1] Рейтинг компаний по версии аналитической компании Brand Finance. – http://brandfinance.com

Можно сделать следующий вывод: прогнозирование потребностей в квалифицированных кадрах с использованием вышеназванных методик дает более точные прогнозные результаты только в том случае если модель базируется на большом массиве доступной статистической базы, позволяющей прогнозировать нестационарное развитие рынка труда.

Говоря о потребностях экономики России в квалифицированных кадрах необходимо учитывать, что цифровая экономика является одним из наиболее действенных инструментов повышения производительности труда, в том числе, через механизм создания высокопроизводительных рабочих мест. Существующие подходы к оценке кадров и потребности в трудовых ресурсах нуждаются в доработке и развитии с учетом будущего роста цифрового сегмента в глобальной экономике.

Предлагаемый авторский подход к разработке алгоритма прогнозирования потребностей экономики в квалифицированных кадрах в условиях перехода Российской Федерации к цифровой экономике включает фактор дополнительного спроса и дополнительного предложения в определенной категории квалифицированных работников на основе разработки и использования балансового метода. Для решения заявленной проблемы необходимо обобщать ранее накопленный отечественный опыт использования экономико-математического моделирования на основе сценарного метода в определении потребностей экономики в квалифицированных кадрах; разрабатывать новые научные подходы к диагностике и прогнозированию потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах; разработать концепцию прогнозирования потребностей экономики России в квалифицированных кадрах, реализация которой должна быть направлена на максимизацию экономического и социального эффектов от перехода РФ на цифровую модель развития; сформировать и разработать новый алгоритм и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах с применением технологий Форсайта и информационно-аналитического моделирования; подготовить научно-обоснованные предложения по стимулированию развития цифровой экономики в Российской Федерации на основе своевременной и точной диагностики ее перспективных потребностей в квалифицированных кадрах; разработать комплекс мероприятий по совершенствованию нормативно-законодательной базы, направленной на активизацию регулирующей роли государственного задания в деятельности российских образовательных учреждений.

Данеев О.В.
к.э.н., доцент, Финансовый университет
odaneev@fa.ru

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ КАК АТРИБУТ ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *управление качеством высшего образования, система управления знаниями.*
Keywords: *quality management in high education, knowledge management's system.*

Проблема эффективного управления качеством высшего образования актуальна для современной России. На наш взгляд, во многом она определяется, существующей системой управления знаниями. В этой связи, проанализируем эволюцию развития систем управления знаниями. Вообще говоря, одной из главных причин появления современных систем управления знаниями стали информационные технологии. Концепция интеллектуальной собственности явилась своеобразным «каркасом» данной системы, а Интернет стал её основным инструментом: процесс обмена знаниями стал практически перманентным как во времени, так и в пространстве. Впервые термин «управление знаниями» применила в начале 90-х годов XX века международная консалтинговая компания «McKinsey&Company», специализирующаяся на решении задач, связанных со стратегическим управлением. Главным результатом первой стадии развития систем управления знаниями стало использование информационных технологий для повышения эффективности обмена информацией. Развитие систем управления знаниями вступило во вторую стадию своего развития, когда стало очевидно, что использование только информационных технологий не обеспечивает достаточно эффективного обмена информацией и знаниями. Необходимым (но не достаточным) условием данного коммуникативного процесса стало вовлечение людей как носителей корпоративной культуры: должна существовать система мотивации сотрудников для эффективного обмена информацией и знаниями. Таким образом, система управления знаниями на второй стадии выходит за рамки банального структурирования информации и обеспечения доступа к ней. Осознание необходимости систематизации контента в организации, то есть его описания, упорядочения и структурирования положило начало третьей стадии развития систем управления знаниями. Стала важна не столько сама информация, сколько скорость поиска релевантных данных.

Поскольку, как отмечалось выше, система управления знаниями имеет корпоративное происхождение, то встаёт актуальный вопрос: какие её практические методики могут быть применены менеджментом качества высшего образования? Суть системы управления знаниями состоит в аккумулировании и структурировании необходимой и актуальной информации, а также в её распространении по соответствующим каналам между членами коллектива. Например, система, разработанная в компании «IBM» для консультантов по управлению знаниями, основывается на разграничении процессов сбора информации и объединения людей. Концептуально первый процесс можно кратко охарактеризовать следующим образом: «собираем урожай и охотимся», а второй может быть описан в терминах: «запрягаем» и «строим гипотезы». При этом знания, как правило, подразделяются на три группы: явные – информация и знания, зафиксированные на материальных носителях, потенциально явные – информация и знания, которые еще не зафиксированы в материальной форме, но могут быть преобразованы в явные и неявные знания; информация и знания, которые сложно зафиксировать на материальных носителях. Если упрощённо представить методологию управления знаниями, то для явных знаний используются, как правило, методы «сбора информации», для неявных – методы «соединения людей». Однако также требуется процесс преобразования неявных и потенциально явных знаний в явные – то есть их фиксация на материальных носителях.

Современные вузы следует рассматривать не только как «предприятия» по производству и распространению актуальных знаний, но и как самообучающиеся системы. В этой связи особое значение имеют подходы к выбору стратегии управления знаниями, которые могут быть использованы образовательными учреждениями. Вообще говоря, стратегии управления знаниями направлены на то, чтобы создать новую стоимость, реализованную в продуктах, людях и процессах с помощью рационального формирования и использования знаний. Главная цель данных стратегий – повышение эффективности использования всех имеющихся ресурсов организации. Рассмотрим основные из них.

1) Стратегия, основанная на формировании и использовании знаний в рамках индивидуальной компетенции, она отвечает на вопросы: каким образом происходит обмен знаниями между работниками организации? Насколько в результате данного обмена повышается конкретная компетенция? Как она используется в целях повышения конкурентоспособности учреждения? Данная стратегия направлена на развитие индивидуальной компетенции работников путём их обучения, проведения тренингов, формирования соответствующей корпоративной культуры.

2) Стратегия, основанная на формировании и использовании знаний в рамках внутренней структуры, она отвечает на вопрос: каким образом используется обмен знаниями между отдельными элементами внутренней структуры организации (информационные системы, базы данных, организационные структуры, авторские права, патенты, ноу-хау, лицензии и пр.) с целью повышения её конкурентоспособности?

3) Стратегия, основанная на формировании и использовании знаний в рамках внешней структуры, она отвечает на вопрос: каким образом используется обмен знаниями между элементами внешней структуры организации (связи с клиентами, поставщиками, конкурентами, а также торговые марки и имидж организации)?

4) Стратегия, основанная на обмене знаниями между индивидуальной компетенцией сотрудников и внешней структурой организации, она отвечает на вопрос: как сотрудники повышают компетенцию потребителей, поставщиков и прочих контрагентов, а также как потребители, поставщики и акционеры, в свою очередь, повышают компетенцию персонала?

5) Стратегия, основанная на обмене знаниями между индивидуальной компетенцией и внутренней структурой, она отвечает на вопрос: как индивидуальная компетенция сотрудников содействует построению элементов внутренней структуры организации, и, соответственно, как можно повысить индивидуальную компетенцию с помощью элементов внутренней структуры? Данная стратегия связана преимущественно с переносом индивидуального знания во внутрикорпоративные системы и закреплением его там с целью широкого использования другими сотрудниками. Таким образом, значительная часть индивидуальных знаний в виде подходов, принципов, последовательности действий, способов структурирования проблем становится доступной всем работникам компании. То есть речь идёт о трансформации индивидуальных знаний в коллективные без отрыва сотрудников от выполнения непосредственных обязанностей.

6) Стратегия, основанная на обмене знаниями между элементами внешней и внутренней структуры, она отвечает на вопрос: как осуществляется трансформация знаний из внешней структуры во внутреннюю и, наоборот? Данная стратегия имеет дело в основном с переносом знаний из сферы взаимодействия с внешними контрагентами организации во внутрикорпоративные системы и закреплением их там с целью широкого использования сотрудниками.

7) Стратегия, опирающаяся на движение знаний одновременно между всеми видами интеллектуального капитала.

Учреждения, ориентированные на образовательную деятельность, должны определять наиболее подходящую для себя стратегию системы управления знаниями. В этой связи возникает вопрос: какой должна быть оптимальная структура системы управления знаниями? Она должна состоять из информации и данных, доступных членам организации через специальные порталы и системы управления контентом, являющейся оперативной составляющей системы управления знаниями. Однако, существуют ещё как минимум три её составляющих:

1) так называемая «база извлеченных уроков», содержащая информацию о всей операционной деятельности компании и позволяющей проанализировать как её позитивные стороны, так и негативные моменты; при этом не стоит полагаться на то, что сам участник операции подготовит отчет, т.е. должна существовать система, в рамках которой выделенный специалист по управлению знаниями проведет опрос участника операции и обеспечит (если это необходимо) как сохранение, так и распространение «извлеченных уроков»; чтобы «устаревшие уроки» не загромождали систему, но при этом оставались доступными при необходимости, нужно обеспечить процесс архивации данных;

2) «определение местонахождения компетенций», назначение которой – максимально быстрый поиск сотрудников организации, которые обладают актуальными знаниями в той или иной области; информационное обеспечение такой подсистемы происходит по трем каналам: первый – это компетенции, указанные в резюме сотрудников, второй канал – это компетенции и области знаний, которые работники указывают в ходе самостоятельной оценки своих текущих знаний, умений, навыков и качеств, например, посредством онлайн-анкетирования, а третий канал – это информация, автоматически полученная путем анализа входящих и исходящих коммуникаций работника, в частности, его корпоративная переписка и активность в социальных сетях; также важно установить приоритетность задач: на решение наиболее важных из них привлекаются специалисты с более высоким расчетным уровнем необходимых компетенций;

3) сообщества специалистов-практиков – группы людей со схожими интересами, которые собираются вместе (лично или виртуально), чтобы поделиться опытом, обсудить проблемы и возможности, поговорить о лучших практиках и извлеченных уроках; при этом необходимо наличие как минимум трех ключевых ролей в таком сообществе: менеджер, модератор и идейный лидер.

Одной из проблем современных систем управления знаниями является сохранение знаний наиболее опытных сотрудников. Эффективным представляется вовлечение указанной категории работников в процесс управления знаниями посредством сообществ специалистов, а также с помощью систем местонахождения компетенций. Таким образом, решение любой проблемы является не результатом знаний опытных сотрудников, а результатом их взаимодействия как между собой, так и со следующими поколениями.

Каковы перспективы концепции управления знаниями?

По результатам библиометрического анализа, рост упоминаний в мире концепции управления знаниями в научных и деловых публикациях за первое десятилетие XXI века составил: от 7000 в 2001 г. до более чем 12000 к 2011 г. Таким образом, прослеживается неуклонное возрастание интереса к данной тематике как со стороны научных кругов, так и со стороны бизнес-сообщества.

Список литературы

1. Управление знаниями и интеллектуальным капиталом: [учеб. пособие] / С. В. Паникарова, М. В. Власов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 140 с.
2. http://www.kmworld.com/Articles/Editorial/What-Is-.../What-is-KM-Knowledge Management-Explained-82405.aspx

Дорошенко В.А.
к.т.н., доцент Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
Viktor.dorosh2013@yandex.ru

ПРИКЛАДНОЙ БАКАЛАВРИАТ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

***Ключевые слова**: прикладной бакалавриат, учебные программы, адаптация, результаты эксперимента.*

«Прикладной бакалавриат» (ПБ) – это форма подготовки специалистов среднего звена сугубо практической ориентации в высших учебных заведениях, стартовавшая в России в 2010 году. Предполагалось, что проучившись три-четыре года, обучаемые по особым программам выпускники станут востребованными на рынке труда, который испытывает острый дефицит в практически ориентированных специалистах. При этом они будут иметь достаточно качественную теоретическую подготовку, требуемую для высокотехнологичных производств. О предпосылках создания этих своеобразных гибридов техникума (СПТУ) и вуза, а также о позиции Минобрнауки рассказал в своем интервью директор департамента государственной политики в области образования И. Реморенко (20). Прежде всего И. Реморенко указал на социальные и производственно-технические причины, вызвавшие к жизни данный формат обучения. Их несколько. Во-первых, как выяснилось, почти две трети выпускников техникумов сразу по окончании СПУ поступают в вузы, для получения высшего образования. Это при том, что во многих регионах выпускники техникумов более востребованы на производстве и народном хозяйстве, чем инженеры. Вместо того чтобы работать на заводах, в школах, в больницах, набираться ценного опыта, молодежь в погоне за статусом удлиняет срок своего ученичества на четыре-пять лет. Во-вторых, многие «рабочие» профессии в последние годы так усложнились, что требуют знаний теоретических основ и принципов технологических процессов. Например, в металлургии, машиностроении, материалообработке, строительстве и др. Практическая деятельность в таких специальностях усложняется, и требуемая подготовка работников постепенно приближается к квалификации высшего образования.

Поэтому было принято решение дать возможность учащимся получить высшее – бакалаврское – образование с четко выраженным ориентиром на соответствующие рабочие места и даже конкретные предприятия. По каким направлениям подготовки и в каких формах следует осуществлять прикладной бакалавриат?

Речь идет, прежде всего, о высокотехнологических специальностях и профессиях производственно-технической ориентации. Это машиностроение, материалообработка, металлургия, информатика и вычислительная техника, энергетика и т.д. Однако в этом ряду оказались экономика, педагогика, юриспруденция, банковское дело и т.п. И в списке федеральных образовательных учреждений (среднего и высшего профобразования) – победителей конкурсного отбора для участия в эксперименте по созданию ПБ 11 из 49 вузов и колледжей представляют специальности экономического и гуманитарного направлений, т.е. более 20%. В то же время вузы регионов – опорных центров индустриального развития страны, таких как Самарская, Томская области, Пермский край, Удмуртия, Башкортостан и др. в перечне не представлены вообще. А такой флагман научно-технического прогресса как Екатеринбург и его ведущие вузы – Уральский федеральный университет, горный университет, профессионально-педагогический университет и др. или отсутствуют в списке, или представлены направлением, далеким от насущных потребностей промышленных предприятий и социально-хозяйственного комплекса региона. Например, УрФУ обеспечивает подготовку лишь по специальности «Сварочное производство», тогда как уральский регион – это признанный центр нефтяного, тяжелого и транспортного машиностроения, цветной и черной металлургии, горнодобывающей промышленности, высотного строительства, атомной энергетики и т.д., то есть отраслей, испытывающих в настоящее время хроническую нехватку квалифицированных кадров среднего звена, ускоренная подготовка которых могла бы снизить остроту дефицита. А вот недостатка в экономистах и юристах (тем более, среднего звена), нет не только в областном центре, но и в любом относительно крупном городе Свердловской области.

Поэтому вскоре местные власти и региональные вузы по собственной инициативе начали организовывать эту актуальную и необходимую для них форму подготовки по направлениям и специальностям, востребованным на местных предприятиях и организациях, особенно в так называемых *монопрофильных старопромышленных городах*, население которых десятилетиями трудится на одном-двух градообразующих предприятиях – промышленно-хозяйственной основе данного социума. В таких городах, как правило, нет вузов или их подразделений, но почти всегда при заводах и предприятиях функционирует техникум, ПТУ и т.п. На их базе вполне оказалось возможным внедрять ПБ, осуществив некоторую методологическую и организационную модернизацию учебного процесса. Так, в Серове, Невьянске, Алапаевске и других городах Свердловской области теоретические дисциплины читались преподавателями вуза по дистанционной форме, а производственные практики проводились на предприятиях данного города. Причем, хотя выпускникам выдавался диплом обычного академического бакалавриата, подготовка по сути осуществлялась в рамках прикладного.

Несоответствие выбора специальностей и вузов, участвующих в реализации концепции прикладного бакалавриата, реальным потребностям народного хозяйства страны тем более вызывает недоумение, что Федеральным институтом развития образования (ФИРО) Минобрнауки РФ в декабре 2009 г. была разработана «Концепция создания программ прикладного бакалавриата в системе профессионального образования Российской Федерации» (отмеченная, кстати, дипломом лауреата Всероссийского профессионального конкурса «Инноватика в образовании» и материалы которой (якобы) использовались при формировании конкурсной документации для проведения конкурса среди образовательных учреждений). В названной «Концепции» чётко указано, что «Развитие экономики России в последнее десятилетие обусловило необходимость учета требований работодателей к результатам профессионального образования. Потребности современного российского рынка труда разнообразны, но единство работодателей проявляется в одном – нужны высоко квалифицированные кадры, от рабочего, техника-технолога до ученого-исследователя… Создание программ прикладного бакалавриата как вида программ *массового, регионально ориентированного высшего образования, должно стать основой решения проблемы сбалансированности развития сфер труда и профессионального образования* (курсив автора)».

В «Концепции» определено, что: «Миссия программ прикладного бакалавриата состоит в следующем:

– преодоление риска потери практико-ориентированности при введении уровневого высшего образования;

– снижение уровня издержек организации работодателей по доучиванию выпускников;

– адаптация образовательных программ вузов к заказу на практико-ориентированные результаты, соответствующие требованиям профессиональных стандартов;

– сокращение сроков вхождения молодежи на рынок труда в условиях демографического кризиса и старения кадров;

– снижение риска нетрудоустройства выпускников;

– расширение вариативности образовательных программ и сокращение их дублирования на уровнях среднего и высшего профессионального образования».

Основные положения «Концепции» разрабатывались на основе анализа статистических данных по распределению выпускников СПУ 2009 года по укрупнённым группам специальностей, в которых до одной трети выпускников продолжили обучение в вузах (92 311 человек из 448071). Причем, такое решение определялось не столько личным выбором выпускника, сколько требованиями со стороны работодателей (!). В перечень этих укрупненных групп специальностей входят: «Экономика и управление», «Информационная безопасность», «Энергетика», «Энергетическое машиностроение и электротехника», «Металлургия, машиностроение и материалообработка», «Авиационная и ракетно-космическая техника», «Транспортные средства», «Информатика и вычислительная техника», «Архитектура и строительство» и др. По данным Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии» (19), именно работники производственно-инженерной сферы, сферы информационных технологий, коммуникаций и торговли являются самыми востребованными на рынке труда. И именно ПБ наиболее эффективен для подготовки таких специалистов, поскольку позволяет обеспечить необходимый уровень квалификации, сократить затраты и сроки обучения, а также дает основания для пересмотра перечня специальностей среднего звена с целью приведения его в соответствие с потребностями рынка труда и конъюнктуры производства.

Основной вывод «Концепции»: «Программы прикладного бакалавриата могут получить распространение в регионах (обладающих перспективными промышленными предприятиями, развитой инфраструктурой, активными объединениями работодателей, способными формировать целевой заказ образовательным учреждениям и участвовать (в том числе и в финансовом отношении) в его реализации и по определенным направлениям подготовки, связанным с реальными секторами экономики, такими как машино- и приборостроение, инженерные, информационные, химические технологии, строительство, сфера обслуживания и т.п.».

В этом контексте рассмотрим некоторые результаты внедрения и применения ПБ в образовательных учреждениях, участвующих в эксперименте. Эти промежуточные итоги были подведены 4 февраля 2013 года на первом заседании рабочей группы Ассоциации ведущих вузов экономики и менеджмента (15). В состав рабочей группы вошли представители разных вузов, причем не только участников эксперимента. Целью обсуждения, по словам руководителя группы Л. Миэринь, должно было стать «единое видение модели прикладного бакалавриата». «Если профессиональное сообщество выработает такую модель,- утверждала она,- её реализация может начаться в разных вузах в ближайшее время». Свои модели на заседании представили несколько вузов, в том числе Уральский федеральный университет, поэтому уделим основное внимание подходам к проблеме ПБ именно ведущих технических вузов.

Как уже говорилось выше, инициатором создания ПБ явился Московский институт стали и сплавов (МИСиС), об опыте которого на заседании рабочей группы сообщил зам. начальника управления стратегического развития вуза Андрей Данилин. Программу ПБ вуз реализует совместно с колледжем: первые пять семестров (включая 20 недель практики) занятия проводятся на базе колледжа – в рамках среднего профессионально ориентированного обучения, затем три семестра (с 9-ю неделями практики) – студенты учатся в головном вузе, под руководством его преподавателей и в лабораториях института – по программам высшего образования. А. Данилин признает, что по направлению «Металлургия» грань между средним и высшим уровнями образования ощутима, и читать курсы по вузовским программам студентам, пришедшим из СПУ, весьма сложно. «Модельный выпускник» программы «МИСиС- колледж» – это «технолог-эксперт, который разбирается в металлургии и сварочном производстве, то есть является специалистом широкого профиля, который подготовлен *не под конкретное рабочее место* (курсив автора)... поскольку готовить студентов под конкретное предприятие бессмысленно: за четыре года спрос на рынке труда изменится». В перспективе МИСиС предполагает развивать прикладной бакалавриат в своих филиалах, где есть градообразующие и регионообразующие предприятия.

По сходной организационной структуре работает и Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», проректор которого Николай Лысенко отметил, что «экспериментальный ПБ в вузе реализуется на базе колледжа с участием преподавателей ЛЭТИ. На последнем году обучения студенты (колледжа) зачисляются в университет, часть курсов им перезачитывается…». При этом трудоемкость программы получается в 1,75 раза выше, чем при обычном бакалавриате, так как выпускники в итоге получают два диплома – колледжа и вуза. По словам Н. Лысенко, работодатели считают, что наличие двух дипломов позитивно сказывается на «рыночной устойчивости выпускников».

Но тогда возникает закономерный вопрос: а не сводит ли к нулю такой подход саму идею прикладного бакалавриата, ориентированного прежде всего на выигрыш во времени?

Программу УрФУ на заседании озвучил заместитель проректора по учебной работе проф. О. Ребрин. Он сообщил, что заказ на подготовку студентов по программе *производственно-технологического бакалавриата* (курсив автора) вуз получил от Уральской горно-металлургической компании. Программа разработана на основе профессиональных стандартов самой УГМК. «Работодатели буквально еженедельно бывают у нас, участвуют в софинансировании процесса и за каждую копейку спрашивают с нас достаточно жестко», – отметил он. По его мнению, программа вполне укладывается в рамки ФГОС ВПО по направлению «Металлургия», акцент сделан на практико-ориентированную подготовку, причем после второго курса по результатам практики можно получить рабочую профессию. Два с половиной года студенты учатся по единому плану, а затем делятся на четыре подгруппы для обучения по профилям, которые требуются работодателю, и эта часть учебного плана корректируется под нужды работодателя (обычно на последнем году обучения). Программа реализуется без участия учреждений СПО: за практическую, производственную подготовку отвечает учебный центр УГМК. Университет присваивает степень бакалавра, а профессиональную квалификацию дает работодатель на основе собственной системы сертификации. В отличие от выпускников техникумов, студенты, обучающиеся по программе ПТБ, начиная работать в должности мастера, могут продвигаться в карьере, продолжая обучение в технологической магистратуре и даже аспирантуре.

Укажем в связи с этим на целый ряд принципиально важных моментов. Программа ПБ будет успешной, если: 1) она ориентирована на современного и успешного работодателя (а как известно, УГМК – несомненный лидер в цветной металлургии не только в России, но и в мире); 2) она реализуется при тесном и четком взаимодействии вуза и работодателя как в организационном, так и в учебно-методическом плане; 3) она базируется на заинтересованности заказчика в высоком качестве обучения студентов и предоставляющего для этого соответствующие материально-технические возможности (стенды, тренажёры, оборудование для практики и т.д.); 4) выпускники сразу включаются в производственный процесс предприятия.

Безусловно, такой вариант – самый оптимальный и, к сожалению, весьма редкий. Но и в этом случае не все протекает гладко. Участники заседания рабочей группы выделили ряд общих проблем, выявившихся при проведении обучения по формату ПБ. Среди них – отсутствие чёткой нормативной базы, утвержденной министерством, неопределённость в сроках обучения и в структуре учебных планов, отсутствие нормативных критериев оценки качества подготовки выпускников по программе ПБ, а главное – отсутствие общепризнанной, универсальной модели ПБ, подкреплённой соответствующим комплексом учебных дисциплин и программ, хотя бы ориентировочных. Руководитель Центра начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования ФИРО В. Блинов так объясняет сложившееся положение: «Причина разночтения (о сроках обучения) объясняется подвижностью педагогических концепций – тот самый случай, когда «хвост виляет собакой». Сначала появилось само понятие «прикладной бакалавриат», а потом оно стало наполняться разными смыслами. Сегодня есть два основных подхода к прикладному бакалавриату. Первый – это подготовка рабочих с высшим образованием, второй – это полноценный бакалавриат с расширенной прикладной частью, которая прежде всего ориентирована на трудоустройство. Мы придерживаемся второго подхода и разрабатываем соответствующую концепцию» (7).

Итак, фундаментальной проблемой при реализации формата прикладного бакалавриата является отсутствие общепринятого представления о нем и, как следствие, методическая необеспеченность программами, лекционными курсами, практикумами и т.д. В связи с этим, мы хотели бы (в контексте адаптации рабочих программ для дисциплин технических направлений подготовки) высказать ряд соображений, касающихся как организационных, так и методических аспектов проблемы.

Речь идет о так называемых *общих дисциплинах* для профессионально-технической подготовки (физика, теплотехника, гидродинамика и др.) и *культурно-образовательных*, составляющих отдельный блок сугубо бакалаврской подготовки (история, философия и др.).

Рассмотрим для примера методологию преподавания курса «Гидрогазодинамика» (ГГД) – дисциплины, включаемой в учебные планы большинства направлений технической подготовки: машиностроение, строительство, металлургия, энергетика и т.д. На кафедре «Гидравлика» Строительного института УрФУ накоплен многолетний опыт преподавания её самым разным специальностям, включая группы ускоренной подготовки, курсы повышения квалификации и др. (2). Тем не менее, при адаптации курсов ГГД для прикладного бакалавриата программы приходится пересматривать и в плане теории, и, особенно, в плане практических занятий. Учебные пособия становятся скорее учебно-практическими, поскольку содержат весь необходимый материал для практических расчетов, тестов и даже курсовых работ (16). Кроме того, практикум должен быть профессионально ориентированным, т.е. примеры, упражнения и задания следует подбирать в контексте будущих производственных ситуаций и проблем, как бы предваряя использование полученных сведений уже в конкретной профессиональной деятельности выпускника. Для этого преподавателям кафедры Гидравлики приходится углубляться в профессиональные проблемы разных специальностей, участвуя в совместных, комплексных научных исследованиях и даже создавая в итоге обобщающие работы (10).Заметим в этой свя-

зи, что ПБ по направлению строительства даже не был включен в конкурсный отбор для проведения эксперимента, что вызывает недоумение и подтверждает высказанную нами оценку о бессистемности организации и проведения этого мероприятия. Поэтому ведущие строительные вузы страны (Томский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет и др.) сами стали формировать программы ПБ и реализовывать их (11).

На заседании Новосибирского регионального отделения УМО вузов РФ по образованию в области строительства был предложен Проект изменений в ФГОС-3 по направлению 270800.62 «Строительство» (бакалавриат) с анализом ожидаемых последствий их внедрения (9), направленный в Минобрнауки. В него включены три строительных специализации: Архитектура, Строительство и Реконструкция и реставрация архитектурного наследия. Томский архитектурно-строительный университет включил в программы ПБ специализации «Землеустройство и кадастры» и «Строительство» с поднаправлениями: промышленно-гражданское строительство, жилищно-коммунальный комплекс и инженерно-сметная деятельность в строительстве. Этот перечень однозначно указывает на сферы интересов работодателей, в которых им необходимы квалифицированные кадры нужного уровня.

Что касается адаптации для прикладного бакалавриата *программ культурно-гуманитарного профиля*, то на наш взгляд, этот аспект совершенно не проработан. Даже если эти дисциплины и включаются в учебные планы (в весьма урезанном виде – из-за нехватки почасового фонда), то никаких специальных (системообразующих) задач и целей перед кафедрами не ставится. А между тем, их тоже целесообразно «вшивать» в систему подготовки – и концептуально, и методологически. Полагаем, что в программы ПБ технических направлений обязательно должна быть включена такая дисциплина как *«История науки и техники»*, для которой соответствующей кафедрой УрФУ уже несколькими изданиями выпущен хорошо зарекомендовавший себя учебник (8). Однако он может служить лишь надежной общетеоретической основой курса. А в прикладном аспекте было бы крайне полезно и продуктивно дополнять историческую хронологию современными взглядами на методологию научно-технических открытий (11), теорию технических изобретений (13), показывать студентам, как прогнозы специалистов о перспективах научно-технического прогресса совпадают (или не совпадают) с действительной реализацией (17). При таком подходе, технико-технологическая история человеческого общества для будущих работников производственно-промышленной сферы становится не только общеобразовательной, но и профессионально-формирующей дисциплиной (7). Целесообразно подготовить и адекватное практическое обеспечение курса задачниками (18) или учебно-практическими пособиями, снабдив их схемными, типовыми алгоритмами решений, а также хрестоматиями по основным библиографическим источникам.

Программа прикладного бакалавриата является самостоятельной программой, объединяющей в себе преимущества программ ВПО и СПО. Программы углубленной подготовки СПО в пересчете в зачетные единицы составляют примерно 180 з. ед., при этом включая в себя и собственно теоретическую подготовку, и подготовку по профессиональным модулям. В программах прикладного бакалавриата предлагается сохранить этот объем (а при объективной необходимости – и больший) только для теоретической подготовки в логике дисциплинарного подхода. Соотношение примерного объема теоретического и практического обучения может меняться в зависимости от конкретных целей обучения (в т. ч. с учетом специфики направления подготовки, потребностей работодателей и т. п.).

Программа прикладного бакалавриата предусматривает увеличение объема практической подготовки по сравнению с ныне существующими программами бакалавриата. Объем учебной и производственной практики в программе прикладного бакалавриата в среднем в четыре раза больше по сравнению с обычными программами. Общий объем практической подготовки, включающей учебную и производственную практику, лабораторные работы, практические занятия, курсовые работы, должен составлять не менее 50% от общего объема обязательной учебной нагрузки. *Коэффициент практико-ориентированности* программы $K_{ПрО}$ можно определить с помощью следующей формулы:

$$K_{ПрО} = \frac{T_{ЛБП} + T_{КР} + \left(t_{УП} + t_{ПП}\right) + T_{ПДЛ}}{T_{общ} + \left(t_{УП} + t_{ПП}\right) + T_{ПДЛ}} \cdot 100,$$

где $T_{ЛБП}$ – объем (в час) лабораторных и практических занятий; $T_{КР}$ – объем часов на курсовое проектирование, $T_{ПДП}$ – объем в час преддипломной (производственной) практики; $T_{общ}$ – суммарный объем учебной нагрузки (обязательной), час; $t_{УП}$ – объем учебной практики; $t_{пп}$ – объем производственной практики.

Следовательно, хотя принятая «Концепция» определяет прикладной бакалавриат как «новый вид профессионального образования», мы считаем, что он, по сути, является специфическим, практико-ориентированным обучением, задачей которого является подготовка кадров непосредственно для рынка труда, поэтому все методическое обеспечение в вузе (программы, модули, практикумы и др.) должно быть подчинено этой цели, а сама реализация программ должна происходить в двуединстве и сотрудничестве корпорации работодателей и вузовского профессорско-преподавательского сообщества, в интересах реального сектора экономики и с достаточно гибкими, самонастраивающимися механизмами адаптации и обратной связи между промышленностью и вузами (5).

Список литературы

1. Блинов В.И., Дудырев Ф.Ф, Есенина Е.Ю. и др. (авт.-сост.). Концепция создания программ прикладного бакалавриата в системе профессионального образования Российской Федерации. – М.: Федеральный институт развития образования, 2010. – 17 с.
2. Дорошенко В.А., Носков А.С., Некрасов А.В. Опыт ускоренной подготовки инженеров-гидравликов по очно-заочной форме обучения // Сб. мат-в Всероссийского совещания УМК по специальности «Гидравлические машины, гидроприводы и гидропневмоавтоматика». – Пермь, 2009. – С. 126–131.

3. Дорошенко В.А. Диверсификация профессионально-технического образования в контексте социально-экономических проблем монопрофильных городов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XI- Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2013. – Т. 1. – С. 427–435.
4. Дорошенко В.А., Москаленко М.Р. Из опыта преподавания дисциплины «Концепции современного естествознания» в системе дистанционного образования // Научно-методический журнал «Открытое и дистанционное образование». 2012. – № 4 (48), – С. 29-34; Дорошенко В.А., Москаленко М.Р. Дисциплина «Концепции современного естествознания в системе вузовского образования» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. – № 2 (126). – С. 88–94 и др.
5. Дорошенко В.А. Об адаптации учебных программ прикладного бакалавриата в технических вузах / В.А. Дорошенко, В.В. Запарий // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. – № 4 (132). – С. 154–162.
6. Дорошенко В.А. Основы гидрогазодинамики (краткий курс): учебно-практическое пособие для бакалавриата строительных направлений. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. – 74 с.
7. Запарий В.В. Технологическая интерпретация новой истории России / В.В. Запарий, Б.В. Личман, С.А. Нефедов. – Екатеринбург: Регион-Урал. 1999.
8. История науки и техники: учебное пособие / В.В. Запарий, А.В. Бармин, В.А. Дорошенко и др. / Под ред. проф. Запария В.В. – 4-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – 336 с.
9. Надеин А.А. Ожидаемые изменения в ФГОС-3 по направлению 270800.62 «Строительство» (бакалавриат) и последствия их внедрения. – Новосибирск: ФГБОУ ВПО НГАСУ, 2013.
10. Некрасов А.В. Компьютерное моделирование гидродинамических процессов в системах водоснабжения. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. – 307 с.
11. Новиков А.С. Научные открытия: типы, структура, генезис. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 200 с.
12. «О проведении эксперимента по созданию прикладного бакалавриата в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования» Постановление Правительства РФ № 667 от 9 августа 2009 г.
13. Орлов М.А. Нетрудная ТРИЗ (теория решения изобретательских задач): Универсальный практический курс. – М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2011. – 384 с.
14. Поступающим в ТГАСУ: Мы строим будущее! Бакалавриат. 2012. – http://abiturient.tsuab.ru
15. Прикладной бакалавриат: образование выше среднего. Мат-лы «круглого стола», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2013. – http://www.hse.ru/news/avant/7342060,html
16. Прикладной бакалавриат: самое практичное образование. Интервью с руководителем Центра профессионального образования ФИРО В. Блиновым // OPEC.ru / Экспертный сайт «Открытая экономика». 18.01.2014.
17. Рьедматтен Э. де. Изобретения XXI века, которые изменят нашу жизнь / Пер. с англ. Е. Адамович. – М.: ЭКСМО, 2009. – 336 с.
18. Смирнов С.Г. Задачник по истории науки. От Фалеса до Ньютона. – М.: МИРОС – МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. – 368 с.
19. Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии» факультета психологии МГУ / руководитель доктор психолог. наук, проф. А.Г. Шмелёв. – http://teletesting.ru/
20. Что представляет собой «прикладной бакалавриат»? Интервью с директором департамента Минобрнауки РФ Игорем Реморенко – М.: МФПУ «Синергия», Новости образования, 28 мая 2010 г.

Дрогобыцкий И.Н.
д.э.н., профессор, Финансовый университет
dinind@mail.ru

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова: *классификация, научные экономические специальности, область исследований, классификатор экономической науки.*

Keywords: *classification, scientific economic specialties, field of research, classifier of economic science.*

Экономическая наука, как известно, изучает объективные законы развития общества и преследует цель найти ответ на вопрос: как в условиях ограниченных ресурсов люди удовлетворяют свои естественные и духовные потребности? В этой связи основным предметом её изучения являются процессы производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг.

Для лучшего обозрения области экономической науки и понимания её составляющих последнюю разделили на части (в принятой ВАК РФ терминологии «научные специальности»). Естественно, предположить, что выделенные научные специальности полностью покрывают предметную область экономической науки и способны охватить (аккумулировать в себе) все направления диссертационных исследований, которые выполняются в настоящее время и/или будут выполняться в обозримой перспективе. Более того, сложившаяся на текущий момент декомпозиция должна обеспечивать гармоничное развитие всех направлений экономической науки, с одной стороны, и «подталкивать» научное экономическое сообщество к проведению научных исследований на её прорывных направлениях – с другой.

Проанализируем теперь, как выполняются эти пожелания в существующей ныне системе научных экономических специальностей.

Актуальный на текущий момент классификатор экономической науки [1] включает шесть научных специальностей: 08.00.01 – «Экономическая теория», 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством», 08.00.10 – «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.12 – «Бухгалтерский учет и статистика», 08.00.13 – «Математические и инструментальные методы экономики» и 08.00.14 – «Мировая экономика». Специальность «Экономическая теория» покрывает всю предметную область экономической науки и представляет собой основу, на которой формируются другие научные специальности. Специальность «Математические и инструментальные методы экономики» играет роль «соединительной ткани» между всеми научными экономическими направлениями. Специальность «Экономика и управление народным хозяйством» охватывает направления научных исследований, связанные с производством товаров и услуг. Специальность «Финансы, денежное обращение и кредит» объединяет направления научных исследований, позиционирующихся вокруг распределительных процессов в экономике. Специальность «Мировая экономика» является самостоятельным анклавом последних двух специальностей и отсекает от них направления исследований, так или иначе выходящие за пределы национальной экономики. И, наконец, специальность «Бухгалтерский учет и статистика» вообще не ассоциируется ни с каким базовым процессом экономики, а аккумулирует в себе исследования, связанные с триадой функций менеджмента – учёт, контроль и анализ. Таким образом, из четырех базовых экономических процессов действующий на сегодняшний день классификатор научных экономических специальностей более-менее полно «покрывает» производство и распределение и только «чёхом» касается процессов обмена и потребления.

Однако ключевые проблемы классификации экономической науки, как всегда, кроются в деталях. В первую очередь, это касается непропорционального разбиения предметной области экономической науки на специальности, несоблюдения правил декомпозиции и целостности её результатов. Так, специальность 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством» занимает не меньше половины пространства экономической науки (по крайней мере, по объему текста), но покрывает его очень фрагментарно и не отличается логикой построения. Например, вызывает недоумение включение области «Менеджмент» в состав специальности 08.00.05 если учёные давно пришли к мнению, что применительно к экономике понятия «управление» и «менеджмент» являются синонимами [2, 3].

Очень проблемной на текущий момент представляется научная специальность 08.00.12 – «Бухгалтерский учет и статистика». Она чуть ли не самая продуктивная по числу защищаемых диссертационных работ, особенно в своей первой части, хотя многие представители экономической науки считают бухучет просто профессиональной деятельностью. Те научные положения, которые выносятся на защиту в диссертациях по бухгалтерскому учету, в лучшем случае «тянут» на рационализаторские предложения, заслуживающие премиального вознаграждения, но никак не присуждения ученых степеней в области экономики. Вывод этой функции менеджмента на столь высокую научную орбиту (орбиту отдельной научной специальности) состоялся в годы советской планово-распределительной экономики, когда учету придавалось политическое звучание. Теперь планово-распределительной экономики не стало, а поли-

тическое звучание учета продолжается. Настало время «уравнять в правах» функцию бухгалтерского учета с другими функциями менеджмента.

На рис. 1 приведена модель ВАКовской классификации экономической науки, сложившаяся на текущий момент и зафиксированная в действующих нормативных документах. На базовой платформе, сформированной из известных законов, закономерностей и общих положений, полученных в рамках научной специальности 08.00.01 – «Экономическая теория», «произрастают» четыре разновеликие дерева, символизирующие самостоятельные научные специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством», 08.00.10 – «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.12 – «Бухгалтерский учет и статистика», 08.00.14 – «Мировая экономика». Кроны деревьев частично перекрывают друг друга, что следует интерпретировать как взаимную диффузию научных результатов в пограничных областях. Научная специальность 08.00.13 – «Математические и инструментальные методы экономики» изображена в виде соединительной плоскости, которая пронизывает кроны деревьев, символизирующие научные экономические специальности, и придает дополнительную устойчивость всей классификационной конструкции. Как видно, контуры соединительной плоскости в точности повторят контуры базовой платформы, что свидетельствует о единстве и системообразующем начале отображаемых ими научных специальностей.

Предлагаемая система научных экономических специальностей должна унаследовать лучшие качества старой системы (возможно, её нескольких предыдущих поколений) и отражать то «светлое будущее», к которому стремится коллективная душа научного экономического сообщества. На рис. 2 приведена её модель. Она незначительно (с шести до восьми) увеличивает число классификационных группировок (читай научных экономических специальностей), но коренным образом перетасовывает их состав и внутреннее содержание.

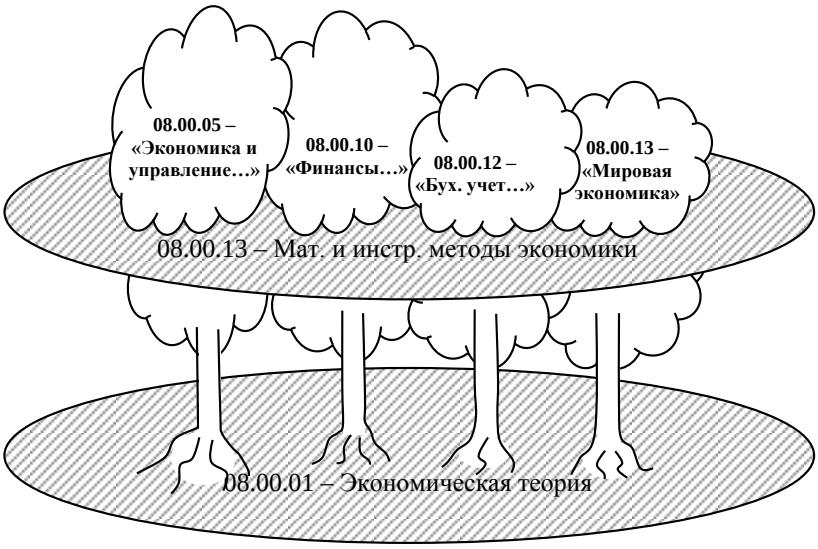


Рисунок 1.
Модель сложившейся системы научных экономических специальностей

Необходимость выделения системного анализа в отдельную научную экономическую специальность назрела давно. Уже с середины прошлого века при решении масштабных экономических проблем – послевоенное восстановление народного хозяйства, создание ядерного оборонного щита, строительство Байкало-Амурской магистрали – в той или иной степени применялась методология теории систем и системного анализа. Однако с началом рыночных реформ это явление стало массовым. Высокая динамика экономической среды порождает множество оригинальных экономических проблем, для которых не существует отработанных методик решения. В таких условиях системный анализ остается чуть ли не единственной методологией, позволяющей получать приемлемые результаты.

Предметная область новой научной экономической специальности 08.00.03 – «Системный анализ в экономике» представляет собой все пространство, заключенное в эллипсовидном цилиндре, выстроенном на базовой платформе, ассоциируемой с научной специальностью 08.00.01 – «Экономическая теория». По существу, все другие научные экономические специальности как-бы погружены в пространственную среду системного анализа. Такая «геометрия» специальности 08.00.03 очень хорошо сочетается с новой системной парадигмой Яноша Корнаи, в соответствии с которой под системой понимается относительно обособленная устойчивая часть реального мира, характеризующаяся внутренним многообразием и внешней целостностью [4]. Это является своего рода гарантом постоянного развития экономической науки, ибо те её направления, которые не значатся в перечнях других научных экономических специ-

альностей, можно будет развивать в рамках специальности 08.00.03 – «Системный анализ в экономике», предварительно «высекая» часть неизведанного экономического пространства в качестве объекта исследования.

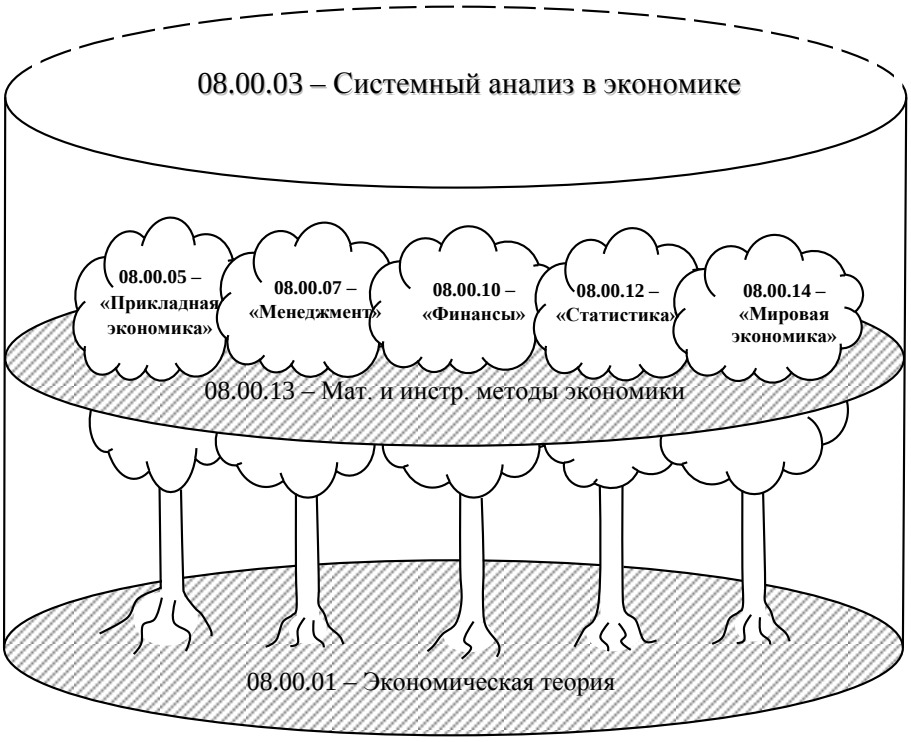


Рисунок 2. Модель предлагаемой системы научных экономических специальностей

Новая научная специальность 08.00.05 «Прикладная экономика» образуется на базе старой специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством». Такое её название предложено чтобы подчеркнуть возможность применения (прикладывания) научного подхода к изучению любого элемента экономики: экономической системы различного масштаба (предприятие, отрасль, комплекс, регион, страна, мировое хозяйство), типа (проект, процесс, объект, среда); этапа её жизненного цикла (замысел, учреждение, бурный рост, становление, расцвет, стабилизация, аристократизация, бюрократизация, банкротство, ликвидации); отрасли (промышленность, строительство, сельское хозяйство, лесное хозяйство, транспорт, связь, торговля, общественное питание, информационно-вычислительное обслуживание, образование, культура, искусство, наука, здравоохранение, физическая культура, спорт, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная защита, бытовое обслуживание населения); фактора производства (земля, труд, капитал, природные ресурсы, предпринимательская инициатива, инвестиции, знания); экономической процедуры (ценообразование, логистика, стандартизация, управление качеством, сбыт, научное обслуживание, утилизация отходов); экономического блага (природное, производимое, частное, общественное) и др. В принципе наработанная методология научных исследований может быть применена (приложена) и к новым, еще не выделенным элементам экономики, которые будут формироваться и проявляться по мере её развития.

В рамках специальности 08.00.07 – «Менеджмент» предполагается сконцентрировать все направления диссертационных исследований, относящиеся к организационному управлению в экономике. Причем вопросы управления могут рассматриваться в различных ракурсах [5, 6, 7]: *функциональном* (целеполагание, маркетинг, прогнозирование, планирование, организация, мотивирование, учет, контроль, анализ, регулирование) в рамках классического управленческого контура; *ролевом*, (воздействия, отношения, лидерство, связи, администрирование, коммуникации) в зависимости от уровня выработки, принятия и реализации управленческих решений; *факториальном*, учитывающем целое множество факторов управления в т.ч. корпоративную культуру, сектор и отрасль экономики, оргструктуру хозяйствующего субъекта, его размер и стадию жизненного цикла, уровень иерархии, функционал и ответственность лиц, принимающих решения, их опыт и стиль руководства, а также тенденции и давление внешней среды; или *позиционном*, в котором выработка, принятие и реализация управленческих решений зависит от позиции (местоположения) менеджера в управленческом процессе (поддержание рабочих процессов, осуществление внешних контактов, обеспечение взаимодействия, дистанционное управление, укрепление корпоративной культуры, стратегическое вмешательство, революционное управление, консультирование). Разумеется, в рамках этой научной специальности долж-

ны «найти пристанище» направления, относившиеся ранее к областям исследования «Бухучет», «Аудит» и «Контроль» специальности 08.00.12 – «Бухгалтерский учет и статистика».

Изменения в составе и содержании других новых экономических специальностей предполагаются не столь масштабные.

Приведенные здесь сведения призваны убедить читателя в том, что для надлежащего функционирования системы аттестации научных кадров необходимо провести её серьезную реструктуризацию. Она должна касаться всех отраслей науки и проводиться в общегосударственном масштабе. Более того, для своевременного предупреждения аналогичной ситуации в будущем целесообразно организовать постоянный мониторинг научной сферы и вовремя информировать её организаторов (Минобрнауки, Российскую академию наук, Совет ректоров российских вузов и непосредственных руководителей научных учреждений) о возможном обострении противоречий и наступлении неблагоприятных событий, что должно стать побудительным мотивом к её очередной реструктуризации.

Список литературы

1. Паспорта специальностей. 2017. – 18 мая. – http://vak.ed.gov.ru/316; jsessionid=olcewfbWXsao0OARGrRcJe9h
2. Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдеррогге Н.Г. Всеобщая история менеджмента. – М.: ЭЛИМА, 2006. – 514 с.
3. Янчевский В.Г., Седегов Р.С. Теория системного менеджмента. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
4. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 4. – С. 4–22.
5. Дрогобыцкий И.Н. Системная кибернетизация организационного управления. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2016. – 333 с.
6. Райзберг Б.А. Курс управления экономикой. – СПб.: Питер, 2003. – 528 с.
7. Минцберг Г. Действуй эффективно: лучшая практика менеджмента. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

Зеленцова Л.С.
д.э.н., профессор, Институт отраслевого менеджмента ГУУ
zelentsovals@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГИБКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *гибкое образование, гибридные знания, государственный образовательный стандарт, модернизация, непрерывное образование, онлайн-образование, профессия будущего, цифровая экономика, цифровые компетенции.*

Keywords: *flexible education, hybrid knowledge, state educational standards, modernization, continuing education, online education, the profession of the future, digital economy, digital competence.*

Потребность современного общества в гибкой системе высшего образования диктуется появлением множества новых технологий, которые в ближайшем будущем окажут сильнейшее влияние на содержание и формы базовых сфер человеческой жизнедеятельности – экономики и управления, науки и безопасности. Характерной особенностью ближайшего будущего является неминуемое проникновение в нашу жизнь цифровых технологий. «Это обусловлено прогрессом в областях микроэлектроники, информационных технологий и телекоммуникаций. Таким образом, цифровизация – процесс объективный, неизбежный и остановить его невозможно»[1].

Новые информационные цифровые технологии не только интенсивно меняют нашу жизнь, но и структуру занятости на рынке труда. По различным прогнозам в течение десяти последующих лет появятся такие профессии, которые на сегодняшний день трудно даже представить.

В Microsoft и The Future Laboratory провели исследования, результаты которого опубликованы в британском издании The Independent, с прогнозом десяти наиболее вероятных профессий будущего, которые показывают необходимость формирования новых подходов к определению содержания образования с позиций накопления гибридных знаний, форм передачи обучающимся и скорости их обновления (табл. 1)

Таблица 1

Десять профессий будущего[2]

До 2025 года		После 2025 года	
Профессия	Области знаний	Профессия	Области знаний
Дизайнер виртуальной среды обитания	Архитектурный дизайн, редакторское дело, психология, геймдизайн	Космический гид	Астрономия, социо-культурный сервис и туризм, безопасность, менеджмент
Адвокат по робоэтике	Коммуникации, философия, этика.	Куратор личных данных	IT-технологии, психология, социальные сети
Digital-комментатор культуры	история искусств, бизнес, PR и маркетинг.	Инженер по восстановлению окружающей среды	Реабилитация экосистем, биология (восстановление вымерших видов растений и животных)
Биохакер на фрилансе	Биологические науки, медицинская методология, анализ данных	Разработчик средств постоянного питания	Энергетика, химия, материаловедение (энергия солнца и батарей)
Аналитик данных «Интернета вещей»	Инженерное дело, решение проблем, коммуникации и предпринимательство	Дизайнер человеческого тела	Биоинженерия, медицина, материаловедение, функциональное моделирование

В этой связи, наверное, следует согласиться с мнением Брюса Вудкока из Кентского университета Великобритании, который причисляет к профессиям будущего онлайн-преподавателей, поскольку уже сейчас наблюдается устойчивая тенденция предпочтения молодыми людьми обучения в сетях, обучению в университетских аудиториях[3].

Очевидны определенные преимущества онлайн-образования – от мобильности курсов до охвата аудитории как по численности, так и по неограниченности географии. Для того чтобы организовать онлайн-обучение (**лекции и видео-курсы, семинары и онлайн-курсы, тренинги**), требуется лишь доступ в Интернет и подходящая техника. Не случайно спрос на онлайн-преподавателей заметно растет. **В последние годы очень популярными стали веби-**

[1] Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. – М.: ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с. (На пороге «цифрового будущего». Кн. 1).

[2] 10 профессий будущего: что будет в 2025 году и позже. – https://www.ucheba.ru/article/3229

[3] Профессия будущего. Почему преподавателям следует уйти в онлайн. Новое время. – https://postupi.online/journal/novie-professii/professia-budushego-pochemu-prepodavateliam-stoit-uyti-v-online/

нары на самые различные темы. Как и любое обучающее мероприятие вебинар требует «проверки качества». Традиционно это делают сами тренеры, используя различные формы обратной связи и тестирования. Но одно дело, когда вебинары проводятся в рамках образовательных программ университета, где такая проверка предусмотрена на нескольких уровнях. Другое дело, если это инициатива любительская. Здесь трудно говорить о контролируемости процессов, что чревато негативными последствиями.

Очевидно, что базовое высшее образование все-таки остается привилегией классических вузов. Но когда возникает необходимость максимально возможного приспособления системы образования к новым условиям, обеспечения ее релевантности, эффективности и результативности в создании кадрового потенциала для нового гибридного мира, порожденного слиянием реального и виртуального миров, востребованы другие, более мобильные, формы образовательной деятельности. Тем более, когда речь идет о прорывных компетенциях.

Современная система высшего образования в России представляет собой симбиоз директивного и рыночного. Директивная составляющая – это Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) см. рис. 1.

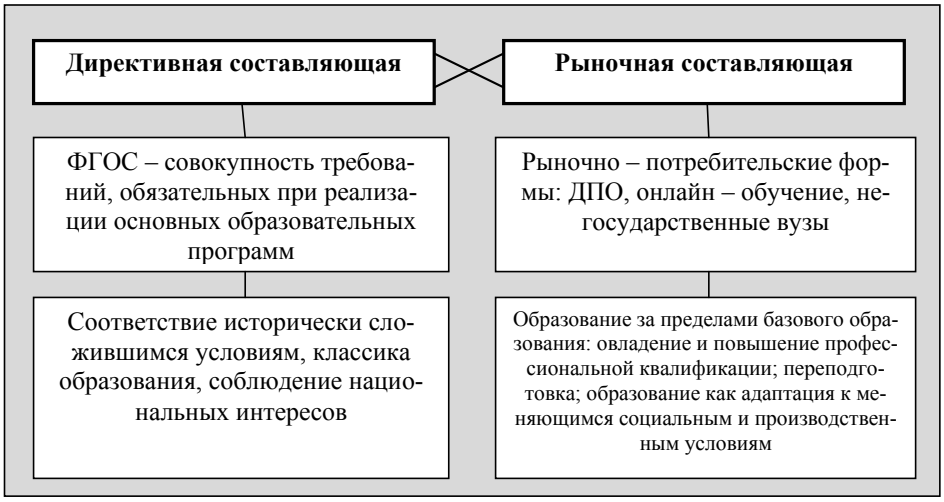


Рисунок 1.
Современная система высшего образования в России

Если ранее ГОСы определяли перечень дисциплин и минимум их содержания, то ФГОСы стали более демократичными. Реализуя компетентностный подход, стандарт 3+, например, задавал общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, давая свободу вузам в выборе дисциплин. Проект ФГОС 3++, появившийся недавно на сайте Министерства образования и науки РФ, задает обязательные требования к универсальным и общепрофессиональным компетенциям, профессиональным задачам, которые должны быть определены профессиональными стандартами, к объемам нагрузки. Работа над профессиональными стандартами ведется несколько лет, но не успевают их утвердить, как необходимо вносить изменения. Кроме того, стандарты разрабатываются для уже сложившейся профессии. Имеют место случаи, когда образовательные стандарты разрабатываются на уже исчезающие профессии. Так, например, в статье Юрия Пахомова приводится курьезный пример разработки образовательного стандарта по профессии «Web-мастер», которая к 2017 году практически прекратила свое существование. Ей на смену пришла другая профессия, наполненная другим содержанием и навыками, «Фронтенд-разработчик»[1].

Безусловно, «образование является важнейшим ресурсом развития общества и его значение возрастает ускоряющимися темпами. Быстрое устаревание приобретенных знаний ставит задачу переноса акцента в подготовке на привитие культуры саморазвития и на освоение инструментов непрерывного обучения»[2]. В рамках ФГОС крайне сложно перестроиться на интенсивно меняющиеся потребности рынка в новых знаниях и компетенциях. Представляется, что не обязательность содержания образования, а развитие способности приобретать профессиональные знания, воспитание гражданской позиции, укрепление нравственных основ личности становятся приоритетами образовательной деятельности. Образовательная сфера – это благоприятная среда для выявления и развития творческих способностей, формирования навыков самообразования и самореализации личности. В этой ситуации необходима такая система образования, которая способна не только предвидеть будущие требования к знаниям, умениям и навыкам, но и превентивно подготовиться к ним.

Принятая в России Госпрограмма «Национальная технологическая инициатива» (НТИ) ставит целью глобальное технологическое лидерство России к 2035 году. Для решения данной амбициозной задачи необходимы квалифи-

[1] Пахомов Ю. Построение цифровой экономики: что может дать система профессионального образования? – https://www.itweek.ru/gover/article/detail.php?ID=196685

[2] Савенкова Т. И. Инновационное развитие системы профессионального образования // Молодой ученый. 2014. – № 21.2. – С. 4–6. – https://moluch.ru/archive/80/14498/

цированные кадры. Возникает острый вопрос: кто в России примет на себя ответственность за подготовку кадров для, например, цифровой экономики. Есть прецедент. Агентство стратегических инициатив (АСИ) в ноябре 2017 г. представило образовательное учреждение нового типа – «Университет НТИ 20.35», который по задумке его организаторов должен стать кузницей образцовых кадров по специальностям цифровой экономики[1]. В чем его принципиальное отличие? Во-первых, это отказ от образовательных стандартов, государственной аккредитации и государственного финансирования, наличия здания и диплома. Во-вторых, это сетевая организация функционирования университета с использованием возможностей рейтинговых образовательных организаций и цифровых образовательных платформ, лучших курсов и моделей обучения, которые существуют в различных вузах. И такие известные вузы, как Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Московский физико-технический институт, Новосибирский государственный университет, Томский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет, выразили готовность участвовать в реализации одного из главных проектов НТИ «Кадры и образование». Для участия в программе в сотрудничестве с университетом НТИ 2035 будут отбираться лучшие вузы, имеющие лучшие практики.

А что же будет с остальными университетами и институтами? Общее образование с его стандартами базовых знаний и умений, безусловно, будет развиваться. Но включение в образовательный процесс новых информационных и коммуникационных технологий – это еще не решение проблемы. Необходимо кардинальное изменение форм предложения знаний и содержания образовательного процесса. Важнейшая задача вуза заключается в том, чтобы развивать у студентов способность мыслить, способность учиться и переучиваться в зависимости от изменяющейся среды. Что же касается прорывных компетенций, то это не только забота государства, но и крупных компаний, поскольку освоить их можно только в условиях практической профессиональной работы, в совместных проектах и научных исследованиях. И это касается не только студентов, но и научно-педагогических кадров. Для преподавателей необходимо создать государственную систему повышения квалификации в области новейших технологий реализации образовательной деятельности и инновационных подходов к реализации учебного процесса.

Вселяет некоторый оптимизм утвержденный 25 октября 2017 года Правительством приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», целью которого является обеспечение условий для развития непрерывного образования, повышения качества и доступности образования. Первые ощутимые результаты реализации этого проекта ожидаются к 2025 году[2]. Отметим, что в Китае реализуемая «Глобальная государственная программа развития Made in China 2025» ставит целью мировое лидерство в цифровой экономике к 2025 г.

[1] http://2035.university/news/asi-zapustilo-universitet-nti-20-35-chtoby-gotovit-kadry-dlya-tsifrovoy-ekonomiki.html

[2] Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» был утвержден Правительством Российской Федерации 25 октября 2016 года в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы.

Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., в.н.с. Института проблем управления РАН

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ключевые слова: *вуз, оценка, критерии, стимулы, результативность, ресурсы, эффективность.*
Keywords: *university, evaluation criteria, incentives, effectiveness, resources, efficiency.*

Ныне действующая система оценки эффективности вузов в Российской Федерации создает такие стимулы, что собственно учебный процесс, студенты и их подготовка фактически становятся лишними. Основной акцент делается на научную работу. Таковы, например, критерии оценивания вузов, претендующих на дополнительное ресурсное обеспечение (иногда кратно превышающее обычное) в рамках известной программы «5-топ-100». На первый взгляд, это должно способствовать привлечению в вузы ведущих ученых и развитию при вузах инновационных предприятий, повышению уровня научной квалификации преподавательского состава и, в конечном счете, качества обучения студентов, которые также могут раньше приобщаться к передовым исследованиям. Однако такое изменение критериев и стимулов создает существенные риски для российского образования, науки, реального сектора экономики.

Фактически, внедряемые в настоящее время критерии оценивания вузов по их «научной составляющей» – это критерии, адекватные западной системе организации науки, в которой значительная часть научных исследований проводится в университетах (впрочем, и насаждаемый стереотип о том, что «за рубежом вся наука делается в вузах», не подтверждается объективными статистическими показателями[1]). Насколько в самом деле эффективен, особенно в российских условиях, перенос «центра тяжести» научных исследований в вузы – предмет отдельного анализа, в т.ч. экономического. Если задача состоит в интеграции науки и образования, в том, чтобы подготовка обучающихся велась на передовом оборудовании, силами ведущих специалистов и т.п., тогда эффективнее система базовых кафедр, особенно в условиях «малой» страны (а Россия таковой и является, с точки зрения масштабов экономики и научно-технологического комплекса). В статье [3] авторы – выпускники и преподаватели вуза, который стал пионером в развитии соответствующей системы, изложили качественные предпосылки для последующей количественной оценки ее экономической эффективности в сравнении с моделью «переноса науки в вузы».

Целесообразно сосредоточиться на эффективности работы вузов именно как образовательных учреждений, на качестве подготовки квалифицированных кадров и их полезности для национальной экономики, обеспечения национальной безопасности. Сторонники «вестернизации» российского высшего образования аргументируют необходимость «выращивания в вузах собственной науки» тем, что и качество обучения студентов растет, если их обучают выдающиеся ученые.

Однако для этого необязательно переносить научную деятельность в стены вуза – выше упомянута система базовых кафедр. Следует подчеркнуть, что действующему активному ученому для того, чтобы сохраниться именно в этом качестве, категорически нельзя нести высокую учебную нагрузку (а, тем более, отягощенную бюрократическими формальностями, объем которых в российском образовании многократно возрос за несколько последних лет). Как правило, преподаватели базовых кафедр ведущих российских вузов, практикующих такую систему, являются совместителями и читают 1–2 пары лекций в неделю, исключительно авторские курсы на основе научных результатов, полученных ими и их учениками, а также занимаются научным руководством студентами старших курсов и аспирантами. Такая форма участия ученых в образовательной деятельности представляется не просто оптимальной, но единственно допустимой. В то же время, значительную часть процесса обучения студента в вузе занимает изучение фундаментальных курсов и общепрофессиональных дисциплин. С одной стороны, для их преподавания необязательно находиться на переднем крае науки. С другой стороны, это наиболее трудоемкая часть учебного процесса, требующая наличия профессиональных преподавателей с полной занятостью.

Даже в ведущих зарубежных университетах участие выдающихся ученых в образовательном процессе, как правило, либо не выходит за рамки вышеописанной «естественной» модели, либо зачастую становится формальным. Т.е. фактически наиболее трудоемкую учебную работу (в значительной степени закладывающую у студентов основы понимания науки и будущей профессии) ведут на временной основе аспиранты, постдоки и т.п. помощники. Поскольку и для них это не является основной работой, а скорее, побочной обязанностью, отношение к ней варьирует в широком диапазоне, как и ее качество. Педагогические способности таких преподавателей также могут быть различными.

[1] Более детальный анализ показывает (см. [1, 2]), что в реальности в США и странах ОЭСР на долю университетов приходится лишь около 1/7 стоимостных объемов НИОКР. Приблизительно такой же объем НИОКР выполняется национальными исследовательскими лабораториями (аналогами отечественных академических НИИ), но гораздо бóльшая доля – около 70% – приходится на исследовательские подразделения компаний. В свою очередь, значительная доля объема НИОКР передается субподрядчикам в рамках аутсорсинга, что затрудняет оценку истинной структуры зарубежной науки.

Таким образом, даже в наиболее престижных зарубежных университетах некорректно утверждать, что «наших студентов учат нобелевские лауреаты», даже если они и в самом деле представлены в числе его профессоров.

Следовательно, даже декларируемая цель обсуждаемых здесь стимулов для вузов (чтобы студентов обучали более сильные ученые) вряд ли будет достигнута – и, в то же время, есть более естественные и экономически эффективные способы ее достижения. Но более того, внедрение обсуждаемых критериев базируется на концептуальной ошибке, которую стоит обсудить особо.

Когда в число критериев эффективности вуза вводятся показатели научной результативности его преподавателей, это говорит о непонимании или сознательном искажении понятия «эффективность». Традиционно в экономике, технических дисциплинах и т.п. под эффективностью понимается измеренное тем или иным образом соотношение затрат и результатов, «входа» и «выхода». В случае образовательного учреждения качество его преподавательского состава – это, в любом случае, лишь «вход», как и качество абитуриентского корпуса, которое сейчас измеряется средним баллом ЕГЭ поступивших – и, что примечательно, тоже относится к важнейшим показателям оценки работы вуза. Качество «входного материала», бесспорно, следует повышать – но такой критерий, в лучшем случае, характеризует эффективность работы соответствующих подразделений вуза, работающих с абитуриентами и привлекающими их[1], но ни в коем случае не вуза в целом – хотя, конечно, определенная обратная связь между истинной эффективностью работы вуза и его привлекательностью для абитуриентов есть. Но все-таки привлекательность вуза для сильных абитуриентов – лишь возможный признак его успешности, но никак не ее непосредственный показатель.

Если «вход» выше при одинаковом «выходе», результативности работы вуза, это, наоборот, говорит о его низкой эффективности. В то же время, показателей результативности работы вузов как образовательных учреждений в настоящее время практически не используется (используются, опять-таки, показатели научной результативности – количество научных работ, доход от выполнения НИОКР и т.п.). В строгом смысле слова такими показателями могут быть лишь объемы и качество подготовки выпускников, которое, как правило, измеряется апостериорно – по итогам их дальнейшей работы в науке, экономике, государственном управлении и т.п. Не полностью адекватными и полными, но, по крайней мере, релевантными показателями качества обучения могут быть показатели доли выпускников, работающих по специальности, их средней зарплаты и т.п. Разумеется, сам сбор необходимой статистической информации гораздо сложнее, чем сбор данных, ныне используемых для оценки вузов – хотя бы потому что они собираются «внутри» вуза, тогда как следует собирать информацию вне его. Но продолжая измерять ныне используемые показатели оценивания вузов, и ученые, и органы государственного управления «ищут под фонарем, а не там, где потеряли». Простота и малая трудоемкость сбора данных не является основанием для использования явно некорректных критериев. При этом вузы, действительно заботящиеся о будущем своих выпускников, имеют необходимые инструменты не только для информационного контакта с ними, но и для разнообразного продуктивного взаимодействия – начиная с клубов выпускников, в т.ч. играющих роль меценатов или работодателей для своих преемников, и заканчивая центрами трудоустройства и послевузовского сопровождения карьеры. И если в 1990-е гг., в период переформатирования рынков труда и отраслевой структуры экономики, бессмысленно было учитывать доли выпускников, работающих по специальности, даже в самых престижных российских вузах[2], то в настоящее время уже сложилось некоторое равновесие. Рынки труда и рынки образования пришли в соответствие друг другу по структуре, и, например, чтобы стать финансистом, сейчас лучше все-таки учиться на специальности «финансы», чем на специальности «аэродинамика летательных аппаратов». Поэтому измерение результативности работы вуза по показателям трудоустройства его выпускников по специальности сейчас вполне возможно и состоятельно. В свою очередь, далее можно вводить показатели среднего уровня дохода, темпов карьерного роста и т.п. – причем, именно для трудоустройства по специальности.

Необходимо сделать естественной и корректной систему критериев оценивания и, в конечном счете, целей развития российских вузов. Нынешняя система стимулов, еще раз подчеркнём, приводит к «вымыванию» собственно учебной работы, образовательной деятельности как «непрофильной», мешающей достигать высоких показателей публикационной активности или коммерциализации РИД. Вышеописанные показатели результативности работы вузов именно как образовательных учреждений должны при оценке эффективности стоять в числителе, а «ресурсные» по сути показатели потенциала вуза, в т.ч. показатели квалификации его преподавательского состава – в знаменателе. Только такой подход можно признать корректным при оценке эффективности работы вуза, исходя из смысла термина «эффективность».

Также следует учитывать, что действительно квалифицированные и конкурентоспособные выпускники весьма мобильны на рынках труда, в т.ч. глобальных. Проще говоря, действительно сильные выпускники ведущих вузов могут уезжать за границу. В связи с этим возникает вопрос о полезности таких вузов и факультетов для экономики России, в т.ч. высказываются весьма радикальные мнения – «зачем за счет российского госбюджета учить наших будущих конкурентов и даже врагов?», предлагаются различные ограничительные меры и штрафные санкции для уезжа-

[1] В свою очередь, еще нужно уточнить, насколько полезно для вуза и самих абитуриентов привлечение абстрактных «сильных» поступающих с высоким баллом ЕГЭ, который, зачастую, совсем не свидетельствует о заинтересованности будущего студента в обучении именно в этом вузе, именно по этой специальности. Важнее для соответствующих подразделений профориентационная работа, позволяющая отобрать «своего» абитуриента. Но это уже – в основном, проблемы самой системы ЕГЭ (причем, концептуальные, не имеющие отношения к качеству экзаменационных заданий и их проверки – проблемы, обусловленные его «единым» характером), которые выходят за рамки данного доклада.

[2] При этом питомцы ведущих естественнонаучных и инженерных вузов и факультетов становились (отнюдь не в порядке исключения, а массово) успешными бизнесменами, финансистами и т.п., что не говорило непосредственно о том, что своей «прямой» специальности в этих вузах учили плохо.

ющих за рубеж выпускников. Аналогичные радикальные меры предлагаются в отношении соответствующих вузов (т.е. они учат «слишком хорошо», и это якобы вредно и опасно). Однако, даже разделяя опасения авторов таких предложений в части рисков для национальных интересов России, с такими предложениями нельзя согласиться. Здесь следует четко разделять эффективность работы вуза, задача которого – качественно научить, подготовить квалифицированного выпускника, и эффективность работы «отраслей-потребителей» кадров, т.е. отечественной науки, реального сектора экономики, государственного управления и т.п. Если они не способны результативно (с точки зрения российской экономики и национальной безопасности) задействовать качественный «входной материал» в виде выпускников вузов, обеспечив их конкурентоспособной зарплатой и т.п. – это говорит об их низкой эффективности, но не вузов. Поэтому показатели трудоустройства, карьерного роста, уровня доходов и т.п. выпускников, работающих как в России, так и за рубежом (отдельно, а не только агрегированно), безусловно, важно собирать и анализировать. Но применительно к оценке работы вуза они могут носить лишь справочный, а не нормативный характер.

С одной стороны, вышеприведенные рассуждения кажутся автору интуитивно очевидными. С другой стороны, судя по тематике научных и практических работ, выполняемых в сфере оценивания российских вузов, и, главное, судя по реальным мерам, предпринимаемым в этой сфере, такой элементарный качественный анализ этих проблем не является ни совсем уж банальным, ни лишним.

Список литературы

1. Варнавский В.Г. Интеграция науки и образования в России и инновационный процесс // Материалы Десятых Друкеровских чтений «Посткризисные очертания инновационных процессов». – М.: ИПУ РАН, 2010. – С. 50–55.
2. Иванова Н.И. Наука в глобальной экономике // Отечественные записки. – М., 2002. – № 7.
3. Рождественская С.М., Клочков В.В. Экономический анализ эффективности реструктуризации фундаментальной науки и образования в России // Управление инновациями – 2014: Материалы международной научно-практической конференции 17–19 ноября 2013 г. / Под ред. Нижегородцева Р.М. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2014. – С. 219–225.

Коломейцев А.Е.,
Лябина Н.П.[1]

ПРИНЦИП ОЗАРЕНИЯ В РАЗВИТИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: ДОГАДКИ ДЕМОКРИТА

Ключевые слова*: атом, действительность, познание, истина, догадка, одаренность.*
Keywords*: atom, the validity, knowledge, truth and conjecture, capability.*

В построении духовного мира человека существенную роль играет творческая сила мышления, реализующая себя в мире познания как озарение.

Озарение – это светоносный взрыв в сознании человека, освещающий мир действительности в свете научной истины. Но само становление такого рода мышления имеет длительную когнитивную историю.

Уже в древнегреческой философии и науке мы обнаруживаем открытие и закладку таких организационных принципов сознания, которые позволили построить современный научный мир как мир истины и знаний. Пытливая мысль человека объективировала тождество сознания и действительности через принцип соответствия, а само их соответствие стало называться истиной. Такая трактовка истины заложена явным образом в учении Демокрита (460–370 гг. до н.э.), который определял гносеологический статус действительности посредством понятия истины.

Неразрывность действительности с познанием и истиной составляет важную особенность теории познания Демокрита. По его убеждению, нет ничего истинного и научно постигаемого, кроме первых элементов: атома и пустоты.

Действительность Демокрита структурирована, субстанциальна, причинностна, сущностна, а принципы симметрии и изономии, реализующиеся в ней, позволяют ему осуществить бинарный синтез противоположностей: атомов и пустоты в структурности, конечного и бесконечного в субстанциальности, необходимости и случайности в причинности, внешнего и внутреннего в сущностном и т.д. Его исследовательская программа в отношении к действительности при этом носит не только аналитически-разделяющую, но и синтетически-конструктивную форму: он строит физическую модель мира и использует все кирпичики, которые находит в природе, ибо в действительности нет ничего лишнего. Поэтому в организации мировой системы Демокрит находит место не только необходимости, но и случайности, не только порядку, но и беспорядку, т.е. единству противоположных сторон объективности.

Конструктивные функции ума дополняются определенной концептуальной платформой, поскольку «простая истина состоит в том, что ни измерение, ни эксперимент, ни наблюдение невозможны без соответствующей теоретической схемы» [8].

Структурные особенности и принципы построения своей модели космического устройства показываются, а не доказываются Демокритом, а соответственно – диалектика становления космоса у него не дополняется диалектикой организации мышления, поэтому в своей оценке гипотетических конструкций древнегреческих атомистов Энгельс называет их «гениальной догадкой» [4], в которой мир дан в общем, как одно целое: «всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания» [5].

Стохастический генотип – это врожденная способность человека к догадке, а в жизненном целом – это умение человека вдумываться в ситуационные (теоретические или практические) проблемы или задачи и в их решении мысленно точно попадать в цель (попасть в самую точку). Бинарная особенность в расчленении анализируемого предмета является характерной чертой философии Демокрита. При этом «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними» [2] Демокрит понимает не только как гносеологический акт анализирующего сознания, но и как действительный процесс самореализации материи. В трактовке качества Демокрит исходит из материалистического принципа, признающего, что, прежде всего «существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами» [6].

Гносеологическая позиция Демокрита определяет и его отношение к хаосу. В отличие от Пифагора и Платона, он не отступает перед трудностями логического рассмотрения этой категории, а придает ей статус неупорядоченного движения.

Космос Демокрита есть определенного рода устройство, построенное на принципах причинной связи. Нет ни в чем существующем нематериального начала – таков основной принцип атомистического учения Демокрита.

Материя в учении Демокрита имеет форму телесного и бестелесного, но будучи единством всеобщего рода, «пустота» в качестве материального пространства гетерономна в своих определениях и может выступать, по мысли Демокрита, со стороны существенного в некоторый данный момент признака: Характеристическая множественность

[1] Коломейцев Александр Евгеньевич – к.филос.н., н.с. Центра «Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики» Института «Высшая школа образования» МПГУ. Лябина Надежда Петровна – специалист по учебно-методической работе Института «Высшая школа образования» МПГУ.

пространственных обозначений связана у Демокрита с формами движения атомов в рамках фиксированного состояния физической системы. Структурировав состояния и движения материального мира в их имманентных схемах и явно выраженных процессах, Демокрит концептуализировал грамматические основы естествознания, последующее развитие которого конкретизировало языковую адекватность его представлений о действительности в виде ее отображения в форме научной истины. «Используя терминологию синергетики, – отмечает Г. Хакен, – можно сказать, что языки – это параметры порядка, подчиняющие себе подсистемы, которыми являются люди» [7].

В современном образовании необходимо формирование мультипараметрических системно-структурных объектов. Проведем анализ в логике предметного подхода, создав модель образовательного процесса, исходя из представления о субъектах как об «атомах» Демокрита, а межсубъектной среде как «пустоте» Демокрита. Контент (содержание) будет представлен в виде линейно-узловых сетей межличностной коммуникации.

В современных гуманитарных исследованиях огромное внимание уделяется формированию и развитию одаренности у детей. В то же время, при большом арсенале методик, отвечающих на вопрос «Что делать для формирования одаренности?», существует мало конкретных, четко описанных дидактических приемов, отвечающих на вопросы «Как формировать одаренность?», «Каких детей можно считать одаренными?», «С какими целями и для каких задач развивать детскую одаренность?», «Сколько стоит вырастить одаренного ребенка?», «Каков экономический эффект от придания ребенку функции одаренности, положительный он или отрицательный, есть ли вообще?».

С другой стороны, возникают вопросы, говорящие об обратной связи (от ребенка к взрослому): «Как выявить «скрытую» одаренность учителей и родителей или сформировать ее?», «Каких взрослых можно считать одаренными?», «Зачем нужны одаренные взрослые – родители и учителя?»

В предложенной авторами многоуровневой модели развития учеников атомизированность в том или ином виде присутствует на всех уровнях, особенно усиливаясь на уровнях, далеких от среднего – это уровни когнитивной деградации (идиотия, дебилизм) и уровни когнитивного конструктивизма (талант и гениальность). На уровнях когнитивной деградации атомизацию можно назвать внешне обоснованной (то есть навязанной извне жесткими условиями среды, в которую слабо вписываются субъекты с пониженными способностями). На уровнях когнитивного конструктивизма атомизацию можно назвать внутренне обоснованной (такая атомизация выбрана самими субъектами ввиду нежелательной или невозможной для них коммуникации с менее способными остальными субъектами).

В таком случае возникает вопрос: может быть, лучше всем быть одинаковыми, с обычным (стандартным) набором сущностных характеристик субъектами, и тогда любые коммуникационные барьеры будут сняты, и атомизация исчезнет как явление, ее место займут интегрированные сетевые структуры?

Существует два ответа на данный вопрос. С одной стороны, субъекту всегда необходим другой субъект для осуществления межличностной коммуникации как одного из основных видов деятельности человека как биосоциального существа. С другой стороны, фундаментальная неравномерность пространства во всех формах проявления (Вселенная, виртуальные миры, пространство смыслов), приводит к неизбежной частичной атомизации, поляризации групп субъектов, объектов, систем, сетей. В результате получается диалектическая система, состоящая из «атомов» и «пустоты» (вакуума). В данном случае вакуум для нас предпочтительнее пустоты ввиду того, что вакуум сам в себе содержит «нечто» (а пустота – это «ничто»), и из этого «нечто» можно получить «что», то есть атомы.

Представляет интерес рассмотрение модели с субъектами образовательного процесса: учащиеся (У), учителя (УЧ), родители (Р), все остальные участники (О). Каждый из субъектов рассмотрен как «атом Демокрита» – то есть независимая переменная, обладающая целостностью, полнотой и взаимодействующая с другими элементами полисубъектной системы из трех типов субъектов. Остальные участники образовательного процесса будут учтены нами в дальнейшем, так как основное взаимодействие происходит в трехфакторном пространстве, элементами которого являются типы субъектов, а измеряемыми характеристиками – способность, готовность, мотивация (линейно независимые слагающие компетенции как основы образовательного процесса).

Построим простейшее трехфакторное координатное пространство. Поочередно проанализируем значение измеряемых характеристик для каждого типа субъектов образования. В результате мы получим по восемь типов взаимодействия при измерении способности, готовности и мотивации трех типов субъектов.

Наиболее сложной является ситуация в первом типе взаимодействия У-УЧ-Р, в котором состояние процесса близко к нулю, при крайне низкой обучаемости, поскольку у всех участников образовательного процесса отсутствует мотивация.

Во втором, третьем, четвертом типе взаимодействия ученик может обучаться в ограниченном формате (средняя степень обучаемости, состояние процесса 0.33 ввиду того, что только один из трех участников образовательного процесса мотивирован – это, соответственно, или ученик, или учитель, или родитель).

Устойчивая, с тенденцией к росту степень обучаемости, при котором состояние процесса составляет 0.67, в этом случае ученик обучается, однако степень обучаемости не максимальна, что связано с отсутствием мотивации у одного из участников образовательной деятельности – соответственно, ученика, учителя, родителя.

Высокая степень обучаемости с коэффициентом состояния процесса равном 1.0 соответствует типу взаимодействия, когда у всех трех субъектов образования будет позитивная мотивация. В этом случае возможности ученика не ограниченные, он может достичь максимального целевого результата.

Представим данные в табл. 1.

Таблица 1

Матрица мотивации участников образовательного процесса

степень обучаемости/ субъекты образования	низкая	средняя			устойчивая, с тенденцией к росту			высокая
Учитель	0	0	0	1	1	1	0	1
Ученик	0	0	1	0	1	0	1	1
Родитель	0	1	0	0	0	1	1	1
Состояние процесса	0	0.33	0.33	0.33	0.67	0.67	0.67	1.0

Составлено авторами.

Каждый из выше представленных восьми столбцов является, по-своему, уникальным инвариантом, ввиду необходимости существенной корректировки образовательных траекторий учеников, учителей, родителей. Так как характеристик (способность, готовность, мотивация) – 3, то в результате получается 8^3 =512 вариантов (от интегрального «max» до интегрального «min», в которых находятся участники образовательного процесса – (У), (УЧ), (Р).

Однако такая дифференциация является недостаточной. Она показательна для текущей деятельности субъектов, однако, не говорит ничего об их уровне до начала конкретного периода образовательного процесса. Для определения уровня субъектов образовательного процесса обратимся к работе [3]. В ней была предложена типологическая модель уровней интеллектуально-творческого развития, представленная в табл. 2.

Таблица 2

Модель уровней интеллектуально-творческого развития субъектов образования

ПНК МОП уровни	Инклюзивный	Стандартный	Способный	Одаренный	Талантливый	Гениальный	Уникальный
11							создатель
10						гениальный	гениальный
9					идеолог	идеолог	идеолог
8				систематик	систематик	систематик	систематик
7			аналитик	аналитик	аналитик	аналитик	аналитик
6		рационалист	рационалист	рационалист	рационалист	рационалист	рационалист
5	знающий	знающий	знающий	знающий	знающий	знающий	знающий
4	осведомленный	осведомленный	осведомленный	осведомленный	осведомленный	осведомленный	
3	опытный	опытный	опытный	опытный	опытный		
2	обучаемый	обучаемый	обучаемый	обучаемый			
1	ведомый	ведомый	ведомый				

Источник: [3].

В системе взаимоотношений ученика, учителя и родителя каждый из субъектов в определенный момент времени находится в продвижении от одного уровня к другому согласно постнеклассической модели образовательных процессов (ПНК МОП, [3]). В такой ситуации родители и ученики, мышление и познание которых не стремится к стандартизации, имеют возможность развиваться по любому из семи уровней данной модели (от инклюзивной до уникальной). В то же время, учителя в подавляющем большинстве находятся, согласно модели, представленной в табл. 2, в диапазоне уровней от ***инклюзивного*** до ***талантливого***, и не способны находиться на более высоких уровнях шкалы одаренности, поскольку их образование/самообразование не выходит за рамки стандарта, а мышление по ряду системных причин, подробно описанных в работах [2, 3] ограничено, в лучшем случае, неклассической парадигмой и редко поднимается до обучения выше, чем обучение «по образцам».

В результате мы получаем 7*7*5=245 вариантов взаимодействий учителя, ученика и родителя. Перемножим 512 вариантов образовательного процесса, определяемой способностью, готовностью и мотивацией субъектов и 245 комбинаций уровней субъектов образовательного процесса. В результате получаем 125440 вариантов для построения индивидуальных образовательных траекторий.

Надо понимать, что помимо учеников, учителей и родителей в образовательном процессе присутствуют другие субъекты (О), которые также имеют свои компетенции (способности, готовности, мотивации) и свои вариативные уровни. Для учета всех параметров перемножим 125 440*8*7 и получим 7 024 640≈7 миллионов возможных вариантов. В России в настоящее время процент лиц, получающих образование (от детского сада до высших учебных заведений) составляет порядка 1/6 населения страны (около 26 миллионов человек). Таким образом, возможно создание таких образовательных траекторий, каждая из которых будет рассчитана для группы из 4 учащихся. С учетом гендерных различий между лицами разного пола мы получаем, что каждая вариация будет применяться для двух учащихся. Таким образом, станет возможным построить *индивидуальные образовательные траектории*.

Рассмотрим основные риски на пути к построению таких траекторий. В статье [1] мы показали, что учителя принципиально не ставят целью развитие одаренности у детей. Результатом становится достижение уровня не выше ***аналитика*** согласно модели уровней интеллектуально-творческого развития субъектов образования, что соответствует 7 уровню ПНК МОП [3]. Аналитик не умеет синтезировать принципиально новый контент, его картина мира ограничена целевыми задачами и ценностными установками общества.

Этот принципиально важный момент отражен в виде результатов обобщающего SWOT-анализа интегральных характеристик образовательного процесса в таблице 3.

Таблица 3

Обобщающий SWOT-анализ интегральных характеристик образовательного процесса.

Объект исследования	плюсы	минусы	перспективы	угрозы
Субъект образования	*Результат* *Количество*	*Демотивация* *Качество*	*Стабильность* *Эффективность*	*Кризис* *Конфликт*
Образовательная среда	*Результат* *Самоорганизация* *Мотивация* *Количество*	*Демотивация* *Качество* *Поляризация*	*Планирование*	*Антиценность* *Кризис* *Конфликт*
Содержание образования (контент)	*Результат* *Мотивация* *Количество*	*Демотивация* *Качество*	*Планирование* *Стабильность* *Оптимизация*	*Кризис*

Источник: [1].

Основные проблемы участников образовательного процесса – сложность обучения поляризованных социальных групп учеников, выраженный низкий уровень подготовки учеников, невысокая конструктивная значимость образовательной среды, чрезмерно усиленный контроль за содержанием образования и требованиями к достижению результатов любым способом. В результате, несмотря на то, что многие школы дают качественное образование (по крайней мере, на уровне ФГОС), школа переживает социальные конфликты, находится в глубоком кризисе – несоответствие образовательного процесса запросам общества.

Ответим теперь на поставленные в начале статьи вопросы. Одаренность нужно выстраивать в системах ученик-родитель, учитель-ученик, родитель-учитель в процессе прохождения индивидуальной образовательной траектории, основанной на способности, готовности, мотивации и уровней интеллектуально-творческого развития каждого субъекта образовательного процесса и их систем. По нашему мнению, одаренным можно считать высоко мотивированного к деятельности субъекта, обладающего рациональным мышлением, аналитическим и критическим мышлением, освоившего уровни интеллектуально-творческого развития, находящегося в состоянии средней и/или высокой степеней обучаемости, умеющего действовать в сложных системах на уровне учителя, будучи при этом в роли учащегося.

Здесь следует упомянуть *математический* подход – «обучение обучению», максимально полно описывающий «ученичество», как процесс сотворчества пары «ученик-учитель». Каков экономический эффект от «придания» ребенку функции одаренности, положительный он или отрицательный, есть ли вообще? Этот вопрос очень непростой. С точки зрения ребенка, существует потенциальный долговременный положительный эффект от проявленной одаренности. С другой стороны, с точки зрения родителей, одаренность может мешать взрослым пытаться реализовывать через ребенка собственные амбиции, что приводит к отсутствию позитивных эффектов.

Способные родители и учителя могут сформировать *одаренного* учащегося, но выйти на уровень *гениальности* такой ученик не способен. Таким образом, необходимо выстраивать индивидуальные образовательные траектории для учителей, родителей, других участников образовательного процесса по тем же моделям как для учеников.

Например, обучение игре детей на музыкальных инструментах обязательно должно сопровождаться обучению учителя дружелюбной коммуникации с учеником, а родителя – базовым навыкам музыкального творчества при отсутствии таковых. Только в такой ситуации вероятность практической реализации может достигнуть максимально возможных 50% (будет зависеть только от решения ученика). В иных случаях она будет низкой, близкой к нулю.

Сегодня существуют разнообразные дидактические материалы для учеников (включая современные ИКТ-технологии), пособия для учителей (ограничены ФГОС и ПСП). Наряду с ними необходимы специальные пособия для учителей и родителей для совместного обучения с учениками, а также пособия для совместной деятельности родителей и учителей. Сейчас востребованы такие формы обучения взрослых, как «Родительские субботы», «Серебряный университет», Интернет-порталы, концепции «Образование для взрослых», «Возобновляемое образование» [9–12].

Система «атомов» – субъектов может работать на высоком уровне только при сотрудничестве всех участников образовательных процессов, налаженных сквозь «пустоту» системах связи и коммуникации. Именно эти коммуникационные навыки субъектов образовательной среды в сочетании со всеми возможными конкретными методиками формирования образовательных траекторий могут сформировать комфортный для учеников, оптимальный для учителей, эффективный для родителей образовательный универсум – пространство возможностей, позитивных результатов, высоких достижений и совместного интереса субъектов образовательного процесса в области планирования общих целей и ценностей, поиска смыслов.

Среди идей Демокрита для нас наибольшую ценность представляют его атомизм и причинно-следственный взгляд на мир (стохастический). Атомизм позволяет рассматривать образовательный процесс как межсубъектную коммуникацию (взаимную передачу контента) линейно независимых субъектов в условно вакуумной среде. Причинно-следственный взгляд на материальные процессы и явления позволяет выстраивать системно-структурные логические модели, состоящие из фактов, суждений и тезисов. В результате формируется научное мышление в целом и системно-структурное мышление в частности. В итоге, чисто теоретические идеи Демокрита находят свое отражение в моделировании сложных систем для оптимизации практических задач, в том числе образовательных.

Список литературы

1. Коломейцев А.Е., Лябина Н.П. Педагогическое творение человека: Homo intellectus // Национальная стихия творчества: время и трансгрессия: сборник статей / Под ред. Г.Е. Аляева, О.Д. Маслобоевой. – СПб., 2017. – С. 375–396.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 29. – С. 317.
3. Лябина Н.П., Камкин Г.Г. Феномен одаренности в постнеклассической модели образования // Лосевские чтения. Труды всероссийской научной конференции. Новочеркасск, ЮРГПУ (НПИ), 2016. – С. 98–110.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. – Т. 20. – С. 355.
5. Там же, с. 359.
6. Там же, с. 547.
7. Хакен Г. Синергетика. – М., 1980. – С. 381.
8. Kothari D.S. Some Thoughts on Truth. – New Delhi, 1975. – P. 5.
9. https://iqsha.ru/ilove/post/10-luchshikh-saitov-dlia-razvitiia-detei/
10. https://portalobrazovaniya.ru/servisy/meropriyatiya/spisok_meropriyatii
11. https://pedportal.net/
12. https://openedu.ru/

Корнилов И.К.
д.соц.н., к.т.н., профессор Московского политехнического университета

РОЛЬ И МЕСТО ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Ключевые слова*: инженер, искусство, проблемы, высшее техническое образование.*
Keywords*: engineer, art, challenges, higher technical education.*

Ключевой задачей в системе высшего технического образования является в современных условиях подготовка инженеров нового типа, творческий потенциал которых соответствовал бы будущим требованиям развития техники и общества [1].

В качестве основного тезиса выдвигается положение о том, что инженерная деятельность хоть и служит, по сути своей, научно-техническому прогрессу, всё же не должна, да и не может рассматриваться в отрыве от социально-технических и историко-философских проблем. К таким проблемам в первую очередь следует отнести проблемы развития инженерного дела и собственно научно-технического творчества, а также проблемы философии техники и развития социотехнических систем.

В табл. 1 в сводном виде показаны периоды особой актуальности для каждой из названных проблем [3]. Общими для этих проблем являются следующие признаки:

1. Временной характер – возникновение и развитие в основном в последнее столетие.

2. Территориальный фактор, вызвавший их появление и действие на территории развитых стран мирового сообщества, в том числе на территории России.

3. Единый объект исследования, а именно система, органично включающая в себя процессы технического образования, научного и технического исследования и промышленного производства.

Таблица 1

Инженерная деятельность: социально-технические и историко-философские проблемы

Название проблемы	Номер периода	Название периода	Условное время периода
Развитие инженерного дела в России	1	Зарождение	1700–1850
	2	Становление	1870–1910
	3	Социализация	1920–1940
	4	Экстенсификация	1950-1970
	5	Гуманизация	С 1990 г.
Развитие методологии научно-технического творчества	1	Разработка	1900–1930
	2	Внедрение	1940–1950
	3	Интегрирование	1960–1970
	4	Обучение	1980–1990
	5	Социализация	С 1990 г.
Развитие философии техники	1	Зарождение	1850–1880
	2	Становление	1890–1920
	3	Осмысление	1930–1980
	4	Внедрение	С 1990 г.
Развитие научной организации труда	1	Зарождение	1900–1920
	2	Технократизация	1930–1980
	3	Гуманизация	С 1990 г.

По необходимости следует ввести определения, связанные с содержанием инновационной деятельности.

Инновация (нововведение) – основанный на ориентированном вложении средств процесс создания, освоения и практической реализации научно-технических достижений. Процесс инновации обычно включает следующие фазы: фундаментальные исследования, приводящие к научным открытиям; прикладные научные исследования и инженерное творчество, приводящие к созданию изобретений в виде устройств, способов или веществ; разработка и испытание экспериментальных образцов новых изделий, технологий, материалов и т.п.; проектирование новой техники и ее промышленное освоение; реализация первых промышленных образцов и при достижении коммерческого успеха расширение производства.

Инновационная деятельность – сфера разработки и практического освоения технических, технологических и организационно-экономических нововведений, которая включает не только инновационные процессы, но и маркетинговые исследования рынков сбыта товаров, их потребительных свойств, а также новый подход к организации информационных, консалтинговых, социальных и других видов услуг.

Наиболее удачное определение основного инновационного противоречия, присущего любой системе, приводит А.И. Пригожин: «Если норма, как социальный стандарт хранит существующее, то инновационная деятельность, нововведения “сбивают” функционирование системы, меняя существующее». Он же вводит и «золотое правило» инноватики: система только тогда будет открыта новшествам, когда их освоение станет условием ее сохранения.

С учетом вышесказанного, введём новые варианты определений, необходимые для смысловой увязки перехода понятий от инновационной к инженерной деятельности. К таким определениям, прежде всего, относятся:

1) инновационная структура предприятия – взаимосвязь подразделений предприятия, главной функцией которых является обеспечение разработок и внедрения инноваций (нововведений);

2) творческая деятельность – разработка нового, связанного с изменением и развитием данного объекта, а также разработка принципиально новых объектов, включающих ту же или новую функцию;

3) творческая деятельность в инновационной структуре предприятия – функционирование подразделений предприятия, позволяющее получать новые разработки и идеи, обеспечивающие большую эффективность работы организации (предприятия) по заданным критериям.

В этапы инновационного процесса, обусловливающего любую научно-техническую деятельность, может быть включено и движение по традиционной цепочке от фундаментального открытия к производству: фундаментальные открытия – прикладные исследования – внедрение новой техники в производство.

Социально-философские проблемы инновационной, научно-технической и инженерной деятельности выделились в настоящее время в самостоятельную область гносеологии. Знания, полученные в рамках исторических, социологических, философских, психологических, педагогических, экономических и технических наук, не в состоянии полностью раскрыть внутреннюю сущность социально-технических новаций в научно-технических областях деятельности современного общества.

Возникла необходимость не только совершенствования системы инженерного образования, но и разработки новой концепции подготовки специалистов с высшим техническим образованием. Создание новой парадигмы образования становится проблемой не только педагогической или технологической, но и социально-экономической. От её успешного решения зависит успех развития всего общества.

Следует признать полезность введения в подготовку специалистов гуманитарных дисциплин и соответствующих спецкурсов. Но при этом необходима кардинальная переподготовка преподавателей высшей школы в направлении привлечения истории науки и техники, а также соответствующих разделов социологии и философии для формирования творческого потенциала специалистов.

Основная причина такого положения кроется в том, что преподаватели гуманитарных наук практически незнакомы с особенностями развития современного научно-технического знания. В то же время знания и рекомендации технических специалистов имеют узкоспециальный, технократический характер [4].

О роли искусства в системе подготовки инженеров замечательно сказал В.Л. Кирпичёв на открытии Киевского политехнического института в 1898 году:

«Инженеры обязаны заботиться о красоте своих сооружений, и поэтому они должны получать и художественное образование. Сущность требований к инженеру была хорошо выражена символически при постройке Цюрихской политехнической школы. Там отделение общих наук – университетское – соединяется с отделением прикладных наук – техническим – залой, которая представляет собой художественный музей. Это указывает состав инженерного образования; нужно начинать с чистой науки и на ней основывать прикладные знания; но в то же время не оставлять без внимания и художество. Очень ошибаются те, которые думают, что произведения техники по необходимости безобразны, и что промышленность становится всё более и более несовместимой с искусством».

Какие же принципы следует заложить в основу учебных дисциплин? Как следует из вышеизложенного, методологической основой подготовки инженеров, основой гуманизации их знаний, должны стать принципы историзации, социологизации и упорядочения науки. Принцип историзации должен базироваться на истории науки и техники, открытий и изобретений. Принцип социологизации заключается в установлении связей научно-технических достижений с социальными потребностями и социальными слоями общества. Принцип упорядочения или логизации предполагает обоснование развития науки как единой, цельной системы, то есть «технологизацию» изложения материала в рамках учебного курса [5].

Именно эти принципы необходимо ввести в исходные положения при подготовке специалистов. Они должны составить основу методологии, с помощью которой можно гуманизировать инженерную деятельность на практике.

Несмотря на давние традиции по использованию понятия «инженерное искусство», найти его конкретное и четкое определение в публикациях практически не удаётся. Большинство трудов, посвященных изучению подобной тематики или использующих это понятие, в лучшем случае ограничиваются эклектично-описательным вариантом изложения его смыслового содержания. Предлагается следующее определение.

Инженерное искусство – это целесообразная деятельность, направленная на изучение, создание и управление искусственными объектами, результатом которой является оригинальное решение высокого функционально-эстетического уровня [2].

В этом определении нашли отражение категории философии, социологии, экономики, инженерной психологии, истории техники, технической эстетики, эргономики. В самом деле, целесообразность базируется на знании законов развития техники, основывается на системном подходе к проблеме. Оригинальность включает логико-интуитивный способ мышления, формирующийся с помощью различных методов и приемов научно-технического творчества. Функционально-эстетический уровень – это результат оптимизации решений, воплощение в объекте деятельности принципов дизайна и экономических наук с помощью профессиональных знаний инженера.

Список литературы

1. Корнилов И.К. Инженерное образование будущего: новые смыслы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – Ч.1. – С. 887–889.
2. Корнилов И.К. Основы инженерного искусства. – М.: МГУП, 2014. – 372 с.
3. Корнилов И.К. История и основы инженерного дела. – М.: МГУП, 2016. – 228 с.
4. Корнилов И.К. О знании логическом и интуитивном // Сборник научных трудов I международной научно-практической конференции «Социальная общность, общество и социум: исторический аспект и современные реалии». – Самара: НОО «Профессиональная наука», 2017. – С. 126–137.
5. Корнилов И.К. Инженерная педагогика – важнейший фактор развития высшего технического образования // Сборник X Международной научно-практической конференции «Педагогический опыт: теория, методика, практика». – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 145–147.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

МАРКЕТИНГОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ВУЗА ПРИ РАБОТЕ С АБИТУРИЕНТАМИ ТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ключевые слова: *образование, образовательные услуги в вузе, маркетинговая стратегия, маркетинговые исследования, маркетинговая коммуникация.*

Keywords*: education, educatiomal services in high school, marketing strategy, marketing research, marketing communications.*

Современное образовательное пространство отличается высокой степенью конкуренции, сравнимой с конкуренцией в сфере производства товаров и услуг: «маркетинговая активность вузов резко усилилась, в битве за абитуриента учебные заведения затрачивают миллионы только на рекламу. По сути речь идет о рекламной войне вузов»[1].

Выбирая вуз, абитуриенты и их родители принимают во внимание следующие факторы: «стоимость обучения»; репутация вуза (общественное мнение; место в различных рейтингах вузов); качество образования (по доступным отзывам); качество интерьеров и информационных технологий; студенческая жизнь помимо учебы (кружки и секции); трудоустройство выпускников (по доступным отзывам); транспортная доступность (для местных жителей); наличие и благоустройство общежитий (для иногородних)»[2]. К этому перечню, на наш взгляд, следует добавить перспективы академической мобильности (возможные стажировки) и авторитет мастера (для творческих курсов, например, актерских). То есть потенциальных потребителей образовательных услуг интересует, в каком зарубежном вузе можно пройти стажировку и какой педагог возьмет тот или иной курс в текущем учебном году. Определенным преимуществом вуза в глазах абитуриентов и их родителей является возможность приобретения дополнительной специализации (например, переводчика в сфере профессиональной коммуникации).

Очевидно, что в условиях высокой конкуренции работу с потенциальными потребителями образовательных услуг нельзя вести только традиционными методами. Речь идет о разработке маркетинговой образовательной стратегии, которая имеет определенные отличия от маркетинговых стратегий по продвижению товаров и услуг, не связанных с образованием: «В отличие от маркетинга товаров, маркетинг образовательных услуг обязан быть ориентирован не только на представление нужной информации об услуге, а, прежде всего, на «усиление» ее персональных ценностей, более четкое представление тех преимуществ, которые учащийся получит после обучения»[3]. Другими словами, задачами маркетинговой образовательной стратегии являются «изучение спроса на образовательные услуги со стороны потенциальных потребителей, изучение предложения образовательных услуг со стороны других образовательных учреждений, изучение цен, выявление своих конкурентных преимуществ»[4]. В случае творческих специальностей такими конкурентными преимуществами могут стать следующие факторы: уровень технической оснащенности вуза (факультета), разнообразие профилей обучения, высокая профессиональная репутация педагогов творческих специальностей, широкий выбор мест проведения практики, с потенциальной возможностью трудоустройства после окончания вуза, наличие зарубежных стажировок, сотрудничество творческого вуза (факультета) с театральными агентствами и продюсерскими центрами, стипендии для одаренных студентов, возможность непосредственно в процессе учебы получить дополнительную специализацию, подтвержденную соответствующим сертификатом.

Маркетинговая стратегия вуза в идеале должна предполагать сочетание маркетинговых исследований и стратегического анализа образовательной организации. К числу методов стратегического анализа для формирования стратегии образовательной организации относят: MOST, HEPTALYSIS, PESTLE-анализ, Анализ пяти сил Портера, SWOT-

[1] Александрова С.И. К вопросу о базовых положениях стратегии маркетинговой коммуникации вуза на рынке образовательных услуг // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. – № 9. – С. 70.

[2] Медведев И.Л., Филипенко Е.А. Особенности разработки маркетинговой стратегии образовательного учреждения на современном этапе // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. редактор Г.И. Тюменцева. – Омск, 2015. – С. 87.

[3] Артюхина Д.К. Проблемы и перспективы маркетинговой стратегии развития рынка образовательных услуг // Молодежь и экономика: новые взгляды и решения: Межвузовский сборник научных трудов по итогам XXV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, проводимой в рамках 52-й ежегодной НПК Волгоградского государственного технического университета. – Волгоград, 2015. – С. 90.

[4] Третьякова Т.В., Галкина Т.В. Маркетинговая образовательная стратегия как средство ориентации студентов на профессиональные ценности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2007. – № 3. – С. 93.

анализ, CATWOE, VPEC-T, GAP-анализ[1]. При проведении маркетинговых исследований используются такие методы, как анкетирование, опрос, наблюдение, глубинное интервью, фокус-группы.

Маркетинговые исследования могут сочетаться с маркетинговыми коммуникациями при работе с потребителями образовательных услуг. Следует заметить, что в настоящее время нет терминологической ясности в вопросе о том, кого же именно считать потребителями образовательных услуг: студентов, их родителей или работодателей, которые «заинтересованы в найме компетентных, то есть не только знающих, но и умеющих практически применять полученные знания специалистов»[2].

В процессе маркетинговых коммуникаций вузы ориентируются прежде всего на абитуриентов и их родителей, в то время как при разработке маркетинговой стратегии вуза следует учитывать потребности всех заинтересованных сторон, в том числе и работодателей.

Одним из видов маркетинговых образовательных коммуникаций является участие в образовательных ярмарках; печатная реклама, которая традиционно размещается в справочниках типа «Куда пойти учиться?», а также реклама в СМИ и в Интернет-пространстве. Не все виды рекламы в данном случае эффективны. Университет Наталии Нестеровой, который в настоящее время не функционирует, размещал рекламу на дверях в метрополитене, что не способствовало популярности образовательного учреждения.

Такие традиционные формы работы с абитуриентами, как дни открытых дверей, очевидно, являются одним из видов маркетинговой коммуникации в образовании. Элементы маркетинговых коммуникаций присутствуют и в таких формах работы с абитуриентами, как подготовительные курсы, школы юных, олимпиады, дающие различные льготы при поступлении, различные творческие конкурсы, а также мероприятия Фестиваля науки. Самой распространенной формой работы с абитуриентами являются дни открытых дверей, которые, как правило, проходят по типичному сценарию. Иногда абитуриентам предлагается небольшая анкета, что, в принципе, является элементом маркетингового исследования. В этой анкете будущие абитуриенты творческих вузов указывают свои творческие интересы, отвечают на традиционные вопросы: класс, школа (творческий колледж), посещение школы искусств или студий, источник информации о вузе (факультете), интересующие профили обучения, электронный адрес для связи.

Однако традиционные формы работы с абитуриентами нуждаются в обновлении. Во многих вузах уже созданы маркетинговые центры, которые целенаправленно ищут своих абитуриентов.

Традиционные мероприятия можно переориентировать на «экономику впечатлений». Это означает, что для будущих абитуриентов и их родителей формат мероприятий должен иметь различия, с учетом возрастной психологии. Для выпускников и их родителей возможен следующий формат: небольшая лекция с информацией об образовательных программах факультета (вуза), которая обязательно должна сопровождаться медиарядом; ответы на конкретные вопросы; два-три выступления выпускников вуза (факультета), с опытом успешного трудоустройства, а также мастер-класс по творческим профилям (с элементами прослушивания абитуриентов).

Школьники невыпускных классов могут принять участие в викторине (квесте), получить приглашение на занятия в школе юных и творческие конкурсы для разных возрастных групп (музыкальный, чтецов, конкурс рисунка и т.п.). На подобном мероприятии должна быть обязательно представлена информационная и сувенирная продукция с логотипом учебного заведения. Следует предусмотреть и постер для фотографирования посетителей мероприятия с последующим размещением в соцсетях (этот момент неочевиден для представителей старшего поколения, но очень актуален для активных пользователей Интернета).

Таким образом, для успешного функционирования творческого вуза (факультета) с обучением преимущественно на коммерческой основе необходима разработка маркетинговой стратегии образовательной организации. Мероприятия по привлечению абитуриентов должны быть встроены в систему маркетинговых коммуникаций. Анализ результатов маркетинговых исследований позволит ответить на вопрос, какие профили обучения и дополнительные специализации будут пользоваться популярностью в ближайшие годы (с учетом интересов абитуриентов и их родителей, в с одной стороны и работодателей – с другой), что даст возможность разработать среднесрочную программу развития творческого вуза (факультета).

Список литературы

1. Александрова С.И. К вопросу о базовых положениях стратегии маркетинговой коммуникации вуза на рынке образовательных услуг // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. – № 9. – С. 70–72.
2. Артюхина Д.К. Проблемы и перспективы маркетинговой стратегии развития рынка образовательных услуг // Молодежь и экономика: новые взгляды и решения: Межвузовский сборник научных трудов по итогам XXV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, проводимой в рамках 52-й ежегодной НПК Волгоградского государственного технического университета. – Волгоград, 2015. – С. 90–93.
3. Борисова Ж.Е., Михайлюк Е.К. Роль маркетинговых исследований в разработке стратегии развития образовательной организации // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика. Сборник статей по материалам VIII Международной НПК преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов / Научн. ред. Фадейкина Н.В., Скибицкий Э.Г., Глушаков О.В. – Новосибирск, 2017. – С. 171–176.
4. Брюханова Н.В., Беляев В.И. Маркетинговая стратегия вуза как ключевой фактор повышения его конкурентоспособности // Сибирская финансовая школа. 2016. – № 1. – С. 131–137.

[1] См.: Основы бизнес-анализа: учеб. пособие / В.И. Бариленко и др.; под ред. В.И. Бариленко. – М.: КноРус, 2014. – 270 с.

[2] Медведев И.Л., Филипенко Е.А. Особенности разработки маркетинговой стратегии образовательного учреждения на современном этапе // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. редактор Г.И. Тюменцева. – Омск, 2015. – С. 86.

5. Ксенофонтова О.Л. Модельное обоснование маркетинговой стратегии вуза в сфере оказания дополнительных профессиональных образовательных услуг // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2010. – № 2 (22). – С. 36–40.
6. Медведев И.Л., Филипенко Е.А. Особенности разработки маркетинговой стратегии образовательного учреждения на современном этапе // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. редактор Г.И. Тюменцева. – Омск, 2015. – С. 85–89.
7. Основы бизнес-анализа: учеб. пособие / В.И. Бариленко и др.; под ред. В.И. Бариленко. – М.: КноРус, 2014. – 270 с.
8. Панкрухин А.П. Маркетинг образовательных услуг. – М.: АСТ-пресс, 2004. – 218 с.
9. Третьякова Т.В., Галкина Т.В. Маркетинговая образовательная стратегия как средство ориентации студентов на профессиональные ценности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2007. – № 3 (25). – С. 90–96.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

ТРАДИЦИОННАЯ И «ЦИФРОВАЯ» ПЕДАГОГИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *цифровая педагогика, цифровые образовательные ресурсы, дистанционные технологии в образовании, онлайн-обучение, цифровая образовательная среда, компьютерные технологии.*

Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс предъявляет новые требования к системе педагогического образования в целом. Применительно к средней школе уже используются электронные дневники, интерактивные доски и другие электронные средства обучения. Проект «Московская электронная школа» является частью большого проекта «Цифровая школа» и будет внедрен в нескольких экспериментальных школах в Москве в феврале 2018 г. В плане технического оснащения школ Москва имеет преимущества перед регионами. Учащимся с ограниченными возможностями здоровья в Москве онлайн-технологии позволяют стать полноправными участниками учебного процесса, когда «может быть задействовано и простое присутствие через веб-камеру, и через движущегося по классу робота, а может быть реализовано при использовании специальных аудио и визуальных систем в зависимости от индивидуальных потребностей человека» [5, с. 28].

Очевидно, что новые технологии меняют и традиционную систему обучения, и образовательную среду в целом. Они также предъявляют новые требования как к профессиональным компетенциям, так и к личности педагога. В государственных образовательных стандартах нового поколения использование электронных образовательных ресурсов и цифровых технологий становится обязательным требованием к содержательному наполнению учебного курса.

В зарубежной педагогике сравнительно недавно появился термин «digital pedagogy» («цифровая педагогика») [3, с. 117], причем это понятие не синонимично «онлайн-обучению»: «суть цифровой педагогики состоит не столько в непосредственном использовании цифровых технологий в преподавании, а, скорее, в применении этих инструментов с точки зрения критической педагогики» [3, с. 118]. Думается, что в свете подобного подхода цифровую педагогику можно отнести преимущественно к вузовскому образованию, а онлайн-обучение – к технологиям, которые применяются как в высшей, так и в средней школе. «Цифровой педагог» и «цифровой студент» имеют большую свободу в выборе траектории обучения, чем школьный педагог и учащийся средней школы.

«Цифровой педагог» (в отечественной практике используется также термин «профессор онлайн» – участник проекта Фонда Потанина) обладает определенной свободой в выборе учебного материала. Он может выложить тексты лекций и учебных заданий на определенный сайт, дать гиперссылки на различные учебные ресурсы и словари, подобрать иллюстративный материал и медиа-ряд, может консультировать студентов по электронной почте или с помощью программы Skype. В определенных ситуациях цифровой педагог выполняет функции тьютора, составляя индивидуальный учебный план и индивидуальную траекторию обучения для онлайн-студента. Онлайн-обучение имеет как свои плюсы, так и минусы. К положительным моментам относится возможность выполнять учебные задания в любое удобное время. При исключительно онлайн-обучении исчезает также необходимость учебных помещений как таковых: неважно, где находится человек в данный момент, определенные требования предъявляются только к оборудованию и программному обеспечению.

В компьютерной среде появляются новые возможности изучения иностранных языков с помощью интерактивных уроков, различных обучающих программ, мультиязычных словарей. У учащихся есть возможность просмотра фильмов на иностранном языке с субтитрами и общения по программе Skype непосредственно с носителями языка. Но здесь появляется и необходимость выбора той или иной стратегии изучения иностранного языка, а самостоятельный выбор для учащихся часто оказывается затруднительным при большом количестве возможностей. В данном случае необходим тьютор, который может помочь выбрать оптимальную методику изучения языка с учетом индивидуальных особенностей студента.

Традиционное музыкальное образование в цифровую эпоху успешно дополняется музыкально-информационными технологиями с возможностью создавать электронную музыку, что «укрепляет интерес к музыкальной культуре в целом» [1, с. 295].

В дисциплинах естественнонаучного цикла внедрение цифровых технологий позволяет значительно расширить практикум по той или иной дисциплине. Так, «цифровые лаборатории «Архимед», «Pasco» и др. можно с успехом использовать как в школьном, так и в вузовском образовании» [2, с. 82].

Приведенные примеры демонстрируют преимущества цифровых технологий в образовании. К отрицательным сторонам онлайн-обучения относится отсутствие возможности традиционной коммуникации студентов и преподавателей. Формирование умения работы в команде также предполагает «живое», а не сетевое общение. Наличие или от-

сутствие определенных технических устройств порождает феномен цифрового неравенства. В цифровой среде происходит также «трансформация как самого «знания», так и процесса «приобретения знания» [5, с. 27], при котором «потоки знаний» превращаются в доходный товар.

При исключительно дистанционном образовании происходит «деперсонификация» обучения, при котором личность наставника утрачивает ведущую роль. Непринципиально, кто именно проверит выполненные задания и, самое главное, прокомментирует их. При дистанционном обучении отсутствуют традиционные группы студентов, а значит, и возможность полилога. Становятся неактуальными такие формы работы со студентами, как семинар и коллоквиум, но актуализируются такие формы, как форум, т.е. обсуждение в сети определенной проблемы, блог образовательного характера и комментарии к нему. За исключением ситуаций, связанных с обучением лиц с ограниченными возможностями здоровья, отсутствие «живого» общения не идет на благо образовательному процессу, ибо «тотальное дистанцирование – это отлучение человека от непосредственного образовательного процесса, изоляция, а не повышение доступности образования» [5, с. 28]. Возможно, что исключительно дистанционное образование будет эффективным в практике дополнительного образования и при обучении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. В практике высшей школы дистанционные курсы могут и должны сочетаться с традиционными учебными сессиями.

В сфере школьного образования, на наш взгляд, минусов цифрового образования значительно больше. Проект «Московская электронная школа» пока еще на экспериментальной стадии. Еще не апробирована методика преподавания предметов гуманитарного цикла в этом проекте. Предполагается, что для уроков, например, литературы в планшеты учащихся будут закачаны учебники, а техническая составляющая урока будет состоять из лекций учителя в компьютере учителя, различных медиа-материалов на электронной доске и заданий в планшетах учащихся. Конечно, при использовании интерактивных технологий изучение комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» можно дополнить демонстрацией фрагментов театральных постановок, у учащихся будет возможность по системе гиперссылок ознакомиться с текстами критических статей и другими учебными материалами, выполнить соответствующие тестовые задания и т.п. Но возникает вопрос: насколько подобный подход будет способствовать развитию речи школьников? Для этого электронная доска не потребуется. Более того, существуют исследования нейропсихологов [4], которые убедительно показывают, что многочисленные гаджеты и режим многозадачности как образ жизни современных школьников, никак не способствуют развитию когнитивных навыков. Такие навыки формируются привычным способом – традиционным письмом, конечно, не механическим переписыванием, а созданием собственного текста (минисочинениями и другими традиционными формами работы на уроке литературы).

Думается, что цифровые технологии должны занять определенную нишу в образовательном процессе, но не подменять собой традиционные формы обучения. Только разумное сочетание цифровой и традиционной педагогики даст ответ на вызовы времени в образовательной сфере.

Список литературы

1. Горбунова И.Б., Хомутская Н.Ю. Информационные и музыкально-компьютерные технологии в музыкальном образовании в школе цифрового века // Теория и практика общественного развития. 2014. – № 21. – С. 294–296.
2. Иашвили М.В., Макарова О.Б. Использование цифровых лабораторий в школьном и вузовском образовании // Вестник педагогических инноваций. 2014. – № 3(35). – С. 82–85.
3. Сергеева И.В. Цифровой педагог в онлайн образовании // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. 2016. – № 6 (6). – С. 117–122.
4. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2012. – 276 с.
5. Ярославцева Е.И. Человек в цифровом пространстве – допуск к образованию или просвещению? // Высшее образование для XXI века. Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека». 2015. – С. 27–36.

Кузнецова В.П.
д.э.н., доцент, профессор РГПУ, Санкт-Петербург
Vpr1000@yandex.ru
Бондаренко И.А.
д.э.н., доцент, профессор АГПУ, Армавир
Bonir55@mail.ru

БЛОКЧЕЙН В ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова*: блокчейн, цифровая экономика, информационные технологии, информационная инфраструктура, цифровизация.*
Keywords*: blockchain, the digital economy, information technology, information infrastructure, digitalization.*

В рамках Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы и Стратегиb экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года были определены национальные приоритеты на долгосрочный период – внедрение новых форматов государственного управления и переход к цифровой экономике[1].

На развитии цифровой экономики акцентирует внимание Европейский союз. Европейская комиссия отмечает, что компании, не подключившиеся к цифровым каналам, будут вынуждены покинуть мировой рынок[2]. В связи с этим развитие «цифровой» экономики для России является стратегически значимым направлением, определяющим ее конкурентоспособность на мировой арене.

Цифровая экономика появилась сравнительно недавно. Принято считать, что понятие «цифровая экономика» возникло в 90-е годы XX века[3]. Одной из прорывных технологий цифровой экономики является технология блокчейн, позволяющая обеспечить цифровое общество всеми необходимыми условиями и технологическими механизмами, исключить посредников, подлинность операций подтверждать самими участниками сети, формировать на своей платформе цифровые образы, фиксировать транзакции.

Blokchain – цепочка блоков, распределённая база данных, доступ к которой может получить любой человек. Т.е. это «технология распределенного реестра», здесь не существует централизованного регулятора, который мог бы распоряжаться блокчейном по собственному усмотрению.

Д. Тапскотт и А. Тапскотт выделяют семь принципов построения экономики блокчейн, подчеркивая при этом, что сегодняшний этап цифровой экономики базируется на инженерии компьютерных систем, математике, криптографии и поведенческой экономике:

1. Сетевая целостность. Целостность закодирована в каждом шаге процесса и распределена между всеми участниками, а не принадлежит одному.
2. Распределение нагрузки. Энергозатраты распределены по всей пиринговой сети. Ни один из участников не может выключить систему.
3. Ценность как стимул. Система выравнивает стимулы всех заинтересованных сторон.
4. Безопасность. Меры безопасности встроены в сеть. Они предоставляют конфиденциальность и подлинность.
5. Приватность. Люди должны контролировать свои данные.
6. Защищенность прав. Права собственников прозрачны и закреплены.
7. Вовлеченность. Экономика работает лучше, когда она работает для каждого[4]

Главной особенностью блокчейна является то, что **данные, внесённые один раз, не могут быть никем изменены**, они многократно дублируются и хранятся в распределенной сети, созданной и поддерживаемой всеми участниками. **Эти данные всегда доступны, их нельзя подделать**, базы данных делают эту сеть чрезвычайно устойчивой к хакерским атакам.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» подчеркивается необходимость *максимально оперативного создания условий для внедрения различных цифровых технологий.* Это, прежде всего, формирование информационной инфраструктуры, информационной безопасности как основных инфраструктурных элементов цифро-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf

[2] Золотых О. Цифровизация экономики // БИТ. Бизнес & информационные технологии. 2017. – Вып. 8 (71).

[3] Прасолов В.И. Цифровая экономика как ответ на вызовы XXI века // Экономика и общество. – М., 2017. – № 2.

[4] Tapscott D., Tapscott A. Blockchain revolution: how the technology behind bitcoin is changing money. – N.Y., 2016.

вой экономики, нормативно-правовое регулирование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, подготовка кадров, образование[1].

Блокчейн постепенно внедряется не только во все сферы бизнеса, но и в образование, поскольку взаимодействие бизнеса и науки вносит колоссальный вклад в производство инновационных продуктов. Развитие цифровой экономики неразрывно связано с развитием экономики знаний. В основе экономики знаний лежит нематериальное производство, а драйверами роста являются знания и люди, обладающие этими знаниями. У современной цифровой экономики много преимуществ: отказ от бумажных носителей в пользу цифровых, что сократит количество справок и других форм отчетности; сокращение посредников и создание продуктов индивидуально для каждого потребителя; услуги и образовательные продукты в цифровом мире могут быстро выходить на мировой рынок, ими можно будет пользоваться всем желающим; образовательный продукт может быстро реагировать на потребности потребителя; стоимость онлайн услуг ниже и др.[2] И проблема России состоит в том, что мы сильно привязаны к бумажным документам. И поэтому сбор информации на бумажных носителях создает дополнительную нагрузку для преподавателей, за счет этого снижается качество обучения; нет возможности вносить какие-либо изменения в документы; формы отчетности об успеваемости в различных образовательных учреждениях могут не совпадать, что снижает эффективность работы персонала; отсутствие полной базы данных о выпускниках, владеющих специфическими навыками, затрудняют работодателям поиск нужных специалистов; отсутствие открытой базы данных о трудоустройстве выпускников и переходе их на другую работу не позволяют образовательным организациям оценивать эффективность их работы по своим программам и другие проблемы.

Для того чтобы решить все эти проблемы и повысить эффективность работы образовательных организаций необходимо внедрять в сферу образования современные технологии, в том числе и блокчейн-технологии. Для этого требуется время.

Современные технологии имеют много преимуществ – отказ от бумажных носителей в пользу цифровых (что сократит количество справок и других форм отчетности); сокращение посредников и создание продуктов индивидуально для каждого потребителя; услуги и образовательные продукты в цифровом мире могут быстро выходить на мировой рынок, ими можно будет пользоваться всем желающим; образовательный продукт может быстро реагировать на потребности пользователя; стоимость онлайн услуг ниже и др.[4].

Блокчейн в образовательных учреждениях уже широко используется в зарубежных странах и открывает огромные возможности для его эффективного использования. В Японии, Сингапуре, США, Гонконге, Эстонии, Великобритании информационные технологии активно внедряются во всех отраслях, а сингапурская система образования активно использует онлайн-обучение и считается одной из лучших[3]. В Японии сегодня широко используют платформы блокчейна в образовательной сфере. Однако первым использовать блокчейн для хранения своих дипломов и сертификатов стал Университет Никосии (2017 г.). 2017 год стал отправной точкой криптолизации образования. Университет Никосии стал первым университетом, который принимает в качестве оплаты криптовалюту Bitcoin. Этот университет в ближайшее время планирует запустить образовательную блокчейн-систему, которая позволит преподавателям обмениваться между собой информацией об успеваемости студентов, об их достижениях. На технологии блокчейн будет переведена вся система образования (начальное, среднее, высшее).

На базе технологии блокчейн разработаны Массовые Открытые Онлайн Курсы (МООС) Никосийского университета которые доступны в 83 странах мира, что позволяет его дипломы и сертификаты признавать по всему миру, а образовательным организациям подстроиться под тенденции развития в сферы образования, а также наладить отношения без посредников между ними (конкретными университетами образовательными организациями, учениками и предприятиями, работая как единая система благодаря блокчейн-регистру)[4].

Государственный Мельбурнский университет также планирует внедрить блокчейн: аттестаты и награды австралийских студентов занесут в блокчейн[5].

В этом году более 100 выпускников Массачусетского технологического университета получили «верифицируемые» цифровые дипломы с использованием блокчейна, защищенные от подделок.

Введение новых технологий потребует радикальных изменений в образовательных учреждениях. Эти изменения, в первую очередь, коснутся трансформации менеджмента, методов управления, финансового менеджмента, конкретных людей. Поэтому уже сегодня надо готовить профессорско-преподавательский состав, сотрудников к серьезным переменам[6].

Блокчейн в образовательных учреждениях открывает огромные возможности для его эффективного использования. Сегодня уже разрабатывается блокчейн-инфраструктура, ориентированная на академические исследования и публикации, что позволит построить инфраструктуру, которая будет автоматически фиксировать данные о новых публикациях в блокчейне и хранить постоянно обновляемую картину связей между публикациями (ссылки, цитаты), а это решит проблемы стратификации научных публикаций по импакт-фактору конкретного издания, индексу цитиро-

[1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

[2] Золотых О. Цифровизация экономики // БИТ. Бизнес & информационные технологии. 2017. – № 8 (71).

[3] Шерстобитов С. Цифровизация экономики // БИТ. Бизнес & информационные технологии. 2017. – № 8 (71).

[4] Всеволод Охрименко. Блокчейн в сфере образования. 15 декабря 2017. – https://vc.ru/30719-blokcheyn-v-sfere-obrazovaniya

[5] University of Melbourne. – https://austral.ru/institution/university-of-melbourne

[6] Горелов Д., Цифровизация экономики // БИТ. Бизнес & информационные технологии. 2017. – № 8 (71).

вания. Блокчейн-инфраструктура решит проблему фиксирования информации о лицензировании и патентовании того или иного объекта интеллектуальной собственности.

Внедрение блокчейн-технологии – очень дорогостоящая программа перехода на цифровую экономику, требующая огромных финансовых вложений, и не всякое образовательное учреждение возьмет на себя смелость внедрять её. Но особенностью блокчейн-технологии является то, что она может быть адаптирована для совершения любых операций, связанных с регистрацией, учетом или передачей любых активов, и в перспективе с помощью работающих блокчейн-платформ можно будет регистрировать юридические лица, права на недвижимое и движимое имущество, интеллектуальную собственность и т.д. Возможности открываются огромные[1].

Внедрение блокчейн-технологий в образовательных организациях позволит:

- перевести весь документооборот образовательной организации на блокчейн, что увеличит скорость обработки материала, обеспечит прозрачность и невозможность утраты, порчи или подделки документа, поскольку созданный однажды блок уже не может быть изменен, его невозможно удалить из сети;
- обеспечить прозрачность финансовых потоков образовательного учреждения, распределение финансов по различным структурным подразделениям;
- иметь единый ресурс, где можно было бы найти интересующий курс в любой точке мир;
- хранить каждому участнику копию всей базы данных, используя единый протокол;
- упростить процесс перезачета оценок при переходе в другое учебное заведение;
- вносить аттестаты, награды студентов в блокчейн;
- выдавать «верифицируемые» цифровые дипломы с использованием технологии блокчейна, защищенные от подделок;
- потенциальному работодателю получить доступ к данным студента и получить подтверждение того, где студент обучался и какими компетенциями он владеет;
- обеспечить поиск специалистов работодателем, обладающих специфическими навыками;
- иметь базу данных о трудоустройстве выпускников и переходе их на другую работу, что поможет образовательным организациям оценивать эффективность их работы по своим программам;
- снизить нагрузку на преподавателя по ведению истории успеваемости студентов;
- подтверждать и сохранять право авторства профессорско-преподавательскому составу;
- решить проблемы стратификации научных публикаций по импакт-фактору конкретного издания, индексу цитирования, проблему фиксирования информации о лицензировании и патентовании того или иного объекта интеллектуальной собственности;
- перейти к эпохе цифровых контрактов и безбумажных сделок, что значительно снизит стоимость обслуживания.

Развитие современных технологий растет огромными темпами. Исследования состояния рынка труда показали, что внедрение новых технологий, в том числе блокчейн приведет к масштабному сокращению числа рабочих мест и изменению структуры рынка труда. На сессии «Человеческий капитал как фактор экономического развития», проходившей в феврале 2017 в г. Сочи, прозвучали цифры, что в течение следующих 10 лет вследствие использования цифровых технологий 6 млн. рабочих мест могут исчезнуть полностью, еще 25 млн. рабочих мест потребуют качественно иных навыков и компетенций от граждан, занятых в экономике страны. Поэтому переход образовательных организаций к новым технологиям должен строиться на комплексном исследовании состояния рынка образовательной организации и разработке мер по формированию занятости, переквалификации сотрудников[2].

Сегодня мир очень быстро меняется. Важнейшим условием быстрого развития образовательного учреждения является внедрение новых инструментов и технологий. Переход к блокчейну как инструменту развития цифровой экономики уже становится необходимостью.

Результатом внедрения блокчейн-технологий станет автоматизация процессов производства и оказания услуг, что приведет к эпохе цифровых контрактов и безбумажных сделок, значительной экономии ресурсов. Это означает, что экономическую стабильность смогут сохранить те образовательные учреждения, которые перешли на современную развитую цифровую инфраструктуру, что позволит образовательным учреждениям быть конкурентоспособным.

[1] Герасимова Е. Блокчейн добрался до высшей школы // Независимая газета. – М., 2017. – 5 октября.

[2] К. Варламов. Переход к цифровой экономике должен привести к улучшению качества жизни россиян во всех значимых сферах. ОНФ 12 мая 2017 года

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор МФТИ
prof-orlov@mail.ru

ЧИСЛО ЦИТИРОВАНИЙ – КЛЮЧЕВОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКЕ

Ключевые слова: *наука, управление, принятие решений, наукометрические показатели, экспертные оценки, библиометрические базы данных, индексы цитирования, Российская академия наук.*
Keywords: *science, management, decision-making, scientometric indicators, expert estimates, bibliometric databases, citation indexes, Russian Academy of Sciences.*

Основной научный результат вынесен в заголовок статьи. Для его обоснования рассмотрим методы оценки эффективности и качества работы ученого, научной деятельности подразделения, организации, журнала. Показатели эффективности научной деятельности используются как важная составная часть при оценке вузов, инновационного потенциала предприятий и т.п. Подробно разработаны и широко применяются два типа инструментов оценки эффективности научной деятельности – наукометрические показатели и экспертные оценки. Их критическому анализу и посвящена настоящая статья.

1. Современное состояние наукометрии

В нашей стране основные идеи наукометрии разработаны проф. В.В. Налимовым около полувека назад[1]. В ней были рассмотрены основные проблемы изучения развития науки как информационного процесса. За прошедшие полвека (без малого) принципиально новые идеи не возникли. Заметным, но сомнительным новшеством является появление в 2005 г. т.н. «индекса Хирша».

Однако в последние годы вопросы наукометрии широко обсуждаются в научно-образовательном сообществе. Это вызвано двумя причинами.

Во-первых, развитие информационных технологий, прежде всего создание библиометрических баз данных, сделало общедоступным знакомство с наукометрическими показателями исследователей и их объединений (подразделений, институтов).

Во-вторых, наукометрические показатели стали использоваться администраторами различного уровня при управлении научной деятельностью.

Осмысление наукометрической деятельности находится в нашей стране на начальном уровне. Распространены разнообразные догмы, приводящие к необоснованным управленческим решениям, наносящим вред отечественной науке. Например, многие лица:

– считают публикации в научных журналах основным видом научных публикаций;

– верят в реальное существование «мировой науки»;

– отдают приоритет публикациям в зарубежных журналах, индексируемым в базах библиометрических данных WoS и Scopus;

– основным наукометрическим показателем без каких-либо обоснований считают индекс Хирша;

– отрицательно относятся к самоцитированию;

– игнорируют публикации старше 5 лет, в частности, при расчете импакт-факторов журналов, и т.д.

Наукометрия – это применение статистических методов для анализа данных о научной деятельности. Поэтому весь арсенал прикладной статистики может быть применен в этой конкретной предметной области – в науковедении. Как и в других областях для решения актуальных задач оказывается необходимой разработка новых методов анализа данных.

Полученные нашим научным коллективом результаты в области наукометрии сведены вместе в монографии 2017 г.[2] В отношении применяемых авторами математических и инструментальных методов эта монография продолжает ранее выпущенные тем же издательством книги 2014, 2015 и 2016 гг.[3]

[1] Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.

[2] Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И. Современные подходы в наукометрии: монография / Под науч. ред. проф. С.Г. Фалько. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 532 с.

[3] Орлов А.И., Луценко Е.В. Системная нечеткая интервальная математика.– Краснодар: КубГАУ, 2014. – 600 с.; Орлов А.И., Луценко Е.В., Лойко В.И. Перспективные математические и инструментальные методы контроллинга. – Краснодар: КубГАУ, 2015. –

Приведем некоторые результаты наших исследований в области наукометрии. Начнем с обсуждения общих вопросов развития отечественной науки.

2. Всеобщее невежество научных работников

Основная проблема современной науки – всеобщее невежество научных работников. Это шокирующее утверждение легко обосновать, сопоставив количество актуальных публикаций по практически любой научной специальности (сотни тысяч и миллионы) с возможностями восприятия человека (сотни и тысячи статей и книг).

Как следствие, исследователи разбиваются на кланы (кластеры), состоящие обычно из нескольких сотен лиц. Научный работник в какой-то мере знает работы членов своего кластера и практически не интересуется исследованиями тех, кто не входит в кластер.

Кластеры взаимодействуют между собой обычно по административным вопросам, например, в борьбе за ресурсы. Иногда эта борьба происходит в обстановке нездоровой монополии. Например, отделение математики РАН формируется тремя небольшими институтами математики (в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске), т.е. фактически тройкой директоров этих институтов. Научные результаты более чем 12 тысяч математиков России, работающих в других организациях, при этом игнорируются.

Иногда говорят, что каждый специалист знает свою область, знаком с работами коллег и хорошо видит, «кто чего стоит». Из сказанного выше ясно, что это заблуждение. Следовательно, для управления наукой необходимо использовать те или иные управленческие технологии, в частности, показатели научной активности, не сводящиеся к непосредственному впечатлению. Управленческие технологии основаны на измерении тех или иных показателей. Есть две группы показателей успешности научной деятельности – наукометрические (число цитирований работ определенного автора, число его публикаций, импакт-фактор журнала и др.) и экспертные (ученые степени, членство в научных обществах, в том числе в академиях, занимаемые должности). Рассмотрим эти группы показателей, а также ряд более общих вопросов управления наукой[1]. Основное утверждение настоящей статьи таково: число цитирований – ключевой показатель результативности научной деятельности. Именно по числу цитирований следует оценивать вклад в науку исследователя или организации[2].

3. О реформировании и перспективах развития российской науки

Официальная статистика не относит профессорско-преподавательский состав вузов к научным работникам. К таковым Росстат причисляет лишь лиц, занимающих «научные должности», а не преподавательские или инженерные. Однако ясно (в частности, из данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)), что именно работники вузов составляют основную массу наиболее результативных исследователей.

Для работников вузов на нынешнем этапе проведения реформы науки наиболее заметным является введение частичного использования наукометрических показателей при оценке результативности работы профессорско-преподавательского состава (например, такое требование: за 5 лет профессор должен опубликовать не менее 10 статей в журналах списка ВАК, доцент – не менее 8, и т.д.).

Недостатками современного этапа являются попытки рекомендовать публикации в журналах из библиометрических баз WoS и Scopus (т.е. в основном в зарубежных журналах), отсутствие анализа цитируемости, необоснованные ссылки на индексы Хирша и значения импакт-факторов научных журналов.

Возможный механизм решения имеющихся проблем – разработка (в конкретном вузе и в РФ в целом) научно обоснованных рекомендаций по оценке результативности научных исследований (с опорой на базовый показатель для фундаментальных исследований, которым, как показано выше, является число цитирований). Эти рекомендации должны позволять принимать обоснованные управленческие решения по финансированию научных исследований.

Наряду с расширением фронта научных исследований, в частности с увеличением суммарного числа защищенных диссертаций, наблюдаем заметное падение авторитета РАН (как совокупности действительных членов и членов-корреспондентов, так и институтов бывшей РАН). С некоторым удивлением мы убедились, что результаты деятельности действительных членов и членов-корреспондентов РАН, как правило, не нужны отечественной науке, что подтверждается сравнительно малым числом цитирований этой группы лиц по сравнению с другими авторами. Следовательно, эта совокупность лиц должна быть уравнена в правах с другими общественными организациями научной направленности, например, такими, как Российская академия естественных наук (РАЕН), Международная академия исследований будущего (МАИБ), Российская академия статистических методов (РАСМ). Основная часть институтов бывшей РАН должна быть передана в состав вузов или профильных ведомств (Роскосмос, Росатом и др.).

Сильная сторона современной отечественной фундаментальной науки – ее самодостаточность. Для получения нужных стране научных результатов мировая наука российским исследователям практически не нужна. Более того, возвеличивание «мировой науки» – это вредный миф, поддерживаемый врагами России с целью выкачивания ресур-

---

600 с.; Орлов А.И., Луценко Е.В., Лойко В.И. Организационно-экономическое, математическое и программное обеспечение контроллинга, инноваций и менеджмента. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 600 с.

[1] Орлов А.И. Наука как объект управления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. – № 101. – С. 1243–1273.

[2] Орлов А.И. Число цитирований – ключевой показатель эффективности научной деятельности исследователя и организации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 124. – С. 984–1009.

сов из нашей страны[1]. Русский путь в мировой науке[2] – вот что должно быть приоритетом. Строительство науки в отдельно взятой стране[3] не только возможно, но и целесообразно.

Слабая сторона современной отечественной фундаментальной науки – миф о том, что совокупность действительных членов и членов-корреспондентов РАН – это «штаб» российской науки. Пополнение РАН путем кооптации привело к её засорению субъектами, выбранными не за научные заслуги, а по другим причинам. Как нетрудно убедиться, по каждой из тематик РИНЦ из первых 100 наиболее результативных ученых (по числу цитирований) действительных членов и членов-корреспондентов РАН соответствующих отделений не более 10%.

Выборы осени 2016 года продемонстрировали крайнюю степень деградации РАН:

а) избрали чиновников, очевидно, в надежде на лоббистские услуги, проще говоря, в коррупционных целях, на что и обратил внимание Президент РФ;

б) в отделении медицинских наук избрали большое число жен и детей действующих «академиков»;

в) в отделении математики избрали лиц, чьи работы никому не нужны (единичные цитирования, впрочем, и публикации единичны); при публичном обсуждении в газете «Троицкий вариант – наука» установлено, что сговор директоров трех небольших академических НИИ (институтов математики в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске) предопределяет итоги выборов в РАН;

г) в иностранные члены РАН избрали матерого врага России Киссинджера.

Нынешняя РАН паразитирует на авторитете, заработанном предыдущими поколениями исследователей.

4. Несколько конкретных вопросов

Наука находится в рукотворном кризисе, и основное сейчас – вывести ее из этого кризиса, изменив организационные формы, в частности, ликвидировать изжившую себя РАН. Однако ясно, что и направления исследований следует менять. Несколько слов о том, каким направлениям и научным российским школам необходимо уделить особое внимание в ближайшие годы.

В области математических методов исследования выделим следующим направлениям: новая парадигма математических методов исследования, статистика нечисловых данных и прикладная статистика в целом, теория принятия решений, организационно-экономическое моделирование и особенно теория экспертных оценок, автоматизированный системно-когнитивный анализ и программная система «Эйдос».

В области экономики и управления необходимо признать перспективными следующие направления: контроллинг, экономика предприятия и организация производства, эконометрика и математические и инструментальные методы экономики в целом, солидарная информационная экономика. Необходимо освободить экономическую теорию и практику от рыночных извращений, взять за основу определение Аристотеля: экономика – это наука о том, как вести хозяйство.

Обоснованный перечень направлений и российских научных школ, которым необходимо уделить особое внимание в ближайшие 2–3 года и на дальнейшую перспективу, может попытаться составить лишь все российское научное сообщество в целом. Однако из-за всеобщего невежества научных работников успех сомнителен – каждый научный клан будет продвигать нужное ему. А потенциальные потребители результатов научных исследований находятся в плену сложившихся представлений.

Например, специальная теория относительности дает результаты, отличные от результатов классической механики, лишь для скоростей, сравнимых со скоростью света. Такие скорости практически не встречаются в том реальном мире, в котором живет и работает современное человечество. Следовательно, специальная теория относительности является маргинальным научным результатом, не оказывающим влияния на реально принимаемые управленческие решения. Тем не менее, с помощью хорошо организованной маркетинговой компании удалось выдвинуть специальную теорию относительности на первое место в современной физике, и успешная реклама привела к тому, что портрет Эйнштейна стал символом ученого XX века.

Требуются существенные изменения в правовом обеспечении научно-технологического развития. Прежде всего, как уже отмечалось, необходимо совокупности действительных членов и членов-корреспондентов РАН придать статус обычной общественной организации, такой, как РАЕН, МАИБ, РАСМ и другие общественные академии.

Большинство НИИ, подведомственных ФАНО, целесообразно включить в состав вузов или профильных ведомств (Институт космических проблем РАН и Институт медико-биологических проблем РАН – в Роскосмос, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН – в Росатом, и т.п.). Остальные организации, ныне входящие в ФАНО, подлежат передаче вновь созданному Государственному комитету по науке и технике, обладающему более широкими возможностями по сравнению с ФАНО.

Экспертизы по поручению руководства страны должны осуществляться не РАН, а творческими коллективами, созданными Государственным комитетом по науке и технике из наиболее результативных научных работников (из первых 100 наиболее признанных ученых (по числу цитирований) по каждой из тематик РИНЦ).

---

[1] Гринченко С.Н. Является ли мировая наука «организмом»? // Biocosmology – neo-Aristotelism. Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2014. – Vol. 4, N 1–2 (Winter/Spring). – P. 115–122.

[2] Хруцкий К.С. Русский путь в мировой науке // Философские науки. – М., 2007. – № 9. – С. 141–151.

[3] Орлов А.И. О строительстве науки в отдельно взятой стране // Электронный журнал «Biocosmology – neo-Aristotelism». 2014, – Vol. 4, N 3 (Summer). – P. 203–223.

Какие критерии должны использоваться для оценки результативности работы научных организаций и деятельности научных сотрудников? Основной показатель результативности – это число цитирований. Очевидно, если работа процитирована – значит, она нужна. А если на публикацию никто не ссылается – значит, она никому не нужна и не оказывает никакого влияния на развитие науки.

Из трех основных показателей РИНЦ число публикаций дает оценку продуктивности, индекс Хирша не имеет рациональной интерпретации и не должен использоваться для оценки эффективности работы научных организаций и деятельности научных сотрудников, а вот число цитирований – это тот показатель, который является наиболее адекватной оценкой научного вклада исследователя в области фундаментальной науки.

В прикладной науке основное – не публикации, а оценка заказчика работы. Возможности публикаций ограничиваются требованиями соблюдения государственной и коммерческой тайны.

Как уже отмечалось, в рассматриваемой области есть ряд вредных заблуждений. Так, применение наукометрических показателей, полученных по зарубежным базам данных (WoS, Scopus и др.), вредно, поскольку основная масса российских изданий в них не представлена. Активное самоцитирование научных организаций и научных сотрудников – показатель их передового положения в науке, наличия научных школ, перспективных научных направлений. С самоцитированием не следует бороться, его надо поощрять. Понятие «мусорных журналов», т.н. «мурзилок», пропагандируется загнившей частью научного сообщества, имеет целью принижение новых научных направлений и журналов, особенно действующих вне Москвы. Цель такого принижения – переключение потока направляемых в печать статей и соответствующих финансовых потоков на столичные центры, теряющие свои творческие потенции.

Итак, число цитирований по РИНЦ – ключевой показатель результативности (эффективности) научной деятельности. Следует принять положение (нормативный документ), согласно которому показатели по WoS, Scopus и др. не используются в отечественной практике, по грантам принимаются только публикации на русском языке, при выборах на те или иные позиции, при защитах диссертаций учитываются только публикации на русском. Это позволит, в частности, исключить нарушение прав отечественных налогоплательщиков, когда первая публикация, выполненная на их деньги, появляется в иностранном журнале.

Впрочем, и наиболее привлекательная с нашей точки зрения отечественная база библиометрических данных РИНЦ имеет ряд недостатков. В списке публикаций автора настоящей статьи в Научной электронной библиотеке и тем более в ее подмножестве – в РИНЦ – продолжают отсутствовать многие статьи 1970–1980 гг., выпущенные в сборниках академических организаций, содержащие ключевые научные результаты, хотя эти публикации многократно включены в списки литературных источников недавно изданных статей и книг. Описания литературных источников при цитировании зачастую имеют ошибки, в результате одна и та же публикация приводится в РИНЦ с различными библиографическими описаниями. В результате число публикаций неоправданно увеличивается, а индекс Хирша – уменьшается. Разработаны процедуры автоматического исправления подобных ошибок. Глава 3.3 нашей монографии[1] посвящена применению АСК-анализа и интеллектуальной системы «Эйдос» для решения в общем виде задачи идентификации литературных источников и авторов по стандартным, нестандартным и некорректным библиографическим описаниям.

Более серьезные нарушения – приписывания работ одних авторов другим. Недавно РИНЦ исправил такого рода ошибку[2].

Необходимо добиться понимания обществом необходимости фундаментальных научных исследований. Руководители различных рангов должны постоянно подчеркивать пользу науки, опираться на результаты научных исследований при принятии управленческих решений, а средства массовой информации – популяризировать научные результаты. Например, следует восстановить издание журнала «Квант» с обязательной рассылкой по всем средним школам страны.

В свою очередь, научные работники не должны «удовлетворять свое любопытство за государственный счет». Им следует постоянно ориентироваться на интересы общества. Необходимо избавиться от загнившей части научных деятелей, ликвидировать необоснованные привилегии действительных членов и членов-корреспондентов РАН, отправить на почетную пенсию престарелых лиц, числящихся научными работниками. Академические НИИ не должны быть привилегированными домами престарелых.

Пока в зданиях НИИ, подведомственных ФАНО, царит запустение, сотрудники в рабочее время отсутствуют, каждый налогоплательщик будет вправе сказать: «Зачем мне кормить этих паразитов?» Когда в НИИ будет кипеть жизнь, как в 60-е годы XX в., статус и уровень социальной защищенности научных работников вернутся к высоким показателям.

Необходимо пресечь деструктивную деятельность сообщества Диссернет, которое своими акциями зачастую дискредитирует науку, выдвигая обвинения, которые не подтверждаются при проверке. Обратите внимание, как пресечение антиармейской пропаганды привело к повышению статуса военнослужащих в глазах общества.

Впрочем, в настоящее время актуально не столько развитие новых исследований, сколько сбережение накопленных знаний, умений, навыков.

Необходимо постоянно заниматься распространением и популяризацией научных знаний и повышением престижа науки. Это касается прежде всего руководства страны, регионов, ведомств, организаций.

---

[1] Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И. Современные подходы в наукометрии. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 532 с.

[2] Орлов А.И. Современные проблемы науковедения и наукометрии // Biocosmology – neo-Aristotelism (Биокосмология – нео-Аристотелизм). Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2017. – Vol. 7, N 3-4 (Summer/Autumn). – С. 389–410.

Кардинальное решение возможно лишь при изменении психологии масс, отказа от псевдорыночного лозунга максимизации прибыли (прибыли) и переходе при управлении экономикой на иные базовые принципы, прежде всего патриотические. Речь идет об отказе от рыночной экономики и переходе на солидарную информационную экономику[1].

Во всех НИИ и вузах должны быть созданы подразделения, занимающиеся распространением и популяризацией научных результатов, полученных в этой организации, как внутри страны, так и за рубежом. В частности, для зарубежных читателей должны выпускаться издания, отражающие научные результатов, полученных в этой организации. Российская научно-техническая разведка должна обеспечить научных работников информацией о зарубежных исследованиях по их тематике. Должна получить дальнейшее развитие деятельность ИНИОН.

Передача большинства организаций бывшей РАН в состав соответствующих вузов позволит обеспечить участие ведущих ученых в преподавании, а преподавателей вузов – в современных научных исследованиях. Стихийный процесс слияния научной и преподавательской деятельности, как известно, давно идет. Сотрудники академических НИИ преподают (по совместительству), а преподаватели обязаны вести научные исследования.

Развитие науки идет волнами. Появилась новая идея или методика проведения опытов – и наблюдается резкий рост числа исследований и, соответственно, публикаций. Затем, после выработки «золотоносной жилы» – спад научной активности, продолжающийся до рождения новой идеи. В период подобного спада научные работники могут и должны активно участвовать в преподавании, передавать наработанные результаты следующему поколению. Наоборот, в период всплеска исследований преподаватели и студенты могут и должны активно в них участвовать, усиливая собой кадровый состав научных работников.

Приходим к выводу о вреде разрыва между вузами и НИИ. Сложившийся в СССР подобный разрыв был порожден, видимо, взрывным ростом послевоенной науки. В настоящее время рост сменился упадком, а в перспективе, надеемся, должна наступить стабилизация.

Текущее состояние экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти и управления не является удовлетворительным. С одной стороны, привлекаемые к экспертизе лица и организации иногда работают неадекватно. С другой стороны, органы государственной власти и управления часто игнорируют выводы экспертов.

Целесообразно создание Межведомственного экспертного совета по проблемам научно-технологического развития России, который взял бы на себя организацию экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти и управления. Экспертизы по поручению руководства страны должны осуществляться не РАН, а творческими коллективами, созданными из наиболее результативных научных работников (из первых 100 наиболее результативных ученых (по числу цитирований) по каждой из тематик РИНЦ). Кроме того, Межведомственный экспертный совет по проблемам научно-технологического развития России взял бы на себя временное руководство теми организациями бывшей РАН, которые нецелесообразно передавать в вузы и профильные ведомства (например, ИНИОН, ВИНИТИ, РИНКЦЭ, музеи). Как уже отмечалось, целесообразно создание органа управления, аналогичного по ряду функций Государственному комитету по науке и технике СССР, в подчинение которому и поступят в итоге указанные организации бывшей РАН.

5. Критика наукометрических показателей

С нее мы начали[2] в 2013 г. цикл работ по наукометрии. Выявлен ряд вредных мифов, получивших широкое распространение.

Например, в фундаментальной науке наиболее естественная цепочка публикаций, соответствующая развитию исследований, такова: тезисы доклада (первая формулировка идеи на конференции или научном семинаре) – тематический сборник (статьи единомышленников, сплотившихся вокруг новой идеи) – монография – учебник – широкое использование (именно так развивались отечественные работы по ряду направлений, например, по нечисловой статистике и теории экспертных оценок). Обратите внимание – в этой цепочке нет статей в научных журналах. Т.е. для развития науки публикации в журналах, вообще говоря, не нужны. Между тем любители наукометрии упирают прежде всего на статьи в журналах, пренебрегая другими видами публикаций. Вплоть до того, что тематические сборники, выпущенные академическими институтами в 1970–1980 гг., даже не попадают в РИНЦ.

Почему пропагандисты наукометрических показателей делают упор на журналы? Раскроем сказанное ранее. Одна из причин – потому что таким путем оценку научной продуктивности можно проводить путем применения программного продукта. Достаточно составить базу данных из списков литературных ссылок в электронных версиях журналов и формально ее обработать. Другая причина – «владельцы» журналов таким образом закрепляют свои позиции в научном мире, «зарабатывают деньги». В их руках – ресурс (возможность публикации), необходимый для профессиональной деятельности. Пропаганда погони за публикациями в зарубежных научных журналах – антироссийская деятельность, которую можно сравнить с пропагандой кражи интеллектуальной собственности.

Велики возможности внесения искажений, той ли иной «накрутки» показателей[1]. Можно в первых публикациях допустить неточности, ошибки, недоработки. Тогда появляется основания для публикации следующих статей, улуч-

[1] Орлов А.И. Вперед к Аристотелю: освободить экономическую теорию от извращений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. – № 127. – С. 478–500.

[2] Орлов А.И. О некоторых методологически ошибочных методах анализа и оценки результатов научной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 528–533.

шающих предыдущие. Главное – не получить слишком рано окончательный результат и тем самым не прекратить поток новых статей. Например, в теории вероятностей и математической статистике существование пятого момента случайной величины можно последовательно заменять на существование четвертого, третьего и второго. Или вместо условия дифференцируемости функции обойтись условием непрерывности. В результате получаем «облако» взаимно ссылающихся статей в связке из нескольких журналов.

Надо поднять импакт-фактор журнала, чтобы увеличить финансирование? Вот краткий, но реальный план мероприятий (по аналогии со сбором десятка-другого отзывов на диссертацию и автореферат – отзывы, как все знают, пишет сам соискатель): вместо одной полноценной статьи делим ее на последовательные кусочки, допускающие дальнейшее развитие, создаем команду «авторов» и рассылаем по журналам, затем перекрестно продолжаем «развитие» положений исходного набора статей.

6. Последствия методологических ошибок

Методологические ошибки – упор на необоснованные экспертные оценки (см. ниже) и неадекватное использование индексов цитирования – приводят к неправильным управленческим решениям. В частности, не получают адекватной оценки новые научные направления, которые еще не обзавелись своими журналами. Вне оценивания оказываются наиболее ценные результаты, отраженные в монографиях и учебниках. Оценка по журнальным статьям и импакт-факторам журналов объективно задерживает подготовку книжных изданий – ведь после выхода книги ссылаться будут на нее, а не на предыдущие статьи. Ссылки на работы, в которых получены принципиально новые результаты, зачастую «тонут» среди ссылок на массы эпигонов. На настоящий момент существенно, что в современных условиях отнюдь не все отечественные журналы имеют полноценные электронные версии, и не все включены в системы учета цитирования. Сказанное объясняет, почему Международный союз математиков предостерегает от неправильного использования статистики цитирований.

По сравнению с упором на наукометрические показатели гораздо больший вред развитию науки наносят традиционные экспертные процедуры.

Речь идет не только о присвоении ученых степеней не по заслугам. Само по себе наличие ученых степеней можно сравнить с воинскими званиями или классными чинами, введенными Петром Первым. По ученой степени можно создать первое впечатление о квалификации незнакомого специалиста. Однако нелепо, что ученая степень присуждается на всю оставшуюся жизнь и не требует подтверждения. Современные информационно-коммуникационные технологии дают возможность проводить такое подтверждение регулярно на основе анализа библиометрических баз данных.

Процедура присуждения ученых степеней нелепа. Невозможно по пятнадцатиминутному (для кандидатской степени) или тридцатиминутному (для степени доктора наук) докладу разобраться в деталях сделанной работы. Члены диссертационного совета принимают решение по диссертации, не читая ее (из-за недостатка времени). Нелепо их обвинять, если диссертация содержит некорректные заимствования.

Очевидна тенденция к загниванию структур, пополняемых путем кооптации, например, РАН. Это и произошло. Академия наук перестала быть центром отечественной науки. Само существование РАН наносит большой вред развитию науки. Подчеркнем: ее сохранение в нынешнем виде мешает развитию отечественной науки. Речь идет не о ликвидации РАН, а о преобразовании ее в общественную организацию типа Королевского научного общества или Американской статистической ассоциации.

Вредна связка административных должностей с наличием ученых степеней и членством в РАН. Хозяйственники (директора НИИ, ректоры вузов) должны заниматься управлением, а не наукой. Ведь очевидно, что если директор НИИ ведет научные исследования, то он ресурсы всего НИИ перетягивает на свою тематику, сокращая поддержку других научных направлений. Наблюдаем конфликт интересов: директор как научный работник заинтересован в направлении ресурсов на нужды своих исследований, а как администратор заинтересован, наоборот, в развитии всех научных направлений, имеющихся в НИИ, что предполагает распределение ресурсов между всеми этими направлениями.

Есть и другие проблемы, мешающие развитию отечественной науки. Например, сложившаяся система научных специальностей нелепа и мешает развитию науки[2].

7. Что можно делать?

Подведем краткие итоги.

Оценка научной деятельности должна проводиться на основе числа цитирований. Если работа цитируется – значит, она нужна! А если не цитируется – то не оказывает влияния на развитие науки.

Как быть с другими наукометрическими показателями? Число публикаций оценивает продуктивность, а число цитирований – результативность. Индекс Хирша нелеп и должен быть выведен из употребления. Импакт-факторы

---

[1] Луценко Е.В. Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 108. – С. 1–29.

[2] Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И. Современные подходы в наукометрии: монография / Под науч. ред. проф. С.Г. Фалько. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 532 с.

журналов, в которых опубликованы работы, не имеют отношения к оценке публикаций. В современных условиях важна лишь возможность получить Интернет-версию работы.

Взамен действительных членов и членов-корреспондентов РАН к выполнению работ по заданию руководства страны следует привлекать наиболее цитируемых исследователей.

Большинство институтов бывшей РАН (ныне подчиняющихся ФАНО) следует передать вузам или профильным ведомствам.

Российская академия наук должна быть уравнена в правах с общественными академиями, такими как Российская академия естественных наук и Международная академия исследований будущего, Королевское научное общество и Американская статистическая ассоциация.

Необходимо совершенствовать систему научных специальностей. В частности, на основе накопленного опыта[1] целесообразно в рамках социологической науки создать специальность «Математические и инструментальные методы в социологии», аналогичную экономической специальности «Математические и инструментальные методы в экономике».

[1] Орлов А.И. Математические методы в социологии за сорок пять лет // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 117. – С. 91–119.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор МФТИ
prof-orlov@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С НОВОЙ ПАРАДИГМОЙ ПРИКЛАДНОЙ СТАТИСТИКИ

Ключевые слова: *статистика, математика, экономика, управление, образование, математическая статистика, новая парадигма, ошибки в учебниках.*
Keywords: *statistics, mathematics, economics, management, education, mathematical statistics, new paradigm, error.*

Статистические исследования (с целью информационно-аналитической поддержки процесса принятия управленческих решений) проводятся с давних времен. Например, для принятия решений в военной области необходима информация о числе военнообязанных. О переписи военнообязанных рассказано в Ветхом Завете в Четвертой книге Моисеевой «Числа»[1]. Поэтому вполне естественно, что в программы высшего образования включают статистические дисциплины.

Если в высшей школе США число преподавателей и кафедр в области статистики вполне сопоставимо с числом преподавателей и кафедр в области математики, то в нашей стране – совсем другая ситуация. Официально признаны лишь две составляющие статистики – математическая статистика и ведомственная наука Росстата. Первая составляющая относится к математике, к научной специальности 01.01.05 «теория вероятностей и математическая статистика». Вторая составляющая относится к экономическим наукам, к научной специальности 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика». Все остальные составляющие статистики, например, статистические методы в технике, медицине, химии, истории, социологии, психологии и т.п., проигнорированы. Впрочем, некоторые из этих «забытых» составляющих укрепились и получили собственные имена. Например, эконометрика – статистические методы в экономике и управлении (менеджменте). В нашей стране создана отечественная научная школа в области эконометрики[2].

Очевидно, деятели научной специальности 01.01.05 «теория вероятностей и математическая статистика» ориентированы на доказательство теорем, а не на изучение проблем анализа реальных статистических данных. Они уходят от реального мира внутрь математики, их научные результаты зачастую бесполезны для практики.

Деятели научной специальности 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика» исходят из экономической методологии, имеют экономическое образование, под статистикой понимают деятельность Росстата. Не зная математики, составляют учебники, например, по общей теории статистики, содержащие математико-статистические ошибки. Много конкретных ошибок приведено на Интернет-ресурсе «Профессора-невежды готовят себе на смену новых невежд»[3]. Причины появления ошибок проанализированы на Интернет-ресурсе «Типовые ошибки при вхождении в прикладную статистику»[4]. На деятельность Росстата, к сожалению, нельзя ориентироваться. Ложь официальной статистики постоянно разоблачается в различных публикациях[5].

В начале 1980-х годов мы выделили научную дисциплину «Прикладная статистика». Наш базовый учебник по этой дисциплине начинается словами: «Прикладная статистика – это наука о том, как обрабатывать данные»[6]. Методы прикладной статистики могут применяться в любой области науки, в любой отрасли научного хозяйства.

В 1980-х годах была создана попытка объединить статистиков различных научных направлений и ведомственной принадлежности. В 1990 г. был проведен Учредительный съезд Всесоюзной статистической ассоциации. Ассоциация состояла из четырех секций – специалистов по статистическим методам, специалистов по прикладным статистическим исследованиям (в нее входили в основном работников оборонных отраслей промышленности), преподавателей статистики в экономических вузах, работников официальной статистики. Автор настоящей статьи был избран вице-президентом (по секции статистических методов).

При подготовке к созданию Всесоюзной статистической ассоциации был проведен анализ ситуации в области статистики. В частности, было установлено, что в учебниках по «Общей теории статистики» обычно излагаются

[1] Орлов А.И. Основные этапы становления статистических методов // Научный журнал КубГАУ. 2014. – № 97. – С. 73–85.
[2] Орлов А.И. Отечественная научная школа в области эконометрики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 121. – С. 235–261.
[3] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=1&t=548
[4] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=1&t=97
[5] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=1051
[6] Орлов А.И. Прикладная статистика. – М.: Экзамен, 2006. – 671 с.

(с теми или иными математическими ошибками) основы прикладной статистики[1], к которым добавляется небольшая по объему информация о деятельности органов официальной статистики.

Наши работы исторического порядка, посвященные развитию статистических методов в нашей стране, суммированы в главе 2 (с. 13–61) монографии[2]. Отметим, что подготовка адекватной история отечественной статистики – дело будущего. Имеющиеся сочинения удручающе односторонние. Так, в «учебном пособии»[3] даже не упомянут великий статистик XX в. член-корреспондент АН СССР Николай Васильевич Смирнов. Но и из имеющейся информации было ясно, что перестройка статистики назрела. Одним из наших предложений[4] было создание Всесоюзной статистической ассоциации. Другим – организация Всесоюзного центра статистических методов и информатики, миссия которого – разработка и внедрение программных продуктов по статистическим методам.

Всесоюзная статистическая ассоциация – аналог Королевского статистического общества (1834) и Американской статистической ассоциации (1839). Однако вследствие развала СССР Всесоюзная статистическая ассоциация прекратила работу, как и другие союзные организации. С юридической точки зрения это незаконно, поскольку в ее Уставе была норма – ликвидация ассоциации возможна лишь по решению съезда. Такого съезда не было. Был лишь один съезд – Учредительный (1990). Поэтому юридически Всесоюзная статистическая ассоциация существует. На постсоветском пространстве наиболее активным является сообщество узбекских статистиков. Регулярно проводятся многочисленные международные конференции «Статистика и ее применения».

За 1990-е годы число участников статистических конференций и семинаров сократилось на порядок, поэтому мы сочли необходимым перейти к составлению учебников и монографий.

В ходе организации Всесоюзной статистической ассоциации было проанализировано состояние и перспективы развития рассматриваемой области научно-прикладных исследований и осознаны основы уже сложившейся к концу 1980-х гг. ***новой парадигмы статистики.*** В течение следующих лет новая парадигма развивалась и к настоящему времени оформлена в виде серии монографий и учебников для вузов, состоящей более чем из 10 книг. Проведем сравнение старой и новой парадигм математических методов исследования.

Типовые исходные данные в новой парадигме – объекты нечисловой природы (элементы нелинейных пространств, которые нельзя складывать и умножать на число, например, множества, бинарные отношения), а в старой – числа, конечномерные векторы, функции. Ранее (в старой парадигме) для расчетов использовались разнообразные суммы, однако объекты нечисловой природы нельзя складывать, поэтому в новой парадигме применяется другой математический аппарат, основанный на расстояниях между объектами нечисловой природы и решении задач оптимизации.

Изменились постановки задач анализа данных и экономико-математического моделирования. Старая парадигма математической статистики исходит из идей начала XX в., когда К. Пирсон предложил четырехпараметрическое семейство распределений для описания распределений реальных данных. В это семейство как частные случаи входят, в частности, подсемейства нормальных, экспоненциальных, Вейбулла-Гнеденко, гамма-распределений. Сразу было ясно, что распределения реальных данных, как правило, не входят в семейство распределений Пирсона (об этом говорил, например, академик С.Н. Бернштейн в 1927 г. в докладе на Всероссийском съезде математиков[5]). Однако математическая теория параметрических семейств распределений (методы оценивание параметров и проверки гипотез) оказалась достаточно интересной с теоретической точки зрения (в ее рамках был доказан ряд трудных теорем), и именно на ней до сих пор основано преподавание во многих вузах. Итак, в старой парадигме основной подход к описанию данных – распределения из параметрических семейств, а оцениваемые величины – их параметры, в новой парадигме рассматривают произвольные распределения, а оценивают – характеристики и плотности распределений, зависимости, правила диагностики и др. Центральная часть теории – уже не статистика числовых случайных величин, а статистика в пространствах произвольной природы, т.е. нечисловая статистика[6].

В старой парадигме источники постановок новых задач – традиции, сформировавшиеся к середине XX века, а в новой – современные потребности математического моделирования и анализа данных (XXI век), т.е. запросы практики. Конкретизируем это общее различие. В старой парадигме типовые результаты – предельные теоремы, в новой – рекомендации для конкретных значений параметров, в частности, объемов выборок. Изменилась роль информационных технологий – ранее они использовались в основном для расчета таблиц (в частности, информатика находилась вне математической статистики), теперь же они – инструменты получения выводов (имитационное моделирование, датчики псевдослучайных чисел, методы размножения выборок, в т.ч. бутстреп, и др.). Вид постановок задач приблизился к потребностям практики – при анализе данных от отдельных задач оценивания и проверки гипотез перешли к

---

[1] Орлов А.И. Что дает прикладная статистика народному хозяйству? // Вестник статистики. 1986. – № 8. – С. 52–56.

[2] Орлов А.И., Луценко Е.В., Лойко В.И. Организационно-экономическое, математическое и программное обеспечение контроллинга, инноваций и менеджмента: монография / Под общ. ред. С.Г. Фалько. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 600 с.

[3] Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 295 с.

[4] Орлов А.И. О перестройке статистической науки и её применений // Вестник статистики. 1990. – № 1. – С. 65–71; Орлов А.И. Необходимость перестройки в статистике // Статистика и перестройка. Ученые записки по статистике, т.55. – М.: Наука, 1991. – С. 153–159.

[5] Бернштейн С.Н. Современное состояние теории вероятностей и ее приложений // Труды Всероссийского съезда математиков в Москве 27 апреля – 4 мая 1927 г. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – С. 50–63. См. также: Орлов А.И. Распределения реальных статистических данных не являются нормальными // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 117. – С. 71–90.

[6] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование. Ч.1. Нечисловая статистика. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 541 с.; Орлов А.И. О развитии статистики объектов нечисловой природы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. – № 93. – С. 41–50.

статистическим технологиям (технологическим процессам анализа данных). Выявилась важность проблемы «стыковки алгоритмов» – влияния выполнения предыдущих алгоритмов в технологической цепочке на условия применимости последующих алгоритмов. В старой парадигме эта проблема не рассматривалась, для новой – весьма важна.

Если в старой парадигме вопросы методологии моделирования практически не обсуждались, достаточными признавались схемы начала XX в., то в новой парадигме роль методологии (учения об организации деятельности)[1] является основополагающей. Резко повысилась роль моделирования – от отдельных систем аксиом произошел переход к системам моделей. Сама возможность применения вероятностного подхода теперь – не «наличие повторяющегося комплекса условий» (реликт физического определения вероятности (по Мизесу), использовавшегося до аксиоматизации теории вероятностей А.Н. Колмогоровым в 1930-х гг.), а наличие обоснованной вероятностно-статистической модели. Если раньше данные считались полностью известными, то для новой парадигмы характерен учет свойств данных, в частности, интервальных и нечетких[2]. Изменилось отношение к вопросам устойчивости выводов – в старой парадигме практически отсутствовал интерес к этой тематике, в новой разработана развитая теория устойчивости (робастности) выводов по отношению к допустимым отклонениям исходных данных и предпосылок моделей[3].

Результаты сравнения парадигм удобно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Сравнение основных характеристик старой и новой парадигм

№	Характеристика	Старая парадигма	Новая парадигма
1	Типовые исходные данные	Числа, конечномерные вектора, функции	Объекты нечисловой природы
2	Основной подход к моделированию данных	Распределения из параметрических семейств	Произвольные функции распределения
3	Основной математический аппарат	Суммы и функции от сумм	Расстояния и алгоритмы оптимизации
4	Источники постановок новых задач	Традиции, сформировавшиеся к середине XX века	Современные прикладные потребности анализа данных (XXI век)
5	Отношение к вопросам устойчивости выводов	Практически отсутствует интерес к устойчивости выводов	Развитая теория устойчивости (робастности) выводов
6	Оцениваемые величины	Параметры распределений	Характеристики, функции и плотности распределений, зависимости, правила диагностики и др.
7	Возможность применения	Наличие повторяющегося комплекса условий	Наличие обоснованной вероятностно-статистической модели
8	Центральная часть теории	Статистика числовых случайных величин	Нечисловая статистика
9	Роль информационных технологий	Только для расчета таблиц (информатика находится вне статистики)	Инструменты получения выводов (датчики псевдослучайных чисел, размножение выборок, в т.ч. бутстреп, и др.)
10	Точность данных	Данные полностью известны	Учет неопределенности данных, в частности, интервальности и нечеткости
11	Типовые результаты	Предельные теоремы (при росте объемов выборок)	Рекомендации для конкретных объемов выборок
12	Вид постановок задач	Отдельные задачи оценивания параметров и проверки гипотез	Высокие статистические технологии (технологические процессы анализа данных)
13	Стыковка алгоритмов	Не рассматривается	Весьма важна при разработке процессов анализа данных
14	Роль моделирования	Мала (отдельные системы аксиом)	Системы моделей – основа анализа данных
15	Анализ экспертных оценок	Отдельные алгоритмы	Прикладное «зеркало» общей теории
16	Роль методологии	Практически отсутствует	Основополагающая

Как уже отмечалось, на рубеже тысячелетий нами было принято решение сосредоточить усилия на подготовке учебной литературы, соответствующей новой парадигме.

Первым был выпущенный в 2002 г. учебник по эконометрике[4], переизданный в 2003 г. и в 2004 г. Четвертое издание «Эконометрики»[5] существенно переработано. Оно соответствует первому семестру курса, в отличие от первых трех изданий, содержащих материалы для годового курса. В четвертое издание включены новые разделы, полностью обновлена глава про индекс инфляции, добавлено методическое обеспечение.

[1] Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. – М.: СИНТЕГ, 2007. – 668 с.

[2] Орлов А.И., Луценко Е.В. Системная нечеткая интервальная математика. Монография (научное издание). – Краснодар: КубГАУ, 2014. – 600 с.

[3] Орлов А.И. Устойчивые экономико-математические методы и модели. Разработка и развитие устойчивых экономико-математических методов и моделей для модернизации управления предприятиями. – Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 436 с.; Орлов А.И. Новый подход к изучению устойчивости выводов в математических моделях // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. – № 100. – С. 146–176.

[4] Орлов А.И. Эконометрика. – М.: Экзамен, 2002 (1-е изд.), 2003 (2-е изд.), 2004 (3-е изд.). – 576 с.

[5] Орлов А.И. Эконометрика. Изд. 4-е, доп. и перераб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 572 с.

В нашем фундаментальном курсе 2006 г. по прикладной статистике[1] в рамках новой парадигмы рассмотрены как нечисловая статистика, так и классические разделы прикладной статистики, посвященные методам обработки элементов линейных пространств – чисел, векторов и функций (временных рядов).

В том же 2006-м году в рамках новой парадигмы был выпущен курс теории принятия решений[2]. Его сокращенный (в 1,5 раза) вариант вышел годом раньше[3].

В соответствии с потребностями практики в России в 2005 г. введена новая учебная специальность 220701 «Менеджмент высоких технологий», относящаяся к тогда же введенному направлению подготовки 220700 «Организация и управление наукоемкими производствами», предназначенному для обеспечения инженерами-менеджерами высокотехнологичных предприятий. Большинство студентов научно-учебного комплекса «Инженерный бизнес и менеджмент» МГТУ им. Н.Э. Баумана обучаются по этой специальности. Общий взгляд на нее представлен в учебнике[4].

Государственным образовательным стандартом по специальности «Менеджмент высоких технологий» предусмотрено изучение дисциплины «Организационно-экономическое моделирование». Одноименный учебник выпущен в трех частях (томах). Первая из них[5] посвящена сердцевине новой парадигмы – нечисловой статистике. Ее прикладное «зеркало» – вторая часть[6], современный учебник по экспертным оценкам. В третьей части[7] наряду с основными постановками задач анализа данных (чисел, векторов, временных радов) и конкретными статистическими методами анализа данных классических видов (чисел, векторов, временных рядов) рассмотрены вероятностно-статистические модели в технических и экономических исследованиях, медицине, социологии, истории, демографии, а также метод когнитивных карт (статистические модели динамики).

В названиях еще двух учебников есть термин «организационно-экономическое моделирование». Это вводная книга по менеджменту[8] и современный учебник по теории принятия решений[9], в которых содержание соответствует новой парадигме, в частности, подходам трехтомника по организационно-экономическому моделированию. В нем значительно большее внимание по сравнению с более ранними нашими книгами теории принятия решений уделено теории и практике экспертных оценок, в то время как общие проблемы менеджмента выделены для обсуждения в отдельное издание, указанное выше.

К рассмотренному выше корпусу учебников примыкают справочник по минимально необходимым для восприятия рассматриваемых курсов понятиям теории вероятностей и прикладной математической статистики[10] и книги по промышленной и экологической безопасности[11], в которых большое место занимает изложение научных результатов в соответствии с новой парадигмой, в частности, активно используются современные статистические и экспертные методы, математическое моделирование. Опубликовано еще несколько изданий, например[12], но от их рассмотрения здесь воздержимся.

Публикация учебной литературы на основе новой парадигмы шла непросто. Зачастую издать определенную книгу удавалось с третьего-четвертого раза. Неоценима поддержка Научно-учебного комплекса «Инженерный бизнес и менеджмент» и МГТУ им. Н.Э. Баумана в целом, Учебно-методического объединения вузов по университетскому политехническому образованию.

Все перечисленные монографии, учебники, учебные пособия имеются в Интернете в свободном доступе. Соответствующие ссылки приведены на персональной странице А.И. Орлова на сайте МГТУ им. Н.Э. Баумана http://www.bmstu.ru/ps/~orlov/ и на аналогичной странице форума http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=1&t=1370, однако иногда различны названия и выходные данные книг в бумажном и электронном вариантах.

Информация о новой парадигме появилась в печати недавно[13] – в 2011–2013 гг., когда публикация книг с изложением научных подходов и результатов на основе новой парадигмы математических методов исследования была уже

---

[1] Орлов А.И. Прикладная статистика. – М.: Экзамен, 2006. – 671 с.

[2] Орлов А.И. Теория принятия решений. – М.: Экзамен, 2006. – 574 с.

[3] Орлов А.И. Принятие решений. Теория и методы разработки управленческих решений. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 496 с.

[4] Колобов А.А., Омельченко И.Н., Орлов А.И. Менеджмент высоких технологий. Интегрированные производственно-корпоративные структуры: организация, экономика, управление, проектирование, эффективность, устойчивость. – М.: Экзамен, 2008. – 621 с.

[5] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование. Ч. 1. Нечисловая статистика. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 541 с.

[6] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование. Ч. 2. Экспертные оценки. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. – 486 с.

[7] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование. Ч. 3. Статистические методы анализа данных. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2012. – 624 с.

[8] Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 475 с.

[9] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование: теория принятия решений. — М.: КноРус, 2011. – 568 с.

[10] Орлов А.И. Вероятность и прикладная статистика: основные факты: справочник. – М.: КноРус, 2010. – 192 с.

[11] Орлов А.И., Федосеев В.Н. Менеджмент в техносфере. – М.: Академия, 2003. – 384 с.; Орлов А.И. Проблемы управления экологической безопасностью. Итоги двадцати лет научных исследований и преподавания. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 344 с.

[12] Орлов А.И. Оптимальные методы в экономике и управлении. Учебное пособие. — М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. – 44 с.

[13] Орлов А.И. Новая парадигма разработки и преподавания организационно-экономического моделирования, эконометрики и статистики в техническом университете // Статистика и прикладные исследования: сборник трудов Всерос. научн. конф. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – С.131–144; Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование, эконометрика и статистика в техническом университете // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Естественные науки». – М., 2012. – № 1. – С. 106–118; Орлов А.И.

практически закончена. Мы не без оснований опасались, что им могут помешать довести работу до конца. В своей тактике публикаций мы во многом следовали Гауссу, который воздерживался от публикации работ по неевклидовой геометрии, опасаясь «криков беотийцев»[1].

На основе сказанного выше можно констатировать, что к настоящему моменту рекомендация Учредительного съезда Всесоюзной статистической ассоциации (1990) по созданию комплекта учебной литературы на основе новой парадигмы математических методов исследования выполнена. Предстоит большая работа по внедрению новой парадигмы организационно-экономического моделирования, эконометрики и статистики в научные исследования (теоретические и прикладные) и преподавание.

Приведем содержание курса «Статистика», который мы читаем на втором году обучения студентам факультета «Инженерный бизнес и менеджмент» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

1. Первая статистическая публикация – описание процедуры и результатов переписи военнообязанных в книге «Числа» Ветхого Завета. Методологическая несостоятельность Росстата по сравнению с Библией.

2. Основные этапы развития представлений о статистике. Шекспир, государствоведение, Наполеон. Определение Б.В. Гнеденко.

3. Прикладная статистика – наука о том, как обрабатывать данные. Данные – любой вид зарегистрированной информации. Статистическая совокупность, генеральная совокупность, выборочная совокупность (выборка), их единицы. Современный этап – «большие данные» (пример – РИНЦ).

4. Признак – функция, определенная для единиц совокупности, значение признака – значение этой функции. Примеры значений признаков – числа, градации из некоторого множества (упорядоченные градации – порядковые признаки, неупорядоченные – номинальные признаки, два возможных значения – альтернативные (дихотомические, бинарные) признаки).

5. Выборка – 1) часть генеральной совокупности, 2) реализации (т.е. значения для определенного элементарного исхода) независимых одинаково распределенных случайных величин. Объем выборки.

6. Таблицы выборочных распределений. Данные с повторами (сгруппированные данные).

7. Вариационный ряд и порядковые статистики.

8. Выборочное среднее арифметическое и математическое ожидание. Закон больших чисел. Расчет выборочного среднего арифметического по сгруппированным данным.

9. Основные понятия теории статистического оценивания: состоятельные и несмещенные оценки (на примере выборочного среднего арифметического как оценки математического ожидания).

10. Выборочная и теоретическая дисперсии. Несмещенная оценка теоретической дисперсии. Две формулы для расчета выборочной дисперсии.

11. Выборочное среднее квадратическое отклонение и его аналог – теоретическое среднее квадратическое (среднее квадратичное, стандартное) отклонение.

12. Выборочный и теоретический коэффициенты вариации.

13. Минимум, максимум и размах как выборочные характеристики.

14. Мода выборки и амплитуда моды.

15. Выборочная медиана и теоретическая медиана.

16. Выборочные и теоретические верхний квартиль, нижний квартиль и межквартильное расстояние.

17. Расчет средних характеристик (средней арифметической, медианы, моды) заработной платы для условного предприятия.

18. Выборочные моменты. Показатели асимметрии и эксцесса.

19. Данные с повторами (сгруппированные данные) и соответствующие варианты формул для расчета выборочных характеристик.

20. Непосредственный анализ статистических данных. Сравнение объемов выпуска продукции в РФ за 1990 г. и 2016 г.

21. Динамика макроэкономических характеристик РФ в 1990–2016 гг.

22. Динамика доли государства в экономике в XX в.

23. Демографическая статистика. Демографические прогнозы.

24. Эмпирическая функция распределения. График эмпирической функции распределения. Свойства эмпирической функции распределения. Теорема Гливенко.

25. Статистика Колмогорова и ее распределение.

26. Основные идеи теории проверки статистических гипотез. Уровень значимости и мощность критерия. Лемма Неймана – Пирсона.

27. Критерий Колмогорова – критерий согласия с заданным фиксированным распределением.

28. Статистика омега-квадрат (Крамера – Мизеса – Смирнова) и ее распределение.

Новая парадигма прикладной статистики // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2012. – Т. 78, № 1, ч. I. – С. 87–93; Орлов А.И. Основные черты новой парадигмы математической статистики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. – № 90. – С. 45–71; Орлов А.И. Новая парадигма математических методов экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 36 (339). – С. 25–30.

[1] Клейн Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии. Ч. I. – М.-Л.: Объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР. Главная редакция технико-теоретической литературы, 1937. – 432 с.

29. Критерий согласия с заданным фиксированным распределением на основе статистики омега-квадрат (Крамера – Мизеса – Смирнова).

30. Гистограммы. Формула Стерджесса.

31. Непараметрические ядерные оценки плотности.

32. Прикладная статистика как наука о том, как обрабатывать данные – результаты наблюдений, измерений, испытаний, анализов, опытов. Статистические технологии. Десять основных этапов прикладного статистического исследования.

33. Необходимость выборочных исследований.

34. Биномиальная и гипергеометрическая модели выборки, их близость в случае большого объема генеральной совокупности по сравнению с выборкой.

35. Построение выборочной функции ожидаемого спроса и расчет оптимальной розничной цены при заданной оптовой цене (издержках).

36. Интервальное оценивание выборочной доли. Вывод формул на основе теоремы Муавра-Лапласа.

37. Метод проверки гипотезы о равенстве долей.

38. Среднее арифметическое и его свойства. Сумма всех отклонений индивидуальных значений от выборочной средней арифметической. Изменение среднего арифметического при изменении всех значения варьирующего признака на одну и ту же величину.

39. Оптимизационные задачи, решениями которых являются выборочное среднее арифметическое и математическое ожидание. Разложение средних квадратов ошибки (теоретического и выборочного).

40. Среднее геометрическое. Свойства среднего геометрического. Неравенство между средним арифметическим и средним геометрическим. Изменение среднего геометрического при умножении усредняемых величин на константу. Переход к среднему арифметическому путем логарифмирования.

41. Среднее квадратическое и среднее гармоническое.

42. Степенное среднее и его частные случаи. Среднее геометрическое как предел степенных средних. Изменение степенного среднего при умножении усредняемых величин на константу.

43. Среднее по Коши и его частные случаи. Члены вариационного ряда как средние по Коши.

44. Оптимизационная задача, решением которой является выборочная медиана (при нечетном объеме выборки) и интервал между левой и правой медианами (при четном объеме выборки).

45. Средние по Колмогорову – определение и частные случаи. Степенные средние и среднее геометрическое как частные случаи средних по Колмогорову.

46. Взвешенные средние по Колмогорову (I типа – построенные по выборке, и II типа – построенные по вариационному ряду) и их частные случаи.

47. Эмпирическое распределение. Выборочная медиана как медиана эмпирического распределения (при четном объеме выборки $n = 2k$ – интервал от k-го до $(k+1)$-го члена вариационного ряда).

48. Взвешенная медиана I типа (медиана случайной величины, вероятности совпадения которой с элементами выборки заданы) и взвешенная медиана II типа (медиана случайной величины, вероятности совпадения которой с членами вариационного ряда заданы).

49. Основные понятия теории измерений. Определения, примеры, группы допустимых преобразований для шкал наименований, порядка, интервалов, отношений, разностей, абсолютной. Требование устойчивости (инвариантности) статистических выводов относительно допустимых преобразований шкал.

50. Средние по Коши, результат сравнения которых устойчив в порядковой шкале.

51. Средние по Колмогорову, результат сравнения которых устойчив в шкалах интервалов и отношений.

52. Показатели разброса. Особая роль дисперсии.

53. Внутригрупповая дисперсия и межгрупповая дисперсия. Разложение общей дисперсии на внутригрупповую и межгрупповую (разложение дисперсий Р.А. Фишера). Однофакторный дисперсионный анализ и распределение Фишера.

54. Выборочный и теоретический линейные парные коэффициенты корреляции К. Пирсона и их свойства.

55. Выборочный коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

56. Вероятностно-статистические модели временных рядов. Математическое ожидание, дисперсия, автокорреляционная функция. Стационарные временные ряды.

57. Временные ряды (ряды динамики). Тренд, периодические колебания, случайные отклонения. Моментные и интервальные ряды. Полные и неполные ряды. Ряды абсолютных показателей и ряды относительных показателей. Графики.

58. Основные показатели (характеристики) временных рядов (рядов динамики). Абсолютный прирост. Темп роста. Темп прироста. Цепные показатели и базисные показатели.

59. Сглаживание временных рядов (рядов динамики). Метод укрупненных интервалов.

60. Скользящие средние.

61. Сглаживание временных рядов (рядов динамики) методом наименьших квадратов. Детерминированная постановка задачи минимизации. Метод наименьших квадратов (в сравнении с графическим методом, методом наименьших модулей (Лежандр) и методом минимизации максимального уклонения (Чебышёв). Подход метода наименьших квадратов к оцениванию параметров. Решение для случая линейного тренда. Пример восстановления линейной зависимости с помощью таблицы.

62. Восстановленные значения и оценка точности восстановления функции методом наименьших квадратов. Критерий правильности расчетов.

63. Вероятностно-статистическая модель порождения данных в методе наименьших квадратов. Оценка остаточной дисперсии. Точечный и интервальный прогноз.

64. Метод наименьших квадратов для модели, линейной по параметрам. Оценивание коэффициентов многочлена. Пакеты программ. Преобразования переменных.

65. Метод наименьших квадратов в случае нескольких независимых переменных (регрессоров). Оценивание параметров функции Кобба-Дугласа. Интерпретация результатов сравнения восстановленных и исходных значений производственной функции.

66. Оценивание динамики потребительских цен на товары и услуги. Краткая история инфляции в России (1990 – 2017). Индивидуальные индексы. Весовые коэффициенты, задаваемые потребительской корзиной. Индекс потребительских цен (индекс инфляции).

67. Теорема умножения для индекса инфляции. Средний индекс (темп) инфляции. Годовая и среднемесячная инфляция.

68. Теорема сложения для индекса инфляции.

69. Применения индекса инфляции. Приведение к сопоставимым ценам. Реальные проценты платы за депозит. Реальные проценты платы за кредит. Оценка прожиточного минимума по методу Оршански.

70. Примеры инфляционных процессов в различных странах и в различные времена. Инфляция в Германии в 1922 г.

71. Курс доллара в сопоставимых ценах. Международные сопоставления на основе паритета покупательной способности.

72. Виды инфляции: спроса, издержек, административная.

73. Индекс –показатель сравнения двух состояний одного и того же явления. Индивидуальный индекс. Сводный (общий) индекс. Отчетные данные и базисные данные. Индекс как показатель центральной тенденции (индекс средний из индивидуальных). Примеры.

74. Индексы Ласпейреса, Пааше, Ирвинга Фишера.

75. Развитие статистики в России. Земская статистика. Вред решений Всесоюзного совещания статистиков 1954 г.

76. Структура современной статистической науки (математическая статистика – прикладная статистика – статистические методы в предметных областях).

77. Этапы развития прикладной математической статистики. Описательная статистика (до 1900 г.) – тексты, таблицы, графики, отдельные расчетные приемы (выборочное среднее арифметическое, МНК).

78. Параметрическая статистика (1900–1933) – модели параметрических семейств распределений – нормальных, гамма и др., теория оценивания параметров и проверки гипотез.

79. Непараметрическая статистика (1933–1979) – произвольные непрерывные распределения, непараметрические методы оценивания и проверки гипотез.

80. Нечисловая статистика (с 1979) – выборка состоит из элементов произвольных пространств, использование показателей различия и расстояний.

81. Деление статистики по виду данных: статистика случайных величин, многомерный статистический анализ, статистика временных рядов и случайных процессов, нечисловая статистика.

Осипов М.Ю.
к.ю.н., с.н.с. Института законоведения и управления ВПА, Тула
osipov11789@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова*: наука, вузы, стимулирование, научные исследования, фонды, финансирование, образовательный менеджмент.*

Keywords*: science, universities, incentives, research, funds, financing, educational management.*

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современным образовательным менеджментом является проблема стимулирования вузовской науки. Об этой проблеме написано немало работ[1].

Как справедливо отмечают исследователи, основным недостатком вузовской науки является устаревший механизм его финансового обеспечения, а также: «недооценка возможностей применения многообразных форм собственности (государственной, коллективной, частной) в организации научной деятельности; недостаточная проработка проблем и изучение противоречий в процессе формирования фондов финансирования научных учреждений и научно-исследовательских коллективов; недооценка товарных свойств научной продукции и слабая изученность ее рынка; использование, как правило, затратных, а не рыночных методов формирования цены на научно-техническую продукцию; неэффективность применяемых форм финансово-экономических отношений, возникающих в сфере научно-технической деятельности; устаревшая научно-методическая база планирования поступления и использования доходов научных организаций; недостаточная научная проработка вопросов использования элементов коммерческой деятельности в сфере прикладной науки».[2]

Не оспаривая в целом фактов, констатируемых исследователями, хотелось бы отменить следующее.

Согласно действующим нормам международного права «слово “наука” означает деятельность, с помощью которой человечество, индивидуально либо небольшими или большими группами, предпринимает организованную попытку путем объективного изучения наблюдаемых явлений открыть и овладеть причиной цепью; сводит воедино в координированной форме получающиеся в результате подсистемы знания путем систематического отражения и объяснения с помощью понятий, часто в значительной степени выражаемых математическими символами; и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений, происходящих в природе и обществе...»[3].

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» определяет научно-исследовательскую деятельность как деятельность, направленную «на получение и применение новых знаний, в том числе:

- фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;
- прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;
- поисковые научные исследования – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ»[4].

При этом ни рекомендация ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» ни Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» не связывает напрямую поддержку научных исследований в зависимости от коммерческой ценности полученного научного продукта.

К сожалению, в настоящее время стал преобладать экономический: количественный подход к оценке эффективности научной деятельности того или иного вуза.

---

[1] Гегечкори О.Н., Бессараб Ю.А. Как привлечь вузовскую молодежь в науку // Известия КГТУ. 2009. – № 15. – С. 167–170; Дарбишев Г.М. Методические основы оценки и повышения эффективности управления вузовской наукой: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дагестанский государственный технический университет. – Махачкала, 2010; Воронцова С.Д. Государственное управление вузовской наукой: основные приоритеты и принципы // Человеческий капитал. – М., 2012. – № 2 (38). – С. 92–95 и др.

[2] Дарбишев Г.М. Методические основы оценки и повышения эффективности управления вузовской наукой: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дагестанский государственный технический университет. – Махачкала, 2010. – С. 7.

[3] Рекомендация ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» // СПС Консультант Плюс.

[4] Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС Консультант Плюс.

Так в число показателей, подлежащих оценке государством, в качестве критерия эффективности вузовской науки относят следующие показатели:

1. Объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения работ и услуг, связанных с научными, научно-техническими, творческими услугами и разработками (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей

2. Число публикаций организации в зависимости от различных видов баз данных, а также численность работников, имеющих такие результаты.

3. Количество цитирований публикаций организации в различных видах баз данных (Web of Science, РИНЦ, ERIH (European Reference Index for the Humanities, Google Scholar и другие).

Как показывает практика, подобного рода показатели в действительности не способствуют развитию отечественной вузовской науки.

На практике введение подобного рода показателей приводит к созданию искусственного феномена соавторства, когда работнику вуза, активно публикующемуся в различных журналах и изданиях, руководство вуза принудительно навязывает соавторов, хотя они к этой работе не имеют в действительности никакого отношения, поскольку это требуют показатели мониторинга. Нередко возможна и такая ситуация, когда статьи у научных работников просто отбираются и передаются другим лицам, которые имеют низкую публикационную активность, с целью повысить показатели вуза.

Все это, конечно, не способствует развитию вузовской науки.

Причинами подобного рода бед, связанных с развитием вузовской науки, являются следующие:

Во-первых, неправильное определение количественных показателей оценки эффективности научно-исследовательской деятельности вуза.

Возьмем, например, такой критерий, как количество публикаций в Web of Science.

Так, например, по юридическим наукам в данный перечень входят только 5 российских журналов, перечень которых представлен в табл. 1

Таблица 1

Перечень журналов по праву, представленных в Web of Science[1]

Наименование журнала	Индекс Херфенделя – Хиршмана
Право. Журнал Высшей школы экономики	10000 – по цитирующим журналам 5193 – по организациям авторов
Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России	4380 – по цитирующим журналам 4608 – по организациям авторов
Вестник Пермского университета. Юридические науки	5000 – по цитирующим журналам 4819 – по организациям авторов
SAINS MALAYSIANA	Данных нет
Russian Law Journal	10 000 – по цитирующим журналам 5556 – по организациям авторов

Приведенный анализ свидетельствует о том, что российские журналы по праву, входящие в Web of Science, образовали своеобразный кластер, в котором печатаются только определенные авторы из определенных организаций, а из других организаций статьи практически не принимаются.

Поэтому такой количественный показатель как количество публикаций в Web of Science или такой показатель как количество цитирований статей в Web of Science является для гуманитарных наук практически непреодолимым барьером.

Почему?

Во-первых, что касается зарубежных публикаций, то к числу наиболее существенных факторов, препятствующих продвижению российских журналов и статей в международные базы цитирования, относится фактор языкового барьера.

Суть его состоит не в том, как полагают многие исследователи, что наши аспиранты, соискатели и ученые в недостаточной степени владеют английским языком, хотя и это имеет место быть, а в том, что из-за дороговизны научных журналов наши российские авторы просто не способны познакомиться с исследованиями западных коллег, и в силу этих причин совершенно не представляют себе мейнстрим современной западной науки[2], равно как и представители западной науки совершенно себе не представляют состояние дел в российской отечественной гуманитарной науке. В частности это связано с тем, что русскоязычные авторы в основном ссылаются на русскоязычные источники, которые не знакомы иностранному читателю.

Последнее представляется очень важным для продвижения журнала в международные базы цитирования и качественного рецензирования научных статей. Для иностранных рецензентов очень важно знать те труды, на которые ссылается автор статьи, то же относится и к читателю.

Вместе с тем, поскольку в международных базах цитирования, как правило, нет первоисточников, на которые ссылаются авторы статьи, то естественно иностранные рецензенты отмечают, что первоисточник не доступен, и поэтому они рекомендуют заявку на опубликование статьи отклонить.

[1] Данные РИНЦ.

[2] Лавров Е. Экономические школы современности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2007. – № 3. – С. 48–51.

Все это делает нереалистичным и надуманным такой показатель как количество публикаций в Web of Science, а тем более количество цитирований в Web of Science, которые для многих отраслей российской гуманитарной науки являются непреодолимым барьером, тогда как для естественных наук и технических наук, данный барьер не является непреодолимым.

Причиной этого, на наш взгляд, является то, что при оценке показателей эффективности вузовской науки совершенно не учитывается разнообразие наук и тем самым нарушается один из важнейших принципов оценивания эффективности вузовской науки: принцип дифференциации оценки вузовской науки.

Согласно данному принципу оценка вузовской науки должна исходить не из количества публикаций в тех или иных базах, а также не из объема финансирования научных исследований, а из других критериев, к числу которых можно отнести:

а) доля расходов вуза на науку в общем объеме расходов вуза;

б) отношение средней заработной платы научных работников к средней заработной плате руководства вуза.

Данные показатели, на наш взгляд, позволят с одной стороны поддержать небольшие вузы, которые не могут много тратить на научные исследования, с другой стороны реально повысить заработную плату научным работникам вуза, которые продуктивно занимаются научной деятельностью.

Вторая проблема связана с первой. Суть ее заключается в том, что в настоящее время в РФ практически отсутствует институт академической мобильности профессорско-преподавательского состава и студентов внутри страны.

Это нередко приводит к тому, что лица, имеющие мало публикаций по данным РИНЦ, занимают должности доцента кафедры в ведущих вузах страны, а лица, имеющие много публикаций, нередко занимают скромные должности в провинциальных и частных высших учебных заведениях.

Для исправления данной ситуации необходимо развивать институт академической мобильности профессорско-преподавательского состава и научных работников, суть которого можно свести к следующему.

Ежегодно каждым вузом устанавливаются определенные требования к количеству статей, индексу цитирования и индексу Хирша, опубликованных преподавателем или научным работником. Если в России существует работник, чьи показатели превышают показатели для данной должности, и он согласен поработать в другом вузе, то между вузами заключается контракт об академической мобильности, согласно которому лучший работник переходит в более статусный вуз, а работник имеющий более скромные результаты, будет работать в более слабом вузе, чтобы привнести туда опыт преподавания в более передовом вузе.

Также для развития вузовской науки необходимо, на наш взгляд, предпринять следующие шаги:

1. Создать в вузе фонд для подготовки работников из числа профессорско-преподавательского состава в аспирантуре для лиц, не имеющих ученой степени, а также в докторантуре для лиц, имеющих ученую степень кандидата наук и имеющих достаточное количество публикаций в журналах ВАК, монографии и достаточно высокий индекс Хирша (без учета самоцитирований более 7). Это позволит развивать вузовскую науку и будет способствовать карьерному росту преподавателей.

2. Создать в вузе фонд для подписки на иностранные научные журналы, а также фонд расходов на подготовку публикаций в зарубежных научных журналах, что при эффективном использовании будет в определенной мере способствовать развитию вузовской науки и ее продвижению в международные научные журналы.

3. Создать в вузе фонд оплаты расходов на командировки для преподавателей и научных сотрудников для организации их поездок на конференции, семинары и симпозиумы.

4. Одним из важнейших приоритетов развития вузовской науки является активизация научно-исследовательской деятельности студентов.

Как отмечается в исследованиях, молодёжь не идет в науку[1].

К причинам этого относятся следующие:

1. Заработная плата начинающих исследователей в вузе не позволяет содержать семью. Вследствие чего молодые ученые уходят из науки.

2. Качество диссертационных исследований оставляет желать лучшего. Нередко диссертационные исследования защищаются по банальным положениям, не имеющим ничего общего с действительно научными результатами, полученными в ходе исследования[2].

Нередко встречаются скандалы с плагиатом (неправомерными заимствованиями) в кандидатских и докторских диссертациях, а лица, уличенные в плагиате, продолжают сохранять за собой ученые степени, несмотря на то, что факт заимствования без ссылки на автора и источник установлен вступившим в законную силу судебным актом.

Для исправления подобного рода ситуации предлагается лишать ученых степеней, если факт заимствования без ссылки на автора и источник установлен вступившим в законную силу судебным актом, приказом Министерства образования и науки без передачи дела на рассмотрение в ВАК, поскольку ВАК не может оспаривать решения или определения суда, вступившие в законную силу.

Наконец в случае если аспирант по итогам защиты диссертации имеет высокую публикационную активность, необходимо оставлять его при кафедре для продолжения научной карьеры и роста (опубликование монографии, подготовка и защита докторской диссертации и т.д.).

---

[1] Мацкевич И.М. Системный кризис в подготовке научно-педагогических кадров // Юридическое образование и наука. 2009. – № 4. – С. 2–3.

[2] Белов В.А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву// Вестник гражданского права. 2007. – № 1.

Все это будет способствовать развитию научных школ вуза, о важности которых много говорится в специальной литературе[1].

В заключение необходимо отметить, что развитие вузовской науки может быть успешным, тогда и только тогда, когда руководство высшего учебного заведения правильно понимает роль и значение вузовской науки, не только в качестве источника дохода, но прежде всего в качестве источника новых знаний, которые можно и необходимо передать студентам, когда оно сознательно создает благоприятные условия для занятия научной деятельностью, в том числе условия для академической мобильности. Руководство Министерства образования и науки не должно оценивать эффективность вуза по таким показателям как количество публикаций в различных наукометрических базах данных и количество работников, имеющих такие результаты, а по совершенно другим показателям, к числу которых можно, на наш взгляд, отнести следующие:

1. Количество кандидатских и докторских диссертаций, защищенных сотрудниками вуза.
2. Участие вуза в программах академической мобильности.
3. Наличие научных школ вуза.
4. Наличие фонда финансирования научных исследований, который формируется в зависимости от доходов вуза, выделение средств на защиту кандидатских и докторских диссертаций для профессорско-преподавательского состава и научных работников, развитие института академической мобильности, оплата участия работников вуза в научных конференциях и симпозиумах, выделение средств на подписку на иностранные научные журналы, оплата при необходимости расходов на подготовку публикаций в зарубежных научных журналах, развитие студенческой науки, поддержка молодых аспирантов, имеющих высокий публикационный рейтинг.
5. Отношение средней заработной платы научных работников к средней заработной плате руководства вуза.

По нашему мнению, введение указанных показателей в сочетании с беспощадной борьбой с неправомерными заимствованиями в кандидатских и докторских диссертациях, в какой-то мере будет способствовать стимулированию вузовской науки и как следствие модернизации России, ибо известно, что страны, наиболее успешно осуществляющие модернизацию в долгосрочном плане, имеют наиболее развитую вузовскую науку.

[1] Жариков Ю.Г. Формирование и развитие научной школы земельного права // Журнал российского права. 2015. – № 9. – С. 93–102; Власенко Н.А., Залоило М.В. Развитие правотворческой научной школы // Журнал российского права. 2015. – № 9. – С. 24–35; Тихомиров Ю.А. Научная школа публичного права // Журнал российского права. 2015. – № 9. – С. 16–24; Филимонова С.И., Гостева С.Р. Свершения отечественной научной школы спортивного права // Спорт: экономика, право, управление. 2013. – № 4. – С. 15–19 и др.

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление», Ижевский филиал Российского университета кооперации
kvp_ruk@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЕВКЛИДОВОЙ МЕТРИКИ В ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ИЛИ О ФОРМИРОВАНИИ НЕЕВКЛИДОВОЙ ЭКОНОМИКИ И НЕЕВКЛИДОВОЙ СТАТИСТИКИ)

Ключевые слова: *неевклидовы геометрии, метрика, неевклидова экономика, производственные функции, экономико-математические модели, неевклидовая статистика.*

Keywords: *non-Euclidean geometry, metrics, non-Euclidean economy, production functions, economic-mathematical models, non-Euclidean statistics.*

В последнее время при изучении социально-экономических процессов широко используются математические и инструментальные методы исследования. Уже первые опыты экономико-математического моделирования (например, использование производственной функции Кобба-Дугласа более ста лет назад) дали значительный результат в процессе исследования и поиска резервов повышения эффективности системы общественного воспроизводства.

Однако, как показывает анализ, в качестве теоретико-методологической основы, базиса разработки экономико-математических моделей, как правило, используется лишь евклидова метрика и, прежде всего, категория евклидова n-мерного пространства (в основном, двух- или трехмерного, однако, если местоположение точки определяется n-координатами, то в этом случае речь идет об n-мерном евклидовом пространстве). На наш взгляд, такое положение дел вполне оправдано. Но при разработке экономико-математических моделей в принципе можно основываться и на ином теоретическом базисе, а именно, использовать неевклидову метрику. В этой связи следует уточнить, о чем идет речь.

Евклидово пространство – это пространство, свойства которого описываются аксиомами евклидовой геометрии. Кроме того, это векторное пространство над полем действительных чисел, в котором каждой паре векторов ставится в соответствие действительное число, называемое скалярным произведением этих векторов. Здесь также вводится понятие ортогональности: ортогональными считаются векторы, если их скалярное произведение равно нулю.

К неевклидовым геометриям относятся все геометрические системы, отличные от геометрии Евклида. Среди неевклидовых геометрий особое значение имеют геометрия Лобачевского и геометрия Римана (в честь великих математиков русского Н.И. Лобачевского и немца Б. Римана, впервые сообщивших о своих открытиях соответственно в 1826 и в 1854 годах) [1]. Причем геометрия Лобачевского – первая в историческом аспекте геометрическая система, отличная от геометрии Евклида, а также первая более общая, включающая евклидову геометрию как крайний, предельный случай. На наш взгляд, неевклидовая метрика также может быть использована при разработке различных экономико-математических моделей. Более того, в ряде случаев она может оказаться более эффективной, чем евклидовая метрика – как в математическом аспекте (например, позволяя существенно упростить математический вид модели или облегчить решение связанной с ней задачи), так и в экономическом плане (скажем, для выявления глубинных тенденций и закономерностей социально-экономического развития, для определения скрытых эффектов и явлений в системе общественного воспроизводства). Данную сферу экономики условно можно назвать неевклидовой экономикой (более того, сказанное выше вполне применимо и к определенной группе экологических моделей, особенно эколого-экономических). Чтобы было более понятным, о чем идет речь, рассмотрим данную проблему подробнее.

В используемых в настоящее время в процессе исследования различных воспроизводственных процессов экономико-математических моделях практически постоянно применяется метрика, основанная на применении декартовой системы координат, т.е. прямоугольной системы координат в евклидовом пространстве. Под метрикой понимается расстояние между двумя элементами а и в множества А – это действительная числовая функция ρ (а, в), удовлетворяющая следующим трем условиям: 1) ρ (а, в) $\geq$ 0, причем ρ (а, в) = 0 тогда и только тогда, когда а=в; 2) ρ (а, в) = ρ (в, а) и 3) ρ (а, в) + ρ (в, с) $\geq$ ρ (а, с). Под евклидовым пространством понимается векторное пространство Е над полем действительных чисел, в котором каждой паре векторов а и в из Е ставится в соответствие действительное число, называемое скалярным произведением (а, в) этих векторов [2]. Через скалярное произведение в евклидовом пространстве определяются длины этих векторов и угол между ними, а также вводится понятие ортогональности (перпендикулярности) между векторами: они ортогональны в том случае, если их скалярное произведение равно 0. При этом в экономических исследованиях наиболее часто используется множество всех векторов плоскости (т.е. двухмерного) или трехмерного пространства евклидовой геометрии с обычным скалярным произведением, однако в отдельных случаях применяют и более общую модель, основанную на евклидовом n-мерном пространстве (т.е. конечномерное век-

торное пространство над множеством действительных чисел, в котором скалярное произведение векторов $a=(a_1,\ldots, a_n)$ и $в=(в_1,\ldots, в_n)$ определяется формулой $(a, в) = a_1*в_1+. a_2*в_2+\ldots.+a_n*в_n)$.

Выше нами упоминалась декартовая система координат в евклидовом пространстве. В этой связи целесообразно напомнить, что общая декартовая система координат, называемая также аффинной системой координат, задается точкой О (начало координат) и упорядоченной системой приложенной к этой точке n неколлинеарных (непараллельных) векторов $a_1, a_2,.., a_n$, называемых также базисными векторами. Прямые, проходящие через начало координат в направлении базисных векторов, называются осями координат данной декартовой системы координат. В экономико-математических моделях чаще всего ограничиваются двумерным случаем (т.е. плоскостью) и тогда эти оси называются осью абсцисс и осью ординат (в случае трехмерного пространства добавляется третья ось аппликат).

При анализе воспроизводственных процессов и явлений в основном используют прямоугольную декартовую систему координат. В этом случае базисные векторы ортонормированы, т.е. взаимно перпендикулярны и по длине равны единице [3]. Однако вполне возможно, на наш взгляд, также и использование косоугольной декартовой системы координат, отличающейся от прямоугольной тем, что угол между единичными базисными векторами не является прямым. При использовании производственных функций, особенно с переменной эластичностью замещения производственных факторов, переход по известным математическим формулам от одной декартовой системы косоугольных координат к другой системе координат позволит наилучшим образом упростить математический вид такого рода производственных функций, что наверняка приведет не только к более широкому их использованию в обозримом будущем, но и позволит выявить скрытые тенденции и закономерности социально-экономического развития на разных уровнях управленческой иерархии.

Таким образом, использование косоугольных координат при изучении социально-экономических процессов может стать важным дополнением к традиционному применению прямоугольных декартовых координат в системе экономико-математического моделирования. Однако данная форма обобщения не только не является единственной, но и далеко не самой важной. На наш взгляд, гораздо более перспективным направлением обобщения, имеющим значительные внутренние резервы упрощения как самих моделей, так и расширение возможностей их использования в экономическом анализе является применение подходов неевклидовой математики.

Для экономико-математического моделирования важно то, что в неевклидовых геометриях метрические отношения существенно отличаются от метрических пропорций, характерных для евклидова пространства. В этой связи заметим, что по аналогии с поверхностью в евклидовом пространстве в неевклидовой плоскости также могут быть введены внутренние координаты U, V таким образом, что дифференциал dS дуги кривой, соответствующий дифференциалам dU и dV координат, определяется равенством $dS^2 = Edu^2+2Fdudv+Gdv^2$, где E, F, G – коэффициенты.

Для евклидовой плоскости это равенство преобразуется следующим образом: $dS^2 = du^2+ dv^2$.

Для плоскости Лобачевского общая формула оценки дифференциальных свойств плоскости будет иметь вид:

$$dS^2 = du^2+ ch^2 (\frac{u}{R})dv^2,$$

а для плоскости Римана $dS^2 = du^2+ \cos^2 (\frac{u}{R})dv^2$,

где R – радиус кривизны анализируемой поверхности (кстати, при $R= \infty$, т.е. при стремлении радиуса кривизны к бесконечности каждое из двух последних равенств дает метрическую форму евклидовой плоскости).

Полученные результаты можно использовать в процессе математических преобразований в различных экономических моделях, например, в теории производственных функций [4]. Так, даже простейший вариант – двухфакторная производственная функция P = f(C, T) (например, производственная функция Кобба-Дугласа

$$P = A*C^{\lambda}*T^{1-\lambda},$$

где P – результаты производства, C – затраты капитала, T – затраты труда, A – коэффициент масштаба, λ- показатель степенной функции) при использовании вышеуказанных формул, характерных для неевклидовых геометрических систем, приобретет вид, в котором тот или иной фактор – труд или капитал – получит большее значение (типа весовых коэффициентов) по сравнению с другим фактором в зависимости от реальных хозяйственных условий.

Все это позволит расширить возможности математического описания реальных производственных ситуаций и различных хозяйственных условий, в том числе в зависимости от различных пропорций производственных факторов. Разумеется, данный подход может быть использован и в более сложных случаях применения производственных функций, например, когда кроме факторов труда и капитала в этих функциях используются также фактор научно-технического прогресса и земельный фактор, а также в случае применения производственных функций с переменной эластичностью замещения факторов. На наш взгляд, использование метрических соотношений неевклидовых геометрий позволит также более глубоко изучить явление эффекта от масштаба (в производственных функциях он количественно характеризуется коэффициентом А), а, значит, изучить также и тенденции, характеризующие рост концентрации и централизации производства и капитала.

Возможно, неевклидовые метрические соотношения можно использовать (хотя бы в целях упрощения математического вида модели) при решении оптимизационных задач нелинейного программирования. Например, в процессе использования одного из наиболее популярных методов нелинейного программирования – метода штрафных функций. Как известно, этот метод позволяет свести задачу нелинейного программирования с ограничениями к задаче нелинейного программирования без ограничений путем формирования штрафной функции, образующейся из целевой функции задачи путем вычитания «штрафов» за нарушение ее ограничений, причем, чем выше штрафы, тем ближе задача максимизации штрафной функции к исходной задаче.

Процесс решения задачи нелинейного программирования складывается из нескольких этапов, на каждом из которых решается задача линейного или квадратичного программирования, т.е. решается более простой вариант задачи или ее части. Математическое выражение штрафных функций, на наш взгляд, может быть упрощено при правильном использовании неевклидовой метрики. Это возможно и в случае разработки оптимальной стратегии в теории игр [5]. Применимо это также в функциях спроса и в функциях предложения.

Таким образом, при анализе различных проблем, связанных с функционированием системы производственных отношений на основе использования разнообразных экономико-математических моделей, наряду с традиционным применением декартовой прямоугольной системы координат в евклидовом пространстве во многих случаях более эффективным оказывается использование математических моделей, сконструированных на основе применения неевклидовой метрики. Все это позволит не только упростить математическое выражение используемых моделей, но и на их основе обнаружить скрытые тенденции и закономерности развития воспроизводственных систем. Данная сфера экономической науки названа нами неевклидовой экономикой.

Как уже выше отмечалось, широкие возможности использования неевклидовой метрики, на наш взгляд, имеются и в отношении применения математических моделей, используемых в экологической сфере, т.е. при изучении экологических процессов и явлений. Результаты развития неевклидовой математики можно использовать и при осуществлении разнообразных статистических исследований в эколого-экономической области, например, при осуществлении дисперсионно-регрессионного анализа. Таким образом, направления и формы развития неевклидовой математики весьма многочисленны и разнообразны, что свидетельствует о целесообразности ее использования и дальнейшего ее развития в системе экономического моделирования. Более того, все это может, в свою очередь, повлиять на развитие самих неевклидовых геометрий подобно тому, как и еще при жизни Н.И. Лобачевского его геометрические изыскания повлияли на развитие теории интегральных и дифференциальных уравнений [6], а эта теория, в свою очередь, оказала позитивное обратное воздействие на развитие неевклидовой геометрии.

Список литературы

1. Мир математики: в 45 т. Т. 36: Висенте Муньос. Деформируемые формы. Топология / Пер. с исп. – М.: Де Агостини, 2014. – 176 с.
2. Ефимов Н.В. Высшая геометрия: 6-е издание. – М.: Высшая школа, 1978. – 482 с.
3. Математика: Энциклопедия / Под ред. Ю.В.Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 845 с.
4. Браун М. Теория и измерение технического прогресса / Пер. с англ. – М.: Статистика, 1981. – 147 с.
5. Теория игр: Учеб. пособие для университетов / Л. А. Петросян, Н.А. Зинкевич, Е.А. Селина. – М.: Высшая школа, 1998. – 304 с.
6. Мир математики: в 45 т. Т. 4: Жуан Гомес. Когда кривые искривляются. Неевклидовы геометрии / Пер. с исп. – М.: Де Агостини, 2014. – 160 с.

Першина Т.А.[1]

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ

Ключевые слова: *наука, научно-исследовательская деятельность, профессорско-преподавательский состав, образовательные организации высшего образования.*

Keywords*: science, research, teaching staff, educational organizations of higher education.*

В последние годы в российских организациях высшего образования наблюдается стремление развивать научно-исследовательскую деятельность. Создание федеральных и региональных университетов преследует цель возвращения научно-исследовательской деятельности в организации высшего образования. Вместе с тем нельзя недооценивать значение научно-исследовательских институтов для нашей страны. В СССР научно-исследовательские институты, создаваемые при министерствах, академических и при крупнейших учебных заведениях, являлись основной организационной формой обеспечения научного прогресса.

Развитие высшего образования в Российской Федерации требует обязательного участия вузов в инновационной деятельности. Можно выделить основные направления перехода вузов на инновационный путь развития:

- повышение роли вузов как научно-исследовательских центров;
- подготовка научных и педагогических кадров для системы высшего образования;
- сотрудничество вузов с предприятиями в трудоустройстве выпускников;
- подготовка инновационно-ориентированных высококвалифицированных, конкурентоспособных кадров.

В табл. 1 представлены виды организаций, выполнявших исследования и разработки в Российской Федерации[2].

Среди организаций, выполнявших исследования и разработки, преобладают научно-исследовательские организации, доля которых в общем числе таких организаций составляла в 2009 г. 53,1%. К 2015 г. данный показатель снизился на 12,2 п.п. – до 40,9%. Такое резкое снижение доли научно-исследовательских организаций может объясняться существенным ростом доли образовательных организаций высшего образования (на 10,6 п.п.)

Таблица 1

Структура организаций, выполнявших исследования и разработки, по видам в Российской Федерации в 2009–2015 гг., %

Тип организации	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Научно-исследовательские организации	53,1	52,7	48,4	48,9	47,7	46,9	40,9
Конструкторские организации	10,7	10,4	9,9	9,5	9,2	8,8	7,7
Проектные и проектно-изыскательные организации	1,0	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9
Опытные заводы	1,6	1,3	1,3	1,7	1,5	1,5	1,4
Организации высшего образования	**14,3**	**14,8**	**15,8**	**15,8**	**18,7**	**19,4**	**24,9**
Промышленные организации	6,4	6,8	7,6	7,7	7,4	7,6	8,8
Прочие организации	12,8	12,9	16,0	15,6	14,7	14,9	15,4

Развитие науки и инноваций лежит в основе подготовки конкурентоспособных научно-педагогических кадров. Организации высшего образования нуждаются в финансировании для развития научной деятельности и подготовки профессорско-преподавательского состава.

Организации, выполняющие научные исследования за период с 2009 г. по 2015 г. представлены в табл. 2.

Доля организаций высшего образования в 2009 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась с 14% до 24%.

Развитие системы высшего образования, а также научной и инновационной деятельности во многом зависят от подготовки научно-педагогических кадров, которые будут обучать новое поколение бакалавров и специалистов, а также заниматься научно-исследовательской деятельностью.

[1] Першина Татьяна Алексеевна — к.э.н., заместитель начальника Учебно-методического управления, доцент кафедры статистики, маркетинга и бухгалтерского учета Московского гуманитарного университета. E-mail: tatypershina@yandex.ru

[2] Башина О.Э., Минашкин В.Г., Смелов П.А. Статистическое образование: современное состояние и направления совершенствования // Вопросы статистики. – М., 2014. – № 10. – С. 68–74.

Таблица 2

Число организаций, выполняющие научные исследования по видам деятельности за 2009–2015 гг.

Организации	2009 г., ед.	2015 г., ед.	Изменение за период	
			в %	в ед.
Научно-исследовательские организации	1997	1708	–14,5	–289
Конструкторские организации	321	322	0,3	1
Проектные и проектно-изыскательные организации	62	29	–53,2	–33
Опытные заводы	47	61	29,8	14
Образовательные организации высшего образования	**497**	**1040**	**109,3**	**543**
Промышленные организации	238	371	55,9	133
Прочие	448	644	43,8	196

Источник: данные www.hse.ru

В табл. 3 представлена численность организаций, ведущих подготовку научно-педагогических кадров в 2009 и 2015 гг.

Таблица 3

Организации, ведущие подготовку научно-педагогических кадров за 2009 и 2015 гг.

Учреждения высшего образования	2009 г., ед.	2015 г., ед.	Изменение за период, в %
Число организаций, имеющих аспирантуру	1473	1557	+5,7
Научно-исследовательские институты	833	818	–1,8
Образовательные организации высшего образования	640	724	+13,1

Источник: данные www.hse.ru

С переходом системы высшего образования на трехуровневую систему – бакалавриат, магистратуру и аспирантуру – срок обучения значительно увеличился, что повлияло на привлекательность поступления в аспирантуру. Наблюдается значительное снижение количества аспирантов по всем отраслям науки, в целом на 19,03%. Также произошло сокращение числа аспирантов, защитивших диссертацию (на 52,24%)[1].

Прекращен выпуск из аспирантуры по трем отраслям: фармацевтические, ветеринарные, архитектура. Значительно сократился выпуск из аспирантуры по экономическим и юридическим отраслям, на 31,4 и 31,0% соответственно.

Тенденция к снижению выпуска из аспирантуры и докторантуры повлияла на численность профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования. Численность ППС за период 2008/09–2014/15 уч. гг. сократилась на 13%. Снижение произошло по числу профессоров и доцентов соответственно на 14,4% и 5,9%, а также – ППС, работающих по совместительству (на 28,1%). При этом произошло увеличение численности профессорско-преподавательского состава, которые имеют ученую степень, что говорит о повышении качества высшего образования. Проведение мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования заставило вузы усилить подготовку кадров высшей квалификации.

Для подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных бакалавров, магистров и специалистов, а также педагогических и научно-педагогических кадров необходимо создать условия для развития информатизации в секторе высшего образования. Система высшего образования является базой для развития научно-исследовательской деятельности в стране. Для развития высшего образования подготовка конкурентоспособных выпускников вузов по различным направлениям, которые могут осуществлять научную деятельность, является одним из важных факторов в оценке состояния системы высшего образования. Для этого необходимо расширять информационную и техническую базы университета, а также формировать у обучающихся навыки научной работы.

[1] Карманов М.В., Давлетшина Л.А. Необходимость и условия модернизации российской экономики // Социально-экономическое развитие регионов России III международная научно-практическая конференция / Министерство образования и науки РФ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ)». – М., 2013. – С. 42–44.

Решетникова М.С.
к.э.н., старший преподаватель РУДН
reshetnikova@me.com

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ

Ключевые слова: *Россия, национальная инновационная система, модель тройной спирали, предпринимательский университет, трансферт технологий, государственная инновационная стратегия, инновационная среда.*
Keywords: *Russia, national innovation system, triple helix model, entrepreneurial university, technology transfer, state innovation strategy, innovation environment.*

1. Введение

К настоящему времени разработано большое число государственных стратегий и моделей для повышения инновационного статуса национальных экономик. Одна из них – модель стратегических инновационных сетей или модель тройной спирали (ТСМ) [1]. В рамках ТСМ университеты, превращаясь в предпринимательские университеты (ПУ) или университеты индустриального типа (УИТ), становятся основными акторами инновационного процесса [2].

Традиционно считалось, что ТСМ реализуется только в странах с развитой экономикой. Однако на инновационный рынок все смелее выходят развивающиеся страны, прежде всего Китай. Для того чтобы не отстать от стремительной инновационной гонки, Правительство РФ должно выработать стратегию реализации модели саморазвивающейся НИС, которая станет основным фактором эндогенного роста ее экономики. Опираясь на достижения инноватики, начиная с 2008 г. Правительство РФ последовательно реализует Государственные программы ускорения инновационного развития. Результатом этих программ стали определенные трансформации, прежде всего в научном секторе, а именно в высшей школе. Процесс превращения традиционных российских вузов в ПУ находится на начальном этапе. Однако уже можно выявить как достижения, так и тормозящие этот процесс факторы.

2. Теоретические основы модели Тройной спирали

Для перспектив современного инновационного развития особое значение имеют стремительно формирующиеся синтетические направления, объединяющие исследования междисциплинарного характера. Сегодня страны – инновационные лидеры стоят на пороге промышленной реализации прорывных технологий, что приводит к значительному расширению количества участников инновационной деятельности и усложняет взаимоотношения между ними. Следствием становится трансформация существующей инновационной парадигмы, основным изменениям в которой подвергается роль государства.

Сегодня инновационный успех напрямую зависит от проведения системных реформ. Их цель – трансформация государственной стратегии в направлении развития равного партнерства государства с другими игроками на инновационном поле, прежде всего с наукой и бизнесом [3].

В мировой инновационной системе уже существуют примеры подобных трансформаций, а именно в НИС экономически развитых стран. Не отстает от них и Китай [4]. Их НИС содержат центры формирования новой модели организации инновационной деятельности, в основе которой лежит взаимодействие государства, науки и бизнеса. В современной инноватике эта модель оформилась в виде концепции стратегических инновационных сетей или концепции тройного партнерства («тройной спирали»).

Концепция тройного партнерства была сформулирована в начале XXI века в работах Г. Ицковица (Стэндфордский университет) и Л. Лейдесдорфа (Университет Амстердама) [5]. Применительно к инновационному развитию модель «тройной спирали» описывает межорганизационное партнерство трех акторов (науки (или университета) – государства – бизнеса) на каждом этапе создания инновационного продукта. Это партнерство представляется в виде гибридной социальной конструкции, аналогичной молекуле ДНК (сцепление спиральных структур) [5].

ТСМ радикально отличается от линейной модели партнерских отношений науки, бизнеса и государства индустриальной эпохи. Лидерство в определении направления инновационного развития переходит к науке (университетам).

Акторы не просто (интер)активно взаимодействуют, переплетая связи, а перенимают (переплетают) присущие друг другу функции, образуя гибридные сетевые организации, что является дополнительным источником экономического роста [6]. Результатом становится развитие инновационной среды, основанное на поэтапном формировании трех сетевых пространств.

На первом этапе происходит формирование локализованного «пространства знаний». Это пространство возникает при условии «критической» концентрации идей, научных коллективов и интеллектуальной деятельности на кон-

кретной территории. Примером реализации такого пространства служит практика создания Технопарков – High Technology Industrial Development Zone (HTIDZ).

На втором этапе «пространство знаний» превращается в так называемое «пространство консенсуса». Под законодательным патронажем государства представители науки и бизнеса объединяются, налаживают кооперативные связи, разрабатывают совместные идеи, формируя инновационное пространство. Результатом их совместных усилий становится формирование третьего пространства – непрерывного инновационного развития.

На практике это выражается в том, что университеты, занимаясь образованием и научными исследованиями, вносят свой вклад в развитие экономики через создание новых компаний в университетских инкубаторах, бизнес частично оказывает образовательные услуги, а государство выступает как общественный предприниматель и венчурный инвестор в дополнение к своей традиционной законодательной и регулирующей роли.

3. Основы теории предпринимательского университета

ТСМ напрямую связывает инновационный успех НИС с трансформацией традиционной высшей школы (университетов). Они начинают перестраиваться в предпринимательские университеты или университеты промышленного типа [7].

В отличие от традиционных университетов ПУ должны сочетать преподавательскую и научно-исследовательскую деятельности с предпринимательской. Успех этого объединения напрямую зависит от наличия в структуре университета современной инновационной промышленной базы.

Термин «предпринимательский университет» в научный оборот в 1998 г ввел Б. Кларк. ПУ – это образовательная организация, принявшая «предпринимательский» способ управления [8]. Получение прибыли не запрещается, а приветствуется. Однако основной задачей является развитие предпринимательской культуры у студентов и преподавателей. Для этого кроме исследовательских разработок и их коммерциализации ПУ выполняют и другие, не свойственные традиционным вузам функции, связанные с лицензированием научных разработок, содействием образованию компаний, развитию территорий и т.п. [9, 10].

При этом необходимо постоянно поддерживать высокую степень информационной открытости и интеграции в международную систему науки и образования. Исследовательская активность, оценивается количеством публикаций в журналах из списка международного и внутреннего цитирования, количеством успешно защищенных работ на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук. Изобретательская активность – количеством изобретений, представленных в офис трансфера технологий, поданных заявок на патенты и полученных патентов. Для оценки коммерческой привлекательности ПУ рассматривается количество действующих лицензий, количество новых лицензий, опционов или других соглашений, количество новых спин-офф компаний, величина дохода, полученного от различных видов коммерциализации в абсолютных величинах и в процентном отношении к исследовательскому бюджету [11]. Наличие данных по приведенным выше индикаторам позволяет судить о практических результатах инновационной деятельности университета.

Можно выделить две модели ПУ:

– по результату – преподаватели и выпускники создают инновационные компании (ТСМ);

– по типу действия команды управленцев (модель по Б. Кларку).

В рамках первой модели государство разрабатывает стратегию формирования благоприятных условий для развития высокотехнологичных старт-ап и спин-офф компаний, основными создателями и сотрудниками, которых являются студенты, преподаватели и выпускники ПУ.

В российских социально-экономических реалиях перспективным является развитие ПУ в рамках ТСМ. Именно она легла в основу государственной стратегии инновационного развития.

4. Предпринимательские университеты в России

В 2009 г. Правительством России была принята государственная программа, положившая начало формированию университетов нового типа. Ее теоретическую основу составили положения ТСМ. А именно стратегия перехода НИС в саморазвивающееся состояние, за счет усиления научной деятельности университетов. Стратегической целью Программы является создание государства инновационного типа [4].

Программа Правительства России определила основные стратегические приоритеты государственной политики в развитии образования, науки и технологий вплоть до 2020 г. Ее основной целью была разработка и реализация стратегии трансформации ведущих российских вузов в ПУ на основе бюджетного финансирования развития их инновационной инфраструктуры и усиления кооперации с производственными предприятиями. В документе было указано, что успешное функционирование национальной инновационной системы требует наличия сильной науки и образования и предполагает наличие конкурентоспособного предпринимательского сектора и интеграцию в глобальное инновационное пространство.

В российских реалиях формирование ПУ осуществлялось в двух организационных формах – федеральные университеты (ФУ) и национальные исследовательские университеты (НИУ). Процесс преобразования был задан Постановлениями Правительства РФ, на основании которых на инновационное реформирование высшей школы (развития высокотехнологичных старт-ап и спин-офф компаний) из федерального бюджета было выделено к 2015 г. 2,6 млрд. долл. США [12].

В стратегии трансформации высшей школы помимо увеличения финансирования затрат высшей школы на развитие инновационной деятельности особое внимание уделяется усилению инструментов фискальной политики как на государственном, так и на региональном уровне. Так, например, установлена шкала ускоренной амортизации для оборудования НИОКР стоимостью до 50 тыс. долл. США, введены дополнительные налоговые преференции в виде уменьшения налогов на имущество и прибыль [12].

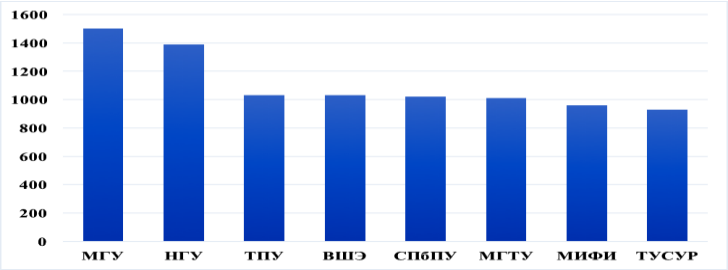
К началу 2017 г. 9 региональных университетов получили статус федерального университета (ФУ). Значительно большее распространение в России получила организация ПУ в форме научно-исследовательского университета (НИУ). Отличительными признаками НИУ является способность сочетать генерацию знания, обеспечивать эффективный трансфер технологий в экономику с высокоэффективной системой подготовки магистров и кадров высшей квалификации. В российских условиях НИУ представляет собой интегрированный научно-образовательный центр, осуществляющий проведение научных исследований и подготовку кадров для некоторых высокотехнологичных секторов экономики.

К 2010 гг. на основании конкурсного отбора статус НИУ получили 27 университетов. В 2012 г. создана Ассоциация ПУ России, основная цель деятельности которой – развитие эффективного партнерства с государственными органами власти и бизнеса в рамках ТСМ. В настоящее время участниками данной ассоциации являются 7 университетов: СПбИТМО, МФТИ, МИФИ, ТУСУР, ВШЭ, ТПУ и МИСИС.

Усилиями Правительства России удалось сформировать сеть вузов, в которых успешно идет процесс трансформации в сторону ПУ. По составу НИУ представляют 9 – классических университетов, 17 – вузов технического профиля, один университет медицинского профиля, один – экономического. Основными направлениями являются: информационные, космические, ядерные и медицинские технологии; энергоэффективность и энергосбережение, инновации в сфере экономической теории [12].

Однако, как показало данное исследование, несмотря на все усилия, кластер НИУ занимает достаточно ограниченное место в системе российских вузов. А именно к нему относится всего 2,6% от общего числа вузов страны и около 6% от числа вузов, осуществляющих исследовательскую деятельность. На его долю приходится 6,03% численности персонала, занятого исследованиями и разработками. В НИУ обучается около 5,3% общего числа студентов и аспирантов. При этом четверть зарубежных преподавателей, работающих в высших учебных заведениях РФ, приходится именно на них.

У лидирующих НИУ наблюдается определенный рост числа публикаций, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science (рис. 1).



Источники: www.msu.ru www.tusur.ru, www.ifmo.ru, www.eltech.ru, www.unn.ru www.hse.ru; www.mipt.ru; www.tpu.ru

Рисунок 1.
Количество публикаций, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science ведущих российских НИУ в период 2014–1016 гг. Построено автором

Доля R&D – исследований, проводимых НИУ по договорам с организациями предпринимательского сектора, почти вдвое выше среднего уровня по России (19,5%) и составляет 36,2% [13]. Пока основную часть затрат составляют бюджетные ассигнования 54% (против 65% в целом по вузам) [12]. Наблюдается увеличение объема финансирования из внебюджетных российских и зарубежных источников (рис. 2).

Несмотря на определенные трудности в российской экономике наблюдается устойчивый рост количества высокотехнологичных старт-ап и спин-офф компаний на территории университетских технопарков.

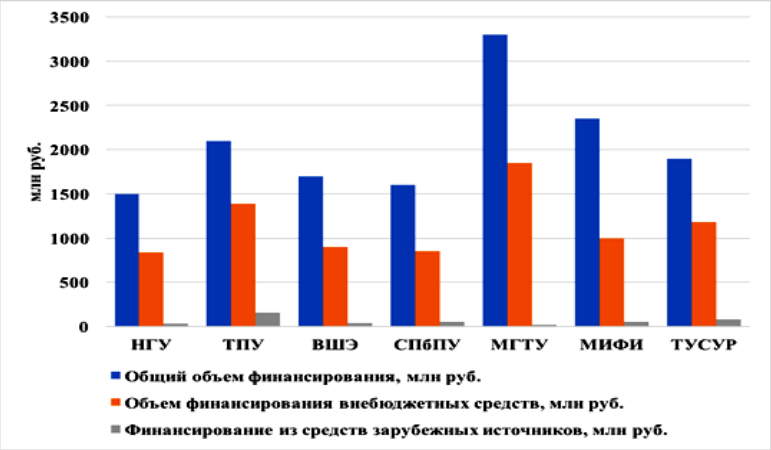
Усиливается связь высшей школы с реальным бизнес-сообществом. С 2015 г. наблюдается значительный рост количества программ дополнительного обучения специалистов, разработанных по заказу работодателей.

Особый интерес вызывают успехи ПУ сибирского региона, а именно Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) и Томского политехнического университета (ТПУ).

На территории ТУСУР в 2010 г. был создан первый в России студенческий бизнес-инкубатор (СБИ «Дружба»). Сегодня университет является крупнейшим за Уралом центром дистанционного образования. С 2013 г. он держит первенство в реализации программ инновационного развития, направленных на создание непрерывной системы генерации новых идей, технологий и бизнес-проектов. Более 150 предприятий, входящих в учебно-научно-инновационной комплекс (УНИК) ТУСУРа и возглавляемых его выпускниками, производят более 80% наукоемкой продукции Томской области.

Залогом этого успеха является инновационная стратегия, разработанная преподавателями университета совместно с представителями Ассоциации Triple Helix Model. В ее основе лежит уникальная образовательная технология

группового проектного обучения (ГПО). Обучение по этой программе позволяет учащимся университета выводить инновационные проекты на рынок уже со студенческой скамьи. Групповая реализация конкретного проекта позволяет студентам решать практические производственные задачи. Группа учащихся, победившая в конкурсе проектов ГПО, имеет возможность продолжить его реализацию в СБИ «Дружба» ТУСУРа.



Источник: http://vak.ed.gov.ru, www.msu.ru, www.tusur.ru, www.ifmo.ru, www.eltech.ru, www.unn.ru www.hse.ru; www.mipt.ru; www.tpu.ru

Рисунок 2.
Объем привлеченных российских внебюджетных средств и средств зарубежных источников в инновационные сектора ведущих российских НИУ в период 2014–2015 гг. Построено автором

К 2016 г. СБИ «Дружба» стал родоначальником для более 40 высокотехнологичных старт-ап и спин-офф компаний. Лучшие проекты студентов СБИ за счёт финансирования Ассоциации выпускников ТУСУРа ежегодно представляются инновационным инвесторам по всему миру от Кремниевой долины (США) до Сингапура. Начиная с 3 курса студенты получают возможность создать филиалы своих компаний для продвижения отечественных технологий на зарубежных рынках. Для этого в рамках УНИК работают «мосты передачи технологий и знаний». Благодаря этому обеспечиваются устойчивые пути выхода инновационной продукции спин-офф-компаний УНИК ТУСУРа на мировые рынки.

Одним из примеров успешной реализации инновационной стратегии, разработанной в ТУСУРе, является работа международного центра «Калифорния – Томск». Головной офис компании Tomsk Inc., созданной выпускником университета, расположен в Кремниевой долине США. Он обеспечивает заказами на разработку программного обеспечения томскую компанию (более 60 человек), входящую в инновационное окружение университета и расположенную в СБИ «Дружба». Калифорнийский офис компании выбирает и продвигает наиболее перспективные разработки томских ученых в области электроники и информационных технологий на рынке США. Одним из успешных проектов функционирования моста с Калифорнией стал проект «3DBIN». В его рамках для группы студентов была организована необходимая поддержка по созданию компании, регистрации интеллектуальной собственности и организации работы офиса продаж в США.

Другим примером успешного инновационного кластера в сибирском регионе является кластер Томского политехнического университета (ТПУ). На его территории сформирована инновационная инфраструктура, обеспечивающая научный поиск, отбор и доведение результатов до наукоемкого коммерческого продукта.

За проведение научных исследований отвечает 11 научно-образовательных и учебных институтов, созданных в рамках факультетов ТПУ. За коммерциализацию научных разработок – инновационно-технологический центр, центр трансфера технологий, студенческий бизнес-инкубатор ООО «Технологический инкубатор ТПУ». За взаимодействие образования и бизнеса – Центр опытного производства, отвечающий за стратегическое партнерство с 252 предприятиями. К 2016 г. на его территории зарегистрировано 30 высокотехнологичных старт-ап и спин-офф компаний. Кроме того, для содействия региональному развитию на территории ТПУ зарегистрировано 11 технологических платформ, работает 20 центров коллективного пользования.

К 2016 г. ТПУ был задействован в 11 федеральных целевых программах. Суммарный объем НИОКР университета за период 2012-2015 гг. составил более 7,6 млрд. руб. (в 2015 г. – более 2 млрд. руб.). Объем договоров на выполнение НИОКР по заказу предприятий реального сектора экономики превысил 63%. Заказчиками выступают как ведущие российские, так и иностранные инновационные корпорации. В 2015 сотрудниками кластера ТПУ зарегистрировано 257 результатов интеллектуальной деятельности, из них – 3 евразийских патента. Заключено 11 лицензионных соглашений с предприятиями на использование результатов интеллектуальной деятельности ТПУ.

Кроме того, с 2015 года наблюдается устойчивая тенденция роста публикационной активности молодых ученых и сотрудников ТПУ, которая отражается в увеличении количества публикаций, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science – 1456 (без учета дублирования). В зарубежных высокорейтинговых журналах

издано 279 статей. В 2015 году индекс Хирша университета вырос до 44. По данным Scopus 69 сотрудников ТПУ имеют индекс Хирша более 10 [15].

Значительный вклад инновационный кластер ТПУ вносит и в развитие региона. Только в 2015 г. в бюджет региона было перечислено более 1 млрд. руб. На территории кластера создано 2 тыс. рабочих мест. В 2015 г. ТПУ успешно реализовало 3 проекта по Постановлению Правительства РФ [15].

5. Обсуждение результатов анализа

В 2012–2016 гг. реализация государственной стратегии по созданию университетов нового типа привела к определенным успехам. В России сложились устойчивые механизмы трансформирования традиционных университетов в ПУ в контексте ТСМ, разработаны стратегии интенсификации инновационной деятельности в высшей школе. По мнению автора, инициатива в этом процессе принадлежит ведущим вузам г. Томска (ТУСУР и ТПУ).

Однако процесс трансформаций охватывает в основном ведущие вузы страны, расположенные в крупных промышленных городах, и их количество пока невелико.

Можно утверждать, что одним из результатов реализуемой Правительством стратегии реформирования образования является формирование своеобразной инновационной пирамиды, вершиной которой являются – МГУ и СПбГУ и несколько (7–8) НИУ, расположенных в столицах и крупных региональных центрах.

Кроме того, реформирование высшей школы обнажило ряд проблем, которые пока преодолеваются с большим трудом. Основная из них состоит в том, что в вузах научно-исследовательская деятельность развивается в большей степени за счет создания (причем, в основном, за счет государственного финансирования) инновационной инфраструктуры и в меньшей степени – за счет изменения программ подготовки специалистов и привлечения студентов к научной и связанной с ней предпринимательской деятельности.

Негативную роль играет и достаточно распространенный скепсис в отношении предпринимательства у большинства преподавателей высшей школы.

Говорить о масштабном развитии взаимодействия в системе «государство-бизнес-образование» в российской НИС пока еще преждевременно. Закручивание тройной инновационной спирали в российской НИС носит очаговый характер. Но эти очаги, успешно реализуя стратегию развития ПУ в контексте ТСМ, становятся эндогенными источниками ростом экономики своего региона.

6. Заключение

В России процесс превращения традиционных вузов в ПУ находится на начальном этапе. Только 30 российских вузов можно отнести к этой категории. Однако реализация курса, заданного Правительством России, на кардинальную технологическую модернизацию экономики как эндогенного фактора ее роста, невозможна без масштабирования и ускорения этого процесса. Это ставит перед высшей школой новые задачи. Главная из которых – подготовка кадров с новыми компетенциями и формирование мощного источника инновационных идей и технологий в системе высшего образования. Причем решать ее надо на всех уровнях. Кардинально наращивать R&D компетенции необходимо не только в ведущих столичных вузах, но и в региональных. Именно ПУ в регионах должны стать источниками их инновационного роста. Они должны в короткое время нарастить S&T компетенции и R&D мощности. Это обеспечит им позицию ведущих площадок для аутсорсинга исследовательских работ компаний реального сектора экономики, генератора прикладных идей и разработок, ключевых площадок для развития инновационного предпринимательства, источников качественной и авторитетной экспертизы прикладных научных и технологических решений для компаний и органов государственного управления.

Список литературы

1. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. 2008.
2. Etzkowitz H. Academic-Industry Relations: A Sociological Paradigm for Economic Development // Evolutionary Economics and Chaos Theory: New Directions in Technology Studies. – London e.a.: Pinter, 1994. – P. 139–151.
3. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновационная Россия. 2011. – № 4 (150). – С. 5–10.
4. Reshetnikova M. Modern Trends of Innovative Process Development // World Applied Sciences Journal (Special Issue of Economics). 2012. – N 18. – P. 69–73.
5. Дежина И.В., Киселева В. «Тройная спираль» в инновационной системе России // Экономический портал. – http://institutiones.com/innovations/265-q-q-.html
6. Киященко Л.П. Тройная спираль трансдисциплинарности: университет-правительство-бизнес // Личность. Культура. Общество. 2011. – Т. 13, вып. 2, № 63–64. – С. 152–165.
7. Смородинская Н. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. – СПб., 2014. – № 7 (189). – С. 27–33.
8. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – 240 с.
9. Сидорова А. Предпринимательские университеты: сущность и тенденции развития. – https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2430627
10. Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий / Научный доклад под ред. Н.В. Смородинской / ИЭ РАН. – https://inecon.org/docs/Smorodinskaya_2012.pdf
11. Инновационные процессы в РФ: мнение ученых РАН. – http://www.zsuo.ru/deyatelnost/analiticheskie-materialy/215-innovatsionnye-protsessy-v-rf-mneniyauchjonykh-ran.html

12. Акинфеева Е.В., Голиченко О.Г. Институты производства знаний и процессы функционирования технопарков // Экономическая наука современной России. – М., 2013. – № 1 (60). – С 46–71.
13. Национальный рейтинг университетов 2015/2016 г. – http://www.univer-rating.ru
14. Павлов И.А. Трансформация институтов Высшей Школы и новая социально экономическая парадигма. – Томск: Изд-во STT, 2016.
15. Конференция «Развитие предпринимательских университетов как системообразующих элементов инновационных территориальных кластеров», октябрь 2012, г. Томск. – http://sk.ru/events/1339.aspx
16. Томский политехнический университет. – https://tpu.ru/

Свирина Л.Н.
к.э.н., с.н.с. Института экономики РАН

ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *функции и механизмы государственного управления, государственное управление в сфере образования, подготовка квалифицированных кадров.*

Задачи формирования и востребования кадрового потенциала как важнейшего интеллектуального и профессионального ресурса государства и общества приобретают особую значимость на этапе становления инновационной экономики в России, национальной технологической базы и наукоемких производств, а также в условиях новых вызовов и необходимости повышения качества государственного управления. Технологическая модернизация промышленности и развитие наукоемких технологий двойного применения вызывают значительные изменения в структуре занятости и, следовательно, современного подхода к управлению в сфере развития адекватной системы подготовки профессиональных кадров. Возрастающая роль государства в становлении национальной системы подготовки профессиональных кадров на современном этапе предопределена объективной необходимостью (с учетом мирового и российского опыта) внедрения современной модели «Тройной спирали»[1] активного его участия в этом процессе во взаимодействии с образовательными учреждениями и бизнес-структурами. Подготовка кадров высшей квалификации для высокотехнологичных отраслей промышленности в основном возлагается на вузы, однако эффективным этот процесс может быть только при формировании многоуровневой системы непрерывного образования, обеспечивающей тесную связь между производственными высокотехнологическими компаниями, государством и вузами, готовящими для них соответствующие кадры.

Используемые в статье понятия «функции», «инструменты», «механизмы» государственного управления в сфере подготовки профессиональных кадров базируются на общепринятых в системе государственного управления терминах[2]. Функции управления в общем виде можно охарактеризовать как стабильные виды управленческой деятельности субъекта, осуществляемые для достижения поставленной цели. Функции государственного управления – это виды деятельности органов государственной власти и управления и их должностных лиц, совершаемые в определенном нормативном порядке, направленные на регулирование общественных процессов и отношений и необходимые для достижения поставленных целей. В рамках теории управления выделены следующие функции: анализ, целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование, организация, координация, мотивация (стимулирование), контроль, регулирование[3]. По отношению к государственному управлению они являются общими. Специфическими функциями государственного управления являются, например, государственное регулирование экономики, лицензирование, проведение выборов и референдумов и пр.

Под инструментами государственного управления понимаются средства практической реализации управленческого решения. Среди инструментов государственного управления выделяют две подгруппы: общие (универсальные) и локальные. Общие инструменты управления – это существующие, закрепленные в правовых актах нормы и правила управленческой деятельности; они имеют форму законов, уставов, инструкций, ограничений и т.д. Локальные инструменты управления носят частный характер, подкрепляя выполнение более значимого управленческого решения, и могут иметь форму постановлений, приказов, распоряжений, сделок, контрактов, совещаний и т.п. В качестве критериев понятия «инструменты государственного управления» выделяют, например, такие как: уровень инструмента государственного управления в иерархии системы управления – это инструменты, применяемые на международном уровне, на федеральном уровне, на региональном уровне, инструменты отраслевого управления и пр.; документальные формы инструментов государственного управления – это законодательные акты; постановления, регламенты, решения государственных органов; государственные концепции, программы, проекты; государственные бюджеты; государственные стандарты, сертификаты качества, лицензии; государственные свидетельства; государственные дипломы и др.; характер и объем воздействия инструментов государственного управления – экономические инструменты (налоги, государственные тарифы оплаты труда, ставка рефинансирования ЦБ РФ, внутренние и внешние займы и т.п.). Под инструментами макроэкономического управления понимается управление народным хозяйством страны отдельными сферами общественной жизни как на федеральном, так и на региональном уровнях. Здесь используются такие инструменты государственного управления, как правовые (действующее на территории России законодатель-

[1] Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновационная Россия. 2011. – № 4.
[2] Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами. – М: ИНФРА-М, 2010.
[3] Функции государственного управления. – http://isfic.info/admis/nelis07.htm

ство), государственные бюджеты, федеральные и региональные целевые программы, стратегии развития и социально-экономические прогнозы, государственное инвестирование, проведение государственных операций на внутреннем денежном рынке, обслуживание государственного долга, государственное страхование и многие др.

Государственные механизмы в системе управления – это система или совокупность специальных органов, с помощью которых государство осуществляет возложенные на него задачи и функции. Так, например, на федеральном уровне компетенцию государственных органов управления в сфере образования – центрального звена в системе формирования кадрового потенциала страны осуществляют:

Федеральное Собрание Российской Федерации, которое создает законодательную базу в области образования, утверждает соответствующие статьи бюджета и контролирует выделение предусмотренных на образование ассигнований, утверждает Федеральную программу развития образования в стране, контролирует основные этапы ее реализации, осуществляет международные связи;

Президент РФ и Правительство РФ обеспечивают разработку и реализацию стратегии государственной политики в образовательной области, ее законодательного закрепления и иного организационного и правового оформления. Президент РФ и Правительство РФ создают и устанавливают их организационно-правовой статус или определяют учредителей некоторых особо важных и значимых образовательных учреждений. К компетенции Правительства РФ отнесено установление порядка лицензирования образовательной деятельности, аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений; определение порядка разработки, утверждение и введение государственных образовательных стандартов и ряд других функций и полномочий, вытекающих из норм и требований Конституции РФ, федеральных законов и соглашений высших органов управления России и субъектов Федерации по вопросам государственной организации системы, структуры и содержания образования в Российской Федерации.

Отраслевыми органами в системе государственного управления образованием в РФ являются:

Министерство образования и науки РФ и все иные федеральные министерства и ведомства, имеющие в своей системе образовательные учреждения отраслевого профиля; государственные органы управления образованием субъектов Российской Федерации и местные (муниципальные) органы управления образованием, которые создаются по решению органов местного самоуправления. Министерство образования и науки РФ осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, интеллектуальной собственности, а также в сфере воспитания, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений. В настоящее время Минобрнауки России в сотрудничестве с образовательными учреждениями страны реализует комплекс мер по трансформации и совершенствованию системы СПО на 2015–2020 гг. в соответствии с поручениями Президента России. В 2013 г. была разработана и принята Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период 2013–2020 гг., согласно которой планируется улучшение коммуникации и укрепление ресурсов бизнеса, государства и образовательных организаций для обеспечения соответствия кадров требованиям экономики.

Министерство труда и социальной защиты РФ (Минтруд России), в свою очередь, осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере демографии, труда, уровня жизни и доходов, оплаты труда, пенсионного обеспечения (включая негосударственное пенсионное обеспечение), социального страхования, условий и охраны труда и т.д. В сфере подготовки рабочих кадров в том числе координирует и финансирует разработку 800 профстандартов, поддерживает развитие Национальной системы квалификаций и компетенций. В 2015 г. Минтруд России выпустил приказ «Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования». На основании данного списка Минобрнауки России координирует разработку примерных образовательных программ среднего профессионального образования на основе практико-ориентированных моделей обучения;

Министерство промышленности и торговли РФ (Минпромторг России) осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере промышленного и оборонно-промышленного комплекса; в области развития отраслей промышленности (авиационная техника, судостроение, машиностроение, электроника и др.), технического регулирования и обеспечения единства измерений, а также функции уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственное регулирование внешнеторговой деятельности. В сферу внимания Минпромторга России попадают в том числе вопросы отраслевых профессиональных стандартов. В 2014 г. Минпромторг России запустил программу стажировки региональных министров промышленности, где, среди прочих, обсуждаются вопросы кадрового обеспечения промышленного развития.

Компетенции государства относительно регулирования и финансирования деятельности ключевых организаций, осуществляющих обучение и подготовку кадров, соответственно распространяются на них в зависимости от статуса формы собственности. В частности, в системе образования (обучения) можно выделить несколько специальных секторов, каждый из которых отличается по форме собственности и по механизмам экономического регулирования. Прежде всего, следует выделить государственный сектор системы образования с государственной формой собственности, который можно разделить на две части: с бюджетным финансированием и с внебюджетным финансированием. Особое место занимает муниципальный сектор системы образования с муниципальной формой собственности, который также можно разделить на две части: с бюджетным финансированием и с внебюджетным финансированием. Все более значимое место занимает частный сектор системы образования с частной формой собственности, который также можно разделить на структуры с бюджетным финансированием и структуры с внебюджетным финансированием. В частный сектор системы образования включены корпоративные учебные заведения, конфессиональные учебные заведения, а также остальные не государственные и не муниципальные учебные заведения.

Из перечисленных выше групп под полноценное государственное регулирование подпадает только первая группа, составляющая государственный сектор системы образования с государственной формой собственности и с бюджетным финансированием. Для всех остальных категорий учебных заведений под государственное регулирование подпадает, как правило, только расходная часть объема бюджетных ассигнований. Экономические правила диктуют распорядки профессионального регулирования. Профессиональные государственные регламентные акты носят для них рекомендательный характер.

Но и первая группа неоднородна по правовому статусу и по способам регламентации деятельности. Кроме того, указанная группа неоднородна по способам межотраслевого взаимодействия системы образования с рынком труда. В государственный сектор входят учебные заведения Министерства обороны, атомной промышленности, транспорта и связи, а также иные вузы, подведомственные силовым структурам. Учебные заведения, обеспечивающие такого рода виды экономической деятельности, вправе рассчитывать на директивный, плановый метод организации подготовки инженерно-технического состава. В этом секторе государственное управление являет собой доминирующий механизм.

В стране с каждым годом разворачивается всё более масштабная деятельность по развитию системы профессионального образования и сквозной подготовки кадров. Решения ряда накопленных проблем удается достичь за счет организации плотного взаимодействия между государством, работодателями и учреждениями системы образования. На созданный Правительством Российской Федерацией Институт развития – Агентство стратегических инициатив (АСИ, август 2011 г.)[1] возложены функции по реализации комплекса мер в экономической и социальной сферах, в частности, для продвижения приоритетных проектов, реализации мероприятий по улучшению предпринимательской среды в России, развитию профессиональных кадров. В сфере подготовки профессиональных кадров АСИ в том числе: поддерживает системные проекты в области кадрового обеспечения; взаимодействия работодателей и образовательных учреждений; инициирует и проводит форсайт-исследования в сфере подготовки квалифицированных кадров для экономики России на горизонте 20 лет. Реализация одной из приоритетных задач государственной политики в сфере профессионального образования по подготовке квалифицированных кадров для высокопроизводительных рабочих мест обеспечивается в проектах АСИ на базе обеспечения механизмов взаимодействия системы профессионального образования со сферой труда, которое осуществляется по ряду направлений: участие бизнеса в прогнозировании потребностей в кадрах и квалификациях, формирование требований к результатам профессионального образования; участие в финансировании и реализации программ подготовки профессиональных кадров, создание условий реализации образовательных программ, включая кадры, оборудование, базы практик. Одним из инструментов разработки и развития таких механизмов стал системный проект АСИ «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования», запущенный с декабря 2013 г.

Дуальное образование – вид профессионального образования, при котором практическая часть подготовки проходит на рабочем месте, а теоретическая часть – на базе образовательной организации[2]. Система дуального образования предполагает совместное финансирование программ подготовки кадров под конкретное рабочее место коммерческими предприятиями – заказчиками кадров и региональными органами власти, заинтересованными в развитии промышленности региона. Федеральный институт развития образования (Минобрнауки РФ) осуществляет методическую поддержку проекта.

В настоящее время в качестве базовой, системообразующей модели обеспечения технологического развития промышленности в регионах профессиональными кадрами, учитывающей, прежде всего, результаты реализации проекта АСИ «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования», результаты движения «Ворлдскиллс Россия»[3], результаты лучших практик подготовки кадров в субъектах Российской Федерации выступает Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного роста[4]. Региональный стандарт предназначен для применения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, региональными органами исполнительной власти, отраслевыми, профессиональными организациями, партнерствами и работодателями в качестве руководства по реализации проектов внедрения модели кадрового обеспечения промышленного роста в регионе. Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного роста (Стандарт) был разработан в соответствии с поручением, данным по итогам заседания Правительственной комиссии по импортозамещению 3 октября 2015 г., Агентством стратегических инициатив при активном участии Союза «Ворлдскиллс Россия», а также Минпромторга России, Минобрнауки России, региональных органов исполнительной власти, промышленных компаний и объединений работодателей. Стандарт нацелен на кадровое обеспечение региональной промышленности новым поколением молодых профессионалов через трансформацию системы профессионального образования в соответствии с потребностью реального сектора экономики на основе лучших практик и меж-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 11 августа 2011 г. № 1393-р «Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

[2] Матвеев Н.В., Ушанова И.А. – Дуальное образование расширяет границы очертания нового международного проекта // Человек и образование. 2016. – № 1 (46).

[3] 17 мая 2012 г. Россия вступила в WorldSkills International (WSI) — международную некоммерческую ассоциацию, целью которой является повышение статуса и стандартов профессиональной подготовки и квалификации по всему миру, популяризация рабочих профессий через проведение международных соревнований по всему миру. – https://ru.wikipedia.org/wiki/WorldSkills

[4] Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного роста / Агентство стратегических инициатив. – http://asi.ru/upload_docs/staffing/standart_KPR.pdf

дународных стандартов. Также Стандарт направлен на повышение инвестиционной привлекательности регионов за счет наличия качественного кадрового ресурса для запуска новых производств; дает возможность, базируясь на его положениях, определять минимально необходимый набор принципов и инструментов для обеспечения потребности промышленности (экономики) региона в высококвалифицированных кадрах и способствовать их внедрению в субъектах РФ.

Отправным основополагающим положением разработки Стандарта является формирование стратегии кадрового обеспечения, которая должна включать: характеристику текущего состояния системы подготовки кадров в регионе (проблемы и вызовы) и актуальную потребность в кадрах (перечень перспективных профессий в средне- и долгосрочной перспективе); приоритеты, цели и задачи кадрового обеспечения в целом и по отдельным направлениям подготовки кадров (профессиональное и высшее образование, дополнительное образование, общее образование); требования к инструментам реализации стратегии (прогнозирование кадров, профориентация, система оценки качества и другим). В конечном итоге, в стратегии должны быть определены границы ключевых участков региональной модели кадрового обеспечения промышленного роста: востребованные и перспективные профессии в средне- и долгосрочной перспективе в соответствии с потребностями экономики субъекта Российской Федерации, участвующих в реализации модели.

Первые соглашения о внедрении в пилотных регионах и распространении лучших практик кадрового обеспечения промышленного роста были подписаны 17 июня на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2016) между генеральным директором АСИ Андреем Никитиным, генеральным директором Союза «Ворлдскиллс Россия» Робертом Уразовым и главами 10 субъектов РФ: Владимирской, Мурманской, Свердловской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, республик Татарстан и Чувашия. Участники соглашений будут внедрять Стандарт кадрового обеспечения промышленного роста, создадут нормативную базу для его реализации, проведут обучение региональных команд и обменяются успешными практиками. На сегодняшний день текущая редакция Стандарта является базовым документом для апробации уже в 21-ом пилотных субъектах Российской Федерации[1]. Хотелось бы отметить тот факт, что успешная реализация этого проекта в условиях дефицита финансовых ресурсов в регионах предполагает участие государства в выделении средств из федеральных источников финансирования, в частности, что очень важно, на технологическую модернизацию материально-технической учебной базы организаций образования и предприятий, в предоставлении бизнесу налоговых льгот, субсидий и других преференций. К сожалению, на данный момент федеральные источники финансирования проекта регионального стандарта не предусматриваются.

Одной из основных функций Государственного управления является планирование, высшим уровнем которого выступает стратегическое планирование на долгосрочную перспективу. В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» понятие стратегическое планирование определяется как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В процессе реализации стратегической функции планирования используются такие инструменты управления как Концепции, Стратегии, различного рода программы (федеральные, ведомственные, региональные и комплексные программы), по развитию отношений в различных отраслях и сферах государственного управления. Началу разработки программ, как правило, предшествуют этапы формирования проектов Концепций и Стратегий, окончательные варианты которых утверждаются или одобряются соответствующими органами исполнительной власти. К примеру, «Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций на период до 2020 года»[2] была одобрена коллегией Минобрнауки России (Протокол от 18.07. 2013 г. № ПК – 5вн). Стратегия определяет основные направления государственной политики в области подготовки квалифицированных рабочих (служащих) и специалистов среднего звена РФ на долгосрочную перспективу. Цель Стратегии – создание в Российской Федерации современной системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций, способной: обеспечивать подготовку квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена в соответствии с потребностями экономики и общества; гибко реагировать на социально-экономические изменения; предоставлять широкие возможности для различных категорий населения в приобретении необходимых профессиональных квалификаций на протяжении всей трудовой деятельности. Для достижения цели Стратегии предполагается решение комплекса основных задач: обеспечение соответствия квалификаций выпускников требованиям экономики; консолидация усилий и ресурсов бизнеса, государства и образовательных организаций в развитии Системы; создание и обеспечение широких возможностей для различных категорий населения в приобретении необходимых квалификаций на протяжении всей трудовой деятельности; создание условий для успешной социализации и самореализации обучающихся.

В настоящее время обучение и подготовка квалифицированных кадров для инновационных отраслей экономики осуществляется на основе Целевых государственных программ. В первую очередь речь идет о Федеральной целе-

[1] Белгородская область, Владимирская область, Краснодарский край, Красноярский край, Липецкая область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермский край, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Чувашия, Самарская область, Свердловская область, Тамбовская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Челябинская область, Ярославская область.

[2] Образование в Документах. 2016. –№ 8, август.

вой программе развития образования на 2016–2020 годы[1] (ФЦПРО) и Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»[2]. Целью ФЦПРО является создание условий для эффективного развития российского образования, направленного на обеспечение доступности качественного образования, отвечающего требованиям современного инновационного социально-ориентированного развития Российской Федерации. Задачи Программы должны быть реализованы комплексом мероприятий, направленных на создание и распространение структурных и технологических инноваций в среднем профессиональном и высшем образовании; развитие современных механизмов и технологий общего образования; реализация мер по развитию научно-образовательной и творческой среды в образовательных организациях, развитие эффективной системы дополнительного образования детей; создание инфраструктуры, обеспечивающей условия подготовки кадров для современной экономики; формирование востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов.

Цель Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» – развитие системы эффективного воспроизводства высокопрофессиональных кадров научной и научно-образовательной сферы и повышение их конкурентоспособности на мировом уровне. Задачи Программы – развитие системы механизмов расширения количественного и улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров; повышение результативности научных и научно-педагогических кадров, развитие механизмов стимулирования их научной и инновационной активности; развитие внутрироссийской и международной мобильности научных и научно-педагогических кадров; развитие сети национальных исследовательских университетов. Объемы и источники финансирования Программы – всего на 2014–2020 гг. (в ценах соответствующих лет) – 201 018,935 млн. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 153 481,435 млн. руб., из них: научно-исследовательские и опытно- конструкторские работы – 143 162,695 млн. руб.; прочие нужды – 8054,04 млн. руб.; капитальные вложения – 2264,7 млн. рублей; за счет средств внебюджетных источников – 47 537,5 млн. руб. Ожидаемые конечные результаты реализации Программы и показатели социально- экономической эффективности направлены на создание необходимых условий для укрепления и развития конкурентоспособности национальной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров для инновационного экономического развития Российской Федерации. Реализация предусмотренных Программой мероприятий должна обеспечить в том числе к концу 2020 года достижение следующих результатов: обеспечение воспроизводства кадров в научной и научно-образовательной сфере Российской Федерации за счет притока и закрепления молодых высококвалифицированных специалистов.

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2015 г. № 497 о Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы.

[2] Постановление Правительства РФ от 21 мая 2013 г. № 424 «О федеральной целевой программе “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2014–2020 годы и внесении изменений в федеральную целевую программу “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы».

Сенашенко В.С.
д.ф.-м.н., профессор РУДН
vsenashenko@mail.ru
Макарова А.А.
аспирант РУДН
amina.somnium@gmail.com

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: в*ысшее образование, гибридные образовательные системы, гибридная природа модернизации, гибридизация образования, гибридные преобразования, превращенные формы, знаниевый подход, компетентностный подход.*

Keywords: *higher education, hybrid educational systems, hybrid nature of modernization, hybridization of education, hybrid transformations, converted forms, knowledge approach, competence approach.*

Проблема образовательной гибридизации вызывает большой интерес по той причине, что реформирование высшего образования России в результате присоединения к болонскому процессу, определившему направление реформирования образовательных систем европейских стран, происходит на основе зарубежных образовательных практик. Тем самым создаются условия для гибридных преобразований отечественной образовательной среды.

Реформирование системы образования не дает желаемых результатов и поэтому нуждается в анализе дидактических основ проводимой образовательной реформы отечественной системы образования. Помимо субъективных причин неудачной реформы высшего образования, на которых мы не будем останавливаться, на наш взгляд существует объективная составляющая реформенных преобразований, которая связана с тем, что гибридные образования обладают имманентным свойством непредсказуемости результата и способностью стать источником превращенных форм.

Очевидно, что и явление гибридизации и появление «превращенных форм» в образовательном контексте нуждается в пояснении. Явление гибридизации в настоящее время обсуждают во многих отраслях знания: в политологии, в философии, в естественных науках, в социологии и в др. Образовательная гибридизация представляет собой процесс имплантации зарубежных образовательных практик в отечественную систему высшего образования и как результат – появление возможности «выращивания» обновленной образовательной системы.

Что касается категории «превращенные формы», то для экономистов и философов это понятие является рабочим. Впервые оно было введено К.Марксом, когда он рассматривал проблему добавочной стоимости, соотношения стоимости и цены, при котором цена по отношению к стоимости рассматривалась как превращенная форма. Таким образом, превращенная форма представляет собой форму действительного существования какой-либо системы. Такие формы действительного существования – продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего под влиянием внешних воздействий на определенном уровне её функционирования[1]. Применительно к системе образования это могут быть структурные превращения, превращения технологические и другие. Основы появление приведенных форм в образовательных средах были ранее детально рассмотрены[2].

Гибридные образовательные системы – это такие системы, которые черпают свои истоки из двух или более источников, часто изначально сильно отличающихся друг от друга. То, что мы имеем на сегодняшний момент это гибрид советской и «болонской» систем образования. Гибридизацию, в том числе определяют как «способы, с помощью которых формы отделяются от существующих практик и рекомбинируют с новыми формами в новых практиках»[3]. Образовательные системы, называемые гибридными или смешанными, формируются в различных культурных контекстах, и не только культурных, но и экономических, и политических, а также при наличии различий в образе жизни той или иной страны.

К основным характеристикам явления гибридизации в сфере образования относятся спонтанность, непредсказуемость развития, формационная «текучесть» образовательной среды. В своей совокупности данные характеристики размывают целевые ориентиры образовательной реформы, делают результаты реформы мало предсказуемыми. Таким образом то, что мы имеем сегодня, что в течение почти тридцати лет не можем определить конструктивное начало реформы отечественной системы образования, в этом есть доля непонимания особенностей образовательной гибридности.

---

[1] Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 320.

[2] Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. – М., 2016. – № 6 (202).

[3] Rowe W., Schelling V. Memory and Modernity: Popular Culture in Latin America. – London: Verso. 1991. – P. 231.

Образовательная гибридизация видится в виде смешения не только форм, но и убеждений – образовательных ценностей взаимодействующих образовательных систем. В результате смешения советской и «болонской» образовательных систем рождается «третья система образования» – российская образовательная система сегодняшнего дня. Происходящий процесс реформирования отечественной системы высшего образования – это результат глубинных преобразований, которые распределены во времени. При этом образовательная гибридизация оказывается важной составляющей образовательной реальности и становится одним из инструментов реформирования образовательной системы.

В частности, *структурная гибридизация сопровождается появлением новых образовательных практик, активируя конкурентный потенциал образовательной системы*. Более того, исследования гибридной природы реформы системы образования создает дополнительные возможности для более глубокого понимания характера происходящих изменений в сфере образования. Принципиальным моментом гибридных преобразований является проблема асимметрии и неравенства в процессе смешения, которая требует проведения специального исследования. Ведь если бы это были симметричные (равные) системы, тогда можно было бы говорить о процессах конвергенции. В рассматриваемом случае речь не идет о конвергентных преобразованиях образовательной среды. Фактически имеет место процесс гибридизации, который является достаточно агрессивным со стороны внешней («болонской») среды по отношению к традиционной образовательной системе России.

В качестве наглядной иллюстрации рассмотрим построения континуума гибридных преобразований. При этом характер гибридности обновленной системы может быть различным, в зависимости от величины удельного веса компонент помеси. На рис. 1 представлено смешивание двух систем в интервале от 0 до 1: слева располагается целостная система, справа – замещенная система. Наблюдается также (ближе к нулевой отметке) область ассимиляции, что соответствует ассимиляционному режиму гибридизации, в которой преобладает первичная компонента, а с другой (ближе к отметке 1 – наблюдается дестабилизирующая гибридность, которая размывает исходный канон и в пределе приводит к его замещению. Если чужеродная система по отношению к родительской входит с небольшим весом примеси, то естественно, что родительская система ее ассимилирует без ущерба для себя, а возможно, и с некоторым качественным приращением. Если же инородная система по отношению к «родительской» превалирует, то тогда возникает область поглощения, когда чужеродная система либо частично, либо полностью поглощает родительскую систему – возникает замещенная система. В промежутке между этими областями могут возникать превращенные формы, которые непредсказуемым образом могут деформировать «родительскую» систему и результат таких деформаций порой оказывается весьма для неё пагубным.

Рисунок 1.
Континуум гибридных преобразований

Примеры гибридных преобразований. Особенно ярким примером гибридной образовательной конструкции является современная аспирантура как помесь «болонских предписаний» и отечественной модели подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. В силу присущей гибридным преобразованиям неопределенности конечного результата всё ещё остается открытым вопрос: «Аспирантура это образовательная программа с научно-исследовательской компонентой или научно-исследовательская программа с образовательной компонентой»? Подобные гибридные модели требуют деликатного обращения, несовместимого с фронтальным подходом. Другими словами, они требуют пролонгированного во времени эксперимента. И уже по результатам этого эксперимента можно успешно формировать гибридную систему.

Второй пример формирования гибридной конструкции – это предоставление МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургскому государственному университету права самостоятельно присуждать учёные степени кандидата и доктора наук, создавать диссертационные советы и определять их полномочия. Изначально такая инициатива пред-

ставляется разумной в рамках эксперимента. Но как только без особых на то оснований уже на начальном этапе её осуществления происходит увеличение числа участников, возникает потеря её однозначности со всеми вытекающими последствиями тотального распространения гибридных преобразований образовательной системы (гибридная закономерность, которая в итоге генерирует неопределенности). Тем более что это нововведение не отменяет действующую государственную систему аттестации научно-педагогических кадров.

Особенности гибридных преобразований заключаются в том, что на начальной стадии смешения образовательных систем гибридизируются поверхностные элементы, в то время как более глубокие установки и ценности, структурный ансамбль образовательной сферы тесно привязан к конкретному национальному контексту. То есть гибридизирующие внешние конструкции, прежде чем прийти к положительному результату, должны ассимилировать ту среду, в которую они погружены. Если же этого не происходит, то рассчитывать на успешность процесса будет достаточно сложно. Возникает эффект неприятия гибридных преобразований. Его преодоление требует громадных усилий, распределенных во времени.

К сожалению, мы настолько приучены думать об образовании в рамках традиционных стереотипов, что не в состоянии серьезно отнестись ко всему кругу вопросов, связанных с гибридизацией. Действительно, модернизация, реформирование системы образования непосредственно связаны с явлением образовательной гибридизации, которая требует проведения систематических научных исследований.

Заключение

Таким образом, мы вынуждены говорить об искусственно создаваемой системе образования – образовательном гибриде, который генерирует в образовательной среде превращенные формы различного уровня. В результате возникают необратимые деформации отечественной системы высшего образования, которые сопровождаются смещением целей образовательной деятельности субъектов образовательных отношений и отличается трудно воспринимаемой логикой происходящего.

В действительности же речь должна идти о создании российской системы образования, которая соответствовала бы принятому в академическом сообществе уровню академических свобод и необходимым для их практической реализации нормам университетской автономии. Обновленная российская система образования должна в большей степени быть ориентирована на решение национальных задач в контексте международных проектов и взаимодействий. К сожалению, имеет место инверсия указанных направлений совершенствования системы высшего образования – на первый план выходят проблемы, связанные с международным позиционированием отечественной образовательной системы. При этом решение национальных образовательных проблем уходит на второй план.

Титаренко Л.Г.
д.соц.н., профессор Белорусского государственного госуниверситета, Минск
larisa166@mail.ru

РАЗВИТИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ПРИОРИТЕТ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова*: модернизационный потенциал, студенческая молодежь, Беларусь, Россия, евразийское образовательное пространство, инновационное образование.*
Keywords*: modernization potential, students, Belarus, Russia, Eurasian educational space, innovative education.*

Одной из важных сфер, от которой зависит эффективность проводимых в странах евразийского региона процессов модернизации, является высшее образование. В его задачи входит подготовка квалифицированных кадров для инновационных отраслей экономики, воспитание сознательных граждан страны, упрочение связей между научными исследованиями, обучением и производством. Важность этой сферы еще больше возрастает в связи с необходимостью отвечать на современные вызовы, с которыми в XXI веке сталкиваются все государства. Поскольку модернизация в последние 10–15 лет стала лозунгом развития любой сферы общества (хотя в это понятие вкладывается разное содержание – от радикального перехода общества на более рациональный и эффективный уровень развития до любых умеренных изменений в той или иной отдельной сфере), она полностью применима и к высшему образованию. Целью модернизации в России и других странах постсоветского пространства является, как справедливо утверждает Н.И. Лапин, не только построение информационной экономики, т.е. технико-технологическое изменение, но также еще три важных компонента: социоэкономический, социокультурный, институционно-регулятивный. Они взаимосвязаны и образуют комплексный процесс. В своей целостности, эти глубинные изменения должны изменить жизнь миллионов людей, развить человеческий потенциал, повысить качество жизни[1]. Высшее образование может внести существенный вклад в создание «общества знания» через подготовку необходимых квалифицированных специалистов для инновационной экономики, через воспитание молодого поколения и формирование в обществе новых ценностей, способствующих повышению качества жизни. Другие страны, включенные в Евразийское пространство, хотя они несколько отстают от России по экономическому развитию и уровню жизни населения, ориентированы в перспективе на те же цели. Это означает, что системы высшего образования стран Евразийского пространства должны развивать инновационное образование, менять содержание и методы обучения, вводить новые специальности и т.п. Вместе взятые эти цели должны позволить образовательным системам указанных стран повысить их конкурентоспособность. В отношении воспитания и обучения студентов современные вызовы диктуют необходимость вместо акцента на исполнительность и дисциплинированность развивать у студентов как будущих участников процессов модернизации общества и производства такие качества, как инициативность и креативность. Модернизация общества также требует постоянного обновления знаний: по некоторым специальностям знания обновляются каждые пять лет. Поэтому современные студенты должны осознать необходимость «образования в течение всей жизни», т.е. постоянного профессионального совершенствования. Студенты должны сформировать у себя готовность к восприятию новых идей и подходов к любой деятельности, способность адаптироваться к постоянным переменам, отказываться от устаревающих стереотипов. Все эти качества и способности может развить современная система образования, которая и сама находится в постоянном изменении.

С целью определения, насколько современное поколение студенческой молодежи готово принять на себя новые роли в обществе, то есть стать активными участниками процессов перемен и осознавать долю ответственности за происходящее вокруг них, в 2016–2017 гг. нами было проведено исследование студентов г. Минска. Всего было опрошено более 1000 студентов разных вузов, репрезентирующих три основные направления образования (естественнонаучное, техническое, социально-гуманитарное) и приехавших учиться в столицу из разных регионов Беларуси. В связи с этим мы полагаем, что полученные данные могут быть распространены на все белорусское студенчество. Ошибка выборки составила 2,5%. Кроме опроса, проводились глубинные интервью с экспертами в области образования и фокус-группы со студентами разного профиля и разных курсов обучения. Качественные методы позволили уточнить некоторые детали, выяснить причины тех ил иных действий молодых людей, их отношение к принятию на себя активной роли в обществе. Исследовательская задача состояла в том, чтобы определить, в какой степени современная студенческая молодежь Беларуси потенциально готова к активному участию в процессах модернизации, т.е. в какой мере белорусское студенчество уже обладает модернизационным потенциалом, необходимым для активного включения в эти процессы в будущем. Студенты рассматривают профессиональную практическую деятельность как «отложенную» до

[1] Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. – М., 2015. – № 4. – С. 3–15.

получения диплома о высшем образовании и начала профессиональной деятельности. Их основным видом деятельности является учеба. Поэтому в исследовании для замера модернизационного потенциала студенческой молодежи мы использовали индикаторы, связанные с ростом ее человеческого капитала как источника модернизационных ценностей (получение высшего образования, различные виды социальной активности, формирование экологической культуры, соответствующей целям инновационного развития). Если институт высшего образования выполняет свою роль в подготовке высококвалифицированных кадров, высшее образование служит социальным лифтом для молодежи и продуцирует человеческий капитал, необходимый для развития в обществе инновационной составляющей, без которой невозможна современная (вторая, по терминологии Н.И. Лапина) волна модернизации. Если в процессе учебы студенческая молодежь получает знания и навыки, которые способствуют творческому отношению к будущей профессиональной деятельности, развивают открытость к инновациям, то, видимо, эта социальная группа сумеет воплотить в деятельности свои ценностные ориентации (профессиональные и индивидуальные) и стать активным субъектом модернизационного процесса. Ставилась задача изучить, какие цели ставит перед собой студенческая молодежь в процессе получения высшего образования, чем было мотивировано ее поступление в вуз, прилагает ли она усилия для получения дополнительных знаний и квалификаций, в каких сферах жизнедеятельности молодые люди предполагают найти применение полученным знаниям в будущем. Ответы на эти вопросы помогают выяснить, как связано современное высшее образование с модернизационным потенциалом молодежи: способствует ли оно росту открытости студентов к инновациям, готовности принимать риски на пути к достижению своих профессиональных целей, улучшению экологической среды? Или же, напротив, образование остается формальным условием продвижения по карьерной лестнице (диплом как формальная необходимость получения должности, независимо от качества знаний и даже от полученной специализации).

Согласно теориям Н.И. Лапина, Р. Инглхарта, других исследователей модернизации, этот процесс в своем развитии проходит через несколько разных этапов. Первый этап модернизации давно завершен большинством стран Запада, которые к концу прошлого века уже достигли второго этапа модернизационного развития – информационного общества, характеризующегося такими понятиями, как сетевая структура, четвертая технологическая революция, господство постматериалистических ценностей[1].

Если в современной России часть (хотя и небольшая) регионов уже достигла второго уровня модернизации и вступила в информационную эру, в Беларуси первый этап модернизации проходил, главным образом, во второй половине XX в. Второй этап модернизации начался здесь с большой задержкой, в связи с чем постсоветская модернизация получила название «догоняющей». Такая модернизация в принципе не позволяет стране достигать уровня развития самых передовых стран: она обречена на постоянное копирование, следование за готовыми образцами, уже внедренными в передовых странах. Для успешного развития всегда нужен прорыв, т.е. проведение модернизации не столько догоняющего плана, сколько инновационного: внедрения таких механизмов развития, которые позволили бы выйти вперед в тех сферах, в которых это возможно с учетом социально-исторического и культурного уровня развития «догоняющей» страны. Для Беларуси такими отраслями могли бы стать новейшие сферы услуг: использование информационных технологий, логистики, консультирование, которые бы пользовались спросом у других стран. Экспорт подобных услуг может вывести страну вперед независимо от скудости природных ресурсов и энергоносителей. Иначе говоря, развитие сферы образования, открытие инновационных специальностей, повышение качества подготовки специалистов может стать именно тем механизмом, который сделает белорусское общество современным и отвечающим глобальным вызовам четвертой научно-технической революции, которая происходит в самых передовых в этом отношении странах. В контексте нашего исследования речь идет о развитии модернизационного потенциала студенчества, т.е. его мотиваций на получение востребованной профессии и ориентаций на активное творческое включение в практику в недалеком будущем. В студенческие годы потенциал развивается через дополнительное образование, развитие собственной экологической культуры, умений и навыков, которые будут необходимы для творческого подхода к профессии. Все эти установки и знания при наличии в обществе соответствующих социально-экономических условий могут способствовать становлению молодежи в качестве активного агента модернизации, т.е. социальной силы, реализующей инновационные идеи в разных сферах жизни. В аспекте развития человеческого капитала студенчества индикаторами этого потенциала студенческой молодежи служат мотивы поступления в вуз, уровень полученных знаний и их качество, профессиональные планы на будущую работу и понимание своих перспектив, ценностные ориентации на творчество, открытость к изменениям, и т.п. Развитый человеческий капитал современного студенчества может способствовать не только личностному развитию будущих профессионалов, но и росту управленческой и интеллектуальной культуры, повышению качества жизни общества, развитию экономики.

Все эти области применения человеческого капитала вносят вклад в развитие интеллекта людей и повышение качества их жизни и таким образом в обеспечение развития как экономики, так и общества в целом. Тем самым условия получения качественного образования и повышение качества жизни (в широком смысле слова) могут способствовать инновационному развитию общества во всех сферах.

В связи с возможной широкой интерпретацией смысла модернизационных ценностей и статуса гражданских ценностей в контексте инновационного развития Беларуси были проведены экспертные интервью. По мнению белорусских экспертов, модернизационные ценности могут существовать в рамках национальной традиции и не должны с

[1] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития. – М.: Новое изд-во, 2011; Лапин Н.И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // Власть. – М., 2017. – № 3. – С. 25–33.

неизбежностью противоречить друг другу. Такие категории, как «традиция» и «модернизация», по мнению белорусских экспертов, нельзя трактовать как абсолютные противоположности. Модернизацию можно осуществить в рамках переосмысленной национальной традиции, с учетом своеобразия истории и культуры страны. Следовательно, в процессе модернизации экономики важно сохранять баланс между сохранением базовых национальных ценностей и инновационными ценностями, соответствующими современной эпохе. Думается, что эти результаты интересны и для российского общества: они доказывают, что население, участвующее в процессах тех или иных изменений, желает при этом сохранять национальные традиции, а не только развивать чужие идеи и принимать как должное чужие ценности, возможно, не имеющие в отечестве достаточных исторических оснований для адаптации и укоренения.

Важными индикаторами ориентации студенческой молодежи на модернизационное развитие и показателями развития человеческого капитала являются первоначальные мотивы при выборе профессии, удовлетворенность своим выбором в процессе учебы, а также ориентация на будущее трудоустройство по получаемой специальности. Эти критерии проанализированы в нашем исследовании студенчества с точки зрения того, насколько студенческие установки соответствуют либо модернизационной, либо традиционной модели поведения. Первая модель предполагает, что студенты ориентируются на интересную и творческую профессиональную деятельность, в которой они могут проявить самостоятельность и инициативность, открытость к новизне и готовность к риску, а также могут развить свои способности. Во второй модели доминирует ориентация на стабильную работу, не обязательно связанную с получаемой специальностью (но с хорошей зарплатой) и не требующую полной отдачи[1].

При изучении мотивов поступления в вуз оказалось, что более половины опрошенных студентов независимо от их ориентации на традиционализм или инновационность указали так называемые образовательные (хотя и не равнозначные) мотивы: личностный рост через вуз, диплом как залог будущей успешной жизни и т.п. С одной стороны, этот результат можно интерпретировать как индикатор того, что в целом все студенчество хотело бы получать в процессе образования необходимые знания, приобретать навыки, полезные в будущем. Иначе говоря, все студенчество обладает некоторыми общими модернизационными установками, что является позитивным для развития его модернизационного потенциала. С другой стороны, видимо, мотивы поступления в вуз не выполняют роли дифференцирующих в процедуре выделения модернизационного и традиционного типов деятельности студентов. Если же рассматривать мотивы более детально, то самый важный, на наш взгляд, мотив получения высшего образования – получение востребованной в обществе специальности – был отмечен лишь пятой частью респондентов. И все же на первом месте у студентов, судя по их ответам, оказалось желание стать высококвалифицированными специалистами в избранной профессии. В этом варианте не указывалось, должна ли быть специальность высоко востребованной в обществе или нет, однако в любом случае выбор профессионального мотива получения образования можно оценить положительно. Лишь квалифицированные профессионалы своего дела смогут в будущем проявлять инновационность, вносить вклад в модернизационное развитие страны.

При изучении оценок студентами роли высшего образования была выявлена значимая (хотя и не сильная) связь между этой оценкой и модернизационным потенциалом, репрезентируемым посредством ориентации студентов на будущую деятельность. Среди студентов, демонстрирующих модернизационные ориентации, выявлена повышенная (по сравнению с ориентированными на традиционализм) доля тех, кто считает высшее образование хорошей платформой для построения карьеры (хотя и не считает образование единственной составляющей успеха). Особенно высок процент таких выборов среди студентов, желающих развивать в будущем свое собственное дело на основе получаемой профессии, т.е. тех, кто хочет стать предпринимателем, заниматься бизнесом. Студенты, желающие заняться бизнесом, продемонстрировали наиболее высокий уровень ориентации на инновационную деятельность и в других вопросах. Например, такие инструментальные ценности, как инициативность, готовность к трудностям, открытость к новизне, ответственность, стремление к завершенности в наибольшей степени проявляются именно в этой группе.

Было выявлено, что многие студенты активно занимаются получением дополнительного образования, которое они рассматривают как необходимое для будущей профессиональной карьеры. Только четверть респондентов не участвовала в тех или иных формах дополнительного образования. Каждый десятый проходил разные стажировки, каждый пятый – онлайн-курсы, каждый третий посещал очные образовательные курсы. Более половины студентов ответили, что занимаются самообразованием, читают научную литературу. Главная причина обращения студентов к дополнительному образованию – это потребность в самореализации. Среди других причин отмечается неудовлетворенность качеством вузовского образования, желание расширить круг общения, получить новые возможности для карьерного роста. Все эти причины укладываются в модернизационную модель поведения студентов. Кроме того, около двух третей респондентов принимает участие в разных формах студенческой внеаудиторной активности (научная деятельность, конференции, клубы по интересам, спорт, самодеятельность). При этом студенты почти не участвуют в экологической деятельности, хотя и говорят, что «любят природу». По отношению к природе респонденты почти поровну разделились на антропоцентристов (ради целей развития экономики готовы жертвовать природой) и экологоцентристов (отметивших, что защита природы – это главное), однако экологическая культура и первой и второй групп оказалась недостаточно развита.

В ответах на вопрос о наиболее значимых критериях выбора будущей работы (трудоустройства), студенты назвали следующие (в порядке убывания): интересная работа, возможность профессионального роста, хорошие условия труда, высокая заработная плата. Количество студентов, выбравших каждый отдельный из первых трех критериев, оказалось незначительным, в то же время, вместе взятые, все четыре названных критерия работы имеют важность для

[1] Титаренко Л.Г. Модернизационный потенциал студенческой молодежи Беларуси: опыт эмпирического исследования // Петербургская социология сегодня. Сб. науч. трудов. Вып. 8. – СПб.: Нестор-история, 2017. – С. 7–17.

студенчества. Однако исследования Института социологии НАН Беларуси показывают, что и белорусская молодежь, и студенчество, и население Беларуси в целом выше всего ценят материальные аспекты труда (настоящего и будущего) – зарплата, стабильность, хороший коллектив, а не его инновационный творческий характер или карьерное продвижение[1]. Видимо, инновационный потенциал студенчества и молодежи (как и населения в целом) пока развит недостаточно, чтобы стать значимым субъектом модернизации общества.

Что касается вопроса о том, планируют ли студенты после получения диплома работать по получаемой специальности, было выявлено, что лишь немногие из них осознают важность получаемой профессии и свои возможности трудоустройства в соответствии с профилем образования. Белорусские студенты недооценивают тот факт, что государство гарантирует им предоставление первого места работы на рынке труда: многие стараются избежать «распределения» и найти работу самостоятельно; при этом эта работа далеко не всегда соответствует полученной квалификации по диплому. Значит, такие студенты не ориентированы на полное раскрытие своего трудового потенциала, сформированного в вузе, что снижает общественную отдачу от их учебы.

Исследование помогло уточнить, имеется ли взаимосвязь между восприятием студентами себя как движущей силы инновационного развития страны и их ориентациями на модернизацию или традиционализм. Была выявлена слабая значимая связь между этими показателями: от четверти до трети студентов рассматривают себя как потенциального двигателя модернизации и инноваций. Отсюда можно заключить, что для актуализации восприятия себя движущей силой модернизации студенчеству необходимы более существенные стимулы, чем те, которые у них есть, и более четкое понимание своих перспектив на будущее, т.е. нужна более высокая оценка существующих в обществе условий для включения молодежи (особенно будущих выпускников вузов) в жизнь общества. Отметим также, что студенты, ориентированные на научно-исследовательскую работу, в меньшей степени рассматривают себя как движущую силу инновационного развития, нежели студенты, ориентированные на развитие своего бизнеса. Именно последние чаще всего позитивно высказывались о своей будущей авангардной роли в модернизации общества. В какой-то степени эти результаты подтверждают, что молодым предпринимателям необходима активная жизненная позиция, без которой они не могут добиться успехов. Поэтому в социальном плане они развиваются уже на студенческой скамье более активно, и затем так же активно отстаивают свои интересы в самостоятельной трудовой жизни. Традиционалисты проявляют больше пассивности и предпочитают видеть в специальности, скорее, средство для достижения спокойной и материально обеспеченной жизни, чем инструмент творческой самореализации или средство совершенствования качества жизни.

Исследование показало, что современное студенчество отличается высоким уровнем познавательной мотивации, работоспособностью, активным «поиском себя», что и делает студенческую молодежь одним из важнейших ресурсов инновационного развития страны. Белорусское студенчество обладает модернизационным потенциалом, особенно ориентированным на реализацию в предпринимательской сфере. Однако использование этого потенциала в реальной жизни зависит от социально-экономических условий, имеющих место в обществе в конкретно-исторический момент времени.

[1] Денисова Н.Ф., Лашук И.В., Мицкевич О.Н. Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. – № 4. – С. 37–53.

Анимица Е.Г.,
Новикова Н.В.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА[2]

Ключевые слова*: модернизация экономики; модернизация экономики региона; Уральский макрорегион; новая индустриальная модернизация.*

Keywords*: modernization of the economy; modernization of the region's economy; Ural macroregion; new industrial modernization.*

Один из интересных научных базисов для проведения исследований в рамках региональной экономики представляет *модернизационная парадигма*, освещающая проблемы развития с акцентом на инновационно-технологические преобразования, исследующая пути и методы превращения традиционных и переходных обществ в современные развитые общества, рассматривающая вопросы усовершенствования экономики и политической системы, а также связанные с этим общественные сдвиги, изменения в культуре и психологии.

Применение концептов модернизационной парадигмы к изучению процессов, протекающих на региональном уровне, считаем необходимым и обоснованным, поскольку, во-первых, за более чем двадцатипятилетний период рыночных преобразований в экономике российских регионов сформировались новые качественные изменения или изменения модернизационного характера. Во-вторых, в настоящее время ученые и практики пришли к однозначному пониманию того, что Россия, как и мир в целом, стоит на пороге новой промышленной революции, которая принесет кардинальные инновационные изменения во все сферы общественной жизни.

Теоретические основы модернизационной парадигмы для проведения региональных исследований

Модернизационная парадигма является относительно молодой, основные концепции ее получили активную разработку в трудах зарубежных ученых в 50–90 гг. XX в. (М. Вебера, У. Ростоу, Д. Лернера, М. Леви, Ш. Эйзенштадта, Э. Гидденса, Т. Парсонса, С. Блэка, Д. Белла, С. Хантингтона, Р. Инглегарта, В. Цапфа, Г.Тернборна, А. Турена и др.).

Радикальные изменения в экономической, социально-политической и культурной жизни России с начала девяностых годов XX в. усилили интерес отечественных исследователей к проблемам модернизации. Тема модернизации становится одной из наиболее востребованных в современной российской социально-экономической, социально-философской, и политологической литературе.

Среди российских ученых, использующих модернизационную парадигму для изучения процессов социальных изменений, в том числе и экономических, отметим наиболее значимые работы А.Г. Аганбегяна[3], Е.Г. Ясина[4], С.Ю. Глазьева[5],

---

[1] Анимица Евгений Георгиевич – д.геогр.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, главный советник при ректорате. Профессиональные интересы: региональная экономика, муниципальная экономика, новая индустриализация в экономическом пространстве региона. E-mail: animieg@usue.ru

Новикова Наталья Валерьевна – к.э.н., доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета. Профессиональные интересы: региональная экономика, новая индустриализация, модернизация экономики региона. E-mail: novikova@usue.ru

[2] Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала)» (№ 18-010-00833 А).

[3] Аганбегян А.Г. О модернизации социальной системы России // Экономическая политика. 2010. – № 2. – С. 5–19; Аганбегян А.Г. Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика // ЭКО. 2010. – № 1. – С. 34–60; Аганбегян А.Г. О модернизации общественного производства в России // Экономика региона. 2011. – № 2. – С. 7–10; Аганбегян А.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. – № 4 (76). – С. 7–44; Аганбегян А.Г. О модернизации общественного производства России // Инновации. – СПб., 2012. – № 1 (161). – С. 31–33 и др.

[4] Ясин Е. Модернизация российской экономики: что в повестке дня // Общество и экономика. 2001. – № 3–4. – С. 5–29; Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 11. – С. 4–24 и др.

[5] Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития в условиях глобального кризиса. – М., 2010; Глазьев С.Ю. О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии // Экономика региона. 2011. – № 2. – С. 14–25; Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М., 2016 и др.

В.А. Цветкова[1], А.А. Акаева[2], В.Л. Иноземцева[3], В.В. Алексеева[4], А.И. Колганова[5], В.А. Красильщикова[6], И.В. Побережникова[7] и др.

В рамках исследований *региональной экономики* ключевые положения модернизационной парадигмы задействованы в работах уральской научной школы – А.И. Татаркина[8], О.А. Романовой[9], Е.Г. Анимицы[10], Н.М. Сурниной[11], Н.Ю. Власовой[12], Е.Б. Дворядкиной[13], И.В. Макаровой[14] и др.

В результате учеными был сформирован значительный теоретический базис, рассматривающий критерии и фазы, этапы и типы, темпы и характер модернизационных процессов.

Использование устоявшихся положений теории модернизации позволяет ученым-регионалистам уяснить глубинные причины *трансформации регионов* во времени и пространстве, сформулировать и обосновать *признаки идентификации* процессов модернизации экономики региона, предложить их систематизацию, а также охарактеризовать и классифицировать условия и факторы, способствующие повышению конкурентоспособности регионов.

В научных публикациях выделены и обоснованы *общие черты модернизационных процессов в экономике*, которые четко прослеживаются и на региональном уровне[15]: необходимость (начинается в условиях упадка и воспринимается как вынужденная мера), революционность (приводит к существенным изменениям в развитии); глобальность (зависит от общемировых тенденций), преемственность (основана на использовании уже имеющегося опыта); приоритетность (концентрация на приоритетных направлениях развития); комплексность (требует полной мобилизации усилий и ресурсов), системность (предлагает разработку и реализацию мер на системной основе) и эталонность (ориентируется на лидеров технологического прогресса).

Наряду с общими чертами выделяются и специфические характеристики модернизации экономики, которые зависят от объекта модернизации, особенностей развития экономики на макро-, мезо- и микроуровнях. Причем успех модернизации во многом определяется активностью и слаженностью ее *субъектов* – органов власти, бизнеса, науки и общества.

Проведенный нами анализ научных трудов, посвященных исследованию проблем модернизации, показал отсутствие четкого определения, раскрывающего сущность процесса модернизации экономики региона. В научной литературе предложены формулировки близких понятий, таких как трансформация и реструктуризация экономики реги-

---

[1] Цветков В.А. Об отправной точке неоиндустриальной модернизации // Экономист. – М., 2010. – № 11. – С. 16–26; Цветков В. Модернизация российской экономики: возможности и ограничения // Проблемы теории и практики управления. – М., 2011. – № 11. – С. 8–15; Цветков В.А. Основные направления модернизации отечественной экономики // Экономика региона. 2011. – № 1. – С. 37–40; Цветков В.А. Модернизация национальной экономики: теоретико-практический подход // Инновации. 2012. – № 3 (163). – С. 16–24; Цветков В.А., Елисеев Д.О., Юрьева А.А. Современные подходы к технологической модернизации национальной экономики // Модернизация и экономическая безопасность России. – М.; СПб., 2016. – Т 6. – С. 68–106 и др.

[2] Акаев А.А. Модернизация – пусковой механизм стратегии формирования инновационной экономики России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2013. – № 14. – С. 4–25; Акаев А.А., Кузнецов Д.И. О новой стратегии модернизации экономики России // Экономика Северо-Запада. 2015. – С. 78–10; Акаев А.А. О структурно-технологической парадигме модернизации экономики // Кондратьевские волны: циклическая динамика. 2016. – № 5. – С. 131–160 и др.

[3] Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М., 1998; Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.

[4] Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. – Екатеринбург; Лувен, 1997.

[5] Колганов А.И. Опыт четырех модернизаций в экономике России и проблема догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху // Философия хозяйства. – М., 2002. – № 1.

[6] Красильщиков В.А. Вдогонку за уходящим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.

[7] Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. – М., 2002. – С. 146–168; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006 и др.

[8] Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Инновационная миссия модернизации общественного уклада как потребность устойчивого развития России // Экономика региона. 2011. – № 2. – С. 25–37.

[9] Романова О.А., Ченчевич С.Г. Модернизация металлургического комплекса с позиции теории волнового развития. – Екатеринбург, 2003. Сер. Научные доклады; Романова О.А. Структурная модернизация индустриального региона как фактор устойчивого развития // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2011. – № 4. – С. 56–63 и др.

[10] Анимица Е.Г., Тертышный А.Т., Кочкина Е.М. Цикличность модернизации российской экономики. – Екатеринбург, 1999; Анимица Е.Г., Иваницкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. – Екатеринбург, 2005.

[11] Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Сурнина Н.М. Теоретико-методологические аспекты структурной трансформации городов старопромышленного региона: в 2 ч. – Екатеринбург, 2000.

[12] Власова Н.Ю. Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. – Екатеринбург, 2000 и др.

[13] Дворядкина Е.Б., Новикова Н.В., Вяткина О.В. Модернизация экономики города: вопросы теории и методологии. – Екатеринбург, 2008.

[14] Макарова И.В. Диагностика потенциала и стратегия модернизации машиностроительного комплекса старопромышленного региона: автореф. дис. … д-р экон. наук. – Екатеринбург, 2010 и др.

[15] Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева. Вып. 1. – М., 2009; Кондаков И.А. Модернизация российской экономики как императив инновационного развития страны в будущем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. – № 4 (16). – С. 43–57.

она (города)[1], диверсификация экономики города[2]. Однако, как показал проведенный нами анализ, процессы модернизации экономики региона имеют существенные отличительные черты по сравнению с этими близкими процессами.

Учитывая междисциплинарный характер объекта исследования, нами *модернизация экономики региона понимается как* совокупность процессов количественно-качественного преобразования (усовершенствования) экономической деятельности на основе инновационного обновления, в результате которых происходят прогрессивные сдвиги, экономика региона приобретает современные черты, повышает свои адаптационные возможности, преодолевает отставание в социально-экономическом развитии и переходит на новый этап эволюции.

Формулируя авторскую позицию, мы акцентируем внимание на том, что в результате модернизационных изменений, вызванных инновационно-технологическими преобразованиями, экономика региона приобретает качественно новые грани, новое содержание, повышает свои адаптационные и конкурентные возможности.

В рамках процессам модернизации экономики региона можно выделить следующие ее основные разновидности: структурная, пространственная и индустриальная.

Структурная модернизация сопровождается качественными структурными изменениями в экономике региона: повышение в региональных экономических показателях доли отраслей (видов экономической деятельности) пятого и шестого технологических укладов; повышение доли готовой продукции с высокой долей добавленной стоимости и инновационной продукции в общем объеме выпуска предприятиями региона; повышение в структуре экономики региона наукоемких отраслей (образование, здравоохранение, научные исследования и разработки, информационные технологии и биотехнологии) и др.[3]

Пространственная (территориальная) ***модернизация*** формирует новую модель пространственного развития, посредством создания пространственного каркаса зон и точек опережающего развития, способных транслировать инновации на обширную периферию страны; опоры на центры модернизации, определенные на основе конкурентных преимуществ и снижение барьеров на пути их развития; системной поддержки крупных городов и их агломераций как трансляторов инноваций; развития механизмов горизонтальной интеграции пространства; развития инфраструктуры, позволяющего сократить экономическое расстояние; использования институтов федерализма в качестве механизма согласования региональных интересов и др.[4]

Индустриальная (производственная, технологическая) ***модернизация*** приводит к повышению эффективности производства предприятий, функционирующих на территории региона, что находит свое выражение в повышении уровня оснащенности предприятий техникой и оборудованием; создании и внедрение новейших технологий; повышении экономической эффективности труда; создании принципиально новых товаров и услуг на основе применения высоких технологий; увеличении численности работников, занятых в новейших отраслях экономики, связанных с применением высоких технологий; создании наукоемких рабочих мест; повышении инновационной активности территорий региона и др.[5]

В рамках исследования Уральского макрорегиона, на территории которого высока доля концентрации промышленности, значительный интерес представляет *индустриальная модернизация.*

Считаем обоснованным на данном этапе развития экономики России и ее старопромышленных регионов рассматривать не просто модернизацию экономики, а *новую индустриальную модернизацию*. С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е Сорокин подчеркивают: «Суть модернизации российской экономики заключается в обновлении ее промышленности на качественно новой технологической основе»[6]. Не случайно в инновационной экономике лидируют страны с развитым промышленным потенциалом, прежде всего с современным машино- и приборостроением. Ученые отмечают, что сегодня речь должна идти не просто о модернизации экономики, а о проведении высокотехнологической модернизации, восстановлении на новой технологической основе тех производств, утрата которых чревата быстрым отставанием от стран-лидеров и закреплением режима зависимого индустриально-технологического развития. Суть реиндустриализации российской экономики заключается в проектировании и развертывании внутренних индустриально-технологических цепей, выпускающих готовые изделия как сугубо промышленного, так и потребительского назначения.

Уральский макрорегион – специфический государственно-образующий тип региона

Среди крупных экономических районов или, иначе, макрорегионов России, выделяется Уральский макрорегион, который представляет собой особый, государственно-образующий тип региона, сформировавшийся в срединной,

---

[1] Чернецкий А.М. Экономическая стратегия развития города: автореф. дис. … канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2004. – С. 22.

[2] Власова Н.Ю. Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. – Екатеринбург, 2000. – С. 105–106; Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Сурнина Н.М. Теоретико-методологические аспекты структурной трансформации городов старопромышленного региона: в 2 ч. – Екатеринбург, 2000. – Ч. 1. – С. 34.

[3] См., например: Структурная и институциональная модернизация экономики России: секторальный анализ в контексте мирового развития. – М., 2006.

[4] См., например: Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М., 2011.

[5] См., например: Цветков В.А. Об отправной точке неоиндустриальной модернизации // Экономист. – М., 2010. – № 11. – С. 16–26; Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – М., 2013. – № 1 (35). – С. 19–49 и др.

[6] Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – М., 2013. – № 1 (35). – С. 20.

стратегически важной части страны, структурированной и идентифицированной на основе как традиционных факторов (географического, исторического, цивилизационного и культурного), так и новых факторов эпохи постмодерна (коммуникационных, сетевых, виртуальных и др.) и концентрирующий значительную долю населения, производственного, научного и оборонного потенциала, капитала и ресурсов[1].

Урал в качестве крупнейшего экономического региона страны наиболее ярко воплотил как общую, так и регионально-историческую специфику модернизационных преобразований. Уральский макрорегион в настоящее время можно представить как некоторую саморазвивающуюся социально-экономическую целостность без жесткой замкнутости территориальными рамками, характеризующуюся определенной культурно-цивилизационной близостью территорий, конструированием региональной идентичности, новыми формами кооперации в рамках вертикальной и горизонтальной интеграции, существенном сближении экономических интересов субъектов, входящих в состав макрорегиона и т.п.

В наши дни модернизацию экономики региона следует считать главной целью региональной экономической политики. При этом имеется в виду не столько обеспечение высоких темпов экономического роста, сколько формирование наукоемкого способа производства, преимущественная ориентация на импортозамещение, на использование инновационного потенциала промышленных предприятий, на создание автоматизированных производительных сил. Важную роль в решении этих задач должны сыграть структурные изменения в отраслях экономики региона, в том числе переход на новую технику и технологии.

Для Уральского макрорегиона политика новой индустриальной модернизации вызвана необходимостью, во-первых, обеспечения восстановления роли и места традиционных базовых отраслей промышленности в экономике региона на новой технологической основе (политика реиндустриализации), во-вторых, создания новых производств пятого и шестого технологических укладов (политика собственно новой индустриализации, создание цифровой экономики), позволяющих в итоге поднять экономику не только региона, но и всей страны на новый уровень развития.

Если учесть, что пространственная концентрация промышленности на Урале почти в 4 раза выше, чем в целом по стране, то кумулятивный эффект развития этого макрорегиона может быть драйвером развития не только для отдельных отраслей региона, но и для всей экономики России.

Формирование новых технологических укладов предполагает радикальные изменения структуры экономики региона, ее технологической базы вследствие циклической динамики эпохальных и базисных инноваций. Между последовательно сменяющими друг друга пятым и шестым технологическим укладом нет разрыва.

Формирование промышленной цифровизации на Урале в ближайшей перспективе будет иметь, видимо, скачкообразный характер и затронет структуру производства, инжиниринговые процессы и технологии управления ими.

Приоритеты новой индустриальной модернизации в Уральском макрорегионе

Один из ключевых вопросов исследования – выбор отраслевых приоритетов новой индустриальной модернизации Уральского макрорегиона. Учитывая высокий уровень затрат на инновационные производства, соответствующие пятому и шестому технологическим укладам, создание высокотехнологичных секторов экономики требует наличия научного, трудового, материального, информационного, финансового и прочих потенциалов в регионе, а также политики поддержки со стороны федеральных и региональных властей.

Учитывая что образ будущего облика экономики России видится расплывчатым, непознанным в первую очередь в связи с растущим отставанием ее в научном и технологическом развитии от развитых государств, для выявления стратегических направлений и отраслевых приоритетов новой индустриальной модернизации на территории Уральского макрорегиона нам пришлось выявить, проанализировать и обобщить конкретные данные по формированию высокотехнологичных производств (секторов), функционирующих в настоящее время в пространстве макрорегиона.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что *стратегический вектор модернизации экономики* Уральского макрорегиона находится в сфере преимущественного развития *производства средств производства*. Среди них выделяются следующие производства[2]:

– оборонно-промышленный комплекс (предприятия которого присутствуют во всех субъектах Уральского макрорегиона);

– производство беспилотных летательных аппаратов (Республика Удмуртия, Свердловская область);

– атомная промышленность (Свердловская, Челябинская области; Республика Удмуртия);

– производство робототехники (Челябинская и Свердловская области и Пермский край);

– информационные технологии (Пермский край и Свердловская область);

– производство быстродействующих микропроцессоров и нанопроцессоров;

– аддитивные технологии (Свердловская область);

– производство наноматериалов (Свердловская область, Челябинская область, Пермский край, Республика Башкортостан);

[1] В состав Уральского экономического района включены семь субъектов РФ, среди которых – Курганская, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области, Пермский край, Удмуртская Республика и Республика Башкортостан.

[2] См. подробнее: Силин Я.П. Стратегические доминанты новой индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона в XXI веке // Урал – XXI век: регион инновационного развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург 29–30 ноября 2017 г.). – Екатеринбург, 2017. – С. 3–13.

– производство новых фармацевтических препаратов (Свердловская, Курганская области, Пермский край, Республика Башкортостан);

– производство медицинской техники (Свердловская область, Пермский край);

– производство машин, механизмов, металлопродукции и металлоконструкций для развития и освоения Арктики и континентального шельфа (производственный потенциал имеется во всех субъектах Уральского макрорегиона). Данное направление хотелось бы выделить как исключительно уральское, аналоги которого практически отсутствуют на других территориях России.

Для этих новых производств потребуется создание своей системы машин, формирование особой конкретной технологической цепочки современного производства.

Для преодоления негативных тенденций в экономическом развитии Уральского макрорегиона важно начинать с приоритетов, отдельных прорывных производств, которыми обладает исследуемая территория. Уместно вспомнить «правило Г. Менша»: «Инновации преодолевают депрессию!»[1]. Необходимо сконцентрировать усилия на перечисленных выше высокотехнологичных производствах, которые в свою очередь предадут динамику традиционным отраслям экономики макрорегиона.

[1] Mensch G. Stalemate in Technology – Innovations Overcame the Depression. – N.Y., 1979.

Безруков А.В.
к.э.н., доцент кафедры статистики Российского экономического университета
Bezrukov.AV@rea.ru
Тенетова Е.П.
к.э.н., доцент кафедры статистики Российского экономического университета Tenetova.EP@rea.ru

РОБАСТНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ДИНАМИКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА

Ключевые слова*: высокотехнологичный сектор экономики, робастное оценивание, ряды динамики, инновационная продукция, триммированная средняя, средняя по Винзору, средняя геометрическая, геометрическая триммированная средняя.*
Keywords*: high-tech economy sector, robust evaluations, time series, innovative production, trimmed mean, Winsorised mean, geometric mean, trimmed geometric mean.*

Высокотехнологичный сектор экономики является определяющим фактором экономического роста. Именно переход экономики на производство высокотехнологичной продукции сопровождается снижением уровня материалоемкости и энергоемкости производства, ростом производительности труда и повышением конкурентоспособности экономики страны[1].

Высокотехнологичный сектор экономики, по созданию новой добавленной стоимости, подразделяется на сферу производства и на сферу услуг. Производственная сфера высокотехнологичного сектора имеет результатом деятельности создание добавленной стоимости в виде высокотехнологичной, наукоемкой продукции и составляет основную его часть. Сфера услуг, согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития, основополагающим «драйвером роста» высокотехнологичной отрасли не является, поскольку не создает добавленной стоимости, однако создает инфраструктуру и способствует распределению и коммерциализации высокотехнологичной продукции, что имеет особое значение для конкурентоспособности и динамичного развития экономики[2].

В аспекте развития высокотехнологичного сектора экономики представляется возможным рассматривать федеральные регионы Российской Федерации, с учетом их территориально-географических особенностей. При этом важно учитывать все факторы развития конкретно взятого региона. В первую очередь, это инвестиционная активность региона и наличие привлекательных для инвестиций объектов. Во-вторых, способность региональных органов власти содействовать развитию инвестиционной привлекательности региона. В-третьих, человеческий потенциал региона с учетом уровня образования и его структуры. В-четвертых, благоприятная политическая ситуация (политическая стабильность) и экологическая ситуация в регионе.

Оценивая темпы роста[3] и анализируя основную тенденцию развития высокотехнологичного сектора, необходимо принимать во внимание, что значения среднего уровня ряда динамики в условиях неустойчивого развития, характерного для этапа становления сектора промышленности, могут быть как завышены, так и занижены[4].

Если в регионе инновационная продукция производилась в крайне малых объемах, то внедрение высокотехнологичных производств вызовет существенный скачок среднего темпа роста ряда динамики, что и приведет к неоправданно завышенным средним оценкам в дальнейшем. Кроме этого, если инновационное производство в регионе до какого-либо момента отсутствовало, то средний темп роста, оцененный по средней геометрической, будет равен 0 в силу ее математической формулы, вне зависимости от остальных значений.

Учитывая вышесказанное, для анализа соответствий в динамике реальной тенденции ряда представляется целесообразным, по мнению авторов, применять методы робастного оценивания. Основное назначение робастных методик состоит в получении описательных характеристик, приближенных к действительным, с учетом возможных аномальных значений, выбросов, случайных колебаний, и др., без необходимости «чистки» данных, которая во многих случаях может привести к излишней «рафинированности» информации, искажающей основную закономерность либо не соответствующей этой закономерности[5].

---

[1] Структурно-динамический анализ пропорциональности современного развития высокотехнологичного сектора экономики России / Безруков А.В., Тенетова Е.П., Самарина Е.П. // World science: problems and innovations: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. В 2 ч. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». 2017. – Ч. 2.

[2] Инновационная деятельность в Российской Федерации. Инф.-стат. мат. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2016.

[3] Методы выявления и алгоритм оценки «точек роста» в высокотехнологичном секторе экономики / Безруков А.В., Тенетова Е.П., Самарина Е.П. // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. – № 10.

[4] Меркулова Е.Ю., Дронов С.Е. Методический инструментарий выявления точек экономического роста в регионе. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. – Т. 9, № 10.

[5] Дронов С.В. Многомерный статистический анализ: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 244 с.

Основными робастными характеристиками среднего уровня являются триммированное среднее и среднее по Винзору. Напомним, что триммированное среднее вычисляется как обычное среднее арифметическое после «отсекания» определенного процента наблюдений со стороны минимума и максимума в ранжированном ряде. Среднее по Винзору вычисляется по формуле (1):

$$W(a) = \frac{1}{n}\left(\sum_{i=k+2}^{n-k-1} x_i + k(x_{k+1} + x_{n-k})\right) \quad (1).$$

Необходимо отметить, что недостатком как триммированной, так и винзорированной средней для темпов роста является то, что они представляют собой модификации средней арифметической. Как следствие, авторами предлагается использование триммированной средней геометрической, либо геометрической вариации формулы Винзора (2):

$$W_{геом}(a) = \sqrt[n]{\left(\prod_{i=k+2}^{n-k-1} x_i \cdot (x_{k+1} \cdot x_{n-k})^k\right)} \quad (2),$$

где k – число «выбросов» и ошибок в данных;

n – объем выборочной совокупности за исключением ошибок и выбросов.

На основе представленной выше методологии нами проведена оценка среднего темпа роста доли инновационных товаров, работ, услуг по регионам РФ за период 2011 – 2016 гг. (табл. 1). Представленные робастные оценки среднего уровня (триммированные средние, средние по Винзору, средние геометрические) и триммированные средние геометрические значения ряда получены в ППП STATISTICA.

Таблица 1

Средний темп роста доли инновационных товаров и услуг по регионам РФ за период 2011–2016 гг.[1]

Регион	Триммированная средняя, %	Средняя по Винзору, %	Средняя геометрическая, %	Геометрическая триммированная средняя, %
Курская область	134,0	135,0	152,7	133,6
Республика Бурятия	135,0	136,7	152,3	132,3
Камчатский край	191,3	194,2	144,2	173,2
Забайкальский край	97,3	97,0	144,2	94,8
Красноярский край	143,1	148,8	142,0	135,6
Краснодарский край	173,1	204,3	136,3	118,1
г. Москва	133,0	132,2	135,5	126,8
Хабаровский край	118,4	118,4	129,4	116,0
Удмуртская Республика	144,7	147,8	126,4	129,4
Брянская область	133,0	136,0	126,0	131,3
Тюменская область	150,0	141,7	124,2	131,6
Кемеровская область	130,1	131,2	123,2	115,0
Республика Мордовия	179,2	217,2	123,0	99,6
Тульская область	111,5	110,7	122,0	110,3
Ростовская область	120,3	119,1	120,2	119,7
Мурманская область	158,9	188,8	120,1	98,4
Республика Крым	141,6	145,8	118,9	130,8
Белгородская область	117,9	120,2	118,8	117,1
Вологодская область	142,0	148,8	117,9	133,7
Иркутская область	144,0	136,8	117,3	124,9
Владимирская область	109,0	111,2	116,7	106,7
Костромская область	99,2	99,7	113,7	98,7
Калининградская область	125,0	125,0	112,2	110,7
Московская область	111,0	111,1	111,8	110,8
Новосибирская область	110,2	111,4	111,3	109,7
Рязанская область	108,2	107,8	111,1	108,1
Астраханская область	141,3	152,1	111,0	128,8
Республика Хакасия	109,9	110,5	110,0	109,3
Нижегородская область	107,0	107,5	108,3	106,8
Пензенская область	112,1	113,6	107,8	110,0
Томская область	119,9	119,3	107,6	115,3
Республика Башкортостан	110,7	112,5	107,3	110,1
Оренбургская область	111,0	117,4	106,8	104,7
Чувашская Республика	94,4	92,2	106,7	93,0
Свердловская область	107,9	108,0	106,4	107,0
Пермский край	113,5	121,0	106,0	103,9
Челябинская область	109,8	106,7	106,0	105,8
Алтайский край	105,7	105,3	105,2	105,2

[1] Расчеты проведены на основе данных Росстат о доле инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг за период 2011-2016 гг. – www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/pril4/12.xls

Показатели среднего геометрического темпа роста во всех анализируемых регионах характеризуют регионы как предполагаемые «точки роста» высокотехнологичного сектора (средний темп роста превышает 105%)[1]. При этом показатели геометрического триммированного среднего темпа роста свидетельствует о том, что не все рассматриваемые регионы являются предполагаемыми «точками роста» высокотехнологичного сектора. Так в Забайкальском крае средний геометрический темп роста составляет 144,2%, а геометрический триммированный средний темп роста – 94,8%. Аналогичная ситуация и в Республике Мордовия (средний геометрический темпа роста – 123%, а геометрический триммированный средний темп роста –99,6%), Мурманской области (средний геометрический темпа роста – 120,1%, а геометрический триммированный средний темп роста –98,4%), Костромской области (средний геометрический темпа роста – 113,7%, а геометрический триммированный средний темп роста –98,7%), Чувашской Республике (средний геометрический темпа роста – 106,7%, а геометрический триммированный средний темп роста –93%).

Средняя по Винзору, в свою очередь, характеризует как предполагаемые «точки роста» высокотехнологичного сектора (средний темп роста превышает 105%) и вышеупомянутые Республику Мордовия (средняя по Винзору – 217,2%) и Мурманскую область (средняя по Винзору – 188,8%).

Наглядно данная ситуация представлена на рис. 1.

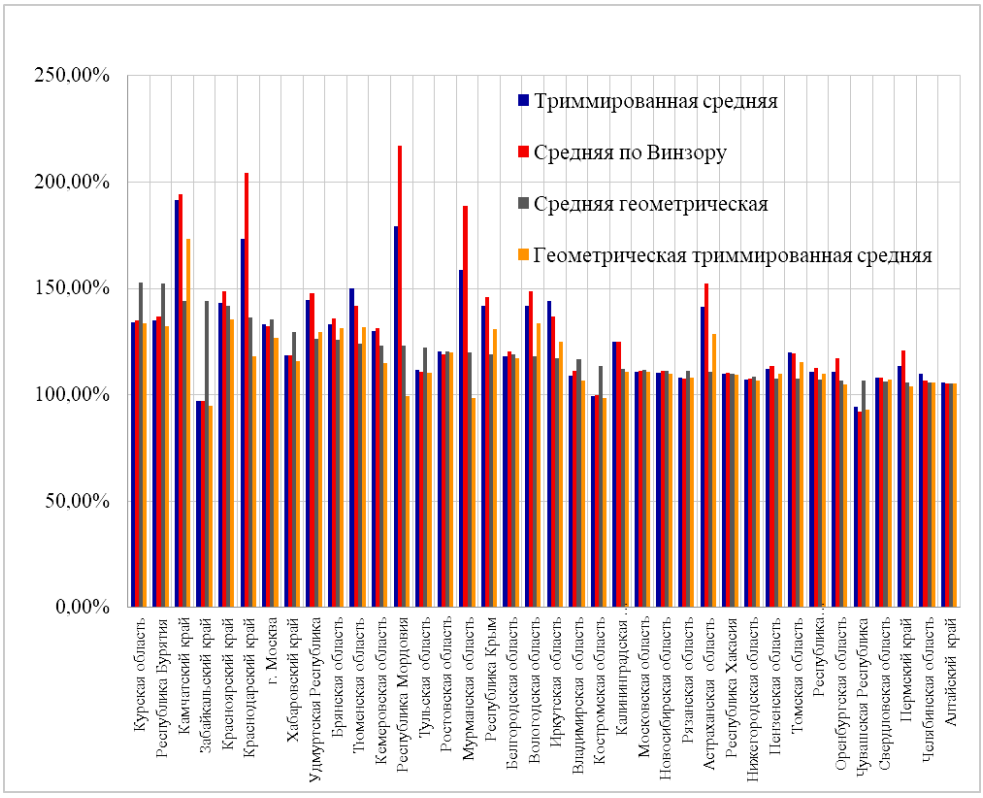


Рисунок 1.
Средний темп роста доли инновационных товаров и услуг по регионам РФ за период 2011–2016 гг.

Очевидно, что триммированное среднее геометрическое, в большинстве случаев, позволяет получить наиболее адекватное представление о действительном среднем уровне темпов роста доли инновационных товаров и услуг по регионам РФ за анализируемый период. Таким образом, наиболее целесообразно, по мнению авторов, ориентироваться на средний геометрический уровень темпа роста доли инновационных товаров и услуг, при его дальнейшем сопоставлении с триммированным геометрическим средним.

Предложенная методика, по мнению авторов, позволяет более достоверно определять существующие «точки роста» на основе среднего темпа динамического развития высокотехнологичного сектора и оценить их состояние и потенциал, систематизировать и унифицировать характеристики их развития и на основе повышения качества управленческих решений достичь более устойчивой повышательной тенденции развития инновационного сектора России в целом и в разрезе отдельных регионов.

[1] Прогнозирование развития «точек роста» в высокотехнологичном секторе России на основе адаптивного моделирования / Безруков А.В., Тенетова Е.П., Самарина Е.П. // Экономика и предпринимательство. 2017. – № 9 (ч. 1).

Белокрылова О.С.
д.э.н., Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической теории ЮФУ, г. Ростов-на-Дону
obelokrylova@sfedu.ru
Фирсов Е.И.
магистр экономики, ЮФУ
firsoffzhenia@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТНЫХ ЗАКУПОК НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ)

Ключевые слова: *государственные и муниципальные закупки, контроль в сфере закупок, институциональная модернизация, муниципальные программы развития.*

Общей правовой основой институциональной модернизации системы государственных и муниципальных закупок РФ с 2014 г. является Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», существенно изменивший правила осуществления их контроля (по сравнению с правилами, установленными в ст. 17 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд») [2]:

– полномочия по осуществлению контроля разделены между тремя видами органов государственной власти и местного самоуправления;

– конкретизирован механизм разрешения противоречий между результатами проверок муниципальных, региональных и федеральных контролирующих органов.

Федеральный закон № 44-ФЗ существенно расширил систему контролирующих институтов в сфере закупок, включив в нее органы, осуществляющие кассовое обслуживание, и органы внутреннего финансового контроля [3, с. 13].

В соответствии с федеральным законодательством институциональная модернизация системы бюджетных закупок в г. Ростове-на-Дону началась с принятия решения Ростовской-на-Дону городской Думы от 14.10.2013 № 526 «Об уполномоченном органе местного самоуправления городского округа – города Ростова-на-Дону на осуществление контроля в сфере закупок» в качестве уполномоченного органа было определено Управление экономического контроля Администрации г. Ростова-на-Дону со следующими функциями:

– проведение плановых и внеплановых проверок заказчиков, контрактных служб и управляющих, закупочных комиссий и их членов, уполномоченных органов и учреждений, специализированных организаций;

– рассмотрение жалоб на действия заказчика, уполномоченного органа и учреждения, специализированной организации или закупочной комиссии и ее членов, должностных лиц контрактной службы, контрактного управляющего;

– осуществление мониторинга в сфере закупок;

– согласование решения заказчика об осуществлении закупки у единственного поставщика;

– составление протоколов об административных правонарушениях в сфере закупок, рассмотрение дел о таких нарушениях и принятие мер по их предотвращению;

– выдача обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений в сфере закупок, в том числе об аннулировании определения поставщиков;

– обращение в суд, арбитражный суд с исками о признании осуществленных закупок недействительными.

Это потребовало институциональной модернизации Положения об Управлении экономического контроля Администрации города, а также принятия ряда постановлений Администрации города, регламентирующих порядок:

– применения муниципальными заказчиками и муниципальными учреждениями г. Ростова-на-Дону «Порядка обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в случае, если начальная (максимальная) цена контракта либо цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), превышает один миллиард рублей»;

– принятия решений о заключении муниципальных контрактов на выполнение работ, оказание услуг для обеспечения муниципальных нужд, длительность производственного цикла выполнения, оказания которых превышает срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств;

– осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения муниципальных нужд г. Ростова-на-Дону.

Углубление институциональной модернизации системы муниципальных закупок в соответствии с этими правилами и нормами потребовало систематического проведения ревизии всех муниципальных правовых актов Админи-

страции г. Ростова-на-Дону, регламентирующих в той или иной степени вопросы закупок для муниципальных нужд, в целях своевременного приведения их в соответствие с нормами законодательства.

Актуализация институционально-правовой базы муниципального образования в соответствии с действующим федеральным законодательством осуществлена через принятие 18 нормативных актов Администрации г. Ростова-на-Дону, регламентирующие порядок:

– формирования, утверждения и ведения планов-графиков и планов закупок;

– осуществления ведомственного контроля в сфере закупок;

– обязательного общественного обсуждения закупок с начальной (максимальной) ценой контракта, превышающей один миллиард рублей;

– взаимодействия Управления экономического контроля Администрации г. Ростова-на-Дону с муниципальными заказчиками, уполномоченными органами, учреждениями города при подготовке документаций для осуществления закупок в рамках методического обеспечения и осуществления мониторинга закупок.

В контексте институциональной модернизации процесса оперативного получения информации о планировании закупок заказчиками города введен институт мониторинга планов-графиков размещения закупок с использованием нового программного продукта.

В целях адаптации поведения муниципальных заказчиков к осуществленным институциональным изменениям на официальном портале городской Думы и Администрации города размещены следующие инструкции и примерные формы документов, конкретизирующие или разъясняющие введенные институции:

– методические рекомендации об участии субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в конкурентных способах закупок;

– предложения по нормативно-правовому обоснованию осуществления закупок ряда видов работ;

– пошаговый алгоритм действий заказчика при осуществлении закупки работ по капитальному ремонту, реконструкции зданий;

– методические рекомендации по предупреждению нарушений законодательства при разработке документации о закупке, а также непосредственно при осуществлении самой закупки;

– ежеквартально обновляемый перечень типичных несоответствий законодательству о контрактной системе, выявленных при согласовании документации для осуществления закупок путем проведения открытого конкурса, конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, аукциона в электронной форме;

– примерные формы документов для осуществления закупок различными способами;

– инструкция о порядке согласования заключения контракта с единственным поставщиком;

– инструкция о временном порядке взаимодействия Управления экономического контроля с заказчиками и иными учреждениями города в рамках методического обеспечения подготовки документаций для осуществления закупок различными способами в части проверки отдельных положений документаций на соответствие положениям законодательства, направленным на повышение ответственности при осуществлении закупок и осуществлении мониторинга закупок.

В целях институциональной модернизации системы муниципальных закупок актуализированы алгоритм осуществления закупок путем проведения предварительного отбора (ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций), примерная форма приказа «О создании контрактной службы по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд», которые размещены на сайте Администрации города.

Новым институтом стала экспертиза подготовленных получателями бюджетных средств города проектов постановлений и распоряжений.

Мониторинг реализации мер и инструментов институциональной модернизации предполагает, прежде всего, контроль (мониторинг) сроков вывешивания в Единой информационной системе закупок планов-графиков их размещения заказчиками города на 2017 год. Так, по состоянию на 12.01.2017 года из 402 заказчиков разместили планы-графики – 398 (99% от общего количества). Кроме того, ежедневно тестируется степень структурированности размещения планов-графиков на официальном сайте. Так, на 01.10.2017 года все заказчики города (100%) вывесили планы-графики размещения закупок исключительно в структурированном виде. Однако необходимо отметить, что поведение заказчиков в процесс планирования своих будущих закупок все еще можно считать оппортунистическим (отклоняющимся от установленных норм), поскольку в среднем на одного из 402 заказчиков приходится более 5 версий (редакций) планов-графиков закупок.

Вместе с тем имеются и позитивные изменения в поведении заказчиков. Так, мониторинг реализации ими нормы законодательства о соблюдении минимального уровня объема закупок (не менее 15% совокупного годового объема закупок) у субъектов малого предпринимательства и социально-ориентированных некоммерческих организаций (СМП и СОНО) показал, что в 2015 году он составлял 18,1% от совокупного годового объема закупок, а в 2016 году – 29,5%. Конечно, несмотря на принимаемые меры по адаптации заказчиков к осуществляемой институциональной модернизации, обязывающей осуществлять не менее 15% совокупного объема закупок у субъектов малого предпринимательства и социально-ориентированных некоммерческих организаций, имеют место факты нарушения этой нормы отдельными заказчиками. Локализация этих институциональных аномалий в определенной мере обеспечена ежедневным мониторингом специалистами Управления экономического контроля институционально-правовых изменений в сфере закупок на официальном Интернет-портале правовой информации и их институционализации в более чем 40 информационно-инструктивных письмах, разъясняющих положения новелл законодательства о закупках.

В целом в условиях институциональной модернизации всех составляющих системы бюджетных закупок г. Ростова-на-Дону за 2015-2016 гг. заказчиками города заключено 49777 контрактов на общую сумму 19,7 млрд. руб.

Из этого общего количества по итогам конкурентных процедур (открытые конкурсы с учетом двухэтапных и с ограниченным участием, электронные аукционы, запросы котировок, запрос предложений) заключено 8094 контракта, на общую сумму 16,1 млрд. руб. с расчетной экономией бюджетных средств в сумме 0,8 млрд. руб. В целом, следует отметить, что расчетная сумма экономии за последние пять лет составляла от 3,2% в 2015 году до 8,8% в 2013 году (рис. 1).

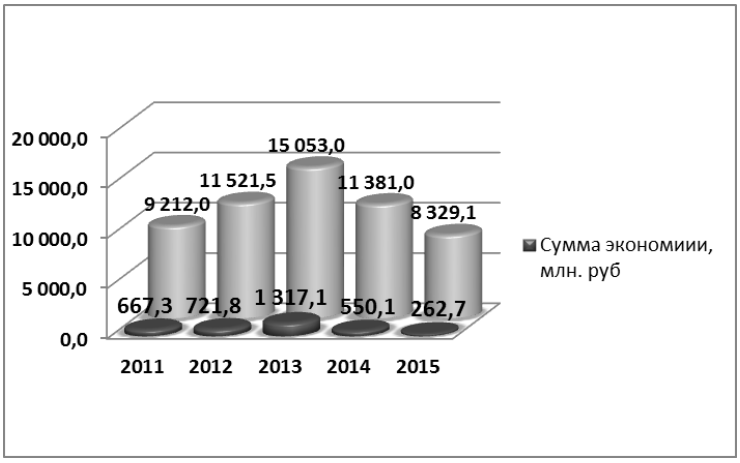


Рисунок 1.
Расчетная сумма экономии бюджетных средств по результатам торгов по г. Ростову-на-Дону (2011–2015 годы)

Проведенный анализ показывает, что институциональная модернизация системы бюджетных закупок г. Ростова-на-Дону позволила повысить эффективность ее функционирования и своевременно принимать меры по недопущению нарушений законодательства.

Важнейшей составляющей процесса внедрения институциональной инновации, обеспечивающей также минимизацию отклонений поведения муниципальных заказчиков при определении поставщиков, обеспечения своевременного использования в их работе институциональных новаций, а также хабитулизации их компетенций является процесс обучения, в частности через участие заказчиков в организуемых специалистами Управления семинарах, в ходе которых моделируются проблемные ситуации в сфере практической реализации основных положений законодательства о контрактной системе, в том числе в части осуществления закупок посредством предварительного отбора участников закупки в целях оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций у единственного поставщика, а также закупок у СМП и СОНО с представителями учреждений сферы образования, здравоохранения и др. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика проведенных семинаров-совещаний для закупщиков муниципальных учреждений (2012–2016 гг.)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Количество семинаров-совещаний	5	5	6	6	4
Количество участников	1020	1200	2000	2150	2000

Превращение институциональной новации в рутину (привычку) осуществляется также посредством консультирования поставщиков по проблемным вопросам применения законодательства о закупках специалистами Управления экономического контроля (за 2012–2016 гг. осуществлено 4204 электронные консультации).

Наиболее эффективной, по нашему мнению, формой обучения заказчиков институциональной инновации является повышение квалификации работников Администрации города, ее отраслевых (функциональных) и территориальных органов, а также муниципальных учреждений г. Ростова-на-Дону, занятых в сфере закупок (рис. 2).

Следует подчеркнуть, что пик участия сотрудников в процедурах обучения приходится на 2013 год – период принятия нового Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

Информационно-коммуникационные технологии позволяют в постоянном режиме осуществлять расширение компетенций заказчиков через активную информационно-разъяснительную работу на официальном портале Ростовской-на-Дону городской Думы и Администрации г. Ростова-на-Дону через:

– систематическое размещение методической информации с подробным алгоритмом действий по применению норм законодательства, регламентирующего осуществление закупок, а также демонстрационного материала в форме слайдов;

– своевременное представление вопросов и ответов по итогам проведенных семинаров-совещаний по наиболее актуальным проблемам применения законодательства о закупках;

– размещение на официальном портале информации об итогах плановых и внеплановых проверок (актов);

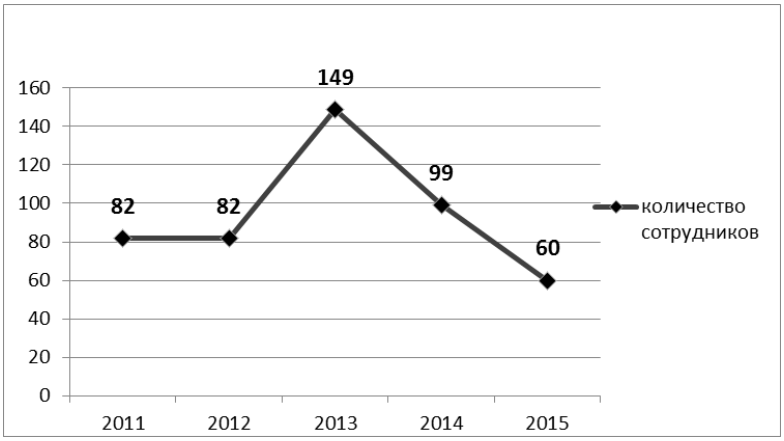


Рисунок 2.
Количество должностных лиц Администрации города, прошедших повышение квалификации

– предоставление муниципальным заказчикам города интерактивных сервисов, в ходе которых заказчикам в оперативном режиме предоставляются ответы по наиболее актуальным проблемам применения законодательства о закупках, а также осуществляется информирование об изменениях законодательства о контрактной системе в сфере закупок.

В целях предупреждения и выявления нарушений законодательства о контрактной системе за 2017 год проведено 174 проверки в сферах здравоохранения, образования, дорожного и жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, строительства и др. В результате проверено 399 процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с общей суммой начальных (максимальных) цен контрактов 708,3 млн. руб. Выявлено 2589 нарушений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Информация по результатам проведенных проверок направлена в Министерство экономического развития Ростовской области для привлечения к административной ответственности 20 лиц должностных лиц муниципальных учреждений города, допустивших нарушения законодательства. В результате штрафные санкции составили 402,0 тыс. руб., они варьировали от 15,0 тыс. руб. до 95,0 тыс. руб.

Осуществлены проверки и рассмотрены в рамках согласования решения заказчиков об осуществлении закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случае признания несостоявшимися открытого конкурса, конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, повторного конкурса (п. 25 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и приказ Минэкономразвития России от 31.03.2015 № 189 «Об утверждении Порядка согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и Порядка согласования заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)»). Если в 2015 году поступило 386 обращений о согласовании заключения контракта с единственным подрядчиком (исполнителем) на общую сумму начальной (максимальной) цены контракта 0,5 млрд. руб., то в 2017 году – 6 обращений на общую сумму начальной (максимальной) цены контракта 0,2 млрд. руб.), которые были согласованы.

В этих целях осуществлен также предварительный контроль соответствия конкурсных документаций и документаций об аукционе в электронной форме в рамках методологического обеспечения подготовки документаций заказчиками в части проверки отдельных положений документаций на соответствие положениям законодательства, направленным на повышение ответственности заказчиков.

В целях недопущения заказчиками несоответствий законодательству на первоначальной стадии проверяется весь пакет документов и в случаях установления нарушений он возвращается на доработку заказчикам (рис. 3).

В целях углубления институциональной модернизации системы закупок города нами предложены следующие приоритетные направления деятельности уполномоченного органа:

– ежеквартальное обновление типичных несоответствий законодательства о контрактной системе, выявленных при мониторинге закупок заказчиками города, плановых и внеплановых проверок, при проверке документаций по конкурентным процедурам;

– контроль за исполнением рекомендаций, подготовленных в адрес ГРБС полностью по устранению выявленных несоответствий в разработанных ими Регламентах ведомственного контроля;

– взаимодействие с Управлением федеральной антимонопольной службы по Ростовской области и Управлением государственных закупок Минэкономразвития Ростовской области по вопросам правоприменения законодательства о контрактной системе;

– повышение эффективности мониторинга посредством использования инновационных информационных программных продуктов в сфере осуществления закупок;

– расширение практики проведения плановых проверок, включая комплексный анализ эффективности деятельности заказчиков;

– мониторинг эффективности осуществления ведомственного контроля в сфере закупок;

– внедрение рейтинговой оценки профессионального уровня заказчиков в сфере закупок;

– использование типовых шаблонов документов для осуществления закупок по отраслевому признаку.

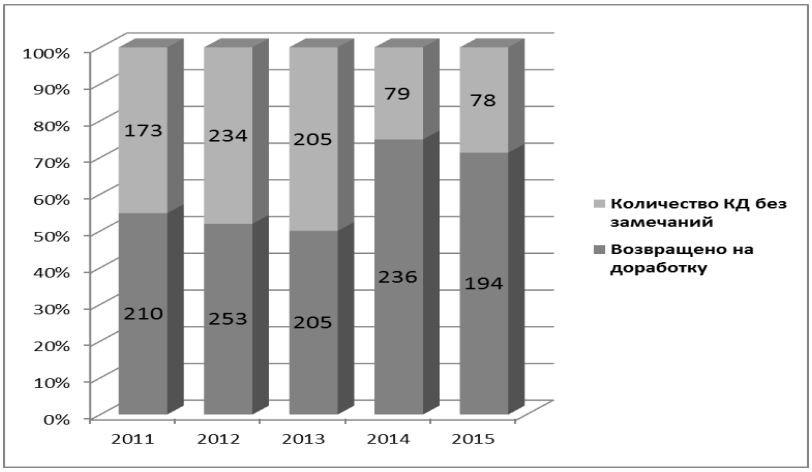


Рисунок 3.
Проведение предварительного контроля конкурсной документации (2011–2015 гг.)

Таким образом, осуществляемая институциональная модернизация превращает процесс закупок во все более эффективный инструмент реализации муниципальных программ развития городского хозяйства и бюджетного процесса, поскольку его приоритетной функцией становится предварительный контроль на этапе формирования закупок, ставящий задачу не фиксации допущенных ошибок в процессе закупок, а их предупреждения и исправления.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 05.10.2015 № 275-ФЗ) // Российская газета. – М., 2015. – 7 октября.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 05.04.2016 № 96-ФЗ) // Российская газета. – М., 2016. – 8 апреля.
3. Воронина Л.Л. Конкурентоспособность национальной экономики: инновационные императивы и финансовые регуляторы // Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 7. – С. 12–20.
4. Белокрылова О.С. Методы снижения рисков коррупции в системе государственных и муниципальных закупок // Journal of Economic Regulation. 2015. – № 4. – С. 140–146.
5. Белокрылова О.С. Институциональная составляющая неоиндустриализации // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации. Материалы 1У Международной конференции. – Омск: ОГУ, 2015. – С. 518–526.
6. Корытцев М.А., Белокрылов К.А. Проблемы трансплантации и модификации экономических институтов в сфере государственных закупок современной России // Journal of Economic Regulation . 2014. – № 2. – С. 33-46.
7. Grossman G. Promoting new industrial activities: a survey of recent arguments and evidence / Papers 147. – Princeton: Woodrow Wilson School of Public and International Affairs. 1989. – P. 87–125.
8. Markovic-Hribernik T., Detelj K. Simulation of Public Procurements impact on innovativeness of EU countries // International Journal of Simulation Modelling. 2016. – Vol. 15, N 2. – P. 249–261.
9. Schadrina E., Kokareva L., Vinogradov D. Public Procurement Mechanisms for Public-Private Partnerships // Journal of Public Procurement. 2014. – N 4. – P. 538–566.
10. Yulek M., Taylor T.K. Designing Public Procurement Policy in Developing Countries // How to Foster Technology Transfer and Industrialization in the Global Economy. – New York etc.: Springer, 2012. – P. 538–541.

Борисов Д.В.
к.э.н., н. с.
Борисова О.В.
д.э.н., доцент, гл.н.с. Алтайской лаборатории СибНИИЭСХ СФНЦА РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЫБОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮГА СИБИРИ

Ключевые слова: *стратегическое планирование, технологическое развитие, рыбоперерабатывающий завод, аквакультура, импортозамещение.*
Keywords*: strategic planning, technological development, fish processing plant, aquaculture, import substitution.*

Рыбопромышленный комплекс Российской Федерации играет значительную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны, его деятельность должна быть направлена на формирование в России инновационно-ориентированной экономики, способной формировать экономическую независимость и обеспечить конкурентоспособность экономики нашей страны, защиту национальных интересов на мировом продовольственном рынке и достойный уровень жизни населения. Однако достижение этих целей невозможно без стратегического планирования и управления технологическим развитием отрасли.

Стратегическое планирование развития рыбопромышленного комплекса основывается на ряде программных документов, разработанных для отрасли и для агропромышленного комплекса в целом. Основой стратегического планирования развития агропромышленного комплекса является «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»[1], выполнение которой идёт достаточно сложно, несмотря на принятие ряда подпрограмм и увеличение их государственного финансирования. По итогам кассового исполнения ресурсного обеспечения Государственной программы в 2016 году неосвоенные средства федерального бюджета в размере 5151,8 млн. руб. были возвращены на счета Федерального казначейства. По мнению Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, основными причинами неосвоения средств федерального бюджета в полном объеме являются несвоевременное представление субъектами Российской Федерации необходимого для получения субсидий пакета документов, несоблюдение достаточного объема финансирования в целях обеспечения уровня софинансирования расходных обязательств субъектами Российской Федерации и др.[2] Импорт рыбы и морепродуктов сократился в 2016 г. на 10,6% (до 358,6 тыс. т) и составил в 2016 г. 6,5% от всего импорта продовольственных товаров. В 2016 году по сравнению с уровнем 2015 года выросли объемы экспортных поставок из Российской Федерации мороженой рыбы – на 9% (до 1316,8 тыс. т).

Стратегические цели развития агропромышленного комплекса определяются на основе Доктрины продовольственной безопасности, согласно которой население страны должно быть обеспечено безопасной рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов, при этом устойчивое отечественное производство жизненно важных пищевых продуктов должно производиться в объёмах не менее установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов[3]. В рамках выполнения задач военно-экономического обеспечения обороны, поставленных в Военной доктрине РФ, задачей отрасли является сохранение и обновления неснижаемых запасов продовольственных товаров[4]. Активное освоение Арктических регионов РФ будет проходить на основе специальной государственной программы, среди задач которой: повышение качества жизни населения, разработка средств для надёжного функционирования систем жизнеобеспечения, к которым относится и устойчивое обеспечение продовольствием[5].

[1] Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.mcx.ru

[2] Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.mcx.ru

[3] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 120 от 01.02.2010 г. / Администрация Президента РФ. – http://kremlin.ru /acts/6752

[4] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5.02.2010 г. – http://www.kremlin.ru/ref_notes/461

[5] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366. – http://www.rg.ru/2014/04/24/arktika-site-dok.html

Учитывая названные цели, были определены задачи развития в Российской Федерации рыболовства и рыбоводства в «Стратегии развития аквакультуры в Российской Федерации на период до 2020 года»[1]. В ней намечено к 2020 г. увеличить душевое потребление рыбы в стране до 17-17,5 кг, в том числе за счёт аквакультуры до 5-6 кг (по нормам потребления – 25 кг в год – из-за отсталости отрасли достигнуть достаточно быстро невозможно).

В 2016 году общий улов рыбы и добыча других водных биоресурсов в России составили 4812 тысяч тонн, увеличившись за год на 6,8%. Основную долю в структуре улова составляет рыба – 94,3% в натуральном выражении, или 4525 тысяч тонн, примерно 40% экспортируют. Переработанную рыбу закупают по импорту уже по более высоким ценам. Это связано с тем, что производителям становится невыгодно поставлять товары на внутренний рынок по более низкой цене. Поставки продукции на экспорт являются более выгодными. В 2016 году потребление рыбы в России снизилось с 22,3 до 19 килограммов на человека по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составило 76% от медицинской нормы питания. Основная причина снижения потребления рост цен на рыбную продукцию: импортная рыба подорожала в среднем на 30% из-за увеличения затрат на доставку и изменения валютного курса, отечественная рыба подорожала в среднем на 15%[2].

В 2016 году снизилась переработка рыбы и выпуск рыбы живой, свежей или охлажденной составил 902 тыс. тонн или 76,9% по отношению к предыдущему году. Производство ракообразных неомороженных составило в 2016 г. 52,2 тыс. тонн или 78,0% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года[3].

Благодаря такой ценовой политике в 2016 году оборот организаций рыболовства и рыбоводства составил 290,9 млрд. рублей, что в действующих ценах на 11,1% больше, чем в 2015 году. Согласно данным Росстата, сальдированный финансовый результат организаций рыбной отрасли в действующих ценах составил 83 млрд. рублей, что на 43% больше показателя 2015 года. За данный период прибыль организаций отрасли выросла на 30,2% – до 83,3 млрд. рублей. Доля прибыльных организаций за 2016 год составила 88,1 против 82,3% в 2015 году. Объем валовой добавленной стоимости в рыбной отрасли в основных ценах за 2016 год составил 217,8 млрд. рублей, что на 6,6% больше 2015 года. Вклад рыбохозяйственного комплекса в ВВП Российской Федерации составил 218 млрд. рублей, на 7% больше 2015 года[4].

В этих условиях возрастает роль развития аквакультуры на континентальных территориях России, объем производства которой в 2016 г. составил 173,9 тыс. тонн, посадочного материала – 31,3 тыс. тонн. В первом полугодии 2017 года продукция аквакультуры превысила 71 тыс. тонн, что на 12% больше показателя за аналогичный период прошлого года. Это объясняется позитивной динамикой совершенствования нормативной базы в соответствии с правоприменительной практикой по формированию рыбоводных участков и предоставление их в пользование. Государственной программой Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» предусмотрено увеличение объема производства продукции аквакультуры к 2020 году до 232,2 тыс. т[5].

Структура отрасли по территории России неравномерна: практически половина предприятий отрасли расположена в Дальневосточном федеральном округе, 14,5 % – в Северо-Западном федеральном округе, доля Сибирского федерального округа составляет 6,0%.

Богатейшие водные ресурсы Сибирского федерального округа позволяют развивать разнообразные направления аквакультуры, которая специализируется на разведении и выращивания различных видов рыб. В товарной аквакультуре в настоящее время развиваются три основных направления: прудовое, индустриальное и пастбищное рыбоводство, приобретает популярность разведение и других водных животных – креветок, моллюсков и растений. Во многих регионах особое внимание уделяют осетроводству.

Производство ракообразных в Сибирском федеральном округе 2010 г. по 2012 г. увеличилось на 30%, но в последующий период снизилось и в настоящее время составляет 1034 тонн, новых предприятий по производству продукции данного вида не открывается.

За анализируемый период общая численность предприятий и организаций Сибирского федерального округа, работающих в сфере рыбоводства (аквакультуры) увеличилась на 55,2 %, количество предприятий в сфере рыбоводства увеличилось с 143 до 222 или в полтора раза. В Сибирском федеральном округе открылись предприятия данной отрасли во всех регионах, за исключением Республики Тыва и Омской области[6]. Больше всего рыбоводческих предприятий сосредоточено в Новосибирской области – 59, Алтайском крае – 40, Кемеровской области – 26. Однако в основном это малые предприятия.

В целом по Российской Федерации численность работников в сфере рыбоводства сократилась за 10 лет на 12,1%, в Сибирском федеральном округе, напротив, увеличилась на 46,8%. Наибольшее увеличение: в Алтайском крае – в 2,9 раза, в Красноярском крае – в 2 раза, в Кемеровской, Омской областях и Республике Хакассия – в 1,6 раза. Со-

[1] Стратегия развития аквакультуры в Российской Федерации на период до 2020 года. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98465/

[2] Луцева-Эр О. Обзор российского рынка рыбы и рыбной продукции. – http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=2444

[3] Социально-экономическое положение России. 2016 год. Уточнённые итоги / Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/Utoch-osn-12-2016.pdf

[4] В 2016 году прибыль организаций рыболовства и рыбоводства в России выросла на 30,2% до 83,3 млрд. рублей. – http://fish.gov.ru/press-tsentr/obzor-smi/17494-v-2016-godu-pribyl-organizatsij-rybolovstva-i-rybovodstva-v-rossii-vyrosla-na-30-2-do-83-3-mlrd-rublej

[5] Об аквакультуре. – http://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/akvakultura

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с. – Раздел 15.1

кращение численности работающих в отрасли «рыбоводство» произошло в Республике Тыва, Забайкальском крае, Иркутской и Томской областях.

Наиболее активно наращивается производство товарной рыбы в Иркутской области: с 2012 года производство увеличилось более чем в три раза. В 2016 году выращена 71 тонна товарной рыбы и 57 тонн икры и молоди. В общем объеме продукции аквакультуры 70% составляет лососевые (форель), 20% карповые, 7% осетровые и 3% сиговые (пелядь). Министерство сельского хозяйства Иркутской области ведет планомерную работу по формированию рыбоводных участков на территории области. По состоянию на 1 июня 2017 года в области уже насчитывается 34 рыбоводных участка, причём 19 из них посредством аукциона переданы в пользование на 25-летний срок.

Несмотря на принятие Министерством сельского хозяйства программ по развитию аквакультуры, занять существенную долю на мировом рынке продукции аквакультуры России пока не удалось – её доля на мировом рынке рыбной продукции аквакультуры в настоящее время составляет менее 0,5%. Лидером является Китай, доля которого составляет 67,3%, на втором месте – Индия – 5,4%, на третьем – Вьетнам – 2,6%[1].

Фактическое производство товарной рыбы в России достигло 1,2 кг на человека при плановом показателе 5–6 кг. К 2020 году планируется нарастить производство отечественной товарной рыбы как минимум до 315 тыс. тонн.

Низкие темпы роста аквакультуры объясняются тремя причинами:

– высокой стоимостью на энергоносители в большинстве регионов СФО;

– неразвитым рынком высококачественных кормов для рыб (что можно решить с помощью программы импортозамещения);

– высокой стоимостью внедрения новых технологий и новой техники для рыбоводства;

– недостаточными объемами производства отечественного оборудования для рыбоводства и рыбоперерабатывающей промышленности.

Интенсификация развития рыбоперерабатывающей промышленности в значительной степени зависит от применения инновационных технологий, на применение которых оказывают влияние такие факторы, как промышленная политика государства, государственное регулирование качества рыбы и иных видов сырья, уровень инвестиций в технологическое развитие отрасли. Именно эффективное управление инновационно-инвестиционными процессами на всех уровнях управления (национальном, региональном, межрегиональном, хозяйствующего субъекта) позволит реализовать стратегические задачи.

Анализ обеспечения технологической безопасности России в отношении пищевой промышленности показал, что данная цель не достигнута – на рынке оборудования для отрасли доля оборудования российского производства составляет лишь 13%, таким образом, наблюдается значительная зависимость от импортных технологий. За период с 2012 г. по 2016 г. производство оборудования для пищевой промышленности в Российской Федерации увеличилось на 30% и достигло 12,6 млрд. руб., однако одновременно импорт такого оборудования вырос на 20% и достиг 50,1 млрд. руб., то есть объём импорта в 4 раза превышает собственное производство[2].

Возрастает роль промышленной политики государства, поэтому необходимо в разрабатываемой «Стратегии развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2030 года» включить разделы, посвященные производству оборудования для рыбоперерабатывающих предприятий среднего и малого предпринимательства, ориентированных на работу в сельской местности, непосредственно в близости от рыбоводных предприятий. В программах по развитию сельскохозяйственного машиностроения необходимо уделить внимание производству оборудования для рыбоводных предприятий, которое в настоящее время в основном закупается по импорту. Здесь целесообразно использовать промышленный потенциал Сибирского федерального округа с целью сокращения транспортных расходов на поставку оборудования.

Таким образом, для инновационного развития рыбопромышленного комплекса на юге Сибирского федерального округа необходимо:

– разработать научное обеспечение отрасли, а именно: технологии рыбоводства, осетроводства, разведения ракообразных с учётом климатических особенностей территории; технологии производства и транспортирования кормов для рыб разнообразного способа содержания из местного растительного и животноводческого сырья; маркетинговые технологии продвижения рыбы и рыбной продукции на местном и межрегиональном рынках;

– развивать в Сибирском федеральном округе машиностроение для рыбоперерабатывающей промышленности и рыбоводных предприятий;

– в Стратегии развития АПК Сибирского федерального округа на период до 2035 года предусмотреть развитие государственно-частного партнёрства в рыбохозяйственном комплексе;

– создать в Сибирском федеральном округе координационный центр по инновационному развитию аквакультуры, который будет способствовать развитию отрасли с учётом региональной специализации сельского хозяйства; разработать среднесрочную межрегиональную программу по развитию отрасли.

– создать Межрегиональный центр по международной сертификации рыбной продукции.

[1] Кашин В.И. Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности – альтернатива сырьевому развитию АПК. – http://komitet2-20.km.duma.gov.ru/upload/site2/document_news/000/111/160/Materialy_k_parlamentskim_slushaniyam_21_marta_1_chast.pdf

[2] Материалы парламентских слушаний на тему: «Законодательное обеспечение развития переработки сельскохозяйственной продукции». – http://komitet2-20.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/111160

Борисова О.В.
д.э.н., доцент, гл.н.с. Алтайской лаборатории СибНИИЭСХ СФНЦА РАН
Менюк С.Г.
к.э.н. с.н.с. Крымского федерального университета

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Ключевые слова: *рынок сырого молока, молочная промышленность, программно-целевой метод, импортозамещение, инновационно-технологическое развитие.*
Keywords*: the market of raw milk, dairy industry, program-target method, import substitution, innovative-technological development.*

Задачей молочной промышленности является достижение обеспеченности населения России молочной продукцией в соответствии с показателями, установленными в Доктрине продовольственной безопасности – 90%[1], а также значительно расширить ассортимент выпускаемой продукции в рамках реализации стратегии импортозамещения. Развитие молочной промышленности в регионах происходит неоднородно, что связано с развитием рынка сырья – рынка сырого молока, производство которого в течение последних 25 лет постоянно снижается (рис. 1).

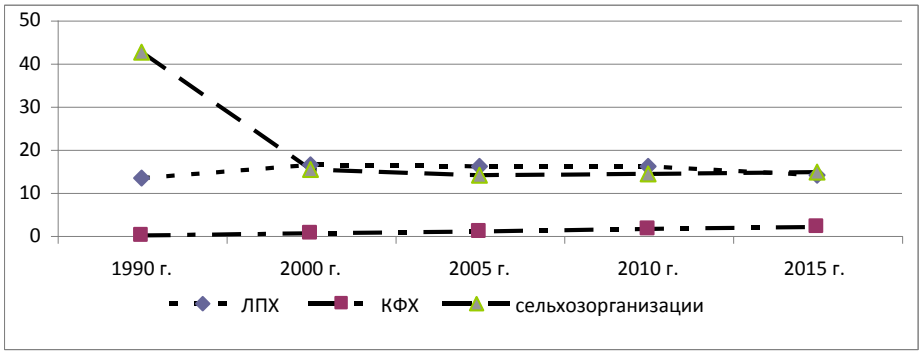


Рисунок 1.
Производство сырого молока в Российской Федерации в 1990–2015 годах (в млн. тонн)

Производство сырого молока в 2015 году составило 30,7 млн. тонн или 55% по отношению к 1990 г., когда производство сырого молока достигало 55,8 млн. тонн. Несмотря на создание крестьянских (фермерских) хозяйств, падение производства в сельскохозяйственных организациях так и не восполнилось. К 2015 г. объёмы производства в личных подсобных хозяйствах и сельскохозяйственных организациях практически сравнялись: 14 и 14,7 млн. тонн. На одного жителя России (при численности на 1 января 2015 г. 146 804 372 человека) приходится 209 кг, тогда как необходимо по нормам питания, разработанным ВОЗ ООН – 359,9 кг в год на человека. Таким образом, в настоящее время Россия вынуждена закупать недостающее молоко и молокопродукты по импорту.

Проведенный анализ состояния рынка молока и молочной продукции в Республике Крым показал, что наблюдается острейший дефицит молочной продукции – 439,7 тыс. тонн в год, что связано с рядом объективных причин (при потребности в 687,8 тыс. тонн собственное производство составляет 248,1 тыс. тонн)[2]. Перед молочным комплексом республики стоит сложнейшая задача по развитию рынка сырья и развитию местной молочной промышленности. Встаёт вопрос о том, какова должна быть стратегия развития отрасли, какие направления государственного регулирования могут применить региональные органы власти, насколько развито научное и технологическое обеспечение молочной отрасли.

Благодаря разнообразию физико-географических регионов Республики Крым, включающих около 50 ландшафтов, республика располагает благоприятными природными предпосылками для развития сельского хозяйства, рекреа-

[1] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 120 от 01.02.2010 г. / Администрация Президента РФ. – http://kremlin.ru /acts/6752

[2] Менюк С.Г. Формирование инфраструктуры развития регионального агропромышленного комплекса / С.Г. Менюк, Е.Н. Менюк, В.В. Дядичев, О.В. Борисова // Успехи современной науки и образования. 2017. – № 3. – С. 17–20.

ционной отрасли и ряда промышленных производств. Основным направлением развития сельского хозяйства Республики Крым является земледелие, отраслями его специализации – зерновое хозяйство, садоводство, виноградарство, возделывание табака, эфиромасличных культур. В животноводстве основным направлением является молочно-мясное скотоводство, развивается птицеводство, возрождается овцеводство.

В настоящее время за счёт собственного производства Республика Крым полностью удовлетворяет потребности региона в продовольственной пшенице, пшеничной муке, овощах, свинине, яйцах, безалкогольных напитках, продукции кондитерской промышленности. Однако крымский агропромышленный комплекс пока не может в полном объёме обеспечить потребности населения республики по многим важным позициям. В частности, производство молока необходимо увеличить почти в 3 раза, вылов рыбы – более чем в 4 раза, производство мяса – почти на 47%[1].

Особенностью сельского хозяйства Республики Крым является высокая доля сектора малого агробизнеса в производстве продукции сельского хозяйства: 64%. На долю сельскохозяйственных организаций приходится 36%. По видам продукции доля ЛПХ и КФХ составляет: по картофелю – 98,8%; по овощам – 92,4; по плодам и ягодам – 42,6; по мясу – 45,1; по молоку – 92,3; по яйцу – 60,7; по шерсти – 95,2%[2].

Проблема низкой обеспеченности молоком и молочной продукции объясняется незначительным поголовьем коров: если в среднем по Российской Федерации одна корова кормит 34 человека, то в Республике Крым – 312 человек. Лидерами по данному показателю являются Республика Удмуртия и Республика Мордовия, где одна корова кормит 13 человек. Наихудшие показатели – в Республике Калмыкия – на одну корову приходится 1528 человек. Для примера – лучшие показатели в мире у лидера на мировом рынке молочной продукции: в Новой Зеландии соотношение один к одному[3].

В Республике Крым действует подпрограмма «Развитие малых форм хозяйствования», благодаря которой осуществляется поддержка начинающих фермеров (в 2015 г. было выделено 55,6 млн. руб., в 2016 г. – 92,5 млн. руб. динамика – 166,4%), а также поддержка развития семейных животноводческих ферм на базе КФХ (выделено в 2015 г. – 23,9 млн. руб., в 2016 г. – 52,6 млн. руб., динамика – 220,1%).

В рамках финансирования мероприятий Ведомственной целевой программы «Экономически значимая региональная программа в области животноводства» за 2016 г. выделено:

– на покупку кормов для домашних животных – 428,8 млн. руб.;
– на строительство и модернизацию ферм – 218,9 млн. Руб.;
– на техническую модернизацию ферм – 185,8 млн. руб.;
– на развитие племенного животноводства – 79,9 млн. руб.;
– на кредитование в животноводстве – 5,6 млн. руб.;
– на альтернативное разведение – 0,9 млн. руб.

Лидерами в развитии животноводства являются: Красногвардейский, Первомайский и Симферопольский районы. Результатами такой деятельности является положительная тенденция в развитии молочного скотоводства: в 2017 г. поголовье коров увеличилось по сравнению с 2016 г. на 5,6%, что дало прирост сырого молока на 2,3%.

Для реального увеличения рынка сырого молока необходимо создание крупных животноводческих ферм или животноводческих предприятий, включающих в себя малые предприятия молочной промышленности, использующие инновационные технологии по глубокой переработке молока.

На инновационно-технологическое развитие не только молочной промышленности, но и всего агропромышленного комплекса Республики Крым оказывают серьёзное влияние следующие внешние факторы:

– санкционный режим, введенный в отношении региона. Наиболее комплексные санкции против Республики Крым были приняты странами ЕС и США – это экономические санкции и черный список компаний Республики Крым. Впоследствии в той или иной мере к санкциям присоединились (без дополнения или расширения перечня санкционных мер или списков) Швейцария, Норвегия, Лихтенштейн, Исландия, Черногория, Албания, Молдавия, Украина, Грузия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Южная Корея[4];

– недостаточное финансирование развития агропромышленного комплекса Российской Федерации, которое фактически отстаёт от объёмов, заявленных в Государственной программе развития АПК до 2020 г.: в 2016 г. – на 45 млрд. руб., в 2017 г. – на 84 млрд. руб., к 2020 г. планируемый разрыв составит 44 млрд. руб.;

– недостаточно развитое отечественное машиностроение и значительная технологическая зависимость сельского хозяйства и пищевой промышленности от импортных технологий. Так, только для пищевой промышленности импорт оборудования в 2016 г. вырос на 20% и достиг 50,1 млрд. руб., объём импорта в 4 раза превышает собственное производство[5];

[1] Отчет Главы Республики Крым Сергея Аксенова о результатах деятельности Совета министров РК за 2016 год. – http://s-matveev.ru/respublika-kryim/otchet-glavyi-respubliki-kryim-sergeya-aksenova-o-rezultatah-deyatelnosti-soveta-ministrov-rk-za-2016-god/

[2] Основные показатели работы агропромышленного комплекса Республики Крым (за январь-декабрь 2016 года). – http://msh.rk.gov.ru/rus/info.php?id=646255

[3] Центр изучения молочного рынка. – http://kvedomosti.ru/news/odna-korova-kormit-34-cheloveka.html

[4] Стратегия социально-экономического развития Республик Крым до 2030 года. Утверждена 9 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017.

[5] Материалы парламентских слушаний на тему: «Законодательное обеспечение развития переработки сельскохозяйственной продукции». – http://komitet2-20.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/111160.

– недостаточная правовая регламентация деятельности агропромышленного комплекса России в сфере регулирования качества пищевой продукции в Евразийском экономическом союзе; производстве органической продукции; широком применении международной сертификации различных видов.

В Российской Федерации сложилась острая проблема зависимости от импорта в оборудовании по производству молока (объёмы импорта данной категории занимают второе место по стране) и в оборудовании для молочной промышленности, в которой, по оценке экспертов, более 90% приходится на импортное оборудование[1].

Для инновационно-технологического развития молочной промышленности Республики Крым необходимо разработать региональную целевую комплексную программу «Развитие молочной промышленности Республики Крым», в которой предусмотреть элементы государственной поддержки отрасли, создание инфраструктуры по технологическому обновлению отрасли на базе активного использования республиканского научного потенциала.

В целях активного внедрения современных технологий в Российской Федерации создана Технологическая платформа «Технологии экологического развития», консолидирующая ресурсы бизнеса, государственной власти и гражданского общества для достижения цели устойчивого экологического развития нашей страны.

Среди ключевых тематических направлений Технологической платформы для агропромышленного комплекса Республик Крым наиболее значимыми являются: технологии рационального природопользования, обеспечения экологической безопасности и новых экологических стандартов жизни человека; экологически чистые технологии производства; технологии экологически безопасного обращения с отходами; внедрение инновационных средств инструментального контроля загрязнения; развитие рынка экологических услуг в сфере агротуризма.

Республика Крым обладает значительным научным потенциалом в агропромышленном комплексе, природоохранном строительстве:

– в сфере агропромышленного комплекса научными разработками занимаются: Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крыма; Всероссийский национальный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН; Ордена Трудового Красного Знамени Никитский ботанический сад – Национальный научный центр РАН; Южный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии; Южный зональный научно-исследовательский центр производительности агропромышленного комплекса (Югагропромпродуктивность);

– широкий спектр исследований проводит Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Однако в целом республика характеризуется низким уровнем внутренних затрат на НИОКР (0,6 тыс. рублей на 1 занятого в экономике при среднероссийском показателе в 12,5 тыс. рублей). Основными проблемами инновационного развития Республики Крым являются: низкая мотивация предприятий на внедрение инноваций; отсутствие специализированной структуры, осуществляющей деятельность, направленную на развитие инноваций; слабое развитие инновационной инфраструктуры; дефицит кадров, занятых исследованиями, разработками, инновационной деятельностью и ряд других.

В связи с этим стратегической задачей является формирование инфраструктуры инновационной деятельности в сфере агропромышленного комплекса, стимулирование развития инноваций за счет разработки качественно новых индустриальных подходов, требований к продукции, закупаемой государственными и муниципальными заказчиками.

[1] Ушачев И., Маслова В., Чекалин В. Экономические проблемы импортозамещения в условиях научно-технологического развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2017. – № 11. – С. 4–11.

Брюханова В.Б.
к.э.н., доцент Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
tubano@mail.ru
Лыгденова Н.С.
магистр, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
zhalsanova1994@mail.ru

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Ключевые слова: *Республика Бурятия, миграция, трудовая миграция, миграционная убыль***.**

Республика Бурятия как приграничный регион Байкальской Азии, наряду с Забайкальским краем и Иркутской областью, является одним из регионов-реципиентов России, принимающих иностранных мигрантов и наоборот. Ежегодно возрастающие темпы внешней трудовой миграции в Республике Бурятия демонстрируют, что Бурятия как один из субъектов Российской Федерации уже испытывает миграционное давление, которое постепенно будет нарастать в силу ряда причинно-следственных связей, обусловленных глобализацией геополитического пространства.

Причинами оттока населения из Республики Бурятия являются, прежде всего, причины социально-экономического характера. К социально-экономическим причинам необходимо отнести низкий уровень заработной платы, высокий уровень бедности, а также высокий уровень социального неравенства и безработицы – все эти причины относятся к показателям уровня качества жизни населения.

Более 71% из всего миграционного оттока населения составляют граждане трудоспособного возраста, что в 2016 году составило – 2327 чел. Так же анализ структуры миграции по основным возрастным группам показал увеличение оттока населения моложе трудоспособного возраста, что является подтверждением миграции в семейном составе, приводящей к безвозвратной миграции.

Из числа мигрантов от 14 лет и старше, значительный отток населения прослеживается у учебных мигрантов. Так же в 2016 году по сравнению с предыдущими годами более чем вдвое сократилось количество прибывших в регион мигрантов в связи с прохождением учебы, тогда как количество выбывших мигрантов в другие регионы России и за рубеж сократилась незначительно. Это свидетельствует о том, что получив образование, трудоспособное население предпочитает выехать для трудоустройства и проживания в другие регионы России.

Серьезную проблему для молодых специалистов представляет то, что вакансии, предлагаемые на рынке труда региона, в основном являются низкооплачиваемыми и социально непрестижными. В то же время необходимо отметить несоответствие образовательной структуры населения республики потребностям рынка труда, что непосредственно сказывается на решении покинуть регион.

Таблица 1

Миграционная убыль населения в возрасте от 14 лет и старше по уровню образования

Годы	Всего мигрантов в возрасте 14 лет и старше	в том числе имели образование				
		высшее профессиональное (высшее)	неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	среднее профессиональное (среднее специальное)	среднее общее (полное)	основное общее (среднее общее неполное)
2002	–3655	–679	–92	–1047	–1424	–352
2003	–3052	–401	–102	–1072	–1117	–351
2004	–3247	–542	–148	–949	–1346	–211
2005	–3802	–724	–200	–894	–1591	–333
2006	–3142	–577	–86	–829	–1313	–252
2007	–2349	–376	–50	–662	–1012	–191
2008	–2349	–239	–105	–507	–1199	–170
2009	–1454	–119	–7	–161	–1018	–113
2010	–2908	–598	–86	–480	–1379	–169
2011	–3728	–835	–175	–590	–1441	–129
2012	–4083	–943	–294	–824	–1300	–161
2013	–3247	–717	–90	–371	–1232	–130
2014	–1168	–560	–13	–44	–274	–27
2015	–1821	–817	–31	–29	–507	–180
2016	–2775	–901	–57	–502	–369	–227

О наличии названных проблем свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1. Более 30% населения выбывших за пределы региона имеют высшее образование, 18% – среднее профессиональное, 13% – среднее общее. В по-

следнюю группу входит основная часть населения, выбывшая в другие регионы для получения высшего образования. Эти данные свидетельствуют об оттоке высококвалифицированных специалистов, составляющих экономически важную часть населения. В то же время это говорит о высокой мобильности данных категорий населения, которые обладают информацией о возможностях занятости в других регионах России и за рубежом.

По этническому признаку «русское население» демонстрируется классическая половозрастная структура мигрантов как по прибывшим, так и по выбывшим. У представителей бурятской национальности наблюдается не типичное возрастное распределение — большую долю выбывших составляют буряты в возрасте 16–29 лет (73%), причем они выезжают в центральные города России в связи с учебой и работой.

Исходя из полученных данных, можно сказать, что рост или снижение миграции населения от 14 лет и старше наблюдается лишь как тенденция. В отдельные же годы уровни испытывают колебания, отклоняясь от основной тенденции. Для более точного моделирования тенденции использовался полином шестой степени.

Проанализировав динамику миграционного прироста, можно сказать, что в 2014–2016 гг. коэффициент миграционного прироста увеличивается в сторону отрицательного.

Тенденция динамики связана с действием долговременно существующих причин и условий развития, хотя, конечно, после какого-то периода эти причины и условия тоже могут измениться и породить уже другую тенденцию развития изучаемого объекта. Колебания же, напротив, связаны с действием краткосрочных, или цикличных факторов, влияющих на отдельные уровни динамического ряда и отклоняющих уровни от тенденции то в одном, то в другом направлении.

Тенденцию и колебания наглядно показывает график (рис. 1). По оси абсцисс отражается время (год), по оси ординат – уровень коэффициента миграционного прироста.

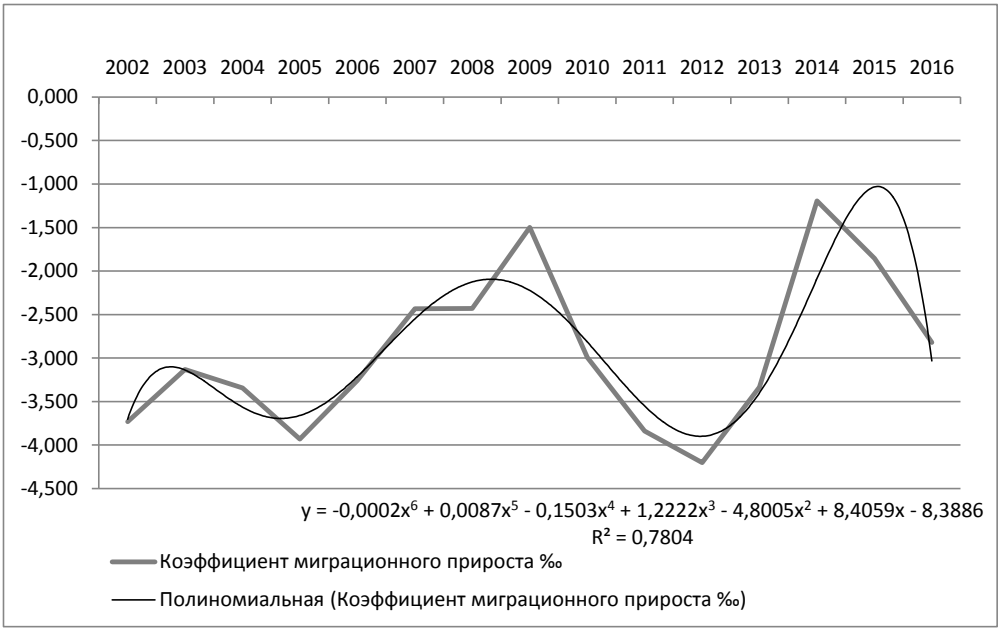


Рисунок 1.
Динамика основной тенденции миграционного прироста в Республике Бурятия, население от 14 лет и старше

На рис. 1 хорошо заметно снижение коэффициента миграционного прироста с 2014 года по 2016 год, а колеблемость данного показателя в период с 2002 года по 2016 год хаотична, когда достигая своего минимума в среднем начинает повышаться и обратно снижается и не имеет явной тенденции. Уравняв с помощью линии тренда этот показатель, мы видим, что имеется тенденция к дальнейшему снижению данного показателя.

Таким образом, исходя из данных официальной статистики и с учетом проведенного анализа, можно выделить 4 основных вида миграции: трудовая, учебная миграция, по причинам личного, семейного характера и поиск лучших условий для жизни. Основополагающей причиной, побуждающей к миграции в последнем случае, является более высокий уровень качества жизни в регионе прибытия.

Для миграционных процессов в Республике Бурятия на данном этапе характерна миграционная убыль населения. Определено, что в настоящее время установка на миграцию среди студентов и молодых специалистов Бурятии возрастает, главными причинами миграционного выбытия являются социально-экономические причины, а также причины субъективного, эмоционально-психологического характера.

Необходим комплексный подход как в изучении миграции населения, так и для регулирования этого процесса. Невозможно изменить миграционную ситуацию методом прямого воздействия, возможно косвенное регулирование в форме улучшения социально-экономического положения в регионе, увеличения рабочих мест, стимулирования молодых специалистов.

Список литературы

1. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф.Галецкий, А.А. Овсянников и др. Под общей редакцией Н.М. Римашевской. – М.: Наука, 2002. – 321 с.
2. Трофимова Т.И. Эволюция глобальных миграционных процессов. – Иркутск: БГУЭП, 2010. – 128 с.
3. http://www.gks.ru/ – официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.
4. http://www.burstat.gks.ru – официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия.
5. http://www.gosbook.ru/ – Концепция демографического развития Республики Бурятия на период до 2025 года.

Вайнмахер А.М.
магистрант, Иерусалимский университет
Великая Е.Г.
д.э.н., гендиректор ООО «Леди Доктор»
Мустафаева С.Р.
магистрант, Финансовый университет
Рыс А.Е.
аналитик, Институт Адама Смита, Лондон
Свинцицкая И.В.
менеджер, ООО «Havas Media»
Сурменева А.А.
магистрант НИУ ВШЭ
Шмерлинг Д.С.
профессор-исследователь НИУ ВШЭ; Финансовый университет

О ВОЗМОЖНОСТЯХ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА МОСКВЫ НА 2018–2025 ГОДА

Ключевые слова*: развитие мегаполисов, Москва, реновация жилья, радиально-кольцевая структура Москвы и Парижа, новые контуры наземного и подземного транспорта, увязка развития жилья, транспорта и элементов «новой экономики».*

Keywords*: megacities development, Moscow development, renovation of housing, new houses, new radiuses and rings, contours in Paris and Moscow, transport development, digital economics.*

Транспорт и реновация жилья

Москва динамично развивает городскую транспортную систему. Помимо ранее запланированного строительства начата реализация т.н. программы реновации.

С плановой застройкой так или иначе увязывается развитие (проектирование и строительство) новых линий Московского метрополитена, в том числе и появившегося Московского центрального кольца (МЦК) – наземной части Московского метрополитена (см. рис. 1)[1].

В последний период времени была объявлена новая инициатива – проектирование и строительство МЦД (Московских центральных диаметров), их сейчас проектируется 7 (МЦД-1, МЦД-2, …, МЦД-7) (см. рис. 1). В статье Анны Поповой, опубликованной в «Независимой газете» упоминается о 5–15 диаметрах (Попова, 2017). Предполагаем, что их число, длина, размещение пока не полностью определены. Можно согласиться с такой ситуацией, поскольку речь идет по существу о т.н. задаче с гибко поставленными (сформулированными) целями (Пфлегинг, 2009). Имеется в виду возможность корректировать и даже заменять цели.

Два идущих параллельно процесса – реновация и упомянутое выше транспортное строительство – могут быть дополнительно увязаны путем создания адекватных экспертных групп из имеющихся в столичном городе «трудовых ресурсов» – научных сотрудников, инженеров и других соответствующих специальностей. На основе сведений Б. Ляув[2] мы знаем, что идет процесс подбора площадок для сноса пятиэтажных домов с последующей их застройкой 20–40 этажными зданиями (наиболее выгодными застройщикам). Следовательно, будет существенно повышена «плотность» застройки и дефицит рабочих мест для части жителей, поменявших место жительства (чего не избежать, несмотря на заверение застройщиков и властей по сохранению «ареала обитания» каждого трудящего).

Весь процесс подбора зданий под «снос», площадок, где можно сносить старые и строить новые здания и сооружения, довольно сложен. На сегодняшний день (14 января 2018 г.) опубликованы данные по районам Москвы (районов меньших по площади, территории, формирующие эти наши городские районы). Приводятся списки домов под «снос» и сообщается о наличии пустующих квартир. Квартир на «первую очередь» сноса нужно сотни, а в дальнейшем тысячи. К тому же квартиры и дома должны находиться в ε-окрестности сносимых домов, где ε<5–7 км. В высоком темпе (в режиме реального времени) необходимо смотреть квартиры, переезжать, ремонтировать, вести штукатурные работы. Затем некоторые из выехавших жителей снесенных домов через 0,5–1,5 года (примерный срок)

[1] Можно предполагать, что развитие транспортной системы удовлетворяет далеко не все потребности нашего города.

[2] Предстоит снести >16 млн. кв. м. (около 350 000 квартир, где «проживает около 1 млн. москвичей»). См.: Ляув Б. Новые площадки реновации // Ведомости. – М., 2017. – 5 декабря.

вернутся в дом в том же микрорайоне, где они жили раньше. Их доля вряд ли будет велика. Часть «переселенцев» будут менять места, а некоторые и профиль, тематику работы вместе со сменой «position».

На фоне процесса реновации, который будет идти 10–20 лет, по оценке экспертов, Москва должна найти способы решения транспортной проблемы. Сейчас, к примеру, видим пробки на Можайском, Ленинградском, Волоколамском шоссе, на Садовом кольце и других улицах города, поскольку время поездки через город весьма велико. До революции и до Отечественной войны среднее время проезда на службу в течение десятилетия с некоторыми колебаниями составляло 47–48 минут. Транспорт улучшается, а места работы отдаляются всё дальше от места проживания.

Поскольку проектируемые «диаметры» (см. рис. 1) будут строиться в 2018 г., а 1-й, 2-й (МЦД-1 и МЦД-2) должны быть введены в строй в 2019–2020 гг., уже сейчас необходимо позаботиться о местах работы для многих людей, которым нужно ездить из дальнего и ближнего Подмосковья. При этом Москва выиграет от привлечения высококвалифицированных специалистов.

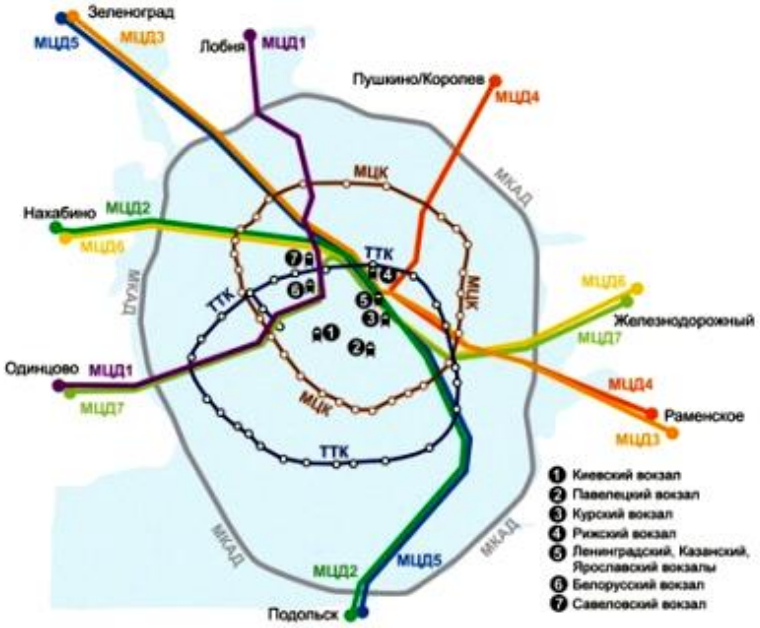


Рисунок 1.
Московские центральные диаметры

Если в дальнейшем рассматривать вопросы развития транспорта Москвы, то необходимо отметить следующее. Руководство Москвы планирует за 2–3 года построить еще одно «подземно-надземное» кольцо с тремя десятками станций и длиной около 68 км, это т.н. Третий пересадочный контур. Именно на это кольцо можно будет пересаживаться с МЦД (Московских центральных диаметров).

Дальнейшее развитие г. Москвы связано со способностью ее жителей создавать новые (и не терять прежние, и уже существующие) рабочие места в перспективных областях. Здесь «перспективными рабочими местами» мы называем те, которые обеспечивают городу продукцию, на которую достаточно долго (>=5-10 лет) будет платежеспособный спрос. При этом минимизирован вред, причиняемый природе и не нарушаются законы. Примером создания перспективных рабочих мест (ПРМ) может служить деятельность жителей и властей по созданию небольших и средних инновационных центров.

Существование мегаполисов, как показывает опыт человечества, напрямую связано со способностью его жителей создавать стабильные производства – «адаптивные центры бизнеса» (Бюржель, 2014). Для Москвы нужен специальный подбор предметных областей этих центров. В таких городах, как Париж, это складывалось столетиями (музеи, издательства, банки и т.д., и т.п.). Что-то подобное, но соответствующее духу развития Москвы, необходимо разработать.

Рассматривая развитие транспортной системы Москвы следует сравнить с развитием таких же систем Лондона, Нью-Йорка, Парижа. Особенное внимание традиционно уделяется Парижу – городу с такой-же радиально-кольцевой структурой, как и Москва (уже несколько столетий градостроители Москвы, Санкт-Петербурга многое заимствуют у Парижа).

О моделировании

Весь проект развития г. Москвы со сносом ветхого жилья и строительства нового в домах большой этажности (предположительно 16–40 этажей) и созданием множества наземных, подземных автодорог, железных дорог, эстакад, мостов и т.д., и т.п. займет более 10–12 лет.

Реализация подобного мегапроекта назрела давно. Придется также достроить «автодороги-дублеры» для разгрузки некоторых автомагистралей Москвы.

Весь процесс планируется реализовывать быстро за 2018–2019 гг. Два диаметра МЦД – № 1 и № 2 должны быть готовы к концу 2018 г., остальные пять – к концу 2020 г. Метро обещают строить с невиданным в Москве темпом (по 8 станций в год).

Данные мегапроекты являются дорогими и сложными, поэтому при их планировании необходимо обратиться к имитационному моделированию, с помощью которого можно составить варианты реализации этих мегапроектов.

Все расчеты времени не надежны, так как не учитывается случайность всех элементов проекта (проекта, состоящего из процессов планирования, финансирования и строительства). Если на первой стадии не принимать во внимание случайность всех величин X_i^q, где q – тип работы (q = 1,…, Q), i – номер работы во временной последовательности (i = 1, …, n), т.е. i_1 – номер первой (начальной) работы, i_n – номер n-ой (последней) работы, можно считать, что X_i^q плановое, например, равно среднему времени выполнения i-ой работы. На соответствующем календарном графике (расписании)[1] проекта **q**:

$$X_q = \sum_{1 \le i^q \le n} X_i^q \ (T), q = \overline{1, Q},$$

где T – календарное время (например, год, месяц, день).

Все элементы в данной формуле представляются, например, в виде обычного расписания (см. Коффман (1984)).

При переходе к модели случайных величин будем предолагать, что

$$X_i^q \sim N\ (a_i^q,\ (\sigma_i^q)^2),$$

где a – это математическое ожидание X_i^q, σ^2 – дисперсия X_i^q, где i = 1, …, n^q, а q = 1,…, Q.

тогда общее время также распределено по Гауссу (т.н. Нормальное Распределение). Сначала предположим независимость всех X_i^q между собой (взаимная независимость) либо добавим ковариацию ***cov*** (X_i^q, X_j^p):

$$X_q = \sim N\left(\sum a_i^q, \sigma^2\right),$$

где $A = \sum_{1 \le i \le n} a_i^n$, $\sigma^2 = \sum_{1 \le i \le n} \sigma_i^n$ при независимости X_i^q **и** X_j^q для всех i ≠ j, i = 1, …, n^q, а q = 1,…, Q.

Потом усложним модель – вместо независимости X_i^q **и** X_j^p, i ≠ j рассмотрим случай, когда

cov $(X_i^q, X_j^q) = c_{ij}$, где не все $c_{ij} = 0\ (1 \le i, j \le n)$.

В результате расчетов время выполнения q-ой работы X^q, q=1,…, p в календарном графике строится доверительный интервал с заданными вероятностями $c_i^q \le X_i^q \le d_i^q$. Например,

$$P\left(X_i^q \in I_i^q\right) = P\left(X_i^q \in (c_i^q, d_i^q)\right) = 0{,}95$$ (Линник, Халфина, Никулин, 1989)

Можно строить полную теорию такого ряда как для календарных, так и для сетевых графиков. Допущения о гауссовском распределении можно заменить и/или ослабить.

Перечисленные выше модели будем называть аддитивными. Отобразим это в формуле:

$$X_i = \sum_q X_i^q + \sum_{q,r=\overline{1,R}} \mathbf{cov}\ (X_i^q, X_i^r)$$(см. кн. Вероятность и статистика).

Оценив $\mathbf{cov}\ (X_i^q, X_i^r)$ для всех 1≤q,r≤Q,R через $\widehat{cov}(X_i^q, X_i^r)$, например, используя статистические данные или с помощью экспертов в области реализации транспортных мегапроектов, можно получить оценки времени реализации обсуждаемого МЦД и прочих. На эту тему нужно писать специальные статьи и т.п., а также выполнять соответствующие расчеты.

Такие же расчеты необходимо произвести и для стоимости проекта по имитационному моделированию (см. кн. Павловского, 2000).

Список литературы

1. Бюржель Г. Умирает ли Париж? Пер. с фр. Туницкой Е., Колесникова С. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 176 с.
2. Вероятность и статистика. Энциклопедия. – М.: Рос. энциклопедия, 1989. – 912 с. В ней статьи: Доверительное оценивание, авт. Ю.В. Линник, Н.М. Халфина. Доверительный интервал, авт. М.С. Никулин.
3. Коффман Э.Г. Введение в детерминированную теорию расписаний // Теория расписаний и вычислительные машины / Пер. с англ., под ред. Головкина Б. А. – М.: Наука, 1984. – С. 9–65.
4. Ляув Б. Новые площадки реновации // Ведомости. – М., 2017. – 5 декабря.
5. Павловский Ю.Н. Имитационные модели и системы. – М.: ФАЗИС: ВЦ РАН, 2000. – X, 134 с.
6. Попова А.В. Подземку и Центральное кольцо Москвы дополнят диаметры наземного метро // Независимая газета. 2017. – 20 ноября.
7. Пфлегинг Н. Управление на основе гибких целей. Вне бюджетирования: как превзойти конкурентов в XXI веке. Пер. с нем. Друзенко А. – М.: Белый город, 2009. – 280 с.

[1] Здесь мы апеллируем к т.н. теории расписаний (scheduling theory), см.: Коффман Э. Г. Введение в детерминированную теорию расписаний // Теория расписаний и вычислительные машины / Пер. с англ., под ред. Головкина Б. А. – М.: Наука, 1984. – С. 9–65.

Гудкова А.А.
к. э. н., начальник отдела НИИ РИНКЦЭ
Плиева З.Р.
к.э.н., зам директора Центра НИИ РИНКЦЭ

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ УСКОРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА[1]

Ключевые слова*: инновационное развитие, субъект Российской Федерации Дальневосточного федерального округа, инновационный потенциал, технологический потенциал, научно-технический потенциал, результативность исследований и разработок, типология субъектов Российской Федерации.*

Keywords*: innovative development, the subject of the Russian Federation of the Far Eastern Federal District, innovative potential, technological potential, scientific and technical potential, efficiency of research and development, typology of the subject of the Russian Federation.*

Ключевым вопросом и проблемой государственной региональной политики в настоящее время является пространственная трансформация территории страны, рассматриваемая в качестве единой системы, состоящей из двух подсистем – пространственной и отраслевой. Каждая из этих подсистем является экономическим гиперагентом. Именно в таком контексте разработаны стратегии социально-экономического развития федеральных округов и входящих в их состав субъектов РФ, сочетая в себе не только принципы отраслевого планирования, но и пространственное развитие территорий.

Роль субъектов РФ в обеспечении трансформации специализаций своих территорий обусловлена тем, что именно на региональном уровне происходит капитализация всех активов территорий (человеческого капитала, природных ресурсов, хозяйственных инфраструктур и т.д.) в системах национального и глобального экономического баланса. Кроме того, процессы генерации и практического использования научно-технических достижений все в большей степени имеют ярко выраженную региональную направленность, что свидетельствует об усилении роли сферы науки и инноваций в развитии субъектов РФ.

Геоэкономическое и геополитическое положение России предопределяет специфику развития различных регионов. Для Дальнего Востока главным пространством притяжения является Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), обладающий существенным технологическим и инвестиционным потенциалом. Ориентация на страны АТР делает экономику дальневосточных территорий более устойчивой. Конкурентные преимущества российского Дальнего Востока в АТР обусловлены его экономико-географическим расположением, наличием огромных запасов природных ресурсов (рудные и нерудные природные ископаемые, гидроэнергетические, лесные и другие ресурсы), а также наличием протяженного морского побережья и внешней границы, что в своей совокупности обеспечивает возможности международного сотрудничества.

Вместе с тем соседство с развитыми и развивающими странами этого региона наряду с выгодами создает проблемы, связанные с необходимостью повышения конкурентоспособности местного производства, сокращения преимущественно сырьевой специализации Дальневосточного федерального округа (ДВФО) во внешней торговле, преодоления отставания в экономическом, технологическом и инфраструктурном развитии. На решение этих проблем ориентированы органы исполнительной власти федерального уровня и субъектов РФ ДВФО, а целевой задачей является развитие территорий российского Дальнего Востока на основе инновационной модели развития.

Инновационный потенциал субъектов РФ ДВФО

Данные официальной статистики по показателям инновационного потенциала[2] отражают существенные различия между субъектами РФ ДВФО по достигнутому уровню их инновационного развития. В определенной степени это является результатом исторической эволюции проводимой государственной региональной политики, при которой сформировались отрасли традиционной специализации (промышленные, сырьевые). Имеющиеся в последние годы инфраструктурные проекты связаны с созданием «коридоров» к сырьевым ресурсам Дальнего Востока, а в качестве инфраструктурного обеспечения – с формированием кластеров, технологических платформ и других объектов инно-

[1] Статья подготовлена по материалам научно-исследовательской работы, выполняемой ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ в рамках государственного задания (№ 26.4430.2017/НМ) в сфере научной деятельности Минобрнауки России.

[2] В качестве информации и для проведения расчетов используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). – http://www.gks.ru

вационной инфраструктуры. В качестве «полюсов» роста рассматриваются созданные в ДВФО территории опережающего социально-экономического развития (ТОР).

В 2012–2015 гг. доля инновационно-активных организаций ДВФО, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем количестве инновационно-активных организаций (показатель уровня инновационной активности) не превышала 10,0% (табл. 1), что, впрочем, сопоставимо со средним по РФ уровнем.

Если обратиться к ключевому индикатору, характеризующему потенциал технологической модернизации и инновационного развития экономики региона (уровень инновационной активности организаций, осуществляющих технологические инновации), то и здесь средний показатель по ДВФО в целом ниже среднероссийского. Акцент на анализе этого показателя обусловлен предназначением технологических инноваций, а именно тем, что они представляют собой результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности[1].

В разрезе субъектов РФ ДВФО диапазон этого показателя имеет существенные колебания. Данные статистики позволяют оценить инновационное развитие в Хабаровском крае как наиболее устойчивое. Уровень инновационной активности организаций, осуществляющих технологические инновации, в 2012–2015 гг. был выше не только среднего значения по федеральному округу, но и РФ в целом.

На территории этого субъекта РФ находится крупная городская агломерация с развитой экономикой – город Комсомольск-на-Амуре, являющийся крупнейшим промышленным узлом с предприятиями авиастроения, судостроения, нефтепереработки, металлургического производства и др. Существенную роль в промышленном производстве Хабаровского края играет оборонно-промышленный комплекс, обладающий более совершенными технологиями. Именно эти предприятия в большей степени реализуют крупные инвестиционные проекты по созданию высокотехнологичных производств и выпуску конкурентоспособной продукции.

Однако интенсивность затрат на технологические инновации (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг) организаций Хабаровского края в последние годы снизилась до 2,40% (в 2013 г. – 3,30%). В 2013–2015 гг. сократился удельный вес произведенных инновационных товаров, работ, услуг (до 10,8%). При этом в общем объеме продукции, произведенной организациями ДВФО в целом, доля Хабаровского края в 2015 г. увеличилась до 21,06% (к примеру, в 2014 г. 6,31%).

Период 2012–2015 г. для Приморского края характеризовался спадом инновационной активности организаций, осуществляющих технологические инновации. Отсутствие спроса на технологические инновации способствовало снижению затрат на этот вид инноваций: с 3,72% в 2012 г. до 0,40% в 2015 г. Результатом стало сокращение доли инновационной продукции в общем объеме отгруженных в крае товаров, работ и услуг (с 1,7% до 0,3% соответственно). В экономике Приморского края значительное место занимают отрасли, связанные с добычей и обработкой природных ресурсов (горнодобывающая промышленность, лесная промышленность, агропромышленный и рыбохозяйственный комплексы), а также машиностроение (прежде всего авиастроение, судостроение и судоремонт) и пищевая промышленность (прежде всего рыбная). Значительная часть этих отраслей относится к производствам низкотехнологичного уровня.

На первый взгляд благополучная картина сложилась в трех субъектах ДВФО (Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском автономном округе). В отдельные годы число организаций, внедряющих инноваций, доходило до четверти от общего числа организаций, расположенных в этих субъектов РФ. Так, в Камчатском крае удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, составил в 2012 г. 23,5%, в Чукотском автономном округе – в 2014 г. 29,2%, а в Магаданской области – 19,6%. Однако эти данные не позволяют сделать однозначный вывод о потенциале, достаточном для инновационного развития этих субъектов РФ. Напротив, информация по этим субъектам РФ, представленная в таблице 1, свидетельствует о низких результатах их инновационной деятельности.

К примеру, несмотря на повышенный спрос организаций Камчатского края на технологические инновации доля инновационных товаров была весьма незначительной (0,3–1,2%). Интенсивность затрат на технологические инновации по сравнению со средней по федеральному округу величиной была ниже от двух до четырех раз. Доля этого субъекта РФ в объеме инновационных товаров, работ и услуг по ДВФО в целом составляла менее 1,5%.

Камчатский край является одним из наименее освоенных и экономически развитых субъектов РФ ДВФО. К ведущим секторам экономики края относится рыболовство (рыбная промышленность является основной специализацией промышленности края, произведя до 20,0% валового регионального продукта), торговля, транспорт, и связь. На стадии формирования находится горнопромышленный комплекс. На добывающий сектор экономики края приходится около 5,0% краевого объема отгруженных товаров, работ, услуг.

Основу экономики Магаданской области составляют горнодобывающая (добыча золота, угля) и пищевая промышленность, а также электроэнергетика. Экономическое развитие этого субъекта РФ в первую очередь определяют организации двух горнодобывающих зон – Магаданской и Колымской. Спрос на инновации во все годы периода 2012–2015 гг. был выше среднего уровня не только по федеральному округу, но и по РФ в целом (достигая, как отмечалось ранее, 19,6%). Несмотря на этот положительный факт интенсивность затрат на технологические инновации организаций Магаданской области оставалась на низком уровне (в диапазоне 0,32–0,89%).

Основными секторами экономики Чукотского автономного округа являются промышленность (добывающие отрасли: золотодобыча, уголь, газ), строительство, транспорт и связь.

[1] Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: ЦИСН, 1996.

Таблица 1

Инновационный потенциал субъектов РФ ДВФО

Субъект РФ	Годы	Удельный вес организаций, осуществляющих		Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, работ и услуг субъекта РФ	Доля субъекта РФ в объеме инновационных товаров, работ и услуг по ДВФО	Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг субъекта РФ
		технологические, организационные, маркетинговые инновации (%)	технологические инновации (в %)			
Республика Саха (Якутия)	2012	6,7	5,2	0,3	0,31	0,61
	2013	7,9	6,8	2,9	2,53	0,93
	2014	8,5	7,1	1,6	1,31	0,33
	2015	7,0	6,0	0,7	2,01	0,27
Камчатский край	2012	23,5	23,5	0,5	0,05	1,35
	2013	14,3	14,3	1,2	0,14	0,61
	2014	12,3	11,5	1,2	0,13	0,85
	2015	11,8	11,1	0,3	0,12	0,54
Приморский край	2012	11,7	10,6	1,7	1,00	3,72
	2013	9,4	8,5	1,0	0,61	3,00
	2014	9,3	7,7	0,3	0,17	0,66
	2015	6,1	5,6	0,3	0,55	0,40
Хабаровский край	2012	13,6	12,5	3,6	1,85	2,17
	2013	11,6	10,2	11,7	6,62	3,30
	2014	10,5	10,2	12,5	6,31	2,48
	2015	9,7	9,0	10,8	21,06	2,40
Амурская область	2012	7,8	6,8	4,2	1,50	4,00
	2013	6,4	5,7	4,7	1,44	3,44
	2014	6,1	5,8	4,7	1,12	3,37
	2015	5,4	4,8	2,8	3,90	2,89
Магаданская область	2012	24,6	19,6	9,4	1,76	0,70
	2013	24,6	19,6	10,0	1,65	0,48
	2014	15,1	12,0	0,1	0,01	0,32
	2015	14,3	11,4	10,7	6,38	0,89
Сахалинская область	2012	3,7	3,7	57,4	93,39	3,60
	2013	3,4	2,8	57,8	86,85	3,47
	2014	4,1	4,1	60,1	90,94	5,35
	2015	2,6	2,6	13,9	65,84	6,63
Еврейская автономная область	2012	9,0	6,4	0,0	-	1,21
	2013	6,3	5,1	0,0	-	3,02
	2014	6,3	6,3	0,6	0,01	0,68
	2015	5,3	5,3	1,1	0,06	0,58
Чукотский автономный округ	2012	17,9	14,3	1,2	0,14	0,14
	2013	25,0	21,4	1,7	0,17	0,14
	2014	29,2	29,2	0,0	0,01	0,05
	2015	17,8	17,8	0,1	0,08	0,80
ДВФО	2012	10,8	9,6	22,6	100,00	2,30
	2013	9,5	8,3	23,5	100,00	2,34
	2014	8,9	7,9	25,0	100,00	2,55
	2015	7,2	6,5	6,9	100,00	2,51
Российская Федерация	2012	10,3	9,1	8,0	–	2,52
	2013	10,1	8,9	9,2	–	2,92
	2014	9,9	8,8	8,7	–	2,95
	2015	9,3	8,3	8,4	–	2,63

Ориентация Чукотского края на развитие добывающих отраслей и проведение геологоразведочных работ с целью эффективного освоения минерально-сырьевой базы, с одной стороны, предопределила рост инновационной активности организаций, осуществляющих инновации, но, с другой стороны, не способствовала увеличению затрат на технологические инновации. Как пример, по результатам за 2014 г. уровень инновационной активности организаций, осуществляющих технологические инновации, составил 29,2%, а интенсивность затрат – 0,05%.

Обзор показателей инновационного потенциала Республики Саха (Якутия), Сахалинской и Амурской областей, а также Еврейской автономной области отражает низкий уровень инновационной активности организаций этих субъектов РФ ДВФО.

Инновационный потенциал Республики Саха (Якутия) составляет до 7,0% инновационно-активных организаций, осуществляющих технологические инновации. Ведущими секторами экономики этого субъекта РФ ДВФО являются горнодобывающая промышленность (добыча алмазов и золота), топливно-энергетический комплекс, химическое производство, металлургический комплекс, транспорт и связь и др. Данные сектора экономики относятся как к произ-

водствам среднетехнологичного высокого уровня (химическое производство), так и среднетехнологичного низкого уровня (металлургический комплекс).

Интенсивность затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, произведенных организациями Республики Саха (Якутия), в период 2012–2015 гг. составляла от 0,93 до 0,27%. Кроме того отмечалась тенденция снижения доли инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг (до 0,7%).

Анализ показателей инновационного потенциала Сахалинской области показывает, что при низкой инновационной активности организаций этого субъекта РФ, осуществляющих технологические инновации (2,8–4,1%) интенсивность их затрат на технологические инновации превышает средний уровень как по ДВФО, так и по РФ в целом.

Кроме того Сахалинская область лидирует по объемам инновационных товаров, работ и услуг, произведенных всеми инновационно-активными организациями ДВФО. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме произведенных в Сахалинской области продукции, товаров, оказанных услуг составлял до 60,0% (2012–2014гг.). Ощутимый спад произошел в 2015 г.: величина этого показателя снизилась до 13,9%.

Особо следует отметить, в общей структуре объема инновационных товаров, работ, услуг по ДВФО в целом именно организации Сахалинской области занимали лидирующие позиции: доля этого субъекта РФ доходила до 90,0%.

В Амурской области, несмотря на недостаточный уровень инновационной активности организаций, осуществляющих технологические инновации, интенсивность затрат на технологические инновации превышала среднюю по ДВФО величину. Основу экономики Амурской области составляют горнодобывающая промышленность (железные и титановые руды, золотодобыча, цветные металлы, алюмосиликатное сырье, бурый уголь, др.). Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг в 2012–2014 гг. составляла 4,2–4,7% с падением до 2,8% в 2015 г.

Характерно, что тенденция падения в 2015 г. величины показателя доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг отмечалась и в целом по федеральному округу. Спад составил более 15 процентных пунктов (с 25,0 до 6,9%).

Инновационная деятельность в Еврейской автономной области направлена на реализацию проектов, формирующих горнодобывающий комплекс и связанных с переработкой леса. На долю обрабатывающих производств приходится около 7,0% регионального валового продукта. Инновационная активность организаций этого субъекта РФ ДВФО составляла 5,1–6,4%. В 2014–2015 гг. резко снизилась интенсивность затрат на технологические инновации (с 3,02 до 0,58%). Доля произведенной инновационной продукции в Еврейской автономной области крайне незначительна, составив в 2015 г. в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг только 1,1%.

Технологический потенциал субъектов РФ ДВФО

Важным фактором, влияющим на инновационную деятельность, а также определяющим технологичность экономической системы субъекта РФ, является наличие разработанных передовых производственных технологий и использование передовых производственных технологий.

Доля субъектов РФ ДВФО в общей структуре разработанных передовых производственных технологий в целом по РФ весьма незначительна, составив в среднем за период 2012–2015 гг. 1,9%. Несколько выше доля ДВФО в общероссийской структуре используемых передовых производственных технологий (3,3%) (табл. 2).

Таблица 2

Разработанные и используемые передовые производственные технологии

Субъекты РФ	Число разработанных передовых производственных технологий, %				Число используемых передовых производственных технологий, %			
	2012 г.	201 г.3	2014 г.	2015 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Республика Саха (Якутия)	2	2	2	1	880	867	600	704
Камчатский край	1	3	–	–	129	158	206	312
Приморский край	11	–	4	5	1204	1311	1269	1190
Хабаровский край	1	6	10	12	2144	2656	2595	2571
Амурская область	–	–	–	–	342	540	639	668
Магаданская область	7	6	2	–	513	607	483	617
Сахалинская область	3	–	15	6	478	517	627/	723
Еврейская автономная область	–	–	–	–	120	145	145	158
Чукотский автономный округ	–	–	2	2	–	–	392	402
ДВФО всего	25	17	35	26	5810	6801	6956	7345
РФ всего	1323	1429	1409	1398	191 372	193 830	204 546	218 018

В период 2012–2015 гг. наиболее благополучная ситуация отмечалась в Хабаровском крае. Из общего количества передовых производственных технологий, разработанных организациями ДВФО (103 технологии), около трети (28,2%) приходилось на организации Хабаровского края, а в структуре распределения используемых передовых производственных технологий в целом по ДВФО – 37,0%. Рост количества разработанных передовых технологий в этом субъекте РФ отражает стабильность его технологического потенциала.

Вторым субъектом РФ в ДВФО по лидерству в области разработки передовых технологий являлась Сахалинская область. За 2012–2015 гг. организациями области создано 24 технологии (23,3% от общего количества технологий, разработанных в федеральном округе за этот период). Почти в полтора раза возросло количество используемых передовых производственных технологий (с 478 ед. в 2012 г. до 723 ед. в 2015 г.).

В Приморском крае, на долю которого приходилось 19,4% от общего количества разработанных в федеральном округе передовых производственных технологий, отмечался ощутимый спад активности в этой области деятельности (в 2,2 раза). При этом количество используемых передовых производственных технологий сократилось только на 1,2%.

Из субъектов РФ ДВФО, имеющих низкую активность в разработке передовых производственных технологий и их использовании, выделяются Камчатский край и Чукотский автономный округ.

Научно-технический потенциал субъектов РФ ДВФО

В 2015 г. сеть научных организаций ДВФО объединяла 180 различных типов организаций, выполняющих исследования и разработки (ИиР) (табл. 3), что составило 5,5% от общего числа научных организаций в целом по РФ. Основной научно-технический потенциал сосредоточен в Приморском и Хабаровском краях и Республике Саха (Якутия). На эти три субъекта РФ приходилось 65,0% организаций, выполняющих ИиР, и 76,5% численности персонала, выполняющего ИиР, федерального округа.

При этом в структурах организаций и кадрового потенциала научно-технической сферы ДВФО доля организаций Приморского края составляла 28,1%, кадрового потенциала –41,1%, Хабаровского края – 23,3% и 15,7%, Республики Саха (Якутия) – 12,8% и 17,3% соответственно.

Средний размер одной организации Приморского края, выполняющей ИиР, в 2,4 раза больше, чем у другого лидера – Хабаровского края (в 2015 г. 114 и 47 человек соответственно).

Устойчивым трендом являлось увеличение численности персонала, занятого ИиР, в Хабаровском крае (в 2015 г. по сравнению с 2012 г. рост составил 26,7%), в Приморском крае (на 6,0%) и Сахалинской области (на 7,4%). При этом сократилась численность персонала, занятого ИиР, в Республике Саха (Якутия) (на 5,4%), Камчатском крае (на 3,6%). Наиболее существенным был отток научных кадров в Амурской области (на 19,7%).

Распределение персонала по категориям показывает, что удельный вес исследователей (ключевая категория персонала) в общей численности персонала, занятого ИиР, по ДВФО в среднем составил 51,0%.

Наилучшим образом пропорции кадрового потенциала складывались в научно-технических организациях Хабаровского края: доля исследователей в общей численности персонала, занятого ИиР, составляла от 60,1% (2012 г.) до 65,7% (2015 г.).

Во всех субъектах РФ ДВФО за исключением Республики Саха (Якутия) наблюдался рост численности исследователей. К примеру, в научно-технических организациях, расположенных в Камчатском крае, их удельный вес увеличился с 44,1 до 57,5%, Сахалинской области – с 42,0 до 51,8%.

Важным индикатором, характеризующим научно-технический потенциал региона, является наличие высококвалифицированных кадров. Практически во всех субъектах РФ федерального округа (за исключением Сахалинской области и Чукотского автономного округа) более половины исследователей имеют ученые степени, что можно считать положительным фактом, позволяющим обеспечивать устойчивость сферы науки и инноваций.

Результативность исследований и разработок

Одним из индикаторов, отражающих результативность ИиР, является число поданных и выданных патентных заявок на изобретения и полезные модели. Результаты научно-технической деятельности, оцениваемые по числу поданных патентных заявок на изобретения и полезные модели, показали, что лидерство занимают Приморский и Хабаровский края. Их доля в общем числе поданных патентных заявок на изобретения и полезные модели по федеральному округу в целом составила 32,5 и 29,3% соответственно (табл. 3).

Аналогичная ситуация по этим субъектам РФ складывалась и по числу выданных патентных заявок. За 2012–2015 гг. в общей структуре выданных патентных заявок на изобретения и полезные модели по федеральному округу в целом 35,0% составляла доля Приморского края и 31,1% – Хабаровского края.

Среди других субъектов РФ ДВФО можно выделить регионы с умеренной изобретательской активностью (в диапазоне 12,5–17,0%): Амурская область (доля области в структуре числа поданных за 2012–2015 гг. патентных заявок составила 16,3%, выданных – 16,6%), Республика Саха (Якутия) (13,5 и 12,5% соответственно).

Крайне низкие показатели изобретательной активности отмечались в Магаданской области (1,3 и 1,0%), Сахалинской области (1,3 и 0,9%) и Еврейской автономной области (1,2 и 0,6% соответственно).

Результаты представленного выше анализа основных показателей инновационного, технологического и научно-технического потенциалов отражают различный уровень состояния и развития субъектов РФ ДВФО в сфере науки и инноваций.

Общая оценка состояния потенциала субъектов РФ ДВФО

Анализ инновационного, технологического и научно-технического потенциалов, развитости инновационной инфраструктуры, наличия нормативно-правового обеспечения отражает разную степень готовности субъектов РФ к формированию инновационной модели развития.

Проведение группировки субъектов РФ по типам (типологизация) позволяет выявить группы субъектов РФ с идентичными характеристиками и оценить не только достигнутый уровень инновационного развития, но и перспективы.

В основу предлагаемой ниже группировки положен подход к типологизации субъектов РФ на основе значения комплексного индикатора, разработанный в ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. Алгоритм осуществления типологизации субъектов РФ изложен в работе[1]. На основе расчетов стандартных индексов и базовых индикаторов (с учетом оценки степени симметричности распределения данных по каждому из применяемых показателей) выделены четыре типа субъектов РФ:

1 тип – с высоким уровнем инновационного развития;

2 тип – с наличием потенциала для инновационного развития;

3 тип – с наличием потенциала для инновационного развития, но используемым его недостаточно эффективно;

4 тип – с низким уровнем инновационного развития.

Таблица 3

Научно-технический потенциал субъектов Российской Федерации ДФО

Показатели	Годы	Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская автономная область	Чукотский автономный округ	ДФО всего
Организации, выполняющие исследования и разработки (ИиР)	2012	24	15	49	41	16	7	16	2	1	171
	2013	24	15	48	41	18	7	17	3	1	174
	2014	24	15	47	38	17	8	18	2	1	170
	2015	23	17	51	43	17	8	17	2	2	180
Численность персонала, занятого ИиР, чел.	2012	2378	1175	5482	1612	862	565	827	307	19	13 227
	2013	2314	1136	5727	1599	1073	559	850	234	…	…
	2014	2315	1240	5427	1701	717	798	850	…	…	13 204
	2015	2250	1133	5809	2043	692	636	888	…	24	…
Численность исследователей, чел.	2012	1252	518	2629	996	457	241	347	202	11	6653
	2013	1254	520	2630	961	693	234	357	203	…	…
	2014	1304	629	2399	1058	367	355	391	…	…	6701
	2015	1183	652	2871	1342	367	353	460	…	14	…
Численность исследователей с учеными степенями, чел	2012	735	212	1692	433	243	121	103	127	2	3668
	2013	731	195	1664	452	433	118	123	133	…	…
	2014	785	273	1568	530	203	216	129	…	…	3854
	2015	691	285	1815	761	192	212	122	…	4	…
Исследователи в общей численности персонала, занятого ИиР, %	2012	52,6	44,1	48,0	61,7	53,0	42,7	42,0	65,8	57,9	50,3
	2013	54,2	45,8	45,9	60,1	64,6	41,9	42,0	86,8	…	…
	2014	56,3	50,7	44,2	62,2	51,2	44,5	46,0	…	…	50,7
	2015	52,6	57,5	49,4	65,7	53,0	54,1	51,8	…	58,3	…
Исследователи в общей численности исследователей, %	2012	58,7	40,9	64,4	43,5	53,2	50,2	29,7	62,9	18,2	55,1
	2013	58,3	37,5	63,3	47,0	62,5	50,4	34,5	65,5	…	
	2014	60,2	43,4	65,4	50,1	55,3	60,8	33,0		…	57,5
	2015	58,4	43,7	63,2	56,7	52,3	60,1	31,2		28,6	…
Число поданных патентных заявок на изобретения и полезные модели	2012	102	18	298	286	120	10	11	3	–	848
	2013	145	24	287	252	159	9	9	6	–	891
	2014	122	108	282	252	127	9	6	13	–	919
	2015	106	10	279	249	167	16	19	21	–	867
Число выданных патентов на изобретения и полезные модели	2012	90	12	268	236	82	6	6	2	–	702
	2013	75	22	244	231	116	3	7	1	–	699
	2014	102	13	243	218	129	8	6	1	–	720
	2015	98	23	270	225	160	12	6	14	–	808

Информация, приведенная в табл. 4, отражает положение субъектов РФ ДВФО в предложенной типологии регионов за период 2012–2015 гг.

Устойчивые позиции занимают Приморский край и Сахалинская область, которые согласно методике ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, отнесены к типу регионов, потенциал которых позволяет обеспечивать инновационное развитие (2 тип).

Большинство субъектов РФ федерального округа, несмотря на наличие потенциала для инновационного развития использует его недостаточно. К таким субъектам относится и Приморский край, в котором сосредоточена значительная часть научно-технического потенциала федерального округа.

Позиции Магаданской области, отнесенной в 2012–2013 гг. к типу субъектов РФ с наличием потенциала для инновационного развития (2 тип), в последующие два года снизились. Это является отражением недостаточности использования в этом субъекте РФ имеющегося потенциала.

Низкий уровень инновационного развития отмечен в Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе.

[1] Гудкова А.А., Ольшевский Д.В. Методологические подходы к оценке инновационного развития субъектов Российской Федерации // Инноватика и экспертиза. Научные труды. Вып. 2 (17). – М., 2016.

Таблица 4

Положение субъектов РФ ДВФО в типологии регионов по уровню инновационного развития в 2012–2015 гг.

Субъект РФ	Тип субъекта РФ			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Республика Саха (Якутия)	3	3	3	3
Камчатский край	3	3	3	3
Приморский край	3	3	3	3
Хабаровский край	3	2	2	2
Амурская область	3	3	3	3
Магаданская область	2	2	3	3
Сахалинская область	2	2	1	2
Еврейская автономная область	4	4	4	4
Чукотский автономный округ	4	4	4	3

Заключение

Результаты анализа потенциала и результативности исследований и разработок позволяют определить направления корректировки инновационного пространства каждого субъекта Российской Федерации ДВФО с учетом имеющихся резервов ускорения инновационного развития, а также государственной поддержки развития отдельных территорий. Поддержка со стороны государства включает преференции для территорий опережающего социально-экономического развития (административную поддержку, льготы по налогам, взносам и ставкам, либерализацию таможенных процедур). Важным условием повышения инновационной активности субъектов Российской Федерации ДВФО является создание разветвленной инновационной инфраструктуры, включая формирование межрегиональной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности.

Дьячков А.Г.
соискатель Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург
Сурнина Н.М.
профессор Уральского государственного экономического университета
Decane@usue.ru
Шишкина Е.А.
доцент Уральского государственного экономического университета
Le_gre@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ)[1]

Ключевые слова: *регион, стратегическое планирование, инфраструктурный комплекс, электроэнергетика, экономическое пространство.*
Keywords: *region, strategic planning, infrastructure complex, electric power industry, economic space.*

В настоящее время в условиях активных технологических изменений, процессов новой индустриализации, смены технологической парадигмы особое значение приобретает инфраструктурная обеспеченность территорий. Уровень развития инфраструктуры, эффективность функционирования предприятий инфраструктурного комплекса являются важнейшим условием ее устойчивого социально-экономического развития. Инфраструктурная обеспеченность территории, доступность инфраструктуры определяет во многом возможности изменения экономического пространства и связана со многими элементами в системе территориальной организации – системой расселения, мобильностью населения, с размещением производств, строительством объектов, инвестиционной привлекательностью территории для бизнеса и др. Электро-инфраструктурный потенциал региона является интегральной характеристикой, отражающей условия транспортировки и сбыта электрической энергии потребителям, оказывающей влияние на инвестиционную привлекательность территории [1, с. 924]. Таким образом, пространственное измерение инфраструктуры подразумевает степень развития инфраструктуры на территории и представляется в изменениях отдельных аспектов территориальной организации. Поэтому управление развитием инфраструктурным комплексом неразрывно связано с управлением развитием экономического пространства в целом.

В современный период управление и планирование развития экономического пространства региона и его инфраструктурного комплекса отражено в системе документов прогнозного и планового характера. Основными элементами системы документов стратегического планирования развития инфраструктурного комплекса являются: Стратегия социально-экономического развития РФ (Концепция перспективного комплексного социально-экономического развития [2]), Стратегия пространственного развития РФ [3], Энергетическая стратегия РФ до 2030 года [4], основные положения региональной социально-экономической политики (стратегий) в разрезе ее отдельных составляющих и средства реализации указанных целей. Фактически действующая система состоит из трёх взаимоувязанных типов документов: генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики, схемы и программы развития ЕЭС России, а также схем и программ перспективного развития электроэнергетики субъектов Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Сроки и периодичность подготовки документов стратегического планирования по вопросам развития электроэнергетического комплекса РФ

Документ	Период действия, годы
Стратегия социально-экономического развития РФ	2008–2020
Стратегия пространственного развития РФ	2017–2030
Энергетическая стратегия РФ до 2030 года	2016–2035
Схема и программа развития Единой энергетической системы РФ на 2016-2022 гг.	2016–2022
Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»	2017–2025

Энергетической стратегией России на период до 2030 года [4] сформулированы направления и ключевые технологические и экономические задачи развития энергетического сектора страны, включая эффективное использование природных энергетических ресурсов, потенциала энергетического сектора для устойчивого экономического роста,

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 17-02-00751-а) «Механизмы создания эффективного инфраструктурного энергетического обеспечения регионального развития (на примере Уральского региона)».

повышение качества жизни населения страны, укрепление ее внешнеэкономических позиций. Стратегия формирует новые ориентиры развития энергетического сектора в рамках перехода российской экономики на инновационный путь развития, предусмотренный Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года [2].

Формирование стратегических направлений развития инфраструктурного комплекса региона является достаточно сложным процессом, поскольку предполагает учет общенациональных и региональных интересов в сфере энергообеспечения субъектов хозяйствования и населения территории. Выработка перспективных направлений развития энергокомпаний регионов страны во многом связана с системой их государственного регулирования.

Анализ процесса стратегического планирования развития электроэнергетического комплекса на общенациональном и региональном уровнях на основе обобщения практики разработки стратегических документов в энергетике показывает, что эффективность планирования в электроэнергетике связана с качеством экономического планирования и прогнозирования в целом в стране.

Направления развития объектов электроэнергетического комплекса определяются федеральными и региональными органами государственной власти. Поэтому важна взаимосвязанность стратегических целей и задач развития местных объектов электросетевого хозяйства, объектов, потребляющих электрическую энергию, со схемами и программами развития единой общероссийской электрической сети на долгосрочный период, генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики. При разработке стратегии и плана мероприятий по реализации стратегии должна учитываться и информация, непосредственно содержащаяся в программе комплексного развития систем инфраструктуры, а при ее отсутствии – в иных документах, регламентирующих развитие объектов инфраструктуры. Достижение целей и решение задач социально-экономического развития территории должно быть увязано с задачами и сроками, которые определены:

– договорами государственно-частного партнерства, заключенными в отношении объектов инфраструктуры;

– инвестиционными программами предприятий электроэнергетического (электросетевого) комплекса, программами развития единой электрической сети, иными федеральными, межрегиональными, региональными программами;

– утвержденными схемами развития инфраструктуры (в т.ч. единой общероссийской электрической сети) [5].

Формирование стратегических направлений развития энергетического комплекса региона является достаточно сложным процессом, поскольку предполагает учет национальных и региональных интересов в сфере энергообеспечения субъектов хозяйствования и населения территории. Одной из составляющих успешной реализации инвестпроектов является обеспеченность развиваемой площадки всей необходимой инфраструктурой [6], что во многом определяется эффективностью территориального планирования. В связи с этим актуальной задачей является максимальная синхронизации планов развития территорий с инвестиционными программами поставщиков энергоресурсов, разработка инструментов согласования планов развития территорий с планами развития электросетевого комплекса и доступностью электросетевой инфраструктуры [7, с. 260]. Поэтому наиболее эффективной представляется схема, при которой разработка программы развития инфраструктурного комплекса [8] предшествует разработке (корректировке, актуализации) стратегии и плана мероприятий по ее реализации. При этом планирование развития энергетики на период, превышающий сроки плановых документов социально-экономического развития, представляется нецелесообразным, т.к. в энергетике высока скорость технологических изменений, которые способны кардинальным образом изменить ее развитие.

Отсутствие механизма горизонтального согласования стратегий социально-экономического развития региона и бизнес-структур, функционирующих на его территории, существенно тормозит процесс инвестирования в энергообъекты. Требуется развитие механизмов межуровневой координации и согласовании процессов планирования и реализации стратегического развития региона и представителей бизнеса, работающих на территории региона/муниципального образования (например, в части предоставления земельных участков под размещение электросетевых объектов, предназначенных для технологического присоединения). Важным представляется выстраивание механизмов взаимодействия субъектов электроэнергетики, потребителей и администраций регионов при формировании программ развития региональной энергетики, в рамках которого все стороны, а не только субъекты электроэнергетики, несли бы полную ответственность за заявленные планы.

Таким образом, развитие регионального экономического пространства и инфраструктурная обеспеченность территории являются взаимосвязанными и взаимовлияющими процессами, поэтому требуют скоординированного и согласованного управления ими. Однако в действительности при планировании и управлении социально-экономическим и пространственным развитием и развитием инфраструктуры определяется некоторая рассогласованность стратегий – в сроках, параметрах, последовательности. Поскольку эффективность планирования в электроэнергетике связана с качеством экономического планирования и прогнозирования в целом в стране, то значимым является повышение согласованности планов развития территорий и развития инфраструктурного комплекса, основанного на их синхронизации, механизмах горизонтального согласования стратегий, принципах партнерства.

Список литературы и источников

1. Баев И.А., Соловьева И.А., Дзюба А.П. Методические основы оценки и анализа электро-инфраструктурного потенциала регионов России // Экономика региона. 2017. – Т. 13, вып. 3. – С. 922–934.
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года**:** распоряжение Правительства РФ от 17.10.2008 № 1662-р.

3. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года – http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf
4. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. –http://minenergo.gov.ru/node/1026
5. Методические рекомендации по оптимизации стратегического планирования на муниципальном уровне / Пузанов А.С., Попов Р.А., Ланцев Д.М. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2015. – С. 18.
6. Ведение бизнеса. – http://russian.doingbusiness.org/
7. Дьячков А.Г. Согласование стратегических интересов органов власти и предпринимательского сообщества при планировании развития территории / А.Г. Дьячков, Н.М. Сурнина, Е.А. Шишкина // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XI Международной конференции. 17–19 ноября 2016 года; ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». – В 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 253–263.
8. План мероприятий («дорожная карта») «Повышение доступности энергетической инфраструктуры» (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июня 2012 г. № 1144-р).

Жаркова Т.И.
к.п.н., доцент Челябинского филиала Финансового университета

МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД ЧТЕНИЕМ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: *чтение, методика, мотивация, деятельность, немецкий язык, экономический вуз.*
Keywords: *reading, methodic, motivation, activity, German, economic university.*

Финальные общие цели обучения иностранному языку, согласно В.А. Артемову, в конечном счете, определяются потребностями общества на данном этапе его развития [2, с. 143]. Актуальной задачей в настоящее время является задача формирования и развития вторичной языковой личности, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом иностранном языке. Владение иностранным языком – необходимое условие вхождения индивида в мировое коммуникативное пространство, что в полной мере относится к творчески мыслящему, современному специалисту в области финансов, экономики и бизнеса.

Согласно Э.Г. Азимову и А.Н. Щукину, мотивация – это процесс действия *мотива*. Иерархию основных объективных факторов, определяющих мотивы выбора иностранного языка в качестве объекта изучения, можно представить следующим образом: необходимость использования языка в последующей деятельности (учебе, работе и т.д.), получение доступа к существующей на изучаемом языке информации, осознание роли языка как языка-посредника при контактах с носителями языка [1, с. 148]. Р.К. Миньяр-Белоручев определяет мотивацию как систему побудительных причин человеческого поведения, источник активности, организующий и направляющий деятельность человека. С точки зрения мотивации изучения иностранных языков, различают: коммуникативную (основанную на необходимости общения на иностранном языке), познавательную, инструментальную (связанную с особенностями специальности), эстетическую мотивации [8, с. 57–58].

Различают внешнюю и внутреннюю мотивацию: первая зависит от окружающей среды (преподаватель, учебная группа, родители, окружение), вторая обусловлена уровнем заинтересованности учащихся в изучении иностранного языка, личной значимостью информации о стране, культуре, традициях, истории страны изучаемого языка. Объективные факторы преломляются в индивидуальном представлении и становятся источником мотива в изучении языка. Индивидуально-личностные представления, сложившиеся на основе полученных впечатлений, благоприятно воздействовавших на воображение (полюбившиеся герои фильмов и литературных произведений, мелодии песен и т.д.), являются источником мотивированного подхода к изучению языка. Среди факторов, влияющих на формирование мотива, наибольшую роль играют способы организации учебной деятельности, например *коллективные формы обучения*, *ролевые игры* [1, с. 148].

В нашем вузе немецкий язык изучается на первом, втором и третьем курсах. А.Л. Зеленецкий указывает на то, что в настоящее время немецкий язык занимает среди германских второе место по количеству говорящих, являясь родным языком приблизительно для 90–98 миллионов человек. Помимо Германии, Австрии и Лихтенштейна, где немецкий является языком основной массы населения, его использует также большая часть населения Швейцарии и практически все жители Люксембурга, где немецкий функционирует как один из трех официальных языков наряду с французским и люксембургским. Как язык национальных меньшинств немецкий распространен прежде всего во Франции, США, Бельгии, Румынии, России, Казахстане [11, с. 23]. В связи с этим немецкий язык является более предпочтительным в качестве второго иностранного языка. На его изучение отводится 324 часа (208 аудиторных и 116 часов самостоятельной работы). Такое количество часов крайне недостаточно, исходя из тех требований, которые предъявляются к выпускнику. Он должен, в первую очередь, владеть нормативным произношением и экономической терминологией. Только владея терминологией можно понять аутентичные тексты, содержащие профессионально-значимую информацию в сфере финансов, экономики и бизнеса, а также использовать полученные знания в будущей профессиональной деятельности. Будущий специалист должен владеть грамматическими явлениями, необходимыми для профессиональной речи, а также уметь читать специальную литературу: работать с каталогами и проспектами, разбираться в инструкциях и т.д. Кроме этого выпускник должен уметь прочитать и понять информационные материалы, писать различные виды речевых произведений, в том числе и деловые письма. Ну, и, конечно, он должен иметь определенный запас слов, знать правила речевого этикета, чтобы объясняться с носителем языка, хотя бы в пределах своей специальности. Будущий специалист должен не только иметь представление об общих национально-культурных особенностях невербального общения носителей языка, но и знать компоненты невербального общения, понимать их влияние на эффективность бизнес-общения.

Изучение дисциплины «*Иностранный язык*» рассматривается как важный компонент профессиональной подготовки студента. Владение знаниями данной дисциплины является общественно и личностно-значимым фактором,

расширяющим возможности самореализации современного специалиста и одновременно повышающим степень востребованности и конкурентоспособности будущих специалистов в сфере экономики и финансов на рынке труда.

Определены требования к входным знаниям, умениям и владениям студентов для освоения дисциплины «*Иностранный язык*». Студент должен:

Знать:

- систему грамматики немецкого языка и умело использовать ее в коммуникативных целях;
- вокабюляр, включающий неологизмы, лингвострановедческую лексику, фразеологизмы, аббревиатуры, речевые клише, современные обороты из молодежного узуса, столь необходимые для жизни в новой социально-экономической среде, а главное *экономическую терминологию*;
- страноведческие сведения, раскрывающие особенности Германии и немецкоговорящих государств, специфику немецкой культуры, национальные традиции и обычаи немецкого народа;
- контекстуальное значение слова, сравнивать объем его значения в двух языках, определять структуру значения слова, определять специфически национальное в значении слова;
- немецкий язык в объеме, необходимом для получения профессиональной информации из зарубежных источников по экономике и реализации межкультурного делового общения.

Уметь:

- понимать информацию при чтении оригинальной справочной, научной/культурологической литературы и литературы по специальности в соответствии с конкретной целью (ознакомительное, изучающее, просмотровое, поисковое чтение);
- оценивать, анализировать, интерпретировать информацию на основе прочитанного текста в формате подготовленного монологического высказывания (презентации по предложенной теме); развертывать предложенный тезис в виде иллюстрации, детализации, разъяснения;
- аннотировать и реферировать тексты;
- выражать коммуникативные намерения в связи с содержанием текста / в предложенной ситуации.

Владеть иностранным языком в объеме, достаточном для чтения текстов, навыками извлечения необходимой информации из оригинального текста на иностранном языке по проблемам экономики и финансов; поиска необходимой информации в *Интернете* и работе в сети.

Чтение является одним из видов речевой деятельности. Р.К. Миньяр-Белоручев определяет этот вид речевой деятельности следующим образом: «Чтением называется зрительное восприятие и понимание письменной речи» [7]. На основании приведенного определения можно рассматривать профессионально ориентированное чтение как один из важнейших видов коммуникативной деятельности студентов, направленный на извлечение и овладение информацией по специальности из письменно фиксированного текста, отражающего профессиональные потребности студентов, изучающих иностранный язык, или, другими словами, как эффективное средство, инструмент получения и усвоения информации, необходимой для профессиональной деятельности будущего специалиста.

Опыт работы в неязыковом вузе показал, что студенты не любят читать тексты не только с языковыми трудностями, но и большие по объему. Богатый лингвострановедческий материал может выступить в роли тормоза в формировании навыков говорения. Поскольку чтение должно быть «поставлено на службу» бизнес-общения, мы включаем в каждый урок тексты из раздела «Текстотека» [10], где студенты могут найти несложные и небольшие по объему тексты по пройденным темам. Они повышают у обучаемых мотивацию к занятиям немецким языком, поддерживают в памяти языковые структуры, увеличивают объем памяти, способствуют углублению системных знаний, а также расширяют эрудицию и кругозор студента, обогащают его нужной и необходимой в его будущей профессиональной деятельности информацией, т.е. удовлетворяют его запросы и интересы, являясь дополнительным источником информации. Каждая новая встреча с таким текстом вызывает у студента радость, а правильное понимание его – удовлетворение от того, что о его профессии заговорили на иностранном языке. Учитывая тот факт, что студент – это личность, которой, наряду с обязательным минимумом, необходимо предоставить свободу выбора текстов в соответствии с его интересами, в раздел «Текстотека» включено достаточно большое количество текстов, которые они могут использовать как средство самостоятельного повышения своей квалификации [10]. Необходимо отметить, что тексты для профессионально ориентированного чтения должны быть подобраны согласно методическим принципам аутентичности, коммуникативности и профессиональной направленности и должны являться средством «удовлетворения профессиональной информационной потребности» студента (Т.С. Серова).

В вузе продолжается развитие стратегических умений профессионально ориентированного чтения, формирование которых было начато в школе. Согласно Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, эти умения сводятся к следующему перечню:

- уметь прогнозировать значение слов по начальным буквам;
- догадываться о значении слов на основе сходства со словами родного языка;
- прогнозировать содержание, опираясь на заголовки (изобразительную наглядность, сноски, предтекстовые вопросы и др.);
- игнорировать незнакомые слова, не влияющие на понимание основного содержания;
- возвращаться к прочитанному с целью уточнения или лучшего запоминания;
- использовать для понимания содержания текстовые опоры (таблицы, схемы, графики, шрифтовые выделения и др.);
- использовать двуязычные и одноязычные словари [5, с. 237];
- использовать толковые словари, электронные словари, Интернет-ресурсы, базы данных, справочники и каталоги в поиске значений незнакомых слов.

Работа над чтением текста представляет следующие управленческие циклы. К первому циклу относим предтекстовой этап, упражнения которого способствуют развитию коммуникативной компетенции студентов. Эти упражнения направлены на реализацию:

- ассимиляции (от лат. *assimilatio* – усвоение) терминологической лексики;
- снятия языковых трудностей;
- антиципации содержания текста;
- актуализации знаний студентов и их жизненного опыта.

При профессионально ориентированном чтении с пониманием ведущая роль принадлежит словарному запасу. В экономическом вузе знание экономического тезауруса является основополагающим в формировании коммуникативной компетенции студентов, желающих быть конкурентоспособными на рынке труда. Формирование и развитие тезаурусного уровня вторичной языковой личности, «представляющей собой совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне» [4, с. 59], обеспечивает понимание причинно-следственных и логических связей текста, а также глубокое и беспрепятственное проникновение в содержание профессионально ориентированных текстов.

Будущие бакалавры экономики, менеджмента организации, банковского дела, бухгалтерского учета, бизнес-информатики, государственного и муниципального управления должны владеть терминологией. В большинстве случаев термины экономических наук являются интернационализмами и сходны по звучанию в разных языках. В связи с этим необходимо особо обратить внимание на произношение изучаемых терминов. Отработка произношения терминов входит в состав предтекстовых упражнений. Работа должна обязательно проводиться хором. Хочется отметить, что некоторые преподаватели избегают этого вида деятельности по ряду причин (экономия времени, возраст студентов). Хорошо отработанное произношение термина или слова облегчает в дальнейшем процессы чтения и говорения.

В качестве контроля усвоения произношения терминологии проводим фонетическую игру «*Кто быстрее и правильнее прочитает?*» Студенты должны правильно прочитать термины и их расшифровки. Учебная группа делится на две подгруппы. Работа проводится следующим образом:

1. Каждая подгруппа получает набор карточек с терминами по изучаемым подтемам темы «*Finanzen und Wirtschaft Deutschlands*»: «*Geld*», «*Börsen*», «*Bankwesender Bundesrepublik*», «*Unternehmensformen*» (z.B. *Devisen pl, Wechsel m, Münze f, Bargeld n, Geldmenge f, Börsenkurs m, Wertpapier n, Kassenbudget n, Dividende f, Förderbanken pl, Deutsche Bundesbank f, u.s.w.*).

1. Devisen *pl*	a) *auf fremde Währung lautende und im Ausland zahlbare Forderungen gegenüber Ausländern. Forderungen gegenüber ausländische Banken sind Devisen im engeren Sinn, ausländische Banknoten und Münzen werden als Sorten bezeichnet.*
2. Wechsel *m*	b) *schriftliche, unbedingte, jedoch befristete Zahlungsverpflichtung in gesetzlicher vorgeschriebener Form (Wertpapier)*
3. Münze *f*	c) *geprägtes Metallstück*

2. Студент одной команды читает по толковому словарю определение термина, студенты другой команды отгадывают термин и наоборот.

3. Студентам обеих команд выдаются карточки с терминами по изучаемой теме. Они должны объяснить данный термин, дать определение на немецком языке.

4. Преподаватель может познакомить студентов с этимологией изучаемой терминологии.

Еще одну трудность в профессионально ориентированном чтении представляют **сложные слова**. Обилие сложных слов отличает немецкий язык от других языков. При чтении сложных слов трудность состоит прежде всего в их длине. Если образ такого сложного слова еще не запечатлелся в памяти, читателю нужно более длительное время для его зрительного охвата, произнесения и понимания. Такие слова запоминаются за две или три фиксации, в зависимости от количества составляющих. Сложное слово воспринимается как смысловое целое, если это слово знакомо читателю (А. Илиева).

Для работы со сложными существительными предлагаем студентам следующие упражнения:

- Lesen Sie folgende Komposita mit richtiger Betonung und übersetzen Sie diese: *Bundesbank, Gelddarlehen, Finanzfachmann, Wirtschafts-und Währungsunion, Eurozone, Preisstabilität, Konsumentenkredit, Banksparkasse.*
- Bilden Sie bitte Komposita:
- mit Grunwort *«die Bank»:* (z.B. Bundes**bank** – Landeszentral**bank)**

das Geschäft, das Ausland, der Kredit, der Wechsel, der Diskont, der Teilnehmer, die Entwicklung;

- mit Bestimmungswort «*die Bank*»: (z.B. **Bank**sparkasse)

das Akzept, das Direktorium, die Bilanz, der Betrieb, das Depot, die Abteilung, das Auskunft, das Darlehen [Архипкина, Завгородняя, Сарычева, 2010: 153].

К предтекстовому этапу относятся следующие задания:

- постановка задачи, т.е. с какой целью читается текст. Установлено, что она оказывает «значительное влияние на итог запоминания». Читающий по-иному будет читать, в зависимости от того, какую задачу поставил учитель: пересказать текст либо ответить на вопросы [13, с. 264];
- антиципация (от лат. *anticipio* – предвосхищаю), которая может осуществляться по заголовку, содержащему информативный «сгусток» (М.В. Ляховицкий). Студентам предлагаются следующие задания:

z.B. *Lesen Sie den Titel des Textes und stellen Sie Hypothesen auf, worum es im Text gehen könnte. Wie viele und welche Varianten können Sie vorschlagen? Bei der Antwort können Sie folgende Redewendungen gebrauchen:*

- *In diesem Text geht es um (handelt es sich um)… .*
- *Der Titel « ...» lässt ... erwarten.*

• *Nach dem Titel kann man … verstehen.*

• *Der Text ... scheint auf den ersten Blick vom Thema (vom Problem) zu handeln.*

• изучение таблиц, схем, иллюстраций, на основании которых можно определить, о чем пойдет речь;

• составление ассоциограммы. Перед чтением текста «*Deutsche Bundesbank*» студентам предлагается назвать, какие ассоциации у них возникают со словом «*die Bank*» и предлагается составить ассоциограмму, затем происходит озвучивание и сравнение ассоциограмм студентов:

• *Was assoziieren Sie bei dem Wort «Bank»? Durch welche Wörter können Sie das Wort «die Bank» ersetzen?* .

• *Schreiben Sie bitte dieses Wort in das Oval und notieren Sie Ihre Assoziationen.*

• *Nehmen Sie bitte Ihr Assoziogramm, das Sie gemacht haben! Vergleichen Sie Ihre Assoziationen mit den Ausarbeitungen Ihrer Kolleginnen und Kollegen.*

• *Tauschen Sie Ihre Gedanken aus! Begründen Sie Ihre Auswahl!* [9, с. 44].

Хочется отметить, что в России, как и в Германии, ассоциограмма является любимой формой учебной деятельности обучаемых. Согласно Г. Суиту, изучение языка – это процесс образования ассоциаций. Если мы изучаем свой язык, то мы ассоциируем слова и предложения с мыслями, идеями, действиями, событиями [17, с. 35].

Второй этап управленческого цикла – это непосредственно чтение текста, при котором необходимо добиваться глубины понимания текста и использовать стратегию чтения, соответствующую целевой установке чтения. Во время чтения происходит проверка, подтверждение или уточнение прогнозов, выдвинутых перед чтением текста на основании заголовка, таблиц, схем, иллюстраций.

Текстовые упражнения на нахождение:

• ключевых слов, на основании которых можно научиться глобально понимать содержание текста и пересказать данный текст (*Lesen Sie bitte den Text und finden Sie Schlüsselwörter im Text auf*!);

• нужной информации, т.е. информации, которая известна/неизвестна, интересна/неинтересна, а также информации, которая не совсем понятна или совсем непонятна.

Третьим этапом управленческого цикла работы над чтением текста является послетекстовой этап, к которому можно отнести следующие послетекстовые упражнения:

• вопросно-ответные упражнения, на основе которых выявляются межкультурные различия (*Beantworten Sie bitte die Fragen in der Spalte!*) [9, с. 45]:

Fragen	**BRD**	**RUSSLAND**
1. Wie heisst die Zentralbank?		
2.Wo befindet sich der Sitz?		
3. Welche Aufgaben erfüllt diese Bank?		
4. Wer leitet die Bank?		
5. Aus welchen Banken besteht das Bankensystem?		
6. Wer sind Mitglieder der Bank?		

• определение основной идеи текста (*Wie ist die Hauptidee des Textes? Welches Thema wird im Text behandelt?*);

• интерпретация текста (процесс смысловой обработки текста адресатом, читателем);

• информационная обработка текста;

• обобщение прочитанного текста по ключевым словам (*Auffinden von Schlüsselwörter und -wortgruppen in Texten*);

• составление плана и краткий пересказ по этому плану с использованием изученной терминологии, выражением своего отношения к прочитанному (*Geben Sie bitte kurz den Inhalt des Textes nach der zusammengestellten Gliederung wieder!*);

• обобщение материала прочитанного текста + новый неизвестный для студента материал по данной теме (*Verallgemeinern Sie, was Sie Neues aus diesem Text erfahren haben?*)

• составление интеллект-карты («карты памяти» по Тони Бьюзену);

• комментирование текста (*Kommentieren Sie bitte den Text!*);

• ретроспекция (от лат. *retro* – назад и *spectio* – смотрю, обращение к прошлому, обзор прошедших событий), сопоставление полученной информации с уже ранее известной;

• беседа, деловые переговоры ;

• дискуссия, обоснование своей точки зрения (*Diskutieren Sie bitte die Fragen: Wodurch unterscheidet sich die Zentralbank in Deutschland von dieser in Russland? Teilen Sie bitte in zwei Gruppen! Führen Sie Argumente zu der These «…» an. Schreiben Sie Ihre Stellungsnahme zu der Problematik des Textes*);

• аннотирование – наикратчайшее изложение содержания первичного документа, дающее представление о теме (А.А. Вейзе);

• тезирование – обратный процесс написанию развернутого высказывания (М.В. Ляховицкий);

• реферирование – сжатие, свертывание общего содержания текста (М.В. Ляховицкий);

• резюме (фр.) – это вторичный текст, представляющий собой четко структурированное, сжатое по форме изложение основного содержания письменного источника информации. Одновременно это одно из важнейших практических умений, заключающееся в способности обрабатывать информацию, связно и последовательно выражая мысль автора (Н.А. Селиванова, А.Ю. Шашурина) (*Geben Sie bitte kurz in zwei, drei Sätzen den Inhalt des Textes wieder!*);

• учебное рецензирование;

• оценка содержания текста (*Gefällt Ihnen den Inhalt des Textes?*);

- перевод;
- ситуации профессионального общения;
- ролевые игры.

Хочется отметить, что при работе с текстом необходимо использовать такие задания, которые предусматривают логически последовательный переход от понимания содержания текста к его обсуждению на основе личного опыта студента. В беседах по тексту важно стимулировать личностное отношение студентов к информации, извлекаемой из прочитанного текста и аргументировать сказанное. Некоторые преподаватели избегают пересказов. Б.А.Лапидус считает, что «пересказы, особенно пересказы близко к оригиналу, до последних дней учебы остаются незаменимым средством идиоматизации и обогащения языка обучаемых» [6, с. 22]. При подготовке пересказа студентам предлагается использовать следующие выражения:

z.B. *Bei der Nacherzählung gebrauchen Sie folgende Tipps:*

- *Der Titel des Textes ist….*
- *Der Text heißt… .*
- *Das ist ein Auszug aus dem Buch «…» von ... genommen.*
- *Der Autor ist… .*
- *Es geht hier um … .*
- *Es handelt sich um … .*
- *Die Hauptidee des Textes ist… .*
- *Der Autor sagt, meint, denkt, betont, dass… .*
- *Zum Schluss möchte ich sagen, … .*
- *Meiner Meinung nach ist der Text aktuell, interessant, informativ* [9, с. 46].

Информационная обработка текста предполагает как понимание текста, так и наличие жизненного опыта. Например: *Прочитайте текст и назовите «+» и «-» … Lesen Sie bitte den Text und nennen …*

В заключение хотелось бы отметить, что чтение на иностранном языке, а также владение иностранным языком является неотъемлемым элементом общей культуры. Иностранный язык, являясь элементом культуры народа – носителя данного языка, служит для обучаемых «окном в мир» (И.Л.Бим), а также развивает личность обучаемого. Чтение, а именно профессионально ориентированное чтение, помогает воспитать «зрелого чтеца» (Л.В.Щерба), «заинтересованного читателя» (Гютри, Вигфильд), который «может координировать свои стратегии и знания в рамках профессионального сообщества с тем, чтобы реализовать свои личностные и профессиональные цели, желания и намерения, а также самостоятельно создать себе такие условия саморазвития, которые могут равняться нескольким годам профессиональной подготовки» (И.А. Мазаева). Профессионально ориентированное чтение помогает также раскрыть специфику приобретаемой профессии, «создать адекватную, точную и полную информационную основу профессиональной деятельности, сформировать компетентность специалиста, которая, в свою очередь, делает профессиональный труд высокоэффективным и производительным» [16, с. 54]. Современный университетский специалист – это широкообразованный человек, имеющий фундаментальную подготовку. Соответственно иностранный язык специалиста такого рода и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования. Все это предполагает фундаментальную и разностороннюю подготовку по языку [15, с. 7]. Профессионально ориентированное чтение имеет огромное значение не только для расширения кругозора, эрудиции, информационного поля студента, увеличения объема его экономических тезаурусных знаний, повышения личной профессиональной квалификации и конкурентоспособности, но и для развития и совершенствования навыков и умений реализации межкультурной коммуникации в сфере профессиональной деятельности, что, конечном счете, обеспечит его карьерный рост и жизненный успех.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1969. – 279 с.
3. Архипкина Г.Д., Завгородняя Г.С., Сарычева Г.П. Немецкий для экономистов: Учебное пособие. – М.: Дашков и К, 2010. – 320 с.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – М.: Аркти, 2003. – 192 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2005. – 336 с.
6. Лапидус Б.А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи (пути и приемы). – М.: Высш. шк., 1970. – 127 с.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. – М.: Просвещение, 1990. – 224 с.
8. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словник. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. – М.: Стелла, 1996. – 144 с.
9. Жаркова Т.И. Работа над чтением экономически ориентированного текста // Иностр. яз. в шк. 2015. – № 6. – С. 43–48.
10. Жаркова Т.И. Сборник текстов для самостоятельного дополнительного чтения. – Челябинск: Изд-во УрИБ, 2005. – 100 с.
11. Зеленецкий А.Л. Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 288 с.
12. Илиева А. Психолингвистические основы чтения и создание системы упражнений для развития умений и навыков чтения // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. Вып. 2 / Сост. Е.В. Синявская, М.М. Васильева, Е.В. Мусницкая. – М.: Прогресс, 1976. – 451 с.
13. Пассов Е.И. Учебное пособие по методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: Воронежский государственный пед. ун-т, 1975. – 283 с.
14. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

15. Тер-Минасова С.Г. Что мешает повышению качества преподавания // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2006. – № 3.
16. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – М.: Высш. шк., 2005. – 255 с.
17. Neuner G., Hunfeld H. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Eine Einführung. – Berlin: Universität Gesamthochschule Kassel, 2003. – 184 S.

Заусаев В.К.
д.э.н., профессор, научный руководитель ФАНУ «Востокгосплан», Хабаровск
Бежина В.П.
эксперт-аналитик ФАНУ «Востокгосплан»
Кручак Н.А.
руководитель направления ФАНУ «Востокгосплан»

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ – НОВАЯ МОДЕЛЬ РОСТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова*: Дальний Восток, территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), резиденты, виды экономической деятельности, эффективность, совершенствование механизмов ТОР.*
Keywords*: Far East of Russia, the territory of the accelerated social-economic development (TAD), residents, economic activity, efficiency, improvement of TAD mechanisms.*

Экономика Дальневосточного федерального округа (ДФО) высокозатратна. Поэтому в период рыночных преобразований ускоренное развитие получили сырьевые (рентные) отрасли экономики. Вместе с тем перед макрорегионом поставлена задача стать плацдармом интеграции России в АТР. Это требует формирования новой модели экономического развития. Одним из инструментов движения в этом направлении становятся территории опережающего социально-экономического развития (ТОР).

На начало 2018 г. в макрорегионе сформировано 18 территорий ТОР. Наибольшее число проектов реализуется резидентами в Приморском (60) и Хабаровском (52) краях (таблица 1). Несколько уступает им Камчатский край (37) и Чукотский автономный округ (24). Магаданская область не принимает участия в этом процессе, поскольку на ее территории действует особая экономическая зона.

Таблица 1

Перечень ТОР, направления деятельности и количество резидентов

Республика, край, область, округ	Наименование	Отраслевая специализация	Количество резидентов, ед.
Саха (Якутия)	«Кангалассы»	Индустриальный парк	12
	«Южная Якутия»	Горнодобывающая	6
Камчатский	«Камчатка»	Туристическо-рекреационная Портово-промышленная Агропромышленная	37
Приморский	«Надеждинская»	Легкая Пищевая Транспортно-логистическая	37
	«Михайловский»	Агропромышленная Пищевая	9
	«Большой Камень»	Судостроительная	13
	«Нефтехимический»	Нефтехимическая	1
Хабаровский	«Хабаровск»	Промышленная Транспортно-логистическая	27
	«Комсомольск»	Промышленная	20
	«Николаевск»	Пищевая Транспортно-логистическая Промышленная	5
Амурская	«Приамурский»	Промышленная Транспортно-логистическая	4
	«Белогорск»	Агропромышленная	5
	«Свободный»	Газохимическая	2
Сахалинская	«Горный воздух»	Туристическо-рекреационная	8
	«Южная»	Агропромышленная Пищевая	4
	«Курилы»	Пищевая Рыбная	–
Еврейская автономная	«Амуро-Хинганская»	Легкая Пищевая Туристическо-рекреационная	4
Чукотский автономный	«Беринговский»	Горнодобывающая	24

Анализ структуры инвестиций 183 юридических лиц по видам экономической деятельности, получивших статус резидента ТОР, показал преобладание обрабатывающих производств. Здесь планируется создание наибольшего количества рабочих мест (58%).

Для оценки средних значений показателей эффективности по основным видам экономической деятельности, заявленным резидентами ТОР, акцент делался на наиболее узкие места функционирования экономики макрорегиона: трудовых ресурсах и инвестициях. Определялись показатели эффективности, в основе которых лежали производительность труда и инвестиционная отдача. Первый рассчитывался как частное от деления отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) на одного занятого в экономике; инвестиционная отдача – отношение отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на один руб. инвестиций в основной капитал.

Использовались также сальдированный финансовый результат и рентабельность активов организаций по данным Росстата. Предполагалось, что если эффективность будет выше средней по субъекту, то существует потенциальная возможность улучшить динамику развития макрорегиона. В противном случае результат окажется обратным.

Расчеты показали, что невысокие показатели ожидаются в обрабатывающих производствах. Если по производительности труда в большинстве субъектах макрорегиона она выше средних значений, то по рентабельности активов и сальдированному финансовому результату положение хуже. По производительности труда и инвестиционной отдаче наименее благоприятная ситуация в сельском хозяйстве.

Среди регионов ДФО по количеству выбранных для анализа показателей эффективности хуже всего потенциальные возможности улучшить динамику основных макропоказателей за счет резидентов ТОР наблюдаются в Чукотском автономном округе, Сахалинской области и Республике Саха (Якутия). Здесь по виду деятельности «обрабатывающее производство» значения производительности труда, рентабельности активов ниже средних.

Проблемным видом деятельности в регионе является «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство». В Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае производительность труда и рентабельность активов ниже средних значений. В Камчатском крае, Сахалинской области и Чукотском автономном округе это касается производительности труда и инвестиционной отдачи, в Сахалинской области и Чукотском автономном округе – рентабельности активов. В Еврейской автономной области инвестиционная отдача по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» ниже среднего уровня, а рентабельность активов – отрицательная.

По виду деятельности «транспорт и связь» значения производительности труда, инвестиционной отдачи и рентабельности активов в Сахалинской области и Чукотском автономном округе ниже, чем в среднем по субъекту. В Камчатском крае это касается инвестиционная отдачи, рентабельности активов и сальдированного финансового результата. В Хабаровском крае отрасль отличается низкой инвестиционной отдачей. В Амурской области инвестиционная отдача и рентабельность ниже среднеобластного значения, а рентабельность активов и сальдированный финансовый результат отрицательные.

По «производству и распределению электроэнергии, газа и воды» инвестиционная отдача, рентабельность активов и сальдированный финансовый результат в Приморском и Хабаровском краях ниже средних значений. В Чукотском автономном округе помимо предыдущих показателей хуже производительность труда.

По «рыболовству и рыбоводству» в Республике Саха (Якутия), Амурской области, Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе производительность труда и рентабельность активов ниже средних значений.

Положительную эффективность показывают следующие виды экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых» в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Амурской области и Чукотском автономном округе, «обрабатывающее производство» в Камчатском и Хабаровском краях, «транспорт и связь» в Приморском крае, «рыболовство и рыбоводство» в Хабаровском крае и Сахалинской области.

Лучше положение складывается в Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях. Здесь выбранные резидентами виды экономической деятельности могут улучшить показатели экономики. В остальных субъектах ДФО потенциальные возможности более скромные.

Таким образом, оценка потенциальной эффективности деятельности резидентов по видам экономической деятельности показывает значительное преимущество добычи природных ресурсов, а также рыболовства и рыбоводства, то есть ресурсодобывающих отраслей, располагающих природной рентой. Им существенно проигрывают производства с более глубокими переделами и высокой добавленной стоимостью.

Углубленный анализ эффективности деятельности резидентов ТОР был проведен по бизнес-планам 96 резидентов. Расчеты рентабельности продаж в 2020 г. при общем и особом (льготном) режимах налогообложения на основе имеющихся материалов (табл. 2) показали, что ее прирост будет незначительным и составит от 5,8 п.п. в Хабаровском крае до 9,0 п.п. – в Чукотском автономном округе. Объясняется это структурой производства: обрабатывающие предприятия показывают меньшую эффективность. Более высокий рост рентабельности продаж наблюдается у резидентов северных субъектов макрорегиона.

Основная экономия приходится на налог на прибыль: от 53 до 80%. Но в условиях неустойчивой экономики и низкой конкурентоспособности дальневосточной продукции ее получение достаточно проблематично. Развитие более высоких переделов и инновационных производств будет способствовать росту заработной платы. Поэтому введение льготного норматива по страховым взносам, обнуление налогов на имущество и землю являются стабильными инструментами снижения затратности бизнеса резидентов.

Таблица 2

Рентабельность продаж по общему и особому режиму хозяйствования резидентов ТОР в субъектах ДФО в 2020 г., %

Республика, край, область округ	Режим хозяйствования		Прирост, п.п.
	общий	особый для резидентов ТОР	
Саха (Якутия)	22,5	30,7	8,2
Камчатский	17,4	25,4	8,0
Приморский	17,3	24,9	7,6
Хабаровский	12,1	17,9	5,8
Амурская	22,1	28,8	6,7
Сахалинская	18,0	26,2	8,2
Чукотский	16,5	25,5	9,0

Наибольший прирост валовой добавленной стоимости как в абсолютных, так и относительных значениях приходится на Амурскую область (табл. 3). Объясняется это размещением здесь высокоприбыльного нефтеперерабатывающего предприятия ОАО «Амурская энергетическая компания». На втором месте находится Приморский край. Здесь «погоду делает» судостроительное предприятие ОАО «Дальневосточный завод “Звезда”». Небольшие по размеру предприятия ТОР «Кангалассы» в Республике Саха (Якутия) дают наименьший прирост добавленной стоимости.

Таблица 3

Прирост валовой добавленной стоимости в субъектах ДФО за счет деятельности резидентов ТОР в 2020 г.

Республика, край, область, округ	ВРП в 2015 г., млн. руб.	Прирост ВДС в 2020 г, млн. руб.	Прирост, %
Саха (Якутия)	749 987,5	540,0	0,1
Камчатский	1 719 00,1	2074,5	1,2
Приморский	7 166 50,0	28 313,1	3,9
Хабаровский	571 524,8	8237,8	1,4
Амурская	276 877,1	38 180,8	13,8
Сахалинская	829 298,6	1335,7	0,2
Чукотский автономный округ	63 910,2	2828,7	4,4

Таким образом, формирование территорий опережающего развития – это первый шаг зарождения новой экономики в ДФО, базирующейся не только на ресурсодобывающих отраслях, но и на более высоких переделах. Но хватит ли для этого мер государственной поддержки резидентов ТОР?

В условиях плановой экономики себестоимость дальневосточной продукции была выше аналогов, произведенных в других регионах страны, в 1,5–1,7 раза. Например, издержки на заготовку древесины в Хабаровском крае в 1987 г. превышали среднее значение по Минлесбумпрому СССР в 1,3 раза, клееную фанеру – в 1,4, целлюлозу товарную – в 1,6. То есть чем глубже передел, тем больше удорожание.

В настоящее время картина изменилась, в частности, уменьшилась разница по заработной плате. Если еще в 1995 г. средняя зарплата в макрорегионе превышала среднероссийскую в 1,7 раза, то в 2016 г. – в 1,2 раза, а по некоторым южным субъектам макрорегиона стала ниже, чем в среднем по стране. Региональный бизнес для повышения конкурентоспособности экономит на заработной плате работников.

В то же время усилилось удорожающее влияние транспортных и энергетических тарифов. Северность многих территорий и их удаленность от товарных рынков существенно влияют на себестоимость продукции. Так, к примеру, в строительной отрасли удорожание составляет 1,8 раза, а по отдельным видам продукции – до 2,8 раза. По величине прожиточного минимума превышение в макрорегионе против среднероссийского значения в 2016 г. составляло 1,5 раза.

Проведенные расчеты показали, что экономия по налогу на имущество и социальным платежам резидентов ТОР по субъектам ДФО колеблется от 1,6% в Амурской области до 6,1% в Чукотском автономном округе. Если учесть льготы по налогу на прибыль, то экономия повысится: от 6,8% в Хабаровском крае до 11,4% в Республике Саха (Якутия). Но прибыль еще необходимо получить. Поэтому в соизмерении с объективным удорожанием производства в ДФО вводимые льготы не обеспечивают конкурентоспособность региональной продукции. Необходимы более кардинальные действия по совершенствованию механизмов развития ТОР.

Начинать процесс следует с решения общерегиональных проблем. Фундаментальные факторы, увеличивающие затратность экономики Дальнего Востока, усугубляют общероссийские проблемы – отсутствие «длинных» кредитов, неразвитость производственной и социальной инфраструктуры, дефицит квалифицированной рабочей силы. Принимая во внимание дефицитность федеральных и региональных бюджетов и, следовательно, ограниченность государственной поддержки, следует установить четко выверенные приоритеты развития ТОР.

Прежде всего, надо вспомнить опыт освоения Южного Сахалина Японией в 1905–1945 гг. Во-первых, регион был самодостаточным: вывозилось промышленной продукции в два раза больше, чем ввозилось. Во-вторых, экономика развивалась вокруг сырьевых отраслей: лесной, угольной, рыбной. С одной стороны, создавались предприятия по воспроизводству возобновимых природных ресурсов, с другой – развивались высокие перерабатывающие переделы

(целлюлозно-бумажные заводы). В-третьих, государство поддерживало инфраструктурные проекты: построена железная дорога, аэропорты и др. В-четвертых, в целях самообеспечения развивались сельское хозяйство и углехимия.

Подобный опыт свидетельствует о том, что в центре цепочек добавленной стоимости должны быть сырьевые производства, содержащие ренту. Первый шаг в этом направлении сделан через «льготы в обмен на инфраструктуру». Распространив же налоговые льготы через кумулятивную систему, можно заинтересовать ресурсодобывающие предприятия в развитии высоких переделов. Смысл кумулятивной системы – предоставление минимальных льгот собственно ресурсодобывающим предприятиям. Например, резиденту, разрабатывающему проект в ресурсопользовании, установить пониженную ставку налога на прибыль, а также по НДПИ. Если же он начинает воспроизводить потребляемый им ресурс и проводит геологоразведку недр, то ему предоставляется льгота по арендной плате. Когда приобретается перерабатывающее оборудование и строится деревообрабатывающий или горно-обогатительный комбинат, то на этот передел обнуляются также налоги на прибыль, на имущество, земельный.

С дальнейшим развитием транспортной и энергетической инфраструктуры при соблюдении принципов экологической безопасности предоставляется льгота по таможенным пошлинам на ввозимые оборудование и материалы. Они освобождаются от уплаты налога на добавленную стоимость. Следующий шаг – подготовка кадров для своего предприятия: развитие профессионального образования и науки, системы медицинского обслуживания. В этом случае устанавливается пониженная ставка страховых взносов, например, до 20%. Государство ничего не теряет, так как проект является новым производством, и выпадения доходов бюджета не происходит. Подобный механизм можно реализовать также в проектах государственно-частного партнерства, региональных инвестиционных проектах и др.

Необходимо учесть негативный опыт создания особых экономических зон на Дальнем Востоке. Особые режимы хозяйствования, создающие благоприятные возможности для прихода бизнеса, – необходимые, но не достаточные действия. Требуется их конкретизация в виде прорывных проектов и мер их государственной поддержки. Причем эти проекты должны максимально вписываться в естественную среду регионального воспроизводства, а не конкурировать и, тем более, не замещать исторически сложившиеся и действующие отрасли и производства. Они должны выполнять геостратегическую роль, то есть решать долговременные фундаментальные задачи. Из современных ТОР этим критериям отвечают в полной мере потенциальные полюсы роста «Комсомольск» (инновационный перерабатывающий кластер), «Большой Камень» (океаническое машиностроение), «Приамурская» (нефтепереработка).

В рамках промышленной политики России необходимо проводить масштабную деятельность по сокращению затрат, особенно в естественных монополиях и крупных госкорпорациях. Здесь есть существенные резервы снижения себестоимости – опережение роста производительности труда по сравнению с заработной платой, редукция заработной платы топ-менеджеров, освобождение от непрофильных активов и др.

В условиях дефицитности федерального и региональных бюджетов и низкого уровня инфраструктурного обустройства территории Дальнего Востока необходимо активнее использовать механизмы государственно-частного партнерства. Такой опыт нарабатывается, необходимо распространить его в ТОР.

Серьезную критику вызывает невысокий уровень бизнес-планов проектов. Вряд ли под них можно получить кредиты банков. Вызывает сомнения и заявленная высокая эффективность проектов: некоторые показатели в 10 и более раз превышают среднеотраслевые оценки. Следует активнее привлекать к их оценке региональных экспертов. В свою очередь и региональные органы власти должны участвовать в этом процессе, соотнося направления деятельности потенциальных резидентов, их эффективность со стратегическими приоритетами и целевыми установками территории.

Наконец, необходимо распространить особый режим хозяйствования не только на новые, но и на действующие предприятия. Дефицит «длинных денег» и высокий процент – долговременная проблема. Действующему бизнесу ее решить проще, используя прибыль или имеющийся капитал в качестве залога. Но чтобы не снизить налогооблагаемую базу регионального и местного бюджетов, следует ввести «планку отсечения», приняв за основу налоговые и социальные платежи на уровне двух-трех последних лет.

Возникающие при развитии механизма ТОР правовые и экономические проблемы предлагается решать на примере пилотного ТОР «Комсомольск». Это уникальный по структуре экономики и ценностным ориентирам населения центр промышленной агломерации «Комсомольск–Амурск–Солнечный». Не случайно здесь действует долгосрочный комплексный план социально-экономического развития. Реализация ТОР «Комсомольск» должна показать, по какой модели развития двигаться Дальнему Востоку, возможно ли создание в макрорегионе инновационных промышленных комплексов, или следует развивать сырьевые отрасли, в лучшем случае, с первичными переделами.

В рамках этого проекта возможно расширение территории ТОР не только на весь г. Комсомольск-на-Амуре, но и на сопредельные с ним Амурский, Комсомольский и Солнечный районы. Тогда цепочки добавленной стоимости сформируются не только в машиностроении, но и в других отраслях (лесной, нефтеперерабатывающей, цветной металлургии, рыбной).

Для реализации одной из основных задач – закрепления населения и повышения качества жизни – предлагается установить здесь выплату дальневосточных и стажевых надбавок из федерального бюджета. Поскольку дополнительные выплаты коснутся только работающих в реальном секторе экономики, с учетом потерь социальных платежей они составят около 40 млрд. руб. в год. Это – большая нагрузка на бюджет, и задачу надо решать поэтапно. Но будет и компенсация в виде выхода из тени части бизнеса, роста НДФЛ, активизации малого и среднего предпринимательства.

Что касается тактических действий, то необходимо на региональном уровне разработать концепцию каждого ТОР, утвердить для резидентов форматы бизнес-планов, соответствующие требованиям ведущих банков страны, увеличить срок предоставления налоговых льгот по федеральным налогам для резидентов ТОР, реализующих крупные инвестиционные проекты; обеспечить адресное сопровождение крупных резидентов, особенно якорных зарубежных

инвесторов. Потребуется также внести изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации по установлению налоговых льгот индивидуальным предпринимателям-резидентам ТОР, упростить порядок получения кредитов под проекты резидентов от профильных институтов развития и изыскать возможность финансирования проектно-сметной документации на строительство инфраструктурных объектов в ТОР за счет средств Фонда развития Дальнего Востока.

Ибрагимхалилова Т.В.
к.э.н., доцент, Донецкий национальный университет
itv2106@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ МОДЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова**: региональное развитие, модели регионального развития, индикаторы, модель устойчивого регионального развития.*

***Keywords**: regional development, models of regional development, indicators, a model of sustainable regional development.*

В современных условиях все более возрастает роль и значение регионального аспекта. По мере обретения регионами «реальной самостоятельности» (обособление хозяйственных и финансовых структур, децентрализация управления) формируется новая, собственно региональная сфера интересов и ответственности, т.е. регионализация экономики становится частью процессов либерализации и демократизации управления в экономической сфере. Проводимые сегодня в регионах социально-экономические преобразования во многом нацелены на повышение эффективности регионального развития. Политические, экономические и социальные факторы влияют на динамику развития региональных хозяйственных систем и усиливают имеющийся между ними разрыв по уровню социально-экономического развития.

В экономической литературе процесс развития отождествляется с движущей силой прогресса, всегда имеющим направленность, определяемую целью или системой целей[1]. Как отмечает Л.А. Горбач, развитие представляет собой не только количественные изменения отдельных параметров, но может характеризоваться образованием новых компонентов и составлением их новых комбинаций, качественно преобразующих систему[2].

Динамическое экономическое развитие (включая и региональное) всегда сопряжено с выявлением объективных тенденций развития, постановки диагноза и установления желательных значений – целевых индикаторов экономического и социального развития региона, на основе которых может разрабатываться комплекс необходимых управленческих мероприятий для выработки стратегии и тактики регионального развития.

В экономическую практику термин «индикатор» был введен в качестве ориентировочного показателя, измерителя экономических явлений, отражающего направление развития экономических процессов[3]. Индикаторы регионального развития должны применяться как плановые ориентиры и могут быть использованы в качестве инструментов управления хозяйством.

Однако необходимо акцентировать внимание на главном признаке индикаторов – это показатели, которые оценивают условия, состояния и тенденции относительно целей и задач, т.е. показывают, достигнуты ли поставленные цели или созданы ли возможности для их достижения. Без обоснования систем индикаторов относительно целей и задач, любой их набор остается бесполезным инструментом, который малопригоден (или не пригоден вообще) для принятия решений, обоснования планов и программ и мониторинга их реализации[4].

Кроме этого, индикаторы должны:

– отражать влияние нескольких тенденций одновременно (мультифакторность);

– содержать понятную и однозначную интерпретацию результатов для лиц, принимающих решения;

– иметь количественное выражение состояния объекта анализа;

– давать возможность четко определить направленность происходящих изменений (положительная или отрицательная);

– формироваться преимущественно на основе существующей системы статистики при сравнительно простой процедуре сбора информации и расчетов;

---

[1] Ибрагимхалилова Т.В. Социальный ориентир трансформационного периода в Донецкой Народной Республике // Торговля и рынок. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли, 2017. – № 2. – С. 76–82.

[2] Инновационная трансформация экономической системы России на основе развития новых межотраслевых технологий: монография / Л.А. Горбач, М.В. Райская; М-во образования и науки России, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Казанский нац. исслед. технологический ун-т». – Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. – 185 с.

[3] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА, 1999. – 479 с.

[4] Белкина Т.Д. Управление реализацией стратегических планов городского развития. – https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2008/fp/1/06.pdf

– давать возможность оценки объекта обследования в динамике[1].

В программах и стратегиях социально-экономического развития регионов чаще всего используется термин «целевой индикатор», который представляет собой экономический показатель (чаще всего количественный), установленное значение которого является ориентиром в реализации основных целей стратегии социально-экономического развития, характеризующим состояние и эффективность функционирования экономики.

Можно выделить следующие условия формирования системы целевых индикаторов регионального развития:

– неотождествление оценки плановых задач с показателями, характеризующими социально-экономическую ситуацию в регионе;

– отражение различных «областей жизнедеятельности» региона, а главное, – уровень экономического и социального развития.

Общие (характерные для большей части регионов) индикаторы социально-экономического развития региона представлены на рис. 1.

Рисунок 1.
Общие индикаторы социально-экономического развития региона

Набор целевых индикаторов формируется на основе заранее выбранной модели регионального развития.

В современной экономической литературе понятие «модель» имеет два значения:

– схематическое описание какого-либо явления или процесса в обществе;

– образец, который служит эталоном для воспроизведения.

Модели регионального развития, в экономической практике, принято делить на:

– теоретические, позволяющие обосновать гипотезу для проверки последствий экономического поведения и обеспечивающие качественные ответы на конкретные вопросы;

– эмпирические, направленные на проверку качественных прогнозов теоретической модели и представление этих предсказаний точными, измеримыми результатами[2].

Выбор рациональной модели регионального развития находится в центре внимания экономической науки, так как образец, который может послужить эталоном для воспроизведения, должен формироваться вследствие обобщений, возникающих под влиянием различных экономических факторов и процессов.

Модели регионального развития формируются на основе ряда детерминантов, среди них:

– тип экономики региона;

– специализация экономики региона;

– отраслевая (производственно-технологическая) и корпоративная структура;

– социально-политическая ситуация, в которой ставится вопрос о развитии региональной экономики.

[1] Фролов В.И. Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий / В.И. Фролов, Е.О. Агафонова. – http://lib.usue.ru/resource/free/12/s353.pdf

[2] Кузьмін О.Є. Секторна модель розвитку національного господарства України в умовах постіндустріального суспільства / О.Є. Кузьмін, О.В. Пирог // Бізнес Інформ. 2013. – № 7. – С. 8–13. – http://nbuv.gov.ua/UJRN/binf_2013_7_2.

В современной специальной литературе используются различные модели регионального развития. В табл. 1 представлены модели регионального развития, использующиеся на практике.

Таблица 1

Модели регионального развития

Модель	Характеристика модели
Модель секторной экономики	основой данной модели является модель стремительно развивающегося сектора (booming sector model), позволяет генерировать стратегии технологического развития региона в зависимости от источника новых знаний (трансфер технологий и профессиональных компетенций, создание собственных материнских технологий и инновационных компетенций) и рынков спроса (существующие рынки, новые рынки). Секторы создаются путем подразделения экономики в целом на составные части в целях получения более однородных групп институционных единиц
Инновационные модели (включая кластерную модель)	особый территориально-локализованный способ воспроизводства экономических инноваций, в форме интеграции макроэкономических инновационных циклов и инновационной динамики на микроуровне в определенной, характеризуемой специфическими условиями общественного производства, региональной (мезоэкономической) среде
Модель устойчивого развития	общественная модель, которая представляет собой систему интегрированных компонентов, их существенных отношений и связей, отражающих основное содержание процессов сбалансированного социально-экономического и экологического развития регионов
Инвестиционные модели	модель, способствующая повышению инвестиционной привлекательности региона, которая представляет собой экономическую категорию, характеризующую сложившиеся социально-экономические условия в регионе, обусловливающие приток в региональную экономику инвестиций достаточного объема и качества в целях обеспечения устойчивого развития региональной экономической системы. Таким образом, инвестиционная модель, предполагает развитие региона на полном самофинансировании, используя выгоды эксклавного положения и компенсируя его недостатки
Мобилизационно-инновационные модели развития	предусматривают проведение анализа совокупного потенциала и динамики развития инновационной деятельности в регионе, оценка территориальной структуры организации экономической деятельности, а также определение приоритетных направлений развития региональной общественной системы. Эта модель предусматривает разработку механизмов и инструментов, дающих возможность реализовывать фундаментальные достижения научно-технической сферы и научные разработки прикладного характера. Реализация мобилизационно-инновационной модели развития экономики должна предусматривать формирование научно-технического потенциала нового формата, что возможно при совершенствовании форм подготовки научных кадров и расширении сфер реалиации научно-технических разработок
Дотационная модель развития	самый консервативный формат. Он не способен стать направляющей для европейского эксклава России, находящегося в шаге от промышленных центров мирового значения
Конвергентная модель развития	гипотеза конвергенции представляет собой утверждение о том, что как бы ни различались между собой экономические системы, в процессе эволюции они отбрасывают неэффективные институциональные формы, отбирая и сохраняя эффективные. Поэтому, в конечном счете, все они после такого постепенного (эволюционного) отбора будут относительно тождественны, т.е. схожи друг с другом
Дивергентная модель развития	процесс, противоположный конвергенции – «дивергенция», используется в экономике для обозначения движения по расходящимся траекториям: увеличения разрыва между уровнями развития отдельных стран и регионов, усиления различий между национальными моделями экономики и их отдельными структурами. Кроме того, этот термин используется для обозначения отклонения отдельных стран или регионов от средних макроэкономических показателей по какой-либо группе стран или регионов
Опережающее развитие	модель опережающего развития экономики и социальной сферы связана с формированием механизмов сочетания отраслевого и территориального методов управления

Поиск рациональной модели регионального развития РФ обусловлен рядом факторов, одним из них является исчерпание модели «сырьевой экономики», построенной на неолиберальных принципах, которая базировалась на выгодной продаже нефти, природного газа, алмазов, золота, угля и других полезных ископаемых на мировом рынке. В табл. 2 представлена товарная структура экспорта России за 1997–2015 годы.

Таблица 2

Товарная структура экспорта России, млрд. долл., 1997–2015 годы[1]

	1997 г.	2000 г.	2007 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Весь экспорт, в т.ч.:	85,1	103,1	351,9	527,3	497,8	340,3
минеральных продуктов	41,1	55,5	228,4	375,8	350,8	219,2
металлов, драгоценных камней и изделий из них	20,4	22,4	56,0	55,1	52,3	40,9
химической продукции, каучука	7,1	7,4	20,8	30,8	29,2	25,3
продовольствия и с/х сырья (кроме текстильного)	1,6	1,6	9,1	16,3	19,0	16,2
Физический объем экспорта углеводородов:						
нефти, млн. т	127	144	259	237	223	244
нефтепродуктов, млн. т	61	63	112	152	165	172
газа, млрд. куб. м	201	194	192	196	174	185
угля, млн. т	23	44	98	139	153	153

[1] Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 543 с.

Данные табл. 2 свидетельствуют о тенденции снижения экспорта минеральных продуктов, металлов, драгоценных камней и изделий из них, химической продукции, каучука, а также угля и природного газа начиная с 2013 года. Что подчеркивает исчерпание модели «сырьевой экономики».

Процесс трансформации целевых индикаторов моделей регионального развития целесообразно исследовать на примере модели устойчивого регионального развития, так как на сегодняшний момент она более полно отражает современные стратегии развития регионов РФ.

Переход к модели регионального развития, основанной на принципах экологической целостности, социальной защищённости и экономической эффективности (т.е. модели устойчивого развития) массово охватил и регионы Российской Федерации после ежегодного доклада «О человеческом развитии в Российской Федерации» в 2016 году, посвященному целям устойчивого развития.

Устойчивое региональное развитие определяется, главным образом, конкурентоспособным функционированием региональной социально-экономической системы, комплексным благоустройством территорий и соответствующих им населённых пунктов, обеспеченностью объектами социальной и инженерно-транспортной инфраструктуры, а также повышением уровня и качества жизни населения, сохранением культуры и традиций, окружающей среды. Устойчивость развития экономики региона достигается в результате преодоления множества препятствий и должна ориентироваться на систему целевых индикаторов.

Вопрос определения целевых индикаторов устойчивого развития находится в центре внимания уже долгое время и считается дискуссионным.

Первой комплексной разработкой системы индикаторов устойчивого развития считается работа Комиссии по устойчивому развитию ООН (1996 г.), способствовавшая выделению 132 индикаторов, которые были разделены на четыре группы: социальные (41 индикатор), экономические (26), экологические (55) и организационные (10).

Кроме того, в 2000 году были прописаны цели тысячелетия в области развития Организации Объединенных Наций (ЦРТ, Millennium Development Goals), направленные на решение социо-эколого-экономических проблем и человеческое развитие в мире и отдельных странах на период до 2015 года, которые имели трехуровневую конфигурацию, основанную на подходе «цель – задачи – индикаторы». Статистические индикаторы были разработаны для оценки прогресса и мониторинга реализации целей.

Цели тысячелетия в области развития ООН стали прообразом Целей устойчивого развития ООН на 2015–2030 годы, которые интерпретировали и адаптировали предыдущий набор целей под модель развития, при которой приоритет целей смещался к социальным целям при относительно небольшом внимании к экономическим и экологическим целям.

Рисунок 2.
Ключевые индикаторы устойчивого развития для России, построенные по структуре «проблемы-индикаторы» (экологическая составляющая)

В июне 2006 года в Москве в ходе работы международной конференции «Устойчивое развитие: природа – общество – человек», было аргументировано, что в мировой практике существует два подхода к разработке системы индикаторов устойчивого развития:

– первый подход, отражающий частные аспекты устойчивого развития, а именно выделение подсистем показателей, ориентированных на социальную, экономическую и экологическую составляющие;

– второй подход, ориентированный на построение интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития.

Параллельно с работой конференции в рамках проекта Всемирного Банка и Минэкономразвития по разработке систем индикаторов устойчивого развития для России была предложена достаточно «сжатая» система ключевых индикаторов, которая стала основой для макроэкономических правительственных программ. Было предложено семь приоритетных ключевых индикаторов и их модификаций, построенных по структуре «проблемы-индикаторы» (рис. 2).

С момента принятия «сжатой» системы ключевых индикаторов вопрос формирования рациональной системы целевых индикаторов устойчивого регионального развития стал дискуссионным.

Группа авторов Е. Коваленко, А. Мироедов, А. Мерцалов, А. Ажлуни, Н. Носкова, Е. Нестерова считали, что для оценки модели регионального развития достаточно использовать частные индикаторы, однако каждый из этих исследователей выделял один ключевой показатель либо группу показателей.

Так, А. Мироедов подчеркивал, что обобщающим показателем экономического роста на региональном уровне целесообразно считать темп роста (прироста) валового регионального продукта в целом или на душу населения[1].

Группа теоретиков во главе с Е. Коваленко предлагали использовать отдельные частные показатели развития региона:

– национальный доход на душу населения;
– уровень потребления отдельных материальных благ;
– степень дифференциации доходов;
– продолжительность жизни;
– уровень физического здоровья;
– уровень образования;
– степень счастья населения[2].

Необходимо обратить внимание на факторы устойчивости региональной социально-экономической системы (рис. 3), которые явились доминирующими для определения системы целевых индикаторов модели устойчивой региональной экономики.

Рисунок 3.
Факторы устойчивости региональной социально-экономической системы

[1] Мироедов А.А. Совершенствование управления региональной экономикой на базе новой концепции его информационного обеспечения: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Иваново, 2007. – 39 с.

[2] Зинчук Г.М., Коваленко Е.Г., Кочеткова С.А., Маслова С.И., Полушкина Т.М., Рябова С.Г. и др. Региональная экономика и управление. (Учебное пособие. 2-изд., доп. и перераб. Рекомендовано УМО). – СПб: Питер, 2007. – 288 с.

Большинство авторов А. Мерцалов, А. Ажлуни, Н. Носкова, Е. Нестерова определяли три группы частных индикаторов: экономические, социальные и экологические:

– экономические – ВНП или ВВП (абсолютная величина и на душу населения) и темпы роста этих показателей; средний уровень доходов населения и степень их дифференциации;

– социальные – продолжительность жизни, уровень физического и психического здоровья людей; уровень образования; уровень потребления материальных благ и услуг (продуктов питания, жилья, телефонных услуг), обеспеченность домашних хозяйств товарами длительного пользования; уровень здравоохранения (обеспеченность поликлиниками, больницами, аптеками, диагностическими центрами и услугами службы «Скорой помощи», качество предоставляемых медицинских услуг); равенство возможностей людей, развитие малого бизнеса; обогащение культурной жизни людей;

– экологические – состояние окружающей среды[1].

Данный перечень индикаторов был ориентирован в большей степени на оценку уровня и качества жизни, но не в полном объеме отражал экономическую и экологическую составляющую.

Л.В. Пронченко и В.С. Семибратов для характеристики экономической компоненты устойчивого развития региона предлагают использовать следующие индикаторы:

– ВВП на душу населения;

– видовая структура экономики;

– производство основных видов продукции на душу населения;

– уровень и качество жизни населения;

– показатели экономической эффективности (производительность труда, капиталоемкость, фондоотдача, материалоемкость);

– показатели конкурентоспособности[2].

На сегодняшний день к целевым индикаторам состояния и развития экономики региона относят:

- валовый региональный продукт как вклад промышленности, сельского хозяйства и других отраслей в ВРП;
- основные индикаторы состояния и развития промышленности (объем промышленной продукции, индексы промышленного производства, отраслевая структура производства промышленной продукции, коэффициент отраслевой концентрации промышленного производства, динамика производства отдельных видов промышленной продукции, и т.д.);
- основные индикаторы и специфика диагностики сельского хозяйства (валовая добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, доля животноводства в объеме продукции сельского хозяйства, структура поголовья скота, структура посевных площадей культур, индексы физического объема сельскохозяйственной продукции, валовой сбор культур и производство животноводческой продукции и др.);
- основные индикаторы строительного сектора (объем выполненных работ, распределение строительных работ, выполненных организациями различных форм собственности, отраслевая структура затрат на производство, ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения, ввод в действие объектов социально-культурного назначения и др.).

Кроме этого можно выделить ряд показателей, оценивающих работу региональной инфраструктуры (транспортной, связи, инженерной, энергетической, социальной).

Что касается экологической компоненты, то она прописана в ряде материалов министерств и ведомств РФ (МПР, Росгидромет и др.) – индикаторы экологической ситуации: количество людей, проживающих на загрязненных территориях (городах); энергоемкость; выбросы парниковых газов; показатели по деградации почв в сельском хозяйстве (прирост эродированных земель, нарушение баланса органического вещества в почвах) и т.д., однако они не публикуются Росстатом, хотя «несут в себе» значимую смысловую нагрузку для функционирования и развития региона.

Некоторые авторы считают, что целевые индикаторы модели устойчивого регионального развития должны отражать инновационную компоненту.

Так, С.Н. Бобылев[3] систему целевых индикаторов устойчивого регионального развития предлагает дополнить помимо частных индикаторов, таких как: интенсивность загрязнения атмосферы (тонн/тыс. руб. ВРП), интенсивность загрязнения водных ресурсов (тонн/тыс. руб. ВРП), интенсивность образования отходов производства и потребления (тонн/тыс. руб. ВРП), инвестиции в природоохранную деятельность (в % к инвестициям в основной капитал), индекс развития человеческого потенциала, степень износа основных фондов (%), ВРП на душу населения (руб.) интегральным показателем – индексом инновационной конкурентоспособности, характеризующий уровень инновационного развития, который в свою очередь, включает в себя две группы показателей: показатели инновационной активности и показатели уровня инновационной восприимчивости региона.

Таким образом, трансформация целевых индикаторов моделей регионального развития ярко прослеживается на примере модели устойчивого регионального развития. Сосредоточение внимания исключительно на индикаторах, характеризующих развитие региона по трем составляющим модели устойчивого регионального развития, а именно: экономической, социальной и экологической, на сегодняшний момент не в полной мере отражает идею устойчивого развития на основе развития личности и удовлетворения человеческих потребностей без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности.

---

[1] Стратегическое управление развитием территорий: учеб. пособие / А.А. Мерцалов, А.М. Ажлуни, Н.А. Носкова, Е.Ю. Нестерова; ОРАГС. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2007. – 116 с.

[2] Пронченко Л.В. Макроэкономика: учеб. пособие / Л.В. Пронченко, В.С. Семибратов. – Балашиха: ИСЭПиМ, 2010. – 262 с.

[3] Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. – М.: Акрополь, 2007. – 60 с.

Поэтому дополнение инновационной составляющей модели устойчивого развития региона обусловлено непосредственным влиянием инноваций на его развитие за счет освоения новых технологий в области биотехнологий, экологически чистого топлива, повышения уровня производительности труда, очистки выбросов. Это должно повысить эффективность использования материальных и прочих ресурсов.

Иваненко Л.В.
д.э.н., профессор, Самарский национальный исследовательский университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ УМНОГО ГОРОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭФФЕКТИВНОГО ИННОВАЦИОННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова*: город, территория, управление, инновационное развитие, социально-ориентированное развитие, цифровая среда, модернизация промышленности, модернизация инфраструктуры, кластер, городское хозяйство, жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство, цифровая экономика, информационные технологии, «умный» город.*

Keywords*: city, area, management, innovative development, social-oriented development, the digital environment, modernization of industry, modernization of infrastructure, cluster, urban economy, housing, utilities, digital economy, information technology, smart city.*

В настоящее время в стране ведется активная работа над проектами по созданию «умных» городов. Это объясняется тем, что осенью 2017 года было принято решение о создании Национального консорциума развития и внедрения цифровых технологий в сфере городского управления. Главная цель деятельности консорциума заключается в разработке концепции «Умные города России», на основании которой будут разрабатываться проекты создания умных городов.

Следует отметить, что в России в городах проживает около 75% всего населения страны. Поэтому данная концепция, результат реализации которой в будущем будет представлен в виде проектов совершенствования, организации, обустройства и создания «умных» городов, является для нашей страны чрезвычайно актуальной.

Современный «умный» город характеризуется высоким уровнем урбанизации и компьютеризацией всех возможных процессов. Также в нем отмечается расширение сетевых взаимосвязей, наличие развивающихся автоматизированных систем управления. Все это обеспечивает потенциальное создание в «умном» городе цифровой экономики.

«Умный» город, как и обычный город, представляет собой систему и состоит из градообразующей и градообслуживающей подсистем[1]. Однако в «умном» городе обе подсистемы кардинально отличаются от обычно существующих в городах.

В «умном» городе градообразующая подсистема формируется из «умной» цифровой экономики – «умных» заводов, предприятий и организаций, которые будут практически все автоматизированы и интегрированы в инновационные структуры, такие как, например, промышленный или экономический кластер.

Обратимся к содержанию данного определения. Промышленный или экономический кластер – это специфическая форма территориальной самоорганизации интегрированных посредством управляющего воздействия в стратегические альянсы предприятий, организаций, учреждений, заводов, создающих единые цепочки накопления добавленной стоимости в условиях особой инновационной среды[2].

Интеграция «умных» заводов позволяет существенно расширить внедрение инноваций, реализовать интеллектуальную модернизацию, повысить уровень автоматизации, снизить затраты энергии и иных ресурсов. Особенно важным является то, что в кластере возможно создание единого пространства, атмосферы для сотрудничества, совершенствования и взаимодействия «умных» заводов-членов или участников кластера, т.е. возрастает доля «умной» промышленности, например, заводы-принтеры. Кроме того, на «умных» заводах преимущественно будут работать роботы и те специалисты, которые будут осуществлять постоянный контроль или мониторинг за деятельностью аппаратурного оснащения, компьютеров, технологического оборудования, установок и машин.

Управление такой интегрированной структурой (кластером) необходимо осуществлять с использованием современных инновационных возможностей, применяя систему информационных коммуникаций с центром обработки и управления информацией. Кластер – это основа для создания цифровой экономики в «умном» городе.

Далее мы рассмотрим несколько кластеров, действующих в Самаре и Самарской области.

В течение последних 10–15 лет в городах Самарской области осуществлялась активная деятельность по созданию кластерной экономики. Учитывая высокий уровень кластерного развития, Самарская область была включена в состав Ассоциации инновационных регионов России, что в значительной степени подтверждает потенциальную возможность создания «умных» городов в регионе.

---

[1] Иваненко Л.В. К вопросу управления городом как системой // Вестник Самарского муниципального института управления: теоретический и научно-методический журнал. 2003. – № 1. – С. 130–135.

[2] Иваненко Л.В., Иваненко А.А. Аэрокосмический кластер. Инновационная сфера // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. – Вып. 9/2 (131). – С. 165–172.

Сегодня Самарская область является одним из самых урбанизированных регионов России. На ее территории проживает 2,2% населения страны и создается 2,5% ВВП. Следует отметить, что города региона характеризуются мощным научно-инновационным потенциалом: академическая и вузовская наука, научные подразделения промышленных предприятий, малые предприятия-внедренческие организации, т. е. имеются все компоненты инновационной системы.

Также отмечается, что научно-инновационный потенциал характеризуется более высоким уровнем развития, чем в среднем по России. В городах Самарской области на треть больше удельная численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками; в общем числе предприятий и организаций удельный вес инновационно-активных промышленных предприятий и организаций на 70% больше; доля затрат на науку и исследования в ВРП Самарской области более чем в два раза превышает аналогичный российский показатель. Таким образом, в городах Самарской области сформированы необходимые условия для проведения модернизации инфраструктуры и промышленности с целью построения новой инновационной кластерной экономики и создания «умного» города.

Прежде всего, это проявилось в организации Поволжского автомобильного кластера, который функционирует и развивается. Кластер занимает первое место в России по производству легковых автомобилей – выпускает около 800 тыс. штук машин в год, что составляет примерно 70% продаж отечественного автомобильного рынка.

Также в регионе сформированы следующие промышленные экономические кластеры: нефтехимический, нефтедобывающий, ИТ-кластер, агропромышленный, инновационный, аэрокосмический. Эти кластеры являются активно действующими.

В социальной сфере городов региона сформированы следующие кластеры: фармацевтический (биотехнологии), медицинский (кластер здравоохранения), туристический кластер, транспортно-логистический, кластер жилищно-коммунального хозяйства, обращения с твердыми бытовыми отходами. Однако еще не все кластеры полностью выявлены, оформлены и потенциально готовы к эффективной работе.

К таким кластерным структурам можно отнести: строительный, физической культуры и спорта, культуры и искусства, образовательный и ряд других кластеров.

Следует отметить, что особое место в региональной кластерной экономической системе Самарской области принадлежит высокотехнологичному инновационному территориальному аэрокосмическому кластеру.

Соглашение о его создании подписано правительством Самарской области 13 апреля 2012 года. Была назначена организация-координатор: Государственное автономное учреждение Самарской области «Центр инновационного развития и кластерных инициатив». Деятельность аэрокосмического кластера базируется на трех важнейших для страны и региона промышленных производствах – ракетно-космическом, двигателестроительном и авиастроительном. Также в кластере осуществляется оказание услуг, необходимых для разработки, проведения испытаний и эксплуатации летательных аппаратов. Членами или участниками территориального инновационного самарского аэрокосмического кластера Самарской области является целый ряд предприятий и организаций: ФГУП ГНПРКЦ «ЦСКБ – Прогресс», ОАО «Кузнецов», ОАО «Авиаагрегат», ОАО «Авиакор-авиационный завод», ОАО «Металлист-Самара», ОАО «Салют», ОАО «Агрегат», ФГУП НИИ «Экран». Кроме того, в состав аэрокосмического кластера входят две ведущие образовательные организации: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва и Самарский государственный технический университет. Эти высшие учебные заведения обладают колоссальным научно-исследовательским потенциалом.

Важное место в составе кластера занимает Поволжское отделение Российской Инженерной Академии (ПО РИА). Обязательными членами территориального аэрокосмического кластера являются органы власти: Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области и Министерство промышленности и технологий Самарской области.

Дополняют состав аэрокосмического кластера такие организации, как: Государственное автономное учреждение Самарской области «Центр инновационного развития и кластерных инициатив», Торгово-промышленная палата Самарской области, некоммерческое партнёрство «Региональный центр инноваций и трансферта технологий», ООО «Эко Энерджи», ООО «Научно-производственная компания «Разумные решения», ООО «Аквил», региональное объединение работодателей «Союз работодателей Самарской области».

В настоящее время территориальный аэрокосмический кластер Самарской области имеет организационную структуру, сформированную тремя подкластерами: ракетно-космическим, авиастроительным и двигателестроительным. В каждом подкластере имеются ключевые предприятия, образующие ядро подкластера.

Существует мнение, что многие новые технологии уже давно используются в авиации и космосе. Именно это и подтверждает, что инновационный аэрокосмический кластер может послужить основополагающим для создания «умного» города Самара.

Затем обратимся к градообслуживающей подсистеме, которая формирует не только жизнеобеспечение и жизнедеятельность в городе, но и определяет качество жизни горожан. Данная подсистема содержит следующие элементы: общественная безопасность, потребительский рынок, городское хозяйство, строительство, окружающая среда и т.д. Это отрасли, которые создают инфраструктуру города. Уровень развития градообслуживающей подсистемы определяется совокупностью количественных и качественных показателей, к которым относятся такие, как: объём услуг, оказываемых населению; спрос и предложение на рынке услуг; уровень и объем потребления услуг на одного человека; качество услуг; внедрение инноваций; модернизация; уровень использования производственных мощностей и т.д.

Важной составной частью градообслуживающей подсистемы является городское хозяйство. В его составе находятся предприятия жилищного и коммунального хозяйства, благоустройства, бытового обслуживания населения,

городской транспорт, предприятия, оказывающие ритуальные услуги и ряд других. К объектам градообслуживающей подсистемы также относятся учреждения здравоохранения, физической культуры и спорта, социального обеспечения, образования, культуры и искусства.

В «умном» городе градообслуживающая подсистема формируется из «умных», интеллектуальных, энергоэффективных предприятий жилищного и коммунального хозяйства с внедренными цифровыми технологиями, из инновационных предприятий бытового обслуживания населения, «умного» городского транспорта.

Объекты градообслуживающей подсистемы предназначены для удовлетворения потребностей населения города и практически представляют собой социальную подсистему, т.е. их целесообразно интегрировать в социальный кластер[1].

В качестве примера приведены городские кластеры социального назначения города Самара, которые интегрируются в общегородской социальный кластер.

Представляет интерес жилищно-коммунальное хозяйство города. Самара – современный урбанизированный город, который должен иметь «умное», инновационное, с цифровыми технологиями, жилищно-коммунальное хозяйство. В городе функционирует Департамент городского хозяйства и экологии, который обеспечивает не только экологическую безопасность и благоустройство территорий города, но и инновационное социально-ориентированное развитие и устойчивое функционирование городских предприятий жилищно-коммунального хозяйства. Жилищный фонд города составляют 10369 домов, общая площадь которых равна 27,7 млн. квадратных метров. Управляют жилищным фондом и обслуживают его 364 управляющих компании и 440 товариществ собственников жилья, т.е. всего более 800 предприятий. Также жилищный фонд пользуется услугами коммунальных ресурсоснабжающих предприятий.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2014 № 209-ФЗ -«О ГИС ЖКХ» предприятия обязаны передавать все сведения в информационную систему, стимулируя, таким образом, автоматизацию бизнес-процессов и развитие цифровой среды в жилищно-коммунальном хозяйстве. Однако на практике пока не все предприятия включились в эту сетевую инфраструктуру, задачей которой является организация объективного и прозрачного учета потребления коммунальных ресурсов.

В настоящее время между Самарской областью, Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации и ФГУП «Почта России» заключено четырехстороннее соглашение об опытной эксплуатации государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства на территории Самарской области.

ГИС ЖКХ прежде всего предназначена для получения населением полной и достоверной информации об услугах, тарифах и начислениях, а также для обеспечения органов власти сведениями, которые необходимы для анализа и прогнозирования в процессе принятия управленческих решений в жилищно-коммунальном хозяйстве города. Используя геоинформационную систему жилищно-коммунального хозяйства городские жители могут проверять правильность расчетов, проводить контроль и мониторинг деятельности управляющих компаний, своевременно получать актуальную информацию о расходах и доходах по месту жительства, а в случае необходимости направлять жалобы в контролирующие органы.

Таким образом, очевидно, что уже сегодня в Самаре предприняты попытки к созданию «умного» жилищно-коммунального хозяйства, которое органично интегрируется в социальный кластер. Несмотря на то, что кластер жилищно-коммунального хозяйства, является социально значимым, он в то же время оказывает существенное влияние на функционирование и развитие промышленного экономического кластера.

В последнее время в Самаре проводится работа по созданию социального кластера, включающего в себя медицину и здравоохранение, образовательную сферу, а также кластеры жилищно-коммунального хозяйства, градостроительства, транспортно-логистического, экологического, туристического и др.

Учитывая, что городской пассажирский транспорт – это одна из важнейших составляющих территориальной инфраструктуры, а его главная задача – качественное и своевременное транспортное обслуживание городского населения, рассмотрим воздушный, речной, железнодорожный и автомобильный виды транспорта, функционирующие в Самаре.

В 2018 году здесь пройдут матчи Чемпионата мира по футболу. Самара стала первым из городов, чей проект стадиона для Чемпионата мира по футболу 2018 года, получил положительное заключение государственной экспертизы и был одобрен общественным советом при Министерстве спорта России[2].

Проведение такого крупного мероприятия в Самаре потребовало осуществления серьезнейших преобразований в транспортной системе – развития интеллектуально-транспортной сети (ИТС) для управления городской транспортной сетью и транспортными потоками. Одновременно произойдет улучшение общественной безопасности и охраны порядка в городе.

В соответствии со Стратегией развития Самарского региона до 2020 года был сформирован мощный транспортно-логистический кластер путем интеграции четырех видов городского транспорта: воздушного, речного, железнодорожного и автомобильного.

---

[1] Иваненко Л.В., Тимощук Н.А. Создание социального кластера как механизма инновационных преобразований социальной сферы в регионе // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2013. – Вып. 10 (111). – С. 121–127.

[2] Мамедова С.В. Тенденции развития инфраструктуры города Самара в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 года // Современные вопросы управления городом и его развитием: сборник научных трудов 3-го межвузовского научного семинара. – Самара, 2017. – Вып. 3. – С. 76–84.

К настоящему времени в Самаре построен современный аэровокзальный комплекс. С этой целью самарский аэропорт «Курумоч» был оперативно реконструирован и модернизирован к событиям 2018 г. с учетом внедрения самых последних инноваций – цифровых методов. Открытие нового терминала позволило увеличить пропускную способность для жителей и гостей города. Кроме открытия терминала продолжается строительство и развитие аэропортовой и аэродромной системы международного аэропорта с использованием современных информационных и цифровых технологий.

В преддверии названного спортивного мероприятия в городе необходимо оптимизировать движение речного транспорта. В настоящее время реализуется план по обеспечению межгородской и внутригородской связи высокоскоростными плавательными средствами. Для этого проводится капитальный ремонт действующих объектов речной инфраструктуры, а также осуществляется приобретение новых плавучих платформ для посадки и высадки пассажиров и обновление речного флота – и грузового, и пассажирского.

Ожидание прироста туристов, прибывающих по железной дороге, потребовало создания современной инновационной инфраструктуры высокоскоростного транспорта. Уже запущено ускоренное пассажирское сообщение по маршруту Самара-Москва. Внутри региона разработан и успешно действует маршрут «Самара-Курумоч-Тольятти».

Несмотря на большой объем выполненной работы требуется срочная усиленная подготовка железнодорожных путей сообщения, осуществление которой происходит медленнее всего. Также пока не соответствует современным запросам и мультимодальный комплекс услуг железнодорожного вокзала. Не подготовлены и не отремонтированы пересадочные узлы, центры по стандарту и управлению пассажиропотоками.

Главным вектором развития автодорожного каркаса региона служит модернизация дорожно-транспортной сети с целью устранения диспропорций, разрывов и узких мест.

Во-первых, стратегическое значение имеет строительство новых автомобильных мостовых переходов через реки Волга и Самара.

Во-вторых, завершение строительства развязки после мостового перехода «Кировский» и мостового перехода «Фрунзенский» в значительной степени облегчат решение транспортной проблемы в городе.

Дорожная сеть города Самары насчитывает1154 дороги общей протяженностью 1079 км. Зачастую состояние дорожной сети не согласуется с имеющимся количеством и типом подвижного состава.

Полученные в процессе исследования результаты аналитического агентства «АВТОСТАТ» свидетельствуют, что город Самара является лидером по количеству легковых автомобилей среди городов с населением больше миллиона человек. В Самаре проживает 1 млн. 171 тыс. чел., парк автомобилей составляет около 394000 шт., при этом на 1000 населения приходится примерно 334 легковых автомобилей. На втором месте оказался Санкт-Петербург, где показатель обеспеченности составляет 319 автомобилей на 1000 чел. Замыкает тройку лидеров Воронеж – 308 автомобилей, который чуть опережает Москву, где показатель равен 304 автомобиля на тысячу населения.

Такой высокий уровень автомобилизации в Самаре потребовал организации достаточно мощного комплекса сервисных служб, обеспечивающих работу транспорта. Важной и трудно разрешимой проблемой для города является организация и обустройство стоянок индивидуального транспорта, сооружение паркингов на территории города, выделение на территории города, особенно в центре, участков для строительства коллективных гаражей, в том числе многоэтажных. В новых жилых домах уже проектируются и строятся гаражи или паркинги непосредственно в подвалах или нижних этажах здания, что представляется целесообразным и удобным для жильцов.

Вместе с тем в Самаре происходит активное развитие рынка «умных» транспортных услуг, которое предполагает следующие элементы «умного» совершенствования транспортной системы:

– внедрение и использование инновационной информационной транспортной системы;

– внедрение системы управления парковочным пространством с применением «Интернета вещей»;

– отслеживание параметров транспортных потоков – внедрение системы мониторинга с помощью цифровых технологий;

– применение системы телеобзора дорожного движения в городе;

– применение системы фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения;

– установка «умных» светофоров и динамических дорожных табло;

– установка электронных табло на остановках общественного транспорта;

– применение мобильной оплаты проезда в общественном транспорте по единому проездному электронному документу;

– организация потенциального использования беспилотного общественного транспорта.

Многое из этого перечня уже функционирует на дорогах и улицах города Самары.

Практика свидетельствует, что рыночная экономика разобщает социальную и экономическую сферы (в том числе в результате существования различных форм собственности). Экономическая природа кластера, воспроизводственные процессы его функционирования на рынке, напротив, способствуют объединению социальной и экономической подсистем в единое целое. Кроме того, кластер, включая в свой состав бизнес, представителей органов власти и научной общественности, позволяет своим участникам объединяться в некую триаду «бизнес – власть – наука» и участвовать в управлении территориями.

Активизация создания кластеров как особой формы территориальной организации, которая характеризуется рядом отличительных признаков: сосредоточение критической массы родственных, поддерживающих друг друга отраслей, вспомогательных организаций, обеспечивающих экономию на масштабах производства, используемых инновациях, ресурсах, информации и др.; объединение для совместной деятельности и проведения согласованной политики; глубокая технологическая кооперация в системах накопления добавленной стоимости в сочетании с избиратель-

ной конкуренцией друг с другом, особая инновационная среда, особенно в промышленных кластерах, в совокупности с городской агломерацией – создают условия и предпосылки инновационного технологического развития территории и повышают эффективность процесса создания совершенно новой формы организации жизни населения – «умного» города.

Все выше представленное может быть положено в основу разработки проекта создания «умного» города Самара.

Для создания «умного» города Самара необходимо разработать широкомасштабный организационный проект, требующий соответствующих условий в городе, больших временных затрат и объединенных усилий специалистов-практиков и ученых различных сфер деятельности. Очевидно, что это многоэтапный процесс, причем содержание каждого этапа должно определяться значимостью решаемых задач и степенью подготовленности города к их решению. Прежде всего, следует предусмотреть, что проект должен состоять из двух (достаточно условных) частей: «умная» градообразующая подсистема и «умная» градообслуживающая подсистема. Таким образом, проект создания «умного» города должен основываться на научных инновационных исследованиях, на цифровых технологиях, на бенчмаркингах, используемых в промышленном экономическом и социальном кластерах Самары.

В настоящее время городской администрации необходимо обеспечить создание институциональных предпосылок для перехода к социально-ориентированной инновационной модели развития – «умному» городу на основе кластерной организации экономики в городе.

Каменских Н.А.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики, управления и бизнеса Государственного гуманитарно-технологического университета, Орехово-Зуево
kamenskih-n@yandex.ru

СИНЕРГИЯ ВЕКТОРОВ И ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *социально-экономическая стратегия, субъекты местного самоуправления, развитие, инновационно-активное местное сообщество, компетенции, стейкхолдеры, стратегическое партнерство.*
Keywords: *socioeconomic strategy, local government, development, innovative-active local enterprise (community), competence, stakeholders, strategic partnerships.*

На современном этапе социально-экономическое развитие муниципальных образований (МО) охватывает широкий спектр интересов субъектов местного самоуправления (МСУ). Отметим, что к ключевым субъектам управления на местном уровне относятся ОМСУ, местное сообщество, руководители предприятий.

Управление социально-экономическим развитием на местном уровне представляет скоординированную и совместную деятельность субъектов МСУ по разработке и реализации системы программ и проектов, сонаправленных векторам стратегии развития муниципалитета и приоритетам развития страны, сосредоточенных на удовлетворении интересов и потребностей населения, создании благоприятных условий для позитивного изменения социально-экономической ситуации и комплексного развития всех элементов МО; способствующих решению общенациональных инновационных задач в долгосрочном периоде.

Управление на основе программно-целевых методов планирования оказывает стимулирующее воздействие на развитие локальной территории путем сознательно-организованной и целенаправленной деятельности стейкхолдеров.

При этом если имеет место не только состав программ и подпрограмм, отражающий существо стратегии, но и обозначены связи между программами, подпрограммами и стратегической целью, то можно говорить о модели структуры стратегии[1].

Представленная на рис. 1 модель синергии векторов социально-экономического развития МО соответствует современным требованиям перехода к использованию программно-целевых методов планирования и бюджетирования на основе системы муниципальных целевых программ, обладающих необходимой степенью согласованности и соподчиненности в рамках стратегии социально-экономического развития МО.

Стратегия является базисом системы, интегрирующей все её подсистемы в единый организм, обусловливающей, в конечном счете, их содержание, функционирование, развитие. Но программы, проекты и соответствующие им мероприятия могут обладать относительной самостоятельностью и не отвечать базису, тормозя при этом общее развитие социально-экономической системы.

Подчеркнем высокую степень внедрения инструментария проектного развития как в государственных и муниципальных структурах, так и на уровне бизнес-структур. Вступление в силу постановления Правительства РФ от 15.10.2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» усилило методологическую платформу и определило «правила игры» для разработки и внедрения «портфелей проектов» как комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях ограниченных ресурсов[2]. Данные обстоятельства предъявляют особые требования к модели синергии векторов социально-экономического развития МО.

На современном этапе муниципальное управление вбирает в себя всю совокупность инструментов и технологий, существующих в менеджменте, и базируется не только на доминирующей компетенции ОМСУ, но и включает в этот процесс все заинтересованные стороны.

Приведем следующую классификацию инструментов развития:

– организационно-административные методы (строятся на авторитете «сетевых узлов» (государства, ОМСУ) включают управление, контроль, ограничения. Например, общегражданское и хозяйственное законодательство);

– экономические инструменты (создают дополнительные материальные стимулы и способствуют уменьшению финансовых рисков. Например, на макроуровне – норма обязательных резервов, минимальный размер оплаты труда, размер таможенных пошлин, разнообразные льготы и режимы, планирование и прогнозирование, государственно-частное партнёрство и др.);

[1] Лапыгин Ю.Н. Основы стратегического управления: Конспект лекций. Ч. 2. – Владимир: ВГПУ; ВлГУ; ВИБ, 2002. – 116 с.

[2] Постановление Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.10.2016, № 43, ст. 6028.

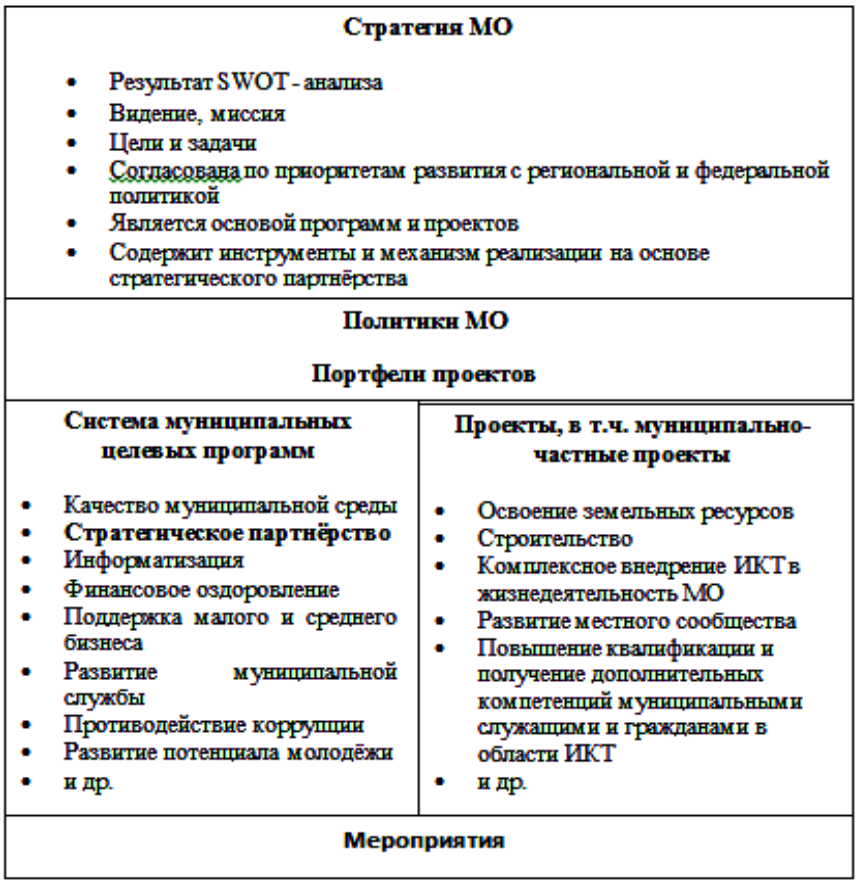


Рисунок 1.
Модель синергии векторов социально-экономического развития МО

– социально-психологические методы. Для муниципального уровня:

– ориентирующие условия в виде целей развития МО, которые должны знать все члены муниципального сообщества;

– партисипативное управление (участие инновационно-активного местного сообщества и представителей бизнес-кругов в управлении МО наряду с ОМСУ на основе принципов стратегического партнёрства);

– стимулирование развития местного сообщества и установление норм поведения;

– меры морального поощрения;

– развитие информационно-коммуникационных компетенций местного сообщества;

– поддержка местных традиций и удовлетворение культурных и духовных потребностей населения.

Муниципалитеты в своей практике применяют также следующие инструменты и методы для достижения целей социально-экономического развития:

– в области недвижимого имущества и развития инфраструктуры предоставляют земельные участки в долгосрочную аренду, ускоряют официальную процедуру оформления и выдачи разрешений на строительство, готовят инфраструктуру для новых предприятий, занимаются реконструкцией помещений для продажи;

– в финансово-экономической сфере применяют финансовую помощь, предоставляют налоговые льготы, размещают муниципальные заказы на местных предприятиях, реализуют парципаторные проекты;

– в сфере маркетинга территорий (SWOT-анализ, создание условий для конструктивного диалога бизнеса и власти, создание и продвижение инвестиционного имиджа МО, консультирование и содействие бизнесу в маркетинге продукции, брендинг территории) для реализации коммуникационных процессов задействуют потенциал ИКТ, в том числе систем взаимоотношений с клиентами – CRM, проведение перманентного мониторинга качества предоставляемых услуг целевым группам общественности и др.

В рамках программно-целевого планирования наилучший результат достигается при осуществлении процесса консолидации потенциальных стратегических партнёров – субъектов МСУ с целью выявления общих проблем и возможностей взаимодействия, объединения материальных и финансовых ресурсов. Подчеркнем, что разнообразные формы стратегического партнёрства (муниципально-частное, государственно-частное и социальное партнёрство) сочетают в себе возможность реализации отмеченных выше инструментов.

В самом широком смысле под партнёрством понимается особый вид отношений, при котором люди или организации сочетают свои ресурсы для выполнения общей деятельности. А.П. Панкрухин и А.Л. Гапоненко дают следующее определение этому понятию: «партнёрство организаций представляет собой их организованное взаимодействие для достижения наиболее эффективным путем общих (или хотя бы не вызывающих противоречия) экономических, социальных и иных целей».

В бизнесе партнёрство рассматривается как содружество, взаимоотношение предприятий с контрагентами в хозяйственной деятельности. Партнёрские связи в сфере бизнеса являются не только важным составным элементом предпринимательских действий, но и необходимым условием договорных отношений между контрагентами, давая возможность каждому из них получить определенный уровень прибыли за счет обмена результатами деятельности.

Партнёрство организаций заключается в их организованном взаимодействии для достижения вектора стратегического целеполагания наиболее эффективным путём на основе кооперации. Партнёрство организаций может представлять особую модель бизнес-процессов, когда объединяются ресурсы нескольких субъектов управления, в результате чего возникает солидарная ответственность за эффективное использование этих ресурсов. С другой стороны оно может выступать в роли функции координации деятельности по перспективным направлениям развития.

Трактовки стратегического партнёрства представлены в табл. 1.

Таблица 1

Источник	Формулировка
Гапоненко А.Л., Панкрухин А.П. Стратегическое управление: Учебник. – М.: Омега, 2008. – С.206.	**Стратегическое партнёрство** – это координация по важным и перспективным направлениям, выражается в особой форме бизнеса, когда объединяются ресурсы нескольких субъектов, в результате чего возникает солидарная ответственность за работу по использованию этих ресурсов.
Официальный сайт г. Иваново. Словарь терминов. – http://iv.ivgo radm. ru/strategy/conc/4.1	**Стратегическое партнёрство** – формализованное в виде документа и реализуемое в виде системы последовательных действий соглашение между ветвями власти, представителями разных слоев гражданского общества и бизнеса о стратегических приоритетах развития территориального образования, путях и формах решения приоритетных задач и достижения согласованных стратегических целей.
Центр управления финансами. – http://www.center-yf.ru/data/ip/ Partnerstvo.php	**Стратегическое партнёрство** – сотрудничество партнёра с экономически значимым партнёром, как правило, на уровне юридических лиц, то есть сотрудничество одной компании с более крупной и мощной в финансовом отношении компанией, которая может обеспечить ресурсы для достижения её стратегических целей.

Базой реализации стратегического партнёрства может являться договорная основа. Договором регулируются функции, права и обязанности участников-партнёров, порядок возмещения общих расходов, распределение прибыли и других преференций, сроки действия, условия прекращения и др.

Как правило, к основным принципам стратегического партнёрства относят:

– добровольность вхождения в состав партнёрства;

– долгосрочный характер отношений;

– взаимовыгодность сотрудничества для всех участвующих сторон;

– объединение ресурсов под достижение конкретного результата;

– солидарную ответственность по достигнутым договорённостям;

– принцип «консенсуса», основанного на единогласном принятии решений по направлениям сотрудничества, а не принцип диктата большинства при голосовании;

– распределение ответственности и рисков между частным и государственным партнёром.

Стратегическое партнёрство может иметь вертикальный и горизонтальный характер. Вертикальный – между организациями различных отраслей (одни из которых выступают поставщиками, другие – потребителями), соответственно между МО различного статуса. Горизонтальный характер обнаруживается между организациями одной отрасли, соответственно, например, МО одного региона. В таких межорганизационных связях осуществляется гибкая координация как стратегических, так и тактических целей, в результате чего усиливаются позиции всех участников сети.

Отметим, что наиболее сложно поддерживать стратегическое партнёрство в случаях, когда партнёры находятся на принципиально разных уровнях развития, демонстрируют разные по масштабам возможности, а также претензии.

Жизненный цикл развития стратегического партнёрства состоит из трёх стадий (табл. 2).

Таблица 2

Жизненный цикл развития стратегического партнёрства

Стадия	Описание
1	Интересы и деловые связи играют инициирующую роль, обеспечивая первичный контакт организаций друг с другом (организацию встреч руководителей, налаживание дальнейших контактов).
2	Согласование позиций в отношении кооперации, вплоть до выработки и подписания конкретных соглашений, договоров. В этот процесс вовлекаются ключевые сотрудники. Активность в отношении кооперации приобретает динамизм.
3	Возникновение проблем, угрожающих кооперации. Ведомые организации могут к этому времени получить результаты, превышающие их ожидания и даже саму готовность к кооперации. В то же время ведущие могут обнаружить, что стоимость продолжения подобной активности может превысить потенциальную выгоду, так что их готовность к сотрудничеству резко падает.

Также выделим этапы реализации стратегического партнёрства.

Первый этап. Осуществляется согласование и поддержка общезначимых целей, отсутствуют значимые противоречия интересов, существует более высокий уровень возможностей достижения общих интересов, удовлетворения потребностей. На этом этапе необходимо выявить определенную общность стратегий, предпочтительных методов, технологий реализации общих целей.

Второй этап (экономический). Характеризуется детализацией и началом выполнения рабочего договора о стратегическом партнёрстве, рассчитываются затраты и эффекты для каждого партнёра, крайне трудно согласовать приемлемые для всех варианты их распределения.

Третий этап (мотивационный). Разрабатываются гарантии.

Преимуществом стратегического партнёрства является высокие экономические показатели, обусловленные компетентностью, трансакционной эффективностью организационной сети, низким уровнем издержек, высокой гибкостью и подвижностью управления.

Эффективность механизма взаимодействия зависит от того, насколько предпринимательские структуры, ОМСУ, местное сообщество и другие субъекты взаимодействия подготовлены к интеграции действий для достижения экономического развития, насколько они заинтересованы в формировании атмосферы доверия.

Таким образом, механизм взаимодействия представляет собой конкретные формы отношений, складывающихся между властью, обществом и предпринимательством как основной движущей силой современного этапа функционирования и развития национальной экономики; обеспечивает инновационное развитие местной территории.

Стратегическое партнёрство способствует развитию не только МО в целом, но и каждой составляющей этого партнёрства. Эти партнёры не могут выступать на равных, в рамках данного исследования приоритет отдается власти МО, инициирующего стратегическое развитие.

Касаев Б.С.
д.э.н., профессор, Финансовый университет

МЕНЕДЖМЕНТ ТЕРРИТОРИЙ КАК ИННОВАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

***Ключевые слова**: концепции менеджмента, менеджмент территорий, целостность менеджмента.*
***Keywords**: concept of management, management of territories, the integrity of management.*

Введение. Существуют три предпосылки предлагаемой здесь новой концепции в общей теории организационного управления.

Первой предпосылкой является перечень приводимых А.В. Бусыгиным фактов о наличии кризиса в теории и практике менеджмента (см. книги: «Менеджмент: мифы и реалии», «Кризис менеджмента: Очерки современной теории и текущей практики»).

Второй предпосылкой выступает эволюция семи основных концепций менеджмента, представленная Р.Дафтом в десятом издании книги «Менеджмент» (см. рис.1). В приведенном эволюционном перечне этих концепций, Р.Дафт поступил, мудро, показав возможное появление новой концепции (можно соотносить ее с № 8) назвав «Открытой инновацией».

Третья предпосылка сформировалась на основе сопоставления двух первых предпосылок с системными изменениями, вызываемыми динамикой социальных, политических и экономических сил, действующих на территориях, что обусловливает, на мой взгляд, необходимость изменений в самой философии современного менеджмента.

В менеджменте организации этот термин применяется преимущественно к *объекту (предприятие, фирма, учреждение и т.д.)* понимая под организацией организационную систему, объединяющую людей, совместно реализующих определенную цель или программу и при этом применяющих определенные правила и процедуры. *Элементом № 1* в менеджменте территорий, является территория определенного класса (10 классов объектов), рассматриваемая как объект управления.

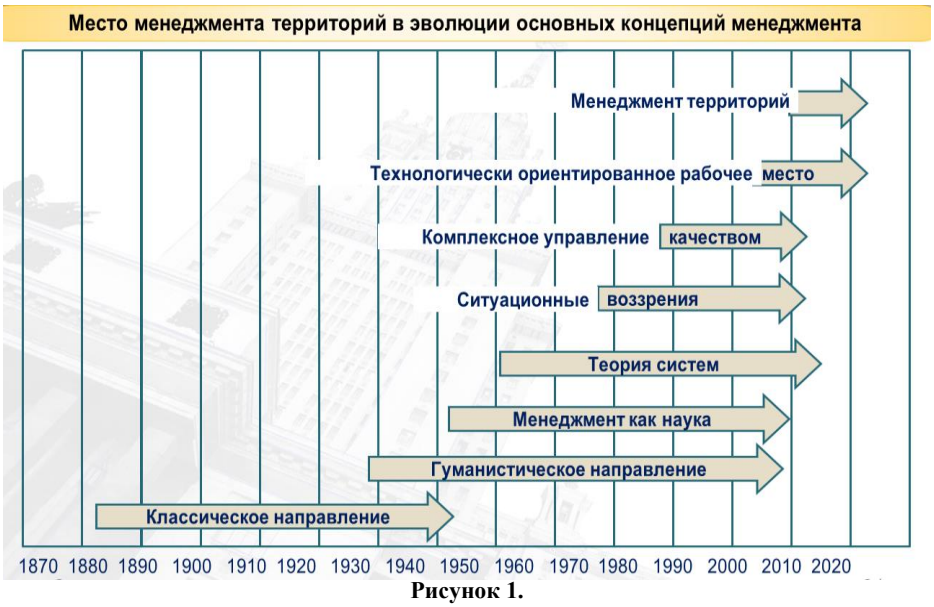


Рисунок 1.
Эволюция основных концепций менеджмента

Основные элементы концепции менеджмента территорий. Признано, что термин «организация» может использоваться для обозначения *свойства, процесса* и *объекта*.

Классификацию менеджмента относительно объектов управления с точки зрения сохранения целостности и наглядности самой теории легче объяснить в виде «дерева» (рис. 2).

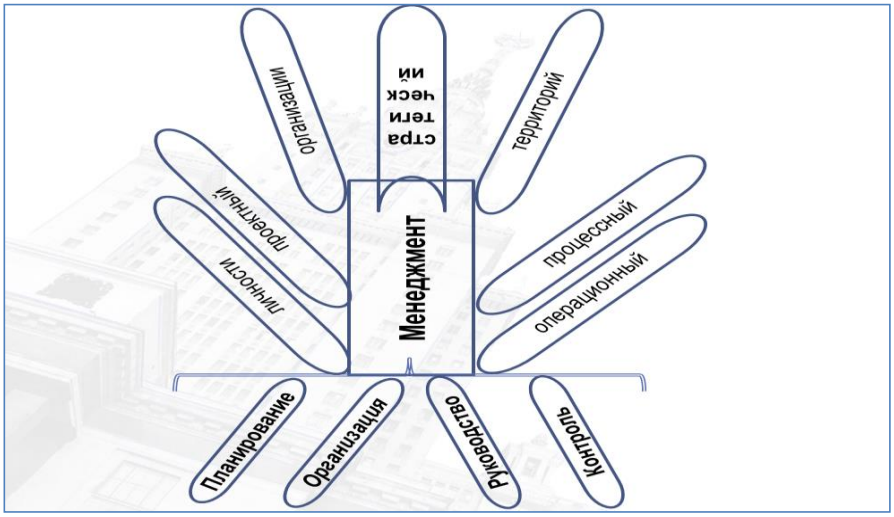


Рисунок 2.
Дерево объектов и функций в теории и практике современного менеджмента

В приведенном структурном дереве содержащаяся в корне функция «***руководство***» на самом деле включает такие составляющие как: *мотивация, координация, регулирование.* Особое расположение объекта «стратегический» означает, что этот объект может рассматриваться как общий метод управления для отдаленного временного горизонта применительно к остальным объектам при неизменных параметрах корневых функций. С другой стороны для каждого объекта может разрабатываться и совершенствоваться свой метод (лист дерева), вместе с тем некоторые методы могут активно использоваться для разных объектов приведенного структурного дерева. Также можно в качестве объекта управления рассматривать и другие объекты, не показанные на данном дереве.

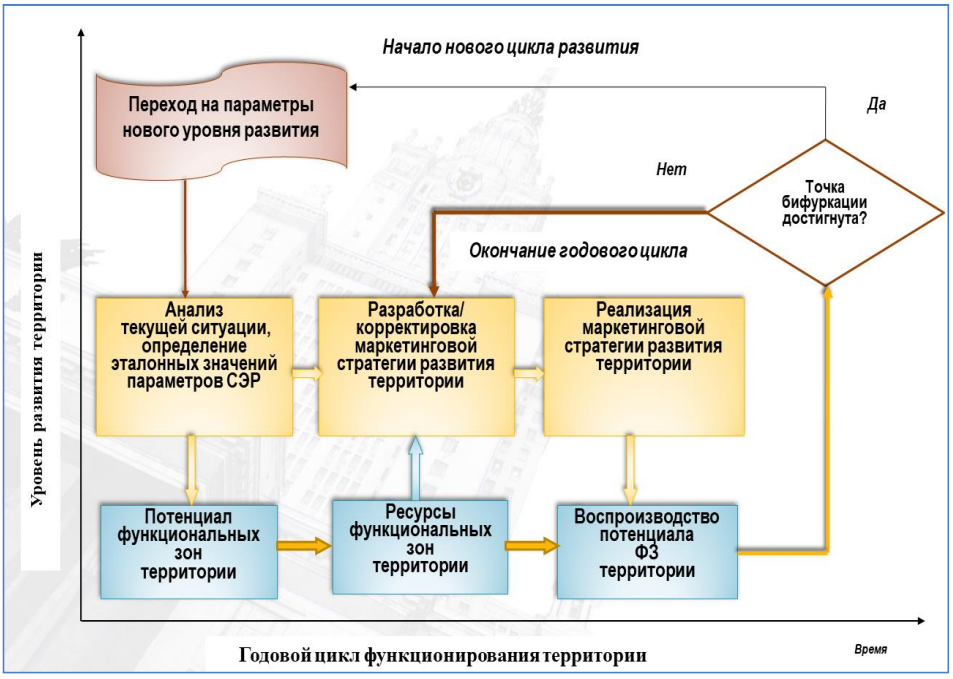


Рисунок 3.
Циклы управления в зависимости от состояния режимов функционирования экономической системы территории

Элементом № 2 представляется декомпозиция территории в целях повышения эффективности управления по функциональному признаку. В результате чего объект управления – территория любого класса представляется семью функциональными зонами:

– жилой застройки;
– производственной;
– административной и общественно-деловой;
– рекреационной;
– сельскохозяйственной;
– инфраструктурной;
– специальной.

Элементом № 3 представляется наличие и особенности поддержки двух управленческих (организующих) режимов в процессе осуществления жизнедеятельности на территории: режим обычного (планового) функционирования и режим развития, определяющих управленческие циклы по результатам оценки состояния организующих режимов (рис. 3).

Для российских предприятий, входящих в производственную функциональную зону, характерна деятельность в режиме обычного (по плану) функционирования в лучшем случае с всплесками поиска инновационных решений. Отсюда и постоянные проигрыши в обновлении продукции или технологий.

Лишь часть вины за эти проигрыши лежит на менеджменте предприятия. Другая часть вины лежит на руководителях административно-деловой зоны территории и их помощниках, назначаемых в качестве ответственных за производственную зону территории.

Для российских предприятий инновационная деятельность должна стать постоянно действующим атрибутом, а не временной компанией, менеджмент территорий в свою очередь должен быть в курсе того, какие системные проблемы существуют в производственной зоне территории.

Элемент № 4 – незаметно, но ощутимо изменившаяся значимость функционального взаимодействия маркетинга (рис. 4) и логистики (рис. 5) в осуществлении менеджмента. В менеджменте территорий цели маркетинговой и логистической стратегий, их сопряжение с функциями менеджмента приобретают решающее значение для формирования уровня *социально-экономического развития, повышения инвестиционной активности* и *имиджа территории*. Для территории России это функциональное взаимодействие приобретает решающее значение в силу повышенных логистических рисков в системе распределения. Так, например, сельскохозяйственная функциональная зона территории России по разным оценкам теряет до 40% выращенного урожая из-за нерационального сопряжения менеджмента, маркетинга и логистической инфраструктуры территорий.

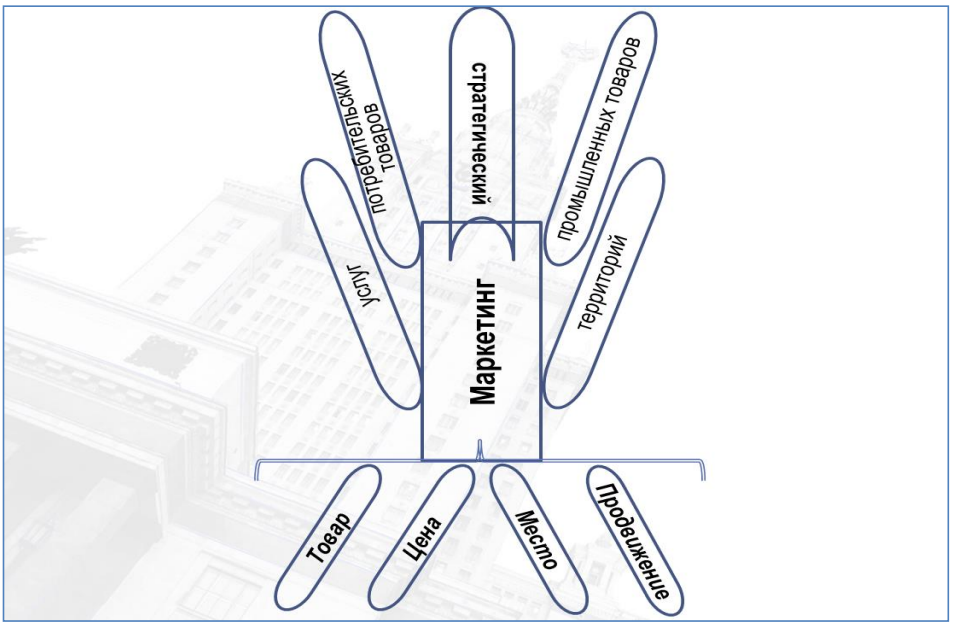


Рисунок 4.
Дерево объектов и функций современного маркетинга

Есть опасность в том, что даже понимание необходимости рационального межфункционального взаимодействия между менеджментом, маркетингом и логистикой окажется недостаточным для повышения эффективности.

Например, это может происходить из-за низкой инновационной активности самих предприятий, причем не обязательно по отношению к продуктовым инновациям. Чаще всего для российских предприятий оказываются не по плечу организационные инновации. Они встречаются с существенным сопротивлением внутри предприятия и весьма категорично рассматриваются в рамках производственной зоны территории и далее с нарастающим эффектом непринятия на уровне административно-деловой зоны. Именно организационных инноваций и не хватает для реализации по-

тенциала сопряженных функций менеджмента, маркетинга и логистики для успешного функционирования в условиях российских территорий.

Элемент № 5 – выделение трех ключевых направлений в стратегии развития территорий:

– социально-экономическое развитие;

– повышение инвестиционной активности;

– улучшение имиджа территории, что наиболее полно согласуется с концепцией инновационного межфункционального взаимодействия менеджмента, маркетинга и логистики.

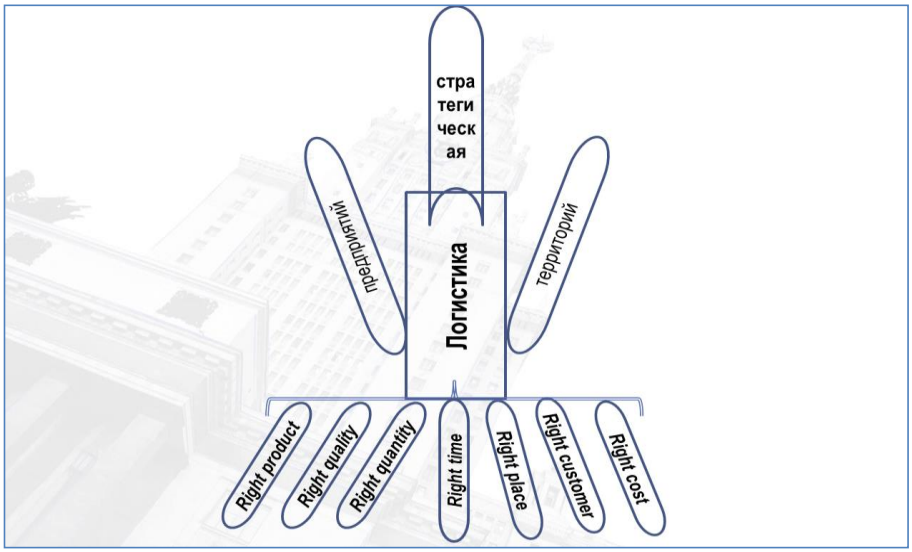


Рисунок 5.
Дерево объектов и функций современной логистики

В этой тройке направлений уровень социально-экономического развития (СЭР) является определяющим. Он включает 29 показателей, которые сопоставляются при вычислении текущего значения для данной территории с эталонными значениями соответствующих показателей лучших территорий, а затем суммируются полученные отношения для данной территории, математически это корректная операция. Полученные результаты для территорий одного класса можно сравнивать между собой с целью оценки при прочих одинаковых условиях деятельности менеджмента территорий. Функциональность такого подхода очевидна, поскольку очевидны и единообразны источники данных, применяются прозрачные алгоритмы их расчета. Далее заключение о работе менеджмента можно обоснованно обобщить динамикой таких показателей СЭР за несколько лет.

Следует заметить, что в концепции менеджмента территорий предпочтение отдается инвестиционной активности, а не инвестиционной привлекательности и инвестиционному климату. Дело в том, что территория может быть инвестиционно привлекательной, но не активной в части осуществления инвестиционной деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Элемент № 6 – наличие 29 ключевых показателей, отражающих состояние семи функциональных зон, и интегральной оценки качества функционирования территории, отражающейся критериальным образом в составе трех указанных направлениях. Состав показателей может быть подобран так, чтобы он мог использоваться для всех классов территорий с тем, чтобы в цепочке муниципальное образование→регион→страна можно было отслеживать определенные связи и влияние отдельных показателей и делать определенные выводы в целом по факторам, сформировавшим те или иные аномальные отклонения показателей. С другой стороны, если один и тот же фактор, воздействующий на определенный показатель, стал проявляться для нескольких территорий, то можно выявить системные ошибки в управлении внешней для данных территорий административно-деловой функциональной зоны.

Клочкова Е.Н.
к.э.н., доцент кафедры статистики РЭУ
Klotchkova.EN@rea.ru
Леднева О.В.
к.э.н., доцент кафедры бизнес-статистики МФПУ «Синергия»
Oledneva@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова*: социально-экономическое развитие, валовой региональный продукт, Московская область, объем отгруженной продукции, оборот розничной торговли, уровень занятости населения, стоимость основных фондов, инвестиции в основной капитал, среднемесячная заработная плата.*

Возможности дальнейшего развития экономических реформ в России напрямую связаны с решением основной задачи переходного периода – обеспечением перехода к устойчивому и динамичному росту экономики. В настоящее время эпицентр экономических преобразований все более перемещается на региональный уровень. К сожалению, ход реформы на региональном уровне зачастую осложняется многими проблемами. Эти проблемы, будучи в значительной мере обусловлены общей макроэкономической, политической и социальной ситуацией в стране, вместе с тем в немалой степени зависят от адекватности избранной местными органами политики и конкретных условий претворения экономических и организационных решений в жизнь. Действенность принимаемых на региональном уровне решений, в свою очередь, зависит от правильного определения места региона в общероссийской системе общественного разделения труда. Характеристика обновляющегося экономического облика региона основывается на анализе совокупности объективных социально-экономических показателей. От степени объективности таких диагностически-прогнозных оценок зависит эффективность принимаемых на федеральном и региональном уровне экономических и политических решений, регулирующих развитие региональной социально-экономической системы.

В целях выявления наиболее сильных сторон социально-экономического положения Московской области в сравнении с иными субъектами Российской Федерации, которые могли бы сформировать базис экономического развития региона, в рамках настоящего исследования осуществлен сравнительный анализ показателей социально-экономического положения Московской области по отношению к другим субъектам Российской Федерации.

В рамках данного исследования будут выявлены такие субъекты Российской Федерации, которые характеризуются схожими с Московской областью свойствами по типу социально-экономического развития. Данная задача была решена в результате применения комплексного анализа характерных особенностей групп регионов, что позволило определить как различия, так и сходства в направлениях экономического и социального развития, присущие разным группам регионов, а также проблемы и тенденции развития регионов, вошедших в один с Московской областью кластер, тем самым сформировав однородную совокупность.

С целью анализа формирования и развития социально-экономических показателей в региональном разрезе представляется необходимым построение многомерной группировки субъектов Российской Федерации, которая позволит: во-первых, проанализировать генеральную совокупность регионов Российской Федерации и выделить внутри этой совокупности однородные группы регионов, относительно которых можно было бы проводить типовую инвестиционную, бюджетную и другие виды регионально-ориентированной экономической политики, а во-вторых, установить конкретное, количественное место одного из регионов, в частности Московской области, среди их группы и, исходя из этого, выработать практические рекомендации по осуществлению в нем наиболее эффективных экономических преобразований.

В результате кластеризации, проведенной методом Уорда в пространстве ранее обоснованных факторов, были получены четыре типологические группы регионов, существенно отличающихся по уровню социально-экономического развития. В первый кластер вошло 22 региона, включая Московскую область, что суммарно составило 25,9% от общей выборки; второй кластер – наименее малочисленный –16 регионов (18,8% от общего числа регионов); в третьем кластере представлены 18 регионов (212% от общего числа обследуемых регионов), в четвертый кластер – самый многочисленный – вошли 29 регионов из всей рассматриваемой совокупности регионов, что составило 34,1% от исследуемой совокупности.

С целью получения более ограниченного числа регионов, схожих по уровню социально-экономического развития, в настоящем исследовании была проведена процедура кластеризации субъектов первого кластера. В результате повторной итерации по типологизации регионов на основе ранговых значений показателей мониторинга социально-экономического развития регионов получено 4 кластера. Первый кластер оказался наиболее многочисленным – более

50% регионов оказались в данной группе. Таким образом, итоговая таблица распределения субъектов РФ по кластерам выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение регионов по кластерам (подвыборка из 22 регионов)

Кластеры	Регионы
Кластер 1	Белгородская область, Воронежская область, Московская область, Ленинградская область, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Оренбургская область, Нижегородская область, Самарская область, Свердловская область
Кластер 2	Пермский край, Челябинская область, Тюменская область, Иркутская область, Красноярский край, Новосибирская область, Приморский край
Кластер 3	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
Кластер 4	г. Москва, г. Санкт-Петербург

Первый кластер, в который вошла Московская область вместе с остальными 11 регионами по итогам вторичной кластеризации, характеризуется высокими средними значениями по следующим исследуемым показателям: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности – обрабатывающие производства; оборот розничной торговли на душу населения; уровень занятости. Таким образом, последующий анализ показателей мониторинга социально-экономического развития будет строиться на сравнении регионов, входящих в первый кластер вместе с Московской областью.

Чрезмерное экономическое неравенство субъектов РФ становится фактором, сдерживающим рост валового продукта как на уровне федеральных округов, так и на макроуровне. Можно констатировать, что наиболее развитыми, в том числе по уровню технологического развития, являются регионы Центрального, Приволжского, Северо-Западного и Уральского федеральных округов. Московская область – один из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. При этом для развития региональной экономической системы Московской области помимо макроэкономических факторов важны тенденции развития других регионов России.

Одним из ключевых показателей экономического блока, отражающий масштаб развития экономики региона является валовой региональный продукт (ВРП). Для сопоставимости значений данного показателя наиболее целесообразно использовать показатель ВРП на душу населения, что позволит сделать более достоверный вывод об уровне развития экономики выбранных для сравнения регионов. Средний размер валового регионального продукта на душу населения в целом по Российской Федерации показывает возрастающий тренд на протяжении длительного периода с 2005 г. по 2015 г. с незначительным откатом в 2009 г., что явилось следствием мирового финансово-экономического кризиса.

Статистические данные позволяют проследить динамику ВРП Московской области и выбранных к сравнению регионов за 2005-2015 г. как в текущих основных ценах, так и в расчете на душу населения. Бесспорным лидером по объему ВРП среди выбранной совокупности является Московская область. Далее следуют Краснодарский край и Республика Татарстан. В консолидированном объеме ВРП Центрального федерального округа доля ВРП Московской области в 2015 году составила 14,1%. По показателю ВРП Московская область почти в 2 раза опережает Северо-Кавказский федеральный округ, сопоставима с Дальневосточным федеральным округом и Южным федеральным округом – ВРП Московской области составляет соответственно (90,5 и 70,0% соответственно) от размера регионального продукта указанных регионов.

ВРП на душу населения Московской области повторяет общероссийскую тенденцию к ежегодному росту и незначительно меньше среднего значения по РФ (рис. 1). Данный факт подтверждает эффективность и масштабность развития экономики области, поскольку она не обладает сырьевыми и иными высокодоходными источниками высоких темпов роста валового регионального продукта, а его рост главным образом обеспечивается за счет развития реального сектора экономики.

Следует также отметить, что интенсивность роста показателя ВРП до 2013 года (за исключением 2011 года) была выше, чем в среднем по Российской Федерации. В 2013 и 2014 годы скорость развития показателя несколько снизилась и оказалась ниже, чем по России (темпы прироста на уровне 6,7% и 6,4% соответственно). Однако уже по итогам 2015 года темп прироста составил 15,7% (по России – 9,6%, по ЦФО – 8,8%). Высокие темпы роста по итогам 2015 года также продемонстрировали Ленинградская и Ростовская области – 20,9% и 16,4% соответственно. Таким образом, за период 2005-2015 гг. ВРП на душу населения ежегодно увеличивался в среднем на 14,0% (по ЦФО и по России в среднем на 12% в год). При отсутствии в Московской области сырьевых и иных высокодоходных источников высокие темпы роста валового регионального продукта главным образом обеспечиваются за счет развития реального сектора экономики. Вклад «новой экономики» остается на уровне 2-3 процентов.

По показателю объем отгруженной продукции по виду деятельности «обрабатывающие производства» Московская область занимает 3-е место в рейтинге всех субъектов. По итогам 2016 года удельный вес объем отгруженных товаров собственного производства по данному виду деятельности для Московской области составил 17,2% от всех регионов данного кластера со значением 2 071 867 млн. руб. Это позволило Московской области занять первое место по объему отгруженных товаров собственного производства данного вида деятельности среди рассматриваемой совокупности регионов первого кластера. В анализе динамики объема отгруженной продукции прослеживается в целом положительная тенденция роста показателя. Средний темп роста показателя по Московской области составил 14,6% ежегодно. Наряду с этим стоит отметить существенное снижение интенсивности роста показателя в 2016 году по

сравнению с 2015 годом. Причем данная ситуация складывается как в отношении всех регионов данного кластера, так и в целом по Российской Федерации. Так, в Республике Башкортостан показатель 2016 года оказался ниже уровня 2015 года на 3,4%. Во всех остальных регионах данного кластера тенденция роста сохранилась.

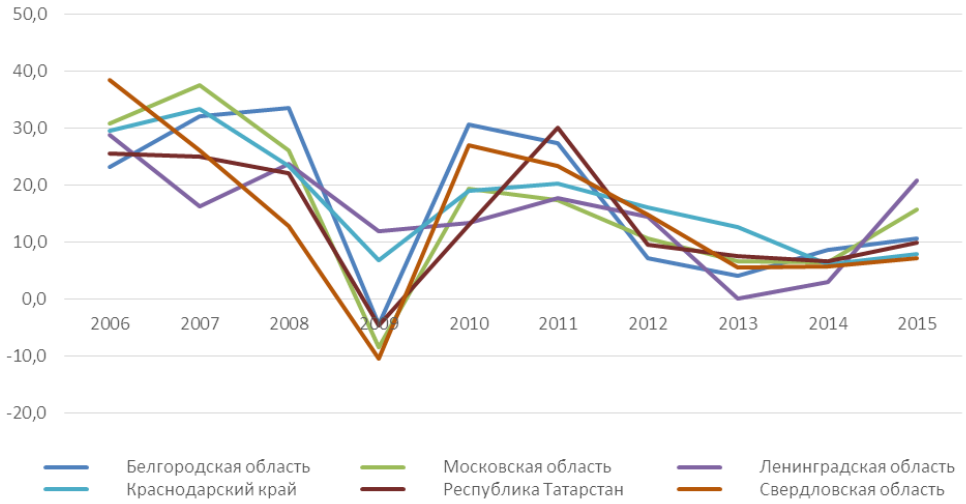


Рисунок 1.
Динамика темпов прироста ВРП на душу населения Московской области и отдельных субъектов РФ за 2006-2015 г., %

Удельный вес инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте Московской области по данным за 2015 г. составляет 19,4%, что на 5,7% ниже среднего кластерного уровня, который соответствовал 25,1%. Московская область тем самым является не самым привлекательным регионом с точки зрения потенциальных инвесторов, заняв последнее (12 место) в рейтинге среди регионов первого кластера. Наиболее высокими значениями характеризуется Республика Татарстан (1-е место в рассматриваемой совокупности субъектов), доля инвестиций в экономику здесь составляет 33,7% от объема ВРП. На втором и третьем месте находятся Воронежская область (32,2%) и Краснодарский край (30,1%), размер инвестиций в основной капитал которых к объему ВРП в 1,7 и 1,6 раза выше уровня Московской области (рис. 2). Несмотря на то, что при оценке экономического потенциала, характеризующегося показателем доли инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте, Московская область значительно отстает от других субъектов первого кластера, значение рассматриваемого показателя опережает уровень в целом по ЦФО на 22,7% .

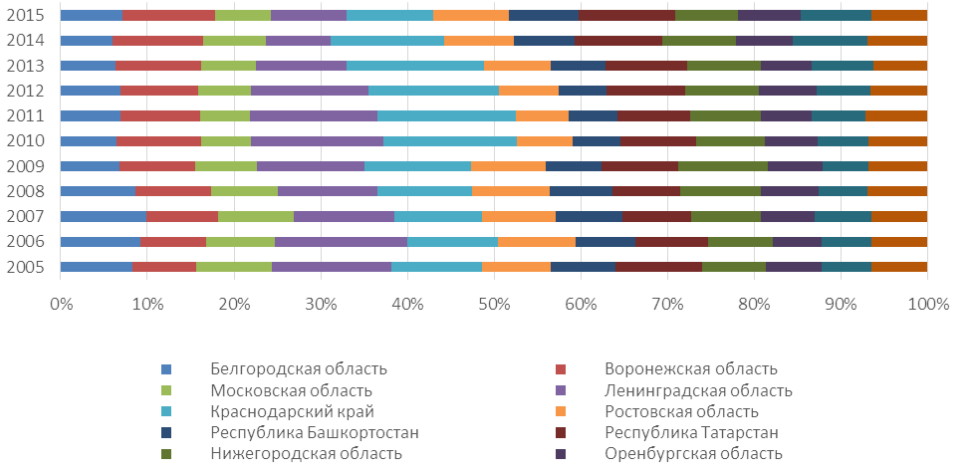


Рисунок 2.
Динамика удельных весов вес инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте в регионах первого кластера,%

В абсолютном выражении за период 2005–2015 гг. объем инвестиций в основной капитал Московской области ежегодно увеличивался в среднем на 11,9%. Вместе с тем, если до 2012 года наблюдалась тенденция увеличения зна-

чений показателя, то с 2013 года интенсивность роста заметно сокращается. Так, в 2015 году по сравнению с предыдущим годом темп роста составил 97%. Аналогичная ситуация складывается и в некоторых других регионах данного кластера: Нижегородской, Оренбургской, Самарской и Свердловской областях и Краснодарском крае. Наибольший прирост показателя в 2015 году по сравнению с предыдущим годом отмечается в Белгородской области – на 22%. Наряду с этим, Московская область обладает самым высоким значением показателя в данном кластере (в 2015 году – 623 918 млн. руб.). Так, по сравнению с Белгородской и Оренбургской областями значение показателя превосходит в 4,2 и 3,7 раза соответственно. Только Республика Татарстан имеет близкое к Московской области значение – 617 128 млн. руб. в 2015 году. В соответствии с официальными данными Федеральной службы государственной статистики Московская область находится на 27 месте в рейтинге регионов по уровню социально-экономического развития.

Эффективность функционирования экономики региона и страны в целом в значительной степени зависит от состояния и качества произведенных активов, подлежащих использованию неоднократно или постоянно в течение длительного периода, но не менее одного года, для производства товаров, оказания рыночных и нерыночных услуг, т.е. основных фондов производства. Доля основных фондов Московской области в суммарной стоимости основных фондов Центрального федерального округа в 2015 г. составила 13,3%.

Стоимость основных фондов Московской области в 2015 г. превышала стоимость фондов Северо-Кавказского федерального округа в 1,6 раза, а также составляла 62,4% от размера стоимости основных фондов Дальневосточного федерального округа и 64,2% от размера стоимости фондов Южного федерального округа. По данным рейтинга социально-экономических показателей регионов России, Московская область занимает четвертое место по стоимости основных фондов в РФ, пропуская вперед, из субъектов Центрального федерального округа, лишь г. Москву, которая согласно рейтингу 2015 г. находится на первом месте. В отношении других регионов первого кластера, очевидно также, что Московская область лидирует по данному показателю. Далее следуют Краснодарский край и Свердловская область со значениями 5157,4 млн. руб. и 4770,8 млн. руб. соответственно (рис. 3).

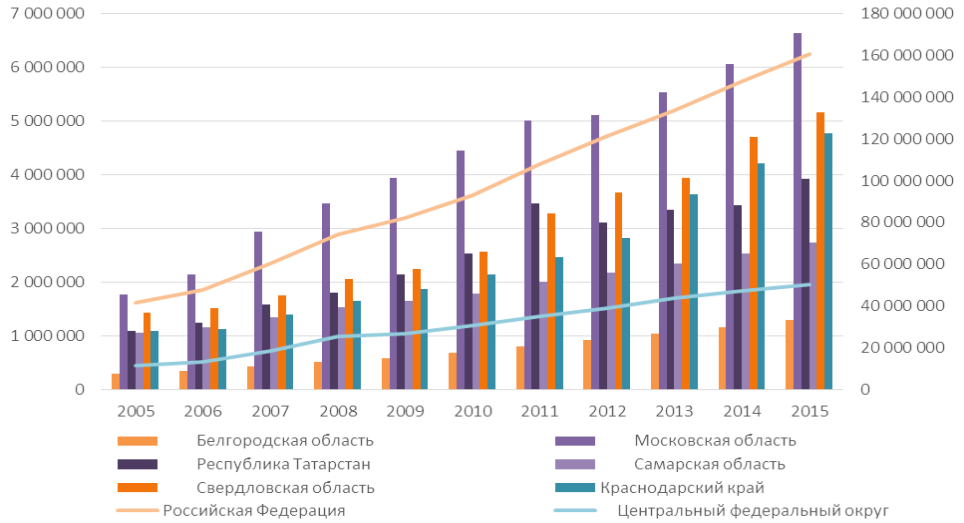


Рисунок 3.
Динамика стоимости основных фондов в некоторых регионах за период с 2005 по 2015 гг., млн. руб.

Московская область характеризуется наиболее высоким объемом введенных жилых домов на 1000 человек населения, что позволило региону занять 2-е место в рейтинге всех субъектов РФ. По данным Росстата, в 2016 году показатель составил 1209 кв. м на 1000 чел. Максимальное значение по уровню данного показателя отмечается в 2014 году – 1385 кв. м на 1000 чел., однако в последующие два года наблюдается тенденция снижения данного показателя. Вместе с тем, за период 2005–2015 гг. средний ежегодный темп роста составил 103,8% (аналогично росту по ЦФО в целом). По сравнению со среднероссийским значением объем введенных жилых домов на 1000 человек населения по Московской области превышает в 2,2 раза (по ЦФО – в 2 раза). По сравнению с другими регионами первого кластера следует отметить, что в 2016 году впервые за весь исследуемый период Ленинградская область опередила Московскую область по уровню этого показателя (1216 кв. м на 1000 чел). Кроме того, именно в Ленинградской области наблюдаются наиболее высокая интенсивность роста объема введенных жилых домов на 1000 человек населения – средний темп роста 112,8% (рис. 4).

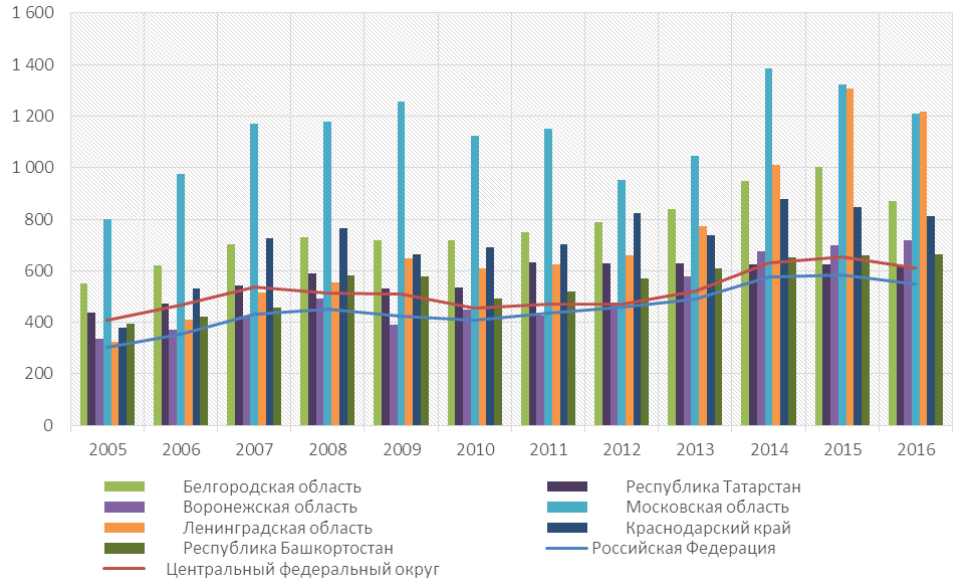


Рисунок 4.
Динамика ввода жилых домов на 1000 человек населения с 2005 по 2016 гг., млн. руб.

В соответствии с данными Росстата, оборот розничной торговли Московской области в 2016 году составил 257 951 рублей на душу населения. Уровень показателя Московской области превышает среднероссийский более, чем на 30% и уровень ЦФО – на 6%. Таким образом, Московская область находится на 5-м месте по уровню данного показателя среди всех регионов Российской Федерации. Ежегодный прирост оборота составил 115,1%. Динамика показателя по Московской области на протяжении 2005–2016 гг. аналогична тенденции как по Центральному Федеральному округу, так и по Российской Федерации в целом. Среди регионов, входящих в однотипную группу с Московской областью, лидерство остается за Московской областью. Затем следуют Свердловская область со значением 243 477 руб. и Краснодарский край – 225 159 руб. Вместе с тем, интенсивность роста показателя других регионов выше, чем по Московской области. Так, наибольшие темпы ежегодно прироста наблюдаются в Белгородской и Воронежской областях: 118,3 и 117,5% соответственно (рис. 5).

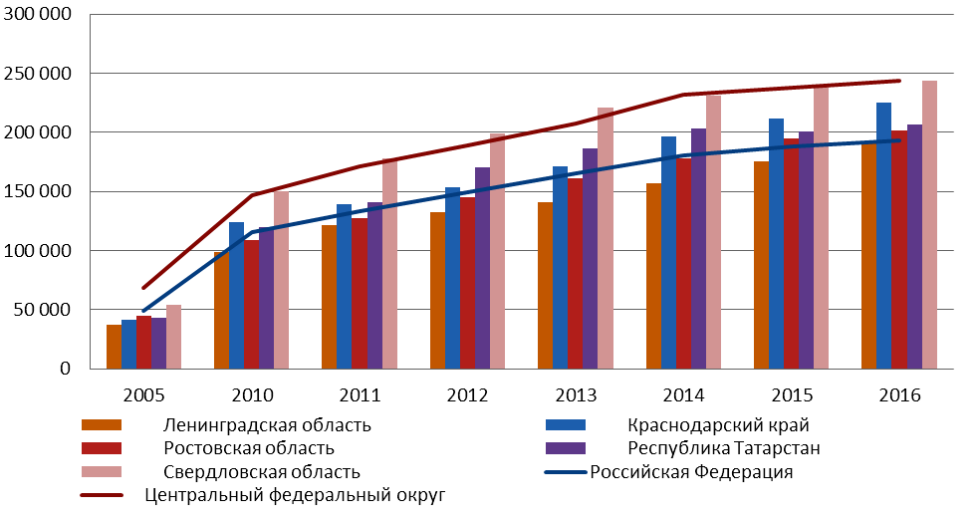


Рисунок 5.
Динамика оборота розничной торговли на душу населения с 2005 по 2016гг., руб.

Ключевым показателем уровня социального развития регионов является показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций на одного работника в месяц. По данному показателю Московская область занимает 13 место по России. В 2015 г. его значение составляет 40 643 руб., что на 19,4% больше среднего значения по Российской Федерации – 34 030 руб., и на 3,1% меньше среднего значения по Центральному

федеральному округу – 41 961 руб. В тройке лидеров данного кластера также находятся Ленинградская область со значением 33 996 руб., Свердловская область – 30 691 руб. и Республика Татарстан – 29 147 руб. Наименьшее значение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций приходится на Ростовскую область – 25 008 руб. (рис. 6).

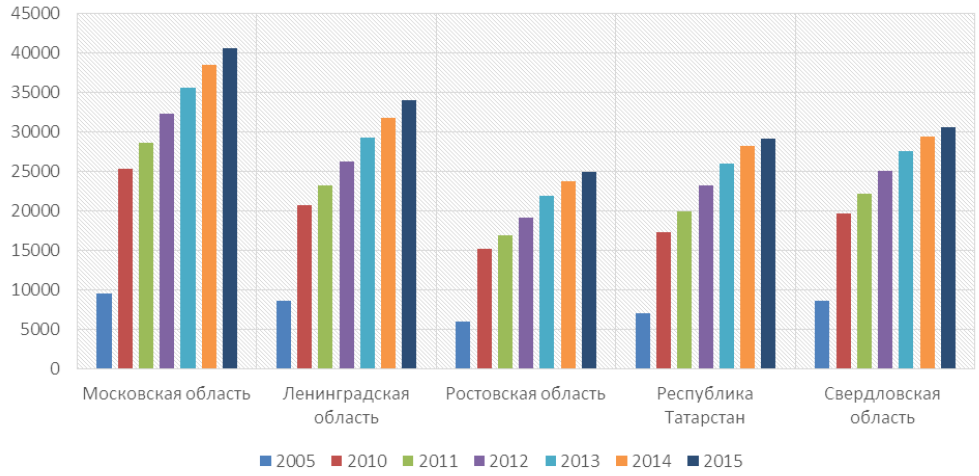
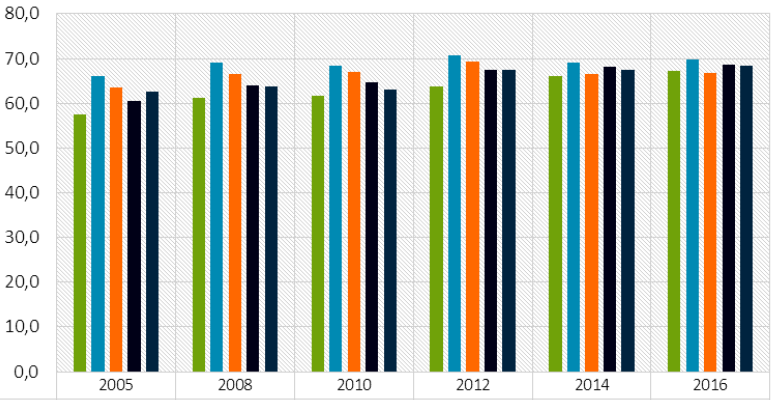


Рисунок 6.
Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций на одного работника в месяц, руб.

По уровню занятости Московская область занимает 9-е место в рейтинге регионов России. По данным Росстата в 2016 году показатель составил 69,7%, что выше среднероссийского уровня (65,7%) и уровня ЦФО (69,0%). Относительно других регионов рассматриваемой совокупности Московская область является лидером по данному показателю. Следом расположились Республика Татарстан и Нижегородская область – 68,7 и 68,4% соответственно. За период 2005–2016 гг. в целом наблюдается положительная динамика роста показателя. Максимальный уровень занятости в Московской области приходится на 2012 год – 70,7% (рис. 7).



	2005	2008	2010	2012	2014	2016
Белгородская область	57,5	61,3	61,6	63,7	66,1	67,3
Московская область	66,0	69,0	68,5	70,7	69,1	69,7
Ленинградская область	63,6	66,5	67,1	69,3	66,6	66,8
Республика Татарстан	60,5	63,9	64,7	67,5	68,1	68,7
Нижегородская область	62,7	63,7	63,1	67,5	67,4	68,4

Рисунок 7.
Динамика уровня занятости населения в некоторых регионах, %

Уровень безработицы в Московской области в 2016 году составил 3,3%, что позволило региону расположиться на 3-м месте в рейтинге. Московская область является лидером среди рассматриваемых регионов по данному показателю – 3,3%, что существенно ниже среднероссийского уровня (5,5%) и уровня ЦФО (3,5%). В рассматриваемой совокупности регионов наиболее благополучными субъектами относительно низкого уровня безработицы являются Республика Татарстан – 3,8% и Белгородская область – 4,0%. Наихудшими регионами с высоким уровнем безработицы

являются Свердловская область – 6,2%, а также Ростовская область, Республика Башкортостан и Краснодарский край с одинаковым значением уровня безработицы 5,8%.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Московская область является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации, обладающим мощным экономическим, финансовым, научным, инновационным и кадровым потенциалом. По численности проживающего на её территории населения область занимает 2-е место среди регионов России. Московская область – один из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации.

Результаты анализа дифференциации регионов по видам экономической деятельности показали превышение уровня Московской области практически по всем рассмотренным основным индикаторам от среднего значения, полученного в группе с регионами, обладающими схожими конкурентными преимуществами.

Потребительский рынок Московской области динамично развивается. Отличительной его чертой являются стабильность и высокая степень товарного насыщения. К основным тенденциям развития потребительского рынка Московской области в последние годы следует отнести увеличение объемов оборота потребительского рынка, позитивные изменения в организации торговли, динамичное развитие инфраструктуры отрасли и повышение качества оказываемых услуг. По показателю «оборот розничной торговли на душу населения» Московская область лидирует среди рассматриваемой выборки регионов. Уровень показателя Московской области превышает среднероссийский более чем на 30% и уровень ЦФО – на 6%, что определило место региона на 5 позиции в рейтинге всех регионов Российской Федерации. Динамика показателя региона на протяжении 2005-2016 гг. аналогична тенденции как по Центральному Федеральному округу, так и по Российской Федерации в целом. Ежегодный прирост оборота составил 115,1%.

Основой экономики Московской области является высокоразвитое промышленное производство. Одним из важнейших факторов развития экономики области является благоприятный инвестиционный климат. Основными факторами, обеспечивающими инвестиционную привлекательность Московской области, являются выгодное географическое положение, развитая транспортная инфраструктура, значительный промышленный, сельскохозяйственный и научно-технический и инновационный потенциал, наличие квалифицированных трудовых ресурсов.

Промышленная политика Московской области должна основываться на сложившейся значимости обрабатывающего комплекса в экономике Московской области, на определяющей его роли в формировании областного бюджета и обеспечении занятости населения Московской области. Основной целью промышленной политики Московской области является развитие и эффективное использование научно-промышленного и инновационного потенциала Московской области посредством системной реализации научно-технической, инвестиционной, инновационной и кадровой составляющих государственной социально-экономической политики Московской области.

Список литературы

1. Клочкова Е.Н., Тельянц К.А., Михеев Д.В., Леднева О.В. Выявление стратегических направлений развития экономики субъекта Российской Федерации на примере Московской области: монография. – М.: МЭСИ, 2014. – 243 с.
2. Министерство экономики Московской области. – http://me.mosreg.ru.
3. Михеев Д.В., Тельянц К.А., Клочкова Е.Н., Леднева О.В. Выявление стратегических направлений развития экономики субъекта Российской Федерации на примере Московской области Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – М., 2014. – № 6(2). – С. 318–323.
4. Московская область в цифрах 2012, 2013, 2014, 2015. – http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/publications/official_publications/electronic_versions
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 г. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
7. Федеральный портал данных о городах и регионах России. – http://www.protown.ru

Кожевина О.В.
д.э.н., профессор НИУ ВШЭ
ol.kozhevina@gmail.com

МОНИТОРИНГ ЦИФРОВОЙ ГОТОВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровая готовность, устойчивое региональное развитие, цифровое неравенство, инновационный рост.*
Keywords*: digital economy, digital readiness, sustainable regional development, digital inequality, innovative growth.*

Построение цифровой экономики обусловлено, прежде всего, наличием национальных технологических и инновационных платформ, развитием высокотехнологичных секторов экономики. В сфере цифровой экономики лидирующими странами являются те, которые сформировали мощную инфраструктуру для разработки, внедрения и коммерциализации цифровых технологий [3, 4, 7, 11].

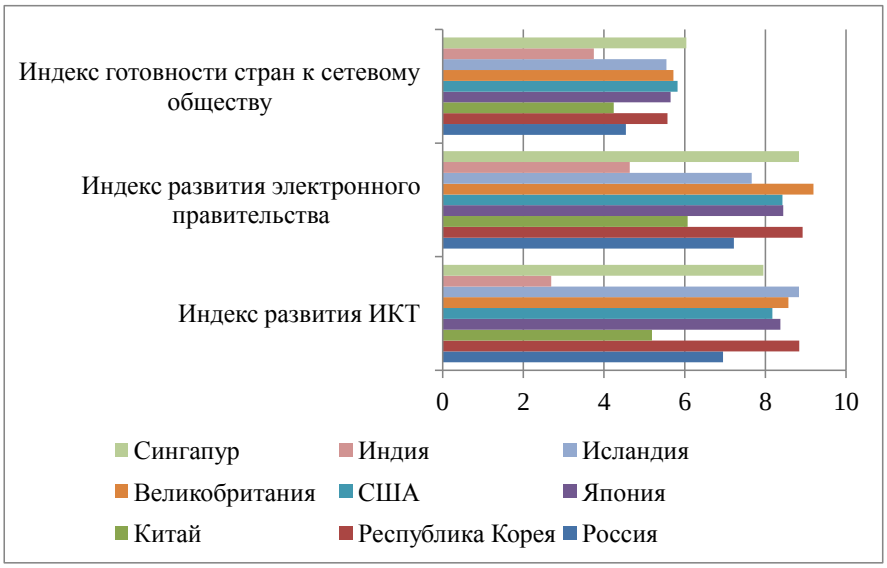


Рисунок 1.
Международные сравнения индексов цифровой экономики (по данным за 2016 г.)

Международный союз электросвязи ежегодно оценивает достижения стран мира в развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2]. Если провести международные сопоставления, то по Индексу развития ИКТ (ICT Development Index) в 2016 году Россия занимала 43 место, по Индексу развития электронного правительства (E-government Development Index) – 35, а по Индексу готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index) – 41. На рис. 1 и в табл. 1 представлены международные сравнения индексов цифровой экономики, по состоянию на 01.01.2017 г.

По данным Института развития Интернета (ИРИ) [14], в 2016 году объем цифровой экономики в России составлял 1,9 трлн. руб., или 2,2% ВВП. Для сравнения: в США этот показатель достигает 6,2%, а в Великобритании — около 8,5% ВВП. Сценарием инерционного развития к 2021 году запланировано увеличение вклада цифровой экономики в ВВП России до 3%, преимущественно за счет увеличения онлайн-потребления, инвестиций и государственных расходов, в связи с этим, предполагается, что рост цифровой экономики будет идти опережающими темпами.

При оценке агрегированного показателя проведены выборки по 49 странам с развитыми и развивающимися экономиками (табл. 1). Лидирующие позиции занимают страны с высоким уровнем технологического развития. Согласно результатам проведенного сравнительного анализа, из стран Таможенного союза наибольшую степень цифровой готовности имеет Казахстан – 21 позиция, у России – 26. Исследование показало значительный отрыв России по готовности к цифровой экономике и по экономической и инновационной результативности использования цифровых

технологий. Отставание связано с инфраструктурными и отраслевыми проблемами, неустойчивостью рыночной среды, низким уровнем применения ИКТ-технологий предпринимательскими структурами.

Таблица 1

Агрегированный индекс цифровой экономики (по данным за 2016 год), составлено автором

Страна	Агрегированный индекс цифровой экономики (АИЦЭ)
Великобритания	23,48
Республика Корея	23,33
Нидерланды	22,90
Финляндия	22,86
Дания	22,85
Австралия	22,82
Сингапур	22,82
Новая Зеландия	22,44
Япония	22,42
США	22,41

В послании Президента РФ Федеральному Собранию 2016 года обозначены стратегические приоритеты и задачи цифровизации России и регионов. Цифровая экономика, по определению Всемирного Банка [2], представляет собой систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий. В государственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [15] отмечена необходимость стимулирования промышленности, создания высокотехнологичных IT-предприятий, индустриальных цифровых платформ для основных секторов экономики, а также малых и средних предприятий в сфере цифровых технологий. По оценке разработчиков программы «Цифровая экономика Российской Федерации», цифровизация экономики может дать более 20% от прироста ВВП до 2025 года. Базовыми целями программы «Цифровая экономика Российской Федерации» являются: 1) создание экосистемы цифровой экономики; 2) создание необходимых и достаточных условий институционально-инфраструктурного характера; 3) повышение конкурентоспособности отраслей российской экономики на глобальном рынке.

Управление переходом к устойчивому развитию цифровой экономики в России предполагает следующие мероприятия: создание механизма управления изменениями и компетенциями в области регулирования цифровой экономики; ликвидацию правовых ограничений и создание правовых институтов, регулирующих сферу цифровой экономики и электронной коммерции; стимулирование экономической деятельности с использованием современных технологий и big-data; использование лучших практик стран ОЭСР по развитию цифровой экономики и цифровой инфраструктуры; создание методической базы для развития компетенций в области регулирования цифровой экономики; формирование институциональной среды R&D с использованием цифровых технологий, навыков и компетенций.

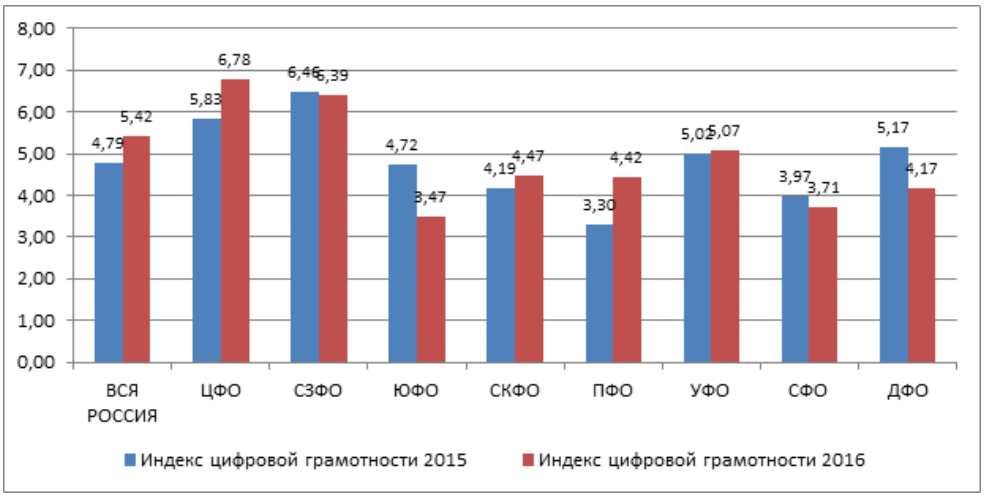


Рисунок 2.
Индекс цифровой грамотности россиян

Региональные экономики России сильно дифференцированы по степени интегрированности в информационную среду и готовности к «цифровой революции». Цифровизация – это неизбежный и объективный процесс, который в эпоху глобализации и трансграничности информационного пространства, невозможно остановить. Благодаря цифровизации экономики осуществляется комплексное межстрановое и межотраслевое развитие. В последние годы общественные дискуссионные площадки, исследовательские институты и аналитические центры изучают повсеместное внедрение новых технологий с позиции их использования именно в межкультурном и межгосударственном диалоге, а не только как рыночного инструмента. Для создания устойчивой цифровой экономики необходимо разработать эф-

фективные механизмы частно-государственного и частно-муниципального партнерства, стимулировать бизнес-элиты к венчурному инвестированию и реализации мегапроектов.

Эмпирический анализ показал, что развитие цифровой экономики по Федеральным округам неравномерно (табл. 2).

По данным **Регионального общественного центра Интернет-технологий (РОЦИТ) [12, 13]** , в 2016 году индекс цифровой грамотности россиян вырос на 0,63 пункта по сравнению с 2015 годом и составил 5,42 по десятибалльной шкале (рис. 2).

Таблица 2

Федеральный округ	Среднесписочная численность работников в организациях IT- отрасли, тыс. чел	Удельный вес организаций, использующих широкополосный Интернет, %	Удельный вес организаций, использующих облачные сервисы, %	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к широкополосному Интернету, %	Удельный вес населения, использующих e-commerce, %	Удельный вес населения, использующего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, %
Российская Федерация	381,1	80	18	71	23	51
Центральный федеральный округ	158,8	83	20	73	26	56
Москва*	116,5	95	30	79	37	65
Северо-Западный федеральный округ	55,6	85	20	77	28	44
Санкт-Петербург*	43,4	91	23	85	30	49
Южный федеральный округ	16,1	75	17	75	24	48
Северо-Кавказский федеральный округ	5,4	81	20	62	14	46
Приволжский федеральный округ	73,0	79	16	69	20	55
Республика Татарстан*	14,5	83	17	79	28	80
Уральский федеральный округ	25,7	82	20	73	27	53
Свердловская область*	10,5	88	22	73	24	42
Сибирский федеральный округ	36,3	75	18	64	19	41
Новосибирская область*	11,3	75	19	70	18	51
Дальневосточный федеральный округ	8,5	74	16	70	26	48
Крымский федеральный округ (объединен с ЮФО 01.01.2017)	1,9	90	22	–	–	–
Севастополь*	1,2	78	18	81	29	30

Значение субиндекса цифровых компетенций (рис. 3) выросло с 4,48 – в 2015 году до 5,27 – в 2016 году, но даже такой рост не позволил ему сместиться с положения аутсайдера в структуре индекса цифровой грамотности. Если говорить о конкретных компетенциях, то отмечается повышение финансовых компетенций при проведении платежных операций через интернет на 12%. Исследователи отмечают неравномерный уровень цифровой грамотности по регионам. Лидером в 2016 году стал Центральный федеральный округ, сместивший Северо-Западный Федеральный округ. На третьем месте стабильно остается Уральский федеральный округ, а быстрее всего уровень цифровых компетенций растет в Приволжском федеральном округе.

Основные показатели развития цифровой экономики по Федеральным округам Российской Федерации (2015–2016 гг.) составлено по «Индикаторы цифровой экономики». НИУ ВШЭ, 2017 [2]

Стремительное развитие ИКТ-технологий и Интернет-отрасли требует постоянного притока квалифицированных кадров. По данным РАЭК [1], в компаниях и организациях, относящихся к Интернет-рынкам, работают около 2 млн. человек, включая самозанятое население. К темпам изменений на рынке Интернет-технологий система образования и самообучения не успевает адаптироваться. Также не решена проблема повышения квалификации и цифровой грамотности рядовых пользователей компаний или специалистов, не имеющих профильного IT-образования. Проблему регионального цифрового разрыва и дефицита квалифицированных кадров помогут решить государственная поддержка и инвестиции в повышение цифровой грамотности, разработка и реализация стратегии повышения цифровой грамотности в регионах России.

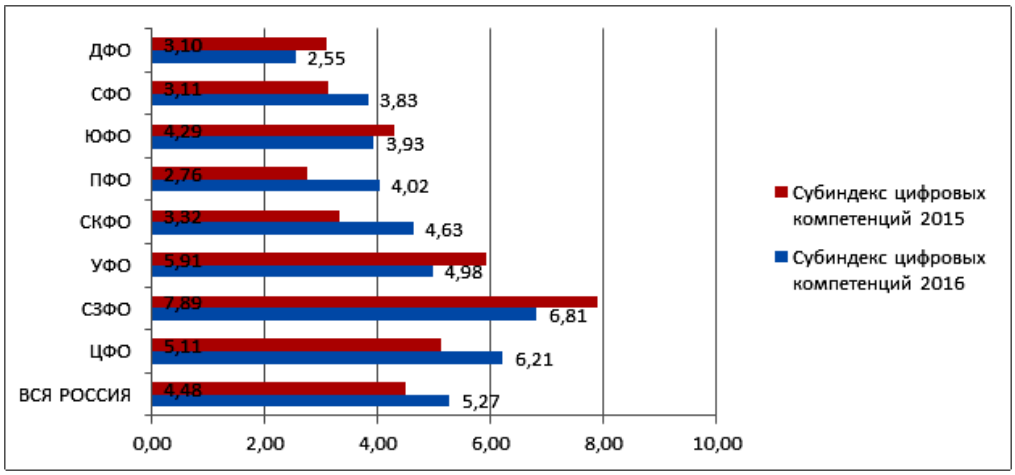


Рисунок 3.
Субиндекс цифровых компетенций россиян

Список литературы

1. Индекс цифровой грамотности 2016. Всероссийское исследование. 0 М.: РАЭК, 2016. – 60 с.
2. Индикаторы цифровой экономики. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 321 с.
3. Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики / Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 464 с.
4. Инструменты оценки и обеспечения устойчивого развития отраслей российской экономики / Под ред. О.В. Кожевиной. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 174 с.
5. Информационное общество. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/
6. Информационное общество: тенденции развития в субъектах Российской Федерации. Вып. 2: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, Г.Г. Ковалева. – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 160 с.
7. Инновационное развитие России: проблемы и решения / Под ред. М.А. Эскиндарова. – М.: Анкил, 2013. – 1216 с.
8. Методология динамической оценки социально-экономического развития территорий / Под ред. О.В. Кожевиной. – М.: Русайнс, 2017. – 211 с.
9. Наука и инновации. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/
10. Наука. Инновации. Информационное общество: 2016: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 80 с.
11. Прогноз научно-технологического развития России: 2030. Информационно-коммуникационные технологии / Под ред. Л.М. Гохберга, И.Р. Агамирзяна. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – 52 с.
12. Региональный общественный центр Интернет-технологий. – https://rocit.ru/
13. Цифровая грамотность. – http://цифроваяграмотность.рф/mindex/2016/
14. Цифровая экономика: курс в 2017 год. – М.: Институт развития Интернета, 2016. – 16 с.
15. Цифровая экономика Российской Федерации. Программа. – http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf

Краснова В.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики предприятия Донецкого национального университета
krasnova2008.08@mail.ru
Некрасова О.Л.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой международного бизнеса и прикладной экономики Донецкого национального университета
olga_nekrasova@ukr.net

СТРАТЕГИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ОРИЕНТИР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *стратегия инвестиционного развития, региональное развитие, инвестиционная среда, экономическая безопасность.*
Keywords: *strategy of investment development, regional development, investment environment, economic security.*

Социально-экономические преобразования в регионах, их возрастающая сложность и зависимость от параметров внешней среды способствуют созданию такой системы управления, которая с максимальной эффективностью использовала бы потенциал региональной системы и активизировала ее защитные механизмы. Такие возможности предоставляет стратегическое управление, под которым понимается деятельность, связанная с постановкой целей и задач организации и поддержанием ряда взаимоотношений между регионом и его окружением. Кроме того, адекватная стратегия дает возможность добиться основополагающего ориентира – экономической безопасности региона, а также соответствует внутренним возможностям региона и позволяет оставаться восприимчивым к внешним требованиям. Важно понимать, что стратегическое управление в регионах проводится в рамках нового управленческого подхода, в соответствии с которым государство и регионы рассматриваются не как соподчиненные системы власти, а как системы с распределенными центрами управления, ориентированные на собственные интересы и цели[1].

В связи с тем, что региональная политика включает принятые направления, связанные с взаимодействием региона как с государством, так и между регионами, как по вертикали, так и по горизонтали; как внутри государства, так и вне его – процессы, происходящие между ними, требуют компромиссов между государственными и региональными интересами, которые могут не совпадать, и, следовательно, требуют управления[2]. Структурно-логическая схема разработки стратегии комплексного развития региона (рис. 1), использована при разработке методологических основ реализации инвестиционной стратегии развития региона (рис. 2).

Разработка стратегии любого региона является многоступенчатым процессом, центром которого является определение миссии системы и перспективных заданий, которые целесообразно объединять в группы по направлениям деятельности[3].

У каждого региона должны быть сформированы собственная философия управления и система целей, которые выстроены по рангу значимости. Существенное значение при этом имеют экономические цели, направленные на рационализацию использования ресурсного потенциала и повышения прибыли как основы саморазвития, конкурентоспособности и повышения рыночной стоимости.

[1] Трофимова Е.А. Особенности стратегического управления в мезоуровневых социально-экономических системах. – http://os.x-pdf.ru/20ekonomika/327292-1-udk-338242-osobennosti-strategicheskogo-upravleniya-mezourovnevih.php

[2] Барков Я.И. Стратегическое управление экономикой свободных экономических зон Украины // Економічний простір. 2011. – № 51. – С. 30–47.

[3] Некрасова О. Л. Анализ среды инвестиционной привлекательности Российской Федерации / О.Л. Некрасова, А.В. Целик // Проблемы развития социально-экономических систем в национальной и глобальной экономике. Материалы 15-й междунар. науч.-практической. конф., 22–23 апреля 2015 г. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 75–79.

Рисунок 1.
Структурная схема разработки стратегии комплексного развития региона (Авторская разработка)

Предложенная схема методологических основ реализации стратегии состоит из пяти блоков.

Первый блок – мониторинг действующей системы управления регионом – включает наблюдение за объектами стратегического управления, сбор, обработку и подготовку данных для принятия управленческого решения; контроль соответствия фактических данных стратегическим, тактическим и оперативным заданиям и оценку эффективности действующей стратегии управления регионом.

Второй блок – диагностика влияния факторов на рыночное положение. На этом этапе реализации стратегии инвестиционного развития региона оценивается уровень конкурентоспособности в отраслях исследуемого региона, проводится внешний бенчмаркинг. Далее проводится диагностика уровня конкурентоспособности стратегических бизнес-единиц и финансового продукта, осуществляется анализ взаимного влияния внешней и внутренней среды, проводится SWOT-анализ, результатом которого является оценка сильных и слабых сторон возможностей угроз действующей системы управления, а также факторный стратегический анализ ресурсного обеспечения стратегических бизнес-единиц (СБЕ). СБЕ определяются на основе факторного анализа и экспертной оценки.

Третий блок – разработка стратегии инвестиционного развития – предусматривает определение альтернатив инвестиционного развития региона, ориентацию на общую стратегию развития региона (в соответствии с особенностями СБЕ), обоснование стратегических альтернатив на основе их ранжирования, стратегическое планирование, оценку приемлемости и эффективности выбранной стратегии развития.

Четвертый блок включает систему действий, направленных на обоснование мероприятий по реализации стратегии инвестиционного развития, а именно: расширение инвестирования с учетом эффективности источников мобилизации дополнительных ресурсов, координация процессов по сбалансированности объемов предлагаемых финансовых услуг и продукции потребностям региона, инновации в сфере предоставления финансовых услуг, формирование корректирующих и превентивных управленческих мероприятий.

Пятый блок отражает необходимость формирования стратегического партнерства как одного из этапов инвестиционного развития региона и включает следующие компоненты: отслеживание результатов реализации стратегии инвестиционного развития региона, разработка корректирующих мер, а также оценку эффективности действующей стратегии.

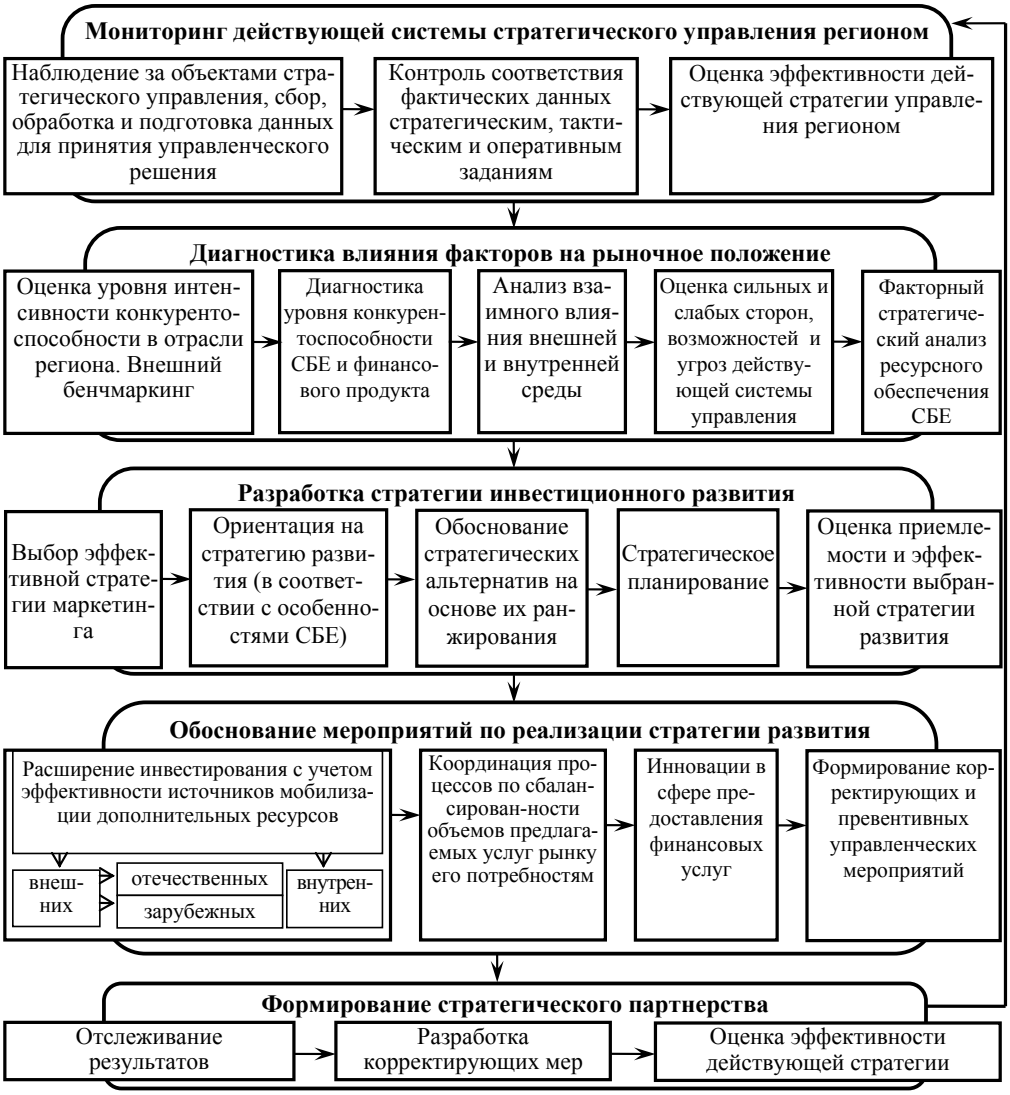


Рисунок 2.
Методологические основы реализации стратегии инвестиционного развития региона
(Авторская разработка)

Достижение стратегических целей инвестиционного развития региона основывается на использовании системного подхода. Обеспечение устойчивого инвестиционного развития региона, в соответствии с данным подходом, определяется совокупностью ключевых факторов успеха, формирующихся исходя из фактических стратегических ресурсов региона, способностей и компетенций органов регионального управления, которые путем умелой комбинации и взаимодействия и обусловливают достижение определенных стратегических целей инвестиционного развития (рис. 3).

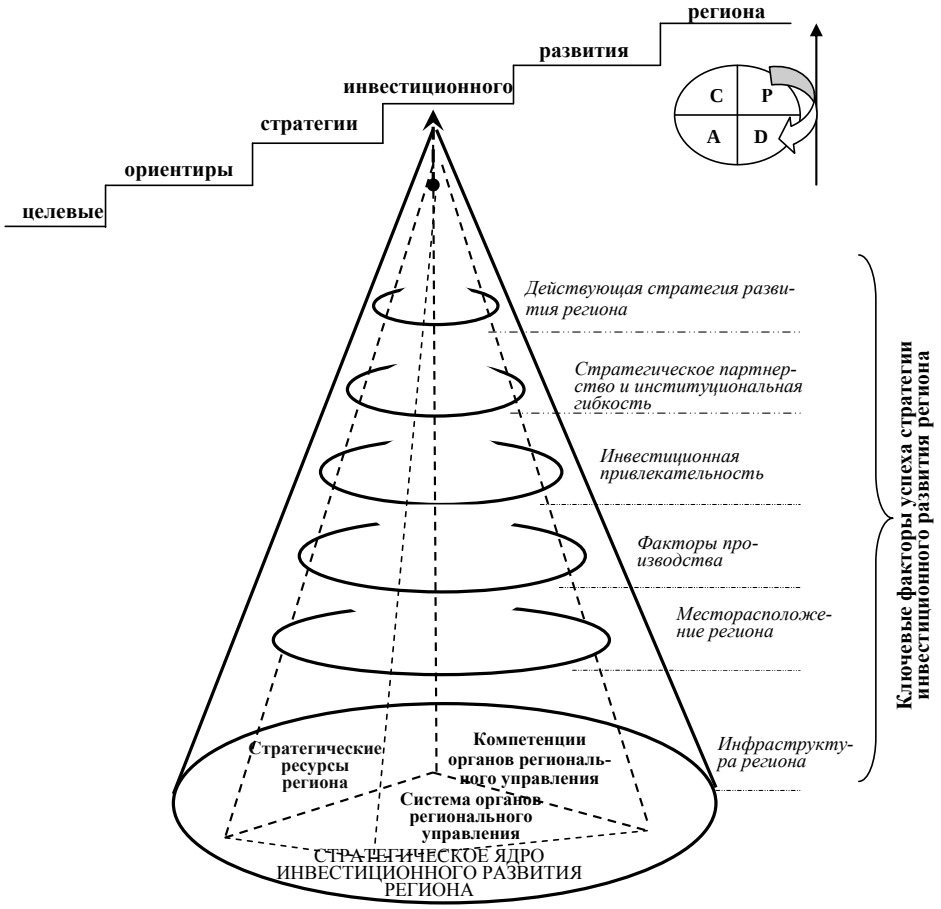


Рисунок 3.
Интегрированная модель реализации инвестиционной стратегии развития региона (IMISR) (Авторская разработка)

Однако следует отметить, что неоднозначность связей между базовыми компонентами, которые формируют определенный ключевой фактор успеха инвестиционного развития региона и их разновидности затрудняют процесс определения приоритетов в формировании ключевых факторов успеха, без чего невозможна согласованная и качественная реализация процесса управления стратегией инвестиционного развития региона. Исходя из этого, определено, что основные этапы достижения целей стратегии инвестиционного развития региона, соответствуют общепринятой схеме цикла управления «Шухгарта-Деминга» или цикла PDCA (Plan-Do-Check-Act: планируй – делай – проверяй – воздействуй), который является алгоритмом управления любым процессом и достижения его целей[1].

Сущность предложенной интегрированной модели достижения целей стратегического развития региона заключается в следующем: ключевые факторы успеха обеспечения инвестиционного развития региона (КФУ) формируются с учетом комбинации его локальных составляющих на основе множества базовых элементов каждого ключевого фактора успеха: стратегических ресурсов региона (Ri), способностей (Sj), возможностей (Mn) и компетенций (Kq) органов регионального управления. Данные базовые элементы формируют портфель ключевых факторов обеспечения инвестиционного развития региона, эффективность и качество формирования портфеля ключевых факторов успеха региона зависит от идентификации базовых элементов стратегического «ядра» региона, уровня их сбалансированности и оценки степени их задействования при формировании каждого отдельного ключевого фактора успеха, способствующего достижению целевых ориентиров стратегии инвестиционного развития региона. Для реализации предложенного подхода необходимым является определение перечня базовых компонентов, формирующих интегрированную модель достижения целей стратегического развития региона.

[1] Фролова Л.В. Формирование бизнес-модели предприятия / Л.В. Фролова, Е.С.Кравченко – К.: Центр учебной литературы, 2012. – 384 с.

На основе обобщения экономической литературы, а также учитывая особенности Донецкого региона, для формирования интегрированной модели достижения целей инвестиционного развития региона определена структура базовых элементов разработанной модели IMISR (табл. 1).

Учитывая представленную структуру базовых элементов в формальном виде, интегрированная модель достижения целей стратегии инвестиционного развития региона (IMISR) может быть представлена следующим образом:

$$IMMISR = U \times \nabla^{KSF} = (RSVK) \times \begin{pmatrix} KSF_{INFR} \\ KSF_{R} \\ KSF_{FPR} \\ KSF_{INV} \\ KSF_{SP} \\ KSF_{SRR} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{INFR} \\ R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{R} \\ R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{FPR} \\ R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{INV} \\ R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{SP} \\ R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \otimes KSF_{SRR} \end{pmatrix} = R_i \cap S_j \cap V_n \cap K_q \cap KSF_p \Rightarrow \nabla^{KSF} \rightarrow opt$$

где, IMISR – интегрированная модель достижения целей стратегии инвестиционного развития региона, U – стратегическое «ядро» инвестиционного развития региона, которое формируется исходя из: стратегических ресурсов региона (Ri), способностей (Sj), возможностей (Vn) и компетенций (Kq) органов регионального управления; ∇^{KSF} – портфель ключевых факторов успеха, обеспечивающие реализацию стратегии инвестиционного развития региона, формирующийся с учетом: KSFINFR – инфраструктуры региона, KSFR – месторасположения региона, KSFFPR – факторов производства, KSFINV – инвестиционная привлекательность региона; KSFSP – стратегического партнерства и институциональной гибкости, KSFSRR – действующей стратегии развития региона.

Таблица 1

Структура базовых элементов интегрированной модели достижения целей стратегии инвестиционного развития региона (IMISR) (Авторская разработка)

Название базового элемента IMISR	Формализация	Условные обозначения
Ключевые факторы успеха, обеспечивающие реализацию стратегии инвестиционного развития региона	X ={x1,x2,x3,x4,x5,x6}	x1* – инфраструктура региона (KSFINFR); x2 – экономическая безопасность региона (KSFR); x3 – факторы производства (KSFFPR); x4 – инвестиционная привлекательность региона (KSFINV); x5 – стратегическое партнерство и институциональная гибкость (KSFSP); x6 – действующая стратегия развития региона (KSFSRR).
Стратегические ресурсы региона	Y ={y1,y2,y3,y4,y5,y6,y7}	y1 – промышленные ресурсы (Rprom); y2 – природные ресурсы (Rprir); y3- финансовые ресурсы(Rfin); y4 – трудовые ресурсы(Rtr); y5 – институциональные ресурсы (Rinst); y6 – информационные ресурсы (Rinf); y7 – технико-технологические ресурсы (Rtehn).
Способности органов регионального управления	Z ={z1,z2,z3,z4,z5}	z1 – коммуникативные (Skm); z2 – организационные (So); z3 – комбинационные (Skb); z4 – трансакционные (Str); z5 – интеграционные (Si).
Компетенции органов регионального управления	C ={c1,c2,c3,c4,c5,c6,c7,c8}	c1– организационно-управленческие (KOU); c2– информационно-аналитические (KIA); c3 – расчетно-экономические (KFA) c4– расчетно-аналитические (KRA); c5 – проектно-экономические (KPrE); c6 – планово-экономические (KPlE); c7 – маркетинговые (KM); c8 – научно-исследовательские (KNI).

Графическая интерпретация ранжирования компетенций региональных органов управления при формировании ключевых факторов успеха, обеспечивающих достижение целей реализации стратегии инвестиционного развития региона и соответственно реализации ее стратегии, представлена на рис. 4.

Анализируя данные рис. 4, можно сделать однозначный вывод, что региональные органы управления являются достаточно компетентными в управлении стратегическими ресурсами региона и реализуют основополагающий ориентир экономической безопасности региона. Таким образом, анализируя проведенные расчеты, можно сделать общий вывод о том, что разработанная стратегия инвестиционного развития региона является компетентообеспеченной.

Рисунок 4.
Иерархия компетенций региональных органов управления при формировании ключевых факторов успеха, обеспечивающих достижение целей стратегии инвестиционного развития региона (Авторская разработка)

Кужелева А.А.
к.э.н., доцент, Донецкий национальный университет
kuzhelechka@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ДОНБАССА

Ключевые слова*: регион, стратегическое планирование, концепция стратегического управления развитием региона, управленческая деятельность.*
Keywords*: region, strategic planning, concept of strategic management of region's development, and management activities.*

Для современного этапа развития теории региональной экономики концепции стратегического управления развитием региона – новое и принципиально актуальное направление. Известно, что принятие эффективного решения в любой деятельности, должно основываться на оценке, которая давала бы видение будущего с наименьшей погрешностью. Так, согласно стратегии управления развитием региона, процессы, происходящие в социально-экономической системе, направлены на повышение благосостояния населения за счет усиления конкурентоспособности региона.

Стратегическое планирование развития территории – это цепь последовательных, целенаправленных действий органов власти и управления. Она включает в себя:

1. Стратегический анализ: анализ текущего состояния территории и основных тенденций развития, с выделением цели развития и основных критериев оценки возможных направлений развития.
2. Кластерный анализ: исследование действующих и создаваемых кластеров данной территории.
3. Оценка конкурентных преимуществ территории: анализ основных конкурентных преимуществ.
4. Формирование стратегического выбора или стратегии развития территории: выделение приоритетов развития территории и согласование их с основными субъектами хозяйственной деятельности и населением.
5. Отраслевой кластерный анализ: исследование отраслевых кластеров, которые определенны в качестве приоритетов развития; программы содействия отраслевым кластерам.
6. Формирование стратегического плана развития территории: создание сводного или общего плана развития территории.
7. Институциональное обеспечение реализации стратегического плана развития: «подстройка» административной структуры управления на реализацию плана развития, формирование недостающих звеньев институциональной инфраструктуры.
8. Принятие и реализация годовых планов по реализации стратегии и их исполнение.
9. Ежегодная корректировка планов развития.

По мнению Питера Лоранжа, процесс стратегического планирования – это некий инструмент управленческих решений, в котором выделяют четыре вида управленческой деятельности [3]:

– распределение ресурсов – это распределение ограниченных организационных ресурсов, таких, как фонды, дефицитные управленческие таланты и технологический опыт;

– адаптация к внешней среде – охватывает все действия стратегического характера, которые улучшают отношения компании с ее окружением. Компании необходимо адаптироваться к как благоприятным внешним условиям, так и опасностям, выявить соответствующие варианты и обеспечить эффективное приспособление стратегии к окружающим условиям.

– внутренняя координация – включает координацию стратегической деятельности для отображения сильных и слабых сторон фирмы с целью достижения эффективной интеграции внутренних операций.

– осознание организационных стратегий – осуществление систематического развития мышления менеджеров и формирование организации, которая может учиться на прошлых стратегических решениях.

К уровню стратегического планирования относятся:

1. Миссия организации (цель организации, т.е. четко выраженная причина ее существования – обозначается как ее **миссия.** Цели вырабатываются для осуществления этой миссии).
2. Цели и ценности организации. В соответствии с концепцией американских исследователей У. Гута и Р. Тагири, выделяют шесть ценностных ориентаций, которые оказывают воздействие на принятие управленческих решений [4], которые в последствие были связаны учёными со специфическими типами целевых предпочтений (табл. 1).
3. Оценка и анализ внешней среды. Каждый руководитель оценивает внешнюю среду по трем параметрам:

– изменения, которые воздействуют на разные аспекты текущей стратегии;

– факторы, которые представляют угрозу для реализуемой стратегии;

– факторы, которые предоставляют новые возможности для достижения общефирменной цели на основе корректировки плана.

4. Управленческое обследование сильных и слабых сторон.

5. Анализ стратегических альтернатив, среди которых можно выделить следующие: рост, ограниченный рост, сокращение и комбинирование любых из перечисленных.

Таблица 1

Ценностные ориентации, оказывающие воздействие на принятие управленческих решений, по мнению У. Гута и Р. Тагири [4]

Ценностные ориентации	Категории ценностей	Типы предпочитаемых организациями целей
Теоретические	Истина Знания Рациональное мышление	Долгосрочные исследования и разработки
Экономические	Практичность Полезность Накопление богатства	Рост Прибыльность Результаты
Политические	Власть Признание	Общий объём капитала, продаж, количество работников
Социальные	Хорошие человеческие отношения Привязанность Отсутствие конфликта	Социальная ответственность относительно прибыли Косвенная конкуренция Благоприятная атмосфера в организации
Эстетические	Художественная гармония Состав Форма и симметрия	Дизайн изделия Качество Привлекательность, даже с ущербом для прибыли
Религиозные	Согласие во вселенной	Этика Моральные проблемы

6. Выбор стратегии. Этот этап самый принципиальный, т.к. при выборе стратегии необходимо учесть все возможные риски.

7. Реализация стратегии (практическая реализация плана).

8. Оценка стратегии. Данный этап подразумевает сравнение полученных результатов с целями.

Рассмотрев сущность и особенности стратегического подхода, отметим, что успех в реализации системы стратегического планирования обусловлен институтами и инструментами стратегического планирования, целенаправленного регулирования системы экономических и социальных отношений среди субъектов, совершенствованием нормативно-правовой базы и реализацией стратегического планирования на поэтапной основе.

В 2015 году Министерство экономического развития ДНР обозначило курс на формирование основ государственного стратегического планирования в Донецкой Народной Республике. В частности, были разработаны и впоследствии поданы на рассмотрение Народного Совета два законопроекта: «О республиканских программах» от **2 октября 2015 года** [5] и «О системе государственного стратегического планирования» [6]. Тем самым были положено начало созданию правовых, организационных и методологических основ и принципов стратегического планирования социально-экономического развития Донецкого региона.

Список литературы

1. Регион. – http://encyclopaedia
2. Региональное управление. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20097
3. Лоранж П. – http://mirbis.ru/community/advisors/loranzh-piter
4. Ценности и цели высшего руководства. – https://cyberpedia.su/9x6128.html
5. Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-respublikanskih-programmah/
6. Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – https://dnr-online.ru/zakonoproekt-o-sisteme-strategicheskogo-planirovaniya-v-doneckoj-narodnoj-respublike-podgotovlen-ko-vtoromu-chteniyu/

Кузнецов С.В.
д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН
Межевич Н.М.
д.э.н., профессор СПбГУ, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА НА ПЕРИОД ДО 2020 ГОДА

Ключевые слова: *пространственное развитие, стратегии регионального развития, прогнозирование, Северо-Западный федеральный округ.*

Правительство Российской Федерации распоряжением от 18 ноября 2011 г. № 2074-р утвердило стратегию социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года подготовленную коллективом ученых Санкт-Петербурга по инициативе и при поддержке Полномочного представительства Президента России в СЗФО.

Стратегия была написана в 2010 году и стала важным документом если не с управленческой, то с экспертной и научной точки зрения. Основные проблемы Стратегии связаны не с ее правовым статусом, а с системой управления в стране. Статус федеральных округов исключает прямое действие рассматриваемой и всех других аналогичных стратегий.

При этом, с нашей точки зрения, необходимость подготовки и принятия подобных документов очевидна. Стратегия необходима как набор ориентиров, целеуказаний для поиска лучших практик социально-экономического развития. Стратегия регионального уровня при этом является частью стратегии государственного уровня.

Не претендуя на исчерпывающий анализ Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года, авторы сосредоточили внимание на нескольких ключевых позициях указанного документа. Отметим также то, что авторы данной статьи принимали участие как в подготовке Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года, так и аналогичного документа федерального уровня.

Укажем важнейшие позиции Стратегии и оценим степень эффективности прогноза:

1. «Геополитические и экономические изменения привели к существенной трансформации роли Северо-Западного федерального округа в экономике Российской Федерации. Сформировалась главная функция округа – обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским союзом и рядом других регионов мира. Это обусловило быстрое развитие транспортной инфраструктуры и трансграничного сотрудничества, а также ориентацию значительной части бизнеса на обслуживание внешнеэкономических связей»[1].

Данный подход полностью подтвердился. Экономическое пространство современной России в начале XXI в. подвержено значительным трансформациям и инверсиям внешнего генезиса, что, впрочем, характерно для разных макрорегионов мира и крупнейших государств – Канады, Китая, США, Бразилии, Австралии, ЕС, Индии и т.д., не говоря уже о менее крупных из них.

Мы исходим из того, что необходимый для эффективной экономической деятельности размер пространства определяется характером и масштабом территориального разделения труда.

Интернационализация экономики ведет к тому, что разрозненные звенья, относящиеся к различным национальным производствам, соединяются в единый интернационализированный воспроизводственный цикл – вынесенный за национальные рамки процесс расширенного товарного воспроизводства.

Произошедшая переориентация части экономических связей регионов страны на внешнеэкономические является дополнительным фактором уменьшения межрегиональной торговли, а это меняет характер территориального разделения труда, в результате чего пространство претерпевает своего рода «сжатие» внутри страны. Чем меньше необходимый для экономической деятельности размер пространства, тем медленнее реализуется экономическое развитие страны, т.е. замедляются темпы экономического роста. С другой стороны, внешние связи втягивают в экономическое пространство страны-территории «под чужим флагом»[2].

Ситуация, при которой внешние экономические связи ряда регионов превалировали над внутренними межрегиональными связями, свидетельствовала о том, что национальная экономика потенциально может утрачивать основное

[1] Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года. – С. 2–3. – http://www.n-west.ru/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-szfo-2020/

[2] Подробнее см.: Межевич Н.М., Кузнецов С.В. Международное сотрудничество как предпосылка эффективного хозяйственного освоения российского сектора Арктики // Экономика и управление. 2013. – № 4 (90).

системное свойство, а ее элементы – компании и целые территориально-производственные комплексы – в перспективе могут работать на укрепление экономических систем других стран, а не своей собственной, превращаясь в сырьевые придатки транснациональных компаний.

Рассматриваемый документ обеспечивал и де-юре обеспечивает разумный баланс геополитических и экономических приоритетов развития. Это особенно важно в свете того, что вплоть до настоящего времени в экспертном сообществе продвигаются мнения о том, что «необходим отказ от сверхзатратных геополитических приоритетов пространственного развития в ущерб рациональным экономическим»[1]. С этой, сугубо пораженческой точки зрения, заниматься Арктикой и развитием инфраструктуры в принципе бессмысленно, а единственно оправданная деятельность – Макдональдс на франшизе.

Признавая то, что внешние трансформации связаны, в первую очередь, с активной интеграцией её отдельных пространств и регионов в мировое глобализированное пространство и обусловлены геоэкономическими факторами авторы стратегии переоценили положительное влияние внешних факторов и недооценили их негативную роль.

В Стратегии уделено значительное внимание анализу экономико-географического положения региона, для которого характерна изменчивость как во времени, так и в пространстве. Экономико-географическое положение объекта не может быть одинаковым на различных этапах развития как самого объекта, так и его окружения. Не сложно заметить, что ЭГП Санкт-Петербурга и Ленинградской области сильно и волнообразно изменялось за период с 1913 по 1991 гг. и продолжает меняться. К 1913 году порт Санкт-Петербурга и прилегающая инфраструктура пришли в упадок. При этом динамично развивался порт Риги и Ревеля.

Примерно с 1924 года Ленинградский порт реконструируется, задействованы возможности Кронштадта. В 30-е годы возникает проект Усть-Лужского порта, впрочем, реализован он будет только через 80 лет. Изменение границ СССР приведет к свертыванию проектов в РСФСР и мощным вложениям в инфраструктуру Советской Эстонии, Латвии. В 1992 году опять выяснилось, что транзитно-транспортная инфраструктура Санкт-Петербургского порта недофинансирована и ЭГП города опять нуждается в реконструкции[2]. С 1997 года началось проектирование и строительство адекватной потребностям российской торговли инфраструктуры. Город и область возвратили утраченный еще в петровские времена статус «окна в Европу». При этом произошло развитие инфраструктуры Новгородской, Псковской, Вологодской областей, не имеющих выхода к морю, но обеспечивающих транзит[3]. Для СЗФО фиксируются особенности, определившие развитие инфраструктуры. Во-первых, это резкий контраст уровней социально-экономического развития субъектов, входящих в СЗФО, это относится у географическим, социальным, экономическим параметрам. СЗФО фактически представляет Россию в миниатюре. Если модель развития республики Коми мало чем отличается от большинства параметров Сибири, то Калининградская и Ленинградская область по уровню хозяйственной освоенности лидируют в России.

Авторы Стратегии избежали вульгаризации оценки роли региона в трансграничных связях характерной для многих академических и экспертных работ: «Превращение Санкт-Петербурга в европейскую метрополию позволит не только подключить российский Северо-Запад к формирующемуся высокотехнологичному «балтийскому кольцу», но и ускорить модернизацию страны в целом. Именно Северо-Запад России – от Калининграда до Новгорода и Пскова и от С.-Петербурга до Карелии и Мурманска – является физическим «интерфейсом» российско-европейского взаимодействия. В этом контексте возникает закономерный вопрос, какая ставится задача, стать европейской метрополией, или обеспечить приоритет общегосударственных целей и задач развития?

Хозяйственные практики 2011-2017 гг. показали, что общее направление развития внешнеэкономических связей СЗФО было спрогнозировано, верно, однако сценарий резкого ограничения хозяйственных связей, практики импортозамещения не были спрогнозированы даже на уровне одного из сценариев.

2. «Восстанавливается его (СЗФО) роль в освоении арктических территорий, примыкающих к Российской Федерации»[4]. Действительно качественный рывок произошел в развитии второго – «северного» окна, Европейской части российской Арктики. Роль и значение СЗФО в освоении и реосвоении Арктики определяется рядом обстоятельств. Во-первых, СЗФО – это значительная часть Северного морского пути.

Во-вторых, это путь не только северного завоза, но и вывоза природных ресурсов (медно-никелевые концентраты и перспективные топливно-энергетические ресурсы Ямала и шельфа, новоземельское месторождение свинцово-цинковых руд. Трубные газ и нефть, СПГ).

В-третьих, «специфической чертой освоения арктической зоны и прилегающего полярного сектора стала «внеэкономичность» этого процесса удивительная даже в масштабе хозяйственной практики командно административной системы. Арктическая зона и полярный сектор были практически изолированы от любых форм международного сотрудничества и международного разделения труда»[5]. Вместе с тем, включение Арктической зоны в международные

[1] Зубаревич Н.В. Стратегия экономического развития и будущее российской экономики // Журнал НЭА. 2015. – № 2(26). – С. 228.

[2] Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. – № 2 (52). – С. 97–113.

[3] Межевич Н.М. Региональное внешнеэкономическое сотрудничество: проблемы и тенденции сотрудничества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. – № 1 (50).

[4] Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года. – С. 2–3. – http://www.n-west.ru/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-szfo-2020/

[5] Межевич Н.М., Куденкова А.В. Некоторые внешнеполитические предпосылки развития российского бизнеса в арктическом регионе // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. – № 3 (46). – С. 56.

проекты означает риски утраты территориального, политического, экономического контроля. Безусловно, эта опасность в 2010 году не была адекватно оценена.

Четвертое. В Стратегии абсолютно правильно были диагностированы «стыковочные узды» в арктической проблематике. К примеру, демографические вызовы, специфика систем расселения на Севере[1]. В целом Стратегия в своей части, связанной с Арктикой, представляет собой взвешенный многофакторный прогноз. При этом в реальности роль Арктики в развитии СЗФО и России в целом оказалась еще выше, чем предполагали разработчики.

3. «Увеличилось значение Северо-Западного федерального округа как крупной перспективной природно-ресурсной базы развития страны»[2]. Считается, что ресурсно-сырьевая база СЗФО далеко не самая богатая в России. Это справедливо, однако следует учитывать то, что это относительный показатель. Принципиальное значение имеет близость к большим потребительским рынкам России и Европы. В округе сосредоточена добыча апатитов (72% общероссийских запасов) и титана (77%). Запасы нефти и газа составляют около 8% от общероссийских, угля – около 3%. В округе большие запасы торфа и горючих сланцев. В СЗФО добывается около 19% никеля и железных руд в России. Здесь расположены крупные запасы алмазов (19% от общероссийских), имеются месторождения редких металлов, золота, урана[3]. За прошедшие годы изменились геологические оценки, равным образом пересмотрены политические риски. В качестве ключевого фактора выдвигается сопряженные интересы Китая и России имеющие проекцию интересов до Санкт-Петербурга и Мурманска и за их пределы, в Северную и Центральную Европу.

Подведем итоги. Несмотря на имеющуюся и в ряде случаев справедливую критику, научная школа стратегического прогнозирования в России развивается успешно. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года является важным, хотя и пройденным этапом развития данного научного и проектного направления.

[1] Межевич Н.М. Перспективы северных промышленных моногородов в контексте современных задач развития российской Арктики // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. – Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014.

[2] Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года. – С. 3. – http://www.n-west.ru/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-szfo-2020/

[3] Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) // Президент России. – special.kremlin.ru/catalog/glossary/58

Кузнецова Е.П.
инженер-исследователь лаборатории инновационной экономики ВолНЦ РАН

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Ключевые слова: *производственная кооперация, региональная экономика, экономическое развитие, предприятия промышленности.*

Одной из основных проблем российской экономики является переход от модели развития с преобладанием экспорта сырья на модель с преобладанием производства наукоемкой продукции с высокой долей добавленной стоимостью. Ее решение позволит занять устойчивое лидирующее положение в мире, а также обеспечить динамичный экономический рост регионов и страны в целом [1; 2].

После рыночных реформ 1990-х годов изменились как принципы организации и управления промышленными предприятиями, так и основы взаимодействия с заказчиком продукции. Государственный заказ больше не мог в полной мере обеспечивать жизнеспособность предприятий, а сложившееся технологическое отставание не позволило выпускать конкурентоспособную продукцию не только на внешний, но и на внутренний рынок. Таким образом, возникла проблема, связанная с производством высокотехнологичной продукции в регионе.

Одним из возможных инструментов решения этой проблемы является использование производственной кооперации.

В связи с этим, целью данной работы является исследование развития производственной кооперации как фактора социально-экономического развития регионов.

На основе анализа различных подходов к сущности и содержанию производственной кооперации нами предлагается уточненное определение исследуемой категории:

1. В узком смысле производственная кооперация представляет собой долгосрочное устойчивое взаимовыгодное взаимодействие субъектов хозяйствования в производственной деятельности.

2. В широком смысле производственная кооперация – это долговременные договорные отношения между корпоративными структурами, малым и средним бизнесом в сфере производства и сбыта продукции, материально-технического обеспечения производственного процесса, научно-исследовательских разработок, с целью повышения общей эффективности хозяйственной деятельности предприятия за счёт использования им преимуществ специализации.

Вполне закономерно, что экономика страны конкурентоспособна, если устойчиво и динамично развиваются ее регионы. Те регионы, которые смогут эффективно использовать потенциал собственной территории и будут иметь благоприятные возможности для социально-экономического роста.

Поэтому для регионов России в условиях перехода к развитым рыночным отношениям наиболее актуальны вопросы производственной кооперации.

Сущность производственной кооперации заключается в том, что предприятия, включенные в цепочку производственной кооперации, осуществляют производство отдельных видов промежуточной продукции (комплектующих, узлов и компонентов составных элементов) для производства конечного продукта.

В последние годы отмечается активное развитие производственной кооперации.

Так, мониторинговое обследование производственных предприятий, проводимое НИУ ВШЭ, показало, что одним из ключевых факторов эффективности производственной кооперации в регионах является долгосрочность и регулярность контактов между заинтересованными сторонами.

В опросе участвовали 1057 предприятий обрабатывающей промышленности. Выборка организаций была распределена по федеральным округам.

Социологическое обследование показало, что производственные предприятия наиболее активно вступают в процесс кооперации с потребителями (78%) и поставщиками сырья и материалов (74%), так как в условиях введенных санкций рядом зарубежных стран, данный тип партнерства нуждается в обмене необходимыми компонентами для производства конечной продукции (рис. 1).

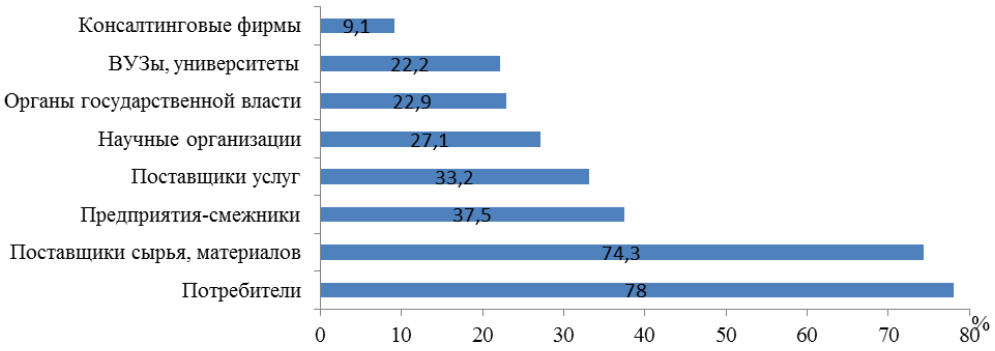
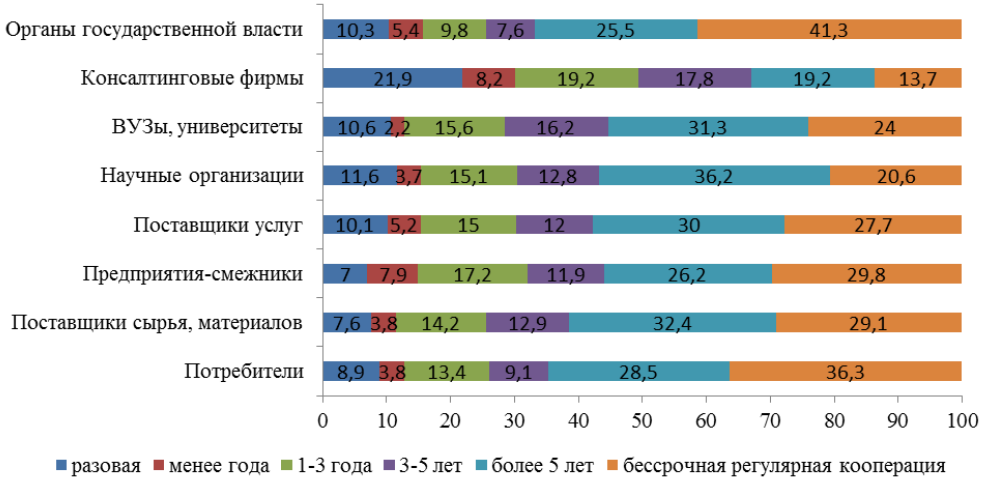


Рисунок 1.
Кооперация предприятий обрабатывающей промышленности с контрагентами, %.
Составлено автором на основе данных мониторинга инновационной активности субъектов инновационного процесса, реализуемый в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, 2014–2015 гг.

По данным опроса наиболее актуальной формой контактов предприятий обрабатывающей промышленности с внешними контрагентами являются долгосрочные партнерства, продолжительность которых составляет более 5 лет, а также сотрудничество на регулярной основе (рис. 2).



Источник: Мониторинг инновационной активности субъектов инновационного процесса, реализуемый в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, 2014-2015 гг.

Рисунок 2.
Продолжительность взаимодействия предприятий в рамках производственной кооперации по типам контрагентов (доля предприятий, отметивших соответствующую опцию, в общем числе опрошенных предприятий обрабатывающей промышленности, осуществляющих кооперацию с контрагентами), %

Сложность, длительность и условия реализации проектов в рамках сотрудничества, для которых характерны высокие риск и неопределенность, стимулируют предприятия, по возможности, вступать в долгосрочные кооперационные связи практически со всеми потенциальными партнерами. Особенно важную роль временной фактор играет при контактах с государственными органами власти (41% обследованных предприятий промышленности предпочитают взаимодействие на постоянной основе, ещё 26% – долгосрочное сотрудничество сроком более 5 лет), так как участие государства может обеспечить снижение рисков производственной деятельности предприятий.

Эпизодические формы контактов чаще всего возникают с консалтинговыми фирмами, которые могут предоставлять не только необходимую для разработки инноваций информацию, но и другие разнообразные услуги, и имеют важные для производственных компаний компетенции. Такую форму взаимодействия выбрали порядка 22% предпри-

ятий. Но и здесь в основном практикуются устойчивые и даже долгосрочные контакты, в том числе в рамках совместных проектов.

Для развития производственной кооперации нужна эффективная инфраструктура, удобное информационное обеспечение заказчиков и исполнителей. Одним из элементов такой инфраструктуры является «Национальное партнерство развития субконтрактации» (НП «НПРС»), созданное в 2004 году.

Отметим, что субконтрактация является распространенной формой производственной кооперации, в ходе которой одно предприятие (контрактор) поручает другому (субконтрактору) осуществить изготовление продукции производственно-технического назначения, а также НИОКР в соответствии с предъявленными требованиями. Данное сотрудничество позволяет обеспечить высокую эффективность производства благодаря рациональному использованию имеющихся ресурсов. Субконтрактация получила широкое распространение в промышленности в таких секторах как машиностроение, металлообработка, электротехника, электроника. В основе субконтрактной системы организации производства лежит работа по заказу.

В качестве контрактора, как правило, выступают головные сборочные предприятия. Субконтракторами являются специализированные предприятия малого и среднего бизнеса.

В настоящее время НП «НПРС» объединяет 35 региональных центров субконтрактации, в т.ч., на Украине и в Республике Беларусь. В системе зарегистрировано порядка 17000 субконтракторов (поставщиков продукции производственно-технического назначения) и около 4000 контракторов (заказчиков продукции производственно-технического назначения)[1].

Интернет-опрос, проведенный в 2015 году Торгово-промышленной палатой Российской Федерации совместно с НП «НПРС» в рамках мониторинга состояния предпринимательства, условий для ведения бизнеса в регионах, в котором приняло участие 181 предприятие из 43 регионов, показал, что в процессы кооперации в субконтрактной форме вовлечены порядка 46% субъектов малого бизнеса, 32% микропредприятий и 10% средних предприятий, зарегистрированных в данной системе. Это говорит о том, что в регионах присутствует достаточное количество предприятий, производящих продукцию производственно-технического назначения (рис. 3).

Источник: Торгово-промышленная палата РФ. – https://tpprf.ru/ru/business/gp/

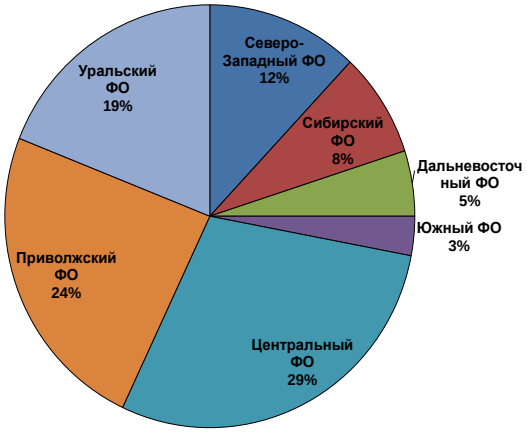
Рисунок. 3
Доля предприятий-субконтракторов различного типа, зарегистрированных в НП «НПРС» в 2015 г., %

Социологическое обследование также выявило, что лидером по количеству предприятий-субконтрактов является Центральный федеральный округ (почти треть всех субконтрактов, участвующих в производственной кооперации в 2015 года) (рис. 4).

Совокупный результат развития производственной кооперации характеризуется уровнем предпринимательской активности в реальном секторе экономики и поддержкой органов государственной власти и управления на региональном уровне. Также на степень развития кооперации оказывают влияние различные факторы, которые необходимо учитывать при принятии мер государственного регулирования.

Факторы, влияющие на развитие кооперации, формируют в регионе особую предпринимательскую среду, которая может быть как благоприятной, так и не благоприятной для осуществления кооперационного взаимодействия [11; 12].

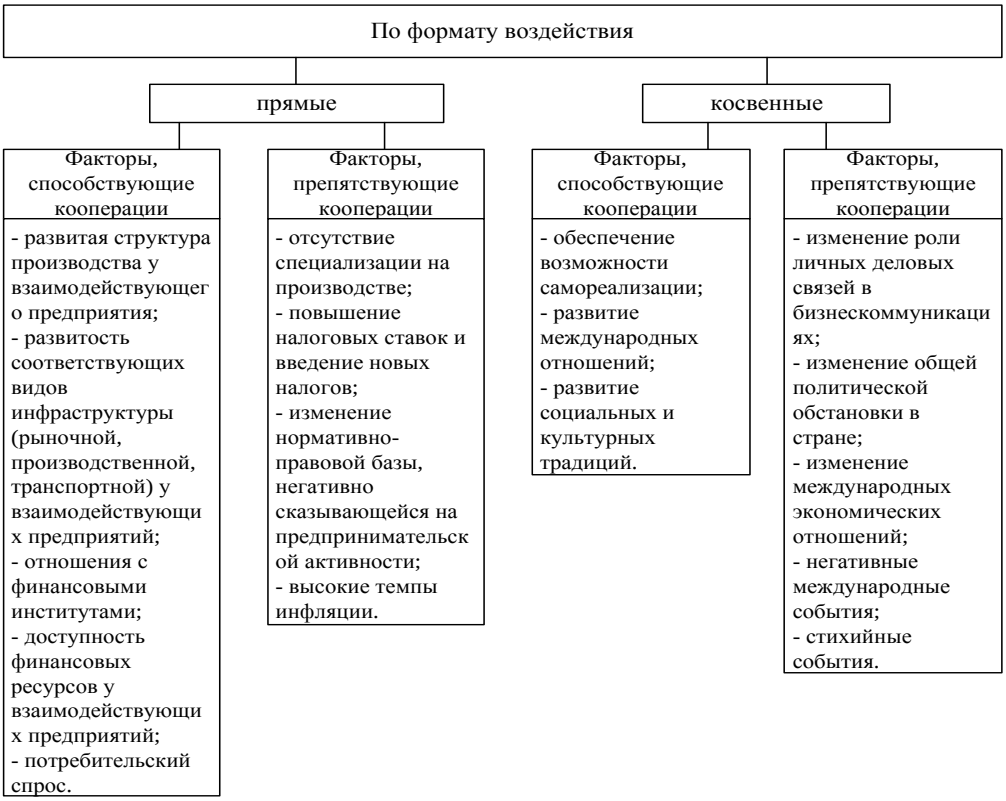
[1] Продукция производственно-технического назначения – продукция, предназначенная для использования в качестве средств промышленного и сельскохозяйственного производства (сырье, материалы, полуфабрикаты, комплектующие изделия, взаимодополняющие детали, оборудование, объекты капитального строительства, промышленные услуги): ГОСТ Р 15.21-2000.



Источник: Торгово-промышленная палата РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tpprf.ru/ru/business/gp/

Рисунок 4.
География предприятий-субконтракторов, зарегистрированных в НП «НПРС» в 2015 г., %

Проанализировав существующие подходы к классификации факторов производственной кооперации, следует отметить их многообразие. Целесообразно предложить следующую классификацию факторов, влияющих на развитие производственной кооперации (рис. 5).



По форме влияния
внешние
внутренние
Факторы, способствующие кооперации
- наличие в регионе потенциальных субъектов сотрудничества;
- благоприятные региональные условия для развития партнерских отношений в бизнес-секторе;
- антикоррупционные меры;
- благоприятное изменение налогового законодательства.
Факторы, препятствующие кооперации
- ограничение свободы рыночного поведения;
- неразвитость нормативно-правовой базы;
- экономические риски для взаимодействующего предприятия;
- административные барьеры;
- политическая нестабильность;
- экономический кризис.
Факторы, способствующие кооперации
- наличие бизнес-стратегии компании;
- прозрачность экономических показателей развития взаимодействующей бизнес-структуры;
- наличие производственных, технических, экономических, финансовых, информационных, трудовых и инвестиционных ресурсов.
Факторы, препятствующие кооперации
- жесткий контроль над деятельностью одной из бизнес-структур, участвующей в процессе кооперации;
- низкий уровень финансовой независимости у взаимодействующих предприятий;
- несоблюдение сроков поставок деталей, комплектующих, сырья.

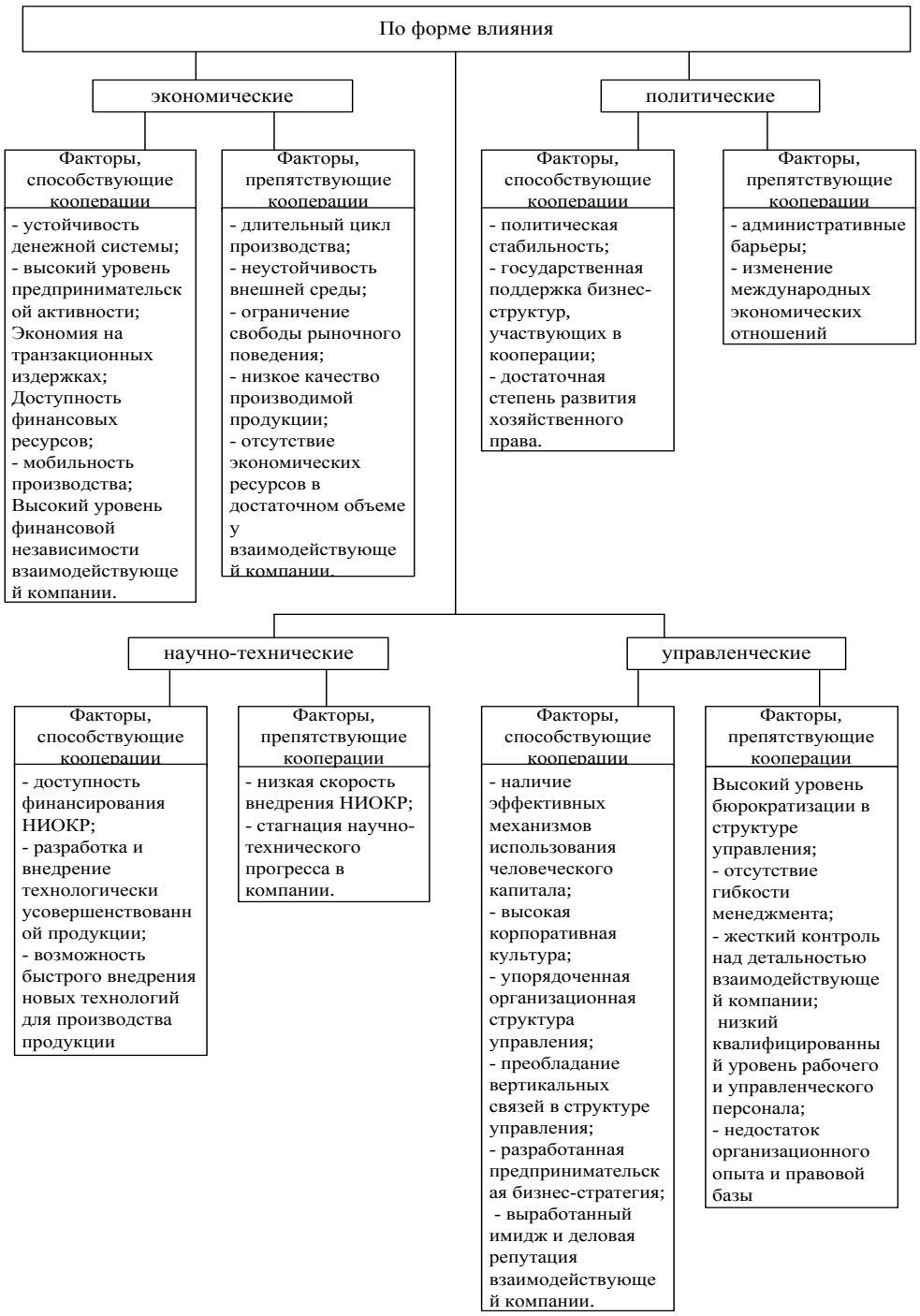


Рисунок 5.
Классификация факторов, влияющих на производственную кооперацию в регионе.
Источник: составлено автором на основе проведенного анализа

Исследованные факторы оказывают влияние на экономическое развитие кооперации. В свою очередь у каждого взаимодействующего предприятия есть своя внутренняя предпринимательская среда, факторы которой индивидуальны. В результате проведенного анализа выявлены факторы, способствующие и препятствующие производственной кооперации в регионе.

Стоит отметить, что в приведенной классификации факторы развития кооперации разграничены с точки зрения управления ими, и при грамотном их использовании можно добиться эффективного взаимодействия предприятий, что положительно повлияет на темпы и качество регионального развития.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что производственная кооперация в ближайшее время станет одним из ключевых драйверов экономического роста регионов.

Однако ее развитие требует активных действий со стороны государственных органов власти и управления, направленных на разработку необходимой законодательной базы и системы мероприятий по повышению эффективности государственной поддержки предприятий, участвующих в производственной кооперации на региональном уровне.

Список литературы

1. Гулин К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. – № 4. – С. 42–58.
2. Мазилов Е.А. Проблемы и тенденции развития малого предпринимательства в Российской Федерации / Е.А. Мазилов, А.Е. Кремин // Вопросы территориального развития. 2016. – № 5. – http://vtr.vscc.ac.ru/article/2039
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. Татаркин А.И. Историческая миссия срединного региона в модернизации Российской экономики // Федерализм. – М., 2011. – № 1. – С. 19-30.
5. Бражник М.В. Анализ организационных форм межхозяйственной кооперации и аграрно-промышленной интеграции в народном хозяйстве СССР в 1960–1970 гг. // Проблемы современной экономики. 2008. – № 2. – С. 16.
6. Большая Советская энциклопедия. – М., 1969–1978.
7. Берри Л.Я. Специализация и кооперирование в промышленности СССР. – М., 1954. – С. 7.
8. Петрищева, И.В. Промышленная кооперация в контексте взаимодействия малых и крупных предприятий: сущность и формы. – www.gramota.net/materials/1/2011/1/55.html
9. Булатов А.Н. Методология стратегического управления промышленной кооперацией. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. 2011. – 43 с.
10. Герчикова И.Н. Международное межфирменное производственное кооперирование: Менеджмент. – М.: Юнити-Дана, 2010. – http://sci-lib.biz/menedj/222-mejdunarodnoemejfi rmennoe-43258.html
11. Лоскутное одеяло экономики // Эксперт. – М., 2017. – № 22. – С. 29–30.
12. Романова Е.В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – № 2. – С. 13–15.
13. Бусыгин К.Д. Устойчивое развитие инновационных промышленных предприятий в условиях межфирменной кооперации: Монография. – М.: АП «Наука и образование», 2015. – 160 с.
14. Ворожбит О.Ю. Предпринимательская среда как фактор взаимодействия предпринимательских структур / О.Ю. Ворожбит, Н.Ю. Титова. – https://cyberleninka.ru/article/v/predprinimatelskaya-sreda-kak-faktor-vzaimodeystviya-predprinimatelskih-struktur
15. Громова А.Г. Развитие кооперации малых предприятии в регионе Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – СПб., 2009. – 19 с.
16. Ермакова О.Д. Взаимодействие крупного и малого бизнеса в различных сферах деятельности современного предпринимательства (на примере Астраханской области) // Вестник научно-технического развития. 2017. – № 1. – С. 1–10.

Логинов В.М.
менеджер-аналитик ООО «Бизнес Галактика»

ОЦЕНКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Ключевые слова: *предпринимательская активность, регионы России, бизнес-демография, пилотный проект, бизнес-среда.*

Keywords: *entrepreneurial activity, regions of Russia, business demography, pilot project, business environment.*

Перед современной Россией стоит важнейшая задача – стимулировать рост предпринимательского потенциала и создать благоприятный климат для бизнеса. Решение данных задач, требует особого подхода и методов к их оценке. Каждый субъект имеет общие (уровень образования, количество юридических лиц на душу населения, социальный капитал) и частные (наличие региональных госпрограмм, специфика бизнеса на территории, особые ресурсы) характеристики предпринимательского потенциала, влияющие на развитие предпринимательства в целом. Необходимо следить за развитием отдельных сфер предпринимательства в регионах и максимально раскрывать потенциал каждого конкретного субъекта РФ.

Проведение комплексной оценки функционирования бизнеса в субъектах обусловило применение для анализа показателей бизнес-демографии. В рамках этой методологии пропущенные данные в источниках информации корректируются с помощью математических методов. Объектами бизнес-демографии являются коммерческие организации, внесённые в Единый государственный реестр юридических лиц и осуществляющие свою деятельность во всех областях экономики, кроме государственного управления, предоставления услуг по ведению домашнего хозяйства и деятельности экстерриториальных организаций. Полученные данные о создании и ликвидации компаний, количестве и структуре занятого населения являются базой измерения предпринимательской активности, выявления её точек роста и препятствий к активизации, а также для оценки вектора развития экономики.

На демографию предприятий оказывают влияние экономические циклы, но стоит также учитывать часто меняющееся административное и налоговое законодательство. Например, за счет ужесточения правил по торговле алкогольной и табачной продукции в 2013 году и роста акциза на данный тип товаров существенно пострадал сегмент малого предпринимательства. Запрет на торговлю алкоголем в нестационарных торговых точках отнял до 80% их прибыли, вследствие чего началось массовое сокращение мелких хозяйств, приведя к падению доходности мелкорозничной торговли на территории РФ в 2013-2014 гг. Однако данные действия государства были необходимы с точки зрения социальной политики. При этом законодательство в сфере предпринимательства постоянно совершенствуется, в 2017 году было принято множество законов для всестороннего упрощения ведения бизнеса на территории РФ. Например, изменения в сфере регулирования крупных сделок коснулись отмены многих бюрократических формальностей, давая возможность компаниям тратить меньше времени на корпоративные процедуры; приняты положения по унификации налоговых платежей, из-за которых консолидировалось большинство страховых сборов; облегчен переход ИП на упрощенную систему налогообложения, расширен электронный документооборот.

Глубокие исследования демографии предприятий в России начались относительно недавно, с 2004 года. Росстат ежегодно представляет отчетность по демографической ситуации, не учитывая филиалы компаний, их представительства и подразделения. 2016 г. характеризуется сокращением численности созданных организаций по сравнению с 2015 г. на 7,6%, тогда как количество ликвидированных предприятий возросло в 2,2 раза. В общем, за 2016 г. было открыто около полумиллиона организаций, тогда как закрыто более семисот тысяч. Число ликвидаций превысило число регистраций на 55,5%. Подобной ситуации не наблюдалось с самого начала статистического наблюдения. До конца не ясна причина этой тенденции. Даже в явно кризисные периоды 2008–2009 гг. рождаемость бизнеса была выше смертности, однако отмечу, что в 2009 г. наблюдалось общее снижение предпринимательской активности, коэффициент рождаемости организаций (количество «новорожденных» на 1000 уже зарегистрированных) составил 88,7 против 122,4 в 2007. Получается, что в 2009 году люди просто не спешили закрывать свой бизнес, хотя и открывать не начинали. Ситуации 2016 года нельзя дать однозначную оценку. Наблюдается абсолютно полярная тенденция между периодами 2014–2015 гг. и 2015–2016 гг., рост числа зарегистрированных предприятий на 52,4% в первом временном отрезке и уже упомянутая «демографическая яма» во втором. Причиной подобного явления, на наш взгляд, может являться надежда в 2015 г. российских предпринимателей на быстрый экономический рост, аналогичный подъему после кризиса 1998 года. Очевидно, что ожидания не оправдываются, экономическая ситуация в России, несмотря на заявления многих экспертов о переломе, становится склонной к стагнации даже при попытках что-то изменить со стороны правительства. Видимо, бизнес постепенно принимает сложившуюся реальность. Проблемы с предпринимательской активностью в РФ можно было не допустить, точечно следя за ситуацией, сложившейся в отдельных регионах и принимая своевременные решения.

В настоящий момент уже существуют инструменты, позволяющие отслеживать тенденции бизнеса в разрезе регионов. В дополнение к ним Росстат предлагает более глубокие статистические данные к оценке, расширяя аналитические возможности в данной сфере. В 2013 г. стартовало пилотное исследование бизнес-демографии регионов, в рамках которого за счет более полной представленности статистических данных были отобраны 6 самых репрезентативных субъектов: Астраханская область, Белгородская область, Вологодская область, Новосибирская область, Пермский край, Республика Татарстан, Свердловская область. С помощью этого проекта представляется возможным тщательно контролировать структуру предприятий региона по «возрасту». Количество «молодых» и «старых» предприятий в общей численности активных предприятий в 2013 г., представлено на рисунке 1.

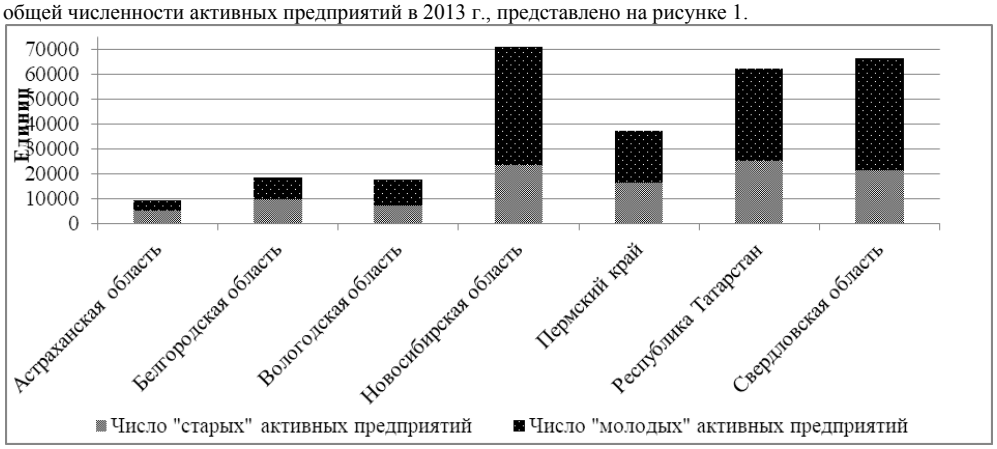


Рисунок 1.
Количество «молодых» и «старых» предприятий в общей численности активных предприятий по регионам пилотного проекта в 2013, ед.

По отобранным субъектам отмечается приблизительное равенство в структуре «возрастов» организаций, что, на наш взгляд, является самым лучшим вариантом распределения. Фактически это означает, что в регионах присутствуют как вновь созданные компании, отражающие интерес бизнеса к этой территории, так и созданные давно предприятия, показывающие возможность осуществления стабильной предпринимательской деятельности.

Еще одним новшеством пилотного проекта является выявленная структура активных предприятий по видам деятельности (табл. 1). Как уже говорилось выше, с помощью данного показателя становится возможным создание полной картины деятельности в регионах страны, так как каждый регион имеет свои индивидуальные особенности и предрасположенность к определенному виду бизнеса. Помимо этого, на примере процентного соотношения видов деятельности активных предприятий выделяются более и менее популярные отрасли ведения бизнеса на территории страны в целом.

Таблица 1

Распределение активных предприятий по видам экономической деятельности, 2013 г.,%

Вид деятельности	Астраханская область	Белгородская область	Вологодская область	Новосибирская область	Пермский край	Республика Татарстан	Свердловская область
Оптовая и розничная торговля	34,5	41,1	37,9	45,4	38,9	37,2	48,9
Операции с недвижимым имуществом	19,4	15,3	17,2	19,2	18,5	20,3	15,5
Строительство	13	14,5	14,8	10,1	13,2	13	9,9
Обрабатывающие производства	9,5	12	10,5	9,3	10,1	10,9	9,6
Транспорт и связь	7,2	7	6	7,0	6,5	6,4	6,9
Прочие	16,4	10,1	13,6	9,0	12,8	12,2	9,2
Итого	100	100	100	100,0	100	100	100

Например, по отобранным регионам сферой деятельности – лидером является оптовая и розничная торговля. Это бизнес, зачастую не требующий специальных навыков, один из самых легких в освоении. В группу «Прочие» табл. 1 включены: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; гостиницы и рестораны; финансовая деятельность, образование; здравоохранение и некоторые другие виды деятельности с незначительной долей в общей структуре. Из этого можно сделать предположение о том, что в отобранных регионах слабо развит туризм, а также не пользуется популярностью платная медицина и образование. Популярность строительства и операций с недвижимым имуществом как сферы деятельности обусловлена с ростом потребности в жилье и коммуникациях.

Другой стороной пилотного проекта является распределение работников по предприятиям, что выводит исследование предпринимательской активности регионов на новый уровень. Численность работников «молодых» и «старых» предприятий в общей численности работников активных предприятий за 2013 г. представлена на рис. 2.

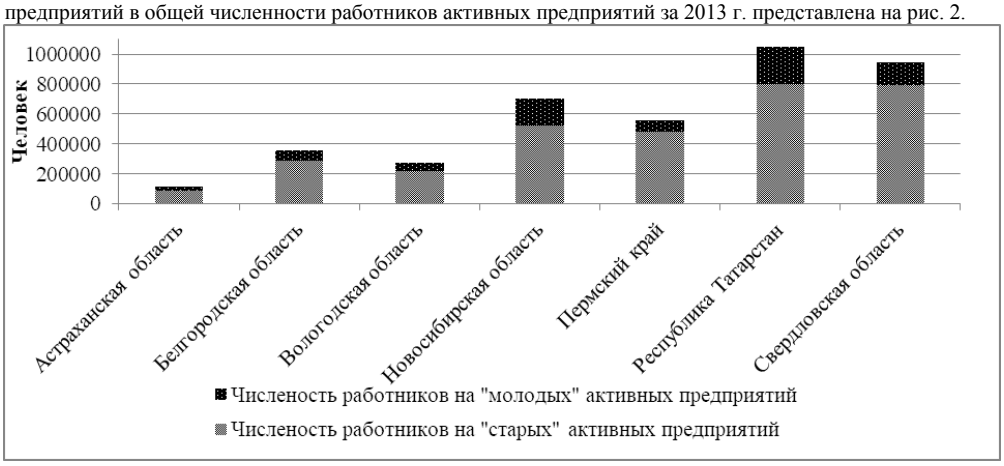


Рисунок 2.
Численность работников «молодых» и «старых» предприятий в общей численности работников активных предприятий, 2013 г., человек

Полученное распределение показывает, что в основном рабочая сила регионов сосредоточена на «старых» предприятиях при практически равном «возрастном составе» организаций на территориях субъектов. Это понятно, так как, во-первых, открывающиеся в последнее время предприятия обычно являются более высокотехнологичными и не требуют большого числа рабочей силы, а во-вторых, люди с недоверием относятся к новому бизнесу из-за его нестабильности и не предполагают для себя работы во вновь открывающихся компаниях.

Еще одним важным инструментом оценки предпринимательской активности региона служит распределение численности работников по группам предприятий различных видов экономической деятельности (табл. 2). Данный показатель позволит определить сферы бизнеса, в наибольшей степени аккумулирующие занятое население региона. В целом можно отметить, что структура распределения незначительно отличается от удельных весов по предприятиям. Лидеры и аутсайдеры остались теми же, однако изменился их порядок.

Наибольшее количество занятых приходится, чаще всего, на обрабатывающие производства, тогда как оптовая и розничная торговля в большинстве регионов перешла на второе место. Эти две сферы дают наибольшее количество рабочих мест, соответственно без соответствующего субсидирования в данные отрасли появляется возможность всплеска массовой безработицы. При рассмотрении средней численности работников на предприятии отмечается значительное превышение данного показателя в сфере добычи полезных ископаемых.

Таблица 2

Распределение численности работников по группам предприятий различных видов экономической деятельности, 2013 г.,%

Вид деятельности	Астраханская область	Белгородская область	Вологодская область	Новосибирская область	Пермский край	Республика Татарстан	Свердловская область
Обрабатывающие производства	17,8	29,9	37,1	19,2	33,9	28,4	34,7
Оптовая и розничная торговля	15,3	15,6	17,6	25,3	14,7	16,1	19,9
Строительство	13,2	12,0	9,0	10,3	10,6	11,7	7,9
Операции с недвижимым имуществом	17,9	9,5	11,4	18,4	13,0	13,4	12,0
Транспорт и связь	8,9	4,1	4,8	6,8	8,5	8,1	6,9
Прочие	26,8	28,8	20,1	19,9	19,4	22,3	18,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В современных условиях актуальность исследования предпринимательской активности субъектов хозяйствования обусловлена той особой ролью, которую играет предпринимательство в ускорении перехода к инновационной экономике и необходимостью более полного использования предпринимательства как одного из стратегических ресурсов и источников развития Российской экономики.

Пилотное исследование Росстата позволяет проводить глубокий анализ предпринимательской активности в регионах. Без предварительной комплексной оценки ситуации в субъекте кажется невозможным принятие системных решений по выделению региону дополнительного финансирования, субсидированию отдельных отраслей. Бизнес-демография способствует совершенствованию методологического обеспечения анализа среды предпринимательства в

региональных экономических системах, позволяя учитывать, в том числе, демографические аспекты бизнеса, его возрастной и отраслевой состав на территории регионов. Становится реальным исследование взаимосвязей внутри структуры предприятий региона, так как любая из организаций является неотъемлемой частью динамичной, постоянно меняющейся среды. Однако при всех положительных аспектах данного метода оценки серьезной проблемой является сбор данных и контроль над предоставлением отчетности, так как не все предприятия добросовестно следуют букве закона. К тому же осложняется процесс принятия своевременных решений по регулированию предпринимательской активности на территории субъектов РФ вследствие недостаточности статистической базы, ведь, как уже было сказано, для анализа Росстат отобрал только несколько регионов с достаточным количеством данных. Следовательно, можно сделать вывод о том, что для продолжения подобного качественного исследования необходима законодательная основа, обязывающая предприятия регионов своевременно и в полном объеме предоставлять всю требующуюся отчетность органам статистики. Результатом отсутствия подобных мер служит упрощение пилотного исследования по бизнес-демографии, проведенного в 2017 г., в рамках которого были оставлены только основные, наиболее общие, показатели.

Список литературы

1. Сибирская Е.В. Концепция эффективности управления в рамках конкурентоспособности территориальных экономических систем // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. – № 4. – С. 73–78.
2. Сибирская Е.В. Влияние институциональных условий на развитие инновационных процессов в регионе // Регион: системы, экономика, управление. 2011. – № 1. – С. 32–36.
3. Войнова С.И., Савельева И.П. Оценка предпринимательской активности: сущность и виды экономической деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2012. – № 1. – https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5613
4. Минева О.К. Анализ предпринимательской активности региона. – http://beta.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR4(25)/12.pdf
5. Федеральная служба государственной статистики: Российский статистический ежегодник, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): Российский статистический ежегодник, 2017 г. – https://fedstat.ru/

Ляпина И.Р.
д.э.н., доцент, профессор кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета
innara_lapina@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Ключевые слова: *национально-технологическая инициатива, управление, инновационно-технологическое развитие регионов.*
Keywords*: national technological initiative, management, innovative and technological development of regions.*

В последние годы Правительством РФ четко обозначена необходимость выявления и решения перспективных проблем развития национальной экономики при помощи долгосрочного планирования. В результате одним из приоритетов государственной политики стала стратегия Национальной технологической инициативы, реализация которой способствует:

– обеспечению глобального технологического паритета России и стран-технологических лидеров,

– подготовке национальных компаний к работе на принципиально новых рынках, которых сегодня еще не существует, но при этом в будущем они будут составлять основу мировой экономики.

Успешность реализации национальной технологической инициативы зависит не только от правительства. Она должна представлять собой систему приоритетов, матрицу управления [5]. В этой связи, актуальным становится вопрос управления инновационно-технологическим развитием регионов России.

В настоящее время сбалансированному инновационно-технологическому развитию регионов России препятствует ряд проблем [2, 3]:

1. Недостаточное отражение в нормативно-правовых актах находит процесс совместного регулирования вопросов инновационной и инвестиционной деятельности.

2. Реализация инновационной деятельности происходит преимущественно в рамках крупных региональных экономических систем, которые способны проводить целостную политику по развитию новшеств и инноваций.

3. Отставание в развитии рынка финансово-инвестиционных ресурсов.

4. Высокая рискованность инновационных проектов способствует оттоку инвестиционного каптала из экономических систем.

5. Сильный износ производственных фондов для внедрения инноваций.

6. Отсутствие и/или неправильное управление объектами инновационной инфраструктуры.

7. Отсутствие грамотного восприятия населением процесса инвестирования не позволяет сформировать основы рационального потребления, оценить личные возможности и риски от инвестирования, приумножить благосостояние населения в рамках конкретной экономической модели.

Выделенные проблемы позволяют определить основные направления и ожидаемые результаты процесса управления инновационно-технологическим развитием регионов России (рисунок 1) [2, 4, 6, 7]

При определении ожидаемых результатов управления и их конкретного содержательного наполнения необходимо учитывать приоритеты развития национальной экономики России и основываться на региональной модели НТИ. На данный момент разработка региональных моделей НТИ находится на пилотной стадии. Так, по результатам регионального конкурса НТИ, проводимого Агентством стратегических инициатив и Российской венчурной компанией 10 регионов-победителей (Красноярский край, Москва, Московская область, Новосибирская область, Республика Татарстан, Самарская область, Санкт-Петербург, Томская область, Ульяновская область и Челябинская область) примут участие в разработке региональной модели НТИ. Кроме того, еще шесть регионов, продемонстрировавших высокую степень заинтересованности в работе над проектом, получили статус «регионов-кандидатов» (Калужская область, Краснодарский край, Удмуртская Республика, Тульская область, Республика Башкортостан и Хабаровский край) [1].

Управление инновационно-технологическим развитием регионов должно осуществляться в соответствии с принципами синергии, бюджетной сбалансированности, многовариантности развития, временной синхронизации сбалансированного развития.

В процессе управления инновационно-технологическим развитием регионов должны широко задействоваться такие рычаги управления как региональное законодательство, региональные льготы, отвод земли, предоставление аренды и др. [2].

Основными параметрами рассматриваемого процесса управления должны являться скорость освоения инноваций в рамках региональной системы хозяйствования, уровень обеспеченности экономической системы региона финансовым капиталом.

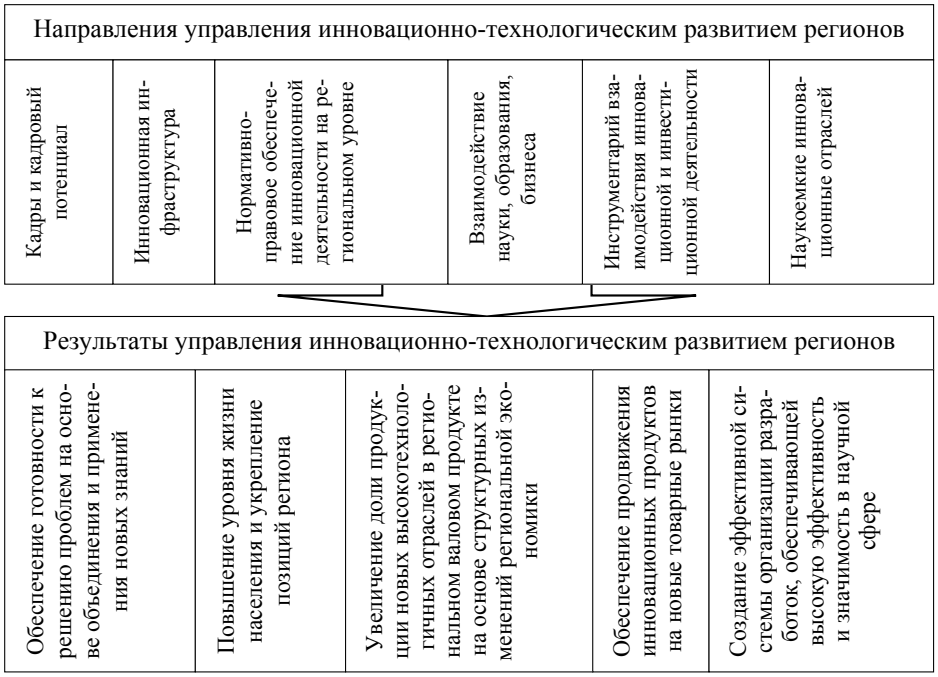


Рисунок 1.
Направления и результаты управления инновационно-технологическим развитием регионов

Процесс управления должен учитывать балансовые взаимосвязи, в соответствии с которыми формируется целостная экономическая модель инновационно-технологического развития регионов:

– развитие наукоемких инновационных отраслей при наличии собственных ресурсов региональной экономической системы;

– реализация высокотехнологических проектов государственно-частного партнерства в условиях привлечения заемных средств.

При этом, государство как ключевой субъект, обеспечивающий сбалансированное развитие макроэкономической системы, действует лишь на основе перераспределения государственной поддержки между регионами.

Список литературы

1. 16 регионов стали победителями конкурса Национальной технологической инициативы. – https://asi.ru/news/50670/
2. Гуриева Л.К. Концептуальные основы инновационной стратегии регионального развития // Наука и инновационные технологии для регионального развития: сб. статей всерос. науч.-практ. конф. (июнь 2003 г.). – Пенза, 2003. – С. 21–23.
3. Канчукоев В.О., Канчукоева Л.Б., Соблирова Л.К. Инновационно-инвестиционная деятельность в региональной хозяйственной системе: организационно-экономические проблемы управления и пути их решения // Terra Economicus. 2009. – Т. 7, № 4–2. – С. 104–107.
4. Кузнецов П.М. Интеграция науки, образования и бизнеса как элементов национальной инновационной системы РФ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. – № 12 (140). – С. 91–94.
5. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». – http://government.ru
6. Степанищев С.В. Современные подходы к управлению сбалансированным развитием инновационной и инвестиционной деятельности экономических систем // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2012. – № 4 (39). – С. 104–109.
7. Хмелева Г.А. Процессная модель инновационной деятельности в регионе // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2012. – № 4 (11). – С. 17–24.

Мурар В.И.
главный специалист Гохрана России
valentina.murar@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова*: потребительский рынок, торговля, товарооборот, обеспеченность торговыми площадями, сетевая торговля.*

Keywords*: consumer market, trade, turnover, supply of retail space, network trade.*

Потребительский рынок представляет собой один из важнейших факторов экономического роста региона. Социально-экономическая значимость рынка потребительских товаров и услуг обусловлена его функциями, к которым можно отнести:

– формирование потребительских ценностей и удовлетворение потребностей населения;
– создание рабочих мест;
– формирование сферы деятельности для организаций и предприятий;
– обеспечение налоговых поступлений в бюджет и др.

Рассмотрим основные тенденции развития потребительского рынка Московской области на примере его ведущей сферы – торговли.

Торговля представляет собой один из наиболее динамично развивающихся секторов экономики Подмосковья и формирует 24,8% ВРП области на 1 января 2016 года[1].

Среди всех субъектов Российской Федерации Московская область стабильно занимает 2-е место по розничному товарообороту и 3-е место по обороту оптовой торговли.

За период январь-октябрь 2017 года для основных показателей развития потребительского рынка Подмосковья характерна положительная динамика, их значения оказались выше, чем по стране в целом (таблица 1).

Согласно имеющимся данным, оборот розничной торговли увеличился на 5,2% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Также значительно возрос объем оптовой торговли – на 21,7%.

Таблица 1

Показатели развития потребительского рынка Московской области[2]

	Московская область		Справочно по Российской Федерации: в % к соответствующему периоду предыдущего года
	фактически выполнено за январь-октябрь 2017 года	в % к соответствующему периоду предыдущего года	
Оборот торговли, млн. рублей:			
розничной торговли по всем каналам реализации	1 720 814,7	105,2	100,8
оптовой торговли в организациях всех видов экономической деятельности	3 841 109,0	121,7	…
Оборот общественного питания, млн. рублей	82 901,9	109,8	…
Объем платных услуг, оказанных населению, млн. рублей	381 062,0	100,6	100,2

Кроме того, в первом полугодии 2017 года индекс предпринимательской уверенности увеличился на 1 % относительно соответствующего периода 2016 года и составил 3%. Индекс потребительской уверенности вырос на 14 %, что свидетельствует об улучшении настроений в потребительском секторе[3].

Также об улучшении социально-экономической ситуации в Московской области свидетельствует структура оборота розничной торговли. После пика экономического кризиса доля продовольственных товаров в розничном товарообороте постепенно снижается. И уже в октябре 2017 года доля пищевых продуктов составила 46,8 процента (рис. 1).

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Московской области. – http://www.msko.gks.ru/

[2] Социальное и экономическое положение Московской области за январь-октябрь 2017 года // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Московской области. – http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/publications/official_publications/electronic_versions/

[3] Московская областная Дума: официальный портал. – http://www.mosoblduma.ru/folder/3796/item/96910/

Рисунок 1.
Структура оборота розничной торговли в Московской области

В период с января по октябрь 2017 года структура субъектов рынка в обороте розничной торговли формировалась на 97,8% торгующими организациями и индивидуальными предпринимателями, которые реализуют товары вне рынка. На долю рынков в товарообороте Подмосковья приходится 2,2% (табл. 2).

Таблица 2

Оборот розничной торговли торгующих организаций и продажа товаров на рынках в Московской области[1]

	Январь-октябрь 2017 года, млн. рублей	В % к январю-октябрю 2016 года	Октябрь 2017 года, млн. рублей	в % к:	
				сентябрю 2017 года	октябрю 2016 года
Всего, в т.ч.:	**1720814,7**	**105,2**	**178747,0**	**99,5**	**108,3**
оборот розничной торговли торгующих организаций и индивидуальных предпринимателей, реализующих товары вне рынка	1683408,1	105,0	175329,5	99,8	108,4
продажа товаров на розничных рынках и ярмарках	37406,6	116,1	3417,5	84,2	102,4

В Подмосковье широко развивается сетевая торговля и современные форматы облуживания населения. Торговые сети, с одной стороны, предоставляют широкий ассортимент товаров, удобные условия покупки продукции для потребителей, с другой стороны, обеспечивают значительное снижение издержек предпринимателей.

Формат торговых центров изменяется по мере удаления от Москвы. Гипермаркеты и крупные региональные торговые центры располагаются в зоне до 10 км от столицы. Для среднего пояса характерно наличие районных и микрорайонных торговых центров. На расстоянии более 30 км от Москвы (третий пояс) также функционируют торговые объекты формата районных и микрорайонных торговых центров, однако качество многих торговых объектов не соответствует стандартам.

Уровень и формат торговых сетей в Московской области также варьирует в зависимости от удаленности от Москвы. Федеральные и международные операторы такие, как «Лента», «Auchan», «OBI», «Leroy Merlin», «Магнит», «О'Кей», функционируют в ближнем поясе. Для среднего пояса характерны сетевые дискаунтеры, локальные сетевые операторы, а также развиты объекты формата outlet. В городах, расположенных более 30 км от Москвы, в третьем поясе, стремительно развиваются локальные сети, торговые центры формата retail-park, находящиеся на трассе и охватывающие несколько городов.

По состоянию на август 2017 года в городах Московской области действуют 143 качественных торговых центра суммарной арендуемой площадью 1,9 млн. кв. м. Средний показатель обеспеченности качественными торговыми площадями составляет 257 кв. м на 1000 чел.

Согласно исследованию консалтинговой компании Welhome, в Московской области в период с июня 2016 года по август 2017 года начали работу 7 новых торговых центров площадью 125 тыс. кв. м в таких городах, как Мытищи, Балашиха, Апрелевка, Одинцово, Жуковский. При этом в Апрелевке был открыт первый профессиональный ТЦ «Мелодия», среди арендаторов которого супермаркет «Лента», магазины «Кораблик», «Твое», Sela и другие. В 2018 году планируется открытие шести торговых центров суммарной площадью 149 тыс. кв. м (рис. 2).

[1] Социальное и экономическое положение Московской области за январь-октябрь 2017 года // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Московской области. – http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/publications/official_publications/electronic_versions/

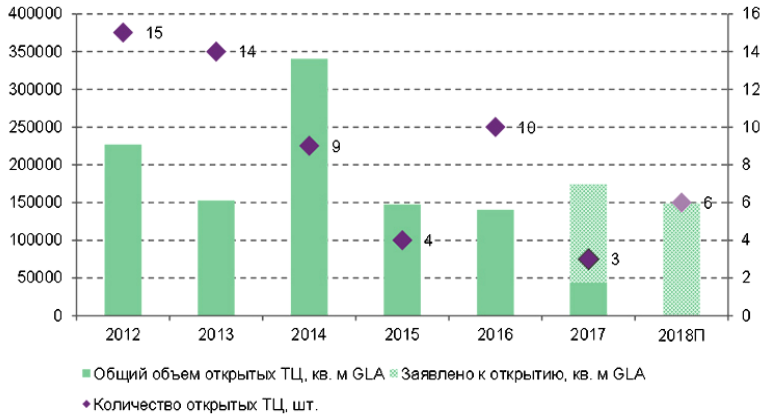


Рисунок 2.
Ввод торговых объектов в городах Московской области[1]

Несмотря на положительные тенденции развития потребительского рынка Московской области, необходимо отметить некоторые слабые стороны рынка потребительских товаров и услуг. Существенно различаются по муниципальным образованиям Московской области уровни обеспеченности розничной торговой сетью.

Как правило, высокий уровень обеспеченности торговыми площадями характерен для муниципальных образований Московской области, прилегающих к МКАД. Это обусловлено процессами субурбанизации, созданием на выезде из Москвы крупных торговых центров.

Наиболее обеспечен торговыми площадями город Мытищи (более 1000 кв. м на 1000 жителей). В городе действуют 8 торговых центров суммарной площадью 208 тыс. кв. м (рис.3).

К городам, наименее обеспеченным качественными торговыми площадями, относятся Раменское (54 кв. м на 1000 человек), Долгопрудный (86 кв. м на 1000 человек), Егорьевск (113 кв. м на 1000 человек).

При этом необходимо отметить, что за пределами МКАД заброшено или заморожено строительство более десятка торговых объектов, общая площадь которых достигает около 600 тыс. кв. м.

Другой немаловажной проблемой является организация предприятий торговли и услуг в сельской местности для обеспечения жителей необходимым ассортиментом товаров и услуг. Однако создание объектов в отдаленных, малонаселенных сельских районах сопряжено с высокими рисками инвестирования и отсутствием гарантий получения прибыли.

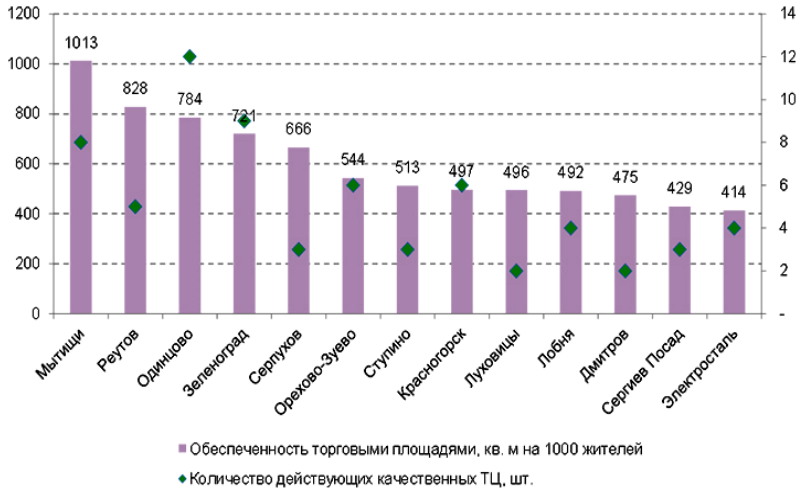


Рисунок 3.
Города Подмосковья, наиболее обеспеченные качественными торговыми площадями по состоянию на август 2017 года[2]

[1] Обзор рынка торговой недвижимости городов Московской области. New Retail. – https://new-retail.ru/business/obzor_rynka_torgovoy_nedvizhimosti_gorodov_moskovskoy_oblasti8252/

[2] Там же.

Кроме того, социальная значимость нестационарной торговли в Московской области остается высокой. В некоторых сельских населенных пунктах, дачных поселках, садовых товариществах данный вид торговли не имеет альтернативы.

Несмотря на высокую значимость ярмарочной торговли, ее развитие в некоторых районах области сдерживается отсутствием площадок, приспособленных и соответствующих требованиям законодательства Московской области, а также нерентабельностью организации ярмарок в связи с малочисленностью жителей некоторых населенных пунктов.

Ввиду указанных проблем функционирования рынка потребительских товаров и услуг Подмосковья, к основным стратегическим направлениям развития потребительского рынка области можно отнести:

– совершенствование инфраструктуры потребительского рынка посредством возможностей сетевой торговли;

– применение механизмов ГЧП в сфере потребительского рынка;

– возможности межрегионального сотрудничества;

– внедрение новых технологий, форматов торговли и предоставления услуг, развитие электронной торговли с целью обеспечения потребителей необходимыми товарами и услугами, проживающих в отдаленных районах области;

– создание концепции развития потребительского рынка Московской области.

Нехаев В.В.
д.и.н., к.ю.н., профессор, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: *стратегия, экономическая безопасность, показатели, Тульская область, валовой региональный продукт, основные фонды, инвестиции, промышленное производство, продовольственная безопасность, потребительский рынок, инфляция, доходы населения, потенциал региона.*

Экономическая безопасность традиционно рассматривается как важнейшая характеристика экономической системы, которая определяется стабильностью, устойчивостью и поступательностью развития экономики территорий. Без обеспечения экономической безопасности невозможно решение задач социально-экономического, демографического, экологического и политического развития нашей страны.

Современная Стратегия экономической безопасности России определена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Важнейшей составляющей Стратегии является разработка системы показателей, отражающих уровень экономической безопасности Российской Федерации.

Для оценки уровня экономической безопасности Тульской области проведем комплексный экономико-статистический анализ важнейших макроэкономических и социальных показателей Стратегии за 2010–2016 годы.

Основным показателем, характеризующим уровень экономического развития региона, является валовой региональный продукт (ВРП). Объем ВРП Тульской области в текущих основных ценах составил в 2015 году 476,6 млрд. рублей, увеличившись по сравнению с 2014 годом в сопоставимых ценах на 5,6%, по РФ валовой внутренний продукт уменьшился на 0,6%. За период с 2010 года ВРП области в реальном исчислении вырос на 26%, по РФ – на 11%. В среднем на одного жителя области в 2015 году приходилось 315,7 тыс. рублей созданного валового продукта, что на 16,2% больше, чем в предыдущем году, но почти наполовину меньше, чем в среднем по ЦФО, что обусловлено высокой долей среднедушевого ВРП г. Москвы – безусловно доминирующего региона в ЦФО РФ (среднедушевой ВРП г. Москвы в 2 раза больше среднего размера по ЦФО). По объему ВРП на душу населения среди регионов Российской Федерации область занимала в 2015 году 42 место, а среди субъектов Центрального федерального округа РФ – 9 место.

Финансовая сфера является ключевым звеном региональной экономики, обеспечивающая сохранение, наращивание и эффективное использование финансовых средств региона. Она призвана финансировать производственную сферу в объемах, обеспечивающих экономический рост и повышение уровня и качества жизни населения. По данным министерства финансов Тульской области в 2016 году консолидированный бюджет области исполнен с дефицитом в сумме 358,3 млн. рублей (в 2015 г. – 789,0 млн. рублей; в 2010 г. – 3448,7 млн. рублей). Формирование бюджетных средств происходило под влиянием положительных, по сравнению с 2010 годом, изменений в экономике Тульской области: налоговые и неналоговые поступления возросли с 34,1 млрд. рублей в 2010 году до 67,1 млрд. рублей в 2016 году. В результате чего их удельный вес в общем объеме денежных средств, поступивших в консолидированный бюджет области, вырос с 71 до 84% соответственно.

Одним из факторов, влияющих на снижение угрозы экономической безопасности страны, является самодостаточность регионов. Среди всех поступивших в бюджет области денежных средств объем безвозмездных поступлений уменьшился в 2016 году по сравнению с предыдущим годом на 8%, его доля в общей сумме доходов снизилась с 19 до 16,0%.

В структуре расходов бюджета области необходимо обратить внимание на тенденцию значительного роста удельного веса сумм, направленных на поддержание национальной экономики и социально-культурные мероприятия, с 73 в 2010 году до 84% в 2016 году.

Перспектива развития экономики региона во многом определяется состоянием основных фондов – как важнейшего элемента национального богатства. На начало 2017 года основные фонды экономики Тульской области, включая находящиеся в собственности граждан, составили, по оценке, более триллиона рублей (1033,1 млрд. рублей). Их объем по сравнению с предыдущим годом в сопоставимых ценах увеличился на 4 процентных пункта. В 2016 году введено в действие новых основных фондов на 85 млрд. рублей, что является достаточно высоким уровнем (2010 год – 48 млрд. рублей). Коэффициент обновления основных фондов в сопоставимых ценах в 2016 году составил 6%, коэффициент ликвидации – 1%, степень износа – 41%.

На начало 2017 года больше, чем в целом по области, изношены основные фонды в крупных и средних организациях оптовой и розничной торговли (70%), строительства (65%) и транспорта и связи (51%). В организациях по

производству и распределению электроэнергии, газа и воды основные фонды изношены почти на треть, в организациях сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства – чуть более трети (36%). Доля полностью изношенных основных фондов крупных и средних коммерческих организаций области сохранилась на уровне предыдущего года и составила 17% (в 2010 г. – 18%).

Активное инвестиционное развитие хозяйствующих субъектов способствует укреплению экономической безопасности и является необходимым условием устойчивого экономического роста любого региона. На развитие экономики и социальной сферы Тульской области в 2016 году использовано почти 113 млрд. рублей инвестиций, что на 7 млрд. рублей больше, чем в предыдущем году. В 2015 году доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте области составила 22%. Несмотря на ежегодный рост объемов инвестиций, порогового значения (25%) в области не достигнуто.

В 2016 году чуть более половины (53%) объема инвестиции в основной капитал финансировалось за счет привлеченных средств, собственные средства организаций составляли 47%. Более чем в два раза возросла доля банковской сферы в финансировании реального сектора экономики, в 2016 году она составила 27% в общем объеме инвестиций в основной капитал.

Больше половины (56%) годового объема инвестиций крупных и средних организаций освоено в обрабатывающих производствах, в организациях по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – около 10%.

Среди субъектов ЦФО РФ и по объему инвестиций в 2016 году и по темпам роста к 2015 году в сопоставимых ценах Тульская область заняла 6 место.

Сохранение научных традиций и широкого спектра направлений научных исследований является одной из важнейших задач социально-экономического развития региона. Тульская область располагает достаточным научно-техническим потенциалом, который включает научно-производственные объединения и отдельные организации, имеющие высокотехнологичное производство и выполняющие современные и перспективные разработки. В 2016 году среди обследованной совокупности крупных и средних организаций использовалось более 2.5 тысячи передовых производственных технологий, что на 14% больше предыдущего года и на четверть больше 2000 года. Почти все передовые производственные технологии нашли применение в обрабатывающих организациях (90%), на организации по производству и распределению электроэнергии, газа и воды приходилось 2% используемых в 2016 году передовых производственных технологий.

Сохранение и развитие научно-технического потенциала невозможно без развития науки. В 2016 году численность научных кадров в организациях, выполняющих научные исследования и разработки, увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 2% и составила 4.2 тыс. человек (6 место в ЦФО без учёта г. Москвы и Московской области).

Увеличилось финансирование науки: затраты на исследования и разработки в 2016 году выросли против 2010 года в 3,5 раза (в действующих ценах). Их доля в ВРП Тульской области в анализируемом году составила чуть более 1%.

Рост экономики и на ее основе повышение благосостояния населения в Тульской области во многом определяется развитием промышленного производства. За период с 2010 по 2016 годы объем промышленного производства возрос в 2 раза (по РФ – на 10%, по ЦФО – на 20%). Специфической особенностью развития промышленного комплекса Тульской области является то, что наращивание темпов производства наблюдается, в основном, за счет обрабатывающих производств, а не сырьевого сектора, как это имеет место в других субъектах России. На долю обрабатывающих производств в 2016 году приходилось 90% объема отгруженных товаров (работ, услуг) собственного производства (6 место по объему отгруженной продукции в ЦФО), на производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 9%. В области сосредоточены все важнейшие виды обрабатывающих производств, в которых осуществляют деятельность около 300 крупных и средних организаций различных форм собственности и трудится почти треть от всех занятых в экономике.

Важным условием экономического развития и устойчивости является высокий уровень технологической базы производства, позволяющей выпускать конкурентоспособную продукцию. В течение семи последних лет степень износа основных фондов в промышленном производстве составляла 34%. На конец 2016 года в обрабатывающих производствах степень износа составила 41%, в организациях по добыче полезных ископаемых составил 27%, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – 34%. Наиболее остро данная ситуация обстоит в организациях по производству пищевых продуктов, в химическом производстве и в металлургии.

Объемы инвестирования в основной капитал влияют на показатели ввода новых основных фондов. В 2016 году почти две трети объема инвестиций в основной капитал крупных и средних коммерческих организаций приходится на обрабатывающие производства: текстильное, металлургическое и химическое. В организациях по добыче полезных ископаемых коэффициент обновления основных фондов с 2010 года увеличился на 35 процентных пунктов и составил на конец 2016 года 42%, доля новых основных фондов в общем объеме поступлений увеличилась до 97%. В обрабатывающих производствах коэффициент обновления составил лишь 11%. Наиболее интенсивно в 2016 году обновление основных фондов проводилось на химическом (13%) и текстильном (11%) производствах, а также в металлургии (9%).

Одной из важнейших составляющих экономической безопасности является продовольственная независимость, обеспечение которой требует внимания к развитию сельского хозяйства. Сельское хозяйство области специализируется на выращивании зерна, сахарной свеклы (фабричной), картофеля, овощей, плодов и ягод, на мясном и молочном животноводстве. Индекс производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах в 2016 году составил 103,5% к уровню 2015 года. За период с 2000 года производство сельскохозяйственной продукции в сопоставимых

ценах увеличилось на более, чем на треть, в том числе продукции растениеводства – на 80% при снижении продукции животноводства на 12%.

Особое значение в обеспечении продовольственной безопасности принадлежит самообеспеченности региона продуктами питания, которая предусматривает поддержание определенного уровня продовольственного обеспечения населения, гарантирующего устойчивое экономическое развитие, социальную стабильность за счет собственных ресурсов. В 2016 году по сравнению с 2010 годом уровень самообеспеченности области вырос по овощам и молоку, снизился незначительно по мясу и яйцам. Нужно добавить, что в 2015 году запущено в эксплуатацию крупное современное предприятие по производству мяса птицы. Масштаб проекта – многопрофильный, технологически замкнутый холдинг с обеспечением потребностей производства за счет собственных подразделений.

За период с 2010 года в Тульской области валовой сбор зерна вырос в 1,8 раза, общие ресурсы овощей выросли в 2 раза, картофеля, мяса и мясопродуктов – на 40%, общие ресурсы по молоку снизились на 5%.

По оценкам сельскохозяйственной и продовольственной комиссии при ООН, в случае, если на территорию государства или региона ввозится более 30% продуктов питания, продовольственная безопасность утрачена. В 2016 году по сравнению с предыдущим годом ввоз мяса и мясопродуктов на территорию Тульской области снизился на 8% и составил около 40% всех ресурсов мяса, ввоз молока и молокопродуктов вырос на 12%, или почти на четверть молочных ресурсов.

Торговля является одним из наиболее динамично развивающихся секторов российской экономики. Большое значение для анализа удовлетворения потребностей жителей региона имеет оборот розничной торговли на душу населения. В расчете на каждого жителя области оборот розничной торговли за 2016 год составил 171 тыс. рублей, что соответствовало 9 месту среди субъектов Центрального федерального округа (в 2010 г. – 97 тыс. рублей, 12 место). Объем продаж на каждого жителя региона вырос с 2010 года в 1,8 раза и составил по непродовольственным товарам 88 тыс. рублей, продовольственным – 83 тыс. рублей на человека.

В обеспечении ресурсами продовольственного рынка области определенное место занимает импортная продукция. С учетом объемов по Республике Беларусь и Республике Казахстан импорт продовольственных товаров и сельхозсырья в 2016 году сократился по сравнению с 2010 годом на 16% и составил 206 млн. долларов США, в том числе основная доля (95%) приходилась из стран дальнего зарубежья.

В условиях динамично развивающегося потребительского рынка, расширения ассортимента товаров и конкуренции между отечественными и зарубежными производителями ведущая роль принадлежит ценам. В 2017 году в Тульской области уровень инфляции составил в среднем 102,6% (в 2016 г. – 105,6%). Изменение цен на продовольственные товары – это важный, социально значимый показатель, который по итогам 2017 года вырос в среднем на 1,1% (в 2016 г. – рост на 4,8%).

Необходимым условием экономической безопасности является повышение уровня и качества жизни людей. Наиболее реальную оценку уровня жизни населения дает информация о доходах населения. Среднедушевые денежные доходы населения в 2016 году составили 27,4 тыс. рублей и увеличились по сравнению с 2015 годом на 4,3%. Реальные денежные доходы с учетом изменения индекса потребительских цен снизились на 3,0%.

Если рассматривать десятые части населения с наиболее высокими и наиболее низкими доходами, то разрыв в их доходах в 2016 году составлял 11 раз (в 2010 г. – 12 раз). Наиболее обеспеченному населению региона принадлежали 28% общего объема денежных доходов, наименее обеспеченному – чуть более 2%. По России в целом разница в доходах между богатыми и бедными составила 16 раз. В 2016 году среднемесячная заработная плата, включая выплаты социального характера, по региону была в 3 раза выше величины прожиточного минимума трудоспособного населения (в 2010 г. – в 2,8 раза).

В заключение стоит отметить, что ситуация, которая сложилась в настоящее время в мировой экономике, ощутимо повлияла на экономику страны и ее регионов. Вместе тем, при оценке большинства показателей экономической безопасности Тульской области за 2010–2016 года наблюдается положительная тенденция развития, что свидетельствует об определенном запасе прочности и потенциала экономики региона.

Список источников

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208). – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608
2. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/
3. Основные направления деятельности правительства Тульской области на период до 2021 года (утв. указом губернатора Тульской области от 11.07.2016 №102). – http://docs.cntd.ru/document/438981377
4. Тульский статистический ежегодник. 2016: Стат. Сборник / Туластат. – Тула, 2017. – 338 с.
5. Итоги обследования инвестиционной активности организаций. 2016: Стат. Бюллетень /Туластат. – Тула, 2017. – 32 с.

Никоноров С.М.
д.э.н., доцент, профессор Кафедры экономики природопользования МГУ
nico.73@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ[1]

Ключевые слова: *устойчивое развитие, эколого-экономический индекс, экологическая емкость, антропогенная нагрузка, индекс антропогенного воздействия на окружающую среду, устойчивое развитие городов, энергоэффективность.*

Keywords: *sustainable development, ecological and economic index, ecological capacity, anthropogenic load, anthropogenic impact on the environment index, sustainable urban development, energy efficiency.*

Каким будет город будущего? – Масштабное использование солнечной энергетики, новые подходы и методы в здравоохранении и образовании, новые технологии искусственного интеллекта, наличие высокоскоростного общественного транспорта и др. Вопросы городского планирования касаются целого ряда аспектов.

Во-первых, это перевод всей инфраструктуры – как общественной, так и частной в значительной степени на ВИЭ (возобновляемые источники энергии). Во-вторых, переход на строительство «зеленых» зданий и сооружений (активных и пассивных («умных») домов) с применением энергосберегающих технологий в строительстве и архитектуре. В-третьих, переход на «чистый» транспорт (общественный и частный) с применением альтернативных видов топлива, гибридных двигателей и электромоторов. В-четвертых, переход на эффективное управление водными ресурсами (очистка воды, многократное использование одной и той же воды с фильтрацией, экономия потребления воды, использование дождевой и талой воды и т.д. и т.п.). В-пятых, эффективная утилизация мусора и отходов производства (повторное использование (рециклирование), производство саморазлагающейся тары, мусоросжигание для получения энергии, дальнейшее использование переработанного сырья из стекла, ПЭТ-бутылок, пластмассы, картона и бумаги, отработанного машинного масла и т.д. и т.п. В-шестых, это новое землеустройство. Новые общественные пространства. Город для пешеходов и велосипедистов, спортсменов и актеров, ученых – инноваторов и инженеров-новаторов. Новые городские лесонасаждение и парки, а также объекты новой креативной индустрии. В-седьмых, это новое земледелие и органическое сельское хозяйство на крышах современных домов, на балконах и на стенах современных домов. Здесь же стоит сказать о новых подходах к биоэкономике и биотехнологиям. В-восьмых, это новые концепции образовательных учреждений, центров отдыха (рекреации) и здоровья (восстановления).

Все эти восемь пунктов городского развития можно представить в виде восьми зубцов большого маховика, сам маховик – это современные высокотехнологичные компании, уже сейчас работающие в цифровой экономике, а двигатель этого маховика – это государственные и общественные институты управления [4].

Достижимо ли это? Давайте рассмотрим на примере регионов и городов Приволжского Федерального Округа (ПФО).

Таблица 1

Эколого-экономический индекс антропогенной нагрузки на территорию и экологической емкости территории (данные 2015 г., расчеты автора) [1]

Территория	Экологическая емкость (ЭЕ)			Антропогенная нагрузка (АН)			ЭЭИ= ЭЕ-АН
	Водообеспеченность	Лесистость	ЭЕ	Воздух	Вода	АН	
ПФО	6	5	11	3	1	4	7
Р. Башкортостан	1	7	8	4	1	5	3
Кировская область	7	9	16	1	2	3	13
Р. Марий Эл	10	9	19	1	1	2	17
Р. Мордовия	10	4	14	2	1	3	11
Нижегородская область	9	7	16	4	2	6	10
Оренбургская область	3	5	8	3	1	4	4
Пензенская область	0	4	4	1	1	2	2
Пермский край	1	8	9	3	2	5	4
Самарская область	9	2	11	7	2	9	2
Саратовская область	9	1	10	2	1	3	7
Р. Татарстан	9	3	12	4	1	5	7
Удмуртская Р.	3	5	8	5	1	6	2
Ульяновская область	9	3	12	4	1	5	7
Чувашская Р.	10	6	16	4	1	5	11

[1] Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 17-02-00773 «Теоретико-методологические основы устойчивого развития регионов России (на примере Поволжья)».

Таблица 2

Индекс IPAT (антропогенного воздействия на окружающую среду) (данные 2015 г., расчеты автора)

Территория	Плотность населения (Р)	Индекс дохода (А)	Технологии (Т) = 100% – Уровень износа основных фондов, % /100	I = P*A*T
ПФО				
Р. Башкортостан	28,5	323,9	0,443	4089,40
Кировская область	10,7	214,1	0,440	1007,98
Р. Марий Эл	29,3	241,7	0,400	2832,72
Р. Мордовия	30,9	231,8	0,420	3008,30
Нижегородская область	42,4	329,2	0,407	5680,94
Оренбургская область	16,1	389,5	0,402	2520,92
Пензенская область	30,9	250,8	0,404	3130,89
Пермский край	16,4	398,2	0,500	3265,24
Самарская область	59,8	387,1	0,398	9213,13
Саратовская область	24,5	249,1	0,406	2477,80
Р. Татарстан	57,3	471,8	0,437	11813,92
Удмуртская Р.	36,1	328,1	0,397	4702,23
Ульяновская область	68,3	240,6	0,399	6556,76
Чувашская Р.	67,4	202,61	0,480	6554,84

Наибольшее значение IPAT получилось у Республики Татарстан (11813,92), а наименьшее значение IPAT у Республики Марий Эл.

Попробуем применить формулу Гелашвили [2] для экологической оценки территории Республики Татарстан.

D (Р.Т.) = 2 * (Ix * Ix min)/ (Ix2 * Ix min2) = 2 * (11813,92 * 1007,98)/ (11832,92*11832,92 + 1007,98*1007,98) = 11908195,0816/ 141034019,4068 = 0,084.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года в Приволжском федеральном округе 198 городов, из них:

- 5 города-миллионера,
- 7 крупнейших (население от 500 тыс. до 1,5 млн. жителей),
- 4 крупных (население от 250 тыс. до 500 тыс. жителей),
- 18 больших (население от 100 тыс. до 250 тыс. жителей),
- 34 средних (население от 50 тыс. до 100 тыс. жителей),
- 130 малых (население менее 50 тыс. жителей).

Таблица 3

Индекс устойчивого развития городов Поволжья
Крупные города (Индекс Устойчивого Развития SGM), данные 2015 г.
Города с численностью населения более 200 тысяч человек [5]

Город ПФО	Численность населения	ИУР	Место в РФ, из 179	Место в ПФО, из 21
Нижний Новгород	1 275 532	0,53	54	9
Казань	1 216 965	0,61	8	2
Самара	1 170 978	0,54	49	8
Уфа	1 121 429	0,57	24	5
Пермь	1 041 876	0,64	5	1
Саратов	843 460	0,49	88	14
Тольятти	712 619	0,484	102	18
Ижевск	643 496	0,55	34	6
Ульяновск	644 383	0,53	60	10
Оренбург	578 014	0,58	19	3
Пенза	524 632	0,482	106	19
Набережные Челны	526 750	0,52	65	11
Киров	523 119	0,52	71	12
Чебоксары	491 306	0,58	22	4
Саранск	337 219	0,52	74	13
Стерлитамак	279 692	0,489	95	16
Йошкар-Ола	276 025	0,490	92	15
Дзержинск	243 439	0,476	114	20
Орск	235 123	0,464	125	21
Нижнекамск	236 294	0,54	41	7
Энгельс	263 271	0,487	98	17

Таблица 4

Зависимость энергоэффективности от бюджетной обеспеченности

Место в ПФО/ РФ	Субъект РФ	Энергоэф-ть в гос-программах	Энергетические декларации	Энергоэффек-ть гор. хоз-в	Энергоэф-ть теплосн. бюдж. сектора	Баллы
Первая группа – регионы с высокой бюджетной обеспеченностью						
1/ 4	Р. Татарстан	10,0	9,3	7,2	7,1	57,4
2/13	Самарская область	3,3	9,9	2,9	4,8	37,1
Вторая группа – регионы со средней бюджетной обеспеченностью						
3/ 18	Удмуртская Р.	10,0	7,7	6,4	2,6	48,9
4/ 23	Р. Башкортостан	8,0	10,0	0,3	3,3	41,7
5/ 28	Ульяновская область	9,0	9,4	2,1	2,4	40,9
6/ 30	Р. Мордовия	10,0	6,8	0,1	1,9	40,3
7/ 34	Пермский край	4,0	6,8	6,3	1,3	38,1
8/ 38	Нижегородская область	8,5	9,2	1,1	3,0	37,2
9/ 46	Саратовская область	1,7	6,5	0,1	2,5	30,4
10/ 47	Оренбургская область	5,0	8,0	0,8	3,0	30,2
Третья группа – регионы с бюджетной обеспеченностью ниже средней						
11/ 59	Р. Марий Эл	10,0	10,0	0,9	1,7	44,8
12/ 60	Чувашская Р.	10,0	9,8	0,8	3,6	44,4
13/ 62	Пензенская область	6,7	9,0	2,0	4,9	43,6
14/ 67	Кировская область	8,0	10,0	1,4	2,3	39,4

(Данные ж. «Эксперт», № 43, 2017. Источник: Минэнерго России) [3]

Самые энергоэффективные регионы Поволжья – это Республика Татарстан и Удмуртская Республика. Это объяснимо с точки зрения бюджетной обеспеченности. Удивляют показатели энергоэффективности трех регионов, находящихся по энергоэффективности соответственно на 3–5 местах в Поволжье, это Республика Марий Эл (3), Чувашская Республика (4) и Пензенская область (5). Эти регионы находятся в третьей группе – регионов с бюджетной эффективностью ниже средней, но они обгоняют более «богатые» регионы по критериям энергоэффективности.

Это позволяет сделать вывод о несостоятельности разговоров о нехватке финансовых ресурсов для перехода на принципы энергоэффективности, а соответственно, и на рельсы устойчивого развития. Многое зависит от желания и умения самих региональных властей заняться модернизацией экономики территории.

Список литературы

1. Бобылев С.Н. Эколого-экономический рейтинг для регионов России // На пути к устойчивому развитию России. 2013. – № 69.
2. Волжский бассейн. Устойчивое развитие: опыт, проблемы, перспективы / Под ред. Г.С. Розенберга. – М.: Институт устойчивого развития Общественной Палаты РФ; Центр экологической политики России, 2011.
3. Эксперт. – М., 2017. – № 43.
4. Никоноров С.М. Эколого-экономические аспекты устойчивого развития (на примере регионов Приволжского Федерального Округа) // Сборник материалов 13-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды». – М., 2015.
5. Рейтинг устойчивого развития – 2015. – М., 2016.

Новикова В.Ф.
д.э.н. профессор, МГПУ
novikova_111@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова*: модернизация, деиндустриализация, реиндустриализация, промышленная политика, типы и виды промышленной политики, регион, экономический потенциал, СВОТ-анализ, модель региональной промышленной политики,*

Keywords*: modernization, deindustrialization, reindustrialization, industrial policy; types, and kinds of industrial policy; region, economic potential, SWOT analysis, model of regional industrial policy.*

Активная промышленная политика может стать необходимым условием для перехода к прогрессивным структурно-технологическим и организационным формам производства и модернизации национальной экономики. Необходимость проведения промышленной политики как системы мер, направленных на развитие национальной экономики, новейших технологий и продуктов с высокой степенью обработки обусловлена следующими причинами.

Во-первых, продолжающимися санкциями со стороны зарубежных стран; во-вторых, усилением процессов кризисности российских регионов, связанных с падением промышленного производства и замедлением темпов роста ВВП и ВРП, в-третьих, сохраняющимися структурными диспропорциями в российской экономике в пользу топливно-сырьевых отраслей в ущерб перерабатывающим, в т.ч. высокотехнологичным, в-четвертых, недостаточно используемым экономическим потенциалом регионов.

Это явилось результатом используемой модели экономического развития, которая образно называется «Вашингтонским консенсусом или курсом либерализации»[1]. Курс этот навязан развивающимся странам, хотя опыт развитых стран, таких как США, Великобритания, Япония свидетельствует о важности осуществления государственной промышленной политики.

Статус центров мировой экономики получают, как показывает мировой опыт, те государства, чей национальный воспроизводственный комплекс ориентирован на развитие внутреннего рынка и способен при любых внешних обстоятельствах обеспечить экономическую и оборонную самодостаточность страны. Опыт США показывает принципиально важную роль государства в становлении новых видов промышленного производства, в осуществлении национальных программ в авиакосмической, биотехнологической, оборонной и информационной сферах. США активно используют в отношении иностранных промышленных производителей защитные меры, которые явно вступают в противоречие с упрощенно понимаемыми принципами свободного предпринимательства и являются частью государственной промышленной политики. По мнению лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица, в США проводится очень сильная промышленная политика, причем до 25% общего объема кредитов направляется на развитие американских предприятий[2].

Отказ от промышленной политики в России привел к тому, что уже начиная с 1993 г. в России спад производства сменился спадом воспроизводства, под которым понимается опережение выбытия жизненно важных элементов основных производственных фондов по отношению к их вводу. Ухудшение возрастной структуры оборудования, как наиболее активной части основного капитала, замедляет процесс его обновления и, конечно, развитие промышленности, отрасли которой традиционно являлись основным источником занятости в стране.

В статье «Мы ничего не производим»[3] подчеркивается состояние деиндустриализации страны и показано, что «производство товаров в России на душу населения в десятки раз ниже, чем в любой развитой стране». Интересно, что статья появилась в 2012 году, а мы не производим ничего уже давно.

К этому добавим, что неоклассическая теория основной сферой признает сферу обращения, т.е. купли-продажи, а не производства. В итоге развитие страны определяет формула Д-Д', приоритетной становится финансовая сфера и финансовые спекуляции, важным признается экономический рост финансовых корпораций.

Дж.М. Кейнс признавал, что вопрос об эффективно функционирующей экономической системе не может быть решен в рамках доктрины «невидимой руки» и писал: «Общество в целом не может создать условия для будущего

[1] В журнале «Эксперт» за 2013 год, № 25 в статье М. Ивантера, А. Механика. М. Рогожкина и В. Фадеева «Консенсус не достигнут» довольно подробно рассказывается о содержании данного курса, который лег в основу Стратегии-2020 в России и практически представляет собой курс на деиндустриализацию страны. Содержание Стратегии можно кратко сформулировать так: ничего не производить, сырье вывозить, а все остальное ввозить.

[2] См.: Государственная промышленная политика развития России: от проблем к действиям / Под ред. Е.М. Примакова, Е.Л. Макарова. – М.: Наука, 2004. – С. 44.

[3] См.: Эксперт. – М., 2012. – № 46. – http://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/

потребления с помощью одних лишь финансовых операций, оно может сделать это только путем расширения физического объема производства»[1].

Поэтому вопрос эффективности национальной экономики даже в условиях рынка заключается в размерах экономического пирога и в возможностях его увеличения, в противном случае невозможно максимизировать общую выгоду для всех, о которой так много пишут теоретики рыночной экономики. Такой экономический курс поставил регионы на грань выживания, разрушив системообразующие отрасли и градообразующие предприятия, разорвав многолетние кооперативные связи.

Отказ от государственной поддержки отраслей перерабатывающей промышленности через методы промышленной политики (отказ от проведения промышленной политики – одно из основных условий Вашингтонского консенсуса) не только снизил возможности повышения эффективности и конкурентоспособности многих предприятий, но и ликвидировал потенциал внутреннего экономического развития. Для либеральной теории рынка используется пассивная промышленная политика, ориентированная на финансовый индикатор народного хозяйства и логике действия «безучастного» государства. Но само понятие «промышленная политика» предполагает, что проведением экономической политики руководит государство, которое исходит из того, что рынки являются инструментами роста и вмешательство в их деятельность вполне логично.

Такая позиция противоречит господствующей экономической теории (main-stream), наиболее явно воплощенной в концепциях международных финансовых организаций (МВФ, МБРР), которые обычно рассматривают промышленную политику как неправомерное вмешательство государства в экономику, искажающее действие рыночных механизмов и препятствующее оптимальному распределению ресурсов.

К принципам проведения промышленной политики, как показывает опыт промышленно развитых стран, следует отнести, во-первых, необходимость активного государственного участия в этом процессе и во-вторых, учет национальных интересов при проведении промышленной политики как на макро-, так и на микроуровне.

Подход с точки зрения теории воспроизводства означает, что промышленная политика представляет собой систему управления факторами промышленного производства в целях повышения его эффективности в текущем периоде и формирования структуры промышленности, способствующей поддержанию расширенного воспроизводства в будущем. Такой подход использовался в социалистическом обществе.

В советский период промышленная политика проводилась очень последовательно, ее можно охарактеризовать как не доведенную до завершения попытку создания планово-хозрасчетного механизма управления, дифференцированного по отраслям с учетом выбора правительством приоритетов их развития[2].

Современные условия развития изменяют отношение к промышленной политике и ее трансформации в мире, приоритетами в ее проведении становятся реиндустриализация, совершенствование национальных инновационных систем, активная политика занятости. На фоне кризиса Вашингтонского консенсуса и усиления провалов рынка пересматривается и уточняется роль государства, разрабатываются новые модели промышленной политики.

Если говорить о приоритетной модели экономического развития, то она связана с главным национальным интересом страны, т.е. с глобальным техническим перевооружением обрабатывающей промышленности, развитие которой определяет позиционирование страны на мировых рынках, проведением активной промышленной политики. Оздоровлению экономики и развитию инноваций может способствовать только реиндустриализация.

Конечно, необходима модернизация экономики, которая по своей сути означает изменение, усовершенствование, однако данные преобразования должны отвечать современным требованиям, которые в соответствии с мировой практикой проходят три стадии: ресурсную, имитационную (или инвестиционную) и наконец, стадию развития на основе национальных нововведений[3].

Наша страна задержалась на первой стадии, подтверждением этому является преобладание отраслей добывающей промышленности в структуре производства. В среднем по РФ соотношение между отраслями добывающей и перерабатывающей (наукоемкой) промышленности составляет 70:30. Оптимальное значение данного показателя – 30:70[4].

Поэтому необходима структурная модернизация экономики, которая соответствует современным требованиям, с внутренним инвестированием в высококвалифицированную рабочую силу, собственные технологии, исследования и разработки; имитацию и улучшение нововведений, создание потенциала абсорбции и адаптации технологий.

Такая модернизация соответствует западноевропейскому типу промышленной политики, которая направлена на постепенное улучшение существующей структуры производства в пользу перерабатывающих отраслей. Но обеспечение воспроизводства промышленного капитала на базе, прежде всего, внутренних источников развития экономики: снижения затрат в процессе производства, структурной перестройки экономики, повышения технического уровня производства, качества товаров и услуг нельзя осуществить без соответствующей государственной и региональной промышленной политики.

Только это позволит провести модернизацию экономики России в соответствии с современными требованиями и после инвестиционной стадии перейти к восточноевропейскому (технологическому) типу промышленной политики и развитию на основе национальных нововведений и так широко рекламируемой сейчас цифровой экономики.

---

[1] Кейнс Дж.М. Избранные произведения. – М., 1993. – С. 306.

[2] Плышевский Б.. О промышленной политике // Экономист. – М., 2004. – № 9. – С. 3–7.

[3] См.: Портер М. Международная конкуренция. – М.: Международные экономические отношения, 1993.

[4] См.: Сухарев О. Новые технологии и промышленная политика: факторы экономического роста // Инвестиции в России. 2006. – № 12. – С. 23.

В настоящее время внедрение инноваций ограничено по причине структурных диспропорций, особенно в регионах, по большей части являющихся кризисными.

Эффективная промышленная политика является основным элементом регионального развития. По оценке некоторых экспертов промышленная политика российских регионов в обозримой перспективе способна увеличить приток частных и государственных инвестиций в регионы в несколько раз, а рост регионального производства довести до 300%[1].

Следует иметь в виду, что реально изменения начинают происходить снизу, на микроуровне и объектом преобразований в данном случае является регион, от активности которого зависит очень многое. Несмотря на наличие высокого экономического потенциала в каждом регионе, включающего в себя природные ресурсы, производственный, финансовый и инвестиционный потенциал, присутствуют низкие показатели уровня и качества жизни населения. Значительное количество российских регионов являются проблемными[2] не по причине отсутствия потенциала, а в связи с его неэффективным использованием или неиспользованием.

Можно полагать, что грамотное использование потенциала и должно быть одной из главных задач региональной промышленной политики, т.к. она является инструментом реализации данного потенциала и должна отвечать государственной политике размещения производительных сил в стране, целям формирования системообразующего производства, инфраструктурного обеспечения и роста благосостояния населения.

Проведение СВОТ-анализа потенциала региона: природно-ресурсного, производственно-технического, трудового, бюджетно-финансового и инвестиционного позволит определить его сильные и слабые стороны, возможности и потенциальные угрозы (см. табл. 1).

Далее определяются возможные инвестиционные источники в соответствии с имитационной стадией, однако не все инвестиции возможно использовать. Целесообразными признаются инвестиции, которые положительно влияют на потенциал региона – восполняющие, поддерживающие, обновляющие и наращивающие экономический потенциал на основе эффективного использования ресурсов.

Таблица 1

Анализ сильных и слабых сторон экономического потенциала аграрного сектора Курганской области

Потенциал	Преимущества (сильные стороны)	Недостатки (угрозы)
Природно-ресурсный	Наличие значительного объема пахотных земель, полная самообеспеченность района продукцией овощеводства, развитое зерновое хозяйство (увеличение валового сбора зерна).	Засушливый регион. Снижение пахотных земель из-за истощения плодородия почв, снижение доли кормовых культур в общей посевной площади, сокращение поголовья скота.
Производственно-технический	Рост объемов производства по ряду сельскохозяйственной продукции, наличие различных каналов сбыта продукции, отмена ввозных таможенных пошлин на технологическое оборудование для животноводства.	Устаревший машинно-тракторный парк, снижение количества единиц уборочной техники, слабо развитая производственная инфраструктура, низкая конкурентоспособность продукции, сокращение доли фермерских хозяйств.
Трудовой потенциал	Рост доли потенциально трудоспособного населения, повышение спроса на квалифицированную рабочую силу, наличие учебных заведений высшего профессионального образования в аграрной сфере.	Высокий уровень безработицы, низкая среднемесячная заработная плата, невысокая квалификация местных кадров, низкие показатели уровня и качества жизни населения, сокращение профподготовки в сельских профтехучилищах и учебных комбинатах.
Бюджетно-финансовый и инвестиционный потенциал	Создание сельскохозяйственных ассоциаций, развитие кооперативов, в т.ч. кредитных, снижение налогообложения средств, направленных на расширение производственной и социальной базы АПК.	Значительное превышение кредиторской задолженности над дебиторской, убыточность ряда предприятий, низкий уровень вложений в область.

Таблица составлена на основе анализа документа «Основные приоритетные направления развития АПК Курганской области до 2030 г.».

С учетом проведенного анализа потенциала региона и перспективного развития основных путей качественного преобразования приоритетных отраслей и инфраструктуры территории разрабатывается концепция управления их экономическим потенциалом на долгосрочный период и на ее основе модель региональной промышленной политики и финансово-инвестиционное обеспечение с учетом тенденции инновационного развития. Методологическое обоснование должно заключаться в формировании фонда накопления для удовлетворения общественных потребностей.

Региональная промышленная политика, выражающая территориальные интересы, должна отвечать следующим необходимым требованиям: 1) иметь системообразующий характер, обеспечивая разумный баланс между высокоэффективными отраслями, создающими наибольшую долю в ВРП и менее эффективными сферами, без которых передо-

[1] Приведена оценка специалистов консалтинговой группы «Роэл Консалтинг», разработавших стратегию развития Краснодарского края до 2020 г.

[2] Проблемные регионы различаются по степени кризисности – кризисные, отсталые, депрессивные, северные, приграничные; по степени финансового обеспечения жизнедеятельности – доноры и реципиенты; по уровню развития – высокий, средний, низкий.

вые отрасли не смогут полностью раскрыть свои возможности; 2) быть инновационной, четко территориальной (кластерной), приоритетной по сравнению с финансовой политикой; 3) направленной на решение триединой задачи: создание нового организационного строения производства, переоснащения мощностей на основе высоких технологий, подготовку и обучение высококвалифицированных работников для работы со сложным автоматическим оборудованием.

С помощью этих инструментов может быть достигнута цель региональной промышленной политики (РПП), которая состоит в повышении качества жизни населения на основе роста производительности труда промышленных предприятий и формирования структуры промышленности, соответствующей не только требованиям инновационного развития, но и региональным интересам.

В настоящее время существуют концептуальные разработки самих регионов, включающие разнообразные программы, принципы формирования и законы о промышленной политике. Региональная промышленная политика должна учитывать тип региона, виды хозяйствующих субъектов, критерии выбора приоритетных отраслей промышленного производства, степень государственного воздействия и др.

Опыт ряда субъектов РФ свидетельствует о разнообразии приоритетов, на которые ориентируются те или иные регионы при проведении промышленной политики. Например, высшим приоритетом областного социально-экономического развития в «Схеме развития и размещения производительных сил Свердловской области до 2018 г.» объявлено повышение благосостояния населения и ускоренное развертывание социальной инфраструктуры в результате существенного прогресса реального сектора экономики. Структурная модернизация промышленности в становлении технологически обновленных металлургического и машиностроительного комплексов становится определяющей.

Экономический потенциал большинства регионов России свидетельствует о возможности реализации промышленной политики на основе создания свободных экономических зон и совместных предприятий с учетом совершенствования федерального законодательства в этой области.

Необходима достоверная оценка ситуации в промышленном производстве с использованием различных аналитических процедур и методов структурного и факторного анализа, а также показателей, не имеющих отражения ни в статистическом, ни в экономическом обороте, в частности производительности труда.

Модель формирования и реализации промышленной политики строится и с учетом диагностики промышленного потенциала предприятий. Регионам необходимо выработать приоритетные программы и проекты промышленного развития, увязанные с целевыми индикаторами регионального промышленного развития, которые должны стать основой проведения промышленной политики региона. Она должна включать рост производительности стратегических хозяйствующих субъектов и повышения на основе этого благосостояния населения.

В процессе реализации проекта, по мере повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, происходит изменение стратегической позиции региона. Разработанные показатели эффективности используются для мониторинга и оценки эффективности происходящих изменений:

Следовательно, для выхода из кризиса и последующего развития следует признать необходимой воспроизводственную модель экономического развития, основанную на использовании потенциала внутреннего накопления промышленного производства, что позволит уйти от приоритета сферы обращения.

Новоселов А.С.
д.э.н., профессор, зав. Отделом регионального и муниципального управления Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
asnov@ieie.nsc.ru
Маршалова А.С.
к.э.н., в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
marnov@ieie.nsc.ru
Волянская Т.В.
ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
vtv@ieie.nsc.ru

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА[1]

***Ключевые слова**: институциональная система, региональное и муниципальное управление, пространственное развитие, стратегическое планирование.*

Анализ современного состояния исследования проблем регионального и муниципального управления позволяет сделать следующие выводы: основные элементы институциональной системы регионов недостаточно исследованы, особенно с точки зрения подготовки к переходу к новой модели регионального управления; системно не проанализированы полномочия органов власти иерархической системы территориального управления; не обоснованы экономические, социальные и финансовые нормативы, которые должны выполнять функции финансово-экономических инструментов, обеспечивающих достижение целей и задач комплексного социально-экономического развития; в исследованиях отдельных звеньев механизма управления экономикой региона отсутствует системность и программно-целевой подход, что необходимо для перехода на новую модель регионального и муниципального управления. В экономической литературе отсутствует целостная научно обоснованная концепция местного самоуправления (прежде всего это касается слабой проработанности механизмов функционирования системы). Недостаточно глубоко исследованы проблемы разделения полномочий между уровнями власти, с учетом экономической и финансовой базы муниципальных образований [1–3].

В то же время следует отметить, что главной особенностью состояния российских исследований по проблеме совершенствования управления является несистемный подход, который выражается в том, что, как правило, исследуются отдельные аспекты системы управления, но при этом практически отсутствуют исследования комплексного характера.

Проведенные исследования показывают, что действующая система управления, ее институты и инструменты управления на протяжении многих лет не в состоянии были обеспечить решение основных задач, определяющих эффективность социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [4–6]. К числу этих задач, прежде всего, относятся формирование спроса на инновационную продукцию, привлечение инвестиций для производства наукоемкой продукции и модернизации традиционных отраслей экономики, пространственное развитие, обеспечивающее эффективное использование ресурсного потенциала регионов и муниципальных образований. Неспособность обеспечить решение этих задач ведет к технологическому отставанию экономики и сохранению гипертрофированной зависимости от развития сырьевого сектора и колебаний спроса и цен на сырье на внешнем рынке [7–10]. Поэтому бесспорной является необходимость изменений в системе управления региональным и муниципальным развитием и формирования таких институциональных структур, которые бы адекватно отражали цели социально-экономического развития региона и его муниципальных образований и были способны обеспечить их реализацию [11].

Отмеченные выше положения определили задачу исследования, которая состояла в том, чтобы выявить те звенья регионального и муниципального управления, в которых происходит нарушение принципов системности и непрерывности, установить причины и предложить способы их устранения. Для решения этой задачи потребовалось выполнить следующее:

– анализ действующей системы регионального и муниципального управления с позиций ее восприятия основных целей экономической политики;

– выявление, обоснование и формулирование проблем, которые нарушают принципы системности и непрерывности управления и не создают стимулов для достижения поставленных целей;

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Проект № 16-02-00157.

– разработку и обоснование подходов по созданию в институциональной системе звеньев, обеспечивающих формирование целостной системы, реализующей логику и стратегию развития региональной экономики;

– разработку механизма и его отдельных инструментов, обеспечивающих достижение стратегических целей развития региональной экономики на основе сочетания государственных, региональных и предпринимательских интересов.

С принятием нового закона о стратегическом планировании в Российской Федерации существенно изменился механизм управления пространственным развитием регионов. В связи с этим необходимо проведение исследований, направленных на создание концепции институциональной системы управления стратегическим развитием экономики региона, включающей цель и задачи формирования новой модели управления, основные факторы ее развития, методологические принципы управления социально-экономическими процессами региона.

Понятие институциональной системы управления требует конкретизации применительно к объекту исследования. Институциональная система государственного, регионального и муниципального управления представляет собой совокупность законодательно-правовых норм и организационных структур, определяющих контуры среды принятия управленческих решений, которые обеспечивают развитие экономики и социальной сферы Российской Федерации и ее регионов.

В процессе разработки концепции необходимо проведение структуризации институциональных элементов нового механизма управления экономикой, включающих методы анализа процессов социально-экономического развития региона, оценку конкурентных позиций в целях совершенствования регионального и муниципального управления, прогнозирование социально-экономических процессов в регионах различного типа, информационное обеспечение и систему показателей для комплексного исследования социально-экономических процессов региона, организационные структуры управления экономикой регионов и муниципальных организаций.

Основой новой концепции институциональной системы управления стратегическим развитием экономики региона является формирование институциональной среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности регионов, городов и районов, что позволит создать необходимые условия для роста финансового потенциала и устойчивого развития регионов и муниципальных образований. Поскольку система управления региональным развитием представляет собой совокупность трех взаимосвязанных подсистем – институциональные структуры, планово-прогнозные документы, определяющие цели и стратегические направления развития, и инструменты воздействия на социально-экономическую систему, – ее эффективность будет зависеть от взаимосвязанности этих подсистем, их взаимной непротиворечивости и способности обеспечить сочетание интересов всех взаимодействующих участников регионального воспроизводственного процесса. Безусловно, важнейшими институциональными структурами являются законодательные и исполнительные органы власти федерального, регионального и муниципального уровня. В структуре институциональной системы управления экономикой региона выделяется ряд функциональных подсистем, обеспечивающих антимонопольное, денежно-кредитное, налоговое, валютно-финансовое, инвестиционное, экологическое и контрольно-нормативное регулирование.

Институциональная система управления экономикой региона включает различные формы и методы воздействия на внешнюю среду функционирования бизнеса, которая определяет правила поведения экономических субъектов и устанавливает определенные параметры, в рамках которых обеспечивается согласование интересов частного бизнеса и общества в целом.

В целях исследования структуры институциональной системы управления экономикой региона и ее воздействие на функционирование субъектов региональной экономики, было признано целесообразным все субъекты сгруппировать в следующие подсистемы: предприятия и организации различных форм собственности, региональные органы управления, федеральные органы управления и государственного регулирования. При этом следует отметить, что рыночные отношения не являются единственно возможным средством регулирования взаимоотношений субъектов в региональной экономике. Деятельность субъектов в новых условиях регулируется системой экономических, административных и правовых норм.

Проведенное исследование показало, что на практике региональные институты управления осуществляют регулирование потоков финансово-бюджетных ресурсов, формирование источников долгосрочного и краткосрочного кредитования в целях создания условий для нормального инвестиционного процесса, производства и реализации продукции в соответствии с региональными и производственными особенностями предприятий, оказывают экономическое воздействие на обращение наличных и безналичных денежных ресурсов региона. Располагая методами экономического регулирования (налоги, цены, тарифы, плата за региональные ресурсы, выпуск региональных ценных бумаг и др.), а также возможностями межотраслевого перераспределения финансовых ресурсов, региональные органы могут создавать благоприятные условия для взаимодействия хозяйствующих субъектов и развития инфраструктуры региона.

Анализ современных проблем, возникающих в процессе реформирования регионального и муниципального управления, позволяет сформулировать основные направления формирования новой институциональной системы государственного управления экономикой региона: приближение показателей качества регионального управления к уровню развитых стран, соблюдение стандартов государственных услуг, повышение эффективности закупок для государственных нужд, снижение затрат субъектов региональной экономики на получение государственных услуг, повышение уровня удовлетворенности потребителей качеством и доступностью государственных услуг, снижение издержек бизнеса, связанных с избыточным государственным регулированием, снижение коррупционных потерь в экономике, повышение измеряемого уровня доверия населения к государству.

Конечными результатами формирования новой институциональной системы регионального управления являются повышение конкурентоспособности экономики региона, улучшение инвестиционного климата, рост каче-

ства жизни, повышение управляемости на региональном и муниципальном уровне, рост эффективности бюджетных расходов, консолидация регионального сообщества.

Российский опыт последних десяти лет наглядно показывает, что для достижения целей эффективного регионального управления недостаточно их сформулировать, обеспечить правовую базу и разработать план действий. Для того чтобы добиться существенных общественно-значимых результатов, необходимо внедрение институциональной системы управления по результатам, которая увязывает цели, мероприятия, а также ресурсы, необходимые для достижения целей управления. Эта система использует механизм проектного управления, применение которого позволяет осуществлять контроль не только на стадии принятия решений, но и на стадии их исполнения. В его отсутствие значительно затрудняется достижение намеченных результатов как на региональном, так и на муниципальном уровне управления. Внедрение этого механизма в равной мере важно и для формирования новой институциональной системы управления в целом, и для решения многих других задач, связанных с осуществлением структурных преобразований в экономике. Работа по его практическому применению должна осуществляться в тесной увязке с внедрением механизма целеполагания и бюджетирования по результатам.

Важным направлением формирования новой институциональной системы управления является определение необходимых и устранение избыточных функций управления, а также поддержание оптимального состава функций, направленное на устранение неэффективного государственного вмешательства в экономику. В целях упразднения полномочий и функций региональных институтов управления, признанных избыточными, следует разработать и принять изменения в действующем законодательстве.

Должны быть упразднены функции, не имеющие под собой достаточных правовых оснований и препятствующие реализации прав населения, либо возлагающие дополнительные обязанности на хозяйствующие субъекты. В результате возможно упразднение ряда государственных функций, сокращение масштаба их исполнения, передача ряда функций государственного управления рыночным институтам, передача функций регионального управления на муниципальный уровень власти. Это позволит сократить неэффективное вмешательство государства в экономику, уменьшить трансакционные издержки субъектов региональной экономики, а также сфокусировать работу институтов власти субъектов Федерации на решении задач, необходимых региональному сообществу и государству.

Наряду с упразднением избыточных функций целесообразно введение новых функций, способных эффективно решать задачи институциональной системы управления социально-экономическим развитием региона, а также модернизация и совершенствование администрирования необходимых функций регионального управления. Этот процесс также потребует внесения изменений в нормативно-правовую базу и проведения организационных мероприятий.

Для предотвращения появления новых избыточных функций важно законодательно закрепить процедуру доказательства целесообразности введения мер государственного регулирования предпринимательской деятельности на региональном и муниципальном уровне. До введения новой регулирующей функции следует обосновать, что достижение цели невозможно рыночными методами или саморегулированием, а совокупные потери для субъектов региональной экономики будут значительно меньше, чем эффект. Введение процедуры доказательства целесообразности новых мер государственного регулирования позволит сократить число вновь принимаемых избыточных функций и уменьшить совокупные издержки предприятий на ведение бизнеса, повысив тем самым их конкурентоспособность.

Развитие институтов и механизмов саморегулирования процессов социально-экономического развития региона также позволит повысить эффективность регулирования видов деятельности. Такие институты саморегулирования, как страхование ответственности, участие в компенсационном фонде могут обеспечить более эффективную защиту прав потребителей, чем такие государственные методы, как лицензирование. В результате станет возможным развитие эффективных институтов саморегулирования, которым может быть передана часть функций, исполняемых сейчас государственными и муниципальными органами управления.

Таким образом, в результате построения новой институциональной системы регионального управления станет возможным принимать решения, которые реальны с точки зрения наличия соответствующих финансово-экономических возможностей региона, заинтересовывать бизнес-структуры, расположенные в регионе, в решении общерегиональных задач по усилению конкурентных позиций региона, наращиванию его финансово-экономического потенциала, не прибегая к административным действиям, а создавая для бизнеса условия, обеспечивающие экономическую целесообразность и выгодность участия в решении региональных проблем, а также станет возможным концентрировать деятельность на развитии перспективных экономических кластеров, на решении межотраслевых, пограничных вопросов, которые важны для каждого отдельного производства, расположенного на территории региона, но могут быть решены лишь на основе межотраслевого взаимодействия.

Ожидаемые результаты исследования институциональной системы регионального и муниципального управления имеют большую научную значимость, поскольку будут способствовать разработке новых методологических подходов к управлению экономикой регионов и городов, включающих развитие идеи воспроизводственного подхода к управлению регионом в рыночных условиях, моделирования процессов взаимодействия элементов нового механизма управления социально-экономическим развитием региона, формирования единой системы планово-прогнозных документов регионального развития, обоснования набора инструментов государственного регулирования рыночных процессов на региональном уровне. Практическая значимость результатов состоит в том, что они послужат основой для выработки предложений федеральным и региональным органам власти по совершенствованию нормативно-правовой базы регионального управления, местного самоуправления и разработке программ, затрагивающих интересы регионального управления и местного самоуправления.

Список литературы

1. Вебер Ш., Давыдов Д.В., Савватеев А.В. Институты принятия решений // Вопросы экономики. – М., 2017. – № 6. – С. 45–57.
2. Минакир П.А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная экономика. 2016. – № 4–5 (48). – С. 7–12.
3. Швецов А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная экономика. 2015. – № 1. – С. 38–61.
4. Клименко А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. – № 1. – С. 8–51.
5. Санковец Н.А. О зарубежном опыте государственного управления региональным развитием. – http://economicarggu.ru/2009_2/sankovec.pdf
6. Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. – Новосибирск, 2013.
7. Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. – № 56. – С. 5–39.
8. Ивантер В.В. и др. Восстановление экономического роста в России. Научный доклад / Отв. ред. Ивантер В.В. – М., 2016.
9. Кулешов В.В. Современные вызовы социально-экономическому развитию России // ЭКО. 2014. – № 12. – С. 5–14.
10. Угрозы и защищённость экономики России: опыт оценки / Отв. ред. С.В. Казанцев, В.В. Карпов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 279 с.
11. Маршалова А.С., Новосёлов А.С., Волянская Т.В. Концепция регионального управления на этапе поиска эффективной модели экономического развития России // Современные технологии управления. 2016. – № 8 (68). – http://sovman.ru/article/6802/

Носов А.Л.[1]

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПОТРЕБНОСТИ РЕГИОНА В ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ

Ключевые слова*: логистическая инфраструктура, логистические центры, система показателей, синергетический эффект.*

Keywords*: logistic infrastructure, logistics centers, system of indicators, synergetic effect.*

Логистическая инфраструктура

Логистическая инфраструктура – *это система объектов и норм, обеспечивающих жизнедеятельность и взаимодействие субъектов экономики региона*[2]. Рыночная экономика не будет развиваться там, где отсутствует логистическая инфраструктура. Исследования показывают, что наблюдается тенденция усиления роли инфраструктуры в экономическом развитии.

Логистическая инфраструктура – это комплексная инженерно-экономическая система, во всех звеньях которой на основе эффективного использования транспортных средств, перегрузочного и складского оборудования, а также информационных технологий обеспечивается максимально возможная скоростная сохранная доставка груза от грузоотправителя грузополучателю. Это самодостаточная структура, состоящая из взаимодействующих и взаимосвязанных элементов, которая существует относительно самостоятельно и устойчиво, постоянно развивается и совершенствуется в зависимости от взаимодействия с окружающей средой[3].

Формирование логистической инфраструктуры региона по принципу транспортно-распределительной системы предполагает развитие дорожной сети и сопутствующего сервиса, создание информационной инфраструктуры логистики региона, подготовку специалистов в области логистики, согласование проектов на межрегиональном уровне.

Основной объем добавочной стоимости в региональной логистике образуется за счет работы региональной транспортной системы. Формирование логистической инфраструктуры и ее развитие осуществляется поэтапно[4]. На первом этапе производится анализ результатов работы транспорта на основе сопоставления объемов грузопотоков, определяется уровень развития и направления совершенствования логистической инфраструктуры.

На втором этапе с учетом географического расположения региона дается обоснование важнейших стратегических проектов развития логистической инфраструктуры. Обосновываются места расположения региональных транспортно-распределительных центров логистики в наиболее напряженных транспортных узлах региона.

На третьем этапе на основе анализа предложенных вариантов выбираются основные концептуальные направления и проекты программы развития региональной логистики. Для этого вводятся и определяются показатели финансовой, региональной, социальной эффективности входящих в стратегию развития проектов, дается оценка их инвестиционной состоятельности и производится выбор наиболее эффективных в сложившихся условиях проектов.

Развитие региональной логистики – длительный и фондоемкий процесс. Его решение возможно при объединении усилий местных и федеральных источников при участии всех заинтересованных лиц. Однако стратегическая инициатива должна исходить от правительства региона, которое формирует стратегию развития региона с учетом требований логистики.

К развитию инфраструктуры, как основы экономики и логистики, необходимо подходить системно с позиции глубокого анализа современного состояния и прогнозирования будущих процессов. Точечные решения здесь малоэффективны, хотя привлекательны в инвестиционном плане. Проблема лежит не только в дорогах и логистических центрах, а в условиях согласованного функционирования всего транспортного комплекса[5], законодательства, финансового обеспечения, страхования, решения таможенных вопросов, становления отраслей логистического сервиса и т.д.

Одним из важнейших компонентов региональной логистики является система профессионального образования, в которой логистика играет роль как предмета изучения, так и методологического принципа образовательного процесса[6].

---

[1] Носов Александр Леонидович – д.э.н., к.т.н., профессор кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии, г. Киров. E-mail: logistic_vgu@mail.ru

[2] Носов А.Л. Подходы к исследованию каналов товародвижения в региональной логистике // Логистика сегодня. 2009. – № 1. – С. 16–21.

[3] Дмитриев А.В. Логистическая инфраструктура: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 65 с.

[4] Носов А.Л. Основные направления развития региональной логистики // Логистика сегодня. 2006. – № 4. – С. 216–218.

[5] Прокофьева Т.А., Сергеев В.И. Логистические центры в транспортной системе России: учебное пособие. – М.: ИД «Экономическая газета», 2012. – 524 с.

[6] Носов А.Л. Место логистики в среде профессионального образования // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2013. – Т. 11. – С. 56–63.

Современные информационные технологии позволяют интегрировать образовательные и проектные процессы в логистике[1].

Для исследования инфраструктуры региона рассматривается динамика изменения основных индикаторов по открытым данным статистической информации. Степень развитости региональной логистики с точки зрения экономических показателей оценивается по значениям коэффициентов открытости, характеризующих соотношения входных, выходных и внутренних материальных потоков региона.

Система показателей состояния логистики региона формируется на основании ключевых индикаторов, поддающихся практическим измерениям и отражающим происходящие процессы[2]. Используемая нами система приведена в табл. 1.

Таблица 1

Система показателей состояния региональной логистики

Обозначение	Показатель
L	средняя протяженность цепей поставок
N	общее число участников цепей поставок
I	интенсивность внешних материальных потоков
P	интенсивность собственных материальных потоков
O	выходной поток
I + P – O	внутреннее потребление региона
T	мощность транзитного потока
R	плотность дорожной сети
D	плотность центров, предоставляющих логистический сервис
K	коэффициент покрытия дорог средствами связи
C	региональная доля логистических издержек в стоимости товара
Q	уровень качества логистического сервиса
Z	коэффициент звенности цепей поставок

Оценка требуемой логистической инфраструктуры

Предлагаемая методика оценки потребности региона или города в логистических центрах исходит из учета численности населения ***POC (population of the city)***, среднегодового дохода на одного жителя *API (average person's income)*, объемной стоимости потребляемых товаров (т. руб./м^3) *COG (cost of goods)*.

На основании этого определяется объем товаров по спросу региона в тыс. м^3. *VOG (volume of goods on demand).*

$$VOG = POC * API / COG$$

В качестве констант задаются средняя вместимость транспортной единицы *UTC (unit transport capacity)*, число рабочих дней в году *WDY (working days per year)*, дневной грузооборот логистического центра *DTL (daily turnover of the LC)*, коэффициент неравномерности поставок *CUS (coefficient of uneven supply)*.

Транспортный поток автомобилей в год, (тыс. ед.) *TSY (transport stream in the year)* определяется делением годового объема товаров по спросу города *VOG* на среднюю вместимость транспортной единицы *UTC.*

$$TSY = VOG / UTC$$

Дневной транспортный поток *TSD (transport stream in the day)* определяется делением *TSY* на число рабочих дней в году *WDY.*

Требуемое количество логистических центров *RAL (required amount of LC)* определяется делением дневного грузооборота города (м^3) *DTC (daily turnover of the city)*, с учетом коэффициента неравномерности поставок *CUS*, на суточную производительность логистического центра (м^3) *DTL*.

$$RAL = DTC * CUS / DTL$$

Пример расчета потребности в логистических центрах *RAL* города с населением *POC*= 500 тыс. чел. с уровнем дохода 25 тыс. руб. в месяц приведен в табл. 2.

Приведенный пример показывает, что на основании небольшого количества доступных данных можно легко определить требуемое количество логистических центров для обеспечения населения города или региона товарами. Так для города с населением 500 тысяч человек необходимо 12 логистических центров с возможностью обрабатывать 2000 м^{3}грузов в сутки. Это соответствует транспортному потоку в 40 транспортных единиц в сутки на один логистический центр.

Укрупнение логистических центров создает дополнительную нагрузку на транспортную инфраструктуру региона в местах их размещения. Возможно выборочное укрупнение или разъединение логистических центров в местах с особой транспортной ситуацией.

Дальнейшая задача планирования логистической инфраструктуры заключается в локализации каждого логистического центра с учетом пропускной возможности дорог и планировки местности.

[1] Носов А.Л. Проблемы информатизации системы образования в постиндустриальном обществе // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. – № 1. – С. 1–5.

[2] Носов А.Л. Сбалансированная система показателей в управлении логистическими процессами и системами // Логистика сегодня. 2007. – № 1. – С. 20–23.

Таблица 2

Пример расчета потребности города в логистических центрах

Обозначение	Показатель
POC	Численность населения города, т. чел. (500)
API	Среднегодовой доход 1 жителя, т. руб. (25х12=300)
COG	Удельная стоимость потребляемых товаров, т. руб./м^3. (30)
VOG	Объем товаров по спросу, тыс. м^3. (500х300/30=5000)
UTC	Средняя вместимость единицы транспорта, м^3. (50)
TSY	Транспортный поток в год, т. ед. (5000/50=100)
WDY	Число рабочих дней, дн. (250)
TSD	Транспортный поток в день, ед. (100000/250=400)
DTC	Дневной грузооборот города, м^3. (400х50=20000)
CUS	Коэффициент неравномерности поставок (1,25)
DTL	Дневной грузооборот логистического центра, м^3. (2000)
RAL	Требуемое количество ЛЦ. (20000х1,25/2000=12)

Синергетический эффект инфраструктуры региональной логистики

Эффект синергетического взаимодействия экономических субъектов объясняется различными механизмами[1], из которых можно отметить следующие:

1) **Сложение когерентных действий при выполнении бизнес-процессов.** Синергетический эффект возникает из-за наличия у субъектов уникальных ресурсов и ключевых компетенций.

2) **Отбор лучшей альтернативы.** Субъект, обладающий лучшей конкурентоспособностью и компетенциями с наибольшей вероятностью становится соисполнителем.

3) **Кумулятивный эффект**. Накопление результатов взаимодействия на каждом промежуточном этапе, усиливаемых положительной обратной связью.

4) **Экономический резонанс**. Нелинейный рост амплитуды основных экономических параметров системы при циклическом характере функционирования элементов интегрированной бизнес-структуры.

Синергетическое взаимодействие субъектов высвобождает усилия, направленные на противодействие конкурентам, превращая их в аддитивную составляющую результата. Арифметически можно представить, что отрицательные слагаемые изменяют свой знак на положительный.

Так в конкурентной среде общие результативные усилия субъектов, дающие добавленную стоимость, можно представить

$$\mathbf{Э^к = x_1 + (-x_1^к) + x_2 + (-x_2^к) + \ldots,}$$

где $x_1, x_2, \ldots$ – усилия субъектов, направленные на прямой результат,

$x_1^к, x_2^к, \ldots$ – усилия субъектов, направленные на противодействие конкурентам, отвлекаемые от получения добавленной стоимости,

$Э^к$ – общие результативные усилия субъектов в условиях конкуренции,

В интегрированной на уровне региональной логистики среде все усилия субъектов становятся направленными на получение добавленной стоимости, без отвлечения их на противодействие конкурентам, поскольку последние превращаются в партнеров по достижению общего экономического результата.

$$\mathbf{Э^с = x_1 + x_1^к + x_2 + x_2^к + \ldots,}$$

где $Э^с$ – общие результативные усилия субъектов в условиях синергетического взаимодействия.

Синергетический эффект равен разности $Э^с$ и $Э^к$:

$$\mathbf{Э^с – Э^к = x_1 + x_1^к + x_2 + x_2^к + \ldots – (x_1 + (-x_1^к) + x_2 + (-x_2^к) + \ldots) = 2(x_1^к + x_2^к + \ldots),}$$

т.е. **общие результативные усилия субъектов в условиях синергетического взаимодействия увеличиваются на удвоенную сумму усилий, направленных ранее на противодействие друг другу.**

Таким образом, чем большее противодействие других субъектов приходится преодолевать в условиях конкуренции, тем больший синергетический эффект может быть получен при взаимодействии.

[1] Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М.: Мир, 1985. – 423 с.; Lovenzoni G. Creating a Strategic Center to Manage a Web of Partners / G. Lovenzoni, Ch. Baden-Fuller // California Management Review. 1995. – Vol. 37, N 3. – P. 146–161.

Нурланова Н.К.
д.э.н., профессор, заместитель директора Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА НА ОСНОВЕ SMART СПЕЦИАЛИЗАЦИИ: СЦЕНАРИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова*: экономика, регионы, технологическая модернизация, smart специализация, инновационное развитие, «точки роста», сценарии развития, механизмы.*

Keywords*: economy, regions, technological modernization, smart specialization, innovative development, «growth points», development scenarios, mechanisms.*

В условиях новых мегатрендов четвертой промышленной революции возрастает интерес к выбору направлений и механизмов модернизации экономики, управления территорией страны. Устойчивое развитие территории страны все в большей степени зависит от использования внутренних специфических факторов, способствующих структурной диверсификации региональной экономики, осуществлению технологической модернизации и активному внедрению различных нововведений и инноваций.

Как известно, казахстанские регионы разнородны не только по природно-климатическим условиям и наличию сырьевых ресурсов, но и по своему экономическому потенциалу, качеству человеческого капитала и инвестиций, уровню креативности и инновационного развития, соответственно в каждом типе регионов существуют различные предпосылки, возможности и разные методы совершенствования структуры экономики, создания новых отраслей и быстрого освоения новых технологий. Кроме того, в Казахстане имеются отсталые (депрессивные) регионы, что приводит к усилению поляризации экономического пространства.

Для оценки процессов пространственной дифференциации экономического развития регионов Казахстана были рассчитаны коэффициенты размаха как отношение выбранного показателя по региону, в котором достигнуто его максимальное значение, к аналогичному показателю по региону, имеющему минимальное значение данного показателя. Наиболее наглядно данные процессы характеризует динамика и дифференциация таких показателей, как валовой региональный продукт (ВРП), ВРП на душу населения, объемы производства промышленности и сельского хозяйства, а также инвестиции в основной капитал (таблица 1).

Таблица 1

Динамика коэффициентов размаха экономического развития регионов Казахстана[1]

Коэффициенты размаха	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
по ВРП	7,1	7,4	8,8	9,5
по ВРП на душу населения	10,6	11,0	12,6	8,0
по объему производства промышленной продукции	21,3	28,7	36,6	20,6
по объему валовой продукции сельского хозяйства	95,5	44,2	49,2	48,7
по объему инвестиций в основной капитал	51,0	32,1	21,5	9,6

Анализ коэффициентов размаха показывает, что наибольший разрыв в уровне развития экономики регионов сложился по объемам производства промышленности и сельского хозяйства, то есть по основным показателям, характеризующим масштабы производства в реальном секторе регионов страны. Это объясняется ярко выраженной аграрно-промышленной специализацией ряда регионов Казахстана: Алматинская, Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская.

Исходя из анализа уровня и динамики пространственной дифференциации экономического развития регионов страны можно сделать ряд выводов:

– выявленные тенденции соответствуют общему представлению и подтверждают гипотезу о неравномерном типе регионального развития экономики в Казахстане;

– высокая межрегиональная экономическая дифференциация в области промышленного производства свидетельствует об отсутствии позитивных сдвигов в структуре региональной экономики;

– углубление неравномерности развития экономического пространства говорит о сохранении депрессивных регионов и появлении новых проблемных территорий и населенных пунктов;

[1] Рассчитано по данным источников: Комитет по статистике МНЭ РК. – http://stat.gov.kz; http://gis.damu.kz/economyindexes.aspx?indexid=100; Регионы Казахстана в 2015 году. Статистический ежегодник. / Гл. ред. Айдапкелов Н.С. – Астана: Комитет по статистике МНЭ РК, 2016. – 456 с.

– сохраняющиеся значительные масштабы пространственных диспропорций в экономическом развитии регионов страны являются свидетельством формирования новой градации регионов.

Так, в Казахстане можно выделить следующие группы регионов:

– сырьевые регионы (Атырауская, Актюбинская, Западно-Казахстанская, Мангистауская и Кызылординская области);

– старопромышленные регионы (Восточно-Казахстанская, Карагандинская и Павлодарская области);

– аграрно-промышленные регионы (Северо-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Алматинская, Жамбылская и Южно-Казахстанская области);

– постиндустриальные регионы (г. Астана и г. Алматы)[1].

Таким образом, за анализируемые годы *сложилась новая иерархия регионов.* Если раньше экономический профиль Казахстана определяли индустриальные регионы, то теперь доминируют регионы добычи топлива на экспорт, а также регионы с сервисной специализацией и отдельными очагами инновационной экономики (гг. Астана и Алматы). При этом могут быть выделены такие основные проблемы регионов Казахстана, замедляющие их технологическое развитие и осуществление «умной» специализации (англ. smart specialization) в структуре экономики:

Во-первых, сложность реализации структурных преобразований в экономике регионов вследствие преобладания «фрагментарного» развития институциональной среды.

Во-вторых, замедление процесса перехода к новым технологиям V-VI технологических укладов.

В-третьих, слабая реализация новых форм взаимодействия региональной власти с экономическими агентами системы «наука – образование – производство» как двигателя создания новых отраслей и производств, основанных на знаниях.

Проблемы регионов Казахстана во многом обусловлены недостаточно эффективной политикой пространственного развития, которая слабо стимулирует технологическую модернизацию регионов Казахстана, разработку и внедрение инноваций, рациональное энергоэффективное использование имеющихся ресурсов экономического роста и развитие инфраструктуры. Поэтому в Казахстане необходимо решение ряда принципиальных задач по преодолению сырьевой доминанты экономического развития и сложившейся практики отторжения инноваций реальным сектором, приданию национальной экономике индустриально-инновационного вектора развития.

Мировая практика свидетельствует, что инновационный рост будет эффективнее в тех регионах, в которых он основан на принципе smart специализации, то есть выявлении и развитии уникальных инновационных отраслей региона. Эффективной становится региональная политика, основанная на таком подходе, который предполагает использование концепции поиска возможных «точек роста»[2]. Данная концепция разрабатывалась первоначально для отраслевого подхода к организации экономического пространства, т.е. в ее основу ставился тезис о том, что ведущие отрасли способны распространить свой потенциал и на отсталые регионы. В дальнейшем данная концепция получила свое распространение и в других аспектах, например, в рамках изучения эффектов городских агломераций, в рамках теории пространственной диффузии нововведений, в которой отмечалось, что любое развитие, зарождающееся в центре, затем распространяется на периферию[3].

Для того чтобы определить пути вовлечения отстающих в экономическом развитии казахстанских регионов в процесс ускоренной технологической модернизации, а вместе с тем содействовать развитию прочных экономических связей между регионами, особую важность приобретает разработка перспективных направлений структурных преобразований на основе smart специализации с выделением возможных «точек роста».

Другими словами, технологическую модернизацию национальной экономики целесообразно начинать с поиска возможных «точек роста», которые могут сыграть роль трансляторов инноваций на широкую периферию страны, т.е. будут развиваться не автономно, а дадут импульс развитию всей территории, на которой они расположены.

Рассмотрим стратегические направления, ориентированные на технологическую модернизацию экономического пространства Казахстана на принципах smart специализации.

1) *Первое направление* – это *стимулирование инновационного предпринимательства* путем формирования в экономике регионов вновь развивающихся отраслей по принципу smart специализации. В литературе отмечается, что существует связь между инновационным развитием и предпринимательством, т.к. предприниматели, склонные к инновациям, создают новые рынки продукции и услуг[4]. При этом предпринимательская активность существенно варьирует по регионам на протяжении многих лет[5], что требует стимулирования предпринимательской активности в отношении внедрения инноваций. В то же время, при использовании зарубежной практики в Казахстане необходимо учитывать тот факт, что положительное влияние предпринимательства на региональный рост за рубежом проявляется лишь через 5–8 лет после повышения деловой активности.

---

[1] Политика пространственного развития экономики Казахстана: новые принципы, ключевые приоритеты и механизмы реализации / Коллективная монография / Под ред. А.А. Сатыбалдина, Н.К. Нурлановой. – Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2017. – С. 186.

[2] Перру Ф. Экономическое пространство: теория и практика // Пространственная экономика. 2007. – № 3. – С.17-25; Boudeville J. Problem of regional economic planning. – Edinburg, 1966. – P. 11–112.

[3] Формальная модель теории центральных мест В. Кристаллера. – http://rudocs.exdat.com/docs/index-69557. html?page=7; Модели в географии / Под ред. П. Хаггета, Дж. Чорли. – М.: Прогресс, 2001.

[4] Fritsch M., Mueller P. Effects of new business formation on regional development over time // Regional Studies. 2004. – Vol. 38, N 8. – P. 961–975.

[5] Schott T., Sedaghat M. Innovation embedded in entrepreneurs' networks and national educational systems: A global study // Small Business Economics. 2014. –Vol. 43, N 2. – P. 463–476.

2) Второе направление – *стимулирование предпринимательской активности в отношении формирования и интенсификации сетевых взаимодействий на основе концепции «четверной спирали»* (на англ. quadruple helix model). Ключевыми моментами «четверной спирали» являются предпринимательская активность и развитие через взаимодействие независимых субъектов инновационного процесса (бизнес – государство – наука – гражданское общество) в рамках открытых инновационных систем.

Концепция «четверной спирали» используется в качестве методологического обоснования для разработки стратегий и программ инновационного развития для европейских стран. В частности, она включена в качестве центрального элемента в концепцию «умной специализации», ставшей основанием для разработки Стратегии инновационного развития Европейского Союза (ЕС) 2020 – RIS3, которая является и частью его единой промышленной и региональной политики[1].

Концепция «четвертной спирали» может быть применима к территориям, отстающим в инновационном развитии, исчерпавшим потенциальные возможности, а также плохо вписывающимся в глобальные рынки и систему межрегионального сотрудничества. С этих позиций перспективными для развития казахстанской экономики являются не только производственные и инфраструктурные сети, но и информационные и коммуникационные сети, активизация развития которых будет способствовать переходу на инновационный путь развития. Развитие экономики казахстанских регионов по принципу smart специализации позволит прирастить приток прямых инвестиций, которые привнесут в регионы, не только финансовые ресурсы и новые технологии, но и интеллектуальные и креативные ресурсы, а также всемирно известные бренды.

3) *Третье направление* – это *активизация человеческого капитала* на территории регионов путем наращивания его объемов, повышения качества и совершенствования структуры. Высокое качество человеческого капитала – один из немногих факторов, позволяющих отдельным странам и регионам занимать относительно высокие позиции в международных рейтингах инновационного развития.

В Казахстане эффективность человеческого капитала с точки зрения создания новых знаний ниже, чем в развитых странах. Это связано с низким уровнем государственного и частного финансирования научно-исследовательского сектора (фундаментальных и прикладных проектов). Доля затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в валовом внутреннем продукте (ВВП) за последние четверть века снизилась с 0,8 до 0,17%, численность занятых в этой сфере за тот же период сократилась более чем в 2,5 раза. Соответствующие негативные тенденции происходили в большинстве регионов Казахстана. В результате происходит «утечка мозгов», получившая новый толчок в связи с девальвацией национальной валюты в 2015 г. В рамках концепции «четверной спирали» университеты и НИИ выступают как отдельные субъекты стимулирования инновационной деятельности, выполняя функции создания новых знаний и технологий. Для реализации модели «четверной спирали» в регионах Казахстана по опыту зарубежных стран целесообразно создание предпринимательских университетов и взаимодействие с НИИ, способными выполнять фундаментальные и прикладные научно-исследовательские проекты, на основе которых будут создаваться малые инновационные компании[2]. Университет путем взаимодействия с НИИ постепенно будет создавать предпринимательскую среду, становясь ядром региональных инноваций.

4) *Четвертое направление – определение smart специализации регионов страны* с выделением возможных «точек роста».

Следует отметить, что в Казахстане преобладают процессы не генерирования собственных инноваций, а освоения тех, что присутствуют на мировых рынках, причем в большинстве случаев путем простого их переноса без какой-либо адаптации. Кроме того, в целом производство развивается за счет поставок необходимого оборудования, полуфабрикатов, комплектующих из-за пределов страны. Пространственно-технологические цепочки чаще всего замыкаются внутри одного региона, иногда охватывают несколько регионов. Следовательно, «трансляция» инновационных импульсов по территории страны не будет иметь сильную основу в виде возможного спроса на продукцию новых производств.

Поэтому на нынешнем этапе развития национальной экономики формирование «точек» роста возможно не по инновационному сценарию, а за счет других факторов: выгодного географического положения (приграничного, например), обладания ресурсами, востребованными на мировых рынках, сосредоточения человеческих ресурсов более высокой квалификации, обеспеченности инфраструктурой. На использовании этих факторов строится превосходство в экономическом развитии, имеющееся в Казахстане у ряда регионов. В результате можно говорить об уже сложившихся центрах роста. В первую очередь, это главные города Казахстана – Астана и Алматы, использующие преимущество своего «столичного» статуса, что позволяет концентрировать значительные финансовые средства, трудовые ресурсы более высокого качества, притягивать инвестиции и население.

Далее, это сырьевые регионы (прежде всего Атырауская, Мангистауская и Актюбинская области), рост которых связан с интенсивной добычей нефтегазовых ресурсов и поставками их на экспорт. Эти регионы обладают сравнительно высокой инвестиционной привлекательностью. Однако их рост носит не совсем устойчивый характер, поскольку напрямую зависит от подверженной изменениям конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

Однако поскольку экономический рост регионов-лидеров мало способствует развитию других территорий страны, то процессы «диффузии роста» можно отнести к вялотекущим. Это происходит вследствие того, что еще сла-

[1] Europe 2020: a strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Communication from the Commission. – http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf

[2] Etzkowitz H. The evolution of the entrepreneurial university // International Journal of Technology and Globalization. 2004. – N 11. – P. 64–77.

бы специальные стимулирующие меры региональной политики, которые бы способствовали инновационному развитию экономики регионов.

Для того чтобы экономический рост в отдельных регионах страны приобрел инклюзивный характер, а это может произойти только в том случае, если его результаты будут доступны для населения всех территорий, а не отдельных анклавов, необходимо сместить акценты в политике пространственного развития. Речь идет о том, чтобы в качестве «точек роста» рассматривались взаимосвязанные города, в которых имеются устойчивые естественные преимущества в виде таких элементов, как более развитая рыночная инфраструктура, наличие потенциала обрабатывающей промышленности, относительно развитый третичный сектор, научно-образовательная база. Именно города в современном мире, как хорошо известно, являются центрами модернизации, индустриального и постиндустриального развития, зарождения инноваций.

В современной экономике Казахстана пока нереально рассчитывать на саморазвитие «точек роста» без поддержки их со стороны государства. Поэтому необходимо развивать следующие направления такой поддержки. Прежде всего, это использование механизмов политики опережающего развития городов, выбранных в качестве «точек роста». Как показывает мировая практика, это могут быть специальные государственные программы, введение особых режимов хозяйствования, меры по формированию благоприятного инвестиционного климата, развитию городской инфраструктуры, укреплению человеческого потенциала и т.д. В то же время для того, чтобы получить мультипликативный эффект от появления «точек роста», нельзя допускать, чтобы прилегающие территории оставались «экономической пустыней», «вязкой» для «диффузии импульсов развития». Следовательно, здесь также необходимы действия государства примерно по тем же направлениям.

Можно выделить три возможных сценария пространственного развития экономики Казахстана на принципах smart специализации с ориентиром на стимулирование развития наукоемких отраслей:

Первый сценарий развития рекомендуется для регионов с высоким уровнем инновационного потенциала. Регионы данной группы ориентированы на внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства и управления в базовых отраслях специализации, а также на создание и развитие новых сфер деятельности, использование новых технологических и рыночных возможностей для усиления региональных конкурентных преимуществ. Такие города или регионы являются привлекательным местом для расположения высокотехнологичных кластеров и формирования «цифровых ареалов» на территориях городов или регионов. При этом очень важно, чтобы эти города или регионы соответствовали требованиям и качеству требуемой автономной инфраструктуры.

В качестве примера создания «цифровых ареалов» на территории города можно рассмотреть Гонконгский киберпорт (англ. *Hong-Kong Cyberport*), который стал лидирующим и уникальным цифровым городом в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В Казахстане функции «цифровых городов» могут взять на себя несколько крупных городов (например, г. Астана и г. Алматы). В результате, в таких городах можно будет создавать перспективные кластерные зоны с опорой на центр инноваций с эффективной системой стимулирования научно-исследовательской деятельности. Центр инноваций будет содействовать развитию фундаментальных и прикладных исследований, а также внедрению новейших высоких технологий, взаимодействующих между собой (микроэлектроника, нанотехнологии, телекоммуникации, планшеты, смартфоны, сенсорные девайсы и т.д.).

Данный сценарий развития характеризуется усилением спроса на новые научные и инженерные кадры, формированием развитой инновационной системы на фоне восстановления позиций казахстанской фундаментальной науки. Такой сценарий развития для Казахстана является более затратным, поскольку предполагает масштабное государственное финансирование научных исследований и разработок (прежде всего фундаментальных исследований), активное содействие скорейшей коммерциализации результатов научных исследований и разработок.

Второй сценарий развития может быть реализован в регионах со средним уровнем инновационного потенциала. По данному сценарию могут развиваться старопромышленные и так называемые сырьевые регионы, имеющие потенциальные возможности для развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), но специализирующиеся в большей степени на добыче природных ресурсов. В регионах этой группы сценарий регионального развития ориентирован на обновление отечественных технологий, спрос создается не только за счет государственных потребностей, но и путем развития базовых для Казахстана отраслей. Сценарий догоняющего кластерного развития (хорошо известен на примерах Южной Кореи, Малайзии, Китая) характеризуется значительными усилиями со стороны государства в плане государственной поддержки научных исследований и разработок, и технологической модернизации наиболее перспективных отраслей экономики.

Данный сценарий направлен на переустройство экономики регионов за счет использования иностранных технологий, а также новых технических и управленческих решений в сфере энергосбережения, что может дать более ощутимый результат с точки зрения дальнейшего развития наукоемких отраслей в будущем.

Третий сценарий развития характерен для регионов с инерционным уровнем развития (ориентированным на импорт технологий и продукции). Это в основном аграрно-промышленные регионы (Северо-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Алматинская, Жамбылская и Южно-Казахстанская области). В этих регионах необходимо создание благоприятных условий для того, чтобы обеспечить технологическое обновление традиционных отраслей и прогрессивные структурные сдвиги путем изменения сложившейся специализации региона, формирования новых эффективных отраслей и производств.

Нужно отметить, что данная группа регионов сталкивается с дефицитом трудовых, технологических, финансовых и других ресурсов. Поэтому здесь необходимо увеличить государственную поддержку путем предоставления государственных заказов и гарантий, совершенствования инвестиционного климата для привлечения иностранных инвесторов, формирования инвестиционной открытости и привлекательности региона (инвестиционного имиджа), совер-

шенствования межбюджетных отношений с целью формирования полноценных местных бюджетов развития, предоставление различных льгот.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что для Казахстана, как и для многих стран СНГ, обладающих нерациональной региональной структурой экономики, выбор сценариев пространственного развития не может быть унифицированным. Наиболее оптимальным и приемлемым для Казахстана в современных условиях является *дифференцированный подход пространственного развития, сочетающий элементы лидерства в научно-технологические разработках, фундаментальных и прикладных исследованиях на базе формирования наукоемких отраслей, но с сохранением элементов сценария догоняющего развития в большинстве секторов экономики.*

Придерживаясь данного пути, Казахстан в будущем сможет перейти на новый этап развития наукоемких производств, ориентированный на создание благоприятных условий в наиболее эффективных направлениях для перелива инвестиций, трансферта новейших технологий и коммерциализации научно-исследовательских разработок.

Обедков А.П.
к.геогр.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления

ФОРМИРОВАНИЕ ОПОРНОГО КАРКАСА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *опорный каркас территории, территориальная структура хозяйства, расселение населения, урбанизация, урбанистическая структура, агломерация, транспортная инфраструктура, северная территория.*

Keywords: *the skeleton site, the territorial structure of the economy, the resettlement of the population, urbanization, urban structure, agglomeration, transport infrastructure, northern territory.*

Идея опорного каркаса территории была выдвинуты выдающимся советским экономико-географом Н.Н. Баранским. В своей статье «Об экономико-географическом изучении города», он писал, что «... города и дорожная сеть – это каркас, это остов, на котором всё держится, остов, который формирует территорию, придаёт ей определённую конфигурацию»[1]. В последующие годы данная идея оформилась в виде научной концепции и методологического подхода к исследованию территориальной структуры хозяйства и расселения населения. Своё дальнейшее развитие каркасный подход получил в работах экономико-географов (Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, П.М. Полян, Б.С. Хорев, П.М. Алампиев, Л.И. Василевский, В.В. Воробьёв) и архитекторов-градостроителей (О.К. Кудрявцев, Ю.П. Бочаров, В.В. Владимиров, А.Э. Гутнов, О.А. Красовская, В.И. Нудельман), которые внесли значительный вклад в разработку теоретических положений концепции опорного каркаса территории и наметили пути использования каркасного подхода в практике размещения производства и населения, территориального планирования и градостроительного проектирования. Система каркасов лежит в основе методологии территориального планирования, лежащей в основе развития и совершенствования функционально-планировочной структуры территории, образованной урбанизированным, природно-экологическим и историко-культурным каркасами.

Опорный каркас территории – сложившаяся и наиболее устойчивая генерализованная часть территориальной структуры хозяйства (прогрессивные звенья производства) и территориальной организации населения (сети поселений и системы расселения), обладающая большой инерционностью и потенциалом для развития. Укрепление опорного каркаса территории происходит по мере повышения уровня территориальной концентрации производства и населения региона в результате развития взаимосвязанных процессов агломерирования производства и урбанизации населения. Начальная стадия формирования опорного каркаса территории, связанная с локализацией производства и рассредоточенной концентрацией населения, сопровождается ростом числа и людности больших городов. На следующей стадии наблюдается агломерирование производства и населения с образованием промышленных узлов (локальных территориально-производственных комплексов) и групповых форм расселения (групповых систем населённых мест и городских агломераций). В основе завершающей стадии формирования опорного каркаса территории лежит процесс регионализации, обеспечивающий экономическое сближение взаимодействующих экономических центров и хозяйственных узлов на основе совершенствования транспортно-логистической инфраструктуры в рамках формирующихся региональных систем производства и расселения населения. На завершающей стадии своего развития опорный каркас территории становится эффективной формой территориальной организации хозяйства и своеобразным механизмом территориально-хозяйственной интеграции, который объединяет разноуровневые территориальные социально-экономические системы и связывает разнородные специализированные части территории.

Опорный каркас территории представляет собой сочетание узловых и линейных элементов, отражающее важнейшие взаимосвязи и взаимодействия в территориальной организации хозяйства и населения. Узловые элементы опорного каркаса, образованные городами-центрами и агломерациями, являются своеобразными фокусами экономической, политической и культурной жизни регионов, межрайонных взаимодействий и внутрирайонных хозяйственных связей. Чаще всего они выступают центрами управления, обслуживания и инноваций. В территориальной структуре хозяйства региона узловые элементы представлены центральными поселениями и специализированными центрами. Они могут выполнять освоенческие и преобразовательные функции и играть районообразующую и районоорганизующую роль[2]. В зависимости от уровня территориальной локализации субъектов экономической деятельности и конкурентных преимуществ таких производственно-территориальных образований узловые элементы опорного каркаса территории развиваются как зоны опережающего развития и полюса роста.

[1] Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении города // Экономическая география. Экономическая картография. – М.: Географгиз, 1956. – С. 156.

[2] Лаппо Г.М. География городов. – М.: ГИЦ ВЛАДОС, 1997. – С. 114–116.

Важнейшей частью опорного каркаса территории и единой системы расселения страны является опорный каркас расселения. Он представляет собой иерархически построенную совокупность центральных поселений различной величины и разного таксономического ранга. На уровне страны они представлены, как правило, городами-миллионниками, на макрорегиональном уровне – крупнейшими городами, на региональном уровне – крупными и большими городами, на внутрирегиональном уровне – средними и полусредними городами, на муниципальном уровне – малыми городами и посёлками городского типа.

Линейные элементы опорного каркаса территории, охватывающие транспортные магистрали и полимагистрали, представляют собой совокупность транспортных коридоров (транспортные коммуникации международного и федерального значения) и транспортных направлений (транспортные коммуникации регионального и местного значения). Они включают магистрали (линии общего или специализированного вида транспорта) и полимагистрали (сочетание нескольких видов транспорта). Развитие процесса магистрализации способствует экономическому сжатию территории на основе сближения центров и регионов, а результатом полимагистрализация является усиление линейной концентрации.

Одной из важнейших проблем пространственного развития России является недостаточная сформированность опорного каркаса её обширной территории вследствие большого разнообразия и контрастности природных (климатических и ландшафтных) условий в разных частях страны, а также слабой обеспеченности транспортной инфраструктурой круглогодичного функционирования в периферийных районах нового освоения. Особую актуальность эта проблема приобрела в последние годы в связи возросшим интересом к северным и арктическим территориям России, являющихся крупнейшим мировым резервом практически всех важнейших видов природных ресурсов. Их вовлечение в народнохозяйственный оборот и эффективное использование невозможно без целенаправленного формирования узловых элементов территориальных хозяйственно-расселенческих структур и связывающей их транспортной инфраструктуры.

На долю законодательно утверждённых северных территорий (в границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей) приходится 69,6% площади и всего 6,8% всего населения России. Подавляющая часть северных территорий отличается слабой заселённостью, недостаточно развитой поселенческой сетью, низкой хозяйственной и транспортной освоенностью. Вследствие этих причин опорный каркас северных территорий находится ещё в начальной стадии формирования. Между тем его недостаточная сформированность препятствует эффективному использованию природно-ресурсного потенциала северных территорий, вызывая дополнительные экономические издержки и затрудняя транспортно-экономические связи и межрегиональный обмен.

Сложившаяся конфигурация опорного каркаса северных территорий, отличающаяся очаговостью и значительными расстояниями между основными скоплениями поселений, отразила суровость климатических и сложность ландшафтных условий Севера и неравномерность размещения природных ресурсов, производства и населения. Особенности процесса хозяйственного освоения и географического хода урбанизации на Российском Севере выразились в нарастающей концентрации населения в больших городах и повышенной плотности населённых пунктов вдоль основных транспортных магистралей. Между тем вне основных скоплений групповых форм расселения населения опорный каркас северных территорий теряет свою непрерывность. При этом узлы и полосы концентрации разделяют обширные слабозаселённые и практически безлюдные пространства с пониженной экономической активностью, которые не включены в формирующий опорный каркас территории. В связи с этим стратегическим приоритетом пространственного развития Российского Севера в ближайшие десятилетия становится модернизации российского пространства за счёт укрепления опорного каркаса северных территорий и усиления его взаимодействий с Главной полосой хозяйственного освоения и расселения страны.

Урбанизация как ведущий фактор формирования опорного каркаса расселения и особенности её проявления в условиях Российского Севера

Урбанизация северных территорий России – закономерный и необходимый компонент хозяйственного освоения и расселения. Развитие городской сети и систем городского расселения северных территорий на каждом этапе их хозяйственного освоения определяется практическими задачами экономики и геополитики. Первоначально они были связаны с расширением государственных границ и укреплением российского пространства, а затем – с внутренней колонизацией северных территорий на основе их хозяйственного освоения и целенаправленного формирования узловых и линейных элементов опорного каркаса.

На начальном этапе освоения главной движущей силой северной урбанизации является экономическая целесообразность вовлечения в хозяйственный оборот дефицитных для страны природных ресурсов, на последующих этапах – миграции населения, преобразования хозяйственной структуры и систем расселения населения в рамках соответствующих трансформационных переходов. Становление сети северных городов в дореволюционный период наметило первоначальные центры хозяйственной колонизации и заселения северных территорий страны. Между тем современные черты хозяйственно-расселенческих структур северных территорий страны сложились в послевоенный период советского времени в ходе широкомасштабного хозяйственного освоения северных территорий.

Одним из важнейших итогов ускоренной индустриализации и урбанизации Российского Севера является формирование достаточно разветвлённой городской сети, которая представлена ныне городскими населёнными пунктами всех основных групп людности. В отличие от зарубежных стран с северными территориями, которые осваиваются преимущественно вахтовым методом освоения и организации труда, на Российском Севере преобладают стационарные поселения всех основных групп людности. Анализ распределения северных городов по основным группам люд-

ности показывает весьма динамичный рост их числа на фоне глубокой трансформации урбанистической структуры в советский период и сменой тенденций городского урбанистического развития в постсоветский период (табл. 1).

Основные проблемы и особенности формирования опорного каркаса расселения зоны Севера связаны с недостаточным развитием транспортных магистралей круглогодичного функционирования и системы транспортных связей между населёнными пунктами; низкой средней плотностью общего и сельского населения; слабым развитием городской сети и групповых систем населённых мест на фоне дисперсности расселения и значительной удалённости населённых пунктов друг от друга; повышенной площадью территории в зоне влияния центрального поселения. Продолжающаяся деградация поселенческой сети северных территорий сопровождается сжатием интенсивно используемого экономического пространства с одновременным стягиванием населения в наиболее людные и перспективные городские населённые пункты.

Таблица 1

Трансформация городской сети и урбанистической структуры Российского Севера в 1926–2017 гг. (в современных границах законодательно утверждённых северных территорий)

Группы городов по людности, тысяч человек	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Северные города	**32**	**40**	**77**	**92**	**104**	**128**	**148**	**142**	**142**
из них:									
малые (до 19,9)	30	27	43	38	37	41	63	59	61
доля малых городов, %	93,8	67,5	57,4	41,3	35,6	32,0	42,5	41,6	43,0
полусредние (20–49,9)	1	8	21	37	41	49	54	54	52
доля полусредних городов	3,1	20,0	27,3	40,2	39,4	38,3	36,5	38,0	36,6
средние (50–99,9)	1	3	8	6	11	21	14	12	12
доля средних городов, %	3,1	7,5	10,1	6,5	10,6	16,4	9,5	8,5	8,4
большие (100–249,9)	–	1	3	9	12	10	11	10	11
доля больших городов, %	–	2,5	3,9	9,8	11,5	7,8	7,4	7,0	7,7
крупные (250–499,9)	–	1	1	2	3	7	6	7	6
доля крупных городов, %	–	2,5	1,3	2,2	2,9	5,5	4,1	4,9	4,3

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1974; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 1); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

Сопоставление урбанистической структуры российских городов и законодательно утверждённых северных территорий позволяет выявить специфику северной урбанизации. Урбанистическая структура северных городов России отличается повышенной долей малых (до 19,9 тыс. человек), полусредних (от 20 до 49,9 тыс. человек) и крупных городов (от 250 до 499,9 тыс. человек) на фоне пониженной доли средних городов (от 50 до 99,9 тыс. человек) и отсутствия городов высших категорий людности – крупнейших и миллионников. По данным текущего учёта населения на 1 января 2017 г., на долю малых и полусредних городов приходилось 79,6% от общего количества северных городов и 32,4% от общей численности проживающих в городах Российского Севера. Аналогичные среднероссийские показатели существенно ниже и составляют соответственно 70,0 и 15,6%. При этом повышенный удельный вес числа городов, имеющих людность до 49,9 тыс. человек, обеспечивается главным образом за счёт преобладания в урбанистической структуре мелких (до 5 тыс. человек) и полусредних городов (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика урбанистической структуры России и законодательно утверждённых северных территорий (на 1 января 2017 года)

Территория	Людность, тыс. человек					
	до 49,9	50-100	100-249,9	250-500	свыше 500	всего
1	2	3	4	5	6	7
Число городов						
Российская Федерация	788	154	92	41	37	1112
северные территории	113	12	11	6	–	142
Доля городов различной людности в общем количестве городов, %						
Российская Федерация	70,9	13,8	8,3	3,7	3,3	100
северные территории	79,6	8,5	7,7	4,2	–	100
Численность населения, проживающего в городах, тыс. человек						
Российская Федерация	15 994,6	10 710,2	14 154,9	14 480,6	46 704,1	102 044,4
северные территории	2224,8	837,6	1925,7	1871,2	–	6859,3
Доля жителей городов различной людности в общей численности проживающих в городах, %						
Российская Федерация	15,6	10,5	13,9	14,2	45,8	100
северные территории	32,4	12,2	28,1	27,3	–	100

Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

По правилам иерархического построения городских сетей число средних городов, значительно уступая общему количеству городов с людностью до 49,9 тыс. человек, должно превышать число больших городов. В реальной действительности средние города являются наиболее дефицитной категорией людности в составе северных городов России. Вопреки закономерностям построения рациональной сети городов и потребностям территориальной организации хозяйства северных территорий страны на 1 января 2017 г. на 12 статистически средних городов приходилось 17 больших и 113 малых городов.

В настоящее время основу формирующегося опорного каркаса расселения Российского Севера образуют большие и средние города, большинство из которых связаны с остальной территорией страны и друг с другом транспортными магистралями круглогодичного функционирования. При этом многие большие и средние города зоны Севера являются ядрами городских агломераций и выполняют роль отраслевых и организационно-хозяйственных центров освоения северных регионов. Ключевыми элементами опорного каркаса северных территорий являются центры субъектов РФ, сочетающие функции региональных политико-административных, промышленных, транспортных, культурных и научно-образовательных центров. В их числе – 4 столицы республик (Кызыл, Петрозаводск, Сыктывкар, Якутск), 5 административных центров областей (Архангельск, Магадан, Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск) и 4 административных центра автономных округов (Анадырь, Нарьян-Мар, Салехард, Ханты-Мансийск).

Российский Север отличается особым типом урбанизации и расселения населения, обусловленным специфическим комплексом природно-климатических условий и вследствие этого очаговым характером размещения хозяйства и населения. В рамках сложившейся линейно-очаговой схемы формируются опорное, стабильное и мобильное расселение, для которого в целом характерно стремление к укрупнению при одновременном сужении экономического пространства. В широтном направлении формируются подзоны линейно-узловой, дискретной и очаговой северной урбанизации, совпадающие или пересекающиеся с подзонами Ближнего, Среднего и Дальнего Севера. В ходе продвижения в северном направлении и перехода от подзоны линейно-узловой урбанизации к дискретной и очаговой урбанизации уменьшаются людность и функциональная полнота городских населённых пунктов северных территорий. По мере интенсификации освоения происходит перемещение базовых функций из города в город, снижаются функции групповых систем расселения и связи между городскими и сельскими населёнными пунктами, замедляются центростремительные функции при одновременном увеличении радиуса влияния центральных поселений. Изменения в характере расселения сопровождаются ростом миграционной подвижности населения и неустойчивостью социально-демографических характеристик.

Индустриальная стадия освоения Российского Севера, реализованная в условиях плановой модели экономики и административно-командного управления, отразила уникальный отечественный опыт заселения и обживания северных территорий по пути создания сети стационарных городских населённых пунктов со стабильным населением. В условиях постиндустриальной трансформации экономики происходит перестройка региональных систем расселения на основе перехода к динамичной модели пространственной организации северных территорий и формирования новых ресурсных полюсов роста, предполагающей освоение без заселения и формирования новых контингентов постоянного населения с упором на вахтовый метод организации труда, районный и экспедиционный методы освоения природных ресурсов, преобразование стационарных ресурсных поселений в вахтовые посёлки, минимизацию вспомогательных и обслуживающих производств, межрегиональную кооперацию и интеграцию с районами старого промышленного освоения.

Большие города как узловые элементы опорного каркаса

Активизация промышленного развития и транспортного строительства на Европейском Севере в 1930-е гг. вызвала стремительный рост численности населения портовых городов Архангельска и Мурманска, которые первыми среди северных городов всего за одно предвоенное десятилетие прошли путь соответственно от среднего к крупному городу от малого к большому городу. В послевоенный период число больших городов Севера увеличилось главным образом за счёт северных городов Сибири и Дальнего Востока, где началась реализация целевых комплексных народнохозяйственных программ и формирование программно-целевых территориально-производственных комплексов. Расширение сети больших городов придало необходимую завершённость процессу развития региональных систем городского расселения северных территорий. К концу 1950-х гг. число северных городов, преодолевших рубеж в 100 тыс. человек, увеличилось до 4, к концу 1970-х гг. – до 15, а в середине 1980-х гг. достигло 17 и с тех пор остаётся неизменным. С этого времени их число практически не меняется, но время от времени происходит ротация их состава. В межпереписной период с 1989 по 2002 г. вместо выбывших в группу статистически средних городов Магадана и Воркуты, в категорию больших городов впервые вошли Нефтеюганск и Кызыл. В межпереписной период с 2002 по 2010 г. группу больших городов покинули Усть-Илимск и Ухта. Однако даже в условиях продолжающегося сокращения численности постоянного населения Воркута, Магадан, Усть-Илимск и Ухта сохраняют все основные черты больших городов.

По данным на 1 января 2017 г., удельный вес больших городов составил 11,9% от общего количества северных городов, а доля проживающих в этих городах 55,4%, что ниже аналогичных среднероссийских показателей – 15,3 и 73,9%. Абсолютное большинство (12, или 70,6%) городов этой категории людности возникли как населённые пункты ещё в дореволюционный период, из них 8 получили городские права до 1917 г. В их числе – города Архангельск, Петрозаводск, Сыктывкар, Сургут, Якутск, Петропавловск-Камчатский, Кызыл и Мурманск. Остальные большие города были образованы в советское время. В довоенный период городами стали Комсомольск-на-Амуре и Северодвинск, в

послевоенный период – Южно-Сахалинск, Норильск, Братск, Нефтеюганск, Нижневартовск, Новый Уренгой и Ноябрьск.

Один из важнейших индикаторов роста больших городов – характер динамики численности населения, являющийся косвенным показателем их социально-экономического благополучия. В послевоенный период практически во всех больших городах Российского Севера наблюдался устойчивый рост людности. Однако вслед за ухудшением экономической ситуации и переходом к рыночной экономике в них начиналось сокращение людности. Первым большим городом зоны Севера, в котором началось непрерывное снижение численности постоянного населения стал Норильск, теряющий жителей с конца 1970-х гг. При этом восстановить прежнюю людность ему не удалось даже после поглощения двух городов-спутников (Кайеркан и Талнах). Во второй половине 1980-х гг. к числу городов с непрерывно сокращающимся демографическим потенциалом прибавились Архангельск, Братск, Комсомольск-на-Амуре, Мурманск и Северодвинск, а с 2010 г. – Ноябрьск.

Для простого большинства (9, или 52,9%) городов этой категории людности характерен медленный рост численности постоянного населения, что позволяет отнести их к числу растущих в демографическом отношении. Среди них выделяются 4 западно-сибирских города нефтегазопромышленного профиля (Нефтеюганск, Нижневартовск, Новый Уренгой, Сургут) и 5 центров субъектов РФ (Кызыл, Петрозаводск, Сыктывкар, Южно-Сахалинск, Якутск). Для остальных восьми городов определяющей тенденцией демографического развития является продолжающееся снижение людности после достижения максимальной численности постоянного населения (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг больших городов Российского Севера и динамика их людности в период с 1959 по 2017 г. (тысяч человек)

№ п/п	Наименование города (год получения статуса)	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Сургут (1782, 1965)	6	34	107,3	247,8	285	306,7	360,6
2	Архангельск (1584)	256,3	342,6	358	415,9	356,1	348,8	351,5
3	Якутск (1643)	74,3	107,6	152,4	186,6	224,5	269,6	307,9
4	Мурманск (1916)	221,9	308,6	380,8	468	336,1	307,3	298,1
5	Петрозаводск (1777)	135,3	192	234,1	269,5	266,2	262	278,6
6	Нижневартовск (1972)	2,3	15,7	108,7	241,5	239	251,7	274,6
7	Комсомольск-на-Амуре (1932)	177,3	218,1	263,9	315,3	281,0	263,9	249,8
8	Сыктывкар (1780)	64,5	125,1	171	232,1	230	235	244,6
9	Братск (1955)	51,5	155,4	213,7	255,7	259,3	246,3	231,6
10	Южно-Сахалинск (1915)	85,5	105,8	139,9	159,3	175,1	181,7	194,9
11	Северодвинск (1938)	78,7	144,7	197,2	248,7	201,6	192,4	184
12	Петропавловск-Камчатский (1812)	85,6	153,9	215,0	268,7	198,0	179,8	180,5
13	Норильск (1953)	109,4	136,4	187	179,8	134,8	175,4	178
14	Нефтеюганск (1967)	0,6	19,7	52,4	93,9	107,8	122,9	126,2
15	Кызыл (1914)	34,5	51,7	66	84,6	104,1	109,9	116
16	Новый Уренгой (1980)	–	–	8,6	93,2	94,5	104,1	113,3
17	Ноябрьск (1982)	–	–	–	85,9	96,4	110,6	106,9

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1974; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т.1); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

Рейтинг наиболее людных городов макрорегионов Российского Севера на протяжении последних десятилетий оставался практически неизменным. Однако в последние годы ситуация стала постепенно меняться. В 2017 г. самым людным северным городом России и мира впервые стал Сургут, сменивший на этом посту Архангельск, который возглавлял рейтинг самых людных северных городов практически с времени основания. В макрорегиональном разрезе самым людным городом Европейского Севера остаётся Архангельск, Западно-Сибирского Севера – Сургут, Восточно-Сибирского Севера – Братск. На Дальневосточном Севере на ведущие позиции вышел Якутск, сменивший Комсомольск-на-Амуре, лидировавший в последние десятилетия.

Вследствие продолжающегося с конца 1990-х гг. стягивания жителей Российского Севера в большие города наблюдается рост численности проживающего в них населения на фоне непрерывного уменьшения их среднего размера. Во всех макрорегионах расселения Севера удельный вес проживающих в больших городах превышает половину от общей численности жителей северных городов, при этом на Восточно-Сибирском Севере и Дальневосточном Севере этот показатель превышает средний показатель по Российскому Северу (55,1%), достигая соответственно 58,3% и 56,2% (табл. 4).

В зависимости от места и роли больших городов в региональной системе расселения большие города Севера могут быть отнесены к одному из двух основных типов: 1) опорные многофункциональные центры, выполняющие центральные функции; 2) специализированные отраслевые центры с чётко выраженной профилирующей функцией, определяющей характер всей деятельности города. К первым относятся столицы республик (Кызыл, Петрозаводск, Сыктывкар, Якутск), административные центры субъектов РФ (Архангельск, Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск) и центры ресурсно-отраслевых районов межрайонного значения (Норильск, Сургут). Второй тип больших городов Севера представлен значительными специализированными центрами добывающей (Нефтеюганск,

Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск) и обрабатывающей (Братск, Комсомольск-на-Амуре, Северодвинск) промышленности. Города этого типа выполняют роль подцентров в сложившихся системах городского расселения.

Таблица 4

Большие города в урбанистической структуре городов Российской Федерации и макрорегионов расселения Российского Севера (на 1 января 2017 г.)

Северные территории в границах районов Севера и приравненных к ним местностей	Число городов		Доля больших городов к общему числу городов, %	Численность населения в городах, тыс. человек		Доля жителей больших городов в общей численности населения городов, %
	всего	большие города		всего	большие города	
1	2	3	4	5	6	7
РФ, в целом	**1112**	**170**	**15,3**	**102 044,4**	**75 339,6**	**73,8**
Российский Север	**142**	**17**	**12,0**	**6859,3**	**3778,6**	**55,1**
из них:						
Европейский Север	53	5	9,4	2482,3	1356,8	54,7
Западно-Сибирский Север	27	5	18,5	1813,1	963,1	53,1
Восточно-Сибирский Север	19	3	15,8	902,3	525,6	58,3
Дальневосточный Север	43	4	9,3	1661,6	933,1	56,2

Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

В формировании градообразующей базы больших городов Российского Севера ведущую роль играют профилирующие межотраслевые и отраслевые комплексы, что нехарактерно для больших городов районов старого промышленного освоения. Промышленный профиль Нефтеюганска, Нового Уренгоя, Ноябрьска и Сургута определяет топливно-энергетический комплекс, Норильска и Братска – металлургический комплекс, Комсомольска-на-Амуре и Северодвинска – машиностроительный комплекс, Архангельска, Братска, Петрозаводска и Сыктывкара – лесопромышленный комплекс, Мурманска, Петропавловска-Камчатского и Южно-Сахалинска – рыбопромышленный комплекс. Лишь город Кызыл, законодательно включённый в состав районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей только в 1993 г., не имеет ярко выраженного промышленного профиля, представляя собой своеобразный конгломерат не связанных между собой отдельных предприятий различных отраслей промышленности.

В настоящее время основными проблемами развития и функционирования больших городов Российского Севера являются проблемы регулирование развития и роста; преобладание производственных функций при ведущей роли промышленности; трудоизбыточность и старение населения; рост числа безработных и слоя малоимущих; неконтролируемый рост городской территории и нерациональное её использование; наступление на природу пригородной зоны и общее экологическое неблагополучие. В условиях северных урбанизированных территорий, где высокая плотность населения сочетается с наибольшей концентрацией производства и технической нагрузкой, данные проблемы должны решаться на основе экономических рычагов и регуляторов роста, совершенствования городского планирования и управления, форм обслуживания населения и условий его жизни, а также с учётом экологических ограничений и предпосылок возникновения неблагоприятных экологических ситуаций. При этом в споре о принципах и методах городской политики в отношении больших городов Севера России должна быть учтена не только позиция сторонников ограничения демографического роста и территориального разрастания, но и точка зрения тех, кто выступает за регулируемый рост и более полное использование их многогранного экономического и социально-культурного потенциала, выполнение ими прежде всего разнообразных непроизводственных функций и превращение в города-лидеры социально-экономического и инновационного развития.

Существующие на Российском Севере большие города сформировались как форпосты хозяйственного освоения, значительные промышленные и транспортные узлы, важные информационные, транзитно-коммуникационные, научно-образовательные и культурные центры периферийных северных территорий. Большинство из них являются центрами научно-технической подготовки и плацдармами освоения северных территорий. Потенциальными нишами дальнейшего развития больших городов Севера должна стать «новая индустриализация», направленная на модернизацию традиционных отраслей топливно-сырьевой специализации и обслуживающей её транспортной инфраструктуры, повышение глубины переработки сырья и топлива, сохранение потенциала имеющихся высокотехнологичных отраслей и создание новых высокотехнологичных рабочих мест.

Формирование городских агломераций как важнейшее направление укрепления опорного каркаса северных территорий

Эффективное освоение природных ресурсов и хозяйственное развитие северных территорий невозможно без целенаправленного формирования рационально организованной сети городских населённых пунктов и разноуровневых систем городского расселения, обеспечивающих необходимые социальные условия для адаптации населения к проживанию в дискомфортных условиях Российского Севера. В условиях зоны Севера с её обширными слабозаселёнными территориями и значительными расстояниями между соседними поселениями существенно возрастает роль агломерированных форм производства и расселения населения. Северные агломерации характеризуются рядом специфических особенностей формирования. В условиях продолжающихся спада промышленного производства и социально-экономического кризиса, депопуляции и оттока населения возрастает роль городских агломераций как форпостов

освоения и развития северных территорий, которые должны стать полюсами роста и пространственного развития, центрами инновации и модернизации.

Ядрами первых городских агломераций на Российском Севере выступили первые большие города – Архангельск и Мурманск. Однако для того, чтобы они стали полноценными городскими агломерациями, потребовалось ещё более трёх десятилетий. В результате начавшегося в первой половине 1960-х гг. широкомасштабного промышленного освоения северных территорий на Европейском Севере ускорилось формирование Петрозаводской, Сыктывкарской, Воркутинской, Ухтинской, Апатитско-Мончегорской и Котласской городских агломераций. В пределах Западно-Сибирского Севера обозначились контуры и состав Сургутско-Нефтеюганской и Нижневартовской городских агломераций, Восточно-Сибирского Севера – Норильской и Братской городских агломераций, на Дальневосточном Севере – Камчатской, Комсомольской-на-Амуре, Магаданской, Петропавловск-Камчатской, Южно-Сахалинской и Якутской городских агломераций. В настоящее время в границах Российского Севера сформировалось 15 городских агломераций с численностью постоянного городского населения свыше 100 тыс. человек, из них 2 (Архангельская и Сургутско-Нефтеюганская) являются крупными (свыше 500 тыс. человек) и 12 средними городскими агломерациями. Самой малолюдной стала Воркутинская городская агломерация во главе с бывшим большим городом. Между тем она отвечает практически всем основным критериям и свойствам полноценной городской агломерации кроме численности постоянного населения.

Процесс городского агломерирования северных территорий отличается большой неравномерностью, отражающий очерёдность их колонизации, освоения и заселения. В соответствии с ходом хозяйственного освоения северных территорий большинство городских агломераций находится на Европейском и Дальневосточном Севере, отличающихся более выгодным экономико-географическим положением по сравнению с внутренними территориями Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского Севера. К настоящему времени на Европейском Севере сформировалось 8 городских агломераций, на Дальневосточном Севере – 5, на Западно-Сибирском Севере – 2, а на Восточно-Сибирском Севере – ни одной. Между тем за последние 10-15 лет число городских агломераций Российского Севера сократилось в результате административно-территориальных и муниципальных преобразований, связанных с укрупнением больших городов за счёт поглощения всех поселений-спутников. По этой причине из числа северных агломераций в 1999 г. выбыла Братская агломерация вследствие включения 4 посёлков городского типа (Бикей, Осиновка, Чекановский, Порожский), а в 2004 г. – Норильская агломерация за счёт включения в городскую черту Норильска двух городов (Талнах и Кайеркан).

В настоящее время на Российском Севере наметились контуры 5 агломераций и 11 протоагломераций (формирующихся агломераций), возглавляемых средними и полусредними городами. К средним по людности относятся самостоятельные Ухтинская, Магаданская, Воркутинская, Котласская и Апатитско-Мончегорская агломерации, общая численность населения каждой из которых превышает 100 тыс. человек. Остальные 11 являются малолюдными протоагломерациями, представляющими собой групповые системы населённых мест. Их ядра образованы средними (Лесосибирск, Нерюнгри, Нягань) и полусредними (Дальнегорск, Енисейск, Кандалакша, Лабытнанги, Печора, Салехард, Советская Гавань, Советский, Сортавала, Урай, Югорск) городами. Между тем не все средние города северных территорий вовлечены в процесс городского агломерирования. Как изолированные центры, не имеющие в своей пригородной зоне ни одного городского населённого пункта, развиваются города Усть-Илимск, Ханты-Мансийск и Когалым.

Существующие протоагломерации крайне неравномерно распределены по территории Российского Севера. На Западно-Сибирском Севере формируется 4 протоагломерации, на Европейском и Дальневосточном Севере – по 3, на Восточно-Сибирском Севере – всего одна. Людность девяти северных протоагломераций варьирует в пределах от 50 до 100 тыс. человек. По численности городского населения лидирует Лесосибирско-Енисейская протоагломерация, по числу городских населённых пунктов и посёлков городского типа – Дальнегорская протоагломерация, а по числу городов – Сортавальская протоагломерация. Минимальную численность городского населения имеют Печорская и Сортавальская протоагломерации, в которых концентрируется менее 50 тыс. человек.

Развитие и функционирование северных протоагломераций связано главным образом с выполнением промышленной, организационно-хозяйственной, транспортной и транзитно-коммуникационной функций. В некоторых случаях их дополняют научно-техническая подготовка и подготовка кадров, туристская и рекреационная, таможенная и внешнеэкономическая функции. Большинство северных протоагломераций задержалось на индустриальной фазе развития. Их промышленный профиль определяют характерные для северных территорий отрасли и производства топливно-энергетического, лесопромышленного, горнопромышленного и рыбопромышленного комплексов.

На немногочисленные пока городские агломерации северных территорий возложена задача усиления регулярности региональных и локальных систем городского расселения. Решение этой задачей должно строиться с учётом адаптации расселения к наметившимся структурным преобразованиям в региональных хозяйственных комплексах, перспектив изменения численности населения, совершенствования многоуровневой организации сети городских и сельских населённых пунктов. В условиях намеченного курса на модернизацию и инновационный сценарий развития городское агломерирование становится ключевым инструментом развития северных территорий, обеспечивающим более комфортную среду для появления новых отраслей промышленности и видов экономической деятельности, повышения уровня занятости и качества жизни населения. Дальнейшее совершенствование территориальной организации производства и расселения населения на Российском Севере связано с реализацией системы мер, направленных на укрепление опорного каркаса территории путём более согласованного развития его линейно-узловой и агломерационно-городской подсистем, лежащих в основе дальнейшего развития поселенческой сети и транспортной инфраструктуры. Это позволит сформировать городскую агломерацию как единое административно-правовое, природно-

экологическое, социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей инфраструктурой и единой схемой дальнейшего развития.

Железнодорожные магистрали как ключевые линейные элементы формирующегося опорного каркаса северных территорий России

Формирование транспортной инфраструктуры круглогодичного функционирования в пределах северных территорий началось в годы Первой мировой войны со строительства в 1915–1916 гг. железнодорожной линии Петрозаводск – Романов-на-Мурмане, обеспечившей выход тогдашней столицы государства Петрограда на расположенные на мурманском побережье незамерзающий морской порт и военно-морскую базу Иоканьга. Сооружение следующей железнодорожной магистрали в северном направления (линия Коноша – Котлас – Воркута Северо-Печорской магистрали) проходило лишь спустя три десятилетия в 1937–1942 гг.

Большинство действующих железнодорожных магистралей и ресурсных ответвлений от них были введены в эксплуатацию в зоне Севера в послевоенный период в связи с активизацией промышленного освоения топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов, главным образом в процессе целенаправленного формирования Братско-Усть-Илимского, Западно-Сибирского, Тимано-Печорского и Южно-Якутского территориально-производственных комплексов. Большинство из этих железнодорожных линий имели меридиональный характер, и лишь Байкало-Амурская магистраль (Усть-Кут – Северобайкальск – Новая Чара – Тында – Новый Ургал – Комсомольск-на-Амуре) была проложена в широтном направлении в пределах Ближнего Севера.

В постсоветское время темпы и масштабы железнодорожного строительства резко снизились. После кризисных 1990-х гг. оживление железнодорожного строительства наметилось лишь в нулевые годы, в том числе за счёт привлечения частных инвестиций и сооружения частных железных дорог. В 2002 г. была введена в эксплуатацию первая в постсоветское время частная железная дорога «Чиньяворык – Тиман» протяжённостью 158 км, являющаяся ведомственной подъездной дорогой к Средне-Тиманскому бокситовому руднику ОАО «Сибирско-Уральская алюминиевая компания». В 2010 г. была открыта самая северная из действующих в мире трансполярная железная дорога «Обская – Бованенково – Карская» протяжённостью 572 км, построенная на средства Газпрома. В 2010–2011 гг. вступили в строй действующих железнодорожная линия Обская – Бованенково и Амуро-Якутская магистраль (Беркакит – Томмот – Нижний Бестях), строительство которых началось ещё в середине 1980-х гг. и было законсервировано в 1990-е гг. В 2013 г. завершилось сооружение начатого в 1977 г. самого протяжённого в России Северомуйского туннеля Байкало-Амурской магистрали, что позволило поставить окончательную точку в этом масштабной советской железнодорожной стройке (табл. 6).

Таблица 6

Основные вехи формирования транспортных магистралей круглогодичного функционирования опорного каркаса расселения территории Российского Севера

Даты, годы	События
1	2
1915–1916 г.	Строительство железнодорожной линии Петрозаводск – Романов-на-Мурмане
1935–1937 гг.	Строительство изолированной железной дороги Дудинка – Норильск
1937–1942 гг.	Строительство железнодорожной линии Коноша – Котлас – Воркута Северо-Печорской магистрали
1943–1945 гг.	Строительство железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань
1946–1951 гг.	Строительство железнодорожной линии Тайшет – Братск – Усть-Кут
1947–1959 гг.	Строительство ответвления Чум – Лабытнанги Печорской железнодорожной магистрали
1958–1961 гг.	Строительство ответвления Микунь – Сыктывкар Печорской железнодорожной магистрали
1959–1969 гг.	Строительство железнодорожной линии Ивдель – Приобье Северо-Сибирской магистрали
1961–1974 гг.	Строительство ответвления Микунь – Вендинга Печорской железнодорожной магистрали
1963–1977 гг.	Строительство ответвления Сосногорск – Троицко-Печорск Печорской железнодорожной магистрали
1974–1980 гг.	Строительство ответвления Сыня – Усинск Печорской железнодорожной магистрали.
1966–1986 гг.	Строительство железнодорожной линии Тюмень – Тобольск – Сургут – Ноябрьск – Новый Уренгой – Ямбург
1969–1975 гг.	Строительство железнодорожной линии Тобольск – Сургут
1974–1984 гг.	Строительство железнодорожной линии Усть-Кут – Северобайкальск – Новая Чара – Тында – Новый Ургал – Комсомольск-на-Амуре Байкало-Амурской магистрали
1975–1976 гг.	Строительство железнодорожного участка Сургут – Нижневартовск
1975–1979 гг.	Строительство железнодорожной линии Тында – Беркакит Амуро-Якутской магистрали
1977–2013 гг.	Строительство Северомуйского туннеля Байкало-Амурской магистрали
1981–1983 гг.	Строительство железнодорожной линии Старый Надым – Пангоды – Новый Уренгой – Коротчаево Северо-Сибирской магистрали
1985–2011 гг.	Строительство железнодорожной линии Беркакит – Томмот – Нижний Бестях (Якутск) Амуро-Якутской магистрали
1986–2010 гг.	Строительство железной дороги Обская – Бованенково
2002 г.	Введена в эксплуатацию первая в постсоветское время частная железная дорога «Чиньяворык – Тиман»
2010 г.	Открыта железная дорога «Обская – Бованенково – Карская»

В основе процесса хозяйственного освоения и заселения северных территорий лежит последовательное развёртывание транспортной сети по принципу достройки недостающих звеньев транспортной инфраструктуры, ключевыми элементами которой являются железнодорожные магистрали и другие сопряжённые с ними виды транспортных сетей

круглогодичного функционирования. Их дальнейшее развитие становится решающим фактором укрепления опорного каркаса территории. При этом следует отметить урбанизирующую роль линейных элементов опорного каркаса. Она находит своё отражение в диалектике перехода от зон очаговой и дискретной урбанизации к зоне линейно-узловой урбанизации, формирующейся на основе полимагистралей.

Поселенческие сети и системы расселения северных территорий, образованные в ходе выборочного освоения природных ресурсов, и в обозримой перспективе будут зависеть от характера дальнейшего использования их природно-ресурсного потенциала. Определяющей чертой современного размещения населения в северных регионах является концентрация населения и населённых пунктов вокруг наиболее людных поселений и вдоль важнейших транспортных магистралей. В свою очередь, это способствовало дальнейшей поляризации северных территорий по уровню хозяйственной освоенности и заселённости, а также превращению расселения из ленточного и очагового в пятнистое и разреженное. Вследствие этого характерными особенностями пространственного распределения населения в зоне Севера будут оставаться непрерывное сокращение численности постоянного населения городов и районов Дальнего и Среднего Севера на фоне постепенного роста числа проживающих на Ближнем Севере; абсолютное преобладание городского населения; слабая и неравномерная заселённость территории; укрупнение размеров наиболее перспективных и ликвидация малолюдных поселений.

Стратегические приоритеты геополитического и экономического характера ставят различные цели в развитии расселения макрорегионов и опорного каркаса территории Российского Севера. Наибольшее предпочтение в заселении следует отдавать регионам, находящимся в подзоне Ближнего Севера, которые располагают наиболее благоприятными условиями для проживания пришлого населения и формирования стационарных поселений. Подзона Ближнего Севера должна рассматриваться как своеобразная буферная территория между регионами Главной полосы расселения и районами Среднего и Дальнего Севера. В её пределах целесообразно формирование опорных центров освоения северных территорий и базовых поселений по обслуживанию вахтовых и временных рабочих посёлков районов Крайнего Севера. Для повышения социально-экономического эффекта в условиях очагового освоения северных территорий необходимо локализовать связи в пределах ограниченных ареалов и более рационально организовать основные грузопотоки и перемещения людей на главных направлениях и трассах освоения.

Ведущим фактором консолидации отдельных территорий в единое экономическое пространство страны и повышения её экономической целостности должна стать реализация системы мер, направленных на улучшение межрегионального взаимодействия и усиление территориально-хозяйственной интеграции на разных таксономических уровнях, укрепление опорного каркаса территории на основе более согласованного развития его линейно-узловой и агломерационно-городской подсистем, транспортной инфраструктуры и поселенческой сети.

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление», Ижевский филиал Российского университета кооперации
kvp_ruk@mail.ru

МЕЗОУРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *субъекты хозяйствования, региональные и муниципальные факторы, макроэкономические модели, общественное воспроизводство.*
Keywords: *management subjects, regional and municipal factors, macroeconomic models, public reproduction.*

В настоящее время в макроэкономических научных концепциях, в теоретическом аспекте отражающих функционирование современной рыночной экономики на национальном уровне, как правило, выделяют 5 взаимодействующих субъектов: макропроизводитель, макропотребитель, государство (правительство), группа заграничных субъектов и социальные институты (такие, например, как профсоюзы). В соответствии с этим в российской Системе национальных счетов выделяются следующие секторы национальной экономики: нефинансовые корпорации, финансовые корпорации, государственное управление, домашние хозяйства и некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства. В составе этих секторов можно выделить следующие подсекторы [1]:

– нефинансовые корпорации: государственные предприятия; негосударственные национальные нефинансовые предприятия (акционерные общества, товарищества, кооперативы, частные предприятия и др.); иностранные нефинансовые предприятия;

– финансовые корпорации: банки; инвестиционные фонды; фондовые биржи; страховые компании; пенсионные фонды и др.;

– государственные учреждения: государственные учреждения и организации; государственные фонды социального обеспечения и другие внебюджетные фонды;

– некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства: общественные и религиозные организации (политические партии, профсоюзные организации, религиозные общества, спортивные организации, ассоциации потребителей, различные общества по интересам и др.); благотворительные общества и фонды; некоммерческие организации, создаваемые как подразделения предприятий и организаций (ведомственные больницы, поликлиники, санатории, спортивные базы, клубы и др.);

– домашние хозяйства: отдельные домашние хозяйства и принадлежащие им некорпорированные предприятия, например, подсобные хозяйства рабочих и служащих, индивидуальные крестьянские хозяйства и др.

Однако, на наш взгляд, кроме вышеперечисленных 5 субъектов в качестве самостоятельных необходимо выделить еще 2: региональный и муниципальный. Объясняется это рядом причин. Одной из них является то, что уже достаточно давно наряду с различными разновидностями и моделями рынка в качестве самостоятельного феномена фигурирует региональный рынок. Другой причиной является усиление влияния региональных факторов на темпы и уровень социально-экономического развития передовых стран. В этой связи целесообразно вспомнить о характерном для развитого мира процессе регионализации, выражающемся в происходящем в последние десятилетия росте собственных доходов территориальных бюджетов западных государств, в увеличении удельного веса региональных и муниципальных налогов в общей структуре налоговых поступлений в них и т.д.

В России, насчитывающей более 80 крупных субъектов Федерации и около 30 тысяч региональных бюджетов проблема учета территориального фактора в эффективном развитии национальной экономики еще более актуальна. Правда, учитывая многоаспектность понятия «регион», которое используется и для обозначения крупного региона мира (например, европейский, азиатский и пр.), и для относительно небольшой территории, необходимо уточнить, что нами имеется в виду. Выделяя региональный уровень в качестве еще одного самостоятельного субъекта, мы имеем в виду лишь те территориальные образования, которые составляют часть национальной экономики и имеют определенные властные структуры, способные регулировать протекание социально-экономических процессов на соответствующей территории. В территориальном устройстве современного российского общества под данное определение подходят субъекты Российской Федерации и федеральные округа. Более того, следует напомнить, что в России уровни субъектов Федерации и федеральных округов наряду с федеральным уровнем также относятся к системе государственного управления (в отличие от муниципального уровня).

Учитывая специфику функционирования региональной экономики целесообразно, на наш взгляд, при осуществлении теоретического анализа из государственного управления (государства) как одного из 5 взаимодействующих субъектов вычленять региональное управление в качестве еще одного самостоятельного (т.е. иначе говоря, шестого) субъекта. Действительно, ведь для эффективного функционирования экономики многих стран большое значе-

ние имеет оптимальное использование региональной собственности, территориальных бюджетов и налогов. Напомним, что на территории субъектов Российской Федерации выделяют следующие разновидности объектов собственности: федеральную собственность, исключительную собственность самого субъекта, а также собственность, находящуюся в совместном ведении как федерального центра, так и органов власти самого субъекта Российской Федерации. Каждый субъект имеет также и так называемые закрепленные (собственные) доходы, не зависящие от федерального центра, кроме этого, как правило, формируются и региональные внебюджетные фонды.

Наряду с региональным в качестве отдельного субъекта целесообразно, на наш взгляд, выделить также и муниципальный уровень. Правда, нередко в специальной литературе можно встретить мнение о том, что муниципалитеты являются разновидностью регионов и поэтому логично, что в этом случае нет необходимости в макроэкономической теории кроме регионального выделять еще и муниципальный уровень. Однако на это можно возразить следующее. В России в соответствии с ее Конституцией, принятой в декабре 1993 г., муниципальный уровень существенно отличается от регионального, отождествляемого здесь с уровнем субъекта Российской Федерации. Как уже выше отмечалось, в России региональный уровень (т.е. уровень субъекта Федерации) является наряду с федеральным разновидностью системы государственного управления. Муниципальный же уровень в соответствии с Конституцией России не относятся к этой системе.

Это в значительной мере объясняется тем, что в процессе формирования системы муниципалитетов в России была взята на вооружение так называемая англосаксонская модель, которая характеризуется более глубокой автономией местных органов и отсутствием выраженного подчинения их государственным властным структурам. ***Англосаксонская система*** **зародилась в Великобритании. Ее важнейший признак – отсутствие на местах полномочных представителей правительства, опекающих выборные органы [2]. Здесь имеет место двухступенчатая система местного управления – страна поделена на графства, а графства – на округа. Основу системы составляют графства, им переданы все важнейшие функции, которые по закону могли осуществлять местные выборные органы. Округа, за исключением метрополитенских, наделены второстепенными функциями.**

Для *США,* где также используется англосаксонский тип местного самоуправления, характерна высокая степень децентрализации функций государства в социально-экономической сфере. Федеративная система предоставляет штатам определенную экономическую автономию и широкие полномочия, местные органы в правовом отношении непосредственно зависят от них. Каждый штат имеет свою конституцию, в которой закреплены основные принципы и формы его государственного устройства и устройства местных органов.

Таким образом, в системе взаимоотношений между муниципалитетами (т.е. органами местного самоуправления) и государственными структурами, в т.ч. региональными органами власти российская практика (в основе которой лежит, как уже указывалось, преимущественно использование англосаксонской модели) характеризуется существенной автономией каждой из этих двух подсистем. В этих условиях вполне оправдано при проведении теоретического анализа выделение муниципального уровня в качестве отдельно субъекта. Это объясняется значительными объемами муниципальной экономики, включающей муниципальную собственность, муниципальные предприятия, муниципальные бюджеты и налоги, а также внебюджетные фонды. Правда, следует отметить, что наряду с англосаксонским типом местного самоуправления, который наиболее характерен для таких стран, как США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, существуют и иные модели и системы муниципалитетов. В развитых странах рыночной ориентации кроме англосаксонского типа выделяют также французский (континентальный) и смешанный типы местного самоуправления.

Французский (континентальный) тип местного управления впервые зародился во Франции [3]. **Статусом местных органов во *Франции* обладают департаменты и коммуны, причем основные административно-территориальные структуры являются одновременно и местными образованиями, и органами государственного управления. В настоящее время в стране насчитывается 95 департаментов и свыше 36 тыс. коммун. Кроме них в качестве государственных единиц управления выступают также административные округа и региональные органы.**

Департамент как местный орган в лице генерального совета наделен следующими полномочиями: создавать и организовывать определенные департаментские публичные службы и управлять ими; управлять имуществом департамента; принимать бюджет департамента и контролировать его исполнение; осуществлять функции совещательного органа департамента, хозяйственного планирования и регионального программирования. Высший орган коммуны – муниципальный совет, избирающий из своего состава мэра и его заместителей. Мэр представляет исполнительную власть коммуны и выступает в двух качествах – как глава самоуправления и как представитель центральной власти (в связи с тем, что коммуна является одновременно и государственным округом, и местным образованием).

В ряде других государств система местного самоуправления относится к тому же типу, что и во Франции, что однако не означает абсолютного дублирования. В *Италии*, например, имеет место трехзвенная система – в областях, провинциях и общинах. Области – это автономные структуры с самостоятельной ответственностью и функциями, провинции и общины – единицы местного управления в рамках территориального деления государства и областей. Как правило, область делегирует часть административных функций провинциям и общинам, выделяя им соответствующие финансовые средства (как областные, так и государственные).

Смешанный тип местного управления **наиболее характерен для Германии и Японии. В *Японии* местное управление двухзвенное: высшее звено – префектура, второе звено – города, поселки, деревни. Здесь действует Закон о местном самоуправлении, в котором содержится детальная регламентация его структуры, а также**

внутренней организации и компетенции местных органов всех уровней, что в определенной степени ограничивает свободу системы местного управления [4].

В *Германии* выделяют пять уровней территориального управления – федерация, земли, округа, районы и города в ранге районов, общины. Базовые единицы коммунального управления – общины, районы и города. Среди многообразия общин, являющихся низшими звеньями коммунальной системы, различают городские и сельские, однако во всех случаях в качестве представительного органа общины выступает совет. В стране не унифицированы требования к структуре коммунального управления и имеется много местных управляющих органов, обладающих индивидуальными чертами. Выделяют несколько типов муниципальной администрации, которые характеризуются определенными особенностями функциональных связей между выборными и исполнительными органами. Таким образом, в странах с развитой рыночной экономикой наблюдается широкий диапазон типов и форм местного управления.

При осуществлении теоретического анализа национальной экономики выделение муниципального уровня в качестве самостоятельного субъекта целесообразно, на наш взгляд, лишь для тех стран, где реализуются англосаксонская и смешанная модели местного самоуправления, тогда как в случае французской модели муниципальный уровень просто станет составным элементом регионального уровня. Может сложиться впечатление, что вопрос о количестве взаимодействующих субъектов, необходимых и в то же время достаточных для адекватного отражения в теории эффективного функционирования макроэкономики при рыночных отношениях не имеет большого практического значения.

Однако это мнение глубоко ошибочно. Так, использование в макроэкономических моделях наряду с пятью традиционными взаимодействующими субъектами, такими как макропроизводитель, макропотребитель, государство (правительство), группа заграничных субъектов и социальные институты еще двух – региональных и муниципальных органов власти (т.е. вместо 5 следует использовать 7 взаимодействующих субъектов) позволит не только более глубоко понимать происходящие социально-экономические процессы в системе общественного воспроизводства, но и внести серьезные изменения в Систему национальных счетов, где следует предусмотреть появление отдельных новых секторов национальной экономики, связанных с региональным и муниципальным уровнями.

Предложенный нами подход позволит также усилить взаимосвязь между экономической теорией и региональной экономикой, что должно позитивно сказаться на развитии обеих научных дисциплин. В этой связи стоит напомнить о том, что одной из важнейших причин весьма неэффективного реформирования российской экономики в 90-х годах XX века являлся недостаточный учет территориальных особенностей различных регионов страны при разработке стратегии общественного развития.

Подход, в котором регион рассматривается как полноценный хозяйствующий субъект рыночной экономики, позволит также существенно развить систему статистического учета межрегиональных взаимодействий [5]. Действительно, уточним сказанное. Региональная экономика как отрасль научных знаний достаточно давно и продуктивно разрабатывается отечественными и зарубежными исследователями. Интересные наработки имеются в теории территориального разделения труда, моделировании регионального развития, разработке схем и прогнозов развития и размещения производительных сил, исследовании территориальных закономерностей, циклов производства и т.п. Однако, на наш взгляд, целесообразно из всей совокупности проблем теории региональной экономики в особую группу выделить вопросы выявления общего и особенного в осуществлении хозяйственных процессов в различных районах страны, проблемы межрегиональных социально-экономических взаимодействий (межрегиональных технолого-производственных взаимосвязей, межрегионального товарообмена и т.п.), вопросы сравнительного анализа перехода к рынку в разных районах страны и прочее. Раздел же теории региональной экономики, который специализируется на рассмотрении и анализе такого рода проблем, имеет смысл обозначить как «межрегиональная экономика». Аналогично раздел теории региональной экологии, занимающейся рассмотрением и анализом вопросов экологических отношений и связей между различными регионами целесообразно обозначить как «межрегиональная экология».

Выделение межрегиональной экономики в качестве специального раздела экономической теории вполне оправдано, ибо, тем самым, акцентируется внимание на существовании особой группы проблем выявления общего и особенного в реализации экономических процессов в различных регионах, что должно в конечном счете интенсифицировать процесс их разрешения. Причем следует добавить, что раскрытие такого рода проблем может существенно повлиять на эффективность общественного воспроизводства в целом. Необходимо заметить, что вопросами межрегиональной экономики и отечественные, и зарубежные исследователи в той или иной форме занимались и раньше [6], правда, происходило это в основном спорадически. Как такового целенаправленного исследования межрегиональных социально-экономических проблем до сих пор не было и, поэтому для того, чтобы восполнить этот пробел, нужно создать условия и принять необходимые меры для полноценного и комплексного развития межрегиональной экономики как особой и специализированной теоретической дисциплины.

Таким образом, межрегиональные социально-экономические (в том числе и эколого-экономические) отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики и региональной экологии. В частности, в настоящее время не приходится говорить о существовании достаточно полной системы показателей, на основе которой можно получить всестороннюю комплексную информацию о состоянии и динамике межрегиональных хозяйственных взаимодействий и связей. Во многом именно с этим обстоятельством связано отсутствие полной и достаточно достоверной статистической информации об эколого-экономических отношениях между разными регионами России в условиях формирования рыночных отношений. В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных хозяйственных взаимосвязей.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю. Целесообразно использовать показатели регионального экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме. Правда, в этой связи может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами и поэтому в этих случаях более правильным было бы под региональным импортом и экспортом понимать соответственно ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели межрегионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволит осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (т.е. вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйствования осуществляются торговые операции – со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (т.е. иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с подходом, предложенным нами применительно к конкретному региону, под региональным экспортом понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под региональным импортом понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под межрегиональным вывозом понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под межрегиональным ввозом понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под совокупным вывозом из региона понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме между региональным экспортом и межрегиональным вывозом. Под совокупным ввозом в регион понимаются приобретенные как в других регионах страны, так и в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме регионального импорта и межрегионального ввоза. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (т.е. в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции, показатели объемов экологически грязных ингредиентов, движущихся из одного региона в другой, в том числе и объемы выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду и т.д. – этими вопросами должна заниматься межрегиональная экология).

Как известно, в статистике международной торговли выделяют также показатели экспортной квоты и импортной квоты, под которыми понимаются установленные государственными организациями соответственно объемы экспорта и импорта конкретных товаров. В определенном смысле эти понятия могут использоваться и на региональном уровне, ибо устанавливаемые в целом по стране количественные ограничения на экспорт и импорт определенных товаров далее распределяются по конкретным регионам. По аналогии, могут использоваться показатели квоты межрегионального ввоза или вывоза, а также квоты совокупного ввоза в регион или совокупного вывоза из региона (в том числе и экологически чистой продукции), причем такого рода квоты могут в принципе устанавливаться как на государственном уровне, так и самими региональными властными структурами. Последняя ситуация особенно часто встречается в условиях кризиса недопроизводства.

В статистике международной торговли выделяют также такой показатель, как чистый экспорт товаров и услуг, под которым понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом страны за год. Очевидно, что понятие чистого экспорта товаров и услуг может использоваться не только на национальном, но и на региональном уровне – в этом случае под чистым экспортом региона понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом региона за год. По аналогии имеет смысл для более точной оценки объемов межрегиональной торговли ввести понятия чистого межрегионального вывоза и чистого совокупного вывоза из региона. При этом под чистым межрегиональным вывозом следует понимать разницу между межрегиональным вывозом и межрегиональным ввозом конкретного региона за определенный период времени (обычно за год). В свою очередь под чистым совокупным вывозом из региона следует понимать разницу между совокупным вывозом из региона и совокупным ввозом в регион за год.

Учитывая высокую продуктивность использования аналогии между положениями теории международных экономических отношений и положениями теории межрегиональных экономических отношений, особое внимание следует уделить анализу такого важного показателя статистики международной торговли, каковым является внешнеторговый оборот. Как известно, под внешнеторговым оборотом понимается сумма стоимостей экспорта и импорта за определенный период: месяц, квартал, год. По аналогии можно ввести понятие внешнеторгового оборота региона, под которым следует понимать сумму стоимостей регионального экспорта и регионального импорта за определенный период. Для более точной оценки объемов межрегиональной торговли целесообразно использовать такие показатели межрегионального оборота (или товарооборота), определенного для конкретного региона и совокупного внешнеторгового оборота региона. При этом под межрегиональным оборотом региона следует понимать сумму межрегионального ввоза и межрегионального вывоза региона за определенный период: месяц, квартал, год. Под совокупным внешнеторговым оборотом региона следует понимать сумму совокупного ввоза в регион и совокупного вывозом из региона за определенный период. Все эти показатели можно использовать и для учета экологически чистой продукции.

Таким образом, группа статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, включает значительно больше показателей, чем аналогичная группа показателей, характеризующих международную торговлю. Это связано с тем, что регион как объект хозяйствования в системе торговли связан с большим числом разновидностей хозяйственных объектов, чем страна как объект хозяйствования в системе международной торговли, поскольку регион, как правило, имеет торговые отношения не только с другими регионами, но и с другими государствами. Именно поэтому в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю наряду с показателями экспорта, импорта, внешнеторгового оборота (то есть наряду с показателями, характеризующими также и международную торговлю) целесообразно включить и такие показатели, как межрегиональный оборот, совокупный внешнеторговый оборот региона и ряд других, специфичных именно для статистики межрегиональной торговли. Причем удельный вес такого рода специфичных показателей в общей группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, напрямую будет зависеть от той доли, какую во внешней торговле данного региона занимает межрегиональная торговля, а какую – торговля с другими государствами.

Важно учитывать также следующее обстоятельство. Подобно тому, как мировой товарооборот определяется путем суммирования внешнеторгового оборота всех государств планеты, можно определять межрегиональный товарооборот каждой страны путем суммирования межрегионального товарооборота каждого ее региона. Именно эта величина и характеризует на макроуровне взаимосвязь всех регионов страны в сфере торговли, причем межрегиональный товарооборот государства меньше национального товарооборота на величину суммы внутрирегионального товарооборота каждого региона (очевидно, что товарооборот любого региона слагается из двух частей: межрегионального товарооборота региона и его внутрирегионального товарооборота). В группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, необходимо учитывать также показатели товарной структуры и географического распределения межрегиональной торговли (в том числе и экологически чистой продукции), показатели торгового баланса региона, причем все показатели следует учитывать не только в статике, во и в динамике. Заканчивая рассмотрение вопросов о группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, нельзя не коснуться и еще одного.

В соответствии с кейнсианской теорией экспорт оказывает множительное (мультиплицированное) воздействие на доход, подобно инвестициям и государственным расходам. Поэтому экспорт и импорт, как и другие составляющие совокупных расходов, действуют с мультипликационным эффектом. В связи с этим при анализе торговых отношений на теоретическом уровне существенную роль играет такой показатель, как мультипликатор внешней торговли, который характеризует зависимость между приростом национального дохода и вызвавшим этот прирост чистым экспортом товаров и услуг. Причем, ясно, что этот показатель может использоваться и на региональном уровне. Очевидно, что по аналогии можно ввести понятие мультипликатора межрегиональной торговли, который характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым межрегиональным вывозом. Сумма мультипликатора межрегиональной торговли и мультипликатора внешней торговли региона будет равна мультипликатору совокупной внерегиональной торговли данного региона. Этот показатель характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым совокупным вывозом из региона.

Наряду с межтерриториальной торговлей важнейшей формой межрегиональных экономических отношений является межтерриториальная миграция рабочей силы. Поэтому другой важнейшей группой показателей, характеризующих межрегиональные взаимодействия, является блок показателей межрегиональной миграции рабочей силы. Эта группа показателей достаточно полно разработана, рассмотрим их подробнее.

Здесь выделяют такие показатели, как число выбывших из региона за определенный период (в том числе в трудоспособном возрасте), число прибывших в регион, сальдо миграции, отраслевая и территориальная структура миграции, доля выбывших и прибывших в общей численности жителей региона и т.д. Важнейшую роль в осуществлении межрегиональных взаимодействий играет транспорт как грузовой, так и пассажирский. Показатели статистики транспорта включают следующую систему показателей: показатели статистики перевозок, эксплуатационной деятельности подвижного состава, материально-технической базы транспорта, статистики труда, статистики издержек производства и себестоимости перевозок, статистики финансов транспорта. Причем многие показатели из этой системы имеют непосредственное отношение к характеристике межрегиональных взаимодействий – например, показатели важнейшего раздела транспортной статистики, характеризующие результаты основной деятельности транспорта по перемещению созданного продукта или пассажиров из одного региона в другой, коэффициент равномерности перевозок по направлениям и ряд других.

Наряду с физическими потоками товаров и перемещением населения существуют и другие типы межрегиональных связей. Другие потоки, такие, например, как денежные и коммуникационные, оставаясь большей частью невидимыми, имеют не менее важное значение. В связи с этим в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические взаимодействия, необходимо включить группы показателей, отражающих межтерриториальное движение капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств (в том числе на природоохранный мероприятия), информационных потоков. Так, например, показатель сальдо по движению капиталов и инвестиций учитывает приток и отток капиталов из региона. Очевидно, что инвестирование капиталов из других регионов и стран в какой-то регион означает приток капитала, равно как и размещение акций и облигаций в других регионах и странах и получение краткосрочных ссуд извне. Наоборот, инвестирование капиталов, созданных в регионе, в другие регионы и страны, покупка предприятиями и населением региона облигаций, акций в других странах и регионах, а также предоставление краткосрочных ссуд экономическим субъектам в других регионах формирует отток капитала из региона.

В отдельный блок следует выделить группу показателей, характеризующих социальный аспект межрегиональных отношений, межтерриториальных взаимодействий. Сюда, прежде всего, следует отнести показатели, связанные с

миграцией рабочей силы из одного региона в другой, что позволит уменьшить территориальную дифференциацию по уровню безработицы. В эту группу следует отнести такие показатели, как сальдо межрегионального миграционного обмена, количество уехавших из региона с высоким уровнем безработицы, количество приехавших и уехавших специалистов определенного профиля и ряд других.

Таким образом, система показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические отношения и хозяйственные связи должна включать различные блоки, группы показателей: показатели межрегиональной торговли, миграции населения, межтерриториального перемещения капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств, информации. В особую группу следует выделить сводные показатели, дающие комплексную оценку динамики межрегиональных экономических отношений – сюда следует отнести показатели платежного баланса регионов, торгового баланса и пр. В каждой из этих групп показателей следует выделить те показатели, которые характеризуют природоохранную деятельность.

Таким образом, очевидно, что увеличение используемых в макроэкономических моделях количества субъектов хозяйствования окажет положительное влияние не только на развитие экономической теории, но и позитивно скажется на практике хозяйствования, особенно на региональном и муниципальном уровнях.

Список литературы

1. Сингизова Н.Б. Основные характеристики экономики региона, как системы // Воспроизводственный потенциал региона: материалы IV Международной научно-практической конференции, 3–5 июня 2010 г., г. Уфа. Ч.1. / Отв. ред. проф. К.Н. Юсупов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 300–306.
2. Павлов К.В. Система местного управления в регионах России и опыт развитых стран // Проблемы теории и практики управления. – М., 1999. – № 5. – С. 81–83.
3. Территориальное управление общественным производством. Словарь-справочник / Под ред. А.П.Сысоева и Д.Г.Черника. – М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1993. – 176 с.
4. Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. – М.: Наука, 1982. – 208 с.
5. Павлов К.В. Региональные эколого-экономические системы. – М.: Магистр, 2009. – 351 с.
6. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: Сокр. перев. с англ. – М.: Прогресс, 1968. – 659 с.

Петросянц В.З.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН
Петросянц Д.В.
к.э.н., доцент Финансового университета

СИСТЕМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ФЕДЕРАЛИЗМА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ИНСТРУМЕНТЫ[1]

Ключевые слова: *федерализм, регулирование, региональное развитие, проблемный регион, межрегиональные различия.*

Keywords*: federalism, regulation, regional development, problem region, interregional differences.*

Имеющая место территориальная асимметрия в развитии российского государства приводит к возникновению межрегиональных противоречий, к столкновению федеральных и региональных интересов, что ведет к дезинтеграции экономического пространства, к нарастанию конфедеративных процессов. Такая асимметрия вызвана не только значительными масштабами территории страны, различиями природно-климатических условий, оснащенностью производственными фондами, финансовыми ресурсами, ослаблением внутренних экономических связей, но и другими факторами, связанными с трансформацией общественно-политической среды, с менталитетом местного населения, его исторически сложившимися культурными традициями, трудовыми навыками и религиозными убеждениями. Все это свидетельствуют о том, что региональное развитие не может осуществляться стихийно без государственного вмешательства посредством использования соответствующих экономических (и не только) механизмов (инструментов), позволяющих осуществлять сглаживание потенциальных источников социально-экономической поляризации регионов, сохранять целостность и единство России.

Наиболее сложно и противоречиво процессы развития осуществляются в проблемных регионах, которые в силу различных причин внутреннего и внешнего характера становятся центрами социально-экономических напряжений. Применяемые на практике инструменты (механизмы) государственного регулирования регионального развития не дают должного эффекта в подтягивании уровней социально-экономического развития проблемных территорий. Объективно обозначается необходимость в разработке системы регулирования регионального развития, конструктивную основу которой составляют принципы федерализма, определяющие методологию государственной региональной политики Российской Федерации.

В самом общем виде под федерализмом понимается порядок отношений субъектов Федерации между собой и с федеральным Центром, базирующихся на разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации с позиций их конституционно-правового равенства в этих отношениях.

Особенности российского федерализма определяются принципами, формирующими характер взаимоотношений между федеральной и региональной властью, а также между самими субъектами. К таким принципам относятся государственная и территориальная целостность страны, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, равноправие и самоопределение народов Российской Федерации[2].

Соответственно, принцип территориальной целостности означает, что российское государство является не простым объединением образующих ее субъектов, а представляет собой единое целое, в котором обеспечивается неприкосновенность всей территории страны.

Принцип единства системы государственной власти в России определяется наличием совокупности соответствующих органов, необходимых для осуществления всех функций государства. При этом полномочия каждого из этих органов не могут предписывать одновременно другим, что собственно и формирует единую государственную власть.

Основой принципа разграничения полномочий между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ являются соответствующие положения Конституции РФ, Федеративного договора и других документов, регламентирующих перераспределение предметов ведения между федеральными и региональными органами власти. При этом субъекты Федерации обладают равным кругом предметов ведения и полномочий, равным представительством в Совете Федерации, наделены равными правами при заключении договоров и соглашений между собой и с федеральным Центром.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093а.

[2] Артамонов А.Д. Особенности российского федерализма в системе государственного управления / А.Д. Артамонов // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 8. – С. 110–113.

Для многонациональной России (на ее территории проживает более 170 народов) крайне важным является принцип равноправия и самоопределения народов. В рамках реализации этого принципа всем народам России гарантируется конституционно закрепленное право на сохранение, изучение и развитие родного языка. Кроме того в Конституции РФ закреплены положения, относящиеся к статусу государственных языков республик в их соотношении со статусом государственного языка Российской Федерации.

Особенности российского федерализма определяют и порядок реализации государственных функций, среди которых одно из главенствующих положений занимает экономическая функция. Действительно, именно на государство ложится ответственность за состояние экономики, поскольку в зависимости от этого состояния обеспечивается качество реализации другой не менее важной социальной функции. Исходя из этого, объективно выстраивается ключевая задача российского государства – обеспечение устойчивого экономического роста и создание для этого благоприятных политико-правовых условий. Отсюда вытекает необходимость соотносить подходы к хозяйственному развитию и принципы экономических отношений с базовыми положениями федеративного обустройства страны.

С этих позиций непосредственно государственная региональная политика также должна рассматриваться через призму федеративных отношений, направленных на осуществление общегосударственных подходов к вопросам социально-экономического развития конкретных территорий в составе Российской Федерации. Актуальность такой позиции по отношению к формированию и реализации региональной политики подтверждается масштабностью территории российского государства, наличием значительных ресурсов, огромными транспортными расходами, многообразием природно-климатическими условий, территориально-отраслевыми диспропорциями в социально-экономическом развитии, сложным этнокультурным составом населения, существенными различиями уровня жизни в регионах. Объективно базовой задачей государственной региональной политики становится приведение разнородных социально-экономических, природно-географических и этнокультурных территориальных образований в единое социально-экономическое пространство[1].

Необходимость реализации такой политики обусловливается еще и тем, что имеющие место региональные различия и диспропорции не только продолжают сохраняться, но и в некоторых случаях под воздействием кризисных явлений в экономике даже усиливаться. В то же время в составе Российской Федерации имеются и достаточно экономически развитые регионы, обладающие мощным ресурсным потенциалом и соответствующими высокими доходами. Но таких регионов не так уж много. Значительное число субъектов Федерации попадают в разряд проблемных с депрессивной экономикой регионов, у которых длительное время наблюдается устойчивое экономическое отставание и крайне низкая способность к самостоятельному развитию. При этом нельзя не отметить и то, что большая часть субъектов Российской Федерации располагает ресурсными рентообразующими возможностями для решения задач жизнеобеспечения населения. Это предполагает в рамках реализации региональной политики поиск новых дифференцированных подходов в управлении развитием субъектов Федерации, которое должно быть направлено на снятие искусственных ограничений экономического роста по регионам, устранение недостатков их трансфертного обслуживания, создание эффективных механизмов экономического роста[2].

В то же время крайне важным является и то, что регионы (субъекты Федерации) приобретают все большую самостоятельность в решении стоящих перед ними проблем социально-экономического характера. С этих позиций объективно обозначается необходимость в формировании на территории региона обоснованной, целенаправленной, эффективной деятельности долгосрочного характера, способной преодолеть возникающие проблемы и нивелировать тенденции, замедляющие экономический рост. Именно такой подход к вопросам регионального развития особую важность приобретает применительно к проблемным с депрессивной экономикой регионам – источникам различного рода противоречий, порождающих социальные, экономические, политические, экологические катаклизмы и другие проблемы, затрудняя межрегиональное взаимодействие и сотрудничество.

Собственно, регулирование регионального развития осуществляется посредством различных методов, которые в самом общем виде можно подразделить на два вида – прямые и косвенные. Прямое регулирование предполагает использование административных методов, которые базируются на конституционно и законодательно закрепленных возможностях государства в области разрешения, запрета и даже принуждения. Косвенное же регулирование осуществляется путем использования экономических методов, суть которых состоит в опосредованном воздействии на процессы развития субъектов Федерации с позиций региональных интересов.

Несмотря на то, что в условиях рыночных отношениях область использования административных методов регулирования регионального развития ограничена, их применение по многим позициям остается необходимым.

Действительно, имеют место сферы, где применение административных методов эффективно и не имеет альтернативы. К ним можно отнести строгий государственный контроль в области антимонопольного законодательства; регулирование негативных последствий от хозяйственной деятельности для окружающей среды; разработку и соблюдение экологических стандартов, гарантирующих населению экологическую безопасность; обоснование и поддержание минимально допустимых стандартов благосостояния населения – пенсионное обеспечение, гарантированный минимум заработной платы, пособие по безработице и т.п. Фактически административные методы управления, если они экономически обоснованы, становятся неотъемлемой составляющей системы регулирования регионального развития и ни в коей мере не противоречат рыночным отношениям.

---

[1] Замятин Д.Д., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // Полис. Политические исследования. – М., 2000. – № 5. – С. 98–107.

[2] Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона / РАН; Дагестанский научный центр; Институт социально-экономических исследований. – М.: Наука, 2005. – С. 189.

Экономические методы регулирования регионального развития располагают значительным арсеналом инструментальных средств, которые можно сгруппировать по нескольким позициям: программирование и прогнозирование; макро- и микрорегуляторы экономического развития; бюджетно-налоговая политика[1].

Мировой и отечественный опыт в области регулирования развития проблемных регионов, преодоления их экономической отсталости убедительно демонстрирует эффективность применения **программно-целевых** методов управления, **в рамках которых осуществляются прогнозные оценки регионального развития и на их основе разрабатываются с последующей реализацией различного рода территориально-отраслевые** программы. Посредством региональных программ определяются стратегические приоритеты развития того или иного региона с позиций согласования региональных и государственных интересов, а также формирования единого экономического пространства.

Современная практика формирования и использования региональных программ выделяет следующие их виды: межгосударственные, федеральные и непосредственно региональные. Региональные программы могут быть специализированными, формироваться по отраслевому принципу и комплексными, охватывающие все сферы социально-экономического развития и обустройства региона. Они классифицируются по ряду признаков – территориальная локализация, функциональная принадлежность, отраслевая ориентация, масштабность, продолжительность и т.д. При этом региональные программы могут сочетать в себе несколько квалификационных признаков.

В процессе реализации региональных программ, как правило, осуществляется решение значительного числа задач, обеспечивающих динамизм регионального развития, формирование собственной устойчивой экономической базы, реальный рост уровня жизни населения. К таким задачам можно отнести:

– сглаживание межтерриториальных различий по уровню экономического, социального и инновационного развития;

– реструктуризацию региональной хозяйственной системы, создание ее оптимальной территориально-отраслевой структуры с позиций адаптации к местным условиям и вызовам внешней среды;

– формирование условий для эффективного использования природных, материальных и трудовых ресурсов региона;

– обеспечение экологической безопасности и охрана окружающей среды;

– рост инвестиционной привлекательности региона;

– улучшение условий проживания: развитие социальной инфраструктуры, возрождение культуры, стабилизация общественно-политической и правовой обстановки и т.д.[2]

В то же время нельзя не отметить и то, что современная практика разработки и реализации региональных программ имеет ряд существенных недостатков. В отдельных случаях имеет место недостаточная проработанность ресурсных возможностей региона, в других отсутствует системность в подходах к решению заявленных проблем, что приводит к завышению запросов в части финансового обеспечения программы. Эти и другие обстоятельства зачастую приводят к нарушению масштабов и сроков реализации целевых программ, снижению их эффективности в процессе регулирования развития того или иного региона.

Инструменты регулирования регионального развития можно разделить на две группы. Общеэкономические, универсального характера регуляторы (макроинструменты), определяющие условия деятельности многих хозяйствующих субъектов в конкретном регионе и регуляторы адресного действия (микроинструменты).

Общеэкономические регуляторы используются в целях стимулирования экономического роста в регионе, подъема конкурентоспособности его хозяйственного комплекса и представляют собой территориально дифференцированные параметры (нормативы, ставки, тарифы и др.) и условия общегосударственной налоговой, кредитной, инвестиционной, социальной политики. В то же время следует отметить, что область применения дифференцированных макроэкономических регуляторов весьма ограниченна, поскольку практика массовых региональных льгот может привести к увеличению несбалансированности бюджетной системы в целом и усложнению процессов регулирования денежных средств и кредитных ресурсов.

Современная практика регулирования регионального развития в большей мере ориентирована на использование микроинструментов. В частности, в целях обеспечения эффективной занятости в регионах (особенно трудоизбыточных) на государственные средства может быть организована переподготовка кадров, выделены целевые кредиты для создания новых рабочих мест, а также стимулирование межрегионального перемещения рабочей силы за счет компенсации части затрат на переезд, выдачу ссуд на новое жилье и т.д. Крайне важным, в целях экономического развития региона, перевода его на инновационный путь развития, представляется использование таких микрорегуляторов как различного рода инвестиционные гранты, выделяемые конкретным субъектам хозяйствования на решение конкретных адресных задач.

Среди многообразия инструментальных средств регулирования регионального развития, межрегиональных отношений особая роль отводится бюджетной системе. Бюджетная система Российской Федерации включает в себя бюджеты трех уровней: федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов, бюджеты субъектов Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, местные бюджеты. Все эти

[1] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / Государственный университет – Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 495.

[2] Кохужева С.Н. Программно-целевое управление социально-экономическим развитием региона: роль организационно-экономического механизма в разработке региональных целевых программ социально-экономического развития ва // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 8, вып. 1. – С. 156–161.

бюджеты взаимосвязаны между собой экономическими отношениями каналами прямой и обратной связи и в соответствии с федеративным обустройством российского государства, разграничениями прав и полномочий между Центром и субъектами Федерации формируют основы бюджетного федерализма – сочетание автономности бюджетов всех уровней и межбюджетных отношений[1].

Бюджетный федерализм базируется на ряде принципах, среди которых можно выделить:

– законодательно закрепленное разграничение полномочий в части расходов бюджетных средств между органами власти всех уровней управления;

– обеспечение финансовыми ресурсами всех уровней власти в соответствии с их функциональными полномочиями;

– единство для всех уровней бюджетной системы формализованных методов регулирования бюджетов и межбюджетных отношений;

– самостоятельность и равноправие бюджетов всех уровней, включая определение направлений использования бюджетных средств и подконтрольность его исполнения соответствующим представительным органам власти.

По сути, бюджетный федерализм представляет собой правовое разделение полномочий между федеральными органами власти, региональными властями и органами местного самоуправления в бюджетно-финансовой сфере. При этом нельзя не отметить и то, что функционально он в первую очередь направлен на решение задач, связанных в основном с поддержанием относительной текущей сбалансированности межрегиональных различий.

В совокупности эти методы и инструменты дополняют друг друга и могут быть систематизированы в той или иной конфигурации применительно к особенностям, целям и задачам развития конкретных проблемных регионов в составе Российской Федерации.

[1] Горегляд В.П. Уроки бюджетного федерализма: 20 лет реформ // Федерализм. – М., 2016. – № 1. – С. 91–106.

Попадюк Н.К.
д.э.н., доцент, профессор кафедры ГМУ Финансового университета

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО КАПИТАЛА И СЦЕНАРИИ РЕАКЦИИ НА УГЛУБЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: *государственный капитал, муниципальный капитал, бюрократический капитал, бюрократическая рента, муниципальные органы управления, глобальный финансово-экономический кризис, региональные органы государственного управления, органы местного самоуправления, муниципально-частное партнерство, бизнес-инициатива по развитию района.*

В результате рыночных преобразований, проведенных в нашей стране с рубежа 1980–1990-х годов, в России был создан государственный капитализм, переходящий в государственно-монополистический капитализм по форме, и бюрократический капитализм по содержанию. Для политэкономии капитализма бюрократический капитализм не является неким новым неисследованным феноменом. В политэкономии бюрократический капитализм достаточно подробно рассмотрен прежде всего на материалах афро-азиатских стран в отечественной востоковедческой литературе[1]. В современной политэкономической литературе обстоятельный научный анализ бюрократического капитализма в России представлен А.Ф. Храмцовым [5] и А.Г. Худокормовым [6], а также в работе автора настоящей статьи [4]. Такое вступление необходимо для того, чтобы субъектизировать владение и пользование государственным и муниципальным капиталом и предположить возможные дальнейшие сценарии развития местных органов самоуправления.

Наличие такой имманентной для государственного капитализма составной части, как государственный капитал, никого из экономистов не удивляет – это как бы подразумевается. Под государственным капиталом понимается актив, функционирование которого обеспечивает приращение экономической мощности государства, понимаемой в экономическом плане как увеличение стоимости государственного актива, наращивание капитализации государства. В содержательном плане состав последнего (государственного капитала) формируют имущественные комплексы и финансовые ресурсы государства (государственные унитарные предприятия с находящимся на его балансе оборудованием, средства государственного бюджета, средства внебюджетных фондов и другие элементы государственной казны (казенные предприятия и учреждения), земля в части, находящейся в государственной собственности, капитализированные природные, в т.ч. нефтегазовые, ресурсы, другие природные ресурсы, включая леса, и т.п.). Чем мощнее потенциал государственного капитала, тем при прочих равных условиях мощнее страна, и с этим тоже все согласны.

Однако попыток рассмотреть, каким образом этот капитал работает, практически не предпринималось. Это обусловлено отчасти тем, что в парадигме «экономикс» такого рода исследования никого не интересовали, а в парадигме марксистской политэкономии пока до этого не дошли, потому что благодаря тому, что мэйнстрим экономической теории прочно занят сторонниками либеральных концепций современности как естественной тотальности, и они, контролируя основные экономические издания, не пускают туда иные концепты государства, кроме как «ночного сторожа».

Но если наличие для государственного капитализма такой его имманентной составной части, как государственный капитал, никого из экономистов не удивляет, то вопрос, а кто субъект реализации этого капитала, кто его бенефициар, – даже не ставится. Имплицитно предполагается, что бенефициаром эксплуатации государственного капитала является государство. Но и государство в своих различных функциях субъектизируется, и каждая функция государственного управления представлена соответствующим субъектом ее реализации.

Управление государственным капиталом должны осуществлять соответствующие специалисты, профессионально подготовленные для этого чиновники. Для того чтобы не было соблазна использовать право распоряжаться имущественными и денежными потоками государства в корыстных целях (казнокрадство, неэффективное и нецелевое использование бюджетных средств и т.п.), должен существовать соответствующий общественный (народный) контроль. Вот здесь и нужны демократические процедуры, призванные обеспечить соблюдение чиновниками ответственности, реализуемой прежде всего в форме подотчетности государственных чиновников по всем принятым решениям и расходованием государственных средств представительным формам народной власти. Однако, как раз такой контроль был устранен сразу после упразднения советской власти. Отсутствие социалистического контроля над социальными процессами в советском обществе способствовало расширению теневой экономики, обуржуазиванию общественного

[1] Меликсетов А.В. Бюрократический капитал в Китае: экономическая политика Гоминьдана и развитие госкапитализма в 1927–1937 гг. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – 199 с.; Демин Л.М., Другов А.Ю., Чуфрин Г.И. Индонезия: закономерности, тенденции, перспективы развития. – М.: Наука, ГИВЛ, 1987. – 216 с.; Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. – М., 1964; Чешков М.А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. – М.: Наука, ГИВЛ, 1979. – 243 с. и др.

сознания значительных слоев населения. Постепенное овладение общественным сознанием благодаря популяризаторам рыночного социализма в СМИ и пропагандируемым «главными коммунистами» Горбачевым и Яковлевым так называемых «общечеловеческих ценностей», привело к тому, что пролетарский демократизм сдвинулся на периферию, чтобы вскоре занять совсем маргинальное положение в структуре общественных ценностей.

В соответствии с классикой политэкономии следует подчеркнуть, что для капитала в его марксистском понимании имманентными характеристическими особенностями, делающими его капиталом, являются как минимум два атрибута – 1) капитал есть продукт и форма проявления частной собственности, а значит – должен противостоять частной собственности класс наемных работников и 2) капитал – это стоимость, наращивающая стоимость, или стоимость, приносящая прибавочную стоимость, за счет неэквивалентного обмена при покупке рабочей силы наемных работников. Поэтому и в государственном капитале надо идентифицировать эти две его стороны. В рамках глобального капитализма, в который встроена и Россия, требуют специального рассмотрения перераспределительные отношения, складывающиеся между странами и внутри страны между ее регионами, но в порядке постановки самой проблематики современного состояния государственного и муниципального капитала пока этим можно пренебречь. Кроме того, это требует специального методологического инструментария измерения созданной стоимости в ценах стоимостного уровня [3, с. 47–57], нивелирующей колебания мировой валюты.

Складывалась ситуация, когда управляющий центр государства все более превращался уже не столько в аппарат высшей государственной бюрократии, сколько в аппарат бюрократической буржуазии. Как и положено буржуазии, обуржуазиваемая государственная бюрократия подменила свое служение государству возмездными отношениями, предлагая на продажу уже не свою рабочую силу, хотя формально являлась наемными работниками, а государственные услуги, что она и закрепила в нормативно-правовых документах. Поэтому не совсем прав А.Ф. Храмцов, когда, справедливо утверждая, что социальная стратегия бюрократии нередко заменялась примитивной мимикрией, приводил в качестве примера инициированное ею «провозглашение такой части госбюджетников, как чиновничество, «государственными служащими», а собственно государственных служащих по мировой классификации – «госбюджетниками» [5, с. 160]. Не совсем прав, потому что здесь как раз имела место не примитивная мимикрия, а явное позиционирование бюрократической буржуазией себя как класса, и сделано это – по классовому чутью с пониманием того, что продает бюрократическая буржуазия не свою рабочую силу как пролетарий умственного труда государству, а продает товар – государственные услуги. Причем, не просто – государственные услуги, а их – как носителя «права» на получение своей бюрократической ренты.

Согласно классикам, государство есть аппарат принуждения меньшинством большинства, орудие господствующего класса для сохранения своего классового превосходства со всеми институтами насилия – полицией, армией, спецслужбами, судами, пенитенциарной системой. Попытка построить народное государство в Советском Союзе не удалась в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств [4, с. 360–382]. В условиях капитализма, в том числе бюрократического, каким был «развитой социализм», государство есть инструмент правящего класса – применительно к СССР – бюрократической буржуазии, получившей наименование номенклатуры. То же сохраняется и в настоящее время, несмотря на наличие крупных собственников в лице олигархиата (противостояние в бюрократической элите Березовского, Гусинского и Ходорковского закончилось их изгнанием из страны).

Бюрократический капитал есть характерная для бюрократического капитализма специфическая форма незаконного присвоения прибавочного продукта через перераспределение в пользу бюрократической буржуазии вновь созданной стоимости. Для этого используются различные организационно-управленческие технологии в интересах бюрократической буржуазии и в ущерб государству и стране. Известно, каким образом идет бесконтрольное расходование бюджетных средств для удовлетворения потребностей постсоветской бюрократической буржуазии на всех уровнях государственного управления, включая взятое в явочном порядке право устанавливать себе заработную плату с бонусами и привилегиями. Такое понимание бюрократического капитала характерно и для французских исследователей (в том числе и для П. Бурдье), и для современных российских исследователей. Что это – не формальное подчинение труда бюрократическому капиталу, а реальное, когда бюрократической буржуазией вопреки желанию и интересам граждан присваивается стоимость, созданная ими, в отечественной литературе не рассматривается. Данное утверждение могло быть сделано лишь марксистской политэкономией, но ее поэтому официально и дискредитировали и для этого изгнали из официальной теоретико-экономической парадигмы, чтобы она не вспоминала такие известные любому советскому обществоведу понятия, как «личная уния чиновников», «сращивание государства и бизнеса» и т.п. Теперь об этом, называя это «приватизацией кейнсианства», говорят английские исследователи [2, с. 93–97].

Любая модель государственного капитализма, т.е. общественно-экономической системы, независимо от того, рефлексируется ли в его основе государственный капитал или нет, предполагает муниципальный уровень. Последний согласно Хартии о местной власти, принятой в Европейском Союзе, представлен самостоятельными муниципальными общинами со своим самоуправлением и муниципальным имуществом, казной и т.п. Естественно считать, что наряду с государственным капиталом в такой общественно-политической модели существует и муниципальный капитал.

Муниципальный капитал содержательно включает имущество органов МСУ (муниципальная недвижимость: земельные участки, здания и сооружения, оборудование, жилищный фонд и нежилые помещения, оборудование, системы инженерно-технического обеспечения жилищно-коммунального хозяйства), муниципальные унитарные предприятия и бюджетные учреждения, муниципальная казна (муниципальный бюджет и внебюджетные муниципальные фонды, ценные бумаги (муниципальные доли в хозяйственных обществах, акции приватизированных предприятий, вклады в банках, валюта и т.п.), памятники истории и культуры местного значения, парки и насаждения, малые архитектурные формы и т.п.

Как и в государственном, в муниципальном капитале надо также идентифицировать две его имманентные стороны. В качестве стороны субъектизации здесь выступают муниципальные служащие с главой администрации муниципального образования и его заместителей. Здесь сформировалась бюрократическая буржуазия муниципального уровня. Значительное ограничение масштабов получения бюрократической ренты произошло в результате введения многофункциональных центров (МФЦ), оказывающих муниципальные услуги населению. Однако это не устраняет сам феномен бюрократической буржуазии на муниципальном уровне. Взамен утраты части бюрократической ренты, вызванной введением МФЦ, появились новые возможности мздоимства и вымогательства, связанные с тесным взаимодействием со структурами ювенальной юстиции, потребнадзора и т.п.

Кроме того, подобно отмеченному на государственном уровне феномену государственно-частного партнерства в форме «приватизации кейнсианства» в одной из самых рыночных стран – Англии, также потенциальное будущее рисует и практика муниципально-частного партнерства в опыте глашатаев демократических ценностей по другую сторону океана. Так, согласно известному американскому специалисту-урбанисту Шарон Зукин получает развитие новая модель управления муниципальных пространств городов США, когда владельцы предприятий и недвижимости «сами облагают себя налогом на содержание и развитие общественных зон и брать эти зоны в свое управление» [1, с. 59]. Этот формат получил название Бизнес инициатива по развитию района (БИРР). Поскольку, пишет Ш.Зукин, городские власти еще «со времен бюджетного кризиса 1975 года постепенно снижают расходы на уборку и вывоз мусора с торговых улиц», эти расходы за контроль над принадлежащими городу улицами взяли на себя БИРРы [1, с. 59], тем самым приватизируя общественно-муниципальное пространство, нанимая и частную охрану, формируя повышенный спрос на ее численность, решая самостоятельно девелоперские проблемы на приватизированное в явочном порядке пространство улиц. В настоящее время такая практика характерна для большинства городов США [1, с. 60–62].

Наш отечественный либеральный истеблишмент на федеральном, региональном и муниципальном уровнях готов перенимать все «современные» формы либерализации. В этой связи, поскольку не удастся оперативно поменять в центре и на местах компрадорскую и бюрократическую буржуазию, а значит – логика их действий в условиях ограничения денежных потоков будет предсказуема, то в качестве вероятного сценария в условиях продолжающегося углубления глобального финансово-экономического кризиса особенности усугубления кризиса в России видятся в следующем.

Следует ожидать такие сейчас не представляемые формы реакции муниципальных образований на усугубление кризиса, как передел сфер влияния муниципальных образований в зависимости от уровня концентрации муниципальных капиталов, их слияния и поглощения, особенно на уровне городских агломераций, централизация муниципальных капиталов городских агломераций, переформатирование материально-денежных протоков, обусловленных межмуниципальной конкуренцией. Муниципальное сообщество первое время будет безучастно к таким преобразованиям. Укрупнение муниципальных образований позволит принимать более решительные меры и по отношению к требованиям региональных органов государственного управления, которые также для решения своих антикризисных программ усилят свое давление на муниципальные образования, в том числе увеличивая и налоговую нагрузку.

Кроме того, реакция на кризис со стороны правительств субъектов Российской Федерации также будет агрессивна:

- удержание доходов, получаемых на территории региона, в региональном бюджете без передачи по каналам межбюджетных отношений в центр;
- огораживание своей территории для локализации производства и потребления и
- возрождение бартеризации хозяйственных связей, опробованной в условиях начала 1990-х годов:

В определенной мере такое поведение будет подсказывать модель и для местного самоуправления, особенно для наиболее мощных муниципальных образований на уровне административных районом и городских округов:

- активизация межтерриториальных связей, минуя региональные органы государственного управления;
- выплата натурой производимой на предприятиях, расположенных на территории муниципальных образований продукции, если это ТНП или продовольствие.

Таким образом, субъектизация муниципального капитала в лице администрации будет осуществлена по модели квазикорпорации и квазигосударства. Нет необходимости говорить, что это чревато расколом страны по территории тех субъектов федерации, где эти негативные тенденции удастся подчинить собственному влиянию, реализуя имманентные возможности государственного капитала региональной бюрократической буржуазии. Возможности противостоять этим процессам со стороны муниципального сообщества практически ничтожны. Нет осознания угроз подобного рода и со стороны федеральных политических сил. Возможно, сценарий – чрезмерно пессимистический, но и многое до развала Союза ССР казалось невозможным. Поэтому возможный ход событий по такому сценарию также должен быть учтен при оздоровлении страны от бюрократического капитализма.

Список литературы

1. Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
2. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 272 с.
3. Попадюк К.Н. Цены, финансы и кредит в распределении ВВП в постсоветской России: монография. – М.: Финансовый университет, ЗФЭИ, 2012.
4. Попадюк Н.К. Век возрождения Востока. Очерки политэкономической антропологии. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 800 с.
5. Храмцов А.Ф. Бюрократия и социальное государство. – М.: ИС РАН, 2010. – 243 с.
6. Худокормов А.Г. Экономические корни бюрократизма. – М.: Экономика, 1988. – 120 с.

Рисин И.Е.[1]

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Ключевые слова: *стратегическое планирование, стратегия регионального развития, потенциал региона, методическое и информационное обеспечение.*

Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[2] ввел в России систему стратегического планирования, не имеющую аналогов в мировой практике. Такой вывод обусловлен тем, что эта система является сквозной, охватывая национальный, региональный и местный уровни. Одним из ее инструментов является стратегия социально-экономического развития субъекта РФ (далее – Стратегия).

Сфокусируем внимание на ряде ключевых задач ее разработки и необходимом для их решения методическом и информационном обеспечении. Отметим, что системная версия этих задач определена в «Методических указаниях Министерства экономического развития по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации»[3].

1. Комплексный анализ социально-экономического развития субъекта Российской Федерации

Такой анализ должен быть сориентирован, во-первых, на выявление сильных и слабых сторон социально-экономической системы региона, во-вторых, на получение оценки его совокупного потенциала, в-третьих, на диагностику возможностей и угроз, прогнозируемых во внешней среде.

Методическое обеспечение процесса решения такой задачи включает методы экономико-статистического, кластерного, компаративного и стратегического анализа, экспертных оценок.

Применение методов экономико-статистического и компаративного анализа сопряжено с использованием информации, отражающей не только среднероссийскую динамику и изменения, происходящие в других регионах, входящих в тот же федеральный округ. Востребованными являются и значения показателей субъектов РФ, входящих в группу российских лидеров по развитию экономики, уровню и качеству жизни населения.

Метод кластерного анализа востребован для выявления относительно однородных групп российских регионов (виртуальных кластеров) по совокупности показателей, характеризующих уровень развития человеческого капитала, инновационной, инвестиционной, внешнеэкономической деятельности.

Получение адекватной характеристики совокупного потенциала региона, его сильных и слабых позиций предполагает комплексное использование экономико-статистического и стратегического анализа. Такая характеристика должна включать оценку частных потенциалов, в числе которых выделяются:

– экономико-географические характеристики региона (размеры территории; почвенно-климатические условия; устойчивость территории региона к различным нагрузкам природного и техногенного характера; местоположение относительно основных транспортных коридоров национального и наднационального уровней; близость к промышленно развитым регионам и рынкам сбыта; наличие видов сообщения с другими регионами, зарубежными странами и др.);

– природный и экологический потенциалы (состояние окружающей среды; площадь и качество посевных площадей; обеспеченность важнейшими видами минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных ресурсов, обеспеченность водными ресурсами, в том числе питьевой водой; возможности многоцелевого использования отдельных видов ресурсов в качестве элементов природных заповедников, рекреационно-туристических зон, спортивных баз; разнообразие и мощность месторождений полезных ископаемых и др.);

– демографический потенциал (численность населения, соотношение городского и сельского населения, половозрастной состав населения; естественный прирост населения, миграционный прирост и др.);

[1] Рисин Игорь Ефимович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета. E-mail: risin@mail.ru

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – www.consultant.ru

[3] Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации№. – www.consultant.ru

– трудовой потенциал (численность экономически активного населения; профессиональная и возрастная структура рабочей силы; профессиональная и географическая мобильность рабочей силы; распределение трудовых ресурсов по отраслям и видам экономической деятельности и др.);

– производственный потенциал (величина основного капитала, его технологическая структура, физический износ, динамика обновления; технологии, применяемые в производстве; наличие импортозамещающего и экспортоориентированного производства и др.);

– инновационный потенциал (наличие и число организаций, выполнявших исследования и разработки; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на исследования и разработки; число созданных передовых технологий; число использованных передовых технологий; устойчивость связей научных организаций с реальным сектором экономики, широта сферы распространения наукоемких производств и др.);

– финансовый потенциал (объем и структура инвестиций в основной капитал, в технологические инновации; объём налоговой базы и прибыльность предприятий региона; бюджетная обеспеченность; объем финансирования целевых программ федерального и регионального уровней в перспективные отрасли социально-экономической системы субъекта РФ и др.);

– потребительский потенциал (уровень дифференциации населения региона по доходам, масштабы и виды бедности, величина и структура потребительских расходов, склонность населения к накоплению и др.);

– инфраструктурный потенциал (уровень развития отраслей социальной сферы – образования, здравоохранения, культуры; наличие современных транспортных магистралей, связывающих регион с другими субъектами РФ, их разнообразие и качество; обеспеченность региона автомобильными дорогами с твердым покрытием; состояние энергообеспеченности региона; уровень развития банковской сети и др.);

– институциональный потенциал (лояльность населения к действиям властей разных уровней; состояние правовой системы, регламентирующей экономический порядок; уровень согласованности действий региональных и местных властей; наличие и состояние институтов гражданского общества и др.);

– потенциал публичного (государственного и муниципального) управления и менеджмента хозяйствующих субъектов (уровень подготовки кадров, реализующих функции управления; состав и алгоритмы использования методов и инструментов управления; техническая и информационная оснащенность управленческого труда; состояние информационной базы управления и др.).

В диагностике возможностей и угроз востребован не только инструментарий стратегического анализа, но и экспертные оценки, получаемые в процессе анкетирования разных групп стейкхолдеров (крупный, средний, малый бизнес, дислоцированный на территории субъекта РФ; органы государственной власти и местного самоуправления региона; институты гражданского общества), представителей научного сообщества.

2. Диагностика ключевых проблем социально-экономического развития региона

Полагаем, что исходным моментом в решении этой задачи является характеристика инвариантного (присущего подавляющему большинству субъектов РФ) состава проблем. Здесь важно, оперируя статистическими показателями, показать их остроту применительно к конкретному региону.

По нашему мнению, инвариантный состав проблем регионального развития включает следующие:

– значительный уровень дифференциации качества жизни разных групп населения: городского и сельского; занятого в социальной сфере, реальном и финансовом секторах; не являющегося трудоспособным;

– недоиспользование человеческого капитала и инновационного потенциала, проявляющееся в уровне производительности труда; асинхронности развития кадрового и финансового обеспечения НИОКР; низком уровне интеграции организаций, имеющих креативный потенциал (НИИ, ведущие вузы) в экономическое пространство региона; пониженной доле продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП;

– значительный уровень социально-экономической асимметрии в пространственном развитии региона, проявляющийся в преобладающем числе муниципальных образований с ограниченным потенциалом социально-экономического развития, отсутствии экономического взаимодействия муниципальных образований, дисбалансе системы расселения населения, не обеспеченного достаточным числом рабочих мест, необходимой социальной и инженерной инфраструктурой;

– неразвитость транспортной и финансовой инфраструктуры: отсутствие достаточной связанности и транспортной доступности территорий региона; ограниченные масштабы и качество транспортно-логистических услуг; незначительные объемы венчурного финансирования;

– низкий уровень интеграции региональных производителей товаров и услуг в национальное экономическое пространство: доминирование производств, ориентированных на местные рынки сбыта; ограниченное число предприятий, производящих высокотехнологичную продукцию; ограниченное число предприятий, функционирующих в отраслях «новой» экономики;

– низкий уровень интеграции региональных производителей товаров и услуг в мировое экономическое пространство: пониженная конкурентоспособность продукции обрабатывающей промышленности, сферы образовательных и научных услуг;

– недостаточная сбалансированность экономического роста и повышения экологической безопасности региона: недостаточная динамика улучшения окружающей среды, испытывающей негативное воздействие экономики; ограниченная сфера действия «зеленой экономики», неразвитость процессов экологизации производства.

Качественно-количественная оценка инвариантных проблем регионального развития должна быть дополнена диагностикой проблем избирательного характера действия, отражающих специфику состояния и ресурсной базы отдельных элементов (видов экономической деятельности, отраслей, комплексов) социально-экономической системы региона. Ее получение сопряжено с комплексным использованием методов экономико-статистического и сравнительного анализа, экспертных оценок.

3. Идентификация относительных конкурентных преимуществ региона

Решение поставленной задачи сопряжено с применением методов стратегического и компаративного анализа, экспертных оценок.

Нетрудно определить, что в фокусе внимания разработчиков должны оказаться сильные стороны социально-экономической системы региона. Другое дело, что надо учитывать, что далеко не все из них могут претендовать на статус «конкурентного преимущества». Для его идентификации целесообразно использовать ряд критериев, в числе которых полагаем возможным выделить следующие:

– устойчивость воспроизводства сильной стороны, т.е. ее сохранение на протяжении длительного периода времени (как минимум, в среднесрочном периоде);

– наличие в регионе потенциала, необходимого для поддержания и развития этой сильной стороны;

– отсутствие во внешней среде региона существенных угроз сильной стороне, отличающихся высокой вероятностью реализации и силой негативного воздействия, способного привести к «потере» соответствующего конкурентного преимущества.

Важно отметить, что в решении поставленной задачи необходимо определить не только существующие конкурентные преимущества, но и новые, которые могут появиться в регионе на определенном этапе реализации Стратегии. Поэтому, наряду с инструментарием стратегического анализа востребованы экспертные оценки.

4. Определение миссии субъекта РФ

Сложность решения этой задачи обусловлена ролью, которую выполняет миссия субъекта РФ, призванная определить:

– главные рубежи в повышении благосостояния населения и развитии экономики региона, достигаемые в долгосрочной перспективе;

– основные функции региона в социально-экономической системе страны и соответствующего федерального округа;

– роль региона в системах более высокого уровня (российского, глобального), обеспеченная его нынешним и будущим местами в национальном и мировом разделении труда.

При формировании миссии должны быть учтены:

– достигнутый уровень социально-экономического развития региона;

– совокупный потенциал долгосрочного развития региона;

– относительные конкурентные преимущества региона.

Полагаем, что в решении этой задачи востребованы методы стратегического анализа и экспертных оценок.

5. Определение стратегических приоритетов социально-экономического развития субъекта РФ

Решение этой задачи предполагает, во-первых, учет приоритетов, являющихся общими для всех субъектов РФ (это необходимо для согласования векторов развития страны и ее регионов), во-вторых, определение приоритетов, являющихся избирательными, учитывающими особенности социально-экономического состояния и имеющийся потенциал развития региона, стратегические позиции, на которые он должен будет выйти в долгосрочном периоде.

Общие (инвариантные) приоритеты социально-экономического развития региона задаются Федеральным центром. Их перечень, включает, в том числе, приоритеты, определенные в Стратегии национальной безопасности РФ[1]; в Послании Президента Федеральному Собранию РФ от 04.12.2016[2]; регионального развития Российской Федерации[3]. В дальнейшем их состав будет обновляться вводом в действие новых программных документов (Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, Стратегий развития макрорегионов и др.).

6. Определение стратегических целей и задач социально-экономического развития региона

В обосновании стратегических целей социально-экономического развития региона, как и при определении стратегических приоритетов, должны быть учтены инвариантные (общие для субъектов РФ) цели, установленные в программных документах Федерального Центра.

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. –http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. –http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/

[3] Проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. – http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf

При определении основной стратегической цели социально-экономического развития субъекта РФ необходимо принять во внимание:

– совокупный потенциал социально-экономического развития региона;

– конкурентные преимущества региона (существующие и прогнозируемые);

– миссию региона;

– стратегические приоритеты социально-экономического развития региона.

Полагаем, что в решении и этой задачи востребованы методы стратегического анализа и экспертных оценок.

Важно учесть, что основная цель социально-экономического развития региона всегда состоит в повышении уровня и качества жизни его населения. Другое дело, что эта цель конкретизируется применительно к новому временному периоду (до 2030–2035 г.) с учетом имеющегося совокупного потенциала субъекта РФ, существующих и прогнозируемых его конкурентных преимуществ, миссии и стратегических приоритетов развития.

7. Характеристика основных направлений развития человеческого капитала и социальной сферы субъекта Российской Федерации

Отметим, что информация, раскрывающая содержание процессов развития человеческого капитала и социальной сферы региона должна выстраиваться в определенной логической последовательности:

– постановка ключевых задач, решение которых обеспечивает достижение стратегических целей, имеющих непосредственное отношение к конкретной сфере (образование, здравоохранение, культура и др.) деятельности;

– определение ожидаемых основных качественных и количественных результатов, которые должны быть получены при успешном решении поставленных задач;

– установление способов и направлений деятельности органов государственной власти субъекта РФ, обеспечивающих такие результаты.

Полагаем, что комплексное применение названных методов, использование полноценной информационной базы являются необходимыми условиями качественной разработки региональных стратегий.

Садовникова Н.А.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой статистики РЭУ
Sadovnikova.NA@rea.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИНДИКАТОРОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *индекс промышленного производства, объем промышленного производства, вид экономической деятельности, объем отгруженных товаров собственного производства, абсолютный прирост.*

Keywords: *the index of industrial production, the volume of industrial production, the type of economic activity, the volume of shipped goods of own production, the absolute increase.*

Экономика Московской области тесно связана с промышленным комплексом Москвы. Ведущую роль в структуре хозяйственного комплекса области играет промышленность. В отраслевой структуре промышленного производства основная доля приходится на машиностроение и металлообработку, пищевую, химическую и нефтехимическую, легкую промышленность, производство строительных материалов.

В данной статье приводится анализ показателей, характеризующих объем отгруженной продукции (работ, услуг) организаций по разделам ОКВЭД «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», производство важнейших видов продукции, использование производственных мощностей по выпуску отдельных видов продукции.

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами представляет собой стоимость отгруженных или отпущенных в порядке продажи, а также прямого обмена товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами.

Индекс производства является относительным показателем, характеризующим изменение масштабов производства в сравниваемых периодах. Индекс промышленного производства представляет собой агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Динамика индексов промышленного производства, производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» Московской области за 2006–2016 гг. представлена в таблицах 1–4 и на рис. 1

Динамика промышленного производства в Московской области за период 2006-2016 гг. характеризовалась достаточно высоким уровнем равномерности (табл. 1, рис. 1). Индекс промышленного производства находился в диапазоне от 101,1% в 2015 г. до 114,7% в 2016 г.

Таблица 1

Индекс промышленного производства Московской области за 2006–2016 гг. (в % к предыдущему году)

Годы	Индекс промышленного производства, %
2006	113,0
2007	106,2
2008	106,0
2009	86,8
2010	107,1
2011	109,7
2012	107,9
2013	105,2
2014	104,1
2015	101,1
2016	114,7

Падение промышленного производства в Московской области произошло лишь в 2009 г. – индекс составил 86,8%, что объясняется мировым экономическим кризисом 2008 г. При этом наиболее сильное влияние на снижение данного индекса оказал спад промышленного производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» на 40,9% (были заморожены проекты добывающей промышленности) и производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» на 15,3%.

В 2009 г. снижение индекса производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области составило 1,7%, что скорректировало снижение индекса промышленного производства Московской области на 13,2%.

Однако в 2010 г. Московская область мобилизовала ресурсы по увеличению объемов промышленного производства и зафиксировала индекс промышленного производства в значении 107,1%.

Наивысший подъем промышленного производства в Московской области наблюдался в 2016 г. – индекс промышленного производства составил 114,7%, что является самым высоким показателем за весь анализируемый период 2006–2016 гг.

По итогам 2016 г. Московская область занимает четвертое место среди российских регионов по индексу промышленного производства и входит в первую пятерку по абсолютному объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по трем видам экономической деятельности («Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»).

Динамика промышленного производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в Московской области за период 2006–2016 гг. не имела устойчивой тенденции к росту (табл. 2, рис. 1). Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» Московской области за 2006–2016 гг. изменялся в диапазоне от 59,1% в 2009 до 115,2% в 2013 г.

Таблица 2

Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» Московской области за 2006–2016 гг. (в % к предыдущему году)

Годы	Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», %
2006	78,2
2007	113,3
2008	109,8
2009	59,1
2010	91,7
2011	122,0
2012	111,0
2013	115,2
2014	100,3
2015	88,3
2016	83,3

Спад промышленного производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в Московской области наблюдался в 2006 г. на 21,8%, в 2009 г. – составил 59,1%, 2010 – 91,7%. С 2015 г. наметилось последовательное снижение индекса. Так в 2015 г. он составил 88,3. В 2016 г. снизился еще больше и составил 83,3%.

На основе анализа динамики промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» прослеживается закономерная диверсификация приоритетов в сторону сокращения темпов освоения сырьевой базы и развития обрабатывающих производств в области.

Объемы промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области за период 2006–2016 гг. имели устойчивую тенденцию к росту (табл. 3, рис. 1). Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Московской области за 2006–2016 гг. изменялся в диапазоне от 101,8% в 2015 г. до 115,8% в 2016 г.

Таблица 3

Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Московской области за 2006–2016 гг. (в % к предыдущему году)

Годы	Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», %
2006	113,4
2007	107,7
2008	106,5
2009	84,7
2010	106,7
2011	110,7
2012	109,1
2013	105,8
2014	104,3
2015	101,8
2016	115,8

Падение промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области произошло лишь в 2009 г. – индекс составил 84,7%, что объясняется мировым экономическим кризисом 2008 г.

Однако в 2010 г. Московская область мобилизовала ресурсы по увеличению объемов промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» и зафиксировала индекс промышленного производства на отметке 106,7%.

Наивысший подъем промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области наблюдался в 2016 г. – индекс промышленного производства составил 115,8%, что является самым высоким показателем за весь анализируемый период 2006–2016 гг.

С 2010 г. по 2016 г. индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Московской области устойчиво отражал рост объемов продукции обрабатывающих производств, что отражает направленность экономической стратегии Московской области на развитие обрабатывающих производств.

Объемы промышленного производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области за период 2006–2016 гг. имела неравномерное изменение: спады сменяли подъемом и наоборот (табл. 4, рис. 1). Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Московской области за 2006–2016 гг. изменялся в диапазоне от 92,1% в 2012 г. до 109,5% в 2006 г.

Таблица 4

Индекс производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» Московской области за 2006–2016 гг. (в % к предыдущему году)

Годы	Индекс производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», %
2006	109,5
2007	99,7
2008	103,4
2009	98,3
2010	109,3
2011	101,6
2012	92,1
2013	99,2
2014	101,8
2015	95,8
2016	104,5

Спад промышленного производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области наблюдался в 2007 г. на 0,3%, в 2009 г. – составил 98,3%, 2012 г. – 92,1%, 2013 г. – 99,2%. С 2015 г. наметилось также снижение индекса. Так в 2015 г. он составил 95,8%.

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по полному кругу организаций-производителей за 2006–2016 гг. постоянно увеличивался с 5215 млн. руб. в 2006 г. до 12 269 млн. руб. в 2016 г. (табл. 5, рис. 2). Среднегодовой абсолютный прирост объёма отгруженных товаров за рассматриваемый период составил 705,4 млн. руб.

Исключение составляли 2009 г. и 2010 г. В 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года индекс промышленного производства по полному кругу организаций-производителей по Московской области составил 80,6%, в том числе на крупных и средних предприятиях – 97,1%.

Таблица 5

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в Московской области за 2006–2016 гг.

Годы	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»		
	всего, млн. руб.	абсолютное изменение по сравнению с предыдущим годом, млн. руб.	относительное изменение по сравнению с предыдущим годом, %
2006	5215	–	–
2007	7497	2282	143,8
2008	11 931	4434	159,1
2009	9612	–2319	80,6
2010	7184	–2428	74,7
2011	7456	272	103,8
2012	8514	1058	114,2
2013	9101	587	106,9
2014	10 078	977	110,7
2015	11 235	1157	111,5
2016	12 269	1034	109,2

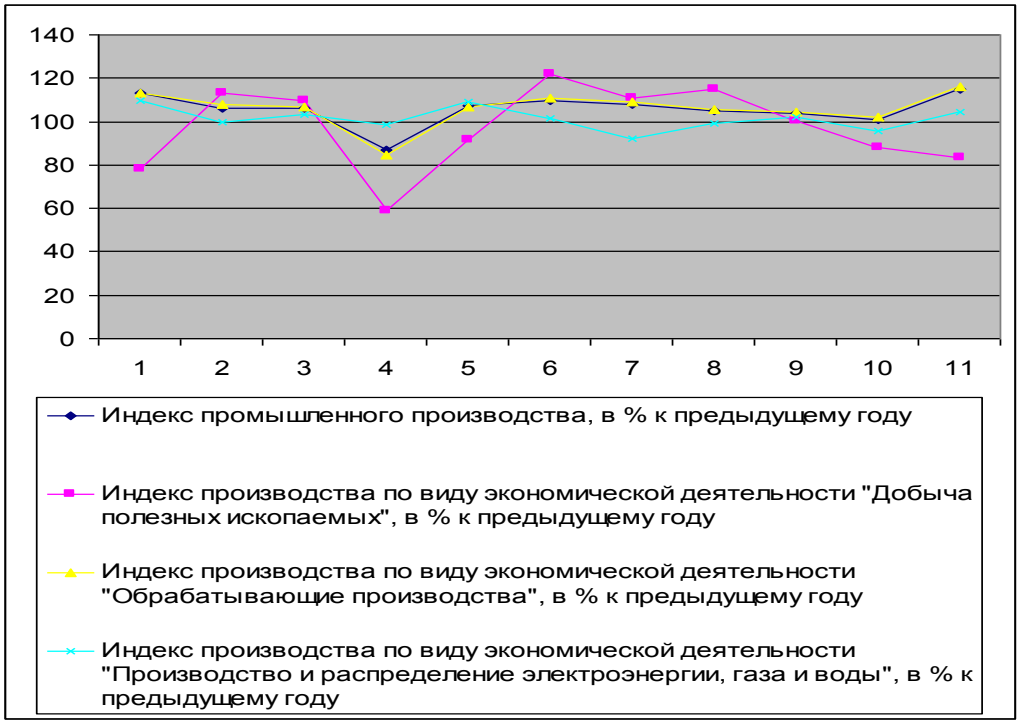


Рисунок 1.
Динамика индексов промышленного производства и производства по отдельным видам экономической деятельности Московской области за 2006–2016 гг.

В 2010 г. по сравнению с соответствующим периодом – 2009 г., индекс промышленного производства по полному кругу организаций-производителей по Московской области составил 74,7%, в том числе на крупных и средних предприятиях – 75,1%.

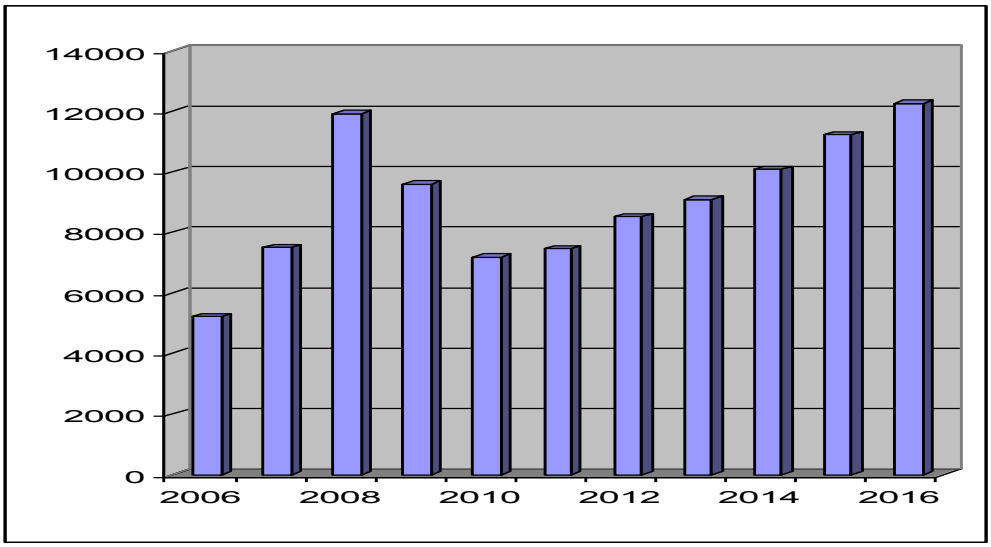


Рисунок 2.
Динамика объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в Московской области за 2006–2016 гг.

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по полному кругу организаций-производителей пиковую величину индекса достиг в 2007 г. – 143,8%. Кризисные последствия 2008 г. были преодолены по данному

показателю областью только в 2011 г. Начиная с 2011 г. до 2016 г. объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в Московской области росли от года к году.

В 2011 г. объем отгруженных товаров составил 7456 млн. руб., а в 2016 г. – уже 12 269 млн. руб. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. прирост объемов отгруженных товаров составил 11,5% или 1157 млн. руб. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост объемов отгруженных товаров составил 9,2% или 1034 млн. руб.

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по полному кругу организаций-производителей за 2006–2016 гг. постоянно увеличивался с 625949 млн. руб. в 2006 г. до 2 140 611 млн. руб. в 2016 г. (табл. 6, рис. 3). Среднегодовой абсолютный прирост объёма отгруженных товаров за рассматриваемый период составил 151 466,2 млн. руб.

Таблица 6

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области за 2006–2016 гг.

Годы	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»		
	всего, млн. руб.	абсолютное изменение по сравнению с предыдущим годом, млн. руб.	относительное изменение по сравнению с предыдущим годом, %
2006	625 949	–	–
2007	908 782	282 833	145,2
2008	1 069 303	160 521	117,7
2009	1 032 253	–37 050	96,5
2010	1 241 243	208 990	120,2
2011	1 425 058	183 815	114,8
2012	1 528 670	103 612	107,3
2013	1 611 823	83 153	105,4
2014	1 767 159	155 336	109,6
2015	1 945 571	178 412	110,1
2016	2 140 611	195 040	110,0

Исключение составил 2009 г. – по сравнению с соответствующим периодом прошлого года индекс промышленного производства по полному кругу организаций -производителей по Московской области составил 96,5%, что на 37 050 млн. руб. меньше, чем в 2008 г.

Начиная с 2010 г. до 2016 г. объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области росли от года к году. В 2010 г. объем отгруженных товаров составил 1 241 243 млн. руб., а в 2016 г. – 2 140 611млн. руб. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост объемов отгруженных товаров составил 10,0% или 195 040 млн. руб.

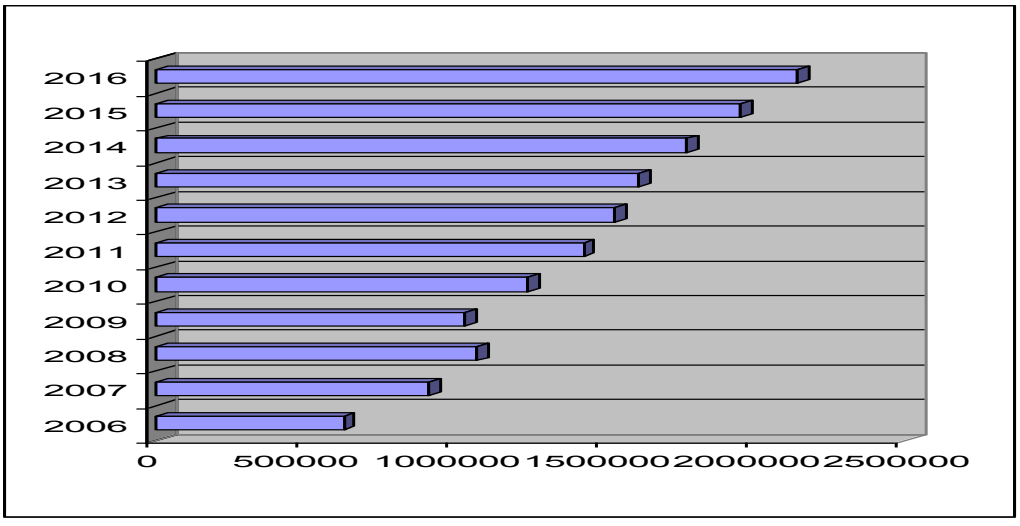


Рисунок 3.
Динамика объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Московской области за 2006–2016 гг.

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» по полному кругу организаций-производителей за 2006–2016 гг. увеличивался с 2006 г. (105 960 млн. руб.) до 2012 г. (306 841 млн. руб. в 2011 г.), а также с 2015 г. – 264 825 (табл. 7, рис. 4).

Таблица 7

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области за 2006–2016 гг.

Годы	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»		
	всего, млн. руб.	абсолютное изменение по сравнению с предыдущим годом, млн. руб.	относительное изменение по сравнению с предыдущим годом, %
2006	105 960	–	–
2007	106 007	47	100,1
2008	136 929	30 922	129,2
2009	181 525	44 596	132,6
2010	243 277	62 000	134,0
2011	306 841	63 564	126,1
2012	262 031	–44 810	85,4
2013	259 976	–2055	99,2
2014	259 484	–492	99,8
2015	264 825	5341	102,1
2016	296 051	31 226	111,8

Среднегодовой абсолютный прирост объёма отгруженных товаров за рассматриваемый период составил 19009,1 млн. руб.

2013 г. и 2014 г. отметились спадом объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Начиная с 2015 г. объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области росли.

В 2015 г. объем отгруженных товаров составил 264 825 млн. руб., что на 2,1% больше уровня 2014 г. (на 5341 млн. руб.) В 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост объемов отгруженных товаров составил 11,8% или 31 226 млн. руб.

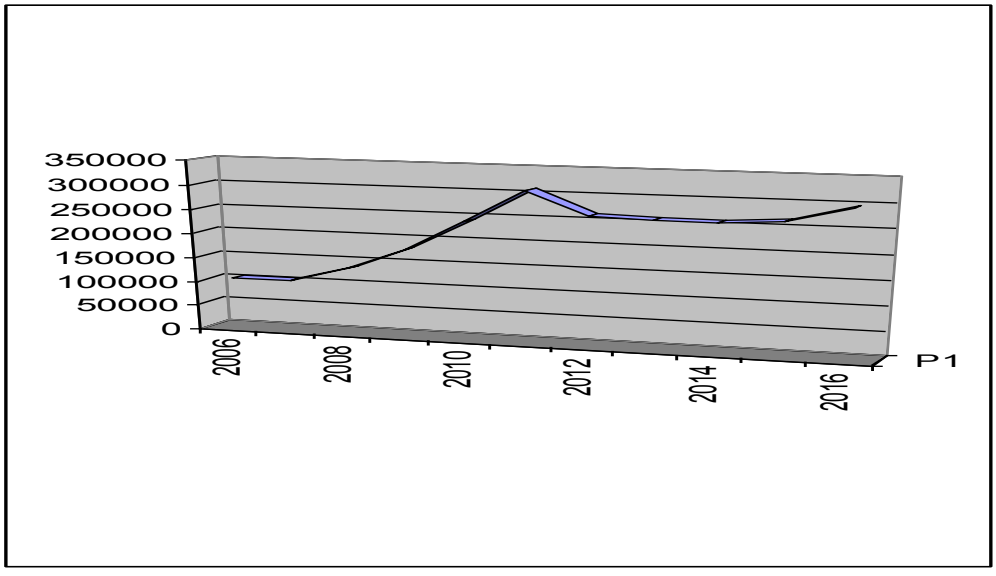


Рисунок 4.
Динамика объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в Московской области за 2006–2016 гг.

Проведенный анализ индикаторов промышленного производства подтверждает, что **Московская область** среди регионов России занимает одно из ведущих мест по его развитию.

Список источников

1. Закон Московской области № 84/2016-ОЗ «О промышленной политике в Московской области». – http://www.mosoblduma.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj_oblasti/item/63851/
2. Постановление Правительства Московской области от 12.09.2017 № 748/33 «О внесении изменений в Порядок разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития московской области на среднесрочный период». – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/strategicheskoe-planirovanie/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/normativnopravovye_akty/26-12-2017-13-06-06-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-1
3. Постановление Правительства Московской области от 23.05.2017 № 367/17 «О внесении изменений в Систему показателей социально-экономического развития Московской области». – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/strategicheskoe-planirovanie/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/normativnopravovye_akty/26-12-2017-12-56-39-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-2
4. Постановление Правительства Московской области от 12.09.2017 № 747/33 «О внесении изменений в Порядок разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Московской области на долгосрочный период». – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/strategicheskoe-planirovanie/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/normativnopravovye_akty/26-12-2017-13-00-13-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-1
5. Постановление Правительства Московской области от 22.04.2016 №316/11 «О внесении изменений в Систему показателей социально-экономического развития Московской области». – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/strategicheskoe-planirovanie/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/normativnopravovye_akty/postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-22-04-2016-no316-11-o-vnesenii-izmeneniy-v-sistemu-pokazateley-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-moskovskoy-oblasti
6. Распоряжение Правительства Московской области от 17.01.2017 № 8-РП «О Сводном перечне статистической информации для органов государственной власти Московской области, государственных органов Московской области и государственных учреждений Московской области на 2017 год». – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/socialno-ekonomicheskoe-razvitie/svodnyy-perechen-statisticheskoy-informacii/04-08-2017-12-35-24-rasporyazhenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-
7. Методика расчета индекса физического объема промышленной продукции (для федерального и регионального уровней). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/
8. Официальная статистическая методология исчисления индекса промышленного производства. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/
9. Регламент разработки и публикации данных по продукции добывающих, обрабатывающих производств, производству и распределению электроэнергии, газа и воды. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/enterprise/industrial/

Самостроенко Г.М.
д.э.н., профессор, Орловский государственный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Ключевые слова: *стратегия развития, механизмы развития и сотрудничества, малые города, информационные технологии, технология блокчейн, умный контракт.*

Keywords: *development's strategy, mechanisms of development and cooperation, small city, IT-technology, block chain technology, smart contract.*

Малые города России – её основа, аккумулятор ее духа, хранитель менталитета, традиций и идентичности российского многонационального народа. Поэтому сохранению и развитию малых городов необходимо уделять максимальное внимание с тем, чтобы представители нынешних и будущих поколений не утратили возможность почувствовать себя частью русского мира, его истории. Задача государства и общества – сохранить, приумножить и максимально продуктивно использовать потенциал малых городов. Решение данной задачи усложняется в условиях объективных процессов глобализации и урбанизации, что требует применения совершенных механизмов управления развитием и сотрудничеством малых городов.

Можно выделить два вектора развития малых городов современной России. Первый вектор – развитие малых городов в рамках агломераций. Здесь уместно вспомнить идею, выдвинутую несколько лет тому назад, согласно которой в условиях создания агломераций перспективы развития могут иметь лишь города с населением не менее 200 тысяч человек. Понятно, что реализация подобной идеи полностью выводит «за скобки» проблему малых городов. Мы полагаем, что обсуждать продуктивность подобных идей нет необходимости.

Существуют и менее радикальные предложения, напрямую касающиеся судеб малых городов. К примеру, в проекте, предложенном Центром стратегических разработок А. Кудрина, обосновывается целесообразность формирования в стране 20-ти агломераций, представляющих всего 20 регионов[1]. Последствия реализации подобных проектов очевидны. С одной стороны, в качестве положительного можно расценивать тот несомненный факт, что агломерации в настоящее время являются драйвером экономики и точками притяжения трудовых ресурсов. С другой стороны, развитие инфраструктуры, скоростной транспорт, наличие в мегаполисах большого числа рабочих мест с более высоким уровнем заработной платы объективно будут вести к потере малыми городами своей самобытности, превращая их в пригороды, спальные районы и даже к исчезновению многих из них.

О сложности формирования механизмов развития малых городов в рамках агломераций можно судить по ряду высказываний специалистов, занимающихся проблемами создания и развития агломераций. Так, Н. Косарева, президент фонда «Институт экономики города» считает, что агломерации не должны привести к созданию специальных типов муниципальных образований. Это должна быть некая дополнительная форма управления межмуниципальными проектами[2]. В качестве механизма ею предлагается создание некоего совместного органа, который будет управлять, решать общие вопросы этих населенных пунктов (города-мегаполиса и муниципальных образований вокруг него): согласования генпланов, схем и стратегий развития. Но при этом муниципальные образования должны оставаться самостоятельными. Такие образования могут иметь общий бюджет для реализации совместных планов. Допускается возможность привлечения в общий бюджет ресурсов государства, выделяемых, в том числе, в виде грантов на основе специальной государственной программы для таких городов. При этом подчеркивается, что частные инвестиции должны играть для этих целей доминирующую роль.

Несмотря на всю привлекательность подобных предложений, они не позволяют охватить большинство малых городов России, к числу которых, по данным Всероссийской переписи 2010 года, относятся 787 из 1108 населенных пунктов (то есть более 70 процентов)[3].

Поэтому второй вектор – всемерное сохранение малых городов, обеспечение их самостоятельного и независимого развития. К сожалению, в отличие от крупных населенных пунктов с динамично развивающимися объектами инфраструктуры, большими финансовыми потоками, малые города не смогли органично вписаться в систему современных рыночных отношений, в связи с чем они нуждаются во всесторонней, взаимной поддержке и сотрудничестве.

Развитие и сотрудничество малых городов следует рассматривать в качестве реальной стратегии сохранения для будущих поколений максимального числа малых городов. Необходимым условием сохранения и развития малых

[1] Жандарова И. Агломерации могут получить правовой статус и госпрограмму // Российская газета. – М., 2017. -№ 209, 18 сентября. – С. 4.

[2] Там же.

[3] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – perepis-2010.ru

городов в стране является наличие национальной идеи, которая должна быть отражена в отчетливо сформулированной цели и стратегии развития страны. Достойным подражания примером в этом плане можно считать разработанную и последовательно реализуемую в Норвегии стратегию развития, в которой сделан акцент на сохранение всего национального достояния, включая существующие муниципальные образования.

Для реализации подобной стратегии необходимы соответствующие механизмы. Механизм управления предполагает целенаправленное использование упорядоченной совокупности способов и инструментов, обеспечивающих выполнение планируемых мероприятий в соответствии с поставленными задачами[1].

Рассматривая данную совокупность с классических позиций теории управления, можно выделить такие группы механизмов, как информационные, мотивационные и институциональные[2]. Реализация каждого из них может быть осуществлена в различных формах. К примеру, информационные механизмы могут быть реализованы в форме прогнозирования, программирования и активной экспертизы. Механизм в каждой из данных групп специфичен, имеет свойственную только ему направленность, решает задачи управления с определенных позиций. В рамках данной статьи рассмотрим, к примеру, информационный механизм, который позволяет оказывать управляющее воздействие на управляемый объект с помощью описания условий, в которых функционирует или будет функционировать объект. Тем самым создаются необходимые предпосылки для выбора управляемым объектом желательной линии поведения (экономического, социального, технологического, экологического). Для этого используются различные способы доведения информации до управляемого объекта: официальные органы, интервью государственного или муниципального служащего, «сарафанное радио» и т.п. Практика управления экономикой на макро- и мезоуровне свидетельствует о высокой степени эффективности использования информационных механизмов.

В настоящее время возможности информационного механизма существенно возросли, сфера их применения неизмеримо расширилась. Основная причина – широкое распространение информационных технологий. Примеры использования возможностей социальных сетей в целях управления общественными процессами (в том числе и негативные) общеизвестны. Основная задача заключается в поиске не столько приемлемых форм (они достаточно известны за рубежом и в России), сколько идей развития и сотрудничества, обеспечивающих социально-экономическое развитие и отражающих и учитывающих специфику нужд и запросов населения и бизнес-сообщества в конкретных малых городах страны.

К примеру, такой идеей может стать сотрудничество городов в области культуры и туризма, которое непосредственно влияет на создание новых рабочих мест, улучшение жизни населения, поступление доходов в бюджеты разных уровней. По указанному пути пошли в Тульской области, где перспективные с точки зрения развития культуры и культурно-познавательного туризма малые исторические города развиваются по принципу кластерного подхода. Города объединены в кластеры территориально, исторически и тематически. Комплексный подход к развитию территорий позволяет максимально эффективно раскрыть потенциал каждого из городов, создать на этой основе новый уникальный турпродукт.

Для такого подхода имеется хорошая основа, поскольку Тульская область – один из самых «богатых» на малые исторические города субъектов России. Здесь располагаются два исторических поселения федерального значения (п. Крапивна, г. Белев), а также такие малые исторические города, как Чекалин (Лихвин) – самый маленький город России, Одоев, Дубна, Алексин, Венев, Богородицк, Епифань, Ефремов, Плавск, Чернь. Не случайно с 2014 года Тульская область участвует во Всероссийском проекте «Настоящая Россия», который направлен на развитие малых исторических городов страны. В администрациях муниципальных образований региона разработаны и утверждены Стратегии и Программы развития культуры и туризма. При этом в начале сентября 2017 года на арт-фестивале «ПереДвижение», который проходил в г. Чекалине, подписан протокол о намерении создать в Тульской области НКО «Лига малых исторических городов Тульской области». Цель Лиги – развитие культуры и культурно-познавательного туризма в малых исторических городах Тульской области; совместное формирование новых комплексных культурно-туристических проектов. Аналогичной структуры на региональных уровнях в России пока не существует.

Необходимую информацию об идеях, возможных направлениях и механизмах развития и сотрудничества заинтересованные стороны в настоящее время получают двумя методами: с помощью организации маркетинговых исследований и (или) методом активной экспертизы. Достоинства и недостатки получения информации с помощью каждого из указанных методов общеизвестны. Важно подчеркнуть, что в составе организаторов исследований и экспертов, как правило, принимают участие представители среднего и старшего поколений. Такой подход в целом объясним и даже оправдан, однако не следует забывать о подрастающем поколении, которому, кстати, предстоит жить в условиях реализации предлагаемых проектов, а также участвовать в их воплощении. При этом, как известно, участие в разработке планов существенно повышает мотивацию тех, кому суждено заниматься реализацией принятых планов. Следовательно, без участия молодежи нельзя обойтись по определению. Поэтому совершенствование информационного механизма развития и сотрудничества малых городов мы видим в активизации участия в данной работе подрастающего поколения.

Перспективный механизм развития и сотрудничества малых городов – использование технологии блокчейн. Пример успешного применения данной технологии продемонстрировал Внешэкономбанк России, в котором организован департамент тинэйджеров в Блокчейн-коммуне. В рамках департамента для решения сложных задач в системе удаленной распределенной среды были привлечены подростки из 15-ти городов страны. Перед ними была поставлена

[1] Охотский, Е.В. Теория и механизмы современного государственного управления: учебно-методический комплекс. – М.: Юрайт, 2013. – С. 422–425.

[2] Механизмы управления: учебное пособие / Под ред. Д.А. Новикова. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – С. 63–64.

конкретная задача по проблемам лесопользования. В результате школьники, используя платформу блокчейн, обсудили данную проблему, сформулировали решение задачи и защитили его в ВЭБе. Как заявил глава ВЭБ Сергей Горьков, школьники содержательно правильно придумали решение и провели его презентацию на высочайшем уровне. При этом сами исполнители непосредственно встретились всего за день до защиты своего коллективного решения в ВЭБ[1].

Подобный механизм целесообразно использовать для развития и сотрудничества малых городов. С его помощью можно привлечь заинтересованную молодежь из малых городов к решению конкретных задач. Преимущества данного подхода налицо:

во-первых, подростки знают проблемы своих населенных пунктов и могут выделить из них общие для налаживания сотрудничества, при этом зная уникальные возможности каждого конкретного города, которые могут быть использованы в процессе взаимодополнения;

во-вторых, образно говоря, молодежь живет не только в реальном, но также и в информационном (виртуальном) пространстве, активно и умело используя его возможности для решения собственных задач;

в-третьих, решая конкретные и сложные задачи, они проявляют повышенную мотивацию (по заявлению С. Горькова, их мотивация при решении конкретных задач «зашкаливает»!)[2];

в-четвертых, они не ограничены опытом предшествующих поколений, поэтому способны генерировать различные инновационные идеи сотрудничества, о которых не задумываются старшие;

в-пятых, привлечение подростков к решению сложных задач развития малых городов имеет неоценимое воспитательное значение для подрастающего поколения, для их самоутверждения, самореализации.

Поэтому целесообразно максимально использовать указанные преимущества порастающего поколения для совершенствования информационного механизма развития и сотрудничества малых городов. Важно подчеркнуть, что технология блокчейн позволяет передавать информацию без привлечения посредников. При этом сам принцип технологии распределенного хранения и записи информации обеспечивает высокую степень доверия между участниками. Кроме того, необходимо отметить еще одно полезное свойство технологии: оперативность внесения информации по вопросам развития и сотрудничества. Всеми указанными важными свойствами технологии блокчейн целесообразно воспользоваться в процессе совершенствования механизмов развития и сотрудничества малых городов.

Для пояснения указанной возможности необходимо кратко остановиться на содержании системы механизмов управления. Следует отметить, что на практике механизмы развития и сотрудничества редко действуют независимо друг от друга, изолированно. Это свойство определяется спецификой управления. Для осуществления результативного управляющего воздействия субъекту управления, как правило, приходится целенаправленно использовать не один, а несколько механизмов, действующих одновременно.

Каждый механизм выполняет свои функции, действуя на своем поле. Если поле деятельности используемого основного, базового механизма заканчивается, а цель, поставленная субъектом управления, не достигнута, логика управления подсказывает: необходимо переходить на другое поле, где функционирует другой механизм. Иными словами, базовый механизм нуждается в дополнении своего действия, и это призван осуществить другой механизм, который в данном случае выступает в роли дополняющего механизма.

Если достижение поставленной цели не будет достигнуто в результате взаимодополнения базового и дополняющего (или дополняющих) механизмов, потребуется включение в цепочку механизма, который можно назвать обеспечивающим.

Приведенный пример наглядно демонстрирует процесс формирования комплексного механизма управления развитием и сотрудничеством малых городов, в ходе которого мы получаем не просто набор механизмов, а упорядоченный комплекс механизмов, которые, дополняя действия друг друга, совместно обеспечивает достижение цели управляющего воздействия.

На выходе системы механизмов – результат процесса управляющего воздействия, в ходе которого каждый механизм должным образом дополнил действие своего предшественника. Здесь осуществляется оценка реакции управляемого объекта, выявление расхождений полученных результатов с поставленной целью, изменение внешней среды, и корректировка входящей информации. Происходит доводка комбинированного механизма управления, уточнение параметров взаимодополнения посредством обратной связи, с помощью которой объекты управления могут влиять на субъект управления, совершенствуя тем самым механизм управления.

Таким образом, по контуру обратной связи дополняющий (или обеспечивающий) механизм получает информацию об изменении состояния базового (дополняющего) механизма. Получение подобных сведений об изменении базового механизма, который нуждается в новом дополнении, то есть возникает требование к механизму дополняющего, который должен измениться, в соответствии с запросами первого. К примеру, поправка в закон, инструкцию, указ, реорганизация института или создание нового, внесение корректив в информационный поток, изменение прогноза, изменение акцента в информации и т.д. Указанные сведения должны быть оценены, и в случае их актуальности оперативно учтены при внесении соответствующих корректив в механизмы развития и сотрудничества. Данный процесс в настоящее время по объективным и субъективным причинам сопровождается существенными материальными и временными затратами.

Следует также учитывать, что на объект управления одновременно может воздействовать разная система механизмов, применяемых в рамках иных проектов и программ. Так, для развития моногородов на правительственном

[1] Интервью главы Внешэкономбанка Сергея Горькова телеканалу «Россия 24» 1 декабря 2017 года.

[2] Там же.

уровне разрабатываются и внедряются различные программы и механизмы[1]. Поскольку многие из моногородов относятся к категории малых городов, возникает проблема увязки действия механизмов, призванных реализовать цели разных программ. Примером может служить Тульская область, в которой насчитывается 9 моногородов, и в которой механизмы программ развития моногородов и исторических городов непременно следует синхронизировать, направляя их действие на реализацию целей комплексного развития конкретных малых городов.

Устранить указанные затруднения можно с помощью технологии блокчейн. Так, в блокчейн может быть записан алгоритм функционирования и обновления механизмов развития и сотрудничества малых городов (по типу смарт-контрактов). К примеру, в смарт-контракте можно прописать конкретные договоры сотрудничества, их условия, реализующие договоры механизмы и требованиям к ним. Смарт-контракт автоматически контролирует ситуацию с реализацией условий развития и сотрудничества малых городов. В случае появления критических замечаний по условиям выполнения договора, или работе действующих механизмов, он по заранее разработанной программе диагностирует «узкое место», выдает необходимые рекомендации участникам договора по согласованию и устранению выявленных недостатков, что они и могут оперативно сделать на платформе блокчейн. По нашему мнению, это дает возможность существенно ускорить, упростить и удешевить процесс выявления дисфункций механизмов, разработку предложений по их совершенствованию и гармонизации, а также принятию согласованных решений по обновлению действующих механизмов со всеми заинтересованными сторонами процесса.

[1] Труханова Э. Заходи и стройся // Российская газета. – М., 2017. – № 228, 10 октября. – С. 19.

Сафиуллина Р.М.[1]

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *Республика Башкортостан, человеческий капитал, естественное движение населения, механическое движение населения, миграционные процессы, территориальная экономическая политика.*

В данной статье человеческий капитал рассматривается как важнейший ресурс развития территориальных социально-экономических систем, который должен учитываться органами территориального управления на всех уровнях: государственном, региональном, муниципальном.

Миграционные процессы и развитие человеческого капитала. Основу человеческого капитала составляет демографический потенциал, определяемый численностью и возрастно-половым составом населения. В связи с глобализацией мировой экономики и ростом территориальной мобильности населения особое значение в обеспечении устойчивого развития стран и регионов приобретают межгосударственные и межрегиональные миграционные процессы[2]

Само по себе наличие человеческого капитала не обеспечивает устойчивого социо-эколого-экономического развития. Человеческий капитал должен обладать следующими свойствами, выявленными на основе мирового опыта постиндустриального развития, которые обусловливают устойчивое развитие стран и регионов:

– концентрация человеческого капитала на территории (плотность населения, его количество);

– наличие государствообразующей общности, реализующей политику по развитию человеческого капитала и гражданского общества;

– качество человеческого капитала (здоровье, образование, профессиональная подготовка, общественная активность и др.);

– наличие условий для развития человеческого потенциала на территории. Это определяется разнообразием и качеством форм и образовательных программ учреждений дошкольного и общего образования, специализацией профессиональных образовательных учреждений, форм и сфер при трудоустройстве, наличием условий и возможностей для реализации интеллектуального потенциала, развитыми территориальными инновационными системами (вузы, научно-исследовательские институты, технопарки, технополисы), инфраструктурами жизнедеятельности, систем расселения.

Значение миграционных процессов в росте и развитии человеческого капитала территорий сегодня является зачастую определяющим. Они влияют как на численность населения, так и на качественные характеристики человеческого капитала территорий – приток и отток молодых квалифицированных специалистов. Миграционные потоки – это тот человеческий капитал территории, который ищет себе более эффективную реализацию, идет процесс перераспределения талантливых и активных людей между городами и регионами[3]. Это объективный процесс, который в России уже активно развивается, и дальнейший тренд миграционных процессов будет характеризоваться ростом в результате проводимой российским правительством политики поляризованного развития[4].

Человеческий капитал Республики Башкортостан и общая миграционная ситуация в регионе. Для Республики Башкортостан, как и для любой другой территории, человеческий капитал сегодня – основной ресурс развития. Различным аспектам исследования этой проблемы посвящены работы Сафиуллина Р.Г., Сафиуллиной Р.М., Фароновой Ю.В., Хамадеевой З.А., Гатауллина Р.Ф. и др.[5]

---

[1] Сафиуллина Роза Маратовна – к.геогр.н., доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет. E-mail: http://www.bashedu.ru/

[2] Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. – М.: Весь мир, 2009. – 384 с.

[3] Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г., Комаров А.Г. Социально-экономическая эффективность миграционных процессов в регионе // Проблемы современной экономики. 2014. – № 1 (49). – С. 193–196; Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г. Социально-экономическая эффективность привлечения трудовых мигрантов в Республику Башкортостан // Вестник ВЭГУ. 2014. – № 4 (72). – С. 26–37; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. 2015. – № 1 (47). – С. 18–23.

[4] Сафиуллин Р.Г., Афанасьев А.К., Основы территориальной экономической политики Республики Башкортостан в начале XXI века // География и регион: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т.3: Социально-экономическая география. – Пермь: ПГНИУ, 2015. – С. 136–146; Трунин С.Н., Урманов Д.В. Пространственная поляризация регионов России как условие обострения социальных интересов и возможностей общества // Региональные исследования. 2011. – № 4. – С. 67–73.

[5] Доклад о миграционной ситуации в Республике Башкортостан. Стат. сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2015. – 62 с.; Салимгареев Н.Г., Сафиуллин Р.Г. Критерии пространственного развития региона // Регионология. 2009. – № 3. – С. 19–27; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. – Уфа: УГАЭС, 2012. – 132 с.

Человеческий капитал территории характеризуется основным количественным макроэкономическим показателем – численностью населения. Численность населения Республики Башкортостан на 01.01.2017 г. составила 4067 тыс. человек и по этому показателю регион занимает седьмое место в России.

На основании этого регион можно отнести к субъектам России с развитым человеческим капиталом, но ряд дополнительных показателей, характеризующих развитие человеческого капитала региона, свидетельствуют о том, что республика не является регионом с высоким уровнем развития человеческого капитала:

– низкая плотность населения в регионе – 28,5 чел. на 1 кв. км (табл. 1 и 2). Данные этих таблиц свидетельствуют о том, какой необходимо сделать технологический и производственный рывок в экономике Республике Башкортостан, чтобы при плотности населения, уступающей развитым странам от 4 до 14 раз, достичь их уровня социально-экономического развития (Японии, Нидерландов, например);

Таблица 1

Плотность населения некоторых стран мира (01.01.2016)

Страны	Плотность населения, чел./кв. км
Нидерланды	410
Индия	390
Израиль	386
Япония	336
Великобритания	255
Германия	228
Италия	202
Швейцария	202
КНР	143
Франция	122
Россия	9

Таблица 2

Плотность населения некоторых субъектов России (01.01.2016)

Субъекты	Плотность населения, чел./кв. км
Московская область	165
Республика Ингушетия	130
Чеченская Республика	89
Республика Сев. Осетия-Алания	88
Республика Крым	73
Краснодарский край	73
Кабардино-Балкарская Республика	69
Чувашская Республика	67
Самарская область	60
Республика Татарстан	57
Республика Башкортостан	29
Республика Саха (Якутия)	0,3

– численность населения большинства регионов развитых стран значительно превышает численность населения российских, даже наиболее населенных регионов (средний размер численности населения штатов США составляет 5–8 млн. человек);

– до 40% населения Республики Башкортостан проживает в сельской местности (1559 тыс. человек – это третье место в стране). Если к этому населению прибавить численность населения малых и средних городов (до 100 тыс. чел.), включая «моногорода», то эта цифра еще значительно возрастет (как правило, уровень образования и интеллектуального развития в сельской местности значительно ниже, чем в крупных городах).

Численность населения Башкирии достигла своего максимума к Всероссийской переписи населения 2002 г. и составила 4104 тыс. человек. Достижение этого максимума на фоне демографических потерь других регионов в межпереписной период 1989–2002 гг. объясняется следующими процессами:

– традиционно высоким естественным приростом населения в регионе ввиду высокой рождаемости;

– возвращением большого количества уроженцев региона из стран Ближнего зарубежья после распада СССР;

– возвращением уроженцев региона с северных регионов после достижения ими пенсионного возраста;

– социально-экономической политикой в Республике Башкортостан в этот период, законсервировавшей развитие сельских территорий, что отсрочило период активизации миграционных процессов из сельской местности в города и другие регионы страны.

В первом десятилетии XXI века все эти процессы изменились: ухудшилась демографическая обстановка (долгие годы в регионе демографический прирост был отрицательным), продолжился процесс деиндустриализации в экономике городов, городское и сельское население начало покидать Республику Башкортостан в поисках более высоких заработков за ее пределами (в первую очередь ХМАО, ЯНАО, города Москва, С.-Петербург, Казань, Сочи и др.). В результате численность населения Башкирии к Всероссийской переписи населения 2010 г. сократилась и составила

4072 тыс. человек. Роль миграционных процессов в изменении численности населения региона (концентрации человеческого капитала) возрастает.

Территориальные особенности развития миграционных процессов в Республике Башкортостан. Территориальный анализ изменений в миграционных процессах Республики Башкортостан с дореволюционных времен и до сегодняшних дней проведен в исследованиях экономико-географов[1]. За последние 5 лет (начиная с 2011 г.) для региона характерна активизация межмуниципальных и межрегиональных миграционных процессов, и складывающаяся неблагоприятная миграционная ситуация в целом: общее миграционное сальдо региона за последние 5 лет составляет – 25,8 тыс. человек. По индикатору отрицательного миграционного оттока населения Республика Башкортостан занимает третье место в Российской Федерации. Впереди находятся только Республика Дагестан и Республика Коми.

Эти процессы имеют разнонаправленный характер: для одних территорий благодаря активизации миграционных процессов характерен значительный рост численности населения (рост человеческого капитала), в других происходит сокращение численности населения – вымывание человеческого капитала.

Сложившаяся неблагоприятная миграционная ситуация в Республике Башкортостан с прогнозируемой общероссийской демографической ямой 2018–2025 гг. грозит региону риском существенных потерь человеческого капитала. Наши прогнозные расчеты методом передвижки возрастов показывают, что численность населения в трудоспособном возрасте в республике снизится с 2006 г. до 2021 г. более чем на 330 тыс. человек (13,1%), в том числе мужчин – на 158 тыс. человек (12,4%), женщин – на 174 тыс. человек (13,9%)[2] (Процесс сокращения численности трудоспособного населения за счет процессов естественного движения населения в ближайшие 15 лет характерен практически для всех районов и городов республики, но в различной степени. Территориальные различия в изменении прогнозной численности трудоресурсного потенциала в РБ представлены на рисунке 1. Наиболее остро снижение численности населения в трудоспособном возрасте произойдет в городах республики. В них численность трудоспособного населения за 2006–2021 гг. сократится почти на 250 тыс. человек (16%). В сельских районах, характеризующихся за последние 15 лет более высокой рождаемостью, сокращение будет характеризоваться меньшей величиной – 83 тыс. человек (8,6%).

По нашим прогнозам, до 2021 года значительное сокращение собственного трудоресурсного потенциала (выше среднереспубликанского уровня) будет характерно для всех городов республики: Белорецк (на 20%), Ишимбай (18,1%), Салават (17,9%), Агидель (17,5%), Уфа (17,3%), Кумертау (16,8%), Октябрьский (16,8%), Мелеуз (15,9%), Белебей (15,0%) и особенно для следующих сельских районов: Уфимский (16,0%), Благовещенский (15,7%), Стерлитамакский (15,5%). Прирост численности населения в трудоспособном возрасте возможен только в Бурзянском районе (на 10,4%).

Основной целью реализации Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года, разработанной в 2008 году, являлось увеличение численности населения региона до 4150 тыс. человек, что по сложившимся тенденциям в миграционных процессах в республике является маловероятным. Провал концепции свидетельствует о низкой профессиональной теоретической и методологической подготовленности разработчиков этой концепции.

Предложения для региональных и муниципальных властей Республики Башкортостан, направленные на стабилизацию миграционной ситуации, привлечение и развитие человеческого капитала, развитие региональной системы расселения и территориальной организации хозяйства региона

Выходу из сложившейся миграционной ситуации может способствовать использование инструментов комплексного территориального социально-экономического развития Республики Башкортостан:

– создание и развитие инновационных территориальных кластеров;

– развитие особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития;

– формирование технополисов и других инновационных форм территориального развития;

– управление агломерационными процессами;

– поддержка развития моногородов;

– безусловное обеспечение увеличения реальных доходов и уровня жизни населения региона за счет развития высококонкурентных видов хозяйственной деятельности.

---

[1] Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. – Уфа: УГАЭС, 2012. – 132 с. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориально-структурная оценка геодемографической ситуации арктических территорий России // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. Материалы VI Уральского демографического форума с международным участием. Отв. редакторы: А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: УО РАН, 2015. – С. 349–355; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Трудовая миграция в РФ // Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. – Уфа, 2016. – С. 380–388; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геомиграционная ситуация в муниципальных районах Республики Башкортостан: методика территориального мониторинга // Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. – Уфа: БашГУ, 2016. – С. 212–223; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическое развитие городов РБ: региональная диагностика // Успехи современного естествознания. 2016. – № 5 (ч. 1). – С. 158–168.

[2] Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. – Уфа: УГАЭС, 2012. – 132 с.; Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическая ситуация в Республики Башкортостан: территориальная модель // Актуальные вопросы университетской науки. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 411–421.

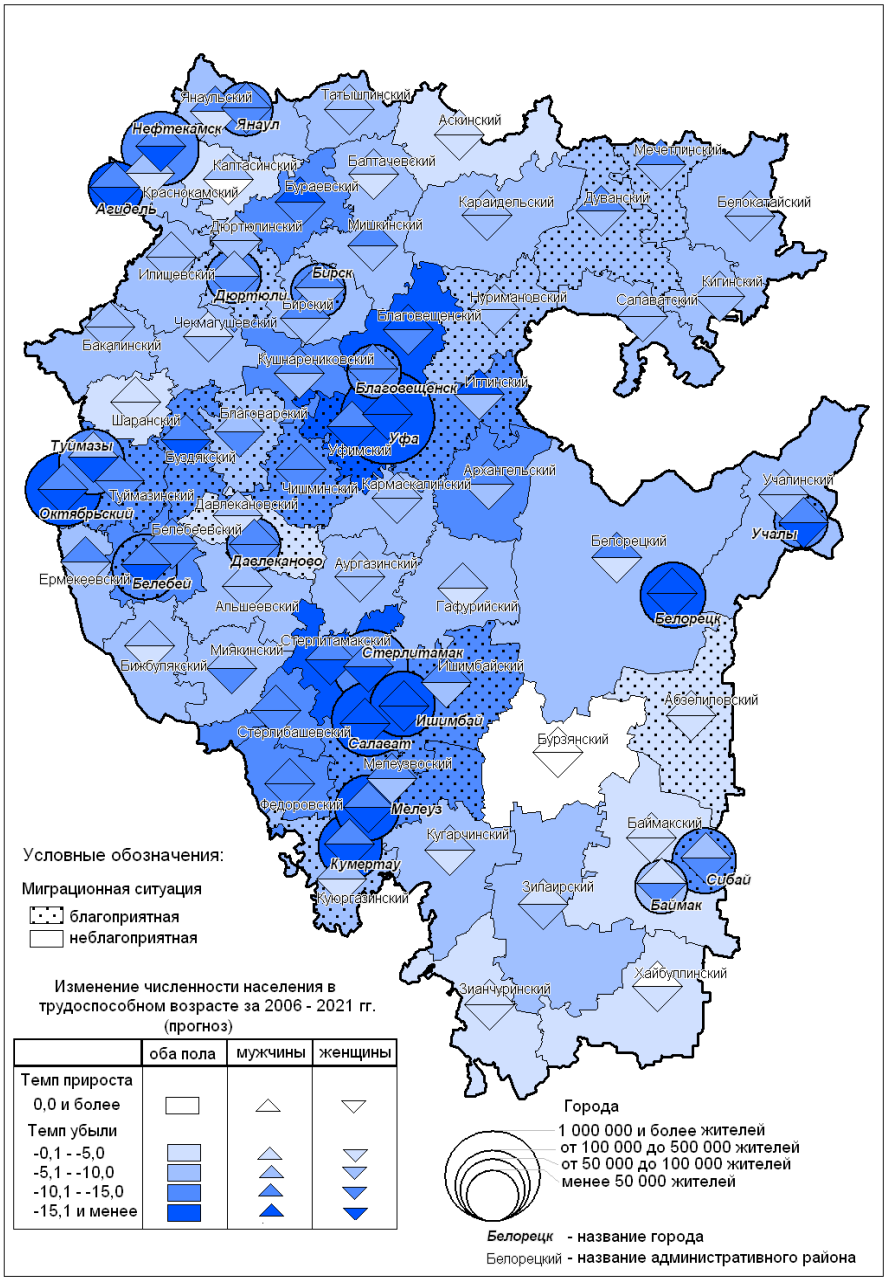


Рисунок 1.
Территориально-структурный прогноз численности населения трудоспособного возраста по городам и районам Республики Башкортостан

Соловьев В.И.
к.т.н., доцент, профессор кафедры бизнес-информатики НГУЭУ, г. Новосибирск
E-mail: solvi2@bk.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *информационно-аналитическое обеспечение, инновационное развитие, регион, стратегия, цифровая экономика.*

Key words: *research and information providing, innovative development, region, strategy, digital economy.*

Основными проблемами инновационной деятельности регионов являются: неадекватный уровень оснащенности производственно-технологической базы предприятий; неразвитость инновационной и информационной инфраструктур; скудная поддержка инновационной деятельности со стороны бюджетов и частных инвестиций, сдерживающая масштабы применения инноваций.

Инновационное развитие региона предопределяет решение не только региональных, но и общефедеральных политических и социально-экономических задач, к которым следует отнести: выявление научно-технических и технологических направлений, которые могут быть ресурсно (материально, финансово, информационно, кадрово) обеспечены[1]. Следовательно, проблема исследования возможностей и подходов создания стратегии инновационного развития, а также формирование механизма перехода экономики региона на инновационную траекторию является весьма актуальными в современной повестке, тем более в контексте цифровой экономики, старт которой дан распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р[2].

В силу проявляемого интереса российского социума, в том числе и академического сообщества к данной проблематике, ее чувствительности, следует определиться с сущностью подобного феномена, с существующими понятиями и толкованиями.

Из истории вопроса: В 1995-м году американский информатик Николас Негропонте, будучи сотрудником Массачусетского университета, ввел в употребление термин «цифровая экономика». В настоящее время этот термин широко используется во всем мире, он вошел в практику коммуникации исследователей, политиков, предпринимателей, журналистов. В прошлом году один из главных докладов Всемирного банка содержал отчет о состоянии цифровой экономики в мире (доклад вышел под названием «Цифровые дивиденды»[3]).

Понятие «цифровая экономика» соотносится со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), вступлением в процесс информатизации второго поколения, что по мнению многих является основой формирующегося VI технологического уклада[4].

Что касается цифровой экономики применительно к специфике российской экономики, то В.В. Путин в своем выступлении на «Прямой линии» 2017 г. отметил: «…что касается цифровой экономики, то без цифровой экономики мы не сможем перейти к следующему технологическому укладу. А без этого перехода у российской экономики, а значит, и у страны, нет будущего»[5].

Примечательно то, что в отличие от Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», не прописывающей ключевые базовые компоненты цифровизации, Всемирный банк указал на их базовые признаки, к которым отнес: открытые данные, систему электронного правительства, функционал и практику таких крупных российских цифровых компаний, как «Яндекс», «Касперский», Mail Ru, «Rambler», службы онлайн-заказов, сокращение времени регистрации прав собственности при помощи ИТ-технологий до 10 дней и др. Сложившаяся ситуация, подчеркивающая нечеткость самой терминологии и сущность данного феномена применительно к российской специфике, тем более требует уточнения понятия «цифровая экономика».

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

[3] Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор / Всемирный банк. – Вашингтон, 2016. – https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf

[4] Новицкий Н.А. Формирование национальной системы управления экономикой нового технологического уклада / Н.А. Новицкий, А.И. Кузнецова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2017. – № 3 (22). – С. 7–18.

[5] Прямая линия с Владимиром Путиным от 15 июня 2017. – http://www.rbc.ru/economics/15/06/201 7/594290fc9a794755d808f9af

Компьютер, глобальные и локальные сети, в том числе и социальные, цифровые платформы, инструменты мобильной телефонии, видеосвязи и др. как атрибуты «потребления» позволяют коррелировать понятие «цифровая экономика» с аналоговой экономикой, а значит идентифицировать цифровую экономику как ключевую подсистему экономических отношений, опосредованных инструментами и программными средствами информационных систем. Одно из емких, в каком-то смысле и мировоззренческих, определений принадлежит В.В. Иванову, члену-корреспонденту РАН, удостоверяющее: «Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность»[1].

С таким толкованием можно согласиться, поскольку продуктивные действия в ИТ-виртуальной реальности допустимо отнести к реальной системе производства, распределения, обмена или потребления. Следует подчеркнуть, что виртуальная реальность, как таковая, появилась отнюдь не с созданием компьютера. Вся мыслительная деятельность человека может быть отнесена в той или иной мере к практической реализации виртуальной реальности. К атрибутам практической реализации виртуальной реальности следует отнести и деньги как ключевой инструмент экономики, поскольку деньги – выдуманный эквивалент стоимости произведенных товаров и предоставленных услуг. И только с появлением компьютеров получилось «оцифровать» деньги, что, безусловно, повысило оперативность и эффективность товарно-денежных отношений и снизило операционные риски при проведении транзакций. Еще большим уровнем информационной виртуальности обладает криптовалюта (биткоин, эфириум, рипл). В основу обращения криптовалюты положена технология блокчейн[2].

В настоящее время получили распространение более «приземленные» трактовки термина «цифровая экономика», в отношение которых Р.Ю. Мещеряков выделяет два подхода. В первом, так называемом «классическом» подходе: цифровая экономика – это экономика, в основе которой цифровые технологии, ориентированные по большей части на сферу электронных товаров и услуг, в числе которых: телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиаконтента, Интернет вещей (IoT) и т.п. Второй подход – расширенный определяет цифровую экономику именно в контексте экономического производства, основным инструментарием которой являются цифровые технологии[3].

Рассматривая цифровую экономику как модель, построенную с использованием новых инструментов цифровых компьютерных технологий, следует в сферу ее интересов включать более широкий спектр производимых в экономике товаров и услуг, а значит, ожидать кардинальной трансформации существующих рыночных бизнес-моделей, снижения роли и значения посредников всех уровней. И в связи с этим следует подчеркнуть, что цифровую экономику формируют инновационные бизнес-модели, а информационные и другие технологии, в свою очередь, играют роль инструментария.

Но лишь только технология, даже прорывная или совокупность таких технологий не в состоянии быть универсальным инструментом решения пусть даже подобных бизнес-задач. Концептуально и следующее: для претворения в бизнес-практику концепта цифровизации как инновационной идеи, содержащей в себе созидательный смысл, еще не наработаны внятные дорожные карты.

Ожидаемой тенденцией в складывающейся ситуации является то, что для каждой компании как игрока на этом рынке и отрасли в целом будет необходимо определять свою траекторию, адаптировать свои бизнес-модели к изменяющейся среде. А общей тенденцией для большей части разноформатных бизнесов в будущем станет формирование конгломерата цифровых платформ и бизнес-цепочек, объединяющих бизнес-партнеров и обеспечивающих им доступ к кластеру всевозможных ресурсов, партнеров, клиентов и возможностей. На практике это означает, что бизнес-субъект, включенный в формат цифровизации, вынужден выстраивать свои бизнес-процессы и ИТ-системы с возможностью интегрировать их в бизнес-процессы партнеров (субподрядчиков, поставщиков, брокеров и др.) и клиентов. В некотором смысле это будет представлять своего рода цифровые экосистемы.

В части обобщения можно констатировать, что в таком представлении цифровой экономике подведомственны те отрасли, продукты которых поддаются формализованному описанию с трансформацией в структурно-логические схемы. А задачей бизнес-практики станет изыскание возможности вписать эту «виртуальность» в системы производства, оказания услуг, распределения, обмена, потребления и т.п.

В рамках бизнес-процесса создания и тиражирования продукта цифровизации информация позиционирует себя в совокупности и как предмет, объект, средство и как результат инновационной деятельности, обеспечивает данный процесс и формирует взаимосвязи и взаимодействия между стадиями жизненного цикла любого инновационного продукта. Здесь информация выступает ключевым элементом организации и структурирования информационных ресурсов и единого информационного пространства, а также предопределяет потребность разработки эффективного инструментария информационно-аналитического обеспечения не только инновационной деятельности конкретного хозяйствующего субъекта, но и стратегии инновационного развития субъекта любого уровня[4].

Стратегические цели развития инновационно активных хозяйствующих субъектов (ХС) в долгосрочной перспективе, в числе которых и высокотехнологичные предприятия, а также направления и механизмы их поддержки

[1] Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин. – https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html

[2] Блокчейн – (от англ. blockchain – цепочка блоков) – это распределённая база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу.

[3] Мещеряков Р.В., Савчук М.В. Подходы к внедрению ERP-систем на крупных предприятиях // Бизнес-информатика, 2011. – № 2(16). – С. 63–67

[4] Соловьев В.И. и др. информационно-аналитическое обеспечение управления жизненным циклом инновационных продуктов // Инновации в жизнь. 2017. – № 3(22). – С. 147–161.

представлены в Стратегии инновационного развития российской экономики на период до 2020 г. «Инновационная Россия – 2020»[1].

В свою очередь, для разработки стратегии инновационного развития любого российского региона в контексте цифровой экономики необходим поэлементный корреляционный анализ согласования и сопряжения большого массива неполной, неадекватной, фрагментарной, неструктурированной информации о различных сферах социально-экономической деятельности, влияющих факторах внутренней и внешней сред, поступающей с различных уровней системы управления региона[2].

Квалифицированное решение данной задачи потребует:

– модели разработки и реализации инновационной стратегии развития региона, структурированной в форме цикла, представляющего собой непрерывный, динамичный процесс, обеспечивающий требуемую адекватность и эластичность[3];

– модели выбора приоритетов для региональной инновационной модели стратегии развития[4];

– структурированной открытой многофункциональной инфраструктуры информационно-аналитического обеспечения разработки стратегии и поддержки развития инноваций, наделенной функцией самоорганизации и саморазвития, способной выявлять и аккумулировать информационную компоненту инновационного потенциала экономики региона и генерировать необходимый импульс ее инновационного развития. Это означает, что такая система приобретает функционал цифровой экосистемы.

На рис. 1 представлен один из вариантов модели региональной инновационной экосистемы (РИЭС) как прообраз модели цифровой экосистемы регионального уровня[5].

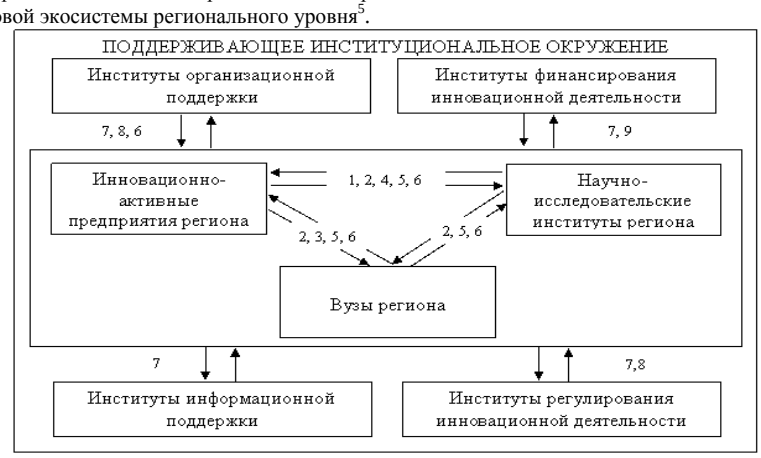


Рисунок 1.
Модель региональной инновационной экосистемы

Взаимосвязи между субъектами, включенными как элементы в модель РИЭС, осуществляется через информационные потоки, с нумерацией, указанной на рис. 1:

1 – подготовка и переподготовка научных и инженерных кадров, менеджеров инновационного бизнеса, технологических брокеров, специалистов в области интеллектуальной собственности;

2 – предоставление квалифицированных технических и консультационных услуг (инновационный консалтинг) при реализации инновационных проектов;

3 – содействие в инициации и продвижении (трансфере, диффузии и коммерциализации) инноваций;

4 – «упакованные» идеи, проекты, разработки, результаты научной и инновационной деятельности;

5 – обучение специалистов и организация стажировок;

6 – передача, продажа и обмен результатами интеллектуальной деятельности;

7 – предоставление юридических, финансовых, информационных, технологических, маркетинговых и других услуг;

8 – создание правовых и организационных механизмов инновационной деятельности в регионе;

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. Информационно-правовой портал Гарант. – http://www.garant.ru/

[2] Моисеев В. А., Прокофьев К. Ю. Реализация стратегии инновационного развития регионов // Вестник ПсковГУ. Серия «Экономические и технические науки». 2014. – № 5. – С. 75-91.

[3] Кутеев И. А. Инновационная составляющая стратегии развития самодостаточного, стабильно- динамичного региона // Вестник ТГУ. 2008. – № 10 (66). – С. 473–476

[4] Сумина Е. В., Чалкин В. А. Научно-технологическое развитие территорий как основа инновационной стратегии экономики России // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2012. – № 3. – С. 210–214.

[5] Соболев А.А., Малеева К.Н., Соловьев В.И. Инновационная экосистема как системообразующий фактор инициации и продвижения инноваций // Инновации в жизнь. 2016. – № 2(17). – С. 31–44.

9 – привлечение инвестиций (бюджет, гранты, субсидии, частно-государственное партнерство, венчурный капитал), финансирование инновационных проектов.

Отсутствие же единой региональной информационно-аналитической рабочей среды приводит к тому, что большие объемы формально публичной информации труднодоступны или недоступны внешним потребителям, что в существенной мере сдерживает развитие инновационной экономики. Что касается инфраструктуры информационно-аналитического обеспечения (ИАО), то ее необходимо позиционировать и выстраивать как основу структурно-логической интеграции и машинного децентрализованного сбора и обработки информации из разнородных источников, например, в следующем виде (рис. 2)[1].

Рисунок 2.
Модель инфраструктуры информационно-аналитического обеспечения стратегии инновационного развития региона

В свою очередь практически построение такой инфраструктуры может быть реализовано на базе современных технологий, например, одноранговых распределенных информационных систем, мультиагентных систем, инструментов интеллектуальной обработки данных, облачных технологий, блокчейн и средств телекоммуникаций[2]. При этом инфраструктура ИАО разработки стратегии инновационного развития региона в условиях масштабной цифровизации передовых отраслей экономики должна включать в такое системное образование следующие подсистемы: агрегатор контента, аккумулирующий информацию из различных источников посредством программно-технологических средств мониторинга, анализа, прогнозирования и разработки имитационных моделей сложных процессов, протекающих в региональных социально-экономических системах различной степени сложности и масштаба.

Необходимую информацию можно извлечь из многочисленных баз и банков данных, доступных посредством сети Интернет. При этом далеко не все ресурсы платные, и существует значительный пул общедоступных ресурсов, которые могут быть с успехом использованы для информационно-аналитического обеспечения стратегии. К числу платных ресурсов относятся, прежде всего, базы бизнес-информации, зарубежные полнотекстовые и фактографические базы данных, а также обширные базы реферативной информации. Однако эти информационные ресурсы разрозненны, навигация по ним затруднена, и, как и 10 лет назад[3], на сегодня отсутствует «единая точка входа», обеспечивающая получение комплексной информации для поддержки жизненного цикла инноваций. К тому же есть основания полагать, что создание такой единой точки на федеральном уровне не представляется в нынешних условиях реальным, в силу чего более приемлем вариант построенная сети региональных информационных систем, обеспечивающих навигацию и доступ к соответствующим информационным ресурсам.

Построение сети региональных информационных систем потребует некоторого пересмотра точек зрения на состав и наполнение информационной инфраструктуры как компоненты общей инфраструктуры обеспечения и поддержки стратегии, но это неизбежно произойдет в процессе перехода на технологии цифровой экономики.

К тому же информационно-аналитическое обеспечение и сопровождение инноваций, являющихся базисной основой стратегии в контексте развития цифровой экономики, также требует формирования соответствующей адекватной инфраструктуры. А для этого необходимо наращивать и развивать информационные ресурсы, целевым образом финансировать работы по информационному обеспечению инноваций через специальные региональные программы, обеспечить доступ к мировым БД научно-технической и бизнес-информации. Первоочередным является организация

[1] Тюшняков В.Н., Савастьянов В.В. Технологии управления на базе ситуационных центров как основа процесса разработки стратегий инновационного развития региона // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16146

[2] Маслобоев А.В., Путилов В.А. Концептуальная модель интегрированной информационной среды поддержки управления безопасностью развития региона // Вестник МГТУ. – М., 2011. – Т. 14, № 4. – С. 842–853.

[3] Арский Ю. Информационные ресурсы для поддержки инноваций / Ю. Арский, В. Цветкова, С. Яшукова // Информационные ресурсы России. – М., 2007. – № 6. – С. 8.

Единого регионального портала, предназначенного для ситуационного ориентирования инновационных организаций в мировом информационном пространстве и предусматривающего формирование базы знаний об информационных ресурсах, релевантных задачам каждой из стадий жизненного цикла инноваций (выявление необходимости в продукте – генерация идей – НИР – ОКР – выпуск опытной партии – вывод на рынок – рост – насыщение – спад – вывод с рынка – утилизация).

Повышение качества информационной поддержки потребует как привлечения широкого спектра внешних информационных ресурсов, так и создания единой технологической среды навигации, хранения, поиска, обработки и предоставления информации на основе распределенных информационно-вычислительных сетей, обеспечения возможности доступа к данным через службы каталогов, использования современных методов обработки знаний, и т.п. И, здесь одним из организационно-технических решений может быть, например, региональный ситуационный центр, обеспечивающий информационно-аналитическое сопровождение процесса разработки стратегий инновационного развития (рис. 3)[1].

Рисунок 3.
Инфраструктура ситуационного центра

Включение в состав блока инструментальных средств модулей информационно-аналитических систем и экспертных систем диктуется необходимостью разрешения возникающего в области ИАО конфликта интересов отдельных его субъектов-пользователей. Нерешение данной проблемы может привести к неуправляемому процессу разрушения информационной инфраструктуры обеспечения стратегии, нарушению баланса интересов государственных и корпоративных интересов в целом.

В состав блока инструментальных средств также целесообразно дополнительно включить модули систем бизнес-интеллекта: хранилища данных, OLAP-системы, средства формирования запросов и отчетов; аналитические приложения, реализующим функции информационной поддержки процессов управления на основе сбалансированных систем показателей (BSC-системам), инструменты BPM (Business Performance Management), обеспечивающие непрерывность цикла управления, включающего определение целей развития, моделирование определяющих факторов и ограничений, стратегически ориентированное планирование и бюджетирование, мониторинг, анализ достигнутых результатов, формирование финансовой и управленческой отчетности. Очевидно, что основной задачей такого инфраструктурного образования будет информационно-аналитическое обеспечение и поддержка процесса принятия стратегических решений в решении задач инновационного развития региона в контексте цифровой экономики.

В работе, посвященной анализу концепций и моделей инновационного развития 20 регионов РФ, отмечено, что основным подходом в их разработке является сценарный[2]. Но, любому региону, являющемуся чрезвычайно сложным мегаобразованием, в развитии свойственны разнородность, асинхронность (разновременность) событий, разновекторность и разнобазисность. Отсюда для успешности процесса разработки альтернатив и выбора рациональной стратегии инновационного развития региона востребован не только сценарный подход, а более «продвинутый» инструмент, основанный на интеграции подходов: методологического, научного, знаниевого, проектного, процессного и сценарного подходов и обеспечивающий синергетический эффект.

В формате подобного постановочного варианта задача интеграции подходов предусматривает формирование сложной многогранной и многоаспектной архитектуры, содержащей взаимосвязанные схемы деятельности, информационные модели и модели знаний (имитационная или игровая). В свою очередь математическая модель на основе теоретических, экспериментальных и статистических данных, зафиксированных или высказанных в качестве гипотез

[1] Тюшняков В.Н., Жертовская Е.В., Якименко М.В. Информационно-аналитическое обеспечение ситуационного центра как основа разработки стратегий инновационного развития региона // Фундаментальные исследования. 2015. – № 11–6. – С. 1253–1257. – https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39729

[2] Рыбалкин В.В., Сутырина Т.А. Стратегия инновационного развития российских регионов / В.В. Рыбалкин, Т.А. Сутырина; под ред. Т.А Сутыриной. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 316 с.

участниками игры, ориентирована на описание поведения индикативных показателей происходящих процессов. Информационная же модель отображает структуру данных и информационные потоки в моделируемой системе.

Достижение экономического и обеспечение инновационного роста региональной экономики в условиях усложнения межрегиональных хозяйственных связей, изменение стиля жизни, а также связанные с этим требования к развитию сферы жизнедеятельности, повышению качества жизни граждан невозможны без стратегического развития региона.

Эффективная стратегия развития региона – это стратегия, реализация которой преумножает потенциал территории и укрепляет ее положение на межрегиональном и международном рынке. Выбор эффективной стратегии развития региона обусловлен сочетанием сильных и слабых сторон, характеризующих социально-экономическое состояние области.

Решение же задач информационно-аналитического обеспечения стратегии инновационного развития инструментами цифровизации позволит выстроить единое информационное пространство с возможностью доступа (через «единую точку входа») к информационным ресурсам для всех участников разработки стратегии и оперативное реагирование на всевозможные изменения.

Суспицын С.А.
д.э.н., профессор, гл.н.с. ИЭОПП СО РАН, г. Новосибирск
susp@ieie.nsc.ru

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНОВ И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Ключевые слова: *региональное развитие, региональная политика, центр и регионы, инвестиционная политика, эффективность региональных инвестиций, Сибирь, Урал.*

На заре перестройки популярными были поиски правильной формулы, выражающей отношения государства и регионов. Обсуждаемые варианты ее можно свести к формулировкам: «сильные регионы – сильное государство» или «сильное государство обеспечивает расцвет регионов». С той поры утекло много воды, но «воз и ныне там» – говорить о гармонизации отношений в системе «федеральный центр – регионы» преждевременно. Ясно лишь одно, побеждает концепция сильного государства с измененным содержанием его патерналистской функции по отношению к регионам. Все более отчетливо проявляются тенденции первоочередного обеспечения общегосударственных потребностей и полномочий (оборона, создание новой системы логистических центров взамен утерянных в процессе суверенизации бывших советских республик, имиджевые национальные проекты, макроэкономическая социально-экономическая политика и др.). Фаворитами особого внимания государства являются крупные корпорации с высокой долей государственной собственности и успешные регионы, обеспечивающие основное наполнение федерального бюджета. Акселерация же устойчивого экономического роста остальных регионов должна вытекать из успешности восприятия ими общегосударственных установок и реформаций, дополняемых селективной прямой поддержкой федеральным центром тех регионов, в которых не срабатывают новации макроэкономической политики.

Проблемы и возможности модернизации государственной региональной политики. События последних лет (вторая волна мирового кризиса, нефтяные разборки, экономические санкции против России и т.п.) на первый взгляд отодвигают проблему отношений регионов и федерального центра на второй план, консервируя на неопределенное время сложившийся порядок. Последние успешные проявления политической воли только укрепляют аргументы в пользу сильной централизации. Но снова Россия оказывается в двойственном положении. С одной стороны, мы спасаем дефолтом ТЭК, по сути, за счет остальной части страны, и укрепляем его позиции арктическим вектором долгосрочных приоритетов макроэкономической политики. С другой стороны, пошли разговоры о реиндустриализации экономики, Совет Федерации озвучивает инициативы о создании макрорегионов, а сельское хозяйство без особых преференций неожиданно вошло в тройку ведущих экспортеров, лишь немного уступая экспорту вооружения. На волне успеха Министерство сельского хозяйства уже говорит о возможном экспорте в Китай байкальской воды.

Таким образом, на фоне нарастающей реформаторской и нормотворческой активности наблюдается проявление все той же опасности, озвученной в недавно обнародованном манифесте Деловой России (стратегии экономического роста), которая состоит в отсутствии необходимой координации потока предлагаемых реформаций. И тем более, подобная активность не может заменить необходимости глубоких изменений в отношениях регионов и Федерального центра, в приоритетах и механизмах проведения государственной региональной политики в частности.

К настоящему времени власть обустроила себя: выстроила приоритеты развития, наработала механизмы мобилизации ресурсов их достижения, упрочила свой фундамент (в других терминах креативный кластер – крупный частный бизнес, государственные корпорации, регионы – фавориты межуровневых отношений). И самое главное, на наш взгляд, определилась концептуально, взяв курс на создание сильного государства, родовым атрибутом которого является сильная центральная власть. Для России (впрочем, как и для многих других стран) – сочетание укрепления государственности и заботы о своих гражданах, внешне имеющее вид двуединой и крепко сбитой формулы целеполагания, в реалиях не столь уже и монолитно соединяет эти начала. Многое из того, что государство делает для себя, можно (и оно это искусно подает) выдавать за первоочередные заботы о своих гражданах. Забота о слабых – это тоже, прежде всего, забота государства о себе. На деле она осуществляется в скромных масштабах, не решает проблемы по существу, но и не создает особой нагрузки на ресурсы государства прямым участием в их судьбе. Скорее всего, это своеобразный макияж на лице власти, призванный сделать его более привлекательным. Не создавая основы к реальному росту потенциала и укреплению возможностей саморазвития аутсайдеров, такие действия центральной власти постоянно воспроизводятся в ежегодно повторяемых дотациях бюджетам регионов – аутсайдеров, или в виде очередных косметических примочек малому бизнесу.

Регион является естественной, логичной и эффективной частью устройства политической и экономической жизни государства и демо-социальной организации общества. Безусловно, расширенное воспроизводство сущностных характеристик социально-экономических, демографических и политических процессов в регионе является залогом устойчивого развития страны в целом. Более того, именно в регионах осуществляется реальное переплетение государственных, общественных и экономических отношений в стране. Но в современных условиях регион уже не может

рассматриваться всего лишь как форма (котел, в котором замешивается это варево). Прописанные в Конституции и регламентированные государственными законами права еще не обеспечивают реальной субъектности регионов, особенно в сфере экономических отношений. Знаменитая попытка Н.С. Хрущева создания совнархозов как инструмента управления экономикой на местном уровне, как реального уравновешивающего противопоставления отраслевому доминированию, была быстро заблокирована монопольными амбициями гигантов отечественной индустрии. Это доминирование не только сохранилось в постсоветской России, но и даже преумножилось в уродливых формах в первые перестроечные годы. Достаточно вспомнить толлинговые схемы, по которым организовывалась работа многих сибирских алюминиевых заводов. И сегодня Омский нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) и подобные ему с внешними для области оборотами, пополняя федеральную и региональную казну, порождает не только миллиардеров из числа единичных собственников, но и массу проблем с развитием инфраструктуры и социальной сферы в регионе. Проблемы связаны не столько с прямыми потребностями завода в общерегиональных ресурсах, сколько с несправедливым присвоением добавленной стоимости. Теоретический анализ показывает, что ее создают все, а используют лишь немногие (неправедным распределением). Более того, правомерна и более принципиальная постановка вопроса. Почему индустриальный капитал через амортизационную составляющую в цене на свою продукцию всегда имеет возможности для своего воспроизводства, а регион, с его главной заботой о воспроизводстве человеческого капитала, такой гарантированной возможности не имеет. Механизмы мобилизации всевозможных источников его доходов (налоговые и неналоговые поступления, проекции федеральных программ, активность бизнеса и пр.) лишены главного – осмысленного понимания, а, сколько нужно, и надежных правил формирования амортизационного фонда для нужд воспроизводства человеческого капитала.

Правильной калькуляцией для НПЗ его расходов при использовании региональных ресурсов могла бы стать прокатная оценка всех затрат в гипотетическом случае его размещения в чистом поле. Думается, что эта величина была бы намного больше той, которую реально несет НПЗ, находясь в освоенном регионе. И, следовательно, разница таких оценок, являясь экономией для него, составляет для региона величину упущенного эффекта от функционирования в нем этого завода.

Когда государство строило моногорода в Тюменской области с главной задачей обеспечения нефтепромыслов рабочей силой и всей необходимой социальной и инженерной инфраструктурой, никаких противоречий не возникало. Все шло из единого государственного кармана и все в него возвращалось, так что упущенные эффекты государства сальдировались с нулевыми итогами с реальными выгодами для него самого. Близким принципом в те годы являлся механизм инвестирования государством проектов создания крупных заводов в регионах, в котором до 30% общих инвестиций планировалось вкладывать в социальную и инженерную инфраструктуру. В этом случае принцип «одного кармана» также не порождал видимых противоречий. И только созданная позднее система разнесла карманы получения эффектов и понесения затрат, создав дополнительные преимущества одним (крупному бизнесу) и дополнительные проблемы другим (регионам).

Такая ситуация постоянно воспроизводится в России в массовых масштабах, закреплена законодательно и обеспечивает хроническую дотационность большинства регионов и сверхдоходность крупного бизнеса. Тем не менее, некоторые основания к осторожному оптимизму можно увидеть в исторических параллелях. В России в отношениях между государством, обществом и регионами всегда был примат государства и верховной власти. Во всех формациях, через которые прошла Россия, устойчиво сохранялись патриархально-исторические традиции (заложенные еще Калитой) отношения к регионам как месту реализации общегосударственных приоритетов (возможно даже с определенным учетом местного колорита). Только в последний период можно наблюдать ростки формирования гражданского общества, усиления его роли в общественно-политической и социально-культурологической жизни страны, и даже в экономике. Но до признания равноправных отношений в системе «федеральный центр – регионы», «регионы – бизнес», видимо, время еще не настало, хотя похоже, что «лед тронулся». Уже идут процессы разделения компетенций, хотя субъектности во властных полномочиях у регионов не хватает, т.е. кроме ответственности, еще и суверенных прав на отстаивание своих экономических интересов. В частности, уместно поставить вопрос, а хватает ли полномочий у региональных властей добиваться близкой результативности функционирования субъектов регионального рынка. А если их недостаточно, то могут ли регионы получить их в принципе.

Регионы – «лакмусовая бумажка» серьезности намерений коренной модернизации экономики. Фундаментом развитых экономик являются самодостаточные первичные элементы страны – муниципальные образования и их объединения. С большими основаниями можно ожидать, что с сохранением относительно их существующего порядка, переход к устойчивому экономическому развитию по типу развитых стран вряд ли осуществим. Следовательно, главные проблемы регионов связаны не с проблемами их взаимоотношений с федеральным центром (эксклюзивно, выборочно, какие-то частные вопросы могут быть решены и решаются), а с общей системой институциональных условий, не мотивирующих регионы к устойчивому типу развития. К сожалению, сложившаяся модель государственного устройства не эволюционирует в этом направлении. Коренная модернизация должна коснуться и глубинных основ федеративных отношений. До тех пор пока в собственные доходы муниципальных образований будет попадать в лучшем случае лишь четверть собираемых в них налогов, говорить об устойчивой финансовой базе и росте мотиваций местных сообществ к экономической активности не приходится. Внимание федеральных властей к формированию среднего класса, стимулированию малого бизнеса и т.п., носит в большей мере формальный характер экстерриториальных рекомендаций, а не одного из элементов системных трансформаций местных экономик и образований, направленных на формирование внутреннего рынка, обеспечение потребительского спроса, рост жизненного уровня населения. Даже, исходя из того, что на федеральном уровне предлагаемые конкретные направления экономических и

социальных преобразований выстраиваются на основе цельной, системной, непротиворечивой общей концепции, приходится констатировать, что, доходя по целевым программам до конкретных мест, о такой системности приходится просто забыть. Самодовлеющий процесс реализации таких программ, не обеспечивает в конкретных местах гармоничной и комплексной картины общих улучшений жизни местных сообществ. А хотелось бы.

Государственная региональная политика в РФ нуждается в серьезном обновлении, в т.ч. и для восточных регионов страны. Так, нет никаких оснований считать, что Сибирь входит в разряд регионов первоочередных государственных интересов[1]. Следовательно, высока вероятность того, что развитие макрорегиона будет проходить близко к генетическому сценарию с выбросами по отношению к отдельным регионам, в которых векторы государственных, корпоративных и региональных интересов могут время от времени сближаться. Основополагающими в таком сценарии являются мотивации и условия саморазвития, проявления которого не сводятся к простому обладанию регионом необходимыми ресурсами. В данном случае термин «саморазвитие» означает потенциальную готовность региона (подтверждаемую, в том числе и динамикой развития в предшествующие периоды) к переходу к другому фенотипу развития, как правило, более высокого уровня, обеспечиваемого всем комплексом институциональных, ресурсных и структурных условий, которыми уже обладает большинство регионов, входящих в данный фенотип. Обустроить поступательное движение регионов по кривой генотипа развития (от фенотипа к фенотипу) – вот новая постановка государственной региональной политики. А конструктивными проявлениями такой политики могла бы стать система целезадающих ориентиров развития регионов, адресно настроенных на их возможности, во-первых; реалистичных, так как они были достигнуты регионами более развитого фенотипа развития, во-вторых; и обеспечивающих поступательную динамику роста соответствующих индикаторов, в третьих.

Парадоксы инвестиционной политики в Сибири и на Урале. На примере Сибири и Урала можно увидеть, как входит в противоречие реальное развитие регионов и приоритеты инвестиционной политики, формируемой федеральным центром и проводимой крупными корпорациями и регионами – фаворитами. Совместное рассмотрение территорий Уральского и Сибирского федеральных округов обусловлено следующими соображениями: во-первых, соседи; во-вторых, схожесть условий и потенциалов развития; в-третьих, близкий спектр типов регионов по структуре и уровню развития; в-четвертых, увеличены размеры выборки для статистических обобщений по сравнению с изолированным анализом развития этих макрорегионов. Качественное шкалирование степени использования потенциала невоспроизводимых природных ресурсов выделяет следующие группы регионов Сибири и Урала (их упорядоченное представление описано спектром цветов радуги).

Группа К (красная) – очень высокое значение для регионов добычи полезных ископаемых (Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Развитие остальных секторов экономики, инфраструктурных отраслей (энергетика, строительство, транспорт), системы расселения подчинены развитию нефтегазового комплекса региона и следуют за ним.

Группа О (оранжевая) – существенное значение (Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская и Томская области). Первичный сектор экономики весьма диверсифицирован и масштабен – металлы, уголь, лес, гидроэнергетика. Достаточно развиты первые этажи переработки добытых природных ресурсов;

Группа Ж (желтая) – значимое значение, особенно с позиций перспектив развития – (республики Бурятия и Тыва, Забайкальский край). Ресурсов много, но их использование не соответствует природному потенциалу;

Группа З (зеленая) – заметное значение первичного сектора с более низким потенциалом невоспроизводимых ресурсов, но большей ролью воспроизводимых и рекреационных ресурсов (Республика Алтай, Алтайский край, Курганская область);

Группа Г (голубая) – характеризуется слабым вкладом в социально-экономическое развитие ресурсного потенциала (особенно невоспроизводимых природных ресурсов). Но это обстоятельство более чем компенсируется высоким уровнем развития вторичного сектора (Свердловская, Челябинская, Новосибирская и Омская области).

По другим условиям развития также заметны устойчивые тенденции в этих группах регионов. По воспроизводимым природным ресурсам (основу которых составляет агропромышленный потенциал) заметен обратный порядок роста его значимости (от групп Г и З к группе К). Масштабы развития вторичного сектора более заметны в крайних группах (К и Г), но определяются в них разными предпосылками. Заметно слабее этот сектор экономики развит в зеленой и особенно в желтой группе.

Как и всякая классификация, выбранная группировка регионов несколько условна, но в целом позволяет достаточно выпукло выявить устойчивые тенденции социально-экономического развития регионов Сибири и Урала.

Обратимся к статистике (используются данные статсборников «Регионы России» за 2012 г.). Анализируются изменения, прошедшие в укрупненных группах регионов в 2000–2010 гг. – территориальная структура экономики в стартовом году (2000), средние характеристики докризисного развития за период интенсивного роста (2001–2007), коррекция межгрупповых пропорций в кризисный период (2008–2010 гг.).

Территориальные пропорции производства ВРП достаточно устойчивы по годам рассматриваемого периода (табл. 1). Почти 3/4 ВРП Урала и Сибири в этот период были созданы в регионах красной и оранжевой группы, и только пятая часть в регионах с преимущественным развитием вторичного сектора. На долю остальных регионов (желтая и зеленая группы) приходится 8–9% произведенного ВРП.

[1] Напомним, что среди четырех региональных целевых программ федерального статуса (по Курилам, Дальнему Востоку, Северному Кавказу и Калининградской области) Сибири нет, и не предвидится.

Таблица 1

Динамика территориальной структуры ВРП, %

Группа	2000 г.	2001–2007 гг.	2008–010 гг.
К	36,7	39,7	37,2
О	37,7	33,1	33,5
Ж	3,6	3,5	3,9
З	4,4	4,3	5,1
Г	17,6	19,4	20,3

Также достаточно устойчивы пропорции освоения инвестиций в основной капитал, с еще большим смещением в пользу регионов интенсивного природопользования: 80–75% – группы К и О; 6–7% группы Ж и З; 12,5–17,5% – группа Г (табл. 2). Причинно-следственные связи по линии «ВРП – инвестиции» работают в обоих направлениях. Территориальная структура ВРП такова, потому, что таково распределение инвестиций между регионами, а структура инвестиций такова, потому, что такова структура ВРП.

Таблица 2

Динамика территориальной структуры инвестиций в основной капитал, %

Группа	2000 г.	2001–2007 гг.	2008–2010 гг.
К	59,9	46,8	43,8
О	21,4	29,4	31,5
Ж	3,2	3,1	3,2
З	3,0	3,5	4,0
Г	12,5	17,3	17,5

Главный вывод анализа состоит в том, что инвестиции в ресурсные регионы характеризуются снижением обобщающих показателей эффективности, в качестве которого естественно рассматривать отношение ВРП к накопленному капиталу (основным фондам по полной балансовой стоимости). Рассчитанные на данных Госкомстата РФ показатели фондоотдачи по пяти выделенным группам с усреднением по периодам 2001–2007 и 2008–2010гг демонстрируют устойчивую картину обратной корреляции роста обобщенной фондоотдачи и масштабов развития первичного сектора (табл. 3).

Таблица 3

Динамика региональной фондоотдачи (руб\руб)

Группа	2000 г.	2001–2007 гг.	2008–2010 гг.
К	0,423	0,350	0,295
О	0,349	0,439	0,463
Ж	0,222	0,276	0,317
З	0,210	0,305	0,359
Г	0,254	0,377	0,429

Наиболее выпукло это видно на рис. 1. Наименьший рост региональной фондоотдачи к 2010 г. по сравнению с 2000 г. отмечается в красной группе (Тюменская область с округами); наибольший в голубой (регионы с минимальными масштабами добычи полезных ископаемых). В сочетании с данными о структуре инвестиций (табл. 2) это приводит к выводу о неэффективной для регионов инвестиционной политике государства, мотивирующей активность инвесторов в регионах сырьевой ориентации. Больший рост добавленной стоимости в несырьевых регионах обеспечивается не за счет ускоренного фондообразования и обновления капитала (что невозможно при складывающейся структуре инвестиций), а за счет факторов, лежащих за пределами инвестиционных процессов. А каковы бы были общие результаты, если бы был включен в процесс общественного производства в этих регионах и инвестиционный ресурс?

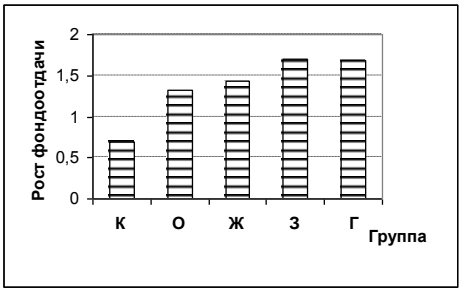


Рисунок 1.
Рост фондоотдачи по ВРП в регионах Сибири и Урала в 2000–2010 гг.

Рис. 1 и табл. 3 иллюстрируют тот факт, что регионы с более высоким приростом фондоотдачи недополучают инвестиций. Если бы удалось изменить сложившуюся систему инвестиционных мотиваций в пользу этих регионов, то очевиден значимый системный эффект по росту суммарной добавленной стоимости. Стратегически такой маневр выгоден регионам, выгоден инвесторам (позволяя получать на накопленный основной капитал бóльшую добавленную стоимость), выгоден и национальной экономике, диверсифицируя ее структуру и ускоренно развивая внутренний спрос. Но тактически он не выгоден федеральному центру, поскольку предполагает изменение сложившейся схемы формирования существенной части федерального бюджета через дележку природной ренты с ресурсоэксплуатирующими корпорациями и отдельными регионами, и повышает возможности самостоятельной реализации регионами предусмотренных Конституцией их компетенций.

Природный потенциал и его эффективное использование лишь одно из условий успешного и комплексного развития восточных районов страны. Требования времени, внешнеэкономической и геополитической конъюнктуры с необходимостью выдвигают на первый план задачи глубоких структурных изменений, дающих возможность проводить политику импортозамещения, развивать собственные обрабатывающие производства с увеличением добавленной стоимости в цене продукта, Но, похоже, касаются эти планы преимущественно европейской части страны. Вместе с тем, как показали приведенные выше оценки, экономика Сибири и Урала давно готова к выходу на новый уровень эффективности, если ей поможет государство, предприняв серьезные институциональные изменения, обеспечивающие несырьевым регионам преференции на начальных этапах подобные тем, что имеют ресурсные территории.

Подходы к оценке эффективности региональных инвестиций. Пусть показатели K_0, L_0, W_0 означают исходное состояние экономики региона (основной капитал (вариант основные фонды), численность занятых и валовой региональный продукт, ВРП). По ним можно однозначно определить параметр γ^0, $\gamma^0 = \ln(W_0 / L_0) : \ln(K_0 / L_0)$. На его основе связь между K_0, L_0, W_0 можно представить в виде

$$W_0 = (K_0)^{\gamma^0} (L_0)^{(1-\gamma^0)}.$$

И, следовательно, латентная связь между показателями K, L и W в окрестности состояния (K_0, L_0, W_0) операционализируется однозначным образом

$$W = (K)^{\gamma^0} (L)^{(1-\gamma^0)} \quad (1).$$

При этом функция связи (1) является однородной 1-й степени и, следовательно, γ^0 и 1-γ^0 являются коэффициентами эластичности результирующего показателя W по факторам K и L, соответственно.

Важнейшими качественными характеристиками региональной экономики являются удельные показатели капиталоемкости, трудоемкости и производительности труда, $k_0=K_0/W_0$, $t_0=L_0/W_0$, $\pi_0=W_0/L_0$. В силу условия (1), связь между удельными показателями в достигнутом состоянии имеет вид:

$$(k_0)^{\gamma^0} (t_0)^{1-\gamma^0} = 1,\ \pi_0 = 1/t_0 = (k_0)^{\gamma^0/(1-\gamma^0)} \quad (2).$$

Нетрудно показать, что параметр $\sigma^0=\gamma^0/(1-\gamma^0)$ можно интерпретировать как коэффициент эластичности производительности труда по параметру капиталоемкости результирующего показателя W и, следовательно, он означает относительный рост производительности труда при росте капиталоемкости производства на 1%. Действительно, из того, что $\pi_0 = (k_0)^{\sigma^0}$, следует, $\partial\pi_0 / \partial k_0 : (\pi_0 / k_0) = \sigma^0$.

Параметры эффективности экономики k_0, t_0, π_0 и связь между ними по типу (2) присущи не только достигнутому состоянию K_0, L_0, W_0, но могут устойчиво воспроизводиться и при малых отклонениях от него K_*, L_*, W_*. Переход в новое состояние с сохранением структурных параметров можно оценить двумя способами.

Первый из них исходит из экзогенного прогноза численности занятых, L_*. В этом случае, два других показателя можно рассчитать следующим образом: $W_*=\pi_0 L_*$, $K_*=k_0 W_*$.

Второй путь состоит в экзогенном прогнозе величины основного капитала K_* и расчете на этой основе двух других показателей: $W_* = K_*/ k_0$ и $L_* = W_*/ \pi_0$.

Следует отметить, что каким бы способом, в сделанных предположениях, не осуществлялся прогноз, его принципиальная суть остается одной и той же – в экономике воспроизводится прежний тип развития преимущественно экстенсивного типа, основанный на расширении объема используемых ресурсов труда и капитала с сохранением качественных характеристик. Основным условием модернизации экономики, должны стать такие изменения в структуре и масштабах роста основного капитала, которые вызывают повышенный рост производительности труда, по сравнению с традиционным воспроизводственным процессом.

Качественные изменения в экономике региона вызываются изменением параметров γ^0 и σ^0. Обобщенным представлением «новой экономики» могут служить ее сводные показатели ΔK, ΔL, ΔW и удельные характеристики $\Delta k = \Delta K/\Delta W$, $\Delta t = \Delta L/\Delta W$, $\Delta\pi = \Delta W/\Delta L$. Очевидно, что структурные сдвиги в экономике должны приводить к изменению ее ключевых параметров эффективности $\sigma_\Delta = \gamma_\Delta /(1-\gamma_\Delta)$, и $\gamma_\Delta = \ln(\Delta W / \Delta L) : \ln(\Delta K / \Delta L)$.

Условие $\sigma_\Delta > \sigma^0$ означает, что в новой экономике равновеликий рост капиталоемкости ВРП обеспечивает более высокий рост производительности труда, т.к. $\Delta\pi=(\Delta k)^{\sigma\Delta}$. Таким образом, модернизация региональной экономики должна проходить через отбор инвестиционных проектов по принципу $\gamma_\Delta > \gamma^0$ и проходить интенсивнее в тех секторах экономики, в которых проекты характеризуются более высоким относительным ростом предельной относительной эффективности инвестиций.

Трещевский Ю.И.
д.э.н., профессор, Воронежский государственный университет
utreshevski@yandex.ru
Литовкин М.В.
аспирант Воронежского государственного университета
maxxlit@ya.ru

ВЗАИМОСВЯЗИ ИННОВАЦИОННОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова*: регион, региональная среда, институциональные параметры региона, инновационные параметры региона.*
Keywords*: region, regional environment, institutional parameters of the region, innovative parameters of the region.*

Введение. Инновационные процессы в Российской Федерации развиваются недостаточно интенсивно несмотря на длительность попыток органов власти различных уровней активизировать инновационную деятельность в реальном секторе экономики. Относительно факторов, препятствующих инновационному развитию, высказываются различные мнения. Распространено убеждение, что торможение связано с нехваткой финансовых ресурсов. Мы не отрицаем значимости данного фактора, однако не считаем его первопричиной низкой инновационной динамики. Считаем достаточно реалистичной гипотезу относительно высокого уровня влияния институциональных особенностей социально-экономических систем различных уровней на развитие инновационных процессов. Проверку этой гипотезы мы провели на основе монографических и эмпирических исследований.

О влиянии институциональных факторов инновационного развития высказываются различные мнения. Й. Шумпетер считает, что инновационная деятельность обусловлена личностными характеристиками людей[1]. В соответствии с позицией Ж. Бодрийяра, К. Ясперса, Дж. Бреннана, Дж. Бьюкенена, Дж. Робинсона, Ф. Фукуямы, И. Розмаинского, она зависит от социокультурных характеристик общества, в частности, от типа экономической культуры[2].

Версия зависимости инновационных процессов от институциональных факторов имеет серьезные теоретические основания, поскольку в современном мире сосуществуют цивилизации, осуществляющие принципиально разные подходы к их распространению, несмотря на прозрачность инновационного пространства. Однако обычно имеет место слабое обоснование или отсутствие количественных характеристик взаимосвязей.

Обратим внимание на точку зрения И. Розмаинского, предложившего экономическую культуру страны (совокупность ценностей, норм, стереотипов и элементов хозяйственного быта, формирующих предпочтения людей и воздействующих на неформальные правила поведения) в качестве ее системной институциональной характеристики[3]. Выдвинутую им гипотезу частично можно проверить на основе официальных статистических данных, характеризующих инновационное развитие регионов.

Принятие регионов России в качестве объекта исследования взаимосвязей оправдано тем, что они функционируют по одним и тем же или очень близким формальным правилам, и количественные характеристики регионов представлены одними и теми же показателями. Эмпирическая база сформирована нами на основе сопоставимых статистических показателей[4].

Временной ряд замеров выбран таким образом, что охватить различные периоды развития страны и ее регионов: 2000 г. – окончание системного кризиса 90-х годов XX века; 2005–2007 – период высокой экономической конъюнктуры, переходящий в 2007 г. в перегрев экономики; 2009 г. – финансовый кризис (падение экономической конъюнктуры); 2012 г. – стабильная экономическая ситуация; 2015 г. – широкий спектр кризисных явлений.

---

[1] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

[2] Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Призрак толпы / Жан Бодрийяр, Карл Ясперс. – М.: Алгоритм, 2014. – С. 205–302; Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб.: Экономическая школа, 2005. – 272 с.; Робинсон Дж.А. Институты и латиноамериканское равновесие // Отставание. – М.: Астрель, 2012. – С. 255–305; Фукуяма Ф. Объясняется ли отставание Латинской Америки от США ущербностью ее институтов? // Отставание. – М.: Астрель, 2012. – С. 468–469; Розмаинский И.В. Экономическая культура как фактор и барьер экономического // Журнал институциональных исследований. 2012. – Т. 4, № 4. – С. 22–32.

[3] Розмаинский И.В. Там же.

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М.: 2008. – С. 958–959; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. – www.gks.ru; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Методическая база исследования

В качестве институциональной характеристики регионов нами принято несколько модифицированное понимание экономической культуры И. Розмаинским. Указанный автор пишет о гедонистической и аскетической экономической культуре. На наш взгляд, характеристики, предложенные автором, сложно трактовать как параметры экономической культуры. На наш взгляд, «аскетизм» и «гедонизм» – это типы экономического поведения (что более узко, чем экономическая культура). Показатели, характеризующие тип экономического поведения (культуры по И. Розмаинскому[1]), сведены в форму, допускающую использование официальных статистических показателей[2]. Ранее мы с соавторами публиковали подробно методику исследования типов экономического поведения в регионах России[3]. На ее основании сформирован состав показателей, характеризующих тип экономического поведения: X_1 – отношение потребительских расходов к среднедушевым доходам; X_2 – удельный вес кредитных средств физических лиц в общем объеме доходов населения; X_3 – доля привлеченных инвестиций в основной капитал; X_4 – доля денежных доходов населения, направленных на прирост финансовых активов; X_5 – показатель, обратный «удельному весу денежных средств в общей сумме доходов населения, привлеченных кредитными организациями». Чем выше значения показателей – тем выше уровень гедонизма.

Учитывая существенные различия регионов России по оцениваемым экономическим и институциональным параметрам, для повышения степени сопоставимости данных мы осуществили переход от абсолютных и относительных показателей к нормированным по стандартной процедуре[4].

Для проверки взаимосвязей между институциональными параметрами регионов и уровнем экономического развития (производство ВРП на душу населения) все регионы, по которым произведен расчет статистической зависимости, разделены на три группы – «гедонистические регионы», имеющие наивысшие результаты по сумме нормированных значений (31 регион); «сбалансированные регионы» (со средними значениями указанной величины, 21 регион)»; «аскетические регионы» (27 регионов с низкими значениями вышеуказанной суммы». Параллельно выделены три группы регионов – с низким, средним и высоким уровнем производства добавленной стоимости. Сочетание институциональных и экономических групп регионов представлено в табл. 4.

Общий информационный массив составляет 79 регионов, поскольку статистические данные по ряду регионов России представлены фрагментарно.

Для исследования уровня инновационного развития регионов и их группировки мы использовали метод виртуальной кластеризации, предложенный И. Манделем, М. Олдендерфером, Р. Блэшфилдом, И. Хартиганом, М. Вонгом[5]. Метод широко апробирован в исследовании региональных социально-экономических процессов[6], в том числе, и в наших работах[7].

Методические и фактические данные, характеризующие инновационное развитие регионов России, обстоятельно изложены в наших работах[8].

Ряд положений, изложенных в результирующей части данной работы, представлен в наших работах в соавторстве с В. Майоровой, Л. Никитиной[9].

Результаты исследования

В процессе исследования нами выделены показатели, характеризующие инновационную деятельность в регионах, представленные в официальной статистике (табл. 1).

---

[1] Розмаинский И.В. Указ. соч.

[2] Майорова В.В. Экономический анализ институциональных параметров социально-экономических систем / В.В. Майорова, Л.М. Никитина, Ю.И. Трещевский // Экономический анализ: теория и практика. 2015. – № 36 (435). – С. 2–11.

[3] Майорова В.В., Никитина Л.М., Трещевский Ю.И. Там же.

[4] Там же.

[5] Мандель И.Д. Кластерный анализ. – М.: Финансы и статистика. 1988. – 176 с.; Олдендерфер М.С. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / М.С. Олдендерфер, Р.К. Блэшфилд. Под ред. И.С. Енюкова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 215 с.; Hartigan I.A. Algorithm AS 136: A K-Means Clustering Algorithm / J.A. Hartigan, M.A. Wong // Journal of the Royal Statistical Society Series C (Applied Statistics). 1979. – Vol. 28, N 1. – P. 100–108.

[6] Голиченко О.Г. Анализ результативности инновационной деятельности регионов России / О.Г. Голиченко, И.Н. Щепина // Экономическая наука современной России. – М., 2009. – № 1 (44). – С. 77–79.

[7] Трещевский Ю.И. Инновационная деятельность в регионах России с различными типами экономического поведения / Трещевский Ю.И., Литовкин М.В. // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. – № 4 (64). – С. 4–11. DOI: https://doi.org/10.18551/rjoas.2017-04.01

[8] Трещевский Ю.И. Инновационное развитие регионов России в период роста экономической конъюнктуры / Ю.И. Трещевский, М.В. Литовкин, И.В. Терзи // Регион: системы, экономика, управление. 2016. – № 1 (32). – С. 33–40.

[9] Treshchevsky Y. Results of Innovational Activities of Russian Regions in View of the Types of Economic Culture / Yuri Treshchevsky; Larisa Nikitina, Mikhail Litovkin, Valentina Mayorova // Russia and the European Union. Development and Perspectives / Series Contributions to Economics. 2017. – P. 47–53.

Таблица 1

Показатели инновационной деятельности в регионах

Обозначение показателя	Наименование показателя	Единицы измерения
Var 1	Число организаций, выполняющих исследования и разработки	Единиц
Var 2	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	Человек
Var 3	Внутренние затраты на исследования и разработки	Млн. рублей
Var 4	Численность исследователей с учеными степенями	Человек
Var 5	Число созданных передовых производственных технологий	Единиц
Var 6	Число использованных передовых производственных технологий	Единиц
Var 7	Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность	Проценты
Var 8	Затраты на технологические инновации	Тыс. рублей
Var 9	Объем инновационных товаров, работ, услуг	Млн. рублей
Var 10	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженной продукции	Проценты
Var 11	Численность студентов средних специальных учебных заведений	Тыс. чел
Var 12	Численность студентов высших учебных заведений	Тыс. чел
Var 13	Удельная численность студентов высших учебных заведений	Чел /10 000 человек населения

В соответствии с принятым методическим подходом состояние параметров и состав кластеров определены в каждой временной точке. Состав кластеров по состоянию на 2015 год представлен в табл. 2 (аналогичные таблицы составлены по состоянию на 2000, 2007, 2009, 2012 гг.)

Таблица 2

Состав кластеров инновационного развития

Кластер	Состав
А	г. Москва
Б	Московская область, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Тюменская области
В	Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Тульская, Ярославская, Вологодская области, Краснодарский, Ставропольский края, Астраханская, Ростовская области, республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Чувашская; Пермский край, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Челябинская области, Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская области, Хабаровский край, Магаданская область
Г	Калужская, Костромская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Кировская, Оренбургская области, Республика Алтай, Алтайский, Камчатский края, Чукотский АО
Д	Ивановская, Смоленская области, республики Карелия, Коми, Архангельская, Калининградская, Псковская области, республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Чеченская; Волгоградская, Курганская области, республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Кемеровская область, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Приморский край, Амурская, Сахалинская области, Еврейская АО

Для оценки параметров инновационного развития регионов была произведена экспертная оценка их значимости. В связи с чем значения, построенные на статистических данных, изменились, в частности, ряд параметров наиболее развитого кластера «А» превысил значения 1,0, чего при обычной кластеризации быть не может. Данная процедура несколько ослабила «объективность» оценки, однако, она была необходима в силу очевидной неравнозначности параметров инновационного развития социально-экономических систем (в данном случае – регионов). Параметры, характеризующие общее состояние инновационного развития виртуальных кластеров и его отдельных компонентов в 2015 году с учетом мнений экспертов, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние нормированные значения параметров инновационного развития (2015 г.)

Показатели	Кластер А	Кластер Б	Кластер В	Кластер Г	Кластер Д
Var 1	1,078947	0,183381	0,056370	0,029436	0,024401
Var 2	1,078947	0,151634	0,023587	0,012204	0,005321
Var 3	1,210526	0,171073	0,019864	0,009786	0,004106
Var 4	1,052632	0,084041	0,019116	0,007685	0,007846
Var 5	1,184211	0,597158	0,168179	0,100805	0,047245
Var 6	1,289474	0,650239	0,183128	0,109766	0,051444
Var 7	0,850564	0,452303	0,420113	0,430988	0,159426
Var 8	1,157895	0,381589	0,070298	0,026480	0,023261
Var 9	1,131579	0,262998	0,048177	0,010043	0,010522
Var 10	0,631970	0,438662	0,341512	0,099575	0,088393
Var 11	1,026316	0,559709	0,253140	0,130132	0,130936
Var 12	1,184211	0,220070	0,091764	0,035742	0,038418
Var 13	1,236842	0,611531	0,614012	0,343935	0,423468
Сумма	14,114114	4,764387	2,309259	1,346577	1,014788
Соотношение суммы средних	1,0	0,337	0,160	0,094	0,071

Как видно из представленных в таблице данных, общие уровни инновационного развития виртуальных кластеров существенно различаются.

В результате расчетов институциональных параметров регионов (отношение потребительских расходов к среднедушевым доходам; удельный вес кредитных средств физических лиц в общем объеме доходов населения; доля привлеченных инвестиций в основной капитал; доля денежных доходов населения, направленных на прирост финансовых активов; показатель, обратный «удельному весу денежных средств в общей сумме доходов населения, привлеченных кредитными организациями») и объема производства добавленной стоимости в регионах страны, получено деление регионов страны на 7 групп, отражающих «уровень гедонизма» во взаимосвязи с производством добавленной стоимости в регионах России (табл. 4).

Таблица 4

Распределение регионов России по типам экономического поведения (за период 2000–2012 гг.)

Гедонистические регионы
Гедонистические регионы с высоким и средним уровнем производства добавленной стоимости на душу населения (выше, чем следует из институциональных характеристик)
Республика Хакасия, Еврейская АО, Амурская область, Забайкальский край, Ленинградская, Астраханская, Омская, Томская, Смоленская, Тверская, Новгородская области, Камчатский край, Республика Коми, Чукотский АО, Хабаровский край, Иркутская область
Гедонистические регионы с соответствующим (низким) уровнем производства добавленной стоимости на душу населения
Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Бурятия, Республика Адыгея, Курганская область, Республика Марий Эл, Алтайский край, Республика Северная Осетия-Алания, Брянская область, Пензенская область
Сбалансированные регионы
Сбалансированные регионы с высоким уровнем производства добавленной стоимости на душу населения (выше, чем следует из институциональных характеристик)
Магаданская область, Приморский край, Сахалинская, Архангельская, Вологодская, Калужская области
Сбалансированные регионы с соответствующим (средним) уровнем производства добавленной стоимости на душу населения
Курская, Новосибирская, Костромская области, Республика Башкортостан, Челябинская область, Удмуртская Республика
Сбалансированные регионы с низким уровнем производства добавленной стоимости на душу населения (ниже, чем следует из институциональных характеристик)
Чувашская Республика, Республика Мордовия, Республика Карелия, Ростовская, Тамбовская, Псковская области, Ставропольский край, Кировская, Ивановская области
Аскетические регионы
Аскетические регионы с соответствующим (высоким) уровнем производства добавленной стоимости на душу населения
Красноярский край, Оренбургская область, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Белгородская, Московская, Тюменская области, Пермский край, Свердловская, Мурманская, Самарская, Липецкая области, г. Санкт-Петербург, г. Москва
Аскетические регионы с низким и средним уровнем производства добавленной стоимости на душу населения (ниже, чем следует из институциональных характеристик)
Кемеровская, Волгоградская, Ульяновская, Воронежская, Саратовская, Калининградская, Нижегородская, Рязанская области, Краснодарский край, Тульская, Орловская, Владимирская, Ярославская области

Дальнейшее сопоставление инновационных и институциональных (тип экономического поведения) характеристик регионов произведено методом «наложения» – на общую институциональную матрицу (таблица 4) наложены данные о составе регионов, входящих в виртуальные кластеры уровней инновационного развития в пяти временных точках – 2000, 2005, 2009, 2012, 2015 гг. В результате сформирована матрица распределения инновационных кластеров по институциональным группам регионов. Далее произведены расчеты с использованием соотношения сумм нормированных значений по каждому году (2000, 2005, 2009, 2012, 2015 гг.), пример которых представлен в табл. 3 (2015 г.). В результате получена оценка уровней инновационного развития институциональных групп регионов в пяти временных точках (табл. 5).

Таблица 5

Уровень инновационного развития институциональных групп регионов

Тип группы регионов	Баллы инновационного развития по годам				
	2000 г.	2007 г.	2009 г.	2012 г.	2015 г.
1	2	3	4	5	6
Гедонистические 1 (16 регионов)	0,096	0, 100	0,102	0,105	0,106
Гедонистические 2 (15 регионов)	0,096	0,100	0,096	0,098	0,092
Сбалансированные 1 (6 регионов)	0,100	0,090	0,100	0,100	0,104
Сбалансированные 2 (6 регионов)	0,147	0,167	0,167	0,138	0,175
Сбалансированные 3 (9 регионов)	0,101	0,114	1,09	0,121	0,116
Аскетические 1 (14 регионов)	0,210	0,293	0,238	0,268	0,267
Аскетические 2 (13 регионов)	0,123	0,149	0,132	0,148	0,148

Анализ данных, представленных в табл. 5, демонстрирует весьма устойчивое отставание гедонистических регионов обеих групп по общему уровню развития инновационной деятельности от аскетических. На протяжении 16 лет относительный уровень их инновационного развития более чем вдвое ниже, чем в аскетических регионах. Несмотря

на то, что точки замеров приходятся на самые различные периоды экономической конъюнктуры, пропорции в уровнях инновационного развития в соответствующих группах регионов сохраняются на близком уровне.

Основные выводы и рекомендации

1. Результаты исследования позволяют считать, что неформальные институты можно измерить с использованием объективных статистических данных.

2. В практическом отношении важны следующие результаты:

– регионы России (и, вероятно, другие социально-экономические системы) с гедонистическим типом экономического поведения имеют слабые перспективы инновационного развития;

– сбалансированные по сочетанию признаков гедонистического и аскетического поведения регионы представляют собой достаточно разнородную группу с признаками динамической нестабильности параметров инновационной деятельности; при этом они характеризуются невысоким уровнем инновационного развития;

– наиболее активны в инновационном отношении регионы с гедонистическим типом экономического поведения, особенно, в сочетании с общим уровнем экономического развития;

– инновационное развитие необходимо, прежде всего, инициировать в аскетических регионах.

Тульчеев В.В.
д. э. н., гл.н.с. ВНИИКХ
Жевора С.В.
к.с-х.н. директор ВНИИКХ
Гордиенко Н.Н.
н.с. ВНИИХ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ АПК И ЕГО ПОДКОМПЛЕКСОВ

Ключевые слова: *единое руководство АПК, эффективные меры развития АПК, кооперация и агропромышленная интеграция.*

Keywords: *unified management of the agroindustrial complex, effective measures for the development of the agroindustrial complex, cooperation and agro-industrial integration.*

Материальной основой суверенитета любой страны является эффективная экономика. В условиях низкой защищённости внутреннего рынка, развитие российской экономики (под действием внешних и внутренних рыночных сил) начало идти в сторону сырьевой специализации с неизбежной деградацией менее прибыльных обрабатывающих отраслей, сельского хозяйства, а соответственно, АПК в целом. Рынок продовольствия определяет уровень состояния экономики и социальную стабильность общества, поэтому его развитие контролируется во всех развитых странах. Чтобы обеспечить необходимый научно-технический потенциал страны, продовольственную, экономическую, национальную безопасность, а также высокую занятость и улучшение жизненного уровня сельского населения Российской Федерации, нужна своя национальная модель развития России, которая будет использовать положительный опыт как плановой, так и рыночной экономики.

В России сельское население составляет 40 миллионов. Из 85 регионов России все кроме Москвы и Санкт-Петербурга можно считать сельскохозяйственными. Многие из этих регионов являются дотационными.

Очевидно, что для решения проблем села и реализации целей импортозамещения и дальнейшего роста экспорта продовольствия, нужны и совершенно новые требования к государственному управлению АПК на всех уровнях. Оно должно способствовать формулированию чётких целей развития сельского хозяйства, созданию новой высокорентабельной структуры АПК и системы, ориентированной на достижения высоких конечных результатов на местах с наименьшими потерями, затратами труда и средств, на динамичное развитие регионов в новых рыночных условиях. Речь идёт о совершенствовании управления организационно-экономическими и технологическими процессами в АПК, о коренном изменении его роли в условиях создания современной структуры основных продуктовых подкомплексов на базе функционирования в регионах новых СПТК, АПП и АПО, которые втянут в орбиту своей деятельности близлежащие никем не объединённые сегодня, не специализированные, не кооперированные и не интегрированные товарные личные (ЛПХ), фермерские (КФХ) хозяйства и малые сельхозорганизации (СХО), хаотично существующие автономные малые формы хозяйствования (МФХ).

Одним из главных условий эффективного функционирования АПК РФ является развитие и углубление сбалансированных интеграционных связей между тремя его технологически неразрывно связанными сферами: I – поставка средств производства; II – производство сельхозпродукции; III – переработка, хранение, транспортировка, сбыт сельскохозяйственной продукции[1].

Об исключительной роли сельского хозяйства говорил еще древнегреческий ученый Ксенофонт «…сельское хозяйство является матерью и кормильцем всех других ремесел. Когда сельское хозяйство хорошо управляется, то и все другие ремесла процветают, но когда на сельское хозяйство не обращают должного внимания, все другие ремесла приходят в упадок». Сельское хозяйство и сегодня продолжает быть источником дохода для других 140 отраслей экономики (60 отраслям поставляя сельхозсырьё, получая от 80 отраслей необходимые ресурсы, изделия, запчасти, ГСМ, удобрения и т.п.). Любое хозяйство, предприятие АПК или другой отрасли народного хозяйства России существует не само по себе, а как звено в продуктовой (сырьевой, промышленной и другой) технологической цепочке, так как оно является одновременно и производителем и потребителем продукции. Сбой в одном каком-нибудь звене может привести к «цепной реакции», влияющей на количество и качество конечной продукции, на излишнюю потерю труда и средств, на отсутствие или сдерживание торговли, а также экспорта. В первую очередь потери несут сельхозтоваро-

[1] Тульчеев В.В., Прямов С.Б., Лукин Н.Д., Миндрин А.С., Ягфаров О.М. Инновационные организационно-экономические и технико-технологические научные разработки, реализованные на практике в области производства, хранения, переработки, товарной подготовки и реализации картофеля в условиях кооперации и интеграции. – М., 2014, – 298 с.

производители. Это сегодня в основном малые формы хозяйствования (МФХ), товарные личные (ЛПХ), фермерские (КФХ) и мелкие сельхозорганизации (СХО) поставляющие на российский рынок более 60% всей сельхозпродукции, в т.ч. выращиваемые овощи и картофель на площади до 90–93%[1] от всех посадок в стране, на основе которых целесообразно создавать специализированные сельскохозяйственные производственно-торговые кооперативы (СПТК) с собственной торговой сетью. На остальных 7–10% площадей, выращивающих картофель и овощи на промышленной основе, на базе средних и крупных СХО наиболее эффективно создать аграрно-промышленные предприятия (АПП – типа ЗАО «Озёры» Московской области, с мощным цехом по производству дешевых высококачественных и конкурентоспособных картофелепродуктов) или объединение (АПО холдингового типа) по образцу агрофирмы «Дмитровские овощи» Московской области, осуществляющей мойку, очистку, фасовку и поставку упакованного «борщового набора» (состоящего из картофеля, моркови, свеклы, капусты, лука) в Москву, в другие города и промышленные центры Российской Федерации.

Сегодня по слабому развитию аграрной II-ой сферы АПК нетрудно предугадать и исчислить истинные темпы развития в I-ой (поставка средств производства) и III-ей сфере (хранение и переработка сельхозпродукции). Подъём сельского хозяйства до уровня мирового или превращение России в ведущего экспортера той или иной сельхозпродукции (например, зерно, картофель) на внешний рынок даст значительный положительный импульс для 140 других промышленных отраслей народного хозяйства.

Тормозом на пути развития сельского хозяйства стал диспаритет цен в пользу третьей сферы АПК, а также наличие посредников и естественных монополий, ставших основной причиной снижения рентабельности и роста убыточности сельского хозяйства, неплатежеспособности большинства предприятий, банкротства многих из них. В этой связи важен более жесткий государственный контроль за ценами и тарифами естественных монополий, участвующих в формировании издержек АПК, открытость и прозрачность их экономических показателей и более мощная и целенаправленная господдержка внедрения в СПТК, АПП и АПО низкозатратных «сквозных» технологий «поле (ферма) – потребитель».

С целью развития отдельных сельскохозяйственных культур и гарантированного сбыта зерна, картофеля, овощей и другой продукции фермеров в развитых странах создаются Советы по маркетингу, Союзы (Ассоциации) фермеров, кооперативов и т. п., которые финансируются из налоговых отчислений от прибыли производителей, перерабатывающих и торговых предприятий, в нашем случае от прибыли СПТК, АПП и АПО. Стимулировать работников управления можно лишь за счет снижения себестоимости, например, производства картофеля, продуктов его переработки и др. в СПТК, АПП и АПО. Значит, надо добиться, чтобы управленцы всех уровней были заинтересованы не только в обеспечении гарантированного сбыта сельхозпродукции, но и в удешевлении поставок основных и оборотных средств производства для СПТК, АПП, АПО и их учредителей. В данных условиях дополнительное стимулирование труда конкретных работников региональных союзов (ассоциаций) и органов управления АПК зависит от конечного результата – от прибыли СПТК, АПП и АПО за реальное оказание им разнообразной помощи, что более действенно соединит интересы технологически взаимосвязанных партнёров, государства и населения страны, поможет устранить ведомственные барьеры между 3-мя сферами АПК и его продуктовыми подкомплексами, ликвидирует взяточничество, откаты и другие непроизводительные затраты. Тем самым разрушится «механизм торможения» роста производительности труда во всём сельском хозяйстве, в т.ч. в системе «поле (ферма) – потребитель» с одновременным обеспечением более действенных «противозатратных» и «прозрачных» рычагов управления АПК на всех уровнях.

В России из-за отсутствия общенациональной долгосрочной стратегии развития АПК областные, краевые, республиканские и районные органы управления стараются заниматься самообеспечением всеми видами сельхозпродукции.

В советское время (с образованием Госагропрома) наконец-то появился единый хозяин на земле, который был призван обеспечить глубокую интеграцию, органичную связь сельского хозяйства с заготовительными, перерабатывающими, торговыми предприятиями и обслуживающими организациями. Ликвидация Агропрома и превращение его сначала в МСХ и П(продовольствия), а затем в МСХ РФ – не оправдало себя.

В настоящее время «внизу» многочисленные отраслевые растениеводческие НИИ надеются на то, что «наверху» (в МСХ РФ) решат все проблемы растениеводческих, животноводческих подкомплексов и АПК в целом.

Отсутствие единого руководства 3-мя сферами АПК ведёт к бессистемности множества предлагаемых противоречивых решений, схем товародвижения и замкнутых на конечный продукт систем, что привело к ликвидации заводов по производству картофелеводческой, овощной и другой сельхозтехники, к отсутствию предприятий-поставщиков отечественного фасовочно-упаковочного и перерабатывающего оборудования. Никто не отвечает не только за отсутствие отечественного перерабатывающего, моечного, фасовочно-упаковочного оборудования, но и за конечные результаты работы всех трёх сфер картофеле-плодоовощного и других подкомплексов АПК страны в целом и соответственно за количество и качество продуктов питания в розничной торговой сети, в т.ч. идущих на экспорт. Нужен единый орган Росагропром, объединяющий (как в США и странах ЕС) все 3 сферы АПК, отвечающий одновременно за производство сельхозтехники, моющего, перерабатывающего, фасовочно-упаковочного и др. необходимого оборудования. Никто не отвечает за создание эффективных быстро окупаемых агропромышленных формирований (АПФ) – СПТК, АПП и АПО, с которыми намного легче и быстрее решать вопросы снабжения, кредитования, строительства наиболее эффективных высокомеханизированных и автоматизированных предприятий, создания производственной, социальной и рыночной инфраструктуры, в т.ч. экспортной (терминалы, крупные перегрузочные хранилища, подъездные автомобильные и железнодорожные пути, морские пристани). Если все необ-

[1] Агропромышленный комплекс России в 2015 году / МСХ РФ. – М.; ФГНУ Росинформагротех, 2014. – 704 с.

ходимые перемены и проблемы оставить на усмотрение только Минсельхоза России, в котором отсутствуют материальные и финансовые средства, специалисты широкого межотраслевого профиля, то всё может остаться как есть, и решить извечную Продовольственную проблему будет невозможно, что в конечном счёте приведёт к утрате продовольственной и национальной безопасности.

Сегодня насчитывается более 10 «самодеятельных» органов управления АПК в 83 субъектах Российской Федерации (региональные министерства, управления, департаменты, комитеты и т.д.), которые имеют примерно одинаковые цели, задачи, функции и структуры. Поэтому необходимо унифицировать и стандартизировать деятельность региональных АПК, их документацию, упростить и сократить число ничего не решающих показателей, отчётов, их «исполнителей», чтобы больше внимания уделять реальному созданию СПТК, АПП и АПО, поддержке малого и среднего бизнеса на селе.

Министр сельского хозяйства Пермского края Елена Гилязова с сарказмом жалуется на федеральный Минсельхоз: «Одна из страшных голов многоголовой гидры бюрократии – это отчетность …4900 позиций …Кто-то раз в 2 недели в федеральном министерстве желает знать даже количество осемененных коров».[1]

То есть за годы «реформ» ничего не изменилось, а стало ещё хуже. «Рисовать» месячные, квартальные и годовые отчеты мы научились ещё с советских времен, но сегодня мы столкнулись с невозможностью разработки и осуществления общей стратегии развития сельского хозяйства на местах.

В рыночных условиях планирование, как функция управленческой деятельности, не только сохраняет свое место в системе государственного регулирования, но и существенно расширяет сферу своего воздействия на производство. Вместе с тем оно претерпевает необходимые изменения в содержании, подходах к принципам и системе планирования на всех уровнях управления сельским хозяйством, продуктовыми подкомплексами и АПК в целом.

В этой связи целесообразно взять все полезное из долгосрочного прогнозирования и программирования экономического развития АПК в передовых странах Евросоюза, в США, Японии, Китае и других, чтобы эффективно управлять инвестиционными процессами в единых продуктовых (технологических) цепочках и исключить нежелательные капиталовложения в отдельные несбалансированные звенья.

Государственное стратегическое планирование основных направлений научно-технического прогресса в АПК, развитие его экономики до 2030 г. должно быть сосредоточено на централизованном установлении оптимальных пропорций между всеми 3-мя составляющими его сферами, технологически взаимосвязанными отраслями, предприятиями и хозяйствами в каждом продуктовом подкомплексе. Это обеспечит сбалансированное развитие СПТК, АПП и АПО в специализированных экспортоориентированных зерновых, картофелеводческих, овощных и других регионах Российской Федерации, которые, в свою очередь, должны вписываться (по качеству, таре, упаковке и т.д.) в развитие мировой экономики, в первую очередь со странами-участницами ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН.

Однако сегодня 83 сельскохозяйственных региона развиваются стихийно, по своему усмотрению, ориентируясь на 100% самообеспечение картофелем, овощами и т. п. в отличие от 28 стран ЕС и 50 штатов Северной Америки, рационально использующих наилучшие природно-климатические условия небольшого числа регионов для производства конкурентных видов наиболее продуктивной растениеводческой продукции с низкой себестоимостью[2]. В условиях высокой конкуренции на внутреннем и мировом рынках необходимо, чтобы каждый регион с учетом местных экономических и природно-климатических особенностей занимался наиболее выгодным для себя и других регионов сельхозпроизводством.

Начав преобразования в едином АПК, нельзя ограничиваться половинчатыми мерами. Поднять сельское хозяйство невозможно без последовательной и целенаправленной работы по созданию СПТК, АПП и АПО, а с их помощью – сбалансированных взаимосвязанных продуктовых технологических цепочек, в которых руководители и участники каждого звена (сельское хозяйство, хранение, переработка, транспортировка, оптовая и розничная торговля) должны заранее (с помощью типовых объединённых технологических карт) примерно знать свою долю прибыли от реализации конечных продуктов питания. Необходимо энергично проводить эту комплексную работу в России, отметим, что в большинстве развитых стран все эти пропорции и межотраслевые затраты труда и средств давно известны. Очевидно, необходимо просчитывать аналогичные реальные издержки и соответствующие доли не только в продуктовых цепочках (в т.ч. и рыбных), но и по другим отраслям – сырьевым, металлическим, промышленным, деревообрабатывающим, энергетическим и т.п., чтобы никакое звено не нажилось за счёт предыдущего, а все честно работали на единую конечную цель – захват пустующих ниш на внутреннем и мировом рынках.

Знание своей доли в розничной цене сельхозпродукции позволяет любым сельхозтоваропроизводителям и партнерам по кооперации в ЕС организовать своё производство в любой из 28 стран на равных с местными фермерами, переработчиками и т.п. Любой сельхозтоваропроизводитель получает, например, в расчёте на 1 га 300 евро поддержки независимо от правовой формы – физическое или юридическое лицо, независимо от того, что будет производить и с кем кооперироваться. Для предотвращения злоупотреблений в ЕС спутник из космоса контролирует соответствие размеров площади, указанной в заявке и реально обрабатываемой. Каждое государство ЕС дополнительно доплачивает своим крестьянам в зависимости от поставленных целей и затрат. В Германии, например, ежегодно сравниваются статистические показатели развития аграрной сферы с перерабатывающей и пищевой промышленностью, что-

[1] Колесниченко А. Блог в помощь // Аргументы и факты. – М., 2010. –- № 8. – С. 4.

[2] Тульчеев В.В., Жевора С.В., Лукин Д.Н. Конкурентоспособность картофелепродуктового подкомплекса АПК Российской Федерации в XXI столетии на основе кооперации и модернизации «сквозных технологий» в системе «поле – потребитель». – М.: ФГУП «Агронаучсервис», 2016, – 243 с.

бы они развивались синхронно, не отставали друг от друга и не наживались один за счёт другого, что повсеместно можно наблюдать в России.

Основной целью функционирования товарных ЛПХ, КФХ и СХО любого региона России является получение прибыли. Создание СПТК, АПП или АПО позволяет снизить риски: природные; климатические; биологические; хозяйственные (производственные, коммерческие, финансовые и т. п.); инновационные; политические и т.д. до оптимального, или полностью их устранить (за счёт качественных сертифицированных семян, орошения, гарантированных рынков сбыта или создания собственной торговой сети).

Целевая государственная поддержка развития региональных АПК должна носить селективный характер и быть направленной прежде всего на регионы, расположенные в благоприятных природно-климатических условиях, у которых ожидается более высокая отдача от вложенных средств. Создание СПТК, АПП и АПО, комплексное техническое переоснащение технологически взаимосвязанных производств и дальнейшая их постоянная модернизация в условиях высокой конкуренции является одним из приоритетных направлений инвестиционной политики в АПК.

Аграрный протекционизм осуществляется государством с целью сохранения и развития отечественного сельского хозяйства в специализированных зерновых, картофельных и иных регионах, с целью обеспечения продовольственной безопасности страны с помощью ограничения импорта продовольствия, субсидирования экспорта наиболее рентабельных отраслей и прибыльных продуктов питания с высокой добавленной стоимостью.

Сегодня необходимо активно модернизировать модель управления региональными АПК. Переход от административных к экономическим (по сути инновационным) методам управления в АПК на всех уровнях способствует построению самой инновационной экономики России. Развивая конкурентоспособный реальный сектор экономики, в частности, зерновой, картофельный, овощной и другие, можно снизить рост цен и темп инфляции, рассчитываемый по виртуальной «потребительской корзине», которая значительно меньше реальных расходов жителей России.

На местном и региональном уровнях управления АПК в основу новых, регламентирующих управленческий труд документов должно быть положено главное – конкретные функции управления продуктовыми (технологическими) цепочками, за эффективность работы которых должен отвечать персонально каждый специалист и руководитель от районных до федеральных органов власти. Вместо «текучки» ничего не давших за 100 лет отчётов вся «вертикаль», начиная с местной власти и руководства СПТК, АПП, АПО и кончая МСХ РФ должна сосредоточить свои усилия на решении кардинальных, стратегических, инновационных и инвестиционных вопросов развития «своей» сельской территории в увязке с перспективами развития АПК района, области и страны.

Таким образом, для обеспечения государственного регулирования в интересах сельхозпроизводителей и потребителей, ускоренного создания во всех регионах России высокоэффективных специализированных безотходных СПТК, АПП и АПО целесообразно (как это планировалось при существовании Росагропрома) сначала создать полукоммерческие, затем хозрасчётные и самоокупаемые агропромышленные объединения федерального уровня типа бывших «Картофелепром», «Плодоовощпром», «Свинопром» и т.д. с небольшим штатом, но с определёнными полномочиями (в отличие от Союзов (Ассоциаций), имеющих лишь «компьютеры и ручки»), используя положительный опыт высоко интегрированного сегодня объединения «Птицепром», благодаря сохранению которого мы имеем сегодня мировые достижения, не уступающие западному уровню и ведущим ТНК.

В управлении АПК нужно отказаться от терпимости к чиновникам всех уровней, не справляющимися со своими обязанностями и выстраивать вертикаль власти с гибкой системой стимулирования, не меньшей, чем у руководителей предприятий, компаний и корпораций всех уровней, отвечающих за конкретные достижения в своих регионах, районах и т.п. Зарплаты, премии, надбавки региональным чиновникам необходимо ставить в зависимость от создания и эффективности функционирования современных СПТК, АПП и АПО, от развития основных продуктовых подкомплексов, на которых специализируются те или иные области, края и республики страны. Оплату труда руководства этих специализированных продуктовых Агропромов можно прямо увязать с показаниями снижения потерь и издержек в продуктовых цепочках, повышения в них энергоэффективности и производительности труда на основе внедрения инновационных техники и технологий, новых организационно-экономических решений.

Комплексное решение проблем на региональном и местном уровне по строительству сельских дорог, современных хранилищ, перерабатывающих предприятий и цехов в СПТК, АПП и АПО, а также другой производственной и рыночной инфраструктуры в благоприятных природно-климатических, почвенных и экономических условиях, обеспечение молодых специалистов жильем, водо- и газоснабжением, необходимыми социальными услугами позволят дать мощный толчок развитию АПК на всех уровнях с быстрым выходом конкурентоспособной сельхозпродукции на мировой рынок.

Сегодня используя имеющийся научный потенциал, передовой отечественный и зарубежный опыт, Россия в состоянии быстро догнать развитые страны, необходимо только, чтобы проблемами создания специализированных СПТК комплексно занимались не только наука и государство, но и региональные, федеральные «Союзы фермеров». А для промышленного производства, хранения, переработки и транспортировки сельхозпродукции специализированным рефрижераторным, железнодорожным и морским транспортом с использованием СПТК, АПП и АПО и хранилищ-комплексов (в т ч. прирельсовых) целесообразно создать «Картофепром», «Плодоовощпром» и др. внедряя в агропромышленных формированиях достижения мирового научно-технического прогресса, в т.ч. на транспорте (с температурно-влажностным режимом, вентиляцией и т.п.) Для эффективного управления всеми сферами АПК необходимо создание единой системы и возвращения Минсельхозу РФ прежнего названия Росагропром России с функциями стратегического прогнозирования, регионального планирования, координирования, проектирования типовых объектов хранения, переработки, софинансирования производства средств производства для АПК и контроля, с целью решения вопросов бесперебойного обеспечения населения страны отечественными, качественным и дешевым продовольствием.

Многовековая мировая хозяйственная практика подтверждает, что приоритетное развитие сельского хозяйства обусловлено его базовым изначальным статусом в экономике любой страны как производителя продуктов питания, сырья для многочисленных отраслей пищевой, обувной, текстильной, другой перерабатывающей промышленности и корма для домашних животных. Поэтому сельским и фермерским хозяйством, как показал мировой опыт, надо заниматься не от случая к случаю и не по остаточному принципу, а капитально и навсегда, чтобы одновременно работали до 140 (в развитых странах мира – до 160) отраслей промышленности, в т.ч. 60 – перерабатывающих сельхозсырьё и 80 отраслей поставляющих сельскому хозяйству необходимые ресурсы (трактора, сельхозмашины, ГСМ, запчасти, удобрения и т.д.). Приоритетность сельского хозяйства подтверждена историческим и сегодняшним опытом таких стран как США, развитые страны ЕС, Китай, Индия, Бразилия.

Поэтому необходимо сформировать систему государственной поддержки сельского хозяйства в форме субсидий, льготного кредитования, лизинга без первоначального взноса, а также усилить влияние государства как гаранта развития рынка в аграрном секторе, формирующего спрос на сельхозпродукцию (в т.ч. экологически чистую) отечественного производства. Государство должно косвенно воздействовать на спрос и предложение сельскохозяйственных товаров, межотраслевой обмен в АПК с целью создания в его отраслях равных условий для получения доходов партнеров по кооперации в т.ч. от экспорта продуктов питания глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью (рис. 1)[1].

Поддержка фермеров на федеральном и региональном уровне	Повышение эффективности агропромышленного производства	Формирование экспортообразующих отраслей
1	2	3
– снижение административных и законодательных барьеров (при оформлении земли в собственность или долгосрочную аренду, правоустанавливающих документов, упрощение отчетности при создании СПТК)	– использование отечественного и мирового опыта, научных достижений в семеноводстве, в товарном производстве, хранении, переработке, экспорте и т.д.	– использование лучших природно-климатических условий для создания специализированных СПТК, АПП, АПО и производства сельхозпродукции, обладающей конкурентными преимуществами по качеству и цене (с высокой добавленной стоимостью и доходностью)
– обеспечение быстросборными (за 30-40 дней) хранилищами из лёгких металлоконструкций (ЛМК), сельхозтехникой, оборудованием для хранения, переработки и транспортировки по лизингу, без уплаты первоначальных взносов	– комплектная поставка современного высокопроизводительного сортировального, моечного (перерабатывающего), фасовочно-упаковочного оборудования и полносборных быстровозводимых хранилищ из ЛМК с установкой «под ключ»	– создание органов контролирующих технологию выращивания, хранения и переработки сельхозпродукции, согласно международным стандартам качества и системами сертификации
		– сертификация сельхозпродукции, соответствующая международным стандартам
– установление на 2-3 года льготных цен и тарифов на энергоносители для учредителей СПТК строящих механизированные и автоматизированные хранилища-комплексы (в т. ч. прирельсовые)	– освобождение сельхозтоваропроизводителей создающих СПТК, АПП и АПО от налогов на 2–3 года	– Аграрный протекционизм для восстановления и наращивания экспортного уровня России с использованием (импортных пошлин, таможенных сборов, количественных ограничений, санитарных и фитосанитарных требований, стандартов качества и т.п.)
– освобождение молодых фермеров и учредителей СПТК от воинской обязанности	– развитие социальной инфраструктуры и привлечение квалифицированных специалистов с обеспечением жильём и достойной оплатой труда	– государственное субсидирование строительных хранилищ-комплексов (в т. ч. прирельсовых) в СПТК, АПП и АПО, участвующих в федеральных и экспортных целевых программах
– получение льготных краткосрочных (2–3 года) и долгосрочных кредитов (до 10 лет)		

Рисунок 1.
Перспективные направления развития СПТК, АПП и АПО

Таким образом, основными направлениями развития АПК и множества промышленных отраслей, стабилизации и развития сельскохозяйственного производства, максимального использования внутренних резервов и совершенствования паритетных экономических отношений в продуктовых подкомплексах и АПК в целом, является кооперация и агропромышленная интеграция, так как с применением этих организационных форм прекращаются ежегодные колоссальные потери сельхозпродукции в масштабе страны, обеспечивается экономия ресурсов и затрат в расчете на единицу конечной продукции. Во всех 83 регионах России необходима приоритетная «точечная» инвестиционная поддержка создания СПТК, АПП, АПО и строительства в них высокомеханизированных и автоматизированных хранилищ-комплексов (в т. ч. прирельсовых) особенно в тех регионах, где «созрели» или имеются необходимые условия и

[1] Тульчеев В.В., Жевора С.В., Лукин Д.Н. конкурентоспособность картофелепродуктового подкомплекса АПК Российской Федерации в XXI столетии на основе кооперации, интеграции и модернизации «сквозных технологий» в системе «полепотребитель». - М.: Агронаучсервис, 2016. – 243 с.

не требуются значительные капитальные вложения. Это в первую очередь – строительство, реконструкция, модернизация, техническое переоснащение существующих растениеводческих хранилищ, перерабатывающих цехов и предприятий. Перепрофилирование животноводческих комплексов, других зданий и сооружений убыточных СХО (животноводческого направления) и создание на их основе растениеводческих высокорентабельных СПТК.

Государство может стимулировать инновационные процессы в региональных АПК через создание СПТК, АПП и АПО на условиях ГЧП (государственно-частного партнерства)[1], через реализацию федеральных целевых программ развития основных продуктовых подкомплексов с помощью внедрения «сквозных технологий», используя прямую господдержку, госгарантии по кредитам, совместную реализацию с регионами и крупным бизнесом запланированных инвестиционных инфраструктурных и конкурентоспособных технологических проектов, завязанных на конечный продукт и высокие конечные показатели работы СПТК, АПП и АПО.

[1] Зельднер А.Г., Осипов В.С., Абдулмановов, Халтурин Р.А. Государственно-частное партнёрство: состояние и проблемы. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2015. – 204 с.; Гуртов В.К., Реков И.В. Государственно-частное партнёрство – инструмент перехода к инновационному типу развития экономики России // Россия: государство и общество в новой реальности: сборник научных статей. – М. Проспект, 2016. – Т. 1. – С. 52–58.

Тяглов С.Г.,
Такмашева И.В.[1]

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕКТОРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *региональная поддержка, социально-экономическое развитие, факторы инновационного развития, малые и средние предприятия, предпринимательский сектор, элементы инновационной инфраструктуры, абстрактная модель.*

Keywords: *regional support, social and economic development, factors of innovative development, small and medium enterprises, business sector, elements of innovation infrastructure, abstract model.*

Одной из стратегических задач, определенных Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», является задача по формированию и проведению комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение основных планируемых показателей социально-экономического развития России и регионов[2]. В соответствии со Стратегией развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года № 1083-р, для реализации цели развития малого и среднего предпринимательства как одного из факторов инновационного развития экономики, необходимо достижение к 2030 году следующих показателей:

увеличение в 2,5 раза оборота малых и средних предприятий в постоянных ценах по отношению к 2014 году (в реальном выражении);

увеличение в 2 раза производительности труда в секторе малого и среднего предпринимательства в постоянных ценах по отношению к 2014 году (в реальном выражении);

увеличение доли обрабатывающей промышленности в обороте сектора малого и среднего предпринимательства (без учета индивидуальных предпринимателей) до 20 процентов;

увеличение доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства в общей численности занятого населения до 35 процентов[3].

Столь амбициозные задачи по достижению запланированных показателей в сфере развития сектора предпринимательства требуют использования новых подходов и принципов в региональной поддержке предприятий малого и среднего бизнеса. Так, например, по нашему мнению, основу реализации государственной политики в области поддержки малых и средних предприятий должен составлять принцип формирования федеральными и региональными органами власти системы стимулов для становления субъектов предпринимательства на инновационный путь развития. Такие стимулы могут предполагать налоговые преференции; механизмы финансовой, имущественной, консалтинговой, образовательной поддержки; создание «оазисов» для инновационных малых и средних предприятий; использование банковских инструментов.

Несмотря на то, что в наиболее передовых регионах России (Ростовская область, Тюменская область, Свердловская область, Брянская область, Белгородская область, Томская область, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) создается все больше новых элементов инновационной инфраструктуры государственной поддержки предпринимательского сектора (бизнес-школы, технопарки, индустриальные парки, центры поддержки экспорта товаров местных производителей, инновационные и технологические центры), инновационные процессы, протекающие в сфере предпринимательства, сегодня слабо влияют на общее состояние экономики страны и регионов[4]. Данная ситуация объясняется невысоким качеством корпоративного управления, отсутствием источников финансирования внедрения инноваций, низким уровнем коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, сохраняющимися административными барьерами.

---

[1] Тяглов Сергей Гаврилович – д.э.н., профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону. E-mail: tyaglov-sg@rambler.ru

Такмашева Ирина Вениаминовна – к.э.н., доцент кафедры экономики Института менеджмента и экономики, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск. E-mail: I_Takmasheva@ugrasu.ru

[2] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: по сост. на 30 октября 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.06.2014, № 26 (часть I), ст. 3378.

[3] Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации 2 июня 2016 г. № 1083-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] Хлынин Э.В., Андрюхин А.В. Необходимость инновационной активности российских предприятий при осуществлении инвестиций в основной капитал // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. – № 1-1. – С. 78–86.

В результате анализа опыта субъектов Российской Федерации выявлено, что регионы реализуют различные подходы к разработке стратегии модернизации предпринимательского сектора, которые находят воплощение в проектах инновационного и технологического развития. Так, в Белгородской области основной целью развития системы поддержки предпринимательства является создание действенного механизма поддержки и развития субъектов предпринимательской деятельности путем формирования инфраструктуры услуг для предпринимателей, развития системы аутсорсинга и субконтрактации. В указанном субъекте ведутся работы по созданию Инфраструктурного оператора поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, к функциям которого будет отнесено:

– расширение доступа субъектов малого предпринимательства к консалтинговым услугам;

– выявление организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих широкий спектр деловых услуг;

– содействие созданию организаций инфраструктуры поддержки и развития предпринимательства[1].

Финансовую поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в Ярославской области осуществляют организации, включенные в соответствующий реестр инфраструктурной поддержки бизнеса, к которым относятся: Фонд поддержки малых и средних предприятий Ярославской области, Межмуниципальный фонд поддержки малых и средних предприятий, Центр развития малых и средних предприятий, Федеральная Корпорация малых и средних предприятий, информационно-консультационные центры в районах области[2]. Интересной в данном случае представляется идея создания Межмуниципальных фондов поддержки субъектов бизнеса.

Весьма разветвленной инфраструктурой региональной поддержки малого и среднего предпринимательства, в составе которой присутствуют инновационные элементы, отличается Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Помимо Фонда поддержки предпринимательства и Технопарка высоких технологий, на территории Югры функционируют следующие объекты инфраструктуры: Югорская региональная микрокредитная компания, Региональный центр инвестиций, Центр поддержки экспорта Югры, Центр инноваций социальной сферы[3]. Органами государственной власти северного региона отчетливо понимается ценность использования представителями малого и среднего бизнеса имеющихся экспортных, инновационных и инвестиционных лифтов.

На территории Ростовской области с целью реализации мероприятий по повышению доступности государственных и муниципальных услуг, оптимизации функций органов власти, обеспечения открытости органов власти для субъектов предпринимательства создана Областная межведомственная комиссия по снижению административных барьеров. Ростовская область является также одним из передовых регионов по уровню развития объектов инновационной инфраструктуры, включающей: НП «Единый региональный центр инновационного развития Ростовской области», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Региональную корпорацию развития, инновационно-ориентированные вузы, центры коллективного пользования, инжиниринговые центры, IT-инкубаторы[4].

Региональная поддержка малых и средних предприятий Иркутской области сфокусирована на развитии кластерного взаимодействия между предприятиями, учреждениями образования и науки, общественными организациями, ассоциациями, органами региональной и муниципальной власти, инвесторами. Для реализации указанной задачи созданы такие объекты инфраструктурной поддержки, как: Фонд «Центр поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Иркутской области», Центр кластерного развития Иркутской области, Региональный центр инжиниринга, Центр сертификации, стандартизации и испытаний Иркутской области[5].

Необходимо отметить, что в настоящее время внимание ученых-исследователей все больше концентрируется на оценке уровня региональной поддержки предпринимательского сектора и типологии регионов по уровню развития предпринимательской среды. В основе ранжирования регионов могут лежать различные показатели. Исследованию количественного аспекта оценки уровня функционирования предпринимательской среды посвящены работы Пейкова А.М., Радюковой Я.Ю., Колесниченко Е.А. Исходя из таких четырех показателей, как: инвестиции в основной капитал, оборот организаций, число предприятий и организаций, сальдированный финансовый результат – обозначенные выше авторы типологизировали регионы России следующим образом:

1) регионы с высоким уровнем развития предпринимательской среды: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Красноярский край, Республика Татарстан;

2) регионы с достаточным уровнем развития предпринимательской среды: Московская область, Ростовская область, Иркутская область, Свердловская область, Республика Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра;

3) регионы со средним уровнем развития предпринимательской среды: Воронежская область, Ямало-Ненецкий автономный округ;

---

[1] Переверзева Е.С., Кулик А.М., Герасимова Н.А. Инфраструктурный оператор по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства как элемент системы поддержки предпринимательства Белгородской области // Фундаментальные исследования. 2017. – № 6. – С. 159–164.

[2] Брычкина А.В. Малое и среднее предпринимательство в Ярославской области: особенности региональной поддержки субъектов // Синергия наук. 2017. – Т. 1, № 9. – С. 66–76.

[3] Организации инфраструктуры поддержки предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / Фонд поддержки предпринимательства Югры. Портал малого и среднего предпринимательства. – https://sb-ugra.ru/infrastucture/

[4] Поддержка инновационной деятельности // Малый и средний бизнес Дона. Портал малого и среднего предпринимательства. – http://mbdon.ru/formy-podderzhki/podderzhka-innovatsionnoy-deyatelnosti.html

[5] Инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства / Министерство экономического развития Иркутской области. Официальный сайт. – http://irkobl.ru/sites/economy/small_business/organization/

4) регионы с низким уровнем развития предпринимательства: Сахалинская область, Оренбургская область, Новосибирская область, Кемеровская область, Волгоградская область;

5) регионы с очень низким уровнем развития предпринимательской среды: Республика Саха, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская область и еще более 50 субъектов РФ[1].

Основываясь на представленных выше результатах исследования, необходимо обратить внимание на то, что на территории 70 % регионов России до настоящего времени не сформирована благоприятная бизнес-среда для осуществления предпринимательской деятельности. Недостатком предпринимательской среды регионов России, по нашему мнению, является отсутствие в стратегических документах мероприятий поддержки субъектов предпринимательства, которые учитывали бы уникальные характеристики территории. Несмотря на различия между регионами по уровню социально-экономического развития и структуре отраслей народного хозяйства, органы региональной власти концентрируются на разработке и реализации типовых программ развития малого и среднего бизнеса и внедрении типичных элементов инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства, без учета необходимости формирования элементов инновационной инфраструктуры.

Создание благоприятной среды для ведения предпринимательства лежит в основе деятельности Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», обладающей широкой сетью представительств в регионах России и за рубежом (Австрии, Франции, Польше, Германии Финляндии, Китае, Японии, Таиланде). В сферу задач общественной организации входит: общественная экспертиза проектов нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность субъектов бизнеса; юридическая защита прав предпринимателей; подготовка отчетов, аналитических материалов и экспертных заключений[2]. Также в компетенцию «ОПОРЫ РОССИИ» входит формирование общероссийских и региональных отраслевых союзов и ассоциаций (создано 110 объединений предпринимателей).

С учетом проведенного исследования передового опыта региональной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса предпримем попытку моделирования эффективной системы региональной поддержки предпринимательского сектора как драйвера инновационного развития региона на основе предоставления возможности использования инновационных, инвестиционных и экспортных лифтов (рис. 1). Предлагаемую модель необходимо рассматривать с учетом использования методов проектного управления: независимо от того, какой лифт используется предпринимателем (инновационный, инвестиционный или экспортный), реализация запланированного проекта проходит определенные стадии.

На первой стадии (1 этаж) у предпринимателя зарождается определенный замысел, идея или озвучивается какая-либо проблема, для решения которой необходима подготовка технико-экономического обоснования проекта и/или проведение маркетингового исследования, экспертиза и поиск ресурсов.

Способствовать решению стоящих перед предпринимателем задач на первой стадии призвана, на наш взгляд, деятельность Регионального фонда поддержки предпринимательства, Межмуниципальных фондов поддержки бизнеса, Регионального центра инвестиций и Центров микрофинансирования.

На второй стадии (2 этаж) осуществляется работа над реализацией проекта, проводятся соответствующие испытания. Консультационные услуги представителям малого и среднего предпринимательства в области технологического консалтинга, инструментов коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, внедрения программного обеспечения для оборудования на данной стадии оказывают: Единый региональный центр инновационного развития, Региональный центр сертификации, стандартизации и испытаний, Региональные центры инжиниринга, Технопарки, Индустриальные парки, Региональные центры коллективного пользования оборудованием, IT-инкубаторы.

В случае успешной реализации первых двух этапов проект переходит на следующую 3 стадию (3 этаж), в результате которой проводятся внедренческие мероприятия по использованию инновационного продукта или услуги в производстве или сфере услуг. Важной на данном этапе является ориентация предпринимателя не только на внутренний региональный рынок, но и на внешние рынки. Содействие в реализации региональной политики по поддержке внешнеэкономической деятельности малых и средних предприятий оказывают такие организации инфраструктуры, как: Портал внешнеэкономической информации для региональных производителей, Центры поддержки экспорта товаров региональных производителей, Общественная организация «ОПОРА РОССИИ» и ее представительства за рубежом.

Представленная модель призвана, по нашему мнению, способствовать достижению запланированных показателей в сфере развития сектора предпринимательства. Необходимо обратить внимание на то, что обозначенная выше модель отражает лишь общие черты процесса эффективной региональной поддержки предпринимательского сектора на основе предоставления возможности использования инновационных, инвестиционных и экспортных лифтов. Несмотря на это, составляющие элементы предложенной модели могут быть успешно внедрены на территории любого региона.

[1] Пейков А.М., Радюкова Я.Ю., Колесниченко Е.А. Оценка функционирования региональной инфраструктуры поддержки предпринимательства: количественный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. – Т. 19, № 2. – С. 51–57.

[2] http://opora.ru/

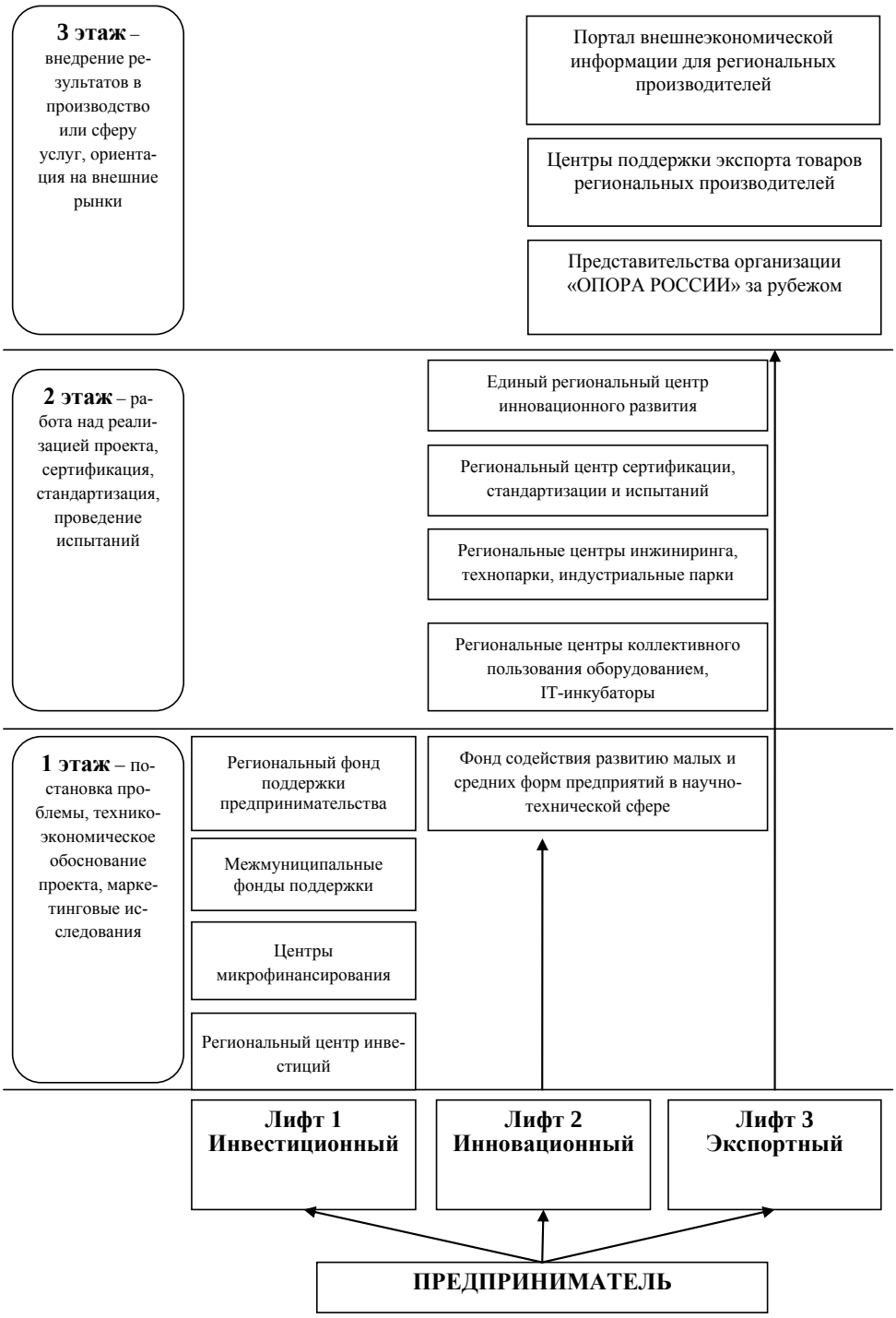


Рисунок 1.
Абстрактная модель региональной поддержки предпринимательского сектора на основе предоставления возможности использования инновационных, инвестиционных и экспортных лифтов

Цыденжапова Л.Ч.
магистрант ВСГУТУ, г. Улан-Удэ
tslygzhima@gmail.com
Антохонова И.В.
д.э.н., профессор, ВСГУТУ, г. Улан-Удэ
iv.antokhonova@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РФ

Ключевые слова: *миграция, трудовые ресурсы, мобильность, экономическое развитие.*
Keywords: *migration, manpower, mobility, economic development.*

Человеческие ресурсы, составляющие основную часть национального богатства наряду с природными ресурсами, являются наиболее мобильными в современном глобализирующемся мире. Право человека на свободу передвижения с принятием Всеобщей декларацией прав получило международное признание. Время новых технологий и неограниченных возможностей открывает путь к новым возможностям, невероятным достижениям, актуализации собственного потенциала на новых рынках труда и образовательных услуг. Именно поэтому современный человек должен обладает таким качеством, как мобильность.

Существует различные подходы к понятию мобильность. Например, трудовая мобильность – способность (степень готовности) работников приспосабливаться к меняющимся условиям производства, к смене трудовых функций, мест приложения труда, готовность к повышению квалификации, менять один вид профессиональной деятельности на другой. Выделяют следующие виды трудовой мобильности работников: секторальная мобильность – включает движение работников между предприятиями государственного и негосударственного секторов экономики; отраслевая мобильность – потенциальная возможность и сами перемещения работников между предприятиями одной или разных отраслей; профессионально-квалификационная мобильность, связанная с изменением профессии, должности, квалификации работника как на данном предприятии, так и при переходе на другое место работы; территориальная мобильность, характеризующаяся перемещением работников на новое место жительства.

Высококвалифицированные работники, как правило, редко меняют свою профессию, поэтому их профессиональная мобильность имеет низкий уровень. Однако такие работники имеют высокий уровень территориальной мобильности. Напротив, неквалифицированные работники часто меняют как сферу занятости, так и географию занятости. Территориальный вид мобильности неразрывно связан с понятием миграции. Миграция населения – это перемещение людей из одного региона (страны, мира) в другой большими группами, семьями и индивидуально. Классификация миграции по направлению и времени представлена на рис. 1.

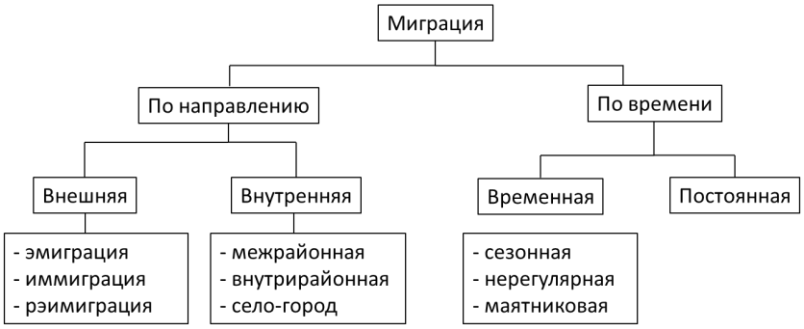


Рисунок 1.
Классификация миграции

Маятниковая миграция – условное название регулярных (обычно – ежедневных) поездок населения из одного населённого пункта (места жительства) в другой – на работу или учёбу и обратно. Маятниковая миграция является результатом несоответствия размещения производства и расселения людей. Особенно развита маятниковая миграция в пригородных зонах крупных городов, городских агломерациях, мегаполисах.

Маятниковая миграция – главный механизм образования городских агломераций, движущая сила территориального роста городов и субурбанизации. Эффекты маятниковой миграции на развитие городов зависят от её интен-

сивности, а она в свою очередь – от экономического потенциала города, развития инфраструктуры, прежде всего развития транспорта. [1]

Миграционные процессы оказывают огромное влияние на численность, размещение, структуру и динамику населения сёл, городов, районов, стран и континентов. Подавляющая часть населения Америки и Австралии – потомки иммигрантов. Миграция является основным способом покрытия спроса на труд и имеет следствием существенную трансформацию структуры населения по возрасту, гендерному, профессиональному, этническому, образовательному, религиозному и прочим признакам. Миграция приводит к возникновению новых отраслей и форм ведения хозяйства, неизвестных до этого местному населению.

Миграционные процессы могут стать источником целого ряда отрицательных явлений и процессов: безработицы, межэтнических конфликтов, дополнительной нагрузки на социальную инфраструктуру в районах прибытия, уменьшения величины интеллектуального потенциала в районах выбытия, распространение преступности, распространение заболеваний. С целью регулирования миграционных процессов, придания им целенаправленного развития в большинстве государств мира проводится миграционная политика. Миграционная политика определяется уровнем экономического развития страны, спросом на труд, уровнем развития демократии и толерантности в обществе.

На межгосударственном уровне созданы организации, которые регулируют миграционные потоки – Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), а также межгосударственные двусторонние и многосторонние акты. Следует отметить, что нормативные акты стран, в которых значительна роль иммиграции, содержат жёсткие меры относительно общего количества иммигрантов и хорошо отработанные системы, определяющие порядок иммиграции.

Исследование взаимосвязи миграционных процессов и экономического развития национальных экономик началось в западных странах после второй мировой войны в рамках моделей экономического роста (J.R. Harris, M.P. Todaro, D. Massey)[2]. Основной концептуальный подход заключался в оценке эффективности стоимости труда и замены живого труда овеществленным. Дешевая рабочая силу предоставляет существенную трудовую ренту и способствует конкурентоспособности товаров и услуг принимающей экономики. Однако, как показала история, миграционные процессы оказывает огромное влияние на социально-экономические процессы в обществе.

В этой связи на смену политике привлечения трудовых ресурсов пришло размещение производств корпораций на территориях с дешевой рабочей силой в целях сохранения конкурентоспособности производимой продукции.

Развитие информационного пространства, глобального рынка труда и образования привели к новым тенденциям в миграционных процессах – переходу от массовых перемещений к индивидуальному принятию решений с оценкой собственного потенциала и перспектив его дальнейшего развития.

Международная миграция оказывает экономическое воздействие как на страны, принимающие рабочую силу, так и на отдающие ее. Во всем мире миграция населения все больше воспринимается как ресурс, от эффективного использования (или неиспользования) которого может в значительной степени зависеть успех экономического развития страны[3].

Наиболее распространенными методами экономического анализа развития миграционных процессов являются: экономико-математическое моделирование, корреляционный и факторный анализ; сценарное прогнозирование, экспертные оценки.

Основные источники данных для анализа миграционных процессов в экономическом аспекте:

1) Данные платежного баланса страны. В современном платежном балансе результативность миграционных перемещений отражается в следующих статьях:

– «оплата труда работников» (compensation of employees), относящаяся к «трудовому доходу», включает заработную плату, жалованье и другие выплаты в наличной или натуральной форме за работу, выполненную нерезидентами для резидентов и оплаченную последними;

– «денежные переводы работающих» (workers' remittances) – текущие трансферты средств, осуществляемые мигрантами, живущими и работающими в новой стране, по крайней мере, в течение года, резидентам своей прежней страны; они состоят из всех текущих трансфертов средств, осуществляемых как в денежной, так и в натуральной формах;

– «трансферты, связанные с миграцией» (migrants' transfers), представляют собой оценочный денежный эквивалент стоимости имущества мигрантов, перевозимого (или оставляемого на родине) при перемещении в другую страну; в строгом смысле, «трансферты, связанные с миграцией» не являются результатом операций между двумя контрагентами, а представляют собой компенсирующую компоненту по отношению к потокам товаров и изменениям в финансовых активах и обязательствах, возникающих вследствие миграции (по крайней мере, на год)[4].

---

[1] Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московской области: методический и прикладной анализ // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2006. – № 1. – С. 63–79.

[2] Harris J.R., Todaro M.P. Migration, unemployment and development: a twosector analysis// American Economic Review. 1970. – Vol. 60. – P. 126–142; Massey D.S.; Arango J., Hugo Gr., Kouaouci A.; Pellegrino A., Taylor J.E. An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case // Population and Development Review. 1994. – Vol. 20, N 4. – P. 699-752.

[3] Мукомель В.И. Миграционная политика в России: Постсоветские контексты. – М., 2005. – С. 351; Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. – Ставрополь: Книжн. изд-во, 2001. – С. 542; Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. – М.: Экономика, 2004. – С. 321.

[4] Глущенко Г.И. Денежные переводы международных трудовых мигрантов: характеристики и детерминанты // Вопросы статистики. – М., 2005. – № 3. – С. 38–50.

2) Данные баланса трудовых ресурсов. Анализ баланса трудовых ресурсов способствует выявлению важнейших тенденций и закономерностей в развитии населения и трудовых ресурсов, оценки структурных сдвигов занятости. Исходя из баланса трудовых ресурсов, обосновываются предложения по совершенствованию структуры занятости с учетом необходимости привлечения или высвобождения рабочей силы работающих в отдельных отраслях и регионах, определяется потребность в территориальном перераспределении трудовых ресурсов. При этом определяется необходимость привлечения в отдельные сектора экономики иностранной рабочей силы.

3) Статистические данные по миграции населения, в том числе по внутренним миграционным перемещениям, по выезду из страны и въезду в страну на постоянное место жительства, количественные и качественные характеристики временной трудовой миграции;

4) Экспертные оценки различных миграционных потоков, в том числе незаконных трудовых перемещений и масштабов теневой занятости иммигрантов.

5) Результаты социологических обследований различных групп мигрантов.

Изучение миграционных процессов базируется в настоящее время на обширной статистической информации. В России существуют различные источники статистических данных о миграции населения. Основными из них являются переписи населения (включая микропереписи) и текущий учет. Особое значение имеет ведомственная статистика. При углубленном изучении миграции следует применять данные всех источников, добиваясь их сопоставимости и идентичности, т.к. все эти данные имеют существенные ограничения в плане полноты охвата мигрантов иммиграционных потоков[1].

Основа статистических методов изучения миграции заключается в непосредственной регистрации каждого отдельного случая передвижения как в месте выбытия мигрантов, так и в месте их прибытия. Таким образом, определяются число прибывших и выбывших за конкретный период, состав мигрантов и направления миграции. Используются также косвенные расчетные методы — например, с помощью показателя естественного движения населения можно рассчитать сальдо миграции за определенный период на отдельной территории (или в стране) путем вычитания естественного прироста из общего прироста населения. Другой метод основывается на регистрации места рождения каждого лица при проведении переписей населения. При сопоставлении данных о местах рождения и проживания определяется численность неместных уроженцев, которая косвенно характеризует сальдо миграции. К статистическим методам изучения миграции относятся также методы измерения миграции по данным о продолжительности проживания в определенном месте, о предыдущем месте жительства, методы расчета коэффициента дожития и изучения миграции из сельской местности в города. Применяются методы выборочного статистического изучения безвозвратной и возвратной (сезонной, маятниковой) миграции. При репрезентативности выборки полученные результаты распространяются на всю совокупность объектов.

Для углубленного изучения миграции привлекаются математическая статистика (дисперсионный и корреляционный анализ, теория выборки, расчет динамических рядов и относительных величин и др.), теория игр, моделирование, системный анализ и др.

Социологические методы изучения миграции призваны выявить факторы миграции населения, ее потенциальные резервы, механизмы и движущие силы.

При выборе тех или иных методов необходимо учитывать территориальные особенности, направление и формы миграционных процессов.

Этот выбор определяется программой исследования, задачами и целями, основными гипотезами, характером единиц непосредственного изучения (мигранты, предприятия, населенные пункты и др.).

В новейшей экономической истории России наблюдается усиление миграционных потоков из сельской местности в агломерации, в центральные и южные города, за пределы Российской Федерации. В России начало новой волне роста потока эмигрантов положено в 2012 году, аналитики связывают этот процесс с третьим сроком президента и утратой иллюзий относительно существенных перемен. По данным аналитического агентства Stratfor: только в 2015 году из России эмигрировали 350 тысяч человек. Это в десять раз больше, чем пять лет назад. Даже в разгар экономического кризиса 2009 года количество эмигрантов не превышало 32 тысяч человек в год[2].

Причин, которые побуждают граждан России покинуть страну, много. Все они сводятся к тому, что люди не видят для себя особых перспектив: низкий уровень заработной платы, постоянная потребность искать работу «на стороне» ради дополнительного дохода, нестабильное экономическое положение, отсутствие поддержки в инновационной сфере и многое другое.

Как сообщается в отчете Stratfor, среди людей с высшим образованием страну хотят покинуть 23 процента. Среди молодежи таких 38 процентов, а среди топ-менеджеров — 42 процента.

Внутренняя миграция населения в России – территориальная, подвижность граждан России в пределах России, обусловленная, как правило, влиянием разнообразных факторов – социально-экономических, военно-политических, религиозных, природных, экологических; особенностями исторического и хозяйственного развития отдельных регионов страны. От внешней миграции внутренняя отличается целым рядом особенностей: внутрироссийские потоки сохраняют большую степень сезонности: традиционно больше всего перемещений внутри России происходит в осенние месяцы (сентябрь–октябрь), минимальными объемами внутренних перемещений характеризуется май.

---

[1] Мкртчян Н.В. Статистические источники информации о миграции населения в России // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. – М.: 2007. – С. 184–210.

[2] Данные аналитической компании Strategic Forecasting Inc. (сокр.: Stratfor).

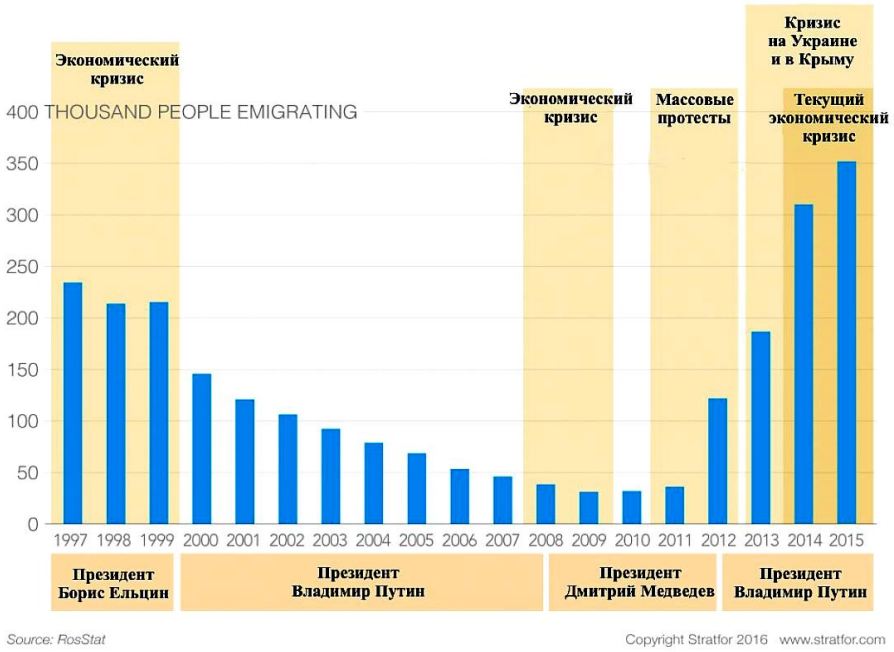


Рисунок 2.
Российская эмиграция и ключевые события (1997–2015 гг.)

Миграционные потоки отражают влияние ключевых факторов, влияющих на миграцию населения:

– Экономические факторы – регионы с более высоким уровнем заработной платы и уровнем жизни населения всегда привлекают население. Значимость этого фактора подтверждают высокие показатели миграции в Центральном ФО и Северо-Западный ФО. Регионами-лидерами по привлекательности в этих ФО являются Москва, Московская и Белгородская области (в ЦФО), а также Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области (в СЗФО).

– Природно-климатические – большей миграционной привлекательностью, при прочих равных условиях, обладают центральные и южные районы с более тёплым и комфортным для жизни климатом. Природно-климатические влияют также на условия экономической деятельности, особенно в аграрном секторе. Наибольшей привлекательностью обладают Краснодарский и Ставропольский края, что в свою очередь обусловлено экономическими факторами (наличием более развитого рынка труда)[1].

Ситуация с внутренней миграцией обстоит примерно также: из менее развитых и менее благополучных регионов происходит «утечка мозгов» в более перспективные.

– Социальные и религиозные факторы – миграция в старшем возрасте характеризуется наличием родственных и исторических связей, а также близостью и экономической доступностью регионов прибытия.

– Политические факторы – основным толчком для миграции по политическим причинам является смена власти в стране, или противоречие гражданской позиции индивидуума, тогда переезд в другую страну демонстрирует открытое неприятие политической ситуации на родине. Также миграция – это единственный вариант спасения, если человек подвергается преследованиям со стороны власти и опасается за свою жизнь.

Лишь около 15 регионов России увеличивают свое население за счёт остальных 70 регионов в ходе внутрироссийской миграции. Есть отдельные регионы, характеризующиеся ростом численности населения за счет существенного естественного прироста. Примером является Республика Бурятия, где несмотря на отрицательный миграционный прирост (рис. 3), численность населения с 2012 года выросла от уровня 971,5 тыс. чел. до 984,1 тыс. чел в 2017 году.

Москва и Московская область продолжают выступать в качестве первостепенного центра притяжения населения регионов со всей России. С расширением границ Москвы до пределов Обнинской агломерации Калужской области, привлекательность последней для внутрироссийских мигрантов резко увеличилась. Практически все остальные регионы отдают население столичному региону на протяжении десятилетий. За период 1991−2012 гг. один только учтённый внутристрановой миграционный прирост столичного Московского региона (3,75 млн.) превысил население всего Киева. Несмотря на более скромные масштабы притока, Санкт-Петербург и Краснодарский край также притягивали население со всей страны. Среди регионов-доноров, отдающих население практически всем остальным субъектам страны, лидером является трудоизбыточный Дагестан (до 10 тыс. нетто-человек в год). В постсоветские время население также активно покидает ставшие трудоизбыточными регионы севера России (Магадан и Коми)[2].

[1] Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. – М., 2004. – № 2.

[2] Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам) / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М., 2017. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr3.xls

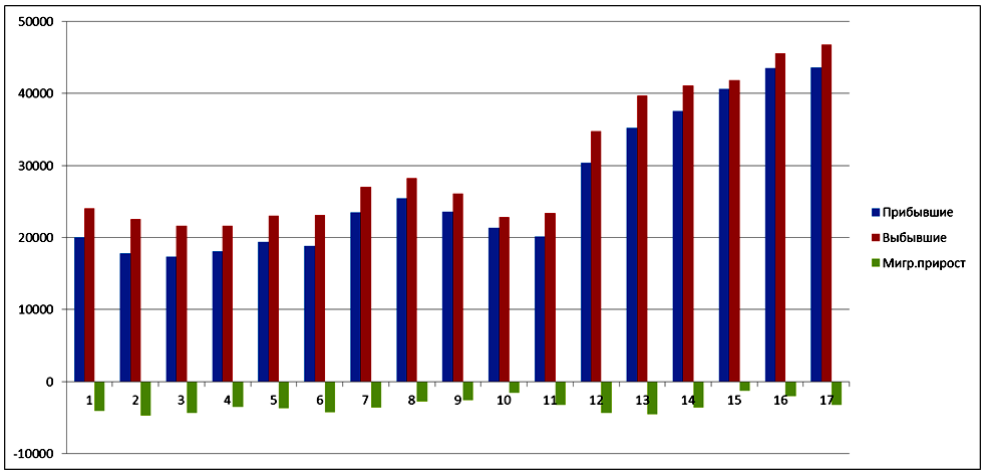


Рисунок 3.
Динамика миграционных процессов в Бурятии за 2000–2016 гг.

Высокий отток населения наблюдается в Забайкальском крае: количество жителей Забайкальского края в январе-марте 2017 года снизилось на 1,5 тысячи человек, миграционный отток вырос на 11% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, сообщается на сайте Забайкалкрайстата: за счёт межрегиональной миграции население края сократилось на 1582 человека (в январе-марте 2016 года – на 1543 человека). Наибольшее количество жителей края выбывают на постоянное место жительства в Республику Бурятия – 16,2%». Также забайкальцы уезжают в Иркутскую область – 10,7%, Краснодарский край – 6,7%, Новосибирскую область – 5,3%, Санкт-Петербург – 4,6%, Красноярский край – 4,2%, Хабаровский край – 4,1%[1].

В современных условиях миграционные процессы являются ответом на внутренние и внешние вызовы устойчивому развитию регионов, ускоренный процесс интеллектуализации труда в развитых экономиках. Учитывая разнообразие, структуру, разнонаправленность миграционных потоков, огромный объем перемещающихся масс населения как в мире в целом, так и в России, необходимо обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития, рационального размещения населения с точки зрения эффективного развития экономики, систем расселения, снижения дальнейшей дифференциации и улучшение качественного состава населения, равномерное развитие территорий, сглаживание социально-экономических условий жизни населения.

[1] Забайкалкрайстат. – http://chita.gks.ru Миграция населения Забайкальского края в 2017. 29.08.2017. – http://chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/ru/news/rss/0def4380426a9aaea8c8be2a5af2b9f7

Шахов О.Ф.,
Рисин И.Е.[1]

О РАЗНООБРАЗИИ ФОРМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗАННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Ключевые слова*: стратегическое партнерство государства и бизнеса, формы, особенности.*
Keywords: *strategic partnership between the state and business forms.*

Государственно-частное партнерство, реализуемое ныне в отраслях производственной и социальной инфраструктуры общества, является важной, но не единственной формой стратегического партнерства публичной власти и бизнеса.

Современная российская практика свидетельствует о востребованности и других его форм, в числе которых совместная деятельность государства и бизнеса, связанная с пространственным развитием экономики страны и ее регионов, разработкой стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, государственной экономической политики во всем разнообразии ее видов (промышленная, кластерная, научно-технологическая и др.). Каждая из названных форм имеет особенности, учет которых необходим при обосновании мер, призванных обеспечить развитие стратегического партнерства государства и бизнеса.

Полагаем, что к особенным характеристикам государственно-частного партнерства, деятельность которого регулируется Федеральным законом от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации»[2], оправданно отнести следующие:

– применение государством механизма конкуренции для выбора частного партнера;

– высокий уровень разнообразия видов ресурсов, совместно мобилизованных и используемых партнерами;

– использование в экономической деятельности партнерства технологических, продуктовых и организационных инноваций, освоенных частным партнером;

– распределение рисков между партнерами;

– юридическое оформление отношений партнеров, регламентирующее их права, обязанности, ответственность.

Стратегическое партнерство государства и бизнеса, связанное с пространственным развитием экономики страны, ее регионов, обеспечиваемым освоением перспективных форм ее организации (особых экономических зон, индустриальных парков, кластеров, территорий опережающего развития), регулируется комплексом Федеральных законов, в числе которых: Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ»[3], Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»[4], Федеральный закон Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития»[5].

К особенным характеристикам этой формы стратегического партнерства государства и бизнеса могут быть отнесены следующие:

– разнообразие функций, реализуемых государством как партнером (в особых экономических зонах и территориях опережающего развития поддержка государством бизнеса представлена, в основном, налоговыми льготами; участники индустриальных парков и кластеров оказываются пользователями принадлежащими государству объектов производственной инфраструктуры, реципиентами инвестиций, выделяемых в том числе из государственного фонда поддержки промышленности);

– наличие управляющей компании, осуществляющей координацию деятельности бизнес-структур, являющихся участниками этих форм.

---

[1] Шахов Олег Федорович – к.э.н., доцент кафедры «Финансы, кредит и страхование» Российской академии предпринимательства. E-mail: oshahov@mail.ru

Рисин Игорь Ефимович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета. E-mail: risin@mail.ru

[2] Федеральный Закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации». – http://base.consultant.ru/

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ». – http://consultant.ru

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». – http://consultant.ru

[5] Федеральный закон Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития». – http://www.consultant.ru

Потребность в стратегическом партнерстве государства и бизнеса в стратегическом планировании социально-экономического развития страны, регионов в существенной мере актуализирована вводом в действие Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1].

К особенным характеристикам этой формы стратегического партнерства государства и бизнеса могут быть отнесены следующие:

– объединение интеллектуальных ресурсов партнеров, востребованных для реализации функции стратегического планирования социально-экономического развития страны, регионов;

– институциональное обеспечение участия бизнеса в этой деятельности, представленное сетью различного рода органов, созданных на общественной основе (экспертных, консультативных и иных советов);

– участие представителей бизнеса в обосновании содержания стратегий развития экономики, различных видов государственной экономической политики (постановке целей и задач, определении приоритетов и др.), выборе механизмов их реализации.

Важная характеристика названных форм – стратегические сферы их использования в современной экономике России. В выявлении таких сфер оправданно обратиться к программным документам Федерального центра, устанавливающим на долгосрочный период времени ключевые направления концентрации ресурсов и действий публичной власти.

Их состав на данный момент формируют, в том числе, приоритеты, определенные в Послании Президента Федеральному Собранию РФ от 04.12.2016[2], в Стратегии национальной безопасности РФ[3], проекте Концепции Стратегии ее пространственного развития[4].

Анализ названных документов позволяет сделать вывод о том, что перечни стратегических приоритетов, установленных государством, включают как уже осваиваемые, так и новые сферы его сотрудничества с бизнесом.

К первым, в которых уже существует практика стратегического партнерства названных субъектов, относятся, в том числе: повышение конкурентоспособности экономики на основе ее инновационной модернизации; развитие образования, здравоохранения, повышение качества и доступности их услуг; модернизация дорожной сети.

Состав вторых применительно к проектам государственно-частного партнерства включает такие стратегические приоритеты, как интеграция научных центров с системой образования, экономикой, высокотехнологичными компаниями; освоение передовых цифровых, интеллектуальных производственных технологий; развитие сельского хозяйства и укрепление позиций на мировом рынке сельскохозяйственной продукции; создание и развитие высокопродуктивного и экологически чистого агро- и аквахозяйства; рациональное природопользование.

Ряд приоритетов устанавливает ключевые направления развития формы стратегического партнерства, связанной с пространственным развитием, повышением целостности экономики страны, ее регионов, задает новые требования к практике ее использования.

В числе таких направлений следует выделить: формирование новых кластеров; формирование новых интеллектуальных территорий в формате интеллектуальных долин; размещение наукоемкой и новой промышленности в крупных городских агломерациях; формирование новых промышленных районов вблизи крупнейших городских агломераций.

В составе новых требований: высокий уровень разнообразия новых, преимущественно инновационных кластеров (биомедицинских, образовательных, логистических, электронных, фармацевтических и др.); взаимодополняющее использование форм пространственной организации экономики; ориентация на развитие межрегионального сотрудничества, в том числе, на основе разработки и реализации долгосрочных мегапроектов.

Очевидно, что учет этих приоритетов становится необходимым и при использовании формы стратегического партнерства государства и бизнеса, связанной с разработкой стратегий и государственной политики развития Российской Федерации, субъектов РФ, что будет обеспечиваться постановкой соответствующих целей и выбором адекватных им механизмов реализации.

Важная характеристика форм стратегического партнерства государства и бизнеса – цели их деятельности.

Полагаем возможным следующим образом определить главную цель стратегического партнерства государства и бизнеса применительно к каждой из его форм:

– главная цель государственно-частного партнерства состоит в росте конкурентоспособного производства общественных и частных товаров и услуг в широком спектре видов экономической деятельности на основе повышающейся эффективности использования государственной и частной собственности;

– главная цель стратегического партнерства государства и бизнеса, связанного с разработкой стратегий социально-экономического развития страны, регионов, государственной экономической политики, состоит в повышении

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – http://consultant.ru

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/

[4] Проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. – http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf

уровня обоснованности ключевых направлений и плановых рубежей развития экономики Российской Федерации, субъектов РФ, выбора инструментов и мер, обеспечивающих их достижение;

– главная цель партнерства государства и бизнеса, связанного с использованием перспективных форм пространственной организации бизнеса, состоит в создании и обеспечении долговременного развития новых точек роста в экономическом пространстве страны, ее регионов.

Полагаем, что одним из ключевых условий эффективной практики стратегического партнерства государства и бизнеса является взаимосвязанное применение его форм. В этой связи, считаем, что необходимыми компонентами содержания разрабатываемых ныне актуализированных вариантов стратегий социально-экономического развития субъектов РФ[1] должны быть:

– элементы социально-экономической системы региона (сферы, комплексы, отрасли), развитие которых сопряжено с использованием механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) для производства общественных и частных благ в широком спектре видов экономической деятельности;

– муниципальные образования, развитие которых сопряжено с использованием перспективных форм пространственной организации экономики;

– механизмы реализации стратегии, включающие развернутый перечень инструментов ГЧП, избирательных для видов экономической деятельности; состав форм пространственной организации экономики с указанием существующих и прогнозируемых «точек» роста.

[1] Такой процесс «запущен» вводом в действие Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Эльдяева Н.А.
д.э.н., профессор кафедры статистики Российского экономического университета
Кованова Е.С.
к.э.н., доцент, Калмыцкий государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова*: трудовая мобильность, трудовая миграция, взаимосвязь процессов, выборочное обследование, текущий учет внутренних мигрантов, инвестиционная привлекательность региона.*
Keywords*: labor mobility, labor migration, process interrelation, selective survey, current account of internal migrants, investment attractiveness of the region.*

В экономической литературе мобильность рабочей силы интерпретируется по-разному: как процесс перемещения рабочей силы между рабочими местами; как способность и готовность к перемещениям; и как экономический механизм регулирования территориальных пропорций занятости населения в экономике. Для мобильности рабочей силы характерно разнообразие видов, очевидны взаимосвязи между различными видами мобильности рабочей силы, подвижность границ между ними и условность видового разделения.

В нашем исследовании территориальная мобильность выделена в качестве самостоятельного вида мобильности рабочей силы. Это имеет принципиальное значение, поскольку именно этот вид мобильности в большей мере, чем другие ее виды, отвечает задаче обоснования взаимосвязи мобильности рабочей силы с трудовой миграцией. Мы исходим из того, что эти явления следует рассматривать как тождественные, а в доказательство этого положения выделяем ряд аспектов, подтверждающих наличие сущностной взаимосвязи между территориальной мобильностью рабочей силы и трудовой миграцией.

Прежде всего, для обоснования тождественности исследуемых явлений заметим, что территориальная мобильность рабочей силы определяется миграционной мобильностью населения в целом. Миграция населения – сложный социальный процесс, тесно связанный с изменением экономической структуры и размещением производительных сил, с ростом социальной и трудовой мобильности населения. Оказывая масштабное и интенсивное влияние, миграция становится существенным и неизбежным компонентом социально-экономического развития исследуемого региона. Сложность изучения миграции и ее последствий обусловлена многообразием, разноплановостью, взаимоналожением и переплетением множества различных экономических, социальных, трудовых и других факторов.

Росстат предлагает показатели по трудовой мобильности, характеризующие объемы межрегиональной трудовой миграции: среднегодовая численность занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты, и среднегодовая численность занятого населения, въезжающего на работу в другие субъекты.

Эти показатели формируются в результате выборочных обследований населения по проблемам занятости. Однако при всей тщательности проведения выборочного исследования «выборка, спланированная для России в целом, будет нерепрезентативна для региона и должна быть скорректирована. В условиях неполноты, неоперативности данных по внутренней трудовой миграции и межтерриториальной мобильности рабочей силы специально организованные выборочные обследования становятся реальной альтернативой официального статистического наблюдения, и значение таких обследований для формирования эффективной миграционной политики региона многократно увеличивается»[1].

В связи с этим для выявления достоверной миграционной ситуации и трудовой мобильности рабочей силы в российских регионах необходимо проведение периодических выборочных обследований.

Цель выборочного обследования состоит в получении информации об объеме, размере и интенсивности внутренней трудовой миграции населения и результативности ее влияния на социально-экономическое развитие региона. При проведении выборочного обследования важным является определение исходной совокупности, ее временных и пространственных границ.

Выборочным обследованием было охвачено 1830 домохозяйств, из которых 801 домохозяйство находится в городских поселениях и 1029 – в сельских поселениях. Данная структура обследованных домохозяйств отображает сложившееся расселение населения Калмыкии.

Миграционные процессы и трудовая мобильность в исследуемом регионе разворачиваются на фоне общероссийских тенденций и в то же время имеют свои специфические черты и особенности. Если в дореформенный период в регионе большей частью преобладала внутрирегиональная миграция рабочей силы, то в настоящее время можно гово-

[1] Башина О.Э., Ярных Э.А. Роль и место статистики в экономическом развитии общества // Вопросы статистики. – М., 2010. – № 8. – С. 83–84.

рить об активизации межрегиональной трудовой миграции населения, характеризующейся оттоком рабочей силы из региона. Если учесть, что республика в эти годы находилась в условиях перманентного экономического и финансового кризиса, то очевидна роль экономических факторов в масштабности миграционных процессов. Как показало выборочное обследование, сельское население региона по сравнению с городским населением характеризуется повышенной миграционной подвижностью. Необходимо отметить, что отдельные половозрастные группы сельского населения принимают разное участие в миграционном процессе и наибольшая миграционная активность наблюдается у трудоспособного населения молодого возраста.

Складывающаяся ситуация с выбытием и невозвращением сельского населения и сокращением удельного веса коренного населения представляет большую проблему для аграрной республики. Образующийся демографический вакуум создает объективные предпосылки для замещения иммигрантами из стран СНГ и Китая.

Удельный вес мигрантов, выехавших из региона в поисках работы, составляет 20,7%. В качестве других причин смены места жительства были указаны недостаточный уровень материального обеспечения и улучшение жилищных условий. Экономические причины миграции указали 70,4% выбывших трудовых мигрантов, следовательно, миграция населения из региона носит исключительно трудовой характер. В трудовую миграцию в связи с поступлением детей в учебные заведения и по семейным обстоятельствам направляются 19,2% обследованных лиц.

Рынок труда в Российской Федерации становится более сегментированным, заметно его деление на рабочие места, занимаемые коренным населением и так называемые мигрантские «ниши». Большая часть выбывших из региона трудовых мигрантов сконцентрирована лишь в нескольких секторах экономики. Это те сектора, на работу в которые, как правило, сложно привлечь коренное население из-за тяжелого, низкооплачиваемого и непрестижного характера работ. Мужчины, в основном, заняты тяжелым ручным трудом в строительстве, добыче и переработке полезных ископаемых, мастерских по ремонту автомобилей и бытовой техники, жилищных коммуникаций, бытовых службах, а также в сельском хозяйстве. Женщины заняты на подсобной работе в частных домах (присматривают за детьми, стариками, занимаются уборкой, приготовлением пищи и т.п.) или же заняты в торговле, работают в отелях и ресторанах, здравоохранении и на социальной работе.

Важнейшей особенностью трудовой миграции из региона является высокий образовательный уровень мигрантов: 71,6% мигрантов имеют высшее профессиональное образование, 21,5% – среднее профессиональное образование и 6,9% – среднее общее образование. Миграция специалистов лишает регион квалифицированной рабочей силы, на многолетнее образование которой регионом были затрачены значительные средства. В средне- и долгосрочной перспективе потеря человеческого капитала способна затормозить процесс экономического развития региона[1].

Обследование показало также, что трудовая миграция населения региона носит возвратный характер для лиц, достигающих верхней границы трудоспособного возраста. 17% прибывшего населения – это люди в возрасте 55 лет и старше, которые указали в анкете, что они ранее проживали на данной территории.

Возвращающиеся в Калмыкию мигранты имеют разный социально-экономический и миграционный опыт. В качестве главной проблемы в миграции 37,9% прибывших трудовых мигрантов назвали жилищные и бытовые проблемы, правовые проблемы – 7,3%. Существующие административные барьеры и связанные с ними сложности регистрации по месту пребывания и месту фактического проживания ущемляют права трудовых мигрантов. Целесообразно упростить систему регистрации мигрантов и одновременно вырабатывать единые критерии первичного учета и методов обработки и обобщения информации по трудовой миграции.

Важным научно-практическим результатом проведенного выборочного обследования является то, что были получены данные о продолжительности возвратной трудовой миграции. Эконометрический подход позволил увязать в едином анализе факторы и последствия миграции и трудовой мобильности рабочей силы.

Данные исследования показывают, что менее половины граждан снялись с регистрационного учета по предыдущему месту регистрации. Необходимо отметить, что в регионе трудовая мобильность носит долговременный характер и масштабы неполного учета трудовых мигрантов значительны, более 80% мигрантов можно отнести к «квазипостоянным». Вследствие существования нелегальной регистрации трудовые мигранты региона, учтенные на новом месте, одновременно не сняты с учета на прежнем месте, что приводит к несоответствию численности населения и мигрантов.

Недостатки текущего учета внутренних мигрантов и неполнота статистического учета

В мировой практике организация регистрации внутренних мигрантов является одним из самых трудных участков и считается неудовлетворительной по сравнению с другими видами демографического учета (естественного движения населения и регистрацией международных мигрантов). Учет трудовой миграции находится в компетенции нескольких органов власти и осуществляется разными методами. Такая организация не обеспечивает полноту, сопоставимый характер и достоверность информации для исследования международной и внутренней миграции и миграционных потоков. Основная, пока неразрешимая проблема трудности учета во многих странах состоит в идентификации индивида, участвующего в миграционных процессах.

Одним из самых часто используемых признаков в мировой практике является место постоянного (обычного) проживания мигранта. Однако при использовании данного критерия возникает проблема достижения симметрии пер-

[1] Зинченко А.П., Демичев В.В., Маслакова В.В. Анализ инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве России в условиях реализации государственных программ // Бухучет в сельском хозяйстве. 2016. – № 9. – С. 70–83; Ефимова Л.А. Анализ факторов развития человеческого капитала сельского хозяйства // Бухучет в сельском хозяйстве. 2016. – № 7. – С. 45–60.

вичного учета. То есть, гражданин, зарегистрированный как прибывший на новое место, должен быть в тот же момент времени снят с регистрации на предыдущем месте жительства. Данное правило не соблюдается в массовом порядке, что вызывает расхождение показателей численности выбывших и прибывших мигрантов. Для России также характерна сильная асимметрия учета внутренней миграции: несовпадение числа зарегистрированных прибывших мигрантов и числа выбывших мигрантов.

Проблема статистического учета заключается в том, что человек совершает многократные перемещения, и методика учета заключается в регистрации факта переезда. Масштабы внутренней неучитываемой трудовой миграции значительны. Изменение правил учета «по месту пребывания» и без установления максимальных сроков жительства, без адекватного первичного статистического учета привело к недоучёту не только прибытий, но и выбытий внутренних мигрантов. Для внутренних мигрантов процедура снятия с регистрационного учета стала необязательной, что существенно сказалось на качестве статистического учета.

Полная и достоверная информация крайне необходима для региональных и муниципальных органов власти и управления. В России разработка большинства показателей трудовой миграции централизована. Необходимо отметить недостаток обобщающих (агрегированных данных) о миграции, включая и данные переписи населения, региональным органам управления недостаточно итогов в целом по области, необходим районный разрез.

Яницкий О.Н.[1]

ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК СИМВОЛ БУДУЩЕГО[2]

Ключевые слова: *будущее, время, глобализация, динамика, доверие, идеальный город, «зеленый город», пространство, расселение, ресурсы, сеть, символ, социальный порядок, утопия, ячейка.*

Во все времена «идеальные города» представляли собой проекты общества будущего. Причем сам термин «идеальный» не всегда означал прогрессивный или наилучший из всех возможных. Достаточно вспомнить негативные социальные модели М. Фуко или Дж. Оруэлла. Однако не случайно эти идеальные города называли утопиями, то есть местами, которых на самом деле вы не найдете на карте. Или, как выразился английский социалист У. Моррис, это были «вести ниоткуда». Но «ниоткуда» вовсе не означало, что это были вести с того света или же вести, генерируемые «темными силами». Напротив, каждый такой идеальный город представлял собой некоторый образ желаемого (или неизбежного) будущего. Именно поэтому я называю эти проекты идеальных городов *символами желаемого будущего.* В данном случае мое понимание термина «символ» отличается от его трактовки в социальной лингвистике. Но одновременно оно не имеет ничего общего с его социологической трактовкой как публично изображаемого поведения, которое, как правило, не имеет ничего общего с реальным поведением (см. Б. Малиновский).

Одним из отличий этих *символов желаемого будущего* является соединение в них «лучших черт» прошлого и будущего, тогда как их реальное настоящее чаще всего трактуется как «незрелое» или даже ошибочное или противоестественное. Иначе создание моделей «идеальных городов» теряет свой смысл. В данном контексте «желаемое будущее» понимается, скорее, как сон или мечта, которая, однако, связана с реальностью повседневного бытия.

Я обратился к этой проблематике по нескольким причинам. Во-первых, проблема идеальной организации человеческого общежития имеет глубокие исторические корни. И чем глубже мы уходим в эту историю, тем отчетливее видно, что она тесно связана с некоторой идеей идеального порядка. Какого именно и кем создаваемого порядка – этот вопрос мы рассмотрим дальше. Во-вторых, чем дальше мы углубляемся в историю вопроса, тем очевиднее становится, что этот «земной» порядок тесно связан с космическим порядком, конфессиональным или иным – это другой вопрос. Более того, современная археология утверждает, что эти связи имеют не только (и даже не столько) мировоззренческую основу, сколько вполне рациональное объяснение. Грубо говоря, планы городов культуры майя были некогда «начертаны» в строгом соответствии именно с космическим порядком. В-третьих, чем ближе мы приближаемся к современности, тем очевиднее становится, что связь планов «идеальных городов» и космического порядка» становится все более вероятностной и опосредованной и, следовательно, все менее предсказуемой. В чем же причина? Она заключается в том, что, как говорил В. Вернадский, «человек становится мощной геологической силой» и, следовательно, он выходит из подчинения эволюционно сформировавшихся законов Биосферы. Или же он становится еще одной такой силой. В-четвертых, сторонники концепции Четвертой промышленной революции (К. Шваб, 2017) утверждают, что одним из важнейших ее признаков является жизнь рядового человека в двух мирах, реальном и виртуальном. Технологически это, вероятно, так. Однако с глубокой древности человек всегда жил в двух мирах: реальном и идеальном, в массовом и глубоко личностном мирах. В-пятых, глобальное потепление и исчерпание углеводородных ресурсов стимулировало разработку идеи «зеленого города» (в другой трактовке эко-города) как синтеза представлений о желаемом будущем.

Что действительно происходит, так это то, что виртуальный мир (то есть мир жизни, сконструированный масс-медиа и социальными сетями и ими навязываемый массовому человеку как единственно возможный и «правильный») постепенно убивает в человеке его способность к самостоятельному конструированию образа желаемого будущего. И, соответственно, способность самому конструировать стратегию и тактики своего поведения. В лучшем случае, человеку улицы позволено выбирать из некоторого набора стилей жизни и поведенческих моделей, сконструированных и навязываемых ему теми же медиа. Тем самым, современный человек становится не только «одномерным», но и «плоским», тогда как вариативность ситуаций, в которых он находится, все время возрастает. Возникает вопрос: а что же тогда следует именовать человеческим или социальным капиталом? Только то, что эти медиа загрузили в его черепную коробку? Иными словами, этот капитал создается не самим человеком, а некими «облачными системами»?

Если мы обратимся к художественной литературе России и Европы XIX–первой половины XX веков, то увидим, насколько большую роль играла идеология в формировании жизненных планов и повседневного поведения чело-

[1] Яницкий Олег Николаевич – д.филос.н., профессор, гл.н.с. Федерального научно-исследовательского центра социологии РАН, гл. н.с. виртуальной лаборатории «РНФ-45-ВП» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

[2] Статья подготовлена в рамках проекта «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант РНФ № 17-78-20106.

века. Я имею в виду не только идеологию социализма и коммунизма, навязанную ему профессиональными идеологами, но и ту идеологию, которую он конструировал для себя сам, исходя из самостоятельно добытых знаний и личного опыта. Роман В. Каверина «Два капитана» – классический тому пример.

Сегодня символическое поведение как изображение (симуляция) некоторой активности становится неотъемлемым элементом не только повседневной политической и административно-управленческой деятельности, но и инструментом политической борьбы, самосохранения и одурачивания окружающих. К сожалению, этот тренд в полной мере относится и к тем группам профессионалов, которые создают модели «идеальных городов».

Тем не менее, модели «идеальных городов» возникали и возникают в самых разных частях света независимо от политэкономического устройства той или иной страны. Достаточно вспомнить «Зеленый город» М.О. Барща и М.Я. Гинзбурга начала 1930-х гг., который должен был послужить образцом социалистического города (Магнитогорск) и «Новый элемент расселения» (НЭР), выполненный бригадой молодых архитекторов под руководством проф. Барща и социолога Г.Г. Дюментона. Далее это г. Чандигарх в Индии, построенный по проекту Ле Корбюзье, новая столица Бразилии, город Бразилиа, спроектированный урбанистом Л. Коста и архитектором О. Нимейером, и недавний проект идеального города «НЕОМ», разрабатываемый специалистами Саудовской Аравии совместно с другими странами. И во всех этих и многих других случаях главной социальной функцией подобных проектов является создание привлекательного (и заранее уже всем понятного) образа желаемого будущего.

Главное, что символизировали вчера и сегодня эти города – устремленность в будущее данной страны. Но не только. Фактически, в большинстве случаев эти проекты идеальных городов являются междисциплинарными, то есть демонстрацией квинтэссенции всех технологических, социальных и экологических новаций. То, что подобные проекты являются примерами мирных устремлений государств или их консорциумов, их создающих, просто выносится за скобки. Например, что одновременно с проектированием этого города «НЕОМ» Саудовская Аравия заключила контракт со США на поставку новейших видов вооружения на 110 млрд. долл., тоже выносится за скобки. Хотя очевидно, что внутренняя и внешняя политики сегодня связаны как никогда.

Еще один важный момент. Подобные проекты предполагают (но, естественно, не гарантируют!) сочетание всеохватывающего сервиса, охраны и низовой демократии. Правда, пока определить, какой будет эта низовая демократия – самоорганизующейся, нормативной, то есть заданной сверху, протестной или даже альтернативной уже существующей – не представляется возможным.

Методика

При написании статьи использовались методы вторичного анализа научной, философской, художественной литературы и публицистики, анализ онлайн и офлайн публикаций по проектам и концепциям идеальных городов или новых элементов расселения и собственный социально-экологический архив. Представлялось также необходимым изучение историко-философской литературы по проблемам утопического социализма и коммунизма и его критике. Поэтому одной из главных задач данной статьи является выведение проблемы «города будущего» из сферы градостроительной и архитектурной мысли и рассмотрение ее в рамках историко-культурного и социально-философского анализа. Речь идет, в частности, о дискуссии в отношении работ Т. Мора, Т. Кампанеллы и других социалистов-утопистов, которая практически идет с момента появления их работ. Ее содержание российский читатель может найти, в частности, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а также в трудах советских и российских историков (Баткин, 1971; Горфункель, 1969; Лафарг, 1926; Осиновский, 1974; Штекли, 1959, 1978 и др.). Наиболее полный ее обзор содержится в монографии «Томас Мор» (1974). Из российских теоретиков и методологов, занимавшихся процессами градоформирования и акцентировавших их связь с историей и культурой страны, отмечу Л.Б. Когана (Коган, 1990, 2003), Ф.А. Новикова и В.Л. Глазычева (Новиков, 1984; Глазычев, 1980) и американского историка и социолога Л. Мамфорда (Mumford, 1961). «Энергетический подход», то есть поиск способов экономии энергии или использования альтернативных ее источников (см., например, Haberl et al., 2016), представляется необходимым, но недостаточным.

Основные исторические этапы

В первом приближении их шесть. Первый, это античный «Полис», т.е. город-общество, который в разных вариантах мог воспроизводиться в последующие эпохи. Например, «Город Солнца» Т. Кампанеллы или «Утопия» Т. Мора как призывы к созданию гуманистического и справедливого общества.

Второй и, на мой взгляд, наиболее существенный этап, это «физиологический» подход к изучению городской жизни. Его начало было положено в середине XVIII в. Ж.Л. Мерсье в его 12-томном исследовании «Картины Парижа». Мерсье интересовало все: идеи, нравы, обычаи, образ жизни разных социальных слоев населения столицы, включая бедняков, ремесленников, ученых, адвокатов и др. Интересно, что Мерсье, как позже и Ч. Диккенс, уделял огромное внимание санитарному состоянию города и здоровью его обитателей (бойни, вытопка сала, ветеринарные ямы). Но эти разоблачения мало повлияли на санитарное состояние Парижа, самое «злачное место» французской столицы «Чрево Парижа» было закрыто только в 1970-х гг.

Третий, это этап, который я называю *критическим реализмом* в концептуальном осмыслении динамики городского сообщества. Это, прежде всего, Ф.М. Достоевский (1821–1881), затем Н.А. Некрасов (1821–1895), выпустивший знаменитый сборник «Физиология Петербурга», О.И. Сенковский (1800–1858), В.В. Крестовский (1840–1895), автор романа «Петербургские трущобы», написанного под влиянием романа Э. Сю «Парижские тайны» и В.А. Гиляровский

(1855–1935), известный русский журналист, автор множества очерков о Хитровом рынке, этом «городском дне» г. Москвы.

Четвертый, это «город-сад», концепция, созданная британским политиком Э. Говардом (Говард, 1902) в конце XIX в. Ее социально-политической целью было снижение социальной напряженности в перенаселенных городах Англии. Концепция вследствие ее кажущейся простоты оказалась чрезвычайно популярной, в том числе в России, где в 1918 г. она была положена в основу первого плана социального переустройства Петрограда. Эта концепция, как и ряд ее исторических последователей, включая российские проекты домов «нового быта» 1920-х гг., был также «физиологической» в том смысле, что базировалась на идее решения социальных проблем города посредством создания множества однотипных «оптимальных» ячеек жизни горожан.

Пятый, это город как экосистема, точнее «человеческая экосистема» (human ecosystem).Эта концепция была создана отцами-основателями Чикагской школы человеческой экологии (Р. Парком, Р. Барджессом и Р. Маккензи) в 1920-х гг. Замечу, что в отличие от «города-сада» и домов «нового быта», которые были чисто умозрительными конструкциями, эта концепция создавалась под воздействием массового притока эмигрантов из Европы, а роль социологов-исследователей выполняли тогда криминальные репортеры (muckrakers, дословно «разгребатели грязи»).

Шестой, это система «город—деревня», т.е. система, состоящая как бы из двух равновеликих сущностей, которая изучалась множеством теоретиков и практиков всего мира. Сначала, когда сельская периферия преобладала, научные поиски шли в направлении «сближения» этих двух типов человеческих поселений (интересный момент: хотя ленинская версия марксизма говорила о необходимости такого «сближения», сам Ленин в конце жизни посчитал концепцию урбанизации более адекватной).

Седьмой, это этап разделения обсуждаемой доктрины на два русла. Одно – это дальнейшее развитие концепции урбанизации под воздействием динамики реальности. Это концепции суб-урбанизации, рурбанизации, «точечной» урбанизации и т.д. Соответственно шло развитие концепции городского образа жизни, урбанистического, пригородного, пост-городского, квази-сельского и т.д. В какой-то момент возник принципиальный поворот: к мобильному жизненному укладу. Собственно говоря, этот поворот начался раньше, с появлением концепции «маргинального человека» Р. Парка или еще раньше, начиная с работ О. Шпенглера конца XIX в., когда он определил горожанина как паразита и «перекати-поле».

Второе, не менее важное русло, – это поиски идеальной модели местного сообщества. Ее отличительной чертой была изолированность от хода процессов индустриализации и урбанизации. Фактически это была попытка создать некий эталон человеческого общежития в условиях быстрого развития индустриального общества. И символ его оптимальной территориальной организации. Примеров здесь множество: от концепции микрорайона (в его английском и российском вариантах) и до «Нового элемента расселения» А. Гутнова и др. Вопросы изменения их социальной, профессиональной и демографической структуры под воздействием внешних сил, будь то дальнейшая урбанизация или старение населения, выносились за скобки. То есть некоторая неизменная статика внутри динамики, что, естественно, продолжаться до бесконечности не могло. И, наконец, последний – это постепенный переход к мировому сетевому городу. Однако как его понимать?

Я понимаю его как глобальный город, как совокупность поселений разного типа и уровня развития, объединяемая информационными, ресурсными и человеческими потоками и связями (Doxiadis, 1974; Doxiadis with Papaioannou, 1974; Toffler, 1970). Это никоим образом не единый город, а именно система поселений, находящихся в динамическом равновесии, иногда весьма противоречивом, но во взаимозависимом равновесии. Фактически, существующая сегодня глобальная информационная сеть уже является таким виртуальным городом, посредством которой осуществляются все его функции жизнеобеспечения. Часто задают вопрос: что будет, если одна из его подсистем «съест» другую? Это – хороший вопрос, требующий специального анализа. До определенного момента самая сильная подсистема может существовать за счет других, более слабых. Однако ее постепенное превращение в мирового жандарма, только запрещающего и отнимающего ресурсы у других, неизбежно окончится крахом для нее самой, что уже не раз демонстрировала человеческая история.

Кто и как формирует образ «идеального города»?

Во времена античности, Ренессанса и Первой индустриальной революции эти образы (концепции, модели) создавались отдельными высокообразованными людьми в процессе коммуникации со столь же высокообразованным ближайшим окружением, хорошо знавшим историю, философию и современность. Так было во времена Т. Кампанеллы и продолжалось до времен Э. Говарда и Ле Корбюзье, то есть до первой половины XX века. Конечно, были отдельные прозрения типа глобальной деревни Э. Тоффлера, но это скорее были именно образы будущего, а не проекты.

Перемены начались в том же XIX в. с переходом Второй промышленной революции в стадию зрелости, когда стало очевидно, что город – это не самодостаточное целое, а часть чего-то более обширного, находящегося за пределами городских границ. Да и само понятие этих территориальных границ становилось все более условным. На осознание этих перемен создателем идеальных моделей города потребовалось почти два века. На мой взгляд, одним из таких переломных моментов стала дискуссия о социалистическом городе 1928–1930 гг. (Сабсович, 1929; Хазанова, 1980). Почему именно она? Во-первых, это был период осмысления результатов Первой мировой войны. Во-вторых, обсуждалась не просто проблема городов, но городов нового, ранее неизвестного социалистического типа и уклада. В-третьих, это была международная дискуссия, ход и результаты которой оказали существенное влияние на дальнейшее развитие теории мирового урбанизма.

Естественно, что поиски «идеальной ячейки будущего» продолжались. Более того, сама практика градостроительства в Европе и России нуждалась в такой «идеальной ячейке», из которой можно было бы постепенно (по заранее созданному плану и по мере поступления необходимых материальных и иных ресурсов) строить большие города. Именно поэтому столь живучими оказались идеи микрорайона и других стереотипных элементов расселения в Западной Европе и Советском Союзе (см., например, Гутнов и Лежава, 1980; Петрушкова, Дихтер 1999).Более подробно эволюция идей советского города рассмотрена мною в (Яницкий, 2016). Когда же стало очевидно, что отдельный город и даже их агломерация становятся частью национально-глобального целого, рисование «идеальных ячеек будущего» стало делом бессмысленным. Что и подтвердили работы Р. Мейера (Meier, 1965) по информационной теории городского роста и Д. Форрестера (Forrester, 1969, 1971) по городской и глобальной динамике. Концепция глобального города (экуменополиса) как системы, непрерывно развивающейся во времени и пространстве, была разработана греческим урбанистом К. Доксиадисом (Doxiadis, 1974; Doxiadis with Papaioannou, 1974).

Время и пространство

«Стоячее время» объяснялось теоретиками идеальных городов как достижение некоей конечной цели, что мне напоминает идею Ф. Фукуямы о «конце истории». Во всяком случае я не нашел даже слабых попыток у теоретиков прошлого как-то обосновать феномен «стоячего времени». К сожалению, у большинства авторов нового времени мы наблюдаем то же стремление: создать идеальную модель и внедрить ее в жизнь, будь то Утопия Т. Мора, План Новой Москвы Ле Корбюзье, Дом Нового Быта М. Гинзбурга или Новый элемент расселения А. Гутнова и его коллег. Это стремление увидеть будущее через призму его мельчайшего «кирпичика» чрезвычайно характерно для большинства авторов идеи ИГ. Название проекта «Новый элемент расселения» говорит само за себя. Но почему так происходило? Ведь в XX в. люди уже жили с ощущением быстрого движения времени. Возьмем, например, роман В. Катаева «Время, вперед!», а уже упоминавшийся роман В. Каверина «Два капитана» просто пронизан ощущением бегущего времени.

То же произошло и с пространством ИГ, оно всегда плоское, то есть двухмерное, ограничено и замкнуто на себя, вовнутрь. В многочисленных описаниях домов нового быта я не нашел ни одного упоминания об их пространственной динамике. Да, внутреннее пространство дома или общественного места могло трансформироваться, но не развиваться территориально. То же произошло с концепцией микрорайона в 1960-х гг. Фактически, микрорайон был тем же градостроительным «кирпичиком», из которых затем полагалось собирать генплан города. Только сейчас и пока достаточно робко проявился тренд к формированию агломераций, но дело ведь не просто в соединении отдельных поселений в единую гроздь. Дело в развитии самих территорий, которые сегодня находятся в заброшенном состоянии. Средства если и выделяются, то на развитие отдельных производств (то есть «точек роста»), а не на развитие территорий как таковых. Но есть и третий момент, который не учитывается вообще. Это состояние самой Биосферы и в частности снижение влажности воздуха, что препятствует восстановлению лесов после обширных пожаров начала XXI века.

Откуда взялось это плоское мышление? – Это плод длительного культивирования в среде студентов и практикующих архитекторов плоской презентации своих проектов: план, фасад и иногда еще и разрез. Все! Никакого реального ландшафта, природного или урбанизированного для презентации не предполагалось! Культура классической графики эпохи Ренессанса была безвозвратно отринута с приходом в архитектурную среду разделения на «архитектуру» и «простое строительство». Плюс как всегда спешка, присущая массовому жилищно-гражданскому проектированию той эпохи. То есть идея социально-пространственного разделения трудовых (творческих) и все остальных функций горожанина, столь популярная в проектах домов нового быта 1920-х гг. буквально «проросла» в XXI век, интегрированный информационно-коммуникационными связями.

Поворот к сетевому обществу

Любое самое архаичное общество не может существовать без элементов динамики, территориальной, количественной и качественной. Жизнь в ее любой форме есть изменение. Однако до определенного исторического момента стабильные (устойчивые) и мобильные (трансформирующиеся) системы сосуществовали в некотором равновесии. Однако уже первая и вторая мировые войны показали насколько устойчивость (самосохранение, сопротивляемость, развитие и т.д.) зависимы от притока материальных и информационных ресурсов и способности к само-изменению. Что опять же зависело от способа существования этого общества в лабильном контексте. Однако с развитием междисциплинарных исследований и информационно-коммуникационных технологий произошел поворот к сетевой организации глобального сообщества. Естественно, что этот переход к обществу Четвертой промышленной революции продолжается, и в мире существует еще множество автономно существующих социальных общностей, но теоретически мы уже живем в обществе тотальной мобильности и взаимозависимости качественно различных агентов, материальных и виртуальных. Ниже я постараюсь хотя бы схематически эксплицировать происходящие качественные изменения, вызванные очередной индустриальной революцией, которые имеют прямое отношение к предмету нашего интереса.

Таблица 1

Модели идеального города (ИГ) в прошлом и настоящем

1. Мир стабилен и подчинен неизменным правилам, заданным извне	1. Мир мобилен, развитие есть борьба социальных сил с разным результатом
2. Раз созданная «идеальная модель» города может многократно повторяться по миру	2. Мир все время изменяется, поэтому единой «идеальной модели» города не существует
3. Основной принцип мироздания: соблюдение установленного социального порядка	3. Социальный порядок периодически изменяется в ходе борьбы геополитических сил
4. Поведение социальных агентов подчинено нормам и правилам, заданным свыше; никакой самодеятельности	4. Нормы и правила взаимодействия социальных агентов вырабатываются в ходе их взаимодействия и борьбы
5. Любые несчастья и катастрофы – небесная кара	5. Сегодня глобальный мир потенциально обременен рисками и катастрофами
6. ИГ, хотя и связан сетями с внешним миром, но они не изменяют его социального порядка	6. ИГ сегодня целиком зависит от ресурсных и иных сетей, в которые он включен
7. Природный ландшафт внутри и вне ИГ есть часть его нормативной модели	7. Природный ландшафт внутри и вне ИГ есть элемент глобальной биосферы
8. ИГ может развиваться вне связи с окружающим миром	8. ИГ есть неотъемлемая часть этого мира, т.к. он и есть глобальный идеальный город»
9. Внутри ИГ существует низменная иерархия закрытых и открытых общностей	9. Любой ИГ проницаем для информационных, биологических и других рисков
10. Метаболизм как магия – целиком в руках высших сил и связанных с ним «жрецов»	10. Метаболизм есть неотъемлемый процесс существования любого ИГ
11. Знание – удел касты избранных. Как оно производится обществу знать не дано	11. Научное знание и технологии – основа существования ИГ
12. Источники энергии: солнце, растения, животные, рабский труд	12. Источники энергии: знания, углеводороды, солнечная и ветровая энергия

Дадим некоторые комментарии к таблице. Первое и главное – это то, что сегодня г*о*рода в привычном понимании этого термина уже нет. В течение сотен лет, а иногда и тысячелетий, города выступали как весьма устойчивые (sustainable) структуры. Но при ближайшем рассмотрении эта «устойчивость» создавалась не столько ими самими, сколько их благоприятным (в ту эпоху) географическим положением. Появление железных дорог, т.е. коммуникативных систем, быстро уничтожило одни города и привело к быстрому росту и процветанию других.

Превращение мира в информационно-коммуникационную систему ознаменовало наступление следующей фазы глобализации. Железные дороги стали быстро вытесняться другой формой логистики, автомобильными дорогами, которые были гораздо более *мобильными средствами* снабжения производства и населения. Но если в США для этого были благоприятные климатические условия, то в России куда менее благоприятные, что и было условием сохранения в ней железнодорожной сети, особенно на большие расстояния. С появлением гражданской авиации произошел следующий сдвиг в коммуникационной структуре общества. Так что не информационные потоки, а именно авиация создала эффект «инверсии пространства», превратив земную поверхность в систему точек «взлета и посадки». В дальнейшем все эти (и многие другие) средства перемещения людей и грузов, включая многочисленные структуры транспортировки энергетических ресурсов, постепенно срастались, причем в конкретных условиях ведущую роль выполняло то транспортное средство, которое наиболее было выгодно сточки зрения географии данного места.

Еще один знаменательный исторический факт. По сути, все проекты ИГ были «безотходными». В их схемы никогда не включались производства для удаления и переработки отходов производства и потребления. Да, Л. Мерсье описал парижские бойни и ветеринарные ямы, а Ч. Диккенс – городские свалки, но о способах утилизации отходов человеческой жизнедеятельности в схемах ИГ не было и речи. Получается, что символом «идеального города» является безотходное существование человечества, и в этом есть глубокий смысл. В известном отношении авторы проектов ИГ были правы, в предшествующие эпохи окружавшая города обширная периферия, в конечном счете, поглощала (перерабатывала) эти отходы.

Однако в глобальном обществе преобладает «эффект бумеранга» (термин У. Бека). То есть мир, который мы создали и в котором мы живем, является *замкнутой системой*. Как говорил американский биолог и специалист в области системной динамики Б. Коммонер, «Все связано со всем и все куда-то попадает. Ничто не дается даром». Причем замкнутой тотально во всех сферах нашего бытия: земной, космической, то есть на уровне космических, макро, мезо и микропроцессов.

Пределы глобального города

Здесь мнения разных исследователей расходятся. Одни утверждают, что вся проблема заключается в непрерывном росте народонаселения планеты. В действительности глобальный рынок труда сокращается, но население планеты продолжает расти. Другие полагают, что все дело – в бесконтрольном использовании углеводородной энергии, приводящей к глобальному потеплению. Значит, надо искать альтернативные источники энергии и, прежде всего, использовать солнечную и ветровую энергию. Забывая при этом о законе сохранения энергии. Третьи считают, что бесконтрольное вмешательство человека в биосферные процессы может привести к глобальным экологическим катастрофам. Есть и те, кто утверждает, что последствия превращения планеты в глобальную социобиотехническую систему не изучены. Особенно беспокоят попытки человека конструировать техногенные аварии и природные катастрофы в военных целях.

Названные выше риски действительно могут спровоцировать неконтролируемые последствия. Это же относится и к целенаправленному использованию современных технических средств в качестве «гибридного оружия» для воздействия на вероятного противника. Однако, на мой взгляд, все же ключевая причина глобального риска заключена в другом, а именно в самом способе капиталистического производства, основанного на эксплуатации природных ресурсов и человеческого материала. Даже если человечеству удастся превратить планету в единый сетевой город, его отдельные элементы продолжат конкурировать друг с другом за информацию, природные ресурсы, людей и территорию. Призыв «Выживем вместе!» звучит уже не один десяток лет с трибун международных конференций, а войны, гибель людей, разрушение городов все продолжаются.

Отсюда следует несколько возможных траекторий современного «прожективного» урбанизма. Первая – без городов в привычном смысле этого слова. Существующие сегодня города и деревни, центр и периферия, застроенные территории и природные зоны сливаются, соединяются в некое глобальное целое. Эта сложная система подвергается зонированию в соответствии с интересами бизнеса, власти и населения. Очевидно, что такое зонирование будет периодически пересматриваться, То есть некий «модельный» ИГ недостижим, он становится лишь моментом в сложной и противоречивой динамике интересов. Вторая, это установка на замещение углеводородного топлива альтернативными источниками энергии. Во всех ли городах мира их генерирующие мощности будут достаточными – вопрос открытый. Кажется, вот-вот можно будет затормозить и потепление климата, и сохранить существующую структуру расселения. Но почему-то при этом забывают, что, например, Германия, лидер по использованию альтернативных энергетических технологий, в то же время является крупнейшим потребителем энергетического угля! В Германии до 40% энергии генерируется на угольных станциях.

Третья, если капитализм в его нынешней форме сохраняется, то все планета постепенно покрывается сетью человеческих поселений, созданных различными имущественными группами и властными структурами. В этой ситуации никакая единая модель ИГ невозможна. Каждая из названных групп будет стремиться к созданию «оазиса жизни» для себя, изолированного от других подобных оазисов. Наконец, четвертая, также вполне вероятная, но наименее благоприятная, это – глобальная катастрофа и ее пост-катастрофный период, когда немногие выжившие после такой катастрофы попытаются сохранить себя как Homo Sapiens или же только – как биологический вид, оказавшийся наиболее устойчивым в данной критической ситуации.

Однако, так или иначе, в глобальную эпоху нельзя мыслить отдельными «идеальные городами» или даже их региональными системами. Как отмечал еще в 1970-х гг. Ф.А. Новиков, градостроительство как сфера человеческой деятельности «должно базироваться на всеобщей планировке, охватывающей всю страну» (Новиков, 1971). Замечу планировки, охватывающей хотя бы теоретически *как минимум*, всю страну. Образ такого города не может быть похож на образ «города-сада» прошлых эпох, потому что этот образ всегда будет сетевым.

Выводы

Идеальный город был и остается одним из важнейших историко-культурных символов, обозначавших цели и устремления своего времени. Одновременно город является неиссякаемым источником материала о жизни и нравах каждой эпохи, о ее светлых и темных сторонах. Важнейшими функциями такого города были: обозначать его связь с «потусторонним» (космическим) миром; служить символом желаемого будущего, которое одновременно использовалось бы как «лекарство» для ослабления социальной напряженности в обществе; быть инструментом для визуализации видимых и невидимых черт этого социального организма; давать простор технологической фантазии, которая, однако, могла позже стать реальностью. В современном обществе конструирование таких фантазий медиа-средствами служит одновременно инструментом развлечения и отвлечения масс от напряженных коллизий современности.

То, что сегодня именуется кризисом городов, есть проявление очередного кризиса капиталистического способа производства и его пространственной организации. Теоретически этот кризис может быть постепенно преодолен посредством перехода к «глобальному городу», основанному на мобильных информационно-коммуникационных структурах, однако с сохранением природной, национальной и культурной специфики отдельных территорий. Однако такой переход может быть осуществлен только посредством глубокой реконструкции «общества потребления», соблюдения экологических ограничений и базовых прав и свобод отдельного человека. Однако чем дальше теоретическая мысль уходит от поиска идеальной ячейки общества будущего, тем очевиднее становится необходимость поиска глобального консенсуса. *Глобализация как геополитический феномен не может существовать без взаимного доверия и согласия.* Пока это доверие и согласие реализуется в виде оборонительной функции одних государств и их союзов против агрессивной геополитики других. Но при наличии современных средств массового поражения снижение взаимного доверия почти автоматически означает возрастание риска тотального взаимного уничтожения. Значит, нужны следующие шаги, подобные тем, которые были сделаны в конце 1970-х гг. Я имею в виду Хельсинские соглашения 1975 г.

Значит, мировая социологическая мысль должна сделать следующий шаг в направлении глобального города будущего, не одномерного и унифицированного, а многомерного и диверсифицированного, объединенного взаимным доверием и сетью взаимовыгодных коммуникаций. Если мы посмотрим хотя бы на существующую сеть газопроводов Россия-Европа, на тесную коммуникационную связь внутри Европейского Союза, на набирающий силу транснациональный проект нового Шелкового Пути, объединяющего ряд стран Юго-Восточной Азии, то мы поймем, что глобальный город – это не утопия. Его моральная основа – взаимное доверие, экономическая – взаимная выгода и социальная – многостороннее социокультурное обогащение. Напомню, что в отличие от «вечных» моделей идеальных городов будущего, глобальный город это не статика, а динамика и не территория, а процесс, темпо-ритмы которого все время ускоряются.

Дискуссия

Если сопоставить эти и другие выводы начала XXI в. с принципами организации «Города Солнца» Т. Кампанеллы, то сопоставление будет явно не в пользу новейших технократических утопий. Их основное различие заключается в том, что сегодня господствует технократическое видение будущего человечества и его систем расселения, тогда как более 400 лет назад гуманистические основания концепции и проекта «Города Солнца» представляли собой синтез повседневного опыта, знаний и диалога как метода познания. Речь тогда шла не об использовании новейших научных достижений, как принято говорить сегодня, а о попытке построить всю общественную жизнь на научной основе, в том числе и на знаниях о законах Вселенной. Стремление устроить «идеальный город» по науке, включая философию и космологию, – вот что лежало в основе «Города Солнца» Т. Кампанеллы. Так что «Солнце» – это не только образ или символ города будущего, но и космологический принцип концепции будущего человечества. Космос, по Кампанелле, не только воздействует на жизнь общества, но и является силой, двигающий научно-технический прогресс. «Солярии (так назывались жители этого идеального города – прим. О. Я.) никогда не присваивают себе ни чужих открытий, ни чужих изобретений. Пополняя со всех сторон сокровищницу знаний, они смотрят на нее как на общую сокровищницу человечества». Однако мысль Кампанеллы, что «мир должен обрести единство под властью единого закона» (Цит. по: Штекли, 1978, с. 232, 247), требует расшифровки.

Российские архитекторы, создававшие проекты «города будущего» в 1900-1960 гг., с одной стороны, были малообразованными в отношении истории социалистических учений и тем более работ Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ш. Фурье и многих других, а с другой стороны, находились под сильным влиянием западных технократических утопий и искусства архитектурного авангарда. Этих авангардистов от урбанизма мало заботили сущностные социальные процессы, происходившие тогда в российском обществе. Поэтому не случайно, что в 1920-е гг. в архитектурной среде России господствовали идеи обобществления быта (своего рода казарменный коммунизм в жилищном строительстве), а в градостроительной теории властителем дум был Ле Корбюзье, который фактически предлагал тотальный снос исторической Москвы. Реальные социальные процессы российских городов того времени не только глубоко не изучались, но и их видение находилось под жестким идеологическим давлением коммунистической доктрины в духе «Краткого курса ВКП(б)», а также российских и западных авангардистских градостроительных утопий. Общий труд, обобществленный быт, коллективный досуг, зонирование территорий и максимум озеленения – вот, пожалуй, и все социальные предпосылки нового быта и социалистического градостроительства того времени. К сожалению, сегодня в России футурология и социальная прогностика, в частности, не только забыты (очередной разгром советской футурологии был осуществлен в 1969-1972 гг.), но и почва для их возрождения и культивирования почти утеряна. Однако, как и ранее, и градостроительная наука, и общество в целом нуждаются не только в научных прогнозах, но и в символах желаемого будущего.

Список литературы

1. Баткин Л.М. Парадокс Кампанеллы // Вопросы философии. – М., 1971. – № 2.
2. Глазычев В.Л. Зарождение зодчества. – М.: Стройиздат, 1983.
3. Говард Э. Города-сады будущего. – СПб., 1902.
4. Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. – М.: Наука, 1969.
5. Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Новый элемент расселения: на пути к новому городу. – М.: Стройиздат, 1966.
6. К проблеме социалистического города. – М.: Изд-во Комм. Академии. 1930.
7. Коган Л.Б. Быть горожанами. – М.: Мысль, 1990.
8. Коган Л.Б. Города и политика: российские уроки. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2003.
9. Лафарг П. Томас Кампанелла. – М-Л., 1926.
10. Новиков Ф. А. Города, горожане и градостроители // Новый мир. – М., 1971. – № 5. – С. 197–213.
11. Новиков Ф.А. Формула архитектуры. – М.: Стройиздат, 1984.
12. Осиновский И.Н. Томас Мор. – М.: Наука, 1974.
13. Петрушкова А.В., Дихтер Я.Е. Романтик и практик советской архитектуры: Натан Абрамович Остерман // Архитектура и строительство Москвы. 1999. – № 3. – http://sovarch.ru/76
14. Мор Т. Утопия / Вступительная статья И.Н. Осиновского. – М.: Наука, 1978.
15. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. – М.: Наука, 1980.
16. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. – М.: Гостехиздат. 1929. – http://techne.com/libraty/sabsovich-l-m-goroda-budushchego-i-organizaciya-socialisticheskogo-byta-rr
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017.
18. Штекли А.Э. Кампанелла. – М.: Наука, 1959.
19. Штекли А.Э. «Город Солнца». Утопия и наука. – М.: Наука, 1978.
20. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. – М., 2016. – № 8. – С. 119–128.
21. Doxiadis K. Anthropopolis: City for Human Development. – New York: W.W. Norton, 1974.
22. Doxiadis K. with Papaioannou J.G. The Inevitable City for the Future. – Athens: Athens Center for Ekistics, 1974.
23. Forrester J.W. Urban Dynamics. – London: The M.I.T. Press, 1969.
24. Forrester J.W. World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press, 1971.
25. Haberl H., Fisher-Kowalski M., Krausmann F., Winiwater V. (eds). Society-Nature Relations across Time and Space. 2016. – http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7
26. Mumford L. The City in History. Its Origins, Its Transformations and Its Prospects. – London, 1961.
27. Toffler A. Future Shock. – New York: Bantam Books, 1970.

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 13

Часть 1

Техническое редактирование
В.Б. Сумерова

Формат 60x84/8
Уч. изд. л. 139,25 Усл. печ. л. 123,0

Институт научной информации по общественным наукам РАН
117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21
e-mail: inion@bk.ru